

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА
КРЕСТОВСКАГО

ТОМЪ VII

- 1) Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго.
- 2) Вдоль Закавказской границы (Дорожныя замѣтки).
- 3) Вдоль Австрійской границы (Путевыя замѣтки).
- 4) Русскій городъ подъ австрійской маркой.
- 5) Новый путь въ центральную Азію.
- 6) По поводу толковъ о путяхъ къ Босфору.
- 7) Русская церковь на Японскомъ морѣ.
- 8) Ловкій и сильный ударъ англичанъ по Россіи.
- 9) Синто и Буккёо (Изъ воспоминаній о „Страпѣ восходящаго солнца“).
- 10) Посѣтъ, Суйфунъ и Ольга (Очерки Южно-Уссурийскаго края).
- 11) Бѣловѣжская пуща (Путевыя замѣтки).
- 12) Очерки кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи.
- 13) Тамбовскіе дворянскіе выборы.
- 14) Непокойный домъ Разсказъ.
- 15) Степное гнѣздо.
- 16) Мезонинъ въ Ревякиной улицѣ (Фантастическій случай изъ дѣйствительной жизни). Разсказъ.
- 17) Змѣиный дѣдъ.
- 18) Виѣ закона. Романъ въ четырехъ частяхъ.

Оглавленіе седьмого тома.

	стр.		стр.
1) Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго.....	1	10) Посѣтъ, Суйфунъ и Ольга (Очерки Южно-Уссурийскаго края)...	397
2) Вдоль Закавказской границы (Дорожныя замѣтки).....	163	11) Бѣловѣжская пуца (Путевыя замѣтки).....	448
3) Вдоль Австрійской границы (Путевыя замѣтки).	287	12) Очеркъ кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи... ..	495
4) Русскій городъ подъ австрійской маркой.	309	13) Тамбовскіе дворянскіе выборы.....	500
5) Новый путь въ центральную Азію.....	349	14) Непокойный домъ. Разсказъ.	506
6) По поводу толковъ о путяхъ къ Восточу.....	356	15) Степное гнѣздо.....	522
7) Русская церковь на Японскомъ морѣ.....	363	16) Мезонинъ въ Ревякиной улицѣ (Фантастическій случай изъ дѣйствительной жизни). Разсказъ.....	539
8) Ловкій и сильный ударъ англичанъ по Россіи.....	365	17) Змѣиный дѣдъ. Разсказъ.....	548
9) Синто и Бумкёю. (Изъ воспоминаній о „Страшѣ восходящаго солнца“).	367	18) Вънъ закона. Романъ въ четырехъ частяхъ.....	555

Всеволодъ Владиміровичъ
КРЕСТОВСКІЙ.

Въ 1894 году.

Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго.

I.

Отъ Ташкента до Самарканда.

Посольство въ Бухару, причины его отправления, его составъ и подарки эмиру Бухарскому. — Выѣздъ изъ Ташкента. — Дорога ташкентскими предмѣстьями. — Старый Ташкентъ и фортъ Чиназъ. — Переправа черезъ Сыръ-Дарью. — „Голодная степь“ и ея обитатели. — Степные курганы. — Станція Малекъ. — Орель-стервятникъ. — Цистерна Тамерлана. — Соленая вода и жизнь на степныхъ станціяхъ. — Ливень и морозъ. — Обмерзлые шакалы. — Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое. — Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота. — Яны-курганъ. — Теплый вѣтеръ и буря. — Перекати-поле. — Ямщики-туземцы. — Каменный мостъ. — Зарявшанская долина. — Абдуллаховы арки и переправа черезъ Зарявшанъ. — Общій видъ города Самарканда. — Афросіабъ и самаркандскія кладбища. — Легенды объ основаніи города и о происхожденіи имени Самаркандъ.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ, 5 октября 1882 года, М. Г. Чершневъ засталъ тамъ бухарскаго посланника, токсабу ¹⁾ Рахметъ-Уллу, нарочно присланнаго эмиромъ, чтобы отъ лица бухарскаго властителя привѣтствовать новаго ярымъ-падшаха ²⁾, вручить ему собственноручное письмо эмира, исполненное всякихъ благихъ пожеланій и надеждъ, что дружба Россіи къ Бухарѣ не измѣнится и впредь, и поднести почетную саблю и прочіе подарки, которые повелитель Бухары посылаетъ во свидѣтельство своей дружбы.

По азіатскому обычаю, любезность необхо-

¹⁾ Чинъ, соответствующій полковнику. Прозвасится *токсаба*, но пишется *туксаба* (отъ слова *ту*, что значитъ знамя съ конскимъ хвостомъ, бунчукъ). Этому чину присваивается, какъ знакъ отличія, *туль*, возимый въ военное время и въ строю особымъ знаменосцемъ за токсабой.

²⁾ Такъ обыкновенно величаютъ туркестанскихъ генералъ-губернаторовъ всѣ средне-азіатцы. Ярымъ-падшахъ собственно значитъ половина государя и выражаетъ наивысшую степень власти, какою можетъ быть облеченъ подданный довѣріемъ своего монарха.

димо требуетъ равносильнаго отвѣта. Поэтому въ Ташкентѣ было снаряжено особое посольство въ Бухару, въ составъ коего вошли: свиты Его Величества генералъ-майоръ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ и подполковникъ Крестовскій въ качествѣ пословъ, майоръ Байтоковъ въ качествѣ толмача, докторъ медицины Эрнъ въ качествѣ врача посольства. Кромѣ этихъ лицъ, посольству сопутствовалъ хорунжій кавказской милиціи Асланбекъ Карамурзаевъ, какъ частный ординарецъ князя Витгенштейна. Двадцать два уральскихъ и оренбургскихъ казака съ урядникомъ и трубачемъ и десять вооруженныхъ джигитовъ составляли почетный конвой посольства, члены коего должны были передать эмиру отвѣтное письмо главнаго начальника края, вложенное въ сумку изъ дорогой шелковой матеріи, и отвѣтные подарки, состоявшіе изъ слѣдующихъ вещей:

- 1) Портретъ государя императора въ рамкѣ изъ серебра, сдѣланной въ видѣ фронтона русской избы;
 - 2) Двѣ большія хрустальныя вазы въ роскошной серебряной оправѣ для фруктовъ;
 - 3) Два хрустальные кувшина въ серебряной оправѣ для шерbetовъ и прохладительныхъ напитковъ;
 - 4) Серебряная сахарница съ изваяннымъ на ней видомъ Московскаго Кремля;
 - 5) Серебряный самоваръ массивной работы;
 - 6) Полный обѣденный фарфоровый сервизъ на двадцать четыре osoby;
 - 7) Полный хрустальный сервизъ на то же число osoby;
 - 8) Два куса роскошнаго бархата на халаты;
 - 9) Кусокъ дорогого плюша;
 - 10) Кусокъ парчевой, золотомъ затканной матеріи;
 - 11) Телефонъ системы Белля съ полнымъ приборомъ къ установкѣ его для дѣйствія.
- Двѣнадцатымъ подаркомъ предъ лагались двѣ

большія фарфоровыя вазы, работы Александровскаго завода старыхъ временъ, съ превосходными рисунками, орнаментовкой и позолотой; но, къ сожалѣнію, по вскрытіи въ Ташкентѣ ящиковъ, въ которыхъ онѣ лежали, обѣ вазы оказались разбитыми.

Подарочныя вещи вмѣстѣ съ конвойными казаками, джигитами и верховыми лошадьми членовъ посольства были отправлены за нѣсколько дней до нашего выѣзда въ Самаркандъ, гдѣ и надлежало имъ дожидаться нашего прибытія.

Задержанное на нѣкоторое время тяжелой болѣзью князя Витгенштейна посольство выѣхало изъ Ташкента только 14 декабря къ вечеру.

Дорога до первой попутной станціи Ниязбашъ, на протяженіи девятнадцати верстъ, идетъ вдоль рѣчки Саларъ почти непрерывными садами, которые подступили къ ней съ обѣихъ сторонъ густыми аллеями пирамидальныхъ тополей, карагача и тала.

Глинобитныя стѣнки, обрамляющія эти сады, огороды и небольшія пашни тянутся справа и слѣва почти непрерывнымъ рядомъ вдоль пути, придавая ему скорѣе характеръ улицы, чѣмъ дороги; да это, если хотите, и дѣйствительно улица, потому что широкое кольцо садовъ и огородовъ, охватившее Ташкентъ со всѣхъ сторонъ, является непосредственнымъ продолженіемъ самого города и составляетъ его своеобразныя предмѣстья.

Вторая станція, въ 15 верстахъ отъ первой, называется Старымъ Ташкентомъ — Эски-Ташкентъ. Это не болѣе, какъ обыкновенный сартовскій кишлакъ съ двумя-тремя караванъ-сараями, предлагающими свое гостепріимство, за извѣстную конечно плату, проходящимъ по пути караванамъ. Но когда-то, въ глубокой древности, какъ указываютъ сартовскія преданія, городъ Ташкентъ (ташъ — камень, кентъ — поселеніе) стоялъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, и только уже впоследствии, постепенно занимая предмѣстьями и садами все новыя и новыя участки земли въ сѣверо-восточномъ направленіи, будто бы передвинулся незаметно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на свое нынѣшнее мѣсто, оставивъ прежнему запустѣлому городищу одно лишь имя Старога Ташкента.

Ночь стояла тихая, съ легкимъ морозцемъ, и вѣять намъ было свѣтло, даже вдвойнѣ свѣтло: и отъ луны, и отъ свѣга, сверкавшаго отраженными лучами. Свѣжныя поляны, озаренныя полной луной, позволяли еще издали различать чернѣвшіеся попутные предметы: мостки, насыпи арычныхъ рвовъ, отдѣльно стоящія деревья, тамъ и сямъ кишлаки въ сторонѣ отъ большой дороги, изрѣдка фигуру какого-нибудь запоздалаго всадника-туземца верхомъ на конѣ или верблюдѣ. Благодаря этому

свѣту, мы живо отмахали двадцать верстъ, проѣхали чрезъ сартовское мѣстечко Чиназъ, или вѣрнѣе чрезъ его базаръ, крытый сверху поперечными жердями и циновками, и въ третьемъ часу ночи добрались до русскаго Чиназа, гдѣ и заночевали.

15 декабря, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пара колокольчиковъ подъ русской дугой дала намъ знать своимъ позвякиваньемъ, что лошади уже запряжены, и мы тронулись далѣе. Русскій городъ Чиназъ если и представляетъ собой городъ, то развѣ въ зачаткѣ: пять-шесть глинобитныхъ домиковъ съ садиками, гдѣ живетъ нѣсколько служащихъ, казармы мѣстной команды, почтовая станція, церковка, снаружи похожая болѣе на провіантскій складъ, чѣмъ на церковь, кладбище, обнесенное глинобитной оградой, гдѣ торчатъ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и въ сторонѣ — укрѣпленіе, построенное русскими на сартовскій ладъ изъ глины, прямыми, несвысокими зубчатыми стѣнками, — вотъ и все, что носитъ имя Чиназа. Стоитъ онъ на совершенно открытой плоскости, верстахъ въ пяти отъ Сыръ-Дарьи, чрезъ которую здѣсь существуетъ паромная переправа. Между городомъ и берегомъ рѣки раскинулось нѣсколько убогихъ киргизскихъ зимовниковъ, отчасти оживляющихъ видъ пустынного побережья. На переправѣ, у разработаннаго земляного спуска къ пристани, торчатъ два фонаря и столбъ съ прибитой къ нему таксой, а немного въ сторонѣ — двѣ камышевыя сторожки, смастеренныя на подобіе киргизскихъ юртъ и служащія жилищемъ паромному старостѣ и нѣсколькимъ перевозчикамъ. Въ этомъ районѣ своего протяженія, Сыръ-Дарья съ замѣчательной для степной рѣки быстротой катитъ свои мелкія мутно-свинцовыя волны по совершенно плоской, со всѣхъ сторонъ открытой равнинѣ. Оба ея берега падаютъ къ уровню воды невысокими, около сажени, отвѣсными обрывами, которые во время разливовъ совсѣмъ покрываются водой. Общій видъ довольно широкой рѣки и этихъ плоскихъ береговъ унылъ и однообразенъ, и лишь суетливая дѣятельность на переправѣ вноситъ на минуту въ эту монотонно-скупную картину нѣкоторое оживленіе.

Паромы были на томъ берегу, когда мы подъѣхали къ переправѣ. Изъ камышевой сторожки тотчасъ же выбѣжало нѣсколько киргизовъ, и пока одни изъ нихъ махая руками выкрикивали съ того берега паромъ, другіе живо принялись выпрагивать лошадей изъ напиханныхъ тарантасовъ. Нагруженный развьюченными верблюдами, которыхъ на томъ берегу оставался еще цѣлый караванъ, одинъ изъ трехъ паромовъ вскорѣ отвалилъ отъ пристани и быстро сталъ спускаться внизъ по теченію, такъ что гребцамъ видимо приходилось употреблять немалыя усилія, чтобы преодолѣть силу теченія и направить къ нашей сторонѣ

свою неуклюжую посудину. Здѣшніе паромы, это просто плоскодонныя двуносыя барки, по мѣстному «каюки», поверхъ которыхъ положена досчатая настилка. Барка спускается внизъ по теченію, затѣмъ, когда наконецъ гребцамъ удастся подвести ее къ другому берегу, съ нея бросаютъ на берегъ конецъ каната, который тамъ прикрѣпляется къ лямкѣ, надѣтой на лошадь, и эта послѣдняя, понукаемая сидящимъ на ней киргизенкомъ, шагкомъ дотаскиваетъ паромъ до пристани. Съ праваго берега на лѣвый переправа уже значительно легче, такъ какъ пристань того берега расположена ниже по теченію, благодаря чему мы вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми перебрались на ту сторону минутъ въ десять.

Здѣсь уже сразу пошла «Голодная степь», вполне оправдывающая свое суровое названіе. Залегая между лѣвымъ берегомъ Сыра и Нуратинскимъ горнымъ хребтомъ, она тянется верстъ на двѣсти въ сѣверо-западномъ направленіи и сливается наконецъ съ Кизылъ-кумами. Намъ предстояло въ этотъ день пересѣчь ее поперекъ, на протяженіи 120 верстъ отъ Чиназской переправы до города Джизака.

Лѣвый берегъ Сыра покрытъ высокими густыми камышами, заросли концы тянутся версты на полторы въ глубь степи. Камышъ этотъ съ виду щетиноватъ и растетъ какъ бы снопами, сплошь покрывая собой отдѣльные кочки, укрывшія все видимое пространство берега. За полосой камышей, влѣво отъ дороги на берегу болотистаго плеса или озера, называемаго Чибынтай, высятся развалины чего-то въ родѣ укрѣпленія съ наугольными круглыми башнями. На вопросъ, что это за развалины, ямчикъ-киргизъ, очень порядочно говорящій по-русски, объяснялъ, что въ народѣ мѣсто это называютъ Урумбай-курганъ, но что тутъ не было крѣпости, а просто лѣтъ пятьдесятъ назадъ одинъ богатый человѣкъ Урумбай построилъ себѣ такой дворъ въ свое удовольствіе.

Миновавъ Урумбай-курганъ, вы уже окончательно вступаете въ область Голодной степи. Напрасно взоръ вашъ, блуждая по ея просторамъ, будетъ искать хотя малѣйшаго естественнаго возвышенія почвы, малѣйшаго деревца или кустика, малѣйшаго намека на человѣческое жилище,—ничего этого нѣтъ: все пусто, однообразно, мертво... Степь во всѣ стороны раскинулась идеально ровною гладью, словно море въ глубокой штиль, и какъ море же, она почти незамѣтно сливается съ чертой горизонта. Ыдешь часть, ѣдешь два, и все будто на одномъ и томъ же мѣстѣ. Куда ни глянь—повсюду стелется предъ глазами безконечный коверъ изжелта-бурого и рыжеватаго цвѣта: это засохшіе стебельки степныхъ травъ, торчащіе изъ-подъ снѣга. Говорятъ,

что весной, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца, эта самая Голодная степь чудо какъ хороша. Тогда она представляется сплошнымъ изумрудно-зеленымъ ковромъ, испещреннымъ безчисленными цвѣтами, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тюльпану, подснежнику и солянкѣ; не мало встрѣчается и красивыхъ на видъ, но отвратительныхъ по запаху, толстыхъ стеблей ассафетиды, покрытыхъ шарообразною шапкой зонтичныхъ изжелта-зеленовато-бѣлыхъ цвѣтовъ—растеніе, которое здѣсь почему-то прозвали «бухарской капустой». Наземныя черепахи (testudo) разгуливаютъ тутъ въ это время цѣлыми тысячами; множество пѣвчихъ птицъ и блестящихъ наскочныхъ рѣютъ въ воздухѣ, оглашая пустыню своимъ щебетаньемъ, трескотней и жужжаньемъ. Это истинно весенній праздникъ, весеннее ликованье Голодной степи, но увы! длится оно недолго. Едва пройдетъ двѣ недѣли, какъ немилосердно палящее солнце уже окончательно вытянетъ изъ земли всю влагу, скопившуюся въ ней за зиму, и превратитъ почву въ сухой камень; изумрудно-пестрый коверъ быстро начинаетъ блекнуть, желтѣть, и, едва минуютъ первыя числа мая, какъ степь уже умерла, вся ея растительность окончательно выгорѣла, засохла и, глядя на жалкіе рыжеватые стебельки, уныло торчащіе, какъ щетивистая щетка, на пепельно-сѣрой поверхности почвы, трудно даже вѣрить, что не далѣе какъ дней десять назадъ все это здѣсь такъ энергично развивалось, росло, цвѣло, благоухало и живши жило съ такимъ, повидимому, богатымъ запасомъ жизненной силы. Одня только большія фаланги, красивые хамелеоны и яныя мелкія и крупныя ящерицы, въ аршинъ и болѣе длиной, разнообразныя змѣи (есть и большія, въ родѣ удавовъ) да отвратительные клещи остаются неизмѣнными обитателями Голодной степи на все остальное время убійственныхъ жаровъ, продолжающихся при полномъ бездождіи почти до октября мѣсяца. Даже черепахи въ эту пору исчезаютъ въ своихъ норахъ и появляются сравнительно рѣдко. Между тѣмъ самая роскошь и изобиліе этой растительности, видимо, свидѣлствуютъ, что почва степи сама по себѣ очень хороша и сторицей окупила бы труды земледѣльца, будь лишь въ достаточномъ количествѣ вода... Еслибъ удалось искусственнымъ путемъ, посредствомъ ли арыковъ, или посредствомъ артезианскихъ колодезевъ, оросить хотя бы часть Голодной степи, то тутъ мы имѣли бы лучшій, можетъ быть, пашни этого края. Что орошеніе этой степи дѣло далеко не невозможное, о томъ свидѣлствуютъ и нынѣшніе мѣстами замѣтные на ней слѣды и остатки древнихъ арыковъ. Когда-то энергія человѣка удалось уже здѣсь побѣдить сопротивленіе природы и обратить мертвую пустыню въ населенный

и цвѣтущій оазисъ, но это было въ очень отдаленной древности, и можно думать, что какія нибудь войны или нашествія иноплеменниковъ вынудили культурныхъ обитателей степи удалиться изъ нея, бросивъ на произволъ судьбы свои арыки и пашни, и съ тѣхъ поръ она снова обратилась въ «голодную». Относительно этихъ древнихъ арыковъ, судя по сохранившимся слѣдамъ ихъ направленія, имѣются всѣ основанія думать, что одни изъ нихъ, и именно тѣ, что встрѣчаются въ восточномъ концѣ степи отъ Урумбай-кургана до станціи Малекъ, истекали изъ Сыръ-Дарьи и въ нее же впадали, т. е. были какъ бы ея искусственными рукавами; другіе же, орошавшіе степныя пространства ближе къ ихъ центру, направлялись не отъ Сыра, а отъ горъ, со стороны Джизака, что и подтверждается слѣдами арычныхъ сооружений, которыя преимущественно попадаются въ южной и западной частяхъ степи, имѣющей въ общемъ пологій склонъ къ востоку, въ сторону Сыра. И вотъ почему было вполне бесполезно продолжать начатыя въ 1871 году гигантскія работы по сооруженію большого арыка для орошенія Голодной степи со стороны Ходжента: казенныхъ денегъ и землекопнаго труда похоронено въ этомъ дѣлѣ цѣлая бездна, а результатовъ никакихъ, такъ что генералъ-губернаторъ нацѣлъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее сооруженіе широко, но непрактично задуманнаго арыка. Не успѣли ли быть бы опыты съ артезіанскимъ колодеземъ? Повидимому, сѣверо-восточные склоны Нура-тинскаго хребта своею достаточною пологостью подають надежду, что устройство артезіанскаго колодца могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Будь лишь вода, и степь въ три-четыре года покрылась бы роскошными садами, рощами и аллеями. Солнце здѣсь безъ воды убиваетъ; съ водой же оно въ самый непродолжительный періодъ времени, отъ трехъ до пяти лѣтъ, дѣлаетъ просто чудеса въ растительномъ мірѣ: глядя на яное дерево, въ родѣ, напримѣръ, павловія, и прикидывая къ нему глазомеромъ нашъ сѣверный масштабъ, вы думаете, что оно растетъ по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, и не рѣшаетесь повѣрить, когда вамъ говорятъ, что нѣтъ еще и пяти лѣтъ, какъ оно посажено.

Но вотъ впереди на горизонтѣ прорѣзались силуэтъ высокаго кургана. Влѣво отъ него, верстахъ въ трехъ, начинается показываться другой, подобный же, еще лѣвѣе—третій. Это урочище извѣстно у кочевниковъ подъ именемъ «Учъ-Тюбе», то есть три бугра; по нимъ ориентировались проходившіе караваны. Почтовая дорога пролегаетъ какъ разъ мимо крайняго кургана, такъ что я могъ осмотрѣть его довольно обстоятельно. Происхожденіе его, равно какъ и двухъ сосѣднихъ, несомнѣнно есть дѣло рукъ человѣческихъ: всѣ они искусствен-

ныя, то есть насыпные, въ чемъ убѣждаетъ одинаковость основныхъ формъ не только этихъ трехъ, но и прочихъ кургановъ, встрѣчавшихся намъ на дальнѣйшемъ пути до самой Бухары и далѣе. Вообще всѣ курганы, видѣнные мною въ степяхъ Средней Азіи, мнѣ кажется, можно подраздѣлять на три рода: военные, могильные и молотильные (для молотбы пшеницы). Я еще не разъ буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету, а потому, оставя пока рѣчь о курганахъ могильныхъ и молотильныхъ, скажу нѣсколько словъ о военныхъ или стратегическихъ, къ числу которыхъ относятся и три кургана (Учъ-Тюбе) Голодной степи. Они какъ и всѣ прочіе военные курганы, имѣютъ продолговатую форму съ уклонами скатовъ, около 45°, и у всѣхъ одинъ ковецъ (въ данномъ случаѣ восточный) значительно возвышается въ видѣ четырехсторонней усѣченной пирамиды надъ остальною поверхностью кургана. Если вы начертите профиль обыкновенной полевой батареи съ нѣскольکو болѣе возвышеннымъ брустверомъ, но безъ рва, то это будетъ типичнѣйшій силуэтъ здѣшнихъ боевыхъ кургановъ. Въ степи, гдѣ очень мало движенія и жизни, они сохранились лучше, цѣлѣе, чѣмъ въ мѣстахъ населенныхъ. Подъ Самаркандомъ, напримѣръ, и вообще въ непосредственномъ соседствѣ густо населенныхъ мѣстъ и даже среди самыхъ селеній Зарявшанской и Шахрисабской долинъ или подъ Бухарой, гдѣ на подобныхъ курганахъ и рѣбатишки играютъ, и скотъ пасется, и вообще происходятъ разныя отправления житейскаго оскдлаго быта, эта рѣзкая очерченность курганныхъ формъ, подъ влияніемъ постоянной непосредственной близости человѣка, уже значительно скругляется и сглаживается, такъ что во многихъ курганахъ вы встрѣчаете лишь два рядомъ стоящіе бугра, одинъ побольше, другой поменьше и подлиннѣе, которые соединены или спалены между собою какъ бы возвышеннымъ сѣдлстымъ перешейкомъ. Эту послѣднюю сглаженную форму мнѣ неоднократно доводилось встрѣчать въ нашихъ новороссійскихъ и сессарабскихъ степяхъ у многихъ изъ такъ называемыхъ «сторожевыхъ» кургановъ, и это наводитъ меня на предположеніе, что происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково; быть можетъ даже, что и средне-азиатскіе и новороссійскіе курганы суть произведенія одного и того же народа. Фронтъ ихъ, то есть наиболѣе возвышенная часть, какъ уже сказано, обращенъ на востокъ къ Сыръ-Дарьѣ, а въ другихъ—на юго-востокъ къ великой горной странѣ Центральной Азіи, и если они служили въ качествѣ сторожевыхъ и опорныхъ пунктовъ, то стало быть врагъ народа ихъ соорудившаго надвигался съ востока, отъ Памира, и оттѣснялъ аборигеновъ страны все далѣе и далѣе къ сѣверо-западу. Преданія

мѣстныхъ жителей считаютъ всѣ эти курганы произведеніемъ рукъ человѣческихъ и относить ихъ происхожденіе къ глубокой древности «много, много раньше Тимура». И надо замѣтить, что, по тѣмъ же преданіямъ, курганы эти имѣли значеніе военное, въ чемъ и самъ я, впрочемъ, имѣлъ случай отчасти убѣдиться на станціи Яны-курганъ, гдѣ на подобномъ же бугрѣ сохранились еще слѣды недавняго бухарскаго укрѣпленія въ видѣ разрушенной глинобитной стѣны съ зубцами. Это послѣднее укрѣпленіе хотя и принадлежало новѣйшему времени, но основнымъ начертанію и формы его, какъ и всѣ вообще формы жизни и быта Средней Азии, остаются неизмѣнно все тѣ же, что и во времена глубокой древности.

Первая станція въ Голодной степи (20 верстъ отъ Сыръ-Дарьи) называется Малекъ. Станціонный домъ и дворъ съ постройками обнесены съ четырехъ сторонъ глинобитною стѣной, въ родѣ редута, который фланкированъ съ двухъ противоположныхъ по діагонали угловъ круглыми башнями съ бойницами внутри и съ зубчатыми стрѣльницами на кровляхъ. Хотя башни эти служатъ не болѣе какъ складочнымъ мѣстомъ для фуража и сѣна, но въ случаѣ надобности могли бы послужить и защитой противъ степныхъ хищниковъ, *баранчаевъ*, которые еще нѣсколько лѣтъ назадъ хозяйничали около Мурза-Рабата, служившаго имъ притономъ, да и теперь не вполне можно сказать, что пора ихъ безвозвратно миновала. Около того же Мурза-Рабата взяты были ими въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко, испытавшій въ Бухарѣ всѣ невзгоды клоповника; попадались одиночные казаки или солдаты, а особенно жутко приходилось обратнымъ ямщикамъ-киргизамъ.

Подъѣзжая къ станціи, не далѣе какъ въ десяти шагахъ отъ жилья, замѣтили мы большого бурокрылаго орла-стервятника съ несомнѣнными головой и шеей бѣлаго цвѣта, сидѣвшаго на кучѣ стараго мусора и навоза. Общій видъ этой гологоловой птицы совершенно напоминалъ африканскаго грифа. Мы пробѣжали мимо нея шагахъ въ пяти не болѣе, но, къ удивленію, орелъ не выказалъ ни малѣйшаго безпокойства при видѣ нашего экипажа въ столь близкомъ отъ себя разстояніи и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало сидѣть на своемъ мѣстѣ, оглядывая насъ серьезными вороньими глазами. Мы было подумали, что онъ ручной и проживаетъ на здѣшней станціи, но изъ разспросовъ оказалось, что «вольный» и что на Голодной степи живетъ ихъ много, равно какъ и дудаковъ (дрофъ), а смѣлы они и доврчивы такъ оттого, что никто ихъ не стрѣляетъ.

Вторая станція въ степи Мурза-Рабатъ безъ малаго въ 34 верстахъ отъ Малека, а третья Агачъ-Та-Рабатъ въ 31 верстѣ отъ

второй. Всѣ построены совершенно такъ же, какъ и Малекъ, то-есть редутомъ съ фланкирующими башнями. За Агачъ-Та-Рабатомъ въ 22 верстахъ, четвертая станція Учъ-Тюбе (Три бугра), а за этой послѣдней въ 15 верстахъ укрѣпленіе Ключевое, или Русскій Джизакъ, гдѣ и конецъ Голодной степи.

На половинѣ разстоянія между Малекомъ и Мурза-Рабатомъ высится близъ дороги круглое кирпичное зданіе съ куполомъ. Въ общемъ оно имѣетъ форму кочевой киргизской кибитки и даже въ вершинѣ купола оставлено круглое отверстіе, — какъ въ римскомъ Пантеонѣ, или все равно какъ *тиондоу* у кибитки.

Спускъ подъ стрѣльчатыми воротами ведетъ во внутренность этой ротонды; семь стрѣльчатыхъ оконъ симметрично расположены по окружности массивной стѣны, но время наложило свою руку и на это прочное зданіе: въ куполѣ сквозятъ уже двѣ-три дыры, и около нѣкоторыхъ оконъ кирпичи пообвалились и повывалились; но въ цѣломъ зданіе все-таки поражаетъ прочностью постройка, и въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи куполь, съ основанія и до вершины сложенный изъ безчисленныхъ кольцеобразныхъ рядовъ плоскихъ кирпичей квадратной формы, горизонтально положенныхъ рядъ надъ рядомъ такимъ образомъ, что кирпичъ cadaго вышедшаго ряда нѣсколько выдвигается внутрь купола надъ кирпичемъ подъ нимъ лежащимъ; въ цѣломъ весь этотъ куполь образуетъ собой какъ бы опрокинутую верхомъ внизъ лѣстницу круглаго амфитеатра. Этотъ своеобразный способъ постройки, при всей его первобытности, болѣе всего удивляетъ именно своею прочностью. Въ то время, какъ въ Европѣ, при всѣхъ усовершенствованныхъ средствахъ современной техники, провалъ куполовъ и сводовъ есть явленіе далеко не рѣдкое, эти первобытные куполы средне-азиатскихъ пустынь стоятъ себѣ цѣлѣе вѣка нерушимо, да повидимому простоятъ и еще столько же. Вслѣдствіи намъ приходилось въ нашемъ странствіи по бухарскимъ владѣніямъ видѣть не мало совершенно такихъ же построекъ и съ точно такими же куполами, но ни одного изъ нихъ не нашли мы провалившимся. Эти степныя зданія извѣстны подъ именемъ «сардоба», что значить водовмѣсталище, цистерна. И дѣйствительно, попутная намъ ротонда нѣкогда, и даже еще въ недавнее время, была большою цистерной съ глубокимъ колодеземъ, который былъ полонъ студеною хорошею водой. Колодезь былъ обложенъ жженымъ кирпичемъ, такимъ же, изъ какого построена и вся эта ротонда, сооруженіе которой мѣстное преданіе приписываетъ самому Тимурленгу, что впрочемъ едва ли основательно, такъ какъ извѣстно, что большая часть степныхъ

сардобъ Центральной Азіи построена ханомъ Абдуллахомъ въ XVI столѣтіи нашей эры. Подобныя постройки разбросаны по всѣмъ безводнымъ степямъ нынѣшнихъ и бывшихъ бухарскихъ владѣній, и главнымъ ихъ строителемъ дѣйствительно былъ Абдуллахъ-ханъ, который, если вѣрить преданію, построилъ на своемъ вѣку тысячу сардобъ и тысячу рабатовъ (убѣжищъ). На мѣстахъ своихъ путевыхъ приваловъ, онъ воздвигалъ сардобы, а на мѣстахъ ночлеговъ—рабаты. Типъ этихъ сардобъ вездѣ одинъ и тотъ же, и разнообразится иногда только тѣмъ, что съ сѣверной стороны къ ротондѣ примыкаетъ постройка, въ видѣ возвышеннаго параллелограмма, служащая порталомъ. Постоянная тѣнь и прохлада царствуютъ подъ высокими въ нѣсколько сажень каменными сводами, и какимъ утѣшеніемъ, какою отрадой служатъ они истомленному путнику въ знойное время года, а зимой являются убѣжищемъ отъ страшныхъ снѣжныхъ бурановъ.

Когда вы спуститесь внутрь такого зданія, то увидите, что окна, которыя снаружи приходится какъ разъ на уровнѣ окружающей почвы, прорѣзаны на высотѣ около трехъ сажень отъ вымощенного дна цистерны, такъ что самая зала оказывается вырытою въ землѣ. Этимъ объясняется необходимое присутствіе при каждой сардобѣ двухъ-трехъ насыпныхъ кургановъ. Такое углубленное устройство залы вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что колодезь самъ по себѣ не всегда въ состояніи удовлетворить большое количество каравановъ и служить для нихъ уже какъ бы послѣднимъ запасомъ живительной влаги. Надо быть жителемъ безводныхъ пустынь, чтобы вполне постичь, какая драгоценность каждый глотокъ, каждая капля прѣсной воды, и потому понятна забота этихъ степняковъ, чтобы по возможности ни одна капля годной воды не пропала у нихъ даромъ. Во время весенняго таянія снѣговъ вся окрестная вода стекаетъ къ сардобѣ, проникая внутрь ея чрезъ порталъ и окна, для чего и старались всегда сооружать такіе водоемы въ пологихъ котловинахъ, если только мѣстность представляла къ тому малѣйшую возможность. Если зима обильна снѣгами, то вешняя вода можетъ наполнить внутренность залы до высоты около двухъ сажень; нѣсколько горизонтальныхъ, въ различной мѣрѣ сыроватыхъ чертъ, идущихъ параллельно одна надъ другой внутри ротонды, на углубленной части ея стѣны, наглядно показываютъ вамъ какъ высока была вешняя вода въ водоемѣ за нѣсколько послѣднихъ годовъ; наиболѣе темная и сырая черта опредѣляетъ ея уровень въ послѣднюю весну.

Такова была и наша первая попутная сардоба. Вода въ ея колодезѣ, по рассказамъ,

отличалась очень хорошими качествами и изобиліемъ; но въ 1866 году, когда русскій отрядъ шелъ на Джизакъ, эмиръ Бухарскій приказалъ засыпать колодезь, и съ тѣхъ поръ ротонда служитъ только ночлежнымъ приютомъ для проходящихъ каравановъ.

— Хотѣли русскихъ попить безъ воды, — объяснялъ намъ ямщикъ, — а русскіе все же дошли и Джизакъ взяли, хотя и безъ воды, а взяли... Божья воля на то была... А теперь сами же вотъ сарты плачутся, что нѣтъ въ степи воды хорошей.

И дѣйствительно, у всѣхъ здѣшнихъ станціонныхъ старостъ вы услышите одну общую жалобу на воду: больно ужъ солоновата на вкусъ, такъ что и люди, и лошади нерѣдко страдаютъ отъ нея желудкомъ. Между тѣмъ чай, поданный намъ на Мурза-Рабатѣ, не имѣлъ ни малѣйшаго солоноватаго вкуса.

— Какъ же это такъ?—спрашиваю старосту. — Стало быть вамъ доставляютъ сюда изъ Чиназа не только фуражъ и продукты, но и прѣсную воду.

— Нѣтъ, говоритъ, — воды не доставляютъ, мы ее сами дѣлаемъ. Вотъ, какъ ежели дождикъ, сейчасъ падушки да ведерки на дворъ, и вода готова. А нынче далъ Богъ снѣжку. Какъ только его подвалило малость, мы сейчасъ на степь, кто съ кувшиномъ, кто съ ведеркой, кто съ чѣмъ, и давай собирать снѣгъ, какъ можно больше, чтобы, значитъ, подолѣе хватило въ запасъ, и даже ледничекъ понабьемъ снѣгомъ вплотную. А потомъ по малости таемъ его и пьемъ, да вотъ и господамъ прѣзжающимъ чайкомъ угождаемъ.

Староста, мурза-рабатскій мужикъ, очень толковый, пожелай и хозяйство станціонное держать въ большомъ порядкѣ.

— Скучно жить на степи-то?—спрашиваю у него.

— И какъ же не скучно, сами посудите! Еще который староста женатый, ну баба тамъ, ребятишки, все же имъ веселѣе, всѣмъ-то вкупѣ, хотя и промежъ узбекскаго народа. А я вотъ холостой, одинъ какъ перстъ, самъ себѣ и кухарка, и прачка, и все что хочешь, да еще въ степи, на безлюдьи, какъ не соскучиться!

— Ямщики-то у васъ все киргизы что ли?

— Всякіе, есть и русскіхъ малость. Казаки вотъ тоже на станкахъ живутъ малыми командами; эти, значитъ, для сопровожденія почты, потому на степи иной разъ случается, что и грабятъ.

— По-каковски же, спрашиваю его, — объясняешься ты со своими ямщиками, ежели который изъ сартовъ или киргизовъ?

— А по-ихнему, говоритъ, — за всегда по-ихнему. Потому какъ всѣ мы, станціонные, живучи промежъ ихняго брата, поваторѣли

современемъ и теперь насчетъ разговору ничего себѣ, маракуемъ. Ну и они тоже по-нашему малость выучились. Такъ и объясняемся.

И дѣйствительно, сколько ни попадалось мнѣ потомъ ямшаковъ изъ инородцевъ, всѣ они болѣе или менѣе сносно говорили по-русски.

Станція Мурза-Рабатъ лежитъ на половинѣ пути между Чиназомъ и Джизакомъ, стало быть почти въ центрѣ Голодной степи. Здѣсь есть точно такая-же сардоба, какъ и выше-описанная, а сверхъ того, неподалеку, особо высится четырехстороннее зданіе съ рядами сферическихъ куполовъ, наугольвыми башнями, высокими порталами и фронтономъ. Вся эта обширная постройка выведена изъ жженого кирпича и нѣкогда была украшена эмаль-ированными узорчатыми кафлями. Внутри ея находится просторный дворъ, обрамленный арками крытыхъ галлерей, подъ сѣнью которыхъ кутятся ряды коннатовъ. Теперь все это уже въ полуразрушенномъ видѣ, а лѣтъ двѣсти тому назадъ блистало истинно царскимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ, зданіе это и нынѣ, какъ въ старину, все еще продолжаетъ, пока не рухнуло, служить путевымъ дворомъ для путешественниковъ и-торговыхъ каравановъ, и подобныхъ построекъ, какъ уже сказано, немало разбѣло по степнымъ дорогамъ бывшаго царства Бухарскаго. Строили ихъ и великіе правители, какъ Тимурленгъ, Улугъ-бегъ и Абдуллахъ-ханъ, строили и частныя лица, въ силу какого-либо благочестиваго обѣта, на пользу общественную, ибо одна изъ самыхъ высокихъ добродѣтелей Востока — это дать безвозмездный пріютъ и покой страннику. Всѣ подобные дворы, которые приличіе было бы назвать дворцами, носятъ названіе рабатъ, что значить пріютъ, убѣжище. Иногда къ слову рабатъ присоединяется названіе мѣстности, иногда имя благочестиваго строителя или же его званіе. Такъ, напримеръ, Мурза-Рабатъ значить убѣжище писца или грамотея ¹⁾. Въ данномъ случаѣ строитель изъ скромности скрылъ свое имя, обыкновенно помѣщаемое въ числѣ узорчатыхъ надписей фронтона ²⁾.

¹⁾ Мурза — по-киргизски, мырза — по-татарски и мираза — по-таджикски значить вполне грамотный и письменный человѣкъ.

²⁾ Впрочемъ, есть и иное объясненіе, почему такое названіе дано этому рабату. Покойный А. И. Хорошхинъ говоритъ (стр. 67), что по темнымъ преданіямъ края, теперешняя Голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она питала въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація немалымъ находила высылать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые будто бы жили и писали, что имъ было нужно, въ мурза-рабатѣ. Можетъ быть оно и такъ, но противъ этого мнѣнія, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что рабаты и сардобы обыкновенно являются только въ мѣстахъ безводныхъ,

Зданіе это все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ; пройдетъ еще десятокъ другой лѣтъ, и отъ него быть можетъ останутся лишь груды мусора, а это жалъ, и нашему правительству стоило бы поддержать (хотя бы на суммы земскихъ сборовъ) не только какъ памятникъ прошлыхъ блестящихъ временъ, но и какъ убѣжище, всегда необходимое для каравановъ, особенно въ такой непривѣтливой голой пустынѣ.

Слѣдующая за Мурза-Рабатомъ станція, какъ уже сказано, носитъ имя Агачъ-Та-Рабатъ или просто Агачъ-та. Въ переводѣ это значить «убѣжище, маленький садъ». И дѣйствительно, говорятъ, что еще лѣтъ тридцать назадъ здѣсь, почти на мѣстѣ нынѣшняго станціоннаго домика, находился небольшой, но тѣнистый садикъ, орошавшійся водой изъ Джизака посредствомъ арыковъ, которые и въ настоящее время еще врѣзаются на протяженіи около сорока верстъ въ степное пространство; стало быть вопросъ объ орошеніи Голодной степи никакъ нельзя отнести къ числу неразрѣшимыхъ. Затратьте сюда сотню, другую тысячу и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ вы вернете себѣ изъ этой почвы милліоны.

Уже давно свечерѣло и погода стояла мягкая, теплая, такъ что не будь тутъ снѣгу, можно бы было подумать, что ѣдешь не въ декабрѣ, а въ концѣ апрѣля. Но вдругъ небо заволочко густыми тучами, и моментально хлынулъ сильный, совершенно лѣтній ливень, заставшій всю окрестность молочно-бѣлосоватымъ туманомъ. Черезъ четверть часа дождь прошелъ; зато тутъ же сразу хватилъ здоровый морозецъ, градусовъ въ десять по крайней мѣрѣ, и въ нѣсколько минутъ замеденилъ всю дорогу съ ея колями и дужами, и фартухъ нашего тарантаса, и сбрую, и шерсть на коняхъ. Небо совершенно прояснилось, и полная луна засіяла во всемъ своимъ блескомъ. Удивительно быстрыя и рѣзкія перемены температуры! Переходъ отъ теплой, почти лѣтней ночи къ десятиградусному морозу совершился менѣе чѣмъ въ полчаса, и надо думать что такой неожиданный сюрпризъ подбѣствовалъ удручающимъ образомъ даже на голодныхъ шакаловъ. Намъ предупреждали на станціи, что теперь ихъ появилось въ степи очень много и что иногда они даже рѣшаются нападать большою стаей на проѣзжающихъ, а потому коли нѣтъ съ собою ружей, то не мѣшаетъ-де имѣть при себѣ на всякій случай револьверъ на-готовѣ. Мы изготавились въ ожиданіи, что авось-либо придется и поохотиться; но шакалы обманули наши ожиданія:

и что едва ли была надобность воздвигать такіа обширныя и роскошныя палаты для жительства обыкновенныхъ ваяетчей, для которыхъ, при тогдашней населенности степи, не могло быть недостатка въ помѣщеніи.

они только заливались своеобразнымъ воемъ, напоминающимъ то истерическій смѣхъ, то плачь больного дитяти, а на насъ не напали. Одинъ изъ нихъ перебѣжалъ черезъ дорогу между акипаками, а трое или четверо другихъ, подпустивъ къ себѣ нашъ тарантасъ довольно близко, вдругъ сорвались съ мѣста и, поджавъ хвосты, трусливо какъ-то, выхлявою побѣжкой пустились удирать въ сторону отъ дороги. Хоть и привычный ко всякимъ невзгодамъ звѣрь, а какъ вaledенило въ сосульки мокрою шерсть, такъ видно очень не по себѣ пришлось.

Въ пять часовъ утра въѣхали въ сартовскій городъ Джизакъ. Насколько можно судить въ темнотѣ, городъ, кажись, немалый, улицы и площади довольно просторны, садовъ достаточно, лавокъ тоже. Въ особенности эффектно при лунномъ освѣщеніи были высокія зубчатые стѣны и круглыя башни прежней бухарской крѣпости. Русский Джизакъ находится дальше, въ трехъ верстахъ за городомъ, у подножія Нуратинскаго хребта и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ укрѣпленіемъ Ключевымъ, которое построено русскими послѣ взятія въ 1866 году Джизака. Это, такъ же какъ и Чиназъ, городъ пока еще въ зачаткѣ, и выйдетъ ли изъ него когда что либо путное въ смыслѣ города сказать трудно. По крайней мѣрѣ, за первые пятнадцать лѣтъ его существованія ничего еще не вышло.

Почтовая станція, телеграфная станція, строящаяся церковка, прекрасныя хоромы начальника района, то есть помощника уѣзднаго начальника, построенныя для него на казенный счетъ, и рядомъ тѣсная мазанка, гдѣ по вольному найму отъ себя жителя съ семей военскій начальникъ (онъ же и комендантъ), затѣмъ еще двѣ-три такія же убогія мазанки, изъ которыхъ въ одной помѣщается неизбѣжный «ренсковый погребъ», вотъ и весь русскій Джизакъ. Невольно кидается въ глаза рѣзкая и даже странная разница между роскошнымъ казеннымъ помѣщеніемъ начальника района и вольнонаемною лачугой коменданта. Что за причина такой разницы? Почему тамъ роскошь, а здѣсь убожество? Почему для одного все и ничего для другого? Объяснили мнѣ это тѣмъ, что военно-народное управленіе у высшей туркестанской администраціи, какъ ея созданіе и любимое дѣтище, всегда будто бы было въ «фаворѣ», а строевая часть оставалась въ загонѣ, въ черномъ тѣлѣ, и потому-де для первыхъ не жалѣли средствъ, благо они шли изъ народныхъ сборовъ, а у послѣдней усячивали каждую копейку, такъ какъ отпуски на нее идутъ изъ общаго бюджета военнаго министерства. Не берусь судить, такъ ли оно или не такъ, но повторяю, разница между палатой одного и мазанкой другого кл-

дается въ глаза не только русскимъ, но и туземцамъ.

16-го декабря.

Отдохнувъ на станціи, тронулись въ одиннадцатомъ часу утра въ дальнѣйшій путь, къ горному ущелью, мимо русскаго кладбища, поддерживаемаго въ большомъ порядкѣ.

Справа тянется Нуратинскій хребетъ; вершины его невысоки и большею частью совершенно голы; каменистая почва на склонахъ отличается черно бурнымъ цвѣтомъ, отчего и произошло мѣстное названіе сего хребта «Кара-тау», то есть черныя горы. По лѣвую же сторону ущелья грозно и сурово вздымались къ небу скалистые, зубчатые вершины Мальгусара, одного изъ большихъ отроговъ хребта Туркестанскаго. Склоны Мальгусара въ нижней своей части казались низкими, затѣмъ средняя часть ихъ была подернута хлопьями блуждающихъ жемчужно-бѣлыхъ облаковъ, а заоблачныя, покрытыя свѣтами выси блистали въ солнечныхъ лучахъ ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Послѣ двухъ короткихъ и невысокихъ переваловъ, находящихся въ предгорьяхъ, мы втянулись въ ущелье, отдѣляющее Мальгусаръ отъ Кара-тау. По ущелью звывается быстрая горная рѣчка Санзаръ, названная русскими Змѣйкой. Мѣстами она течетъ между отвѣсными и довольно высокими обрывами, мѣстами же въ совершенно плоскихъ пологихъ берегахъ, усыпанныхъ мелко разноцвѣтною галькой. Дорога нѣсколько разъ пересѣкаетъ Змѣйку по неглубокимъ бродамъ, не выше какъ по ступицу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится ущелье. Горы, сдвигающіяся вокругъ, состоятъ изъ сплошныхъ каменныхъ глыбъ асиднаго и бураго цвѣта. Въ иныхъ мѣстахъ выщербившійся и вывѣтрившійся камень имѣетъ видъ наваленныхъ въ кучу щепъ, досокъ и трухлявыхъ бревенъ; въ другихъ—каменные плиты стоятъ торчкомъ, словно намогильные турецкіе памятники, въ третьихъ—отвѣсы горъ представляются какъ бы остатками разрушенной гигантской стѣны, въ которой массивные пласты камня лежатъ одинъ на другомъ, въ родѣ кирпичной кладки, почти правильными кубами. Общій видъ этихъ горъ отчасти напоминаетъ мнѣ суровыя скалы Адена: какъ тамъ, такъ и здѣсь, ни на вершинахъ, ни по склонамъ не замѣчается ни малѣйшей зелени, все голо и мертвенно-угрюмо, и тотъ же самый колоритъ лежитъ на скалахъ, тотъ же чернобурый камень, какъ бы опаленный и закопченный дымищимися языками большого пламени. Но этихъ сходство и кончается. Въ Аденѣ смерть царитъ и на долинахъ, гдѣ точно такъ же какъ и по горамъ не встрѣтите вы ни малѣйшей травинки; здѣсь же, напротивъ,

дно ущелья, выходящее въ видѣ узкой долины, представляетъ почти сплошь орошаемые участки воздѣланной почвы. на которой торчатъ сухіе стебли сорго и остатки другихъ хозяйственныхъ растений. Тамъ и сямъ ютятся подъ склонами горы то небольшіе кишлаки, то отдѣльныя сакли; видна жизнь, и дѣятельный трудъ сказывается всюду, гдѣ лишь успѣлъ человѣкъ отвоевать у камня клочокъ удобной и доступной орошенію почвы.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Ключевого сузившееся ущелье какъ бы совсѣмъ запираетъ вамъ выходъ; но это только такъ кажется, а когда подѣдешь ближе, то видишь, что тутъ выступили впередъ, одна къ другой навстрѣчу, двѣ громадныя отвѣсныя скалы, толща коихъ состоитъ изъ одного сплошнаго камня. Здѣсь, очевидно, произошла нѣкогда грандіозная геологическая драма, когда единый горный крахъ разорвался надвое, раздвинуло нѣсколько въ обѣ стороны и образовалъ узкій проходъ, орошаемый нынѣ Санзаромъ. Это и есть знаменитыя Тамерлановы ворота, носящія, по мѣстному, довольно загадочное названіе «Илянъ-Оти», что въ переводѣ значитъ: *звѣзды прошли*.

Первая скала нѣсколько наклоняется надъ самой дорогой, такъ что когда стоишь подъ нею, то даже жутко становится, и невольно думаешь себѣ: «а ну какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ хватитъ землетрясеніе и съ этой вершины посыплются внизъ вывѣтрившіеся осколки и еле-еле держащаяся пока отслойки въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ каждая?..» Внизу, у подошвы скалы, валяются цѣлыя груды такихъ оторвавшихся отслоекъ и осколковъ, начиная отъ громаднѣхъ глыбъ и до мелкой щебенки, а каждое землетрясеніе подбавляетъ къ этимъ грудамъ все новыя и новыя камни. На высотѣ около полуторы сажени отъ подошвы правая скала сошлифована, и въ этомъ мѣстѣ рельефомъ высѣчены рядомъ двѣ персидскія надписи, изъ коихъ болѣе древняя гласитъ:

«Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣмъ Бога на землѣ, подпора постановленій Сунны и закона божескаго, государь вспомошествовавшій вѣрѣ, Улугъ-Бегъ-Турусанъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленіе!) предпринялъ походъ въ страну Джеты¹⁾ и Монголовъ, и отъ того народа возвратился

въ эти страны невредимымъ въ 828 поволупномъ году²⁾.

Вторая надпись слѣдующаго содержанія:

«Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году³⁾ здѣсь происходило сраженіе между отрядомъ Вивѣсталиша калифатства, Тѣни Всевышняго, великаго хана Абдуллахъ-хана, сына Искандеръ-ханова, въ 30,000 человѣкъ боевого народа, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего: родичей султана до 50,000 человѣкъ и служащихъ людей всего до 400,000 изъ Туркестана, Ташкента, Ферганы и Дешта-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смертъ, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну въ теченіе одного мѣсяца въ рѣчкѣ Джизакской⁴⁾ на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это извѣстно!»

Итакъ обѣ надписи не имѣютъ съ Тимурленгомъ ничего общаго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ всемірный хромымъ завоеватель проходилъ, и быть можетъ даже неоднократно, черезъ Джизакское ущелье со своими полчищами. Названіе Илянъ-Оти, данное воротамъ, вѣроятно все же перешло на нихъ отъ имени рѣчки, которую и русскіе, независимо отъ туземцевъ, тоже называли Змѣйкой, характеризуя тѣмъ ея извилистое и какъ бы змѣящееся теченіе. Что же касается названія «Тамерлановы ворота», то оно дано русскими же, на основаніи разсказовъ туземныхъ жителей, которые уже издревле привыкли приурочивать многіе памятники своей старины и достопримѣчательныя мѣстности къ имени своего наиболѣе популярнаго великаго государя. Спросите любого ямщика-узбека, какъ называется эта мѣстность, онъ едва-ли отвѣтитъ вамъ «Илянъ или Джиланъ-Оти», а вѣроятно все же скажетъ «Тимуровы ворота». Спросите его также, что такое гласятъ эти надписи, и онъ безъ запинки отвѣтитъ, «что здѣсь прошелъ де Тимурленгъ». Такъ оно уже сложилось въ народномъ преданіи, быть можетъ оттого, что изъ всѣхъ своихъ царственныхъ династій и длиннаго ряда государей народъ удержалъ въ памяти одно лишь блестящее имя Тимура хромого⁵⁾. Большинство русскихъ также убѣждено, будто надписи гласятъ, что здѣсь прошелъ Тамерланъ⁶⁾. Вѣроятно поэтому нѣкто, желая

¹⁾ Джетами, по толкованію Вамбери, назывались тѣ турецкіе народы, которыхъ родина граничила съ собственною Монголіею и остатками которыхъ въ настоящее время считаются только Буруты, и теперь еще называемые Чете-Могуль, то есть крайніе монголы, отъ турецкаго четь—край, сторона и Могуль—Монголь.

²⁾ 828 годъ мусульманскаго лѣтосчисленія соответствуетъ нашему 1424 году.

³⁾ 979 годъ—1571 году.

⁴⁾ Джизакская рѣчка это тотъ же Санзаръ, или иначе Илянъ-Оти, а по-киргизски—Джеланъ-Ута.

⁵⁾ Тимуръ значитъ желѣзный, а лентъ—хромой.

⁶⁾ Да не только русскіе, но и самъ Вамбери убѣжденъ почему-то, что болѣе древняя надпись

обезсмертить и свое имя рядомъ съ Тимуромъ, напаралель ножемъ пониже одной изъ надписей: «здѣсь и коллежскій секретарь Пальниковъ проѣхалъ». Прелесть!

У самой подошвы лѣвой скалы катится звонкая Змѣйка, и прямо изъ ея мелкаго русла небольшой подъемъ приводитъ къ темной щели, пробитой природой въ толщѣ этой скалы. Щель служить входомъ въ довольно просторную пещеру; въ которой, по народному преданію, обиталъ какой-то змѣй или драконъ, будто бы побѣжденный все тѣмъ же Тимурленгомъ; но въ наши дни въ ней иногда находятъ себѣ временной приютъ караванщики въ бурныя ночи.

Послѣ Тамерлановыхъ воротъ, представляющихъ самое суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ диковеличественное мѣсто ущелья, горы начинаютъ раздаваться и понижаться; долина становится просторнѣе. Толща праваго утеса воротъ тянется на вѣкоторомъ разстояніи въ видѣ сплошнаго каменнаго края, изборозженнаго глубокими морщинами и трещинами, наложенными на его поверхность атмосферическими вліяніями и временемъ. Не могутъ не остановитъ на себѣ вниманія темныя, какъ бы маслянистыя слѣды какихъ-то потековъ, выходящіе во множествѣ изъ поперечныхъ пластовыхъ разсѣлилъ на различной высотѣ и ясно замѣтные на глыбахъ праваго крыла. Вѣроятно, это слѣды горнаго масла, а впрочемъ про то знаютъ спеціалистамъ горнаго дѣла.

Еще нѣсколько верстъ пути по ущелью, и вы, наконецъ, выѣзжаете на широкую заселенную долину, по которой протекаетъ все тотъ же Санзаръ, вѣтвящійся на множество мелкихъ рукавовъ и дѣляющійся всей этой мѣстности изобильное орошеніе. Горы со всѣхъ сторонъ отодвинулись на дальніе планы, а среди самой долины замѣтенъ высокій курганъ искусственнаго происхожденія. Это—Яны-курганъ, по имени котораго называются близъ лежащее торговое сартовское мѣстечко и русская почтовая станція, гдѣ до взятія Самарканда стоялъ нашъ передовой отрядъ подъ командой полковника (нынѣ артиллеріи генералъ-лейтенанта) Абрамова. На этомъ курганѣ, какъ уже сказано раньше, сохранились слѣды укрѣпленія, въ видѣ разрушенныхъ глиняныхъ стѣнъ, и хотя онъ носитъ имя «Яны», то есть новый, что прямо указываетъ на его относительно недавнее происхожденіе, тѣмъ для насъ замѣчательнѣе, что въ основныхъ его формахъ всецѣло сохраняется характеристическій типъ древнѣйшихъ кургановъ Голодной степи. Стало быть,

была высѣчена по повелѣнію Тимура, во время его похода противъ Тохтамыша, хотя этотъ ученый рѣшительно ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія. Точный переводъ обѣихъ надписей слѣдуетъ лишь въ 1869 году и находится въ книгѣ Лерха «Археологическая повѣдка въ Туркестанскій край». Спб., 1870.

начиная со временъ незапамятныхъ и до времени, можно сказать, послѣдняго нашего, не-большія степныя укрѣпленія въ южной и среднихъ частяхъ Трансоксаніи соорудились по одному и тому же неизмѣнному типу.

Подѣзжая къ станціи, мы испытали одно изъ не совсѣмъ для насъ обычныхъ атмосферическихъ явленій. Около полудна уже тому назадъ горизонтъ сталъ покрываться желтовато-мглистыми тучами, которыя вскорѣ заволокли все небо. Вдругъ съ юго-запада повѣяли неровными, какъ бы судорожными порывами замѣчательно теплымъ, почти горячимъ и какъ бы влажнымъ вѣтеръ, который чрезъ минуту смѣнился рѣзкимъ холодкомъ вѣтра восточнаго, но вслѣдъ затѣмъ повѣялъ опять, и опять уступилъ мѣсто восточному. Такъ продолжалось до трехъ разъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ, и вслѣдъ затѣмъ хлынулъ вдругъ ливень, и разразилась буря безъ грозы, но съ очень сильными порывами юго-западнаго вѣтра и продолжалась почти цѣлые сутки. Это былъ такъ называемый «гармсель», мѣстный теплый и гнилой вѣтеръ.

На Яны-курганской станціи староста объявилъ, что ему дано знать о предстоящемъ проѣздѣ начальника штаба Туркестанскаго военнаго округа, а кромѣ того ожидается еще и почта, слѣдующая въ Самаркандъ, а потому лошадей онъ дать намъ не можетъ. Пришлось покориться обстоятельствамъ и скоротать на станціи почти цѣлые сутки.

17-го декабря.

Въ шестомъ часу утра было легкое землетрясеніе, волнообразное и дрожащее, которое ощущалъ я очень ясно, проснувшись минутъ за десять до его начала. Выѣхали мы изъ Яны-кургана въ девятомъ часу утра, такъ и не дождавшись начальника штаба, который (какъ оказалось потомъ при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ) ночевалъ по случаю бури на станціи Каменный Мостъ.

Въ часъ нашего выѣзда небо было совсѣмъ еще пасмурно, и задувалъ сильный, чисто штормовой вѣтеръ, такъ что казалось и надвѣсь нынѣшній день надо было ожидать продолженія вчерашней погоды. Слѣва высокія горы выказывали свои каменные снѣжныя выси, вырѣзывавшіяся въ небѣ гораздо выше линіи быстро мчащихся и клубившихся облаковъ, и эти выси очень эффектно были облиты сверкающими лучами невидимаго для насъ солнца.

Вскорѣ поднялись мы въ котловину на поднятое пространство земли, которое обыкновенно принято называть возвышенной плоскостью; но въ данномъ случаѣ это вовсе не была плоскость въ буквальномъ смыслѣ, и если когда называться таковой, то разнѣ сравнительно—по отношенію къ окружающимъ ее вдали съ трехъ сторонъ горнымъ краямъ. Это была

обширная, весьма волнистая долина, съ пологими скатами и нерѣдко довольно глубокими падами, и на всемъ пространствѣ этой возвышенной долины, въ продолженіе нашего пути, извѣстное «перекати-поле» задавало намъ оригинальное зрѣлище отчаянной steeple-chase, въ которой принимали живѣйшее и какъ бы одухотворенное участіе мириады клубковъ этого растенія. По возвышеннымъ выпуклостямъ холмовъ просто рябило въ глазахъ отъ его быстрого и непрерывнаго движенія съ запада къ востоку, а въ лощинахъ и придорожныхъ рвахъ съ подвѣтренной стороны клубки его задерживались громадными кучами, вровень съ краями лошинъ, имѣвшихъ нерѣдко до двухъ, трехъ и болѣе саженъ глубины. Сколько ни странствовалъ по разнымъ степямъ южной Россіи, Молдавіи и Азіи, но никогда и нигдѣ еще не видывалъ я такого поражающаго множества «перекати-поле». Это совсѣмъ не то, что въ нашихъ новороссійскихъ степяхъ, характеризующихъ А. А. Фетъ, въ одномъ изъ своихъ задушевныхъ стихотвореній, выразился:

Смотришь, черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

Нѣтъ, это цѣлыя легіоны, одухотворенные и несчетные, стремительно и бѣшено мчатся и прыгаютъ въ одномъ и томъ же направленіи, настигая и перегоняя другъ друга, какъ волны разыгравшагося моря. И цѣпляются они одинъ за другой, другой за третій и т. д., черезъ это образуются очень большіе клубки, цѣлыя гряды клубковъ, и мчатся такъ эти гряды, пока не скатятся въ ровъ или лощину, не заполнять ее собой доверху, и тогда новые легіоны, новые волны и валы перекатываются черезъ нихъ какъ по ровному мѣсту. Для мѣстныхъ сельчанъ и полусѣдныхъ узбековъ это просто праздничный подарокъ: утихаетъ вѣтеръ, и они понаѣдутъ сюда со своими широкими, помѣстительными арбами со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ и зимовокъ, и насобираютъ по лощинамъ этого «перекати-поля» сколько душа пожелаетъ, навалить его на арбы цѣлыя горы и радостно повозятъ домой на топливо, въ подспорье мѣстному бурьяну да полыни.

Ѣзда на почтовыхъ отъ Джизака до Сарайлыка просто отвратительна, благодаря тому, что здѣсь большинство ямщиковъ таджики, которые, надо отдать имъ справедливость, и понятія не имѣютъ о томъ, что значитъ править лошадьми и какова бываетъ настоящая ѣзда. Тутъ ни ласковая просьба, ни понуканія, ни брань, ни даже обѣщаніе дать хорошо «на чай», ничто не помогаетъ, ничто не расшевелитъ халатника-таджика, и онъ продолжаетъ себѣ флегматично трусить скучнѣйшей мелкой, маленькой рысцей, безъ размашистаго движенія кну-

томъ, безъ посвиста и поощрительнаго покрика на лошадей, безъ «разговора» съ ними, такъ что, наконецъ, даже безысходную тоску наведетъ вамъ на душу. Перегонъ въ семнадцать верстъ отъ Яны-кургана до Сарайлыка волокли насъ ровно три съ половиной часа по прекраснѣйшей ровной и твердой дорогѣ.

Отъ станціи Сарайлыкъ до Каменнаго Моста (разстояніе пятнадцать верстъ) дорога идетъ все по той же всхолмленной плоскости, справа и слѣва ограниченной вдали горами. Этотъ послѣдній перегонъ везъ русскій ямщикъ и потому доставилъ насъ въ одну часть времени. Станція Каменный Мостъ получила свое названіе отъ дѣйствительнаго каменнаго моста, построеннаго русскими чрезъ одинъ изъ притоковъ Заравшана, берущій свое начало въ горахъ Годунъ и протекающій близъ этой станціи въ глубокихъ, сильно рывтистыхъ берегахъ. Здѣсь неподалеку находится русское укрѣпленіе, построенное среди рывтистыхъ излучинъ того же потока. Прежде оно служило для защиты моста отъ хищниковъ и бухарцевъ, но съ тѣхъ поръ, какъ наши границы значительно продвинулись впередъ, совсѣмъ покинуто за ненадобностію, и глиняныя прямые стѣны его съ зубцами и бойницами представляютъ уже развалины.

Не доѣзжая верстъ четырехъ до Каменнаго Моста стоитъ на мѣжѣ пограничный столбъ, отдѣляющій Сыръ-Дарьинскую область отъ Заравшанскаго отдѣла. Едва переѣхали вы эту границу, какъ сразу же замѣчаете, что вступили въ страну, упорядоченную несравненно болѣе той, которую только что оставили за собой. Уже первое, что пріятно встрѣтитъ путнику, это верстовые столбы: видишь и знаешь по крайней мѣрѣ сколько пробѣжали и сколько еще остается до слѣдующей станціи. Дорога достаточно расширена, уравнена, окопана канавами. Поля по сторонамъ ея изрѣзаны арыками и воздѣланы. Это такъ называемыя «халъми», поля, засѣваемые исключительно яровыми («кокъ») ячменемъ и пшеницей. Нѣсколько арыковъ пересѣкаютъ и самую дорогу, но мосты на нихъ исправны, такъ что вы ни на одномъ не рискуете провалиться въ канаву. Тамъ и сямъ виднѣются вдали кишлаки, осыенные фруктовыми деревьями и тополями.

Но вотъ на восьмой верстѣ за Каменнымъ Мостомъ возвышенная плоскость, по которой ѣхали до сихъ поръ, какъ-то сразу обрывается крутоватымъ спускомъ, и съ ея гребня вдругъ открывается предъ вами широкій и пріятный видъ на сокрытую до сего момента Заравшанскую долину, съ ея сверкающими зѣлками многочисленныхъ ручьевъ и арыковъ, обсаженныхъ по берегамъ густыми и длинными рядами деревьевъ. Это Согдіана древняго міра, цвѣтущая страна, орошаемая водами Согда, называвшагося впоследствии Когикомъ, а нынѣ

Зарявшаномъ, имя котораго въ буквальномъ переводѣ значить разсыпатель золота или златовосецъ. Долина эта покрыта рощами, садами, огородами, пашнями и луговинами, среди которыхъ бѣлѣютъ издала хутора и селенія. Длинные пашни называются «оби», и на нихъ, какъ на болѣе орошаемыхъ, съѣютъ осенью макъ, ленъ, марену и озимую хлѣба, а весною рисъ, просо, кукурузу, кунджуть, табакъ, хлопокъ и др. Система засѣва плодоперемѣнная; почва суглинистая. Дорога—прекрасное шоссе, устроенное русскими—весело идетъ все время длинной аллеей между четырьмя рядами высокихъ тѣнистыхъ деревьевъ, преимущественно таловъ, склоняющихъ свои вѣтви надъ журчащими съ обѣихъ сторонъ протоками. И такія же аллеи тянутся вдоль боковыхъ, проселочныхъ дорогъ. Тутъ перемѣшаны между собой тополь, таль (родъ вербы), шелковица (тутовое дерево), джид (дикая маслина), чинаръ или платанъ, карагачъ (вязъ) и плодовые: урюкъ, слива, яблоня и груша. Въ общемъ пейзажъ очень напоминаетъ благодатные уголки Малороссіи. Эта часть Зарявшанской долины составляетъ особый участокъ, сохранившій и донынѣ свое древнее названіе Согдъ, измѣненное узбекскимъ произношеніемъ въ Согудъ или Сугудъ ¹⁾).

Первый встрѣчаемый по дорогѣ большой мшистый Зарявшанской долины, это Акъ-Тюбе (бѣлый бугоръ), гдѣ произошло первое боевое столкновение русскихъ съ бухарскими войсками 1 мая 1868 года. Онъ весь какъ бы топитъ въ садахъ. Дворы и сады, выходящіе лицевой стороной на дорогу, ясно показываютъ зажиточность своихъ обитателей. Глиняныя стѣны ихъ нерѣдко покрыты тисненными и лѣпными узорами, въ видѣ розетокъ и бордюровъ; деревянные колонокъ и карнизы на верандахъ и лавочныхъ навѣсахъ изукрашены рѣзбой. Все это даетъ нѣкоторое понятіе не только о зажиточности, но и о степени изящнаго вкуса таджиковъ и осѣдлыхъ узбековъ. Въ селеніи замѣчается не мало лавочекъ и чайныхъ (нѣчто въ родѣ нашихъ харчевень), которыя торгуютъ довольно бойко, удовлетворяя потребностямъ мѣстныхъ верблюжьихъ каравановъ. Тутъ же ютятся кузнецы, сапожники, точильщики и бакалы (мелочные торговцы), и выставлены на продажу войлоки, верблюжьи и конскія сѣдла, подпруги, куржумы (переметныя сумки изъ ковровой ткани), маты, арканы и тому подобный товаръ, необходимый въ дорогѣ.

Слѣдующая за Каменнымъ Мостомъ станція

Джамбай (разстояніе 200 верстъ) расположена среди садовъ торговаго и весьма зажиточнаго селенія Джамбай-Базаръ, жители коего, между прочимъ, промышленяютъ и рыболовствомъ. У многихъ изъ нихъ мы замѣчали у сакедь и во дворахъ сачки, растянутые неводы и другія рыболовныя снасти. Самое зданіе станціи является вполне благоустроеннымъ, чистенькимъ и даже, въ своемъ родѣ, красивымъ. А почтовыми станціями на всемъ протяженіи Сыръ-Дарьинской области, надо замѣтить, мы далеко не избалованы. Поэтому невольно бросается въ глаза и разница между тѣми и этой станціей Зарявшанскаго округа.

За Джамбаемъ шоссе точно также идетъ между тѣнистыми аллеями, которыя прекращаются лишь въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога непосредственно подходитъ къ предѣльной чертѣ широкихъ періодическихъ разливовъ Зарявшана. Здѣсь надо переѣхать въ бродъ черезъ правый или сѣверный рукавъ рѣки, называемый по-узбекски Акъ-Дарья, а по-таджикски—Дарья-Сафитъ, что одинаково значить Бѣлая Рѣка, и затѣмъ уже ѣдешь далѣе естественнымъ шоссе, по мелкимъ валунцамъ, составляющимъ грунтъ обширнаго русла разлива. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ открылся видъ на горы: справа видѣлся голый хребетъ Годунъ, а слева свѣжкія вершины Чумкаръ-Тау, Магіана и Ургута, принадлежащихъ къ системѣ хребта Зарявшанскаго. Обрамленный этими горами пейзажъ становится очень красивымъ.

Ѣдучи по руслу разлива, мы приближались къ отдѣльно лежащей скалистой грядѣ Чупанъ-Ата ²⁾, гдѣ на центральной вершинѣ стоитъ мавзолей, въ видѣ четырехугольной часовни съ яйцеобразнымъ куполомъ, надъ могилы мусульманскаго святого Чупана ³⁾, покровителя бараньихъ пастуховъ, который, по мѣстному преданію, прилетѣлъ сюда вмѣстѣ съ этими высотами изъ Аравіи. Для русскихъ же высоты Чупанъ-Ата памятны штурмомъ ихъ 1 мая 1868 года, порѣшившимъ участь Самарканда и съ нимъ всей древней Согдіаны въ пользу Россіи. У самой подошвы этихъ скалъ протекаетъ лѣвый рукавъ Зарявшана — таджикская Дарья-Сіобъ и узбекская Кара-Дарья, то-есть рѣка Черная. Оба рукава, Акъ и Кара, раздѣляясь подъ Самаркандомъ, у начала высотъ Чупанъ-Ата, соединяются уже въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, у города Хатырчи, образуя въ среднемъ теченіи Зарявшана обширный продолговатый островъ, извѣстный подъ именемъ Міанкаля, то-есть Серединой земли, и сплошь покрытый прекрасною растительностью при наиболѣе густотѣ узбекскаго населенія.

Надъ лѣвымъ рукавомъ, у самой подошвы

¹⁾ 2639 фут. надъ уровнемъ моря.

²⁾ Чупанъ или чупанъ то же что и живо-русскій чабанъ, значить пастухъ.

³⁾ При Бухарскомъ правительствѣ Самаркандское бекство (губернія) дѣлилось на пять тумановъ или тюменей (участковъ), а именно: Шавдаръ (куда причисляется и городъ Самаркандъ) и Анхоръ—по лѣвому берегу Зарявшана, и Ширазъ, Согудъ и Африкендъ—по правому берегу той же рѣки.

сѣвернаго мыса Чупанъ-Ата, высятся двѣ грандіозныя кирпичныя арки, расположенныя подѣ прямымъ угломъ одна къ другой и соединенныя между собою каменною перемычкой, въ видѣ стѣны со ступенями. Одна арка при-слонилась къ скалѣ, другая же смотритъ своимъ пролетомъ на русло разлива. Это остатки древняго моста Шадманъ-Маликъ, построеннаго Абдуллахъ-ханомъ ¹⁾. Изъ шестнадцати арокъ сего моста до нашихъ дней сохранились только двѣ, остальные же давнымъ-давно уже снесены безъ остатка напоромъ сильнаго теченія. Грандіозный мостъ этотъ нѣкогда былъ перекинутъ поперекъ всѣхъ ручьи-стыхъ развѣтвленій рѣки, заплываемыхъ водою свыше сводѣхъ обычныхъ береговъ во время разлива; когда всѣ эти развѣтвленія временно исчезаютъ подѣ высокимъ уровнемъ одной сплошной массы стремительно несущейся воды, и вѣроятно строитель моста рассчитывалъ посредствомъ зигзагообразнаго расположенія арокъ, подѣ прямыми углами другъ къ другу, уменьшить силу напора разливныхъ водъ на все сооруженіе, подобно тому какъ достигается это въ наше время остроносими каменными быками-водорѣзами.

Невдалекѣ отъ моста Шадманъ-Маликъ, Дарья-Сюбъ раздѣляется на нѣсколько побочныхъ постоянныхъ рукавовъ, чрезъ которые необходимо переправиться, чтобы достигъ Самарканда. На мѣстѣ переправы, у крайняго къ намъ рукава, стоятъ юрта и предѣ лею два жестяные фонаря съ свѣтлыми стеклами на казенныхъ форменныхъ столбахъ, и здѣсь же постоянно присутствуютъ конные джигиты, обязательно служащіе проводниками почты и проѣзжающихъ. Бдучи съ обѣихъ сторонъ на нѣсколько саженъ впередъ экипажа, джигиты въѣзжаютъ въ рѣку и указываютъ намъ направление пути по водному пространству въ бродѣ. И надо знать, надо изучить очень хорошо прихотливый излучины этого брода, и кромѣ того имѣть весьма вѣрный глазъ, чтобы не ошибиться направлениемъ, которое приходится измѣнять въ водѣ нѣсколько разъ, а ошибиться такъ легко, благодаря дѣйствующей на глазъ стремительности теченія: свернулъ шагъ или два въ сторону — и экипажъ рискуетъ опрокинуться на-бокъ или застрять въ какой-нибудь подводной яминѣ. Въ настоящее время года высота воды въ Зарявшанѣ не велика, около аршина съ четвертью, но стремительность теченія даже и при такой, относительно говоря, малости все же чрезвычайна сильна и поражаетъ своею быстротой. Во многихъ мѣстахъ вы видите, какъ играетъ,

булькаетъ и елпитъ водная зыбь, словно кипятокъ въ котлѣ надъ жаровней. Въ половодье же вода покрываетъ настилку очень высокыхъ мѣстныхъ арбъ и достигаетъ лошади до ушей, такъ что мѣстами имъ приходится плыть; поэтому нѣрѣдко переправа становится очень затруднительною, если не вовсе невозможною. Построить черезъ разливъ деревянный мостъ было бы бесполезно потому, что его будетъ сносить каждую весну, а сооружать каменный слишкомъ дорого; здѣсь, въ особенности при нашихъ инженерныхъ смѣлахъ, гляди, потребовались бы милліоны.

Переправясь, наконецъ, черезъ всѣ рукава, мы повернули направо, вдоль подножія Чупанъ-Атинскихъ высотъ, и вскорѣ поднялись на ихъ западный, болѣе пологій скатъ, гдѣ справа виднѣлись глиняныя стѣнки и сады какого-то подгороднаго селенія. Скоро съ одного изъ возвышенныхъ пунктовъ открылся предѣ нами роскошный и, въ своемъ родѣ, единственный въ мірѣ видъ на яйцеобразные и дыневидные лазоревые купола мечетей съ гигантскими купическими надписями вокругъ тамбуровъ, на высокіе мозаичные порталы и стройные, но стоящіе нѣсколько вкось, какъ бы падающіе минареты Самарканда. Всѣ эти полуразрушенные свидѣтели древняго величія и царственной роскоши города временъ Тимуридовъ и Шейбанидовъ подымались надъ дѣльными лѣсомъ старыхъ садовыхъ деревьевъ, роскошныхъ ябъ, пирамидальныхъ тополей, раскидистыхъ вязаовъ и платановъ, изъ-за которыхъ проглядывали однѣ надъ другими плоскія кровли мусульманскихъ глинобитныхъ жилищъ. И вся эта общая картина Самарканда впервые представала намъ при косвенномъ, но яркомъ освѣщеніи золотисто-багряными лучами заходящаго солнца.

Вскорѣ миновали мы сады сѣвернаго предмѣстья, примыкающаго къ кругому шоссе-ро-занному спуску, что ведетъ въ очень красивый, обильный растительностью оврагъ. Въ глубинѣ этого оврага, переѣхавъ по хорошему мосту черезъ потокъ Сюбъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ арыковъ, мы по неменѣе крутому подъему, просѣченному въ толщѣ глинистаго массива, поднялись на Афросіабъ. Теперь это не болѣе какъ покинутое голое городище, около версты въ поперечникѣ, а нѣкогда, въ сѣдой доисторической древности, тутъ былъ дѣльный городъ, отъ котораго лишь мѣстами уцѣлѣли нѣкоторыя развалины и остатки городскихъ валовъ, а подѣ ними всеи мѣстность Афросіаба изрыта на глубинѣ подземными ходами, пещерами и погребями. Городище и до нашихъ дней сохранило имя своего полумифическаго властителя, царя Афросіаба (современника сказочнаго перскаго богатыря Рустема), царствовавшего болѣе чѣмъ за 1700 лѣтъ до Магомета, стало быть почти

¹⁾ Род. 840 (1538 года), царствовалъ съ 963 (1556), а какъ неограниченный государь всего Турана съ 986 (1578) года, умеръ въ 1006 (1597) г. гелджры.

за 3000 лѣтъ до нашего времени ¹⁾. По словамъ мѣстной легенды, Афросіабъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи даже предметомъ обожанія въ религіозномъ культѣ языческаго Турана и Мидіи подъ именемъ «змія Афросіаба» ²⁾, столь великъ былъ и силой и ростомъ, что, сидя на стѣнѣ своего замка, полоскалъ въ арыкахъ Сіобъ и Сіобчи свои гигантскія ноги. А замокъ царя Афросіаба вамъ укажетъ и теперь любой житель Самарканда: это холмъ вышиною около 15 саженъ, съ крутыми, почти отвѣсными боками. Тутъ же, на крутомъ берегу арыка Сіобъ, въ сѣверной части Афросіаба, укажутъ вамъ и другую гигантскую могилу, въ которой погребенъ библейскій пророкъ Давидъ, по мѣстному произношенію Давіаръ ³⁾. Въ срединѣ отвѣсной крутизны того же берега, но нѣсколько болѣе къ западу, показываютъ отверстие въ малый ростъ человѣка, служащее выходомъ изъ обширныхъ подземелій, существующихъ подъ бывшимъ дворцомъ Афросіаба. Русскіе не проникали въ нихъ далѣе двухъ или трехсотъ шаговъ по длинному коридору, гдѣ кромѣ змій и множества нетопырей они ничего не находили, опасаясь идти далѣе, по причинѣ спертого воздуха; туземцы же увѣряютъ, что коридоръ этотъ приводитъ въ подземную залу, изъ которой будто бы двѣнадцать подобныхъ же ходовъ расходятся радусами во всѣ стороны къ побочнымъ подземнымъ комнатамъ, служившимъ кладовыми для сокровищъ царя Афросіаба, а въ центральной залѣ стѣны будто бы украшены рельефными изображеніями тигровъ, львовъ и многихъ другихъ животныхъ. Насколько все это справедливо — пока еще ничего сказать невозможно. Несомнѣнно лишь одно, что все городище Афросіабъ требуетъ серьезныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Во время пребыванія моего въ Самаркандѣ

¹⁾ По *Тарихи Наръ-Шахи*, время царствованія Афросіаба относится за 1700 лѣтъ до начала магметанской эры, а по зороастрийской Бунъ-Дехешъ, онъ, какъ современникъ иранскаго царя Миночеера, былъ современникомъ Моисея (1500—1460 до Р. Х.).

²⁾ См. г. Властова *Священную летопись*, ч. I, 37 и ч. II, 126

³⁾ Въ головахъ этой могилы выведенъ четырехугольный фронтонъ, около сажени вышиной, украшенный мораловыми, козьими и иными рогами; къ нему примыкаетъ съ задней стороны длинная кирпичная стѣнка, вышиной въ полчеловѣческаго роста и шириной около полутора аршина. Сначала длина ея простиралась до трехъ саженъ, но года три тому назадъ какіе-то благочестивые радѣтели удлиннили ее еще сажени на четыре, и мѣстные моллы, хранители могилы и находящейся при ней мечети, непременно будутъ васъ увѣрять, что длина могилы соответствуетъ гигантскому росту пророка. У фронта на вѣланъ дикій темно-сѣрый камень съ какою-то надписью.

познакомился я съ однимъ мусульманскимъ ученымъ, бывшимъ городовымъ казіемъ (судьею), по имени Низамъ-Эддинъ ходжа Абдуль-Аффаръ Ходжеевымъ, который, при посредствѣ самаркандскаго судебнаго слѣдователя Николая Петровича Султанова, отчасти посвятилъ меня въ первобытное прошлое города Самарканда. Руководствомъ для Ходжеева служила при этомъ старая рукописная книга подъ заглавіемъ *Самаріа*, то есть *полезна* или *плодотворная*, сочиненіе тюрка ходжа Аглыма. Тамъ, напиримѣрь, приводятся слѣдующія свѣдѣнія объ основаніи города и происхожденіи имени *Самаркандъ*:

1) Въ книгѣ *Бурханъ-Катъи* говорится, что въ глубокой древности, нѣкто по имени Самаръ поселился въ данной мѣстности и первый изъ обитателей страны сталъ заниматься земледѣліемъ. Увлеченные благамъ его примѣромъ вскорѣ около него стали селиться и другіе люди, среди которыхъ Самаръ былъ старшиной, и отсюда пошло названіе селенія Самаръ-Кентъ, что на иранскомъ языкѣ значитъ селеніе Самара; когда же арабы завоевали это мѣсто, то переименовали *кентъ* въ *кандъ*.

2) Въ книгѣ *Миллиуль Мамаюкъ* (космосъ) неизвѣстнаго автора, разсказывается, что влаетель Ферганы и Кашгара, по имени Самаръ, прибылъ въ Согдъ со своимъ войскомъ и на данномъ мѣстѣ нашелъ большой, богатый и хорошо укрѣпленный городъ, который отказалъ ему растворить свои ворота. Тогда Самаръ, осадивъ городъ, подкопалъ его стѣны и такимъ образомъ взялъ его. На иранскомъ языкѣ *канданъ* значитъ *копать*, а *кандъ*—*вскопанный*, и стало быть Самаркандъ въ буквальномъ переводѣ будетъ *Самаромъ вскопаннымъ*.

3) Въ книгѣ *Тарихи Табары* (исторія Табары) повѣствуется, что основателемъ сего города былъ царь Самаръ, который поселилъ въ немъ тюркское племя Кандъ, отсюда-де и происходитъ названіе Самаркандъ.

4) Нѣкоторый человѣкъ, по имени Самаръ, придя на мѣсто нынѣшняго Сіоба, нашелъ подъ скалой родникъ, раскопалъ его (копать—*кандъ*), углубилъ и провелъ изъ него арыкъ, на которомъ и поселился, а близъ него стали селиться и другіе люди. По немъ получило названіе и поселеніе, обратившееся въ послѣдствіи въ городъ.

5) Въ книгѣ *Хафтъ-Иклимъ* (семь частей свѣта) сказано, что Самаръ, родомъ изъ Ямана Ісметъ (въ Аравіи), царскаго происхожденія, пришелъ въ Согдъ со своимъ войскомъ, нашелъ тутъ древній городъ, отказавшійся выпустить его въ ворота. Тогда Самаръ осадилъ этотъ городъ, взялъ его приступомъ, истребилъ его зданія и ископалъ или срылъ городскія стѣны, послѣ чего основалъ на томъ

же мѣстѣ новый городъ и назвалъ его Самаръ-Кандъ, то есть Самаромъ вскопанный ⁴⁾.

б) Великій «джемшидъ» (патріархъ) Феридунъ имѣлъ трехъ сыновей: Тура, Сальма и Ираджа (или Иради), между которыми еще при жизни своей раздѣлилъ все свое царство. Туру отдалъ Туранъ (Туркестанъ съ Китаемъ и Монголіей), Сальму—Румъ (Малую Азію), Магрѣбъ (Африку) и Френгистанъ (Европу), а Ираджу—Иранъ (то есть всю страну отъ Персидскаго залива до Инда) и при этомъ дѣлежъ опредѣлилъ границы между Тураномъ и Ираномъ рѣку Джи-гхунъ (Аму-Дарью) ⁵⁾, которую будто бы самъ и прокопалъ. Затѣмъ, желая для своего сына Тура укрѣпить какой-нибудь городъ, Феридунъ пришелъ на Заряшанъ, гдѣ по близости нашелъ развалины какого-то древняго города, на которыхъ и основалъ Самаркандъ ⁶⁾.

⁴⁾ Самаръ-Ярашъ Абу-Карибъ, современникъ персидскаго царя Дарія Гистаспа (529 лѣтъ до Р. Х.), покорилъ его и изъ Персіи пошелъ въ *землю Симоу* (Монголію или Китай). Жители Согдіаны, окопавшись высокимъ валомъ, возмущали преграду путь побѣдителю, но за эту дерзость были всѣ перерѣзаны, а городъ ихъ разрушенъ. Въ память этого событія вся область Согдіаны была названа Самаръ-Кандомъ (разгромъ Самара). Герой, перешагнувъ черезъ горы и развалины, вступилъ въ землю Синскую. См. „Религія древняго міра“, соч. архимандрита Хрисанова (т. IV, 236), который заимствуетъ это сказаніе изъ „Исторіи Араспа въ Персіи“.

⁵⁾ Джи-гхунъ, джо-гхунъ и джай-гхунъ въ туркестанскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ значеніи мировой, всемірной, всесвѣтны. И у насъ въ Сибири джиганомъ называется бывалый бѣглый каторжникъ, въ смыслѣ *пройди-святъ*. Относительно же Аму-Дарьи, ея древнѣйшее названіе Джи-гхунъ достаточно указываетъ на великое международное и, такъ сказать, мировое значеніе этой рѣки въ исторіи древнѣйшаго періода Азіи.

⁶⁾ О древности этого послѣдняго преданія можно судить уже по тому, что Феридунъ былъ шестой царь-патріархъ отъ сотворенія міра. По Зороастровской космогоніи (книга „Вунъ-Дехештъ“, начало которой писано самимъ Зороастромъ), первымъ царемъ міра и, разумеется, Персіи былъ *Кайомортс* (сынъ персти), первозданный человекъ, жившій десять столѣтій, изъ коихъ царствовалъ лишь послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни, научивъ человечество земледѣлію, ткацкому мастерству и законодѣтельству и умеръ въ своемъ первопрестольномъ городѣ Вальтѣ. Надо замѣтить, что „Вунъ-Дехештъ“ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о всемірномъ потопѣ и выводитъ первую династію персидскихъ царей (династія Пешдадіановъ) непосредственно отъ первозданнаго человека, общаго прародителя. Вторымъ царствовалъ *Гусенкъ*, внукъ Кайомортса, отъ сына его Сіамека, убитаго на войнѣ съ дивами (демонами) еще при жизни Кайомортса. Этотъ въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія научилъ людей кузнечному и плотничьему дѣлу и первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо (кстати: Вунъ-Дехештъ не говоритъ ничего о бронзовомъ періодѣ, а открытіе желѣза и пользование имъ относитъ, какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства, къ на-

7) Въ *Тарихи Наръ-Шахи* (исторія Бухары) сказано, что Самаркандъ былъ основанъ Кай Коусомъ, сыномъ Кай-Кобода, и къ этому примѣшивается очень драматическая и трогательная исторія приключеній Сіауша, сына Кай-Коуса, который, женись на дочери Афросіаба, принцессы Френгисъ, получилъ отъ тестя въ удѣлъ обширную область съ главнымъ городомъ Самаркандомъ, и этотъ городъ былъ имъ изукрашенъ дивными произведеніями архитектурнаго искусства. Персидскіе источники (Шахъ-Наме, Вунъ-Дехештъ и проч.), говорятъ же самое, только еще пространнѣе, не сходясь съ мусульманскими (туранскими) источниками лишь въ названіи удѣльнаго города Сіауша и называютъ его Шарсаномъ. Что же до Афросіаба, который является дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи приключеній Сіауша, то, по естественнымъ законамъ чело-

чалу второго тысячелѣтія жизни человечества). Третьимъ царемъ былъ *Тадмурасъ*, сынъ Гусенка, прозванный Дивбендомъ (побѣдителемъ дивовъ). Онъ научилъ людей грамотѣ, верховой ѣздѣ и вообще прирученію полезныхъ животныхъ, царствовалъ тоже тридцать лѣтъ. Четвертымъ царемъ цѣлая семесотъ лѣтъ былъ сынъ Тадмураса, *Джемшидъ*, основавшій городъ Персепольсѣ и учредившій первые оружейные заводы, ткацкія фабрики и бани. Онъ раздѣлилъ Персидскій народъ на четыре касты: жрецовъ, воиновъ, пахарей и ремесленниковъ и установилъ первый священный праздникъ весны „паурузъ“. То былъ золотой вѣкъ человечества. Но за обоготвореніе самого себя Джемшидъ подвергся нашествію иноземнаго царя *Дзогака*, который его казнилъ, послѣ чего царствовалъ въ Персіи цѣлую тысячу лѣтъ, введя въ ней новую религію (поклоненіе Ваалу) и всячески тиранствуя надъ народомъ. Но народъ наконецъ возмущился подъ предводительствомъ кузнеца Кавеха и, свергнувъ Дзогака, возвелъ на престолъ Персіи *Феридуна*, князя изъ рода прежнихъ царей Пешдадіановъ, который отличался мудростью, правосудіемъ, военнымъ искусствомъ и любовью къ наукамъ, особенно къ медицинѣ и астрономіи, бывъ первымъ ихъ наслѣдителемъ въ Персіи. Отъ первой жены своей, дочери Дзогака, Феридунъ имѣлъ двухъ сыновей—*Тура* и *Сальма*, а отъ второй, знатной персіянки—*Иради* или по-узбекски. Ираджа. По раздѣленіи между ними всего тогдашняго міра, Туръ и Сальмъ, позапидовавъ удѣлу любимца Феридунова, Иради, убили его, за что и были прокляты отцомъ своимъ. По смерти Иради, его любимѣйшая наложница, которую онъ оставилъ беременною, родила дочь, и эту дочь Феридунъ отдалъ замужъ за сына Турова, *Пешшема*. Отъ этого брака родился *Миночееръ* (по-узбекски—Манучиръ), воспитанный Феридунимъ въ чувствахъ ненависти къ убійцамъ Иради. Миночееръ отомстилъ Туру и Сальму, убивъ на войнѣ обоихъ, и тогда, получивъ благословеніе дряхлаго Феридуна, сѣлъ на престолъ Ирана. Но у Пешшема былъ еще одинъ сынъ, отъ другой жены, его первенецъ—Афросіабъ, сидѣвшій на престолѣ Турана, который съ первымъ же днѣмъ воцаренія Миночеера пошелъ на него войною, дивившемуся десяти лѣтъ, послѣ чего между Афросіабомъ и Миночееромъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому рѣка Джи-гхунъ (Аму-Дарья) признана границей между Ираномъ и Ту-

вѣческаго существованія, онъ уже не могъ быть въ живыхъ во времена Кай-Коуса, и очевидно, что народная легенда приписала своему любимѣйшему герою дѣянія совершонныя во времена уже значительно позднѣйшія какими-либо другими дѣятелями.

8) Затѣмъ авторъ *Самаріи* говоритъ, что по другимъ (?) источникамъ основателемъ Самарканда былъ царь Карша-сыбъ, открывшій здѣсь алебастръ, который онъ и приказалъ употреблять на украшенія городскихъ стѣнъ¹⁾. Про него же повѣствуютъ, что онъ воздвигъ большую стѣну между городомъ Туркестаномъ и Маверо-ун-нагромъ²⁾.

раномъ. Затѣмъ войны Афросіаба противъ Ирана продолжаются съ нѣкоторыми перерывами въ теченіе послѣдующихъ шести царствованій: Невдера, Зава, Гершаспа, Кай-Кобада, Кай-Коуса и Хосру (Кира), пока, наконецъ, не завершились казнью Афросіаба и совершеннымъ порабощеніемъ Турана Ирану. Но тутъ мнѣ кажется, подъ Афросіабомъ надо понимать просто Туранъ (Траясоксанію), какъ государство. Думаю я такъ потому, что, по свидѣтельству Бунъ-Дехешъ, Персія, послѣ заключенія перваго договора съ Афросіабомъ, наслаждалась миромъ и тишиной цѣлыя 35 лѣтъ подъ мудрымъ правленіемъ Миночеера, а на 36 году *смы умершаго царя Туранскаго* (Афросіаба?) захватилъ у Миночеера нѣсколько областей, вслѣдствіе чего началась новая война, которая окончилась блестящею побѣдой Миночеера надъ врагами. Извѣстно, что Афросіабъ попалъ въ число божествъ туранской религіи, и что его столица, нынѣшній Самаркандъ, называлась Афросіабомъ. Все это, мнѣ кажется, могло служить поводомъ, въ особенности для народныхъ легендъ, записанныхъ Зароастромъ, къ отождествленію туранскаго государства съ личностью его наиболѣе блестящаго представителя. Теперь, что касается хронологіи нѣкоторыхъ изъ этихъ событий, то, по даннымъ Тарихи-Шаханъ (Исторія Шаховъ), сообщеннымъ мнѣ почтеннымъ Хаджи-Юнусовымъ (за что приношу ему мою сердечную благодарность), низверженіе Дзогака и возведеніе на престолъ Феридуна относится ко времени рожденія Авраама, то есть къ 2075 году до Р. Х. Далѣе Тарихи-Шаханъ говоритъ, что Манучиръ (Миночееръ), внукъ Феридуна, былъ современникомъ Моисея (1500—1460 до Р. Х.), и что Афросіабъ пошелъ на него первою войной, когда Манучиру исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. За снмъ Тарихи-Шаханъ, рассказавъ о заключеніи между Манучиромъ и Афросіабомъ мирнаго договора относительно разграбленія Ирана отъ Турана рѣкой Джигхуномъ, прибавляетъ, что въ это время Богъ послалъ на землю пророка Ішуаибъ (Ісуса Навина?), а имя египетскаго фараона того времени было Валидъ сынъ Мусаба.

Такимъ образомъ Афросіабъ, третій царь туранскій (Туръ, Пешенгъ, Афросіабъ), какъ современникъ Миночеера и стало быть Моисея, могъ жить и царствовать, самое позднее, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Вотъ стало быть какова древность Самарканда, и притомъ древность уже несомнѣнная, такъ какъ городище и до сихъ поръ сохраняло имя Афросіаба.

¹⁾ И дѣйствительно, на Афросіабъ перѣдко накладываютъ въ почвъ, разрытой водомопами, остатки лѣпныхъ орнаментовъ совершенно оригинальнаго стиля, сдѣланныхъ изъ алебаstra.

²⁾ Арабское названіе Траисоксаніи или соб-

9) Наконецъ покойный А. П. Хорошхинъ¹⁾ приводитъ (стр. 202) слѣдующія слышанныя имъ преданія о происхожденіи названія города:

1) «Жилъ-былъ царь; звали его *Самаръ*, а царичу звали *Кандъ*, и они основали Самаркандъ». 2) «Жили-были два брата. *Самаръ* и *Камаръ*, люди добродѣтельные. Они подвизались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Самаркандъ, и основали этотъ городъ, который и зовется по ихъ имени, а сами попали въ свѣтые, и могила ихъ доселѣ находится въ Самаркандѣ въ медресе Разилъ-Суфи». И дѣйствительно, самаркандцы показываютъ въ данномъ мѣстѣ древнюю могилу, на которой читается имя Самара, начертанное куфическими письменами, и убѣждены, что тамъ погребенъ святой основатель ихъ города.

По объясненію моего ученаго знакома, Абдулла-Аффаръ Ходжева, слово *самаръ*, общее всѣмъ туранскимъ нарѣчіямъ, употребляется въ смыслѣ плодovitый, плодоносный, полезный, а *кандъ*, переняченное арабами въ *кандъ*, значитъ поселеніе, городъ, и такимъ образомъ Самаркандъ, или по-узбекски Самаркандъ, въ наиболѣе близкомъ переводѣ, будетъ Плодоносный городъ, какъ Ташкентъ—Каменный городъ, а Чикмендъ—Зеленый городъ, Яны-кандъ—Новый городъ и т. п. А. П. Хорошхинъ тоже говоритъ, будто и по-арабски слово *самаръ* значитъ плодъ, а *кандъ*—сладкій, сахарный, равно какъ и по-узбекски *кандъ* значитъ сахаръ. Мнѣ кажется, что объясненіе Абдулла-Аффаръ Ходжева, въ особенности если принять во вниманіе положеніе Самарканда близъ Міанкаля, плодоноснѣйшей части богатой Заравшанской долины, будетъ всего проще и всего ближе къ истинѣ, безо всякихъ царей или братьевъ Самаровъ, составляющихъ прямой продуктъ мѣстной легенды. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что Самаркандъ есть одно изъ древнѣйшихъ въ мірѣ человѣческихъ поселеній, и уже во времена Александра Македонскаго, въ 329 году до Р. Х., находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится собственно мусульманскій городъ, а Миранда, или Мараканда грековъ примыкала къ туземному городу съ западнаго и юго-западнаго конца его, то есть стояла тамъ, гдѣ теперь находится русская часть Самарканда. Въ этомъ убѣждаютъ и нѣкоторые предметы греческаго происхожденія, находямые въ землѣ на русскомъ участкѣ, и свидѣтельство Тюрк-Ходжа-Аглия въ его *Самаріи*, гдѣ говорится, что стѣна Кяматъ-Диваль, существующая и понынѣ близъ лагернаго мѣста нашихъ войскъ, въ восьми верстахъ отъ сартовскаго города, составляла при владычествѣ

ственно страны, лежащей между рѣками Аму и Сырдомъ.

¹⁾ См. его „Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края“. С.-Петербургъ, 1876 года.

грековъ крайнюю черту ихъ Мараканды. Да и самое имя «Мараканда», мнѣ кажется, есть не что иное, какъ все то же восточное «Самаркандъ», искаженное произношеніемъ грековъ, подобно тому какъ и мы теперь, приравниваясь къ особенностямъ своего выговора, искажаемъ многія названія туземцевъ и передѣлываемъ, напримѣръ, *Дизахъ* въ *Джизахъ* и т. п. Что же до древняго Афросіаба, то есть основаніе предполагать, что уже во времена Александра Македонскаго онъ составлялъ либо одну изъ крайнихъ частей города, либо, еще вѣрнѣе, его сѣверное предмѣстье; иначе, конечно, не сохранилось бы и его имя, перешедшее цѣлыя тысячелѣтія. Во времена же Тимура (XIV вѣкъ) Афросіабъ былъ тѣмъ же, что и теперь, то есть забытымъ пустыремъ и кладбищемъ.

Вообще, на основаніи даже тѣхъ немногихъ археологическихъ разслѣдованій, какія были произведены здѣсь русскими, можно со значительною долей вѣроятія сказать, что городъ давнымъ-давно, еще не на исторической памяти, передвинулся съ Афросіаба болѣе къ западу и къ югу, и что съ тѣхъ поръ Афросіабъ, въ своихъ южныхъ окраинахъ, уже много и много вѣковъ служить для Самарканда мѣстомъ погребенія мертвыхъ. Да и весь нынѣшній Самаркандъ вообще стоитъ на сплошномъ великомъ кладбищѣ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались и коренные обитатели города и наплывные, пришлые, въ числѣ коихъ уже на исторической памяти прошло столько разнообразныхъ, разноплеменныхъ завоевателей этого прелестнаго уголка, этого, по выраженію восточныхъ поэтовъ, «рая земли», который издревле служилъ одною изъ первыхъ станцій на пути великихъ переселеній первобытныхъ народовъ съ плоскихъ возвышенностей Памира, и къ которому испоконъ вѣковъ тянуло инстинкты завоевателей, благодаря его красотѣ и крѣпкому отъ природы положенію за грядой Чупатъ-Ата—съ одной и съ Шарсабизскимъ хребтомъ—съ другой стороны, въ плодороднѣйшей долині Зарявшана.

Минувая пустыря и кладбища Афросіаба, мы снова спустились съ его возвышенностей уже въ настоящій городъ, мимо небольшой каменной часовни надъ могилой Хазрати-Хызра (Хозрой), покровителя и заступника всѣхъ странствующихъ и путешествующихъ, и мимо какой-то бѣлой мечети, расположенной справа на спускѣ, рядомъ съ какими-то большими, сложеными изъ кирпича саркофагами, надгробными плитами и мазарками ¹⁾. Но стано-

вилось уже темно; разсматривать предметы было затруднительно, и потому пришлось умирить свое любопытство до завтра.

Въ шесть часовъ вечера мы подѣхали къ дому начальника самаркандскаго округа, генералъ-майора Н. А. Иванова, который радушно предложилъ намъ свое гостепріимство.

II.

Въ Самаркандѣ.

Самаркандъ въ картинахъ Верещагина.—Хазрати-Шахи-Зинда, усыпальница Тимуридовъ.—Братія-резуны и дервиши-дувана.—Нижній порталъ Шахи-Зинда, ея лѣстница и мавзолей.—Рѣзныя двери мечети Кусамы.—Часовня и гробъ св. Кусамы.—Замѣтъ-рыба и его эмблематическое значеніе.—Легенда о св. Кусамѣ и пророчество Хазрати-Езевы о пришествіи русскихъ.—Бунчукъ Кусамы, какъ талисманъ противъ неплотія.—Покаянное подземелье и кающійся добровольный аяточникъ.—Коранъ, писанный рукой отца нынѣшняго эмира Бухарскаго.—Священное дерево каминъ.—Мечеть Биби-Ханымъ и падающіе минареты Улугъ-бека.—Эстетическій вкусъ средне-азиатцевъ, ихъ страсть къ грандіозному и ихъ художественныя традиціи.—Кладбище Чиль-Духтарамъ.—Куфическія, сульскія и магалинскія надписи Самарканда.—Слонъ цивилизаціи древняго и новаго міра, погребенныхъ на почвѣ Самарканда.

Съ 18 по 25 декабря мы прожили въ Самаркандѣ, по причинѣ возобновившейся болѣзни князя Витгенштейна.

Описывать этотъ городъ во всей подробности я не стану, во-первыхъ, потому, что семи дней, проведенныхъ нами въ его стѣнахъ, далеко недостаточно, чтобы хорошо осмотрѣть въ подробности всѣ его части, предмѣстья, зданія, развалины и историческія достопримѣчательности. Да если бы и пріятыся за ихъ описаніе какъ слѣдуетъ, то это потребуетъ цѣлаго тома, при чемъ пришлось бы вооружиться многоразличными и многоязычными (преимущественно арабскими и персидскими) учеными источниками, чего, по незнакомству съ восточными языками, я и сдѣлать не могъ бы безъ посторонней помощи. А во-вторыхъ, въ нашей литературѣ уже есть нѣсколько поверхностныхъ описаній современнаго Самарканда, изъ которыхъ лучшія и наиболѣе полныя сдѣланы покойнымъ А. П. Хорошхивымъ и г. Д. Ивановымъ. Самаркандъ еще ждетъ своего изслѣдованія и описанія, и эти достойныя задачи должны принадлежать, безъ сомнѣнія, русскимъ ученымъ. Скажу только, что когда я увидѣлъ вблизи и при дневномъ освѣщеніи всѣ эти остатки древняго величія столицы Тимура, то большая часть изъ нихъ, какъ напримѣръ, Гуръ-эмиръ, регистанъ съ его мозаично-узорчатыми медресе Улугъ-бекъ, Тилля-кари и Ширъ-даръ, галлерей Кокъ-ташъ и

¹⁾ Такъ называются въ Средней Азіи небольшія глинобитныя или кирпичныя часовни-мавзолеи надъ чьими либо могилами. Въ киргизскихъ степяхъ такіа мазарки, называемыя тамъ еще мулущками, служатъ для путниковъ опознавательными пунктами въ дорогѣ.

проч. ¹⁾ показались мнѣ какъ будто старыми знакомыми, несмотря на то, что еще пятнадцать лѣтъ назадъ этотъ самый Самаркандъ представлялся воображенію, какъ нѣчто чуждое сказочное, фантастическое, словно бы заколдованное для всего цивилизованнаго міра по своей недоступности. И дѣйствительно, всѣмъ вамъ болѣе или менѣе знакомы теперь эти уцѣлѣвшіе остатки великолѣпныхъ сооружений, если только вы имѣли случай любоваться ихъ воспроизведеніемъ на картинахъ В. В. Верещагина. Эти картины — сама дѣйствительность, сама жизнь съ ея плотью и кровью, перенесенная на полотно, и ближе подойти къ ея правдѣ, къ ея краскамъ и воздуху, чѣмъ подошелъ нашъ художникъ, просто невозможно. Вспомните эти картины, и вы получите самое полное представление о наиболѣе выдающихся историческихъ достопримѣчательностяхъ столицы Тимуридовъ.

Самаркандъ — это Москва Средней Азіи. «лицо земли», «городъ святыхъ», «садъ угодниковъ Божіихъ» — «чарбаги бузруконъ». — И точно: этихъ святыхъ, погребенныхъ какъ въ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, насчитываютъ болѣе двухсотъ, но изъ нихъ наибольшимъ почитаніемъ пользуются трое ближайшихъ патроновъ «Вѣчнаго города» Средней Азіи. Это именны: Кусамъ, Хызръ и Ахраръ. О Хызрѣ я упоминалъ уже; объ остальныхъ же двухъ еще рѣчь впереди. Что же касается самаркандскихъ достопримѣчательностей, то изъ нихъ менѣе прочихъ описана Хазрати Шахи-Зинда, хотя она, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, полагаю, заслуживаетъ вниманія никакъ не менѣе, если не болѣе прочихъ.

Въ «Описаніи Бухарскаго ханства», изданномъ въ 1843 году нашимъ путешественникомъ Н. Ханыковымъ, Хазрати Шахи-Зинда названа дворцомъ Тимурленга. То же самое повторяетъ и Л. О. Костенко ²⁾, но это ошибочно: Шахи-Зинда (въ переводѣ — живой царь) вовсе не дворецъ и никогда дворцомъ не была. Это собственно мечеть, построенная надъ могилой Кусамъ (по-татарски Касимъ), сына Абу-

Аббаса, двоюроднаго брата пророка Магомета. При мечети имѣется небольшой монастырекъ (*шанкахъ*), гдѣ, между прочимъ, разъ въ недѣлю собираются для «радѣній» ревущіе деревни, и тутъ же находится рядъ великолѣпныхъ усыпальницъ, гдѣ погребены нѣкоторые члены семейства Тимура, нѣсколько лицъ близко къ нему стоявшихъ и нѣкоторые его потомки. Была нѣкогда при этой же мечети и медресе, построенная эмрѣмъ Улугъ бекѣмъ, но въ стѣнахъ ея давно уже не раздается слово мусульманской науки. Все это вмѣстѣ взятое, то есть могила Кусамъ, мечеть, монастырекъ, бывшая медресе и усыпальницы, составляетъ то, что извѣстно подъ именемъ Хазрати Шахи-Зинда. Впрочемъ, Ханыковъ сознается, что самъ не видалъ ея, а положился на слова своего спутника Лемана.

Я настолько заинтересовался художественною стороною этихъ усыпальницъ, что въ теченіе кратковременнаго пребыванія своего въ Самаркандѣ посѣтилъ ихъ три раза, въ сопровожденіи двухъ обстоятельныхъ переводчиковъ, рекомендованныхъ мнѣ И. А. Ивановымъ, и это подаетъ мнѣ нѣкоторую смѣлость остановиться нѣсколько подробнѣе на Хазрати Шахи-Зинда, какъ на одномъ изъ самыхъ изящныхъ и наиболѣе сохранившихся памятниковъ Самаркандъ, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ города о ней почему-то упоминается менѣе, чѣмъ о прочихъ подобнаго рода зданіяхъ.

Хазрати Шахи-Зинда находится на сѣверо-восточной окраинѣ Самаркандъ, между Афросиабомъ и вышнимъ городомъ. и занимаетъ своими зданіями подношву, южный склонъ и вершину небольшого холма, сплошь покрытаго древними могилами. Непомощная дорога, ведущая къ ней изъ города, пролегаетъ во второй своей половинѣ по узкой долиникѣ, среди древнихъ кладбищъ, и, слѣдуя по ней, вы мѣстами проходите, какъ бы корридоромъ, между двумя стѣнками, въ которыхъ проглядываютъ наружу, одни надъ другими, то уцѣлѣвшіе, то полуразрушенные отъ времени склепы, кирпичные стрѣльчатые и полукруглые своды и намогильныя плиты. Эти какъ бы наслонившія другъ на другъ кладбища уже сами по себѣ, мнѣ кажется, представляютъ немалый интересъ для археолога.

Но вотъ мы подходимъ къ Шахи-Зинда, которая уступами выстается по лѣвую сторону нашего пути. Главный фасадъ зданія, расположенный у подношвы холма, представляетъ въ своемъ центрѣ высокій, продолговатый вверхъ четырехугольникъ, въ которомъ, въ видѣ глубокой ниши, прорѣзанъ стройный стрѣльчатосводный порталъ. Къ нему примыкаютъ боковыя пристройки, изъ коихъ правая, о трехъ большихъ узорно-рѣшетчатыхъ окнахъ, вмѣщаетъ въ себѣ бывшую большую аудиторію

¹⁾ Гуръ-Эмиръ — прекрасный мавзолей надъ могилой Тимура, регистанъ — городская площадь, медресе — мусульманскія высшія школы, университеты, Кокъ-ташъ — галлерея въ бывшемъ дворцѣ бухарскихъ эмировъ, находящемся въ Самаркандской цитадели. Въ ней находится извѣстный тронный камень, кокъ-ташъ (синій) камень, на который сажали бухарскихъ эмировъ при восшествіи ихъ на престолъ, какъ того требовалъ древній обычай коронованія. Это обтесанная, въ видѣ плоскаго саркофага, глыба сѣврататаго мрамора, съ боками, украшенными рельефно-узорчатою рѣзбой. Сидя на кокъ-ташѣ, эмиры торжественно принимали отъ духовенства, войскъ, чиновниковъ и народа присягу на вѣрнопопданство.

²⁾ «Туркестанскій Край», т. I, стр. 439.

Шахи-Зинданской медресе. Боковые бордюры фронтона и ниша портала украшены купфической вязью стихов и благочестивых надписей, бьющихся среди мелкоузорчатых пестрых арабесок, и все это вмещает представлять хороший (но не из лучших однако) образец мозаики из поливатых кафлей, где преобладающим цветом является лазоревго-голубой, а затѣмъ слѣдуютъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ сивы, охристо-желтый и зеленый. Несмотря на то, что всѣ красочныя средства мозаиста ограничивались только четырьмя колерами, подборъ цветовъ въ этихъ арабескахъ исполненъ съ большимъ вкусомъ, и въ общемъ рисунокъ они не только не докучаютъ глазу своей монотонностью (да позволено будетъ такъ выразиться), но напротивъ представляются произведениемъ вполне гармоничнымъ, пріятно оригинальнымъ и изящнымъ. И то же самое должно замѣтить относительно всѣхъ вообще древнихъ кафельныхъ мозаикъ Средней Азии. Среди такихъ-то арабесокъ, на одной изъ шекъ портальной ниши, выставленъ годъ сооружения—838 геджры, что соотвѣтствуетъ 1434 году христіанскаго лѣтосчисленія. Стало быть главный фасадъ нижняго зданія Шахи-Зинда былъ построенъ спустя 31 годъ послѣ смерти Тимурленга¹⁾, въ царствованіе его внука Улугъ-бека, который оставилъ по себѣ память просвѣщенѣйшаго и сампатичнѣйшаго между государями Средней Азии.

Пройди подъ нижнимъ порталомъ мимо чьихъ-то бунчуковъ и стага, вы вступаете на мощеную плитами внутреннюю площадку съ предмечетнымъ айваномъ (родъ веранды), подъ навѣсомъ котораго, у рѣзныхъ деревянныхъ колонокъ и рѣшетчатой балюстрады, всегда сидятъ на пыновкахъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько муллъ и «дувана»²⁾, погруженные въ благочестивое бездѣлье, если этимъ словомъ можно передать то, что въ совершенствѣ передается итальянскимъ «dolce far niente». Съ правой стороны площадки выходъ на небольшой квадратный дворикъ съ нѣсколькими деревьями и сухими, выложеннымъ плитамъ бассейномъ посрединѣ, окруженнымъ кельями (*ху-джра*), гдѣ помѣщается монашествующая братія, а навѣсѣ изъ-подъ айвана входъ въ обширную залу бывшей медресе, гдѣ нынѣ братья-ревуны совершаютъ свои благочестивыя, но далеко не благозвучныя радѣнья подъ руководствомъ шана Гайдери-ханъ-сеида и его брата Гассанъ-хана.

Съ этой площадки открывается красивый видъ на высокую и широкую каменную лѣстницу, ведущую на вершину Шахи-Зинданскаго холма, гдѣ она заканчивается другимъ стрѣльчатосводнымъ порталомъ, за которымъ начи-

нается небольшой ширины проходъ, въ видѣ открытаго сверху корридора, обставленный съ обѣихъ сторонъ намогильными мавзолеями и ведущій къ мозаичной осьмиступенчатой ротондѣ (чааръ-тагъ), которая служитъ входомъ въ мечеть Кусамы, называемую «Рауза», и во внутренний верхній дворикъ Шахи-Зинда. Говорятъ, что нѣкогда эта лѣстница была облицована мраморомъ, котораго теперь и слѣдовъ на ней не осталось, а широкія и высокія ступени ея сложены изъ большихъ, ребромъ поставленныхъ, плитокъ жженого кирпича. Съ правой стороны примыкаетъ она къ подымающейся уступами кирпичной стѣнѣ, тоже облицованной нѣкогда мраморомъ и служащей опорой вертикальному сѣзъ холма, поверхность коего устья намогильными плитами и саркофагами, а съ лѣвой стороны лѣстницы высится два мавзолея, въ видѣ часовень или павильоновъ, украшенныхъ купфическими надписями вокругъ тамбуровъ, надъ которыми поднимаются куполы, напоминающіе своей формой азіатскій шишакъ или наши древне-русскіе шеломы. На этихъ куполахъ еще видна кое-гдѣ лазоревая облицовка. Въ общемъ все это являетъ чрезвычайно своеобразную, полную красоты и не лишенную даже нѣкотораго величія картину, на которую достаточно только взглянуть, чтобы никогда уже потомъ не относиться свысока, съ самоуверенною легкостью «цивилизованнаго» европейца къ изящному вкусу и художественному гению средне-азиатскихъ «варваровъ».

Первый изъ упомянутыхъ мавзолеевъ, стоящій при самомъ началѣ подъема на лѣстницу, называется Ольджа-Инага и былъ воздвигнутъ Тимуромъ надъ прахомъ Ольджи-Аимъ, его кормилицы и няньки. Хальфа и мутевалий (настоятель и экономъ монастыря), любезно предложившіе мнѣ свои услуги въ качествѣ путешественниковъ и пояснителей достопримѣчательностей Шахи-Зинда, обратили мое вниманіе на куполъ этого мавзолея: онъ выше остальныхъ настолько, что макушка его равняется съ макушками мавзолеевъ, стоящихъ на вершинѣ холма.

— Это для того, — пояснилъ хальфа, — чтобы ей (мамкѣ) не обидно было предъ тѣмъ, что покоятся выше ея. Для того ей и куполъ высокій. Такъ повелѣлъ великій Тимуръ. Онъ чтить ее, какъ родную мать, за то, что Ольджи-Аимъ его вскормила и вынячила.

Черта во всякомъ случаѣ достойная вниманія въ характерѣ человѣка, имя котораго для европейцевъ служитъ синонимомъ «кроваваго тирана», «дикаго варвара» и т. п.

Второй мавзолей слѣва, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, находится уже на подъемѣ въ гору. Онъ воздвигнутъ надъ прахомъ молочной сестры Тимура, дочери Ольджи-Аимъ, по имени Биби-Зицѣтъ, и также украшенъ наружной мозаикой, а внутри расписанъ узорами *al fresco*.

¹⁾ Тимурленгъ умеръ въ 1405 году нашей эры (807 геджры).

²⁾ Нищенствующие монахи ордена Накшбенди.

Поднявшись по лестницѣ входимъ на верхнюю площадку. Здѣсь высаты одиѣтъ противъ другого два малюга надъ могилами братьевъ Тимуровыхъ: слѣва Амиръ-Гассана, справа Амиръ-Хусейна ¹⁾. Въ нихъ особенно замѣчательны боковыя колонны по красотѣ своего оригинальнаго стиля и по изяществу рисунка изъ рельефныхъ кружевныхъ украшеній, залитыхъ лазоревго-голубой поливой. Входы обѣихъ часовенъ замурованы, но, по словамъ нѣстоятеля, ихъ внутренняя мозаичная отдѣлка великолѣпна. Куфическая надпись по бордюру второго мавзолея гласитъ: «Падшахъ эмиръ Хусейнъ». «Основанъ въ 788 (1386) году, въ мѣсяцѣ рамазанъ», а въ низѣ, въ ея срединѣ,

¹⁾ Спѣшу оговориться: называя эмира Хусейна *братомъ* Тимура, я слѣдую лишь показаніямъ мнѣ путешественниковъ, хальфы и мутевалія. Но точно ли у Тимура были родные братья Гассанъ и Хусейнъ, этого не видно изъ его исторіи, насколько она извѣстна мнѣ по сочиненію Вамбери. О Гассанѣ, напримѣръ, названный историкъ не упоминаетъ вовсе. Что же до эмира Хусейна, то таковой дѣйствительно игралъ въ жизни Тимура немаловажную роль, только приходился ему не братомъ, а шуриномъ. Эмиръ Хусейнъ былъ внукомъ эмира Казгана и роднымъ братомъ принцессы Олджы Турканъ-Хатунъ, первой по времени и любимѣйшей въ теченіе всей жизни жены Тимура. Вначалѣ великій другъ, союзникъ и сподвижникъ, а впоследствии врагъ своего шурина, Хусейнъ былъ взятъ послѣднимъ въ плѣнъ при штурмѣ города Балха и казненъ по настоянію своихъ же партизановъ, перешедшихъ на сторону противника, въ Балхѣ въ 771 (1369) году. Мавзолей же Хусейна, какъ свидѣлствуетъ его надпись, построенъ въ 788 (1386) году, когда Тимуръ воевалъ въ Персіи и Арабиستانѣ. Титулъ «падшахъ-эмиръ», которымъ та же надпись надѣляетъ Хусейна, могъ быть принадлежностью только государя *царствовавшего*, какимъ и былъ дѣйствительно Хусейнъ въ Балхѣ и Вадакшанѣ. Но какъ совмѣстить годъ его смерти съ годомъ сооруженія мавзолея, если только мавзолей этотъ не принадлежить какому либо другому эмиру Хусейну, намъ неизвѣстному? Остается думать, что можетъ быть Тимуръ, долго не соглашавшійся на казнь шурина, впоследствии, около семнадцати лѣтъ спустя, самъ воздвигъ ему этотъ памятникъ, приказавъ перенести прахъ покойнаго изъ Балха въ Самаркандъ. Вообще, при отсутствіи въ Шахи-Зинда своихъ собственныхъ метрихъ или лѣтописи, крайне трудно, не будучи специалистомъ, добираться по одиѣмъ лишь надгробнымъ надписямъ, нерѣдко полуграурированными, до историческаго значенія лицъ, имена коихъ значатся на этихъ надписяхъ. Тутъ по большей части приходится полагаться на слова хальфы и мутевалія, компетентность которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ еще подлежать большимъ сомнѣніямъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаются отчасти въ надписяхъ, а отчасти въ устныхъ преданіяхъ имена эмировъ: Муссы (мусса—справедливый, Ассана, Абу-Тевги и Бурундука, о которыхъ у Вамбери вовсе не упоминается. Поэтому я далеко не могу взять на себя отвѣтственность за точность сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и если помѣшаю ихъ, то лишь въ надеждѣ, что авось либо впоследствии они дадутъ собою ученымъ специалистамъ какую нибудь нить къ возстановленію или отверженію ихъ, согласно исторической истинѣ.

изображены слова корана: «Скажи: тотъ есть Богъ единый, безгрѣшный, нерожденный отъ челоѣка, неизмѣнній равныхъ себѣ, единый»; въ верхней же и въ нижнихъ частяхъ явны: «Аль-Мулькъ-Алла», т. е. «все (существующее въ мірѣ) есть достояніе Божіе». Всѣ эти надписи куфическія. На фронтонѣ же Гассана, кромѣ такихъ же изреченій, встрѣчается еще слѣдующее: «Сократъ сказалъ, что земной міръ созданъ для муки, міръ же небесный—для блаженства».

Затѣмъ слѣдуютъ два мавзолея, также расположенные одинъ противъ другого. Въ лѣвомъ покоятся сестра Тимура, Джужукъ-Бика, и ея дѣти, а въ правомъ другая—сестра его, дѣвица, Ширинъ-Бика-Ака (Ака по-узбекски—дѣвица). Фронтоны обѣихъ часовенъ покрыты мозаикой. Бордюръ, окаймляющій первый изъ нихъ (лѣвый), составленъ изъ вязи сульскихъ писемъ, а въ среднѣй фронтона, надъ входомъ, красуется куфическая надпись, которая гласитъ: «Не думай о жизни настоящей, земной; помышляй о будущей, загробной». По бордюру же сульскія надписи представляютъ слѣдующія изреченія: лѣвая «Часы и минуты настоящей жизни дарованы намъ Богомъ для того, чтобы молиться Ему»; правая—«Пророкъ сказалъ: настоящая (земная) жизнь не принесетъ пользы, принесетъ ее будущая» ¹⁾; верхняя: «Здѣсь покоится блаженная, высокочтимая Джужукъ-Бика, дочь эмира Тургая-богадура»; подъ нею: «Сооруженъ ею самою для себя въ 773 (1371) году»; еще ниже: «Работа мастеровъ Шамоеддина и Зейнеддина». Внутренность часовни, ея куполообразный потолокъ, весь составленный изъ мозаики, ея стѣны, облицованныя рельефно-рѣзными узорчатыми кафлями значительной величины, покрыты разноцвѣтной эмалью,—все это прекрасно сохранилось и поражаетъ васъ, какъ гармоничностію архитектурныхъ формъ, такъ и оригинальною прелестью общаго рисунка узорчатыхъ стѣнъ и купола.

На противоположномъ мавзолеѣ характеръ фронтоновыхъ надписей нѣсколько отличенъ отъ предыдущаго, а именно: въ среднѣй его находится куфическая надпись: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ Его», надъ нею сульская: «Здѣсь покоится блаженная, высокочтимая Ширинъ-Бика-Ака, дочь эмира Тургая-богадура»; ниже: «Сооруженъ ею самою для себя въ 787 (1385) году», а по бордюрамъ—куфическая «Достояніе Божіе», идетъ вокругъ всего фронтона, вязью, повторяясь множество

¹⁾ То есть, другими словами, не заботясь о стяжаніяхъ земныхъ, старайся „о небесныхъ“. Всѣ приводимые мною тексты шахи-зиндаевскихъ надписей переведены, по моей просьбѣ, членомъ Самаркандской археологической комиссіи, поручикомъ султаномъ Баба-Галиевымъ, за что приношу ему мою сердечную благодарность.

разъ. Внутренность часовни расписана *al fresco*.

Третий мавзолей справа представляет шестигранную ротонду съ большими и широкими стрельчатыми окнами, что придает ей видъ открытой сквозной бесѣдки, увѣчанной плосковатымъ куполомъ, форма коего напоминаетъ тѣ расшитыя шелками шапочки, что носить въ Бухарѣ молодые дѣвушки. Это могила одной изъ дочерей Тимура, умершей дѣвственницей, въ ранней юности. «А потому ей и мавзолей открытый и куполъ въ видѣ дѣвичьей шапочки», прибавилъ хальфа въ поясненіе.

— Что до купола, то это я понимаю,—замѣтилъ я моему путеводителю,—но что именно означаетъ аллегорія открытости мавзолея?

— О тюрк! *) это значитъ, что внутренность покойной, то есть ея сердце, ея душа, ея помыслы, ея утроба такъ чисты, что насквозь свѣтятся какъ эти окна, въ которыя ты, стоя здѣсь, видишь небо по ту сторону мавзолея.

Недурно, и притомъ совершенно по-восточному.

Третий мавзолей слѣва воздвигнутъ однимъ изъ внуковъ Тимура въ 765 (1363) году, но неизвѣстно которымъ, потому что мраморная доска, гдѣ было высѣчено имя покойнаго, расстреснулася когда-то, и упавшая часть оной разбилася въдребезги; по преданію же, мавзолей называется «Эмиръ-Абу-Тенгъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ хальфа и мутевалій. Мавзолей замѣчательнѣе тѣмъ, что на мозаично-кафельномъ фронтонѣ его чрезвычайно изящные рисунки въ видѣ арабесокъ составлены не изъ фантастическихъ завитковъ и многоугольниковъ, а исключительно изъ кувическихъ надписей, сгруппированныхъ чрезвычайно искусно, такъ что изъ нихъ выходитъ цѣлый узоръ, и узоръ очень красивый. Особенно искусно сдѣланы двѣ боковыя круглыя розетки, въ видѣ плоско-свернутой спирали (*coileau*), изъ которыхъ каждая въ своемъ узорѣ представляетъ слѣдующее изреченіе: «Нельзя сказать, гдѣ именно находится Богъ, но можно сказать только, что Онъ есть, безсмертный, бдящій, сотворившій небо и землю. Людей Ему угодившихъ Онъ приближаетъ къ Себѣ. Ему извѣстно, что было и что будетъ. Доказательство силы Его то, что небо не падаетъ на землю» *). Надпись надъ входомъ: «Основанъ внукомъ эмира Тимура... для себя въ 765 году». На правой колоннѣ портала сохранилась въ узорѣ надпись: «Работа устъ (мастера) Али Мансура». Надпись эта составлена изъ такихъ же буквъ-арабесокъ.

*) Тюрк—князь, знатный господинъ. Такъ въ Средней Азіи всегда величаютъ тѣхъ, кому желаютъ оказать почетъ и любезность.

*) То есть ему извѣстно прошлое и будущее и силою своею Онъ держитъ твердъ небесную надъ землей.

Четвертый мавзолей слѣва построенъ въ видѣ открытой съ фронта широкой ниши. Сводъ его уже рухнулъ, но настенныя мозаики сохранились прекрасно, и среди нихъ находится надпись: «Туманъ-Ака, дочь эмира Муссы». Въ заднюю стѣну этого мавзолея-ниши вѣданы стоймя двѣ продолговатыя плиты съ высѣченными на нихъ надписями слѣдующаго содержания: на правомъ отъ зрителя камнѣ:

«Сейдъ-Хатымъ-ходжа, бенъ *) Сейдъ-богадуръ-ходжа.
Сейдъ-богадуръ-ходжа, бенъ Сейдъ-Абдурахимъ-ходжа.
Сейдъ-Абдурахимъ-ходжа, бенъ Абдулла-Кадыръ-ходжа.

1022 (1612) года*.

На лѣвомъ отъ зрителя камнѣ:

«Абдулла-Сафа, бенъ Абдулла-Каюмъ.
Абдулла-Каюмъ, бенъ Шерифъ-Эддианъ.
Омаръ-Эддианъ, бенъ Шерифъ-Эддианъ.
Османъ, бенъ Шемседдинъ,
Шемседдинъ, Эмиръ-Магометъ*.

Кто эти лица—сказать довольно затруднительно, такъ какъ этого не могли объяснить намъ и хальфа съ мутевалемъ, которымъ, казалось бы, ближе всего можно было бы имѣть о нихъ какія либо свѣдѣнія. Судя по титуламъ «сейдъ», видно, что тутъ погребены люди знатнаго происхожденія, ведше свой родъ отъ дочери пророка Магомета и его ближайшихъ родственниковъ, но чѣмъ они были достопримѣчательны и почему удостоились чести быть погребенными въ усыпальницѣ Тимуридовъ, этого я не знаю, равно какъ не знаю въ исторіи Трансоксаніи и эмира съ именемъ Шемседдинъ-Магомета. Что же до первыхъ трехъ именъ, начертанныхъ на второмъ камнѣ, то можно догадываться: не погребены ли тутъ внукъ и два сына Шерифъ-Эддиана, извѣстнаго биографа Тимурленга.

Надъ этими двумя камнями, вверху, находится общая надпись въ стихахъ слѣдующаго содержания: «Никто не сдѣлается великимъ, если своимъ долготерпѣніемъ въ скорбяхъ не заслужитъ себѣ благоволеніе Аллаха. Земная жизнь не принесетъ пользы — принесетъ ее жизнь будущая».

Проходя, идущій по плоской вершинѣ холма между рядами мавзолеевъ, приводитъ васъ, наконецъ, къ ротондѣ Чааръ-тагъ **), изъ которой входъ налѣво ведетъ въ межджиди-джума (соборную мечеть), очень древнюю, съ высокими и весьма оригинально расположенными сводами, а входъ направо въ мечеть и усыпальницу Шахи-Зинда. Поднявшись на пять мраморныхъ ступеней, вы изъ-подъ ротонды

*) *Бенъ*—по-арабски и *бинъ*—по-узбекски значить сынъ.

**) *Чааръ-тагъ*—собственно: четыре лѣстницы; въ переносномъ же значеніи—бесѣдка. Не отсюда ли наше русское *чердакъ*?

выходите въ ея среднюю арку на верхній продолговатый дворикъ, сплошь обрамленный мозаичными мавзолеями, между которыми по лѣвой (западной) стѣнѣ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе одинъ, воздвигнутый надъ прахомъ принцессы или государыни, имя которой, составленное изъ кусочковъ мозаики, выщербилось отъ времени, а сохранились только слова: «Ша падиша... годъ 808 (1404 нашей эры)». Первые два слова подають поводъ къ заключенію, что здѣсь покоится прахъ женщины; устное же преданіе говоритъ, что это мавзолей дочери Тимура, Ходжи Тоглу-Текинъ. Рядомъ съ нимъ указываютъ на памятники какой-то принцессы Нурія и эмира Бурундука.

Всѣ надписи прекраснаго мавзолея Тоглу-Текинъ сдѣланы арабскими письменами, за исключеніемъ бордюра, украшающаго сверху и внизу стройныя колонки по бокамъ входа, изъ которыхъ въ особенности хорошо сохранилась лѣвая. Въ этомъ бордюрѣ, въ видѣ узора, изображено имя Магомета письменами магалитскими, но такъ, что вы съ перваго взгляда и не подумаете, будто это письмена, а не просто арабски. Верхняя надпись мавзолея подъ сталактитовымъ сводомъ ниши состоитъ изъ текста корана: «Всякому благочестивому открыты двери рая», а затѣмъ, въ видѣ главной надписи, идутъ вышеприведенныя слова, съ выщербившимся именемъ погребенной; вокругъ же нихъ читается по-арабски слѣдующее: «Магометъ рекъ: буде кто изъ правовѣрныхъ лишень возможности отправиться на поклоненіе его гробу, то достаточно если онъ поклонится гробу Хаттама, сына Аббаса¹⁾, и если бы послѣ меня положено было отъ Бога быть еще одному пророку, то это былъ бы Хаттамъ». Магометъ рекъ: «Всякъ да замолитъ грѣхи свои, пока живъ. Если при этомъ (то есть при замоленіи грѣховъ) дарована человѣку долгая жизнь на семъ свѣтѣ, то и въ будущей жизни блаженство его будетъ долгое».

Въ задней стѣнѣ, замыкающей дворикъ съ сѣверной стороны, устроена открытая ниша, въ которую вдѣлана мраморная доска съ рельефною арабскою надписью судѣскими литерами: «Аллахумма Алтакунъ-ль Гакуни уляу-кона-ль букагу би-кодри-саукиль агирате», то есть: «Вознеси, Господи, душу мою въ обитель блаженства, сопритчи къ твоимъ праведникамъ и сохрани на томъ свѣтѣ». На бокахъ этой ниши, тоже рельефомъ въ видѣ узора, вырѣзаны по мрамору купическія надписи, а самый памятникъ воздвигнутъ надъ какимъ-то Ходжа-Ахметомъ, о которомъ думаютъ, что это сынъ Мираншаха, сына Тимурова, извѣстный поэтъ,

написавшій «Книгу прелестей» (Летафеть-Намехъ).

Въ правой или восточной стѣнѣ дворика продолжано въ нишѣ портала широкое окно, открывающее видъ на внутренность особаго мавзолея, сводъ и куполъ котораго уже давно обрушились. Въ сталактитовидныхъ наугольникахъ стѣнъ и въ верхнихъ частяхъ наставныхъ нишъ этого мавзолея прекрасно сохранились рельефныя надписи на лазурно-голубыхъ поливчатыхъ кафляхъ, да и самый рисунокъ этихъ кафелей, напоминающій своимъ глубоко врызаннымъ рельефомъ самое затѣйливое мелко-узорчатое кружево, просто очарователенъ по своей красотѣ и изяществу. Мавзолей этотъ носитъ названіе «Ша-арапъ», вѣроятно вслѣдствіе мавританскаго стиля своихъ сталактитовидныхъ наугольниковъ¹⁾. Надпись надъ его окномъ, образующая надъ собою квадратный четырехугольникъ, равно какъ и всѣ прочія надписи этого мавзолея, сдѣлана по сульсъ-рейховской системѣ письма, одной изъ древнѣйшихъ на Востокѣ. Надоконная надпись заключаетъ въ себѣ тотъ же самый текстъ, который мы читаемъ въ среднѣй входной нишѣ мавзолея Хусейна: «Скажи: тотъ есть Богъ единъ» и проч. По карнизу и бордюрамъ начертаны повторяющіяся имена величайшихъ подвижниковъ ислама въ такомъ порядкѣ: «Абубекръ, Омаръ, Османъ и Али», а вокругъ ниши: «Основанъ эмпромъ Тимуромъ въ 762 (1360) году, махрама (ноября) 13».

Это самый ранній годъ изъ всѣхъ, какіе встрѣчаются на шахи-зинданскихъ надписяхъ, и я полагаю, что въ данномъ мавзолѣ, вѣроятно, была первая царственная усыпальница при гробѣ Кусамы, воздвигнутая одновременно съ мечетью и часовней надъ самымъ гробомъ святого. Вообще, по всему видно, что Хазрати Шахи-Зинда, постоянно сохраняя назначеніе усыпальницы Тимуридовъ и близкихъ къ нимъ людей, создавалась постепенно, въ теченіе по крайней мѣрѣ 76 лѣтъ, пока не завершилась въ 838 (1434) году стоящимъ у подошвы холма зданіемъ бывшей медрессы.

Послѣ осмотра всѣхъ мавзолеевъ, мои путешественники пригласили меня въ мечеть «Рауза», къ могилѣ Кусамы. Я упомянулъ уже, что сюда ведетъ изъ-подъ ротовды входъ съ пра-

¹⁾ Эти слова объясняютъ отчасти почетный титулъ *гаджи* (паломникъ или паломница), приданный имени Тоглу-Текинъ. Вѣроятно она совершила странствованіе ко гробу Магомета или ко гробу Хаттама.

¹⁾ *Ша-арапъ* или *ша-арафъ* и *иракъ* суть два стиля, наиболѣе употребляемые даже и доселѣ при орнаментации наставныхъ панелей, поколей, карнизовъ и наугольниковъ. Первый изъ нихъ мавританскаго происхожденія и представляетъ подобіе сталактитовъ, состоящихъ изъ выпуклыхъ, геометрически правильныхъ многогранниковъ; второй же—происхожденія иракскаго и состоитъ изъ ряда *узлубленныхъ* *внутри* призмъ или многогранниковъ, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ нишекъ, рядами, преимущественно въ шахматномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, первый стиль всегда *юрельефъ*, а второй—*барельефъ*, и оба чрезвычайно изящны.

вой стороны. Этотъ входъ закрытъ двустворчатыми средней высоты дверями изъ цѣльнаго орѣха, который представляютъ собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ въ художественномъ отношеніи и древнѣйшихъ въ Самаркандѣ памятниковъ искусной рѣзбы по дереву. Рисунки рельефныхъ узоровъ и надписей на этихъ дверяхъ такъ оригинальны и такъ изящны, что даютъ высокое понятіе о вкусѣ древнихъ самаркандскихъ мастеровъ и заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія. Хотя они уже срисованы В. В. Верещагинымъ на его извѣстной картинѣ «Предъ дверями мечети», тѣмъ не менѣе и на будущее время для художника и рѣзчика тутъ есть надѣ чѣмъ поработать и чѣмъ позаимствоваться. Бордюры этихъ дверей украшены инкрустациями изъ слоновой кости, а верхнія филенки—древинными бронзовыми скобами, висящими въ видѣ сережекъ, тоже весьма красиваго рисунка.

Изъ ротонды (Чааръ-тагъ) къ часовнѣ Кусама ведетъ полутемный корридоръ, къ которому съ правой стороны примыкаетъ мечеть, куда поднимаются по двумъ или тремъ ступенямъ, черезъ широкую входную арку. Въ мечети настѣнные панели, ниша мекраба ⁴⁾ и стѣна вокругъ его облицованы узорчатыми изразцами и испещрены мозаикой арабскихъ надписей, заключающихъ въ себѣ молитвы и тексты Корана. Это произведеніе старыхъ исфаганскихъ мастеровъ, замѣчательное не только по красотѣ рисунка, но и по чистотѣ колеровъ эмали.

Пройдя корридоръ, входящій въ аваят-залу часовни, просто высокую сводчатую комнату, оштукатуренную албастромъ, безъ всякихъ украшеній, изъ которой особая входная арка ведетъ также и въ мечеть, а въ правой стѣнѣ продѣланы двѣ низенькія одностворчатые двери: правая отворяется для желающихъ спуститься въ чия-хане—покалнное подземелье, а лѣвая всегда открыта для желающихъ подняться на одну или двѣ ступени въ часовню Кусама.

Часовня эта представляетъ собою небольшую квадратную залу, куда слабый свѣтъ проникаетъ сверху сквозь небольшія рѣшетчатые окошки и тѣмъ придаетъ ей нѣсколько таинственный, мистическій характеръ. Потолокъ образуетъ куполь, который русскіе, по занятіи Самарканда, нашли въ полуобвалившемся видѣ и вскорѣ затѣвъ реставрировали, придерживаясь его первоначальнаго характера. Основаніе купола покоится на четырехъ настѣнныхъ наугольникахъ, имѣющихъ форму полукруглыхъ полу-нишъ, какъ бы нависающихъ сверху внизъ кристаллическими призмами и

сталактитами своихъ длинныхъ украшеній. Подъ куполомъ вокругъ цоколя идетъ рельефно узорчатый поясъ эмальированныхъ сульскихъ надписей, а внизу стѣны облицованы мозаичными панелями исфаганскаго стиля. Но со всемъ этимъ, дѣйствительно изящнымъ, произведеніемъ строительнаго искусства, вовсе уже не вьются намалеванныя на стѣнахъ розетки, цвѣты и букеты въ вазонахъ—грубое сартовское произведеніе позднѣйшаго времени. Русскіе убѣждали было мѣстныхъ муллъ соскоблить всю эту дрянь и возстановить стѣны въ ихъ первоначальной алебастровой облицовкѣ, но ничего съ ними не подѣлаешь: находятъ, что такъ красивѣе. Полъ также весьма неказисто устланъ простыми цыновками и ситцевыми ватными одѣялами, но это по крайней мѣрѣ оправдывается хотя тѣмъ, что такъ удобно для молящихся сидѣть на колѣняхъ. Вообще все, что внесено сюда мусульманствомъ новѣйшаго времени, до казанскихъ келлогровъ съ изображеніемъ Каабы включительно, слишкомъ рѣзко дисгармонизируетъ съ изяществомъ стиля древняго мусульманства, воочію свидѣтельствующъ объ упадкѣ эстетическаго вкуса у новѣйшихъ поклонниковъ пророка.

Войдя въ часовню, вы видите предъ собой въ противоположной стѣнѣ три двери. Изъ нихъ средняя, нѣсколько выше и шире боковыхъ, никогда не открывается, но сквозь нее можно видѣть самый гробъ святого: она вся прорѣзная и представляетъ образецъ превосходной ажурной работы изъ стараго орѣха. Сочетанія ея геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линій образуютъ весьма затѣйливый, но красивый и стройный рисунокъ. Это тоже произведеніе времени Тимура, выполненное по художественнымъ образцамъ первой средне-азиатской эпохи ислама.

Лѣвая дверка, около которой виситъ на высокомъ толстомъ древкѣ зеленое знамя святого съ конскимъ хвостомъ, ведетъ въ маленькую каморку, черезъ которую правовѣрные проникаютъ, по обычаю, не иначе какъ на колѣняхъ, въ среднюю камору—«Ханака», къ самому гробу Кусама. Дверка увѣшена разноцвѣтными лоскутками и тряпичами, которые обыкновенно оставляются на ея оковкѣ благочестивыми поклонниками, въ память полученнаго ими при гробѣ святого чудодѣйственнаго исцеленія отъ какихъ-либо—преимущественно глазныхъ—болѣзней. Эта дверка открывается только да для особливо почетныхъ, либо особливо щедрыхъ мусульманъ-поклонниковъ и жертвователей; простые же смертные взираютъ на гробъ только черезъ дверную рѣшетку.

Подведя къ лѣвой дверкѣ новаго посѣтителя, хальфа или мутевали непременно остановитъ его вниманіе на большомъ и весьма оригинальномъ замкѣ, приличномъ къ ея верх-

⁴⁾ Возвышенное мѣсто, обращенное въ сторону Мекки.

ней части. Желѣзная плоская скоба этого замка вырѣзана въ формѣ рыбы, чешуя которой разрисована золотомъ. У хвоста этой рыбы помѣщена другая, такая же рыбья, только маленькая и съ хвостомъ, загнутымъ нѣсколько вверхъ. Когда я спросилъ хальфу, почему придана замку такая странная форма, и выразилъ догадку, что, вѣроятно, съ нею соединено какое нибудь особое значеніе, то хальфа съ глубокомысленнымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ на это:

— Такъ, тюркя не ошибся. Замокъ этотъ запираетъ входъ въ могилу святого. Всемудрый Аллахъ лишилъ рыбу голоса и поселилъ ее въ глубинахъ водъ, гдѣ ея жизнь составляетъ непроницаемую тайну для живущихъ надъ водами, на сушѣ. Поэтому рыба есть символъ молчанія и тайны. Молчаніе и тайна запечатлѣваютъ покой усопшихъ, и вотъ почему явился этотъ символъ на двери гроба святого, тѣмъ болѣе, что святой нашъ хотя и умеръ, по видимости, но онъ живъ. Онъ живъ на землѣ и въ этомъ сугубая тайна.

Я, что называется, положилъ въ ротъ палецъ изумленія.—Какъ, молъ, такъ? Умеръ и живъ въ одно и то же время?

— Такъ, тюркя, умеръ, но живъ. Потому-то и мѣсто, ему посвященное, называется Шах-Зиנדъ (живой царь). Развѣ тюркя сомнѣвается въ всемогуществѣ Аллаха? Развѣ Аллаху чудеса невозможны?.. Кусамъ живъ и скрывается до времени отъ людскихъ взоровъ здѣсь, по близости, въ подземельяхъ Афросіаба, быть можетъ даже гдѣ-нибудь подъ этимъ самымъ священнымъ мѣстомъ. Придетъ часъ воли Божьей—и онъ проявится воочію всѣхъ: но по грѣхамъ нашимъ часъ этотъ, вѣроятно, не близокъ.

И затѣмъ хальфа пояснѣлъ мнѣ, что Кусамъ сынъ Аббаса, двоюроднаго брата Пророка, да будетъ во вѣки благословенно его священное имя!—пришелъ съ правовѣрнымъ войскомъ водворять истинную вѣру въ Сугудъ, гдѣ тогда обитали гебры, нечестивые огнелопклонники, и войско его, претерпѣвая много вслѣдствіи лишений, возрощало, наконецъ, на Аллаха, и Аллахъ, въ наказаніе за это, допустилъ нечестивыхъ гебровъ разбить армію правовѣрныхъ, вслѣдствіе чего Кусамъ, покинутый своими воинами, долженъ былъ спастись бѣгствомъ, и бѣжалъ онъ именно въ эти мѣста, на Афросіабъ. Достигнувъ же холма, на которомъ нынѣ красуется Хазрятъ Шах-Зиנדъ, лошадь святого отъ изнеможенія пала. Тогда Кусамъ бросилъ отъ гора свою нагайку на землю, и изъ ея черенка вскорѣ выросло дерево «качянтъ», которое и по сей день благополучно растетъ во дворѣ около нечести, а самъ сокрылся въ пещеру, которую тюркя сейчасъ тоже увидитъ, и въ этой пещерѣ скрывался долгое время отъ гебровъ, пока Аллахъ, чрезъ своего святого ангела, не указалъ ему другое, еще болѣе удобное и укрытое под-

земелье, гдѣ онъ и теперь проживаетъ въ постѣ и молитвѣ ¹⁾.

¹⁾ А. П. Хорошкинъ (см. его «Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края», стр. 187) рассказываетъ эту легенду нѣсколько иначе, а именно: «Въ первыя времена мусульманства въ этомъ краѣ, говоритъ онъ, какому-то потомку Аббаса, одного изъ ближайшихъ родственниковъ Мухаммеда, распространявшему адъесъ исламъ, невѣрные отрубили голову, но въ моментъ смерти праведникъ подхватилъ ее на-лету и скрылся въ какой-то колодезь, да тамъ и остался, благо паукъ заткалъ отверстіе колодца паутиной, и никто не догадался туда заглянуть». По свидѣтельству же «Самаріи», сообщенному мнѣ Нисамъ-Эддинъ-Ходжа-Абдулъ-Аффаръ-Ходжеевымъ, дѣло выходитъ нѣсколько проще, и такъ сказать историчнѣе. Въ «Самаріи» говорится, что мать Кусамъ, дочь Хариса, была сплеченницей Магомета, а Кусамъ при Халифѣ Али былъ градоначальникомъ Мекки. Послѣ того какъ Али былъ убитъ, халифъ Моавія, сынъ Абу-Суфьяна, послалъ Кусамъ и Санда, сына Османова, въ Маверо-ун-негръ для обращенія невѣрныхъ въ магометанство. Прочно утвердись въ Бухарѣ, Сандъ и Кусамъ напали на Сугудъ и заняли Самаркандъ, безъ боя. Послѣ этого Сеидъ съ войскомъ отправился обратно въ Аравію, а Кусамъ оставилъ въ Самаркандѣ для наибольшаго укрѣпленія жителей онаго въ истинной вѣрѣ. Въ 54 (673) году самаркандцы возмущились противъ Кусамъ и поразили его стрѣлою, что случилось, по однимъ преданіямъ, въ Намазгѣ (предмѣстье Самарканда, за Байкабанскими воротами), а по другимъ—въ кишлакѣ Ширинкентѣ (въ Сугудскомъ тюменѣ). Кусамъ умеръ отъ раны и погребенъ на Шах-Зинданскомъ холмѣ. Эмиръ Тимуръ, желая почтить память мученика, старался отыскать точную его могилу, для чего прибѣгъ къ помощи астрологии. Известное сочтеніе созвѣздія указало ему искомое мѣсто, и тогда Тимуръ построилъ на немъ мазаръ (нагробный мавзолей), который и понынѣ стоитъ надъ гробомъ Кусамъ.

Вспослѣдствіи, познакомившись съ «Сборникомъ» статей Хорошкина, я понялъ, почему мой путешественникъ хальфа выражалъ такую увѣренность, что Кусамъ рано ли, поздно ли проявится воочію всѣхъ, и сокрушался, что по грѣхамъ нынѣшнихъ мусульманъ часъ этотъ, вѣроятно, не близокъ. Дѣло въ томъ, что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ другой святой, Ходжа-Ахмедъ-Ясави, или Есави, въ городѣ Туркестанѣ предсказалъ очень вѣрно пришествіе въ эти страны русскихъ, преподавъ въ томъ же пророчествѣ и утѣшеніе добрымъ мусульманами, что Шахъ-Зиנדъ выйдетъ изъ своего подземелья и не пуститъ русскихъ въ Самаркандъ, и что онъ, то есть самъ предсказатель, тоже и со своей стороны не преминетъ принять участіе въ изгнаніи кяфировъ (невѣрныхъ). Вотъ это предсказаніе, писанное на старомъ узбекскомъ (чагатайскомъ) нарѣчій стихами, въ русскомъ переводѣ А. П. Хорошкина:

Друзья, скажу вамъ будущее:

Мусульманамъ будетъ много горя:

Невѣрные убьютъ много мусульманъ.

Въ 1281 (1864) году придутъ невѣрные:

Они покорятъ окрестности Туркестана,

Они водворятъ свою власть,

Они принесутъ ламѣ много горечи.

Въ 1282 (1865) году они перейдутъ Дарью
И много городовъ возьмутъ въ рабство.

— Но тогда зачѣмъ же этотъ гробъ, если онъ не умеръ?—спросилъ я.

— Гробъ, тюръ, сооруженъ въ послѣдствіи много годовъ спустя послѣ того какъ правовѣрные окончательно покорили гебровъ, и когда гебры, познавъ, наконецъ, истиннаго Бога, благополучно приняли исламъ. По указанію свыше гробъ сооруженъ Тимуромъ, самимъ эмиромъ Тимуромъ, тюръ, надъ самою пещерой святого, въ память того, что на самомъ этомъ мѣстѣ Кусамъ въ послѣдній разъ видѣлъ подземный міръ и какъ бы разстался съ жизнью, то есть съ людскою жизнью, тюръ, съ ея заботами, печалями и радостями, и, уйдя въ подземелье, весь предался Богу, запечатлѣвъ себя молчаніемъ и тайной.

Выслушавъ это объясненіе, я заглянулъ чрезъ рѣшетку средней двери въ помѣщеніе гроба. Это небольшая каморка, слабо освѣщенная сквозъ маленькое оконце, продоланное вверхъ надъ изголовьемъ саркофага, который сложенъ изъ кирпича и, какъ говорить, облицованъ голубыми кафлями, но разглядѣть ихъ невозможно, такъ какъ весь саркофагъ сверху до полу покрытъ множествомъ драгоценныхъ шелковыхъ, бархатныхъ и парчевыхъ тканей, давно уже утратившихъ отъ времени свои первоначальныя краски. Покровы эти составляютъ, по большей части привоеніе бухарскихъ эмировъ, которые никогда не вѣѣзжали въ Самаркандъ, не поклонившись предварительно гробу Кусамъ.

Съ правой стороны, рядомъ съ рѣшетчатой дверью, низенькій сводчатый проходъ ведетъ

Только безумные будутъ имъ противиться.
Воскресшій султанъ Ахмедъ (авторъ пророчества)
Пройдетъ межъ людьми.

Въ 1283 (1866) году вы натерпите много страха:
Невѣрные подойдутъ къ Самарканду,
Шахъ-Зинда встанетъ изъ могилы и выйдетъ
предъ невѣрныхъ.

Въ 1284 (1867) году невѣрнымъ придетъ
конецъ:
Со всѣхъ сторонъ раздастся кликъ „бей!“

Правовѣрные будутъ славить Бога за одо-
лваніе невѣрныхъ.

Въ 1285 (1868) году оживетъ султанъ Ахмедъ,
Святые соберутся вокругъ него,
Прочтутъ молитву и исчезнетъ и самый слѣдъ
невѣрныхъ.

До 1867 года пророчество это совершенно вѣрно, если вы вспомните, что движеніе русскихъ къ Туркестану было предпринято въ 1864 году и что тогда же покорены города Ауліѣ-ата, Туркестанъ и Чикментъ, а въ слѣдующемъ 1865 году взяли Ташкентъ, и состоялось движеніе за Сыръ-Дарью. Въ 1866 году взяты за Сыромъ Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ, послѣ чего русскіе, укрѣпясь у Яны-кургана, дѣйствительно стали въ виду Самарканда. Но дальнѣйшая часть пророчества не сбылась, и благочестивые мусульмане, по замѣчанію Хорошхина, говорятъ, что раззорѣніе съ дѣйствительностью произошло будто бы оттого, что святые отступились отъ мусульманъ за нечестіе, и Богъ наказуетъ правовѣрныхъ рукой кяфировъ.

въ свѣтлую каморку, не имѣющую непосредственнаго сообщенія съ средней. Здѣсь у стѣны стоитъ бунчукъ Кусамъ,—конскій хвостъ на древкѣ съ металлической булавой,—обшпаненный подобно рыбѣ-замку разноцвѣтными лоскутками и тряпочками, большая часть которыхъ оставляется здѣсь безплодными женщинами, разъ въ недѣлю молящими живого царя о ниспослании имъ дѣтей. Чтобы проникнуть въ подземелье этого царя, надо возвратиться въ аванъ-залу, гдѣ въ правомъ углу находится узкій и низенькій спускъ въ такъ называемую «чилля-хава», что собственно значитъ покаянная комната. Мутевали зажегъ свѣчу и подаль мнѣ руку. Согнувшись насколько было возможно, я спустился вслѣдъ за нимъ по нѣсколькимъ крутымъ и высокимъ ступенькамъ. Затѣмъ мы повернули направо и столь же узкимъ корридормъ спустились еще ниже по наклонной плоскости, но уже безъ ступеней. Деревянная дверка медленно захлопнулась за нами, издавъ протяжный хриплый скрипъ, точно стонъ умиравшаго страдальца. Пройдя нѣсколько шаговъ мы очутились въ совершенно пустой комнатѣ съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. Въ ея противоположной стѣнѣ видѣлся узкій сводчатый проходъ въ другое подземелье, закрытый сверху до полу бѣлой завѣсой. Мутевали приподнял ее, и я невольно отшатнулся нѣсколько назадъ.

Свѣтъ свѣчи сразу упалъ на мертвенно-блѣдное, изможденное лицо человѣка въ бѣломъ одѣяніи, неподвижно сидѣвшаго противъ входа на полу посрединѣ подземелья. Не только ни малѣйшаго движенія не сдѣлалъ этотъ человѣкъ, но даже взглядомъ не повелъ при появленіи предъ нимъ нежданныхъ посѣтителей. Словно мертвый или скорѣе какъ кукла сидѣлъ онъ по-восточному, скрестивъ подъ себя ноги въ то время какъ вытянутыя руки покоились на его колѣняхъ. Взоръ его былъ глубоко потупленъ, а общее выраженіе лица оставалось какимъ-то тупымъ, неопредѣленнымъ. На видъ ему можно было дать года двадцать четыре.

— Это подвижникъ, — пояснилъ мутевали пошопотомъ и не безъ нѣкоторой почтительности — Уже тринадцатая сутки сидитъ въ постѣ и молитвѣ, а всего сидѣть ему сорокъ сутокъ ¹⁾.

Я осмотрѣлся внимательнѣе. Первое подземелье представляло, какъ уже сказано, низкосводчатую, почти квадратную комнату съ оштукатуренными стѣнами и кирпичнымъ поломъ; второе же его отдѣленіе имѣло въ длину не болѣе трехъ, а въ ширину около двухъ шаговъ—ну совершенная могила! Ни въ томъ, ни въ другомъ не было ни окна, ни даже про-

¹⁾ Кающіеся грѣшники и особенно ревностные къ религіи мусульмане обыкновенно подвергаютъ себя добровольному одиночному заключенію въ чилля-хава, на срокъ отъ 10 до 14, 20 и 40 сутокъ.

душины, такъ что здѣсь должна всегда парить полѣйшая темнота. Подвижникъ, очевидно погруженный въ религиозно-созерцательное состояние сидѣлъ на намазджакѣ ¹⁾, который и служилъ ему постелью; но для изголовья никакого приспособленія не было. Этотъ намазджакъ да кумганъ съ водой составляли тутъ единственныя обиходныя вещи.

Черезъ переводчика я замѣтилъ мутевали, что мы, какіе-съ, нарушаемъ здѣсь покой молитвы, а потому-де не уйти ли лучше.

— О, вѣтъ, нисколько, — отрицательно покачалъ тотъ головой; — онъ теперь глухъ и слѣпъ ко всему постороннему: весь смотритъ внутрь себя, онъ весь тамъ (мутевали указалъ себѣ на то мѣсто, которое называется «подъ ложечкой»), весь тамъ, въ самомъ себѣ, тюрю, и если бы предъ нимъ упала даже громовая стрѣла, то и тогда онъ остался бы точно также неподвиженъ.

Я любопытствовалъ узнать, чѣмъ онъ питается и много ли ѣстъ? Оказалось, что каждый день ему приносятъ кумганъ со свѣжей водой, и черезъ день даютъ по одной «нанъ», то-есть прѣсной хлѣбной лепешкѣ, — такъ онъ самъ для себя назначилъ и такъ будетъ продолжаться до конца искуса. Двадцать небольшихъ лепешекъ на шесть недѣль — это менѣе чѣмъ немного!

— О, тюрю! — съ улыбкой замѣтилъ мутевали. — Зато потомъ онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ себя вкусными палау и кебабами.

Оставивъ молодого подвижника продолжать свое созерцательное самоуглубленіе, мы поднялись наверхъ, въ аванъ-залу и оттуда прошли въ смежную съ ней мечеть, гдѣ моллы показывають единственную послѣ исфаганскихъ мозаикъ достопримѣтельность — коранъ, писанный на большихъ пергаментныхъ листахъ и представляющій собой тетрадь гигантскихъ размѣровъ, чуть не въ квадратную сажень. Это даръ Насръ-Уллы Бахадуръ-хана, отца нынѣшняго Бухарскаго эмира, но древность его не простирается далѣе пятидесяти лѣтъ. Увѣряють также, будто часть его писана въ молодости рукой самого Насръ-Уллы, но это ничего не прибавляетъ къ весьма посредственнымъ каллиграфическимъ достоинствамъ рукописи.

По выходѣ изъ мечети, хальфа обратилъ наше вниманіе на знаменитое дерево камчинъ, растущее около стѣны, приходящейся какъ-разъ налъ подземельемъ чилля-хана. Мнѣ оно показалось не особенно старымъ, но хальфа находчиво замѣтилъ на это, что первоначальнаго дерева давно уже нѣтъ, а то, которое мы видимъ предъ собой, есть не болѣе какъ отпрыскъ древняго, вѣчно живого корня, что на семъ

мѣстѣ смѣнилось уже не одно поколѣніе такихъ отпрысковъ, такъ какъ, достигнувъ извѣстнаго предѣла старости, стволъ камчина начинаетъ засыхать, но въ то же время новый отпрыскъ является какъ бы на смѣну отживающему, и такимъ образомъ камчинъ, чудодѣйственно возросшій изъ черенка нагайки Кусамы, никогда не увядаетъ, корень его вѣчно живъ, какъ и самъ живой царь, его насадитель. Дерево это по-узбекски называется чиланъ-джида, а по-русски юба, латинское же его названіе, какъ мнѣ сказывали, *zyzypus sativa*. Это одинъ изъ видовъ дикой маслины; мясистый плодъ его снабженъ внутри продолговатой, очень твердой косточкой, въ вѣленномъ видѣ нѣсколько мучнистъ и на вкусъ горьковато-сладковатъ, но не особенно пріятенъ. Этимъ деревомъ закончился нашъ осмотръ достопримѣчательностей Хазрати Шахи-Зинда, и три рублевыхъ бумажки, въ знакъ благодарности врученныя мной на нижней площадкѣ хальфѣ, немедленно же, въ нашемъ присутствіи, послужили предметомъ распри и усобицы между нимъ и дуванами, бросившимися отнимать у него эти деньги.

Не останавливаясь на описаніи колоссальныхъ развалинъ мечети Биби-Ханымъ ¹⁾, построенной женой Тимура, китайской принцессой, на обширной площади близъ базара и носившей имя своей создательницы; скажу только одно, что арка ея главнаго портала, увѣнчанная до нашихъ дней, поражаетъ своей высотой и смѣлыми гигантскими размѣрами. Стоя подъ ней и глядя вверхъ на ея стрѣлчатый мозаичный сводъ, невольно испытываешь какое-то жуткое чувство: эти гравіозные размѣры, ширина и высота какъ бы совѣмъ подавляютъ тебѣ, и самъ себѣ вдругъ начинаешь казаться такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ колоссальнымъ величіемъ храма, который кажется еще выше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, отъ контраста съ преземистыми домами и лавками сартовскаго города, отодвинувшимися отъ него въ стороны на почетнаго разстояніе. Удивительнѣе всего то, что во всей этой постройкѣ, при всей ея обширности и высотѣ, вы нигдѣ ни замѣчаете никакихъ желѣзныхъ связей, перемычекъ и скрѣпленій, такъ что Богъ ее знаетъ, на чемъ и какъ вся эта масса держится въ теченіе свыше пятисотъ лѣтъ, несмотря на частыя и довольно сильныя землетрясенія, и опять-таки невольно отдаешь справедливую дань уваженія высокому искусству и знаніямъ этихъ soi-disant «варваровъ-строителей».

То же должно сказать и о двухъ круглыхъ мозаичныхъ минарахъ (башняхъ минаретахъ), красующихся по бокамъ главнаго фасада медресе Улугъ-бека на региставѣ. Оба они по-

¹⁾ Подстилка для совершенія молитвы, обыкновенно плетеная изъ камыша.

¹⁾ Биби — имя собственное, а ханумъ или ханымъ — знатная дама, госпожа.

строены по той же остроумной системѣ, какъ и знаменитая Пизанская падающая башня. Хотя нѣкоторые изъ русскихъ объясняютъ ихъ наклонное положеніе дѣйствіемъ землетрясеній, но я съ этимъ не могу согласиться уже потому, что *углы отклоненій* праваго манара вправо и лѣваго влѣво отъ вертикальныхъ линій, представляемыхъ боками главнаго фасада медресе, *совершенно равны между собой*, — обстоятельство, смѣю думать, достаточно убѣждающее въ томъ, что это никакъ не дѣло случая, а, напротивъ, результатъ строгаго математическаго расчета и архитектурнаго искусства строителей. тѣмъ болѣе, что въ Самаркандѣ изъ числа его шести, семь манаровъ вѣтъ ни одного прямого, а всѣ наклонныя. Глядя на любой изъ нихъ, вамъ такъ и кажется, будто онъ валится на васъ и вотъ-вотъ упадетъ сію минуту. И опять-таки, 'стоя подъ его наклономъ не можешь, хотя бы на мгновеніе, не испытать нисколько жуткаго ощущенія. Но на такое-то впечатлѣніе, по словамъ свидѣющихъ туземцевъ, и рассчитывалъ строитель, тѣмъ паче, что на воображеніе азіатовъ, на ихъ эстетическое и нравственное чувство наиболѣе сильное дѣйствіе всегда производило и производитъ только то, что колоссально, что подавляетъ человѣческую душу величіемъ своихъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, по разсказу султана Бабера, на порталѣ Меджиди-Шахъ (царской мечети), построенной въ Самаркандѣ все тѣмъ же «варваромъ» Тимуромъ, находилось мозаичное изреченіе изъ корана, начертанное столь громадными буквами, что его можно было свободно прочесть съ разстоянія около двухъ миль (кере), а такой оптический фокусъ, согласитесь, былъ бы въ состояніи поразить и не одного простодушнаго средне-азіата. Вообще страсть къ величественнымъ и роскошнымъ постройкамъ въ Средней Азіи достигла высшаго своего развитія при Тимурѣ, который выписывалъ въ Самаркандъ лучшихъ и даровитѣйшихъ мастеровъ со всѣхъ концовъ своего обширѣйшаго царства, простиравшагося отъ Иртыша до Ганга и отъ степи Гоби до Мраморнаго моря. Искусные каменотесы изъ Индіи, знаменитые водчѣ и мозаисты изъ Шираза, гончары изъ Кашана, лѣпильщики и художники изъ Исфагана и Дамаска, щедро поощряемые Тимуромъ, обязаны были укрѣплять въ архитектурныхъ памятникахъ каждый изъ его блистательныхъ военныхъ подвиговъ и каждое радостное или печальное событіе его семейной жизни. Эти мастера положили основаніе цѣлой школѣ художниковъ-строителей въ Самаркандѣ, откуда ихъ искусство и знаніе, ихъ художественныя идеи, заветы и преданія распространились по всѣмъ культурнымъ районамъ Средней Азіи и долго

еще потомъ, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, до Абдуллахъ-хана включительно, жили и поддерживались все въ новыхъ и новыхъ блестящихъ образахъ архитектурныхъ сооруженийъ, до сихъ поръ краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о блескѣ и вкусѣ той великой и вѣдательной въ художественномъ отношеніи эпохи. Путешествуя даже по мертвымъ степямъ Кызылъ-Кумовъ, между Сыромъ и Аму, и встрѣчая въ нихъ тамъ и сямъ разбросанные на дальнихъ разстояніяхъ надгробныя глиняныя мавзолеи кыргызовъ, я замѣчалъ въ ихъ зодческой рисункѣ варианты все того же самаркандскаго типа, зачатнаго позднѣйшими временами художниками Тимуровой эпохи.

Большой интересъ представляютъ собою тѣ куфическія, сульсескія и магалінскія надписи, что украшаютъ куполы, фронтоны и колонны самаркандскихъ медресе и мечетей, а равно и нѣкоторые могилы. Неподалеку отъ регистана мѣй показывали одно изъ древнѣйшихъ здѣшнихъ кладбищъ, называемое Чпль-Духтарамъ, то-есть царскимъ. Находится оно внутри развалинъ мавзолей-часовни и заключается въ себѣ болѣе сорока царственныхъ могилъ, на коихъ надгробныя мраморныя плиты испещрены обширными надписями на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, содержащими въ себѣ, какъ говорятъ, не только эпитафіи и священныя изреченія, но нерѣдко и биографическія данныя о погребенныхъ подъ ними властителяхъ еще до-Тимурова періода. Было бы крайне интересно разобрать и эти надписи: быть можетъ въ нихъ открылось бы не мало данныхъ, способныхъ пролить нѣкоторый свѣтъ на наиболѣе темныя и сбивчивыя періоды исторіи этого края, относящіяся къ VII, VIII и IX столѣтіямъ христіанской эры. Въ Самаркандѣ проживаетъ въ настоящее время одинъ почтенный человѣкъ, нѣкто Мирза-Баратъ, сынъ моллы Касима, каллиграфъ и художникъ, одинъ изъ немногихъ людей въ краѣ, которые еще умѣютъ свободно читать куфическія письмена, и пока онъ живъ — его знаніями слѣдовало бы воспользоваться чисто въ интересахъ науки. Онъ составляетъ альбомъ куфическихъ, сульсескихъ и магалінскихъ надписей, украшающихъ фронтоны, куполы и манары самаркандскихъ храмовъ. У него уже срисованы съ точнымъ соблюденіемъ красокъ надписи на манарѣ и вокругъ купола медресе Ширъ-даръ, на аркѣ и ковтрафорсахъ мечети Биби-ханымъ, на могильныхъ плитахъ Абу-Сендъ-хана и Абдулла-Азиса, сына Кечкюнджи-хана, 940 (1533) года надписи на стѣнахъ и на мавзолейныхъ входахъ въ Хазрати Шахи-Зинда, гдѣ, впрочемъ, остается еще богатое попріще для дальнѣйшей работы, надписи на мраморной плитѣ,

непосредственно покрывающей гробъ Тимура ¹⁾ въ склепѣхъ подъ Гуръ-амиромъ, и наконецъ обѣ надписи на скалѣ Тамерлановыхъ воротъ въ Джизакскомъ ущельѣ. Но все это только еще начало почтеннаго труда, предпринятаго Мирзой-Баратомъ.

Вообще ближайшія окрестности Самарканда, да и самый городъ, существующій уже не первое тысячелѣтіе, представляютъ одно изъ богатѣйшихъ въ мірѣ поприщъ для археологическихъ изысканій. Повторяю, этотъ городъ стоитъ на цѣломъ рѣдкѣ наслоившихся одно на другомъ кладбищѣ, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій погребались богатые остатки воспринятыхъ и пережитыхъ имъ цивилизацій древне-иранской, индо-персидской, греко-бактрійской, китайской ²⁾, арабской и персидской. Всѣ эти изліянія прошли надъ нимъ не мимолетно: они здѣсь осаживались и укоренялись, пока, бывало, не похоронитъ ихъ подъ собой наплывъ какихъ-либо новыхъ пришельцевъ-завоевателей, вносящихъ съ собою и плоды своей собственной культуры. И вотъ теперь чуть не каждый вѣзкокъ заступа при рытвѣ фундамента подъ какую-либо постройку сопряженъ съ какою-нибудь археологическою находкой, не имѣющею, впрочемъ, ни малѣйшей цѣны въ глазахъ невѣжественныхъ сартовъ, если только это не золотая или серебряная монета. Во время нашего пребыванія въ Самаркандѣ солдаты 3-го линейнаго батальона, при какихъ-то домашнихъ землекопныхъ работахъ, за одинъ разъ нашли нѣсколько бронзовыхъ вещей, между которыми въ особенности были замѣчательны два двухрожковые свѣтильники совершенно греческаго типа. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ рѣзными изображеніями грифоновъ и сфинксовъ, другой же не носилъ на себѣ ни-

какого орнамента. Находятъ также утварь выточенную изъ мрамора и другихъ каменныхъ породъ, одинъ изъ образцовъ которой, въ видѣ кумгана, былъ приобретѣнъ княземъ Витгенштейномъ и подаренъ М. Г. Черняеву; находятъ не мало и вещей изъ обожженной глины, орнаментированныхъ кирпичей и мраморныхъ плитъ съ кувшинскими письменами, но все это рѣдко и лишь случайно попадаетъ въ свѣдущія руки. Слѣдовало бы начать здѣсь правильныя раскопки—и тогда, я не сомнѣваюсь, почва Самарканда представила бы археологическіе сокровища, которыя значительно обогатили бы и науку и искусство, внеся въ нихъ образцы, совершенно новые, невидѣнные доселѣ. Если такіе сравнительно маленькіе городки, какъ Геркуланумъ и Помпея, уже столько лѣтъ привлекая къ себѣ вниманіе образованнаго міра, все еще до сихъ поръ далеко не исчерпаны, то что же въ состояніи дать обширнѣйшій Самаркандъ, непрерывно существующій на одномъ и томъ же мѣстѣ около трехъ тысячелѣтій и воспринявшій въ свои нѣдра столько разнообразныхъ и самостоятельныхъ цивилизацій! Честь этихъ открытій, повторяю, ближе всего должна принадлежать русскимъ ученымъ.

III.

Отъ Самарканда до Шахрисеба.

Выѣздъ изъ Самарканда.—Нѣчто о святомъ Ходжа-Ахрарѣ.—Даргамъ.—Древній лагерь.—Почетная встрѣча со стороны аксакаловъ.—Ночлегъ въ Сазанганѣ.—Достарханъ и обѣдъ изъ мѣстныхъ блюдъ. Способъ отопленія въ юртахъ.—Путь до Джама.—Сухія русла.—Шарсабизскій горный кракъ.—Видъ на бухарскія степи и на горы Акъ-тау.—Мѣстечко Джамъ и его мечеть.—Узбеки-саравцы и ихъ нравы.—Бѣлый мраморъ.—За русскою границей.—Степные колодцы.—Обработка степныхъ полей.—Путь Александра Македонскаго.—Встрѣча съ посланцами эмира.—Экипажи его высокостепенства.—Посланцы чиракчинскаго бека.—Угощеніе и ночлегъ на урочищѣ Вишъ-Чешма.—Путь до города Чиракчи.—Русло Казганъ-бузаръ.—Роздыхъ у кишлака Кокъ-ташъ и новые посланцы-чиники.—Долина Кашка-Даръи и видъ на городъ Чиракчи.—Характеръ города.—Ночлегъ въ чиракчинскомъ замкѣ.—Беки, почетные посланцы отъ эмира.—Пріемъ у тюръ-джана, бека чиракчинскаго.—Обмѣнъ взаимныхъ подарковъ.—Путь отъ Чиракчи до Шаара.—Характеръ страны, курганы, селенія и жители.—Завтракъ въ Урта-курганѣ.—Знакомство съ первыми сановниками эмира, черваначи и толчи-бачи.—Бухарская конная гвардія и ея музыка.—Что такое Шахрисебъ.—Торжественный въѣздъ посольства въ Шааръ.—Посольскій домъ и его устройство.—Условія мѣстнаго этикета.—Смѣна русскаго часового бухарскимъ.—Казачья зоря и караульные сарбазы.

25-го декабря.

Выѣхали мы изъ Самарканда въ самый день Рождества Христова, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Князь Витгенштейнъ распорядился, чтобы поѣздъ нашъ постоянно

¹⁾ Прахъ Тимура похороненъ въ особомъ склепѣ, подъ мавзолеемъ Гуръ-амиръ; въ самомъ же мавзольѣ, надъ мѣстомъ могилы, лежитъ знаменитый памятникъ Тимура изъ цѣльнаго чернаго нефрита, имѣющій форму гроба. Этотъ памятникъ съ окружающею его прорѣзною бѣломраморною рѣшеткой изображенъ В. В. Верещагинымъ на его извѣстной картинѣ „Могилы Тамерлана“.

²⁾ Слѣды китайскаго вліянія явно сказываются на многихъ бронзовыхъ вещахъ, найденныхъ въ землѣ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна прекрасно сохранившаяся и весьма оригинальная по формѣ и орнаменту бронзовая ваза, случайно открытая на Афросіабѣ и украшающая нынѣ одну изъ комнатъ губернаторскаго дома въ Самаркандѣ. В. В. Григорьевъ (см. его „Кабулистанъ и Кафиристанъ“) говоритъ, что при династіи Тханъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х., вся Средняя Азія до Каспійскаго моря и восточныхъ границъ Персіи считалась у китайцевъ подвластною имъ и потому въ этомъ качествѣ (независимо отъ Восточнаго Туркестана, составлявшаго четыре особыя области) раздѣлена была на 16 большихъ губерній (фу), подраздѣлявшихся на 72 уѣзда (чжеу), которые всѣ носили китайскія названія.

сѣдоваль въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, впереди скакали конные джигиты князя, за ними ѣхалъ самъ онъ вмѣстѣ съ докторомъ въ коляскѣ, сопровождаемый частью конвой, затѣмъ я въ тарантасѣ и два конвойные казака, за мной экипажъ майора Байтокова, ѣхавшаго вмѣстѣ съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамурзавымъ и въ замкѣ—трое конвойныхъ. Остальная часть нашего казачьяго конвоя сопровождала посольскій обозъ, съ которымъ и сѣдовала особо, сходясь съ нами только на мѣстахъ ночлеговъ.

Долго ѣхали садами самаркандскихъ предмѣстій, любясь на роскошныя, хотя и обнаженные отъ листьевъ, контуры высокихъ древнихъ чинаръ и карагачей. Прѣхали мимо мозаичной медресе Ходжа-Ахраръ, возлѣ которой находится и могила ея святого строителя, въ память коего медресе сохранила въ своемъ названіи его имя. Могила эту не трудно признать по развѣивающемуся надъ нею знамени съ конскимъ хвостомъ (тугъ), на высокомъ древкѣ котораго простирается къ небу бронзовая ладъ человеческой руки,—знакъ, довольно часто встрѣчаемый на подобныхъ тугахъ.

Объ этомъ святомъ Ходжа-Ахрарѣ мѣстные преданія, по обыкновенію начинающія каждое повѣствованіе чуть не отъ Адамовыхъ временъ, передаютъ, что нѣкогда появился въ Ташкентѣ выходецъ изъ Стамбула, шейхъ-Ауанди-Гауръ (чистый князь), уминый, ученый, набожный, богатый и благотворительный, въ слѣдствіе чего былъ скорѣ признанъ за святого и умеръ святымъ, увѣковѣчивъ свою память очень прочно въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, которая и до сихъ поръ называется Шайхантауръ. Одинъ изъ его потомковъ, Ходжа-Ахраръ, избравшій «путь добродѣтели» своего знаменитаго предка, переселился на житье изъ Ташкента въ Самаркандъ и сдѣлался тамъ *пиромъ*, то есть духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка своихъ учениковъ, ради чего и построилъ особую медресе, существующую и донынѣ. Ведя строгую жизнь и отправляя на свой счетъ голлы пилигримовъ въ Мекку, онъ тѣмъ самымъ распространилъ свою славу отъ Аравіи до Кашгара. Слава добродѣтелей Ахрара выросла, наконецъ, до того, что однажды мирюды (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, рассказали своему пиру, что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ султана Баязида-Ильдерима), что халифъ видѣлъ во снѣ его, святого Ходжу-Ахрара, и въ память этого прислалъ ему коранъ, писанный «святою рукою» третьяго халифа Османа и обогранный его святой кровью. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе своей медресе. Коранъ этотъ долгое время пользовался уваженіемъ, хотя чи-

тать его никто не могъ ни прежде, ни теперь, такъ какъ писанъ онъ (на пергаментѣ) куфическими письменами, безъ гласныхъ буквъ и точекъ. Въ настоящее время рукопись эта, пріобрѣтенная у муллы медресе Ахрара за 100 рублей, находится въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной библиотекѣ.

Въ числѣ преданій о богатствахъ Ходжа-Ахрара А. П. Хорошкинъ передаетъ, что всѣ земли на югъ отъ Самарканда до горъ Шаршабзскихъ будто бы принадлежали этому святому мужу и что садамы и стадамы его нѣ было счету. Нѣкто Мушрабъ-Дувана, современникъ Ходжа-Ахрара, юродивый, обладатель одного лишь осла, страствовалъ въ ту пору между Бухарой и Ташкентомъ, благословляя народъ и собирая милостыню. Однажды, подъѣзжая къ Самарканду, онъ увидѣлъ огромный гуртъ барановъ.

— Чьи это бараны?—спросилъ обычныхъ привѣтствій спросилъ дувана у *чужаго*.

— Хазрета Хаджа-Ахрара,—отвѣчали тѣ.

Дувана поѣхалъ далѣе, но чрезъ нѣсколько сотъ сажень въ садахъ ему попадается стадо рогатаго скота.

— Чьи коровы?—спросилъ юродивый.

— Хазрета Хаджа-Ахрара,—отвѣчали *падачи* (пастухи).

Чрезъ нѣсколько времени дувана встрѣтили большое стадо верблюдовъ.

— Чьи верблюды?

— Хазрета Ходжа-Ахрара,—отвѣчали *тюлчи* (верблюжатники).

Дувана ѣдетъ далѣе и снова встрѣчаетъ нѣсколько стадъ барановъ, рогатаго скота и верблюдовъ, и все это оказывалось собственностью все того-же хазрета Ходжа-Ахрара. Наконецъ гонять на встрѣчу дувана огромный табунъ ословъ.

— Чьи ослы?—спросилъ онъ.

— Хазрета Ходжа-Ахрара,—отвѣчали *ишкчи* (ослятники).

— Великъ Богъ!—закричалъ дувана, прыгнувъ со своего осла.—Про чтѣ не спросишь, все хазрета Ходжа Ахрара!.. Такъ ступай же и ты въ его стадо!—обратился онъ къ своему спутнику. Только тебя и не доставало у хазрета Ходжа-Ахрара.

И дувана загналъ своего осла въ стадо.

Этотъ характерный анекдотъ невольно вспомнился мнѣ, когда мы проѣзжали мимо могилы сего популярнаго въ Средней Азіи свитого.

Наконецъ, миновавъ развалины какихъ-то старыхъ верковъ, выѣхали мы въ чистое поле и адѣсь, въ шести верстахъ отъ города, перребрались черезъ мостъ, чтѣ виситъ надъ глубокимъ и широкимъ арыкомъ Даргамъ, текущимъ съ быстротой порядочнаго потока въ отвѣсно крутыхъ высокихъ берегахъ. Арыкъ этотъ прокопанъ сляшкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ, на средства всего того-же знамени-

таго святого и богача Ходжа-Ахрара, по повелѣнію хана Абдуль-Азиса, и съ теченіемъ времени самъ прорылъ себѣ столь глубокое русло. Длина его до впаденія въ Кара-Дарью (рукавъ Зарявшана) слишкомъ семьдесятъ верстъ, а глубина воды въ узкихъ мѣстахъ до трехъ аршинъ. Въ прежнія времена городъ Самаркандъ получалъ пѣзъ него свое орошеніе.

На дальнѣйшемъ пути мы послѣдовательно пересѣкли три широкія сухія русла, наполненныя галькой и довольно крупными валунами, а на двѣнадцатой верстѣ отъ города проѣхали въ виду урочища Ханъ-Чаарбахъ, которое представляетъ собою остатки стѣны, обрамлявшей нѣкогда станъ какого-то войска и имѣющей около версты протяженія по каждому изъ четырехъ фасовъ. Какому именно войску принадлежалъ этотъ лагерь, мы не могли объяснить сопровождавшій насъ караванъ-баши ¹⁾ Масумъ-ходжа, старожилъ самаркандскій, да сказывалъ, что изъ выѣздившихъ самаркандцевъ едва ли кто и знаетъ, когда и какъ появились эти стѣны. Оно и не мудрено: Самаркандъ на своемъ вѣку подвергался безъ числа вражьиѣ нашествіямъ и вторженіямъ.

Впередѣ видѣлись покрытые снѣгомъ абрисы Шарсабизскихъ горъ (Зарявшанскій хребетъ), къ которымъ мы и направлялись. По пути встрѣчалось много обработанныхъ полей какъ на равнинѣ, такъ и на возгорьяхъ, а въ горныхъ лощинахъ видна была поридочная растительность въ садахъ и рощахъ, окружающихъ кишлаки, притѣнившіеся на днѣ между склонами. Силуетъ горъ, не превышавшихъ 7,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ становился все положе и ниже. На степи попадалось не мало кургановъ, но уже не прежней характерной формы, такъ что скорѣе можно назвать ихъ просто буграми. Почва равнины, твердый суглинокъ, слегка покрытый крупнозернистымъ пескомъ, вполне пригодна для земледѣлія и засѣвается частію подъ орошеніе, а больше подъ дождь (богаръ), который, благодаря близости горъ, здѣсь не въ рѣдкость. На сѣхъ послѣднихъ поляхъ сѣется преимущественно пшеница (богдай), ячмень (аріа) иногда кукуруза (джугаръ).

Остановились мы на ночлегъ близъ кишлака Сазаганъ, въ двадцати семъ верстахъ отъ Самарканда, куда прибыли въ часъ дня, одновременно съ посольскимъ обозомъ. Мѣстный *аминъ* или *даха-аксакалъ* (волостной старшина) съ сазаганскимъ *кишлак-аксакаломъ* (сельскимъ старостой) и нѣсколькими джигитами, въ своихъ форменныхъ почетныхъ халатахъ (*сарпаи*), съ жалованными медалями на груди, встрѣтили посольство на границѣ своего участка, и по обычаю, ради оказанія лучшаго почета,

¹⁾ Начальникъ обоза.

ждали на рубежѣ, слѣзши съ коней и сложивъ на животѣ скрещенныя руки. Когда коляска посла остановилась предъ ихъ группой, аксакалы, подойдя къ ней, отрекомендовались я первые съ простодушнымъ достоинствомъ протянули князю руки для пожатія, не дожидаясь съ его стороны почива. Таковъ обычай, потому что, вступая на ихъ землю, мы становились ихъ гостями, а они нашими хозяевами.

Ночлегъ былъ приготовленъ въ юртахъ, убранныхъ внутри коврами и ватными стегаными одѣялами, служившими какъ подстилки для сидѣнья и спанья. Но тамъ нашлись, впрочемъ, и сартовскія очень удобныя и эластичныя кровати, и столы, покрытыя ярославскими цвѣтными салфетками, и даже нѣсколько гнутыхъ вѣнскихъ стульевъ. Въ зеленой, снаружи, бухарской палаткѣ, подстеганной внутри симметрично скроенными и правильно расположенными кусками разноцвѣтныхъ ситцевъ, кретона, адриаса и шанна ¹⁾ и расшитой по бордюрамъ и фестонамъ узорами изъ шелкового шнура, былъ приготовленъ достарханъ, то есть встрѣчное угощеніе ²⁾, состоявшее по обычаю изъ хлѣбныхъ лепешекъ, фруктовъ, каленыхъ фисташекъ, грецкихъ орѣховъ, кусковъ сахару, московскихъ леденцовъ въ махровыхъ цвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ со стижками на билетикахъ и т. п. Затѣмъ насъ угостили обѣдомъ, чисто въ мѣстномъ вкусѣ и мѣстнаго приготовленія, гдѣ фигурировали жаренныя куры съ лукомъ, пельмени, каурдакъ, кебабъ, шурпа и палау, въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь перечислены. Послѣднее блюдо, составляющее финалъ каждого порядочнаго азіатскаго обѣда, полагаю, достаточно извѣстно всѣмъ: это то, что у насъ въ Россіи называется пилалъ, только здѣсь оно готовится иначе, а именно: рисъ варится не въ водѣ, а на растопленномъ бараньемъ жирѣ, въ плотно закрытомъ чугуномъ котлѣ, гдѣ онъ и доходитъ паромъ, послѣ чего приправляется кишмишемъ и разварною морковью, нарезанною тонкими и длинными тесьмами, какъ вермишель, и обкладывается кусками баранины.

Названія остальныхъ блюдъ, за исключеніемъ куръ и пельменей, для большинства читателей, вѣроятно, звучатъ чѣмъ-то совсѣмъ незнакомымъ, а потому позволю себѣ вкратцѣ объяснить, что это за снѣди, тѣмъ болѣе, что впоследствии намъ еще предстоитъ не разъ съ ними встрѣчаться.

«Каурдакъ» или, по иному произношенію, «кавардакъ» (вотъ откуда происходитъ извѣст-

¹⁾ *Адрияс* и *шанна*—бухарскія полупелюшковые и шелковыя матеріи съ яркими и крупными разводами.

²⁾ «Достарханъ» собственно значитъ скатерть, разостланная для угощенія, но въ переносномъ значеніи этимъ словомъ опредѣляется и все вообще угощеніе, на ней поставленное.

ное словцо русского жаргона!), это мелко нарезанные куски свижей баранины, которые жарятся в котлы или на глубокой сковородке в собственном соку, с приправой соли, перца и иногда луку, подвергаясь во время обжаривания процессу непрерывного потряхивания и мышиания ложкой или лучиной. «Кебаб» — жаркое из воловьего мяса, вырезаемого из филейного куска отдельными пластинками, как бы ремешками; жарится оно на углях и подается на стол с присыпкой из какого-то ароматического пряного порошка, приготовляемого из смеси растений, которое по местному называется «сарык». Что же до «шурпы», то это — бульон из баранины и домашней птицы с приправой из луку и кореньев, подаваемый в фарфоровых ложачках русской или китайской фабрикаци, совершенно таких, как наши полоскательные ланки. Все эти кушанья, несмотря на свою, так сказать, примитивность, очень вкусны, а с дороги показались нам еще вкуснее. Роль напитков играли при этом чай и кумыс. В ножах, вилках и ложках тоже не встретилося недостатка: в этом отношении местные жители уже успели, если не всегда для собственного употребления, то для своих русских гостей, перенять европейский обычай — есть с помощью столовых приборов. Были даже и салфетки из нарочно раскроенного для этой цели коленкора.

Съ закатом солнца в воздух значительно похолодало; но в против этого неудобства нашлась своя защита. Сноровистые узбеки, джигиты местных аскалов, с помощью небольшого топорика вырубил в землю посредня юрты небольшую круглую ямку и, наложив на нее сухой полын, прутьев, сучьев да шепочек, зажгли костерок. Ямка служила тут подушкой, благодаря чему топливо занялось весело и ярко и, спустя каких нибудь пять минут, дало уже столько тепла, что нам пришлось раздеться. Если лежать в юрте не на кровати, а на постели, поставленной на землю, или сидеть на корточках, то густой дым костерка, уходящий в полукруглый вверх тундук⁴⁾, несколько нас не беспокоит и не портит нижний слой воздуха. Можете совершенно свободно читать, курить, пить чай и вообще делать, что вам угодно, только не подымаетесь на ноги. Джигиты, смываясь по очереди, весь вечер и всю ночь сидели у костерка, поддерживая в нем, для ровности температуры, равномерное горение, и для них это, кажись, дело не только привычное, но и одно из самых любимых занятий: сидят себе человек на корточках, сосредоточенно

смотреть прищуренными глазами на перебегавший свейками огонь, время от времени помышывая в нем палкой да подкладывая новый пучек полын, а у самого на скуластом лице так и разливается широкая, лениво-тихая улыбка безмятежного довольства. Глядя на эту мирную картинку чисто местного характера, под звуки казачьих песен, раздававшихся в обозе послѣ раздачи вечерней порции водки, я тихо и хорошо заснул, испытывая, подобно истопнику-джигиту, такое же ленивое чувство безмятежного довольства.

26-го декабря.

Изъ Сазагана выехали в девять часов утра во вчерашнем порядке; обоз же отпирался вперед еще с рассветом.

Путь наш лежал вдоль северных предгорий Шарсабизского хребта, тянущагося с востока на запад, и во многих местах пересѣкалъ довольно широкія сухія русла, наполненные не только галькой, но и очень крупными камнями, повидямому в несколько десятков и даже сот пудов весом. Руслы эти, называемыя «чанша», берут свое начало в каменистых склонах Шарсабизских гор, и каждую весну, в период таяния снегов, изобильно наполняются водой, которая устремляется на равнину с такою силой, что, отмывая от края эти громадные камни, увлекает и каинт их уже по равнинной части русла на довольно значительныя разстоянія. А если зима отличалась особенным обилием снегов, то весенняя вода бывает столь высока, что, выступая из берегов, залиывает сплошь окрестныя поля, и вот почему на послѣдних местах встрѣчаются значительныя пространства, изобильно усыянные галькой и валунами.

Эти весенние потоки, даже в лив своего русла, порою бывают вовсе непроходимы в брод, и для того, чтобы переправиться на другую сторону, путникам приходится ожидать предразсвѣтнаго часа. Дело в том, что в ночное время, с прекращением таяния горных снегов, потоки значительно мелькоут и наиболее низкая вода бывает в них именно предъ рассветом и в первые часы утра; но затѣм, едва поднявшееся на известную высоту солнце отоплит воздух, русла начинают быстро наполняться водою все выше и выше, и къ началу десятого часа утра переправа уже становится невозможною. С окончанием таяния снегов кончаются и весенние разливы, и едва схлынет и вберется в землю вода, на что в здѣшнем климатѣ ей нужно очень немного времени, какъ русла, еще вчера столь бурливыя, становятся совершенно сухими на всю остальную часть года, и лишь по немногим из них слабо просачивается скудная струйка, вытекаемая горными ключами.

⁴⁾ Круглое отверстие, образуемое верхним обручем юртоваго каркаса, которое в случаѣ необходимости может быть сполна или отчасти закрываемо кошмой.

Шарсабизскій кряжъ на протяженіи своемъ отъ Кара-Тюбинскаго ущелья до Джамскаго прохода остается подъ свѣгомъ лишь въ зимніе мѣсяцы. Онъ имѣетъ характеръ сплошнаго массива, гдѣ залегаютъ породы разнообразныхъ песчаниковъ, пласты гипса и мрамора, кремнистые сланцы и граниты, а мѣстами обнаруживаются и каменноугольныя прослойки. Сѣверные и южные склоны хребта, все такъ же, какъ и въ болѣе восточной его части, прорѣзываются многочисленными ущельями, гдѣ среди садовъ залегаютъ не мало кишлаковъ, болѣею частью не обозначенныхъ на нашей картѣ ¹⁾. Изъ этихъ селеній наиболѣе значительное Акса, лежащее въ долинѣ на высотѣ 2,730 футовъ противъ горы того же имени въ 6,990 футовъ. Отъ этого пункта, чѣмъ ближе къ Джаму, тѣмъ все положе и ниже становится горный массивъ, переходя западнѣе Джамы въ песчаниковые холмы, сливающимся, наконецъ, съ открытою ровною степью. Взгорья и поля воздѣланы весьма тщательно «подъ дождь», и между ними многіе земельные участки орошены канавками и ограждены глинобитными стѣнками. Дорога, конечно, первобытная, грунтовая, но во многихъ мѣстахъ представляетъ собою прекрасное естественное шоссе. Камни, которыми кой-гдѣ усажены придорожныя поля, суть обломки розоваго гранита, кремня, шпатъ и кварцъ, известнякъ, бѣловатый и изсиня-сѣрый мраморъ (кокъ-ташъ); послѣдняго здѣсь въ особенности много.

Горизонтъ слѣва закрывался горнымъ кряжемъ; зато впереди, прямо передъ глазами, открывался широчайшій и необозримый въ своемъ просторѣ видъ на бухарскія степи, которыя изъ ближайшаго къ намъ желто-бураго оттѣнка постепенно переходили все болѣе и болѣе въ воздушно-синій колоритъ и, наконецъ, словно океанъ, незаметно сливались гдѣ-то въ очень большой дали съ окраинной безоблачно синяго неба. Относительно ихъ мы находились на высотѣ около 3,000 футовъ, и такъ какъ пологая мѣстность постепенно понижается въ направленіи къ западу, то горизонтальныя полосы этихъ степей казались намъ какъ бы нисходящими ступенями какой-то необозримой террасы.

Съ правой стороны открывался также очень красивый видъ на далекій, верстъ за 80 отъ насъ, отрогъ Нуратинскаго хребта, Акъ-тау. Эти изжелта-бѣловатые известняковыя вершины очень мягкихъ и изящныхъ очертаній, сквозь легкій воздушный туманъ тепло озаренныя солнцемъ, въ общемъ очень напоминали мнѣ видъ на Сабинскія горы Римской Кампаньи, когда смотришь на нихъ съ площадки

церкви Санъ-Піетро-инъ-Монторіо, что на вершинѣ Яныкула.

Селеніе Джамъ находится отъ Сагагана въ разстояніи 32 верстъ къ юго-западу. Здѣсь назначено было намъ мѣсто ночлега, но не въ самомъ селеніи, которое лежитъ верстахъ въ двухъ лѣвѣе къ востоку отъ большой проѣзжей дороги, у подошвы Шарсабизскихъ возвышенностей, а въ котловинѣ, около глинобитной мечети, гдѣ обыкновенно останавливался Бухарскій эмиръ при проѣздѣ въ Самаркандъ изъ Шахрисебса. Мечеть обыкновеннаго сельскаго типа, то есть квадратная комната, высотой аршинъ въ восемь, къ которой во всю ширину и высоту передняго фасада примыкаетъ айванъ, открытая веранда, устроенная на глинобитной террасѣ и покрытая плоскою кровлей, подпираемую посрединѣ своего передняго края деревянною колонной со скромными рѣзными украшениями. Въ мечетяхъ этого типа обыкновенно рѣзныя двустворчатые двери, числомъ отъ одной до трехъ подрядъ, выходятъ изъ молельной комнаты на веранду, а надъ ними продѣланы, по числу дверей, небольшія окошки, снабженныя либо деревянными рѣзными, либо узорчато-лѣпными гипсовыми рѣшетками. Внутри мечети, въ стѣнѣ, обращенной къ Меккѣ, обыкновенно находится ниша *махрабъ* и затѣмъ никакихъ болѣе украшеній, если не считать нѣкоторыхъ изреченій изъ корана, начертанныхъ на штукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, что, впрочемъ, не безусловно обязательно. Полъ необходимо устланъ чилимъ, то есть циновками изъ камышевой драги, а для вечерняго освѣщенія служатъ салныя свѣчи, втыкаемые въ нарочно сдѣланныя для этого гнѣзда въ стѣнахъ.

Дворъ Джамской мечети обнесенъ глинобитной стѣной, изъ-за которой виднѣется нѣсколько уроковыхъ деревьевъ, единственный садикъ во всей этой мѣстности. Съ южной стороны близъ этого двора протекаетъ мутный и мелкій ручей, отдѣляя отъ мечети маленькій полуразвалившійся караванъ-сарайчикъ, построенный когда-то близъ небольшого хауза (прудка), осѣненный тремя-четырьмя старыми вегами. Подъ ихъ вѣтвями были теперь поставлены для насъ ночлежныя юрты. Не доѣзжая мечети, на склонѣ пологого холма раскинулось довольно густо захороненное кладбище, рядомъ съ развалинами незначительнаго, давно покинутого кишлака и укрѣпленія. До отхода къ Россіи, Джамъ служилъ мѣстомъ ссылки для опасныхъ сановниковъ эмира и тѣхъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ, которые, по благоусмотрѣнію хазрета ¹⁾, не удостоились смертной казни. Дѣйствительно, трудно подыскать мѣсто, болѣе подходящее для ссылки — до такой

¹⁾ Изданіе военно-топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа въ сорока-верстномъ масштабѣ.

¹⁾ Одинъ изъ титуловъ эмира, по значенію равный титулу „его величество“, а въ буквальный смыслъ значить „святѣйшій“.

степени глядѣть оно бѣдно и безотраднo, не говори уже о нездоровомъ климатѣ. Возвышенности, окружающія джамскую котловину, невысоки и безжизненно голы. Весной, впрочемъ, онѣ покрываются на короткое время хорошей травой и тогда служатъ пастбищемъ овечьимъ отарамъ. Поля, лежащія въ низинѣ между мечетью и селеніемъ, обнесены глинобитными стѣнками и служатъ для засѣва дженушки (луцерны), употребляемой въ кормъ для лошадей и домашней скотины. Большую часть полей мы видѣли затопленными водой. Вѣроятно, это дѣлается искусственно, для размягченія почвы, но чутъ ли не въ этомъ самомъ и заключается причина вредности здѣшняго климата, благодаря коему въ 1878 году мы лишились значительнаго числа людей во время стоявшемъ тутъ отрядѣ въ ожиданіи предполагавшагося движенія на Индію.

Въ окрестностяхъ Джамы кочуютъ узбеки родовъ карайманъ и сарай, приѣзжающіе въ селеніе на базаръ по понедѣльникамъ. По замѣчанію Хоропкина, они вполнѣ патриархальны и можно сказать даже дика настолько, что, напримѣръ, дѣвушка, опоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается не только насмѣшкамъ, но почти голенію со стороны родителей и родственниковъ. Тѣмъ не менѣе постоянные предметы спора между узбеками это—похищенная женщина и лошадь, и тогда узбеку ничего не стоитъ убить даже родного брата. Вообще карайманъ, подобно родичамъ своимъ каракалпакамъ, пользуются репутацией отъявленныхъ придорожныхъ разбойниковъ. Все богатство здѣшнихъ кочевыхъ узбековъ состоитъ исключительно въ скотоводствѣ, причѣмъ главныя статьи дохода у нихъ шерсть, войлокъ, выдѣлка подпругъ и куржумовъ (переметныхъ сумъ) и продажа скота живьемъ на убой. Впрочемъ, особенно зажиточныхъ между ними не встрѣчается, такъ что 2,000 барановъ являются уже предѣломъ наибольшаго богатства.

Для русскихъ Джамъ могъ бы имѣть нѣкоторое стратегическое значеніе, какъ пограничный узелъ путей, куда сходятся дороги изъ Самарканда, Катта-Кургана, Бухары, Карши, Гузара, Чиракчи и Шахрисебса. И дѣйствительно, въ 1878 году до Берлинскаго конгресса, когда предполагено было военное движеніе къ границамъ Афганистана, то отрядъ турецкихъ войскъ собранъ былъ въ Джамѣ; отсюда же направлялись въ 1868 году генералъ Абрамовъ на Карши, противъ Катты-Тюря, мятежнаго сына эмира, а въ 1870 году отрядъ, взявшій штурмомъ Кытабъ. Джамская котловина лежитъ на высотѣ 2,050 футовъ, но климатъ ея, какъ уже сказано, нездоровъ, да и кромѣ того постоянная стоянка отряда бы-

ла бы неудобна по скудости водоснабженія и отсутствію топлива.

Массумъ-ходжа, ѣздившій сегодня за рубежъ узнать насчетъ приготовленій со стороны бухарцевъ для встрѣчи посольства, возвратился къ вечеру и доложилъ князю, что лица, назначенныя для почетной встрѣчи, вмѣстѣ съ экипажами, высланными эмиромъ для посольства, уже ожидаютъ насъ въ пяти или шести верстахъ отъ границы.

Въ семь часовъ вечера протрубили зорю, и наши казаки хоромъ прошѣли при этомъ «Царю Небесный», «Отче нашъ» и «Спаси Господи люди Твоя». Тѣмъ часомъ, пользуясь яснымъ и теплымъ вечеромъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, пошли мы съ докторомъ на прогулку къ ближайшей возвышенности и невольно обратили тамъ вниманіе на валявшіеся обломки мраморовъ, между которыми попадался и великолѣпный бѣлый, безъ малѣйшихъ прожилокъ. Вѣроятно гдѣ нибудь въ горахъ по близости есть его залежи, и остается лишь пожалѣть, что въ минералогическомъ отношеніи эта мѣстность и до сихъ поръ еще не изслѣдована какъ должно. Тутъ же встрѣчались намъ обломки розоваго гранита, сѣрый мраморъ и другія горныя породы.

27-го декабря.

Выступили въ девять часовъ утра вмѣстѣ съ обозомъ.

Поднявшись изъ Джамской котловины, спустились въ слѣдующую, Кызыль-Кутальскую, гдѣ на противоположномъ гребнѣ стоитъ пограничный столбъ, отдѣляющій русскія владѣнія отъ бухарскихъ. Этотъ послѣдній гребень на высотѣ 3,150 футовъ и есть собственно Джамскій перевалъ, носящій, впрочемъ, у туземцевъ названіе Кызыль-Куталь.

Итакъ мы уже за границей.

Мѣстность пошла волнистая, мѣстами овражистая и повсюду прекрасно воздѣланная. Количество обработанныхъ полей значительно болѣе, чѣмъ на нашей сторонѣ, у жителей подгорныхъ кишлаковъ, мимо которыхъ мы третьяго дня и вчера проѣзжали. Всѣ обработанные участки тщательно ограждены глинобитными стѣнками, покрытыми дерномъ, который рѣжется тутъ же. Величина каждаго такого поля до десяти кунлюковъ, иногда и болѣе ¹⁾. При самой дорогѣ, равно какъ и въ обѣ стороны отъ пути, встрѣчается множество *шуръ-кудуковъ*, степныхъ колодезевъ, обнесенныхъ иногда овальной, иногда четырехугольной глинобит-

¹⁾ Кунлюкъ—земельная мѣра, содержащая въ себѣ около двухъ танаповъ. Танапъ же равенъ 900 квадратнымъ сажаніямъ или $\frac{3}{8}$ казенной десятины. Танапомъ мѣряются только участки, отводимые подъ клеверъ, огороды, бахчи и сады; земли подъ прочими земледѣльческими произведеніями измѣряются кунлюкомъ.

ной стѣнкой, въ которой съ одной изъ сторонъ возвышаются двѣ глинобитныя же стойки, со всаженой въ нихъ деревянной катушкой, замѣняющей блокъ.

Всѣ эти колодцы очень глубоки, отъ 10 до 20 и болѣе сажень. Вода изъ нихъ вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ на волосанной веревкѣ (*чумбуръ*), пропущенной чрезъ катушку. Когда надо понѣ стада, пастухъ привязываетъ свободный конецъ чумбура къ лямкѣ, надѣтой на верблюда или лошадь, а чаще всего на ослика; затѣмъ, погрузивъ ведро въ глубину колодца, направляетъ животное по прямой линіи отъ вертающейся катушки, заставляя его такимъ образомъ вытаскивать ведро за ведромъ воду, которая сливается въ глиняный желобъ, окружающій колодезную стѣнку. По слѣдамъ животнаго, съ теченіемъ нѣкотораго времени, образуется торная тропинка, вдоль которой непрерывно тянется и желобокъ, оставаемый волочащеюся по землѣ веревкой, по длѣнѣ коего всегда безошибочно можно опредѣлить и глубину колодца. Дотянувъ до конца тропинки, привычный осликъ или верблюдъ останавливается, чтобы дать время пастуху вылить ведро въ водоемъ, и затѣмъ самъ возвращается мѣрнымъ шагомъ къ колодцу для продолженія своей работы. Но чтобы пользоваться водой этихъ колодцевъ, путешественникъ всегда долженъ запастись собственнымъ ведромъ и чумбурами, такъ какъ пастухи никогда не оставляютъ этихъ вещей при колодцахъ на общую потребу. Почти каждое огороженное поле имѣетъ свой особый шуръ-кудукъ, а на большихъ участкахъ бываетъ ихъ и по два, и по три—на противоположныхъ концахъ поля и по срединѣ оного. Въ большинствѣ колодцевъ вода довольно сносная, иногда солоноватая, но безъ противнаго вкуса, и при употребленіи не оставляетъ вредныхъ послѣдствій.

Селевій въ окрестности очень мало. На протяженіи около двадцати четырехъ верстъ пути мы видѣли въ сторонѣ отъ дороги всего лишь два небольшихъ кишлака, но тѣмъ то и поразительнѣе это обильное количество пахотныхъ участковъ: рѣшительно вся степь, насколько хватаетъ глазъ, представляется прекрасно обработанной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались пахари надъ плугомъ, влекомымъ парой воловъ. Плугъ самаго первобытнаго устройства: на одинъ конецъ деревяннаго лемеха пассажиры желѣзный рѣзакъ въ родѣ заступа съ ручкой, за которую держится пахарь, давая направленіе бороздѣ, а другой конецъ прикрѣпляется веревками къ ярму,—вотъ и все. Въ общемъ такой плугъ похожъ на большую мотыку.

Земля, по своей солонцеватости, прежде чѣмъ на ней снѣтъ, требуетъ здѣсь очень заботливой и неоднократной распашки. Обыкновенно проходятъ участокъ плугомъ по нѣскольکو разъ и вдоль и поперекъ, пока почва не

разрыхлится въ достаточной мѣрѣ; тогда на участокъ пускаютъ воду, и когда черезъ сутки почва совсѣмъ вберетъ въ себя влагу, то смотрятъ, въ какихъ мѣстахъ на поверхности проступила соль. Такія мѣста срѣзываютъ лопатами и заполняютъ землей, взятой съ мѣстъ, гдѣ соли не оказалось, или же глиной изъ стѣнъ разрушенныхъ ветхихъ построекъ. Затѣмъ участокъ унаваживается весь равномерно и снова напояется водой. Послѣ этого почва считается уже совсѣмъ готовой подъ засѣвъ. Работы же въ столь позднее время года объясняются тѣмъ, что земледѣлы спѣшатъ разрыхлить степную почву въ ожиданіи зимнихъ снѣговъ, которые при весеннемъ таяніи сообщать ей большую влажность и тѣмъ облегчать послѣдующій трудъ пахара. Земля эта готовится подъ яровое.

Дорога, по которой мы теперь ѣхали, составляетъ единственный колесный (арійной) путь изъ Самарканда въ Шахрисебъ и Карши, но она такъ избѣта глубокими колеями и рытвинами, что ѣхать по ней своего рода пытка, а стоитъ свернуть съ колеиной дороги нѣсколько шаговъ въ сторону, и ѣдешь прекрасно по твердому грунту, точно по шоссе. Между прочимъ, этотъ путь очень древенъ и даже имѣетъ историческое значеніе: по немъ шелъ Александръ Македонскій въ 329 году, по переправѣ чрезъ Оксусъ (Аму-Дарью), къ Самарканду. Хотя точныхъ указаній на то не имѣется ни у Арріана, ни у Квинта Курція, но по этимъ историкамъ извѣстно, что движеніе на Мараканду было предпринято изъ Наутаки, которую новѣйшіе историки Александра приурочиваютъ—одни къ Карши (Дройзенъ), другіе (Герцбергъ) къ Кену, то-есть къ нынѣшнему Шахрисебу. Въ обоихъ случаяхъ единственный колесный и возможный для движенія арміи путь къ Самарканду лежитъ на Джамъ, и что Александръ проходилъ именно этой дорогой, въ томъ, мнѣ кажется, убѣждаютъ сохранившіеся до нашихъ дней приуроченныя къ его имени названія нѣкоторыхъ прилегающихъ къ ней мѣстностей. Такъ, здѣсь есть урочище Искандеръ, кочевье Искандеръ и холмъ (тибе) Искандеръ ⁴⁾.

Верстахъ въ шести отъ границы, въ небольшой котловинѣ, встрѣтилъ насъ старый нашъ знакомецъ токсаба Рахметъ-Улла, высланный эмиромъ на встрѣчу посольству для передачи намъ первыхъ привѣтствій его высочества. Токсаба, въ бѣлой чалмѣ и шарчевомъ халатѣ, опоясанный широкимъ по-

⁴⁾ Что преданія объ Александрѣ Македонскомъ сохранились въ сихъ мѣстахъ довольно живо, видно, помимо названій различныхъ мѣстностей и пунктовъ, еще и изъ того, что многіе изъ владѣтельныхъ бековъ, особенно въ горахъ верховій Аму-Дарьи, считаютъ себя его потомками. Насколько это основательно—другой вопросъ.

ясомъ, съ висѣвшей на немъ кривой хорасанской саблей, сидѣлъ верхомъ на красивомъ аргамакѣ, впереди свиты изъ разныхъ бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой красивой группы стояли двѣ коляски, присланныя эмиромъ для посольства. При нашемъ приближеніи, токсаба съ бухарцами слѣзла съ лошадей и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу. Мы тоже вышли изъ экипажей и размѣнялись обоюдными привѣтствіями, которыми сопровождалось освѣдомленіемъ о взаимномъ здоровьи и благополучномъ путешествіи, а также о здоровьи высокостепеннаго эмира и туркестанскаго генералъ-губернатора. Токсаба объяснилъ, что ему поручено состоять при посольствѣ и сопровождать его до города Шаара, гдѣ въ настоящее время изволитъ имѣть свое благополучное пребываніе его хазретъ-падшахъ (святѣйшій повелитель), и предложилъ намъ пересѣсть въ экипажи его высокостепенства. Нечего дѣлать, пришлось мнѣ разстаться со своимъ удобнымъ и уютнымъ тарантасомъ и садиться вмѣстѣ съ княземъ въ эмирскую коляску, сидѣнье гдѣ было пышно застлано пунцовымъ шелковымъ одѣяломъ на ватѣ; въ ногахъ лежалъ лисій мѣхъ, на спинкѣ большія бархатныя подушечки (мутаки). Сѣли и провалились въ пуховую мягкость. Фу, батюшки, хотѣ бы воротникъ растегнуть или ремешный поясъ распустили что ли, а то просто моча нѣтъ съ непривычки въ этихъ пуховикахъ!.. Но ничего не подѣлаешь, надо покориться. Хотя въ воздухѣ было вовсе не холодно, тѣмъ не менѣе бережно и тщательно укутали насъ и мѣхами, и одѣялами, какъ того требовала условія мѣстнаго этикета, — но не подобаетъ «важнымъ людямъ» ѣздить иначе, — нѣсколько разъ при этомъ освѣдомляясь, хорошо ли, удобно ли сидѣть, покойно ли спитъ и бокамъ, тепло ли ногамъ, не поддуваетъ ли куда и т. д. Намъ оставалось лишь кланяться, благодарить и увѣрять, что все очень хорошо и даже черезчуръ ужъ удобно. Наконецъ, убѣдясь, что насъ спеленали одѣялами, какъ младенцевъ, милѣйшій нашъ токсаба приказалъ поѣзду трогаться.

Въ коляски были запряжены въ каждую по четверти заседланыхъ лошадей: пара въ дышло и пара впереди, на артиллерійскихъ унусахъ. На каждой лошади сидѣло по одному ѣздовому въ чалмѣ и халатѣ, съ нагайками (такъ точно взять здѣсь и артиллерійскія орудія). Козлы оставались незаятыми никѣмъ, но по мѣстному этикету считается въ высшей степени неприличнымъ, чтобы кто либо могъ сидѣть въ одномъ экипажѣ спяной къ важнымъ людямъ. Но еслибы важные люди сами вздумали взобраться на козлы, то это, конечно, было бы для нихъ самое высокое въ почетномъ смыслѣ мѣсто. Везли насъ по рысью, а тѣмъ особенно скучнымъ аллюромъ, который

называется мелкою трусцою, потому что ѣздить иначе важнымъ людямъ опять-таки неприлично, — на то есть джигиты, чтобы скакать сломя голову; важный же человекъ, не желающій ронять свое достоинство, долженъ всегда спѣшить медленно. Такимъ образомъ мелкая трусца есть уже крайняя степень уступки, какая можетъ быть допущена важнымъ человекомъ ради поспѣшности.

Верстахъ въ двѣнадцать отъ границы ожидала насъ новая встрѣча. Тюря-джанъ¹⁾, бекъ чиракчинскій, выслалъ привѣтствовать насъ одного изъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ, Баубекъ-бія, почтеннаго бѣлобородаго старца со свитой мелкихъ чиновниковъ и джигитовъ. Опять взаимныя привѣтствія и разспросы о добромъ здоровьи генералъ-губернатора и тюря-джана чиракчинскаго, посольства и встрѣчающихъ насъ лицъ, — все какъ слѣдуетъ по этикету. Отсюда токсаба поспекалъ впередъ, на мѣсто предстоявшаго намъ ночлега, чтобы лично распорядиться достоподобнымъ приемомъ, а вмѣсто себя оставилъ намъ Баубекъ-бія. Снова спеленали насъ ватными одѣялами и повезли прежней трусцою. Впереди и по сторонамъ поѣзда неслась верхами пестрая кавалькада бухарскихъ чиновниковъ и джигитовъ, вооруженныхъ кривыми саблями, а иные клычами²⁾.

Во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ Баубекъ-бія князь предложилъ было ему сѣсть въ одинъ изъ нашихъ собственныхъ экипажей, но тотъ отказался, и надо было видѣть какимъ молодцомъ этотъ дряхлый по наружности старецъ управлялся со своимъ горячимъ карабгиромъ и бодро гарцовалъ все время пути, то выносясь впередъ, то проскакивая въ хвостъ растянувшася поѣзда для какихъ нибудь распоряженій. Совсѣмъ другой человекъ на лошади, — вотъ что значить выработанная съ дѣтства привычка.

Къ мѣсту ночлега, на урочище Бишъ-Чешме (пять колодезѣ), прибыли въ часъ дня. Здѣсь были намъ приготовлены двѣ юрты, поставленныя шагахъ въ двадцати одна противъ другой и соединенныя между собой длинной двѣтной палаткой, гдѣ на широкомъ и длинномъ коврѣ каршинской работы³⁾ накрытъ былъ большой столъ съ разнымъ достарханомъ. Такимъ образомъ у насъ получилась какъ бы цѣлая квартира: столовая, она же и приемная, и по бокамъ двѣ спальни или, если угодно, два кабинета. Юрты были убраны коврами и снабжены постелями и жаровнями. Вокругъ этого глав-

¹⁾ Тюря-джанъ въ буквальномъ смыслѣ — князь-душа, есть титулъ, присвоенный сыновьямъ эмира.

²⁾ Клычъ — оружіе съ прямымъ клинкомъ, въ родѣ палаша или длиннаго ножа, которымъ можно и колоть и рѣзать.

³⁾ Городъ Карши славится выдѣлкой прекрасныхъ ковровъ.

наго помѣщенія раскинулся цѣлый станъ изъ юртъ и палатокъ, гдѣ размѣстились остальные чины посольства, козвой, бухарскіе чиновники, прислуга, джигиты и погонщики.

Тотчасъ по прибытіи, едва мы сняли съ себя дорожное верхнее платье, любезный ток-саба пригласилъ насъ къ завтраку, который начался съ чая и сластей, гдѣ фигурировали взбитые яичные бѣлки съ сахаромъ, морковь въ сиропѣ, очень вкусная халва изъ кунджута-наго сѣмени и фисташковое тѣсто въ конфетахъ. Затѣмъ подали въ китайскихъ чашкахъ шурпу, прекрасно отфильтрованный бульонъ, затѣмъ жареную говядину съ лукомъ на гренахъ, палау съ бараниной и палау съ куринымъ мясомъ, жареныхъ куръ, сладкую рисовую кашу на молокѣ и бараньемъ жирѣ и въ заключеніе снова чай. Ножи, вилки ложки — все какъ слѣдуетъ, и даже коленкоровыя салфетки. Въ порядкѣ подаванія блюдъ замѣчалась извѣстная постепенность, ближе подходившая къ русскимъ привычкамъ, что нужно приписать распорядительности и смѣлкѣ ток-сабы, который неоднократно обѣдывалъ въ Ташкентѣ у начальника края и у разныхъ своихъ русскихъ знакомыхъ.

Послѣ завтрака, пожелавъ намъ пріятнаго отдыха, Рахметъ-Улла отправился въ свою кибитку писать донесеніе эмиру о прибытіи посольства въ бухарскіе предѣлы.

Вдемъ мы не на Китабъ, какъ предполагали было, а везутъ насъ сначала на Чиракчи, къ беку тюря-джану, сыну эмира, и оттуда уже препроводятъ въ городъ Шааръ, къ самому эмиру. Такъ, говорятъ, соизволилъ указать его высокостепенство.

28-го декабря.

Выѣхали съ почлега въ девять часовъ утра, по вчерашнему, въ эмирскихъ экипажахъ.

Спустился съ небольшой высоты, слѣдовали сначала по равнинѣ, которую подковообразно окружали съ востока, сѣвера и запада невысокія пологія гряды возвышенностей; южная же сторона оставалась открытой. Твердый су-глинистый грунтъ этой равнины сплошь покрытъ густой мелкой травой, и потому здѣсь всегда пасутся огромныя стада барановъ. Мы пересѣкли западную вѣтвь подковообразной гряды, и отсюда пошла уже волнистая мѣстность, очень напоминающая характеръ мѣстности, что окружаетъ Плевну съ восточной стороны. Для довершенія сходства недостаетъ только деревьевъ, которыя изрѣдка были разсыпаны по полямъ Плевны. По объясненію Массумъ-ходжи, проходимыя нами мѣста слы-вуть за «Голодную степь», но въ этомъ позво-лительно усомниться, потому что окрестъ мы встрѣчали не мало огороженныхъ и распахан-ныхъ полей, равно какъ и колодезь.

Отѣхавъ около двѣнадцати верстъ отъ мѣста почлега (Бишъ-Чешмѣ), пересѣкли по грядамъ

валуновъ и мелкой гальки довольно углублен-ное, залегающее въ обрывистыхъ берегахъ русло потока Казганъ-Бузаръ ⁴⁾. Въ это время года оно совершенно сухо, но въ періодъ тай-нія горныхъ снѣговъ изобильно наполняется на-нѣкоторое время водой исходящюю изъ него степные арыки. Когда же вода начинается сбывать, хозяева прилегающихъ къ руслу зе-мельныхъ участковъ спѣшно приступаютъ къ забойкѣ арычныхъ истоковъ, съ той цѣлю, чтобы подольше сохранить въ арыкахъ набѣ-жавшую туда воду и тѣмъ продлѣть возмож-ность орошенія своихъ полей, пока это тре-буется условіями всхода зелени. Въ нѣкото-рые годы вода удерживается такимъ образомъ въ арыкахъ до іюля мѣсяца, а это даже болѣе, чѣмъ нужно, ибо пшеница снимается съ корня уже въ іюнѣ.

По сторонамъ пути болѣе, чѣмъ вчера, по-падалось кипилаковъ и кочевковъ, надъ которыми выдмывались бѣлые дымы отъ топокъ. Кое-гдѣ при жилищахъ видѣлись и одиночныя урю-ковыл деревья. Среди этой волнистой мѣст-ности, близъ кипилака Кокъ-ташъ (сѣрый ка-мень), въ двадцати четырехъ верстахъ отъ почлега, намъ былъ приготовленъ роздыхъ и завтракъ, состоявшій изъ такихъ же блюдъ какъ вчера. Ярко узорчатая зала-палатка и юрты, разукрашенные внутри—все это было тоже по-вчерашнему. Здѣсь встрѣтили насъ махрамъ-баши и эсауль-баши, посланные для привѣтствованія посольства отъ лица тюря-джана, бека черакчинскаго ⁵⁾. Оба они были одѣты въ шелковые халаты, отороченные вы-дровымъ мѣхомъ; изъ-подъ халатовъ видѣлись широкія, расшитыя шелками и блестками чема-бары ⁶⁾, тоже съ выдровою оторочкой. У ма-храмъ-баши за широкимъ бархатнымъ поясомъ съ большими серебряными бляхами, въ видѣ

⁴⁾ На картѣ не обозначено.

⁵⁾ Махрамъ или махрамъ—одно изъ придвор-ныхъ званій, дѣлящееся на восемь разрядовъ, изъ коихъ: 1) самый младшій есть *автобачи*. Лицо, носящее этотъ чинъ, обязано подавать эмиру воду во время омовенія. Затѣмъ слѣдуютъ въ возвышаю-щемся значеніи: 2) *букча-бярдаръ*—завѣдующій бѣльемъ и платьемъ эмира; 3) *саитъ-бярдаръ*—придворный часовщикъ; 4) *китабъ-бярдаръ*—при-дворный библіотекаръ; 5) *музъ-бярдаръ*—завѣду-ющій отдѣломъ обуви эмира; 6) *шербетъ-бярдаръ*—то же что нашъ мушкетеръ; 7) *махрамъ-дизъ-баши*, и 8) *панджъ-садъ-баши*—исполняющіе должность младшихъ адъютантовъ эмира, которыхъ онъ обыкновенно прозводитъ въ чинъ *карауль-бейи*, соотвѣтствующій нашему прапорщику. *Эсауль-баши*—чинъ равняющійся нашему поручику. Число этихъ придворныхъ чиновъ не опредѣлено: эмиръ въ знакъ награды или своей благосклонности мо-жетъ возвести какого-либо чиновника или вообще кого бы то ни было въ придворное званіе ма-храма и затѣмъ оставить его при своей особѣ или же на прежнемъ мѣстѣ служенія.

⁶⁾ Штаны изъ козловой кожи.

розетокъ, былъ засунутъ въкрутированный золотомъ чеканной работы топорикъ (балта или табаръ) съ серебряною рукоятью—знакъ отличія его должности, а всауль-баши держалъ въ рукахъ длинный посохъ (*асси*) красного цвѣта, тоже знакъ присвоеннаго ему достоинства¹⁾. Между этими чиновниками и нами послѣдовалъ обычный церемонный обмѣнъ разспросовъ о здоровьи и благополучіи акъ-падишаха и хазретъ-эмира, лрымъ-падишаха и тюря-джана, нашимъ и ихъ, затѣмъ обмѣнъ взаимныхъ комплиментовъ въ восточномъ вкусѣ, что могло бы продолжаться пожалуй и безъ конца, если бы предупредительный другъ нашъ токсаба не поспѣшилъ къ намъ на выручку съ приглашеніемъ къ поданному завтраку.

Послѣ завтрака, отдохнувъ около часа, посольство тронулось далѣе.

Отъ Кокъ-таша до Чиракчи считается одна тысяча разстояній, то есть восемь верстъ, по нашему; но намъ показалось больше, быть можетъ потому, что теперь, подѣзжая къ городу, насъ для пушей важности везли уже не трупой, а шагомъ. Пройдавъ около двухъ верстъ, спустились въ широкую равнину, гдѣ протекаетъ рѣка Кашка (Кашка-Дарья), при которой, на лѣвомъ берегу, стоитъ городъ Чиракчи, открывшійся предъ нами съ шести-верстнаго разстоянія. Районъ, занимаемый имъ и наглядно обозначенный непрерывною полосой садовъ, довольно обширенъ, верстъ до восьми въ длину, а можетъ и болѣе; въ точности сказать это трудно, такъ какъ городскіе сады сливаются съ прирѣчными кишлаками. Городъ этотъ получилъ свое названіе отъ могилы святаго Чиракчи (Чиракчи-ата), ремесленника,

занимавшагося выдѣлкой изъ глины свѣтильниковъ, плошекъ²⁾, который считается покровителемъ всѣхъ людей этого ремесла. Говорятъ, что въ Чиракчи и теперь живетъ не мало плошечниковъ, преимущественно въ окрестностяхъ могилы ихъ патрона, занимающихся своимъ мастерствомъ, по преданію, наслѣдственно. Но главное значеніе города составляетъ торговля вовсе не чираками, а хлѣбомъ, благодаря выгодному положенію на Кашка-Дарьѣ между Карши, Шахрисебсомъ, Гузаромъ и хлѣбородными горными тюменями³⁾. Поэтому, будучи важнымъ хлѣбнымъ базаромъ, особенно въ смыслѣ посредника между оазисомъ и кочевниками прилежащихъ степей, Чиракчи имѣетъ для государства весьма важное экономическое значеніе.

Предъ городомъ разбросано по степи нѣсколько древнихъ кургановъ боевого характера, фронтъ коихъ обращенъ къ востоку, либо къ юго-востоку, а Кашка-Дарья впереди ихъ служитъ какъ-бы естественнымъ рвомъ. Когда подѣзжали къ правому рукаву этой рѣки, ограничивающему съ сѣверной стороны площадь ея разлива, то намъ открылся видъ на двухъ-этажное глинобитное зданіе, стоящее на той сторонѣ, надъ довольно возвышеннымъ береговымъ обрывомъ. Это дворецъ тюря-джана; остальные городскіе строенія лишь изрѣдка проглядываютъ кое-гдѣ изъ-за садовыхъ деревьевъ. Сады и предмѣстья, расположенные по правую (сѣверную) сторону рѣки, въ общемъ очень напоминаютъ болгаро-турецкія селенія подъ Плевной, какъ Порадимъ, Пелишатъ и Сталевице; даже прилегающая къ нимъ равнина покрыта точно такую же, какъ и тамъ, травянистою, низенькою колючкой.

Слѣдуя по руслу разлива, мы пересѣкли до семи рукавовъ Кашка-Дарьи, прежде чѣмъ забирались на крутоватый подъемъ лѣваго берега, вводящій непосредственно въ самый городъ. На берегу стояла большая толпа народа и молча, ссыдно созерцала нашъ поѣздъ. Очевидно, что жители знали о предстоящемъ въѣздѣ посольства и вышли посмотреть на русскихъ гостей. Здѣсь вѣдь, при скудости развлеченій, каждый подобный случай составляетъ уже предлогъ къ томашѣ, то есть публичному зрѣлищу.

Городъ Чиракчи, разумѣется, весь глинобитный. Кривыя, грязныя улицы обрамлены, болѣею частью, только стѣнками заборовъ. Рѣдкіе изъ домовъ глядятъ прямо на улицу, и это преимущественно такіе, гдѣ помѣщается какое-нибудь ремесленное заведеніе. Мѣстность неровная, такъ что приходится не разъ круто спускаться и еще круче подыматься съ бугра

¹⁾ Эти посохи составляютъ второй знакъ отличія, установленный для чиновниковъ (первый заключается въ ярлыкъ за печатью эмира, то есть въ жалованной грамотѣ или патентѣ на званіе чиновника) и бываютъ четырехъ родовъ: бѣлые, красные, разноцвѣтно-узорчатые и золотые. Третье отличіе—*кардъ*, большой ножъ въ серебряныхъ или золоченыхъ ножнахъ; четвертое—*шамширъ*, почетная сабля въ серебряныхъ или золоченыхъ, а иногда и въ чистыхъ золотыхъ ножнахъ и *табаръ* или *балта*—топорикъ съ серебряною или золотою рукоятью; пятое—*саутъ*, бармы; шестое *валканъ* латы; седьмое—*тулча* шлемъ, жалуемый обыкновенно вмѣстѣ съ латами; восьмое—*байдакъ*, знамя; девятое—*тугъ*, бунчукъ изъ конскаго хвоста и наконецъ десятое—небольшая литава, прикрѣпляемая съ лѣвой стороны къ передней лукѣ сѣдла и называемая *табли-риалъ*. Всѣ эти знаки отличія, кромѣ ярлыковъ, жалуются лицамъ, служащимъ либо въ войскѣ, либо при самомъ эмирѣ. Ярлыки же бываютъ трехъ разрядовъ: 1-й—съ печатью эмира и его секретаря (*мунши*); первая прикладывается на лицевой сторонѣ, а вторая на оборотѣ ярлыка; 2-й—съ печатью эмира и янака (порядокъ приложенія печатей такой же) и 3-й—съ печатью одного эмира. Съ 1881 года учреждены еще и орденъ „Восходящей звѣзды Бухары“ въ честь государя императора Всероссийскаго.

²⁾ Чиракъ—значить: свѣтильникъ, плошка; чиракчи—плошечникъ, мастеръ, выдѣлывающій чираки.

³⁾ Тюмень—округъ, соответствующій нашему уѣзду.

на буторъ, переѣзжая по жердянымъ унавоженнымъ и очень непрочнымъ мостишкамъ черезъ ручьи и арки, прежде чѣмъ деберешся до урды, т. е. питадели или замка, гдѣ живетъ бекъ чиракчинскій. Замокъ этотъ окруженъ четырехстороннею глинобитною стѣной, съ наугольными круглыми башнями такой же вышины какъ и самая стѣна, то есть около трехъ сажень. Внутри этой ограды находится нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого саками и невысокими стѣнками, но имѣющими между собою сообщеніе посредствомъ калитокъ и узкихъ проходовъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ, квадратной формы, гдѣ размѣстилось посольство, предъ отведенными для насъ саками, была разбита большая цвѣтная палатка, и въ ней стоялъ столъ съ достарханомъ, среди котораго выдѣлялась новинка: груды крашеныхъ въ сандалья лицъ, точно у насъ на Святой недѣлѣ¹⁾. По лѣвую сторону двора, подъ навѣсомъ, покрывавшимъ широкую глинобитную террасу, стояли три палатки, соединенныя между собою и открытыя съ передней стороны. Снаружи онѣ были зеленныя, а внутри красныя, узорчатныя и въ нихъ постоянно толпилась пестрохалатная прислуга бека, попивая чай, то и дѣло вскипавшій въ мѣднѣхъ кумганахъ надъ жаровней, и затягиваясь во всю грудь изъ одного общаго чилма²⁾. Среди этихъ челядинцевъ время отъ времени появлялись, для отдачи какихъ-то приказаній и задаваній «распеканомъ», все тѣ же махрамъ-башни и эсаулъ-башни, неизмѣнно вооруженные знаками своего достоинства. Остальныя двѣ стѣны нашего двора заняты были конюшенными навѣсами и помѣщеніями для прислуги, а по срединѣ его находился хаузъ, обсаженный старыми ветлами. Саки наши устланы коврами, окна въ нихъ заклеены тонкою бумагой и снабжены красными кумачевыми занавѣсками; но провести въ этихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сутокъ сразу едва ли было бы возможно, не наживъ себя ревматизма,—до того велика въ нихъ сырость.

Только что мы прибыли, какъ уже явилось къ намъ трое посланцевъ отъ самого эмира выразить посольству привѣтствіе отъ лица своего повелителя. Тобыли: бальджуанскій бекъ Рахметъ-Куль-датха, дарвазскій бекъ Магметъ-Мурадъ-бій и Шараулъ-Массумъ мира-

хуръ³⁾. Всѣ трое были одѣты въ парадныя форменныя халаты изъ богато затканной золотомъ мелкотравчатой индійской парчи. Мы принимали ихъ въ палаткѣ, гдѣ стоялъ достарханъ, и, послѣ обычнаго церемоніальныхъ изъясненій и разспросовъ, роспили съ нимъ по стакану чая.

Въ пять часовъ дня, по предложенію тосабы, посольство отправилось съ визитомъ къ тюря-джану. Пройдя какимъ-то узенькимъ закоулкомъ налѣво, очутились мы на смежномъ дворѣ, гдѣ предъ длинными крытыми воротами, образующими нѣчто въ родѣ корридора, стояло десятка три челядинцевъ, выстроившихъ въ одну шеренгу, а въ воротахъ ожидалъ насъ эсаулъ-башни, нанскою держа въ рукахъ свой красный посохъ, такъ, какъ, бывало, держала «на караулъ» въ пѣшемъ строю свои карабины кавалерія времени императора Николая. Предшествуя намъ, этотъ чиновникъ вывелъ насъ изъ-подъ воротъ на третій дворъ, обрамленный кирпичною террасой. Тутъ-то и находится дворецъ бека, который мы видѣли еще съ того берега рѣки.

Двое челядинцевъ распахнули предъ посольствомъ обѣ половинки дверей, и мы вошли въ приемную залу, гдѣ у самаго входа были встрѣчены тюря-джаномъ. Это худощавый молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати, еще безусый и безбородый и очень похожій на своего младшаго брата Сеядъ-Миръ-Мансура, что воспитывается въ Петербургѣ, въ Царск-

¹⁾ Датха—военный чинъ, соответствующій генералъ-майору, бій—родоправитель, титулъ, присвоенный старшему въ родѣ и составляющій принадлежность исключительно узбековъ; какъ чинъ, бій равняется бригадирю, но жаловать имъ стали лишь въ недавнее время. Мирахуръ, или, правильнѣе, миръ-ахуръ—придворный чинъ 2-го разряда, въ вѣдѣніи коего состоитъ конюшенная часть эмира. Начиная съ мирахура, всѣ послѣдующіе въ возвышающейся градациі чины пользуются правомъ въѣзжать въ ограду дворца верхомъ; всѣ же чины ниже его стоящіе обязаны слѣзая съ лошадей на площади, за стѣной, и подыматься въ урду по лѣстницѣ пѣшкомъ. Званіе и должность бека соответствуетъ нашему губернатору, только съ несравненно большими полномочіями. Относительно администраціи эмиръ передаетъ бекамъ всѣ свои права за исключеніемъ права жизни и смерти въ случаяхъ, гдѣ смертная казнь является необходимой или же когда осужденный заслуживаетъ помилованія, бекъ испрашиваетъ на то и другое повелѣніе эмира. Кромѣ того, онъ долженъ особо извѣщать эмира о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, случающихся въ его бекствѣ, и посылать ему ежедневныя отчеты о текущихъ дѣлахъ. Въ непосредственномъ подчиненіи беку состоятъ всѣ города и селенія его бекства, почему онъ завѣдуетъ въ своемъ районѣ какъ сборомъ хараджа (поземельная подать), такъ и сборомъ людей въ войско въ случаѣ военнаго времени, снабжая ихъ лошадьми и оружіемъ. Такимъ образомъ бекъ есть представитель не только гражданской, но и военно-административной власти въ своемъ бекствѣ.

¹⁾ Впослѣдствіи красныя яйца являлись уже постоянною принадлежностью достархановъ.

²⁾ Средне-азиатскій чилманъ. Дѣлается обыкновенно изъ особаго вида тыквы—чилими-каду, форма коей напоминаетъ продолговатый грушеобразный флаконъ. Такіе чилимы вставляются въ мѣдную оправу и носятъ на себѣ иногда очень изящныя украшенія изъ бирюзы, граната, сердолика и серебряныхъ инкрустацій. Въ Шаарѣ впрочемъ вмѣсто тыквы употребляютъ на выдѣлку чилимовъ котельную мѣдь, сохраняя имъ лишь грушевидную форму, и эти послѣдніе издѣлія всегда украшены серебряными вкрапленными пластинками и узорами чеканной работы.

скомъ корпусѣ. Только тотъ здоровый мальчикъ, а у этого какой-то повурый болѣзненный видъ, вслѣдствіе того, что онъ, какъ говорить, давно уже страдаетъ перемежающеюся лихорадкой. Выраженіе лица его довольно симпатично и обначаетъ нѣкоторую привычку мыслить, а манера держать себя отличается простотой, безъ малѣйшаго желанія изобразить принца. Одѣтъ онъ былъ въ парчевый халатъ съ мѣховою оторочкой, затканый по бѣлому полю золотыми травами и цвѣтными букетами; пояса не было въ силу права, принадлежащаго принцамъ бухарскаго дома, которые обязаны быть подпоясанными только предъ лицомъ своего отца и государя; на головѣ пышно красовалась большая бѣлая чалма изъ индійской кисеи, затканной золотыми листьями.

На привѣтствіе князя Витгенштейна тюркджанъ отвѣчалъ быстро, скороговоркой и такимъ тономъ, словно бы читалъ по книжкѣ или выкладывалъ передъ учителемъ хорошо затверженный урокъ. Вообще и всѣ послѣдующія реплики его по тону своему были въ такомъ же родѣ.

Князь поочередно представилъ ему членовъ посольства, а тюркджанъ при этомъ коротко и отрывисто, на англійскій манеръ, пожалъ каждому изъ насъ руку, а затѣмъ всѣхъ пригласилъ къ достархану, занявъ мѣсто во главѣ стола, приготовленнаго съ угощеніями въ этой же комнатѣ.

Зала, въ два свѣта, довольно высока для глинобитной постройки. Въ лѣвой (сѣверной) стѣнѣ находится нѣсколько дверей, служащихъ въ то же время и нижними окнами и выходящихъ на наружную террасу, съ которой открывается довольно красивый видъ на Кашка-Дарью и зарѣчную сторону. Надъ дверями въ той же стѣнѣ идетъ рядъ верхнихъ оконъ нѣсколько меньшаго размѣра, украшенныхъ ажурными гипсовыми рѣшетками, но безъ внутреннихъ стекольных рамъ. Полъ былъ застланъ сплошь, но не коврами, а палассами¹⁾; деревянный потолокъ обыкновеннаго средне-азиатскаго типа (рядъ балокъ съ положенными на нихъ поперечными и тѣсно одна къ другой примкнутыми жердочками) окрашенъ кубовою краской; стѣны же, на чисто выбѣленные, оставались безо всякихъ лѣпныхъ и живописныхъ украшеній. Вообще обстановка и внутренній видъ этой залы были очень далеки отъ понятія о такъ называемой «восточной роскоши»; напротивъ, на этой простотѣ, переходящей почти въ бѣдность, лежалъ какой-то суровый оттѣнокъ.

Намъ предложили чай, который мы поспѣшили поскорѣе допить, такъ какъ бѣдный тюркджанъ, видимо, отдавался все болѣе и бо-

лѣе чувству неодолимой застѣнчивости. Самъ онъ, за исключеніемъ заученныхъ и уже произнесенныхъ имъ привѣтственныхъ репликъ, не предложилъ во время этого угощенія ни одного, такъ сказать, частнаго или посторонняго вопроса, предоставляя заботу выдумывать и предлагать ихъ на долю нашего князя, который, въ свою очередь, тоже не зналъ о чемъ говорить съ нимъ. Такимъ образомъ рѣдкіе и ничего не значащіе вопросы и замѣчанія, въ родѣ того, что Чиракчи, кажется, довольно большой городъ, а Кашка довольно быстрая рѣка, вызывали со стороны тюркджана односложные утвердительные отвѣты, за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдовали довольно продолжительныя паузы. Наконецъ, допивъ стаканъ, князь заявилъ, что не смѣетъ долѣе отрывать тюркджана отъ его важныхъ дѣлъ, чему тотъ кажется очень обрадовался, — по крайней мѣрѣ монотонно безразличное выраженіе его фізіономіи при этомъ нѣсколько оживилось — и мы откланялись снова, пожавъ ему по-очередно протянутую намъ руку.

Какъ только посольство возвратилось въ свои помѣщенія, на нашъ дворъ привели подарочныхъ лошадей подъ богатыми поповами, въ уздечкахъ, украшенныхъ серебромъ, сердоликами и бирюзой. Князю, какъ старшему послу, было подведено двѣ лошади, остальнымъ по одной и, кромѣ того, всѣмъ членамъ посольства по связкѣ халатовъ и множество всякаго достархана. Всѣ казаки, прислуга и посольскіе джигиты также получили въ подарокъ по адрисовому халату. Затѣмъ челоѣкъ двадцать пять челядинцевъ, сѣдѣя гуськомъ другъ за другомъ, церемоніально пронесли мимо посольской палатки большія блюда съ горячимъ палау для нашихъ казаковъ и прислуги.

Князь отвѣтилъ тюркджану тоже подарками, въ числѣ коихъ находились: револьверъ, китайскій ящичекъ съ французскими духами, швейцарскіе часы съ кукушкой и коробка съ московскими конфетами отъ Сіу. Эти отвѣтные подарки были отправлены къ нему съ хорунжимъ Асланбекомъ Карамурзаевымъ въ сопровожденіи токсабы и эсауль-баши.

Затѣмъ намъ принесли обѣду, и церемонія на сей день были кончены. Въ концѣ обѣды возвратился токсаба и заявилъ, что тюркджанъ очень благодаритъ князя за подарки, которые ему очень понравились, и беспокоится лишь объ одномъ: довольно ли посольство его скромнымъ пріемомъ, что онъ отъ всей души радъ бы угодить намъ и болыне, но, къ сожалѣнію, въ Чиракчи невозможно найти ничего лучшаго. Получивъ въ отвѣтъ заявленіе князя, что посольство довольно всѣмъ какъ нельзя болѣе, Рахметъ-Улла, переводя разговоръ на интимную почву, замѣтилъ, что въ такомъ разѣ князь, вѣроятно, не откажетъ

¹⁾ Родъ ковровъ болѣе дешеваго сорта и не бархатистыхъ.

при удобномъ случаѣ замолвить кстати объ этомъ высокостепенному эмиру, равно какъ и о благопріятномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него тюря-джанъ лично, такъ какъ отъ такого заявленія князя на много-де будетъ зависѣть степень дальнѣйшаго благоволенія эмира къ тюря-джану, который тогда авось-либо можетъ рассчитывать и на милостивое повышеніе въ должности, въ родѣ перевода на болѣе видное и выгодное бекство.

Надо замѣтить, что тюря-джанъ чиракчинскій не пользуется особенною любовью отца, и причина тому, какъ кажется, заключается въ нѣкоторой излишней прямотѣ и рѣзкости его характера, благодаря которой онъ, минуя утонченно-вѣжливые приемы и восточно-дипломатическіе «подходы» рѣчи, не стѣсняется иногда съ нѣсколько грубою откровенностью высказывать своему отцу голую и не всегда пріятную для послѣдняго правду. Быть можетъ влѣдствіе этого эмиръ показываетъ ему холодность и даже настолько, что проѣздомъ въ Шахрисебъ никогда въ Чиракчи не заѣзжаетъ. Впослѣдствіи князь Витгенштейнъ исполнилъ свое обѣщаніе, и при подходящемъ случаѣ замолвилъ эмиру доброе слово о тюря-джанѣ, но поправилъ ли это отношенія послѣдняго къ отцу—не знаю.

29-го декабря.

Выступили изъ Чиракчи въ десятомъ часу утра. Намъ предшествовали конники въ бараньихъ шапкахъ, съ длинными тонкими тростями, заткнутыми подъ халатомъ за поясъ и торчавшими высоко вверхъ изъ-за пазухи. Это были всауль-баши, докладчики бековъ. Каждый бекъ имѣетъ таковыхъ по два человека, и должность ихъ заключается въ исполненіи отчасти полицейскихъ, отчасти ординарческихъ обязанностей, въ докладѣ бекамъ поданныхъ прошеній и въ передачѣ ихъ приказаній.

Непосредственно за частью казачьяго конвоя, слѣдовавшею позади посольскаго экипажа, ѣхали въ моемъ тарантасѣ бекъ бальджуанскій, бекъ дарвазскій и Шарауль-Массумъ мирахуръ. Послѣднему, полагаю, было не особенно удобно за отсутствіемъ въ тарантасѣ передняго сидѣнья, примащиваться кое-какъ на наскоро устроенномъ для него сидѣньи изъ лишняго платья и подушекъ. За тарантасомъ этихъ сановниковъ слѣдовали два казака въ почетномъ конвоѣ, затѣмъ въ коляскѣ князя ѣхали токсаба Рахметъ-Улла съ хорунжимъ Карамурзаевымъ, тоже сопровождаемые двумя казаками; далѣе, въ эмирскомъ экипажѣ—майоръ Байтоковъ съ докторомъ, и прочіе экипажи посольства, за коими въ замкѣ осталась часть казачьяго конвоя.

На выѣздѣ изъ города поѣздъ нашъ прослѣдовалъ мимо человѣкъ двадцати какихъ-то всадниковъ съ саблями, вѣроятно, мѣстныхъ

городскихъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ парчевые халаты и выстроенныхъ въ одну шеренгу. Всадники эти, стоя на мѣстѣ, отдавали посольству честь, приложивъ къ чалмѣ, якобы «подъ козырекъ», правую руку и затѣмъ, пропустивъ мимо себя весь поѣздъ, гурьбой повернули назадъ въ городъ.

Дорога отъ Чиракчи до Шаара идетъ по равнинѣ, гдѣ на разстояніи около версты слѣва виднѣются самыя ничтожныя возвышенности, тянущіяся въ родѣ какого-то вала. Зато справа, верстахъ въ двадцати пяти, грандіозно высятся снѣжные хребты Ярчаклы и Хазретъ-Султанъ (послѣдній въ 15.000 футовъ высоты), съ особенно выдающимися вершинами Амма-Хронъ, Ташъ-Рабатъ, Ташъ-Курганъ и Хромъ-Тахта; а позади за ихъ стѣной, въ дальней перспективѣ, хребетъ Ханъ-Тахта гордо и грозно вздымается въ небеса свои отвѣсно-скалистыя, сверкающія льдомъ и снѣгомъ темно-синими кручи.

Вся долина Кашка-Дарьи усыяна курганами, которые большею частью относятся къ числу могильныхъ, то есть имѣютъ въ основаніи своемъ либо круглую, либо эллипсоидальную форму, при высотѣ отъ одной до трехъ сажень. Но изрѣдка попадаются и боевые курганы, въ особенности ближе къ Шаару.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги виднѣлось нѣсколько разсѣянныхъ по равнинѣ кишлаковъ съ фруктовыми садами и чинаровыми рощами. То были селенія: Карслуатъ, Маухинне, Тизобектъ и другія. Аллеи тополей и рослаго тала осыпали прилегающіе къ этимъ селеніямъ арыки. Мѣстность довольно оживленная. Навстрѣчу намъ попадалось множество чалмовосныхъ всадниковъ, направлявшихся отъ окрестныхъ селеній къ Чиракчи. Ёхали они большею частью группами отъ восьми до десяти человѣкъ и не безъ оружія. У иныхъ висѣли за плечомъ фитильные «мултуки»¹⁾, у другихъ охотничьи двухстволки, видимо тульской работы, а одного встрѣтили мы даже съ берданкой. Сегодня въ Чиракчи базарный день, поэтому туда и направляется вся эта публика—одни ѣдутъ купить себѣ что либо, другіе просто ради «томаши», на людей посмотреть и себя показать, а при подходящемъ случаѣ пожалуй промѣнять или продать свою лошадь.

Проѣхавъ большимъ шагомъ два таша (16 верстъ), мы пересѣкли въ бродѣ два рукава рѣчки Тизобектъ (иначе Чизобъ-Кинди), входящей въ Кашка-Дарью и отдѣляющей территорію Шахрисеба отъ Чиракчинскаго бекства.

Не доѣзжая около полутора верстъ до предмѣстья Шаара, шагахъ въ восьмистахъ отъ

¹⁾ Средне-азиатское ружье на развилахъ, втыкаемыхъ въ землю для большей вѣрности прицѣливанія.

дороги вправо видѣются остатки земляныхъ окоповъ, гдѣ на выступающихъ углахъ выдаются впередъ круглые бугры, служившіе нѣкогда основаніемъ башенъ. По объясненію Рахметъ-Уллы, это остатки шаарскаго кремля времени предшествовавшихъ Тимуру. Тамъ и понынѣ видны еще слѣды многихъ строеній.

Вскорѣ вѣхали мы въ Шаарское предмѣстье Кара-ходжа, окруженное развалинами древней глинобитной стѣны и наполненное садами. Здѣсь, прослѣдовавъ по нѣсколькимъ узкимъ, закоулочнымъ улицамъ, въ одной изъ которыхъ на поперечномъ арыкѣ крикнулъ и сломался шкворневый кругъ въ нашей коляскѣ, мы взобрались по крутоватому подъему къ воротамъ одного изъ старыхъ шаарскихъ укрѣпленій, называемаго Урта-курганомъ.

Тутъ, на высокомъ насыпномъ курганѣ, на мѣстѣ древней цитадели (урта или урда), нынѣшній эмиръ построилъ лѣтній домъ съ широкимъ крытымъ балкономъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на сады предмѣстья, на равнину, устланную кишлаками и курганами, и на высокія сѣвѣжныя горы. Въ этомъ домѣ постоянно живетъ амлякдаръ¹⁾, обязанный поддерживать въ немъ порядокъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно останавливается на отдыхъ, а иногда и на ночлегъ самъ эмиръ, во время своихъ поѣздокъ изъ Бухары въ Шааръ и обратно. Въ виду такого назначенія этого дома, внутри его дворовъ находится достаточное число помѣщеній для семейства и свиты его высокостепенства.

Насъ ввели въ довольно просторную залу въ два свѣта²⁾, съ высокими потолкомъ и парю дверей, выходящихъ на упомянутый выше балконъ. Полъ этой залы сплошь былъ устланъ двумя богатыми длинными коврами каршипскаго производства, а въ глубинѣ ея, между балконными дверями, стояла широкая софа, покрытая шелковыми одѣялами и бархатными мутакми³⁾. Въ стѣнахъ, кромѣ той,

что снабжена окнами, подѣлано много высокихъ нишъ стрѣлчатой формы. По срединѣ комнаты передъ софой, по обыкновенію, накрытъ былъ столъ, уставленный разнообразнѣйшимъ достарханомъ, начиная отъ изысканнѣйшихъ лакомствъ мѣстнаго производства до московскихъ мармеладовъ, бисквитовъ и сахарныхъ печеній; прекрасные свѣжіе и засахаренные фрукты, виноградъ, разнообразные орѣхи, шербеты, варенья, компоты, избитые сливки, избитые бѣлки, и чего-чего тутъ только не было! Всего не перечестъ и не вспомнить. Фарфоровая посуда и столовое серебро были исключительно русскихъ фабрикъ. Вокругъ стола стояли кресла, вѣевскіе стулья и обитые краснымъ кумачемъ зеленые табуреты.

Когда мы разсѣлись за этимъ столомъ, старшему послу доложили, что Остана-Куль перваначи⁴⁾, одинъ изъ приближеннѣйшихъ палаточниковъ эмира, посланный его высокостепенствомъ навстрѣчу посольству, проситъ позволенія представиться. О томъ, что перваначи будетъ ожидать посольство въ Урта-курганѣ, посолъ уже былъ передувѣдомленъ Рахметъ-Уллою, къ которому съ этимъ извѣстіемъ, еще на пути сюда, прискакалъ изрочный.

Князь Витгенштейнъ поспѣшилъ изъявить готовность сейчасъ же принять почтеннѣйшаго перваначи, — и въ ту же минуту вошелъ къ намъ благообразный и дородный мужчина хорошаго средняго роста лѣтъ за пятьдесятъ, въ богатомъ халатѣ, расшитомъ золотомъ и серебряною битью по темно-малиновому бархату. Затканная золотомъ бѣлая чалма и красивая хорасанская сабля дополняли его роскошный нарядъ. Вошелъ онъ свободною походкой, съ привѣтливой улыбкой въ лицѣ, — и во всей фигурѣ, во всемъ характерѣ его наружности какъ-то сразу сказывалось, что человекъ этотъ не только уменъ, но и знаетъ себѣ цѣну.

Началъ онъ рѣчь съ изясненія, что посланъ высокостепеннымъ своимъ повелителемъ привѣтствовать отъ его лица высокихъ представителей Россіи, такъ какъ его высокостепенство очень озабочено узнать поскорѣе, во-первыхъ въ добромъ здоровьи и хорошо ли провели насъ и достаточно ли заботились о насъ во время путешествія по его владѣніямъ.

На всѣ эти вопросы, конечно, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ въ наилучшемъ смыслѣ, съ добавленіемъ, что мы очень рады познакомиться съ достопочтеннѣйшимъ перваначи и

¹⁾ Окружной сборщикъ поземельной подати хараджа и танапа.

²⁾ Если и впредь будетъ встрѣчаться выраженіе „въ два свѣта“, то подъ нимъ всегда надо разумѣть нижнія окна (кои суть въ то же время и двери, выходящія на террасу съ сѣверной, сѣверо-восточной или же сѣверо-западной стороны) и соответственный имъ рядъ верхнихъ оконъ въ той же стѣнѣ. Эти послѣднія, почти всегда при одинаковой ширинѣ съ нижними, никогда не бываютъ равномерной съ ними длины, а всегда либо на половину, либо на двѣ трети ниже и иногда закарниваются сверху стрѣлчатымъ сводомъ, будучи всегда снабжены либо рѣзною деревянною, либо узорчато-ажурною гипсовою рѣшеткою безъ стеколъ, которая на зиму въ иныхъ случаяхъ застывается коленкоромъ или тонкою бумагой, въ родѣ китайской. Нижнія окна-двери всегда имѣютъ двустворчатые деревянные ставни, украшенные рельефомъ рѣзбой.

³⁾ Подушки-зальки

⁴⁾ Перваначи, или пярваначи, въ военномъ смыслѣ равняется полному генералу. Обязанность его, между прочимъ, состоитъ въ объявленіи чина получившему оный и въ затыканіи эмирскаго ярлыка за чалму его. Въ чинѣ перваначи могутъ быть повышаемы только лица, принадлежащія къ сословию ругъ-даръ, то есть родовитыхъ узбековъ, предки коихъ ознаменовали себя постоянною службой и усердіемъ бухарскимъ эмирамъ.

надѣмся, что наше съ ними знакомство не ограничится лишь настоящимъ официальнымъ свиданіемъ.

При этомъ князь предложилъ ему садиться, и перваначи занялъ первое мѣсто, въ креслѣ по правую его руку.

Въ то же время на улицѣ раздались звуки барабановъ и кавалерійскихъ трубъ, игравшихъ нѣчто въ родѣ нашего «похода».

Токсаба объяснилъ, что это почетный конвой, присланный высокостепеннымъ эмиромъ для сопровожденія посольства, отдастъ должную по уставу воинскую почесть только что прибывшему Али-Мадату топчи-баши ¹⁾, и музыканты играютъ ему «встрѣчу».

Минуты двѣ спустя послѣдовалъ докладъ, что топчи-баши проситъ позволенія представиться главѣ русскаго посольства, и вслѣдъ затѣмъ въ залу вошелъ худощавый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ персидскаго типа, въ довольно высокой бобровой шапкѣ и въ темно-фіолетовомъ бархатномъ сюртукѣ мундирнаго персидскаго покроя. Рукава, грудь и полы его были украшены серебрянымъ шитьемъ, изображавшимъ длинные листья лилій; вдоль груди шли два ряда (по шести) гладкихъ мѣдныхъ пуговицъ; на плечахъ—серебряные витые эполеты со штабъ-офицерскими кистями; на поясной серебряной портупей висѣла богатая кривая сабля въ золотыхъ ножнахъ, украшенныхъ бирюзой и сердоликами. Отреккомендовавшись князю, топчи-баши заявилъ, что присланъ своимъ высокимъ повелителемъ сопровождать посольство при вѣздѣ въ Шааръ во главѣ почетнаго гвардейскаго конвоя.

Подала чай -членамъ посольства въ стаканахъ, вставленныхъ въ серебряные подставки русской чеканной работы, а бухарскимъ сановникамъ—въ китайскихъ фарфоровыхъ чашкахъ безъ ушковъ и блюдецекъ, по мѣстному обыкновенію.

Заявъ второе мѣсто (подлѣ перваначи), топчи-баши заявилъ, что высокостепенный эмиръ соизволилъ назначить намъ въ конвой сорокъ одного офицера изъ числа ротныхъ командировъ и двѣсти амальдоровъ, отборныхъ гвардейскихъ всадниковъ, въ числѣ чора-баши (подпрапорщиковъ), а при нихъ военный хоръ изъ двадцати музыкантовъ. При этомъ топчи-баши со скромной улыбкой прибавилъ, что, конечно, это не то, что русская армія; что мы, безо всякаго сомнѣнія, привыкли къ виду далеко не такихъ войскъ, но... это-де все что есть у насъ лучшаго.

Князь поспѣшилъ завѣрить его, что напротивъ, насколько онъ, князь, до сихъ поръ слышалъ о бухарскихъ войскахъ, все и всегда

отзывались о нихъ съ большими похвалами, и что теперь, слыша звуки ихъ музыки, онъ выражаетъ полную свою увѣренность, что войска бухарскія всегда будутъ достойными соратниками войскъ русскихъ, если Богъ сведетъ ихъ противъ какого-либо общаго врага,—потому что враги у насъ могутъ быть только общіе,—но что никогда, и ни въ какомъ случаѣ, конечно, русскія и бухарскія войска не встрѣтятся болѣе другъ противъ друга.

Этотъ отвѣтъ очень понравился всѣмъ присутствовавшимъ бухарцамъ, видимо произведя на нихъ наилучшее успокоительное впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, что онъ пріятно щекоталъ ихъ самолюбіе.

Допив свой чай, бухарскіе сановники вѣжливо поднялись съ мѣстъ, и въ лицѣ перваначи заявили, что не смѣютъ насъ долѣе беспокоить, такъ какъ мы, безъ сомнѣнія, хотимъ съ дороги закусить и нѣсколько отдохнуть; но что потомъ, когда намъ пожелается продолжать путь, они въ полномъ своемъ составѣ будутъ къ нашимъ услугамъ.

И затѣмъ сановники очень любезно откланились.

Воспользовавшись ихъ уходомъ, мы вышли на балконъ, чтобы взглянуть на амальдоровъ, и сверхъ всякаго ожиданія намъ представилось зрѣлище довольно красивое. У подошвы кургана, прямо предъ воротами старой цитадели стояли выстроившись конные музыканты въ зеленыхъ мундирахъ и высокихъ барашковыхъ шапкахъ. Между ними уморительны были только торчавшие впереди всѣхъ два турецкіе барабана, приспособленные какимъ-то образомъ поперекъ сѣдла, такъ что барабанщикамъ приходилось сидѣть уже не въ сѣдлѣ, а на крупахъ своихъ лошадей. Изъ-за массивныхъ барабановъ едва лишь выглядывали ихъ островерхія шапки да растопыренные руки. Позади музыкантовъ стояла конная толпа офицеровъ, одѣтыхъ въ форменные чекмени, съ галунами и газырями на груди, покроемъ въ родѣ нашихъ конно-иррегулярныхъ кавказскихъ. На всѣхъ красовались серебряные конные эполеты русскаго образца со штабъ-офицерскими кистями. Въ цвѣтѣ этихъ мундировъ замѣчалась нѣкоторая пестрота: у однихъ черные, у другихъ темно-синіе, у тѣхъ красные, у этихъ бирюзовые, зеленые, гороховые, сѣрые, чему соответствовали и цвѣтъ тульи на высокихъ островерхихъ шапкахъ изъ черной мерлушки. Подъ всѣми были хорошія верховыя лошади, отличавшіяся богатствомъ уборовъ, гдѣ не было недостатка въ наборномъ серебрѣ, бирюзѣ, шелковыхъ кистяхъ и расшитыхъ блесками бархатныхъ попонахъ.

Позади, подъ прямымъ угломъ къ этой красивой группѣ, стояли два эскадрона амальдоровъ на легкихъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы карабагировъ. Эскадроны двухъ-

¹⁾ Топчи-баши—начальникъ артиллеріи бухарской арміи.

шереножного строя съ замыкающими унтер-офицерами, подобно нашему, были выстроены въ дивизионную колонну справа, и равненіе ихъ отличалось полной безукоризненностью. Карабины свои они держали въ правой рукѣ «на изготовку», уперевъ пятаку приклада въ бедро и наклонивъ конецъ дула впередъ, совершенно такъ-же, какъ держали у насъ свои винтовки горцы Императорскаго конвоя. На правомъ флангѣ колонны были выстроены въ двѣ шеренги восемь трубачей въ зеленыхъ чекменяхъ и желтыхъ чембарахъ. Въ рядахъ же люди были одѣты въ бѣлые чекмени съ алыми воротниками, погонами и нагрудными кармашками; на ногахъ алая чембара, заправленные въ голенища высокихъ сапогъ нашего же военного образца; головной уборъ—баранья шапка такой-же формы, какъ и у офицеровъ, съ алой тульей. Что же до вооруженія, то увы!—оно далеко не блистало не только единообразиемъ, но и исправностью. При помощи бинокля я разглядѣлъ, что большинство, въ особенности въ переднихъ шеренгахъ и въ замкѣ, было вооружено пистонными карабинами, но въ заднихъ шеренгахъ попадались и кремневые, даже чуть ли не было фитильныхъ: что-то ужъ очень на нихъ смахивали мелькавшія кое-гдѣ огнестрѣльные дубины, ярко выкрашенныя сурикомъ. Одни изъ карабиновъ были длиннѣе, другіе короче; высовывались и просто длинныя семилнейныя ружья. Словомъ, тутъ былъ коллективированъ всякій арсенальный хламъ, случайно добытый съ разныхъ сторонъ и въ разное время. Замы на ружьяхъ тоже далеко не всё въ исправности: видѣлись и такіе, что держались на своемъ мѣстѣ лишь при помощи ремешка или бичевки. Не было единообразія и въ холодномъ оружьи (каждый амальдоръ, кромѣ карабина, вооруженъ еще и саблей), между конемъ на половину встрѣчались кривые афганскіе и хорасанскіе клинки, на половину клычи, да попадались у ливыхъ и англійскія, и русскія пѣхотныя, и кавалерійскія сабли, и казачьи шашки. Въ этомъ отношеніи всякъ молодецъ былъ на свой образецъ. Но единообразный нарядъ амальдоровъ, издали казавшійся очень красивымъ, ихъ прекрасныя легкія лошади съ огонькомъ и эта стройность равненія производили на первый взглядъ очень благоприятное военное впечатлѣніе, и тѣмъ досаднѣе было глядѣть на такое безобразно-сбродное вооруженіе отборной гвардіи бухарскаго владыки. Впрочемъ, какъ картина, съ художественной точки зрѣнія, въ общемъ все это являлось весьма красивымъ. Жаль только, что такому зрѣлищу не соотвѣтствовала погода: мелкій непрерывный дождь, начавшійся незадолго до прибытія нашего въ Урта-курганъ, немилосердно мочилъ этихъ нарядныхъ всадниковъ.

Вернувшись съ балкона въ залу, видимъ мы,

что бухарскіе джигиты одинъ за другимъ таскаютъ къ намъ всякаго достархана цѣлые вороха и горой наваленныя подносы, которыми уже сплошь заставили цѣлый уголъ залы аршинъ въ семь длиной да въ четыре шириной. Но увы, все это разныя сласти, печенія да фрукты, а существеннаго, то-есть обѣщаннаго завтрака все нѣтъ какъ нѣтъ. А ѣсть между тѣмъ уже и очень таки хочется.

— Когда-же, наконецъ, завтракъ?—Чего это они тамъ замѣшкались?

На это нашъ Асланбекъ заявляетъ, что завтракъ уже давнымъ-давно готовъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ только что мы сюда пріѣхали.

— Такъ зачѣмъ же не подають?

— Ожидаютъ, когда вашей свѣтлости угодно будетъ приказать. Дѣло только за вами.

— Да бытъ не можетъ!—удивился князь.

— Могу васъ увѣрить; я самъ слышалъ распоряженіе токсабы.

Хорошо, что выяснилось въ чемъ дѣло, а то мы, по недоразумѣнію, и Богъ вѣсть сколько времени заставляли бы ихъ прождать, между тѣмъ какъ тѣ, бѣдняки, стоятъ подъ дождемъ да мокнуть.

Черезъ минуту джигиты внесли изобильный завтракъ: прекрасный бульонъ съ кореньями и мелкими говяжьими катышками (фрикадель); паровой пловъ по-персидски, гарнированный молодой ягнятиной, курами, горными куропатками и фазанами; говяжьи рубленныя котлеты по-персидски, на видъ въ родѣ польскихъ аразъ, изъ которыхъ каждая обфиллетъ со всѣхъ сторонъ сваренное въ крутую яйцо; каурдакъ, жареный барашекъ и еще, и еще, и еще что-то, чего ни съѣсть, ни перечислить! А въ заключеніе—зеленый чай. Наши почетные проложатые, сановники и всѣ офицеры эскорта въ это же время завтракали въ особомъ помѣщеніи.

Окончивъ эту чересчуръ уже изобильную трапезу, мы, согласно требованіямъ мѣстнаго этикета, выждали столько времени, сколько заранѣе было условлено съ Рахметъ-Уллой, то есть ровно часъ, и въ часъ пополудни стали облекаться въ свои дорожные костюмы. Въ это время трубачи на улицѣ заиграли «сборъ», и когда мы вышли изъ воротъ къ экипажамъ, то нашъ почетный эскортъ уже успѣлъ растянуться шпалерой въ одну шеренгу вдоль пути справа. На лѣвомъ, ближайшемъ къ намъ, флангѣ, сталъ хоръ музыкантовъ, затѣмъ корпусъ офицеровъ и, наконецъ, амальдоры. При появленіи посольства раздалась команда топчи-баши, по которой трубачи заиграли «встрѣчу», а офицеры, бывшіе въ строю, отсалютовали саблями совершенно такъ же, какъ и у насъ; ротные же командиры, въ числѣ сорока одного человѣка, взяли, какъ говорится, «подъ козырекъ», хотя у нихъ козырьковъ и не полагается. Проѣзжая мимо, князь, въ свою очередь,

отвѣчалъ имъ отданіемъ чести, и тутъ мы замѣтили на нѣкоторыхъ изъ нихъ ордена: персидскій «Льва и Солнца» и еще какія-то мусульманскія звѣзды. Можетъ статься, то были знаки новаго ордена «Восходящей звѣзды Бухары».

Поѣзду нашему предшествовала цѣлая кавалькада пестрыхъ джигитовъ и десятка два всауль-башей, въ бараньихъ шапкахъ и красныхъ чекменяхъ, съ высоко торчавшими изъ за пояса тростями. То были ординарцы перваначи, топчи-баша и втерашнихъ бековъ. Въ первомъ экипажѣ ѣхали оба посла, за ними часть казачьяго конвоя; затѣмъ въ коляскѣ князя сидѣли перваначи, а остальные слѣдовали верхами. Поѣздъ замыкался хоромъ музыкантовъ, кавалькадою ротныхъ командировъ и, наконецъ, дивизиономъ амальдоровъ въ колоннѣ справа по шести. Музыканты все время играли разные восточныя мелодіи, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены были своеобразной красоты и пріятности, хотя, конечно, все это игралось въ унисонъ, ибо азіатская музыка, какъ извѣстно, не знаетъ гармонизаціи. Между прочимъ, въ числѣ этихъ мелодій попалась намъ и старая знакомая, обработанная Иоганномъ Штраусомъ, въ его извѣстномъ «Персидскомъ маршѣ»; только здѣсь она явилась въ своемъ естественномъ видѣ, безъ прикрасъ европейской арранжировки, и нельзя сказать, чтобы отъ этого потеряла особенно много. Хоръ состоялъ изъ трубачей (кайнарчи), кларнетистовъ (сурнайчи), флейтистовъ (балабончи) и барабанщиковъ (нагорачи). У первыхъ были обыкновенныя свгальныя трубы; инструментъ же вторыхъ—*сурна*, собственно говоря, есть не совсѣмъ кларнетъ въ европейскомъ родѣ, а скорѣе дудка съ переборами, издающая нѣсколько рѣзкіе, но яснаго тона звуки. У нея имѣется особаго устройства деревянный амбушюръ, выточенный въ видѣ челночка и насаженный на тростинку, которая вставляется въ дудку; челночекъ во время игры плотно прилагается къ губамъ музыканта, совсѣмъ покрывая ихъ собою, и чтобы извлечь посредствомъ его изъ инструмента музыкальный звукъ, надо дуть въ тростинку очень сильно, что есть мочи, насколько можно судить о томъ на глазъ по крайней степени напряженія надутыхъ щекъ музыкантовъ. Третій инструментъ—*балабонъ*, есть не что иное, какъ чеканъ съ переборами и клананами, сдѣланный изъ латуни и какъ по конструкціи, такъ и по характеру звуковъ довольно близко подходящий къ своему европейскому собрату. Что же до барабановъ—*нагоръ*, то тутъ были всякіе: и турецкіе, и обыкновенные, длинные и короткіе, мѣдные и лубковые, и всѣ они составляли неизмѣнный, но безъзвучный громкій аккомпанементъ ко всякой пьесѣ.

Музыканты чередовались между собою,

какъ у насъ гарнисты и хоръ. Въ первой очереди играли трубачи, во второй—сурны и балабонны, но злосчастнымъ нагорачамъ приходилось работать на своихъ барабанахъ и съ тѣми, и съ другими безъ передышки.

Шесть верстъ ѣхали мы медлительнымъ шагомъ садами предмѣстья, которое состоитъ изъ двухъ якобы городовъ—Урта-кургава и Шемотана, разграниченныхъ между собою только обыкновеннымъ арыкомъ. Но эти города хотя и имѣютъ каждый свою особую администрацію, въ сущности не болѣе какъ два участка одного и того же пригорода⁴⁾. Точно такимъ же пригородомъ соединяется и городъ Шааръ съ городомъ Китабомъ, имѣющимъ свою особую городскую стѣну и цитадель, а все это вмѣстѣ, окруженное нѣкогда одною общою стѣной, остатки коей сохраняются и нынѣ, составляетъ то, что называется Шахрисебсомъ—«зеленымъ городомъ», который съ прилежащими къ нему землями и кишлаками (всего приблизительно около 40 квадратныхъ миль) пользовался до нынѣшняго эмира правами особаго полунезависимаго владѣнія, часто бунтовался и велъ иногда даже войны съ Бухарой.

Въ исторіи Средней Азіи Шахрисебсъ знаменитъ какъ родина и наслѣдственный удѣлъ Тимуридскаго.

Наконецъ приблизились мы къ высокой глинобитной стѣнѣ съ зубчатыми бойницами, окружающей городъ Шааръ, и въѣхали въ одинъ изъ ея воротъ, называемыя Чиракисскими (Дарвазия Чиракчи). Ворота эти представляютъ собою двѣ круглыя, усѣченно коническія башни, построенныя изъ жженого кирпича и соединенныя между собою въ верхней своей части промежуточною надстройкой съ узкими окнами, приспособленными къ оборонѣ подворотнаго пролета. Непосредственно за стѣной начинаются лавки одного изъ городскихъ базаровъ, чайныя дома (чайна-хане), опійныя курильни (кукнаръ-хане) и слѣбныя заведенія, гдѣ на воздухѣ и варятъ, и пекутъ, и жарягъ, отчего на весь околосокъ распространяется смрадный чадъ кунджутнаго масла.

Несмотря на дождь, по сторонамъ улицъ и въ лавкахъ толпились массы зрителей, но то были исключительно мужчины. Изрѣдка

⁴⁾ Каждый городъ, по средне-азіатскимъ установленіямъ, сколько бы ни былъ онъ незначителенъ самъ по себѣ, обязательно долженъ имѣть цитадель (акръ, урда) и кромѣ того глинобитную стѣну. Все, что соединено въ предѣлахъ этой стѣны, называется городомъ, а что вѣея, то—предмѣстья. Сверхъ того, въ городѣ обязательно должны быть три мечети, изъ коихъ одна, главная, должна вмѣщать въ себѣ все населеніе даннаго города и называется она *джума* или *ожама*; въ ней обязательно совершается по пятницамъ чтеніе намазъ-джума.

лишь показывались кое-гдѣ у дверей дѣвочки отъ семи до девятилѣтняго возраста, но не старше; женщины же взрослыхъ вовсе не было среди этой толпы. Ихъ можно было замѣтить лишь за рѣшетками рѣдкихъ оконъ или въ глубинѣ темныхъ сѣней, но инны ухитрились таки украдкой выглянуть иногда на полглаза пѣз-за забора, да и то не иначе, какъ въ почтительномъ отдаленіи. Это, какъ видно, совсѣмъ не то, что наши ташкентскія сартянки, уже попривыкшія къ русскимъ: тѣ въ подобныхъ случаяхъ общественной томаши унижаютъ всѣ плоскія кровли своихъ домовъ и толнятся въ дверяхъ и даже на улицахъ, а которая хорошенькая, такъ возьметъ еще да будто бы нечаянно, забывшись, и отведетъ съ лица свой «чиметь» и раздвинетъ полы «паранджи» *) — «на, молъ, кяфыръ, полюбуйся!»

Музыканты, чередуясь между собою, не переставали играть все время, пока мы ѣхали по городскимъ улицамъ, и громкіе звуки ихъ инструментовъ, видимо, привлекали на путь нашего слѣдованія все новыхъ и новыхъ любопытныхъ зрителей. Поэтому двигаться впередъ съ каждой минутой становилось затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что толпы мальчишекъ, заглядывая намъ въ лицо и рискуя при этомъ упасть подлѣ лошадей или подлѣ колеса, гурьбами бѣжали въ припрыжку со всѣхъ сторонъ рядомъ съ нашимъ экипажемъ. Словомъ, вышла «балшой томаша», какъ говорятъ наши ташкентскіе сарты.

Но такимъ улицамъ, гдѣ развороченные камни представляли собой яко бы мостовую, заставлявшую насъ въ экипажѣ испытывать жесточайшую тряску, привезли наконецъ наше посольство въ кварталъ Таки-Чинаръ, получившій свое названіе отъ древняго — очень красиваго платана, произрастающаго въ центрѣ квартала. Это дерево оказалось какъ разъ за глинобитнымъ заборомъ отведеннаго намъ дома, такъ что его могучія раскидистыя вѣтви осѣняли и часть нашего двора. Помѣстили насъ въ посольскомъ домѣ (михманъ-хана), который обыкновенно отводится подлѣ русскихъ гостей и посольства, когда таковыя привѣщаютъ въ Шааръ.

Съ азіатской точки зрѣнія михманъ-хана представляетъ достаточно комфорта и простора. Въ переднемъ или наружномъ дворѣ его (ташкери) помѣщается все, что относится къ мужскому хозяйству, какъ-то: конюшни, сарай, сѣновалы, амбары и мужская приемная, то есть то, что на Кавказѣ называется «кунак-

скал». Во второмъ смежномъ дворѣ слѣва — кухни и сакли для прислуги, а также голубятня, курятникъ, сушильни для винограда, погреба для зимнихъ запасовъ дынь, арбузовъ и разныхъ фруктовъ, — словомъ, это дворъ домохозяйственный. Въ третьемъ, или внутреннемъ дворѣ (ишкери) находятся чистыя помѣщенія, служащіе обыкновенно для гарема, а въ заднемъ задворкѣ отведено мѣсто подлѣ склада топлива и вообще для разнаго годнаго и негоднаго хозяйственного хлама. Ишкери со всѣхъ четырехъ сторонъ, кромѣ прохода, ведущаго въ наружный дворъ, обнесены широкими террасами, вышиною около аршина, гдѣ въ лѣтнее время разбиваются цвѣтныя палатки, а внутренняя часть его занята квадратнымъ прудкомъ (хаузъ), который, въ случаѣ надобности, наполняется водой изъ протекающаго черезъ дворъ арыка.

Наружный ворота, ведущія съ улицы въ ташкери, образуютъ крытый проходъ, въ родѣ корридора, который съ половины своей длины заворачиваетъ во дворъ подлѣ прямымъ угломъ или, какъ говорится, «глаголемъ» (Г), для того чтобы ничей посторонній нескромный глазъ не могъ, хотя бы даже случайно, подглядѣть съ улицы, что у васъ дѣлается въ домѣ *). По всей длинѣ подворотнаго прохода тянутся вдоль стѣнъ глинобитныя скамейки, надъ которыми продѣланы довольно углубленные ниши, служащія мѣстомъ ночлега для караульных сарбасовъ (солдатъ), такъ какъ здѣсь, подлѣ воротами, обыкновенно располагается почетный караулъ при офицерѣ, отбывающій свою очередь безсмынно на все время пребыванія посольства въ Шаарѣ.

При вѣздѣ нашемъ во дворъ, этотъ караулъ былъ выстроенъ на улицѣ у воротъ, и, признаюсь, насъ очень удивило, когда его начальникъ, персіянинъ, весьма отчетливо скомадовалъ по-русски: «Смирно! на пле-чѣ!.. Слушай, на кра-улѣ!» Но впоследствии оказалось, что въ бухарскихъ войскахъ принято всѣ главнѣйшія командныя слова произносить по-русски.

Комнаты, отведенныя для посольства, отличались нѣкоторыми приспособленіями, видимо имѣвшими цѣль приблизить ихъ къ условіямъ

*) Чиметь — сѣтка изъ конскаго волоса, покрывающая лицо женщины, а паранджи — длинный, почти до земли, женскій халатъ, преимущественно синяго цвѣта, накидываемый на голову, безъ котораго ни одна сартянка не выйдетъ на улицу.

*) Такой способъ постройки наружныхъ входовъ принятъ въ средне-азіатскихъ городахъ повсемѣстно, будучи освященъ стародавнимъ обычаемъ, именно ради неприкосновенности домашняго быта, которая уважается всѣми настолько, что ни одинъ обыватель никогда не позволитъ себѣ заглянуть черезъ заборъ или съ кровли своей сакли въ сосѣдскій дворъ, почитая это не только за верхъ неприличія, но и за дѣяніе прямо оскорбительное для сосѣда, за которое тотъ можетъ притянуть оскорбителя къ суду. Впрочемъ, правило это не касается женщинъ, которыя зачастую пользуются кровлями для разговора или перебранки съ сосѣдками, если во дворѣ на эту пору нѣтъ ни одного мужчины.

той жизни, къ какой мы привыкли у себя дома. Такъ, въ каждой изъ нихъ стояло по одной маленькой переносной печкѣ изъ листового желѣза; верхнія окна затянуты были колѣнкоромъ, а въ нижнія вставлены тоненькія стеклычатыя рамы, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало холодному воздуху неприспавно проникать къ намъ извнѣ сквозь ихъ незамазанныя щели; стѣны, вмѣсто обоевъ, были сплошь обиты ярко-цвѣтнымъ московскимъ ситцемъ съ такими оригинальными и красивыми рисунками, какихъ вы никогда не увидите въ Россіи, такъ какъ эти специальные сорта ситцевъ изготовляются нѣкоторыми нашими фабриками исключительно для средне-азиатскихъ рынковъ; глиняные полы были сплошь застланы коврами, — словомъ сказать, навсѣмъ замѣчалась забота придать этому помѣщенію какъ можно болѣе удобства и уютности. Въ приемной комнатѣ стоялъ изобильный достарханъ, перемѣнявшійся потомъ чуть не каждое утро, и такъ какъ въ ней пришлось помѣститься князю, то она, по его выраженію, обратилась въ кондитерскую лавку, которая привлекала къ своимъ сластямъ множество мухъ, пробужденныхъ отъ зимняго опѣшенія, благодаря исправной топкѣ желѣзной печи. Это являлось очень большимъ неудобствомъ, но... ради этикета невозможно было отказаться отъ ежедневна подновляемаго достархана или приказать вынести его куда-либо въ другое мѣсто: онъ неукоснительно долженъ былъ оставаться въ комнатѣ главнаго посла во все время пребыванія посольства въ этомъ городѣ.

Сопровождавшіе насъ сановники, введя посольство въ домъ, ради этикета разсѣлись съ нами вокругъ достархана, но черезъ минуту посиѣли откланяться, отговариваясь тѣмъ, что послѣ такого утомительнаго пути дорогимъ гостямъ ихъ повелителя прежде всего нужно полное отдохновеніе.

Но на дѣлѣ отдохновеніе настало для насъ еще не скоро: не успѣли сановники удалиться со внутренняго двора, какъ процессія джигитовъ, по-вчерашнему, гуськомъ, уже направилась съ кухоннаго двора въ нашу приемную съ дымящимися блюдами, и двое приставовъ съ почтительной любезностью пригласили насъ откусать. Этикетъ на Востокѣ — прежде всего, и ради этикета сколько бы вы ни были сыты, но отказаться отъ ѣды не имѣете права, а иначе покажете себя большой руки невѣжей. Но ѣсть надо не скоро, не торопясь, а такъ сказать «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», потому что быстрая ѣда, все равно какъ и громкій разговоръ, опять-таки — невѣжество, нарушеніе этикета. Здѣсь все надо дѣлать не торопясь, съ подобающею важно-стію и достоинствомъ. На этотъ разъ въ *тепи* обѣда фигурировали главнѣйшимъ образомъ разнообразныя супы и похлебки: супъ съ фри-

каделью, супъ съ капустой, супъ съ кореньями, пельмени въ бульонѣ, лапша, бульонъ говяжій, бульонъ куриный, шурпа изъ баранины, разварная ягнятина съ соусомъ изъ сметаны съ чеснокомъ (бырлю) и пр. Все это было очень вкусно, но каково было все это ѣсть послѣ недавняго завтрака, который самъ по себѣ стоялъ добраго обѣда! А ничего не подѣлаешь.

Во время обѣда, случайно взглянувъ въ окно, я увидѣлъ во дворѣ у насъ предлюбопытную сценку: казачій «приказный» съ обнаженной шапкой рядомъ съ бухарскимъ дяхъ-баши^{*)}, за которымъ слѣдовалъ альяманъ (рядовой); и тотъ и другой, съ ружьями на-плечо, шли смѣнять съ поста казака-часового, выставленнаго предъ входомъ въ помѣщеніе князя. Смѣна казака альяманомъ произошла по приемамъ нашего устава, который, какъ видно, довольно знакомъ бухарскимъ сарбазамъ. Съ этой минуты до дня нашего отъѣзда изъ Шаара караульный постъ на внутреннемъ дворѣ занимали исключительно сарбазы. Прочіе посты выставлялись отъ ихъ же караула: одинъ у внѣшнихъ воротъ при помѣщеніи караульнаго взвода, другой на особомъ экипажномъ дворѣ и третій при кухнѣ.

Послѣ обѣда явился Рахметъ-Улла токсаба для переговоровъ насчетъ дня представленія посольства эмиру. Условились, что представимся завтра.

Вечеромъ, въ девятомъ часу, казаковъ вывели въ строй къ «зорѣ», которую протрубилъ имъ трубачъ, послѣ чего люди согласнымъ хоромъ пропѣли обычныя молитвы. Караульные сарбазы издали съ живымъ любопытствомъ смотрѣли на эту церемонію, перекидываясь между собой какими-то замѣчаніями; но чуть лишь раздалось пѣніе молитвъ, какъ они вдругъ замолкли и выслушали ихъ стоя, даже съ нѣкоторымъ чувствомъ если не благоговѣнія, то уваженія, подобающаго молитвѣ, кто бы ни произносилъ ее. Черта, вовсе не выдающая къ здѣшнихъ мусульманахъ особеннаго религіознаго фанатизма.

^{*)} Приказный у казаковъ и дяхъ-баши (десятникъ) у бухарскихъ сарбазовъ соответствуютъ чину ефрейтора.

IV.

Въ Шаарѣ.

Видѣсто аудіенціи въ баню — Базарная публика. — Прелести восточныхъ бань. — Верхомъ или въ коляскахъ? — Торжественное слѣдованіе посольства на «сеіамъ» къ эмиру — Придворные чины. — Первая аудіенція у эмира. — Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій, и его наружность. — Его тронъ и приемная зала. — Его разговоръ съ первымъ посланцемъ. — Особенности мѣстаго придворнаго этикета. — Визитъ къ перваначи. — Размѣны взаимныхъ подарковъ. — Нѣчто о жалованныхъ халатахъ и о царедворцахъ вообще. — Томаша при возвращеніи посольства изъ дворца. — Театръ марionетокъ и пляски батчей. — Цѣлебныя свойства гранатаго сока. — Казнь скорпіона. — Переговоры относительно телеграфной линіи. — Визитъ къ беку Балджанскому. — Шаарскій базаръ и нѣчто о нашей средне-азиатской торговлѣ. — Исчезновеніе токсабы. — Посѣщеніе бека Дарвазскаго. — Путешествующіе стулья. — Скупщики подарочныхъ вещей. — Историческія достопримѣчательности Шаара: могила Хазрати-Шейха и Акъ-Сарай Тимур-ленга. — Визитъ къ беку Кулябскому. — Во что обходится населенію посѣщенія различныхъ бекствъ эмиротомъ. — Глазная болѣзнь. — Оригинальный концертъ. — Деша М. Г. Черняева. — Вторая аудіенція у эмира и егорѣчь. — Досарханъ и томаша въ зеркальной залѣ. — Придворные батчи и маскарабы. — Муниципальная зоря съ церемоніей въ Шаарѣ. — Третья аудіенція у эмира. — Въ чемъ заключается шаткость положенія бухарскаго владыки. — Отношеніе къ намъ горожанъ-бухарцевъ и евреевъ. — Бухарскіе евреи. — Лагерь бухарскихъ войскъ. — Ихъ одежда, вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе, расквартированіе и способъ рекрутирования. — Визитъ къ топчи-баши. — Смотръ и ученье баталіона гвардейскихъ сарбазовъ. — Парадный выѣздъ эмира въ городскую мечеть. — Прощальная аудіенція у эмира. — Отъѣздъ посольства изъ Шаара.

30-го декабря:

Утромъ, часовъ около девяти, пришелъ Рахметъ-Улла, которому князь предложилъ осмотрѣть подарки, привезенные для эмира. Любовавшись на роскошные ткани и серебряныя вещи и оставшись доволенъ ими какъ въ отношеніи изящества и массивности, такъ и количества вещей, которое, очевидно, превзошло его ожиданія, Рахметъ-Улла откланялся и, разумеется, тотчасъ же побѣжалъ въ аркъ (дворецъ) доложить перваначи, что вотъ, молъ, какіе подарки и сколько ихъ.

Черезъ полчаса, когда мы были почти уже готовы ѣхать на «сеіамъ»¹⁾, токсаба прибѣжалъ снова, съ очень озабоченнымъ видомъ, и заявилъ князю, что высокостепенный эмиръ проситъ посольство отложить, если возможно, представленіе ему до завтра.

— Но вѣдь завтра пятница, — возразилъ князь; — высокостепенный эмиръ, безъ сомнѣнія, поѣдетъ въ мечеть совершать свой пятничный намазъ?

— О, это ничего не значитъ! ничего не значитъ! — поспѣшилъ завѣрить токсаба. — Къ нама-

зу хазретъ поѣдетъ послѣ полудня, а посольство приметъ въ десять часовъ. А вамъ, — прибавилъ онъ тономъ убѣждающей дружеской просьбы, — вамъ, дѣйствительно, надо отдохнуть съ дороги, и его высокостепенство предлагаетъ всемъ членамъ посольства, если угодно, познаться пока съ нашими банями. Мы велимъ тотчасъ же приготовить для васъ самую лучшую.

Познакомиться съ настоящими восточными банями, на мѣстѣ, въ глубинѣ Средней Азіи, въ резиденціи самого хазрета, — это казалось такъ любопытно, такъ заманчиво, что на предложеніе токсабы мы тотчасъ же отвѣчали полнымъ своимъ согласіемъ. А кстати сказать, потомъ дошелъ до насъ такой слухъ, — не знаю, впрочемъ, насколько основательный, — будто хазрету нельзя представляться не омывъ предварительно свое грѣшное тѣло, и что омовеніе это должно совершаться не иначе, какъ въ общественной банѣ, дабы вся правотѣрная базарная публика во-очію видѣла, что «урусъ-кляфыры» дѣйствительно омылись прежде, чѣмъ были допущены до лицезрѣнія хазрета. Такъ ли это, не такъ ли, но выѣздъ нашъ въ баню, въ три часа дня, совершился даже не безъ нѣкоторой торжественности.

Началось съ того, что явился къ намъ одинъ изъ посольскихъ приставовъ и съ подобающей важностью любезно заявилъ, что баня мѣстетъ въ нѣмѣ своихъ горячихъ паровъ въ ожиданіи нашего счастливаго посѣщенія (попросту сказать, что баня готова) и верховыя лошади уже бьютъ во дворѣ копытомъ нетерпѣнія, въ чаяніи нашего благополучнаго выхода. Затѣмъ не обошлось безъ отдаванія почести со стороны почетнаго караула при выѣздѣ изъ воротъ, а по улицамъ нашей кавалькадѣ предшествовали двое эсаулъ-баши, указывавшихъ дорогу и подворававшихъ мимоходомъ порядокъ въ базарной толпѣ, когда послѣдняя, по своей тѣснотѣ и изъ любопытства, порой мѣшала свободному проѣзду. Тутъ уже нагайки нашихъ почетныхъ блюстителей общественнаго порядка безъ всякой церемоніи гуляли по правотѣрнымъ спинамъ и плечамъ, не возбуждая, впрочемъ, ни малѣйшаго ропота и протеста, кромѣ обыкновеннаго почесыванья, — напротивъ, и огрѣтые и не огрѣтые даже пріятно ослаблялись другъ на друга, дескать: что, братъ, здорово отвѣдалъ? словно бы такъ тому дѣлу и быть надлежитъ. Грязь на улицахъ стояла невообразимая, густая какъ каша и вонючая до того, что даже и лошадямъ, повидимому, противно было ступать по ней. Последнюю часть пути проѣхали мы вдоль крытаго сверху базара, гдѣ мѣстные купцы-евреи, при видѣ русскихъ людей, изъявляли намъ знаки своей живѣйшей радости, прикладывали руку къ шапкѣ, кланялись въ поясъ и кричали по-русски: «здравствуйте! здравствуйте!» Мусульмане же

¹⁾ Поклонъ, привѣтствіе, визитъ; относительно эмира — первая аудіенція.

держали себя болѣе сдержанно, степенно, и только нѣкоторые изъ нихъ, въ знакъ привѣтствія, слегка сгибались въ поклоны, складывали на животѣ скрещенныя ладони.

Тутъ же, въ крытомъ базарѣ, находится и баня. Противъ ея входа помѣстился цѣлый хоръ страстныхъ дервишей-дувана—въ своихъ островерхихъ колпакахъ и живописныхъ лохмотьяхъ, съ тыквенными баклагами на поясахъ, точь-въ-точь такихъ, какъ на известной картинѣ В. В. Верещагина «Предъ дверями мечети». Они громкогласно привѣтствовали насъ довольно дикимъ гортаннымъ пѣніемъ, сопровождая его судорожными кривляніями и бѣніемъ себя въ перси, причемъ около десятка деревянныхъ чашекъ протягивалось къ намъ за милостыней. Имъ подали горсть серебряной мелочи, и дервиши, въ знакъ живѣйшей благодарности, потряхивая головой и проводя по щекамъ и бородѣ руками, прокричали намъ «Алла разы булыны!» «Рахметы!» и еще какія-то комплименты.

По темному узкому корридору, гдѣ что ни шагъ, то рискуешь либо поскользнуться въ слюкоту, либо оступиться на выбоинахъ кирпичнаго пола, привели насъ чуть не ощупью въ земной рай восточнаго человѣка, называемый баней. Мы очутились въ довольно просторной общей залѣ. Четыре высокія деревянные колонны поддерживали ея переборчатый, закопѣлый отъ времени потолокъ, посрединѣ коего, между капителями колоннъ, служилъ единственнымъ здѣсь окномъ, находилась квадратная, около аршина, отдушнина. Черезъ нее падалъ сверху яркій столбъ солнечнаго свѣта, блестящими дробившимися внизу на лужайцахъ кирпичнаго, глубоко врытаго въ землю помоста и мямлетомъ задѣвавшій часть разноцвѣтныхъ простынь, развѣшанныхъ для просушки между колоннами на протянутыхъ веревкахъ. На пространствѣ отъ цементированныхъ капитальныхъ стѣнъ съ многочисленными стрѣльчатыми нишами до группы четырехъ срединныхъ колоннъ, зала обрамлена съ трехъ сторонъ возвышенной досчатой эстрадой съ рѣзными рѣшетчатыми перилами, отъ которыхъ спускаются внизъ къ кирпичному помосту деревянные лѣсенки. А тамъ, внизу, зѣяетъ въ стѣнѣ, какъ черная пасть, дымящійся паромъ, сводчатый входъ въ горичную баню, по бокамъ котораго, на длинныхъ рундукахъ, идущихъ въ простѣнкахъ эстрады между лѣсенками, молча и неподвижно полудекаютъ и сидятъ въ разныхъ позахъ, а больше все поджавъ подъ себя ноги, разнообразныя группы братоголовыхъ мусульманъ, завернутыхъ въ простыни и вкушающихъ блаженное состояніе послѣбаннаго кейфа. Такія же группы, но уже въ болѣе комфортабельномъ положеніи, возлежатъ и на эстрадахъ, на деревянныхъ диванахъ, застланныхъ пестрыми одѣялами и коврами. Одни

изъ этихъ правотѣрныхъ еще находятся въ предвкушеніи кейфа, то-есть готовятся къ банѣ, другіе, уже вышедшіе изъ нея, предаются ему въ полной мѣрѣ. «Чилимчи»¹⁾, почтительно сгибались, подходить къ каждому изъ этихъ послѣднихъ съ раскореженнымъ чилимомъ и поочередно всовываетъ въ ротъ желающимъ прямой деревянный чубукъ для одной или двухъ затяжекъ табачнымъ дымомъ, сопровождаемыхъ пресмыслимымъ бурчаньемъ воды внизу чилима, послѣ чего, прежде чѣмъ подойти къ слѣдующему, чилимчи непременно оботретъ обмусленный конецъ чубука голый ладонью. А «самоварчи» въ то же время то копошатся около жаровни, на которой грѣются мѣдные кумганы и фарфоровые чайники, то подносятъ поочередно кейфующимъ сябаритамъ чашки съ зеленымъ чаемъ. Въ одномъ углу «сартаранъ» (цирюльникъ) брѣшетъ правотѣрному голову, а его товарищъ совершаетъ надъ другимъ операцію подстриганія усовъ надъ губой, послѣ того какъ остригъ ему ногти и сбрѣзалъ мозоли. Въ третьемъ мѣстѣ, бродячій знахарь съ окованнымъ сундучкомъ подъ мышкой, предлагаетъ желающимъ разныя масла, мази, насты и пластыри отъ всевозможныхъ недуговъ, а по секрету и возбуждательныя средства, выхваченныя изъ глубины достоинства первыхъ и чудодѣйственныя свойства послѣднихъ. У него же, кстати, продаются и какія-то благовонія, вмѣстѣ съ казанскимъ мыломъ. Наконецъ, еще одна особенность: въ дальнемъ уголкѣ, среди кучки любопытныхъ слушателей, сидятъ на корточкахъ сказочникъ и декламаторъ и мѣрнымъ, эническимъ тономъ повѣствуетъ вмѣстѣ, должно быть, скабрено смѣшное,—судя по выраженію ихъ физиономій, потому что порой изъ этого кружка раздаются взрывы сдержаннаго смѣха. Вообще, для художника въ родѣ Верещагина или Бенжамена Константа эта предбанная зала, съ ея оригинальной обстановкой и характерными группами, дала бы очень благодарный сюжетъ для жанровой картины.

На порогѣ залы церемонно встрѣтилъ насъ тучный содержатель бани и съ почтительными поклонами проводилъ въ особый уголокъ, завѣшанный, ради скромности, ковромъ, къ заранѣе приготовленнымъ для насъ диванамъ. Тотчасъ же около каждаго изъ насъ, словно изъ земли, выросло по одному банщику, которые проворно помогли намъ раздѣться, затѣмъ немедленно обернули вокругъ каждаго такъ называемую «простыню скромности» (лулги) и подсунули подъ ноги деревянные сандаліи. Послѣ этого, осторожно взявъ подъ руки и сведя ввязъ, они проводили насъ въ темную, какъ бы подземную залу, гдѣ въ первую ми-

¹⁾ Слуга, завѣдующій чилимомъ (мѣстный кальянъ) и разносящій его для куренія посѣтелямъ.

нута, за густыми волнами горячего пара, не видать было даже огоньковъ, теплящихся въ двухъ или трехъ настѣнныхъ чиракахъ. Но потомъ, когда мой глазъ попривыкъ къ этой полутьмѣ, я разглядѣлъ, что въ стѣнахъ залы подѣланы достаточно широкія и углубленные ниши, съ каменными скамьями, которыя нагрѣваются снизу изнутри, чрезъ паровыя трубы, и покрываются для большаго удобства посѣтителей кошками и простынями. Въ этихъ нишахъ обыкновенно и моются. Кроме того, въ разныхъ мѣстахъ видѣлись низенькіе входы, ведущіе въ отдѣльныя и совершенно темныя каморки, въ родѣ могильныхъ склеповъ, устроенныя для любителей наиболѣе сильнаго пара, гдѣ, однако, мнѣ показалось до того горячо и душно, что я не могъ выдержать тамъ и полуминуты, рискуя или задохнуться или умереть отъ удара. Съ этимъ милымъ мѣстечкомъ, составляющимъ верхъ наслажденій сего бухарскаго эдема, едва ли и нашъ всероссійскій полукъ можетъ сравняться. Къ счастью моему, банщикъ понялъ смыслъ того тона, какими я проговорилъ ему: «яманъ, ляманъ!» (не хорошо, скверно) и ошущью послѣднѣе вывести меня въ залу, температура которой показалась мнѣ теперь весьма сносною. Здѣсь усадилъ онъ меня въ одну изъ нишъ, переставилъ поближе чиракъ и приступилъ къ своему дѣлу.

Не стану описывать вамъ въ подробности всѣхъ предѣланныхъ надо мною манипуляцій и тонкостей восточнаго массажа, но не могу воздержаться, чтобы не представить, такъ сказать, его общей программы. Начинается операція съ потѣнья, и когда банщикъ найдетъ, что тѣло ваше уже достаточно распарилось, онъ принимается разминать и похлопывать васъ и надавливать плечи, ребра, бедра; тянетъ и перебираетъ суставы, встряхивая вамъ руки и ноги, такъ что суставы взаправду, какъ говорится, трещатъ и похрустываютъ, но вамъ отъ этого не больно. Затѣмъ заставляетъ васъ нагнуться впередъ, чтобы подставить ему спину, и начинаетъ выколачивать по ней дробь, словно котлеты рубить, ребрами вытянутыхъ ладоней, и тутъ же время отъ времени пощекотываетъ зачѣмъ-то подъ носомъ и за ушами, а наконецъ, въ довершеніе всѣхъ этихъ пыткуобразныхъ удовольствій, внезапно вскакиваетъ вамъ на поясницу, упираясь когтями въ спину, затѣмъ садится на нее верхомъ и принимается по васъ ерзать и прыгать, уминая кулаками ваши бока и лопатки и напряженно проводя большими пальцами вдоль становаго хребта, въ переборку между позвонками. При этомъ еще отъ усердія онъ все время сопитъ и кричитъ, и стонетъ. Все это, однако, очень скоро мнѣ надоѣло—хорошенькаго понемножку—и потому я приказалъ ему мыть себя просто; но оказалось, что просто мыть онъ не умѣетъ, и

видя, что искусство его не оценено по достоинству невѣжественнымъ кяфиромъ, послѣднѣе предѣлать надо мною заключительный актъ восточной бани, состоящій въ троекратномъ обливаніи пациента теплою водою изъ большой локани. Но послѣднее оказалось горше всего предшедшаго: первая вода, вылитая на мою голову, до такой степени припахивала какою-то вонючею гнилью, что я рѣшительно воспротивился повторенію надъ собою послѣдней операціи и съ безразличнымъ чувствомъ послѣднѣе выбраться изъ этого противнаго склепа на свѣтъ и воздухъ предбанной залы, тѣмъ болѣе, что по стѣнамъ ниши, къ довершенію всѣхъ прелестей, ползали отвратительныя мокрицы.

Одаривъ тучнаго хозяина шелковымъ халатомъ, а мучителямъ нашимъ выдавъ «силу», по серебряному рублю на брата, мы разстались съ «лучшею» изъ шахрисебскихъ бань. Каковы же худшія!.. Не знаю, какъ на кого, но что до меня, то я въ бухарскія бани больше не хожу. Благодарю васъ покорно!

— Нѣтъ господа,—справедливо замѣтилъ кто-то изъ нашихъ,—какъ хотите, но лучшія восточныя бани, какія я знаю, это Воронинскія въ Петербургѣ.

На возвратномъ пути эсаулъ-баши повели насъ уже другою, кратчайшею дорогою. По выѣздѣ изъ крытаго базара, въ сѣдельномъ ряду замѣтилъ я одну небольшую оружейную лавчонку, въ которой между разными хламомъ, въ родѣ кремневыхъ и ударныхъ ружей и пистолетовъ, тульской работы, висѣло нѣсколько афганскихъ и хорасанскихъ весьма порядочныхъ клинковъ, двѣ металлическихъ лятавы (тябляризы) и великолѣпный стальной щитъ старой хорасанской работы, украшенный вязевыми надписями въ медальонахъ и прекрасноразвѣтвленными узоромъ съ золотомъ насѣлкой по широкому бордюру. Эти три вещи съ четырьмя лучшими клинками были немедленно приобретены мною для моей оружейной коллекціи.

Послѣ обѣда опять явился токсаба якобы узнать, были ли мы въ банѣ, но въ сущности вовсе не за этимъ: все заговаривалъ онъ, что вотъ погода, слава Богу, какъ-жъ, поправляется, а потому завтра улицы непремѣнно будутъ еще чище, чѣмъ сегодня, что и теперь они уже значительно чище, чѣмъ были утромъ, а завтра и совсѣмъ будутъ чисты, такъ какъ для очистки ихъ уже наряжено много «мардекеровъ» (чернорабочихъ). Это онъ стороной приговаривалъ все къ тому, чтобы мы ѣхали представляться эмиру не въ экипажѣ, а верхомъ. Ужасно какъ имъ хочется этого, и все для того, что если мы поѣдемъ верхомъ, то этимъ въ глазахъ простонародья выкажемъ какъ бы болѣе почтительности къ хазрету; а въ коляскѣ будетъ очень ужъ пажно и неважно: одинъ хазретъ ѣздитъ здѣсь въ ко-

ляскѣ, а всѣ прочіе, не исключая и первѣйшихъ сановниковъ, не иначе какъ верхомъ.

— Ну ихъ!.. Если погода будетъ хороша, пожалуй, поѣдемъ верхомъ,—согласился князь по уходѣ таксабы,—но только сдѣлаемъ это совершенно неожиданнымъ для нихъ сюрпризомъ.

31-го декабря.

Въ 9^{1/2}, часовъ утра къ намъ явились Рахметъ-Улла и адъютантъ эмира, въ званіи мирахура. Токсаба былъ одѣтъ богато, но просто, въ прекрасный кашмировый халатъ, а на мирахуры красовались халаты изъ русской парчи, затканной золотыми травами по малиновому полю. Оба должны были препроводить насъ во дворецъ (аркъ) на «селямъ» къ эмиру.

Ровно въ десять часовъ мы отправились процессіей въ слѣдующемъ порядкѣ:

Во главѣ шествія — нѣсколько конныхъ эсауль-башей съ тростями; за ними посольскіе джигиты верхомъ, по два въ рядъ; за джигитами арбы съ подарочными вешами; за арбами токсаба и мирахуръ рядомъ, верхомъ; за ними частный ординарецъ князя Асланбекъ Карамурзаевъ; за Асланбекомъ послы въ коляскахъ. По сторонамъ коляски майоръ Байтоковъ и докторъ Эрнъ верхомъ, а позади казачій конвой съ обнаженными шашками. За конвоемъ — засѣданные лошади пословъ въ заводу у конныхъ джигитовъ и, наконецъ, личная прислуга членовъ посольства и джигиты, приставленные къ посольству отъ бухарскаго правительства.

По городу слѣдовали шагомъ, причѣмъ ради всенародной томашни везли насъ не прямымъ, а дальнѣйшимъ путемъ, черезъ болѣе людныя улицы, площади и базарные ряды. И дѣйствительно, томаша вышла большая: глазѣющаго народу было много; кучки мужичь толпились у воротъ и въ дверяхъ попутныхъ домовъ, и на перекресткахъ улицъ, а въ особенности на базарѣ. Грязь съ улицъ немного счистили, да и солнце ее подсушило, тѣмъ не менѣе желаніе нашихъ приставовъ, чтобы мы ѣхали на «селямъ» верхомъ, не могло быть исполнено: князь чувствовалъ себя недостаточно еще здоровымъ для этого.

Прямо съ базара выѣхали мы на «регістанъ», площадь, окружающую дворецъ эмира, гдѣ толпилось множество народу. Предъ воротами былъ выстроенъ почетный караулъ. Глинобитная зубчатая стѣна со всѣхъ четырехъ сторонъ замыкаетъ и скрываетъ отъ непосвященныхъ взоромъ жилище эмира, и лишь двѣ гигантскія глыбы развалинъ бывшаго дворца Тимура грандіозно высятся изъ-за нея, господствуя надъ всею окрестною страной. Это остатки знаменитаго нѣкогда Акъ-Сарая.

Предъ воротами, еще на площади, насъ очень любезно попросили выйти изъ экипажа, на что князь сънисходительно согласился. Не то, чтобы

ворота эти были уже такъ узки, что подъ ними невозможно бы было проѣхать—тамъ, пожалуй, свободно прошли бы и двѣ коляски рядомъ—и не то, чтобы въѣздъ экипажа во дворецъ являлся нарушеніемъ придворнаго этикета,—этого тоже нельзя сказать, ибо въѣзжаютъ же туда верхомъ, по праву, даже простые мирахуры; но приставамъ нашимъ просто хотѣлось усилить впечатлѣніе томашни въ глазахъ базарной публики: дескать вотъ насколько нынѣ великъ и могучъ нашъ казретъ, что даже русскіе послы, чего прежде никогда не бывало, не смѣютъ больше въѣзжать къ нему подъ ворота...

Въ длинномъ пролетѣ воротъ, съ обѣихъ сторонъ, за деревянными колонками, устроены въ нишахъ почленные помѣщенія для дежурной части, закрытыя завѣсами изъ кошмъ и паласовъ: тамъ складываются на день позятки караульныхъ сарбазовъ и висятъ на стѣнахъ ихъ ружья. Подъ воротами насъ попросили снять верхнее платье, что было не совсѣмъ-то удобно, такъ какъ въ этотъ день дулъ очень рѣзкій сѣверный вѣтеръ, но и это опять-таки предлагалось не въ силу какой-либо этикетной необходимости, ибо при слѣдующихъ аудіенціяхъ мы проходили туда уже въ шинеляхъ, а все для той же томашни, ради пушгаго воздѣйствія въ извѣстномъ смыслѣ на базарную публику. Большіе штукмейстеры въ этомъ отношеніи «восточные чловѣки», такъ что безъ особенной опытности сразу и не догадаешься, на что они тебя поддѣваютъ. Нечего дѣлать, пришлось въ однихъ мундирахъ идти черезъ два обширные двора, изъ которыхъ каждый по величинѣ не уступитъ весьма порядочной площади. Первый или наружный дворъ (*ташкери*) отдѣляется отъ второго (*ишкери*) развалинами Акъ-Сарая. Промежутокъ обѣихъ стѣвъ этихъ развалинъ уже въ позднѣйшее время застроенъ соединительною постройкой изъ жженого кирпича, которая представляетъ собою обыкновенныя кирпичныя ворота съ продолговатымъ пролетомъ и кажется очень мизерною въ сравненіи съ грандіозною громадой великолѣпныхъ развалинъ. Здѣсь стоялъ въ строю второй караулъ сарбазовъ, а подъ воротами были вытѣнуты въ шеренгу высшіе военные чины съ точи-баша во главѣ, въ полной парадной формѣ, и чины придворныя въ блестящихъ парадныхъ халатахъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали *айбаты* (небольшіе топоры) съ красиво окованными ручками. Тутъ насъ пріостановили на минутку, чтобы учредить порядокъ шествія. Отъ шеренги придворныхъ чиновъ отдѣлились четыре чловѣка, изъ коихъ первого токсаба отрекомендовалъ намъ Дурбинъ-инакомъ, въ должности *ишаула*, другого назвалъ *дирбаномъ*, а остальныхъ—*удайчами*⁴⁾.

⁴⁾ Дурбинъ — собственное имя, инакъ — чинъ, равный генераль-майору, ишаулъ — придворное званіе, съ коимъ сопряжена обязанность прини-

Повели насъ чрезъ второй дворъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли рядомъ оба удайчи, неся позлащенные посохи наискось предъ собою; за ними и тоже рядомъ—шигаулъ и дярбанъ, въ почтительномъ согбеніи, сложивъ на животѣ руки; затѣмъ—члены посольства, а позади ихъ токсаба съ мирахуромъ.

Второй дворъ (пшкери), сложенный вымощенный кирпичемъ, представляетъ собою обширный квадратъ, сомкнуто обрамленный со всѣхъ сторонъ глинобитными одноэтажными флигелями, коихъ окна-двери выходятъ на широкую кирпичную террасу вышней въ полчеловѣческой ростъ. Тронная зала помѣщается во флигелѣ, противоположномъ акъ-сарайскимъ воротамъ. Поднявшись къ ней на террасу, сопровождавшія насъ лица тотчасъ же безшумными шагами отстранились вправо и влево, и лишь одинъ шигаулъ, въ знакъ величайшаго почтения, согнувшись еще ниже, съ благоговѣйнымъ видомъ подошелъ на цыпочкахъ къ развороченной двери, чуть-чуть заглянулъ въ нее, сдѣлалъ предъ кѣмъ-то невидимымъ глубокий поклонъ и затѣмъ, отступивъ шага на два, пригластительнымъ жестомъ указалъ намъ на дверь.

Одинъ за другимъ мы вошли въ обширную продолговатую залу въ два свѣта, въ глубинѣ которой сидѣлъ на тронѣ Музаффаръ-Эддинъ Богадуръ-ханъ, эмиръ Бухарскій. Одѣтъ онъ былъ очень просто и совсѣмъ не пестро, въ обыкновенный шайновыи халатъ темныхъ красокъ, подбитый мѣхомъ; на головѣ бѣлая чалма изъ кашмирской шали. Орденовые знаки, пожалованные ему покойнымъ государемъ, почему-то отсутствовали, хотя казалось бы первый приемъ русскаго посольства долженъ былъ носить безусловно официальный характеръ. Лицо эмира сохранило остатки прежней красоты (въ настоящее время ему 54 года отъ роду). У него небольшая черная борода, тонкія брови, тонкіе подстриженные надъ губой усы и большіе черные глаза, которые онъ, вѣроятно по привычкѣ болѣе, оставляетъ слегка прищуренными, и только взрѣдка, вскидывая на кого-либо взоръ, раскрываетъ ихъ въ полную величину. Въ общемъ, выраженіе этого лица весьма привѣтливо и даже настолько благодушно, что, глядя на него, никакъ не подумаешь, что на совѣсти этого человѣка лежитъ столько крови,

мать посланниковъ и вообще иностранцевъ, представляющихся эмиру, и вводить ихъ въ приемную залу; дярбанъ тоже придворная должность, состоящая въ охраненіи дверей, ведущихъ изъ „Араяхана“ (дворъ, гдѣ принимаются прошенія) во внутренніе покои эмира. Удайчи, коимъ, въ отличіе ихъ аванія, присвоены длинныя позолоченные посохи, обязаны предшествовать эмиру на его выходахъ и въѣздахъ, выкликая при этомъ слова молитвы: „да поможетъ Аллахъ хазрету эмиру при жизни изъ закона справедливости не выходить!“

столько казней, совершенныхъ единственно лишь въ силу случайнаго, минутнаго каприза. Борода у эмира, по персидской модѣ, нѣсколько подкрашена, отливая на свѣтѣ не то красноватымъ, не то какъ будто даже лиловатобурнымъ двѣтомъ; щеки, какъ показалось мнѣ, были нѣсколько набѣлены и поддурманы, а брови и глаза какъ будто слегка подведены. Впрочемъ, можетъ статься, искусство тутъ и не при чемъ: можетъ, все это у него такъ отъ природы... Голова и руки повременамъ замѣтно трясутся, какъ у людей очень старыхъ или чересчуръ уже разслабленныхъ нервами.

Тронъ эмира представлялъ обыкновенный рундукъ съ низенькою спинкой и прямыми ручками, раскрашенный по золотому полю арабесками и травами; на сидѣнн — малиновая бархатная подушка. Стоялъ этотъ тронъ не у стѣны, а по срединѣ комнаты, въ правой половинѣ залы. Стѣны этой залы обиты золотисто-желтою тканью, на видъ какъ будто парчей, но безъ узора, а верхнія окна затянуты желтою тафтой, вслѣдствіе чего во всей залѣ господствуетъ золотистый полусвѣтъ очень мягкаго и пріятнаго тона. Нижняя половина стѣнъ, въ родѣ панели, обрамлена сплошнымъ рядомъ продолговатыхъ зеркалъ въ деревянныхъ рамахъ, расписанныхъ въ персидскомъ вкусѣ личными красками по золотому полю, вслѣдствіе чего эта комната и носитъ названіе «айнъ-мимъ-ханъ», то есть зеркальной приемной залы. Ея переборчатый высокій потолокъ тоже расписанъ въ средне-азиатскомъ стилѣ и притомъ очень изыскно, а полъ застланъ роскошными каршиянскими и мервекскими (туркменскими) коврами. У стѣны, противоположной входу, близъ трона, поставлены были небольшой европейскій диванъ, европейское кресло и три табурета, покрытые мѣховыми халатами, мѣхомъ вверхъ.

При входѣ, по церемоніалу, предложенному намъ къ руководству первымъ посломъ, мы сдѣлали послѣдовательно три поклона, произведя ихъ чрезъ кажлыя три шага, какъ принято при европейскихъ дворахъ, на что эмиръ отвѣчалъ однимъ общимъ полупоклономъ, слегка привставъ съ мѣста, и затѣмъ сейчасъ же сѣлъ опять и протянулъ князю руку.

Вообще люди свѣдущіе и бывалые въ Бухарѣ замѣчаютъ, что для усиленія въ глазахъ подданныхъ своего престожа, въ смыслѣ независимаго и сильнаго государя, — престожа, сильно поколебленнаго политическими обстоятельствами съ 1868 года, — его высокостепенство въ послѣднее время пытается возратить себѣ видъ самостоятельности хотя бы только въ манерѣ своего обращенія съ русскими. Такъ напримѣръ, еще недавно онъ считалъ нужнымъ вставать и лично идти къ дверямъ на встрѣчу генералъ-губернаторскимъ посланцамъ, хотя эти послѣдніе по большей части бывали

весьма невысокого, не всегда даже штаб-офицерского чина. Отсюда же всё эти попытки заставить послов выходить из экипажа или слезать с лошадей среди полной народомъ площади, проходить по дворамъ зимой въ однихъ мундирахъ и т. п. Но разумеется, что подобнымъ аллюрамъ не слѣдуетъ давать нотачки.

Послѣ пожатія руки, первый посолъ представлялъ эмиру поочередно членовъ посольства, которымъ тотъ точно также слегка пожалъ руки и затѣмъ пригласилъ всѣхъ садиться, указавъ на стоящую близъ трона мебель. Майоръ Байтоковъ, какъ толмачъ, остался стоя противъ эмира и князя.

Разговоръ на первый разъ не выходилъ изъ рамокъ самой этикетной официальности. Князь объяснялъ его высокостепенству, что по августѣйшей волѣ его императорскаго величества, будучи назначенъ состоять въ распоряженіи туркестанскаго генералъ-губернатора, онъ удостоился чести быть посланнымъ во главѣ почетной миссіи къ его высокостепенству, чтобы передать ему отвѣтное письмо генералъ-губернатора и выразить отъ лица сего послѣдняго благодарность за любезное письмо и подарки, присланные его высокостепенствомъ въ Ташкентъ, а равно и заявить тѣ чувства неизмѣнной дружбы, которыми одушевленъ генералъ Черняевъ къ высокостепенному эмиру, въ надеждѣ, что ихъ дальнѣйшія отношенія всецѣло послужатъ лишь къ наибольшему укрѣпленію этихъ добрыхъ чувствъ и взаимныхъ миролюбивыхъ интересовъ.

Эмиръ, глубоко потупивъ глаза, отвѣчалъ исполнѣннымъ тономъ, что съ его стороны и не можетъ быть иныхъ чувствъ по отношенію къ представителю власти великаго Бѣлаго Царя и что онъ во всемъ, что лишь будетъ зависѣть отъ его доброй воли, всегда постарается поддержать на надлежащей высотѣ эти добрыя чувства и отношенія. Затѣмъ освѣдомился о здоровьи государя императора и, получивъ отвѣтъ, что, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, его величество, благодаря Бога, находится въ совершенно добромъ здравіи, выразилъ упованіе, что Богъ на многіе и многіе еще годы сохранитъ его здоровымъ и бодрымъ на счастье и радость не только его могущественной державы, но и для мирнаго процванія подъ его сѣнью преданныхъ ему сосѣдей.

Послѣ этого спросилъ онъ о здоровьи генералъ-губернатора, а затѣмъ и о томъ, хорошо ли мы добхали и всёли ли остались довольны. Получивъ на все это утвердительные отвѣты, эмиръ сказалъ, что онъ уже распорядился, чтобы намъ были предоставлены всевозможныя въ Шаарѣ удобства и удовольствія, и чтобы всѣ наши желанія были предупреждаемы; если мы захотимъ осмотрѣть городъ, бадары, войска—намъ будутъ предоставлены къ

тому всѣ средства. Послѣ этого, онъ выразилъ надежду, что мы, вѣроятно, не откажемся пожить у него въ гостяхъ подольше, дабы доставить ему пріятную возможность видѣться съ нами еще нѣсколько разъ и переговорить о кое-какихъ дѣлахъ, а пока пожелалъ намъ побольше веселиться и съ этими словами поднялся съ мѣста, давая тѣмъ понять, что аудіенція кончена.

Одновременно съ нимъ поднялись и мы всѣ разомъ и отдали ему поклонъ, послѣ чего поочередно подошли къ нему для пожатія руки, а затѣмъ послѣдовали вторичный поклонъ и общее отступленіе или, вѣрнѣе сказать, паченье затылкомъ къ дверямъ, гдѣ у самаго порога снова поклонъ, третій и послѣдній.

На террасѣ встрѣтили насъ съ радостно пріѣтственными улыбками и безмолвными поздравленіями придворныя лица, оставшіяся при началѣ аудіенціи за дверями. Тутъ уже намъ не нужно было болѣе пятиаться; но зато этотъ мудреный способъ отступленія (отъ котораго, замѣчу въ скобкахъ, русскіе послы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, легко могли бы и освободить себя) сплозна приняла на себя наши провожатые. И надо было видѣть, съ какимъ неподажаемымъ искусствомъ и ловкостью всѣ эти удайчи, шигаулы и прочіе соскользнули, не оборачиваясь, съ довольно высокаго ступеней террасы и какъ проворно, мелкими и быстрыми шажками, пятались они предъ нами чрезъ весь дворъ, сохраняя свои почтительно согбенныя позы со сложенными на животѣ руками, и время отъ времени сопровождая это отступленіе глубокими поклонами въ сторону пріемной залы, хотя ни на террасѣ, ни въ дверяхъ эмиръ вовсе не показывался. Но это все равно: по здѣшнему этикету достаточно уже его присутствія въ стѣнахъ дворца, чтобы подданные хазрета не смѣли удалиться съ «ишкери» иначе, какъ «обративъ лицо и сердце туда, гдѣ находится незримое солнце», то есть ихъ повелитель.

Подъ акъ-сарайскими воротами, пожимая намъ руки, они еще разъ и теперь уже словесно поздравили насъ съ «благополучнымъ» окончаніемъ селамъ и съ «милостью» хазрета. При такомъ курьезномъ поздравленіи на моемъ лицѣ невольнo выразилось недоумѣніе, и я вопросительно взглянулъ на майора Байтокова—правильно ли онъ переводить? Какое же тутъ могло бы быть для насъ «неблагополучіе»? Но оказалось, что это не болѣе какъ обычная, хотя въ данномъ положеніи и вовсе неумѣстная форма любезности, употребляемая бухарскими придворными въ подобныхъ случаяхъ. Шутники, ей-Богу!..

Выйдя на передній дворъ, мы, по приглашенію токсабы, повернули налѣво въ особый дворикъ, гдѣ живетъ Остана-куль, первачачи, онъ же и бекъ шаарскій. Вышелъ онъ къ

намъ навстрѣчу въ роскошнѣйшемъ халатѣ изъ очень дорогой индійской парчи, подпоясанный кашмирскою шалью, съ кашмирскою чалмой на головѣ, и пригласилъ насъ въ свою «михманъ-хане» (приемную гостиную) къ до-стархану.

За завтракомъ разговоръ коснулся отчасти политики, а именно, перваначи высказалъ пожеланіе, чтобы дружба Россіи къ Бухарѣ оставалась неизмѣнною, такъ какъ маленькая Бухара очень нуждается въ покровительствѣ великой Россіи для спокойной жизни, и что никто, конечно, не осмѣлится занести на нее руку, если будетъ знать, что Россія всегда готова поддержать преданнаго ей маленькаго сосѣда. «И враги, и друзья у насъ могутъ быть только общіе», прибавилъ онъ въ заключеніе.

По окончаніи завтрака на дворъ привели верховыхъ лошадей въ бирюзовыхъ уздечкахъ и подъ богатыми бархатными поножами, и принесли нѣсколько связокъ съ халатами въ даръ отъ эмира членамъ посольства. Князю подвели двухъ лошадей, подвели почетную саблю въ золоченыхъ ножнахъ и нѣсколько связокъ; остальнымъ—по одной лошади и по одной связкѣ. Послѣ этого перваначи предложилъ и отъ себя подарки, заключавшіеся также въ богато убранныхъ лошадяхъ и въ связкахъ съ халатами.

Въ числѣ подарочныхъ вещей эмира каждый изъ насъ нашелъ и по одному мѣховому халату, въ которыхъ мы узнали тѣ самыя мѣха, на какихъ сидѣли во время аудіенціи. Дѣло оказалось вотъ въ чемъ: на глаза хазрета никто не можетъ предстать иначе, какъ въ подобающемъ костюмѣ, то есть въ халатѣ, дабы непотребнымъ видомъ не оскорбить его священные взоры. Поэтому въ прежнія времена на представлявшихся ему пословъ приближенные его всегда накидывали жалованные почетные халаты, въ которыхъ послы и отбывали свою аудіенцію, и при томъ такой халатъ обыкновенно служилъ выраженіемъ или синонимомъ милости хазрета, безъ чего, конечно, никто не могъ сподобиться и его лицезрѣнія. Уже самое допущеніе иностранца къ такому лицезрѣнію считалось актомъ величайшей къ нему милости, а видимымъ изъявленіемъ оной служилъ халатъ. Этотъ стародавній обычай именно на томъ и основанъ, что не подобаетъ-де повелителю правотѣрныхъ лицезрѣть кляфура, одѣтаго въ неприличный костюмъ, а всякое одѣявіе, за исключеніемъ халата, почитается здѣсь неприличнымъ. Обрядъ накидыванія на плечи почетнаго халата, въ началѣ русско-бухарскихъ сношеній, послѣ покоренія Ташкента, пытались было здѣсь продѣлывать и съ нашими послами, пока высокостепенному эмиру не было выяснено, что въ мундиръ и эполеты, пожалованные импера-

торомъ всероссійскимъ, не можетъ быть никакимъ надѣто никакое постороннее украшеніе. Вслѣдствіе такого заявленія *voies-polens* пришлось отказаться отъ продѣлыванія халатной церемоніи. Но какъ въ то же время отказаться эмиру отъ древняго обычая установленнаго этикетомъ, не роняя передъ подданными своего достоинства? Вотъ и придумали нѣчто среднее, а именно, стали постылать почетные халаты на кресла и табуреты, на которыхъ должны сидѣть послы во время первой аудіенціи. При этомъ предполагается, что *toutes les arragences sont sauvees*, или, какъ говорится, и овцы дѣлы, и волки сыты: жалованный халатъ не надѣвается на эполеты, но посолъ все же сидитъ на жалованномъ халатѣ, что и знаменуетъ, якобы халатъ надѣтъ на немъ. Видекажете, что это совсѣмъ не одно и то же; но хитроумные персы, изъ коихъ состоитъ большинство придворнаго штата, подведутъ вамъ такой рогатый силлогизмъ, что по ихнему выйдетъ, будто послѣднее совершенно тождественно съ первымъ. Тутъ дѣйствуетъ у нихъ аргументъ вотъ какого рода: положимъ, говорятъ они, если бы на послѣ былъ надѣтъ халатъ, то сидѣлъ ли бы посолъ на нѣкоторой части этого халата, и именно на изнавочной, подбитой мѣхомъ? А если сидѣлъ бы, то въ данномъ случаѣ посолъ садится какъ разъ на то самое мѣсто мѣховой подкладки, которое пришлось бы подъ сидѣньемъ, если бы халатъ былъ надѣтъ на немъ. А если это такъ, то не все ли равно, будетъ ли халатъ дѣйствительно накинута ему на плечи, или же только положенъ надлежащимъ образомъ на кресло? Тутъ все дѣло въ томъ, лишь бы былъ налицо фактъ сидѣнья на жалованномъ халатѣ, чѣмъ, съ одной стороны, щадится самолюбіе посла, а съ другой — удовлетворяется самолюбіе эмира. А эмирскіе публичные глашатаи все равно возвѣстятъ потомъ народу на базарахъ, что хазретъ, волей Аллаха, тогда-то принялъ милостиво русскихъ пословъ и отпустилъ ихъ съ почетными халатами и другими дарами. Народъ и будетъ знать, что почетные халаты пожалованы, а это все, что нужно.

По окончаніи визита къ Остана-кулю, нѣкто изъ ванаго посольства, между прочимъ, сдѣлалъ очень мѣткую характеристику этого человека: «Знаете ли, сказалъ онъ, — я замѣчаю, что всѣ царедворцы, гдѣ бы то ни было, въ сущности рѣшительно одинаковы. Посмотрите вы на этого перваначи — важный, добродушно-простой, привѣтливый, но въ сущности равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ самого себя и своего государя, которому, очевидно, очень преданъ. У него даже такія же точно манеры, какъ и у нашихъ царедворцевъ: простые, лѣнивые, но изящныя и всегда исполненныя чувства собственнаго достоинства».

Возвращались мы отъ перваначи уже не

чрезъ ташкери, а чрезъ одинъ изъ боковыхъ дворовъ замка, такъ называемый «пушкарный», гдѣ стоятъ шесть или восемь полевыхъ орудій старой конструкции съ винтовыми и цампфами, на неуклюжихъ деревянныхъ лафетахъ. Тѣла орудій покрыты ситцевыми чехлами, и вся батарея охраняется двумя часовыми изъ сарбазовъ.

Проводъ по улицамъ богато украшенныхъ лошадей отъ дворца до посольскаго дома доставилъ новую «томану» для базарной и уличной публички, которая, въ ожиданіи ихъ появленія, стояла повсюду толпами. Но что замѣчательно,—толпы эти повсюду отличались своею, такъ сказать, солидностью, своимъ въ высшей степени степеннымъ поведеніемъ: не только давки, но и ни малѣйшей суеты, ни гама, ни крика, ни ругани между собою (не то, что европейская толпа!). Исключеніе составляли только мальчишки, бывавшіе рядомъ съ лошадьми; но мальчишки въ этомъ отношеніи повсюду и всегда совершенно одинаковы.

Вечеромъ у насъ дома тоже была томанша. Рахметъ-Улла распорядился устройствомъ во внутреннемъ нашемъ дворѣ театральной сцены, для чего терраса была устлана кошками, а рядомъ съ нею раскинута цвѣтная палатка, отъ которой до домовой стѣны протянули завѣсу и весь дворикъ иллюминировали разноцвѣтными бумажными и стеклычатыми фонарями. Музыка состояла изъ трехъ бубновъ (*дайра*), на которыхъ очень искусно дѣйствовали ладонями и пальцами три пѣвца, аккомпанируя такимъ образомъ своему пѣнію. Народу на эту томану, кромѣ своихъ, набралось пропасть и съ окрестныхъ дворовъ, такъ что сидѣть всей этой публикѣ приходилось на плечахъ другъ у друга. Но опять-таки замѣчательно, что даже и въ такой тѣснотѣ среди зрителей не происходило ни споровъ, ни суеты. Рѣшительно, солидность составляетъ самую характеристическую сторону азіатской толпы. Представленіе состояло изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ—разныя штуки клоуновъ, вперемешку съ пѣніемъ и плясками «батчей»—мальчишекъ отъ десяти до четырнадцатилѣтняго возраста, изъ коихъ нѣкоторые были одѣты въ женскіе костюмы; а во второмъ—театръ маріонетокъ въ родѣ нашихъ «петрушекъ». Всѣ эти клоуны, помѣстному «маскарабазы» или «манкарабазы», равно какъ и батчи, и пѣвцы-бубенщики (*дайранчи* и *данарачи*), и маріонетчики принадлежатъ къ составу придворной увеселительной труппы, во главѣ которой, въ качествѣ главнаго учителя и директора, состоитъ какой-то русскій затѣжій акробатъ и канатный плясунъ, приглашенный на эту должность его высокостепенствомъ и обучающій теперь избранныхъ эмиромъ мальчишекъ всѣмъ акробатическимъ фокусамъ, до хожденія по канату

включительно. И говорятъ, что эмиръ не одинъ пользуется удовольствіемъ подобныхъ зрѣлищъ, но что нерѣдко, и въ особенности въ праздничные дни, онъ отправляетъ часть своей труппы на базарный *чаръ-су*¹⁾, подъ сводами коюго батчи и маскарабазы даютъ въ послѣобѣденное время бесплатныя представленія народу.

Собравшаяся у насъ публика много смѣялась остротамъ закулиснаго режиссера, который, дергая за ниточки своихъ куколъ, подавалъ за нилъ и надежащія реплики съ соотвѣтственною переменною голоса, а подручнымъ ему въ этихъ разговорахъ, равно какъ и въ самомъ представленіи, служилъ одинъ изъ маскарабазовъ. Но, не зная языка, не могу сказать, въ чемъ именно заключалась главная соль этихъ діалоговъ, только, видимо, дѣло тутъ было далеко не безъ наивно-цинической скабрёзности. Немало смѣху возбуждали также шутовскія и не менѣе наивно-циническія ломанья, гримасы и разныя продѣлки двухъ клоуновъ. Но смотрѣть на все это мы могли только «понемножку», урывками и какъ бы мимоходомъ, ибо, по азіатскимъ понятіямъ, такимъ «важнымъ людямъ» не подобаетъ показывать много вниманія къ «такимъ пустякамъ», которыми могутъ увлекаться только базарные простолудины да уличные «малайки». А потому болѣе подробное ознакомленіе съ развлеченіями и зрѣлищами этого рода, равно какъ и ихъ описаніе, пришлось отложить до другого, болѣе удобнаго случая.

1-го января 1883 года.

Въ ночь я почувствовалъ себя дурно: проявились жаръ и простудная потягота во всемъ тѣлѣ, и хотя докторъ тотчасъ же далъ мнѣ приемъ хины въ десять гранъ, тѣмъ не менѣе жаръ и обнаружившееся воспаленіе гѣва продолжались цѣлые сутки. Въ концѣ-концовъ благотѣльно подѣйствовало питье изъ гранатаго сока: не прошло и двадцати минутъ послѣ первой выпитой чашки, какъ жаръ словно рукой сняло, а чрезъ часъ я почувствовалъ уже и аппетитъ, и позывъ на куренье табаку. По опытному замѣчанію бухарскихъ врачей-эмпириковъ, гранатный сокъ дѣйствуетъ наилучшимъ образомъ противъ всякаго внутренняго жара и вообще горячечнаго состоянія. Я имѣлъ случай испытать его дѣйствіе на собственномъ опытѣ, а потому и позволяю себѣ рекомендовать нашимъ врачамъ это благотѣльное средство. Сокъ на по-

¹⁾ Каменный павильонъ, въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ, имѣющій четыре выхода (отсюда и названіе *чаръ-су*, то есть четыре воды или четыре теченія) и всегда находящійся въ центрѣ базара. Безъ такого павильона не обходится ни одинъ базаръ хорошаго средне-азіатскаго города.

ловину разбавляют прокипяченою остывшею водой, подмѣшивают немного сахара и даютъ больному въ размѣрѣ чайной чашки или обыкновеннаго стакана.

Въ два часа пополудни наше посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну эмира (имени не помню), временно находящемуся при особѣ своего родителя, но я, по болѣзни, не могъ принять участія въ этомъ посѣщеніи.

Вечеромъ, лежа въ постели лицомъ къ стѣнѣ, я замѣтилъ, что по ней, какъ-разъ противъ изголовья, что-то ползетъ. Я взялъ съ табурета свѣчу и увидѣлъ прецротивнаго большаго скорпіона грязно-желтаго цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ, подобно цвѣту гнойно-нарывчататаго пузыря. Случившійся тутъ же сожителъ мой, докторъ Эрнъ, тотчасъ прижалъ его къ мѣсту случайно попавшею подъ руку бритвенною точилкой, въ которую тщетно пытались гадокъ животною нѣсколько разъ ударять своимъ хвостомъ, а я въ то же время произвелъ надъ нимъ, при помощи перочиннаго ножа, весьма существенную операцію отгягтія ядовитаго снаряда, находящагося въ послѣднемъ суставѣ хвоста, и затѣмъ «гуляйте гдѣ благоугодно!»

Нечего сказать, очень пріятно жить въ горницѣ, которая хотя и обита московскимъ ситцемъ, но все же мрачностью своей напоминаетъ скорѣе могильный склепъ или древнюю катакомбу, и гдѣ чрезъ каждые полчаса удрушительный чадный жаръ, отъ плохо устроенной и быстро выгорающей переносной печки, сгѣняется зимнимъ холодомъ, проникающимъ въ дверныя щели и узенькія маленькія окна, защищенные выѣсто стекловъ все тѣмъ же ситцемъ, и гдѣ, въ довершеніе всѣхъ этихъ удобствъ, гуляютъ по стѣнамъ скорпіоны.

2-го января.

Утромъ князь Витгенштейнъ открылъ переговоры съ токсабою о томъ, какимъ бы образомъ склонить эмира къ устройству въ бухарскихъ предѣлахъ телеграфной линіи между Катты-Курганомъ ¹⁾ и Бухарой, на бухарскія средства. Переговоры эти происходили «при закрытыхъ дверяхъ» и безъ участія нашего присяжнаго переводчика майора Байтокова, обязанность коего почему-то исполнялъ частный ординарецъ князя. Токсаба, какъ узнали мы потомъ, отвѣчалъ уклончиво, и, видимо не желая продолжать переговоры по этому дѣлу, заявилъ прямо, что если эмиру будетъ предъявлено насчетъ сего предмета формальное повелѣніе русскаго императора, то, конечно, ему не останется ничего, какъ только подчиниться безпрекословно высочайшей волѣ.

Въ два часа дня посольство въ полномъ составѣ, по желанію эмира, сдѣлало визитъ Рахметъ-куль дахтѣ, беку Бальджуанскому, съ повтореніемъ вчерашней помпы относительно конвоя и порядка слѣдованія.

Рахметъ-куль, если взглянуть снаружи, то есть съ улицы, живетъ вовсе неказисто, такъ что домъ его ничѣмъ не отличается отъ массы обыкновенныхъ сартовскихъ построекъ; зато внутри его сейчасъ же сказываются довольство и порядокъ: дворъ тщательно усыпанъ пескомъ, и на немъ, по пути нашего слѣдованія отъ воротъ къ пріемной комнатѣ, настлана дорожка изъ аккуратно обрѣзаннаго камыша. Часть стѣнъ передняго двора убрана раскидными полами пестро-узорчатыхъ палатокъ, словно обоями, а небольшая пріемная комната устлана роскошными коврами; ел стѣны и мавританскія ниши аккуратно и тщательно облицованы алебастровымъ цементомъ и потолокъ изящно расписанъ въ иранскомъ вкусѣ. Самъ Рахметъ-куль, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, отличается ввншительно саванитою рослою фигурой, симпатично умнымъ выраженіемъ спокойнаго лица и такими же лѣниво плавными манерами, какъ у Остана-кула перванаши.

Видно по всему, и даже по тому, какъ былъ сервированъ достарханъ въ пріемной комнатѣ, что Рахметъ-куль человекъ со вкусомъ, съ чувствомъ изяшнаго въ душѣ и понимаетъ достоинство хорошаго стола. Вообще, насколько было можно замѣтить, онъ, какъ-то, немножко то, что называется goutmand. Такъ, напримѣръ, лакомства достархана были у него болѣе тонкія и изысканны, чѣмъ подававшіеся намъ гдѣ-либо доселѣ, а за завтракомъ подали превосходно пригоготовленные и на вкусъ очень нѣжныя мелкія пельмени, не болѣе какъ въ ноготь величиной каждая; затѣмъ для желающихъ—лѣнивыя щи и чисто отцѣженный куриный бульонъ въ коринловскихъ фарфоровыхъ чашкахъ, потомъ паровой пловъ по-персидски и жаркое изъ горныхъ куропатокъ, о которыхъ бекъ заявилъ, что онѣ были привезены сюда изъ Бальджуана живыми, цѣлыми птичникомъ, и частію поднесены имъ въ видѣ лакомаго гостинца эмпру, а частію оставлены для собственнаго употребленія. Рахметъ-куль отвѣдывалъ отъ каждаго блюда понемножку, небольшою кусочекъ или маленькую шепотку, слѣдуя въ такой скромной умѣренности чисто восточнымъ требованіямъ хорошаго тона; но по тому, какъ смаковались имъ эти кусочки, видно было, что онъ доставляетъ себѣ ихъ тонкимъ вкусомъ истинное гастрономическое наслажденіе. Затѣмъ, наконецъ, и чай у него намъ подали какъ должно, въ мѣру крѣпкій, то есть крѣпкій по-русски, а не перестоянный и мутный, что тоже величайшая здѣсь рѣдкость. Очевидно, что вода для чая была

¹⁾ Крайній пунктъ, до котораго доходитъ наша внутренняя телеграфная линія.

у него предварительно пропущена чрезъ фильтръ. Застольный разговоръ тоже впервые не вертѣлся здѣсь исключительно на разспросахъ о взаимномъ здоровьи да на увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ Бухары и Россіи, хотя, конечно, нѣкоторая прилично умѣренная дань была отдана и этой, такъ сказать, казенно-этикетной темѣ. Но зато Рахметъ-куль разсказывалъ очень интересныя вещи о характерѣ высокихъ горъ, въ которыхъ залегаетъ его бекство, объ ихъ растительности, о способахъ зимняго по нимъ хожденія съ помощью особаго рода настѣжныхъ на обувь острошипыныхъ подковъ, о горныхъ охотахъ на барсовъ, мараловъ и яковъ, вообще о породахъ мѣстныхъ горныхъ четвероногихъ и птицъ, между коими въ особенности замѣчательны куропатки, какіхъ мы имѣли случай только-что отвѣдать, и дикія горныя индѣйки, по отзыву бека, тоже превкусныя и прекрасныя птицы. Наконецъ дошло дѣло до обмѣна подарковъ, и когда подвели намъ маленькихъ, но красивыхъ и крѣпкихъ лошадокъ, подъ богатыми попонами, то Рахметъ-куль заявилъ, что это тоже специально горныя лошади бальджуанской породы, нарочно имъ самимъ выбранныя и приведенныя изъ Бальджуана, по распоряженію высокостепеннаго эмира, въ даръ давно ожидавшемуся русскому посольству. И дѣйствительно, по ближайшему разсмотрѣніи и испытаніи, оказалось, что это все лошади превосходныхъ качествъ и что при движеніи по горнымъ кручамъ онѣ устойчивы, цѣпки и легки какъ козы.

Мы разстались съ Рахметъ-кулемъ, унося наилучшее впечатлѣніе о его симпатичной личности.

3-го января.

Сегодня предстоялъ визитъ къ Мегметъ-Мурадъ-бѣю, бѣку Дарвазскому, но князь, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отложилъ его до завтра.

Послѣ завтрака мы съ докторомъ и майоромъ Байтоковымъ, въ предшествіи эсауль-баши и въ сопровожденіи двухъ казаковъ, отправились верхомъ, ради прогулки, на мѣстный базаръ. Торговалъ часть находится въ центрѣ города, начинаясь съ площади, на которой стоитъ главная городская мечеть, до площади, окружающей дворецъ эмира. Ряды, прилегающіе къ послѣдней, всѣ крыты сплошь матами (*chi*) и цыновками (*барданъ*), наброшенными на жерди и балки, перекинутыя съ кровли на кровлю поперекъ улицы. Это своего рода пассажи въ восточномъ вкусѣ. Тѣ же ряды, что ближе къ городской площади, по большей части открыты, то-есть представляютъ не пассажи, а просто обыкновенную улицу, наполненную непрерывнымъ рядомъ лавокъ и лавчонокъ. Здѣсь между чайными и

сѣстными лавками, окружающими городскую площадь, въ изобиліи выставлены на продажу овощи, фрукты, свѣжіе и сушеные, вяленая рыба, воловые и баранье мясо въ тушахъ и разная птица, преимущественно куры, пшеница, рисъ, джугара, кунжутное сѣмя и масло, прессованныя выжимки льняного сѣмени, употребляемая въ кормъ верблюдамъ, хлѣбныя лепешки, всевозможныя восточныя сласти, баранье сало, сальныя свѣчи и мѣстныя гончарныя издѣлія съ лазурною, зеленою и коричневою поливою; тутъ вы найдете разнообразныя кувшины, миски, чашки, тарелки и большія корчаги. Тутъ же продается и мѣстный табакъ въ крошеномъ и тертомъ видѣ—первый для чилимовъ, второй для держанія во рту, что здѣсь въ большемъ употребленіи. Затѣмъ, уже собственно въ рядахъ, выставлены кожи и сафьяны, ковры и паласы, яркіе стеганныя на ватѣ одѣла изъ ситца и адраса и подушки, бухарскій хлопокъ въ тюкахъ, бухарскій шелкъ въ моткахъ, крашеный и сырецъ; бухарскія матеріи: шелковыя—шаняъ, атласъ и кауаусъ и полусшелковыя—адрасъ и бикасабъ, бумажная мата и московскіе ситцы, кумачи, коленкоры, кисея и бумазея, ковровые и головные платки, шарфы и шахи съ пестрыми разводами, специально потрафленные на азіатскій вкусъ, русскія сукна, бархатъ, парчи, атласъ и тафта, русскій сахаръ въ маленькихъ головкахъ и въ леденцѣхъ, вяземскіе пряники и коврижки, ландринскія карамели и пастила въ жестянкахъ и лубкахъ, русскія стеариновыя свѣчи и мыло, оконныя стекла, зеркала, русское полосовое желѣзо, свинецъ и мѣдныя издѣлія, между которыми не послѣднюю роль играютъ разной величины самовары; большіе и малые русскіе сундуки и ликатулки съ металлическою оковкой, русскія пеняковыя веревки и бичевки, русскій фарфоръ и фаянсъ, преимущественно въ видѣ чайниковъ и полоскательныхъ чашекъ, и русское стекло въ видѣ графиновъ, стакановъ, банокъ и т. п.

Сравнительно съ ташкентскимъ шаарскімъ базаръ очень не великъ. Въ числѣ его лучшихъ туземныхъ произведеній надо отмѣтить, во-первыхъ, всѣ предметы верхового конскаго снаряженія: узбекскія сѣдла, инкрустированныя костью и узорчато расписанныя лаковыми красками по золотому фону, а въ особенности крытые замшей и расшитые по ней разноцвѣтными шелками войлочные подотдельники, попоны и чепрачки; во-вторыхъ, сапожное дѣло; всѣ эти ички (*мяткіе сапоги*), калоши и обыкновенные сапоги съ длинными голенищами шьются здѣсь превосходно и очень красиво на бухарскій и на русскій образецъ; въ-третьихъ, мѣдно-чеканное дѣло: кумганы, умывальники, блюда и подносы, чилымы, чайники и тому подобныя издѣлія здѣшнихъ мастеровъ

отличаются изяществом стили и тонкостью чеканки.

Что же касается английских издѣлій, то это преимущественно стальные, въ видѣ ножей, топоровъ, серповъ, лопатъ, косъ и столѣрныхъ инструментовъ, отчасти суконный и бумажно-мануфактурный товаръ, отчасти кисей. Сюда же можно отнести, пожалуй, парчу индѣйскаго производства и кашмирскія шали, съ которыми, впрочемъ, очень успѣшно конкуррируютъ шали русскаго издѣлія превосходной доброты и совершенно кашмирскаго рисунка, сравнительно очень дешевыя и изысканныя, какихъ я, къ удивленію моему, никогда и нигдѣ не встрѣчалъ въ Россіи, а тутъ узналъ лишь по русскимъ фабричнымъ клеймамъ. Но въ массѣ рыночныхъ товаровъ английскія издѣлія пока еще, можно сказать, тонуть въ подавляющемъ количествѣ русскихъ произведеній. Русскіе товары идутъ сюда давно уже протореннымъ караваннымъ путемъ отъ Оренбурга на Казань и отъ Казани двумя вѣтвями, изъ коихъ главнѣйшая на Ташкентъ и Самаркандъ, а другая на Хиву, которая также снабжаетъ Бухару своими избыткомъ русскихъ произведеній, причемъ хивинскіе купцы относительно бухарскихъ играютъ роль посредниковъ, вслѣдствіе чего и товаръ, идущій изъ Хивы, нѣсколько дороже того, что приходитъ по Казань-Самаркандскому пути непосредственно изъ Россіи. Первый находитъ себѣ сбытъ въ сѣверныхъ и отчасти западныхъ предѣлахъ Бухарскаго ханства, а второй въ южныхъ и юго-восточныхъ, которые по густотѣ населенія, количеству городовъ и производительности почвы представляютъ несравненно болѣе широкое поприще для нашего сбыта, чѣмъ степныя окраины сѣверныхъ и западныхъ предѣловъ. Английскія же издѣлія проникаютъ сюда тремя болѣе или менѣе затруднительными путями, а именно: 1) изъ Индіи чрезъ Афганистанъ (самый трудный путь; 2) изъ Персіи чрезъ Гератъ и 3) изъ Закавказья чрезъ Персію же, благодаря нашему безплатному транзиту¹⁾. Но туземцы пока еще оказываютъ почему-то предпочтеніе русскому товару и вообще въ нихъ замѣчается какъ-то болѣе вѣры во все русское да и на ихній вкусъ оно болѣе потрафляетъ. И это служитъ причиной, что русскіе товары, чрезъ посредство бухарскихъ и персидскихъ купцовъ, проникаютъ далеко южнѣе предполагаемыхъ нами границъ, на рынки Афганистана и въ сѣверо-западные предѣлы Индіи.

4-го января.

Какъ отклонилъ токсаба третяго дня разговоръ насчетъ телеграфа, такъ съ тѣхъ поръ больше и не появляется. Сегодня утромъ по-

вчерашему прибыли въ посольство двое мурзъ юзъ-баши¹⁾ съ извиненіемъ, что Рахметъ-куда токсаба опять-де не можетъ быть у насъ по причинѣ очень важныхъ дѣлъ, требующихъ отъ него усиленныхъ занятій, а что вмѣсто него они двое останутся пока при насъ приставами. Если токсаба не отвѣтываетъ такимъ способомъ отъ возобновленія дальнѣйшихъ разговоровъ относительно телеграфа, то можно предполагать, что надъ нимъ стряслась какая-либо бѣда, въ родѣ ханской опалы. Но въ чемъ тутъ дѣло, отъ насъ, очевидно, скрываютъ.

Сегодня былъ сдѣланъ посольствомъ визитъ Мегмедъ-Муратъ-бію, беку Дарвазскому. Говорить о характерѣ этого визита, значить буквально повторять то, что уже сказано по отношенію къ нашимъ прежнимъ визитамъ. Мегмедъ-Муратъ—человѣкъ еще молодой, на видѣ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, не болѣе. Лицо умное и пріятное, манеры человѣка порядочнаго тона, по-азиатски разумѣется, то есть заключающія въ себѣ умѣнье соединять съ естественною простотой естественное чувство самоуваженія и нѣкоторую степенную сановитость. Его домашняя обстановка проще, чѣмъ у бека Бальджунскаго, но это и немудрено: Мегмедъ-Муратъ здѣсь наѣзжикъ, временный гость, и потому навѣялъ себѣ домъ какой попался, чтобы не выбирать долго; а такъ какъ онъ къ тому же и недавно еще назначенъ на бекство, то и не успѣлъ пока приобрести собственнаго дома въ Шаарѣ. Горные беки наѣзжаютъ сюда только разъ въ годъ, обыкновенно осенью, мѣсяца на два, пригоняя свои приѣзды такъ, чтобы они совпадали со временемъ пребыванія въ Шахрисебѣ эмира. Здѣсь они представляютъ его высокостепенству собранныя годовыя подати и годовые отчеты по управленію своими бекствами, равно какъ и записки о нуждахъ, потребностяхъ и общемъ состояніи вѣреннаго имъ населенія.

При этомъ визитѣ нашемъ вмѣсто токсабы присутствовали оба мурзы юзъ-баши, наши приставы. Кушаны за завтракомъ были столь же изысканно хороши, какъ и у бека Бальджунскаго; видно даже, что приготовляла ихъ одна и та же умѣлая рука, и, вѣроятно, бекъ Дарвазскій позаимствовался на этотъ случай поваромъ у своего товарища, гастронома.

Одна не безынтересная особенность: я замѣтилъ, что каждый разъ, какъ только посольство выѣзжаетъ куда либо съ официальнымъ визитомъ, тотчасъ же нѣсколько мѣстныхъ, приставленныхъ къ намъ джигитовъ, забираютъ въ охапку всѣ находящіеся у насъ

¹⁾ Писано до отмены безплатнаго транзита.
„Прим. ред.“.

¹⁾ Мурза, или мирза—письменный человѣкъ, писарь, въ данномъ случаѣ секретарь, а юзъ-баши—сотникъ, чинъ, соответствующій капитану; значить, прибывшіе къ намъ были секретари капитанскаго чина.

вѣнскіе стулья и табуреты и вапуски, перерогая другъ друга, пѣше и конно спѣшать въ тотъ домъ, куда предстоитъ намъ ѣхать, чтобы предупредить тамъ наше прибытіе. И вотъ, когда мы входимъ, стулья и табуреты уже стоятъ въ надлежащемъ порядкѣ у достархана. При возвращеніи посольства домой повторится та же исторія, такъ что, когда мы переступаемъ свой порогъ, стулья и табуреты опять уже стоятъ на мѣстахъ, совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и до нашего выѣзда, словно бы ихъ и не трогали. И такимъ образомъ эта мебель путешествуетъ съ нами отъ самой русско-й границы, начиная съ перваго привала.

5-го января.

Утромъ явились оба мурзы и на вопросъ о токсабѣ отвѣчали, что онъ все еще занятъ важными дѣлами, такъ какъ ему поручена-де экстренная ревизія чего-то. Но, кажется, все это вздоръ, а дѣло въ томъ, если только вѣрны свѣдѣнія, доставленные намъ негласнымъ путемъ, что токсаба, по поводу какихъ-то писемъ, подвергся гнѣву эмира, и ему повелѣно отнюдь не показываться болѣе ни при дворѣ, ни въ посольствѣ. Но можно подозревать, что и это неправда, а вѣрнѣе всего, кажись, будетъ предположеніе, что ему просто не велѣно показываться къ намъ, пока совѣтники эмира не придумаютъ сообщая чего нибудь подходящаго (въ увѣрливомъ, разумѣется, смыслѣ) въ отвѣтъ на предложеніе касательно телеграфа.

Сегодня, между прочимъ, наши мурзы юзъ-баши привели покупателей на подарочныя вещи, въ которыхъ будто бы сильно нуждаются здѣшніе сановники и даже самъ эмиръ, но неимѣнію въ запасѣ на шаарскомъ базарѣ подходящихъ вещей для подарковъ, а въ особенности халатовъ. Юзъ-баши еще вчера обратились къ частному ординарцу князя съ деликатнымъ подходцемъ, для чего молъ это посольство медлитъ продажей полученныхъ подарковъ. И когда тотъ заявилъ имъ, что ни князь, ни вообще кто-либо изъ посольства, сколько ему извѣстно, продавать дареныхъ вещей вовсе не предполагаютъ, то юзъ-баши высказали по поводу сего большое сожалѣніе, такъ какъ это-де ставить многихъ сановниковъ въ крайне затруднительное положеніе по невозможности достать въ Шаарѣ приличные подарки.

— Вы сами видѣли, — добавили они въ подтвержденіе своихъ словъ, для того, чтобъ имѣть возможность сегодня у бека Дарвазскаго подвести князю порядочную лошадь, мы должны были обратиться къ вамъ же и отъ васъ позамысловаться уздечкой и попоной. Вообще, — пояснили они, — у насъ принято, что лицо, получившее подарки отъ эмира, обыкновенно оставляетъ себѣ на память какую нибудь одну вещь, какая наиболѣе понравится, а всѣ остальные сбываетъ немедленно.

Когда князю доложили объ этомъ, то, разумѣется, не желая ставить нашихъ гостеприимныхъ хозяевъ въ затруднительное положеніе, онъ поручилъ своему ординарцу и майору Байтокову передать мурзамъ, что, не зная о существованіи у нихъ такого обычая, мы, напротивъ, полагаемъ, что, пустивъ вещи въ продажу, показали бы тѣмъ какъ бы нѣкоторое пренебреженіе къ ихъ значенію въ смыслѣ подарковъ отъ такого высокостепеннаго лица, но что если это нужно, то пусть юзъ-баши присылаютъ добросовѣстныхъ цѣновщиковъ и покупателей. И вотъ сегодня тѣ и другіе явились вмѣстѣ съ мурзамъ. Асланъ-бекъ при Байтоковѣ сталъ имъ показывать для предварительной оцѣнки подарки, полученные княземъ. Но покупщики сразу стали предлагать за превосходнѣйшія вещи такіе несообразно низкія цѣны, что надувательство оказалось тутъ слишкомъ ясно, а потому и продажа не могла состояться, тѣмъ болѣе, что покупщики эти, по свѣдѣніямъ нашего караванъ-баши, оказались просто базарными маклаками-перекупщиками. Подозрѣвая, что они хотятъ воспользоваться временнымъ затрудненіемъ казны для того, чтобы, купивъ за ничто, перепродать ей эти вещи въ три-дорога, и къ тому же сомнѣваясь, точно ли существуетъ такой «этикетъ», чтобы на мѣстѣ и сейчасъ же продавать эмирскіе подарки, и не есть ли это просто выдумка или уловка со стороны нашихъ приставовъ, возможныхъ участниковъ въ дѣлѣ гешефта, чтобы побудить насъ спускать поскорѣ наши вещи за что ни пошло, — Асланъ-бекъ поблагодарилъ обоихъ мурзъ юзъ-башей за ихъ любезныя хлопоты, а перекупщикамъ отказалъ въ какой бы то ни было сдѣлкѣ, объяснивъ, что посольство не можетъ допустить, чтобы вещи, подаренныя эмиромъ, пошли гулять по рукамъ базарныхъ покупателей.

Нынѣшній день посвящалъ я осмотру историческихъ достопримѣчательностей города и началъ съ могилы Хазрати-Шейхъ, надъ которою еще уцѣлѣлъ тамбуръ упавшаго купола, опоясанный вязью куфическихъ надписей изъ поливчатыхъ изразцовъ. При гробѣ находится мечеть и медресе въ память святого. Но во внутрь мавзолея меня почему-то не пустили, придумавъ наскоро отговорку, что настоятель ушелъ-де изъ дому и ключъ увезъ съ собою, а потому о внутреннемъ расположеніи и украшеніяхъ мавзолея и могилы святого сказать ничего не могу. Судя же по внѣшности полуразвалившагося и запущеннаго зданія, думаю, что и внутренность его находится не въ лучшемъ состояніи.

Отъ Хазрати-Шейха проѣхалъ я съ караванъ-баши къ Акъ-Сараю, развалинамъ знаменитаго дворца Тимурленга. Вышней эти развалины будутъ саженъ до двѣнадцати, и какъ

снаружи, такъ и съ внутренней стороны покрыты мозаичными узорами и кувическими надписями изъ разноцвѣтныхъ поливчатыхъ изразцовъ. Одна изъ этихъ надписей гласитъ что «царь есть тѣмъ Божіа на землѣ», другія представляютъ изреченія въ подобномъ же родѣ.

Акь-Сарай (бѣлый дворецъ) былъ начатъ постройкой въ 781 (1379) году геджры, по поводу слѣдующаго обстоятельства:

Предпринявъ четвертую войну противъ Харезма (нынѣшней Хивы), Тимуръ получивъ отъ харезмійскаго владѣтеля Юсуфъ-Суфи письмо, въ которомъ тотъ писалъ ему, что долго ли міръ будетъ терпѣть муку и бѣдствія изъ-за самолюбія двухъ человѣковъ и что ради блага страны и человѣчества, не лучше ли было бы этимъ двумъ просто выйти другъ противъ друга на поединокъ, и тѣмъ порѣшить споръ, чѣмъ подвергать обѣ арміи кровопролитной битвѣ. Тимуръ пришелъ въ восторгъ отъ такого предложенія и, не взирая на просьбы приближенныхъ не рисковать своею драгоценною жизнью, первымъ явился на мѣсто поединка и громкимъ голосомъ вызывалъ на бой противника. Но Юсуфъ-Суфи струсилъ и не выѣхалъ къ нему, предпочтя въ послѣднюю минуту рѣшить дѣло общимъ сраженіемъ, въ которомъ, однако, былъ разбитъ и вскорѣ умеръ, въ 781 (1379) году, въ крѣпости Харезма, во время ея осады Тимуромъ. По взятіи Харезма, побѣдителю достались громадныя сокровища, которыя вмѣстѣ съ искусными ремесленниками и учеными онъ привезъ въ свой родной городъ Кешъ (нынѣ Шааръ), гдѣ и велѣлъ построить Акь-Сарай въ память объ этой побѣдѣ. Вамбери говоритъ ¹⁾, что въ началѣ своей завоевательной карьеры Тимуръ былъ особенно расположенъ къ Кешу и сдѣлалъ его духовнымъ центромъ средне-азиатскаго міра, почему этотъ городъ и получилъ титулъ «куббей уль ильмъ в'эль адебъ», т. е. «куполъ науки и морали». Профессоры знаменитыхъ высшихъ школъ Харезмы, Бухары и Ферганы должны были поселяться въ его стѣнахъ, и Тимуръ имѣлъ намѣреніе сдѣлать его своей резиденціей, что, по мнѣнію Вамбери, достаточно доказывается построеніемъ Акь-Сарая. Этотъ дворецъ, строившійся болѣе двѣнадцати лѣтъ, былъ произведеніемъ исключительно персидскихъ архитекторовъ, которые остались вѣрны національному стилю до того, что наверху главнаго фронтона помѣстили гербъ «лъна и солнца», украсивъ такимъ образомъ жилище туранскаго завоевателя эмблемой князей иранскихъ ²⁾. Самую видную и ве-

ликолѣнную часть этого дворца, какъ и всѣхъ прочихъ зданій того времени, составлялъ порталъ, или *миш-такъ* ³⁾, высоко подымавшійся надо всѣмъ остальнымъ зданіемъ и завершавшійся полукуполомъ, остатки коего видны и въ настоящее время. Мишъ-такъ былъ снабженъ фантастическими нишами и раздѣлялся внутри на нѣсколько этажей, имѣвшихъ отдѣльные высокіе локоп, мозаично облицованные пестрыми изразцами, что отчасти сохранилось и нынѣ, а снаружи весь былъ покрытъ мозаичными цвѣтами и арабесками бирюзового, синяго, золотого, желтаго и другихъ колеровъ. Такіе изразцы выдѣлывались въ Кашанѣ, почему и до сихъ поръ еще носятъ названіе «каши». По описанію Вамбери, не знаю, впрочемъ, откуда заимствованному, во дворцѣ находился цѣлый рядъ мозаичныхъ покоевъ, и женское отдѣленіе пресобиловало пышностью и великолѣпствомъ; а предъ обширною праздничною залою тянулся большой тѣнистый садъ и между цвѣточными его грядами струились, журча, «милые ручейки», т. е., попросту сказать, арыки. Садъ существуетъ и теперь, только не предъ, а позади большой праздничной залы (*айна-мима-хана*), которая, впрочемъ, построенная уже въ позднѣйшее время, и между его карагачами хотя и существуютъ очень старыя, но возрастъ ихъ во всякомъ случаѣ едва ли достигаетъ пяти столѣтій.

6-го января.

Въ часъ дня vizитъ къ Кулябскому беку ⁴⁾. Это молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати пяти, высокаго роста и очень красивый собой: большіе тихіе глаза, матовый цвѣтъ лица и

жевромъ на одной изъ картинъ В. В. Верещагина. Что же касается герба Тимура, то онъ состоялъ изъ трехъ колецъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Девизъ его былъ „Рустъ-Расти“, то есть—спла только въ справедливости. Вамбери объясняетъ, что по символическому значенію эти авакі указывали на господство Тимура въ трехъ поясахъ, именно: на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ, но тутъ же прибавляетъ, что „кажется они позаимствованы изъ древне-иранской геральдики, потому что и на памятникахъ Сасанидовъ красуются кольца какъ символъ власти и единства“. Мнѣ тоже кажется, что послѣднее заключеніе вѣрно, а къ тому же прибавлю, что и на степныхъ мавзолеяхъ разныхъ узбекскихъ родопривителѣй мнѣ случалось иногда встрѣчать подобныя кольца, очевидно въ какомъ-то символическомъ значеніи, которое, полагаю, ближе всего подходитъ если не къ древнѣйшей идеѣ *личности*, то конечно къ идеѣ единства и власти.

¹⁾ Мишъ-такъ по-персидски значитъ передъ кровли.

²⁾ Кулябъ, или, по тахрисебскому произношенію, Куябъ—одно изъ горныхъ восточныхъ бекствъ, въ союздствѣ съ Каратегинскимъ хребтомъ, между рѣками Кчи-Сурхъ-Абъ и Пенджъ. На лѣвомъ берегу первой изъ нихъ стоитъ городъ Кулябъ.

¹⁾ „Исторія Бухары“, т. I, 229.

²⁾ Въ настоящее время этого изображенія какъ и самаго фронтона уже не существуетъ, но подобное можно видѣть въ Самаркандѣ, на главномъ фронтонѣ медресе Ширъ-Даръ, изобра-

прекрасная, шелковисто-черная борода; одѣтъ очень просто—въ обыкновенный адысовый халатъ, на головѣ бѣлая кисейная чалма; по отсутствію роскоши восполняется безукоризненно свѣжестью и чистотой всего его костюма. Говорить онъ только по-таджикски, и потому разговоръ во время визита шелъ при посредствѣ одного изъ нашихъ приставовъ, который съ таджикскаго переводилъ майору Байтокову на узбекскій языкъ, а Байтоковъ уже передавалъ князю по-русски. Но на вопросы князя, обращаемые къ беку, приставъ по большей части отвѣчалъ самостоятельно, а бекъ скромно отмалчивался да улыбался пріятно. Такъ между прочимъ, на замѣчаніе въ видѣ комплимента, что пріятно, молъ, видѣть, какъ дѣлится высокостепенный эмиръ личныя достоинства и способности людей, если не затрудняется возводить на важный и отвѣтственный постъ бека чловѣка столь молодыхъ лѣтъ, мурза юзъбаши посмѣялся отъ себя разъяснить, что нашъ амфитріонъ попалъ въ беки вовсе не по личнымъ заслугамъ и способностямъ, а исключительно въ силу правъ своего происхожденія, такъ какъ званіе и должность бека въ Кулябѣ всегда остаются наследственными въ его родѣ. Онъ же, на вопросъ о таджикскомъ языкѣ, сообщилъ, что это въ сущности тотъ же персидскій языкъ, только вульгарный, грубый и сохранившій въ себѣ болѣе древнія формы, давно уже вышедшія изъ употребленія въ нынѣшнемъ литературно-обработанномъ, изысканномъ языкѣ, какимъ объясняются при дворѣ эмира и въ ученыхъ кругахъ, но все же языкъ этотъ, или, вѣрнѣе сказать, куябское нарѣчіе, настолько близко къ персидскому, что, когда эмиру приходится объясняться съ бекомъ, то онъ обращается къ сему послѣднему по-персидски, а бекъ, отвѣчаетъ на куябскомъ нарѣчіи, и оба превосходно понимаютъ другъ друга.

Чтобы не повторяться, не стану описывать нашего пріема, угощенія и обмѣна подарковъ; скажу только одно: бѣдные беки!.. Они принимаютъ насъ въ силу особаго приказанія эмира, не имѣя въ томъ, сами по себѣ, ни малѣйшей надобности, и для этихъ пріемовъ принуждены расходовать на угощенія и подарки, что въ совокупности составляетъ сумму не маленькую. Воображаю, какими пріятными эпитетами награждаютъ они въ душѣ все наше посольство!.. И добро бы хоть наши отвѣтные подарки вознаграждали ихъ нѣсколько за расходы, такъ и этого нѣтъ; я одинъ бекъ, по положенію, не имѣетъ права оставить у себя полученные ямъ отъ кого бы то ни было дары, а обязанъ полностью представить ихъ въ распоряженіе эмира, который иногда возвращаетъ ихъ беку, а иногда оставляетъ себѣ, и послѣднее считается даже знакомъ особенной милости. Вообще, посѣщеніе его вы-

сокостепенствомъ какого либо бекства и беку, и обывателямъ въ особенности далеко не дешево. Н. А. Маевъ *) рассказываетъ, что сумма, расходуемая бекомъ на пріемъ хазрега, достигаетъ 100.000 теньговъ, что равняется 20.000 серебряныхъ рублей. Въ день пріѣзда эмира въ городъ бекъ подноситъ ему подарокъ, состоящій изъ одной кровной лошади въ драгоценномъ уборѣ и одного тюка (девяти) халатовъ; при отъѣздѣ—четырнадцать лошадей, четырнадцать тюковъ (по девяти штукъ въ каждомъ) халатовъ и кожаный кошель (тар-тукъ) съ теньгами отъ сорока до пятидесяти тысячъ, т. е. отъ восьми до десяти тысячъ серебряныхъ рублей. Кроме того, пока эмиръ гоститъ въ бекствѣ, ему ежедневно подается достарханъ изъ ста пятидесяти блюдъ и лакомствъ, которыя онъ раздаетъ своимъ приближеннымъ, состоящимъ тоже на кормахъ у бека, а тѣ ежедневно перепродаютъ все эти подачки мѣстнымъ торговцамъ, обязаннымъ volens-nolens покупать ихъ у дворянскихъ челядинцевъ по базарнымъ, справочнымъ цѣнамъ. Да надо замѣтить, что, кроме придворнаго штата, эмира всегда сопровождаетъ въ его путешествіяхъ и разъѣздахъ по краю еще почетный конвой, состоящій изъ сотни «куль-батчей» **) и нѣсколькихъ батальоновъ сарбазовъ, которые точно также кормятся на счетъ бека. А такъ какъ дневной маршрутъ «высокаго гостя» въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ полтора или два таша (12—16 верстъ), то пребываніе его въ предѣлахъ того или другого бекства, даже самое краткосрочное, все-таки выходитъ довольно продолжительнымъ. Посчитать все эти расходы—въ общемъ итогъ набѣжить весьма и весьма почтенная сумма, за которую, конечно, приходится расплачиваться не столько беку, ибо бекъ все-таки наверстаетъ свое потомъ не мытьемъ, такъ катаньемъ, сколько торговому и земледѣльческому классамъ мѣстнаго населенія. Вотъ почему просто совѣстно становится принимать отъ бековъ все эти подарки; а не принять—невозможно въ силу коренного, извѣчнаго обычая, ибо это значило бы нанести не только ихъ самолюбію, но и самому эмиру величайшее оскорбленіе.

Токсаба все еще не показывается.

Отъ спертата воздуха, недостаточности свѣта и, наконецъ, отъ копоти и ѣдкаго дыма, выходяемаго вѣтромъ изъ желѣзной печки въ нашей комнатѣ, докторъ и я начинаемъ страдать глазами: вѣки воспалены и слегка припухли, глаза слезятся и гноятся, ощущается

*) „Матеріалы для статистики Туркестанскаго края“, выпускъ V, стр. 94.

**) Куль-батчи, въ буквальномъ переводѣ, значить: дѣти-рабы. Этотъ отрядъ рекрутируется изъ плѣнныхъ мальчиковъ-правцевъ и изъ сыновей рабовъ, въ большинствѣ своемъ той иранскаго происхожденія.

въ нихъ рѣзь и зудъ, словомъ, всѣ признаки начинающагося воспаления. На дворѣ уже скоро сутки какъ плетъ дождь, смѣшанный со свѣгомъ. Слякоть невообразимая.

Вечеромъ гдѣ-то по сосѣдству была томаша. Очень долго играли на сурнахъ и бубнахъ, а потомъ маскарабазы стали подражать собачьему лаю и реву вшаковъ (такой родъ комическихъ представленій здѣсь въ большой модѣ), и производили это столь долго и съ такимъ совершенствомъ, что переполошили, наконецъ, въ околodѣ всѣхъ собакъ и ослонъ, которые ревностно присоединились къ концерту клоуновъ и долго потомъ не могли успокоиться.

7-го января.

Въ восемь часовъ утра термометръ Реомюра показывалъ—9°, а къ полудню морозъ полегчалъ, и ртуть поднялась до —7½°. Снѣгу навалило за ночь цѣлыя массы, такъ что на узкихъ улицахъ образовались непроходимые сугробы.

Наши юзъ-баши, обыкновенно являвшіеся къ девяти часамъ утра узнать отъ имени эмира о здоровьи и желаніяхъ посольства, сегодня не явились. Такой знакъ невниманія нѣсколько озадачило было князя, но скорѣе оказалось, что вышче, по случаю пятницы ¹⁾ происходилъ торжественный выѣздъ эмира въ городскую мечеть къ большому богослуженію (намазъ джума), гдѣ должны были будто бы обязательно присутствовать и наши приставы, которые поэтому явились къ намъ позднѣе и то лишь послѣ того, какъ за ними послали по дѣлу. Еще до ихъ прибытія, вернулся изъ Самарканда нашъ гонецъ и привезъ отвѣтную депешу главнаго начальника Туркестанскаго края относительно телеграфнаго дѣла, гдѣ говорится, что для окончательныхъ переговоровъ по сему дѣлу будетъ въ послѣдствіи присланъ особо чиновникъ по дипломатической части, о чемъ-де своевременно было заявлено токсамъ еще въ Ташкентѣ. «Обязанность посла, говорится далѣе въ депешѣ, только предупредить объ этомъ эмира и заручиться согласіемъ». Такимъ образомъ, эта депеша не только разъясняетъ, но отчасти и измѣняетъ сущность открытыхъ было переговоровъ.

8-го января.

Еще вчера, пославъ за юзъ-башами, князь объявилъ имъ, что получилъ отъ генералъ-губернатора депешу, по которой ему надлежитъ въ скорѣйшемъ времени объясниться съ самимъ эмиромъ. Юзъ-баши доложили объ этомъ кому слѣдовало и сегодня утромъ явились сказать князю, что эмпръ готовъ принять посольство сегодня же, послѣ вечерняго намаза, для чего и поручено имъ, юзъ-башамъ, пригласить насъ пожаловать во дворецъ въ 4½ часа пополудни.

Мы нарядились выѣстъ съ конвоемъ въ полную парадную форму (казаки, впрочемъ, были въ шинеляхъ) и къ четыремъ часамъ были уже въ полной готовности ѣхать. Въ это время явились юзъ-баши, сопровождавъ новое лицо, одѣтое въ форменный парадный халатъ изъ мелкотравчатой индійской парчи. Оказалось, что это тотъ самый Дурбиянъ-инакъ, съ которымъ мы уже познакомились при первомъ представленіи эмпру. Онъ бывшій главный казначей эмпра, остающійся и понынѣ не безъ влияния на финансовыя дѣла ханства, а въ настоящее время въ качествѣ «шигаула» (оберъ-церемоніймейстера) пользуется положеніемъ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ эмиру. Это уже пожилой человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, но очень еще бодрый, средняго роста, нѣсколько худощавый, съ явно-выкрашенной въ темно-каштановый цвѣтъ окладистою бородой. Типъ лица иранскій; большіе умные, живые глаза; выраженіе физиономіи кроткое, но не безъ того, что называется «себбъ на умбъ»; улыбка тихая, сладковатая; манеры, очень живыя отъ природы, онъ не безъ успѣха старается сдѣлать плавными и сдержанными. Вообще, мы замѣчаемъ, что многимъ «европейцамъ» стоило бы позаимствоваться манерами и умѣньемъ держать себя у этихъ soi-disant, «дикарей-азіатовъ».

Юзъ-баши объяснили, что его высокостепенство нарочно прислалъ самаго близкаго къ своей особѣ человѣка, чтобы съ почетомъ сопроводить насъ на сегодняшнюю аудіенцію. Мы, въ лицѣ князя, конечно, отвѣчали, что вполнѣ цѣнимъ столь высокое къ намъ вниманіе.

Ровно въ половинѣ пятаго часа посольство тронулось со двора своимъ обычно-церемониальнымъ порядкомъ. День былъ ясный, солнечный, но морозъ доходилъ до—18° R. Хорошо еще, что не было вѣтра. На нынѣшній разъ мы замѣтили во встрѣчномъ церемониалѣ нѣкоторые отлѣвки, какихъ въ прошлый не было. Такъ, у воротъ цитадели, противъ почетнаго караула, стояли два знаменосца, имѣя по бокамъ себя ассистентами двухъ пянджа-башей ¹⁾ и двухъ офицеровъ съ обнаженными саблями, а на вышкѣ боковыхъ воротъ, ведущихъ въ пушкарный дворъ, куда мы теперь свернули по указанію ѣхавшихъ впереди насъ бухарскихъ церемоніймейстеровъ, слѣди придворные музыканты и играли намъ на сурнахъ, флейтахъ, торбанахъ и литаврахъ нѣчто очень чувствительное,—такъ по крайней мѣрѣ надо полагать по протяжнымъ заунывнымъ звукамъ.

Перваначи Остана-куль встрѣтилъ посольство за порогомъ своего внутренняго двора, у втораго почетнаго караула, и проводилъ насъ къ себѣ въ пріемную комнату, гдѣ, по обык-

¹⁾ Еженедѣльный праздничный день въ мусульманствѣ.

¹⁾ Пятидесятникъ—чинъ, соответствующій унтеръ-офицеру.

повенію, сервированъ былъ достарханъ и стояли вокругъ вѣнскіе стулья и табуреты, въ карьеръ перевезенные изъ нашей квартиры. За угощеніемъ присутствовали: Остана-куль въ качествѣ хозяина дома, Дурбинъ-инакъ, дярбанъ и удайчи, съ которыми мы познакомились въ прошлый разъ. И оба наши пристава. Здѣсь, ради этикета, пришлось намъ снять наши теплыя шинели и остаться въ однихъ мундирахъ, и хотя подъ мундирами у насъ были надѣты двойныя фуфайки, однако восемнадцатиградусный морозъ сильно давалъ себя чувствовать, тѣмъ болѣе, что въ этихъ промерзлыхъ насквозь парадныхъ комнатахъ съ ничѣмъ не защищенными окнами лютый холодъ ощущался гораздо сильнѣе, чѣмъ на совершенно открытомъ воздухѣ. Благоприятный чай помочь было вѣскольکو согрѣться, но увя!—ненадолго, и минутъ чрезъ десять послѣ выпитаго стакана сталъ пробираться насъ такой «цыганскій потъ», что буквально зубъ на зубъ не попадалъ отъ сильной дрожи. Замѣтивъ, что всѣ мы очень озябли, хозяинъ дома, вмѣстѣ съ Дурбинъ-инакомъ (имѣ-то хорошо они были въ мѣховыхъ халатахъ), предложили намъ надѣть шинели. Благоприятные люди!.. Безъ этого любезнаго предложенія мы рисковали бы схватить жесточайшую простуду.

Вскорѣ Дурбинъ-инакъ поднялся съ мѣста и сказалъ, что идетъ къ эмиру предупредить его высокостепенство о нашемъ прибытіи. Отсутствіе его продолжалось болѣе получаса и, наконецъ, уже въ сумерки, возвратился онъ съ торжественнымъ заявленіемъ, что хазретъ окончилъ свой вечерній намазъ и ожидаетъ къ себѣ русское посольство.

Пришлось опять разстаться съ теплыми шинелями и идти чрезъ вѣскольکو малыхъ дворовъ по заледенѣлымъ, но не посыпаннымъ пескомъ и потому страшно скользкимъ тропкамъ. Рискуя на каждомъ шагѣ сломать себѣ если не шею, то руку или ногу, мы, кое-какъ балансируя, благополучно минули наконецъ эти предательскія тропки и чрезъ низенькую комнатку вышли на обширный парадный дворъ «пшкери». Здѣсь наше шествіе продолжалось уже въ такомъ порядкѣ: впереди, попарно—удайчи съ жезлами, за ними ваниа мурзы юзъ-баши, за мурзами—дярбанъ, за дярбаномъ—первавачи Остана-куль рядомъ съ Дурбинъ-инакомъ, затѣмъ князь и члены посольства и, наконецъ, позади—вѣскольکو придворныхъ чиновъ болѣе мелкихъ разрядовъ и вѣскольکو дворцовыхъ служителей. Вообще, мнѣ показалось, что на этотъ разъ насъ принимаютъ гораздо наряднѣе, чѣмъ при первомъ представленіи—быть можетъ оттого, что князь вчера далъ почувствовать юзъ-башамъ вѣкоторое недовольство по поводу недостаточной внимательности двора къ посольству.

Нѣкоторые покои дворца были освѣщены, въ

особенности зала «айна-мима-хана», гдѣ эмиръ принималъ насъ въ прошлый разъ, и гдѣ теперь мы замѣтили множество зажженныхъ свѣчъ, отражавшихся въ зеркалахъ настѣнныхъ панелей.

Поднявшись на террасу, предшествовавшіе намъ чины, какъ и въ тотъ разъ, сугубо согнувшись напередъ въ знакъ глубокаго почтенія, разступились на обѣ стороны предъ одною изъ растворенныхъ дверей,—и мы, по пригластельному жесту Дурбинъ-инака, вошли въ небольшую продолговатую комнату обѣмъ стеклычатомъ окнѣ, въ глубинѣ которой, въ правомъ углу, возсѣдалъ на тронѣ его высокостепенство. Какъ видно, тронъ этотъ, все равно, что и наши вѣнскіе стулья, свободно перетаскивается, когда и куда понадобится. Послѣдовали церемоніальныя рукопожатія въ порядкѣ постепенности нашихъ чиновъ и освѣдомленіе о здоровьѣ князя и о моемъ. причемъ эмиръ сказалъ, что, услышавъ о моей болѣзни, онъ очень сожалѣлъ, а потому тѣмъ болѣе радъ, видя меня теперь на ногахъ, и спросилъ, хорошо ли я себя чувствую. Получивъ отъ меня удовлетворительный отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности за его любезное вниманіе, онъ еще разъ выразилъ свое удовольствіе тому, что я здоровъ, и затѣмъ мы разсѣлись, но чинамъ, на креслахъ и скамьяхъ, поставленныхъ вдоль лѣвой отъ входа стѣны и покрытыхъ малиновымъ бархатомъ.

— Вы желали меня видѣть по поводу полученной вами вчера телеграммы генералъ-губернатора, я готовъ васъ выслушать, заявилъ эмиръ послѣ краткаго молчанія. Выраженія его лица почти невозможно было разглядѣть, такъ какъ комната слабо освѣщалась только двумя старинными свѣчами, поставленными на низенькихъ табуреткахъ (*сандаля*) въ родѣ турецкихъ «софра», въ двухъ противоположныхъ углахъ—одна въ правомъ отъ входа, другая въ лѣвомъ, въ глубинѣ комнаты. Да при томъ по комнатѣ этой клубами ходилъ паръ отъ дыханія шести человѣкъ, а въ раскрытую настежь дверь валилъ со двора морозный воздухъ, такъ что вокругъ насъ просто туманъ стоялъ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе высказаться, князь изложилъ эмиру сущность своего порученія и распространился, въ мѣру необходимости, о взаимныхъ пользахъ и выгодахъ отъ телеграфа, какъ для торговыхъ, такъ и для дружественно-политическихъ сношеній Бухары съ Россіей.

Эмиръ выслушалъ все это, не проронивъ ни одного слова, и пока князь говорилъ, а Байтоковъ переводилъ фразу за фразой, онъ сидѣлъ, неподвижно склонивъ вѣскольکو набокъ потупленную голову и сложивъ на животѣ руки. Когда же князь кончилъ, то Музаффаръ-Эдипъ, какъ бы собравшись съ мыслями,

весьма обстоятельно изложилъ вамъ свой взглядъ на это дѣло приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ, причемъ майоръ Байтоковъ точно также переводилъ намъ отдѣльно каждую его законченную фразу.

— Еще при покойномъ генералъ-губернаторѣ неоднократно подымался вопросъ объ этомъ-же самомъ предметѣ,—началъ намъ Музаффаръ-Эддинъ свою отповѣдь.—Не только моимъ посланцамъ говорилось объ этомъ въ Ташкентѣ, но и ко мнѣ присылались нарочно съ этою цѣлью послы отъ русскаго правительства. Къ сожалѣнію, и нынѣ я могу повторить только то, что уже высказывалъ раньше. Неужели вы полагаете, что я не понимаю всей пользы телеграфа, въ особенности для торговыхъ сношеній? Разница очевидная: свосится ли другъ съ другомъ въ теченіе одного-двухъ часовъ, или въ продолженіе шести-семи сутокъ, какъ идетъ это нынѣ. И я лично, и мои приближенные—все мы очень хорошо сознаемъ выгоды и удобства быстрыхъ сношеній, и не только даже въ политическомъ отношеніи, потому что покорить себѣ мое ханство или оказать мнѣ помощь противъ враговъ вы всегда сможете и безъ телеграфа, какъ было и прежде. И такъ, не столько въ политическомъ, говорю я, сколько въ коммерческомъ отношеніи былъ бы телеграфъ намъ съ вами полезнымъ. Купцы мои тоже отлично понимаютъ эту выгоду. Но, къ сожалѣнію, мои подданные состоятъ не исключительно изъ однихъ купцовъ; напротивъ, купеческій классъ людей у насъ весьма не великъ, большинство у насъ вовсе не торговое, а земледѣльческое, и вы очень ошибетесь, если будете думать, что мнѣ, какъ безусловному повелителю моего ханства, достаточно лишь приказать, чтобы все тотчасъ же и было исполнено по моему слову. Положимъ, оно будетъ исполнено, я не спорю, но даже и въ моемъ положеніи я все-таки необходимо долженъ сообразоваться со взглядами и убѣжденіями большинства. А на это большинство имѣютъ громадное вліяніе, во-первыхъ, сенды и ходжи ¹⁾, а потомъ всевозможные муллы, улемы и прочіе подобные люди, смотрящіе на каждое нововведеніе исключительно съ религіозной точки зрѣнія, и потому каждое нововведеніе, заимствованное у Европы, для нихъ уже глубоко противно: оно

возмущаетъ ихъ религіозное чувство. Народъ вѣдь, вы знаете, въ массѣ своей всегда темный народъ, и надо очень много времени, пока онъ наконецъ сознаетъ пользу того или другого нововведенія, пока воочію не убѣдится въ ней на опытѣ. По своей темнотѣ, народъ конечно будетъ болѣе вѣрить тому, что ему станутъ говорить его ходжи и муллы, чѣмъ тому, что скажу я моимъ повелѣніемъ вопреки убѣжденію этихъ ходжей. Поэтому вы поймете, что въ моемъ положеніи, и именно ради сохраненія его высоты и достоинства въ глазахъ народа, я долженъ быть очень остороженъ.

Эмиръ замолкъ было на минуту и задумался, но затѣмъ, быстро поднявъ голову, заговорилъ вдругъ съ замѣтнымъ оживленіемъ:

— Не мысль сопротивленія вамъ руководить меня въ моемъ отказѣ, нѣтъ, не думайте такъ!.. Какое тутъ сопротивленіе!.. Да и можемъ ли мы сопротивляться, если вы и теперь владѣете изъ Самарканда водой наилучшей части моего ханства, моей столицы. Вамъ стѣитъ запереть воду—и Бухара пропала. Если хотите, берите ее хоть сію минуту и тогда вводите все, что вамъ угодно. Тогда во всемъ ваша полная воля. Забирайте Бухару, если вамъ это нужно, я даже и сопротивляться не стану куда мнѣ!.. Я уже старъ и немощенъ, мнѣ недолго остается жить... Какъ-нибудь дотяну до смерти...

Эмиръ опять приостановился на минуту, послѣ того какъ Байтоковъ перевелъ намъ эти послѣднія слова, и затѣмъ заговорилъ нѣсколько медленнѣе, отчетливѣмъ тономъ, какъ бы взвѣсившая и отъѣяли значеніе каждого своего слова:

— Но если вы,—говорилъ онъ, по своимъ политическимъ расчетамъ находите нужнымъ удержать меня на моемъ мѣстѣ, то примайте въ соображеніе и мои мнѣнія, тѣмъ болѣе, что они вовсе не слѣдствіе моей прихоти, а вытекаютъ изъ крайней необходимости, преступить которую я не могу, не пожертвовавъ достоинствомъ своего положенія въ глазахъ народа. Это такъ, прошу васъ вѣрить. Вы говорите, что для окончательнаго соглашенія по этому дѣлу будетъ присланъ особо дипломатическій чиновникъ. Это будетъ совершенно напрасно, потому что ему я повторю то же самое, что высказалъ вамъ. Мнѣ было бы очень пріятно доставить удовольствіе генералъ-губернатору, тѣмъ болѣе, что это, я понимаю, было бы угодно и моему высокому покровителю, Вѣлому Царю, но... къ несчастію, я не могу дать на это дѣло согласія не возмущивъ своего народа, и потому, сколь ни непріятно, буду вынужденъ и впредь повторять все то же, что говорю теперь и что неоднократно уже повторялъ и прежде.

Выраженія лица эмира во время этой рѣчи мы не могли рассмотретьъ, но зато, на сколько

¹⁾ Сенды и ходжи составляютъ первыя два сословія въ государствѣ, какъ бы его аристократію. Сендами называются потомки Хазрати-Османа и Хазрати-Али Ширин-Хода, происшедшіе отъ дочерей пророка Магомета. Ходжи же именуются все потомки Абубекръ-Садыка и Омаръ-Ульфарука, а равно и вышеназванныхъ Османа и Али, но не отъ дочерей Магомета, а отъ другихъ женъ. Принадлежащіе къ этимъ двумъ сословіямъ должны имѣть письменные родословные документы (шаджары), которые доказывали бы подлинность ихъ происхожденія отъ какого-либо изъ четырехъ названныхъ лицъ.

можно было судить по выраженію голоса, оно казалось дышащим полною искренностью и глубокимъ убѣжденіемъ. Музаффаръ-Эддинъ говорилъ не безъ внутренняго волненія и видно было, что ему очень тяжело высказать намъ свой отказъ; тѣмъ не менѣе сдѣлалъ онъ это съ твердостью и достоинствомъ, хотя и въ самой мягкой, деликатной формѣ.

Князь сказалъ ему на это, что его порученіе заключалось только въ томъ, чтобы предупредить высокостепеннаго эмира насчетъ желанія генералъ-губернатора, не входи въ подробности дѣла по существу; что онъ свое порученіе считаетъ теперь законченнымъ и о результатѣ его въ подробности сообщить генералъ-губернатору; что же касается предполагаемаго его высокостепенствомъ намѣренія Россіи «забрать Бухару», то онъ, князь, можетъ исполнѣ чистосердечно завірить его, что такого намѣренія ни у кого въ Россіи нѣтъ и что намъ заирать Бухару нѣтъ никакого расчета и ни малѣйшей выгоды; напротивъ, въ видахъ нашей политики какъ можно больше и выше поддержать власть и значеніе эмира въ глазахъ мусульманства, доказательство чему онъ можетъ видѣть хотя бы въ милостивомъ принятіи его величествомъ ордена «Восходящей Звѣзды Бухары» и въ отвѣтномъ пожалованіи его высокостепенству ордена Св. Анны 1-й степени.

Эмиръ отвѣчалъ, что онъ очень чувствуетъ и высоко цѣнитъ милости и вниманіе къ нему великаго Бѣлаго Царя, которому онъ всегда преданнѣйшій другъ и союзникъ.

Но высказавъ это, Музаффаръ-Эддинъ какъ-то грустно поникъ головой и о чемъ то глубоко раздумался. Миѣ показалось, что въ душѣ едва ли онъ вѣритъ искренности всѣхъ рассыпанныхъ предъ нимъ увѣреній, и что, несмотря на на что, сила рока, тяготящая надъ Средней Азіей съ сѣвера, ясна предъ его внутренними очами...

Бѣдный старикъ! Миѣ почему-то вдругъ стало жаль его, этого захудалаго потомка великаго Чингисхана, покорителя и владыки полувселенной¹⁾. И невольно подумалось при этомъ, что лѣтъ шестьсотъ назадъ, и даже менѣе, вѣроятію и наши московскіе великіе князья такъ же точно, раздумчиво грустно попуривъ голову, сидѣли предъ какими нибудь высокомѣрными посланцами предковъ этого самаго эмира, предъявлявшими и къ нимъ какія либо требованія и домогательства, не исполнѣ согласуемыя съ достоинствомъ этихъ князей въ глазахъ народа русскаго. Sic tem-pta mutantur!.. Съ теченіемъ вѣковъ политическія роли перемѣнялись. И все-таки миѣ

жалко этого бѣднаго старика, такъ безпомощно поникшаго головой...

Выйдя, наконецъ, изъ своей глубокой задумчивости, Музаффаръ-Эддинъ вдругъ поднялъ голову и, какъ бы очнувшись, тономъ любезнаго хозяина предложилъ намъ перейти въ теплую комнату погрѣться и развлечься.

Лучше и желательнѣе этого предложенія въ данную минуту ничего и быть не могло. Представьте себѣ только то, что наша бесѣда, изложенная мною вкратцѣ, длилась по крайней мѣрѣ съ часъ, и что въ маленькомъ приемной эмира было гораздо холоднѣе, чѣмъ у перваначи. Тамъ хоть сколько нибудь согрѣвали комнату поставленныя около насъ жаровни съ пылающими угольями (*маналы*) и хотя отъ этого мы рисковали угорѣть (а нѣкоторые и угорѣли-таки), но зато сколько нибудь чувствовали тепло; здѣсь же не было никакихъ теплотворныхъ приспособленій, а между тѣмъ студеной вѣтерокъ, порою врывавшійся къ намъ въ раскрытую дверь, приносилъ такой жестокой холодъ, что пребываніе въ этой комнатѣ обратилось для насъ въ чистѣйшую пытку. Поэтому можете представить себѣ, какъ всѣ мы въ глубинѣ души обрадовались предложенію эмира, и конечно тотчасъ же поспѣшили имъ воспользоваться.

Откланявшись, едва переступили мы порогъ, какъ насъ встрѣтилъ Дурбинъ-ивакъ и проводилъ въ большую зеркальную залу. Все время, пока длился нашъ разговоръ съ эмиромъ, этотъ царедворецъ, одинъ изъ всей сопровождавшей насъ придворной компаніи, оставался съ наружной стороны у дверей приемной, какъ бы охраняя входъ въ нее, и не измѣняя своей глубокопочтительной согбенной позы, подобающей въ близкомъ присутствіи хазрета. Онъ, разумѣется, слушалъ и слышалъ весь разговоръ, но дѣлалъ это такъ, какъ будто вовсе не слушаетъ, а только все больше и больше преисполняется внутреннимъ благоговѣніемъ къ своему владыкѣ.

Зеркальная зала показалась миѣ теперь болѣе эффектною, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Посрединѣ ея была накрытъ большою широкіи столъ на низенькихъ ножкахъ, красиво уставленный множествомъ всевозможныхъ лакометвъ и бронзовыхъ шандаловъ съ зажженными свѣчами, а по обѣ стороны отъ входа, вдоль боковыхъ стѣнъ, во всю длину ихъ, стояли трехъ-ярусныя горки, тѣсно уставленыя еще большимъ количествомъ всевозможныхъ канделибръ и даже бра, простыхъ и парныхъ шандаловъ и разнообразнѣйшихъ подсвѣчниковъ, отъ старинныхъ бронзъ рококо и египетскаго стиля до новѣйшихъ произведеній Кумберга, Шталя и Шопена. Это была въ своемъ родѣ цѣлая выставка бронзъ, гдѣ высоко-изящныя художественныя произведенія мѣшались какъ попало съ рыночными издѣ-

¹⁾ Династія Мангытъ, сидящая нынѣ на престолѣ Бухары, составляетъ боковую вѣтвь потомковъ Чингисхана (отъ сына его Чагатая), по женской линіи, изъ фамиліи Джюджі.

лямп, въ которыхъ недостатокъ вкуса восполнялся избыткомъ блеска. Но въ общемъ все это, переполненное горящими свѣчами, производило очень блестящій эффектъ, въ особенности благодаря сплошному ряду стѣнныхъ зеркалъ, гдѣ вся эта иллюминація отражалась цѣлыми мпріадами огненныхъ клубковъ и букетовъ, вереницами искристыхъ гирляндъ и мигающихъ звѣздочекъ, и такъ какъ зеркала обрамляли собою силовыя всѣ четыре стѣны, то отраженія огней продолжались въ безконечность. Около горюкъ все похаживалъ какой-то бѣлободый почтенный старикъ, держа въ рукахъ на жестяномъ лоточкѣ свѣчные щипцы, давно уже вышедшіе изъ употребленія въ Россіи съ распространеніемъ стеариновыхъ свѣчъ, но которые очень хорошо еще помнятъ наши бабушки и матери. Дѣло въ томъ, что иллюминація эта болѣе чѣмъ на половину состояла изъ салыхъ свѣчей, которыя быстро нагорали и оплывали, заливая потоками сала великолѣпнѣйшія бронзы канделябровъ и шандаловъ, и обязанность чалмонскаго старпа состояла въ томъ, чтобы съ помощью щипцовъ снимать свѣчной нагаръ. Въ этой специальности и заключается вся его придворная штатная должность, функций которой, однако, не распространяются, повидному, на содержаніе въ чистотѣ и порядкѣ самыхъ подсвѣчниковъ, ибо многіе изъ этихъ прекрасныхъ бронзъ отъ долговременнаго засаженія уже покрылись ярью.

Четыре большія металлическія жаровни стояли на полу по сторонамъ достарханнаго стола, распространяя пріятное тепло и ароматы отъ насыпаемаго на уголья древеснаго желтаго порошка «сумбуль», ароматы очень своеобразныя, но пріятныя, хотя и дѣйствующія на нервы нѣсколько одуряющимъ образомъ. Впрочемъ, послѣднее быть можетъ скорѣе надо приписать углямъ, чѣмъ сумбулю.

За достарханомъ присутствовалъ Остангуль перваначи, Дурбинъ-инакъ, дярбанъ, двое адъютантовъ эмира, двое удайчи съ жезлами, оба наши мурзы юзъ-баши и Джелалъ-Эдинъ, толмачъ эмира, изъ русскихъ татаръ, служившій нѣкогда переводчикомъ у генерала Абрамова, а потомъ у самаркандскаго уѣзднаго начальника, майора Арендаренко. Теперь, перейдя на службу къ эмиру, онъ носитъ чинъ мирахура и парчевый халатъ, надѣтый поверхъ русской поддевки. Лицо у этого парня смуглае, выразительное, но, Богъ его знаетъ почему — весь онъ, со всѣми своими ухватками и ужимками, ужасно напоминаетъ рутинный типъ всероссійскаго нягилста трактирнаго пошиба, сколь это ни странно казалось бы. Съ разбитною развязностью, въ родѣ московскихъ доловыхъ или маркеровъ, подошелъ онъ къ князю Витгенштейну и, первый протянувъ руку, отрекомендовался ему по-

русски, но въ тонѣ и манерѣ его проглядывало желаніе дать почувствовать, что теперь ему самъ чортъ не братъ и въ сущности на все наплевать, потому что и самъ онъ нынче большая особа. Совершивъ развязное рукопожатіе послѣдовательно всѣмъ членамъ посольства, Джелалъ-Эдинъ однако же вслѣдъ затѣмъ весьма скромно усѣлся, весь какъ-то съежась и сконфузясь, на самомъ краю стола, «на послѣднемъ мѣстѣ». Такая неожиданная метаморфоза произошла въ немъ сразу, вдругъ, послѣ того какъ перваначи, найдя вѣроятнаго его прутья совсѣмъ неумѣстною, строго посмотрѣлъ на него продолжительнымъ и пристальнымъ взглядомъ: дескать, «поттише, любезный, поттише! Знай свое мѣсто!»

Впрочемъ, и то сказать: какъ тутъ «знать свое мѣсто», когда при дворѣ эмира Бухарскаго, какъ нигдѣ уже кажись въ настоящее время, слѣпая фортуна выкидываетъ иногда самыя неожиданныя, невѣроятныя штуки. Здѣсь все зависитъ отъ благосклонной или немилостивой прихоти, отъ минутнаго каприза его высокостепенства. Сегодня онъ можетъ приблизить къ себѣ перваго встрѣчнаго арбакеша ¹⁾ съ улицы, безо всякихъ со стороны того заслугъ и правъ, а только въ силу своего личнаго каприза, и степень этой приближенности, понятно, дастъ попавшему въ милость арбакешу право «задирать носъ» предъ старѣйшими и достойнѣйшими, заслуженными лицами. Но, приблизивъ къ себѣ человека сегодня, хазрету ровно ничего не значитъ завтра же отправить его на висѣлицу или подъ ножъ палача, который сейчасъ же и зарѣжетъ его, какъ барана. И такой финалъ можетъ послѣдовать безо всякой вины, безъ малѣйшаго даже повода со стороны казнимаго, точно такъ же, какъ безо всякихъ правъ и заслугъ могло бы вчера состояться его возвышеніе. Есть, говорятъ, у хазрета одинъ условный косой взглядъ исподлобья, и горе тому человѣку, на котораго падетъ этотъ «скромный» взглядъ его высокостепенства!.. Ничего хазретъ не скажетъ, ни единымъ звукомъ не обмолвится, только посмотреть, и однимъ этимъ взглядомъ судьба человека рѣшена безповоротно: завтра же утромъ (а коли не поздно, то и сейчасъ) палачъ поволочетъ его на веревкѣ, накинутой на шею, чрезъ весь городъ къ базарной площади, обыкновенно служащей мѣстомъ публичныхъ казней, и осужденный, во время этого шествія, обязательно долженъ будетъ громогласно, во всеуслышаніе, прославлять и превозносить высокую мудрость и неумятную справедливость хазрета, которая — де такимъ убѣдительнымъ и наилучшимъ образомъ имѣетъ сейчасъ воть проявиться надо мной самимъ, еще столь милостиво осужденнымъ. Былъ, го-

¹⁾ Арбакешъ — ломовой извозчикъ.

ворять, у эмира топчи-баши, по имени Осман-туря, или Осман-урусъ, бѣглый фейерверкеръ западно-сибирской казачьей артиллеріи, Поповъ, который въ должности начальника артиллеріи былъ предмѣстникомъ нынѣшняго топчи-баши Али-Мадата. Самымъ близкимъ и довѣреннымъ человекомъ состоялъ этотъ казакъ Поповъ при его высокостепенствѣ двадцать три года, устраивалъ ему артиллерію и армію, вводилъ въ ней русскій строевой уставъ и команду по-русски, числился главнокомандующимъ всей этой бухарской арміи и былъ по своему влиянію и силѣ рѣшительно первымъ послѣ эмира лицомъ въ государствѣ. Хазретъ не стѣснялъ его даже въ дѣлѣ религіи, заявивъ ему однажды, что «дѣлай, молю, какъ знаешь: по-мусульмански ли, по-христіански ли станешь молиться, или и совѣтъ не станешь—я буду смотрѣть на это сквозь пальцы». Поэтому Османъ только брилъ голову да носилъ чалму, а прочую одежду богато стряпнулъ себѣ на русскій ладъ. Эмиръ постоянно осыпалъ его своими щедротами, благодаря которымъ на конюшняхъ Османа стояло множество кровныхъ лошадей и на каждую лошадь имѣлся драгоцѣнный уборъ; чилимы его были украшены серебромъ и золотомъ съ бирюзой и драгоцѣнными камнями; сабли и кинжалы—точно такъ же; гаремъ его былъ переполненъ красивыми женщинами, а прислуга состояла изъ множества богато нарядныхъ джигитовъ и мальчиковъ. Всѣхъ первыхъ сановниковъ ханства Османъ безнаказанно третировалъ «en saignée», въ особенности когда, бывало, напьется пьянъ; а вина онъ пилъ много,—словомъ, вся жизнь ему была не жизнь, а масляница, какъ вдругъ въ 1868 году дернуло его однажды отлучиться безъ спросу изъ Бухары. Эмиръ послалъ за Османомъ гонцовъ. Османъ возвратился, полагая, что его потребовали за какимъ нибудь дѣломъ и, ничто же сумняся, предсталъ предъ очи своего повелителя-друга. Но хазретъ вмѣсто привѣтствія пристально взглянулъ на него искоса—и Османъ-урусъ чрезъ нѣсколько минутъ всенародно былъ зарѣзанъ на базарной площади ¹⁾.

Еле-еле отогрѣлись мы въ зеркальной залѣ, благодаря жаровнямъ и горячему чаю. Во время изобильнаго угощенія подавали намъ разнообразныя шурпы и кебабы, пловы и сладкія блюда, отъ которыхъ, въ силу этикета, мы только отвѣдывали по маленькой горсточкѣ, и то не торопясь, потому что не

отвѣдывать, а ѣсть, и тѣмъ болѣе ѣсть быстро, значило бы выказать незнаніе свѣтскихъ приличій и «тонкаго обращенія». Разговоръ происходилъ тоже медлительно, со значительными паузами и почти вполголоса, что составляетъ также одно изъ условій хорошаго тона.

Въ концѣ угощенія Остапа-куль перваначи, вообще игравшій первую роль между остальными сановниками, предложилъ посольству «развлечься томашей». По его знаку тотчасъ же явились откуда-то дангарачи (бубенщики), двое маскарабазовъ-клоуновъ и пятеро батчей, тѣ самые, которыхъ мы уже видѣли у себя во дворѣ, накануне Нового года. Мальчонки были одѣты въ легкіе ситцевые халатки краснаго цвѣта, а нѣкоторые въ бешметы и шальвары жепскаго покрою, всѣ подпоясаны яркими шарфами и всѣ въ парчевыхъ «каляпустахъ» ¹⁾, изъ-подъ которыхъ у тѣхъ, что были наряжены женщинами, ниспадали длинныя, мелко-заплетенныя косицы изъ чернаго шелка, числомъ пять (по двѣ съ висковъ и одна сзади), на подобіе дѣвичьей прически, называемой «бишъ-какуль». Подъ аккомпанементъ трехъ бубновъ, батча, ставъ всѣ въ рядъ, усердно распѣвали делячанія и пѣсни своими рѣзкими, а на сей разъ отъ чрезмѣрнаго усердія даже непріятно-крикливыми голосами и распѣвали подплясывали. Подпляска эта состояла въ томъ, что они семенили и слегка подпрыгивали босыми ножками (пляпнуть батчи всегда босикомъ), да машинально побалтывали опущенными какъ плети руками, или спусти длинныя рукава обмахивались ими, какъ бы отгоняя мухъ; порою пошмаргивали носомъ (но это не въ счетъ искусства), порою «дѣлали глазки» и закатывали ихъ съ выраженіемъ блаженства («рахать»), причемъ встряхивали длинными кудрями, ниспадавшими на затылокъ и плечи съ выбритой наполовину головы, кокетливо расправляя и пропуская ихъ иногда между пальцами. Затѣмъ они начинали одинъ за другимъ, въ тактъ allegro, ходить по кругу, слегка сгибая колѣна и выкидывая руками жесты въ родѣ посланія воздушныхъ поцѣлуевъ; то вдругъ, подъ мелкую дробь бубновъ, принимались бѣшено кружиться въ присядку, какъ пятеро спущенныхъ волчковъ, то кувыркались черезъ голову и затѣмъ, безъ малѣйшей передышки, снова начинали цѣть еще болѣе дикими и надсаженными голосами, медлительнымъ темпомъ ударяя въ ладони да покачивая въ ладъ головой и вмѣстѣ съ тѣмъ поводя бедрами и перегибаясь станомъ. Будь это женщины—оно, пожалуй, было бы и ничего себѣ, порою даже красиво. Маскарабазы гораздо занимательнѣе.

¹⁾ Предполагаютъ также, будто, видя дружбу эмира съ русскими и опасаясь, что послѣдніе потребуютъ его выдачи, а эмиръ не посмѣетъ имъ отказать, Поповъ задумалъ уйти изъ Бухары въ Карши къ мятежному сыну эмира Катты-Туръ и будто хазретъ, подозрѣвая въ его отлучкѣ именно это намѣреніе, приказалъ его казнить на основаніи одного лишь своего подозрѣнія.

¹⁾ Ермолки такого же фасона, какъ у нашихъ казанскихъ татаръ.

Въ то время, какъ батчи пѣли, они при наиболѣе чувствительныхъ или патетическихъ мѣстахъ, желая обратить вниманіе зрителей на выраженіе фizioноміи того или другого пѣвца, подносили близко къ его лицу толстыя салыныя свѣчи съ двойной свѣтильной, совершенно такъ же, какъ дѣлается это на сценахъ китайскихъ и японскихъ театровъ, или же самымъ серьезнымъ образомъ строили премуорительныя гримасы, долженствовавшія усиленно выражать то впечатлѣніе, которое должны производить слова пѣсни. Комизмъ ихъ, конечно, грубъ, въ родѣ того, напримѣръ, что одинъ, строя слупѣйшую рожу, показываетъ видъ будто ловить мухъ и ѣсть ихъ, а другой борется съ палкой, закутанной въ женскій халатъ¹⁾, и никакъ не можетъ побороть ее, а, напротивъ, палка борется его самого; потому онъ мирится съ нею, начинаетъ ухаживать, ласкать и дѣлать ей комплименты, на что палка сначала отвѣчаетъ взаимностью, но кончаетъ почему-то вдругъ побоями, причемъ скорчившійся въ три погибели и орущий благимъ матомъ клоунъ такъ ловко ухитряется изъ-подъ ноги дубасить самого себя по сипѣ, что кажется, будто бы палка бьетъ его самостоятельно. Потомъ оба екомороха вмѣстѣ даютъ звукоподражательное представленіе, изображая, напримѣръ, знакомство собакъ между собой, кота, влюбленнаго въ кошку, и двухъ котовъ-соперниковъ, пѣтушій бой, квакающихъ лягушекъ, упрямаго осла и его погонщика и т. п. Все это выходитъ довольно смѣшно, тѣмъ болѣе, что типичныя ухватки, мимики и звукоподражаніе голосамъ животныхъ схвачены весьма вѣрно. Потомъ отъ животнаго эпоса дѣло переходитъ къ людямъ, и клоуны разыгрываютъ какую-то базарную сцену между деревенскимъ простофіей, прѣхавшимъ въ городъ на рынокъ, и городскимъ пройдохой и плутомъ «даллаломъ»²⁾, который вслѣдствіи дурачить и надуваетъ перваго. Но при всей своей, такъ сказать, примитивной грубости, комизмъ этотъ, въ сущности, нисколько не ниже комизма европейскихъ цирковыхъ клоуновъ, напротивъ, и тотъ и другой даже очень схожи, какъ бы сродни другъ другу, и когда здѣсь одинъ маскарабъ даетъ, напримѣръ, другому оплеуху, то получающій ее, точно такъ же, какъ и европейскій клоунъ, очень ловко подставляетъ подъ ударъ свою ладонь, вмѣсто того, чтобы получить его по щекѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что изъ уваженія къ мѣсту представленія всѣ эти шутки маскарабозовъ и пляски батчей не очень выходила изъ границъ приличія, довольствуясь въ скабрзныхъ мѣстахъ лишь самыми лег-

кими намеками, и наши бухарскіе сановники, глядя на нихъ, ни единымъ жестомъ, ни одной улыбкой не измѣнили солидной важности, добавляющей ихъ положенію.

Представленіе длилось около получаса. Затѣмъ придворные служители внесли въ залу тюки съ подарочными халатами для посольства отъ высокостепеннаго эмира. Низшіе чиновники развернули, а наши юзъ-баши показали каждому члену предназначенныя для него вещи, и затѣмъ всѣ эти тюки были переданы съ рукъ на руки нашимъ джигитамъ.

Было уже болѣе восьми часовъ вечера, когда мы наконецъ распростались съ перваначи и прочими сановниками и вышли въ сопровожденіи ихъ на парадный дворцовый дворъ. Морозный воздухъ былъ необычайно чистъ и прозраченъ, и глубоко синее небо залито яркимъ, фосфорически зеленоватымъ свѣтомъ полной луны, которая дивно озаряла узорчатая кафли на стѣнахъ двухъ великановъ-руинъ Акъ-Сарая, сообная имъ прозрачный характеръ чего-то волшебнаго, фантастическаго. Высоко возносясь надо всѣмъ остальнымъ изъ окружающаго ихъ города и неясно рисуясь на фонѣ ночного неба своими массивными очертаніями, эти глыбы казались теперь еще выше, чѣмъ днемъ, еще грандіознѣе.

Перваначи съ инакомъ проводили насъ до воротъ цитадели, а дярбанъ съ юзъ-баши до самой нашей квартиры, гдѣ и откланились окончательно, предупредительно замѣтивъ, что послѣ дня, столь обильнаго впечатлѣніями, мы, конечно, хотимъ успокоиться.

9-го января.

Каждый день, въ сумерки, мы постоянно слышали гдѣ-то военную музыку, которая играла каждый разъ около получаса, а затѣмъ часу въ девятомъ вечера подымался барабанный бой, продолжавшійся минутъ десять, и послѣ того мѣрные удары въ плоскій барабанъ ночныхъ сторожей возвѣщали городскимъ жителямъ прекращеніе всякой уличной дѣятельности. Любопытствуя знать, по какому поводу бываютъ ежедневно эта музыка и этотъ бой, я узналъ, что музыка играетъ въ урдѣ (цитадели) въ то время, какъ идетъ водопой въ сотнѣ кулъ-батчей, эмирскихъ тѣлохранителей, и дѣлается это по приказанію хазрета для развлеченія сарбазовъ, а барабанный бой происходитъ на городской площади предъ разводомъ ночныхъ полицейскихъ патрулей и знаменуетъ собой, такъ сказать, муниципальную зорю съ церемоніей. Послѣднее очень меня заинтересовало, и потому сегодня, около восьми часовъ вечера, я отправился съ однимъ изъ приставленныхъ къ намъ эсаулъ-баши на городскую площадь и вотъ что тамъ увидѣлъ:

Среди площади былъ разложенъ большой костеръ, въ который постоянно подкидывали то камышъ, то солому, чтобы ярче горѣло. Къ

¹⁾ Такіе халаты (паранджи) женщины носятъ не иначе, какъ накинувъ на голову

²⁾ Даллалъ—базарный сводчикъ, маклеръ, фактотумъ и т. п.

этому костру, какъ къ павѣстному центру, сходились съ разныхъ сторонъ «курбаши» — полицейскіе стражники, избираемые изъ числа городскихъ обывателей и вооруженные кто батикомъ¹⁾, кто сѣкирой (ай-балта), кто саблей, а большинство — особаго рода оружіемъ, которое представляетъ собою длинный, аршинъ около двухъ, четырехгранный штыкъ, насаженный на короткое древко, служащее ему рукоятку, длиною около аршина. Оружіе это называется «курбаишемъ», то-есть полицейскимъ. Къ костру собирались конные и пѣшие стражники, между которыми видѣлось не мало людей съ плоскими барабанами въ родѣ бубновъ, обтянутыхъ съ обѣихъ сторонъ шкурой. Одѣты всѣ они были нѣсколько на военный ладъ, то-есть въ халатахъ, заправленныхъ въ кожаные «чембары»²⁾ съ широкимъ ремненнымъ поясомъ и на головѣ вмѣсто чалмы барашковая шапка. Но вотъ съ окрестныхъ манарокъ³⁾ раздался протяжный призывъ муэдзиновъ къ «намази-хуфтянъ», вечерней молитвѣ, и едва замолкъ въ воздухѣ послѣдній отголосокъ высокой теноровой ноты ихъ, какъ съ плоской кровли полицейской сборной сакли (*курбаши-хана*) загудѣли глухіе удары двухъ громадныхъ турецкихъ барабановъ, перешедшіе вскорѣ въ громopodobные раскаты мелкой дробн. Это усердствовали тамъ какіе-то два человѣка, одѣтые въ красныя чалмы и красныя халаты. Кровли саклей, окружающихъ площадь, тотчасъ же унизились закутанными фигурами женщинъ и головками дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, вышедшихъ посмотреть на разводъ курбаиш. Съ той-же цѣлью повисыпали ко входамъ освѣщенныхъ свѣчами и фонарями лавочекъ и чайныхъ ихъ посѣтители, сидѣльцы и хозяева; набралась откуда-то и гурьба мальчишекъ, все тѣснившихся поближе къ курбаишамъ, несмотря на то, что ихъ оттуда поминутно шугали и отгоняли. Костеръ запылалъ еще ярче, и вскорѣ на площадь выѣхали, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конныхъ джигитовъ, двое чалмоносныхъ всадниковъ въ блестящихъ парадныхъ халатахъ, на лошадяхъ, покрытыхъ бархатными попонами въ блестящихъ. То были «рейсъ» и «миршабъ», изъ коихъ первый въ этотъ моментъ кончалъ, а послѣдній начиналъ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей⁴⁾.

¹⁾ Мѣдный кистень съ бугристыми зубцами, надѣтый на деревянную палку.

²⁾ Широкія шаравары желтаго или кармазиново-ваго цвѣта, расшитыя шелковыми узорами.

³⁾ Вышки и башенки при мечетяхъ.

⁴⁾ Обязанность рейса состоитъ въ надзорѣ за нравственностью жителей города, равно какъ за чистотой и безопасностью оного. Онъ обыкновенно два раза въ день, поутру и предъ вечеромъ, объѣзжаетъ городъ и базары и въ это время имѣетъ право остановить каждаго прохожаго мусулманина и проэкзаменовать его, заставивъ читать наизусть «фарсаганъ» — извѣстную главу изъ корана, и если экзаменуемый не знаетъ ея или

Тотчасъ же всѣ курбаиши разбились на патрульные команды и выстроились предъ костромъ съ трехъ сторонъ площади покоемъ. Отъ каждой команды выступило впередъ по одному барабанщику, которые разомъ сошлись къ костру и окружили его большимъ кольцомъ, расположась въ разстояніи двухъ шаговъ другъ отъ друга, а было ихъ всего человѣкъ двадцать слишкомъ. Тогда барабаны на кровлѣ курбаиш-хана замолкли, и вмѣсто ихъ стали бить въ свои инструменты барабанщики, собравшіеся вокругъ костра. Исполняли они это очень своеобразно, а именно: держа лѣвой рукой барабанъ за ремennую ручку, барабанщикъ начиналъ дѣлать имъ широкіе плавные размахи сзади напередъ, и когда инструментъ, описавъ въ воздухѣ полукругъ, вздымался надъ его головой, то въ этотъ самый моментъ правая рука, вооруженная короткой палкой съ шаровиднымъ набалдашникомъ, ударяла въ него разъ, и такъ какъ производилось это одновременно всѣмъ двадцатью человѣками, строго соблюдавшими кадансъ размаха и тактъ ударовъ, то въ общемъ это выходило очень красиво. Послѣ извѣстнаго промежутка времени медлительные размахи начали все болѣе и болѣе учащаться и перешли наконецъ въ тактъ скорого марша. Между тѣмъ миршабъ въ это время повѣрялъ расчетъ людей изъ патрулейъ и когда исполнилъ это, то и барабанщики кончили свой болѣе гимнастическій, чѣмъ музыкальный концертъ, завершивъ его тремя быстрыми и короткими ударами, повторенными съ нѣкоторой паузой три раза, что служило у нихъ сигналомъ «отбой». Послѣ этого они разошлись по своимъ мѣстамъ, и патрули съ барабаннымъ боемъ прошли церемональнымъ маршемъ предъ рейсомъ и миршабомъ, расходясь въ разные стороны по улицамъ и переулкамъ своихъ районовъ. Каждый патруль состоялъ изъ барабанщика и трехъ или четырехъ курбаиш, въ числѣ коихъ одинъ несъ въ рукѣ зажженный фонарь, и изъ одного конника, слѣдовавшаго въ замкѣ⁵⁾.

Вся эта площадь съ куполами, порталами и вышками ея медресе и мечетъ, эти плоскія кровли, униженные дѣтскими и женскими го-

даже отвѣтить не совсѣмъ удовлетворительно, то рейсъ можетъ приказать своимъ джигитамъ тутъ же на мѣстѣ отбусаить его палками, но не свыше 39 ударовъ. Рейсъ обыкновенно избирается изъ числа духовныхъ лицъ и имѣетъ двухъ помощниковъ. Ночью же полицейскую часть обязанностей рейса исполняетъ миршабъ, или, правильнѣе, миршабъ, особый чиновникъ, въ вѣдѣніи коего состоятъ тюрьмы и городская стража. Онъ наблюдаетъ, чтобы послѣ намази-хуфтянъ никто не шатался по улицамъ и чтобы вообще все было тихо и безопасно въ городѣ.

⁵⁾ Такіе «разводы съ церемоніей» происходятъ не въ однихъ лишь бухарскихъ городахъ, но и у насъ въ Ташкентѣ, въ центрѣ туземной части города.

ловками, эти пестрые группы вооруженных курбашей, этот круг барабаников и потому церемониальный марш расходящихся патрулей, все это зрелище, ярко озаренное высоко взвивавшимся пламенем костра, под покровом залитого лунным блеском неба, представляло очень характерную и до того эффектную картину, что прямо бери и цѣлкомъ переноси ее въ любой балетъ или оперу изъ восточной жизни.

По окончаніи этой «муниципальной» зори съ церемоніей огни лавокъ, харчевень и чайныхъ тотчасъ же были погашены, и правдивые зрители стали расходиться по домамъ. Вскорѣ вся площадь совершенно опустѣла, остатки потухающаго костра дежурный курбаши залилъ водой, и въ парилась надъ городомъ ночная тишина, — только вдали съ доносившимся изъ разныхъ концовъ разливистымъ лаемъ собакъ глухо раздавались порой звуки патрульных барабановъ, выбивавшихъ совершенно тотъ же бой, что не разъ приходилось мнѣ слышать въ буддійскихъ пагодахъ Китая и Японіи, это именно одинъ долгій и два короткіе удара въ каждомъ ритмѣ: разъ — разъ-два, разъ — разъ-два, и т. д.

Слѣдуя доброму примѣру мусульманъ, я тоже повернулъ своего коня къ дому, несма довольный всѣмъ, что сейчасъ довелось видѣть.

10-го января.

Утромъ эмиръ прислалъ чрезъ кузъ-башей сказать князю, что онъ желалъ бы еще разъ переговорить кое о чемъ по поводу телеграфа. Вслѣдствіе этого въ полдень князь отправился въ аркъ одинъ, въ сопровожденіи своего личнаго ординарца Карамурзаева, который служилъ ему на сей разъ переводчикомъ. По возвращеніи же отъ эмира, около двухъ часовъ дня, князь сообщил намъ сущность своей сегодняшней бесѣды. Эмиръ заявилъ, что ему крайне грустно отвѣчать на предложеніе генералъ-губернатора безусловнымъ отказомъ, что, понимая пользу и выгоды этого дѣла и искренно желая имъ воспользоваться, онъ думалъ и самъ съ собою и совѣтывался со своими приближенными насчетъ того, какимъ бы образомъ ввести у себя телеграфъ, не ошеломя этимъ нововведеніемъ умы народа, и порѣшилъ, что по возвращеніи мнѣнія сендовъ, ходжей и улемовъ въ пользу телеграфа, а затѣмъ, если не съ ихъ помощью, то по крайней мѣрѣ безъ ихъ сопротивленія, постарается подготовить къ тому же и умы народа. И когда народъ окажется уже достаточно подготовленнымъ, то онъ, Музаффаръ-Эддинъ, не преминетъ самъ увѣдомить о томъ генералъ-губернатора и будетъ просить его содѣйствія къ устройству этого дѣла.

На мой взглядъ, это все, безъ сомнѣнія, тотъ же отказъ, только въ болѣе уклончивой и мяг-

кой формѣ. Намъ за эти дни удалось узнать отъ вѣрныхъ людей кое-что о дѣйствительномъ положеніи эмира, да онъ и самъ былъ сегодня настолько откровененъ, что не скрылъ въ своей бесѣдѣ съ княземъ, до какой степени народъ недоволенъ имъ уже и въ настоящее время. Причинъ этого неудовольствія и ропота, возбуждаемыхъ главнѣйшимъ образомъ ходжами и улемами, заключается въ томъ, что эмиръ будто-бы сталъ черезчуръ уже «русскимъ» и не въ мѣру угодливымъ и покладливымъ изъ всякое русское требованіе, чего-де ему, по положенію верховнаго главы мусульманства, совсѣмъ не подобало бы. Сенды и ходжи не хотятъ и знать того, что Бухара не въ силахъ сопротивляться русскимъ и что ея единственная выгода — это быть другомъ и безусловнымъ союзникомъ Россіи; религіозный фанатизмъ, славныя традиціи временъ давно прошедшихъ, мусульманская народная гордость и аристократическое чванство собственнымъ своимъ происхожденіемъ отъ «благородной крови пророка» преобладаетъ въ ихъ узкихъ умахъ надъ соображеніями какой-то тамъ «высшей политики». И къ тому же они дѣйствуютъ такъ не безъ тайнаго вліянія со стороны враговъ эмира, которымъ очень хотѣлось бы видѣть его свергнутымъ и поруганнымъ ¹⁾. Ходжи и улемы не соображаютъ того, что подобный переворотъ принесъ бы Бухарѣ много несчастій, стоилъ бы много крови и отягчилъ бы до-нельзя экономическое положеніе народа. Опц, по выраженію эмира, суть орудія скрытой интриги, которая нерѣдко поддерживаетъ ихъ извѣтъ и денежными средствами (очевидно новый наемъ на Катты-Тюрю, хотя имя его эмиромъ и не провозносилось); каждый шагъ, каждое сношеніе съ Ташкентомъ становится-де эмиру въ строку, и то обстоятельство, что младшій сынъ его Сейдъ-Миръ-Мансуръ воспитывается въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ, служить для ходжей наиболѣе яркимъ доводомъ, что хазретъ-де и самъ обрусѣлъ и дѣтей своихъ тянетъ на русскую сторону, да и всю будущность Бухары предастъ въ русскія руки, что онъ-де и теперь уже покорнѣйшій и безусловный слуга Россіи и, безъ сомнѣнія, тяжело отвѣтитъ предъ Богомъ за тотъ великій свой грѣхъ противъ мусульманства, что предалъ на обрусѣніе своего родного сына, изъ котораго конечно выйдетъ «кыфуръ», невѣрный. Такъ рассуждаютъ ходжи и всѣ враги эмира, и не со вчерашняго лишь дня: еще болѣе десяти лѣтъ назадъ, извѣстный Вамбергъ,

¹⁾ Къ числу такихъ враговъ принадлежитъ вся такъ называемая «каршинская партія», то есть партія (довольно многочисленная) сторонниковъ Катты-Тюри, старшаго сына Музаффаръ-Эддина, возмущавшагося въ 1869 году противъ своего отца и нынѣ проживающаго на англійскій счетъ въ Индіи.

которого ужъ ни въ какомъ случаѣ не заподозришь въ благосклонности къ Россіи и къ русскимъ, писалъ, что Музаффаръ-Эддинъ послѣ ирджарской катастрофы ¹⁾ долженъ былъ терпѣть самыя глубокія оскорбленія отъ своихъ подданныхъ, отъ своихъ сипагеевъ (чиновниковъ), даже отъ своихъ собственныхъ родственниковъ. На базарѣ и регистанѣ совершенно открыто и свободно упрекали его въ трусости предъ врагомъ, приписывая ирджарскую катастрофу лишь его поспѣшному бѣгству. Его обвиняли въ расхищеніи государственной казны, такъ какъ онъ, крайне нуждаясь въ деньгахъ, принужденъ былъ прибѣгнуть сперва къ валютѣ, а потомъ къ древнимъ имуществамъ духовенства (вакуфамъ), и наконецъ на него была изведена страшная клевета, будто бы онъ, прежній «князь правдивыхъ», находится даже въ тайномъ союзѣ съ невѣрными и уже получилъ плату за проданную имъ «благородную Бухару». Чтобы избѣгнуть оскорбленій черни, возбужденной моллами, и проклятій женщинъ, онъ рѣшился только по ночамъ или переодѣтый оставлять свой дворецъ. «Кто не зналъ Бухары, до безумія много о себѣ думавшей, замѣчаетъ Вамбери, невѣжественной и фанатической Бухары, тотъ съ трудомъ пойметъ, какое смущеніе, какое неистовое бѣшенство вызвали на Зарявшанѣ разбитыя русскимъ оружіемъ мечты о величіи».

Не вѣрить Вамбери въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній, такъ какъ и наши собственные официальные свѣдѣнія того времени, въ общихъ чертахъ, не расходятся съ обрисованною имъ картиной, и если дѣло стояло такъ шестнадцать лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ не особенно много нравственныхъ шансовъ прибавилось въ пользу Музаффаръ-Эддина въ глазахъ невѣжественнаго большинства его подданныхъ. Истинное положеніе Бухары относительно Россіи понимаютъ тамъ еще и теперь весьма немногіе, то есть только высшіе сановники, по необходимости знакомые на дѣлѣ съ сущностью этого положенія, да нѣкоторые купцы, ведущіе торговлю съ Россіей и въ неѣ бывавшіе; все же остальное продолжаетъ упорно думать, что Бухара — «этотъ цвѣтъ и опора Ислама» — сама по себѣ могущественна и непобѣдима, и все было бы въ ней прекрасно, кабы не проклятая дружба хазрета съ кяфрами.

По нашимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что эмиръ живетъ въ Шаарѣ вовсе не потому, чтобы его вынуждало къ тому долговременное ожиданіе русскаго посольства. Ожиданіе это было не болѣе какъ предлогъ, которымъ всего удобнѣе объяснялось шаарское сидѣнье хазрета для базарныхъ толковъ. Но

и на базарахъ врядъ ли кто сомнѣвается, что тутъ вовсе не посольство, а иная болѣе вѣсная причина заставляетъ его уже столько мѣсяцевъ безвыѣздно сидѣть въ этомъ городѣ. Дѣло въ томъ, что Музаффаръ-Эддинъ, благодаря усилившимся, какъ слышно, проискамъ Катты-Тюря и наускивающимъ черни со стороны ходжей и улемовъ, просто не рѣшается ѣхать въ свою столицу, выжидая пока тамъ поудяжется поднятая противъ него, во время его отсутствія, агитація. А отсутствіе это продолжается уже болѣе года.

Есть основанія предполагать, что тамъ легко можетъ вспыхнуть возмущеніе, а войскъ въ цитадели Бухары всего лишь 1,400 человекъ да и тѣхъ эмиръ не считаетъ вполне надежными. Кромѣ того, какъ шепчутъ здѣсь на ухо, въ Шаарѣ живетъ хазретъ еще и потому, что отсюда всего лишь нѣсколько часовъ ѣзды до русской границы, за которую, въ случаѣ чего, быть можетъ онъ и переберется. Да надо еще принять во вниманіе и то, какъ онъ живетъ въ Шаарѣ, городишкѣ съ незначительнымъ населеніемъ: изъ цитадели, кромѣ какъ разъ въ недѣлю въ мечеть, нигде не показывается, и самая цитадель-то эта съ трехъ сторонъ окружена лагеремъ, гдѣ расположено семь тысячъ сарбазовъ, да семь тысячъ расквартированы въ самомъ городѣ по обывательскимъ дворамъ, и всѣ ворота цитадели охраняются сильными караулами. Такимъ образомъ въ Шаарѣ, вокругъ эмира, собрано 14.000 егъ собственныхъ войскъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ персіянъ, афганцевъ, черкесовъ, курдовъ, хиваицевъ и нашихъ татаръ, но не изъ бухарско-подданныхъ узбековъ. И только опираясь на силу этого, чуждаго коренному населенію, войска его высокостепенство можетъ съ относительнымъ спокойствіемъ за свою личную безопасность проживать даже въ ничтожномъ городишкѣ Шахрисебса. Такова то сущность его положенія, и понятію, что введеніе у себя телеграфа, какъ новое, очевидное для всѣхъ и каждого доказательство его угодничества русскимъ, легко можетъ стать для него тою послѣднею каплей, которая наконецъ переполнитъ сосудъ мусульманскаго фанатизма сенидовъ, ходжей, духовенства и софтъ, учащихъ въ медресахъ, то есть всѣхъ тѣхъ элементовъ, кои составляютъ здѣсь, если возможно такъ выразиться, національную партію, на которую главнѣйшимъ образомъ и опирается въ своихъ проискахъ Катты-Тюря изъ-за границы.

Какъ неограниченный властитель, Музаффаръ-Эддинъ безпрепятственно можетъ рѣзать и вѣшать сколько ему угодно своихъ правдивыхъ подданныхъ: это въ порядкѣ вещей и ни у кого не вызоветъ ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшей претензіи, ибо въ томъ его «священное право», но абсолютизмъ его

¹⁾ Дѣло подъ Ирджаромъ, гдѣ впервые бухарская армія была разбита русскими, происходило въ 1866 году.

необходимо долженъ всегда опираться на поддержку сильно вліятельнаго духовенства, безъ чего каждый мусульманскій деспотъ легко можетъ кончить свою жизненную карьеру чѣмъ нибудь въ родѣ пресловутыхъ ножищъ Абдулъ-Азиса. Исторія средне-азиатскихъ ханствъ, а Бухары въ особенности, испоконъ вѣковъ полна возмутительнѣйшими примѣрами захвата власти и сверженій съ престола, причѣмъ обыкновенно убиваютъ не только братья брата, но нерѣдко и родной сынъ насильственно отправляетъ къ предкамъ своего дражайшаго родителя. Неудавшееся, благодаря русскимъ штыкамъ, карпинское возмущеніе Катты-Тюри было, уже на нашихъ глазахъ, послѣднею пока попыткой этого рода. Но временная неудача не уменьшила и не охладила ни его партіи, ни его намѣреній: они теперь выжидаютъ.

11-го января.

Бзидилъ опять на базаръ. Какъ пообжались мы тутъ да пообглядѣлись, такъ и замѣчаемъ, что при проѣздѣ по улицамъ и въ особенности при посѣщеніи базарныхъ рядовъ, привѣтствія, адресуемая намъ въ видѣ поклоновъ и криковъ «здравствуй», приходится встрѣчать исключительно со стороны мѣстныхъ евреевъ, которые собственно и составляютъ въ Бухарѣ такъ называемую «русскую партію». Остальной же народъ—узбеки и таджики, вообще имеваемые въ качествѣ городскихъ жителей сартами—не изъявляетъ намъ при встрѣчахъ никакихъ знаковъ, выражающихъ привѣтствіе, а глядитъ на «урусовъ» съ самымъ равнодушнымъ любопытствомъ; но среди мусульманской толпы приходится иногда подмѣчать и взгляды явно враждебныя, исполненные затаенной ненависти и нерѣдко сопровождаемые словомъ «кяфыръ» и тому подобною бранью, въ которой впрочемъ упражняются преимущественно уличные мальчишки. Хотя девять десятыхъ изъ тѣхъ, что смотрятъ на насъ враждебно, принадлежать къ сословію духовенства и вообще къ «ишанамъ» (книжникамъ, начетчикамъ), тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ нашихъ наблюденій можно пока сдѣлать одинъ безошибочный выводъ: что вообще никакого расположенія къ Россіи и русскимъ въ народѣ здѣшнемъ мы не замѣчаемъ. Да и съ чего бы, впрочемъ, быть ему къ намъ расположеннымъ? Что же до расположенія евреевъ, которое простирается даже до желанія, чтобы русскіе поскорѣ забрали себѣ всю Бухару, то оно вполнѣ повяло: такое присоединеніе значительно расширило бы ихъ торговлю и имущественныя права и избавило бы личность еврея отъ унижительнаго положенія, въ какое онъ поставленъ теперь, подъ мусульманскимъ режимомъ. Дѣйствительно, это положеніе во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелое. Начать съ того, что еврей обязанъ оплачивать громаднѣе по-

шлиной свое право жить въ городахъ на бухарской территоріи, а внѣ городовъ имъ нечего дѣлать, такъ какъ всѣ они живутъ исключительно торговлей, преимущественно шелкомъ; во-вторыхъ, каждый «зьякетчи»¹⁾ въ каждомъ еврей видѣтъ какъ бы свою законную дойную корову, взимая съ него за право торговли очень высокій и болѣею частью совершенно произвольный «зьякетъ». Но и оплативъ право жизни и право торговли, еврей все-таки не можетъ жить и торговать въ средѣ правовѣрныхъ: лавки еврейскія обыкновенно выдѣляются въ особый рядъ, а еврейскіе дома—въ особый кварталъ, за предѣлами коего онъ уже не имѣетъ права на недвижимую собственность. Но это еще не все: еврей не смѣетъ носить чалму, имъ дозволено только черная шапка съ узенькою мерлушковою оторочкой; не смѣетъ носить иныхъ халатовъ, какъ только изъ черной или темнокоричневой алачи, не смѣетъ подпоясываться широкими платками, а тѣмъ болѣе палаями, такъ какъ единственно дозволенный имъ поясъ—это простая веревка, и для того, чтобы они не могли скрыть сего послѣдняго «знака отличія», имъ строго воспрещается носить неподпоясанный халатъ сверху подпоясаннаго нижняго. Затѣмъ не смѣютъ евреи ѣздить въ предѣлахъ города верхомъ не только на лошади, но и на ослѣ, что особенно чувствительно въ здѣшнихъ городахъ, при ихъ огромныхъ разстояніяхъ и при этихъ улицахъ, зачастую послѣ небольшого дождя не только непроходимыхъ, но и непроѣздныхъ отъ ужаснѣйшей грязи. Кромѣ того, законъ не принимаетъ свидѣтельства еврея противъ мусульманина, и мусульманинъ не отвѣчаетъ предъ закономъ не только за какое бы то ни было оскорбленіе еврея, но даже и за убійство его, лишь бы оно было совершено внѣ черты города. Что же касается предоставленныхъ евреямъ льготъ, то онѣ, кромѣ окупаемыхъ правъ жизни и торговли, заключаются главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что еврея, впервые попавшагося въ какомъ нибудь преступленіи, не казнятъ смертью, а заставляютъ выкупить себѣ жизнь свою перемѣной религіи, и если преступникъ согласится на это условіе (что всегда бываетъ), то его тотчасъ же выдворяютъ изъ еврейскаго квартала, разводять съ женой, если онъ женатъ, и затѣмъ весьма долго и строго наблюдаютъ—точно ли исполняетъ онъ всѣ правила корана, и за малѣйшее отступленіе отъ нихъ наказываютъ смертью. Вообще евреевъ здѣсь и ненавидятъ, и презираютъ. Казалось бы за что? Какъ религія, мусульманство ближе къ еврейству, чѣмъ христіанство, и не имѣетъ съ нимъ тѣхъ старыхъ счетовъ, какіе могло бы

¹⁾ Сборщикъ торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ.

имѣть послѣднее. Но тутъ, какъ и въ Европѣ, причины этихъ чувствъ къ евреямъ заключаются не въ религіозной, а въ экономической и социальной сторонѣ ихъ жизни: еврей и здѣсь—тотъ же злостный ростовщикъ, тотъ же маклеръ, перекупщикъ и гешефтмахеръ, тотъ же содержатель тайныхъ притоновъ разврата и контрабандный продавецъ запрещенныхъ кораномъ вина и водки, хотя и торгуетъ, по видимому, однимъ только шелкомъ. Словомъ, и здѣсь мы узнаемъ всѣ тѣ же характерныя, искони вѣковыя присущія еврею черты, которыя такъ знакомы намъ у себя дома. Понятно, почему здѣшніе евреи ждутъ не дождутся, когда-то наконецъ русскіе заберутъ Бухару. Приходъ русскихъ избавилъ бы ихъ отъ унижительныхъ условій существованія и развязалъ бы имъ руки для излюбленныхъ ими профессій, безъ страха смертной казни за ихъ практикованіе.

Съ базара проѣхали мы Урдинскою площадью въ Чиракинскія ворота и, свернувъ мимо цитадельной стѣны направо, взяли путь вдоль лагеря бухарской пѣхоты. Лагерь этотъ, какъ уже сказано выше, окружаетъ цитадель съ трехъ сторонъ и занимаетъ пространство въ нѣсколько сотъ тавановъ, огражденное глинобитною стѣнкой, которая, въ случаѣ необходимости, можетъ служить и для обороны, такъ какъ высота ея выведена въ подчеловѣческую грудь. Поперечныя внутреннія стѣнки дѣлятъ лагерное мѣсто на три части, безразлично служація для помѣщенія сарбазовъ. Это не есть лагерь въ европейскомъ смыслѣ, и напрасно было бы искать въ немъ правильнаго разбитія палатокъ, правильнаго расположенія обозовъ, кухонь проч. Это не болѣе какъ таборъ, гдѣ палатки сарбазовъ, землянки пянджа-башей (урядниковъ) и техниковъ, глинобитныя сакли офицеровъ и командировъ, кухни, конюшни и обозы перемѣшаны въ очень большомъ и, пожалуй, живописномъ безпорядкѣ; но все же это таборъ настолько организованный, что въ немъ каждая воинская часть съ ея хозяйствомъ расположена въ совокупности и обладаетъ возможностью быстрого сбора по тревогѣ. Для этой послѣдней дѣли, при наружной стѣнкѣ, у нѣсколькихъ воротъ выставлены особые караулы при батальонныхъ значкахъ, къ которымъ люди и собираются (батальонное знамя помѣщается особо и всегда при саклѣ командира). Эти ворота, или, вѣрнѣе, выходы, смотря по удобству мѣстности, устроены не только для батальоновъ, но и для ротъ, такъ что въ случаѣ выступленія, каждая рота имѣетъ свое опредѣленное мѣсто сбора, а на случай обороны—опредѣленный участокъ защиты вдоль наружной стѣнки.

Одежда сарбазовъ состоитъ изъ краснаго супоннаго полукафтана съ отложнымъ воротникомъ желтаго, синяго, бѣлаго или зеленаго

цвѣта, смотря по батальону, и съ нагрудными кармашками для пистоновъ; швы полукафтана оторачиваются бѣлою тесьмой. Полы полукафтана выпускаются наружу только при полной парадной формѣ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ остаются заправленными подъ чембары изъ желтой кожи, которыя заправляются въ голенища высокихъ, доходящихъ до коленъ, сапогъ русскаго покроя. Головной уборъ состоитъ изъ бараньей шапки вдвое выше, чѣмъ русская послѣдняя образца. Рубаха, исподнее бѣлая, портянки и суконный бурый армякъ, на случай непогоды, дополняютъ обмундированіе сарбаза. Амуниція очень несложна: кожаная патронная сумка и кожаныя штыковыя ножи на ремennomъ кушакѣ, да холщевый мѣшокъ для провіанта—вотъ и все. Вообще снаряженіе пѣхотинца является довольно практичнымъ. Урядники (амальдоры, пянджа-башы и чора-башы) носятъ вмѣсто красныхъ полукафтановъ бѣлые длиннополые чекмени съ красными поротниками, погонами и обшлагами, а вмѣсто ружья—саблю и кромѣ того имѣютъ трость, какъ знакъ своего достоинства. Въ остальномъ снаряженіе ихъ сходно съ рядовыми. Офицерскіе чекмени обшиты серебряными галунами и, смотря по чинамъ, бываютъ синяго, гороховаго, коричневаго, голубого, зеленого и краснаго цвѣта. Шапка баранья и тоже съ отягчимъ; либо остроконечную высокую афганскаго образца, либо выдровал или кунья, въ родѣ русскихъ, съ цвѣтнымъ бархатнымъ верхомъ, который перекрещенъ серебрянымъ позументомъ. Вооруженіе офицеровъ—пистолетъ или револьверъ въ кабуръ и сабля, всегда очень хорошаго достоинства. Чембары, отороченныя выдровымъ мѣхомъ и узорчато расшитыя шелками, носятъ офицеры всегда на выпускъ.

Кормятся люди на счетъ бека, то есть въ сущности на счетъ мѣстнаго населенія, пока миръ находится въ предѣлахъ даннаго бекства, и—насколько могли мы видѣть въ лагерныхъ кухняхъ при совершенно случайномъ, ничѣмъ не ожидаемомъ посѣщеніи—кормятся прекрасно; въ чугунныхъ казанахъ варилась шурпа съ бараниной и пловъ, а это все, чего лишь можетъ желать себѣ азіатецъ. Имѣтъ каждый день шурпу и пловъ съ бараниной, морковью и кинимешемъ—это идеалъ житейскаго благополучія для каждого азіата, и такой идеалъ, по видимому, достигнутъ въ обиходѣ шаарскаго отряда. Помѣщаются рядовые люди въ палаткахъ, изъ коней одѣй приближаются къ русскому, а другія къ турецкому образцамъ. Вместимость каждой палатки разсчитана на десять человѣкъ, которые дѣйствительно и размѣщаются въ нихъ не свыше этого числа, и съ достаточнымъ просторомъ. Вокругъ срединнаго подпорочнаго шеста устроено приспособленіе для установки ружей пира-

мидой. За пирамидой вырыта небольшая плоская ямка для угольевъ, замѣняющая мангалъ, гдѣ люди кипятятъ свои чайники. Подъ каждой палатки устланъ паласами, сверху коихъ, на каждого человѣка особо, имѣются бѣлыя кошмы для постельной подстилки.

Внутреннее пространство лагеря дренаруется проточными канавками. Для лошадей устроены глинобитныя ясли, раздѣленныя иногда на два, на три, на четыре отдѣленія. Ясли эти имѣютъ видъ барабана съ небольшимъ углубленіемъ для всыпки ячменя и кладки клевера (дженушка). Иногда надъ ними устраивается, для предохраненія засыпаннаго фуража отъ дождя и снѣга, глинобитный навѣсъ въ видѣ нашей почтовой кибитки, куда лошади свободно можетъ просунуть морду. Вообще все это устроено просто, безразлично, но въ высшей степени практично. Въ этомъ лагерѣ часть шаарскаго отряда проводить и зимнее время, чередуясь въ извѣстные сроки съ тѣми частями, что расположены въ городѣ, на обывательскихъ квартирахъ, и такимъ образомъ лагерь бываетъ занятъ постоянно. Поэтому во внутреннемъ его районѣ правительство допустило въ извѣстномъ количествѣ устройство необходимыхъ лавочекъ и чайныхъ домовъ, замѣняющихъ для сарбазовъ наши солдатскіе клубы. Урядники и техники, въ родѣ оружейниковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. п., помѣщаются особо отъ рядовыхъ, въ небольшихъ глинобитныхъ будочкахъ или, вѣрнѣе, крытыхъ гнѣздахъ (иного названія не придумаешь), вмѣстимостью на одного, иногда на двухъ человѣкъ, гдѣ на внутреннихъ стѣнкахъ да вокругъ угольной ямки ютятся все ихъ неприхотливое хозяйство и боевое снаряженіе, да еще съ предметомъ развлечения, которыми обыкновенно служатъ какая нибудь птица въ самодѣльной клеткѣ. То же самое и въ палаткахъ сарбазовъ, гдѣ мы встрѣчали въ клеткахъ очень красивыхъ горныхъ рабчпковъ (по преимуществу палюбленная здѣсь птица), куропадокъ, дроздовъ и перепеловъ. Последнихъ обыкновенно стравливаютъ на бой между собою, причемъ всегда составляются пары между хозяевами бойцовъ и зрителями. Но кромѣ этихъ птицъ у нѣкоторыхъ ротныхъ артелей воспитываются галчата, вороны, ястреба и соколы, привязанные на шнурахъ къ шестамъ съ поперечинами. Не знаю, для какихъ цѣлей служатъ галки съ воронами, но ястребовъ и соколовъ здѣсь дрессируютъ для охоты, и хорошо приученная птица нѣрѣдко стѣбитъ до пятисотъ тенгговъ, т. е. до ста рублей серебряныхъ. О собакахъ нечего и говорить, — ихъ тутъ съ удовольствіемъ прикармливаютъ, но вообще мы замѣтили особенную любовь сарбазовъ къ птицамъ.

Встрѣчали насъ люди въ этомъ лагерѣ весьма радушно — не то, что на городскомъ

базарѣ, и это, вѣроятно, оттого, что большинство сарбазовъ, какъ уже сказано, персіяне и афганцы. Часовые очень исправно брали намъ ружья на караулъ, а люди, не занятые службой, прикладывали правую руку къ своимъ бараньимъ шапкамъ для отдаванія чести, причемъ очень добродушно улыбались; многіе предлагали осмотрѣть ихъ помѣщенія и попробовать пищу, иные приносили на пробу хлѣбныя лепешки, кинимшъ и угощали зеленымъ чаемъ. Вообще, какъ кажется, эмпрскимъ сарбазамъ живется недурно.

12-го января.

Говорятъ, что на завтра назначенъ, ради насъ, большой смотръ бухарскимъ войскамъ. Посмотримъ. Это должно быть очень интересно. Сегодня ничего замѣчательнаго. Морозы со вчерашняго дня значительно уменьшились, и теперь Реомюръ показываетъ только — $1\frac{1}{2}^{\circ}$.

13-го января.

Въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ утра отправились мы верхомъ къ Али-Мадату топчи-баши, который, по приказанію эмира, долженъ былъ показать намъ бухарскія войска. Али-Мадатъ живетъ въ цитадели, и ѣхать къ нему надо въ тѣ же ворота, что и къ перваначи, только къ послѣднему надо повернуть съ пушкарнаго двора въ особые ворота налѣво, а къ этому — направо. Здѣсь предъ воротами былъ растянутъ узорчатый наметъ, подъ которымъ встрѣтилъ насъ самъ Али-Мадатъ со своими «махрамами» (адъютантами). На площадкѣ пушкарнаго двора былъ выстроенъ батальонъ сарбазовъ, со знаменемъ и музыкой на правомъ флангѣ, отдавший посольству воинскую почесть, когда мы приблизились на нѣсколько десятковъ шаговъ къ его фронту.

Топчи-баши, приправляя свою рѣчь пранскими любезностями, выразилъ крайнее сожалѣніе, что по причинѣ глубокаго снѣга, покрывающаго военное поле, онъ лишенъ возможности и удовольствія представить намъ всѣ войска шаарскаго отряда, но что по экзерпціямъ этого батальона мы легко можемъ составить себѣ понятіе и объ остальныхъ, такъ какъ вся бухарская пѣхота обучена совершенно одинаковымъ образомъ. Послѣ этого предисловія топчи-баши лично произвелъ ученіе собраннымъ сарбазамъ.

Въ строю находился батальонъ № 1. Подборъ людей съ физической стороны сдѣланъ въ немъ очень основательно: это все здоровыя, рослые и плечистыя народы, одѣтый и вооруженный какъ описано выше. Форма одежды музыкантовъ — синіе чекмени съ желтою басонною тесьмой по швамъ, желтыя чембары и бараньи шапки. Хоръ находился подъ командой батальоннаго адъютанта (*орда-махрамъ*), на которомъ красовались русскія оберъ-

офицерскія эполеты какого-то изъ туркестанскихъ линейныхъ батальоновъ. Въ составъ этого хора входили три турецкіе барабана, штуркъ восемьъ барабановъ обыкновеннаго размѣра, два металлическихъ треугольника, нѣсколько мѣдныхъ флейтъ-чекановъ и нѣсколько деревянныхъ азіатскихъ кларнетовъ (сурнай). Восемь ротныхъ горнистовъ находились также при хорѣ, на его правомъ флангѣ, но въ музыкальномъ исполненіи маршей участія не принимали, а лишь проигрывали намъ вмѣстѣ съ остальными музыкантами «встрѣчу». Батальонное знамя, при двухъ ассистентахъ, во время ученія находилось не въ рядахъ, а при хорѣ, и держалъ его чора-баши (подпорщикъ). Оно представляетъ собою просто кусокъ красной матеріи (чуть ли не ситцу), съ желтыми узорчатыми разводами, прикрѣпленный къ зеленому копейному древку, украшенному подъ коньемъ двумя металлическими рогульками въ видѣ верхней половинки буквы Ж. Въ рядахъ же, на правомъ флангѣ 1-го взвода, находился значокъ батальоннаго командира, просто квадратный кусокъ бѣлаго коленкора безо всякихъ украшеній, на зеленомъ же копейномъ древкѣ съ коньемъ, но безъ рогулекъ.

По словесной командѣ производились только ружейные приемы; всѣ же движенія, повороты, ломка фронта и построенія исполнялись исключительно по сигналамъ, которые подавалъ штабъ-горнистъ, вызванный къ топчи-баши изъ фронта. Этотъ маленькій, немощно пузатенькій человѣчекъ вытрублявалъ звуки сигналовъ съ такимъ усердіемъ и увлеченіемъ, что въ этой работѣ принимали у него участіе не только губы и легкія, но и плечи, и животъ, и поясница, и даже колѣнки. Всѣми своими частями и суставами своего тѣла добрякъ старался какъ бы дополнить смыслъ сигнала, придать ему наибольшую выразительность. Стремленіе конечно, похвальное, и что же дѣлать, если, благодаря его коротенькой фигуркѣ, оно выходило нѣсколько комично.

Всѣ командныя слова тѣ же, что и у насъ, и произносятся исключительно по-русски, причемъ должно замѣтить, что произношеніе ихъ совершенно правильно, съ небольшимъ кое-гдѣ акцентомъ. Такъ, вмѣсто «слушай на краулъ», у нѣкоторыхъ командировъ выходитъ «слышай на краулъ», но и только. Сигналы частью заимствованы тоже отъ насъ, а частью свои, оригинальные, и подаются вполне отчетливо. Что же до хоровой музыки, то о ней я упоминалъ уже прежде, и могу лишь повторить, что хотя она у нихъ немощно и варварская, въ томъ отношеніи, что любитъ много шуму, звону и треску, но не лишена мелодіи и даже нѣкоторой пріятности, и играютъ музыканты во все продолженіе ученія, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда

командующему потребуется подать какую-нибудь словесную команду; тогда, по его знаку, хоръ на мигу замолкаетъ; но чуть лишь команда принята къ исполненію, сурны и флейты тотчасъ же заливается снова.

Началось ученіе съ ружейныхъ приемовъ, въ число которыхъ входили уколы штыкомъ и отбивы противъ всадниковъ. Все это заимствовано прямо изъ нашего «устава» и видимо усвоено съ показу какихъ-нибудь нашихъ дезертировъ, которые, надо полагать, внесли сюда и русскую команду, и нѣкоторые сигналы. Послѣ ружейныхъ приемовъ люди продолжали нѣсколько гимнастическихъ упражненій, въ полной амуниціи и съ ружьями, и тоже недурно, а затѣмъ топчи-баши подавалъ сигналъ къ «церемониальному маршу», по которому ротные командиры екомандовали «слушай на краулъ», что и было исполнено довольно отчетливо. Тогда батальонный командиръ, по типу лица изъ кавказскихъ горцевъ, далъ одну за другою нѣсколько русскихъ командъ: «по-взводно направо маршъ», «прямо, равненіе направо», «правое плечо впередъ», «прямо, равненіе направо», — и батальонъ подъ звуки чего-то въ родѣ «персидскаго марша», по-взводно пропарадировалъ мимо насъ, продолжая на ходу держать ружья на караулъ, что повидимому нисколько не стѣсняло людямъ свободу ихъ шага.

Послѣ церемониальнаго марша начались ломка фронта и различныя построенія. Люди безъ замѣчательства мѣняли фронтъ на заднюю шеренгу для маневрированія и огня противъ непріятеля, по предположенію, показавшагося съ тылу, и затѣмъ послѣ нѣсколькихъ эволюцій опять быстро переходили въ нормальный порядокъ фронта на переднюю шеренгу. Быстрая черемѣя фронта на заднюю шеренгу и открытіе съ нея огня въ особенности удобно для нихъ потому, что въ бухарскомъ пѣхотномъ строю вовсе нѣтъ замыкающихъ унтеръ-офицеровъ. Не всѣ, конечно, формы построеній отличаются надлежащею быстротой и пригодностью къ дѣлу; такъ, напримѣръ, построеніе батальоннаго каре изъ колонны по отдѣленіямъ исполняется настолько сложно и медленно, что, безъ сомнѣнія, даже посредственная конница успѣетъ смять и уничтожить этотъ батальонъ, ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ принять для ея встрѣчи надлежащую форму строю, и надо думать, что сказанная эволюція составляетъ самобытный продуктъ измышленія бухарскихъ тактиковъ. Но въ числѣ самобытныхъ ихъ приемовъ, по всей справедливости, должно отмѣтить и такіе, которые въ дѣлѣ могутъ имѣть свое, пожалуй, и не бесполезное примѣненіе. Такъ, напримѣръ, хотя бы вотъ это: батальонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ; вдругъ на его правомъ флангѣ внезапно появляется атакующая конница. Ни перестраиваться въ каре,

ни даже загнуть атакуемый фланг уже нѣтъ времени—поздно. Что же дѣлаетъ бухарскій батальонъ? Командиръ подаетъ быстрый сигналъ, по которому первая шеренга дѣлаетъ полу-оборотъ направо, а задняя, повернувъ нѣсколько кругомъ, становится въ пол-оборота нѣмѣю, и обѣ немедленно же открываютъ огонь вѣеромъ противъ фронта атакующей конницы. При подобной же атакѣ лѣваго фланга употребляется приемъ обратный. Кроме того, здѣсь практикуется и стрѣльба обѣихъ шеренгъ залпами изъ развернутого фронта, съ предварительнымъ поворотомъ людей въ полу-оборотъ въ ту или другую сторону. Батальонный огонь сопровождается непрерывною мелкою дробью барабановъ, съ прекращеніемъ коей прекращается и огонь.

Какъ оригинальный же продуктъ бухарской тактики замѣчательно, но непрактично по своей сложности, наступленіе перекатнымъ разсыпнымъ строемъ прямо изъ батальонной ротной колонны, хотя на показанномъ ученьи этотъ кунштюкъ былъ продѣланъ людьми довольно отчетливо. Состоитъ онъ въ томъ, что по соответствующему сигналу, изъ передней шеренги 1-й роты выбѣгаютъ на извѣстное разстояніе впередъ нумера: 1, 4, 7 и 10-й и т. д. Затѣмъ, въ слѣдующей очереди идутъ той же шеренги нумера: 2, 5, 8 и 11-й и т. д., которые, пройдя мимо номеровъ первой очереди, перебѣгаютъ далѣе впередъ, на такое же разстояніе, на какое отдѣлились отъ фронта колонны первоочередные. За ними слѣдуетъ все той же шеренги нумера: 3, 6, 9 и 12-й и т. д., перебѣгающіе далѣе номеровъ второй очереди. Послѣ этого, въ томъ же порядкѣ номеровъ наступаетъ очередь второй шеренги, одновременно съ чѣмъ начинаютъ дальнѣйшее движеніе впередъ первоочередные нумера первой шеренги, очищая такимъ образомъ свои мѣста для первоочередныхъ номеровъ второй шеренги, а сами, проходя мимо стѣлчихъ выше номеровъ второй и третьей очереди, снова занимаютъ первое мѣсто впереди разрѣженного строя. Когда же все это послѣдовательно будетъ продѣлано всѣми номерами второй шеренги, наступаетъ очередь первой шеренги 2-й роты и т. д. А движеніе впередъ между тѣмъ продолжается все время непрерывнымъ образомъ, сопровождаясь пальбой номеровъ, находящихся впереди прочихъ. Я полагаю, что господинъ Мариусъ Петипа остался бы очень доволенъ, еслибы могъ внести въ какой нибудь изъ своихъ балетовъ подобную хореографическую эволюцію. Что же до чисто-военной стороны дѣла, то показанное намъ ученье, по видимому, достаточно наглядно выяснило, что въ бухарскомъ пѣхотномъ уставѣ есть много сложнаго и бесполезнаго въ практическомъ смыслѣ, но есть въ то же время вещи, которыя могутъ быть примѣнены къ дѣлу съ пол-

нымъ удобствомъ и цѣлесообразностью. Къ числу таковыхъ, между прочимъ, относится все то, что заимствовано изъ русскаго устава и, право, въ этомъ отношеніи дезертировъ нашихъ можно назвать вовсе не дурными инструкторами.

14-го января.

Сегодня пятница, Джумакинъ—день, еженедѣльно посвящаемый у мусульманъ молитвѣ, или, какъ говорятъ въ Ташкентѣ наши солдаты, «сартовское воскресенье». Поэтому эмиръ долженъ имѣть сегодня торжественный выѣздъ въ городскую мечеть для совершенія намаза.

Еще вчера, возвратясь отъ топчи-башни, я заявилъ нашимъ приставамъ, что желалъ бы видѣть эту церемонію, но къ удивленію, встрѣтилъ съ ихъ стороны довольно уклончивый отвѣтъ, что въ этомъ-де нѣтъ ничего достойнаго любопытства, все-де очень просто, обыкновенно, такъ что я напрасно только потеряю мое время.

Но я замѣтилъ, что оба они, прежде чѣмъ пошли дать такой отвѣтъ, видимо замаялись какъ-то, словно я моимъ заявленіемъ поставилъ ихъ въ несовсѣмъ ловкое положеніе. Не понимая, что могло бы это значить, но желая вывести и ихъ, и себя изъ взаимнаго недоразумѣнія, я объяснилъ имъ, что въ Константинополѣ мнѣ неоднократно доводилось видѣть пышные выѣзды султана Абдуль-Гамида въ ту или другую мечеть, и что тамъ эта церемонія, обставленная очень торжественно, вполне доступна какъ зрѣлище не только для мусульманъ, но и для всѣхъ иноувѣрцевъ безразлично, а потому изъ этого примѣра я-де заключаю, что присутствіе иноувѣрнаго зрителя при такой церемоніи не нарушаетъ никакихъ религіозныхъ мусульманскихъ постановленій.

Юзъ-башни посѣщили закрѣпить меня, что, конечно, никакого подобнаго нарушенія здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, но что для удовлетворенія моего желанія надо бы, по ихъ мнѣнію, написать «арзъ», то есть ходатайствовать объ особомъ разрѣшеніи у эмира.

Я возразилъ имъ, что это слишкомъ длинная и сложная процедура и что не вижу надобности беспокоить его высокостепенство по такому пустяшному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я, какъ и всякій другой, могъ бы видѣть эту церемонію случайнымъ образомъ.

— То есть какъ это? — спросили они съ нѣсколько тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Очень просто: я каждый день выѣзжаю верхомъ на прогулку по городу и, стало быть, могу совершенно нечаянно попасть на городскую площадь, какъ разъ въ то время, когда хазретъ будетъ проѣзжать по ней.

Успокоенные юзъ-башни согласились, что это конечно дѣло вполне возможное, но прибавилъ, что мнѣ, какъ одному изъ представителей русскаго посольства, необходимо было бы предо-

ставить особое почетное мѣсто для зрѣлища, потому что нельзя же смѣшаться съ простымъ народомъ, и что вотъ собственно поэтому и надо бы было доложить его высокостепенству.

Я со своей стороны поспѣшилъ увѣрить ихъ, что еслибъ и пришлось мнѣ понасть на площадь (хотя не знаю попаду ли, такъ какъ не знаю поѣду ли), то я поналъ бы туда никакъ не въ качествѣ одного изъ русскихъ пословъ, а просто частнымъ человѣкомъ, какъ попадаю туда каждый день, ѣдучи на базаръ или съ базара, и что въ такомъ случаѣ я нарочно постарался бы стать гдѣ нибудь за народомъ, такъ, чтобы совсѣмъ не обращать на себя ничьего вниманія.

Юзъ-баши, повидимому, совсѣмъ удовольствовались такимъ объясненіемъ и на томъ мы покончили.

Сегодня, въ одиннадцатомъ часу утра, по обыкновенію, я приказалъ осѣдлатъ себя лошадей и поѣхалъ за городъ, а къ полудню, возвращаясь домой, рассчиталъ такъ, чтобы быть на базарѣ, у площади, къ тому времени, какъ по ней будетъ савдывать шествіе эмира. Мнѣ удалось это какъ нельзя лучше.

Городская площадь полнымъ-полна была и пѣшими, и коннымъ народомъ, столько же по причинѣ праздничнаго дня, сколько и по случаю предстоявшей церемоніи. Отъ урды (цитадели) до самой мечети, вдоль пути слѣдованія, разстелены были палерами войска шаарскаго отряда съ оружіемъ и знаменами.

Въ три четверти двѣнадцатаго въ сторонѣ урды раздалась военная музыка—знакъ, что его высокостепенство уже выѣхалъ изъ дворца, а минутъ черезъ десять процессія показалась и на базарной площади. Открывали шествіе двое удайчи въ ларчевыхъ халатахъ со своими жезлами. Ѣхавшіе рядомъ на красяво-убранныхъ горячихъ жеребцахъ. Чередуюсь одинъ съ другимъ, они мѣрнымъ полураспѣвомъ провозглашали установленную для подобныхъ случаевъ молитву: «хазретъ эмиринъ исанлик-ля ригъ худъ туафикъ гадалать берсинъ», то есть «да поможетъ Господь хазрету-эмиру во вся дни его не преступать закона справедливости». И вся масса чалмоноснаго народа, низко склоняя головы и спины, благоговѣнно отвѣчала на это: «Оменъ! оменъ!» (да сбудется!). За удайчами ѣхалъ, одѣтый въ столь же блестящій халатъ, придворный чинъ «селямъ-агасы», непосредственно предшествовавшій эмиру. Кланяясь вмѣсто своего повелителя направо и налево народу, онъ повторялъ за хазрета при каждомъ поклонѣ привѣтствіе: «адейкумъ асседамъ», въ чемъ и состоитъ вся его должность.

Самъ же эмиръ въ бѣлоснѣжной чалмѣ и въ простомъ шаиновомъ халатѣ темныхъ красокъ, являя разительный контрастъ съ яркостью и блескомъ своихъ залитыхъ въ золотую парчу

царедворцевъ, ѣхалъ на статномъ ворономъ аргмакѣ, опоясанный кривой саблей, но ѣхалъ молча, неподвижно, съ какии-то застывшимъ, какъ бы каменнымъ выраженіемъ лица и большею частью съ потупленными изъ-подъ сумрачныхъ бровей глазами. Но порой какъ бы усталыя вѣки его медлительно подымались, и тогда безразличный взглядъ хазрета, мимо всѣхъ и вся, устремлялся куда-то въ даль, въ неопредѣленное пространство...

Я понимаю, что такое появленіе хазрета своему народу должно производить на его подданныхъ внушительное и жуткое впечатлѣніе страха, смѣшаннаго съ благоговѣніемъ, что такъ наглядно выражалось въ этомъ всеобщемъ преклоненіи головъ и въ сдержанныхъ, глухо проносимыхъ всѣмъ народомъ откликахъ «оменъ! оменъ!»

Непосредственно за эмиромъ слѣдовала въ строю конная сотня его тѣлохранителей кульбачей, въ алыхъ чекменахъ съ галунами, а за сотней, подъ предводительствомъ шигаула Дурбинъ-инака, валомъ валила блистающая золотомъ, лазурью и пурпуромъ пестрая кавалькада всякихъ царедворцевъ, сановниковъ, чиновниковъ, бековъ, бѣевъ, почетныхъ лицъ и, наконецъ, тутъ же скакали всѣ не находившіеся въ строю офицеры, разряженные въ свои разноцвѣтные форменные костюмы съ русскими коваными эполетами.

По мѣрѣ того какъ эмиръ проѣзжалъ мимо своихъ батальоновъ, музыка играла ему «встрѣчу», знамена и значки преклонялись, строевые офицеры одной рукой салютовали саблями, а другой прикладывались къ шапкамъ и кланялись, сарбазы по командѣ брали ружья на «баррауль», почтительно потупляя въ то же время свои головы, и народъ, какъ нива, колеблемая вѣтромъ, низко нагибался впередъ, проводя по бородамъ ладонями, и замиралъ въ своемъ глубоко-почтительномъ согбеніи. Одно только «оменъ! оменъ!» какъ глухой рокотъ морского прибоя проносилось надъ его принявшими волнами.

Но вотъ приблизился хазретъ къ мечети, и вдругъ, предъ ея порталомъ, на встрѣчу ему грянулъ оглушающій ревъ громадныхъ жестяныхъ трубъ. Одинъ изъ нихъ, сажени полторы коли не двѣ длиной, имѣлъ совершенно прямую форму съ конически-уширяющимся раструбомъ въ родѣ петербургскихъ пастушьихъ рожковъ; другія, такой же длины, сгибались посерединѣ двойнымъ прямоугольнымъ колыномъ. Усталые своими зѣвами прямо въ небеса, трубы эти изрыгали все одну и ту же ревущую ноту, насколько лишь хватало силы въ легкихъ у изнатужившихся до-нельзя дударей, и ихъ жестокой монотонный ревъ, съ которымъ трудно сравнить что-либо, покрывалъ собой всѣ остальные звуки площади.

Я полагаю, что эти трубы если не тѣ же

самыя, то навѣрное съ-родни тѣмъ, отъ звука которыхъ нѣкогда пали стѣны іерихонскія.

Хазретъ оставался въ мечети около получаса и затѣмъ такимъ же порядкомъ возвратился въ-аркъ. Войска съ музыкой разошлись по квартирамъ, нарядные офицеры, блестящіе чиновники, бѣи, казисы и почетныя лица, въ сопровожденіи своихъ джигитовъ, разѣхались въ разныя стороны, а гнѣшій и конный народъ, гудоря и двигаясь волнами, долго еще наполнял базарную площадь.

15-го января.

Сегодня, въ четыре часа пополудни, состоялась съ обычными церемоніями нашъ прощальный «селямъ» у эмира. Музаффаръ-Эддинъ просилъ князя засвидѣтельствовать генералъ-губернатору его неизмѣнно дружественныя чувства и надежду на дальнѣйшее сохраненіе добрыхъ отношеній Россіи къ Бухарѣ. Затѣмъ, освѣдомясь, хорошо ли мы провели время въ Шаарѣ и всѣмъ ли довольны, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и сказалъ, что съ его стороны уже сдѣлано распоряженіе, чтобы на время пребыванія посольства въ бухарскихъ предѣлахъ, какъ въ пути, такъ и во время остановокъ по городамъ, намъ были предоставлены всѣ возможныя удобства. Откланявшись эмиру, мы, по приглашенію Дурбинъ-инака, перешли въ помѣщеніе перваначи Остана-куля, гдѣ были приготовлены прощальный достарханъ и подарки отъ эмира всѣмъ членамъ посольства. Вернулись домой въ шестомъ часу вечера.

А Рахметъ-Улла-токсаба такъ и не показался намъ больше, словно въ воду сгинулъ.

16-го января.

Выѣздъ нашъ изъ Шаара назначенъ былъ въ девять часовъ утра, но за раздачей прощальныхъ подарковъ едва управились къ началу одиннадцатаго. Одарены были отъ лица нашего оба пристава мурзы юзъ-баши и офицеръ, безмѣнно державшій почетный караулъ при посольскомъ домѣ, и весь взводъ его сарбазовъ, и эсаулъ-баши со своими курбашиами, и всѣ состоявшіе при насъ бухарскіе джигиты,—всѣмъ досталось по хорошему халату, соотвѣтственно ихъ чинамъ и общественному положенію, а чиновникамъ и офицерамъ, сверхъ халатовъ, еще и по серебряной вещи, въ родѣ часовъ, портсигаровъ и чарокъ—«на память». Не забыли и маленькаго сынишку эсаула-баши, общаго нашего любимца и пріятеля, которому достались картинки изъ объявленій объ изданіи иллюстрированныхъ журналовъ, а главнаго—весь изобильный остатокъ достархана со всѣми его разнообразными сластями. Князь Витгенштейнъ, какъ старшій представитель посольства, все время лично присутствовалъ при этой раздачѣ и благодарилъ чиновниковъ за ихъ усердіе и предупредительное вниманіе

ко всѣмъ надобностямъ посольства. Между прочимъ, когда хорунжий Карамурзаевъ хотѣлъ было, по принятому здѣсь обыкновенію, накинуть халатъ на плечи караульному офицеру, то послѣдній, вѣжливо уклоняясь отъ этой чести, со всей деликатностью, свойственной персу, заявилъ князю, что онъ проситъ извинить его, но на эполеты, пожалованные его высокостепенствомъ надѣть халатъ никакъ не можетъ, а потому проситъ позволенія принять столь лестный для него даръ просто изъ рукъ въ руки. Это было до того прелестно и неожиданно, что намъ стоило большого труда воздержаться отъ веселой улыбки. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: въ Бухарѣ начинаютъ понимать значеніе эполетъ и пытаются платить намъ той же монетой!

Въ Урта-Кургалѣ, гдѣ, восемнадцать дней тому назадъ, мы впервые познакомились съ перваначи, топчи-баши и корпусомъ бухарскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ насъ при выѣздѣ въ Шааръ въ почетномъ конвоѣ, былъ теперь приготовленъ для насъ первый путевой завтракъ. Здѣсь мы распростылись съ нашими юзъ-башиами, которые представили намъ новаго пристава, караулъ-беги-зякетчи¹⁾, должествовавшего, по приказанію эмира, сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ пути до города Карши.

Часу въ четвертомъ дня проѣхали мимо города Чиракчи, гдѣ по случаю базарнаго дня собралось множество народу, и навстрѣчу намъ высыпала цѣлая толпа любопытныхъ всадниковъ. А везли насъ все съ прежней помпой, въ эмирскихъ коляскахъ, четверней на уносахъ, въ предшествіи и въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ, но къ счастью уже менѣе черепашьимъ шагомъ, хотя и далеко не полною рысью.

Отъ Чиракчи до мѣста ночлега, сказывали намъ, будто всего только два таша (16 верстъ), но въ дѣйствительности оказалось около четырехъ, благодаря тому, что повезли насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, какимъ-то кружнымъ путемъ, такъ что на ночлегъ прибыли мы уже въ-потѣмахъ, часу въ девятомъ вечера. Высланные на дорогу люди встрѣчали насъ съ фонарями и свѣчами, указывая путь въ мѣстечко Кара-бахъ (черный садъ), гдѣ и помѣстались мы, наконецъ, продрогшіе и проголодавшіеся, въ путевомъ дворцѣ эмира.

¹⁾ Сборщикъ торговыхъ и караванныхъ пошлинъ.

V.

Отъ Шахрисеба до Карши.

О бухарскомъ климатѣ и морозахъ.—Землетрясение на почлегѣ.—Виде нѣчто по поводу хорошихъ манеръ и гостепріимства азіатовъ.—Гнилая вода.—Роздыхъ въ Чимъ-курганѣ.—Степные хутора.—Степь и Кашинскій оазисъ.—Наше неумѣнье путешествовать съ восточною важною.—Неудачная переправа.—Каршинская степь.—Городъ Карши.—Его ковровыя фабрики, мѣднотканная и ткацкія издѣлія.—Посольскій домъ.—Политиканскія продѣлки мѣстныхъ чиновниковъ.—Нѣсколько словъ по поводу обычая дѣлать взаимные подарки.—Каршинскій бекъ и его визитъ въ посольство.—Характеръ города.—Мостъ на Кашка-Дарьѣ. Каршинскія предмѣстья.—Мазаръ Ишанъ-Шанда и городское кладбище.—Какъ относятся нынѣшніе сарты къ своимъ могиламъ.—Похоронные обряды у сартовъ.

17-го января.

Холодъ страшный. Еще вчера съ девяти часовъ вечера сталъ такой морозъ, какого мы здѣсь ни разу пока не испытывали. Н. Ханыковъ въ своемъ «Описаніи Бухарскаго ханства» ¹⁾ говоритъ, что оно по южному положенію своему должно бы пользоваться весьма жаркимъ климатомъ, но что многія обстоятельства стекаются здѣсь вмѣстѣ, дабы не только умѣрить его, но даже и охладить. Во-первыхъ, континентальное положеніе ханства въ центрѣ Азіи оказываетъ на него хладотворное вліяніе тѣмъ болѣе, что въ окружающихъ его земляхъ отношеніе обработанной части къ необработанной такъ ничтожно, что нисколько не смягчаетъ суровости ихъ климата. Во-вторыхъ, совершенно открытое положеніе ханства съ сѣвера и, напротивъ, огражденіе его Гиндукушемъ съ юга производятъ то, что приливъ холодныхъ струй воздуха изъ сѣверныхъ странъ постояненъ, и такъ какъ Гиндукушъ представляетъ имъ неодолимую преграду для перемѣненія на югъ, то онѣ согрѣваясь необходимо должны поглощать значительную часть теплоты, присущей этой странѣ по ея географическому положенію — между 37-ю и 43-ю параллелями сѣверной широты. Въ-третьихъ, сильная солонцеватость почвы также не мало способствуетъ суровости климата. Въ-четвертыхъ, богатые запасы льдовъ и снѣговъ, залегающіе въ горахъ Акъ-тау, Кара-тау, и Зарявшанскомъ хребтѣ постоянно и непрерывно охлаждають воздухъ ханства, а наконецъ, и самое возвышенное положеніе Бухары (1,200 футовъ по Борису) надъ уровнемъ океана должно быть принято въ соображеніе при объясненіи холодовъ, посѣщающихъ здѣшнія страны. Несмотря на все это, говоритъ Ханыковъ, климатъ Бухарскаго ханства долженъ быть названъ жаркимъ, потому что съ половины марта и до конца ноября температура по-

стоянно стоитъ очень высокая, а лѣтомъ дѣлается нестерпимою. И дѣйствительно, здѣшній зной, въ зависимости отъ раскаленныхъ солнцемъ песковъ Кизиль-Кума и туркменскихъ замур-дарьинскихъ стѣнъ, несравненно хуже и невыносимѣе зноя тропическихъ странъ, гдѣ онъ нѣсколько умѣряется влажностью воздуха, приносимаго съ близкихъ къ нимъ морей и океана. Разница между наибольшею температурой лѣтомъ (+56° R.) и наименьшею зимой (—25° R.) достигаетъ здѣсь 81°, и это, по моему мнѣнію, такое обстоятельство, которое заставляетъ меня отнести климатъ Бухары прямо къ числу суровыхъ, потому что 56-ти градусный зной при страшной сухости воздуха — какъ хотите — составляетъ не менѣе суровое условіе для существованія, чѣмъ 30-ти градусный холодъ. И, право, я затрудняюсь сказать, которая изъ этихъ двухъ крайностей хуже.

Въ 2¼ часа ночи было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся около одной минуты. Колебанія почвы шли медленно и мѣрно, съ промежутками до двухъ секундъ на каждое, и сила ихъ дѣйствія сказывалась тѣмъ, что въ нашей комнатѣ трещали поголочныя жерди; но къ исходу первой полу-минуты они постепенно становились все слабѣе и медленнѣе, пока не затихли вовсе. Однакоже послѣ семи, восьмисекунднаго затишья землетрясеніе возобновилось, только приняло совсѣмъ другой характеръ. Теперь это были уже быстрыя, волнообразныя колебанія съ дрожью почвы, въ направленіи съ юго-запада къ сѣверо-востоку. Явленіе, въ особенности въ своей первой половинѣ, сопровождалось глухимъ подземнымъ гуломъ, который напоминалъ собою мѣрный, густой звонъ большого колокола ¹⁾. Колебанія почвы и трескъ потолка разбудили меня почти въ самомъ началѣ землетрясенія, и въ первые двѣ-три секунды, я даже не понималъ, не могъ сообразить въ чемъ дѣло; когда же все окончательно затихло, нарочью вышелъ на дворъ посмотрѣть, что дѣлается. Ночь, озаренная мѣсяцемъ, была ясна и жестоко морозна. Вѣтви деревъ, терраса, стѣны, все было залушено густымъ сверкающимъ инеемъ, и снѣгъ сильно хрустѣлъ подъ ногами. Термометра со мной не было, но на ощущение морозъ, мнѣ кажется, значительно превышалъ

¹⁾ Въ Бухарѣ землетрясенія случаются преимущественно въ мартѣ и въ первой трети апрѣля, но иногда сильные жары и сильные морозы также сопровождаются этимъ явленіемъ. Здѣсь, между прочимъ, существуетъ старое повѣрье, что предъ каждымъ новымъ годомъ, который у бухарцевъ считается со дня весенняго равноденствія, непременно должно быть землетрясеніе, и чтобы въ этомъ убѣдиться, они въ ночь наканунѣ новогодняго дня втыкаютъ въ землю вожикъ, и когда онъ упадетъ отъ сотрясенія почвы, то съ той минуты считается и начало новаго года.

¹⁾ Изданіе 1843 года, С.-Петербургъ.

20 градусовъ Реомюра, и въ тихомъ воздухѣ чувствовалась такая острота и сухость, что затруднялось даже дыханіе. Въ комнатахъ нашей, при ея весьма просторныхъ размѣрахъ, тоже было очень холодно, тѣмъ болѣе, что мы приказали унести изъ нея два мангала (жаровни), отъ которыхъ распространялся въ ней очень тонкій, но чувствительно дѣйствовавшій на голову угаръ, послѣдствія косяго вскорѣ обнаружались на князѣ. Словомъ, холодъ даже въ комнатахъ былъ такой, что рано утромъ мы проснувшись съ ледяными сосульками на усахъ.

Обозъ нашъ еще съ вечера сильно отсталъ, а потому князь рѣшилъ дожидаться его прибытія; но такъ какъ арбы пришли только сегодня во второмъ часу пополудни, и лошади оказались крайне измученными, то намъ поневолѣ пришлось проднѣвать въ Кара-бахѣ.

Жить зимой въ туземныхъ домахъ безъ приличія невыносимо: глиняныя стѣны промерзаютъ насквозь, глиняный полъ тоже, окна безъ стеколъ и большею частью не зашплены ровно ничѣмъ; наружныхъ дверей въ комнатахъ много, не менѣе трехъ, но створы ихъ никогда не закрываются вплотную и потому изъ всѣхъ щелей тянетъ сквознякъ ужасный. Благодаря всему этому, зимой во время морозовъ внутри бухарскихъ сакалей гораздо холоднѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ, и мы не разъ бывало выходили на дворъ, чтобы согрѣться. По той же причинѣ порѣшили мы съ княземъ перебраться въ юрту, и не имѣли причинъ сожалѣть о такомъ перемѣщеніи: въ юртѣ, гдѣ весь день поддерживался огонь въ костерѣ, положительно было удобнѣе и несравненно теплѣе, чѣмъ въ комнатахъ—надо только лежать, чтобы дымъ не ѣлъ глазъ—да и воздухъ по крайней мѣрѣ не былъ здѣсь отравленъ угаромъ.

Въ качествѣ походнаго метръ-д'отеля (до-старханча) сопровождалъ насъ, по назначенію бухарскаго правительства, одинъ эсаулъ-баши, всегда лично вносившій и ставившій предъ княземъ почетное блюдо шова и распорядившійся во время стола остальной прислугой. Дженгльменскій видъ, манеры и вообще умѣнье держать себя просто, но изящно и всегда съ чувствомъ собственного достоинства, сказывались въ этомъ азиатѣ такъ рельефно, что не могли не обратить на себя нашего вниманія. По этому поводу произошелъ у насъ съ княземъ разговоръ, начавшійся съ высказаннаго мной удивленія, откуда эти азіаты, люди, которыхъ въ Европѣ считаютъ варварами, полудикарями, усваиваютъ себѣ такой тактъ и полныя благороднаго изящества манеры. Мысли, высказанныя въ отвѣтъ на это княземъ, очень понравились мнѣ своей оригинальностью, и мнѣ кажется, что его выводы вовсе не парадоксальны, напротивъ, въ нихъ чувствуется

нѣчто основательное; сущность ихъ сводится вотъ къ чему:

Азія искони была и остается доселѣ истинной родиной хорошихъ манеръ, и европейцы вовсе не могутъ считаться ихъ самостоятельными изобрѣтателями: эти манеры, равно какъ и большую часть родовъ нашего спорта, Европа заимствовала у Востока еще съ эпохи Крестовыхъ походовъ. Нѣтъ надобности приводить примѣры необузданной грубости и даже дикости общественныхъ и семейныхъ нравовъ, какими отличалась феодальная Европа до этой знаменательной эпохи—примѣры эти достаточно извѣстны. Съ эпохи Крестовыхъ походовъ являются труверы, трубадуры, миннезингеры, воспитанные не только бранные подвиги рыцарей, но и благородство, изящество и нѣжность чувствованій, въ чемъ они очень сходствуютъ съ поэтами Востока, въ особенности съ арабскими; является турниръ, точно также вынесенный съ Востока, турниръ съ его утонченными формами вѣжливости между противниками, что впоследствии преемственно перешло и къ дуэлямъ^{*)}. Но заимствовавъ эти формы у Востока, Европа присоединяла къ нимъ уже вполне самостоятельно еще одинъ новый и невѣдомый на Востокѣ элементъ, какимъ явилась женщина,—женщина предметъ пѣснопѣйный трубадуровъ и миннезингеровъ, женщина—парица турнира, и ея присутствіе еще болѣе облагораживало и какъ бы освящало формы вѣжливости и изящества манеръ, вынесенныя рыцарями изъ Азіи. Съ присутствіемъ женщины прежній безобразно разгульный ширъ превращается въ балъ, въ раутъ; участіе женщины въ общественной жизни, смягчая нравы, внося въ эту сферу изящество, красоту и грацію, поддерживало на извѣстной высотѣ и изящество манеръ, и формы вѣжливости, не давая забывать ихъ, и такимъ образомъ эти формы мало-по-малу сдѣлались обычными формами общежитія, вошли въ плоть и кровь порядочнаго общества. Но ничто не вѣчно подъ луной... Истинно хорошія манеры погибли въ Европѣ со временъ первой французской революціи, когда, подъявшемъ спартанской простоты и презрѣнія къ аристократизму, водворилась утрированная грубость взаимныхъ отношеній, то же что мы видимъ въ нынѣшнемъ нигилизмѣ. Теперь сохранились только клочки и обрывки прежняго, но и тѣ, подъ вліяніемъ разныхъ новѣйшихъ доктринъ и теченій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваются, вмѣстѣ съ изяществомъ выраженій разговорнаго языка, даже и

^{*)} Годфридъ Прельи первый установилъ правила и законы турнира. Что же касается поединковъ, то правила „*Pandectae triumphales*“ были изданы въ 1586 году. Послѣдній турниръ, достопамятный тѣмъ, что на немъ Монгомери смертельно ранилъ французскаго короля Генриха II, былъ въ 1559 году, и съ тѣхъ поръ турниры замѣнились каруселями.

въ салонахъ «порядочнаго общества», гдѣ бульварный и закулисный жаргонъ все шире захватываетъ себѣ права гражданства. И вотъ почему, когда здѣсь, въ глубинѣ Азіи, мы сталкиваемся съ истинными ея сынами, ихъ манеры, полныя изящества, простоты и благородства, вдругъ напоминаютъ намъ нѣчто, какъ будто свое старое, хорошо когда-то знакомое, но давно уже забытое, какъ забывается иногда какая-нибудь поэтическая баллада или старый мотивъ, знакомые намъ когда-то въ далекомъ дѣтствѣ, а мы начинаемъ недоумѣвать и удивляться, откуда все это. Да ни откуда; оно *тутешнее*, искони тутъ было и есть, не позабытое, всецѣло сохранившееся. А это только мы позабыли. И потому-то, повторяю, многихъ «европейцамъ» далеко не мѣшало бы поучиться хорошимъ манерамъ у азіатовъ ¹⁾.

¹⁾ Не выключая изъ ихъ числа даже и киргизъ, въ подтвержденіе чего я расскажу слѣдующій фактъ: 16-го марта 1883 года выѣхали мы въ свѣтъ М. Г. Черныяева изъ Перовска въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. На лѣвомъ берегу Сыра, какъ разъ противъ Перовска, находится хуторъ, принадлежащій почтенной старухѣ Кунъ-Сары, вдовѣ почтеннаго степняка-киргиза Уткуль-бая. По переправѣ чрезъ Сыръ, М. Г. Черныяевъ, желая почтить ее, заѣхалъ къ ней на хуторъ. Тамъ уже заранѣе все было готово къ приему. На обширномъ дворѣ стояли большія юрты — дѣтнее помѣщеніе владѣлицы и ея семейства (зимой они живутъ въ сырцово-кирпичномъ домѣ, построенномъ по образцу русскихъ домовъ этого края). Сама старуха, въ богатомъ киргизскомъ нарядѣ темныхъ цвѣтовъ, встрѣтила гостя у воротъ и осыпала его по обычаю нѣсколькими горстями золотыхъ и серебряныхъ монетъ; позади ея стояли всѣ члены ея семейства. Между послѣдними находились три или четыре женщины, изъ которыхъ дочь старухи, Райханъ, дѣвушка лѣтъ двадцати, и невестка ея, Чаръ-Гуль, были замѣчательно хороши собой въ своихъ парчевыхъ нарядахъ и собольихъ шапочкахъ, разительно напоминавшихъ костюмъ русскихъ боярынь XVI и XVII столѣтій. Въ юртѣ, гдѣ были накрытъ большой столъ для завтрака, уставленный великолѣпнымъ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, старуха представила Михаилу Григорьевичу всѣхъ женщинъ своего многочисленнаго семейства. Когда же былъ поданъ гостямъ завтракъ, то всѣ женщины, за исключеніемъ хозяйки дома, должны были удалиться изъ юрты въ силу киргизскаго этикета. Къ этому-то моменту и относится весь мой рассказъ. Надо было видѣть съ какой естественной граціей и достоинствомъ и какъ ловко отступали онѣ одна за другой, пятась къ дверямъ и черезъ каждые три, четыре шага, дѣлая по одному плавному поклону. Мы чуть не ахнули отъ изумленія. Эта манера отступленія и характеръ поклона, повторяемаго въ силу этикета три раза, были совершеннѣйшимъ подобіемъ тѣхъ отступательныхъ реверансовъ придворныхъ дамъ, какіе приняты при всѣхъ европейскихъ дворахъ при откланываніи высочайшимъ особамъ. А вѣдь этихъ самообытныхъ степнячекъ такому искусству никто не училъ; это уже у нихъ свое, врожденное, привитое обычаемъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ. Подобный же обычай искони существовалъ и у монголовъ. Кто-же отъ кого его за-

Еще характерная черта.

Понадобились намъ для выюковъ кошмы и веревки. Послали на базаръ, гдѣ всего этого добра нашлось вдоволь. Отобрали наши посланцы сколько было нужно и спрашиваютъ, что стоитъ.

— Ничего.

— Какъ такъ ничего?

— Ровно ничего не стоитъ. Вы наши гости, вы въ дорогѣ; вамъ въ пути понадобилась вещь, вы ее спрашиваете; мы вамъ даемъ ее потому, что вы наши гости. Мы ничего взять съ васъ за это не можемъ.

— Однако, все же...

— И не спорьте, все равно не возьмемъ.

Нечего дѣлать, пришлось принять необходимое намъ въ подарокъ и отплатить купцамъ халатами. Положимъ, получить халатъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ базарную цѣну за такой нехитрый товаръ; но вѣдь купцы не могли же рассчитывать на вѣрняка на то, что наша прислуга доведетъ до свидѣнія главнаго посла о нежеланіи ихъ получить за уступленный товаръ плату; естественнѣе съ ихъ стороны было бы предположеніе, что прислуга покажетъ товаръ купленнымъ, а деньги положить себѣ въ карманъ. Стало быть, тутъ уже прямо проявляется древній азіатскій обычай относительно правъ и обязанностей гостепріимства, обычай, подтверждаемый кораномъ.

Въ Кара-бахѣ, между прочимъ, впервые довелось мнѣ на опытъ познакомиться съ отвратительными качествами стоячей воды, свойственными большинству средне-азіатскихъ «хаузовъ». Хаузъ, это небольшой прудокъ, выкапываемый посрединѣ двора и обыкновенно осяняемый нѣсколькими старорослыми ветлами. Безъ подобныхъ хаузовъ не обходится здѣсь ни одна мечеть, равно какъ и большая часть медресе. Вода, проводимая въ нихъ изъ арыковъ, освѣжается рѣдко, а между тѣмъ служигъ къ удовлетворенію всѣхъ домашнихъ надобностей, отъ питья и варки до обязательныхъ омовеній. Утромъ я захотѣлъ было помыться, но чуть поднесъ къ лицу пригоршню воды, какъ меня ошибло ея отвратительнымъ запахомъ органической гнили, смѣшанной съ тухлыми яйцами. Пришлось оставить всякую дальнѣйшую попытку къ умыванью, тѣмъ болѣе, что на требованіе мое перемѣнять воду мнѣ отвѣчали, что другой воды нѣтъ во всемъ мѣстечкѣ и что эту самую мы употребляли и въ пищѣ, и въ чаѣ. Чай однако же былъ безъ всякаго запаха, равно какъ и шурпа. Оказалось, что въ прокипяченномъ видѣ эта вода утрачиваетъ свой запахъ; но признаюсь, чувство безразличности послѣ собственнаго опыта уже отбило у меня всякую охоту и къ карабахскому чаю.

имствовались: Азія ли отъ Европы, или Европа отъ Азіи? Въ послѣднемъ, мнѣ кажется не можетъ быть сомнѣнія.

18-го января.

Выступили съ ночлега въ семь часовъ утра, при сильномъ морозномъ туманѣ, который совершенно скрывалъ не только всю окрестную мѣстность, но и джигитовъ, скакавшихъ шагахъ въ тридцати впереди поѣзда. Путь въ молочно-бѣломъ туманѣ продолжался на разстояніи $2\frac{1}{2}$ ташей (20 верстъ), до селенія Чимъ-курганъ, гдѣ, по распоряженію сопровождавшаго насъ караулъ-беги, назначенъ былъ часовой роздыхъ и завтракъ въ домѣ, уступленномъ для этой цѣли какимъ-то очень зажиточнымъ обывателемъ, который встрѣтилъ насъ предъ своими воротами. Завѣса изъ разноцвѣтныхъ полъ большой палатки, протянутой вдоль айвана (террасы), гдѣ былъ накрытъ достарханъ, а во дворѣ согрѣтыя юрты и зеленія палатки для нашихъ людей, и тамъ же цѣлый рядъ дымившихся котловъ съ различными снѣдками, все это указывало на богатую радушіемъ встрѣчу. Въ комнатахъ, устланной коврами, вокругъ накрытаго для завтрака стола, стояли даже стулья бухарскаго издѣлія, покрытые зеленой краской и обтянутые оди алымъ сукномъ, а другіе пестрымъ бухарскимъ бархатомъ. Эти стулья потомъ, по обычной манерѣ, надѣтые на руки верховыхъ джигитовъ, были мѣны въ карьеръ мимо нашего поѣзда, по дорогѣ къ слѣдующему пункту роздыха. За завтракомъ, въ качествѣ новыхъ блюдъ, обращали на себя вниманіе вкусная похлебка съ мелко крошенымъ мясомъ и сладкая каша, или соломата, коричневаго цвѣта, изъ пшеничной муки, заваренная какъ клейстеръ или какъ молдавская мамалыга, но не на водѣ, а на одномъ только бараньемъ жирѣ. Не дай Богъ, однако, человѣку, страдающему сколько нибудь желудочнымъ катарромъ, попробовать хотя чайную ложку этой снѣдки: послѣдствіемъ будетъ жесточайшая изжога, не поддающаяся ни содѣ, ни Боткинской карлсбадской смѣси, ни пепсину. Тѣ изъ насъ, которые рѣшились отгѣдять этой кашки, проклинали потомъ цѣлый день ея жирно-сладкую память.

Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ утра, по выѣздѣ изъ Чимъ-кургана, туманъ нѣсколько порѣдѣлъ, такъ что явилась возможность разглядѣть кое-что на разстояніи шаговъ трехсотъ. Тутъ мы замѣтили одну особенность въ устройствѣ владѣльческихъ хозяйствъ, или дворовъ, расположенныхъ на степи, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Они не составляютъ сплошного селенія, не ютятся хозяйство къ хозяйству, какъ тѣ, что тянутся вдоль самой рѣки, а раскинуты по окрестности, каждый дворъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ прочихъ, на извѣстномъ разстояніи, такъ что представляются чѣмъ-то въ родѣ нашихъ хуторовъ, почему и самое названіе ихъ «чарбахъ» соответствуетъ хутору. Каждый изъ такихъ дворовъ непременно обнесенъ стѣной, и даже довольно высокою,

нерѣдко съ зубцами, въ томъ же родѣ, какъ и караванъ-сарай, такъ что издали они имѣютъ видъ какъ бы отдѣльныхъ фортовъ, взаимно другъ друга обороняющихъ; но это не караванъ-сарай, а именно обширные, степные хозяйственные дворы, чарбахи.

Прирѣчная мѣстность заселена очень густо. Въ продолженіе всего пути, почти вплоть до Карши, справа видѣются непрерывной лентой сады, среди которыхъ тянется непрерывный рядъ селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи, составляющихъ въ сущности одинъ безконечный кишлакъ, лишь подраздѣленный на различныя наименованія. Селенія эти, слѣдя изгибамъ рѣки, теряются подъ конецъ пути изъ виду, но нѣсколько времени спустя, темная полоса ихъ садовъ снова выступаетъ на горизонтъ, подходит все ближе и ближе и, наконецъ, сливается непосредственно съ самимъ городомъ. Дорога отъ самаго Шаара идетъ не сквозъ прибрежные кишлаки, а протекаетъ по возвышенной стеной плоскости (чуль), за воздѣланною полосой, или, лучше сказать, по заданъ земельнымъ участкамъ, огороженнымъ глинобитными стѣнками, а каждый изъ такихъ участковъ занимаетъ въ длину, считая отъ рѣки къ чулю, протяженіе версты въ три (такъ по крайней мѣрѣ казалось на глазъ). Въ лѣвую сторону отъ дороги идетъ уже голая степь, служащая пастбищемъ для овечьихъ отаръ, кое-гдѣ прорѣзанная съ сѣвера на югъ большими арыками, которые пересѣкаютъ дорогу крайне неудобно для поѣзда, потому что окопаны съ обѣихъ сторонъ высокими земляными насыпями, образующимися постепенно при ежегодной чисткѣ арыковъ, когда весь илъ и наносный песокъ, выгребаемый со дна, обсыпывается тутъ же на насыпь, и такимъ образомъ по величинѣ этой послѣдней всегда можно приблизительно опредѣлять, какъ давно арыкъ существуетъ. Эти степные арыки несутъ воду къ дальнимъ кишлакамъ, что видѣются южнѣе, у подножія незначительной пологой гряды, составляющей послѣдній изъ отроговъ Ярчаклыискаго хребта.

Чѣмъ ближе къ Карши, тѣмъ все болѣе степная мѣстность перерѣзывается подобными арыками, но тутъ уже они идутъ и вдоль и поперекъ степного пространства, и встрѣчаются между ними какъ большіе, такъ и малые, и глубокіе, и мелкіе; на нѣкоторыхъ настланы прочныя, хорошо содержимыя мостики, безъ перелъ, но достаточной ширины, такъ что широкоходная арба можетъ по нимъ пройти совершенно свободно.

Проѣхали еще $2\frac{1}{2}$ таша и остановились на нѣсколько минутъ у селенія Каратегинъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Караулъ-беги тотчасъ же подѣхалъ съ предложеніемъ остановиться и здѣсь для отдыха и достар-

хана, но мы предпочли немедленно же ѣхать далѣе. Поѣхали; но поѣхали къ видимому удивленію и даже неудовольствію нашихъ провожатыхъ и мѣстнаго аксакала: «Какъ, такой длинный путь и вдругъ не желаютъ отдохнуть и подкрѣпиться! Совсѣмъ ни на что не похоже!»

Но вотъ сдѣлали еще около двухъ ташей; подѣвжаемъ къ селенію Чаукай, куда выѣхали двое какихъ-то чиновниковъ, высланныхъ изъ Карши для встрѣчи посольства. Здѣсь опять то же самое предложеніе остановиться, закусить и отдохнуть. Но когда и на этотъ разъ, не внявъ любезнымъ приглашеніямъ, мы велѣли везти себя дальше, то и караулъ-беги, и чиновники, и аксакалы окончательно уже «поверглись въ пучину недоумѣнія» и стали между собою переговариваться: «Да что-жъ, молъ, это наконецъ такое?!.. Какіе же это важные люди! Гдѣ такіе выдаются?.. Въ Бухарѣ важные люди путешествуютъ медленно, съ роздыхомъ, съ остановкой, и чѣмъ важнѣе лицо, тѣмъ медлительнѣе должно оно ѣхать. Да и куда спѣшить въ самомъ дѣлѣ? и зачѣмъ?.. Для снѣгу существуютъ молъ джигиты, — ну ужъ у тѣхъ и назначеніе такое, — а то вдругъ важные люди, и тоже по-джигитски! «Ай-ай, яманъ, яманъ! не хорошо!»

Конечно, эти добрые люди мѣрятъ на свой аршинъ: такъ напряміръ, эмиръ никогда не проѣзжаетъ въ сутки болѣе одного таша, но для насъ, въ виду экстренности поѣздки, а главное въ виду заранѣе заявленнаго нами желанія, количество ташей было болѣе, чѣмъ удвоено и именно накинута на каждую станцію по полтора таша (12 верстъ), но когда и при этомъ мы отказались отъ предлагаемыхъ остановокъ и сопряженныхъ съ ними кормлений жирными и сладкими снѣдками, то понятно, что бухарцы наши должны были наконецъ «пожохить палецъ въ ротъ отъ изумленія». Шутка ли сказать, пропустить вдругъ цѣлыя двѣ остановки и двѣ кормежки! Но еслибы слѣдовать желанію этихъ добряковъ, то намъ отъ Шаара до Карши, вмѣсто двухъ переговоровъ, понадобилось бы пять, а если ѣхать по-эмирски, то разстояніе отъ Шаара до Бухары въ 31 ташъ (248 верстъ) пришлось бы проѣзжать цѣлый мѣсяцъ. Разумѣется, бухарскіе чиновники должны были наконецъ безнадежно махнуть на насъ рукой, какъ на людей, окончательно не умѣющихъ путешествовать съ калѣжащею важностью.

Послѣ каждого отказа въ остановкѣ насъ, на дальнѣйшемъ пути, нагоняли и опережали джигиты, мчавшіеся бышенимъ карьеромъ съ надѣтыми на руки зелеными ступлями, сидя безъ стреманья на вычурныхъ кожаныхъ коробкахъ, наполненныхъ столовыми приборами и достарханомъ. А замѣчательно въ самомъ дѣ-

лѣ, какъ ѣздить въ Средней Азіи верхомъ на выюкахъ: чѣмъ тяжелѣе до извѣстной степени выюкъ, тѣмъ считается лучше: меньше будетъ ерзать, и, стало быть для лошади менѣе риску набить себѣ спину. Человѣкъ же садится между двумя коробами и кладетъ на нихъ ноги, вытянувъ ихъ горизонтально впередъ, причѣмъ нижняя часть ноги, начиная отъ колѣна, болтается у него безъ опоры на воздухѣ, около лошадиной шеи. Такая поза безъ привычки крайне неудобна, но говорятъ, что именно она-то тутъ и требуется, потому что человѣкъ будто бы становится отъ этого увѣсистѣе и тѣмъ дополняетъ усидчивость выючной поклажи.

На пути отъ Чаукай къ Карши не обошлось-таки безъ приключенія. Протекаетъ тутъ какая-то рѣченка, сама по себѣ вполнѣ ничтожная, особенно въ эту пору года; но течетъ она въ довольно глубокихъ и болѣею частью круто обрывистыхъ берегахъ. Рѣчка затянулась тонкимъ льдомъ, по которому двинулся было вычурный джигитъ съ цѣлью проложить дорогу поѣзду; но едва выѣхавъ на середину, какъ ледъ подъ нимъ рухнулъ — и джигитъ провалился, растерявъ свою поклажу. Кое-какъ однако удалось ему выкарабкаться на ледъ и вытянуть свою лошадь; но подходя къ противоположному берегу бѣдняга провалился снова, и на этотъ разъ даже серьезнѣе перваго, потому что лошадь упала подъ нимъ на-бокъ и окунула его съ головой. Впрочемъ, все обошлось благополучно, безъ ранъ и ушибовъ, а упавшій выюкъ былъ пойманъ другими джигитами. Освободясь изъ-подъ лошади, узбекъ поднялъ ее на ноги и вытянулъ за поводъ на берегъ, гдѣ, раза два встряхнувшись, легъ на спину и задралъ къверху ноги, чтобы выпить изъ сапога воду, а затѣмъ вскопая въ сѣдло, влѣпилъ пару горячихъ нагасекъ своему спакуну и минутой спустя уже пропалъ изъ виду, утѣвшись по направленію къ городу. По пути, проложенному, или вѣрнѣе, проломленному джигитомъ перешла, наша казачья команда справа по три, чтобы еще болѣе разбить ледъ и упирить проѣздъ, а затѣмъ была пушена арба, которая впрочемъ такъ въ водѣ и застряла — ни впередъ, ни назадъ. Руслѣ рѣченки было изборождено глубокими и крутыми рытвинами, благодаря которымъ переправа въ этомъ мѣстѣ оказалась окончательно невозможною. Нечего дѣлать, пришлось поворачивать оглобли и ѣхать назадъ, въ обходъ, къ какому-то другому броду, у котораго спускъ хотя и гораздо круче перваго, но зато руслѣ мелкое и ровное. Здѣсь переправлялись мы уже безъ всякихъ приключеній, и караулъ-беги объявлялъ, что отъ этого мѣста до Карши остается всего одинъ ташъ.

Послѣдніе отроги Ярчаклийскаго хребта, въ видѣ глинисто-песчаниковыхъ бугровъ, пере-

рѣзанныхъ водомопнами, кончаются у селени Чаукай, не доходя версты десяти до города. Но здѣсь это уже совсѣмъ ничтожныя возвышенности, отъ подошвы коихъ мѣстность переходитъ въ совершенную равнину, гдѣ лишь изрѣдка попадаются неглубокія пади и пологія холмы.

Отъ Чуракчи до Чаукай степные курганы встрѣчались намъ довольно рѣдко, но начиная отъ этого послѣдняго пункта вся степь, прилегающая къ Карши, усыяна ими. Это все курганы могильнаго характера, довольно высокіе, и на двухъ изъ нихъ видны были слѣды недавнихъ раскопокъ, но разумеется не съ научною цѣлью. Въ здѣшнихъ курганахъ, какъ и вездѣ впрочемъ, копаются кладовскатели, а еще болѣе—просто сосѣдніе земледѣльцы, которые выбираютъ съ нихъ жирную, пропитанную органическимъ перегноемъ землю для своихъ огородовъ и плантацій.

Городъ Карши стоитъ на совершенно открытой равнинѣ и служитъ главнымъ этапнымъ пунктомъ для всѣхъ торговыхъ каравановъ, идущихъ въ Бухару съ востока и юго-востока, и главнымъ рынкомъ для всей окружающей его степи, обитаемой кочевыми туркменами. Послѣ Бухары, Карши считается лучшимъ городомъ во владѣніяхъ эмира, и это, можно сказать, единственный внѣ русскихъ предѣловъ среднеазиатскій городъ, который не пребываетъ въ состояніи кочности, а постоянно продолжаетъ расти и развиваться, благодаря своему торгово-промышленному значенію, въ особенности въ качествѣ первостепеннаго транзитнаго пункта. Число жителей его опредѣлить трудно, такъ какъ оно ускользаетъ отъ вѣдѣнія даже и мѣстной администраціи, но извѣстно, что въ самомъ городѣ находится болѣе тысячи жилыхъ дворовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, шестнадцать мечетей, три караванъ-сарая и двѣнадцать медресе. Между послѣдними замѣчательны двѣ: медресе Голи и медресе Бикей; первая въ 65 комнатъ, построена въ царствованіе эмира Хайдара, въ началѣ XVI столѣтія, издѣвіемъ простой молочной торговли, а вторая, въ 50 комнатъ—простымъ узбекомъ Бикеемъ, котораго Абдуллахъ-ханъ ¹⁾ возвелъ въ званіе бѣя за то, что Бикей, встрѣтивъ его, забывшагося на охотѣ, вывелъ на настоящую дорогу и оказалъ ему гостепріимство, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Какъ кто ни смотри, на какой европейскій аршинъ ни мѣрь «полуварварскую цивилизацію» этихъ «турапцевъ», но тотъ фактъ, что въ средѣ ихъ являлись простыя торговли и простыя по нашему мужики, на собственные средства и по собственному побужденію воз-

двигавшіе университеты, гдѣ до сихъ поръ раздается слово мусульманской науки, такой фактъ самъ говорить за себя достаточно краснорѣчиво. Не все же, стало быть, господствовало здѣсь такъ называемый «миракъ невѣжества»; напротивъ, были времена, когда сильно проявлялось въ этомъ обществѣ и уваженіе къ знанію, и стремленіе къ распространенію науки и цивилизаціи. Остатки древнихъ арыковъ въ Голодной степи и въ другихъ, нынѣ совершенно мертвыхъ пустыняхъ, величественныя степныя рабаты и монументальныя сардобы, астрономическая обсерваторія Улугбека, мозаичные дворцы, мавзолеи, медресе и мечети до нашихъ дней продолжаютъ свидѣтельствовать, что были свои «золотыя времена» и для Средней Азіи.

Судя на глазъ, городъ Карши со своими садами кажется будто раскинулся на значительное разстояніе по теченію Кашки, но въ сущности самый городъ, то есть часть, окруженная стѣной, не особенно великъ. Въ подробности описывать его наружность было бы излишне: это все то же, что и въ Чикментѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Шаарѣ, словомъ, повсюду въ Средней Азіи, и если вы видѣли хоть одинъ средне-азиатскій городъ, то можно сказать, что вы видѣли ихъ всѣ; отличія между тѣмъ или другимъ изъ нихъ будутъ не особенно значительны и касаются болѣе географическаго, чѣмъ этнографическаго характера. Урда (цитадель), обыкновенно стоявшая на возвышеніи и обнесенная глинобитною зубчатою стѣной съ башнями, то же, что наши древніе кремни, обыкновенно составляетъ центръ города; въ урдѣ—аркъ, то есть дворецъ эмира или бека, тоже обнесенный зубчатою стѣной и служащій для цитадели какъ бы редюнтомъ; затѣмъ внѣ урды, противъ ея главныхъ воротъ, регистанъ, четырехсторонняя городская площадь, окруженная зданіями главныхъ медресе и главной городской мечети «намазъ-джума»; къ регистану же съ трехъ сторонъ примыкаетъ базаръ со своими караванъ-сараями, крытыми рядами и ротондой чаръ-су, всегда составляющею центръ главнаго городского базара, а затѣмъ во всѣ стороны, какъ паутина сѣтъ, расходятся кривыя и косые узенькіе улицы и переулки, обрамленные глинобитными заборами, за которыми въ глинобитныхъ сакляхъ, среди закрытыхъ дворовъ и садовъ, копошится жизнь городскихъ обывателей. Здѣсь время отъ времени попадаетъ какой нибудь хаузь, освѣщенный ветлами, и рядомъ небольшая мечеть или могила какого нибудь святаго съ развѣвающимся на высокомъ шестѣ бунчукомъ или знаменемъ. Тамъ и сама улица пересѣкается журчащими арыкомъ и нерѣдко упирается въ стѣну, гдѣ нѣтъ даже и калитки, или въ захороненное кладбище съ тѣсными рядами кыр-

¹⁾ Родился въ 940 (1538), вступилъ на престолъ въ 963 (1555), умеръ въ 1006 (1597) году. Это былъ величайшій изъ государей династіи Шейбанидовъ.

личныхъ саркофаговъ, оштукатуренныхъ гипсомъ. Иногда такая улица въ одномъ изъ своихъ уголковъ оживится какимъ нибудь маленькимъ базарчикомъ съ тремя, четырьмя лавчонками, и непременно съ чайна-хане и съѣзною, около которыхъ обыкновенно ютятся и нѣсколько ремесленныхъ заведеній, а тамъ опять пошли глиняные заборы да плоския кровли, вплоть до самой городской стѣны такого же типа, какъ и стѣна урдинская, съ нѣсколькими воротами, выводящими на разныя дороги. За воротами, начиная отъ выѣзней окружности стѣны, идутъ уже сплошною полосой на нѣсколько верстъ вокругъ города его предмѣстья, наполненные садами, плантаціями и кладбищами. И вотъ вамъ обыкновенный типъ всякаго средне-азиатскаго города. Одинъ будетъ меньше, другой больше, одинъ холмистѣе, другой равниннѣе, и въ этомъ почти вся разница. Таковъ же точно и Карши, такова и преславная «благородная Бухара», «оплотвѣры и главный столпъ ислама» съ ея 365 мечетями.

Впрочемъ, относительно Карши можно прибавить, что его улицы, по крайней мѣрѣ тѣ, по которымъ насъ провозили, значительно шире и чище содержаны, чѣмъ въ Шаарѣ; арыковъ достаточно, равно какъ и внутреннихъ садовъ въ городѣ; базаръ весьма значителенъ и давно уже выдвинулся частью своихъ рядовъ за предѣлы старой городской стѣны, бывшей еще во время Ханыкова (1841 годъ), но нынѣ не существующей. Славится Карши своими коврами, которые выдѣлываются въ подгородномъ кишлакѣ Камали. Нанесли ихъ къ намъ во дворъ на продажу цѣлыми десятками тюковъ; но такіе ковры, каршинской же работы, всегда можно купить у насъ въ Ташкентѣ вдвое дешевле, чѣмъ здѣсь на мѣстѣ, гдѣ сразу заломили съ насъ ни съ тѣмъ несообразныя цѣны, быть можетъ въ расчетъ на то, что у посольства должно быть денегъ много и что, не зная цѣнъ, оно не станетъ торговаться. Оружейныхъ порядочныхъ лавокъ въ Карши вовсе нѣтъ (Шааръ въ этомъ отношеніи куда богаче!), красивыхъ сѣдельныхъ принадлежностей тоже не найдете; зато въ большомъ ходу выдѣлка въючныхъ сѣделъ, и оно понятно: здѣсь такъ и быть тому надлежитъ, какъ въ центральномъ караванно-транзитномъ пунктѣ. По количеству тутовыхъ плантацій можно бы было рассчитывать, что въ Карши вы найдете богатое шелковое производство. Между тѣмъ на дѣлѣ это вовсе не такъ, и шелковыя ткани встрѣчаются на базарѣ, въ лавкахъ только привозныя изъ Бухары, Шахрисеба, Самарканда (въ особенности) и отчасти чрезъ Гиссаръ изъ горныхъ бекствъ; а мѣстный шелкъ продается только въ моткахъ у евреевъ. Зато въ большомъ ходу сбытъ шерсти и шерстяныхъ издѣлій въ видѣ ковровъ, паласовъ, куржумовъ, подпругъ,

попонъ, большихъ мѣпковъ и т. п., что находится въ прямой зависимости отъ производительности богатыхъ овечьими стадами туркменъ, жителей окрестныхъ степей, для которыхъ Карши, какъ уже сказано, служитъ главнымъ бытовымъ рынкомъ. Кроме того, здѣсь выдѣлывается «алача», сильно проклеивная ткань, въ родѣ джутовой, идущая для лѣтнихъ костюмовъ; но она очень жестка и, какъ говорятъ, не безопасна въ отношеніи огня: чуть попадетъ на нее искра, алача быстро загорается, такъ что человѣку, имѣющему привычку курить, весьма рискованно носить ее, да при томъ и дорога она непомѣрно, если судить по тѣмъ цѣнамъ, какія съ насъ запрашивали. Затѣмъ Карши производитъ много табаку, который расходится отсюда по бухарскимъ владѣніямъ, какъ въ листахъ и въ крошевіи для куренія, такъ и тертый въ видѣ порошка для жеванья¹⁾; вообще каршинскій табакъ считается въ Средней Азіи лучшимъ. Но болѣе всего, наравнѣ со своими коврами, славится Карши еще и мѣднечеканными издѣліями. Въ качествѣ образцовъ для своей средне-азиатской коллекціи я купилъ здѣсь два купина съ умывальными чашками современной работы. Въ своемъ родѣ эти вещи очень недурны, но въ сравненіи съ такими вещами стараго стиля и старой чеканки кажутся слишкомъ претенциозными, манерными, затѣйливыми, слишкомъ бьютъ на эффектъ серебряныхъ инкрустаций и украшеній изъ поддѣльной бирюзы и хрустальныхъ quasi-аметистовъ, рубиновъ, сапфировъ и проч. Въ нихъ уже нѣтъ того благородно-художественнаго рисунка и строго изящныхъ въ своей простотѣ формъ, какія встрѣчаются въ старыхъ вещахъ этого рода ширазской, ташкентской и кашгарской работы. Два образца древнихъ кумгановъ, найденные мною на шаарскомъ базарѣ, настолько лучше этихъ и по изяществу стиля и по чеканной работѣ, что послѣдніе не выдерживаютъ съ ними никакого сравненія, да при томъ же они ужасно дороги: за пару я заплатилъ двѣсти тенговъ, то есть сорокъ серебряныхъ рублей на наши деньги. Наконецъ, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ производствъ, судя по изобилію мастерскихъ и лавчонокъ, встрѣчавшихся намъ на попутныхъ улицахъ, здѣсь процвѣтаетъ столярное и плотничное дѣло, въпрочемъ въ формахъ очень грубыхъ сравнительно съ рѣзными столярными издѣліями Ура-тубе, Ходжента и Самарканда.

Пріѣхали мы въ Карши въ половинѣ четвертаго часа пополудни и остановились въ посольскомъ домѣ, который въ случаѣ надобности всегда нанимается бухарскимъ правитель-

¹⁾ Большинство узбековъ любятъ табакъ жевать, закладывая его подъ языкъ или между щекой и десной. Въмѣсто табакерокъ употребляются маленькіе флакончики изъ тыквы.

ствомъ для посольствъ у какого-то мѣстнаго купца. Архитектурный стиль этого дома, въ выходящихъ на внутренній дворъ двухъ-этажныхъ постройкахъ съ ажурными балюстрадами и мавританскими арками и колонками, поддерживающими два яруса галлерей, могъ бы назваться очень изящнымъ, еслибы сооруженіемъ этого дома руководила болѣе умѣлая архитектурно-художественная рука. Впрочемъ, широкій айванъ главнаго корпуса въ своемъ родѣ очень красивъ, благодаря расписному карнизу, лѣпной работѣ стѣнъ и рѣзнымъ колоннамъ средне-азиатскаго стиля. Внутреннія стѣны приемной залы также украшены лѣпными узорами и вязевыми надписями изъ корана и персидскихъ поэтовъ, а потолокъ расписанъ мелкими арабесками.

На должности бека сидитъ въ Карпи Остана-Куль-бій, двадцатилѣтній юноша, внукъ кушъ-беги¹⁾. Этотъ юный бекъ не только не встрѣтилъ посольство въ домѣ, но даже не прѣхалъ къ князю, когда ему уже было должно о нашемъ прибытіи, хотя исполнить это онъ былъ бы обязанъ въ силу предварительнаго распоряженія эмира о приемѣ русскаго посольства. Въмѣсто себя молодой человекъ прислалъ къ намъ двухъ своихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ, сѣдобородый, былъ необычайно важенъ, гораздо важнѣе самого перваго изъ всѣхъ видѣнныхъ нами доселѣ сановниковъ, какъ и подобаетъ впрочемъ, третьестепенному чиновнику, которые, какъ видно, повсюду одинаковы. Эти господа совѣтники, послѣ обычныхъ распросовъ о здоровьи и о томъ, хорошо ли мы доѣхали до ихъ благополучнаго города, объявили, что бекъ будетъ у князя завтра утромъ, а сегодня-де очень занятъ важными государственными дѣлами.

Князь замѣтилъ на это, что очень радъ видѣть бека пожалуй и завтра, хотя надѣялся встрѣтить его здѣсь сегодня, но, принимая во вниманіе его занятія и прочее, а также и собственную свою усталость съ дороги, охотно готовъ отложить свиданіе до слѣдующаго утра.

Совѣтники послѣ этого, заявивъ, что одинъ изъ нихъ, а именно сѣдобородый, назначенъ сопровождать насъ отъ Карпи до Бухары, удалились съ такою же важностію, какъ и пришли вначалѣ.

19-го января.

Сегодня утромъ, въ восемь часовъ, явился двое новыхъ чиновниковъ отъ бека. Одинъ изъ нихъ тоже сѣдобородый и еще важнѣе, чѣмъ вчерашній, но должно быть не совсѣмъ-то строго блюдетъ законъ Магомета: носъ у него багровый и голосъ сильно хрипитъ, словно съ перепоя. Посланцы эти заявили майору Байтокову, что они присланы передать посоль-

ству приглашеніе бека къ нему на достарханъ сегодня послѣ полуденнаго намаза, то есть въ часть дня.

Это уже выходило что-то очень странное: вчерашніе заявили, что бекъ самъ будетъ у насъ сегодня, а эти о визитѣ бека уже не гу-гу, а только насъ къ нему приглашаютъ.

Князь поручалъ Байтокову передать чиновникамъ, что сейчасъ онъ ихъ принять не можетъ, а просить нѣсколько обождать. Усѣлись чиновники, несмотря на свою важность, на дворѣ, на лѣсенкѣ айвана, и ждутъ, и долго ждутъ,—болѣе двухъ часовъ ждали. Наконецъ князь смиловался и приказалъ позвать ихъ въ приемную, куда пригласилъ къ этому времени и всѣхъ членовъ посольства.

Чиновники вошли, видимо недовольные тѣмъ, что ихъ заставляли прождать столь долго, и потому напустили на себя еще больше важности.

При взаимной рекомендаціи, наприимѣръ, когда князь называлъ имъ каждаго изъ насъ поочередно, сѣдобородый хрипунъ даже не всѣмъ членамъ посольства протянулъ свою руку, да и тѣмъ, кого удостоилъ этой честью, подалъ ее полу-нѣ-хотя, какъ бы вскользь, и то лишь чуть-чуть прикоснувшись кончиками пальцевъ, а прочимъ и головой не кивнулъ. «Ого, думаемъ, какіе важныя! Такихъ еще мы и не видали». Становилось любопытно, чѣмъ это все кончится.

Усѣлись. Крякнули, помолчали. Не сразу же начинать, надо прежде съ мыслями обратиться, какъ того требуетъ важное ихъ положеніе. Вообще замѣтно было, что всѣмъ своимъ поведеніемъ чиновники желаютъ «внушить» намъ что-то «дать почувствовать», но что и ради чего, все это было пока непонятно. Наконецъ, сѣдобородый началъ съ обычнаго вопроса о здоровьи и о томъ, что бекъ, молъ, спрашиваетъ, всѣмъ ли мы довольны.

Князь отвѣчалъ, что какъ гости эмира, мы вполне довольны тѣмъ вниманіемъ и любезностію, какія до сихъ поръ оказывалъ намъ его высокостепенство.

Снова помолчалъ сѣдобородый и снова крякнулъ, а затѣмъ, отчетливо формулируя каждое слово, заявилъ, что бекъ ожидаетъ къ себѣ князя и прочихъ его сопровождающихъ, и что будетъ принимать всѣхъ насъ вмѣстѣ, въ часть дня, послѣ полуденнаго намаза, о чемъ-де они, совѣтники, и посланы заявить намъ заранѣе.

Замѣтите этотъ отгѣнокъ: не «просить», а «ожидаетъ», какъ будто посольство испрашивало у него аудіенцію. Вообще весь тонъ этого сообщенія былъ какой-то странный, совсѣмъ неподходящій.

Князь нарочно сдѣлалъ видъ, какъ будто даже не понималъ того, что ему сказано, и переспросилъ чрезъ переводчика въ чемъ дѣло.

Сѣдобородый повторилъ свое заявленіе въ той же формѣ, слово въ слово, какъ бы давая

¹⁾ Кушъ-беги, или визирь,—звание, соответствующее должности перваго министра и государственнаго канцлера.

этимъ чувствовать, что онъ ни мало не ошибается ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ своего порученія.

Тогда князь объявилъ вотъ что:

— Передайте беку, — сказалъ онъ, — что я сегодня занятъ и потому не располагаю выходить изъ дому, а буду принимать бека завтра у себя въ восемь часовъ утра, такъ какъ въ половинѣ девятаго мы уѣзжаемъ.

Сказано это было совершенно спокойнымъ, серьезнымъ тономъ, какъ улыматумъ, не допускающій никакихъ возраженій, ниже сомнѣній въ томъ, что онъ можетъ быть не исполненъ, — и надо было видѣть, какъ мгновенно послѣ этихъ словъ вытянулись лица чиновниковъ, какія опѣшенные фizioноміи они себѣ устроили! Всю важность ихъ какъ рукой сняло; оторопѣлые, явно смѣшавшіеся и уже не дерзая не только вскользя, но и вовсе протягивать кому либо руку, они удалились съ оченъ низкими и почтительными поклонами, бормоча, что передать слова князя своему беку.

Но черезъ часъ тѣ же лица появились снова у насъ на дворѣ и просили майора Байтокова передать князю, что бекъ намѣренъ сдѣлать ему визитъ завтра, согласно заявленному княземъ желанію, но только не въ восемь часовъ, такъ какъ это слишкомъ рано, а немного попозже, часовъ въ десять напирямѣръ, и потому нельзя ли, молъ, посольству повременить своимъ отъѣздомъ и даже остаться въ Карши еще на сутки.

Князь чрезъ своего ординарца выслалъ имъ сказать, что его рѣшеніе имъ уже извѣстно, что въ 8½ часовъ утра онъ выезжаетъ непременно и проситъ къ этому времени прислать проводника, а если проводникъ не будетъ присланъ, то посольство уѣдетъ и безъ него.

— Хобъ! хобъ! (хорошо, слушаемъ) — проговорили чиновники, помахивая головами и прикладывая руку къ сердцу. — Высокія слова посла передадимъ беку дословно, Аманъ-булъ!.. До свиданія!

А черезъ полчаса послѣ этого у насъ на дворѣ появилось уже четверо: двое сегодняшнихъ да двое вчерашнихъ посланцевъ бека. Пришли они объяснить Байтокову, для передачи князю, что бекъ-де потому не встрѣтилъ посольства и не былъ у князя съ визитомъ, что не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній отъ эмира, но что вчера онъ нарочно отправилъ въ Шааръ гонца съ цѣлью спросить, какимъ образомъ будетъ ему приказано встрѣтить и принять пробѣжающихъ русскихъ гостей, и такъ какъ гонецъ ранѣе послѣзавтра возвратиться не можетъ, то не обождетъ ли посольство до его возвращенія.

Байтоковъ отвѣчалъ, что этого уже и передавать князю не станеть, такъ какъ всему посольству изъ устъ самого хазрета было заявлено при прощальномъ селамѣ, что онъ, хазретъ,

заранѣе послалъ беку насчетъ нашего приѣма даже особое приказаніе, и что посольство во всякомъ случаѣ выѣдетъ въ дальнѣйшій путь въ-назначенное княземъ время, а кромѣ того князь, весьма вѣроятно, обо всей этой исторіи сегодня же напишетъ самому эмиру.

Услышавъ такую отвѣдь, чиновники уже въ конецъ переполошились, словно тараканы, посыпанные бурой, и спѣшно поскакали къ беку.

Въ четыре часа дня приѣзжаетъ верхомъ, въ полномъ парадѣ, самъ бекъ со святой, въ составѣ которой находились и его сѣдобородые совѣтники. Подъѣхалъ къ воротамъ посольскаго дома и посылаетъ спросить князя, можетъ ли этотъ послѣдній принять его посѣщеніе.

Князь выслалъ ординарца сказать беку, что принять его сегодня не можетъ, а приметъ завтра, какъ уже сказано, и бекъ уѣхалъ, что называется, не солово похлебавши.

По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нашими людьми отъ ташкентскихъ и самаркандскихъ туземцевъ, подкладка всей этой странной исторіи заключается вотъ въ чемъ:

Науськали юнаго бека на такой образъ поведенія все тѣ же его сѣдобородые совѣтники: можно-де принять и отпустить посольство, не роняя своего бекскаго достоинства, то есть не только не выезжать къ нему въ домъ для встрѣчи, но и вовсе не дѣлать визита. Русскіе де такихъ тонкостей не понимаютъ, а нужны имъ только подарки, за подарками они и ѣдутъ, въ подаркахъ-то и вся сила, а потому давай мы тебѣ оборудуемъ это дѣло, такъ что и русскіе будутъ довольны, и народъ увидитъ, какой ты въ самомъ дѣлѣ важный человекъ и какъ относишься къ русскимъ. Положись на насъ, мы все это устроимъ тебѣ наилучшимъ образомъ. Мальчишка поддался ихъ совѣтамъ, а теперь и струсилъ и не знаетъ, какъ быть ему, тѣмъ болѣе, что весь базаръ (а базаръ — это здѣсь *народъ*) видѣлъ, какъ онъ, Остана-Куль-бій, бекъ каршинскій, ввукъ преславаго купъ-беги, пернаго послѣ эмира человека во всемъ ханствѣ, «наѣлся грязи», повернувшись съ чѣмъ коня отъ воротъ посольскаго дома. Но отчаянные сѣдобородыхъ совѣтниковъ и того еще болѣе.

Проводивъ бека въ урду, они возвратились къ посольскому дому и уныло сидятъ теперь вчетверомъ на завалинкѣ у воротъ, не зная, какими судьбами поправить бы всю эту глупость, затѣянную ими же самими, тѣмъ болѣе, что эмиръ, какъ узнаетъ, шутить съ ними не будетъ...

Но во всей этой исторіи, даже въ томъ, что она оказалась возможною, есть и другая сторона, не лишняя поучительности уже для насъ самихъ: это именно увѣренность бухарскихъ чиновниковъ, что намъ, русскимъ, нужны де не тонкости приѣма и не уваженіе, а только

подарки, побольше подарковъ, за которыми насъ собственно въ Бухару и посылають. Почему у нихъ могло сложиться такое убѣжденіе? Нѣтъ ли тутъ доли нашей собственной вины? Не сами ли мы давно уже подали имъ первый поводъ думать о насъ такимъ образомъ?

Увы! мы въ этомъ отношеніи далеко не безупречны...

Для достоинства русскаго имени было бы очень хорошо если не вовсе воспретить посылать въ принципъ всякій приемъ какихъ бы то ни было подарковъ, то хотя бы ограничить или регулировать какимъ либо способомъ это щекотливое дѣло, установивъ положимъ, что подарки могутъ быть принимаемы только отъ одного эмира и ни отъ кого болѣе, и то лишь для того, чтобы не нарушать обычая, освященнаго вѣками. А то въ нынѣшнемъ положеніи этого дѣла выходитъ вотъ что: насъ теперь въ составѣ посольства пять человѣкъ, изъ коихъ четыре младшіе члена, при каждомъ явленіи на селамъ къ эмиру или при посѣщеніи кого либо изъ бековъ, получаютъ отъ нихъ въ подарокъ по одной лошади съ царчевой попоной и наборной уздечкой и по одному тюку халатовъ, а старшій посолъ—по двѣ лошади подъ бархатными попонами, расшитыми серебромъ и шелками, и девять тюковъ халатовъ, итого каждый разъ шесть лошадей и тринадцать тюковъ, въ которыхъ въ общей сложности заключается 117 халатовъ, приблизительно на сумму до 2.000 рублей. Мы же, въ лицѣ старшаго посла, въ состояніи отдарить бека только однимъ, правда, очень хорошимъ халатомъ изъ какой либо европейской матеріи, съ прибавкой какихъ нибудь пустячковъ, въ родѣ револьвера, золотыхъ карманныхъ часовъ или часовъ съ кукушкой, конфетъ да духовъ, что въ совокупности не превышаетъ какой нибудь сотни, много двухъ сотенъ рублей. Отдаривать же равноцѣнными вещами у насъ въ состояніи только одинъ туркестанскій генералъ-губернаторъ, которому для этого и отпускается отъ казны особая экстраординарная сумма, но ужъ никакъ не лица подначальныя. Эти послѣднія, при отправленіи ихъ въ Бухару въ качествѣ пословъ, хотя и снабжаются нѣкоторымъ количествомъ подарочныхъ вещей, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы уравновѣсить ихъ съ массой и цѣнностью подарковъ, подносимыхъ имъ бухарскими савонниками. Да на такое уравниваніе при нашей нынѣшней экономіи и въ особенности при частыхъ отправкахъ посольствъ къ эмиру пришлось бы казнить дѣлать слишкомъ большія непроезжидельныя затраты. И выходитъ, что мы такъ или иначе принимаемъ отъ бухарцевъ подачки. И это получаетъ тѣмъ болѣе неблагоприятный характеръ, что тѣ же бухарскіе чиновники не стѣсняются приставать къ намъ съ просьбами

о распродажѣ полученныхъ вещей, чтобы получить возможность поднести ихъ намъ же вторично, то есть, другими словами, суютъ намъ подачки деньгами. Какъ ни верти, а сущность дѣла вѣдь такова и нисколько не становится красивѣе отъ того, что даютъ намъ эти деньги не прямо, а заставляютъ принимать ихъ чрезъ продажу подарковъ. Среди бухарцевъ рассказываютъ даже такія, казалось бы, невѣроятныя вещи, будто одинъ изъ нашихъ пословъ не особенно отдаленнаго времени, будучи ласкомъ до сметаннаго соуса съ чеснокомъ, подаваемого къ ягнятину и молодой конинѣ, приказывалъ бухарскимъ приставамъ ежедневно поставлять къ его столу по восемнадцати крынокъ свѣжей сметаны, изъ которыхъ на его собственные надобности шла только одна крышка, а остальные семнадцать онъ каждое утро чуть не лично продавалъ базарнымъ торговцамъ, призываемымъ для этого на посольскій дворъ, и это до такой степени возмутило наконецъ бухарскихъ властей, что онѣ, желая дать понять русскому послу все неприличіе его поведенія, однажды заставили крынками всю террасу предъ его окнами. Но того эта колкая шутка не проняла и онъ преспокойно въ тотъ же день всѣ эти крынки сбылъ на базарѣ, да еще будто бы потребовалъ, чтобы и на будущее время ему постоянно поставляли такое же количество крынокъ. Всею этому вѣритъ съ крайнимъ трудомъ, даже и тогда, когда объ этомъ говорятъ вамъ русскіе свидѣтели столь недостоинныхъ выходокъ. Судите же сами, насколько такія отношенія сообразны съ честью русскаго имени и достоинствомъ его представителей.

А все-таки любопытно, чѣмъ-то вся эта сегодняшняя исторія окончится завтра?..

20-го января.

Сѣдобородые совѣтники бека еще съ разсвѣтомъ были уже у нашихъ воротъ и не безъ внутренняго томленія ожидали момента, когда имъ будетъ можно доложить старшему послу, что бекъ непременно прибудетъ въ назначенное время. Поэтому они чуть не каждую четверть часа обращались съ вопросами то къ Байтокову, то къ Асланбеку: проснулся ли князь, скоро ли проснется, приметъ ли ихъ и какъ скоро приметъ, когда встанетъ съ постели. Тѣ отиѣчали, что ничего опредѣлительнаго на этотъ счетъ сказать имъ не могутъ, что все-де будетъ зависѣть отъ добраго желанія князя. захочетъ приметъ, не захочетъ—откажетъ, но что бека вѣроятно приметъ, если только тотъ не запоздаетъ своимъ приѣздомъ.

Совѣтники грустно вздыхали, потиравая чалмоносными головами, и каждый разъ послѣ подобнаго отвѣта снова усаживались на завалияку, съ покорностію сложивъ на животъ руки, пока усилившееся томленіе не подмоетъ

онять котораго либо изъ нихъ на какой нибудь новый вопросъ такого же рода. Томленіе ихъ было понятно, потому что еслибы князь бека не принялъ, то гнѣвъ эмира разразился бы главнѣйшимъ образомъ надъ ихъ головами, какъ вѣроятно на ихъ же головы пролился бы и «елей благоволенія съ ароматомъ похвалы» изъ устъ того же эмира въ томъ случаѣ, еслибы затѣянная имъ продѣлка выишла уда-лась. А гнѣвъ хазрета—не шутка, ибо онъ сразу раздавливаетъ человѣка. По меньшей мѣрѣ, лишили бы этихъ совѣтниковъ не только ихъ должности и всѣхъ достоинствъ, приобретенныхъ службой, но и всего ихъ имущества, которое неизбежно подверглось бы конфискаціи въ пользу казны, за исключеніемъ одного лишь носильнаго адрасоваго халата, и пришлось бы имъ либо идти къ кому нибудь въ джигиты, либо поступать сядѣльцами въ чью нибудь лавку, а то и просто побираться съ рукою, буде не окажется сострадательныхъ и состоятельныхъ родственниковъ, которые призрѣли бы ихъ въ несчастіи. Сидя на завалинкѣ, совѣтники дрожали отъ утренняго холода, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше страдали нравственно отъ неувѣстности, каково-то будетъ рѣшеніе посла. Когда же наконецъ Байтоковъ, выйдя отъ проснушагося князя, объявилъ имъ, что бекъ будетъ принять, какъ сказано, то люди эти просто ожили, воскресли; для нихъ это было проблескомъ надежды, что не все еще потеряно, что хотя со стороны вышенаго правительства и ждетъ ихъ жестокая головомойка за глупые совѣты, но все же имущество, а можетъ и служебное положеніе, останется при нихъ безъ ущерба. Теперь все дѣло въ томъ, какъ бы бекъ не опоздалъ со своимъ визитомъ, и потому совѣтники поскакали въ урду чоропть его.

И вотъ ровно въ восемь часовъ утра Остана-Куль-бія изволилъ къ намъ пожаловать въ сопровожденіи многочисленной копной и иш-шей свиты. На немъ былъ форменный халатъ изъ индійской мелкотравчатой парчи, и бѣлая камилерская шаль въ видѣ чалмы пышно обвивала его голову. Это очень еще молодой человѣкъ, не только весьма красивый, но и пріятной наружности, съ небольшою темною бородкой, здоровымъ и матовымъ цвѣтомъ лица, открытою улыбкой и добрыми карими глазами. Въ типѣ лица—ничего тюркскаго, напротивъ, это чистѣйшій иранскій типъ, и вѣтъ сомнѣнія, что перенесъ судьба этого юношу въ Европу, вотъ такъ, какъ онъ есть, въ этомъ самомъ костюмѣ, онъ пользовался бы громаднымъ успѣхомъ у женщинъ. Намъ же достаточно было взглянуть на это юное, чистосердечное лицо, чтобы убѣдиться окончательно, что самъ Остана-Куль ровно не причеъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, что онъ тутъ не болѣе, какъ жертва политикан-

ства своихъ совѣтниковъ, чрезъчуръ уже перетонившихъ дипломатическіе фокусы восточной политики.

Князь, протянувъ ему руку, очень любезно пригласилъ его садиться, а совѣтники остались стоя у дверей, гдѣ и пребывали все время въ нѣсколько согбенныхъ позахъ, сложивъ на животъ руки, что по восточному этикету выражаетъ высокую степень почтительности.

Бекъ началъ прямо и просто съ извиненія въ своей ошибкѣ, за которую онъ принимаетъ всю вину исключительно на себя, и прибавилъ, что князь вѣроятно будетъ къ нему снисходителенъ, если приметъ во вниманіе, что онъ, Остана-Куль, не могъ еще усвоить себѣ надлежащей опытности въ дѣлахъ этого рода, потому что еще такъ недавно посаженъ на бекство и къ тому же ни разу доселѣ не имѣлъ дѣла съ представителями иностранныхъ государствъ, но что онъ всегда привыкъ чтить въ душѣ великую сосѣднюю державу и т. д., словомъ, просить простить ему сдѣланную неловкость.

Князь отвѣчалъ, что съ той минуты, какъ онъ видитъ Остана-Куль-бія у себя, въ его сердцѣ не остается къ нему ничего кромѣ искреннихъ чувствъ расположенія и пріязни.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, но намеренъ при этомъ, что его тревожитъ одно обстоятельство, а именно: какъ посмотреть на все это дѣло хазреть и кушъ-беги, когда оно дойдетъ до ихъ свѣдѣній.

Князь утѣшилъ его и въ этомъ отношеніи, сказавъ, что если кушъ-беги спроситъ, то онъ ему заявитъ, что не считаетъ самого Остана-Куль-бія виновнымъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, и что такое заявленіе въ сущности ни мало не будетъ противорѣчить его собственному внутреннему убѣжденію, а потому еслибы понадобилось, то готовъ въ этомъ же смыслѣ ходатайствовать за него особымъ письмомъ и предъ высокостепеннымъ эмиромъ.

Когда майоръ Байтоковъ переводилъ эти слова, видно было какъ съ лица молодого человѣка слетаетъ послѣднее облако тревоги и сомнѣній. Но зато, Боже мой, какъ снова испуганно вытянулись и поблѣднѣли лица сѣдобородыхъ совѣтниковъ!.. Почтительное согбеніе ихъ дошло при этомъ до высшей степени своей выразительности, а въ глазахъ читалась тоскливо тревожная мольба о пощадѣ. Замѣтивъ это, князь прибавилъ, снисходительно сколько по намъ взглядомъ, что вообще если понадобится, то онъ попроситъ, чтобы все случившееся осталось для всѣхъ безъ особенно печальныхъ послѣдствій, такъ какъ не желаетъ быть причиною ничьей горя.

Физиономія совѣтниковъ успокоилась; у каждаго изъ нихъ вырвалось изъ души по одному

вздоху облегченія, и лишь позы почтительнаго согбенія остались безъ перемѣны.

Послѣ этого со стороны бека послѣдовалъ вопросъ, вѣдѣтъ ли мы довольны, хорошо ли намъ у него угождаютъ и проч.

Отвѣтъ на это былъ стѣсненъ княземъ въ томъ смыслѣ, что и сегодня, какъ позавчера, онъ можетъ лишь повторить одно: *какъ гости эмира*, мы повсюду встрѣчаемъ, *въ силу распоряженія о томъ его высокостепенства*, столько вниманія, предупредительности и радунія, что можемъ только быть ему чрезвычайно признательными за все это.

Тутъ бекъ обратился къ князю съ просьбой замедлить нѣсколько отъѣздъ посольства, чтобы сдѣлать ему честь своимъ посѣщеніемъ. Но князь ему отказалъ, со всею впрочемъ любезностію, какая лишь была возможна въ данномъ случаѣ. И хотя бекъ послѣ того еще дважды принимался повторять свою просьбу, такъ какъ для него послѣ вчерашняго «наѣдана» грязью» было бы въ глазахъ «базара» чрезвычайно важно наше посѣщеніе, тѣмъ не менѣе князь остался при своемъ любезномъ, но твердомъ отказѣ и подалъ беку знакъ, что пора кончить аудіенцію.

При выходѣ изъ приемной комнаты, Остана-Куль-бію были поднесены подарки и, между прочимъ, атласный халатъ зеленого цвѣта, особо почитаемого въ мусульманствѣ, какъ цвѣтъ Пророка, а чрезъ нѣсколько минутъ бекскіе джигиты привели во дворъ очень хорошихъ лошадей подѣ богатыми попонами и отиѣтные подарки, заключавшіеся по обыкновенію въ тюкахъ съ халатами. И вдругъ—верхъ предупредительности и любезности!—тутъ же является одинъ изъ сѣдобородыхъ совѣтниковъ и заявляетъ съ обычными жестами высокой почтительности, что его достойно уважаемый бекъ желалъ бы лично сопровождать посольство и ожидаетъ на этотъ предметъ приказаній князя. Но посолъ приказалъ поблагодарить бека за его любезное предложеніе, замѣтивъ, что не видитъ никакой надобности причинять ему лишнія хлопоты.

Ровно въ половинѣ девятаго часа утра, какъ и было назначено, посольство выѣхало со двора. Поѣзду нашему до самой границы городскихъ предмѣстій предшествовало верхами нѣсколько мѣстныхъ, городскихъ и бековскихъ, чиновниковъ, изъ коихъ двое назначены были сопровождать насъ до Бухары, и одинъ изъ этихъ двухъ, сѣдобородый хрипунъ, именно и стоялъ во главѣ неудачныхъ совѣтниковъ юнаго бека.

Отъ посольскаго дома, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ базара, то есть почти въ центрѣ города, мы сдѣлали не менѣе пяти верстъ, пока доѣхали до послѣднихъ городскихъ строеній. Улица, по которой слѣдовалъ нашъ поѣздъ, достаточно просторна и содер-

жится довольно чисто. Попадалось на ней не мало двухъ-этажныхъ домовъ съ балконами и, что въ особенности оригинально, съ наружными каминами, расположенными у входовъ, на верандахъ нижнихъ этажей. Но такіе каминны, впервые замѣченные нами только въ этомъ городѣ, являлись по большей части принадлежностью или чайныхъ домовъ и харчевень, или вообще какихъ нибудь ремесленныхъ заведеній. Отдѣльныя строенія нерѣдко перемежались участками садовъ и плантацій, гдѣ воздѣлываются тутъ (шелковица), табакъ и хлопчатникъ, а между деревьями преобладаютъ фруктовые, въ особенности урюкъ, но есть не мало и тополей, карагачей, чинаровъ и талу.

Собственно городъ, въ базарномъ смыслѣ, кончается у берега Капка-Дарья, до которой отъ посольскаго дома около двухъ верстъ. Въ рѣкѣ замѣтны два быстрыхъ теченія: одно направляется вдоль дѣлаго, другое вдоль праваго берега; середина же рѣки мелководна, и теченіе тамъ значительно тише. Ширина рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нее переѣхали по мосту, равняется приблизительно саженимъ пятидесяти. Мостъ этотъ, на деревянныхъ сваяхъ о девяти пролетахъ, напоромъ весеннихъ водъ сноситъ ежегодно; причемъ береговые жители обязательно ловятъ бревна и прочій строительный матеріалъ и сдаютъ его въ казну, а казна ежегодно на счетъ каршиевскихъ жителей приступаетъ къ постройкѣ моста съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ весь, за исключеніемъ свай, непременно будетъ снесенъ въ слѣдующую весну. Примѣръ замѣчательно упорной настойчивости, ибо въ сущности гораздо дешевле стоило бы построить развѣ навсегда прочный каменный мостъ на болѣе высокихъ устояхъ, чтобы вода не достигала настилки, чѣмъ ежегодно тратить на него и деньги, и обязательный трудъ населенія, причемъ городъ въ теченіе шести, восьми недѣль не имѣетъ сообщенія съ зарѣчной стороною иначе, какъ въ бродѣ, для чего нужно дѣлать очень дальніе объѣзды. За мостомъ городъ еще продолжается, но уже утрачиваетъ торговый характеръ. Здѣсь пошли главнѣйшимъ образомъ сады, среди которыхъ тамъ и сямъ виднѣются жилища. Это уже, собственно говоря, предмѣстье, но заселенное довольно густо. Арыки въ достаточномъ количествѣ изрѣзываютъ весь районъ городской осѣдлости; нѣсколько изъ нихъ пересѣкало нашъ путь, а одинъ, обсаженный молодымъ таломъ, долго тянулся вдоль той улицы, по которой мы ѣхали. Мѣстами любопытный народъ собирался вдоль стѣнъ и заборовъ въ небольшія толпы и степенно глазѣлъ на нашъ поѣздъ; многіе въ знакъ почтенія прижимали къ животу сложенные руки.

Оставивъ наконецъ позади себя городское

предметы, мы съ версту ъхали рисовыми полями. Дорога вела мимо небольшого бугра, на которомъ высился кирпичный мавзолей съ мавританскимъ фронтономъ и тубетейкообразнымъ куполомъ, оцѣненный тремя бунчуковыми знаменами и украшенный на верхнемъ карнизѣ фронтона цѣлою коллекціей мараловыхъ, турьихъ, бычьихъ, козьихъ и бараньихъ роговъ. На Востокъ, совершенно противоположно европейскому Западу, рога служатъ эмблемой оялы, достоинства и величія, такъ что здѣсь называть кого-нибудь роконосцемъ (зудькарнайя) значитъ оказать ему величайшую любезность. Подъ этимъ прозвищемъ до сихъ поръ извѣстенъ здѣсь Александръ Македонскій. Мавзолей, мимо котораго мы теперь проѣзжали, построенъ надъ могилой святаго Ишанъ-Шайда; за нимъ начинается городское кладбище, и надо замѣтить, что это только въ Карши оно вынесено достаточно далеко къ предѣламъ предмѣстій, а то обыкновенно кладбища въ средне-азиатскихъ городахъ помѣщаются въ чертѣ самого города, среди наиболѣе скученнаго населенія. Но что за жалкій видъ! Кромѣ мазара Ишанъ-Шайда, лишь на пяти, шести могилахъ вокругъ него замѣтили мы узенькія надгробныя плиты изъ сѣраго камня, кажется мраморныя; все же остальное, на прострѣлахъ нѣсколькихъ десятковъ по обѣимъ сторонамъ дороги, представляетъ поле, тѣсно и беспорядочно покрытое голыми земляными бугорками, безо всякихъ надъ ними знаковъ родственной или дружеской памяти и вниманія. Я не видалъ народа, который менѣе чтитъ бы своихъ покойниковъ, чѣмъ эта помѣсь узбеко-таджикскаго племени, населяющаго, подъ именемъ сартовъ, города Средней Азіи. Здѣсь нигдѣ не встрѣтите вы чалмоносныхъ бѣлоаморныхъ памятниковъ-столбовъ и стоячихъ узорчатыхъ плитъ, среди кустовъ розъ и вьющихся плющей и павоевъ подъ темною зеленою вѣковыхъ кипарисовъ и карагачей, какъ на кладбищахъ турецкихъ, что придаетъ этимъ послѣднимъ столько поэзіи, столько элегической прелести. Сарты, какъ видно, народъ совсѣмъ прозаическій. Но вотъ, вапрямѣръ, степные кочевники киргизы, несмотря на всю скудость и однообразіе окружающей ихъ природы, умѣютъ выбирать болѣе приглядныя мѣста степи и на нихъ воздвигаютъ изъ сырцоваго кирпича мазарки и мулушки надъ прахомъ своихъ почившихъ родичей, и эти ихъ мавзолеи нерѣдко весьма красивы; да и вообще обдѣлка самой бѣдной киргизской могилы, въ видѣ гробницы съ полукруглымъ или заостреннымъ продольнымъ сводомъ, явно указываетъ вамъ, что этотъ народъ свято чтитъ память своихъ мертвыхъ. Сарты же торопливо выносятъ мертвеца на кладбище, бросаютъ его въ неглубокую яму, кое-какъ засыпаютъ землей и затѣмъ всѣ отношенія къ нему, всякое чествованіе его мо-

гилы, да кажутся и самая память о немъ навсегда кончены¹⁾. Исключенія очень рѣдки и то болѣею частью въ пользу какого-нибудь богача или святаго мужа, а изъ обыкновенныхъ горожанъ рѣдкій сынъ обложитъ кирпичемъ могилу своихъ родителей. И это вовсе не изъ-за бѣдности или недостатка любви и уваженія къ почившимъ, а просто потому, что вышло изъ обычая. Глядя на старыя кладбища здѣшнихъ городовъ, видишь, что прежде это было иначе, что когда-то памяти мертвыхъ здѣсь уважалась, и это сказывается въ надгробныхъ мраморныхъ плитахъ съ рельефными надписями и узорами, и въ тѣхъ кирпичныхъ гробницахъ съ полукруглымъ или мавританскимъ сводомъ, какими усыяны древнія городскія кладбища. Но почему это такъ измѣнилось въ позднѣйшіе вѣка, я не сумѣю съ точностью отвѣтить. Можетъ быть и потому, что сарты слишкомъ уже усвоили себѣ меркантильный торгашескій характеръ и въ сущности индифферентны ко всему, даже къ самой религіи, не говоря уже о патриотизмѣ, которыми никогда не отличались. Все, что не касается пріимымъ образомъ ихъ карманнаго интереса, не имѣетъ для нихъ ни малѣйшей важности. Но замѣтите, я говорю это *только о сартахъ*, то-есть о жителяхъ городовъ, представляющихъ собою помѣсь различныхъ племенъ и, несмотря на все ихъ презрѣніе къ евреямъ, имѣющихъ въ своемъ характерѣ

¹⁾ А. П. Хорошкинъ, описывая сартовскіе обычаи и обряды (стр. 125), говоритъ, что „обыкновенно въ день смерти увѣдомляются знакомые и родственники, которые и навѣщаютъ покойнаго. Осиротѣвшія женщины, засѣвъ гдѣ нибудь въ углу, царапаютъ себѣ лицо и причитаютъ на разные лады. Къ плачущимъ родственникамъ присоединяются сосѣдки, дѣти, и стоятъ стоятъ надъ домомъ покойника. По обычаю всѣ женщины должны плакать: хотъ насильно, а плачь. По болѣе части на другой день тѣло несутъ въ мечеть, читаютъ надъ нимъ коранъ и хоронятъ на кладбищѣ. Покровъ дѣлать между собою родные и знакомые. Нищимъ и юродивымъ, которые сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, подаютъ милостыню. Послѣ похоронъ идутъ въ домъ покойника и слушаютъ тамъ коранъ, причѣмъ получаютъ иногда по лепешкѣ. На утро снова сходятся въ домъ умершаго, снова бываетъ чтеніе и раздача лепешекъ. Послѣ утренняго намаза, въ слѣдующій затѣмъ день, прямо изъ мечети отправляются на поминки. Опять слушаютъ коранъ и поѣвъ расходятся. Поминки повторяются черезъ 7 и черезъ 10 дней. Въ годовые праздники Руза-Айтъ и Курбанъ-Айтъ женщины на кладбищахъ поминуютъ умершихъ страшными воплями и милостыней“. Этотъ древній обычай дѣйствительно еще сохраняется; женщины сходятся на кладбище просто какъ на гулянье и голосаютъ; но нельзя сказать, чтобы каждая группа плакальщицъ голосила именно на родной имъ могилѣ, по той простой причинѣ, что при отсутствіи какихъ-либо особыхъ отличительныхъ знаковъ, ее и не узнаешь чрезъ годъ въ безпорядочномъ лабиринтѣ бугорковъ, рѣшительно ничѣмъ не отличающихся одинъ отъ другого.

много жидовского. Кочевые же и полусельные узбеки совсем не то: у них вся жизнь складывается на крепком родовом началѣ, и отсюда протекает и их уваженіе къ памяти своих почивших родичей, сохраняемой какъ въ надгробныхъ стѣнныхъ мавзолеяхъ, такъ и въ степныхъ пѣняхъ и былинахъ о былыхъ батырахъ. У сартовъ же и пѣсень-то, казись, никакихъ нѣтъ, кромѣ батчебазыхъ.

VI.

Отъ Карши до Бухары.

Характеръ мѣстности за Карши, по дорогѣ въ Бухару.—Развалины древняго города Шулюкъ.—Опять курганы.—Кишлакъ Касанъ.—Лютый холодъ.—Въ лабиринтѣ арыковъ и въ бездорожной степи.—Кишлакъ Ходжа-Муборахъ.—Умирающій верблюдъ.—Овечьи стада и степные коши.—Урочище Куль-Маганъ.—Ночлегъ въ степномъ дворцѣ на урочищѣ Какыр-сардоба.—Волнистая степь.—Кош-сардоба и ея дворецъ.—Караулъ-рабатъ.—Къ чему иногда приводитъ „государственная экономія“.—Каменистая степь.—Перевалъ Мама-Джурчаты и видъ съ него на Заравшанскій оазисъ.—Кишлакъ Зировавъ.—Встрѣча съ бухарскими сановниками.—Магометъ-Шерифъ-иванъ и Абдулъ-Гаффаръ первачи.—Окрестности Бухары и Каганское предмѣстье.

Продолженіе 20-го января.

Нашъ сегодняшний путь длился 3 $\frac{1}{2}$ таша (28 верстъ), и на всемъ его протяженіи, отступая на нѣсколько верстъ въ обѣ стороны отъ дороги, тянулись непрерывныя ленты садовъ и ряды селеній вдоль по теченію Кашка-Дарьи и на исходящихъ изъ нея арыкахъ.

Прѣхавъ около одного таша, миновали мы развалины древняго города Шулюкъ. Въ настоящее время городище это представляется въ видѣ двухъ концентрическихъ четырехстороннихъ поясовъ, образуемыхъ бугристыми валами, въ разстояніи около четырехсотъ шаговъ одинъ отъ другого. На углахъ валовъ бугры болѣе возвышенны, вѣроятно здѣсь нѣкогда были башни, а самые валы, безъ сомнѣнія, суть остатки стѣнъ. Судя по расположенію валовъ, этотъ древній городъ былъ выстроенъ по общеазиатскому типу, то-есть внутренній поясъ составлялъ ограду цитадели, а внѣшній городскую стѣну; строеніи же горожанъ и базаръ ютились въ тѣсномъ пространствѣ между тою и другою.

Недалекъ отъ этого городища, влѣво отъ нашей дороги, началось длинное селеніе Шулюкъ, которое сливается съ селеніемъ Нидру-Мудунъ, а это послѣднее со своими садами и огородами тянулось вдоль нашего пути непрерывно, на разстояніи по крайней мѣрѣ полтора таша (12 верстъ). Параллельно Нидру-Мудуну, съ обѣихъ сторонъ отступая на нѣкоторое разстояніе, тянулись подобные же кишлаки, а поля, разстланныя въ промежуткѣ между ними и дорогой, были покрыты сѣтью малыхъ арыковъ и пересѣчены множествомъ

глинобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другого. Вся мѣстность имѣетъ степной равнинный характеръ, прекрасно культивировава, и заселена очень густо. Лишь въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются невысокіе и совершенно голые кряжи, протяженіе коихъ, судя приблизительно, на глазъ, отъ двухъ до пяти верстъ; ничтожныя сами по себѣ, кряжи эти нанесены на нашу карту. По всей равнинѣ разсыяно много различной величины кургановъ, изъ коихъ малые отличаются преимущественно кругло-конической, а болѣе крупныя эллипсоидальною формою.

Ночлегъ нашъ былъ назначенъ въ селеніи Касанъ, куда прибыли мы въ половинѣ перваго часа пополудни, при ясной и тихой погодѣ. Морозъ не превышалъ двухъ градусовъ Реомюра, и на солнцѣ было очень тепло, даже припекало.

21-го января.

Изъ Касана выѣхали въ восемь часовъ утра и долго ѣхали улицей этого мѣстечка. Очень много лавокъ и чайна-хане, и видно, что торговля идетъ тутъ бойко. У большинства лавокъ, на наружной стѣнѣ, съ боку у входной двери, приделаны по двѣ алебастровыя полочки, одна надъ другою. Въ чайныхъ тутъ выставляется цѣлая коллекція блестящихъ мѣдныхъ кумгановъ и фаянсовыхъ чашекъ, а въ остальныхъ кладутся напоказъ тѣ или другіе товары. Въ мѣстечкѣ замѣтили мы двѣ или три мечети и много двухъ-этажныхъ домовъ, такихъ же какъ и въ Карши, съ верхними и нижними айванами на рѣзныхъ колоннахъ. Въ обѣ стороны отъ главной улицы идутъ удобопрѣзжіе переулки, слѣва на большомъ курганѣ высится стѣны замка (аркъ), гдѣ живетъ касанскій амьакдаръ, собирающій съ жителей подати, отчисляемый сполна «на достарханъ» каршинскому беку. Крытый базаръ достаточно великъ. Вообще, это скорѣе хорошій торговый городокъ, чѣмъ кишлакъ, хотя на нашихъ картахъ и обозначенъ кишлачнымъ кружкомъ. Касанскіе сады долго еще, на цѣлыя полташа (4 версты), тянутся вдоль дороги и затѣмъ отходятъ отъ нея въ сторону.

Утро было жестоко морозное. Судя по скрипучей музыкѣ снѣга подъ колесами и по тому, что отъ холода просто духъ захватывало, надо думать, что этотъ морозъ достигалъ болѣе 20° Реомюра. Вокругъ солнца, при совершенно безоблачномъ небѣ, виденъ былъ большой радужный кругъ. Птицы, за исключеніемъ воронъ, все исчезли куда-то, попрятались отъ стужи, да и вороны, повидному, чувствовали себя не особенно благополучно: подернувъ подъ себя лапки, многія изъ нихъ припадали къ землѣ, просто ложились на нее полубочкомъ и такимъ образомъ старались отогрѣвать на снѣгу свои коченѣющіе члены. Такого лютаго холода мы еще не испытывали за эту побѣдку,

и хорошо еще, что въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, а то просто-бы смерть!

Оставивъ за собою кассанскіе сады, выѣхали мы на открытую степь, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ арыками. Вдали видѣлись разбросанные кое-гдѣ небольшіе кишлаки, но ихъ было немного. Курганы за Кассаномъ на степи уже не попадаются. Очевидно, районъ ихъ распространенія не идетъ далѣе предѣловъ осѣдлой населенности страны.

Съ выѣдомъ на открытую степь, нашъ караулъ-беги, данный посольству въ провожаемые бекомъ каршинскимъ, заблагодарсудилъ почему-то свернуть съ прямой проѣзжей дороги въ сторону, въ дальній объѣздъ; но на этомъ объѣздномъ пути, кромѣ вьющейся пышеходной тропки, не оказалось ровно никакой дороги, и вскорѣ мы попали въ цѣлый лабиринтъ пересѣкающихъ другъ друга арычныхъ рвовъ и насыпей, переѣзъ черезъ который былъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями и рискомъ поломать всѣ акичажи. Наконецъ, предъ одною изъ насыпей, прикрывавшею глубокую канаву, лошади стали, такъ какъ здѣсь уже окончательно не оказалось возможности проѣхать. Стоимъ четверть часа, стоимъ полчаса, ни взадъ, ни впередъ. Караулъ-беги вертится, скачетъ и прыгаетъ вокругъ на своей пертой лошади, совсѣмъ задержалъ ее, затащивъ удила и, должно быть, съ досады то и дѣло хлещетъ ее нагайкой; то вѣберется онъ на насыпь и измѣривъ взглядомъ канаву, то нагнетъ посмотреть на оси и колеса, то въ морды лошадямъ заглядываетъ, и галдитъ, галдитъ безъ конца съ окружившими насъ джигитами. Видно, что совѣтовъ подается много, да ни одинъ не оказывается пригоднымъ къ дѣлу. Наконецъ Богъ послалъ къ намъ на выручку какого-то добраго человѣка, гнашнаго черезъ поле двѣ пары осликовъ, до-нельзя навьюченныхъ громадными связками бурьяна, изъ-подъ которыхъ чуть видѣлись только ихъ короткія мордочки. Караулъ-беги послалъ джигита перенять этого человѣка и привести его къ намъ на помощь. Но его приказанію, ослики были развьючены и канавы закидана бурьяномъ, по связкамъ котораго мы и перебрались на ту сторону. Однако, не прошло и минуты какъ предъ нами опять подобное же препятствіе. Но на сей разъ Провидѣніе уже не посылало намъ никакого добраго человѣка съ бурьяномъ. Пришлось спѣшиться всѣмъ конвойнымъ казакамъ, выпрячь лошадей и переташить акичажи на рукахъ. Къ сему послѣднему способу прибѣгали казаки и на всѣхъ дальнѣйшихъ препятствіяхъ подобнаго рода, и такимъ-то образомъ часа два, по крайней мѣрѣ, проплутали мы въ этомъ проклятомъ арычномъ лабиринтѣ, прежде чѣмъ выбрались на ровную, ничѣмъ не пересѣченную степь и поѣхали по дѣвственной цѣлины. Но и тутъ немногимъ

легче оказалось: дорога нѣтъ и признака, почва кочковатая, мелко барханистая, покрытая кустиками степныхъ растений, песокъ да камень. Можете себѣ представить, какіе тутъ пошли толчки, тычки и встряхиванья.

Прошло часа четыре, пока наконецъ удалось намъ выбраться на проѣзжую дорогу. На вопросъ, ради чего было съ нея свертывать, караулъ-беги, глупо оправдываясь, отвѣчалъ, что на прямомъ пути случился разливъ, вслѣдствіе прорыва какого-то арыка. Аллахъ его знаетъ, что это за изобилующій водой арыкъ, и какой это разливъ могъ не замерзнуть до дна при такомъ адскомъ морозѣ! Арбакеша и караванъ-бани нашего обоза, слѣдовавшіе все время прямою дорогой, сказывали потомъ, что никакого разлива нигдѣ они не встрѣчали. Оказалось, такимъ образомъ, что караулъ-беги не только плохой совѣтникъ, но и плохой проводникъ, и что разливъ присутствовалъ лишь въ одномъ его воображеніи, вѣроятно разгоряченномъ излишней дозой запретной водки или мусселяса. Но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка безъ какихъ-либо достоинствъ, то во имя справедливости должно сказать, что этотъ сѣдобородый хрипунъ хорошій церемоніймейстеръ.

Ровная, хорошо убтая дорога идетъ прямо на сѣверо-западъ и по удобству ѣзды, по крайней мѣрѣ въ это время года, поспорить съ любымъ европейскимъ шоссе. Во второмъ часу дня пріѣхали въ степное мѣстечко Ходжа-Муборакъ, лежащее отъ Кассана въ разстояніи четырехъ ташей (32 версты), и благодаря нелѣпому объѣзду, не видали находящихся по прямому пути кишлаковъ Майманахъ и Кара-Кумъ и развалинъ древняго города Майманака.

Ходжа-Муборакъ — маленькое, ничтожное мѣстечко, почти безо всякой растительности, что придаетъ ему грустный, безжизненный видъ. Торчатъ только тамъ и сямъ, около глиняныхъ стѣнокъ, пять или шесть тощенькихъ деревьевъ, какіе-съ, урюковыхъ, поливаемыхъ изъ колодца, и въ этомъ все его растительное богатство. Проточная вода почему-то проведена не въ самое мѣстечко, а направляется на сосѣднее поле, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, особымъ арыкомъ изъ Кашка-Дарьи, которая въ окрестностяхъ Ходжа-Муборака уже окончательно истощается, вся разойдясь по степнымъ канавамъ. Далѣе идетъ ея сухое русло, обводняемое только весной, въ періодъ таянія снѣговъ. Мѣстечко служитъ исключительно привальнымъ пунктомъ для каравановъ, и потому въ немъ находится нѣсколько караванъ-сараявъ и базаръ, специально приуроченный къ дорожнымъ потребностямъ и достаточно снабженный съестными и чайными лавченками. Здѣсь, однако, есть хорошая кприничная мечеть съ мавритан-

скинуть куполомъ, въ надворныхъ флигеляхъ которой мы и помѣстились на кратковременный отдыхъ для завтрака.

Въ дальнѣйшій путь отправились въ половинѣ третьяго часа, и въ верстѣ разстоянія отъ мѣстечка пересѣкли сухое русло Кашка-Дары; оно неглубоко, нешироко и довольно полого. Отсюда пошла уже совсѣмъ голая, безводная пустыня, покрытая песчаными барханами съ рѣдкою и чахлою растительностью. До ночлега оставалось намъ еще четыре таща. Въ этой мертвой степи, не помню уже на какой верстѣ, еще издали завидѣли мы громадную стаю воронья, чернѣвшую цѣлымъ островомъ на самой дорогѣ. Подъѣзжаемъ ближе и видимъ, что все воронье собралось вокругъ издыхающаго верблюда, брошеннаго за болѣзнію въ степи, и жадно ожидало момента его смерти. Несчастное животное, завидя нашъ приближающійся поѣздъ, собрало послѣднія усилія и шатаясь поднялось на ноги. Это былъ страшный живой скелетъ, обтянутый кожей, и чуть всталъ онъ во весь свой высокій ростъ, какъ полчища голодныхъ воронъ мгновенно отпрянули во все стороны и разлетѣлись съ зловѣщимъ карканьемъ; но, отлетѣвъ лишь на нѣсколько шаговъ, снова опустились на землю и принялись не то чистить, не то острить свои клювы, жадно наблюдая за своей жертвой. И едва обезсиленный верблюдъ, рухнувъ на землю, повалился на бокъ, воронье въ ту же минуту опять слетѣлось къ нему и нагло разсѣлось на немъ, покрывъ и шею, и голову. Грустная картина. А каково же такъ-то вотъ умирать въ этой самой степи одинокому путнику и въ предсмертныхъ мгновенія видѣть, какъ тебѣ смотреть въ глаза эти черныя птицы, нетерпѣливо ожидающія твоего послѣдняго вздоха!

На степи пасется много овечьихъ стадъ, для которыхъ здѣсь устроены многочисленные коши, или загонные дворы, видяющіеся тамъ и самъ въ сторонѣ отъ дороги. Такъ какъ стада остаются на подножномъ кормѣ и всю зиму, добывая его изъ-подъ снѣга, то въ эти коши загоняютъ ихъ на ночь и во время бурановъ. Кошъ устраивается обыкновенно изъ глины, въ видѣ кольцеобразной стѣнки, вышиной нѣсколько болѣе человѣческаго роста, съ плетневыми или жердяными воротами. Съ внутренней стороны по стѣнкѣ иногда идутъ навѣсы; но это уже роскошь, такъ какъ лѣсъ вообще здѣсь не дешевле и надо везти его издалека. Тутъ же всегда имѣется либо юрта, либо небольшая саклюшка для пастуховъ и стойла для ихъ лошадей. На кровляхъ навѣсовъ и саклюшки висятъ цѣлыя скирды буряна, употребляемаго пастухами на топливо, и сухой люцерны, которая идетъ въ кормъ овцамъ во время продолжительныхъ бурановъ или гололедницъ, когда онѣ не въ состояніи

пробивать копытами ледяную кору, покрывающую степныя пространства. При каждомъ стадѣ необходимо имѣется своя собачья команда, отправляющая обязанности сторожевой службы. И это дѣйствительно сторожевая служба, потому что собаки держатъ вокругъ стада формальную цѣпь ведетовъ, выдвигаясь оними впередъ на разстояніе около полуверсты отъ стада. И никогда собака не выйдетъ въ цѣпь одна, а всегда попарно, звеньями, и сторожатъ онѣ обыкновенно такимъ образомъ, что одна лежитъ, отдыхаетъ, а другая, сидя рядомъ, смотритъ впередъ или бродитъ гдѣ-нибудь около, то и дѣло нюхая воздухъ. Отъ четырехъ до шести такихъ звеньевъ совершенно охраняютъ даже очень большое стадо. Рослые, лохматые собаки эти съ виду похожи на волковъ, но онѣ самыя жестокіе, заклятые враги сего звѣря, и рѣдко какому хищнику удается безнаказанно проникнуть за цѣпь ихъ ведетовъ. Но кромѣ того, умные псы протраиваютъ свою заботливость и на то, чтобы ни одна овца не отбивалась отъ стада: чуть замѣтятъ гдѣ заблудившуюся или отсталую, сейчасъ же одинъ изъ сторожевыхъ бѣжитъ къ ней и съ лаемъ гонитъ въ отару; а если случится это съ совсѣмъ маленькимъ ягненкомъ, то собака бережно беретъ его зубами за загривокъ и доставляетъ по назначенію. Такъ по крайней мѣрѣ рассказываютъ бухарцы.

Встрѣтили на пути одну цистерну (сардоба), съ обвалившимся на половину порталомъ. Наружный видъ ея такой же, какъ и у нашихъ на Голодной степи, и строена она, равно какъ и все прочія подобныя же сооруженія на Каршинско-Бухарской дорогѣ, все тѣмъ же знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, этимъ истиннымъ благодѣтелемъ степей, память котораго еще много вѣковъ будутъ съ благодарностью вспоминать все, кого судьба заброситъ путникомъ въ эти мертвыя пустыни. Жаль только, что нынѣшнее правительство не поддерживаетъ такихъ полезныхъ сооружений. Они еще исполняютъ свое назначеніе, но безъ ремонта съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушаются.

Въ разстояніи двухъ тащей отъ Ходжа-Муборака мѣстность начинаетъ представлять ряды невысокихъ песчаныхъ бархановъ, изъ коихъ одни покрыты колючкой, гребенщикомъ (тамарискъ) и бурьяномъ, и слѣдуютъ грядой въ сѣверо-западномъ направленіи, другіе совершенно голы. Почва — песчано-глинистая. Здѣсь видны какія-то давно разрушенныя сооруженія, въ видѣ невысокихъ прерывающихся стѣнокъ, близъ которыхъ есть колодезь и при немъ одинокая сакля. Мѣсто или урочище это носитъ названіе Куль-Маганъ, а по другому произношенію — Куль-Май, что значитъ Рыбное озеро, и тянется оно на разстояніи около таща, а затѣмъ опять идетъ ровная

гладкая степь. Зантересовавшись, почему это урочище носить такое странное, совсѣмъ уже не подходящее къ мѣсту названіе, я узналъ, что оно и въ дѣйствительности бываетъ иногда озеромъ, которому гряды бархановъ служатъ берегами: внутри ихъ цѣпи находится неглубокая котловина, до которой иногда доходятъ по сухому руслу воды Кашка-Дарья во время весенняго половодья, если зима была особенно обильна снѣгами. Въ этомъ случаѣ котловина заполняется вся и, вмѣстѣ съ водой, въ нее набирается множество рыбы. Но такъ какъ почва котловины—мелкій сыпучій песокъ, то влага всасывается въ него очень скоро, и озеро быстро мелѣетъ и высыхаетъ, а рыба, которой еще въ началѣ обмелѣнія уже отрѣзаны возвратъ въ рѣку, конечно,дохнетъ на днѣ, покрывая его сплошь своею массой, и тогда на все лѣто окрестность заражается такимъ ужаснымъ запахомъ, что караваны принуждены бываютъ дѣлать огромный обходъ, забирая далеко въ сторону, въ совершенно безводную пустыню. Здѣсь тогда великое раздолье воронамъ и грифамъ-стервятникамъ; но и эти единственные дезинфекторы степи мало помогаютъ, и вонь прекращается лишь въ срединѣ лѣта, когда нестерпимо жгучее солнце окончательно изсушитъ остатки рыбы.

За три версты до мѣста ночлега выѣхали къ намъ на встрѣчу двое чиновниковъ, посланныхъ отъ кушъ-беги и, слѣзши съ коней, поздравляли насъ съ благополучнымъ странствованіемъ.

Мѣсто сегодняшняго ночлега называется Какырть-Сардоба ¹⁾ и находится въ трехъ съ половиной ташахъ (28 верстъ) отъ Ходжа-Муборака. Прибыли мы туда уже по закатѣ солнца, въ седьмомъ часу вечера, и неожиданно нашли тамъ, близъ каменной цистерны, прекрасное четырехстороннее зданіе изъ обожженного кирпича. Высокій мавританскій порталъ вводитъ въ просторныя стрѣлчато-сводныя галлерей, окружающія внутри все это зданіе; три или четыре выходные коридора ведутъ съ галлерей на внутренній молочный плитамъ дворъ съ низенькими террасами, на которыя выходятъ много дверей изъ отдѣльныхъ комнатъ и кладовыхъ. Эти послѣднія наполнены запасами необходимой для почлега рухляди: подушками-вальками (мутаки), толстыми ват-

ными одѣялами и коврами. Отдѣльныя же комнаты служатъ спальнями, а въ закрытыхъ галлерейхъ находятся помѣщенія и для лошадей. Это прекрасное, прочно сохранившееся зданіе воздвигнуто Абдуллахъ-ханомъ среди совершенно пустынной степи и служить путевымъ дворцомъ на случай остановокъ эмира во время его «свищенныхъ шествованій» изъ Бухары въ Шахрисебъ и обратно. Но и въ этихъ экстраординарныхъ случаяхъ оно радушно раскрываетъ свои широкія двери всякому путнику, кто бы онъ ни былъ, съ однимъ лишь обязательствомъ: при отъѣздѣ убирать прочь изъ занимаемыхъ комнатъ ненужные остатки своей ѣды и прочаго, а изъ конюшенныхъ корридоръ—пометъ своихъ выючныхъ животныхъ, и такимъ образомъ зданіе это постоянно поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ. Когда мы подѣхали къ Какырть-Сардобѣ, то тамъ уже ожидала насъ цѣлая толпа народа, не зная откуда набравшаяся. Предъ порталомъ были раскинуты большія зеленныя палатки, на узорчатомъ подбѣ, и ярко пылало нѣсколько большихъ костровъ. Роскошный достарханъ и ужинъ ожидалъ насъ въ высокосводной алебастровой залѣ, устланной сплошь большими коврами и убранной вдоль стѣнъ наложенными въ нѣсколько рядовъ, одно на другое, ватными одѣялами и бархатными мутаками, что вполнѣ замѣняло турецкія отоманки.

22-го января.

Всю эту ночь мы съ княземъ мерзли и глазъ не сомкнули отъ морознаго холода, стоявшаго въ нашей комнатѣ. Но ужъ лучше мерзнуть, чѣмъ угорѣть до безчувствія отъ этихъ проклятыхъ магналовъ ²⁾, которыя тѣмъ опаснѣе, что вредный газъ ихъ почти неумолимо для обонянія. Остальные члены нашего посольства въ эту ночь чуть было не отравились на тотъ свѣтъ отъ магнальнаго угара, и хорошо еще, что Асланбекъ сохранилъ сознаніе настолько, чтобы доплотъ до дверей и толчкомъ распахнуть ихъ настежь, а безъ того едва-ли обошлось бы у насъ безъ жертвъ бухарскаго гостепріимства. Но что за косный народъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ это изжить цѣлый рядъ вѣковъ и не додуматься до существенной необходимости строить въ домахъ хотя бы каминъ, тѣмъ болѣе, что климатъ здѣшній всегда отличался суровостью. Вамбери, въ своей «Исторіи Бухары», нерѣдко упоминаетъ годы, замѣчательные своими жестокими зимами, вслѣдствіе которыхъ не только останавливались военныя или промышленныя предпріятія, но и гибли сады, посѣвы, стада, выючныя животныя и даже пѣлыя арміи. Сошлюся на недостатокъ лѣса, но вѣдь жгутъ же бухарцы ежегодно нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ саксаула исключительно на уголь для магналовъ; да и

¹⁾ Какырть происходитъ отъ слова „какъ“—лужа, а называется какыромъ совершенно ровное, глянцевито-гладкое, какъ паркетъ, пространство глинистой почвы, образуемое вслѣдствіе высыханія обширныхъ лужъ, остающихся послѣ дождей или весенняго таянія снѣговъ. Глина какыра обыкновенно бываетъ чрезвычайно лѣзна, жирна и, высыхая отъ дѣйствія солнца, трескается на куски, которые коробятся въ полуцилиндры, отдѣляясь отъ нижней почвы тонкими, равномерной толщины слоями

²⁾ Мѣдныя жаровни.

кромѣ того, здѣсь растетъ множество камыша, есть торфъ и каменный уголь; объ изобиліи хлѣба уже и говорить нечего, и все-таки не додумались люди до камышовъ! Семь мѣсяцевъ въ году чуть не задыхаться отъ палящаго зноя и пять мѣсяцевъ ходить угорѣлыми отъ мангаловъ—по истинѣ ужасное существованіе!..

Выступили съ ночлега ровно въ семь часовъ пополудни. Сначала утро было сильно морозное, но тихое и ясное, а къ десяти часамъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, морозъ полегчал, и установилась даже очень пріятная температура: стало почти тепло. Стеннымъ воздухомъ дышалось, по выраженію поэта, «свѣжо и емко».

Вскорѣ гладко-равнинная мѣстность приняла полого-волнистый характеръ, при которомъ невысокія волны возвышенностей расходились отъ плоскихъ вершинъ своихъ широко и плавно. Такова бываетъ иногда въ океанѣ мертвая зыбь на третій день послѣ бури; но неподвижная волна стеной мѣстности несравненно обширнѣе зыбкой волны океана, и ея подошвенную окружность надо брать версты въ три по крайней мѣрѣ. Чѣмъ дальше съ волны на волну къ сѣверо-западу, тѣмъ замѣтнѣе повышалась эта мѣстность, но въ общемъ, подъемъ ея былъ довольно умѣренный и постепенный. Въ правой сторонѣ, въ очень большой дали, на востокъ чуть-чуть синѣлись Зерабулакскія и Каттакурганскія высоты. Тамъ, за ихъ переваломъ, уже начинается Россія... Но до нихъ болѣе ста верстъ.

Въ разстояніи полутора таша отъ Какыр-Сардобы, среди совершенно голой пустыни, высятся кирпичныя стѣны большого караванъ-сарая и цистерна Кошъ-Сардоба, покрытая кирпичною шалкой. Кошъ-Сардобскій караванъ-сарай представляетъ обширное высокостѣнное зданіе изъ обожженного кирпича, строенное редутомъ, на четыре угла, съ башенными выступами и высокими четырехугольнымъ фронтономъ, въ которомъ пробиты, въ видѣ стрельчатосводной ниши, очень высокія ворота. Сквозня башенки вѣнчаютъ собою купола наугольныхъ башенъ передняго фаса; каждый же изъ боковыхъ фасовъ украшенъ семью сферическими куполами, которые высятся надъ широкими, просторными корридорами внутри караванъ-сарая, служащими пріютомъ для лошадей и выючныхъ верблюдовъ. Въ центрѣ этихъ корридоровъ находится внутренній мощный дворъ, куда выходятъ окна-двери большой залы и нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ останавливаются на отдыхъ эмаръ во время своихъ путешествій.

Остановка нашего поѣзда для завтрака и кормежки лошадей послѣдовала ровно въ девять часовъ утра, на урочищѣ Караулъ-Базаръ, находящемся въ разстояніи двухъ ташей отъ Кошъ-Сардобскаго караванъ-сарая. На поло-

винѣ разстоянія между этими пунктами есть еще одна каменная юрто-образная цистерна, съ примыкающими къ ней, съ двухъ боковъ, кирпичными полу-юртами, для укрытія караванщиковъ на ночлегъ и во время бурановъ¹⁾, но она осталась нѣсколько къ сторонѣ, влѣво отъ нашего прямого пути, и мы туда не заѣзжали.

Караулъ-Базаръ расположенъ среди голой мелководной котловины съ широко и полого расходящимися подъемами. Тутъ находится такой же путевой дворъ, какъ и на Какыр-и Кошъ-Сардобахъ, только размѣры караванъ-сарая еще шире, выше и вообще грандіознѣе. Оно, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ зданіе это строено знаменитымъ Абдуллахъ-ханомъ, что и безъ поясненій со стороны туземцевъ вы сразу же угадываете по его широкимъ размѣрамъ, по общему величественному характеру постройки и по мозаичной облицовкѣ, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшей на верхнихъ частяхъ стѣнъ, фронтонахъ и карнизахъ. Клочки и обрывки визевыхъ арабскихъ надписей и разноцвѣтныхъ арабесокъ даютъ еще нѣкоторую возможность представить себѣ это изысканное произведение строительнаго искусства въ томъ видѣ, въ какомъ оно красовалось тутъ лѣтъ за двѣсти до нашего времени. Но увы! его прелестные узоры, его дивная мозаика, сохранившая всю свѣжесть своихъ красокъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выщербливаются и отпадаютъ кафля за кафлей, и уже недалеко время, когда отъ нихъ не останется ничего, такъ какъ со временъ Абдуллахъ-хана уже никто и никогда больше не заботился о поддержаніи подобныхъ построекъ. А глядя на нихъ, даже и въ нынѣшнемъ полуразрушенномъ, жалкомъ ихъ состояніи, вы все-таки воочию видите, что значитъ зиждательный геній и вкусъ великаго человѣка. Но тѣмъ оскорбительнѣе кажется это пренебреженіе послѣдующихъ поколѣній къ великимъ памятникамъ прошлаго. Невольно рождается вопросъ: какъ и почему, вслѣдствіе какихъ причинъ было допущено такое пренебрежительное запущеніе зданій, которыя, казалось бы, должны составлять одинъ изъ предметовъ національной гордости? Отвѣтъ будетъ очень курьезенъ: допущено все это изъ-за «государственной экономіи».

Дѣло въ томъ, что такіе великіе государи какъ Тимуръ, Улугъ-бекъ и въ особенности Абдуллахъ, понимали, что экономическое благосостояніе Трансоксаніи главнѣйшимъ образомъ заключается въ ея центральномъ положеніи между Китаемъ и Индіей, съ одной стороны, и между западною Азіей и Европой, съ другой, и что вся транзитная торговля между

¹⁾ На нашихъ картахъ цистерна эта не обозначена.

этими странами неминуемо должна была направляться через трансоксанскія степи. Поэтому названные государи старались болѣе всего о благосостояніи своихъ путей сообщенія. Съ этою цѣлю они разрабатывали дороги въ горахъ и ущельяхъ, строили прочные каменные мосты, въ орошенныхъ мѣстностяхъ обсаживали дороги тутовыми и иными широколиственными деревьями, чтобы доставить путнику, въ знойную пору, благодатную тѣнь, а въ безводныхъ мѣстахъ сооружали цистерны и караванъ-сарая. По свидѣтельству Тарихи-Мекпъ-хана, при Абдулахъ всѣ дороги въ Трансоксаниі были снабжены по-мильвымъ столбамъ (*mauls*), и сообщеніе производилось въ широкихъ разбѣгахъ посредствомъ правильно и хорошо устроенныхъ почтъ (*ямъ*); степные пути оберегались воинскими командами, расположенными при сардобахъ и рабатахъ, и на обязанности этихъ отрядовъ лежало конвоированіе каравановъ и защита ихъ отъ туркменскихъ хищниковъ. Такимъ образомъ, безопасная торговля и международныя сношенія распространили въ то время во всѣхъ слояхъ бухарскаго народонаселенія давно невпаданное благосостояніе, не говоря уже о томъ, что правительство постоянно получало хороший доходъ отъ сбора (*закета*) съ проходящихъ каравановъ за пользованіе цистернами и караванъ-сараями.

Къ сожалѣнію, послѣдующіе государи изъ дома Аштарханидовъ и первые изъ вышедшей въ Бухарѣ династіи Мангытъ не находили нужнымъ поддерживать «роскопы» построекъ «расточительнаго» Абдулахъ-хана. Они искали себѣ популярности совсѣмъ другими путями и думали взять во мнѣніи народа только своимъ ханжествомъ да публичнымъ смиреніемъ предъ высокопоставленными муллами и юродствующими дервишами, паломничествомъ въ Мекку и стремленіемъ къ полной замкнутости государства и къ совершенной обособленности восточнаго мусульманства не только отъ кяфировъ Китая и Индіи или шитовъ Персіи, но даже и отъ западнаго мусульманства Турецкой имперіи. Въ главную доблесть всѣмъ и каждому вытѣялись уже не занятія науками, искусствами, ремеслами и торговлей, а только ханжество и изуверство, основанное на чисто вышнемъ исполненіи религиозныхъ требованій. Это направленіе дошло наконецъ до своихъ геркулесовыхъ столбовъ въ лицѣ золотствовавшего эмира Маассума, перваго хана изъ дома Мангытъ ¹⁾, который одѣвался въ рубище, ѣлъ только самую грубую пищу, ѣздилъ на худой клячѣ, сократилъ до-нельзя придворный штатъ и содержаніе военныхъ и административныхъ чиновъ, жилъ въ

гризи и могъ проводить цѣлые дни въ убогой палаткѣ на дырявомъ ковришкѣ, погружаясь въ религиозное созерцаніе. Замѣчательнѣе всего, что всѣ эти коросты продѣлывались «изъ принципа», ради «государственной экономіи» и осмѣянія земного блеска, чему первый примѣръ Маассумъ возжелалъ показать на себѣ самомъ.

Но что же въ концѣ концовъ изъ всего этого вышло?

Вышло то, что съ прекращеніемъ отпуска денегъ на поддержаніе полезныхъ общественныхъ учрежденій, а главное придорожныхъ сардобъ и рабатовъ, всѣ эти прекрасныя зданія пришли въ прайній упадокъ, колодцы засорились, заносились песками и потому либо изсякали, либо вода ихъ становилась негодной къ употребленію. По свидѣтельству Сенда Ракима, Самаркандъ и Бухара еще въ 1030 (1620) году были усѣяны великолѣпными зданіями, сооруженными въ послѣднихъ вѣкахъ, но вскорѣ затѣмъ, по нерадѣнію правительства о необходимыхъ починкахъ, зданія эти совершенно развалились и погибли. Такъ, погибали медресе, богадѣльни, мосты и даже многіе оросительные каналы. Военскія конвойныя команды, ради экономіи, были сняты со степныхъ постовъ—и движеніе по дорогамъ стало не только затруднительнымъ по отсутствію путей удобствъ, но и крайне опаснымъ отъ разбойничьихъ нападений, въ которыхъ теперь отличались не одни уже туркмены, но и собственная бухарская сволочь. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ торгово-караванное движеніе сократилось до minimum'a, попутные города и мѣстечки, жившіе торговлей съ проходящими караванами, пришли въ упадокъ, многія населенныя мѣстности превратились въ пустыри, и въ настоящее время только слѣды арыковъ да придорожныя развалины цѣлыхъ городовъ безмолвно свидѣлствуютъ путешественнику о былыхъ временахъ процвѣтанія и богатства этого края. Въ концѣ концовъ, общее обнищаніе и даже уменьшеніе народонаселенія, общая косность, полный упадокъ искусствъ и ремеслъ даже до окончательнаго заведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, были естественными слѣдствіями этой своеобразно понятой «государственной экономіи». Загоня подобную экономію на грошакъ, не позволяя себѣ тратить на себя болѣе одной тенги (20 коп.) въ день и болѣе одного верблюжьяго халата въ годъ, эмиръ Маассумъ ничѣмъ инымъ, какъ только своими экономическими принципами, вконцѣ подрывалъ самыя существенныя источники народнаго и государственнаго благосостоянія. И что же? Никогда административный развратъ, воровство, казнокрадство, взяточничество и вымогательство не достигали до такой наглої необузданности, несмотря на всѣ клоповники, канчуки и даже смертныя казни, какъ въ «благополучное» правленіе Маассума. Въ то время, какъ самъ онъ

¹⁾ Царствовалъ съ 1199 (1784) по 1217 (1802) годъ.

подъ дырявой палаткой всенародно ѣлъ изъ грязной мяски какое-нибудь плохое варево, его офицеры и придворные на сторонѣ цеголяли въ богатѣйшихъ шелковыхъ и дарчевыхъ платьяхъ, носили разукрашенное оружіе, ѣли и пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоценными камнями. И хотя рейсъ-и-шаріатъ (охранитель религіознаго закона, должность, возстановленная Маассумомъ въ то именно время, когда во всемъ мусульманствѣ уже забыли о ней) отправлялъ свои обязанности со всей суровостью ¹⁾, тѣмъ не менѣе пьянство, куреніе опиума и развратъ правственный достигли своего апогея и вѣдѣлись въ общественные нравы даже до такой степени, что наемъ батчи (*juvenis imberbis*) или споръ изъ-за него между двумя соперниками разрешался публично на судѣ казіевъ.

Таковы-то были разностороннія послѣдствія «государственной экономіи» Аштарханидовъ и Мангытовъ, и хотя нынѣ властвующій эмиръ пытается соорудать общественныя зданія въ подражаніе древнимъ, но все это выходило не болѣе, какъ жалкой и неумѣлой пародіей на великія произведенія.

Желая осмотрѣть поближе караванъ-сарай на Караулъ-Базарѣ, я прошелъ на его внутренний дворъ и, Боже мой, въ какомъ отвратительно-запущенномъ состояніи пришлось его увидѣть!.. Груды мусора и массы верблюжьяго и конскаго навоза наполняли какъ самый дворъ, такъ и стрѣлчато-сводные корридоры, еще сохранившіе кое-гдѣ остатки изысканныхъ лѣсныхъ и изваянныхъ орнаментаций; но всѣ они были черны какъ сажа отъ копоти разводимыхъ тутъ костровъ. Внутренній дворъ имѣетъ форму въскосно продолговатаго четырехугольника со срубанными углами, такъ что начертаніе его въ планѣ является собственно неравностороннимъ оваловиднымъ осьмиугольникомъ. Стѣны его украшены тремя мозаичными фронтонами съ большими порталами въ видѣ стрѣлчатыхъ нишъ; но одинъ изъ нихъ уже рух-

нулъ, равно какъ обрушились и многіе купола и своды. Кое-гдѣ, но уже въ очень немногихъ мѣстахъ, еще уцѣлѣла мраморная облицовка настѣнныхъ панелей и нижнихъ карнизовъ, состоящая изъ тонкихъ плитъ съ рельефно высѣченными арабесками и вязевыми надписями. Все это такъ изящно, такъ красиво, такъ роскошно по своему матеріалу и грандіозно по размѣрамъ, и увѣ, все это стоитъ въ руинахъ, въ навозѣ, накопленномъ въ теченіе двухъ вѣковъ, запущенное, заброшенное... Вотъ ужъ гдѣ именно Авіевы конюшни не въ переносномъ смыслѣ! Даже и глядѣть-то грустно и противно...

Дѣятельность путевого привалнаго пункта сосредоточена теперь въ двухъ рядахъ глинобитныхъ саклей, образовавшихъ небольшую улочку предъ главнымъ наружнымъ фронтономъ караванъ-сарая. Здѣсь есть колодезь съ бассейномъ, сбитымъ изъ глины и камней; здѣсь же помѣщается «чайна-хана» и лавчонка, гдѣ продаются салыныя свѣчи, кунжутное масло, баранье сало и мясо, спички, веревки, кошма, чай, сахаръ и тому подобныя не хитрые, но часто необходимыя продукты. Тутъ же ютится и семья надсмотрщика, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ этотъ пунктъ. Должность его отъ правительства, такъ какъ на Караулъ-Базарѣ находится и путевоі дворецъ эмира. Осмотрѣли мы и это послѣднее «зданіе», которое, судя по окружающей его сомкнутымъ кольцомъ глинобитной стѣнѣ, а сначала принявъ-было за овечій загонъ (кошъ), и только рѣзная входная дверка да ведущія къ ней три высокія алебастровыя ступени заставили меня усомниться въ первоначальномъ предположеніи. Внутри этой загородки, противъ входа, прислонилась къ стѣнѣ тѣсная, низенькая сакля, къ которой черезъ круглый дворикъ ведетъ кирпичная панель,—вотъ и все, и весь «дворецъ» тутъ. А рядомъ—это дивное, три столѣтія разрушающееся величіе.

Подлѣ «дворца» стоятъ обширная цистерна подъ высокимъ куполомъ, относимая еще ко временамъ Тимура. Большая и широкая каменная лѣстница изъ-подъ стрѣлчатаго портала цистерны ведетъ въ ея глубину, на самое дно. Круглый бассейнъ ея, саженъ около семи въ поперечникъ и саженъ въ три глубиной, стоитъ теперь безъ воды, и сѣрая иссохшая почва дна дала по всѣмъ направленіямъ глубокія трещины. Надъ горизонтомъ водной черты, въ уровенъ съ наружнымъ основаніемъ цистерны пробито нѣсколько большихъ стрѣлчатыхъ оконъ, расположенныхъ симметрично. Время однако пощадило эту «сардобу» болѣе караванъ-сарая: все въ ней еще такъ массивно и прочно, что по всей вѣроятности продержится она еще долго яркимъ свѣдѣтельствомъ того, какъ строили при Тимурѣ.

Съ весной на Караулъ-Базарѣ обыкновенно

¹⁾ Въ правленіе Маассума, рейсъ-и-шаріатъ былъ обязанъ ежедневно обходить улицы въ сопровожденіи своихъ овбашей (десятниковъ), вооруженныхъ четырехугостыми плетками, и подвергать встрѣчныхъ людей всенародному испытанію въ знаніи религіи. Кто немогъ сказать по-арабски нѣсколько обязательныхъ молитвъ или фарзгайвъ и прочесть наизусть извѣстные стихи корана, того тутъ же на мѣстѣ жестоко драли плетками, либо сажали въ клоповникъ на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по тому, какую сумму могли предложить въ подарокъ рейсу родственники потерпѣвшаго. За неисправное посѣщеніе мечети или же опущеніе обязательныхъ часовъ молитвы, виновные на первый разъ подвергались тѣлесному наказанію, а на второй—смертной казни. Подобнымъ же образомъ поступали съ пьющими вино и курящими табакъ или опиумъ; прелюбодѣи же прямо передавались палачу, и лишь одно батчебаство не влекло за собой никакого наказанія.

командируются изъ Бухары вѣскольکو ротъ сарбазовъ, которые отъ себя посылають по одной ротѣ на Кақырь-Сардобу и въ Ходжа-Муборахъ для охраны степи отъ туркменскихъ шаекъ. Такимъ образомъ нынѣшній эмиръ въ этомъ отношеніи возстановилъ древній порядокъ; но никому уже не удастся возстановить въ полномъ объемѣ и значеніи былой транзитъ, проложившій себѣ два вѣка назадъ новые пути,—вмѣсто Средней Азии къ приморскимъ портамъ Индіи и Китая.

Давъ лошадямъ часть на отдыхъ, мы послаб изобильнаго завтрака тронулись далѣе.

Все та же волнистая мѣстность, только глинисто-песчаная почва сдѣлалась болѣе каменистою. Камень этотъ—песчаникъ, и его крупными осколками усыпана вся дорога. Впередѣ виднѣлся горный кряжъ, протяженіемъ около пяти верстъ, не высокій самъ по себѣ, но все же значительно превышавшій волнистыя возвышенности окружающей мѣстности. Коричневая лента дороги, слегка извивалась, шла прямо на перевалъ этого кряжа, у подножия коего по сю сторону стоятъ вправо отъ дороги небольшія развалины караванъ-сарая Мама-Джурчаты, до которыхъ отъ Караулъ-Базара считается два таша (16 верстъ).

У этихъ развалинъ встрѣтили насъ три чиновника, объявившіе, послѣ обычныхъ привѣтствій, что они выславы сюда для встрѣчи посольства сыномъ досточтимого кушъ-беги Магометъ-Шерифъ-инакомъ, который и самъ тоже выѣхалъ навстрѣчу высокимъ русскимъ гостямъ и ожидаетъ ихъ за переваломъ.

Тема Джурчатынскаго перевала очень камениста, благодаря чему переѣздъ черезъ него въ экипажѣ не особенно приятенъ; но зато съ высоты кряжа открылся предъ нами широкій видъ на равнину города Бухары, усыпанную кишлаками, садами и арычными аллеями. Непрерывная полоса садовъ синѣлась вдаль, распространяясь и вправо, и влѣво куда-то вдаль за черту горизонта, такъ что казалось и конца ей нѣтъ. Прямо предъ нами эта полоса была какъ будто и гуще, и темнѣе, — тамъ Бухара, то есть то, что можно назвать ядромъ этого обширнаго города, если считать въ его составъ все предмѣстья, состоящія изъ множества кишлаковъ, соединенныхъ между собой садами и тузовыми плантаціями. Обозначенныя на нашей картѣ окружныя селенія: Митанъ, Мургабъ, Саманчикъ, Джандоръ, Гурбукъ и городокъ Баздидъ, въ сущности говоря, составляютъ пригороды одного и того же большаго города на протяженіи болѣе двадцати верстъ въ поперечникъ.

Противоположный скатъ перевала и не длиненъ, и очень отлогъ, такъ что спускаешься съ него въ равнину Бухары почти незамѣтно. Поэтому, судя козвечно на глазъ, мнѣ ка-

жется, что равнина Бухары лежитъ выше котловинъ Мама-Джурчаты, Караулъ-Базара и прочихъ прослѣдованныхъ нами степныхъ мѣстностей.

За переваломъ, глядя, навстрѣчу намъ ѣдутъ верхомъ еще три чиновника, которые, по обычаю, не доѣзжая насъ, слѣзли съ лошадей. Когда князь приказалъ пріостановиться, чтобъ ихъ выслушать, то чиновники объявили, что они тоже посланы съ привѣтствіемъ отъ Магометъ-Шерифъ-инака, который-де поджидаетъ насъ близъ озера Кунджа, на Зирватскомъ путевомъ дворѣ его высочестепенства. Поблагодарили за вниманіе, тронулись далѣе, а отъ свиты чиновниковъ отдѣлялись два джигиты и что есть духу поскакали впередъ дать знать Магометъ-Шерифу, что ѣдутъ, молъ, ѣдутъ.

Отъ спуска съ перевала до кишлака Зирватъ, съ котораго уже начинается культивированная мѣстность, оставалось версты четыре, и разстояніе это пробѣжали мы довольно быстро. Въ Зирватѣ, какъ уже сказано, находится послѣдній предъ Бухарой путевой дворъ, гдѣ останавливается эмиръ для ночлега. Предъ его воротами и близъ соседней чайнахане стояла толпа празднично разодѣтыхъ джигитовъ, а у коновязей было привязано до полусотни верховыхъ лошадей подъ парчевыми и бархатными попонами. Послѣднія были расшиты серебромъ, золотомъ, шелками и блестками. Лошади жевали подброшенную имъ люцерну (дженушка), причѣмъ многие жеребцы горичились, злобно ржали и дрались между собой, а джигиты тѣмъ часомъ преспокойно покуривали изъ одного общаго чилма и попиливали зеленый чай (акъ-чай) изъ уемпистыхъ фаянсовыхъ чашекъ, разсѣвшись на короткахъ вокругъ жаровень и большихъ сартовскихъ самонаровъ. При нашемъ приближеніи, вся ихъ нестро нарядная толпа быстро вскочила на ноги и почтительно скрестила на животѣ руки, а изъ воротъ путевого двора парадно выступили навстрѣчу намъ трое сановниковъ, въ парчевыхъ халатахъ и кашмирскихъ чалмахъ, съ кривыми саблями на замшевыхъ португезахъ, украшенныхъ бирюзовыми булями и золотыми пряжками. Первый изъ нихъ, худощавый старикъ съ длинною, сѣдватою и щегольски расчесанною бородою, выступилъ впередъ, отрекомендовался намъ, назвавъ себя Абдулъ-Афаромъ, первоначальнымъ командующимъ войсками въ округѣ Бухары, и представилъ остальныхъ двухъ своихъ товарищей. То были: сынъ кушъ-беги, Магометъ-Шерифъ-инакъ, главный зякетчи и въ то же время губернаторъ города Бухары, а другой — тахта, состоящій въ распоряженіи кушъ-беги, но имени его я не упомяну.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, они провели насъ дворомъ, гдѣ было раскинуто

вѣскольکو цвѣтныхъ палатокъ, въ путевой дворецъ, котораго приемная комната была заставлена изобильнымъ достарханомъ. Здѣсь послѣдовали опять неизбѣжный чай и завтракъ, состоявшій изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ бухаро-персидской кухни и поданный намъ на русскомъ и китайскомъ фарфорѣ.

Предъ завтракомъ, когда мы уже разсѣлись за столотъ, Магометъ-Шерифъ началъ объяснять князю, что отецъ его, кушъ-бегъ, очень сожалѣетъ и извиняется, что не могъ лично выѣхать къ намъ навстрѣчу, такъ какъ по званію верховнаго коменданта эмирскаго дворца онъ въ отсутствіе эмира не имѣетъ по закону права выходить за черту дворцовой цитадели, но что замѣнить себя онъ выслалъ его, какъ своего сына и губернатора города, вмѣстѣ съ двумя высшими изъ чиновъ, находящимися въ округѣ Бухары.

Магометъ-Шерифъ, красивый мужчина лѣтъ уже за сорокъ, высокаго роста, съ большими, серьезными, но добрыми глазами и окладистою черною бородой. Въ немъ замѣтно большее фамиліальное сходство съ его сыномъ, молодымъ бекомъ Кариинскимъ. Что же до тахти, то это плотно-поренастый рыжебородый узбекъ, постоянно улыбающійся, своими слегка прищуренными глазками и постоянно желающій сказать всѣмъ что нибудь пріятное. Надо прибавить, что дѣлаетъ онъ это довольно кста-ти и далеко не глупо. Видъ у него добродушный, но въ то же время и себѣ на умѣ — дескать, мы тоже не лыкомъ шиты, и хотя, такъ-сказать, варвары, но виды видали всякіе и насъ на кривой не обманешь. Такое выраженіе перѣдко можно встрѣтить у русскихъ матерыхъ купцовъ и лабазниковъ, знающихъ себѣ цѣну. Наконецъ, первначи Абдулъ-Афаръ, наружность котораго уже описана выше, отличается плавными манерами и говорить мягкимъ тихимъ голосомъ, слегка закатывая иногда глаза — персидская особенность, служащая, между прочимъ, признакомъ хорошаго воспитанія, — а когда слушается другаго, то время отъ времени медленно и благосклонно киваетъ головой, тогда какъ по лицу его блуждаетъ полурасхлябанная меланхолическая улыбка. Вообще всѣ трое являются людьми въ высокой степени приличными и съ большимъ тактомъ.

Завтракъ продолжался недолго, да и сѣлито мы за него совершенно сытые, ради одной лишь официальной церемоніи, обойти которую невозможно, не нарушая здѣшняго этикета, а потому тотчасъ же вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ наши временные хозяева всѣ втроемъ поднялись съ мѣстъ и удалились, объяснивъ, что идутъ сдѣлать распоряженія для дальнѣйшаго нашего слѣдованія.

Узнавъ, что они прибыли сюда верхомъ и что до городской стѣны еще остается два

таша, князь предложилъ имъ свою коляску¹⁾. Бухарскіе савовники охотно приняли это предложеніе, но предупредили, что могутъ воспользоваться экипажемъ только до черты города, а далѣе должны, по обычаю, слѣдовать уже верхомъ.

Пять минутъ спустя, предшествуемый большою, празднично-пестрою кавалькадой чиновниковъ и джигитовъ, нашъ побѣдъ двинулся далѣе.

Начиная отъ Зяровата, мѣстность и самая почва рѣзко мѣняются свой характеръ. Свѣтъ почти исчезъ, и тѣ незначительныя залежи его, которыя еще видѣлись кое-гдѣ по канавамъ, были покрыты черною пылью²⁾. Мертвая песчано-глинистая пустыня осталась позади, а предъ глазами потянулись теперь все сады да сады, обрамленные глинобитными стѣнками, каналы, обсаженные аллеями бородавчатыхъ туютовъ, поля, разбитыя на правильныя участки, причемъ на ихъ межахъ торчатъ ряды все тѣхъ же туютовыхъ деревьевъ; на этихъ участкахъ видѣются тамъ и самъ разбросанные хутора, отдѣльныя сакли; то вдругъ потянется цѣлый кишлакъ, то опять сады да плантаціи. Вообще, сразу, какъ-то вдругъ сказалась культура, жизнь, и жизнь большая, плодородная, хотя для того, чтобы быть плодородною, ей приходится серьезно бороться съ надвигающимися песками и развиваться на пепельно-сѣрой солончаковой почвѣ.

Опять пошли курганы, и между ними одинъ, высокій, былъ сплошь отъ подошвы до макушки усыянъ сартовскими могилами. Такие курганы-кладбища встрѣчаются подъ Бухарой довольно часто. Они въ теченіе многихъ вѣковъ росли постоянно и медленно, пока не достигли своей нынѣшней высоты, которая однако не останется для нихъ предѣльною: съ теченіемъ времени курганы эти, безъ сомнѣнія, станутъ на много выше, если только не перестанутъ служить кладбищами. Будучи и внутри своей толщи захоронены такъ же, какъ снаружи, они образовывались помѣръ на-

¹⁾ Сами мы, съ минуты вѣзда въ бухарскія владѣнія, постоянно задили въ экипажахъ эмира.

²⁾ Эта пыль является слѣдствіемъ такъ-называемыхъ сухихъ тумановъ. Въ осенніе и зимніе мѣсяцы, преимущественно въ ноябрѣ и февралѣ, когда въ степяхъ господствуютъ бураны, силой вѣтра сметаетъ съ песчаныхъ бархановъ сначала сухой свѣтъ, а затѣмъ и песокъ, который подымается въ верхніе слои атмосферы и переносится возлущенными теченіями на очень далекія разстоянія, осѣдая на землю только съ наступленіемъ тихой, безвѣтреной погоды, причемъ эта мельчайшая песчаная пыль опускается медленно, какъ темный туманъ, заслоняя собой даже яркое солнце, сквозящее изъ-за нея въ видѣ туслаго кроваво-багрового диска. Налетъ этой пыли на свѣгу бываетъ иногда столь силенъ, въ особенности послѣ нѣсколькихъ съ небольшими промежутками повторявшихся бурановъ, что свѣтъ кажется почти совершенно чернымъ.

слоения новых могильных пластов на своей поверхности.

По движенію встрѣчнаго люда, пѣшаго и коннаго, а больше все верхомъ на ишакахъ и нерѣдко даже по два человека на одномъ ишаки, и по этимъ большимъ верблюжьимъ караванамъ, слѣдовавшимъ туда и обратно, въ разныхъ направленіяхъ, и, наконецъ, по изобилію всѣхъ этихъ чайна-хане, харчевень и караванъ-сараянъ, похожихъ снаружи скорѣе на военные форты, тѣмъ на постоянные дворы, вы чувствуете, что подъѣзжаете къ большому центру, къ столицѣ, къ сердцу своеобразнаго государства. Да, это, дѣйствительно, большой центръ, хотя вы и не встрѣчаете здѣсь ни высокихъ фабричныхъ трубъ, ни стука и грохота машинныхъ колесъ, ни изобилія кабаковъ и портерныхъ, ни бросающихся въ глаза отребьенъ нищеты и порока, ни вообще всего того, что составляетъ необходимость форштатовъ въ большихъ городахъ европейскихъ. Тутъ, конечно, ничего подобнаго и тѣни нѣтъ, а между тѣмъ все-таки чувствуется, что втягиваешься въ центральный нервный узелъ весьма дѣятельной жизни. И замѣчательно еще вотъ что: вы видите движеніе большое, но нѣтъ въ немъ ни малѣйшей суетливости и той лихорадочности, какая свойственна опять-таки европейскимъ фабричнымъ предмѣстьямъ. Здѣсь весь трудъ человека въ землѣ-кормилцѣ, и оттого-то, думается мнѣ, и уличное движеніе этого народа идетъ степенно, неторопливо, увѣренно и какъ бы спокойно-дѣловымъ образомъ. Минувая кишлаки и плантаціи и одинъ изъ большихъ загородныхъ садовъ эмира, что долго тянулася за глинобитною стѣною съ правой стороны дороги, мы ѣдемъ, наконецъ, повидимому, настоящимъ городомъ, по очень людной, широкой и торговой улицѣ, сплошь застроенной одно-и-двухъ-этажными глинобитными домами и лавками. Но это еще не городъ, каковымъ почитается въ Азіи лишь мѣсто, обнесенное зубчатою стѣною съ башнями и нѣсколькими воротами,—это пока еще все тянется Каганское предмѣстье, или кишлакъ Каганъ; пока мы ѣдемъ его длиною улицей, можно вдосталь наглядѣться на возвышающійся слѣва изъ-за садовыхъ раианъ лазоревый куполъ мавзолея Хазрати-Шейхъ-Алямъ, увѣнчанный на самой маковкѣ своей высокимъ вѣковымъ гнѣздомъ вѣста. Каганская улица наконецъ привела насъ къ Каршинскимъ воротамъ, известнымъ болѣе подъ названіемъ Кауля-дарвази. Тутъ поѣздъ нашъ на минуту приостановился, чтобы дать время сопровождавшимъ насъ савонникамъ переѣхать изъ коляски въ сѣдла.

VII.

Въ Бухарѣ.

Ворота Кауля и городская стѣна съ ея оборонительными приспособленіями.—Городскія улицы и характеръ уличной толпы.—Факиры и вишіе.—Бухарскія мужскія моды.—Евреи, парсы, индусы, киргизы, каракалпаки, цыгане, русскіе татары, афганцы, туркмены, узбеки и персіяне.—Бухарскія жевщины, ихъ моды и косметическія средства.—Насколько средне-азиатцы дѣйствительно добрыя мусульмане.—Ихъ обрядовый формализмъ.—Привилегія вищихъ женщинъ.—Посольскій дворъ и пожаръ въ посольскомъ домѣ.—Визитъ къ кушъ-беги.—Значеніе и функціи его должности.—Путь ко дворцу эмира.—Регистранъ и его зданіе.—Дворецъ эмира въ цитадели и его подворотный музей.—Кушъ-беги Мулла-Магометъ-бія.—Особенности его пріемной.—Разговоръ о политикѣ и о каршинскомъ бекѣ.—Обмѣнъ подарковъ и наше заключеніе о личности Мулла-Магометъ-бія.—Бухарскіе базары и предметы ихъ торговли.—Оружейныя лавочки и мѣдно-чеканная утварь.—Встрѣча съ батчею и вѣщо по этому поводу о административныхъ правахъ.—Визитъ къ Магометъ-Шерифъ-ияку и разговоръ съ нимъ о торговлѣ Бухары съ Индіей.

Продолженіе 22-го января.

Я тѣмъ временемъ разсматривалъ городскую стѣну и ворота Кауля. Стѣна, по туземному чинъ, въ родѣ нашихъ кремлевскихъ, только глинобитная и съ зубцами, скругленными въ своей вершинѣ: ворота же въ ней строены изъ жженого кирпича и фланкируются по бокамъ двумя кирпичными круглыми башнями усѣченно-конической формы, изъ коихъ каждая снабжена узкими стрѣльницами и увѣнчана куполкомъ въ видѣ полушарія. Между башнями находится соединительная надстройка, висящая надъ проѣзднымъ пролетомъ и приспособленная къ оборонѣ воротъ съ фронтона. Самая же стѣна, какъ вираво, такъ и вѣщо отъ воротъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, заходятъ впередъ подъ угломъ, въ родѣ баціона, вѣроятно для того, чтобы доставить имъ съ фланговъ усиленную оборону перекрестнымъ огнемъ. Около воротъ сирава, примыкая почти къ самой стѣнѣ, находится большое кладбище, тѣсно усѣянное памятниками, въ обычной формѣ двучкавшихъ гробницъ, опитукатуренныхъ алебастромъ.

Первоначально стѣна, окружающая городъ, была построена въ 215 (830) году Геджры, при калифѣ Мегди, и поводомъ къ ея сооруженію послужили тогда безпрестанные набѣги и грабежи сосѣднихъ турокъ; при эмирѣ Измаилѣ (изъ дома Самаядовъ), она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 году нашей эры совершенно разрушена Чынгисханомъ, и затѣмъ, уже при его преемникѣ Чагатаѣ, около 1234 года вновь восстановлена почти въ своемъ нынѣшнемъ видѣ. Имѣя въ вышину до четырехъ и въ толщину при основаніи до двухъ сажень, она окружаетъ собою площадь въ 1.739 талановъ (1.564.875 кв.

саж.) на протяжении без малого двенадцати верст¹⁾. Въ ней устроено одиннадцать воротъ, все болѣе или менѣе въ вышеописанномъ родѣ, изъ коихъ двое находятся въ сѣверной, двое въ восточной, трое въ южной и четверо въ западной ея части. Кроме того, на всемъ своемъ протяженіи стѣна снабжена полукруглыми выступами, въ родѣ башенъ, извѣстными здѣсь подъ именемъ *бурджей*, которые впрочемъ не превышаютъ высоты самой стѣны и служатъ въ количествѣ 131 бурджа, для фланговой обороны ея участковъ, заключающихся между ними выступами. Но длина такихъ промежуточныхъ участковъ не вездѣ одинакова (отъ 13½ до 105½ саж.) и зависитъ отъ степени протяженія того или другаго фронта по прямой линіи, а главное отъ степени его важности въ оборонительномъ отношеніи: чѣмъ фронтъ доступнѣе для атаки, тѣмъ больше и число его бурджей. Еще въ 1840 году нашъ ученый путешественникъ Н. Ханниковъ замѣтилъ, что вся стѣна Бухары хотя и кажется снаружи въ довольно хорошемъ состояніи, но съ внутренней стороны часто осыпается и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить надежною защитой городу. Если же таковою была она слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ, то при нынѣшнихъ средствахъ артиллерійской техники и подавно не можетъ представлять атакующему никакихъ серьезныхъ препятствій. Таковы, впрочемъ, и всѣ среднеазиатскія стѣны.

Наконецъ мы въѣхали въ дѣйствительный, то-есть застѣнный, городъ и двинулись вдоль узкой улицы, застроенной почти сплошными рядами домовъ, то кирпичныхъ, то глинобитныхъ, но болѣею частью все двухъ-этажныхъ. Намъ и здѣсь предшествовала все та же огромная, празднично-пестрая каравкада чиновниковъ и джигитовъ, во главѣ которой торжественно выступали на кровныхъ жерсбахъ, изукрашенныхъ блестящими уборами, трое нашихъ сановниковъ. Городскіе жители вѣроятно были предувѣдомлены о предстоящемъ въѣздѣ русскаго посольства, потому что, несмотря на пятницу, праздничный день джума, который мусульмане обыкновенно проводятъ дома, громадная толпа молчаливыхъ зрителей степенно стояла на всемъ протяжении нашего городского пути, а путь этотъ былъ далеко не изъ короткихъ. Везли насъ и по широкимъ и по узкимъ улицамъ, и переулкамъ, и мимо кладбищъ съ древними алебастровыми гробницами, и мимо старыхъ мечетей и мазолеевъ съ минарами того или другаго святого мужа или праведника-нишана²⁾. признакомъ коихъ и здѣсь, какъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, обыкновенно служатъ длинная жердина, съ высоко болтаю-

щимся на ней конскимъ хвостомъ или тряпичей, увѣчанная бровзовымъ изображеніемъ простертой въ небо человѣческой плети, или узорчато-сквознымъ конькомъ въ родѣ никовато туза. Въѣхали мы и по разнымъ крытымъ базарамъ, и мимо открытыхъ разнообразныхъ мастерскихъ, лавокъ, състныхъ, чайныхъ и караванъ-сараявъ, и мимо обширныхъ каменныхъ медресе съ высокими порталами и минаретами; и по набережной канала Шахрирудъ, обсаженной раскидистыми талыми и бородавчатыми тутами, и вездѣ, вездѣ встрѣчали насъ все тѣ же молчаливыя толпы степенныхъ мужчинъ съ почтительно сложенными на животѣ руками. Одни только странствующие каландары³⁾ да дуванъ (юродствующие) монашескаго ордена Накибеиди въ своихъ высокыхъ, остроконечныхъ шапкахъ, туго подбитыхъ вагой, съ длинными посохами въ рукахъ и съ чупъ-каду⁴⁾ съ боку на поясѣ, да разные скрюченные катѣли и уродцы, то сидящіе на пяткахъ, то ползущіе на четверенькахъ, съ подаянною чашкой въ протянутой изсохшей или изъязвленной рукѣ, да нѣсколько женщинъ-сарянокъ съ совершенно открытыми лицами—привилегія, принадлежащая исключительно нищенкамъ—отчасти нарушали общую тишину всей остальной толпы: первые своихъ нескладнымъ пѣніемъ, очень похожимъ на то, когда начнутъ горланить пѣсни наши пьяные мужики, а послѣднія своимъ поющимъ речитативомъ, который, кажись, совершенно одинаковъ у нищихъ всѣхъ странъ и народовъ. Иногда кое-какіе мальчишки порывались забѣгать впередъ, чтобы съ живѣйшимъ любопытствомъ заглянуть намъ въ лицо, или взапуски бѣжали наряду съ нашими экипажемъ, перегоняя и толкая другъ друга и тѣмъ рискуя попасть либо подъ колесо, либо подъ лошадей. Но бдительные курбаши тотчасъ же внушали имъ достодолжную степенность, для чего этимъ блюстителямъ участнаго благочинія стоило только пригрозить своею нагайкой, и рѣзвые мальчонки сконфуженно останавливались или вразсыпную наворачивали юркнувъ изъ-подъ занесенной на нихъ руки куда-нибудь въ сторону.

Толпа въ Бухарѣ очень пестрая, и хотя въ ней мѣшались разные оттѣнки колеровъ—си-

¹⁾ Каландары—родъ монашескаго коммунистическаго братства. Вступавшіе въ него отрицаются отъ рода и племени, отъ супружеской жизни и собственности; живутъ милостыней, которую дѣлятъ между собой поровну, также какъ и все прочее свое имущество. Эти люди—квинтъ-эссенція мѣстнаго мусульманскаго фанатизма.

²⁾ Такъ называется тыква, имѣющая форму бутылки съ широкимъ основаніемъ, узкимъ горломъ и небольшою головкой, обыкновенно употребляемая какъ сосудъ для храненія воды и составляющая необходимую принадлежность всѣхъ странниковъ вообще, а дуванъ и каландарей въ особенности.

³⁾ Собственно 11 верстъ 400 сажень.

⁴⁾ Ишанъ—ученый, княжикъ, законовѣдъ.

нихъ, коричневыхъ и сѣрыхъ, но преобладаютъ все же цвѣта самые яркіе: желтый, алый, голубой, зеленый, фіолетовый, и нерѣдко вы встрѣчаете ихъ на одномъ и томъ же адресовомъ или шанновомъ халатѣ въ самыхъ оригинальныхъ, но всегда красивыхъ сочетаніяхъ. Вообще, для палитры художника здѣсь найдется множество разнообразнѣйшихъ тоновъ и оттѣнковъ, которые, однако, въ общемъ нисколько не рѣжутъ вашъ глазъ, а только веселятъ его и развлекаютъ. На головахъ же правобѣрныхъ, надъ всею этою пестрою одеждою, царитъ почти исключительно цвѣтъ бѣлый, преобладающій въ головныхъ уборахъ. Рѣдко когда мелькнетъ между чалмами красная или синяя, и то большею частью у какихъ нибудь заблужденныхъ афганцевъ или деревенскихъ простолюдиновъ; горожане же бухарскіе отдають предпочтеніе снѣжно-бѣлому цвѣту, какъ самому модному и адегантному.

Здѣсь тоже вѣдь есть своя мода и своя элегантность. Въ Бухарѣ даже бараньихъ шапокъ немного. Баранья шапка—это принадлежность захолустья и степи, а здѣсь столица, гдѣ въ силу моды и хорошаго тона всеословно господствуетъ снѣжно-бѣлая чалма весьма почтенныхъ размѣровъ, да еще какая!—тильпечъ, то есть сорокаоборотная, —значить, чтобъ окружить ее сорокъ разъ вокругъ головы, полотнище должно имѣть въ длину 36 аршинъ по крайней мѣрѣ. Нерѣдко на головахъ зажиточныхъ горожанъ вы встрѣчаете настоящіе тончайшіе шали Кашмира. И какъ умѣютъ они ихъ носить, какія изысканія придаютъ имъ формы, съ какимъ искусствомъ свиваютъ изъ тильпечъ толстый жгутъ и располагаютъ на немъ красивыя складки! Хорошо повязать тильпечъ—это вѣдь цѣлая наука. Кромѣ того, по формѣ чалмы вы можете приблизительно узнать, съ кѣмъ имѣете дѣло. Такъ, беки, духовные и судьи (муллы и кази) повязываютъ чалму плоско, по широко, и чѣмъ шире ложится она вокругъ головы, тѣмъ значить важнѣе и сановнѣе особа; военные (сапайи) носятъ чалму болѣе высокую и нѣсколько стуженную кверху; купцы же (саудигеры) и разночинцы (фукара) придерживаются наиболѣе красивыхъ, то-есть пропорціональных размѣровъ, пуская въ ходъ свою фантазію только въ расположеніи узловъ, концовъ и складокъ. Носить же головной уборъ двухъ первыхъ формъ имъ воспрещается закономъ.

Совсѣмъ не смѣютъ носить чалму только евреи, для которыхъ, подѣ страхомъ смертной казни, установленъ закономъ особаго покрова четырехугольный колпакъ изъ лострина или проклеянаго коленкора, и притомъ не иначе, какъ чернаго цвѣта, отороченный узкою мерлушкой и напоминающій своимъ видомъ отчасти іезуитскій клобукъ, отчасти польскую конфедератку. Не носятъ чалмы также парсы-огнепоклонники и буддисты-индусы, но эти уже не

по принужденію, а по собственному нежеланію. Парсы ходятъ въ войлочныхъ или соломенныхъ плетеныхъ клобучкахъ, а индусы въ суконныхъ съ мѣховою оторочкой шапкахъ, въ родѣ схимнической скуфы, и всегда какого нибудь темнаго цвѣта. Даже степнякъ-киргизъ, привыкшій зямой къ своему подбитому полчищемъ мѣхомъ, высокому, островерху малахаю съ назатыльникомъ, который закрываетъ ему не только уши и шею, но и щеки и бороду, и тотъ, попавъ въ столичный городъ Бухару, въ этотъ «благоуханнѣйшій цвѣтничъ ислама и просвѣщенія», тотчасъ же нарываетъ купить себѣ на базарѣ кусокъ московскаго миткалю или паяджи¹⁾ и спѣшитъ неумѣло обернуть имъ себѣ голову. Изъ мусульманъ, одни только каракалпаки остаются всегда и вездѣ, даже въ самой «благороднѣйшей Бухарѣ», вѣрны своей высокой расходящейся кверху, длиннорукой панахѣ, которая своею формою напоминаетъ нашу прежнюю медвѣжью шапку лѣйбъ-гусаровъ. Цыгане же, извѣстные здѣсь подѣ прозвищами джуговъ, мазанговъ и люли, носятъ что попало, заботясь не о модѣ, а лишь о томъ, гдѣ бы полочѣе стащить все, что лежитъ плохо. Объ остальныхъ принадлежностяхъ костюма не говорю, такъ какъ у всего этого разнороднаго народа они общія, то есть халаты (*туны, сартаи*), надѣтый поверхъ сплечевой или миткалевой рубахи-халата (*актака*), съ тою лишь особенностью, что евреи не смѣютъ носить халаты яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ и подпоясывать ихъ платками или шальями, а обязаны подпоясываться веревкой, причѣмъ однако же нѣкоторые изъ нихъ покупаютъ себѣ право замѣнять послѣднюю сыромятнымъ ремнемъ. Не носятъ халатовъ только наши поволжскіе татары, которыхъ насчитываютъ тутъ человекъ до двадцати, живущихъ въ качествѣ торговыхъ приказчиковъ или учащихъ въ здѣшнихъ медресахъ. Какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и здѣсь они остаются вѣрны своему традиціонному косовороту и высокимъ русскимъ сапогамъ, равно какъ въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ носить и свои низенькія, мерлушковые шапочки. Слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что всѣ эти татары бойкій и тертый народъ, хорошо говорятъ по-русски, а иные и пишутъ, не прочь подчасъ похвалиться тѣмъ, что мы де «россійскіе», «образованные», а это де что? орда азіатская! Но относясь, въ душѣ, къ туземцамъ сверху внизъ, они въ то же время большой руки дипломаты и отлично знаютъ, кому въ какую дудку подыгрывать. Вообще, званіе русскихъ подданныхъ ставитъ ихъ тутъ съ семидесятихъ годовъ въ независимое и какъ бы привилегированное положеніе, чѣмъ они, конечно,

¹⁾ Паяджа — широкая бѣлая бумажная ткань, идущая на чалмы и халатныя подкладки.

и пользуются для своихъ коммерческихъ предприятий.

Представителей всѣхъ этихъ народностей узнаете вы на улицахъ сразу, съ перваго взгляда. Еврей непремѣнно щеголяетъ своею «красой Израйля», то есть длинными пейсами. Индусъ—ярко-желтою или красною треугольною мѣткою на лбу между бровями, и томно смотритъ на васъ нѣсколько исподлобья, какъ бы ушедшими куда-то въ глубь, большими, грустными глазами. Всегда самодовольный парсѣ зачесываетъ виски за уши и ходитъ съ низко-лежащими на шеѣ и ровно подстриженными волосами. Цыганъ включенъ, вовсе не заботится ни о бородѣ, ни о костюмѣ. Скуластый киргизъ бойко смотритъ на васъ умными, зорко прищуренными глазками. У туркменъ—продолговатое лицо съ рѣзко очерченными и приподнятыми на наружныхъ краяхъ бровями, тонкія губы и клинообразная борода. Афганцы глядятъ мужественно, умно и нѣсколько строго, а что касается сартовъ¹⁾ и персіянъ, то у этихъ почти всегда вы встрѣчаете умныя, открытыя лица, съ большими, хорошо поставленными глазами и добродушною улыбкой, въ которой, однако, нѣрѣдко мелькаетъ что-то плутоватое, что называется «себѣ на умѣ», готовое при малѣйшей надобности перейти въ подлострастную лживость. Въ костюмѣ у здѣшняго сарта всегда замѣчается большая опрятность и даже щеголеватость; голова у него тщательно выбрита, усы надъ верхнею губой ровно подстрижены, борода расчесана и надушена, а иногда и подкрашена въ темный, буро-красноватый цвѣтъ съ какими-то даже плюватыми отсѣвтомъ; видъ вполне приличный. А персіянина-купца или чиновника узнаете вы между ними по нѣкоторому изяществу не только манеръ, но и самаго выраженія фizioноміи.

Что до женщинъ, то ихъ понадалось намъ очень мало, да и тѣ при встрѣчѣ заблаговременно отвертывались къ стѣнѣ, вовсе не любезно оборачиваясь къ намъ спиной. Такъ, впрочемъ, должна поступать каждая добродородная мусульманка при встрѣчѣ съ кяфяромъ; но предосторожность эта, въ сущности, совершенно излишняя, потому что вы все равно ничего не разглядите у нея изъ-подъ густой черной волосистой сѣтки (*чиметъ*), покрывающей все лицо, и подъ накинутымъ на голову сѣро-синимъ, пари-пашевымъ²⁾ халатомъ со спущенными, длинными, чуть не до земли, ру-

кавами. Эти рукава, очень широкіе въ плечѣ, постепенно все болѣе и болѣе суживаются къ запястью; обыкновенно ихъ шиваютъ на-крестъ за спиной, на подолѣ паранджи. Концы рукавовъ нѣрѣдко расширяются въ узоръ разноцвѣтными шелками. Этотъ халатъ—паранджа, или иначе фаранджа—окутывая съ макушки до пятокъ всю фигуру женщины, придаетъ ей такой некрасивый, неуклюжий видъ, что такъ и кажется, будто несчастная попала въ длинный шѣшокъ, да въ немъ и бродитъ чуть не ошупью.

И здѣсь, точно такъ же какъ при вѣздѣ нашемъ въ Шааръ, изъ дверей и оконъ (последнія, впрочемъ, въ частныхъ домахъ довольно рѣдко выходятъ на улицу) любопытно выглядывали на насъ одніе быстроглазые, черныя дѣвочки не старше девятилѣтняго возраста, въ расшитыхъ яркими шелками узенькихъ, плоскихъ шапочкахъ съ длинными, узорчатыми назатыльниками, изъ-подъ которыхъ выбивались наружу черные волосы, заплетенные въ нѣсколько мелкихъ косичекъ³⁾. За ними видѣлись иногда и лица взрослыхъ женщинъ; но чуть кинешь на нихъ случайный взглядъ, онѣ моментально отиранутъ въ глубину комнаты какъ ужаленныя. Впрочемъ, насколько можно было замѣтить, къ этому цѣломудренному маневру прибѣгаютъ только некрасивыя или старухи, а тѣ, которыя знаютъ, что Аллахъ не обдѣлитъ ихъ «благоуханіемъ красоты», преспокойно остаются себѣ въ глубинѣ оконъ у дверей, какъ бы по разсѣянности, черезчуръ уже предавшись Еввиному любопытству при видѣ «урусъ-кафыровъ».

Складъ и характеръ лица у этихъ женщинъ тотъ же, что и у сартовъ-мужчинъ, но, какъ мнѣ кажется, значительно болѣе склоняется къ арійскому, чѣмъ къ туранскому типу. Лобъ у нихъ прямой, широкій и нѣсколько низковатый, глаза большіе, открытые, преимущественно агатово-чернаго цвѣта, хотя встрѣчаются также и сѣрые, и поставъ ихъ совершенно правильный; носъ умѣренный, прямой или съ небольшою горбинкой и большею частью суховатый; скулы нѣсколько широки, но не на столько, чтобы можно было назвать этихъ женщинъ скуластыми; губы очерчены красиво, хотя и довольно круино, съ оттѣнкомъ нѣкоторой чувственности, а въ общемъ—выраженіе фizioноміи открытое и добродушное. Молодые любятъ небольшую прядку волосъ съ надлобнаго мыска закручивать на лбу круглымъ завиткомъ, смочивъ ее предварительно какимъ-то клейкимъ составомъ, такъ что она, довольно плотно пристава къ кожѣ, не теряетъ разъ данной ей формы. Это

¹⁾ Сарты представляютъ помѣсь узбековъ съ таджиками, то-есть туранскаго элемента съ иранскимъ; вообще же сартомъ называется осѣдлый и преимущественно городской житель.

²⁾ Пари-паша—полушелковая, а также и шелковая матерія, преимущественно сѣро-синяго цвѣта, съ узенькими продольными полосками, идущая исключительно на женскіе халаты (*паранджа*).

³⁾ Специально дѣвчьи прическа, называемая бишъ-какулъ, то есть пять косъ

тоже своего рода мода. Волосы онѣ чешутъ съ пробормомъ посрединѣ, оставляя небольшіе виски, которые зачесываются напередъ легкимъ полукругомъ, и заплетаютъ пряди волосъ — дѣвушки и молодыя вдовы въ пять, а замужнія въ двѣ косы, приплетая къ нимъ ленты, монеты и амулеты (*тумары*). Очень любятъ украшать себя серебряными браслетами, серьгами и ожерельями изъ монетъ, бусъ, стекляруса, янтара и коралла, вообще называемыми «марджанъ». Въ большинствѣ сартовскія женщины отличаются хорошимъ среднимъ ростомъ, при совершенно нормальномъ развитіи торса и стана. Вообще же лицъ и фигуръ сухошавыхъ и саягвиническихъ между ними встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ полныхъ и лимфатическихъ. До двадцати пяти лѣтъ онѣ красивы, а съ тридцати, по большей части, начинаютъ блекнуть и стариться; но таковы уже общій удѣлъ восточной женщины. Къ сожалѣнію, онѣ портятъ свою естественную красоту тѣмъ, что очень ужъ мажутся и раскрашиваютъ себя разными косметическими снадобьями собственного домашнего издѣлія. Такъ, большинство изъ нихъ чернятъ себѣ зубы, и всѣ вообще красятъ на рукахъ и ногахъ ногти въ желто-красный цвѣтъ, «подводятъ» глаза и въ особенности любятъ разрисовывать себѣ брови, соединяя ихъ надъ переносьемъ темно-синюю чертой, такъ что издали кажется, будто надъ парой нерѣдко прелестныхъ, хотя и «подведенныхъ» глазъ протянулась одна большая толстая бровь, и отъ такого украшенія не избавлены у нихъ даже дѣвочки, одна начинающія ползать ⁴⁾).

⁴⁾ Ташкентскій аптекаръ г. Краузе сдѣлалъ очень интересное изслѣдованіе тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ приготовляются косметическія средства для туземныхъ женщинъ. Средства эти одны и тѣ же для всей Средней Азіи и заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Усса* (*Ysatis tinctoria*), разводимая въ садахъ и служащая для окрашиванія бровей въ черный цвѣтъ. Чтобы получить краску, берутъ свѣжія листья усмы и выжимаютъ изъ нихъ сокъ на две чайной чашки. Сокомъ этимъ, съ помощью тростинки, забирающей кисточку, мажутъ брови и междубровье. Сдѣланная такимъ образомъ черта имѣетъ сначала грязновато-зеленый цвѣтъ, который чрезъ вѣсколю минутой переходитъ въ темно-синій (индиго). Краска держится на бровяхъ недолго и потому окрашиваніе ихъ повторяется чуть ли не черезъ день.

2) *Сурьма* (*Antimonium crudum*), черный порошокъ, употребляемый женщинами и взрослыми дѣвушками для «подведенія» глазъ. Операнія производятся слѣдующимъ образомъ: въ порошокъ сурьмы погружаютъ до половины небольшую спичку и затѣмъ вкладываютъ ее въ глаза, который, естественно, при этомъ закрывается, вслѣдствіе чего одновременно окрашиваются въ черный цвѣтъ оба вѣка. Операнія происходитъ весьма быстро, и самое вкладываніе спички дѣлается такъ ловко, что нисколько не вредитъ глазу. Впрочемъ, сурьменіе глазъ въ Бухарѣ въ ходу и между мужчинами: главный пере-

на европейскій взглядъ, это черненіе, почитаемое у туземцевъ за лучшее украшеніе женщины, очень некрасиво, но... такова уже всеобщая мода, занимающаяся, какъ и всѣ вообще здѣшнія моды, изъ Персіи, и знаменуетъ она собой якобы жгучую страстность темперамента, на томъ-де основаніи, что естественно сросшіяся брови будто бы служатъ прямымъ признакомъ оной. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ объяснили.

Вообще, что касается моды и свѣтскихъ приличій, то для Бухары законодательницей ихъ служитъ Персія, а Бухара, въ свой чередъ распространяетъ все это далѣе къ вѣймейстеръ (шигауль) его высокостепенства, Дурбия-инакъ, да и самъ эмиръ, насколько я замѣтилъ, не пренебрегаютъ этого рода кокетствомъ.

3) *Уса* — обыкновенныя свинцовыя бѣлила, употребляемая какъ пудра для бѣлизны лица, но только лишь тѣми женщинами, у которыхъ кожа на лицѣ отличается значительною желтизною.

4) *Эйликъ* — красная вата, приготовляемая изъ корня одного растенія изъ семейства *Boeragineae* (названіе самаго растенія еще неизвѣстно), слѣдующимъ образомъ: сначала настаиваютъ этимъ корнемъ воду, пока она не приметъ розовый цвѣтъ, и тогда опускаютъ въ нее для окраски вату, которая употребляется всѣми безъ исключенія туземными женщинами, не исключая и маленькихъ дѣвочекъ, для румяненія щекъ.

5) *Таш-калы* — сѣро-бурый порошокъ, состоящій, по рассказамъ сартовъ, изъ нароста на листьяхъ фиستانника. Наростъ этотъ, называемый *бизгундасъ*, превращаютъ въ порошокъ, прибавляя къ нему окалины, которые берутся въ кузницахъ изъ-подъ наковальни. Оба эти вещества смѣшиваются въ извѣстной пропорціи и составленный такимъ образомъ порошокъ служитъ для черненія зубовъ.

6) *Хенна* (*Impatiens balsamina*). Изобильно разводимое въ садахъ ради украшенія, растеніе это употребляется для окраски ногтей, что производится слѣдующимъ образомъ: истолочки листья и вѣтвы хенны, прибавляютъ къ нимъ самую маленькую дозу квасцовъ, и полученную изъ этой смѣси массу прикладываютъ на тряпкахъ къ пальцамъ рукъ и ногъ, которые вслѣдъ затѣмъ забинтовываются на ночь. Спустя вѣсколю часовъ, ногти получаютъ желто-красный цвѣтъ.

Помады для волосъ туземныя женщины не употребляютъ вовсе; но для очистки, укрѣпленія и рошенія волосъ употребляется ими кислое молоко (*хатикъ*). Сначала онѣ намазываютъ волосы катыкомъ, а потомъ промываютъ ихъ горячею водою, и результаты этого средства удивительны: волосы у сартянокъ вообще чрезвычайно густы, длинны и мягки. Что до косметическихъ мылъ сартовскаго издѣлія, въ видѣ маленькихъ плитокъ, то ихъ два сорта: черное и желтое. Приготавливаются они изъ простого мыла съ примѣсью, вмѣсто духовъ, измѣленной въ порошокъ гвоздики Духовъ у туземцевъ не дѣлается, а вмѣсто нихъ женщины и мужчины употребляютъ душистыя масла, преимущественно розовое, и еще какое-то подъ названіемъ *атыръ*, или же пропитываютъ свои уборы запахомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, которые кладутъ въ сундуки между платками. Въ наибольшемъ употребленіи рейханъ (*Ocimum basilicum*) и роза. Изъ рейханъ также выдѣлывается ароматическое масло.

стоку, до предѣловъ Кампгара, гдѣ начинается уже китайское вліяніе. Такимъ образомъ шіитская Персія для суннитской Бухары и Средней Азіи является почти тѣмъ же, чѣмъ Парижъ для Европы. При этомъ въ особенности замѣчательно, что, заимствуясь отъ Персіи культурой, модами и законами общежитія, узбеки, а по нимъ, разумѣется, и бухарскіе сарты, признають за собою какое-то превосходство надъ персіянами и презирають послѣднихъ даже на столько, что любой придворный или административный сановникъ, если только онъ изъ персовъ, непременно старается скрывать свое происхождение и выдаетъ себя за узбека. Тутъ, мнѣ кажется, кромѣ религіозной антипатіи суннита къ шіиту, играетъ роль еще и то обстоятельство, что большинство здѣшнихъ рабовъ были все персіане, захваченные въ плѣнъ туркменами и проданные на бухарскихъ рынкахъ, и что поэтому узбеки привыкли относиться къ нимъ сверху внизъ, какъ господа къ своимъ слугамъ. Для нихъ слова «персъ» и «рабъ» суть синонимы, узбекъ же, по самой этимологіи этого слова, значить—самъ себѣ господинъ, вольный, независимый человекъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что средне-азіаты вообще довольно плохіе мусульмане, въ томъ смыслѣ, что по природѣ своей они вовсе не фанатики, а только религіозные формалисты, и далеко не прочь при случаѣ вкусить отъ плодовъ запрещенныхъ кораномъ, хотя бы даже въ компаніи съ пріятельски-знакомыми «пьяфирами», разумѣется, потихоньку, негласно, а въ особенности любятъ здорово выпить¹⁾. Религіозный же фанатизмъ, встрѣ-

чается между ними только въ сословіи ходжей и селдовъ, между каяндарами, муллами, да отчасти среди ишановъ. Но если слаба въ нихъ внутренняя или нравственная сторона суннитскаго мусульманства, зато тѣмъ строже и педантичнѣе простирается требовательность бухарскаго, правительства и духовныхъ властей на его внѣшнюю, обрядовую и, такъ сказать, улично-показную сторону. Поэтому ни одна взрослая женщина, кромѣ киргизокъ, которыя всегда и вездѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, словно бы и знать не хотятъ предписаній корана, никогда и ни въ какомъ случаѣ не дерзнетъ показаться на улицѣ иначе, какъ съ густою черною сѣткой на лицѣ и въ строго условномъ костюмѣ. Здѣсь на этотъ счетъ куда строже Стамбула, гдѣ турецкія дамы очень кокетливо слегка прикрываютъ снизу свои лица, прозрачною бѣлою вуалеткой.

Привилегіей или правомъ пребывать въ публичныхъ мѣстахъ съ открытымъ лицомъ, какъ уже сказано, пользуются наравнѣ съ киргизками и маленькими дѣвочками только нищенки, между которыми я замѣтилъ нѣсколько молодыхъ женщинъ. Мнѣ объяснили,

въ особенности принцесса Ханзаде, супруга сына Тимурова Мираншаха. Сами принцессы задавали пиры и попойки, на которыя приглашались мужчины и даже христіанскіе посланники. По словамъ Вамбери, «употребленіе спиртныхъ напитковъ, бывшее у магометанъ уже издавна въ ходу, достигло во время господства монголовъ высшей степени вредности. Уже при Харезмидцахъ предавались пьянству наиболѣе выдающіяся личности, а при Чингисидахъ и Тимуридахъ самою обыкновенною болѣзью была *delerium tremens polatorum*». Изъ записокъ султана Вабера также можно составить себѣ понятіе, до какой степени распространенъ былъ въ его время порокъ пьянства во всей мусульманской Азіи. Благочестивѣйшій султанъ Ахмедъ-Мираа Аладша обыкновенно по двадцати и по тридцати дней предавался «благочестивому пьянству», ибо и въ пьяномъ видѣ, среди оргій, не забывалъ каждый день творить пять разъ установленныя молитвы. Но зато братъ его, султанъ Махмудъ, наследовавшій послѣ него престолъ Бухары, всю жизнь свою проводилъ среди непрерывныхъ оргій, пренебрегая молитвами и не уважая вовсе религіи. Ваберъ-Мирза, сынъ эмира Байсокура, умеръ въ ранней молодости отъ чрезмернаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Изъ династіи Шейбанидовъ, Бурханъ-ханъ своею распутною жизнью и безпробуднымъ пьянствомъ успѣлъ даже возбудить къ себѣ всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Изъ династіи Аштарханидовъ, Вели-Мегмедъ-ханъ тоже прославился какъ добродушный пьяница и распутникъ. Полагаю, что достаточно и этихъ примѣровъ (хотя ихъ можно бы было продолжить на многихъ страницахъ) для нагляднаго доказательства, что средне-азіаты никогда не были строгими мусульманами *по духу*; зато на почвѣ внѣшняго религіознаго формализма по части обрядностей и проч. они безупречны, и если можно назвать ихъ фанатиками, то только развѣ фанатиками внѣшняго формализма да и то далеко не всеословно.

¹⁾ Насколько пьянство распространено между сартами, это мы видимъ въ каждый изъ большихъ мусульманскихъ праздниковъ въ Ташкентѣ, когда туземцы, наткнувшись у себя хмѣльной бузы, цѣлыми компаніями отправляются въ русскую часть города специально съ цѣлью догуливать на «Пьяномъ базарѣ», и напиваются они какъ бузой, такъ и водкой не хуже нашихъ «православныхъ», но во хмѣлю не буйны и только любятъ иногда погорланить свои пѣсни. Впрочемъ, это явленіе въ сартовскомъ быту вовсе не новость, хотя нынѣ и склонны приписывать его русскому вліянію. Дѣло въ томъ, что исторія Траисоксаніи полна слишкомъ частыми примѣрами самаго безобразнаго пьянства, которому были подвержены даже эмиры, эти святѣйшіе представители власти Пророка. Такъ, еще въ IV вѣкѣ Геджры (X вѣкѣ по Р. Х.) Эбу-Али, по свидѣтельству Мирхонда, «разбилъ о стекло винаго стакана азаніе воздержанія, казавшееся твердымъ какъ камень». Самъ великій Тимуръ не чуждался вина, и во дни мира на его пирахъ происходили обильныя попойки, какъ свидѣтельству о томъ его биографъ и апологетъ Шерифъ-Эддинъ и донъ Рюи-Гонзалесъ де-Клавихо, посланный къ Тимуру испанскіимъ королемъ Геврихомъ III съ предложеніемъ дружбы. Въ Тимуровыхъ пирахъ участвовали даже и женщины, его родственницы и гаремныя дамы, и даже съ открытыми лицами, и пивали не хуже мужчинъ,

что это бѣдныя вдовы, не имѣющія близкихъ родственниковъ и не нашедшія пока охотниковъ взять ихъ вторично замужъ. Поэтому, при незнаціи ремесла и нежеланіи идти въ чей-либо гаремъ въ качествѣ домашней прислуги, этимъ вдовамъ ничего болѣе не остается какъ сидѣть поджавъ подъ себя ноги гдѣ нибудь на перекресткѣ людныхъ улицъ, у моста или близъ мечети и протягивать къ прохожимъ за подаваніемъ «чашку милости». Мало-мальски недурныя собой вдовушки обыкновенно не засаживаются подолгу въ такой неприглядной роли, такъ какъ, увидя на улицѣ ихъ красоту, вскорѣ находятъ и охотники на нихъ жениться, и вотъ почему право не носить чемета является для молодой неимущей вдовы весьма существеннымъ преимуществомъ: это лучшее средство выйти вторично замужъ. Но для этого необходимо быть профессионально-вищей.

Въ началѣ шестого часа вечера, послѣ долгаго «шествованія» по разнымъ улицамъ, прибыли мы наконецъ на посольскій дворъ, находящійся въ юго-западномъ концѣ города, между каракульскими и шаргеринскими воротами, въ сосѣдствѣ съ медресе Накибъ и царскимъ кладбищемъ (Мазаръ-Ишанъ-Имля), близъ базара Хіобанъ, проѣзжая коимъ мы замѣтили среди толпы туземцевъ нѣсколько русскихъ чукъ и «спинжаковъ», опривѣтствовавшихъ насъ поклонами. То были приказчики и артельщики мѣстной конторы транспортного товарищества братьевъ Каменскихъ. И такъ странно для глаза, но пріятно для сердца было увидѣть вдругъ эти русскіе православныя чуйки среди чуждой намъ массы разноцвѣтныхъ бухарскихъ халатовъ.

Посольскій дворъ состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою отдѣленій, изъ коихъ первое, представляющее довольно обширный дворъ, обстроено конюшнями и навѣсами для экипажей; во второмъ, значительно меньшемъ отдѣленіи, помѣщаются сѣновалы и амбары для фуража, а третье состоитъ изъ квадратнаго, сплошь вымощеннаго кирпичемъ и плитой двора, по серединѣ коего находится выложенный плитой четырехугольный бассейнъ. Этотъ послѣдній дворъ обрамленъ съ трехъ сторонъ широкою кирпичною террасой, въ вышину около аршина, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ помѣшеній. Собственно домъ или дворецъ посольскій (михманъ-хане) стоитъ въ глубинѣ этого послѣдняго двора противъ входа, и фасадъ его представляетъ собою широкую крытую веранду на террасѣ (айванъ), простирающуюся во всю длину зданія и поддерживаемую спереди двумя деревянными колоннами на мраморныхъ пьедесталахъ. Эти высокія, стройныя колонны иранскаго стиля украшены рельефною рѣзбой въ видѣ виноградныхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ

видны мелкія арабески. Небольшая прихожая дѣлитъ домъ на двѣ равныя половины, представляющія собою двѣ залы, въ четырнадцать аршинъ длины и въ семь аршинъ ширины каждая. Гладко покрытыя бѣлымъ алебастровымъ цементомъ, стѣны этихъ залъ имѣютъ болѣе восьми аршинъ вышины и снабжены рядами довольно глубокихъ стрѣльчатосводныхъ нишъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы ставить и класть въ нихъ разныя вещи. Потолки въ обѣихъ залахъ, выкрашенные въ крапиво-красный цвѣтъ, составлены изъ плотно примкнутыхъ одна къ другой жердочекъ, которыя лежатъ на поперечныхъ толстыхъ балкахъ, отчасти украшенныхъ рѣзбой и расписанныхъ пестрыми узорами. Обѣ залы въ два свѣта. Въ каждой изъ нихъ три стрѣлчатыхъ окна съ узорчатыми алебастровыми рѣшетками, которыя прорѣзаны въ верхней части фасадной стѣны надъ тремя нижними двусторонними окнами-дверями. Такимъ образомъ зданіе дворца имѣетъ по фасаду семь верхнихъ оконъ и семь выходящихъ на айванъ дверей, изъ коихъ середняя ведетъ въ прихожую. Ради зимняго времени, а главное изъ угожденія русскимъ привычкамъ, окна-двери въ обѣихъ залахъ были снабжены тонкими рамами съ большими стеклами, но эти послѣднія прикрѣплялись къ перелетамъ не замазкой, а проволочными штифтыками, и къ тому же бухарцы, по незнакомству съ дѣломъ, не сумѣли приладить какъ должно рамы къ косякамъ, вслѣдствіе чего изъ щелей дуло не хуже чѣмъ въ Шаарѣ. Пришлось пожертвовать чистотой и приказать плотно замазать всѣ щели алебастромъ. Но что дѣйствительно явилось великолѣпіемъ, такъ это большіе длинныя ковры богатой каринской работы, которыми сплошь были затянута пола въ обѣихъ залахъ. Кромѣ того, вдоль стѣнъ были постланы въ рядъ адрасовыя, толсто подбитыя ватой одѣяла. Сложенныя вдвое, они замѣняютъ бухарцамъ мебель для сидѣнья и лежанья. Во всей Бухарѣ это, кажется, единственный домъ, который снабженъ тремя печами русской системы, чему въ первую минуту мы были очень обрадовались, но увѣ! —не надолго.

Посидѣвъ у князя за достарханымъ столомъ, не успѣли наши савонники откланяться съ пожеланіемъ намъ пріятнаго съ дороги сна, какъ вслѣдъ за ихъ уходомъ потянуло изъ прихожей сильнымъ запахомъ глѣншаго дерева. Надо замѣтить, что всѣ печи были очень жарко нагрѣлены, что однакоже не мѣшало температурѣ нашихъ залъ стоять чуть не на точкѣ замерзанія. Сначала на запахъ гари никто не обратилъ вниманія, но вскорѣ онъ такъ усилился, что явилось подозрѣніе—ужь не горитъ ли что у насъ въ домѣ?

И дѣйствительно горѣло. По незнакомству съ практикой печного дѣла, мѣстные сарты

устроили въ прихожей печь о-бокъ съ основными деревянными устоями и сложили ее не изъ жженого кирпича, а просто изъ глины, которую и обляпала устоя, да вдобавокъ еще не достаточно толстымъ слоемъ. Печи въ разу не ремонтировались и, разумѣется, давнымъ-давно не топились и трубы не прочищались. Ссохшаяся глина еще лѣтомъ дала трещины, и вотъ, теперь, какъ затопили «во вся», устоя и затлѣлись, а затѣмъ загорѣлась и сажа. Пожаръ такое рѣдкое, исключительное явление въ Средней Азіи вообще, что сарты почти и понятія не имѣютъ, что и какъ надо дѣлать въ такихъ случаяхъ. Поэтому мѣстная прислуга посольскаго дома переполошилась ужасно и принялась плескать въ печку водой, что, конечно, не препятствовало устоямъ горѣть себѣ да горѣть. Надоумили ихъ наконецъ, что надо ломать печку. Это дѣло они исполнили живо, и хотя за водой надо было бѣгать на сосѣдній арыкъ и носить ее оттуда въ турсукахъ ¹⁾, что составляло процедуру довольно мѣлкотную, тѣмъ не менѣе дальнѣйшій пожаръ кое-какъ удалось прекратить. Но послѣ этого рѣшено было русскихъ печей не топить уже вовсе, а поставить маленькія переносныя печки изъ листового желѣза, которыя, на наше счастье, нашлись гдѣ-то въ городѣ и на другой день были налажены въ обиходъ залахъ. Зато первую ночь въ Бухарѣ пришлось мнѣ провести среди такого ледника, что руки и ноги коченѣли до одеревенѣлости, и несмотря на три сартовскія одѣяла, я не могъ ни на минуту заснуть отъ холода. Оно, впрочемъ, будетъ понятно, если прибавить, что верхнія окна моей залы были затянута даже не бумагой, а прозрачною кисеей (это ради большаго изящества и роскоши), тогда какъ ночной морозъ на дворѣ опять усилился до 20 градусовъ Реомюра. Хорошо еще, что натура у меня крѣпкая, такъ что дѣло и на сей разъ обошлось безъ простуды.

23-го января.

Въ часъ дня посольство въ полномъ своемъ составѣ, предшествуемое бухарскими джигитами и чиновниками, и въ сопровожденіи казачьяго конвоя, верхомъ отправилось въ аркъ къ кушъ-беги съ визитомъ.

Но сначала надо дать понятіе о томъ, что такое кушъ беги. Это есть первый чинъ двора и первое послѣ эмира лицо въ государственной іерархіи, соответствующее великому вѣзирю османскихъ турокъ или государственному канцлеру европейскыхъ державъ. Несмотря на столь высокое положеніе этого званія, въ кушъ-беги могутъ быть возводимы лица, принадлежащія къ сословію шакырдь-нишъ, и это, мнѣ кажется, одно уже доказы-

ваетъ, что древніе законодатели и организаторы государственной власти Бухары, предоставляя высшую послѣ самихъ себя власть людямъ достойнымъ ея не въ силу однихъ лишь преимуществъ своей родовитости, но прежде всего въ силу ума, способностей и личныхъ достоинствъ, обладали совершенно правильнымъ взглядомъ на государственное дѣло ¹⁾. Понятно, что, стоя на такой высотѣ, кушъ-беги по своему положенію является ближайшимъ совѣтникомъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ эмира, и въ качествѣ такового, вышій кушъ-беги, Мулла-Магометъ-бий, по словамъ знающихъ людей, имѣетъ на Музаффаръ-Эддина почти неограниченное вліяніе. Обязанности его званія весьма многообразны: онъ хранитель личной печати эмира, которая въ Бухарѣ замѣняетъ печать государственную; онъ же имѣетъ сношенія съ иностранными землями, племенами и государствами, въ его же рукахъ находится высшее заведѣваніе финансовою частью, такъ какъ ему поручается собраніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ (*закетъ*), какъ со внешней, такъ и со внутренней торговли, и для сбора этихъ пошлинъ онъ употребляетъ приставовъ-чиновниковъ, выборъ которыхъ зависитъ исключительно отъ него ²⁾. Раздача амля-

¹⁾ Послѣ *сидовъ* и *ходжей*, которые въ качествѣ потомковъ Магомета составляютъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ два первыя почетныя сословія, слѣдуютъ еще сословія *рунъ-даръ* и *шакырдь-нишъ*. Къ первому изъ нихъ относятся всѣ вообще узбеки, какъ люди родовитые, предки коихъ озаменовали себя постоянною службою и усердіемъ бухарскимъ ханамъ; ко второму же—всѣ таджики, переселившіеся въ Бухару персіяне, освобожденные рабы и вообще люди низкаго происхожденія. Духовенство (*муллы*), къ которому въ силу полученнаго образованія могутъ принадлежать безразлично люди всѣхъ сословій, поставлено совершенно отдѣльно и самостоятельно. Евреи же и кяфры всѣхъ наименованій стоятъ внѣ сословій, они только терпимы, но правъ не имѣютъ, ибо права принадлежатъ только мусульманину. За исключеніемъ духовенства, правовѣрные всѣхъ выше-названныхъ сословій дѣлятся на *силайевъ* и *фухаръ*, то есть служащихъ и неслужащихъ.

²⁾ Въ Бухарѣ въ каждомъ караванъ-сарай находится по два пристава, въ прочихъ же мѣстахъ по одному въ каждомъ городѣ. Они обязаны доносить кушъ-беги о приходѣ каравановъ, сгружившихъ свои товарныя тюки въ подвѣдомственныхъ имъ караванъ-сараяхъ, равно какъ о количествѣ и содержаніи тюковъ, причемъ на нихъ же обязанности лежатъ строгое наблюдение за тѣмъ, чтобы до таможеннаго осмотра ничто изъ сгруженныхъ тюковъ не было продано. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ осмотръ производится самимъ кушъ-беги, въ обыкновенныхъ же—старшимъ *закетчи*, который тутъ же оцѣняетъ товары, изъ коихъ лучшіе отбираются для эмира либо въ счетъ пошлины, либо за условную, но не всегда выгодную для купца плату. Спустя нѣсколько дней послѣ осмотра, караванъ-сарайный приставъ объявляетъ купцу количество слѣдуемой съ него пошлины и, по полученіи таковой, выдаетъ ему квитанцію за

¹⁾ Кожаный мѣшокъ изъ цѣльной шкуры, святой съ козла или барана.

ковъ¹⁾ зависить также отъ кушъ-беги, равно какъ и сборъ съ нихъ годового оклада (*хираджъ*), чрезъ посредство особыхъ чиновниковъ, амлякдаровъ, постоянно живущихъ во вѣрренныхъ имъ культурныхъ районахъ. Сверхъ того, ему же порученъ главный надзоръ за безопасностью имперскаго дворца въ Бухарѣ, въ которомъ поэтому онъ и живетъ постоянно, и чуть лишь его высокостепенство выѣзжаетъ изъ дворца, кушъ-беги обязанъ тотчасъ же занять особю для него устроенное мѣсто въ воротахъ онаго и сидѣть тамъ, пока хазретъ не возвратится²⁾. Къ нему же ежедневно приносятся на храненіе ключи отъ всѣхъ воротъ (числомъ однадцати), которыми обыкновенно запираются на ночь послѣ вечерняго намаза, а поутру, предъ открытіемъ, привратные пристава (дарвазийбаши) снова являютъ къ нему за ключами. Наконецъ, по отношенію къ городу и округу Бухары³⁾ онъ пользуется правами бека, хотя по сложности своихъ занятій и передаетъ ближайшее управленіе городомъ своему помощнику, каковымъ въ настоящее время является его же сынъ, Магометъ-Шерифъ.

Такъ вотъ къ какой важной особѣ представляло намъ ѣхать съ визитомъ.

По выѣздѣ изъ воротъ посольскаго дома,

печатью кушъ-беги. Для сбора же пошливъ по внутренней торговлѣ находятся при каждомъ базарѣ особые пристава, также назначаемые приказомъ кушъ-беги. Эти послѣдніе чиновники обязаны взимать сороковину съ тѣхъ произведеній, которыя не подвергались караванному дозору. Пошлины, собираемыя какъ съ каравановъ, такъ и со внутреннихъ торговцевъ, сдаются приставами диванъ-беги (казначей), который выдаетъ имъ расписки въ полученіи и ежедневно въ началѣ вечера докладываетъ кушъ-беги о количествѣ поступившихъ въ казну денегъ, а этотъ послѣдній какъ въ приходѣ, такъ и въ расходѣ пошлинныхъ суммъ даетъ отчетъ самому эмиру, но не постоянно, а каждый разъ по особому на то повелѣнію хазрета.

¹⁾ Амлякомъ называется земля, обложенная податью въ пользу казны.

²⁾ Если же кушъ-беги по какимъ либо причинамъ не можетъ исполнить этой обязанности, то вмѣсто него садится въ воротахъ его помощникъ, топчи-баши, въ вѣдѣніи коего находится вся дворцовая артиллерія. Обыкновенно топчи-баши сидитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эмиръ уѣзжаетъ изъ города въ другія бекства на болѣе или менѣе продолжительное время. Кушъ-беги, по званію бека Бухары, имѣетъ право ѣздить вездѣ въ предѣлахъ города, но не за чертой онаго.

³⁾ Къ району города причисляются и его пригороды: Вогуддинъ, Каганъ, Митанъ, Шехри-Исламъ, Турканъ и Мир-Кулель, а къ округу или бекству Бухары, который простирается со стороны Каршинской степи до Караулъ-Базара, а со стороны Катты-Кургана до кишлака Куюкъ-Мазаръ, принадлежать мѣстечки: Варданци (нынѣ все болѣе и болѣе засыпаемое песками), Вафкендъ, Ромишанъ (тоже полузасыпанный въ 1868 году), Вангази и Хайрабадъ, не считая многихъ кишлаковъ другихъ наименованій.

Путь нашъ лежалъ мимо хауза (пруда) Миръ-Дустумъ, по улицѣ Кушъ-медрессан, на которой, кромѣ сосѣдней съ нашимъ домомъ, медрессе-Хіабанъ, находятся еще двѣ великолѣпныя медрессе: первая — Мадари Абдуллахъ-хани и вторая — Кушъ-медрессе-и-Абдуллахъ-ханъ, то-есть матери Абдуллахъ-хана и высшая самого Абдуллахъ-хана, названныя такъ по именамъ своихъ создателей, а отъ послѣдней получила свое названіе и самая улица — въ переводѣ, стало быть, вышеучилищная. Украшенные величественными порталами, медрессе эти находятся одна напротивъ другой и обѣ очень красиво облицованы мозаикой и разноцвѣтными кафлями. Миновавъ эти зданія, мы сейчасъ же переѣхали черезъ каналъ Шахрирудъ по древнему каменному мосту очень прочной постройки, который называется Сарыпули-Ониконъ, и слѣдовали далѣе по улицѣ Мирджанъ-Али къ регистану — главной городской площади. Протяженіе всего пути занимало съ небольшимъ двѣ версты.

Самаркандскій регистанъ, окруженный съ трехъ сторонъ своими величественными мозаичными зданіями медрессе Улугъ-бека, Тиллякари и Ширъ-дара, съ ихъ наклонными минаретами и лавровыми куполами, въ цѣломъ представляетъ собою какъ бы художественное произведеніе, строго выдержанное въ извѣстномъ стилѣ, и настолько красивѣе бухарскаго регистана, что между ними не можетъ быть и сравненія. Но этотъ послѣдній гораздо обширнѣе самаркандскаго и оставляетъ кругозору больше простора, даетъ возможность сразу обнять взглядомъ общій видъ арка и нѣсколько мечетей и медрессе, окружающихъ площадь. Тутъ находятся съ южной стороны мечети: Устархи и Пайонда-аталыкъ и медрессе Шади-бика, а съ сѣверной — медрессе: Гусфандъ, или, иначе, Сендъ Абдуллъ-Азиса-хана, и Даръ-уль-Шафа. Изъ нихъ нѣкоторыя украшены высокими и полусферическими куполами. Площадь же, вѣчно кишая толпой, вся занята подвижными лавочками зеленщиковъ и фруктовыхъ торговцевъ, среди которыхъ остаются свободными только нѣсколько проѣздовъ для всадниковъ и верблюжьихъ каравановъ.

Самый аркъ, окруженный зубчатыми стѣнами съ бурджами, высится на искусственно насыпанномъ четырехугольномъ холмѣ сажень въ семь или восемь высоты. Надъ главными воротами, къ которымъ прямо съ регистана ведетъ широкій подъемъ съ каменными парапетами, между двумя круглыми башнями, фланкирующими высокій порталъ, въ верхней части фронтона красуется большой бѣлый циферблатъ съ часами европейскаго устройства. Эти часы, еще при покойномъ Насрулла-Багадуръ-ханѣ, отцѣ нынѣшняго эмира, были устроены на-диво всей Бухарѣ какимъ-то лѣвнымъ русскимъ татаринкомъ, а Музаффаръ-Эддинъ, какъ мнѣ

сказывали, нарочно для нихъ содержитъ на жалованьи особаго придворнаго часовщика изъ иѣмцевъ, который обязанъ заводить всѣ вообще часы во дворцѣ, до карманныхъ самого эмира включительно, но главное—долженъ наблюдать, чтобы надворотные куранты неукоснительно исполняли свою обязанность, возвѣщая горожанамъ время боемъ колокола. А въ тѣхъ случаяхъ, когда куранты вдругъ заупрямятся, иѣмецъ обязанъ самъ садиться на вышку и отбивать въ колоколъ часы и четверти до тѣхъ поръ, пока не исправитъ что нужно въ механизмѣ. Не знаю, правда ли.

Когда нашъ кортежъ вступилъ на регистанъ, площадь была залита народомъ, который высыпалъ сюда въ такомъ необычайномъ количествѣ очевидно для того, чтобы поглазѣть на парадное шествіе русскаго посольства.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до подъема ко дворцовымъ воротамъ, свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ еще на площади слѣзъ съ лошади, скинулъ съ себя пальто, и въ блестящемъ своемъ свитскомъ мундирѣ пѣшкомъ поднялся на гору. Остальные члены посольства, разумеется, обязаны были послѣдовать примѣру главнаго посла, который оказалъ этимъ достопочтенному кушъ-беги такую чрезвычайную любезность, какой до сего раза со стороны прежнихъ русскихъ пословъ никогда еще не случалось. Кушъ-беги, вѣроятно, долженъ былъ оцѣнить ее по достоинству, ибо хорошо знаетъ, что по законному праву не только къ нему, но и къ самому «святѣйшему» эмиру могутъ въѣзжать во дворцовыя ворота верхомъ не то что представители русскаго правительства, а даже простые мирахуры, то есть по нашему — конюшенные офицеры майорскаго ранга ¹⁾. Онъ долженъ былъ оцѣнить такую безпримѣрную любезность тѣмъ болѣе, что все это оказательство было продѣлано нами на глазахъ у всей базарной публики, очень чуткой ко всякимъ подобнаго рода отбѣнкамъ и выходящей на основаніи ихъ свои собственныя заключенія.

Предъ воротами, на небольшихъ площадкахъ парадетонъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ повелителей Бухары съ сосѣдними ханствами, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ разной величины и формы, а въ самомъ пролетѣ воротъ помѣщается на стѣнахъ единственная въ своемъ родѣ коллекція оригинальныхъ достопримѣчательностей, не безъ остроумія названная Н. А. Маевымъ ²⁾ національнымъ бухарскимъ музеемъ.

Тутъ на первомъ мѣстѣ виситъ чудовищная плеть, около сажени величиной, ременный хвостъ которой, словно хвостъ боа-констрикто-

ра, толщиной въ добрый кулакъ, при хорошемъ ударѣ, безъ сомнѣнія, можетъ сразу перешибить пополамъ человѣка. Мы было сочли его за внушительный символъ власти бухарскаго владыки, но оказалось, что это легендарная нагайка богатыря Рустема, и что такихъ магаекъ въ прежнія времена висѣло здѣсь цѣлыхъ семь штукъ, но благочестивый родитель нынѣшняго эмира приказалъ оставить изъ нихъ на память только одну, а всѣ остальные разрѣзать на части и раздать какъ святыню разнымъ монастырямъ (ханкахъ) и дервишамъ. Рядомъ съ нагайкой виситъ гигантская деревянная булава, вѣроятно тоже Рустемова, и згѣбевшій посохъ какого-то святого, а на другой сторонѣ громадный бубенъ, разныя балтасы (сѣкиры) и мултуки (фитильныя ружья). Тутъ же находится узловатый корень съ частью ствола какого-то дерева, привезенный въ даръ эмиру изъ Мекки. Къ сожалѣнію, предметы этой коллекціи пришлось осматривать мелькомъ, на ходу, и потому, вѣроятно, я многое еще пропустилъ безъ вниманія.

Миновавъ ворота, мы были встрѣчены на довольно узкомъ проходномъ дворѣ караульными взводомъ гвардейскихъ сарбазовъ въ барашковыхъ шапочкахъ, красныхъ суконныхъ чекменяхъ съ отложными синими воротничками и въ бѣлыхъ миткалевыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ голенища высокихъ сапоговъ. Выстроясь въ видѣ шеренги, взводъ, по командѣ красиваго рослаго офицера, взявъ ружья на караулъ, но безъ музыки и барабаннаго боя, а самъ этотъ офицеръ, разряженный въ фіолетовый бархатный кафтанъ съ богатыми золотыми шитьемъ, отсалютовавъ саблей, пошелъ навстрѣчу князю, но вмѣсто строевого рапорта неожиданно и предобродушно протянулъ ему для пожатія свою руку.

Слѣдуя далѣе, мы проходили мимо двора аудіенцій (*арзхане*), гдѣ разъ въ недѣлю эмиръ, сидя на рундукѣ подъ деревяннымъ балдахномъ, самолично принимаетъ прошенія и выслушиваетъ устные жалобы своихъ подданныхъ, а также творить судъ и расправу надъ привозимыми изъ тюрьмы преступниками, рѣшая, кого изъ нихъ отдать палачамъ на прирѣзъ, кого посѣчь нагайками, кого запереть въ яму, а кого и помиловать. Проходили мы такъ же мимо стѣнъ двухъ дѣйствительно замѣчательныхъ зданій: палѣво была стѣна Абъ-хане, а направо Кана-хане. Въ первомъ изъ нихъ, въ совершенно темныхъ камерахъ сохраняются въ лѣтние жары вода для питья эмира и сюда же обыкновенно сажаетъ онъ подъ арестъ высшихъ своихъ сановниковъ, а во второмъ помѣщается знаменитая подземная темница, наполненная множествомъ искусственно разведенныхъ клещей и клоповъ, отъ которыхъ она получила и свое названіе. Когда въ ней не оказывается заключенныхъ, то клещамъ заботливо бросаютъ

¹⁾ См. Н. Ханыкова „Описаніе бухарскаго ханства“, стр. 184, о правахъ и обязанностяхъ чина мира-ахура.

²⁾ „Ежегодникъ Туркестанскаго края“, т. V, 119.

туда каждый день по нѣскольку фунтовъ сырого мяса и требуху, чтобы эти милыя животныя не переводились. Кромѣ этихъ здацій, въ пятницу помѣщаются три мечети, дворецъ и гаремъ эмира, домъ кушъ-беги и квартиры топчи-баши, шигаула, дѣятардара и многочисленной дворской прислуги.

Наконецъ мы повернули направо по небольшому проходу и очутились на маленькомъ закрытомъ дворикѣ дома кушъ-беги, куда вышелъ навстрѣчу къ намъ самъ радушный хозяинъ, выйдя со своимъ сыномъ Магометъ-Шерифомъ. Это коренастый, довольно плотный и очень еще бодрый старикъ, на видъ лѣтъ около шестидесяти, съ длинно-широкой сѣдой бородой, мясистымъ носомъ и небольшими, старчески выпавшими, табачно-каряго цвѣта глазками, въ которыхъ свѣтятся умъ и добродушіе. Лицо вполне арійскаго типа и свидѣтельствуетъ объ иранскомъ происхожденіи Мулла-Магометъ-бія, хотя онъ и выдаетъ себя за узбека ¹⁾. Одѣтъ онъ былъ въ темно-зеленый бархатный халатъ съ рельефно-вышитыми золотыми узорами, причемъ, въ знакъ его высокаго положенія, халатъ оставался не подпоясаннымъ, а на головѣ его пышно красовалась чалма изъ бѣлой индійской кисеи, затканной золотыми полумѣсяцами.

Взаимное представленіе наше послѣдовало тутъ же, среди дворика, вымощеннаго квадратными кирпичными плитками и окруженнаго съ трехъ сторонъ невысокой террасой, послѣ чего Мулла-Магометъ-біи пригласилъ насъ войти подъ свою кровлю.

Домикъ у него маленький, одноэтажный, со стеклянчатыми окнами и дверями, выходящими на террасу, и въ общемъ кажется очень уютнымъ. Небольшая приемная, гдѣ накрытъ былъ достарханый столъ, отличается тѣмъ, что надъ ея внутренней дверью, ведущей въ другіе покои, находится на нѣкоторой высотѣ темное окно, какого до сего раза нигдѣ еще мы не встрѣчали. Впослѣдствіи мы объяснили по секрету, что благодушный кушъ-бегъ, по слабости къ своимъ гаремнымъ дамамъ, соглашаясь иногда доставить имъ лишнее невинное развлеченіе въ ихъ монотонной, замкнутой жизни, разрѣшаетъ имъ незримо присутствовать при нѣкоторыхъ своихъ торжественныхъ приемахъ иностранныхъ пословъ и вообще знатныхъ иностранцевъ, — пускай-де посмотрятъ, какихъ курьезныхъ людей терпитъ Аллахъ на свѣтѣ. Для этой-то цѣли и велѣлъ онъ пробить на темной антресоли окошко, чрезъ которое

дамы удобно могутъ видѣть все, что происходитъ въ приемной, оставаясь сами незамѣтными. Другая особенность этой приемной заключается въ цѣлой коллекціи столовыхъ часовъ, поставленныхъ рядомъ въ одной изъ нишъ, словно въ магазинѣ. Говорятъ, что старикъ очень любитъ слушать разнозвучный бой ихъ, и ужъ не знаю, по этой-ли причинѣ собралъ онъ самъ себѣ такую коллекцію или же составила она случайно изъ разновременныхъ подарковъ ему что разныхъ пословъ, только несомнѣнно то, что нѣмцу возня съ ними не малая, потому что Мулла-Магометъ-біи, услаждаясь боемъ, требуетъ, чтобы часы били не всѣ разомъ, а съ извѣстной систематичностью и именно такъ, что чуть кончатъ одни, сейчасъ же начинали бы другіе.

Усѣлись мы за достарханый столъ, и тутъ во время угощенія пошелъ разговоръ съ обычными разпросовъ о здоровьи Акъ-падшаха, Ярмытъ-падшаха и наместъ. Когда же князь осведомился о собственномъ здоровьи Мулла-Магометъ-біи, то старикъ отвѣчалъ, что благодаря милости Аллаха для своихъ лѣтъ чувствуетъ себя недурно.

— А лѣта мои не малыя, — прибавилъ онъ даже съ нѣкоторой бодрящею похвалою; — семьдесятъ одинъ годъ уже прожилъ на свѣтѣ, влукъ уже бекомъ сидитъ, но работаю еще безъ очковъ, стрѣлять могу мѣтко пзъ лука да и горячаго жеребца взмилу подъ собой.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на политику, вращаясь около знакомой уже намъ темы о томъ, какъ счастлива Бухара, что великій Бѣлый Царь даритъ ее своимъ высокими покровительствомъ и насколько для маленькой Бухары необходима дружба великой Россіи.

— Намъ, — пояснилъ онъ, — надо держаться за Россію снизу, какъ держится малый и слабый за полу платья большого и сильнаго человека. Мы это всѣ хорошо теперь понимаемъ, и даже еще предъ послѣдней войной вашей съ турками, когда изъ Стамбула было прислано къ моему свѣтлѣйшему повелителю письмо съ предложеніемъ союза для взаимныхъ дѣйствій противъ Россіи, то хазретъ шъ отвѣтилъ своимъ преподавъ султану Абдулъ-Гамиду благой совѣтъ не ссориться съ великимъ Акъ-падшахомъ, а искренно искать его союза, удовлетворивъ для этого всѣ его справедливыя требованія, и что тогда ему нечего было бы страшиться ни явныхъ, ни тайныхъ враговъ своихъ, а главное набавился бы онъ отъ своихъ фальшивыхъ друзей съ Запада. Къ сожалѣнію, султанъ пренебрегъ тогда этимъ совѣтомъ — ну, а послѣдствія сами вы знаете. Мы люди маленькіе, мы, какъ кустики, въ сторонѣ ото всѣхъ живемъ и пьемъ свою росу рядомъ съ большимъ и раскидистымъ карагачемъ, тѣнь котораго прикрываетъ и насъ, а затѣмъ и знать себѣ никого не хотимъ, кромѣ этого большого

¹⁾ Мулла-Магометъ-біи родомъ персіянинъ, изъ бывшихъ рабовъ. Возвышеніемъ своимъ, кромѣ личныхъ способностей, обязанъ онъ еще и тому обстоятельству, что по волѣ своего повелителя долженъ былъ жениться на одной изъ отставныхъ жень самого эмира. Сывъ его, Магометъ Шерифъ женатъ точно такимъ же образомъ.

дерева!—прибавилъ онъ въ заключеніе съ добродушнымъ старческимъ смѣхомъ.

Послѣ этого Мулла-Магометъ-бій перевелъ бесѣду съ политики на своего внука, каршинскаго бека, сразу придавъ своему тону откровенно дружественной откровенности. Магометъ-Шерифъ, отецъ юноши-бека, уже трижды пытался было наводить разговоръ на эту тему, но кушъ-беги, какъ бы не замѣчая его попытокъ, все перебивалъ его разными посторонними сему дѣлу вопросамъ, обращая ихъ то къ князю, то къ кому-либо изъ прочихъ членовъ посольства. Видимо, старый дипломатъ находилъ, что удобная минута для такого разговора еще не наступила и внутренне, кажись, даже досадовалъ на нетерпѣніе своего сына; когда же призналъ ее подходящею, то самъ первый заговорилъ о внукѣ и о томъ неприємномъ недоразумѣніи, что вышло между нимъ и старшимъ посломъ изъ-за визита. Кушъ-беги искренно и тепло просилъ извинить молодого человѣка, объясняя его поступокъ неопытностью и нѣкоторымъ заносчивымъ самолюбіемъ, свойственнымъ юношамъ, неожиданно попадающимъ на такой видный постъ не ради своихъ собственныхъ заслугъ, а въ уваженіе къ заслугамъ ихъ старшихъ родственниковъ.

— Когда хазретъ соблаговолилъ назначить его на мѣсто, я тогда же почтительно заявилъ, что нахожу его слишкомъ еще молодымъ для такой должности, и вижу, что былъ правъ. Могу увѣрить васъ,—прибавилъ старикъ,—что извѣстіе объ этомъ неприємномъ случаѣ крайне огорчило и меня и его отца, и мы просимъ васъ еще разъ извинить его.

Князь отвѣчалъ, что какъ только увидѣлъ молодого бека, то сейчасъ же понялъ, что этотъ добрый и милый юноша тутъ ровно не при чемъ, а все дѣло вышло изъ-за усердія не по разуму его неловкихъ совѣтниковъ и что, напротивъ, съ первой же встрѣчи съ нимъ князь почувствовалъ къ нему полное благорасположеніе и въ настоящее время, не питая въ душѣ своей ни малѣйшаго неудовольствія противъ кого бы то ни было, проситъ въ свой чередъ и кушъ-беги, и Магометъ-Шерифа просто предать все это дѣло забвенію.

Услышавъ такой отвѣтъ, дѣдушка благодушно, съ большимъ чувствомъ пожалъ князю руку, а отецъ просто просіялъ отъ удовольствія. Видно, что оба они очень любятъ своего внука.

Въ концѣ угощенія князь подаль знакъ, по которому наши джигиты, съ хорунжимъ Карамурзаевымъ во главѣ, внесли въ комнату подарки, предназначенные для кушъ-беги отъ генералъ-губернатора и состоявшіе изъ массивныхъ серебряныхъ вещей въ видѣ кубковъ и кувшиновъ работы Овчинникова, большихъ золотыхъ карманныхъ часовъ съ эмалевымъ

государственнымъ нашимъ гербомъ на верхней крышкѣ и съ массивною золотою цѣпочкой, хрустальной плоской пазы въ серебряной оправѣ и нѣсколько кусковъ дорогихъ матерій на халаты.

Любуясь на всѣ эти вещи и прося князя передать его благодарность генералу Чернаеву, старикъ замѣтилъ, что до сихъ поръ туркестанскіе генералъ-губернаторы на разу еще не присылали ему такихъ щедрыхъ и богатыхъ подарковъ. Онъ, видимо, всмѣхъ этимъ былъ очень похвщенъ и доволенъ. Минуту спустя, его собственные джигиты внесли въ приемную отѣтныя подарки, состоявшіе изъ тюковъ съ халатами, и положили у ногъ cadaго изъ насъ по тюку, а затѣмъ Мулла-Магометъ-бій пригласилъ посольство выйти на дворъ полюбоваться на выводку верховыхъ лошадей подъ богатыми поповами, предназначенныхъ въ подарокъ для насъ же. Самъ онъ при этомъ избралъ для себя кратчайшій путь и согнувшись вышелъ на террасу прямо черезъ окошко. Лошади были очень недурны, а бирюзовые уздечки и бархатныя попоны, расшитыя золотомъ, серебромъ, блестками и шелками, весьма эффектны и даже изящно-красивы. Словомъ, одарилъ насъ кушъ-беги такъ, что хотя бы и самому эмиру впоору.

Здѣсь же, во дворикѣ, мы съ нимъ простились, причемъ онъ лично проводилъ посольство до главнаго прохода, гдѣ стоялъ почетный караулъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ знакомства съ кушъ-беги, было вполне въ его пользу. Это очень пріятный, сердечно-веселый старикъ, видимо спокойнаго, незлобиваго нрава и притомъ умѣетъ держать себя просто, но съ достоинствомъ, говоритъ съ тактомъ и чувствуетъ мѣру, крѣпко жметъ руку, но не притворнымъ, а честнымъ пожатіемъ.

По возвращеніи домой отъ кушъ-беги, я переехалъ и верхомъ отправился съ майоромъ Байтоковымъ знакомиться съ наиболее замѣчательными изъ городскихъ базаровъ. Большинство ихъ группируется въ восточной части городского центра, близъ набережной Шахри-руда. Весь вообще торговый рынокъ Бухары подраздѣляется на караванъ-сарай, тиму, чарсу и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ для склада исключительно привозныхъ заграничныхъ товаровъ и строятся обыкновенно четырехугольнымъ, а еще чаще квадратнымъ корпусомъ со внутреннимъ дворомъ, въ томъ же родѣ, какъ и медресе: нижній этажъ занимаютъ лавки и кладовыя, а въ верхнихъ отдаютъ въ наймы помѣщенія для прѣзжихъ купцовъ. Въ городѣ всего насчитываютъ тридцать восемь караванъ-сараявъ, изъ коихъ двадцать четыре каменные и четырнадцать деревянныхъ. Девять каменныхъ принадлежатъ казнѣ, которая сдаетъ ихъ на откупъ, причеиъ размѣръ годовой платы, отъ

100 до 300 тиллей¹⁾, находится въ зависимости отъ величины и вмѣстимости зданія, равно какъ и отъ мѣста его нахождения. Остальные караванъ-сарай принадлежатъ частнымъ лицамъ и благотворительнымъ и образовательнымъ учреждениямъ въ качествѣ вакуфовъ, то-есть неотчуждаемой собственности, доходы съ коей поступаютъ въ пользу учрежденія. Общее же число караванъ-сараявъ, какъ специально торговыхъ, такъ и служащихъ въ качествѣ заѣзжихъ постоялыхъ дворовъ и гостиницъ, въ городѣ и его пригородахъ доходить до полутораэта.

Тими или тимъ—это продолговатые, деревянные или каменные сарай, гдѣ торговля мѣстными и заграничными мануфактурными издѣліями производится съ открытыхъ прилавковъ, которые въ видѣ общихъ непрерывныхъ наръ тянутся посерединѣ и вдоль внутреннихъ стѣнъ тима; надъ прилавками устроены деревянные полки, наполненные сверху до низу матерчатыми товарами. Иногда въ центрѣ каменнаго тима, какъ напримѣръ, въ тимахъ Абдуллахъ-хана, находится просторная ротонда съ высокимъ куполомъ, гдѣ обыкновенно группируются напоказъ лучшіе товары и идетъ самая бойкая торговля. Тимовъ адѣсь девять, изъ коихъ пять каменныхъ.

Чаръ-су, какъ я уже описывалъ раньше, представляетъ собою отдѣльно стоящій каменный павильонъ въ видѣ ротонды, съ полусферическимъ куполомъ и четырьмя противоположными выходными арками, отъ чего происходитъ и самое названіе чаръ-су, то-есть четыре воды или теченія, подразумевая тутъ, по свойственной Востоку склонности къ метафорѣ, движеніе базарной толпы. Каждый добпорядочный средне-азиатскій городъ непременно имѣетъ свое чаръ-су, обыкновенно составляющее центръ базара; въ Бухарѣ же ихъ нѣсколько и наиболѣе изъ нихъ замѣчательно Заргеряни-чаръ-су, построенное болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ Абдуль-Азизъ-ханомъ²⁾.

Наконецъ, собственно базары представляютъ собою или ряды, крытые сверху цыновками, нѣчто въ родѣ восточныхъ пассажей, или же просто площадный торгъ подѣ открытымъ небомъ. Такихъ базаровъ въ Бухарѣ до 50, считая тутъ же и конскій, находящійся за городской стѣной, въ полутора верстахъ къ сѣверу отъ Самаркандскихъ воротъ, да 22 базара въ пригородныхъ и ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ торгъ происходитъ въ извѣстные дни недѣли³⁾.

¹⁾ Золотая монета цѣнностью въ 4 руб. 20 коп. (бухарская) и въ 3 руб. 80 коп. (кокандская).

²⁾ Изъ династїи Шейбанидовъ; царствовалъ съ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

³⁾ Въ самомъ городѣ находятся: три базара хлѣбныхъ; одинъ мушной (онъ же для ячменя и джугары); одинъ базаръ отрубей; два мясныхъ; одинъ рыбный; одинъ соляной; одинъ дровяной; три свѣчныхъ; три угольныхъ; два главныхъ базара для продажи сушеныхъ фруктовъ, не счи-

Изъ этого краткаго перечня не трудно усмотрѣть, что Бухара представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Средней Азіи. Но главное мѣсто въ ея торговой дѣятельности остается все же за привозными и транзитными товарами, въ чемъ и заключается торговое значеніе Бухары, основанное на ея географически-центральной положеніи, какъ главнаго узла путей между Индіей чрезъ сѣверный Афганистанъ—съ одной стороны, восточными провинціями Персіи, съ другой, и Россіей—съ третьей. Вообще, это главный центръ между рынками нижегородскимъ и пешаверскимъ. Торговля же на мѣстѣ собственными произведеніями далеко не такъ значительна, какъ можно бы думать, судя по изобилію лавокъ и лавченковъ. Обороты внешней торговли Бухарскаго ханства, по словамъ главнаго закетчи, Магометъ-Шерифъ-ивака, простираются отъ 35 до 40 милліоновъ рублей металлическихъ въ годъ. Что же до внутреннихъ оборотовъ, то мнѣ не удалось узнать ихъ точную цифру.

Относительно базаровъ города Бухары и предметовъ ихъ торговли пришлось бы повторять то, что уже было сказано мною при описаніи базара въ Шаарѣ, съ тою лишь разницей, что здѣсь все это сосредоточено въ гораздо болѣешихъ размѣрахъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ преобладаютъ русскіе товары. Мы проѣхались почти по всѣмъ базарамъ и встрѣчали множество русскихъ ситцевъ, шерстяныхъ матерій, парчей и бархатовъ, русскій сахаръ и стеариновые свѣчи, русское стекло, фаянсъ и фарфоръ, русскую юфть, желѣзо и чугуны (въ котельныхъ издѣліяхъ), русскіе окованные сундуки съ музыкально-звонкими замками и мѣдные самовары, даже русскіе «кашмирскіи шали» превосходной тонкой работы, по 40 и 50 тенговъ штука⁴⁾, что является просто баснословною дешевизной!

тая множества мелкихъ базарчиковъ и отдѣльных лавокъ съ тѣми же продуктами; два свѣже-фруктовыхъ (гранаты, груши, яблоки, сливы, фиги, виноградъ, фисташки, миндаль, грецкіе орѣхи и проч.); два арбузныхъ и дынныхъ; два яичныхъ; шесть молочныхъ; два масляныхъ; одинъ лѣкарственный и москательный, пять сапожныхъ, изъ коихъ на трехъ продаются исключительно мягкіе козловые сапоги, такъ называемые ичиги; одинъ юфтяный; одинъ бязевый (мѣстной бумажной ткани); два хлопковыхъ; одинъ жовровый, халатный и мѣховый (преимущественно мерлушка); одинъ мѣдный и вообще металлическихъ издѣлій; два ножевыхъ; одинъ канатный и веревочный; одинъ куржумный (переметныхъ сумокъ), поповный и конскихъ уборовъ; одинъ конскій и одинъ невольничій, нынѣ уже уничтоженный по договору съ русскими. Кромѣ того, адѣсь не упоминаются глиняно-посудные и свѣтные базарчики и лавки, разбросанные по всѣмъ частямъ города, точно такъ же, какъ свѣже и сушено-фруктовые.

⁴⁾ Тенга, или кокавъ, равняется 20 металлическимъ копейкамъ; въ серебряномъ рублѣ пять тенговъ.

На съѣстномъ базарѣ, гдѣ скучено множество харчевень и чайныхъ, среди неисходнаго чада отъ жаренаго кунжутнаго масла, мы съ трудомъ пробирались между продавцами жареныхъ пирожковъ, кебабовъ, хлѣбныхъ лепешекъ (кульчанапъ), кунжутной халвы и всевозможныхъ лакомствъ. Здѣсь всякъ молодецъ на свой образецъ громогласнымъ крикомъ выхваливаетъ прелести и вкусъ своего съѣстного товара. На базарѣ Саррафанъ ¹⁾, напротивъ, господствуетъ возможно полная тишина: тамъ задумчивые индусы изъ Ширкапура, иначе называемые мультанами ²⁾, рядомъ съ мѣстными евреями сидятъ на собственныхъ пяткахъ или на корточкахъ за низенькими мѣняльными столиками и прилавками, на которыхъ разсыпаны кучки мѣдныхъ пулъ ³⁾ и серебряныхъ тенговъ, и отъ нечегодѣлая, въ ожиданіи спроса на размѣнъ, перекладываютъ эти кучки съ мѣста на мѣсто, словно карты въ пасьянсъ, или между собою играютъ въ четъ и нечетъ. Всѣ эти индусы жесточайшіе ростовщики, даже гораздо хуже евреевъ, и хотя смотрятъ такими покорными тихонами, что, кажись, даже малый ребенокъ ихъ обидѣть можетъ, а сами они и воды не замутятъ, но не дай Богъ никому попасть въ когти къ этимъ смиреннымъ вампирамъ! Заргеранскій чаръ-су переполненъ всевозможными калыпашами (тибетейками) и шапками, которые тѣсно и ярко-пестро висятъ на деревянныхъ колышкахъ по его внутреннимъ стѣнамъ снизу доверху; здѣсь же продаются разныя бусы, четки и ожерелья, ленты и шелковые кисп, шелковые и бархатные пояса (*билбау*), унизанные металлическими бляхами и снаряженные замшевыми кошельками для денегъ (*халамданъ*), да парой кривыхъ ножей (*ичакъ*) въ красныхъ ножнахъ, нерѣдко сплошь покрытыхъ бирюзовою инкрустаціей ⁴⁾.

Къ одному изъ выходовъ этого чаръ-су примыкаетъ сѣдельный рядъ со всѣми принадлежностями конскаго снаряженія, а его продолженіемъ является рядъ желѣзный, гдѣ я накупилъ для своей оружейной коллекціи нѣсколько старинныхъ ай-балтовъ (сѣкирокъ) съ гравюрами и серебряною насѣчкой, нѣсколько бронзовыхъ батиковъ (кистелей) и курбаней ⁵⁾.

¹⁾ Отъ слова *саррафъ*, что значить мѣняла.

²⁾ По имени города Мультана, который здѣсь почитается метрополіей всего Индустана.

³⁾ Пула—мелкая, но довольно вѣская мѣдная монетка. Въ одной тенгъ (20 коп.) считается 64 пулы.

⁴⁾ Кромѣ кошельковъ и пары ножей, къ такимъ поясамъ съ лѣвой стороны нерѣдко прикрѣпляются еще точильный брусокъ (*кайранъ*), шило (*бинисъ*), небольшія ножницы (*дукеръ*) для подстриганія ногтей, усовъ и бороды, огниво (*чакмакъ*) и роговой или деревянный гребень (*таракъ*).

⁵⁾ Такъ называется пика съ короткимъ толстымъ древкомъ и длиннымъ штыкообразнымъ копьемъ.

Затѣмъ мы посѣтили оба тима Абдуллахъ-хана. Подъ высокою ротондой перваго, построеннаго въ 900 (1582) году, продаютъ шелковыя матеріи, адрысы, шаины, бикасабы, канаусы, бархатъ, парчу, сукна и шали, а во второмъ—коленкоръ, кисею, алачу и вообще бумажныя и шерстяныя ткани. Въ обоихъ тимахъ стелкиваются произведенія фабрикъ русскихъ, самаркандскихъ, кокандскихъ, бухарскихъ и индійскихъ. Издѣлія послѣднихъ носятъ общее названіе *кабули*, то есть кабульскихъ, хотя нерѣдко они Кабула, какъ говорятъ, и въ глаза не видали, а попали сюда чрезъ Герать изъ англійскихъ складовъ.

Въ трехъ тимахъ Танинга идетъ торговля шелкомъ въ моткахъ, сырцовымъ и крашевымъ. Колера отличаются своею чистотой и яркостью и притомъ они довольно разнообразны. Эта послѣдняя торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ мѣстныхъ евреевъ.

Въ тимѣ Даран продаются мужскіе и женскіе чиги—иначе называемые *масы*, предпочтительно зеленого цвѣта, изъ мягкаго шагреневаго сафьяна, съ тисненными узорами, безъ каблучковъ и на мягкой подошвѣ. Тутъ же можно найти и калоши (*жунни*) и высокіе сапоги, тоже зеленые и тоже изъ шагреновой, но только толстой и грубой конской кожи, известной подъ названіемъ *сугуръ*; послѣдніе бывають съ загнутыми вверхъ острыми носками, на концѣ которыхъ болтается небольшой ремешекъ, и нерѣдко съ остроконечными рогаобразными каблучками почти двухвершковой длины, имѣющими легкій загибъ внутрь, къ подошвѣ. Въ этой оригинальной обуви безъ особенной сноровки не только ходить, но и долго стоять на мѣстѣ невозможно, не рискуя каждую секунду потерять равновѣсіе и шлепнуться на землю. Тѣмъ не менѣе она въ большой модѣ въ особенности между кочевыми узбеками, которые находятъ, что для верховой ѣзды ничего лучше не придумать.

Спеціально оружейнаго базара, къ которому я такъ стремился, здѣсь не оказалось. Существуетъ только не болѣе трехъ-четырехъ лавочекъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ можно найти кое-какой оружейный хламъ, между которымъ иногда случайно попадаетъ вещь достойная вниманія. Все, что можно было прикупить тамъ для пополненія моей азіатской оружейной коллекціи, я конечно купилъ, но этого всего оказалось очень немного: три бунчука, два фатильные карабина, одна кольчуга со стальнымъ шишакомъ, старинный шить съ серебряными бляхами, сдѣланный изъ твердой толстой кожи, и древнія стальные досчатая латы, орнаментированныя по бордюрамъ арабесками очень тонкой работы, пройденными гравюрой и золотою насѣчкой,—да вотъ и все. Лучшія вещи находятся не въ лавкахъ, а въ частныхъ рукахъ, и нѣкоторые

изъ нихъ, какъ напимѣръ нѣсколько хорасанскихъ и гиссарскихъ клянковъ, да два древніе шлема, были потомъ принесены ко мнѣ на домъ при посредствѣ мѣстныхъ коммиссіонеровъ, и послѣ продолжительнаго торга наконецъ куплены мною. Но они вообще не дешевы, въ особенности старые хорасаны, и бухарцы знаютъ имъ цѣну.

Въ заключеніе нашей прогулки проѣхались мы на базаръ мѣдно-чеканныхъ издѣлій. Два противолежащіе ряда лавочекъ, пригнувшись одна къ другой стѣна обѣ стѣну и совершенно открытыхъ спереди, образовали собою улицу шаговъ въ двѣнадцать пиринъ, прикрытую сверху бардавами и чіями. Въ этихъ лавочкахъ, тутъ же, гдѣ выставлены на продажу ихъ издѣлія, находятся и самыя мастерскія, такъ что вы съ улицы можете видѣть весь постепенный ходъ работы, подѣ аккомпанементъ непрерывнаго стука сотенъ молотковъ и визга пилкокъ и терпуговъ, съ помощью которыхъ листовая желтая и красная мѣдь превращается въ очень красивыя чашки, блюда, миски и кумганы. Искусные чеканщики и граверы снабжаютъ изготовленные вещи очень изящною орнаментацией, состоящею изъ фантастическихъ узорчатыхъ сочетаній завитковъ, ливій, листиковъ, звѣздочекъ, крестиковъ, точекъ и т. п. Какъ рисунки, такъ и самыя формы этихъ произведеній очень изящны и разнообразны. Тутъ же можно достать и старинныя вещи этого рода, и не только мѣстной, но и персидской, и афганской, и индійской работы, съ гравированными изображеніями людей и животныхъ въ красивыхъ медальонахъ и съ священными изреченіями или стихами Гафиза и Саади въ чеканныхъ бордюрахъ, среди которыхъ, кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить вырѣзанное имя мастера, годъ производства и имя владѣльца вещи, по заказу коего она была сдѣлана.

Замѣтивъ, что я обращаю вниманіе преимущественно на старинныя вещи этого рода, ко мнѣ сбѣжались съ ними продавцы со всего базара, и каждый, тискался впередъ, наперобой предъ другими старался показать мнѣ свою и какъ можно громче выхвалять ея достоинства. Увидавъ себя въ тѣсной блокадѣ и чуть не угрожаемый штурмомъ, я объявилъ имъ чрезъ переводчика, что кто хочетъ продать, пускай приходитъ ко мнѣ въ посольскій домъ, тамъ я разсмотрю все въ подробности и сторгуюсь. Вслѣдъ за такимъ рѣшеніемъ, вся эта орава тотчасъ же отклинула и, давъ намъ возможность тронуться съ мѣста, немедленно направилась вмѣстѣ съ нами къ посольскому дому.

Въ лабиринтѣ всѣхъ этихъ базаровъ новому челоѣку до крайности трудно, почти невозможно оріентироваться—до такой степени все это перепутано разными полутемными и узкими

улками, переулками и закоулками, и все кишитъ самою пестрою пѣшею и конною толпою, среди которой тѣснота зачастую доходитъ чуть не до давки, особенно когда въ какомъ-нибудь узкомъ проходѣ застрянутъ двѣ встречныя арбы или два встречные каравана нагруженныхъ верблюдовъ. Да впрочемъ, чего тамъ верблюды! — достаточно, чтобы какойнибудь мулъ или ишачокъ, запрямясь, сталъ поперекъ переулка, глубокомысленно уставясь въ одну точку лбомъ, чтобы прекратить на нѣсколько минутъ по этому переулку всякое движеніе. Тутъ уже на бѣднаго ишача сыплются тычки, пинки и удары со стороны ближайшихъ къ нему прохожихъ, а онъ ни съ мѣста, пока не возьмется за него—одни за поводъ, другіе сзади—и не пропихнутъ его насильно на нѣсколько шаговъ впередъ. Но непріятнѣе всего бываетъ, когда въ такой давкѣ остановленные и скученные верблюды начинаютъ злиться. Тутъ, и безъ того уже недобрые глаза этого животнаго очень выразительно загораются гнѣвомъ, а въ глоткѣ у него начинаетъ при этомъ глухо клокотать слюна, смѣшанная съ отрыгнутою жвачкой, которая все больше и больше скопляется на его мясистыхъ отвислыхъ губахъ клубками грязной, вонючей пѣны, пока наконецъ не плюнетъ онъ въ какого-нибудь прохожаго. Хуже такого сюрприза на азіатскомъ базарѣ ничего уже и быть не можетъ. Запахъ этой густой липкой слюны такъ противенъ, что лучше сразу бросить облитое ею платье, чѣмъ дожидаться, пока онъ выйдетъ. Подобный плевокъ достался одному изъ нашихъ провожатыхъ казаковъ; бѣдняга не зналъ куда дѣваться и всю дорогу только чертыхался да ~~потираивался~~.

Тысячеголосый гомонъ и говоръ спяющей взадъ и впередъ толпы, разнообразныя возгласы и причитанія разносныхъ торговцевъ, рѣзкіе звуки увеселительной гурны какого-нибудь страивущаго артиста, ноющій речитативъ нищихъ и безобразное пѣніе календарей и дуванъ, глупый до смѣшного, истерически рыдающій вопль ишачковъ, визгъ и вой шныряемыхъ ногами бездомныхъ собакъ, капризный ревъ и вздыхающіе стоны усталыхъ верблюдовъ, вся эта масса нестройныхъ, дикихъ звуковъ шумно стоитъ подъ навѣсами крытыхъ базарныхъ рядовъ, гдѣ спертый воздухъ пропитанъ то чадомъ кунжутнаго масла и разныхъ смѣдей, то прянымъ запахомъ москательей, испареніями сырого свѣжеубойнаго мяса, сухой рыбы и вяленыхъ дынь и фруктовъ, то верблюдами и кожами, то наконецъ навозомъ и вонью никогда не просыхающей соломцовой грязи, которую снаружи лишь пробираетъ ночной морозъ, а къ полудню она уже оттаиваетъ. Чтѣ дѣлать! со всѣмъ этимъ приходится мириться ради своеобразной кра-

соты восточнаго базара, его пестрых лохмотьевъ и оригинальныхъ яркихъ красокъ, какія только на Востоку и можете вы встрѣтить.

Во время этой прогулки чуть не вышло у насъ комичное, но не совсѣмъ пріятное *qui pro quo*. Выйдя изъ ротонды Абдуллахъ-хана мы шли на своихъ верховыхъ лошадей и только-что тронулись далѣе, какъ видимъ, навстрѣчу намъ ѣдетъ, на богато убранномъ жеребцѣ, какой-то женственно красивый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ бѣлой кисейной чалмѣ и лазоревомъ парчевомъ халатѣ, подпоясанный богатымъ поясомъ съ бирюзовымъ наборомъ. Его окружала конная свита взрослыхъ и болѣе скромно одѣтыхъ людей, болѣею частью уже почтеннаго, а нѣкоторые даже старческаго возраста, и было ихъ человекъ восемь. Двое изъ нихъ очищали предъ мальчикомъ путь, разгоняя толпившихся зѣвакъ, а остальные съ подобострастно выжидающимъ вниманіемъ видимо старались ловить каждое слово, каждый взглядъ его, какъ бы для того, чтобы слѣбно предупредить малѣйшій его капризъ, малѣйшее желаніе. Многіе изъ базарной публики, широко ослабляясь, дружески кивали ему головой и дѣлали рукой привѣтственное движеніе, какъ бы посылая воздушные поцѣлуи.

— Должно быть принцъ какой нхній, ваше высокоблагородіе, — замѣтилъ мой слуга Сайфуддинъ Фаткуллинъ, бывшій гвардейскій кирасиръ изъ казанскихъ татаръ, который въ случаѣ надобности всегда служитъ мнѣ довольно хорошимъ переводчикомъ въ моихъ частныхъ сношеніяхъ съ туземцами.

Я и самъ въ первую минуту подумалъ, что принцъ, даже совсѣмъ было изъ головы вонъ, что у эмира въ настоящее время въ самой Бухарѣ нѣтъ ни одного сына. Всѣ мы уже приготовились было къ тому, чтобы посторониться и взять ему подъ козырекъ, какъ тотъ же Сайфуддинъ, перекинувшись двумя-тремя словами съ сопровождавшимъ насъ эсауль-баши, успѣшилъ предупредить насъ.

— Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородіе! Это совсѣмъ не принцъ, а такъ себѣ, — сказалъ онъ съ какою-то странной усмѣшкой.

И дѣйствительно, оказалось, что это не принцъ, а просто батча, окруженный своими поклонниками, изволивъ выѣхать на прогулку. Чортъ знаетъ что такое. И вотъ поклонники и вздыхатели повезли его на базаръ, чтобы побаловать разными подарками и тѣмъ заслужить его благосклонность. Чего бы ни пожелалъ онъ, все тотчасъ же является къ его услугамъ. Приглянулся ему богатый халатъ, чрезъ минуту кто-нибудь изъ свиты уже заплатилъ за него деньги и почтительно преподноситъ завернутый въ бумагу тючекъ; по-

правилась кашмирская чалма, сейчасъ чуть не вся свита наперебой другъ предъ другомъ стремится приобрести ее своему любимцу. Одинъ предлагаетъ ему халву, другой кинишъ, третій московскія конфеты отъ Сіу и всевозможныя лакомства, тотъ — дорогія матеріи, этотъ — золоченое ожерелье и разныя бездѣлушки, московскіе духи, помаду, мыло, всякіе косметики; словомъ, всѣ эти почтенные съ виду люди, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, зря швыряютъ бѣшенныя деньги и всенародно тратятся на смазливаго мальченку, какъ тратятся въ Европѣ на извѣстныхъ кокотокъ. Оказывается, что этотъ батча, въ своемъ родѣ, тоже мѣстная знаменитость, какъ пѣвецъ и танцовщикъ, и что въ источникъ такого баловства его главную роль играетъ не столько страсть, сколько лишнее тщеславіе его поклонниковъ: желаютъ, чтобы о нихъ поговорили на базарѣ, а здѣшній базарный толкъ, это все равно, что наша ежедневная «печатъ». Но замѣчательнѣе всего тотъ наивный, даже несознающій себя цинизмъ, съ какимъ публично продѣлываются здѣсь подобныя оказательства, а продѣлываются они постоянно: это заурядное явленіе, которымъ, очевидно, никто не стѣсняется и никто не находитъ въ немъ ничего зазорнаго. Замѣчательно еще то, что все это происходитъ въ тѣ самые часы и на томъ же самомъ базарѣ, гдѣ правительственный реисъ-и-шаріатъ, сей присяжный блюститель неукоснительнаго отправления религіозныхъ требъ и цензоръ общественной нравственности, дупитъ канчуками какого-нибудь перваго встрѣчнаго арбакеша, который не стѣсняется сказать ему нанзустъ «фарзеганъ» со всею точностью ¹⁾. Знающие люди увѣряютъ, будто тотъ же реисъ-и-шаріатъ, при встрѣчѣ на базарѣ съ тѣмъ же батчей, и не подумаетъ спросить у него, какъ, молъ, читается первая сура корана, а очень любезно пошлетъ ему воздушное привѣтствіе рукой ²⁾.

Здѣсь батчи составляютъ какъ бы особое, избранное и привилегированное общество. Они тратятъ большія деньги, причемъ нерѣдко третируютъ *en sapaille* своихъ вздыхателей, тогда какъ эти послѣдніе, словно особенной чести, добиваются знакомства съ ними и возможности пробѣхаться публично съ такимъ батчей по базару. Изъ-за нихъ нерѣдко пропсходятъ цѣлыя драмы, разстраивается семей-

¹⁾ По-арабски *фарзъ-уль-айнъ* значитъ главная обязанность, которая для каждого мусульманина заключается въ точномъ знаніи нѣсколькихъ обязательныхъ молитвъ и изреченій корана. Бухарское *фарзеганъ* есть то же самое *фарзъ-уль-айнъ*, искаженное мѣстнымъ произношеніемъ.

²⁾ Какъ курьезъ, и притомъ весьма характерный, можно вспомнить, что при покореніи русскими города Чимкента, батча тамошняго казія (судьи) самъ отправлялъ должность реисъ-и-шаріата.

ное счастье, люди состоятельные впадаютъ въ нищету... Кончается нерѣдко и трагедіей, когда въ порывѣ ревности соперники пырнуть одинъ другого ножами. Муллы-проповѣдники въ мечетяхъ, конечно, гремѣть противъ батчебазства громами своего краснорѣчія, но поэты и пѣвцы посвящаютъ и поютъ батчамъ сладкіе мадригалы, которые потомъ списываются, переписываются, заучиваются наизусть и далеко распространяются въ народѣ. Не всѣ, конечно, но избранные, то-есть особенно удачливые или особенно популярныя батчи роскошно живутъ и щеголяютъ на счетъ своихъ поклонниковъ въ парчахъ и бархатахъ, держать кровныхъ лошадей, посѣщаютъ другъ друга и принимаютъ гостей у себя. Ихъ обществомъ, иногда втихомолку, не брезгаютъ даже высшіе сановники Бухары, причемъ эти мальчишки нерѣдко оказываютъ тому или другому чиновнику даже покровительство по службѣ и берутъ съ нихъ за это хорошия взятки. Когда мы ѣхали кортежемъ къ кушъ-беги, намъ показали на одномъ изъ балконовъ въ улицѣ Кушъ-медрессы трехъ такихъ влиятельныхъ батчей, залитыхъ золотомъ и пурпуромъ парчи, когда они развлекали себя зрѣлищемъ нашего шествія. Говорятъ, что не мало ихъ есть и въ придворномъ штатѣ. Вообще быть замѣчательнымъ батчей, по здѣшнему, значить сдѣлать себѣ хорошую жизненную карьеру. Самые неудачливые изъ нихъ становятся впоследствии клоунами, маскар-базами, обучателями батчей или даггарачами, а кто успѣлъ составить себѣ нѣкоторый капиталъ, тотъ къ двадцати или двадцати двухлѣтнему возрасту женится, открываетъ какую-либо торговлю и становится купцомъ; иные же проскакиваютъ въ чиновники, въ офицеры, даже въ сановники, а впоследствии доходятъ иногда и до высшихъ степеней государственной іерархіи. Имѣя какихъ-нибудь двадцать лѣтъ отъ роду, они получаютъ, въ награду за свою «службу», какое-нибудь придворное званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ въ завѣдываніе и какую-либо часть дворцоваго управленія или хозяйства, или же назначаются въ провинціальныя города беками и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получаютъ благоволенія, чины, награды и вообще преуспѣваютъ, быстро двигаясь впередъ по лѣстницѣ карьеры и отличій.

По возвращеніи съ прогулки домой, мы нашли у себя во дворѣ цѣлый базаръ. Сюда собралась барышня и маляки-сводчики (*дал-ламы*) и привели съ собою верховыхъ лошадей съ цѣлью продать или промѣнять ихъ на нашихъ дареныхъ; другіе притащили каршинскіе и туркменскіе кофры и узорныя вышивки разноцвѣтными шелками по черной замшѣ для туфель и подушекъ, третьи разложили свертки шелковыхъ матерій, каваусы, адасы и бика-

сабы. Явились и мѣнялы съ русскими полуимперіалами, хотя и не знакомые съ берлинскою биржей, но отличные знатоки курсъ русскихъ бумажекъ. Явились и продавцы древнихъ монетъ съ изображеніями Искандерна-Зулькарнайна¹⁾ и разныхъ греко-бактрійскихъ царей; продавцы необдѣланной бирюзы и драгоценныхъ камней, довольно впрочемъ подозрительныхъ; продавцы оружія, перстней, печатокъ, ожерелій и разныхъ мелкихъ серебряныхъ вещей филигранной работы. Не обошлось и безъ «рѣдкостей и древностей», въ числѣ коихъ фигурировали: китайскій и русскій фарфоръ, шкатулки, никростирированныя индійскія шкатулки и бронзовый пастушокъ пѣ-подъ канделябра. Къ довершенію этого базара привалила и толпа нашихъ кумганщиковъ изъ мѣдно-чеканнаго ряда. У этихъ послѣднихъ я выбралъ себѣ нѣсколько дѣйствительно замѣчательныхъ вещей, какъ по ихъ старинѣ, такъ и по красотѣ формы и по изяществу гравюры и чекана. Сравнительно съ оружіемъ, эти вещи стоить здѣсь не особенно дорого, но все-таки мой замшевый тартукъ (кошель), наполненный серебряными тенгами, значительно пооблегчился. Вообще купцы запрашиваютъ и торгуются довольно долго и скучно, и все увѣряютъ при этомъ, что не смѣютъ запросить ни единой лишней копейки, такъ какъ за такой запросъ имъ по закону будутъ «голову рѣзать». При этомъ они, закрывая глаза, очень выразительно чиркаютъ себя указательнымъ пальцемъ по горлу. Однако же нашъ эсаулъ-баши, еще ѣдучи на базаръ, предупредилъ насъ насчетъ этого обычнаго маневра здѣшнихъ торгашей и объяснилъ, что божась и увѣряя, будто имъ за запросъ рѣжутъ головы, они тутъ-то именно и запрашиваютъ въ-три-дорога, но до сихъ поръ никто еще не рѣзалъ ихъ за это, хотя, по увѣренію все того же эсаулъ-баши, иные изъ нихъ и стояли бы такой операціи.

— Все это,—говорилъ онъ,—одна только пустая уловка, въ томъ расчетѣ, что, думая себѣ, коли, молъ, скажу про голову, то иностранный покупатель сейчасъ и повѣритъ и не станетъ больше торговаться. «Ложь полезная при спорѣ, но вредна для души»,—философски заключалъ онъ моралью извѣстной узбекской пословицы.

24-го января.

Мягкая погода. Легкій морозецъ умѣряется теплотворными лучами яркаго солнца.

Въ часъ два посольство со вчерашнею помпой отправилось съ визитомъ къ сыну кушъ-беги, Магометъ-Шерифъ-пнаку, который занимаетъ видный постъ главнаго вѣзетчи и казначея самого эмира, то-есть въ его рукахъ со-

¹⁾ „Зулькарнайнъ“ значить двурогій. Рогъ—выраженіе высшей степени силы и могущества. Этотъ эпитетъ обыкновенно придается въ Средней Азіи Александру Македонскому.

средоточивается главное управление по государственному сбору торговых и караванных пошлин, и числится он помощником кушбеги по финансовой части и по административному управлению городом, да кроме того он же и личный казначей его высокостепенства, выдающий всякия экстраординарные расходы.

Наша пристава на сей раз провела посольский кортеж кружными путями, по базарам и наиболее людным улицам, и даже одновременно предварила нас, что нам предстоит довольно длинная прогулка. Хотя гораздо проще было бы пройти кратчайшею дорогой, но цель приставы заключалась в том, чтобы побольше народу видѣло и толковало потомъ, что вотъ, молъ, русское посольство ѣдетъ на сѣмь и къ нашему Магометъ-Шерифу-пшаку, вотъ, молъ, какой онъ у насъ важный! Приставамъ, очевидно, хотѣлось угодишь пшаку такою «тонкою политикою» въ томъ расчетѣ, что это вѣроятно пощекочетъ приятнымъ образомъ его тщеславіе—черта чисто персидская—и такъ какъ желаніе ихъ было довольно невиннаго свойства, то и не было причины отказать въ немъ.

Живетъ пшакъ близъ урды ⁴⁾, въ улицѣ Арке-Васта, по той причинѣ, какъ объяснилъ онъ, что ему часто, иногда даже по нѣскольку разъ въ день, приходится ходить туда съ докладомъ. Арке-Васта пролегаетъ какъ разъ подъ стѣнами урды, и здѣсь очень удобно можно воочию убѣдиться въ искусственномъ прохожденіи холма, на которомъ она построена: въ его обсыпяхъ обнаруживаются мѣстами цѣлая система деревянныхъ скрѣпленій и бревенчатыхъ подпорокъ, съ лежащими на нихъ продольными и поперечными балками, концы которыхъ торчатъ наружу изъ-подъ толщи кургана. Извѣстно, что еще въ глубочайшей древности дворцы и замки восточныхъ владетелей какъ бы обязательно воздвигались, по выраженію Библии, «на высотахъ», то-есть на естественныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда природная мѣстность представляла собою гладкую равнину, какъ напримѣръ въ Вавилонѣ, строители прибѣгали къ искусственному возведенію холма, что и видимъ мы доселѣ не только въ урдинскомъ холмѣ Бухары, но и въ большинствѣ равнинныхъ замковъ этого ханства. Значитъ, не только идея, но вѣроятно и самый способъ постройки остались здѣсь и донынѣ, по нерушимому преданію старины, все тѣ же, что и въ отдаленнѣйшіе вѣка.

Инакъ принявъ насъ въ высшей степени радушно. Столъ у него очень изысканный—по восточному, разумеется—и разнообразный;

кушанья приготовлены были преимущественно по рецептамъ персидской кухни; самъ же хозяинъ—большой говорунъ и любитъ побесѣдовать. Разговоръ нашъ за завтракомъ вращался почти исключительно на высшей торговлѣ Бухарскаго ханства, причемъ Магометъ-Шерифъ сообщалъ намъ нѣсколько не безынтересныхъ свѣдѣній.

Болѣе всего заинтересовали насъ торговля сношенія Бухары съ Индіей, и по этой части мы узнали, что страны эти сносятся между собою главнѣйшими образомъ чрезъ Афганистанъ, откуда, по спускѣ съ горъ Бамианскимъ проходомъ, караваны слѣдуютъ на Мазари-Шерифъ и Балхъ къ Келифу, гдѣ караванный путь переходитъ на правый берегъ Аму-Дарьи, а отъ Келифа чрезъ Карши въ Бухару. Главнымъ предметомъ ввоза изъ Индіи служить, такъ называемый, актъ-чай, то есть бѣлый, извѣстный впрочемъ у насъ подъ названіемъ зеленого чая, который въ большомъ употребленіи не только между бухарцами, но и во всемъ туземномъ населеніи Средней Азии. Затѣмъ предметами ввоза являются: кубовая краска, идущая чрезъ Бухару въ Россію, и вообще красильныя вещества, лѣкарственные растенія и москательный товаръ, а изъ мануфактурныхъ произведеній, носящихъ общее названіе «кабули», хотя бы они все и не относились къ произведеніямъ самаго Кабула, идутъ: кисей, кинкабъ, шарча, кашмирскія шали для халатовъ, чалмы и поясовъ и нѣкоторыя лѣтнія англійскихъ фабрикъ, преимущественно стальные. Вывозятъ же изъ Бухары въ Афганистанъ и Индію шелкъ-сырецъ и овечьи шкуры, въ особенности мерлушку, а также и русскіе товары, между коими видную роль играетъ фарфоръ, въ видѣ чайниковъ особой формы ¹⁾ и большихъ чашекъ, какія у насъ называются полоскательными; затѣмъ самовары, сундуки съ оковкой, прутковое и полосовое желѣзо, чугунные котлы, папиросы и спички—послѣднія преимущественно двухъ фабрикъ: Ворожцовою въ Ирбитѣ и Гезена и Митчинсона въ Москвѣ. Вывозятся также, хотя и въ меньшемъ сравнительно съ названными товарами количествѣ, наши мануфактурныя издѣлія, въ особенности клѣтчатыя шерстяныя и пенковые чалмы, а также чалмы кисейныя, вышитыя по концамъ золотою битью. Тѣ и другія какъ здѣсь, такъ и въ Афганистанѣ очень нравятся и раску-

¹⁾ Чайники эти имѣютъ продолговатую, яйцеобразную форму и разрисовываются букетами по темно-голубому или темно-малиновому фону. Вообще какъ по формѣ, такъ и по исполненію рисунка они довольно изящны и проникаютъ далеко въ глубины Индіи. Можетъ быть случайно, но одинъ изъ подобныхъ экземпляровъ мнѣ довелось встрѣтить, въ 1880 г., даже въ Сингапурѣ. Помню, тогда я обратилъ на него вниманіе за этотъ прекрасный темно-голубой цвѣтъ, но только въ то время никакъ не думалъ, что предо мной русское произведеніе.

⁴⁾ Урда—цитадель, окружающая дворцовый замокъ, аркъ

паются предпочтительно предъ прочими привозными надѣльями сего рода, не исключая и английскихъ. Причина, какъ уже говорилъ я и раньше, заключается въ томъ, что наши фабриканты до сихъ поръ еще умѣютъ болѣе европейскихъ угождать азиатскому вкусу и соображаться съ потребностями тамошняго мусульманина. Насколько это важно, примѣромъ служить, между прочимъ, одинъ фактъ, замѣченный еще въ 1840 году Н. Ханьковымъ и не забытый въ Бухарѣ даже до настоящаго времени. Въ то время навезли туда изъ Пешавера чрезъ Месхедъ много шалевыхъ чалмъ и поясовъ англійскаго издѣлія, и именно глазговскихъ фабрикъ, но всѣ эти издѣлія рѣшительно не пошли въ продажу, несмотря на всю свою добротность и красоту, тогда какъ наши клѣтчатыя чалмы раскупались отлично. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что на глазговскихъ шалахъ были вышиты птицы; мусульманинъ же, по закону, не можетъ во время молитвы имѣть на себѣ никакихъ изображеній изъ міра животнаго. Съ тѣхъ поръ за нашими клѣччатыми шальми установилась въ Бухарѣ такая прочная репутація, что въ теченіе сорока лѣтъ ничьи усилія не могли пошатнуть ее. Другой примѣръ, замѣченный тѣмъ же Ханьковымъ, представляетъ нашъ сахаръ въ маленькхъ головкахъ, какія въ самой Россіи вы рѣдко гдѣ встрѣтите, тогда какъ здѣсь ихъ сколько угодно. Дѣло въ томъ, что при достарханѣ одарить почетнаго гостя сахаромъ считается у азиатовъ выраженіемъ, такъ сказать, *du haut genre*; но дарить кусками, отрубленными отъ головы—это уже неприлично, надо дарить цѣлую голову, а это убыточно, въ особенности при здѣшней дороговизнѣ сахара. Наши заводчики смекнули въ чемъ тутъ суть и стали отливать специально для Средней Азіи маленькія головки отъ двухъ до пяти фунтовъ—и съ тѣхъ поръ дѣло ихъ даже до сего дня процвѣтаетъ здѣсь отлично. Вся штука въ томъ, чтобы въ-время умѣть приноровиться не только къ потребителямъ, но и къ самымъ прихотямъ потребителя.

Афганстанъ по внѣшней торговлѣ отчасти является экономическимъ данникомъ Бухары, такъ какъ ему приходится значительно приплачивать ей за вывозъ. Это обыкновенно въ томъ случаѣ, если верблюдъ, привезшій изъ Кабула въ Бухару акъ-чай или москатель, въ среднемъ количествѣ до 16 пудовъ ¹⁾, нагружается для обратнаго слѣдованія въ Кабулъ такимъ же количествомъ пудовъ шелка, который составляетъ главнѣйшій предметъ вывоза изъ Бухары въ Индію. Для нагляднаго сравненія—вотъ цѣны:

Пудъ привозной кубовой краски обыкновенно

стоить 6½ тиллей (27 р. 30 к. металл.), пудъ акъ-чая, въ четырехъ 10 ти-фунтовыхъ ящикахъ,—20 тиллей (84 р. металл.). Пудъ бухарскаго сырцоваго шелку—отъ 28 до 32 тиллей (117 р. 60 к.—134 р. 40 к. металл.); пудъ бухарскаго обработаннаго шелку—отъ 40 до 48 тиллей (168 р.—201 р. 60 к. металл.).

Стало быть разница въ пользу Бухары на каждомъ пудѣ названныхъ товаровъ будетъ: минимальная въ 4½ тиллей (174 р. 30 к. металл.), а максимальная въ 53½ тиллей (222 р. 60 к. металл.). Годовой же грузъ акъ-чая, ввозимаго въ Бухару, подымается на 5,000 верблюдахъ, что составляетъ 80,000 пудовъ, на сумму 6,720,000 р. металл. Для Бухары, изъ которой этотъ продуктъ расходится уже по всей Средней Азіи, не исключая и нашихъ степеней, оно конечно выгодно; но нельзя не замѣтить, что англичане, благодаря этому ввозу своего зеленого чая, съ которымъ вмѣстѣ проникаютъ сюда въ извѣстномъ количествѣ и китайскіе черные чай, совершенно вытѣснили со средне-азиатскихъ рынковъ русскую чайную торговлю, которая въ старые годы была здѣсь весьма значительна, а теперь если и держится еще кое-какъ въ нашихъ собственныхъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, то только для потребностей мѣстнаго русскаго населенія.

Съ прочими предметами отпускной торговли бухарскіе купцы въ Индію сами не ѣздятъ, а довозжаютъ только до Балха или до Мазари-Шерифа, гдѣ ихъ товары принимаютъ уже купцы кабульскіе (преимущественно) и индійскіе.

Индусы (*мултанцы*), живущіе въ Бухарѣ, кромѣ ростовщичества, занимаются еще торговлей комисіонерствомъ и оптовою закупкой шелка, хлопка, риса, пшеницы и ячменя, каковыя продукты и держатъ въ своихъ складахъ въ ожиданіи неурожайнаго года въ Бухарѣ ли, въ Афганстанѣ или Индіи, и тогда сбываютъ свои запасы по сильно возвышенной цѣнѣ туда, гдѣ въ нихъ оказывается наиболѣе настоятельная потребность. Въ обыкновенное же время, чтобы товаръ излишне не залеживался, они спускаютъ его по нормальной цѣнѣ, осѣкая по мѣрѣ надобности свои склады новыми запасами.

Въ настоящее время, по словамъ Магометъ-Шерифа, особенно много каравановъ идетъ изъ Россіи: каждый день прибываютъ въ Бухару все новыя и новыя ихъ партіи, но привозъ этотъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершается не русскими, а бухарскими купцами, которые для этого нарочно сами ежегодно ѣздятъ въ Хиву, Оренбургъ, Нижній и Москву, и съ нихъ, какъ съ мусульманъ, взимается только 2½% пошляны, тогда какъ съ немусульманъ—5%.

¹⁾ Хорошіе, сильные верблюды, какъ напримѣръ бухарскій *маръ*, подымаютъ отъ 18 до 20 пудовъ влад.

По возвращении от Магометъ-Шерифа, мы застали у себя на айванѣ нѣсколько покупщиковъ, желавшихъ приобрести вещи, полученные нами въ даръ отъ эмира и его бековъ. Такъ какъ съ заявленіемъ о желаніи сбыть ихъ частный ординарецъ князя обращался къ нашимъ приставамъ еще вчера, то по ихъ докладу Магометъ-Шерифъ прислалъ сегодня къ намъ присяжного цѣновщика, по имени Маассума, и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ для контроля, а Маассумъ оповѣстивъ подъ рукой о предстоящемъ торгѣ нѣсколькихъ своихъ пріятелей, которые и явились теперь въ роли покупателей. Но всѣ эти господа, не исключая и контролеровъ, на столько оказались въ стачкѣ между собою, что явно гнали со двора всякаго не принадлежащаго къ ихъ компаніи конкурента изъ базарныхъ купцовъ, узнаваемаго стороной о предстоящемъ торгѣ и явившагося сюда безъ приглашенія, помимо Маассума. А такихъ набралось съ десятокъ, и хотя курбаши отгоняли ихъ прочь, но съ помощью всемогущаго селяу (подачки), сунутаго тайкомъ въ руку того или другого полицейскаго, однимъ изъ нихъ все-таки удавалось проскальзывать къ айвану, гдѣ съ чиновничьею важностью неторопливо шла оцѣнка. Съ одной стороны на подостланныхъ коврикахъ усаживъ полукругомъ покупателей, а напротивъ ихъ частный ординарецъ князя, хоруний Асланбекъ Карамурзаевъ, съ помощью двухъ княжескихъ джигитовъ, раскладывалъ предъ ними блестящіе попоны, бирюзовые уздечки, кашмирскія шали, свертки дорогихъ матерій, богатые ковры, и сортировалъ по категориямъ вороха и тюки халатовъ, начиная съ роскошныхъ бархатныхъ, рельефно расшитыхъ чистымъ серебромъ и золотомъ и продолжая дивными кашмирскими, затѣмъ просто бархатными, атласными, парчевыми, шайновыми и наконецъ адрасовыми. Нѣсколько въ сторонѣ, между нимъ и покупателями сидѣли на корточкахъ цѣновщикъ Маассумъ и чиновники-контролеры, которые все что-то записывали на листахъ бумаги, положенныхъ къ себѣ на колѣни. Этотъ Маассумъ, длинный и тонкій какъ жердь, съ условатыми плечами и локтями, съ уклончивымъ, напогда не глядящимъ прямо и жесткимъ взглядомъ маленькихъ глазъ невольно производилъ своею наружностью впечатлѣніе самой продувной бести. Каждую развернутую предъ нимъ вещь онъ подозрительно оглядывалъ со всѣхъ сторонъ, переворачивалъ наизнанку, разсматривалъ на свѣтъ, словно въ числѣ этихъ подарковъ могла быть какая-нибудь ветошь, и затѣмъ со скромною, почти иезуитскою манерой, тихо и кротко, безапелляционнымъ тономъ изрекалъ ей оцѣнку, и контролеры тотчасъ же спѣшили записать произнесенный имъ приговоръ. Покупщики же въ это время молчаливо сидѣли, не перемѣняя своихъ

позъ да попивая изъ полоскательныхъ чашекъ зеленый чай, выставленный для нихъ нашими приставами, и тихо какъ гипсовые котики поматывали головами, когда Маассумъ объявлялъ цѣну той или другой вещи. Для художника-жанриста это была бы очень характерная и яркая по своимъ краскамъ картинка изъ восточнаго быта. Вся эта комедія тянулась довольно долго, а монотонное теченіе ея на минуту нарушалось оживленнымъ споромъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Асланбекъ, озадаченный черезчуръ уже низкою оцѣнкой какой-либо вещи, явно несообразною съ ея достоинствомъ, заявлялъ свой протестъ Маассуму. Въ этихъ случаяхъ покупщики, прикладывая руку къ сердцу, всѣ въ одинъ голосъ начинали божиться и увѣрять, что, напротивъ, оцѣнка эта самая добросовѣстная, даже щедрая, даже гораздо выше рыночной цѣны, да иной и быть не можетъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣмъ имъ головы будутъ рѣзать. Къ спору присоединялись наконецъ и сами контролеры, заявляя, что въ ихъ присутствіи не можетъ выйти никакой фальши, такъ какъ они нарочно затѣмъ и сидятъ здѣсь, чтобы записывать цѣны и повѣрять какъ цѣновщика, такъ и покупателей, и что всѣ ихъ записи обязательно должны быть представлены потомъ на просмотръ самому эмиру, который за малѣйшую несправность всѣхъ ихъ будетъ казнить безпощадно, всѣмъ головы рѣзать. Одинъ только Маассумъ даже и въ эти минуты оставался невозмутимо спокоенъ, и деревянными своимъ тономъ отчеканивалъ разъ уже сказанную цѣну. Но что всѣ они лгали самымъ безсовѣстнымъ образомъ, въ силу правила, по которому рука руку моетъ, чтобы обѣ чисты были, въ томъ можно было убѣдиться тутъ же не уходя съ посольскаго двора, такъ какъ въ это же самое время другіе, такъ сказать, посторонніе покупщики, недопускаемые на айванъ, но успѣвшіе пробраться на конюшій дворъ, предлагали за тѣ же вещи болѣе выгодную цѣну. Такъ напримѣръ, за адрасовые халаты они давали нашимъ казакамъ и джигитамъ по 30 тенговъ за каждый, тогда какъ Маассумъ назначалъ за нихъ только по 24 тенги. Равнымъ образомъ, въ его же оцѣнкѣ, парчевые халаты пошли у Асланбека по двѣнадцати рублей, тогда какъ на базарѣ аршинъ русской парчи стоитъ 2½ р. металлическихъ, а идетъ ее на халатъ 12 аршинъ;—значить одинъ матеріалъ стоитъ 30 р., не считая адрасовой подкладки, аграманту и проч. Вслѣдствіе этого они оцѣнили Асланбеку вещи всего лишь въ 7.000 руб., тогда какъ дѣйствительную стоимость ихъ надо класть по крайней мѣрѣ въ 15 тысячъ. Понятно, что контролеры могли писать въ своихъ отчетахъ какіе имъ угодно цифры, если только отчеты эти дѣйствительно представляются эмиру, какъ понятно и то, что

покупщики, получивъ товаръ за столь выгодную цѣну, не оставили, конечно, безъ хорошаго вознагражденія труды Маассума и контролеровъ.

Предлагали было эти господа и мнѣ продать имъ свои вещи, но я поблагодарилъ ихъ объяснивъ, что моихъ вещей вовсе не такъ много, чтобъ онѣ могли представить собою для покупателей какой-либо существенный интересъ. Да и кромѣ того, все что было у меня лучшаго, я еще раньше рѣшилъ оставить у себя, для обстановки своего азиатскаго кабинета, а все излишнее мой Сайфуддинъ продалъ въ послѣдствіи, при подходящемъ случаѣ, частнымъ покупателямъ, сравнительно за гораздо большую цѣну.

Думали мы, что кушъ-беги сегодня оплатятъ намъ визитъ, однако же, этого почему-то не случилось.

Вечеромъ приходили къ князю съ заявленіемъ своихъ нуждъ проживающіе въ Бухарѣ русскіе комиссіонеры и приказчики нашихъ купцовъ, но въ чемъ эти нужды—пока еще не знаю.

25-го января.

Сегодня утромъ князь сказалъ мнѣ, что ему надо еще переговорить насчетъ телеграфа съ Магометь-Шерифомъ, но что при этомъ онъ желалъ бы на сей разъ устранить нашего officialнаго переводчика майора Байтокова отъ необходимости присутствовать въ своей роли при этомъ свиданіи, долженствующемъ носить совершенно интимный конфиденціальный характеръ, и думаетъ обойтись для экспликацій съ однимъ своимъ частнымъ ординарцемъ. Поэтому князь предложилъ мнѣ ѣхать осматривать достопримѣчательности города и взять съ собою майора Байтокова, который, кстати, предваренъ уже о томъ, что не поѣдетъ съ княземъ, а отправится со мной. Такъ какъ телеграфный вопросъ, въ особенности послѣ столь категорическаго рѣшенія его самимъ императоромъ еще въ Шаарѣ, уже не представлялъ (по крайней мѣрѣ для меня) никакого больше интереса, да и не былъ специально порученъ мнѣ генералъ-губернаторомъ, то я съ величайшимъ удовольствіемъ воспользовался столь любезно и такъ кстати предоставленною мнѣ возможностью осмотрѣть столицу Бухарскаго ханства.

Выѣхали мы съ майоромъ въ десять часовъ утра. Сопровождали насъ два эсаулъ-баши, въ качествѣ проводниковъ, да нѣсколько конвойныхъ казаковъ и джигитовъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію осматриваемыхъ нами достопримѣчательностей, мнѣ хотѣлось бы отчасти познакомить читателя съ нѣкоторыми, далеко не безынтересными свѣдѣніями о судьбахъ этого города. Тутъ будетъ немножко географіи, немножко статистики и кое-что изъ истории.

Городъ Бухара лежитъ подъ 39°46' сѣвер-

ной широты, то-есть почти на одной параллели съ Неаполемъ, сѣверной Испаніей, Сян-синати, Филадельфіей и Пекиномъ. Въ немъ считается 360 улицъ и переулковъ, шириной отъ полутора аршина до трехъ сажень, и столько же мечетей — по одной на каждую улицу, — такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ бухарцы. Число городскихъ жителей опредѣляется приблизительно въ 70.000 человекъ, но судя на-глазъ, по уличному и площадному движенію, надо думать, что ихъ гораздо больше. Я полагаю, что цифра около 100.000 будетъ наиболѣе близкою къ истинѣ¹⁾. Городъ лежитъ въ сторонѣ отъ Зарявшана, на искусственно проведенномъ изъ этой рѣки каналѣ Шахри-рудъ, который втекаетъ въ его застѣнную часть съ восточной стороны, между Каршинскими и Мазарскими воротами, а вытекаетъ изъ оной у воротъ Талипачъ, на западномъ фасѣ стѣны, раздѣляя городъ на двѣ почти равныя между собою части—сѣверную и южную. Въ чертѣ города ширина Шахри-руда не вездѣ одинакова: гдѣ пять, гдѣ семь сажень; но за предѣлами стѣны онъ упирается вскорѣ до десяти, а мѣстами до двѣнадцати сажень, глубина же его вообще не превышаетъ семи футовъ. Не считая питаемыхъ имъ загородныхъ арыковъ, орошающихъ множество окрестныхъ садовъ и плантацій, изъ него въ чертѣ самого города истекаетъ въ разныхъ направленіяхъ много побочныхъ канавъ и канавокъ, проводящихъ воду въ городскіе пруды (*хаузы*), которые, въ числѣ 83, разсѣяны по разнымъ частямъ и кварталамъ Бухары, преимущественно же въ ближайшемъ сосѣдствѣ нѣкоторыхъ медресе и мечетей. Но вода впускается въ Шахри-рудъ изъ Зарявшана не постоянно, а лишь по мѣрѣ надобности — зимой не болѣе двухъ, а лѣтомъ четырехъ разъ въ мѣсяцъ для освѣженія хаузовъ и побочныхъ арыковъ²⁾. Поэтому вода въ городѣ не только неблагоприятна, но даже прямо вредна для здоровья и служитъ спеціальною причиною *ришты*, особенной болѣзни, которою страдаютъ мѣстные жители и о которой будетъ сказано ниже. Но, кромѣ плохой воды, на гигиеническія условія городской жизни, вѣроятно, не остается безъ вліянія и то обстоятельство, что здѣсь, внутри самаго города, находится семнадцать болѣе или менѣе значительныхъ кладбищъ, не считая

¹⁾ Относительно собственно застѣннаго города. Пригороды и подгородные кишлаки въ этотъ расчетъ не входятъ.

²⁾ При истокѣ Шахри-руда устроена плотина, отдѣляющая его отъ Зарявшана. Всякій разъ, что надо впустить свѣжую воду, плотину эту прокапываютъ и затѣмъ, напустивъ воды сколько нужно, тотчасъ же снова закрываютъ хворостомъ и землей. Для присмотра за этими работами и регуляціи орошенія существуетъ особый чиновникъ, *мирабъ*, въ вѣдѣніи коего находится нѣсколько помощниковъ и рабочіе люди, содержимые на счетъ правительства.

тѣхъ, что примыкаютъ къ его стѣнамъ съ наружной стороны, и тѣхъ, что разсѣяны въ ближайшихъ окрестностяхъ. Изъ городскихъ кладбищъ наиболѣе замѣчательны Хазрати-Ишанья-Имля, или царское, находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ посольскимъ домомъ, и Аспъ-Гарданъ, неподалеку отъ урды, въ сѣверо-западномъ концѣ города. Последнее славится въ особенности тѣмъ, что имѣетъ будто бы свойство исцѣлять больныхъ лошадей; поэтому около него всегда можно встрѣтить нѣсколько убогихъ и хромыхъ влячъ, по-нуру стоящихъ для водимыхъ за поводъ около могилкохъ.

О количествѣ городскихъ базаровъ и караванъ-сараявъ говорилось уже выше, а теперь, чтобы покончить съ городской статистикой, скажу вкратцѣ, что главныхъ мечетей или такъ называемыхъ месджиди-джумаа здѣсь находится 8, медресе 103, изъ коихъ 60 считаются главными, а начальныхъ школъ, или мехтебовъ, говорятъ, будто столько же, сколько и мечетей, то есть 360. Наконецъ, общественныхъ бань, которыя считаются лучшими — 16; но съ насъ довольно уже было знакомства и съ шаарскою «лучшею» баней, чтобы не продолжать его съ бухарскими. Вотъ и все, что пока извѣстно намъ о статистикѣ города, а потому перейдемъ къ его исторіи.

У бухарцевъ до сихъ поръ сохранились не только усныя, но и письменныя преданія о томъ, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Бухара, въ древности было большое озеро, широко поросшее вокругъ береговъ камышами. Наршахи въ своей «Книгѣ новостей бухарскихъ» («Китабъ-и-Абхаръ-и-Бухара»), ссылаясь на «Хезанъ Ульгудумъ» («Сокровища Мудрости»), сочиненіе Абдурахмана Нишабури, рассказываетъ, что «площадь, занимаемая нынѣ городомъ Бухарой, была водоемомъ и покрывалась частью камышами, частью лѣсомъ и кустарниками, а въ нѣкихъ мѣстахъ и верблюдъ не могъ перейти въ бродъ». Происхожденіе этого водоема Абдурахманъ Нишабури объясняетъ тѣмъ, что «въ сторонѣ Самарканда (то есть въ восточной) таюціе горныя свѣга образовали большую рѣку, которая и находится близъ Самарканда, и ее называли Мазафъ. Воды въ ней было много, и вода эта увлекала съ собою много глины, которая и наполняла котловину названнаго выше водоема, скопляясь въ ней все болѣе и болѣе съ каждымъ наплывомъ весеннихъ водъ, пока наконецъ не наполнила ее всю доверху. Тогда земля выровнялась, и вода высохла, а мѣсто это назвалось Бухарой; рѣка же получила названіе Согда» (нынѣшній Заравшанъ). Далѣе Наршахи рассказываетъ, что первые обитатели сихъ мѣстъ были пришедшіе съ запада таджики, которые нашли здѣсь болото, покры-

тое густыми камышами и служившее логовищемъ для разныхъ дикихъ звѣрей. Эти таджики впервые начали обрабатывать берега названнаго болота, которое въ тѣ времена еще настолько было богато водой, что въ избытокъ давало ее для орошенія ихъ полей и садовъ. Естественнo, что чѣмъ болѣе проводилось оросительныхъ каналовъ, тѣмъ меньше становился въ котловинѣ запасъ воды, пока наконецъ не осушилось такимъ образомъ все болото, и очень возможно, что озеро Кунджа (Кунджа-куль), еще и донынѣ сохранившееся въ юго-восточныхъ окрестностяхъ Бухары, близъ Каршинской дороги, равно какъ и тѣ камышевые заросли, что встрѣчаются тамъ и сямъ въ городскихъ предмѣстьяхъ, въ особенности въ ихъ южной части, суть не иное что, какъ остатки того первобытнаго озера, о которомъ повѣствуютъ Абдурахманъ и Нишабури и Наршахи. Да и самая глинисто-солонцеватая почва города и его окрестностей отнюдь не отвергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ справедливость древняго преданія.

Организовавшись въ охотное общество, жители сего мѣста вскорѣ выбрали себѣ изъ своей же среды старѣйшину-правителя (біа), по имени Аберци, который жилъ въ городѣ Бйкендѣ¹⁾, такъ какъ Бухара въ то время еще не существовала. Построилъ же ее, по преданію, разсказанному у Наршахи, Сіаушъ, сынъ Иранскаго царя Кайкоуса, который, бѣжавъ отъ гнѣва своего отца изъ Ирана за рѣку Джигхунъ (Аму-Дарью), явился къ царю туранскому Афросіабу. Этотъ послѣдній оказалъ ему большой почетъ и даже женилъ его на своей дочери, за которой далъ въ приданое удѣлъ. Желая оставить по себѣ память Сіаушъ построилъ на территоріи этого удѣла замокъ и городъ, назвавъ его Бухарой. Что касается этимологіи этого слова, то у каракиргизовъ «бухарой» называется простой народъ, черны; по-монгольски же «бухара» значитъ городъ храмовъ²⁾.

Древній иранскій религіозный культъ впоследствии уступилъ здѣсь мѣсто зороастризму, который прекрасно уживался въ Средней Азіи съ буддизмомъ, проникшимъ сюда гораздо ранѣе Зороастрова ученія, какъ ужился впоследствии и съ христианствомъ Несторіанскаго толка. Буддизмъ оказывалъ свое вліяніе на Туранъ еще въ очень раннія эпохи, что находилось въ прямой зависимости отъ всегдашнихъ сношеній Турана съ Тибетомъ и Китаемъ³⁾. Весьма значительная часть туран-

¹⁾ Бй или бей значитъ старшина, родоправитель, князь, а кендъ—поселеніе, городъ.

²⁾ По-монгольски словомъ *бухаръ* называется всякій буддійскій храмъ и монастырь.

³⁾ Эти сношенія, о которыхъ свидѣтельствуеъ „Шахнаме“ („Книга Царей“), фактически подтвердились нашими самаркандскими раскопками 1883 года на древнемъ городищѣ Афросіаба: китайскія

скаго населения послѣ смерти Кай-Хосру (Кира) уже исповѣдывала буддизм¹⁾. Поэтому очень возможно, что названіе «Бухара» имѣетъ монголо-буддійское происхождение. Весьма вѣроятно, что въ ней было нѣсколько буддійскихъ храмовъ и монастырей (бухаровъ), какъ впоследствии были и христіанскія церкви²⁾.

монеты были находимы нами въ глубокихъ слояхъ первобытныхъ человѣческихъ поселеній этого мѣста.

¹⁾ См. „Eranische Altherthumskunde“, профессора Фр. Шпигеля, стр. 663.

²⁾ Что касается христіанства, то надо сказать, что до покоренія Средней Азіи въ VI вѣкѣ арабами, оно дѣлало здѣсь значительные успѣхи. Гонимые изъ Византіи несторіане уходили все далѣе и далѣе на востокъ, проникая до береговъ Окса и Яксарта (Сыръ-Дарья) и повсюду пробравъ себя новыхъ послѣдователей. Въ 334 году по Р. Х. уже существовала архіепископская кафедра въ Тусѣ и Мервѣ, а съ 420 года Мервѣ сдѣлался мѣстомъ постоянного пребыванія митрополитовъ средне-азіатскихъ. Въ Трансоксаниі же центромъ христіанства была Самаркандъ, гдѣ, по свидѣтельству сирийскихъ источниковъ, епископія существовала съ 411 года. Есть также свидѣтельства (Косма и Наршахи) о христіанахъ на берегахъ Окса въ VI вѣкѣ нашей эры, и Наршахи между прочимъ рассказываетъ, что арабы, покоривъ городъ Бухару, нашли въ немъ *кешкуановъ* (кешкуанъ—значитъ странникъ) и что люди тѣ были не изъ туземцевъ, равно и не арабскаго происхожденія, а по религіи не принадлежали ни къ магометанству, ни къ огнепоклонству; пришли же они нѣкогда изъ западныхъ странъ и поселились въ Бухарѣ, гдѣ занимались торговлей и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Когда арабскій военачальникъ Кутейбе-бень-Муслимъ, по вѣзгн Бухары, приказалъ мѣстнымъ жителямъ уступить его войнамъ половину своихъ домовъ, то у кешкуанъ велѣлъ онъ отобрать все ихъ городское имущество. Вслѣдствіе этого они выселились за городъ, въ ближайшія его окрестности и вскорѣ развели тамъ прекрасные сады, построили себѣ домовъ и киосковъ, но впоследствии, при окончательномъ изгнаніи ихъ арабами, у нихъ и это имущество было отнято и продано за дорожную цѣну. Въ III вѣкѣ Геджры значительная христіанская община удержалась только близъ Самарканды, въ мало доступныхъ горныхъ гнѣздахъ, среди скалистыхъ ущелій и тущобъ Зардгирды. Но въ восточныхъ частяхъ Туркестана христіане держались еще до конца XIII столѣтія и жили спокойно, не подвергаясь преслѣдованіямъ при владычествѣ буддистовъ-монголовъ. По рассказу Наршахи, въ 279 (892—93) году эмиръ Измаиль, изъ династіи Саманидовъ, по вступленіи на престолъ, въ знакъ благодарности халифу Багдадскому за утвержденіе его въ санѣ эмира, предпринялъ священную войну противъ христіанскаго Таваза, который лежалъ на северной границѣ его царства, гдѣ находится городъ Хазраты Туркестанъ нынѣ нашъ убадный городъ. Покоривъ его, Измаиль обратилъ въ мечеть его большую церковь, существующую и понынѣ. Послѣ того, еще въ X—XI вѣкѣ между югурами (тюркское племя), жившими въ окрестностяхъ города Туркестана, было много христіанъ. Тюркскія племена, наймавъ и кавгалы также исповѣдывали христіанство, о чемъ находятся положительныя свидѣтельства у Джувейни въ его сочиненіи „Джиганкушъ“, и были они христіанами еще въ 1338

Въ самый ранній періодъ исторической жизни Бухары мы уже встрѣчаемъ тамъ женщину на политическомъ поприщѣ, въ роли правительницы. По словамъ Наршахи, то была вдова владѣтельнаго князя бухарскаго Бендуна, по имени Хатунъ, правившая сначала за малолѣтствомъ своего сына, а потомъ и послѣ его совершеннолѣтія. Наршахи рассказываетъ о ея необыкновенной красотѣ, мудрости, правосудіи и великолѣпнн ея двора. Правленіе ея продолжалось болѣе пятидесяти лѣтъ и было ознаменовано первымъ появленіемъ въ ея государствѣ завоевателей-арабовъ, съ которыми она вела продолжительную войну, пока наконецъ эти пришельцы не сломали упорное сопротивленіе бухарцевъ. Этою женщиной оканчивается фактическое господство первыхъ династій Бухары: слѣдовавшіе за нею князья получали отъ магометанскихъ завоевателей только титулы, но не власть правителей. Насильственно обращенные въ исламъ, они придерживались его только наружно, а тайнѣ продолжали исповѣдывать прежнюю свою зороастрическую религію. Долго не прививался насильственно введенный исламъ къ Центральной Азіи и вначалѣ повсюду былъ встрѣченъ въ ней крайнею непріязнью. Долго не поддавалась и Бухара религіозной пропагандѣ арабовъ. Четыре раза склонялся предъ силой вторгавшихся въ нее завоевателей, она каждый разъ по вѣншности подчинялась ихъ религіи, но затѣмъ при первой малѣйшей возможности отпадала отъ нея и возвращалась къ древнему огнепоклонству. Даже и послѣ четвертаго разгрома войсками Кутейбе-бень-Муслима въ 91 г. Геджры (709 по Р. Х.) населеніе Бухары, опять насильственно обращенное въ исламъ, тѣмъ съ большимъ усердіемъ продолжало собираться для служенія древнему своему культу по ночамъ, въ глухихъ мѣстахъ, въ тайникахъ и подземельяхъ. Въ Бухарѣ даже и по сей день существуетъ подземный храмъ, сохранившій еще отъ тѣхъ временъ названіе мечети огнепоклонниковъ—месджиди Моганъ. Борьба двухъ культовъ была упорна и продолжительна. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій поселившіеся въ Бухарѣ арабы не могли показываться на улицахъ и въ мечетахъ иначе, какъ въ полномъ вооруженіи, въ полной готовности къ бою, несмотря на то, что туземцы съ самаго начала были поголовно обезоружены побѣдителями и долго еще послѣ своего обращенія въ магометанство не

году; но рядъ религіозныхъ войнъ повелъ къ насильственному обращенію ихъ въ мусульманство и съ теченіемъ времени истребилъ всѣ корни христіанства въ Средней Азіи. Въ Ташкентскомъ музее находится нѣсколько предметовъ, и въ томъ числѣ одна мечеть, съ христіанскими изображеніями, крестами и т. п., найденныхъ близъ Самарканды, Исыкъ-Куля и въ другихъ мѣстностяхъ.

смѣли ни носить, ни хранить у себя дома никакого оружія. Тѣмъ не менѣе между арабами и новообращенными бухарцами безпрестанно происходили кровавыя уличныя драки и жаркія схватки, пока наконецъ завоеватели не отняли у туземцевъ всю ихъ недвижимую собственность и не подѣлили весь городъ съ его окрестностями между собою. Тогда-то были обращены въ мечети и подземный храмъ огнепоклонниковъ, и христіанская церковь въ загородной части Бухары. Такъ же было поступлено и съ Самаркандомъ.

Послѣ четвертаго разгрома Бухары, политическія и религіозныя замѣшательства въ ней во время господства арабовъ длились еще болѣе полутора столѣтій. Но наконецъ исламъ одолѣлъ, и вотъ, при эмирѣ Измаилѣ, челоувѣкѣ иранскаго происхожденія, изъ династіи Саманидовъ ¹⁾, мы уже видимъ Бухару «благороднѣйшею опорой ислама», хотя и не въ арабскомъ, а въ иранскомъ духѣ, все-таки сохранившемъ въ себѣ живую струю зороастрическаго міросозерцанія. Въ эпоху Измаила Бухара сдѣлалась центромъ духовныхъ стремленій и дѣйствій, одушевлявшихъ тогда восточную часть магометанскаго міра. Древнюю свою репутацію «столицы наукъ» она сохранила за собою и въ это время, но дѣятельность ея ученыхъ была теперь направлена преимущественно въ теософическую сторону, въ силу чего городъ не только прославился своими религіозными знаменитостями, но и сдѣлался предметомъ зависти для прочихъ центровъ ислама, какъ въ центральной, такъ и въ западной Азіи, а гробницы этихъ знаменитостей еще и теперь составляютъ въ Бухарѣ предметъ всеобщаго почитанія ²⁾. Эмиръ Измаилъ предпочелъ Бухару Самарканду и сдѣлалъ ее своею столицею именно за ея «святость». По свидѣтельству его историковъ, онъ привлекалъ къ себѣ ученыхъ даже изъ отдаленнѣйшихъ мусульманскихъ странъ и щедро оплачивалъ ихъ труды, предоставляя имъ полныя удобства къ занятіямъ въ роскошно построенныхъ медресе и кира-хане (читальныхъ залахъ). Иранскій языкъ, подвѣргавшійся въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ преслѣдованіямъ со стороны арабовъ, при Измаилѣ сталъ опять развиваться, очищаясь отъ примѣся арабскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, и наконецъ достигъ полнаго блеска въ произведеніяхъ Фирдуси. Количество медресе въ городѣ Бухарѣ при эмирѣ Измаилѣ было больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ городахъ Средней Азіи, а изъ числа его сооруженій въ томъ же городѣ его

историки называютъ дворецъ на регистанѣ, который хотя и существовалъ на томъ же мѣстѣ и въ до-магометанскій періодъ, но Измаилъ значительно его расширилъ и украсилъ. Затѣмъ онъ же построилъ Сарай-Моліанъ, роскошный дворецъ съ садами, цвѣтниками и фонтанами, на берегу канала того же имени. Кроме того, онъ много заботился о водопроводахъ, и въ его время Шахри-рудъ былъ выложенъ камнемъ, но нынѣ отъ этой каменной облицовки уже и слѣдовъ не осталось.

Въ 615 (1218) году монгольскія полчища Чингисъ-хана изъ глубины Гобійской степи наводнили собою многія мусульманскія страны Средней Азіи, а годъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя дошла очередь и до Бухары. Причиной этого нашествія было то, что Султанъ-Магометъ, властитель Бухары, спьяну велѣлъ казнить 490 монгольскихъ купцовъ, заподозривъ въ нихъ соглядатаевъ Чингисъ-хана, а затѣмъ казнилъ и посла, отправленнаго къ нему Чингисомъ специально для разясненія этого дѣла.

Чингисъ подошелъ къ городу въ первые три дня могаррема ³⁾ 617 (1220) года и расположился станомъ подъ его стѣнами. Бухара, располагавшая всего лишь 20,000 воиновъ, рѣшилась защищаться, но вылазка бухарскаго гарнизона окончилась такимъ пораженьемъ, что лишь немногимъ удалось вернуться въ городъ. Тогда устрешенные обыватели отправили къ Чингису почетныхъ лицъ молить его о пощадѣ, и монгольскій джигангиръ ⁴⁾ въ сопровожденіи ихъ торжественно вступилъ въ городъ. Здѣсь прежде всего обратилъ онъ вниманіе на великолѣпное зданіе большой соборной мечети, построенной еще эмиромъ Измаиломъ, и спросилъ, не дворецъ ли это хана. Ему отвѣчали, что это «домъ Божій». Тогда Чингисъ сошелъ съ лошади, поднялся на паперть и возгласилъ оттуда сопровождавшимъ его монгольскимъ полкамъ: «Дугъ скошенъ, кормите вашихъ коней!» Эти слова были какъ бы сигналомъ къ вѣстовой рѣзнѣ и грабежу всего, что нашлось въ городѣ. Историки этого погрома, Джувейни, Ибнъ-уль-Атгиръ и другіе изображаютъ его яркими и ужасными красками. «Не только всѣ дома и всѣ сундуки были разбиты и похищены изъ нихъ всѣ сокровища, говорить Джувейни, но не были пощажены даже священные предметы, ни по виду, ни по достоинству своему не представлявшіе рѣшительно никакой цѣнности въ глазахъ грабителей. Такъ, коровы были изорваны и разбросаны подъ ноги выючнымъ животнымъ вмѣсто подстилки, а лари, въ коихъ хранились священные книги, обращены въ ясли для

¹⁾ Умеръ въ 295 (907) году, на 61 году жизни, послѣ 34-хъ-лѣтняго правленія.

²⁾ Въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ покоятся нѣсколько сотъ святыхъ, исчисленныхъ въ книгѣ «Дихри-Улеми-и-Бухарад», изъ коихъ большая часть жила во время правленія Саманидовъ.

³⁾ Мѣсяцъ могарремъ, съ котораго начинается новый годъ мусульманъ.

⁴⁾ Джигангиръ—всемирный завоеватель, миротрясатель.

корма лошадей. Самые почтенные шейхи и муллы, свѣтила мудрости и учености, должны были прислуживать бражничавшимъ ратникамъ въ качествѣ шербетъ-бярдаровъ *) и убирать за нихъ винами, какъ конюхи». Пробывъ въ городѣ нѣсколько часовъ, Чингисъ выѣхалъ на Мосаллу, открытую загородную площадь, служившую для общественныхъ молитвъ, куда уже заранее было согнано все городское население, и велѣлъ представить себѣ самыхъ знатныхъ и богатыхъ обывателей, которыхъ набралось здѣсь 280 человекъ и въ томъ числѣ 90 иноземныхъ купцовъ. Обратясь къ нимъ, онъ сказалъ: «Знайте, люди, что вы совершили тяжкіе грѣхи, въ которыхъ болѣе всѣхъ виноваты наши правители (намекъ на Султана-Магомета). Вы недоумѣваете, кто это такъ говорить съ вами? Такъ знайте же, что я — бичъ Божій. Не согрѣши вы, Богъ не послалъ бы меня для своей кары надъ вами». Проставивъ къ выборнымъ города охранную стражу, Чингисъ занялся при ихъ посредствѣ приведеніемъ въ извѣстность земельныхъ участковъ и количества получаемыхъ съ нихъ доходовъ. А тѣмъ временемъ остатки войскъ Султана-Магомета, скрывавшіеся въ урджѣ, еще не взятой приступомъ, не переставали тревожить его станъ мелкими ночными нападками. Чингисъ потребовалъ ихъ выдачи, чего въоорные, конечно, не могли исполнить, тѣмъ болѣе, что население оказывало своимъ войскамъ тайную поддержку. Тогда Чингисъ велѣлъ сжечь городъ и разрушить до основанія его стѣны. Нѣсколько дней горѣла Бухара, пока вся не обратилась въ груды мусора, а гарнизонъ въ урджѣ все еще не сдавался. Монголы нѣсколько разъ пытались было брать ее приступомъ и заставляли горожанъ-бухарцевъ лѣзть впереди себя на штурмовыя лѣстницы, но гарнизонъ продолжалъ держаться. Наконецъ цитадель была взята только тогда, когда трупы людей и животныхъ, заполнивъ ровъ, образовали собою какъ бы гору, примкнутую къ стѣнѣ, и по этой-то горѣ поднялись на верхъ стѣны безчисленные толпы монгольскихъ ратниковъ. Гарнизонъ весь былъ вырѣзанъ, и вмѣстѣ съ нимъ та же участь постигла и 30,000 горожанъ, казненныхъ чрезъ палача на площади, а остальные, безъ различія званія, кромѣ стариковъ и слабоспѣлыхъ, были уведены въ неволю и разсыяны въ разныя стороны. Ибнъ-уль-Атгиръ повѣствуетъ, что «въ тотъ ужасный день только и слышались стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, разлучаемыхъ навѣки. Монголы насилывали женщинъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ мужей, отцовъ и братьевъ, которыми въ ихъ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы, и многие изъ такихъ, предпочитая смерть столь возмутительному зрѣлищу, бро-

сались на оскорбителей и погибали въ неравной борьбѣ».

Послѣ Бухары та же участь постигла и Самаркандъ, который, такъ же какъ и цитадель его, былъ сравненъ съ землей, а жители, лишенные всего имущества, уведены въ рабство. Словомъ, всѣ дѣйствующіе города Средней Азии были обезлюжены и обращены въ груды развалинъ. Трансоксания обращена въ одну изъ провинцій громадной Монгольской имперіи подъ именемъ Чыгатайскаго ханата, и властвовать въ ней остался родъ Чагатая, второго сына Чингисова, династія котораго продолжалась съ небольшимъ перерывомъ на бухарскомъ престолѣ до самаго появленія на политическомъ поприщѣ Тимурленга.

Чагатай вслѣдствіи старался возстановить благосостояніе разгромленной страны и строго правилъ въ духѣ справедливости и равноправія всѣхъ религій и народностей своего государства. Онъ ввелъ умѣренную поголовную подать отъ одной до семи тенговъ, смотря по состоянію плательщика, за исключеніемъ духовенства всѣхъ религій, которое было освобождено отъ всякой подати. Вслѣдствіе такого направленія внутренней политики, жизнь въ Бухарѣ вскорѣ вошла въ свою прежнюю колею, и на пожарахъ воздвигались новыя постройки, а въ 632 (1234) году, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ разгрома, уже до тысячи человекъ шагирдовъ (студентовъ) учились въ медресе, учрежденныхъ Мессудъ-бекомъ и Серкути-бекомъ. «Но, замѣчаетъ Вамбери, уже не существовало въ нихъ прежнихъ свѣтилъ науки, профессоровъ, либо разогнанныхъ, либо перебитыхъ во время общихъ избѣній, либо угнанныхъ на чужбину, да и книгохранилища прежнія были уничтожены. Вмѣсто живой науки воскресъ ея призракъ въ видѣ казуистики».

Такъ какъ восточная часть тюркскихъ племенъ явилась союзницей монголовъ въ ихъ нашествіи на культурныя страны Средней Азии, то съ тѣхъ поръ вообще туранскій элементъ въ этихъ странахъ начинаетъ преобладать надъ иранскимъ. Пока потомки Чингис-хана обладали дѣйствительной силой, турки или узбеки были ихъ покорѣнными слугами; но какъ только началось паденіе Чингисидовъ, они вездѣ старались занять мѣсто своихъ прежнихъ господъ. Такимъ образомъ, когда монархія Чагатая распалась на части, то на югъ ея, а именно въ Кешъ и Нахшебъ (Шахрисебъ и Карши), возникло независимое владѣніе подъ властью узбекскаго дома Бырласъ, отъ одной изъ вѣтвей котораго произошелъ въ 736 (1333) году Тимуръ-бекъ, впоследствии названный Тимурленгомъ знаменитый джигангиръ (завоеватель міра), равнаго коему, кромѣ Чингисъ-хана, не знаетъ исторія Средней Азии.

*) Шербетъ-бярдаръ — мундшенкъ, виночерпій.

При Тимурѣ городъ Бухара не игралъ никакой выдающейся политической роли, такъ какъ любимѣйшимъ мѣстопробываніемъ джигангира сдѣлался поэтический Самаркандъ, украшенный имъ дивными произведеніями зодчества; но блескъ его щедрости и великолѣпія тѣмъ не менѣе падалъ и на оставленную столицу. Извѣстно, что самую дорогую часть добычи въ каждой покоренной странѣ Тимуръ считалъ ея зодчихъ, художниковъ, ученыхъ и искусныхъ ремесленниковъ, которыхъ переселялъ къ себѣ въ Самаркандъ и поощрялъ ихъ дѣятельность царски щедрою рукой. Поэтому, въ блестящій періодъ его царствованія развилась такая роскошь въ сооруженіи религиозныхъ благотворительныхъ и ученыхъ учреждений, что ея слѣды и понынѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе, какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ Бухарѣ. Тимуръ самъ подавалъ тому первый примѣръ, а отдѣльные члены его семейства, равно какъ визири и прочіе богачи, соперничали между собою въ устройствѣ и обезпеченіи цѣнными вакуфами своихъ медресе, читальныхъ домовъ, больницъ и мечетей. Изъ наслѣдниковъ Тимура болѣе другихъ замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи его внукъ Улугъ-бекъ, сынъ Шахрухъ-Мира, которой въ благородномъ стремленіи къ просвѣщенію превзошелъ своего отца и дѣда. Это онъ создалъ въ Самаркандѣ знаменитую въ свое время обсерваторію и составилъ въ 841 (1437) году Кюрекенскія астрономическія таблицы, исправившія времячисленіе Птолемея, а самаркандская и бухарская медресе, носящія его имя, до сихъ поръ остаются великолѣпными памятниками его щедрости и эстетическаго вкуса. Время его довольно продолжительнаго правленія считается въ Средней Азій золотымъ вѣкомъ Тимуридовъ и сравнивается только съ эпохой великаго Саманида Измаила. Вообще, потомки Тимура унаслѣдовали отъ него не военный талантъ, а его вкусъ и склонность къ изящному, вслѣдствіе чего при Тимуридахъ вновь процвѣли мусульманское искусство и наука. Цѣлый рядъ грамматиковъ той эпохи установилъ грамматическія и синтаксическія правила узбекскаго языка, изложенныя въ учебникахъ, по которымъ и нынѣ учатся въ школахъ многихъ мусульманскихъ странъ. Законовѣды и богословы того времени установили не только многія изъ обрядовыхъ и догматическихъ особенностей среднеазиатскаго ислама, но своими толкованіями привели въ ясность и законченный видъ многіе юридическіе тезисы Шаріата. Исторія, астрономія, математика и поэзія этой эпохи представляютъ цѣлый рядъ именъ, пользующихся и теперь знаменитостію не только въ мусульманскомъ, но и въ европейскомъ ученѣмъ мірѣ¹⁾. Изъ искусствъ, кромѣ зодчества, въ

особенности процвѣтали каллиграфія и рисованіе. Лучшія композиціи настоящихъ мозаикъ и изваяній, равно какъ лучшіе инициалы, заголовки и вышивки, встречаемые въ мусульманскихъ книгахъ, относятся къ этому періоду. Тимуриды хотя и были ревностными суннитами, но не стѣснялись снабжать свои книги цвѣтными иллюстраціями и украшали многія изъ своихъ зданій картинами альфреско, на которыхъ были изображены не только арабски и неодушевленные предметы, но и портреты знаменитыхъ правителей, полководцевъ и даже святыхъ²⁾. И если Бухара, какъ уже сказано, не играла при Тимурѣ политической роли какъ столица, зато въ его же эпоху она славилась на Востокъ какъ знаменитѣйшая школа живописи, и эта слава удержалась за нею и при его преслѣдникахъ. Исторія того времени сохранила намъ имена знаменитыхъ живописцевъ Бехзаде и Шахъ-Музаффаръ, каллиграфъ Султанъ-Али, архитекторовъ Мегмедъ-Себса и Кавамъ-Эддина. Музыканты и композиторы того времени тоже были въ немаломъ почетѣ, такъ какъ придворныя пиршества не

матикъ и экагетъ; Ахметъ Кермани — авторъ „Тимуръ-намеха“ (исторія Тимура); Джевери — составитель самаго полнаго арабскаго лексикона; Мевлана Муайинъ изъ Ферраха — биографъ Магомета и „главный столпъ Ислама“; Шерифъ-эддинъ — биографъ Тимура и Абдуръ-Ресаакъ — историкъ династіи Тимуридовъ; Джами и Васифъ — географы и этнографы, въ особенности Индіи и Китая; Гелали — авторъ поэмы „Шахъ у Деришъ“ (Царь и Ницїи); Миръ-Али-Ширъ — авторъ „Меджалісъ анъ Нефаисъ“ (изысканія собранія); поэтъ Ходжа Исметъ-Бухари и мн. др. Кромѣ того, въ самой фамиліи Тимуридовъ было немало писателей, каковы, напримѣръ: поэтъ Шахрухъ-Мирза, Халиль-Мирза, султанъ Искандеръ Ширази, Сиди-Ахметъ-Мирза, сынъ Мираш-шаха, авторъ „Дивана“ (собранія) стихотвореній и поэмъ подъ заглавіемъ „Летафетъ-намехъ“ (книга прелестей), и наконецъ Баберъ-Мирза, основатель династіи Могола въ Индіи и авторъ знаменитыхъ „Записокъ“ о своемъ времени.

¹⁾ Султанъ Баберъ-Мирза въ своихъ „Запискахъ“ („Баберъ-намехъ“) рассказываетъ, что султанъ Эбусаидъ велѣлъ украсить дворецъ Баберъ-Мирзы скульптурами, а стѣны его расписать изображеніями разныхъ сраженій. Героическая поэма Мегмедъ-Салиха „Шейбани-намехъ“ была покрыта прекрасными цвѣтными изображеніями сраженій, осадъ и пиршествъ. Въ числѣ самаркандскихъ построекъ Улугъ-бека, Султанъ-Баберъ называетъ павильонъ тронной залы, Керенюшъ-хана, построенный изъ большихъ мраморныхъ плитъ. Въ саду этого зданія находилась картинная галлерея, Чини-хана, стѣны которой были покрыты живописью альфреско, произведеніями художниковъ, нарочно выписанныхъ изъ Китая. Къ сожалѣнію, она безслѣдно погибла во время одного изъ набѣговъ на Самаркандъ дикихъ узбекскихъ ордъ, когда, какъ рассказываетъ Абдуръ-Ресаакъ, „мозаичныя картины, выписанныя изъ Китая, были вдребезги раздроблены дубинами узбековъ и сбиты со стѣнъ Чини-хана; богатая позолота ея залъ была сцарапана и произведенія искусства многихъ лѣтъ уничтожены въ вѣскольکو часовъ“.

¹⁾ Таковы, между прочими, улема Тефгани — знаменитый какъ богословъ, правовѣдъ, грам-

обходились безъ музыки, пѣнія и танцевъ. По свидѣтельству Султанъ-Бабера, въ особенности пользовались извѣстностью Ходжа-Абдуллахъ-Мурваридъ, Куль-Магометъ-Уди, Хуссейнъ-Уди и Шейхъ-Нейи, изъ коихъ одни отличались игрой на арфѣ, другіе на гусляхъ, третьи на гитарѣ, а Миръ-Шади, Миръ-Газу и Гуламъ были извѣстны какъ композиторы. Въ качествѣ же танцовщика и балетмейстера отличался Сеидъ-Бедръ, сочинившій много новыхъ танцевъ, изъ которыхъ «герати» остается въ Бухарѣ и до нашего времени однимъ изъ самыхъ любимыхъ.

Произведеніями зодчества послѣ Тимура въ особенности были богаты правленія Шахрухъ-Мирзы, Улугъ-бека, Эбу-саида и Мирзы-Хуссейна, которые и въ Бухарѣ оставили по себѣ память нѣсколькими капитальными зданіями. Но—увы!—безпрерывныя междоусобныя войны, эта вѣчная исторія захвата власти побочными родичами и законныхъ наслѣдниковъ, вѣчная борьба изъ-за власти, сопряженная съ преступленіями, казнями, рѣзней и разрушеніемъ, и въ то же время безпрестанныя набѣги дикихъ узбекскихъ ордъ и непремѣнно сопровождавшіе ихъ разгромы пѣлыхъ областей мало-по-малу снесли съ лица земли большую часть этихъ величественныхъ и изящныхъ зданій, такъ что теперь лишь по ихъ рисункамъ да по немногимъ кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ образцамъ еще можемъ мы судить о величій и изящномъ вкусѣ той зиждательной въ культурномъ смыслѣ эпохи. Въ концѣ концовъ эти братоубійственныя войны повели къ тому, что ханъ Шейбани-Мегметъ, чингисидъ изъ рода Джюджи, нахлынулъ съ ордой своихъ отважныхъ узбекскихъ наѣзтниковъ на раздробленную и обезсиленную страну, овладѣвъ въ 905 (1499) году Самаркандомъ и положилъ конецъ господству Тимуридовъ, истребивъ заодно уже и всѣхъ приверженцевъ ихъ династїи. Такимъ образомъ власть перешла къ династїи Шейбанидовъ, которые для того, чтобы истребить въ народной памяти всѣ преданія эпохи Тимура и его преемниковъ, снова перенесли столицу государства въ Бухару и отвергли обрядъ возсѣданія при вступленіи на престолъ на самаркандскомъ кокъ-ташѣ¹⁾.

Изъ династїи Шейбанидовъ самымъ замѣчательнымъ и даже великимъ государемъ былъ знаменитый Абдуллахъ-ханъ, благодѣтель своего народа²⁾. Несмотря на частыя войны, которыя онъ вынужденъ былъ вести, у него находилось достаточно времени, чтобы

¹⁾ Обрядъ этотъ въ прежнемъ своемъ значеніи при церемонїи вступленія на царство былъ возстановленъ только при Аштарханидахъ (1597—1680). Нынешній эмиръ былъ послѣднимъ изъ хановъ Бухарскихъ, которому довелось исполнить эту церемонію.

²⁾ Родился въ 940 (1538), скончался въ 1006 (1597) году.

заниматься и внутренними дѣлами страны, ея благоустройствомъ. Имя сего государя уже неоднократно приходилось мнѣ упоминать, такъ какъ о немъ и доселѣ свидѣлствуютъ повсюду разбросанныя его постройки—мосты, цистерны, великолѣпныя рабаты, базары, караванъ-саран, медресе, горныя дороги и прочія сооруженія для общаго блага и пользы. Вамбери приводитъ о немъ слѣдующее, весьма характеристическое преданіе: однажды спросили у архитектора этого государя, какъ велико число зданій, которыя онъ построилъ по повелѣнію Абдуллаха. Тотъ отвѣчалъ, что число медресе, мечетей, хаузовъ, бань, больницъ, караванъ-сараявъ, цистернъ и мостовъ простирается до 1,001, хотя въ то время протекла еще только половина его царствованія. Эти многочисленныя постройки мулла Мушфики снабжалъ подобающими надписями въ стихахъ, которыя кое-гдѣ и доселѣ еще красуются на карнизлахъ и фронтонахъ. Изъ построекъ его времени собственно въ Бухарѣ сохранилась, во-первыхъ, медресе его имени, потомъ большая мечеть Миръ-Арабъ, медресе Кукольташъ, базары и тѣмъ его же имени, и при немъ же реставрированъ бывший подземный храмъ огнепоклонниковъ.

Сто-сорокалѣтній періодъ правленія Аштарханидовъ¹⁾ былъ уже временемъ упадка. При нихъ погасъ и послѣдній лучъ того блеска и политическаго величія, въ какомъ являлась Трансоксанія при Тимуридахъ, и того народнаго благосостоянія, какимъ отличалась она въ правленіе Абдуллахъ-хана. Архитектурнымъ памятникомъ той эпохи являются мечеть и медресе, построенныя въ Бухарѣ въ 1020 (1611) году богачемъ Насромъ Диванъ-беги на берегу Шахри-руда; но эти постройки уже не отличаются изяществомъ прежняго стїля.

Что до династїи Мангытъ, то о ней я говорилъ уже раньше по поводу «государственной экономїи», своеобразно понятой эмиромъ Маасумомъ, и потому нѣтъ надобности возвращаться къ ней снова.

VIII. Въ Бухарѣ.

Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей.—Царское кладбище.—Медресе Заргерянъ и Иръ-Назаръ (императрицы Екатерины II).—Начальная школа (мектебъ).—Мечети: Валаандъ, Миръ-Арабъ и Калянъ.—Столбъ Манари-Калянъ.—Кварталъ прокаженныхъ и болѣзнь, свойственная Бухарѣ.—Чего намъ показывать не хотѣли.—Отношеніе къ русскимъ бухарскихъ чиновниковъ и заветное желаніе проживающихъ тутъ русско-подданныхъ.—Прощальный визитъ.

Итакъ, на осмотръ города выѣхали мы съ майоромъ Байтоковымъ въ десять часовъ утра.

¹⁾ Съ 1597 по 1737 годъ.

Въ соседствѣ съ посольскимъ дворомъ находится Хаарятъ-Ишани-Имля, царское кладбище ¹⁾. Въ противность самаркандскому Шахи-Зинда, оно вовсе не блещетъ своими мавзолеями, а представляетъ лишь тѣсные ряды двускатныхъ гробницъ обыкновенной узбекской формы, оштукатуренныхъ алебастромъ. Камень, вѣданный въ головную часть гробницы, гласитъ объ имени и годѣ кончины погребеннаго подъ нимъ человека, съ прибавленіемъ какого-нибудь стиха изъ корана или, иногда, стихотворной эпитафіи. А у многихъ даже и этого нѣтъ. У нѣкоторыхъ могилъ сложены въ изголовьи рога мараловъ, туровъ и сайсаковъ, а то и просто бараньи; кое-гдѣ торчатъ высокіе шесты съ тряпницами или конскими хвостами надъ гробницами особенно прославившихся благочестивыхъ мужей, да вотъ и все. По правдѣ сказать, мы ожидали отъ царскаго кладбища гораздо больше изящества и поэтичности. Хоть бы развѣсистые платаны и вязы осыпали мѣстами эти могилы, такъ и того нѣтъ: просто площадка, обнесенная кое-гдѣ полуразрушенною стѣнкой и довольно скудно обсаженная вдоль этой стѣнки ветлами и тутами.

Наши пристава предложили намъ осмотрѣть медресе Заргерявъ и Ирѣ-Назаръ; послѣднюю потому, что она была основана на деньги, пожертвованныя императрицею Екатериною II; Заргерявъ же могъ дать намъ съ невыгоднѣйшей стороны понятіе о лучшихъ медресе Бухары, такъ какъ многія изъ нихъ построены по его образцу. Начали съ Заргерява. Это дѣйствительно величественное двухъ-этажное зданіе съ высокими порталомъ (*ниш-така*) и двумя минаретами по угламъ передняго фасада. Въ глубинѣ портальной арки, подъ ея стрѣлчатымъ сводомъ красуются нѣсколько стрѣлчатыхъ нишъ-балконовъ съ узорчатыми балюстрадами. По переднему фасаду—шесть широкихъ нишеобразныхъ стрѣлчатыхъ оконъ, по три съ каждой стороны, вправо и влево отъ портала. Все это роскошно покрыто узорчатыми изразцами, мозаикой и визевыми надписями. Узкая площадка, на которую выходитъ передній фасъ этого зданія, тѣсно заставлена верблюдами и ишаками, навьюченными топливомъ, въ видѣ хвороста, визанокъ степного бурьяна и колючки, тонкихъ таловыхъ и урюковыхъ полѣвшекъ. Здѣсь—главный изъ дровяныхъ базаровъ города, и пробраться сквозь всю эту вьючную силу было не легко: прилегшіе на землю верблюды, понукаемые своими тючами, которыхъ, въ свою

очередь, понукали наши пристава, весьма неохотно подымались на ноги, и неудовольствіе свое выражали то жалобными стонами, то озлобленными ревомъ, а для ишаковъ не было иного средства кромѣ пинковъ и тычковъ, рассыпаемыхъ направо и налево нашими усердными путеводителями. Но вотъ мы поднялись на паперть и здѣсь неожиданно встрѣтились съ новымъ препятствіемъ: порталъ во всю ширину свою былъ загороженъ высокими барьеромъ, въ видѣ толстаго бревна, утвржденнаго на двухъ стойкахъ, а по одну сторону его тѣснились на паперти ишаки, нагруженные колючкой. Пришлось опять протискиваться между ослиами и затѣмъ подѣзжать подъ барьеръ, такъ какъ по своей высотѣ онъ не представлялъ иного способа перелаза. Тяжелъ, какъ видно, доступъ въ святилище мусульманской науки и исполненъ живыхъ и мертвыхъ препятствій, но мы самоотверженно преодолѣли ихъ и очутились наконецъ во внутренней галлерей зданія, предъ большимъ окномъ, находящимся противъ входной двери и открывающимъ видъ на внутренний дворъ медресе. Окно это снабжено чугунною рѣшеткой очень красиваго восточнаго рисунка, которую въ лѣтнее время обвиваютъ побѣги винограда.

Внутренній дворъ представляетъ собою мощеную квадратную площадку съ выложеннымъ плитой мелкимъ бассейномъ посрединѣ, который теперь былъ сухъ, но по веснѣ, съ наступленіемъ жаровъ, вѣроятно наполняется проточною водой. По краямъ бассейна и кое-гдѣ около стѣнъ площадка была обсажена нѣсколькими деревьями и виноградомъ, побѣги коего мѣстами поднимались на стѣны и свѣшивались съ балконовъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ замыкается высокими стѣнами каменнаго зданія, которыя ограждены двумя этажами высокихъ и глубокихъ нишъ, огражденных въ видѣ балкончиковъ сквозными деревянными и желѣзными рѣшетками. На стѣнахъ и въ нишахъ кое-гдѣ сохранялись еще слѣды и остатки красной мозаичной облицовки. Двухъ-этажное снаружи, зданіе это со двора представляется четырехъ-этажнымъ вълѣдствіе того, что въ каждой изъ нишъ прорѣзано одно надъ другимъ по два окошка съ деревянными рѣзными створками, открывающими выходъ на балкончики. Верхніе ряды этихъ оконъ принадлежатъ автресолямъ, и всѣ четыре этажа раздѣлены на особыя комнаты или келліи (*худжра*), служачія квартирами для учащихся. Изъ нѣкоторыхъ оконъ любопытно выглядывали на насъ чамоносныя головы шагирдовъ ¹⁾, а съ рѣшетокъ нѣкоторыхъ

¹⁾ По плану, приложенному къ сочиненію Н. Ханькова „Описаніе Вухарскаго ханства“ (Спб. изд. 1843), въ данной мѣстности показано кладбище Гуристани Джубаръ; но наши пристава утверждаютъ, что это не Джубаръ, а Ишани-Имля.

¹⁾ Шагирдъ—то же, что софѣа, учащійся высшимъ наукамъ студентъ. Это ихъ обыкновенное названіе; на ученомъ же officialномъ языкѣ вмѣсто „шагирдъ“ употребляется „талибуль-ильмъ“, что значитъ домогающійся знаній.

балконовъ свѣшивались пестрые ковры и халаты, вынесенные на воздухъ для провѣтриванья.

Насъ пригласили войти въ одну изъ такихъ квартирочекъ, чтобы посмотреть какъ живутъ бухарскіе студенты. Это была полутемная комната шаговъ въ восемь длиной и въ шесть шириной, снабженная на три четверти своей длины кирпичнымъ помѣстомъ вершковъ въ десять вышины, который былъ застланъ кошмой и коврикомъ. Свѣтъ проникалъ въ окошко, олужившее въ то же время и дверь, такъ что зной работать здѣсь, не портя зрѣнія, можно только при огнѣ. На помѣстѣ стоялъ продолговатый низенькій столикъ въ родѣ китайскаго; на немъ — нѣсколько книгъ, погашенный чиракъ и мѣдный приборъ для чернильницы (*калямданъ*) съ письменными принадлежностями. Въ одномъ углу прислонился къ стѣнѣ тыквенный кальянъ (*чилима*) и небольшой котелокъ (*казанъ*), въ другомъ стоялъ глиняный кувшинъ съ водой и жаровня (*мангалъ*). Въ стѣнахъ находятся три небольшихъ ниши (*чагчи*). Въ одной изъ нихъ устроена печурка съ таганцемъ для кипяченія чайника и варки пищи, въ другой сложенъ запасъ овощей и дынь, а въ третьей помѣщается маленькая библиотечка въ видѣ горки разнокалиберныхъ фолиантовъ и книгъ, переплетенныхъ въ старинные кожаные переплеты. Тутъ же, около книгъ, стояли мѣдно-чеканный кумганъ, фарфоровый чайникъ и двѣ чайныя чашки, а на стѣнѣ красовалась раскрашенная сурикомъ, охрой и синькой печатная картинка казанскаго изданія, изображающая храмъ въ Меккѣ со священной Каабой. Въ каждой такой келейкѣ помѣщаются по два шагирда, которые кромѣ шагирды получаютъ отъ медресе еще и стипендію изъ вакуфнаго капитала ¹⁾. Въ Заргеряи всѣхъ келій 93, изъ нихъ 90 заняты шагирдами въ количествѣ

¹⁾ Обыкновенно вновь поступающіе шагирды покупаютъ себѣ право на келію у своихъ окончившихъ курсъ и выбывающихъ предшественниковъ, платя имъ отъ 2 до 35 тиллей, смотря по размѣру получаемой ими стипендіи, которая не вездѣ одинакова и зависитъ отъ степени богатства вакуфовъ, находящихся въ пользованіи той или другой медресе. Такъ, шагирды Заргеряна получаютъ стипендію по 5½ тиллей, а шагирды Ходжа-Джуйбари-Калаяна по 20-ти тиллей въ годъ. Равно и жалованье мулль (преподавателей), мударисовъ (профессоровъ) и мударисъ-мудевалия (ректора) опредѣляется также степенью богатства вакуфа, отъ 150 до 700 тиллей въ годъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что шагирдъ, купившій себѣ право на келію, можетъ оставаться въ ней хоть весь вѣкъ, если онъ рѣшается посвятить себя наукѣ и отказаться отъ брачной жизни, такъ какъ совѣстная жизнь съ женами въ медресе не допускается. Кромѣ пансіонеровъ, въ каждой медресе могутъ быть еще и приходящіе, вольнослушатели, которые проживаютъ въ городѣ на собственныхъ квартирахъ.

180 человекъ, а остальные три профессорами и мударисъ-мудевалиемъ, главнымъ наставникомъ и начальникомъ заведенія; эти послѣднія помѣщенія нисколько не отличаются отъ студенческихъ, развѣ только книгъ да ковровъ въ нихъ побольше, и такая суровая обстановка введена въ бухарскихъ медресахъ еще издревле, для того чтобы наставники своею жизнью являли ученикамъ примѣръ стоическаго довольства лишь самымъ необходимымъ, дабы тѣмъ болѣе и цѣльнѣе посвящать себя богоугоднымъ цѣлямъ мусульманской науки.

Зато какой разительный контрастъ съ бѣдностью келій представляютъ роскошныя залы аудиторій, такъ называемыя *дарха* или *огло*! Это дѣйствительно храмы науки, и не въ метафорическомъ смыслѣ, а настоящіе храмы, то расписанные *al fresco*, то инкрустированные по стѣнамъ и карнизамъ мозаикой, то облицованные сверху до низу бѣлоамраморными плитами, по которымъ, словно мелкое кружево, фантастически раскинулись изваянные узоры арабесокъ.

Въ каждой такой залѣ, а ихъ обыкновенно бываетъ отъ двухъ до четырехъ, вмѣсто потолка непремѣнно высокій и глубокий куполъ, въ которомъ, словно нависшіе сталактитовые кристаллы, въ геометрически правильныхъ, но граціозно красивыхъ сочетаніяхъ призмъ и многогранниковъ, группируются глубоко-рельефныя украшенія, выточенные изъ мрамора въ стилѣ ша-арапъ. Свѣтъ падаетъ въ залу сверху изъ-подъ купола сквозь кружево прорѣзныхъ рѣшетокъ мавританскихъ оконъ и, пронизывая воздухъ косыми полосами солнечныхъ лучей, дробится мелкою сѣткой на стѣнахъ и пашкахъ мраморнаго пола. Все это, вмѣстѣ взятое, такъ цѣльно выдержано въ одномъ характерѣ, полно такого эстетическаго вкуса и въ сочетаніи своихъ архитектурныхъ линий съ детальными украшеніями являетъ такую чарующую глазъ гармонию красоты и силы строгаго величія, что вы, не ожидая ничего подобнаго, невольно остановитесь и ахнете въ изумленіи и восторгѣ предъ дивнымъ произведеніемъ «варварскаго» искусства, которое словно вдругъ перенесло васъ въ какой-то волшебный чертогъ изъ «Тысячи и одной ночи»...

Конечно, вся эта прелесть не блещетъ свѣжестью и яркостью красокъ вчерашняго дня; напротивъ, время въ лицѣ нѣсколькихъ столѣтій положило на нее тусклый, матовый тонъ почтенной древности, но она отъ этого нисколько не теряетъ, а еще выигрываетъ въ силѣ впечатлѣнія своей красоты и идеи. А идея дѣйствительно грандіозная: создать для науки храмъ, вполне ея достойный. И что это все создавалось именно ради науки, изъ чувства религіознаго благоговѣнія къ ней, въ

томъ наглядно убѣждаетъ васъ самый контрастъ между студенческими келіями, съ одной стороны, и аудиторіями, съ другой стороны. Тамъ — все приспособлено для суроваго подвига на трудномъ поприщѣ науки, здѣсь — все для торжества ея проповѣди. Въ сравненіи съ этими аудиторіями всѣ дворцы эмира просто никуда не годятся, и если можно сравнить съ ними что либо, то развѣ самаркандскій мавзолей надъ гробомъ Тимура.

Когда мы вошли въ одну изъ такихъ аудиторій Заргерина, тамъ шла лекція. Шестеро слушателей, поджавъ подъ себя ноги и сидя на собственныхъ пяткахъ, расположились полукругомъ на коврѣ противъ профессора среднихъ лѣтъ, предъ которымъ на низенькомъ выкрустованномъ пюпитрѣ лежала раскрытая книга. При нашемъ входѣ всѣ они встали съ мѣсто, принявъ слегка согбенныя позы и скрестивъ, въ знакъ почтенія, на животѣ свои руки, а профессоръ весьма любезно привѣтствовалъ неожиданныхъ гостей и, на вопросъ Байтокова о предметѣ лекціи, сообщилъ, что онъ объясняетъ своимъ слушателямъ комментаріи Шайхъ-Заде на «Тифсирь», которая сама есть толкованіе точнаго смысла корана.

Изъ Заргерина препроводили насъ въ Иръ-Назаръ. Эта послѣдняя медресе находится въ центрѣ города, почти рядомъ съ мечетью Шахсанемъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ, съ одной стороны, съ базаромъ Паястанъ, а съ другой — съ громадною медресею Кукольтанъ. Къ сожалѣнію, крытые цыновками ряды базара, прилегающіе къ самому зданію Иръ-назарской медресе, не даютъ возможности разсмотрѣть какъ слѣдуетъ характеръ фасада и особенности его наружныхъ украшеній. Видно только, что сводъ ниши портика выточенъ въ стилѣ ша-арапъ изъ бѣлаго мрамора. Когда мы подъѣхали, изъ-подъ этого портика валла на улицу толпа шагирдовъ, между которыми я замѣтилъ немало слушателей весьма солиднаго возраста: впрочемъ, присутствіе такой многочисленной толпы объяснялось тѣмъ, что сегодня здѣсь происходилъ ученый диспутъ, привлечшій въ стѣны медресе немало и постороннихъ любителей. Лекціи уже кончились, тѣмъ не менѣе насъ пригласили въ аудиторію. Тутъ встрѣтилъ насъ самъ мударисъ-мутевали, высокій, худощавый пожилой мужчина, съ мыслящимъ и, такъ сказать, вполне интеллигентнымъ лицомъ, въ безукоризненно бѣлой, пышно и тщательно повязанной чалмѣ (особый нинкъ ученаго сословія) и въ бѣломъ суконномъ халатѣ съ мѣховою оторочкой.

Просторная аудиторія, по значеству своей отдѣлки, опять-таки является достойнымъ храмомъ науки. Она все бѣлая, съ плоскатымъ куполомъ, и оплошь покрыта узорами очень тонкой дѣльной работы изъ алебаstra

Мударисъ-мутевали объяснилъ намъ, что въ его медресе имѣется шестьдесятъ студенческихъ келій, и что каждый шагирдъ получаетъ стипендію въ 2½ тили.

Понятно, что насъ болѣе всего интересовало, какимъ образомъ и по какому случаю создательницей этой коллегіи явилась вдругъ наша императрица; но, къ сожалѣнію, относительно сего предмета мударисъ не могъ сообщить намъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Сказалъ только, что медресе существуетъ уже 101 мусульманскій годъ — стало быть, съ 1784 года — я что насчетъ ея основанія есть двѣ легенды. По одной изъ нихъ, ишанъ Иръ-Назаръ, будучи самъ очень бѣднѣе, задался мыслію построить хорошую медресе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя и прося милостыню, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать нѣкоторую сумму и началъ постройку; но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина, случайно узнавъ отъ бухарскаго посла объ ишанѣ Иръ-Назарѣ и о благомъ стремленіи, которому была посвящена вся жизнь этого человѣка, но которое все же не могло воплотиться, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему боченокъ золота. На эти-то деньги и была устроена медресе. Другая же легенда говоритъ, что по вступленіи на престолъ Бухары эмира Маассума, въ шабавѣ мѣсяцѣ 1199 (1784) года, онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Иръ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ своего посла, а императрица Екатерина, желая со своей стороны закрѣпить дружескія связи Россіи съ Бухарой и тѣмъ открыть большій просторъ русской торговлѣ, пожертвовала между прочимъ капиталъ на построеніе и содержаніе медресе, зная, что это будетъ весьма пріятно набожному эмиру. Но которая изъ двухъ легендъ ближе къ истинѣ и, вообще, насколько обѣ онѣ справедливы, я не могу рѣшить, не имѣя подъ рукою вѣрныхъ источниковъ. Положительно извѣстно только, что императрица Екатерина принимала участіе въ сооруженіи этой медресе, о чемъ упоминаетъ и Н. Ханыковъ въ своемъ «Описаніи Бухарскаго ханства» (стр. 86), говоря прямо, что «Иръ-Назаръ *построена* императрицей Екатериной». Вотъ все, что намъ извѣстно въ точности.

Благодаря любезности мудариса, мы узнали кое-что, разумѣется въ самыхъ общихъ чертахъ, о характерѣ и объемѣ преподаванія наукъ въ бухарскихъ медресе.

Медресе для мусульманина-азіата — то же, что университетъ для европейца, такъ какъ въ программу ея преподаванія входятъ всѣ науки, допускаемыя магометанскимъ закономъ, причемъ свобода диспутовъ пользуется широ-

кими правами и самым существенным образом входит въ систему преподаванія. Сфера допускаемыхъ наукъ дѣлится на три факультета: 1) «Шаріе» — богослово-юридическій, 2) «Арабіе» — филологическій по отношенію къ арабскому языку и 3) «Химкіе» — житейской мудрости.

На богослово-юридическомъ факультетѣ преподають: 1) «Тяфсиръ» — толкованіе смысла корана; 2) «Хадисъ» — собраніе рѣчей Магомета, слышанныхъ имъ отъ самого Аллаха; 3) «Фикгъ» — законоположенія, относящіеся до физической природы человѣка и до содержанія въ чистотѣ его тѣла, а равно о дозволенномъ и недозволенномъ изъ предметовъ, не упомянутыхъ въ коранѣ («Кыясъ»); 4) «Усуль-и-Фикгы» — изложеніе метода толкованія корана; 5) «Ильми-Калемъ» — догматическая метафизика; 6) «Ильми-Фероизъ» — наука о правахъ наслѣдства и 7) «Ильми-Киро'атъ» — декламаторская часть при чтеніи корана, то есть изъясненіе, гдѣ нужно дѣлать ударенія и повышенія или пониженія голоса, какіе слоги произносить протяжно, какіе кратко и т. п. Кроме того, конечно, изучается «Шаріатъ» — законодѣніе со множествомъ толкованій на оный ¹⁾.

На факультетѣ Арабіе первую роль играетъ «Лугатъ» — полный лексиконъ арабскаго языка; 2) «Ильми-Сарфъ» — арабское словопроизводство и словосочиненіе; 3) «Ильми-Нахвъ» — правила произношенія окончаній арабскихъ словъ; 4) «Ильми-Урузъ» — стихосложеніе; 5) «Ильми-Кофіе» — наука о созвучіяхъ и римахъ; 6) «Фени ме' онъ» — наука о благозвучіи словъ арабскаго языка, которая подраздѣляется на «Фени бей-онъ» и «Ильми-бедіатъ»; первое изъ этихъ подраздѣленій трактуетъ о благозвучіи окончаній словъ, а второе учить ораторскому искусству, то есть какъ соблюдать благозвучіе и красоту рѣчи приличнымъ расположеніемъ въ ней словъ и выраженій, и 7) «Ильми-Теварихъ» — науки историческія, по части всеобщей и бухаро-мусульманской исторіи; сюда же входитъ и географія.

На факультетѣ Химкіе преподаются: 1) «Мантыкъ» — логика; 2) «Табиғиё» — естествознаніе и въ томъ числѣ астрономія и медицина; 3) «Ильми-Хисабъ» — математика; 4) «Илягіё» — метафизика; 5) «Ріазіё» — философія или собственно наука объ отвлеченныхъ понятіяхъ и, наконецъ, 6) «Ильми-Муназерэ» — искусство поддерживать и правильно вести диспуты.

На всѣ вышеперечисленныя науки есть по нѣскольку классическихъ руководствъ и еще

болѣе комментарий на эти руководства тоже не менѣе классическихъ, и толкованій на толкованія. Во всемъ этомъ царитъ, конечно, строго схоластическій методъ и чтобы поглотить всю суть мусульманской премудрости, пройти полный курсъ ея, надо употребить отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ усидчиваго изученія въ нѣсколькихъ медресе. Это уже, имѣющимъ родъ, самоотверженіе, но такихъ любителей между шагирдами находится немного. Лекціи читаются каждый день, начинаясь по восходѣ солнца, послѣ утренней молитвы (*намазъ баумдаты*) и могутъ продолжаться до заката солнца, но обыкновенно кончаются часа въ три дня, причемъ шагирды въ полдень пользуются часомъ отдыха для обѣда. По четвергамъ и пятницамъ лекціи не читаются. Каждый курсъ оканчивается къ началу лѣта и открывается вновь лишь съ началомъ осени; лѣтомъ же, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, учащіеся пользуются каникулами (*метатиль*).

Шагирды обыкновенно раздѣляются на три разряда или курса: *пять-кадамъ*, *міанъ и пинъ-кадмъ*, въ зависимости отъ проходимаго ими цикла факультетскихъ наукъ, съ чѣмъ соединяется иногда и возвышеніе стипендіи. Такъ, если первокурсники (*пять-кадамъ*) получаютъ по 2½ тиллы, то второкурсные — три тиллы, а пинъ-кадамамъ выдается и до пяти тиллей. Но такое распредѣленіе стипендій не обусловлено какимъ-либо точнымъ законоположеніемъ, а зависитъ отъ усмотрѣнія общаго совѣта муллъ-преподавателей и почетныхъ попечителей, жертвователей и благотворителей учрежденія, подъ предѣлательствомъ мударисъ-мутевалія. При этомъ надо замѣтить, что въ одной только Бухарѣ, въ 103 городскихъ медресе числятся до 10.000 шагирдовъ, которые, считая въ среднемъ выводѣ по пяти тиллей на человѣка ¹⁾, получаютъ въ годъ въ видѣ стипендій 50,000 тиллей или 210.000 рублей металлическихъ. Да безъ малаго въ такую же сумму обходится содержаніе мударисъ-мутеваліевъ ²⁾, не говоря уже о жалованьи преподавателямъ. Но дѣло вышшаго образованія въ ханствѣ далеко не ограничивается этими цифрами, такъ какъ не только столица, а и каж-

¹⁾ Есть медресе, гдѣ шагирды получаютъ по 8, по 9, по 12, по 16 и по 20 тиллей въ годъ; таковы, напримѣръ, Галимъ-джанъ, Гау-Кушанъ-Гали, Давлетъ, Калаянъ и др.

²⁾ Считая въ среднемъ по 400 тиллей на мудариса, ибо младшіе преподаватели получаютъ отъ 80 до 200, а старшіе отъ 200 до 700 тиллей жалованья. Должность мутевалія (завѣдующаго хозяйственною частью) не всегда впрочемъ, соединяется со званіемъ главнаго мудариса. Иногда она бываетъ наслѣдственною въ родѣ основателя медресе, иногда же просто по назначенію со стороны высшихъ духовныхъ властей, и тогда мутевалии получаютъ въ видѣ жалованья одну десятую часть вакуфныхъ доходовъ.

¹⁾ Шаріатъ состоитъ изъ книгъ: „Фикгы-Кида-ни“, „Мухтасаръ-Вакия“, „Шурхи-Вакия“ и „Хидая“, то есть законы нравственные и семейные, уставы благочинія, полицейскіе и уголовные.

дый городъ имѣетъ по нѣскольку своихъ собственныхъ медресе. По одной медресе встречается даже въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Все это содержится на проценты съ вакуфовъ, пожертвованныхъ когда-либо на содержаніе каждой медресе особо, и на средства, доставляемые время отъ времени разными жертвователями и благотворителями. Да кромѣ того эмиръ иногда жертвуетъ въ раздѣлъ между всѣми медресе налѣшекъ зякета, остающійся отъ годового бюджета за покрытіемъ всѣхъ дворскихъ и государственныхъ надобностей.

Проѣзжая по улицамъ, въ особенности по тихимъ улицамъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ базарной суетолаки, мы очень часто слышимъ шумъ и гомонъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ, громко и скоро, со всеусердіемъ выкрикивающихъ что-то нарастающій, и при томъ каждый по своему и каждый самъ по себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего изъ этихъ разнообразныхъ, скрепящихся между собою речитативныхъ звуковъ образуется самый нестройный концертъ, бьющій по уху своими дикими диссонансами, въ родѣ жидовскаго гама и гвалта. Торопливый потокъ какихъ-то словъ и нареченій, словно барабанная дробь, трещитъ и каскадомъ льется изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтскихъ устъ, старающихся перекричать другъ друга. Вы слышите этотъ шумъ еще издали, и онъ служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что тутъ гдѣ нибудь по близости находится *мехтебъ* — начальная мусульманская школа. Желая ознакомиться и съ этими учреждениями, мы остановились передъ однимъ изъ мехтебовъ и вошли туда.

Школа помѣщалась въ нижнемъ этажѣ большого двухъ-этажнаго дома, стоящаго на углу двухъ улицъ. Входная дверь и пара открытыхъ, снабженныхъ желѣзными рѣшетками оконъ выходили прямо на улицу, а не внутрь двора, какъ принято здѣсь въ большинствѣ домовъ частныхъ обывателей. За порогомъ двери стояли на полу нѣсколько десятковъ паръ дѣтскихъ калошъ (*кауши*), обыкновенно снимаемыхъ при входѣ въ комнату. У стѣны, противоположной входу, на полу, покрытомъ кошками и старенькимъ коврикомъ, возсѣдалъ на собственныхъ паткахъ пожилой, маленькаго роста учитель въ громадной бѣлой чалмѣ, съ круглыми китайскими очками на сухомъ крючковатомъ носу, и держалъ въ одной рукѣ раскрытую книгу, тогда какъ другая съ вытянутымъ указательнымъ перстомъ была поднята вверхъ. Эти монументальныя очки придавали добряку какое-то свиное выраженіе. Предъ нимъ стоялъ маленький низенькій столикъ, на которомъ лежала розга — грозная эмблема его учительской власти; но въ самой фигурѣ почтеннаго педагога, въ этомъ его несообразно большомъ тюбанѣ, несообразно

большимъ очкамъ и въ поднятомъ узловатомъ перстѣ было нѣчто неудержимо комическое, нѣчто напоминающее отчасти огородное пугало, и я увѣренъ, что, несмотря на розгу, многіе изъ болѣе бойкихъ школьниковъ не отказываютъ себѣ порой въ удовольствіи подстраивать ему исподтишка какія-нибудь шуточки.

Тѣсная толпа мальчугановъ въ нестрыхъ тюбетейкахъ и халатикахъ, отъ пяти до двѣнадцати-пятнадцатилѣтняго возраста, со всѣхъ сторонъ окружала своего наставника, и было натискано этой тутъ дѣтвора словно пчель въ ульѣ или сельдей въ боченкѣ. Всѣ они, сидя на паткахъ и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ сзади напередъ, на разные голоса твердили навзрусть заданные уроки, повторяя безъ конца одну и ту же фразу или даже одно какое-нибудь слово, выхваченное изъ фразы, чтобы покрѣпче вдолбить его себѣ въ память. Иные продѣлывали это совершенно машинально, съ полнымъ отсутствіемъ какого-либо смысла и пониманія того, что они долбаютъ; другіе, чтобы ничѣмъ не развлекаться, замуривали себѣ глаза и затыкали пальцами уши, а нѣкоторые даже мѣрно и не безъ ожесточенія колотили сами себя въ лобъ и въ темя костылькомъ указательнаго пальца, всецѣло отдаваясь своей долбнѣ съ выраженіемъ какой-то отчаянной безнадежности и скуки. На розовыхъ личикахъ мальчугановъ болѣе всего выражалось томительное нетерпѣніе — скоро ли кончится несносный урокъ и наступитъ тотъ счастливый моментъ, когда ихъ отпустятъ домой или хотя выпустятъ всей гурьбой побѣгать по двору. У иныхъ на рѣсницахъ сверкали слезы и лица куксались въ плаксивую гримасу, тогда какъ на другихъ физиономіяхъ въ заднихъ рядахъ расплывались веселыя плутовскія улыбки отъ какой-нибудь удачно подстроивной продѣлки надъ розиней-сосѣдомъ, въ родѣ незамѣтно припиленной ему на спину бумажки. Наиболѣе прилежныя, очевидно любимцы учителя, сидѣли около него ближе прочихъ и видимо старались напускать на себя степенность и послушавую скромность. Но какъ тѣ, такъ и эти до такой степени были погружены въ свои занятія, что въ первую минуту на нашъ приходъ никто не обратилъ даже вниманія, а благодаря этому мы нѣсколько мгновеній могли любоваться на очень милую и не лишенную комизма картинку бухарской школы. Но вслѣдъ затѣмъ всѣ головы съ живѣйшимъ любопытствомъ обернулись въ нашу сторону, и видно было по газзенкамъ, что всѣ эти мальчуганы очень обрадовались неожиданному перерыву своихъ монотонныхъ занятій.

Поднявшійся съ мѣста учитель, шагая прямо черезъ плечи своихъ мальчугановъ и при этомъ, чтобы не потерять равновѣсія, опираясь пальцами на ихъ головы, подступилъ къ намъ съ

вопросительной мякой. Когда же намъ при- ставъ объяснилъ ему кто мы такіе и зачѣмъ пришли, то онъ очень любезно, но преважно— вѣроятно для того, чтобы не уронить собствен- ный престижъ въ глазахъ учениковъ—протя- нулъ намъ руку и сказалъ, что очень поль- щенъ любезнымъ вниманіемъ, оказаннымъ столь высокими гостями именно его скромной школь. Онъ оказался немножко кривобокимъ и горбатенькимъ, но предобрѣдшимъ человѣкомъ, и съ полной готовностью сообщилъ намъ нѣ- сколько свѣдѣній по интересовавшему насъ предмету. Отъ него узнали мы, что въ городѣ по крайней мѣрѣ десятеро болѣе мектебовъ, чѣмъ медресе, такъ какъ, кромѣ мечетей, каж- дый околотокъ и почти каждая улица имѣетъ свой собственный мектебъ. Строятся и содер- жатся эти школы по большей части въ склад- чину всѣми жителями улицы или околотка, а иногда на счетъ какого-нибудь состоятельнаго ревнителя, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ школа навсегда сохраняетъ его имя въ своемъ названіи. Каждый мектебъ имѣетъ не болѣе одного учителя (муллы), который избирается и приглашается на должность самими обывате- лями околотка, а еще чаще желающій учитель- ствовать самъ обходитъ обывателей, прося уступить ему школу на сходныхъ для обыва- телей условіяхъ, которые главнымъ обра- зомъ заключаются въ томъ, что онъ обязуется брать не свыше извѣстной платы съ родителей за обученіе и бесплатно обучать немущихъ. Правительство въ школьных дѣла обыкновенно не мѣшается и только въ томъ крайне рѣд- комъ случаѣ, когда на открывшуюся вакансію не находится выборнаго или нанятаго охотни- ка, духовная власть сажаетъ на мѣсто своего собственнаго кандидата. Разъ, что учитель избранъ, зданіе школы отдается въ полное его распоряженіе на все время, пока онъ занимаетъ свою должность, и онъ пользуется всѣми пра- вами домохозяина, за исключеніемъ лишь права продажи и вообще отчужденія какъ самаго зданія, такъ и принадлежащей оному земли.

Годовая плата за обученіе мальчика обыкно- венно бываетъ не менѣе одной и не свыше трехъ тилей, но при вступленіи новаго уче- ника въ школу родители его, въ силу корен- ного обычая, обязаны сдѣлать учителю «си- ляу»—подарокъ, состоящій изъ одного почет- наго халата (*сарпай*) шелкового, адрасоваго или бикасабоваго, смотря по ихъ средствамъ, канаусовой или ситцевой сорочки, панталонъ¹⁾

¹⁾ Сорочки, покроемъ какъ у русскихъ татаръ съ гладкою грудью и завязками на плечахъ, но- сятъ только здѣсь муллы и казіи, и называются такіе сорочки *ауилка* или *куйнека*, въ отличіе отъ *ястака*, рубахи въ видѣ халата, длиною ниже колѣвъ и съ завязкою на груди подъ ложеч- кой, какую носятъ люди всѣхъ остальныхъ со- словій. Панталоны (*штаны*) безъ прорѣхи, но- сятся вмѣсто нижняго бѣлья; служащіе и задѣ-

и ичиговъ съ каушами. Эти подарки непременно сопровождаются достарханомъ, подносимымъ на большомъ подносі и состоящимъ, кромѣ обыч- ныхъ лакомствъ, изъ девяти хлѣбныхъ лепешекъ (*кульчичанъ*), фунта акъ-чаю и головки сахару, причемъ сахаръ иногда замѣняется сахарнымъ леденцомъ въ деревянной коробкѣ. Затѣмъ, тоже въ силу обычая, каждый уче- никъ въ четвергъ²⁾ приносить своему учителю гостинецъ, состоящій изъ одного кульча- нана, и этихъ четверговыхъ лепешекъ обыкно- венно набирается столько, что мулла можетъ съ избыткомъ питаться ими цѣлую недѣлю, ему стоитъ лишь поддержать лепешку нѣсколько минутъ надъ паромъ или горячими угольями, чтобы скушать ее въ совершенно мягкомъ и рыхломъ видѣ, какъ бы только-что испечен- ную. Болѣе состоятельные родители прибав- ляютъ къ лепешкѣ еще и дыню, которая между продуктами питания занимаетъ въ Бухарѣ весьма видное мѣсто. Когда ученикъ, благопо- лучно кончивъ азбуку, переходитъ къ изуче- нію корана, родители его въ ознаменованіе столь счастливаго событія опять несутъ учи- телю сылау, состоящій изъ достархана и одного халата, и то же самое повторяется съ ихъ стороны послѣдовательно при переходахъ къ изученію Фарзегайна, Чааръ-Китаба³⁾ и про- чихъ книгъ, входящихъ послѣ Чааръ-Китаба, въ числѣ четырехъ сочиненій, въ курсъ на- чальной школы⁴⁾ равно какъ при началѣ обу- ченія письму и при благополучномъ окончаніи онаго, а богатые родители дарятъ по халату даже за каждую хорошо пройденную и выучен- ную наизусть главу корана (*суре*). Такимъ образомъ труды учителя оплачиваются очень хорошо, даже роскошно, если взять въ сообра- женіе непрехотавшія условія мѣстной жизни,

шіе верхомъ поверхъ ихъ надѣваютъ кожаные чембары. Вѣлье у сартовъ пьется изъ русскихъ или мѣстныхъ бумажныхъ тканей, а у богатыхъ и изъ шелковыхъ, преимущественно изъ ка- науса.

²⁾ Четвергъ (пеншамбе) у мусульманъ по сво- ему значенію соответствуетъ нашей субботѣ, какъ кауунъ джума, еженедѣльнаго праздника. Занятія въ четвергъ продолжаются только въ утренніе часы. Предъ полуднемъ, отпуская уче- никовъ по домамъ, учитель осматриваетъ пред- варительно, чисты ли у нихъ ногти и если нѣтъ, то бьетъ за это по кончикамъ пальцевъ линей- кой, затѣмъ даетъ имъ наставленіе, какъ слѣ- дуетъ вести себя благоправному мальчику дома и на улицѣ, и оканчиваетъ общую молитвой (*фатиха*). Ученики мектеба, кромѣ четверговъ и пятницъ, освобождаются отъ ученія только въ праздники Рамазана, Курбанъ-байрама и на Но- вый годъ; каникулъ же для нихъ не полагается.

³⁾ Чааръ-Китабъ—четверокнижіе, заключающее въ себѣ объясненіе именъ Бога и правилъ ре- лигіи (*Хака*), познаніе вѣры (*Идиана*), познаніе преданія (*Калимъ-наби*) и возвеличеніе Бога (*Хим- десада*); изложеніе на таджикскомъ языкѣ.

⁴⁾ Въ числѣ этихъ книгъ находится и сборникъ стихотвореній Гафиза.

и можно сказать, что родители учеников, сверх дарового крова и жалованья, еще и кормят его, и поят, и одѣваютъ, и обуваютъ, да и самое званіе учителя кромѣ того пользуется здѣсь большимъ почетомъ.

Каждый учитель имѣетъ у себя одного или двухъ помощниковъ (*халифе*) изъ старшихъ учениковъ, которые занимаются съ остальными во время его отсутствія, приглашаютъ за порядкомъ и репетируютъ съ маленькими заданные имъ уроки. Эти халифе избираются изъ лучшихъ, окончившихъ курсъ учениковъ, и только ради практики въ каллиграфіи, но репетиторами они служатъ, такъ сказать, изъ чести, не получая за это никакого вознагражденія.

Полный курсъ мектеба продолжается семь лѣтъ, и въ теченіе этого срока всѣ книги, входящія въ составъ сего курса, должны быть твердо выучены учениками и не иначе, какъ наизусть, «слово въ слово и буква въ букву». Пока это не достигнуто, мальчикъ не можетъ покинуть школу. Часто ученики не понимаютъ изъ заученнаго ни одного слова, въ особенности корана, который проходитъ по-арабски; но пониманія отъ нихъ и не добиваются, въ томъ соображеніи, что поймутъ-де и послѣ, когда подрастутъ и станутъ умнѣе, а пока надо-де стараться только, чтобы то, что входитъ въ главнѣйшія основы мусульманскаго вѣроученія, навѣки твердо запечатлѣлось въ ихъ памяти. Обыкновенно поступаютъ въ школу дѣти съ пятилѣтняго возраста, причемъ наиболѣе одаренные памятью кончаютъ курсъ на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году жизни, послѣ чего переходятъ въ медресе. Учатся всѣ въ одной комнатѣ, не подраздѣляясь на классы. Да при такой системѣ преподаванія оно и не нужно, такъ какъ тутъ главная задача не въ послѣдовательномъ развитіи способностей ребенка, а въ томъ, чтобы заставить его выдолбить наизусть положенное число книгъ. Поэтому они и долбятъ всѣ вкупѣ, во каждый свое, самостоятельно.

Годы мектеба, можно сказать, самые тяжелые въ жизни учащагося мусульманина, потому что проводя за книгой каждый день отъ *баумдаты* до *шамъ* ¹⁾, эти дѣти освобождаются отъ ученія только по пятницамъ и, какъ уже сказано, не пользуются даже каникулярнымъ временемъ. При такой тяжелой системѣ ученія нужно только удивляться, какъ они ее выдерживаютъ!

¹⁾ *Намазъ-баумдатъ*—утренняя молитва по восходѣ солнца, *намазъ-шамъ*—молитва предъ захожденіемъ солнца, часовъ въ пять пополудни. Мусульмане въ теченіе дня обязаны творить пять молитвъ. Кромѣ двухъ помянутыхъ, остальные суть: *намазъ-пиченъ*—полуденная, *намазъ-дигеръ*—въ два часа дня и *намазъ-куфтилъ*—послѣ заката солнца.

Кромѣ мектебовъ, здѣсь есть еще начальныя школы и для дѣвочекъ, называемыя *библихалифе* или *биссатунъ*, гдѣ обучаются преимущественно дочери состоятельныхъ родителей. Система обученія та же, что и въ мектебахъ, но съ тою разницей, что здѣсь главное вниманіе обращается на обученіе грамотѣ по-таджикски и по-узбекски, какъ на наиболѣе необходимое въ практической жизни, затѣмъ на изученіе Гафиза и другихъ поэтовъ; религіозная же сторона обученія ограничивается нѣсколькими необходимыми сурѣ Корана, затѣмъ Фарзегайномъ и Чаръ-Китабомъ.

Начальныя школы очень распространены во всемъ Бухарскомъ ханствѣ. Не только города, но каждый кишлакъ, и даже самый бѣдный, непременно имѣетъ свой особый мектебъ, а чуть селеніе побогаче, то и два и три мектеба, и такимъ образомъ въ среднемъ выводѣ приходится по десяти начальныхъ школъ на одну медресе. Кромѣ того, каждый городъ имѣетъ не менѣе двухъ-трехъ школъ для дѣвочекъ.

Желая видѣть главную городскую мечеть, я предварительно справился о ней въ книгѣ Н. Ханикова и на приложенномъ къ ней планѣ города. Тамъ, при перечисленіи мечетей-джумма, такъ сказано, соборныхъ, въ числѣ восьми, главное изъ нихъ, подъ нумеромъ первымъ, названа Бляндъ и при этомъ (стр. 84) сказано: «сія послѣдняя (то-есть мечеть-джумма) всѣ каменные и кромѣ первой ни одна не можетъ исполнить того, что законъ требуетъ отъ такой мечети ¹⁾, первая же можетъ помѣстить тысячу до десяти человекъ, если не всѣхъ внутри, то по крайней мѣрѣ такъ, что имъ всѣмъ будутъ слышны слова намаза». Основываясь на этомъ свидѣніи, мы просили нашего пристава показать намъ медресу Бляндъ, на что онъ отвѣтилъ полною готовностью.

Долго вели насъ разными улицами и переулками, тишину коихъ нарушалъ время отъ времени только дѣтскій шумъ въ мектебахъ, но ни торговли, ни бойкаго движенія не замѣчалось. Это служило прямымъ указаніемъ, что мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ городского центра. Но вотъ наконецъ провожатые наши остановились предъ каменнымъ заборомъ, въ которомъ находилась двусторчатая деревянная дверь, и объявили: «адъсь»!

Мы слѣзли съ лошадей и, пройдя въ дверь, очутились предъ небольшою мечетью, двѣ стѣны коей охватывала широкая крытая ве-

¹⁾ Законъ требуетъ, чтобы главная мечеть города, мѣстечка или селенія могла выстѣть въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жителей онаго, дабы всѣ они одновременно могли совершать общій намазъ и слышать священныя слова корана. Понятно, что для большихъ городовъ это дѣло физически невозможное, и потому въ нихъ допускается сомысловое существованіе нѣсколькихъ главныхъ мечетей.

ранда (*айванъ*) на рѣзныхъ деревянныхъ колоннахъ, окаймленная рѣшетчатою балюстрадой.

Мулла-мугевали, который жилъ на томъ же дворѣ въ отдѣльной мазанкѣ, отперъ намъ одну изъ тяжелыхъ узорчато-рѣзныхъ дверей, и мы вошли въ роскошно отдѣланную свѣтлую мечеть, гдѣ мехрабъ (горнее мѣсто), каеэдра, куполь, потолоки и стѣны были покрыты мелкими арабесками, и надписями изъ отлично сохранившейся мозаики. Полъ и настѣнные панели, составленные въ шашку изъ осмигранныхъ большихъ и четырехгранныхъ меньшихъ кафель синяго (ультрамариноваго оттѣнка) и темно-зеленаго цвѣтовъ, блистали своею свѣжестью, словно бы только вчера вышли изъ-подъ руки мастера. А между тѣмъ вся эта прелесть существуетъ уже третье столѣтiе и, что всего удивительнѣе, не въ примѣръ прочимъ успѣла какими-то судьбами сплона сохраниться въ своемъ первоначальномъ видѣ, а это здѣсь величайшая рѣдкость. Подборъ мозаичныхъ колеровъ и сочетанiе узоровъ съ архитектурными линиями таковы, что ничто не рѣжетъ въ нихъ глаза, ничто не выдается, не кричитъ, а между тѣмъ въ цѣломъ являетъ собою какой-то мягкiй успокоительный колоритъ, назвать который въ точности я не умѣю: это нѣчто мечтательное, неопредѣленное, но необычайно прiятное для глаза. Таково по крайней мѣрѣ было мое первое впечатлѣнiе, вынесенное изъ непродолжительнаго общаго осмотра. Чтобы въ точности опредѣлить краски и характеръ деталей, надо было бы разсматривать все это отдѣльно и подробно; мы же оставались въ мечети не болѣе десяти минутъ. Но я не жалѣю объ этомъ: я не знаю ея подробностей, зато цѣльнѣе сохранилось у меня ея общее впечатлѣнiе, полное неувимой гармонiи. Десяти тысячъ человѣкъ однако же мечеть никонимъ образомъ не могла бы совмѣстить не только внутри, но и на всей прилегающей мѣстности. Я думаю, что едва ли бы помѣстилась въ ней и тысяча. Эта очевидная несообразность навела насъ на сомнѣнiе, точно ли показали намъ Баяндъ, а не какую-либо другую междиди. Но приставъ, да и всѣ присутствовавшiе удостовѣряли, что это именно и есть междиди Баяндъ, и что другой такого же наименованiя въ Бухарѣ не имѣется.

— Но гдѣ же тутъ умѣщается десять тысячъ народу?

— Нигдѣ, да и не можетъ столько умѣститься.

— Но вѣдь это ваша главная городская мечеть?

— Которая? эта?.. Нѣтъ, главную мы давно уже проѣхали.

Оказалось, что та въ центрѣ города и называ-

ется междиди Калянъ (великая) или иначе Кокъ-гумбезъ (голубой куполь).

Тутъ только разъяснилось наше недоразумѣнiе, и мы пустились въ обратный путь къ главной, или великой мечети. Пришлось возвращаться почти къ самому Заргеряну, въ сосѣдствѣ съ коимъ она находится.

Какъ разъ напротивъ главнаго портала междиди Калянъ высится порталъ обширной медресе Миръ-Арабъ. Оба зданiя стоятъ на продолговатой площади; но весьма широкая и высокая кирпичная терраса, что разстилается предъ порталами Миръ-Араба и тянется во всю длину площади, суживаетъ эту послѣднюю до ширины обыкновенной улицы, и чтобы удобнѣе окинуть взглядомъ главный фасадъ междиди Калянъ, надо взобраться на террасу и отойти къ portalу Миръ-Араба, а еще лучше подняться на плоскую кровлю праваго крыла этой медресе. Отсюда вполне открытая высокая продолговатый фронтонъ въ формѣ четырехугольника, весь облицованный разноцвѣтными кафлями. Продольные бока его обрамляются двумя широкими плоскими пилястрами, раздѣленными поперекъ на пять равныхъ частей, обведенныхъ бордюрами, и въ каждой изъ нихъ очерчено по одной фальш-нишѣ, слегка заостренной къверху. Площади этихъ фальш-нишъ продольно покрыты зигзаговидными узорами, контуры коихъ ближе всего можно бы сравнить съ цѣпью бубновыхъ троекъ, а внутри ихъ располагаются мелкiя арабески. Въ общемъ вся эта кафельная мозаика походитъ на громадный пестрый коверъ, прорѣзанный по срединѣ высокой и тоже слегка заостренной пишей портала, въ глубинѣ которой темнѣетъ открытый портикъ такой же формы, но меньшихъ размѣровъ, ведущiй въ притворъ мечети. Боковыя крылья зданiя на три пятыхъ ниже фронтона и представляютъ собою галерею нишъ такой же формы, отдѣленныхъ одна отъ другой плоскими пилястрами, вдоль которыхъ идутъ такiе же зигзаговидные узоры, какъ и на главныхъ пилястрахъ. Порталъ своей вышиной совершенно маскируетъ тамбуръ высокаго купола, находящiйся позади его надъ центральной частью мечети, такъ что надъ верхнимъ его карнизомъ вы видите въ перспективѣ только голубую шапку этого купола въ формѣ азиатскаго шлема, какъ бы висящую въ воздухѣ. Вышнiй видъ междиди Калянъ, благодаря ея куполу и продолговатой вышинѣ портала, въ общемъ производитъ своеобразное и очень эффектное впечатлѣнiе массивности, соединенной съ легкостью: это нѣчто монументальное, но въ то же время какъ бы несущееся вверхъ, въ небесныя выси.

Къ сожалѣнiю, намъ не удалось проникнуть внутрь мечети. Когда мы изъявили на то же-

ланіе, мнѣ показалось, что нашъ приставъ какъ будто нѣсколько замаялся, но затѣмъ, сейчасъ же сообразивъ что-то, сказалъ, что поспѣетъ устроить это дѣло и съ поспѣшностью самъ пошелъ куда-то разыскивать муллу-мутевалия. Минутъ пять спустя онъ возвратился и, съ видомъ притворнаго сожалѣнія, извиняясь объявилъ, что къ крайней его досадѣ мутевалии нѣтъ дома—ушелъ-де не то въ гости, не то на базаръ и ключи унесъ съ собой, и когда вернется домой—неизвѣстно. Очевидно, это была только наскоро придуманная отговорка, а сущность въ томъ, что приставъ стѣснялся ввести въ мечеть кяфировъ на глазахъ у всей правовѣрной базарной публики, среди которой всегда шатается множество всевозможныхъ дуванъ и календарей, которые легче легкаго могли бы изъ-за этого поднять въ толпѣ ропотъ на правительство за допущеніе такого поруганія религіи.

При меккиди Калаяъ, на той же площадкѣ, находится круглая столпообразная банья манари Калаяъ—великій минаретъ. Она построена изъ жженныхъ кирпичей, отѣнки конихъ подобраны такимъ образомъ, что изъ нихъ выходятъ разные узоры. Минаретъ стоитъ въ концѣ узенькой площадки, вымощенной ровными каменными плитами, и имѣетъ въ окружности при основаніи 35 шаговъ, а высоты 70 *язей*, или 87½ арш. ¹⁾, но высота эта значительно скрадывается ближайшимъ сосѣдствомъ съ обѣихъ сторонъ такихъ высокихъ и громадныхъ зданій, какъ меккиди Калаяъ и Миръ-Арабъ. Надъ верхнимъ карнизомъ минарета устроена кирпичная вышка съ четырьмя продолговатыми окнами, изъ которыхъ по пятницамъ четыре муэдзина въ одинъ голосъ кричать призывъ къ молитвѣ на всѣ четыре страны свѣта. Но въ то же время эта самая вышка служитъ еще и для другой, вовсе уже не божественной цѣли: съ нея по пятницамъ иногда свергаютъ внизъ головой преступниковъ, приговоренныхъ къ этому роду казни. Палачъ ставитъ осужденнаго на подоконникъ, скручиваетъ ему веревкой руки назадъ, туго связываетъ у щиколотокъ ноги, затѣмъ даетъ хорошій подзатыльникъ, и человекъ летитъ на мостовую. Последняя изъ такихъ казней, говорятъ, была совершена въ 1871 году надъ двумя разбойниками.

Хотѣли мы было съ высоты манари Калаяа полюбоваться общимъ видомъ города *à vol d'oiseau*, но... оказалось, что ключи все у того же мутевалия, который ушелъ не то на базаръ не то въ гости, а дѣло въ томъ, что всходить на эту вышку, какъ узнали мы потомъ, имѣютъ право только муллы главной городской мечети да палачи его высокостепенства.

Отъ меккиди Калаяъ препроводили насъ

въ сѣверо-восточную часть города, гдѣ находится Гузари-Писияъ, или иначе Махала-Писъ—кварталъ прокаженныхъ, который намъ хотѣлось видѣть тоже какъ одну изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей.

Расположенъ онъ между Мазарскими и Самаркандскими воротами, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ большимъ кладбищемъ Ходжа-Нуръ-Абадъ, и не отдѣленъ отъ остальныхъ частей города ни валомъ, ни стѣной, такъ что, не предупреди насъ приставъ, мы и не догадались бы, что находимся уже въ чертѣ запретнаго мѣста.

Особенность квартала сказывалась только въ полной тишинѣ его. Городской шумъ остался гдѣ-то позади насъ и вскорѣ совершенно замеръ. Тихая улица, по которой мы ѣхали, отличалась отсутствиемъ людского движенія, намъ не попалось наустрѣчу ни одного прохожого, даже собакъ не было видно. Ведетъ она къ кладбищу и называется такъ же, какъ и оно—Ходжа-Нуръ-Абадъ. Небольшія преземптыя мазанки ютились въ ней за низкими глиняными стѣнками, подъ сѣнью обнаженныхъ вѣтвей тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ, по которымъ перепархивали сороки. И около этихъ мазанокъ, точно такъ же какъ и среди улицъ, не замѣчалось никакого людского движенія и домашней жизни. Кое-гдѣ только куры копались на смети, да тощая, бѣлая, длинношерстая кошка осторожно пробиралась по крышѣ ²⁾. Вообще по этой тишинѣ и отсутствію жизни можно было бы подумать, что мы вдругъ попали куда-нибудь за городъ, въ опустѣвшую деревню.

Вотъ въ сторонѣ надъ квадратнымъ прудкомъ выглядываетъ изъ-за деревьевъ маленькая мечеть съ айваномъ и болтающимся на шестѣ конскимъ хвостомъ, но и около нея все пусто, не видать ни уродливыхъ лицъ, ни молящихся. Вотъ слѣва на нѣсколько десятковъ саженъ потянулось вдоль улицы кладбище, но и тамъ ни души. Это, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ въ Бухарѣ, совсѣмъ въ противность Стамбулу, кладбища обыкновенно пусты; ни играющихъ дѣтей, ни группы закутанныхъ женщннъ ни разу здѣсь не встрѣтилъ я между могилами, тогда какъ въ Турціи посѣщеніе кладбищъ и мечтательный отдыхъ подъ кипарисами составляютъ даже своего рода удовольствіе, пріятную прогулку.

Устроено это кладбище довольно своеобразно, аршина на четыре выше уровня улицы, какъ бы на террасѣ, такъ что ряды остросводчатыхъ гробницъ, торчащихъ на высотѣ кирпичной стѣнки, приходится вровень съ кровлями жилыхъ строеній, а то и выше. Въ городѣ встрѣчается нѣсколько подобнымъ же образомъ устроенныхъ кладбищъ, и ужъ не знаю, послужитъ

¹⁾ Бухарскій *язъ* равняется 1½ аршина.

²⁾ Въ Бухарѣ всѣ кошки бѣлыя.

жили ли для этого ровные площадки естественных возвышеней почвы, концы бока были срытаны и для опоры обведены потом кирпичною стѣной, или эта послѣдняя, какъ увѣряетъ нашъ приставъ, послужила какъ бы япикомъ для нарочно натасканной и утрамбованной земли. Думаю, впрочемъ, что такъ какъ городъ стоитъ на плоскомъ днищѣ высохшаго озера, то и послѣднее предположеніе не совсѣмъ невѣроятно.

Но вотъ съ тихой улицы повернула мы въ не мѣле тихій переулокъ, по имени Джаафаръ-Ходжа, и здѣсь у нѣкоторыхъ калитокъ въ первые стали попадаться намъ сидящіе дѣти и согбенныя фигуры взрослыхъ, удрученныхъ своею ужасною болѣзью. Тѣ и другіе тихо просили милостыню, но чуть лишь бросили мы имъ нѣсколько мелочи, какъ въ ту же минуту, словно по сигналу, изъ всѣхъ калитокъ вдругъ нахлынула къ намъ толпа прокаженныхъ разныхъ половъ и возрастовъ, и съ молящими криками, указывая на свои отвратительныя язвы и протягивая руки за подавненіемъ, жадно бѣжала у нашего стремени. Новыя пригоршни выброшенной имъ мелочи, казалось, еще усилили ихъ жадность и стремленіе къ погонѣ за нами, такъ что намъ оставалось только поскорѣе выбраться отсюда за черту, далѣе которой не смѣютъ проходить прокаженные.

Въ самомъ дѣлѣ ужасная болѣзнь, и надо видѣть ее воочию, чтобы постичь весь ея ужасъ. Эти изъязвленные руки съ гниющими и отпадающими суставами, эти пупырчатые, волдырявые и рубцоватыя лица и головы, нѣрѣдко превратившіяся въ одну сплошную язву, покрытую корой, на которой чуть видны гноящіеся глаза, а нозь и ротъ обозначаются лишь провалившимися дырами, все это такъ ужасно и отвратительно, что не всякіе нервы выдержатъ безъ содроганія одинъ видъ такого больного. Называется здѣсь эта болѣзнь *махао-нисъ* и начинается она обыкновенно съ того, что тѣло покрывается сыпью, а затѣмъ нѣкоторыя части, преимущественно конечности, пріобрѣтаютъ неестественно матовый, молочно-бѣлый цвѣтъ кожи, которая мѣстами иногда твердѣетъ въ родѣ копытнаго рога, а иногда шелушится и при этомъ получаетъ чешуйчатый видъ, словно змѣиная шкура. Пятна эти, распространяясь все далѣе и далѣе, покрываютъ наконецъ все тѣло. Вмѣстѣ съ этимъ, голова и лицо покрываются уродливыми лунырками, рубцами и шишками, которыя трескаются и изъязвляются; лимфатическія железы припухаютъ, отдѣленія кожи прекращаются, мускулы атрофируются, ноги начинаютъ пухнуть отъ отека и утолщаться бугристыми желваками до того, что становятся слонообразными; чувство осязанія въ организмѣ притупляется, такъ что больной не ощущаетъ даже обжоговъ, ногти прошатаются, слизистыя оболочки рта, носа и глазъ

поражаются утолщеніями и изъязвленіями, вслѣдъ за которыми начинаютъ гнить гортань, кости нѣба, носовые хрящи и суставы пальцевъ, въ ранахъ заводятся черви; затѣмъ нозь проваливается, а суставы постепенно отпадаютъ, дыханіе становится крайне зловоннымъ, и больной чувствуетъ, что ему все болѣе и болѣе не хватаетъ воздуха. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ полное разстройство нервной системы и желудочныхъ отправленияхъ, причемъ первое проявляется судорогами и корчами, а второе сильными запорами, и наконецъ болѣзнь эта всегда сопровождается лихорадкой и часто сведеніемъ конечностей и позвоночника. Но замѣчательнѣе всего то, что пораженные проказой, эти смердѣющіе ходячіе трупы, обреченные заживо на постепенное разложеніе, могутъ жить очень долго и нѣрѣдко дотягиваютъ до глубокой старости. Болѣзнь передается заразой отъ болѣе или менѣе продолжительной совместной съ больнымъ жизни и поражаетъ безразлично какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, и вѣдомъ зовутъ ее здѣсь страшнымъ наказаніемъ Вожимъ, потому что прокаженный тотчасъ же становится отверженцемъ, лишается въ обществѣ всѣхъ своихъ правъ, какъ бы умираетъ гражданскою смертію. Проѣзжая мимо прокаженнаго и бросая ему милостыню, мусульманинъ всегда произноситъ съ покаяннымъ вздохомъ: «тоба, тоба!»—т. е. каюсь въ грѣхахъ своихъ—до такой степени сильное впечатлѣніе, какъ бы кары небесной, производитъ одинъ видъ несчастнаго. При первыхъ признакахъ болѣзни, прокаженнаго тотчасъ же изгоняютъ изъ города въ особый кварталъ, за черту котораго онъ уже никогда болѣе не смѣетъ переступить. За этимъ зорко и строго наблюдаетъ постоянная стража въ устьяхъ улицъ, впадающихъ въ Гузари-Шисъ, да и сами жители этого квартала весьма ревнивы къ своимъ собратамъ по несчастью. Чуть только прослышатъ они, что кто-нибудь въ городѣ заболѣлъ проказой, избранная депутація прокаженныхъ тотчасъ же является на границу своей территоріи и требуетъ немедленной выдачи себѣ такого-то на водвореніе. Часто ближайшіе родственники больного, изъ чувства состраданія и семейной привязанности, стараются скрыть поразившее ихъ несчастье и держать больного гдѣ-нибудь у себя дома въ изолированномъ помѣщеніи, но это вообще строго преслѣдуется, и рѣдкія исключенія допускаются только въ пользу знатныхъ и богатыхъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ депутація прокаженныхъ требуетъ за больного въ свою пользу ежегодный выкупъ въ размѣрѣ отъ 250 до 500 тенговъ ¹⁾.

У нихъ въ кварталѣ есть свой выборный акъ-сакаль (старшина) и свой казіи для раз-

¹⁾ Отъ 50 до 100 руб. металлическихъ.

бора тяжёлыхъ дѣлъ и споровъ, оба изъ числа прокаженныхъ, а также особы мечети, мектебы, бани и базаръ, гдѣ обязанности муллы, учителей, банщиковъ и торговцевъ исполняютъ сами же прокаженные.

Торговое общеніе съ городомъ происходитъ у нихъ обыкновенно такимъ образомъ, что на границѣ квартала въ лѣтнее время сходятся базарные акт-сакалы и торговые приказчики съ городскихъ базаровъ и съ базара прокаженныхъ, причемъ эти послѣдніе заявляютъ, что имъ нужно такихъ-то и такихъ-то продуктовъ и товаровъ въ такомъ-то количествѣ. Цѣна уже извѣстна, а если нѣтъ, то тутъ же сторговываются, и къ слѣдующей сходкѣ имъ доставляется все нужное изъ города. Кромѣ того, многіе родные и благотворители обыкновенно по четвергамъ приносятъ имъ туда подаваніе въ видѣ хлѣбныхъ лепешекъ, кебабовъ и паала, а также и старое носильное платье.

Прокаженные вообще очень заботятся о продолженіи своего потомства и потому охотно вступаютъ между собою въ бракъ. Дѣти, происходящія отъ такихъ браковъ, разумѣется, еще въ утробѣ матери обречены на ту же болѣзнь и потому, подобно своимъ родителямъ, не пользуются за чертой квартала никакими гражданскими правами. Но замѣчательно, что чаще всего родители они безо всякихъ вѣшнихъ признаковъ болѣзни, которая обнаруживается у нихъ только впоследствии, нерѣдко уже на пятнадцатомъ и даже на восемнадцатомъ году жизни.

Впрочемъ, случаи заболѣванія проказой, относительно общей цифры городского населенія, можно назвать довольно рѣдкими. Несравненно болѣе терпимъ Бухара отъ другой, весьма распространенной здѣсь болѣзни, называемой *риштой*, и отъ *яря-афгани*, то есть афганской язвы.

Ришта является прямымъ послѣдствіемъ употребленія въ питье сырой воды изъ здѣшнихъ арыковъ и хаузовъ въ особенности и развивается преимущественно лѣтомъ, отъ малго августа. По наблюденіямъ покойнаго А. П. Федченко, зародыши ришты находятся въ циклопахъ, едва замѣтныхъ глазу водяныхъ рачкахъ, массами водящихся въ стоячей водѣ. Наблюденія же доктора М. Клоцотовскаго привели его къ заключенію, что ришта провираетъ въ тѣло чрезъ кожу. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ уже въ тѣлѣ человѣка, ришта превращается въ длиннаго (свыше полутора аршина) тесемчатого глиста, похожаго съ виду на отварную вермишель, наощупь довольно плотнаго и эластичнаго, головка у него овальная, а хвостикъ веретенообразный. Мѣстомъ своего пребыванія въ человѣческомъ организмѣ глестъ этотъ избираетъ преимущественно попи, но попадаетъ и въ другихъ частяхъ тѣла. Гибзится онъ въ подкожной или меж-

думускульной клѣтчаткѣ, обыкновенно вытянувшись во всю свою длину или же свернувшись въ клубокъ; но въ послѣднемъ, болѣе рѣдкомъ случаѣ клубокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ переплетенныхъ между собою особей. Нерѣдко въ человѣкѣ живетъ по нѣскольку особей въ различныхъ частяхъ тѣла, и Н. Ханьковъ приводитъ примѣръ одного хивинца, у котораго ихъ было сто двадцать. Присутствіе ришты обнаруживается общео-опухолью пораженнаго члена, и если глестъ свернулся въ клубокъ, то къ опухоли присоединяются узловатые волдыри, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ ихъ головки, образуется красный нарывчатый прыщъ. Явленіе это сопровождается сильнымъ зудомъ и дерганьемъ; человѣкъ испытываетъ постоянный внутренній жаръ, сухость во рту и жажду, и освободить его отъ такой напасти можно не иначе, какъ только извлекая глеста соемъшъ пошъ изъ тѣла. Мѣстные врачи (тебибъ) и даже цирюльники производятъ эту операцію очень искусно: когда нарывъ назрѣваетъ, они осторожно вскрываютъ его бритвой или ножницами и, увидѣвъ голову ришты, подпускаютъ подъ нее маленький крючечекъ, съ помощью коего и вытягиваютъ ее пальцами наружу. Тогда головка ущемляется между двумя деревянными спичками, которыя затѣмъ накрѣпо связываются между собой ниткой или шелковинкой. Если же головка не найдена, то можно ущемить между спичками и тѣло, просунувъ подъ него одну изъ таковыхъ, и разъ все это продѣлано, начинается самая трудная часть операціи, состоящая въ томъ, что тебибъ осторожно и постепенно вытягиваетъ глеста наружу, наматывая его на спичку какъ на катушку, а его помощникъ медленно третъ, нажимая ладонью, вдоль пораженнаго члена по направленію къ равкѣ, чтобы подгонять ришту къ выходу. Если глестъ наматывается легко, то все дѣло кончается въ нѣсколько минутъ, и тогда остается лишь заживить рану. Но если онъ идетъ очень туго или вовсе не подается впередъ, тогда операція на нѣкоторое время прекращаютъ, оставляя вымотанную часть ришты на спичкахъ, которыя забинтовываются на пораженномъ членѣ до другого раза. Операція наматыванія требуетъ большой осторожности и сноровки, потому что при своей эластичности тесма ришты легко можетъ оборваться, и тогда больному бѣда. Тутъ уже начинаются серьезные страданія на всю жизнь, иногда и со смертельнымъ исходомъ, вслѣдствіе того, что тѣло ришты разлагается и производитъ алокачественное нагноеніе въ занимаемомъ имъ каналѣ. Страданія эти выражаются опухолями и сильною ломотой въ костяхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло глеста проходило между сочлененіями или въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ

ними. Еще хуже бывает, когда головка остается въ человѣкѣ. Тогда, сохраняя въ себѣ достаточно жизнѣнности, потерпѣвшій паразитъ немедленно ищетъ себѣ другого мѣста и забирается куда-нибудь поглубже, внутрь организма, откуда его уже невозможно вытянуть. Тамъ онъ отростаетъ снова, поражая своимъ прикосновеніемъ жилы и нервы, вслѣдствіе чего у больного сводятъ руки и ноги, которыя послѣ того начинаютъ сохнуть, и человѣкъ либо остается на всю жизнь калѣкой, либо умираетъ отъ истощенія. Бухарцы приписываютъ эту болѣзнь исключительно водѣ своихъ арыковъ и хаузовъ и потому стараются употреблять ее только прокипяченную; въ сыромъ же видѣ она опасна настолько, что фрукты, обмытые ею, нерѣдко служатъ причиной заболѣванія.

Въ той же хаузной водѣ кроется причина и другой общераспространенной въ Средней Азійи язвы, которую бухарцы называютъ *афганскою*, а русскіе *сартовскою* болѣзью, и которая иначе еще называется *ниа-хурда*, то есть злая или ѣдкая муха. Рѣдкій человѣкъ въ Бухарѣ избѣжалъ этой неопытной и продолжительной болѣзни, которая болѣе всего случается въ дѣтствѣ, поражая преимущественно лицо и руки. Дѣлается она, повидимому, безъ всякой замѣтной причины: просто образуются на лбу или на щекахъ розоватое пятно, постепенно принимающее болѣе сильную окраску до сине-багровой включительно. Пятно это оплотняется и становится узловатымъ, а затѣмъ на немъ открывается мокрая язва. Иногда простой паразитъ или нечаянно сорванного прыщика на лицѣ бываетъ достаточно, чтобы такая ничтожная ранка перешла въскорѣ въ *яря-афгани*. Болѣзнь, если ее предоставить самой себѣ, обыкновенно длится болѣе года, иногда даже до двухъ лѣтъ, и потомъ проходитъ сама собою, но, къ сожалѣнію, навсегда оставляетъ по себѣ довольно глубокой шрамъ, нерѣдко безобразный очень красивыя лица. Сарты лечатъ ее вытравливаніемъ посредствомъ ѣдкой мази, составленной изъ мѣднаго купороса, уксуса и меда. М. А. Терентьевъ *) полагаетъ, что названія яря-афгани и *ниа-хурда* указываютъ только на попытку объяснить происхожденіе болѣзни, но что во всякомъ случаѣ гдѣ бы ни была ея родина, это есть одинъ изъ видовъ лепры (проказы), который распространяется по арыкамъ. «Вода, говоритъ онъ, проходя чрезъ весь городъ и омывая на каждомъ дворѣ всякіе секреты, несетъ ихъ далѣе и, чистая на видъ, заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія». И дѣйствительно, язва эта болѣе всего развивается на лицѣ и рукахъ, какъ на наиболѣе омываемыхъ частяхъ тѣла.

*) «Материалы для статистики Туркестанскаго края», т. II, 113.

Въ заключеніе должно упомянуть еще объ одной мѣстной болѣзни, которая лѣтомъ особенно поражаетъ новопріѣзжихъ и состоитъ въ томъ, что больной, не чувствуя нигдѣ ни малѣйшей боли, впадаетъ въ общее разслабленіе, становится до крайности вялымъ, сонливымъ, самая легкая работа возбуждаетъ въ немъ величайшее отвращеніе, аппетитъ пропадаетъ, каждое движеніе становится въ тягость. При стараніи пересилить себя и не спать, съ больнымъ дѣлаются обмороки; неодолимая сонливость овладѣваетъ имъ все болѣе и болѣе, пока наконецъ не переходить въ смерть. Способъ леченія только одинъ: немедленное бѣгство изъ Бухары куда-нибудь подальше, въ горы, гдѣ воздухъ свѣжъ и не такъ жарко. Мѣстное названіе этой болѣзни представляетъ довольно любопытное тождество съ однимъ изъ нашихъ народныхъ кушаній: называется она *лапшой*.

Хотѣлось намъ осмотрѣть дворецъ, его внутреннее расположеніе, его залы и убранство, вообще видѣть обстановку, въ какой обыкновенно живетъ его высокостепенство, но пристава возразилъ, что безъ особаго разрѣшенія хазрета сдѣлать этого никакъ невозможно. Желали мы также видѣть Зинданъ (тюрьму) и Кана-хане—знаменитый клоповникъ, но пристава и отъ этого уклонился, сославшись на необходимость опять же особаго разрѣшенія, а всаульбаши при этомъ простосердечно привялся даже увѣрить, что тамъ, ей-ей, нѣтъ ровно ничего хорошаго и смотрѣть совсѣмъ не на что, одна гнусность, преступники и мошенники, которые исполнѣ заслужили свою участь, и только! «И что, молъ, за охота порядочнымъ людямъ омрачать свои благородные мозги не то-что зрѣлищемъ, а даже одною мыслью о такой мерзости!»

Замѣтили мы также, что сегодня пристава наши старательно избѣгаютъ регистанъ и вообще мѣстность около урды, каждый разъ сворачивая на кружные пути, вѣсело того, чтобы пробѣжать иногда кратчайшимъ, прямо чрезъ площадь. И когда ихъ спрашивали, отчего-де не ѣдемъ прямою дорогой, то они либо отмазывались, какъ бы не замѣтивъ вопроса, либо вскользь бросали отвѣтъ, что такъ лучше.

— А знаете причину?—обратился ко мнѣ майоръ Байтоковъ.—Тамъ у нихъ сегодня, я слышалъ, кому-то голову рѣзали, а по здѣшнему закону трупъ казеннаго долженъ пролежать на площади не менѣе какъ до заката солнца. Поэтому они и избѣгаютъ регистанъ, не желая, вѣроятно, чтобы мы видѣли такое зрѣлище.

Предположеніе весьма возможное, и по-моему хорошо уже и то, что здѣсь начинаютъ стыдиться показывать постороннимъ такіе вещи, какъ трупы казенныхъ, и такіе достопримѣчательности, какъ Зинданъ и клопов-

никъ. Лѣтъ десять тому назадъ не постигались бы.

А кушъ-беги, оказывается, и сегодня не былъ у насъ съ визитомъ.

26-го января.

Свѣтлый, теплый день; морозъ не болѣе $\frac{1}{2}$ градуса по Реомюру.

Князь никого изъ насъ не посвятилъ въ сущность своихъ вчерашнихъ переговоровъ о телеграфѣ съ Магометъ-Шерифъ-иваномъ, но, кажется, остался доволенъ ихъ результатомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сказывалъ Байтокову его ординарецъ Асланбекъ, служившій вчера за переводчика.

Вечеромъ посѣтилъ меня довѣренный фирмы братьевъ Каменскихъ, молодой человекъ, постоянно живущій здѣсь вмѣстѣ со своею женою. Жалуются, между прочимъ, что неприятно жить изъ-за мелочныхъ придирокъ здѣшнихъ властей. Крупной неприятности, какъ бывало въ прежніе годы, теперь, конечно, сдѣлать не смѣютъ, боятся; но зато на мелочахъ отводить себѣ душу, и все это подъ видомъ крайняго благожелательства; слѣдить за каждымъ шагомъ; безъ разрѣшенія, напримѣръ, нельзя отлучиться по дѣламъ въ какой-нибудь другой городъ: надо напередъ сказать, что ѣду, молъ, куда-то, за такимъ-то дѣломъ и настолько-то времени. Вообще, русскіе здѣсь окружены цѣлою системой шпионства: куда ходилъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ видѣлся, о чемъ говорилъ, что сдѣлалъ—все это выслѣживаютъ, выспрашиваютъ, выспрашиваютъ тайкомъ у конторской прислуги изъ гуземцевъ и немедленно обо всемъ пишутъ арзы (донесенія) по принадлежности. Ужасно подозрительный и хитрый народъ эти чиновники, хотя и увѣряютъ безпрестанно въ своей дружбѣ.

Женился этотъ молодой человекъ назадъ тому около года, въ Россіи, куда нарочно затѣмъ и ѣздила. Вернулся обратно съ молодою женою, и жили они тутъ сначала внутри города, въ томъ караванъ-сараѣ, гдѣ помѣщается контора, но теперь пришлось перебраться за городъ, по той причинѣ, что правовѣрные скандализировались присутствіемъ среди нихъ иноземной женщины, которая ходитъ съ открытымъ лицомъ. Претендовали даже на то, зачѣмъ она появляется безъ покрывала внутри своего двора и на внутреннемъ айванѣ собственной квартиры; требовали, чтобы соотечественница наша отказалась отъ европейскихъ костюмовъ, а приняла бы паранджу и чиметъ, но понятно, что безъ особенной привычки не только европейская женщина, а и степная киргизка не въ состояніи этого сдѣлать: при здѣшнемъ зноѣ, отъ духоты невозможно дышать подъ мелкою волосаюною сѣткой, не говоря уже о томъ, что сѣтка жестка и колется. Съ своей точки зрѣнія они быть мо-

жетъ и правы, но во всякомъ случаѣ подобное существованіе очень стѣснительно, и такимъ образомъ, бѣдная женщина обречена какъ бы на заточеніе, не смѣя показаться за порогъ своего дома, и даже во дворъ-то можно ей выйти не иначе, какъ подъ густымъ вуалемъ. Жаловался также на безпрестанныя проявленія мелочного произвола здѣшнихъ чиновниковъ по поводу всякаго пустяка, какой иногда и въ голову не придетъ, на ихъ придирки, изобрѣтательное крючкотворство и прижимки, отъ которыхъ каждый разъ надо откупаться какимъ-либо снляу, то есть взяткой въ видѣ подарка, безъ чего тутъ шагу ступить невозможно, и выражалъ общее желаніе русско-подданныхъ, проживающихъ въ бухарскихъ предѣлахъ, что они-де ждутъ не дождутся когда-то, наконецъ, будетъ назначенъ сюда нашъ постоянный правительственный агентъ, который бы ихъ естественнымъ защитникомъ и покровителемъ. Но этому желанію, кажись, не скоро еще суждено осуществиться...

А кушъ-беги все еще не отдаетъ намъ визита. Что могло бы это значить?..

27-го января.

Въ три часа дня посольство въ полномъ составѣ отправилось съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги. Это было повтореніе почти тѣхъ же церемоній, что и въ прошлый разъ, какъ съ бухарской, такъ и съ нашей стороны; такой-же кортежъ по улицамъ, такой же подъемъ съ регистана въ урду по образу пѣшаго хожденія, такой же достарханъ и завтракъ, и варианты все того-же разговора насчетъ «большой» Россіи и «маленькой» Бухары; затѣмъ взаимные увѣренія въ дружественныхъ чувствахъ и взаимные комплименты—и Бухарата намъ очень понравилась, и весело-то намъ безконечно, и всѣмъ-то мы по горло довольны, и благодаримъ отъ всей души за радушное гостепріимство, а насъ благодарить за честь посѣщенія,—словомъ, все какъ и быть надлежитъ по обычному шаблону, а потому распространяться объ этомъ не стану. Закончилось, конечно, поднесеніемъ подарковъ, но не взаимнымъ, такъ какъ у насъ дарить было уже нечего, то есть въ распоряженіи старшаго посла не нашлось болѣе подарка, соответственнаго высокому положенію кушъ-беги, дарить же несоотвѣтственно сану и достоинству лица здѣсь почитается за верхъ неприличія и въ нѣкоторомъ родѣ даже за обиду. Правда, имѣлось еще въ запасѣ нѣсколько хорошихъ вещей, но тѣ еще въ Ташкентѣ были предназначены генераль-губернаторомъ для сына и наследника эмира, Сендъ-Абдуль-Агатъ-хана, бека Керминенскаго. Отправляясь съ прощальнымъ визитомъ къ кушъ-беги, мы надѣялись, что авось-либо сегодня обойдется дѣло безъ подарковъ и мы будемъ избавлены

отъ неловкости принимать ихъ не отдаривая, но не тутъ-то было!...

Впрочемъ, кушъ-беги на сей разъ ограничился подарками довольно скромныхъ качествъ и размѣровъ, а именно: въ концѣ завтрака его слуги предъ каждымъ изъ насъ положили на полъ по маленькой связкѣ каваса и адыса, въ сложности по девяти кусковъ на человѣка, а къязю сверхъ того прибавили нѣсколько кусковъ бухарскаго бархата. Мы, конечно, очень благодарили, но, говоря откровенно, вѣлзя не сознаться, что кушъ-беги гораздо бы лучше сдѣлалъ, еслибы нашелъ возможнымъ не дѣлать намъ вовсе никакихъ подарковъ и тѣмъ избавилъ бы и себя и насъ отъ обоюдной неловкости. Таковъ, по крайней мѣрѣ, мой взглядъ.

Вобщемъ, возвращаясь еще разъ къ восьмой шекотливой темѣ о подаркахъ, нахожу не лишнимъ высказать на этотъ счетъ еще нѣсколько мыслей. Всѣ эти торги и переторжки, покупки и продажи подарочныхъ вещей на мѣстѣ просто неприличны, хотя это въ нѣкоторомъ родѣ и освящено уже здѣсь обычаемъ и практикуется съ тѣхъ поръ, какъ между Ташкентомъ и бухарскимъ правительствомъ завязались постоянныя официальныя сношенія посредствомъ особыхъ посланцевъ. Мы, конечно, не виноваты, если къ намъ назойливо пристають и понуждаютъ къ тому сами же бухарцы, да и въ самомъ дѣлѣ не везти же съ собой въ Ташкентъ цѣлый транспортъ ни къ чему ненужныхъ халатовъ, что во всякомъ случаѣ и грузно, и дорого, и затруднительно по условіямъ перевозки. Но если уже необходимо продавать подарки, то слѣдовало бы, мнѣ кажется, сдѣлать для русскихъ пословъ и членовъ посольства обязательнымъ: всѣ деньги, что будутъ выручены отъ распродажи подарочныхъ вещей (за исключеніемъ, разумеется, тѣхъ вещей, которыя посолъ и члены пожелаютъ оставить себѣ на память) жертвовать въ самой же Бухарѣ на благотворительныя цѣли, о чемъ и заявлять, при прощальной аудіенціи, самому эмиру и непременно ему самому, вручая тутъ же и деньги, потому что иначе, при передачѣ пожертвованія кому-либо изъ чиновниковъ безъ вѣдома хазрета, оно легко можетъ и не достичь своего предназначенія. Тогда авось-либо мы и отучили бы бухарцевъ отъ обычая дѣлать намъ подарки или, по крайней мѣрѣ, значительно сократили бы размѣры этихъ подарковъ. Тогда, можетъ быть, и бухарцы, въ родѣ совѣтниковъ Каршинскаго бека, отказались бы отъ усвоеннаго ими себѣ убѣжденія, будто русскимъ посламъ пужны не почести и вниманіе, а только подарки да деньги. А то вѣдь это давнымъ-давно уже дошло у насъ просто до скандала; нинимъ словомъ я этого и опредѣлить не могу. Прокутится, наприимѣръ, въ Ташкентѣ какой-ли-

будь господчикъ изъ «фазановъ» и начнетъ всяческими лазейками пронырствовать, какъ бы ему попасть въ посольство въ Бухару «на поправку». Сама Бухара его нисколько не интересуетъ, онъ и знать ее не хочетъ, и видѣть въ ней ничего не желаетъ, а интересна ему только «поправка» на продажѣ подарковъ. И бухарцы чрезъ своихъ негласныхъ ташкентскихъ агентовъ все это прекрасно знаютъ. Судите же сами, чѣмъ, въ сущности, должны казаться въ ихъ глазахъ подобные господа и какого уваженія къ русскимъ посламъ послѣ того мы въ правѣ отъ нихъ требовать! Мнѣ горько высказывать это, и я знаю, что слова мои не понравятся многимъ, но въ то же время убѣжденъ, что люди безпристрастные не найдутъ ихъ несправедливыми.

Остатокъ дня мы провели въ сборахъ къ отъѣзду, который назначенъ на завтра.

А кушъ-беги такъ и не отдалъ намъ визита. Впрочемъ не пріѣдетъ ли завтра на проводы?

IX.

Отъ Бухары до русской границы.

Отъѣздъ изъ Бухары.—Дорога предметами до Богуеддина и характеръ мѣстной культуры. — Бухарскіе ледники. Мѣстечко Богуеддинъ и его обитатели. — Корпорация богуеддинскихъ нищихъ. — Мавзолей Даниаръ-аталыка и могила Абдуллахъ-хана.—Гробница Богуеддина.—Значеніе числа семь въ жизни сего святаго.—Казахи грошники. — Особенности бухарскихъ угощеній и гостепріимства. — Сельское населеніе въ праздникъ. — Вой перепеловъ. — Молотильные курганы.—Мѣстечко Пангадъ.—Ночлегъ въ мѣстечкѣ Бустапъ.—Баземъ въ Вустапъ. Образчики сартовской поэзіи, мадригалы и романсы.—Мервскій танецъ и другія пляски.—Единственное въ своемъ родѣ мѣрило общественной благосостоятельности. — Зарявшанъ и его значеніе для бухарскаго ханства.—Степъ Дашты-Малекъ.—Степное марево. — Мѣстечко Малекъ и его древнія развалины.—Батчи въ почетномъ караулѣ.—Почетные посланцы отъ наслѣднаго принца Бухарскаго.—Городъ Кермине, его цитадель, мечеть и легендарное гнѣздо аистовъ.—Наше помѣщеніе.—Визитъ къ наслѣдному принцу. — Парадная встрѣча. — Дворецъ принца и его обстановка.—Принцъ Сеидъ-Абдуль-Агаты-ханъ, его наружность и характеръ. — Что его интересуетъ. — Смотръ нашимъ казакамъ — «Керминевская» политическая партія и ея планы. — Неожиданная любезность кавказскаго человѣка — Комнатный холодъ. — Дорога отъ Кермине до Зиаеддина. — Послѣдствія каршинскаго урока.—Городъ Зиаеддинъ и его фальшивая крѣпость. — Обстановка дома Зиаеддинскаго бека.—Неудобный почетный караулъ. — Обличительная надпись. — Отъѣздъ изъ Зиаеддина.—Характеръ мѣстности.—Мѣстечки Миръ и Касагаранъ.—Послѣднее бухарское угощеніе посольства.—Русская граница.—Памятникъ на мѣстѣ Зирабулакскаго боя.—Видъ на Зарявшанскую долину. — Русскіе полицейскіе джигиты. — Новая страсть домашняго хозяйства у русскихъ сартовъ. — Городъ Катта Курганъ. — Мы дома.

28-го января.

Выѣхали мы изъ Бухары безо всякой помпы и официальныхъ провожаній, въ восемь часовъ

утра и направились — князь со свитой верхомъ въ Самаркандскія, а я съ Асланбекомъ въ коляскѣ въ Мазарскія (кладбищенскія) ворота. Причина такого раздѣленія заключалась въ томъ, что я, въ качествѣ «любопытнаго путешественника», хотѣлъ видѣть самое священное мѣсто Бухары, а Асланбекъ, въ качествѣ добраго мусульманина, не только видѣть, но и поклониться тамъ гробу святого Богуеддина Накиббendi, который считается патрономъ города Бухары, какъ Кусамъ-Шахи-Зияда и Ходжа-Ахаръ — патронами Самарканда. Насъ сопровождали одинъ изъ приставовъ, всаульбаши, двое полицейскихъ, четверо казаковъ посольскаго конвоя и мой Сайфуддинъ, котораго я взялъ для того, чтобъ онъ, въ случай надобности, могъ послужить мнѣ за переводчика.

Къ Мазарскимъ воротамъ непосредственно примыкаетъ обширное, густо захороненное кладбище съ полуразрушенными мавзолеями и гробницами. Оно относится къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда бухарцы считали еще нужнымъ заботиться о прахѣ своихъ близкихъ и хранить о нихъ воспоминанія въ видѣ надгробныхъ памятниковъ. Съ тѣхъ поръ мавзолей и гробницы давнымъ-давно уже успѣли завалиться, обрушиться и придти въ полное запущеніе, такъ какъ никто не заботится о поддержаніи ихъ въ приличномъ видѣ.

Мѣстечко Богуеддинъ лежитъ къ востоку отъ Бухары, въ девяти перстахъ разстоянія. Дорога ведетъ къ нему широкая, гладкая. По сторонамъ ея тянутся густо заселенные кишлаки и отдѣльные хутора или фермы (*чербахи*), утопая во фруктовыхъ садахъ и виноградникахъ, среди старорослыхъ тополей и платановъ. Тутовыя, хлопковые, табачныя и нныя плантаціи идутъ попеременно съ селеніями. Часто къ самой дорогѣ вдругъ выбѣгаютъ веселыя лужайки и рощицы. Все это разбито правильными четырехугольниками на отдѣльные участки, по одному, по два тавапа и болѣе, обсажено арыками и глиняными стѣнками и обсажено по межамъ рядами тутовыхъ, таловыхъ и тополевыхъ деревьевъ. Снѣгъ совсѣмъ уже стаялъ, и на сырой землѣ начинается кое-гдѣ пробиваться свѣжая травка. Около домовъ на улицѣ соръ подметенъ, арыки не загажены, стѣны во многихъ мѣстахъ побѣлены, всюду замѣтна чистота и порядокъ, такъ что, повидимому, предмѣстья содержатся здѣсь гораздо чище города. Вообще, все пространство между городомъ и Богуеддиномъ представляетъ мѣстность снотна и хорошо культивированную, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ кургановъ, служащихъ кладбищами, и эта культурность производитъ отрадное впечатлѣніе, въ особенности когда вы знаете, какого упорнаго и постоянного труда, какой вѣчной борьбы съ природой стоить она здѣшнему земледѣльцу.

По дорогѣ я имѣлъ случай видѣть, какъ устраиваются въ Бухарѣ ледники. Способъ весьма оригинальный: расчищается гладкая площадка, ровно усыпается крупнымъ пескомъ и ватѣмъ покрывается барданами и чіями¹⁾. На эту подстилку накладываются сплошными рядами большіе куски льда, привозимаго съ большихъ арыковъ, озеръ и хаузовъ, такъ что получается четырехугольникъ, въ длину шаговъ тридцать, въ ширину пятнадцать и въ вышину до двухъ съ половиной аршинъ. Съ боковъ и сверху этотъ ледъ обкладывается опять же чіями и барданами въ нѣсколько рядовъ, которые снаружи покрываются плотнымъ слоемъ глины. Затѣмъ, отступя на пол-аршина, чтобъ оставить извѣстное пространство, какъ бы въ видѣ лазухи, для свободнаго тока воздуха, вынодятся вдругъ ледника толстыя наружныя стѣнки изъ глины, смѣшанной съ саманомъ²⁾ и покрываются плоскою глиняною крошей по обыкновенному сартовскому способу, какъ для сараевъ и навѣсовъ. Говорятъ, что въ ледникѣ, устроенномъ подобнымъ образомъ, ледъ не тая можетъ сохраняться сколько угодно лѣтъ, несмотря на самыя убійственныя и продолжительныя жары здѣшняго лѣта. Ледникъ, который мы видѣли, строился для эмира. Черезъ полчаса мы уже выѣзжали въ Богуеддинъ.

Это — небольшое мѣстечко, съ двумя, тремя заѣзжими дворами, нѣсколькими чайна-ханѣ и небольшимъ базаромъ. Строенія эти съ западной и южной стороны окружаютъ стѣнку небольшого кладбища, которое, въ свой чередъ, окружаетъ со всѣхъ сторонъ стѣны двора, гдѣ находится гробница святого, составляющая какъ бы центральный пунктъ всего мѣста. При кладбищѣ, которое носитъ названіе «Священнаго» (*Мазари-Шерифъ*), находятся монастырь (*ханка*) съ нѣсколькими мечетями, большая медреса, построенная родоначальникомъ нынѣшней династіи, Даниаръ-атамыкомъ³⁾, и садъ Сайми-гули-сурхъ, гдѣ культивируются прекрасныя розы и бываетъ разъ въ годъ большое весеннее гулянье, когда розы только что распустятся. Вся Бухара и самъ эмиръ со всѣмъ своимъ дворомъ и сановниками съѣзжаются тогда въ Сайми-гули-сурхъ любоваться на пышныя кусты разнообразныхъ розъ и наслаждаться ихъ ароматомъ.

Надо замѣтить, что населеніе мѣстечка состоитъ исключительно изъ потомковъ святого

¹⁾ Плетенныя дранчатые цыновки и маты изъ длинныхъ, ровно обрѣзанныхъ и прошитыхъ суровою ниткой тростниковыхъ стеблей.

²⁾ Саманъ — солома изъ-подъ обмолоченнаго хлѣба и соломенная рѣзка.

³⁾ Атамыкъ былъ самый высокій чинъ въ государствѣ, выше котораго никто изъ подданныхъ не могъ уже возвыситься. Онъ былъ равнозначителенъ вице-королю и совмѣщалъ въ себѣ обязанности визиря, главнокомандующаго и мажордома.

Богудина, которые давно уже присвоили себѣ титулъ хаджей⁴⁾ и право селиться около могилы своего знаменитаго предка. Кромѣ ихъ, никто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поселенъ ни въ самомъ мѣстечкѣ, ни на земляхъ, ему принадлежащихъ.

Мы подъѣхали къ высокой аркѣ каменныхъ монастырскихъ воротъ, на которыхъ мирно висится большое гнѣздо аистовъ, гдѣ вывелось уже много поколѣній этой, въ нѣкоторомъ родѣ, тоже священной птицы. Но тутъ оказалось, что ворота эти совсѣмъ особенныя, и особенность заключается въ томъ, что въ нихъ невозможно пройти иначе, какъ только согнувшись, что называется, въ три погибели. Дѣло въ томъ, что въ стѣнѣ пролета, на высотѣ въ половину человѣческаго роста, наглухо вдѣлано поперечное бревно, въ родѣ мертваго барьера; перелѣзая черезъ—высоко, подлѣзая подъ него—низко, надо стать на колѣно, чтобы перебраться, и хорошо еще, что на сей разъ погода была сухая, а то въ грязь совсѣмъ бы плохо пришлось. Это, какъ намъ пояснили, устроено затѣмъ, «да не внидетъ никто въ святое мѣсто съ дерзновенно поднятой головой, но всякъ да преклонится до земли въ преддверіи гробницы святого». Нечего дѣлать, преклонились и вошли.

Отъ самыхъ воротъ начинается длинный, вымощенный булыжнымъ камнемъ проходъ, по бокамъ котораго идутъ сплошные ряды низенькихъ конусообразныхъ мазанокъ, каждая съ дырой, закрывающею и дверь и окно. Все это стро, закончено, грязно и либо голо, либо наполовено какимъ-то отребьемъ и лохмотьями, вообще неприглядно въ высшей степени. Весь проходъ по обѣ стороны усаженъ тѣсными группами нищихъ—слѣпыхъ, калѣкъ, убогихъ и паривыхъ. Тутъ вы встрѣчаете стариковъ и дѣтей разныхъ возрастовъ, и молодыхъ женщинъ, и безобразныхъ старухъ съ открытыми лицами. И тутъ же, къ удивленію, между дѣйствительно убогими, протягиваютъ къ вамъ руки за подаваніемъ здоровенные мускулистые парни лѣтъ двадцати, тридцати, которымъ бы только работать да работать, а они милостыню клявчатъ. Вся эта орава разными голосами скороговоркой кавочить, ноетъ и верещитъ намъ въ уши на извѣстный нищенскій речитативъ и тивется за подавляющей монеткой. Не подавая можно еще кое-какъ пройти; за вами только будетъ слѣдовать съ боковъ и сзади толпа попрошайекъ, которая, по мѣрѣ дальнѣйшаго вашего движенія по проходу, будетъ все прибывать, иногда забѣгая впередъ и надѣлая

своимъ попрошайствомъ. Но, Боже избави, подать имъ что-либо! Чуть только увидать, что вы дали одному, на васъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ нахлынутъ цѣлыя шайки и, обступивъ вплотную, затолкаютъ, затискаютъ, чуть съ ногъ не сшибутъ, чуть не разорвутъ васъ на части, а руки ужъ навѣрное псцарапаютъ. Все это съ лютою жадностью напираетъ одинъ на другого, отстраняетъ и давитъ другъ друга, продирается впередъ, тычется къ вашему лицу съ закорючкими, грязными ладонями, выставляя напоказъ свои зияющія раны и смердящія язвы, хватаятъ васъ за руку, чтобы разжать пальцы и вынуть изъ горсти мелкія монетки и при этомъ галдятъ, оретъ и вопіетъ немилосердно. Мы съ Асланбекомъ просто жизни не рады были, что издумали подавать имъ, и ужъ не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы не нагайки нашихъ полицейскихъ, которые безо всякой церемоніи пошам гулять по спинамъ нападающихъ нищихъ. Первое было только противно, послѣднее же возмутительно до нравственной боли, такъ какъ и безъ того уже жалко было глядѣть на этихъ несчастныхъ, но, къ сожалѣнію, безъ этой крайней мѣры не было иной возможности выручить насъ изъ пастѣвшей на обонхъ оравы. Это не люди, а какая-то стая голодныхъ псовъ, среди которой мы вдругъ появились съ костью. Здоровенные парни, какъ наиболѣе сильные, отталкивали калѣкъ, стараясь сами заступитъ ихъ мѣсто, и если какая копейка перепадала дѣйствительно убогому, лишенному возможности подняться съ земли, то здоровяки просто накидывались на такого и отнимали деньги грабежомъ, употребляя тотъ-же приемъ насильственного разжатія пальцевъ или душенія за горло. Одна старуха, подхвативъ на-лету мѣдную пулу, быстро отправила ее къ себѣ за щеку; но въ тотъ же мигъ какой-то подмѣтившій это дѣтина еще быстрѣе залѣзъ пальцемъ въ ротъ, и сколько ни сопротивлялась старуха, сколько ни мотала головой, какъ ни сжимала губы и какъ ни мычала при этомъ,—дѣтина все-таки вытащилъ у нея монетку. Гамъ и ругательства, давка и драка, хриплые крики и пронзительные визги, дѣтскій ревъ и этотъ явочій, назойливый речитативъ, и эти шелкающіе по чѣмъ ни попада нагайки, все это являло одну изъ такихъ отвратительныхъ картинъ, которыя поневолѣ заставляютъ съ гадливымъ чувствомъ относиться къ человѣку. Тутъ уже утраченъ всякій образъ человѣческій и осталось одно лишь «подобіе звѣрино». Вся эта компанія составляетъ привилегированную корпорацію богудинскихъ нищихъ. Они живутъ на вѣдѣніи монастыря, который даетъ имъ ежедневную пищу и даровое помѣщеніе въ этихъ самыхъ конурахъ, что тянутся вдоль прохода, и многіе, какъ особаго благополучія, домогаются поспать сюда на монастырские хлѣба. Но для

⁴⁾ Надо отличать часто у насъ смѣшиваемыя слова *хаджа* и *хаджи*. Первое принадлежитъ какъ родовой титулъ потомкамъ Абубекра-Садыка и Омара-Уль-Фарука, первыхъ послѣдователей Магомета, а второе составляетъ только почетное прозвище поклонниковъ, побывавшихъ въ Меккѣ и равносильно нашему „странникъ“, „паломникъ“.

этого необходимо нужна протекція со стороны какого либо из жителей сего мѣстечка. Если есть кому похотѣть за желающаго у шейха-мугевалия, то бѣднякъ записывается въ кандидаты и ждетъ, пока не умретъ кто-либо изъ членовъ корпораціи, ибо только въ такомъ случаѣ можетъ онъ попасть на очистившееся мѣсто.

Вѣхо отъ прохода высится четырехсторонній мавзолей съ мавританскимъ порталомъ и куполомъ, построенный изъ обожженаго кирпича, но не оштукатуренный. Внутри его погребенъ Даниаръ-бекъ, отецъ эмира Маассума, всевластный атакъ послѣдняго изъ Аштарханидовъ, Абдуль-Гази-хана, котораго Даниаръ держалъ въ такомъ страхѣ предъ собою, что тотъ безъ его согласія не смѣлъ даже выйти изъ дому. Неподалеку отъ мавзолея, у самыхъ стѣнъ кладбища, находится и медреса имени атакъа новой, довольно красивой, постройки.

Кладбище усѣяно намогильными плитами изъ сѣраго мрамора и кирпичными гробницами, облицованными алебастромъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одинъ памятникъ, имѣющій форму квадратной ограды, сажень около двухъ въ длину и столько же въ вышину, такъ что въ цѣломъ онъ походитъ на кубъ, увѣнчанный сквозною каменною балюстрадой. Какъ рѣшетка балюстрады, такъ и самая ограда сложены изъ большихъ, грубо обтесанныхъ кусковъ сѣраго мрамора и какого-то крупно-зернистаго, съ блестящимъ изломомъ на поверхности, чернаго камня. Ограда доверху наполнена землей, гдѣ и погребенъ Абдуллахъ-ханъ, память о которомъ живетъ и до нашихъ дней во множествѣ его еще уцѣлѣвшихъ монументальныхъ построекъ, въ особенности стѣнныхъ сардобъ и рабатовъ. Глядя на его скромную могилу, невольно приходитъ на мысль, что не грѣшно было бы бухарцамъ почтить достойнымъ мавзолеемъ прахъ того, кто былъ однимъ изъ лучшихъ ихъ государей и оказалъ своей странѣ столько благодѣлій.

Наконецъ подошли мы къ высокой бѣлой стѣнѣ, около которой росло нѣсколько раскидистыхъ деревьевъ. Изъ-подъ ихъ сѣни выглядывали большія ворота, коихъ массивныя деревянныя створы были украшены бронзовыми скобами и нѣсколькими висящими ручками, въ видѣ массивныхъ серегъ, старинной работы и очень красиваго рисунка. Глубоко рельефная узорчатая рѣзба этихъ створъ также очень хороша, но, къ сожалѣнію, новѣйшее безкусіе выкрасило ихъ зеленою и красною краской. Надъ воротами красуется цѣлая коллекція маральихъ, турьихъ и оленьихъ роговъ, какъ символъ величія и силы святого. Это все приношенія поклонниковъ изъ горныхъ странъ, гдѣ водятся такіе животныя.

На извѣстительный ударъ пристава серьгой о скобу, изнутри послышались старческіе

шаги, и черезъ минуту одна изъ тяжелыхъ створъ медленно раскрылась предъ нами. Мы переступили порогъ и очутились въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ дворикѣ или садикѣ, подъ раскидистою стѣною нѣсколькихъ высокихъ древнихъ карагачей и чинаровъ. Лѣтомъ здѣсь должно быть прелестно. Дворикъ не великъ, въ длину шаговъ пятьдесятъ съ небольшимъ, имѣетъ форму четырехугольника и довольно тщательно выложенъ въ шашку квадратными кирпичными плитками. Съ сѣверной и южной стороны замыкаютъ его боковыя фасады двухъ мечетей, а съ западной и восточной—высокія стѣны ограды. Въ западной стѣнѣ находятся тѣ главные ворота, въ которыя насъ сюда впустили. Проходъ изъ-подъ нихъ пересѣкается собою возвышенную широкую веранду съ вавѣсомъ на рѣзныхъ колонкахъ, которая пристроена съ внутренней стороны къ западной стѣнѣ и соединяетъ въ видѣ галлерей обѣ мечети, изъ коихъ выходятъ на нее двѣ боковыя двери. Правая, или южная, мечеть носитъ названіе Хакимъ-кушъ-беги, въ честь своего строителя. Она не велика, но очень изящно украшена лѣпною работою изъ алебаstra и расписана по фризамъ и на потолкѣ *al fresco*. Сѣверная же обширная мечеть, сооруженная ханомъ Абдуль-Азисомъ¹⁾, въ противоположность своей сестрѣ, отличается характеромъ нѣсколько суровой простоты, безъ всякихъ украшеній. Часть ея глубокаго купола съ внутренней стороны или осталась недостроенною, или обрушилась впоследствии, обнаруживъ переборки деревяннаго каркаса, да такъ и осталась безъ поправки, вѣроятно, въ ожиданіи дальнѣйшаго разрушенія.

Осмотрѣвъ обѣ мечети, мы вернулись на веранду внутренняго дворика и только тутъ обратили вниманіе на ея оригинальныя украшенія. Потолокъ и задняя стѣна ея расписаны пестрыми арабесками, среди коихъ на стѣнѣ выделяются большія черныя надписи изъ корана, а съ потолка спускаются ряды люстръ, паникадилъ, лампадъ и затѣйливыхъ фонарей съ цвѣтными стеклами. Всѣ эти паникадила и люстры совершенно такіе же, какія можно встрѣтить и теперь во многихъ нашихъ старинныхъ церквахъ, да они и были въ разное время вывезены изъ Россіи благочестивыми поклонниками изъ нашихъ богатыхъ татаръ и изъ здѣшнихъ кунцовъ, что наѣзжаютъ къ намъ на Макарьевскую ярмарку.

Гробница святого Богуеддина находится прямо противъ главныхъ воротъ въ юго-восточномъ углу дворика. Она представляетъ четырехсторонній массивный фундаментъ, сложенный изъ большихъ, грубо обтесанныхъ плитокъ мрамора и по вышнему виду походить

¹⁾ Сынь Обейдуллаха, изъ династіи Шейбанидовъ, царствовалъ съ 948 (1541) по 958 (1551) годъ.

на гробницу Абдуллах-хана. Высота ее два с половиной аршина, а длина по двенадцати шаговъ съ каждого бока. Въ головахъ гробницы находится выступъ изъ глыбы блага мрамора, покрытый узорчатыми изваяніями, а въ ногахъ, въ видѣ продолговатой доски, длинной около аршина съ четвертью, вделанъ черный камень, называемый бухарцами *сянги-мурадъ*. Точно такого же вида плитки черного камня вделаны въ мавзолей подъ верхнимъ карнизомъ и съ правой, и съ лѣвой руки. Съ этой послѣдней стороны, прислоненная къ карнизу, торчитъ цѣлая связка бунчуковъ, а въ головахъ, на высокомъ шестѣ, качается по вѣтру большой бунчукъ, подвѣшенный подъ металлическое яблоко, которое, будучи полымъ внутри, издаетъ при каждомъ колебаніи тихій звонъ, какъ бубенчикъ. Головная часть гробницы обращена къ сѣверу, и въ двухъ шагахъ отъ нея, рядомъ съ высокимъ шестомъ, находится священный ключъ прекрасной воды, а еще даѣе—бассейнъ, обложенный плитой, и около него, по ту сторону—небольшой кіоскъ, внутри котораго также есть водоемъ въ большомъ чанѣ.

Вдоль южной стѣны дворика, начиная отъ юго-западнаго угла гробницы, по направлению къ главнымъ воротамъ, идутъ въ рядъ еще семь другихъ гробницъ обыкновенной здѣшней формы, въ видѣ двускатныхъ, слегка округленныхъ саркофаговъ, облицованныхъ алебастромъ. Тутъ покоятся семь главнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей Богуеддина, принявшихъ послѣдній вздохъ своего *мира* ¹⁾, при его кончинѣ.

Вдоль изголовья въ этихъ гробницахъ постланъ на помостѣ большой паласовый коверъ, а надъ нимъ сверху, въ наклонномъ положеніи, протянутъ на шестахъ наметъ отъ большой накладки, сверху зеленый, а съ исподу пестрый, узорчатый—составленный изъ кусковъ различныхъ матерій. Подъ этимъ наметомъ переважно возсѣдаютъ на собственныхъ пятахъ семь чалмоносныхъ шейховъ, представителей рода Накшбенди. Предъ каждымъ изъ нихъ лежатъ по небольшой кучкѣ мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя съ утра, съ приходомъ сюда на дежурство, они выкладываютъ изъ собственныхъ кармановъ, въ видѣ приношеній, якобы собраннаго отъ добродѣтельныхъ уже сегодня, и тѣмъ приглашаютъ новыхъ посетителей къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ.

Я уже сказалъ, что право селиться въ мѣстечкѣ около Мазари-Шерифа принадлежитъ исключительно потомкамъ Богуеддина, присвоившимъ себѣ титулъ ходжей. Община этихъ потомковъ сдаетъ могилу своего святого предка въ аренду тридцати двумъ шейхамъ, предста-

вляемымъ или старшинамъ своего рода, за 11,000 тенговъ (2,200 р. металл.) въ годъ. Деньги эти идутъ въ раздѣлъ между всеми жителями мѣстечка, и за это шейхи обязаны содержать въ чистотѣ и порядкѣ не только гробницу съ дворикомъ и мечетями, но и весь Мазари-Шерифъ. Остальной доходъ отъ поклонниковъ поступаетъ уже сполна въ пользу шейховъ-откупщиковъ, которые изъ своей среды назначаютъ по-очереди ежедневное дежурство въ числѣ семи человекъ при гробницѣ святого. Доходы же ихъ бываютъ не малые, потому что хазрити-Богуеддинъ Накшбенди—одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ святыхъ не только въ Бухарѣ, но и во всей Средней Азій, и троекратное хожденіе на поклоненіе его гробу замѣняетъ для мусульманина странствіе къ далекой Каабѣ въ Мекку. Поэтому можете себѣ представить сколько сюда набирается пилигримовъ. Для Бухары душеспасительныя прогулки въ Богуеддинъ составляютъ одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій; и такъ какъ въ мѣстечкѣ каждую среду бываетъ базаръ (отъ котораго извѣстная часть торговой пошрины тоже поступаетъ въ пользу богуеддинцевъ), то сюда обыкновенно въ этотъ день съѣзжается изъ города и со всѣхъ окрестностей масса народа. Самъ эмиръ какъ бы въ обязательный долгъ поставляетъ себѣ посѣтить ханкахъ и сотворить намазъ предъ могилой святого каждый разъ, какъ выѣзжаетъ въ путешествіе по Каршинской дорогѣ, а равно и при возвращеніи изъ путешествія. А каждое такое посѣщеніе его высокостепенства непременно сопряжено со щедрымъ приношеніемъ. Равно и каждый поклонникъ обязательно долженъ положить что-либо по возможности, но никакъ не менѣе семи пулъ, за прикосновеніе къ *сянги-мурадъ*, да столько же за глотокъ воды изъ священнаго колодца. Этотъ колодецъ шейхи уже отъ себя сдаютъ на откупъ одному изъ своей среды, и откупщикъ тоже пользуется большими доходами, въ особенности лѣтомъ, въ жаркую пору, когда каждый отъ жажды не прочь и нѣсколько разъ напиться холодной, чистой и вкусной воды. Въ эту пору, по средамъ и пятницамъ, а также и въ праздничные дни, когда въ ханкахъ собираются массы гулящаго люда, откупщикъ взимаетъ плату и за воду изъ хауза, и за воду изъ чана, что находится въ кіоскѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она-де изъ одного и того же источника. Наконецъ и самое кладбище приноситъ очень хорошій доходъ за мѣста, уступаемыя подъ могилы. Люди благочестивые и въ то же время состоятельные, часто еще при жизни выражаютъ желаніе быть погребенными въ сосѣдствѣ съ досточтимымъ ими праведникомъ и для этого покупаютъ себѣ на кладбищѣ мѣсто, или оставляютъ въ подобномъ смыслѣ завѣщанія своимъ наслѣдникамъ,

¹⁾ Пиръ—духовный наставникъ

и такъ какъ на монастырскую землю нѣтъ опредѣленной таксы, то это каждый разъ записать отъ взаимнаго соглашенія, причемъ шейхи, разумеется, не упускаютъ случая сорвать какъ можно больше въ свою пользу. Превыгодное дѣло быть родственникомъ такого святого!

Но эксплуатируя память своего предка, эти шейхи знаютъ о немъ очень мало. Не только никто изъ нихъ не позаботился составить его «житіе», но устные преданія о немъ весьма скудны и сбивчивы. Известно только, что жилъ онъ и подвизался при ханѣ Тимурѣ, основателѣ и донынѣ здравствующаго монашескаго ордена Накшбенди и умеръ семнадцати лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ нѣсколько послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ и хаджа Обейдуллахъ-Ахраръ, самый ревностный распространитель его ученія, пользовавшійся такимъ почетомъ, какъ ученый и писатель, что современныя ему ханы и члены царственныхъ домовъ наперерывъ другъ предъ другомъ заискивали его расположенія. Самъ же Богуеддинъ не оставилъ по себѣ никакого написаннаго имъ самимъ сочиненія, онъ училъ только устно, и ученіе его записано было уже хаджемъ Обейдуллахомъ. Шейхи упрекаютъ, что жилъ онъ 514 лѣтъ тому назадъ, стало быть въ 1369 г., но былъ ли то годъ его рожденія или кончины, неизвѣстно. Вообще, относительно года его смерти показанія не отличаются точностью. Такъ, Ханыковъ говоритъ, что умеръ онъ въ 1303 (703), а Вамбери относитъ время его смерти къ 1388 (791) году.

Каждый мусульманинъ, приблизясь къ южному фасу гробницы, непременно останавливается, благоговѣнно прикладываетъ ладони къ сянги-мураду и третъ ихъ о камень, а затѣмъ обтираетъ ими себѣ лицо и бороду. Вслѣдствіе этихъ прикладываній, поверхность сянги-мурада лоснится какъ полированная. Мои спутники-мусульмане также исполнили этотъ обычай, въ результатъ чего на ихъ физиономіяхъ остались черныя слѣды, какъ отъ карандашной пыли. Муллы и шейхи упрекаютъ, что сянги-мурадъ совсѣмъ особенный камень, чуть ли не небеснаго происхожденія и чудодѣйственнаго свойства, и что поэтому одно уже прикосновеніе къ нему провозводитъ на душу и тѣло пріятное впечатлѣніе.

Зналъ, что по осмотру гробницы придется сдѣлать приношеніе «въ пользу святого», я еще въ Бухарѣ отложилъ въ особый мѣшечекъ пятьдесятъ новенькихъ четвертаковъ, изъ числа отпущенныхъ мнѣ при отъѣздѣ изъ ташкентскаго казначейства. Теперь я положилъ этотъ мѣшечекъ предъ старшимъ шейхомъ, занимавшимъ первое, ближайшее ко гробницѣ мѣсто. Онъ неторопливо развязалъ его и принялся пересчитывать монеты. Остальные внимательно слѣдили за нимъ глазами, словно опасаясь, какъ

бы онъ не скралъ чего либо въ свою пользу. Пересчитавъ шейхъ деньги и вдругъ не совсѣмъ-то довольнымъ тономъ обращается къ нашему эсауль-баши съ какими-то объясненіями, словно тутъ недоразумѣніе какое вышло и онъ заявляетъ претензію на что-то. Спрашиваю у эсауль-баша черезъ переводчика въ чемъ дѣло.

— Да вотъ шейхъ заявляетъ, что надо еще шесть монетъ добавить.

— Почему это «надо»?

— А для того, чтобы выходило число семь.

— Ровно ничего не понимаю. Какое число семь? И почему именно семь?

— Потому что число семь угодное святому Богуеддину.

— Опять-таки ничего не понимаю. Что значитъ «угодно святому»?

— Это значитъ, что Богуеддинъ любить число семь.

— Любить?.. Гм!.. Почему же это онъ его «любить»?

— А потому что оно всегда имѣло большое значеніе въ его жизни.

— То есть?

— То есть, онъ родился въ седьмомъ вѣкѣ Геджры, въ седьмомъ мѣсяцѣ года, въ седьмой день недѣли, въ семь часовъ дня; на седьмомъ году жизни изучилъ уже весь коранъ, семь лѣтъ поучалъ какъ духовный наставникъ и семнадцати лѣтъ отъ роду скончался, оставивъ по себѣ семь главныхъ учениковъ, которые и погребены тутъ, съ нимъ рядомъ, въ семи могилахъ.

— Прекрасно. Но все-таки почему я долженъ добавить еще шесть монетъ? Такса есть у нихъ на это какая нибудь, что ли?

— Нѣтъ, таксы не имѣется, каждый жертвуетъ по возможности, но такъ, чтобы въ эту жертву непременно входило число семь, то есть надо положить либо единожды семь монетъ, либо дважды—семь, либо трижды—семь, словомъ, чтобы все по семи выходило.

— Да тутъ, говорю, у меня не дважды и не трижды, а всѣ семью-семь выходить, да еще съ излишкомъ.

— Вотъ, вотъ оно и есть! — обрадовался эсауль-баша, видя, что я какъ будто начинаю нѣчто понимать. — Оно и есть, тюря! Въ этомъ то излишекъ и все дѣло. Еслибы тюря положилъ ровно семью-семь, то есть сорокъ девять монетъ, все было бы какъ слѣдуетъ; но тюря далъ пятьдесятъ,—одною монетой больше,—стало быть по ихнему выходить, что надо добавить еще шесть.

Эта наивная наглость показалась мнѣ довольно забавною, такъ что я не могъ не засмѣяться.

— Скажите ему,—порѣшилъ я,—что если его стѣсняетъ лишняя монета, пусть отдастъ ее въ пользу бѣдныхъ.

— О, тюря! Я ужъ и то говорю ему, чтобы

онъ прочистилъ мозги свои, такъ какъ языкъ его болтаетъ вздоръ, а онъ все свое... Ну, да не стоить обращать на нихъ вниманія, они всё вообще большіе наглецы и къ тому же очень жадны.

Затѣмъ асаулъ-баши перевелъ шейху мое предложеніе пожертвовать излишекъ въ пользу бѣдныхъ и уже протянулъ-было руку, чтобъ изъять изъ кучки липній четвертакъ, какъ вдругъ шейхъ, испуганный возможностью такого исхода, забормотавъ что-то, отрицательно замоталъ головой и поспѣшилъ загородить и прикрыть деньги обѣими пятернями,—точно насѣдка, защищающая свои яйца.

— Ну, пріятель, сотри пыль жадности съ зеркала твоего сердца!—махнувъ рукой, порѣпалъ со смѣхомъ асаулъ-баши.—Будетъ съ тебя и того что дали. Будь благополученъ.

Я повернулся уже, чтобъ идти, какъ вдругъ гляжу—наши конвойные казаки раскошелялись и тоже пресерьезно кладутъ свои грошники къ изголовью гробницы.

— Вы что это, братцы?

— А мы тоже, ваше высокоблагородіе, жертвовать, значить, желаемъ; пушай и отъ насъ будетъ ихнему святому. Вѣдь онъ у нихъ Богу-то единъ выходитъ, такъ вотъ за это за самое...

И ничто же сумняся, отъ чистаго сердца казаки положили каждый по серебряной тенгѣ,—нужды нѣтъ, что святой бусурманскій.

Поплывъ мѣстечко Бугуединъ, мы съѣхались съ остальными членами посольства уже за четыре таша (32 версты) отъ Бухары, въ кишлакъ Куюкъ-Мазаръ, гдѣ былъ приготовленъ намъ завтракъ.

Ужасно много эти бухарцы готовятъ для насъ всякихъ кушаній! Садимся мы за столъ только въ пятеромъ, а у нихъ нестрапано каждый разъ человѣкъ на пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ, не считая достархана и того, что наготовлено для конвоя и прислуги. Подаютъ множество всякихъ свѣдей, — правда, очень вкусныхъ,—причемъ всё блюда и миски переполнены до невозможности. Всё эти кавардаки, кебабы и палау навалены на нихъ не иначе какъ грудями, цѣлою горой, и все это ужасно жирно, нартзано громадными кусками и плаваетъ въ растопленномъ курдючномъ салѣ. Каждый разъ идетъ цѣлая процессія слугъ и вносятъ всё блюда сразу, загромаждаетъ ими сплошь весь столъ, такъ что одно приходится вкрывъ и вкось на другомъ; густой, топленый жиръ поэтому проливается чрезъ края блюдъ, течетъ по скатерти, каплетъ на дорогой коверъ и стынеть, и вновь наплываетъ цѣлыми слоими и вновь стынеть. Пока вы ѣдите что-нибудь одно, остальное все уже застыло на морозѣ, облѣтрилось, покрылось толстымъ слоемъ сала и, конечно,

ѣсть его въ такомъ видѣ невозможно. Но таковы уже законы здѣшняго гостепріимства: непремѣнно, чтобы много, и непремѣнно все сразу. И это, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, изодня-въ-день, постоянно, неукоснительно въ одни и тѣ же часы, по два раза въ сутки, и все одно и то же, одно и то же, безъ малѣйшей перемѣны. У князя взятъ съ собою свой поваръ, и мы пытались было—нельзя ли приспособить его, чтобы готовилъ намъ по-русски то, къ чему мы привыкли, но оказалось нельзя: обижается,—«наши, молъ, повара не хуже готовить, притомъ мы-де назначили вамъ лучшихъ поваровъ, знатковъ своего дѣла, такъ ужъ кушайте пожалуйста и не мудрите, а то вы этимъ нарушите законы нашего гостепріимства и опечалите сердце хазрета, который будетъ думать, что не угодили вамъ». Ну, и ничего не подѣлаешь!

Князь въ этотъ день продолжалъ путешествіе верхомъ, а же послѣ завтрака поѣхалъ впередъ одинъ въ коляскѣ. Страна, по которой ѣхалъ я, населена густо. Все время вдоль пути тянется въ садахъ рядъ кишлаковъ и хуторовъ, перемежающихся полосами огороженныхъ плантацій, клеверныхъ лужаекъ и пашень. У жилыхъ мѣстъ, на улицахъ вездѣ отиблиная чистота, все прибрано, вычищено, подметено,—быть можетъ потому, что сегодня пятница. Вѣроятно по этой же причинѣ встрѣчалось на улицахъ и при дорогѣ много незнакомаго народа, исключительно мужчинъ. Собираются они кучками человѣкъ въ двадцать, въ пятьдесятъ, и тихо прогуливаются по своему околотку, или сидятъ, разговаривая между собою, на какомъ-нибудь придорожномъ бугоркѣ, либо на перекресткѣ, либо надъ арыкомъ подъ группой старорослыхъ деревьевъ. Не мало такихъ же кучекъ располагается и около лавочекъ съ сушенымъ урокомъ и фишашками, гдѣ надъ входомъ подвѣшены оплетенныя лыкомъ большія, сладкія дыни и вяленый виноградъ, и около сельскихъ чайныхъ, гдѣ на первомъ планѣ непремѣнно представляетъ блестяще вычищенный, пузатый русскій самоваръ. Многие предаются при этомъ любимѣйшей здѣшной игрѣ—бою перепеловъ, причемъ зрители держатъ пари за того или другого бойца. Этихъ птицъ такъ ужъ нарочно къ тому и воспитываютъ, и хоятъ, и приучаютъ, и рѣдкій мальчуганъ выходитъ въ праздникъ на улицу безъ собственнаго ручного перепела за пазухой. Тамъ, за пазухой, обыкновенное мѣсто ихъ пребыванія внѣ домашней клѣтки. Многие взрослые любители, увлекаясь примѣромъ подростковъ, выносятъ и своихъ перепеловъ, и тогда игра начинается уже въ серьезное: въ ставку идутъ не пулы, а тенги и коканы ⁴⁾. Сель-

⁴⁾ Кокандская серебряная монета, по вѣсу нѣсколько менше тенги, но принимаемая у насъ

ский народъ одѣтъ безъ роскоши, но вообще очень чисто и отличается своимъ степеннымъ видомъ. Нерѣдко отцы, гуляя по улицѣ, исполняютъ обязанности нянекъ, держа на рукахъ маленькихъ закутанныхъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, съ разрисованными бровями, а женщинъ почти совсѣмъ не видно. Встрѣтились по дорогѣ нѣсколько верблюжьихъ каравановъ: позвякивая колокольцами и бубенцами, идуть себѣ неторопливо, гуськомъ изъ Россіи въ Бухару, и предъ каждымъ непременно идетъ на маленькомъ добродушномъ осликѣ самъ караванъ-баши, чуть не касаясь до земли болтающимися ногами. Иногда, впрочемъ, вмѣсто ослика идетъ подъ нимъ лохматая киргизская лошадь.

Около селеній, время отъ времени, попадались намъ особаго рода курганы, которые можно назвать молотильными, такъ какъ служатъ они мѣстнымъ жителямъ для обмолачиванія пшеницы. Къ этому назначенію приспособляются обыкновенно древніе могильные курганы изъ наиболѣе высокихъ, находящіеся по возможности среди самыхъ пашень, чтобы недалеко было таскать снопы. Избирается же для молотбы вершина кургана, какъ мѣсто болѣе возвышенное и потому болѣе доступное правильному току вѣтра, который легче относилъ бы отбиваемую отъ зерна шелуху и солому (*саманъ*). Для того, чтобы приготовить себѣ такой курганъ, жители того или другого кишлака сообща сносятъ всѣ неровности на его вершинѣ, разравниваютъ ее въ совершенно горизонтальную площадку и для большей прочности хорошенько утрамбовываютъ, постепенно и ровно поливая водой, чтобы на ея глинистой почвѣ, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, образовалась совершенно твердая и достаточно толстая корка, на которой удобнѣе молотить. Скаты кургана, обращенные къ югу и юго-западу, срѣзаются отъ подошвы и до края площадки, такъ что съ этой стороны образуется отвѣсный обрывъ, и дѣлается это для того, чтобы при господствующихъ здѣсь сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ саманъ не разсыпался по полю, а падалъ на подвѣтреную сторону въ одну кучу ¹⁾. Съ сѣверной же и восточной стороны иногда, смотря по надобности, разравниваются восточныя тропы, чтобы шпакамъ, нагруженнымъ

въ равной съ нею цѣнѣ. Бухарцы же считаютъ коканъ, смотря по вѣсу и достоинству металла, отъ 15 до 20 копеекъ. Надпись на монетѣ гласитъ, что она чеканена „въ очаровательномъ Кокавдѣ“ (*Хоканди лятифъ*), какъ надпись на тенгахъ свидѣтельствуетъ, что онѣ выпущены въ свѣтъ „въ Бухарѣ благороднѣйшей“ (*Бухари шерифъ*).

¹⁾ Этотъ матеріалъ подбавляется здѣсь иногда въ пишу скоту, если зимой не хватить клеверу, но главнѣйшимъ образомъ, смѣшанный съ глиной, употребляется для выдѣлки сырцовыхъ кирпичей.

снопами, легче было взбираться на молотильную площадку. Сорныя растенія и кусты со всей поверхности кургана или нѣмного выжидаются, или выдергиваются, чтобы въ ихъ вѣткахъ и сучьяхъ не застривала и такимъ образомъ не пропадала напрасно солома: здѣсь все имѣетъ свою цѣну въ хозяйствѣ и все пригодно для той или другой надобности. Въ центрѣ площадки вбивается колъ, къ которому во время молотбы привязываются на чумбурахъ нѣсколько паръ воловъ (для обмолачиванія ихъ гоняютъ шагомъ по кругу; вѣютъ же лопатами). Послѣ такой разработки курганъ является уже совершенно приспособленнымъ къ своему специальному назначенію; глина же, вынутая изъ него, идетъ на кирпичи, на обмазку стѣнъ и на устройство полевыхъ оградъ, а если въ ней оказывается достаточно жирности и органическаго перегноя, то и на удобрение своихъ огородовъ.

На пути проѣхали чрезъ большое мѣстечко Пангадъ ¹⁾, съ весьма оживленнымъ крытымъ базаромъ. Немного въ сторонѣ отъ дороги, среди садовъ, возвышается въ томъ же мѣстечкѣ красная кирпичная мечеть, увѣчанная большимъ куполомъ, а рядомъ съ ней стоитъ высокій минаретъ оригинальной формы, нѣсколько въ родѣ извѣстной башни Серасириата въ Стамбулѣ. По наружнымъ карнизамъ и поясамъ этой мечети и минарета идутъ крупныя рельефныя узоры „городками“, составленные изъ красныхъ же кирпичныхъ плитокъ. Въ общемъ, пейзажъ довольно красивъ и оригиналенъ.

На ночлегъ прибыли въ шестомъ часу вечера въ большое базарное мѣстечко Бустанъ. въ трехъ ташахъ пути отъ Куюкъ-Мазара. Въ этотъ день проѣхали мы съ небольшимъ семь ташей (49 верстъ) и все по густо и широко заселенной мѣстности. Дорога все время идетъ людными селениями и большими садами. гдѣ нерѣдко очень служивается и пересѣкается арыками, чрезъ которые, впрочемъ, болѣею частью устроены жердяные мостики, покрытые хворостомъ, камышемъ и землей. На завтра до города Керманѣ остается четыре таша.

Бустанъ ставится у бухарцевъ своимъ искусными плясунами-батчами; поэтому сопровождавшіе насъ пристава не упустили, конечно, удобнаго случая задать себѣ „баземъ“, подъ благовиднымъ предлогомъ доставить развлеченіе посольству. Словомъ *баземъ* или *базимъ* обозначается здѣсь либо вообще кутежъ, либо праздничное удовольствіе, развлеченіе, вечернее собраніе въ дружеской компаніи, сопровождаемое угощеніями, пѣніемъ и плясками батчей. Пристава, при содѣйствіи мѣстнаго начальства и почетныхъ лицъ, устроили это

¹⁾ На нашей картѣ Тамахабъ.

печеромъ въ большой цвѣтной палаткѣ, растянута на выходившей во дворъ террасѣ, для того, чтобы сдѣлать предстоящій праздникъ недоступнымъ толпѣ постороннихъ зрителей, такъ какъ иначе это былъ бы уже не базаръ, а томанъ, публичное зрѣлище. Волей-неволей пришлось сидѣть и глядѣть, потому что пристава принялись убрывать, будто мѣстные акт-саяки ¹⁾ устраиваютъ базаръ именно ради посольства, желая этимъ оказать намъ свое любезное вниманіе и гостепріимный почетъ, а потому-де еслибы мы отказались отъ зрѣлища, то этимъ нанесли бы имъ большую обиду. Палатка внутри была освѣщена нѣсколькими фонарями, да кромѣ того пять-шесть челядинцевъ держали въ рукахъ пучки зажженныхъ салныхъ свѣчъ, каждая по крайней мѣрѣ вершокъ въ діаметрѣ.

Когда мы вышли на террасу, тамъ собрались уже всѣ мѣстные акт-саяки, въ числѣ около десяти или двѣнадцати человѣкъ, въ нарядныхъ мѣловыхъ халатахъ (*пустунъ*), крытыхъ либо тонкимъ сукномъ, либо ярко-цвѣтными шелковыми матеріями. На болѣе важныхъ и зажиточныхъ было надѣто даже по нѣскольку халатовъ, а потомъ уже поверхъ всего—пустунъ. Въ дальнемъ углу семь батчей сидѣли отдѣльно отъ остальной публики, спиной къ зрителямъ, собравшись въ свой особый кружокъ, и занимались чаепіемъ, ни на кого не обращая ни малѣйшаго вниманія.

Мѣстный амлякаръ, реисъ, акт-саялы и акт-саяки встали намъ навстрѣчу, и каждый, бормоча какое-то привѣтствіе, сначала протягивалъ намъ руку, а потомъ сейчасъ же съ поклономъ проводилъ обими ладонями по своимъ щекамъ и бородѣ въ знакъ почтенія. Пришлось совершить всѣмъ поочередно дружеское рукопожатіе, и затѣмъ насъ пригласили сѣсть на путешествующіе съ нами кресла и стулья, разставленные въ рядъ, въ глубинѣ палатки.

Подали чай и достарханнны угощенія: яичные бѣлки, взбитые съ мелкимъ сахаромъ, халву изъ кунжутнаго сѣмени, мучнисто-хрункія сахарныя колечки (*парварда*), обсахаренныя фиешки (*руста*) и фиешки каленыя, мелкіе шарики, называемые *богарсинъ*—нѣчто въ родѣ пышекъ величинной съ горошину, и російскіе леденцы съ билетиками: «Мила ты мнѣ, мила вѣкъ будешь и была» и т. п.

¹⁾ Акт-саякъ въ буквальномъ смыслѣ значить бѣлая кость, то-есть родовитый человѣкъ, почетное лицо. Такъ вообще называются сенды, ходжи, люди чиновные и вліятельные, образованные и богатые въ отличіе отъ *кара-саяковъ*, или черной кости, то-есть простонародной черни. У киргизовъ акт-саяками называются ихъ дворяне, члены султанскихъ родовъ, но какъ у нихъ, такъ и у сартовъ названіе это употребляется лишь въ просторѣчій.

Вначалѣ все шло очень чинно и даже натянуто, какъ требуютъ того условія мѣстнаго этикета. Всѣ хранили самый серьезный видъ и больше все помалчивали или перекидывались со сѣдѣ съ сѣдомъ словомъ, другимъ, тише чѣмъ шепотомъ. Наши амфитріоны съ важностью усѣлись на коврѣ *vis-à-vis*—одинъ по правую, другой по лѣвую руку отъ нашихъ стульевъ, а позади ихъ у стѣнъ стали челядинцы съ пучками горящихъ свѣчъ, отъ которыхъ, благодаря оплывающему салу, не мало страдали не только ковры, но и снѣжныя нарядныхъ халатовъ. Впрочемъ, это такая мелочь, на которую порядочный человѣкъ не долженъ здѣсь обращать никакого вниманія, а то, пожалуй, другіе могутъ подумать, что ему какого нибудь халата жалко!

Но вотъ, съ низкими поклонами вошли одинъ за другимъ четыре бубенщика (*дангарачи*) и усѣлись на коврики всѣ рядомъ, впереди кучки батчей. Предъ ними тотчасъ же поставили плоскую круглую жаровню съ раскаленными угольями, и дангарачи поочередно подержали и расправляли надъ горящимъ паромъ свои бубны для большей звучности. Ихъ бани (старшій) медленными ударами пальцевъ о бубенъ далъ знать, что музыка готова къ дѣйствию. Но батчи, повидимому, пропустили это между ушей и продолжали заниматься своими собственными разговорами и угощеніями.

Тогда одинъ изъ нашихъ акт-саяковъ, не вставая съ мѣста, обратился къ нимъ съ любезной просьбой—нельзя ли, молъ, приступить къ началу. Но тѣ только на минутку повернули къ нему головы и сейчасъ же смѣшливо отвернулись съ лукаво-капризными минами. Они видимо насчетъ акт-саяка перекидывались между собой какими-то критическими замѣчаніями и подсмѣивались надъ намъ. Тотъ еще деликатнѣе повторилъ свою просьбу, дескать, уши и глаза наши алчутъ насладиться прелестями вашего благороднаго искусства, но на сей разъ со стороны батчей это не вызвало даже и миомлетнаго вниманія. Видя, что просьба одного не дѣйствуетъ, стали просить уже нѣсколько акт-саяковъ, и просить усиленно, даже умиленно; но результатъ былъ столь же безуспѣшенъ. Дангарачи-бани между тѣмъ время отъ времени медлительно похлопывали пальцами о бубенъ. Тогда двое изъ нашихъ амфитріоновъ нарочно отправились въ уголь къ батчамъ и очень почтительно открыли съ ними заискивающіе переговоры. Мальчишки очевидно ломались, желая, чтобы ихъ упранивали больше и усерднѣе, и наконецъ добились-таки своего. Вѣроятно оно такъ нужно, такъ слѣдуетъ по этикету. Здѣсь вѣдь на все этикетъ.

Батчи поднялись со своихъ мѣстъ и вышли на середину террасы, сопровождаемые взрывомъ радостно торжествующихъ кликовъ и воз-

гласовъ, даже какимъ-то восторженнымъ рычаніемъ и мычаніемъ своихъ ретивыхъ поклонниковъ.

— Э-э-э!.. Якси!.. бай-бай якси!.. Куллукъ!.. Рахметъ куллукъ, таксыр! ¹⁾ неслись со всѣхъ сторонъ разнообразныя восклицанія и воздушныя поцѣлуи.

Изъ сегодняшнихъ наблюденій надъ пріемами батчей, по сравненію ихъ съ прежде видѣнными, я вывелъ заключеніе, что они всегда руководятся болѣе или менѣе общими и единообразными правилами. Такъ, обыкновенно начинается съ того, что, выступивъ предъ зрителей, они всегда становятся въ рядъ нечетнымъ числомъ, то есть по три, по пяти или по семи. Болѣе искусный танцоръ или заливало всегда въ серединѣ. Ординарный костюмъ: легкій ситцевый халатикъ, непременно краснаго цвѣта съ какими-нибудь разводами, и красный большой поясъ; на головѣ парчевая съ золотомъ или серебромъ тибетейка, изъ-подъ которой падаютъ на плечи длинныя кудри; передняя же половина теменн плотно выстрижена или выбрита. О женскихъ костюмахъ не говорю, такъ какъ тутъ уже нѣтъ известной условности и допускается болѣе фантазій, роскоши и разнообразія; но надо замѣтить, что бухарцы вообще предпочитаютъ и ставятъ гораздо выше пляску въ мужскомъ костюмѣ, чѣмъ въ женскомъ. Танцуютъ всегда босикомъ, подъ аккомпанементъ бубенъ и собственного пѣнія. Начинается всегда съ хорового величія присутствующихъ, гдѣ каждому поется соотвѣтственный компанементъ и похвала красоты или достоинствамъ. Затѣмъ идетъ обыкновенная пляска, то есть медленное движеніе гуськомъ по кругу съ откинутой нѣсколько назадъ и въ сторону головой, съ легкими пригибаньями колѣнъ и плавнымъ выносомъ рукъ, то правой, то лѣвой, что похоже какъ бы на повелительныя жесты. При этомъ всѣ зрители, сѣдя на пяткахъ, бьютъ тактъ въ ладоши и мѣрно поводятъ въ стороны головами. Танцоры нѣсколько разъ мѣняютъ свое направленіе по кругу, берутъ направо назадъ и налѣво назадъ, принимаютъ въ ту или другую сторону, отступаютъ отъ зрителей пятясь затылкомъ и снова наступаютъ на нихъ всей шеренгой. Затѣмъ тактъ учащается, движенія плясунѣ становятся живѣе, рѣзче, порывистѣе и наконецъ переходятъ въ быстрое круженіе волчками, иногда въ присядку, подъ аккомпанементъ усиленной дробн на бубнахъ. Послѣ этого вновь начпнается пѣніе, иногда хоромъ, или дуэтомъ въ унисонъ и съ перекликами, въ которыхъ принимаютъ участіе и дангарачи. Потомъ опять плавныя движенія руками, ста-

номъ и бедрами, опять прогулка гуськомъ по кругу и такъ далѣе до новаго бѣшеннаго аллегро и волчкообразнаго круженія. Такъ повторяется нѣсколько разъ, вѣроятно до известнаго условнаго количества однихъ и тѣхъ же пріемовъ, послѣ чего первое дѣйствіе или такъ называемая «катта-уинъ» кончается ²⁾. Тогда челядинцы простилаютъ предъ зрителями на коврѣ полотенца и ставятъ на нихъ блюда съ дымящимся палау и чанки съ кумысомъ и бузой ³⁾. Во время этого угощенія батчи пользуются нѣкоторыми отдыхомъ, но не всѣ, а поочередно, такъ какъ одинъ или двое задаютъ во время закуски концертъ и распѣваютъ разныя нѣжныя романсы и мадригалы. Мнѣ удалось добыть здѣсь нѣсколько такихъ, и чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ, что это такое, я предлагаю ихъ въ переводѣ. Вотъ наиримѣръ, какъ вамъ понравится хотя бы этотъ:

Глаза твои какъ у газели,
А носъ какъ гордый Арапатъ,
Уста твои лишь для улыбокъ
И поцѣлуевъ созданы,
А зубы, чтобы вкушать кишмишъ,
Отборный, первый сортъ, кишмишъ,
Что подають къ столу у шаха.

А вотъ нѣсколько въ другомъ родѣ:

Когда я былъ маленькимъ,
Всею на свѣтѣ предпочиталъ я яблоки;
Когда я сталъ юношей,
Всею на свѣтѣ сталъ предпочитать
женщину;
Теперь, когда я старъ и ни къ чему
негоденъ,
Всею на свѣтѣ я опять предпочитаю
яблоки.

Вотъ мадригалъ, обращенный къ мирзѣ ⁴⁾.

Еслибъ ты, мой мирза, превратился въ
калямъ,
Я желала-бъ сдѣлаться твоей калямданъ ⁵⁾.

Въ томъ же родѣ, но въ болѣе поэтической формѣ:

Еслибъ ты былъ книгой (китабъ),
Я желала бы служить для нея рахилью ⁶⁾.

¹⁾ „Катта-уинъ“ значитъ сильная, большая или главная игра.

²⁾ Буза—хмѣльной напитокъ, въ родѣ молодого пива, замѣняющій сартамъ вино, запрещенное кораномъ. Приготавливается буза преимущественно изъ проса, которое заваривается и заквашивается, а затѣмъ, при броженіи, разбавляется водой. Дѣлають ее также изъ риса и кукурузы.

³⁾ Мирза—секретарь, писецъ, вообще письменный человѣкъ.

⁴⁾ Тростинка, замѣняющая на мусульманскомъ Востокѣ перо, называется *калямъ*, а пеналъ для письменныхъ принадлежностей и чернильница — *калямданъ*.

⁵⁾ Рахиль, это—створчатая подставка на шарнирѣ, въ родѣ пюпитра или аналога, на которую кладется книга. Въ вертикальномъ разрѣзѣ раскрытая рахиль имѣетъ видъ буквы Х. Верхнія щеки ея охватываютъ, какъ бы обнимають, перешить развернутой для чтенія книги.

⁶⁾ То есть: хорошо! благодаримъ, усиленно благодаримъ повелителей нашихъ! Восклицаніе „э-э“ вообще служитъ для выраженія похвалы, удовольствія, торжества и удивленія.

Я желала бы, чтобъ эта книга,
Раскрытая на свѣтлой страницѣ любви,
Всегда, всегда лежала на своей рахили.
Тогда всякій смыслающій цѣнитель,
Взглянувъ на нее, сказалъ бы:
„Какая славная поэма любви!
Какъ хороша эта книга
И какъ счастлива должна быть рахиль,
Которой въ удѣлъ досталась честь
Всегда держать въ своихъ объятьяхъ эту
книгу!“

Вотъ романсъ, обращенный къ соловью:

О, соловей, любимецъ розъ,
Соловей!
Душа моя омрачена печалью,
Соловей!
Какъ страстно любишь розу,
Соловей!
Такъ громко пой ты пѣсню,
Соловей!
Пой громче эту пѣсню
Соловей!
Чтобъ ею разбудить сердце моего милаго,
Соловей!
Я жажду умереть въ его объятьяхъ,
Соловей!
И роза бы не сохла, кабы не ты,
О, соловей!
И человѣкъ не сохъ бы, кабы не любовь,
О, соловей!

Иногда весь романсъ вертится на разнообразныхъ и, такъ сказать, фугическихъ повтореніяхъ одного и того же слова или фразы, но такъ, чтобы въ общемъ все-таки выходилъ известный смыслъ и являлось бы нѣчто цѣльное, законченное. Такъ, напримѣръ, пѣвецъ-дангарахи, тихо аккомпанируя себѣ на ситарѣ ¹⁾ или на бубнѣ, обращается къ батчѣ и поетъ:

Одну улыбку и больше мнѣ не надо!
Всего лишь одну и больше не надо,
И ничего мнѣ больше не надо,
И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не
надо,
И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!
Не надо!

Но батча не внимаетъ его молебъ и дѣлаетъ видъ, что надменно отъ него отворачивается. Пѣвецъ оскорбленъ такимъ презрительнымъ отношеніемъ къ его чувству и потому вдругъ съ азартномъ переходомъ въ высокій фальцетъ. На тоненькую нотку взвизываетъ его гортанный какъ бы сдвленный голосъ—и ужъ какихъ только трелей не выводитъ онъ на этой курьезной ноткѣ!—и поетъ съ укоромъ:

А-а-а! Ты злой мальчикъ! Ты думалъ, что
мнѣ надо,
А мнѣ вотъ не надо, не надо!
И ничего мнѣ больше не надо,

И совсѣмъ ничего, ничего мнѣ больше не
надо!

И не думай, что мнѣ надо,—
Мнѣ не надо!
Не надо!

Послѣ этой строфы батча становится благо-
склоннѣе и медлительно поворачивается къ
пѣвцу съ лукаво-кокетливой улыбкой, но тотъ
уже вошелъ въ полный азартъ и продолжаетъ
теперь все больше и больше его поддразнивать:

Желалъ дарить тебѣ кишмишъ,
А теперь не надо, не надо!
И ничего тебѣ больше не надо!
И совсѣмъ ничего, ничего тебѣ больше не
надо!
И не думай, что тебѣ надо,—
Тебѣ не надо!
Не надо!

Батча становится еще благосклоннѣе и начи-
наетъ уже слегка заискивать въ пѣвца, кото-
рый между тѣмъ продолжаетъ поддразнивать
и высчитывать, что и сколько желалъ ему да-
рить, но теперь ничего этого уже не надо.
Такъ, онъ высказываетъ, что думалъ было по-
дарить ему всѣ сласти, всѣ лучшія лакомства
міра, а теперь не надо; желалъ дарить коня
въ бирюзовомъ уборѣ съ сердоликами и золо-
тыми подвѣсками, желалъ дарить парчевый
сарпай (почетный халатъ), унизанный жемчу-
гомъ и самоцвѣтными камнями, желалъ отдать
турсуку, набитый золотыми тиллями, и все это
за одну лишь улыбку, а теперь не надо, «и
ничего тебѣ больше не надо, и не думай, что
надо—тебѣ не надо!» По мѣрѣ высчитыванія
этихъ подарковъ въ возрастающей прогрессии
ихъ значенія и цѣнности, батча становится
все благосклоннѣе, все искательнѣе и наконецъ
самъ уже проситъ пѣвца вмѣсто всѣхъ сокровищъ
подарить ему въ своей чередѣ одну улыбку—
улыбку примиренія, послѣ которой ему
«совсѣмъ ничего, ничего уже больше не надо».

Власть накушавшись жирнаго палау, послѣ
чего собственные пальцы, служившіе вмѣсто
ложекъ, потребовалось облизать и обтереть о
чембары, а затѣмъ, принявшись за кумысъ и
бузу или чай, смотря, что кому больше нра-
видось, наши амфитріоны потребовали продол-
женія плясокъ. Теперь батчи уже не заставили
управлять себя и по первому призыву вы-
ступили на сцену. Такъ какъ «главная игра» —
катта-уинъ, составляющая, такъ сказать, ядро,
важнѣйшую и какъ бы официальную часть ихъ
представленія, была уже кончена, то во вто-
ромъ отдѣленіи обычай допускаетъ болѣе ва-
риантновъ игриваго характера и вообще болѣе
фантазіи. Это все равно, что легкій водевилъ
послѣ серьезной комедіи. Тутъ-то вотъ и раз-
вернулись наши угощатели.

Началось съ очень граціознаго легкаго тан-
ца, называемаго *морини*, т. е. мервекпмъ.
Танцовали его впятеромъ, для чего танцоры
расположились въ такомъ порядкѣ, какъ очки

¹⁾ *Ситара*—струнный инструментъ; корпусъ его
какъ у мандолины, но только съ длиннымъ гри-
фомъ. Ситара всегда бываетъ о трехъ струнахъ,
а *дутара* о двухъ. Корпусъ дутары треугольный
отчасти напоминаетъ нашу балалайку. Это пре-
имуществомъ инструментъ киргизовъ.

на пятеркѣ домино. У каждого изъ нихъ было въ рукахъ по двѣ палочки длиной около аршина, которыми они держали предъ собой нижніе концы. Танцоры, ставъ лицомъ каждый къ своему *vis-à-vis* и кружась какъ въ вальсѣ, двигались по кругу на встрѣчу другъ дружѣ, и въ то же время, если можно такъ выразиться, крестъ на крестъ выписывали восьмерки вокругъ средняго батчи, который кружился на одной точкѣ. Тутъ, кромѣ трудности самыхъ фигуръ, главное искусство состоятъ въ томъ, чтобы въ очередь скрещивать удары палочки о палочку у себя и съ противникомъ, да кромѣ того еще и со среднимъ батчей, а этотъ послѣдній долженъ отбивать поочередно удары всѣхъ четырехъ танцоровъ, но удары должны быть наносимы и отбиваемы не иначе, какъ въ тактъ, который съ теченіемъ пляски все учащается, что и было между прочимъ въ совершенствѣ продѣлано бухарскими батчами. Говорятъ, что по настоящему танецъ «мориги» должно танцевать съ обнаженными саблями, какъ и исполняется онъ у туркменъ, но бухарцы не употребляютъ сабель изъ опасенія, чтобы батчи какъ-нибудь не поранились.

Затѣмъ пошли разныя другія пляски съ пѣніемъ и безъ пѣнія, о которыхъ скажу лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ приемы ихъ весьма мало разнятся между собой. Напримѣръ, трепетаніе приподнятыхъ и распростертыхъ рукъ, дрожь въ плечахъ, или то, когда батча «поводить» плечами и бедрами, или когда онъ схватываетъ себя за концы кудрей и пропускаетъ ихъ между пальцами, какъ бы приглашая — «полюбуйтесь, дескать, шелкъ, а не волосы!» Всѣ эти приемы и повадки вполне напоминаютъ характеръ цыганской пляски, какую вы можете видѣть въ любомъ хорѣ «московскихъ цыганъ». Это даже, можно сказать, совершенно то же самое. Затѣмъ слѣдуетъ уже нѣчто вполне своеобразное, но не красивое, а именно—кувырканье чрезъ голову и запрокидываніе всѣмъ корпусомъ назадъ, причемъ верхъ искусства состоитъ въ томъ, чтобы, стоя въ такомъ наломанномъ положеніи на своихъ рукахъ и ногахъ, поцѣловать собственную пятку. Другая поза: скрестивъ подъ собою голени и сидя на нихъ, что называется «калачикомъ», запрокинуться въ такой мѣрѣ, чтобы привести корпусъ почти въ лежачее положеніе и начать имъ вращательное движеніе слѣва направо, а затѣмъ справа налево, смотря по тому, въ какую сторону «выплывають» гуськомъ остальные танцоры. Это требуетъ очень большой гибкости и въ особенности развитія поясницы. Третья поза—почти то же самое, только стоя на одномъ колѣнѣ, что нѣсколько напоминаетъ испанскую качучу, тѣмъ болѣе, что другой танцоръ, обхватывая въ припляску колѣноисклоненнаго

батчу, звонко подшелкиваетъ въ это время надъ своею головою пальцами сведенныхъ вмѣстѣ какихъ-то мудренымъ образомъ рукъ. Въ остальномъ же всѣ эти пляски состоятъ изъ подпрыгиваній и мѣрнаго сѣмененія ногами на мѣстѣ съ прихлопываньемъ въ ладоши, что уже мы видѣли еще въ Шаарѣ и чего никакъ не могу я назвать красивымъ. Лица пѣвцовъ и танцоровъ и здѣсь, какъ въ Шаарѣ, освѣщаютъ съ обѣихъ сторонъ пучками салныхъ свѣчъ, чтобы дать возможность зрителямъ лучше видѣть ихъ выраженіе во время пѣнія или танца. Впрочемъ, всѣ видѣнные нами до сихъ поръ батчи обыкновенно танцовали съ самыми безстрастными, ровно ничего не выражающими физиономіями, словно они вовсе не веселятся, а только по неволѣ отправляютъ скучную, давно имъ надоевшую обязанность; но здѣсь у бухарскихъ батчей, и въ особенности у одного изъ нихъ, впервые замѣтили мы довольно выразительную миимику. Позы, движенія, взглядъ, улыбка—все это порою выражало у нихъ истому и страданія страсти, ея экзальтацію, и видимо зажигательнымъ образомъ дѣйствовало на нашихъ акт-саяковъ, даже на самыхъ старыхъ, бѣлобородыхъ, которые въ такіе моменты вдругъ приходили въ чисто-азиатскій восторгъ. Лихорадочно оживленные движенія, порывистыя вскакиванія съ мѣста, гогочущіе взрывы одобреній, стенищіе вздохи и даже какое-то звѣриное рычанье, съ какими провозносилось это ихнее «э-э-э», все это служило проявленіями необузданнаго восторга. Въ обыкновенномъ положеніи всегда степенные, всегда серьезные и очень сдержанные, эти люди были просто неузнаваемы: электризующее присутствіе батчей совершенно ихъ переродило, и не только актеры, но сами даггарачи, люди, казалось бы, привычные, профессиональные, и тѣ не могутъ удержаться отъ увлеченія: аккомпанируя на своихъ бубнахъ, съ развитіемъ страстныхъ перепетій пляски они постепенно входятъ въ азартъ, въ какое-то изступленное неистовство и, стоя на колѣняхъ, всѣмъ своимъ корпусомъ съ вытянутыми впередъ руками, и всѣмъ лицомъ своимъ, и дико пылающими взорами, и задыхающимися отрывистыми возгласами выражаютъ порывисто-страстное стремленіе къ танцорамъ.

— Э-э-э!.. Тассадукъ!.. Ай-бай! Бай-бай! Пропадаемъ! Погибаемъ! Ай, горе! и тому подобныя возгласы дѣлыми взрывами оглашали всѣ концы террасы.

Самые почтенные старцы изъ числа нашихъ амфитріоновъ время отъ времени съ подобострастнымъ видомъ собственноручно подносили тому или другому изъ батчей раскуренный чилимъ, чтобы «затянуться» табачнымъ дымомъ, или приставали къ нимъ съ чашкой чая, усиленно и нѣжно прося пригубить изъ

нея для освѣженія. А батчи при этомъ кокетливо ломаются, отпѣкиваются, заставляютъ себя упрашивать и наконецъ пригубливаютъ съ гримаской какъ бы вѣ-хоти, но ужъ такъ и быть! въ знакъ особаго снисхожденія къ угошателю. И что за улыбка расплывается въ эту минуту по лицу старпа, торжествующаго удовлетвореніе собственнаго самолюбія—дескать «таксыръ изволили уважить мою просьбу, они предо всѣми отличили меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ».

Видѣть все это конечно было любопытно, какъ характерныя черты нравовъ, но въ концѣ-концовъ все же выносишь изъ такого базема брезгливое впечатлѣніе чего-то противнаго, неестественнаго, и такъ какъ бухарцы не знаютъ ни мѣры, ни предѣла своимъ удовольствіямъ этого рода, то видя, что дѣло затягивается надолго, я поспѣшилъ удалитъ удобную минутку и незамѣтно ушелъ въ свою комнату.

По истинѣ надо удивляться, какъ могутъ эти плясуны въ теченіе трехъ-четыре-хъ часовъ, выдерживать почти безъ малѣйшей передышки такіа хореографическія упражненія, соединенныя со столь порывистыми и технически трудными тѣлодвиженіями.

Кстати: я узналъ, что мѣстечко Бустанъ для собственнаго увеселенія содержитъ на общественный счетъ семь батчей съ обучателемъ и дангарачами. Несмотря на всю дешевизну жизни, надо быть очень зажиточными людьми, чтобы позволять себѣ подобныя прихоти. И дѣйствительно, говорятъ, что количество и матеріальное положеніе батчей служитъ какъ бы мѣриломъ благосостоятельности того или другого мѣстечка.

29-го января.

Изъ Бустана выѣхали въ восемь часовъ утра. Ясное утро. Морозъ не великъ, но при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ казалось очень холодно: стлѣли ноги, руки и плечи. Не мало-таки далъ себя знать холодъ и на бустанскомъ почлегѣ: усы, волосы на вискахъ и край одѣ-
ла были покрыты инеемъ отъ дыханія.

Пробѣжавъ верстѣ пять между прекрасно воздѣланными участками земли и кишлаками, выѣхали наконецъ на открытую, слегка волнистую степь (чуль). Впередѣ, южнѣе города Кермине, виднѣлись скалистые горы, не обозначенныя впрочемъ на нашей картѣ; туземцы же называютъ ихъ Карнапъ-тау. Тянутся онѣ хребтомъ отъ востока прямо на западъ, а срединная вершина ихъ обращаетъ на себя вниманіе своею оригинальною формой: она значительно возвышается надъ остальными вершинами хребта въ видѣ тонкаго, продольно заостреннаго кряжа, словно лезвіе сікеры. Съ выѣздомъ на чуль, долина Заравшана осталась въ сторонѣ, верстахъ въ восьми лѣвѣе нашего пути, и такъ какъ темн

широкой степной волны шло между рѣкой и дорогой, то нѣтъ и не было видно садовъ, окаймляющихъ берега этой рѣки, о которой нѣсколько словъ не будутъ лишними въ виду ея важнаго, жизненнаго значенія для Бухарскаго ханства.

Ханство это, кромѣ юго-восточной своей половины, изрѣзанной хребтами высокихъ горъ, состоитъ изъ глинисто-солонцеватыхъ степей. а такая почва, какъ пзвѣстно, можетъ быть подвергаема успѣшной обработкѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода—все равно будетъ-ли то вода рѣкъ, источниковъ или колодезевъ, лишь бы эти послѣдніе не были слишкомъ солонны ¹⁾. Солнце, при помощи хорошаго орошенія, довершаетъ остальное, и бухарскія поля поэтому всегда приносятъ хорошіе урожаи. Самыми живокосными водными артеріями Бухары являются горные потоки, которые съ выходомъ на равнину обращаются въ рѣки, но не достигаютъ своихъ естественныхъ устьевъ въ Аму-Дарью, вследствие того, что вся масса ихъ воды уходитъ въ оросительныя арыки. Самыми значительными изъ такихъ рѣкъ являются: Заравшанъ, отводъ котораго, благодаря обладанію Самаркандомъ, всегда находится теперь въ нашихъ рукахъ, и рѣка Капка, иначе называемая Шахрисебскою рѣкой (*Аби-Шахрисебъ*). Но протяженіе послѣдней по крайней мѣрѣ вчетверо короче Заравшана, который протекаетъ болѣе шестистотъ верстъ, орошающія слишкомъ 4.075,4 квадратныхъ верстъ или 83,17 квадр. миль прекрасно обработанной земли, коей наибольшая и наилучшая часть въ настоящее время принадлежитъ Россіи ²⁾. Въ силу послѣдняго обстоятельства, Капка-Дарья, несмотря на незначительность ея протяженія, стала теперь для Бухары весьма важною жизненною артеріей, тѣмъ болѣе, что бухарцы владѣютъ не только главнымъ ея теченіемъ, но сполна и всѣми ея истоками. Въ руслѣ Заравшана попадаютъ частицы золота, вымываемаго изъ конгломератовъ въ его верховьяхъ. Но не по этой только причинѣ обитатели страны называли его златовоснымъ ³⁾, а главнѣйшимъ образомъ

¹⁾ Пространства степи, не орошенныя ручьями и потоками, нельзя принимать почти ни въ какомъ соображеніи при точномъ опредѣленіи экономически производительныхъ силъ этой страны, такъ какъ тамъ возможно лишь номадное существованіе, легко ускользающее изъ-подъ всякаго правительственнаго контроля, какъ въ административномъ, такъ и податномъ отношеніи.

²⁾ Въ нашихъ предѣлахъ рѣка протекаетъ 380 верстъ, причѣмъ ея среднее теченіе и въ особенности островъ Міанкаль (то есть „Срединная земля“, въ длину слишкомъ 100, въ ширину отъ 8 до 13 верстъ) представляетъ самую богатую часть долины, покрытую роскошными садами.

³⁾ Зеръ-авшанъ по-таджикски значить раздатель золота (см. Л. О. Костенко „Туркестанскій край“, т. I, 132). Золото попадаетъ по всему теченію рѣки въ видѣ мелкихъ зеренъ и тонкихъ

потому, что онъ, благодаря избытку своихъ водъ и періодическимъ разливамъ, дѣлаетъ почву плодородною и тѣмъ вноситъ благосостояніе въ жизнь ея обитателей¹⁾. Берега Зарявшана представляютъ большія удобства для земледѣлія, въ особенности правый; лѣвый же лежитъ выше уровня водъ и орошается арыкомъ Нарыпаемъ, который вытекаетъ изъ Кара-Дарыи, лѣваго рукава Зарявшана, въ нашемъ Катта-Курганскомъ округѣ, и вливается обратно въ Зарявшанъ близъ предмѣстья города Кермине, называемаго Касымъ-Шаиръ. И дѣйствительно, правый берегъ представляетъ непрерывный рядъ потонувшихъ въ садахъ селеній, такъ что все протяженіе рѣки, съ выхода ея на равнину, представляетъ одинъ сплошной садъ и даетъ понятіе о томъ видѣ, какой имѣла нѣкогда вся страна отъ Ташкента до Хивы и, какъ увѣряютъ здѣсь, даже до Каспія, когда Аму еще не поворачивала въ Аралъ и когда, по словамъ мѣстнаго преданія, котъ могъ дойти изъ Ташкента до моря, перепрыгивая только съ крыши на крышу, и соловей совершить то же путешествіе перепархивая съ вѣтки на вѣтку. По маздейской легендѣ, Согдъ (впослѣдствіи Когикъ, нынѣ Зарявшанъ) есть «второе благословенное мѣсто, сотворенное вожделѣннымъ словомъ Ормузда», и не даромъ по степени значенія для туземцевъ сравниваютъ его съ плодотворнымъ Ниломъ. Полоса полей, орошаемыхъ арычною системою Зарявшана, не вездѣ равномерна: мѣстами она суживается до восьми, даже до четырехъ верстъ (въ Хатырчинскомъ бекствѣ), а мѣстами ширится на тридцать, на сорокъ и болѣе верстъ.

Необычайно быстрый и многоводный въ на-

пластинокъ, по разработкѣ его приносить ничтожныя выгоды. Такъ, напримѣръ, артель изъ четырехъ рабочихъ вымываетъ его въ день, среднимъ счетомъ, на 60 коп. Поэтому золотымъ промысломъ занимаются только безземельные бѣднѣи.

¹⁾ Л. О. Костенко (т. I, 226) замѣчаетъ, что зарявшанская вода не только орашбеть поля, но дѣйствуетъ также и какъ удобрение: быстрый токъ Зарявшана въ двухсотверстномъ теченіи (верхнемъ) увлекаетъ множество землѣныхъ частицъ, отчего вода его дѣлается совершенно мутною. Наводняя поля, вода оставляетъ на нихъ этотъ илъ, повидимому, весьма плодородный. Въ этомъ отношеніи Зарявшанъ сравниваютъ съ Ниломъ, подобно которому онъ еще издревле привлекалъ къ себѣ жителей. Зарявшанъ въ теченіе года подвергается нѣсколькимъ разливамъ. Первый разливъ, зависящій отъ таянія снѣговъ на горахъ и въ ущельяхъ, а также и отъ дождей, начинается съ середины марта и кончается въ послѣднихъ числахъ апрѣля; второй начинается въскорѣ вслѣдъ за первымъ и кончается въ іюль; это самый полный разливъ; онъ происходитъ отъ таянія вѣчныхъ снѣговъ на главныхъ хребтахъ. Третій разливъ, происходящій въ октябрѣ, незначителенъ и причину его слѣдуетъ искать въ таяніи вновь выпадающаго снѣга и отчасти въ осеннихъ дождяхъ.

чалъ, Зарявшанъ чѣмъ далѣе углубляется въ степь, становится все мельче и, оросивъ посредствомъ Шахри-руда городъ Бухару, течетъ еще версты на семьдесятъ въ юго-западномъ направленіи, за городъ Каракулъ, а затѣмъ поворачиваетъ на юго-востокъ параллельно Аму-Дарѣ и теряется въ озерѣ Сунгуръ²⁾, не дойдя до Аму всего какихъ-нибудь сорока верстъ, у города Нараяма, гдѣ находится его естественное устье.

Владѣя Самаркандомъ и Катта-Курганомъ, мы теперь регулярнымъ образомъ снабжаемъ водой всю принадлежащую Бухарѣ часть Зарявшанскаго оазиса, и бухарцы понимаютъ, что «Урусь» держать въ своихъ рукахъ «ключъ къ жизни», ибо стоить ему не дать имъ воды только двѣ недѣли и—Бухара погибла.

Песчаная степь, по которой мы теперь ѣхали, называется Дашты-Малекъ. Съ сѣвера она ограничена Зарявшаномъ, а къ югу простирается до подножія Карнапскаго кряжа. Пески однако въ ней, на мой взглядъ, вовсе не глубоки и нисколько не увеличиваютъ трудностей движенія. По крайней мѣрѣ 3¹/₂, таша отъ Бустана до поселка Малекъ, гдѣ назначенъ былъ привалъ для завтрака, мы ѣхали не тише, чѣмъ всегда, и прибыли на пунктъ въ урючную пору, то есть въ началѣ двѣнадцатаго часа утра.

Не доѣзжая версты пяти до Малекъ представлялась намъ довольно рѣдкая зимой возможность любоваться степнымъ міражемъ. Поселокъ Малекъ, состоящій не болѣе какъ изъ тридцати домовъ, скупился на совершенно открытой и плоской мѣстности, около развалинъ древняго караванъ-сарая и красивой сторожевой башни въ формѣ минарета. Съ того пункта, откуда поселокъ впервые открылся предъ нами, его деревья и развалины съ башней казались какъ бы висящими въ воздухѣ выше черты горизонта, которая между тѣмъ была видна совершенно ясно. Нѣсколько минутъ спустя стало казаться, что все это виситъ уже не въ воздухѣ, а надъ широкою полосой воднаго пространства, какъ бы надъ большимъ озеромъ, въ которомъ смутно и совершенно какъ въ водѣ отражались очертанія древесныхъ группъ, высокихъ развалинъ и низенькихъ саклей. Все это представлялось такъ ясно, такъ реально, что человѣкъ, незнакомый съ данною мѣстностью, могъ бы съ полною увѣренностью поддержать какое угодно пари, что Малекъ стоитъ надъ очень большимъ и

²⁾ За озеромъ Сунгуромъ, въ разстояніи трехъ-четырехъ верстъ одно за другимъ, лежатъ еще два озера, Каранга и Денгизъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны Зарявшану и служили нѣкогда его естественнымъ продолженіемъ. Въ большую полую воду они и теперь соединяются иногда между собою протоками. Отъ Денгиза до Аму-Дарыи всего только около 28 верстъ.

широкимъ степнымъ озеромъ, чрезъ которое путнику предстоитъ неизбежная переправа. Съ дальнѣйшимъ приближеніемъ однако море постепенно тусклѣло, расплывалось и наконецъ, когда мы очутились верстахъ въ двухъ отъ Малека, мѣстность и предметы приняли свою дѣйствительную форму.

Подъ Малекомъ снова открылись для глаза сады населеннаго прирѣчнаго района, тянувшіеся полосой верстахъ въ пяти влѣво отъ поселка. Самый же поселокъ состоитъ преимущественно изъ затѣяныхъ дворовъ съ лавочками для проходившихъ каравановъ.

И здѣсь, такъ же, какъ нѣсколько дней тому назадъ на Караулъ-базарѣ, опять пришлось намъ испытать грустное чувство при видѣ этихъ жалкихъ мазанокъ, обступившихъ великолѣпныя развалины двухъ элажнаго зданія съ порталомъ и боковыми вышками, построеннаго Абдуллахъ-ханомъ специально ради удобства путешественниковъ и каравановъ. Груды кирпичей, навоза и мусора среди его двора и вокругъ еще не развалившихся стѣнъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о мудрой «государственной экономіи» Аштарханидовъ и Мангытовъ, и въ то же время стѣны эти, построенныя изъ хорошо обожженнаго кирпича и никогда не носившія на себѣ мозаичной облицовки, еще разъ служатъ живымъ доказательствомъ благороднаго вкуса Абдуллаха. Всѣ украшенія ихъ выведены изъ простыхъ кирпичей, а размѣры линий и контуровъ зданія полны изящной простоты и величія. Въ особенности хороша уцѣлѣвшая часть минарета, съ вышки котораго сторожевые синаи нѣкогда наблюдали за безопасностью степи, а по ночамъ зажигали на ней огни, служившія маякомъ для путниковъ, запоздавшихъ или заблудившихся въ степной пустынѣ.

При вѣздѣ въ поселокъ насъ неожиданно встрѣтилъ «почетный караулъ» совсѣмъ особаго рода, составленный изъ вчерашнихъ батчей въ бѣлыхъ чалмахъ и нарядныхъ пестрыхъ халатахъ. Выстроившись въ шеренгу, они отдали честь по военному и прокричали намъ что-то. Оказалось, что это знакъ предупредительности со стороны нашихъ приставовъ, вызванный якобы тѣмъ, что князь, только впервые присутствовавшій вчера на базарѣ, похвалилъ пляску батчей, разумѣется, изъ вѣжливости, а пристава приняли это за явную монету и, желая угодить посольству, распорядились отправить всю эту честную компанію впередъ, въ Кермине, гдѣ она будетъ задавать намъ представленія вмѣстѣ съ тамошними батчами. Я впрочемъ подозреваю, что желаніе «угодить» было только удобнымъ предлогомъ, а въ сущности пристава-любители имѣли въ виду не столько посольство, сколько свое собственное, да вдобавокъ еще и даровое удовольствіе.

Еще до вѣзда въ Малекъ къ намъ вѣхали на встрѣчу двое придворныхъ чиновъ наслѣднаго принца Сеидъ-Абдулъ-Агата, сидящаго на Керминевскомъ бекетѣ. Одинъ изъ нихъ былъ михмандаръ-баши (старшій камергеръ), на обязанности коего лежитъ приемъ почетныхъ гостей, а другой—адъютантъ бека. Оба были одѣты въ форменные парчевые халаты при сабляхъ и сидѣли верхомъ на прекрасныхъ, легкихъ и богато убранныхъ карабайрахъ. Въ Малекѣ они угостили насъ завтракомъ, послѣ котораго въ полдень мы тронулись далѣе.

До Кермина оставалось еще два тага. Дорога шла гладкою степью, на которую порой выбѣгали на перерѣзъ нашему пути окраины зарывшанскихъ садовъ и селеній. Непрерывная полоса культурной мѣстности уже не скрывалась отъ взора, а напротивъ, подходила къ намъ все ближе и ближе. Мы проѣзжали мимо крайнихъ строеній и глиняныхъ оградъ этихъ кишлаковъ, затѣмъ снова выбѣжали на степь и, проѣхавъ версту, другую, снова перерѣзывали заселенныя вѣтви оазиса на ихъ окраинахъ, и такъ до самаго Кермина, куда прибыли около двухъ часовъ пополудни.

Городъ расположенъ среди открытой плоскости, верстахъ въ трехъ отъ Зарывшана. Общая панорама его весьма картинно обставлена горами Акъ-тау и Нурагинскимъ хребтомъ, коихъ снѣжно-скалистыя вершины даютъ ему очень эффектную декорацию съ сѣверо-востока. Съ западной стороны, откуда мы вѣхали, не предшествуютъ городу ни сады, ни предмѣстья: вѣзжаешь сразу въ людную, торговую и довольно широкую улицу, въ перспективѣ которой скорѣй открывается впереди утолщъ цитадели.

Четырехсторонняя цитадель (урда) занимаетъ площадь въ 1½ квадр. версты¹⁾. Ея подковленные глинобитныя стѣны съ отчетливо нарисованными зубцами имѣютъ приблизительно до восьми аршинъ вышины и снабжены навѣсными бойницами, когорыя сначала мы приняли-было за сходству за водостоки. Бойницы эти расположены на одинаковой высотѣ, въ разстояніи около двухъ сажень одна отъ другой, и глядятъ внизъ своими треугольными форточками, чрезъ которыя производится стрѣльба по «мертвому пространству» а надъ ними, въ каждомъ промежуткѣ, по тѣмъ обыкновенныя бойницы между зубцами. Кромѣ того, стѣны снабжены еще бурджами—на сѣверномъ и южномъ фасадахъ по семи, а на восточномъ и западномъ по пяти, считая въ томъ числѣ и приворотныя полубашни. Ворота трое: сѣверныя, южныя и восточныя. Нѣко-

¹⁾ По сѣверному и южному фасадамъ по 500, а по восточному и западному по 300 коньяхъ шаговъ, считая шагъ лошади въ 1½ человѣческаго шага.

торое подобие рва ямется только на восточномъ фасѣ, да и тотъ похожъ скорѣе на простую водомоину, изъ которой выбираютъ, между прочимъ, глинну, чѣмъ на скольконибудь правяльный крѣпостной ровъ. Тѣмъ не менѣе цитадель видимо содержится въ большомъ порядкѣ, хотя стѣны ея и могутъ быть легче легкаго разнесены въ прахъ одною лишь артиллеріей. Вокругъ урды расположены лавки, а крытый базаръ помѣщается въ самой урдѣ, прорѣзывая ее отъ воротъ до воротъ съ сѣвера на югъ, но какими мѣстными произведениями базаръ этотъ не славится и, кромѣ обыкновенныхъ товаровъ для обиходнаго потребленія, не нашли мы на немъ ничего выдающагося ни по красотѣ, ни по богатству, ни по оригинальности — самый заурядный азиатскій базаришка.

Городъ не великъ. Въ самой урдѣ, которая застроена очень тѣсно, помѣщаются, кромѣ базара, 400 домовъ съ дворами, да около того же количества внѣ цитадели. Но здѣсь, внѣ стѣнъ, уже болѣе просторное расположение дворовъ и сады обширнѣе, улицы шире и не столь кривы и закоулочны; хотя при этомъ должно замѣтить, что во вѣншей части города болѣе встрѣчается кладбищъ, чѣмъ жилыхъ строеній, и кладбища эти производятъ прежалкое впечатлѣніе: это беспорядочныя кучи могильныхъ бугорковъ безъ всякихъ знаковъ, которые свидѣтельствовали бы объ уваженіи къ праху усопшихъ и о томъ, что оставшіеся въ живыхъ друзья и родные еще сохраняютъ о нихъ какую нибудь память.

Кермине не блещетъ избыткомъ богатыхъ или красивыхъ мечетей и можетъ похвастаться только одною, которая дѣйствительно достойна названія храма. Это большое каменное зданіе, гдѣ могутъ помѣститься тысячи двѣ народу. Высокій куполъ нѣкогда мозаично былъ облицованъ разноцвѣтными керамзиками, отъ которыхъ теперь уцѣлѣли кое-гдѣ лишь ничтожные кусочки. Роша старорослыхъ тѣнистыхъ деревьевъ съ трехъ сторонъ окружаетъ стѣны зданія, а съ четвертой, сѣверо-восточной, примыкаетъ къ его паперти дворъ, мощеный плитой и обнесенный каменною оградой. Мечеть принадлежитъ къ числу построекъ Абдулахъ-хана, но внутри не носятъ никакихъ украшеній, кромѣ готически скрещивающихся между собою граней и выпуклыхъ бороздокъ въ углахъ сводовъ и на карнизахъ. Внутренняя облицовка вся алебастровая. Это зданіе составляетъ единственную историческую достопримѣчательность города, но въ немъ едва ли не замѣчательнѣе всего является гнѣздо аистовъ, которое, по увѣреніямъ керминскихъ жителей, считается роесникомъ самой мечети. Мѣстное преданіе повѣствуетъ, что какъ только была отстроена и впервые открыта для всенародной молитвы эта мечеть, на макушкѣ ея

купола вдругъ появилась пара аистовъ и стала строить себѣ гнѣздо. Съ тѣхъ подъ каждую весну въ немъ непремѣнно появляется пара этихъ птицъ, и каждое новое поколѣніе той же семьи непремѣнно дѣлаетъ себѣ новое гнѣздо, но не иначе какъ въ видѣ надстройки на старомъ, такъ что теперь оно ямется уже около полуторы сажени вышины и торчатъ на куполѣ словно труба или башенка. Много и много послѣдовательныхъ поколѣній этой птицы вывелось уже на этомъ самомъ мѣстѣ, и керминцы думаютъ, что пока завѣтное гнѣздо существуетъ и не покинуто на лѣто своими обитателями, не оскудѣетъ и милость Божія надъ городомъ.

Помѣщеніе посольству отведено въ самой цитадели, рядомъ съ дворцовымъ садомъ, въ домѣ, принадлежащемъ ко дворцовымъ же пристройкамъ. Каждому изъ насъ досталось по хорошей, просторной комнатѣ; но и холодъ же въ нихъ такой, что просто хотѣ вождовъ морозить!.. Большия широкія окна-двери и наддверныя оконки, по три въ каждой комнатѣ, вмѣсто стекольныхъ рамъ загнуты бѣлою кисеей, что было бы прелестно для лѣтней ночи, когда отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ иначе спасенія, но теперь, въ январѣ, провести ночь на «дачномъ положеніи» — не очень-то пріятно. Каминновъ и печей, разумѣется, нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ, а отъ мангаловъ избави насъ Господи! Мы тотчасъ же приказываемъ вытаскивать вонъ это вѣрнѣйшее средство отравы угаромъ. Дворъ нашъ наполненъ чиновниками и челядинцами тюрджа-на — все это къ нашимъ услугамъ, но для услугъ ихъ слишкомъ много. У воротъ выставленъ взводъ красныхъ сарбазовъ, въ видѣ безземлянаго почетнаго караула.

Въ три часа пополудни, одѣвшись въ полную парадную форму, отправились верхомъ съ визитомъ къ Сеидъ-Абдуль-Агаты-хану. Живетъ онъ почти рядомъ съ нами, но для пушаго парада, чтобы видѣлъ народъ, повели насъ дальнѣйшимъ путемъ чрезъ базаръ и другія улицы.

Самый дворецъ (*аркъ*) построенъ на насыпномъ курганѣ и составляетъ какъ бы редюитъ этой цитадели. Къ его воротамъ ведетъ подъемъ шаговъ въ семьдесятъ шириной. На площадкѣ предъ подъемомъ былъ выстроенъ въ одну шеренгу почетный караулъ со знаменемъ (красное съ бѣлою каймой и бахромой) на правомъ флангѣ. Правѣ знаменосца стояли, тоже въ одну шеренгу, музыканты: горнисты, флейтисты, сурнисты и два барабанщика — одинъ съ обыкновеннымъ дубковымъ, а другой съ громаднымъ турецкимъ барабаномъ, который, ради пушей красоты, обтянутъ былъ пестрымъ ситцемъ. Командовалъ всею этою ратью какой-то кавказецъ — не то Шансугъ, не то Абадзехъ — ражій дѣтина въ высокой выдровой

шапкѣ съ цвѣтнымъ верхомъ, наряженный въ желтый мундирный кафтанъ съ серебряными позументами и русскими генеральскими эполетами. Командныя слова, какъ и повсюду въ бухарскихъ владѣніяхъ, произносились по-русски. При нашемъ приближеніи, по командѣ кавказскаго человѣка, посольству была отдана воинская почестъ съ музыкой и даже съ нѣкоторымъ наклономъ знамени.

Вдоль подъема, у паранетовъ, съ обѣихъ сторонъ стояли въ рядъ придворные челядинцы въ праздничныхъ халатахъ, удайчи съ посохами и чиновники съ айбатами и прочими знаками своихъ отличій.

Отдавъ своихъ лошадей джигитамъ, мы, по принятому нами обыкновению, пѣшкомъ поднялись къ воротамъ, за которыми продолжается тотъ же подъемъ, но идетъ уже онъ широкимъ крытымъ корридормъ, гдѣ въ стѣнныхъ нишахъ устроены особые приспособленія въ видѣ дивановъ, для помѣщенія на ночь караульных сарбазовъ. Въ каждомъ такомъ альковѣ надъ постелью виситъ на стѣнѣ фитильное ружье съ подпорочнымъ развилкомъ, а у самыхъ воротъ подвѣшена громадная деревянная булава; но плети, подобной знаменитой нагайкѣ Рустема, здѣсь мы не замѣтили. Изъ корридора вывели насъ на первый дворъ, пройдя который мы вступили во вторыя крытыя ворота, имѣющія внутри видъ квадратной комнаты, откуда выходъ находится не противъ входа, а въ лѣвой стѣнѣ. Комната эта, должно быть, служить чѣмъ-то въ родѣ кладовой или склада: въ ней стояло въ углахъ, одинъ на другомъ, десятка два или три большихъ русскихъ сундуковъ съ оковкой и было сложено вдоль стѣнъ до самаго потолка множество свернутыхъ зеленыхъ и цвѣтныхъ палатокъ. Въ проходѣ стояло около десятка какихъ-то чиновниковъ съ посохами и сѣкирами. Отсюда вступили мы во второй дворъ, уже значительно меньшихъ противъ перваго размѣровъ, замкнутый со всѣхъ четырехъ сторонъ стѣнами дворцовыхъ строеній. Здѣсь наши церемоніймейстеры, съ михмандаромъ-баши во главѣ, молча, но со всевозможными знаками благоговѣйнаго почтенія къ кому-то незримо, указали намъ въ правой уголъ, гдѣ находилась узкая алебастровая лѣсенка съ тремя-четырьмя высокими ступенями, а сами согнувшись отпятились къ воротамъ.

Поднявшись по этой лѣсенкѣ, мы очутились въ узкой, полутемной прихожей, гдѣ стояли въ рядѣ трое дежурныхъ махрамовъ тюряджана. Двое изъ нихъ молча и какъ-то автоматически растворяли предъ нами обѣ половинки дверей, ведущихъ слѣва въ небольшую приемную. Это была нацѣсто выбѣленная комната безъ всякихъ стѣнныхъ и потолочныхъ украшеній, какъ бы съ видимымъ намѣреніемъ устранить изъ нея всякій намекъ на малѣйшую роскошь, и даже глинобитный полъ ея, вмѣсто ковра, за-

сланъ былъ самыми обыкновенными дешевыми паласами. Трое оконъ-дверей, раскрытыхъ настежь и даже ничѣмъ не затянутахъ, выходили на внутренний дворикъ, представляя полный просторъ холодному сквозному вѣтру, такъ какъ дверь, въ которую мы вошли, осталась не затворенною. Вся мебель этой приемной состояла изъ шести самодѣльныхъ, крытыхъ краснымъ кумачемъ, табуретовъ, въ родѣ извѣстныхъ дѣтскихъ стульевъ на очень высокихъ косыхъ ножкахъ, съ маленькимъ узкимъ сидѣньемъ и низенькою спинкой, устроенныхъ словно бы нарочно для того, чтобы сидѣть на нихъ было какъ можно неудобнѣе. Стояли они скученно и безъ всякаго порядка по срединѣ комнаты, а предъ ними стоялъ самъ тюряджанъ, Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-ханъ. Сдѣлавъ къ намъ два шага на встрѣчу, онъ каждому радушно протянулъ руку, затѣмъ молча указалъ на табуреты и самъ, не безъ труда отъ не привычки, усѣлся на одномъ изъ нихъ, предвѣрительно передвинувъ его къ стѣнѣ между дверями; мы же на остальныхъ размѣстились около него полукругомъ.

На видъ это мужчина лѣтъ около двадцати пяти, росту выше средняго, крѣпко сложенный. Красивое смугловатое лицо его опушено черною, средней величины бородкой; небольшіе усы отгѣвняютъ его тонкія, энергично поджатые губы съ нѣсколькими приподнятыми углами. Черные большіе глаза очень выразительны. Взоръ ихъ остеръ и прозрителенъ. Дуги бровей очень характерно слегка приподымаются со внутренней стороны надъ переносицею, примыкая къ двумъ небольшимъ продолжнымъ морщинамъ. Въ общемъ, все это сообщаетъ его лицу серьезное выраженіе пылливаго ума и сильнаго характера. Въ немъ какъ-то невольно сказывается большой запасъ энергіи, силы воли и настойчивости. Нельзя сказать, чтобы лицо это было изъ числа добрыхъ въ смыслѣ мягкосердечія, хотя въ немъ нѣтъ и ничего отталкивающаго—напротивъ, оно скорѣе даже симпатично; вы только сразу чувствуете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ внутренне сильнымъ, который не признадается ни предъ чѣмъ для достиженія поставленной себѣ цѣли, и мнѣ кажется, что еслибъ этому человѣку дано было извѣстное образовательное развитіе, которое расширило бы его умственный кругозоръ, изъ него могъ бы выйти далеко не дюжинный правитель. Но этого не случилось, такъ какъ онъ посаженъ на Керминенское бекетъ еще въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ и тогда же снабженъ достодолжными колячествомъ гаремныхъ дамъ, причемъ, конечно, ему было уже не до заботъ о своемъ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи и образованіи. Впрочемъ, говорить, онъ вовсе не склоненъ къ гаремной распушенности и у него только одна законная жена, а прочія дамы содер-

жаты, такъ сказать, обязательно, въ силу условій высокаго положенія. Въ житейской своей обстановкѣ онъ предпочитаетъ простоту, даже съ нѣсколькими суровыми оттѣнками, что могли замѣтить и мы, хотя бы по обстановкѣ его приемной. Говорятъ, что теперь онъ временно страдаетъ ризтой въ ногѣ, но что до болѣзни любимѣйшимъ его занятіемъ было участіе въ кокъ-бурѣ¹⁾, соколиная охота и укрощеніе полудикихъ, горячихъ и злыхъ жеребцовъ, которыхъ онъ самъ подѣ себѣ обѣщаетъ. Не мало также занимается онъ и муштровкой своего гарнизона. Равно его заботливости надо приписать исправный видъ и упорядоченное состояніе Керминенской цитадели. Хотя навѣсныя бойницы конечно и вздоръ для серьезнаго противника, но уже самое существованіе ихъ здѣсь показываетъ направленіе мыслей и заботъ молодого принца, который сообразно своимъ средствамъ самъ додумался до приспособленій и способа обороны мертваго пространства подѣ стѣнами своей крѣпости²⁾.

При пріемѣ нашего посольства одѣтъ онъ былъ очень просто, въ обыкновенный адриасовый халатъ; на головѣ бѣлая кисейная чалма безъ всякихъ вышивокъ и украшеній. Во время разговора сидѣлъ онъ нѣсколько наклонившись впередъ и засунувъ кисти сложенныхъ рукъ въ опущенные мѣхомъ просторные рукава халата. Говорить пріятнымъ теноромъ и тихимъ голосомъ, но быстро и отрывисто, слушаетъ очень вдумчиво, какъ бы стараясь уловить и запечатлѣть въ себѣ каждое слово, каждый малѣйшій оттѣнокъ обращенной къ нему рѣчи. Разговоръ съ нимъ впервые за все время нашего пребыванія въ бухарскихъ предѣлахъ обошелся безъ стереотипныхъ изъясненій дружественныхъ чувствъ «маленькой» Бухары къ «великой» Россіи и соображеній о томъ, насколько нужны для первой неизмѣн-

ная дружба и покровительство послѣдней. Онъ просто заявилъ, что очень радъ видѣть насъ у себя, что отецъ уже заранѣе писалъ ему о предстоящемъ прибытіи русскаго посольства, поручая принять его членовъ какъ можно лучше; затѣмъ спросилъ, какъ мы нашли здоровье его отца, хорошо ли совершили нашъ путь и долго ли пробыли въ Бухарѣ, а въ заключеніе просилъ погостить у него дня три, если можно. Но когда князь заявилъ, что въ силу телеграммы генералъ-губернатора посольство должно торопиться въ Ташкентъ и долѣе однихъ сутокъ оставаться въ Керминѣ не можетъ, то тюря-джанъ не сталъ настаивать и поднялся съ мѣста, подавъ тѣмъ знакъ къ окончанію аудіенціи.

Послѣ поочереднаго рукопожатія мы уже выходили было изъ комнаты, какъ вдругъ, словно вспомнивъ что-то, онъ обратился къ майору Байтокову:

— Ахъ, да, мнѣ сказывали, что съ вами есть команда казаковъ?

— Есть, ваше степенство.

— Могу я просить князя, чтобы мнѣ ее показали? Мнѣ очень бы хотѣлось ихъ видѣть.

Байковъ перевелъ это князю, который, конечно, изъявлялъ полную готовность удовлетворить желаніе тюря-джана, а этотъ послѣдній отъ души поблагодарилъ его за это и на томъ мы разстались.

Наша конвоиная команда немедленно представилась тюря-джану подѣ начальствомъ браваго урядника Толстопа, который ввелъ свой ошпенный взводъ во внутренний дворикъ справа рядами и выстроилъ его во фронтъ противъ оконъ приемной. Седѣ-Абдуль-Агаты-ханъ, показавшись въ окнѣ, приветствовалъ казаковъ движеніемъ правой руки, приподнявъ ее къ чалмѣ. Тѣ дружно гаркнули ему на это «здравія желаемъ вашему степенству!» и затѣмъ по командѣ вынули шашки, взяли «на плечо», «на крауль», опять «на плечо» и вложили ихъ въ ножны. Этимъ и кончилось представленіе конвоя, который въ заключеніе пропарадировалъ мимо оконъ справа рядами. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ бековъ и высшихъ военныхъ чиновъ бухарскихъ единственно Седѣ-Абдуль-Агаты-ханъ поинтересовался нашими казаками.

У него есть тоже своя политическая партія; неизвѣстно лишь, насколько самъ онъ причастенъ ея планамъ и мечтаніямъ. Это все та же партія бухарскихъ такъ-сказать «националовъ», о которой я упоминалъ уже раньше. Ея завітное стремленіе заключается въ возстановленіи полной независимости Бухары во всемъ ея прежнемъ величіи. Къ сожалѣнію, при этомъ только упускается изъ виду взаимное отношеніе средствъ и силъ Бухары и Россіи, что впрочемъ и немудрено при совершенномъ невѣжествѣ хожѣй и ишановъ, изъ

¹⁾ «Кокъ-буря» значитъ сѣрый волкъ. Такъ называется игра, извѣстная у русскихъ подѣ названіемъ «козла драть». Это любимѣйшая игра у узбековъ и состоитъ она въ томъ, что собирается до ста и болѣе всадниковъ. Одинъ изъ нихъ беретъ въ стадѣ козла или барана и, перерѣзавъ ему горло, перекидываетъ его черезъ переднюю луку, крѣпко держа правой рукой за обѣ заднія ноги, и мчитъ съ нимъ въ степь. Остальные со всѣхъ сторонъ пускаются преслѣдовать «сѣраго волка», стараясь на-лету выхватить у него изъ рукъ зарѣзанное животное. Эта лихая скачка, несмотря на на какія мѣстныя препятствія, продолжается до тѣхъ поръ, пока кому нибудь не удастся выдрать хотя часть козла, и кончается она не всегда благополучно; но по алату, нельзя требовать воомеренія съ убійцы, если погибшій нанесъ смерть въ кокъ-бурѣ. Въ этой игрѣ верѣдько, въ особенности у туркменъ, участвуютъ и двѣушки-невѣсты: кто вырветъ у нея козла, тотъ можетъ взять ее себѣ въ жены.

²⁾ До сихъ поръ ни въ одной изъ бухарскихъ крѣпостей мы такихъ бойницъ не встрѣчали.

коихъ и состоятъ партія «націоналовъ», живущихъ мыслию въ прошломъ и закрывающихъ глаза на настоящее. Имъ кажется, что эмиру стоило бы только захотѣть и—съ помощію Аллаха возрожденіе могущественной Бухары совершилось бы какъ по щучьему велѣнію; но эмиръ-де не хочетъ, потому что продалъ Бухару русскимъ. Купцы, напримѣръ, особенно изъ тѣхъ, что ѣздятъ на Макарьевскую, никакихъ такихъ иллюзій не пытаются и ни къ какимъ подобнымъ партіямъ не принадлежать, но это именно потому, что они практически, съ наглядки могутъ соразмѣрять и взвѣшивать силы и средства Бухары и Россіи. Впрочемъ, какое дѣло высокочуднымъ ишанамъ и ходжамъ до аршинниковъ-купцовъ, и станутъ они еще «преклонять свой благородный слухъ на ихъ низменные рѣчи!»

Одна фракція «національной» партіи, извѣстная подъ названіемъ «Каршинской», придерживается (разумѣется втайнѣ) мятежнаго Катты-Тюря, старшаго сына эмира; другая же, «Керминенская», уповая свои возлагаетъ на Абдуль-Агата. Еще въ Бухарѣ было мнѣ доставлено секретное свидѣніе о надеждахъ и планахъ керминенскихъ націоналовъ, которые въ личномъ характерѣ Абдуль-Агата усматриваютъ залогъ ихъ осуществимости. Не касаясь вопроса о томъ, насколько эти планы разумно цѣлесообразны и вообще осуществимы, я только ради курьеза расскажу ихъ сущность, какъ мнѣ самому ихъ передавали.

Исходная точка керминенскихъ плановъ, это—кончина нынѣшняго эмира, когда, по извѣстному средне-азиатскому обыкновенію, неминуемо возникнетъ между его сыновьями и родственниками борьба и усобица за захватъ власти. Изгнанный Катты-Тюря, какъ извѣстно, лишень отцомъ всѣхъ правъ не только на ханство, но и на какое бы то ни было наслѣдіе въ бухарскихъ предѣлахъ. Это однако не устраняетъ для него возможности домогаться ихъ всѣми путями послѣ смерти эмира, при помощи своей партіи. Для этого потребуется свергнуть какимъ бы то ни было способомъ Абдуль-Агата, когда послѣдній займетъ тронъ Бухары, къ чему нынѣшній эмиръ и прочитъ его уже заранѣе. Но вступая законнымъ путемъ въ Бухару, Абдуль-Агата, для усиленной борьбы со старшимъ братомъ, долженъ будетъ обратиться къ помощи Россіи, а это такой шагъ, который неминуемо возстановитъ противъ него всѣхъ «націоналовъ» безъ различія партій. Притомъ же «Керминенцы» знаютъ, что если возьметъ верхъ Катты-Тюря, то всѣ вліятельныя, выгодныя мѣста и высшія должности въ ханствѣ сполна перейдутъ въ руки «Каршинцевъ», и тѣмъ самымъ ихъ собственная партія будетъ устранена отъ дѣлъ и обречена на ничтожество, если даже не на «прирѣзъ». Они

полагаютъ, что для Россіи безразлично, кто бы ни сидѣлъ на Бухарскомъ ханствѣ, лишь бы сидѣвшій былъ всегда и во всемъ ея покорнѣйшимъ слугою; они полагаютъ также, что если сядетъ даже Катты-Тюря, то и онъ волей-неволей долженъ будетъ слѣдовать въ отношеніи къ русскимъ нынѣшней политикѣ своего отца, такъ какъ самостоятельно держаться противъ Россіи на равнинахъ, да еще при томъ условіи, что она владѣетъ водой Заравшана, невозможно. Поэтому вся равнинная, степная часть Бухарскаго ханства для будущей борьбы за независимость ни въ какой расчетъ не принимается. Планъ этой борьбы разсчитывается на хорошо населенныя, хлѣбородныя горныя бекства, то-есть на всю вообще юго-восточную часть ханства, которая представляетъ собою обширную страну, вдоль и поперекъ прѣззанную горными узлами, высокими хребтами, отвѣсными скалами, глубокими пропастями, словомъ, такую мѣстность, гдѣ, по выраженію нашихъ казаковъ, бывавшихъ тамъ съ учеными экспедиціями, «самъ чортъ глину мѣсилъ». Въ случаѣ смерти эмира, Сеидъ-Абдуль-Агата, по плану «Керминенцевъ», долженъ ѣхать не въ Бухару, а какъ можно скорѣе пробираться въ горы, куда-нибудь въ родѣ Балъджуана или Дарваза, и тамъ, опираясь свободнымъ тыломъ на пограничную съ Афганистаномъ рѣку Пянджъ, объявить «газаватъ» — священную войну, за вѣру противъ «урусъ-кафыровъ», словомъ, устроить намъ новый Кавказъ, и тогда «Каршинцы» потеряютъ свою *raison d'être*, такъ какъ вокругъ гази Сеидъ-Абдуль-Агата-хана, во имя его принципа, должны будутъ сплотиться всѣ правовѣрные безъ различія партій. Предполагается, что русскіе либо не захотятъ повторять свой опытъ съ новымъ Кавказомъ, и потому, войдя съ бухарцами въ добровольное соглашеніе, возвратятъ имъ Самаркандъ съ истоками Заравшана; либо, что они будутъ много лѣтъ истощаться безъ всякой для себя пользы на веденіе трудной горной войны, при невозможности обойти противника съ тыла, откуда, между тѣмъ, противникъ будетъ получать всѣ свои средства для веденія этой войны; въ концѣ концовъ, все это надобѣтъ русскимъ, они плюнутъ и уйдутъ изъ Туркестана, и тогда Бухара снова возсіяетъ цвѣтъ блескомъ своего былого величія.

Это, конечно, не болѣе какъ пылкія мечтанія, тѣмъ труднѣе осуществимыя, что самый характеръ горныхъ таджиковъ, наклонныхъ къ мирной культурѣ, совсѣмъ не представляетъ тѣхъ элементовъ, какіе составили главную силу хищнически-воинственныхъ племенъ Кавказа въ ихъ долготѣйшей борьбѣ съ русскими оружіемъ. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай не мѣшаетъ принимать къ свѣдѣнію даже и нѣкоторыя мечтанія, если они характеризуютъ

собой отношенія къ намъ той или другой изъ сосѣднихъ политическихъ партій¹⁾.

Послѣ визита къ тюря-джану, при обратномъ слѣдованіи посольства чрезъ площадь, почетный караулъ опять отдалъ ему воинскую почесть, но на сей разъ уже безъ музыки. Зато неожиданно распотѣшилъ насъ желтокафтаный командиръ-кавказецъ. Стоя предъ фронтомъ и держа въ правой рукѣ саблю, опущенную «на крауль», а лѣвую всюю растопыренною пятерней поднимая къ шапкѣ для отданія чести, въ то время какъ князь пробѣжалъ мимо него, онъ вдругъ съ важностью и размыреннымъ голосомъ, чтобы слышно было каждое слово, крикнулъ ему по-русски:

— И какъ ваши здоровья?.. И здоровъ ли доѣхалъ, князь, ваши привастихадытелство?

Очевидно ему хотѣлось поддержать этимъ свое значеніе въ глазахъ своей рати,—дескать вотъ какой я важный человѣкъ, и по-русски знаю, и какъ тонко всё приличія и долги любезности поднимаю, и даже съ какимъ важнымъ лицомъ разговаривать могу, — поймите молъ это!

Обиѣнъ подарковъ послѣдовалъ уже по окончаніи визита: они были присланы къ намъ на домъ. Вечеромъ былъ баземъ съ томашой, но я на немъ не присутствовалъ, такъ какъ надо было многое занести въ свой дневникъ, а когда легъ въ постель, то всѣ эти батчи и дангарачи своими пѣснями и гудѣньемъ долго спать не давали.

30-го января.

Холодъ ночью въ моей комнатѣ былъ такой, что я нѣсколько разъ просыпался съ ледяными сосульками на усахъ. Принимаютъ насъ бучарцы, конечно, съ большимъ почетомъ, но нельзя сказать, чтобы особенно тепло. Чтò до меня, то я охотно предпочелъ бы теперь не-

¹⁾ Это писано еще до поѣздки Сендъ-Абдуль-Агаты-хана въ Москву на коронаціонныя торжества 1883 года. По возвращеніи изъ Москвы, онъ въ Ташкентѣ высказывалъ, между прочимъ, что эта поѣздка принесла ему большую пользу въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ хорошій случай воочию убѣдиться въ громадныхъ силахъ и средствахъ Россіи. Признаніе же государемъ императоромъ въ правахъ наследнаго принца совершенно разбиваетъ въ-прахъ всѣ мечты „керминевакской партіи“, такъ какъ теперь Абдуль-Агату нечего больше заботиться объ увеличеніи своихъ силъ еще и „каришискою партіей“: какъ законнаго наследника, санкціонированнаго Вѣлымъ Царемъ, его всегда поддержатъ русскіе штыки не только противъ Катты-Тюря, но и вообще противъ какихъ бы то ни было претендентовъ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него отшатнутся бухарскіе „націоналы“, то это уже ихъ домашнее дѣло, и намъ на то нечего обращать вниманіе. Признанный въ своихъ правахъ императоромъ Всероссійскимъ, онъ не нуждается болѣе ни въ какихъ партіяхъ для достиженія власти и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ надобности, сумѣетъ самъ справиться съ „недовольными“

множко менѣе почета, но зато хоть маленькую желѣзную печку въ моей комнатѣ.

Въ три часа пополудни состоялся нашъ прощальный визитъ къ тюря-джану. По обстановкѣ это было точное повтореніе вчерашняго, даже до крика желтокафтаннаго капитана «здоровъ ли доѣхалъ» включительно.

Вечеромъ насъ опять угощали безконечнымъ баземомъ. Мальчишки и бубенщики неистово вопятъ во всю глотку сдавленными голосами, ибо по здѣшнему чѣмъ громче и крикливѣе, тѣмъ значить голосъ лучше и достойнѣе восхищенія.

Но до чего все это надоѣло!..

31-го января.

Выѣхали изъ Кермине въ восемь часовъ утра. Мѣстность хорошо населенная и обработанная. Въ полутамѣ отъ города пробѣжали мимо развалины прекрасной медресе, построенной Абдуллахъ-ханомъ. Сквозные дыры вмѣсто оконъ уныло и словно съ укоромъ смотрятъ на путника, массивныя стѣны разрушаются все болѣе и болѣе... вокругъ бурьянъ, грязь, мусоръ... Просто смотрѣть досадно, когда чуть не на каждомъ шагѣ видишь, сколько прекрасныхъ и благотѣльных учреждений прежнихъ временъ уже погибло и сколько другихъ, которыхъ можно бы еще поддержать, обречены на запустѣніе и съ каждымъ днемъ все болѣе рушатся и гибнутъ отъ невѣжественнаго небреженія и общей апатіи. Какъ посравнишь, чтò было здѣсь два три столѣтія назадъ и чтò стало теперь, видишь, что жизнь этой страны, которая уже достигла было такихъ блестящихъ результатовъ, вдругъ остановилась и пошла назадъ, пятитымъ движеніемъ. Мусульманство отжило свое время и ничего не даетъ болѣе человѣчеству въ смыслѣ самостоятельнаго творчества. Его поэзія вся въ прошломъ, какъ и его поэты, его Гафизы, Фирдуси, Саади... Альгамбра въ Гренадѣ, джамія Селима въ Адрианополѣ и полуразрушенные дворцы и памятники въ Самаркандѣ—это альфа и омега мусульманскаго искусства: въ нихъ оно дало все, что только могло дать и новаго ничего болѣе не скажетъ.

Вотъ въ сторонѣ еще какія то развалины... Но мимо! Это все одна и та же картина запустѣнія и Авгіевыхъ конюшенъ.

Мѣстность ровная. Карнаискія горы, чтò тянутся южнѣе, верстахъ въ тридцати параллельно нашему пути, начинаютъ теперь все болѣе подходить къ Зарявшану. Наивысшая ихъ точка, лезвіеобразная вершина, находится какъ разъ противъ селенія Гурь-углы.

Перѣѣхали въ бродъ чрезъ большой арыкъ Нарыпай.

Расстояніе отъ Кермине до города Зиаеддина четыре съ небольшимъ таша, или собственно $3\frac{1}{2}$ версты. На половинѣ пути

встрѣтилъ насъ молодой человѣкъ, сынъ зіаеддинскаго бека, посланный своимъ отцомъ со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ на границу бекства для привѣтствованія посольства; а за пол-таша отъ города встрѣтилъ и самъ бекъ съ чиновниками. На немъ былъ надѣтъ халатъ изъ лиловой парчи, затканной золотыми разводами и серебряными травами, а на головѣ чалма бѣлая съ золотомъ. Всѣ они вышли верхомъ и при нашемъ приближеніи слѣзли съ лошадей. Мы тоже вышли изъ экипажей и обмѣнялись привѣтствіями и разпросами о здоровьи и благополучіи. Значитъ урокъ, данный княземъ каршинскому беку, подѣйствовалъ и очевидно принятъ бухарцами къ свѣдѣнію.

Зіаеддинъ носитъ громкое названіе города, но на мой взглядъ это просто ничтожная деревня, избранная почему-то подѣ административный пунктъ. Она гораздо меньше и невзрачнѣе многихъ сосѣднихъ кишлаковъ и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что обладаетъ фальшивою крѣпостью безъ малѣйшей возможности ея обороны. Эта крѣпость, расположенная между Нарыпаемъ и обрывистымъ берегомъ Заравшана, представляетъ, по обыкновенію, четырехстороннюю площадку, обнесенную глинобитною стѣной около двухъ саженъ вышиной. Снаружи оно какъ-будто и крѣпость, даже зубчатая бойница наверху подѣланы, но только стрѣлять изъ за нихъ нельзя, потому что съ внутренней стороны стрѣлкамъ стоять не на чемъ: у этихъ стѣнъ нѣтъ валгага, и онѣ не болѣе какъ высокій заборъ аршина въ полтора шириной. Ни рва, ни брустверовъ, ни даже бурджей; но ворота съ фальшивыми башенками есть, и предъ ними вдоль дороги былъ выставленъ почетный караулъ со знаменемъ; только люди были разставлены пикалерой въ одну шеренгу на значительно разомкнутыхъ дистанціяхъ, вѣроятно для того, чтобъ ихъ казалось больше чѣмъ въ наличности.

Домъ бека помѣщается въ крѣпости и обстановка его, быть можетъ въ зависимости отъ близости русской границы, отчасти смахиваетъ уже на русскій ладъ. Тутъ наши мы и переносныя желѣзныя печи, и плотно затворяющіяся двери и рамы со стеклами въ окнахъ, и стекла эти были вставлены какъ слѣдуетъ, съ замазкой, а рамы прилажены къ филенкамъ вплотную, безъ щелей, въ которыхъ удобно можно просовывать пальцы, какъ было у насъ въ Шаарѣ и въ Бухарѣ. Нашлись тутъ и столы, устроенныя на европейскій ладъ, на высокихъ ножкахъ, и нѣсколько буковыхъ стульевъ, и оттоманки съ шелковыми мутакками и подушками, устроенныя изъ эластическихъ сартовскихъ кроватей и покрытыя богатыми коврами. По всему замѣтно было, что хозяинъ любитъ жить чистоплотно и по возможности

комфортабельно, а впоследствии оказалось, что онъ и насчетъ тонкостей персидской кухни кое-что понимаетъ. По происхожденію онъ персіанинъ и приходится какимъ-то родственникомъ кушъ-беги, черезъ котораго получалъ и настоящее свое мѣсто; самъ же по себѣ это человѣкъ очень любезный, обходительный, радужный и даже съ нѣкоторымъ какъ бы европейскимъ лоскомъ, — вѣроятно понатерся около нашихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ пограничными властями.

Все это было прекрасно, и только одинъ почетный караулъ не переставалъ смущать насъ за все время пребыванія въ Зіаеддинѣ. Угрозидило же ихъ выставить его на дворѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ и выходной двери, гдѣ и цару открытыхъ палатокъ рядомъ поставили, одну для офицера, другую для сарбазовъ. Чуть только подойдешь къ окну, сейчасъ, по вызову часового, весь караулъ выскакиваетъ вонъ и становится въ ружье для отданія чести. Машешь имъ рукой, уйдите молъ, не надо, а они все стоятъ и держатъ «на караулъ», пока не отойдешь отъ оконка. То же самое, но только еще стѣснительнѣе и комичнѣе выходило, когда кто-либо изъ насъ проходилъ чрезъ дворъ за какою-либо надобностью. Чуть завидать это сарбазы, тотчасъ же выстраиваютъ фронтъ въ томъ направленіи, куда отлучился вышедшій и стоять такъ съ ружьями «на караулъ» все время, пока тотъ не пройдетъ обратно въ комнаты.

— Уберите вы пожалуйста этихъ сарбазовъ, совсѣмъ они тутъ ни къ чему не нужны, — убѣждали мы приставовъ.

— О, нѣтъ, какъ это возможно! Мы вѣдь понимаемъ этикетъ и военную дисциплину. Это вы насъ нарочно испытать хотите? Нѣтъ, мы свое дѣло до тонкости знаемъ!

Вотъ поди тутъ и разговаривай съ ними!

Послѣ обѣда, оглядѣвшись въ своей комнатѣ, вижу на стѣнѣ нацаралана карандашемъ русская надпись. Чтѣ такое? Читаю:

«1881 года апрѣля 29 были уральскіе казаки здѣсь № 1-го, 50 человѣкъ спалковникомъ К.—вытъ...»

А рядомъ приписка уже другою рукой:

«Тутъ мы получили троя одинъ халатъ, а то все самъ польковникъ».

Протестъ, значить, на память «будущимъ». Охъ ужъ эти халаты!..

Вечеромъ опять былъ баземъ, но мы уже не ходили смотрѣть его.

1-го февраля.

Размѣнялись съ бекомъ подарками и вышли въ дальнѣйшій путь въ семь часовъ утра. Бекъ лично провожалъ посольство до конца садовъ своего города. До Каиты-Курганъ остается только пятьдесятъ верстъ. Слава Бору!..

Дорога все время идет по густо заселенной мѣстности между кишлаками, орошаемыми изъ Нарыная, но она гораздо хуже стеной: тычки, ухабы и глубокия колеи даютъ себя знать на каждомъ шагѣ, а въ особенности чувствительно приходится на переѣздахъ въ бродъ чрезъ каналы. Въ двадцати верстахъ отъ Зиаеддина лежить на пути торговое мѣстечко Миръ, съ большимъ, незакрытымъ свеху базаромъ, населенное наполовину сартами, наполовину евреями, которые занимаются торговлей шелкомъ, то есть главѣйшимъ образомъ его скупкой и перепродажей, а сарты торгуютъ преимущественно путевыми принадлежностями для проходящихъ каравановъ.

Въ селеніи Касагаранъ остановились для завтрака. Это было уже послѣднее «испытаніе», какому подвергло насъ бухарское гостепріимство, ради чего собственно и повезли насъ не по хорошей стеной, а по самой отвратительной кишлачной дорогѣ. Прощайте же всѣ достарханы, шрупы, кебабы и жирные палау! По доброй охотѣ вѣроятно не скоро мы теѣшь за васъ примемся, хотя, слова нѣтъ, вкусны вы очень.

По выѣздѣ изъ Касагарана, свернули вправо въ открытую степь, а степью же, въ виду кишлаковъ, оставшихся въ лѣвой рукѣ, вѣхали въ русскіе предѣлы. На высокомъ бугрѣ, носящемъ имя Рамаджанъ, стоялъ пограничный столбъ, окрашенный въ спираль тремя знакомыми «казенными» цвѣтами, который и возвѣстилъ намъ съ полною точностью, что въ эту минуту мы уже въ Россіи. О, наконецъ-то!..

Чѣмъ ближе къ нашимъ границамъ, тѣмъ все болѣе приближается къ Зарявшану Карнапекая гряда, постепенно все понижаясь, пока не переходитъ наконецъ въ незначительные холмы, которые сливаются съ нашими Зерабулакскими и Катта-Курганскими высотами. На одномъ изъ такихъ холмовъ, въ виду дороги, высится каменный памятникъ съ крестомъ, поставленнымъ надъ братскою могилою русскихъ воиновъ, павшихъ въ происшедшемъ на этой мѣстности сраженіи 2-го іюня 1868 года, гдѣ бухарскіе сарбазы на-голову были разбиты отрядомъ генерала Головачева. Мѣстность стала принимать всхолмленный характеръ еще не доѣзжая Мира, а теперь чѣмъ далѣе, тѣмъ все холмистѣе. Съ нѣкоторыхъ возвышенностей открывается порою широкая панорама на Мianкаль и зарѣчную часть Зарявшанской долины, замыкаемой въ дымкѣ легкаго тумана силуэтами скалистаго хребта Акъ-тау. Сады этой роскошной долины, точно сплошной громадный лѣсъ, простираются въ глубь и ширь за Акъ-Дарью¹⁾ на нѣсколько

десятковъ верстъ въ поперечникѣ, до самыхъ горъ, на нижнихъ склонахъ коихъ чернѣютъ свѣжія полосы пашень—богара¹⁾. Это одна изъ прелестныхъ картинъ, какия когда либо я видѣлъ.

На границѣ ожидали насъ мѣстный волостной съ акъ-сакалами и нѣсколько полицейскихъ джигитовъ, посланныхъ къ намъ на встрѣчу начальникомъ Катта-Курганскаго отдѣла. Джигиты были одѣты въ форменные чекмени изъ желтаго верблюжьяго сукна, съ форменными шапками черезъ плечо и въ бѣлыхъ чалмахъ. На груди у нѣкоторыхъ красовались медали и знакъ военнаго ордена. На верткихъ поджарыхъ лошадяхъ, они смотрѣли истинными молодцами и даже добровольно усвоили себѣ русскую военную выправку. Очевидно, ихъ самолюбію лѣстятъ и эти знаки отличія и то, что русское начальство удостоило ихъ довѣрія, избравъ на полицейскія должности.

Въ первомъ попутномъ кишлакѣ на нашей территоріи обратило на себя вниманіе значительное количество домашней птицы, именно индюшекъ и гусей, чего въ бухарскихъ предѣлахъ за все время мы нигдѣ ни разу не встрѣчали. Это нововведеніе въ домашнемъ хозяйствѣ заимствовано нашими сартами у русскихъ поселенцевъ. Оказывается, что уже нѣсколько лѣтъ, какъ они поразводили у себя гусей да индюшекъ и теперь отлично сбываютъ ихъ въ Бухару въ видѣ живности. У бухарцевъ же этихъ домашнихъ птицъ почему-то не разводятъ.

Вскорѣ поднялись мы на гребень послѣдней возвышенности, и съ этого пункта, предъ спускомъ, вдругъ открылся предъ нами внизу веселый, оживленный видъ: чистенькій русскій городъ совершенно тонулъ въ садахъ среди долины, по которой быстротечный Нарынай сверкалъ на солнцѣ своими излучинами, то скрываясь въ чащѣ прибрежныхъ садовъ, то выбѣгалъ изъ луговины. Влѣво, верстахъ въ двухъ впереди, выглядывала макушка холма, на которомъ бѣлѣлась казарма. Тамъ расположено наше укрѣпленіе.

До сихъ поръ мнѣ не доводилось еще быть въ Катта-Курганѣ, и онъ на первый разъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Крестъ надъ православною церковью, чистенькіе одно-этажные домики европейской архитектуры, съ уютными крылечками, тесовыми воротами и свѣтлыми окнами, въ которыхъ виднѣются цвѣты и бѣлыя кисейныя занавѣски; широкія шоссеобразныя улицы и фонари на уличахъ, въ порядкѣ торчащіе «на узаконенныхъ дистанціяхъ»; кирпичныя тротуары и бульварныя аллеи, исправныя мостки чрезъ каналы, русскія лавки и мага-

¹⁾ Акъ-Дарья, или, по-таджикски, Дарья-Сафитъ (бѣлая рѣка) составляетъ правый или сѣверный рукавъ Зарявшана.

¹⁾ Богара—то же что льями. Такъ въ Зарявшанскомъ оазисѣ называются пашни, заѣмаемые подъ дождь, безъ искусственнаго орошенія.

зины, русскія вывѣски и русскіе люди—извозчики на парахъ въ пристяжку, приказчики въ картузахъ и сапогахъ съ «бураками», бойкіе солдатки и румяныя молодицы, и чей-то пестъ лягавый, какихъ нѣтъ въ Бухарѣ, и солнце, — солнце, которое сегодня впервые свѣтитъ и грѣетъ совсѣмъ по-весеннему. Капель съ крышъ, словно зерна алмазовъ сверкая на солнцѣ, падаетъ въ подоконныя лужицы съ какимъ-то звонкимъ шелестомъ; шумно и весело журчитъ вода въ арыкахъ, радостно трещать вертявья сороки и задорно чирикаютъ въ садахъ воробьи... Совсѣмъ весной пахнетъ.

У начальника Катта-Курганскаго отдѣла, подполковника Я. А. Войцеховича, нашли мы чистое, комфортабельное помѣщеніе, теплыя, просторныя, свѣтлыя комнаты, вкусный, хорошо сервированный столъ. О, какъ мы все это теперь оцѣнили!...

Конечно, спасибо бухарцамъ,—они старались всячески угодить намъ и дѣлали для этого все, что лишь было въ ихъ возможности; тѣмъ не менѣе я радъ, что все это кончилось.

Нѣтъ, право, въ гостяхъ хорошо, а дома все-таки лучше.

Вдоль Закавказской границы.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ

I.

Выѣхалъ я изъ Петербурга 8 іюня, когда тамъ продолжала еще свирѣпствовать «сиверка» до такой степени, что теплое пальто и даже съ мѣховымъ воротникомъ не составляло на улицахъ какого-либо исключительнаго явленія. Прохладная погода продолжалась вплоть до Харькова, и только уже за этимъ послѣднимъ городомъ пахнуло на насъ настоящимъ весеннимъ тепломъ. На станціи въ Бѣлгородѣ появились даже первыя на нашемъ пути ягоды—земляника-викторія и вишни. Съ каждымъ дальнѣйшимъ перегономъ къ югу становилось все теплѣе, и эта перемена въ особенности наглядно сказывалась на состояніи хлѣбныхъ посѣвовъ. Въ окрестностяхъ Лозовой мы уже встрѣтили первую жатву озимой пшеницы. Съ нами ѣхалъ на Кавказъ одинъ англичанинъ, и надо было видѣть до какой степени, на протяженіи всего пути отъ Москвы до Владикавказа, поражала его своимъ количествомъ масса засѣянныхъ хлѣбомъ полей, переходящихъ на югъ просто въ необозримыя хлѣбныя степи, по которымъ точно бы волны переливаются колеблемые вѣтромъ колосья. Урожай въ нынѣшнемъ году ожидается очень хороший, такъ что землевладѣльцы исполнены самыхъ отрадныхъ надеждъ и съ увѣренностью утверждаютъ, что знаменитыя хлѣбныя пошляны Бисмарка окопшатся на нѣмецкую же голову и нисколько не повлияютъ удручающимъ образомъ на состояние нашей хлѣбной торговли, въ особенности при неудовлетворительности урожая въ Америкѣ, Индіи и Австраліи; что если вывозъ нашъ не уменьшится и въ прошломъ году, то на текущій годъ есть всѣ основанія рассчитывать на значительное увеличеніе онаго, все равно будетъ

ли Германія получать русскій хлѣбъ, безъ котораго ей никакъ не обойтись, непосредственно изъ Россіи или иными путями, и такимъ образомъ вся тяжесть боевыхъ пошляны падеть, какъ и до сихъ поръ, на германскихъ же потребителей. Всѣ амбары южныхъ желѣзнодорожныхъ станцій все еще переполнены мѣшками съ прошлогоднимъ хлѣбомъ, несмотря на то, что специально хлѣбные поезда безостановочно работаютъ самымъ энергическимъ образомъ, и если это такъ относительно хлѣба прошлогодняго, то чего же надо ожидать послѣ нынѣшняго урожая!

14 іюня, около пяти часовъ дня, мы прибыли во Владикавказъ. Приближаясь къ нему, поѣздъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, идетъ между молодыми фруктовыми садами. Говорятъ, что всѣ эти сады—произведеніе послѣдняго времени, и самые ранніе изъ нихъ появились не болѣе восьми лѣтъ назадъ, а большинство около 1883 года. Мѣстные жители рассчитываютъ, что въ недалекомъ будущемъ Владикавказъ будетъ играть весьма видную роль въ отпускной фруктовой торговлѣ, такъ какъ всѣ условія почвы и климата вполне благоприятствуютъ культурѣ самыхъ высокихъ сортовъ грушъ, яблокъ, абрикосовъ, персиковъ и сливъ, не говоря уже о виноградѣ; но для этого, какъ я слышалъ, нужно, чтобы общество Владикавказско-Ростовской дороги со своей стороны позаботилось объ устройствѣ нѣкоторыхъ особыхъ приспособленій въ вагонахъ, дабы самые нѣжные сорта фруктовъ могли выдерживать перевозку до Москвы, Петербурга и далѣе, безъ наружныхъ поврежденій отъ тряски.

Издали Владикавказъ дѣлаетъ впечатлѣніе небольшого, но очень красивенькаго подгорнаго городка, потонуващаго въ роскошной зелени. И дѣйствительно, сады и аллеи соста-

вляють лучшее его украшеніе, выкупаая собой неудобство пыльных и плохо мощеныхъ улицъ. Дома по большей части одно-этажные, изъ сырцоваго или жженнаго кирпича, того особаго вида архитектуры, который по преимуществу является типомъ нашихъ южныхъ городскихъ построекъ и знакомъ каждому, кто бывалъ на югѣ Россіи или въ Туркестанскомъ краѣ, но есть и нѣсколько двухъ и трехъ-этажныхъ зданій вполне капитальной и красивой постройки, съ разной орнаментацией. Городъ лежитъ на плоскости, имѣющей въ этомъ мѣстѣ 2,346 фут. высоты надъ уровнемъ моря, и расположенъ по обоимъ берегамъ вѣчно шумящаго Терека, чрезъ который перекинута два солидные желѣзные моста. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Владикавказъ, называемый горцами Капкаемъ, прошло уже сто пять лѣтъ, но до 1860 года онъ оставался только крѣпостью, составлявшею одно изъ важнѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи укрѣпленій бывшей Кавказской линіи, такъ какъ положеніе его противъ выхода изъ тѣсины Терека, по которой пролегалъ путь въ Грузію, давало ему большое стратегическое значеніе. Нынѣ крѣпость уже потеряла свое прежнее значеніе и потому упразднена, но зато самъ Владикавказъ, получившій въ 1860 году городскія права, сдѣлавъ три года спустя главнымъ административнымъ центромъ Терской области, то-есть возведешъ на степенъ, равнозначущую съ губернскимъ городомъ. Въ настоящее время въ немъ насчитывается уже около 34,000 душъ постоянного населенія, ядро котораго первоначально составилось изъ семействъ отставныхъ военныхъ чиновъ, селившихся на форштадтѣ, къ коимъ впоследствии стали присоединяться христіане изъ осетинъ, покидавшіе свои горныя ущелья, затѣмъ переселенцы изъ Россіи и армяне съ греками, безъ которыхъ на нашемъ югѣ, какъ и безъ евреевъ на западѣ Россіи, не существуетъ ни одного города. Впрочемъ, евреи есть уже и здѣсь и не безъ успѣха конкурируютъ съ армянами не столько по части торговли, сколько по части всякаго факторства, генералства и плутней. Въ настоящее время это городъ съ весьма пестрымъ населеніемъ, среди котораго на городскихъ бульварахъ и площадяхъ толкуются и татары, и персіане, и цыгане, и представители разныхъ горскихъ племенъ, и хохлы, и казаки, и великороссы, и наконецъ даже нѣмцы, начинающіе переселяться сюда все болѣе и болѣе и забирать въ свои руки, какъ слышнво, лучшія земли въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Владикавказъ, какъ административный центръ Терской области, въ значительной мѣрѣ носитъ военный характеръ. вмѣстѣ съ казачьими черкесками, здѣсь то и дѣло попадаются на улицахъ формы представителей разныхъ штабныхъ управленій, артиллеріи драгунъ и мѣ-

хоты. Здѣсь же находится постоянная штабъ-квартира знаменитаго въ боевыхъ лѣтописяхъ русской арміи Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, Владикавказъ украшенъ очень изящнымъ памятникомъ въ честь защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія, между которыми находился рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ. Кому изъ насъ, относящихъ свое дѣтство ко времени сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, не знакомъ прекрасный астампъ, изображающій этого самаго рядового Архипа Осипова съ дымящимся фитилемъ въ рукѣ, предъ раскрытою дверью порохового погребка, среди труповъ и умирающихъ защитниковъ Михайловскаго редута, внутри котораго уже ворвались толпы штурмующихъ горцевъ! Я позволю себѣ, кстати, напомнить здѣсь прекрасную странячку изъ нашей военной исторіи. Послѣ цѣлаго ряда нападений на форты прибрежной Черноморской линіи, горы напали 21 марта 1840 года на укрѣпленіе Михайловское, при рѣкѣ Вуланѣ. Тамъ находились всего четыре роты, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Николая Лихо. Въ ожиданіи нападенія, Лихо предпринялъ всѣ мѣры защиты, какія лишь были доступны въ его положеніи, и предложилъ своему гарнизону, на случай послѣдней крайности, скорѣе взорваться, чѣмъ сдать фортъ неприятелю. Гарнизонъ единодушно отвѣчалъ на это полнымъ согласіемъ, а выполнить предпринятое рѣшеніе взялся рядовой Архипъ Осиповъ. Утромъ 21 марта громадная скопища напсеговъ и убыховъ бросились на штурмъ Михайловскаго. Закинулъ на валахъ ожесточенный бой, среди котораго пало большинство русскаго гарнизона. Наконецъ и самъ командиръ его получилъ въ рукопашномъ бою тяжелую рану, и потокъ горцевъ ворвался внутрь укрѣпленія, рубя и коля все, попадавшееся ему на встрѣчу. Тогда, по знаку штабсъ-капитана Лихо, рядовой Архипъ Осиповъ бросился съ зажженнымъ фитилемъ въ пороховой погребокъ и произвелъ взрывъ, послужившій не только славною смертью для гити остальныхъ защитниковъ, но и гибелью для неприятелей, которыхъ, по показаніямъ лазутчиковъ, погибло при этомъ до двухъ тысячъ человекъ. Нѣсколько израненныхъ, но оставшихся въ живыхъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ горцами и выкупленныхъ впоследствии, рассказали въ главныхъ чертахъ всѣ подробности этого блестящаго дѣла, и тогда императоръ Николай Павловичъ, взявшій на себя заботу объ участіи семей погибшихъ офицеровъ и солдатъ, повелѣлъ сохранить на вѣчныя времена имя рядового Архипа Осипова въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ. Съ тѣхъ поръ въ полку, на всѣхъ церекличкахъ, какъ только произносится это

ния, первый, слѣдующій за нимъ рядовой отвѣчаетъ: «Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи». Какой достойный примѣръ и какая завидная память! Мавзолей въ честь этихъ героевъ представляетъ небольшой гранитный столбъ съ доской, гдѣ написаны ихъ имена и даты событій, осѣненный распушенными крыльями большого бронзоваго вызолоченнаго орла.

Въ тотъ же день, подѣ вечеръ, при помощи одного стараго знакомаго и сослуживца изъ мѣстныхъ осетинъ, я запасся хорошею буркой, необходимою для путешествія по горамъ Кавказа и Закавказья, а остатокъ вечера отдалъ легкому ужину въ одномъ изъ небольшихъ садовъ, гдѣ предлагаютъ посѣтителямъ исключительно мѣстные продукты, приправленные ко вкусу туземныхъ потребителей. Ни скатертей, ни салфетокъ здѣсь не полагается, но вмѣсто послѣднихъ здѣсь подають тонкія, вчетверо сложенные бумажки-протекучки, на одной сторонѣ которыхъ отпечатаны рисунки, представляющіе бочку — сороковку: предъ нею — толстаго, носатаго и пузатаго армянина со стаканомъ въ рукѣ. На бочкѣ надпись: «кахетинское вино», и на чревѣ армянина тоже надпись: «отъ кахетинскаго вина; пей и такъ же здоровъ будешь». Намъ подали превосходный осетинскій сыръ, печенныя яйца, выложенныя балыкъ, молодой лукъ съ разными сырыми съѣдобными травами, между которыми были петрушка, чернушка, шавель и эстрагонъ, и въ заключеніе всего дали превосходно зажаренный на вертелѣ бараній шашлыкъ съ барбарисовымъ порошкомъ и отварныя форели, только-что наловленныя въ Терекѣ, съ какими-то особо приготовленнымъ горскимъ соусомъ. Все это удовольствіе, вмѣстѣ съ бутылкой прекраснаго кахетинскаго вина, стоило всего 1 р. 20 к., да и то половина этой суммы пошла за вино.

Я еще съ вечера распорядился на почтѣ насчетъ лошадей и экипажа, чтобы слѣдовать на Тифлисъ по Военно-Грузинской дорогѣ, а на утро швейцаръ «Европейской гостиницы», гдѣ я остановился, докладываетъ мнѣ, что со мною желаетъ переговорить насчетъ условій совмѣстнаго пути одна попутчица. Въ лицѣ этой попутчицы оказалась премилая и очень скромная молодая дѣвушка, владикавказская жительница, сѣлшившая въ Баку къ своему брату, состоящему тамъ на службѣ. Мы согласились и часа черезъ полтора выѣхали вмѣстѣ въ путь-дорогу въ прекрасной коляскѣ, какими располагаетъ здѣшняя почтовая станція.

Владикавказъ находится въ семи верстахъ отъ выхода изъ Терекскаго ущелья, и путь къ послѣднему ведетъ почти незамѣтнымъ подъемомъ по превосходному шоссе, гдѣ все вниманіе и взоры путника невольно обращены на чудную картину зеленыхъ предгорій большаго

Кавказскаго хребта, покрытыхъ отъ низу до верху кудрявымъ мелколѣсьемъ. Надъ этими возгорьями плаваютъ бѣлыя облака, изъ за которыхъ порою выглядываютъ какъ бы висящія въ воздухѣ голыя глыбы каменныхъ скалъ и зубчатые верхи отдаленныхъ, болѣе крупныхъ горъ-великановъ. Въ устьѣ ущелья, подѣ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, пріютилось нѣсколько низенькихъ духановъ съ небольшими навѣсами и плоскими кровлями, совершенно уже въ восточномъ вкусѣ, и надъ каждымъ изъ нихъ непременно торчатъ русская выѣска съ какою-нибудь курьезною надписью, составляющею плодъ особаго остроумія армянина-духанщика, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «Не уѣзжай, голубчикъ мой, а заѣзжай повеселиться въ садикъ мой». Въ двѣнадцати съ четвертью верстахъ отъ Владикавказа, при входѣ въ Джераховское ущелье, стоитъ первая на нашемъ пути почтовая станція, Балта, расположенная въ красномъ блококаменномъ домѣ противъ тѣнистаго сада. Подѣзжая къ ней, мы услышали несущееся изъ этого сада звуки полковаго оркестра и голоса военныхъ пѣсенниковъ. Тамъ, среди зелени мелькали бѣлыя рубашки солдатъ и кители офицеровъ. Оказалось, что это общество офицеровъ Тенгинскаго полка справляетъ проводы своего командира, получившаго другое назначеніе. Провожаемый уже уѣхалъ, но веселый пикникъ все еще продолжался. У моей спутницы оказалось здѣсь нѣсколько знакомыхъ, которые и окружили ее на дворѣ, пока я дожидалъ въ конторѣ прописки своей подорожной. Узнавъ отъ нея мою фамилію, двое изъ нихъ явились ко мнѣ и пригласили отъ лица всѣхъ господъ офицеровъ провести нѣсколько времени, пока перепрыгнутъ лошадей, въ ихъ товарищескомъ кругу. Понимая, какъ военный, все лестное значеніе оказанной мнѣ чести, я отправился вмѣстѣ съ ними и съ моею спутницей въ садъ, гдѣ былъ встрѣчать всѣми самымъ радужнѣйшимъ образомъ и незамѣтно для себя провелъ около часу времени на доброй военнотоварищеской бесѣдѣ за стаканомъ кахетинскаго. Въ лицѣ Тенгинцевъ Кавказъ совершенно неожиданно подарилъ меня такою пріятною встрѣчей, которой я конечно никогда не забуду и пользуюсь теперь случаемъ, чтобы еще разъ выразить всѣмъ имъ глубоко сердечную признательность за ихъ братскій привѣтъ и пріемъ, ознаменовавшій мой первый шагъ на Кавказѣ. Да, здѣсь еще всецѣло сохраняются добрыя традиціи былаго, славнаго времени кавказской арміи. и дай Богъ, чтобы онѣ никогда не искоренялись!

II.

Военно-Грузинская дорога и Казбекъ.

Военно-Грузинская дорога останется однимъ изъ лучшихъ и вѣчныхъ памятниковъ дѣятельности князя А. И. Барятинскаго на Кавказѣ. Только сдѣлавъ самъ этотъ двухсотверстный путь, воочию убѣждаешься, какихъ громадныхъ усилий, какого гигантскаго труда, какихъ научно-техническихъ знаній, соображеній и расчетовъ, и наконецъ, какого смѣлаго таланта требовало это по истинѣ грандіозное сооруженіе. Мы до того уже привыкли у себя дома хаять все свое, домашнее, относиться къ нему если не съ предубѣжденіемъ, то съ недоверіемъ, что не обращаемъ вниманія или проходимъ равнодушнымъ молчаніемъ такія проявленія русскаго генія и труда, какія въ Европѣ или Америкѣ составляли бы предметъ справедливой національной гордости и заставили бы удивляться и кричать о себѣ весь цивилизованный міръ. Къ числу такихъ монументальныхъ проявленій русскаго генія и энергіи я смѣло отношу Военно-Грузинскую дорогу и думаю, что каждый безпристрастный и понимающій человекъ, который самъ прослѣдуетъ по ней изъ конца въ конецъ, долженъ будетъ согласиться со мною.

Для слѣдованія по Военно-Грузинской дорогѣ я еще во Владикавказѣ запасся маленькою маршрутною карточкой (20 верстъ въ дюймѣ), изданною очень изящно тифлисскою литографіей Дюстердика. На ней весьма отчетливо показаны всѣ главнѣйшія особенности пути, разстоянія и высоты всѣхъ подъемовъ и спусковъ (послѣдніе въ вертикальномъ разрѣзѣ). Лучше и удобнѣе этой вполнѣ карманной карточки съ русскимъ и французскимъ текстомъ трудно что-либо придумать, а потому совѣтую каждому, кто впервые отправляется по Военно-Грузинскому шоссе, непременно записаться ею, тѣмъ болѣе, что цѣна ей всего пять копеекъ. Затѣмъ, для болѣе обширнаго знакомства какъ съ этимъ путемъ, такъ и вообще съ Кавказомъ, не мѣшаетъ записаться еще «Путеводителемъ по Кавказу», прекрасно и вполнѣ изящно изданнымъ въ текущемъ 1888 году въ Тифлисѣ и составленнымъ г. Е. Вейденбаумомъ по порученію генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, главноначальствующаго на Кавказѣ. Это томъ въ 434 страницы (in 8°), съ дорожною картою и двѣнадцатымъ рисункомъ художника Стаховскаго (цѣна въ прочномъ папковомъ переплетѣ 4 рубля). Къ «Путеводителю» г. Вейденбаума, а равно и къ прекрасной книгѣ М. Владыкина ¹⁾ мнѣ неоднократно придется обращаться

ся за цифровыми и иными справками, съ полною увѣренностью въ ихъ точности, такъ какъ почтенный трудъ г. Вейденбаума, исполненный не только по порученію, но и по указаніямъ главноначальствующаго, носитъ въ этомъ отношеніи всѣ достоинства источника officialнаго.

Ущелія Терека съ сѣверной и Арагвы съ южной стороны, по коимъ пролегаетъ нынѣ Военно-Грузинское шоссе, были еще въ глубокой древности извѣстны какъ путь изъ Азии въ юго-восточныя степи Европы. О немъ говорятъ Плиній, и еще точнѣе, Проконій Кесарійскій. Путь этотъ считался самымъ удобнымъ, потому что въ окрестностяхъ Казбека центральная часть главнаго Кавказскаго хребта ниже сосѣднихъ частей онаго на столько, что высота Крестоваго перевала не достигаетъ даже 8,000 футовъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ другіе ближайшіе перевалы лежатъ на высотахъ отъ 10 до 11 тысячъ футовъ. Этимъ путемъ издревле шли не только торговыя сношенія, но направлялись и военно-народныя вторженія и переселенія какъ изъ Азии въ Европу, такъ и обратно. Самое названіе Дарьялъ (по персидски *Даръ-и-Аланъ*, по-арабски *Бабъ-аль-Аланъ* и *Бабъ-Аланъ*) показываетъ, что это былъ путь или ворота (*даръ*) алановъ. Грузинскія хроникѣ повѣствуютъ о множествахъ вторженій горцевъ и кочевниковъ прикавказскихъ степей въ Закавказье именно чрезъ Дарьяльское ущелье; оно же въ 1769 году послужило путемъ и для русскихъ войскъ, впервые появившихся въ Грузію на помощь царю Ираклю противъ турокъ. До водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, мѣстные горцы (тагаурское племя) еще не знали и не употребляли монеты. Они специально занимались переноской и переправой черезъ Терекъ караванныхъ тюковъ и багажа путешественниковъ, а счетъ стоимости своего труда вели на рубашки, причемъ каждая рубашка равнялась шести локтямъ грубаго полотна. За переноску одного тюка платилось шесть рубашекъ, то-есть около четырехъ рублей. По доставленіи товаровъ въ селеніе Чми, купецъ уплачивалъ всему тагаурскому племени еще шесть рубашекъ въ видѣ мостовой пошлины. Все полотно немедленно раздиралось на куски по числу старшинъ племени, и такъ какъ послѣднихъ было очень много, то на долю каждого приходился по раздѣлу лишь небольшой кусочекъ полотна; поэтому все тагаурское племя обыкновенно ходило въ рубахахъ, сшитыхъ изъ множества лоскутковъ.

Первый, кто началъ раздѣлывать Военно-нынѣ нѣсколько устарѣло, но несмотря на это, все же заключаетъ въ себѣ множество интереснѣйшихъ данныхъ, въ особенности по части историческихъ и анекдотическихъ свѣдѣній.

¹⁾ «Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу» изд. 1874 года. Изданіе это

Грузинскую дорогу, былъ князь Циціановъ, а за нимъ Тормасовъ, Ермоловъ, при которомъ въ теченіе пяти лѣтъ разрабатывалось одно лишь Дарьяльское ущелье, причемъ множество скалѣстыхъ утесовъ было взорвано и разровнено и построены черезъ Терекъ мосты вмѣсто прежнихъ зыбкихъ плетневыхъ настилокъ, соорудившихся тагаурцами. Затѣмъ, подобныя же работы мѣстами на протяженіи всего горнаго пути продолжались при Воронцовѣ и закончились при Барятинскомъ, который собственно и былъ инициаторомъ созданія нынѣшняго шоссе. Это самая высочайшая изъ всѣхъ разработанныхъ дорогъ въ мірѣ. Высшая точка знаменитаго Симплона лежитъ на высотѣ 6,147 футовъ, а здѣсь перевалъ на 7,977 футовъ; казарма же, гдѣ живутъ дорожные рабочіе на перевалѣ, стоитъ на 8,732 фут. надъ уровнемъ моря, что противъ Симплона составляетъ разницу въ $\frac{3}{4}$ версты ¹⁾. Это грандіозное сооруженіе закончено и получило свой нынѣшній блестящій видъ въ 1861 году.

Отъ станціи Балты до станціи Ларсъ на протяженіи 17 $\frac{1}{4}$ верстъ, подъемъ незамѣтно все возвышается до 3,682 футовъ, и дорога идетъ по лѣвому берегу Терека узкою зеленѣющею долиной между хлѣбистыми горами и ишферными скалами. Въ общемъ, пейзажъ очень красивъ и, благодаря растительности, не имѣетъ еще дикаго, суроваго характера, какой сразу поражаетъ путника по выѣздѣ изъ Ларса съ первымъ шагомъ въ знаменитое Дарьяльское ущелье. Изящный бѣлый домикъ съ верандой и выпуклымъ бельведеромъ, во въющейся зелени, упирается своимъ тыломъ въ высокую голую скалу, которая повидимому совершенно замыкаетъ собою дальнѣйшій путь, гдѣ впереди видна одна только узкая затененная щель. Это—станція Ларсъ. Не доѣзжая до нея на скалѣ справа видна полуобрушившаяся башня какого-то замка очень древней постройки. Она, какъ и большая часть подобныхъ башенъ на Кавказѣ и по Военно-Грузинской дорогѣ, имѣетъ квадратно четырехстороннюю форму, въ видѣ узкой усѣчено-конической пирамиды. Замокъ этотъ, очевидно, имѣлъ нѣкогда назначеніе закрывать входъ въ Дарьяльское ущелье съ сѣвера. У подошвы скалы нѣсколько духановъ и саклей. Всю эту мѣстность, съ селеніемъ Ларсъ и принадлежащими ему землями, тагаурскій старшина Махмедъ-Дударовъ добровольно уступилъ Россіи въ 1804 году, при содѣйствіи князя Циціанова ²⁾.

Населяютъ эти мѣста, до самаго перевала, исключительно осетины, если не считать русскихъ солдатъ, станціонныхъ чиновниковъ, телеграфистовъ, инженеровъ, дорожныхъ рабо-

чихъ и ямщиковъ. Осетинскіе аулы, изрѣдка разбросанные тамъ и сямъ по ущелью, точно ласточки гнѣзда, прилѣпившіяся почти къ отвѣснымъ скаламъ, состоятъ каждый всего изъ нѣсколькихъ низенькихъ плоскихъ саклей, сложенныхъ изъ плитняка и дикихъ камней безо всякаго цемента и нагроможденныхъ одна надъ другою по узкимъ, ступенеобразнымъ уступамъ, почти и незамѣтнымъ, когда смотришь на нихъ издали. Каждый изъ такихъ маленькихъ аульцевъ непременно вооруженъ одною или двумя каменными башнями уже извѣстнаго типа, что придаетъ имъ видъ своеобразныхъ укрѣпленныхъ замковъ. Это не фантазія вкуса мѣстной архитектуры, а имѣло свое необходимое практическое основаніе въ самыхъ условіяхъ жизни. Дѣло въ томъ, что осетины, по преданіямъ, прийдя когда-то изъ Азіи черезъ Уралъ и занявъ равнины Предкавказья, въ томъ числѣ и Донъ ³⁾, были отбитыены другими, болѣе сильными народами въ горы и вынуждены скрыться отъ нихъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ, гдѣ и оказались какъ бы отрѣзанными отъ остальнаго міра. Народъ осетинскій еще и до сихъ поръ помнитъ, какъ его прапрадѣды не смѣли и носа показать на Кабардинскую плоскость и какъ кабардинцы, владѣвшіе нѣкогда Ларскимъ ущельемъ, брали съ нимъ каждый разъ плату за право спуститься за какою-либо надобностью къ Тереку. Безпрестанныя нападенія на нихъ со стороны окрестныхъ народовъ вынудили осетинъ строиться въ своихъ горныхъ трупобахъ не иначе какъ укрѣпленными гнѣздами на трудно достигаемыхъ, почти недоступныхъ небольшихъ площадкахъ, да и эти-то гнѣзда укрѣплять еще каменными башнями. Выѣтъ съ тѣмъ эта вѣчная военная борьба за свое существованіе научила ихъ быть воинами. Тагаурцы, осетинское племя, живущее по лѣвому берегу Терека въ горахъ, близъ Ларской станціи, являются передовымъ и самымъ гордымъ племенемъ между осетинами. Они почему-то считаютъ себя потомками Тагауры, нѣкогда бывшаго послѣдникомъ престола Арменіи, укрывшагося въ ихъ горы отъ преслѣдованія своихъ братьевъ. Это преданіе служить для нихъ основаніемъ причислять себя къ высшему сословию и питать свое высокоміріе, за что остальной осетинскій народъ (простонародіе) и не долблѣваетъ тагаурцевъ. Осетины издревле считаютъ себя христианами, но религія ихъ является какою-то странною смѣсью христіанства съ вѣрованіями язычества и обычаями магометанства. По официальнымъ даннымъ, ихъ считается

¹⁾ Если и не свидѣтельствомъ, то намекомъ на это служить то, что на осетинскомъ языкѣ слово „донъ“ значитъ вообще рѣка. Такъ, напримѣръ, *Арт-донъ*—бѣшеная рѣка, *Нарт-донъ* богатырская рѣка и проч.

²⁾ М. Владыкинъ, стр. 235.

³⁾ Е. Вейденбаумъ, 281.

около 50 тысячъ христіанъ, около 15 тысячъ магометанъ и небольшое число язычниковъ ¹⁾). Они одни изъ первыхъ добровольно приняли наше подданство, что доставило имъ защиту отъ враждебныхъ сосѣдей и послѣ чего многія осетинскія семейства выселились на плоскость, отдавшись земледѣльческой культурѣ. Въ горахъ у нихъ процвѣтаетъ теперь скотоводство, и осетинскій сыръ справедливо славится по всему Кавказу. Въ свѣжемъ состояніи онъ очень вкусенъ, и я съ большимъ удовольствіемъ лакомился имъ во Владикавказѣ. Есть всѣ основанія предполагать, что при своей собственной имъ восприимчивости, осетины въ недалекомъ будущемъ опередятъ на поприщѣ культуры многія племена кавказскихъ горцевъ.

Нѣсколько десятковъ сажень переѣзда съ узкой площадки Ларской станціи впередъ, по выступу скалы,—и вы переѣзжаете черезъ желѣзную мостъ, переброшенный надъ страшною стремниной шумящей воды, на правый берегъ Терека, и съ этого момента вы уже въ Дарьяльскомъ ущельи... Какъ много говорить собою это названіе для русскаго сердца! Сколько военныхъ истинно геройскихъ трудовъ и выстѣ съ тѣмъ сколько поэтическихъ, дорогихъ для нашей литературы, воспоминаній! Невольно вспоминаются Пушкинъ, Марлинскій, Лермонтовъ, Николай Толстой... Грозные и мрачные шиферные утесы охватываютъ васъ съ обѣихъ сторонъ и заслоняютъ путь впередъ своими высокими массивами. Терекъ реветъ и мчится и прыгаетъ каскадами по каменному ложу, какъ бѣшеный, неся массу гальки и крупныхъ камней. Шумъ и эхо въ тѣни отъ этого неистоваго грохота таковы, что нужно кричать, если вы хотите чтобы вашъ ящикъ васъ услышалъ. Вся узкая щель отъ низу до верху какъ бы наполнена этимъ грохотомъ, и двигаясь по окрайкамъ и выступамъ нависшихъ надъ тобою скалъ, въ виду этого бѣшеннаго потока внизу, подъ ногами—невольно чувствуешь въ одно и то же время и все свое ничтожество предъ этимъ могуче-грозными произведеніями природы и всю силу человѣческаго разума и энергіи, сумѣвшихъ преодолѣть ихъ. Паденіе Терека въ Дарьяльскомъ ущельи представляетъ наклонную плоскость отъ 60 до 110 футовъ на версту, т.-е. по одной сажени на каждыя 30 сажень его длины ²⁾). Есть тутъ одно мѣсто такое, куда никогда не западаетъ лучъ солнечнаго свѣта, и по сосѣдству съ нимъ, на протяженіи почти двухъ верстъ, избученный Терекъ едва находитъ себѣ русло между суженными отвѣсными скалами, гдѣ нѣтъ мѣста для ноги человѣческой, кромѣ

шоссе, вьющагося по берегамъ этихъ каменныхъ гигантовъ.

Среди Дарьяльскаго ущелья, на небольшой узкой площадкѣ, внизу, почти надъ самымъ Терекомъ, стоитъ четырехсторонній каменный редутъ съ двумя фланкирующими башнями, построенный русскими. Внутри редута находится казарма, гдѣ живетъ команда всадниковъ конно-иррегулярнаго полка, содержащая разѣзды по шоссе, для охраны почтъ и пассажировъ отъ все еще возможныхъ хищническихъ нападеній. Въ предшествовавшемъ Джераковскомъ ущельи, между Балтой и Ларсомъ, находится подобное же укрѣпленіе, имѣющее одинаковое назначеніе съ Дарьяльскимъ. Конные разѣзды, отъ восьми до двѣнадцати всадниковъ, вооруженныхъ бывшими кавалерійскими берданками, довольно часто встрѣчались намъ на дорогѣ, и можно замѣтить, что въ районѣ Терской области дѣятельность охранныхъ разѣздовъ несравненно болѣе замѣтна чѣмъ на продолженіи той же дороги въ предѣлахъ Тифлисскаго губерніи, можетъ-быть, это потому, что населеніе здѣсь диче и воинственнѣе и самыя мѣста глуше тѣмъ въ послѣдней. Тутъ же, вблизи Дарьяльскаго редута, видѣются на обрывѣ высокой скалы развалины замка и массивной башни,—знаменитой, такъ называемой, «башни Тамары», послужившей Лермонтову мотивомъ для его извѣстнаго стихотворенія. Это-то мѣсто собственно и есть Дарьяль, то-есть ворота, которыя, по свидѣтельству Плинія, находились именно здѣсь. Они были деревянныя, съ желѣзною оковкой и запирали ущелье надъ самою рѣкой, которая (въ древности Дириодорисъ), по словамъ того же писателя, протекала *подъ* ними. Относительно развалины «Тамарина замка» существуетъ въ грузинскихъ лѣтописяхъ свѣдѣніе, что онъ былъ сооруженъ царемъ Мирианомъ за полтораста лѣтъ до Р. Х. и обновленъ царемъ Давидомъ въ XII вѣкѣ. Такова его историческая дѣйствительность; но въ народной легендѣ мѣстныхъ жителей, царь Мирианъ превратился въ никогда не существовавшую царицу Дарью,—несомнѣнно, въ силу созвучія съ персидскимъ названіемъ *Дарьяль*,—а эта послѣдняя, въ свою очередь, превратилась, въ тѣхъ же легендахъ, въ немнѣе мифическую царицу Тамару, съ именемъ которой народныя преданія связываютъ постройку почти всѣхъ замковъ и древнихъ храмовъ на Кавказѣ. Дарьяльская легенда повѣствуетъ, что въ замкѣ нѣкогда жила прекрасная, но злая царица Тамара, которая завлекала къ себѣ молодыхъ и красивыхъ путниковъ, обѣщая имъ свою любовь и всевозможныя наслажденія, и общаніе это исполнялось, но зато на утро несчастному отрубали тутъ же голову и тѣло его бросалось изъ окна башни въ Терекъ.

¹⁾ М. Владыкинъ, 231.

²⁾ М. Владыкинъ, 235.

Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: прости!
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщаль...

Въ поперечныхъ боковыхъ ущельяхъ Дарья видны каскады горныхъ ручьевъ, стекающихъ въ Терекъ съ такою же стремительностью, съ какою и самъ онъ мчится по своему наклонному мосту, но ихъ шумъ уже не слышенъ въ грохотѣ, наполняющемъ главное ущелье. Одно изъ подобныхъ ущелій, въ узкой части Дарьяла, называется Девдоракскимъ. Въ его устьѣ стоитъ на шоссе каменная дорожная сторожка и рядомъ съ ней указательный столбъ съ надписью: «Путь на Девдоракскій ледникъ, 8 верстъ». Этотъ ледникъ, имѣющій до четырехъ верстъ длины, при наибольшей ширинѣ въ 235 сажень, спускается съ сѣверо-восточнаго склона Казбека, и обломъ его нижней конечности, лежащей на высотѣ 7.540 ф., служитъ причиной такъ называемаго *Казбекскаго* или *Девдоракскаго завала*, выпадающаго время отъ времени на Военно-Грузинскую дорогу, видѣ массы снѣга, осколковъ льда и камней. Въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія на Девдоракѣ случилось шесть заваловъ, и послѣднихъ трехъ, бывшихъ въ 1808, 1817 и 1832 годахъ, существуютъ точныя officialныя свѣдѣнія. Завалъ 1832 года, случившійся 13 августа въ 5 часовъ утра, загородилъ собою все ущелье и русло Терека на протяженіи болѣе двухъ верстъ. Высота завала достигала, на глазомѣръ, отъ 40 до 50 сажень и объемъ всей его массы былъ болѣе 1,600,000 кубическихъ сажень. Теченіе Терека, имѣющее въ этомъ мѣстѣ среднюю ширину около 40 сажень, приостановилось на восемь часовъ, и воды его образовали выше запруды обширное озеро, а во Владикавказѣ рѣка внезапно такъ смѣлѣла, что можно было въ теченіе нѣсколькихъ часовъ перебираться въ бродъ съ одного берега на другой. Но гигантская плотина не выдержала наконецъ напора воды, и страшный потокъ, пробуравивъ себѣ ходъ подъ нею, кинулся внизъ по Дарьялу, смывъ на пути дорожныя сооруженія; между тѣмъ верхняя масса завала все еще держалась, такъ что пришлось устроить на ней временную тропу, и только въ августѣ 1834 года ледъ и сплотившійся снѣгъ стали настолько, что явилась возможность возстановить дорогу на твердомъ грунтѣ. Къ завалу 1817 года относится извѣстное стихотвореніе Пушкина:

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы.
И надо мной кричатъ орлы.
И ронцетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ
И Терека могучій валъ
Оставовилъ.
Вдругъ истощавъ и приемиривъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волей упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга..
Ты затовилъ осмиривъ,
Свои берега.
И долго прорванный обвалъ
Не талой грудой лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкий шелъ:
И конь скакалъ и влекся волъ,
И своего верблюда вель
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
Небесъ жилецъ.

Со словъ мѣстныхъ жителей, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, сложилось было убѣжденіе, будто завалы повторяются на Казбекѣ регулярно черезъ каждыя семь лѣтъ; но съ 1832 года они не возобновлялись и обстоятельство это объяснялось тѣмъ, что массы снѣга, задержанныя громаднымъ обломкомъ скалы, сторвавшимся во время завала 1832 года, напши себѣ исходъ въ другую сторону. Однако же, въ 1861 году, появились нѣкоторые признаки, указывавшіе на возможность повторенія заваловъ, и это побудило кавказское начальство заняться изслѣдованіемъ причинъ ихъ образованія и паденія. Ученныя коммисіи наши, что обрушеніе нижней части Девдоракскаго ледника зависить какъ отъ формы ледниковаго ущелья, такъ и отъ возрастанія самаго ледника при благопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ. Это совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ, нижняя оконечность ледника значительно увеличивается въ объемѣ и выпучивается надъ крутымъ русломъ ручья Амилшя, текущаго подъ ледникомъ Девдоракскаго ущелья въ Терекъ. Въ такомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія, ледникъ можетъ находиться только до тѣхъ поръ, пока сила тяжести нависшей части оного не превышаетъ силы сдѣленія ледяныхъ частицъ, и разъ, что равновѣсіе нарушается, нижняя оконечность ледника отламывается отъ своей главной массы и рушится. Туземцы убѣждены, что завалы являются слѣдствіемъ гнѣва грознаго горнаго духа Мякинень (духъ этотъ женскаго пола), обитающаго на Казбекѣ и кричащаго по пѣтушнику, если кто задумаетъ приблизиться къ его обиталищу. Для умиловленія этой Мякинень еще прадѣды нынѣшнихъ туземцевъ сложили въ Девдоракскомъ ущельѣ *дабу* — каменный жертвенникъ, на который и до сихъ поръ возлагаются мѣстными охотниками, въ видѣ жертвы, рога горныхъ серъ и туровъ.

Не доѣзжая около версты до станціи Казбекъ приходится переѣзжать по мосту американской системы черезъ ручей Куро, стекающій въ Терекъ съ правой стороны по ущелью, извѣстному подъ именемъ «бѣшеной балки». Во время проливныхъ дождей и таяніи снѣговъ ничтожный Куро превращается въ могуче бѣшеный потокъ, несущій массы камней и глинъ, черезъ что образуется запруда, которая на время задерживаетъ свободный стокъ его воды; но вода эта не надолго остается въ своемъ временномъ бассейнѣ и, прорвавъ запруду, устремляется внизъ съ такою силой, что предъ ней кажется ничтожною даже сила самого Терека. Случалось, что «бѣшенная балка» прекращала на нѣсколько дней сообщеніе по правому берегу Терека, и это обстоятельство побудило наконецъ перенести шоссе между Дарьяломъ и Казбекомъ на его лѣвый берегъ.

Невдалекѣ за мостомъ «бѣшеной балки» находится двухъ-этажный домъ, принадлежащій фамиліи князей Казбековъ. Онъ выстроенъ весь изъ тесаного камня, въ восточномъ вкусѣ, съ плоскою кровлей, каменною террасой и галлереей и обнесенъ каменною стѣной. Рядомъ съ нимъ, тотчасъ же за этою стѣной, стоитъ небольшая каменная церковь съ башенкой, въ романскомъ стилѣ, построенная, какъ гласитъ ея надпись, при императорѣ Александрѣ I. Въ ея каменной оградѣ находится фамильное кладбище князей Казбековъ, по имени которыхъ русскіе называли и самую гору, называемую туземцами Бенламъ-Картъ. Желая осмотрѣть эту церковь, но видя что калитка въ ея оградѣ заперта, я проникъ чрезъ другую калитку во дворъ дома, гдѣ разбитъ предъ террасой небольшой цвѣтникъ, и обратился къ двумъ женщинамъ, сидѣвшимъ на плоской кровлѣ одной изъ надворныхъ каменныхъ построекъ. Онѣ, однако, меня не поняли, и я хотѣлъ уже вернуться назадъ, какъ вдругъ на террасѣ появился русскій солдатикъ и объяснилъ, что ключъ отъ церкви у поручика, а поручикъ ушелъ въ горы, а то отчего бы не показать, съ удовольствіемъ показали бы.

— У какого поручика?—спрашиваю его.— Развѣ тутъ стоитъ команда какаѣ?

— Никакъ нѣтъ, у поручика князя Казбека... Князь, значить, здѣшній, а я при нихъ въ денщикахъ. Къ матушкѣ ихней, значить, въ отпускъ на побывку пріѣхали изъ Владикавказа.

Такимъ-то случайнымъ образомъ и узналъ я, что нынѣшній представитель княжескаго рода Казбековъ состоитъ на русской военной службѣ. Впрочемъ, впоследствии, въ книгѣ г. Владыкина, вычиталъ я свѣдѣніе, что и покойный старый князь Казбекъ тоже служилъ въ нашихъ войскахъ и умеръ генераломъ.

За церковью находится небольшой аулъ

Казбекъ, гдѣ я впервые услышалъ у духана туземное пѣніе подъ звуки зурны и бубна. Пѣли въ унисонъ хоромъ нѣсколько парней, но въ мотивѣ ихъ пѣсни не было ничего особенно оригинальнаго, восточнаго, — она показалась мнѣ похожею скорѣе на нашу русскую пѣсню, солдатскаго пошиба, и очень можетъ быть, что это не болѣе какъ подхваченный туземцами отголосокъ послѣдней или перепѣвъ ея. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ аула стоитъ большое двухъ-этажное зданіе почтовой станціи Казбекъ (отъ Ларса 14¹/₂ верстъ). Вся эта мѣстность, представляющая небольшую горную долину, находится на высотѣ 6,455 фут., и отсюда, въ особенности со станціонной галлереи, открывается превосходный видъ на покрытую вѣчными снѣгами вершину Казбека. По счастью, воздухъ на этотъ разъ былъ совершенно ясенъ, и я могъ любоваться серебрянымъ конусомъ горы-великана совершенно свободно. Тамъ, на высотѣ 16,546 футовъ, была метель, потому что намъ ясно были видны взметы снѣжной пыли, сметающейся съ вершины кверху. Ниже Казбека и прямо противъ станціи, на голой вершинѣ горы Квенемъ-мты 7,673 фута, вырѣзывается на фонѣ яснаго синяго неба профиль древней каменной церкви съ отдѣльно стоящею колокольней. Это Стефанъ-цминда (церковь Стефана) или, иначе, Цминда-Сабема (церковь Св. Троицы), стоящая почти на 2,200 футовъ выше станціи. Ниже ея, на скатѣ въ долину, расположенъ вдоль ручья, сбѣгающаго въ Терекъ, аулъ Гилеты. Это та самая церковь, про которую Лермонтовъ говоритъ, что

...У воротъ ея стоятъ
На стражѣ черныя гравиты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.

Поэтъ приписываетъ построеніе Цминды-Сабемы какому-то разбойнику, «грѣховъ мнѣнувшихъ въ искушеніе», который, будто бы тамъ и похороненъ, но г. Владыкинъ, изслѣдовавшій это преданіе на мѣстѣ, не могъ добыться, откуда Лермонтовъ его заимствовалъ. По его словамъ, мѣстные жители даже обижались, когда ихъ спрашиваютъ, не разбойникъ ли построилъ Цминду? и говорятъ, что она сооружена тремя царями, но какими — неизвѣстно, а достоверно только одно, что камень для нея былъ добывается съ горы Сіона, въ трехверстномъ разстояніи отсюда, и громадный трудъ, съ которымъ была сопряжена его доставка на это, едва доступное мѣсто, показываетъ, что время постройки относится къ счастливымъ временамъ владычества Грузія надъ Кавказомъ. На мой вопросъ о томъ, кто строилъ церковь, мнѣ отвѣчали утвердительно, что—царица Тамара, но это столько же вѣроятно, какъ и три царя. Впрочемъ, г.

Владыкинъ дѣлаетъ догадку, что быть-можетъ Лермонтовъ говорить про другой храмъ-монастырь, дѣйствительно существующій на Казбекѣ, на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Это — нѣсколько келій, высѣченныхъ въ скалѣ, на которыя обратилъ мое вниманіе везшій меня ямщикъ, сказавъ, что тамъ и до сихъ поръ спасаются какіе-то монахи. — «А можетъ и бѣгле, прибавилъ онъ, — кто ихъ знаетъ!» Лица, посѣщавшія эти пещеры, путь къ которымъ достигнуть въ хорошую погоду, говорятъ, что видѣли въ нихъ жернова и остатки ручныхъ мукотольныхъ мельницъ, черепки глиняныхъ кувшиновъ и т. п. Грузинскій географъ прошлаго вѣка, царевичъ Вахуштъ, называетъ Цминду-Сабему монастыремъ, что и подтверждается существованіемъ отшельническихъ пещеръ въ ея окрестности. По его словамъ, эта церковь, въ минуту опасности, когда враги вторгались въ Грузію, служила хранилищемъ для священныхъ предметовъ и драгоценностей мцхетскаго соборнаго храма, и здѣсь скрывали иногда величайшую святыню Грузіи — крестъ святой Нины, ея просвѣтительницы, сдѣланный изъ виноградной лозы. Г. Владыкинъ, посѣтившій Цминду, говоритъ, что первое, что попадаетъ, когда взберешься на гору, это — остатки какихъ-то развалинъ и могильныхъ плитъ, подъ которыми, по рассказамъ, похоронены работники, строившіе церковь. Храмъ и колокольня построены въ древнемъ византійскомъ стилѣ (преобладающемъ въ Грузіи) и покрыты коническими куполами; остальная крыша каменная, двускатная и лежитъ на ней нѣсколько паръ турскихъ роговъ — даръ благочестивыхъ охотниковъ; окна узкія и высокія; изъ наставныхъ трещинъ выбивается трава, а между вѣшными орнаментаціями, изъ коихъ нѣкоторыя хорошо сохранились, замѣчательны украшенія въ видѣ царскихъ шапокъ, какъ будто повѣшенныхъ на вбитыхъ въ стѣну гвоздяхъ.

Богослуженіе въ Цминда-Сабема совершается и понынѣ, но рѣдко, не болѣе трехъ разъ въ годъ, а именно, какъ сказали мнѣ на станціи, въ день Св. Троицы, на Рождество Пресвятой Богородицы и въ день Св. Стефана. Тогда со всѣхъ окрестностей, даже наиболѣе отдаленныхъ, стекаются сюда тысячи богомольцевъ, причемъ каждый разъ самъ собою устраивается большой народный праздникъ. Говорятъ, что внутри храма сохраняется нѣсколько турецкихъ бунчуковъ, отнятыхъ въ сраженіяхъ, и около иконостаса лежатъ изваянный изъ дерева Христосъ-младенецъ въ ясляхъ — предметъ особеннаго почитанія богомольцевъ. Вообще, по вѣрованіямъ мѣстныхъ жителей, Казбекъ есть гора священная, на которой пребываетъ самъ Богъ, и потому до вершины горы не можетъ безвѣданно достигнуть ни одинъ человѣкъ. У нихъ

де замѣчено, что какъ только достигаетъ кто большого камня (видимаго отъ Цминды), такъ его сейчасъ же останавливаетъ какая-то невѣдомая сила или же поднимается буря, и онъ долженъ либо вернуться назадъ, либо погибнуть. Это представленіе о христіанскомъ Богѣ, живущемъ на Казбекѣ, совершенно уживается въ умахъ мѣстныхъ туземцевъ съ языческимъ представленіемъ о грозной богинѣ Мякинень. Но фантазія горцевъ идетъ еще далѣе. По ихъ повѣрью, на самой вершинѣ Казбека разбитъ шатеръ Авраама, а въ шатрѣ висятъ на воздухѣ ясли, поддерживаемыя невидимою силой, и въ нихъ спитъ младенецъ, вотъ почему-де и находится изображеніе младенца въ ясляхъ въ Цминда-Сабемѣ и почему народъ такъ почитаетъ это изображеніе. Если окружены-де несмѣтными сокровищами, среди которыхъ находится невиданное дерево и пшеница, каждое зерно величиной въ четверть. Удалось туда проникнуть при царѣ Иракліи II только одному священнику со своимъ сыномъ, но и то потому, что оба они были люди совершенно чистые душой и тѣломъ, не знавшіе *марушки* (женщины). Отецъ погибъ во льдахъ, а сынъ возвратился и, во свидѣтельство своего пребыванія въ жилищѣ Бога, принесъ нѣсколько зеренъ пшеницы и кусокъ матеріи отъ Авраамова шатра, лучше и красивѣе которой ни до того, ни послѣ того никто не видывалъ, а на подошвахъ его оказались приставшія къ нимъ серебряныя монеты, которыя тогда же, вмѣстѣ съ матеріей и пшеницей были отправлены къ царю Ираклю. Эти легенды отчасти повторяются и царевичемъ Вахуштомъ, и г. Вейденбаумъ предполагаетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ смутное воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда Цминда-Сабема служила для Грузіи мѣстомъ сохраненія священныхъ сосудовъ и облаченій, а окрестныя пещеры — убѣжищемъ для монаховъ, искавшихъ на снѣжныхъ высотахъ спасенія отъ меча непріятелей. По замѣчанію того же автора, изслѣдованія путешественниковъ, посѣщавшихъ высоты Казбека, показали, что мѣстные жители имѣютъ основаніе рассказывать о церкви, пещерахъ и крестѣ, находящихся гдѣ-то на горѣ, въ полѣ скалъ и вѣчныхъ снѣговъ. Въ 1811 году профессоръ Парротъ, во время одной изъ своихъ экскурсій на Казбекъ, нашелъ на одномъ изъ скалистыхъ гребней, на высотѣ 11,560 футовъ, каменный крестъ въ 3¼ фута вышиной. Рядомъ съ крестомъ онъ видѣлъ стѣну, оградившую небольшое круглое пространство, гдѣ лежало нѣсколько намогильныхъ плитъ, а по другую сторону креста была набросана изъ камней довольно высокая пирамида и стоялъ рядомъ съ нею необдѣланный порфиновый столбъ. На томъ же гребнѣ, но ближе къ вершинѣ Казбека и по крайней мѣрѣ на 3,200 фута выше

креста, стало-быть, приблизительно, на высотѣ 14,760 фут., т.-е. не достигая самой вершины только на 1,793 фута, Парротъ усмотрѣлъ въ зрительную трубу пещеру, которую проводники его называли монастыремъ. Она высѣчена въ отвѣсной порфировой скалѣ и закрыта, какъ дверь, двумя каменными плитами. Объ этой пещерѣ народное преданіе туземцевъ гласитъ и понынь, что тамъ жили когда-то, въ очень отдаленныя времена, святые отшельники, но Богъ изгналъ ихъ оттуда за нарушение однимъ изъ нихъ обѣта цѣломудрія, и съ тѣхъ поръ де никто уже не жилъ и не можетъ жить на ихъ мѣстѣ.

Вообще туземцы питаютъ къ Казбеку какой-то суевѣрный страхъ, и это служитъ причиною, что смѣлые путешественники обыкновенно никакъ не могутъ находить себѣ между ними свѣдущихъ проводниковъ и жалуются на ихъ нерѣшительность, медленность и какую-то непонятную имъ боязливость. Меня, между прочимъ, увѣряли на станціи, что проводники не отваживаются восходить на гору еще и потому, что не вдалекѣ отъ ея вершины, если даже всѣ обстоятельства благоприятствуютъ восхожденію, на человѣка будто бы вдругъ нападаетъ неодолимый сонъ, во время котораго онъ рискуетъ замерзнуть ночью, если не соберетъ всѣ силы, чтобы въ ту же минуту спуститься на нѣсколько сотъ футъ ниже, гдѣ эта сонливость сама собою проходитъ. Тѣмъ не менѣе, восхожденіе на Казбекъ, кромѣ мнѣнческаго попа съ сыномъ, все-таки удавалась. Первая попытка была сдѣлана въ 1811 году Парротомъ, но онъ достигъ только до 13,863 фут. высоты и былъ вынужденъ воротиться по пришедшій непогода. Въ 1844 году поднимался Dr. Коенати, но, поднявшись съ величайшими усиліями до 14,547 ф., повернулъ назадъ, такъ какъ крутизна подъема (до 57 градусовъ) не давала надежды на возможность достигнуть вершины. Эти неудачи еще болѣе убѣдили туземцевъ въ недоступности ихъ Казбека и въ справедливости ихъ суевѣрнаго къ нему чувства. Убѣжденно этому суждено было если не совсѣмъ разрушиться, то въ значительной мѣрѣ поколебаться не ранѣе 1868 года, когда вершина Казбека была наконецъ достигнута тремя англичанами, Фрешвилдомъ, Муромъ и Теккеромъ, членами Лондонскаго альпійскаго клуба. Въ аулѣ Гилеты и на станціи Казбекъ до сихъ поръ еще здравствуютъ нѣкоторые свѣдѣтели ихъ восхожденія. Нанявъ въ Гилетѣ четырехъ носильщиковъ, англичане эти выѣхали съ привезеннымъ ими опытнымъ швейцарскимъ проводникомъ, выступили со станціи Казбекъ 12 іюля рано утромъ и дошли по пути Паротта до скалистого гребня, на которомъ стоитъ каменный крестъ. Ночевали они на высотѣ 11,000 фут., а 13-го числа, еще до разсвѣта, начали свое восхожденіе на свѣж-

ный конусъ съ юго-восточной его стороны. Съ высоты 14,800 фут. имъ пришлось переходить множество обрывовъ, на одномъ изъ коихъ Теккеръ поскользнулся и покатылся было головой внизъ, но товарищи успѣли его поддержать и вытащить. Въ продолженіе четырехъ часовъ они взбирались по скользкому льду, за который надо было цѣпляться руками и ногами, и наконецъ ровно въ полдень достигли восточной вершины Казбека (16,546 фут.). Восхожденіе ихъ продолжалось 9¼, а спускъ 7¼, часовъ. Съ вершины они видѣли всю горную долину Терека, но равнина, лежащая далѣе на сѣверъ, за Владикавказомъ, была покрыта облаками. Научныхъ наблюдений эти путешественники не дѣлали никакихъ, такъ какъ ихъ цѣлю было только доказать несправедливость мнѣнія объ абсолютной недоступности Казбека. Спустились они по другому боку горы, чрезъ Девдоракскій ледникъ и, переночевавъ въ пастушьей скалѣ, вернулись 14 іюля на Казбекскую станцію. Вскорѣ по слѣдамъ этихъ англичанъ, двое изъ ихъ гилетскихъ носильщиковъ рѣшились самостоятельно попытать свои силы и тоже достигли вершины, спустясь съ нея совершенно невредимо, и это-то обстоятельство поколебало вѣру туземцевъ въ горнаго духа Мягкиненъ. Духъ-то будто бы все-таки существуетъ, но проклятые гауры заколдовали его, въ этомъ и вся сила пока, а что будетъ дальше, останется ли Мягкиненъ заколдованною или же сброситъ съ себя путы гаурскихъ чаръ и отомститъ за себя, обрушится грознымъ заваломъ—покажетъ будущее... Горцы вѣрятъ, что отомстить, потому что духъ все-таки духъ, а гауръ—только гауръ, не болѣе, хотя бы и англичанинъ.

Отъ станціи Казбекъ до станціи Коби 17¼ верстъ. Шоссе идетъ зигзагами по расширившейся зеленой долиנѣ, гдѣ около бѣдныхъ ауловъ и каменныхъ башенъ видны посѣвы ячменя, а влѣво отъ дороги привѣтливо зеленѣетъ въ одномъ мѣстѣ даже небольшая роща. Менѣе рѣзкій шумъ Терека доносится уже изъ глубины; Казбекъ въ послѣдній разъ мелькнулъ своею серебряною шапкой и исчезъ за горами. Мы поднялись на высоту 6,570 фут., но шоссе устроено такъ искусно, что подъема отъ самаго Владикавказа почти не замѣчаешь: кажется, будто все время ѣдешь по совершенно ровной дорогѣ, и лошади безъ усталости бѣгутъ бойкою рысью. На станціи Коби мы заночевали. Здѣсь для путешественниковъ имѣются особые номера, за которые съ постелью и бѣльемъ платится 50 коп., и это такъ на всѣхъ большихъ станціяхъ, гдѣ всегда можно достать чай, вино и очень порядочный обѣдъ или ужинъ за весьма умеренную цѣну, по таксѣ, утвержденной почтовымъ вѣдомствомъ.

III.

Перевалъ и спускъ въ долину Грузіи.

Проснувшись въ восьмомъ часу утра, я одѣлся и вышелъ на площадку предъ станціей. Глубоко синее небо было совершенно ясно, воздухъ чистъ и прозраченъ, какъ не бываетъ у насъ на сѣверѣ, гдѣ и въ самые ясные дни въ немъ все-таки есть какая-то блесоватость, и цвѣтъ неба никогда не имѣетъ этой, свойственной только югу кобальтовой синевы. Солнце свѣтло ярко, по-южному, оставляя рѣзкія тѣни около окружающихъ насъ предметовъ и въ заслоненныхъ отъ него изгибахъ горныхъ градей и въ падахъ ущелій. Но при этой яркости все же ощущался такой рѣзкій холодокъ, что потребовалось накинуть на себя бурку. Наскоро напившись чаю, такъ какъ лошади были уже готовы, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Предстоялъ двѣнадцативерстный подъемъ на Крестовый перевалъ, чрезъ главный хребетъ Кавказа. У станціи Коби ущелье значительно расширяется, образуя выгнѣтъ съ устьями трехъ побочныхъ ущелій долину около полуторы версты шириной. Въ этой долинѣ, съ версту отъ станціи, въ юго-западномъ направленіи, находится селеніе Коби, съ небольшою бѣлою церковкой и тутъ же каменный двухъ-этажный домъ, казенной постройки, гдѣ помѣщаются дорожные рабочіе, путейскій инженеръ, заведующій дистанціей на перевалѣ, и телеграфная станція. Лошади наши все время бѣжали бойкой рысью по дорогѣ, оказавшейся совершенно ровной, такъ что подъемъ все выше и выше былъ нечувствителенъ, и если мы замѣчали его, то это только на глазъ, единственно потому, что предметы, встрѣчавшіеся на пути при поворотахъ экипажа по дальнѣйшимъ изгибамъ шоссе, показывались позади то справа, то слѣва, каждый разъ все ниже и ниже. Терекъ остался вправо отъ насъ и мы его больше не видѣли. Дальнѣйшій путь лежалъ вдоль по Байдарскому ущелью, на двѣ котораго струится рѣчка Байдарка. При ея истокѣ, на одной изъ вершинъ видна невдалекѣ, съ правой стороны, сакля, и надъ нею маленькая вышка съ колоколомъ. Разсказываютъ, что еще при царѣ Иракліи II начальство кавказской линіи, для наилучшаго обезпеченія своихъ курьеровъ, направившихся въ Грузію и обратно, выстроило здѣсь на высотѣ 8.732 футовъ ¹⁾ эту саклю и поселило въ ней на всемъ казенномъ издѣніи осетина Бидару съ семействомъ, вмѣ-

нивъ ему въ обязанность звонить во время тумановъ и метелей въ колоколъ и подавать помощь путникамъ, застигнутымъ непогодой или завалами. По имени этого осетина получили свое названіе какъ рѣчка, такъ и ущелье, имя котораго впоследствии, вмѣсто Бидарскаго, измѣнилось въ Байдарское. По дорогѣ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются кубической формы памятники въ родѣ жертвенниковъ, сложенные изъ дикаго камня и плитъ и увѣнчанные спереди небольшими каменными крестиками. Имѣющіе сказывалъ, будто это могилы различныхъ лицъ, погибшихъ во время проѣзда подъ обрушившимися на нихъ завалами и похороненныхъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ потомъ находили. Самые же памятники воздвигнуты усердіемъ мѣстныхъ горцевъ, исповѣдующихъ христіанскую религію. Немногими чѣмъ отличаются отъ этихъ памятниковъ и горскія мукомольныя мельницы, встрѣчавшіеся намъ ранѣе, при ложбинахъ ручьевъ. Онѣ почти такіхъ же размѣровъ, имѣютъ такую же кубическую форму и такъ низки, что въ отверстіе, служащее входомъ, можно пробраться не иначе какъ ползкомъ. Изъ ручья отводится къ нимъ обыкновенно небольшой каналъ, вода котораго ударяетъ по лопаткамъ горизонтальнаго колеса, укрѣпленнаго на вертикальной оси. Выше колеса находится на той же оси жерновъ, а надъ жерновомъ насыпной коніть— вотъ и вся нехитрая механика осетинскихъ мукомоловъ.

Снѣжные завалы между Коби и Гудауромъ случаются довольно часто зимой, послѣ большихъ метелей, затѣмъ весной, въ первой половинѣ апрѣля, когда снѣгъ на горахъ, вслѣдствіе таянія, становится рыхлымъ, и, наконецъ осенью, когда новые снѣга не совсѣмъ еще улеглись и окрѣпли. Лѣтомъ же путь, сравнительно говоря, безопасенъ, такъ какъ угрожать ему могутъ лишь обвалы камней, случающіеся иногда послѣ сильныхъ или продолжительныхъ дождей. Но снѣжные завалы падаютъ болѣе или менѣе въ однихъ и тѣхъ же извѣстныхъ пунктахъ, а потому, ради обезпеченія правильности почтового движенія, въ этихъ мѣстахъ выстроены, бокъ-о-бокъ съ шоссе, крытые каменные галлерей, въ родѣ туннелей, съ желѣзными односкатными кровлями, лежащими на прочныхъ деревянныхъ аркахъ, особой системы, примененной къ мѣстнымъ условіямъ. Внутри этихъ галлерей и совершается дорожное движеніе во время заваловъ. Мы видѣли остатки такого завала близъ одной галлерей. Шоссейный путь былъ уже прочищенъ, и плотная снѣжная глыба, срѣзанная съ одной стороны лопатами, лежала стѣной на краю шоссе, между дорогой и пропастью, бѣлѣя на солнцѣ какъ рафинированный сахаръ. Каждый изъ здѣшнихъ обычныхъ заваловъ носитъ свое особое названіе, смотря по мѣстности или по со-

¹⁾ Такая высота показана у М. Владыкина; но есть основаніе думать, что онъ ошибся на нѣсколько сотъ, если не на тысячу футовъ, потому что самый перевалъ находится на высотѣ 7.977 ф., а сакля стоитъ не доходя перевала—стало-быть нѣсколько ниже его.

бытію, случившемуся во время его паденія. Таковы, напримѣръ, «Кислый заваль» — по мѣсту своему у «Кислаго источника», ¹⁾ «Почтовый» — потому что придавалъ однажды проѣзжавшую почту, «Майорша» — потому что подъ нимъ погибла когда-то жена какого-то майора, тоже застигнутая на дорогѣ ²⁾. Въ память ея и та гора, съ которой обрушился этотъ послѣдній заваль, названа тоже «Майоршей». Она увѣнчана острокопечнымъ пикомъ и вся покрыта снѣгами, спускающимся довольно близко къ дорогѣ. Когда я спросилъ ямщика-великоросса, указавшаго мнѣ на эту гору, почему она носитъ такое необыкновенное названіе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что «толкуютъ на этотъ счетъ разное: одни говорятъ, будто заваломъ похоронено тутъ какую-то майоршу, а другіе — будто сама майорша взобралась на вершину и обросилась оттуда внизъ; оступилась-ли, нарочно-ли, Богъ ее знаетъ; съ тѣхъ поръ и пошла гора зваться «Майоршей». Одно могу сказать отъ себя, какъ гора, «Майорша» эта со своимъ шатровиднымъ серебрянымъ пикомъ очень красива и блеститъ на солнцѣ ослѣпительно. Находится она почти на самомъ перевалѣ къ западу отъ дороги, къ которой широко и плавно спускается сначала снѣжнымъ, потомъ голокаменнымъ и наконецъ отлогимъ зеленѣющимъ скатомъ. Къ востоку отъ шоссе, перейдя небольшую поляну, начинаются голыя базальтовые крутизны остраго гребня Крестовой горы, мимо которой шла прежняя (до 1861 года), описанная у Лермонтова дорога (Встрѣча съ Максимомъ Максимовичемъ въ «Герои нашего времени»). Здѣсь, въ разстояніи около четверти версты отъ каменной казармы, что стоитъ на вышнемъ шоссе, на перевалѣ, видѣется влѣво, среди зеленѣющей сѣдловины, каменный крестъ на четырехугольномъ каменномъ пьедесталѣ, отъ котораго и самый переваль получилъ названіе Крестоваго. Находится онъ нѣсколько выше настоящаго перевала. М. Владыкинъ говоритъ, что этотъ крестъ, водруженъ былъ въ 1824 году Ермоловымъ; новѣйшій же указатель, въ лицѣ г. Вейденбаума, соглашаясь съ первымъ относительно времени постановки креста, утверждаетъ, что поставилъ его на старой дорогѣ для обозначенія точки перевала майоръ Давидъ Канановъ, управлявшій въ тѣ

времена горскими народами. У шоссе, на перевалѣ ямщикъ нашъ остановился, чтобы отпрячь пару лошадей. До сихъ поръ ѣхали мы четверкой, спускается же будемъ только на парѣ. Такъ дѣлается всегда, и потому на перевалѣ постоянно находится особый дежурный ямщикъ, которому и сдаются лишніе лошади. Пока шла перепряжка, я вышелъ изъ экипажа и направился по зеленому полю къ «Майоршѣ», чтобы познакомиться нѣсколько съ горной флорой. Вообще надо сказать, что мѣстная флора на протяженіи Военно-Грузинской дороги до Крестоваго перевала не блещетъ особеннымъ разнообразіемъ. Миновавъ первыя возгорья между Владикавказомъ и Ларсомъ, покрытыя лѣсами и кустарниками и получившія поэтому названія Черныхъ горъ, дальнѣйшій путь идетъ уже между голыми скалами, гдѣ однѣ лишь лощины и до извѣстной черты подъема горы покрыты низенькой и мелкой травкой, которая издали кажется точно бы бурозеленая ровно выстриженная щетка. Изрѣдка въ разсѣлинахъ попадаются кусты бѣлаго мелко-цвѣтнаго шиповника, какіе встрѣчалъ я на горахъ въ Японіи. Изъ цвѣтовъ замѣтилъ я крупныя лиловые колокольчики, желтую мальву и еще одно неизвѣстное мнѣ растеніе съ пестроватыми бѣло-лиловыми лепестками, особенно около Коби. Далѣе древесная и кустарниковая растительность держится только въ станціонныхъ палисадникахъ да около нѣкоторыхъ ауловъ и при древнихъ развалинахъ. Отъ аула Казбекъ до Коби встрѣчаются небольшія скудныя пашни, гдѣ сѣются ячмень и изрѣдка рожь, и тутъ же въ сторонѣ отъ дороги видна небольшая березовая рощица, о которой я уже упоминалъ. Хвойной растительности незамѣтно вовсе. Отъ Коби до перевала, равно какъ и на самомъ перевалѣ, флора принимаетъ уже совершенно особый, альпійскій характеръ. Здѣсь уже — только одна трава, ласкающая глазъ своимъ мягкимъ, свѣже-зеленымъ цвѣтомъ, трава низенькая, но густая и сочная. Чѣмъ ближе къ перевалу, тѣмъ все больше встрѣчаются среди этой травы яркоголубыя незабудки, желтые цвѣты въ родѣ нашей сѣверной купальницы, розовые цвѣты, похожіе съ виду на нарцисы, фіалки и родъ тюльпана съ желтымъ цвѣткомъ, растущій то въ одиночку, то отдѣльными колоніями, какихъ особенно много на самомъ перевалѣ. Видъ на окрестныя горы здѣсь суровъ и величавъ. Ясный, прохладный воздухъ, синее небо, на фонѣ котораго особенно рѣзко выдѣляются ближнія и дальнія снѣжныя вершины; черный гребень Крестовой горы, подошвою которой служитъ Гудъ-гора; черныя прогалины между тающими снѣгами на скатахъ точно пестрая шкура барса; яркая зелень небольшихъ луговъ, покрытыхъ голубыми, бѣлыми, лиловыми, розовыми и желтыми крапками альпійскихъ

¹⁾ Желѣзно-кислые источники встрѣчаются на этомъ пути дважды: не доѣзжая до Коби и за Коби, недалеко отъ перевала. Они находятся пока въ своемъ естественномъ, необдѣланномъ видѣ, и вкусъ воды ихъ отчасти напоминаетъ сельтерскую воду. Мѣстные жители говорятъ, будто вода Кислыхъ источниковъ очень помогаетъ имъ противъ лихорадокъ, которыя — сколь это ни странно — случаются здѣсь довольно часто.

²⁾ Всѣхъ обычныхъ заваловъ на пространствѣ между станціями Коби и Млеты считается девять, а именно: Почтовый, Казачій, Кислый, Кулагинскій, Малая Майорша, Большая Майорша, Бѣло-рѣченскій, Гудаурскій и Млетскій.

дѣловъ; ниже голубая воздушная даль, точно дымка легкаго флера опускающаяся надъ невидимыми долинами; игра свѣтовыхъ переливовъ на дальнихъ ребрахъ, выступахъ и затѣненныхъ падахъ и щеляхъ скалистыхъ великановъ и полная тишина, совсѣмъ новал, непривычная для уха равнинныхъ жителей; въ ней есть что-то таинственное и величавое. Здѣсь уже не слышать ни шума ручьевъ и водопадовъ, ни звуковъ жизни людской, наполняющей глубокія долины, на даже птичьихъ голосовъ вблизи насъ, да и самихъ птицъ не видно, одни только орлы высоко и плавно кружатся надъ свѣжыми вершинами и острыми скалами какъ бы купаясь въ воздухѣ...

Относительно высшей точки перевала на нынѣшней дорогѣ показанія источниковъ, находящихся у меня подъ руками, не сходятся между собой. Такъ, на пятиверстной маршрутной картѣ Военно-Грузинской дороги, изданной въ Тифлисѣ въ 1887 году, высота перевала показана въ 7.698 ф., а высота станціи Гудауръ—7.327 ф., разница 371 ф.; на карманной картѣ Дюстердиха высота перевала 7.977 ф., Гудаура—7.957 ф.; разница 20 ф.; у М. Владыкина переваль—8.498 ф., Гудауръ же согласно съ пятиверстной маршрутной картой, то-есть 7.327 ф., разница 1.171 ф.; наконецъ у Е. Вейденбаума переваль—7.977 ф., согласно съ картой Дюстердиха, а Гудауръ—7.245 ф., разница 732 ф. Я полагаю, что вѣрнѣе всѣхъ должны быть данныя г. Вейденбаума, на томъ основаніи, что онъ, какъ уже сказано, пользовался преимущественно офіціальными источниками, и, стало быть, цифры, имъ приводимыя, составляютъ результаты точныхъ измѣреній, произведенныхъ для надобностей правительства лицами, вполнѣ свѣдущими въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ отпряжки пары лошадей, мы тронулись далѣе къ спуску по небольшой долинкѣ у подошвы Крестовой горы. Это мѣсто извѣстно подъ именемъ «Чертовой долины», но такое названіе, по объясненію Лермонтова, происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ», потому что здѣсь была вѣкогда граница Грузія. Послѣ одного или двухъ колѣнъ дороги, вдали открылись предъ нами красныя кровли и затѣмъ кирпичныя стѣны зданій станціи Гудауръ, а при самой дорогѣ обнаружилась, съ правой стороны надъ небольшимъ обрывцемъ, каменная стѣнка какого-то искусственнаго сооруженія, не то укрѣпленіе, не то загонъ для овецъ, какіе встрѣчаются иногда на нашихъ южныхъ степяхъ. Ямщикъ объяснилъ, что это «закуты», служашія укрытіемъ какъ для проѣзжихъ и каравановъ во время зимнихъ вьюговъ и метелей, такъ и для стадъ окрестныхъ долинныхъ жителей на ночь, когда, за недостаткомъ въ болѣе низкихъ мѣстахъ травы, выжигаемой солнцемъ, стала эти постепенно поднимаются къ концу лѣта все выше и

выше, на новыя пастбища, и доходятъ къ осени до самаго перевала, а затѣмъ, когда осенніе дожди и болѣе умѣренное солнце вновь освѣжаютъ траву на нижнихъ склонахъ и въ долинахъ, начинаютъ постепенно спускаться. Такіе переходы стать изъ пояса въ поясъ по вертикальной линіи совершаются въ здѣшнихъ мѣстахъ испоконъ вѣка съ совершенной правильностью, какъ нѣчто узаконенное самой природой.

Спускъ почти такъ же незамѣтенъ и легокъ для экипажнаго движенія какъ и подъемъ, несмотря на то, что южные склоны хребта гораздо круче свѣрныхъ. Шоссе идетъ отлогими зигзагами сначала по темени, а затѣмъ по карнизамъ знаменитой Гудъ-горы, откуда вскорѣ открывается роскошнѣйшій видъ на глубоко залегшую внизу Кайшаурскую долину, описанную Лермонтовымъ въ его «Демонѣ», по дну которой струится быстрая Арага, берущая свое начало неподалеку отъ Крестоваго перевала, въ ущелин Гуда. Въ одномъ мѣстѣ ямщикъ остановилъ лошадей и обратилъ мое вниманіе на красноватую доску или плиту, вѣдланную въ небольшую нишу скалистой стѣны, что тянется слѣва вдоль дороги. На доскѣ находится какая-то полустершаяся надпись, которой я не могъ разобрать; но ямщикъ говорить, что надписи сдѣлана въ память одного замѣчательнаго, совершенно исключительнаго случая, происшедшаго зимою 1871 года на этомъ самомъ мѣстѣ. По словамъ его, дѣло было такъ: проѣзжая по Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисѣ купецъ-армянинъ со своимъ нукеромъ (слуга, въ родѣ вѣстового). Какъ разъ предъ его проѣздомъ обрушился съ Гудъ-горы на самое шоссе свѣжій заваль, преградившій дорогу, а подѣхалъ армянинъ къ этому мѣсту уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло. Надо было, какъ-ни-какъ, перебраться черезъ свѣжнюю глыбу. Для облегченія тарантаса и ради безопасности, онъ соскочилъ на землю и пошелъ впередъ пѣшкомъ, во взбравшись на самый горбъ завала вдругъ поскользнулся, упалъ и моментально полетѣлъ внизъ, въ ужасную пропасть. Ямщикъ съ нукеромъ только перекрестились, «помяни-де, Господи, душу раба Твоего» и кое какъ съ величайшими усиліями благополучно перевели тарантасъ черезъ горбушу. Прибывъ на станцію, они, разумѣется, заявили объ этомъ случаѣ, и дорожный смотритель, дождавшись разсвѣта, немедленно же снарядилъ людей какъ на самое мѣсто происшествія для расчистки пути, такъ и внизъ въ долину, чтобы подобрать тѣло несчастнаго. Но каково же было удивленіе первыхъ, когда, придя къ завалу и заглянувъ внизъ, они увидѣли тамъ живого, движущагося человека, который кричалъ имъ «я живъ!» и дѣлалъ рукой знаки, указывая на ближайшую деревню Гудъ, куда вслѣдъ затѣмъ и отправился и гдѣ

его встрѣтила другая партія людей, посланных со станціи. Оказалось, что оступившіеся онѣ соскользнули со снѣжной горбуши, совершенно покрывшей собой низенькій каменный барьеръ, ограждающій шоссе надъ обрывомъ, и, полетѣвъ съ отвѣсной скалы, необыкновенно счастливо упали на грудь рыхлаго снѣга, сваливагося внизъ отъ того же самаго завала. Нѣкоторое время оставался онѣ безъ чувствъ, но затѣмъ очнулся и, видя себя совершенно здоровымъ и невредимымъ, рѣшилъ себя сплотною дождаться на мѣстѣ утра, а затѣмъ идти въ деревню, чтобы нанять лошадей и верхомъ подняться на станцію къ своему тарантасу. Въ память этого необычайнаго, чисто чудеснаго своего спасенія онѣ поставилъ на мѣстѣ происшествія крестъ и доску съ объяснительною надписью, но креста теперь я уже не видѣлъ, — вѣроятно сломался или разрушился. Это жаль, и если крестъ дѣйствительно былъ, то слѣдовало бы возобновить его, равно какъ обновить и стершуюся надпись. Желая посмотреть, какова въ этомъ мѣстѣ глубина обрыва, я наклонился надъ барьеромъ, и невольно отступилъ шагъ назадъ отъ охватившаго меня жуткаго чувства. Представьте себѣ отвѣсный обрывъ версты въ полторы глубины. Съ непривычки глядѣть голова кружится. Но зато что за дивный видъ открывается вамъ внизу, въ этой страшной глубинѣ, что за растительность, что за роскошь красокъ южной природы! Тамъ змѣются и сверкаютъ на солнцѣ Мтиулетская Арагва, извиваясь вдоль по Кайшаурской долинѣ, гдѣ почти противъ самаго обрыва лежатъ на противоположной сторонѣ громадныя отвѣсныя скалы съ плоской вершиной, поросшей кудрявыми лѣсомъ, изъ-за котораго видны крыши строеній и бѣлыя спины овецъ въ стадѣ, подлущихъ по окрестнымъ склонамъ горъ, покрытымъ лѣсами и садами, а выше — пашнями, кустарниками и лугами. Говорить, что эта громадная скала тоже свалилась когда-то съ горной вершины и глубоко вдавилась въ землю. При этой чудной, ни съ чѣмъ не сравнимой панорамѣ, невольно вспоминается вдохновившійся ею Лермонтовъ:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливыя, пышныя края земли!
Столообразныя руины,
Звонко бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чишнаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣтвявымъ плющомъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листвоваго,
Стоявучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,

И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненыя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Тутъ — вся Грузія, все ея характернѣйшія черты, и лучше этого ничего не скажешь: тутъ все уже сказано, все нарисовано, и я не стану поэтому описывать вамъ картины ея дивной природы.

Каждая крупная гора на Кавказѣ непременно имѣетъ своего особаго духа-власителя, безъ котораго въ народныхъ повѣріяхъ не обошлась, конечно, и Гудъ-гора. Н. О. Дубровина въ своемъ капитальномъ сочиненіи о Кавказѣ ¹⁾ приводитъ, между прочимъ, чрезвычайно характерную мѣстную легенду относительно духа Гудъ-горы. Давно, очень давно, повѣствуетъ эта легенда, въ аулѣ Гудъ жила бѣдная семья. Господь, милосердный къ бѣднякамъ, благословилъ ее рожденіемъ дочерушки, красивѣе которой не было ребенка во всею Осетин. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, останавливались и, любуясь ею, забывали свои обязанности; пробѣжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старшій Гудъ, духъ-власитель Гудъ-горы, не выдававшій во все время своей продолжительной жизни такой красавицы. Онѣ полюбилъ ее со всей пылкостью юности. Хотѣла ли Няня подняться на гору, влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой; искала ли Нина со своими подружками цвѣтовъ и травъ, Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ съ кручи и не дѣлался добычей злыхъ волковъ. Словомъ, Няня была царицей всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ, — такъ любилъ ее могучій старецъ. Прошло пятнадцать лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Няня сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онѣ стали даже подумывать о томъ, нельзя-ли какъ нибудь изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хоть бы даже и бѣднымъ осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда, она засматривалась на молодого красавца, своего сосѣда Сасико. Сасико былъ молодъ, статенъ, славился силой и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать не только своей осетинскій танецъ, но даже лезгинку, чѣмъ могли похвалиться немногіе. Старшій Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико;

¹⁾ «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», Н. О. Дубровина.

началъ преслѣдовать его, заводить въ трупобѣ во время охоты, застилать туманомъ пропасти подѣ его ногами или засыпать его неожиданнымъ метелью. Однако же, всѣ эти хитрые замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; зато Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсилъ, и наконецъ ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться наединѣ другъ съ другомъ. Разведя огонь, они сѣли около него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки прѣсиали пищи; отысканныя двѣ лешенки и кусокъ сыра утопили ненадолго ихъ голодъ. Прошелъ еще день, и вмѣсто веселаго разговора, въ саклѣ послышалось стоны отчаянія; узники не думали больше о любви, они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, голодъ еще больше усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился; впалые глаза его устремились на Нину, онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ забывателямъ, но уже съ чувствомъ неловкости и отврашенія другъ къ другу. Обрадовался старшій Гудъ, узнавъ, что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнилась взаимной ненавистью; не утерпѣвъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ густо усыпано осколками гранита. Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ, прибавляетъ осетинъ, рассказывая эту легенду. Но правда-ли, въ высшей степени характерная легенда, и какой богатый, вмѣстѣ съ тѣмъ, сюжетъ для поэта!

Мы на станціи Гудауръ, стоящей надъ обрывомъ Гуда, на голой, каменистой почвѣ и окруженной слѣва голыми вершинами каменныхъ горъ, безъ малѣйшей растительности. Тутъ мы хотя еще находимся на высотѣ 7.245 фут., т. е. по отвѣсу двѣ версты и тридцать пять саженъ выше уровня моря, но все же на 732 фута или на 104½ сажени ниже точки перевала. Во время пути постоянно кажется, что до станціи просто рукой подать, такъ она близка, а между тѣмъ спускаться къ ней надо еще четыре версты по этимъ отлогимъ, пзпи-

вающимся зигзагамъ. Благодаря поворотамъ пути, принимающимъ всевозможныя направленія, предъ вами безпрестанно возникаютъ новыя картины горной природы, новые пейзажи, то суровые, то мягкіе и веселые, смотри по тому въ какую сторону поворотило шоссе, и вы не уснѣваете еще вѣдаться налюбоваться однимъ видомъ, какъ предъ вами уже новый, еще лучше, еще орігинальнѣе. Такимъ образомъ, любясь со всѣхъ сторонъ окружающей васъ мѣстностью, вы получаете полное представленіе о ея характерѣ и красотахъ. Нѣсколько ниже Гудаура мѣстность на нѣкоторомъ разстояніи становится отлогою и на ней опять появляется растительность, преимущественно въ видѣ низенькихъ ползучихъ кустовъ, усаженныхъ безчисленнымъ множествомъ большихъ яркожелтыхъ цвѣтовъ красиваго рисунка, отъ которыхъ эти горныя полянки принимаютъ мѣстами какъ бы сплошную желтую окраску. Здѣсь уже появляются птицы, слышны ихъ звонкія трели и выскесты; природа съ каждымъ шагомъ внизъ становится все оживленнѣе, воздухъ теплѣе, начинается вѣять настоящимъ югомъ. Но вотъ шоссе опять пошло по карнизамъ страшнаго обрыва, и только спустясь на два-три зигзага ниже и увидя прямо надъ своей головой высокую отвѣсную скалу съ ея громадными камнями и слоистыми плитами, какъ бы готовыми сію же минуту обрушиться на васъ, вы не безъ жуткаго чувства видите воочию, на какой ужасной высотѣ, на краю какого рискованнаго обрыва находились за минуту предъ этимъ, а глянувъ внизъ, замѣчаете, что впереди предстоятъ еще такіе же обрывы и спуски, и что до дна долины, гдѣ, казалось бы, вотъ-вотъ сейчасъ стоитъ станція Млеты, доберетесь еще не скоро, хотя лошади бѣгутъ ровной рысью по ровному шоссе, уклоны котораго вамъ совсѣмъ не чувствительны. Въ этомъ-то и заключалось искусство строителя, чтобы вы ихъ не чувствовали. Но спускаясь все ниже и ниже и взглядывая порой вверхъ, на пройденные спуски, вы необходимо обратите вниманіе на то, что въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались трещины и расщелины въ толщѣ горы или гдѣ вырубка въ ней бермы не представлялась возможной, тамъ шоссе лежитъ на искусственныхъ каменныхъ стѣнахъ въ нѣсколько десятковъ и даже сотъ футовъ вышиной. Это гигантскія, чисто циклопическія сооруженія, и все это сдѣлано руками русскихъ солдатъ и рабочихъ. Чтобы дойти зигзагами изъ долины только до Кайшаурской плоскости, лежащей всего на 1.200 футовъ надъ каменнымъ мостомъ на Арагвѣ, около станціи Млеты, приходилось при трасировкѣ пути привязывать рабочихъ къ капатамъ и спускать ихъ съ отвѣсныхъ обрывовъ, чтобы они, вися въ воздухѣ или стоя на такихъ площадочкахъ, гдѣ едва устанавливается

пара человеческих ногъ, могли вырубать въ скалахъ ступени по направленію траса. Млеты лежатъ ниже нынѣшняго Крестоваго перевала на 3.016 футовъ, что составляетъ почти одну сажень паденія на каждыя пятнадцать саженъ, но вы опять-таки нисколько этого не чувствуете ни при подъемѣ, ни при спускѣ. Почему это такъ, намъ даетъ объясненіе г. Вейденбаумъ. «Отъ Пасанаура до Коби, говорятъ онъ, по старой дорогѣ считалось до сорока верстъ; нынѣ же по Земо-Млетскому подъему считается между тѣми же станціями 49 верстъ, т. е. на девять верстъ болѣе. Такъ какъ обѣ дороги идутъ въ одномъ направленіи, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой и даже мѣстами соприкасаются, то приращеніе на девять верстъ должно быть отнесено на зигзаги, удлинняющіе новую дорогу и слѣдовательно дѣлающіе ее несравненно болѣе удобной для движенія экипажей Квишетскій (прежній) подъемъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уклонъ въ $\frac{1}{3}$, т. е. 166 саженъ на версту; на новой же дорогѣ уклонъ колеблется отъ $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{25}$, т. е. только 20—25 саженъ на версту». На разстояніи около половины пути отъ Гудаура къ Млетамъ, на одномъ изъ зигзаговъ Земо-Млетскаго спуска, вѣдана въ отвѣсную скалу чугунная доска, на которой золотыми буквами обозначено какъ время сооруженія шоссе, такъ равно и то, что сооружено оно при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ, по проекту подполковника Статковскаго, во время управленія VIII округомъ Путей сообщенія генералъ-майора Альбранда.

Наконецъ мы спустились въ глубь прелестной Квишетской долины, лежащей на высотѣ 4.961 фута надъ уровнемъ моря, и, переѣхавъ по каменному мосту на правую сторону Арагвы, очутились на станціи Млеты (14 $\frac{1}{2}$ верстъ отъ Гудаура), расположенной на берегу рѣки. Впереди станціи—небольшой садикъ съ двѣтниками; бесѣдка и терраса опутаны плющомъ и виноградомъ; далѣе, по склонамъ зеленѣющихъ горъ, раскинулись бѣлые домики, сады, орѣховыя рощи, сѣнокосные луга и небольшія, но прекрасныя пашни. Воздухъ совсѣмъ уже теплый, южный, но безъ малѣйшаго зноя. На станціи мы застали снаряженіе почты, направляющейся изъ Тифлиса въ Россію: почталіонъ—при пашкѣ и револьверѣ, и съ нимъ конвой изъ конно-иррегулярныхъ всадниковъ, вооруженныхъ пашками, кинжалами и берданками.

— Развѣ такія предосторожности и до сихъ поръ еще продолжаются?—спросилъ я одного изъ псцовъ, дѣлавшаго въ книгѣ записъ моей подорожной.

— Какъ видите,—отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь это, вѣроятно, одна только формальность, которую почему-нибудь позабыли отменить.

— Э, не совсѣмъ такъ!.. Формальность... Не будь этой формальности, почту бы граблп.

Примѣры-то бывали, что и при конвоѣ нападаютъ.

— Кто же? Все горцы?

— Ну, горцы—это старая исторія. Ничего гореть, пожалуй, помирить много русскаго будетъ. Ничего и христіане, которые изъ грузинъ, тоже спуска не дадутъ, коли оплошаешь. Мало ли теперь по этимъ мѣстамъ шатающаго народа!.. Больно ужъ озорной народъ становится.

Въ справедливости до нѣкоторой степени этого замѣчанія я имѣлъ случай убѣдиться не далѣе какъ полчаса спустя, по дорогѣ изъ Млеты къ Пасанауру. Здѣсь шоссе уже не дѣлаетъ зигзаговъ, а идетъ вдоль праваго берега Арагвы, нерѣдко пересѣкая безъ мостовъ мелкія русла временныхъ горныхъ потоковъ, которые, сбѣгая внизъ по камнямъ и галькѣ, шумно катятся прямо черезъ дорогу и спадаютъ съ нея въ Арагву каскадами. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно шоссе вымощено плитами, а край его, обращенный къ рѣкѣ, облицованъ правильно обтесанными камнями. За исключеніемъ одного мѣста, гдѣ, взорванная нѣкогда пороховъ склада нависаетъ надъ самой дорогой, долина не представляетъ значительныхъ тѣснинъ: горы спускаются къ ней болѣею частью пологими зелеными скатами, по которымъ раскинуты мѣстами небольшія аулы и древнія сторожевыя башни, а въ особенности много попадаетъ одиноко стоящихъ тамъ и сямъ небольшихъ церковекъ и часовенъ. Тѣ и другія постоянно носятъ простѣйшій типъ четырехстѣннаго домика съ двускатной крышей и построены всегда изъ камня; стѣны по большей части выбѣлены; иногда надъ входомъ пристроена и небольшая колоколенка съ конической кровлей, если таковая уцѣлѣла; спереди, надъ фронтономъ, маленький крестикъ, но рѣдко; въ большинствѣ случаевъ, крестъ бываетъ выложенъ изъ кирпича или высѣченъ въ плитѣ на самомъ треугольничкѣ фронтона, надъ дверью. Всѣ эти часовеньки воздвигнуты въ память какого либо случая, имѣвшаго мѣсто во дни существованія царства Грузинскаго, и посвящены разнымъ святымъ и праздникамъ Грузинской церкви. Мѣстные жители изъ грузинъ—большіе охотники повеселиться и, какъ сообщаетъ М. Владыкинъ, каждый мѣсяцъ, разъ или два, непременно празднуютъ какую-нибудь мѣстную святыню, причемъ празднество продолжается нѣсколько дней, и каждый тащитъ съ собой все, что только отыщется изъ съѣстнаго, хотя бы пришлось для этого запродавать сѣнокосъ на будущій годъ духавнику.

Въ день нашего проѣзда (16 іюня), часовъ около одиннадцати утра, увидѣли мы впереди, при дорогѣ и на прилегающей къ ней зеленой полянѣ толпы народа, одѣтаго пестро, но праздничному, и нѣсколько группъ

вмѣстительныхъ крытыхъ возовъ, близъ которыхъ паслись выпряженные буйволы и верховые кони, и были раскинуты ковровые и паласовые шатры на приподнятыхъ дышлахъ и оглобляхъ. Тутъ же, неподалеку, справа, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ поляны, бѣлѣлась часовенка, вокругъ которой расположились главнѣйшимъ образомъ группы отдыхающаго и гуляющаго народа. Судя на глазъ, въ этой мѣстности собралось и раскинулось живописнѣйшее таборомъ, разбившійся на односельчанскія группы, отъ полсоты до двухъ тысячъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, съ дѣтьми и стариками. Многіе сидѣли на травѣ семейными кружками и закусывали, не забывая смачивать глотку виномъ изъ узкогорлыхъ глиняныхъ кувшиновъ. Иные уже возвращались домой, выглядывая цѣлыми дюжинами дѣтскихъ и женскихъ головъ изъ-за пестрыхъ паласовъ, приподнятыхъ съ боковъ на обручахъ крытыхъ возовъ и сургановъ, влекомыхъ парой буйволовъ; но чаще попадались на пути конныя группы: мужчина впереди, а за нимъ, верхомъ на другой лошади, его жена; у нея на передней лукъ спящій младенецъ, котораго она поддерживаетъ рукой, а сзади, верхомъ на крупѣ той же лошади — старшій сынокъ или дочурка, охвативъ руками талию матери и прильнувъ щекой къ ея спицѣ, тоже дремлютъ себѣ подъ лучами горячаго солнца. Въ ясныхъ кругахъ шла на поляхъ какая-то пляска подъ аккомпанементъ бубна и мѣрнаго хлопанья въ ладоши. Ямщикъ объяснилъ, что сегодня въ этой «цминдѣ» праздникъ: была де служба, и потому народъ гуляетъ. Залюбовавшись, мимоходомъ, картиной этого мирнаго сельскаго праздника, мы съ удивленіемъ слышимъ вдругъ около себя, съ лѣваго бока, какіе-то непріязненные, внезапно раздавшіеся крики и гиканье нѣсколькихъ десятковъ головъ, выхвѣтъ съ тѣмъ въ коляску нашу градомъ посыпалось что-то; въ первое мгновеніе я даже не успѣлъ сообразить что именно, какъ вдругъ однимъ камнемъ хватило въ спину вѣстового, сидѣвшего на козлахъ, другимъ угодило мѣй въ голову, а въ лицо и въ шлему моей спутницы полетѣла цѣлая пригоршня шоссейной щебенки. Не понималъ, что могло бы это значить, я взглянулъ влѣво и вижу, что на разстояніи нѣсколькихъ саженъ вдоль шоссе расположились цѣлый рядъ мальчишекъ, дѣвченокъ и женщинъ, швыряющихъ въ насъ камнями и щебенкой; тѣ, мимо которыхъ мы уже проѣхали, бѣжали съ криками за коляской, подбирая по дорогѣ камни и продолжая швырять ими, во слѣдъ намъ, другіе же шумно сгинули съ лужайки вавстрѣчу, занимая позиціи впередъ, около кучекъ шоссейной щебенки. Ямщикъ ударилъ по лошади и быстро проскакалъ мимо этихъ озорниковъ подъ градомъ ихъ камешекъ. Къ соб-

ственному своему удивленію, долженъ сказать, что большинство нападавшихъ и подготовившихъ намъ такую непріязненную и вѣдѣмъ съ нашей стороны не вызванную встрѣчу, состояло, по крайней мѣрѣ на половину, изъ взрослыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Преслѣдовали онѣ насъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, пока должно-быть не утомились отъ жары. Только-что толпа эта отстала, какъ вижу я тутъ же, при дорогѣ, пикетъ изъ нѣсколькихъ конно-пререгулярныхъ всадниковъ. Приказавъ ямщику остановиться, я подождалъ дежурнаго и спросилъ его, развѣ онъ не видѣлъ, какъ на насъ нападали? Тотъ на ломаномъ русскомъ языкѣ отвѣчалъ, что самъ ничего не можетъ, а пойдетъ сейчасъ разбудить урядника. Оказалось, что урядникъ тутъ же сѣсть себѣ подъ шатромъ изъ бурки. Вскочивъ, какъ встрепанный и приложивъ руку къ панамъ, онъ подбѣжалъ къ экипажу и вопросительно смотрѣлъ на меня съ просонья недоумѣвающими глазами. Я объяснилъ ему въ чемъ дѣло, и не могъ, конечно, не замѣтить, что постъ, поставленный сюда для наблюденія за порядкомъ, какъ видно, совсѣмъ не дѣлаетъ своего дѣла.

— Да что тутъ подѣлаешь, ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ урядникъ должно-быть изъ казаковъ, хорошо говорившій по-русски, — нѣчто вонъ сколько, а утромъ было еще больше, и все пьяный народъ... Праздникъ... А насъ-то всего пять человѣкъ прислано. Мы и рады бы усмирять, чуть ежели что, драка тамъ кака, къ примѣру, да ничего не подѣлаешь: чуть сунешься, они бьютъ насъ... Какъ есть все пьяный народъ, и мужики, и бабы.

Не успѣлъ онъ этого договорить, какъ позади насъ раздался ружейный выстрѣлъ и пуля просвистала мимо коляски.

— Вотъ сами изволите видѣть какой народъ, — замѣтилъ при этомъ урядникъ. — Съ пьяну-то ему ни почемъ застрѣлѣтъ человѣка... И не доберешься кто!.. Уѣзжайте лучше отъ грѣха, ваше высокоблагородіе! — прибавилъ онъ тономъ самой искренней просьбы. — Неровенъ часъ, какъ бы хуже чего не случилось... Вѣрьте — вотъ какъ предъ истиннымъ — мы бы и рады, да ей-Богу же ничего тутъ сдѣлать невозможно!

Дѣйствительно, въ виду полной безпомощности этихъ злосчастныхъ блюстителей порядка, ничего не оставалось болѣе какъ ѣхать, благодаря Бога и за то, что удалось отдѣлаться лишь незначительными ушибами. У меня, однако, цѣлый вечеръ и на другой день чувствительно болѣла голова отъ полученнаго удара. Черезъ часъ мы были уже на станціи Пасанауръ, что на древне-персидскомъ (фарсійскомъ) языкѣ значитъ *святая возвышенность*. Это маленькое мѣстечко, съ очень красивою станціей въ зелени и небольшою новою цер-

ковью русскаго стиля, стоитъ среди лѣсистыхъ горъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ долины Арагвы, на высотѣ 3.445 ф. и въ разстояніи 18¼ верстъ отъ станціи Млеты.

Слѣдующая за симъ станція—мѣстечко Анапуръ (21 верста; 2.335 ф. надъ уровнемъ моря). Мѣстечко большое, съ грузинскимъ и русскимъ населеніемъ, хотя и носитъ татарское имя (*Ана-пуръ* значить *святая мать*). Здѣсь находятся водяныя мельницы на Арагвѣ, нимадо не похожія на осетинскія мельницы близъ Коби, базаръ съ нѣсколькими десятками лавокъ восточнаго характера, казармы мѣстной команды, дистанціонный домъ при шоссеиной заставѣ съ прелестнымъ пестрымъ цвѣтникомъ, служащій мѣстомъ пребыванія для дорожнаго инженера, и, наконецъ, древняя каменная крѣпость въ полуразрушенномъ состояніи на возвышенности, командующей надъ мѣстечкомъ, почти рядомъ со станціей; въ крѣпости двѣ старыя церкви, и все это вмѣстѣ представляетъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ пейзажей Кавказа, среди роскошной южной растительности. Въ особенности красивы контуры крѣпости съ ея храмами и остатками восьми башенъ. Въ старыя времена этотъ замокъ принадлежалъ арагвинскимъ эристамъ, то-есть наслѣдственнымъ правителямъ ущелья Арагвы, для защиты коего служили еще, кромѣ крѣпости, двѣ массивныя башни — *Черчалъ* на правой и *Ванселоба* на лѣвой сторонѣ рѣки, оборонявшія входъ въ ущелье въ десяти верстахъ отъ мѣстечка. Въ настоящее время та и другая представляютъ собою только красивыя развалины. Арагвинскіе эриставы жили постоянно въ Душетѣ, а въ Анапурскій свой замокъ забирались только во время войнъ и кровавыхъ усобицъ, храня въ немъ постоянно свои сокровища, помѣщавшіяся подъ сводами подземныхъ комнатъ, хорошо сохранившихся до настоящаго времени. Мѣстные грузины увѣряютъ, будто тамъ и теперь еще находятся подъ развалинами несмѣтные сокровища, скрытыя эриставомъ Георгіемъ, и указываютъ также на подземную (третью) церковь, тоже блиставшую де своими богатствами; но теперь она совершенно гола и пуста, безъ признаковъ иконостаса и престола, да и трудно предположить, чтобы въ ея обстановкѣ могли когда-либо заключаться особенныя богатства, если взять во вниманіе скромныя размѣры церкви: пятнадцать шаговъ въ длину и восемь въ ширину. Г. Вейденбаумъ сообщаетъ, что вывѣ существовавшая въ развалинахъ крѣпость была построена эриставомъ Георгіемъ въ 1704 году. По измѣренію, сдѣланному М. Владыкинымъ, она имѣетъ въ длину около ста и въ ширину около сорока шаговъ. Тридцать пять лѣтъ спустя (въ 1739) Ксанскій эриставъ Шанишѣ, враждовавшій съ эристами Арагвинскими, пригласилъ къ себѣ на помощь лезгинъ и

вмѣстѣ съ ними осадилъ Анапурскую крѣпость, въ которой заперся эриставъ Бардимъ со своими родными и приближенными. Послѣ упорной борьбы, замокъ былъ взятъ Ксаннами и родъ эриставовъ Арагвинскихъ истребленъ поголовно. Большая замковая церковь построена изъ желтаго камня одновременно съ замкомъ въ 1704 году, а время построенія малой въ точности неизвѣстно, но М. Владыкинъ говорить, что по преданію ее относить къ первымъ временамъ христіанства, введеннаго въ Грузію въ IV вѣкѣ. Теперь ова совершенно заброшена, хотя внутри сохранилась лучше, чѣмъ снаружѣ. Въ ней, подъ массивнымъ каменнымъ балдахинномъ, показываютъ надгробныя плиты эристава Георгія и его семейства. Въ большой же церкви прекрасно сохранились украшенія оковъ, стѣнъ и карнизовъ, выточенныя изъ камня, въ видѣ переплетенныхъ виноградныхъ лозъ. Между ними особенно замѣчательны изваянія креста Св. Нины и ангеловъ, поддерживающихъ виноградныя лозы, плоды съ которыхъ поѣдаютъ какіи-то животныя, а пониже—пзаянія двухъ персидскихъ львовъ, прикованныхъ цѣпами—эмблема обузданія Персіи,—но во всѣхъ этихъ фигурахъ нѣтъ натуральной правильности формъ и очертаній, хотя есть своего рода дѣтскія наивная прелесть, напоминающая по рисунку отчасти древне-египетскія изображенія. Стѣны церкви внутри были нѣкогда расписаны *al fresco*, но по распоряженію преосвященнаго Исидора, нинѣ митрополита с.-петербургскаго, эта древняя живопись была замазана бѣлою штукатуркой, подъ слоемъ которой пребываетъ и донынѣ.

Анапурскій замокъ не разъ служилъ убѣжищемъ Грузинскимъ царямъ во время непріятельскихъ нашествій. Сюда удалился и послѣдній царь Ираклій II, послѣ жестокаго разоренія Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ, въ сентябрѣ 1795 года. Здѣсь же, въ церкви въ 1720 году, во время вторженія въ Грузію персіянъ, былъ сокрытъ и крестъ Св. Нины, вывезенный отсюда въ Москву къ царевичу Бакару Вахтанговичу и возвращенный въ 1802 году въ Грузію императоромъ Александромъ I. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1801 по 1811 годъ, Анапуръ состоялъ въ числѣ уѣздныхъ городовъ Закавказья и въ этотъ періодъ подвергся однажды (въ 1804 году) серьезной опасности отъ взбунтовавшихся горскихъ осетинъ, которые убили анапурскаго капитанъ-исправника, вырѣзали въ Кайнаурѣ казачій постъ и прервали сообщеніе Закавказья съ Россіей; но генералъ Несвітаевъ, посланный съ Кавказской линіи, штыками очистилъ отъ мятежниковъ дорогу, возобновилъ разрушенныя ими мосты, освободилъ Анапуръ и открылъ сообщеніе Тифлиса съ линіей. Такова-то вкратцѣ исторія этого замѣчательнаго древняго мѣстечка.

Отъ станціи, оглябая Анапурскій замокъ, дорога круто поворачиваетъ направо и, удалившись отъ Арагвы, идетъ между садами и частыми селеніями къ городу Душету. Горы здѣсь окончательно утрачиваютъ свой грозный и скалистый характеръ; онѣ уже значительно ниже и отложе, такъ что могутъ скорѣе назваться высокими холмами, хотя шоссе все-таки извивается между ними довольно частыми зигзагами. Вершины холмовъ нерѣдко увѣнчаны рощами, среди которыхъ преобладаютъ орѣхъ и фруктовые деревья; при дорогѣ встрѣчается много высокихъ кустовъ бѣлаго шиповника и кизля, опутанныхъ виноградомъ и разными лавою. Характеръ селеній тоже измѣнился: это уже не кучи каменныхъ плоскихъ саклей, взгромоздившихся одна на другую по склонамъ и площадкамъ утесовъ, а бревенчатые или глинобитные бѣленья хатки съ двускатными досчатыми, но чаще камышевыми кровлями, окруженныя плетнями, хозяйственными пристройками и широко, приплюснута раскинувшимися среди своихъ фруктовыхъ садовъ по широкимъ долинамъ. Съ каждымъ шагомъ окрестность становится все открытѣе и шире, глазъ начинаетъ отдыхать на мягкихъ контурахъ волнистаго пейзажа, въ которомъ раздавшіеся горы кажутся уже въ дымкѣ сизоваго тумана и составляютъ лишь задній планъ, далеко отошедшій въ стороны. Картины же, одна другой прелестнѣе, безпрестанно открываются предъ вами то справа, то слѣва, то впереди, и такъ ихъ много, что устаешь наконецъ любоваться ими, — невольно притупляются отъ этого избытка красокъ и вниманіе и чувство. На этомъ пути приходится дѣлать нѣсколько небольшихъ переваловъ, изъ коихъ болѣе значителенъ Анапурскій, на половинѣ дороги между Анапуромъ и Душетомъ. Послѣдній городъ я видѣлъ только издали, такъ какъ почтовая дорога идетъ мимо, а станція находится отъ него въ верстѣ разстоянія, и потому не могу ничего сказать объ его наружности. Видно только много садовъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ нѣсколько домиковъ европейской постройки. Говорятъ, что въ немъ есть старинная крѣпость и церковь, стѣны которой, съ характернымъ коническимъ куполомъ изъ бѣлой жести на кругломъ тамбурѣ, видны со станціи. Отъ Анапура до Душета 16¼ верстѣ; высота послѣдняго надъ уровнемъ моря 2.918 футовъ; жителей въ немъ (по Вейденбауму) считается 2.041 чел. Наступили уже сумерки, когда мы вышли изъ Душета въ Цялканы по открытой мѣстности. Темные сплуты Кавказскихъ горъ все время оставались вправо отъ насъ, и тутъ я имѣлъ случай полюбоваться красивою грозой, разразившеюся гдѣ то надъ горами. Еще предъ закатомъ солнца, надъ одною изъ вершинъ образовалось массивное, ярко бѣ-

лое облако, и круглые клубы котораго были насквозь пропитаны солнечными лучами, кидая отъ себя тѣнь на подобное же сосѣднее облако — тѣнь настолько сильную, что полоса ея была замѣтна даже на ясномъ фонѣ неба между этими двумя облаками. Я долго любовался игрой на нихъ молочно-золотистыхъ розовыхъ и фіолетовыхъ красокъ, отраженныхъ солнечнымъ закатомъ, которыя то сгущались, то блѣднѣли и меркли, переходя въ болѣе холодныя тоны, какъ вдругъ, въ этомъ самомъ облакѣ, вовсе не похожемъ на грозовую тучу, сверкнула молнія. Это было очень эффектно, тѣмъ болѣе что случилось вовсе неожиданно. Вслѣдъ за первымъ ударомъ, посыпались другіе, все чаще и чаще, и отблески грозы сопровождали насъ всю дорогу отъ Цялканъ до Мцхета. Особенность этой грозы состояла въ томъ, что безпрестанные удары молній направлялись все изъ одного и того же облака и, повидному, на одну и ту же вершину, а затѣмъ, когда это кончилось, они стали свертывать изъ другого, сосѣдняго облака и падать на другую гору, далѣе къ востоку. Такимъ образомъ, гроза эта все время постепенно передвигалась въ восточномъ направленіи. Надъ нами видны были клочки яснаго неба, заволакивавшіеся порой тучками, такъ что, казалось бы, слѣдовало ожидать дождя; но наблюдатель въ Цялканахъ увѣрялъ, что никакого дождя не будетъ, такъ какъ, по всѣмъ признакамъ, это сухая горная гроза, которая далѣе горъ не распространится. По его словамъ, такія сухія грозы случаются въ горахъ довольно часто. Предсказаніе его оправдалось: хотя на полпути къ Мцхету небо совсемъ заволокло тучами и настала такая тьма, что въ десяти шагахъ трудно было различить что-либо, и тьма эта казалась еще гуще послѣ каждой ослѣпительной вспышки молніи въ горахъ, тѣмъ не менѣе воздухъ оставался легокъ и свѣжъ и на насъ не упало ни одной капли. Среди полного мрака добрались мы наконецъ до Мцхетской станціи и здѣсь узнали, что опоздавшій желѣзнодорожный поѣздъ изъ Батума въ Тифлисъ ожидается въ Мцхетѣ чрезъ полчаса. Это насъ очень обрадовало, потому что вмѣсто ночлега на станціи или странствія въ потемкахъ на почтовыхъ еще двадцать верстѣ до Тифлиса, являлась возможность комфортабельно сѣсть въ вагонъ и чрезъ полчаса быть на мѣстѣ. Послѣднее представлялось тѣмъ удобнѣе, что почтовый и желѣзнодорожный станціи стоятъ почти рядомъ, и стояло лишь перейти нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобъ очутиться въ ярко освѣщенной пассажирской залѣ. Такъ мы и сдѣлали. Хотя на сей разъ мнѣ и не удалось видѣть Мцхетъ, эту древнюю столицу Грузіи, съ ея кремлемъ и исторически знаменитымъ соборомъ, но я не теряю надежды, что увижу ее впоследствии.

IV.

Тифлисъ, Закавказская желѣзная дорога
и Баку.

Я не останавливаюсь на описаніи красотъ и достопримѣчательностей Тифлиса, потому что онѣ уже неоднократно были описаны и представлены въ иллюстраціяхъ, а потому болѣе или менѣе извѣстны каждому читателю, интересующемуся окранными Россіи съ описательной и художественной стороны. То же самое должно сказать и относительно этнографической стороны этой столицы Кавказа. Что же касается характера собственно городской жизни, то я слишкомъ мало пробылъ здѣсь, чтобы имѣть право вывести о ней какія-либо заключенія. Скажу только одно, что по общимъ отзывамъ тѣхъ лицъ, съ какими довелось мнѣ здѣсь встрѣтиться и говорить, изысканный Тифлисъ, даже сравнительно съ недавнимъ еще временемъ, находится въ упадкѣ. Въ чемъ же, спрашиваю, упадокъ? На мой взглядъ напротивъ: торговля кажись очень оживленная, наружный порядокъ, чистота, благоустройство города, все это, повидимому, какъ слѣдуетъ; нѣкоторыя улицы и площади даже производятъ блестящее впечатлѣніе, чего же еще нужно, чего не хватаетъ? На это мнѣ только улыбаются да головой киваютъ. Оказывается, сила не въ этомъ. Тифлисъ скучаетъ, по отсутствію представительности, къ которой его приучили послѣдовательныя времена главнокомандованія князей Воронцова и Барятинскаго, и время намѣстничества; Тифлису нуженъ свой маленькій «дворъ», своя «придворная» жизнь, «придворные» отношенія и порядки, и, нельзя же безъ того, маленькія или большія придворныя сіелни... Да развѣ не все равно, возражаю я, нѣтъ и дворецъ, и приемы, и парадныя выѣзды и выходы все это осталось. Нѣтъ, вздыхаютъ мнѣ на это туземныя интеллигенты, прежняго закала: совсѣмъ не то! Какъ можно!.. Послѣ «намѣстничества» да вдругъ «главноначальствованіе»! Даже не «главнокомандованіе!» Совсѣмъ не то, не тотъ табакъ, не та музыка, блескъ не тотъ, силы той нѣтъ, власти нѣтъ, да и средствъ нѣтъ какъ прежде, ничего нѣтъ... Совсѣмъ обижень нашъ бѣдный Тифлисъ; сталъ совсѣмъ простымъ городомъ, какъ какая-нибудь Одесса, Вильна или Кіевъ, развѣ мы заслужили это?!

Спрашиваю на этотъ же счетъ мнѣніе нѣкоторыхъ здѣшнихъ русскихъ, и тѣ тоже единогласно подтверждаютъ, что Тифлисъ дѣйствительно скучаетъ по представительности, но подкладку этой «скуки» составляютъ нѣсколько иная. Дѣло въ томъ, что тотъ «Тифлисъ» который нынѣ заявляетъ свою «скуку» и недовольство, былъ еще изстари слишкомъ нова-

жень, а потому и слишкомъ привыкъ ко всякаго рода милостивымъ подачкамъ въ той или иной формѣ,—извѣстно, что «восточный чело-вѣкъ» ужъ по природѣ своей любитъ *пешкеш*, которые нынѣ, въ видахъ государственной экономіи, прекратились или по крайней мѣрѣ сильно сократились и стали даваться сравнительно очень рѣдко,—вотъ истинная суть тифлисской «скуки». Дѣлались нѣкогда пешкеш, конечно, въ томъ соображеніи, чтобы болѣе привлечь къ себѣ симпатіи этого нынѣ «скупающаго» Тифлиса, который якобы располагалъ большимъ вліяніемъ на народъ въ Грузіи; но вліянія уже давнымъ-давно никакого не оказывается, а если и осталось еще какое, то оно все болѣе переходитъ въ руки армянъ изъ числа разбогатѣвшихъ торгашей, ростовщиковъ, банщиковъ и духанищниковъ, у которыхъ весь «скупающій» Тифлисъ давно уже сидитъ въ карманѣ, сидитъ и чувствуетъ, что безъ помощи милостивыхъ пешкешей ему изъ этого глубокаго, всезахватывающаго кармана никакъ не выкарабкаться... Чтò-жъ дѣлать, все это быть-можетъ и очень печально, но съ этимъ надо помириться.

Интеллигенты новаго закала—тѣ уже не «скупаютъ», а прямо «будируютъ», особенно изъ армянъ, которые побойчѣ, такъ называемая здѣсь «молодая Арменія». Впрочемъ и не одна только Арменія: есть и молодая Грузія, и молодая Гурія, и молодая Имеретія, и молодая Мингрелія; нѣтъ пока еще молодой Сванетіи и какіе-то Абхазіи; но отчаиваться не слѣдуетъ; при особыхъ нашихъ стараніяхъ, со временемъ, вѣроятно, народятся и эти. Просвѣтительный элементъ изъ числа чиновниковъ, поляковъ и жидовъ, кои-хъ тутъ избытокъ, достаточно для сего пригоденъ, а потому не только на Сванетію и Абхазію, но можно со временемъ разсчитывать, пожалуй, и на молодую Шапсугію, Абдзехію, Бжедугію, Убыхію и т. д. Чтò посеешь, то пожнешь, говоритъ пословица, ну, а выборъ сѣятелей отъ туземцевъ ужъ не зависить; стало-быть и обвинять ихъ за эти «молодыя Арменіи», особенно много не приходится, хотя на такое явленіе давно бы уже слѣдовало обратить серьезное вниманіе. Есть между ними свои «конституціоналисты», «сепаратисты», «націоналисты», свои «умѣренные» и свои «непримиримые», но все это конечно не болѣе, какъ пародія на сущность этихъ названій и къ тому же пародія азіатски-наивная, хотя и мнящая себя очень серьезною. Идеаль «непримиримыхъ» — это «безусловный сепаратизмъ отъ русскаго варварства», изгнаніе русскихъ и «независимая демократическая республиканская Арменія»: «Всѣ дѣла, душа моя, на майданѣ обсудимъ и рѣшимъ, штука дѣлать простая!» Идеалы «умѣренныхъ» гораздо скромнѣе: «Какая, душа моя, торговля! Никакая торговля нѣтъ: тран-

зыть закрывалъ, Батумъ закрывалъ, тарифъ подымалъ, контрибанда совсѣмъ мало пускалъ, выкакая свобода торговли нѣтъ!» Что же до молодыхъ Грузій, Мингрелій, Имеретій и Гурій, то эти тоже мечтаютъ теперь каждая о своемъ особомъ сепаратизмѣ и не иначе, какъ со своимъ особымъ парламентомъ. А когда имъ напоминаютъ, что во времена независимости Грузія и прочихъ, ихъ одинъ только лѣнивый не билъ и не грабилъ, что нѣтъ еще 93 лѣтъ какъ Ага-Магометъ-ханъ обратилъ весь Тифлисъ въ одно сплошное пожарище и груду развалинъ, что еще съ 1587 года Грузія особымъ государственнымъ актомъ добровольно сама отдавала себя въ подданство московскаго царя Федора Ивановича и съ тѣхъ поръ не переставала прибѣгать къ покровительству русскихъ государей, пока наконецъ, послѣ разгрома ее Ага-Магометъ-ханомъ, не была принята, по своимъ же настоятельнымъ мольбамъ, въ непосредственное подданство Россіи, то эти сепаратисты «молодой Грузія» говорятъ, что какъ бы то ни было, но со стороны ихъ царя Ираклія II безусловная отдача Грузія императору Александру I была грубою ошибкой, что вопросъ о единовѣріи тутъ не при чемъ,—единовѣріе, молъ, это вздоръ—и что ему слѣдовало предложить Грузію не Россіи, а Англіи; тогда по крайней мѣрѣ у нихъ была бы масса фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, процвѣтала бы свобода торговли, свобода печати, свобода митинговъ и давнымъ-давно дѣйствовалъ бы свой собственный конституціонный парламентъ — главное, парламентъ! «Молодые» Гурія, Имеретія и Мингрелія тоже вполне раздѣляютъ эти мнѣнія. Случаешь, слушаешь рассказы обо всѣхъ этихъ туземныхъ «яствахъ», и невольно вспоминается простосердечное, но мѣткое слово одного хохла-простолудина: «Господы Боже мій, якихъ тилько дурнівъ нема у царя у нашего!»—Но... опять-таки, повторяю, въ томъ, что эти «дурни» стали возможны, мы сами виноваты. Въ Тифлисѣ есть теперь, слава Богу, свой кадетскій корпусъ,—авось-либо, благодаря ему, новая система *воспитанія* оздоровитъ и дисциплинируетъ образъ мысли подрастающаго туземнаго поколѣнія. Но вѣдь это—капля въ морѣ, и къ тому же туземцы почему-то не жалуютъ кадетскій корпусъ.

Изъ тифлисскихъ достопримѣчательностей прежде всего посѣтилъ я древній Сіонскій соборъ, гдѣ для меня открыли подлинный крестъ Св. Нины, связанный пучкомъ ея собственныхъ волосъ каштановаго цвѣта ¹⁾ затѣмъ поднялся въ монастырь Св. Давида поклониться праху А. С. Грибоѣдова и любовался оттуда

прекраснымъ видомъ всего Тифлиса; былъ въ старомъ азіатскомъ городѣ, на базарѣ, въ «горячихъ» баняхъ, въ ботаническомъ саду, смотрѣлъ на его растущія лавровыя деревья и магноліи, покрытыя роскошными цвѣтами; вскарабкался по обрыву къ развалинамъ стѣны древнихъ укрѣпленій, откуда опять любовался панорамой Тифлиса, но уже съ другой стороны, которая захватывала и гору Св. Давида съ монастыремъ; проѣхался по Головинскому проспекту, по Ольгинской, до Креста, по Воронцовскому мосту, гдѣ на предмостной площадкѣ глядѣлъ на памятникъ Воронцову, напоминающій по размѣрамъ и характеру памятникъ Барклаю-де-Толли въ Петербургѣ; былъ на Авлабарѣ, въ Колоніи, въ Муштайдѣ,—словомъ, исполнять добросовѣстно всѣ обязанности записного туриста и въ тотъ же день, къ полуночи, выхалъ съ отходящимъ поѣздомъ въ Баку. Полюбовавшись своего рода «блистательною иллюминаціей, какую представляетъ безчисленное множество уличныхъ и оконныхъ огоньковъ Тифлиса, раскинутого на довольно длинномъ разстояніи по долинѣ Куры и взгорьямъ каменстаго края, я завалился спать, такъ какъ больше рѣшительно не оставалось ничего дѣлать, и проснулся уже утромъ, подѣзжая къ станціи Евлакъ, въ 235 верстахъ отъ Тифлиса. Гляжу—что за сюрпризъ такой!?—Идемъ аки по морю: кругомъ вода; весь станціонный районъ и всѣ строенія тоже залиты водой и стоятъ точно бы какія свайныя постройки на обширномъ озерѣ, сообщаясь между собою посредствомъ длинныхъ мостковъ, проложенныхъ въ разныхъ направленіяхъ на высокихъ подпоркахъ. Оказывается, что это Кура изволила такъ шалить въ нынѣшнемъ году со своими разливами. Миновавъ Евлакъ, мы тутъ же переѣхали черезъ нее по желѣзному мосту.—Дай, думаю, погляжу, какова-то должна быть здѣсь эта рѣка, если творить такіа шалости, и что же? Течетъ себѣ мирно, прилично, точно бы и не она все это надѣлала. Но, говорятъ, вѣрнѣе ей не слѣдуетъ, потому что она совершенно неожиданно можетъ повторить подобныя штуки еще нѣсколько разъ въ теченіе лѣта,—такова ужъ у нея, вмѣстѣ съ роднымъ ея братцемъ, Араксомъ, азіатско-шаловная натура.

Куринская степь представляетъ совершенно ровную плоскость и имѣетъ довольно привлекательный характеръ: она хорошо орошена и, мѣстами, прекрасно воздѣлана; цвѣтъ ея свѣтло-зеленый съ пѣжно-розоватыми пятнами и полосами,—это отъ цвѣтущихъ зарослей гребешика (тамариска). Вдали, въ разстояніи пяти, десяти и болѣе верстъ отъ дороги видны разбросанныя по степи, какъ бы отдѣльными островками, зеленѣющія купы садовъ съ пирамидальными тополями. Это все татарскія селенія, рядъ которыхъ въ особенности тянется

¹⁾ Крестъ Св. Нины помѣщается въ образѣ иконостаса по сѣверную сторону царскихъ вратъ. Онъ скрытъ за этимъ образомъ, который отходить на петляхъ.

по берегамъ Куры, далеко отходящей отъ дороги вправо, къ юго-востоку. По лѣвую сторону—тоже видны деревни и поля съ оросительными канавами, а вдали тянется голый, буропесчаный крижъ Кавказскихъ горъ, значительно уже понизившійся. Чѣмъ дальше поднимаемся мы къ востоку, тѣмъ все больше и больше сглаживаются и понижаются въ этомъ крижѣ его рѣзкіе, суровые контуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая степь изъ свѣтло-зеленой постепенно принимаетъ тотъ сѣро-бурый колоритъ, который свойствененъ степямъ нашей Средней Азии. За станціей Аджи-Кабуль древесныя кусты вдали и кустарниковая растительность совсѣмъ уже исчезаютъ, дорога приближается къ Каспійскому морю, и картина степи становится все безотраднѣе, мертвѣе; начинаются солончаки, выступающіе на гладкую поверхность бѣлымъ солянымъ налетомъ; жиденькая, рѣденькая, пригорѣлая травка только мѣстами и клочками находитъ себѣ скудную почву на этой пыльной, буро-желтой степи, которая сверкаетъ подъ жгучимъ солнцемъ своими солончаками и блестящими гравіями. Жарко, душно; термометръ въ вагонѣ показываетъ 27° Реомюра, и гнетущая духота эта становится еще невыносимѣе отъ противнаго запаха нефтяной гары (паровозы на Закавказской дорогѣ отапливаются нефтью),—просто не знаешь куда дѣваться отъ этого несноснаго чада, противъ котораго не помогаютъ и закрытыя окна; онъ проникаетъ повсюду вмѣстѣ съ микроскопически мелкою ѣдкой пылью, которая все болѣе и болѣе начинаетъ покрывать густымъ слоемъ всю мебель, вещи, руки, лицо и, проникая за платье и бѣлье, даетъ себя чувствовать даже тѣлу неприятнымъ разѣдающимъ зудомъ. Но съ закрытыми окнами долго высидѣть невозможно: духота такая, что дышать наконецъ нечѣмъ и, все равно, тотъ же противный керосиновый чадъ и та же пыль, отъ которой начинаешь чихать и прочихаться не можешь... Скверно! лучше ужъ мучиться при открытыхъ дверяхъ и окнахъ; пускай валитъ пыль, пускай вѣскольکو больше чадъ, но его, по крайней мѣрѣ, проносить сквознякомъ, и все же чувствуешь хоть какое-нибудь движеніе воздуха.

— Скоро ли будемъ въ Баку?—спрашиваю проходящаго оберъ-кондуктора изъ туземцевъ.

— По расписанію, въ три съ половиной часа пополудни,—отсчитываетъ онъ съ пунктуальною точностью.

— А сколько верстъ еще остается.

— Отъ слѣдующей станціи Алятъ останется семьдесятъ семь верстъ.

— Батюшки!—восклицаю я въ ужасѣ.—Да когда же это мы будемъ, если теперь уже третій часъ въ началѣ?

Оберъ-кондукторъ взглядываетъ на свои часы и замѣчаетъ:

— Да, дѣйствительно, третій часъ. Что дѣлать, запоздали немножко.

— По какому же это случаю?

— Да такъ, безо всякаго случая... Всегда такъ бываетъ.

— Всегда? И за это развѣ не взыскиваютъ?

— Зачѣмъ взыскивать?—взглянувъ онъ на меня недоумѣвающимъ глазами.—Да и куда торопиться? Все равно доѣдемъ.

И приподнявъ руку къ козырьку онъ вѣжливо удалился.

Утѣшительно. Впрочемъ, послѣ такого фаталистически философскаго отношенія къ дѣлу, ничего иного и не оставалось какъ безропотно покориться своей участи, застиснуть терпѣніемъ и ждать, вообразивъ себя багажомъ или тюкомъ товарнымъ, который везутъ, везутъ и авось-либо когда-нибудь довезутъ до мѣста доставки. Но все же нельзя не сказать, что болѣе всего несносны эти продолжительныя и рѣшительно никакою надобностью не вызываемыя остановки на каждой станціи. По расписанію кондукторъ выкликаетъ, что остановка три минуты, а поѣздъ стоитъ десять-пятнадцать минутъ, да и то еще слава Богу! И добро бы машинистъ постарался за это нагнать время излишняго простоя, такъ нѣтъ вѣдь я этого,—я ползеть, ползеть себѣ злосчастный поѣздъ, какъ черепаха въ гору. Характерная особенность Закавказской дороги это нефтеналивные поѣзда. За исключеніемъ смѣшаннаго почтово-пассажирскаго (онъ же иногда и товарный) поѣзда, пускаемаго одинъ разъ въ сутки, всѣ остальные поѣзда, слѣдующіе изъ Баку къ Батуму, исключительно нефтеналивные, состоящіе каждый изъ длиннѣйшаго ряда цилиндрическихъ цистернъ, системы Лялиопо и Рау. Слѣдуютъ они то въ ту, то въ другую сторону безпреставно, туда съ грузомъ, назадъ пустые, такъ что не было той станціи и полустанка, гдѣ бы мы съ однимъ изъ нихъ не разминувшись или не нагнали обратный. Только тутъ воочию убѣждаешься, какую массу нефти ежедневно отправляетъ Баку къ Черному морю. При этомъ будетъ ксати сказать, что почти на всѣхъ станціяхъ до Аджи-Кабула лежатъ въ магазинахъ и на товарныхъ платформахъ массы также и хлѣбныхъ грузовъ, въ ожиданіи отправки, которая, какъ слышно, поневолѣ должна замедляться, уступая дорогу главному грузу—нефтяному. Это очень жаль, потому что такой порядокъ заставляетъ терпѣть убытки мѣстное производительное населеніе. Говорить, будто хлѣбные грузы залеживаются потому, что у дороги не хватаетъ перевозочныхъ средствъ. Не знаю такъ ли это, но если и такъ, то неужели же было бы невыгодно заказать недостающее число вагоновъ и локомотивовъ? Хлѣбный районъ Закавказья, безъ сомнѣнія, съ духовой окупалъ бы своими грузами такую затрату.

Отъ станціи Алятъ дорога круто повернула на сѣверъ и скоро пошла вдоль самаго берега Каспійскаго моря. Вокругъ все та же мертвая буро-желтая почва; справа зеленѣетъ море съ длиннымъ бѣло-пѣнистымъ ожерельемъ прибоя и бѣлыми «баранками» на гребняхъ волн; болѣе въ даль цвѣтъ воды переходитъ изъ зеленого въ синій. По морю тамъ и самъ разбѣны желтыя банки и тупоконическія или горбатыя очертанія пустынныхъ островковъ и камней, безъ малѣйшаго признака жизни и растительности, и надо всѣмъ этимъ моремъ и степью опрокинулось осушенной чашей залитое невыносимо яркимъ свѣтомъ раскаленное небо. Такимъ образомъ путь идетъ до станціи Пута, у которой море удаляется въ сторону къ Шихову мысу, оставляя у Путы озероподобный, заросшій камышами, заливъ того же имени, и здѣсь уже къ дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ, приближаются голыя возвышенности: сперва, болѣе близкая и высокая, тянется бакинская гора, по ту сторону которой уже находится городъ Баку, а слѣва—болѣе пологія, широковыпуклыя возвышенности Аншерова, послѣднія, жалкія конечности грознаго Кавказскаго хребта. Здѣсь, отъ станціи Баладжары дорога дѣлаетъ заворотъ къ югу, въ обходъ бакинскихъ возвышенностей. На склонахъ этихъ послѣднихъ видны кое-гдѣ жалкія пашни чуть ли не ячменя съ очень жиденькими и едва поднимающимися отъ земли всходами; на жалкомъ присохшемъ выгонѣ лѣнливо пасется тощее маленькое стадо чыхъ-то верблюдовъ; босоногій пастушокъ въ большой бараньей паняхъ медлительно бредетъ за ними въ гору. Это еще первые верблюды, встрѣченные мною въ Закавказь, убогое подобіе своихъ узбекскихъ сородичей Туркестана. Вотъ, верхомъ на жиденькой лошадей прорыска съ нагайкой наотмашь какая-то пародія на военнаго всадника, въ полуконической бараньей шапкѣ иранскаго покроя и съ красными форменными погонами на неуложимъ коричневомъ кафтанѣ съ газырями; за плечами у этой пародіи ружье Пибоди со штыкомъ, а черезъ переднюю луку перекинута живая баранъ со связанными ногами. Чтѣ за баша-бузукъ такой, думаю себѣ; но изъ разспросовъ оказывается, что это вовсе не баша-бузукъ, а чапаръ, въ нѣкоторомъ родѣ оберегатель мѣстнаго спокойствія отъ разной воровской сволочи, и барана-де онъ едва ли укралъ, а скорѣе купилъ на продовольствіе товарищамъ. Чанарамъ называется конная и пѣшая милиція изъ туземцевъ, служащая на жалованья (12—15 руб. въ мѣсяцъ), съ обязанностию имѣть свою одежду и лошадь, а казна выдаетъ имъ погоны и ружье Пибоди въ числѣ отбитыхъ въ послѣднюю Турецкую кампанію. Они составляютъ нѣчто въ родѣ земской полиціи, ловятъ разбойниковъ (если только ловятъ) и

конвоируютъ почту, для чего небольшія команды ихъ всегда живутъ при почтовыхъ станціяхъ; но вообще, особенно полагаться на чапаровъ не слѣдуетъ, ибо случается, говорятъ, что сегодняшній чапаръ становится завтра разбойникомъ, а вчерашній разбойникъ — чапаромъ. Это у нихъ смотря потому, чтѣ въ данную минуту кажется ему выгоднѣе. Надежная, значить, земская стража, но... лучшей пока взять не откуда, а восточное населеніе исполонъ-вѣковъ уже такъ фаталистически привыкло ко всякаго рода безобразіямъ и вымогательствамъ, что на безобразія и мелкіе поборы чапаровъ если и ропщеть, то не жалуется, стало-быть все обстоитъ благополучно, и слава Богу, начальство можетъ вникать и спать спокойно.

Подѣзжаемъ къ Баку. Съ версту въ сторону, въ лѣвой рукѣ виденъ «Черный Городокъ», съ его низенькими каменными и глинобитными бараками, колодезными вышками, высокими дымоводами, громадными цилиндрическими банями-цистернами изъ листового желѣза, окрашеннаго въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ и нефтеводными трубами. Изъ дымоводовъ густыми клубами валитъ совсѣмъ черный дымъ и долго не расходится въ воздухѣ. Нестерпимо несетъ оттуда нефтяной гарью и запахомъ кира, тѣмъ самымъ, какимъ воняетъ на столбчатыхъ уликахъ лѣтомъ, когда чинятъ асфальтовые тротуары; двойная вонь эта такъ удушлива, что во рту у васъ какъ-то терпко становится, точно бы вы ваглотались скин-дари, и въ горлѣ першить начинаетъ. Полотно на смежномъ пути между рельсами и шпалами его навсѣрозъ пропитано нефтью, капающею изъ-подъ цистернъ вагоновъ; буро-черныя жирныя пятна различной величины пестрятъ на землѣ и по сторонамъ этого пути, да и нашъ вѣроятно таковъ же; длинныя нефтяныя дорожки, чернѣясь на сѣрой почвѣ, тянутся вдоль чугунныхъ нефтеводныхъ трубъ, проложенныхъ въ воздухѣ, на подпорахъ, къ нефтеналивной станціи, гдѣ множество разлѣдныхъ путей сплошь покрыты вереницами вагоновъ-цистернъ съ раскрытыми пріемниками, ожидающихъ очереди подойти подъ краны. Словомъ, на каждомъ шагѣ здѣсь все нефть, нефть и нефть, даже самая земля глубоко пропиталась ею. Вы дышите нефтяными испареніями, нефтянымъ чадомъ и ѣдкой известково-солонцеватой пылью, и все это подъ 45 градусной жарой. Это своего рода пытка; но зато можете утѣшаться патріотической мыслью о томъ, что все это пахнетъ милліонами рублей, добываемыхъ на русской почвѣ, русскимъ черноработнымъ трудомъ и переполняющихъ шведскіе карманы братьевъ Нобель и К°, а отнынѣ, какъ слышно, имѣющихъ переполнить еще и жидовскіе карманы Ротшильда. Утѣшительно!

По официальнымъ даннымъ, относящимся

къ 1886 году, на нефтяных промыслах Апшеронскаго полуострова за означенный годъ добыто 123¹/₂ милл. пудовъ нефти, изъ коихъ переработано: собственно нефти 110¹/₂ миллионъ и нефтяныхъ остатковъ 4 милл. пуд. Изъ нихъ получено: керосина 34 милл. пуд., бензина 37.268 пуд., смазочнаго масла 1.742.622 пуда и нефтяныхъ остатковъ, вывезенныхъ изъ Баку, 35.702.480 пудовъ ¹). А сколько нефти, сверхъ того, бесполезно утекло въ землю и море, объ этомъ лучше и не говорить, чтобы не вводить читателей въ бесполезную досаду. Тутъ хоть есть и правильно устроенные заводы, каковъ напримѣръ братевъ Нобель, гдѣ добыча нефти идетъ совершенно правильнымъ образомъ, усовершенствованными способами, но, къ сожалѣнію, примѣръ этотъ не находитъ себѣ подражателей въ лицѣ почти всѣхъ остальныхъ нефтепромышленниковъ, большинство коихъ составляютъ армяне. Эти всѣ продолжаютъ работать самыми примитивными приемами, эксплуатируя нефтяныя богатства полуострова самымъ варварскимъ образомъ, ничего и слышать не желая о какихъ бы то ни было усовершенствованіяхъ. Вотъ у этихъ то косныхъ, невѣжественныхъ людей большая часть нефти и уходитъ бесполезно опять въ землю или въ море. Заложить онъ, напримѣръ, на удачу буровую скважину, хлынетъ изъ нея нефть изобильнымъ фонтаномъ въ нѣсколько саженъ вышины, а у него ничего не приготовлено для ея приема; набираетъ онъ себѣ столько ведеръ или бочекъ, сколько ему потребно, а остальное—пропадай себѣ пропадомъ! Иной, впрочемъ, изъ болѣе жадныхъ, возьметъ и выкопаетъ въ землѣ достаточно широкаго объема яму, въ надеждѣ, что она будетъ служить ему резервуаромъ, но ничего въ этой ямѣ не сдѣлаетъ, чтобы приспособить ее къ такому назначенію, кромѣ того лишь что прокопаетъ къ ней отъ фонтана стокъ. Нефть наполняетъ яму, но въ то же время обратно уходитъ въ землю всасываемъ, а мудрый предприниматель думаетъ себѣ, потирая руки: хорошо, пускай уходитъ въ запасъ; понадобится — мы сейчасъ заложимъ въ ямѣ скважину, и эта нефть снова хлынетъ фонтаномъ; но увы! сколько ни буравить онъ потомъ въ ямѣ, сколько ни копаетъ—нефть, разумѣется, не показывается. Армянинъ плюнетъ, выругается на напрасно затраченный трудъ, но не унываетъ: ему вѣдь это все равно, онъ свое уже взялъ, и если не удастся здѣсь, что же, онъ найдетъ жилу въ другомъ мѣстѣ, изъ которой снова хлынетъ фонтанъ, и снова миллионы ведеръ нефти бесполезно уйдутъ у него въ землю или утекутъ въ море. Пора, давно пора-бы положить рѣшительный конецъ такому варварски безобразному способу эксплуа-

таціи, тѣмъ болѣе, что сильно заблуждаются тѣ, которые, глядя на такой способъ, думаютъ, пускай себѣ, вѣдь нефти тутъ безконечныя запасы! Я, напротивъ, слышалъ въ Баку отъ людей солидныхъ и свѣдущихъ, что есть уже печальные признаки, заставляющіе думать, что подземные резервуары далеко не неистощимы и что они начинаютъ уже истощаться. Пройдетъ еще одинъ, другой десятокъ лѣтъ при подобномъ хозяйничаньи армянскихъ и имъ подобныхъ эксплуататоровъ, и отъ бакинскій нефти у насъ, пожалуй, останутся одни лишь историческія воспоминанія...

Нефтяныя богатства Кавказа, разбѣянные въ разныхъ мѣстахъ территоріи этого края, сосредоточиваются главнѣйшимъ образомъ на двухъ оконечностяхъ Кавказскаго хребта, то-есть на Тамани и Апшеронѣ. Здѣсь же встречаются и сальсы (грязевые вулканы), имѣющіе видъ небольшихъ конусообразныхъ холмиковъ съ воронкой въ вершинѣ, гдѣ постоянно бучится и пузырится жидкій или пополамъ съ нефтью. Это бученье, похожее какъ бы на процессъ внутренняго медленнаго кипѣнія, происходитъ отъ постоянного выдѣленія наружу угле-водороднаго газа, который воспламеняясь иногда производитъ и формальныя изверженія сальсовъ, сопровождаемыя подземнымъ гуломъ, дымомъ и пламенемъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть сальсы, всегда находятся и поверхностныя трещины, выдѣляющія изъ себя тотъ-же угле-водородный газъ, но безъ грязи. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Баку въ особенности много подобныхъ газыводныхъ трещинъ. Такъ, въ селеніи Сураханъ² и до сихъ поръ показываютъ древнее капище (по туземному *атеиша*), построенное въ видѣ небольшого купола на четырехъ каменныхъ столбахъ, надъ одною изъ трещинъ, откуда исходятъ «вѣчные огни»—предметъ почитанія небольшой индійской секты огнепоклонниковъ. Впрочемъ, говорятъ, что истинные сураханскіе огнепоклонники-монахи всѣ уже перемерли, а теперь роль ихъ берутъ на себя, ради любознательныхъ туристовъ, просто нищіе изъ мѣстныхъ персіанъ; иные же утверждаютъ даже, что и не персіяне, а какой-то старенькій отставной солдатъ, который, въ случаѣ надобности, «чтобы потѣшить господъ» и получить съ нихъ на табакъ, доброхотно разыгрываетъ изъ себя мага-огнепоклонника. Но перемерли ли огнепоклонники, остаются ли еще въ живыхъ — это какъ кому угодно,—а «вѣчные огни» все еще продолжаютъ горѣть, какъ бы оправдывая свой эпитетъ «вѣчныхъ». Относительно ихъ горѣнія толкуютъ разное: одни говорятъ, что зажглись огни когда-то, въ незапамятныя времена, сами собой, и это-де и привлекло сюда огнепоклонниковъ; другіе же, скептики, утверждаютъ, что огни давнымъ-давно уже потушили бы, еслибъ ихъ не поддерживали тайкомъ, изъ

¹) Е. Вейденбаумъ, 61.

собственныхъ выгодъ, сураханскіе нищѣ-персіане, или все тотъ же пресловутый старичекъ-солдатикъ. Мѣстное татарское преданіе повѣствуетъ, будто когда-то ударила сюда громовая стрѣла и отъ нея-то зажглись огни и пошли горѣть неугасимо. Но такъ-ли все это, не такъ-ли, а дѣло въ томъ, что происхожденіе сураханскихъ «вѣчныхъ огней» несомнѣнно восходитъ къ очень глубокой древности, потому что о нихъ упоминаетъ еще арабскій географъ Массуди, жившій въ X столѣтіи. Равнымъ образомъ къ очень отдаленнымъ временамъ относится и добычаніе нефти на Апшеронѣ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго вѣка, въ одномъ изъ старыхъ и давно заброшенныхъ бакаланскихъ нефтяныхъ колодцевъ былъ найденъ древній камень съ высѣченной надписью, по разборкѣ которой обнаружилось, что въ XVI столѣтіи добыча изъ этого колодца принадлежала сендамъ. До присоединенія края къ Россіи, продажа апшеронской нефти составляла одну изъ главныхъ статей дохода хановъ бакинскихъ. Академикъ Гмелинъ, располагавшій свѣдѣніями, относящимися къ 1770 году, свидѣтельствуетъ, что доходъ этотъ простирался до 40.000 руб. сер. въ годъ. Съ присоединеніемъ же ханства къ Россіи, нефтяные колодцы поступили въ собственность казны и отдавались до 1825 года откупщику, платившему ежегодно около 130.000 руб.; но съ означеннаго года казна пожелала взять промыслъ въ собственныя руки, приставивъ къ нему особыхъ приставовъ, и доходъ сразу же возвысился со 130 до 76 тысячъ руб.; казенная нефть и въ водѣ не тонула, и въ огнѣ не горѣла, но зато приставамъ жилось такъ, что умирать не надо, — хорошо жилось. Видя это, правительство пришло «въ сумѣніе» и съ 1826 года не знало, какъ ему быть съ этими промыслами. Оно въ разные времена то отдавало ихъ эксплуатацію частнымъ предпринимателямъ, то опять само принималось за добычу, но успѣло достигъ лишь того, что съ 1832 до 1849 г., когда промыслъ состоялъ въ казенномъ управленіи, средняя добыча нефти понизилась до 220.000 пудовъ въ годъ, изъ коихъ только половина подвергалась переработкѣ въ фотогенъ, а другая вывозилась въ сыромъ видѣ въ Персію. Вообще дѣло шло плохо, съ колебаніями, безъ системы, развиваясь очень медленно и туго. Нѣкоторое оживленіе промысла при откупной системѣ послѣдовало только съ началомъ 60-хъ годовъ: въ 1863 было добыто 340.000 пуд., а въ 1872—1.535.981 пуд.¹⁾ Такое неудовлетворительное состояніе дѣла вынудило наконецъ правительство обратить на него серьезное вниманіе. Откупную систему порѣшили и ввели въ дѣйствіе съ 1873 года

новыя «правила о нефтяномъ промыслѣ и акцизѣ съ фотогеноваго производства», въ силу коихъ промыслъ объявлялся свободнымъ, сырая нефть освобождалась отъ всякаго налога, а фотогенъ, какъ продуктъ ея, облагался акцизомъ. Какъ видите, дѣло было порѣшено радикально, на самыхъ модныхъ тогда фритридерскихъ началахъ. Вся нефтяная площадь, принадлежавшая казнѣ, была тогда же раздѣлена на участки и назначена въ продажу съ торговъ частнымъ лицамъ. Конечно, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія поговорки о собакахъ, которая на снѣгъ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ, то пусть лучше наживаются отъ дѣла частныя владѣльцы, чѣмъ никто или одинъ какой-нибудь откупщикъ, но во всякомъ случаѣ, видя явніѣшніе результаты этого дѣла, нельзя не пожалѣть сугубо о тогдашнихъ фритридерскихъ увлеченіяхъ. Просто и подумать больно, какого богатѣйшаго источника государственныхъ доходовъ лишило себя правительство, зря положивъ ихъ въ карманъ частнымъ лицамъ, и добро бы еще своимъ, а то пришлымъ чужестранцамъ!.. И какія же такія чрезмѣрныя выгоды получало тогда отъ этой операции правительство? За какую чечевичную похлебку все это было продано? Торги состоялись въ концѣ 1872 года, и участки, оцѣненные въ 552.240 руб. (!!) проданы за 2.980.307 руб. Это все, что получило правительство. Правда, въ частныхъ рукахъ дѣло пошло очень ходко, въ особенности благодаря собственникамъ-чужестранцамъ. Въ послѣдній откупной годъ (1872) добыто нефти 1.535.981 пудъ, въ слѣдующемъ 1873 году 3.951.575 пуд., а черезъ 15 лѣтъ (1886) 123.500.000 пудовъ!.. Акцизъ съ фотогена, введенный съ 1 января 1873 года, былъ въслѣдствіи отміненъ (фритридерствовать, такъ ужъ фритридерствовать до конца!), и лишь нынѣ, съ 1 января 1888 года, вновь установленъ на новыхъ основаніяхъ. Разсказавъ всю эту грустную (на мой взглядъ) исторію, считаю не лишнимъ пояснить, что я ратую вовсе не противъ отдачи казенныхъ участковъ частнымъ лицамъ и вообще не противъ частной предпринимчивости, но думаю и даже глубоко убѣжденъ, что дѣло это возможно было рѣшить тогда иначе, безъ продажи участковъ въ полную собственность частнымъ лицамъ за какіе-то несчастные, неполные даже три милліона рублей, рѣшить и устроить подходящую операцію такого рода, чтобъ и частныя предприниматели могли широко развивать дѣло, какъ нынѣ (только поразсчитливѣе нынѣшняго), да и казна не лишилась бы одного изъ постоянныхъ и богатѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода. Но почему нынѣ находятъ умѣстнымъ и выгоднымъ припустить къ нефтяному дѣлу еще и Ротшильда, начинающаго, какъ кажется, систематически скупать все Закавказье, —

¹⁾ Данныя, заимствованныя у г. Е. Вейденбаума, 345.

этого никто из находящихся въ Баку русских рѣшительно не поднимаетъ.

Нѣтъ главные нефтяные источники сосредоточиваются на плоской возвышенности, въ двѣнадцати верстахъ отъ Баку, группируясь на трехъ площадяхъ: Балаханской, Сабунчинской и Сураханской. Последнія двѣ соединены съ городомъ желѣзной дорогой. Кроме того, въ пяти верстахъ къ югу отъ города, за Байловымъ мысомъ, находится еще одна небольшая, но довольно производительная площадь Биби-Эйбатская.

Желѣзнодорожная Бакинская станція находится на сѣверномъ концѣ города. Вокзалъ ея, построенный изъ мѣстнаго сѣраго камня, можно сказать, великолѣпенъ и въ архитектурномъ отношеніи отличается какъ снаружки, такъ и внутри (въ особенности же вестибюль) роскошью своего мавританскаго стilia. Къ сожалѣнію, антуражъ его далеко не блещетъ красотой. Это все низенькіе плоскокрышіе домишки, каменной или саманной постройки, гдѣ вьются разныя убогія лавченки, кабаки и грязные духанишки. Такія же строенія, имѣющія нерѣдко обдупленный, полуразрушенный видъ, лѣнятся въ безпорядкѣ и по склонамъ голыхъ каменистыхъ возвышенностей, окружающихъ городъ съ запада. Между отдѣльными домишками нерѣдко тянутся пустыри, изрытые яминами, перекопанные сухими канавами, иногда окруженные глинобитными заборами и дикокаменными стѣнками, а то и вовсе ничѣмъ неогражденные, — явное приближеніе мусора, всякой дряви и бродячихъ бездомныхъ собакъ. Все это предметъ, совершенно лишнее къ тому же всякой растительности, производить бозотрадное и неряшливое впечатлѣніе, такъ что великолѣпный мавританскій дворецъ вокзала является среди него какимъ-то страннымъ, рѣзущимъ глазъ контрастомъ. Мостовыя, разумѣется, отвратительны; на улицахъ пыль и горьковатый, дерущій горло запахъ горящаго кира, которымъ починяютъ обветшалыя плоскія кровли. Тутъ же, между предметомъ и городомъ, находятся новые бараки недавно закрывшейся ярмарки, на которую возлагалось столько надеждъ — увы! на первый разъ не оправдавшихся. Но можетъ-быть это не болѣе какъ первый блинъ, который пошелъ комомъ, а затѣмъ бакинцы надѣются, что современнѣе ярмарка все-таки привьется къ ихъ «царюцѣ Каспiя». Давай Богъ...

Но вотъ мы уже и въ городѣ. Здѣсь все глядитъ гораздо благоустроеннѣе. Высокіе каменные дома европейской постройки, широкія прямыя улицы, частію мощеныя (но плоховато), частію же крытыя киромъ (мягкій асфальтъ изъ нефтяныхъ остатковъ съ гравіемъ). Нижніе этажи на лучшихъ улицахъ почти сплошь заняты лавками и магазинами, бьющими даже на эффектъ европейски-роскошной обстановки; улицы въ изобиліи освѣщаются керосиновыми

лампами, которыя начинаютъ зажигать чуть ли не съ четырехъ часовъ дня; но это не радъ дешевизны керосина, а потому что на весь городъ, какъ увириютъ меня, имѣется всего одинъ итатный фонарщикъ. На нѣкоторыхъ площадкахъ поставлены высокіе чугунные канделябры красиваго рисунка съ букетами лампъ, а пристани и докъ «Кавказа и Меркурія», заводъ Нобеля и нѣкоторыя другія заведенія освѣщены даже электричествомъ. Вообще, есть проектъ распространять, по возможности, въ городѣ электрическое освѣщеніе. Лучшія улицы, идущія перпендикулярно къ морю, выводятъ на широкую и красивую набережную Императора Александра II, сплошь застроенную каменными домами. Парапетъ и барьеръ этой набережной, на протяженіи около версты, построены изъ обтесанныхъ глыбъ мѣстнаго камня и освѣщены чугунными фонарями. Сюда же выходитъ одвою своею стороною и городской общественный садъ съ чугунною рѣшеткой. Особенность этого сада, расположеннаго террасами на склонѣ горы, рядомъ со стѣнами старой персидской крѣпости, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ поддерживать свѣжесть своей растительности только дождевою водою изъ зимнихъ и весеннихъ запасовъ, для чего въ разныхъ мѣстахъ его устроены различной величины цементныя водоемы, выложенные каменными бордюрами и стѣнками и украшенные каменными вазами, фигурами и фонтанами. Клумбы этого сада обрамлены каменными цоколями, и въ нихъ вы встрѣчаете всѣ цвѣты, какіе только могутъ произростать въ этомъ знойномъ и страшно сухомъ климатѣ; тутъ даже и репейникъ въ почтѣ: и онъ пошелъ въ дѣло какъ бордюрное растеніе; но главная роль принадлежитъ мальвамъ и кустамъ тамариска. Землю для этихъ клумбъ и деревьевъ привозятъ издалека, изъ Ленкорани, и большинство деревьевъ принялось въ ней отлично. Тутъ вы встрѣчаете иву, бѣлую акацію, шелковницу, платаны, смоковницу и еще нѣсколько иныхъ породъ уже порядочной высоты и дающихъ хорошую тѣнь, а нѣкоторыя деревья достигли даже весьма почтенныхъ объемовъ, — это изъ числа первыхъ всаженцевъ бакинскаго сада, посаженныхъ назадъ тому лѣтъ сорокъ. Самая верхняя часть сада еще пустуетъ, представляя изъ себя добрую десятину, заросшую сорными травами, но это потому, что городъ развиваетъ свой садъ постепенно, по мѣрѣ того какъ позволяютъ средства городской кассы. Еще одна особенность его — это дорожки и площадки, вмѣсто песка, залитыя силою асфальтомъ: по вечерамъ онѣ освѣщаются фонарями и канделябрами, и гладко на нихъ всегда, какъ на паркетъ, — хоть танцуй. Видно, что бакинцы очень заняты своимъ общественнымъ садомъ, и это не мудрено, такъ какъ онъ у нихъ единственный. Вообще городъ поражаетъ сво-

ныи исключительно камоннымъ видомъ и почти полнымъ отсутствіемъ растительности. Да на этой почвѣ и расти-то ничего не можетъ. Въ нижнемъ саду находится павильонъ съ небольшою террасой, гдѣ прежде помѣщался лѣтній клубъ, а нынѣ ресторанъ; въ средней же части сада, нѣсколько повыше, выстроена обширная деревянная, на каменномъ фундаментѣ, ротонда, съ большою бальною залой и боковыми помѣщеніями для столовыхъ, игральныхъ, читальныхъ и гостиныхъ комнатъ. Здѣсь помѣщается теперь лѣтній городской клубъ, гдѣ по вечерамъ играетъ небольшой, но хорошо сыгравшійся оркестръ «вольныхъ артистовъ». По вечерамъ—единственное время, когда въ Баку можно дышать пользуясь воздухомъ—ротонда и площадка съ клумбами вокругъ нея, уставленные отдѣльно сервированными столиками, всегда, что называется, биткомъ набиты. Здѣсь все «интеллигентное» население города, какъ мужское, такъ и женское.

На набережной помѣщаются всѣ главнѣйшія конторы и пристани пароходныхъ обществъ, Кокоревское подворье (главное складочное мѣсто), таможня и карантинъ. Губернаторскаго дома не имѣется, и начальникъ губерніи занимаетъ себѣ квартиру въ частномъ домѣ на той же набережной. Въ самомъ центрѣ города находится старая персидская крѣпость, которая до прихода русскихъ собственно и составляла весь городъ. Она велика и, будучи расположена на склонѣ возвышенности, спадающей къ морю, представляетъ внутри себя красивый амфитеатръ тѣсно скученныхъ восточныхъ построекъ, съ рѣзными ажурными балюстрадами, балконами и верандами, надъ которыми высятся съ одной стороны стройная колонна минарета при бывшей дворцовой ханской мечети, а съ другой, за сѣверо-восточнымъ угломъ крѣпости—знаменитая Кызъ-кала, гигантская круглая башня, въ восемь сажень въ поперечникѣ и въ двадцать сажень высоты, подпертая съ восточной стороны гигантскимъ контръ-форсомъ, такъ что издали кажется, будто здѣсь стоятъ двѣ башни рядомъ, нѣсколько заходя одна за другую. Кызъ-кала значить «дѣвичья башня». Когда и кѣмъ она построена—неизвѣстно ни изъ историческихъ документовъ и хроникъ, ни изъ устныхъ преданій, но мѣстная легенда повѣствуетъ, что въ башнѣ жила когда-то пѣкая красавица-царевна, которая скрывалась здѣсь отъ преслѣдованій влюбленнаго въ нее отца; когда же послѣднему удалось наконецъ проникнуть и въ это ея убѣжище, то несчастная дочь рѣшилась покончить съ собою и бросилась съ высоты башни въ море, дожившее въ тѣ времена какъ разъ до ея подножія. Съ тѣхъ поръ она и получила названіе «Дѣвичьей башни». Крѣпость окружена высокою зубчатою стѣной съ бойницами, стрѣльницами и полукруглыми башнями. Внутри ея,

кромѣ персидскихъ и татарскихъ домовъ, помѣщается еще крытый базаръ со всякими азіатскими (преимущественно персидскими и туркменскими) товарами, старая армянская церковь, ханскія бани и ханскій дворецъ съ мавританскими мозаичными куполами надъ мечетью и павильономъ ханскаго судилища. Это прекрасный памятникъ иранско-мусульманскаго зодчества, построенный, по преданію, въ XV вѣкѣ, во времена-Ширванъ шаховъ. Построеніе же шахской придворной мечети, какъ видно изъ высѣченной на ней надписи, относится къ 471 году Геджры (1078 годъ по Р. Х.). Зала судилища представляетъ сквозной каменный павильонъ, съ мавританскими подзорами и колонами, заключенный въ довольно тѣсномъ пространствѣ небольшого дворика, со всѣхъ сторонъ окруженнаго высокими стѣнами. Полъ павильона сдѣланъ въ шанку изъ гладкихъ плитъ и посреди его находится глубокий колодезь, особенно почитаемый мѣстными мусульманами, такъ какъ вода его, по увѣренію муллы, настоятеля ханской мечети, исцѣляетъ отъ неилудія. По его же словамъ, дворикъ вокругъ судилища былъ украшенъ когда-то, еще на его памяти, прелестными цвѣтниками и множествомъ плюща, винограда и другихъ ползучихъ растений, въ изобиліи обвивавшихъ всѣ колонны и скрывавшихъ подъ своею зеленою темною каменныя стѣны. Теперь ничего этого уже не существуетъ, и это очень жаль; слѣдовало бы возстановить такую прелесть, тѣмъ болѣе, что оно и не Богъ вѣсть чего бы стоило. Да и вообще слѣдовало бы поддержать отъ разрушенія весь Бакинскій дворецъ, какъ единственный у насъ въ этомъ родѣ памятникъ древне-иранскаго искусства. Самаркандскія мечети, сюда не въ счетъ, потому что онѣ совсѣмъ другого характера постройки. Жаль, очень жаль будетъ какъ для археолога, такъ и для художника, если дадутъ этому дворцу окончательно завалиться. Онъ все еще настолько проченъ, что артиллерійское вѣдомство находить возможнымъ хранить въ немъ свои склады; поэтому тутъ не потребуются пока особенно капитальный ремонтъ; слѣдовало бы только реставрировать болѣе съ художественной стороны внутреннія части дворца—полы, кое-гдѣ мозаику, да мѣстами лѣняую алебастровую работу стѣнъ, потолковъ и карнизовъ. Если въ томъ отношеніи было бы напрасно разсчитывать на кавказское начальство, то неужели у такого богатаго города какъ Баку не нашлось бы и собственныхъ средствъ? Мнѣ кажется, что и богатые мѣстные мусульмане не отказались-бы отъ добродѣтельныхъ пожертвованій на такое дѣло.

Крайняя правая (юго-восточная) оконечность города составляетъ «морское царство», гдѣ прежде, когда на Каспій существовала еще военная флотилія, помѣщался ея штабъ, пор-

товое управление, магазины, арсеналъ и морскія казармы. Это совершенно особый городокъ, гдѣ въ чистенькихъ домикахъ и до сихъ поръ живутъ отставные моряки, морскія семьи и кое-кто изъ служащихъ по морскому вѣдству. Казармы стоятъ на высотѣ Бакова мыса, составляя собою самый возвышенный и потому самый санитарный пунктъ Баку. Нынѣ тамъ, вмѣсто моряковъ, расположены мѣстный батальонъ, а морская команда помѣщается въ одномъ изъ флигелей; больше для нея и не требуется, такъ какъ и вся-то Каспійская флотилія состоитъ нынѣ изъ двухъ-трехъ старенькихъ пароходовъ, мирно оканчивающихъ свой вѣкъ на якорѣ въ Бакинскій бухтѣ. Рядомъ съ казармами, въ той-же Морской слободѣ красуется бывшая морская, нынѣ военная, пятиглавая церковь, русско-византійскаго стили, самая красивая изъ бакинскихъ (весьма немногихъ) церквей, носящихъ типъ армяно-грузинской архитектуры. Между Морскою слободой и городомъ, на возвышенномъ уступѣ горы, находится старое кладбище—мусульманское, рядомъ съ нимъ христіанское, гдѣ еще издали обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько красивыхъ каменныхъ мавзолеевъ. Теперь тамъ не хоронятъ болѣе, такъ какъ эта мѣстность уже вошла въ городскую черту, и современемъ, по всей вѣроятности, займется новыми постройками, которая свяжутъ городъ съ Морскою слободой непрерывною цѣпью строеній; новое же кладбище стеснено на самую вершину той же горы. Вообще Баку охорашивается и растетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ, и новыя городскія постройки почти всѣ безъ исключенія носятъ солидно-капитальный характеръ. Есть нѣсколько даже красиво орнаментованныхъ зданій, а современемъ будетъ и еще больше. Баку—городъ съ несомнѣнно богатой будущностью и есть всѣ основанія думать, что лѣтъ чрезъ пятнадцать, двадцать это будетъ Одесса Каспійскаго моря. Въ немъ уже теперь считается свыше 45.000 жителей. Бухта Бакинская, какъ по величинѣ, такъ и по качествамъ грунта, является не только лучшею, но, можно сказать, единственною бухтой на Каспій, а портъ, по количеству морского отпуски и привоза, уже и теперь считается въ числѣ первыхъ портовъ имперіи. Относительно торговли и городского роста развивается Баку чисто по-американски; въ характерѣ же города, въ его наружномъ видѣ (особенно если глядѣть съ моря), въ этихъ плоскокрышнихъ бѣлыхъ домахъ съ верандами, въ этихъ древнихъ башняхъ, куполахъ и стѣнахъ, въ этомъ изшешномъ разителности, безжизненно-голомъ сплудѣ окружающихъ его горъ съ опаленною солнцемъ буро-желтою плоскостью Апшерона и, наконецъ, въ этомъ синемъ морѣ есть что-то африканское. Таково по крайней мѣрѣ мое впечатлѣніе. Да и по климату это тоже въ

нѣкоторомъ родѣ Африка. Среднее количество водяныхъ осадковъ въ Баку равняется всего лишь 234 миллиметрамъ въ годъ; меньше этого на одинъ миллиметръ получаетъ на Кавказѣ одинъ только Елисаветполь (233); но чтобы нагляднѣе представить себѣ бакинскую сушь, достаточно сопоставить съ Баку соседнюю ему Ленкорань, которая лежитъ всего на полтора градуса южнѣе. Въ Ленкорани среднее количество водяныхъ осадковъ составляетъ 1.312 миллиметровъ въ годъ, то-есть въ 5,7 раза болѣе, такъ что, по количеству влаги, Ленкорань, послѣ Сочи и Поти, занимаетъ третье мѣсто на Кавказскомъ перешейкѣ. Зной въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ іюлѣ, не рѣдко доходитъ въ Баку до 45—50° Реомюра; судите же сами что это за пекло! Кроме того, въ довершеніе сходства съ Африканскимъ побережьемъ Средиземнаго моря, здѣсь есть два ужасные вѣтра: юго-западный и сѣверный, или, по-мѣстному, «ворды». Первый, дующій изъ Муганской степи, удрушающе зноитъ, какъ сирокко, до такой степени, что когда онъ начинается дуть, то листья на деревьяхъ единственнаго Бакинскаго сада свертываются въ трубку и засыхаютъ, словно огнемъ опаленные. Въ это время всѣ окна и балконы наглухо заперты, потому что комнатная температура сплоснѣ наружной. Второй же вѣтеръ, хотя и охлаждаетъ на время воздухъ, но приноситъ съ собою съ Апшерона такую массу песка и пыли, что несчастные бакинцы во время настоящаго «ворда» не смѣютъ и носа показать на улицу, и опять имъ приходится поневолѣ сидѣть закупорившись, потому что иначе въ комнаты набивается масса ужасной солопачковой и известковой пыли, отъ которой потомъ не знаешь какъ и избавиться. Пыль эта во время «ворда» застилаетъ солнечный свѣтъ и тучами носится по улицамъ, засыпая тротуары, подоконники, подъѣзды и глаза прохожимъ; тысячи рваныхъ бумажекъ, трипокъ и разной дряни вереницами кружатся и летаютъ изъ улицы въ улицу по всему городу; вся вертлявая гарь и копотъ съ дымомъ съ Балахановъ тоже всецѣло наносится на городъ, а сила ударовъ вѣтра такова, что не только валить съ ногъ прохожихъ и рветъ вывески, но нерѣдко опрокидываетъ и извозничьи парные фаетоны. Вѣтеръ этотъ столь характеристиченъ, что самое названіе Баку, или Бакуіе, производятъ отъ персидскаго слова *бэджуе*, что значить *ударъ вѣтра*. Таковы-то прелести бакинской жизни.

Первый изъ русскихъ, посѣтившій Баку, былъ извѣстный путешественникъ XV столѣтія, тверской купецъ Аванасій Никитинъ, который въ 1470 году проѣхалъ по Волгѣ въ Астрахань, а оттуда, чрезъ Дербентъ и Баку, пробрался въ Индію, на Малабарскій берегъ. Этотъ почтенный человекъ и принесъ въ Мос-

жву первыя свѣдѣнія о Баку на «Хвалынскомъ» морѣ. Время основанія города неизвѣстно, но восходитъ къ очень отдаленнымъ временамъ, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ династїи Сассанидовъ, возстановившихъ въ Персіи религію Зороастра, которые поэтому не могли, конечно, не обратить вниманія на сураханскіе «вѣчные огни». Полагаютъ, что городъ Багаванъ, нерѣдко упоминаемый армянскими посателями сассанидской эпохи, и-есть именво Баку; названіе же Багавана производятъ отъ армянскаго слова *багнъ* — капище, жертвенникъ ¹⁾. Подъ настоящимъ своимъ именемъ городъ впервые упоминается у арабскихъ историковъ и географовъ. Русскіе до XVII вѣка знали о немъ/лишь по наслышкѣ, но есть преданіе, что въ Баку, или по крайней мѣрѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ, побывалъ Стенька Разинъ. Когда я былъ потомъ въ районѣ малаканскихъ поселеній на Муганской степи, мнѣ указывали остатки древняго земляного укрѣпленія, съ высокими валами, которое у мѣстнаго населенія сохраняло названіе Стенькина городища и Стенькина кургана; стало-быть, нѣтъ ничего мудренаго, что во время своихъ «гуляній» по морю Хвалынскому я набѣговъ на персидскія владѣнія, знаменитый атаманъ низовой вольницы побывалъ и въ мѣстахъ бакинскихъ. Въ ближайшей эпохи, до русскаго владычества, городъ принадлежалъ ханамъ бакинскимъ, владѣвшимъ всею территоріей нынѣшняго Бакинскаго уѣзда. Русскіе впервые подступили къ Баку въ 1723 году, во время первой нашей Персидской войны, когда генералъ-майоръ Матюшкинъ, прибывшій съ эскадрой, взялъ городъ послѣ четырехдневной бомбардировки. Баку съ Дербентомъ были уступлены Россіи въ вѣчное подданство по трактату 12 сентября 1723 года, и съ тѣхъ поръ, непрерывно, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, городами этими управляли русскіе коменданты, пока такіе радѣтели Россіи, какъ Биронъ, Минихъ и Остерманъ, въ совѣтѣ императрицы Анны Іоанновны, не порѣшили возвратитъ Баку Надиръ-шаху со всѣми завоеванными у Персіи западными и южными прикаспійскими провинціями, находя ихъ невужными для Россіи. Такимъ образомъ, благодаря близорукости этихъ нѣмцевъ, заветная мечта Петра Великаго объ обладаніи Каспіемъ и путемъ въ богатую Индію была отодвинута на 78 лѣтъ, да и въ настоящее время мы не владѣемъ полностью тѣмъ, что было имъ приобретено и сохранено для своихъ преемниковъ ²⁾. Въ 1795 году Баку снова достался въ руки Россіи, и графъ Валеріанъ Зубовъ уже приступилъ было къ укрѣпленію его по способамъ тогдашней фортификаціи, какъ вдругъ внезапная кончина

императрицы Екатерины лишила его возможности осуществить окончательное присоединеніе къ Россіи Дербентской и Бакинской провинцій. Императоръ Павелъ повелѣлъ немедленно же бросить все, прекратить военныя дѣйствія и возвратитъ войска на Кавказскую ливію. Бакинскій ханъ, уже присягнувшій намъ на подданство, по удаленіи русскихъ войскъ, опять сталъ сноситься съ Персіей, грабить русскихъ купцовъ, захватывать въ плѣнъ и продавать въ рабство нашихъ подданныхъ. Всѣ эти вѣроломныя дѣйствія Гуссейнъ-Кули-хана заставили наконецъ главноначальствовавшаго на Кавказѣ князя Циціанова въ 1806 году подступитъ къ Баку съ отрядомъ войскъ и потребовать отъ хана покорности и сдачи города. Гуссейнъ-Кули-ханъ объявлялъ, что сдается на волю главнокомандующаго и назначилъ сдачу на 8 февраля. Въ означенный день онъ выѣхалъ изъ крѣпости съ небольшою свитой, приблизился къ выѣхавшему на встрѣчу впереди позидіи князю Циціанову, почтительно вручилъ ему ключи города и пригласилъ присѣсть рядомъ съ собою на разостланный коверъ. Въ то время, когда ханъ, по персидскому обычаю, передавалъ ему чубукъ чилима (персидскій кальянъ), нѣкто Ибрагимъ-бекъ, изъ числа ханскихъ приближенныхъ, заранѣе условившись съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ, выстрѣлилъ изъ пистолета въ затылокъ князю Циціанову. Вслѣдъ за этимъ изъ крѣпости внезапно былъ открытъ сильнѣйшій огонь по нашему отряду, не ожидавшему ничего подобнаго. Въ замѣшательствѣ, по случаю неожиданной смерти главнокомандующаго, частныя начальники отступили отъ крѣпости, не выручивъ даже его тѣла. Торжество столь легко доставшуюся «побѣду», Гуссейнъ-Кули-ханъ отрѣзалъ мертвому князю голову и отправилъ ее въ Тавризъ, гдѣ по этому случаю была великая радость и иллюминація. Но предательская смерть Циціанова не осталась безъ отмщенья. Осенью 1806 года отрядъ генерала Булгакова двинулся изъ Дербента къ Баку для наказанія Гуссейнъ-Кули-хана, который, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ бѣжать въ Персію, и городъ сдался русскимъ на милость, безъ выстрѣла, 3-го октября того же года. Бакинское ханство было тогда же уничтожено и присоединено къ Россіи, а на мѣстѣ убійства князя Циціанова поставленъ ему памятникъ, въ видѣ каменнаго обелиска на возвышенномъ поколѣ, который и доселѣ украшаетъ въ Баку Циціановскую площадь. Тѣло князя Циціанова было впоследствии перенесено въ Тифлисъ и похоронено въ Сіонскомъ соборѣ. Персія признала окончательное, на вѣчныя времена, присоединеніе къ Россіи города Баку съ его ханствомъ, по Гюлистанскому мирному договору, 12 октября 1813 года. По тому же договору достались Россіи ханства: Карабахское, Ше-

¹⁾ Вейденбаумъ, 342.

²⁾ Таковы, напримѣръ, южно-каспійскія персидскія провинціи Гиланъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

кляское, Ширванское, Дербентское, Кубинское и Талышинское, ханство же Гандявское было завоевано еще при Цидановѣ, и договоръ только подтвердилъ присоединеніе его къ Россіи.

Но довольно «исторія»,—перейдемъ къ картинкамъ общественной жизни и нравовъ. Я прожилъ въ Баку пять сутокъ, и въ теченіе всего этого времени городъ находился въ страшной ажитации. Не было того армянина и того татарина, которые не принимали бы въ предметъ этой ажитации самаго живѣйшаго участія, да и русскіе отъ нихъ не отставали, съ той только разницей, что относились къ вопросу гораздо спокойнѣе своихъ азіатскихъ согражданъ. Это даже удивительное дѣло, какъ подумаешь, что могло взволновать до такой степени весь этотъ коммерчески-практическій, полный самыхъ реальныхъ интересовъ и расчетливый городъ, что онъ вдругъ сбросилъ съ себя все свое обычное, дѣловое и нѣсколько даже апатическое спокойствіе, забылъ свою нефть, свои торгово-промышленныя сдѣлки, свою биржу съ ея курсами и цѣнами на бакинскіе нефтяные продукты, — словомъ, забылъ все, и все принесъ въ жертву главной «злобѣ дня», кромѣ которой нѣтъ у него теперь никакихъ иныхъ интересовъ. Баку въ волненіи, Баку раздѣлился «самъ на сѣ», на двѣ чуть не смертельно-враждебныя партіи, и ни о чемъ больше не толкуетъ, какъ о Грданели и Алтыкѣ. Эти два имени рѣшительно у всѣхъ на устахъ, и ваше ухо невольно подхватываетъ ихъ (потому что разгориченные азіаты тихо не говорятъ), гдѣ бы вы ни находились: на улицѣ, на базарѣ, въ клубѣ, въ саду, въ дѣловой конторѣ—ну, словомъ, повсюду. Кто же эти Грданели и Алтыкъ и изъ-за чего весь сыр-боръ загорѣлся?

Началось съ того, что въ одномъ изъ вумеровъ мѣстной газеты «Каспій» появилась маленькая замѣтка, возмущавшая, что 17 іюня имѣетъ быть въ циркѣ Фюррера, въ пользу Ашшеронской спасательной станицы, представленіе, въ коемъ примутъ участіе извѣстные борцы, Грданели и Алтыкъ-Айлы. Первый изъ нихъ армянинъ, второй татаринъ-шіитъ. Все бакинское населеніе облюбовавшихъ этихъ національностей (ко второй отнесли себя и персіяне, какъ шииты) тотчасъ же откликнулось на этотъ анонсъ, уяснивъ его себѣ въ смыслѣ вызова на публичное состязаніе двухъ національных элементовъ. Съ той и другой стороны оказалось задѣтымъ національное самолюбіе и—понимаю писать губернія, то-есть если и не губернія, то всѣ мѣстные газеты, съ энтузіазмомъ отдавшіяся вопросу объ Алтыкѣ и Грданели. И съ какими необычайнымъ пафосомъ предавались онѣ словообильнымъ и яркимъ описаніямъ этихъ борцовъ и ихъ единоборства, точно бы въ немъ заключалось нѣкое великое мировое событіе! Возникла цѣлая мѣстная литература

объ Алтыкѣ и Грданели, цѣлая полемпка, и не знаю, чѣмъ все это кончилось послѣ моего отъѣзда, да и кончилось ли. Знаю только, что при мнѣ ни одному изъ борцовъ невозможно было появиться на улицѣ безъ сопровожденія полицейскихъ, потому что его тотчасъ же окружала, словно изъ-подъ земли выроставшая, толпа враговъ и поклонниковъ, готовая тутъ же на уличную свалку; толпа стояла предъ подъѣздами гостиницъ, гдѣ проживали борцы, бѣжала съ воплями и крикомъ за нихъ фаетонами и врывалась вслѣдъ за ними въ магазины, если тѣ заходили туда сдѣлать себѣ какія-нибудь покупки. Когда наступилъ день представленія, тысячныя толпы мусульманъ и армянъ наполнили площадь и плотной стѣной окружили циркъ, въ который, несмотря на раскрытые настежь входы, невозможно было пробраться. Отчаянные звуки ужасной музыки, съ гурнами и бубнами, оглашали площадь; толпа гудѣла и страстно жестикулировала, размахивая руками. Далѣе займемъ краски и образы у мѣстныхъ бытописателей. По ихъ справедливому замѣчанію, трудно представить себѣ мучительныя тревоженія, охватившія въ эти дни все бакинское населеніе, а въ особенности въ день представленія. Электрическимъ токомъ охватила всѣ ближайшія уѣзды губерніи вѣсть о появленіи «несокрушимаго» Грданели въ мусульманской средѣ съ предложеніемъ вызова на единоборство первымъ силачемъ Персіи и татарства, и все это хлынуло въ Баку, чтобы быть свидѣтелями борьбы. Народныя азіатскія страсти разгорѣлись до «ужасныхъ» размѣровъ. Лѣнивый, флегматичный на видъ бакинецъ, до невозможности скупой, моментально превратился «въ пожирающій его ужасный огонь» — огонь, искривляющій его челюсти, заставляющій его оставаться неподвижно, съ распростертыми на воздухъ руками, съ глазами, устремленными въ одну точку. Эта точка—борцы, полные отчаянно напряженныхъ усилій въ моментъ, когда одинъ изъ нихъ падаетъ подъ своего противника. Грданели схватилъ Алтыка за ногу, а тотъ, стоя на одной ногѣ, умудрился такъ сдавить «несокрушимаго» армянина, что поставилъ его на четвереньки. «Страшные вопли» несутся снаружи, изъ-за стѣнъ цирка, это откликъ толпы, наполняющей площадь! Въ циркѣ тоже вопли и невообразимый хаосъ. Грданели въ рукахъ Алтыка. Послѣдній, пользуясь моментомъ, схватываетъ противника, ставитъ его на голову—и тотъ подъ натискомъ «ужаснаго» Алтыка падаетъ на спину.. Мѣстные бытописатели отказываются воспроизводить картину этого момента. Съ нѣкоторыми женщинами дѣлается дурно, дѣло доходитъ до обмороковъ; дѣти ощущаютъ страхъ и начинаютъ реветъ; это уже не гвалтъ, не крики торжествующей толпы,—это вой. «Безконечный вой

бури». На арену летят шапки, деньги... Точно мячики подсакаивают очутившиеся на арене зрители. Полицейские тараются въ массы татарских шапокъ, полицеймейстеръ и другіе хватаютъ Алтыка и убѣждаютъ его уйти съ арены. Грданели уже ушелъ... Народъ окружаетъ полицеймейстера и умоляетъ оставить Алтыка.—Алтыкъ! Алтыкъ! раздаются вокругъ крики. Музыка жаритъ лезгинку—и подъ ея звуки Алтыкъ-побѣдителя, окруженный именитыми беками и богатыми мусульманами, въ знакъ своего торжества, танцуетъ подъ надзоромъ полиціи лезгинку. Персіяне собираютъ ему кучи кредитокъ: бѣдѣвшіе мусульмане жертвуютъ Алтыку 3, 5, 10 рублей. Толпа поджидаетъ его на площади, а въ то же время огромная партія мѣстныхъ армянъ, для которой Грданели—предметъ народной гордости, закладываетъ тутъ же пари въ десять тысячъ рублей за своего любимца. Мусульмане, со своей стороны, предлагаютъ сколько хочешь за Алтыка. Начинаясь горячіе споры; многие доказываютъ, что борьба была неправильная, что подавляющая количествомъ масса мусульманъ угрожала Грданели убійствомъ, если только онъ и на этотъ разъ побѣдитъ ихъ борца; множество зрителей пришли вооруженными съ головы до ногъ, да еще съ камнями за паузой, чтобы побить ими Грданели,—такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ и клянутся армяне. Толпа на площади тоже была вооружена, и полиція справедливо опасалась кроваваго столкновѣнія между двумя азиатскими элементами. Представленіе кончилось, но сотни фазтоновъ съ ликующими туземцами долго еще колесили по Баку и долго продолжалась на улицахъ и въ духанахъ ночная оргія въ честь «героя», съ дикими воплями, пѣснями, визгомъ зурны, гудѣніемъ бубновъ и бѣшеной лезгинкой. Вслѣдъ за тѣмъ возникла газетная полемика между Грданелистами и Алтыкистами. Посыпались заявленія и опроверженія «въ интересахъ правды и справедливости», тонкіе разборы всѣхъ условій борьбы, для рѣшенія «деликатнаго» вопроса, точно ли былъ побѣжденъ Грданели, и если побѣжденъ, то по правиламъ ли искусства: Алтыку предлагалось, если только онъ «настолько еще сохранилъ въ себѣ рыцарство», высказать «путемъ печати», что онъ не считаетъ себя побѣдителемъ Грданели, который во всякомъ случаѣ не считаетъ-де себя побѣжденнымъ и вызываетъ Алтыка на вторичную борьбу, гдѣ и когда ему угодно, подъ обезпеченіемъ двухъ тысячъ рублей въ пользу побѣдителя; фельетонисты печатно заявляли, что по городу, «да и повсюду» (?) разнеслась «ужасная вѣсть», которую подтверждаетъ-де и Грданели, что рубаха Алтыка была намазана мыломъ, и потому-де руки Грданели только скользили по противнику и онъ не могъ за него ухватиться. Это «ужасное» мыло рубахи

Алтыка стало предметомъ всеобщихъ разговоровъ и споровъ въ клубѣ, въ конторахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, на базарахъ,—всѣ интересы, вся торговля, промышленность, служба, словомъ, все отодвинулось на задній планъ предъ этою «ужасной» вѣстью, предъ этимъ роковымъ мыломъ. Одни настаиваютъ: было мыло! Другіе горячо отрицаютъ: не было мыла!—Было!—Нѣтъ, не было!.. Было, чортъ возьми!!—Не было!!!—Маря?—Идетъ! Сколько тысячъ?.. Но пока до тысячъ, спорщики уже готовы зубами въцѣпиться другъ въ друга, и добрые пріятеля благоразумно стараются поскорѣ какъ-нибудь развести ихъ до драки. Представители обѣихъ туземныхъ партій обратились къ начальству съ просьбой разрѣшить всенародное повтореніе борьбы уже не въ циркѣ, а на площади, ради «возстановленія поправной справедливости» и рѣшенія вопроса о мылѣ, но полицейская власть, имѣя въ виду возможность кроваваго столкновѣнія между толпой, на сей разъ благоразумно воздержалась отъ разрѣшенія.

Послѣ Алтыка и Грданели первое мѣсто въ числѣ общественныхъ вопросовъ Баку занимаетъ теперь вопросъ о преобразованіи общественнаго собранія или, въ крайнемъ случаѣ, о выдѣленіи изъ него части членовъ въ новый, самостоятельный клубъ, доступъ въ который производился бы съ болѣе тщательнымъ и осторожнымъ выборомъ. Въ нынѣшнемъ «собраніи», какъ увѣряютъ меня, крупные скандалы и зашуганія между членами-азиатами стали совершенно обычнымъ, зауряднымъ явленіемъ. Бываютъ столкновѣнія и между азиатскими и русскими элементами клуба, происходя большаю частью изъ-за лезгинки. Дѣло въ томъ, что азиаты такъ любятъ этотъ кавказскій танецъ, что вводятъ въ клубъ, во время танцевальныхъ вечеровъ, свою азиатскую музыку, самовольно прерываютъ европейскіе танцы, нарушаютъ ихъ установленный порядокъ и, вопреки всѣмъ представленіямъ старшинъ и европейской публики, пускаютъ въ плясъ своихъ «гармынскихъ барышень» и молодцовъ въ черескахъ, а сами приходить при этомъ въ такой неистовый восторгъ, что предаются звѣриному рычанію и визжать отъ страсти, какъ влюбленные коты или поросята. Но это куда бы еще ни шло! Какъ явленіе мѣстнаго колорита, оно даже интересно и занимательно для свѣжаго здѣсь чело-вѣка. Пускай бы веселились себѣ азиатскіе члены въ специально назначенные для сего часы клубныхъ танцевальныхъ вечеровъ, ибо если въ Баку имѣетъ мѣсто между танцами кадрили, то почему бы не дать его и для лезгинки, разъ что значительная часть членовъ клуба хочетъ этого. Но тутъ дѣло не въ одномъ только произвольномъ нарушеніи программы танцевъ, это лишь оди-нъ изъ поводовъ къ

ропоту европейской половины членовъ. Есть еще поводы гораздо крупнѣе. Мѣстная печать даетъ намъ на этотъ счетъ довольно вѣсскія объясненія. Достигнувъ въ численномъ отношеніи значительнаго преуспѣянія, считая въ составъ своемъ 300 членовъ и почти столько же кандидатовъ, Бакинское общественное собраніе въ качественномъ отношеніи отличается, по выраженію этой печати, замѣчательною *разношерстностью* входящихъ въ составъ его элементовъ. Космополитическій характеръ населенія Баку отразился и на составѣ общественнаго «собранія», а при многочисленности его членовъ, съ теченіемъ времени въ немъ водворились и люди далеко нежелательные, даже невозможные. По словамъ мѣстной печати, тутъ, съ одной стороны, стоятъ лица высокаго общественнаго положенія, высокаго ума и образованія, имѣющія право на общее уваженіе, представители разныхъ вѣдомствъ и профессій, капиталисты и люди труда и знаній, съ другой же — господа, лишь случайно ускользнувшіе изъ объятій тюрьмы или несомнѣнные въ нее кандидаты, разные духанщики, факторы, отставные денщики и цирюльники, вообще, люди пользующіеся репутацией подозрительныхъ, стремящіеся перенести въ залы общественнаго собранія привычки и обычаи, свойственные кабаку — и вы, вступая подъ гостеприимный кровъ бакинскаго клуба, рискуете, по незнанію, свести знакомство съ человекомъ, заклеяннымъ общественнымъ презрѣніемъ, прославившимся на поприщѣ жульничества, стяжавшимъ себѣ репутацию злостнаго банкрота, или вдругъ попадаете на представителей такой армяно-татарской «золотой молодежи», которые оказываютъ явные покровительствы продвигать съ вами или надъ вами самые скотскіе эксперименты. Понятно, что люди порядочные въ правѣ искать выхода изъ такого положенія; но какъ изъ него выйдешь? Не посѣщать болѣе клубъ (что и дѣлается нѣкоторыми)? Но вѣтъ клуба, дѣломъ, въ Баку рѣшительно некуда дѣваться: это, какъ я уже говорилъ, единственное мѣсто, гдѣ можно по вечерамъ дышать сколько-нибудь свѣжимъ воздухомъ. Закрывать «собраніе» и ликвидировать его дѣла, съ тѣмъ, чтобы потомъ образовать другой клубъ, вѣтъ негодныхъ элементовъ? — Но вотъ тутъ-то и камень преткновенія. По уставу, для закрытія «собранія» необходимо согласіе большинства, то есть двухъ третей членовъ, а это большинство принадлежитъ именно тому «разношерстному» элементу, забывшись отъ котораго было бы такъ пріятно нравственно-чистоплотнымъ членамъ. И выходитъ, что противъ «разношерстныхъ» ничего не подѣлаешь; они тутъ — сила, съ которою приходится не только считаться, но и уступать ей. А въ сущности, кто же виноватъ въ этомъ, какъ не сами же русскіе

члены и русская халатная распушенность, которая, во имя «слиянія общества» и либеральнаго принципа демократической равноправности, стала валить къ себѣ вохвъ въ одну кучу и теперь сама же на это плачется. У англичанъ, въ ихъ колониальные клубы, не бойсь, не попадетъ ни одинъ изъ туземцевъ, и они это доводятъ даже до такой излишней щепетильности, что не допускаютъ въ свою среду людей хотя бы вполнѣ достойныхъ, честныхъ, образованныхъ; но разъ это туземецъ, — конечно: двери англійскаго клуба для него закрыты. Отъ этого англичанъ, пожалуй, не любятъ, даже ненавидятъ, но зато безусловно уважаютъ. А мы являемся и лѣземъ цѣловаться со всякимъ кербалайяникомъ и удивляемся потомъ, если онъ оказывается свиньей.

Изъ остальныхъ бакинскихъ достопримѣчательностей, показывали мнѣ «Баилковы камни» и «морскіе огни». Чтобы продвигать эксперименты надъ послѣдними, мы отправились подъ вечеръ на паровомъ катерѣ къ Баилкову мысу. Путь лежитъ почти мимо Баилковыхъ камней, которые у туземцевъ называются подводными остатками легендарнаго города Баила или Сабайла. Верстахъ въ двухъ отъ города, по направленію къ югу, торчатъ изъ-подъ воды фута на два, на три остатки какого-то каменнаго продолговатаго строенія, фланкированнаго по угламъ четырьмя круглыми башнями; короткія стороны этого параллелограмма обращены къ сѣверу и югу; глубина внутри стѣнъ достигаетъ до шести футовъ, а снаружи около 11 футовъ. Сложено это зданіе изъ хорошо цементованнаго ракушника (мѣстный известнякъ морскаго образованія) и, несмотря на свое многовѣковое пребываніе подъ водой, до сихъ поръ еще отлично сохраняется. Отъ берега до него будетъ сажень 300. Въ началѣ 60-хъ годовъ изъ этого зданія было добыто нѣсколько камней, на которыхъ оказались высѣченныя арабскія буквы. Это дало возможность установить приблизительно время постройки зданія, принадлежащаго во всякомъ случаѣ уже мусульманской эпохѣ. Ориенталистъ Ханыковъ полагаетъ, что оно относится къ XII или XIII столѣтію, а академикъ Дорнъ, разсматривая вопросъ, какое могло бы быть его значеніе, останавливается на наиболѣе вѣроятномъ предположеніи, что это былъ пригородный караванъ-сарай, лежавшій на прибрежной дорогѣ изъ Баку въ Сальяны. Существованіе этихъ развалинъ подъ водой служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, что западные берега Каспійскаго моря подвержены періодическимъ колебаніямъ, въ смыслѣ поднятія и опусканія почвы. Мѣстные преданія говорятъ, что нѣкогда море доходило вплоть до крѣпостныхъ стѣнъ и омывало подножіе «Дѣвичьей башни», а теперь оно отступило отъ этого мѣста сажень на пятьдесятъ, такъ что башня

стоитъ уже на нѣкоторой возвышенности; стало быть, тутъ произошло поднятіе, а двѣ версты южнѣе—опущеніе берега, вслѣдствіе котораго и были поглощены моремъ «Байловы камни». Подобныя геологическія явленія на западномъ берегу Каспія наблюдались еще въ недавнее время. Приписываютъ ихъ все той же вулканической дѣятельности, которая проявляется грязевыми вулканами (сальсами) не только на Апшеронскомъ полуостровѣ, но и подъ водой. У г. Вейденбаума нахожу и по этому поводу очень интересное сообщеніе объ образованіи близъ устья Куры острова *Кумани*. До 1861 года островъ этотъ представлялъ собою подводную банку, но въ маѣ упомянутого года отмель поднялась надъ поверхностью моря въ видѣ купола; произошелъ разрывъ почвы, и извергнутыя изнутри ея рыхлыя массы трахито-порфиrowой породы образовали островъ. Въ ноябрѣ того же года онъ былъ смытъ морскимъ прибоемъ, а въ 1863 году на его мѣстѣ оказалась уже глубина въ 12—13 футовъ.

Точно также и въ ближайшихъ окрестностяхъ Баку продолжается подъ водой непрерывная вулканическая дѣятельность, которая въ особенности обнаруживаетъ себя за Байловымъ мысомъ, гдѣ находятся подводные выходы горючихъ угле-водородныхъ газовъ. Въ этихъ мѣстахъ образуются какъ бы водовороты, въ коихъ вода безпрестанно кипитъ, бурлитъ и пѣнится. Когда мы подплыли къ нимъ, было уже совсѣмъ темно, на небѣ установилась ясная, но безлунная ночь, такъ что опредѣлить мѣсто нахожденія горючихъ ключей только и можно было по хлопочущему шуму воды, да по тому еще, что вода на мѣстѣ водоворотовъ слегка проявляла слабое фосфорическое свѣченіе. Мы зажгли и бросили въ водоворотъ кусокъ пакли, смоченной керосиномъ—и вода моментально вспыхнула большимъ яркимъ пламенемъ, трепещущіе языки котораго игриво стали перебѣгать съ мѣста на мѣсто, захватывая въ область огня все большее и большее пространство по окружности. Одни языки вспыхивали съ новою силой, другіе временно ослабѣвали и гасли, но черезъ мгновеніе опять заискривались. Мы давно уже отплыли назадъ и были въ виду городской пристани, а зажженные нами «широкіе огни» все еще продолжали горѣть и все такъ же широко и ярко.

Въ заключеніе одна маленькая картинка. Видъ съ рейда на городъ ночью представляетъ очень красивое зрѣлище. Вся эта обширная полукруглая бухта опоясывается множествомъ огоньковъ, которые, въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ центръ города, представляютъ собою многоярусный амфитеатръ, въ коемъ скрещиваются горизонтальныя линіи огней набережной съ вертикальными линіями ведущихъ къ

ней улицъ; у городского же сада, равно какъ и въ самомъ саду, эти огни горятъ цѣлыми букетами и образуютъ собою разноцвѣтную яркую иллюминацію. Отъ центра въ обѣ стороны амфитеатръ огней начинаетъ постепенно понижаться и далѣе уже тянется только одною полойкой мигающихъ звѣздочекъ. Въ общемъ, эта картина чрезвычайно живо напомнила мнѣ картину Неаполитанскаго залива ночью; тотъ же самый безконечный поясъ огней, охватывающій вѣсь широкій полукругомъ; недостаетъ только Везувія, но для смѣлаго воображенія туриста его до извѣстной степени могутъ замѣнить вспышки темно-краснаго пламени на невяднхъ ночью высокихъ дымоводахъ Балахановъ и «Чернаго города».

V.

Муганская степь.

Срочный почтовый пароходъ изъ Баку въ Ленкорань, Астарту и далѣе, къ персидскимъ берегамъ, ходитъ всего одинъ разъ въ недѣлю; частные же пароходы не имѣютъ опредѣленнаго времени для отхода и отправляются въ зависимости отъ полученія груза. Мнѣ некогда было дожидаться срочнаго парохода, а изъ частныхъ ни одинъ не отправлялся, и потому волей-неволей пришлось ѣхать въ Ленкорань по сухопутью. Для этого надо было доѣхать до станціи Аджи-Кабулъ по желѣзной дорогѣ, далѣе же, до Сальянъ, въ вольнонаемномъ фаэтонѣ и отъ Сальянъ до Ленкорани на почтовыхъ. Расстояніе отъ Баку до Аджи-Кабула 118 и отъ Аджи-Кабула до Ленкорани 175½ перстѣ. Выѣхалъ я изъ Баку 23 іюня и въ тотъ же день къ вечеру былъ на Аджи-Кабулѣ. Отъ этой станціи до Сальянъ почтовый трактъ, содержимый какими-то армянами, съ которыми впрочемъ не совѣтуютъ безъ послѣдней крайности имѣть дѣло, если не желаете получать преднамѣренныя грубости со стороны писарей и служить предметомъ противозаконныхъ продѣлокъ и плутней почтодержателей,—плутней, остающихся почему-то всегда безнаказанными, несмотря на записи проѣзжающихъ въ станціонныхъ жалобныхъ книгахъ. Поэтому я съ моимъ спутникомъ, полковникомъ В., предпочли ѣхать 60 перстѣ «на вольныхъ» и порядили за шесть рублей «обратнаго» фаэтонщика Ибрагима, доставившаго изъ Сальянъ на Аджи-Кабулъ какихъ-то пассажировъ. Выѣхали мы въ сумерки, и когда добрались чрезъ полчаса до каменнаго караванъ-сарая на берегу Аджи-Кабульскаго озера, то уже совсѣмъ стемнѣло. Путь пересѣкаетъ Аджи-Кабульскія возвышенности, лавируя между буграми, спускается по косогору въ оврагъ, переходитъ тамъ по мосту къ противоположа-

пнмъ холмамъ и, наконецъ, миновать эти небольшія, но впотъмахъ не безопасныя препятствія, выходить на вольный и ровный просторъ Куринской степи. Къ Сальянамъ прибыли мы около четырехъ часовъ утра, на разсвѣтѣ. Здѣсь надо перебираться съ лѣваго берега Куры на правый. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ полукруглое колѣно, при началѣ котораго расположена большая рыбная ватага, а нѣсколько раньше этого проѣхали мы вдоль большого татарскаго кочевья, врѣзавшіеся впотъмахъ въ загородившее дорогу громадное стадо верблюдовъ, тихо рычащихъ и прыскавшихъ въ насъ, отъ неудовольствія за безпокойство, своею воиючею слюной. На лѣвомъ берегу, противъ Сальявъ, по хордѣ дуги, отъ берега до берега, насыпанъ большой валъ, служившій когда-то для обороны отъ набѣговъ степныхъ хищниковъ, а нынѣ исполняющій обязанности предохранительной плотины отъ разливовъ. Точнѣе же за этимъ валомъ находится нѣсколько казенныхъ одно-этажныхъ зданій казарменнаго характера, гдѣ расположены роты мѣстной команды, а за казармами выглядываютъ изъ фруктовыхъ и тополевыхъ садовъ нѣсколько домиковъ съ верандами и вышками, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. Впереди горѣли два фонаря, обозначая мѣсто паромной переправы, и къ этимъ-то путеводнымъ маякамъ мы теперь и направились. Паромъ оказался на той сторонѣ, въ городѣ. Разбудили дежурнаго паромщика, мирно спавшаго-себѣ въ софѣднемъ духанѣ, чтобы онъ покликалъ намъ паромъ; но съ того берега дали знать крикомъ, что паромъ ожидаетъ почту, и ранѣе чѣмъ не переправить ее, не можетъ быть къ нашимъ услугамъ. Приходилось ждать, а это было въ высшей степени неприятно, потому что здѣсь царство невообразимо назойливой комариной силы. Въ воздухѣ стояли пѣлмы тучи комаровъ, и своеобразное ихъ пѣніе раздавалось такъ, какъ словно бы тутъ кипѣла пѣлая дюжина шипящихъ самоваровъ. Они лѣзали въ ротъ, чуть откроешь его сказать слово, набивались въ нозь и въ уши, облѣпляли глаза, и не прошло минуты, какъ уже все лицо, затылокъ, шея и руки были у насъ покрыты зудящими волдырями. Закурил папирсы, но и табачный дымъ не помогалъ противъ этихъ несносныхъ мучителей. Но вотъ, на наше счастье, Ибрагимъ съ паромщикомомъ успѣли-таки выкричать съ того берега лодку,—родъ плоскодонной двуносой дусегубки (безъ кормы), сколоченной изъ досокъ и называемой по мѣстному *куласомъ*. Илесто-мутная Кура, только-что совершивъ дугообразный заворотъ, отличается въ этомъ мѣстѣ такою стремительностью, что куласъ мчался внизъ по теченію какъ стрѣла и, несмотря на довольно значительную ширину рѣки, былъ вынесенъ къ нашему берегу не болѣе

какъ въ полминуты. Сложивъ и уравнившись на днѣ его наши дорожныя вещи, мы сами размѣстились кое-какъ втроемъ (третьимъ былъ вѣстовой) на узенькихъ скамейкахъ и, стараясь только не потерять баланса, чтобы не кувырнуться въ воду, отделись на волю перевозчика. Но татаринъ-перевозчикъ оказался опытнымъ мастеромъ своего дѣла и лихо работалъ лопатообразными веслами, забирая сначала подъ берегомъ вверхъ по теченію, а затѣмъ, пустивъ свою утлю посудинку по быстринѣ, сумѣлъ направить ее по диагонали такъ ловко, что мы и оглядѣться не успѣли, какъ куласъ уже входилъ въ Акушу, правый рукавъ Куры, образующій ея дельту. Здѣсь мы пристали къ Сальянскому посту пограничной стражи.

Сальяны—не то мѣстечко, не то городъ—являются въ настоящее время администраціоннымъ центромъ Джевадскаго уѣзда. Персіанне называютъ его и Сальяномъ, и Махмудъ-абадомъ и, пронаводя первое названіе отъ персидскаго слова *салъ*, то-есть годъ, объясняютъ его тѣмъ, что какой-то изъ персидскихъ шаховъ предоставлялъ вѣчному Ибрагимъ-хану, въ воздаяніе за заслуги, право пользоваться доходами мѣстечка въ теченіе годичнаго срока, а вслѣдъ за Ибрагимъ-ханомъ такое же годичное право предоставлялось послѣдовательно и нѣкоторымъ другимъ заслуженнымъ лицамъ. Стало-быть Сальянъ значитъ годичный, и названіе это извѣстно уже съ давнихъ поръ, такъ какъ еще въ «Книгѣ Большого Чертежа» (XVII вѣка) говорится о «городѣ Сальянѣ, у Хвалимскаго моря, при устьѣ рѣки Куры».

Это определенное указаніе на мѣсто нахожденія города *при устьѣ* совершенно совпадаетъ съ мѣстнымъ преданіемъ, которое утверждаетъ, что мѣстечко стояло когда-то, очень давно, у самаго моря, но что съ тѣхъ поръ море отошло до нынѣшней своей черты, а Кура раздѣлилась на два рукава, отыскавшіе себѣ на неизмѣнности новыя русла. Если оно такъ, то этимъ еще разъ подтверждается фактъ измѣнчивости западныхъ береговъ Кавказа.

Сальяны—городокъ, построенный какъ Богъ привелъ, безъ «плана». Онъ протянулся въ длину версты на двѣ по правому берегу Куры, представляя на этомъ пространствѣ одну непрерывную пристань для парусныхъ судовъ, катящихся по рѣкѣ до устья и далѣе, вдоль береговъ, иногда до самой Ленкорани. Постройки въ немъ почти исключительно саманныя и глинобитныя, и не малое число ихъ, изъ тѣхъ, что стоятъ на самомъ берегу, ежегодно подвергается разрушенію, вслѣдствіе того, что Кура въ каждый разливъ непременно подмываетъ правый свой берегъ, а частію и лѣвый берегъ Акуши, при ея истокахъ. Съ глы-

бами почвы срываются и стѣны ближайшихъ прибрежныхъ построекъ, но это обстоятельство, повидимому, не останавливаетъ домохозяевъ продолжать строиться на столь опасныхъ мѣстахъ и даже ремонтировать частію разрушенное. Большая часть сальянскихъ домовъ строена по особому мѣстному типу, представляя собою плоское, двухъ-этажное зданіе, расположенное такимъ образомъ, что верхній этажъ раздѣляется на двѣ особыя боковыя сакли, между которыми оставляется свободный широкій промежутокъ, покрываемый камышевою кровлей на столбахъ, поддерживающихъ балюстраду. Этотъ промежутокъ служитъ верандой и лѣтнею спальнею для обывательской семьи, а на зиму онъ вплотную забирается съ обоихъ открытыхъ боковъ камышевыми чеканками и цыновками, обращаясь въ кладовую для разныхъ запасовъ и продуктовъ. Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ жилого помѣщенія и лавочки, нерѣдко устраивается также и конюшня. Позади зданія—дворъ, обнесенный глинобитною стѣнкой, къ которой примыкаютъ разныя хозяйственныя пристройки, хлѣвъ, сарайчики, птичники и т. п. По этому же типу преимущественно строятся и зажиточные поселеніе въ мусульманскихъ деревняхъ. Другой типъ жилыхъ построекъ—тоже двухъ-этажное глинобитное зданіе, но съ тою разницею, что нижняя половина представляетъ помѣщеніе, наполовину врытое въ землю, а къ верхней ведетъ деревянная лѣсенка, выходящая на крытую сверху галерею, окружающую домикъ либо со всѣхъ сторонъ, либо только съ южной и западной. Внизу устраиваются кладовая и кухня, а верхнее жилье обыкновенно дѣлится перегородкой на двѣ комнаты. Въ Сальянахъ, несмотря на то что въ каждомъ домѣ устроено внизу какое-нибудь торговое помѣщеніе, имѣется еще специальный и довольно большой базаръ, гдѣ найдете вы всякую всячину. Городъ служитъ пунктомъ мѣнковой (для кочевниковъ) и отпускной торговли. Предметъ послѣдней составляютъ хлѣбъ и рыба, поэтому тутъ живетъ много богатыхъ купцовъ, преимущественно армянскаго происхожденія. Городское населеніе—около двухъ тысячъ человекъ—состоитъ изъ армянъ, татаръ, персійянъ и русскихъ, къ которымъ принадлежатъ чиновники, военные, служащіе при рыбныхъ ватагахъ и, въ небольшомъ количествѣ, молочане, промышленныя товарнымъ извозомъ. Въ городѣ есть армянская церковь и мечеть, но русской церкви до сихъ поръ не имѣется, несмотря на то что, кромѣ служащихъ чиновниковъ, здѣсь есть большая двухротная воинская команда и не мало русскихъ людей, живущихъ на окрестныхъ ватагахъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ самое крупное значеніе имѣетъ такъ-называемый «Божій Промыселъ», внизъ по Курѣ, въ двадцати семи верстахъ отъ Сальянъ; но въ

лѣтніе мѣсяцы работа на немъ, какъ и на всѣхъ вообще ватагахъ, прекращается до осени. Всѣ промыслы тутъ принадлежатъ казнѣ и сдаются въ арендное пользованіе частнымъ рыбопромышленникамъ. Что до судовъ, ходящихъ по Курѣ и Акушѣ, то они, кромѣ рыбачьихъ кусовыхъ лодокъ, имѣющихся при каждой ватагѣ, представляютъ собою два плоскодонные типа: большіе куласы, со значительно приподнятыми переднимъ и заднимъ носами, на украшеніе коней нерѣдко изощряется фантазія мѣстныхъ рѣзчиковъ и маляровъ, и грузовые киржины. Первые составляютъ родъ шхунъ, съ верхнею палубой, двумя оснащенными мачтами и шхунными парусами; вторые же—открытыя одномачтовые лодки при одномъ четырехугольномъ большомъ парусѣ, ходящія также и на веслахъ (но двѣ и даже по три пары на суднѣ). Въ полую воду на Курѣ, шхуны-куласы могутъ подымать, какъ говорятъ, отъ пяти до семисотъ пудовъ, а киржины, плавающіе преимущественно по Акушѣ, не болѣе двухсотъ, да и то рѣдко. Есть еще двухвесельные куласы-душегубки, о которыхъ я уже упоминалъ. Эти назначаются для перевоза черезъ рѣку людей и для мелкаго рыбачества. На протяженіи 560 верстъ, отъ слиянія съ Алазанью и до устья, Кура не только въ половодье, но и всегда, во всякое время, могла бы считаться вполне судоходною, еслибы кавказское начальство приняло наконецъ мѣры къ очищенію ея русла отъ карчей, что, при извѣстномъ наблюденіи и настойчивости, могло бы быть исполнено мѣстнымъ трудомъ и чисто мѣстными средствами; наконецъ возможно бы было установить на воспособленіе затратамъ и нѣкоторый умѣренный сборъ съ проходящихъ судовъ, взимаемый въ извѣстномъ размѣрѣ съ поуднаго количества груза, или просто съ судна. Опыты показали, что отъ устья до Мингичаура (верстъ на 50 ниже впаденія Алазани) могутъ безпрепятственно совершать рейсы даже пароходы, имѣющіе съ грузомъ осадку до трехъ футовъ. А что потребность въ этомъ есть, лучше всего доказывается тѣмъ, что между Зардобомъ и устьемъ, на протяженіи 320 верстъ, ежегодно проходить по Курѣ до 1.000 большихъ куласовъ и до 2.000 киржиновъ¹⁾.

На посту пограничной стражи, кромѣ команды, живутъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, на томъ же дворѣ, офицеръ и таможенный чиновникъ, заведующій Сальянскою заставой, оба съ семействами. Есть тутъ у нихъ свой общій фруктовый садикъ и огородъ, подѣленный надвое; въ садикѣ уже поспѣваютъ абрикосы, груши и сливы, а огородъ пустуетъ: все, что было посажено въ немъ съ весны, все это вымыло и унесло разливомъ. На жизнь они

¹⁾ Е. Вейденбаумъ, 42.

не жалуются—да и что жаловаться, вѣдь все равно, жалобой ее не поправишь,—говорят что уже свыклись и съ комарами, и съ лихорадками, и даже со змѣями, имѣющими обыкновеніе поселяться въ подпольяхъ и, въ особенности, въ стѣнахъ старыхъ глинобитныхъ и саманныхъ построекъ, но въ первое время, особенно съ дѣтьми, все это было ужасно. Застать у себя въ комнатѣ ядовитую змѣю—это здѣсь самое обыкновенное дѣло, а ужъ про фалангъ и скорпионовъ и говорить нечего: эти просто живутъ въ комнатахъ, подъ тахтами (кавказская оттоманка), подъ комодами, а въ особенности подъ коврами. Фаланга даже нѣкоторую пользу приноситъ тѣмъ, что охотится на мухъ,—все же, значить, изводитъ отчасти хоть одного изъ здѣшнихъ «гнусовъ», отравляющихъ жизнь; да и муха, чуть только учуетъ, что въ комнатѣ есть такой непріятель, сама сейчасъ же улетаетъ вонъ,—такое ужъ у нея инстинктивное отвращеніе къ фалангѣ. Затѣмъ, обитатели здѣшніе приспособились къ жизни еще болѣе и, наученные опытомъ, стараются лишь имѣть побольше куръ и кошекъ. Первые отлично истребляютъ фалангъ, тарантуловъ и скорпионовъ, ухитряясь сразу бить ихъ клювомъ на смерть, вторыя же специально охотятся за змѣями. Въ этомъ отношеніи муганская кошка выработала въ себѣ изумительную способность и вполне оказываетъ жителямъ тѣ самыя услуги, что ихневмонъ египтянамъ. Здѣсь замѣчено, что какъ ужаль скорпіона не дѣйствуетъ на курицу, такъ и укусъ змѣи не оставляетъ никакихъ послѣдствій на кошкѣ. Если только это не повѣрье (чего я впрочемъ не думаю, потому что мѣстныхъ жителямъ предоставляется въ этомъ отношеніи обширное поле для повседневныхъ личныхъ наблюденій), то такая неуязвимость названныхъ животныхъ составляетъ замѣчательный физиологическій фактъ: или они умѣютъ находить себѣ неизвѣстное намъ противоядіе, или же сама природа, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, вырабатываетъ въ ихъ организмѣ такую способность. Здѣсь каждый день приходится видѣть, какъ курица, окруженная цыплятами, преслѣдуетъ на дворѣ или на верандѣ ползущаго скорпіона, который стремится удрать отъ нея какъ можно скорѣе, мало даже думая о самозащитѣ. Зачастую случается, что увлекшаяся преслѣдованіемъ курица клонитъ скорпіона неудачно; тогда онъ тутъ же моментально наноситъ ей жаломъ ударъ въ подбородокъ или въ щеку. Но на курицу это не производитъ ни малѣйшаго эффекта, и по второму клевку она непременно кончаетъ свою добычу, великодушно предоставляя ее загнѣмъ въ раздѣлѣ лакомкамъ-цыплятамъ. Точно такая же охота происходитъ у куръ на фалангъ и тарантуловъ, съ которыми имъ справляться еще легче, такъ какъ этихъ мягкотѣлыхъ

паукообразныхъ онѣ клюютъ прямо въ спину и насквозь. Что же до кошачьей охоты на змѣй, то тутъ со стороны кошекъ наблюдаются рѣшительно тѣ же самыя приемы, которые свойственны имъ по отношенію къ мышамъ и крысамъ. Я уже сказалъ, что змѣи любятъ селиться въ стѣнахъ старыхъ глиняныхъ построекъ. Такая любовь обусловливается у нихъ опять же чисто жизненными причинами: главную добычу змѣй составляютъ мыши и крысы, которыя, живя колоніями, продѣлываютъ себѣ въ этихъ стѣнахъ многообразные ходы, развѣтвляющіеся вверхъ, внизъ и въ стороны большими корридорами и ведущіе ко внутреннимъ гнѣздамъ, гдѣ обитаютъ мышинныя выводки. Въ этихъ-то гнѣздахъ, заранѣе, конечно, опустошенныхъ ими, селятся и змѣи, кладущія тутъ свои яйца. Мыши и крысы удаляются отъ нихъ на чердаки и въ подполья, но змѣи и тамъ ихъ находятъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этихъ мѣстахъ, гдѣ змѣя по отношенію къ мышѣ взяла на себя роль кошки; эта послѣдняя всецѣло перенесла свою естественную охотчую дѣятельность на самую змѣю, а мышью уже пренебрегаетъ. Кошка иногда часами сидитъ неподвижно надъ какою-нибудь норкой, подкарауливая выходъ змѣи, и, чуть та выползетъ вершка на два, какъ уже стремительно наступаетъ ей лапкой на темя и нѣжно хватаетъ зубами за шею. Въ такомъ положеніи она ее осторожно вытягиваетъ изъ норы наружу и тутъ начинается очень занимательная игра. Г-жа К., жена отряднаго офицера на Салыанскомъ посту, рассказывала мнѣ, въ какой неописуемый ужасъ пришла она вскорѣ по прѣздѣ сюда изъ Россіи, когда однажды увидѣла вбѣжавшую къ ней въ комнату кошку съ обвившеюся вокругъ ея шеи змѣей. Она уже думала, что пришелъ кошкѣ конецъ, но ничуть не бывало: лишь только змѣя ту же стигвала ей горло своими кольцами, кошка нѣсколько сильнѣе вонзала зубы въ ея шею, и гадъ поневолѣ ослаблялъ кольца. Такъ продолжалось дѣло, пока змѣя не оказалась наконецъ задущенною. Когда же случается, что кошка набредетъ на змѣю во дворѣ или въ саду, и послѣдняя, свернувшись спиралью, угрожающе подымется противъ врага до половины туловища, шипя раскрытою пастью и показывая намѣреніе броситься на наступающаго противника, кошка выкидаетъ именно этого момента, для того чтобы совершенно тигриннымъ приемомъ ошеломить змѣю, нанеся ей ударъ лапой, своего рода пощечину, и послѣ этого у нея начинается точно такая же игра, какъ и съ мышью: она то отпуститъ змѣю, то опять настигнетъ ее однимъ стремительнымъ скачкомъ и снова бьетъ лапой, не давая возможности уползти. Въ это время и приходится нерѣдко наблюдать полное равнодушіе кошки къ змѣинымъ

укусамъ. Кончается же дѣло обыкновенно тѣмъ, что, вѣласть наивравшись со змѣей и измучивъ ее до полного изнеможения, кошка перегрызаетъ ей шею и съѣдаетъ ее всю, за исключеніемъ только головы, которую никогда не трогаетъ. Не правда-ли, въ высшей степени интересные нравы?

Змѣи здѣсь бываютъ домашнія, степныя и водяныя, но послѣднія принадлежатъ къ числу большихъ ужей и совершенно безвредны, угрожая только однимъ лягушкамъ, которыхъ тутъ родится цѣлыя мірады. Гораздо опаснѣе бываютъ иногда куранскіе и акушанскіе сомы, достигающіе нерѣдко огромной величины и отличающіеся необычайною прожорливостью. Здѣшній сомъ тѣмъ опаснѣе, что въ совершенно мутной, густоилистой водѣ невозможно замѣтить его приближенія. Случается, что они уносятся неосторожно купающихся маленькихъ дѣтей, ухвативъ ребенка за руку или за ногу, а въ прошломъ году, при переходѣ городского стада въ бродъ черезъ Акушу, сомъ выкусалъ одной коровѣ весь бокъ, и несчастное животное, выйдя на берегъ, тутъ же вскорѣ и окочало отъ потерп крови. Разсказываютъ и такой случай: какая-то женщина, изъ русскихъ, вошла однажды въ Акушу пополоскать глиняныя кувшины и не замѣтила, какъ ея подоткнутая юбка распуталась и погрузилась однимъ краемъ подола въ воду. Вдругъ женщина чувствуетъ, что какая-то посторонняя сила неодолимо влечетъ ее за юбку на середину рѣки. Упираясь насколько было возможно, она попыталась было освободить эту необходимую принадлежность своего костюма и, потянувъ ее къ себѣ, увидѣла на мгновеніе большую сомовью голову, ухватившуюся за подолъ зубами. Баба однако же не растерялась и, быстро развязавъ на себѣ юбку, предоставила ее въ жертву сомовьей жадности, а сама—давай Богъ поги, и съ тѣхъ поръ баста уже ходить на Акушу полоскать кувшины!

Въ тотъ же день (24-го), въ первомъ часу пополудня, выѣхали мы изъ Сальянъ къ Ленкорани. Степная «битая», то есть названная дорога, идетъ сначала по такъ-называемому «Сальянскому острову», или Куринской дельтѣ, а затѣмъ, на полпути къ селенію Тазикентъ, переходитъ на правый берегъ Акуши. Здѣсь устроено паромное сообщеніе, содержимое мѣстными татарами. Какъ вдоль береговъ Куры, такъ и вдоль Акуши тянется почти непрерывный рядъ садовъ, селеній и хуторовъ, исключительно татарскихъ. Жители строятся по вышеописанному типу и занимаются въ большихъ размѣрахъ какъ хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, такъ и рыбною ловлей, благодаря тому обстоятельству, что Кура больше всѣхъ рѣкъ на Кавказѣ изобилуетъ цѣнными породами рыбъ, и въ особенности красною, т.-е. осетрами, стерлядью и севрюгой. Хлѣб-

ныя поля орошаются арыками, которые, заодно уже, и осушаютъ низменную почву послѣ большихъ разливовъ. Пшеницу здѣсь уже сѣяли, и мы видѣли ее во множествѣ громадныхъ скирдовъ и въ обмолоченныхъ кучахъ зерна на токахъ, по задачъ селеній; иные хозяева уже везли ее въ шерстяныхъ мѣшкахъ на продажу въ Сальяны, другіе же грузили ея кирпичами, которые цѣлыми караванами плыли по Акушѣ, одно судно за другимъ, мелькая между деревьями верхними краями своихъ широкихъ бѣлыхъ парусовъ. Народъ здѣсь вообще очень зажиточенъ, и есть хозяева, которые ежегодно продаютъ пшеницы на 10.000 руб. на среднемъ.

Перешагнувъ на правый берегъ Акуши, почтовая дорога пошла уже по настоящей Мугани. Такъ называется обширная степь, границами которой служатъ: Араксъ на западѣ, до впаденія его въ Куру при мѣстечкѣ Джеватѣ, и правый берегъ Куры, отъ Джевата до устья, на сѣверѣ и востокѣ; затѣмъ, въ юго-восточномъ направленіи она ограничивается отрогами Талышпнскаго хребта и клиномъ подходитъ между этимъ хребтомъ и Каспемъ почти къ самой Ленкорани. Южная часть Мугани, включая сюда же Сальянскій островъ и Ленкоранскій кливъ, орошена множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, берущихъ начало въ Талышпнскихъ горахъ и наполняющихъ приморскую полосу обширными болотами; но сѣвернѣе рѣчки Болгарки (Болгару-чай), лѣтомъ совершенно пересыхающей, степь не имѣетъ уже никакого орошенія и изобилуетъ множествомъ солончаковыхъ болотъ и озеръ, тянущихся цѣпью вплоть до Джевата, съ одной, и до Куры—съ другой стороны; часть этихъ озеръ находится и на лѣвомъ берегу Куры, доходя до Аджи-Кабула и переступая иногда къ сѣверу за линію желѣзной дороги. Всѣ эти прирѣчные озера и солончаки сплошь затопляются во время разливовъ, а по спаду водъ представляютъ изъ себя медленно испаряющіяся и потому загнивающія болота, гдѣ къ тому же послѣ каждаго разлива остается множество дохлой рыбы, заражающей воздухъ. Совокупность всѣхъ этихъ условій служитъ причиною жестокихъ муганскихъ лихорадокъ. Польза же отъ Муганскихъ озеръ только та, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ добывается повареная, а въ другихъ—глауберова соль.

Отъ Сальянъ населенная полоса Муганской степи, какъ уже сказано, идетъ двумя рукавами, по Курѣ и Акушѣ; затѣмъ, отъ станціи Тазикентъ и далѣе внизъ, по Ленкоранскому клину, идутъ уже русскія селенія, разбросанныя вдоль почтовой дороги и въ стороны, по степи, вперемешку съ татарскими деревнями. Таковы: Тазикентъ (населеніе смѣшанное), Андреевка, Новоголка, Астраханка, Асеуды (Позассудка), Привольное, Припнябъ, Нико-

лаевка и проч. Всѣ эти селенія, за исключеніемъ Пришиба, гдѣ одну треть села занимаютъ православные, и деревни Вели (ниже Ленкорани), гдѣ живутъ старообрядцы, населены разными сектантами, преимущественно молоканскаго толка, которые стали селиться въ Закавказіи съ 1835 года. Большею частію это были ссыльные за распространеніе ереси, числомъ до 25.000 человекъ, коимъ назначено селиться въ городахъ Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкорани, Нахичевани, Ордубатѣ, а также въ Ахалцхскомъ, Тифлискомъ и Ленкоранскомъ уѣздахъ. Въ селѣ Андреевкѣ, на почтовой станціи, гдѣ мы остановились на ночлегъ, явился ко мнѣ познакомиться старикъ-молоканъ, почтодержатель. Онъ рассказываетъ, что пришелъ сюда въ числѣ самыхъ первыхъ саратовскихъ и самарскихъ выселенцевъ, еще въ 1833 году; правительство дало имъ деньги на обзаведеніе, подарило хлѣсу на постройку нѣзъ Талышскихъ казенныхъ дачъ и въ первое время оказывало поддержку хлѣбомъ. Мѣста подъ поселенія позволено было новоселамъ выбирать себѣ самимъ, на «вольныхъ земляхъ», гдѣ облюбуютъ, лишь бы только не занимали полей туземцевъ и не выходили изъ указаннаго имъ «предѣла», т. е. района. Но со стороны тогдашняго начальства было имъ рекомендовано селиться преимущественно «по тракту»; они послушались этого совѣта, и не имѣютъ причинъ раскаяваться въ томъ, такъ какъ большинство изъ нихъ занялось извозомъ, не отставая впрочемъ и отъ земледѣлія. Въ надѣлъ они получили по четыре десятины на душу, причѣмъ было имъ обѣщано, что если понадобится и больше, въ случаѣ прироста населенія, то отказа не будетъ. Первое время переселенцы сильно болѣли лихорадками и не мало изъ нихъ перемерло; въ особенности мерли дѣти, которыхъ просто косило отъ кровавыхъ поносовъ и лихорадокъ. У моего старика-собесѣдника было тринадцать человекъ дѣтей, изъ коихъ половина родилась уже въ Закавказьи, но всѣ они перемерли еще въ дѣтскомъ или отроческомъ возрастѣ; уцѣлѣлъ одинъ только старшій сынъ, пришедшій съ отцомъ изъ Россіи. Этотъ тоже быстро болѣлъ сначала, да ничего, выжилъ; женился потомъ уже здѣсь на молочанкѣ и имѣлъ дѣтей; первенкія тоже-было перемерли, да зато послѣдніи вышли такими крѣпышами, что вотъ и по сейчасъ «живутъ во вьукахъ при своемъ дѣдѣ». Я видѣлъ обоихъ, — дѣйствительно, парня кровь съ молокомъ, сильные, здоровые и шеголи: ходять въ красныхъ канавосовыхъ рубахахъ на выпускъ и въ широчайшихъ плисовыхъ шароварахъ. Старикъ Богъ судилъ пережить сына, и теперь онъ орудуетъ всѣмъ хозяйствомъ вмѣстѣ съ двумя этими внуками, которые относятся къ нему, какъ къ патриарху семьи, съ величайшимъ почтеніемъ. «Теперь,

говорилъ старикъ, народъ нашъ не мреть уже такъ, какъ въ та-поры; пообжился, значитъ, пообтерпѣлся, и даже очень мало мрутъ; слава Богу, не болѣютъ больше... А за земля и по сейчасъ надо благодарить Бога да покойнаго государя Николая. Это онъ, батюшка, очень даже хорошо выдумалъ, что направилъ своихъ молочанъ въ Закавказье. Тутъ намъ всѣмъ очень вольготно, земля хорошая, лошадки отличныя, за вѣру никто не утѣсняетъ: молись кто какъ хочетъ, — запрету нѣтъ, не то что въ Россіи...»

— А чтó, скучаешь, чай, по Россіи-то? — спросилъ я старика.

Онъ отвѣтилъ не сразу, а сначала понурился и пораздумалъ малость.

— Съ первоначалу, говорить, — точно-что скучно было, тянуло на родину-то; особенно эта какъ народъ-то сталъ ужъ больно помирать. Думалъ было, что и самъ помру не сегодня-завтра. Ну, а потомъ какъ пообжился, хворать пересталъ, дѣла пошли спору-ну, тутъ скучать-то ужъ и некогда было. А тамъ еще со-временемъ и свои дружки изъ Россіи понаѣхали, тоже пообжились малость, хозяйство позаводили: пошло это у насъ свое общество; другіе тоже по сосѣдству окрестъ общества позаводили, стало похоже, какъ быдто и дома, въ Россіи, — ну, скука-то и миновала. А теперь хоть зови-раззови ты меня туда, самъ не поѣду! Чего мнѣ тамъ дѣлать-то?!. Христосъ съ ей совсѣмъ и съ Россеей-то! Намъ и здѣсь хорошо. Сказываютъ, быдто осенью царь къ намъ пріѣдетъ, вотъ это мнѣ любопытно.

— А чтó? — отозвался я.

— Да какъ-же, никогда я царя-то не видалъ. Сколько годовъ прожилъ на свѣтѣ, а какой-то-какой царь у насъ и не знаю. Только, что по патретахъ, — ну, да патреть не живой человекъ. Вотъ еслибъ онъ къ намъ на Мугань преподжаловалъ, ужъ я бы его прокатилъ по степи-то! Такихъ бы звѣрей четверню заирегъ, что ахъ!.. Говорятъ, быдто въ Баку будетъ, — правда, аль нѣтъ, не знаю?

— Правда, — подтвердилъ я; — сказываютъ, будто будетъ. Тамъ и ко встрѣчѣ уже пригласили.

— Ну, вотъ, вотъ оно и есть! — обрадовался старикъ. — Непремѣнно самъ въ Баку поѣду. Не хочу помереть безъ того, чтобы на царя своею не поглядѣть... Непремѣнно поѣду!.. И внуковъ возьму съ собой, пушай и они посмотрятъ... поди чай, въ другорядъ-то и не придется.

Я глядѣлъ на старика и невольно думалъ себѣ: удивительное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе этотъ «русскій человекъ» на свѣтѣ! Вѣдь вотъ, предо мною сектантъ, человекъ, пострадавшій «за вѣру», за внутреннее убѣжденіе, и пострадавшій не шути: въ свое время оторвали его

отъ родины, выселяли на чужбину, гдѣ не акклиматизовавшійся народъ меръ какъ муха, гдѣ и самъ этотъ старикъ похоронилъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей да сколько-то еще внуковъ, и сталъ онъ съ теченіемъ времени совсѣмъ равнодушенъ къ прежней своей родинѣ, — Христосъ, молъ, съ ней и совсѣмъ, намъ и здѣсь хорошо;—человѣкъ, казалось бы, имѣющій даже право быть озлобленнымъ, а между тѣмъ, завелъ онъ и тутъ себѣ, въ числѣ остальныхъ, свою собственную Россію, въ которой все тотъ же «русскій духъ», все также «Русью пахнетъ», и приходитъ въ энтузіазмъ при одномъ только имени царя, да еще какъ!.. И сколь ему ни трудно тревожить свои старыя кости, а не хочетъ умереть безъ того, чтобы не повидать его!.. Россія — вездѣ Россія, и русскій человѣкъ — все тотъ же единый и цѣльный, при какихъ бы то ни было условіяхъ жизни. Вотъ это, дѣйствительно, черта замѣчательная — великая черта въ народномъ характерѣ.

Я навелъ разговоръ на общеповинскую повинность, которую съ прошлаго года обязаны нести и закавказскіе сектанты. Признаюсь, я рассчитывалъ было встрѣтить со стороны старика враждебное къ ней отношеніе, но ничуть не бывало.

— Что-жь, это хорошо,—говорилъ онъ,—что стали брать и нашихъ. У насъ супротивъ этого и слова никто не молвилъ.

— Чѣмъ же хорошо-то?—спросилъ я, желая вызвать его на большую откровенность.

— А какъ же не хорошо?—возразилъ старикъ не безъ удивленія на мой вопросъ. — Теперь ты, ваше высокоблагородіе, одно то вѣдь. Я буду говорить по правдѣ. Народъ-то у насъ нынѣ много послабѣе прошлаго сталъ, и сравненія даже нѣтъ никакого!.. Теперешній, не то что паренъ, а и мужикъ, гляди, онъ тебѣ и хмельное пріемлетъ, и напиросу палитъ, да и къ бабѣ чужой ластится, а въ прежнее время насчетъ этого озарства ни-ни! Народъ-то ужъ больше пораспустился, никакой даже отлички отъ церковнаго нѣтъ, истинное молоканство-то забывать стали. Вотъ въ чемъ бѣда-то наша. Ну, да авось, военная служба подтянетъ. Мы всѣ, старики, только на это и надѣемся.

Такой своеобразный взглядъ на общеповинскую повинность очень удивлялъ меня, и я, желая еще болѣе выяснитъ себѣ его основанія, замѣтилъ старику, что сильно сомнѣваюсь, чтобы военная служба отучила ихъ парней отъ табаку и чужихъ женокъ.

— Не въ этомъ дѣло,—возразилъ онъ мнѣ. Пущай онъ всѣмъ этимъ будетъ грѣшить и на службѣ, — нужды нѣтъ! А только вотъ что я тебѣ скажу: служба-то ваша, самъ знаешь, не свой братъ, дѣло тяжелое, государское дѣло, и спуску-то у васъ за всякую проптрафу, поди-

чай, не дають, въ струнѣ человѣка содержать,—вотъ что намъ важно. Онъ теперича какъ лямку-то потянетъ, узнаетъ, какъ эта самая кузькина-мать, служба -то, называется, такъ опосля того, вернувшись домой, фордыбачить, гляди, больше не станетъ, пойметъ разницу-то! Вотъ чѣмъ мы много довольны насчетъ службы-то нашей. Какъ ни какъ, а парня она все же подтянетъ, а намъ оно и на руку! Такъ-то!..

Словомъ, я понялъ, что старикъ глядитъ на службу хотя и со своей особой точки зрѣнія, но совершенно правильно, какъ на школу воспитывающую и дисциплинирующую характеръ молодого человѣка. По его словамъ, точно такъ же смотреть на это дѣло и всѣ старики-молокане.

Послѣ первыхъ, подневольныхъ переселенцевъ, въ серединѣ 40-хъ годовъ стали переселяться сюда же и добровольные выходцы изъ сектантовъ, которыхъ потянуло въ Закавказье къ роднымъ и друзьямъ, послѣдствіе племени послѣднихъ, что здѣсь живетъ-де хорошо, земли много, повинность легкая и за вѣру никто не притѣсняетъ. Въ настоящее время, во второмъ и третьемъ поколѣніи, всѣ они уже свыклись съ условіями новой жизни, акклиматизовались и живутъ весьма зажиточно, такъ что цифра сектантскаго населенія даетъ даже замѣтный приростъ.

— Теперь что!.. Теперь не жизнь, а масляница,—разсуждалъ на этотъ счетъ мой старикъ. — Теперь мы выѣзжаемъ въ поле пахать въ одиночку и нпкого не боимся; ровно что у себя въ Самарской губерніи. А въ прежніе-то годы было какъ: мужикъ выходитъ на пахоту, а у самого винтовка за плечами, да кинжалъ за поясомъ, да и не могъ одинъ идти, а всегда, бывало, нарвемъ такъ, чтобы поболѣе народу-то было, на тотъ случай, если ежели нападетъ татарва эта самая, такъ чтобы по близости своя подмога была. Вотъ какія времена были! А теперь-то что!.. Теперь тутъ совсѣмъ какъ есть Россія!

Главное занятіе молоканъ, наряду съ земледѣльемъ, составляетъ извозный промыселъ. У каждаго домохозяина непременно есть своя громоздкая, длинная и очень вмѣстительная фура съ крытымъ верхомъ, окрашенная въ красный цвѣтъ съ разными «травками» и пѣточными разводами. Въ ней свободно можетъ помѣститься цѣлое семейство и множество кладв. Верхъ у фуры бѣлый, холщевый, иногда съ клеенчатыми подбоями, ради непромокаемости; натягивается этотъ верхъ на цѣлый рядъ дугообразно изогнутыхъ широкихъ обручей изъ толстой драги, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ съ «разводами». Упряжка дышла-вая, четверней, на пристяжкахъ. Лошади у всѣхъ молоканъ хорошія, мѣстной породы въ скрещеніи съ русскою и отлично содержа-

ныя. Сбруя русская, наборчатая, съ мѣдными бляхами и мелкими бубенцами. Фуры ихъ наоминають отчасти нѣмецко-колонистскій фургоны, отчасти же еврейскую фурианку съ «халабудой», какія сплошь и рядомъ до сихъ поръ встрѣчаются по дорогамъ Западной Россіи. Возятъ молокоане въ этихъ фурахъ и «вольныхъ» пассажировъ, и всякую товарную кладь, по условію, съ аккуратной доставкой, и циркулируютъ они не только въ предѣлахъ «своихъ мѣстъ», но появляются и за Кавказскимъ хребтомъ, во Владикавказѣ, Ставрополѣ и другихъ городахъ сѣвернаго Кавказа. По присоединеніи къ Россіи Карсской области, часть закавказскихъ сектантовъ добровольно переселилась туда, на земли, покинутыя турками, и образовала тамъ нѣсколько видныхъ селеній. Тамъ же водворились и еще доселѣ продолжаютъ водворяться русскіе православные выходцы изъ внутреннихъ губерній, и сектанты, какъ слышно, живутъ съ ними въ согласіи, другъ друга не обижаятъ.

За время моихъ поѣздокъ по Ленкоранскому уѣзду, мнѣ довелось неоднократно побывать въ сектантскихъ селеніяхъ, и вотъ краткій сводъ тѣхъ наблюденій надъ ихъ жизнью и бытомъ, какія мнѣ удалось сдѣлать лично и узнать изъ разспросовъ.

25-го іюня, продолжая путь по Муганской степи, прибыли мы съ ночлега въ Андреевскіи на станцію Пришибъ. Это большое село, раздѣляемое рѣчкой на двѣ половины. Сѣверный конецъ его занимаютъ исключительно молокоане. Въ центрѣ, гдѣ находится почтовая контора, телеграфъ и небольшой базаръ, водворились татары, содержаще два-три духана и занимающіеся исключительно мѣстной торговлей. Рядомъ съ татарами, въ центрѣ же, помѣстились православные крестьяне изъ Россіи; правительство построило для нихъ на центральной площадкѣ селенія прекрасную церковь и поселило при ней въ хорошемъ домѣ священника съ причтомъ. Это, кстати сказать, единственная церковь изъ всѣхъ русскихъ селеній Ленкоранскаго уѣзда. Южный конецъ Пришиба занимаютъ жидовствующие, или, такъ называемые, субботники. Объ этихъ послѣднихъ я поговорю потомъ, когда дойдемъ до Ленкорани, а пока скажу о молокоанахъ и прочихъ, родственныхъ имъ сектантахъ. Степная часть Ленкоранскаго уѣзда служитъ мѣстомъ поселенія не только для молокоанъ, коихъ здѣсь большинство, но также и для прыгуновъ (хлысты), «наводныхъ», «общниковъ» и анабаптистовъ. Къ послѣднимъ время отъ времени прѣзжаетъ изъ Тифлиса пасторъ и говоритъ имъ проповѣди, но тутъ выходитъ нѣчто странное, ибо ни пасторъ своихъ духовныхъ чадъ, ни чада пастора не понимаютъ, такъ какъ изъясняется онъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно незнакомомъ въ средѣ этихъ

сектантовъ. Тѣмъ не менѣе, они относятся къ пастору съ полнымъ почтеніемъ и усердно посѣщаютъ его проповѣдническія конференціи. Явленіе это чрезвычайно странное, потому что у всѣхъ остальныхъ сектантовъ богомоленіе происходитъ на понятномъ для нихъ родномъ языкѣ; тутъ же совсѣмъ напротивъ: поученія, составляющія самую главную суть анабаптистской секты, ея смыслъ и жизнь, совершенно ускользаютъ отъ вѣрующихъ, такъ что во что собственно они вѣрують и что исповѣдуютъ, этого доподлинно ни одинъ изъ нихъ не знаетъ и даже приблизительно объяснить не можетъ. Поэтому все ихъ благочестіе является чисто внѣшнимъ, наружною формою безо всякаго внутренняго содержанія. Что до прыгуновъ, то объ этой сектѣ достаточно извѣстно изъ изслѣдованій покойнаго П. И. Мельникова и др. У нихъ есть тутъ своя особая «богородица», она же и «пророчица», живущая на общественный счетъ очень богато и охраняемая «архангелами», которые состоятъ при ней неотлучно, докладываютъ о приходящихъ, желающихъ посѣтить «владычицу», равно докладываютъ ей и о всѣхъ дѣлахъ сообщества, на которыя она, въ случаѣ надобности, кладетъ свою резолюцію, объявляютъ народу рѣшенія пророчицы «по благодати», принимаютъ и записываютъ доставляемыя ей приношенія отъ вѣрующихъ, а когда ей приходится куда-нибудь ѣхать, то въ фургоны ее сажаютъ «ангелы» и «святые» не иначе какъ между двумя этими «архангелами». Что касается «общниковъ» или «общихъ», то это своеобразная секта коммунистовъ, у которыхъ все общее, отъ запашекъ до женъ и дочерей включительно. Относительно «наводныхъ» я изъ разспросовъ у молокоанъ не могъ узнать ничего положительнаго. Староста деревни Астраханки объяснялъ мнѣ очень темно, что «наводные» значить собственно «новомодные» (!) и что это есть новое подраздѣленіе молокоанской же секты. «Прыгуны говорятъ онъ,—тѣ тянутъ болѣе къ жидамъ, къ субботникамъ, а наводные—къ молокоанамъ, и весь ихъ толкъ состоитъ въ томъ, чтобы *наводить духа* другъ на друга, а духъ наводится молитвами и постомъ и внушеніемъ отъ болѣе сподобившихся менѣе сильнымъ. Праздники «наводные» справляютъ тѣ же, что и молокоане, а прыгуны болѣе гнутъ на жидовские праздники, какіе у субботниковъ, и наравятъ всегда праздновать вмѣстѣ съ ними одновременно». «Наводные» охотно берутъ себѣ женъ у молокоанъ, а молокоане у «наводныхъ», причемъ у нихъ положено, что молокоанка, вышедшая за «наводнаго», должна посѣщать молитвенный домъ, къ которому принадлежитъ ея мужъ, и во всемъ слѣдовать правиламъ «согласія» «наводныхъ», равно и «наводная», выйдя за молокоана, во всемъ принимаетъ религіозные обычаи молокоанства. Прыгуны брачались только между

своимъ «согласіемъ» и съ «общими», но рѣдко, потому что «общіе» считаютъ, что жены ихъ должны пребывать «въ любви по духу», то-есть какъ на кого въ этомъ отношеніи «духъ найдетъ», та съ тѣмъ и слюбятся. У прыгуновъ, когда радніе доходитъ до высшаго общаго экстаза, дѣло нерѣдко кончается свальнымъ грѣхомъ тутъ же, въ моленной избѣ, причемъ только тушатся свѣчи и лампы; поэтому прыгуны считаютъ, что для «общниковъ» нѣтъ ничего зазорнаго брачаться съ ними, и нѣкоторые изъ «общниковъ» тоже склоняются къ этому воззрѣнію, но большинство ихъ стоитъ пока на томъ, что имъ не слѣдуетъ ни съ кѣмъ мѣшаться, ниже и съ самими прыгунами, потому что свальный грѣхъ, во-первыхъ, совѣмъ не то, что свободная «любовь по духу», а во-вторыхъ, и потому еще, что прыгуны не признаютъ ни общаго труда, ни общаго имущества. Впрочемъ, надо замѣтить, что секты «общниковъ» и «наводныхъ» создались уже въ Закавказьѣ сравнительно въ недавнее время и потому пока еще немногочисленны. Субботники же держатся въ религіозномъ и общественномъ отношеніи совершенно обособленно какъ ото всѣхъ остальныхъ сектантовъ, такъ и отъ православныхъ и отъ мусульманъ, единая только съ чистокровными евреями; но это не мѣшаетъ ихъ женщинамъ въ Ленкорани пить и стирать бѣлье на христіанскія семейства служащихъ лицъ, за плату конечно.

Молокане строго чтутъ всѣ большіе православные праздники и воскресные дни, собираясь всѣмъ «согласіемъ» (въ каждомъ селеніи особо) въ общественный молитвенный домъ, устройство котораго въ особой избѣ представляетъ большую залу, гдѣ справа и слѣва стоять, одинъ за другимъ, ряды скамеекъ какъ въ католическихъ и лютеранскихъ храмахъ. Строгая простота, чистота и опрятность составляютъ необходимѣйшія условія каждой такой молитвенной залы. Впередѣ скамеекъ ставится посерединѣ столъ и вокругъ него нѣсколько стульевъ. На правыхъ скамьяхъ садятся мужчины, на лѣвыхъ — женщины, а мѣста за столомъ занимаютъ «старцы» и «почтенные», лицомъ къ собранію. Замѣчательно, что злѣйшіе молокане, въ противность всѣмъ подобнымъ сектамъ, почти вовсе игнорируютъ «Ветхій Заветъ», а изъ «Новаго» признаютъ только четырехъ Евангелистовъ, «Дѣянія» же и «Посланія» апостольскія хотя и не отвергаютъ, но говорятъ, что для спасенія нужно собственно только одно Евангеліе, ибо тамъ «все сказано». Поэтому на столѣ въ молитвенной залѣ у нихъ, кромѣ Евангелія въ рускомъ переводѣ, ничего не полагается. Молитвенное собраніе начинается обыкновенно тѣмъ, что одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ «старцевъ» громко читаетъ «Отче нашъ» или всѣ

присутствующие хоромъ поютъ ту же молитву. Затѣмъ одинъ изъ «старцевъ» громко и внятно читаетъ главу Евангелія, полагаемую по церковному установленію на данный день или непосредственно относящуюся къ данному празднику. Послѣ прочтенія Евангелія нѣсколько минутъ посвящаются внутреннему размысленію о прочитанномъ, и въ это время въ собраніи царствуетъ безусловная тишина. Затѣмъ подъ руководствомъ «старцевъ», приступаютъ къ толкованію прочитаннаго текста и разбираютъ его обыкновенно постишно, то-есть каждый стихъ особо, стараясь уразумѣть внутренний смыслъ его. Въ такихъ толкованіяхъ принимаютъ участіе не только «старцы» и «почтенные», но и вообще всѣ присутствующие какъ мужчины такъ и женщины. Всѣ возникающіе при этомъ вопросы, недоумѣнія и споры обыкновенно разрѣшаются совѣтомъ «старцевъ» и «почтенныхъ»; но это не исключаетъ свободы мнѣній вообще, и собраніе вольно принять или отвергнуть толкованіе любого изъ своихъ членовъ независимо отъ его пола, если найдетъ его правильнымъ или несообразнымъ. Дѣти также могутъ предлагать свои вопросы, которые никогда не оставляются для нихъ безъ разрѣшенія и объясненія со стороны старшихъ. Каждое вновь входящее лицо (изъ своихъ) обязано при входѣ прочесть «Отче нашъ» — громко или про себя, какъ ему угодно, — а всѣ остальные должны привѣтствовать его вставаніемъ съ мѣстъ, которое въ то же время выражаетъ и благоговѣйное уваженіе присутствующихъ къ произносимой молитвѣ. Для оповѣщенія собранія о входѣ пришедшаго «брата» назначается къ дверямъ одинъ «надзиратель» или «надзирательница», которые, въ моментъ появленія нововходящаго, громко возглашаютъ: «братія, встать!» — и всѣ тотчасъ же поднимаются, прерывая свои духовныя занятія. Въ заключеніе собранія всѣ поютъ хоромъ нѣсколько подходящихъ псалмовъ, исключительно по Псалтири въ общедоступномъ рускомъ переводѣ. Славянскій текстъ, какъ не совѣмъ для нихъ удобопонятный, они совершенно отвергаютъ не только въ Евангеліи и псалмахъ, но и во всей Библии вообще. Напѣвы у нихъ довольно монотонны, тягучи и напоминаютъ болѣе всего пѣніе лютеранское. По окончаніи богомоленія всѣ присутствующие даютъ другъ другу взаимное братское лобызаніе въ знакъ христіанской любви и чинно расходятся по домамъ. Никакихъ внѣшнихъ знаковъ и выраженій молитвы, каковы: земные поклоны, крестныя знаменія и т. п. у молоканъ не допускается; все, что они могутъ — это молитвенно сложить свои руки ладонь въ ладонь или между пальцами. Таинство церковныхъ они не признаютъ, обряды отвергаютъ. Новорожденных не крестятъ, а только нарекаютъ имъ по православнымъ святымъ какою-

либо имя. Бракъ состоитъ въ заявленіи обѣихъ брачующихся сторонъ предъ лицомъ собранія о своемъ добровольномъ намѣреніи вступить въ брачное сожителство и во взаимномъ общаніи женщѣ и невѣсты, предъ собраніемъ же, блюсти супружескую вѣрность. Послѣ этого они читаютъ молитву Господню, повторяемую про себя собраніемъ, мѣняются кольцами (если желаютъ), даютъ другъ другу, взявшись за руки, взаимно троекратный поцѣлуй—и всѣ присутствующіе тутъ же поздравляютъ ново-брачныхъ, а общественный писарь вноситъ ихъ имена и день бракосочетанія въ метрическую книгу,—это уже собственно ради требованія начальства, что впрочемъ далеко не всегда исполняется. Затѣмъ на дому свадебное торжество справляется по русскому саратовскому обычаю, равно какъ и предшествующіе ему сговоръ и дѣвишникъ, и это потому, что всѣ здѣшніе молокане переселены были почти исключительно изъ Саратовской и Самарской губерній. Водки при этомъ пьютъ мало, даже почти вовсе не употребляютъ, но зато винограднымъ виномъ далеко не гнушаются. Похороны состоятъ въ томъ, что, обмывъ и обрядивъ покойника, кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, гдѣ одинъ изъ «старцевъ» читаетъ надъ опущеннымъ въ могилу гробомъ «Отче нашъ», остальные же поютъ подходящія псалмы, и затѣмъ могила зарывается. Крестовъ намогильныхъ нѣтъ, а кладутъ либо плиту съ именемъ покойнаго и датами его рожденія и смерти (у зажиточныхъ), либо же просто втыкаютъ въ головы столбикъ, доску съ надписью или колышекъ съ какою-нибудь отиѣтливой, по которой родственники могли бы признать дорогу для нихъ могилу. Помятки сипалать не обязательно, а если кто и справляетъ, то опять же по саратовскому обычаю. У молоканъ зачастую практикуются неравнолѣтніе браки. Случается такъ, что молодому мужу едва минуло лѣтъ шестнадцать, а женщѣ давно уже за двадцать пять или тридцать, въ особенности если это вдова, на которую принимающая ее семья разсчитывается какъ на рабочую силу. Поэтому зрѣлыя жены очень часто бросаютъ такихъ мальчишекъ-мужей и — либо вновь выходятъ замужъ за человѣка взрослага, либо ищутъ себѣ утѣшенія на сторонѣ. Въ Ленкорани, да отчасти и въ Баку, большинство чиновничьихъ «душенекъ» — все молоканки, женщины вообще видны и красивы. Супружескій разводъ у нихъ очень легокъ, и нерѣдко новобрачные формально разводятся черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы. Для этого достаточно обоюднаго заявленія ихъ предъ собраніемъ, а чаще всего обходятся и безъ этой формальности: просто разойдутся сами по себѣ, да и конечно. Связующимъ звеномъ являются только дѣти: въ этомъ случаѣ разводъ уже гораздо

труднѣе, и община смотритъ на него строго. Здѣсь пускаются въ ходъ сначала увѣщанія со стороны «старцевъ» и «почтенныхъ», а въ крайнемъ случаѣ и просто запрещеніе развода, если одна изъ сторонъ или ея родные не возьмутъ на себя обязательства кормить и воспитывать ребятъ разводящейся пары. Да и сами молокане, впрочемъ, настолько добросовѣстны, что разъ у нихъ есть дѣти, то ни мужъ, ни жена о разводѣ уже не думаютъ, и онъ является въ этомъ случаѣ какъ рѣдкое исключеніе.

Въ Пришибѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ молоканскихъ селеніяхъ, избы стоятъ въ одну улицу, «по порядку», и лишь въ послѣдніе годы, когда явился значительный приростъ населенія, новыя семьи, вышедшія въ раздѣлъ, обзаводясь новымъ хозяйствомъ, стали строиться отчасти въ боковыхъ переулкахъ, отчасти на задахъ, гдѣ образуютъ такимъ образомъ новыя улицы, по порядку же, параллельно старой, которая всегда остается главной. Избы у молоканъ и вообще у сектантовъ частью бревенчатыя, стесанныя внутри и снаружи, частью же глинобитныя и саманныя. Тѣ и другія начисто бѣлятся снаружи и кроются — однѣ красною черепицей, другія камышомъ или соломой. Зажиточныя люди строятся въ два этажа съ «галдареей» въ ободѣ кругомъ; остальные въ одинъ этажъ. Большинство избъ снабжено открытою, приподнятою аршина на полтора отъ земли галлереей или широкою верандой, гдѣ лѣтомъ обыкновенно спитъ вся семья на деревянныхъ кроватяхъ, подъ кисейными мустикерами, которые прикрѣпляются шнурками къ потолку и наглухо подтыкаются подъ сѣнники и подушки — предосторожность, столь же необходимая противъ комаровъ и п мошки, сколько противъ змѣй и скорпионовъ. Впереди избъ, по фронту, насажены деревья, давно уже и хорошо разросшіяся, между которыми чаще другихъ встрѣчаются шелковица, груша, смоквица, грецкій орѣхъ и мимоза. Но правую или лѣвую сторону избы непременно находится фруктовый садикъ съ широко пущенными побѣгами винограда, взбирающагося на крышу, и огородъ, на которомъ красуются подсолнухи, мальвы, пестрые маки, бархатцы, а иногда и кусты жасмина или розы.

Молоканская изба строится продолговато, параллелограмомъ, длинныя стороны котораго обращены во дворъ и садикъ, а короткія — на улицу и ея задворки. Веранда всегда съ надворья и на нее со двора ведетъ деревянная лѣсенка. Посерединѣ веранды — дверь, ведущая въ избу. Дѣлится изба на двѣ половины: теплую и лѣтнюю. Первая всегда составляетъ переднюю часть, съ двумя, тремя или пятью окнами на улицу, а вторая — заднюю, или надворную, съ однимъ окошкомъ на веранду или

въ садикъ. Внутренность передней части—какъ и у всякой обыкновенной избы: направо отъ входа большая русская печь съ палатами, нѣлѣво и впереди—лавки, иногда съ затѣйливо-рѣзными спинками; рѣзбой же въ русскомъ вкусѣ иногда украшаются и окна, въ особенности снаружы; у печи по стѣнѣ—полка въ два яруса, гдѣ ставятся горшки, тарелки и прочая посуда; иногда для послѣдней имѣется шкафчикъ, въ родѣ буфета. Въ переднемъ углу большой тесовый столъ, на столѣ солонка и шпешничайй каравай, покрытый вышивнымъ русскимъ полотенцемъ; но образцовъ нѣтъ и въ поминѣ, равно какъ не замѣчалъ я и хромотографическихъ картинъ, которыя въ послѣдніе годы стали такъ сильно распространяться въ крестьянскомъ быту по Россіи.

Такова изба обывателя средняго достатка. У зажиточныхъ замѣтенъ уже нѣкоторый комфортъ и даже своеобразная роскошь. Вотъ, напримеръ, одно изъ такихъ помѣщеній въ Пришибѣ. Двѣ просторныя, начисто выбѣленные комнаты,—кухня отдѣльно, внизу. На окнахъ бѣлыя занавѣски съ красною оторочкой; на подоконникахъ горшки съ геранью. Въ каждой комнатѣ, въ углу—деревянная кровать подъ кисейнымъ или ситцевымъ пологомъ на стойкахъ; на кроватяхъ—сѣнники и перины подъ тонкими простынями и пикейными одѣялами съ широкимъ кружевомъ домашняго плетеныя; въ головахъ—нѣсколько положенныхъ пирамидой, одна на другую, подушекъ съ разноцвѣтными наволочками: розовыми, желтыми, голубыми и т. д. Въ простѣнкахъ между окнами висятъ зеркала въ деревянной рамѣ, освѣщенное русскимъ полотенцемъ, концы коего украшены поперечно нашитыми полосами разноцвѣтнаго канаса и оторочены черными кружевами. У стѣнъ стоятъ русскіе сундуки съ оковкой, покрытые пестрыми закавказскими коврами и паласами, табуреты, комодъ; на полѣ—чайныя чашки и отлично вычищенный пузатый тульскій самоваръ. Въ углу столъ, на столѣ лампа подъ абажуромъ, ручная швейная машинка въ деревянномъ ящикѣ-футлярѣ, нѣсколько нумеровъ иллюстрированнаго изданія «Русскій Рабочій», съ иностранными полтипажами семейнаго или религіозно-нравственнаго содержанія, и книжка: «Календарь русскаго сельскаго хозяйства». На стѣнѣ—часы, нѣсколько семейныхъ фотографическихъ карточекъ въ рамкахъ, карточка покойнаго государя въ первые годы царствованія и особый билетъ на глазированномъ картонѣ съ золотымъ ободкомъ и хромо-литографическою вѣтвью цвѣтовъ съ бабочками и мотыльками; подъ вѣтвью—крупная печатная надпись золотыми гражданско-русскими буквами: *Христосъ Своєю кровію приобрѣлъ намъ точное искупленіе*, а внизу при золотомъ ободкѣ, другая надпись, но только уже тоненькая, мелкая, такъ что, не вглядѣвшись

дѣвшись ее и не замѣтишь: *I. Chappuis, Litte. Lausanne*. Вонъ оно откуда залетѣло изъ Лозанны да вдругъ на Мугань, въ Ленкоранскій уѣздъ! Надо думать, что въ Лозаннѣ такія бланкетки изготовляются специально для нашихъ сектантовъ, потому, во-первыхъ, что самая надпись составлена по-русски и, во-вторыхъ, составлена совершенно въ штихетски-сектантскомъ духѣ. Подобныя благочестивыя надписи съ сентиментальными букетцами, птичками и бабочками до сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчать только на нѣмецкомъ языкѣ, въ реформатскихъ семьяхъ, и тоже на стѣнѣ, или же въ видѣ закладокъ въ Библияхъ; на русскомъ же языкѣ вижу я такое произведение въ первый разъ, и надо думать, что на эти бланкетки есть-таки спросъ, коль скоро въ Лозаннѣ находятъ возможнымъ изготовлять ихъ специально на русскомъ языкѣ. Вѣроятно, кромѣ закавказскихъ сектантовъ, потребителями ихъ являются еще южно-русскіе штундисты.

Всѣ вообще здѣшніе сектанты одѣваются по-русски и всецѣло сохраняютъ въ обличіи своемъ великорусскій характеръ: борода, какую Богъ далъ, длинныя, ровно подстриженные и на затылкѣ подбритые волосы, съ проборомъ по срединѣ; женщины и дѣвушки носятъ косу, заплетаемую жгутомъ, съ тою разницей, что у первыхъ она подобрана на головѣ подъ платокъ, а у вторыхъ свободно виситъ за спинной. Мужчины ходятъ въ ситцевыхъ или красныхъ кумачевыхъ рубахахъ на выпускъ, подпоясанныхъ тоненькими тесемчатыми поляками, и въ широкихъ синихъ шароварахъ изъ матеріи въ родѣ казінета, домашняя обувь ихъ лѣтомъ—бапмахи на босу ногу, а зимой или на полевые работы непременно высокіе сапоги, потому что иначе въ полѣ не безопасно отъ змѣй. Затѣмъ, головной уборъ мужчинъ для зимы—малахай или бараниковая шапка, а для лѣтняго времени—незамѣнная, пообмятая русская фуражка, лежащая на головѣ бѣлкомъ; въ праздники и въ дорогу мужчины надѣваютъ еще жилетъ и «спинжакъ» или же родъ люстриноваго казакіна коричневаго цвѣта. Что до женскаго костюма, то здѣсь и дѣвушки, и молодіцы, и даже пожилыя женщины безразлично носятъ накиннутый на голову ситцевый, иногда шелковый платокъ, подѣвнчы съ мыскомъ надъ глазами; затѣмъ красная кумачовая или иного свѣтлаго цвѣта ситцевая сорочка (иногда бываетъ и бѣлая миткалевая, но рѣже) и ситцевый сарафанъ, у дѣвушекъ и молодіцъ непременно свѣтлыхъ и яркихъ цвѣтовъ, въ родѣ розоваго, голубого и лимонно-желтаго (послѣдній кажется предпочтается), у пожилыхъ и старухъ—болѣе темныхъ колеровъ. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, старинный сарафанъ у цеголихъ и молодыхъ дѣвушекъ начинаетъ вытѣсняться

платьем городского покроя съ широкою оборкой из подолъ и узкими длинными рукавами по запястью. Непременной принадлежностью такого платья является еще короткая кофта-распашенка, изъ той же матеріи и того же цвѣта, обшитая какою-нибудь яркою тесьмой въ палецъ ширины и украшенная спереди нарядными пуговками. Въ праздники, при такомъ платьѣ полагается еще передникъ, который бываетъ либо бѣлый миткалевый съ кружевными оборками и прошивками, либо шерстяной и въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ одного изъ двухъ цвѣтовъ: или малиновый или ярко-зеленый. Обувь составляютъ красные или пестрые чулки, съ бѣлыми, синими, малиновыми и зелеными поперечными полосками, и козловые башмаки, а у щеголихъ прунелевыми и лайковыми полуботинки на высокихъ каблукахъ. Дома же лѣтомъ всѣ ходятъ босыми, либо въ домодѣльныхъ плетеныхъ изъ кромки или изъ лыка туфляхъ на босу ногу, но послѣдняя обувь составляетъ преимущественно принадлежность старухъ и пожилыхъ женщинъ.

Питаются молokane преимущественно растительною пищею и молочными продуктами (говорятъ, будто отсюда происходитъ и самое ихъ названіе малаканъ или молokane), а также яйцами и домашнею птицею. Баранину употребляютъ въ праздники, а говядину очень рѣдко и то не иначе, какъ если вся община или по крайней мѣрѣ нѣсколько семействъ сложатся, чтобы купить на зарѣзъ быка, тогда ѣдятъ и свѣжанину и въ-прокъ заготавливаютъ, въ-посоль. Свиныни же не употребляютъ вовсе, считая свинью не только нечистымъ, но и проклятымъ животнымъ, на томъ основаніи, во-первыхъ, что Христосъ вогналъ легионъ злыхъ духовъ въ стадо свиной, которое затѣмъ бросилось въ море и, во-вторыхъ и потому, что де «свинья рыломъ могилу Христа разрыла» (!).

Крещеніе молokane отвергаютъ, потому что, по ихъ повятію, человѣкъ долженъ сначала научиться Евангелію, сознательно усвоить себѣ его святыя истины, и когда достигнетъ этого, «возлюбить Христа», то тѣмъ самымъ онъ внутренно крестится и облачается во Христа духомъ. Относительно же таинства причащенія они говорятъ, что причащаются каждый день, потому что когда мы (молokane) съ вѣрою и благословеніемъ вкушаемъ за столомъ хлѣбъ — даръ Божій и съ молитвою приемлемъ вино, вспоминая Господа Христа, то тѣмъ самымъ въ духѣ приобщаемся ко Христу, какъ бы вкушая истинное тѣло и кровь Христовы. Исповѣдь бываетъ у нихъ двоякая: тайная, когда человѣкъ во время молитвы исповѣдуетъ прегрѣшенія свои непосредственно Богу, и явная предъ лицомъ собранія, если онъ чувствуетъ нравственную потребность облегчить душу свою публичнымъ покаяніемъ. Въ та-

комъ случаѣ старцы читаютъ «Отче нашъ» и покаянный псаломъ Давида, а собраніе молится объ отпущеніи грѣховъ покаявшемуся собрату.

Къ «Россіи», т. е. мѣсту прежней своей родины, молokane относятся, какъ и авдреевскій старикъ, вполне равнодушно, не сожалѣютъ о ней, но и не порицаютъ ее. Они вполне довольны нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, которое съ экономической стороны является прекраснымъ, и держатъ въ экономической и даже отчасти культурной зависимости отъ себя всѣхъ мѣстныхъ обиталыхъ татаръ, снабжая ихъ заимообразно всѣмъ, чего у тѣхъ не дохватитъ по хозяйству. Хозяинъ нашъ въ Пришибѣ сказывалъ намъ, что татары въ домашнемъ и сельскомъ своемъ обиходѣ «берутъ примѣръ съ русскихъ» и уже переняли отъ молokane внутреннее устройство избы и русскую печь, вмѣсто своихъ нелѣпыхъ *бузаровъ* (каминъ съ прямымъ широкимъ дымоходомъ) и *мангаловъ*, отъ которыхъ ни тепла, ни пользы, а только одинъ угаръ; переняли также саховары, устройство плуговъ, хозяйственныхъ возовъ, способъ кладки сѣна и хлѣбныхъ сноповъ въ большіе скирды, способъ квашенія огурцовъ и капусты на зиму и многое другое, а нѣкоторыя женщины татарскія начинаютъ даже перенимать у молokaneскихъ щеголихъ ихъ «городское» платье съ кофтой и полуботинки. Молokane же отъ туземцевъ не переняли ровно ничего, кромѣ способовъ сѣянія кукурузы и отчасти разведенія винограда, да и то въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ имъ наибольшія услуги оказали персидскіе работники, потому что изъ мѣстныхъ татаръ рѣдко кто занимается культурой винограда, предпочитая пользоваться имъ въ дикомъ состояніи, благо и дикій онъ все-таки сладокъ. Для подспорья при обработкѣ полей и уборкѣ хлѣбовъ и сѣнокоса, молokaneскіе хозяева держатъ у себя вольнонаемныхъ персидскихъ выходцевъ, которые въ изрядномъ количествѣ ежегодно являются въ наши предѣлы на заработки изъ-за хлѣба. Персу нужно только прокормиться, а если хозяинъ молokane подаритъ ему еще холщевую или ситцевую рубаху съ портами, да положить маленькое жалованье, въ родѣ одного рубля въ мѣсяцъ, выходитъ совершенно счастливъ, дорожитъ своимъ мѣстомъ и работаетъ какъ волъ, что ему ни укажутъ. Въ послѣднее время молokane начинаютъ серьезно обращать вниманіе на виноградарство и винодѣліе. Въ этомъ отношеніи первый серьезный примѣръ показалъ имъ нашъ пришибинскій хозяинъ. Въ позапрошломъ году (1886), въ видѣ перваго опыта, онъ насадилъ особый виноградникъ, а въ прошлую зиму продавъ уже свое первое добытое изъ него вино по 80 копеекъ ведро, на 400 слишкомъ рублей. Такой счастливый результатъ увлекъ и

прочих его односельцевъ, пользовавшихся до сихъ поръ виноградомъ лишь въ ничтожномъ количествѣ для своего домашняго потребленія въ видѣ изюма; теперь же, какъ надѣется хозяинъ, это дѣло, дасть Богъ, пойдетъ у нихъ ходко и, такимъ образомъ, создастся новая отрасль экономическаго благосостоянія.

25-го іюня на Муганской степи, на наше счастье, день былъ сѣренкій, часто перепалъ мелкій морозящій дождикъ; въ воздухѣ, послѣ предшествовавшей духоты и суши, чувствовалась живительная, прохлаждающая сырость, пахло черноземомъ и поlyingю. Куда ни кинешь взглядъ на окрестность, вездѣ необозримыя распаханныя черноземныя поля. Ободрившаяся, окропленная и умытая дождичкомъ степь живетъ теперь своеобразною жизнью; на ней множество самыхъ разнообразныхъ птицъ. У дальнихъ озеръ и на разливахъ видны стаи пеликановъ и стоятъ длинными рядами, точно солдаты на смотру, высокие, красногрудые фламинго; по полямъ, остающимся подъ паромъ, гуляютъ аисты, ибисы, сѣрые и черныя цапли; чайки-мартышки тоже налетаютъ съ моря за степною добычей; красивыя сиворонки, ярко-оперенныя шурры и медососы, ласточки-касатки и розовыя скворцы (спеціальныя истребители саранчи) унизываютъ собою телеграфныя проволоки и съ веселымъ пелобаньемъ и криками несутся цѣлыми партиями по степи; съ вышины доносятся на землю закатистыя долги трели жаворонковъ; орлы, ястреба и коршуны либо отдыхаютъ на землѣ и баштанныхъ вышкахъ, либо описываютъ плавныя круги въ воздухѣ; пестрые удопы съ хохолками и шилохвостыя сороки держатся поближе къ жилью, галка же и ворона (по мѣстному *кара*) космополитически заявляютъ права своего гражданства и въ селахъ, и на пашняхъ, и на баштанахъ, и въ открытой дѣвственной пустынѣ; около дороги снуютъ воробы, подорожники и трясогузки. Зато насѣкомыя исчезли, отнесенныя вѣтромъ въ даль; всѣ попрятались куда-то, не видать ни одного.

Растительность Муганской степи изобильна и довольно разнообразна. Отъ Аджи-Кабуда до Сальянъ она носитъ двойственный характеръ: мѣстами травяныя поля, годныя подъ пастбища обширныхъ стадъ и табуновъ; мѣстами же приближается къ характеру среднеазиатскихъ степей, то-есть отдѣльныя кустики и щепоты однолѣтнихъ и травянистыхъ растений, точно бы кочки или бородавки на пыльно-сѣрой, глинисто-солончаковой почвѣ. Въ этихъ кучкахъ произрастаютъ преимущественно полынь, бурьянъ, чертополохъ и трава-колючка, а изъ кустарниковъ—низенькій тамарискъ и изрѣдка солодокъ, доставляющій солодковый корень. Но за Сальянами, въ Куринской дельтѣ и Ленкоранскомъ клинѣ идетъ

уже чисто черноземная, богатая степь, съ несравненно болѣе разнообразнымъ характеромъ травъ и однолѣтнихъ растений. Это уже сплошныя зеленыя поля, напоминающія благодатныя степи Малороссіи и Украйны. Характернѣйшими представителями здѣшней растительности, послѣ кормовыхъ травъ, являются капуста съ роскошными, красивыми цвѣтами — у не распустившихся розоваго, а у развившихся нѣжно-бѣлаго цвѣта, — заячья капуста (молочайное растение съ жестко-мясистыми, сизо-зелеными листиками), желтая мальва, донникъ, бузина, солодокъ, покрывающій сплошь цѣлыя пространства, бѣлена, клещевина, чертополохъ съ сизо-голубыми стеблями и цвѣтами и одинъ изъ видовъ репейника съ мелкими блѣдно-розовыми цвѣточными шишками, растущій небольшими кустиками. Затѣмъ, чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все болѣе начинается степь покрываться кустарниками, достигающими довольно значительныхъ размѣровъ, а въ прибрежной полосѣ она вся густо усеяна ими, и тутъ встрѣчаеи вы массы цвѣтущей ежевики (по мѣстному—*дереза*), гдѣ на одномъ и томъ же кустѣ одиѣ вѣтви еще только-что распускаютъ свои розовыя лепестки, другія уже отцвѣли и наливаются, а третьи тянутся къ вамъ съ лучами совсѣмъ уже созрѣвшей, вкусной ягоды, въ родѣ малины, гранатово-чернаго цвѣта. Рядомъ съ ежевикой растутъ большіе и пышныя кусты гранатника съ яркоруновыми цвѣтами, разные виды акаціи, дубякъ, кизиль, тамарискъ и купы желтой и бѣлой мальвы; бѣлыя павокъ нерѣдко сплошь завиваютъ и глушатъ эти кусты своими густолиственными побѣгами. Мѣстами пространства кустарниковъ прерываются болотами, поросшими высокими камышемъ, иррикомъ и желтыми лѣлями; тамъ и сямъ по болоту высятся деревья, преимущественно таль (родъ ивы) и болотный осокорь, а на твердомъ грунтѣ начинаютъ попадаться чинары (платанъ), тополи, дикая яблоня, груша, смоковница, слива-алча (родъ репглота), шелковица и грецкій орѣхъ, и все это роскошно опутано дикими виноградомъ съ назрѣвающими гроздьями, хмелемъ, плющемъ и другими разнообразными павоями. Вообще, чѣмъ ближе къ морю и дальше къ югу, тѣмъ роскошнѣе и разнообразнѣе становится растительность. Не тутъ просто претъ изъ земли естественная влага и тянетъ вверхъ могучими лучами солнца. Послѣ полудня небо прояснилось, и мы могли вдосталь любоваться всюю этою прелестью и яркими красками прибрежной Мугани.

Почва въ этой мѣстности (Ленкоранскій клинъ) повсюду представляетъ великолѣпный черноземъ, доходящій мѣстами до аршина и болѣе глубины; но въ прибрежной полосѣ онъ находится уже въ смѣшеніи съ крупно-зернистымъ ракушчатымъ пескомъ, который послу-

жилъ великолѣпною настѣлкой для возвышеннаго шоссе на дороге отъ Пришиба до села Николаевского и далѣе къ морю, до татарской деревни Кизиль-Агачъ, расположенной почти на самомъ берегу Каспія. Отъ Кизиль-Агача подобная же прекрасная дорога идетъ приморскою полосой до самой Ленкорани, но здѣсь это шоссе уже естественное, благодаря природнымъ качествамъ грунта. Русскій характеръ селеній сразу сказывается въ массѣ распаханныхъ полей, начиная отъ Тазикента и до Кизиль-Агача. Въ районѣ степи отъ Пришиба до Николаевского преобладаютъ бахчи, вперемешку съ хлѣбными полями и цѣлыми десятинами, засѣянными подсолнечникомъ, изъ котораго молоко не жмутъ масло. Тутъ, по всей окрестности разбросаны торчащія вышки, которыя представляютъ собою приподнятый отъ земли аршина на три плетневый помостъ на четырехъ столбахъ или сухихъ древесныхъ стволахъ, подъ чертовой (камышевою) кровлей. При каждой бахчѣ непременно имѣется такая сторожевая вышка, на которой всегда видѣются фигурки дѣтей-караульщицъ и преимущественно дѣвочекъ. Разведеніемъ бахчей занимаются также и осѣдлые татары. Дыни у нихъ уже поспѣли, и маленькія караульщицы, выходя съ ними на дорогу, предлагаютъ ихъ въ *пешкешъ* продающимъ. Спрашиваю у одной изъ такихъ черноглазыхъ замарашекъ: что стоятъ? Мотаетъ головой и лукаво улыбается. Почему за дыню? Ни почему, говорить,—пешкешъ! И, приподнявшись на цыпочки, суетъ ее въ повозку, ко мнѣ на колѣни. Далъ ей серебряный гривенникъ, такъ она приняла въ величайшее изумленіе и хотѣла уже было надѣвать меня цѣлою грудой дынь, но ямщикъ объяснилъ ей по-татарски, что намъ больше одной не требуется. Личико у дѣвочки озабоченно омрачилось: какъ же, молъ, такъ? За одну дыню и вдругъ такія громадныя деньги! У нея нѣтъ сдачи, да и продавать она вовсе не желала, а предложила только пешкешъ. Ей объяснили, что гривенникъ дается ей тоже въ пешкешъ—и обрадованная красивая замарашка вдругъ просіяла,—она совершенно счастлива, улыбается во весь свой ротъ, полный жемчужнобѣлыхъ зубешекъ, и провожаетъ насъ веселыми поклонами. Подумаешь, какъ немного нужно для минутнаго счастья бѣдной татарской малютки... Несмотря на массу воздѣланныхъ полей, свободной земли все еще остается на Мугани такое множество, что культивированныя части степи являются лишь клочками; остальная же почва, могущая обогатить вчетверо большее населеніе, пустуетъ пока еще во всей своей дѣвственной неприкосновенности. Такъ, по крайней мѣрѣ, сузу я на глазъ. Здѣсь, мнѣ кажется, вполне успѣшно могъ бы быть разводимъ хлопокъ, особенно на Талы-

шинской низменности, по соседству съ горами. Опыты показали, что въ Ленкоранскомъ уѣздѣ возможна вполне успѣшная культура не только хлопка, но даже сахарнаго тростника и индigo. Въ огородахъ нѣкоторыхъ татарскихъ деревень, къ югу за Ленкоранью, мы и теперь встрѣчали иногда маленькія, пустынные заросли сахарнаго тростника, разводимаго пока не болѣе какъ въ качествѣ семейнаго лакомства; но и этого совершенно достаточно для убѣжденія, что тутъ возможны серьезныя тростниковыя плантаціи, еслибы въ нихъ оказалась надобность. При изобиліи свекловичнаго производства въ Россіи, такой надобности пока нѣтъ, но тѣмъ настойчивѣе слѣдуетъ подымать голосъ за хлопокъ. Еслибы вниманіе правительства обратилось наконецъ на этотъ родъ культуры, то нѣтъ сомнѣнія, что Россія черезъ нѣсколько лѣтъ не нуждалась бы болѣе ни въ одномъ клочкѣ чужестраннаго хлопка. Это съ моей стороны вовсе не гипербола. Я пишу только о томъ, что видѣлъ, и повторяю лишь слова мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей, хорошо знакомыхъ съ характеромъ и свойствомъ своей почвы. Они увѣрены, что нашего средне-азиатскаго и закавказскаго хлопка, если бы расширить его производство только въ предѣлахъ возможнаго и отнюдь не въ ущербъ остальнымъ видамъ культуры,—вполнѣ хватило бы на удовлетвореніе потребностей всей Россіи, да еще оставался бы ежегодно нѣкоторый избытокъ для вывоза за границу. Нуженъ только первоначальный энергическій толчекъ, и вопросъ лишь въ томъ, кто же наконецъ возьметъ его на себя,—частный ли починъ, или правительство?

Подъ вечеръ, въ началѣ шестого часа, мы подѣзжали къ Ленкорани съ сѣверной стороны. Здѣсь, первое что встрѣтили мы при дорогѣ, были громадныя склады трехполѣнныхъ дровъ, постоянно заготовляемыхъ для пароходовъ. Ихъ рубятъ въ лѣсахъ Талышинскихъ горъ, истребляя для сего большія лѣсныя пространства, вслѣдствіе чего многія вершины ближайшихъ холмовъ стоятъ уже обнаженными. Такое безразсчетливое истребленіе лѣсныхъ богатствъ рѣшительно неоправдываемо въ краѣ, гдѣ пароходы легко могли бы отапливаться бакланскою нефтью. Вообще, рубку Талышинскихъ лѣсовъ слѣдовало бы урегулировать болѣе существеннымъ и строгимъ образомъ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Теперь, какъ слышно, въ Кутансѣ, напримѣръ, жалуются на несносныя восточныя вѣтры, приносящіе съ собою знойное дыханіе воздуха, засуху и тучи пыли, отъ которой некуда дѣваться, а между тѣмъ старожилы тамошніе помнятъ, что лѣтъ двадцать пять или тридцать тому назадъ ничего подобнаго не было, и Кутансѣ славился своимъ мягкимъ, умѣреннымъ климатомъ. Всѣ эти

невыгодныя атмосферическія перемены произошли тамъ исключительно вследствие нерациональной, безразсчитливой вырубки горныхъ лѣсовъ, защищавшихъ городъ съ востока. Та же самая участь, безъ сомнѣнія, ожидаетъ со-временемъ и Ленкорань, если не будутъ приняты своевременныя мѣры. Рубить Талышинскіе лѣса, конечно, можно и даже должно, но только дѣло это непременно должно быть урегулировано и подвержено неослабному контролю. Почти противъ дровяныхъ складовъ, нѣсколько вправо отъ дороги, виднѣется странное кладбище. Оно окупано съ четырехъ сторонъ ровомъ и низенькою насыпью, въ которой съ сѣвернаго фаса продѣланы большія, высокія ворота на кирпичныхъ столбахъ. На кладбищѣ, лишенномъ древесной растительности, стоящія торчатъ намогильныя плиты такой формы, какую не употребляютъ ни русскіе, ни мусульмане. На вопросъ мой, что это за кладбище, — ямщикъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ: — нешто ты, батюшка, не знаешь — и неохотно буркнулъ въ отвѣтъ: «*жидовское*». Судя по скругленной сверху формѣ стоящихъ плитъ, я и самъ-было думалъ, что кладбище должно быть непременно еврейскимъ, но предлагая свой вопросъ ямщику, хотѣлъ только болѣе удостовѣриться въ этомъ. Мнѣ казалось страннымъ, откуда въ Ленкорани набралось столько евреевъ, что явилась вдругъ надобность въ такомъ большомъ кладбищѣ? До поры до времени вопросъ этотъ остался для меня не разрѣшеннымъ.

Но вотъ, въѣзжаемъ мы въ подгородную Ленкоранскую слободу. Русскія бѣленныя избы муганскаго типа тянутся «по порядку» въ одну линію вдоль отлогого морского берега, фронтомъ къ морю. Позади дворовъ — сады, позади садовъ — болота. На слободской улицѣ гуляло множество русскихъ парней въ «спинжакахъ», сюртукахъ и ситцевыхъ рубахахъ на выпускъ, забавляясь гармониками и воспроизводи на нихъ не только плясовые русскія пѣсни, но и «Стрѣлочка», и даже нѣчто несурзкое, въ чемъ однако можно было узнать примѣненныя къ ограниченному средству русской гармоникѣ нѣсколько искаженные мотивы изъ «*M-me Angot*». — «Вотъ такъ цивилизація!» думаю себѣ. «Тамъ благочестивыя надписи изъ Лозанны, здѣсь — *Аню...* Что-то будетъ далѣе?»... Вместе съ парнями, луща подсолнухи и шелкая орѣшки, гуляли разряженные по-праздничному дѣвушки и молодцы въ платочкахъ и шляпкахъ, а въ эдакомъ мѣстѣ онѣ завели даже хороводъ, vigorously оглашая воздухъ русскими пѣснями. Босоногіе мальчишки играли на берегу въ бабки, а другіе, какъ истыя дѣти природы, не стѣсняясь влѣкомъ и пачкомъ, купались въ морѣ. — «Что за праздникъ?» думаю себѣ и начинаю вспоминать, — но нѣтъ, какъ ни при-

поминаю, все-таки прихожу къ безошибочному заключенію, что нынче нѣтъ ни воскресенья, ни царскаго дня, ни иного какого праздника... Да какой же день, однако, сегодня? — Оказывается — суббота. По какому же поводу гуляетъ весь этотъ народъ? Престольный праздникъ у нихъ сегодня, что ли?

Мой спутникъ только ухмыляется надъ моимъ недоразумѣніемъ.

— Да вы знаете, что это такое, — говоритъ онъ мнѣ наконецъ; — вѣдь это все субботники, жидовствующие... Они сегодня шабашъ справляютъ.

Признаюсь, хотя и зная я, что въ Ленкорани поселены субботствующие сектанты, но чтобы русскій человѣкъ, — какъ есть, *совсемъ русский*, — справлялъ подобнымъ образомъ еврейскій шабашъ — это казалось свыше всякаго моего ожиданія; это было что-то нелѣпо невѣроятное!.. И тѣмъ не менѣе, это такъ, что неопровержимая, очевидная дѣйствительность.

Секта субботниковъ сосредоточивается почти вся въ Ленкоранскомъ уѣздѣ и расселена главнѣйшимъ образомъ въ четырехъ пунктахъ, а именно: въ подгородной Ленкоранской слободѣ (сплошное населеніе), въ селеніи Привольномъ (тоже сплошное), въ мѣстечкѣ Ассулы, гдѣ эти сектанты сплошь занимаютъ всю часть деревни по восточную сторону Ассулинской балки (западная принадлежитъ татарамъ и персіянамъ), извѣстную подъ именемъ подассудокъ, и наконецъ въ южной части селенія Пришибъ. Субботники не могутъ быть названы сектантами въ строгомъ смыслѣ слова: это просто русскіе Моисеева закона. Они всецѣло держатся еврейской религіи, не признавая вовсе Новаго Завета; имѣютъ свои синагоги, устроенныя совершенно по еврейскому образцу; собираются на богомоленіе совместно съ настоящими евреями; при утренней молитвѣ ежедневно надѣваютъ себѣ на лобъ шель-рошъ, а на руку шель-ядъ и покрываются талесомъ; *) всегда носятъ цицесъ (филактѣрин), голову покрываютъ ермолкой, или сидятъ дома въ шапкѣ, — словомъ, исполняютъ все то, что предписывается еврею Второзаконіемъ, и настолько — насколько эти древнія постановленія вообще могутъ быть примѣнимы къ современной еврейской жизни

*) Шель-рошъ и шель-ядъ — такъ-называемое «хранилище», которое состоитъ изъ двухъ кубической формы кожаныхъ коробочекъ, гдѣ заключены извѣстные стихи изъ Второзаконія, начертанные на кусочкѣ пергамента. Талесъ — бѣлое шерстяное покрывало съ темно-синими каймами, въ родѣ савана, въ которое облачается при утренней молитвѣ каждый совершеннолѣтній жеватый еврей и которое надѣваютъ на него въ послѣдній разъ послѣ смерти, при снаряженіи тѣла къ погребенію. Этотъ талесъ каждый еврей уноситъ съ собой и въ могилу.

и быту. Жидовствующие наши дѣлятся на свои мелкіе толки и секты: одни изъ нихъ строго и тонко соблюдаютъ всѣ еврейскіе обряды и обычаи, особенно насчетъ порядковъ празднованія субботы, іомъ-кипура, іомъ-гадника и юбилейныхъ годовъ, а также насчетъ *кошера* и *трефа*, ради чего имѣютъ своихъ «ученыхъ» *шохетовъ*, *маргишей* и *менагровъ*; *) они, какъ слышно, не прочь были бы держаться и талмудизма, еслибы понимали древній языкъ, а потому нерѣдко принимаютъ на вѣру всякія толкованія еврейскихъ раввиновъ. Другіе же только чтутъ субботу и не ѣдятъ свинины, а въ остальной пищѣ правилъ *кошера* и *трефа* не придерживаются, да и самую субботу соблюдаютъ не особенно строго, то-есть не признаютъ, напримѣръ, закона *эйрува*, и если надо куда идти или ѣхать даже двухъ тысячъ шаговъ отъ дому, то идутъ и ѣдутъ не стѣсняясь; если нужно пронести какую-либо тяжесть виѣ собственного двора, то пронесутъ все равно какъ и въ будень, а также и купятъ, и продадутъ все что потребуется, — словомъ, къ этимъ вольнодумцамъ болѣе всего можетъ быть примѣнено названіе *субботниковъ*, потому что они чтутъ субботу, и только субботу, на основаніи заповѣди «помни день субботній, еже святити его», а чествованіе это происходитъ такимъ же обычаемъ, какъ у ихъ православныхъ соотечественниковъ празднованіе воскресенья, то-есть по субботамъ они не работаютъ и гуляютъ, а иногда и загуливаютъ. Жидовствующие-ортодоксалы, или русскіе Моисеева закона, относятся къ нимъ съ сожалѣніемъ, какъ къ людямъ вольнодумнымъ и заблуждающимся, но не отвергаютъ ихъ безусловно, допускаютъ въ свои синагоги, хоронятся на однихъ кладбищахъ, иногда даже и дѣвокъ своихъ выдаютъ за нихъ замужъ, съ условіемъ не принуждать бабу къ *трефу*, и вообще состоятъ съ ними въ извѣстномъ общеніи, за исключеніемъ развѣ того, что не все станутъ ѣсть и пить у нихъ въ домѣ, не будучи вполне увѣрены, подадутъ ли имъ *кошеръ* и будетъ ли посуда *кошерною*. Но тѣ и другіе относительно религіозныхъ вѣрованій и воззрѣній признаютъ истиннымъ только законъ Моисея, ожидаютъ пришествія Мессіи и возстановленія Іерусалимскаго храма и царства, которое будетъ «истиннымъ царствіемъ Божиимъ на земли», «царствіемъ будущаго вѣка», и ни въ какое общеніе ни съ русскими, ни съ молоканами, ни съ мусульманами не входятъ. Впрочемъ, вообще живутъ со всѣмъ мирно, занимаются спеціально земледѣіемъ, а подгородные ленокранскіе — садоводствомъ, огородничествомъ и ремеслами, и всѣ требо-

ванія начальства насчетъ земскихъ и прочихъ повинностей исполняютъ безпрекословно. Между жидовствующими — ортодоксалами, или истинными, какъ называютъ они себя, попадаются люди, знающіе древне-еврейскую грамоту (отъ учителей-евреевъ, такъ-называемыхъ «меламдовъ») настолько, что могутъ сами читать по-еврейски священныя книги, но это чтеніе у нихъ совершенно механическое, такъ какъ языка древне-еврейскаго они не понимаютъ. Но и такихъ «ученыхъ» приходится не болѣе какъ одинъ на сто; понимающихъ же кое-что въ языкѣ и трехъ чело-вѣкъ на все сектанство не наберется.

Врачутся «истинные» субботники не только между собою, но и съ настоящими евреями, которые живутъ въ небольшомъ количествѣ при каждомъ субботническомъ селеніи; они-то и претендуютъ преимущественно на роль раввиновъ, указчиковъ и учителей. Еврейки, вышедшія замужъ за субботниковъ, превращаются въ русскихъ бабъ — насколько это возможно для кровной еврейки, носятъ исключительно русскій костюмъ (сарафанъ), говорятъ только по-русски, дѣтей воспитываютъ и водятъ тоже по-русски и вообще весь домашній обиходъ и хозяйство ведутъ на русскую статью. Въ свою очередь, и кровные евреи очень любятъ жениться на русскихъ субботницахъ. Это у нихъ считается даже особеннымъ, такъ-сказать, шикомъ высшей марки. Женятся на нихъ нерѣдко очень богатые люди, которые даже нарочно прѣзжаютъ въ Ленкоранскій уѣздъ издалека, изъ Тифлиса и Одессы (были прѣмѣры, что прѣзжали даже изъ Варшавы), спеціально для выбора себѣ невестъ между дѣвушками-субботницами. Изъ Закавказскихъ богатей-евреевъ женатъ на субботницѣ нѣкто Круцкопфъ, *) ленокранскій купецъ и домо-владѣлецъ. Дѣти его отъ этого брака ходятъ и говорятъ исключительно по-русски, и вообще, г-жа Круцкопфъ весь домъ и всю жизнь его перевернула на русскій ладъ, за исключеніемъ, конечно, религіознаго обряда. И настоящіе евреи, женатые на субботницахъ, ни мало не противятся такимъ перемѣнамъ, — напротивъ, они подчиняются имъ даже весьма охотно, находя, что это вполне единитъ ихъ съ русскими единовѣрцами. Вообще, весь жизненный обиходъ у субботниковъ, ихъ костюмъ, привычки, нравы, обычаи, за исключеніемъ религіозной сферы, все это — русское, народное, какимъ было, такимъ и осталось. Молятся они по Библии въ русскомъ переводѣ и по русско-еврейскому молитвослову (*сидуръ*) г. Гуревича. Избы и дома у нихъ русскаго типа, принаровленнаго, какъ и у прочихъ сектантовъ, къ мѣстнымъ условіямъ жизни и кли-

*) Раввины и спеціалисты, опредѣляющіе годность или негодность (*кошеръ* или *трефъ*) мяса въ пищу евреямъ и достоинство рѣзачьяго ножа.

*) Фамилія въ переводѣ значитъ «чесоточная голова».

мата. Внутренняя домашняя обстановка тоже совершенно русская, съ большою печью, палатами и прочимъ, но есть въ ней и свои особенности. Такъ, напримѣръ, къ косяку входныхъ дверей всегда прибита *мезуза* ¹⁾, заключенная иногда въ жестяной футляръ. Кроме того, надъ дверями, окнами, печными отдушниками и постелями можно иногда встрѣтить наклеенныя *ширъ-гемалоты*—особые талисманы, предохраняющіе отъ вторженія нечистыхъ и злыхъ духовъ, особенно если въ домѣ есть беременная женщина или родильница ²⁾. Какъ мезуза, такъ и ширъ-гемалоты у субботниковъ пишутся обыкновенно по-русски и только нѣкоторые имѣютъ ихъ на еврейскомъ языкѣ; но это въ томъ лишь случаѣ, если талисманы эти были подарены хозяину дома какимъ-нибудь заходящимъ «святымъ» еврейскимъ раввиномъ или ламданомъ (ученымъ) въ воздаяніе за оказанное гостепріимство и милостыню, тогда они считаются особенно священными, какъ хранящіе въ себѣ особенную силу противъ «нечистаго». Наконецъ, въ переднемъ, «красномъ», углу комнаты у субботниковъ *орн-каходиз*, или, по-ихнему, «кпвотъ», родъ настѣнного шкафчика безъ дверцы, задернутый *п-раухесомъ*, матерчатой завѣской темно-синяго цвѣта, а у зажиточныхъ иногда и парчевою, на которой нашита посерединѣ изъ бѣлой тесьмы или изъ позумента шестигульная звѣзда (два равнобедренные треугольника, сведенные въ одномъ общемъ центрахъ и обращенные вершинами въ противоположныя стороны, вверхъ и внизъ), мистическій гербъ или эмблема царства еврейскаго. Въ «квотѣ» за пераухесомъ всегда хранятся священные книги въ корешковыхъ переплеткахъ съ застежками: русская Библія (безъ Новаго Завета, конечно), Псалтирь и молитвословы; у иныхъ встрѣчаются и рукописные списки съ переведенныхъ на русскій языкъ поученій и словъ тѣхъ или другихъ извѣстныхъ еврейскихъ раввиновъ и кое-какіе переводы изъ Агады (дидакто-анекдотическая и легендарная часть Талмуда). Но высшимъ удовольствіемъ и гордостью для каждаго домохозяина считается, если у него есть въ квотѣ рукописный пергаментный свитокъ Торы (Пятикнижия) на древне-еврейскомъ языкѣ съ прилагаемымъ къ нему особымъ свидѣтельствомъ за печатями извѣстныхъ

раввиновъ о томъ, что священный свитокъ этотъ написанъ безъ малѣйшей ошибки, описки и подчистки (потому что иначе онъ былъ бы *пуща*—негодный). Подобные свитки читаются у ортодоксальныхъ субботниковъ вышею и единственною ихъ святыней, и у кого есть таковой, тамъ уже онъ составляетъ гордость семьи, хранится въ шелковомъ футлярѣ, завернутый въ чепцахъ, какъ великая рѣдкость, и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству въ смыслѣ самой священной и драгоцѣнной части фамильнаго достоянія. Зажиточные люди нерѣдко платятъ очень большія деньги за выписку себѣ изъ Западнаго края или изъ-за границы такого удостовѣреннаго свитка. Чтобы сколотить достаточную сумму на его приобрѣтеніе, субботники зачастую отказываютъ себѣ и семьѣ во многомъ изъ самаго необходимаго, постятся, не шьютъ новой одежды и обуви, продаютъ хлѣбъ и всѣ домашніе продукты, оставляя себѣ въ обрѣзъ лишь то, безъ чего уже рѣшительно невозможно обойтись. Странствующие еврейчики и особенно ламданы, нарочно забредающіе съ такими свитками въ Ленкоранскій край, обыкновенно дѣлаютъ на нихъ себѣ превосходные гешефты. Субботники хоронятся на своихъ особыхъ кладбищахъ безъ гробовъ, въ сидячемъ положеніи, облаченные въ смертную рубашу (*кителъ*) и въ талесъ. Гробяничь у нихъ одинъ на всю общину и въ немъ обыкновенно доставляютъ покойника только до кладбища. Намогильные памятники общеврейской формы всегда ставятся стоймя, какъ принято у евреевъ, и снабжаются высѣченными надписями: съ одной стороны по-русски, съ другой по-еврейски.

Что касается до прозелитизма, то субботники, какъ и всѣ прочіе здѣшніе сектанты, далеко не прочь отъ того, чтобы вербовать себѣ новыхъ послѣдователей и членовъ. Жертвами прозелитизма обыкновенно становятся неудачники изъ новыхъ православныхъ переселенцевъ. Забредетъ себѣ такой новикъ съ семьей въ чаиніи медомлечныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ въ невѣдомый ему отдаленный край, гдѣ нѣтъ у него ни родныхъ, ни знакомыхъ гдѣ бы пріютиться, съ кѣмъ бы совѣтываться; порастрачетъ онъ массу еще во время долгаго пути, поискарится и на мѣстѣ, пока будетъ обивать пороги разныхъ совѣтъ къ тому не подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и «могущихъ» людей, моля ихъ войти въ его крайность и отвести «по указу» землю подъ поселеніе. Отведутъ ли ему, нѣтъ ли—это еще вопросъ, да если и отведутъ, чтобъ отдѣлаться наконецъ отъ назойливаго мужиченки, то все-таки, поизмощавшись нравственно въ этихъ «хожденіяхъ» и поиздержавшись на харчи во время всей долгой процедуры похода, исканій, хлопотъ,

¹⁾ Свернутый кусокъ пергамента или бумаги, на коемъ написаны извѣстные стихи Второзаконія. Мезуза имѣетъ назначеніе охранять жилище еврея отъ всякой нечести и напоминаетъ входящему въ домъ объ Иеговѣ и законахъ. Поэтому каждый входящій обязанъ прикоснуться къ ней рукой.

²⁾ На такихъ ширъ-гемалотахъ пишется извѣстный псаломъ, окруженный именами извѣстныхъ еврейскихъ ангеловъ и силъ небесныхъ.

ходатайствъ и прочаго, переселенецъ убѣждается въ концѣ-концовъ, что и на отведенной землѣ онъ все-таки одинокъ и безпомощенъ, гораздо даже безпомощнѣе, чѣмъ былъ у себя дома, на родинѣ. Приходитъ онъ къ печальному заключенію, что ничего не подѣлаешь, погибать надо съ семьей. А между тѣмъ видитъ онъ, что окрестные сектанты живутъ прекрасно, другъ за друга держатся крѣпко, дома у нихъ какъ полная чаша, скотинка хорошая, лошади бойкія, мужики съ каждаго годомъ, слышно, все богатыютъ. Онъ, раздумѣтся, къ нимъ за совѣтомъ и соседскою помощью. А тѣ ему на это: «Да намъ-то ты что! Ты намъ чужакъ, ступай къ своимъ, пушкai напередъ свои тебѣ помогутъ!» Но гдѣ жъ ему взять «своихъ», если таковыя представляются ему только въ образѣ горожанина, ремесленника-мѣщанина, отставного солдата подгородной слободы, «аблаката» да чиновника, съ которыми онъ имѣлъ уже дѣло и вдалостал отвѣдалъ, сколь оно сладко. Ближе всѣхъ по средѣ, по народности, по быту оказываются къ нему все тѣ же сектанты, которые, кстати, предлагаютъ: «Если хочешь нашей поддержки, принимай нашъ толкъ, переходи въ наше согласіе, мы тебя примемъ, пожалуй, ради твоего сиротства и «безпомощности». И вотъ, не видя много исхода, онъ переходитъ въ секту, становится ея «братомъ», и однообщественники съ той минуты считаютъ уже своимъ долгомъ всячески поддержать на первыхъ порахъ неофита и нравственно и материально: помогутъ ему и избу поставить, и поле обработать, и верна на заставѣ дадутъ, обрядятъ и хозяйство, пожертвовавъ кто чѣмъ можетъ, — одинъ принесетъ «на новоселье» мяску, другой ведро, третій горшокъ, четвертый барана пожертвуетъ—съ мира по нитѣ, голому рубаха; и этотъ голый, гляди, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ порядочнымъ хозяиномъ, можетъ жить съ семьей не нуждаясь, впереди есть для него и просвѣтъ и надежды, но увь!—все это приобретено на счетъ не легкой сдѣлки съ собственною совѣстью, цѣной вѣроотступничества...

Ленкорань—очень хорошенкiй городокъ, расположенный на приморской плоскости и весь потонувшiй въ своихъ роскошныхъ садахъ. Выстроенъ онъ «по плану» въ чертѣ бывшей персидской крѣпости, отъ которой на южномъ фронтѣ уцѣлѣлъ еще земляной валъ, поросшiй дикою растительностью. Крѣпость имѣла въ планѣ форму большого редута, на двухъ углахъ котораго, сѣверо-восточномъ и юго-западномъ, находились прекрасно сохранившiяся и до нашего времени двѣ широкия круглыя башни, высотой саженъ въ пять, если не больше, выстроенныя изъ обожженаго кирпича. На первой изъ нихъ, выходящей къ морскому берегу, устроенъ Ленкоранскiй маякъ, а во второй

помѣщаются полковая кузница и мастерскiя Ейскаго казачьяго полка, штабъ - квартира коего расположена въ городѣ. Внутри этой второй башни находится глубокой колодезь, въ который, по преданію, во время штурма крѣпости русскими войсками, персы побросали свои лучшія бронзовыя пушки, гдѣ онъ и по сей день пребываютъ. Крѣпость построена въ 1812 году, подъ руководствомъ, какъ говорятъ, французскихъ инженеровъ, и взята русскими подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Котляревскаго, послѣ кровопролитнаго штурма, 1-го января 1813 года. Гарнизонъ ея предъ штурмомъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ отборнаго персидскаго войска, а комендантомъ и главноначальствующимъ былъ извѣстный сардаръ Садикъ-ханъ; въ рускомъ же отрядѣ было всего 1,660 человѣкъ при 63-хъ офицерахъ. Приказъ Котляревскаго, возвышавшiй на завтра штурмъ, объявилъ войскамъ заранѣе, что «отступленія не будетъ»,—и генералъ сдержалъ свое слово. Несмотря на отчаянно храбрую защиту противника и огромныя потери въ штурмовыхъ колоннахъ, упорный бой продолжался три часа, пока русскіе не взяли птыками ленкоранскіе валы и башни. Персіане погибли при этомъ почти поголовно, но и у насъ, изъ общей численности отряда въ 1,723 человѣка (съ офицерами), вышло изъ строя 950, а именно: убитыми—офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 325, и ранеными—офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 584. Самъ Котляревскiй, получившiй три огнестрѣльные раны, былъ отысканъ уже послѣ взятія крѣпости, въ грудѣ тѣлъ, наполнявшихъ крѣпостной ровъ. Одна изъ его ранъ была въ особенности тяжела: пуля раздробила ему челюсть и лишила, такимъ образомъ, возможности продолжать военную службу. На 31-мъ году отъ роду, украшенный Георгіевскою звѣздой (2-го класса), онъ долженъ былъ выйти въ отставку и навсегда поселиться у себя на хуторѣ «Добрый Пріютъ», близъ Теодосіи. Ленкоранскiй штурмъ былъ послѣднимъ эпизодомъ его блистательнаго военнаго поприща¹⁾. До присоединенія къ Россіи въ 1813 году (по Гюлистанскому договору), Ленкоранскiй уѣздъ входилъ въ составъ Талыша или Талышинскаго ханства, горная часть котораго, по ту сторону рѣчки Астары, осталась за Персіей; Ленкораню же названа крѣпость персіанами по той причинѣ, что рейдъ ея представляетъ хорошую якорную стоянку: *ленкорань* по-персидски значитъ якорное мѣсто. Въ настоящее время въ городѣ считается 5.618 жителей²⁾. Улицы его достаточно широки и правильны, идутъ параллельно одна другой и пересѣкаются подъ прямыми

¹⁾ Скончался генералъ Котляревскiй 21 октября 1851 г., проведя 39 лѣтъ почти въ непрерывныхъ страданіяхъ. Погребенъ въ «Добрый Пріютъ».

²⁾ Е. Вейденбаумъ, 398.

углами другими подобными же улицами. Благодаря хорошему твердому грунту, въ который вкраплен крупнозернистый ракушный песокъ, всё онѣ кажется прекрасно шоассированными, но объ этомъ позаботилась не городская дума, а сама природа. По бокамъ улицъ прокопаны дренажныя канавы и во многихъ мѣстахъ разсажены аллеями деревья, дающія великолѣпную тѣнь прохожимъ. Домики обывательскіе смотрятъ очень чистенько и привѣтливо. Есть между ними, особенно на Субботнической слободкѣ, деревянные, вымазанные глиной и бѣлилами; но въ самомъ городѣ большая часть домовъ выстроена изъ сырцового или обожженного кирпича въ одинъ этажъ, а нѣсколько домовъ есть и въ два этажа, съ балконами и архитектурными украшеніями. Всѣ же вообще они подъ деревянными или желѣзными двускатными кровлями. Плоскихъ и кировыхъ крышъ здѣсь не любятъ и избѣгаютъ: онѣ такъ накаляются, что потолки и стѣны никогда не успеваютъ достаточно остыть за ночь и поэтому въ помѣщеніяхъ такихъ домовъ вѣчно стоитъ ужасная духота, а количество градусовъ тепла всегда превосходитъ на нѣсколько единицъ самую высокую наружную температуру. Подъ желѣзными кровлями уже гораздо легче жить, потому что между накатомъ потолка и стропилами есть просторный чердакъ, гдѣ всегда свободный токъ воздуха. Почти при каждомъ домикѣ вы видите хорошенькій подъѣздъ и красивую широкую террасу съ разноцвѣтными стеклами, выходящую сбоку въ домашній садъ и живописно обитую виноградомъ и орхидеями. Точно также не мало красоты и прелести придають многимъ домикамъ ихъ палисадники, наполненные пышными кустами алычъ и бѣлыхъ розъ, цвѣтушихъ круглый годъ, ползучими розами, завивающимися стѣны, деревцами розы китайской, кустами жасмина, разноцвѣтными махровыми мальвами, лиловымъ присомъ, пунцовыми піонами, олеандрами, магноліями и другими деревцами и цвѣтами, свойственными благодатному югу. Въ особенности хороши палисадникъ городской школы, построенной въ характерѣ охотничьяго домика, гдѣ среди пестрыхъ махровыхъ цвѣтовъ и орхидейныхъ навоевъ красуются темныя пирамиды кипарисовъ. Но лучше всего — это ленкоранскіе сады и аллеи, поражающіе непривычнаго сѣвернаго человека своею могучею растительностью. Здѣсь вы видите гигантскіе клены, липы, грабы, ясени и южный остролистый дубъ, а роскошныя, раскидистыя мимозы, являющіяся тутъ цѣлыми деревьями, нерѣдко въ полтора охвата, стоятъ какъ зеленныя шапки, сплошь усыянные своими оригинальными, нѣжно-пушистыми цвѣтами, гдѣ сливаются оттѣнки розовые, бѣлые и блѣдно-желтые въ очень гармоничномъ сочетаніи между собою. Словомъ, съ вѣшной своей стороны

Ленкорань производитъ самое симпатичное впечатлѣніе: сады, цвѣты, голубое, теплое море, синее безоблачное небо и красивыя темно-синіе силуэты горъ вдаль, на послѣднемъ планѣ. Въ городѣ, кромѣ штаба Ейскаго полка, расположены еще штабъ 3-го отдѣла Бакинской бригады пограничной стражи, Ленкоранскій отрядъ той же стражи и мѣстная двуротная команда, стоящая теперь лагеремъ на зеленомъ лугу предъ бульваромъ. Внутри же города находится и военный госпиталь — лучшее зданіе въ Ленкорани, — каменное двухъ-этажное, окруженное кленовою аллеей, а по соседству съ нѣмъ, въ нѣсколькихъ десятилахъ шаговъ, какъ разъ противъ его выгребныхъ ямъ, стоитъ на поросшемъ травой пустырь православная церковь, передѣланная въ храмъ Божій изъ бывшей арестантской бани. Это вѣчто въ родѣ обмазаннаго глиной продолговатаго сарая, съ восьмиконечнымъ деревяннымъ крестикомъ на концѣ крыши, надъ алтаремъ, — и не скажи мнѣ добрые люди, что это церковь, я ни за что не повѣрилъ бы. Видя крестъ, подумалъ — было я, что тутъ, вѣроятно, помѣщается госпитальная «препаровочная» вѣчто отъ «покойниці», — оказывается же, единственная городская, православная, русская церковь. Два колокола, подвѣшанные подъ перекладину на бревенчатыхъ козлахъ, подтверждаютъ своимъ присутствіемъ несомнѣнно, что это церковь... Этакой, въ самомъ дѣлѣ, срамъ и позоръ, что, владея городомъ вотъ уже ровно три четверти вѣка, Россія, въ лицѣ своихъ кавказскихъ властей, до сихъ поръ не собралась еще дать Ленкорани приличную церковь, хотя бы въ силу того, что городъ этотъ стоитъ на рубежѣ русскаго государства, среди инославнаго и иновѣрнаго туземнаго населенія, которое не можетъ же не замѣчать такого вопіющаго 75-лѣтняго скандала! У мѣстныхъ армянъ есть тутъ своя грегоріанская церковь вполне благопристойнаго вида, у татаръ — своя приличная мечеть съ минаретомъ, у персіянъ — тоже мечеть, близъ Нового Базара, — обширное зданіе очень хорошей кирпичной постройки, съ широкими ажурно-узорчатыми окнами, галлереями и цистернами, а у насъ, у господствующей государственной національности... стыдно и вымолвить — арестантская баня, для которой строитель госпиталя не нашелъ лучшаго соседства, какъ выгребныя ямы! — Безобразіе, скандалъ, стыдъ, срамъ и позоръ, — другихъ словъ не нахожу для характеристики такого факта и такого отношенія къ дѣлу своей собственной государственной религіи.

Въ городѣ есть два туземные базара: Верхній, или Новый, и Нижній, или Татарскій. На первомъ, въ открытыхъ лавкахъ торгуютъ преимущественно персіане разнымъ мануфактурнымъ русскимъ товаромъ и коврами; на второмъ, у берега моря, татары продаютъ

жизненные припасы и фрукты. Кроме того, есть несколько лавок, два-три магазина с «галантерейным» и «колоніальным» товаром, не мало кабаков, погребков и духовных, какие-то «нумера для прѣзжающихъ», конторы и агентства пароходныхъ компаній, мировой судъ и городская тюрьма, о которой, да порадуется сердце начальника тюремной части въ Россіи!—скажу, что по наружному виду она вовсе не дѣлаетъ мрачнаго впечатлѣнія тюрьмы, ибо снаружи аркада ея, подъ которую помышляется гауптвахта, вся декорирована виноградомъ, орхидеями и шеголяетъ своимъ красивымъ палисадникомъ съ клумбами кустовъ и цвѣтовъ, идиллически воздѣланныхъ руками добродѣтельныхъ арестантовъ. Есть, кроме того, и городской садъ, въ бывшей крѣпостной чертѣ, между моремъ и устьемъ рѣчки Ленкоранки, насаженный еще недавно, но тоже прекрасно разросшійся; есть клубы—городской и офицерскій (Ейскаго казачьяго полка); въ послѣднемъ два раза въ недѣлю играетъ казачій оркестръ и задаются семейные танцевальные вечера. Даже актерская труппа наѣзжаетъ въ Ленкорань порой и даетъ «блестательные» спектакли, состоящіе изъ самыхъ «современныхъ» драмъ и канканныхъ оперетокъ. Словомъ, городъ какъ городъ; живете себѣ поменьшеку своею халатною жизнью: въ два часа дня обѣдаетъ, въ шесть пьетъ чай, садится играть въ винтъ, затѣмъ ужинаетъ и въ одиннадцатомъ часу мирно отходитъ на покой, при счастливомъ сознаніи, что все, кажись, обстоитъ у него благополучно. Туземцы же почти каждую ночь веселятся въ своихъ духанахъ до разсвѣта: ѣдятъ шашлыкъ, пьютъ чай (а втихомолку и водку съ пивомъ) и наслаждаются соблазнительными для нихъ плясками «батчей», подъ звуки зурны и бубновъ.

Ленкорань могла бы быть превосходною санитарною станціей, еслибъ убрать куда-нибудь подальше окружающіе ее чалтыки (рисовыя поля) и болота, служащіе единственною причиною малярійныхъ ленкоранскихъ и астаринскихъ лихорадокъ. Уже на что было хуже лихорадочнаго мѣста въ Сухумѣ и въ Батумѣ, и однако же въ первомъ, послѣ того какъ осушили болота и запретили разводить чалтыки, лихорадки не только исчезли, но и самый Сухумъ превратился въ одну изъ лучшихъ въ мірѣ санитарныхъ станцій. То же самое начинается быть и въ Батумѣ, послѣ того какъ принялись за осушеніе болотъ и распорядились убрать подальше чалтыки. Пройдетъ еще несколько лѣтъ, и Батумъ, по санитарнымъ своимъ условіямъ, несомнѣнно станетъ серьезнымъ соперникомъ Сухума. То же самое вполне могло бы быть и съ Ленкоранью, гдѣ соединены самою природою всѣ условія, чтобы сдѣлаться этому городу первокласною санитар-

ною станціей: положеніе между 38 и 39° сѣверной широты, почти полное отсутствіе зимы, множество вѣчно-зеленыхъ растений, прекрасный виноградъ, дешёвая жизнь, прелестныя морскія купанья, гдѣ морское дно представляетъ мягкій, ровный и совершенно чистый мелкій песокъ, наковецъ, минеральныя воды всего въ 12 верстахъ къ западу отъ города, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ Міанкунскихъ. Воды эти сѣрно-щелочныя и имѣютъ температуру до 37¹/₂° R. При источникахъ и теперь уже заведены нѣкоторые приспособленія для больныхъ, а уберите чалтыки,—и вся эта мѣстность станетъ счастливейшимъ уголкомъ земного рая въ Россіи, куда будутъ стекаться больные даже издали.

Изъ современныхъ курьезовъ ленкоранской жизни нельзя не отмѣтить слѣдующій фактъ: къ намъ изъ Персіи возвращается нашъ собственный, проданный туда сахаръ, но возвращается уже въ видѣ контрабанды. Изъ Баку и Ленкорани вывозится въ Персію сахаръ исключительно производства г. Бродскаго, которому за каждый вывезенный пудъ казна возвращаетъ акцизъ. Что же оказывается? Ленкоранскіе обыватели у себя на мѣстѣ за пудъ сахара г. Бродскаго должны платить 6 р. 50 к., потому что лавочники, покупающіе изъ оптоваго Бакинскаго склада этого сахарозаводчика, должны окупать себѣ накладной расходъ за укупорку, нагрузку, перевозку, сгрузку и доставку сахара съ пристани къ нимъ въ лавки, да, наконецъ, должны же они имѣть и нѣкоторый законный барышъ. Между тѣмъ тотъ же самый сахаръ г. Бродскаго, возвращенный въ наши предѣлы изъ Персіи контрабанднымъ путемъ, можно имѣть въ Астарѣ за 3 р. 60 к., а въ Ленкорани за 4 рубля. Понятно, что у лавочниковъ никто не покупаетъ ни одного фунта, предпочитая платить незаконнымъ образомъ четыре рубля, чѣмъ легально шесть съ полтиной. Но г. Бродскому какое же до этого дѣло! Онъ не въ накладѣ, онъ продаетъ по своей дешевой цѣнѣ сахаръ за границу, получаетъ за это въ возвратъ съ казны акцизъ по рублю съ пуда, дѣлаетъ себѣ на этой операціи превосходный гешефтъ и знать больше ничего не хочетъ. Обыватели тоже не въ накладѣ, пользуясь дешевой контрабандой; торговцы, наученные печальнымъ опытомъ своей «легальной» торговли, не хотятъ больше забирать сахаръ въ складахъ г. Бродскаго, а рассчитываютъ, что впродолженіе будетъ получать его для продажи болѣе удобнымъ и дешевымъ путемъ, а стало-быть и продавать дешевле; контрабандисты татары и евреи тоже не въ убыткѣ, ихъ дѣлишки идутъ прекрасно, стало быть, выходитъ, что всѣ довольны и счастливы... Кто же въ убыткѣ? Кто несетъ существенную потерю?..

Одна лишь государственная казна, возвращающая акциз г. Бродскому. Прекрасно.

Милый другъ, чего же больше желать?!

А не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, обратить на это серьезное вниманіе?.. Можетъ-быть это дѣлается и не на одной только персидской границѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ вѣдь тутъ пахнетъ сотнями тысячъ, а въ совокупности нѣсколькихъ лѣтъ, если дѣло останется въ нынѣшнемъ положеніи, запахнеть и милліонами казенныхъ убытковъ. И все это ради удовлетворенія аппетита нѣсколькихъ крупныхъ сахарозаводчиковъ!..

28 іюня выѣхали мы верхами въ пограничное наше мѣстечко Астарту, самый крайній южный пунктъ Закавказья. Отъ Ленкорани до Астары официально считается почему-то 30 верстъ, но въ дѣйствительности, со всѣми уклонами отъ прямого направленія, наберется и всѣхъ 45 верстъ, если не больше. Словомъ, выѣхавъ утромъ въ половинѣ десятаго и употребивъ на два роздыха, въ совокупности, никакъ не болѣе трехъ часовъ, дѣлая притомъ обыкновеннымъ конскимъ шагомъ около пяти верстъ въ часъ, мы едва-едва добрались до Астары въ половинѣ одиннадцатаго часа ночи. Меркурьевскій пароходъ «Туркменъ», идущій изъ Астары въ Ленкорань по совершенно прямому направленію, пробѣгаетъ это разстояніе въ два часа слышкомъ, дѣлая по 18 верстъ въ часъ, и капитанъ его считаетъ, что тутъ ровно 40 верстъ. Какими же судьбами по извилистой сухопутной дорогѣ очутилось ихъ только 30?—Хитрый Эдипъ бакинскаго губернскаго правленія, разрѣши!

Дорога отъ Ленкорани до селенія Вель, на протяженіи около 12 верстъ, идетъ морскимъ берегомъ, вдоль мокрой черты прибоя и иногда входитъ даже въ самую воду. Тутъ мѣстами встрѣчаются опасные «заносы» въ песокъ. Это совсѣмъ предагельская вещь, съ которою нужно быть очень внимательнымъ и осторожнымъ. Снаружи вы ничего не замѣчаете: песокъ какъ песокъ—ну, мокрый конечно, но совершенно такой же на видъ, какъ и тотъ, что остался за вами. А между тѣмъ ступишь въ него шагъ, другой, не обративъ въ-время вниманія на то, что подъ давлениемъ конскаго копыта изъ этого песка, какъ изъ мокрой губки, выступаетъ на поверхность усиленная влага,—и лошадь моментально грузнетъ по брюхо, какъ въ болотѣ, а то случается что и совсѣмъ засасываетъ ее, съ головой, и дѣлается это очень быстро. По счастью, у насъ былъ опытный и надежный проводникъ—обяздчикъ пограничной стражи, которому все это побережье знакомо какъ свои пять пальцевъ, и такой у него наметанный глазъ, что всѣ эти заносы умѣетъ онъ распознавать заранѣе по какимъ-то особеннымъ, хорошо ему извѣстнымъ, но для насъ совер-

шенно неуловимымъ признакамъ. Отступя отъ черты прибоя шаговъ на десять, на пятнадцать, берегъ становится обрывистъ, возвышаясь перпендикулярно до трехъ и болѣе сажень. Почва его глинистая, и глина тутъ полагается пластами весьма разнородная: бѣлая, красная, въ особенности охристо-желтая, затѣмъ темно-зеленоватая, очень жирная и на ощупь мягкая, нѣжная, такъ что, я думаю, вполнѣ годилась бы и для скульптурныхъ работъ, и для тонкаго гончарнаго дѣла; наконецъ, еще одинъ сортъ глины, тоже весьма жирной и мягкой, совершенно сине-чернаго цвѣта. Въ этомъ глинистомъ берегу встрѣчается много обсыпей и обваловъ, совсѣмъ еще свѣжихъ, которые всегда случаются тутъ послѣ каждаго буруна, сильно ударяющаго въ отвѣсный берегъ и хватающаго даже черезъ него, при восточномъ вѣтрѣ. Буруны постоянно подмываютъ этотъ берегъ, все болѣе и болѣе отволакивая въ пользу моря пространство сухого возвышеннаго побережья, или просто уничтожая его постепенно. Обсыпи и обвалы увлекаютъ съ собою не только кустарники, но и цѣлыя весьма цѣнные деревья—громоздныя, многовѣковыя, которыхъ много множество лежатъ мертвецами и на низменномъ побережьѣ, и въ самомъ морѣ, и иногда даже въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ черты прибоя, въ видѣ громаднѣхъ корягъ; инныя изъ нихъ даже стоймя стоятъ въ морѣ, а многіе смытые пни и корнища отшлифованы и отполированы непрерывнымъ дѣйствіемъ вѣчнаго прибоя, такъ что стали бѣже похожи на какой-нибудь темный камень, въ родѣ гранита или яшмы, чѣмъ на дерево.

Отъ Ленкорани до Вель тянется наверху почти непрерывный рядъ татарскихъ селеній, хуторовъ, садовъ, виноградниковъ, чалтыковъ и тутовыхъ плантацій. Вель—селеніе чисто русское, состоящее изъ 28 дворовъ и обсаженное исключительно старообрядцами, переселившимися сюда добровольно. Мѣсто у нихъ очень хорошее, сады и поля богатые. Бабы усердно занимаются льноводствомъ и разведеніемъ конопли, пуская то и другое въ обработанномъ видѣ въ продажу. Здѣсь, въ самомъ селѣ расположено постъ пограничной стражи, для котораго казна назначаетъ за очень умѣренную плату очень хорошее, просторное помѣщеніе у мѣстнаго мужика Федора Праведникова, къ которому мы и пристали на отдыхъ. Онъ уже ожидалъ нашего прибытія и приготовилъ намъ завтракъ у себя среди большого двора, подъ тѣнью стараго остролистаго дуба. Кстати объ этомъ дубѣ: тутъ произрастаетъ совершенно особый видъ его, отличающійся отъ нашего обыкновеннаго дуба тѣмъ, что крупныя крайковыя вырѣзы упругихъ, жесткихъ листьевъ его ковыкаются заостренными внутрь и наружу углами; кора же совершенно такая, какъ и на

обыкновенном дубѣ и свойства древесины тѣ же. но молодой жолудь сплошь покрытъ мелкошуйчатою оболочкой. За завтракомъ Феодоръ Праведниковъ, солидный мужикъ лѣтъ за пятьдесятъ отъ роду, угостилъ насъ, кромѣ неизбѣжной жареной курицы и пшеничнаго хлѣба (другого здѣсь и не водится), еще вельскимъ буйволомъ, сыромъ, медомъ, виномъ и арбузомъ. Вель въ особенности славится своими скороспѣлыми сладкими арбузами и розовымъ легкимъ сладковатымъ виномъ, которое вельчане держатъ для себя и гостей, но въ продажу не пускаютъ. Когда это вино молодо, оно обладаетъ игристостью, въ родѣ шампанскаго и, какъ пріятный квасокъ, пьется съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности холодное, прямо изъ ключевого колодца, куда опускаютъ его въ закупоренныхъ бутылкахъ, для свѣжести; но выдержанное, послѣ годового пребыванія на погребѣ, оно совершенно утрачиваетъ свою шипучую игристость и становится самымъ посредственнымъ кислосладкимъ виномъ. Поэтому вельчане и стараются кончать его, пока оно еще молодо. Мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось его отплатить уже во второмъ его періодѣ, а потому всѣ пріятныя качества его я описываю съ чужихъ рассказовъ. Вельскія женщины красивы и стройны, и къ солдатамъ нашимъ, какъ слышно, благосклонны. Климатъ здѣсь чудесный, здоровый, такъ что изъ всего 3-го отдѣла переводятъ сюда и лихорадочныхъ людей на поправку и они очень скоро совершенно выздоравливаютъ. А все это оттого, что русскіе не занимаются чалтыками и болота свои осушаютъ подѣ сѣнокосные луга. Да и сосѣдніе съ ними татары, или «басурмане», какъ называютъ ихъ вельскіе старообрядцы, перенявъ отчасти русскую культуру, тоже оставляютъ чалтыки и переходятъ къ болѣе выгодной пшеницѣ. Татары эти ходятъ къ вельчанамъ въ гости, дружатъ съ ними и заимствуются русскимъ языкомъ и нравами. Впрочемъ, тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ взаимнаго обмѣна и обученія: татары пріучаются понимать и говорить по-русски и перенимаютъ приемы льноводства, а русскіе зато всѣ уже бойко говорятъ по-татарски, и научились у нихъ культивировать шелковичнаго червя. Солдаты наши находятъ вельскую стоянку въ некоторомъ родѣ раемъ земнымъ и переводъ въ другой отрядъ считаютъ для себя какъ бы наказаніемъ. Поэтому трудную службу свою вѣселятъ они ретиво и смотрятъ истыми молодцами, а ужъ какъ легко и лихо берутъ на всемъ скаку высокій барьеръ, такъ хоть бы и лучшимъ гвардейскимъ кавалеристамъ впору! На половинѣ пути между Велью и Астарой, въ полуверстѣ отъ моря, среди полукрытой мѣстности, поросшей кустарникомъ и деревьями, стоитъ при селеніи Шахъ-Агачъ дворецъ хана Талышинскаго. Здѣсь мы сдѣлали нашъ вто-

рой привалъ и осмотрѣли все ханское помѣщеніе. Самъ ханъ живетъ теперь въ Петербургѣ, а здѣсь находятся два его племянника, одѣвающиеся по-персидски, и администраторъ Талышинскихъ угодій и имѣній г. Яголковскій. Домъ кирпичный, двухъ-этажный, подѣ гонтовую широкою кровлей и безъ наружной штукатурки, какъ и вообще всѣ персидскіе дома въ этомъ краѣ. Широкий дворъ вокругъ него обнесенъ высокою кирпичною стѣной. Въ ея восточной части находится фасадъ особаго зданія, раздѣленнаго восьмиграннымъ вестибюлемъ на двѣ половины: направо—комната, нѣкогда очень роскошная, для прѣзжихъ гостей, которыхъ никогда не отпускали безъ ночлега; налево—помѣщеніе для производства суда и расправы надъ бывшими подданными хановъ Талышинскихъ. Нынѣ это прекрасно орнаментованное зданіе стоитъ въ полуразрушенномъ видѣ, а широкія въѣздныя ворота въ стѣнѣ, рядомъ съ нимъ, просты въ недавнее время. Непосредственно за стѣной, съ наружной стороны, въ направленіи къ сѣверу, находится обширный фруктовый садъ и ханскіе огороды. Первое, что показали намъ во дворцѣ—это ханская аудіенцъ-зала, небольшая, но высокая, въ два свѣта, и очень пропорціональная во всѣхъ своихъ размѣрахъ и детальной орнаментовкѣ. Это—спеціально и всецѣло произведеніе персидскаго вкуса и зодчества. Потолокъ лѣпной, алебастровый, и расписанъ онъ персидскою живописью. Тамъ красуются въ медальонахъ полубогаженныя женщины персидскаго типа, съ густо сведенными на переноски бровями и закрученными впередъ тонкими прядками волосъ на вискахъ; въ другихъ такихъ же медальонахъ изображены олени, тигры, львы, змѣи, красиво оперенныя птицы, пышныя цвѣты и т. п. Стѣны тоже лѣпныя, въ смѣшеніи съ ажурно-деревянною рѣзбой, покрывающею вставленныя, вмѣсто фальшивыхъ оконъ, большія зеркала; дѣйствительныя же окна находятся съ одной только южной стороны. Затѣмъ, стѣны эти, такъ же какъ и потолокъ, расписаны масляными красками, изображая букеты и гирлянды цвѣтовъ съ порхающими надъ ними птицами. Въ нишахъ восточной и западной стѣнъ и въ двухъ сѣверныхъ простѣвкахъ находятся фресковыя картины сраженій персидскихъ войскъ съ бухарцами и афганцами и сцены охоты всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Тутъ, напримѣръ, одинъ охотникъ-персіянинъ рубитъ саблей тигра, другой съ коня поймалъ оленя за заднюю ногу, третій убиваетъ летящаго орла стрѣлой, пушеною изъ лука, четвертый колетъ дикаго вепря кинжаломъ и т. д. Въ сѣверной стѣнѣ продѣланъ посрединѣ родъ глубокаго алькова, высотой на половину ниже остальной залы. Это было нѣкогда тронное отдѣленіе, въ глубинѣ котораго, среди дорогихъ ковровъ,

помѣщалась тахта (сѣдалище въ родѣ оттоманки) съ мягкими мутакми (вальками). На этой тахтѣ всегда возсѣдали Талышинскіе владѣтели во время своихъ торжественныхъ приемовъ. На лѣнномъ потолкѣ троннаго отдѣленія написаны знаки иранскаго зодіака вокругъ солнца, изображающаго характерный ликъ персидской красавицы, какою мы привыкли видѣть ее на государственномъ персидскомъ гербѣ Льва и Солнца. Полъ во всей залѣ былъ мозаичный, изъ аспида и мрамора, въ косую клѣтку, но теперь онъ полуразрушенъ и въ одномъ изъ угловъ его сыпана гряда лучшей кукурузы.

Изъ аудіенцъ-залы перешли мы по двору на другой подъѣздъ и по невозможно крутой и темной лѣстницѣ, съ неравномерно-высокими ступенями, поднялись наверхъ, въ гаремное отдѣленіе. Здѣсь уже нѣтъ той пропорціональности размѣровъ, какъ въ тронной залѣ: потолки очень низки и продолжныя стѣны гораздо длиннѣе поперечныхъ. Но все же потолокъ въ главной гаремной комнатѣ украшенъ лѣпною работою и въ срединѣ его, вмѣсто плафона, вставлено большое зеркало. Широкія окна, выходящія на югъ и востокъ, украшены ажурною деревянною рѣзбой, въ которую узорчато вставлены, въ родѣ мозаики, разноцвѣтныя стеклышки. Обрамлены же эти окна зеркальными бордюрами, вдоль но коимъ пушена тоже ажурная рѣзба изъ краснаго дерева и орѣха. Во внутренней (западной) стѣнѣ устроено нѣсколько нишъ въ мадританскомъ стилѣ, а по срединѣ сѣверной стѣны находится ажурная рѣзная дверь со стеклышками. Кабинетъ хозяйки въ такомъ же родѣ, но стѣны его покрыты живописью эротическаго содержанія. Въ такой-то затѣйливо-роскошной обстановкѣ жили когда-то Талышинскіе владѣтельные ханы, рука которыхъ простиралась на весь нынѣшній Ленкоранскій уѣздъ, на Муганъ-Талышинскія горы.

Отъ Шахъ-Агача до Астары дорога идетъ большею частію прибрежнымъ лѣсомъ. Дивная, почти тропическая растительность. Тутъ перемѣшались между собою платаны, мимозы, дубы, грабы, липы, ясени, тисъ, чернокленъ, бѣлая акація, дикій каштанъ, орѣхъ, дикая яблоня, груша, тутъ, алача, абрикосъ и смоковница. Здѣсь же растетъ и такъ-называемое «чертовое дерево» *шайтанъ-агачъ*; это родъ акаціи съ длиннѣйшими, очень твердыми, острыми и частыми шипами, о которые можно легче легкаго, особенно въ сумерки, серьезно пораниться. Говорятъ, будто шайтанъ-агачъ никогда не цвѣтетъ, а распространяется лишь своими длинными, подземными корнями. Подлѣсокъ составляютъ здѣсь вѣчно-зеленый самшитъ, называемый почему-то кавказскою пальмою, князь, орѣшникъ, грабозникъ, гранатникъ, кусты розъ, дереза (ежевика), и все это роскошно завито

снизу до верху виноградомъ, съ мелкою, но очень сладкою ягодою, хмелемъ, плющемъ, разными лавою и нѣсколькими видами орхидей, между которыми особенною красотою большого, оригинальной формы цвѣтка отличается *кавалерская звезда*, названная такъ именно за свой цвѣтокъ, напоминающій звѣздоносный орденъ. Кусты мальвъ и множество другихъ цвѣтущихъ однолѣтнихъ растений ютятся между зеленью подлѣска. А дальше пойдетъ еще лучше. Тамъ, напримѣръ, на изгорькахъ Талышинскаго хребта встрѣчаются цѣлые лѣса цвѣтущихъ мимозъ и непроходимыя дебри, сплошь окутанныя разнообразными орхидеями,—это уже совсѣмъ тропики напоминаетъ, тѣмъ болѣе что тамъ живутъ тигры и барсы. Но при всей красотѣ и прелести прибрежныхъ лѣсовъ, они очень неприятны, какъ разсадники малярійной лихорадки, благодаря тому обстоятельству, что эта мѣстность изобилуетъ рѣчками, стекающими съ горъ, теченіе коихъ на равнинѣ становится очень тихимъ, лѣнливымъ, такъ что вода ихъ застаивается среди густой растительности и образуетъ частыя болота, поросшія очеретомъ. Большая часть этихъ рѣчекъ даже не достигаетъ до моря, разлѣ только въ половодье, потому что устья ихъ преграждаются наносными песчано-глистыми барями. Болота эти богаты дичью: куликами, бекасами, утками, и служатъ самымъ отграднымъ пріютомъ для буйволовъ, пребывающихъ тамъ не только въ теченіе цѣлаго дня, но и ночью, если лѣнливый хозяинъ-татаринъ не потруится загнать ихъ въ хлѣвъ предъ закатомъ солнца. Въ этомъ отношеніи здѣсь удивительно безпечный народъ: оставляетъ скотъ въ лѣсу и въ болотахъ на цѣлую ночь безо всякаго призора, въ то время какъ издали нерѣдко доносится ревъ тигра и вся окрестность оглашается отвратительнымъ воемъ многочисленныхъ шакаловъ, напоминающимъ то дѣтскій плачь, то истерическій хохотъ. Волы здѣсь встрѣчаются рѣдко, но зато зачастую попадаетъ новый видъ рогатаго скота, горбатый зебу, свойственный только Южной Азіи. Онъ отличается, впрочемъ, отъ своего индійскаго сородича тѣмъ, что у послѣдняго рога совершенно прямые, отклоненные нѣсколько назадъ, а у этого кривые, какъ у обыкновеннаго вола, только нѣсколько тоньше и меньше и обращены впередъ.

На пути отъ Шахъ-Агача, при устьяхъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, расположено нѣсколько рыболовныхъ ватагъ, и здѣсь же въ одномъ мѣстѣ, на морскомъ берегу, мы встрѣтили оригинальную группу изъ нѣсколькихъ высокихъ, обильныхъ вѣтвями деревьевъ, служавшихъ ставищемъ для огромныхъ стай баклавоу. Замѣчательно, что ни на какія больше деревья они не садятся на ночь, какъ только на эти, и присутствіе ихъ тамъ служитъ для ватажныхъ рыбаковъ наивѣрнѣйшимъ признакомъ, что

рыба въ данномъ районѣ моря есть. Сидятъ бакланы на своихъ деревьяхъ—смѣло закидывай сѣти; нѣтъ баклановъ—нечего и начинать работу: навѣрное въ пустую сыграешь. Дѣло въ томъ, что если рыба уходитъ, то отлетаютъ за ней и бакланы, появляющіеся на своихъ деревьяхъ вновь только съ обратнымъ приходомъ рыбы. Отъ массы покрывающаго ихъ гуано деревья эти совершенно высохли и стоятъ, безпомощно простирая къ небу свои голыя вѣтви, точно фантастическіе скелеты, выточенные изъ мѣла.

Чѣмъ дальше подвигаемся мы къ югу, тѣмъ предстѣніе становится дивный пейзажъ: нѣлѣе голубое море, направо и прямо впереди—красивыя очертанія лѣсистыхъ горъ, слѣдующихъ въ перспективѣ гряда за грядою, одна выше другой, пока наконецъ отдѣльныя вершины ихъ не достигнутъ девяти и болѣе тысячъ футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Талышинскія горы составляютъ сѣверо-западную оконечность Альбурзской цѣпи, опоясывающей Каспійское море съ юга. По отношенію къ Ленкоранскому клину Муганской степи, подверженному влажнымъ вѣтрамъ Каспия, горы эти играютъ роль холодильника; но вся влага, приносимая къ нимъ морскими вѣтрами, осаждается только на ихъ восточныхъ склонахъ, тогда какъ плоскогорье, примыкающее къ западному склону Талышинскаго хребта, отличается такою сухостью воздуха, что вершина Савалана, несмотря на свою значительную высоту (15.792 ф.), совсѣмъ освобождается лѣтомъ отъ снѣга. Такимъ образомъ Ленкоранскій клинъ, въ особенности въ южной своей части, страдаетъ отъ избытка влаги. Значительное количество атмосферныхъ осадковъ именно и обусловливаетъ здѣшнюю могуче-роскошную растительность. Земледѣлецъ въ этихъ мѣстахъ долженъ употреблять особыя усилія для защиты своего поля отъ вторженія дикихъ, всезаглушающихъ растекій.

Мѣстечко Астара ничтожно. Это не болѣе какъ таможенный переходный пунктъ и постъ отряда пограничной стражи. Живутъ здѣсь только служащіе чиновники, таможенные комиссіонеры, да агенты пароходныхъ обществъ. Единственное ихъ утѣшеніе—это садики, гдѣ въ грунтѣ растутъ рододендроны, олеандры, магноліи и лимонныя деревья. На площади раскинулась развѣсистая мимоза, и подъ ея тѣнью пріютился цѣлый маленькій базаръ, торговцевъ до двадцати. Отъ таможни (единственное здѣсь каменное зданіе) до пристани протянулись желѣзнодорожныя рельсы, и по нимъ ходятъ ручныя вагонетки, перевозящія персидскіе товары. Рейдъ открытый, на пристани нѣтъ никакихъ приспособленій, ниже простѣйшихъ деревянныхъ мостковъ. Перевозка людей и товаровъ съ берега на суда происходитъ на плоскодонныхъ киржимахъ, и это

каждый разъ составляетъ большую и очень трудную возню перенести тяжелый тюкъ съ вагонетки по песчаному берегу, войти съ нимъ на плечахъ въ воду и уложить его, сохраняя равновѣсіе, въ качающійся на волнахъ прибой утлый киржимъ, кое-какъ сколоченный изъ досокъ и скрѣпленный веревками. Кавказо-меркуріевскіе гребцы шеголяютъ въ красныхъ, а таможенные въ зеленыхъ рубашкахъ; тѣ и другіе персіяне, и якобы форменные костюмы эти пошили себѣ сами, по собственному почину. Рядомъ съ русскою Астарой, за чертой границы лежитъ Астара персидская съ базаромъ, гдѣ при счастливомъ случаѣ можно приобрести недурной коверъ или тигровую шкуру. А впрочемъ персидская Астара, по вышней своей обстановкѣ, представляется еще ничтожнѣе нашей. Посты пограничной стражи продолжаютъ въ горахъ, по теченію рѣчки Астары, которую надо перейти въ бродъ ровно двѣнадцать разъ, переходя то на персидскую, то на нашу территорию, чтобы добраться до Камбы, — горная мѣстность, гдѣ расположены крайній постъ Талышинской горной линіи. При скукѣ пограничной жизни, здѣсь разыгрываются своего рода пограничныя романы. Иные молодые люди самовольно дѣлаютъ временныя отлучки въ Персію, ради женщинъ, и потомъ погулявъ добровольно возвращаются съ повинною головою; одна пограничная персіянка перебѣжала на нашу сторону и, бросивъ мужа, ушла въ запасъ въ Россію, со своимъ возлюбленнымъ солдатикомъ Капбинскаго поста, а на другомъ посту россиянка, жена вахмистра, тоже бросила мужа и двоихъ дѣтей ради какого-то персіянина, и ушла съ нимъ за границу. Такими-то романами и разнообразится монотонная жизнь въ горныхъ трущобахъ, среди роскошныхъ мимозъ и орхидей, подъ сердитое рыканіе тигра и тоскливый ночной плачъ шакаловъ.

29 іюня, подѣ вечеръ, мы возвратились въ Ленкорань на меркуріевскомъ пароходѣ «Туркменъ», гдѣ всѣ матросы персіяне, вѣроятно потому, что нанимаются дешевле русскихъ.

30 іюня, утромъ, выѣхали мы изъ Ленкорани въ мѣстечко Ассулу, на Муганской степи. Сначала путь идетъ въ сѣверномъ направленіи, приморскою дорогою до селенія Кизылъ-Агачъ, расположеннаго у западнаго входа въ обширный, но мелководный заливъ того же имени⁴⁾. Отсюда дорога поворачиваетъ къ сѣверо-западу на селенія Николаевку и Пришибъ, въ виду остающихся нѣсколько въ сторонѣ татарскихъ деревень Кюрдабазды, Махмудлу, Сахуджинъ, Тагла и др. Отъ Пришиба надо уже

⁴⁾ Входъ въ Кизылъ-Агачскій заливъ обращенъ къ югу; маленький архипелагъ изъ шести плоскихъ островковъ Бурана дѣлитъ его на двѣ части: восточную и западную (последняя втрое уже первой).

сворачивать съ почтовой дороги въ сторону, въ сѣверо-западномъ же направленіи, на проселокъ, мимо субботническаго села Привольнаго. Простѣдовавъ по этому проселку около 12 верстъ, прибываешь въ Ассулу; всего же пути отъ Ленкорани до Ассулы считается отъ 72 до 75 верстъ. Въ Пришибѣ мы остановились на раздѣлѣ у таможеннаго чиновника, которому мѣстопробываніе, по росписанію, назначено въ Кизылъ-Агачъ; но онъ, несчастный, вынужденъ былъ бѣжать оттуда, предпочитая лучше нести расходы и безпокойство почти ежедневной ѣзды туда изъ Пришиба, чѣмъ жить въ такомъ мѣстѣ.

— Змѣи выгнали,—пояснялъ онъ намъ.— Просто, житья не было, до того одолѣли! Представьте себѣ положеніе: сидишь вечеромъ за письменною работою, и вдругъ чувствуешь, что въ ногахъ у тебя что-то копошится. Взглянешь со свѣчей,—змѣя! Приползла, значитъ, на коврикъ погрѣться... Или вдругъ чувствуешь, что сна ползеть у тебя по ногѣ, обвинишься вокругъ голенища. Ну, и сиди какъ окаменѣлый, пока ей угодно будетъ сползти прочь... Вѣрите ли, три мѣсяца по ночамъ длинныхъ сапогъ изъ-за нихъ, проклятыхъ, не скидалъ; иначе какъ съ собаками въ постель не ложился, — потому собака насчетъ змѣи очень чутка, сейчасъ же слышитъ ея приближеніе,— а чтобы лампу ночью потушить, этого и не думай! Наконецъ, стало не въ моготу, бѣжалъ... Никакіе нервы подобной жизни не вынесутъ...

Нечего сказать, пріятныя условія существованія!

У Ассулы равнинная гладь Муганской степи переходитъ уже въ мѣстность волнистаго характера, перебѣченную различной глубины оврагами. Здѣсь начинаются предгорья Талышинскаго хребта, идущія волнистыми покато-стями все выше и выше въ юго-западномъ направленіи, пока наконецъ не достигаютъ хребта, имѣющаго тутъ высоту отъ двухъ до шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, причемъ отдѣльныя его вершины достигаютъ высоты болѣе семи, восьми и даже девяти тысячъ футовъ. Талышинскія горы составляютъ сѣверо-западную оконечность Альбурзской цѣпи, опоясывающей Каспійское море съ юга и, по отношенію ко влажнымъ вѣтрамъ этого моря, играютъ для Ленкоранскаго клина роль холодильника, такъ какъ вся влага, приносимая морскими вѣтрами, осаждается только на восточныхъ склонахъ хребта; плоскогорье же, примыкающее къ его западному склону, отличается крайней сухостью воздуха, коего нестерпимо знойное дыханіе, въ видѣ горячихъ, опаляющихъ вѣтровъ, проникаетъ изъ Персіи и къ намъ, на открытую часть Мугани, между послѣдними отрогами Талыша и Араксомъ¹⁾.

¹⁾ Сухость и зной воздуха на Саваланскомъ плоскогорьи (въ Персіи) таковы, что вершина

Мѣстечко Ассула дѣлится оврагомъ на двѣ части: Подассуляки и собственно Ассула. Въ первой изъ нихъ, выстроенной по-русски «порядкомъ», живутъ суботники, во второй—талыши, сходящіеся впрочетъ у русскихъ поселенцевъ за татаръ, хотя по нарѣчію своему и типу они скорѣе принадлежатъ къ Иранскому племени. Вѣроятно же всего, что это помѣсь между иранскою и тюркскою расами, которая, вмѣстѣ съ шиизмомъ, восприняла отъ первой и свой языкъ, составляющій одно изъ нарѣчій ново-персидскаго, а равно осяздый образъ жизни и нѣкоторые обычаи. Талышами населены всѣ горскія и подгорныя мусульманскія деревни въ районѣ бывшаго Талышинскаго ханства.

Въ Ассулѣ находятся довольно просторная каменная мечеть, съ узорчатыми окнами и небольшою минаретомъ, и каменные базарные ряды, гдѣ продаются мѣстныя ковровыя издѣлія. Мѣстечко славится своими коврами, мафражами (родъ ковровыхъ чехлоновъ на ремненныхъ вздержкахъ) и куржумами (переметныя сумки). Всѣ эти издѣлія носятъ довольно пестрые и яркіе узоры оригинальнаго характера, который хотя и приближается къ персидскому, но не имѣетъ спокойнаго тона и умѣренныхъ красокъ послѣдняго. Ковры на Ассулинскомъ базарѣ стоятъ въ цѣнѣ отъ 8 до 15 и болѣе рублей, смотря по величинѣ и работѣ, мафражи—отъ 5 до 12 рублей и куржумы отъ 1½ до 4 рублей. Для путешествія по Закавказью и въ особенности въ горахъ всѣ эти дорожныя приспособленія гораздо удобнѣе и практичнѣе всевозможныхъ нашихъ чехлоновъ и саковъ. Затѣмъ, кромѣ мѣстныхъ издѣлій, и персидской набойчатой и бѣлой бязи (родъ жиденькой бумажной кисеи), ассулинскіе ряды наполнены московскими ситцами, имѣющими прекрасный сбытъ среди населенія, и другими товарами русскаго издѣлія. Сахаръ, леденцы, бисквиты, словомъ, все, что требуется для «достархана» (восточное привѣтственное угощеніе почетному гостю), все это русское, равно какъ мѣдныя, стальныя и чугуныя издѣлія, которыя не ограничиваются однимъ лишь мѣстнымъ райономъ, но проникаютъ отсюда и въ соседнюю приграничную полосу Персіи, гдѣ, какъ слышно, все болѣе и болѣе развивается вкусъ къ русскимъ товарамъ.

Въ Ассулѣ расположенъ летучій отрядъ и лазаретное отдѣленіе пограничной стражи; послѣднее вынесено за мѣстечко, на одну изъ прилегающихъ возвышенностей, для болѣе чистаго воздуха. Преобладающая форма здѣшнихъ заболѣваній, это муганская лихорадка, родъ малярии, которой въ особенности отдаютъ дань молодые, прибывающіе изъ Россіи солдаты Савалана, несмотря на свои 15.792 фута высоты, совершенно освобождается лѣтомъ отъ снѣговъ.

ты пограничной стражи, пока не обтерпятся. Но это не всегда и не всѣмъ удается. Не дѣлѣ, какъ годъ назадъ прибылъ на Ассулинскій постъ молодой, полный силъ и здоровья офицеръ, съ молодою женой, на которой женился незадолго до перевода своего изъ Россіи въ Закавказье, и что же? Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ оба они лежали въ жестокой лихорадкѣ, противъ которой не помогали никакіе приемы хны, и теперь дѣло дошло до того, что у жены развилась въ сильнѣйшей степени анемія, а у него лихорадка перешла въ водянку; обоихъ перевезли кое-какъ въ Баку, гдѣ врачи совѣтуютъ имъ какъ можно скорѣе убраться въ Россію и никогда болѣе не возвращаться въ эти мѣста; но какъ уберешься, если развитіе болѣзни дошло до такой степени, что человѣкъ лежитъ пластомъ, не будучи въ состояніи сдѣлать и шагу раздутыми ногами!.. Все это очень печально, особенно когда подумаешь, что жить этой четвѣ приходилось въ двухъ низенькихъ, тѣсныхъ и полутемныхъ комнаткахъ (каждая обѣ одномъ оконцѣ), съ ходящими какъ клавиши досками плохого дыряваго пола, подъ которымъ плаваютъ змѣи, наполняющія своими гнѣздами и подполье, и внутренность старыхъ глинобитныхъ стѣнъ, и земляную кровлю. Теперь тутъ живетъ другой офицеръ, холостой и пока еще молодой, но... надолго ли? У него-то мы и заночевали, въ этомъ милomъ помѣщеніи, въ виду того, что наступали сумерки и надвигалась съ запада сильнѣйшая гроза, какъ разъ навстрѣчу предстоявшему намъ пути, который въ ближайшей окрестности пересѣкаетъ нѣсколько крутыхъ и глубокихъ овраговъ. Надо было переждать до разсвѣта.

1 іюля прибыли мы на пограничный постъ Белесуаръ. Путь идетъ на сѣверо-западъ по открытой степи, оставляя всхолмленную мѣстность влѣво. Въ первой половинѣ пути видны по сторонамъ нѣкоторые селенія, частію табынскія, частію русскія. У ближайшаго изъ послѣднихъ, села Астраханки, открывается большой четырехсторонній курганъ, въ родѣ редута съ высокими валами, извѣстный подъ именемъ Стенькина Кургана или городища. Сначала по сторонамъ дороги идутъ громадные обработанные поля, а затѣмъ пошла уже цѣликомъ дѣвственная степь съ черноземною и суглинистою почвой. Растительность ея, наполовину уже сожженная солнцемъ, состоитъ изъ жесткой злаковой травы, напоминающей съ виду овесъ и потому названный русскими *овсюкомъ*, но далѣе идутъ уже большія просторства, сплошь поросшія солодомъ, въ видѣ низенькихъ, но густыхъ кустиковъ съ листьями акаціи. Для промышленника, который захотѣлъ бы заняться сбытомъ солодковаго корня, здѣсь матеріалъ неисчерпаемый. Вскорѣ къ солодку начинаютъ постепенно подмѣшиваться: дикій

горохъ (сѣдобный), который дажѣ къ горамъ встрѣчается цѣлыми массами, дикій укропъ, какъ говорятъ, чрезвычайно ядовитый, дикіе огурцы, очень горькіе на вкусъ, вслѣдствіе чего мѣстные жители употребляютъ ихъ огваръ какъ противолихорадочное средство, дурманъ, лебеда, сизо-голубой чертополохъ, репейникъ, колючка и наконецъ великолѣпные красивые капорцы, которые ближе къ Белесуару становятся даже преобладающимъ видомъ степной растительности. Белесуарскіе русскіе жители (преимущественно въ семьяхъ офицеровъ и чиновниковъ) поручаютъ собирать почки капорцевъ мѣстнымъ татарчатамъ, по пяти копеекъ за фунтъ, и маринуютъ ихъ для собственнаго употребленія. Я ихъ пробовалъ и нахожу, что по вкусу они нисколько не уступаютъ тѣмъ, что привозятся къ намъ, какъ колоніальный товаръ, изъ южной Европы. И опять-таки скажу, что лишь бы нашелся предпримчивый промышленникъ, а матеріалу для него хватить болѣе, чѣмъ съ избыткомъ, и могъ бы онъ дѣлать прекрасныя дѣла съ муганскими капорцами. То же самое и относительно трюфелей, которыми, какъ говорятъ мѣстные русскіе люди, очень богаты окрестности Белесуара. Увѣряютъ, что ни по виду, ни по вкусу они нисколько не уступаютъ французскимъ Перигоровскимъ и что въ особенности много находятъ ихъ въ землѣ послѣ каждого дождя, близъ самаго поста и по прибрежнымъ балкамъ пересыхающей рѣчки Болгарки (Болгаручай).

Въ одномъ мѣстѣ степи мы наѣхали на массу сѣро-желтой саранчи, клавшей свои яйца, и остановились посмотреть на ея снаровки при отправленіи этого физиологическаго процесса. Въ то самое время какъ міриады самцовъ заняты было оплодотвореніемъ самокъ, другія самки, уже оплодотворенныя прежде, тутъ же рядомъ и вперемежку съ такими парами дѣлали себѣ гнѣзда въ видѣ ямокъ, глубиной около дюйма, а шириной въ размѣрѣ оконечности нижней части своего тѣльца. Онѣ рыли эти гнѣзда каждая сама для себя при помощи своихъ челюстей и лапокъ, приснаравливаясь по нѣскольку разъ—приходится ли ямки по мѣрѣ ихъ задка, и чуть гнѣздо было готово, на что не требовалось болѣе одной или полуторы минуты, какъ самка тотчасъ же приступала къ процессу кладки, погружая для этого конецъ своего брюшка въ ямку и оставаясь далѣе уже въ спокойномъ положеніи, пока не опростается. При этомъ она только время отъ времени потираетъ и какъ бы надавливаетъ заднею парой ногъ бока своего брюшка, вѣроятно, для облегченія и ускоренія кладки, продолжающейся довольно долго. Мы вынули изъ гнѣзда одну изъ самокъ во время этого процесса и, несмотря на эту столь существенную помѣху, изъ нея во множествѣ и неудер-

жимо выпирались ослизненные желтоватые яички продолговатой формы. Когда гнѣздо наполнено, самка начинает зарывать его лапками, и на этомъ кончаются всѣ ея материнскія заботы. Впрочемъ ямщикъ нашъ, человѣкъ повидимому свѣдущій по части саранчи, увѣряетъ, что это еще далеко не конецъ, что, зарывъ гнѣздо, самка начинаетъ рыть новое и такъ далѣе, «пока не придетъ ея предѣлъ», потому будто бы, что яички формируются въ ней не всѣ сразу, а постепенно и одна самка можетъ положить ихъ тысячи. Не будучи специалистомъ въ энтомологіи, не берусь ни утверждать, ни отвергать этого показанія, основаннаго, судя по словамъ показателя, на наблюденияхъ мѣстнаго житейскаго опыта. Все поле вокругъ саранчоваго становища было оголено, — торчали на немъ одни только жалкіе обглоданные стебельки да прутики; велень же буквально вся была съѣдена. Мы сказали ямщику, что ему слѣдуетъ хорошенько замѣтить это мѣсто и по возвращеніи домой немедленно же сообщить объ этомъ своему сельскому начальству.

— Да это на татарскомъ полѣ, — возразилъ онъ; а татары ни за что не пойдутъ губить ее, потому они это за грѣхъ почитаютъ.

— Ну, статочное ли это дѣло! Какой же тутъ грѣхъ? — недовѣрчиво возразилъ мой спутникъ.

— Это ужъ такъ точно, — продолжалъ увѣрять ямщикъ, — потому татариятъ, онъ такъ полагаетъ, что это Богъ ему за грѣхи насланіе такое дѣлаетъ, и коли губить саранчу, значитъ, онъ долженъ супротивъ Божіей воли идти, а этого онъ ни за что!.. Ну, а намъ то что же объ ихъ поляхъ заботиться!

— Да вѣдь съ ихъ то полей и на ваши перелетитъ.

— Перелетитъ. Это точно, что перелетитъ, завсегда перелетаетъ. Да вѣдь, что жъ тутъ дѣлать, по всей степи за нею не угоняешься. Какъ тутъ знать, гдѣ она, проклятая, яйца положила!

— Ну, а теперь ты знаешь, вотъ и донеси начальству.

— Начальству, усмѣхнулся ямщикъ. — Вотъ ейное начальство.

И онъ указалъ кнутовищемъ на большую стаю красивыхъ птичекъ съ розоватою грудкой, которая осѣлась тутъ же, на полѣ, среди саранчи, и съ жадностью клевала ее, перепархивая съ мѣста на мѣсто низкими и короткими взлетами. То были розовые скворцы, специальные истребители саранчи, отъ которыхъ не отставали въ этомъ дѣлѣ красиво оперенные шуры и сойки. Иной шуръ поймаетъ ее, затѣмъ взлетитъ на телеграфную проволоку и осторожно держа наѣкомое за конецъ хвостика клювомъ, сидитъ себѣ да смотритъ, какъ оно у него предъ носомъ трепещетъ крылышками, словно вѣтрянка. Это доставляетъ

шуру видимое удовольствіе, быть можетъ и потому, что быстрое движеніе прозрачныхъ крылышекъ, производя колебаніе неподвижнаго воздуха, опахиваетъ его головку точно вѣтромъ.

— Кабы не эта самая птица, — продолжалъ ямщикъ, — викакое тутъ начальство не могло бы.

— Да вѣдь птица ѣсть отродившуюся саранчу, а здѣсь надо истребить яйца.

— Надо-то надо. Дая что-жъ, — встрепенулся онъ, раздумчиво почесавъ напередъ затылокъ, — я пожалуй доведу до начальства... да только... какъ бы таскать потомъ не стали. Разъ-то оно ничего если и потащутъ, чтобы показать, значитъ, мѣсто это самое, а какъ затѣмъ неровешъ часъ, одинъ найдетъ, да другой найдетъ, да третій вагрянетъ, да какъ учнутъ тебя кажинный разъ таскать — показывай молъ, да какъ, да что, да точно ли, Христосъ съ нимъ совсѣмъ и съ начальствомъ-то!.. Себѣ дороже выйдетъ... У татары отложились, а на работу-то небойсь насъ, молочанъ, погонять, это ужъ вѣрно.

На степи въ разныхъ мѣстахъ дымились большіе палы. Оказалось, что это татары нарочно выжигаютъ степь и притомъ съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, чтобы расчистить себѣ новыя поля подъ новыя запашки, а, во-вторыхъ, они змѣй жгутъ, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить ихъ количество. И къ этимъ выжженнымъ полямъ слетается множество самой разнородной птицы: тутъ и вороны, и галки, и грачи, и коршуны, и паплы, и аисты — обыкновенные и совершенно черные (особый видъ), даже мартышки (чайки) съ моря цѣлыми партіями прилетаютъ, и все это затѣмъ, чтобы лакомиться жареными змѣями. Какъ видно, такой шашлыкъ имъ особенно по вкусу. Всѣ онѣ мирно ходятъ себѣ по горѣлому полю и, не мѣшая другъ другу, заботливо ищутъ свою долю добычи. Водяная птица улетаетъ съ этихъ полей къ морю только на закатѣ солнца и летитъ низко, тяжелыми, дѣшными взмахами, не будучи въ состояніи подняться въ высь, до такой степени наѣдается она этимъ своеобразнымъ жареномъ. Но и кромѣ того на степи есть много птицъ, ищущихъ себѣ иной добычи; между ними, съ одной стороны, попадаются мирныя горлицы, красивые медососы, воробьи, подорожники, трясогузки, изрѣдка уодды и сороки, а съ другой — разные хищники. Въ одномъ мѣстѣ намъ попалась шагахъ въ полтораста отъ дороги дѣлая стая грифовъ, штукъ двадцать, сидѣвшихъ на землѣ особою тѣсною группой, а въ нѣсколькихъ саженьяхъ далѣе, какъ бы съ презрѣніемъ отвернувшись отъ нихъ въ сторону, воссѣдалъ огромной величины парственный черный орелъ, котораго, не разобравъ сначала, я принялъ-было за сидѣщаго человѣка въ буркѣ. На кого именно

охотятся они на степи, я не знаю, потому что изъ-за змѣй, говорятъ, ни одно дикое млекопитающее жить здѣсь не можетъ, развѣ падалью проваляются, что остается отъ шапсеванскихъ стадъ, и если такъ, то хищники обчищаютъ ее со всѣхъ сторонъ какъ лучшіе препараты: на степи во многихъ мѣстахъ ярко бѣлѣютъ на солнцѣ одинокія кости, а то и цѣлыя скелеты лошадей, верблюдовъ, барановъ, собакъ и буйволовъ, обглоданные начисто, до послѣдняго сухожилия. Это все по преимуществу павшія жертвы змѣй муганскихъ. Изъ прочихъ представителей царства животныхъ на Мугани попадаются полевые мыши, которыхъ тутъ множество (ими-то и питаются змѣи), черепахи двухъ видовъ: большія и совсѣмъ маленькія, величиной въ полъ-ладони; первыя живутъ на степи, а вторыя въ скудоводныхъ ручьишкахъ; затѣмъ небольшія сѣро-пепельныя ящерицы, разные мотыльки, шмели, оводы, желтыя и обыкновенныя красно-черныя бабочки, навозные жуки и большіе толстые жуки-шарокаты, особенно любящіе катать яблоки верблюжьего помета, въ который они кладутъ свои яйца.

Мугань — это истинное царство змѣй, отъ которыхъ болѣе всего терпятъ скотъ мѣстныхъ поселенъ и кочевниковъ. Говорятъ, будто вся Муганская степь была когда-то орошена и представляла собой весьма густо населенную, высококультурную мѣстность, доказательство чего видятъ въ сохранившихся кое-гдѣ слѣдахъ древнихъ арыковъ. Но эта счастливая эпоха должна относиться, вѣроятно, къ незапамятнымъ временамъ глубочайшей древности, потому что уже при Александрѣ Македонскомъ Мугань была такою же, какъ и теперь. У мѣстныхъ персianъ и талышей живетъ еще преданіе о томъ, какъ муганскія змѣи остановили наступленіе непобѣдимой арміи Искандера Зюлькарная ¹⁾ и вынудили ее поспѣе бѣжать изъ этихъ мѣстъ, ибо войска его, остановясь въ степи на ночлегъ, потеряли въ одну ночь нѣсколько тысячъ человѣкъ укушенными змѣями. Покойный князь Фердинандъ Витгенштейнъ рассказывалъ мнѣ однажды, что въ концѣ пятидесятихъ или въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда ему пришлось переходить Мугань съ казачьимъ полкомъ, то первая сотня, двинувшаяся въ степь ранѣе прочихъ, должна была чрезъ сколько-то часовъ поспѣшно вернуться назадъ изъ-за того, что потеряла отъ змѣй нѣсколько лошадей и людей; послѣ этого казаки не смѣли двинуться въ степь прежде, чѣмъ обшили ноги своихъ лошадей кожаными чулками по колѣно или обматывали ихъ жгутами, свитыми изъ сѣна и

соломы. Водятся здѣшнія змѣи чуть не подъ каждымъ кустомъ солодка или канорцевъ, такъ что собиратели послѣднихъ не приступаютъ къ дѣлу не обследовавъ предварительно длинной палкой вокругъ себя каждый кустикъ. Здѣсь показываютъ также особо облюбованныя змѣями мѣста, такъ называемые «змѣишники». Это обыкновенно пересохшія до глубочайшихъ трещинъ весеннія лужи. Въ трещины эти во множествѣ прячутся змѣи лѣтомъ, въ самую жаркую пору дня, отыскивая себѣ хотя какой-нибудь намокъ на холодокъ и влагу, и только головки ихъ рядами торчатъ оттуда наружу. Мѣстные старожилы увѣряютъ, что до 1859 года на Мугани отъ змѣй просто житья не было, такъ что отдѣляться на значительное разстояніе отъ жилыхъ мѣстъ или распахивать въ дальнемъ концѣ новыя было сущее наказаніе; иначе какъ въ длинныхъ сапогахъ, да еще обернувъ ихъ снаружи овчиной, шерстью вверхъ, нечего было и думать двинуться въ степь съ сохою; ноги рабочихъ лошадей и буйволовъ тоже обертывались потолще или войлокомъ, или соломенными жгутами, да и при такихъ предосторожностяхъ не обходилось безъ несчастій. Но съ лѣта 1859 года змѣй стало значительно меньше, и даже замѣчается, что количество ихъ съ каждымъ годомъ все убываетъ. Причина этому, кромѣ ежегодно повторяющихся выжиганій болышихъ степныхъ пространствъ, заключается еще въ очень странномъ, но безусловно вѣрномъ явленіи, которое само по себѣ бросаетъ совершенно новый свѣтъ на жизнь и нравы этихъ пресмыкающихся, относясь, такъ сказать, къ области ихъ психики и социологии. Я бы совершенно склоненъ былъ отнести это явленіе къ числу мѣстныхъ вымысловъ, еслибы не слышалъ подтвержденія его изъ устъ людей, совершенно солидныхъ и образованныхъ, которымъ не было никакой надобности ни себя, ни меня морочить, и тѣмъ болѣе, что слышалъ я это отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ здѣшнихъ мѣстахъ и въ разное время. Оказывается, что змѣи Муганской степи состоятъ уже третій десятокъ лѣтъ въ непримиримой враждѣ со змѣями сосѣдней степи Карабахской и периодически ведутъ между собой войны, совершая громадные нашествія на территорію своихъ враговъ-сосѣдей. Въ чемъ причина этой вражды, конечно, никому, кромѣ самихъ змѣй, неизвѣстно, но вражда положительно существуетъ и выражалась бы, во всей вѣроятности, еще опутительнѣе, еслибы между Муганью и Карабахомъ рѣка Араксъ не представляла обѣимъ сторонамъ естественной и не легко одолимой преграды. Нападающею стороною всегда являются змѣи муганскія, которыя переплываютъ чрезъ Араксъ на западъ столь громадными полчищами, что берега рѣки на нѣсколько часовъ, а то и на сутки, бываютъ

¹⁾ Арабское слово *зюлькарнаинъ*, *деуронъ*, произносится у восточныхъ народовъ различно. *Деуронъ* — общій на Востокъ титулъ Александра Македонскаго.

буквально покрыты ими, такъ что кажется, будто по землѣ движется какал-то густая безконечная сѣтка. Рассказываютъ слѣдующій, просто невѣроятный, случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рыбакъ-татаринъ, проживающій на Араксѣ близъ пограничнаго поста Баграмъ-Тапа, въ одно раннее лѣтнее утро вошелъ въ свой куласъ и, оттолкнувшись весломъ отъ берега, закинулъ въ рѣку нѣсколько удочекъ. Поглощенный наблюденіемъ за поплавами, онъ ничего кромѣ ихъ не видѣлъ вокругъ себя, какъ вдругъ, спустя около часа времени, замѣчаетъ, что куласъ, самъ собою начинаетъ крениться на лѣвый бокъ, обращенный къ Муганскому берегу Аракса. Оглянувшись туда онъ съ ужасомъ видитъ, что въ убогую душегубку его наползаютъ чрезъ бортъ густая масса змѣй, которыя кишатъ уже во множествѣ у его ногъ на днѣ куласа. Глянулъ за бортъ, вся вода отъ лодки до берега покрыта змѣями, глянулъ на берегъ,—и тамъ тоже змѣи въ несчетномъ числѣ сползаютъ въ воду, переполняя одна другую и переполняя другъ чрезъ дружку; въ иныхъ мѣстахъ у воды образовались изъ нихъ даже цѣлыя бугорки и движущіяся кучи; вокругъ куласа опять же все змѣи и змѣи, изъ коихъ однѣ стремятся въ лодку, а другія плывутъ себѣ мимо, направляясь густою, широкою массою къ тому берегу. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, видитъ несчастный татаринъ, что выйти ему на берегъ нечего и думать: тамъ все полно змѣями, некуда и шагу ступить, но и куласъ его тоже переполненъ ими; змѣи взбираются уже на него самого, обвиваются вокругъ ногъ, висятъ на колѣняхъ... Еще немного, и куласъ, переполненный такимъ неожиданнымъ грузомъ, того и гляди затонетъ. Онъ сталъ осторожно грести къ противному берегу, и когда причалилъ къ нему, то змѣи вдругъ стремительно стали выползать, и даже выпрыгивать изъ лодки, но не разбродились въ стороны, а видимо старались держаться вмѣстѣ, ближе другъ къ дружку. Чрезъ нѣсколько минутъ весь берегъ былъ уже покрытъ ими, но онѣ не уползали вдаль, а держались на берегу, очевидно поджидая остальныхъ своихъ оны, переправлявшихся впасть. Душегубка рыбака опросталась, и замѣчательно, что ни одна змѣя его не тронула; онѣ словно бы понимали, что онъ имъ нуженъ, что онъ оказываетъ имъ существенную услугу, облегчая трудную переправу. Спустя нѣсколько времени, оба берега совершенно очистились отъ змѣй, которыя всею массою уползли въ Карабахскую степь, а нѣсколько дней послѣ того казачья разбѣды и пробѣжки степники встрѣчали на степи множество змѣиныхъ труповъ, разлагавшихся подъ знойнымъ солнцемъ, и невѣсть откуда налетѣвшія громадныя стаи разной птицы повсюду, куда лишь хваталъ глазъ, усаживали собой Карабахскую степь и нѣсколько

сутокъ пожирали эти трупы. Тѣсно ли стало муганскимъ змѣямъ на своей степи, или иная какая причина вызвала это «великое переселеніе», только замѣчено было, что назадъ онѣ не возвращались. Нельзя не сказать, что эти періодическія нашествія и междоусобныя войны отвратительныхъ гадовъ являются истиннымъ благодѣяніемъ для Мугани. Природа въ этомъ случаѣ, какъ бы сама заботится объ уничтоженіи накапливающихся излишковъ змѣиного населенія и стихійно влечетъ его къ самонстребительнымъ войнамъ.

На Мугани водится нѣсколько породъ змѣй, между которыми есть и безвредныя, но зато есть и такія, какъ напримѣръ страшная *гирза*, послѣ укуса которой не только человекъ, но даже верблюдъ и буйволъ чрезъ двадцать минутъ уже умираетъ. Отъ гирзы нѣтъ противоядія и послѣдствіемъ ея укуса всегда бываетъ мучительная смерть: разложеніе крови наступаетъ чрезвычайно быстро, и человекъ весь чернѣетъ еще до начала предсмертной агоніи. Гирза не велика: наиболѣе развитыя особи этой породы рѣдко достигаютъ полутора-аршинной длины, обыкновенный же ростъ ихъ отъ двѣнадцати вершковъ до одного аршина. Она отличается сѣроватымъ, пыльно-золотистымъ цвѣтомъ кожи, такъ что поэтому ее даже трудно, не всмотрѣвшись, отличить отъ почвы. Это кака-то совершенно особенная порода, у которой—какъ угадаютъ, по крайней мѣрѣ, очевидцы—нижняя челюсть лежитъ не на одной высотѣ съ верхней, а нѣсколько ниже, какъ у нѣкоторыхъ рыбъ, и при томъ она короче верхней. Кромѣ того, говорятъ, что ядоносныя клыки находятся у нея не въ верхней, а въ нижней же челюсти, чѣмъ и объясняется особый, свойственный одной только гирзѣ, приемъ, который она употребляетъ для нападенія и укуса. Замѣчено, что гирза никогда не нападаетъ прямо, бросаясь впередъ на человека, а всегда наводитъ принять такое положеніе, чтобъ онъ очутился позади ея. Тогда она моментально становится на хвостъ, конецъ котораго обладаетъ у нея необыкновенною упругостью и силой, а нѣкоторые утверждаютъ даже, будто у старыхъ особей онъ такъ твердъ, какъ игла дикобраза. Вытянувшись на хвостъ, какъ палка, спиной къ человеку, гирза нѣсколько запрокидываетъ назадъ голову, разбавляетъ пасть и, моментально сдѣлавъ хвостомъ упругій прыжокъ, заставляющій ее описать въ воздухѣ дугу, бросается, или какъ бы опрокидывается, на свою жертву брюхомъ наружу, такъ что нижняя челюсть ея приходится сверху, и тогда уже вонзаетъ въ жертву свои тонкіе, какъ иголки, зубы. Къ счастью, она не всегда умѣетъ вѣрно разсчитывать силу своего прыжка, и потому случается нерѣдко, что гирза перекидывается въ воздухѣ черезъ человека. Встрѣча съ гирзой тѣмъ

опаснѣе, что, вопреки общеѣмной природѣ, она не боится человѣка, не старается, какъ всѣ прочія змѣи, поскорѣе уйти отъ него, скрыться подъ кустами, а напротивъ, сама первая начинаетъ неожиданное и ничѣмъ не вызванное нападеніе. Природа, снабдивъ ее сильно дѣйствующимъ ядомъ и большою смѣлостію и злостью, въ то же время затруднила ей способы нападенія; поэтому люди опытные увѣряютъ, будто гирза совсѣмъ не опасна, если только, при встрѣчѣ съ нею, человѣкъ, зорко и внимательно наблюдая за малѣйшимъ ея движеніемъ, будетъ стараться постоянно находиться впереди ея, лицомъ къ лицу; если же, по неопытности, онъ задастся цѣлью преслѣдовать ползущую гирзу сзади, то навѣрное будетъ укушенъ ею. Употребляя первый приемъ, можно гирзу довести до утомленія и, измучивъ во время такой игры легонькими ударами хлыста или трости по головѣ, взять ее даже живую. Такой приемъ употребляетъ, между прочимъ, на Белесуарѣ карантинный врачъ Н. М. Соловьевъ, которому на счетъ гирзы какъ-то особенно везетъ. Эти гадены болѣе прочихъ облюбовали его холостую квартиру, быть можетъ потому, что окна ея выходятъ на юго-западную сторону, наиболѣе нагрѣваемую солнцемъ. Возвращаясь подъ вечеръ домой, онъ иногда застаётъ у себя на подоконникѣ такую милую гостью, съ которою перемониться, конечно, не приходится. Съ нынѣшней весны на Белесуарскомъ посту было уже шесть случаевъ, что гирзы заползали въ комнаты. Поэтому здѣсь можно спать въ безопасности отъ змѣй, скорпионовъ, фалангъ, комаровъ, мошкеры и прочаго «гнуса» не иначе, какъ тщательно подоткнуть со всѣхъ сторонъ подъ тюфякъ полы высокаго, сплошного кисейнаго мустикера. Гирза еще тѣмъ опасна, что она охотно живетъ повсюду, не разбирая мѣста, будетъ ли то полевая нора или груда камней, стѣна стараго глинобитнаго дома, потолокъ или подполье, конюшня, ретирадное мѣсто или цвѣточная клумба, и въ такомъ образомъ рѣшительно нигдѣ не застрахованы отъ встрѣчи съ нею.

Изъ другихъ породъ змѣй на Мугани чаще всего встрѣчаются гадюки—обыкновенная и рогатая, такъ-называемая здѣсь *казюка* или *казюла*, затѣмъ *кизиль-иланъ* или красная змѣя, названная такъ по окраскѣ своей кожи, выпадающей въ буро-вишневый цвѣтъ различныхъ оттѣнковъ, отъ болѣе густого до розоватаго; брюхо у нея тоже красное, а спина испещрена довольно красивымъ темнымъ узоромъ, въ видѣ ряда небольшихъ продольныхъ ромбовъ, составленныхъ точно по канвѣ изъ мелкихъ шашекъ. Будучи раздражена или придавлена, красная змѣя выпускаетъ иногда наружу тонкій кончикъ своего хвоста, въ спокойномъ состояніи обыкновенно втянутый

внутрь, и этотъ кончикъ, длиной отъ полутора до двухъ дюймовъ, окрашенъ у нея въ ярко-зеленый, наумрудный цвѣтъ. Изъ безвредныхъ змѣй здѣсь водится довольно много желтыхъ слѣпыхъ различной длины и толщины, достигающей иногда до ширины запястья взрослого человѣка; видали, говорятъ, нерѣдко и желтобрюховъ, достигающихъ въ длину до двухъ съ половиной аршинъ и болѣе, при соответственной толщинѣ, которые, не имѣя ядовитыхъ клыковъ, одарены тѣмъ не менѣе острыми мелкими зубами и широко раскрывающемся пастью, что способствуетъ имъ уславивать себя при ловлѣ добычи почти всѣ характерные приемы удава. Говорятъ, что не пренебрегая лягушками и мышами, они особенно лакомы до степныхъ птицъ, каковы сойка, шуръ, удода, даже сорока и проч., къ которымъ неслышно подкрадываются въ то время, когда тѣ, истомленные зноемъ, припавъ къ землѣ, находятся въ полудремотномъ состояніи; желтобрюхъ, поймать такую птицу зубами за хвостъ или за ногу, тотчасъ же обвиваетъ и сжимаетъ ее своими кольцами, дробитъ ей кости и затѣмъ принимается за обѣдъ, втягивая въ себя добычу медленно и постепенно, послѣ чего нѣсколько часовъ лежитъ съ переполненною утробой, вытянувшись во всю длину, въ совершенно безпомощномъ и неподвижномъ состояніи. Водятся, наконецъ, ужь, преимущественно по низменнымъ и болотистымъ мѣстамъ, у береговъ застоявшихся съ весны лужъ и проточныхъ ручьевъ и канавокъ. Нравы ужа извѣстны, но здѣсь, говорятъ, кромѣ мышей и лягушекъ, не брезгаетъ онъ, въ случаѣ надобности, и навозными жуками.

Самая ядовитая изъ муганскихъ змѣй—это, какъ мы уже видѣли, гирза. За нею, по слѣдъ яда, слѣдуетъ казюла, затѣмъ красная змѣя и, наконецъ, гадюка обыкновенная. Укушеніе послѣдней рѣдко бываетъ смертельнымъ, развѣ въ особенно жаркіе мѣсяцы лѣта, каковы июль и августъ, и дѣйствуетъ преимущественно на дѣтей до семилѣтняго возраста и на молодую, молочную скотину: у взрослыхъ же особей послѣдней объ укусѣ гадюки и даже болѣе серьезной змѣи можно догадаться развѣ по отекающей опухоли укушеннаго мѣста (преимущественно ногъ), которая бываетъ различной величины и всегда горяча, сопровождаемая лихорадочными явленіями большей или меньшей силы; но страданія свои отъ укуса этихъ видовъ змѣй крупный скотъ по большей части переноситъ на ногахъ, и лихорадочныя явленія проходятъ у него въ періодъ времени отъ нѣсколькихъ часовъ до трехъ сутокъ, а опухоль постепенно опадаетъ иногда и въ теченіе цѣлой недѣли. Рассказываютъ, между прочимъ, вотъ какіе два случая укуса змѣями людей въ окрестностяхъ Белесуара. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ чапаръ (мѣстный стражникъ—

мплиціонеръ изъ туземцевъ) во время сна на степи, днемъ былъ укушенъ гирзой въ указательный палецъ лѣвой руки. Проснувшись отъ острой боли и увидѣвъ въ чемъ дѣло, онъ, не долго думая, выхватилъ кинжалъ и сразу отсѣкъ себѣ укушенный палецъ, а затѣмъ немедленно же накрѣпко перетянулъ себѣ лѣвую руку, между локтемъ и плечомъ, ремненнымъ поясомъ и поскакалъ въ пріемный покой, къ доктору. Его лечили и вылечили, если только можно послѣднимъ словомъ назвать такое состояніе, что во время леченія у несчастнаго чапары проходило постепенное омертвѣніе пораненной руки. Сначала у него почернѣли и высохли, а затѣмъ стали отпадать по суставамъ пальцы, потомъ кости плоти, занястье и наконецъ стала мертвѣть рука до локтя. Тогда ему вылушили всю руку изъ предплечія и тѣмъ остановили дальнѣйшее омертвѣніе; чапаръ остался живъ. Второй случай былъ съ однимъ татаркомъ. Шелъ онъ подь вечеръ по степи, вмѣстѣ съ однимъ своимъ односельчаниномъ, и вдругъ былъ укушенъ въ ногу бросившеюся на него гирзой. Немедленно же у него обнаружались всѣ признаки тяжкаго смертельнаго исхода. Убивъ гирзу, спутникъ его раздѣлъ до нага своего несчастнаго, бившагося въ конвульсіяхъ товарища, чтобы прилесть осиротѣлой семьѣ хотя его обуви и платье, которыя въ противномъ случаѣ легко могли быть уворованы какими-нибудь проходившими-кочевниками, и оставилъ его умирать себѣ съ Богомъ. Дѣло происходило въ сырпаватой низинѣ, и нагого мученика тотчасъ же облѣпили сплошь мириады комаровъ. Родная семья и вся деревня уже оплакивали его кончину и двинулись всею гурьбой въ степь, чтобы подобрать его трупъ, какъ вдругъ видятъ, что воображаемый покойникъ сидитъ себѣ живъ-живехонекъ на дорогѣ. Только когда жена бросилась къ нему съ объятіями и всѣ въ удивленія стали его расспрашивать, какимъ образомъ онъ еще не умеръ, несчастный сморгнулъ на нихъ точно одурманенный или пьяный, не произнося ни слова. Все тѣло его представляло одинъ сплошной воспаленный волдырь отъ комариныхъ укусовъ. Его перенесли въ деревню и, отлежавшись дома цѣлыя сутки, онъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, только долго потомъ чесывалъ еще свои козариные волдыри. Очевидно, что въ данномъ случаѣ спасителями были комары и, стало-быть, ядъ ихъ служить хорошимъ антидотомъ противъ яда гирзы, но... комары, къ сожалѣнію, не всегда и не на всякомъ мѣстѣ случаются къ услугамъ потерпѣвшаго.

Въ Белесуарѣ стоятъ двѣ сотни Кубанскихъ казаковъ, и офицеры ихъ, да и нѣкоторые казаки, отъ скуки ходятъ въ степь охотиться на змѣй, особенно на гирзу, совершенно такъ же, какъ вы, читатель, отправляетесь

на охоту на вальдшнеповъ. Это здѣсь единственное развлеченіе, если не считать еще охоты на шахсавановъ, которая иногда кончается для обѣихъ сторонъ равами и убійствами.

Впрочемъ, долженъ прибавить, что самъ я не видалъ на Мугани ни одной змѣй, сколько ни старался объ этомъ, внимательно слѣдя глазами по сторонамъ дороги. Всѣ эти «страшные» рассказы о змѣяхъ, послѣ собственнаго опыта, я не прочь бы былъ отнести къ области муганскихъ мифовъ, еслибы не постоянные со всѣхъ сторонъ рассказы и жалобы на змѣй, которые приходится слышать изъ устъ мѣстныхъ жителей, людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія и развитія, не вѣрить которымъ, даже и памятуя пословицу «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ», все же нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что всѣ они приводятъ мнѣ и причину, по которой я не «удостоился» лицезрѣть ни одной муганской змѣй.

«Вы идете въ экипажѣ, съ шумомъ, съ грохотомъ, съ колокольчиками, говорятъ они мнѣ, — ну, а змѣя такого шума не любитъ; она еще издали слышитъ его приближеніе и старается поэтому заблаговременно спрятаться; а вы поѣзжайте верхомъ, да шагомъ, или, еще лучше, лѣшечкомъ съ палочкой пройдите, тогда вотъ и увидите, что это такое. Пары можно подержать, что и ста шаговъ не пройдетъ по полю безъ того, чтобы не увидать одну, двѣ или три гадины».

Что такое шахсаване, о которомъ было упомянуто выше?—Это кочевое племя тюркскаго происхожденія, живущее то на персидской, то на русской территоріи, но официально числящееся въ подданствѣ у шаха Персидскаго, народъ болѣе чѣмъ полудикій, весьма вороватый, подь-часъ не безъ жестокости, и промышляющій весьма удобно, на основаніи своего особаго положенія, ввозомъ контрабанды. Въ 1831 году между нашими и персидскимъ правительствомъ было заключено въ Тифлисѣ особое условіе, въ силу котораго мы дозволили пограничнымъ персидско-подданнымъ шахсаванамъ ежегодно, на осенніе и зимніе мѣсяцы, перекочевывать съ ихъ стадами и движимымъ имуществомъ на Муганскую степь, покрывающуюся въ это время обильными пастбищами и почти безопасную отъ змѣй, подверженныхъ зимней спячкѣ, и потому еще съ осени укрывающихся массами въ глубокіе овраги. За право пользованія муганскими пастбищами была установлена денежная плата, а для устраненія злоупотребленій и нарушеній таможеннаго устава перекочевка эта, совершающаяся двукратно,—осенью къ намъ, весной въ Персію—обставлена извѣстными правилами, въ силу коихъ, между прочимъ, назначены три пункта, отъ Белесуарѣ къ сторонѣ Аракса, чрезъ ко-

которые должны производиться самый пропуск этих людей и таможенный досмотр их имущества.

По словам моего почтенного сослуживца, А. Т. Озеровского, такое исключительное изъятие из общего закона в пользу шахсеванов мало-по-малу поставило пограничный надзор и вообще таможенное дело в неопредѣленное и шекотливое положение не только на Муганской степи, но и по другую сторону Белесуара, на значительное расстояние. Шахсеване, въ числѣ до 25.000 душъ, съ боевымъ вооруженіемъ и снаряженіемъ (винтовки и патроны, преимущественно Пибоди и Генри Мартини), имѣя до 1.000.000 головъ скота, перекочевываютъ къ намъ не постепенно, а всегда сразу въ пять—десять дней, и не чрезъ тѣ только пункты, которые для сего назначены, а на всемъ протяженіи Муганской границы, и даже по другую сторону Белесуара, такъ что таможенный досмотръ ихъ имущества и проверка численности скота (для взиманія платы за пастбу) оказываются болѣею частью физически невозможными. Поэтому нерѣдко бываютъ случаи, что подобная попытка встрѣчаетъ сопротивленіе открытою силой. Не довольствуясь такимъ, почти безконтрольнымъ, одновременнымъ переселеніемъ въ наши предѣлы въ установленное для сего осеннее время, шахсеване, въ теченіе всей своей зимней кочевки на Муганской степи, непрерывно нарушаютъ подъ разными предлогами нашу границу, переходя туда обратно, то въ одиночку, то цѣлыми вооруженными партіями. Злоупотребленія предоставленными льготами и пренебреженіе къ нашимъ постановленіямъ со стороны шахсевановъ простираются до того, что они зачастую совершаютъ открытое нарушеніе нашей границы даже и въ лѣтнее время, вторгаясь къ намъ вооруженными партіями въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ человекъ. Причина такихъ вторженій—баранта (угонъ скота нашихъ подданныхъ), кража съ полей снятаго хлѣба и ввозъ контрабанды (англійскій индійскій чай и нѣкоторые англійскіе товары), который совершается ими почти исключительно по найму персидскихъ армянъ-промышленниковъ, имѣющихъ постоянныя контрабандныя дѣла и связи со своими закавказскими соплеменниками. Это и вызываетъ зачастую стычки между нашими пограничными солдатами и казаками, съ одной, и шахсеванами, съ другой стороны, при чемъ послѣдніе почти всегда даютъ по нимъ встрѣчный залпъ и пускаются удирать за границу. Последняя изъ подобныхъ стычекъ была въ текущемъ году 13 мая и кончилась для обѣихъ сторонъ потерей убитыми и ранеными. Дѣло доходило даже до рукопашной штыковой работы. Съ нашей стороны убито и ранено четыре человека; своихъ же убитыхъ шахсе-

ване, по мусульманскому обычаю, всегда увозятъ съ собой. Такимъ образомъ, вышеупомянутое русско-персидское условіе 1831 года, составляющее несомнѣнно актъ высокой снисходительности и великодушія нашего правительства, не только не было оценено по достоинству, но, напротивъ, обращено въ орудіе ала для нашихъ интересовъ и причиняетъ безконечныя затрудненія и недоразумѣнія не одному лишь таможенному вѣдомству: «Шахсеванскій вопросъ, говоритъ полковникъ Озеровскій,—не можетъ быть оставленъ въ настоящемъ положеніи безъ ущерба таможеннымъ интересамъ; между тѣмъ, для удовлетворительнаго его разрѣшенія недостаточно однихъ таможенныхъ мѣропріятій, такъ какъ самая добросовѣстная служба по пограничному надзору парализуется неопредѣленностью положенія дѣла, исключительностію привилегій шахсеванцевъ и крайнею къ нимъ снисходительностію спеціальной администраціи, стѣсненной высшими дипломатическими соображеніями». На персидскую администрацію въ этомъ отношеніи разсчитывать намъ нечего: она давно уже доказала полное свое безсиліе справиться съ шахсеванами, и мирные жители приграничной Персіи терпятъ отъ нихъ не менѣе, если еще не болѣе нашихъ.

Что касается до самаго Белесуара, то это не болѣе какъ жалкое пограничное селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ саклей, расположенныхъ по лѣвому берегу рѣчки Болгарки, которая теряется въ топяхъ одного изъ солончаковыхъ озеръ близъ почтовой дороги, между станціями Тезикентомъ и Джейрамберсомъ, и въ лѣтніе мѣсяцы нерѣдко вовсе пересыхаетъ. Тутъ было когда-то пограничное укрѣпленіе, носившее и до сихъ поръ у мѣстныхъ жителей громкое и грозное названіе крѣпости, которая въ своихъ полуобрушенныхъ низкихъ глинобитныхъ стѣнахъ вмѣщаетъ теперь таможенію, карантинъ и постъ пограничной стражи съ квартирами для служащихъ лицъ. Затѣмъ, какъ я сказалъ уже, въ Белесуарѣ расположены еще двѣ сотни казаковъ, но эти уже внѣ «крѣпости». Военный видъ послѣдней поддерживается развѣ тѣмъ, что на вышкѣ ея, устроенной на плоской кровлѣ отрядной конюшни, вѣчно маячитъ часовой пограничной стражи, которому отсюда удобно наблюдать открытую степь во всѣ стороны и на дальнее разстояніе. Противъ русскаго Белесуара лежатъ Белесуартъ персидскій, еще болѣе жалкая, слѣпленная изъ грязи и глины деревушка, гдѣ живетъ пограничный персидскій чиновникъ и стоялъ два года тому назадъ батальонъ сарбазовъ, нынѣ выведенный куда-то внутрь страны или вовсе упраздненный. На русской сторонѣ, въ балкѣ, спадающей къ Болгарт-Чаю (онъ же и Болгарка) усилями казаковъ разведена неболь-

шая рошица, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ ивы, лозняка и молодыхъ пирамидальныхъ топольковъ. Это, конечно, не много, но все же тѣшитъ хоть какою-нибудь древесною зеленою глазоу, утомленный однообразіемъ широкой полуопаленной солнцемъ совершенно безлѣсной степи. Таможенные чиновники разбили у себя въ «крѣпости» небольшой виноградный навѣсъ, подъ зеленою тѣнью котораго и спасаются во время гнетущей жары, нерѣдко доходящей въ Белесуарѣ до 56° Реомюра, какъ было и въ день нашего посѣщенія этого мѣста не значаго и не прохладнаго. И однако же живутъ люди, да еще и съ малыми дѣтками, среди этого ужаснаго царства зноя, змѣй и пыли, тучами поднимающейся со всѣхъ сторонъ степи при малѣйшемъ вѣтрѣ,—живутъ и даже не тужатъ, а милѣйшій докторъ Соловьевъ, успокоившійся здѣсь (на долго ли только?) послѣ своихъ многочисленныхъ и интересныхъ странствій по бѣду-свѣту, находить даже, что на его вкусъ и мѣста нѣтъ на земномъ шарѣ лучше Белесуара.

Здѣсь узнали мы, что грозовой, чисто тропическій и продолжительный ливень, разразившійся въ ночь надъ частию Мугани, а главѣйшимъ образомъ выше, надъ Араксомъ и въ Мигринскомъ ущельи, до такой степени переполнилъ воды этой капризной рѣки, что бурнымъ теченіемъ ея снесло куда-то внизъ паромъ и всѣ куласы, такъ что переправа на нѣсколько дней, пока не отыщутъ и не подведутъ на мѣсто паромъ, стала окончательно невозможна. Намъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или ѣхать къ Баграмъ-тапѣ и ждать тамъ, можетъ-быть нѣсколько сутокъ, пока не возобновятъ переправу, наслаждаясь непосредственнымъ содѣйствіемъ и даже сожительствамъ змѣй, фалангъ, тарантуловъ и скорпионовъ, не говоря уже о не менѣе ужасныхъ комарахъ и микроскопической мошкѣ, или же возвращаться назадъ по Мугани, чрезъ рядъ сектантскихъ поселеній, на Сальяны и далѣе къ сѣверу, до желѣзнодорожной станціи Аджи-Кабула, съ которой и началъ я нѣсколько дней тому назадъ свое знакомство съ Муганскою степью. Мы предпочли послѣднее, и въ тотъ же день къ вечеру выѣхали изъ Белесуара. Дорогу эту описывать я не стану, за исключеніемъ развѣ той части ея, отъ Аджи-Кабула до Сальянъ, которую я не видѣлъ, потому что въ первый разъ мы проѣхали по ней ночью; но и тутъ я буду очень кратокъ, потому что въ сущности здѣсь мало есть заслуживающаго подробнаго описанія. Зной въ теченіе дня стоялъ ужасный, нестерпимый, и кабы не поднятій верхъ коляски, то можно было бы рисковать солнечнымъ ударомъ. Степь за Сальянами, какъ я сказалъ уже раньше, по растительности своей приближается къ ха-

рактеру средне-азиатскихъ степей: полынь, будида да колючка, и все отдѣльными шепотками на пыльной, мѣстами солончаковой почвѣ. Изрѣдка кое-гдѣ въ сторонѣ близъ воды видны въ садахъ татарскія деревушки. Ближе къ Аджи-Кабулу синѣетъ обширное озеро, которое предполагается соединить каналомъ съ Курою, чтобы небольшіе пароходы могли подходить почти къ самой желѣзнодорожной станціи; справа же, близъ дороги тянется совершенно голая песчаниковая гряда Аджи-Кабульскихъ невысокихъ горъ, гдѣ на одной изъ возвышенностей бѣлѣтъ квадратная часовня съ простымъ мавританскимъ куполомъ, въ миллионный разъ повторенное воспроизведеніе того самаго типа нагробныхъ «мазарокъ», какія мнѣ приходилось неоднократно встрѣчать на всемъ мусульманскомъ Востокѣ, отъ Египта до степей Хивы, Бухары и нашихъ средне-азиатскихъ владѣній включительно. Подъ ея сводомъ погребены прахъ святого Аджи-Кабула, очень чтимаго не только мѣстнымъ, но и кочевымъ населеніемъ. Близъ его мазарки, отъ подножія горы и до самой дороги, распростерлось обширное мусульманское кладбище, куда привозятъ покойниковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы доставить имъ честь лежать вмѣстѣ со святымъ человекомъ. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько торчащихъ надгробныхъ камней съ пестро-раскрашенными арабесками и изваяніями разныхъ предметовъ. На однихъ памятникахъ высѣчены изображенія лошадей, на другихъ—верблюдовъ, орловъ, сабелей, сѣделъ, чесальныхъ гребней, кувшиновъ и т. п. Къ довершенію сходства со средне-азиатскими степями, тутъ же встрѣтилась намъ татарская кочевка, очень богатая стадами кобылицъ, ослицъ, муловъ и верблюдовъ; только юрты татарскія не похожи на киргизскія кибитки: онѣ имѣютъ продолговато-овальную форму и крыты не сѣрыми, а черными кошмами, такъ что издали походятъ на скирды хлѣба, почернѣвшаго отъ сырости и гнили. Женщины этого аула, за исключеніемъ старухъ, оставляли лица свои открытыми, и было между ними нѣсколько не дурныхъ и весьма типичныхъ фizioномій.

Я рѣшилъ ѣхать въ Боржомъ, гдѣ предполагалъ встрѣтить одно лицо, къ которому имѣлъ порученіе по службѣ. Когда подъѣхали мы, 2 іюля, къ Аджи-Кабульской желѣзнодорожной станціи, жара уже значительно спала; но каковъ же былъ зной въ теченіе самыхъ жгучихъ часовъ дня, проведенныхъ нами въ дорогѣ, если за полчаса до заката солнца, на платформѣ подъ тѣнью широкаго навѣса, термометръ показывалъ 38° Реомюра!...

VI.

Делижанское ущелье.

Въ два часа ночи, на 25-ое июля, я вышелъ изъ вагона на станціи Акстафа, откуда предстояло ѣхать уже на почтовыхъ, чрезъ Делижанъ, Александрополь, Карсъ и Сарыкамышъ на «новую» русско-турецкую границу. Надо было дожидаться разсвѣта, а на станціи пріютиться негдѣ: зала для пассажировъ находилась въ состояніи почти разрушенія по случаю ремонта; на почтовой же станціи всѣ комнаты и диваны для «проѣзжающихъ» были уже заняты ранѣе пріѣхавшими путниками, ожидавшими утренняго баку-тифлискаго поѣзда. Положеніе мое въ такихъ обстоятельствахъ оказалось довольно критическимъ, — почувъ хоть на улицѣ или проводи безсонную ночь на платформѣ дебаркадера.

Я уже приготовился было къ последнему и заболтался лишь объ одномъ, — нельзя ли гдѣ раздобыть хоть какую-нибудь скамейку, какъ вдругъ добрая судьба послала мнѣ избавителя въ лицѣ одного русскаго молодого человѣка, изъ числа служащихъ на Акстафинской желѣзнодорожной станціи, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ съ моимъ услугамъ собственную комнату съ постелью, утѣра, что она ему не нужна, такъ какъ всю эту ночь онъ обязанъ провести среди служебныхъ занятій. Я былъ настолько еще слабъ послѣ перенесенной мною двухнедельной болѣзни (астаринская малярія, — сувениръ, оставленный мнѣ ленкоравскими болотами и чалтыками) и чувствовалъ такую усталость, что не могъ не соблазниться великодушнымъ предложеніемъ молодого человѣка и занялъ его крохотную комнатку, украшеніемъ которой служили развѣшанныя по стѣнамъ охотничьи принадлежности. Пользуясь случаемъ, чтобъ еще разъ высказать ему мою сердечную благодарность. Разбуженный своимъ вѣстовымъ въ семь часовъ утра, я отправился на почтовую станцію, расположенную тутъ же рядомъ, чтобы въ ожиданіи запряжки лошадей наняться чаю. Люди бывалые совѣтовали мнѣ заказать себѣ на этой станціи въ дорогу жареную курицу и кусокъ мяса, потому что въ пути, до самаго Делижана, по съѣстной части ничего не достанешь. Я послѣдовалъ этому благому совѣту и рѣшился переждать лишній часъ, пока на кухню шла процедура жаренья.

Станція Акстафа и зачатки создающагося около нея мѣстечка не могли представлять собою ничего интереснаго для туриста. Мѣстность плоская, въ солончкѣ; посреди обширнаго двора — выложенный камнемъ бассейнъ, служащій для поливки не то пвѣтничка, не то огорода съ пестрыми маками и желтыми под-

солнухами; за райономъ двора — мясная лавка, гдѣ заодно уже продаются и дыни, духанъ съ русскою выѣскою, изображающей чайникъ и жареную курицу, два-три сырцово-кирпичные флягеля для желѣзнодорожныхъ служащихъ, маленькій караванъ-сарай (постоялый дворъ) для туземной публики и почтовая станція съ плохимъ буфетомъ, — вотъ и все. Къ половинѣ девятого жарено мое было готово, и я пустился въ путь-дорогу въ довольно удобной почтовой коляскѣ.

Мѣстность равнинная, впереди вырисовываются горы въ сизоватой дымкѣ, обѣщающей очень знойный день. Вотъ первое попутное татарское село Демурчаларъ, съ хорошими каменными саклями, разбросанными по садамъ, гдѣ преобладаетъ орѣховое дерево. При селѣ — хорошенькая мечеть, которая выглядываетъ изъ-за окружающей ее зеленой рощи ярко-красными шатерчатыми кровельками двухъ минаретниковъ. На десятой верстѣ отъ станціи мы проѣзжаемъ мимо Казаха, мѣстечка, исправляющаго должность уѣзднаго города, потому что здѣсь находится административный центръ Казахскаго уѣзда (Елисаветпольской губерніи). Улицъ нѣтъ; глинобитные и каменные домики съ плоскими кровлями, верандами и палисадниками, увитыми виноградомъ, разбросались тамъ и сямъ, какъ попало, или какъ кому больше понравилось. Отъ одного домика къ другому ведутъ пѣшеходныя тропы или колесныя колеи, которымъ то и дѣло приходится пересѣкать оросительныя каналы. Кое-гдѣ торчатъ фонарные столбы съ покосившимися керосиновыми фонарями — явный признакъ нѣкоторой цивилизаціи. Есть и базаръ, конечно, въ видѣ цѣлаго ряда очень чистенькихъ, недавно выѣвленныхъ лавокъ, съ переднимъ навѣсомъ на колонкахъ; строеніе каменное, къ которому былъ примѣненъ бетонный способъ постройки съ кирпичными устоями и горизонтальными прослойками изъ жженого кирпича. Есть даже и церковь, помѣщающаяся въ небольшой изящной саклѣ, на плоской кровлѣ которой торчатъ столбикъ съ соломеннымъ лагерьнымъ навѣсомъ, въ видѣ зонтика, закрывающій колокольню. Убогая церковка эта устроена, какъ слышно, на скромныя частныя средства ея немногихъ мѣстныхъ прихожанъ. Но чѣмъ безусловно можетъ похвастаться Казахъ, такъ это великолѣпными каменными казармами въ два этажа, гдѣ прекрасно расположена мѣстная команда. Такихъ казармъ, за исключеніемъ Тифлиса и Баку, я еще и не видалъ на Кавказѣ. И казалось бы, что стояло при составленіи проекта этой постройки ввести туда и домовую церковь, но почему-то не догадался, а теперь подымись объ этомъ вопросъ, надо составлять новую смѣту, которую господа строители, пожалуй, вогнали бы въ такую цифру, что у начальства въ глазахъ потем-

нѣтъ. Миновавъ за Казахомъ второе татарское селеніе съ его садами и кладбищемъ, на которомъ обращаютъ на себя вниманіе два-три памятника въ видѣ бѣлыхъ домиковъ, мы втѣнулись въ узкую долину рѣчки Акстафы, служащую какъ бы преддверіемъ Делижанскаго ущелья, и вскорѣ подѣхали къ почтовой станціи, гдѣ застали на привалѣ батальонъ новаго кавказскаго войска, армянскаго, непохожаго, впрочемъ, на настоящіе кавказскія войска. Послѣдующій путь нашъ можно было продолжать лишь съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ, потому что мы нѣсли несчастье попасть на встрѣчу своего рода великому переселенію народовъ. На протяженіи всего шоссе отъ Казаха до Делижана, болѣе 60 верстъ, тянулась непрерывная цѣпь скрипучихъ татарскихъ арбъ съ устроенными надъ ними навѣсами изъ пестрыхъ ковровъ и полосатыхъ паласовъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали цѣлыми десятками женскія лица, отъ безобразнѣйшихъ старухъ до замурзанныхъ, но нерѣдко прехорошенькихъ дѣтскихъ головокъ. Это спускались кочевые татарскіе роды и общества съ горныхъ своихъ кочевъ на долины, гдѣ у нихъ уже поспѣли къ жатвѣ и яровые хлѣба. Молодыя татарскія женщины и дѣвушки, съ открытыми лицами, частью сидѣли въ тѣхъ же переполненныхъ людьми и всякою всячиной арбахъ, частью ѣхали верхомъ, по-мужскъ, съ нагайкой въ рукѣ, или съ охотничьимъ соколомъ на пальцѣ, рядомъ со своими отцами, мужьями и братьями. Извѣстный законъ Магомета, воспрещающій мусульманской женщинѣ показывать свое лицо постороннимъ мужчинамъ, какъ видно, вовсе имъ не соблюдается, если судить по тому, что эти набѣдницы не только отъ соплеменниковъ своихъ не прятались, но и на насъ, гяуровъ, глядѣли во всѣ глаза съ чисто Евнинымъ любопытствомъ. Всѣ вообще женщины переселявшагося народа были разодѣты въ лучшіе свои наряды. Перекочевка—это для нихъ настоящій праздникъ. Ярковыя атласныя и парчевыя бешметы, бархатныя кофты, шубки и казакіны, отороченныя куницами и соболями, множество золотыхъ и серебряныхъ монетъ въ головныхъ уборахъ (нѣчто въ родѣ рогатой чухонской кички) и монеты на шеѣ, вмѣстѣ съ ятарными бусами, все это являлось рѣзкимъ контрастомъ съ обыкновенными костюмами мужичья, изъ которыхъ большинство было чуть не въ рубищахъ и положительно всѣ въ заплатахъ. Большая баранья шапка туркменско-хивинской формы на бритой головѣ, шея и грудь на-голо; на плечахъ полинялый архакутъ или родъ казакина изъ какой-то бумажной матеріи, нѣкогда снѣгаго цвѣта, стянутый въ талии ремненнымъ поясомъ съ металлическимъ наборомъ; холщевые порты, завязанные повыше щиколотки; на ногахъ шерстяные чул-

ки и чевяки изъ невыдѣланной буйволовои кожи, прикрѣпляемые къ ступнѣ ремешками крестъ на крестъ, какъ у малороссіянъ постолы,—таковы костюмы мужичья, которые по большей части присоединяютъ къ нему еще какое-нибудь оружіе: кинжалъ, иногда пашку или клычъ (родъ полусабли или ятагана). У многихъ за плечами висятъ еще какое-нибудь ружье, отъ кремневой черкесской вилтовки до турецкихъ Снайдеровъ и Пибоди. Богъ уже знаетъ, какимъ образомъ эти послѣднія ружья, отбитыя у турокъ въ послѣднюю войну нашими войсками, могли попасть въ татарскія руки, но фактъ тотъ, что здѣсь вы почти на каждомъ шагу встрѣчаете всевозможныхъ туземцевъ, вооруженныхъ ими. Говорятъ, будто это нужно имъ для защиты отъ разбойниковъ, но это вопросъ вообще темный, кто и насколько здѣсь разбойникъ: подвергнись нападенію сегодня и идущій жаловаться на это властямъ, завтра нападаетъ на перваго встрѣчнаго самъ, съ совершенно спокойною совѣстью; но зато несомнѣнно одно, что оружіе у полудикихъ туземцевъ служитъ прямою причиною ежедневныхъ случающихся между ними тяжкихъ пораненій и убійствъ при первой пустячной ссорѣ, изъ-за чего возникаетъ потомъ нескончаемая цѣпь родовыхъ и племенныхъ кровомщеній.

Безконечный рядъ изукрашенныхъ татарскихъ арбъ, нагруженныхъ, кромѣ семей и рухляди, еще всякими запасами, домашнею утварью, живыми связанными курами и утками, усталыми собаками и ягвятами, слѣдоваль въперемешку съ ужасно пыльными стадами овецъ, козъ и коровъ, состоявшихъ подъ охраной вооруженныхъ пастуховъ и презлющихъ собакъ-овчарокъ. Быки и буйволы шли подъ ярмомъ въ парной арбой запряжѣ, а излившея ихъ группировался въ особые стада, гнавшіеся по той же дорогѣ. Впереди каждой арбы, направляя влекущихъ ее буйволовъ, непремѣнно шелъ отецъ семейства или старшій членъ семьи, съ рыжевато-красной бородой, выкрашенною въ этотъ цвѣтъ хинною краской, въ знакъ подобающаго ему почета. Молодые же сыновья или ѣхали верхомъ, пускались иногда въ джигитовку съ товарищами, или пѣше управлялись съ отцовскими стадами. Безпорядокъ при этомъ былъ ужасный: одни буйволы упрямялись, не хотѣли идти впередъ, другіе стремились обогнать ихъ, не желая стоять на мѣстѣ, арбы натыкались одна на другую, сбѣгались колесами; тутъ хозяева бросаются разнимать ихъ; шумъ, крики, градъ неловкихъ ударовъ въ спины и бока несчастныхъ буйволовъ, которымъ теперь ни взадъ, ни впередъ, потому что задніе насѣли уже на переднихъ, тутъ еще глухія ошцы путаются между ногами и колесами и поднимаютъ такую пыль, что не прочитаешься—и вотъ, все движеніе поневолѣ должно приостановиться на

неопределенное время, пока-то хозяева сѣпившихся арбъ усиѣютъ, власть наругавшись между собой, кое-какъ развести свои экипажи. У попутныхъ фонтановъ и ручьевъ я на берегу рѣчки, гдѣ лишь позволяла мѣстность, живописно пестрѣли цѣлые таборы татарскихъ кочевниковъ, свернувшихъ съ дороги на отдыхъ. Тамъ паслись выпряженные волю, наслаждались въ лужахъ буйволы, дымились костерки, пеклись на угольяхъ лаваша (тонкія хлѣбныя лепешки), растянутыя на мѣдныхъ тазахъ и подносахъ, и жарился на вертелѣ бараній шашлыкъ. Мужчины, развалившись на травѣ, подъ тѣнью кизилowychъ и орѣховыхъ деревьевъ или своихъ развѣшенныхъ ковровъ, предавались безмятежному кейфу съ трубками въ зубахъ, а женщины возились съ дѣтьми и походнымъ хозяйствомъ. У этихъ татарокъ я замѣтилъ въ костюмѣ одну особенность, несомнѣнно представляющую «модное» нововведеніе послѣдняго времени: поверъ своихъ традиціонныхъ восточныхъ *туманого* и *шалъга* (шалваръ), многія и многія изъ нихъ стали уже носить длинныя платья «нѣмецкаго» покрою, съ аграмантомъ и оборками на подолѣ. Въ этнографическомъ и художественномъ смыслѣ это, конечно, безобразіе, но что подѣлаешь противъ подобной «цивилизаци», если и татарскіе муллы, очевидно, безсилны бороться съ нею!.. Впрочемъ, несмотря на «нѣмецкій» покрой, характеръ рисунка этихъ ситцевыхъ матерій, равно какъ и вкусъ къ нему остается пока еще восточный, и наши московскіе фабриканты,—надо отдать имъ справедливость,—сумѣли отлично примѣняться къ этому вкусу. По цвѣту и рисунку, здѣсь господствуютъ три сорта ситцевъ: бѣлый съ большими темно-малиновыми или пунцовыми цвѣтами и букетами (этотъ сортъ даже предпочитается остальнымъ), фіолетовый съ бѣлыми узорами и пунцовый съ бѣлыми мелкими цвѣтами, или съ желтыми въ прозелень турецкими разводами (въ родѣ репса). Встрѣчается еще и желтый кумачъ оранжеваго и золотисто-лимоннаго оттѣка, но рѣже, и употребляется онъ преимущественно на *туманн*, раздѣляя эту честь вмѣстѣ съ краснымъ кумачемъ и пунцовымъ ситцемъ, по которому брызнута мелкая бѣлая мушка. На головные же уборы женщинъ идетъ либо бѣлая бязь (родъ бумажной кисеи), либо русскіе шелковые и ситцевые платки, тѣ и другіе съ набойчатымъ пестрымъ узоромъ.

Караваны перекочевывающихъ татаръ тянулись безъ перерыва не только цѣлый день, до позднихъ сумерокъ, но и на слѣдующее утро; при выѣздѣ моемъ изъ Делижана, я засталъ продолженіе этого движенія, возобновившагося съ разсвѣтомъ, уже въ полномъ разгарѣ, подобно вчерашнему. Въ эти сутки прошло по Делижанскому ущелью, я думаю, не мевѣ двадцати тысячъ народа.

Долина Акстафы порой суживается, порой становится нѣсколько просторнѣе какъ бы для того, чтобъ уступить мѣстечко какому-нибудь отдѣльнымъ хуторамъ или небольшому селенію, а затѣмъ бока ея опять сближаются и становятся круче, стѣсняя въ своихъ откосахъ рѣчку Акстафу, становящуюся въ такихъ мѣстахъ совершенно горнымъ шумливымъ потокомъ. Всѣ скаты горъ изобильно покрыты древесною растительностью, изъ-подъ которой освобождаются иногда нѣкоторыя базальтовые скалы и, голыя, торчатъ наружу во всей своей дикой красотѣ, которая еще болѣе выигрываетъ отъ окружающей ее зелени. Вообще, эта разнообразная растительность, смягчая суровость каменныхъ скалъ и осыная собою многочисленные побочные ручьи и шумные водопады, совершенно отнимаетъ у Акстафинскихъ горъ тотъ угрюмо-величавый характеръ, какимъ исполнены ущелья Терека и Мтіулетской Арагвы (въ ея истокахъ) и придаетъ всей Акстафинской долины чрезвычайно привлекательный, изящный, даже веселый видъ. Вамъ именно *весело* ѣхать по ней, и даже эти безпрестанныя остановки изъ-за татарскихъ стадъ, какія случайно достались на мою долю, не въ состояніи были нарушить общаго свѣтлаго впечатлѣнія,—напротивъ, пестрое и шумное движеніе кочевыхъ каравановъ придавало всей картинѣ еще болѣе жизнерадостнаго оживленія и какой-то кипучести.

Дно долины представляется порой сплошнымъ роскошнымъ садомъ. Тутъ вы встрѣчаете въ превосходныхъ, могуче-развитыхъ экземплярахъ дубъ, грабъ, кизилъ, сосну, пихту и тую; но въ особенности хороши розкошныя, тѣнистыя группы орѣховыхъ деревьевъ, отягченныхъ ноптѣвающими плодами. Благодатное дерево это доставляетъ жителямъ доходъ не только своими орѣхами, но еще болѣе своими наростами, такъ-называемымъ *напльмомъ*—который достигаетъ до 50—80 пудовъ вѣса и представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для тонкихъ столярныхъ подѣлокъ. Орѣхъ цѣненъ еще и тѣмъ, что въ здѣшнемъ климатѣ онъ растетъ успѣшно и быстро вездѣ, гдѣ лишь имѣются мало-мальски благоприятныя условія для его существованія. Главный доходъ жителей—это ихъ сады, а затѣмъ земледѣліе и лѣсной промыселъ, состоящій, впрочемъ, только въ добываніи орѣховаго напльва и выжиганіи угля, для чего употребляется сухостой и валежники. Лѣсной промыселъ по-неволѣ долженъ ограничиваться такими скромными размѣрами, такъ какъ для болѣе крупныхъ операцій, хотя на мѣстѣ, особенно въ болѣе дальнихъ лѣсахъ Делижанскаго ущелья, и есть въ изобиліи вполне годящійся матеріалъ, но нѣтъ удобныхъ путей ни для сплава, ни для сплава бревенъ. Кромѣ шоссе, здѣсь нѣтъ побочныхъ колесныхъ дорогъ, а рѣчка

Актафа, по своей мелкости и горному характеру каменистаго русла, не может служить сплавным путем даже и въ наиболее высокую воду, потому что тогда она становится совсѣмъ уже стремительнымъ потокомъ, который катитъ массу камней, рветъ берега, смываетъ деревья и ломаетъ ихъ въ щепы. Скотоводство у мѣстныхъ сельчанъ тоже не велико, ограничиваясь лишь домашними ихъ потребностями, и это объясняется недостаткомъ пространныхъ пастбищъ: склоны горъ довольно круты, а лѣсъ и подлѣсокъ на нихъ такъ часты, что нерѣдко представляютъ совершенно непродорванные заросли. Покося ограничиваются лишь небольшими луговинами на днѣ долины, да на нѣкоторыхъ, болѣе отлогихъ, нижнихъ скатахъ горъ. Поэтому поселяне очень дорожатъ своимъ сѣномъ: они не оставляютъ копы его на землѣ, а устраиваютъ для нихъ изъ жердей и плетяного хвороста возвышенные подмошки, на которыхъ сѣно обезопаснено какъ отъ излишней сырости почвы, такъ и отъ подмочки во время сильныхъ ливней, когда съ горныхъ скатовъ сливается въ низины масса дождевой воды, нерѣдко совершенно смывающей прочь цѣлые огороды со всѣми ихъ грядками и насаждениями.

Около часу дня мы прибыли въ армянское мѣстечко Караванъ-Сарай, гдѣ нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе, за рѣчкой, находится почтовая станція, но подѣлать къ самой станціи не оказалось возможности, такъ какъ мостъ на Акстафѣ, сорванный въ нынѣшнее весеннее половодье, до сихъ поръ еще не восстановленъ, а пѣнее сообщеніе съ тѣмъ берегомъ происходитъ пока по нѣсколькимъ бревнамъ, жердямъ и доскамъ, положеннымъ самими обывателями. Пришлось поэтому остановиться для перемѣны лошадей у армянскаго духана близъ моста, гдѣ поневолѣ останавливаются теперь всѣ проезжающіе, чему духанщикъ, конечно, очень радъ, въ томъ расчетѣ, что съ каждаго изъ нихъ, такъ или иначе, перепадетъ въ его карманъ лишняя копейка. Хотѣлось бысть, — надо было закусить, и тутъ моя жареная курица пришлась какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ духанѣ, кромѣ водки и вина, весьма подозрительнаго цвѣта и качества, жесткихъ какъ подошва лавашей, гнилыхъ сардинокъ и овечьяго сыра, ничего не оказалось. Расположился я для закуски въ сосѣдней съ духаномъ лавкѣ какого-то старика-армянина, торговавшаго московскимъ мануфактурнымъ товаромъ, такъ какъ не хотѣлъ стѣснять своимъ присутствіемъ какую-то компанію мѣстныхъ цингизованныхъ армянъ, расположившихся подъ навѣсомъ духана и усердно, съ подобострастіемъ и низкими поклонами, угощавшихъ виномъ какого-то толстаго Карапета Мартиросовича, изъ числа разбогатѣвшихъ мѣстныхъ Разуваевыхъ. Это была весьма характерная и не лишенная

комизма сцена, когда члены компаніи, съ полными стаканами въ рукахъ, провозглашали отдѣльные тосты за самого Карапета, за его супругу, за каждаго изъ чадъ и домочадцевъ его, причемъ почтительно чокались съ нимъ, прикасаясь какъ бы для лобзанія къ завороченному на спину длинному рукаву его *чухи* на синемъ канавсовомъ подбѣ, а самъ Карапетъ, избоченясь и напустивъ на себя генеральскую важность, принималъ всѣ эти изъясненія и ухаживанія за собою, какъ нѣчто вполне достождное, и гордо покручивая свой усъ, поощрялъ лебезящихъ ухаживателей снисходительно улыбкой черезъ плечо и покровительственными кивками.

Захотѣлось мнѣ завершить свой незатѣйливый завтракъ арбузомъ, и я послалъ за нимъ въ одну изъ духановъ, гдѣ видѣлъ нѣсколько штукъ ихъ на выставкѣ, проѣзжая давеча мимо маленькаго мѣстнаго базарчика. Духанщикъ явился съ арбузомъ самъ и спросилъ за него тридцать копеекъ, цѣна, по мѣстному, немнѣрно-высокая, но онъ заломилъ ее въ томъ совершенно вѣрномъ расчетѣ, что если проѣзжему такъ уже захотѣлось полакомиться сочнымъ арбузомъ, то не станетъ же онъ торговаться изъ-за нѣсколькихъ копеекъ. И я не торговался, а предложилъ только армянину взрѣзать напередъ его арбузъ, чтобы посмотреть силѣй-ли. Духанщикъ отъ этого натрѣвъ отъ злала и даже слегка обидѣлся.

— Зачѣмъ рѣзай? Не надо рѣзай! Нѣтъ у насъ такой обычай, говорить. — Каспаръ продаетъ тебѣ на своя честь, кушай на здоровье!.. Бери на честь, гапандынъ, не обижай Каспарка. — Каспаръ честный человекъ... Удавиться Каспаркѣ на эта сама мѣста, когда харбузъ не хорошій.

Я имѣлъ неосторожность повѣрить столь энергичнымъ увѣреніямъ и заплатилъ деньги не взрѣзая арбуза. Почувствовавъ въ рукѣ два пятиалтынныхъ, Каспарка мой тотчасъ же далъ стрекача изъ лавки, словно бы моментально сквозь землю провалился, а арбузъ оказался совсѣмъ еще незрѣлый, дряблый, безвкусный. Досадно мнѣ стало и, захвативъ его съ собою, я пошелъ къ Каспаркѣ въ лавку.

— Какъ же ты клялся, говорю, — что арбузъ хорошій, а онъ вотъ какой! Мошенникъ ты, любезный!

— Зачѣмъ машельникъ?! — удивился духанщикъ. — Ныкакъ-нѣтъ машельникъ! Не Каспарка харбузъ делалъ, — Богъ делалъ. Спроси у Богъ, зачѣмъ онъ такого делалъ?.. Нѣ хорошій харбузъ, такая твоя счастья. Бери другая харбузъ, когда жалаешь. Цѣна тридцать копеекъ.

— Изволь, согласился я, — и тридцать копеекъ заплачу тебѣ еще разъ, но съ тѣмъ, что ты напередъ будешь взрѣзать при мнѣ твои арбузы, пока не найдешь хорошаго. Который

окажется хорошимъ, я возьму и деньги тебѣ заплачу за него, но только за него одного, понимаешь?

Каспарка серьезно призадумался, не зная, какъ ему извернуться: и тридцать-то копеекъ еще разъ хочется получить и въ арбузахъ своихъ не увѣренъ, даже навѣрное знаетъ, что всѣ они никуда не годятся.

— Баря поджалуста на счастье!—начинаетъ онъ упрашивать и умасливать меня.—Зачемъ тебѣ зарѣзать, не харашо зарѣзать, бери такъ. Вся харбузы самы хороши, задавиться сейчасъ на эта мѣста!

Я не соглашался и настаивалъ на зарѣзѣ. Видя, что ничего со мной не подѣлаешь и вторыя тридцать копеекъ не получишь, армянинъ даже въ досаду пришелъ.

— Нѣтъ у меня другой харбузъ! Вся харбузъ адынь сортъ, вся первый сортъ! Вся такой, какъ твоя, бери на счастье!

— Какъ же тебѣ не стыдно, говорю,—продавать такую дрянъ, добрыхъ людей обманывать? Самъ знаешь, что никуда не годятся, а божишься и клянешься!

— Што дѣлай, госпадинъ разводитъ онъ руками, какъ бы пзвнялся. На то камерцыя такой! Ты покупалъ, другой покупалъ—Каспаркѣ камерцыя. Зачемъ покупалъ—самъ виноватъ, себѣ ругай, не Каспарка! Не покупай когда не хочешь! А вся харбузы, сейчасъ задавиться, первый сортъ! Самы лучши харбузы!

Отъ Караванъ-Сарая путь постепенно подымается все въ гору, слѣдуя направлению русла Акстафы. У домика дистанціоннаго инженера, когда подынешся уже на довольно значительную высоту, горные скалы вдругъ расширяются, раздвигаются въ стороны, и предъ вами открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на этой дорогѣ. Мнѣ пришлось любоваться имъ довольно долго, за невозможностью продвинуться впередъ, такъ что чувство наслаждения успѣло смѣниться чувствомъ досады на свою невольную остановку, а досада уступила наконецъ мѣсто апатіи и скукѣ, при сознаніи, что противъ восточнаго *кисмета*, т. е. судьбы, ничего не подѣлаешь и никуда отъ него не уйдешь. Остановка произошла все изъ-за тѣхъ же переселяющихся съ горъ кочевниковъ, которые загородили своими арбами и стадами не только всю дорогу, но и прилегающія къ ней мало-мальски свободныя плоскости до того, что и сами уже не въ состояніи были двинуться съ мѣста и разобраться въ этой путаницѣ. Вѣстовой мой отправился впередъ, въ надеждѣ расчистить мнѣ какъ-нибудь дорогу, и пропалъ. Прошелъ добрый часъ времени, прежде чѣмъ онъ, весь перепачканный глинистою грязью, возвратился поѣдать мнѣ причину татарскаго столпленія и возвратился не одинъ, а притащилъ съ собой

еще и конно-иррегулярнаго урядника изъ чапаровъ, такого же замарашку какъ и самъ. Оказалось, что впереди, не доѣзжая двухъ верстъ до Делижава, снесло на шоссе каменный мостъ, и всю эту бѣду натворилъ грозившій ливень, разразившійся въ горахъ вчера, 24 іюля. Дождь этотъ пролилъ на горные скалы такую массу воды, что самыя впиточныя ручьишки и всѣ сухія ложбины весеннихъ водостоковъ превратились на два-три часа въ изобильные, ревущіе потоки, и предъ сокрушающею силой одного изъ таковыхъ не устояло даже капитальное сооруженіе новѣйшей инженерной техники.

— Тамъ теперь, на прорвѣ, идетъ такой кавардакъ, что и не приведи Господи!—докладывалъ мнѣ вѣстовой.—Просто измаялся, пока удалось разыскать урядника... Пущай проведетъ какъ знаетъ.

Урядникъ взялся проложить намъ дорогу. Много крику, брани, крупныхъ словъ и угрозъ поднятой нагайкою пришлось расточить ему прежде, чѣмъ наша коляска получила возможность тронуться съ мѣста и продвинуться впередъ на нѣсколько сажень. Эти татары, казалось мнѣ тогда, подобны своимъ собственнымъ опамъ. Чего они столпились и стоятъ? Я понималъ бы причину такой остановки и замѣшательства, еслибъ они двигались не въ эту, а въ ту сторону и были бы вдругъ остановлены неожиданнымъ препятствіемъ; во вѣдь въ данномъ случаѣ препятствіе уже пройдено ими,—чего же стоять и безъ толку прудить собою дорогу? Но потомъ оказалось, что думая такъ я былъ неправъ, и это стало мнѣ ясно, когда, потерявъ болѣе двухъ съ половиной часовъ на безпрестанно прерываемое движеніе впередъ, я очутился наконецъ предъ разрушеннымъ мостомъ. Шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ острый уголъ, пролегая по двумъ противоположнымъ склонамъ глубокой лощины, и въ вершинѣ этого угла какъ разъ находится свесенный мостъ, отъ котораго уцѣлѣли только высокія щеки сорванной арки, сложенные изъ массивныхъ тесаныхъ камней на порглантскомъ цементѣ. Въ самой прорвѣ шумѣлъ глинисто-мутный потокъ, низвергаясь высокимъ каскадомъ въ глубь лощины, обращающейся вправо отъ моста въ довольно круглой оврагъ, тогда какъ вся плоская мѣстность предъ мостомъ и влѣво отъ него, гдѣ лощина подымается въ гору, представляла собою одну сплошную глинистую топь со множествомъ навороченныхъ въ ней камней, голышей и щебенки. Въ густомъ мѣсяжѣ этой топи увязало множество татарскихъ арбъ и овецъ, такъ что «кавардакъ» происходилъ здѣсь действительно необычайный. Мужчины, оказывая другъ другу взаимную помощь, десятками рукъ хватались за какую-нибудь застрявшую арбу, помогая дружнымъ крикомъ и собственными пле-

чами сдвинуть ее съ мѣста, тогда какъ измученные быки и буйволы, напрягавъ вмѣстѣ съ людьми послѣднія свои усилія и безпрестанно спотыкаясь о камни, падали отъ изнеможения. Тогда на нихъ сыпался градъ пинковъ и ударовъ, и они кое-какъ опять подымались на ноги, ошалѣлые отъ боли, гиканья и криковъ, и порывисто кидались впередъ, чтобы чрезъ пять-шесть шаговъ снова споткнуться и завязнуть. Для облегченія скоту и мужикамъ такой непосильной работы, женщины разгружали арбы, перетаскивая на спины и ребяты, и рухлядь, и куръ съ ягнятами куда нибудь въ сторону, на болѣе сухія мѣста и пригорки; тогда получалась наконецъ кое-какая возможность выволакивать одинъ за другимъ эти неуклюжие, допотопные экипажи и отводить ихъ подальше отъ мѣста крушенія. Но въ то время какъ одни возились съ арбами, другіе хлопотали около завязших овецъ и барановъ, которыхъ приходилось руками вытаскивать изъ густой грязи и, взваливъ къ себѣ на плечи, по-штучно переносить на сухую дорогу. Все это требовало множества рукъ, усилій и времени. Понятно, что порядокъ движенія нарушился, и тѣ, которымъ удалось уже выбраться изъ топи, не могли двинуться далѣе, потому что либо мужчины были еще заняты на переправѣ, либо овцы не все перетасканы и рухлядь не вся уложена или, наконецъ, одна арба какого-нибудь семейства уже вытащена, а другая еще сидитъ по ступицу въ топн. Тутъ уже разрознились не только однообщественники, но и самыя семьи, такъ что переправившимся по неволѣ приходилось ждать, пока соберутся свои люди и овцы.

Хотя и съ большими усиліями, тройка почтовыхъ все же перетаскала кое-какъ мою коляску черезъ топн, безъ посторонней помощи, и, лавируя между арбами уже по ту сторону моста при безпрестанныхъ остановкахъ на дорогѣ для проложенія себѣ дальнѣйшаго пути, намъ, слава Богу, наконецъ-то удалось спуститься къ Делижану. Солнце уже сѣло за хребтомъ Айры, въ горахъ наступили ранніе и короткія сумерки, съ наступленіемъ конхъ вереница татарскихъ каравановъ стала на ночлегъ на самой дорогѣ, тамъ, гдѣ засталъ ее вечеръ, а потому было нечего и думать ѣхать далѣе. Пришлось заночевать въ Делижанѣ.

Делижанъ—это небольшое, но довольно благоустроенное мѣстечко, расположенное частью на уступѣ и по скату горы, на высотѣ 4,200 футовъ надъ уровнемъ моря, а частью внизу, въ глубокой долинѣ, гдѣ виднѣются прекрасныя каменные казармы сапернаго батальона. Собственно торговая и «гражданская» часть мѣстечка находится на узкой площадкѣ уступа, обрамляя собою шоссеиную дорогу. Здѣсь и почта, и телеграфная станція, и нѣсколько

лавокъ съ бакалейными и мануфактурными товарами, имсующихъ себя «магазинами», а рядомъ съ ними базаръ, гдѣ кромѣ фруктовъ, хлѣба и баранины можно найти еще все, что требуется въ неприхотливомъ быту какъ осѣдлыхъ туземцевъ, такъ и кочевниковъ, а равно и для проходившихъ каравановъ. Цивилизація делижанская простирается даже до того, что есть тутъ, во-первыхъ, собственный «парикмахеръ делижанскій Мархушовъ», какъ гласитъ его вывѣска, а во-вторыхъ, два «кафе-ресторана» и гостиница «Москва», обладающая единственнымъ «номеромъ для приѣзжающихъ», который и былъ немедленно занятъ мною.

Для читателя, интересующагося антропологіей, могу сообщить, что въ Делижанѣ находится одинъ изъ древнѣйшихъ въ Закавказьѣ могильниковъ, который былъ изслѣдованъ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, и по добытымъ изъ него черепамъ оказалось, что древнѣйшіе, доисторические обитатели этого края принадлежали къ расѣ совершенно отличной отъ нынѣшнихъ туземцевъ. Все вырытые черепа относятся къ типу длинноголовыхъ, тогда какъ нынѣшніе туземцы все короткоголовые такъ называемые въ наукѣ брахицефалы.

26-го іюля, въ восьмомъ часу утра, я выѣхалъ изъ Делижана. Здѣсь шоссе раздвояется; одна вѣтвь его идетъ на югъ, къ Эривани, другая поворачивается на западъ—къ Александрополю. По этой послѣдней я и направился. Первые девять верстъ до водопада дорога идетъ прелестнымъ лѣсистымъ ущельемъ, все болѣе взбираясь на высоты, мимо густой сосновой роши и остающихся внизу подъ ногами домишковъ дачнаго характера, подъ красными досчатыми и желѣзными кровлями, окруженныхъ усадьбами постройками, цвѣтниками и садами. Кое-гдѣ разбросаны отдѣльные хутора и сакли съ огородами. Флора начинаетъ принимать болѣе сѣверный характеръ, свойственный средней полосѣ Россіи. Въ высокой сочной травѣ мелькаютъ пунцовые маки, лиловые колокольчики, ромашка, дрокъ и мѣстами заросли вереска. Изъ древесныхъ породъ преобладающими являются: дубъ, липа, ильмъ и кое-гдѣ сосна съ елью. Нѣтъ ни одной области въ Россіи, гдѣ была бы такая разнообразная и богатая древесная растительность, какая свойственна полосѣ Закавказья, начиная съ Черноморскаго побережья и Кутаисской губернии до сѣверныхъ склоновъ Малыхъ Кавказскихъ горъ включительно, т. е. тѣхъ мѣстъ, среди которыхъ я теперь находился. По свидѣтельству специалиста лѣсного дѣла, Я. Медвѣдева¹⁾, здѣсь, въ предѣлахъ территоріи, заключающей всего около 3.500 квадратныхъ миль, насчиты-

¹⁾ «Сборникъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства», 1890 года, выпускъ III.

вается болѣе трехсотъ породъ деревъ и кустарниковъ, тогда какъ въ другихъ частяхъ Россіи, на гораздо болѣе значительной площади, число ихъ не достигаетъ и $\frac{2}{3}$ этой цифры. Въ лѣсахъ Закавказья встрѣчается до ста видовъ деревъ, изъ коихъ значительная часть произрастаетъ въ большемъ числѣ разновидностей, чѣмъ въ Россіи. Такъ, видовъ клена здѣсь девять, тогда какъ въ Россіи только четыре, ясеня три вида (въ Россіи одинъ), граба три (въ Россіи два), дуба пять (въ Россіи три) и т. д. Съ меньшимъ числомъ видовъ въ Закавказьи встрѣчаются только немногія породы, каковы: ива, береза, тополь и нѣкоторые другіе. Затѣмъ здѣсь вовсе не водятся сибирскаго кедра и лиственницы, а русскіе представители ели и пихты замѣнены мѣстными видами. Но зато этой странѣ свойственны до 125 видовъ такихъ деревъ и кустарниковъ, какихъ совсѣмъ нѣтъ въ Россіи, и между ними есть не мало весьма замѣчательныхъ по качествамъ древесины. Лучшими лѣсами въ Елисаветпольской губерніи, какъ по густотѣ, такъ и по составу породъ, считаются лѣса Делижанскаго ущелья, въ особенности болѣе отдаленные отъ населенныхъ мѣстъ. Кромѣ липы и дуба, которому принадлежатъ самыя обширныя насажденія, здѣсь я встрѣчалъ еще карагачъ и букъ, но послѣдній рѣже другихъ породъ. Впрочемъ, относительно здѣшняго дуба выше цитированный авторъ замѣчаетъ, что по качествамъ своимъ, какъ матеріалъ для построекъ и издѣлій, онъ далеко уступаетъ нашему русскому дубу, очень скоро подвергается червоточинѣ и гнили, а въ подѣлкахъ не показываетъ той вязкости и гибкости, какія свойственны вообще древесинѣ этой породы. Фактъ этотъ извѣстенъ здѣсь каждому знакомому съ дубомъ на родинѣ русскому поселенцу, который не можетъ скрыть своего удивленія, когда изъ десяти дубовыхъ брусьевъ ему удастся согнуть въ ободъ едва одинъ, несмотря ни на какія распариванія. Надо еще и то прибавить, что ни дубъ, ни другія породы не достигаютъ здѣсь особенно крупныхъ размѣровъ. Причина этого, относительно дуба, какъ кажется, заключается въ малости и храчеватости почвы тѣхъ мѣстъ, какія преимущественно избираетъ себѣ эта порода, а что до другихъ породъ, то тугость ихъ роста, безъ сомнѣнія, прежде всего зависитъ отъ относительной сухости здѣшняго горнаго воздуха и почвы. Но, въ общемъ, все это не мѣшаетъ Делижанскимъ лѣсамъ сохранять ихъ прелестный поэтически-картинный характеръ.

Далѣе, за водонадомъ шоссе постепенно взбирается по бѣрѣ большой горы на очень значительную высоту и, мѣстами, идетъ надъ обрывами, куда сползла уже и часть его самого, да кромѣ того, въ перѣдкѣ въ самомъ полотнѣ дороги съ наружнаго края видите глу-

бокія продольныя трещины и отколы почвы, такъ что стоить пойти еще одному-двумъ хорошимъ дождямъ, и часть этихъ отколовъ, если не всѣ они, сразу, навѣрное, свергнутся въ пропасть. Уже и теперь, благодаря подобнымъ обваламъ, шоссе мѣстами стало такъ узко, что двумъ экипажамъ едва можно разъѣхаться. Но если это и препятствуетъ до нѣкоторой степени удобству проѣзда, то нисколько не мѣшаетъ красотѣ и силѣ впечатлѣнія общей картины ущелья. Въ особенности до жуткости хорошо одно изъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ неогражденная и уже обсыпавшаяся дорога идетъ по самому краю густо лѣсистаго и почти отвѣснаго скала, спадающаго въ глубокую пропасть, по дну которой бурливо шумитъ невидимая въ зелени рѣчка.

Не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ сажень до высшей точки дороги, встрѣчается каменный шестейный домикъ съ небольшимъ цвѣтущимъ огородцемъ, разбитымъ позади его, надъ обрывомъ. Мимо домика, вдоль шоссе струится маленький, кристально чистый ручеекъ холодной воды, а по бѣлымъ стѣнамъ и камнямъ рѣзко бѣгаетъ на солнышкѣ множество красивыхъ, блестящихъ ящерицъ. Мы остановились здѣсь на минуту утолить жажду и полюбоваться однимъ изъ лучшихъ видовъ Делижанскаго ущелья. Обернувшись назадъ, на пройденный путь, — отъ тебя словно бы уплываетъ вдаль, слегка извиваясь и закутытая легкой прозрачною дымкой, паворама лѣсистаго ущелья, съ его выступами, карнизами, падами и силуэтами отдѣльных вершинъ, уходящихъ одна за другую. Все это одѣто кудрявою зеленью, которая, подъ гармоническимъ сочетаніемъ солнечныхъ лучей съ прозрачною мягкою тѣнью и дальнею дымкой голубоватаго тумана, представляетъ необыкновенные свѣтовые эффекты въ безконечно красивомъ разнообразіи своихъ свѣтлыхъ и темныхъ тоновъ и оттѣнковъ. Взглянешь впередъ, на предстоящую впереди высшую точку подъема, гдѣ проходитъ граница губерній Елисаветпольской и Эриванской, — тамъ ущелье какъ бы разомъ обрывается и, кажется, будто за нимъ ничего уже нѣтъ, кромѣ яснаго, синяго неба. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, подынешь на эту высшую точку, общая картина вдругъ мѣняется, принимая самый неожиданный характеръ. Вы на плоскости. Горы съ обѣихъ сторонъ превращаются въ невысокіе и довольно отлогіе холмы, приблизительно отъ полутора до двухъ тысячъ футовъ высотой; но на ихъ голыхъ вершинахъ и въ ложбинахъ лежитъ уже снѣгъ, спускающійся довольно низко. Мы находимся теперь на высотѣ около восьми тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, если судить по тому, что ближайшія къ намъ и болѣе высокія вершины слѣва, Тежъ-Ахметъ и Маймахъ опредѣлены на картѣ: пер-

вая въ 10.200 и вторая въ 10.100 футовъ. Насъ окружаетъ довольно широкая, раздвигавшаяся въ стороны и слегка волнистая долина, ограниченная съ сѣвера и съ юга поминутыми отлогими холмами и кряжами, изъ коихъ южный нѣсколько выше сѣвернаго и болѣе покрытъ бѣлыми пятнами и полосами снѣговъ. Рѣденькіе лѣски и кустарники всползаютъ мѣстами къ этимъ снѣгамъ, а выше ихъ зеленѣетъ одна только травка, за которою, еще выше, обнажается кое-гдѣ голый кряжевой камень. По отлогимъ скатамъ холмовъ привольно раскинулись луга и пашни. Русскія бабы и дѣвки въ яркоцвѣтныхъ сарафанахъ съ бѣлыми платочками на головахъ, и мужики въ кумачевыхъ рубахахъ на выпускъ сгребаютъ въ копны ароматное сѣно; на межахъ русскія телѣги стоятъ; распряженные сивки и гнѣдки мирно пощипываютъ себѣ травку на скошенныхъ лугахъ; къ подножью оглоблямъ прилажена дѣтская зыбка подя пестрядиннымъ пологомъ. Бабы и дѣвки гребутъ сѣно рядами, совсѣмъ какъ въ Россіи, и звонкая русская пѣсня разливаясь несется оттуда... Слышны одни женскіе, по обыкновенію, нѣсколько визгливые голоса,—знакомые, родные... Еще нѣсколько минутъ—и мы въѣжаемъ въ русскую деревню Микиты (официально Никитино), совсѣмъ какъ есть русскую: избы бревенчатые, съ коньками и рѣзными украшениями на оконникахъ и ставняхъ, вытянуты всѣ «по порядку», крыты частью соломой, частью досками, есть и каменные дома, съ «галдарейками». Въ одной избѣ—мелочная лавочка, въ другой «магазинъ Рудометкина». Предъ избами насажены: родная рябинка, ветла, тополекъ и липки. Двѣ-три старушки сидятъ на завалинкахъ съ пражей, блѣбрысенія дѣвочки-босоножки бѣгаютъ по улицѣ; мальчишки въ бабки играютъ... Словомъ, точно по какому волшебству, вы сразу очутились совсѣмъ въ Россіи, на высотѣ 8.000 футовъ. Одинъ только древній каменный фонтанъ съ водоемомъ, посрединѣ селенія, да духавъ армянина Вартамова, да этотъ снѣгъ на горахъ среди лѣта отчасти напоминаютъ вамъ, что здѣсь все-таки Кавказъ и Азія.

Страшный ливень 24-го іюля и здѣсь далъ-таки себя знать, оставивъ слѣды разрушенія на дорогѣ. Онъ размылъ все шоссе на протяженіи болѣе двухъ верстъ и сплошь занесъ его камнями и массами глыбъ и щебенки, скатившимися съ горъ вмѣстѣ съ жидкою глинистою грязью, которая время отъ времени, при сильныхъ дождяхъ, сползаетъ на долины. Характерное явленіе это извѣстно въ Закавказьи подъ именемъ *сели*. Причиной его бываетъ либо неплотность и мелкота почвы, лежащей тонкимъ слоемъ на каменномъ основаніи, которую поэтому просто смываетъ водой съ горъ, со всѣмъ на ней находящимся; либо же прорывъ случайно образовавшагося водоема.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ *сели* обыкновенно происходятъ такимъ образомъ, что во время весенняго таянія горныхъ снѣговъ или продолжительныхъ проливныхъ дождей вода сбѣгаетъ съ кручъ въ какую-нибудь нагорную балку, увлекая массы глины и камней всевозможной величины, которые скопляются въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ такой балки и запружаютъ ее; тогда образуется озеро, постоянно возрастающее отъ избытка притока новыхъ водъ, напоръ которыхъ прорываетъ, наконецъ, запруду—и вода съ избыткомъ устремляется по водостоку въ долину, унося съ собой, конечно, и всю массу скатившихся камней и глины.

На шестой верстѣ за станціей Газанчимаъ стоятъ на дорогѣ вторая русская деревня—Воскресенка, населенная, также какъ и Микиты, молочанами. Здѣсь уже предъ избами, кромѣ рябины, появились и березки; по дворамъ, на высокихъ шестахъ, устроены скворешники; кровли соломенные, частью черепичныя; пашни, луга, поля—все это раздѣлено на русскій ладъ: русскія копны, русскія поставушки озимаго хлѣба, къ жатвѣ котораго уже начинаютъ приступать, тогда какъ яровое еще въ періодѣ налива; по дворамъ видны русскія сохи и бороны, лошади въ русской упряжкѣ, — словомъ все, отъ чего уже такъ давно отвыкъ глазъ на Кавказѣ, среди иноплемennаго, чуждаго намъ населенія, является вдругъ воочию, какъ бы напоминая вамъ, что здѣсь тоже Россія и что подъ какой градусъ широты ни перенесите вы русскаго человѣка, онъ вездѣ сохранитъ свою самобытность и свой обычай. Правда, эти двѣ деревни населены въ условіяхъ, наиболѣе подходящихъ къ климату ихъ прежней родины,—здѣсь даже полевая флора напоминаетъ Россію: по краямъ дороги растутъ лопухи, крапива, дикій хрѣнь, конскій щавель, кашка, ромашка, репейникъ, донникъ и т. п.

Позавчерашній ливень и здѣсь натворилъ бѣдъ: вода разворотила арку прочнаго каменнаго моста на шоссе, такъ что приходится дѣлать очень неудобный объѣздъ въ сторону, чрезъ обрывистое сухое русло, переполненное *селемъ*.

На восьмой верстѣ отъ станціи начинается спускъ съ Гамзачиманскаго перевала въ Каракилосскую долину, или иначе—въ долину рѣчки Вамбака. Шоссе опять идетъ по карнизамъ и надъ обрывами, но уже менѣе глубокими. Горныя долины, склоны и площадки населены дубовымъ лѣсомъ, въ обширныхъ, но не густыхъ насажденіяхъ, гдѣ преобладаетъ молодой, невысокій дубокъ, а изъ кустарниковъ—мелколиственный шиповникъ. При спускѣ, ослѣдъ внизъ, въ долину, татарская деревня Вартамы. — Какая бѣдность и внѣшнее убожество, въ сравненіи не говорю уже съ рус-

скими, но хотя бы съ тѣми татарскими же поселеніями, мимо которыхъ проѣзжалъ я вчера въ Казахскомъ уѣздѣ!.. Высто домовъ — низенькія, глубоко врытыя землянки съ земляными же навісами впереди надъ входомъ, какъ въ самыхъ бѣдныхъ мѣстахъ Сѣверной Болгаріи; входная дисеръ, въ которую проваливаешься словно въ темный погребъ, служить единственнымъ проводникомъ свѣта и воздуха. Между такими землянками видны кое-гдѣ, чуть-чуть повыше ихъ ростомъ, жалкія плоскія сакли, сложенные кое-какъ изъ булыжника и осколковъ плитняка, безо всякаго цемента, безъ оконъ и дымопроводовъ, и тоже съ единственною низенькою дверью. Ни дерева, ни дѣвтяника во всей деревнѣ нѣтъ и признака; дѣти — нагишомъ, жители въ рубашкахъ. Ни плуга, ни бороны, ни какой-либо крупицы домашней утвари нигдѣ не видно во дворахъ, оконнанныхъ мѣстами низенькими валикомъ изъ глинистой грязи и навоза; бѣдность обстановки поразительная. А между тѣмъ жители, говорить, вовсе не бѣдны, но они настолько уже заѣдены своею косностью, что не чувствуютъ ни малѣйшей потребности въ какомъ бы то ни было улучшеніи своего непригляднаго быта.

Верстахъ въ четырехъ отъ этой деревни находится армянское мѣстечко Караклисъ, или правильное — Кара-Килисса, что по-татарски значить Черная церковь. Лежитъ оно на высотѣ 4.336 футовъ надъ уровнемъ моря и кажется издали небольшою, но густою рощей, наполненною высокими пирамидальными тополями. внутри же представляетъ собою лабиринтъ узкихъ и кривыхъ переулковъ, гдѣ строенія, дворы и сады скупились и перепутались между собой какъ попало. Дома всѣ безъ исключенія каменные, плоско крытые, въ характерѣ саклей, но гораздо выше послѣднихъ и притомъ снабжены въ достаточномъ количествѣ окнами надлежащей величины. Всѣ они строятся изъ темнаго тесанаго камня, правильною кладкой, или же изъ необдѣланнаго плитняка и булыжника, но не иначе, какъ на цементѣ, бетоновымъ способомъ, а окна всѣ безъ исключенія ограждены прочною желѣзною рѣшеткой, какъ въ тюрьмахъ; это составляетъ непзмѣнную, стародавнюю особенность каждаго армянскаго дома въ Закавказьи, основанную на справедливомъ опасеніи ночныхъ воровъ и разбойниковъ, которые не только въ старину, но и теперь нерѣдко вламываются въ домъ чрезъ непрочныя окна. При каждомъ домѣ непремѣнно есть или свой садъ, или огородъ, или наконецъ небольшой прѣтчикъ, наполненный мальвами, розами, бархатцами и махровыми маками. Въ мѣстечкѣ находится церковь изъ темнаго камня, почему и названо оно Кара-Килиссой; при церкви — школа, затѣмъ «общественное управленіе», почтовая станція съ буфетомъ, нѣсколько довольно порядочныхъ лавокъ, базаръ и не

мало духановъ. Въ домахъ, садахъ и во дворахъ замѣтно много дѣятельности по хозяйству. возводятся новыя постройки, темутъ камень, плотничаютъ и шпалитъ; въ открытыхъ снаружи мастерскихъ занимаются разными ремеслами, — вообще видна дѣятельная жизнь и прочная осѣдлость.

За Кара-Килиссой рѣзко измѣняется характеръ всей предшествовавшей картины, всякая древесная растительность тотчасъ же кончается, и предъ вашими взорами, нѣсколько озадаченнымъ и удивленнымъ такою неожиданностію, открывается совершенно новая природа.

VII.

Армянское плоскогорье.

На пятой верстѣ отъ Кара-Килиссы есть армянское село Килиякъ, стоящее на солончкѣ, безъ малѣйшей растительности, а далѣе поссе идетъ уже совершенно скудною долиной Бамбака между высокими голыми холмами справа и слева. Въ самой долинѣ и на возгорьяхъ видны кое-гдѣ небольшіе сѣнокосы и дозрѣвающія явны, но тѣхъ и другихъ не много и, на взглядъ, они довольно бѣдны. Мѣстность, представляющая продолговатую котловину. — въ длину до пятидесяти, ¹⁾ въ ширину отъ двухъ до десяти и болѣе верстъ, — производитъ своею монотонностію унылое, подавляющее скукой впечатлѣніе, а окаймляющія ее возвышенности напоминаютъ горы, сродныя Туркестанскимъ степямъ. Просто изумительно, до какой степени рѣзко и вдругъ могла измѣниться здѣсь кавказская природа, и разннца эта особенно ощутительно сказывается послѣ красотъ Делижанскаго ущелья.

Не доѣзжая шести верстъ до станціи Амады, видна по ту сторону Бамбака бѣдная, плоская татарская деревушкѣ Сарали, безъ единого деревца или кустика, а по сю сторону рѣчки, въ виду Сарали, и въ пяти верстахъ отъ станціи, стоитъ скромный памятникъ майору Монтрезору и его сподвижникамъ, павшимъ на этомъ мѣстѣ. Историческая мѣстность эта памятна въ лѣтописи закавказскихъ войнъ. Въ 1804 году, во время осады Эривани, князь Цицѣановъ, ожидая прибытія изъ Тифлиса провіантскаго транспорта, выслалъ ему навстрѣчу небольшой отрядъ, ²⁾ подѣ на-

¹⁾ Считалъ отъ Гамзачиманскаго, на востокъ, и до Ахбулахскаго, на западъ, переваловъ.

²⁾ Относительно силы отряда показанія гг. Вейденбаума и Владыкина значительно расходятся между собою. Такъ, первый говоритъ, что отрядъ Монтрезора состоялъ изъ 350 человекъ пѣхоты при трехъ орудіяхъ, второй же показываетъ его состоявшимъ изъ трехъ оберъ-офицеровъ, семи унтеръ-офицеровъ и 101 рядового, при одномъ

частьством Тифлисского мушкатерского полка майора Монтезоро. Отразивъ на пути партію конныхъ персіевъ, Монтезоръ продолжалъ свое движеніе впередъ, какъ вдругъ, не доходя версты до Сарали, былъ окруженъ въ небольшой котловинѣ, между горами Аразъ-юртъ, Алашанъ, Уртапа и Казанчу, шеститысячнымъ персидскимъ отрядомъ, которымъ предводилъ извѣстный врагъ Россіи, бѣглый грузинскій царевичъ Александръ. Монтезоръ отвергъ предложеніе о сдачѣ и съ успѣхомъ отражалъ всѣ атаки персіевъ, пока имѣлъ сварады и патроны; когда же все уже было израсходовано, ударилъ въ штыки и погибъ въ жестокомъ рукопашномъ бою вмѣстѣ со всѣми своими людьми. Въ плѣнъ досталась персіанамъ только ничтожная горсть тяжело раненыхъ ¹⁾. Событіе это произошло 10 іюня ²⁾. Павшіе воины похоронены въ одной братской могилѣ на самомъ мѣстѣ ихъ геройской смерти, и кавказскій главнокомандующій, князь М. С. Воронцовъ, впоследствии воздвигъ надъ ними памятникъ, представляющій черную пирамидку на сѣромъ поколѣ: небольшая квадратная площадка вокругъ нея обрамлена съ трехъ сторонъ каменнымъ рвомъ, въ видѣ буквы П; четвертая (южная) сторона, расположенная на скатѣ къ Бамбаку, остается открытою. Съ сѣверной стороны въ пирамидку вѣдана цинковая доска, на которой рельефными буквами изображено довольно подробно все событіе, на память будущимъ русскимъ воинамъ Кавказской арміи.

У станціи Амамлы (20 верстъ отъ Кара-Килиссы) опять встрѣчается голая татарская деревушка, гдѣ только внизу, у рѣчки, растетъ нѣсколько жиденькихъ ветелъ. На протяженіи 20 верстъ до Ахбулаха (слѣдующая станція) мѣстность сохраняетъ все тотъ же буро-желтый, унылый видъ, напоминающій безотрадные мѣста Средней Азіи. На второй верстѣ отъ Амамлы шоссе входитъ въ голо- скалистое ущелье, отчасти похожее на знаменитыя ворота Тамерлана ³⁾, только послѣднія гораздо шире, выше и вообще величественнѣе. Далѣе идутъ возвышенности, увѣнчанныя ко-

3-хъ фунтовомъ единорогѣ. Не имѣя теперь подъ рукой совершенно точныхъ officialныхъ источниковъ, не могу проверить, который изъ авторовъ болѣе правъ, и крайне сожалею, что, понадеявшись на точность своихъ источниковъ, не списалъ имѣющуюся на памятникѣ надпись, гдѣ все событіе рассказано довольно подробно. Но, сколько помнится мнѣ эта надпись, я думаю, что г. Владыкинъ болѣе близокъ къ ея показаніямъ чѣмъ г. Вейденбаумъ.

¹⁾ Г. Владыкинъ опредѣляетъ число ихъ въ 15 человекъ, а г. Вейденбаумъ въ 10 человекъ солдатъ и 2 офицера.

²⁾ Такъ показано на самой надписи на памятникѣ; у г. Вейденбаума оно отнесено къ 21 августа 1804 года.

³⁾ Въ Туркестанскомъ краѣ, на пути отъ Джизака къ Самарканду.

сыми грядями и прямыми стѣнками базальтовыхъ, шиферныхъ и слюисто-песчанниковыхъ скалъ. Склоны ихъ густо усеяны оторвавшимися отъ вѣтвѣ скалъ камнями и осколками, совершенно чернаго, зеленоватаго, чернаго съ бѣлымъ и буро-желтаго цвѣта. Растительность самая скудная — нигдѣ ни одного цвѣточка. Пыльная, жесткая травка торчитъ островками и пятнами на склонахъ, да кое-гдѣ между камнями и, опаленная солнечными лучами, носить въ общемъ самый непріятный, скучный, рыжеватый бурый колоритъ. Только около низенькихъ мельницъ, подлѣ которыхъ проведены изъ Бамбака особыя канавки, получаетъ эта несчастная травка нѣкоторую свѣжесть и болѣе живую окраску, тамъ же иногда попадаются и нѣсколько жидкихъ, нарочно посаженныхъ ветелъ. Въ одномъ мѣстѣ, ими обсажено даже цѣлое квадратное поле объемомъ въ полдесятины, и димчикъ-татаринъ не безъ нѣкоторой гордости называетъ его садомъ. Я понимаю такую гордость мѣстнаго жителя, такъ какъ послѣ Кара-Килиссы это единственный «садъ» во всей Бамбакской котловинѣ, на зелени котораго можетъ отдохнуть глазъ, утомленный всѣмъ этимъ мертвымъ буро-желтымъ однообразиемъ. Деревни здѣсь довольно рѣдки, одна изъ нихъ армянскія, другія татарскія, но какъ-тѣ, такъ и другія стоятъ на солончкѣхъ, страдающихъ отсутствіемъ растительности, живительную тѣнь которой для нихъ замѣняетъ вонючій кизиль, уложенный въ большія пирамиды во дворахъ и на кровляхъ и, кромѣ того, увеличивающій своимъ правильными длинными рядами вышину глинобитныхъ и каменныхъ заборовъ. Подлѣ тѣвко вѣтвѣ пирамидъ и стѣнокъ играютъ бѣдныя дѣти, работаютъ и копошатся съ разною домашнею работою женщины и спятъ или кѣйфуютъ мужчины. Армянскія деревни и здѣсь отличаются отъ татарскихъ нѣсколько болѣе благообразіемъ своихъ глинобитныхъ построекъ, но болѣе бросающаяся въ глаза особенность ихъ составляетъ изобиліе духановъ. Все равно какъ въ Западномъ краѣ, гдѣ жидъ—тамъ и корчма, здѣсь, гдѣ армянинъ—тамъ духанъ. На шоссе намъ попалась совсѣмъ маленькая ничтожная деревушка Бекантъ, состоящая едва-ли изъ десяти саклей, но изъ нихъ болѣе половины заявляли себя вывѣсками «распивочно и на выносъ».

Отъ Ахбулаха начинается подъемъ на Армянское плоскогорье, служащее водораздѣломъ для Бамбака и Арпачая съ ихъ притоками. Въ этомъ районѣ, кромѣ травы да злаковъ, окончательно уже нѣтъ никакой растительности, но зато нѣтъ и распаханныхъ полей множество, и всѣ они слѣдуютъ по низамъ и скатамъ небольшими клочками и участками, словно заплата на распыленномъ кафтанѣ.

Здѣсь уже начали косить пшеницу, но и присутствіе работающихъ людей на поляхъ не въ состояніи оживить общій крайне унылый видъ мѣстности. Дорога сначала идетъ по плоскости долины, залегающей между холмами, покрытыми до самыхъ вершинъ мелкою травкой. На одномъ изъ подобныхъ наиболѣе крупныхъ и высокихъ холмовъ, поперекъ ската, уходящаго въ глубокую долину, протянулась какая-то длинная и точно бы въ струнку вытянутая черная полоска. Когда подъѣхали поближе, оказалось, что это «овечья тропка», по которой вытянулось гуськомъ, въ хвостъ другъ другу, цѣлое стадо овецъ, въ нѣсколько сотъ головъ. Такія тропы, отъ двухъ до четырехъ вершковъ шириной, пролагаются здѣсь самими стадами мелкаго скота, обыкновенно на тѣневой сторонѣ, гдѣ они ищутъ себѣ прохлады отъ солнечнаго зноя въ наиболѣе жаркую пору дня и стоятъ на нихъ по цѣлымъ часамъ неподвижно, какъ истуканы, понутивъ головы. Замѣчательна, между прочимъ, правильность направленія «овечьихъ тропъ»: ни малѣйшаго отклоненія въ стороны отъ прямой линіи, слегка восходящей вверхъ поперекъ ската.

На восьмой верстѣ отъ Ахбулаха, поднявшись на высоту, дорога втягивается въ небольшое каменистое ущелье, по минованіи котораго, дѣлаетъ крутой поворотъ влѣво и выходитъ на обширное Армянское плоскогорье, окаймленное вдали туманными силуэтами хребтовъ и вершинъ, изъ которыхъ на югъ особенно эффектно выделяются двѣ блестящія снѣжныя шапки Алагѣза.

Съ выходомъ на плоскость, опять появляется у разбросанныхъ тамъ и сямъ деревушекъ скудная древесная растительность, въ видѣ жидкой ветлы; во зато все громадное пространство плоскогорья, въ какую сторону ни взгляни, докуда лишь хватаетъ глазъ, изобильно усажено скирдами хлѣба, причемъ много созрѣвшихъ нивъ остаются еще не скошенными. На поляхъ повсюду видна кипучая дѣятельность поселянъ; работаютъ всѣ — и мужчины, и женщины, даже дѣти-подростки: одна ретиво косятъ золотистую пшеницу, другіе сгребаютъ ее въ скирды, третьи убираютъ скошенное на возы и везутъ ко своимъ токамъ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ картины такого поразительнаго изобилія.

Городъ Александрополь стоитъ на совершенно открытой плоскости и еще издали замѣтнѣль по нѣсколькимъ высокимъ тамбурамъ и коническимъ куполамъ армянскихъ храмовъ. Въ сторонѣ отъ нихъ и городскихъ строеній виднѣтся справа, изъ-за крѣпостныхъ валовъ, небольшая изящная колоколенка русской военной церкви. Самому городу предшествуютъ обширныя пустыя мѣста частныхъ владѣльцевъ, огражденные каменными стѣнками; со

временемъ, вѣроятно, и они застроятся, а пока, въ ожиданіи этихъ лучшихъ временъ, лежать себѣ совершенно бесполезно, такъ какъ ни сдѣловъ какихъ-либо посѣвовъ или насажденій, ни даже пасущейся скотины на нихъ не видно. Расположенъ городъ на лѣвомъ берегу Арпачая, на высотѣ 5.079 футовъ надъ уровнемъ моря, и имѣетъ въ настоящее время около 23.000 жителей, служа административнымъ центромъ Александропольскаго уѣзда (Эриванской губерніи). По свѣдѣніямъ г. Е. Вейденбаума, мѣсто, занимаемое городомъ, составляло нѣкогда пограничный пунктъ между Грузіей, Персіей и Турціей, и такъ какъ здѣсь проходила большая караванная дорога изъ Карса въ Эривань и Тифлисъ, то турки имѣли при переправѣ черезъ Арпачай укрѣпленіе и заставу для взиманія пошлины съ провозимыхъ товаровъ. Вслѣдствіе этого, укрѣпленіе называлось Гумри или Гюмри ¹⁾. Въ 1804 году мѣстечко Гумри было занято княземъ Цицановымъ, а въ 1837 году, въ присутствіи императора Николая I, заложена здѣсь большая крѣпость, и Гумри переименовано въ городъ Александрополь, въ честь императрицы Александры Феодоровны.

Какъ городъ, Александрополь производитъ непривѣтливое и даже довольно мизерное впечатлѣніе. Всѣ дома его плоскокрышіе, приземистые и построены въ неуклюжемъ армянскомъ вкусѣ изъ черно-сѣраго камня, что одно уже, вмѣстѣ съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, придаетъ имъ мрачный характеръ какихъ-то тюремъ... Кромѣ того, всѣ они имѣютъ либо недостроенный, либо разрушающійся видъ, да и вообще и городишко сморщитъ какими-то жалкимъ, полуразрушеннымъ, точно послѣ продолжительной бомбардировки. Крыша почти каждаго дома украшена деревянною будочкой подозрительной наружности, какую мы болѣе привыкли видѣть по дачамъ на задворкахъ. Впрочемъ, говорятъ, что здѣсь онѣ имѣютъ назначеніе прикрывать собою внутренній выходъ на крышу, служащую, по восточному обычаю, въ лѣтніе мѣсяцы мѣстомъ вечерняго кейфа, приема гостей и ночного отдохновенія для всѣхъ членовъ семьи, ищущей тутъ прохлады и спасенія отъ комаровъ и мошки. Жалкаго вида улицы, пыльные и развороченныя мостовыя, мѣстами кучи всякаго мусора и грязь, которая въ осеннюю слякоть, вѣроятно, становится непролазною, жалкія лавочки, жалкій базаришко и жалкій городской садикъ, засаженный молодыми или низкорослыми ветлами да топольками и «украшенный», за недостаткомъ дерева, плитняковыми столами и скамейками. За исключеніемъ

¹⁾ По-турецки *гюмрукъ* или *гюмри* значитъ таможня, таможенная пошлина.

этого, съ трудомъ поддерживаемаго, садишки, въ остальномъ городѣ почти вовсе нѣтъ никакой растительности, или лѣса она наперечетъ: тамъ-сямъ одно-два деревца названныхъ породъ, да и обочелся. На улицахъ пыль, духота и почти никакого движенія; только на ступенькахъ подъѣздовъ да въ раскрытыхъ входныхъ дверяхъ своихъ домовъ сидятъ въ тѣни кучками армянскія женщины и дѣти, — ни дать, ни взять, еврейскія семейства въ шабашъ по мѣстечкамъ Западнаго края. Населеніе здѣсь, за исключеніемъ войскъ и нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, преимущественно армянское, и главный контингентъ его переселился въ этотъ городъ изъ Турціи, послѣ Адрианопольскаго мира, моля принять его подъ высокую руку Россіи, а теперь, въ лицѣ своихъ «интеллигентовъ», подлѣбученныхъ въ русскіе учебныя заведенія, мечтаетъ уже о сверженіи съ себя «варварскаго ига» той же Россіи и о возстановленіи «великой и независимой Арменіи», но впрочемъ, съ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы въ случаѣ турецкихъ или персидскихъ вторженій варварская Россія обязалась безкорыстно защищать эту будущую Арменію своими войсками. Обширныя и сильно захороненная кладбища на голыхъ холмахъ и площадкахъ примыкаютъ къ самому городу, увеличивая и безъ того уже печальный видъ его. Между ними есть, такъ-называемый, «Холмъ Чести», гдѣ покоятся наши воины, убитые и умершіе отъ ранъ въ сраженіяхъ съ турками, и это послѣднее славное кладбище одно изъ самыхъ обширныхъ. Крѣпость стоитъ въ сторонѣ, за ручьемъ, въ разстояніи около полуверсты отъ города, и представляетъ собою міръ совершенно отдѣльный. Не будь здѣсь этой твердыни да дорогого для насъ «Холма Чести», классически громкое имя Александрополя было бы вовсе не по шерсти этому армянскому клоповнику, одному изъ главныхъ притоковъ всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ плутовъ, кабатчиковъ, фальшивыхъ монетчиковъ и контрабандистовъ.

Первая, по направленію къ Карсу, станція за Александрополемъ—Аргина (19½ версты). Здѣсь, рядомъ со станціоннымъ дворомъ, находятся развалины древняго армянскаго храма массивной и величественной постройки, которую, по ея великолѣпію, надо отнести если не ко временамъ древняго царства Армянскаго, разгромленнаго арабами въ половинѣ VII столѣтія, то по крайней мѣрѣ къ послѣдующей эпохѣ Багратіоновъ, которые сумѣли пріобрѣсти расположеніе завоевателей и основали подъ ихъ покровительствомъ новое армянское царство въ Ширакѣ (нынѣ Шурагельскій участокъ Карскаго округа), украшая многіе его города и мѣстечки великолѣпными

храмами, дворцами и другими зданіями ¹⁾. Въ Аргинскихъ развалинахъ уцѣлѣла только сѣверная стѣна и примыкающая къ ней часть западной; остальные же части зданія лежатъ вокругъ, въ видѣ громадныхъ глыбъ, мѣстами еще сохранившихъ свою облицовку изъ большихъ тесаныхъ камней и рельефную орнаментацию угловъ и карнизовъ. Массивныя, весьма толстыя стѣны этого храма строились не изъ кирпича, а прямо изъ глыбъ дикаго камня, крупныхъ голышей, булыжниковъ и плитныхъ осколковъ, спаянныхъ между собою цементомъ, въ который входила и глина, столь прочно, что и теперь, чрезъ тысячу лѣтъ, почти невозможно обыкновенными средствами раздробить этотъ искусственный конгломератъ на болѣе мелкія части. Высѣченный по камню орнаментъ въ наиболѣе цѣлостномъ видѣ своемъ сохранился на верхнихъ наружныхъ карнизахъ двухъ уцѣлѣвшихъ стѣнъ. Пріѣхавъ въ Аргину когда совсѣмъ уже смерклось, я нарочно остался ночевать на станціи, чтобы получше осмотрѣть утромъ развалины, и въ этомъ отношеніи былъ вполне вознагражденъ за свою остановку; но, къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ камней не удалось мнѣ открыть никакой надписи, которая помогла бы опредѣлить болѣе точно время построенія храма.

27 іюля, утромъ, тронулся я въ дальнѣйшій путь. Отъ Аргины до станціи Паргетъ считается 19½ версты. Въ полуверстѣ за первую изъ этихъ станцій начинается Аргинское ущелье, вдоль котораго извиается рѣчка Карсъ-чай, перекрещенная русскими переселенцами въ Карсику. Скалы этого ущелья не высоки; основаніе ихъ — конгломератъ, отлично обнаруживающійся въ срѣзахъ откосовъ, которые понадобилось дѣлать мѣстами при проведеніи шоссейной дороги. Въ этихъ срѣзахъ видна масса валуновъ и плитняковыхъ осколковъ, перемѣшанныхъ между собою и спаянныхъ глиной, точно цементомъ, такъ что на видъ они кажутся остатками какихъ-то бутовыхъ стѣнъ и заложений. Надъ срѣзами идутъ довольно отлогіе склоны, образовавшіеся нѣкогда изъ обсыпей скалы и густо усаженные ихъ щебнемъ, а надъ склонами уже высются отвѣсныя базальтовые стѣны, съ сильно желѣзисто-охристой окраской, такъ что кажется, будто онѣ не только снаружѣ покрыты, но и внутри изъѣдены ржавчиной. Есть на склонахъ и нѣкоторая растительность: мелкій дикій макъ пыльно-краснаго,

¹⁾ О великолѣпнѣ архитектурныхъ сооруженій этой блестящей въ культурномъ отношеніи эпохи (787—1079) и до сихъ поръ свидѣлствуютъ остатки церквей на Шурагелѣ, и въ особенности развалины города Ани, столицы царства Багратіоновъ, находящіяся въ 45 верстахъ къ югу отъ Александрополя, на лѣвомъ берегу Арпачая.

кирпичного цвѣта, малевая желтая малява, будяги и довики, по въ особенности распро- страненъ одинъ изъ видовъ импортедей, розо- ваго цвѣта, похожій по строенію цвѣтка на васплекъ; здѣсь его такое множество, что цѣ- лые склоны точно бы залиты розовою краской. Характеръ рѣчки Карсинки не ровенъ: то она катится плавно, даже лѣниво, какъ равнинная рѣка, то вдругъ начинаетъ шумѣть и бурлить по каменному руслу съ сплои горнаго потока. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ее перегораживаютъ запруды, въ видѣ искусственныхъ каменныхъ грядъ, для отвода воды въ оросительныя и мелничныя каналы.

При выходѣ изъ Аргинскаго ущелья лежитъ большое русское село Спасовка (62 дыма, 613 душъ) населенное духоборами, которые, по присоединеніи Карсской области къ Россіи, перешли сюда изъ Закавказья и осылись пре- имущественно въ Шугагельскомъ участкѣ Карскаго округа ¹⁾. Тутъ же, въ окрестности есть еще нѣсколько другихъ духоборскихъ селеній каковы: Кирилловка (противъ Аргин- ской станціи), Горѣловка (близъ Паргета) и Терѣбіе, а въ сосѣднемъ Зарушадскомъ участкѣ — Ново-Покровка и Троицкая. Всего въ шести селеніяхъ 284 двора, или дыма и 2.634 души.

Полагаю, для читателя не безынтересно бу- деть познакомиться какъ съ составомъ рус- скаго населенія, такъ и съ его нынѣшнимъ экономическимъ положеніемъ, а равно съ ходомъ переселенческаго дѣла въ области, кото- рая всего лишь десять лѣтъ какъ присоеди- нена къ нашему отечеству. Посмотримъ, на- сколько мы тутъ уже успѣли «сдѣлать Россію» и въ какихъ условіяхъ приходится жить рус- скому крестьянину среди чуждыхъ ему мѣст- ныхъ элементовъ.

Частию по сосѣдству, частию вперемешку съ духоборами поселились въ этихъ мѣстахъ и молokane, затѣмъ православные великороссы и малороссы и, наконецъ, поляки. Но боль- шинство изъ числа всѣхъ этихъ переселенцевъ принадлежитъ пока молokane, которые осно- вались тутъ въ одиннадцати селеніяхъ въ ко- личествѣ 882 дыма и 5.831 души. Затѣмъ русскіе заняли три селенія (113 дыма и 585 душъ), малороссы два (41 дымъ, 242 души), поляки въ числѣ двухъ дыма и шести душъ поселились вмѣстѣ съ двумя православными семействами въ селеніи Дигурѣ (Посховскаго участка, Ардаганскаго округа) и наконецъ, суботники основали было въ Сиганлутскомъ участкѣ селеніе Тамбовку въ числѣ 22 дыма и 124 душъ, но теперь большею частию уже разбрелась оттуда. переселясь преимуществен- но въ самый Карсъ, гдѣ примкнули къ еврей-

ской общинѣ и занялись мелкою торговлей, а нѣсколько семействъ возвратились на прежнія свои мѣста ¹⁾.

Духоборы изъ Елисаветпольской губерніи были первыми русскими вселенцами въ Карс- ской области, придя въ этотъ край осенью 1878 года. Тогдашній военный губернаторъ области, генералъ Франкини, тотчасъ же пре- доставилъ имъ въ Шугагельскомъ участкѣ по- лосу отличнѣйшей земли, отъ Аргина до Ка- рахана на Карсъ чай, а въ слѣдующемъ 1879 г. придалъ къ этому участку и весь берегъ на- званной рѣки вверхъ по теченію, отъ Карахана до Паргета, воспользовавшись для сего землями нѣсколькихъ селеній, поповоловъ освобождав- шимися вслѣдствіе добровольнаго переселенія мѣстныхъ жителей-мусульманъ въ Турцію. Ду- хоборы тотчасъ же стали строить себѣ первыя

¹⁾ Для интересующихся состояніемъ русскаго переселенческаго вопроса въ Карсской области, привожу подробный перечень всѣхъ переселен- ческихъ селеній, числа дыма и душъ по окру- гамъ и участкамъ.

а) Карскаго округа, Карсскій участокъ:

	Дымъ.	Душъ.
1) Александровка, молок.	57	372
2) Благодарная, молок.	74	480
3) Владикарсь, молок.	90	597
4) Ново-Михайловка, молок.	89	488
5) Ольговка, малорос.	23	137

Сиганлутскій участокъ.

6) Ново-селитъ, молок.	120	937
7) Тамбовка, субботн.	22	124

Шугагельскій участокъ.

8) Горѣловка, духоборч.	35	331
9) Кирилловка, духоборч.	51	476
10) Спасовка, духоборч.	62	613
11) Терѣбіе, духоборч.	65	605

Зарушадскій участокъ.

12) Вороицовка, молок.	51	343
13) Гренадерское, правосл.	56	265
14) Ново-Дубовка, молок.	53	344
15) Ново-Петровка, молок.	59	407
16) Ново-Покровка, духоборч.	47	446
17) Ольшанка, молок.	53	395
18) Прохладное, молок.	48	337
19) Романово, молок.	105	671
20) Троицкое, духоборч.	24	163
21) Хорошее, малорос.	18	105

б) Ардаганскаго округа, Ардаганскій участокъ.

22) Михайловка, правосл.	55	317
23) Николаевка, молок.	83	460
24) Дигуръ, правосл. и польск.	4	9

Итого въ пяти участкахъ области: селеній 24, дыма въ 1.346, душъ 9.425. Всего же русскаго на- селенія въ области, по всеподлиннѣйшему отчету карскаго военнаго губернатора за 1886 годъ, считается 9.839 чел. или 5,6%⁰. Стало-быть осталь- ныя 4:4 душъ должны быть отнесены къ числу городскихъ обывателей, кромѣ состоящихъ на государственной и въ военной службѣ.

¹⁾ Въ Карсской области округа равнозначущи уѣздамъ, а участки станамъ.

четыре селения въ Аргинѣ, Шахналарѣ, Караханѣ и Паргетѣ, перекрестивъ ихъ въ русскія названія, и въ первый же годъ приступили къ распахкамъ и разведенію огородовъ, значительно двинувъ впередъ на первыхъ же порахъ устройство своего хозяйства. Надо сказать, что лучшихъ представителей русскаго элемента, какъ народно-культурной силы, не возможно было бы и пожелать для вновь поселеннаго края. Вотъ уже прошло десять лѣтъ, а высшая мѣстная администрація какъ въ первые годы, такъ и до сихъ поръ не можетъ достаточно нахвалиться этими переселенцами. По своему миролюбивому характеру, совершенно трезвой жизни и трудолюбію духоборы неоспоримо составляютъ наилучшую часть населенія области. Со времени своего водворенія на новыхъ мѣстахъ, являя собою образецъ безусловной честности, добросовѣстности въ расчетахъ и обязательствахъ, аккуратности во всѣхъ своихъ дѣлахъ, примѣрнаго трудолюбія, повиновенія законамъ и глубокаго довѣрія и уваженія къ властямъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ строго держатся своихъ религіозно-нравственныхъ правилъ и традицій. Они высоко ставятъ значеніе у себя общественнаго начала—и дѣйствительно духоборческое общество съ одинаковою заботливостью печется обо всѣхъ своихъ членахъ, стараясь о томъ, чтобы всѣ они имѣли непрерывное и пристойное занятіе, на которое духоборы смотрятъ какъ на лучшее средство противъ порочности и преступныхъ дѣяній. Замѣчательно, что до сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не обвинялся не только въ какомъ-либо преступленіи, но и въ проступкѣ. Мелкія ссоры, недоразумѣнія и тяжбы рѣшаются у нихъ судомъ общества, и до начальства доходятъ лишь болѣе крупныя тяжбы ихъ членовъ съ посторонними лицами. Если кто-либо по бѣдности или вслѣдствіе болѣзни не можетъ обрабатывать свою землю, общество даетъ ему все необходимое или въ долгъ, или безвозмездно, смотря по обстоятельствамъ, и средства для этого собираются со всѣхъ членовъ общества, по самой строгой раскладкѣ. Поэтому у нихъ нѣтъ ни лѣтаевъ, ни пьяницъ, ни бродягъ, ни нищихъ. Будучи земледѣльцами по преимуществу, они никогда не упускаютъ случая къ пріобрѣтенію возможно большаго количества земель для запашекъ, чему мѣстная администрація со своей стороны всегда старается удовлетворять по мѣрѣ возможности. Желанія эти находятъ себѣ оправданіе въ общемъ стремленіи духоборовъ поддерживать свое хозяйство въ томъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ находилось оно у нихъ отцовъ и дѣдовъ въ Таврической губерніи и затѣмъ въ Закавказьѣ. Поля свои и огороды обрабатываютъ они самымъ тщательнымъ образомъ и къ тому же обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота и овецъ. Любовь къ порядку, домовитости, хозяй-

ству и взаимной поддержкѣ является у этихъ сектантовъ самою характерною чертой. Таковы отзывы о нихъ со стороны какъ начальства¹⁾, такъ и всѣхъ вообще людей, имѣющихъ съ ними какое-либо дѣло. Я пробѣжалъ ихъ селеніями и полями и видѣлъ отчасти ихъ бытъ и сельскій трудъ. Земля у нихъ очень хорошая, черноземъ, и поднимаютъ они ее въ-подъ пару хорошими плугами, въ которые впрягаютъ отъ пяти до девяти паръ воловъ и буйволовъ. Поля сплошь засѣяны пшеницей и ячменемъ; озими уже косятъ, а яровое еще зелено. Избы у духоборовъ каменные и сырцовыя, и царствуютъ въ нихъ какъ внутри, такъ и снаружи, во дворахъ, величайшая чистота и порядокъ: стѣны выбѣлены, все подметено, все прибрано, вычищено и поставлено на свое мѣсто; дѣти умыты и одѣты чисто, держатъ себя опрятно и ходятъ въ сапогахъ и башмакахъ, взрослые тоже, и всѣ вообще смотрятъ здоровыми, бодро и весело. Лѣсу у нихъ нѣтъ вовсе, и потому избы свои топятъ они кизякомъ; для колеснаго передвиженія имѣютъ фургоны, возы и телеги. Всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и малолѣтки, носятъ картузы съ длинными прямыми козырями; затѣмъ костюмъ взрослыхъ состоитъ изъ холщевой либо ситцевой рубахи, съ широкимъ отложнымъ или узкимъ прямымъ воротникомъ, изъ матерчатаго или суконнаго жакета, штановъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, и синяго суконнаго сюртука. Женщины же и дѣвушки носятъ пунцовыя матерчатыя шляпы, съ широкими круглыми полями на пунцовомъ же подбѣ, украшенными лентами и бантами, миткаленыя сорочки съ широкими подбранными рукавами, кофту и платье съ короткою (по шиколотку) юбкой; на ногахъ бѣлые или цвѣтные полосатые чулки и кожаные башмаки, либо ботинки. Зимній же нарядъ ихъ—мѣховая шапка и шугай, или шуба «дамскаго» покрою, а у мужчинъ тоже мѣховая, но высокая шапка и крытый темнымъ сукномъ полушубокъ, либо волчья шуба съ высокимъ воротникомъ. Вообще въ костюмѣ замѣтно нѣкоторое подражаніе нѣмецкимъ колонистамъ. Мужчины, за исключеніемъ стариковъ, перешедшихъ шести-десятилѣтній возрастъ, бороды не носятъ, а только однѣ усы, и коротко стригутъ волосы. Это придаетъ имъ видъ отставныхъ солдатъ. Экономическое благосостояніе духоборовъ замѣтно возрастаетъ изъ-дня-въ-день, и если жалуются они на что, то это развѣ на излишнюю суровость прохладнаго климата плоскогорья. Последній ночной морозъ былъ у нихъ нынче 6 іюля, а въ прошломъ году даже 18 іюля, первые же осенніе утренники начинаются около 10 августа; морозъ хотя и не убилъ ихъ хлѣба, но задержалъ ростъ, и зерно

¹⁾ См. всеподланныѣше отчеты карсскихъ военныхъ губернаторовъ за 1880, 1885 и 1896 годы.

уже не будет имѣть надлежащей плотности и вѣсу. Зато кормовыя травы у нихъ, по собственному ихъ выраженію, «очень полезныя» и скотина имѣетъ бодрый, хорошій видъ. Для выпаса ея духоворческія общества занимаютъ пастуховъ-осетинъ и турокъ. Общественныхъ молитвенныхъ домовъ духоворы здѣсь не имѣютъ, а собираются для духовно-нравственныхъ бесѣдъ въ воскресные дни по-семейно. Все ихъ ученье передается между ними изустно, и замѣчательно, что громадное большинство духоворовъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, вовсе не знаютъ грамоты, да не выказываетъ стремленія обучать ей и дѣтей своихъ. Сосѣди ихъ, молokane, которые всѣ вообще отличные начетчики, очень упрекаютъ ихъ за это и при всякомъ удобномъ случаѣ тычутъ имъ въ глаза ихъ безграмотностію, а духоворы обыкновенно отвѣчаютъ имъ на это: «Отцы и дѣды наши и безъ грамоты были честными и богобоязненными, да и намъ за-вѣщали быть такими же, а нынѣ видимъ мы, что вы хотя и грамотные, да грамотностію своею только тюрмы просвѣщаете, ну, а насъ отъ этого Богъ пока еще мпловалъ». На всѣ предложенія начальства открыть у себя школы, духоворы отъмалчиваются или отдѣлываются неопредѣленными: «да, конечно», «посмотримъ», «дѣло такое, что подумать надо, сразу рѣшить нельзя» и т. п. А въ неофициальномъ разговорѣ «по душѣ» съ тѣми же властями высказываются такимъ образомъ: «По нынѣшнимъ временамъ, говорятъ они, отъ школы больше, пожалуй, вреда, чѣмъ пользы. Необученный человѣкъ въ простотѣ сердца дѣлаетъ свое дѣло Бога боясь, старшихъ почитаетъ, общій покоренъ, а ученый сейчасъ наровитъ отъ нашего дѣла крестьянскаго отбѣгаться, отъ земли прочь, потому какъ думаетъ, что по образованности своей наше мужицкое дѣло для него слишкомъ низко. Примѣры-то эти мы даже довольно часто видаемъ и думаемъ потому, что безъ образованности-то въ нашемъ быту, пожалуй, покрѣпче, понадежнѣе будетъ. Вонъ, молokane и грамотные, да что съ того!» Молokane духоворы не долюбиваютъ и тѣ ихъ взаимно, хотя вообще живутъ между собою въ мирѣ; если же случаются когда между ними пререканія и ссоры, то задрищиками всегда оказываются молokane.

На половинѣ разстоянія между станціями Аргива и Паргетъ, въ районѣ духоворскихъ же поселеній, дорога проходитъ въ виду селенія Курюкъ-дара, подѣ которымъ произошло знаменитое Курюкъ-даринское дѣло 24 іюля 1854 года, гдѣ генералъ-лейтенантъ князь Бибиковъ, имѣя подѣ начальствомъ всего 18.000 человѣкъ, разбилъ 60-ти-тысячный корпусъ Зарифъ-пашы. Вообще, весь путь отъ Александрополя на Карсъ и далѣе къ Саракамышу полонъ славными воспоминаніями подвиговъ и

трудовъ нашихъ войскъ въ войнахъ съ Турціей. Курюкъ-дара, Ванъ-Кадыкларъ, Аладжинскій хребетъ, Ягны и проч.,—все это сгруппировано здѣсь, на Карскомъ плоскогорьи, къ югу отъ почтовой дороги, гдѣ мѣстность, по своимъ топографическимъ условіямъ, представляетъ удобныя стратегическія позиціи для обороны Карса.

Отъ станціи Паргетъ, позади которой находится армянское село того же имени, до станціи Займъ 17 верстъ. Турецкое Займъ молokane передѣляли въ русскую Займку, официально называемую Романовымъ, «Займкой»—на томъ основаніи, что пришли де мы, молokane, и занимали это самое мѣсто. Селеніе расположено въ низинѣ, близъ станціи, стоящей на возвышенности. Всѣ эти не особенно высокія, но отлого и широко покатыя возвышенности, какими характеризуется мѣстность съ полупути отъ Паргета къ Займу, представляютъ собою известковую подпочву, прикрытую слоемъ чернозема, который однако не совсѣмъ-то удобенъ для распахки, по той причинѣ, что на поверхности его встрѣчается много известняковаго щебня и голышей. Но травы за то растутъ на такихъ поляхъ прекрасно, и молokane пользуются ими для пастбищъ, а нивы свои распахиваютъ въ пологихъ низинахъ, гдѣ слой чернозема глубже и камней гораздо меньше. На известковыхъ возвышенностяхъ этого района появляются нѣкоторые новые виды растительности, какихъ въ предшествовавшихъ полдсахъ мною встрѣчалось или очень мало, или вовсе не замѣчалось. Таковы—перекати-поле (дикая спаржа), ковыль-трава, чебрець или богородицкая травка, авсюкъ, бѣлая и желтая мальва, дрокъ и маленькія belles de jour бѣлаго и бѣдно-розоватаго цвѣта. Тутъ же, въ замѣтно большемъ количествѣ, появляются и птицы,—ласточка, воробьи, подорожники, перепелки, ястребы и бѣлые коршуны.

Отъ Займа до станціи Мелаянской 13 верстъ. Вторую половину пути дорога идетъ вдоль по балкѣ рѣчки Карсянки (Карсъ-чай). Влѣво отъ Займа видны высоты Большой и Малой Ягны, а на возвышенностяхъ праваго берега Карсъ-чая еще сохраняются слѣды русскихъ окоповъ, гдѣ молokane ребятишки и до сихъ поръ находятъ множество турецкихъ пулъ; въ первое же время по переселеніи они, по словамъ моего ямщика-молokane, приносили ихъ домою цѣлыми подоломи и кузовками, такъ что отцы не безъ выгоды продавали потомъ свинецъ въ Александрополь и Карсъ. Растительность въ балкѣ становится еще разнообразнѣе; къ прежнимъ видамъ здѣсь прибавляются зеленый чертополохъ, двикій хрѣтъ, конскій шавель и бѣлена. Замѣчательно, что этой послѣдней, по словамъ ямщика, до позапрошлаго года по всей окрестной странѣ вовсе не было; первые, довольно еще рѣдкіе экземпляры этого растенія

появились около Займа и въ балкѣ Карсинки лишь въ дѣто 1886 года; въ прошломъ году ихъ было замѣтно больше, а нынѣ уже встрѣчаешь облену чуть не по всему плоскогорью. Пастбища здѣсь еще лучше, чѣмъ заикаскія. Въ Медяковъ и его окрестностяхъ молokane поселились и продолжаютъ селиться въ бывшихъ турецкихъ селеніяхъ, оставленныхъ жителями. Они пользуются ихъ саклями, въ наружной стѣнѣ конкъ пробиваютъ по два окна и вставляютъ въ нихъ русскія стекольчатыя рамы, нѣкая даже съ рѣзными наконечниками и ставеньками, да прилаживаютъ къ боковой стѣнѣ, у входной двери, маленькую «галдарейку» съ навѣсомъ. На плоскихъ кровляхъ торчатъ у нихъ скворешницы и дѣтскія вѣтрянки, а на «галдарейкахъ» красуются пазатые тульскіе самовары, вокругъ которыхъ они «чай раскиваютъ».

Отъ линіи Паргетъ-Зарушадъ начинается, кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, районъ молokane-скихъ селеній, занимающихъ всю южную лучную полосу Зарушадскаго участка до Орта-леса, все теченіе Карсъ-чая до Большой Тинки и все пространство вокругъ Карса, верстъ около тридцати въ поперечникѣ. Во всемъ этомъ районѣ угодыя отличаются качествомъ почвы и обиліемъ воды. Затѣмъ, выше Бегли-Ахмета, коренного и крупнаго армянскаго селенія, отъ Халапчика до верховьевъ Карсъ-чая и вверхъ по теченію рѣчки Аллахъ-акберъ-су до селенія Какячъ идетъ другой молokaneскій участокъ, не уступающій первому въ природныхъ удобствахъ и пользующійся вдобавокъ близостью Саганлугскихъ лѣсовъ. Такимъ образомъ, вдоль всего стратегическаго пути, прорѣзывающаго Карскую область съ востока на западъ, отъ Александрополя до Сарыкамышъ, идетъ рядъ русскихъ поселеній, придающій этой полосѣ уже теперь, по прошествіи лишь десяти лѣтъ послѣ присоединенія области, совершенно русскій характеръ.

Къ сожалѣнію, дѣяніе молokane не успѣли заслужить себѣ того всеобщаго уваженія, какому безусловно пользуются духоборы. Все, что приходилось мнѣ слышать о нихъ въ Карской области, рисуетъ ихъ не такими людьми, какими являются ихъ собратья по толку въ Ленкоранскомъ уѣздѣ. Быть можетъ непосредственное сосѣдство духоборовъ, представляющихъ собою наглядный примѣръ для сравненія, отбрасываетъ молokane не совсѣмъ-то выгоднымъ для нихъ образомъ, но какъ бы то ни было, а тотъ фактъ, что они успѣли приобрести себѣ не мало порицателей, даже въ средѣ мѣстной администраціи, является несомнѣннымъ. Наиболѣе строгіе порицатели рисуютъ ихъ людьми грубыми, стяжательными, крайне падкими на легкую наживу, почему-то они цѣнятъ всякій свой трудъ несоразмѣрно высоко и не склонны ни къ малѣйшей уступчи-

вости, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые поселились въ городахъ. Упрекаютъ ихъ еще въ томъ, что, пользуясь извѣстнымъ достаткомъ, они любятъ щегольство «въ людяхъ», въ домѣ, а въ домашнемъ быту своемъ будто бы крайне веряшливы. Эта послѣдняя черта діаметрально противоположна тому, что видѣлъ я въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, и приводя ее какъ одинъ изъ упрековъ со стороны порицателей молokane, и долженъ однакоже прибавить отъ себя, что въ тѣхъ молokaneскихъ избахъ, которыя довелось мнѣ посѣтить на пути въ Сарыкамышъ, я не замѣтилъ ничего подобнаго. Правда, многіе изъ молokane не совсѣмъ-то еще успѣли устроиться въ занятыхъ ими турецкихъ сакляхъ, но этотъ временный и вполнѣ понятный непорядокъ едва ли можно отнести на счетъ якобы присущей имъ домашней неряшливости. Люди, болѣе снисходительные къ молokaneамъ, сравнивая ихъ съ духоборами, говорятъ, что молokane болѣе послѣднихъ склонны къ ссорамъ, и что хотя общественные вопросы у нихъ рѣшаются, такъ же какъ и у духоборовъ, общественнымъ сходомъ, но зачастую сходъ не можетъ прийти ни къ какому рѣшенію, вслѣдствіе несогласій въ обществѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что большинство молokane часто отлучается изъ своихъ селеній на болѣе или менѣе продолжительное время для занятія пазовомъ или другими промыслами, которыми они интересуются болѣе, нежели общественными дѣлами, и это приноситъ-де ущербъ общественной жизни всего селенія. Люди, безпристрастные и хорошо знакомые съ бытомъ дѣйствующихъ молokane, характеризуютъ ихъ какъ народъ вообще трудолюбивый, но говорятъ, что они не достаточно настойчивы, страдаютъ отсутствіемъ выдержки, любятъ заниматься промыслами, не имѣющими прочной будущности, какъ напримѣръ случайная мелкая торговля въ разность по городамъ, и слишкомъ мало вниманія обращаютъ на земледѣліе, которое въ Карской области могло бы составить главный и прочный источникъ ихъ благосостоянія. Впрочемъ, тѣ же безпристрастные люди прибавляютъ, что все это относится преимущественно къ молokaneамъ, населяющимъ окрестности Карса, и что тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ этого города, занимаются болѣе земледѣліемъ, чѣмъ отхожими промыслами. При этомъ какъ порицатели, такъ и безпристрастные судьи, единогласно сознаются, что крупныхъ проступковъ вообще и проишествій, плохо рекомендуемыхъ нравственностью, случается между молokaneами немного. Приводя сводъ этихъ сужденій, я не могу обойти молчаніемъ и взглядъ такого авторитетнаго въ данномъ случаѣ лица, какъ генераль Франкини, который находить, что, несмотря на свое религіозное отступничество, какъ духоборы съ молokaneами, такъ и

другіе сектанты наши сохранили свой вполне русский колоритъ и характеръ, чего никто отрицать не можетъ. Притомъ же, по его словамъ, «они отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ, умѣютъ жить хорошо, довольно быстро устрояются и составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ отлѣчное населеніе для края»¹⁾. Далѣе онъ высказываетъ, что во время послѣдней кампаніи какъ духоборы, такъ и молокане оказали весьма важныя услуги нашимъ войскамъ на азіатско-турецкой границѣ, доставляя имъ—и не по принужденію, а совершенно добровольно, охотно, съ любовью и съ истиннымъ патриотизмомъ—предметы провіантскаго и фуражнаго довольствія и въ особенности перевозочныя средства, и многіе изъ нихъ погибли безропотно, сопровождая съ мѣста дѣйствій въ тылъ нашихъ раненыхъ и больныхъ или казенное имущество.

Во всякомъ случаѣ, устройство и развитіе русскихъ поселеній въ Карсской области въ первые же годы по ея присоединенію—это такой успѣхъ въ государственномъ смыслѣ, за который каждый русскій человѣкъ долженъ сказать великое спасибо администраторамъ области и въ особенности ея первому губернатору, генералу Франклинъ, который первый навѣщалъ для сего лучшіе участки и первый способствовалъ ихъ заселенію. Создать и упрочить вдоль важнѣйшаго стратегическаго пути надежное во всѣхъ отношеніяхъ русское населеніе, которое и впредь послужитъ арміи подспорьемъ въ нужную минуту,—это положительно государственная заслуга.

Отъ станціи Меликайской (Меликъ-кей) до Карса 13 верстъ. Вправо отдѣляется вѣтвь шоссейной дороги на Ардаганъ, которая будетъ открыта для движенія, какъ слышно, нынѣшнею осенью. Намъ дальнѣйшій путь продолжается по балкѣ Карсъ-чан, переходящей подъ конецъ въ ущелье, которое и выводитъ къ подукотловину, гдѣ лежитъ городъ. На протяженіи этого пути растительность становится еще разнообразнѣе. Мальвы сдѣлались замѣтно выше, гуще, пышнѣе, появились заросли дикой и «хорошей» мяты, дикій анисъ, иванъ-чай (капорскій) и пр. Въ ущельи стоить при самой рѣкѣ хорошая водяная мельница европейской постройки, принадлежащая какому-то карсскому армянину, а за нею, въ недалекомъ разстояніи, городская бойня съ широкимъ навѣсомъ на каменныхъ столбахъ, тоже довольно благоустроенная. Отъ этого мѣста начинается «дистанція инженернаго вѣдомства» и шоссе вступаетъ въ районъ крутистыхъ верховъ. Широкія каменные лѣстницы, уступами восходящія со дна ущелья до вершинъ окружающихъ его скалъ; нѣсколько поясовъ шоссейныхъ дорогъ, идущихъ ярусами по

обоимъ склонамъ ущелья и маскированныхъ оборонительными каменными стѣнками, замѣняющими перила; каменные форты, ворота, арки мостовъ, прикрытые пути, почти отвѣсная и съ трехъ сторонъ рѣзительно неприступная цитадельная скала и ея форты, командующій городомъ и окрестностями; — все это производитъ впечатлѣніе весьма внушительное. Но самый городъ малъ и страдаетъ страшною скученностью и тѣсною. Большая часть его лежитъ въ узкой и душной котловинѣ, на высотѣ 6.173 футовъ надъ уровнемъ моря.

Когда, въ какую эпоху царства Армянскаго основанъ первоначально Карсъ и какъ назывался тогда—историки Арменіи не даютъ намъ свѣдѣній. Впервые упоминается о немъ у армянскаго историка Юанна Католикоса, жившаго уже въ IX вѣкѣ, который называетъ его просто «сильною крѣпостью». Имя *Карисъ-калаки*, то-есть городъ воротъ, дано было городу Карсу грузинами, послѣ того, какъ они взяли его съ бою, и этимъ названіемъ опредѣлялось положеніе его на границѣ Арменіи и Грузіи¹⁾. Грузинское «Карисъ-калаки» было впоследствии усвоено и армянами, передѣлавшими его по своему въ *Каруцъ-калакъ*. Послѣ паденія второго царства Армянскаго (Багратидовъ), крѣпость переходила отъ однихъ завоевателей къ другимъ, пока не осталась наконецъ за турками, которые и усвоили ей нынѣшнее имя *Карса*. Въ 1579 году, во время войнъ съ Персіей, султанъ Мурадъ III построилъ въ городѣ сильныя укрѣпленія и сдѣлалъ его оплотомъ своихъ мало-азійскихъ владѣній противъ Персіи и Грузіи. Съ тѣхъ какъ Грузія была принята въ подданство Россіи, ни одна наша война съ Турціей не обходилась безъ дѣйствій противъ Карса, лежавшаго на пути нашего наступленія въ Малую Азію. Въ 1828 году графъ Паскевичъ, подойдя къ Карсу 19 іюня, устроилъ противъ него батареи съ юго-западной стороны и назначилъ штурмъ на 25 число. Утромъ 23 іюня турки вздумали предупредить насъ, но были отбиты съ такимъ успѣхомъ, что наши войска ворвались въ городъ на ихъ же плечахъ и овладѣли имъ. Послѣ такого урока турецкое правительство обратило серьезное вниманіе на оборону Карса, который въ 1855 году представилъ собою уже такую твердыню, что штурмъ его, предпринятый генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ, былъ отбитъ съ огромною для насъ потерей до 7.500 человѣкъ и крѣпость сдалась только 16 ноября послѣ тѣсной блокады, заставившей гарнизонъ положить оружіе въ дѣйствіе голода. Въ третій разъ Карсъ достался намъ какъ результатъ блестящаго штурма, предпринятаго главнокомандующимъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ ночь на 6 ноября 1877 года.

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1880 годъ.

¹⁾ *Карс*—по-грузински значитъ ворота

Въ семь часовъ утра, 6 числа, турецкій гарнизонъ сдался, и Карсъ окончательно сдѣлался русскимъ городомъ¹⁾.

Узкія, кривыя улицы и переулки, идущіе ступенями и террасами въ гору, турецкія бани съ куполами, мечети и высокіе минареты, нагроможденные одинъ надъ другимъ дома и постройки армянскаго и турецкаго пошиба, каменные стѣнки заборовъ, множество развалинъ, древняя цитадель на скалѣ и магометанскія кладбища вокругъ и въ самомъ городѣ, — все это конечно придаетъ Карсу совершенно восточный характеръ, и тѣмъ страннѣе какъ-то встрѣчать на улицахъ русскихъ мужиковъ, бабъ и мальчишекъ, русскія вывѣски на лавкахъ и официальные надписи, въ родѣ «мировой судья», «камера судебного слѣдователя», «Акцизное управленіе», «Телеграфно-почтовое управленіе» и т. п. Городъ построенъ частью на каменистомъ, а болѣе на глинистомъ грунтѣ и фасады его построекъ выходятъ или къ самой рѣкѣ или же громоздятся на крутыхъ склонахъ, преимущественно обращенныхъ на югъ противъ солнца. Поэтому солнечный блескъ на бѣлыхъ стѣнахъ просто невыносимъ и рѣжетъ глаза до боли. Прибавьте къ этому массу мельчайшей глинистой пыли, покрывающей плохо мощенныя или просто грунтовыя улицы и превращающейся при первомъ дождѣ въ густую, вязкую грязь, да, кромѣ того, еще пыль отъ самыхъ построекъ, нижніе этажи коихъ сложены изъ мѣстнаго рваннаго камня, а верхніе изъ глины съ небольшою примѣсью самана²⁾, — пыль, которая проникаетъ все и повсюду внутри жилыхъ помѣщеній, — и вы легко представите себѣ, каково существовать въ подобномъ городѣ, особенно когда подымется вѣтеръ, часто дуяшій въ ущелья съ большою силой и довольно продолжительное время. При вѣтрѣ, тучи этой пыли наполняютъ воздухъ и застилаютъ собою все какъ туманомъ, что отзывается крайне вредно на слабогрудыхъ людяхъ и служитъ причиной очень упорныхъ глазныхъ болѣзней. Вообще санитарныя условія Карса, несмотря на усилія администраціи и разныхъ санитарныхъ и ассенизаціонныхъ комиссій, все-таки очень плохи, да иными едва ли и могутъ быть по самымъ условіямъ жизни и расположенія города. Мелкія городскія канавы, берущія начало изъ Карсъ-чая и опять въ него же впадающія, но уже со множествомъ приносимыхъ ими нечистотъ и отбросовъ, бани, выпускающія въ ту же рѣчку грязную мыльную воду, домашнія ретиряды, иногда не очищавшіяся при туркахъ, многочисленныя развалины, постоянно обращавшіяся въ склады всякаго мусора и навоза и, наконецъ, вѣшавшаяся въ домашній бытъ при-

вычка жителей къ неопрятной обстановкѣ—все это дѣльными вѣками способствовало къ созданію самыхъ отвратительныхъ условій для существованія въ этомъ городѣ. Но это еще не все.

Главная причина зла, таящагося въ нѣдрахъ самой почвы, — это многочисленныя и обширныя турецкія кладбища, расположенныя въ очень близкомъ соседствѣ съ жилыми строениями, даже въ самомъ городѣ, а одно изъ нихъ и притомъ самое большое, «Агъ-Мезарлыкъ», находится на лѣвомъ берегу рѣки, у самаго входа ея въ черту города, такъ что на всемъ своемъ протяженіи въ чертѣ города воды ея несутъ гнилостные продукты трупнаго разложенія, поступающіе въ рѣку изъ почвы кладбища, послѣ того какъ послѣдняя пропитывается изобильною влагой отъ дождей и таянія снѣговъ. Кромѣ того, два другія кладбища окружаютъ на южной окраинѣ города низменность Гель-бани, служащую весьма оживленнымъ рынкомъ для торговли скотомъ, лошадами, топливомъ, хлѣбнымъ зерномъ, саманомъ и сѣномъ. Какъ только начнутъ таять снѣга на Ягнахъ и Ордокскихъ высотахъ, Гель-бани обязательно заливается водой, и притомъ въ столь громадномъ количествѣ, что тамъ образуется цѣлое озеро. Нѣкоторая часть этой воды стекаетъ по большому городскому арыку въ Карсъ-чай, но остальное, наибольшее количество ея остается на мѣстѣ и загниваетъ, пока не испарится окончательно подѣйствіемъ солнечныхъ лучей, чтобы опять очистить мѣсто для рынка. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ Гель-бани попадаютъ соки гнилостныхъ разложеній изъ двухъ огибающихъ его кладбищъ, а потому въ испареніяхъ этого озера непременно заключаются самые вредные міазмы. Карсскіе сторожилы утѣрены даже, что чума, бывшая здѣсь въ 20 годахъ текущаго столѣтія, породилась именно отъ этихъ испареній. Обстоятельства послѣдней войны еще болѣе ухудшили и безъ того уже печальное санитарное положеніе города. Въ теченіе всей кампаніи, до самаго взятія Карса, сюда постоянно доставлялись раненые и больные турецкіе воины, которые, вѣдѣтые дурного ухода за ними, глѣбъ массами и хоронились гдѣ и какъ попало. Число однихъ военновременныхъ турецкихъ госпиталей въ самомъ Карсѣ доходило до двадцати, и эти госпитали сами были главными разсадниками пагубной эпидеміи, свирѣпствовавшей не только въ расположенныхъ здѣсь войскахъ, но и среди самихъ жителей. Послѣдній же кровопролитный штурмъ, когда весь городъ и его форты устьяны были трупами въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, окончательно уже превратилъ его въ гнѣздо заразы. Не забудемъ, что и ветлянской чумой, въ сущности, мы обязаны Карсу. Хотя послѣ штурма немедленно же были при-

¹⁾ Даты историческихъ свѣдѣній заимствованы у Е. Вейденбаума, стр. 405, 406.

²⁾ Соломенная рѣзка.

наты самыя энергическія мѣры къ уборкѣ тру-
повъ и всесторонней очисткѣ города, тѣмъ не
менѣе, новыя военныя могилы близъ укрѣ-
пленія Канлы-табѣ, въ недалекомъ разстояніи
отъ города, явились новымъ источникомъ ухуд-
шенія санитарныхъ условій Карса. Админис-
трація для улучшенія ихъ дѣлаетъ все, что
возможно, преодолевая косность жителей, и,
надо отдать ей справедливость, въ настоящее
время успѣла уже многое измѣнить, очистить,
убрать и исправить, такъ что нынѣшній Карсъ
далеко не похожъ на тотъ, чѣмъ онъ былъ при
туркахъ, но... зловредныя условія, накопившія-
ся вѣками и заключающіяся въ самой почвѣ,
конечно не могутъ быть измѣнены радикаль-
нымъ образомъ въ такой, относительно короткій
промежутокъ времени, да еще при такихъ огра-
ниченныхъ средствахъ, какими на этотъ пред-
метъ располагаетъ здѣшняя администрація.

Населеніе Карса, выходящаго около 4.000 жи-
телей¹⁾, состоитъ изъ весьма разнородныхъ
элементовъ населяющихъ и самую область. Тутъ
мы видимъ русскихъ, турокъ, армянъ, курдовъ,
грековъ, татаръ, айсоръ (халдеевъ), персіанъ,
цыганъ, грузинъ, карапаховъ, туркменъ, осе-
тинъ (лезгинъ) и евреевъ, — итого, пятнадцать
особыхъ національностей. Въ нравственномъ
отношеніи разноплеменный составъ этотъ
рѣзко раздѣляется на двѣ категоріи: на ко-
ренныхъ обывателей, жившихъ здѣсь еще
при туркахъ, и на пришлыхъ, переселив-
шихся въ Карсъ уже послѣ его присоединенія
къ Россіи. Первые, какъ мусульмане, такъ и
христиане, занимаются ремеслами и только от-
части какимъ-либо промысломъ или мелкою
торговлей и живутъ вообще тихо, скромно и
честно. Между ними можно встрѣтить кузев-
цовъ, слесарей, сѣдельниковъ, плотниковъ, ка-
менщиковъ, оружейниковъ, рѣзчиковъ печатей,
серебряниковъ и т. п. Вторые же, преимуще-
ственно армяне, нахлынувшіе изъ Александ-
рополя, Ахалцыха, Ахалкалакъ и другихъ
мѣстностей Закавказья, затѣмъ жидки изъ
Россіи и выходцы—персіане, безъ преувели-
ченія, могутъ быть уподоблены налетной са-
ранчѣ, въ особенности же армяне. Чтобы не
быть заподозренными въ пристрастіи, я лучше
всего приведу отзывъ о нихъ мѣстной адми-
нистраціи, которой дѣло это извѣстно ближѣй-
шимъ образомъ. Нахлынувшіе армяне, гово-
ритъ этотъ отзывъ, «направляютъ всю свою
дѣятельность къ быстрой и легкой наживѣ,
для достиженія которой не останавливаются
въ выборѣ средствъ. Вся цѣль ихъ существо-
ванія—такъ или иначе нажить деньги, и по-

тому правонарушенія, проступки и преступ-
ленія всякаго рода присущи имъ въ гораздо
большей степени, чѣмъ кореннымъ жителямъ.
Къ сожалѣнію, пришлый армянскій элементъ
захватилъ въ свои руки почти всю торговлю
и, обладая сравнительно большею степенью
развитія, успѣлъ уже проявить нѣкоторое влі-
яніе (очень дурное, прибавлю отъ себя) на ко-
ренныхъ жителей—армянъ и въ особенности
на молодое поколѣніе»¹⁾. Что до персіанъ, то
хотя въ самомъ городѣ ихъ и не много²⁾, и
занимаются они, повидимому, торговлей, но
уже на первыхъ порахъ своего переселенія
сюда, успѣвали причинять администраціи не-
сравненно больше заботъ, хлопотъ и безпо-
койствъ, чѣмъ остальное городское населеніе,
и это потому, что они, какъ и пришлые армя-
не, не стѣсняются въ выборѣ средствъ для
своего существованія. Разница только въ томъ,
что армянинъ развитѣе и потому обдѣлываетъ
свои темныя дѣлашки гораздо тоньше, лучше
умѣетъ прятать юшцы и, по наружности, дер-
жить себя солиднѣе; у персіанъ же это все
выходитъ какъ-то примитивнѣе и потому гру-
бѣе. Среди ихъ небольшой общины постоянно
попадаютъ захожие бродяги, люди, не имѣю-
щіе опредѣленныхъ занятій и постоянныхъ
источниковъ пропитанія. Тайный промыселъ
опіумомъ и гашишемъ, разные виды азартной
игры, развратъ и способствование ему въ са-
мыхъ отвратительныхъ проявленіяхъ, содер-
жаніе тайныхъ притоновъ, разгульная жизнь,
воровство и скупка краденаго также состав-
ляютъ источники занятій и добычи средствъ
этихъ выкидышей сосѣдняго государства. Во
время генерала Франкина только суровая стро-
гость могла водворить среди нихъ сравнитель-
ное спокойствіе и установить нѣкоторое бла-
гонравіе, но и до сихъ поръ администраціи
приходится имѣть за ними глазъ да и глазъ.

Фабричной и заводской промышленности ни
въ самомъ городѣ, ни въ области почти не су-
ществуетъ, если же считать весьма немногихъ
известко-и кирпиче-выжигательныхъ печей, во-
дяныхъ мельницъ, маслобоенъ, двухъ пивовар-
ныхъ, мыловаренныхъ и гончарныхъ заводовъ
и двухъ заведеній для выдѣлки минеральныхъ
и фруктовыхъ водъ. Число всѣхъ промышлен-
ныхъ заведеній въ Карсѣ не превышаетъ 17,
при 42 суточныхъ рабочихъ, а общая сумма
ихъ годового производства равняется всего
лишь 36.000 руб. Въ первое время по при-
соединенію къ Россіи возникли-было тутъ два
винокурные завода, но и тѣ прекратили свое
существованіе со введеніемъ въ области акци-

¹⁾ По всеподданнѣйшему отчету карскаго воен-
наго губернатора за 1885 годъ къ 1 января
1886 года постоянныхъ жителей въ Карсѣ со-
стояло 3.756 человекъ, а со временно-проживаю-
щими 5.797 человекъ, но съ каждымъ годомъ на-
селеніе въ немъ увеличивается.

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1885 годъ,
стр. 55.

²⁾ Въ Карсѣ только 69 человекъ; главнѣй-
шимъ же образомъ пріютились они въ числѣ
560 душъ въ Нахичеванскомъ участкѣ Кагыз-
манскаго округа.

за. Причинъ такого слабаго развитія фабрично-заводской промышленности надо искать въ недостаткѣ вообще предпримчивости у мѣстнаго населенія, въ связи съ отсутствіемъ значительныхъ капиталовъ и, отчасти, въ самомъ географическомъ положеніи области и города, удаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ и не связанныхъ съ ними достаточнымъ количествомъ удобныхъ путей сообщенія.

Что до торговли, то и она пока не можетъ похвалиться особеннымъ развитіемъ, будучи преимущественно внутреннею. Наѣзжіе армяне, захватившіе ее въ свои руки, являются здѣсь, подобно евреямъ въ Западной Россіи, по большей части только перекупщиками продуктовъ у производителей и отъ себя уже пускаютъ эти продукты на вывозъ или сбываютъ по мелочамъ и, разумѣется, по значительно повышенной цѣнѣ, внутреннимъ потребителямъ. Главными предметами здѣшней торговли, какъ въ городѣ такъ и въ области, являются хлѣбъ, продукты садоводства и огородничества, мелкій и крупный скотъ, шерсть и разныя издѣлія кустарной промышленности, лѣсъ и соль. Въ первые годы по присоединеніи области, перемѣна владычества значительно уменьшила обмѣнъ ея произведеній съ Эрзерумомъ и, напротивъ, оживила сношенія не только съ Тифлисомъ и Эриванью, но и съ Москвой, Одессой и Ростовомъ-на-Дону. Впрочемъ, съ теченіемъ времени торговые сношенія области съ Азіатскою Турціей стали мало-по-малу возстановляться и притомъ такъ, что въ настоящее время нашъ вывозъ уже болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ турецкій ввозъ. Предметами послѣдняго служатъ: кофе, европейскіе напитки, сухіе фрукты, выдѣланныя кожи, мѣха, глиняныя трубы, кожаная обувь, фески, растительныя масла и бумажныя ткани, преимущественно бязь. Предметами же вывоза—хлѣбъ, скотъ, кожи и разныя шерстяныя и бумажныя издѣлія московскаго и привислянскаго районовъ, причемъ замѣчается, что въ послѣдніе годы спросъ на наши котонады все увеличивается. Отношеніе между ввозомъ изъ Турціи и нашимъ вывозомъ туда изъ Карсской области нагляднѣе всего покажутъ слѣдующія собранныя мною цифры: за 1885 годъ ввезено къ намъ товаровъ на 187.215 р., а вывезено на 403.061 р. Въ первое полугодіе текущаго 1888 года ввезено на 131.102 р., вывезено на 297.076 р., стало-быть есть всѣ основанія предполагать, что къ концу года сумма вывоза, вѣроятно, дойдетъ до 600.000 р.

Торговые обороты собственно города простираются до 2.000.000 рублей въ годъ, при 358 торговыхъ заведеніяхъ и лавкахъ, а обороты всей области (вмѣстѣ съ Карсомъ) восходятъ до 2.918.000 рублей ¹⁾; но цифры эти

нельзя признать за безусловно достовѣрныя, потому что онѣ основаны на словесныхъ показаніяхъ торговцевъ, въ большинствѣ случаевъ не ведущихъ никакихъ торговыхъ книгъ. Выгоды же казны отъ продажи торговыхъ документовъ едва лишь доходятъ до 17.000 рублей по всей области. Эта послѣдняя цифра краснорѣчивѣе всего показываетъ, насколько слабо еще развита въ области торгово-промышленная дѣятельность; но тѣмъ прискорбнѣе, что ею уже въ самомъ началѣ успѣли завладѣть армяне, которые своими хищнически-эксплуаторскими приемами по отношенію къ производителямъ въ состояніи убить въ нихъ всякую охоту къ дальнѣйшему развитію и улучшенію своей промышленной дѣятельности. Общія влостныя стачки скупщиковъ, прижимки, сбиваніе цѣнъ, ростовщичьи ссуды подъ хлѣбъ на кормъ и будущіе продукты изъ 50 и 60 процентовъ—все это и теперь уже здѣсь въ полномъ ходу. «Что ни дѣлай, какъ ни старайся, армянцы все же дасть, что захочетъ и вытянетъ за бездѣнокъ», говорятъ производители, безнадежно махая рукою—и поневолѣ падаетъ въ нихъ энергія, терается вѣра въ производительность своего труда и въ собственную будущность. Армяне—это такое же несчастье, такая же разлагающая всѣхъ и все извая для здѣшняго края какъ жиды для Западнаго Турки, по крайней мѣрѣ, держали ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ и не давали ходу хищническимъ аппетитамъ этой саранчи; мы же, являясь здѣсь представителями «культурныхъ» началъ и признавая за армянами такую же гражданскую свободу и равноправность, какъ и за всѣми прочими, поневоля должны, чтобы быть послѣдовательными, терпѣть разгулъ ихъ аппетитовъ и отдавать имъ на жертву не только туземцевъ, но отчасти и своихъ собственныхъ переселенцевъ.

Русское общество здѣсь не велико и ограничивается лишь кружкомъ служащихъ лицъ, между которыми, пожалуй, на добрую треть, если не на половину, найдется армянъ и прочихъ закавказскихъ уроженцевъ. Но все-таки, несмотря на свою малочисленность, русское общество живетъ не бездѣлательно въ общественномъ смыслѣ. Здѣсь есть своя газета «Карсъ», и къ тому же весьма порядочная, свой клубъ и свое благотворительное общество, насчитывающее около ста членовъ, задача котораго—вспомоществованіе бѣднымъ учащимся дѣтямъ; оно вноситъ за нихъ плату въ мужскую и женскую школы, снабжаетъ ихъ учебными пособиями, платитъ за ихъ лѣченіе и за лѣкарства, даже одѣваетъ и обуваетъ наиболѣе нуждающихся. И это все не въ маленькихъ, говоря сравнительно, размѣрахъ. Такъ, напри- мѣръ, еще въ 1885 году изъ 178 учениковъ мужской и 72 ученицъ женской школы общество платило за ученіе 40 мальчиковъ и 37

¹⁾ По отчету за 1885 годъ.

дѣвочекъ и доставило полную экипировку 66 дѣтямъ.

Въ городѣ существуютъ съ 1880 года два казенныя училища, мужское и женское: оба они трехклассныя, съ подраздѣленіемъ, — первое на семь, второе на пять отдѣленій. Въ женскомъ принята программа мужскихъ городскихъ трехклассныхъ училищъ. Помѣщаются обѣ школы въ собственныхъ каменныхъ зданіяхъ и снабжены достаточнымъ количествомъ учебныхъ пособій и бібліотеками, а мужская школа еще и физическимъ кабинетомъ. Плата за ученіе, какъ въ той, такъ и въ другой, самая умеренная — по 6 рублей въ годъ, и число учащихся возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Такъ, въ мужскомъ училищѣ въ 1880 году было только 28 учениковъ, въ 1882 уже 127, а въ 1885 число ихъ возрасло до 178, и школу, рассчитанную первоначально только на полтора десятка учащихся, пришлось расширить въ размѣрахъ; въ настоящее же время количество учениковъ, какъ слышно, перешло уже за двѣсти и училище производитъ пятый выпускъ своихъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ. По національностямъ въ составъ учащихся входятъ: русскіе, грузины, греки, армяне, татары и евреи; но замѣчательно, что армянскій элементъ, все равно, какъ еврейскій на югѣ Россіи, успѣлъ уже и въ школѣ взять по численности перевѣсъ надъ остальными. Такъ, на 20 русскихъ 44 грека, 8 татаръ, одного еврея и одного иностранца приходилось въ 1885 году 104 армянъ, что составляетъ 58,3%.

Не только въ цѣломъ Карсѣ, но и во всѣхъ его ближайшихъ окрестностяхъ нѣтъ никакой древесной растительности. А между тѣмъ она имѣла бы самое благотворное вліяніе на улучшеніе гигиеническихъ условій города. Въ виду этого, генералъ Франклинъ сдѣлалъ было попытку развести городской садъ и избралъ для него мѣсто на островѣ, образуемомъ двумя рукавами Карсѣ-чая, который и былъ приобретенъ въ пользу города. Осенью 1878 года выписали изъ Кагызмана, Ардагана и Ахалпыха нѣсколько тысячъ молодыхъ деревьевъ разныхъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ и посадили ихъ по всѣмъ правиламъ садоводства; но чрезвычайно суровая и продолжительная зима 1878—79 года убила всѣ деревья, и съ тѣхъ поръ городской садъ представляетъ собою мѣсто, заросшее бурьяномъ, съ расчищенными на немъ дорожками и площадкой, на которой разбитъ цвѣтникъ; но въ немъ цвѣтутъ одни только маки. Тутъ же, на площадкѣ находится и небольшой лѣтній клубъ — деревянная постройка на каменномъ фундаментѣ, а рядомъ съ нимъ, перейдя только черезъ пѣшеходный мостикъ, стоитъ надъ самою рѣчкой, на полюшину на сваяхъ, убогий досчатый балаганчикъ, гдѣ помѣщается въ весьма неприхотливой обстановкѣ «городской ресторанъ», содер-

жимый какимъ-то армянинкомъ, который въ то же время держитъ буфетъ и въ лѣтнемъ клубѣ. Благодаря послѣднему обстоятельству «городской ресторанъ» является единственнымъ мѣстомъ въ городѣ, гдѣ проѣзжему человѣку, какъ я, можно пообѣдать довольно сносно. Посѣтителю его армяне и чиновники, преимущественно той же національности, азартно шелкающіе шарами на бильярдѣ установленномъ на кривомъ животрепещущемъ полу, надъ самою рѣчкой, въ щели котораго просвѣчиваетъ вода, но ретивые игроки не смущаются качествами пола, и ничто же сумняся, играютъ себѣ серьезнѣйшимъ образомъ. Карсскіе армяне, имѣющіе претензію на «цивилизацию», окончательно уже оставили свои національныя архалуки и чухи, а ходятъ въ пиджакахъ и «полытахъ» и непременно въ высокихъ смазныхъ сапогахъ (высшій шикъ). Какъ мужчины такъ и дамы одѣваются въ шерсть и сукно совсѣмъ не по сезону, когда въ котловинѣ зной среди дня доходитъ до 45° по Реомюру, но говорятъ, что такъ надежнее: менѣе рискуешь схватить себѣ малярийную лихорадку, въ особенности при быстромъ пониженіи температуры съ закатомъ солнца.

Въ городѣ находятся два православныя и двѣ армяно-грегорианскія церкви, одинъ армяно-католическій костелъ и четыре суннитскія мечети. Но изъ послѣднихъ нѣтъ ни одной замѣчательной въ архитектурномъ или историческомъ отношеніи, да и армянскіе храмы далеко не блещутъ вышнейю красотою, представляя собою каменные четырехстѣнные зданія съ плоскою или двускатною кровлей. Изъ православныхъ же церквей одна полковая (155-го пѣхотнаго Кубинскаго полка), а другая — военный Михайловскій соборъ, являющійся единственнымъ достопримѣчательнымъ сооруженіемъ Карса до-мусульманской «эпохи»⁴⁾. О времени постройки этой древней церкви точныхъ свѣдѣній не имѣется, такъ какъ никакихъ надписей въ ней не найдено; но, по сказанію армянъ, она была построена ихъ предками въ X столѣтіи и освящена во имя Двѣнадцати Апостоловъ. Турки, во время владычества своего въ Арменіи, обратили этотъ храмъ въ мечеть и назвали ее Кюмбетъ-джами, но, по взятіи Карса, мы нашли его въ жалкомъ полуразрушенномъ видѣ, изъ чего можно думать, что зданіе не только не поддержива-

⁴⁾ Во всей Карсской области изъ 31 православной церкви, русскимъ прихожанамъ принадлежатъ: двѣ церкви въ Карсѣ, одна въ селѣ Грендерскомъ, двѣ въ Кагызманѣ (154-го пѣхотнаго Дербентскаго полка и карсской бригады пограничной стражи), одна въ Ардаганѣ (151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка) и одна въ Ольтѣхъ (Горско-Моздокскаго коннаго полка); остальные затѣмъ 24 церкви находятся въ греческихъ селеніяхъ области. (Всепод. отч. за 1885 годъ).

лось со времени его постройки, но даже умышленно портилось съ цѣлью воспользоваться матеріаломъ. Вся кровля, даже забутка сводовъ и купола были разрушены, карнизъ во многихъ мѣстахъ снятъ и облицовочный камень выломанъ. Снаружи зданіе представлялось, какъ бы утопувшимъ въ грунтъ, потому что не только цоколь, но и часть стѣнъ были засыпаны мусоромъ отъ прилежащихъ построекъ, а восточная сторона и совсѣмъ закрыта до самой кровли какимъ-то домомъ, непосредственно примыкавшимъ къ стѣнамъ храма. Мысль о возобновленіи его для православнаго богослуженія какъ бы сама собой естественно представлялась нашимъ военачальникамъ по взятіи Карса; эту мысль хотѣли было осуществить тогда же, на что была ассигнована уже и сумма въ 20.000 руб., но вслѣдъ затѣмъ намѣреніе это признано преждевременнымъ и отложено до болѣе удобнаго времени. Но вотъ въ осень 1878 года, когда великій князь наместникъ впервые послѣ войны посѣтилъ Карсъ, къ нему явились депутаты отъ карскаго мусульманскаго общества и высказали, что общество это, «всегда расположенное не только исполнять приказанія, но и предупреждать желаніе государя великаго князя», уполномочило ихъ заявить его высочеству, что со стороны карскихъ мусульманъ нѣтъ и не будетъ препятствій къ тому, чтобы зданіе, сооруженное христіанами, было опять обращено въ христіанскій храмъ. Послѣ такого заявленія уже не оставалось болѣе причины откладывать осуществленіе благой мысли и къ реставраціи храма приступили немедленно же, начавъ прежде всего со скорѣйшаго приспособленія его къ богослуженію, не дожидаясь наружной отделки. Такимъ образомъ уже 6 января 1879 года, въ день Богоявленія Господня, храмъ былъ торжественно освященъ во имя Св. Архистратига Михаила, при огромномъ стеченіи народа и громѣ пушекъ съ карскихъ укрѣпленій.

Въ настоящее время храмъ этотъ служитъ лучшимъ и даже единственнымъ украшеніемъ Карса, если не считать картинную скалу цитадели. Въ немъ замѣчательны простота и выѣстъ съ тѣмъ изыщностью архитектурныхъ линий, не говоря уже о прочности постройки. Толстыя стѣны сложены изъ дикаго камня на извести и облицованы, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, тесаными и лущеными камнемъ мѣстной твердой породы. Своды и куполъ выведены изъ плитокъ того же камня, съ весьма тщательною притеской швовъ. Кровля, по забуткѣ сводовъ надъ нижнею частью церкви, имѣетъ видъ узкой террасы, слегка наклонной въ наружныя стороны, а высокій тамбуръ купола покрытъ традиционнымъ въ Арменіи и Грузіи круглымъ конусомъ. Какъ кровля, такъ и конусъ облицованы плитами изъ мѣстнаго туфа, который имѣютъ выступы, покрывающіе швы.

Наружные карнизы самого простаго профиля, съ небольшимъ свѣсомъ, украшены въ своей плоской части орнаментальною выѣжкой несложнаго рисунка. Но что составляетъ особенность карскаго храма, подобной которой мнѣ не доводилось еще встрѣчать въ Закавказьѣ, это рельефно-скульптурныя фигуры двѣнадцати апостоловъ, высѣченныя изъ камня на двѣнадцати наружныхъ фасахъ тамбура, между арками, переброшенными надъ узкими окнами. Изображенія эти, конечно, грубы, довольно примитивны, но не лишены своеобразной силы и характерности. Внутренность храма чистѣйшаго греческаго стиля и не имѣетъ никакихъ украшеній, кромѣ двѣнадцати медальоновъ съ изображеніемъ апостоловъ. Вышній двѣнадцатигранныкъ тамбура обращается внутри въ восьмиугольникъ, коего грани соединяются весьма изящно перекинутыми сводами, поддерживающими куполъ. Внутренность храма производитъ строгое, даже нѣсколько суровое впечатлѣніе, чему способствуетъ темный цвѣтъ облицовочнаго камня и слабое освѣщеніе, проникающее сюда чрезъ узкія окна. Вообще, можно сказать, храмъ своимъ нѣсколько мрачнымъ величіемъ вполне гармонируетъ какъ съ мрачновеличавою скалой цитадели, такъ и съ самымъ городомъ, который тоже производитъ весьма мрачное впечатлѣніе: нигдѣ ни малѣйшей зелени, все каменъ да камень, черный да сѣрый фонтъ, на которомъ бѣлыя стѣны смотрятъ чѣмъ-то траурнымъ, множество старыхъ развалинъ и полуразрушенныхъ зданій, старые грозные форты, унылыя голыя кладбища, съ безчисленнымъ множествомъ торчащихъ надгробныхъ плитъ и склоны котловны, усыпанные камнями, на которыхъ отраженіе солнечнаго блеска просто невыносимо для глазъ, и при этомъ гнетущій зной въ 45 градусовъ...

Отъ Карса до станціи Бирля-Ахметъ 21 верста съ четвертью. При выѣздѣ изъ города, обширныя кладбища на склонахъ справа, рѣчка и громадное болото на низменности слѣва. Вдали, за болотомъ, видны на плоскости баграки нѣмѣ пустующаго дивизіоннаго лагеря, а за ними, еще дальше—молоканское село Александровка. Дорога съ ухабами и камнями, проложенная когда-то еще турками и исправленная во время кампаніи нашими войсками, теперь отвратительна и все время идетъ какими-то зигзагами,—вѣроятно, чтобы набѣжать низменностей, на которыхъ она могла бы подвергаться размывамъ и топямъ, такъ что лѣтній путь по грунтовой наѣзженной тропѣ выходитъ гораздо короче. Впрочемъ, въ замѣнъ этой дороги, теперь строится новая, шоссе-ная, до Сарыкамыша, а впоследствии и до самой границы. Мѣстность, въ общемъ, имѣетъ характеръ открытой степи, окруженной вдали возвышенными хребтами и отдѣльными верши-

вами. Растительность на ней грубая, но пашни зато хороши, и ихъ много. Молоканскія селенія тамъ и сямъ видны въ сторонѣ и между ними одно малорусское, Хорошее; изъ молочанскихъ стоитъ на самомъ, вновь пролагаемомъ, шоссе большое село Владимарскъ, жители коего частью построились вновь, по-русски, а частью приспособились въ турецкихъ сакляхъ, но тоже на русскій ладъ. Ближе къ станціи Вирли-Ахметъ находится нѣсколько въ сторонѣ другое молочанское селеніе, Ново-Михайловка, но нывѣшніе сельчане продолжаютъ называть его прежнимъ турецкимъ именемъ, Тюкмъ, съ приложеніемъ эпитета «большая» (*беюк*). Малая Тюкмъ тоже населена молочанами.

Между всѣми этими ново-русскими селеніями залегаетъ большое село Берли-Ахметъ, искони населенное армянами. Мнѣ хочется, кстати, сказать нѣсколько словъ по поводу этого коренного армянскаго населенія Карсской области и тѣхъ притязаній на нее, основанныхъ на историческомъ прошломъ, которыя въ послѣдніе годы все рельефнѣе начинаютъ заявлять себя со стороны армянской интеллигенции.

Карсскую область обыкновенно называютъ «Малой Арменіей», но, по мнѣнію генерала Франкини, нѣрѣже было бы называть этотъ край центромъ, сердцемъ древней Арменіи; прибавлю отъ себя, что даже не весь край, а только нѣкоторые его участки, и именно, Шурагельскій, Карсскій, Нахичеванскій, Харасанскій, Саганлугскій и Кагызманскій, гдѣ коренное армянское населеніе представляетъ довольно значительную массу. Дѣйствительно, въ этихъ участкахъ, и въ особенности въ Шурагельскомъ и Карескомъ, почти на каждомъ шагу встрѣчаются мѣста, полныя историческихъ воспоминаній о древней Арменіи. Самая столица древняго царства Армянскаго, Ани, находится въ предѣлахъ Шурагельской округа, и урочище, носящее это имя, до сихъ поръ полно развалинами армянскихъ дворцовъ и храмовъ, а въ недалекомъ разстояніи отъ Ани, въ монастырѣ Коша-ванкъ, на берегу Арпа-чая, можно еще видѣть залу совѣта, гдѣ засѣдали армянскіе князья и вельможи (ишханы) подъ предсѣдательствомъ самого царя. — «Если есть страна, говоритъ генералъ Франкини, въ которой армянское національное чувство можетъ наилучшимъ образомъ экзальтироваться и принимать самое возвышенное направленіе, это, безъ сомнѣнія, Карсская область. Сосѣдство Турецкой или Великой Арменіи, постоянныя сношенія съ нею, плачевныя (и, скажу отъ себя, сильно преувеличенныя и муссированныя) вѣсти о бѣдствіяхъ армянъ въ сосѣднемъ государствѣ и о жестокомъ обращеніи съ ними турковъ, должны еще болѣе поддерживать и

питать національное чувство среди армянскаго населенія Карсской области»¹⁾.

Понятно послѣ этого, каковы должны быть послѣдствія заселенія ея преимущественно армянскимиъ элементомъ (изъ Турціи), на счетъ выселенія прочихъ, еслибы русское правительство допустило когда-либо такую ошибку, какъ то желательно нѣкоторымъ армянскимъ «интеллигентамъ», которые не прочь для этого пустить въ ходъ и надлежащую интригу. Идеаль этихъ интеллигентовъ — восстановление свободной Арменіи, независимой ни отъ турокъ, ни отъ Россіи и довольствующейся на первое время покровительствомъ «концерта западныхъ державъ». Идеалу этому, конечно, нельзя отказать въ національномъ патріотизмѣ; но если притязанія на восстановление независимаго царства Армянскаго основываются только на историческомъ прошломъ, то одного этого слишкомъ еще не достаточно. Мало ли когда какія царства были, отъ которыхъ теперь и слѣда не осталось! — Было и армянское, да былшемъ поросло, даже не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Что же уцѣлѣло отъ него, кромѣ поросшихъ былшемъ развалинъ? Народность съ ея языкомъ и религіей, въ смыслѣ этнографическомъ? — Да; но составляетъ ли эта народность преобладающій и настолько сильный во всѣхъ отношеніяхъ элементъ на территоріи своего бывшаго царства, чтобы быть въ состояніи, такъ сказать, естественнымъ процессомъ поглотить и претворить въ себя элементы прочихъ народностей, населяющихъ ту-же территорію? — Вотъ въ чемъ вопросъ. Лучшій отвѣтъ на это дадутъ намъ статистическія цифры, къ которымъ мы и обратимся.

Все населеніе Карсской области не превышаетъ 173.000 душъ²⁾, и армянскій элементъ среди его составляетъ лишь 21,13%. Всѣхъ армянъ насчитывается здѣсь 36.502 человека³⁾, изъ коихъ 35.741 человекъ принадлежатъ къ армяно-грегоріанской церкви. Собственно только послѣднихъ и надо считать армянами, потому что, съ отпаденіемъ отъ своей церкви, соотечественники ихъ утрачиваютъ вполне чувство національности и сами себя называютъ не армянами, а франками. Во всей области только четыре города: Карсъ, Ардаганъ, Кагызманъ и Ольты, населеніе коихъ состоитъ изъ 8.595 душъ, и здѣсь армяне являются весьма замѣтнымъ элементомъ, составляя болѣе 41% (4.181 душъ), а съ армянами-католиками и протестантами болѣе 44% (4.424 души). Осталь-

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1880 годъ.

²⁾ По даннымъ 1885 года, оно равняется 172.846 душамъ.

³⁾ Въсѣхъ съ армянами-католиками и армянами-протестантами.

ния же 32.078 душ приходится на долю сельского населения, будучи расселены въ 85 деревнях, иногда совместно съ другими национальностями, гдѣ они и составляютъ 3.820 дымовъ. Но собственно земледѣльческимъ трудомъ занимаются изъ нихъ не болѣе 30.000, что на общую массу сельского населения въ 169.900 душъ составляетъ менѣе 18%. При этомъ необходимо замѣтить, во-первыхъ, что ни въ одномъ изъ округовъ области армянское население не составляетъ сплошной компактной массы, а всегда разсѣяно не только чуждыми, но даже враждебными ему мусульманскими народностями, каковы: турки, курды, карапахи и туркмены; во-вторыхъ, что даже въ тѣхъ участкахъ, гдѣ армянское население наиболѣе компактно, какъ напримѣръ въ Шурагельскомъ, Карскомъ и Нахичеванскомъ, мусульманскіе элементы все-таки преобладаютъ надъ нимъ по своей численности¹⁾, и въ-третьихъ, что въ этомъ «сердцѣ Арменіи» есть цѣлыя участки, каковы Ардаганскій, Чалдырскій и Посховскій, гдѣ армянами и не пахнутъ, т. е. буквально не существуетъ ни одного человѣка, а въ остальныхъ участкахъ области они составляютъ такое ничтожное меньшинство населенія, что въ данномъ вопросѣ его ни въ какой серьезный расчетъ и принимать невозможно. Такимъ образомъ здѣсь мы встречаемся съ тѣмъ же страннымъ, противуестественнымъ явленіемъ, что и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Западномъ краѣ, гдѣ ничтожное меньшинство притязаетъ на господство надъ чуждымъ и враждебнымъ ему большинствомъ населенія, мечтая притомъ же о сепарации отъ «варварской» Россіи. Права свои на это армянскіе «интеллигенты» видятъ въ историческомъ прошломъ и въ томъ, что армянская народность, по природѣ своей, будто бы умнѣе и способнѣе прочихъ къ образованію и развитію вообще, къ воспріятію «цивилизаций» и «прогресса». Пути же къ достиженію господства и независимости считаются, во-первыхъ, захватъ въ свои руки торговли и промышленности, для сосредоточенія капиталовъ исключительно въ армянскихъ рукахъ, дабы держать остальное население у себя въ полной экономической зависимости; во-вторыхъ, — захватъ на мѣстѣ, въ бывшихъ провинціяхъ Армянскаго царства, государственныхъ должностей, дабы проводить свои вліянія куда слѣдуетъ и оказывать, въ потребномъ для себя смыслѣ, давленіе на мѣстное населеніе, и въ-третьихъ, своя собственная, строго замкну-

тая народная школа, какъ лучшее средство пропаганды «велико-армянской идеи» въ народѣ. Первые два пути до сихъ поръ имъ удаются, какъ нельзя лучше, но на третьемъ они пока оборвались.

Вслѣдствіе тенденціознаго отказа ввести въ преподаваніе русскій языкъ и подчиниться, на общемъ основаніи, согласно правиламъ 16 февраля 1884 года, контролю Министерства Народнаго Просвѣщенія, армянскія церковно-приходскія школы въ Закавказьѣ были закрыты. Извѣстно, что въ этихъ школахъ въ послѣдніе годы образовались истинные очаги для пропаганды армянскаго сепаратизма и вселенія въ молодежь духа ненависти къ Россіи. Въ 1896 году школы были открыты вновь, но уже на новыхъ основаніяхъ. Армянскимъ «интеллигентамъ» и духовенству, которое вовсе не изъ нашихъ друзей, потому что тоже причисляетъ себя къ «интеллигенціи», пришлось подчиниться справедливымъ требованіямъ правительства, принявъ установленную программу. Но... одно дѣло внѣшность, другое — внутреннее, сокровенное направленіе преподаванія. Правда, теперь оно болѣе уловимо для правительственнаго контроля, но это не исключило еще возможности веденія вредной для самихъ армянъ пропаганды, а только сдѣлало ее болѣе осторожною. Кто же, однако, эти армянскіе «интеллигенты»? Всякій, дошедшій до четвертаго класса гимназіи (а то, бываетъ, и до второго) и на томъ закончившій свое образованіе; всякій, прошедшій курсъ городского училища, или какой-нибудь межевой школы, уже считаетъ себя «интеллигентомъ». Но вредное вліяніе исходитъ не отъ этихъ недоучекъ непосредственно: по большей части они сами становятся его неосмысленными жертвами. Замѣчательно вотъ что: еще лѣтъ двадцать тому назадъ ничего подобнаго въ Закавказьѣ не было; одни наживались себѣ просто безъ «идей», другіе, получивъ кое-какое образованіишко, стремились на службу и служили себѣ «не мудрствуя лукаво» и себя, конечно, не забывая, гдѣ было можно; впрочемъ, были люди совершенно честные, даже герои, кровью своею запечатлѣвавшіе свою вѣрность и преданность Россіи, и русская исторія помнить ихъ славныя имена; теперь же почти нѣтъ того молодого армянина, который по окончаніи гимназическаго курса, отправясь въ Россію за высшимъ образованіемъ (преимущественно въ разныхъ специальныхъ «практическихъ» школахъ) и нахватавшись тамъ кое-какихъ верховъ да «послѣднихъ словъ науки», вернувшись на родину съ чувствомъ признательности къ государству, которое дало ему доступъ къ образованію и правамъ государственной службы. Напротивъ, по большей части, онъ возвращается съ ненавистью къ Россіи и съ величайшимъ самоуниженіемъ. Всѣ такіе мнятъ себя въ некоторомъ

¹⁾ Такъ, въ Шурагельскомъ участкѣ: армяны 11.416, мусульманъ 11.519; въ Карскомъ — армяны 6.352, мусульманъ 8.031; въ Нахичеванскомъ — армяны 5.249, мусульманъ 6.604; въ Хоросанскомъ — армяны 2.598, мусульманъ 8.111; въ Кагызманскомъ — армяны 2.166, мусульманъ 7.177; въ Саганлугскомъ — армяны 2.439; мусульманъ 13.272.

родѣ богами, предъ которыми все обязано преклоняться, которымъ за ихъ «образование» жаренные бекасы должны сами вальтаться въ ротъ, въ видѣ казеннаго жалованья и иныхъ побочныхъ, не всегда законныхъ благъ (последнее, по отношенію къ «варварской» Россіи, не считается предосудительнымъ) и вотъ, такіе-то «высшіе интеллигенты» и есть настоящая язва, разлагающая армянство. Остальные повторяютъ ихъ слова и «идеи», какъ попугай, но вѣруютъ въ нихъ безусловно, потому что это-де признаки интеллигентности. Впрочемъ, кто же, какъ не мы сами, виноваты въ томъ, что они выходятъ такими?

Коренное сельское населеніе армянскаго племени въ Кареской области представляетъ даже много симпатичныхъ чертъ. По отзыву администраціи, эти люди прекрасные земледѣльцы, весьма трудолюбивы, мирны и нравственны, хотя и имъ; конечно, не чужды мелкія ссоры и интриги ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ мы получили его отъ Турціи, какъ населеніе цѣльное, не тронутое еще нравственной и политической порчей и тѣмъ прискорбѣе будетъ, если, находясь подъ нашимъ владычествомъ, оно измѣнится, благодаря влияніямъ пришлыхъ «интеллигентовъ» и эксплуататоровъ. Слѣдуетъ, по возможности, охранить его отъ этой язвы, настолько же въ интересахъ самого армянскаго народа, насколько и въ интересахъ государственныхъ, чтобы не создавать себѣ въ будущемъ «армянскаго вопроса», который, судя по началу, обѣщаетъ быть не менѣе назойливымъ, чѣмъ остзейскій и польскій.

VIII.

Кавказскіе греки.

Отъ Бирлп-Ахметъ до станціи Карагамзы 14¼ версты. На второй половинѣ пути большое молдакское село Ново-Селмъ, такого же характера какъ и прежнія. Мѣстность тоже сохраняетъ свой предшествовавшій характеръ: дорога очень плохая.

Отъ Карагамзы до Сарыкамыша 20 версты и дорога, гораздо болѣе сносная, идетъ все время балкой, обращающейся мѣстами въ ущелье, вдоль лѣваго берега рѣчки Байбурта, а затѣмъ, не доѣзжая около полуторы версты до

Сарыкамыша, переходить по хорошему мосту новой конструкціи на ея лѣвый берегъ. Здѣсь на склонахъ восточныхъ предгорій Саганлугскаго хребта, уже встрѣчаются первыя деревья хвойнаго, довольно впрочемъ «ажурнаго» лѣса, который въ три подъ рядъ голодные года сильно-таки поразрѣдили молокане и другіе переселенцы, начавшіе было, за недостаткомъ хлѣба, промышленно произвольно вырубленнымъ лѣсомъ, пока не спохватилась казна и не назначила штатныхъ лѣсничихъ и лѣсниковъ.

На протяженіи пути отъ Карагамзы до Сарыкамыша встрѣчаются двѣ *греческія* деревни и между ними одна осетинская, населенная выходцами съ Кавказа еще при турецкомъ владычествѣ, которые, по присоединеніи края къ Россіи, пожелали остаться на мѣстѣ, принявъ русское подданство. Въ первой изъ греческихъ деревень есть каменная церковь—четырехстороннее зданіе съ полукруглою алтарною стѣной, крытое тесомъ; надъ алтарною частью кровли водруженъ небольшой восьмиконечный крестъ. Разбросанныя въ безпорядкѣ сабли во всѣхъ трехъ деревняхъ сложены изъ камня, безъ извести, и врыты въ землю; оконъ нѣтъ, одна только дверь, и прикрыты онѣ сверху, а нины и съ боковъ землей и кизякомъ, такъ что лучшія изъ нихъ имѣютъ видъ погребовъ, а остальные скорѣе походятъ на буйволятники и хлѣва, чѣмъ на жилище человѣческое.

У водополя въ первой деревнѣ столпилось подъ вечеръ на откосѣ балки стадо козъ и овецъ, среди котораго почти всѣ женщины селенія занимались доеніемъ, въ то время какъ мужчины сидѣли на землѣ у церковной стѣны, въ бесѣдѣ между собой, и кейфовали, покуривая трубки. Осетины же, въ особенности молодежь, занимались у себя вечернею поливкою общаго ихъ большого огорода, у рѣчки.

Костюмъ у грековъ, какъ мужской, такъ и женскій, перенятъ почти цѣликомъ у турокъ. Разница только въ томъ, что женщины не закрываютъ лица и повязываютъ голову платкомъ не въ видѣ чалмы, а скорѣе какъ русскія бабы, и поверхъ шальваръ носятъ кусокъ шерстяной ткани, въ родѣ малороссійской плахты, что замѣняетъ имъ юбку. Мужчины же всѣ въ красныхъ турецкихъ фескахъ, бурткахъ и синихъ шальварахъ совершенно турецкаго покроя, опоясанныхъ широкимъ шерстянымъ шарфомъ такъ, что по наружности здѣшняго грека и не отличишь отъ турка. Вообще, судя по характеру ихъ костюма, жилищъ, утвари и даже арбу можно придти къ заключенію, что они совсѣмъ потурчилились, и въ этомъ отношеніи сосѣди ихъ, осетины, несравненно болѣе сохранили свой индивидуальнo-народный характеръ, по крайней мѣрѣ, относительно традиціоннаго ихъ кавказскаго

⁴⁾ Плохими земледѣльцами являются только армяне, переселившіеся въ область изъ Алашкертской долины, которые, проживая дотога въ Алашкертской кааѣ, среди курдинскаго населенія, усвоили себѣ привычки, наклонности и образъ жизни курдовъ. Занимаясь на прежнемъ мѣстѣ жительства почти исключительно скотоводствомъ и потерявъ, при поспѣшномъ переселеніи въ область, значительную часть своего скота, они на новыхъ мѣстахъ обратились къ земледѣлію, которое однакоже идетъ у нихъ не совсѣмъ успѣшно, благодаря неумѣнію ихъ примѣниться къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ.

костюма. И действительно, некоторые греческие переселенцы, например из Триолетского приставства (Тифлисской губернии), совершенно утратили даже свой родной язык и говорят только по-турецки, не понимая и собственного православного богослужения, хотя остаются христианами. Объясняют они это тем, что живя прежде в Турции небольшими обществами, среди мусульман, они мало-помалу забыли совсем греческий язык; по переселении же в Россию были водворены также между закавказскими мусульманами, где, конечно, им было трудно, сравнительно в небольшой промежуток времени, до выселения в Карскую область, восстановить у себя родную речь. При этом можно замечать, что все вообще переселенцы-греки прекрасно говорят по-турецки — и, видя это, воочию убеждаешься, что умели же турки заставить всех своих подданных знать государственного языка, чего мы в России, к сожалению, до сих пор еще никак не можем добиться.

У осетин, как и у лезгин (тоже здешних переселенцев еще при турках) закрываются, подобно прочим мусульманкам, одев только замужние женщины, да и то лишь тогда, когда выходят из дому, а у себя во дворах и на кровлях, этого обычая не соблюдают и даже не считают нужным отворачиваться при проезде гяура. Девушки же их все и всегда ходят с открытыми лицами до выхода замуж, и на общих работах, как например, при полоть или поливке общественных огородов, не держат себя отчужденно от своих парней.

Все домашние работы у осетин лежат исключительно на обязанности женщин, которыми помогают и девушки; мужчины же, кроме своего поля, и знать ничего не хотят, так что по уборке хлеба и вплоть до весенней распахки осетин только сидят себе, покуривая трубку, у камелька да греют руки или калякают с односельчанами. Во всей области их считается только 412, а лезгин 181 человек и все они поселены в семи селениях Саганлукского участка ¹⁾.

Что же до греков, то местная администрация, в первые годы по присоединении Карской области, находила поселение их там весьма полезным во всех отношениях, потому что, несмотря на племенное различие, они замечательно быстро и легко сближаются с русскими и уживаются с ними как нельзя лучше. Казалось, что они должны успешно заниматься хлебопашеством и отличаться трудолюбием, способностью ко всякому труду, честностью и покорностью, а

сверх этого имеют еще и то преимущество, что у них нет никаких политических тенденций. Основываясь на этих соображениях, местная администрация признавала выгодным разрешить греческим семействам переселяться в известной пропорции в новообжитый край как из предельов кавказского наместничества, так и из соседних турецких провинций. Вследствие этого, в первые же годы было расселено по области в 71 селении свыше 23,000 греков, да около 500 человек из них поселились по городам ея. Но по прошествии не более как трех-четырех лет оказалось, что греки, переселившиеся к нам из турецких предельов, хотя и отличаются доброю нравственностью, и вполне покорны властям, и живут с русскими в мире, но при всем этом крайне слабы и малодушны. Принимали они к нам в самом жалком виде, не имея ни одежды порядочной, ни обуви и, по большей части, нуждаясь даже в куске настоящего хлеба, вследствие чего пошли между ними разные эпидемические болезни. Администрации досталось тогда не мало хлопот и возни с ними; не раз даже приходилось ей принимать на себя ближайший уход то за больными, то за безталанными переселенцами, которые без непрерывной помощи со стороны правительства и рук их к чему приложить не умели: ни жилища порядочных себе построить, ни за распахку приняться как слезует. Но все таки кое-как их устроили, чему не мало помогли готовые жилища в селениях, покинутых турками.

Тем не менее они и до сих пор жалуются на судьбу, не довольны своим положением, а в отношении умения устроиться и улучшать постепенно свой экономический быт и теперь остаются почти такими же несноровистыми, как и в первое время. Распорядившись неразумно как деньгами, так и зерном, которые были им отпущены правительством ввиду при их водворении, они всячески уклоняются от возврата взятого, а когда власти начинают с них требовать уплаты хотя части долга, греки считают это если не прямо прижимкой, то по меньшей мере безучастием к их положению. И это в то время, когда русские переселенцы давным-давно уже устроились, обзавелись, нередко даже в излишеством, всем необходимым и безпрекословно вносят в казну все, что слезует с них по закону.

Кромѣ того, греческія сельскія общества ведутъ вѣчную войну изъ-за денежныхъ расчетовъ съ теми лицами изъ армянъ и своихъ же соотечественниковъ, которые были ихъ повѣренными при переселеніи въ область и руководили ихъ дѣйствіями, эксплуатируя переселенцевъ, надо сказать правду, самымъ безъ-

¹⁾ За исключеніемъ 20 душъ, живущихъ въ Ольгинскомъ участкѣ, и нѣсколькихъ человекъ въ Карѣ.

совѣстнымъ образомъ. Теперь же руководители этни приходится отвѣчать предъ бывшими своими клиентами, употребляющими всевозможныя средства и домогательства, чтобы вернуть все то, что они напрасно затратили при переселеніи.

Земледѣльцами оказались они, всѣ вообще, довольно плохими, хотя и не оставляютъ поля безъ обработки, только обработка эта въ сравненія съ русскою и турецкою почти нигде не годится. Объясняется это отчасти недостаткомъ у нихъ рабочаго скота; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ впрягается въ плугъ отъ пяти до десяти паръ воловъ, съ одной-двумя парами не много напашешь. Сравнительно лучшіе земледѣльцы между ними, это—переселенцы изъ Цалки и изъ мѣстности Сувазъ въ Турціи; тѣ же, что пришли изъ Гюмушхана и другихъ мѣстностей Анатоліи, въ этомъ отношеніи крайне плохи, и если занимаются землей, то лишь настолько, чтобы прокормить свое собственное семейство.

Съ наступленіемъ весны, какъ только покосчатъ посѣвъ яровыхъ, почти всѣ мужчины уходятъ на заработки. Будучи отличными землекопами, каменотесами и кладчиками камня, они постоянно находятъ себѣ хорошую работу при постройкахъ домовъ, укрѣпленій дорогъ и т. п. въ Карсѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ области, а также и за ея предѣлами, въ Закавказьи, куда отправляются на лѣтніе мѣсяцы цѣлыя массы работниковъ-грековъ. Кромѣ того, между ними вообще много ремесленниковъ и людей знающихъ разныя мастерства, такъ что съ этой стороны они приносятъ краю положительную пользу и отхожіе заработки значительно восполняютъ имъ недостатки ихъ земледѣлія. Затѣмъ, по мнѣнію мѣстной администраціи, не менѣе серьезною причиною ихъ плохого матеріальнаго положенія грековъ является ихъ страсть къ бродяжничеству, объясняемая отчасти рознью и враждой партій, образовавшихся почти во всѣхъ греческихъ селеніяхъ. Вслѣдствіе этой розни нѣкоторые семьи переходятъ не только изъ одной деревни въ другую, но даже изъ округа въ округъ. Иныя семейства, обойдя такимъ образомъ многія селенія, исчезали безслѣдно и розыскъ ихъ оказался невозможнымъ, благодаря довольно ловкому приему, употребленному ими по приходѣ изъ-за границы, записываться при составленіи списка вымышленными племенами. Дѣлалось это, очевидно, съ тою цѣлью, что если не понравится въ Россіи, то чтобы можно было удобнѣе скрыться опять за границу. Впрочемъ настоящій представитель администраціи Каресской области полагаетъ, что изъ наблюденій за жизнью и дѣятельностью этого племени можно сдѣлать почти безошибочный выводъ, что греки при-

близятся къ русскимъ и будутъ искренно преданы правительству ¹⁾.

IX.

Сарыкамышъ.

Въ Сарыкамышѣ пріѣхалъ я вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, такъ что знакомиться съ нимъ могъ только на слѣдующій день. Это—небольшое мѣстечко, создавшееся уже послѣ присоединенія области, благодаря тому обстоятельству, что здѣсь была назначена постоянная штабъ-квартира 156-му пѣхотному Елисаветпольскому полку, который и до сихъ поръ тутъ остается.

Раскинулось мѣстечко по плоской вершинѣ и отлогимъ скатамъ одного изъ холмовъ Саганлугскихъ предгорій и повсюду разрознено съ каждымъ годомъ. Глибинитные баракы обыкновеннаго типа и штабныя учрежденія Елисаветпольскаго полка, штабъ 2-го отдѣла Каресской бригады пограничной стражи, нѣсколько духовныхъ и разнородныхъ лавокъ, прескверныя «нумера для пріѣзжающихъ», управленіе Сарыкамышскаго дѣшничества, почтово-телеграфная станція, полковой клубъ и при немъ садъ, гдѣ два раза въ недѣлю, а то и больше, играетъ по вечерамъ музыка (очень хорошо аранжированный полковой оркестръ), прекрасныя каменные зданія полкового лазарета, офицерскаго флигеля и нѣсколькихъ корпусовъ вновь строящихся казармъ, небольшая улица офицерскихъ домиковъ съ садиками, построенныхъ своими хозяевами на собственные средства—улица и теперь уже самая лучшая въ просторно раскинувшемся Сарыкамышѣ, а современемъ общающаяся быть для него своего рода Невскимъ проспектомъ, затѣмъ нѣсколько домовъ и домиковъ собственниковъ-армянъ (изъ ваѣжпхъ), сдаваемыхъ въ наймы семействамъ нѣкоторыхъ служащихъ чиновъ и пограничной стражи; наконецъ, небольшая деревянная церковь на горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время послѣдней войны, при движеніи на Эрзерумъ, находилась ставка главнокомандующаго, великаго князя Михаила Николаевича, да два кладбища, полковое и обывательское, вотъ и все, что есть въ Сарыкамышѣ.

Но мѣстечко идетъ своимъ естественнымъ ростомъ и современемъ, можно надѣяться, будетъ прехорошенькимъ городкомъ и лучшимъ дачнымъ мѣстомъ во всей области. Сюда уже и теперь выѣзжаютъ на лѣто нѣкоторые семьи изъ невозможно душнаго и нездороваго Карса. Тутъ и вода здоровая, и воздухъ великолепный, легкій, напоенный живительнымъ арома-

¹⁾ Всеподд отчеты за 1883 и 1885 годы.

томъ хвойнаго лѣса. Находится Сарыкамышъ на высотѣ 7,200 футовъ надъ уровнемъ моря и понятно, что это такая почтенная высота, на которой воздухъ не можетъ быть дуренъ.

Окрестности его холмисты и покрыты болѣею частью сосновымъ лѣсомъ, который впрочемъ растетъ здѣсь очень туго, такъ что дерево достигаетъ полнаго своего роста и развитія не менѣе какъ черезъ полтора-два дѣтъ, но для строительныхъ цѣлей вполне годится уже въ возрастѣ отъ 100 до 110 лѣтъ. Обрестный пейзажъ совершенно сѣвернаго характера: кромѣ—сосенъ, никакихъ другихъ деревьевъ въ естественномъ состояніи; тѣ же лиственныя и кустарниковыя породы, что встрѣчаются въ нѣкоторыхъ садахъ, привезены сюда изъ другихъ мѣстъ и насажены искусственно.

Да и климатъ здѣсь суровый. Зима продолжается нѣсколько болѣе шести мѣсяцевъ и средняя температура въ январѣ равняется 15° R, а бываетъ иногда, какъ напримѣръ въ позапрошлую зиму, что морозы доходять и до 29° R. Но въ совершенно ясные дни южное солнце даетъ себя знать и жжетъ даже и зимой, такъ что снѣгъ на солнцезащитахъ начинаетъ таять. Весна наступаетъ здѣсь быстро и дружно, а лѣто отличается умѣренностью и постоянствомъ хорошей погоды, лишь иногда прерываемой быстро проходящими налетами сильныхъ грозъ, разражающихся надъ мѣстечкомъ и его окрестностями, гдѣ встрѣчается не мало деревьевъ, разбитыхъ молніей, и было уже нѣсколько случаевъ пораженія людей и животныхъ.

Зато ни змѣй ядовитыхъ, ни фалангъ и скорпионовъ, ни тарангуловъ и желтыхъ скоропожеевъ, ни вообще иной подобной мерзости, отравляющей своимъ присутствіемъ жизнь на низменностяхъ и въ глубокихъ долинахъ Закавказья, здѣсь совсѣмъ не водится, и обыватель можетъ спать спокойно безъ полога. Точно также нѣтъ ни тифовъ, ни малярій, а бываютъ лишь простудныя лихорадки лѣтомъ, да рожистыя воспаления и бронхиты зимой, во время сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Простудныя же лихорадки зависятъ только отъ собственной неосторожности, если попадаешь въ легкой одеждѣ въ облако, особенно на разсвѣтѣ или вслѣдъ за закатомъ солнца.

Я видѣлъ здѣсь рано утромъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня образовывалось одно изъ такихъ облаковъ.

Въ небольшой лощинкѣ, на вершинѣ холма, вдругъ закурился легкій дымокъ и слегка потянулъ вдоль по лощинѣ надъ самою землею; почти съ каждою секундою онъ становился гуще, плотнѣе и увеличивался въ размѣрахъ, принимая все болѣе сѣрую окраску; когда же изъ него образовалась довольно уже компактная безформенная масса буро-

дымчатаго цвѣта, этотъ клочекъ оплотнѣннаго тумана около минуты времени постоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и затѣмъ медленно и плавно сталъ подыматься вверхъ, постепенно увеличивая скорость своего подъема, а еще черезъ минуту предъ моими глазами уже плыло въ ясно лазурномъ небѣ прелестное бѣлое облачко, все насквозь пронитанное солнечными лучами.

Х.

Саганлугъ.

29 іюля, прекраснымъ солнечнымъ утромъ, по холодку, напомнившему мнѣ наши сѣверныя лѣтнія утра, выѣхалъ я вмѣстѣ съ подполковникомъ Л—скимъ въ пограничный пунктъ Караурганъ, до котораго считается отъ Сарыкамыша 35, но въ дѣйствительности, съ подъемами, спусками и уклонами пути будетъ, пожалуй, и все 40 верстъ. Предстоялъ подъемъ на Саганлугъ и спускъ съ хребта въ Ханычайскую долину, ведущую къ Зивину. Саганлугъ, или по-турецки Саганлугъ-дагъ, пограничный хребетъ, что тянется на протяженіи около 180 верстъ, въ меридіональномъ направленіи, съ сѣвера на югъ, отъ истоковъ Куры до Аракса, въ который упирается очень крутыми спадомъ. Высота его отъ восьми до девяти съ половиною тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а нѣкоторыя отдѣльныя вершины, какъ, напримѣръ, Сурихачъ и Банкъ, достигаютъ до десяти слѣшкомъ тысячъ футовъ. Онъ служитъ водораздѣломъ Куры и Чороха съ нѣхъ въ верховьяхъ притоками на сѣверъ, Карсъ-чая и Ханъ-чая на югъ. Последняя рѣчка глубоко врѣзается въ хребетъ, начинаясь близъ развалинъ деревни Хана-дере. Грунтъ хребта глинистый и каменный, послѣдній въ особенности на западныхъ склонахъ; мѣстами попадаются скалы, но не особенно твердыхъ породъ, вполне годныхъ для тески и вообще строительныхъ работъ. Восточные склоны и, мѣстами, самый перевалъ открыты сосновыми лѣсами, около десяти и болѣе верстъ въ ширину, гдѣ сохранилось еще не мало участковъ прекраснаго строеваго лѣса. По всему хребту падаетъ очень много родниковъ, а это изобиліе воды, въ связи съ присутствіемъ лѣсовъ, служитъ причиною, что не только въ лощинахъ и падахъ или по теченію ручьевъ, но и на самой плоскости перевала есть много мелкихъ болотъ и потныхъ мѣстъ, а по низинамъ не въ рѣдкость встрѣтить даже настоящую трясину.

Отъ Сарыкамыша дорога спускается въ долину Сарыкамышскаго ручья и идетъ сначала по его лѣвому берегу, мимо кладбища, и потомъ вдоль полковыхъ и ротныхъ сѣнокосовъ, до

осетинскаго селенія Верхній Сарыкамышъ, а въ четырехъ верстахъ за послѣднимъ переходомъ на его правый лѣсный берегъ, откуда уже начинается восьмиверстный и довольно крутой подъемъ на самый хребетъ, и дорога все время идетъ лѣсомъ. Отсюда мы свернули на новопроложенную, будущую шоссеиную дорогу, которая безъ особенныхъ усилій привела насъ къ вершинѣ перевала. Не дожидая до него мы вышли изъ экипажа, чтобъ облегчить лошадямъ ихъ работу, и здѣсь на высотѣ около 9.000 футовъ, сверхъ всякаго ожиданія, мнѣ пришлось испытать на себѣ дѣйствіе разреженнаго горнаго воздуха. Я пошелъ было сначала обыкновеннымъ бодрымъ шагомъ, какимъ хожу всегда, но не сдѣлавъ и ста шаговъ, какъ уже почувствовалъ замѣтное сердцебиеніе и одышку, чего въ обыкновенныхъ условіяхъ со мной не случается. Остановившись на минуту перевести духъ, я тронулся далѣе уже совсѣмъ медленнымъ шагомъ, но все-таки чувствую не то что одышку, а какъ будто мнѣ не хватаетъ воздуха для дыханія, и я, останавливаясь чрезъ каждые десять, двѣнадцать шаговъ, вливаю его въ себя продолжительными, глубокими глотками, и все-таки кажется будто мало, хочется больше, еще больше, а онъ не дается... Наконецъ, странное дѣло, къ сердцебиенію присоединяется вдругъ чувство физическаго изнеможенія. Не то чтобы я усталъ, да я усталъ-то не съ чего, но это было не лишнее своего рода пріятности ощущеніе истомы и слабости, при которомъ такъ и подмываетъ броситься на траву, въ тѣнь сосенъ и въ полубытьи лежать себѣ хоть до скончанія міра безъ движенія, не шевеля даже пальцемъ. Но какъ только сѣлъ я опять въ тарантасъ, это чувство прошло очень скоро. Привыкъ ли нѣсколько мой организмъ къ новой воздушной средѣ или отъ того, что была удалена причина утомленія, ходьба въ гору, только, добравшись до перевала, я чувствовалъ себя уже совершенно спокойно: сердцебиеніе прекратилось, истому какъ рукой сняло, и только грудь порой съ жаднымъ наслажденіемъ вливала бальзамическій воздухъ.

На вершинѣ Саганлуга мы застали весну въ полномъ разгарѣ. И это 29 іюля! - Множество блестящихъ мушекъ, жучковъ и бабочекъ. Роскошные кусты бѣлаго и розоваго шиповника въ полномъ цвѣтѣ и было еще на нихъ много нераспустившихся бутоновъ. Звѣздочки лѣсной земляники мелькали у корней сосенъ, дикая малина еще не успѣла отцвѣсть. Густая сочная трава, по поясъ человѣку, покрывала всю почву между деревьями, пестрѣя множествомъ луговыхъ цвѣтовъ. Тутъ были желтовато-бѣлая «вдовушка», желтые «медушцы», красныя «гусиныя лапки» (особый видъ дикой спаржи), анемоны, лиловыя полевые астры, гвоздика, ковыль, нѣсколько

видовъ иммортелей, дикій чеснокъ съ высоко-выглядывающими полусферическими шапками своихъ цвѣтковъ темно-гранатовой окраски, который не мало встрѣчался намъ и прежде, на Армянской плоскости, но почти исключительно на пшеничныхъ поляхъ; затѣмъ, златоцвѣтъ, звѣробой, тысячелистникъ, дрокъ, красивая «глухая крапива» съ лиловыми цвѣтами, колокольчикъ, мята, чебрець, полынь и полынокъ. Было и еще одно растеніе, въ видѣ травянистыхъ кустиковъ, съ темно-зелеными листьями, стебли котораго въ изобиліи унизаны круглыми кораллово-красными ягодами приторно-сладкаго вкуса. Мѣстные горцы очень любятъ лакомиться ими. Къ сожалѣнію, не знаю, какъ это растеніе называется, и спутникъ мой не могъ мнѣ сообщить его туземное имя, но судя по строенію, формѣ и вкусу ягодъ, думаю, что онъ изъ семейства пасленовыхъ. Изъ только-что приведеннаго, впрочемъ, далеко еще неполнаго, перечня цвѣтовъ и растеній, читатель можетъ видѣть, какая ихъ тутъ масса и какое разнообразіе господствуетъ между ними. Дѣйствительно, луговые травы Саганлуга роскошны, въ полномъ смыслѣ слова, и любуешься ими тѣмъ болѣе съ наслажденіемъ, что никакъ не ожидаешь себѣ подобнаго сюрприза на высотѣ девяти тысячъ футовъ, да еще въ концѣ іюля. Но, къ сожалѣнію, травами этимъ почти никто не пользуется. Для незначительныхъ стадъ саганлугскихъ поселанъ ихъ слишкомъ и слишкомъ много, а копать на сѣно, хотя бы для поставки въ войска, невыгодно по невозможной дороговизнѣ перевозочныхъ средствъ: молокане, напримѣръ, за сѣно саганлугскаго сѣна только въ Сарыкамышѣ, берутъ отъ 50 до 60 копеекъ съ пуда, и такимъ образомъ, все это роскошное богатство, котораго съ избыткомъ хватило бы для годового продовольствія нѣсколькихъ корпусовъ кавалеріи, поневолѣ пропадаетъ даромъ... При туркахъ, по лѣснымъ луговинамъ Саганлуга, какъ и въ другихъ горныхъ мѣстахъ, богатыхъ цвѣтущими травами, было много нашествій, и пчеловодство приносило хорошіе доходы, такъ какъ карсскій медъ, отличавшійся своимъ ароматическимъ вкусомъ, служилъ даже однимъ изъ предметовъ вывоза. Теперь же это дѣло въ упадкѣ, потому что почти никому имъ заниматься: турки по большей части ушли, молоканамъ далеко, а греки почему-то пренебрегаютъ.

Перевалъ покрытъ лѣсомъ, исключительно хвойнымъ. Преобладающимъ видомъ является обыкновенная сосна, но встрѣчается также и сосна еловидная, какой, кромѣ Саганлуга, мнѣ нигдѣ встрѣчать не доводилось. Вообще, Саганлугскіе лѣса почти на всемъ протяженіи хребта состоятъ изъ чистыхъ сосновыхъ насажденій съ единачною примѣсью осины. Но эта послѣдняя чаще всего попадаетъ въ

мѣстахъ, гдѣ прошелъ когда-либо сильный буреломъ, или пожаръ, или же гдѣ сосновые насажденія значительно разрублены вырубкой. На бывшихъ лѣсныхъ пожарищахъ осину можно встрѣтить даже цѣлыми куртинками. Одровозрастныхъ насажденій здѣсь, конечно, нѣтъ, да и не могло быть, потому что не существовало рациональнаго лѣсного хозяйства. Перестойныхъ деревьевъ очень много, а мѣстами излишняя влажность почвы портитъ сердцевину, поражая ее гнилью, и это явленіе замѣчается даже на деревьяхъ 80—90-ти-лѣтняго возраста. Въ дѣственномъ своемъ состояніи, вовсе еще не тронутые топоромъ, сохранились лѣса на Саганлугѣ только въ наиболѣе отдаленныхъ отъ жилья урочищахъ да въ трудно доступныхъ горныхъ тущобахъ. На остальномъ же пространствѣ, вслѣдствіе неравномерной рубки, лѣса изрядно таки пострадали, особенно близъ осетинскихъ и лезгинскихъ деревень, жители коихъ, при туркахъ, занимались исключительно лѣснымъ промысломъ, то-есть вѣрнѣе сказать расхищеніемъ казенныхъ лѣсовъ, и это было тѣмъ удобнѣе, что турецкая администрація, какъ уже сказано, вовсе не веда здѣсь правильнаго лѣсного хозяйства. Право пользованія лѣсами отдавалось ежегодно на откупъ, съ торговъ, и рубка сыростойныхъ деревьевъ не только не ограничивалась какими-либо правилами, но даже поощрялась откупщиками, которые обыкновенно переуступали свое право частями и, разумѣется, съ барышомъ другимъ частнымъ лицамъ или смежнымъ съ лѣсами сельскимъ обществамъ. Кромѣ того, масса деревьевъ была вырублена и нашими войсками на топливо, въ зимнюю кампанію 1877—78 годовъ, а затѣмъ, по замирени, на возведеніе разныхъ построекъ; съ водвореніемъ же новыхъ переселенцевъ, понадобился лѣсъ и для нихъ, да и молокане, какъ сказано выше, пользовались имъ незаконно промысловымъ образомъ, въ голодные годы; и такимъ образомъ, прежде чѣмъ правительство ввело правильный лѣсничій надзоръ, саганлугскіе лѣса продолжали страдать не менѣе чѣмъ при туркахъ. Администрація турецкая не принимала никакихъ мѣръ къ возобновленію вырубленныхъ лѣсныхъ пространствъ, а естественному появленію и росту молодыхъ всходовъ сильно препятствовали пастьба скотины, частые пожары отъ непогашенныхъ костровъ, оставляемыхъ пастухами, и огромныя массы никогда не вывозившагося валежника, такъ что теперь на разрубленныхъ рубкой мѣстахъ замѣчается отсутствіе достаточнаго количества подроста, и это, конечно, составляетъ очень печальное явленіе для будущаго.

Самая возвышенность перевала и нѣкоторая часть его западнаго склона состоятъ изъ большихъ абсидіановыхъ залежей, которыя во

многихъ мѣстахъ обнажаются изъ-подъ почвы, а въ особенности на самой дорогѣ и по бокамъ ея, гдѣ, кромѣ того, валется множество абсидіана въ небольшихъ глыбахъ и отломкахъ стеклито-чернаго цвѣта и со стеклистыми же изломами, лучами и трещинами, что придаетъ имъ видъ стеклянныхъ шлаковъ. Вслѣдствіе сего, весь этотъ путь у мѣстныхъ жителей прозванъ «стекляннымъ». Съ перевала открывается прекрасный видъ на сосѣднія вершины нашихъ и турецкихъ горъ и хребтовъ. Влѣво, на нашей сторонѣ, видны на Саганлугѣ Аскыръ-дагъ (гора война) и Языл-ташъ (писаный камень), на которой будто бы имѣется гдѣ-то плита съ какими-то древними надписями; за ними—вершины Ванкъ (по-армянски, «монастырь») и Сурпъ-хачъ («Святый крестъ», по-армянски же), представляющій собою высшую точку на всемъ Саганлугѣ. На его пологоконической лѣсистой вершинѣ возвышается небольшой холмъ, называемый туземцами «соскомъ женской груди», по общему сходству контура Сурпъ-хача съ этою послѣднею. Тамъ, на самомъ верху, существуютъ развалины древняго армянскаго монастыря, отъ котораго уцѣлѣла лишь одна полуразрушенная часовенка, гдѣ въ извѣстный день въ году совершается богослуженіе нарочно прибѣгающими священниками и монахами, и тогда собирается на Сурпъ-хачѣ множество армянъ-богомольцевъ, не только изъ ближнихъ окрестностей, но и съ разныхъ мѣстъ Армянскаго плоскогорья. Въ развалинахъ этого монастыря встрѣчается много тесаныхъ камней, покрытыхъ скульптурными орнаментами, какъ говорятъ, очень тонкой работы. За границей, въ Турціи, прямо предъ нами, открываются голыя вершины Гѣли, Кары-ташъ и Уюгъ-ташъ, а лѣвѣ Кавахъ-тапа и Зивинскія высоты; совсѣмъ же влѣво, въ большой дали—голубой хребетъ Кеса-дагъ, съ его главною высоко-коническою вершиной того же имени, покрытой снѣгами. Вправо же отъ перевала, съ нашей стороны на склонѣ возвышенности Ай-дерюси, видны развалины замка Керъ-оглы, что значить «сынъ слѣпного» и тамъ же, въ ущельѣ небольшое греческое селеніе, взявшее свое названіе отъ этого замка. Керъ-оглы—личность легендарная во всей за-саганлугской и за-аракской сторонѣ, входящей частью въ наши предѣлы, частью оставшейся за Турціей. Почти до самаго Арарата, съ каждымъ древними развалинами, встрѣчающимися иногда на вершинахъ горъ или въ скалистыхъ неприступныхъ скалахъ, непремѣнно связывается имя Керъ-оглы, какъ на Кавказѣ имя Тамары. Все равно какъ тамъ, по народному повѣрью, всѣ древнія церкви и замки сооружены этою легендарною царицей, такъ здѣсь построеніе cadaго горнаго гнѣзда непремѣнно приписывается Керъ-оглы. По народной ле-

гендѣ, это былъ благородный рыцарь, наводившій своими разбойничьими подвигами ужасъ не только на невѣрныхъ, относительно которыхъ онъ далъ себѣ обѣтъ не щадить ихъ во славу Аллаха и Пророка, до послѣдней минуты своей жизни, но страшный также и для мусульманскихъ купцовъ, которыхъ онъ грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти, ради своего «сострада-тельного сердца», ибо легенда говоритъ, что, оставляя половину награбленнаго себѣ, остальное Керъ-оглы раздавалъ бѣднымъ странникамъ и немущимъ поселянамъ, которые за это были обязаны молить Бога о прощениіи ему его прегрѣшеній. По другому же варианту народной легенды, Керъ-оглы былъ не только сыномъ слѣпого, но и самъ слѣпецъ, заколдованный отъ стрѣлы и меча какою-то чудодѣйственной силой и подимый на всѣ свои похождения однимъ лишь мальчишечьимъ оруженосцемъ, безо всякой сваты и войны, такъ что во всѣхъ его подвигахъ и разбояхъ онъ являлся какъ бы свыше направляемымъ стихійнымъ мстителемъ всѣмъ невѣрнымъ, злымъ и своекорыстнымъ за ихъ неправды и стяжательство.

Спускъ съ Саганлуга въ ущелье Ханы-чая представляетъ крутизну болѣе чѣмъ въ 2.000 футовъ, но по немъ протекаетъ удобными зигзагами дорога, прекрасно разработанная нашими саперами еще весной 1878 года. Зигзаги ея имѣютъ уклонъ отъ $\frac{1}{17}$ до $\frac{1}{20}$, и это значительно облегчаетъ спускъ къ Ханы-чаю. Здѣсь на всемъ склонѣ лѣсу уже нѣтъ; время отъ времени попадаются только одни кусты шиповника, но уже безъ цвѣтовъ, да внизу, при самой рѣчкѣ, видны жидковатыя заросли ивовыхъ ветель. Далѣе по дорогѣ къ Караургану и Зивину, ущелье нѣсколько расширяется и принимаетъ видъ узкой долины, по нижнимъ склонамъ которой и при рѣчкѣ залегаютъ четыре селенія: Сарыбасанъ, Зіяки, Абульвартъ и Караурганъ. Изъ нихъ второе населено туркменами, остальные же греческія. Абульвартъ и Караурганъ имѣютъ по одной каменной церкви того же типа, что уже описано выше. Съ характеромъ греческихъ селеній и ихъ обитателей читатель уже достаточно ознакомленъ, чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету; относительно же туркменъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Всѣ деревни ихъ, попадавшіяся мнѣ на дальнѣйшемъ пути по границѣ, принадлежатъ, подобно Зіякамъ, къ общему типу турецкихъ поселеній, представляющихъ собою, по обыкновенію, кучу плоскихъ саклей, разбросанныхъ какъ попало на плоскости, а больше по невысокимъ буграмъ и возвышенностямъ. Туркменъ въ области очень не много, всего лишь девять съ небольшимъ тысячъ, но они принадлежатъ къ составу ея коренного населенія и разбросаны небольшими деревнями, вперемежку съ поселеніями другихъ національностей, въ Ольтинскимъ и Ардаганскомъ, а затѣмъ въ Саганлугскомъ и Кагызманскомъ участкахъ. Несмотря на общность племенного происхожденія, турки ихъ очень не любятъ, даже питаютъ къ нимъ какое-то странное отвращеніе. Турокъ, напримѣръ, ни за что не подастъ туркмену руки, не надѣнетъ съ его плеча платя, какой бы лютый холодъ самъ ни испытывалъ, не приметъ отъ него куска хлѣба и кувшина воды, даже не напьется самъ и не напоитъ коня изъ туркменскаго колодца или изъ рѣчки въ ихъ селеніи и ни за что не войдетъ въ туркменскую саклю, разве въ томъ только случаѣ, если его вынуждаетъ сдѣлать это какая-либо возложенная на него officialная, въ прежнее время, напримѣръ, полицейская обязанность, да и то считаетъ себя послѣ этого какъ бы оскверненнымъ, нечистымъ и слѣдуетъ обтереть о траву или ополоскать въ водѣ свои подошвы и вымыть себѣ лицо и руки. Начало такому ненавистному отвращенію положила, безъ сомнѣнія, религіозная рознь. Туркмены хотя и называютъ себя магометанами-суннитами, но у нихъ нѣтъ ни мечетей, ни имамовъ, они не постятся въ рамазанъ, не совершаютъ положенныхъ по закону ежедневныхъ молитвъ и намазовъ; женщины у нихъ не закрываютъ лица и пользуются сравнительно гораздо болѣею свободой и значеніемъ не только въ семейномъ, но и въ общественномъ быту, чѣмъ турчанки. На вопросы объ ихъ истинныхъ вѣрованіяхъ, они всегда отвѣчаютъ уклончиво, говоря, что вѣруютъ въ Бога, какъ и всѣ правовѣрные, и въ доказательство ссылаются на своихъ муллъ и нѣкоторыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ, которые-де и молятся, даже публично, по суннитскому обряду, и посты блюдутъ, и коранъ читаютъ, а что это-де турки все на нихъ клеветаютъ по своей злобѣ. Есть-де у нихъ и священные книги, только они тщательно скрываютъ ихъ отъ постороннихъ, а въ особенности отъ турокъ, изъ боязни, что тѣ осквернятъ ихъ или отнимутъ. Когда же приходится спрашивать на этотъ счетъ самихъ турокъ, то они, презрительно улыбаясь, только головой мотаютъ кверху «знаемъ-де мы эти розказни!» и начинаютъ затѣмъ увѣрять, что никакихъ книгъ у туркменъ нѣтъ, а что если ихъ муллы и аги дѣйствительно молятся иногда на виду у постороннихъ и якобы постятся въ рамазанъ, особенно въ городахъ, то это все не болѣе какъ притворство, комедія, чтобъ отвести глаза добрымъ людямъ и получше скрыть ту недостойную религію, какую они исповѣдуютъ въ дѣйствительности. Турки ихъ даже и за мусульманъ не признаютъ и презрительно обзываютъ «али-аллахами», потому-де что туркмены вѣруютъ не въ Бога, а въ Али, четвертаго халифа и зятя пророка,

почитая его за истинного своего бога, которому и приносят жертвы, даже будто бы идольскія изображенія его держатъ у себя въ сакляхъ. Но турки, увлекаясь своею ненавистію, кажется, плетутъ на туркменъ много лишняго, увѣряя, напримѣръ, что ни одинъ туркменъ или туркменка никому, кромѣ своихъ единоплеменниковъ, не подастъ напиться воды, не осквернивъ предварительно посуды, и не предложить хлѣба, не продѣлавъ надъ нимъ втайнѣ какую-нибудь мерзость, а также что туркмены невѣдомо куда дѣвають своихъ мертвыхъ, потому что у нихъ нѣтъ видимыхъ кладбищъ. Изъ этого нѣкоторые заключаютъ даже, что они пожираютъ свою мертвечину. Между тѣмъ, кладбища у туркменъ есть, только у нихъ не въ обычаѣ обозначать могилы камнями или иными видимыми знаками. По отзывамъ нашей администраціи, туркмены, такъ же, какъ и турки, имѣютъ природную склонность къ спокойному и мирному образу жизни. Они правдивы, вѣрны своему слову и нравственны, отягачаются безусловною трезвостью жизни, честностію занятій; будучи хорошими хлѣбопашцами, всею душой преданы земледѣлію, но только не достаточно энергичны въ работѣ и не обнаруживаютъ замѣтнаго стремленія къ дальнѣйшему культурному развитію. Преступленія и проступки встрѣчаются между ними какъ рѣдкое исключеніе. Вообще, по нравственнымъ качествамъ, администрація ставитъ ихъ, какъ и турокъ, непосредственно вѣдѣ за духоворами, этимъ наилучшимъ элементомъ мѣстнаго населенія.

Отъ Сарыбасана къ Караургану и далѣе къ Зивину дорога идетъ вдоль по тѣснинѣ Хань-чай, то взбираясь вверхъ по косогору, то спускаясь въ низины, почти къ самой рѣчкѣ, и въ одномъ мѣстѣ проходить мимо такъ называемыхъ «гнилыхъ скалъ», изъ которыхъ одна имѣетъ нѣкоторое сходство съ фигурой человека, почему и называется «Адамомъ»⁴⁾, а другая, въ видѣ громадной глыбы, около 85 футовъ высоты, на протяженіи тридцати саженъ, совсѣмъ нависла надъ дорогой и ежеминутно грозитъ на нее свалиться. Эти «гнилыя скалы» — нѣчто въ родѣ финляндскаго рапа киви, состоятъ изъ конгломерата разныхъ породъ спаяннаго сѣро-желтой глиной. Дожди легко смываютъ ихъ поверхность и придаютъ имъ разнообразныя формы, а основаніе большой скалы уже совершенно подмыто струями дождевой и талой воды, изобильно спадающей какъ разъ подъ нее по горному скату, такъ что достаточно, кажется, одного хорошаго ливня, чтобъ она рухнула. Безъ сомнѣнія, это когда-нибудь случится. Растительность Хань-чайской тѣсины очень скудна и отличается такою же точно жесткостью какъ

и на открытой плоскости въ окрестностяхъ Карса: авсюкъ, колючіе будяги, чертополохи и особый родъ иммортеля, цвѣтущій кустиками, въ видѣ большихъ (около 1 вершка) сучковатыхъ шишекъ, покрытыхъ желтовато-бѣлыми волосками. Вообще, со спускомъ съ Саганлуга въ болѣе глубокіе пояса, кажется, надо совсѣмъ проститься съ роскошно-разнообразною, а главное, сочною и свѣжею растительностію. Здѣсь, полуспаленная солнцемъ, она какъ-то жестка, черства, пыльна и колюча.

Караурганъ — ничтожное село, расположенное на высотѣ 5.800 футовъ при самой границѣ по обѣимъ склонамъ Хань-чайской тѣсины, изъ коихъ обращенный къ западу отложе и площе восточнаго; на немъ и скупилось большинство саклей, опоясывая стоящую нѣсколько выше церковь. Въ селѣ 230 поселенцевъ, составляющихъ 31 дворъ или, вѣрнѣе сказать, *дымъ*, такъ какъ русское понятіе «дворъ» совсѣмъ сюда не подходитъ. Въ числѣ жителей есть двѣ семьи турокъ (9 душъ), которые послѣ войны предпочли остаться на мѣстѣ и теперь не имѣютъ причинъ пенять на себя за это. Съ греками живутъ они въ мирѣ, хотя и смотрятъ на нихъ нѣсколько сверху внизъ, собственно какъ на людей непосѣдливыхъ и плохихъ землепашцевъ. Въ Караурганѣ, какъ въ пограничномъ пунктѣ на прямомъ пути сообщенія Карса съ Эрзерумомъ, существуетъ таможенная контора, помѣщающаяся, подъ русскимъ таможеннымъ флагомъ, въ вольнонаемной двухъ-этажной саклѣ городского типа, и при ней пакгаузъ, въ который обращено каменное зданіе бывшей мечети, впрочемъ, съ согласія мѣстныхъ мусульманъ, не имѣющихъ, по своей малочисленности, средствъ содержать у себя особаго муллу и поддерживать зданіе. Чиновники и служащіе при таможнѣ помѣщаются тоже въ вольнонаемныхъ глинобитныхъ сакляхъ, кое-какъ приспособленныхъ для житья на русскій ладъ, т. е. подѣленныхъ на нѣсколько комнатъ, для чего иногда соединяются промежуточными стѣнами по двѣ, по три сакли вмѣстѣ, и снабженныхъ стекольчатыми окнами, а кое-гдѣ даже и досчатыми полами. Лѣтомъ жить въ нихъ еще можно, но зимой — холодъ и сырость; топятъ кизякомъ и мерзнутъ. Всѣ таможенныя «зданія» помѣщаются на восточномъ склонѣ долины, отдѣляясь отъ остальной деревни рѣчкой, чрезъ которую во время войны былъ устроенъ саперами хорошій мостъ, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ ни разу не исправлявшійся, такъ что сталъ наконецъ невозможенъ для проѣзда, и теперь, чтобы попасть на ту сторону, надо переправиться, съ рискомъ провалиться на каждомъ шагу, по животрепещущему дырявому мостишку, кое-какъ налаженному изъ жердей, досокъ и хвороста

⁴⁾ По-турки «адамъ» значить человекъ.

мѣстными жителями. Рядомъ съ таможенной помѣщается, тоже въ сакляхъ, лазаретное отдѣленіе пограничной стражи, на шесть кроватей, съ небольшою аптечкой, и при немъ карантинный врачъ. На этой же сторонѣ находится и единственная на всю окрестность лавочка (она же, конечно, и духанъ), содержащая какими-то армяниномъ, который забираетъ всѣ ея припасы въ Сарыкамышъ и продаетъ ихъ въ три-дорога, такъ что если кто изъ служащихъ хочетъ запастись чѣмъ либо подешевле, то долженъ самъ ѣхать въ Сарыкамышъ, куда, въ свой чередъ, привозятъ все необходимое изъ Карса, а въ Карсъ изъ Тифлиса. Судите-же, во что обходится офицерскому и чиновничьему карману въ какомъ-нибудь Караурганѣ каждый фунтъ сахару или свѣчь, прошедшій предварительно столько армянскихъ торгашескихъ рукъ!.. Офицерскій постъ пограничной стражи расположенъ за селеніемъ особо, на возвышенной плоскости западнаго склона близъ пограничной рогатки. Онъ построенъ весьма солидно изъ тесанаго мѣстнаго камня на цементѣ, въ видѣ сжатутаго блокгауза. Внутри его — квадратный дворъ, куда ведетъ каменная арка воротъ, надъ которыми устроена деревянная вышка для часового. Одинъ фасъ занятъ офицерскою квартирой и комнатою для прожившихъ офицеровъ стражи, другой — конюшней команды, въ третьемъ — казарма нижнихъ чиновъ и вахмистрская комната, а въ четвертомъ, по бокамъ воротъ, — разныя хозяйственные помѣщенія. На половинѣ дороги между селеніемъ и постомъ находятся бугорки «братскихъ могилъ», гдѣ покоятся кости русскихъ воиновъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ сраженіи подъ Зивиномъ. На нихъ ни креста, ни памятника, — только нѣсколько кучекъ камней положено. Впрочемъ, команда пограничной стражи собирается поставить отъ себя деревянный крестъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, мѣсто это не было залахано. Теперь онъ, вѣроятно, уже поставленъ.

Переночевавъ на посту, 30 іюля утромъ мы двинулись верхомъ въ дальнѣйшій путь вдоль по границѣ, въ виду мѣстности, на которой происходилъ Зивинскій бой. Отъ Караургана граница наша беретъ общее свое направленіе на юго-востокъ и патрульная тропа идетъ по южнымъ взгорьямъ одного изъ Сагандугскихъ отроговъ, называемаго Хурумъ-Дагомъ. Тутъ, на турецкой сторонѣ, господствующею вершиною является Агъ-Баба, за которою сейчасъ же въ ущелья залегаетъ турецкое селеніе Нижний Меджингертъ, впереди котораго видны развалины и башня бывшаго укрѣпленнаго замка того же имени. Проѣхавъ около восьми верстъ, спустились въ глубокую лоцину, гдѣ стоитъ нашъ постъ Шараметъ. Онъ выставляется только на лѣтнее время, и

потому расположенъ въ войлочной кибиткѣ пахсеванскаго типа, которая покрываетъ собою, какъ палатка, вырытое въ землѣ аршана на два углубленіе, вокругъ котораго, въ обѣ стороны отъ входа, идутъ земляныя же нары, оштукатуренныя глиной и выбѣленные мѣломъ. Въ центрѣ врытъ въ землю высокій колъ, на которомъ держится каркасъ юрты; вокругъ него пирамидка для бердавокъ, а вверху прибитъ образъ — деревянный складень греческаго писъма, какъ и во всѣхъ вообще отрядахъ Карсской бригады, благодаря тому, что однажды была конфискована пѣлая партія такихъ сбразовъ, проникшая контрабанднымъ способомъ, и уступлена потомъ тамошней бригадѣ. Стѣны увѣшаны портретами императорской фамилии и печатными выписками изъ «Устава» и разныхъ «Наставленій», а кромѣ того украшены еще и пучками полевыхъ цвѣтовъ и мятъ, — «для духу». Для лѣтняго времени такое помѣщеніе очень удобно, потому что въ немъ и чисто, и просторно, и воздуха достаточно. Кухня, конюшня и фуражники помѣщаются отдѣльно, въ полуземлянкахъ, крытыхъ земляными навѣсами на хворостѣ. Пограничная линія дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ такіе мысы и зигзаги, которые, повидимому, не оправдываются никакою необходимостью и только сбиваютъ съ толку какъ нашихъ, такъ и турецкихъ пограничныхъ жителей, принужденныхъ для сокращенія пути пользоваться, то нашею, то сосѣднею территоріей. Хорошо, что тутъ житейская практика установила взаимно толерантныя отношенія, а иначе при малѣйшей придирчивости или педантизмѣ пограничныхъ «исторій» и столкновеній и не обобратись бы. До прошлаго года у насъ въ этомъ мѣстѣ даже не было пограничной тропы, такъ что патрули по необходимости должны были пересѣкать по хордѣ около двухъ верстъ вдающуюся къ намъ турецкую территорію, а турки, со своей стороны, дѣлали то же на выдвигавшемся въ ихъ сторону нашемъ клинѣ, — и ничего себѣ, недоразумѣній никакихъ не выходило. Но теперь наша пограничная стража сама, собственными средствами, продолжила себѣ по высокому кособогу Хурумъ-Дага патрульную тропу, — правда, не совсѣмъ удобную, но все же до полутора аршина ширины, и ѣздитъ по ней, не касаясь болѣе турецкихъ предѣловъ.

Въ пяти съ половиной верстахъ отъ Шарамета — офицерскій постъ Меджингертъ (Верхній), расположенный на высотѣ свѣше 7.000 фут. надъ уровнемъ моря, въ греческой деревнѣ (66 дымовъ и 474 души), гдѣ осталось послѣ войны и десять семействъ турокъ (65 чел.) Офицеръ, команда и лошади размѣщены въ сакляхъ, значительно врытыхъ въ землю, но достаточно просторныхъ. Отсюда дорога довольно отлого поднимается на лѣ-

систыя возвышенности Хурумъ-Дага, примыкающія къ Сурпъ-хачу, а затѣмъ спускается съ нихъ въ глубокую ложбину рѣчки Зыгавъ-чая. Путь довольно удобенъ, потому что хорошо натеренъ арбами, на которыхъ поселане ѣздятъ къ своимъ возвышеннымъ полямъ и сѣнокосамъ и держатъ вообще сообщеніе съ нѣкоторыми сосѣдними (на нашей же сторонѣ) деревнями. Но этотъ путь очень непродолжителенъ и составляетъ, можно сказать, счастливое исключеніе. Турецкая администрація настолько мало обращала вниманія на устройство какихъ-либо мало-мальски удобныхъ дорогъ въ пограничныхъ съ нами санджакахъ, изъ коихъ образовалась нынѣшняя Карсская область, что дороги эти цѣлыми столѣтіями оставались въ невозможно первобытномъ состояніи. На плоскихъ возвышенностяхъ и въ глубокихъ долинахъ, въ лѣтніе мѣсяцы, есть еще возможность пользоваться проселочными колеями безъ особенно большихъ затрудненій, но выючныя тропы черезъ горныя перевалы во всякое время представляютъ крайнія неудобства даже для верховой ѣзды. Зимой же, равно какъ въ весеннюю и осеннюю распутицу, въ этихъ пограничныхъ трупобахъ прерываются всякія сообщенія не только между отдаленными, но и между ближайшими селеніями. Къ такому состоянію дорогъ примѣняютъ, конечно, и самый способъ сообщенія. Мѣстные жители и до сихъ поръ, какъ вѣроятно и тысячу лѣтъ назадъ, продолжаютъ пользоваться исключительно допотопною арбой, сравнительно съ которою арба средне-азиатскихъ нашихъ кочевниковъ — просто верхъ цивилизаціи, хотя бы уже потому, что она имѣетъ весьма широкій ходъ на очень высокихъ ободьевыхъ колесахъ, со ступицей и спицами, вертящихся на оси, и приспособлена къ оглобелной конской запряжкѣ. Арба же турецко-закавказскаго типа — это нѣчто въ высшей степени своеобразное и неуклюжее. Представьте себѣ досчатый треугольникъ, вдѣланный въ глубокій расщепъ срубленнаго дерева, имѣющаго около трехъ-четырехъ вершковъ въ диаметръ. Задніе концы расщепа, въ основаніи треугольника, связаны между собою поперечною распоркой съ пазами, куда они вгоняются и заклиниваются, а передній конецъ дерева, на который въ вершинѣ треугольника набита сжимающая колодка, служитъ дышломъ, къ коему прилаживается ярмо. Затѣмъ представьте себѣ вмѣсто колесъ два толстые деревянные диска, около 18 вершковъ въ поперечникѣ, плотно и накрѣпо сколоченные изъ плоскихъ брусьевъ и обтянутые желѣзными шинами. Но вращаются диски не на оси, а вмѣстѣ съ наглухо вдѣланнымъ въ нихъ деревяннымъ валомъ, который пропущенъ въ особые пазы подъ арбой въ ея задней части. Иногда эти колеса даже и шинъ не имѣютъ,

а ограничиваются лишь скрѣпленіемъ своихъ брусьевъ небольшими желѣзными планками, которыя прикрѣпляются къ плоскостямъ диска просто гвоздями. Въ послѣднемъ случаѣ, при долговременномъ употребленіи, особенно по каменистымъ дорогамъ, колеса постепенно утрачиваютъ свою круглую форму и приобретаютъ квадратную, съ obtупленными углами. На такихъ арбахъ, какъ выражаются наши солдаты, «не только всѣ печонки, а и всѣ мозги себѣ отшибешь». Запрягаютъ въ нихъ обыкновенно пару буйволовъ, которые тянутъ арбу медленнѣе воловъ, потому что они вообще слабѣе послѣднихъ. На ходу арба немилосердно скрипитъ и рѣзко, точно зурна, выпѣваетъ нѣсколько дикихъ, но всегда опредѣленныхъ нотъ, дабы всѣ знали, что, молъ, «честный человекъ ѣдетъ», ибо у однихъ только ночныхъ воровъ арбы не скрипучія. Впрочемъ, этотъ удивительный экипажъ имѣетъ одно достоинство: перескакивать не ломаясь чрезъ всякія груды камней, ухабы, ямы и канавы; но зато ужъ если завязнетъ гдѣ въ распутицу, то нужно скликать на помощь цѣлую деревню. Поэтому кочевыя курдинскія племена почти вовсе не употребляютъ арбъ, а довольствуются своими верховыми конями и выючными животными.

Изъ каменистой ложбины Зыгавъ-чая узкая тропа подымается по крутому откосу на обширное, слегка волнистое плато на высотѣ около 6.800 футовъ, покрытое отчасти пашнями, но болѣе лугами, которыхъ однако невозможно косить за множествомъ разсыянныхъ по нимъ камней. Впрочемъ, окрестные поселане обходятъ это неудобство тѣмъ, что не косятъ, а жнутъ высокую траву большими серпами. Но и за всѣмъ тѣмъ ее адѣсь такое множество, что всего не сожнешь; поэтому наибольшая часть такихъ плоско-возвышенныхъ луговъ просто служитъ пастбищами, пока трава не засохнетъ, какъ теперь, отъ солнца. Флора подобныхъ плато не блещетъ разнообразіемъ, ограничиваясь обыкновенною полевою травой, дикими злаками, авсюкомъ да метелкой; мѣстами же попадаются полосы ковыля и въ-одиночку — дикій чеснокъ, перекасти-поле да репейникъ. Съ перваго плато слѣдуетъ крутой спускъ въ Сюлюдаринскую балку, затѣмъ опять подъемъ на такое же второе плато и опять спускъ въ Исламзорскую балку, по ту сторону которой надо одолѣть еще одинъ довольно крутой подъемъ на третье плато, совершенно открытое къ турецкой и лѣсистое на нашей сторонѣ, гдѣ оно слегка подымается къ отрогамъ Сурпъ-хача. На открытой части этого плато, верстахъ въ трехъ отъ лѣса, стоятъ нашъ пограничный постъ Исламзоръ, гдѣ мы и заочевали, пройдя въ этотъ день около тридцати верстъ. Постъ, расположенный съ его хозяйственными при-

стройками въ глинобитныхъ сакяхъ, образующихъ просторный дворъ, окруженъ развалинами бывшей лезгинской деревни, жители которой перебравшись послѣ войны на турецкую сторону и образовали тамъ новое поселеніе, назвавъ его Нижнимъ Исламзоромъ.

На слѣдующій день (31 іюля) путь продолжался такими же спусками въ лощины и долинами и подъемами на такія же пастбищныя плато какъ и вчера, пока наконецъ не приблизились мы къ спуску въ глубокое ущелье Аракса въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣка эта вступаетъ въ наши предѣлы. Дно ущелья лежитъ на высотѣ 4.600, а верхняя точка спуска на 7.000 футовъ надъ уровнемъ моря; такимъ образомъ, самый спускъ представляетъ крутизну въ 2.400 футовъ, мѣстами почти отвѣсную. Пришлось слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ. Я не догадался раньше запастись упора надежною палкой; но ничего, ее съ успѣхомъ замѣнила мнѣ обожженная шашка. Спускъ этотъ крайне крутъ, тяжелъ и опасенъ. Сначала извивается онъ среди скалистыхъ каменныхъ глыбъ неправильными, природными ступенями, съ камня на камень, съ плиты на плиту, дѣлая самые неожиданные зигзаги, пороги и скачки внизъ, а затѣмъ идетъ крутою узенькою тропкой, на которой скользятъ и предательски обсыпаются подъ подошвой измѣльченная слоисто-плоская щебенка, мѣстами обращающаяся даже въ буро-черный песокъ. Чтобы дать вамъ понятіе, насколько этотъ спускъ затруднителенъ (объ опасности его уже не говорю), достаточно сказать, что онъ занялъ у насъ болѣе полутора часа времени. Но наконецъ-то мы на днѣ ущелья, гдѣ встрѣтили кусты кизила и ракитника, болѣе свѣжую траву, болѣе разнообразныя полевые цвѣты и вѣстѣ съ тѣмъ ужасную духоту и зной неподвижнаго на этотъ разъ воздуха. Переправа черезъ Араксъ на всемъ протяженіи его горнаго теченія возможна только въ бродѣ, а въ данномъ пунктѣ она еще опаснѣе спуска. Ширина рѣки приблизительно отъ 12 до 15 сажень, наклонъ русла довольно значителенъ, а потому характеръ теченія стремителенъ и порывистъ; вода бурлитъ, шумитъ и пѣнится, катитъ по дну глыбы и несетъ въ себѣ много глинистаго илу, отчего желтоватый цвѣтъ ея совершенно мутенъ. Последнее тѣмъ опаснѣе, что дно рѣки изрыто ямами, да, кромѣ того, въ немъ наворочено еще множество большихъ подводныхъ камней, такъ что лошадь поминутно спотыкается или, взобравшись на камень, неожиданно бултыхается съ него въ воду. Глубина неравномѣрна: то по колѣно, то вдругъ по брюхо лошади. На серединѣ рѣки быстрота теченія такова, что человѣку, мало-мальски подверженному головокруженію, не совѣтую смотрѣть на воду: такъ и кажется, что тебѣ сносить, а при этомъ головѣ не мудрено за-

кружиться до дурноты—и готово. Но слава Богу, перебравшись мы безъ особенныхъ приключеній вполне благополучно вслѣдъ за показывавшимъ дорогу ефрейторомъ пограничной стражи. Тутъ мы въ послѣдній разъ обернулись назадъ на эту предательскую крутизну: только что пройденнаго спуска, который съ этого берега кажется какъ будто и не особенно крутымъ, и не особенно высокимъ, съ минуты полюбовались его торчащими скалами и затѣмъ простылись съ Саганлугомъ.

XI.

Агридагскій хребетъ.

7 августа сдѣлали 25-ти-верстный переходъ изъ Кагызмана чрезъ мусульманское селеніе Кизиль-килису до поста Планъ. Въ началѣ своего пути пересѣкаетъ глубокую балку кагызманскихъ садовъ, затѣмъ поднимается въ гору, переваливаетъ чрезъ нее и спускается къ Кизиль-килису, гдѣ расположенъ постъ пограничной стражи. Отсюда новый подъемъ и спускъ въ Ахъ-чайское ущелье, по дну котораго течетъ рѣченка Малый Ахъ-чай. Съ перевала открывается чрезвычайно красивый видъ на противоположные скаты и силуэты высотъ Агридагскаго хребта, съ ихъ зеленоватыми обсыпками и вертикально поставленными пластами песчаниковъ и глины. Предшествовавшія гряды состояли исключительно изъ красной глины и краснаго песчаника; здѣсь же глина разноцвѣтная, но преимущественно зеленоватая, подъ цвѣтъ песчанику, и находится въ смѣси съ красною и желтою глиной разныхъ оттѣнковъ, по пластамъ. Вертикальное или круто-наклонное положеніе этихъ пластовъ совершенно наглядно свидѣтельствуетъ, что всѣ эти нептуническія породы и наслоенія подверглись нѣкогда страшному вулканическому перевороту, который произвелъ не только поднятіе морского дна, но еще, позволю себѣ такъ выразиться, и исковеркалъ его такъ, что поставилъ цѣлый рядъ напластованій, по природѣ своей горизонтальныхъ, въ вертикальное положеніе. По мнѣнію Дюбуа де-Монпере ¹⁾, первое напряженіе вулканическихъ силъ на Кавказскомъ перешейкѣ произошло въ концѣ юрскаго періода, когда массы гранита выдвинули изъ воды пласты чернаго глинистаго сланца и известняка, то-есть два нижнія напластованія, осадившіяся на днѣ юрскаго моря, но по ту и другую сторону выдвинувагося такимъ образомъ главнаго Кавказскаго хребта оставалось еще моря, успѣвшія осадить два нижніе пласта мѣловой формаціи прежде, чѣмъ произошло вторичное поднятіе почвы, вызван-

¹⁾ Fr. Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase“, 1839—1843.

ное тѣмъ же вулканическими силами, которыя на этотъ разъ выдвинули изъ нѣдръ земли массы пироксеноваго порфира, составляющаго главное основаніе горъ и хребтовъ Малаго Кавказа (въ Закавказьи). Эти нижніе пласты мѣловой формаціи состоятъ изъ известковаго сланца и зеленаго песчаника. Но между горами Большого и Малаго Кавказа оставались еще и послѣ вторичнаго поднятія нѣкоторыя морскія пространства, осадившія третій или верхній пластъ мѣловой формаціи, выдвинутой на поверхность третѣмъ переворотомъ. Этотъ переворотъ состоялъ изъ цѣлаго ряда одно-временныхъ вулканическихъ изверженій, послѣдствіемъ коихъ было образованіе многихъ громадныхъ кратеровъ и пиковъ ¹⁾. Послѣ этого море, лежавшее по южную сторону Кавказа, образовало нѣсколько заливовъ, одинъ изъ коихъ покрывалъ собою часть нынѣшней Эриванской губерніи, и именно Араксинскую долину. Наконецъ, четвертый вулканический переворотъ значительно поднялъ всю вообще почву и массу горъ, образованныхъ предшествовавшими переворотами, и это послѣднее поднятіе окончательно отдѣлило Каспійское море отъ Чернаго, осушивъ весь Кавказъ и Закавказье и оставивъ въ послѣднемъ лишь нѣсколько небольшихъ соленоводныхъ озеръ ²⁾. Такимъ образомъ, главное основаніе всѣхъ вообще Кавказскихъ и Закавказскихъ горъ составляютъ массы гранита и порфира, поднявшія на себѣ пласты нептуническихъ осадковъ, и послѣдовательный ходъ всѣхъ этихъ переворотовъ можетъ быть изучаема весьма наглядно именно въ Ахъ-чайскомъ ущельи и вообще въ мѣстахъ, среди которыхъ мы теперь находимся. Въ рѣчкѣ «Ахъ-чайкѣ», такъ окрестили ее наши пограничники и казаки, вѣсто officialнаго «Малый Ахъ-чай», мы встрѣчали множество чрезвычайно красивыхъ камней и голышей, какъ нептуническаго, такъ и вулканическаго образованія, невольно привлекавшихъ къ себѣ вниманіе разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ: между ними были камни розовые, красные, зеленые и лиловые съ бѣлыми прожилками. Здѣсь же, въ горахъ выступаютъ наружу неприкрытыя наносомъ и бѣлыя какъ свѣтъ залежи соли: онѣ видны и на склонахъ и въ складкахъ нѣкоторыхъ горныхъ ложбинкахъ, и на днѣ одного пересохшаго ручья.

Но вотъ, новый подъемъ, и затѣмъ мы спускаемся въ долину Большого Ахъ-чая, ко-

торый нынѣ струится ничтожнымъ ручейкомъ, извиваясь по широкому и глубокому руслу, но весной, во время половодья, становится широкою, бурливо-быстрою и крайне опасною рѣкою, какъ и его притокъ Ахъ-айка, имѣющей очень крутое паденіе. Переправа чрезъ ту и другую рѣчку считается тогда на нѣкоторое время окончательно невозможною. По крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ смѣльчаковъ-туземцевъ, рискнувшихъ на такое предпріятіе, только одному, обладавшему чрезвычайно сильнымъ конемъ, удалось кое-какъ выкарабкаться на берегъ; остальные погибли. За исключеніемъ нѣсколькихъ старыхъ ракетъ, разбросанныхъ кое-гдѣ надъ ручьями, въ этихъ мѣстахъ нѣтъ никакой древесной растительности; оживляется мѣстность одною лишь травой да камышомъ, растущимъ по нѣкоторымъ сырымъ горнымъ склонамъ и въ тѣхъ падахъ, гдѣ есть небольшія болотца. Ни мальвы, ни дроковъ, ни вдовушекъ здѣсь уже почти не встрѣчается; если и попадаются гдѣ, то въ крайне слабосильномъ, недоразвившемся видѣ: очевидно, почва эта для нихъ не годится; но зато многіе красно-глинистые склоны и площадки покрыты густыми заростями саликарніи (по-турецки *боръ*, по-татарски *чога*). Это низко стелющееся по землѣ травянистое растеніе, съ мясистыми присосками вѣсто листьевъ, которые усыяны множествомъ мелкихъ темно-розовыхъ цвѣточковъ. Мы встрѣчали обширныя зарости этого растенія еще раньше, подъѣзжая къ Кагызману и тоже на красно-глинистой почвѣ. По присутствію саликарніи, туземцы опредѣляютъ скрытыя мѣстонахожденія соли, такъ какъ растеніе это вообще любитъ солонцеватую почву; кромѣ того, сборъ его приноситъ имъ нѣкоторый доходъ, вслѣдствіе сбыта на мыловарни. Саликарнія легко мылится съ водою и, при сжиганіи въ закрытыхъ ямахъ, даетъ много поташа, поступающаго на выдѣлку мѣстнаго сѣраго мыла. На всемъ пройденномъ сегодня пути замѣчательно почти полное отсутствіе птицъ, даже хищниковъ, и только уже вечеромъ, въ пади, гдѣ расположенъ постъ Планъ (блокгаузъ старой турецкой постройки изъ камня) слышны были жалобные высвисты кулика, да квохтанье горной курочки, испуганной чѣмъ-то съ-просонья.

Путь, особенно во второй своей половинѣ, хотя и не вьется по узкимъ берегамъ и каньонамъ надъ пропастими, но все же далеко не безопасенъ: на немъ встрѣчается много водомоевъ, въ видѣ узкихъ глубокихъ канавъ и ямъ. Первые предельски маскируются высокою травой, а вторыя нерѣдко бывають прикрыты засохшею послѣ дождей поверхностною корою глинянаго наплыва, смѣшаннаго съ пескомъ и щебнемъ. Такая кора не всегда выдерживаетъ тяжесть лошади, и ступивъ на нее, рискуешь провалиться въ яму. Моя ло-

¹⁾ Таковы, напримѣръ, котловины Худоферинская, Гохчинская, Балыкгѣльская и др. и пики обоехъ Араратовъ, Алагѣза, персидскаго Кямкедага и проч. Нѣкоторыя изъ котловинъ сухи, другія же вмѣстали въ себя глубокія озера.

²⁾ Таковы Шоргѣль и Чолигѣль въ Елизаветпольской губерніи, Урмія въ Персіи, Ванъ въ Турціи и озери на Аралынской равнинѣ, близъ с. Ташъ-бурувъ, на сѣверныхъ возгорьяхъ Ара-рата.

пасть дважды натыкалась на такіе наплывы, но къ счастью ямы были не глубоки и не широки, такъ что ей удалось оба раза выкарабкаться изъ нихъ безъ посторонней помощи; но попавъ въ одну изъ маскированныхъ травой канавъ, она со всѣхъ четырехъ ногъ грохнулась на бокъ, а съ нею, конечно, и я имѣлъ «удовольствіе» очутиться на самомъ краю кручи. По счастью, дальнѣйшее паденіе мое было задержано тѣмъ обстоятельствомъ, что лошадь навалилась всею своею тушей на мою правую ногу, чѣмъ я удержала меня на мѣстѣ. Это дало возможность нашимъ конвоирамъ подоспѣть на помощь, во-время поддержать меня и поднять на ноги лошадь. Другихъ послѣдствій, кромѣ трехсуточной опухоли помятой ноги, паденіе это для меня не имѣло.

8-е августа—переходъ отъ Плана, черезъ посты Местафъ, Сары-булахъ и Казы-капоранъ до селенія Калачей. Расстояніе между Планомъ и Калачами считается въ 35 верстъ, но въ дѣйствительности гораздо больше. Изъ Планской котловины путь подымается Местафскимъ ущельемъ на перевалъ того же имени, лежащій на высотѣ шести съ половиной тысячъ футовъ, и оттуда спускается въ обширную Местафскую котловину. Въ самомъ началѣ пути надо одолѣть трудный каменистый подъемъ, гдѣ тропы часто совсѣмъ теряются среди сѣро-пепельныхъ обсыпѣй и черныхъ, какъ бы опаленныхъ пламенемъ камней, навороченныхъ другъ на друга въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Тутъ уже не встрѣчается ни травинки. Твердый известковый грунтъ весь усыпанъ точно бы изгарью и пепломъ. Вообще, вся эта мѣстность отличается такимъ своеобразно угрюмымъ характеромъ, что для художника, склоннаго къ фантастическимъ сюжетамъ, съ успѣхомъ могла бы дать мотивъ для картины, изображающей что-нибудь въ родѣ дороги къ преддверіямъ ада. Кажется, какъ будто всѣ эти камни и скалы стремились когда-то гордо подняться къ небу, вызывая его на гигантскую борьбу, но были вдругъ опалены разъярившимся надъ ними проклятіемъ Божьего гнѣва, пришиблены имъ къ землѣ и въ прахъ истолчены. Впечатлѣніе, производимое всею этою частью Местафскаго ущелья, невольно вызываетъ въ душѣ подобные образы и сравненія, и не даромъ его прозвали «проклятымъ мѣстомъ», гдѣ ни трава не растетъ, ни вода не течетъ, а вся уходитъ куда-то подъ камни, ничего не орошая и не утоляя ничьей жажды. Затѣмъ ущелье расширяется, образуя небольшое продолговатое плато, окруженное горами, и здѣсь уже встрѣчаются кое-какіе скудные клочки пашенъ; есть даже цѣлое болото, поросшее густымъ камышомъ. Но миновавъ плато, тропы поворачиваетъ влѣво и снова втягивается въ продолженіе того же Местафскаго ущелья, которое тутъ становится еще уже пер-

вой своей половины. Со всѣхъ сторонъ васъ обступаютъ скалы и огромныя отдѣльныя глыбы, имѣющія иногда столпообразную форму. Всѣ онѣ отличаются ржаво-краснымъ желѣзистымъ цвѣтомъ, имѣя видъ гигантскихъ шлаковъ и шлаковъ, изверженныхъ изъ какого-то исполнискаго горна. Тутъ же начинается и болѣе оживленная растительность. Въ расщелинахъ скалъ и около камней растутъ кусты шиповника, барбариса, кизля, ясенника, кленовника и ракитника, но ни одного изъ въянокъ растеній, обыкновенно завивающихся своими побѣгами въ кусты этихъ краевъ, не замѣчается. Между прочимъ, среди травянистыхъ растеній впервые увидѣлъ я здѣсь бѣлая незабудка. Местафскій перевалъ лежитъ на высотѣ 6.500 футовъ. Спускъ съ него въ котловину идетъ по косогору и вообще крутъ, а мѣстами даже и очень. Въ котловинѣ находится курдинское селеніе Местафъ и того же имени постъ пограничной стражи.

Путь отъ Местафа къ Сары-булаху взбирается на очень высокій перевалъ, гдѣ на соседнихъ горахъ уже залегаютъ снѣжныя пятна и полосы, не тающія даже въ самую жаркую пору лѣта. На перевалѣ напали мы въ цвѣтущемъ состояніи ковыль, подснежникъ и мелкую гвоздику. Здѣсь обыкновенно располагаются на лѣтнія кочевки (*йилки*), наши пригнанные курды, имѣющіе тутъ свои пастбищныя и сѣнокосныя мѣста, а рожь и ячмень сѣютъ они на вѣскольکو сотъ футовъ ниже, по склону. Съ высоты Сары-булахскаго перевала стоитъ оглянуться назадъ, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на дальнія вершины Саганлуга, на Карсское или Армянское плоскогорье и на высокій лѣвый берегъ Аракса, характерно обозначающійся въ общей картинѣ цѣлою цѣпью неправильно расположенныхъ красныхъ пятенъ—то виднѣются въ его крупныхъ обрывахъ промывы красно-глинистой почвы и залежи краснаго песчаника. А по другую сторону перевала, едва оторвешься отъ этой картины и обратишься къ востоку, какъ уже открывается новая, еще болѣе величественная картина. Чуть только успѣли мы перевалить черезъ одну небольшую сѣдловку, предъ нами моментально, какъ въ панорамахъ явился до половины Великій Араратъ, во всемъ великолѣпіи своей конической вершины, сверкавшей на солнцѣ своими вѣчными снѣгами и льдами, точно бы серебромъ и опалами. Съ этого пункта вершина Арарата, въ общемъ, очень напоминала мнѣ своимъ профилемъ японскую Фузи-Яму. Направо, значительно ближе къ намъ, виднѣлся изъ-за горнаго кряжа остроконечный, изборозженный снѣжными полосками пикъ горы Тендурекъ, находящійся въ нашихъ предѣлахъ; виднѣлся и другія болѣе дальнія вершины, но все это уже кажется незначительнымъ, даже ничтожнымъ въ сравне-

ни съ Араратомъ, едва лишь успѣвшимъ показать только часть своей вершины. Такова сила первого впечатлѣнія. Потомъ, конечно, съ нѣмъ свыкаешься, но тутъ, въ первую минуту, эта великолѣпная картина невольно поражаетъ васъ своею неожиданностью, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нею невольно охватываетъ душу мысль о всемірномъ потоцѣ, о праотцѣ Ноѣ, съ его ковчегомъ, о первой колыбели послѣпотопнаго человѣчества. Все библейское сказаніе какъ-бы во-очію встаетъ предъ вами.

Курдинское селеніе Сары-булахъ, при которомъ расположены постъ пограничной стражи и временно полусотни казаковъ, лежитъ за переваломъ на высотѣ 6.600 футовъ. Во всей окрестности, равно какъ и на плато самаго перевала, находятся обширныя пастбища, гдѣ пасется много стадъ и встрѣчается не мало яилаковъ во всей характерной обстановкѣ ихъ кочевнаго быта, о чемъ я поговорю нѣсколько ниже. На спускѣ растетъ много дикой спаржи, пзвѣстной у насъ подъ именемъ *перекати-поле*.

На переходѣ между Местафомъ и Сары-булахомъ мы вступили въ предѣлы Эриванской губерніи и пошли вдоль нашей «старой» границы. Въ Сары-булахѣ встрѣтили насъ развѣрнутымъ фронтомъ, въ одну шеренгу, разные старшины, казін и вообще «почетные» (*аксакалы*) мѣстныхъ курдинскихъ и иезидскихъ обществъ. Всѣ эти чалмоносцы были на коняхъ, въ своихъ парадныхъ пестрыхъ костюмахъ, при оружіи. Одни изъ нихъ держали ружья «на изготровку», другіе же опирались на легкія бамбуковыя пикі, украшенныя пониже копыя серебрянымъ дутымъ яблокомъ, шелковою бахромой и буйволовыми султанами. Нижний (тупой) конецъ пикі они упирали въ землю и держались правою рукою за древко для отданія воинской почести, наотлетъ, въ родѣ того, какъ дѣлается пріемъ «на караулъ» по-ефрейторски. Конскіе уборы курдовъ блистади шелковыми кистями, расшитыми чепраками и серебряными украшеніями изъ филиграновыхъ булаекъ, розетокъ, бляшекъ и подвѣсокъ, оголовья уздечки и подперсы были богато унизаны нити. Все это чрезвычайно живописно, красиво и оригинально. Тутъ же находился и мѣстный участковый начальникъ, капитанъ П., прибывшій сюда по какому-то дѣлу. Мы съ нимъ познакомились, и онъ весьма любезно представилъ намъ болѣе почетныхъ лицъ изъ числа курдинскихъ и иезидскихъ представителей. Нѣкоторые изъ нихъ были украшены почетными медалями разныхъ степеней и знаками отличія военнаго ордена, заслуженными въ послѣднюю турецкую кампанію, когда съ нашей стороны было сформировано нѣсколько курдинскихъ и иезидскихъ конныхъ полковъ и сотенъ.

Отъ Сары-булахскаго поста начинается IV-й отдѣлъ Каресской бригады пограничной стражи. Слѣдующій постъ Казн-капоранъ лежитъ за селеніемъ Джевалу, на высотѣ 7.500 футовъ. Сначала дорога лдетъ вдоль длиннаго топкаго луга, являющагося однимъ изъ болѣе характерныхъ представителей горныхъ болотъ и мокрыхъ мѣстъ, вознесенныхъ на высоту болѣе 6.000 футовъ. Внѣшній видъ и вся природа его совершенно сѣверная, такъ что въ какой-нибудь глуши Новгородской или Олонецкой губерніи онъ былъ бы совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Курдинскіе и иезидскіе старшины пожелали сопровождать насъ до ночлега и задали намъ на этомъ лугу *томайшу*¹⁾, устроивъ между собой военныя игры, скачки и джигитовку. Они изъ одной кучи вдругъ разсыпались нѣромъ по лугу, потомъ раздѣлялись на двѣ партіи и стремглавъ проскакивали съ гикомъ одна сквозь другую, сверкая саблями и потрясая въ рукъ свои сложенные къ атакѣ гнуткія пикі. Особое искусство нѣкоторыхъ удалцовъ состояло въ томъ, чтобы проскакивать сломя голову предъ самымъ носомъ вашей лошади, поперекъ вашего пути, то справа налѣво, то слѣва направо, но такъ, чтобы отнюдь не задѣть вашу лошадь и не заставить ее пріостановиться ни на одинъ мигъ, хотя намъ такъ и кажется, что этотъ «делябанъ» (сорви голова) мчится прямо на васъ съ того или другого бока. Проскакавъ такимъ образомъ на перерѣзъ вашей дороги, онъ дѣлаетъ крутой вольтъ и повторяетъ тотъ же маневръ въ обратную сторону. Другая игра состоитъ въ томъ, что одинъ всадникъ начинаетъ преслѣдовать другого, а этотъ послѣдній на всемъ скаку моментально поворачиваетъ лошадь въ сторону, дѣлаетъ крутой полу-вольтъ, и прежде еще, чѣмъ противникъ успѣетъ сообразить его движеніе, подскакиваетъ къ нему сбоку, наноситъ примѣрный ударъ и самъ уже обращается въ преслѣдователя. Многія лошадавыѣзжены такимъ образомъ, что чуть всадникъ на всемъ скаку соскочить съ сѣдла на землю или же просто обернется назадъ, чтобы сдѣлать выстрѣлъ, какъ лошадь моментально сама останавливается, и въ послѣднемъ случаѣ, остановившись, сама еще поворачивается налѣво, дабы облегчить своему хозяину выстрѣлъ по преслѣдующему его врагу. Едва выстрѣлъ сдѣланъ, какъ лошадь, не дожидаясь понужденія, сама уже съ мѣста во весь опоръ скачетъ далѣе. Лошади у нихъ маленькія (отъ 2 до 2 $\frac{1}{16}$ аршина), сухія, поджарыя, съ пропорціональною сухою головою, тонкими, крѣпкими ногами и нѣсколько короткою шеей. Онѣ вертля какъ вѣюны, цѣпки какъ козы и способны къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ. При этомъ

¹⁾ Томайшей и здѣсь, какъ въ Средней Азіи, называется всякое общественное зрѣлище, празднество, парадъ и т. п.

каждая изъ нихъ обладаетъ еще и иноходью. Лучшею породой считается *желанз*, какъ плодъ, полученный отъ скрещенія чистокровной арабской лошади съ курдинской.

За мокрымъ лугомъ я чуть-было опять не пометѣлъ въ оврагъ вмѣстѣ съ лошадью, испугааеюся курдинскаго пешкеша. У курдовъ есть обычай такого рода: если они приступили къ жатвѣ и въ это время проѣзжаетъ мимо ихъ поля какое-либо почетное лицо, то одинъ изъ жнецовъ взваливаетъ къ себѣ на плечи первосжатый, обыкновенно самый большой снопокъ, покрывающій его сплошь до земли своими колосьями, и выходитъ съ нимъ на встрѣчу проѣзжающему, на перерѣзъ его пути, гдѣ съ почтительнымъ поклономъ и подноситъ ему свою ношу въ мешкешъ (подарокъ). Лошадь, конечно, пугается, потому что не видитъ подъ снопомъ человѣка, и дѣйствительно издали можетъ казаться, будто снопокъ самъ собою двигается по полю. Проѣзжающій за эту любезность обязанъ въ свой чередъ отблагодарить подносителя пешкешемъ и даетъ ему сколько-нибудь серебряной мелочи, а затѣмъ великодушно отказывается отъ снопа, что однакоже не служитъ для подносителя поводомъ отказаться отъ денегъ. Такой снопокъ вышелъ и ко мнѣ на встрѣчу. Лошадь моя, хотя и шарахнулась отъ него въ сторону, что при неожиданности было, конечно, досадно, но самый обычай мнѣ понравился: въ немъ есть что-то патриархальное, поэтическое. Зато слѣдующая, подобнаго же рода встрѣча обнаружила и одну изъ варварскихъ сторонъ кочевого курдинскаго быта. Точно также, какъ у жнецовъ, есть и у пастуховъ обычай поднесенія пешкеша; только послѣдніе вмѣсто снопа подносятъ барана. Обычай требуетъ, чтобы баранъ былъ поднесенъ зарѣзаннымъ, но такъ какъ рѣзать его не выгодно, то пастухъ обыкновенно ограничивается тѣмъ, что дѣлаетъ ему ножомъ крестообразный надрѣзъ между ноздрями и верхнею губой, и надрѣзъ этотъ долженъ быть глубоко настолько, чтобы изъ него въ достаточномъ количествѣ струилась кровь. Это считается, какъ бы баранъ совсѣмъ уже зарѣзанъ и, значить, можетъ быть формально поднесенъ въ пешкешъ по всѣмъ правиламъ курдинскаго этикета. Расчетъ тутъ строится на томъ, что барана не возьмутъ, а денегъ дадутъ непременно. Когда же случается, что пешкешъ сверхъ ожиданія принять, но денегъ за него дано не столько, сколько хотѣлось бы подносителю, этотъ послѣдній будетъ бѣжать за вами и хвать, а затѣмъ даже нагло требовать, чтобы ему отдали назадъ его барана. Не ожидая себѣ ничего подобнаго и довольно безпечно ослабивъ поводья, я ѣхалъ по тропѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ глубокаго оврага, какъ вдругъ изъ-за ближайшаго куста вынырнулъ въ двухъ

шагахъ предо мной какой-то согбенный подъ ношей человѣкъ, и надъ головой у него, гляжу, торчатъ окровавленная баранья морда, съ которой кровь такъ и льется струями прямо ему на лицо и руки. Зрѣлище, само по себѣ, было противное, а тутъ еще этотъ неожиданный нырокъ изъ-подъ куста прямо предъ носомъ моей лошади,—понятно, что эта странная фигура и видъ крови испугали коня и, взвизывая на дыбы, онъ круто шарахнулся въ сторону. Я еле-еле успѣлъ осадить его на самомъ краю оврага. Вмѣсто отвѣтнаго пешкеша, одинъ изъ моихъ конвоировъ отпустилъ подносителя пару нагаекъ и, признаюсь, по существу дѣла, въ ту минуту я ничего не имѣлъ возразить противъ такого «анти-цивилизационнаго» способа возмездія.

На дальнѣйшемъ пути къ Кази-капорану встрѣчаются близъ дороги два минеральные источника — одинъ углекислый съ кипячею поверхностью и сильнымъ присутствиемъ желѣзистаго начала, другой — сернистый, горячій. Оба они находятся на днѣ неглубокаго кратера, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, но ими, кромѣ курдовъ, никто не пользуется. Мѣстность на всемъ переходѣ безлѣсная, даже кустарниковъ нигдѣ не замѣтно. Отъ Кази-капорана до поста Калачи всего одинъ подъемъ, но затѣмъ надо преодолѣть очень трудный, приблизительно, двухверстный переходъ чрезъ большое плато, представляющее собою сплошное каменное поле безо всякихъ признаковъ дороги, а за нимъ еще три такіе же каменные спуска. На этомъ проклятомъ пути лошади не только теряютъ подковы и обламываютъ поверхность копытъ, но случается, что срываютъ и самое копыто въ расщелинахъ между камнями, послѣ чего, разумеется, остается только или пристрѣлить несчастное животное, или отдать его на прирѣзъ курдамъ. Но за всѣ неприятности и тягость этого пути (для облегченія лошадей пришлось идти пѣшкомъ), я былъ вознагражденъ на высотѣ единственнымъ въ своемъ родѣ видомъ на Арабатъ при лунномъ свѣтѣ. Снѣжный гигантъ казался теперь какимъ-то фантастическимъ бѣлымъ призракомъ, какъ бы испускающимъ изъ себя слабое фосфорическое свѣщеніе. На постѣ Калачи (6.300 фут.) прибыли уже ночью.

9 августа почти 50-ти-верстный переходъ отъ Калачей до поста Абаст-Гэль, чрезъ промежуточные посты Караджуранъ (офицерскій) и Сенакъ (лѣтній, выставленный временно, для охраны пограничныхъ кочевковъ). Путь все время идетъ по Агридакскому хребту и его обширнымъ плато въ обходъ озера Балыкъ-Гэль, на высотѣ отъ семи до девяти тысячъ футовъ. Снѣжныя полосы и пятна на склонахъ вершинныхъ холмовъ спускаются почти до уровня плато, покрытаго довольно

сочною, хотя и мелкою травой, среди которой замѣчаются ковыль, бѣлые тюльпанчики и самая малая гвоздика. Вообще на такихъ высотахъ всѣ виды травянистыхъ растеній умяляются и мельчаютъ до-нельзя. Здѣсь встрѣчаются многочисленныя кочевки нашихъ курдовъ, у которыхъ вѣчная исторія и тяжбы изъ-за угона скота съ курдами турецкими, тяжбы, зачастую кончающіяся, прежде рѣшенія пограничныхъ властей сосѣднихъ государствъ, самосудомъ и убійствами, изъ которыхъ возникаютъ потомъ родовыя кровомщения, утолняемыя только въ томъ случаѣ, если убившая сторона согласится дать денежный или стадный (въ извѣстномъ количествѣ головъ) выкупъ за голову убитаго членамъ его семьи, а при безсемейности—его роду. Нападающею стороною почти всегда являются курды турецкіе. Нашъ Сенакскій постъ, состоящій изъ четырнадцати стражниковъ и расположенный въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ границы, въ войлочной кибиткѣ, вѣчно находится подъ выстрѣлами заграничныхъ озорниковъ, которые, чуть настанетъ вечерняя темнота и зажжется въ юртѣ лампа, начинаютъ съ сосѣдней заграничной высоты пускать на огонь пули, такъ что люди наши должны были наконецъ обложить свою юрту снаружи каменною стѣной съ дерномъ въ высоту человеческого роста. Стрѣлить же въ отвѣтъ по озорникамъ они не имѣютъ права, такъ какъ законъ разрѣшаетъ имъ употребить оружіе только въ томъ случаѣ, если злоумышленники перейдутъ за черту границы на нашу сторону и окажутъ имъ открытое сопротивленіе или станутъ явно грабить кочевниковъ. Вообще положеніе довольно стѣснительное: вѣчно служить мишенью для упражненій въ стрѣльбѣ какихъ-то полудикихъ негодяевъ и не имѣть права хотя бы припугнуть ихъ отвѣтнымъ залпомъ.

Между постами Сенакомъ и Абасъ-Гѣлемъ находится небольшое, но очень глубокое озеро Балыкъ-Гѣль, сполна принадлежащее Турціи. Въ длину (съ сѣвера на югъ) оно простирается до тринадцати, а въ ширину отъ трехъ до шести верстъ и лежитъ въ глубокомъ кратерѣ, окруженное со всѣхъ сторонъ весьма значительными высотами, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Сулахъ-Дагъ, достигаютъ до 9.600 футовъ; высота же остальныхъ—отъ семи до девяти тысячъ футовъ. Склоны всѣхъ этихъ высотъ, по большей части, отличаются очень крутымъ паденіемъ къ озеру, безъ малѣйшей низменной прибрежной полосы, и крутизна ихъ нерѣдко доходитъ до 75 градусовъ, такъ что если кому посчастливится остулившись покатиться внизъ, то удержаться на подобномъ скатѣ нѣтъ возможности, развѣ только чудомъ. Всѣ эти высоты отъ верху до низу покрыты густою, высокою травой, успѣвшею уже совер-

шенно пожелтѣть отъ жгучаго солнца, и между ея волнующимися, какъ само озеро, стеблями находится много совсѣмъ уже подсыхшихъ клубчатыхъ кустовъ перекати-поля. Древесной и кустарниковой растительности нѣтъ. Поверхность озера отличается глубокимъ темно-синимъ цвѣтомъ, почти впадающимъ въ оттінокъ индиго, что въ особенности рѣзко бросается въ глаза при желтизнѣ обступившихъ его горныхъ скатовъ. Балыкъ-Гѣль значитъ «рыбное озеро», и дѣйствительно оно очень богато рыбой, въ особенности лаксъ-форелью, такъ что турецкое правительство находитъ выгоднымъ ежегодно сдавать въ аренду право ловли въ озерѣ какому-то нашему армянину. Русская граница охватываетъ Балыкъ-Гѣль съ трехъ сторонъ: западной, сѣверной и восточной, до половины его длины, почти вплотную, такъ что пограничная патрульная тропа (она же и граница) идетъ на сѣверѣ по вершинѣ склона, а на востокѣ—вдоль самаго склона на высотѣ отъ 1.500 до 700 футовъ. Ширина тропы не болѣе пяти-шести вершковъ,—словомъ «собачья», и въ-добавокъ еще на ней встрѣчаются большіе, острые камни, по которымъ надо взбираться и спускаться какъ по ступенямъ, по ступенямъ крайне неравномернымъ, косымъ, кривымъ и выдающимся вверхъ острыми торчками и гранями. На этой-то милой дорожкѣ захватила насъ вечерняя темнота и буря. Вѣтры въ этой мѣстности дуютъ всегда съ упорнымъ постоянствомъ, а по закатѣ солнца и до полуночи переходятъ въ формальную бурю, съ воемъ, свистомъ и ожесточенно-налетающими шквалами. Въ это время мы были уже на восточной сторонѣ Балыкъ-Гѣля, на 70-ти градусномъ скатѣ и на высотѣ надъ уровнемъ озера около 700 футовъ. Луна еще не восходила,—мигали сквозь облака-однѣ только звѣзды, и лишь при помощи ихъ слабого свѣта, мы могли еще кое-какъ не сбиваться со своей тропинки. Но ее безпрестанно закрывала отъ глазъ колеблющаяся подъ вѣтромъ высокая трава. Множество клубковъ перекати-поля скачками прыгали съ вершинъ и катились къ намъ подъ ноги, или проносились мимо, внизъ, къ поверхности озера. Удары вѣтра были таковы, что чуть съ ногъ не сшибали; а глубоко внизу шумѣло озеро и хлестало въ берега пѣнистымъ прибоемъ. Лошади осторожно ступали по острымъ камнямъ, скользили порой по ихъ гладкой поверхности и, поминутно останавливаясь, нащупывали копытомъ почву. Сколь ни трудно было слѣзть съ нихъ на такой узкости и при такомъ ужасномъ кособогѣ, но благоразуміе и инстинктъ самосохраненія говорили, что лучше слѣзть. И когда мы слѣзали это, кони наши вздохнули свободно и пошли гораздо легче, смѣлѣй, увѣреннѣе, точно бы до этого они боялись не столько за себя, сколько за своихъ всадниковъ. Добрыхъ два часа продолжалось

наше шествіе «гуськомъ» по этой тропинкѣ, пока-то наконецъ не вышли мы въ лошину, ведущую къ Абасгелскому посту. Здѣсь уже было не страшно, сколько ни реви себѣ буря: скаты долины по большей части достаточно отлоги, да и луна къ тому же выплыла, такъ что мы, безъ дальнѣйшихъ затрудненій, прошли верхомъ остальные пять верстъ и къ десяти часамъ вечера подходили уже къ посту, откуда на встрѣчу намъ выслали двухъ объѣзчиковъ съ факелами. Эту милую тропу надъ Балыкъ-Гёлемъ я никогда не забуду...

Главный элементъ населенія всѣхъ этихъ мѣстъ составляютъ курды и ихъ братья по крови, но не по вѣрѣ—іезиды. О тѣхъ и другихъ я могу сообщить нѣсколько не безынтересныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе что мнѣ удалось непосредственнымъ образомъ ознакомиться съ нѣкоторыми сторонами ихъ быта. Въ Карсской области курдинское населеніе вмѣстѣ съ іезидами не превышаетъ 27.000 душъ; въ Эриванской же губерніи тѣхъ и другихъ насчитывается слишкомъ 240.000 душъ, или 36,4% на все ея населеніе ¹⁾. Курдинское племя сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ въ Сурмалинскомъ уѣздѣ (Эриванской губерніи) и въ сосѣднемъ съ нимъ Нахичеванскомъ участкѣ Кагызманскаго округа (Карсской области). Племя это ведетъ кочевой образъ жизни, обуславливающий его занятіе скотоводствомъ; ко хлѣбопашеству же курды прибѣгаютъ лишь по необходимости, ограничивая его размѣры только тѣмъ, что необходимо для пропитанія собственной семьи. Впрочемъ, въ послѣднее время, прослышавъ, что казаки и пограничная стража нуждаются въ ячменѣ и потому платятъ по 80 к. за пудъ, курды, соблазненные столь высокою цѣной, усиленно принялись сѣять ячмень. Стало-быть, возможность обратить ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ существуетъ; для этого надо только, чтобы земледѣліе само по себѣ представляло для нихъ болѣе выгоды, будучи обезпечено вѣрнымъ обытомъ; но рассчитывать на сбытъ можно будетъ только тогда, когда пограничное Закавказье обезвѣдётся хотя сколько-нибудь сносными путями сообщенія.

О происхожденіи курдовъ существовали разныя гипотезы. Долгое время ихъ отождествляли съ кардуками Ксенофонта (Анаб. III, 5, 15), но кажется, что наиболѣе достовѣрнымъ будетъ признать въ нихъ одно изъ племенъ персидской расы, происходящее отъ древнихъ парятовъ, отъ которыхъ они унаслѣдовали какъ способъ владѣнія оружіемъ, такъ и приемы своей боевой тактики. Самый языкъ ихъ принадлежитъ къ иранской группѣ, раздѣляясь

только на два нарѣчія—*курмандское* и *эза*. По преданіямъ сторожиловъ, курды появились въ нынѣшнихъ русскихъ предѣлахъ Закавказья позднѣе прочихъ племенъ, а именно—не ранѣе конца XVI столѣтія. Да и въ самомъ Курдистанѣ (древней Мидіи) они не считаются первобытными обитателями, а пришли туда вслѣдъ за побѣдоносными войсками Кира. О курдахъ можно сказать, что это самое смѣлое воровское племя на свѣтѣ. Ни разстоянія, ни трудности путей, ни стужа не останавливаютъ ихъ набѣговъ, а турецкая администрація и того менѣе способна прекратить ихъ. Наши власти, по крайней мѣрѣ, достигли того, что подвластные намъ курды боятся ходить на открытый грабежъ и разбой большими партіями, а если грабить, то больше все въ одиночку или съ двумя, тремя товарищами. Зато сами они очень часто подвергаются теперь набѣгамъ своихъ заграничныхъ соплеменниковъ, угоняющихъ у нихъ скотъ, такъ что для защиты ихъ намъ приходится выставлять на лѣто особые посты и пикеты. Мирные жители нашихъ приграничныхъ мѣстностей рассказываютъ, что при турецкомъ владычествѣ насилие курдовъ надъ ними проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. То, бывало, заставлятъ они поселянъ стеречь зимой ихъ стада, а еще требуютъ при этомъ, чтобы поселяне же и кормили эти стада, и ходили за ними; то принуждаютъ носить для нихъ сѣно и возить его къ нимъ въ кишлаки (зимовники), или вдругъ появятся во время уборки хлѣба и отбираютъ себѣ половину сбора. А кто, бывало, откажетъ, у того подожгутъ и хлѣбъ и сѣно, либо скотъ угонятъ, либо самого зарѣжутъ, а еще чаще—убьютъ изъ засады, или украдутъ молодую жену, красивую дочь и продадутъ куда-нибудь въ персидскіе или турецкіе гаремы. У курдинскихъ племенъ существуютъ свои наследственные родоначальники—*таруны*, воля которыхъ замѣняетъ для нихъ законъ. Это нѣчто въ родѣ дворянской касты (ихъ всего около пятисотъ семействъ). Они съ удовольствіемъ рассказываютъ о древности своихъ фамилій, возводя ихъ до самаго Ноя; любятъ, чтобы въ честь ихъ подвиговъ слагались пѣсни, а еще чаще слагаютъ ихъ сами же и научаютъ пѣть другихъ; очень гордятся своимъ оружіемъ, особенно если оно древнее, родовое, и содержатъ его въ величайшемъ порядкѣ. Пѣсня курдинская, вообще, посвящается или богатырскому подвигу, лихому набѣгу и грабежу; или же похваляетъ хорошее оружие, хорошаго коня, богатое стадо, свои горы, рѣки и кочевки. Принадлежа къ суннитской сектѣ, *шафи* (одно изъ четырехъ правовѣрныхъ ученій), курды вслѣдствіе этого считаютъ себя не только непримиримыми врагами шиитовъ-персіанъ, но точно также не щадятъ османовъ и христіанъ.

¹⁾ Населеніе Эриванской губерніи, по даннымъ 1896 года, равняется 667.464 душамъ.

Впрочемъ, они говорятъ, что никогда не дѣлаютъ зла ради зла, а всегда по какой-либо причинѣ,—напримѣръ, за сопротивленіе имъ при нашествіи. Ссоры у нихъ между собой весьма часты и въ большинствѣ случаевъ, при несдержанномъ, вспыльчивомъ характерѣ курдовъ, кончаются либо убійствомъ, либо тяжкими ранами. У нихъ отъ слова къ кинжалу—одинъ шагъ, а при врожденной мстительности, это ведетъ къ родовому кровомщенію. Послѣдній обычай до того вкореняется между враждующими семействами, что администрація нашей нерѣдко приходится для разведенія партій выселять одну изъ нихъ въ другую часть области. Въ противоположность туркамъ, курды весьма подвижны, энергичны и предпримчивы. Имъ доставляютъ истинное удовольствіе стрѣльба, скачки, джигитовка и вообще упражненія въ физической силѣ и ловкости. Женъ себѣ они предпочитаютъ добывать узломъ, такъ какъ это извѣщаетъ ихъ отъ предварительныхъ переговоровъ, условій, выдачи калыма и свадебныхъ расходовъ; и увозятъ же одинаково какъ дѣвушекъ, такъ и чужихъ женъ, изъ-за чего, разумѣется, происходятъ кровопролитныя схватки. Но судьба курдической жены не изъ легкихъ: на нее всецѣло возлагается не только вся домашняя сторона жизни, но не рѣдко и всѣ полевые работы, за исключеніемъ пахоты. Ко всему, что не касается ихъ любимыхъ воинственныхъ упражненій и скачекъ, мужчины исполнѣ равнодушны и любятъ проводить свое время въ совершенной праздности. Жилища ихъ въ кишлакахъ снаружки представляютъ подобіе навозныхъ кучъ, а внутри какіе-то закоулки, иногда довольно сложнаго начертанія, состоящіе изъ низенькихъ стѣнокъ, выложенныхъ дикимъ камнемъ на глинѣ, вмѣсто извести, и прикрытыхъ сверху хворостомъ, камышомъ и навозомъ. Лѣтніе же мѣсяцы проводятъ въ шатрахъ, на кочевкахъ. Въ одеждѣ любятъ пестроту, яркость и предпочитаютъ полосатыя матеріи. Жены и дѣвушки ихъ лицъ не закрываютъ, костюмъ ихъ — красная феска съ желтою бязевою повязкой, вмѣсто чалмы, яркая ситцевая кофта на ватѣ, въ родѣ куртки, подъ нею юбка, поддерживаемая бязевымъ поясомъ, а иногда и безъ него, просто на тесемкахъ; на ногахъ—шальвары, прикрываемые юбкой; обувь состоитъ изъ шерстяныхъ чулокъ и грубыхъ туфель изъ сыромятной буйволовои или воловьей кожи. Прическа ихъ довольно красива: лобъ прикрытъ подстриженной челкой, на вискахъ пущены свободною вьющіеся кудри, а сзади спускается на спину множество мелко заплетенныхъ косичекъ...

По свидѣтельству генерала Франклина, не отрицаемому и другими представителями власти,—съ административной точки зрѣнія, трудно себѣ представить что-нибудь болѣе безпо-

койное и въ то-же время менѣе полезное, какъ элементъ населенія, чѣмъ это полудикое племя. Управлять курдами очень трудно; они не живутъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, перемѣняютъ съ одного мѣста на другое, безперервно занимаютъ лучшія пастбища, не обращая ни малѣйшаго вниманія на законно существующія права собственности, при этомъ, вдобавокъ, постоянно предаются грабежамъ и вообще представляютъ собою чрезвычайно мало дисциплинированную орду. Занятіе ихъ—скотоводство, но результаты его весьма ничтожны. Отъ нихъ даже ближайшіе рынки не получаютъ ни скота, ни шерсти, ни молочныхъ продуктовъ въ сколько-нибудь осязательныхъ размѣрахъ. Матеріальныя выгоды, доставляемыя курдами государству, весьма незначительны и далеко не окупаютъ тѣхъ заботъ, которыя они постоянно причиняютъ администраціи. Конечно, на границѣ было-бы гораздо спокойнѣе, еслибы курды выселились поголовно изъ нашихъ предѣловъ куда-нибудь подальше; но, къ сожалѣнію, замѣчается явленіе какъ-разъ противоположное: даже тѣ, которые ушли-было въ Турцію, въ первые годы послѣ войны, начинаютъ теперь возвращаться къ намъ, вапуганные, — какъ я говорилъ уже—общевинскою повинностью, объявленною въ сосѣднемъ государствѣ, и возвращаются все больше и больше, а за ними вслѣдъ идутъ и другіе ихъ соплеменники, никогда не живавшіе въ нашихъ предѣлахъ. Впрочемъ, наша администрація давно уже сочла необходимымъ отнѣнить надъ ними власть ихъ родоначальниковъ, таруновъ, значительно затруднявшую управленіе ими, такъ что теперь курды подчинены непосредственно окружнымъ и уѣзднымъ начальникамъ.

Іезиды хотя и одноплеменные курдамъ и ведутъ полукочевую жизнь, занимаясь скотоводствомъ и земледѣіемъ, но въ нравственномъ отношеніи стоятъ несравненно выше курдовъ, которые ихъ терпятъ не могутъ и преслѣдуютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ограбить іезиду, угнать у него нѣсколькихъ барановъ, даже убить его—все это для курда значить совершить богоугодное дѣло, какъ бы исполнить одинъ изъ религіозныхъ обрядовъ. Поэтому іезиды стараются жить сплоченно и болѣе облекаются съ армянами и русскими, чѣмъ съ другими племенами. Объясняются они между собой на курдинскомъ языкѣ, но рѣдкій изъ нихъ не говоритъ по-армянски, а многіе порядочно уже усвоили себѣ и русскій языкъ, къ знакомству съ которымъ у нихъ замѣчается теперь болѣе сильное стремленіе. Напримѣръ, сынъ моего знакомаго Гассанъ-Али даже воспитывается въ Эчмиадзинской семинаріи. Въ послѣднюю кампанію іезиды составили изъ себя нѣсколько конныхъ сотенъ и хорошо дрались съ турками; въ мнрвое же время они охотно подчи-

няются распоряжениямъ нашихъ властей и въ принципѣ ничего не имѣютъ противъ принадлежности своей къ составу Русскаго государства. Въ религіозномъ отношеніи іезиды въ особенности интересны. Ихъ называютъ чертопоклонниками, на томъ основаніи, что они, будто бы, поклоняются дьяволу и всѣмъ его злымъ силамъ. Это меня въ особенности заинтересовало, и я былъ очень радъ, когда, 10 августа, поднявшись съ ночлега въ Абасъ-Гѣль, былъ встрѣченъ іезидскимъ таруномъ, поручикомъ нашей службы Гассанъ-Агой, который обратился ко мнѣ на очень удовлетворительномъ русскомъ языкѣ съ приглашеніемъ заѣхать сегодня къ нему на кочевку и посмотреть, какъ живутъ іезиды. Всю дорогу насъ сопровождалъ самъ Гассанъ-Ага и конвой іезидскихъ всадниковъ, джигитовавшихъ совершенно такъ же, какъ и вчерашніе курды, съ кинжалами въ зубахъ, потрясая копытами и вертя надъ головой свои винтовки. Встрѣченны были всѣмъ кочевымъ обществомъ, съ музыкой, состоявшею изъ зурны и барабана. Музыка эта разрывала торжественный мотивъ *хайде-сэра* — «пѣсню всадниковъ», которая обыкновенно играетъ у іезидовъ во время джигитовокъ и при встрѣчѣ почетныхъ лицъ, если они на конѣ. У зурнача на поясъ виситъ деревянный футляръ его инструмента. Когда онъ играетъ, въ футлярѣ помѣщается трубка съ короткимъ чубукомъ; когда же курить трубку, въ футлярѣ отправляется зурна. Барабанщикъ колотитъ по верхней шкурѣ кожаной колотушкой, какъ въ турецкій барабанъ, а по нижней поднырываетъ себѣ дробь деревянною палочкой, и передается своему искусству съ полнымъ энтузіазмомъ, такъ что даже закрываетъ и закрываетъ глаза отъ увлечения собственною игрой. Въ достаточно широкой, зеленой долины, между двумя отрогами горъ, раскинулась іезидская кочевка нѣсколькими группами шатровъ, которые въ каждой группѣ были вытянуты въ равную линію. Тутъ же, въ полуверстѣ за кочевкой, находится и ихъ постоянное мѣстожительство, зимовникъ, состоящій изъ глинобитныхъ и сложенныхъ изъ камня саклей курдинскаго типа, но по вѣнжности гораздо опрятнѣе курдинскихъ селеній. Шатры іезидовъ довольно просторны и натягиваются съ помощью веревокъ на двухъ или трехъ большихъ подпорахъ и нѣсколькихъ малыхъ деревянныхъ приколахъ; большія подпоры ставятся вдоль по директрисѣ, а приколы со всѣхъ сторонъ, оставляя свободное мѣсто только для входа. Для покрышки употребляется прочная ткань изъ темно-сѣрой или коричневой шерсти, которая собственно и называется *чатрой* или *чадрой* (платокъ, покрышка). Изъ этого не трудно видѣть откуда происходитъ наше слово *шатеръ*, — оно очевидно иранскаго происхожденія, тогда какъ равнозначущее ему слово

палатка (отъ *платъ, платокъ*) чисто наше, славянское. Края чатры приподняты отъ земли къ верхнимъ концамъ приколовъ на высоту около аршина, и пустое пространство подъ ними заставляется своего рода экранами, которые снижаются изъ ровно обрѣзанныхъ тростниковыхъ палочекъ. Каждый такой экранъ имѣетъ въ длину отъ шести до восьми аршинъ и, для похода, можетъ быть удобно скатываемъ въ трубку. У богатыхъ людей экраны переплетаются разноцвѣтными шелками и шерстями, изъ чего получаются очень красивые узоры, производствомъ которыхъ въ особенности славятся женщины іезидскихъ и курдинскихъ обществъ, кочующихъ близъ Касызмана. Внутри каждая чатра убрана коврами, кошками и подушками, а на трехъ главныхъ подпорахъ развѣшиваются конскіе уборы и оружіе, изъ чего нѣрѣдко получаются довольно красивыя арматуры. Гаремъ выдѣляется либо въ особую чатру, непосредственно примыкающую къ *куначикой*, то-есть мужской, отъ коей отдѣляется только внутреннимъ экраномъ, либо же помѣщается въ задней половинѣ одной и той же чатры, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ между куначикой и гаремомъ простирается сплошная завѣса изъ такой же чатровой ткани. По такому же точно образцу дѣлаются и курдинскія чатры, которая снаружи обкладывается еще сложенными въ нѣсколько рядовъ камнями, образующими родъ стѣнки или завальца для болѣе защиты отъ ночного холода и сырости.

Гассанъ-Ага — красивый, видный мужчина лѣтъ около сорока, въ синей форменной черкескѣ, съ погонами и русскими орденами, представилъ насъ своей женѣ, довольно еще молодой женщинѣ, которая вышла къ намъ въ парадномъ шелковомъ нарядѣ, съ открытымъ лицомъ и безъ малѣйшей застѣнчивости съ нѣкоторымъ достоинствомъ даже, какъ хозяйка дома, протянула намъ руку и затѣмъ представила намъ свою дочь — прелестную малютку лѣтъ четырехъ, тоже въ парадномъ уборѣ, съ ожерельемъ изъ золотыхъ монетъ. Весь гаремъ Гассанъ-Аги только и ограничивается этими двумя лицами; другихъ женъ, какъ и большинство іезидовъ, онъ не имѣетъ. Затѣмъ насъ пригласили въ особую палатку конической военно-турецкой формы, гдѣ на коврахъ были приготовлены обѣдъ, внесенный на большомъ кругломъ блюдѣ изъ желтой мѣди. Обѣдъ состоялъ изъ іезидскаго овечьяго сыра, шашлыка съ почками, очень вкуснаго кислотоваго супа *босабашъ*, приготовляемаго изъ баранины, и затѣмъ изъ превосходнаго плова съ бараниной, цыплятами и черными курочками. Въмѣсто хлѣба употреблялись мягкіе, только-что испеченные лавашы. Свернутые вчетверо, они кладутся къ каждому прибору, какъ салфетка, которую и замѣняютъ въ случаѣ надобности. Религіозный

законъ не запрещаетъ іезидамъ употребленіе водки и вина, а потому при закускахъ присутствовали и эти напитки. Закончилось угощеніе наше московскими леденцами и чаемъ. Во все продолженіе обѣда предъ палаткой происходили танцы подъ звуки зурны и барабана. Всѣ эти танцы въ темпѣ или вальса или мазурки. Начальный, самый торжественный танецъ, обыкновенно открывающій собою каждое іезидское празднество, называется *ювенъ*, то-есть круговой. Это есть не что иное, какъ славянское *коло*, причемъ передовой танцоръ ведетъ весь кругъ за собой, съ двѣтнмъ платочкомъ въ правой рукѣ, помахивая имъ совершенно такъ какъ въ русской. Второй танецъ — *кардана*, то-есть братскій, состоятъ изъ легкихъ тѣлодвиженій и па; въ немъ принимаютъ участіе и женщины, тогда какъ всѣ остальные танцы исполняются только мужчинами. Наконецъ, послѣдній танецъ — *чюстары*, въчто среднее между казачкомъ и канканомъ. Въ первыхъ двухъ танцахъ ходили въ кругъ вмѣстѣ съ парнями и двѣ маленькія нарядныя дѣвочки, — дочь и племянница Гассанъ-Аги. Затѣмъ явились пѣвцы и пѣли намъ, подъ тихій аккомпанементъ барабана, іезидскія пѣсни. Двѣ изъ нихъ я записалъ при помощи переводчика. Первая, воспѣвающая красоту бейзу, скандируется въ слѣдующемъ ритмѣ:

— — —
— — —
— — —
— — —

Содержаніе ея таково:

«О, бейза, бейза, моя бейза, красивая, любезная бейза! Я тебя очень люблю и красивѣе тебя никого не нахожу на свѣтѣ. О, бейза, бейза, моя любезная бейза!

«Пошла бейза къ роднику, а въ карманѣ у нея звенять сто рублей. О, бейза, бейза» и проч.

«Хотя у нея и сто рублей въ карманѣ, но сколько бы она ихъ ни тратила, каждый мужчина всѣ ея расходы охотно возьметъ на себя. О, бейза, бейза» и проч.

«Пошла бейза къ роднику брать чистую воду. Въ одной рукѣ у нея кувшинъ мѣдный, въ другой — глиняный. О, бейза, бейза, любезная бейза! Хотя у тебя и сто рублей въ карманѣ, но всѣ расходы твои я принимаю на себя.

«Ты бейза, представляешь собою красное яблоко въ саду. Ребятя, ударимъ по вѣткѣ, чтобъ это яблоко упало въ намъ въ руку. О, бейза, бейза, красивая, любезная бейза!»

Содержаніе второй, довольно длинной пѣсни состоитъ въ томъ, что османская дѣвушка (турчанка) влюбляется въ юношу-іезида и старается выйти за него замужъ, но онъ отказывается. «Наши купцы отправляются въ Шамъ (Египетъ), говорятъ ему османская дѣвушка.

Я пошлю съ ними мой головной уборъ; пусть они продадутъ его и привезутъ красивый военный костюмъ и оружіе для тебя, мой милый. Если ты и послѣ этого не согласишься любить меня, я умоляю моего отца и братьевъ, чтобъ они тебя убили, и тогда повѣсть нашей любви станетъ извѣстна міру. Лѣто — время жатвы, и пара голубей свила себѣ гнѣздо у окна. Мое лѣто присигло, я готова для жатвы, и гнѣздо мое свито уже для тебя. Повторяю тебѣ, сойдешься со мной, будетъ и тебѣ и мнѣ хорошо. А ты сойдешься — умолю отца и братьевъ, чтобы ты умеръ отъ ихъ кинжаловъ. Ахъ, сердце болить у меня и голова кружится». Но юноша-іезидъ отвергаетъ всѣ ея мольбы и предложенія. Тогда оскорбленная дѣвушка кидается къ своему отцу со словами: «Отецъ, отецъ мой, Гассанъ-іезидъ меня изнасиловалъ!» За эту мнимую вину отецъ и братья дѣвушки закалываютъ кинжалами какъ Гассана, такъ и ее самое, «чтобы не носила по свѣту такого позора», и хоронятъ обоихъ въ одной могилѣ. «Пришли ночью шакалы и разрыли могилу, но покойниковъ не тронули, а на разсвѣтѣ пришли на кладбище люди и увидѣли разрытую могилу, въ могилѣ два мертвеца, мужчина и женщина, и лежатъ они въ объятіяхъ другъ друга». Эта легенда, какъ сообщилъ намъ Гассанъ-Ага, основана на истинномъ фактѣ.

Администрація наша относится къ іезидамъ весьма благосклоннымъ образомъ и надо прибавить, что такое отношеніе вполне заслужено ими. Въ одномъ изъ официальныхъ документовъ мы встрѣчаемъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «Переселившіеся къ намъ въ 1882 году изъ Турціи іезиды по происхожденію и наружному виду не отличаются отъ курдовъ, но ведутъ осѣдлую жизнь, занимаются преимущественно земледѣліемъ, весьма трудолюбивы и не обнаруживаютъ склонности къ преступленіямъ и проступкамъ. Религозный культъ ихъ весьма мало изслѣдованъ; но сосѣди ихъ, какъ здѣсь (въ Каресской области), такъ и въ Эриванской губерніи, гдѣ іезиды проживаютъ издавна, утверждаютъ, что они поклоняются злему духу. Это оригинальное вѣрованіе объясняется двойко: по словамъ однихъ, іезиды, поклоняясь злему духу, причиняющему въ жизни такъ много бѣдствій, надѣются умилостивить его этимъ и находятъ излишнимъ поклоняться Богу, отличающемуся и безъ того безграничнымъ милосердіемъ. Другіе же утверждаютъ, что, по понятіямъ іезидовъ, Господь Богъ такъ милосердъ, что проститъ въ день Страшнаго Суда даже дьявола и откроетъ ему ворота вожделѣннаго рая, куда и войдетъ онъ со всѣми своими бывшими поклонниками»¹⁾.

Такъ говорятъ объ іезидахъ ихъ сосѣди и заклятые враги мусульмане суннитскаго и

¹⁾ Всепод. отч. каресскаго губерна. за 1883 годъ.

шнитского толковъ, называющіе ихъ шайтани-оглы и чпрахъ-сондерапъ, то-есть дѣтymi дывола и гасителями свѣтлыииковъ. Сами же іезиды объясняютъ свои вѣрованія совсѣмъ иначе, какъ увидитъ читатель нѣсколько ниже. Теперь же замѣчу только, что какъ относительно іезидскихъ вѣрованій, такъ и относительно ихъ адата ¹⁾, мнѣ удалось собрать нѣсколько новыхъ и совершенно достовѣрныхъ свѣдѣній изъ источника, достаточно авторитетнаго, какимъ въ этомъ случаѣ является полковникъ И. И. Драчевъ, начальникъ Кагызманскаго округа, давно уже имѣющій съ іезидами непосредственные и постоянныя соотношенія.

Шиты-персіяне, а съ ихъ словъ и нѣкоторые европейскіе ученые, имя и происхожденіе іезидовъ обыкновенно приписываютъ Іезиду, сыну Моавія, истребителю семейства Алі; но это происхожденіе опровергается г. Боре, который названіе іезидовъ производитъ отъ зендскаго слова *Yezd*, то-есть Богъ, и видитъ въ нихъ персидскую расу, почерпнувшую свои религіозныя догматы изъ ученія Зороастра, замѣннаго Манесомъ. Религія ихъ представляется въ видѣ неясной смѣси манихейства, гностицизма, христіанства, магометанства и сабеевскихъ вѣрованій древнихъ персовъ, но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы догматы ихъ были гдѣ-либо выражены письменно. Несомнѣнно кажется одно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ перемѣшавшимися между собой наслоеніями древнѣйшихъ религіозныхъ культовъ челоѣчества съ культами болѣе новыми. Хотя іезиды и увѣряютъ, что книги у нихъ есть, и въ особенности будто бы важна изъ нихъ одна подъ названіемъ «*Асуагъ*» (то-есть черная), сочиненная около шестисотъ лѣтъ назадъ ихъ шейхомъ Адѣ и заключающая въ себѣ всѣ ихъ законы и правила нравственности, но тѣ, кто говорятъ о ней, сами никогда ее не видѣли и доподлинно не могутъ объяснить, что именно и въ какой формѣ въ ней написано.

Въ неоднократныхъ и, повиднмому, откровенныхъ бесѣдахъ своихъ съ И. И. Драчевымъ представители и старшины іезидскихъ обществъ Нахичеванскаго участка (Кагызманскаго округа), объясняя происхожденіе своего вѣроученія, говорили, что оно почерпнуто изъ преданій, дошедшихъ къ нимъ отъ отдаленнѣйшихъ предковъ, и давно уже вошло частями въ боговдохновенныя и всѣмъ извѣстныя священныя книги, коя суть: «Товратъ» (Пятикнижіе) Моисея, «Забуръ» (Псалтирь) Давида, «Коранъ» Магомета и «Инджилъ» (Евангеліе) Іисуса. Изъ этихъ книгъ составлены-де на арабскомъ языкѣ руководства и наставленія въ правилахъ вѣры, хранящіеся у шейховъ (духовныхъ лицъ) въ главномъ религіозномъ центрѣ іези-

довъ, ихъ священномъ городѣ Амадін, въ Месопотаміи, въ 40 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Моссула. Ни одной изъ этихъ книгъ, однако, у нашихъ іезидовъ не имѣется, и хотя они обѣщали достать ихъ и «представить по начальству», но до сихъ поръ еще обѣщанія своего не исполнили. Мусульмане увѣряютъ, что и во вѣки вѣковъ не доставятъ, потому что ихъ нѣтъ, да никогда и не бывало, и одно уже это отсутствіе писанаго закона служить въ ихъ глазахъ достаточнымъ оправданіемъ того отвращенія и презрѣнія, которое они питаютъ къ іезидамъ, считая ихъ идолопоклонниками. По мнѣнію мусульманскаго простонародья, въ день Страшнаго Суда евреи будутъ гарцовать по широкой дорогѣ въ адъ на плечахъ іезидовъ.

Далѣе, изъ разсказовъ самихъ іезидовъ извѣстно, что близъ Амади есть селеніе Баадри (иначе Байдра), составляющее часть или предмѣстіе этого города, а на древнемъ кладбищѣ этого селенія находится могила ихъ величайшаго пророка и учителя шейха Адѣ. Тутъ же находится главный и единственный іезидскій храмъ, изъ котораго вытекаетъ освященный источникъ, называемый также Шейхъ-Адѣ, по имени пророка. Охрана могилы и храма, гдѣ совершаются всѣ главныя священнодѣйствія и религіозныя церемоніи іезидовъ, вѣрена спеціально племени шейхъ-ханъ, которое считается поэтому наиблагороднѣйшимъ изъ всѣхъ остальныхъ, и шейхъ, правящій этимъ племенемъ, почитается духовнымъ главой всѣхъ іезидовъ. Кроме того, какъ наши, такъ и турецкіе іезиды имѣютъ своихъ свѣтскихъ правящихъ родоначальниковъ,—шейховъ, таруновъ, въ родѣ наслѣдственныхъ князей, и наслѣдственныхъ шейхъ-имамовъ, духовныхъ лицъ, раздѣляющихся на четыре степени. Нашъ русскій путешественникъ г. Бурхардтъ, посѣтившій могилу и храмъ Шейхъ-Адѣ, разсказываетъ, что внутренность этого храма имѣетъ видъ мрачной пещеры, лишенной всякихъ украшеній. Свѣтъ едва проникаетъ внутрь его чрезъ небольшія круглыя отверстія, пробитыя въ стѣнахъ. Направо отъ входа бьетъ родникъ, обнесенный невысокою стѣнкой и дающій начало священному ручью. Въ глубинѣ пещеры находится нѣчто въ родѣ небольшой комнаты, гдѣ на возвышеніи, имѣющемъ видъ алтаря, стоитъ какой-то предметъ, окутанный со всѣхъ сторонъ драгоценными шелковыми тканями. Входъ въ эту комнату безусловно воспрещается, но іезиды объясняютъ, что тамъ, подъ этими тканями, хранится величайшая ихъ святыня—«Мелекъ-Таузъ», священная бронзовая птица, въ родѣ пѣтуха или павлина, семь изображеній которой, по преданію, были переданы пророку Шейхъ-Адѣ дѣйствительнымъ Мелекъ-Таузомъ самолично. Названіе «Мелекъ-Таузъ» въ буквальномъ переводѣ значитъ «Ангель-павлинъ».

¹⁾ Адатомъ называется у азіатовъ юридическое право не писанное, а установленное и дѣйствующее на основаніи обычая и преданія.

Г. Бурхардъ объясняетъ, что это есть имя демона, которому, по вѣрованію іезидовъ, Творецъ простилъ его прегрѣшенія и сдѣлалъ его всемогущимъ. Очень возможно, что въ связи съ этимъ вѣрованіемъ іезиды не произносятъ худы и противъ *шайтана* (сатаны), считая его падшимъ ангеломъ, но уже покалывшимся и несущимъ свою искупительную кару, — ангеломъ, который рано или поздно пріобрѣтеть себѣ полное прощенье и прежнюю милость и вновь займетъ у Всевышняго первое мѣсто. Іезиды вѣруютъ, что если шайтанъ свѣтъ зло на землѣ, то въ этомъ случаѣ онъ является не болѣе какъ покорнымъ исполнителемъ очень тяжелой для него самого миссіи, возложенной на него въ искупленіе совершеннаго имъ великаго грѣха въ началѣ мірозданія; но миссія эта пмѣетъ-де свою хорошую сторону, служа для наказанія злыхъ и образумленія малодушныхъ, заблуждающихся и равнодушныхъ къ Богу, добру и злу, равно какъ и для испытанія стойкости и вѣры угодныхъ Богу людей, причемъ іезиды, ссылаются на соответственные сему указанія, заключающіяся въ книгѣ Іова. Словомъ, они думаютъ, что дьяволъ есть одна изъ служебныхъ силъ божества, которая и не могла бы существовать въ одного мгновенія, еслибы на то не было воли всемогущаго Творца. Очень возможно также, что именно вслѣдствіе этого іезиды избѣгаютъ произносить имя шайтана и замѣняютъ его словомъ *инсанъ* (человѣкъ) или *рахманъ* (милостивый). Впрочемъ, на прямой вопросъ, однажды предложенный имъ И. И. Драчевымъ, — правда ли, что они вѣруютъ въ дьявола и ему поклоняются? — іезидскіе старшины нѣсколько уклончиво отвѣчали, что нельзя вѣровать въ то, чего не существуетъ. Такой отвѣтъ, поиндому, противорѣчитъ главной сути ихъ вѣрованія, даже прямо отрицаетъ ее, но если взять въ соображеніе ихъ же вѣрованіе, что Богъ простилъ уже Мелекъ-Тауза и возвратилъ ему прежнее всемогущество, наложивъ на него только тяжкую обязанность творить зло, то выходитъ, что въ этомъ отрицаніи дьявола, какъ *супротивника* Божія, пожалуй, и нѣтъ у нихъ внутренняго противорѣчія съ собой. Приведенный выше рассказъ г. Бурхарда въ особенности интересенъ потому, что лѣтомъ 1886 года по Нахичеванскому участку разѣзжани какіе-то прибывшіе изъ-за границы люди, которыхъ называли *каввалами*, а *каввалъ* или *киббалъ* значить многоговорящій. Люди эти возили съ собой по всѣмъ іезидскимъ селеніямъ два священные предмета, а именно: лптое изъ бронзы изображеніе птицы, величинной и формой напоминающее голубя и утвержденное на мѣдной подставкѣ, вышпной въ аришпъ, и мѣдный подсвѣчникъ такой же вышпной, носящій названіе *чирахъ-іездина* (свѣтъ іезидства или свѣтъ Божій). Очевидцы свидѣ-

тельствуютъ, что іезиды называли тогда это изображеніе Мелекъ-Таусомъ. Святини эти были доставлены въ наши предѣлы лишь въ короткое время. Пріѣхавъ въ какое-нибудь іезидское селеніе, каввалы обыкновенно располагались со своими священными изображеніями въ одномъ какомъ-либо домѣ и устанавливали на почетномъ мѣстѣ въ саклѣ или на дворѣ, подъ деревомъ, изображеніе Мелекъ-Тауза, зажигая предъ нимъ чирахъ-іездинъ, а хозяинъ дома въ это время рѣзалъ барана и посылалъ кого-нибудь изъ домашнихъ оповѣстить о прібытіи кавваловъ всѣхъ односельцевъ. Тогда начинали собираться къ нему всѣ жители, которые первымъ дѣломъ прикладывались къ обѣмъ святинямъ, а затѣмъ разсаживались тутъ же, закуривали трубки и начинали угощаться виномъ съ каввалами шамлыкомъ и пловомъ, ведя съ ними бесѣды и услаждаясь ихъ краспорѣчіемъ. По окончаніи угощенія, одинъ изъ кавваловъ приступалъ къ повѣркѣ впечатлѣній жителей и докладывалъ о ея результатахъ своему старшему (шейху), а затѣмъ всѣ каввалы сообщали рѣшали на совѣтѣ и объявляли жителямъ, какую сумму денегъ каждый изъ нихъ, сообразно своему достатку, обязанъ пожертвовать на Мелекъ-Тауза. Опредѣленіе суммы встрѣчалось всѣми безпрекословно, и, получивъ сколько определено, каввалы завертывали свои святини въ драгоценныя ткани и выступали съ ними въ слѣдующее іезидское селеніе, гдѣ повторялась та же исторія. Всѣ религіозныя церемонія іезидовъ во храмѣ Шейхъ-Адѣ совершаются не иначе, какъ предъ Мелекъ-Таузомъ, но они объясняютъ, что Мелекъ-Таузь вовсе не изображеніе божества и отнюдь не идолъ, а только символъ или знакъ ихъ духовнаго главы, родоначальника племени шейхъ-ханъ, служащаго какъ бы намѣстникомъ великаго пророка Шейхъ-Адѣ, подобно тому, какъ въ разныхъ государствахъ существуютъ символы государственной власти и достоинства, въ родѣ гербовъ, орловъ, скиптровъ и т. п. Мусульмане же упорно настаиваютъ, что бронзовый Мелекъ-Таузь есть изображеніе шайтана, и утверждаютъ еще при этомъ, что во время своихъ религіозныхъ церемоній іезиды тушатъ огни и предаются чудовищнымъ оргіямъ, — отсюда-де и прозвище *чирахъ-сондеранъ*.

Въ бесѣдахъ съ И. И. Драчевымъ, іезидскіе старшины излагали главныя основанія своего вѣроученія слѣдующимъ образомъ: Богъ есть невидимый, всемогущій Духъ. Онъ одиакъ всездѣущъ, всевѣдущъ. Нѣтъ ему ни равнаго, ни противника. Все сотворено Имъ, и все, не исключая даже и самаго зла, создается только по Его волѣ. Дьяволъ есть только олицетвореніе зла, и всѣ людскіе пороки суть болѣе или менѣе совершенныя воплощенія сатаны; но злого духа или дьявола, какъ самостоя-

тельного, независимаго отъ Бога существа, не существуетъ. Кромѣ Бога, іезиды вѣруютъ еще въ Его ангеловъ и пророковъ, къ числу коихъ относятъ и Іисуса Христа, *пришедшаго отъ Духа Божія*. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ своемъ вѣрованіи іезиды стоятъ гораздо ближе къ христіанамъ, чѣмъ мусульмане. Вѣруютъ они также въ будущее воскресеніе мертвыхъ, въ страшный судъ, въ рай для праведныхъ и адъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ. Главная же заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать никому никакого зла. Для іезиды обязательно почитать верховное правительство, хотя бы и иновѣрное. Измѣна или отказъ отъ присяги, разъ данной правительству, подъ которымъ живетъ, не допускается ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ случаѣ, и іезиды доказали это на дѣлѣ въ послѣднюю кампанію. Одна изъ важнѣйшихъ нравственныхъ обязанностей заключается въ особомъ почтеніи къ родителямъ и уваженіи къ старшимъ, а тѣмъ паче къ старикамъ. Всѣ иновѣрцы суть творенія того же единого Бога, а потому должно шадить ихъ и обращаться съ ними по-человѣчески. Клятва именемъ Божиимъ, если она требуется для того, чтобы сказать правду, за грѣхъ не считается. Употреблять въ пищу свинное мясо, вино и спиртные напитки не возбраняется.

Есть также у іезидовъ молитвы, посты, праздники и подаянія. Молятся Богу они ежедневно: утромъ вставая и вечеромъ, отходя ко сну, безо всякаго предварительнаго омовенія, гдѣ придется, избирая для этого только чистое мѣсто. Произносимая при этомъ одна и та же молитва составлена на смѣшанномъ арабско-персидскомъ языкѣ. Въ прочихъ же случаяхъ, какъ напримѣръ, при бракосочетаніи, надъ скончавшимся при погребеніи и т. п. читаются шейхомъ другія молитвы, преимущественно на арабскомъ языкѣ и всегда наизусть. Для совместной молитвы іезиды не собираются, и общественныхъ моленей, кромѣ храма Шейхъ-Аде, не имѣютъ. Молитву каждый произноситъ обратясь лицомъ къ востоку и не иначе какъ стоя и приподнявъ обѣ руки у пояса. Постъ соблюдается въ теченіе года дважды, по три дня сряду, и состоитъ въ томъ, чтобы не ѣсть и не пить ничего съ ранняго утра до вечерней зари. Эти дни считаются праздничными и посвящаются жертвоприношеніямъ, подаянію милостыни немущимъ и другимъ добрымъ дѣламъ. Точно такъ же долженъ проводиться и день пятницы, почитаемый за праздникъ въ честь окончанія творенія міра. Источникомъ для подаяній и вообще для помощи бѣднымъ служить раздаваемая каждымъ іезидомъ по своему усмотрѣнію опредѣленная часть съ имущества, какъ-то: $\frac{1}{10}$ съ хлѣба и денегъ и одинъ баранъ съ каждаго стада отъ двадцати до ста головъ.

Женъ у іезидовъ можетъ быть нѣсколько, хотя большинство ограничивается одною. Развода не существуетъ вовсе, и разъ взятую жену мужъ удалить не можетъ. Обрядовая сторона бракосочетанія состоитъ въ произнесеніи шейхомъ надъ брачующимися положенной для этого случая молитвы; свадебныя же празднества, смотря по состоянію новобрачнаго, продолжаются отъ трехъ до семи дней и состоятъ въ угощеніи пловомъ и виномъ всѣхъ кто бы ни пришелъ на свадьбу, все равно званый или незваный. Угощеніе продолжается съ утра до ночи и сопровождается музыкой, пляской и джигитовками. Кромѣ того, дѣлаются еще обязательные подарки со стороны молодого своей женѣ и ея роднымъ. Все это стоитъ довольно большихъ денегъ, и потому не только бѣдняки, но и люди средняго достатка, во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ, предпочитаютъ свой древній способъ умыканья невѣсты, то-есть просто выкрадываютъ ее, конечно, съ ея же согласія, и скрываютъ нѣсколько дней въ саклѣ у себя или у своихъ родныхъ, пока эти послѣдніе ведутъ съ ея родителями переговоры объ условіяхъ *башлыга*, то есть выкупа (то же что *калымъ*). Браки совершаются по волѣ родителей, и даже умыканье въ большинствѣ случаевъ происходитъ не безъ ихъ предварительнаго тайнаго согласія. Впрочемъ, по достиженіи дѣтми пагандцата лѣтъ, возрастъ, почитаемый достаточнымъ для вступленія въ бракъ, родители уже не стѣсняются въ этомъ отношеніи ихъ воли, предоставляя имъ право свободнаго выбора. При выдачѣ замужъ дочери, родители обязаны дать ей приданое, состоящее изъ женскихъ нарядовъ, уборовъ, ковровъ, подушекъ и нѣкоторой металлической утвари, словомъ, обряжаютъ ей домашнее хозяйство, но взаимѣнъ этого получаютъ отъ жениха башлыкъ, на который, впрочемъ, нѣтъ опредѣленнаго установленныхъ размѣровъ, а смотря по состоянію жениха или его родителей. Жена, самовольно оставившая мужа или измѣнившая ему, не можетъ уже къ нему возвратиться, и такъ какъ мужъ имѣетъ, по адату, право убить явную или уличенную измѣнницу, не останавливаясь предъ страхомъ наказанія со стороны суда правительственнаго, то въ предупрежденіе печальныхъ для него послѣдствій, а равно и ради избѣжанія кровомщенія со стороны родныхъ жены, сами іезидскія общества, въ лицѣ своихъ выборныхъ и старшинъ, стараются, чтобы виновная въ измѣнѣ не оставалась безъ наказанія по судебному приговору. Имена новорожденнымъ дѣтямъ даются самими родителями, и они всегда почти одинаковы съ именами мусульманскими. Все имущество принадлежитъ старшему въ родѣ мужчиной. Взрослые сыновья могутъ отдѣлиться отъ семьи, но изъ имущества семейнаго должны при

этомъ довольствоваться только тѣмъ, что соблаговолить удѣлять имъ, по своему собственному усмотрѣнію, отецъ или старшій въ родѣ, которому одному принадлежитъ право завѣщать какъ благоприобрѣтенное, такъ и родовое имущество, кому или на что пожелаетъ. При отсутствіи завѣщанія, все достояніе умершаго наследуетъ старшій въ его семьѣ или родѣ мужчины, а если такого нѣтъ, то все наследство переходитъ къ женѣ и дочерямъ и дѣлится между ними поровну. Въ случаѣ же если остается одна жена или одна дочь, имущество поступаетъ въ ея пользу цѣликомъ. По смерти же одинокаго мужчины наследіе его переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ, и только въ томъ случаѣ, если умершій былъ совершенно безроденъ, въ права наследованія вступаетъ общество, къ коему онъ принадлежалъ при жизни. Выморочное имущество продается тогда съ публичнаго торга и вырученныя за него деньги либо приобщаются къ общественному капиталу (гдѣ таковой есть), либо поступаютъ на богоугодныя цѣли, за упокой души умершаго.

Таковы-то несложныя, почти первобытныя черты семейнаго, общественнаго и юридическаго быта у іезидовъ.

Когда, распространившись съ Гассанъ-Агой, мы поднялись опять на вершины Агридагскаго хребта, предъ нами открылся великолѣпный и широчайшій бытъ-можетъ въ мірѣ видъ съ одной стороны на долину Аракса, Эриванскую равнину и Армянское плоскогорье, среди котораго отлого поднимается въ высъ на 13.436 футовъ массивъ Алла-Гѣза, имѣющаго плоско-выпуклую форму, вѣнчаемую въ центрѣ двумя вулканическими пиками, подъ снѣжными покровомъ. Съ другой же стороны все болѣе и болѣе открывается засыпанный снѣгами Араратъ, и когда подходишь къ селенію Казиль-Кула, то здѣсь уже обнаруживается весь профиль его сѣвернаго и половина южнаго ската. Сдѣланное самою природой сопоставленіе этихъ двухъ гигантовъ, Алла-Гѣза и Арарата, между которыми простирается обширная, слегка поднимающаяся къ сѣверу Эриванская равнина, испещренная темными пятнами садовъ и селеній.—сопоставленіе это полно необычайнаго величія. Алла-Гѣзъ, значить глазъ Божій. И дѣйствительно, названіе это какъ нельзя болѣе удачно. Когда блистающая снѣгами вершина этого потухшаго вулкана, озаренная съ полу-денной стороны южнымъ солнцемъ, выглядываетъ изъ-за черты плавающихъ подъ нею густыхъ облаковъ, вамъ кажется, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ съ высоты небесъ смотритъ на землю чей-то чудный, сверкающій лучами взоръ. Съ высоты Армянскаго плоскогорья, откуда двѣ ведѣли тому назадъ я впервые увидѣлъ двойную вершину Алла-Гѣза съ сѣверной его стороны, онъ не показался мнѣ столь величавымъ и высокимъ какъ теперь,

съ южной. Тамъ высота его умалается на половину высотой самой Армянской плоскости. Но когда смотришь отсюда, съ высотъ Агридага, гдѣ между нами и Алла-Гѣзомъ лежитъ низку обширная, совершенно открытая равнина, болѣе 60 верстъ въ поперечникѣ, и когда взоръ вашъ охватываетъ сразу весь массивъ этой горы, отъ самой подошвы до вершины,—вотъ когда невольно поражаешься размѣрами этого гиганта, тѣмъ болѣе, что подъемы его не имѣютъ рѣзкихъ, крутыхъ и скалистыхъ очертаній, а идутъ все въ гору и въ гору постепенно пологими, плавными линиями. Этотъ-то просторъ, эта широта горизонта и усиливаютъ грандіозность впечатлѣнія, производимаго видомъ двухъ противоположащихся гигантовъ до такой степени, что душа невольно начинаетъ переполняться чувствомъ нѣмого благоговѣнія. Здѣсь, дѣйствительно, какъ-бы ощущаешь присутствіе Бога во всемъ Его великомъ и грозномъ могуществѣ мировой красоты и творческой силы.

Ближе къ намъ, верстахъ въ 30-ти влѣво, между Араксомъ и Агридагомъ, изъ-за высотъ послѣдняго вырѣзывается въ небѣ узкій, скалистый профиль горы Такалты, отчасти напоминающій простертую ладонь со сжатыми, вытянутыми пальцами. Высота этой особо выдающейся скалы около 8.300 футовъ. Съ какой бы стороны вы ни ѣхали, характерная Такалты видна отовсюду еще за нѣсколько десятковъ верстъ, такъ что мѣстные путники, зачастую принужденные слѣдовать вовсе безъ дорогъ и тропъ, особенно зимой, ориентируются въ направленіи своего пути не иначе, какъ по этой горѣ. За ея сѣвернымъ склономъ лежитъ близъ Аракса, выходящаго здѣсь на равнину, мѣстечко Кульпы, знаменитое въ Закавказьи своими соляными ломками и подземнымъ озеромъ въ обширной пещерѣ, въ дно котораго упираются массивныя кристаллоидныя колонны горной соли, на которыхъ покоятся пещерные своды. Въ этой пещерѣ всегда господствуетъ прохлада, особенно пріятная въ лѣтній зной, а прозрачная, совершенно морская вода ея отличается замѣчательно низкой температурой: какъ бы ни былъ раскаленъ наружный воздухъ, проникающій въ подземелье чрезъ его входъ, она никогда не нагревается даже до четырехъ градусовъ Реомюра и до того насыщена солью, что погружающагося въ нее человѣка моментально выбрасываетъ на поверхность какъ пробку. Остается въ ней долѣе нѣсколькихъ секундъ нѣтъ никакой возможности,—она жжетъ и кусаетъ какъ при- ставленный къ тѣлу горчишникъ, не говоря уже о холодѣ, а послѣ купанья все тѣло сейчасъ же покрывается мелкими кристалликами соляного налета. Самые сильныя морскія ванны слабоваты въ сравненіи съ Кульпинскими водой, уступающею развѣ одной только водѣ

Мертвого моря. Благодаря соляным ломкамъ, въ Кульпахъ процвѣтають особаго рода ку-старни, которые занимаются исключительно раз-ными точеными и рѣзными надѣлками изъ соли, въ родѣ солонокъ, подсвѣчниковъ, ящич-ковъ, прессъ-панье и т. п. Вытачиваютъ даже цѣлые столы, туалеты и стулья для любите-лей курьезовъ. Промыселъ принадлежитъ казѣ и сдается въ аренду. Кульпинская соль раз-рабатывалась еще въ очень отдаленныя вре-мена, судя по тому, что на промыслѣ находятъ иногда въ незапамятъ заброшенныхъ лом-кахъ и ямахъ характерные сѣнптовые мо-лотки каменнаго вѣка. И все-таки, несмотря на извѣстную разработку, соляныя богатства Кульпы такъ еще велики, что, по подсчету, произведенному въ тридцатыхъ годахъ однимъ изъ командированныхъ сюда горныхъ инже-неровъ, этихъ богатствъ съ избыткомъ хва-тило бы въ теченіе ста лѣтъ на довольствіе всего міра. Первые историческія свѣдѣнія о Кульпинскихъ соляныхъ ломкахъ относятся къ VII столѣтію. Самое мѣстечко принадле-житъ къ числу древнѣйшихъ поселеній За-кавказья. Развалины трехъ церквей и мно-жество надгробныхъ памятниковъ съ древ-ними надписями свидѣтельствуютъ о прежнемъ значеніи Кульпы, какъ большого промышлен-наго центра.

Отъ Абастъ-Гѣля, чрезъ посты Таузъ-Куль и Кизилъ-Булахъ до поста Сочаплы 32 вер-сты. На ночлегъ прибыли къ вечеру. По пути встрѣчалось на горныхъ плато много татар-скихъ, курдическихъ и іезидскихъ кочевъ, причемъ замѣчено, что іезиды вообще не отхо-дить далеко отъ своихъ зимовниковъ (кишла-ковъ). Окрестныя горы совершенно безжиз-ненны и усыпаны безчисленнымъ множествомъ голышей и осколковъ, а также и болѣе круп-ными камнями, нерѣдко весьма значительнаго объема. Вулканическія породы перемѣшаны съ пестуническими. Даже горныя плато усыпаны камнями до того, что пастба скота на нихъ мѣстами становится весьма затруднительною, да и трава растетъ плохо. А уже о дорогахъ нечего и говорить: онѣ ужасны, благодаря этимъ проклятымъ камнямъ, среди которыхъ тропа нерѣдко совершенно терется. Въ се-леніяхъ, лежащихъ значительно ниже пастбищ-ныхъ мѣстъ, появляется уже нѣкоторая зелень; видны около саклей ракиты и тополя, а въ огородахъ разводится конопля и свекла. Се-ленія эти частію татарскія, частію армянскія.

Отъ Сочаплы, чрезъ постъ Караванъ-са-рай до поста Зоръ разстояніе 21 верста. Длин-ный и крутой подъемъ на Чингильскія вы-соты, памятный закавказскимъ участникамъ послѣдней турецкой кампаніи по боевымъ эпи-зодамъ. Послѣ подъема слѣдуетъ и поворотъ по кособору близъ самой границы. За грани-цей съ нашего кособора видна, какъ на за-

дони, хорошо населенная, орошенная и воздѣ-ланная Мысунская долина, а позади ея, вдали,—снѣжныя вершины. Среди этой ши-рокой долины раскинулось въ садахъ мѣстечко Мысунъ, гдѣ находится турецкая таможня, такъ какъ черезъ него проходитъ караванный путь изъ Закавказья въ Балзетъ. Смотришь на эту долину, и невольно напрашивается горькое сравненіе нашего съ турецкимъ: что было лучшаго въ покоряемыхъ нами обла-стяхъ Азіатской Турціи, то мы всегда, послѣ своихъ войнъ, возвращали Турціи, а что ни есть худшее—забирали себѣ.. То же замое, въ сущности, относится и до Каресской обла-сти, въ приобритеніи которой есть одна только существенная выгода, а именно та, что намъ не придется болѣе брать самого Карса. Все же остальное въ этой области таково, что, право, не стоило бы проливать изъ него столько русской крови.

Далѣе мы опять пошли въ гору, подымался къ ея плато по двѣ глубокой лощины. Здѣсь уже общій характеръ окружающихъ высотъ является въ видѣ зеленыхъ холмовъ съ вы-горѣвшими отъ солнца верхами; въ лощинахъ же высокая густая трава еще зелена и сочна, и самая флора этихъ лошинъ становится весьма разнообразною, хотя ограничивается лишь травянистыми да однолѣтними расте-ніями. Между послѣдними выдающуюся роль играетъ татарникъ. Это родъ репейника съ большими шарообразными, колючими шишками, плотно усыянными мелкими трубчатыми цвѣ-точками, серебристо-сизаго, почти сиреневаго цвѣта. Шишки эти напоминаютъ по виду помпы на киверахъ Николаевского времени. Говорятъ, будто сокъ татарника имѣетъ нарко-тическое свойство, дѣйствуя въ родѣ хлоро-форма. Въ этихъ цвѣтущихъ лощинахъ мы встрѣчали множество прелестныхъ мотыльковъ и бабочекъ, между которыми изъ извѣстныхъ мнѣ видовъ были липенааргусъ, голубая съ бѣлою каймой, садившаяся преимущественно на дроки, липена огненная огненно-краснаго цвѣта съ бархатисто-черною каймой, золотисто-яркая желтушка, темнобурая головчатка или гесне-рій мальвовая и, наконецъ, липена лазорево-голубая съ фіолетовымъ отливомъ. Этотъ по-сѣдній видъ попался во множествѣ. Под-нявшись изъ лощины на плато, мы очутились на высотѣ 8.500 футовъ, гдѣ задувалъ съ постоянно одинаковою силой вѣскій, холодный вѣтеръ съ открывшагося до половины Ара-рата. Здѣсь находятся іезидскія кочевки подъ охраной пикета пограничной стражи; но для пикета этого нѣтъ никакихъ приспособленій—ни юрты, ни чатры, ни даже ямки, гдѣ люди, остающіеся здѣсь по четверо и болѣе сутокъ, могли бы укрыться отъ холода и непогоды. Съ этого плато начинается длинный, отлогій, по крайню каменистый спускъ на Зорскій пе-

ревалъ, съ остатками артиллерійской дороги, разработанной въ прошлую войну, теперь же совершенно запущенной и потому невозможной для движения даже одиночныхъ всадниковъ. Офицерскій постъ Зоръ, блокаузнаго типа, хотя и тѣснѣе, но построенъ хорошо, прочно, изъ мѣстнаго тесанаго камня; стоятъ онъ въ ущельи на крутомъ кражепатомъ бугрѣ, на высотѣ 7.000 футовъ. Здѣсь мы започевали и даже воспользовались постовой баней.

12 августа—отъ Зора черезъ селеніе Мучи и Чингальскій перевалъ (4.500 ф.) до поста Оргова 26½ верстъ, но мы сократили этотъ путь до 14 верстъ и все-таки шли безъ остановокъ болѣе четырехъ часовъ,—такова дорожка. Убийственная!... Внизу, подъ бугромъ Зорскаго поста, находятся среди селенія Зоръ остатки древняго армянскаго храма и монастыря во имя Преображенія Господня, построеннаго въ IV вѣкѣ. Храмъ въ развалинахъ, но праздникъ Вартеваръ (Преображенія) тѣмъ не менѣе справляется здѣсь ежегодно. Между трехъ наполовну уцѣлѣвшихъ массивныхъ стѣнъ ставится временный престолъ и протягивается алтарная завѣса, приносятся образа, церковная утварь, свѣчи, и служатся наѣзжающими священниками и монахами грегорианская литургія. Народу собирается здѣсь въ этотъ день до нѣсколькихъ тысячъ, и не только изъ окрестныхъ армянскихъ селеній, но даже изъ-за границы. Да и не одни армяне, приходятъ также и курды, даже іезиды. Последніе очень чтутъ и самый монастырь, и приносимый сюда на Вартеваръ чудотворный образъ Св. Георгія Побѣдоносца, предъ коимъ усердно ставятъ восковые свѣчи потому «джигитъ быть», какъ объясняютъ они. Почтѣ такъ этого святого воина, іезиды нерѣдко въ честь его даютъ своимъ новорожденнымъ сыновьямъ его имя. Праздникъ Зорскаго монастыря продолжается до трехъ сутокъ; люди пьютъ, закусываютъ, рѣжутъ жертвенныхъ барановъ, пьютъ и пляшутъ подъ зурну и барабанъ и кончаютъ иногда дракой съ курдами, но никогда съ іезидами.

Послѣ спуска съ Зорскаго поста къ развалинамъ монастыря сейчасъ же начинается длинный и довольно крутой каменистый подъемъ на плато, гдѣ у подошвы одной изъ вершинъ находится небольшое озерко, вокругъ котораго раскинулось довольно много курдическихъ чатръ. Берега унизаны стадами овецъ, приходящими къ водопою, а поверхность воды бѣлѣетъ множествомъ домашнихъ гусей. Снѣгъ клзиковый дымокъ тянется по воздуху отъ костерковъ, разложенныхъ предъ чатрами. Длиннѣйшій и отвратительный спускъ съ этого послѣдняго плато ведетъ до полугорья къ какому-то курдическому кишлаку, а оттуда—другой, еще худшій спускъ къ селенію Мучи и, наконецъ, третій—къ посту Оргову. Не испытать нельзя

себѣ представить, что это за путь среди множества навороченныхъ камней, булыжниковъ, голышей, острыхъ осколковъ щебенки и ускользящаго изъ подъ подошвы гравія. Достаточно сказать, что на этомъ пути у лошадей не только теряются подковы и обламывается рогъ, иногда срыгается и самое копыто, застрявъ между каменьями. Постъ Орговъ начинается быть видимъ еще болѣе, чѣмъ за два часа ходу до него; кажется, какъ будто совсемъ близко, вотъ-вотъ рукой подать, а между тѣмъ идешь, идешь, и конца нѣтъ этому ужасному пути по каменистымъ косогорамъ и водомопнамъ. И неужели же невозможно было бы хоть сколько-нибудь раздѣлать эту адскую путину? Разумѣется, и возможно, и должно, но... повидному здѣсь никому нѣтъ до этого никакого дѣла. У пограничной же стражи нѣтъ ни средствъ, ни силъ на это. Она и то уже дѣлаетъ что можетъ. А между тѣмъ по этому самому пути, въ теоріи, должна идти постоянная охрана государственной границы. Но на практикѣ, можетъ ли такая охрана быть дѣйствительною и возможно ли здѣсь вообще преслѣдовать шайки разбойниковъ, барантачей, контрабандистовъ и своевременно подавать изъ отряда въ отрядъ взаимную помощь, если вы видите постъ какъ на ладони, а спуститься или подняться къ нему можете лишь черепашинымъ шагомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, да и то съ опасностью и коня на вѣкъ искалѣчить, и себѣ самому проломить голову. На вашихъ глазахъ, любая, достаточно сильная шайка, вооруженная къ тому же прекраснымъ образомъ винтовками Пибоди и магазинками (какъ и всѣ вообще здѣшнія шайки), свободно можетъ обложить и вырѣзать любой постъ прежде, чѣмъ вы подоспѣте къ нему на помощь, и вы даже будете собственными глазами видѣть какъ его рѣжутъ, и все-таки ничего не подѣлаете. Господа, кавказская администрація, подумайте же наконецъ объ этомъ невозможномъ положеніи!... Видѣ стыдно сказать это старая граница, которою мы владѣемъ уже шестидесять лѣтъ, и до сихъ поръ даже патрульной тропы не раздѣляли!

XII.

За Араксомъ.

По переправѣ черезъ Араксъ сразу начинается подъемъ на площадку къ лѣтнему посту Чалыханъ, расположенному надъ ущельемъ рѣки, почти на одинаковой высотѣ съ Ислазаромъ (6.200 футовъ), такъ что оба поста стоятъ на виду другъ у друга, а между тѣмъ, чтобы добраться съ одного на другой, надо употребить на одинъ только спускъ къ Араксу и подъемъ къ Чалыханамъ два съ половиной

часа времени,—столь хороша эта дорожка! Здѣсь, по небольшимъ лощинкамъ и зеленымъ площадкамъ, встрѣили мы одиночно растущіе дроки, можно сказать, гигантскихъ размѣровъ,—выпиной около трехъ аршинъ и болѣе; главный стволъ—вершка полтора-два въ поперечникъ, и съ половинны его высоты, вокругъ центрального, наиболѣе высокаго цвѣточнаго стержня, начинаютъ пирамидально подыматься вверхъ, точно вѣтви канделябра, побочные стержни, сплошь облѣпленные ярко-золотистыми цвѣтами. Дроку знакомъ каждому, кто бывалъ въ южной полосѣ Россіи, но такихъ пышныхъ экземпляровъ этого однолѣтняго растенія ни тамъ, ни въ долинахъ Кавказа я еще не видывалъ. Еслибы можно было перенести его, какъ есть, въ наши сады, то имѣя видъ оригинальнаго и стройнаго деревца, оно служило бы украшеніемъ центра любой цвѣточной куртины. На дальѣйшемъ пути за Араксомъ, хотя и попадались намъ время отъ времени дроки, но уже не такіе пышные и не такіе замѣчательныхъ размѣровъ.

Отъ поста Чалыханы тропа идетъ далѣе въ гору крутыми, тяжелыми подъемами, на перевалъ слишкомъ въ 8.000 футовъ высоты, а затѣмъ, по отлогому спуску выходитъ къ арбной дорогѣ въ Сатаганскую долину, широко и гладко раскинувшуюся на высотѣ 6.500 футовъ, но лишенную, кромѣ травы и хлѣбныхъ злаковъ, всякой растительности. Селеніе Сатаганъ, лежащее въ полуверстѣ отъ границы, пересѣкающей долину поперекъ, было населено до войны турками. За границей, въ разстояніи не болѣе версты отъ Сатагана, находятся село Каракилиса, принадлежавшее армянамъ. Въ 1882 году жители того и другого добровольно раздѣлились между собой: турки перешли въ Каракилису, армяне заняли Сатаганъ. Первые обратили армянскую церковь въ мечеть, вторые бывшую мечеть перестроили въ церковь. Такимъ образомъ, казалось бы, все устроилось «къ обоюдному удовольствію», кабы не выгнать. И турки, и армяне привыкли пастись свой рогатый скотъ у себя подъ бокомъ, на плоскости самой долины; а пока тѣ и другіе жили подъ однимъ правительствомъ, дѣло обходилось мирно: помѣщаются между собой стада, хозяева разберутъ ихъ по головамъ, зная каждый своего быка или корову, и дѣлу конецъ. Теперь же не то. Съ проведеніемъ новой границы и несмотря на переѣзду подданства, тѣ и другія стада остались пастись на прежнемъ выгонѣ, а потому переходы ихъ за черту, сюда или въ ту сторону, будучи самыми естественными дѣломъ, стали служить источникомъ чуть не ежедневныхъ столкновеній и пререканій между турками и армянами. Для обѣихъ сторонъ сдѣлалось уже гораздо труднѣе переходить за свою межу, потому что какъ въ Сатаганѣ стоитъ пограничный офицерскій постъ, такъ и

въ Каракилисѣ тоже,—надо, значитъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ испрашивать разрѣшеніе на переходъ. Эта формальность, конечно, стѣсняетъ обѣ стороны, всегда норовящія обойти ее. Началось обоюдныя самовольныя задержанія скота, яко бы за поправу (правда, первыми начали армяне), а затѣмъ явились изъ-за этого дѣла ссоры, драки и даже побоища, которые какъ туркамъ, такъ и намъ приходится разнимать силой,—и вотъ прежніе мирные сосѣди стали теперь чуть не заклятыми врагами. Гдѣ ни запопадутъ турки армянина, особенно въ глухомъ мѣстѣ, сейчасъ же ему лупку, такъ что сатаганскіе армяне стали уже одѣваться теперь въ мусульманскіе костюмы, даже носить чамму, чтобы турки и курды, хоть издали принимая ихъ за правотѣрныхъ, оставляли безъ вниманія. Притворяться же турками для армянъ тѣмъ легче, что всѣ они прекрасно говорятъ по-турецки и вполне усвоили себѣ турецкія манеры, когда это имъ нужно. Но не только манеры, усвоили отчасти и обычаи, отъ долгаго сосѣдняго сожительства подѣ турецкими владычествомъ. Дочерей своихъ, напримѣръ, отцы выдаютъ замужъ не иначе какъ получивъ за нихъ предварительно съ женховой стороны «калымъ», въ размѣрѣ отъ одного до трехъ буйволовъ, а «баранты», то есть овцы и барановъ, смотря по состоянію.

Въ Сатаганѣ считается 36 дымовъ и 376 душъ населенія; но на это число приходится два дыма и 10 душъ турокъ, оставшихся при переселеніи на мѣстѣ. Поселившись въ турецкихъ саклахъ, армяне ни въ чемъ не измѣнили ихъ характеръ, такъ что стоитъ войти въ любую изъ нихъ, чтобы получить полное понятіе о турецкихъ жилищахъ. Я нарочно заходилъ и въ армянскую и въ турецкую саклу, но понятно, что на женское помѣщеніе мочь взглянуть только въ армянской. Это обыкновенно врытыя въ почву и сложенные изъ глины и камня землянки, просторныя настолько, что разбиваются внутри глинобитными стѣнками на нѣсколько отдѣленій и хозяйственныхъ закоулковъ. Входя въ жилище болѣе зажиточнаго поселеннаго, вы прежде всего спускаетесь по наклонному входу въ сѣни, гдѣ сложены земледѣльческія орудія и кизякъ на суточное топливо. По одну сторону сѣней входъ въ «конакъ», служащій приѣмной для мужчинъ и вообще гостей. Рядомъ съ конякомъ—непрѣмѣнно конюшня для лошадей или буйволовъ, потому что эти животныя помогаютъ въ холодное время согрѣвать жилища помѣщенія своему естественною теплотой. Глинобитный полъ конака всегда четвергн на три выше земляного пола конюшни; отдѣляются оба эти помѣщенія одно отъ другого, по большей части, только невысокою деревянною или плетневою рѣшеткой. Женская половина, или «гаремъ-адасы», гдѣ живутъ жены и дѣти хозяина, находится всегда по другую

сторону сѣней и состоятъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ комнатъ, изъ коихъ послѣдняя, наименьшихъ размѣровъ, замѣняетъ кладовую, куда убираются постели, посуда и разные запасы, а передняя служитъ, между прочимъ, приемною для гостей женскаго пола. Въ средней комнатѣ, а гдѣ таковой нѣтъ, то въ передней, непременно устраивается «тандыръ» — ама въ полу, съ полусферическимъ надъ нею куполкомъ, изъ прочной и крѣпко держащейся глины, которою начисто и гладко обмазываются какъ подъ, такъ и круглыя стѣнки ямы. Внизу подъ подошъ отверстіе, служащее поддуваломъ, а въ куполкѣ съ одного бока оставляется другое отверстіе овальной формы, въ длину вершковъ около десяти. Тандыръ всегда содержится внутри очень чисто и служитъ печью для лавашей. Процессъ выпеканія этихъ лавашей очень любопытенъ, и я прерву на время описаніе турецкой сакли, чтобы кстатіи разсказать его. Кусокъ обыкновеннаго завашеннаго тѣста изъ пшеничной муки раскатывается скалкой въ очень тонкую продолговатую лепешку, которая растягивается послѣ этого на особаго рода овальной подушкѣ размѣрами нѣсколько меньше противъ купольнаго отверстія тандыра. Подушка состоитъ изъ овальной доски, одна сторона которой нѣсколько выпукло обивается чистымъ полотномъ поверхъ достаточнаго слоя войлока, а на другой сторонѣ приделывается деревянная или ременная ручка, въ которую можно было бы свободно просовывать пальцы. Прежде чѣмъ приступить къ печенію лавашей, тандыръ долженъ быть растопленъ такъ, чтобы стѣнки и куполь его достаточно накалились; для этого прямо на подѣ кладется небольшое количество князя, постепенно потомъ прибавляемаго, и зажигается. Когда эта своеобразная печь раскалилась уже до надлежащей степени, хозяйка беретъ подушку съ растянутымъ на ней тѣстомъ, быстро просовываетъ ее выстѣ со своею рукой въ верхнее отверстіе тандыра и ловкимъ ударомъ плашмя о внутреннюю стѣнку купола моментально прилѣпляетъ къ послѣдней тѣсто, легко отстающее отъ подушки. Дѣло это, конечно, требуетъ большого навыка, и нѣтъ сомнѣнія, что каждая хозяйка, прежде чѣмъ научиться такому искусству, должна была перенести не мало обжоговъ. Огонь не касается лепешки, и она испекается только силой жара стѣнки и воздуха, на что требуется менѣе полуминуты. Чтобы дѣло шло спорѣе, оно обыкновенно распределяется между женскими членами семьи: одна женщина рѣжетъ тѣсто на равные куски и раскатываетъ ихъ скалкой, другая осторожно (чтобы не прорвать) переноситъ приготовленные такимъ образомъ лепешки, одну за другой, къ тандыру и помогаетъ растягивать ихъ на подушкѣ, а третья печетъ и вынимаетъ готовые лаваша, отдирая ихъ отъ стѣнки. Дѣло

идетъ еще быстрѣе, если въ домѣ имѣются двѣ подушки; тогда трудъ растяжки лепешекъ всецѣло предоставляется второй женщинѣ, а третья только печетъ ихъ. Свѣжіе, только-что испеченные лаваша довольно вкусны, и вкусомъ своимъ отчасти напоминаютъ московскіе калачи. Они еще имѣютъ то достоинство, что довольно долго сохраняютъ свою мягкость; поэтому каждая семья сразу напекаетъ запасъ ихъ по крайней мѣрѣ на недѣлю, а бѣдные люди даже и на нѣсколько мѣсяцевъ.

Печей въ сакляхъ не бываетъ, а только одинъ «бухары», то есть очагъ, въ родѣ камна, съ прямымъ дымоходомъ.

Въ той же комнатѣ гдѣ устроенъ тандыръ, имѣется и очагъ для приготовленія горячей пищи; другой очагъ устраивается на мужской половинѣ, въ конакѣ, и на немъ обыкновенно варится для гостей кофе и кипятится чайникъ; его же угольками пользуются гости и для раскурки трубокъ. Оконъ тоже не ползается, а свѣтъ проходитъ черезъ крышу въ особое отверстіе, въ которое у зажиточныхъ вставляется форточка со стекломъ, а у бѣдныхъ, въ случаѣ дождя или холода, оно просто чѣмъ-нибудь затыкается. Воздухъ въ сакляхъ спертый, душный, иногда убійственный. Блохъ множество. Позади сѣней, въ пространствѣ между конакомъ и гаремъ-адаси, помѣщаются сарай и курятникъ, хлѣвъ для мелкаго скота, а у зажиточныхъ турокъ еще и особая небольшая конюшня для лучшей верховой лошади хозяина. Менѣе зажиточные люди устраиваютъ все то же, только въ меньшихъ размѣрахъ и въ меньшемъ количествѣ помѣщеній. Внутреннее убранство состоитъ изъ войлочныхъ кошетъ, постилаемыхъ на полъ, ковровъ и паласовъ, закрывающихъ иногда стѣны, сѣнниковъ, замѣняющихъ диваны (*тахта*) и потому покрытыхъ либо коврами, либо ватными стегаными одѣялами изъ яркихъ ситцевъ, канауса, тафты и т. п., и наконецъ, изъ обыкновенныхъ и валькообразныхъ подушекъ (*мутанки*), валяющихся на тахтахъ. Столъ обѣденный замѣняется большимъ деревяннымъ или мѣднымъ круглымъ блюдомъ, которое вносится въ комнату съ поставленными на немъ кушаньями и ставится на низенькій табуретикъ (*софра*), или же просто на толстую деревянную чурку посреди обѣдающихъ, которые садятся для этого на коврѣ въ кружокъ, и кушаютъ сидя на корточкахъ, потому что находятъ, будто это самая удобная для сего поза. Свернутый въ трубочку, или что-называется «фунтикомъ», кусокъ лаваша замѣняетъ имъ ложку для жидкихъ снѣдей, а все остальное ѣдятъ прямо руками изъ общей миски, и только мясо иногда рѣжетъ на куски самъ хозяинъ тонкимъ и узкимъ ножикомъ, висающимъ у него на поясѣ. Только мясо ѣдятъ они рѣдко, потому что для

этого надо рѣзать цѣлаго барана, котораго сразу не съѣшь, а надолго оставлять сырое мясо, по неимѣнію погребовъ, невозможно. Поэтому, если ужъ рѣзать, то надо чтобы согласились между собою двѣ-три семьи, которые или покупаютъ барана въ складчину и дѣлятъ между собой, или же дѣлаютъ такимъ образомъ, что сегодня, согласно уговору, рѣжется баранъ одного сосѣда и дѣлится между уговорившимися семьями; въ слѣдующій разъ идетъ въ раздѣлъ баранъ другого сосѣда, и такъ далѣе, по очереди, причемъ строго наблюдается, чтобы никто изъ дольщиковъ не былъ обиженъ. Такъ, если на нынѣшній разъ мы достались почки и стегно, а сосѣду, положимъ, башка и требушина, то на слѣдующій разъ я уже почками и стегномъ не воспользуюсь, потому что они, по всей справедливости, должны принадлежать моему сосѣду, а буду кушать башку и требушину. Если же въ уговорѣ только двѣ семьи, то баранъ со всѣми его принадлежностями дѣлится пополамъ, и очередь наблюдается лишь въ отношеніи его шкуры, которою на этотъ разъ пользуется одна, а въ слѣдующій—другая семья. Семейная доля мяса, доставшаяся по раздѣлу, жарится вся заразъ или на вертелѣ, какъ *шашикъ*, или на сковородѣ, въ видѣ *каурмы* (изрѣзанная на небольшіе куски и сжаренная на маслѣ баранина, съ примѣсью гороха или фасоли), но съѣдается не сразу, а оставляется въ деревянной или мѣдно-луженой посудѣ въ прокъ на нѣсколько дней, и подается потомъ въ разогрѣтомъ или холодномъ видѣ. Горячая пища (супъ изъ баранины) варится только въ большіе праздники или въ случаѣ приѣма почетныхъ гостей; въ обыкновенные же дни, и то не всегда, замѣняютъ ее до нѣкоторой степени бобы, сваренные въ соленой водѣ со стручковымъ перцемъ и съ примѣсью мучной подболтки. Пловъ является также праздничнымъ блюдомъ, а въ будни обѣденный столъ, по большей части, ограничивается лаваши, овечьимъ сыромъ, печеными яйцами, молокомъ или простоквашей и овощами, преимущественно стручковымъ перцемъ и лукомъ или чеснокомъ въ сыромъ видѣ; съ середины лѣта къ этому прибавляются еще, гдѣ есть, огурцы, арбузы или дыня въ видѣ десерта. Вообще, турки и туркмены предпочитаютъ болѣе мучнистыя кушанья и что-нибудь сладкое, а курды и карапахи—мясные, и мясо у нихъ подается гораздо чаще чѣмъ у персидскихъ. Сельскіе армяне, жившіеся подъ турецкимъ владычествомъ съ мусульманскими нравами и обычаями, слѣдуютъ и въ выборѣ своего стола турецкимъ же вкусамъ и обыкновѣніямъ, хотя въ городахъ и тамъ, гдѣ армянское населеніе представляетъ болѣе сплоченную массу, у нихъ есть и свои національныя блюда.

Въ день нашего приѣзда въ Сатаганъ, мѣстные армяне справляли Вартеваръ (Преображеніе Господне), который у нихъ относится къ числу передвижныхъ праздниковъ. По этому случаю, съ ранняго утра уже гремѣла музыка, состоящая изъ зурны, барабана и бубна, а за обѣдней была всѣмъ селеніемъ принесена общественная жертва Богу, но не плодами земными, а баранами, которые были зарѣзаны и освѣжонаны на камнѣ предъ папертью. Часть изъ нихъ тутъ же, предъ церковью, сварили и слѣлами похлебку, а другую часть зажарили на вертелѣ, и послѣ обѣдни, когда священникъ совершилъ освѣщеніе жертвы, съѣли все на общественномъ шествіи, выдѣливъ извѣстную долю священнослужителямъ.

Въ Сатаганѣ мы заночевали на посту пограничной стражи, который помѣщается въ бывшихъ турецкихъ сакяхъ, передѣланныхъ въ казарменное жилье, со всѣми его хозяйственными приспособленіями. Командиръ Сатаганскаго отряда живетъ тоже въ саклѣ, принадлежавшей прежде очень зажиточному турку. Въ ней настлали и покрасили досчатые полы, оштукатурили стѣны, въ двухъ комнатахъ пробили и встали европейскія окна на улицу, а третья комната, задняя, осталась въ своемъ прежнемъ видѣ, при освѣщеніи сверху, и можетъ служить нагляднымъ образцомъ того, какъ жили здѣсь богатые турки. Она имѣетъ видъ большой квадратной палатки или, скорѣе даже, каюты. Вокругъ стѣнъ идетъ роль галлерейки, отдѣляемой нѣсколькими деревянными колонками съ рѣзными капителями и подзорами въ мавританскомъ стилѣ. Надъ колонками—общій бордюръ, а надъ бордюромъ приподнятъ потолокъ, собранный шатромъ вокругъ низенькаго центрального фонарика, въ боковыя стѣнки котораго проникаетъ сквозь цвѣтныя стекла дневной свѣтъ. Всѣ стѣны облицованы натуральнымъ, но очень хорошимъ гладкимъ тесомъ, который отъ времени принялъ почтенный видъ стараго темнаго дерева; потолокъ узорчато раздѣланъ рядами небольшихъ досчечекъ въ елку, и предѣльные грани отдѣлены другъ отъ друга тонкими натуральными багетами; карнизы и подпорки потолка, лежащія на колонкахъ, украшены рѣзбой; съ совокупности все это придаетъ комнатѣ весьма своеобразный характеръ и дѣлаетъ изъ нея даже прелестный уголокъ въ чисто восточномъ вкусѣ. Жить было бы недурно, если бы не холодъ. Зима въ Сатаганской долині начинаются двумя мѣсяцами раньше, а весна двумя мѣсяцами поздне, чѣмъ въ сосѣдней съ нею долині Зарабханской, которая болѣе защищена горами и лежитъ на 1.800 футовъ ниже Сатагана. Здѣсь господствуютъ частые и сильныя вѣтры, дующіе то отъ сѣвера-востока, то съ запада; свѣга глубокіе, метел

ужасныя; дожди налетаютъ съ бурными шквалами и почти всегда сопровождаются или «крупой» или градомъ. Климатъ, вообще, суровый.

1 августа. Отъ Сатагана до поста Зарабханскаго чрезъ промежуточные посты Балаклы и Казиканъ, четыре часа хорошаго ходу, 26½ верстъ. Сначала путь идетъ въ гору, на перевалъ, а далѣе, отъ Балаклы, по Алашкертскимъ высотамъ. За переваломъ подымающаяся мѣстность принимаетъ довольно грандіозный характеръ. Слѣва видна изъ-за ближайшихъ высотъ темно-синяя вершина Алла-дага, — справа, прямо предъ глазами, обнаружился весь скалистый Кеса-дагъ въ своемъ сѣжномъ уборѣ, одинокое подымавшій въ небо голову, какъ великанъ надъ обширнѣмъ уровнемъ высоты своего остального хребта. Кеса-дагъ значить «лысая гора». И дѣйствительно, на всемъ его громадномъ узкоовальномъ массивѣ съ шатровиднымъ срѣзомъ вершины нѣтъ ни травинки, — одна только бурая скала исчерченная черными бороздами и глубокими щербинами, да серебряными жилами сѣнга, какъ бы растекающимися по ней съ вершины. Мы теперь между двумя хребтами и спускаемся въ Кумское ущелье. Въ лѣвыхъ склонахъ обнаруживается сильная охристо-красная окраска глинистыхъ лѣснѣй. Въ самомъ ущельи — рядъ красиво навороченныхъ и опрокинутыхъ скалъ да сорвавшихся камней въ нѣсколько тысячъ пудовъ вѣсомъ. Составъ этихъ скалъ — частью конгломератъ въ красной глини, частью — базальтъ, а съ лѣвой стороны — базальтъ и гипсовые залежи надъ мелкозернистыми обсыпками сѣро-пепельнаго, синеватаго и зеленоватаго цвѣта. Дикая красота Кумскаго ущелья, кромѣ разнообразія красокъ его скалъ, въ зависимости отъ того или другого ихъ состава, нѣсколько смягчается еще и вновь появляющеюся растительностью. Здѣсь мы встрѣчали ракиту, березки, ольху и первые деревца туйки, и внизу, надъ ложбиной ручья и между камнями — дроки и мальвы. Здѣсь же, въ ручьи, наши люди поймали большого крабба, — настоящаго крабба, какъ есть, — какихъ я привыкъ встрѣчать на берегахъ теплыхъ морей, но признаюсь, менѣе всего ожидалъ найти въ горныхъ трущобахъ пограничнаго Закавказья. Оказывается, однако, что они тутъ водятся, и даже въ немаломъ количествѣ, потому что туземцы боятся ихъ не только ѣсть, но и трогать, какъ безобразное исчадіе дьявола. Они называютъ крабба «шайтанъ-огу», то-есть чертовымъ сыномъ.

На пути отъ Сатагана къ Зарабъ-хане, встрѣчается селеніе Куми, занятое, какъ и самое Зарабъ-хане, курдами, недавно возвратившимися къ намъ изъ Турціи. Отъ насъ они выселились за границу, вслѣдствіе произведенной въ области подворной переписи,

когда между ними пошли слухи, что переписываютъ де людей затѣмъ, чтобы насильно крестить ихъ и брать въ солдаты, а изъ Турціи вернулись назадъ вслѣдствіе объявленной тамъ общевойсковой для мусульманъ повинности. Впрочемъ, въ предѣлахъ Хорасанскаго участка, куда мы вступили по переходѣ за Араксъ и гдѣ курды составляютъ большинство населенія, это далеко не единичный случай: вернулось много людей и въ другія селенія, да и до сихъ поръ продолжаютъ возвращаться. Въ Зарабъ-хане 13 дыма на 300 душъ курдскаго населенія. Постъ пограничной стражи расположенъ пока въ крайне тѣсныхъ и неудобныхъ сакляхъ; въ особенности плохо офицерское помѣщеніе — сырое, мрачное, съ низкимъ полотномъ, затянутымъ бумажною тканью, по движенію и выпуклостямъ которой видно совершенно ясно, какъ бѣгаютъ по ней, съ той стороны, мыши и ползаютъ змѣи. Впрочемъ, въ осени офицеръ и команда перейдутъ уже въ новое каменное зданіе, построенное блокгаузомъ въ долину по ту сторону Зарабханской рѣчки. Климатъ здѣсь, какъ сказано выше, гораздо мягче чѣмъ въ Сатаганѣ, пользуясь теплымъ временемъ на цѣлые четыре мѣсяца дольше послѣдняго; но зато въ Зарабъ-хане есть и свои непріятныя стороны, которыхъ Сатаганъ не знаетъ; къ числу такихъ относятся комары, скорпионы и змѣи изъ породы черныхъ гадюкъ, очень ядовитыя, которыя живутъ не только въ камняхъ окрестныхъ возвышенностей, но и въ самомъ селеніи. Одна изъ нихъ, пойманная живьемъ, содержится плѣнницей въ ящикѣ подъ стекломъ у отряднаго офицера, которому, для преумноженія его живой коллекціи, мы оставили и пойманнаго вчера крабба.

Переночевавъ на Зарабханскомъ посту, 2-го августа, утромъ, выступили мы въ Кагызманъ. На протяженіи первыхъ восьми верстъ до поста Дагерманъ-дере путь представляетъ рядъ крутыхъ подъемовъ на скалистые гребни и еще болѣе крутыхъ и неудобныхъ спусковъ въ глубокую ложбину Дагерманскаго ущелья. Узенькая тропка все время лѣпится по карнизу обрывовъ, гдѣ красивыя скалы и крутые склоны сплошь поросли розовымъ иммортелемъ, похожимъ по наружности на нашъ сѣверный василекъ. Дагерманскій постъ расположенъ въ ложбинѣ, лежащей на высотѣ 4.500 футовъ и помѣщается въ кибиткѣ, которая снаружи очень красиво декорирована павиликой, усѣянною лиловыми, розовыми и бѣлыми цвѣтками. Растительность какъ здѣсь, такъ и въ самомъ Дагерманскомъ ущельи принимаетъ болѣе разнообразный характеръ. Тутъ встрѣчались намъ по скаламъ кусты и деревца туйки, затѣмъ особый видъ горнаго, древовиднаго можжевельника, тамариксъ или гребенчукъ, а внизу, надъ ручьемъ, — ракита, барбарисъ и ясенникъ.

Отъ Дагермана до поста Куль-оглы три часа ходу. Путь идетъ ущельемъ Иштъ-юлы, чтó звачить «собачья тропа». И дѣйствительно, собачья! Очень опасные подъемы крутыми изгибами, по карнизамъ отвѣсныхъ обрывовъ, и еще болѣе крутые и опасные спуски по скользящимъ и обсыпающимся подъ ступней шифернымъ пескамъ и щебю. Иногда тропа, шириной не болѣе пяти-шести вершковъ, вьется по косогору, такъ что копыта лошади скользятъ въ сторону обрыва, и она того и гляди полетитъ въ пропасть. Внизу все время шумитъ по камнямъ Араксъ. Мѣстность вообще понижается; среди растительности появляются кустики солодка и разные новые виды выюнквыхъ, но дроки и мальвы исчезли. Характеръ скалъ—охристо-красная глина, красный плотный песчаникъ, иногда имѣющій видъ кирпича, обожженаго самою природою, желѣзнякъ, базальтъ и сіенитъ. Попадалось также много камней различной величины, похожихъ на разноцвѣтныя яшмы, хотя и не смѣю утверждать, чтобъ это была дѣйствительно яшма; могу сказать только, что камни очень красивы. Между ними были темно-зеленые, съ вишнево-краснымъ оттѣнкомъ, зеленые съ черными и зеленые съ бѣлыми жилками (повидимому, полевого шпата), кровляно-красные, свѣтло-и темно-вишневые, темно-фіолетовые и свѣтло-зеленые. Говорятъ, что въ горахъ находятъ не мало разнородныхъ рудъ и, между прочимъ, серебро-свинцовую.

Население бѣдное и очень рѣдкое.

На самомъ высокомъ мѣстѣ «собачьей тропы» встрѣтили мы стадо рогатаго скота, перегоняемое черезъ острый гребень и разминувшись съ нами лишь съ величайшими обоюдными затрудненіями; но на всемъ пути не видѣли ни одного поселка.

Отдохнувъ на прекрасно устроенномъ Куль-оглинскомъ посту (вахмистерскій, новой блокадной постройки), около часу дня тронулись далѣе. Посты Караванъ и Тропанакъ расположены въ скалистыхъ горахъ, и девятиверстная дорога между ними, по всей справедливости, можетъ быть названа адскою: опаснѣйшіе крутые подъемы, спуски, обсыпи, обрывы,—все это крайне утомляетъ и всадника и лошадь, послѣднюю въ особенности. Характеръ мѣстности тотъ же, съ преобладаніемъ красной глины; но растительность гораздо скуднѣе, скалы по большей части совершенно голы и суровы. Подходя къ Кагызману надо сдѣлать нѣсколько значительныхъ, прямыхъ и косыхъ подъемовъ на хребтъ, состоящій изъ красной глины и такого же мягкаго песчаника, представляющій нѣсколько уступовъ, въ видѣ небольшихъ плато и страшно изрытый глубокими водомоннами, балками и нерѣдко отвѣсными надьями. На этихъ плато и на перевалахъ разбросаны группы и отдѣльно камни вулкани-

ческаго происхожденія. Съ высшей точки послѣдняго перевала открывается великолѣпный видъ назадъ, на тѣснины пройденнаго пространства и на лѣвый берегъ глубокой долины Аракса. Въ особенности хороши были освѣщенные лучами заката черные сидукты скалистаго массива Кара-ташъ и вздымающагося напротивъ его остраго пика Ургеръ, мимо которыхъ мы проходили давеча тѣснымъ Ургерскимъ ущельемъ, послѣ привала на Куль-оглинскомъ посту. Вдали, прямо на западъ, виднѣется въ розоватой воздушной дымкѣ пикъ Кеса-дага, а еще далѣе, вправо, на Армянскомъ плоскогорьѣ, сагалугскія вершины Суритъ-хача и Ванка. На послѣднемъ нашемъ перевалѣ, съ котораго идетъ продолжительный, но довольно отлогій спускъ къ Кагызману, и далѣе по спуску начинаютъ попадаться проступы соляныхъ залежей въ видѣ бѣловатыхъ пятенъ и жилистыхъ прослоекъ. Очевидно, что этотъ красный песчаниково-глинистый хребтъ, имѣя происхожденіе нептуническое, образовался когда-то влѣдствіе сильнаго вулканическаго поднятія почвы, нагляднымъ доказательствомъ чего служатъ тѣ крижистыя группы и отдѣльные камни на его поверхности, о которыхъ упомянуто выше. Тутъ же, на спускѣ въ послѣднюю балку, предъ самымъ Кагызманомъ, попался намъ и первый украшенный роскошными цвѣтами кустъ капорцевъ, — растеніе, какъ извѣстно, наиболѣе предпочитающаго глинисто-солончаковую почву.

Кагызманъ представляется съ перевала отряднымъ оазисомъ, въ видѣ густаго сада, на сѣверномъ краю довольно большой площадки, залегшей между голыми, темно-скалистыми горами, на которыхъ мѣстами бѣлѣютъ по зубчатымъ верхамъ свѣжыя пятна. Южная часть площадки занята лазаретною рощей и лагерьмъ 154-го пѣхотнаго Дербентскаго полка, а самый городъ совсѣмъ потонулъ въ своихъ садахъ, такъ что кромѣ нѣсколькихъ глинобитныхъ заборовъ его и не видать съ дороги. Въѣзжате вы прямо въ сады и направляетесь нѣкоторое время вдоль по пустынной улицѣ, состоящей исключительно изъ глинобитныхъ стѣнокъ, изъ-за которыхъ съ обѣихъ сторонъ простяраютъ къ вамъ свои вѣтви орѣховыя, туловыя и абрикосовыя деревья, а стройные ряды пирамидальныхъ тополей высоко поднимаютъ надъ ними свои верхушки. Приѣхали мы въ Кагызманъ уже въ сумерки и остановились у командира Каресской бригады пограничной стражи, полковника С.

Кагызманъ хотя и называется городомъ городскими правами еще не пользуется, такъ что официально онъ числится только административнымъ центромъ Кагызманскаго округа; но въ дѣйствительности, по сравненію съ другими мѣстечками и селеніями области, его вполне можно назвать горѣдомъ. Расположенъ

онъ на возвышенномъ правомъ берегу Аракса, на высотѣ 4.968 фут. надъ уровнемъ моря, состоитъ изъ пяти магаловъ (кварталовъ или кояповъ) и имѣетъ до 4.000 душъ населенія, главный контингентъ котораго составляютъ турки и армяне; но турецкое населеніе съ каждымъ годомъ, къ сожалѣнію, убываетъ, а армянское, тоже не къ радости, прибавляется. Въ городѣ расположены штабы Дербентскаго полка и Карсской бригады пограничной стражи, имѣются три церкви—двѣ православныя (полковая и бригадная) и одна армянская, городское двухклассное училище, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ, почта, телеграфъ, полковой клубъ и новый каменный базаръ, съ довольно порядочными лавками и магазинами. Главную статью промышленности Кагызмана составляютъ его фруктовые сады, число коихъ въ самомъ городѣ и его ближайшихъ, непосредственно къ нему примыкающихъ, окрестностяхъ доходитъ до 753; занимаютъ они пространство, приблизительно, въ пять квадратныхъ верстъ, сосредоточиваясь преимущественно въ большой, широкой балкѣ, по теченію водообильнаго рѣчного потока Кагызманъ-дере, верстъ на пять въ обѣ его стороны отъ города, вплоть до самаго Аракса. Разводятся и поддерживаются они исключительно при помощи оросительныхъ канавъ, заимствующихъ воду изъ названнаго потока, и производятъ пять сортовъ винограда, тринадцать сортовъ яблчи (родъ сливы), черную сливу, вишню, персики, абрикосы, айву, орѣхъ, шелковицу и груши; но всѣ эти фрукты далеко не отличаются высокимъ достоинствомъ и не выдерживаютъ долгаго храненія, обращаясь въ промозглую гниль. Поэтому необходимость заставлять продавать ихъ исключительно въ свѣжемъ видѣ и на мѣстѣ, по дешевой цѣнѣ. Вывозъ существуетъ только въ Карсъ, но и то въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ только не вполне зрѣлые фрукты могутъ выносить тряску арбной перевозки. Пудъ фруктовъ стоитъ на кагызманскомъ базарѣ отъ 40 до 60 копеекъ, а пудъ винограда отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. Въ сушку (вяленіе на солнцѣ) идутъ только виноградъ, черносливъ и абрикосы, раскупаемые горскими кочевниками да поселянами тѣхъ мѣстностей Кагызманскаго округа, гдѣ нѣтъ своихъ садовъ, ни вообще древесной растительности. Сбытъ фруктовъ вообще приноситъ городу отъ 15 до 18 тысячъ ежегоднаго дохода; могъ бы приносить и больше, еслибы виноградъ дозрѣвалъ каждое лѣто, но, къ сожалѣнію, это бываетъ только въ особенно знойные и сухіе годы. Мѣстные армяне ежегодно выдѣлываютъ изъ него вино, но въ незначительномъ количествѣ, и лишь для собственного употребленія, да для продажи на мѣстѣ, по самой дешевой цѣнѣ, потому что вино это отличается терпко-кислымъ и неприятнымъ вкусомъ. Всѣхъ виноградниковъ,

приносящихъ ежегодно не менѣе 2.000 пудовъ, насчитывается въ Кагызманѣ до ста. Вообще предметы садоводства, въ случаѣ неурожая въ округѣ хлѣба и травъ, не обезпечиваютъ насущнаго продовольствія мѣстныхъ жителей, какъ доказалъ уже неоднократный опытъ, и относительно самаго садоводства можно сказать, что оно, какъ и другія отрасли туземнаго хозяйства, находится почти въ первобытномъ состояніи, а насчетъ возможнаго улучшенія его никто пока и не думаетъ. На лѣвой сторонѣ Аракса, по низменнымъ, обработаннымъ къ югу, площадкамъ разводятся кое-гдѣ въ окрестности хлопокъ и табакъ, но тоже первобытными способами и въ небольшомъ количествѣ, хотя опыты показываютъ, что эти продукты могли бы быть разводимы здѣсь гораздо болѣе и не безъ успѣха.

Послѣ садоводства, наибольшее значеніе для промышленности Кагызмана имѣетъ соль. Въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ города, въ обрывистомъ правомъ берегу Аракса находятся обширныя залежи каменной соли, которыя, кромѣ того, обнаруживаются и по обоимъ берегамъ рѣки какъ выше, такъ и ниже города, но сосредоточиваются главнѣйшимъ образомъ подъ Кагызманомъ и въ мѣстечкѣ Кульпахъ (въ двадцати верстахъ ниже по Араксу, уже въ предѣлахъ Эриванской губерніи), составляя между этими двумя пунктами одно цѣлое. Несмотря, однако, на обнаруженіе обильныхъ залежей въ нѣсколькихъ пунктахъ, добыча соли въ предѣлахъ Кагызманскаго округа производится пока только подъ Кагызманомъ. Способъ добычи такой же первобытный, поверхностный, какъ и при бывшемъ турецкомъ правительствѣ: за несоставленіемъ своевременно рациональнаго плана подземной разработки, продолжаютъ буравить въ обнаженныхъ залежахъ скважины, насыпаютъ въ нихъ порохъ и взрываютъ такимъ образомъ цѣлыя глыбы громадной величины, которыя затѣмъ уже дробятся молотами на болѣе мелкія части. Добыча на склонѣ горы, имѣющемъ паденіе до 30° и покрытомъ значительнымъ слоемъ наноса, производится двумя подвижными вверхъ уступами. Наносъ, покрывающій соль, пересѣченъ довольно глубокими трещинами, и послѣ сильныхъ ливней сползаетъ по склону горы, заваливая болѣе или менѣе мѣста разработки и постоянно угрожая опасностью жизни рабочимъ. Расчетка обваловъ стоитъ не малыхъ денегъ и значительно замедляетъ добычу. Турецкое правительство выручало отъ продажи кагызманской соли до 15.000 рублей золотомъ въ годъ, наша же администрація съ начала 1878 года до передачи промысла акцизному вѣдомству (въ маѣ 1879 года), выручила за шестнадцать мѣсяцевъ 31.916 рублей. Несмотря на то, что соль продавалась за половину цѣны, существовавшей при туркахъ, а именно по 12 коп. батманъ (около $\frac{1}{2}$ пуда).

Ныѣшній арендаторъ за право добычи, продажи и вывоза соли въ неограниченномъ количествѣ платитъ казѣ (съ 1885 по 1888 годъ) по 28.500 рублѣй ежегодно; акцизное вѣдомство желало бы повысить плату хотя бы до 30 тысячъ, но арендаторъ-армянинъ упирается, а конкурента ему пока не находится. Видными потребителями кагызманской соли являются скотопромышленники, которые предпочитаютъ ее кульпинской; но и кромѣ того, здѣшняя соль имѣетъ обширный внутренний сбытъ, который могъ бы еще значительно усиливаться, еслибы существовало въ краѣ большее количество удобныхъ путей сообщенія.

Заговоривъ о минеральныхъ богатствахъ Кагызмана и его округа, слѣдуетъ упомянуть, что неподалеку отъ соляныхъ ломокъ, въ трехъ верстахъ отъ города, встрѣчается превосходный алебастръ, которымъ и пользуются обыватели для своихъ надобностей; затѣмъ, въ горахъ добывается особый родъ цвѣтнаго, преимущественно буровато-краснаго гипса, напоминающаго по вѣшнему виду мраморъ. Гипсъ этотъ очень мягокъ, легко рѣжется даже простымъ ножомъ и употребляется мѣстными кузнецами на вытачиваніе разныхъ мелкихъ вещей, въ родѣ стакановъ, пепельницъ, чернильницъ, печатей, прессъ-паней и т. п. Наконецъ, почти повсемѣстно въ окрестныхъ горахъ и въ склонахъ береговъ Аракса находится известковый камень и красный песчаникъ, — оба весьма годные для фундаментальныхъ построекъ и замѣчательные тѣмъ, что, будучи очень мягки при выемкѣ и въ обтескѣ, они потомъ твердѣютъ какъ мраморъ отъ продолжительнаго соприкосновенія съ воздухомъ. Кагызманъ имѣетъ также и свой минеральный источникъ, въ недалекомъ разстояніи отъ города, это — горячій сѣрный ключъ, водой котораго обыватели лечатся отъ чесотки и намокшихъ сыпей.

До русскаго владычества, Кагызманъ, по составу своего населенія, былъ городомъ преимущественно турецкимъ, и это нагляднѣе всего проявлялось въ его садахъ, до которыхъ всѣ турки вообще такіе охотники. Преданіе и до сихъ поръ свидѣлствуетъ, что все, что насаждено въ Кагызманѣ и его окрестностяхъ — насаждено и выращено исключительно турецкими руками. Армяне составляли меньшинство городского населенія и не имѣли никакого значенія, — развѣ только какъ мелкіе базарные торговцы. Теперь же все это пошло наоборотъ. Армяне приселилось къ округу и городу, на покинутыя турецкія мѣста, свыше 11.000 душъ, турокъ же осталось лишь 2.689 человекъ, изъ коихъ болѣе половины удержались въ городѣ. Я говорилъ уже, что наша администрація Карсской области съ самаго начала и до сихъ поръ признавала и признаетъ за турками много достоинствъ, какъ за народомъ, безукон-

но и искренно честнымъ, трудолюбивымъ, совершенно осѣдлымъ, смирнымъ и «замѣчательно хорошо дисциплинированнымъ», таковъ былъ отзывъ о нихъ генерала Франкина. И дѣйствительно, управлять турками не трудно; тѣ, которые остались у насъ, очень послушны и безпрекословно подчиняются всемъ требованіямъ и распоряженіямъ власти, причиняютъ администраціи сравнительно весьма мало заботъ и во всякомъ случаѣ въ высокой степени окупаютъ эти заботы. Тѣмъ прискорбнѣе было ихъ выселеніе изъ области цѣлыми массами. Съ 26 августа 1878 и только по 15 июня 1880 года выселилось отъ насъ 65.447 душъ, а сколько потомъ еще... Но какъ это случилось? Какія причины гнали вонъ этотъ народъ, можно сказать повально, и какъ относилась къ этому переселенію тогдашняя наша администрація? Вопросъ этотъ, для меня по крайней мѣрѣ, представляется очень интереснымъ, и, благодаря сообщеннымъ мнѣ даннымъ, я имѣю возможность освѣтить его въ весьма значительной степени. Дѣло въ томъ, что государственныя отношенія, установившіяся вслѣдствіе историческихъ событій между Россіей и Турціей, извѣстны мусульманскому населенію Карсской области лучше и ближе, чѣмъ жителямъ другихъ турецкихъ провинцій. Населеніе это знаетъ борьбу на жизнь и смерть между Россіей и Турціей не по книгамъ и слухамъ, а вынесло всю тяжесть ея на собственныхъ плечахъ. Карскій пашалыкъ въ продолженіе текущаго столѣтія три раза былъ театромъ войны между названными государствами, и населеніе его каждый разъ должно было терпѣть самыя тяжкія невзгоды. Еще находится въ живыхъ много свидѣтелей трехъ послѣднихъ нашихъ войнъ съ Турціей, которые, будучи дѣтьми, слышали громъ орудій и видѣли войска графа Паскевича, затѣмъ, въ лучшую пору жизни, тратили свои силы въ борьбѣ 1853 — 1856 годовъ, и наконецъ уже въ преклонномъ возрастѣ должны были вновь испытать всѣ бѣдствія войны лицомъ къ лицу и съ горечью покориться силѣ русскаго оружія. Такимъ образомъ можно сказать, что отходящее и слѣдующее за нимъ поколѣніе турокъ родилось и прожило среди борьбы своего отечества съ Россіей. Повѣстно послѣ этого, какого рода впечатлѣніе долженъ былъ производить на населеніе Карскаго пашалыка рядъ кампаній нашихъ въ Малой Азіи, всегда кончавшихся взятіемъ Карсскихъ твердынь, покореніемъ края и уничтоженіемъ народныхъ силъ. Здѣшній турокъ, по справедливому замѣчанію генерала Франкина, долженъ естественно и невольно видѣть въ русскомъ своего историческаго и національнаго врага. Отсюда-то и простекаетъ то недовѣріе къ намъ, какимъ въ первые годы по покореніи области, да въ значительной мѣрѣ и до сихъ поръ, проникнуты здѣшніе турки. «Недовѣріе это, говоритъ гене-

раль Франкини, до того вошло въ плоть и кровь турокъ и такъ тѣсно и неразрывно слилось съ ихъ натурой, что, несмотря на несомнѣнный здравый смыслъ и довольно широко развитый природный умъ, они не даютъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ отношеній къ нимъ нашей администраціи и положительно обьяты какимъ-то тупымъ и слѣпымъ страхомъ предъ ожидающею ихъ подъ русскимъ владычествомъ будущностью». По мнѣнію того же авторитетнаго лица, въ чувствѣ этого страха и недоумѣнія собственно и заключается самая существенная, коренная и совершенно объективная причина эмиграціи, обваружившейся немедленно послѣ формальнаго и окончательнаго присоединенія края къ Россіи. Какъ только турецкому населенію Карсской области сдѣлалось положительнымъ образомъ извѣстно, что территория остается за нами, громадное большинство его выразило желаніе безотлагательно воспользоваться предоставленнымъ ему договорами правомъ выселенія въ предѣлы Турціи. Прежде всего началось движеніе съ Карса, который немедленно былъ оставленъ мусульманскимъ духовенствомъ, самымъ влиятельнымъ классомъ въ народѣ. Эти люди, воспитанные въ религіозно-національномъ духѣ, выселились не только изъ патріотизма, изъ-за фанатической ненависти къ русскимъ и всему христіанскому міру; они не могли спокойно видѣть, какъ нога гяуровъ господствуетъ попираетъ ихъ родную землю, и предпочли своему, вполне обезпеченному существованію Сундушность, полную горя и неизвѣстности. Они употребили тогда все свое краснорѣчіе и всю силу своей богословской логики и доказательствъ на основаніи корана, чтобъ увлечь за собой въ Турцію все суннитно-мусульманское населеніе области. За имамами и муллами послѣдовала цѣлая масса городскихъ жителей, принадлежавшихъ къ сословию чиновниковъ и вообще людей служащихъ и частью торговцевъ. Затѣмъ уже открылось движеніе массами остальной части городскихъ жителей и поселянъ, увлеченныхъ примѣромъ людей влиятельныхъ. «Трудно себѣ представить, говоритъ генераль Франкини, какъ свидѣтель и очевидецъ этого движенія, — трудно представить картину, болѣе способную раздражать сердце и подавлять душу, чѣмъ эта длинная вереница арбъ съ устроенными надъ ними кибитками, заключающихъ въ себѣ женщинъ и дѣтей эмигрантовъ, молчаливо слѣдовавшихъ при арбахъ, потупивъ взоры. Прежде чѣмъ собраться въ путь, покидая поля, обработанные и улучшенныя въ потѣ лица съ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ, и слѣдуя туда, гдѣ ожидаетъ ихъ мрачная неизвѣстность и даже быть-можетъ нищета и преждевременная гибель, эмигранты отправлялись съ женщинами и дѣтьми на кладбища, чтобъ проститься съ могилами отцовъ, дѣтей и товари-

щей трудовой жизни. Въ Кагызманѣ эмигранты горячо прощались не съ одними только холодными могилами любимыхъ дѣтей; они заключали въ свои объятія и цѣловали каждое дерево своего сада, дерево, выросшее въковыми трудами и питавшее ихъ своими плодами». Къ этому я могу прибавить, что и до сихъ поръ многіе кагызманскіе эмигранты ежегодно платятъ оставшимся туркамъ извѣстную сумму, собственно за поддержаніе въ чистотѣ и порядкѣ родныхъ имъ могилъ, и каждый годъ ѣзжотырые изъ нихъ прѣбываютъ лично поклониться праху близкихъ и дорогихъ имъ покойниковъ и посмотрѣть, въ какомъ видѣ содержится кладбище.

Что до нашей мѣстной администраціи, то, по отношенію къ эмиграціонному движенію, она приняла тогда безусловную сдержанность. И это понятно. Соудѣствовать своимъ поведеніемъ усиленію эмиграціи было бы не только недостойно нашего правительства, но и въ высшей степени недобросовѣстно, въ виду страшныхъ бѣдствій и даже совершеннаго разоренія, составляющихъ обыкновенно неизбежное послѣдствіе выселенія, особенно въ такой странѣ, какъ Азіатская Турція. Съ другой стороны, препятствовать этому какими-либо административными распоряженіями или даже ковеннымъ путемъ было бы противно трактату и существовавшему въ мусульманскомъ населеніи твердому желанію выселиться, желанію, обусловленному цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ историческихъ событій. Поэтому администрація и руководствовалась въ отношеніи эмиграціоннаго движенія исключительно заявленіями, поступавшими отъ жителей, и постановленіями послѣдняго мирнаго договора. При этомъ надо еще замѣтить, что при окончательномъ введеніи въ край русскаго управленія, высшею администраціей Закавказскаго края было принято въ соображеніе и то обстоятельство, что вновь приобретенное нами населеніе жило въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ среди условій, не имѣвшихъ ничего общаго съ нашими государственными бытомъ, а потому было признано необходимымъ, съ точки зрѣнія справедливости и государственной предусмотрительности, не вводить здѣсь немедленно всѣхъ формъ общественнаго и государственнаго устройства, установившагося въ Россіи, дабы внезапнымъ уничтоженіемъ бытовыхъ особенностей не дѣлать чисто механической, коренной ломки въ жизни мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе этого, въ край было введено военное народное управленіе, задача котораго состояла въ томъ, чтобъ осторожно и постепенно основывать населеніе съ нашимъ государственнымъ строемъ. Но уже первыя попытки въ этомъ направленіи показали, что даже и при гуманныхъ порядкахъ тогдашняго военнаго народнаго управленія все-таки не удержишь турецкаго

населенія на мѣстѣ. Администрація, напри-
мѣръ, сохраняла въ области почти безъ измѣ-
неній подати и порядки по отправленію пра-
восудія, существовавшіе при турецкомъ прави-
тельствѣ. Она рѣшилась учредить народные
суды изъ выбранныхъ самимъ населеніемъ де-
путатовъ подъ предсѣдательствомъ ближайшаго
мѣстнаго представителя власти для разсмо-
трѣнія и рѣшенія какъ гражданскихъ, такъ и
уголовныхъ дѣлъ. Когда населенію было объ-
явлено объ этомъ и предложено выбрать сво-
ихъ депутатовъ въ народные суды, оно почти
вездѣ, гдѣ большинство составляли турки, от-
казалось исполнить это требованіе подъ раз-
личными, совершенно пустыми, предлогами.
Сущность же отказа заключалась въ томъ, что
турецкое населеніе рѣшилось, несмотря ни на
какіе наши порядки — худы ли оны, хороши
ли—во всякомъ случаѣ выселиться въ предѣ-
лы Турціи, и опасалось какъ бы принятіе на-
шихъ учреждений не было истолковано въ Кон-
стантинополѣ и Петербургѣ въ смыслѣ при-
миренія съ нашими владычествомъ, а еще бо-
лѣе — въ смыслѣ отказа отъ права эмиграціи въ
трехлѣтній срокъ. Хотя администрація тысячу
разъ неутомимо разъясняла мѣстнымъ жите-
лямъ, что подчиненіе нашимъ учреждениямъ
ни подѣ какимъ видомъ не лишитъ ихъ этого
права, — ничто не помогало. Не ограничиваясь
циркулярами и предписаніями окружнымъ на-
чальникамъ, генераль Франквинъ не разъ со-
биралъ въ Карсѣ депутаціи изъ всѣхъ окру-
говъ и самъ обстоятельно объяснял имъ зна-
ченіе новыхъ учреждений, всячески стараясь
успокоить умы — населеніе не хотѣло вѣрить и от-
казывалось ото всего, что, по его понятіямъ, могло
бы окончательно связать его съ русскими вла-
дичествомъ. То же самое случилось и при воз-
становленіи *меркезовъ*¹⁾, существовавшихъ и
при турецкомъ правительствѣ. Населеніе рѣ-
шительно отказалось выбрать *башъ-мухтаровъ*
(волостныхъ старшинъ), говоря, что это-де не
что иное, какъ русскій *юлова* и что избраніе
башъ-мухтара равносильно обязательству окон-
чательно остаться подлѣ Россіи. Еще болѣе рѣ-
шительный отпоръ встрѣтила администрація,
когда, въ виду затрудненія пріискать надеж-
ныхъ людей въ только-что завоеванномъ краѣ,
она попыталась привлечь населеніе къ непо-
средственному участию въ учрежденіи земской
стражи, стараясь чтобы стражники избира-
лись самими же сельскими обществами. Пред-
варительно всѣмъ имъ разъяснялось, что на-

чалство не знаетъ нравственныхъ качествъ
отдѣльныхъ личностей, а потому опасается,
чтобы при вольномъ наймѣ ихъ въ земскую
милицію не попадались неблагонадежные, не-
честные люди, которые могли бы обижать на-
селеніе, являясь въ селеніяхъ исполнителями
распоряженій русской власти. При этомъ адми-
страція ссылалась на многочисленныя жалобы,
поступавшія отъ жителей на несправедливость,
а иногда и жестокія дѣйствія конно-иррегу-
лярныхъ кавказскихъ всадниковъ, назначен-
ныхъ-было вести при военно-народныхъ упра-
вленіяхъ обязанности загіеиъ (полицейскихъ
служителей). Но нѣтъ и нѣтъ! Населеніе не
только не выказало довѣрія къ этимъ объяс-
неніямъ, но продолжало упорствовать, въ убѣ-
жденіи, что избраніе имъ самимъ земскихъ
стражниковъ — это только заманка, подѣ кото-
рою кроется лишь первый шагъ къ установле-
нію въ краѣ рекрутскихъ наборовъ. «Настъ
хотятъ брать въ солдаты, убѣждали сельчанъ
разные агитаторы, за тѣмъ, чтобы заставить
потомъ сражаться съ нашими братьями по
вѣрѣ и племени, а послѣ солдатчины русскіе
потребуютъ еще, чтобы жены наши не смѣли
закрывать лица, а ходили открыто, какъ рус-
скія бабы; нѣтъ, лучше выселиться къ сво-
имъ! Тамъ по крайней мѣрѣ будемъ жить по
закону, какъ жили отцы и дѣды, въ благоче-
стіи и повиновеніи велѣніямъ Аллаха». Сло-
вомъ, рядъ подобныхъ, по существу самыхъ
гуманныхъ и логичныхъ мѣропріятій, вмѣсто
примиренія и довѣрія, еще болѣе способство-
валъ усилению эмиграціи, и турецкіе сельчане
вадомъ валили за границу. Въ настоящее
время во всей Карсской области удержалось
лишь 42.500 душъ населенія турецкой націо-
нальности, преимущественно изъ сельскаго со-
словія. Остались, конечно, ия бѣдняки, кото-
рымъ не на что было выбраться, ия тѣ, кого
захватилъ, среди неоконченныхъ сборовъ, ко-
нецъ трехлѣтняго льготнаго срока; во всякомъ
случаѣ, люди не особенно состоятельные. Но
какъ тѣ, такъ и другіе, оставшіеся на мѣстѣ,
спирялись предѣ своею судьбой, стали попреж-
нему продолжать занятія своимъ хозяйствомъ,
и теперь, какъ уже сказано, составляютъ одинъ
изъ лучшихъ элементовъ населенія. Примы-
рились ли они съ нами въ душѣ? Не думаю,
но долженъ сказать, что при сношеніяхъ съ
русскими турокъ всегда почтительно вѣжливы,
отнюдь однако не унижаясь, не роняя соб-
ственного достоинства, гостепріимны, честны
во всѣхъ расчетахъ и являють собою истин-
ный примѣръ строго легальнаго подчиненія
существующему, хотя быть-можетъ и не сим-
патичному для него порядку, не переставая
въ то же время быть въ душѣ мусульман-
скимъ патриотомъ. Нынѣшнее поколѣніе, ко-
нечно, мы не приучимъ, довольно съ насъ и
того, чѣмъ оно является въ настоящее время,

¹⁾ Сельскія общества, составленныя изъ нѣ-
сколькихъ смежныхъ селеній и соответствующія
нашимъ волостямъ. Меркезы очень полезны въ
административномъ смыслѣ, облегчая исполне-
ніе правительственныхъ распоряженій по селе-
ніямъ, такъ какъ въ области не существовало
промежуточной инстанціи между округомъ и де-
ревней.

но впоследствии совместная жизнь съ русскимъ населеніемъ, хорошее, справедливое управленіе, подъемъ экономического благосостоянія и можетъ-быть русская школа — надо надѣяться — сдѣлають то, что въ слѣдующемъ

поколѣніи наши турки сживутся съ нами, мало-по-малу забудуть прошлое и сознають, что жить подъ рукой Россіи все-таки не дурно. Дай Богъ, чтобы это было поскорѣе, лишь бы мы сами не портили дѣло.

Вдоль Австрійской границы.

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ)

Утромъ, 8 іюля, мы прибыли въ мѣстечко Черный Островъ. Это предпоследняя желѣзнодорожная станція предъ пограничнымъ мѣстечкомъ Волочискомъ (Волынской губерніи). Здѣсь расположены одинъ изъ летучихъ отрядовъ пограничной стражи. Мѣстечко скупилось на берегу небольшого озера и представляетъ собою обыкновенное жидовское гнѣздо, со множествомъ корчемъ и «заѣздныхъ домовъ», какими полна вся наша западная окраина. Но оно до известной степени уже «цыбулизавалось», потому что рядомъ съ пейсами, ермулками и лапсердаками, вы встрѣчаете тутъ и шляпы-котелки, и пиджаки, и многія Ривки, Хайки и Мерки преобразились уже въ настоящихъ «мадамовъ», не безъ достоинства носящихъ новомодные шиньоны и турнюры. «Цыбулизация» простерлась даже до того, что на одной изъ каменныхъ вывѣсокъ, вмѣсто тривиальнаго слова «корчма», мы находимъ вдругъ деликатную надпись «Буфетъ эелцерскихъ водъ», а подъ нею уже скромное поясненіе: «расширенно и на выносъ». Едва-ли нужно много распространяться о томъ, что всѣ эти «заѣздные дома» промышленяютъ главнѣйшимъ образомъ на счетъ корчемства и укрывательства контрабанды. Цыбулизированные жидки, вкусившіе отчасти гимназическаго, а то и просто газетнаго просвѣщенія, оправдываютъ свою излюбленную профессию тѣмъ, что мы-де «піонеры сшвабоднаго торговля», «фритредеры по убѣжденіямъ».

Мѣстечко принадлежитъ графинѣ Пржездецкой, у которой тутъ же находится прекрасная усадьба, настоящій «палацъ», съ большимъ фруктовымъ и цвѣточнымъ садомъ, обнесеннымъ узорчатой чугунной рѣшеткой. Одинъ фасъ этой ограды съ парадными воротами выходитъ на обширную базарную площадь, среди которой стоитъ небольшая каменная церковь, — сколько можно судить по внѣшности, вѣроятно передѣланная изъ католической каплицы. Во дворѣ панскаго «палаца», на пьедесталѣ, оку-

паванномъ ползучими растеніями, высится каменная статуя какого-то римскаго святаго и тутъ же, не выходя изъ ограды, красуется каменный костелъ, съ колокольной, устроенной въ сквозныхъ нишахъ особыхъ костельныхъ воротъ, что по идее своей отчасти напоминаетъ мнѣ колоколни нѣкоторыхъ древнѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ церквей. Въ костелѣ висятъ старинные портреты «фундаторовъ» и «протекторовъ» храма изъ рода Пржездецкихъ, а въ нишѣ, у правой стѣны, находится прекрасное бѣломраморное изваяніе спящей на ложѣ молодой дѣвушки, въ натуральную величину. Это надгробный памятникъ графини Люціи Пржездецкой, скончавшейся въ 1874 году: въ статуй точно воспроизведены черты лица покойной; работа исполнена однимъ изъ римскихъ скульпторовъ и составляетъ какъ-бы предметъ гордости христіанскихъ обывателей мѣстечка, указывающихъ на это изваяніе, какъ на главную достопримѣчательность Чернаго Острова. Вторую его достопримѣчательность составляетъ желѣзно-конная дорога, проведенная на средства помѣщицы отъ станціи до сахарнаго завода, принадлежащаго владѣльцѣ мѣстечка.

Въ тотъ же день, около трехъ часовъ пополудни, мы прибыли въ пограничное мѣстечко Волочискъ. Большая желѣзнодорожная станція, таможня и нѣсколько домиковъ, принадлежащихъ таможеннымъ чиновникамъ и комиссіонерамъ, находятся не доѣзжая версты около двухъ до самаго мѣстечка и, вѣроятно, послужатъ ядромъ для новаго Волочиска, который образуется вокругъ нихъ современнымъ. Официально въ Волочискѣ счтается 1.168 человекъ обоого пола жителей, но въ дѣйствительности ихъ должно быть больше, ибо ничто такъ не ускользаетъ изъ-подъ контроля правительственной статистики, какъ еврейское населеніе, въ особенности въ пограничныхъ мѣстностяхъ. А Волочискъ—это совсѣмъ еврейское

царство. Здѣсь даже на фронтонѣ каменнаго костела, украшеннаго двумя большими мурованными урнами, красуется въ лучахъ золотая еврейская надпись, чего доселѣ нигдѣ и никогда не доводилось мнѣ видѣть. Какой смыслъ этой надписи и ради чего, въ какихъ видахъ она сдѣлана, — этого уже не знаю. Костелъ гордо красуется въ самомъ центрѣ мѣстечка, а позади его, прятаясь какъ-то сбоку, доживаетъ свой дряхлый вѣкъ покосившаяся деревянная церковь о трехъ продольныхъ главахъ (обыкновенный типъ украинской деревенской архитектуры), обреченная на постепенное разрушеніе. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Волочискѣ построили новую каменную церковь совершенно приличнаго вида. Она стоитъ на возвышенности, не доходя мѣстечка, и должна быть далеко видна съ того берега, изъ Австріи, какъ символическій стражъ православной Россіи. Присутствіе костела заставляетъ предполагать преобладаніе на мѣстѣ католическаго элемента; но такое заключеніе было бы совершенно ошибочно: въ самомъ мѣстечкѣ, послѣ евреевъ, значительное большинство жителей искони было и есть православное. Католицизмъ представляется здѣсь всего лишь нѣсколькими семьями «дробной шляхты», да нѣсколькими «обывцѣлями», отчасти служащими на желѣзной дорогѣ, отчасти практикующими разныя «иольныя профессіи». Окрестное сельское населеніе точно также исключительно православное. Костелъ же среди мѣстечка, очевидно, былъ воздвигнутъ нѣкогда для наивѣщаго нагляднаго доказательства «же тутей есть Польска». Говорятъ, будто такое наглядное насажденіе доказательствъ польщины совершалось въ этомъ издревле русскомъ край уже подъ русскими владычествами и даже при содѣйствіи самого правительства, во времена могущества Адама Чарторыйскаго въ Петербургѣ и графа Чацкаго на Волыни. Такимъ образомъ, сами же мы, въ ущербъ себѣ, содѣйствовали распространенію и укорененію этого полятческаго обмана.

Границей между нами и Австріей служатъ здѣсь небольшое озеро и рѣчка Сбручъ. При истокѣ рѣчки устроена плотина и на ней — переходный пунктъ: два шлагбаума въ разстояніи двадцати шаговъ одинъ отъ другого, при нихъ двѣ будки и два пограничныхъ столба. Австрійскіе знаки носятъ, конечно, черно-желтую, а наши — черно-оранжево-бѣлую окраску. Пространство между шлагбаумами хотя и принадлежитъ намъ, но считается нейтральнымъ, и офицеры наши, подходя зачѣмъ либо къ черно-желтому шлагбауму, обыкновенно оставляютъ оружіе у будки своего часового. Такой же этикетъ относительно насъ соблюдается и австрійцами. Когда мы, гуляя въ сумерки, приблизились къ ихъ шлагбауму, къ намъ тотчасъ же подошли два гренцъ-егеря (такъ называются

ихъ пограничные стражники) и, приложивъ руку къ козырьку, любезно спросили, не желаемъ ли мы прогуляться по австрійской территории? — Мы поблагодарили и отказались, сказавъ, что хотѣли только взглянуть на ихъ форму. Эта послѣдняя состоитъ изъ чернаго кепи извѣстнаго австрійскаго образца, съ зеленымъ жгутникомъ, чернаго пиджака съ отложнымъ воротникомъ, на которомъ нашиты двѣ зеленныя петлицы, и длинныхъ черныхъ брюкъ; пуговицы бѣлыя, металлическія, поясъ лакированной черной кожи и на немъ съ одной стороны маленькая патронная сумка, а съ другой — длинный ножъ, въ родѣ охотничьяго; короткий карабинъ носится за плечомъ, на погонномъ ремнѣ. Оказалось, что одинъ изъ этихъ гренцъ-егерей очень хорошо говорить по-русски, и онъ объяснилъ намъ, что они служатъ по вольному найму и не составляютъ какихъ-либо отдѣльныхъ командъ, а живутъ, обыкновенно, по два человека на обывательскихъ квартирахъ, за которыя платятъ хозяевамъ казна; правильныхъ кордоновъ, подобныхъ нашимъ, у нихъ не существуетъ, но разбѣгаются эти пары егерей тамъ, гдѣ опущается въ нихъ дѣйствительная надобность, какъ на примѣръ: на переходныхъ пунктахъ, на переправахъ, при бродахъ, наиболѣе удобныхъ для перехода, и въ наиболѣе людныхъ селеніяхъ; участокъ свой обходятъ они какъ случится, — когда вдвоемъ, когда въ-одиночку, и дѣлаютъ это, большею частью, по закатѣ солнца, а днемъ одинъ изъ нихъ отправляется на какой-нибудь удобный для наблюденій пунктъ, садится или ложится въ тѣни подъ деревомъ и слѣдитъ, не будетъ-ли чего интереснаго у закордоннаго сосѣда. Полежавъ такимъ образомъ съ часикъ, гренцъ-егерь перебрѣдетъ себѣ, гуляючи, на другой, подобный же наблюдательный пунктъ и тамъ точно также полежитъ да поглядитъ, и затѣмъ идетъ домой сбѣдать и отдыхать отъ служебныхъ трудовъ, пока совершенно такую же службу, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ будетъ нести его товарищъ. Главная ихъ обязанность слѣдить не столько за контрабандой, сколько за своими дезертирами, чтобы не допускать перехода ихъ на нашу сторону. Въ случаѣ замѣченнаго побѣга, гренцъ-егерь имѣетъ право стрѣлять по дезертиру даже и тогда, если послѣдній уже выходитъ на русскій берегъ, чего нашимъ стражникамъ отнюдь не разрѣшается. Что же до контрабанды, направляющейся въ наши предѣлы, то гренцъ-егеря не только не должны ей препятствовать, но напротивъ, обязаны оказывать по силѣ возможности, всякое негласное содѣйствіе, давая совѣты и указанія гдѣ, какъ и когда безопаснѣе перейти границу, гдѣ можно надежнѣе затѣяться и сложить до времени товаръ, гдѣ слабѣе на нашемъ берегу охрана, гдѣ удобнѣе бродъ и т. п. На ихъ же

обязанности лежить и наблюдение, по возможности, за всемъ, что дѣлается по сую сторону кордона, равно какъ и собраніе всякихъ приграничныхъ слуховъ, толковъ и извѣстій изъ Россіи, имѣющихъ какой либо интересъ не празднаго свойства.

Лѣвый, т. е. русскій берегъ Сбруча въ Волочицкѣ высокъ и обрывистъ, австрійскій же низменъ и поросъ вербами и кустарникомъ. Тамъ раскинулось селеніе, извѣстное подъ именемъ Подволочиска. Составъ его коренного населенія такой же, какъ и нашъ, — евреи и русские галичане. Таможенная и желѣзнодорожная служба, конечно, въ рукахъ у нѣмцевъ и поляковъ, а контрабандный промыселъ у евреевъ. Что до нашей стороны, то мѣстные свѣдущіе люди утверждаютъ, что всѣ еврейскія хаты, расположенныя надъ самымъ обрывомъ, служатъ для контрабандистовъ притонами и передаточными пунктами. Самое расположеніе ихъ на указанномъ мѣстѣ служить большимъ препятствіемъ для наблюдения за границей, и потому мѣстная администрація не позволяетъ болѣе возводить новыхъ, ни даже ремонтировать старыхъ построекъ, совершенно маскирующихъ берегъ, а лишь терпитъ ихъ, пока не придутъ въ окончательную негодность. Одну изъ крайнихъ хатъ ухитрились евреи поставить даже такимъ образомъ, что ея уголъ выходитъ на самый обрывъ, и наши патрули, далъ того чтобы попасть на патрульную дорогу, должны совершать эквилибристическое движеніе надъ отвѣснымъ обрывомъ, обхватывая руками уголъ строенія и рискуя при этомъ каждый разъ сорваться внизъ, особенно въ ночное время или въ ненастную погоду, когда рыхлая глинистая почва становится скользкою. Казаюсь бы, что съ подобными постройками администрація нечего церемониться и давнымъ давно уже слѣдовало бы распорядиться своимъ и переводомъ ихъ на другое, болѣе удобное мѣсто.

10-го іюля сдѣлали мы перѣздъ отъ мѣстечка Сатанова до мѣстечка Гусятина. Первое изъ нихъ довольно многолюдно и не безъ приволья раскинулось по прибрежью Сбруча. Здѣсь еще сохранились остатки древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ изъ жженого кирпича и двѣ каменные башни, изъ коихъ одна круглая, другая четырехугольная. Эта послѣдняя находится при постѣ пограничной стражи, у переходнаго пункта, и была сооружена въ 1724 году Силивскимъ, старостой краковскимъ — такъ гласитъ латинская надпись, вырѣзанная на большой песчаниковой плитѣ надъ входомъ въ башню. На Сбручѣ встрѣчается нѣсколько развалинъ старыхъ замковъ и башенъ, которыя въ свое время служили оплотомъ противъ крымскихъ и буджакскихъ татаръ, а равно и противъ сосѣднихъ турокъ, имѣвшихъ свой ближайшій опорный пунктъ

въ хотинской крѣпости. Нѣкоторые изъ этихъ замковъ очень древни и относятся еще ко временамъ князей Галицкихъ и Острожскихъ.

Отъ Сатанова пограничная или, такъ-называемая, кордонная дорога идетъ среди прекрасной горно-лѣсной мѣстности. По пути къ 1-му Крентиловскому посту, на высокой, сплошь покрытой кудрявыми лѣсомъ горѣ высятся главы православнаго Крентиловскаго монастыря, служашаго, какъ сказывали намъ, мѣстомъ ссылки духовныхъ лицъ на покаяніе. Если это дѣйствительно такъ, то нельзя не замѣтить, что этому монастырю, стоящему на самомъ рубежѣ земли Русской, гораздо бы болѣе приличествовало быть не тюрьмой, а свѣточемъ православія, разсадникомъ русскаго церковнаго просвѣщенія и поддержкой русско-народности въ ея борьбѣ съ чуждыми и враждебными ей элементами во всей окрестной странѣ, не только по сую, но и по ту сторону Сбруча. Бороться же словомъ и духомъ приходится тутъ не только съ латинствомъ польшизны, но и съ нашимъ собственнымъ расколомъ, опирающимся на Бѣлую Криницу, и съ развитіемъ новѣйшаго сектантства въ видѣ штунды. Крентиловскій монастырь одинъ изъ бѣдныхъ; онъ владѣетъ лишь незначительною частицей роскошныхъ окрестныхъ лѣсовъ, которые почти сплошь принадлежатъ князю Сангушко. Преобладающими видами ихъ растительности являются букъ, дубъ, а въ особенности грабъ и липа. Благодаря послѣдней, въ окрестностяхъ существуетъ немало пасѣкъ, и пчеловодство является дѣломъ далеко не бездоходнымъ.

11-е число мы провели въ мѣстечкѣ Гусятинѣ, гдѣ находится таможня и переходный пунктъ противъ австрійскаго мѣстечка того же имени. У австрійцевъ проведена сюда желѣзная дорога исключительно со стратегическою цѣлью; у насъ же такого пути пока еще и въ виду не имется. Впрочемъ, мнѣ кажется, что всѣ выгоды мѣстоположенія на нашей сторонѣ: оно, во-первыхъ, господствуетъ надъ австрійскимъ берегомъ, а во-вторыхъ, самая конфигурація границы такова, что, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, намъ не трудно было бы отхватить не только этотъ конечный пунктъ, но и разрушить дорогу въ приличномъ отъ него разстояніи.

Въ австрійскомъ Гусятинѣ проживаетъ нѣкій знаменитый еврейскій падиакъ, влияние котораго далеко распространяется даже и въ нашихъ предѣлахъ. Онъ живетъ себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, маленькимъ царькомъ, въ своемъ наследственномъ, высокомъ каменномъ домѣ старинной постройки, отчасти въ готическомъ, отчасти въ восточномъ стилѣ. Къ сему «снятому мужу» стекаются на поклоненіе евреи со всей Галичины и изъ нашей Украины и Бессарабіи, ибо «слава его зву-

читать о немъ далече». Онъ имъ пророчес-
твуетъ, иногда объясняетъ разныя тонкости
Талмуда, читаетъ поученія, лечитъ отъ дур-
ного глаза и отъ неплотія, заговариваетъ
кровь и зубы, даетъ совѣты и указанія на-
счетъ разныхъ коммерческихъ дѣлъ и гешеф-
товъ, гадаетъ по какой-то старой кабалисти-
ческой книгѣ объ успѣхѣ или неудачѣ замы-
шляемыхъ предпріятій, о пропаяхъ, о сча-
стливыхъ нумерахъ выигрышныхъ билетовъ,
и т. п. И онъ же, какъ говорятъ, держитъ
въ своихъ рукахъ всѣ нити по части контра-
банды, конокрадства и перевода черезъ гра-
ницу въ ту и другую сторону разныхъ тем-
ныхъ личностей, преимущественно изъ евре-
въ, уклоняющихся отъ суда или отъ воин-
ской повинности, и за все это получаетъ, ко-
нечно, приличную лепту. Но и помимо этихъ
источниковъ, доходы его, говорятъ, очень ве-
лики, потому что каждый еврей, являющійся
къ нему за совѣтомъ или просто на поклоне-
ніе, непременно приноситъ съ собой и нѣко-
торое даяніе, которое принимаютъ окружаю-
щіе падиакъ довѣренныя лица.

Въ австрійскихъ мѣстечкахъ Гусятинѣ и
Скалѣ издавна существовали контрабандныя
товарищества на паяхъ, которыя имѣли не
только свои склады контрабандныхъ товаровъ,
но даже свои конторы взаимнаго страхованія,
гдѣ принимался на страхъ всякій товаръ, пе-
ревозимый тайнымъ путемъ въ Россію. Дѣя-
тельность этихъ товариществъ была органи-
зована правильнымъ образомъ, на правахъ
какъ бы совершенно легальныхъ коммерче-
скихъ предпріятій. Они имѣли своихъ аген-
товъ во всѣхъ городахъ и наиболѣе бойкихъ
мѣстечкахъ Юго-Западнаго края и къ услугамъ
ихъ всегда были наготовѣ цѣлый штатъ опыт-
ныхъ и отважныхъ контрабандистовъ, кото-
рыхъ они нанимали за деньги собственно для
перевоза товаровъ черезъ границу. Но въ ны-
нѣшнемъ году, какъ гусятинское, такъ и скалин-
ское товарищества были вынуждены обстоя-
тельствами прекратить свою стародавнюю дѣя-
тельность; распустили агентовъ, распродаютъ
всѣхъ выюжныхъ и верховыхъ лошадей и за-
крыли лавки контрабандныхъ товаровъ. Об-
стоятельства эти заключались не только въ бо-
лѣе бдительной охранѣ границы съ нашей
стороны, причемъ въ концѣ прошлаго и въ
началѣ нынѣшняго года было сдѣлано погра-
ничною стражей нѣсколько крупныхъ и очень
цѣнныхъ задержаній, но и въ томъ, что многіе
изъ нашихъ русскихъ товаровъ и произведеній
стали теперь дешевле заграничныхъ. Такъ, на-
примѣръ, въ мѣстечкѣ Ермолянцахъ (Преску-
ровскаго уѣзда), въ ярмарку нынѣшняго года
было продано однихъ лишь шерстяныхъ плат-
ковъ русскаго издѣлія на 45,000 рублей, по
60 копеекъ штука, тогда какъ контрабандные
австрійскіе платки худшей доброты продава-

лись до сего времени по 75 и 80 копеекъ по
наименьшей мѣрѣ. Точно также значительно
уменьшилось и контрабандное водвореніе
спирта, что видно уже хотя бы изъ того об-
стоятельства, что въ нынѣшнемъ мѣсѣцѣ,
сравнительно съ маемъ прошлаго года, заво-
дами нашего пограничнаго района въ давней
мѣстности выкурено спирта на 33.000 граду-
совъ болѣе. Замѣчается даже вотъ какое, со-
вершенно новое, небывалое явленіе. Доселѣ,
какъ извѣстно, контрабанда шла только къ
намъ; теперь же она пошла и отъ насъ въ
Австрію. Какъ слышно, во многихъ погранич-
ныхъ деревняхъ позавоидились подспудныя ла-
вочки, торгующія керосиномъ. У насъ фунтъ
керосина стоитъ 3 копейки, а на той сторонѣ
Сбруча и Днѣстра 9 и 12 копеекъ. Продавая
же фунтъ отъ 7 до 9 копеекъ, нашъ проно-
ситель наживаетъ себѣ на немъ отъ 4 до 6
копеекъ. Точно также пошли отъ насъ кон-
трабанднымъ путемъ: табакъ, фаянсъ, моско-
вскіе миткаля, кумачи и ситцы, которые до-
бrotнѣ австрійскихъ и болѣе по вкусу мѣст-
ному населенію. Наши мѣстные жители гово-
рятъ, что торговля русскою контрабандою и
въ особенности керосиномъ могла бы принять
солидные размѣры и даже служить однимъ
изъ источниковъ значительныхъ выгодъ для
мѣстнаго населенія, если бы не дѣлались ей
постоянные и сильные препятствія со сто-
роны нашего собственнаго закона, въ лицѣ
пограничной охраны, которая не допускаетъ
никакого незаконнаго проноса и перехода гра-
ницы ни къ намъ ни отъ насъ. Такимъ обра-
зомъ, выходитъ, что мы же сами являемся
надежнѣйшими охранителями границы сосѣд-
няго намъ государства, благодаря чему, ав-
стрійцы почти и не держатъ у себя погра-
ничной стражи. Мы избавляемъ ихъ государ-
ственный бюджетъ отъ этой весьма значитель-
ной статьи ежегоднаго расхода. Это, конечно,
очень великодушно, въ особенности если вспо-
мнить, что въ обязанности гренцъ-егерей пря-
мо входитъ негласное, но всевозможное покрови-
тельство контрабандѣ, направляющейся къ
намъ изъ Австріи.

Вотъ, между прочимъ, совершенно особен-
ная отрасль контрабанды, искони идущая къ
намъ черезъ Австрію и на прекращеніе кото-
рой едва ли когда можно разсчитывать. Это
мелкіе красные кораллы, употребляемые мѣст-
ными и вообще малороссійскими крестьянками
какъ ожерелье (монисто), подъ именемъ «ко-
ралекъ». Продаются они нитками и связками
отъ пяти до двѣнадцати и болѣе нитокъ.
Проносомъ этого рода контрабанды занимаются
исключительно австрійскія бабы-крестьянки,
которыя переходятъ по легитимационнымъ би-
летамъ границу, подъ предлогомъ посѣщенія
базара или родственниковъ. Баба несетъ та-
кую контрабанду у себя на шеѣ совершенно

открыто, какъ свое собственное монисто, а прийдя въ хату къ какой-нибудь своей приятельницѣ, переизыываетъ тамъ кораллы съ синей (заграничной) на суровую (русскую) и притомъ зановенную нитку, чтобы не оставалось никакихъ признаковъ нелегальнаго происхожденія товара, который послѣ этого открыто выносятся на базаръ уже русскою бабой и продается съ рукъ, какъ своя собственная, либо доставшаяся по наслѣдству вещь, сбываемая-де за невадобностью или по нуждѣ. У одной такой продавщицы недавно выясно на шеѣ девятнадцать фунтовъ «коралекъ». Такимъ образомъ, тутъ уже приходится таможенной охранѣ вести борьбу съ женщинами, и борьбу болѣе трудную, чѣмъ съ любымъ проносителемъ-мужчиной.

13 іюля посѣтили мы мѣстечко Сбрижъ, гдѣ надъ Сбручемъ находятся на возвышенномъ обрывистомъ берегу развалины замка помѣщицы Тарло и церкви, передѣланная изъ католическаго кляштора, а вечеромъ прибыли на ночлегъ на постъ Волохи, расположенный противъ австрійскаго мѣстечка Скалы. На высокомъ противоположномъ берегу стоятъ развалины древняго замка и крѣпостныхъ стѣнъ съ высокой четырехугольной башней. Лѣвѣе, тоже на возвышенности, — каменная церковь, первая, исполнѣ благоприличная церковь на пограничной австрійской территоріи, гдѣ до сихъ поръ повсюду являлся намъ поразительный контрастъ въ видѣ великолѣпнаго каменнаго костела и, рядомъ съ нимъ, убогой, покосившейся отъ ветхости деревянной перковки, которую и ремонтировать нельзя прихожанамъ, даже на собственные средства, безъ особаго разрѣшенія со стороны мѣстнаго помѣщика и австрійской администраціи, что всегда сопряжено со всевозможными затрудненіями. Какъ ни кричатъ австрійцы о конституціонномъ равноправіи всѣхъ своихъ народностей, а православная церковь тутъ, видимо, въ загонѣ. Единственное исключеніе составляетъ храмъ въ Скалѣ, да и то потому, что онъ униатскій. Мѣстечко Скала принадлежитъ графу Голуховскому, нынѣшнему австрійскому посланнику въ Букарестѣ. Здѣсь мы узнали, что во время послѣдняго запрещенія вывода лошадей изъ Россіи, австрійскія власти объявили подъ рукой, что они будутъ прощать проводителямъ вводную пошлину въ десять гульденовъ за каждую годную для военной службы лошадь, какимъ бы способомъ и путемъ она ни была проведена въ Австрію.

На дальнѣйшемъ пути встрѣнилось намъ село Чернокозинцы, имѣніе графини Голіевской. Здѣсь, на берегу Сбруча тянется въ нѣсколько рядовъ прекрасная аллея старорослыхъ пирамидальныхъ тополей, а надъ ними, на верху довольно крутого ската горы, стоятъ красивыя развалины древняго замка съ круг-

лою башней, который, по словамъ нашего возницы изъ мѣстныхъ жителей, называется у нихъ въ народѣ Суражскимъ и былъ построенъ когда-то турками. Мѣстные сторожила уверяютъ, что подъ замкомъ существуютъ подземные ходы, которые будто бы тянутся верстѣ на пятьдесятъ и что въ этихъ ходахъ встрѣчались мѣстами разнымъ кладонскателямъ кости, старинное оружіе и кое-какая утварь.

14 іюля прибыли въ Исаковецкую таможеню, расположенную при слияніи Сбруча съ Днѣстромъ, который отъ этого пункта уже всецѣло, обоими берегами, входитъ въ наши предѣлы. Въ прошломъ столѣтіи здѣсь былъ карантинъ, учрежденный въ виду чумы, заносившейся иногда къ намъ изъ Бессарабіи, гдѣ она появлялась довольно часто, пока эта провинція состояла подъ владычествомъ Турціи. Впослѣдствіи карантинныя зданія были переданы таможенному вѣдомству, которое и пользуется ими съ 1801 года. Зданія эти, занимающія въ видѣ каре довольно значительную площадь, состоятъ изъ нѣсколькихъ одно-этажныхъ, неуклюжей казенной архитектуры, домовъ, построенныхъ изъ мѣстнаго камня (песчаниковый плитнякъ), который отъ времени и непогодъ давно уже выветрился, изноздрился и мѣстами выкрошился, вълѣдствіе чего дома эти очень холодны и сыры. Лѣтомъ оно, пожалуй, и ничего, даже иногда приятно, особенно въ здѣшнія жары; зато осенью и зимой — бѣда. Вообще, въ этихъ строеніяхъ все — и снаружи, и внутри — смотреть очень ветхо, уныло, какъ бы умолая либо о капитальномъ ремонтѣ, либо объ окончательномъ сносѣ. Нѣсколько высокихъ старыхъ вербъ осяняютъ съ одной стороны фасады этихъ строеній и тѣмъ отчасти скрадываютъ ихъ убогую неприглядность, среди совершенно открытой возвышенной плоскости. Кромѣ таможни, въ тѣхъ же зданіяхъ расположены офицерскій постъ пограничной стражи и штабъ 5-го отдѣла Волинской бригады; здѣсь ея крайній лѣвый флагъ, а на томъ берегу Днѣстра, начиная съ Хотина, идетъ уже районъ бригады Скулянской.

Ниже, по теченію Днѣстра, примыкаетъ къ таможенному каре деревня Исаковцы, растянущаяся съ своими бѣлыми хатами и пестрыми огородами вдоль по прибрежному склону. Она служитъ для многихъ горожанъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія: сюда привѣзаютъ не только изъ Жвапца и Хотина, но и изъ Каменецъ-Подольска пользоваться, по совѣту врачей, днѣстровскими купаньями, которые признаются весьма дѣльными, особенно въ первыхъ болѣзняхъ. Помѣщенія нанимаютъ себѣ больные у крестьянъ, въ ихъ хатахъ, а провизію привозятъ къ нимъ торговцы изъ Хотина. Купальный сезонъ продолжается обыкновенно

до осени, пока стоит хорошая погода и вода сохраняет достаточную температуру. Цѣлебныя свойства днѣстровской воды, по отзыву свидѣющихъ мѣстныхъ людей, состоятъ въ томъ, что рѣка воспринимаетъ въ себя множество родниковыхъ ключей, какъ со дна, такъ и съ береговъ, почва которыхъ богата разными минеральными залежами. Да и самое дно, кромѣ того, замѣчательно полнымъ отсутствіемъ ила,—оно все каменисто, и хрящевато, вслѣдствіе чего вода всегда сохраняетъ надѣлающую чистоту и свѣжесть; по берегамъ нѣтъ ни камышей, ни вообще водянистыхъ растений, задерживающихъ теченіе и способствующихъ гниеву разныхъ попадающихъ въ рѣку органическихъ веществъ, — все это въ совокупности иллетъ самымъ благотворнымъ образомъ на гигиеническія свойства днѣстровскихъ купаній, которыя, къ сожалѣнію, далеко не пользуются въ Россіи тою извѣстностью, какой они въполнѣ заслуживаютъ.

Въ Исаковцахъ намъ рассказывали очень интересныя вещи о закордонномъ населеніи и о томъ политическомъ настроеніи, какое съ особенной выразительностію замѣчается въ немъ въ настоящую минуту. Подобныя же рассказы и отзывы неоднократно приходилось намъ слышать и раньше, на всемъ пути нашего пограничнаго слѣдованія, такъ что все, съ чѣмъ я сейчасъ назбиренъ познакомить читателя, относится не къ однѣмъ только исаковецкимъ закордоннымъ окрестностямъ, но въ равной мѣрѣ и ко всей русско-галицкой границѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ называли имена и лицъ и мѣстностей, но я воздержусь отъ указаній на нихъ въ печати, изъ понятной предосторожности, чтобы не навлечь на нашихъ друзей преслѣдованій польскихъ пановъ и черезчуръ усердныхъ австрійскихъ чиновниковъ.

Закордонное почвенное населеніе,—это все такіе же русскіе мужики, какъ и наши, населяющіе Волинскую и Подольскую губерніи. Никакихъ, не только рѣзкихъ, но и детальныя различій между тѣми и другими не замѣчается. Говорятъ они всѣ по-русски, украинскимъ нарѣчіемъ, исповѣдуютъ православную вѣру, а которые и числятся офиціальнымъ образомъ униатами, тѣ по большей части не сознаютъ этого, а считаютъ въ простотѣ сердечной, что они «русской вѣры» и сами себя называютъ *русакми* или *руснаками*; но названія русинъ или рутенъ для нихъ совершенно чужды, и таковыя вы иногда тутъ не услышите. Къ Россіи они льнутъ всей душой, и эта симпатія носитъ у нихъ какой-то стихійный характеръ. Когда въ началѣ нынѣшняго года, отношенія между Россіей и Австріей обострились, вся мѣстная интеллигенція, то есть поляки, вѣмпы и жиды, замѣтно приуныла: вся она очень боится войны

съ Россіей, не нѣбя ни малѣйшей вѣры въ стойкость вѣнскаго правительства и въ особенности въ стойкость австрійской арміи. Зато крестьяне сильно пріободрились. Никто изъ нихъ, равно какъ и вся названная приграничная интеллигенція, не сомнѣвается въ исходѣ возможной войны: и друзья, и недруги наши единодушно убѣждены, что австрійку съ русскими не справиться и что Галичина съ Буковиной, рано ли поздно ли, будутъ взяты Россіей, граница коей передвинется на Карпаты. Таково же, какъ увѣряютъ насъ, общее, хотя и вовсе не улыбающееся имъ, убѣжденіе помѣщиковъ нашей Польши въ ея южной приграничной части. Нѣкоторые изъ нихъ до такой степени убѣждены въ необходимости и близости такого передвиженія, что колеблются даже заключать долгосрочные контракты съ офицерами пограничной стражи на наемъ частныхъ помѣщевій для нѣкоторыхъ кордонныхъ постовъ и даже на капитальный ремонтъ ихъ. «Все равно, возражаютъ они, — контрактъ придется нарушить и затрата на ремонтъ не окупится, такъ какъ граница скоро будетъ передвинута впередъ на Карпаты, и тогда куда же дѣваться намъ съ этими постройками!» Когда же ихъ увѣриютъ въ противномъ, то они только многозначительно и недовѣрчиво улыбаются: «толкуйте, молъ, знаемъ мы!..» Вообще, ожиданіе войны здѣсь всеобщее; оно какъ бы разлито въ самомъ воздухѣ и, конечно, пошевелѣ отражается угнетающимъ образомъ и на хозяйствѣ, и на множествѣ другихъ сторонъ жизни. Нѣтъ вѣры въ устойчивость положенія, нѣтъ вѣры даже въ завтрашній день, всѣ живутъ какъ-то на чеку, что вотъ-вотъ того и гляди разразится... Когда же этимъ интеллигентамъ и помѣщикамъ указываютъ на Германію и говорятъ, что Бисмаркъ никакъ не дастъ Австрію въ обиду, они на это машутъ рукой, какъ на совсѣмъ пустыя рѣчи, и возражаютъ, что въ безкорыстіе Бисмарка и въ искренность его дружбы вѣрятъ только развѣ вѣнскіе да пештскіе газетчики, да и тѣ не вѣрятъ, а пашутъ такъ, «потому что такъ нужно»...

Закордонные крестьяне, приходя иногда къ намъ, съ большимъ участіемъ и интересомъ разспрашиваютъ, что дѣлается «у насъ» въ Москвѣ и въ Кіевѣ? Иначе они и не выражаются, какъ «у насъ», въ Россіи; и царя называютъ «нашимъ», т.-е. *своимъ* царемъ. Когда же имъ при этомъ напоминаютъ, что нашъ царь, не ихъ, что у нихъ есть свой цесарь въ Вѣнѣ, они ухмыляясь отвѣчаютъ, что это такъ только *пока*, до времени, а что истинный царь ихъ сидитъ въ Россіи, въ Москвѣ. Замѣчательно, что про Петербургъ никто изъ нихъ никогда не упоминаетъ, какъ точно бы они и не знаютъ о его существованіи; но Кіевъ и Москву знаютъ рѣшительно

псѣ и считаютъ послѣднюю своею истинною столицей. Когда въ одно изъ пограничныхъ селеній прїѣзжалъ въ прошломъ году Камеведкій епископъ освящать новую церковь, въ-за кордона привалило на торжество освященія тысячъ пять разодѣтаго по-праздничному народа. Въ виду такого наплыва, администрація наша разрѣшила на сей день свободный пропускъ въ село, до предѣловъ его околицы, и когда нѣкоторыхъ изъ этихъ гостей спрашивали, зачѣмъ они пришли, тѣ объясняли, что пришли-де посмотрѣть на «нашего» архіерея и послушать своего богослуженія по всемъ его великолѣпія, какого «у насъ», за кордономъ, не бываетъ, потому что цесарь-до не нашей вѣры и ему все равно, сіяетъ она или пропадаетъ. — «Вотъ, говорили они, — кабы былъ у насъ свой царь «съ Москвы», былъ бы и у насъ такія хорошія церкви».

Однажды, нынѣшнею весной, къ одному изъ нашихъ пограничныхъ чпновниковъ является закордонный крестьянинъ, старикъ, и проситъ снабдить его пропускнымъ свидѣтельствомъ «ажъ до самой Москвы», — хочу-де нашего царя повидать. — «Зачѣмъ тебѣ?» — «Хочу пасть ему въ ноги та сказать що вже годѣ! (довольно!) Чого винъ собі думає?! Чого не вызволяє насъ сподь австрїяка?! Хіба-жъ мы ему не такіе хрестяны, якъ и свог?.. Годѣ вже, кажу! Во намъ вже мѣстно такъ мыкатися... Жидѣ одолѣвъ, паць одолѣвъ, посессѣры, жандары, нѣмцы... таі Боже жъ мой Господи!.. И ня скуда ни якої защиты!» При дальнѣйшихъ объясненіяхъ относительно практической сути предполагаемаго путешествія, то-есть чего собственно желаетъ старикъ добиться, оказалось, что еще дѣды, моля, ждали, что царь съ Москвы дастъ приказъ «принимать ихъ къ Россіи», а намъ-де уже не въ-могуту и дольше мы ждать «не согласны», такъ вотъ и хотимъ отъ всѣхъ нашихъ сельчанъ просить царя, чтобы не откладывалъ дольше своего царскаго приказа насчетъ приписки. Грустно было разочаровывать старика, но нечего дѣлать, пришлось объяснить ему, что такая просьба принята быть не можетъ и что никакихъ пропускныхъ свидѣтельствъ ни до Москвы, ни до другихъ внутреннихъ мѣстъ у насъ не существуетъ и выдать ему таковое никто не имѣетъ права. Старикъ выслушалъ все это съ большимъ сомнѣніемъ и ушелъ, грустно понуривъ голову, очевидно убѣжденный, что ему не то-что *не могутъ*, а просто *не хотѣтъ* выдать свидѣтельство. Лицо, рассказавшее мнѣ этотъ случай, полагаетъ, что старикъ такъ или иначе непремѣнно постарается пробраться до Москвы и исполнить свое завѣтное желаніе.

А вотъ еще одинъ разговоръ, маленький, но очень характерный. Въ одномъ изъ пограничныхъ мѣстечекъ, въ базарный праздничный

день, встрѣчается съ однимъ изъ офицеровъ закордонный священникъ, прїѣхавшій по легитимационному билету за какимъ-то своимъ дѣломъ. Встрѣтились они въ домѣ у мѣстнаго священника, за закуской, познакомились и разговорились. Улучшивъ минуту, закордонный гость отводитъ офицера къ окну и спрашиваетъ его нѣсколько пониженнымъ и многозначительнымъ тономъ: — «Ну, что, когда же къ намъ наконецъ?.. Скоро ли?»

Офицеръ вначалѣ даже не совсѣмъ понялъ этотъ вопросъ и, относя его къ самому себѣ, сказалъ, что скоро ли—не знаетъ, такъ какъ быть заграницей не имѣетъ пока надобности.

— Э, да я не о васъ собственно,—возразилъ священникъ, — я разумью васъ вообще, т.-е. русскихъ... Скоро ли русскіе-то къ намъ по-жалуютъ?

Тотъ одно только и могъ отвѣтить, что это болѣе всего зависитъ отъ самихъ австрійцевъ: доведутъ насъ до войны, такъ пойдемъ, а сами зачпнать ее, кажись, не намѣрены.

— Господи Боже мой! — укоризненно покачалъ головою священникъ.—Ужели-жъ опять ждать приходится?.. Да доколі-жъ, наконецъ?! Дѣды ждали—не дождался, батьки ждали—не дождался.. Ужели-жъ и мы неждемся?.. И удивительное, право, это дѣло! — развелъ онъ руками.— Берете вы собѣ разные Ахаль-Текке, берете Мервы всякіе, чуть не всю Среднюю Азію покоряете, а тутъ вдругъ подь бокомъ у васъ коренная русская земля, наслѣдие святого Владиміра, Русь Червлена, дѣдина ваша, и вы оставляете ее истлѣвать подъ чужеземцемъ... Зачѣмъ?.. Ну, подумайте, зачѣмъ это?.. Вѣдь не хорошо... право же, не хорошо.. Нѣмцы, и тѣ на васъ удивляются!

Въ этомъ нѣсколько наивномъ и добродушномъ упрекѣ слышится однако же крикъ наибольшей души. Это упрекъ, посылаемый намъ всею *почвенною* Галицкою Русью, на которую давно уже со всѣхъ сторонъ напираетъ атака враждебныхъ силъ, гдѣ работаютъ и свои хохломаны, и поляки, и нѣмцы, и жидаы, и мадыры... До сихъ поръ за этотъ народъ только и стояли его поны, но увы! есть уже и между ними священники, которые въ своемъ домашнемъ быту явче не говорятъ какъ польски или по-нѣмцки, читаютъ исключительно польскія или нѣмецкія газеты, весь складъ своей жизни устроили либо на польскій, либо на нѣмецкій ладъ. — Это все уже нездоровые признаки, показывающіе, что борьба за свою народность начинаетъ уступать шагъ за шагомъ дружному напору враговъ, но *почва* все еще держится, все еще ждетъ и надеется; она еще сопротивляется своимъ упорнымъ, хотя и пассивнымъ терпѣніемъ, а съ упованіемъ смотритъ на одну только Россію. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, это чисто стихійное тяготѣніе мужицкой Галицкой Руси къ

Россія, — тяготивіе, котораго цѣлые вѣка не могутъ задушить въ ней всѣ ухищренія польской и швабской культуры.

15-го іюля пробѣжали черезъ мѣстечко Жванецъ, надъ которымъ господствуетъ двухбашенный польскій костелъ, еще издали бросающійся въ глаза прежде всего остального. Онъ занимаетъ наиболѣе возвышенный пунктъ въ мѣстечкѣ, и, по наружности, нельзя сказать, чтобы это была постройка особенно стараго времени. Говорятъ, что польшизна вознесла его на самое видное мѣсто уже при русскомъ владычествѣ, спускательно допустивъ каменную православную церковь пребывать у его подножія, на склонѣ прибрежнаго косогора. И польшизна со своей точки зрѣнія, конечно, права: что до того ей, что мѣстное православное, русско-украинское населеніе полно и до сихъ поръ еще преданій и духа Хмѣльничяны и гайдамачины, — она знаетъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, этотъ желтоватый костелъ со своими красными крышами еще издали кричатъ собою всѣмъ и каждому, «же тутей есть Польска», а ей только это и нужно. Не польшизна тутъ виновата, а наше собственное попустительство. Жванецкая пристань полна лѣсомъ, который большими плотами гонять по Днѣстру въ половодье изъ Австріи. Переправясь на паромѣ черезъ Днѣстръ, къ селенію Отачъ (иначе Атаки), мы поднялись въ гору и вскорѣ прибыли въ Хотинъ, бывшій нѣкогда пограничною крѣпостію Молдавіи противъ Польши, потомъ оплотомъ Турціи противъ Россіи, а нынѣ — уѣздный городъ, одинъ изъ самыхъ заурядныхъ, бѣдныхъ, разбросанный своими глинобитными хатками и садами по покостямъ двухъ горъ, на кривомъ, обрывистомъ берегу Днѣстра. Когда то онъ игралъ значительную роль по своей торговлѣ, находясь на судоходной рѣкѣ, вблизи австрійской и молдавской границъ и въ 22-хъ верстахъ отъ Каменецъ Подольска, но теперь отъ прежняго торговаго значенія остался въ немъ лишь слабый слѣдъ. Вся торговая и промышленная сторона его жизни заключается нынѣ въ перепродажѣ всякаго рода лѣсныхъ материаловъ, а затѣмъ кое-какихъ фабричныхъ издѣлій русскаго и австрійскаго производства, чѣмъ почти исключительно занимаются мѣстные евреи. О всякаго рода питейныхъ заведеніяхъ не говорю, ибо гдѣ еврей, тамъ непременно и корчма, а здѣсь ихъ множество. Православныхъ церквей въ Хотинѣ три: двѣ каменные и одна деревянная; всѣ онѣ болѣе или менѣе въ плохомъ состояніи, за недостаточностью ремонта. Затѣмъ, въ городѣ насчитывается одна католическая каплица, старая каменная армяно-грегоріанская церковь, раскольничья деревянная часовня и семь синагогъ, изъ которыхъ одна каменная. Внутри крѣпости сохранилась еще сѣрая кирпичная башня мина-

рета, безъ шпилья, сорванного когда-то бурей. Главною и единственною историческою достопримѣчательностію Хотина является его древняя крѣпость, а между тѣмъ въ исторіи Хотина были замѣчательныя страницы. О нѣкоторыхъ эпизодахъ его прошлаго я хочу сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейду къ разсказу о крѣпости. Покойный С. П. Палаузовъ, много занимавшійся историческими и этнографическими изслѣдованіями балканскихъ и придунайскихъ странъ, говоритъ, что основаніе Хотина приписывается предводителю даковъ — Котизону, или Хотизону, жившему въ III вѣкѣ нашей эры и убитому въ сраженіи съ римскими легіонами Лентула ¹⁾. По имени Котизона городъ первоначально былъ названъ Хотимъ, а впоследствии и измѣнилось въ говорѣ на *и* и вышелъ Хотинъ. Первоначальная постройка его укрѣпленій была сдѣлана генуэзцами, о чемъ свидѣтельствуеетъ архитектура цитаделиной башни, совершенно тождественная съ общимъ типомъ генуэзскихъ сооружений этого рода. Предполагаютъ ²⁾, что башня эта была первоначально одною изъ укрѣпленныхъ торговыхъ станцій, устроенныхъ генуэзцами по берегу Днѣстра, отъ Аккермана до Сечавы, гдѣ, какъ извѣстно, они имѣли свои торговые конторы. Затѣмъ, послѣ генуэзцевъ Хотинъ сдѣлался значительнымъ торговымъ городомъ Молдавіи; но отъ молдаванъ перешелъ къ туркамъ, а тамъ опять къ молдаванамъ, къ волохамъ, и вновь къ молдаванамъ. Вообще, попеременно онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Такъ, въ XVII столѣтіи, послѣ молдаванъ, овладѣли имъ поляки, отъ которыхъ онъ былъ отнятъ украинскими казаками, владѣвшими крѣпостію и городомъ до 1617 года, когда послѣ истребленія турецкаго флота и разоренія Трапезонды, учиненнаго ими при гетманѣ Жолкевскомъ, Польша вынудила ихъ отдать Хотинъ Турціи. Четыре года спустя, городъ опять находился во власти поляковъ, а въ 1650 году снова принадлежалъ молдаванамъ. Въ это время молдавскій воевода Лупулъ заперся въ Хотинѣ отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, который, за отказъ его выдать дочь свою за сына Хмѣльницкаго, Тимоша, прислалъ къ нему сватами своихъ полководцевъ Носача, Пушкаря и Дорошенку съ шестнадцатью тысячами казаковъ и двадцатью тысячами крымцевъ. Сваты разорили Молдавію до тѣхъ поръ, пока Лупулъ не согласился на свадьбу дочери. Двадцать три года спустя, Хотинъ опять принадлежалъ Турціи, и затѣмъ снова полякамъ, и снова молдаванамъ, пока наконецъ въ 1711 году, послѣ бѣгства молдавскаго гос-

¹⁾ С. Палаузовъ, „Молдавія и Валахія“, см. „Отгеч. Записки“, 1859 г., т. X.

²⁾ А. Запукъ „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, т. II, 177.

подаря Дмитрія Кантемира въ Россію, хотинская крѣпость не была окончательно отнята турками у молдаванъ и занята постояннымъ турецкимъ гарнизономъ. Для продовольствія этого гарнизона, къ крѣпости было причислено нѣсколько сотъ селеній—весь нынѣшній Хотинскій уѣздъ, — изъ коихъ и образовалась «Хотинская райя», т. е. христіанская провинція, подчиненная непосредственно Портѣ. Тогда же турки значительно усилили крѣпость, которая была перестроена для нихъ французскими инженерами. Въ исторіи русскихъ войнъ съ Турціей Хотинъ постоянно игралъ довольно важную роль. Съ именемъ его соединены имена нашихъ полководцевъ и генераловъ: Минаха, князя Голицына, Эльмита, графа Салтыкова и Эссена. Брали мы его неоднократно, но каждый разъ, по условіямъ мирныхъ договоровъ, возвращали туркамъ, пока наконецъ по Букарештскому миру не присоединили его въ 1812 году, вмѣстѣ со всею Бессарабіей, на вѣчныя времена къ Россіи. Съ тѣхъ поръ вотъ уже семьдесятъ пять лѣтъ, какъ Хотинъ избавился отъ переходовъ изъ рукъ въ руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ военныхъ буръ и тревоженій, одолевавшихъ его цѣлыми вѣками. Крѣпость его, причисленная сначала ко 2-му разряду российскихъ крѣпостей, окончательно упразднена въ 1856 году, какъ неудовлетворяющая назначенію, по расположенію своему въ котловинѣ, окруженной командующими высотами. Съ тѣхъ поръ она сдана на попеченіе гражданскаго вѣдомства и вошла въ составъ города, подъ мѣстнымъ названіемъ «Русской магалы», каковое она раздѣляетъ вмѣстѣ со своимъ форштадтомъ и Солдатскою слободкой.

Болѣе всего въ этой крѣпости, какъ я сказаль уже, замѣчательна древняя генуэзская башня, съ которою соединена цѣлая легенда, основанная впрочемъ на историческомъ происшествіи. Легенда эта гласитъ, что когда господарь молдавскій Стефанъ IV Великій улучшилъ и распространилъ генуэзское укрѣпленіе, противъ грозныхъ въ тѣ времена турокъ, онъ завѣщалъ не сдавать его врагамъ ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ. По смерти Стефана, турки однако жъ опять овладѣли Молдавией, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Хотиномъ, но этотъ послѣдній достался имъ недешево. Когда они осадили хотинскую крѣпость, въ ней упорно защищалась молодая красавица, вдова Стефана, строго памятуя завѣтъ своего покойнаго мужа. Паша, командовавшій осадною арміей, пригласилъ однажды защитницу хотинскаго замка выйти къ нему на стѣну для какихъ-то необходимыхъ переговоровъ, ради чего, по взаимному соглашенію, было установлено на нѣсколько часовъ перемиріе. Паша приблизился къ стѣнѣ, вдова появилась въ окнѣ башни,—и тутъ, увидѣвъ

ея прекрасное лицо, турокъ сразу до безумія въ нее влюбился и кончилъ военные переговоры тѣмъ, что предложилъ ей свою руку и сердце. Господарыня сдѣлала видъ, будто принимаетъ его предложеніе и сказала даже, что готова вмѣстѣ со своею рукой отдать ему и замокъ, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы паша не только снялъ осаду, а и приказаль бы еще своимъ янычарамъ насыпать вокругъ замка земляной валъ и вооружить его пушками, потому что иначе она-де не будетъ чувствовать себя въ достаточной безопасности отъ своихъ собственныхъ земляковъ-молдаванъ, которые никогда не простятъ ей такого поступка. Паша согласился на это условіе, и валъ вокругъ укрѣпленій былъ насыпанъ и вооруженъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Тогда господарыня, во главѣ своихъ вѣрныхъ войнъ, сдѣлала вылазку, овладѣла валомъ и прогнала турокъ. Вскорѣ, однако, паша опять появился передъ замкомъ и, приведя съ собою на этотъ разъ огромныя силы янычаръ, приступилъ къ новой осадѣ. Достаточно изморявъ защитниковъ голодомъ, онъ повелъ наконецъ свои войска на приступъ. Крѣпость была взята турками, но старая генуэзская башня продолжала еще держаться; въ ней защищалась господарыня съ нѣсколькими изъ своихъ прислужницъ и десяткомъ уплѣвшихъ еще войнъ. Турецкія ядра разбили наконецъ крѣпкую дверь и этого послѣдняго убѣжища; янычары уже лезли въверхъ по лѣстницѣ, а торжествующій паша ожидалъ внизу, что сейчасъ вотъ къ нему приведутъ прекрасную плѣнницу, какъ вдругъ, въ послѣднюю минуту, она появилась во весь ростъ въ окнѣ, выходящемъ на Днѣстръ и, на глазахъ пашин и его свиты, бросилась въ рѣку и утонула. Это окно я до сихъ поръ показывають посѣтителямъ, вмѣстѣ съ глубокимъ, нынѣ сухимъ, колодезьемъ, въ который вдова Стефана, будто бы, бросила во время штурма всѣ свои сокровища и драгоценныя уборы, чтобы не достались туркамъ.

Между немногими хотинскими сторожилами до сихъ поръ еще сохраняется память о временахъ турецкаго владычества. По ихъ рассказамъ, заимствованнымъ со словъ отцовъ и дѣдовъ, при туркахъ было лучшее время Хотина, собственно какъ города. Были-де въ немъ тогда и красивые дома, и прекрасныя сады и фонтаны, и мостовыя, отъ которыхъ теперь и слѣда не осталось; но зданія погибли во время бомбардировокъ, фонтаны разрушились отъ нерадіянія и недостатка присмотра, сады же хотя и остаются, но далеко уже не такіе, какъ прежде: много деревьевъ посохло, много вырублено, а жиды, которые сразу нахлынули сюда, какъ только Хотинъ перешелъ подъ русскую власть, сейчасъ же внесли въ него свой запахъ и свои нечистоплотныя при-

вычки, обративъ нѣкогда прелестный городокъ въ грязный жидовскій клоповникъ, такъ что, пародируя пзвѣстное стихотвореніе Фета, о немъ теперь только и можно сказать, что здѣсь чутъ не на каждомъ шагу

И „загадный домъ“, и водка,
И жида, жида...

Впрочемъ, не безъ достоинствъ также и нынѣшній Хотинъ. Въ немъ есть одна хорошая сторона, — это именно относительная дешевизна жизни. Говорятъ, что какъ въ старину, такъ и нынѣ жить здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ Бессарабіи, чему помогаетъ съ одной стороны близость границы, а съ другой — близость Каменца и роскошной плодородной Подоліи. Поэтому въ Хотинѣ еще съ давнихъ поръ, по старому преданію, продолжаютъ селиться на покой мирнаго и скромнаго житія разные пенсіонеры изъ отставныхъ чиновниковъ, офицеровъ и ихъ вдовы семействъ. Румля, одно изъ хотинскихъ предмѣстій, преимущественно заселено такими обывателями и ихъ потомствомъ.

Изъ Хотина выѣхали мы въ тотъ же день, послѣ обѣда, въ мѣстечко Новоселяцу, расположенное въ пунктѣ схожденія трехъ границъ: нашей, австрійской и румынской. Грунтовая дорога, на протяженіи около пятидесяти верстъ, направляясь на юго-западъ, служитъ основаниемъ треугольника, лѣвая сторона котораго, отъ Новоселицы до села Онутъ, составляетъ нашу сухопутную границу съ австрійскою Буковиной, а правая, вдоль по теченію Днѣстра, отдѣляетъ насъ отъ Галичины. Пространство, заключающееся въ этомъ треугольникѣ, составляетъ сѣверо-западную часть Хотинскаго уѣзда и извѣстно подъ именемъ Русской Буковины. Отъ Новоселицы намъ предстояло пройти сначала по сухопутной буковинской границѣ, а потомъ въ лодкѣ по Днѣстру вернуться опять въ Хотинъ. Выѣхали мы изъ Хотина на «вольныхъ», поридивъ одного изъ извѣстныхъ извозчиковъ, которыхъ тутъ называютъ «фаэтонщиками», по ихъ экипажамъ, бывшимъ когда-то колясками, а нынѣ представляющимъ гремящее и звенящее, расхлябанное и развинченное подобіе оныхъ. Садясь въ такой «фаэтонъ», вамъ кажется, что оны на первомъ же ухабѣ непременно весь разсыплется; но фаэтонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выдерживаетъ множество ухабовъ и колдобинъ, оставаясь совершенно невредимымъ. Это то-же, что дная почтовая кляча, которая, судя по виду, и трехъ верстъ не должна бы пробѣгать, а она отмахаетъ ихъ тридцать, — и ничего-себѣ, живешенька, и на завтра опять будетъ махать столько же, если не вдвое больше. Фаэтонщикъ попался намъ изъ мѣстныхъ обывателей, хотинскій мѣшанинъ, по вѣрѣ и по рѣчи — русскій, по тѣлу лица — какая-то

южная помѣсь, какъ и всѣ вообще мѣшане бессарабскихъ и новороссійскихъ городовъ, гдѣ и нынѣ, какъ въстарь, происходитъ скрещеніе разныхъ расъ и народностей, такъ что зачастую, глядя на новую фязіономію, вы теряетесь, какъ опредѣлять ея происхождение: не то цыганская, не то румынская, но есть въ ней какъ будто и нѣчто греческое, а въ то-же время и на татарина смахиваетъ. Но какъ бы то ни было, а важно то, что всѣ эти мѣшане говорятъ по-русски (съ южными акцентомъ), молятся по-русски и чувствуютъ себя русскими. Значитъ, русская закуска въ этой помѣси все-таки преобладаетъ, и при томъ довольно сильно, если принять во вниманіе сравнительно недавнюю принадлежность этихъ краевъ Россіи. Нашъ фаэтонщикъ — мужикъ себѣ на умѣ, смысленный, и къ тому же разговорчивый. Но въ то же время и плутъ, конечно, который не упуститъ случая чѣмъ ни на есть понадути, обещать или вытлнуть съ васъ лишнее. — Гдѣ умилной просьбой выслаивать, а гдѣ и нахальствомъ потрѣбуешь. Такова уже болѣе или менѣе общая натура этихъ пригородныхъ южно-русскихъ мѣшанъ-обывателей.

Мѣстность, по которой мы ѣхали, носитъ волнисто-степной характеръ. Главные лѣса находятся далѣе къ сѣверу; кочие же нашей дороги изрѣдка видны въ сторонѣ лишь небольшие лѣска и рощи. Вообще Бессарабія въ сѣверной своей части представляетъ поверхность холмистую, и холмы эти — послѣдній отрогъ Карпатскихъ горъ — сильный и выразительный приподняты на сѣверѣ, ближе къ Днѣстру: въ той сторонѣ все время виднѣются намъ красные лиловатые силуэты отдаленныхъ горъ, которыя, думалось намъ, должны находиться уже за границей, но потомъ оказалось, что это наши русскія горы, гдѣ нѣкоторыя вершины имѣютъ болѣе 1.000 футовъ абсолютной высоты. Мѣстные русскіе жители называютъ ихъ *Горбами*, а молдаване — *Дялы*. Съ сѣверной крутой покатости стекаетъ въ Днѣстръ множество небольшихъ ручьевъ, роющихъ себѣ ложе въ чрезвычайно глубокихъ, скалистыхъ оврагахъ. Всѣ эти ручьи берутъ свое начало на пологихъ склонахъ той широкой возвышенности, по которой проходитъ наша дорога и которая служитъ водораздѣломъ между Днѣстромъ и Прутомъ, текущими почти параллельно, на разстояніи пятидесяти верстъ одинъ отъ другого. По количеству текущихъ водъ эта часть Бессарабіи должна бы считаться одною изъ самыхъ обводненныхъ, а между тѣмъ она вѣрѣю страдаетъ отъ засухъ, и это потому, что всѣ ея многочисленные ручьи очень мелки, такъ что многіе изъ нихъ лѣтомъ совершенно высыхаютъ. Вотъ и нынѣшнее лѣто предвидится неурожай отъ бездождія: кукуруза во многихъ мѣстахъ едва поднялась до аршина, а то и менѣе, и не мало листовъ ея

совѣтъ сожжены солищемъ, и початки остановились въ своемъ развитіи, и зерно, не налившись еще какъ слѣдуетъ, уже усыхаетъ. Люди и скотъ не испытываютъ пока особенныхъ лишений отъ недостатка воды, благодаря подземнымъ жиламъ, существующимъ на очень неравномѣрной глубинѣ—отъ двухъ до шести и отъ шестнадцати до пятидесяти сажень. Наиболѣе глубокіе колодцы доставляютъ очень холодную, но чистую и легкую для питья воду, запасъ которой въ нихъ никогда не иссякаетъ, тогда какъ колодцы болѣе мелкіе подвержены усыханію. Колодезные приспособленія здѣсь двухъ родовъ: для неглубокихъ колодцевъ—очепы, иначе журавли, а для наиболѣе глубокихъ—катушки съ длиннымъ канатомъ. Для водопоя устроены колоды, а на ручьяхъ, гдѣ лишь возможно, плотины и запруды. Вообще, рытье колодцевъ на степи, при дорогахъ, и устройство мостовъ на ручьяхъ и въ балкахъ еще являлось въ Бессарабіи дѣломъ богоугоднымъ. Бываетъ такъ, что кто-нибудь, по покупке своихъ грѣховъ, а еще чаще въ память кого-либо изъ близкихъ умершихъ родственниковъ, начинастъ рыть колодезь, и въ первомъ случаѣ не иначе какъ собственными своими руками, чтобы потрудиться за свой грѣхъ такимъ трудомъ, который считается здѣсь однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ и опасныхъ, ибо нерѣдки случаи, когда копателя засыпаетъ глыба обвалившейся земли или топится внезапно и сильно хлынувшая вода изъ обильной жилы. Сооруженіе моста, а въ особенности колодца или фонтана «на помѣнь», то-есть за поминъ души, по мѣстному религіозному повѣрію молдаванъ, искупаетъ много грѣховныхъ заблужденій не только усопшаго, но и самого копателя, и не только изъ прошлыхъ, но и изъ которыхъ изъ будущихъ прегрѣшеній послѣдняго. Поэтому, если кому-либо случается необходимость передать начатую работу или продать уже выкопанный колодезь другому лицу, то это послѣднее беретъ ихъ по уговору не иначе, какъ со всѣми правами на отпущеніе своихъ собственныхъ грѣховъ и на свою часть въ будущемъ блаженствѣ. Впрочемъ, большинство колодцевъ и мостовъ относится къ числу «задушныхъ», то-есть устроенныхъ «на помѣнь», поэтому каждый молдаванъ, переѣхавъ черезъ новый мостъ, построенный въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дотолѣ его не было, или валившійся воды изъ придорожнаго колодца, непременно перекрестится и набожно скажетъ «Бо да прости!» то-есть «Богъ да прости», подразумевающа душу того человѣка, въ память котораго сдѣланъ мостъ или колодезь. Въ этомъ трогательномъ обычаѣ лежатъ громадная польза. Надо знать, надо испытать на собственномъ опытѣ, что такое здѣшнія жары и что такое безводныя степи, чтобы оцѣнить по достоинству всю великую благотѣльность такого

истинно-человѣколюбиваго подвига. Одинъ изъ прежнихъ военныхъ губернаторовъ Бессарабіи, генералъ Федоровъ, зная этотъ похвальный обычай, успѣлъ воспользоваться имъ и принести значительную выгоду странѣ и казнѣ тѣмъ, что указывалъ мѣста, гдѣ надобно было строить мосты или вырывать колодцы, и такимъ образомъ, въ его управленіе областью, почти всѣ мосты по дорогамъ были построены безъ обремененія поселянъ и безъ казенныхъ издержекъ¹⁾. Другой, не менѣе похвальный обычай, занесенный сюда крестьянами-переселенцами изъ Украйны и Малороссіи, а можетъ и изъ сосѣдней Галичины, — это придорожные кресты, служащіе на распутьяхъ указателями пути, особенно темною ночью и въ зимнее время, когда дорогу занесетъ снѣгомъ или перемететъ метелью. Кресты здѣсь высокіе, выкрашенные по большей части зеленою или бурокрасною краскою, съ небольшимъ рѣзнымъ деревяннымъ распятіемъ, надъ бокамъ приделанъ жестяной навѣсецъ; по бокамъ распятія—конь и трость съ губкой (такъ называемый оцетъ), наверху креста—деревянный пѣтухъ, а внизу, подъ распятіемъ — черная дощечка и на ней намалеваны тридцать бѣлыхъ кружковъ, изображающихъ тридцать серебряниковъ Іуды. Къ этимъ изображеніямъ присоединяются иногда на концахъ переречныхъ крестовины молотокъ и клещи. Какъ русскіе, такъ и молдаване, проходя мимо такого креста непременно снимаютъ шапку и крестятся. Иногда случается, что у подножія креста оставляютъ краюшку хлѣба и грѣшникъ. Это — милостыня для проходящихъ нищихъ, которою впрочемъ чаще всѣхъ пользуются цыгане. Но кромѣ цыгана, никто изъ людей, не занимающихся нищенствомъ, никогда не рѣшится посягнуть на положенное подъ крестъ, считая это за большой грѣхъ, хуже разбоя, — все равно, что у нищаго и голоднаго отнять его послѣдній кусокъ хлѣба.

Земля здѣсь болѣею частью находится во владѣніи частныхъ лицъ и вся окрестная страна, пространствомъ равная какому нибудь ильменскому княжеству, принадлежитъ одному изъ одесскихъ крестовъ, у котораго тутъ, близъ дороги, находится большой сахарный заводъ. Управляющіе на всѣхъ его многочисленныхъ хуторахъ и усадьбахъ прежде были все изъ Австрій, теперь же исключительно русскіе. Но изъ евреевъ—ни одного!—Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ насъ словоохотливый фаетонщикъ, которому всѣ окрестныя дѣла и обстоятельства, повидимому, хорошо извѣстны. Такъ-таки ни одного! И это очень знаменательно, тѣмъ болѣе, что самъ Крекъ принадлежитъ къ семитическому племени, — «бо онъ жидамъ вѣры не даетъ», поясняетъ это странное явленіе

¹⁾ А. Зашукъ, т. I, 494.

нашъ возница.—«Извѣстно, жиду не вѣрь, бо звѣрь! Звѣсть, какъ разъ!» — По его же разсказу, оказывается, что къ этому одесскому Крезу пошли въ «хуторковые» управляющіе многіе изъ мѣстныхъ и херсонскихъ обѣдѣвшихъ помѣщиковъ—«бо онъ въ томъ свой гоноръ полагаетъ, чтобы у него все дворяне служили». Между прочими, служить у него и одинъ изъ самыхъ видныхъ нѣкогда хотинскихъ богачей, и разорившійся будто бы благодаря нарядамъ и прихотямъ своей жены, которая была-де первою красавицею «ажъ на всю бессарабскую имперію». Крупный помѣщикъ, магнатъ изъ евреевъ держащій у себя «изъ гонора» обѣдѣвшихъ дворянъ-помѣщиковъ—это явленіе совсѣмъ изъ новыхъ и не скажу, чтобы особенно отрадное. Хотя, конечно, жить имъ чѣмъ нибудь и какъ нибудь надо, а тутъ все же честно заработанный кусокъ хлѣба, по этому «гонору», эта магнатерія разбогатѣвшаго еврея—не чувствуется ли подъ всѣмъ этимъ что-то оскорбительное... Зато мужики здѣсь богатые. Въ правой рукѣ отъ насъ, верстахъ въ трехъ и въ пяти разстояніи отъ дороги, среди красивой мѣстности, виднѣется на склонахъ холмовъ и въ долинахъ цѣлый рядъ большихъ и богатыхъ селеній, потонувшихъ въ фруктовыхъ садахъ, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ высятся главы и колокольни православныхъ каменныхъ церквей. Это все русскія села, и мужики ихъ, по словамъ все того же нашего возницы, очень богаты: почти у каждаго домохозяина есть капиталъ тысячъ въ десять и болѣе. Они, между прочимъ, культивируютъ виноградъ. Здѣсь, на окраинѣ ближайшаго къ намъ села Недобавцевъ, мы встрѣтили первые большіе виноградники нашего юга. Много разводятъ также анису (по мѣстному *чигиш*), сбывая его частью на мѣстныя винокурни, а болѣе заграницу, въ Молдавію, гдѣ онъ идетъ на приправу извѣстной *ракии*. Вообще, тутъ каждое село, кромѣ общаго всѣмъ имъ фруктоваго садоводства, имѣетъ еще какую-либо свою особую специальность въ культурѣ: одни разводятъ преимущественно чеснокъ, другіе анисъ, третьи нагугу (особый видъ гороха) и т. п. Почва здѣсь хорошая, черноземная, мѣстами суглинистая. Поля до нынѣшняго года засѣвались преимущественно свекловицей, имѣвшею обезпеченный сбытъ на сахарныя заводы, но нынѣ, вслѣдствіе извѣстнаго «сахарнаго кризиса», бывшаго результатомъ излишняго перепроизводства, крестьяне приостановили разведеніе свекловицы и засѣяли свои поля преимущественно пшеницей, которая здѣсь родится отлично, а также ячменемъ и кукурузой. Смущаетъ ихъ только давно уже длящееся бездождіе.

Сельское населеніе здѣсь почти исключительно русское (руснаки). Молдаване встрѣчаются нѣсколько южнее, и то вперемеш-

ку съ русскими, причемъ поселенія этихъ послѣднихъ проникаютъ мѣстами въ центръ страны, то есть въ уѣзды Бельцовой (прежній Ясскій), Оргѣвскій и часть Кишиневскаго и спускаются внизъ по среднему теченію Днѣстра и Прута. Существуетъ предположеніе, что часть этихъ руснаковъ составляетъ даже племя аборигеновъ (коренныхъ обитателей) сѣверной половины Бессарабіи. Предположеніе это основывается не только на молдавскомъ преданіи, которое говоритъ, что первый молдавскій князь, Драгошъ, уже засталъ руснаковъ въ страѣ, когда въ 1354 г. основалъ въ ней княжество Молдаванскіе¹⁾, но и на свидѣтельствѣ Нестора Лѣтописца. Славяне, населившіе Бессарабію, были извѣстны въ его время подъ мѣстными именами тиверцовъ и уличей.—«Улицы, тиверцы присидиху ко Дунаеву, и бѣ множество ихъ сѣдаху по Бугу и по Днѣстру оля до моря, и суть города ихъ и до сего дня, до то ся зовяху отъ грекъ Великаа Скуовъ (Скиевіа)»²⁾. При Игорѣ, тиверцы и уличи вошли въ составъ Русскаго государства, по взятіи Свѣнелдомъ главнаго ихъ города Пересѣчена. Замѣчательно, что это имя и до сихъ поръ сохранилось за однимъ большимъ селеніемъ Оргѣвскаго уѣзда, расположеннымъ по почтовому Оргѣво-Кишиневскому тракту. Въ пользу глубокой древности русначескаго населенія въ этихъ мѣстахъ, какъ мнѣ кажется, говорить и самый костюмъ его, весьма схожій, если не прямо тождественный, съ костюмомъ скивовъ, какими мы знаемъ его по изображеніямъ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ вазахъ, медаляхъ и барельефахъ. Мужчины носятъ остроконечную баранью шапку, напоминающую по формѣ такую же средне-азиатскую шапку хивинцевъ, туркменъ, горныхъ таджиковъ и афганцевъ, только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, лѣтомъ же они по большей части замѣняютъ ее соломеннымъ *брилемъ*, широкополой шляпой домашнего плетенья, въ родѣ испанскаго *sombbrero*. Длинная холщевая рубаха на выпускъ, съ раскрытымъ воротомъ, который въ случаѣ надобности стягивается красною тесемчатою *стричкой* (ленточкой); длинные, по щиколотку, порты, широкій кожаный, либо шерстяной зеленый поясъ и, наконецъ, *постолъ* (родъ сандалій изъ воловьей кожи) для зимняго и ненастнаго времени, когда надѣвается поверхъ рубахи еще грубая суконная *свита съ каптуромъ* (родъ башлыка) или бараній козухъ,—таковы принадлежности мужскаго костюма. Лѣтомъ же, какъ мужчины, такъ и женщины всѣхъ возрастовъ ходятъ босикомъ, и развѣ только прийдя къ богослуженію въ церковь, по праздникамъ, надѣваютъ

¹⁾ А. Запукъ, т. I, 155.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1846 года. т. I, 3

въ оградѣ принесенные съ собою въ рукахъ *чоботы и червики*. Женщины носятъ бѣлую сорочку съ узорчато вышитыми гарусомъ грудью и наплечниками, *плату*—родъ юбки, состоящей изъ куска полосатой (по большей части темныхъ цвѣтовъ) шерстяной матеріи домашняго издѣлія, обертываемой вокругъ бедеръ и перетянутой въ талии шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ; бѣлую головную повязку со спущеннымъ на спину концомъ и, какъ необходимое украшеніе, коралловыя мониста, надѣтыя на шею, съ которой они спускаются довольно низко на грудь. Способъ ихъ прически я не могъ замѣтить, такъ какъ ни въ хатѣ, ни въ домѣ рѣшительно не видѣлъ ни одной женщины безъ головной повязки. Что же до мужской прически, то она очень характерна: волосы съ темени и висковъ счесываются напередъ и ровно подстригаются поперекъ лба, отъ уха до уха, въ видѣ чолки, а съ задней половины головы пускаются до плечъ кудрями или длинною, ровно подстриженною снизу гривкой. Эта гривка опять-таки очень напоминаетъ мнѣ характернѣйшую часть прически персовъ, таджиковъ и афганцевъ, равно какъ и прическу греческихъ изображеній древнихъ скивовъ. Думается мнѣ, что все это преемственно сохранилось еще отъ временъ скискихъ. Какъ извѣстно по Геродоту, скизы, тѣснимые магометанами, около 630 года до Р. Х., перешли изъ Азіи въ Европу, напали на киммерійцевъ, населявшихъ сѣверные берега Чернаго моря, и заняли весь прибрежный край отъ Дона до Дуная, со включеніемъ всей Бессарабіи. Изъ того же источника извѣстно, что на скивовъ въ этихъ новыхъ ихъ поселеніяхъ, около 508—515 годовъ до Р. Х., напали персы со своимъ царемъ Даріемъ Гистаспомъ. Даки, обитавшіе къ югу отъ Дуная, во Фракіи и Мизіи, явились сюда уже позднѣе, когда могущество скивовъ начало падать, обезсиленное предъ тѣмъ борьбой съ персами, сарматами и другими,—стало быть, едва ли отъ даковъ могла быть заимствована эта характерная руснакская прическа. Вышеуказанное сходство ея съ гривкой скивовъ и персовъ, мнѣ кажется, достаточно прямо указываетъ на ея происхожденіе. Костюмъ и остроконечная баранья шапка тоже не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ такое предположеніе. Тамъ, гдѣ исторія не даетъ прямыхъ и неопровержимыхъ данныхъ, подобнаго рода этнографическія черты и сближенія иногда могутъ имѣть свою вѣрность, и даже не малую. Если, напримѣръ, взять во вниманіе, что страна эта вошла въ составъ Римской имперіи лишь при Тиверіи и что лишь съ этого времени она стала служить мѣстомъ ссылки для римскихъ преступниковъ, то присутствіе въ ней до нашего времени руснакскихъ аборигеновъ значительно

умалняетъ степень основательности притязаній на нее со стороны нынѣшнихъ румынскихъ интеллигентовъ, которые, опираясь именно на римское происхожденіе бессарабскихъ обитателей, ставятъ даже вопросъ о своемъ союзничествѣ или враждѣ съ Россіей въ будущей европейской войнѣ въ зависимость отъ того, захотимъ ли мы имъ напередъ добровольно возвратитъ всю Бессарабію.

Къ концу XII вѣка вся Бессарабія принадлежала ко княжеству Галицкому. Основатель Ярославъ, который «поднялъ горы угорскыя своими желѣзными полки» и «заступилъ королевѣ (венгерскому) путь, затворивъ Дунаю ворота»,—этотъ Ярославъ Галицкій «суды риде до Дуная¹⁾, и только послѣ смерти его, въ 1187 году, нашествіе половцевъ, а затѣмъ монголовъ оттрогли Бессарабію отъ Галицкаго княжества.

Кромѣ руснаковъ-аборигеновъ, другая часть того же южно-русскаго племени была переселена въ Бессарабію молдавскимъ княземъ Лукою (1662—1672), послѣ того какъ онъ былъ признанъ Украиною своимъ гетманомъ, и, наконецъ, еще одна часть перешла изъ Украины и Волыни, спасаясь отъ уніи, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій. Всѣ эти руснаки всецѣло сохранили какъ свой славянскій типъ, такъ и православную вѣру, и языкъ, и обычаи.

Послѣднюю треть нашего пути мы проѣхали уже по закатѣ солнца, когда совсѣмъ стемнѣло, и прибыли на ночлегъ въ мѣстечко Новоселицу около десяти часовъ вечера.

17 іюля сдѣлали сорока-пяти-верстный переездъ отъ Новоселицы до Ржавинскаго № 1-го поста, причемъ вторую половину пути ѣхали по интереснѣйшей части Хотинскаго уѣзда, извѣстной здѣсь подъ именемъ Русской Буковины. Начиная отъ поста Калинковскаго, граница идетъ по горному хребту лѣсомъ, по «обоюдной» дорогѣ, которою равно пользуются наши и австрійки. Лѣсная дорога, или просѣка эта, тянется на протяженіи верстъ двѣнадцати, и лѣсъ съ обѣихъ сторонъ подходитъ къ ней, что называется, стѣною. Дорога узкая, грунтовая. Для нѣсколькихъ кордонныхъ строеній, расположенныхъ на ней, расчищены небольшія площадки. Воду добываютъ люди изъ ключей и колодезевъ, между которыми прекраснымъ качествомъ своей воды славится Саввина криница, по имени которой и пость, находящаяся по близости, назывался до недавняго времени Саввокриничнымъ. Говорятъ, что лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ этомъ мѣстѣ, среди густѣйшаго лѣса спасался какой-то старецъ Савва, который еще при жизни «за поманъ» своей собственной души при-

¹⁾ Вѣляевъ, „Записки Одесск. Общ. Ист.“ и др. т. III.

нялся копать колодезь и когда выполнѣ окопчялъ работу, былъ убитъ какимъ-то бродягою, попросившимся къ нему на ночлегъ. Сосѣдніе жители объясняютъ эту смерть особенною милостію Божіей,—дескать, Богъ удостоилъ Савву принять мученическую кончину, а съ нею и вѣнецъ царствія небеснаго, какъ разъ въ тотъ день, когда старецъ окончилъ свой душеспасительный трудъ, дабы очищенная этимъ трудомъ душа его не уснѣла болѣе принять никакого новаго грѣха ни помысломъ, ни хотѣніемъ. Вообще, говорятъ, что въ старые годы въ этихъ лѣсахъ ютились многіе «*жетохи*» (скиты), заросшія развалины которыхъ и до сихъ поръ еще видны кое-гдѣ по глухимъ тропинкамъ, или по пещерамъ въ глинистыхъ обрывахъ.

Кромѣ того, въ этомъ же лѣсу, на прострѣствіи между селеніями Калыковцы, Рухотинъ и Ржавницы, встрѣчаются старыя земляныя укрѣпленія, въ формѣ редутовъ. Полагаютъ, что ихъ надо отнести ко временамъ нашихъ войнъ съ Турціей отъ 1739 по 1791 годъ.

Отъ кордона Савокриничаго, на половинѣ пути, начинается длинный спускъ съ перевала, въ сѣверномъ направленіи, къ долинь рѣчки Раменца (притокъ Днѣстра). Съ гребня этого перевала открываются дивныя виды на сосѣднія и дальніе вершины, сплошь покрытыя кудрявымъ лѣсомъ, который въ направленіи къ востоку тянется до самаго Хотина, а на западѣ переходить въ австрійскую Буковину. Растительность буковинскаго лѣса состоитъ исключительно изъ лиственныхъ породъ, каковы: букъ, дубъ, яворъ и грабъ, а въ смѣшеніи съ ними, или иногда отдѣльными куртинами растутъ берестъ, липа, кленъ, чернокленъ, ясенъ, ольха и, мѣстами, ближе къ Хотину,—береза; но преобладающее мѣсто все же принадлежитъ буку и затѣмъ дубу и грабу. Изъ кустарниковъ намъ попадались орѣшникъ, лизиль, шиповникъ, тервъ, бирючина, бузина и боярышникъ. Лѣсъ до того густъ, что мѣстами совершенно непроницаемъ для солнечныхъ лучей, и подъ его кудами господствуютъ вѣчныя сумерки. Въ двадцати-тридцати шагахъ впередъ уже ничего ни видно,--- ни вѣтвей, ни стволовъ, а съ дороги, если взглянуть въ глубь лѣса, подъ деревьями кажется совершенно темно, даже черно. Благодаря такой непроницаемой для солнца густотѣ, въ лѣсу не растетъ никакой травы, даже при корняхъ, и стволы деревьевъ выходятъ прямо изъ голой черноземной почвы. Молодыя разноростки тянутся вверхъ своими тонкими стволами рядомъ со старорослыми деревьями, но и его молодые побѣги начинаютъ обвиваться лишь вверху, тамъ, куда еще дослѣдуетъ солнце; внизу же молодые стволы точно такъ-же голы какъ и старыя. Мѣстами

они такъ сближены между собою, что представляютъ непроходимыя заросли. Картины такого роскошнаго и своеобразнаго лѣса и никогда еще не видывалъ, хотя мнѣ знакомы и Бѣловѣжская пуща, и лѣса Уссурийскаго края. Дивный воздухъ, легкая, сыроватая прохлада и тишина,—безусловная тишина, отъ которой даже какъ-то жутко на сердцѣ становится... Не слышать ни одной птицы, ни звука насекомыхъ, ни шелеста вѣтки,—весь этотъ міръ темныхъ стволовъ, съ густо-зеленымъ покровомъ вверху стоитъ недвижно, таинственно, словно зачарованный. Въ лѣсныхъ падахъ, гдѣ отъ болотистыхъ ручьевъ почва еще сырая, водятся дикіе кабаны, а въ *кодризахъ* (мѣстное названіе бора) серны и лисы. Охота запрещена. Эта роскошная растительность, которую, если можно такъ выразиться, просто претъ изъ земли, зависитъ отъ свойства мѣстной подпочвы, состоящей изъ плотной глины и мергеля, гдѣ запасъ весенней влаги, питающей корни деревьевъ, сохраняется какъ въ резервуарѣ, и его съ избыткомъ хватаетъ на всѣ лѣтніе мѣсяцы, когда въ другихъ мѣстахъ Бессарабіи, при болѣе рыхлой подпочвѣ, пропускающей всю влагу болѣе въ глубь земли, сплошь и рядомъ господствуютъ засухи. Говорятъ, что еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ подобные же лѣса встрѣчались въ Бессарабіи гораздо южнѣе. Не только сѣверная, но и средняя часть области была покрыта сплошнымъ вѣковымъ кодромъ. Встрѣчались лѣса даже на Буджакѣ, нынѣ представляющемъ совершенно голую степь. Въ окрестностяхъ Кишинева верстъ на двадцать и болѣе во всѣ стороны давно уже нѣтъ ни одной порядочной рощи, тогда какъ извѣстно, что этотъ городъ былъ построенъ среди огромныхъ лѣсовъ. Все это давно уже вырублено, да продолжаютъ безъ толку рубить и до сихъ поръ, за исключеніемъ участковъ, принадлежащихъ нѣмецкимъ колонистамъ и министерству государственныхъ имуществъ. И буковинскій лѣсъ уцѣлѣлъ только потому, что прежде онъ былъ монастырскій, а нынѣ казенный. Главными лѣсонстребителями, какъ прежде такъ и теперь, являются евреи, скупающие лѣса у частныхъ владѣльцевъ на срубъ, для сплава по Днѣстру и Пруту, и отъ такого безразсуднаго истребленія сильно измѣнился, на глазахъ сторожиковъ, самый климатъ страны. Говорятъ, что пол-вѣка назадъ въ Бессарабіи было гораздо болѣе текущихъ непересыхающихъ водъ, чѣмъ нынѣ; теперь же отъ нихъ остаются лишь сухія русла, по которымъ видна бывшая неболшая вода только весною. Обмелѣніе болѣе рыхлыхъ рѣкъ, бездождіе, холодныя вѣтры, палящій все сожигающій зной, сухость воздуха и почвы, а потому уменьшеніе хлѣбовъ и травъ—вотъ результаты лѣсонстребленія.

Только одинъ буковинскій лѣсъ даетъ еще понятие о томъ, что такое были бессарабскіе лѣса во время оно.

По краямъ «обоюдной» дороги мѣстами падаютъ роскошныя травы и однолѣтнія растенія, между которыми я нашелъ нѣсколько цвѣтущихъ видовъ, тоже не виданныхъ мною доселѣ. За Саввокриничнымъ кордономъ, гдѣ встрѣчаются прогалины и полянки, онѣ кажутся сплошь розовыми отъ Иванъ-чая, — такое его множество!..

Предметами контрабанды служатъ здѣсь раскольниковыя книги изъ Бѣлой Криницы; но проносить контрабанду можно только днемъ, потому что ночью ни одинъ контрабандиръ не рѣшается идти въ лѣсную чащу, гдѣ въ безусловныхъ потемкахъ можно на каждомъ шагѣ сломать себѣ ноги или разбить голову, не говоря уже о возможности заблудиться. Посты и развѣзды стоятъ и встрѣчаются по дорогѣ довольно часто, да иначе здѣсь и нельзя. Мѣстность чрезвычайно здорова по своему возвышенному положенію. Людей пограничной стражи, заболѣвающихъ болотною лихорадкой на Прутѣ, переводятъ сюда, и они совершенно поправляются въ теченіе двухмѣсячнаго, а то и меньшаго срока, — даже такіе, у которыхъ уже начиналась водянка.

На австрійской сторонѣ, въ семи верстахъ отъ границы, есть мѣстечко Садогуря. Тамъ стоятъ венгерскіе гусары и отъ нихъ нерѣдко являются къ намъ перебѣжчики. Мотивомъ своего побѣга — справедливо, вѣтъ-ли, во только всегда они выставляютъ жестокое обращеніе съ ними вачальства. За всякую-де малость ихъ бьютъ: фухтеляютъ и хлыстуютъ. Что вахмистерскіе фухтели (ударъ плашмя обнаженною саблею) гуляютъ по солдатскимъ спинамъ во время домашнихъ строевыхъ учений, — это-де самое заурядное дѣло, безъ чего, будто бы, не обходится ни одна экзерциция: фухтеляютъ даже на глазахъ офицеровъ, присутствующихъ, а то и производящихъ ученіе, не забываясь объ ихъ позволеніи, потому что таковое, какъ право, разъ на всегда уже будто бы предоставлено командирами своимъ вахмистрамъ и унтеръ-офицерамъ. Фухтеляютъ и сами офицеры, собственноручно, за малѣйшую неисправность или оплошность во время учений. Обратиться къ солдату со словеснымъ внушеніемъ или разъясненіемъ, наставить и научить его, какъ и что надо дѣлать — австрійскіе офицеры не задаютъ-де себѣ труда: они довольствуются только тѣмъ, что могутъ выскрывать и наказывать. Зачастую и внѣ учебныхъ занятій, при встрѣчѣ съ солдатами на улицѣ, во время своей прогулки, офицеръ за малѣйшую оплошность выскрываетъ съ него тутъ же, на мѣстѣ, ударомъ хлыста или трости по чемъ, пощело, а чаще всего по лицу. Увѣряютъ, будто это такъ уже вошло въ при-

вычки военнаго обихода, что люди на такое съ ними обращеніе и не обижаются, а жалобы перебѣжчиковъ относятся собственно къ истязаніямъ. По ихъ словамъ, людей сильно бьютъ мокрыми канатными жгутами и ставятъ въ кольца. Это совершенно особый видъ «дисциплинарнаго» наказанія, изобрѣтенный, какъ говорятъ, отцами іезуитами: берутся два стальные кольца такой величины, чтобы они могли надѣваться на большой палецъ руки или ноги; иногда же кольца дѣлаются безъ спайки, но каждое съ двумя бородками; которые могутъ плотно свинчиваться между собою на пальцѣ. Свинченное кольцо охватываетъ суставъ на столько тѣсно, что выдернуть изъ него палецъ нѣтъ никакой возможности. Пара такихъ колецъ соединяется между собою стальною цѣпкой или перемычкой, продѣтой въ особо придѣланныя къ нимъ наружныя ушки. Такимъ образомъ, это выходитъ родъ мнѣніи-тюрныхъ кандаловъ, очень портативныхъ, такъ что каждый вахмистръ свободно и совершенно незамѣтно можетъ носить ихъ на всякій случай у себя въ карманѣ. Кольца эти употребляются двояко, смотря по вѣнѣ. Первая степень наказанія состоитъ въ томъ, что виновному заворачиваютъ руки на спину, къ лопаткамъ, и замыкаютъ оба большіе пальца, оставляя человѣка въ такомъ положеніи въ карцерѣ отъ двухъ до шести часовъ времени. Вторая же степень еще утонченнѣе: тутъ уже кольцами соединяются большой палецъ правой руки съ большимъ пальцемъ лѣвой ноги, и въ такомъ положеніи оставляютъ наказаннаго солдата стоять на одной ногѣ въ карцерѣ отъ шести до двѣнадцати часовъ, и это будто бы очень еще милостиво, потому что въ прежнее время заставляли-де выстывать людей на морозѣ, либо на жестокомъ солнцеклѣ, у колющихъ или у гауптвахты на полковомъ дворѣ, — «для примѣра прочимъ». Теперь это уже не дѣлается такъ откровенно, потому что законъ воспретилъ наказаніе кольцами, но это не мѣшаетъ будто бы и до сихъ поръ употреблять ихъ келейнымъ образомъ. Такъ, крайней мѣрѣ, увѣряютъ всѣ перебѣжчики. Впрочемъ, за степенью справедливости ихъ увѣреній я, конечно, отвѣчать не могу, — а отмѣчаю лишь то, о чемъ говорить, съ ихъ словъ, все наше пограничное населеніе, для котораго въ этомъ нѣтъ и не бывало никакого секрета и сомнѣнія.

На первый взглядъ, мнѣ казалось очень страннымъ, даже невѣроятнымъ подобное отношеніе офицеровъ къ своимъ собственнымъ солдатамъ. Не естественнѣй ли со стороны офицера было бы отнестись къ солдату, въ особенности новобранцу, какъ къ своему будущему боевому товарищу, вполне дружелюбно, съ полнымъ довѣріемъ, — самому показать, научить, объяснить ему что слѣдуетъ, вмѣсто

того, чтобы предоставить все дело обученія и военного воспитанія въ руки вахмистровъ да унтеровъ, ограничиваясь съ своей стороны лишь правомъ взысканій и «воздѣйствій», словно бы офицеръ являетъ собою для солдата какую-то карательную силу, и только карательную?—Мнѣ на это отвѣчали, что офицеры можетъ быть и рады были бы дѣлать все такое, да бѣда въ томъ, что далеко не каждый изъ нихъ можетъ взять на себя подобную задачу.—Почему?—Да просто потому, что языки не знаютъ. Пересбѣжники говорятъ, напримѣръ, что въ составъ нижнихъ чиновъ того гусарскаго полка, часть котораго стоитъ въ Садогурахъ, входятъ преимущественно люди трехъ народностей: руснаки, молдаване и поляки; затѣмъ идутъ словаки, мадьяры и пеклеры (венгерскіе нѣмцы); офицеры же у нихъ исключительно изъ мадьяръ, нѣмцевъ и поляковъ, изъ коихъ почти никто не понимаетъ, да и не желаетъ понимать ни по русски, ни по-молдавански. Это одно, а второе то, что официальнымъ и команднымъ языкомъ является нѣмецкій, котораго, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не понимаютъ солдаты. Какъ же тутъ объясняться?!. При этомъ еще у офицеровъ, смотря по ихъ національности, непремѣнно является тенденція объясняться съ людьми даже и въ строю (въ командныхъ словахъ, конечно) не иначе, какъ на своемъ языкѣ. Мадьяръ, напримѣръ, ни за что не станетъ говорить солдату что-бы то ни было по-нѣмецки, полякъ точно также. А нѣмецъ на этотъ счетъ всѣхъ круче: этотъ уже ни съ кѣмъ, даже со своимъ братомъ-офицеромъ, ни на службѣ, ни въ службѣ не заговоритъ иначе, какъ на языкѣ общаго фатерлянда. Поэтому, не говоря уже, что при такихъ условіяхъ между офицерами-однополчанами нѣтъ, да и не можетъ быть товарищеской солидарности, что полякъ, дружа съ мадьяромъ, вмѣстѣ ненавидитъ нѣмца или славянина, а нѣмецъ, въ свою очередь, ко всѣмъ имъ относится холодно и подозрительно,—выходитъ еще вотъ что: каждый офицеръ—положимъ, взводный командиръ—обращаетъ преимущественное вниманіе не на всѣхъ вообще людей своей части, а лишь на своихъ земляковъ-единовѣрцевъ. Съ этими онъ и говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, и занимается ими, естественнымъ образомъ симпатизируетъ имъ, отличаетъ, выдвигаетъ по службѣ и даже дѣлаетъ разныя поблажки, вообще, что называется, мирволитъ имъ сравнительно съ прочими. Отъ этого въ каждомъ взводѣ нѣсколько такихъ избранниковъ, имѣющихъ счастье принадлежать къ одной національности со своимъ командиромъ (а еще чаще со своимъ вахмистромъ) чувствуютъ себя уже въ нѣкоторомъ привилегированномъ положеніи, лучше и выше остальныхъ своихъ товарищей: что можно-де намъ, того

нельзя вамъ, прочимъ; что намъ сойдетъ съ рукъ, за то вамъ жестоко достанется. Тутъ уже прямо нарушается правомѣрность по отношенію къ своимъ людямъ, являются любимчики и «быдло», овцы и козлища, вносятся во взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ національная рознь, изъ чего уже естественно вытекаютъ и зависть, и недовольство и, наконецъ, прямо взаимная враждебность и ненависть. Гдѣ же тутъ остается мѣсто братскому товариществу и солдатской солидарности?!—И что ужъ говорить про цѣлый полкъ, если этихъ краугольных военныхъ чувствъ нѣтъ даже въ какомъ-нибудь одномъ взводѣ!... Но наиболѣе непригляднымъ и обиднымъ является при такихъ условіяхъ положеніе солдатъ руснаковъ и молдаванъ, какъ людей православныхъ. Эти уже прямо стоятъ на счету какихъ-то парій въ глазахъ и въ сердцахъ своего добро-католическаго начальства. Ну, и подумайте теперь, что можетъ сдѣлать подобный полкъ въ военное время!..

Доходящіе къ намъ закордонные толки простонародья гласятъ, что не далѣе какъ нынѣшней весной, на случай войны съ Россіей, правительство будто бы имѣло въ виду раздать населенію приграничныхъ округовъ оружіе и бросить его бандами въ наши предѣлы; но австрійскіе руснаки стали открыто заявлять нашимъ (дѣлается это просто разговоромъ черезъ Сбручъ, съ берега на берегъ, или въ Днѣстрѣ, во время водопоевъ и купаній), что въ случаѣ, если будетъ война и начальство точно дастъ имъ ружья, то всѣ они поголовно перейдутъ на нашу сторону, только не съ тѣмъ чтобы драться. Такая тенденція дошла до начальства—и господа австрійцы призадумались, вооружать-ли имъ «рутенювъ»...

Гусары соседніе, по словамъ нашихъ приграничныхъ жителей-очевидцевъ,—народъ все очень молодой и притомъ крайне жидкій, «щуплый», такъ что наши стражники, въ сравненіи съ ними, чуть не атлеты, въ особенности воронежскіе и херсонскіе ребята.—«Не будь на ему гусарскихъ причудальствъ, то и не взнать бы що вінъ войсковый, а такъ, мабуть щось такѣ мотається-соби, бродить».—Такъ характеризуютъ этихъ воиновъ наши порубежные сельчане. Насчетъ войны, какъ слышно, тѣ же гусары не строятъ себѣ никакихъ иллюзій. Правда, офицеры ихъ, особенно которые изъ мадьяръ и поляковъ, полны воинственнаго задора: у нихъ, за пріятельскою кружкою пива, только и разговоровъ, что о побѣдахъ надъ ненавистнымъ москалемъ да объ окончательномъ разгромѣ и разчлененіи «прішкелентей Мѣсквы», только и мечтаний, какъ они черезъ недѣлю по объявленіи войны будутъ уже отплясывать мазурку во дворцѣ кievскаго генераль-губернатора; но увы!—солдаты ихъ совсѣмъ не раздѣляютъ подобныхъ

увлечений. Солдаты, которыхъ, по словамъ перебѣжчиковъ, и въ мирное-то время держать впроголодь (жалоба на плохую пищу—одно изъ ихъ постоянныхъ оправданій своего побѣга), думаютъ, что на войнѣ будетъ еще хуже, что даже и съ новымъ вооруженіемъ (котораго, кстати, все еще нѣтъ) ничего имъ не подѣлать противъ москалей. Вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ непонимающимъ ихъ языка офицерамъ, въ нихъ уже заранѣе составилось несчастное убѣжденіе, что русскіе побьютъ ихъ неизмѣнно. И нѣтъ ничего мудреннаго, буде такое убѣжденіе дѣйствительно существуетъ. Если предположить, что въ разсказахъ дезертировъ, всегда и вездѣ болѣе или менѣе склонныхъ къ преувеличенію непріятныхъ сторонъ своего быта, находится хотя одна десятая доля правды, то и тогда, изъ разсказаннаго съ ихъ словъ, получается картина все-таки непріятная, а именно: 1) внутренняя племенная рознь между людьми, съ которой ничего не подѣлаешь, 2) недостатокъ духовнаго общенія и единства людей со своими ближайшими начальниками и 3) поддержаніе необходимой дисциплины только чисто внѣшними, формалистическими и довольно суровыми приемами. Значитъ, тутъ существуетъ одна только внѣшняя сплоченность, а внутренней связи—никакой. Такія войска, конечно, могутъ драться, какъ дрались нѣкогда кондотьеры итальянскихъ республикъ, ландскнехты тридцатилѣтней войны или вербовочная пѣхота Фридриха II, особенно, если случайный успѣхъ будетъ сопровождать цѣлый рядъ ихъ дѣйствій. Ну, а при неуспѣхѣ?.. И въ особенности при первомъ же серьезномъ успѣхѣ противъ арміи, сильной сознаниемъ своего народнаго единства и духомъ патриотизма,—тогда что?.. Не говоря уже объ Ульмѣ, достаточно вспомнить болѣе близкія къ намъ Сольферино и Садову, чтобы предугадать, чѣмъ иногда это можетъ кончиться.

Еще одно маленькое заблужденіе, которое не мѣшаетъ разсѣять. Если мадьярскія и польскія газеты то намеками, то напрямикъ считаютъ время отъ времени нужнымъ увѣрять «Европу» и насъ, что австро-венгерская армія полна энтузіазма и страстнаго нетерпѣнія по-мѣряться съ русскими и что въ душѣ каждого солдата кипитъ «святая ненависть» къ варварскимъ ордамъ «москвитовъ»,—не вѣрьте. Никакой такой ненависти къ намъ у австрійскихъ солдатъ нѣтъ и не бывало, даже и въ томъ случаѣ, если они изъ мадьярскихъ и польскихъ простоядиновъ. У офицеровъ—другое дѣло. Между ними дѣйствительно есть люди (преимущественно изъ мадьяръ, поляковъ и, отчасти, нѣмцевъ), ненавидящіе Россію всеми силами души; но это такъ понятно.. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, мадьярскій или польскій интеллигентъ, будь онъ во фракѣ или

въ мундирѣ, относится къ намъ дружелюбно? Но что до солдатъ,—повторяю—не вѣрьте. Правда, темный солдатскій людъ имѣетъ о Россіи и русскихъ довольно смутныя понятія, и армія наша болѣе представляется ему въ фантастическомъ образѣ зѣвродоподобныхъ казачковъ и черкесовъ, которые жрутъ дѣтей наряду съ поросятами и никому-де не даютъ пощады своими нагайками, вслѣдствіе чего тѣ же солдаты нерѣдко пугаютъ нами жиденятъ и шинкарей-евреевъ, —«вотъ, погодите, молъ, придутъ уже москали съ казаками, будетъ вамъ!» и изъ такой шуточнѣй угрозы, говорятъ, недавно даже цѣлое кляузное дѣло вспякло съ обвиненіемъ чуть-ли не въ государственной измѣнѣ, —но отсюда до «свигой» и «непримиримой» ненависти очень еще далеко. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ не одни только показанія дезертировъ, а и свидѣтельства болѣе солидныхъ закордонныхъ обывателей. Мы скорѣе возбуждаемъ въ нихъ любопытство, чѣмъ враждебность, которая всецѣло относится къ числу измышлений пештскихъ и краковскихъ борзописцевъ, основывающихъ свои заключенія на пламенныхъ діатрибахъ какихъ-нибудь юныхъ корветовъ и лейтенантовъ изъ числа своихъ «родяковъ».

Чтобы покончить съ дезертирами и показать, каковы они иногда бываютъ, разскажу маленький случай. Недавно на одиѣ изъ нашихъ офицерскихъ постовъ явился австрійскій юнкеръ, кандидатъ, выдержавшій уже экзаменъ на производство въ офицеры, и заявилъ себя дезертиромъ. По разговору и манерамъ было видно, что это человѣкъ скромный, благовоспитанный и достаточно образованный. Онъ объяснилъ, что перебѣгаетъ къ намъ именно въ виду близкой войны (которая, вслѣдъ за извѣстными военствованными рѣчами гг. Тиссы и Кальпоки въ прошлогднихъ делегаціяхъ, всѣмъ казалась у нихъ неизбежной), такъ какъ, будучи по происхожденію руснакомъ, не желаетъ сражаться вопреки своей совѣсти и крови противъ русскихъ. Пограничный офицеръ, не имѣя права долго держать перебѣжника у себя на посту, отправилъ его въ ближайшій городъ, на распоряженіе подлежащей власти. Черезъ день или два явилось изъ-за кордона начальство юнкера увѣждать его возвратиться назадъ, на службу, увѣряя, что все взысканіе за первый побѣгъ ограничится для него лишь непродолжительнымъ арестомъ въ карцерѣ. Тотъ же согласился—и начальство уѣхало ни съ чѣмъ. Но дѣло этакъ не кончилось. Закордонныя власти вслѣдъ за тѣмъ потребовали формальнымъ образомъ его выдачи для слѣдствія, на томъ-де основаніи, что онъ обвиняется въ кражѣ 32-хъ гульденовъ, за которую, по международному договору, безусловно подлежитъ выдачѣ. Юнкеръ объявилъ, что если его выда-

дутъ, онъ застрѣлится. Но дѣлать было нечего: законъ ясенъ, и молодого человека пришлось вывести на переходный пунктъ, при полномъ внутреннемъ убѣжденіи въ его невиновности въ кражѣ. Австрійскій судъ приговорилъ его къ семилѣтнему одиночному заключенію, и онъ, по выслушаніи приговора, тутъ же пустилъ себя въ высокъ пулю. Стало быть, не всегда же гонить къ намъ людей изъ-за границы одинъ только страхъ возмездія за какой-нибудь содѣянный проступокъ, но и побужденія совѣсти иного рода, заставляющія иногда человека пренебрегать болѣе или менѣе обезпеченнымъ положеніемъ и хорошею впередъ карьерой, лишь бы только не оставаться въ несогласимомъ противорѣчій съ чувствомъ племенного сродства и собственной совѣстью. А какъ вы думаете, наступилъ военное время, останется-ли этотъ примѣръ единствѣнныиъ.

17 іюля заночевали мы на Ржавинскомъ посту. Очень красивая мѣстность. Впереди—видъ на двѣтупія села австрійской Буковины, позади насъ—горы, покрытыя лѣсами. Все это широко, просторно и дышетъ могучею плодородною жизнью. Въ этой мѣстности водятся много хорьковъ, отъ которыхъ страдаютъ не однѣ только куры да утята. Вечеромъ, за чаемъ, мы любовались на игривую пару премилыхъ котятъ, одинъ изъ которыхъ нѣсколько позвѣе чуть было не сдѣлался жертвой хищника. Мы уже засыпали, когда подъ самымъ окномъ, среди ясной лунной ночи, раздались отчаянные стоны котенка. На него папалъ хорекъ и сталъ душить; котенокъ барахтался и отбивался какъ могъ, воля благимъ матомъ, и вѣроятно погибъ бы, еслибы не лохматая кордонная собака. Заслышавъ жалобные вопли, она прибѣжала на выручку, съ сердитымъ лаемъ накинулась на душителя и освободила сильно помятаго котенка. Хоть и говорится, что кошка съ собакой не ладно живутъ, но замѣчательно, что въ этомъ случаѣ инстинктъ домашнего свойства возобладалъ въ почтенномъ ись надъ инстинктомъ антипатіи къ кошачьему роду, и дикий хищникъ поплатился за нападеніе на слабое домашнее животное. Хорьковъ тутъ не истребляютъ, развѣ только собаки настигнутъ котораго, и тогда уже спуску ему не бываетъ. Вообще, систематической охоты, какъ промысла, на дикаго звѣря и птицу здѣсь не существуетъ, хотя, казалось бы, кабаны, серны, зайцы, лисы и волки, равно какъ болотная и лѣсная дичь, должны составлять не безвыгодную приманку для промысловаго охотника; но дѣло въ томъ, что и молдаване и наши хохлы слишкомъ лѣнивы для этого, и если дѣлаютъ когда-либо общественныя облавы, то только на волковъ, когда тѣ, въ голодную пору, начинаютъ выходить на открытыя мѣста изъ глубины Буковинскихъ

лѣсовъ, гдѣ обыкновенно держатся въ молодоступныхъ чащахъ. Да и въ этихъ-то случаяхъ крестьяне, по большей части, дѣйствуютъ не самостоятельно, а присоединяются, въ качествѣ загонщиковъ и кричанъ, къ партіямъ любителей изъ офицеровъ и помѣщиковъ. Нужно, чтобы волки зарѣзали у нихъ прежде нѣсколько головъ скота и сдѣлали не безопаснымъ проѣздъ по проселочнымъ дорогамъ, а тогда уже они соберутъ «громаду» (мірскую сходку) и рѣшатъ идти поклониться панамъ, «кабы полегчили имъ одѣ вольковъ». Впрочемъ, и то надо сказать, что вблизи граничной черты частная охота и не удобна, безъ предварительнаго по крайней мѣрѣ оповѣщенія стражи, потому что каждый выстрѣлъ на линіи легко можетъ быть принятъ за тревогу и только напрасно переполошитъ стражниковъ.

Гораздо болѣе чѣмъ охота, мирнымъ вкусомъ мѣстныхъ поселеній соответствуетъ пчеловодство. Мѣста для этого промысла здѣсь самыя удобныя: липы много, душистыхъ дикихъ цвѣтовъ тоже. Поэтому въ лѣсахъ попадаетъ не мало удивленныхъ пасѣкъ, нерѣдко занимающихъ самыя поэтическия, прелестныя уголки на небольшихъ лѣсныхъ лужайкахъ или въ кудристыхъ падахъ, на бережку какого-нибудь тихаго ручья, либо вблизи одинокой криницы. Тамъ всегда на одномъ изъ многоствольныхъ деревьевъ устроена полочка съ навѣсомъ и на ней поставленъ старый потемнѣлый образъ, ображенный чистымъ «рушникомъ» (т. е. узорчатымъ полотенцемъ) и пучкомъ свѣже-сорванныхъ душистыхъ травъ и пунцовыхъ маковъ. Уходя за пчелами ведется по старинѣ, дѣдовскимъ обычаемъ, и ульями служатъ исключительно колоды. Промыселъ считается богоугоднымъ дѣломъ; поэтому записываются имъ преимущественно «диды», иначе «старчики», помышляющіе уже о часѣ смертномъ и ушедшіе, ради спасенія души, изъ міра въ пустыню. Это своего рода отшельники, хотя и не посланцы въ монашество. Окрестное населеніе очень чтить ихъ за святость жизни, хотя въ то же время не прочь считать нѣкоторыхъ «вѣдунами» и волхватами, что тоже не исключаетъ извѣстнаго къ нимъ почтенія. Вообще, народъ въ этой лѣсной сторонѣ еще полонъ почти первобытной свѣжести и младенческой простоты духа и жизни. Въ старіе годы пчеловодство было не только здѣсь, но и по всей Бессарабіи развито несравненно болѣе, чѣмъ нынѣ, такъ что продукты его составляли даже предметъ заграничнаго отпуска; пудъ меда цѣнился отъ 3-хъ до 6-ти, а пудъ воска отъ 16-ти до 30-ти рублей, и это въ то время, когда рубль у насъ еще считался на серебро. Но безразсудное истребленіе лѣсовъ и, какъ послѣдствіе его, усилившіяся засухи, а затѣмъ значительный упадокъ цѣнъ на воскъ, по причинѣ раз-

вѣтъ у насъ и за границей стеариновыхъ заводовъ, сдѣлали то, что пчеловодство въ Бессарабской области стало падать уже съ 50-хъ годовъ и теперь кое-какъ еще держится только на сѣверѣ Хотинскаго уѣзда. Но заграничнаго отпуска уже нѣтъ и въ поминѣ; частью сбывается воскъ только на фабрики дерковныхъ свѣчей въ Подольскую губернію, а больше расходуется по мѣстнымъ селамъ, гдѣ бабы катаютъ изъ него желтыя свѣчки, чтобы ставить ихъ по праздникамъ въ церкви да теплить у себя дома передъ образами.

18-го и 19-го іюля совершили мы маленькое плаваніе вдоль границы по Днѣстру, начавъ его отъ Онутскаго поста и закончивъ у поста Исаковецкаго, на Бессарабской сторонѣ, близъ Хотина. Отъ Ржавица ѣхали по открытой волнистой мѣстности, въ виду буковинскихъ лѣсовъ, остававшихся все время въ правой рукѣ, на съѣздахъ и гребняхъ Карпатскихъ отроговъ. Попутныя села: Ржавица, Баламутовка и Черный Потокъ лежатъ въ глубокихъ ложбинахъ и частью въ оврагахъ съ обрывистыми, иногда совершенно отвѣсными боками. Эти ложины и овраги служатъ руслами для небольшихъ, но мѣстами довольно быстрыхъ ручьевъ, впадающихъ въ Днѣстръ. Почва этихъ мѣстъ богата залежами разныхъ минеральныхъ породъ, обнаженные пласты которыхъ нерѣдко выходятъ наружу обширными участками и позволяютъ видѣть какъ нельзя лучше строеніе земной коры. Къ сожалѣнію, жители пока еще вовсе не разрабатываютъ всѣхъ этихъ ископаемыхъ богатствъ, довольствуясь изъ нихъ для собственнаго употребленія только известью, которую жгутъ въ своихъ домашнихъ печахъ, да плотной песчанковой платою, идущей у нихъ частью на фундаменты подъ хаты, а болѣе всего на устройство дворовыхъ и огородныхъ заборовъ, совершенно вытѣснившихъ въ этой сторонѣ изъ употребленія хворостяныя и лозяковыя плетни. Кладка этихъ заборовъ самая простая, безъ всякаго цемента и глины, а просто обломки плитъ кладутся рядами другъ на друга. У нѣкоторыхъ крестьянъ этотъ же способъ кладки примѣняется и для вывода стѣнокъ разныхъ хлѣбовъ и надворныхъ сарайчиковъ. Лознякъ же и хворостина употребляются только на плетенье высокихъ и обширныхъ конницъ, называемыхъ тутъ молдаванскимъ словомъ «сысякъ» и служащихъ для храненія кукурузы. Такіе сысяки начали встрѣчаться намъ еще въ Подольской губерніи, а раньше я впервые познакомился съ ними на югѣ Бессарабіи и въ Болгаріи. Сысякъ обыкновенно имѣетъ овальную форму и расширяется кверху раструбомъ въ видѣ бокала или горшка съ нѣсколько загнутыми во внутрь округлыми краями. Онъ утверждается на высокихъ подмосткахъ и покрывается плетневою или соло-

менною крышкою, такъ какъ для сохраненія кукурузы необходимы два условія: чтобы ее могъ со всѣхъ сторонъ обвѣвать токъ свободнаго воздуха и чтобы вода не подмачивала ее ни снизу, ни сверху. Сохраняютъ же кукурузу всегда со стержнями, не обмолоченную.

Замѣчательно, что пласты всѣхъ минеральныхъ залежей идутъ здѣсь совершенно горизонтально, образуя параллельныя другъ другу полосы, что указываетъ на ихъ спокойное, осадочное происхожденіе. Стало быть, когда-то, въ отдаленнѣйшія до-историческія времена здѣсь было дно моря. Вообще, вся сѣверная часть Хотинскаго уѣзда лежитъ на пластахъ очень древней формаціи. Основаніемъ всему напластованію служатъ роговообломковый сланецъ и желѣзистый гранитъ темно-сѣраго и краснаго цвѣта, на которыхъ лежатъ осадки древняго песчаника, известняка, шифера и гипса, гдѣ встрѣчаются мѣстами слои кремней и кварца, въ довольно увѣсистыхъ глыбахъ. Почва переходныхъ породъ состоитъ изъ сѣрой вапки и известняка; она проходитъ вдоль всей сухой буковинско-австрійской границы. Вторичная почва—мѣловой рухлякъ, зеленый песокъ и глинистый песчаникъ; почва третичная—лѣгкая глина и лягнитъ, костеносный гипсъ, раковинный песокъ и песчаникъ, мергельная глина и, наконецъ, раковинный и оолитный известнякъ. Ложбины ручьевъ и рѣчекъ, какъ уже сказано, лежатъ въ глубокихъ, крутобережныхъ и пещеристыхъ рывинахъ, изъ которыхъ во время разливовъ нерѣдко вымываются обугленные пни и деревья. Въ одномъ только селѣ Онутъ известнякъ другого характера, отличающійся темно-бурымъ, почти аспиднымъ цвѣтомъ, отсутствіемъ слоевъ и замѣчательною крѣпостью; но здѣсь онъ сильно подверженъ выѣтриванію, отчего и крошится на мелкія пластинчатныя частицы, которыя усѣваютъ всѣ выпуклости и открытыя площадки на спускѣ, по краямъ дороги. Вообще, всѣ эти напластованія земной коры, по своей рѣзкости и характерности, представляютъ для наблюдателя явленіе чрезвычайно интересное и поучительное, а для художника, по красотѣ своей, даютъ много прекрасныхъ мотивовъ.

Но гдѣ начинается истинная, мѣстами просто поразительная красота, такъ это на Днѣстрѣ.

Отъ села Онутъ, Днѣстръ становится напекъ пограничною рѣкою съ Австріей, на протяженіи около пятидесяти верстъ, до впаденія въ него Сбруча, у Исаковецкой таможи, гдѣ эта рѣка уже обоими своими берегами входитъ въ предѣлы Россіи. Отъ Онута Днѣстръ течетъ сначала въ юго-восточномъ направленіи, затѣмъ, отъ Грошевскаго № 2-го кордона, дѣлаетъ крутую луку къ сѣверу, до австрійскаго села Худяковцевъ, откуда рѣзко поворачиваетъ къ югу, до кордона Промежуточнаго, такъ что

вся эта лука представляется въ видѣ узкорлой, длинной петли. Отъ поста же Промежуточного до мѣстечка Жванца Днѣстръ течетъ вообще на востокъ, дѣлая лишь небольшіе уклоны то въ юго, то въ сѣверо-восточномъ направленіи. На этомъ протяженіи рѣки съ нашей стороны лежатъ большія селенія: Онутъ, Перебийковцы, Рухотинъ, Рашково, Гордѣвцы или, по-молдавански, Гордеуцы, Аристовка, Пригородокъ и Атаки, или Отачъ.

Мы плыли довольно комфортабельно на четырехвесельныхъ кордонныхъ плоскодонкахъ, снабженныхъ неподвижными тентами и боковыми занавѣсками. Окрашены эти посудинки въ сѣрый цвѣтъ и содержатся очень опрятно. Каждый офицерскій постъ имѣетъ здѣсь такую плоскодонку, для надобностей пограничнаго надзора, въ особенности когда сильные разливы затопляютъ мѣстами патрульную дорогу. Благодаря тентамъ и занавѣскамъ, мы почти не страдали отъ жгучаго солнца, и единственные наши маленькія непріятности наступали только тогда, когда плоскодонка наткалась на хрящеватые мели. Въ эту пору года рѣка быстро спадаетъ и потому становится мелка, до осени, когда карпатскіе дожди опять наполняютъ ея притоки. Поэтому теперь на Днѣстрѣ образуется довольно много удобопроходимыхъ бродовъ, которыми и стараются пользоваться контрабандисты. Впрочемъ, глубина рѣки различна, смотря по мѣстамъ, на фарватерѣ же, въ среднюю воду, она бываетъ отъ 9 до 12 футовъ, и, стало быть, плаваніе по ней, даже и выше Жванца, вполне возможно. Доказательство этому мы видѣли на австрійскомъ берегу, близъ Предъустыпнаго кордона. Тамъ стоитъ сахарный заводъ, выпѣй закрывшійся по невозможности конкуренціи съ русскимъ сахаромъ, такъ какъ все его производство предназначалось для сбыта по Днѣстру въ Россію и на Черное море. На открытомъ низменномъ берегу, у этого завода, стоятъ на подпоркахъ длинный плоскодонный пароходъ, осадка котораго не болѣе 2 $\frac{1}{2}$ футовъ, и нѣсколько баржъ подобной же конструкции. Если бы нашли покупатели изъ русскихъ, я думаю, владельцы бездѣйствующаго завода съ удовольствіемъ и задешево продали бы и пароходъ, и баржи. Вообще, по поводу закрышагося завода должно сказать, что онъ представляетъ собою вовсе не единственный примѣръ неудавшейся торгово-промышленной спекуляціи. Еще выше, по теченію рѣки, между Грошевскими постами стоитъ на австрійской же сторонѣ большой винокуренный заводъ, закрывшійся съ іюля прошлаго года. Причину закрытія относятъ столько же къ бдительной и успѣшной охранѣ границы, сколько и къ тому обстоятельству, что у насъ въ окрестной странѣ стали открываться свои собственные заводы. А когда онъ дѣйствовалъ, къ намъ шло много

контрабанднаго спирта. Такимъ образомъ, на этихъ двухъ примѣрахъ, сгруппированныхъ на пространствѣ какихъ-нибудь девяти верстъ, мы во-очію могли убѣдиться—сколько сокрушительно въліяетъ на заграничную конкуренцію поощреніе къ развитію нашего собственнаго производства. А люди свѣдущіе говорятъ, что за послѣднее время на австрійской пограничной зонѣ позакрывалось и еще нѣсколько другихъ заводовъ различнаго производства, нашедшихъ, что продолжать работать при измѣнившемся характерѣ русской торгово-промышленной политики—одно только разореніе.

Русло Днѣстра, какъ уже сказано, хрящевато, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажется, точно бы оно выложено плитами, и въ этомъ отношеніи Днѣстръ имѣетъ характеръ какъ бы горной рѣки. Въ руслѣ встрѣчается не мало подводныхъ камней, которые иногда высовываются и надъ водою. Это—выпѣртыя на поверхность глыбы того самаго гранита и роговообломковаго сланца, что составляютъ основаніе всѣмъ геологическимъ напластованіямъ Бессарабіи. Онѣ всегда имѣютъ округленную форму, приданную имъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ непрерывнымъ дѣйствіемъ воднаго теченія. Мѣстами попадаютъ на днѣ такъ называемыя здѣсь «пуши»; которыя иногда тоже торчатъ зубцами, въ вязкую воду, надъ поверхностью, словно бы какія-либо забойки или ребра затонувшей барки. Я-было и принялъ ихъ сначала за таковыя; но оказалось, что это цѣлыя группы занесенныхъ иломъ карчей изъ числа тѣхъ обуглившихся корней и деревьевъ, которыя, какъ я говорилъ уже, вымываются порою изъ глубины почвы въ оврагахъ, во время сильныхъ разливовъ ручьевъ и рѣчекъ. Эта причина образованія пушей продолжаетъ дѣйствовать и по настоящее время, да вѣроятно никогда и не прекратится, хотя борьба съ нею весьма возможна, если только заложить заботливость, чтобы сдѣлать рѣку по возможности наиболѣе судоходною. Для этого стоитъ лишь свѣжеобразовавшіяся пуши просто выворачивать и вытягивать изъ воды, а болѣе застарѣлыя взрывать динамитомъ. Происхожденіе нѣкоторыхъ пушей столь отдаленно, что онѣ даже въ такой чистой рѣкѣ, какъ Днѣстръ, послужили причиною образованія нѣсколькихъ (немногихъ, впрочемъ) островковъ наноснаго характера, поросшихъ лозой и бурьяномъ. Такіе островки встрѣчаются подъ Онутомъ, между Грошевскими постами, противъ Рухотина, подъ Исаковцами и далѣе, за Хотиннымъ. Русло Днѣстра, въ общемъ, имѣетъ значительную покатость, такъ что паденіе рѣки опредѣляютъ въ 1 футъ и 5 дюймовъ на версту, вслѣдствіе чего теченіе отличается быстротою даже въ періоды маловодья. Вычислено, что въ тихую погоду Днѣстръ течетъ 1.207 сажень въ часъ, а въ сильный вѣтеръ, если онъ дуетъ

вниз по течению—1.360 сажень; среднюю же быстроту течения можно положить въ 1.234 сажени въ часъ ¹⁾. Во время половодья быстрота становится еще больше. Течение очень извилисто и въ некоторых мѣстах вынмываетъ такія «восьмерки», что суда, выйдя изъ какого-нибудь пункта утромъ, возвращаются къ вечеру, а то и черезъ сутки, опять почти къ нему же, только съ другой стороны. Благодаря такой извилистости, протяженіе Днѣстра отъ Онута до лимана считается въ 919 верстъ ²⁾, тогда какъ сухонутѣмъ тутъ всего лишь около 460-ти, то-есть, на половину меньше, и это до сихъ поръ служило одной изъ причинъ, задерживавшихъ развитіе днѣстровскаго пароходства. Теперь, впрочемъ, пароходы уже ходятъ, и одинъ изъ нихъ мы видѣли у дѣсной пристани въ Жванцѣ.

За исключеніемъ пароходовъ, главный и почти единственный типъ судовъ, ходящихъ по Днѣстру, это австрійскія и жванецкія *галеры*. Такъ называются четырехугольныя, плоскодонныя и очень неуклюжія посудины, длиною сажень до двѣнадцати, шириною до шести, съ откосными, фута на четыре съ половиной приподнятыми, боками, похожія гораздо болѣе на паромы, чѣмъ на барки. Строятъ ихъ въ австрійской Буковинѣ, а то и у насъ, въ Жванцѣ, изъ австрійскаго, пригоняемаго водою, лѣса. Каждая такая галера подымаетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ пудовъ груза, осаждаемая при этомъ отъ трехъ четвертей до полутора аршина, и управляется обыкновенно четырьмя судорабочими. Постройка такой допотопной посудины обходится однако не дешево, а именно, отъ полтораста и даже до трехсотъ рублей, хотя служить галера по большей части на одинъ только рейсъ, внизъ до Бендеръ или до Маяковъ (въ пятъ лимана), гдѣ и продается на сломъ рублей за 30, иногда за 50, такъ какъ обратная буксировка ея бичевою стояла бы рублей до ста и подняться до верховьевъ она едва-едва успѣла бы къ поздней осени, совершая, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не болѣе двадцати верстъ въ сутки. Поэтому галеры вообще строятся очень непрочо, лишь бы только дойти до мѣста. Путь отъ Жванца до Бендеръ обыкновенно требуетъ отъ двухъ до четырехъ, а до Маяковъ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по времени навигации, въ зависимости отъ уровня воды. При высокомъ уровнѣ, въ благопріятную погоду, галеры спускаются и до ста верстъ въ сутки, а въ маловодье и при безвѣтріи всего лишь двадцать, много тридцать верстъ; при среднемъ же горизонтѣ и тихой погодѣ—отъ сорока до шестидесяти верстъ. Періодъ нави-

гаціи продолжается около трехъ, а въ дождливое лѣто и до четырехъ мѣсяцевъ, но бываютъ особенно неудачныя, сухіе годы, когда всякое судоходство прерывается на цѣлый мѣсяць. Въ обыкновенныхъ же условіяхъ, частыя отмели, а на низовьяхъ перекаты, иногда до того затрудняютъ плаваніе, что въ низкую воду, которая бываетъ въ маѣ, іюлѣ и августѣ, суда вынуждены останавливаться на пути, въ ожиданіи прибыліи воды, на недѣлю, а то и на двѣ. Выручаетъ обыкновенно только то, что Днѣстръ вообще подверженъ довольно частымъ случайнымъ наводненіямъ, изъ коихъ только два бываютъ правильно-періодическими. Всѣ эти обстоятельства долго тормозили предприимчивость пароходчиковъ и служили какъ нельзя болѣе на руку австрійскимъ галерщикамъ, устраняя отъ нихъ всякую конкуренцію, вслѣдствіе чего галерщики и драли за грузы что хотѣли. Бывало, что отъ Жванца до Маяковъ приходилось платить имъ до десяти рублей за *кило* ³⁾. Но теперь, съ появленіемъ пароходовъ, такія безобразія стали уже значительно рѣже. Кромѣ галеръ, пригоняютъ къ намъ изъ Австріи еще и плоты карпатскаго еловаго лѣса, во сто *ялицъ* или бревенъ каждый, на которыхъ везутъ доски, гонты, драганы и дрова,—послѣднія исключительно на югъ, въ безлѣсныя мѣстности Бессарабіи и въ Одессу. Наконецъ, для мѣстныхъ потребностей прибрежныхъ жителей и для рыбачества служатъ *дубасы*,—домодѣльные челноки-дубубка, выдолбленные изъ цѣльной дубовой колоды. Такіе дубасы, въ числѣ нѣсколькихъ штукъ, непременно валяются на берегу, рядомъ съ лозняковыми вершами, въ каждой днѣстровской деревнѣ. Судоходными пристанями въ верхнемъ русскомъ теченіи Днѣстра служатъ прибрежыя селенія Перебійковцевъ, Рухотина, Атакъ, Исаковцевъ, Жванца и города Хотина. Всѣ онѣ, за исключеніемъ жванецкой и хотинской, гдѣ пристають пароходы, находятся въ своемъ естественномъ видѣ безъ всякихъ приспособленій.

Днѣстровскіе берега, на пройденномъ нами пятидесятиверстномъ участкѣ, какъ я сказалъ уже, по большей части замѣчательно красивы. Средняя высота ихъ, начиная отъ Онута, доходитъ до 50-ти сажень (350 футовъ), а мѣстами значительно выше.

Древне-греческій Тирасъ, а нынѣшній Днѣстръ во всей верхней половинѣ своего течения обсеменъ по обоимъ берегамъ исключительно народомъ русскаго происхожденія и русскою рѣчи. Мѣстные жители называютъ его Днястеръ или Днистро. Села на австрійскомъ берегу встрѣчаются довольно часто, съ бѣлыми хатками въ садахъ и православными церквями, такого же типа, какъ и на нашемъ бе-

¹⁾ А. Запукъ, I, 55.

²⁾ Въ австрійскихъ предѣлахъ длина его течения около 200 верстъ, поэтому все протяженіе рѣки можно положить въ 1.120 верстъ.

³⁾ Бессарабское кило равняется 2 $\frac{1}{2}$ четвертямъ.

регу. Ни въ образѣ жизни, ни въ культурѣ, ни въ костюмѣ между зарѣчными и нашими крестьянами рѣшительно нѣтъ никакой разницы. По пути къ Перебѣйковцамъ, на низменности австрійскаго берега протянулось село Худяковцы, все потонувшее въ вишневыхъ и сливовыхъ садахъ; надъ нимъ, нѣсколько въ сторонѣ, видѣется на возвышенностяхъ мѣстечко Мельницы съ какимъ-то богатымъ наладцо, въ современномъ стилѣ, и развалинами стѣнъ, вѣроятно, древняго замка. Протѣвъ Рашковского № 2-го поста лежитъ австрійское село Звѣнигородъ, считающееся однимъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній этой мѣстности. Расположено оно надъ рѣкой, на верху высокихъ, отвѣсныхъ скалъ, и въ древности, какъ говорятъ преданія, было укрѣплено. Въ немъ еще издали вниманіе рѣчного путника обращаетъ на себя бѣлая каменная церковь, стоящая рядомъ съ садомъ панской усадьбы на значительной высотѣ, надъ самымъ обрывомъ. Наши Рашковцы объясняютъ, что дѣтъ сорокъ назадъ, молодая жена владѣльца этой усадьбы вышла въ коляскѣ въ гости къ кому-то изъ сосѣдей, и уже возвращалась домой, какъ вдругъ лошади, испугавшись чего-то, понесли по скату и сверглись вмѣстѣ съ экипажемъ, барыней, кучеромъ и лакеемъ со скалы къ рѣкѣ. Несчастная женщина убила въ смерть, и ея мужъ, въ память этого случая, построилъ надъ мѣстомъ катастрофы церковь. Издали, видѣ съ Дѣбстра на Звѣнигородскія скалы, увѣнчанныя садами и сверкающею на солнцѣ бѣлою церковью, очень живописенъ. Изъ прочихъ австрійскихъ селеній выдѣляются по своей величинѣ Валковицы и Трубяны, относимый тоже къ числу древнихъ. У крестьянъ обоихъ береговъ страсть купаться, быть можетъ потому, что рѣка во время мелководья служитъ для нихъ мѣстомъ свиданій и разговоровъ, въ нѣкоторомъ родѣ клубомъ, гдѣ узнаются и сообщаются всякія новости. А ребяташки, кажись, по пѣлымъ часамъ проводятъ свое время въ томъ, что сначала вываливаются хорошенько на берегу въ прирѣчной глинистой грязи и затѣмъ слѣзутъ въ воду, а покупавшись, опять вываливаются и снова въ воду. Полтъ и купать лошадей и домашній скотъ приспосабливаютъ одновременно съ зарѣчными сосѣдями, такъ какъ это тоже даетъ удобный поводъ съѣхаться верхомъ въ бродъ на середину рѣки и поклякаться. Купаютъ не только коровъ и телятъ, но и свиней съ поросятами, чего онѣ очень не любятъ; поэтому загоняютъ ихъ въ воду насильно, и тогда надъ обоими берегами стоитъ отчаянный, ностерпимый визгъ свиного протеста. Одинъ паренъ ухитрился даже слѣсть верхомъ на неподатливую свинью, ухватившись за уши, и только такимъ образомъ удалось ему выкупать эту почтенную мать семейства, къ немалой потѣхѣ досужихъ зри-

телей, сонедшихся на обоихъ берегахъ глядѣть на это курьезное купанье. А не купать нельзя, потому что иначе свинья блока до того одолѣваетъ животное, что оно теряетъ сонъ, аппетитъ, хорошее расположеніе духа, становится вялымъ, больнымъ, и вмѣстѣ съ этимъ, несетъ, конечно, потерю и въ собственномъ вѣсѣ, на счетъ сала. Убытокъ, стало быть, уже въ чисто экономическомъ отношеніи.

Нѣкоторые изъ закордонныхъ помѣщиковъ, у которыхъ имѣнія находятся въ «обоюдномъ» владѣніи, частью на нашей, частью на австрійской сторонѣ, начинаютъ, какъ узнали мы, подумывать о принятіи русскаго подданства. Одинъ изъ таковыхъ, г. Д—ій, имѣніе котораго находится близъ Ржавинскаго № 1-го поста, подалъ уже прошеніе. Ему оно и кстати, такъ какъ самъ онъ православный; но есть не мало и католиковъ, между которыми называютъ одного изъ крупнѣйшихъ галиційскихъ магнатовъ, пользующагося громаднымъ значеніемъ въ обществѣ и въ сеймѣ, равно какъ и однимъ изъ видныхъ положеній въ правительственныхъ сферахъ, который будто бы тоже собирается осячастливить Россію своимъ подданствомъ, расчитывая, впрочемъ, остаться жить, а можетъ быть и служить, въ Австріи. Эта тенденція къ переходу въ наше подданство—прямое послѣдствие закона 14-го марта. Но конечно, было бы желательно какъ можно тщательнѣе сортировать подобныхъ господъ, взявшихъ вдругъ быть русскими,—желательно потому, что многіе изъ нихъ надѣются, подобно упомянутому магнату, что принятіе имъ подданства будетъ не болѣе какъ одною формальностью, которая не стѣснитъ ихъ лично по отношенію къ новому отечеству никакими особенными обязанностями, а лишь предоставитъ право продолжать владѣть своими русскими помѣстьями, проживая и дѣлая гдѣ и что угодно.

19-го іюля, вечеромъ, прибыли мы въ Хотинъ, а 20-го, въ девять часовъ утра, выѣхали на посты второй линіи. На этотъ разъ путь нашъ лежалъ по тѣмъ селамъ, которые видны были вправо отъ дороги, когда мы впервые пробѣжали степью въ Новоселицу. Это пѣлый рядъ большихъ селеній, разбросавшихся почти непрерывною цѣпью на протяжении восемнадцати верстъ, отъ востока къ западу, по косогорамъ и въ долинахъ карпатскихъ возвышенностей, примыкая тыломъ къ лѣсамъ русско-Буковины. Вотъ ихъ названія: Недобавцы, Шпировцы, Владычна, Зарожены, Клишковцы, Малинцы, Шидловцы, Грозинцы, Башковцы и Калинковцы. Всѣ эти десять селеній потонули въ роскошныхъ фруктовыхъ садахъ, гдѣ преобладаетъ слива. Это тѣ самыя села, которыя по преимуществу снабжаютъ Петербургъ и Москву русскими черносливомъ, на чемъ большинство садохозяевъ покаживали себѣ кругленькіе капиталы. Тамъ и сямъ, среди ши-

ропо разметавшихся бѣлыхъ хатокъ, выглядываютъ помѣщичьи усадьбы; нѣкоторыя изъ нихъ не лишены миловидности. Въ каждомъ селеніи есть своя каменная церковь, въ русскомъ стилѣ построенная очень порядочно и содержащая вполне благолѣпно; есть теперь и церковно-приходскія школы. Мужики живутъ зажиточно и чисто, хаты украшены внутри пестрыми коврами и развѣшанными по стѣнамъ хромотографіями, изображающими разныхъ

святыхъ и лицъ императорскаго дома, также героев и сцены послѣдней войны. Между святыми, судя по распространенности образовъ, болѣе другихъ чествуются здѣсь Марія Магдалина и Николай Угодникъ.

Въ четыре часа дня прибыли мы въ Новоселу и остановились въ офицерскомъ пріютѣ Скулянской бригады. И такъ, съ австрійской границей кончено.

Русскій городъ подъ австрійской маркой.

I

На лошадаѣхъ или по чугуникъ? — Черновецко новоселицкая желѣзная дорога и ея значеніе въ настоящемъ и въ будущемъ. — Австрійскіе приграничные лѣса въ сравненіи съ нашими. — Характеръ буковинскихъ селеній и крестьянскихъ построекъ. — Упадокъ пчеловодства. — Положеніе буковинскихъ крестьянъ въ рукахъ евреевъ. — Крестьянскіе костюмы мужчинъ и женщинъ. — Привѣтливость крестьянъ. — Великокоросы-липоване. Нѣсколько историческихъ воспоминаній. — Количество и племенной составъ буковинскаго населенія. — Евреи и ихъ внѣшнія особенности. — Шоссейныя дороги и рогатки. — Сельскія школы. — Равноправность русскаго языка. — Мѣстечко Баянъ, какъ одно изъ древнѣйшихъ поселеній. — Баянская синагога и дворецъ мѣстнаго паника. — Привилегированное положеніе и политическая роль мѣстнаго еврейства — Евреи-помѣщики и цифры еврейскаго землевладѣнія. — Баянская кавалерійскія казармы. — Могила динамита. — Предмѣстье Хоречъ и его церковь. — Ея архитектурныя особенности. — Преданіе объ императорѣ Александрѣ I. — Общій видъ на городъ Черновцы. — Русское впечатлѣніе, производимое этимъ видомъ — Обычай держаться при лѣвой рукѣ. — Улица Русская. — Базарная площадь. — Русская рѣчь на улицахъ, и русскія объявленія и афиши. — Католическо-польскій элементъ въ Буковинѣ. — Статуя Mater dolorosa. — Народная перепись — Этнографическія и политическія подтасовки. — Стремленія и попытки разрушить русское населеніе. — Русское ренегатство и причины этого печальнаго явленія. — Система правительственныхъ вождѣйствъ въ смыслѣ германизации. Черновецкій университетъ. Нѣмецкія газеты и ферейны въ Буковинѣ. — Партія украинофиловъ, ея органы и задачи. — Учебныя заведенія и ихъ австрійская тенденція. — Воинствующій напоръ нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ на мѣстную русскую народность — Превія и вынужденныя отношенія поляковъ къ русскимъ въ Буковинѣ. — „Фундація барона Гирша“ и ея дѣла. — Нѣмцы Моисеева закона въ Черновецкой гимназіи. — Центральная гостиница. — Визитъ

къ военному коменданту города. — Неудачный визитъ въ православную митрополию — Главная городская синагога. — Чего нельзя здѣшнему русскому и что можно еврею.

Бывая въ послѣдніе годы почти каждое лѣто на австрійской границѣ, въ мѣстечкѣ Новоселицѣ (Хотинскаго уѣзда), мнѣ давно уже хотѣлось, да все какъ-то не удавалось, побывать въ сосѣдней Буковинѣ, чтобы воочию взглянуть на городъ Черновцы, этотъ древній не поуніащенный центръ православія въ Австріи, съ его замѣчательною митрополіей и, кстати, посмотрѣть, какъ живетъ тамъ русскому люду. Въ нынѣшнемъ году это желаніе мое наконецъ-то исполнилось, — я былъ въ Черновцахъ и хочу рассказать обо всемъ, что довелось мнѣ видѣть и слышать въ теченіе моего, къ сожалѣнію, кратковременнаго пребыванія на этой русской заграничной почвѣ. Предупреждаю, впрочемъ, что рассказъ мой основанъ только на моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и на свѣдѣніяхъ, добытыхъ мной изъ разспросовъ и разговоровъ съ людьми, знакомыми съ положеніемъ края, а потому, конечно, я и не смѣю претендовать на безусловную точность сообщаемыхъ мною данныхъ и еще менѣе на непогрѣшимость своихъ выводовъ и заключеній. Описываю лишь то, что я видѣлъ и слышалъ и такъ, какъ оно мнѣ представилось.

Черновцы (не «Черновияцъ», какъ пишутъ ливабы, и не «Черновиде», какъ говорятъ поляки, а «Черновцы», съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, на *ы*, какъ произносить мѣстное русское населеніе) находится всего лишь въ 28-ми верстахъ отъ нашей границы, — что называется, рукой подать! Ъхать туда

изъ Новоселицы можно, пожалуй, по желѣзной дорогѣ, упирающейся какъ-разъ въ нашу границу; но такъ какъ поѣзда ея не придерживаются строго времени, установленнаго по росписанію, а отходить, какъ имъ вздумается, смотря по тому, сколько наберется пассажировъ, то мы, не желая терять лишнее время въ скучномъ ожиданіи на станціи, предпочли отправиться на лошадахъ, тѣмъ болѣе, что это гораздо удобнѣе и для возвращенія домой, такъ какъ не ставить васъ въ стѣснительную зависимость отъ времени отхода поѣзда изъ Черновцовъ въ Новоселицу, который по росписанію отходить въ пять часовъ по-полудни, а въ дѣйствительности — когда въ шесть, а когда и позднѣе, опять-таки смотря по тому, сколько наберется пассажировъ и груза. Удивляться такимъ порядкамъ нечего, такъ какъ дорога эта построена специально со стратегическою, наступательной цѣлью, ради чего и имѣть въ Черновцахъ всѣ приспособленія для быстрой посадки значительнаго корпуса войскъ и достаточныя средства для перевозки военныхъ снабженій. Въ торговомъ же и промышленномъ отношеніи значеніе ея ничтожно, и если между Черновцами и Новоселицей поддерживается ежедневное сообщеніе, то это почти исключительно для того, чтобы дать хоть какую-нибудь работу подвижному составу и служащимъ лицамъ. Торгово-промышленное значеніе дорога эта получитъ только тогда, когда соединится въ Новоселицѣ со строящеюся нынѣ вѣтвью русской дороги, которая соединитъ Черновцы съ Одессой, вслѣдствіе чего австрійская Буковина будетъ еще болѣе тяготѣть къ Россіи, на долю которой падутъ и главнѣйшія выгоды транзита, идущаго нынѣ исключительно черезъ Румынію къ Галацу. Тогда большая часть грузовъ направится на Одессу уже потому, что этотъ путь избавитъ ихъ отъ накладныхъ расходовъ двойной перегрузки, въ Галацѣ и на Сулинскомъ рейдѣ, что нерѣдко, по необходимости, практикуется въ настоящее время. Въ стратегическомъ же отношеніи русская новоселицкая вѣтвь, если и не превыситъ, то по крайней мѣрѣ уравниваетъ наши шансы съ австрій-

уже заграницей. Въ чемъ же разница? гдѣ она? невольно спрашиваемъ самого себя, мытливо оглядываясь во всѣ стороны. — Разницы никакой. Характеръ мѣстности все тотъ же, что и у насъ въ сѣверной части Хотинскаго уѣзда, въ нашей «Русской Буковинѣ»: пологіе холмы, составляющіе предгорья Карпатъ и покрытые частью пацнами, частью лѣсами. Вдали сияются болѣе высокіе лѣсистые отроги горъ. Лѣсная растительность состоитъ преимущественно изъ бука, отъ котораго и самая страна получила свое названіе Буковины; затѣмъ, тутъ же произрастаютъ вперемешку дубъ, грабъ, кленъ, осокоръ и ясень, нерѣдко достигающіе громадныхъ размѣровъ. Одно разнѣ можно сказать, что австрійскіе лѣса сберегаются гораздо лучше нашихъ.

Въ то время какъ наши приграничныя лѣса (да и не одни приграничныя!) безо всякой системы и безпопаша вырубались дочиста не только своими скушниками-евреями, но и цѣлыми, правильно организованными, компаніями берлинскихъ и кенигсбергскихъ нѣмцевъ, которые привозятъ сюда, на мѣсто, даже своихъ лѣсныхъ рабочихъ, чтобы не дать заработка русскому, и валять наши вѣковѣчныя пушчѣ, ничѣмъ не стѣняясь и торопясь только уничтожить возможно большее количество лѣсныхъ десятинъ, пока законъ о сохраненіи лѣсовъ не коснулся еще этихъ мѣстностей, — лѣса австрійскіе стоятъ себѣ цѣлы и невредимы, невольно поражая васъ своимъ обиліемъ и благоустройствомъ, и это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что за сравненіемъ не нужно далеко ходить: оно у васъ тутъ же, на самой чертѣ границы. Казалось бы, законъ объ охранѣ и правильной эксплуатациі лѣсовъ существуетъ и у насъ такъ же, какъ въ Австріи, но тамъ онъ примѣняется во всей строгости и притомъ повсюду, а потому всѣ, хочешь-не-хочешь, уважаютъ его; у насъ же изъ-подъ дѣйствія подобнаго же закона изъяты почему-то цѣлыя провинціи, чѣмъ и пользуется заграничная эксплуатациія для самыхъ варварскихъ порубокъ. И чѣмъ долѣе бездѣйствуетъ законъ, тѣмъ безпопашнѣе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, оголяется мѣстность, такъ что не далеко уже время, когда хотинскія, подольскія и волынскія пушчѣ совсѣмъ отойдутъ въ область преданія... И вмѣстѣ съ этимъ грандіознымъ истребленіемъ лѣсовъ, здѣсь съ каждымъ годомъ все болѣе раздуются оханы и жалобы на рѣзкую перемену климата, на суровыя зны и холодныя вѣтры, на обмелѣніе рѣкъ и озеръ, пересыханіе ручьевъ и колодезевъ, на перекатные пески, превращающіе черноземъ въ неплодную почву, на продолжительныя лѣтнія засухи, неурожаи, выгараніе травъ и т. д. Всѣ жалуются, всѣ видятъ зло, знаютъ его причину, и всѣ бездѣйствуютъ, точно бы

Итакъ, порѣшивъ ѣхать на лошадахъ, мы наняли въ нашей Новоселицѣ четырехмѣстный фаэтонъ, съ четверкой почтовыхъ, за 6 рублей въ оба конца, туда и обратно, и въ десятомъ часу утра, 25-го іюля, перѣехали черезъ границу.

* * *

Перѣехали и... словно бы и не перѣѣзжали. Кромѣ сознанія о томъ, что нѣсколько минутъ назадъ предъ нами поднялся шлагбаумъ, чтобы пропустить нашъ фаэтонъ по мостку черезъ сухой пограничный ровъ, ничто изъ окружающаго не напоминало намъ, что мы

такъ тому и надо бытъ! Ростили, ростили леса вѣками и губятъ теперь ихъ зря, продавая на срубъ почти за безцѣнокъ...

* *

Характеръ буковинскихъ селеній и виѣшній видъ крестьянскихъ построекъ тоже ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ: такія же все, на-чисто выбѣленные, малорусскія хаты подъ соломенными кровлями, такія же клуны и столы, и длинные «журавли» надъ колодцами, такъ что ни на виѣшности этихъ построекъ, ни на ихъ внутреннемъ устройствѣ и обстановкѣ ничуть не замѣтно какого-либо цивилизаторскаго вліянія швабскихъ культуртрегеровъ. Хаты не тѣснятся въ сплошную улицу, какъ великорусскія избы, а стоятъ-себѣ въ-разбросъ, кому какъ удобнѣе, среди своихъ дворовъ, садовъ, лѣвадъ и огородовъ, обнесенныхъ деревянными плетнями, изъ-за которыхъ свѣшиваются на улицу густые, длиннохвостые побѣги колючаго «язвина», называемаго также и «берездой, и служащаго здѣсь, какъ и на всемъ нашемъ югѣ, наилучшимъ растеніемъ для живыхъ изгородей. При каждой хатѣ непременно есть свой двѣтвичекъ, изъ котораго выглядываютъ за плетень высокія разноцвѣтныя мальвы, бархатцы и душистая мята; есть и свой огородъ, наполненный, кромѣ всякаго овоща, пестрыми маками и пышными подсолнухами; есть непременно и свой фруктовый садикъ, гдѣ растутъ груши, яблоки, грецкій орѣхъ, черешня, абрикосъ и черная слива, причемъ послѣдняя преобладаетъ надъ остальными родами фруктовыхъ деревьевъ, такъ какъ производство вяленаго и сушеннаго чернослива составляетъ одну изъ главнѣйшихъ и наиболѣе доходныхъ статей мѣстной сельской промышленности. Въ этихъ же садахъ нерѣдко ютятся подъ деревьями небольшія пасѣки, колоды въ пять-шесть, иногда до десятка. Въ прежніе годы, говорятъ, и число пасѣкъ, и количество колоды было несравненно больше противъ нынѣшняго, но съ тѣхъ поръ, какъ по всему югу пошли въ ходъ сахарные заводы, да какъ изобрѣли къ тому же искусственный воскъ, пчеловодство стало падать, и теперь если кто изъ крестьянъ еще и занимается имъ, такъ развѣ для собственнаго обихода, да еще по старой памяти, какъ дѣломъ богоугоднымъ. Такое же явленіе замѣчается и у насъ на югѣ, гдѣ оно обуславливается тѣми же причинами, и если наше пчеловодство не пало еще окончательно, то это лишь благодаря запрещенію святѣйшаго синода употреблять искусственный воскъ на церковныя свѣчи.

* *

Холмистыя поля покрыты пожнями пшеницы, уже скошенной и убранный, а также посѣвами овса, гречихи, проса, кукурузы и рапса (по мѣстному «рыпакъ»). Судя по виѣшно-

сти, здѣсь сказывается зажиточность крестьянскаго населенія, хотя, въ общемъ, степень ея не превосходитъ зажиточности нашихъ приграничныхъ крестьянъ Хотинскаго и Каменецъ-Подольскаго уѣздовъ. Но люди свѣдущіе, когда я въ Черновцахъ заикнулся-было объ этой зажиточности, только головой покачали, съ грустно-ироническою усмѣшкой. — Да, говорятъ они мнѣ, — наружность обманчива. Это дѣйствительно, зажиточность *кажущаяся*, призрачная, потому что у насъ съ каждымъ годомъ все растетъ число крестьянъ, переходящихъ изъ положенія собственника въ положеніе батрака. Дѣло въ томъ, что масса крестьянскихъ хозяйствъ обременена неоплатыми долгами у мѣстныхъ евреевъ, такъ что въ сущности крестьянинъ не больше какъ жилецъ въ своей хатѣ, гдѣ онъ какъ будто и взаправду живетъ на своемъ «господарствѣ», каковое и числится за нимъ по закону. Но на дѣлѣ, то поле, которое считается принадлежащимъ ему, онъ обрабатываетъ не для себя, а для своего заимодавца-еврея; тотъ огородъ, который полетъ его баба, тотъ фруктовый садикъ, гдѣ онъ такъ старательно срѣзаетъ лишніе побѣги и сухія вѣтви, принадлежатъ фактически не ему, а опять-таки тому же самому еврею, и этотъ еврей считается еще благодѣтелемъ, если соглашается, чтобы должникъ-крестьянинъ работалъ для него изъ полу, т. е., чтобы половина всего его урожая шла заимодавцу, а другая оставалась бы въ его собственную пользу. Это еще очень милое стиво со стороны еврея: есть множество крестьянъ, обрабатывающихъ свою землю въ пользу жидовъ на гораздо худшихъ условіяхъ. Такимъ образомъ и выходитъ, что фактически, хотя и не законный, владѣлецъ крестьянской земли — это какой-нибудь Мошка или Гершка, а крестьянинъ, собственникъ юридическій, есть не болѣе, какъ закабаленный батракъ этого Гершки. А попробуй онъ не заплатить Гершѣ по условію, тотъ сейчасъ на него вексель ко взысканію, и затѣмъ процедура уже извѣстная: описъ имущества, запрещеніе, судъ, продажа съ молотка и, въ концѣ концовъ, Гершко становится уже не только фактическимъ, но и юридическимъ собственникомъ крестьянской земли и выдворяетъ мужика съ помощью полиціи изъ батьковской хаты. Вотъ почему въ буковинскихъ селахъ живетъ такое множество евреевъ.

Сельскіе жители австрійской Буковины тоже ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ буковинцевъ и подольцевъ: тотъ же малорусскій типъ и тотъ же костюмъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Мужчины, по большей части, бреютъ бороды, но оставляютъ усы и носятъ подстриженные чолки, а сзади длинные волосы, спускающіеся изъ-за ушей кудрями на плечи и затылокъ. Вѣлые холщевые порты

широкой кройки и такая же рубаха по кофта, застегнутая красною шерстяною ленточкой-авязкой (по мѣстному «стежкой») и подпоясанная широкимъ кожанымъ поясомъ, такъ-называемымъ «чересомъ», а на головѣ «бриль» — домоушная соломенная шляпа съ широкими полями, — таковъ ихъ лѣтній рабочій костюмъ, къ которому въ праздничные дни добавляются смѣзные «чоботы» и сѣрая, либо коричневая, суконная «свитка» или «гуля», съ перехватомъ въ тали; зимою же — овчинный кожанъ и барашковая шапка. У женщинъ — бѣлая, болѣе тонкая сорочка по шиколотку, съ узорчато-цвѣтными прошивками на плечахъ, и шерстяная полосатая плахта, обернутая вокругъ бедеръ и подпоясанная широкимъ шерстянымъ шарфомъ краснаго, синяго или зеленаго цвѣта; на шеѣ непременно большой серебряный крестъ почаевского или киевскаго издѣлія, и нѣсколько нитокъ бусъ и «карамель», въ видѣ ожерелья; на головѣ бѣлая «намитка», которою служить длинное полотенце. Одинъ конецъ намитки подгибается спереди, въ родѣ итальянской фаты, и припускается на лобъ, какъ козырекъ, прикрывая лицо и тѣня отъ солнечныхъ лучей; другой же конецъ, обернувшись разъ вокругъ головы, какъ повязка, кокетливо спускается съ затылка на плечо и слегка обматывается шею, небрежно драпируясь вокругъ нея складками. Въ праздники къ этому костюму точно также добавляются чоботы и перехваченная въ тали свитка, которая, въ отличие отъ мужской, бываетъ иногда бѣлаго цвѣта и простегивается по швамъ узенькою вышивкою изъ разноцвѣтной шерсти.

Попадавшіеся намъ на дорогѣ крестьяне снимали свои брили, а женщины встрѣчали насъ поклономъ, причемъ мужчины сопровождали свое привѣтствіе словами «добрый путь!» или «помогай вамъ, Боже! здравствуйте!» Встрѣтіясь въ селеніяхъ также нѣсколько мужичковъ совершенно великорусскаго типа, какъ по костюму, такъ и по говору. Это, такъ называемые, «липоване», русскіе выходцы-старовѣры, которые занимаются промысломъ малорусскаго населенія разными мастерствами и мелкимъ торгашествомъ въ разность. Они по преимуществу здѣшніе плотники, печники, кладчики, столяры и коробейники. Въ сторонѣ гдѣ-то раздавались даже звуки русской гармоникки. Словомъ, и по характеру мѣстности, и по ея культурѣ, и по вышнему виду селеній, и по типу жителей, и по всему ихъ обиходу намъ невольно казалось, что мы все еще у себя дома, а кордонный шлагбаумъ — не болѣе, какъ одна иллюзія. Какъ по ту сторону кордона, такъ и здѣсь — это одна и та же страна, одинъ и тотъ же родной намъ народъ, та же вѣра, тотъ же языкъ и обычаи, та же пѣсня, — все, рѣшительно все то-же, и

все свое, родное, такъ что порою даже странно какъ-то становится — да неужели, молъ, въ самомъ дѣлѣ это Австрія?!

* *

Да, нѣтъ сомнѣній, мы на русской почвѣ, которая была русскою еще на зарѣ нашей исторической жизни. Древняя Паннонія, а нынѣшняя Венгрія, называемая мѣстными русскими жителями Угорщиною (т. е. страной, у горъ лежащею), во время пришествія мадьяръ была заселена славянами. По обѣ стороны Карпатскихъ горъ, на ихъ сѣверныхъ и южныхъ склонахъ, гдѣ нынѣ живутъ угро-русы, обитали въ VIII и IX вѣкахъ славяне, называвшіеся бѣлыми хорватами, которые входили въ государственный составъ нашей древней Руси еще при Олегѣ. Несторъ пишетъ: «и живаху въ мирѣ поляне (т. е. жители полей приднѣпровскихъ, въ нынѣшней Киевской губерніи) и хорваты» ¹⁾. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что когда Олегъ «иде на греки», то онъ взялъ съ собою, въ свое войско, «множество варягъ и славенъ... и хорваты» ²⁾. Поэтому и Карамзинъ и Соловьевъ причисляютъ бѣлыхъ хорватовъ къ составнымъ племенамъ древней Руси. «Покоривъ Сѣверъ, говоритъ первый изъ сихъ историковъ, князь русскій (Олегъ) обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ русскій державы славяне, единоплеменные съ черниговцами. Онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волинскую губерніи, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію: ибо лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуетъ дулебовъ, тиверцевъ и хорватовъ, тамъ обитавшихъ». Самое названіе «хорваты», думается мнѣ, произошло отъ горъ, служившихъ мѣстомъ ихъ поселенія. Фонетическія измѣненія сочувственныхъ между собою согласныхъ буквъ составляютъ одну изъ выдающихся особенностей какъ древне-славянскаго языка, такъ и всѣхъ языковъ, происшедшихъ отъ этого корня. Мы знаемъ, что въ нихъ очень часто звукъ *б* переходитъ въ *в* и наоборотъ, равно какъ звукъ *ж* (*h*) измѣняется въ *з* и въ *к* и обратно. Въ виду этой особенности, мнѣ кажется, очень возможно допустить, что «хорваты» есть не что иное, какъ измѣненное *горваты* или *горбаты*, т. е. горцы, на горбахъ (хребтахъ) живущіе. Отсюда же, мнѣ кажется, и самое слово «Карпаты» есть измѣненное *горбаты*, т. е. горы, хребты. Одна часть бѣлыхъ хорватовъ перешла на югъ и образовала впоследствии королевства Сербское, Хорватское и Славянское; другая же часть осталась на горахъ и по ихъ склонамъ, въ мѣстахъ своихъ старыхъ поселеній, и эти-то

¹⁾ Лавр. лѣт. изд. 1872 г., стр. 12.

²⁾ Ibid. стр. 119.

последние «бѣлые хорваты», упоминаемые Несторомъ, были предками нынѣшнихъ угро-русовъ и буковинцевъ. Затѣмъ, большой наплывъ русскихъ въ Угорщину и Буковину послѣдовалъ еще и изъ Молдавіи, которая, по свидѣтельству Нестора, населена была русскимъ племенемъ тиверцевъ и угличанъ, жившихъ по Днѣстру до самаго моря и Дуная и вошедшихъ въ составъ Русскаго государства при Игорѣ, по взятіи Свѣнелдомъ главнаго ихъ города Пересѣчина ¹⁾. Извѣстный нашъ славистъ Ю. Венелинъ говоритъ, что при нашествіи татаръ, большая часть этихъ русскихъ жителей Молдавіи бѣжала въ Карпатскія и Трансильванскія горы и что часть потомковъ этой Тиверской и Угличкой Руси и доселѣ существуетъ въ самой гористой части Буковины и Станиславовскаго округа въ Галиціи, а также въ Мараморошскомъ и Угочевскомъ жупанствахъ въ Венгріи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Мараморошской Руси. Буковинцы, какъ и угро-русы, вмѣстѣ съ народами Червонной Руси, Подолін и Бессарабіи, считаютъ своимъ духовнымъ просвѣтителемъ нашего св. князя Владимира Равно-апостольнаго и заключаютъ это изъ того, что пока въ Мучачевѣ не была основана отдѣльная епископія, до тѣхъ поръ священниковъ къ угро-руссамъ ставилъ епископъ перемышльскій, и, стало-бытъ, они были подвѣдомственны епископіи перемышльской, основанной если не самимъ княземъ Владиміромъ Святѣмъ, то несомнѣнно однимъ изъ русскихъ перемышльскихъ князей во второй половинѣ XI вѣка, такъ какъ исторически совершенно точно извѣстно, что Антошъ, бывшій архіепископъ новгородскій (1212) и митрополитъ кievскій (1218), держалъ перемышльскую кафедрѣ до 1226 года ²⁾. Съ тѣхъ поръ православіе въ Угорщинѣ и Буковинѣ прошло черезъ множество испытаній, но осталось непоколебимо во всей своей чистотѣ и до нашего времени. Въ XII вѣкѣ не только Буковина, но и вся Бессарабія съ Молдавіей, входила въ составъ сильнаго Галицкаго княжества, гдѣ князья Владиміро, Ярославъ и Романъ твердо охраняли Россійское государство на его юго-западныхъ предѣлахъ и держали въ страхъ венгровъ. О Ярославѣ Галицкомъ творецъ «Слова о полку Игоревѣ» говоритъ: «Остомыслъ Ярославъ высоко сядиши на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными полки,

заступилъ королеви (венгерскому) путь, затворивъ Дунаю ворота, меча беременъ черезъ облаки, суды риде до Дуная». Карамзинъ замѣчаетъ, что еще въ XIV вѣкѣ въ Россійской географіи того времени упоминаются, въ числѣ старинныхъ нашихъ городовъ, Бѣлгородъ (Ахкерманъ), Романовъ ³⁾, Сучава ²⁾, Серетъ ³⁾ и Хотинъ. Не ранѣе, какъ по смерти, въ 1336 году, послѣдняго Галицкаго князя Георгія, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, земли эти, безъ малаго пять вѣковъ входившія въ составъ Русскаго государства, подпадаютъ польскому господству, сначала въ лицѣ Болеслава, князя Мазовскаго, а съ 1340 года—въ лицѣ Казимира, давшего галичанамъ обѣщаніе не тѣснить ихъ православной вѣры. Но вскорѣ затѣмъ, а именно между 1350 и 1354 годами, Бессарабія отошла къ образовавшемуся въ это время независимому господарству Молдавскому, гдѣ, однако, языкъ нашъ до самаго XVII вѣка (1636 г.) оставался не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ свидѣлствуютъ то подлинныя грамоты молдавскихъ господарей. Буковина же составила въслѣдствіе часть Седмиградской области; но въ 1482 году была завоевана молдавскимъ княземъ Стефаномъ V, а въ 1529 году покорена, вмѣстѣ съ Молдавіей, турками, подъ которыми и оставалась до 1777 года, когда по Кучукъ-Кайнарджійскому миру она отошла къ Австріи и, въ 1786 году, подъ названіемъ Черновицкаго округа, была соединена съ Галиціей. Нынѣ же Буковина составляетъ отдѣльную область, пространствомъ въ 190 квадратныхъ миль, съ 513.000 душъ населенія, въ числѣ коего первое мѣсто занимаютъ русскіе (41%), затѣмъ румыны (38%), евреи (9,5%), вѣмцы (8%) и немного поляковъ, мадьяръ, армянъ и чеховъ.

* * *

Среди мѣстнаго населенія нѣкоторая разница противъ юго-западной Россіи сказывается только въ наружномъ обличьи и костюмѣ жидовъ, которые всецѣло сохраняютъ здѣсь свой старозаконный видъ и обычаи, тогда какъ наши давно уже опиджачились и осапожились, но, увы! далеко не къ лучшему. Здѣшніе евреи сохранили еще во всей неприкосновенности свои «святые пейсы», — эту спеціальную «красу Израиля», — и невозбранно носятъ на головахъ, поверхъ бархатныхъ ермолокъ, диковинные малаханъ, «штраймеле», изъ лисьяго мѣха, а вмѣсто камзоловъ — ватные «лапсердаки» съ болтающимися внаружу кистями и тесемками «цыцыса», затѣмъ длиннополые сюртуки и свободно развѣвующіяся по вѣтру хламида—«дэле», коротенькія сатиновые штаны по колѣно и открытые чулки

¹⁾ Въ Оргѣвскомъ уѣздѣ и нынѣ существуетъ большое селеніе Пересѣчина. По мнѣнію Надеждина (См. «Зап. Одесск. общ. ист. и древн.» т. I, Геродотова Скиѣя), на этомъ мѣстѣ и былъ въ древности городъ угличанъ Пересѣчень, взятый Свѣнелдомъ.

²⁾ Историч. очеркъ угро-русскаго народа и церкви. См. «Славянскія извѣстія» 1889 г. № 50, стр. 1161 и № 52, стр. 1198 и 1890 года № 4, стр. 70.

¹⁾ Нынѣ Романъ, въ Молдавіи, на р. Серетъ.

²⁾ Нынѣ въ австрійской Буковинѣ.

³⁾ Тамъ же.

съ пантофлями-шлепанцами. Въ этомъ «старожитномъ» костюмѣ вы ихъ встрѣчаете здѣсь рѣшительно повсюду,—и въ деревняхъ, и въ мѣстечкахъ, на базарахъ, въ лавкахъ, въ корчмахъ и на дорожныхъ рогаткахъ. Израилю здѣсь полное приволье, и онъ благоденствуетъ-себѣ подъ австрійскимъ орломъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Россіи.

* * *

Итакъ, первая особенность страны, какъ австрійской провинціи, сказавшаяся въ наружности евреевъ, а затѣмъ наплывъ и еще кое-какіе оттѣнки и отличія, говорящіе, впрочемъ, въ пользу Австріи и ея порядковъ. Такъ, на примѣръ, у насъ по всей Бессарабіи вы обречены ѣздить по невозможнымъ грунтовымъ дорогамъ, задыхаясь лѣтомъ отъ пыли, а осенью увязая по ступицу въ невылазной грязи,—здѣсь же, чуть только перешагнули черезъ границу, экипажи ваши легко и спокойно катятся по прекрасному шоссе, которое пролагается не только на главныхъ, но и на многихъ побочныхъ путяхъ сообщенія, на земскія средства, но подъ непосредственнымъ контролемъ правительства. На этихъ шоссеиныхъ дорогахъ, въ извѣстныхъ пунктахъ и на опредѣленномъ помилномъ разстояніи, стоятъ шлагбаумы и при нихъ сторожки, гдѣ взимается со всѣхъ проезжающихъ шоссеиный сборъ, изъ котораго постепенно покрывается какъ первоначальная затрата на устройство шоссе, такъ и ежегодныя издержки по его ремонту. Всѣ эти рогатки, впрочемъ, сдаются на откупъ исключительно евреямъ, которые, платя въ казну опредѣленную сумму, не кладутъ уже затѣмъ охулки на руку и берутъ съ проезжающихъ по своей собственной таксѣ, исходя изъ того соображенія, что проезжающему не по казенной надобности, будь онъ крестьянинъ, спѣшащій съ полнымъ возомъ на базаръ, или помѣщикъ, ѣдущій въ городъ по дѣлу, некогда, да и не стоитъ задерживаться на пути и спорить съ жидомъ передъ спущенной рогаткой изъ-за какого-нибудь лишняго кренцера. А изъ этихъ лишнихъ кренцеровъ у арендатора черезъ нѣсколько лѣтъ—гляди—вырастаетъ въ городѣ каменный домъ или каменные лавки въ мѣстечкѣ.

* * *

Но вотъ и еще австрійскія особенности.

Въ каждомъ селеніи хорошенькій глинобитный домикъ и на немъ, на фронтонѣ крылечка, намалеванъ государственный гербъ, а подъ нимъ—по-нѣмецки и по-русски надпись «Volksschule»—«Сельская школа». Въ этихъ школахъ, содержимыхъ на средства сельскихъ общинъ, нѣмецкій языкъ является не только обязательнымъ предметомъ обученія, но даже преобладаетъ надъ туземнымъ языкомъ,—будь то русскій или румынскій,—какъ въ преподаваніи, такъ и въ разговорной практикѣ учи-

теля съ учениками въ стѣнахъ и внѣ школы. Съ національной точки зрѣнія, мѣстные патриоты могутъ, конечно, скорбѣть и жаловаться, что ихъ дѣти какъ бы насильственно подвергаются этимъ путемъ онѣмеченію, но и австрійское правительство тоже право, добываясь, чтобы языкъ, считающійся у него государственнымъ, былъ знакомъ всѣмъ подданнымъ этого государства. Со стороны этого правительства я нахожу хорошимъ уже и то, что оно—по наружности, по крайней мѣрѣ, — не угнетаетъ языка туземнаго, а отводитъ ему мѣсто наравнѣ съ государственнымъ. Такъ, на примѣръ, доски на столбахъ при въѣздахъ въ селенія или указатели путей на перекресткахъ дорогъ носятъ надписи нѣмецкія и рядомъ съ ними или подъ ними—русскія. Точно также на переѣздахъ черезъ полотно желѣзной дороги непремѣнно стоятъ съ обѣихъ сторонъ его столбы съ острагающею надписью по-нѣмецки и по-русски, причѣмъ послѣдняя гласитъ: «Уважайте на поѣздъ!» т. е. обращайтесь вниманіе на поѣздъ. Равнымъ образомъ, и на межахъ полей, при дорогѣ, выставлены столбы съ надписью: «Не рушайте урожая». На зданіяхъ officialнаго характера, въ родѣ сельскихъ управъ и т. п., рядомъ съ нѣмецкою, всегда стоитъ и русская надпись, обозначающая родъ и характеръ учрежденія.

* * *

Въ семи верстахъ отъ нашей границы находится мѣстечко Баянъ, чрезъ которое лежитъ наша дорога. По преданіямъ, это одно изъ древнѣйшихъ поселеній здѣшняго края, и мнѣ кажется, что самое имя его, созвучное какъ «соловю стараго времени», такъ и знаменитому своею свирѣлостію, хану аварскому, не противорѣчитъ такимъ преданіямъ. Быть можетъ, позволительно было бы искать мѣсто родины знаменитаго цѣвца времени Владимира Красна-Солнышка именно здѣсь, но мнѣ кажется, что вѣрнѣе, пожалуй, будетъ связь названія сего мѣстечка съ именемъ хана аварскаго, и это вотъ почему: въ VI вѣкѣ нашей эры, когда Буковина и сѣверная Бессарабія были населены антами, народомъ славянскаго племени¹⁾, въ ихъ предѣлы вторглись гунны-огоры, назывшіеся славнымъ именемъ могущественныхъ нѣкогда аваровъ, и предложили свой союзъ императору византійскому. Императоръ Юстиніанъ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, коего власть надъ собой уже признали и угры, и болгары, и анты, войска которыхъ разбитъ вождемъ этихъ кочев-

¹⁾ Память объ этихъ антахъ, кромѣ свидѣтельствъ византійскихъ хронистовъ и готскаго историка Иордана (VI в.) сохранилась, еще, быть можетъ, и въ названіи древняго селенія *Анута*, находящагося на Днѣстрѣ, на самой границѣ между русскою и австрійскою Буковиною и населеннаго русскими.

ивковъ ханъ Баянъ, покорившій себя въ 566 году всю Дакію, а затѣмъ и Паннонію (Венгрію), и такимъ образомъ, въ 568 году область Баянова простиралась уже отъ Волги до Эльбы. Очень возможно, что на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка стояла ханская ставка, или даже, что самъ Баянъ основалъ тутъ городъ и далъ ему свое имя, такъ какъ честолюбіе этого хана искало себя удовлетворенія не только въ кровавыхъ подвигахъ, но и въ томъ, чтобы называться «другомъ Тиверіа» (византийскаго) и носить званіе римскаго патриція.

Но, какъ бы то ни было, а возвращаясь мыслію ко временамъ Олега, Игоря, Святослава и Владимира, невольно какъ-то думается, что и въ тѣ отдаленныя эпохи стояли здѣсь, вѣроятно, точно такія же бѣлыя хатки подъ соломенными кровлями, и росли въ садахъ такіе же тополя и сливы, и русскіе обыватели ходили въ точно такихъ же костюмахъ, сохранившихъ и нынѣ въ своей простотѣ нѣчто первобытное. Въ этомъ, чисто бытовомъ отношеніи едва-ли чтò потерпѣло здѣсь значительныя измѣненія. Разница между стародавнимъ и нынѣшнимъ заключалась, вѣроятно, только въ томъ, что жидовъ тогда не было, какъ не было, конечно, и «благодѣяній» австрійской цивилизаціи, въ родѣ шоссе, роготокъ, плакардъ съ разными «восищеніями» и сельскихъ жандармовъ, щеголяющихъ по дорогамъ и селеніямъ въ лакированныхъ шляпахъ съ пѣтушьямъ плюмажемъ и съ карабиномъ за плечами.

Въ настоящее время Баянъ—обыкновенное торговое мѣстечко, какъ и тысячи ему подобныхъ въ Западномъ краѣ, съ нѣсколькими лавками, корчмами, заѣзжими домами и, разумеется, съ сильно преобладающимъ еврейскимъ элементомъ между обывателями. Евреи здѣсь, какъ видно, въ явномъ фаворѣ у правительства. Въ то время, какъ не только православная церковь, но и католическій костелъ скромно отодвинулись на окраины мѣстечка, не отличаясь ни изяществомъ архитектурнаго стиля, ни щегольствомъ внешней отдѣлки, ни внутреннимъ богатствомъ,—еврейская синагога гордо красуется на лучшемъ мѣстѣ, въ самомъ центрѣ мѣстечка, точно бы и въ самомъ дѣлѣ сдѣлано это ради пущаго заявленія еврейскихъ правъ на первенство, точно-бы еврейская религія является здѣсь господствующею, а католичество съ православіемъ только терпимыми. Такъ оно выходитъ по вѣщности, и говорить, что это далеко не случайность.

Баянская синагога—прекрасное каменное зданіе съ мавританскими окнами, очень красиво и прочно построенное, а рядомъ съ нимъ стоитъ «дворецъ» баянскаго цадика, пользующагося за свою «святость» и талмудическую ученость громадною популярностію и всѣмъ авторитетомъ не только среди мѣстнаго, но и

румынскаго, и русскаго, и галиційскаго еврейства, которое пилигримствуетъ къ нему на поклоненіе, какъ на нѣкій богоугодный подвигъ, и обращается къ его «пророческому провидѣнію» за совѣтами и гаданіями по Кабалѣ насчетъ разныхъ своихъ гешефтовъ, или за юридическимъ разрѣшеніемъ своихъ спеціально еврейскихъ тяжбъ и споровъ, а также и за исцѣленіемъ отъ всякихъ недуговъ и отъ неплотія. Баянскій цадикъ живетъ совершеннымъ паркомъ, и получить обыкновенному еврею или еврейкѣ у него аудіенцію—дѣло не особенно легкое. Для этого надо предварительно пройти черезъ дѣловое горнило испытаній собственнаго долготерпѣнія, унынія, поклоновъ и подвергнуться всецѣскимъ вымогательствамъ со стороны прислуги, приспѣшниковъ и родственниковъ «святого» шейне-морейне, которые составляютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, его придворный штатъ, да кромѣ того, надо еще и самому «святому» принести въ подарокъ свою лепту.

Домъ, гдѣ обитаетъ этотъ блаженный чловѣкъ, называется «дворцомъ»—вовсе не въ шутку,—это дѣйствительно дворецъ: роскошный, одно-этажный каменный палаццо красивой архитектуры, съ башенками, подъ аспидно-сѣрою чешуйчатою кровлей, съ зеркальными дѣльными стеклами въ большихъ окнахъ, съ лѣпнымъ орнаментомъ по стѣнамъ, съ рѣзными, тяжелыми дверями изъ моренаго дуба,—палаццо, устроенный чрезвычайно комфортабельно и солидно, со всѣми приспособленіями современной домостроительной техники и, вдобавокъ ко всему, украшенный прекрасными палисадниками, съ изумрудно-зелеными газонами и узорчато-разбитыми цвѣточными клумбами. Но замѣчательнѣе всего то, что всю эту роскошь—и синагогу, и дворецъ—завело вовсе не мѣстное еврейство, а само правительство, и не на еврейскіе общественные капиталы, а на свои собственные средства, т. е. иными словами, на податныя деньги христіанскаго населенія. Просто вѣрить не хочется!.. Любезность по отношенію къ евреямъ чрезвычайная и тѣмъ болѣе знаменательная, что то же самое правительство не оказываетъ и тѣни подобной любезности, не говорю уже православнымъ церквямъ, но даже и немногочисленнымъ костеламъ, существующимъ и поддерживаемымъ здѣсь только на добротныя средства своихъ прихожанъ. Правительство очевидно ухаживаетъ за еврействомъ, желая всѣми этими любезностями и щедротами всецѣски польстить ему и тѣмъ заслужить себѣ его благорасположеніе.

У свѣжаго здѣсь чловѣка, какъ я, невольно рождается при этомъ вопросъ, изъ-за чего же, однако, все это дѣлается, и съ какой стати правительству записывать спеціально въ еврейскіе, если оно не особенно-то записываетъ въ католикахъ-полякахъ и еще менѣе въ православныхъ русскихъ и румынахъ?

— А, видите ли,—отвѣчаютъ мнѣ на это люди свѣдущіе,—правительство очень хорошо понимаетъ, что при вѣчномъ антагонизмѣ между католическимъ и православнымъ миромъ, первый и безъ того всегда будетъ на его сторонѣ, въ силу естественнаго тяготѣнія какъ къ правительству единовѣрному, тѣмъ болѣе, что большинство католиковъ принадлежитъ къ интеллигенціи, тогда какъ громадное большинство православныхъ—это не болѣе какъ темная чернорабочая крестьянская сила, «быдло», да еще нижніе слои мѣстечковаго и городскаго населенія. Евреи же, обладая капиталами, землями, помѣстьями, разными угодьями и держа въ своихъ рукахъ всю мѣстную торговлю, всѣ банковыя и кредитныя учрежденія, задаютъ главный тонъ всей экономической и даже политической жизни страны. Какъ профессиональные займодавцы и скупщики всѣхъ естественныхъ произведеній и хозяйственныхъ продуктовъ этой страны, они прочно и крѣпко держатъ у себя въ уѣздѣ всѣхъ остальныхъ ея обывателей, безъ различія національности и религіи. Нѣтъ того пана и нѣтъ того крестьянина, у которыхъ не было бы своего собственнаго еврея, на котораго они работаютъ, которому продаютъ хлѣбъ и прочее и который, разумеется, ссужаетъ ихъ въ крутую минуту деньгами на проценты, подъ будущій урожай, съ обязательствомъ для крестьянина еще отработать ему столько-то дней въ страдную пору. Такимъ образомъ, въ экономической зависимости отъ евреевъ равно состоятъ и польскіе помѣщики, и русскіе, и румынскіе крестьяне, и всякіе ремесленники изъ городскихъ мѣщанъ. Этимъ-то положеніемъ и пользуется «умное» конституціонное правительство: никто лучше евреевъ не можетъ вліять на тотъ или другой, желательный правительству, исходъ какихъ бы то ни было выборовъ и общественныхъ рѣшеній. И это тѣмъ удобнѣе, что при такомъ «деликатномъ» способѣ воздѣйствія на избирателя и гласнаго, правительство остается какъ бы совсѣмъ въ сторонѣ, какъ бы ни при чемъ, а либеральная личина «свободы выборовъ» и «свободы голосованія» является неприкосновенною. Совсѣмъ какъ у извѣстной дѣвицы, которая и капиталъ приобрѣла, и невинность сохранила. Система, какъ видите, очень ловкая, и правительство, въ собственныхъ интересахъ, пользуется еврейскимъ вліяніемъ на основаніи принципа «do, ut des»: ты, дескать, помогай мнѣ обрабатывать населеніе при выборахъ въ желательномъ для меня смыслѣ, а я за это буду смотрѣть сквозь пальцы, какъ ты высасываешь экономическіе соки изъ того же населенія, и окружу тебя либеральнымъ ореоломъ конституціонно-гражданскаго равноправія и религіозной свободы (Confessionslos), и весь Израиль русскій, румынскій и всякій иной будетъ тебѣ завидовать и думать,

какъ хорошо живетъ брату моему подъ кровомъ благословенной Австріи!..

Да, живетъ, дѣйствительно, хорошо; но къ какимъ результатамъ, однако, привело уже несчастную Галичину и Буковину это еврейское «равноправіе», прикрывающее своею либеральною фирмой еврейскій гнетъ и преобладаніе надъ христіанскимъ населеніемъ въ державѣ, все еще называющейся «христіанскою!» До 1867 года, евреямъ какъ въ Галичинѣ, такъ и въ Буковинѣ не дозволялось приобретать земельную собственность, и во всемъ этомъ краѣ насчитывалось только 38 землевладѣльцевъ еврейскаго происхожденія, успѣвшихъ въ разное время и разными косвенными путями, въ обходъ закона, воспользоваться землею; но въ общемъ это землевладѣніе, относительно количества морозовъ, представлялось совершенно ничтожнымъ. Декабрьская конституція 1867 года установила пресловутую «равноправность»,—и не далѣе какъ черезъ два года (къ началу 1870), однихъ только *крупныхъ* землевладѣльцевъ-евреевъ, имѣвшихъ право голоса въ избирательномъ собраніи въ качествѣ представителей отъ крупныхъ собственниковъ, было уже 68. Затѣмъ, вѣнскій крахъ 1873 года вызвалъ кризисъ въ восточныхъ провинціяхъ Австріи,—и къ 1876 году число *крупныхъ* помѣстій въ еврейскихъ рукахъ возросло тамъ до 289, а въ настоящее время ихъ уже насчитывается 543, т. е. выходитъ, что каждый седьмой крупный помѣщикъ—еврей. Такъ стоитъ дѣло въ области крупнаго землевладѣнія. Съ мелкою же крестьянскою собственностію оно еще печальнѣе, какъ можно убѣдиться по слѣдующимъ цифрамъ: за десятилѣтіе, съ 1873 по 1883 годъ, 15.973 аукціона при крестьянскомъ банкѣ окончились переходомъ крестьянскихъ усадебъ въ еврейскія руки. Съ 1883 по настоящій годъ 26.000 претензій того же банка къ крестьянамъ-заемщикамъ были переданы исключительно евреямъ, которымъ въ особенности помогла прошлогодняя голодовка. И такимъ-то вотъ образомъ, въ Галичинѣ и Буковинѣ, благодаря еврейской «равноправности», происходитъ быстрое замѣщеніе мѣстныхъ элементовъ въ деревняхъ—евреями. Но поселяясь въ деревнѣ, эти новые помѣщики не занимаются земледѣліемъ сами, а держатъ только корчмы да «гандлы», сплавляютъ населеніе и, какъ уже сказано выше, систематически обращаютъ обезземеленныхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе которыхъ, по общимъ отзывамъ, гораздо хуже прежнихъ крѣпостныхъ. Нѣтъ никакихъ основаній предвидѣть, чтобы дальнѣйшій, постоянно прогрессирующий ходъ этихъ еврейскихъ земельныхъ захватовъ былъ наконецъ остановленъ, и уже не далеко то время, когда вся Галичина и Буковина окончательно перейдутъ въ жидовскія руки.—Такая же точно

перспектива предстать и намъ, если только осуществятся вождѣнія нашихъ либеральныхъ юдофиловъ насчетъ еврейской «равноправности».

Да, благодаря этой «равноправности», еврейство въ Австріи слишкомъ большая сила и слишкомъ многія жизненные нити держитъ въ своихъ рукахъ, чтобы правительство могло за нимъ не ухаживать. Это «христіанское» правительство не смѣетъ поступить иначе. Оно пошевелить должно считаться съ еврействомъ и почти во всемъ уступать ему, въ ущербъ своимъ христіанскимъ населеніямъ, ибо, въ сущности говоря, только милостію своихъ жидовъ да Германской имперіи оно и держится. Отнимите у него одну изъ этихъ двухъ опоръ, и... что же останется?..

* * *

Въ Баянѣ стоитъ одна эскадронъ 8-го драгунскаго полка, имѣющій назначеніе захватить нашу Новоселицу въ первый же моментъ при объявленіи войны. Это, конечно, было бы нетрудно, еслибы въ Новоселицѣ не стояло двухъ сотенъ кавказскихъ казаковъ, извѣстныхъ въ Австріи болѣе подъ именемъ черкесовъ, и не находился бы штабъ Хотинской бригады пограничной стражи. Расположенъ эскадронъ на выйдѣ изъ мѣстечка, гдѣ для него построены хорошія казармы съ прекрасными конюшнями и весьма приличный деревянный домикъ для командира и офицеровъ.

* * *

На дальнѣйшемъ пути къ Черновцамъ намъ пришлось переправляться черезъ Прутъ на паромѣ. Здѣсь, на правомъ берегу почти рядомъ съ переправой, наше вниманіе невольно обратила на себя небольшая плетневая изгородь, обрамляющая пространство шаговъ пятнадцать въ длину и шаговъ шесть въ ширину, заросшее внутри бурьяномъ и будягами. При изгороди стоятъ столбики и на немъ доска съ надписью, но уже не по-русски, а на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ, предостерегающая, что въ этомъ мѣстѣ зарытъ казенный динамитъ. — Что за странность, думаемъ себѣ, — для чего бы это хоронить динамитъ въ такомъ количествѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не производится никакихъ работъ, которыя требовали бы этого взрывчатого вещества, и гдѣ, по самому характеру мѣстности и по свойствамъ грунта, даже и не можетъ ихъ производиться, такъ какъ тутъ ни скалы взрывать не приходится, ни каменоломень, ни горнорабочихъ шахтъ по близости не имѣется, равно какъ нѣтъ ни капитальныхъ мостовъ и никакихъ сооружений такого рода, которыя потребовалось бы тотчасъ же взорвать, въ случаѣ внезапнаго вторженія въ страну арміи противника. Говорятъ, — не знаю, впрочемъ, насколько достоверно, — что это заготовка на случай войны съ Россіей и что подобныя же

«смогилы динамита» будто бы существуютъ во многихъ мѣстахъ близъ русской границы. Если такъ, то это очень странно. Зачѣмъ хоронить динамитъ у проѣзжихъ дорогъ и переправъ, когда гораздо удобнѣе и экономнѣе сохранять его въ нарочно приспособленныхъ для того складахъ? — Развѣ что «на страхъ врагамъ», чтобы заранѣе знали, какія «страсти и ужасы» здѣсь ихъ ожидаютъ. Не остроумно.

* * *

По переправѣ, сейчасъ же слѣдуетъ подъемъ въ гору, мимо хатокъ и садовъ небольшого селенія, составляющаго окраинную часть Черновецкаго предмѣстья Хоречь. Между строеніями этого селенія, уже наверху горы, есть деревянныя домики съ мезонинчиками совершенно великорусскаго характера, какой зачастую носятъ постольные дворы на нашихъ почтовыхъ и торговыхъ «трактахъ», содержащія бойкими ярославцами и новгородцами. Съ плато этой горы открывается красивый видъ на трехглавую, каменную, православную церковь, стоящую нѣсколько вправо, среди кудрявой зелени небольшой рощи. Вниманіе наше въ особенности привлечъ оригинальный характеръ куполовъ этой церкви. Стиль ихъ — западно-русскій, напоминающій купола Кіево-Печерской лавры, и расположены они одинъ за другимъ по продольной линіи храма. Въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ большинство сельскихъ церквей строено тоже о трехъ продольныхъ главахъ, что называется, «кораблемъ», но тамъ обыкновенно средній куполъ массивнѣе и выше боковыхъ, которые равны между собою; здѣсь же купола идутъ въ нисходящемъ порядкѣ такимъ образомъ, что передній, т. е. западный, выше и больше, а восточный, приходящійся надъ алтаремъ, ниже и меньше всѣхъ по своимъ размѣрамъ. Колокольная башня, въ томъ же стилѣ, стоитъ не отдѣльно, а составляетъ переднюю (западную) часть самаго храма, и куполъ ея, четвертый по счету, по своей высотѣ и размѣрамъ, симметрируетъ со среднимъ куполомъ церкви, но отдѣляется отъ остальныхъ куполовъ нѣсколько большимъ разстояніемъ вдоль по гребню церковной крыши. Всѣ четыре купола одного и того же рисунка, но эта четырехглавость, несмотря на отсутствіе условной симметріи, все-таки производитъ художественно цѣльное и очень оригинальное впечатлѣніе. Содержится Харечьская церковь по вѣншиности очень опрятно и даже щеголевато. Воздвигнута она во имя Рождества Богородицы и Вознесенія Христова, и въ прежнее время принадлежала Харечьскому монастырю, существовавшему когда-то на семъ мѣстѣ; но теперь отъ этого монастыря и слѣдовъ не осталось, за исключеніемъ, конечно, самой церкви, которая съ 1786 года, по упраздненіи австрійскимъ правительствомъ монастыря, обращена въ приходскую. В. П.

Мордвиновъ, посѣтившій Буковину въ 1871 г. и написавшій единственное пока въ русской литературѣ сочиненіе о «Православной церкви» въ этой сличкомъ мало намъ знакомой, хотя и родной, странѣ, рассказываетъ, между прочимъ, сохранившееся мѣстное преданіе о посѣщеніи Хоречьской церкви императоромъ Александромъ I, въ 1823 году, во время пребыванія его въ Черновцахъ, для свиданія съ императоромъ австрійскимъ Францемъ I. Государь пожелалъ видѣть эту церковь, находящуюся въ весьма близкомъ разстояніи отъ города, на высокомъ и чрезвычайно живописномъ берегу Прута. Отправился онъ туда якогнато пѣшкомъ, и когда, по выходѣ изъ храма, шелъ къ его настоятелю, священнику Теодору Сухопану, то на него напала стая собакъ, разогнать которую могъ онъ не иначе, какъ хворостиною, вытащенной имъ собственноручно изъ сосѣдняго забора. По рассказамъ однихъ, императоръ Александръ въ это посѣщеніе свое пожертвовалъ на Хоречьскую церковь сто, а по словамъ другихъ, триста червонцевъ. Ниже мы увидимъ, что это было не единственное пожертвованіе русскихъ государей на буковинскіе храмы.

* * *

Съ этой же горы открывается и первый видъ на Черновцы, представляющий очень эффектную картину, фонъ которой — высокая лѣсистая гора Цецина, находящаяся въ связи съ другими холмистыми возвышенностями, также покрытыми лѣсомъ, преимущественно буковыми. Надъ этими возвышенностями, слегка подернутыми вѣдушною дымкой, голубѣетъ небо, по которому блуждаютъ жемчужно-бѣлыя облака, залитыя блескомъ полуденнаго солнца. На склонахъ одной изъ возвышенностей, прилегающихъ къ высокой лѣпестой горѣ, раскинулся амфитеатромъ красивый городъ, пестрящийся веселыми колерами своихъ каменныхъ построекъ, среди которыхъ преобладаютъ цвѣта бѣлый и красноватый, — первый для стѣнъ, второй для кровель. Надъ массою выглядывающихъ одинъ изъ-за другого домовъ, между которыми тамъ и сямъ прорѣзывается зелень садовъ и сядуэты пирамидальныхъ тополей, высятся разнообразныя купола православныхъ церквей и колоколенъ, среди которыхъ какъ-бы теряется одинокій шпиль католическаго костела. Наиболее выдающимися являются массивныя купола городского Свято-духовскаго собора, отчасти напоминающаго намъ петербургскій соборъ Александро-Невской лавры, и купола еще одной какой-то церкви въ западно-русскомъ, или точнѣе сказать, кievскомъ стилѣ, облицованные темнымъ листовымъ желѣзомъ, затѣмъ — мавританскій строголубоватый куполъ главной синагоги, готическіе зубцы высокихъ фронтоновъ и византийскія башни на зданіяхъ и храмахъ право-

славной митрополіи и высокая, романскаго стиля, башня городской ратуши, увѣнчанная на шпильѣ большимъ двуглавымъ орломъ съ распушенными крыльями, который какъ бы паритъ надо всѣмъ городомъ, во-очію знаменуя своимъ присутствіемъ господство здѣсь австрійской государственной власти. Но увы! — издали онъ болѣе напоминаетъ собою орла московской Сухаревой башни и тѣмъ еще болѣе усиливаетъ иллюзію *русскаго* впечатлѣнія, производимаго Черновцами.

* * *

Миновавъ рошу городского кладбища, содержащагося въ отлѣнномъ порядкѣ, точно бы прекрасный общественный садъ, мы сворачиваемъ по шоссе направо и, спустя нѣсколько минутъ, въѣжаемъ въ городъ, строго и условно держась лѣвой стороны улицы. Это тоже австрійская особенность, какъ-разъ противоположная русской привычкѣ держаться на ходу и при ѣздѣ всегда руки правой; здѣсь же за такую привычку съ ѣздовой штрафы берутъ, а кучеровъ отправляютъ «до кѣзы», т. е. въ полицейскую кутузку. Но говорятъ, что мѣстные русскіе крестьяне, по своей неисправимо славянской натурѣ, никакъ не могутъ примѣниться къ этому «культурному» требованію австрійской полиціи и потому зачастую, вмѣсто базара, поладаютъ въ «кѣзу», гдѣ дѣло не обходится безъ штрафа въ нѣсколько крейцеровъ, поступающаго въ доходъ городской кассы.

При въѣздѣ въ городъ, первый неожиданный сюрпризъ, который встрѣчаемъ мы на углу крайняго дома, это русская надпись чернымъ по бѣлому на овальной жестяной доскѣ, обозначающая названіе улицы. На ней четко значится «Улица Русская». Итакъ, въѣжая изъ Россіи въ закордонный православный городъ, мы прежде всего попадаемъ и на «русскую» же улицу, хотя, говоря по правдѣ, кромѣ названія, въ ней нѣтъ ничего русскаго и она съ гораздо большимъ правомъ, могла бы быть названа жидовскою. Вообще, названія здѣшнихъ улицъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ обозначаются надписями на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, русскомъ и румынскомъ; во вѣски надъ правительственными мѣстами и учрежденіями, равно какъ надъ торговыми и иными заведеніями всѣ нѣмецкія. Ни русскіхъ, ни румынскихъ, ни польскихъ, ни даже французскихъ мы не видали. Исключеніе въ этомъ отношеніи допущено только въ пользу еврейскаго языка, на которомъ попадаются вывѣски надъ жидовскими лавками и харчевнями, и это маленькое, но характерное исключеніе опять-таки наглядно свидѣтельствуетъ о томъ фаворѣ, какой оказывается въ Австріи еврейству.

Улицы всѣ шоссеваны, а площадки хорошо вымощены песчаными каменными пли-

тами. Центральную часть города составляет продолговатый параллелограмм базарной площади, одинъ фазъ которой занимает городская ратуша со своею «Сухаревой башней». Называется эта площадь просто «Торгомъ», о чемъ гласитъ русская надпись на углу ратуши; но торговать на ней разрѣшается только до пзвѣтнаго часа, обыкновенно до полудня, послѣ котораго, по звону башеннаго колокола, всѣ возы, ятки, лари и лотки мигомъ исчезаютъ съ ея мостовой, — и тщательно подметенный городскими метельщиками «Торгъ» является въ самомъ приличномъ видѣ, хоть раутъ на немъ устранимъ! Но зато уже послѣ двѣнадцати часовъ вы не достанете никакихъ жизненныхъ продуктовъ сельскаго производства, — ни дровъ, ни сѣна, ни молока и яицъ, ни зелени и птицы, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ пзвѣтныхъ складахъ и лавкахъ, разбросанныхъ по разнымъ концамъ города, гдѣ всѣ эти продукты стоятъ гораздо дороже. Такимъ образомъ, австрійская администрація пріучаетъ славянскую натуру мѣстнаго обывателя къ нѣмецкой аккуратности и порядку. И ничего-себѣ, обыватель хоть и ворчитъ про-себя, но подчиняется безпрекословно.

На улицахъ сплошь и рядомъ раздается южно-русская рѣчь, и говорятъ между собою по-русски не одни только крестьяне, но и большинство мѣщанъ. Весь этотъ уличный людъ, сразу признавая въ насъ закордонныхъ русскихъ, очень радушно встрѣчалъ насъ дружелюбными улыбками, ласковыми поклонами и русскими привѣтствіями «здравствуйте!» или «Богъ помочи!» Точно также радужнымъ русскимъ «добро пожаловать!» встрѣтили насъ и въ «Центральной гостиницѣ», гдѣ мы остановились. Вообще, на улицѣ и въ частныхъ сношеніяхъ русская рѣчь раздается здѣсь совершенно свободно, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемая; даже частныя объявленія и афиши, печатанныя на мѣстномъ русскомъ языкѣ и русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, невозбранно выставляются въ гостиницахъ и наклеиваются на углахъ улицъ. А это присутствіе православныхъ церквей и крестовъ, этотъ православный звонъ церковныхъ колоколовъ, костюмъ священниковъ и монаховъ, — все это, несмотря на нѣмецкія вывѣски, солдатъ и жандармовъ, придаетъ городу преимущественно русский характеръ, и вамъ невольно кажется, что вы у себя дома, какъ будто гдѣ-нибудь въ Каменцѣ-Подольскомъ или въ Житомирѣ.

Католическо-польскій элементъ очевидно играетъ здѣсь второстепенную роль, такъ какъ поляковъ во всей Буковинѣ только 18.000, тогда какъ русскихъ болѣе — 240.000. Но тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы польскій элементъ съ такою ролью мирился и не старался бы выставить себя на показъ разными, ярко кричащими оказательствами. Вотъ, напримѣръ, на

главной городской улицѣ большой католическій крестъ на каменномъ пьедесталѣ, гдѣ, подъ рельефнымъ изображеніемъ распятаго Христа, стоитъ, прислонясь ко кресту, мраморная статуя красивой Мадонны, которой придана театально-трагическая поза истерзанной мученицы, съ распростертыми въ безсильномъ отчаяніи руками, съ откинутой, какъ бы съ воплемъ, назадъ головой, съ которой въ беспорядкѣ ниспадаютъ на плечи и спину разметавшіяся кудри, и съ воткнутымъ въ обнаженную грудь кинжаломъ, по самую рукоятку. Вся фигура этой Мадонны явно бьетъ на эффектную аллегорію истерзанной Польши; но австрійское правительство относится къ этому очень толерантно. Да, впрочемъ, какъ ему и относиться иначе, не впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если аллегорія эта носитъ на себѣ специально-католическій характеръ и стремится доказать собою, вопреки эгнотрофіи и исторіи, что тутъ земля не русская, а польская, и притомъ въ самомъ добро-австрійскомъ смыслѣ!

* * *

И какія для этого дѣлаются здѣсь подтасовки! Глядя по вышности и ограничиваясь однимъ лишь поверхностными наблюденіями, вы самымъ искреннимъ образомъ должны придти къ убѣжденію, что здѣсь все прекрасно и благоденственно, что всѣ народности мѣстнаго населенія пользуются на основаніи конституціи широкимъ равноправіемъ, ни одна изъ нихъ ни въ чемъ не стѣснена, ни одна не обижена въ пользу другой, ни одна на счетъ другой не пользуется никакими преимуществами, а между тѣмъ, поговорите-ка откровенно съ людьми, хорошо знакомыми съ мѣстными дѣлами и положеніемъ, съ людьми безпристрастными, — и вамъ тотчасъ же придется разочароваться; вы увидите, что тутъ вышность одно, а сущность совсѣмъ другое, что подъ этою наружною маской «австрійской свободы» и «легальности» совершается цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и утонченныхъ уловокъ, обмановъ, подлоговъ и даже насилій, жертвою коихъ является преимущественно русская народность.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы поголовная народная перепись, которая аккуратно повторяется здѣсь каждое десятилѣтіе. Основываясь на данныхъ этихъ переписей, офіціальныя австрійскіе статистики цифрами доказываютъ «цивилизованной Европѣ», что съ каждымъ десятилѣтіемъ число лицъ православнаго вѣроисповѣданія уменьшается, а римско-католическаго увеличивается и что равнымъ образомъ какъ въ Галичинѣ, такъ и въ Буковинѣ постоянно уменьшается число русскаго народа, якобы обреченнаго на постоянное вымирание, подобно краснокожимъ индійцамъ, отъ сопріисловеннаго съ европейскою цивилизаціей и культурой. Десять лѣтъ тому назадъ, при по-

сѣдней переписи, въ двухъ названныхъ областяхъ были пущены въ ходъ всевозможныя средства, даже насильственное вписываніе людей русской народности въ польскую или румынскую, чтобъ увеличить численность этихъ послѣднихъ. Въ Буковинѣ противники русскаго народа стараются ввести въ этотъ народъ названіе «волошская церковь», «волошская вѣра» вмѣсто «православная вѣра» и «русская церковь», убѣждая темныхъ крестьянъ, что это-де все равно, такъ какъ и они, и румыны исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, а русская вѣра — это собственно тамъ, за кордономъ, въ Россіи, а потому-де если вы добрые подданные своему цесарю, то вамъ неприлично и даже небезопасно показывать себя людьми «русской вѣры»; показывайте лучше, что вы «волошской», — и обитый съ толку крестьянинъ соглашается съ такимъ доводомъ: «Добрѣ, паночку! Якъ такъ, дакъ такъ, пишете волошской!» — И такимъ-то образомъ десятки тысячъ русскихъ людей очутились въ цифрѣ польскаго и румынскаго населенія, сами того не подозревая.

Вопросъ, зачѣмъ же нужны такіе обманы и подтасовки, и почему именно направляются они специально противъ русской народности? Смѣшно сказать, но тутъ взаправду дѣйствуетъ страхъ передъ фантомомъ «панрусизма», и убѣжденіе, что какъ ни назови здѣшняго русака, — русиномъ, или рутеномъ, какъ ни увѣрай его, что онъ — нѣчто совершенно особое отъ «россійскаго народа», а онъ, знай-себѣ, все туда, все за кордонъ смотритъ и оттуда чаеъ для себя какого-то спасенія. Короче сказать, здѣсь русскому населенію не довѣряютъ и потому стараются такъ или иначе разрусить его. И странное дѣло! — то, что никакъ не удается здѣшнимъ «культуртрегерамъ» и колонизаторамъ относительно русскаго простолюдина, достигается ими, сравнительно говоря, довольно легко въ средѣ такъ называемой «интеллигенціи». Хотите примѣровъ? — Вотъ они вамъ, и притомъ изъ числа самыхъ крупныхъ. Во-первыхъ, — профессоръ здѣшняго университета, г. Томашукъ, который въ Вѣнѣ изображаетъ изъ себя нѣмца-либерала, въ черновецкой городской думѣ — румына, а русскимъ выборщикамъ, крестьянамъ, выдаетъ себя въ мѣстечкѣ Садогорахъ за русскаго, за что, впрочемъ, и прозванъ здѣшними русскими людьми хамелеономъ. Чтوبъ заслужить себѣ благоволеніе австрійскаго правительства, этотъ профессоръ не стѣняется высказываться въ томъ смыслѣ, что хотя онъ и славянинъ, но отнюдь не желаетъ, чтобы славянамъ принадлежала руководящая роль въ Австріи. Во-вторыхъ — молодой «ученый», и тоже профессоръ университета, г. Смаль-Стоцкій, по происхожденію также русскій и даже воспитанникъ львовской ставропигійской семинаріи, который не устыдился

официальнымъ образомъ выступить съ предложеніемъ о замѣнѣ въ русскомъ языкѣ кириллицы латинскимъ алфавитомъ. Въ-третьихъ, священникъ Свято-Юрскаго прихода, о. Іоаннъ Филипповскій, который всегда и говорить, и писать, и даже на официальныхъ документахъ подписывается по-польски, а только печать прикладываетъ съ русскою подписью. Вы скажете, что это, можетъ быть, единичныя исключенія, уроды въ своей семьѣ? — Къ сожалѣнію, нѣтъ. А вся бѣда въ томъ, что здѣшняя, равно какъ и галицкая, «интеллигенція» раздѣлилась на два враждебные лагеря. Одинъ изъ нихъ остается вѣрнѣе старымъ отеческимъ завѣтамъ и твердо держится на обще-русской народнои почвѣ, а другой, — такъ называемая «украинская партія», въ родѣ нашихъ «хохломановъ», — съ нигилистическою развязностію отвергаетъ всѣ эти старые завѣты и принципы, проповѣдуетъ тождество польской и «русинской» лишь бы только не *русской*!) народности, всячески отрешивается отъ ненавистной Россіи, отрицаетъ даже племенную связь съ ея народомъ и всѣми симпатіями своими тинетъ на Западъ, къ «культурнымъ формамъ» соціальной и политической жизни. Вотъ изъ этой-то партіи наиболѣе практическіе и ловкіе люди и приспособляютъ себя — одни къ польщизнѣ, другіе къ официальной австрійщинѣ, и даже на вопросъ о томъ, какой они національности, нѣкоторые изъ нихъ не стѣняются отрицать и эту послѣднюю, а такъ-таки прямо и заявляютъ, что мы-де австрійки и только! — Это, какъ видите, уже и не отщепенство, а просто окончательное нравственное разложене.

Но что жъ, однако, за причина тому? Откуда и какъ это народилось?

Причина, во-первыхъ, въ «добро-австрійскихъ» воздѣйствіяхъ самого правительства, которое слепеглавно старается приманивать къ себѣ священниковъ раздачею наиболѣе доходныхъ приходовъ тѣмъ изъ нихъ, кто выказываетъ наиболѣе податливости административнымъ внушеніямъ. И это мѣра очень ловкая, такъ какъ доселѣ никакіе «интеллигенты» и «профессоры» не имѣли, да и не могутъ имѣть большаго вліянія на простолюдиновъ, тѣмъ священники, состоящіе въ непосредственномъ общеніи съ народомъ и пользующіеся его довѣріемъ. Затѣмъ, специально съ цѣлью вліять на воспитаніе самой «интеллигенціи» въ томъ же добро-австрійскомъ духѣ, въ Черновцы былъ нарочно переведенъ нѣмецкій университетъ изъ Ольмюца, и это было сдѣлано еще при князѣ Ауершпергѣ, во время наиболѣе широкаго господства въ вѣнскомъ правительствѣ германизаторскаго и централистическаго направленія. Съ тѣхъ поръ въ Буковинѣ усиленно стали водворяться и распространяться нѣмецкіе порядки, нѣмецкія школы, ферейны и акционерныя общества, находившія себѣ не

только нравственную, но и материальную помощь со стороны центрального правительства. Задавшись целью германизовать по одному и тому же шаблону и русских, и румын, и поляков, правительство не останавливалось для этого перед материальными затратами и, выдвигая полезных для себя деятелей из местных уроженцев, не переставало в то же время оказывать всяческую поддержку ничтожному по своей малочисленности немецкому населению в Буковинѣ. Та же поддержка и даже самая система благополучно продолжается здѣсь и до сих пор, несмотря на то, что при министерствѣ графа Таафе прежнія центристическія и германизаторскія тенденціи, повидимому, считаются сданными въ архивъ. Такъ, напримѣръ все немецкое население въ Буковинѣ едва лишь составляет 8%, а между тѣмъ въ Черновцахъ издаются, при правительственной субсидіи, двѣ немецкія газеты: «*Bukowinär Rundschau*» и «*Bukowinär Nachrichten*», обязательно получаемыя во всѣхъ сельскихъ и городскихъ школахъ, земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, банкахъ, конторахъ и т. д. Но это что еще! Я скажу вамъ лучше: здѣсь существуетъ не то что доброявстрийскій, а чисто пангерманскій, даже спеціально пруссофильскій ферейнъ «*Arminia*», къ которому принадлежатъ всѣ немцы-студенты и профессора немецкой національности. И правительство, само обратившееся чуть не въ вассала Германской имперіи, не только терпитъ, но прямо покровительствуетъ этому ферейну, даже до такой степени, что сенатъ исключаетъ изъ университета студентовъ, не желающихъ безусловно подчиняться рѣшеніямъ «*Арминіи*», хотя исключаемые и не принадлежатъ къ немецкой національности и даже не состоятъ членами ферейна. Такъ было, напримѣръ, въ 1889 году, когда сенатъ удалилъ изъ университета девять человекъ, за то только, что студенты-славяне устроили траурную манифестацію по случаю смерти кронъ-принца Рудольфа отдѣльно отъ подобной же манифестаціи «*Арминіи*», вдумавшей навязывать имъ свои рѣшенія. Потерпѣвшіе принесли-было жалобу на это насиліе, но жалоба ихъ была оставлена правительствомъ безъ послѣдствій. Эта маленькая иллюстрація здѣшняго положенія лучше всего показываетъ, какова тутъ «свобода сходовъ и рѣшеній», даже въ томъ случаѣ, когда рѣшенія эти, не заключающія въ себѣ ничего противоправительственного, касаются лишь частныхъ обществъ. А что же бываетъ при выборахъ должностныхъ лицъ и сеймовыхъ депутатовъ!..

Вторая причина нравственнаго разложенія известной части здѣшней русской «интеллигенціи», это ея собственная рыхлость и «либеральная» распушенность—увы! слишкомъ хорошо знакомая и намъ по нашимъ собствен-

нымъ примѣрамъ. Нигилистическіе и социалистскіе наносы, къ несчастію, не минули и Буковины, только здѣсь они кристаллизировались въ болѣе узкую форму украинофильства, но форму, до такой степени безпечную и отвлеченную, что она не останавливается даже предъ отрицаніемъ собственной народности и ея исторіи, лишь бы только ассимилировать себя съ полиціею, какъ съ болѣе «культурною» силой. Какъ у насъ въ свое время работали чернышевщина и писаревщина, такъ и тутъ, но только нѣсколько позднѣе нашего, нашли себѣ ретивыхъ адептовъ въ полубразованной средѣ разныхъ кулишовщины, драгомановщины и т. п. Это явленіе совершенно аналогично съ нашимъ и, какъ у насъ, такъ и здѣсь, объясняется оно именно тою полубразованностію такъ называемаго «интеллигентнаго слоя», которая хуже всякаго невѣжества, потому что не способна ни къ самостоятельному мышленію, ни къ взвѣсой оцѣнкѣ чужого мнѣнія, а напротивъ, склонна къ совершенно холопскому преклоненію предъ каждою либерально-яркою и хлесткою фразой, предъ каждымъ радикально забористымъ выкрутасомъ, сколь бы ни были они сами по себѣ вздорны и нелѣпы. Изамѣчательно, что здѣшніе «украинофилы» или «народовцы», совершенно такъ же, какъ и наши «народники», оторвавшись отъ истинно народной почвы и даже разучившись цѣнить свой народъ, воображаютъ себѣ, что именно они-то и есть самый «народъ», самая соль его, что они-то и призваны преобразовать его и повернуть на новую дорогу всю его исторію, весь складъ его тысячелѣтней жизни, быта, вѣрованій и упованій. Эти радикальные благодѣтели тоже, подобно нѣмцамъ, желали бы «разрушить» здѣшняго русака и предпочитаютъ лучше оплодотворить его, чѣмъ дозволить ему оставаться самимъ собою. Съ этою цѣлью они издають въ Черновцахъ свои газеты «*Народъ*» и «*Народная воля*», и австрийское правительство, столь усердно штрафующее, конфискующее и воспреещающее славянскія газеты неугоднаго ему направленія, не пренебрегаетъ украинофиламъ вести ихъ пропаганду, несмотря на весь ея радикализмъ, лишь бы только они подтачивали и сбивали съ толку въ русскомъ народѣ его национальное самосознаніе. Къ несчастію, въ Черновцахъ нѣтъ русскаго органа иного направленія, который подобно «Червонной Руси» энергично велъ бы борьбу съ этими зловредными тенденціями. Есть здѣсь, правда, еще третья русская газета, «*Буковина*», но и та какъ-то выхлестается въ разные стороны, и хотя порою обмолвится здравымъ и честно мыслящимъ словомъ, но зато въ другой разъ ляпнетъ такое, что лишь хоть бы самой «*Народной волѣ*» въ пору.

Третья причина—это отсутствіе надлежащей народной школы, что является опять-таки продуктомъ австрийской правительственной си-

стемы. Въ русскія сельскія школы назначаются учителя или малознающие русскій языкъ, или вовсе незнающие, — и крестьянскія дѣти, хочешь не хочешь, должны примѣняться къ пониманію учителя-инопца. А чтобы и сельскіе священники не могли добродотливо замѣнять подобныхъ учителей въ преподаваніи дѣтямъ русской грамоты, правительство назначаетъ въ русскіе приходы священниковъ румынской національности, которые, не понимая языка и не зная историческихъ судебъ галицко-русского народа, не могутъ жить съ нимъ никакого нравственнаго и умственнаго общенія, а не говоря ужъ о томъ, чтобы поддерживать въ немъ національное самосознаніе. Въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ та же самая система. Газета «Буковина» недавно еще съ грустію указывала, что высшія и среднія учебныя заведенія въ Буковинѣ учреждены только для евреевъ, иищцевъ и румынъ; русскіе же оставлены такъ, что изученіе своего родного языка для нихъ почти недоступно, и потому газета считаетъ юношей, окончившихъ курсъ въ буковинскомъ училищѣ, потерянными для русской народности. Въ русскомъ мѣстечкѣ Коцманѣ школа существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, но тамъ почти не встрѣтишь крестьянина, который умѣлъ бы какъ должно читать по-русски. Въ этой единственной четырехклассной школѣ до сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ даже о предварительномъ языкѣ, и русскіе послы на сеймахъ тщетно добиваются у правительства введенія въ ней преподаванія всѣхъ предметовъ по-русски. Точно также и названная газета тщетно ратуетъ за необходимость учредить наконецъ въ Черновцахъ русскую гимназію и русское общественное училище, а кромѣ того допустить на богословскомъ факультетѣ черновецкаго университета чтеніе лекцій для русскихъ студентовъ на понятномъ имъ языкѣ, вмѣсто латинскаго и нѣмецкаго. Но все это остается втунѣ. Правительство до послѣдняго времени пребывало совершенно глухо ко всѣмъ этимъ жалобамъ и домогательствамъ, но нынѣ даетъ понять сеймовымъ депутатамъ русской народности, что оно, пожалуй, не прочь обратить вниманіе на ихъ требованія въ томъ случаѣ, если буковинскіе и галицкіе русскіе рѣшительно и безповоротно откажутся отъ своихъ русскихъ тенденцій, отъ всякихъ надеждъ на Россію, порвутъ съ нею разъ навсегда какое бы то ни было общеніе и признаютъ себя совершенно особою національностью «русскою» (съ однимъ с), не имѣющею никакихъ кровныхъ и историческихъ связей съ за-кордонною національностью «россійскою» (съ двумя с), т. е. отъ русскихъ требуется ни болѣе, ни менѣе, какъ совершить надъ собою національное самоубійство. Но до сихъ

поръ на такой компромиссъ готовы идти лишь одни украинофильствующие «народовцы».

* * *

Впрочемъ, воинствующій напоръ на мѣстную русскую народность ведется не одними только нѣмцами и вѣнскимъ правительствомъ. На помощь послѣднему приходится еще, съ одной стороны, поляки, а съ другой—евреи.

О полякахъ въ Буковинѣ прежде и помину не было, да никто и не думалъ трактовать ихъ какъ въ смыслѣ не то-что коренного, а хотя бы только осѣвшего населенія. Если и жили тамъ отдѣльныя польскія семейства, то это были все люди пришлые, не имѣвшіе никакихъ корней въ мѣстномъ обществѣ, частію ремесленники, частію правительственные чиновники, или домашняя прислуга, преимущественно въ гостиницахъ и ресторанахъ. Составляя среди коренного буковинскаго населенія не болѣе какъ ничтожную горсть въ 18 тысячъ человѣкъ, причемъ и эта-та цифра едва-едва достигалась лишь въ послѣдніе годы, благодаря усиленнымъ переселеніямъ сюда польскаго элемента изъ Галичины,—поляки тѣмъ не менѣе съ замѣчательною наглостию форсируютъ здѣсь свое положеніе, стремясь повсюду завести всякаго рода польщизну, съ цѣлью доказать, что и этотъ край не русскій, а польскій. Они всѣми способами стараются укрѣпиться въ Буковинѣ и помогаютъ, въ противовѣсъ русскимъ, чтобы преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Черновцахъ шло на польскомъ языкѣ, за что, конечно, ратуетъ и ихъ мѣстный органъ «Gazeta Polska», чтобы польскій языкъ официально былъ допущенъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ Буковины, наравнѣ съ нѣмецкимъ и т. д. Въ Черновцахъ, между прочимъ, существуетъ уже и польскій политическій клубъ, поставившій себѣ задачу соединить въ одной прочной организаціи всѣхъ поляковъ Буковины. Дѣятели этого клуба перетаскивали сюда изъ Кракова и «сестеръ фелиціанокъ», обитая которыхъ поселилась въ Черновцахъ, завела тамъ воспитательно-богоугодное заведеніе, такъ называемую «Охрону», и строитъ уже на добродотныя пожертвованія свой собственный домъ. Цѣль этихъ благочестивыхъ сестеръ—пропаганда католицизма среди православнаго буковинскаго населенія. Въ видахъ той же пропаганды, здѣшніе поляки, при содѣйствіи правительства, затѣяли постройку костела «Świętego Jezusowego», который будетъ принадлежать іезуитскому ордену. Для этой цѣли городъ долженъ былъ подарить новоприбывшимъ іезуитамъ цѣлую площадь, торжественное освященіе коей послѣдовало наканунѣ моего приѣзда сюда, 19-го іюля, въ день Игнатія Лойолы.

Такъ какъ униатское и католическое население

ние всегда составляло здесь ничтожное меньшинство, то оно и должно было, за исключениемъ католиковъ-вѣнцевъ, приспособляться къ жизни и быту коренного русско-румынского населенія, причемъ здѣсь какъ-то сама собою выработалась замѣчательная вѣротерпимость. Жители всѣхъ обрядовъ, говорить «Червоная Русь», жали до сихъ поръ между собою мирно и примѣрно, каждый изъ нихъ соблюдалъ правила, предписанныя его обрядомъ, и религиозной распри не было, — по крайней мѣрѣ, товарищеская жизнь исключала религиозные споры, и смѣшанные браки католиковъ съ православными были обычнымъ явленіемъ. Такое положеніе дѣлъ поддерживалось десятилетиями преобладающимъ православнымъ населеніемъ, такъ какъ русскіе вообще вѣротерпимы, а православное духовенство никогда не старалось перетягивать на свою сторону разбѣянныхъ малыми кучками поляковъ. Бывали также верѣдки случаи, что поляки призывали къ себѣ православныхъ священниковъ для совершения духовныхъ требъ, особенно, если, въ случаѣ смерти, католическаго священника въблизи не было ¹⁾, и это не вызывало никакихъ протестовъ со стороны поляковъ». Православные у католиковъ и обратно бывали воспріимниками, сватами, друзьями, участвовали въ похоронахъ и т. п., и эти дружественныя услуги вызывались близкимъ сожительствомъ людей обоихъ исповѣданій. Но съ новѣйшими польскими наплывомъ все это рѣзко измѣнилось, и первая же «Gazeta Polska» завопила о «вынародовленіи» и нравственномъ паденіи «посхизмачевнаго» польскаго элемента въ Буковинѣ, а за нею похватывъ тотъ же мотивъ львовскій «Przegląd» — «пошла писать губернія!..» И вотъ, въ настоящее время, эти воинствующие польскія газеты прокламируютъ уже буквально слѣдующую программу:

«Итакъ, за работу противъ вынародовленія буковинскихъ поляковъ! Всѣ, у кого это снятое дѣло лежитъ еще на сердцѣ, дадимъ отънынѣ слѣдующіе обѣты и будемъ держаться ихъ искренно: станемъ говорить дома со всѣми не иначе какъ по-польски, станемъ дружно добиваться обученія нашихъ дѣтей польскому языку во всѣхъ народныхъ школахъ; если же достичь этого официальнымъ путемъ будетъ трудно, то соберемъ взносами и пожертвованіями фонды на содержаніе учителей этого языка; въ «шизматичнія» церкви ходить не будемъ; въ «шизматичскихъ» обрядахъ, ни при крещеніи, какъ кумовья, ни при свадьбахъ, какъ посаженные матери и отцы или друзья, ни на похоронахъ, какъ присутствующие, — никогда участвовать не станемъ. Равнымъ образомъ не станемъ звать и къ себѣ схизма-

тиковъ въ кумовья, посаженные матери, отцы, друзья, ни поповъ для совершенія нашихъ духовныхъ требъ и похоронъ. Будемъ эвергично и рѣшительно вліять на наше католическое населеніе по селамъ и мѣстечкамъ въ такомъ смыслѣ, чтобы, въ случаѣ затрудненія въ призывѣ своего ксендза, пускай лучше сами миряне съ католическо-польской молитвою несутъ въ могилу умершаго поляка, нежели осквернять его «шизматичскимъ» обрядомъ. Освященіе свѣчей, воды, домовъ и пасхи никогда не будемъ требовать у поповъ, а при отсутствіи ксендза, освященіе пасхи совершимъ лучше сами съ католическою молитвою, окропляя приношенія водою, освященной нашими ксендзами. Ни лютеранство, ни прочія ереси или отступничества не суть враги Польши. Нашъ врагъ единственно и исключительно греко-восточная схизма. Это она выконала могилу, она же и поднесъ мѣшаецъ всегда и всюду воскресенію Польши. Поэтому, кто братается со схизмой, а особенно въ смѣшанныхъ бракахъ не заключаетъ юридическаго условія въ пользу своей польско-католической крови, тотъ является двойнымъ предателемъ. Къ позорному столбу такого чловека, на показъ свѣту!» ¹⁾.

И эти-то люди, столь строгіе къ своимъ соплеменникамъ за малѣйшую уступку православнымъ, въ то же время, по замѣчанію «Червонной Руси», «не только не гнушаются протягивать руку явнымъ отступникамъ русской народности, но и всѣми зависящими отъ нихъ средствами — насиліемъ и соблазномъ поддерживаютъ, вызываютъ и поощряютъ въ подвластномъ имъ галицко-русскомъ народѣ отступничество отъ отеческой церкви, обычая, азбуки, языка и самаго народнаго имени, унаследованнаго у предковъ!» — «Не греко-восточная схизма уложила въ гробъ былую историческую Польшу, замѣчаетъ далѣе тотъ же русскій органъ, а иезуитскій фанатизмъ, которымъ и до сихъ поръ смердитъ польское народное тѣло, который и не даетъ ему обновиться и воскреснуть! «Схизматическая» же Русь требуетъ отъ поляковъ лишь одного: отказа отъ посягательства на ея народную цѣлость».

Но еще лучшими союзниками правительства въ этомъ напорѣ являются евреи. Поляки, напавъ на русскихъ, гнутъ все дѣло на свою сторону и желаютъ если не ассимилировать ихъ съ собою, то подчинить своему господству, какъ въ Галичинѣ. Еврей же прямо помогаютъ Вѣнѣ германизовать русскаго буковинца. Въ Вѣнѣ съ прошлаго года сильно работаетъ въ этомъ направленіи, такъ называемая, «Фундація барона Гирша», основанная, какъ значится въ ея программѣ, для распространенія народнаго просвѣщенія и «для

¹⁾ По постановленіямъ католической церкви, совершеніе православными священниками духовныхъ требъ допускается «in articulo mortis».

¹⁾ „Przegląd“, № 43, г. 1890.

поддержания ремесленности и земледелия въ королевствѣ Галицкомъ и Владимирѣ съ великими княжествами Краковскимъ и Буковиною». Цѣль этой «фундаціи» достигается основаніемъ новыхъ и реформированіемъ существующихъ народныхъ и ремесленныхъ школъ, поддержкою оныхъ, покупкою книжекъ, школьныхъ принадлежностей и одежды для бѣдныхъ учениковъ, а также субсидированіемъ кандидатовъ въ народные учителя, если они обяжутся трудиться потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ школахъ «фундаціи». Эти послѣднія, хотя и предназначены прежде всего для еврейскихъ дѣтей, но устраниваются въ характерѣ школъ общественно-всесловныхъ и всенациональных, причемъ русскія дѣти даже особо привлекаются въ нихъ посредствомъ выдачи особыхъ ученическихъ субсидій, и учреждаются такія школы при томъ основномъ, необходимомъ условіи, чтобы ихъ преподавательскіи языкомъ въ Галичинѣ былъ польскій, а въ Буковинѣ—нѣмецкій. Это условіе и обнаруживаетъ, что сокровенная цѣль еврейской «фундаціи» направлена вовсе не на утвержденіе государственнаго языка въ восточныхъ провинціяхъ Австріи, а специально на «разрушеніе» русской народности, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣмецкій языкъ былъ бы установленъ въ качествѣ преподавательскаго и для Галичины. Но нѣтъ, Галичина предоставлена ей Вѣною, на жертву колонизаціи, и потому жида не хотятъ пока мѣшать польскому дѣлу и его работѣ надъ «выраженіемъ» Руси, —напротивъ, тамъ они помогаютъ ему якобы въ пользу польщины, а себѣ отмежевываютъ зато для германизаціи Буковину, и сами уже становятся тамъ въ ряды нѣмцевъ, — но, разумѣется, «нѣмцевъ Моисеева закона». Въ этомъ отношеніи прекуръзный фактъ представляетъ учебная статистика за прошлый 1889 годъ, официально обнародованная въ буковинскихъ газетахъ. Такъ, въ Черновецкой гимназіи въ прошломъ учебномъ году числилось 652 ученика, которые по національностямъ раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: нѣмцевъ 370, румынъ 109, поляковъ 87, русскихъ 82, чеховъ 3, мадьяръ 1. Тутъ невольнымъ образомъ поражаетъ васъ преобладающее количество нѣмецкаго элемента, цифра котораго тѣмъ болѣе бросается въ глаза своею несообразностью, когда вспомнишь, что все-то нѣмцевъ населеніе Буковины едва равняется 42,000 человекъ (8%). Въ чемъ же дѣло, однако? Неужели культурность нѣмецкаго элемента столь громадно велика, что, будучи ничтожнымъ меньшинствомъ, вѣнцы совершенно подавляютъ ею всѣ остальные элементы кореннаго населенія?—Но всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются очень просто и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ, когда вы заглянете въ рубрику раздѣла тѣхъ

же самыхъ учениковъ по вѣроисповѣданіямъ. Здѣсь же и окажется, что число собственно нѣмцевъ въ Черновецкой гимназіи не превышаетъ 66 человекъ, изъ коихъ 16 принадлежатъ евангелическому исповѣданію, а остальные 50—католики. Но зато въ число нѣмцевъ включено 304 еврея, которые и составляютъ такимъ образомъ въ учащейся средѣ подавляющее большинство, цифра коего превышаетъ 46%. Вотъ гдѣ разгадка этого курьеза, послѣ которой становится совершенно понятенъ еврейскій напоръ на коренное населеніе Буковины, посредствомъ разныхъ гиршевскихъ «фундацій» и т. п. «Фундація» эта представляетъ собою силу, тѣмъ болѣе внушительную, что она можетъ расходовать на безпроцентныя ссуды и пособія по 190.000 гульденовъ въ годъ и что въ числѣ членовъ ея управленія (отъ 15—17 человекъ) обязательно должно быть три четверти евреевъ. Если, въ связи съ этими данными, вы сопоставите приведенную выше картину прогрессирующаго еврейскаго захвата земель въ Галичинѣ и Буковинѣ и ту роль, какую играетъ въ послѣдней еврейство, благодаря особому покровительству вѣнскаго правительства, то конечная цѣль всѣхъ этихъ сложныхъ махинацій обнаружится сама собою. Цѣль эта—всепобѣдное торжество Израиля, основанное на пораженіи христіанскихъ народностей — цѣль, которой сознательно или нѣтъ (послѣднее, кажется, вѣрнѣе) помогаютъ на свою голову и поляки, и «народовцы», и само вѣнское правительство.

* * *

Въ «Центральной гостиницѣ» намъ дали за весьма умѣренную цѣну просторный номеръ, окнами на улицу, обставленный очень комфортабельно и украшенный, между прочимъ, большимъ полснымъ, современнымъ портретомъ императора Франца-Иосифа, въ сѣренькой генеральской тужуркѣ. Говорятъ, будто всѣ вообще здѣшнія гостиницы снабжены въ своихъ номерахъ и столовыхъ императорскими портретами, — обыкновеніе, конечно, прекрасное, если это дѣлается добровольно, а не въ силу обязательнаго, полицейскаго распоряженія.

Во время легкаго завтрака, поданнаго намъ въ номеръ, мы услышали на улицѣ приближающійся звукъ кавалерійской трубы и вскоре увидѣли въ окно проходящій мимо гостиницы, справа рядами, конный взводъ драгунъ, съ офицеромъ и трубачемъ, который все время, съ небольшими промежутками, трубилъ какой-то сигналъ, отчасти напоминающій звуки нашего «похода». Это кстати намъ напомнило, что пора и намъ, въ качествѣ военныхъ, явиться къ мѣстному коменданту и испросить у него разрѣшеніе посѣтить 8-й драгунскій полкъ, расположенный въ подгородномъ селеніи Жучкѣ, такъ какъ намъ было крайне интересно познакомиться съ австрий-

скою кавалеріей, ея казарменнымъ устройствомъ, домашнимъ бытомъ и обстановкой. Русскій извозчикъ нанятаго нами фазтона вскорѣ доставилъ насъ по главной улицѣ къ воротамъ небольшого каменнаго дома, при которыхъ стояла форменная военная будка и расхаживалъ синій пѣхотинецъ-часовой, въ парадномъ шако съ гербовымъ орломъ изъ красной мѣди. Мы вручили генеральскому ординарцу наши карточки, и черезъ минуту насъ попросили наверхъ, въ приемную залу.

Генералъ Сорочанъ, командующій лагернымъ сборомъ подѣ Черновцами и исполняющій обязанности мѣстнаго коменданта, принялъ насъ очень любезно и совершенно просто, повидимому, ни мало даже не удивился неожиданному посѣщенію русскихъ офицеровъ. А я, признаюсь, ожидалъ приема формалистично натянутого и официально сухого, будучи почему-то увѣренъ, что нынѣшніе австрійцы должны во всемъ подражать своимъ союзникамъ-пруссакамъ. Но тѣмъ пріятнѣе было мое разочарованіе. Генералъ ни мало не затруднился дать намъ разрѣшеніе посѣтить штабъ 8-го драгунскаго полка, сказавъ, что самъ предупредитъ по телефону командира оного о нашемъ посѣщеніи. Послѣ этого мы откланялись, вынеся наилучшее впечатлѣніе объ австрійскихъ генералахъ, если о таковыхъ можно судить по настоящему ихъ представителю.

* * *

Прежде, однако, чѣмъ отправиться въ Жучку, мы рѣшили заѣхать въ митрополию, чтобы посѣтить высокопреосвященнаго Сильвестра, полагая, что въ качествѣ русскихъ и православныхъ людей, этотъ долгъ вѣжливости и вниманія съ нашей стороны не будетъ неумѣстнымъ.

На главномъ митрополичьемъ подъѣздѣ насъ очень привѣтливо встрѣтилъ привратникъ, въ костюмѣ обыкновеннаго швейцара. Мы обратились къ нему съ вопросомъ, можно ли видѣть его высокопреосвященство, и предложили свой вопросъ по-русски, въ полной увѣренности, что этотъ языкъ долженъ быть для него или роднымъ, или, по крайней мѣрѣ, понятнымъ, такъ какъ ему постоянно приходится имѣть дѣло съ мѣстными русскими посѣтителями. И онъ дѣйствительно, понявъ насъ хорошо и сразу, но, къ крайнему удивленію нашему, отвѣчалъ не по-русски, а по-нѣмецки, что *hochwürdigst Eminenz* не принимаетъ, а впрочемъ, предложилъ намъ дать наши карточки, сказавъ, что доложитъ секретарю, и повесъ ихъ куда-то наверхъ. Минутъ черезъ пять онъ возвратился и, съ извиняющимся видомъ, заявивъ, все по-нѣмецки же, что *Eminenz*а видѣть нельзя и секретаря нѣтъ дома, а что если намъ угодно осмотрѣть митрополичій дворецъ и церкви, то это можно сдѣлать

въ пять часовъ по-полудни; къ тому-де времени будетъ здѣсь архитекторъ, который намъ все и покажетъ. Давъ швейцару за его услугу «на пиво», мы, что называется, не солоно похлебавши, разстались пока съ митрополией, и такъ какъ времени въ нашемъ распоряженіи оставалось еще довольно, то я рѣшилъ осмотрѣть по пути главную городскую синагогу,—прекрасное каменное зданіе въ мавританскомъ вкусѣ.

Синагога оказалась запертою. Но тутъ, замѣтивъ у портала присутствіе иностранцевъ, откуда ни возьмись какой-то юркій еврейчикъ, за нимъ другой, за другимъ третій,—словно изъ-подъ земли выросли и, освѣдомясь, что намъ угодно, одинъ изъ нихъ тотчасъ побѣжалъ куда-то за шамешемъ-привратникомъ, а за сямъ не прошло и двухъ минутъ, какъ массивная дверь бейсъ-гамидраша уже растворилась передъ нами. Тутъ вскорѣ появился какой-то пожилой еврей солиднаго вида и весьма прилично одѣтый въ общеевропейское платье, который очень предупредительно сталъ показывать и объяснять намъ всѣ достопримѣчательности синагоги, не стѣняясь излагать все это, какъ умѣлъ, по-русски, даже самъ первый заговорилъ съ нами на этомъ чуждомъ ему языкѣ. Обстоятельство это, въ особенности послѣ только-что полученнаго нами урока въ практикѣ нѣмецкихъ діалоговъ съ митрополичьимъ швейцаромъ, показалось мнѣ довольно знаменательнымъ.

— Вы должно быть изъ Россіи?—спросилъ я нашего добровольнаго чичероне.

— Нѣтъ, я здѣшній. А что?

— Вы такъ хорошо говорите по-русски.

— Что жъ, это здѣсь не трудно: всѣ говорятъ... И я же вижу, что вы русскіе, изъ Россіи,—зачѣмъ же я буду говорить съ вами не по-русски?

Совершенно резонное заключеніе, но изъ всего этого маленькаго случая я сдѣлалъ себѣ тотъ поучительный выводъ, что если кто и стѣняется здѣсь, по какимъ-либо соображеніямъ, говорить съ за-кордонными русскими по-русски, то это никакъ не евреи, очевидно, чувствующие себя господами положенія и сознающіе свою добро-австрійскую благонамѣренность выше всякихъ подозрѣній. Значитъ, то, что неудобно иногда коренному русскому, вполне позволительно здѣсь еврею.

Внутреннее устройство синагоги сдѣлано по образцу протестантскихъ храмовъ. На возвышенной эстрадѣ, тамъ, гдѣ у христіанъ алтарь, здѣсь помѣщается «альмемора» и на ней впереди—каедрa, съ которой читаютъ «алліа» и произносятъ поученія, а въ глубинѣ, за каедрой, въ особой нишѣ, задержанной широкою завѣсой, устроены «арнъ-гако-дешъ», гдѣ хранятся нѣсколько свитковъ «Торы». Все это отдѣлано золотомъ, барха-

томъ и сукномъ вишневаго цвѣта. Противъ альмеморы устроенъ на хорахъ большой органъ, совершенно въ такомъ же видѣ и родѣ, какъ у протестантовъ, а по продольнымъ стѣнамъ идутъ въ два яруса ажурныя галлерей на легкихъ мавританскихъ колонкахъ. Эти мѣста специально для женщинъ; мужскія же мѣста находятся внизу, гдѣ вдоль всего храма поставлены ряды дубовыхъ скамеекъ съ высокими спинками-попиртами, совершенно такихъ же, какъ во всѣхъ протестантскихъ и католическихъ храмахъ. Настѣнные карнизы, дуги арокъ, архитравы и потолки расписаны пестрыми арабесками въ семитическомъ вкусѣ, представляющемъ смѣсь мавританскихъ геометрическихъ многоугольниковъ съ кружками, пзобильными завитками и травами. Мягкій свѣтъ льется внутрь храма сквозь мавританскія окна, украшенные узорчатою мозаикой изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Въ числѣ достопримѣчательностей намъ была показана на правой стѣнѣ альмеморы бронзовая доска съ нѣмецкою надписью о томъ, что такого-то числа, мѣсяца и года эту синагогу удостоилъ въ первый разъ своимъ посѣщеніемъ императоръ Францъ-Иосифъ; а затѣмъ показали намъ древній списокъ Пятикнижія, принесенный въ даръ синагогѣ императоромъ же. Этѣмъ, впрочемъ, и ограничиваются всѣ ея достопримѣчательности, если не считать пары высокихъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ, пожертвованныхъ какимъ-то вѣнскимъ банкиромъ.

II.

Садогоры и Жучка.—Казармы 8-го драгунскаго полка.—Нашъ визитъ въ офицерское казино.—Австрійскіе офицеры.—Манежъ и конюшня.—Лошадь.—Полковой цейтгаузъ и мобилизаціонныя вѣщи.—Помѣщенія нижнихъ чиновъ.—Приспособленія для изученія приграничнаго района Россіи.—Кухня и столовая.—Солдатское казино.—Форма обмундированія драгунъ.—Племенной составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.—Солдатская пища и служба.—Мѣры дисциплинарныхъ взысканій.—Отношенія офицеровъ къ солдатамъ.—Послѣдствія этихъ отношеній.—Отношенія австрійскихъ солдатъ и офицеровъ къ Россіи и къ вопросу о войнѣ съ нею.—«Черкесы пришли!»—Какovy бываютъ австрійскіе дезертиры.—Отношеніе къ войнѣ австро-русскаго населенія.—Поучительные примѣры.

Садогоры и Жучка—два подгородныя мѣстечка, верстахъ въ четырехъ или пяти отъ города, лежащія одно рядомъ съ другимъ въ красивой долинѣ Прута. Привлекательный видъ на оба эти селенія и на прилегающіе къ нимъ фруктовые сады, разбитые на покатосяхъ и вершинахъ сосѣднихъ холмовъ, открывается еще изъ самаго города, съ высокаго и длиннаго спуска къ желѣзному мосту, перекинутому черезъ рѣку Прутъ подъ самымъ городомъ. Прутъ здѣсь довольно широкъ, но ме-

локъ и пестрѣетъ хрящеватыми отмелями; тѣмъ не менѣе, постройка моста очень солидна, на каменныхъ устояхъ, потому что доврѣться этой капризной рѣкѣ нельзя: въ здѣшнихъ мѣстахъ она имѣетъ еще горный характеръ и каждый годъ пугаетъ населеніе своими разливами, которые иногда бываютъ очень значительны и причиняютъ не мало бѣдъ населенію лѣваго, низменнаго, берега. Обыкновенно, періодическія полноводія случаются три раза въ годъ: весною, при вскрытіи рѣки; лѣтомъ, когда тающіе снѣга на вершинахъ Карпатъ, откуда она беретъ свое начало, и позднюю осень, когда рѣка становится; но случаются и внезапныя, очень бурныя разливы, нерѣдко разущіе берега и уносящія съ собой и стоги сѣна, и хлѣбъ съ полей, и прибрежныя постройки, и людей, и животныхъ. Стоитъ лишь выпасть въ горахъ обильному и нѣскольکو продолжительному ливню, какъ рѣка уже переполняется и шумно выходитъ изъ береговъ. Тутъ встрѣчается на Прутѣ не мало плавучихъ водяныхъ мельницъ на такъ-называемыхъ дубасахъ, или плоскодонныхъ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ дуба. Мельницы эти, по мѣрѣ надобности, переплываютъ отъ селенія къ селенію, гдѣ и мелютъ зерно для окрестныхъ поселянъ. Вверхъ, противъ теченія, двигаютъ ихъ по средству лодской или конской тяги, на дямкахъ, а внизъ плывутъ онѣ и сами, и такимъ образомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, приносятъ хорошій доходъ своимъ хозяевамъ.

* *

Дорога отъ Черновцовъ до Садогоръ и далѣе идетъ по шоссе, между воздѣланными полями и лежащими по близости усадьбами. Мѣстность весьма оживленная. Самыя мѣстечки Садогоры и Жучка довольно скученны и выглядятъ скорѣе городками, чѣмъ селеніями. Въ нихъ есть и лавки, и нѣсколько порядочныхъ каменныхъ домовъ, принадлежащихъ мѣстнымъ обывателямъ, есть и православныя церкви. Въ Садогорахъ, между прочимъ, существуетъ съ 1889 года русская народная читальня, открытая стараніями мѣстнаго духовенства. Въ члены этой читальни записалось много не только садогорскихъ и жучкинскихъ, но и окрестныхъ русскихъ жителей, и дѣла ей идутъ не дурно, подъ управленіемъ приходскихъ священниковъ въ Садогорѣ, Жучкѣ и Рогозинѣ. Одна бѣда только: выписка книгъ и газетъ изъ Россіи затруднена коронною администраціею до крайности, не говоря уже о томъ, что каждое закордонное русское изданіе, прежде допуская его въ обращеніе, обязательно подвергается строгойшей цензурѣ, и чуть въ немъ почудится цензорамъ малѣйшій намекъ на австрійскіе порядки, или на воображаемый «панславизмъ» и «панрус-

сизмъ»,—сейчасъ же конфискація, и конечно. Что австрійское правительство само себя оберегаетъ, это вполне понятно, и порицать его за это нечего; но тутъ дѣло въ томъ, что у страха глаза велики, а потому эти «ужасные» панславизмъ съ панруссизмомъ мерещатся его усерднымъ чиновникамъ даже и тамъ, гдѣ ими и не пахнетъ,—напримѣръ, хоть бы въ Тургеневѣ.

* * *

Кавалерійскія казармы въ Жучкѣ выстроены на три эскадрона, съ прибавленіемъ помѣщеній для полкового штаба и хозяйственной части; остальные же эскадроны расположены въ окрестныхъ селеніяхъ, ближе къ границѣ. Казармы эти представляютъ собою нѣсколько жилыхъ двухъ-этажныхъ зданій среднихъ размѣровъ, выстроенныхъ въ одну линію изъ жженного кирпича, безъ излишнихъ затѣй, но основательно и удобно. Противъ этихъ домовъ, образуя вмѣстѣ съ ними одну продолговатую улицу и нѣсколько поперечныхъ переулковъ, тянутся параллельно другъ къ другу каменный манежъ, полковой цейхаузъ и конюшни, позади которыхъ, вокругъ квадратнаго плаца, разбиты постройки дѣловаго двора, гдѣ помѣщаются кухни, обозъ, различныя мастерскія и фуражные склады.

Мы подъѣхали къ крыльцу крайняго флигеля, въ нижнемъ этажѣ коего находились съ одной стороны полковая канцелярія, съ другой—офицерское казино. Противъ нихъ оконъ разбитъ небольшой тѣнистый садикъ съ пестрыми двѣтниками, содержимый, какъ и вообще все, что мы видимъ вокругъ, въ отменной чистотѣ и аккуратномъ порядкѣ.

Мы послали съ дежурнымъ при канцеляріи въстовымъ наши карточки командиру полка, — и минутой спустя, къ намъ вышелъ пожилой сивойсый штабъ-офицеръ, сразу располагавшій къ себѣ какъ своею добродушною наружностію, такъ и манерой держать себя. Онъ отрекомендовался намъ старшимъ штабъ-офицеромъ полка и съ истинно-военнымъ простымъ радушіемъ пригласилъ насъ отъ имени командира и господъ офицеровъ въ казино; здѣсь, въ небольшой столовой залѣ мы застали налицо почти все полковое офицерское общество, кончавшее свой обѣдъ. Тутъ же, на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ серединѣ сидѣлъ и полковой командиръ, генеральнаго штаба полковникъ Вейсъ, человекъ еще молодой, на видъ лѣтъ тридцати-пяти, и очень представительной наружности, который подымалъ намъ на встрѣчу, причемъ немедленно, во исполненіе долга военной вѣжливости, встали съ мѣстъ и всѣ офицеры. Сейчасъ же произошло взаимное представленіе; мы перезнакомились со всеми присутствующими и со стороны каждаго изъ нихъ, начиная съ самого командира, встрѣтили доброе рукопожатіе и радушную при-

вѣтливость. Усадили насъ тотчасъ же за столъ и стали угощать десертомъ, кофе, бѣлымъ венгерскимъ виномъ и русскими папиросами, а вслѣдъ затѣмъ явилось и шампанское. Обстановка столовой очень проста, безъ всякихъ излишнихъ затѣй; единственнымъ ея украшеніемъ является прекрасный большой портретъ императора Францъ-Иосифа, въ бѣломъ мундирѣ. Смежная комната представляетъ собою гостиную съ солидною мягкою мебелью и роялемъ, подъ звуки котораго одинъ изъ офицеровъ прекрасно свѣлъ нѣсколько романсовъ. Бесѣда съ нами шла вѣдъ всякаго officialнаго характера, а просто какъ между военными людьми, такъ сказать, одной профессіи. Говорили частію на французскомъ, а больше на нѣмецкомъ языкѣ. Противъ меня и рядомъ со мною сидѣли два офицера-поляка, изъ коихъ одинъ былъ командиромъ эскадрона, и съ ними разговаривали мы по-польски, потому что на этомъ, родномъ для нихъ, языкѣ я говорю гораздо свободнѣе, чѣмъ по-нѣмецки. Мнѣ въ особенности пріятно засвидѣтельствовать, что со стороны этихъ двухъ моихъ собесѣдниковъ не проглянуло и тѣни какого бы то ни было предубѣжденно сдержаннаго чувства по отношенію ко мнѣ и моимъ спутникамъ, какъ «москалямъ», которое невольнымъ образомъ, само собою, дало бы себя знать даже среди самыхъ любезныхъ формъ утонченнѣйшей вѣжливости, еслибъ оно дѣйствительно было у нихъ въ душѣ. Напротивъ, въ ихъ откровенно привѣтливомъ взорѣ, какимъ они глядѣли на меня, въ самомъ тонѣ ихъ бесѣды, простой и душевной, сказывалось скорѣе общеславянское радушіе, чѣмъ русско-польская рознь и предубѣжденность. Одинъ изъ нихъ, протянувъ ко мнѣ бокалъ, чокнувшись со мною, примолвилъ самымъ сердечнымъ тономъ старо-польское «kochajmy ę!» на что я взаимно отвѣтилъ ему отъ души такимъ же пожеланіемъ. Былъ здѣсь одинъ офицеръ и изъ русскихъ, галичанинъ, съ которымъ разговаривались мы по-русски, и по этому поводу я долженъ кстати замѣтить, вопреки гдѣ-то вычитанному мною, будто въ офицерскихъ казино австрійской арміи обязательно долженъ быть употребленъ одинъ только нѣмецкій языкъ,—что это не совсѣмъ справедливо. Не знаю, можетъ быть, исключеніе изъ такого правила (если оно дѣйствительно существуетъ) было допущено на сей разъ изъ любезности къ намъ какъ гостямъ, но насколько мнѣ показалось—собесѣдники мои ни мало не стѣснялись употреблять свои родные языки въ разговорѣ съ нами, хотя въ общемъ преобладали все-таки языкъ нѣмецкій. Тема бесѣды и на сей разъ, т. е. въ разговорѣ съ нашими галицкимъ ополченникомъ, касалась преимущественно военныхъ предметовъ и военнаго быта. Оказалось, что всѣ вообще собесѣдники

наши имѣютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о нашихъ приграничныхъ войскахъ, о форменныхъ отличкахъ ихъ одежды, о ихъ вооруженіи, устройствѣ и даже расположеніи, ссылаясь при этомъ на свои военные журналы и листки, постоянно знакомяще ихъ со всѣмъ, что касается чужестранныхъ и, въ особенности, сосѣднихъ армій. Было упомянуто также и объ особой книжкѣ, изданной въ Вѣнѣ около года тому назадъ, въ родѣ нашихъ, такъ называемыхъ, «военныхъ переводчиковъ», гдѣ, кромя краткаго руководства къ познанію русскаго языка и русскихъ діалоговъ на военнораспросныя и, частію, этнографическія темы, находится еще особое приложение, объясняющее устройство нашихъ войскъ и формы ихъ обмундированія, снаряженія и вооруженія, которое, для большей наглядности, сопровождается соответственными раскрашенными рисунками. И надо отдать австрійскимъ офицерамъ справедливость, — изъ разговора ихъ видно, что они постоянно и очень внимательно слѣдятъ по своимъ военно-литературнымъ органамъ за всѣмъ, что дѣлается у насъ по военной части. Въ особенности интересовали ихъ наши линейные казаки, терцы и кубанцы, съ которыми познакомились они, по ближайшему сосѣдству къ Новоселицѣ, съ 1889 года. Они рассказывали намъ, что имѣли однажды случай видѣть на границѣ казачью джигитовку и отзывались съ большою похвалою объ изумительной ловкости и лихости кубанцевъ, какъ непримѣрныхъ военныхъ наездниковъ. «Это не люди, а просто черти какіе-то!» съ увлеченіемъ выразился при этомъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Вообще, бесѣда наша носила военно-товарищескій характеръ, но съ большимъ тактомъ, при чемъ о войнѣ или о возможности ея въ будущемъ никто, конечно, и не заикнулся. Напротивъ, въ видѣ любезности, дано было понять, что русскіе съ австрійцами, если и встрѣчались на поляхъ сраженій, то всегда какъ друзья и союзники, но никогда, врагами, потому что никогда не воевали между собою. При этомъ было кстати упомянуто про бой подъ Кульмомъ, 18-го августа 1813 года, гдѣ отличился въ атакѣ именно ихъ 8-й драгунскій (въ то время драгунскій эрцъ-герцога Іоанна) полкъ, сражаясь рука объ руку съ русскими полками, татарскимъ, уланскимъ и лирасирскимъ Ея Величества. Эпизодъ этого боя, относящійся до 8-го драгунскаго полка, изображенъ на литографической картинѣ, украшающей, въ числѣ прочихъ, не только офицерское казино, но и помѣщенія каждого эскадрона.

Я уже рассказаль, какъ пріятно было мнѣ мое разочарованіе при встрѣчѣ съ австрійскимъ генераломъ, котораго я воображалъ себя со-всѣмъ не такимъ, какимъ оказался онъ въ дѣйствительности. Такъ точно и тутъ. Будучи

въ Жучку, я почему-то былъ увѣренъ, — каюсь, совершенно предвзятымъ образомъ, — что при настоящихъ политическихъ условіяхъ и въ особенности подъ правительственнымъ вліяніемъ австро-германскаго союза, идеаломъ для австрійскихъ офицеровъ должны быть пруссаки, что они, по всей вѣроятности, стараются подражать этимъ послѣднимъ во всемъ, даже во внѣшности, стараясь усвоивать себѣ и грудь колесомъ, и проборъ на затылкѣ, и манеры, и тонъ этихъ вѣчно натянутыхъ, надменно самодовольныхъ, самоувѣренныхъ и точно бы аршинъ проглотившихъ сыновъ вѣмцаго Марса. И что же? — Ничуть не бывало. Австрійскіе офицеры, напротивъ, держатъ себя совершенно естественно, скромно, просто, по-человѣчески, и въ этомъ отношеніи скорѣе всего напоминаютъ нашихъ русскихъ офицеровъ, но ужъ никакъ не своихъ нынѣшнихъ союзниковъ. И это было для меня новымъ пріятнымъ разочарованіемъ. Вообще, изъ кратковременнаго знакомства съ ними я вынесъ наилучшее впечатлѣніе.

* * *

Послѣ бесѣды въ казино, продолжавшейся болѣе часа, полковникъ Вейсъ предложилъ намъ осмотрѣть полковыя помѣщенія и, въ сопровожденіи всего наличнаго общества офицеровъ, повелъ насъ прежде всего въ манежъ. Это — довольно обширное, свѣтлое и теплое помѣщеніе, наилучшимъ образомъ приспособленное для своего specialнаго назначенія, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Между прочимъ, намъ было указано на ту, достойную вниманія, особенность, что въ немъ никогда не бываетъ ни пыли, ни промерзанія почвы. Достигается это тѣмъ, что къ смѣси песка и древесныхъ опилокъ, устилающей достаточнымъ слоемъ поле манежа, подбавляется небольшое количество соли, которая лѣтомъ сохраняетъ въ этомъ слой достаточную влажность, а зимою смягчитъ его. При этомъ получается еще и та выгода, что соль не даетъ загнивать опилкамъ, которые поэтому могутъ держаться безъ всякаго освѣженія и не давая ни малѣйшаго запаха несравненно дольше, чѣмъ обыкновенно.

Изъ манежа пошла мы по конюшнымъ. Всѣ онѣ устроены по одному и тому же плану и въ одинаковыхъ размѣрахъ, по одной на эскадронъ; каждая изъ нихъ представляетъ длинное, достаточной высоты зданіе изъ жженого кирпича, оштукатуренное внутри и снаружи и раздѣленное въ серединѣ широкимъ сквознымъ пролетомъ, какъ въ воротахъ, на двѣ равныя половины. Полъ въ конюшняхъ асфальтовый, съ надлежащимъ дренажемъ; вентиляція прекрасная, всегда поддерживающая воздухъ въ совершенной чистотѣ; достаточно широкія окна прорѣзаны горизонтально въ верхней части продольныхъ стѣнъ и даютъ много свѣта, а въ случаѣ надобности, прикрываются съ на-

ружной стороны, вмѣсто соломенныхъ матовъ, особыми завѣсами, сплетенными въ видѣ длинной бахромы изъ вѣтвистыхъ стеблей бурьяна и полынн. Это приспособленіе отлично прикрываетъ отъ горячихъ лучей лѣтняго солнца и, въ то же время, не отымаетъ свѣта. Стойла достаточно просторны, столбы и перекладины оплетены соломенными жгутами, а подстилка дается въ такомъ изобиліи, что представляетъ собою какъ бы цѣлый тюфякъ фута въ полтора, если не больше, толщиной. Чистота при этомъ замѣчательная, можно сказать, идеальная, которая поддерживается очень оригинальнымъ и даже нѣсколько комическимъ способомъ, совершенно впрочемъ достигающимъ своей цѣли. Для этого въ каждомъ отдѣленіи конюшни, на всемъ его протяженіи, разставлено достаточное количество деревянныхъ лавокъ съ длинными ручками и имѣется нѣсколько дневальныхъ (человѣкъ по пяти), обязанныхъ внимательно слѣдить за всѣми фзіологическими потребностями лошадей и своевременно предупреждать ихъ проявленія. Чуть что, — ближайшій дневальный мигомъ хватается ближайшую шайку и стремительно бросается съ нею къ лошади. Поэтому подстилка можетъ здѣсь не мѣняться по цѣлымъ мѣсяцамъ, оставаясь всегда достаточно свѣжею.

Лошади содержаны въ хорошемъ овсяномъ тѣлѣ, и сортъ ихъ намъ очень понравился. Всѣ онѣ двухвершковые, легко-кавалерійскаго склада и принадлежатъ почти исключительно мѣстной галиційской, но отлично культивированной породѣ. Въ некультурномъ видѣ, представители этой породы, близко сродной нашей польской лошади, хотя и жидковаты, но благодаря постоянному, въ теченіе многихъ лѣтъ, влиянію нашего же знаменитаго Славутинскаго завода князя Сангушко и нѣкоторыхъ другихъ, обладающихъ хорошими породистыми производителями, въ эту расу настолько уже влило благородной арабской крови, что естественные недостатки ея почти сгладились, грудь, плечо и почки приняли надлежащій окрѣпленный видъ, и теперь въ комплектъ строевыхъ лошадей 8-го драгунскаго полка, какъ, вѣроятно, и въ другихъ кавалерійскихъ частяхъ, расположенныхъ на восточномъ фронтѣ, находятся уже очень хорошія полукровки, и при томъ въ немаломъ числѣ. Хотя австрійскіе ремонтеры все еще ежегодно выводятъ порядочное количество лошадей и отъ насъ, изъ Россіи, но здѣшніе офицеры сказывали намъ, что ихъ полкъ уже нѣсколько лѣтъ ремонтируется почти исключительно галиційскими и отчасти венгерскими заводами. Между офицерами есть нѣсколько любителей, которые держатъ собственныхъ породистыхъ верховыхъ лошадей, показанныхъ намъ частію въ стойлахъ, частію на выводкѣ; но большинство чуть-ли не довольствуется ка-

зенными, — по крайней мѣрѣ, намъ ихъ не показывали.

* * *

Осмотрѣвъ дѣловой дворъ и хорошо устроенную кузницу, мы отправились въ полковую цейхгаузъ, гдѣ хранятся вещи мобилизаціоннаго запаса. Любезные хозяева не постѣснялись показать намъ и эту часть, тѣмъ болѣе, что они, по справедливости, могутъ гордиться ею. Большинство предметовъ снаряженія отличается превосходными качествами. Въ особенности хороши по своей практичности широкія, толстыя попоны изъ прочнаго бѣлаго войлока, совершенно защищающія не только спину и бока, но и грудь, и даже животъ лошади и, въ то же время, могущія служить отличнымъ одѣяломъ солдату, въ которое весь онъ закутывается со всѣхъ сторонъ, не стѣсняясь собственнымъ просторомъ. Складываются эти попоны вчетверо, квадратомъ, и въ походѣ кладутся подъ сѣдло. Хороши также по своей отжѣнной прочности высокіе сапоги, хотя они чересчуръ уже дубоваты; наши въ этомъ отношеніи лучше, потому что они мягче и легче. Кожаные вещи, всѣ вообще, тоже удовлетворительнаго качества; но стремена и мундштуки показались мнѣ тяжеловатыми. Зато кастрюльки походныя изъ тонкой бѣлой жести, смѣю думать, нигуда не годятся, такъ какъ сдѣланы чересчуръ уже деликатно, почти игрушечнымъ образомъ, и потому въ походѣ непременно помнутся и переломаются. По всей вѣроятности, за непрочностью, ихъ придется бросить послѣ первыхъ же дней бивуачной жизни. Такой же участи, безъ сомнѣнія, подвергнутся и каски, если только ихъ возьмутъ съ собою въ боевой походъ, но уже по другой причинѣ. Каски эти, очень красивыя на видъ, снабжены высокимъ мѣднымъ гребнемъ, чешулями, гербомъ и желѣзными козырьями, прикрѣпленными на винтахъ къ каждой тульѣ; онѣ очень тяжелы и больно даютъ себя чувствовать головѣ своими винтами. Впрочемъ, для домашняго употребленія, у солдатъ имѣются очень удобныя, мягкія шапки изъ толстаго крапцоваго сукна или войлока, по формѣ совершенно такія же, какъ сербскія «капы», такъ что въ походѣ люди, вѣроятно, ими и обойдутся, не стѣняя себя своими парадными касками. Показали намъ также и новаго образца сѣдло, присланное въ полкъ для испытанія. Особенность его въ томъ, что лавы у лентика устроены подвижными, какъ бы створчатыми, образомъ, на шарнирахъ, и потому такое сѣдло можетъ свободно пригнаться на каждую лошадь, не нагнетая ей спину, каково бы ни было строеніе послѣдней. Идея сама по себѣ не дурна, но лентикъ могъ бы быть легче.

* * *

По осмотру цейхгауза, насъ провели въ помѣщеніе одного изъ эскадроновъ. Дортуары просторны и свѣтлы, и люди размѣнены въ нихъ безъ скученности. У каждаго человѣка особая желѣзная кровать, съ сѣнными тюфякомъ и подушкою; но сѣнные тюфяки, нячѣмъ, въ тому же, не покрыты, не отличаются особенною чистотой и опрятностію. Остальная обстановка дортуаровъ не особенно казиста и далеко не полна. Такъ, напримѣръ, не говоря уже о междупостельныхъ шкафчикахъ-поставкахъ, гдѣ солдаты могли бы хранить свое бѣлье и кое-какія собственныя вещи, здѣсь мы не замѣтили даже достаточнаго числа табуретовъ, рабочаго стола и вѣшалокъ. Вообще, внутренняя обстановка, на мой взглядъ, страдаетъ отсутствіемъ домовитости, такъ что наши русскія казарменныя помѣщенія, въ сравненіи съ этими, выглядятъ гораздо жише, веселѣе и уютнѣе. А здѣсь, въ этой сухой и скучной огоденности, которую, если хотите, можно назвать въ высокомъ слогѣ спартавскою суровостію воинской обстановки, есть что-то неприятливое, черствое, напоминающее скорѣе арестантскую камеру, чѣмъ жилище солдата, и это, мнѣ кажется, невольно должно вліять угнетающимъ образомъ на духъ людей, обреченныхъ жить въ такихъ полу-кутузкахъ, гдѣ для полнаго сходства съ настоящею кутузкой не хватаетъ только желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ. У насъ, напримѣръ, заботливый ротный или эскадронный командиръ, кромѣ попеченій о гигиеническихъ удобствахъ солдатскаго помѣщенія, думаетъ еще и о томъ, чтобы солдату въ его казармѣ жилось веселѣе и уютнѣе, чтобы въ ней было что-нибудь ласкающее его глазъ и говорящее сердечному чувству, что-нибудь красивое, «заятное», въ родѣ пирамидъ изъ ружей, или военныхъ картинъ, иллюминированныхъ красками таблицъ и чертежей на стѣнахъ, не говоря уже о царскихъ портретахъ и объ украшенномъ кюлтѣ съ ротными образамъ, которые занимаютъ самымъ виднымъ и почетнымъ мѣста въ казармѣ. Здѣсь же подобныя заботы, повидимому, не считаются необходимыми, лишь бы были соблюдены условія столькихъ-то кубическихъ футовъ воздуха, столькихъ-то градусовъ тепла и столько-то свѣта на человѣка.

Оружіе и амуниціи развѣшены по стѣнамъ сѣней и проходныхъ корридоровъ. Карабины все еще остаются старые, системы, кажется, Вердья. Величинаю они чуть-ли не короче нашихъ прежнихъ карабиновъ Бердана, бывшихъ въ употребленіи у гусаръ и уланъ до переформированія ихъ въ драгуны, но вѣскою тяжелѣе, съ болѣе массивнымъ механизмомъ и не такъ прикладисты какъ наши. Новыхъ магазинныхъ карабиновъ Манлихера въ полку еще не имѣется; прислано пока лишь нѣсколько штукъ, для предварительнаго озна-

комленія съ ними людей. Сказать что-либо о достоинствѣ ихъ не могу, такъ какъ на этотъ вопросъ собесѣдники наши отвѣчали довольно неопредѣленно, ссылаясь на неимѣніе еще достаточное знакомство свое съ этимъ оружіемъ на практикѣ. Можно думать поэтому, что они, вѣроятно, не совсѣмъ-то имъ довольны, тѣмъ болѣе, что недостатки системы Манлихера, насколько извѣстно изъ военныхъ и общихъ газетъ, уже успѣли обнаружить себя достаточнымъ образомъ. Зато холодное оружіе (сабли) хорошо и содержится въ большомъ порядкѣ.

Въ казармѣ каждаго эскадрона есть особая небольшая комната, гдѣ помѣщается эскадронная канцелярія. Въ каждой изъ этихъ канцелярій содержится на виду карта приграничнаго пространства Россіи, смежнаго съ Буковиною, составленная австрійскимъ генеральнымъ штабомъ очень отчетливо и подробно. Эскадронный командиръ, замѣтивъ, что одинъ изъ моихъ сотоварищей обратилъ на нее особенное вниманіе, любезно объяснилъ, что подобныя карты обязательно имѣются во всѣхъ воинскихъ частяхъ, расположенныхъ не только на восточной, но и на всѣхъ вообще границахъ имперіи, что карта, данная той или другой части, непременно обнимаетъ собою въ ширь и вглубь приграничный районъ, противуположающій мѣстамъ расположенія этой части, и что офицеры обязаны не только сами изучать такія карты «своихъ» районовъ, но и обстоятельно знакомить съ ними людей. При этомъ, какъ бы въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, онъ выказалъ достаточное знакомство съ расположеніемъ постовъ нашей пограничной стражи, указавъ на картѣ, гдѣ находятся посты офицерскіе и вахмистерскіе и гдѣ расположены штабъ-квартиры отѣловъ. Разсматривая карту, мой спутникъ замѣтилъ, что противъ каждаго нашего пограничнаго поста отмѣчена карандашемъ какая-то цифровая дробь, а разсмотрѣвъ эти дробы внимательнѣе, напомнлъ, что въ ихъ числителяхъ совершенно точно обозначено количество людей, а въ знаменателяхъ число лошадей на каждомъ кордонѣ и что офицерскіе посты отмѣчены особыми значками. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве, какъ о примѣрѣ, вполне достойномъ подражанія и съ нашей стороны по отношенію къ своимъ сосѣдямъ.

Кухня и столовая эскадрона помѣщаются въ нижнемъ этажѣ его казармы. Первая изъ нихъ устроена очень удобно съ большою варочною и хлѣбопекарною печью, плитою и четырьмя чугунными, вмазанными въ печь, котлами. Двое поваровъ, въ бѣлыхъ колпакахъ и очень чистыхъ фартукахъ, въ моментъ нашего появленія въ кухню, стояли самымъ форменнымъ образомъ на своихъ мѣстахъ, у печи. Предполагая, по времени и по этому ихъ костюму, что теперь должна бы вариться

для людей вечерняя пища, мы заглянули мелькомъ въ котлы, въ надеждѣ познакомиться съ родомъ этой пищи. Оказалось, однако, что котлы только отлично вычищены, но совершенно пусты, и печь даже не топится. Намъ объясняли, что люди, по положенію, получаютъ утромъ хлѣбъ, а горячую пищу только въ полдень, одинъ разъ въ сутки, и что если кому изъ нихъ угодно закусить сверхъ казеннаго положенія, тотъ въ свободное время можетъ отправиться въ солдатское казино и покушать тамъ по своему вкусу на собственные деньги. Но для того, чтобы солдату не обходилось это дорого, высшее начальство опредѣлило разъ навсегда очень умѣренную таксу на извѣстные, допускаемые въ подобныхъ казино, съѣстные продукты и на пиво.

* * *

Въ это-то солдатское казино, общее для всего полка, и пригласили насъ теперь любезные наши хозяева, давъ намъ «тонко» почувствовать, что больше показывать имъ нечего и что, познакомившись съ этимъ послѣднимъ учрежденіемъ, мы уже будемъ имѣть достаточное понятіе обо всѣхъ сторонахъ домашняго быта австрійскаго солдата-кавалериста. На это пришлось, конечно, только кланяться и благодарить съ любезною улыбкой, хотя и мы, и они отлично, вслѣдъ про себя, понимали, относительно солдатскаго быта, что намъ показаны далеко не «все» его стороны. Хотѣлось бы, наирямѣрь, видѣть полковую школу, учебную команду, офицерскую и солдатскую бібліотеку, если таковая существуетъ, окологдъ, конскій лазаретъ, карцеръ и мало ли чего еще, не говоря уже о фздѣ и хоть какомъ-нибудь строевомъ ученіи, еслибы только показъ сихъ послѣднихъ не нарушилъ опредѣленнаго хода дневныхъ занятій; но... докупать со своимъ непроницаемымъ любопытствомъ было бы не деликатно, да и бесполезно. Спасибо и за то, что показали!

Устроено солдатское казино въ особомъ помѣщеніи, состоящемъ изъ двухъ комнатъ. Первая изъ нихъ болѣе обширна и заключается въ себѣ отдѣленный сквозною рѣшетчатою перегородкою буфетъ, съ пивною бочкой на козлахъ, и довольно просторную залу, съ нѣсколькими деревянными столами, скамьями и табуретами; вторая же, меныше, отличается болѣе изысканною обстановкой, будучи украшена олеографическими поясными портретами императора и императрицы и обмелірована легкими буковыми диванчиками и гнутыми вѣскими стульями, разставленными вокругъ нѣсколькихъ бѣлыхъ столиковъ на желтыхъ желѣзныхъ ножкахъ. Первая комната предназначена для рядовыхъ, а вторая только для вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ. Иногда, впрочемъ, въ тѣ часы, когда нижнихъ чиновъ нѣтъ, заглядываютъ сюда и офицеры, если

желаютъ выпить куфель холоднаго, пѣнистаго пива, прямо изъ подпольнаго погреба. По ихъ словамъ, оно здѣсь и дешевле, и лучше, чѣмъ въ мѣстечковыхъ кнейпахъ, такъ что даже для своего офицерскаго казино берутъ они его отсюда же. Пивная торговля и буфетъ въ солдатскомъ казино сдѣются съ торговъ вольному маркитанту, который не смѣетъ, однако, подъ страхомъ большого штрафа, держать водку и брать съ солдатъ выше установленной таксы. Куфель пива, если не ошибаюсь, стоитъ не болѣе полугора крейцера, и казна отпускаетъ даже въ извѣстныхъ размѣрахъ пивныя деньги для нижнихъ чиновъ, которыя они имѣютъ право употреблять по своему усмотрѣнію, то есть, пить или не пить; но болѣе одного куфеля въ день рядовому изъ буфета не отпускается (унтеръ-офицерамъ разрѣшается, кажется, больше). За буфетомъ солдаты могутъ получить себѣ бѣлый и пеклеванный хлѣбъ, шинку (ветчину), сырое сало, колбасу, яйца въ-крутую, селедку, кислые огурцы, молдавскіе сыры—качкавалъ и брынзу,—и тому подобныя простыя закуски. Отвѣдавъ по большому куфелю солдатскаго, дѣйствительно прекраснаго пива, мы простились съ командиромъ и офицерами, отъ души поблагодаривъ ихъ за радушный пріемъ и за любезную готовность показать намъ столько интереснаго.

* * *

Итакъ, намъ показали «все» — пусть будетъ по ихнему; — все, за исключеніемъ бездѣлицы. Кроме какъ двухъ вахмистровъ, двухъ поваровъ да дежурныхъ съ дневальными по конюшнямъ и по казармѣ, — остальныхъ солдатъ мы не видали. Даже показанная намъ жилия казарма, и та оказалась пустою. Куда и по какой причинѣ были убраны люди, — этого мы не знаемъ, а спрашивать было, конечно, неловко. Впрочемъ, судя по тѣмъ немногимъ солдатамъ, которыхъ мы видѣли, можно придти къ заключенію, что при молодости своихъ лѣтъ, это, по большей части, народъ все жиденькій, недостаточно рослый и крѣпкій для кавалериста. Наши куда здоровѣе. У нѣкоторыхъ видъ совершенно тщедушный, недостаточно развитый или впалая грудь, узковатые плечи, а на желтоватыхъ или сѣрыхъ лицахъ явно сказываются признаки малокровія и переутомленія, точно бы имъ работы много, а питанія мало; но военная выправка у всѣхъ вообще не дурна, и они видимо стараются держаться передъ начальствомъ бодрѣе, чтобы казаться молодцами.

Форма одежды у солдатъ этого полка — суконая черная тужурка со стоячимъ, узенькимъ воротникомъ, на которомъ нашита пара зеленыхъ петлицъ, сукояные, толстые рейтузы, крапваго цвѣта, запущенные въ голенища высокихъ сапогъ со шпорами, и на головѣ крапваая кана. Вооруженіе — сабля въ стальныхъ ножнахъ и короткий карабинъ. Офицеры носятъ тоже

тужурки и, вмѣсто фуражекъ, легкія шако извѣстнаго австрійскаго типа, а на нѣкоторыхъ мы видѣли, вмѣсто тужурокъ, черныя венгерки, въ родѣ французскихъ, съ черными нагрудными шнурами.

Племенной составъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ полка, очень разнообразенъ, и это можно было сразу же замѣтить на дежурныхъ, которые въ каждой конюшнѣ и въ казармѣ, при нашемъ появленіи, подходили ко мнѣ съ рапортомъ ¹⁾. Здѣсь мнѣ пришлось выслушать рапорты на языкахъ нѣмецкомъ, польскомъ, русскомъ, молдаванскомъ и венгерскомъ, причемъ такое разнообразіе языковъ было объяснено намъ тѣмъ обстоятельствомъ, что это все люди послѣдняго призыва, не успѣвшіе еще ознакомиться въ достаточной мѣрѣ съ обще-военнымъ языкомъ австрійской арміи. По поводу этого разноязычія мнѣ невольно припомнилось то, что писалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ моихъ писемъ съ австрійской границы ²⁾ и что, на мой взглядъ, не утратило своего значенія и теперь. Хотя нынѣшнія *личныя* мои впечатлѣнія и на много расходятся съ прежними, вынесенными только изъ за-очныхъ разсказовъ, не всегда, къ тому же, и безпристрастныхъ, но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что каждая медаль имѣетъ и свою обратную сторону. Прежнія свѣдѣнія мои были почерпнуты преимущественно изъ разсказовъ и показаній австрійскихъ дезертировъ, которые и доселѣ не устаютъ перебѣгать на нашу сторону въ количествѣ никакъ не меньшемъ, если не большемъ, чѣмъ прежде, и въ числѣ мотивовъ своего побѣга продолжаютъ выставять все одиѣ и тѣ же причины. Если въ ихъ разсказахъ, по всей вѣроятности, много преувеличеннаго, то все же и есть и такія жизненныя черты, которыхъ, не испытывъ самъ на себѣ, никакъ не выдумаешь, а съ этой стороны, мнѣ кажется, нѣкоторымъ ихъ разсказамъ можно дать вѣру. Притомъ же лично я видѣлъ только то, что сочла удобнымъ и возможнымъ показать намъ, а въ данномъ случаѣ, со стороны нашихъ любезныхъ хозяевъ, конечно, не могло быть желанія обнаруживать предъ посторонними лицами большыя мѣста и отрицательныя стороны своего и, въ особенности, солдатскаго быта. Поэтому, для полноты картины, переворачивал медаль на другую сторону, я обращаюсь къ показаніямъ австрійскихъ дезертировъ. Не знаю, давно ли стоитъ 8-й драгунскій полкъ, но изъ разсказовъ мнѣ извѣстно, что прежде, года три-четыре тому назадъ, въ этихъ мѣ-

стахъ стояли гусары, которыхъ на нашей сторонѣ называли венгерскими, и изъ этого гусарскаго полка побѣги къ намъ случались гораздо чаще и больше, чѣмъ изъ другихъ приграничныхъ частей сосѣдней арміи. Мотивомъ своего побѣга—справедливо ли, вѣтъ ли,—но только всегда бѣглецы выставляли двѣ причины: плохое, недостаточное продовольствіе и жестокое обращеніе съ ними начальства. То же самое продолжаютъ говорить и нынѣшніе дезертиры, сосылаясь, впрочемъ, больше на голодъ и тяжесть службы. Они говорятъ, что супъ или борщъ съ мясомъ даютъ имъ только два раза въ недѣлю, и то мяса приходится не больше, какъ по четверти фунта на человѣка, а въ остальные дни кормятъ ихъ овсянкой, жидкимъ крупникомъ, капустнякомъ (родъ пустыхъ щей) и горохомъ. Въ скоромные дни эта жидкая пища заправляется въ очень умеренномъ количествѣ фритурой (въ родѣ маргарина) или свинымъ саломъ, а въ постные—*оливой*, то-есть деревяннымъ масломъ, и кормятъ ихъ такимъ варевомъ, какъ уже сказано, только одинъ разъ въ сутки. Понятно, что съ такой пищи силъ не наберешься. И дѣйствительно, когда австрійскій перебѣжчикъ является, всегда въ истощенномъ видѣ, на нашъ пограничный кордонъ,—онъ прежде всего проситъ покормить его и съ жадностью накладывается на нашъ солдатскій борщъ (всегда съ мясомъ, по полуфунту на человѣка) и на пшенную или гречневую кашу. А когда, вдобавокъ къ этому, предложить ему наши пограничники еще и чаю съ сахаромъ да съ пшеничнымъ ситникомъ, онъ просто глазамъ своимъ не вѣритъ: чай кажется ему уже просто неслыханною роскошью, о которой у нихъ и мечтать не смѣютъ. При этомъ обыкновенно самое отрадное впечатлѣніе производятъ на дезертировъ и домовитая, зажиточная обстановка нашихъ кордоновъ. Что же касается до жестокаго обращенія, то они увѣряютъ, будто ихъ за всякую малость бьютъ: фухтеляютъ и хлыстуютъ, и на это въ особенности жаловались гусары. Что вахмистерскіе и фельдфебельскіе фухтеля (ударъ плашмя обнаженною саблею) гуляютъ по солдатскимъ спинамъ во время домашнихъ строевыхъ учений,—это-де самое заурядное дѣло, безъ чего, по словамъ дезертировъ, будто-бы, не обходится ни одна эскерція: фухтеляютъ даже на глазахъ офицеровъ, присутствующихъ, а то и производящихъ ученіе, не заботясь объ ихъ позволеніи, потому что таковое, какъ право, разъ навсегда уже будто-бы предоставлено командирами своимъ вахмистрамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. Фухтеляютъ и сами-де офицеры, собственноручно, за малѣйшую несправность или оплошность во время учений. Обратиться къ солдату со словеснымъ внушеніемъ или разъясненіемъ, наставить и научить его, какъ

¹⁾ Такая военная любезность, по указанію командира части, вездѣ оказывается гостю старшаго или равнаго съ начальникомъ части чина, при посѣщеніи имъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ полагаются дежурные.

²⁾ Газета „Свѣтъ“ 1887 г. № 200.

что надо дѣлать—большинство офицеровъ не задаетъ себѣ труда, полагая, что для этого есть достаточное число унтеръ-офицеровъ, а само довольствуется только тѣмъ, что можетъ выскрывать и наказывать. Говорятъ, что зачастую и внѣ служебныхъ занятій, при встрѣчѣ съ солдатомъ на улицѣ, во время своей прогулки, офицеръ за малѣйшую оплошность изымаетъ съ него тутъ же, на мѣстѣ, ударомъ хлыста или трости по чемъ попадетъ, а чаще всего по лицу. Увѣряютъ, будто это такъ уже вошло въ привычку военного обихода, что люди на такое съ ними обращеніе и не обижаются, а жалобы перебѣжчиковъ относятся собственно къ истязаніямъ. По ихъ словамъ, людей сильно бьютъ мокрыми канатными жгутами и ставятъ въ кольца.

* * *

«Кольца...» «ставить въ кольца»,—что такое? На первый разъ даже совсѣмъ непонятно, а между тѣмъ, нѣтъ того австрійскаго дезертира, который не упоминалъ бы о кольцахъ. Оказывается, что это совершенно особый видъ «дисциплинарнаго» наказанія, изобрѣтенный, какъ говорятъ, отцами іезуитами и отъ нихъ усвоенный себѣ австрійскими жандармами и войсками. Дѣло вотъ въ чемъ: берутся два стальные кольца такой величины, чтобы они могли надѣваться на большой палецъ руки или ноги; иногда же кольца дѣлаются не глухія, безъ спайки, но каждое съ двумя бородками, которые могутъ быть плотно свинчиваемы между собою на пальцѣ. Свинченное кольцо охватываетъ суставъ на столько тѣсно, что выдержать изъ него палецъ нѣтъ никакой возможности. Пара такихъ колецъ соединяется между собой стальною цѣпкой или перемычкой, продѣтой въ особо придѣланные къ нимъ наружныя ушки. Такимъ образомъ, какъ видите, это выходитъ родъ миниатюрныхъ кандаловъ, иногда очень изыщно отполированныхъ, точно бы какіе брелоки, а главное, очень портативныхъ, такъ что каждый сельскій жандармъ, а въ войскахъ каждый фельдфебель и вахмистръ свободно и совершенно незамѣтно можетъ носить ихъ, на всякій случай, у себя въ карманѣ. Сельскіе жандармы употребляютъ кольца обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надо обуздать или отправить за нѣсколько верстъ подъ арестъ какого-нибудь не въ мѣру расходившагося драчуна, мазурика или буйнаго бродягу; въ военныхъ же частяхъ инструментъ этотъ употребляется двойко, смотря по винѣ, и притомъ въ болѣе утонченной формѣ примѣненія. Здѣсь, по словамъ дезертировъ, первая степень дисциплинарнаго наказанія кольцами состоитъ въ томъ, что виновному заворачиваютъ руки на спину, къ лопаткамъ и зажимаютъ оба большихъ пальца, оставляя человека въ такомъ положеніи въ карцерѣ отъ двухъ до шести часовъ времени. Вторая же степень еще утон-

ченнѣе: тутъ уже кольцами соединяются большой палецъ правой руки съ большимъ пальцемъ лѣвой ноги, и въ такомъ положеніи оставляютъ наказаннаго солдата стоять на одной ногѣ въ карцерѣ отъ шести до двѣнадцати часовъ (просто невѣроятно!) и это будто-бы очень еще милостиво, потому что въ прежнее время заставляли-де людей выстывать на морозѣ, либо на жестокомъ солнцѣ, у конюшни или у гауптвахты, на полковомъ дворѣ, «для примѣра прочимъ». Теперь это уже не дѣлается такъ откровенно, потому что законъ воспретилъ употребленіе колецъ, какъ мѣру наказанія, но это не мѣшаетъ будто-бы и до сихъ поръ употреблять ихъ келейнымъ образомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ всѣ перебѣжчики. Впрочемъ, за степень справедливости ихъ увѣреній, я, конечно, отвѣчать не берусь, а отмѣчаю лишь то, о чемъ говоритъ, съ ихъ словъ, все наше пограничное населеніе, для котораго въ этомъ нѣтъ и не бывало никакого секрета и сомнѣнія.

* * *

На первый взглядъ, четыре года тому назадъ, мнѣ казалось очень страннымъ, даже невѣроятнымъ подобное отношеніе офицеровъ,—людей, въ большинствѣ своемъ, все же порядочныхъ, развитыхъ и достаточно гуманизированныхъ своею европейскою культурой и воспитаніемъ,—къ своимъ собственнымъ солдатамъ. Не естественно-ли со стороны офицера было бы отнестись къ солдату, въ особенности новобранцу, какъ къ своему будущему боевому товарищу, вполне дружелюбно, съ полнымъ довѣріемъ, самому показавъ, научить, объяснить ему что слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы предоставить все дѣло его обученія въ руки вахмистровъ да унтеровъ, ограничиваясь со своей стороны лишь правомъ взысканій и «воздѣйствій», словно бы офицеръ являетъ собою для солдата какую-то карательную силу, и только карательную? Въ то время, четыре года назадъ, люди, достаточно знакомые съ положеніемъ вещей въ данной средѣ у нашихъ сосѣдей, отвѣчали мнѣ на это, что офицеры, можетъ быть, и рады были бы сдѣлать все такое, да бѣда въ томъ, что далеко не каждый изъ нихъ можетъ взять на себя подобную задачу. Почему?? Да просто потому, что языка не знаютъ. И вотъ, въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ мнѣ самому пришлось теперь убѣдиться, при осмотрѣ конюшенъ, когда одинъ офицеръ, желавшій показать намъ своего коня, долженъ былъ обратиться для этого по-нѣмецки къ вахмистру, чтобы тотъ перевелъ по-румынски молдаванину—дневальному его приказаніе вывести лошадь. Тутъ-то мнѣ и вспомнились бѣглецы изъ прежде стоявшаго здѣсь гусарскаго полка, которые сказывали тогда, что въ ихъ полку въ составъ низшихъ чиновъ входятъ преимущественно люди трехъ народностей: рус-

ской, молдаванской и польской, а затѣмъ, въ мѣшечкѣ числѣ, словаки, мадьяры и шеклеры (венгерскіе нѣмцы); офицеры же у нихъ были въ то время исключительно изъ мадьяръ, нѣмцевъ и поляковъ, изъ которыхъ почти никто не понималъ, да и не желалъ понимать ни по-русски, ни по-молдавански. Какъ видно, и здѣсь то же самое. И если взять во вниманіе, что официальнымъ и команднымъ языкомъ арміи является нѣмецкій, котораго, за рѣдкими исключениями, совсѣмъ не понимаютъ разноплеменные солдаты, то въ самомъ дѣлѣ, какъ же тутъ объясняться?! Не знаю, такъ ли у нашихъ знакомцевъ въ 8-мъ драгунскомъ полку, но у офицеровъ, ихъ предшественниковъ, гусарь, неслучайно являлась еще тенденція, смотря по своей національности, объясняться съ людьми даже и въ строю (въ командныхъ словъ, конечно) не иначе, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Мадьяръ, напримѣръ, — рассказывали бѣглецы-гусары, — ни за что не станетъ говорить солдату что бы то ни было по-нѣмецки, полякъ точно такъ-же; а нѣмецъ на этотъ счетъ всѣхъ круче: этотъ уже ни съ кѣмъ, даже со своимъ братомъ-офицеромъ, ни на службѣ, ни въ службѣ не заговоритъ плече, какъ по-нѣмецки. Поэтому, не говоря уже, что при такихъ условіяхъ, между офицерами-однополчанами едва ли можетъ быть истинно товарищеская солидарность, что полякъ, дружка, напримѣръ, съ мадьяромъ, вслѣдствіе ненависти нѣмца или славянина, а нѣмецъ, въ свою очередь, ко всѣмъ имъ относится холодно и, быть можетъ, подозрительно, — легко и нерѣдко выходитъ еще вотъ что: каждый офицеръ, положимъ взводный командиръ, обращаетъ преимущественное вниманіе не на всѣхъ вообще людей порученной ему части, а лишь на своихъ земляковъ-единовѣрцевъ. По словамъ дезертировъ, это такъ и бываетъ. Съ этими земляками-единовѣрцами онъ и говорить на своемъ родномъ языкѣ, и занимается ими, естественнымъ образомъ симпатизируетъ имъ, отличаетъ, хорошо аттестуетъ, выдвигаетъ по службѣ и даже дѣлаетъ имъ подъ рукою разныя поблажки, вообще, сравнительно съ прочими, что-называется, мирводитъ имъ. Отъ этого въ каждомъ взводѣ нѣсколько такихъ избранныхъ, имѣющихъ случайное счастье принадлежать къ одной національности со своимъ командиромъ (а еще чаще со своимъ вахмистромъ), чувствуютъ себя уже въ нѣкоторомъ привилегированномъ положеніи, лучше и выше остальныхъ своихъ товарищей: что можно-де намъ, того нельзя вамъ, прочимъ; что намъ легче сойдеть съ рукъ, за то вамъ достанется гораздо строже. Тутъ уже прямо нарушается правомѣрность по отношенію къ своимъ людямъ, являются любимчики и «быдло», овцы и козлища, вносятся во взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ національная рознь, изъ чего уже естественно вытекаютъ и

зависть, и недовольство и, наконецъ, прямо взаимная враждебность и ненависть. Гдѣ же тутъ остается мѣсто братскому товариществу и солдатской солидарности?! И что ужъ говорить про цѣлый полкъ, если этихъ краугольных военныхъ чувствъ нѣтъ даже въ какомъ-нибудь одномъ взводѣ, даже въ одномъ отдѣленіи взвода, въ этой, такъ сказать, основной ячейкѣ военностроевой организации!.. Но наиболѣе непригляднымъ и обиднымъ является при такихъ условіяхъ положеніе солдатъ изъ молдаванъ и буковинскихъ русскихъ, какъ людей православныхъ, то-есть, значить «схизматиковъ». Въ гусарскомъ полку, напримѣръ, они уже прямо стояли на счету какихъ-то парій въ глазахъ и въ сердцѣ своего добро-католическаго начальства. Ну, и подумайте теперь, что можетъ сдѣлать подобный полкъ въ военное время!.

* * *

Видѣнные мною драгуны, какъ я уже сказалъ, не отличаются особенно здоровымъ и дѣйствительно бравымъ видомъ, такъ что наши пограничные, въ сравненіи съ ними, чуть не атлеты, въ особенности воронежскіе и херсонскіе ребята. Такъ же точно, судя по дезертирамъ и по словамъ нашихъ приграничныхъ жителей-очевидцевъ, — и въ стоявшихъ здѣсь гусарахъ народъ былъ все очень молодой и притомъ крайне «шуплый». — «Не будь на ему гусарскихъ причудливостей, то и по віку не взиатыбы, по віку войсковой, а такъ, мабуть, шось такѣ невѣрчине, мотається собі, бродить». Такъ характеризовали этихъ воиновъ наши порубежные сельчане. Стало быть, эта «шуплость» есть явленіе болѣе или менѣе общее въ австрійской арміи, зависящее не только отъ условій домашняго быта, въ какихъ росъ и воспитывался человекъ до поступленія въ солдаты, но и отъ условій труда и питанія, въ какихъ протекаетъ его военная служба. У насъ нерѣдко поступаютъ новобранцы тоже жидковатые, съ недостаткомъ въ объемѣ груди, съ признаками недостаточнаго питанія и т. п.; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ, съ переходомъ на солдатскіе хлѣба да на ежедневную полуфунтовую дачу мяса, ребята эти по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, то-есть, какъ разъ къ тому сроку, когда для нихъ кончается одиночная подготовка и начинается дѣйствительная служба, выравниваются молодецъ къ молодцу, и затѣмъ, чѣмъ дольше служатъ, тѣмъ здоровѣе становятся. Значитъ, тутъ все дѣло именно въ соразмѣрности труда и питанія, равновѣсіе между ними у австрійцевъ, очевидно, нарушено не въ пользу послѣдняго.

* * *

Насчетъ войны съ Россіей, судя опять-таки по словамъ дезертировъ, нижніе чины покинутыхъ ими рядовъ не строятъ себѣ никакихъ иллюзій. Правда, люди болѣе интеллигентные,

нижюшіе случаи приходятъ иногда въ соприкосновение съ офицерскою средою, говорили намъ, что многіе офицеры, въ особенности изъ мадьяръ и поляковъ, полны воинственнаго задора, что у нихъ, за пріятельскою кружкою пива, нерѣдко поднимаются разговоры на тему о будущей войнѣ, о побѣдахъ надъ ненавистнымъ москалемъ да объ окончательномъ разгромѣ и разчлененіи «прішкелентей Москвы», и что пріэтомъ высказывается много розовыхъ мечтаній о томъ, какъ они черезъ недѣлю по объявленіи войны будутъ уже отплясывать мазурку во дворцѣ кievскаго генералъ-губернатора; но увы! — солдаты ихъ совсѣмъ не раздѣляютъ подобныхъ увлеченій. Солдаты, которыхъ и въ мирное-то время держатъ впроголодь, думаютъ, по словамъ перебѣжчиковъ, что на войнѣ будетъ еще хуже, что даже и съ новымъ вооруженіемъ ничего имъ не подѣлать противъ москаля. Выѣстъ съ недовѣріемъ къ непонимающимъ ихъ языка офицерамъ, въ нихъ уже заранѣе составилось несчастное убѣжденіе, что русскіе побѣдятъ ихъ непремѣнно. И нѣтъ ничего мудренаго, буде такое убѣжденіе дѣйствительно существуетъ: оно есть прямой результатъ взаимной розни и непониманія. Если предположить, что въ разсказахъ дезертировъ, всегда и вездѣ, какъ уже сказано, склонныхъ къ преувеличенію непріятныхъ сторонъ своего быта, находится хотя одна десятая доля правды, то и тогда, изъ разсказаннаго съ ихъ словъ, получается картина все-таки неприглядная, а именно: 1) внутренняя племенная рознь между людьми, съ которою ничею не подѣлаешь; 2) рознь религіозная между интолерантнымъ, по самому характеру своему, римско-католическимъ и православнымъ элементами, доходящая до полного непризнаванія даже наиболѣе честуемыхъ праздничныхъ дней послѣдняго, тогда какъ, напримѣръ, солдатамъ еврейскаго закона предоставлена въ этомъ отношеніи полная льгота; 3) недостатокъ духовнаго общенія и единства людей со своими ближайшими начальниками и 4) поддержаніе необходимой дисциплины только чисто внѣшними, формалистическими и довольно суровыми приемами. Значитъ, тутъ существуетъ одна только внѣшняя сплоченность, а внутренней связи — никакой. Такія войска, конечно, могутъ драться, какъ дрались нѣкогда кондотьеры итальянскихъ республикъ, ландскнехты Тридцатилѣтней войны, или вербовочная пѣхота Фридриха II, особенно если случайный успѣхъ будетъ сопровождать цѣлый рядъ ихъ дѣйствій. Ну, а при неуспѣхѣ?.. И въ особенности при первомъ же серьезномъ неуспѣхѣ противъ арміи, свѣдѣній о своемъ народномъ единствѣ и духомъ патриотизма, — тогда что?.. Не говоря уже объ Ульмѣ, достаточно вспомнить болѣе близкія къ намъ по временіи Сольфе-

рино и Садову, чтобы предугадать, чѣмъ иногда этотъ можетъ кончиться.

* * *

Жидовско-мадьярскія и польско-галицкія газеты то намеками, то напрямикъ считаютъ время отъ времени нужнымъ увѣрять «Европу» и насъ, что австро-венгерская армія полна энтузіазма и страстнаго нетерпѣнія помѣряться съ русскими и что въ душѣ каждого ея солдата кипитъ «святая ненависть» къ варварскимъ ордамъ «московитовъ». Люди, достаточно знакомые съ положеніемъ дѣла, увѣрили меня, что это совершеннойшій вадоръ. По ихъ свидѣтельству, никакой такой ненависти къ намъ у австрійскихъ солдатъ нѣтъ и не бывало, даже въ томъ случаѣ, если они изъ мадьярскихъ и польскихъ простолюдиновъ. У офицеровъ — другое дѣло. Между ними дѣйствительно встрѣчаются люди (преимущественно изъ мадьяръ, поляковъ и нѣмцевъ), ненавидящіе Россію всѣми силами души. Но это такъ понятно... Какой же, въ самомъ дѣлѣ, мадьярскій или польскій интеллигентъ, будь онъ во фракѣ или въ мундирѣ, относится къ намъ дружелюбно? Но даже и въ этомъ случаѣ нѣтъ правила безъ исключенія, какъ убѣдился я самъ въ Жучкѣ при первомъ же знакомствѣ своемъ съ офицерами польскаго происхожденія. И мнѣ кажется, что чѣмъ отчетливѣе въ сознаніи славянскихъ массъ разрѣшается роковой вопросъ о необходимости въ будущемъ борьбы съ нѣмцами въ защиту своей духовной и расовой самостоятельности, а также и въ польское общество чѣмъ болѣе проникаетъ за послѣднее время внутреннее сознаніе своего племенного сродства со славянищиной вообще, тѣмъ скорѣе эта его ненависть къ Россіи и русскимъ должна будетъ уступать свое мѣсто чувству общеславянской солидарности, и подобные примѣры, какъ тотъ, про который я говорю, — безъ сомнѣній, будутъ встрѣчаться все чаще и чаще. Что же до солдатъ, то тутъ, если вѣрять людямъ свѣдущимъ (а не вѣрять имъ я не имѣю поводовъ), дѣло стоитъ несравненно проще, потому что Австрія никогда съ Россіей не воевала, тяжелой руки ея на себѣ не испытывала, военное самолюбіе ея солдатъ отъ насъ не страдало, какъ отъ ихъ нынѣшнихъ союзниковъ-нѣмцевъ, а потому не съ чего у нихъ и зародиться «святой ненависти» къ русскимъ. Правда, темный солдатскій людъ имѣетъ о Россіи и русскихъ довольно смутныя понятія, и армія наша болѣе представляется ему въ фантастическомъ образѣ звѣроподобныхъ казаковъ и черкесовъ, которые жрутъ дѣтей наряду съ поросятами и никому не дають пощады своими нагайками, вслѣдствіе чего тѣ же солдаты нерѣдко пугаются нами жиденятъ и шинкарей-евреевъ, — «вотъ, погодите, молъ, придутъ уже москаля съ казаками, будетъ вамъ!» и изъ такой шуточной

угрозы, года три тому назад, какъ было слышно, даже цѣлое кляузное дѣло возникло, съ обвиненіемъ въ «Nochvegrath's», то-есть, ни болѣе ни менѣе, какъ въ государственной измѣнѣ,—но отсюда до «святой» и «непримиримой» ненависти очень еще далеко. Въ этомъ, повторяю, удостовѣряютъ насъ не одни только показанія дезертировъ, а и свидѣтельства болѣе солидныхъ за-кордонныхъ обывателей. Мы скорѣе возбуждаемъ въ нихъ любопытство, чѣмъ враждебность, которая всецѣло относится къ числу измышлений пештскихъ и краковскихъ борзописцевъ, основывающихъ свои заключенія на племенныхъ диатрибахъ какихъ-нибудь юныхъ корнетовъ и лейтенантовъ изъ числа своихъ «родіаковъ».

* * *

А что мирные обыватели приграничныхъ провинцій Австріи войны съ нами вовсе не желаютъ и бояться ея, какъ величайшаго для себя бѣдствія, что они, въ то же время, не полагаются на стойкость австро-венгерскихъ войскъ, то лучшимъ доказательствомъ тому служить слѣдующій примѣръ. Въ 1889 году, когда въ Каменецъ-Подольскій былъ поставленъ штабъ сводной казачьей дивизіи, при чемъ штабъ Кубанскаго полка расположился въ Хотинѣ, а двѣ сотни сего полка стали въ Новоселицѣ, то на австрійской сторонѣ поднялся большой переполохъ, просто паника. Воплемъ пронеслось по всей прилежащей за-кордонной округѣ: «Черкесы пришли!» — и вождѣ затѣмъ, разные арендаторы, пань-посессоры, корчмари и колонисты изъ евреевъ, армянь и нѣмцевъ стали спѣшно складывать свои пожитки, распродавать излишнюю скотину и инвентаръ, бросать свои хозяйства и удирать подалѣе отъ границы, а иные остроумно додумались даже до того, что предлагали свое добро и свои семьи переправить на нашу сторону: «у васъ-де сохранѣне будетъ». Въ первую минуту наши даже понять не могли, въ чемъ тутъ дѣло, изъ-за чего такая паника.

Оказывается, что все изъ-за «черкесовъ». — Какіе черкесы? гдѣ, что?

— Какъ, говорятъ, какіе? Въ Хотинѣ пришли и въ Новоселицу, а еще и въ другія мѣста, слышно, нагнали ихъ орды цѣлыя... жечь, рѣзать, грабить насъ будутъ,—у васъ намъ безопасно.

— Полкоте!—разувѣряютъ ихъ наши.—Никакихъ черкесовъ нѣтъ, это просто казаки. Такъ нѣтъ, куда тебѣ!—не вѣрять.

— Знаемъ мы этихъ казаковъ!—отвѣчаютъ на это нашимъ. —Хороши казаки!.. У казаковъ у вашихъ совсѣмъ другая форма, у казаковъ пики, а у этихъ нѣтъ.

— Ну, такъ то донскіе, что съ пиками, а эти терекіе и кубанскіе.

— Какіе тамъ еще терекіе!.. Все это вы намъ, смиреннымъ людямъ, только глаза отводи-

те! А затѣмъ же у нихъ такіа шапки и патроны на груди, и вся одежда черкесская?

— Затѣмъ, что форма така, —объясняютъ сомнѣвающимся.

— Нѣтъ, не вѣрять,—грѣхъ вамъ сосѣдей обманывать! Пропали теперь наши головы!..

И только тогда повѣрили, когда мѣстные австрійскія власти убѣдили ихъ, что это дѣйствительно казаки. Паника кончилась, а пань-посессоры, кунно съ нѣмцами колонистами, благополучно возвратились на свои насаженные мѣста, пеная за свои убытки не на собственную трусость и глупость, а на наше правительство, — затѣмъ-де оно позволяетъ носить крещенымъ людямъ такую азіатскую форму, которая только мирныхъ гражданъ пугаетъ и въ обманъ да въ убытки ихъ вводитъ! И замѣчательно, что во всемъ этомъ переполохѣ осталось совершенно спокойнымъ одно только сельское, то есть собственное крестьянское населеніе. Крестьяне были увѣрены, что если это даже и взаправду черкесы, то они имъ зла никакого не сдѣлаютъ, потому что «черкесы» эти крестятся по православному и говорятъ такимъ же точно малорусскимъ языкомъ, какъ и они сами.

* * *

Въ настоящемъ моемъ очеркѣ мнѣ не разъ приходилось ссылаться на австрійскихъ дезертировъ и ихъ рассказы. Чтобы показать въ оправданіе этихъ ссылокъ, каковы иногда бываютъ эти дезертиры, расскажу, кстати, одинъ характерный случай. Года четыре тому назадъ, на одинъ изъ нашихъ офицерскихъ постовъ пограничной стражи явился австрійскій юнкеръ, кандидатъ, выдержавшій уже экзаменъ на производство въ офицеры, и заявилъ себя дезертиромъ. По разговору и манерамъ было видно, что это человекъ скромный, благовоспитанный и достаточно образованный. Онъ объявилъ, что перебѣгаетъ къ намъ именно въ виду близкой войны (которая, вслѣдъ за пѣвѣнными воинственными рѣчами г. Кальноки и покойнаго Тиссы въ делегаціяхъ 1886 года, всѣмъ казалась у нихъ неизбежною), такъ какъ, будучи по происхожденію руснакомъ, не желаетъ сражаться, вопреки своей совѣсти и крови, противъ русскихъ. Пограничный офицеръ, не имѣя права долго держать перебѣжчика у себя на посту, отправилъ его въ ближайшій городъ, на распоряженіе подлежащей власти. Черезъ день или два явилось изъ-за кордона начальство юнкера убѣждать его возвратиться назадъ на службу, увѣряя, что все разыскаше за первый побѣгъ ограничится для него лишь непродолжительнымъ арестомъ въ карцерѣ. Тотъ не согласился, и начальство уѣхало ни съ чѣмъ. Но дѣло этимъ не кончилось. За-кордонныя власти, вслѣдъ за тѣмъ, потребовали формальнымъ образомъ его выдачи для слѣдствія, на томъ-де основаніи, что онъ обвиняется въ кражѣ

тридцати-двухъ гульденовъ, за которую, по международному договору, безусловно подлежать выдачѣ. При этомъ, въ подтвержденіе такого требованія, представлено было и постановленіе военной судебно-слѣдственной власти. Юнкеръ съ негодованіемъ отвергнулъ это обвиненіе, какъ глупую клевету, видя въ ней только іезуитскую уловку, чтобы во что бы ни стало добиться его выдачи, и объявилъ, что если его выдадутъ, онъ застрѣлится. Но дѣлать было нечего: законъ ясенъ, требуемая имъ формальность (т. е. судебно-слѣдственное постановленіе) исполнена, — и молодого человека пришлось вывести на переходный пунктъ, при полномъ съ нашей стороны внутреннемъ убѣжденіи въ его невиновности въ кражѣ. Австрійскій военный судъ приговорилъ его къ семилѣтнему одиночному заключенію, и онъ, по выслушаніи приговора, тутъ же пустилъ себя въ высокъ пулю.

Стало быть, не всегда же гонить къ намъ людей изъ-за границы одинъ только страхъ возмездія за какой-нибудь содѣянный проступокъ, но и побужденія совсѣмъ иного рода, заставляющія иногда человека пренебрегать болѣе или менѣе обзавѣченнымъ положеніемъ и хорошею впередъ карьерой, лишь бы только не оставаться въ несогласіи съ противорѣчія съ чувствомъ племенного сродства и собственной совѣстью.

А какъ вы думаете, наступитъ военное время, останется ли этотъ примѣръ единственнымъ?..

Достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить хотя бы слѣдующее обстоятельство. Весною 1887 года былъ проектъ, на случай войны съ Россіей, раздать населенію приграничныхъ округовъ оружіе, оказавшееся излишнимъ за перевооруженіемъ войскъ магазинною Манлихера, и бросить это населеніе бандами въ наши предѣлы. Проектъ, какъ слышно было изъ за-кордонныхъ же толковъ, исходилъ изъ высокопоставленныхъ польскихъ сферъ, и правительство на первыхъ порахъ отнеслось къ нему благосклоннымъ образомъ. Но австрійскіе руснаки стали открыто заявлять нашимъ, — а дѣлается это очень просто: разговоромъ черезъ Сбручъ, съ берега на берегъ, или въ Днѣстрѣ, во время водопоевъ и купаній, — что въ случаѣ, если будетъ война и начальство точно дастъ имъ ружья, то они всѣ поголовно перейдутъ на нашу сторону, только не за тѣмъ, чтобы драться. Такая тенденція дошла до начальства, — и господа австрійцы призадумались, вооружать ли имъ «рутенцевъ»...

Какъ мало, однако, согласно это съ нынѣшней «самостійною» программой господъ Романчука, Сѣчинскаго и К^о, которые мыслятъ свое национально-политическое бытіе и развитіе только подъ Австріей и внѣсть съ Австріей, въ единеніи съ польщиной, на почвѣ вѣрности Риму и Вѣнѣ и на полномъ отчужде-

ніи отъ русскаго народа, да еще грозятъ намъ, въ случаѣ войны, поретянуть въ свой лагерь всю нашу Украину, Малороссію и весь югъ, до Чернаго моря, уповаю, что этотъ «двадцати-пяти-милліонный народъ» съ радостью пойдетъ вслѣдъ за ними подъ австріака и будетъ наилучшимъ буферомъ между европейскою цивилизаціей и нашимъ восточно-православнымъ варварствомъ! — Жизнь, однако, свидѣтельствуется совершенно противное этимъ мертворожденнымъ вождѣльямъ Романчуковъ и Сѣчинскихъ, и вотъ тому нѣсколько примѣровъ, которые сами собою напрашиваются съ суда, вспоминаясь мнѣ еще изъ прежнихъ моихъ путешествій вдоль австро-русской границы.

За-кордонные крестьяне, приходя иногда къ намъ, съ большимъ участіемъ и интересомъ разспрашиваютъ, что дѣлается «у насъ» въ Москвѣ и въ Кіевѣ? Иначе они и не выражаются, какъ «у насъ» въ Россіи, и царя называютъ «нашимъ», т. е. своимъ царемъ. Когда же имъ при этомъ напоминаютъ, что нашъ царь — не ихъ, что у нихъ есть свой царь въ Вѣнѣ, они ухмыляясь отшучиваются, что это такъ только *пока*, до времени, а что истинный царь ихъ сидитъ въ Россіи, въ Москвѣ. Замѣчательно, что про Петербургъ никто изъ нихъ никогда не помнитъ, какъ точно бы они и не знали о его существованіи; но Кіевъ и Москву знаютъ рѣшительно всѣ и считаютъ послѣднюю своею истинною столицею. Когда въ одно изъ пограничныхъ нашихъ селеній пріѣхалъ однажды, въ 1886 году, Каменецкій епископъ освящать новую церковь, изъ-за кордона привалило на торжество освященія тысячъ пить разодѣтаго по-праздничному народа. Въ виду такого наплыва, администрація наша разрѣшила на сей день свободный пропускъ въ село, до предѣловъ его околицы, и когда нѣкоторые изъ этихъ гостей спрашивали, зачѣмъ они пришли, тѣ объясняли, что пришли-де посмотреть на «нашего» архіерея и послушать своего богослуженія во всемъ его великолѣпіи, какого «у насъ», за кордономъ, не бываетъ, потому что царь-де не нашей вѣры и ему все равно, сілетъ она или пропадаетъ. — «Вотъ, говорили они, — кабы былъ у насъ свой царь «съ Москвы», были бы и у насъ такія хорошія церкви». Чтобы это послѣднее заявленіе стало болѣе понятнымъ, слѣдуетъ замѣтить, что на австрійской пограничной территоріи повсюду, за исключеніемъ мѣстечка Скалы, гдѣ прекрасная каменная уніатская церковь, является вамъ поразительный контрастъ, въ видѣ великолѣпнаго каменнаго костела и, рядомъ съ нимъ, убогой, покосившейся отъ ветхости деревянной церковки, которую и ремонтировать нельзя прихожанамъ, даже на собственные средства, безъ особаго разрѣшенія со стороны мѣстнаго пана-помѣщика и австрійской администраціи, что всегда сопря-

жено со всевозможными оттяжками и затруднениями. Во всѣхъ этихъ затрудненияхъ и волокитахъ, подъ какими бы предложениями они ни являлись, всегда проскальзываетъ негласная задняя мысль, что пускай-де церковь ветшаетъ и заваливается: поскорѣ рухнетъ, а чѣмъ меньше ихъ будетъ, хотя бы и униатскихъ, тѣмъ лучше. И дѣйствительно, намъ указывали на много примѣровъ, что если въ какомъ селѣ поторпѣть или разрушится униатская церковь, то тамъ уже очень трудно добиться разрѣшенія на постройку новой; но зато на ея мѣстѣ легче легкаго, при извѣстномъ стараніи богатаго пана-помѣщика и окружной польской шляхты, вырастаетъ хорошій, большею частию каменный, костелъ, и затѣмъ, самымъ фактомъ его появленія униатскій приходъ упраздняется, священникъ оставляется за штатомъ или переводится на другое вакантное мѣсто, а при костелѣ водворяется католическій кеендзь.—И такимъ-то вотъ образомъ мѣстные крестьяне волей-неволей должны обращаться къ нему за всѣми требамъ и начинаютъ, за неимѣніемъ или отдаленностію церкви, ходить въ костелъ, а мѣстная администрація въ отчетахъ своихъ регистрируетъ ихъ уже не униатами, а прямо католиками, хотя сами они зачастую и не подозреваютъ этого.

Но возвращаясь къ своимъ примѣрамъ. Однажды весною 1887 года, къ одному изъ нашихъ пограничныхъ чиновниковъ является за-кордонный крестьянинъ-старикъ и проситъ снабдить его пропускнымъ свидѣтельствомъ «ажъ до самой Москвы, — хѣчу-де нашего царя побачиты» (повидать).

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваютъ его въ таможнѣ.

— Треба! отвѣчаетъ онъ съ увѣренностію твердаго убѣжденія.—Душо треба! Хѣчу пасти ему въ ноги та сказаты, шо всее гѣди! (довольно!). Чого винъ соби думае? Чого не вызволяе насъ спидъ австріяка?! Хяба жъ мы ему не такі сами хрестьяны, якъ и свои?.. Гѣдя вже, кажу! Бо намъ вже млѣдно (тошно) такъ бидоваты... жидъ одолитъ, нанѣ одолить, посессѣры, жандары, нѣмці... та-й Боже жъ мой Господи!.. И не видкиль ни якоп защиты!.. Може, полегчае, якъ до царя пожурилося... Нехай же знае винъ, шо тутъ діється!

При дальнѣйшихъ объясненіяхъ относительно практической сути предполагаемаго путешествія, то-есть чего собственно желаетъ старикъ добиться, оказалось, что еще дѣды, молъ, ждали, что «царь съ Москвы» дастъ приказъ «приплсать ихъ къ Россіи», а намъ-де уже не въ-моготу, и дольше мы ждать «не согласны», такъ вотъ и хотимъ отъ всей «громады», отъ всѣхъ нашихъ сельчанъ просить царя, чтобы не откладывалъ дольше своего царскаго приказа насчетъ приплски. Грустно было разочаровывать старика, но нечего дѣлать, при-

шлось объяснить ему, что такая просьба принята быть не можетъ и что никакихъ пропусковыхъ свидѣтельствъ ни до Москвы, ни до другихъ внутреннихъ мѣстъ у насъ не существуетъ и выдать ему никто не имѣетъ права. Старикъ выслушалъ все это съ большимъ сомнѣніемъ и ушелъ, грустно поупривъ голову, очевидно убѣжденный, что ему не то-что не могутъ, а просто не хотятъ выдать свидѣтельство. Лицо, передававшее мнѣ этотъ случай, полагаетъ, что старикъ рано или поздно, такъ или иначе, непременно постарается пробраться до Москвы и исполнить свое заветное желаніе: «бо такъ вся громада хоче».

Еще одинъ примѣръ, маленькій, но очень характерный. Въ одномъ изъ пограничныхъ мѣстечекъ, въ базарный праздничный день, встрѣчается съ однимъ изъ нашихъ пограничныхъ офицеровъ за-кордонный священникъ, приѣхавшій по легитимационному билету за какими-то своимъ дѣломъ. Встрѣтились они въ домѣ у мѣстнаго священника за закуской, познакомились и разговорились. Улучивъ минуту, за-кордонный гость отводитъ офицера къ окну и спрашиваетъ его нѣсколько пониженнымъ и многозначительнымъ тономъ:

— Ну, что, когда же къ намъ, наконецъ?.. Скоро ли?

Офицеръ вначалѣ даже не совсѣмъ понялъ этотъ вопросъ и, относя его къ самому себѣ, сказалъ, что скоро ли,—не знаетъ, такъ какъ быть за границей не имѣетъ пока надобности.

— Э, да и не о васъ собственно!—возразилъ священникъ.—Я разумію васъ вообще, то-есть русскихъ... Скоро ли русскіе-то къ намъ пожалуютъ?

Тотъ одно только и могъ отвѣтить, что это больше всего зависитъ отъ самихъ австрійцевъ: доведутъ насъ до войны, такъ пойдѣмъ а сами зачинать ее, кажись, не намѣрены.

— Господи Боже мой!—укоризненно покачалъ головою священникъ.—Ужели-жъ опять ждать приходится?! Да докогда-жъ, наконецъ?! Дѣды ждали—не дождались, батьки ждали—не дождались. Ужели-жъ и мы не дождемся?.. И удивительное, право, это дѣло!—развелъ огъ руками.—Берете вы себѣ разные Ахаль-Текке, берете Мервы всякіе, чуть не всю Среднюю Азію покоряете, а тутъ вдругъ подъ бокомъ у васъ коренная русская земля, наслѣдіе святаго Владимира, Русь Червлена, дѣдьяна вапа, и вы оставляете ее истлѣвать подъ чужеземцемъ... Зачѣмъ?.. Ну, подумайте, зачѣмъ это?.. Вѣдь не хорошо... право же, не хорошо!.. Нѣмцы, и тѣ на васъ удивляются!..

Въ этомъ, нѣсколько наивномъ и добродушномъ упрекѣ слышится, однако же, крикъ наболѣвшей души. Это упрекъ, посылаемый намъ всею почвенною Галицкою Русью, на которую давно уже со всѣхъ сторонъ напираетъ атака враждебныхъ силъ, гдѣ работаютъ за-одно и

свои хохломаны, и поляки, и жида, и нѣмцы, и мадьяры... До сихъ поръ за-этотъ народъ только и стояли его помы, но увя!—есть уже и между ними священники подобные о. Сѣчинскому, мечтающему о превращеніи малорусскаго народа въ политическій буферъ западной цивилизаціи противъ Россіи, или же такіе, которые въ своемъ домашнемъ быту иначе не говорятъ, какъ по-польски или по-нѣмецки, читаютъ исключительно польскія или нѣмецкія газеты, весь складъ своей жизни устроили либо на польскій, либо на нѣмецкій ладъ. Это все уже нездоровые признаки, показывающіе, что борьба за свою народность начинаетъ уступать шагъ за шагомъ дружному напору враговъ; но *почва* все еще держится, все еще ждетъ и надеется; она еще сопротивляется своимъ упорнымъ, хотя и пассивнымъ терпѣніемъ, и съ упованіемъ смотритъ на одну только Россію. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, это чисто стихійное тяготѣніе *мужицкой* галицкой и буковинской Руси къ Россіи, — тяготѣніе, котораго дѣйствія не могутъ задушить въ ней всѣ ухищренія польской и швабской културы и интриги.

Въ Черновцахъ.

... Въ пять часовъ пополудни мы прибыли въ православную митрополию и не встрѣтили препятствій къ осмотру ея достопримѣчательностей. Есть слухи,—не знаю, впрочемъ, насколько справедливые,—будто личный составъ митрополіи, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній и подозрѣній со стороны мѣстной администраціи, стѣсняется вступать, безъ разрѣшенія послѣдней, въ какія бы то ни было соотношенія съ за-кордонными русскими, а тѣмъ болѣе съ людьми интеллигентными и чиновными, — по пословицѣ: дальше моря, меньше горя. Если это такъ, то очень возможно, что прежде, чѣмъ допустить насъ въ стѣны митрополіи, тамъ сочли нужнымъ справиться на этотъ счетъ съ мнѣніемъ «Landspräsident'a»; и быть можетъ, именно этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить оттяжку на нѣсколько часовъ нашего приѣма. Но я на этотъ разъ мы видѣли только стѣны да одного короннаго чиновника, служившаго намъ путеводителемъ, а саміи митрополитомъ всетаки приняты не были, и даже изъ митрополитскаго духовенства ни одинъ человѣкъ не показался намъ на глаза, пока мы тамъ были. Это совсѣмъ какъ давеча въ Жучкѣ. Показали все, и цейхгаузъ, и казармы, кромѣ солдатъ; такъ и здѣсь—все, кромѣ живого человѣка.

Что сказать о митрополіи?.. По внѣшности, вся эта грандіозность и блескъ громко свидѣтельствуютъ вамъ за процвѣтаніе этого учрежденія и подвѣдомой ему паствы. Толкуютъ

объ угнетеніи... Но гдѣ жъ оно?—Взгляните на эти роскошныя дворцы, на эти высокія башни, пылкіе купола, красивыя колокольни, на эти сіяющіе золотомъ кресты, царственно вознесенные на нихъ въ высоту синяго неба,—и вы, который никакъ не ожидали ничего подобнаго,—вы, съ невольнымъ недоумѣніемъ оглядываясь вокругъ себя, зададите полный смущенія вопросъ: — да гдѣ же, скажите на милость, во всемъ этомъ угнетеніе? гдѣ та приниженность восточной «схизмы» предъ торжествующимъ западнымъ католицизмомъ, о которой не разъ мы слышали у себя дома, въ чемъ все это выражается?..

Не приниженность, не угнетеніе, а торжество православія, — вотъ что, на первый взглядъ, выражаетъ собою вся эта митрополія во всемъ своемъ благолѣпіи. Таково первое впечатлѣніе, и такъ непремѣнно долженъ будетъ подумать всякій свѣтскій, впервые появившійся здѣсь человѣкъ, въ особенности, если онъ ограничится одними лишь поверхностными наблюденіями. Я и самъ, грѣшный человѣкъ, думалъ-было такъ-же. Но... одно дѣло —внѣшность, другое—то, что подъ нею. Эта медаль тоже имѣетъ свою обратную сторону, и къ ней-то мы теперь и обратимся.

* * *

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ описанію видѣннаго нами въ этомъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательномъ учрежденіи, я нахожу не лишнимъ сообщить нѣсколько историческихъ свѣдѣній о судьбахъ буковинскаго православія и о томъ положеніи, въ какомъ оно находится въ настоящее время.

Буковинская Русь, какъ я Русь Угорская, и Русь Червленая, приняла святое крещеніе вмѣстѣ съ Русью Киевскою и Новгородскою, отъ князя «всехъ Русъ» Владиміра Святаго, какъ часть, входившая въ составъ его государства. Были я говорилъ уже, что буковинцы, вмѣстѣ съ угро-руссами, галичанами и народами Подолія и Бессарабіи (тиверцами и угличанами), считаютъ своимъ духовнымъ просвѣтителемъ именно этого Равно-апостольнаго князя. Понятно поэтому, что, въ силу историческихъ и племенныхъ причинъ, не могло не существовать нравственнаго тяготѣнія и возможнаго общенія между церквами буковинскою и всероссійскою. Отчлененная въ XIV вѣкѣ отъ общаго своего племеннаго отечества, Буковина попадаетъ изъ-подъ кратковременнаго польскаго владычества подъ власть единовѣрныхъ ей господарей Молдавіи, которые, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ, молились на томъ же церковно-славянскомъ языкѣ, и такимъ образомъ, духовное общеніе и нравственныя связи ея съ православною Россіей не прекращались, несмотря на разность ихъ дальнѣйшихъ историческихъ судебъ. Если Молдо-Валахія съ Буковиной попала впослед-

*

ствін подь владычество турокъ, то и въ этомъ, надо сознаться, не было худа безъ добра. Не касаясь религiи покоренныхъ народовъ и не старая ихъ національныхъ красокъ, турецкое владычество, уже однимъ тѣмъ, что оно простирало свою, въ то время мощную, руку на эти страны, помогло имъ уберечься отъ напора римскаго католицизма съ его унией, жертвою коей стала вся западная Русь, подь владычествомъ Польши.

Со времени распаденiя самостоятельнаго княжества Галицкаго (1336) церковныя дѣла Буковины были подвѣдомы архіепископу охридскому (въ Болгарiи), который соединялъ въ своей власти управленiе церквами болгарской и молдавской. Но съ 1402 года Буковина подчинилась уже, въ церковномъ отношенiи, митрополiн сочавской, учрежденной незадолго до того княземъ Молдавіи Александромъ Добрымъ, сумѣвшимъ добыть молдавской церкви независимость отъ охридской митрополiи и сдѣлать ее самостоятельною, а затѣмъ, съ 1630 года—митрополiи яской, на томъ основанiи, что архіепископское управленiе въ означенномъ году было перенесено изъ Сочавы въ Яссы. Буковинская епархiя была основана тоже въ 1402 году тѣмъ же княземъ Александромъ Добрымъ, современникомъ нашего московскаго великаго князя Василiя Дмитриевича, сына Донскаго, и первоначально епископская кафедра для буковинскихъ архіереевъ была утверждена въ мѣстечкѣ Радонцѣ, почему они и начали съ того времени титуловаться епископами радовецкими, сохранивъ этотъ титулъ даже по перенесенiи кафедры въ 1781 году изъ Радовца въ Черновцы.

Нравственный связь между буковинно-молдавскою и русскою церквами поддерживались прежде всего единымъ, общимъ для нихъ, церковно-славянскимъ языкомъ, который въ тѣ времена былъ въ Молдавіи языкомъ не только церковнымъ, но и государственнымъ, какъ свидѣлствуютъ юридическіе и дипломатическіе акты, и даже разговорнымъ языкомъ высшаго общества и всѣхъ образованныхъ людей *).

Кромѣ того, духовныя лица буковинно-молдавской церкви занимали иногда вліятельныя мѣста въ церкви русской, и наоборотъ. Такъ, митрополитъ кievскiй Григорiй Цымбалакъ (1416—1419) былъ прежде настоятелемъ молдавскаго Нямецкаго монастыря; митрополитъ кievскiй Петръ Могила, сынъ господаря молдавскаго Симеона Могилы, началъ свое духов-

ное поприще также въ Молдавіи, когда дядя его, Георгiй Могила, былъ епископомъ радовецкимъ. Въ буковинскомъ монастырѣ Сочавицѣ, въ церкви Воскресенiя Христова, на сѣверной стѣнѣ храма, до сихъ поръ цѣлы портреты Петра Могилы, во весь ростъ и въ полномъ свѣтительскомъ облаченiи. Плѣненный въ 1686 году поляками, молдо-влахiйскiй митрополитъ Досіеѣй, по освобожденiи изъ плѣна, переселился въ Москву и тамъ кончилъ свою жизнь. Во второй половинѣ прошлаго вѣка, въ монастырѣ Драгомириѣ былъ настоятелемъ и тамъ же принялъ схиму русскiй монахъ и духовный писатель Паисiй Величковскiй, сынъ полтавскаго городского протоіерея, который обновилъ и утвердилъ здѣсь чинъ общежитiя по уставамъ св. отцовъ и въ самомъ богослуженiи ввелъ уставъ св. горы Аѳонской. Настоятельство его продолжалось до самаго присоединенiя Буковины къ Австріи, когда о. Паисiй, не желая оставаться подь владычествомъ иновѣрной державы, переселился въ 1775 году, почти со всею драгомирянскою братією, въ Молдавію, гдѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ монастырей Нямецкаго и Сѣкуловскаго. Еще при жизни его (†1794 г.) слухъ о его благочестiи и духовной мудрости пронесся далеко въ предѣлы Россiи, и многіе русскіе стали стекаться къ нему въ Драгомириу, для усовершенствованiя себя подь его рукоподствомъ въ «духовномъ дѣланiи»; по возвращенiи же своемъ на родину, эти же самые ученики отца Паисiя въ свою очередь явились насадителями духовной жизни въ различныхъ краяхъ нашего отечества *). Въ томъ же Драгомирянскомъ монастырѣ долго подвизался въ прошломъ столѣтiи нашъ соотечественникъ, старецъ Клеона, получившiй впоследствии настоятельство въ Введенской Островской пустыни (Владимирской губ., Покровскаго уѣзда). Точно также и русскіе государи не забывали своими пожертвованiями и дарами монастыри буковинскіе. Въ Сочавицѣ, напримѣръ, до сихъ поръ хранится, какъ священныя залогъ духовнаго общенiя съ Россiей, богослужебный осьмиконечный золотой крестъ, съ драгоценными каменьями, пожертвованный въ 1680 году царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ: Хоречскiй монастырь, подь Черновцами, былъ возобновленъ на средства, пожертвованныя императрицею Екатериною II; по ея же приказанiю въ 1773 году былъ отлитъ для сего монастыря новый большой колоколъ на мѣтномъ дворѣ, устроенномъ русскими войсками и на лѣвомъ берегу Прута,

*) Возрожденiе между румынами ихъ отечественнаго языка началось лишь въ половинѣ XVII вѣка, когда на Яскомъ соборѣ 1642 года впервые было опредѣлено совершать литургiю на языкѣ румынскомъ, который съ тѣхъ поръ и началъ мало-по-малу вытѣснять собой славянскiй, языкъ изъ богослуженiя. (В. П. Мордвиновъ, стр. 97).

*) „Жизнь и писанiя старца П. Величковскаго“ изданы были у насъ въ Россiи изданiемъ Козельской Оптиной пустыни въ 1847 г. Въ числѣ его трудовъ есть также много переводовъ духовныхъ сочиненiй, изданныхъ въ Москвѣ (В. П. Мордвиновъ, стр. 122).

во время первой турецкой войны; къ ней же обратились въ 1769 году жители Молдавіи и Буковины съ коллективнымъ прошеніемъ о содѣйствіи къ возвращенію имъ изъ Жолкена мощей св. великомученика Іоанна Цового, илѣненныхъ поляками во время нападенія Яна Собѣскаго на Молдавію. Всѣ эти факты достаточно показываютъ, что духовное общеніе и нравственныя связи Буковины съ Россіей никогда не прекращались, да даже и въ настоящее время богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ выписываются буковинскими церквами изъ Києво-Печерской лавры, а въ 1870 г. получено было для Буковины и св. миро изъ Києва, куда нарочно ѣздилъ за нимъ братъ тогдашняго буковинскаго архіерея Евгенія, священникъ Николай Гакмакъ (русскій).

Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, когда Австрія, не воевавшая съ турками, предъявила вдругъ притязанія на смежную со своими владѣніями часть Молдавіи, и Порты, не желая вступать въ новую войну, согласилась въ 1775 году на эту уступку, предоставивъ Буковину въ вѣчное владѣніе Габсбургскому дому, то вмѣстѣ съ радовецкою, искони русскою, епископіею отошла къ Австріи и нѣкоторая часть искони румынскихъ епископій, романской и хушской, каковая часть, въ силу этого, и стала въ подчиненіе къ епископу радовецкому. Такимъ образомъ получилась та національная двойственность, въ лицѣ русскаго и румынскаго элементовъ, которая и до сихъ поръ составляетъ особенность черновицкой каедрѣ.

Церковная самостоятельность буковинскаго епископа продолжалась однако лишь до 1783 года, когда австрійское правительство нашло болѣе удобнымъ поставить его по вопросамъ догматическимъ и чисто церковнымъ (*in dogmaticis atque spiritualibus*) въ зависимость отъ митрополита Карловацкой, простиравшей въ то время, по распоряженію правительства, свою власть на всѣхъ православныхъ подданныхъ Австріи. Но вслѣдствіе раздѣленія самой Австріи на цне-и транслейтанскую половины, румыны этой послѣдней, населяющіе Венгрію и Семиградію, были въ 1869 году вполне отдѣлены по церковнымъ дѣламъ отъ карловацкаго митрополита, и для нихъ образована особая, чисто румынская, митрополія, составившаяся изъ трехъ енархій: германштадтской, арадской и парансебашской, а за карловацкимъ митрополитомъ оставлена власть лишь надъ епископскими каедрами: будимскою и новосадскою въ Венгріи, темешварскою и вершецкою въ Банатѣ, пакрачскою въ Славоніи и карлштадтскою въ Кроаціи, т. е. исключительно надъ славянскими племенами Транслейтаніи. Вскорѣ послѣ этого правительство нашло цѣлесообразнымъ изъять изъ зависимости карловацкаго митрополита и

все то праславное славянское населеніе, которое принадлежитъ политически къ цислейтанской половинѣ, съ тѣмъ, чтобы образовать для него третью самостоятельную митрополію. Выборъ правительства палъ въ этомъ случаѣ на буковинскую епископію, которая и была возведена въ началѣ 1873 года на степень митрополіи, съ подчиненіемъ ей двухъ далматинскихъ енархій - задорской и боко-каторской, несмотря на то, что Буковина лежитъ на восточной, а Далмація на юго-западной окраинѣ имперіи. Такимъ образомъ, и въ этомъ искусственномъ расчлененіи единой православной митрополіи Австріи на три самостоятельныя части, равно какъ и въ соединеніи подъ одну духовную власть двухъ окраинныхъ и разноплеменныхъ территорий, раздѣленныхъ между собою географически значительнымъ пространствомъ, обуславливающимъ какъ медленность сношеній, такъ и необходимость управленія одною изъ нихъ различнымъ образомъ, — сказывается все тотъ же основной государственный принципъ австрійской политики: «*divide et impera*».

Первымъ митрополитомъ буковинскимъ былъ назначенъ черновицкій епископъ Евгеній Гакмакъ, по происхожденію русскій, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но онъ умеръ раньше своего поставленія ¹⁾. На его мѣсто былъ возведенъ конвенторскій архимандритъ Теофілъ Бенделла, родомъ грекъ, скончавшійся въ 1875 году, а по немъ Теофістъ Блажевичъ, русскій, управлявшій митрополіей всего четыре года. Наконецъ, съ 1880 года занимаетъ митрополію каедрѣ Сильвестръ Мораръ, которому теперь 72 году отъ роду. Онъ сынъ сельскаго священника Андрея Морара, учился съ отличными успѣхами въ Черновцахъ и, по окончаніи богословской школы, былъ рукоположенъ въ 1843 году во священника, въ село Чахаръ, гдѣ съ особою ревностію исполнялъ пастырскія обязанности въ теченіе двадцати лѣтъ, пока не помѣстили его въ 1862 году въ Черновцы, на должность члена консисторіи. Овдовѣвъ еще въ началѣ своего пастырскаго служенія, отецъ Сильвестръ постригся въ монашество только въ 1874 году и черезъ три года послѣ этого былъ возведенъ въ санъ конвенторскаго архимандрита, въ каковомъ званіи и состоялъ до наименованія его митрополитомъ буковинно-далматинскимъ.

* * *

При переходѣ Буковины подъ власть Австріи, въ ней состояло 186 приходовъ и 28 монастырей, въ томъ числѣ 4 женскихъ, которые, въ совокупности, владѣли 260-ю помѣстьями, да кромѣ того, 7 помѣстій составляли достояніе собственно радовецкаго архіерейскаго дома.

¹⁾ Держалъ епископскую каедрѣ въ Черновцахъ съ 1835 года, въ теченіе 38-ми лѣтъ.

Всѣ эти приходы, монастыри, ихъ имѣнія и угодья, записанныя въ разные времена и разными благочестивыми жертвователями, учтены, какъ и вся вѣоприсоединенная область, подъ специальнымъ вѣдѣніемъ высшаго военнаго совѣта, пресловутаго въ свое время «гофкригсрата», который первымъ же дѣломъ занялся проектомъ коренной реформы буковинскаго духовенства и его быта. Плодомъ этихъ занятій былъ сочиненный военными генералами «Духовный регламентъ» (*«Anordnung zur Regulierung des Geistlichen, Kirchen und Schulwesen in der Bukowina»*), подписанный императоромъ Іосифомъ II 26-го апрѣля 1786 года, но нигдѣ и никогда не напечатанный, а лишь сообщенный къ руководству и исполненію буковинскому административному и духовному начальству, — точно бы правительство стѣснялось почему-то опубликовать его во всеобщее свѣдѣніе! — Этотъ-то регламентъ, въ главныхъ своихъ положеніяхъ, служилъ основаніемъ устройства православной церкви въ Буковинѣ и по настоящее время ¹⁾. Нѣкоторыя основныя черты его чрезвычайно любопытны по своей характерности въ спеціально «австрійскомъ» смыслѣ, такъ что съ ними стоитъ познакомиться поближе.

Прежде всего, напримѣръ, регламентъ озабоченъ изъять монастырскія и вообще духовныя, движимыя и недвижимыя, имѣнія, равно какъ и всѣ наличныя денежныя суммы, изъ непосредственнаго пользованія ихъ прямыхъ собственниковъ — монастырей, приходовъ и другихъ духовныхъ учреждений. Изъ всего этого достоянія былъ образованъ правительствомъ одинъ общій епархіальный или, по мѣстному названію, «религіиный» фондъ (*«Religionsfond»*), доходы съ котораго должны были обращаться исключительно на нужды церкви, духовенства и училищъ. Самый же фондъ и право распоряженія онымъ по собственному усмотрѣнію правительство взяло въ свои руки; точно также управленіе имѣніями этого фонда, а равно опредѣленіе чиновниковъ и лицъ (вотъ это-то главное!) на должности по ближайшему и непосредственному завідуванію ими имѣніями оно предоставляло, какъ и нынѣ предоставляетъ, исключительно самому себѣ. Такимъ образомъ, тѣ изъ 267 помѣстій, которыя оказались вѣдѣ предѣловъ Австрійской имперіи, правительство распорядилось продать, съ обращеніемъ вырученныхъ изъ продажи денегъ въ основную капиталъ епархіальнаго фонда; помѣстья же, оставшіяся въ Буковинѣ, привало въ свое управленіе.

¹⁾ Желаящимъ подробно и всесторонне ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ законоположеніемъ рекомендуемъ обратиться къ прекрасному изслѣдованію В. П. Мордвинова «Православная церковь въ Буковинѣ» (изд. 1874 г. Сиб.), изъ коего и заимствованы нѣкоторыя, приведенныя далѣе, свѣдѣнія.

За спмъ, иноческія обители, существовавшія въ буковинской епископіи, какъ мужскія, такъ и женскія, носившія названія монастырей и скитовъ и существовавшія по триста, четырехъ, пяти и болѣе лѣтъ, какъ разсадники и укрѣпители въ народѣ православія, были прямо и навсегда упразднены, за исключеніемъ трехъ мужскихъ монастырей: Путы, Сочавицы и Драгомирицы, которымъ дозволено сохранить свое существованіе и впредь, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ было монашествующей братіи отнюдь не болѣе двадцати-пяти человѣкъ, считая въ томъ числѣ одного игумена и одного викарія (гл. II, §§ 9, 10). Мотивы для такой мѣры приведены въ «регламентѣ», повидному, самыя «благочестивыя» и притомъ «просвѣщенно-либеральныя». Сдѣлано это для общаго добра жителей страны и самого духовенства, дабы монастыри не служили притоками тунеядцевъ, въ ущербъ необходимымъ потребностямъ другихъ общественныхъ установленій, а были бы мѣстомъ, гдѣ престарѣлые и болѣзненные священники, безъ заботъ о собственномъ кровѣ и пропитаніи, могли бы посвятить остатокъ дней своихъ Богу, проводя ихъ въ благоговѣйной молитвѣ, и тѣмъ самымъ служили бы назидательнымъ примѣромъ для мірянъ. Въ виду этихъ-то заботъ о спасеніи душъ престарѣлыхъ священниковъ, дабы не отвлекать ихъ отъ молитвы ничѣмъ земнымъ, правительство воспретило тремъ пощаженымъ имъ монастырямъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, занятіи торговлею (даже душепопечительными книжками, образками, крестиками и т. п.), винодѣліемъ (допущеннымъ однако въ монастыряхъ католическихъ), скотоводствомъ, огородничествомъ, земледѣліемъ и т. п., предваривъ, что всякая ихъ сдѣлка по такимъ предметамъ признается закономъ недействительною (§§ 33, 39), равно какъ и пріобрѣтеніе какого бы то ни было имущества покупкою, дареніемъ, по духовнымъ завѣщаніямъ и всякимъ вообще, установленнымъ въ законѣ, способами для пріобрѣтенія имущества (§ 34). Въ этомъ воспрещеніи подразумѣваются не однѣ только земельныя и вообще недвижимыя - имущественныя пріобрѣтенія, — нѣтъ, тутъ хвачено гораздо шире: «какія бы то ни было» и какимы бы то ни было способомъ доставшіяся. Стало быть, подъ такое властическое опредѣленіе можно подвести что угодно: церковныя вещи, утварь, облаченія и т. д., словомъ, все, что ни пожелаешь бы добродѣтельный датель пожертвовать въ пользу той или другой обители. На основаніи этого закона, даръ царя Θεодора Алексѣевича, напримѣръ, не могъ бы быть принятъ никакимъ буковинскимъ монастыремъ; императрица Екатерина II не имѣла бы права жертвовать капиталъ на постройку той или другой буковинской оби-

тели или дарить им колокола, а если бы и пожелала, то желание ея было бы дипломатическим образом отклонено ссылкой на существующий закон. Если же императоръ Александръ I и позволялъ себѣ,—конечно по невѣдѣнію этого закона,—пожертвовать на Хоречскую церковь нѣсколько сотенъ червонцевъ, то деньги эти, безъ вѣдома августѣйшаго жертвователя, на основаніи того же закона (§ 34), были немедленно препровождены настоятелемъ церкви въ «Landesregierung», для приобщенія ихъ къ «Religionsfond'u». Этотъ австрійски-мудрый законъ, въ сущности, затѣмъ и установленъ, чтобы отвратить буквинское духовенство отъ «дурной привычки» обращаться въ трудныхъ церковныхъ обстоятельствахъ взоры свои на единовѣрную и единокровную Россію и ждать себѣ помощи отъ ея государей и народа. Замѣчу мимоходомъ, что, на основаніи этой самой тенденціи, не былъ и въ прошломъ году допущенъ даровой русскій хлѣбъ въ голодающую Галичину.

Воспрещалось (и воспрещается) также принимать въ монастыри лицъ, получившихъ постриженіе въ предѣлахъ австрійскаго государства, и монаховъ иностранныхъ, а также лицъ, которые однажды были уже въ бѣгахъ (§ 51). Эта мѣра была направлена къ тому, чтобы пресѣчь для буквинскихъ монастырей возможность дальнѣйшаго общенія ихъ съ заграницнымъ — преимущественно, разумѣется, русскимъ,—иноческимъ міромъ, а сношенія и общеніе это, какъ мы уже видѣли, были и не малы и вліятельны: достаточно вспомнить Петра Могилу, съ одной, и Паисія Величковскаго—съ другой стороны, не говоря уже о прочихъ. Что же касается до упоминанія о лицахъ, бывшихъ однажды въ бѣгахъ, то ясно, что тутъ имѣлись въ виду именно отецъ Паисій и та часть братіи Драгомирскаго монастыря, что ушла вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавію, не желая оставаться подъ австрійскимъ владычествомъ.

Но главнѣе всего воспрещалась монашествующимъ лицамъ проповѣдническая, научная и педагогическая дѣятельность, которая, напротивъ, столь поощряется тѣмъ же правительствомъ въ монастыряхъ католическихъ. Для этого «Духовный регламентъ» счелъ нужнымъ далѣе разъяснить, что «назначеніе монашества—отнюдь не пастырское служеніе, или занятія науками и обученіемъ юношества, а исключительно отправленіе богослуженія и молитва» (§ 4), поэтому монашествующіе освобождаются «отъ всякихъ свѣтскихъ занятій» (§ 32).—Какая, подумаешь, заботливость о томъ, чтобы, подъ видомъ облегченія путей ко спасенію души, устранить на самомъ дѣлѣ всякое просвѣтительное вліяніе монастырей на воспитаніе юношества въ православнои и національномъ духѣ и лишитъ

даже самихъ монаховъ возможности научнаго самопросвѣщенія и воздѣйствія на богомольцевъ живымъ словомъ духовной проповѣди. Да даже и самыя проповѣди могли быть пропозисимы лишь приходскимъ духовенствомъ, и не иначе, какъ по Руководству къ катехизическимъ поученіямъ, изданному по опредѣленію Карловацкаго собора 1774 года (глава I, §§ 24, 27, 30). Это называется «свободою церковной проповѣди».

«Строжайше» были воспрещены также и сборы (кошельковые, тарелочные, кружечные и всякіе иные) добродѣтельныхъ подаяній на нужды церквей и монастырей, «безъ предварительнаго испрошенія на то дозволенія гофкригерата»; взимать сихъ сборовъ и всего отобраннаго монастырскаго достоянія правительствомъ положило на содержаніе каждаго монашествующаго лица, изъ суммъ религіознаго фонда, по 210 флоринновъ (110 рублей) въ годъ, съ тѣмъ чтобы изъ этой суммы отпущались ему и пища, и одежда, и медикаменты, и вообще все необходимое для жизни¹⁾.

Засимъ, всѣ церкви уираздненныхъ монастырей и скитовъ были обращены или въ приходскія, или безприходныя, а монастырскія строенія частію отданы подъ помѣщеніе церковнаго причта, частію подъ училища, остальные же проданы за излишествомъ.

Что же касается до монастырей женскихъ, то эти послѣднія были уиразднены безъ всякихъ исключеній и послабленій. Монахини должны были избрать себѣ мѣсто жительства у своихъ родственниковъ или гдѣ сами знаютъ, и сами же озаботиться пріисканіемъ приличнаго способа къ собственному существованію. Все, что было имъ дозволено,—это сохранить себѣ свою черную одежду, а все, чѣмъ обезпечивалась ихъ дальнѣйшая жизнь въ міру,—это 12 флоринновъ въ годъ (по 52½ копейки въ мѣсяцъ) изъ суммъ религіознаго фонда, но и то лишь при условіи, чтобы онѣ оставались жить въ предѣлахъ Буковины. Горькій смыслъ такого, можно сказать, надѣвательства закона надъ женщинами, ничѣмъ предъ нимъ не проявившимися и не по доброй волѣ своей попавшими въ австрійское подданство, явнѣе всего сказывается въ томъ, что, при подобной пенсійской пенсіи, имъ, въ довершеніе всѣхъ милостыней, было еще воспрещено совместное сожителство, въ какомъ бы ни было числѣ душъ, на основахъ общенія (глава III, § 5), такъ что онѣ лишены были возможности оказывать себѣ взаимную помощь общими трудами и общими средствами, которыя все же облегчали и удешевляли бы кое-какъ стоимость ихъ непряхотливой жизни. Такимъ образомъ, съ женскимъ иночествомъ порѣшено было сразу,

¹⁾ Настоятелю положено отпускать 460 флоринновъ, а викарію 260 флоринновъ.

и эта статья «регламента», остается въ полной силѣ до сихъ поръ, такъ что, благодаря ей, во всей Буковинѣ съ 1786 года не существуетъ больше ни одного жевскаго православнаго монастыря, ни какихъ-либо свѣтскихъ обществъ, въ родѣ нашихъ общинъ «Краснаго Креста», основанныхъ на духовно-нравственныхъ началахъ для общепользныхъ христіанскихъ цѣлей. Поэтому православныя буковинскія женщины, чувствующія призваніе къ иноческой жизни, должны искать удовлетворенія такому стремленію своего духа или въ Румыніи, или въ Россіи. Стѣсняя такимъ образомъ, «на законномъ основаніи», одно изъ высшихъ духовныхъ побужденій вѣрующей души, правительство этой конституціонной страны «Confessionslas'a» въ то же самое время не только не стѣсняетъ, но подъ рукою даже поощряетъ въ той же Буковинѣ водвореніе разныхъ польско-католическихъ общинъ сестеръ-фелиціанокъ, сакраментокъ и тому подобныхъ и приглашаетъ на постоянное жительство въ Черновцы бывшихъ нашихъ монашій оровъ-конспираторовъ—варшавскаго Феликскаго и виленьскаго Гриневецкаго—конечно, ради того, чтобы доставить имъ наиболѣе удобствъ «для спасенія души», а не для сѣянія религіозно-политическихъ смутъ въ средѣ греко-восточной «шпизмы».

Относительно же бывшаго православнаго духовенства «регламентъ» началъ съ того, что сократилъ безъ малаго на половину число священниковъ, а именно, изъ 448-ми оставилъ ихъ только 259 (гл. I. § 7); должности же діаконовъ уничтожилъ вовсе (§ 10), предоставивъ симъ священникамъ и діаконамъ, какъ оставляемымъ за штатомъ, право быть определяемыми, смотря по возможности, на мѣста дьячковъ (Dascal) и пономарей (Palamar) или церковныхъ пѣвчихъ (Kirchensänger), и церковнослужителей (Kirchendiener), то-есть, попросту, сторожей. Можно себѣ представить, какую горькую, оскорбительную обиду почувствовали сразу всѣ эти люди, ни за-что ни про-что лишеныя вдругъ не только прежняго своего куска хлѣба, но заслуженнаго ими духовнаго сана, который хотя и оставался за ними номинально, однако же фактически они все-таки не могли не сознать себя какъ бы разжалованными изъ поповъ въ пономаря, изъ діаконовъ въ сторожа, да и этихъ-то должностей должны были еще ожидать себѣ какъ особой милости по удостоенію начальства, когда откроется та или другая вакансія. Но кромѣ обиды, какой просторъ оставлялъ этотъ законъ еще и чувству занести въ ихъ сердца къ тѣмъ счастливымъ, которые уплѣли на своихъ мѣстахъ! А отъ зависти до непріязни и раздвоенія—менѣе шага. Не этого ли собственно и желалось достигнуть правительству?—По крайней мѣрѣ, хвостикъ излюбленнаго имъ «divide

et impere» такъ и проскальзываетъ наружу въ этомъ законѣ, который, для видимости, оправдывалъ себя похвальною цѣлью—улучшить бытъ приходскаго духовенства, давъ ему болѣе материальное обезпеченіе. Въ чемъ же заключалось это послѣднее?

Жалованья штатнымъ священникамъ положено не было, а сказано только (§ 15), что «въпредъ до того времени, когда по состоянію средствъ религіознаго фонда признано будетъ возможнымъ установить денежныя оклады содержанія духовенству, предоставляется каждому приходскому священнику въ пользованіе 44 іоха поземельнаго надѣла», то-есть около 23 десятинъ¹⁾; «прихожанъ же обязать отбывать въ пользу своего приходскаго священника необходимыя работы, по два дня въ годъ съ каждаго двора» (§ 18), и наконецъ, за исполненіе священникомъ приходскихъ требъ положена была опредѣленная такса (§ 19), но такса до такой степени мизерная, грошевая, что прихожане, сознавая крайнюю недостаточность ея, сами добровольно платили и повинѣ платили за требы гораздо больше. Всѣ эти законоположенія остаются въ силѣ и до настоящаго времени, кромѣ прибавленнаго жалованья, о которомъ будетъ сказано ниже.

Итакъ, земельный надѣлъ священника ограничивается лишь 23-ми десятинами, и это въ то время, когда у насъ въ Россіи гѣмпы колонисты получали отъ 40 до 60 десятинъ на каждый дворъ! Но если изъ этихъ 23-хъ десятинъ вычесть часть земли неудобной, подъ выгонъ, часть подъ огородъ, да часть подъ лѣсомъ, то не трудно видѣть, что при трехпольномъ хозяйствѣ у священника можетъ оставаться собственно пахатной земли отъ пяти до шести десятинъ въ полѣ, какъ ово и есть, по болѣе части, въ дѣйствительности, — стало быть, земельный надѣлъ обезпечиваетъ его ровно настолько, чтобы онъ, въ особенности будучи человѣкомъ многосемейнымъ, могъ лишь кое-какъ перебиваться отъ жатвы до жатвы, а при переложной системѣ хозяйства бываетъ и того хуже²⁾. Что же касается до обяза-

¹⁾ Іохъ—0,52.684 казенной русской десятины.

²⁾ Переложная система полевого хозяйства, которой преимущественно придерживаются въ Молдавіи и у насъ въ Бессарабіи, состоитъ въ томъ, что съ извѣстнаго участка земли берутъ 3, 4, 5 даже 7 жатвъ, а затѣмъ оставляютъ его на 5—7, а при многоземельи и на большее число лѣтъ «подъ перелогъ», который года два-три служитъ пастбищемъ скоту, а потомъ идетъ подъ сѣнокосъ. Но такая система можетъ быть оправдываема только многоземельемъ; при хозяйствѣ же въ 15—18 пахатныхъ десятинъ она ведетъ къ тому, что, получивъ въ первые два года урожай хорошій, въ послѣдующіе два сносный а въ остальные три—скудный, хозяинъ слѣдующій семилѣтній періодъ сидитъ безъ хлѣба, перебиваясь кое-какъ лишь продуктами скотоводства да сѣнокосами, выручка съ которыхъ и уходитъ у него на покупку себѣ кукурузы, какъ единственнаго предмета питания.

тѣльнаго, въ пользу его, труда прихожанъ, то и тутъ, связавъ сихъ послѣднихъ своего рода барщиною, тогда какъ сами они до этой повинности охотно исполняли для своихъ священниковъ полевые работы по своей доброй волѣ,—правительство внесло нѣкоторое обоюдное недовольство, а стало быть и рознь, въ отношенія между мужикомъ и священникомъ, и именно благодаря только этой принудительной обязательности. Опять-таки «divide et impera», ибо чѣмъ меньше будетъ общности и сердечности въ отношеніяхъ между мужикомъ и священникомъ, тѣмъ, въ австрійскомъ смыслѣ,—лучше. Съ этою цѣлью, какъ мы уже видѣли, правительство даже нарочно старается назначать въ русскіе приходы священниковъ-румынъ, въ румынскіе—русскихъ.

Что касается жалованья, то нынѣ оно уже выдается приходскимъ священникамъ, но весьма различно. По объясненію В. П. Мордвинова (стр. 92), расчетъ при этомъ приписывается слѣдующій: предполагается, что въ данной мѣстности приходскому священнику необходимо, для безбѣднаго его существованія, имѣть ежегодно въ распоряженіи своемъ извѣстную сумму денегъ (столько-то); изъ этой цифры вычитается доходъ, который онъ можетъ имѣть какъ отъ предоставляемой ему въ видѣ земель (44 юха), такъ и отъ совершенія въ приходѣ требъ по такелъ, и за сѣмъ уже недостающее до вышепомянутой цифры количество денегъ выдается ему въ видѣ жалованья изъ суммъ религіознаго фонда. Такимъ образомъ содержаніе приходскихъ священниковъ въ Буковинѣ приводится къ слѣдующимъ нормамъ: въ приходахъ городскихъ (кромя кафедральнаго собора въ Черновцахъ, для котораго положенъ особый штатъ) и въ сельскихъ приходахъ Путиловскаго благочинія—по 100 гульденовъ (около 158 р.); въ сельскихъ приходахъ Кимпоуvsкаго благочинія—по 500 гульденовъ (около 132 р.) и во всѣхъ прочихъ сельскихъ приходахъ по 420 гульденовъ (около 110) въ годъ. Раньше я говорилъ уже, что правительство систематически старается примакивать къ себѣ священниковъ раздачею наиболѣе доходныхъ приходовъ тѣмъ изъ нихъ, кто выказываетъ наиболѣе податливости административнымъ внушеніямъ и дѣйствуетъ въ «добро-австрійскомъ» духѣ. Вотъ эта-то разниа въ степени доходности приходовъ и въ денежномъ содержаніи, между прочимъ, и служить въ рукахъ правительства тѣмъ стимуломъ, съ помощью котораго оно всегда заставляетъ духовенство няться по своей дудкѣ: будешь дѣйствовать какъ мнѣ угодно,—повышу, заартачишься—переведу въ приходъ съ низшимъ окладомъ, даже вовсе лишу прихода, низведу тебя въ «Hilfspriester'ы», т. е. въ викарные. А это уже совсѣмъ плохо для священника, и безъ того полуголоднаго, потому что

викарные могутъ дѣйствовать въ приходѣ лишь отъ имени и по благословенію его настоятеля, не пользуются ни поземельнымъ надѣломъ, ни правомъ присовокуплять себѣ деньги, получаемыя отъ прихожанъ за совершеніе требъ, а живутъ лишь на одно жалованье, котораго отпускается имъ въ городскихъ приходахъ по 400, а сельскихъ по 300 гульденовъ (105 и 80 р.) въ годъ. А для того, чтобы нѣтъ священника въ еще большую нравственную и матеріальную зависимость отъ правительства, лишши его самостоятельности въ направленіи своей пастырской дѣятельности, каковая только и мыслима при независимости его матеріальныхъ средствъ,—словомъ, для того, чтобы сдѣлать изъ него совсѣмъ уже покорнѣйшаго своего слугу,—правительство придумало въ своемъ «Духовномъ регламентѣ» одну только маленькую мѣру: параграфомъ 17-мъ поспрещается лицамъ духовнаго званія приобрѣтеніе въ собственность какихъ бы то ни было недвижимыхъ имѣній, безъ предварительнаго на то согласія гофкригсрата, а нынѣ министерства исповѣданій и просвѣщенія, — потому-де, что «занятіе сельскимъ хозяйствомъ не должно отвлекать священника отъ исполненія пастырскихъ его обязанностей по приходу». Такимъ образомъ, буковинскій православный священникъ—этотъ, въ сущности, совершеннѣйшій пролетарій, во всемъ своемъ существованіи зависитъ исключительно отъ милостей австрійскаго правительства, а на практикѣ—отъ мѣстнаго административнаго начальства. Съ помощью всѣхъ этихъ мѣръ, правительство сдѣлало изъ духовнаго пастыря не болѣе, какъ своего чиновника низшаго разряда, и даже до такой степени, что принудило его исполнять обязанности, въ нѣкоторомъ родѣ, своего тайнаго полицейскаго агента. Вамъ это можетъ показаться невѣроятнымъ, но вотъ фактъ: параграфы 45 и 46 «Духовнаго регламента» обязываютъ каждаго приходскаго священника вести по указанной формѣ особую книгу, называемую «Status animarum parochiae M. N.», въ которую, вмѣстѣ съ поименованнымъ перечнемъ всѣхъ принадлежанцевъ къ приходу лицъ, должны быть ежегодно вносимы свѣдѣнія о возрастѣ, о родѣ и образѣ жизни каждаго прихожанина, о его убѣжденіяхъ и о степени исполненія имъ требованій своей религіи,—словомъ, о его политической благонадежности. Эти книги отсылаются на ревизію въ областное управленіе (Landesregierung), гдѣ уже свѣряютъ ихъ со свѣдѣніями, доставляемыми черезъ жандармовъ,—и горе тому священнику, записи котораго не сходятся съ жандармскими показаніями! Изъ этого слѣдуетъ, что священникъ, не желающій рисковать переходомъ въ худшій приходъ или смѣщеніемъ на викаріатство, долженъ стараться ладить, какъ можно болѣе, съ каждымъ сельскимъ

жандармомъ, сообразоваться съ его вкусамъ, взглядами и симпатіями и всячески угождать ему. Завидное положеніе для служителя алтара Господня!

О прочихъ ограниченіяхъ и воспрещеніяхъ уже не говорю: всѣ они почти тождественны съ ограниченіями и воспрещеніями, существующими, на основаніи «регламента», для лицъ чернаго духовенства.

* * *

Прибавка или сокращеніе числа приходоу поставлены «Духовнымъ регламентомъ» (§ 7) въ зависимость отъ увеличенія или уменьшенія цифры населенія въ той или другой мѣстности. Въ первомъ случаѣ буковинскому епископу было предоставлено входить, по соглашенію съ мѣстнымъ начальствомъ, въ гофкригсратъ объ опредѣленіи въ назначенныя мѣстности новыхъ самостоятельныхъ священниковъ. И вотъ, по прошествіи восьмидесяти-четырёхъ лѣтъ, естественный приростъ мѣстнаго православнаго населенія увеличился настолько, что вмѣсто тѣхъ 186 приходоу и шести благочиній, которые были утверждены «Духовнымъ регламентомъ» въ 1786 году, при вступленіи его въ силу дѣйствующаго закона, — въ Буковинѣ насчитывалось уже къ 1870 году приходоу 239 (вмѣстѣ съ четырьмя городскими церковками), то-есть, на 53 прихода, или почти на 30% болѣе, благочиній 12, приходскихъ церквей (кроме городскихъ церковекъ) 235, церквей приписныхъ (безприходныхъ) 52, прихожанъ 383.727 душъ, при коихъ положено быть 235 приходскимъ священникамъ и 65 викарнымъ. Значитъ, въ среднемъ, каждая 1.632 души составляютъ сельскій приходъ.

Интересно, однако, знать, въ какой пропорціи удовлетворяетъ правительство потребности православнаго населенія въ увеличеніи числа приходскихъ церквей, сообразно съ увеличеніемъ численности этого населенія?

Изъ того же «Духовнаго регламента» извѣстно, что къ существовавшимъ въ 1786 году 186-ти приходамъ было приписано всего только 27.245 дворовъ, то-есть по 146 дворовъ на приходъ, въ среднемъ; нынѣ же, по этому расчету, сообразно увеличенію населенія, должно приходиться по 408 дворовъ. Если считать населеніе каждаго двора, въ среднемъ, по пяти душъ, то личный составъ прихожанъ каждаго прихода въ 1786 году равнялся лишь 730 душамъ, а все тогдашнее православное населеніе Буковины не превышало 136.225 душъ. Теперь же, по переписи 1870 года, ихъ оказывается уже 383.727, то-есть, на 247.502 души или на 182% болѣе. Сообразно этому и согласно нормѣ количества прихожанъ, установленной для каждаго прихода «регламентомъ», число приходскихъ церквей къ 1870 году должно бы было увеличиться до 525-ти, а ихъ было

всего только 235, то-есть, почти на 124% меньше того, сколько должно бы быть.

Но не забудемъ, что съ 1870 года прошло уже двадцать лѣтъ, и если въ первые восемьдесятъ четыре года православное населеніе края увеличилось на 182%, приростая ежегодно на 2,14% или на 4.568 душъ, то въ послѣдніе двадцать лѣтъ, слѣдующей этой же пропорціи, оно должно бы увеличиться на 42,80% или на 91.360 душъ, то-есть дойти, въ общемъ, до 475.000 душъ. А если по перенесеніи 1880 года въ Буковинѣ числилось 513.404 жителя, изъ коихъ православныхъ было 79% или 405.000 душъ, то спустя еще десять лѣтъ, къ 1890 году, оставляя тѣ же процентныя отношенія, число всѣхъ жителей вообще должно было возрасти до 604.000 душъ, изъ коихъ 477.000 православныхъ, что приблизительно и соответствуетъ какъ дѣйствительности, такъ и проблематически вытой нами цифрѣ (475.000 душъ). Стало быть, сообразно такому простому населенію, количество приходскихъ церквей должно бы было увеличиться до шестисотъ, а между тѣмъ, что-то не слышать, чтобы оно особенно подвинулось впередъ противъ цифры 235-ти, каковою опредѣлялось число приходоу 1870 года.

* * *

Обеспеченіе церквей средствами на ихъ содержаніе, украшеніе и ремонтъ «регламентъ» относитъ въ принципѣ на счетъ религіознаго фонда, оговариваясь, впрочемъ, что это послѣдуетъ лишь тогда, когда средства сего фонда возрастутъ до надлежащихъ размѣровъ; впредь же до этого времени поддержка церквей возложена, — во-первыхъ, на помѣщиковъ, если церковь выстроена на помѣщичьей землѣ, — во-вторыхъ, на общество прихожанъ, если она находится на землѣ общественной и, въ-третьихъ, на мѣстное начальство, въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви устроены въ имѣніяхъ казенныхъ или входятъ въ городахъ (§ 20). Ближайшія заботы какъ о вышнемъ благоустройствѣ церквей, такъ и о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, отнесены къ обязанностямъ церковныхъ старостъ (Kirchenvorsteher), со званіемъ коихъ почти всегда соединяется право патронатства. Право это принадлежитъ обыкновенно тѣмъ частнымъ владѣльцамъ, въ имѣніи коихъ находится церковь; въ имѣніяхъ же казенныхъ, а равно и въ принадлежащихъ религіозному фонду, — самому императору австрійскому, въ лицѣ областного управленія въ Черновцахъ. Для городскихъ же и общественныхъ церквей старосты и патроны избираются изъ среды своихъ прихожанъ. Наконецъ, въ приходахъ смѣшаннаго характера, то-есть въ такихъ, къ которымъ приписаны частію имѣнія помѣщичьи, частію казенныя или епархіальныя, право патронатства беретъ на себя правительство совместно съ частнымъ землевладѣльцемъ. Должность церковнаго старосты со-

вершено несамостоятелен и ограничивается лишь ведением инвентаря церковнаго имущества и утвари и ведением приходо-расходных счетов, по особу установленной формѣ, но съ тѣмъ, однако, существеннымъ ограниченіемъ, чтобы «всякіе расходы изъ церковной суммы свыше 6-ти крѣйцеровъ» производимы были не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстныхъ властей и землевладѣльцевъ, пользующихся правомъ патронатства, или же мѣстнаго начальства и епархіальнаго епископа» (§§ 61, 62). Роль патрона поэтому весьма важна и вліятельна. Никакое приобрѣтеніе изъ числа самыхъ необходимыхъ вещей, никакое улучшение, а тѣмъ болѣе ремонтъ церкви, не могутъ быть произведены ни самою церковью и обществомъ ея прихожанъ безъ его согласія и представительства предъ областнымъ начальствомъ. Поэтому нечего удивляться, что въ тѣхъ приходахъ, гдѣ патронами являются мѣстные землевладѣльцы изъ поляковъ и нѣмцевъ, состояніе церквей и самыя аданія ихъ находятся въ упадкѣ, такъ какъ господа эти, изъ своихъ собственныхъ религіозно-политическихъ соображеній, вовсе не заинтересованы въ томъ, чтобы православная вѣра «сіяла», а не «пропала». Но еще существеннѣе и важнѣе право патронатства выражается въ томъ, что отъ патрона namного зависитъ выборъ лицъ, опредѣляемыхъ на мѣста приходскихъ священниковъ. Когда открывается вакансія, консисторія избираетъ по конкурсу трехъ достойнѣйшихъ кандидатовъ и представляетъ ихъ на выборъ патрону или областному правленію, буде патронатъ принадлежитъ сему послѣднему. Въ случаѣ же несогласія между патрономъ и епархіальнымъ начальствомъ насчетъ выбора того или другаго кандидата, дѣло восходитъ, черезъ министерство исповѣданій, до высшаго правительства, и тогда окончательное рѣшеніе вопроса обыкновенно сообразуется съ государственными интересами въ специально-австрійскомъ смыслѣ. А такъ какъ правительство не можетъ же не быть солидарно со своимъ собственнымъ органомъ, въ лицѣ областного управления, которое въ соображеніяхъ своихъ относительно кандидатовъ на приходъ руководствуется не столько ихъ ученостію и пастырскими добродѣтелями, сколько политической подходячестію ихъ для особыхъ правительственныхъ цѣлей, то понятно, что приходъ остается за кандидатомъ, удобнымъ областному управленію или его президенту, что одно и то же. На этомъ же самомъ основаніи, обыкновенно имѣють болѣе шансовъ на утвержденіе и кандидаты, удобные патронамъ изъ вѣмецкихъ и польскихъ помѣщиковъ. А въ видахъ разрушенія народа только того и нужно, чтобы на церковной и школьной каѳедрахъ сидѣли «свои» люди, въ добро-австрійскомъ смыслѣ.

* *

Административно-духовная организація буковинскихъ приходскихъ церквей выжидается ближайшимъ образомъ на окружныхъ благочиніяхъ, которыхъ здѣсь двѣнадцать. Число приходоу и количество прихожанъ въ благочиніяхъ весьма различно: отъ 30-ти церквей ¹⁾ и 55.000 душъ въ Черновецкомъ до 13-ти церквей и 17.000 душъ въ Іуморскомъ; въ среднемъ же, на благочиніе приходится около 19-ти приходоу и 31.000 душъ ²⁾. Благочинные назначаются изъ числа приходскихъ священниковъ, по непосредственному усмотрѣнію консисторіи и митрополита, и безъ предварительнаго объявленія конкурса на занятіе сихъ должностей. Имъ однимъ присвоивается санъ протоіерея, вслѣдствіе чего они и носятъ названіе «окружныхъ протоіереевъ» (Erzpriester). Каждый изъ нихъ продолжаетъ быть въ то же время и приходскимъ священникомъ, но получаетъ лишь нѣсколько увеличенное жалованье (210 гульд.), да на канцелярскіе расходы (15 гул.) и на наемъ разсылнаго (30 гул.), всего до 255 гульденовъ въ годъ. Надъ монастырями же и монашествующими лицами благочиннической надзоръ соединяется обыкновенно съ должностію консисторскаго архимандрита, который по этому званію благочиннаго и именуется здѣсь «каселаріемъ», но содержанія особаго не получаетъ.

Высшее управленіе епархіальными дѣлами, по «Духовному регламенту», вѣрено епископу—нынѣ митрополиту,—и состоящей подъ его предсѣдательствомъ консисторіи, присутствіе коей составляютъ: 1) архимандритъ, заступающій въ извѣстныхъ случаяхъ епископа (митрополита), 2) протопресвитеръ кафедральнаго собора, 3) четыре «дѣйствительныхъ совѣтника», въ составѣ коихъ находятся одинъ изъ монастырскихъ игуменовъ, одинъ протоіерей и два священника, и 4) два почетныхъ засѣдателя. Кроме того, при консисторіи состоитъ канцелярія въ лицѣ секретаря, актуаріуса, двухъ канцеляристовъ вѣмецкаго и двухъ молдавскаго языка, и нѣсколькихъ писцовъ, служителей и разсылныхъ. Служащіе въ канцеляріи—исключительно свѣтскаго званія и отъ секретаря до канцеляристовъ включительно пользуются правами государственной службы. И замѣчательно здѣсь вотъ что: несмотря на то, что русское населеніе Буковины всегда составляло и составляетъ по своей численности преобладающій въ этомъ край элементъ надъ румынскою народностію ³⁾, «Духовный регламентъ» съ самаго начала, еще сто лѣтъ назадъ, уже совершенно игнорировалъ это обстоятельство и, опредѣляя штатъ консисторской канцелярии, включилъ въ него

¹⁾ Русскихъ 41%, румынъ 38%.

²⁾ Не считая приписныхъ или безприходныхъ.

³⁾ По даннымъ 1870 года, въ настоящее же время должно быть около 39 500 душъ.

капеляристовъ только молдавскаго языка, чиновниковъ же русскаго языка — ни одного! — точно бы русскихъ жителей тамъ и не существовало. Обстоятельство это едва-ли можно объяснить простою случайностью или редакціоннымъ недосмотромъ, такъ какъ самая практика консисторскихъ дѣлъ, которыя приходится имѣть не съ одними только молдаванами, не замедлила сразу же обнаружить этотъ существенный недостатокъ. Тѣмъ не менѣе, итать остался неизмѣненнымъ и до настоящаго времени, а потому въ этомъ уже явно сказывается известная политическая тенденція, которая, очевидно, и сто лѣтъ назадъ была та же самая, что и въ наши дни: пригнетать русскій элементъ, игнорируя его нужды, именно потому, что онъ русскій и что какія естественныя, ни нравственныя преграды не отдѣляютъ его отъ великой семьи законнаго русскаго народа, сколь ни стараются объ этомъ нѣмцы и поляки, съ благословенія Рима.

* * *

Итакъ, официально русскій языкъ не признается, такъ что для русской переписки приходится прибѣгать частнымъ образомъ къ вольнонаемнымъ писцамъ. А между тѣмъ, покойный епископъ Евгеній, правя епархіею тридцать восемь лѣтъ сряду, говорилъ поученія и писалъ окружныя посланія къ русской части своей паствы не иначе, какъ только по-русски. Хотите познаться съ образчикомъ этой рѣчи, чтобы имѣть понятіе о церковно-литературномъ языкѣ русскихъ буковинцевъ, — вотъ вамъ небольшой отрывокъ изъ «Окружнаго писанія» покойнаго Евгенія «къ честному неша епархіи духовенству», отъ 1-го (13-го) мая 1868 года, напечатаннаго тогда же въ № 7 «Епархіальнаго Листка», издаваемаго буковинскою консисторіею.

Владыко обличаетъ въ этомъ посланіи разныя слабости и нравственныя недостатки своихъ священниковъ, какъ-то: невоздержаніе, куреніе табаку, безпорядочное и нерадивое веденіе приходскихъ актовъ, пренебреженіе къ своему родному языку и православному юліанскому календарю, нерадіе о молитвахъ и службахъ церковныхъ, любостыжаніе, стремленіе къ политиканству и, наконецъ, со строгимъ порицаніемъ относится къ новымъ тогдашнимъ радикально-демагогическимъ (у русскихъ) и къ нашимъ украинофильскимъ вліяніямъ, послѣдствія коихъ мы видимъ въ настоящее время на о. о. Сѣвнскомъ, Романчуцѣ, Тымнскомъ и т. п. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ о священникахъ любостыжателяхъ, политиканахъ и увлекающихся украинофильствомъ:

«Многочисленныя совокупныя разсмотрѣнія жалобъ въ обтяженіи (отягощеніи) приносятъ вышше-мѣрною платою за духовныя дѣйствія

доказали, къ нашему сожалѣнію, что нѣкоторые священники, не помня на слово святаго писанія—«яко тои не любить Бога, иже брату своему злое творить»,—и изыскшиса сочувствій и должностей (обязанностей) къ ближнему, свое святое званіе употребляютъ яко способъ корыстолюбія и нечеловѣколюбно отъ селянонь—и такъ несчастливыхъ, даже отъ самыхъ требующихъ (нуждающихся) и безпомощныхъ—незвнянтельнымъ образомъ плату неподобающую вынуждаютъ». — «Суть — слава Богу — въ епархіи много весьма честныхъ священниковъ, которые прежде всего слово Божіе собственнымъ житіемъ исполняютъ, поступаючи праведно и совѣстно; суть честныя, правдивыя, семейны отцы, доброжелательныя и вѣрныя члены громадъ (сельскихъ сходовъ) и общества челоѣческаго, которые вездѣ о правдѣ и истинѣ, о благонравіи и благосостояніи челоѣческаго общества стараются, сердечнымъ склоненіемъ правду и добро заступаютъ: сихъ добрыхъ и достойныхъ мужей и священниковъ мы высоко почитаемъ; сіи не требовали вышенаведенныхъ напоминаній къ исполненію должностей своихъ, — потому что оныя ихъ и не касаются. Но кто бы противорѣчилъ, яко въ нашей епархіи много изъ духовныхъ въ томъ или иномъ, или въ каждомъ вышшепоманутомъ взглядѣ суть недостаточныя и исправленія весьма требуютъ? Кто бы утаилъ, что наши сердечныя глаголы и доброжелательныя напоминанія въ нѣкоторыхъ остались безплодны и безъ слѣда мимо ихъ падоша? — Къ давнымъ заблужденіямъ и страстямъ прибыло въ новѣйшихъ пременахъ еще и коварство въ публичномъ, народномъ и церковно-гражданскомъ житіи, не взирая, что всикъ священники, который роль политическу или народну играютъ, чрезъ то уже дѣлается званію своему невѣрнымъ и лишается своего званія. — Прямо теперь творятся наикъ некоторыи священники, и еще подъ маскою религіи и Церкви, освободителями и пріятелями народа; однакоже нѣсть въ нихъ ни чувства, ни ревности за истину, за право и обычай и за душевное и тѣлесное благосостояніе ближнихъ своихъ. Но они хотятъ подъ вывѣскою, которую изставляютъ, — фирмою «народность, народъ и церква», больше мерзкнмъ своимъ страстямъ, яко: суетѣ, славолюбію, гордости, корыстолюбію служить и ковенно силою и за всику цѣну роли играть. Знаетъ сіе и чувствуетъ всякій челоѣкъ честный, а наипаче самъ народъ, который таковыхъ комедіантовъ не безъ причины презираетъ. Кто изъ насъ не познаетъ сихъ, между священствомъ, агитаторовъ подшениковъ и комедіантовъ, которые за кулисами нѣкоторыхъ немирныхъ міралъ, или неспокойныхъ и виноватыхъ священниковъ возбуждаютъ? Кто бы не зналъ имена тыхъ бодрыхъ доносчиковъ, писателей аргументовъ (статеекъ)

и соработниковъ газеты, названной «Альби-на»¹⁾, и иныхъ подобныхъ мѣстъ сраженія и злобы тыхъ людей, которые мнятъся, что съ славнаго и важнаго тѣмъ сдѣлать и получить, когда на епископа своего и на тыхъ священниковъ, которые ему широко покорны и ихъ обязанностямъ вѣрны суть, клеветуютъ и явно безчестятъ?.. Они поступили не яко сынъ заблудшій, паки покаившійся, но яко Юда Искаріотскій и замерзлая змѣя, аже, загрѣв- шися на персяхъ своего добродѣтеля и ожив- ши, кусаетъ и яда исполняетъ его. «Нужно соблазнамъ быти, но горе человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ приходитъ», говоритъ Спаси- тель. Человѣцы таковыи ранѣ или позднѣе, конечно, удоятся въ сѣти собственной своей

злобы. Противъ сего объявляемъ со всею же- стокостію и силою, что мы далѣе дѣланія и движенія таковыхъ, званію своему и присягѣ неувѣрныхъ, священниковъ безпрестанно стро- гѣйшее око имѣти будемъ».

Какъ видите изъ приведеннаго отрывка, этотъ простой, но выразительный языкъ го- раздо чище дѣланнаго разными Кулиными ли- тературно-малороссійскаго жаргона и несрав- ненно ближе сего послѣдняго къ общерусскому языку. Это, можно сказать, одинъ и тотъ же русскій нашъ языкъ съ незначительными откло- неніями въ сторону малоросскаго нарѣчія, а самый стиль посланія епископа Евгения сход- ствуетъ болѣе всего со стилемъ писаній па- шихъ старообрядцевъ.

Новый путь въ центральную Азію.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Ташкента (17 января текущаго года) я встрѣтился тамъ со своимъ прежнимъ знакомцемъ, оренбург- скимъ второй гильдія купцомъ Иваномъ Коно- новичемъ Ражевымъ, который пріѣхалъ туда на нѣсколько дней изъ Бухары, по дѣламъ «Россійскаго Общества транспортированія кла- дей», въ качествѣ агента онаго. Въ Бухару же Иванъ Кононовичъ пробрался новымъ пу- темъ—изъ Астрахани черезъ заливъ Мертвый Култукъ и Усть-Ургинскую плоскую возвы- шенность до хивинскаго города Кунграда, а отъ Кунграда вверхъ по Аму-Дарѣ до мѣ- стечка Устыкъ (оно же Усты и Ясты) въ Бухарскихъ владѣніяхъ, и отъ Устыка до Бухары черезъ городъ Каракуль обыкновен- ную караванною дорогою по оазису Зарив- шаши.

Какъ человѣкъ коммерческій и агентъ «Общества», которое по самой сущности своей заинтересовано въ изысканіи кратчайшихъ и удобнѣйшихъ путей сообщенія со Среднею Азіей, г. Ражевъ уже по въ первый разъ про- бирается этимъ путемъ въ Бухару и изъ Бу- хары обратно въ Астрахань, преслѣдуя свою цѣль съ замѣчательною энергіей и настойчи- востію. А цѣль эта состоитъ именно въ изы- сканіи кратчайшаго и удобнѣйшаго пути между Европейскою Россіей и Центральною Азіей. что для интересовъ «Общества», имѣющаго свое постоянное агентство въ самомъ городѣ

Бухарѣ, далеко не безразлично. Безо всякихъ особій и рекомендацій со стороны правитель- ства, исключительно на собственный счетъ и рискъ, этотъ предприимчивый человѣкъ за- нялся основательнымъ изслѣдованіемъ новаго пути, ради чего, какъ уже сказано, прошелъ по нему неоднократно, и результатъ его из- слѣдованій, по моему мнѣнію, настолько инте- ресенъ и важенъ не только для торговыхъ, но и для политическихъ цѣлей, что было бы грѣшно оставить его безъ самаго серьезнаго вниманія.

На Кунградо-Култукскій путь уже нѣсколь- ко лѣтъ тому назадъ было обращено вниманію частныхъ предпринимателей, изъ коихъ пер- вымъ явился гурьевскій рыбопромышленникъ Ванюшинъ, занимавшійся, между прочимъ, рыбнымъ промысломъ и въ Аральскомъ морѣ. Затѣмъ, въ прошломъ году весной тѣмъ же путемъ проѣхалъ въ Астрахань генералъ Чер- няевъ. Но по странности судебъ, это послѣд- нее обстоятельство, вмѣсто того чтобы способ- ствовать скорѣйшему открытію правильной эксплуатаціи сего пути, чего, казалось бы, должно было ожидать, скорѣе повредило, чѣмъ принесло пользу дѣлу, быть-можетъ, затормо- зивъ его осуществленіе еще на неопредѣлен- ное время.

Достаточно было генералу Черняеву про- ѣхать по этому пути, чтобы изъ устъ и съ перьевъ разныхъ его «доброжелателей», въ числѣ коихъ, конечно, оказалось и нѣсколько органовъ печати, посыпались не возраженія

¹⁾ Румынская радикальная газета.

даже, а просто охланивша новаго пути, основанна на аргументахъ крайне сомнительной точности, а еще чаще совсѣмъ голословныя:— «Черняевскій путь!». Помилуйте, да это просто фантазія, неосуществимое дѣло!.. Культуръ совсѣмъ не судоходенъ, Аму-Дарья судоходна лишь отчасти и то съ трудомъ; на Усть-Уртѣ воды вѣтъ, а если и есть гдѣ, то въ крайне рѣдкихъ и очень глубокихъ колодцахъ и притомъ горько-соленая, негодная къ употребленію даже для верблюдовъ. Тамъ никакая жизнь невозможна... Ужъ еслибы этотъ путь былъ точно пригоденъ, то, повѣрьте, имъ бы давно-давно само правительство воспользовалось» и т. п.

Такова была сущность и устныхъ и печатныхъ изображеній. Впрочемъ печать—еще того лучше—за немногими исключеніями, предпочла отдѣлаться отъ серьезнаго вопроса просто дешевыми глумленіями. Первымъ изъ органовъ печати заговорилъ противъ новаго пути «Оренбургскій Листокъ», и это совершенно понятно со стороны мѣстнаго органа такого города, коммерческому значенію котораго новый путь грозитъ по всей вѣроятности значительнымъ подрывомъ. Тутъ уже, такъ-сказать, дѣло идетъ въ нѣкоторомъ родѣ о собственной шкурѣ. Но затѣмъ сущность печатныхъ возраженій и устныхъ возгласовъ противъ «Черняевского пути» (только потому что онъ «Черняевскій») такъ далека отъ истиннаго положенія дѣла, что наивность или прямая недобросовѣстность ихъ можетъ равняться развѣ только невѣжеству въ этомъ дѣлѣ самихъ возразителей.

Начать хотя бы съ того, что это путь вовсе не «Черняевскій»: онъ нанесенъ на «карту Туркестанскаго военнаго округа», изданную еще въ 1877 году и даже съ довольно точнымъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ колодцевъ, въ особенности въ первой (то-есть восточной) половинѣ пути. Кулець Ванюшинъ уже нѣсколько лѣтъ возилъ этимъ путемъ свою посоленную рыбу съ береговъ Арала на Каспій, изъ Гурьевъ и въ Астрахань. Но благоувѣститъ о своемъ пути, полагаю, не было ему особеннаго расчета, хотя бы изъ-за того, чтобы не привлекать туда конкуренцію другихъ рыбопромышленниковъ. Въ этомъ отношеніи выгоднѣе было бы скорѣе даже выставить на видъ его недостатки, чѣмъ указывать на достоинства, или же о тѣхъ и другихъ благоугодно умалчивать. Но слухомъ, какъ извѣстно, земля полнится, а потому вѣтъ ничего мудренаго, что слухъ объ удобствахъ Кувградо-Култукскаго пути достигъ и до Ташкента, откуда еще до назначенія генералъ-лейтенанта Чернышева былъ командированъ спеціально для изслѣдованія означеннаго пути генеральнаго штаба подполковникъ Александровъ, который, окончивъ свое порученіе, возвратился въ Таш-

кентъ въ концѣ 1882 года, уже при генералѣ Чернышевѣ, коему и представилъ подробный отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ. Результаты работъ г. Александрова оказались настолько въ пользу Ванюшинскаго пути, что генералъ Чернышевъ рѣшился познакомиться съ нимъ на личномъ своемъ опытѣ, дабы заручиться возможностью, въ случаѣ надобности, вполне основательно отстоять его осуществленіе предъ правительствомъ, по возможности, въ ближайшемъ будущемъ.

Въ удержаніи стараго, то-есть нынѣшняго караваннаго (онъ же и почтовый) пути на Казалинскъ существенно заинтересованъ одинъ только городъ Оренбургъ, но никакъ не государство. Для государства безъ сомнѣнія важнѣе всего изыскать такой путь, который существенно сблизилъ бы съ центромъ его отдаленную средне-азиатскую окраину, нынѣ отдѣляемую отъ ближайшей своей военной и коммерческой базы (каковую является Оренбургъ) пустынною степью, которая отъ Оренбурга до Ташкента тянется на протяженіи двухъ тысячъ верстъ. Эту-то именно цѣль и имѣлъ въ виду генералъ Чернышевъ, пускаясь въ путь, уже ранѣе изслѣдованный подполковникомъ Александровымъ, и несомнѣнно, конечно, что М. Г. Чернышеву принадлежать первая мысль воспользоваться имъ какъ для дѣлей государственныхъ, такъ и для наибольшаго преуспѣнія русской промышленности и торговли въ ея сношеніяхъ со Среднею Азіей.

Я не коснусь сущности изслѣдованій г. Александрова, на что не имѣю и права; но въ моихъ рукахъ, благодаря И. К. Ражеву, находится полная возможность познакомиться интересующуюся часть русскаго общества съ дѣйствительностью даннаго дѣла. Такъ какъ г. Ражевъ изъ личныхъ своихъ изслѣдованій вовсе не дѣлаетъ секрета, а напротивъ, желалъ бы даже сообщить имъ возможно широкую гласность, то и выказалъ мнѣ полную готовность подѣлиться со мною своими данными, съ тѣмъ чтобы я ихъ напечаталъ. Такимъ образомъ все, что изложено ниже, записано мною со словъ Ивана Кононовича, который, можно сказать, продиктовалъ мнѣ свой путь отъ Бухары до Астрахани.

Отъ города Бухары до Устькы-Кургана двѣдцать верстъ. Дорога выючная, пролегаетъ по равнинѣ и на всемъ своемъ протяженіи до города Каракуля идетъ среди культурной мѣстности, мимо цѣлаго ряда большихъ людныхъ селеній. За Каракулемъ, верстахъ въ десять, начинаются пески, скрѣпленные свойственно имъ растительностью, и тянутся на протяженіи 28 верстъ. Затѣмъ дорога вновь вступаетъ въ культурную прирѣчную полосу.

Устькы-Курганъ—небольшая, но сильная, по своему естественному неприступному положенію, крѣпость, вависящая надъ самымъ бе-

регомъ Аму-Дарьи. Она расположена на вершинѣ отвѣсной столпообразной глыбы, куда ведетъ тропя, извѣщенная по карнизамъ глыбы ступенями. Тамъ содержится часть бухарскаго гарнизона и живетъ во дворцѣ бекъ—начальникъ округа и цитадели. Со стѣнъ крѣпости и съ веранды дворца открывается одинъ изъ изумительнѣйшихъ видовъ во всѣ стороны и въ особенности на теченіе Аму, что, между прочимъ, представляетъ значительное удобство для стражи, постоянно наблюдающей за движеніями на противномъ берегу туркменскихъ хищниковъ. Самое мѣстечко Устыкъ представляетъ собою громадный кишлакъ и лежитъ внизу, на плоскости, въ полумерѣ отъ берега, среди оазиса, хорошо воздѣланнаго. На берегу Аму-Дарьи, подъ защитой крѣпости, находится переправа и пристань, удобная во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ берегъ приглубъ и грунтъ его твердый. На пристани всегда можно найти ланки—плоскодонныя двуносыя барки, весьма вмѣстительныя и служащія для перевозки грузовъ. Противъ Устыкъ-Кургана Аму-Дарья раздѣляется островами на нѣсколько рукавовъ, которые всѣ достаточно глубоки.

Дальнѣйшій путь уже идетъ рѣкой, по обѣимъ сторонамъ которой проходятъ однако караванныя дороги, гдѣ время отъ времени попадаются прибрежныя селенія (кишлаки) и крѣпости. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ Бухарское правительство содержитъ небольшіе караулы, другія же оставлены за ненадобностью и пустуютъ, служа однакоже иногда пристанищемъ для путниковъ и каравановъ.

Отъ Устыкъ-Кургана до пристани Ильджикъ—22 версты. Пристань эта находится на правомъ берегу въ оазисѣ.

Отъ Ильджика до Кабаклы, на лѣвомъ берегу—64 версты. Тутъ тоже пристань и кишлакъ и небольшое укрѣпленіе, гдѣ постоянно содержится пограничный караулъ отъ бухарскихъ сарбазовъ. Рѣка, на протяженіи своемъ отъ Ильджика до Кабаклы, дѣлаетъ нѣсколько колѣнъ и часто развѣтвляется рукавами, образуя болѣе или менѣе значительные острова, изъ коихъ нѣкоторые поросли кустарниками и представляютъ собою недурныя пастбища.

Отъ Кабаклы до Худай-Хатынъ, или такъ называемой «Текинской переправы», на лѣвомъ берегу—48 версты. Здѣсь находятся развалины старинной крѣпости Кегменчи и «рабата» (дорожнаго убѣжища) Ширинъ-Хатынъ.

Отъ Худай-Хатынъ до урочища Ичке-Яръ, на русско-бухарской сѣверной границѣ—128 версты.

Отъ Ичке-Яра до Дюртъ-Куля (Петро-Александровскъ)—112 версты.

Отъ Дюртъ-Куля до Бій-Базара—56 версты.

Отъ Бій-Базара до русскаго укрѣпленія и мѣстечка Нукуса—118 версты.

Отъ Нукуса до Кунграда—120 версты.

Такимъ образомъ, протяженіе всего воднаго пути по Аму-Дарьѣ, отъ Устыкъ-Кургана до Кунграда составляетъ 668 верстъ и проходитъ на каюкахъ внизъ по рѣкѣ отъ пяти до семи сутокъ, считая въ томъ числѣ и остановки для ночлеговъ, а вверхъ, когда приходится тянуть бечевой,—отъ двухъ до трехъ недѣль.

Мѣстность все время ровная, степная, за небольшими исключеніями, какъ напримѣръ, у Питняка, гдѣ она каменисто-возвышенна. Камыши идутъ только подъ лѣвымъ берегомъ, а правый до Петро-Александровска открытъ. Въ топливнѣ недостатка нѣтъ: повсюду встрѣчается по берегамъ чернолѣсье, джангыль и ижида, а противъ Питняка на нашей территоріи находятся громадные лѣса саксаула. Что до перекатовъ, то въ верховьяхъ рѣки глубина ихъ 4½ фута, а у Кабаклы, на нѣкоторыхъ, наименьшая въ 4 фута, что не составляетъ никакого препятствія для мелко сидящихъ судовъ; а затѣмъ рѣка вездѣ удобопроходима, при средней глубинѣ въ 9 футовъ; быстрота же теченія, равняющая, по опредѣленію Бориса, 6.000 ярдамъ, то-есть 2.571 сажени въ одинъ часъ, не даетъ образовываться значительнымъ мелямъ. Близъ Кабаклы и ниже Нукуса причаливать къ берегу для ночлега не безопасно, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ водятся много тигровъ.

Городъ Кунградъ лежитъ въ полутора верстахъ отъ главнаго русла, которое въ его окрестностяхъ развѣтвляется на два протока, впадающіе въ Аральское море, изъ коихъ большій носитъ названіе Талдыка или Талыка; меньшій же, черезъ который перекинуты два моста, пересѣкаетъ часть города и на половину окаймляетъ его, такъ что часть городской стѣны почти омывается его водами. Стрѣлка, образуемая развѣтвленіемъ силъ двухъ протоковъ, чрезвычайно удобна для устройства пристани съ товарными складами и вообще для учрежденія здѣсь русской факторіи, которая со-временемъ вѣроятно и будетъ устроена. Кунградъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Аму-Дарьинской дельты, окруженъ глинобитною зубчатою стѣною до десяти верстъ въ окружности и имѣетъ отъ восьми до десяти тысячъ осѣдлаго населенія, состоящаго изъ узбековъ, таджиковъ (сартовъ) и небольшого числа персовъ, бывшихъ невольниковъ, которые, послѣ уничтоженія невольничества въ Хивѣ русскими въ 1873 году, пожелали остаться на мѣстѣ, но уже свободными поселенцами. Точную цифру кунградскаго населенія, при настоящемъ положеніи города, узнать невозможно, такъ какъ его бекъ (градоначальникъ) совершенно безграмотенъ и не ведетъ никакихъ списковъ ни жителямъ, ни ихъ недвижимымъ имуществамъ, а подать на хана собираютъ довѣренныя джигиты этого бека, просто переходя со двора во

дворъ, съ участка на участокъ. Подать, платимая хану жителями Кунградскаго округа, бываетъ двоякая—деньгами и натурой, съ имущества и съ обработанной земли. Зажиточные земледѣльцы всегда платятъ предъ посѣвомъ отъ трехъ до пяти тенговъ (то-есть отъ 60 к. до 1 р.) съ талана, равнаго половинѣ русской десятины, смотря по удобствамъ орошенія занятаго участка, а невмущіе отдають уже по уборкѣ хлѣбовъ одну треть урожая натурой. Съ началомъ ноября мѣсяца прикочевываютъ къ Кунграду русскіе и хивинскіе киргизы, родовъ табынъ, чиклинъ, кичкичклинъ и кара-кисакъ, которые располагаются подъ его стѣнами въ кибиткахъ, а съ началомъ весны вновь откочевываютъ къ своимъ пастбищамъ. Въ Кунградѣ находится два базара, гдѣ торгуютъ исключительно сарты; остальное же населеніе занимается только земледѣліемъ и садоводствомъ, а отчасти и шелководствомъ. Въ садахъ, обыкновенно обсаженныхъ, въ видѣ рамки, пирамидальными тополями, разводятся для красоты карагачи и чинары (вишны и платаны), а для пользы—персиковые и абрикосовыя деревья, тутъ (шелководства), сливы, груши и яблони, а также и нѣсколько сортовъ винограда. Въ дикомъ же состояніи въ окрестностяхъ города произрастаютъ джидя (родъ дикой масляны) и таль (видъ ивы), достигающіе значительныхъ размѣровъ. На прилегающихъ къ городу напшихъ свѣются: пшеница, ячмень, просо, лѣвъ, конопля, кунжутъ, джугара (видъ кукурузы) и кавашъ или хлопокъ. Торговля на базарахъ, кромѣ привозныхъ русскихъ и бухарскихъ товаровъ (то есть бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, сахару, чаю и т. п.), ограничивается разными родами сушеныхъ фруктовъ и хлопкомъ. Кочевники пригоняютъ сюда на продажу скотъ и лошадей, а сельскіе пахари привозятъ свои земледѣльческіе продукты. Такимъ образомъ, городъ Кунградъ имѣетъ свое немаловажное торговое значеніе для кочевыхъ племенъ Аму-Дарьинской долины, каракалпакъ, киргизовъ и туркменцевъ, а съ учрежденіемъ здѣсь русской факторіи, при открытіи Кунградо-Култукскаго пути, районъ его коммерческаго значенія расширится далеко на югъ, на всѣ при-аму-дарьинскія страны Центральной Азіи, до сѣвернаго Афганистана включительно.

Перехожу теперь къ самой Кунградо-Култукской дорогѣ.

Отъ Кунграда путь идетъ на сѣверо-западъ по бывшему Айбугирскому заливу, нынѣ уже высохшему, а подойдя къ озеру Ирѣ-Али-Качканъ, въ 27 верстахъ отъ Кунграда, поворачиваетъ болѣе къ сѣверу и, послѣ 17-ти верстнаго протяженія, приводитъ къ колодцу Караджбай-Казганъ, который въ прошломъ году былъ вычищенъ И. К. Ражевымъ и въ немъ ока-

залась хорошая прѣсная вода. Отъ Караджбай-Казгана путь поворачиваетъ на западъ, къ подъему на Усть-Уртъ, и идетъ на протяженіи 12-ти верстъ до двухъ колодезевъ, вырытыхъ у самаго подножія подъема подполковникомъ Александровымъ; но вода въ нихъ, къ сожалѣнію, оказалась соленою въ такой мѣрѣ, что не годна даже и для верблюдовъ. На пространствѣ этихъ 12-ти верстъ попадаются мѣстами саксауль, котораго прежде тутъ было очень много, но теперь онъ уже въ значительной мѣрѣ выбранъ кунградцами на топливо, въ чемъ не мало помогаютъ имъ киргизы, прикочевывающіе къ Кунграду на зимнее время.

Подъемъ на Усть-Уртъ, носящій характерное названіе «Чененды», что значитъ «постоянныя мухи», самъ по себѣ довольно отлогъ, безъ горрастъ, и на самой вершинѣ хорошо разработанъ подполковникомъ Александровымъ, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ не представляеть ни малѣйшихъ затрудненій для проѣзда въ колесномъ экипажѣ. Съ гребня подъема дорога идетъ на западъ съ небольшими лишь уклонами къ сѣверу, и на протяженіи 31 версты она ровна, какъ лента, протянутая по столу, причѣмъ вся окрестная мѣстность изобилуетъ травами, среди которыхъ преобладающими видами являются: дюсаъ или джусанъ (родъ полыни), тья-табанъ (верблюжья лапа), балыкъ-гусъ (рыбья (?), мелкая иглесто-мягкая трава) и частію ржанка или аржанецъ (дикая роза), очень сочная. На 32-й верстѣ дорога отлого спускается съ ровнаго плато къ колодцу Аминъ-Бекъ, который имѣетъ 16 саженъ глубины, а столбъ воды въ двѣ сажени. Вода въ немъ изсолонно-горьковатая, но верблюды и даже лошади ею не брезгаютъ. Въ разстояніи полуторы версты, влѣво отъ колодца Аминъ-Бекъ, находится озеро, покрытое бѣлою какъ ледъ корой соли въ $\frac{1}{2}$ аршина толщины. Называется оно «барса-кильмась», что значитъ «пойдешь и не придешь». Такимъ образомъ самое названіе озера предостерегаетъ путника отъ опасности провалиться въ воду сквозь соляную кору, еслибы кто рискнулъ туда двинуться. Запасъ соляныхъ богатствъ здѣсь повидимому громаднъ, но когда-то еще дождется онъ своей эксплуатаціи...

Отъ Аминъ-Бека дорога, на протяженіи 14-ти верстъ, идетъ ровною низменностью. Мѣстность поросла частію джанглыомъ, частію какою-то травой, растущею какъ бы отдѣльными кустами. На 15 верстѣ путь приходитъ къ подошвѣ незначительной возвышенности, съ удобнымъ подъемомъ. Здѣсь, подъ горой, близъ водомоины, образовавшейся отъ талниъ снѣговъ, находятся четыре колодца, по имени Кара-Кулдукъ, съ водою горько-солоноватою. Дальнѣйшій путь по плоской возвышенности, на разстояніи 24 верстъ, до колодца Ирѣ-Басанъ, совершенно ровень. Вода въ колодцѣ вполне

удовлетворительного качества. Отъ Ирѣ-Басана до колодца Тарь-Чатули (гнѣдой) дорога идетъ 20 верстъ все тою же равниной, гдѣ попадаются мѣстами саксауловыя заросли. Вода хорошая.

Отъ Тарь-Чатули версты на двѣ тянется невысокій подъемъ, а далѣе дорога идетъ опять равниной, по опушкѣ сплошного саксауловаго лѣса, на протяженіи 24 верстъ, до урочища Сумбе, гдѣ находятся три колодца съ прѣсною и очень вкусною водою, окруженные цѣлою рощей древняго высокаго саксаула, въ обхвѣтъ толщиной. Отъ Сумбе путь на разстояніи 21 версты идетъ сначала саксауловыми перелѣсками, а затѣмъ открытою равниной до колодца Акъ-Крукъ (бѣлый крюкъ) съ хорошою водою.

Отъ Акъ-Крука до колодца Аманъ-Джунъ 27 верстъ. Аманъ-Джунъ въ переводѣ значитъ «хорошая дорога», и она въ дѣйствительности вполне оправдываетъ свое названіе, проходя по равнинѣ, которая вначалѣ поросла мѣстами саксауломъ, а на половинѣ пути представляетъ собой гладкій и ровный, какъ паркетный полъ, стеклистаго вида какыръ¹⁾, на очень твердой глинистой почвѣ. На урочищѣ Аманъ-Джунъ находятся два изобильные колодца великолѣпной прѣсной воды, благодаря чему здѣсь въ осеннее время обыкновенно располагаются на постой кочевники въ количествѣ до десяти ауловъ.

Отъ Аманъ-Джула до Кара-Кудука 35 верстъ по равнинѣ, частью поросшей саксауломъ. Здѣсь находится одинъ колодецъ прѣсной воды глубиной въ 17 сажень. Всѣ же остальные вышеозначенные колодцы, за исключеніемъ Аминъ-Бѣка, мелководны и уровень воды въ нихъ обыкновенно стоитъ на глубинѣ отъ одной до трехъ сажень.

Отъ Кара-Кудука до Метера 18 верстъ ровнаго пути. Колодецъ Метера находится въ маленькомъ уклонѣ почвы; вода въ немъ хорошая, прозрачная, на глубинѣ трехъ сажень. Вокругъ него, равно какъ и по дорогѣ, есть растительность, а именно джангылъ и колючка (розовая акація); саксаулъ же виденъ въ сторонѣ, влѣво.

Отъ Метера до Карымъ-Сакъ 13 верстъ по ровной мѣстности, гдѣ только нрѣдка попадаетъ джангылъ. На Карымъ-Сакѣ два колодца очень хорошей воды, на глубинѣ двухъ сажень. Столбъ воды 1½ аршина.

Отъ Карымъ-Сака до колодца Исыкъ-Казакъ мѣстность ровная, разстояніе 31 верста. Самый колодецъ находится на полторы версты

въ сторону отъ прямой дороги и скрытъ въ густѣ довольно крупнаго саксаула; для опознанія же его поставлены кочевниками два маяка, сложенные пирамидами изъ саксауловыхъ полѣнцевъ. Вода прѣсная.

Отъ Исыкъ-Казака до Бишъ-Чинграда, гдѣ находятся пять древнихъ колодцевъ, разстояніе 6 верстъ, по равнинѣ. Вода прѣсная, хорошаго качества, на глубинѣ трехъ сажень. Во время дождей, отъ стока воды, колодцы эти наполняются до краевъ, и тогда вода становится мутною, но къ употребленію все же она вполне годится. Въ полуверстѣ отъ колодцевъ находятся заросли саксаула.

Отъ Бишъ-Чинграда до Ташъ-ик-таса 16½ верстъ. Дорога проходитъ по безлѣсной равнинѣ. Ташъ-ик-тасъ значитъ «камень съ дырой». Вода въ немъ прѣсная, но чуть-чуть съ горечью. Съ вѣтромъ и даже въ естественномъ своемъ видѣ можетъ быть употребляема, но для чая не годится. По замѣчанію И. К. Ражева, она «сѣждаетъ чай».

Отъ Ташъ-ик-таса дорога, на протяженіи 20 верстъ, идетъ небольшими отлогими возвышенностями до колодцевъ Чикты-Карлыганъ. Названіе этого урочища въ переводѣ значитъ «убійство человека изъ племени Чикты» и указываетъ на трагическое происшествіе, гдѣ-когда здѣсь случившееся, съ которымъ у кочевниковъ соединена какая-то мистическая легенда. На протяженіи этого участка пути ни древесной, ни кустарниковой растительности нѣтъ, но трава въ изобиліи. Грунтъ твердый. Въ трехъ колодцахъ десятисаженной глубины вода совершенно хорошая.

Отъ Чикты-Карлыгана дорога пролегаетъ низомъ, обходя гору, остающуюся въ правой рукѣ; затѣмъ, поднявшись на небольшую возвышенность, идетъ она верстъ на десять среди саксаула некрупныхъ размѣровъ до колодцевъ Кара-Баянъ. Разстояніе всего перехода — 24 версты. Не доѣзжая одной версты до Кара-Баяна, встрѣчается вязкій, но не сыпучій песокъ, обросшій джангыломъ — *единственный песокъ на протяженіи всего пути* отъ Кунграда до Култука, и залегаетъ онъ полосой, имѣющею въ поперечникѣ 480 саж., каковое пространство и приходится необходимо пересѣкать путнику. На урочищѣ Кара-Баянъ находятся пять колодцевъ съ очень хорошою прѣсною водою, благодаря чему здѣсь всегда кочуетъ много ауловъ. Общее направленіе пути все на сѣверо-западъ.

Отъ Кара-Баяна начинается опять невысокій подъемъ, послѣ чего дорога на протяженіи семи верстъ идетъ по каменисто-твердому плитняковому грунту, а затѣмъ слѣдующія шесть верстъ приходится пересѣкать нѣсколько отлогихъ горокъ, совершенно впрочемъ удобныхъ для колесной ѣзды. Длина участка отъ Кара-Баяна до колодцевъ на урочищѣ Тарла-

¹⁾ Какарыкомъ называется гладкое ровное пространство твердо-глинистой почвы, безо всякой растительности, покрываемое весной, послѣ таянія снѣговъ, холою водою, которая впоследствии испаряется, и тогда поверхность какыра получаетъ гладкій, какъ бы полированный видъ.

Гулъ 22 версты. По дорогѣ попадаетъ много джангыла и колючки. На Тарла-Гулѣ два колодца, но одинъ изъ нихъ сухъ, а зато въ другомъ столбъ воды постоянно въ двѣ сажени и вода очень хорошаго качества. При этомъ колодцѣ въ громадномъ камнѣ морского образованія (видны вкрапленныя въ него мелкія ракушки) выдолблено водопойное корыто, вмѣстимостью въ десять сороковыхъ бочекъ.

Отъ Тарла-Гула до урочища Тенге 17 верстъ, по ровному твердому грунту. Кустарниковъ нѣтъ, но мѣстность сплошь поросла арженцомъ. На Тенге два колодца прѣсной воды и при нихъ расположено большое киргизское кочевье.

Наконецъ, послѣдній переходъ—отъ Тенге до урочища Яманъ-Айракты, при Каспійскомъ морѣ—23 версты. Дорога съ незначительными, почти незамѣтными уклонами. Грунтъ твердый, съ камнемъ. Не доѣзжая семи верстъ до Яманъ-Айракты конецъ Усть-Ургу. Здѣсь начинается спускъ къ морю и притомъ довольно крутой; но теперь онъ уже разработанъ И. К. Ражевымъ. При спускѣ находится съ правой стороны гора, изрытая нѣсколькими водомойнами, которыя, спускаясь съ ея реберъ, перерѣзываютъ дорогу. Пока онѣ засыпаны на самой дорогѣ г. Ражевымъ же, но впоследствии ихъ необходимо придется отвести, для чего надо будетъ прокопать для нихъ особую отводную канаву, а дорогу укрѣпить каменными стѣнками.

Итакъ, длина всего пути отъ Кунграда до Яманъ-Айракты на Мертвомъ Култукѣ составляетъ 440 съ небольшимъ верстъ, и мѣстность, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, совершенно удобна для проложенія по ней рельсовой дороги—будетъ ли то дорога конножелѣзная или паровая. Для послѣдней повсюду воды вполне достаточно, а въ случаѣ необходимости могутъ быть вырыты и новые колодцы съ полнымъ расчетомъ на удовлетворительное качество воды, которая, какъ мы видѣли, за исключеніемъ четырехъ колодцевъ, вездѣ хороша, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превосходна.

Яманъ-Айрактинскую бухту окружаетъ полуциркулемъ каменистый кряжъ съ отвѣсными скалами, въ разстояніи около 10 верстъ отъ берега. Между этимъ берегомъ и кряжемъ залегаетъ на низменности обширная ровная площадь съ песчано-глинистымъ грунтомъ, густо покрытая сочнымъ арженцомъ, которымъ не въ меньшемъ же изобиліи поросли и склоны самаго спуска съ Усть-Урта. У подножія скалистаго кряжа находится прѣсноводное озеро, около двухъ верстъ въ поперечникѣ; берега его густо поросли камышемъ и, по словамъ мѣстныхъ кочевниковъ, въ немъ водится множество рыбы. Отъ озера идетъ къ морю промоина, по которой весной стекаетъ избытокъ воды, послѣ таянія горныхъ снѣговъ. Кромѣ

того, на пространствѣ Яманъ-Айрактинской площади вырыто много колодцевъ, такъ что каждое кочевье пользуется особо собственной водой, не заимствуя отъ сосѣдей, и вода у нихъ повсюду хорошаго качества. Такимъ образомъ, дѣйствительность вовсе не соответствуетъ тѣмъ ретивымъ газетнымъ увѣреніямъ, которыя главнѣйшій свой аргументъ противъ новаго пути строили на полномъ отсутствіи прѣсной воды въ Яманъ-Айракты и на крайней скудости и непригодности ея на Усть-Уртѣ. Мы слишкомъ мало еще знаемъ свою государственную территорію, въ особенности на ея дальнихъ окраинахъ, чтобы позволять себѣ такіе безапелляціонные приговоры, забывая, что мы этимъ только тормозимъ развитіе нашихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ. Такое отношеніе къ дѣлу, по меньшей мѣрѣ, крайне легкомысленно.

На самомъ берегу бухты, лѣтомъ прошлаго года, поставленъ г. Ражевымъ привезенный изъ Астрахани деревянный домъ о трехъ комнатахъ съ русскою кирпичною печью. Вѣнштность дома исполнена въ русскомъ стилѣ съ рѣзбой, и принадлежитъ онъ «Россійскому Обществу транспортовъ». А рядомъ Мангизлакскаго при- ставства Киргизъ-Тапалъ тоже построилъ домикъ о двухъ окнахъ изъ мѣстнаго горнаго камня, который представляетъ собою прекрасный строительный матеріалъ, причемъ вмѣсто извести служила мѣстная же, очень клейкая глина, замѣчательная тѣмъ, что когда она высохнетъ, то становится до такой степени тверда, что, по выраженію г. Ражева, ее «и топоромъ не урубишь». При русскомъ домикѣ прошлаго же лѣтомъ, ради опыта, былъ вырытъ колодезь *всего лишь въ десяти саженихъ отъ берега*, и вода въ немъ, даже сверхъ ожиданія, оказалась *совершенно прѣсною*. Къ этому должно прибавить еще, что песчано-глинистая почва всей Яманъ-Айрактинской площади вполне пригодна для разведенія садовой растительности, было бы только надлежащее орошеніе, въ которомъ точно также не можетъ быть недостатка, потому что вышепомянутое озеро представляетъ собою слишкомъ достаточный запасъ воды, чтобы постоянно и въ изобиліи орошать правильнымъ образомъ всю площадь, не говоря уже объ изобиліи колодцевъ, при коихъ всегда возможно участковое орошеніе чигирами. Мѣстные киргизы увѣряютъ также, что на Яманъ-Айракты есть и нефтяные источники. Они говорятъ, лѣтъ десять назадъ одна изъ горъ окружающаго кряжа, вслѣдствіе землетрясенія, дала трещину, изъ которой тогда въ изобиліи потекла черная жидкость. Словомъ, если со-временемъ суждено быть здѣсь городу, то для его устройства и дальнѣйшаго процвѣтанія всѣ условія на-лицо.

Теперь остается сказать лишь о свойствахъ

самой бухты и о морском пути через Мертвый Култукъ и Каспійское море въ Астрахань.

Берегъ Яманъ-Айрактинской бухты ровенъ и возвышенъ; спускъ его къ уровню моря идетъ полого; высота спуска три сажени. Глубина моря въ пятидесяти сажняхъ отъ берега равняется уже пяти футамъ, а во ста сажняхъ девяти футамъ. На разстояніи отъ берега до пятифутовой глубины г. Ражевымъ уже вбиты сваи въ родъ мола, по которымъ проложены досчатые мостки для будущей пристани. Господствующіе вѣтры—весной W, при которыхъ въ бухту нагоняется много воды изъ открытаго моря, а осенью O, выгоняющіе воду обратно въ открытое море. Но по измѣреніямъ, произведеннымъ прошлою осенью г. Ражевымъ, при господствѣ выгонныхъ вѣтровъ въ течение трехъ недѣль сряду *наименьшая глубина Мертваго Култука была 6½ футовъ*; а весной при вѣтрахъ нагонныхъ, по его же измѣреніямъ, *минимумъ глубины былъ 9 футовъ*, то есть во всякомъ случаѣ болѣе того, сколько требуется для мореходныхъ судовъ пятифутовой осадки. А мы знаемъ, что по Каспійскому морю ходятъ теперь суда даже трехфутовой осадки, какъ напримѣръ, пароходъ «Красноводскъ», принадлежащій морскому вѣдомству и предназначенный для рейсовъ между Баку и Красноводскомъ. Нормальная же глубина самого залива Мертвый Култукъ—отъ четырехъ до семи сажень, по промѣрамъ, сдѣланнымъ въ прошломъ году г. Ражевымъ. Замерзаетъ заливъ въ началѣ декабря, а въ первыхъ числахъ марта уже очищается, и толщина льда достигаетъ въ немъ иногда болѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Такимъ образомъ для навигаціи Мертвый Култукъ открытъ въ году въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Изъ бухты Яманъ-Айракты судно держать курсъ на NW. на протяженіи восьми верстъ, оставляя влѣво отъ себя входъ въ заливъ Кайдакъ и восточный плоскій мысъ Бузачинскаго полуострова, или Бузачей, извѣстный подъ именемъ Бухтъ, около котораго, не доходя Буинскихъ острововъ, тянется на протяженіи четырехъ верстъ мель, такъ-называемая «Ближняя Розсыпь». На этой Розсыпи глубина отъ девяти до семи футовъ, причемъ семифутовая бываетъ только при выгонной водѣ, осенью. Здѣсь уже поставлены вѣхи, которыя вполнѣдствіи будутъ замѣнены баканами. Затѣмъ фарватеръ идетъ на W, въ виду бере-

говъ Бузачей, до Колпинскихъ острововъ, оставляя послѣдніе въ лѣвой, а Буинскіе острова—въ правой рукѣ. Пройдя же Буинскіе острова, окончательный курсъ берется на NW, до Волжскаго устья. Морской путь отъ Яманъ-Айракты до Астрахани, при среднемъ ходѣ въ десять узловъ, совершается съ буксиромъ въ трое, а безъ буксира—въ двое сутокъ.

Въ Мертвомъ Култукѣ водятся множество тюленей и бѣлуги. Тюленьи лежки усмотрѣны на Ближъ, на Бузачинскомъ берегу и на островахъ Буинскихъ. Вообще же на берегахъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ киргизы снимаютъ много мертваго тюленя, такъ какъ въ это время, съ охлажденіемъ воды, тюлень начинаетъ обжираться рыбой, вслѣдствіе чего и дохнетъ во множествѣ. Пролую осенью въ Култукѣ нагруппили мертвымъ тюленемъ двѣ большія кусовыя лодки, пришедшія съ Мангишлака изъ форта Александровскаго. Живого тюленя пока еще не было и рыбнаго промысла въ Култукѣ правильнымъ образомъ наши промышленники не практикуютъ. Но прошлою же осенью двѣ кусовыя лодки изъ Гурьева сдѣлали первый опытъ лова и наловили очень много бѣлуги, севрюги и осетра. Съ открытіемъ пути, безъ сомнѣнія, значительно оживится рыбный промыселъ и на Аральскомъ морѣ, гдѣ теперь промышленники выбираютъ только шипа на якру да въ посомъ, а сазана (коропѣ) и судака, нерѣдко нудового, бросаютъ за неадабностью въ море.

По предположенію И. К. Ражева, новый путь, кромѣ пассажирскаго движенія и, вѣроятно, казенныхъ грузовъ, можетъ на первыхъ же порахъ смѣло разсчитывать на всѣ сполна караваны хивинскіе и на часть бухарскихъ, изъ коихъ, напримѣръ, хлопокъ весь направится сюда, а также и на мѣстные, то есть усть-уртинскіе караваны, которые будутъ доставлять шерсть и шкуры.

Дай Богъ, чтобы это дѣло у насъ не заглохло въ самомъ зародышѣ, какъ глохло и глохнетъ многое полезное для государства и его экономическаго развитія, изъ-за какого-то непонятнаго предубѣжденія или изъ-за канцелярской рутинны, или наконецъ изъ-за вздорнаго газетнаго дала, направляемаго не интересами истины и живого дѣла, а только личными симпатіями или антипатіями, какъ было и въ данномъ случаѣ.

По поводу толковъ о путяхъ къ Босфору.

Въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества безпрестанно приходится выслушивать разные мнѣнія и предположенія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, о путяхъ наступленія Россіи на Турцію и даже Турціи на Россію (!) п. т. п. Между этими мнѣніями и предположеніями особенно останавливаетъ на себѣ общественное вниманіе одинъ слухъ, который успѣлъ уже проникнуть и въ иностранныя газеты. Это именно слухъ о наступленіи русской арміи чрезъ Турецко-Северинъ, съ переправой у Кладовы, на Нишъ и далѣе въ западную Болгарію. Очень многіе, принимая этотъ, безъ всякаго сомнѣнія *неосновательный*, слухъ за истинный и уже рѣшительный планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, находятъ возможнымъ даже радоваться ему, какъ новизнѣ, одобрять его необычайную смѣлость и чуть не по пальцамъ высчитываютъ уже заранѣе всѣ выгоды этого наступательнаго пути.

Не зная происхожденія слуха, смѣемъ, однако, думать, что таковой планъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ исходить изъ военнаго міра. Но такъ какъ общественное мнѣніе, не всегда компетентное въ специальныхъ военныхъ, а тѣмъ болѣе въ стратегическихъ вопросахъ, не рѣдко можетъ быть введено въ заблужденіе посредствомъ различнаго рода, хотя-бы и очень пріятныхъ, слуховъ, то мы, съ своей стороны, полагаемъ нелишнимъ разсѣять заблужденіе, разоблачить полную несостоятельность плана, предполагаемаго слухами и установить въ обществѣ правильный взглядъ на дѣло.

Доселѣ, всѣ наши операціи въ Европейской Турціи направлялись на нижнее теченіе Дуная, гдѣ лежатъ кратчайшіе, хотя и вовсе не легкіе, пути къ конечной цѣли. Съ этими операціями связаны такіа имена русской исторіи, какъ Петръ Великій, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Каменскій, Кутузовъ, Витгенштейнъ и Дибичъ, т. е. все то, что составляетъ славу и гордость русской арміи. Теперь же, какъ говоритъ ходячій слухъ, распространяемый и въѣсъ и за границею людьми, очевидно несвѣдущими, предполагается, будто-бы, избрать путь дальнѣйшій, чрезъ западную Болгарію, на томъ основаніи, что онъ представляетъ особыя выгоды. Въ числѣ этихъ выгодъ называютъ:

1) Прямое желѣзнодорожное сообщеніе отъ Кишинева до Турецко-Северина.

2) Удобную переправу черезъ Дунай, которую намъ не придется форсировать и которая

предполагается отъ Турецко-Северина къ Кладовой, на сербскую территорію, гдѣ мы основываемъ свой ближайшій базисъ.

3) Свободный путь отъ Кладовой до Ниша, защищаемый съ лѣваго фланга горнымъ кряжемъ.

4) Легчайшій путь быстрыми маршами отъ Ниша на Пиротъ, Софію, Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь къ Адрианополю, по долинѣ р. Марицы, причемъ особенно выставляется на видъ, что этою долиною мы пройдемъ легко и удобно до самаго Адрианополя.

5) При этомъ направленіи, мы, будто-бы, пойдемъ по пути, еще неистощенному, гдѣ найдемъ и продовольствіе, и фуражъ, сочувствіе и помощь со стороны сербовъ и болгаръ, и гдѣ, кромѣ того, армія наша избавляется отъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ каждую весну (т. е. мартъ и апрѣль) и лѣто (т. е. іюнь) на низовьяхъ Дуная, въ Бабадагской области, вслѣдствіе разлива этой рѣки.

Таковы суть выгоды даннаго направленія, въ томъ видѣ, какъ о нихъ толкуютъ въ обществѣ. Теперь попытаемся разсмотрѣть его *невыгодныя* стороны, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

1) Отъ Кишинева до Турецко-Северина желѣзный путь пролегаетъ на разстояніи, при мѣрно, свыше 900 верстъ. Принявъ по вниманію, что дороги въ Румыніи строились г. Струсбергомъ не для стратегическихъ цѣлей, а исключительно ради видовъ мѣстной промышленности, стоитъ только прослѣдить по картѣ направленіе дороги, чтобы убѣдиться, что при движеніи главныхъ силъ на Турецко-Северинъ, она для *русской* арміи является вполне несостоятельною.

Дорога эта отъ Формозы направляется внизъ къ Дунаю, захватываетъ Галацъ и отъ него, уже прямо по берегу Дуная, идетъ до Браилова, отъ котораго поворачиваетъ въ глубь страны на Бузеу и Плоешты къ Букаресту. Отъ Кишинева до Букареста, приблизительно, 640 верстъ, а до Галаца отъ Кишинева—418 верстъ. Отъ Букареста идетъ побочная вѣтвь къ Дунаю же, которая кончается въ Журжѣ, противъ Рущука, занимая протяженіе въ 60 верстъ, а отъ Рущука, уже на турецкой территоріи, желѣзная дорога продолжается мимо Шумлы ¹⁾ до Варны—важнѣйшаго изъ портовъ Чернаго моря.

¹⁾ Проходитъ въ 15 верстахъ отъ Шумлы

Далѣ, отъ Букареста, турнъ-сверинская желѣзная дорога идетъ на Питешти—пунктъ, лежащій въ 75-ти верстахъ отъ австрійской границы и въ 85-ти отъ Германштадта; затѣмъ она уклоняется къ юго-западу до Крайовы и подымается въ сѣверо-западномъ направленіи до Турнъ-Северина и нѣсколько далѣ до румынско-австрійской границы.

Противъ Турнъ-Северина, на правомъ берегу Дуная, лежатъ сербская, довольно плохая, крѣпость Кладова — первый опорный пунктъ нашего дѣйствительнаго базиса въ будущей войнѣ, если допустить подобное движеніе.

Первая слабая сторона турнъ-сверинской дороги, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что она будетъ *единственною* дорогою, связывающею нашъ базисъ съ Россіей. Какой-же нужно имѣть громадный подвижной составъ и какое количество поѣздовъ надо пускать ежедневно въ ту и другую сторону, чтобы своевременно удовлетворять всѣмъ потребностямъ арміи! И хватить ли у румынской желѣзнодорожной администраціи достаточно матеріальныхъ средствъ и времени на это!

Во-вторыхъ, дорога эта отдѣляетъ нашу дунайскую базу отъ предѣловъ Россіи на цѣлыя 900 верстъ,—разстояніе, которое играетъ громадную роль въ отношеніи времени, потребнаго для всѣхъ нашихъ передвиженій. Если предположить, что дорога эта, закрывшись окончательно для всякаго товарнаго и пассажирскаго движенія, будетъ въ состояніи подымать ежедневно по двѣнадцать военныхъ поѣздовъ (что очевидная невозможность для однопутной дороги), то для перевозки 120-тысячной арміи, со всѣми ея тяжестями и принадлежностями: артиллерійскими, интендантскими и санитарными и со всѣмъ комплектомъ нестроевыхъ чиновъ, потребуется *по крайней мѣрѣ* 6 недѣль времени. Стало быть, если мы начнемъ наше движеніе 1 декабря, то едва къ 15 января успѣемъ сосредоточиться на нашей сербской базѣ, при соединеніи всѣхъ лучшихъ условий для этого. А такъ какъ подобное передвиженіе, повторяемъ, составляетъ очевидную невозможность, то дай Богъ, чтобы оно успѣло окончиться въ восемь недѣль. Если же мы воспользуемся желѣзнымъ путемъ только для перевозки тяжестей и въ которой части войскъ, необходимой для охраненія подорожныхъ пунктовъ и мѣстъ нашихъ складовъ, а всю армію пустимъ пѣшкомъ, рассчитавъ ея переходы среднимъ числомъ по 40 верстъ въ сутки, съ однимъ дневкомъ черезъ каждые три перехода, то и тогда первый эшелонъ ея придетъ въ Турнъ-Северинъ только на 30-й день. Стало быть, даже и въ этомъ случаѣ, предполагая самое счастливое соединеніе всѣхъ невыгоднѣйшихъ условий въ походѣ и въ малѣйшей задержкѣ, полное передвиженіе цѣлой арміи

едва лишь будетъ окончено въ срокъ отъ пяти до шести недѣль. Такимъ образомъ, мы, въ авный ущербъ самимъ себѣ, отдаемъ противнику лишніе полтора, а не то и два мѣсяца на изготовленіе къ войнѣ и пригоняемъ начало нашей кампаніи почти какъ-разъ къ тому времени, когда на Балканскомъ полуостровѣ начинается таяніе снѣговъ со всѣми громадными неудобствами этой поры, и растягиваемъ войну на весенне, а можетъ быть и лѣтніе мѣсяцы, предоставляя непріятелю всѣ удобства плаванія въ Черномъ, да вѣроятно и въ Балтійскомъ моряхъ, чего именно и желательно избѣжать посредствомъ зимней кампаніи.

Надо знать, что такое начало весны на Балканскомъ полуостровѣ, когда начинается таяніе горныхъ и дольных снѣговъ! Первыми признаками этого времени являются: ужасная распутица, невылазная грязь, водополюе на низменностяхъ и болотахъ, которые отъ этого на нѣсколько недѣль становятся вовсе непроходимыми; затѣмъ—разливъ горныхъ рѣчекъ, которыя на это время обращаются въ бушующіе потоки и нерѣдко сносятъ не только деревянные, но и желѣзные мосты; вмѣстѣ съ симъ наступаютъ жаркіе дни и рѣзко-холодные ночи, а съ ними появляются и неизмѣнные спутники этого времени — тифъ и лихорадка.

Въ-третьихъ, стоитъ только обратить вниманіе на зигзаги турнъ-сверинской дороги, чтобы замѣтить слѣдующее, далеко не безопасное для насъ пунты:

а) Галацъ и Браиловъ, съ пространствомъ дороги, идущимъ вдоль по берегу Дуная.

б) Букарестъ съ его побочною линіею къ Журжѣ.

в) Крайова и все протяженіе пути отъ этого города до Турнъ-Северина.

Основывая нашу базу на сербской территории отъ Кладова до Бѣлграда, мы оставляемъ въѣзду цѣлый рядъ дунайскихъ крѣпостей, отъ которыхъ турнъ-сверинская линія, за исключеніемъ угла къ г. Питешти, нигдѣ не отходить далѣ, какъ на 100 верстъ. Большею-же частью эти крѣпости лежатъ отъ нея въ 50-ти и 60-ти верстахъ, а Мачинъ и того ближе, именно: отъ Галаца въ 20-ти, а отъ Браилова въ 15-ти верстахъ.

Принимая въ соображеніе, что Дунай съ его броненосною флоталіей, а слѣдовательно и переправы—находятся во власти турокъ, мы неизбежно должны ожидать, что летучіе отряды противника будутъ дѣлать безпрестанныя попытки порвать нашъ желѣзный путь. Кромѣ того, нѣтъ никакого сомнѣнія, что непріятель, свободно владея моремъ и Сулинскимъ гирломъ, при первой возможности, постарается сдѣлать самое серьезное покушеніе на Галацъ и Браиловъ, съ цѣлью утвердиться возможно прочнымъ образомъ въ одномъ изъ этихъ пун-

ктовъ, оградивъ его, кромѣ достаточныхъ силъ, еще 40-ка или 50-ю дальнѣйшими крупновскими орудіями. Если эта попытка увѣчается успѣхомъ, то сообщеніе нашей арміи съ Россіей будетъ отрѣзано. Тогда отбитіе у турокъ ихъ галацко-брайловской позиціи потребуетъ съ нашей стороны очень большихъ усилій. Поручить охраненіе этихъ двухъ важнѣйшихъ пунктовъ однимъ румынамъ невозможно: они достаточно извѣстны своею боевою несостоятельностью. Итакъ, не только у Галаца и Браилова, но на всемъ пространствѣ отъ Сулины до Букареста и Журжи, на протяженіи около 400 верстъ, мы необходимо должны оставить достаточно сильный обсервационный корпусъ, да кромѣ того, для обезпеченія дороги отъ партизанскихъ налетовъ, держать на протяженіи ея, отъ Букареста до Турнъ-Северина, нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ. Все это, еще не доходя до базы, уже значительно ослабляетъ силы русской арміи. Конечно, необходимость содержать обсервационный корпусъ у вышеназванныхъ пунктовъ неизбежна во всякомъ случаѣ,—будемъ-ли мы переправляться у Галаца и Браилова, или станемъ форсировать переправу противъ Рущука; но въ двухъ послѣднихъ случаяхъ этотъ корпусъ можетъ быть значительно слабѣе, чѣмъ при направленіи на турнъ-северинскую переправу.

Везспорно, что дорога отъ Яссы до Галаца, Букареста и Журжи, въ случаѣ разрыва нашего съ Австріей, ни мало не обезпашена отъ серьезныхъ покушеній австрійской арміи; но пока еще до разрыва—она во всякомъ случаѣ можетъ считаться вполне обезпеченною отъ покушеній со стороны турокъ, коль скоро на вышеказанныхъ пунктахъ мы выставимъ охранительный корпусъ. 418 (примѣрныхъ) верстъ отъ Кишинева до Галаца, находясь у насъ непосредственно въ тылу, не потребуютъ на своемъ протяженіи никакихъ особыхъ охранительныхъ отрядовъ, кромѣ военно-полицейскаго надзора: на протяженіи этого пути мы будемъ какъ бы у себя дома.

Вообще, что касается до способовъ наступленія на Турцію, то смѣемъ думать, что для русской арміи, дабы не подставлятъ флангъ своей операционной линіи, существуютъ только два пути: первый въ восточную Болгарію, съ переправами въ любомъ изъ пунктовъ отъ Галаца до Гирсова, и второй—въ среднюю Болгарію, открывая его изъ Журжи самою энергическою бомбардировкой Рущука, подъ покровительствомъ которой должно совершить гдѣ нибудь, въ ближайшей и наиболѣе выгодной мѣстности, быструю переправу.

Въ прежнія войны (а особенно въ 1828—29 годахъ) мы отдавали предпочтеніе пути на восточную Болгарію, потому что обладали въ Черномъ морѣ сильнымъ флотомъ, который обез-

печивалъ намъ сообщеніе съ Россіей, доставлялъ всѣ снабженія и резервы и, кромѣ того, оказывалъ еще существенную помощь, покоряя укрѣпленные приморскіе порты. Въ настоящее время мы лишены помощи этой чрезвычайно важной силы, которою, напротивъ, обладаютъ турки. Но опасность отъ операцій турецкаго флота можетъ до нѣкоторой степени быть ослаблена въ зимнюю пору бурнымъ состояніемъ Чернаго моря, которое особенно бурлитъ у береговъ. Впрочемъ, расчеты на защиту бурь не могутъ простирается столь далеко, чтобы, основываясь исключительно на нихъ, предпочитать планъ наступленія въ восточную Болгарію всякому другому плану, оперирующему на нижнемъ теченіи Дуная, начиная отъ Рущука.

Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что путь за Дунай, въ его нижнемъ теченіи отъ Рущука до Тульчи, есть нашъ историческій, искоженный нами путь, отъ Святослава до Паскевича включительно. Святославъ еще въ 970 году шелъ этимъ путемъ на Адрианополь, Дибичъ въ 1829 году только послѣдовалъ его доброму примѣру. Императоръ Николай Павловичъ тотъ же путь имѣлъ въ виду, начертывая планъ кампаніи 1854 года.

Говорятъ, что, наступая отъ Кладовой на Нишъ, мы избѣгаемъ безводной Добруджанской степи и дунайскихъ лихорадокъ, которыя свирѣпствуютъ въ Бабадагской области. Но дѣло въ томъ, что тутъ лихорадки страшны для снѣжаго человѣка только въ маргѣ, апрѣлѣ и юнѣ; а зимою ихъ вовсе здѣсь не бываетъ. Что же касается до безводной степи, то, во-первыхъ, ее нельзя назвать безводною въ буквальномъ смыслѣ; во-вторыхъ, она простирается, считая по довольно порядочной дорогѣ отъ Меджидіе на Хаджи-Оглу до Козлуджи, только на сто съ небольшимъ верстъ; въ-третьихъ, лишеніе воды въ равной съ нами степени будетъ испытывать и непріятель, который мало способенъ къ сопротивленію на совершенно открытой мѣстности—стало быть, тутъ-то и надо постараться поскорѣе разбить его; въ-четвертыхъ, кромѣ мѣстныхъ фонтановъ и колодезь, для арміи могутъ оказать весьма существенное подспорье переносные трубчатые колодезы,—ихъ слѣдуетъ имѣть съ собою; наконецъ, въ-пятыхъ, если мы могли въ ужасный лѣтній зной проходить дѣйствительно безводными степями на Хиву, то развѣ труднѣе будетъ пройти зимою Добруджу? На протяженіи этихъ ста верстъ мы встрѣтимъ одинъ существенный недостатокъ: отсутствіе дровъ и камыша, замѣняющаго топливо, но такъ какъ мѣстные жители употребляютъ князь, то люди не останутся безъ горячей пищи и, хотя кое-какъ, но все-таки будутъ согрѣваться на бивуакахъ. Наступая-же отъ Рущука на Османъ-Базаръ, Казанъ и Сливно, мы не

только будемъ идти по мѣстности совершенно здоровой, обильной водою и топливомъ, но еще обойдемъ и Шумлу, которая не задержитъ наступленія главныхъ силъ, если для ея наблюденія и энергической бомбардировки будетъ отраженъ достаточно сильный корпусъ: тутъ съ Шумлою легко можетъ повториться съ западной стороны то же, что въ 1829 году Дибичъ сдѣлалъ съ нею съ восточной.

2) Что касается до удобства переправы чрезъ Дунай отъ Турнъ-Северина къ Кладовой, которую намъ, будто бы, не придется форсировать, то, конечно, это есть удобство, — если турки не займутъ предварительно какъ-нибудь Кладову, — но во всякомъ случаѣ удобство это не столь велико и необходимо, чтобы ради него одного стоило предварительно дѣлать 900 верстъ кривка. Это — во-первыхъ а во-вторыхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у турокъ существуетъ на Дунаѣ весьма солидная броненосная флотилія, которую они, конечно, поспѣшатъ направить къ Виддину, чтобы въ нужный моментъ явиться на мѣстѣ нашей переправы. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ концѣ концовъ, успѣху нашего предпріятія помогутъ и торпеды, которыя мы можемъ погрузить съ лѣвой стороны переправы, и артиллерійскій огонь съ берега, но все-таки придется серьезно посчитаться съ этою флотиліей.

Графъ Мольтке, въ своемъ сочиненіи о кампаніи 1828—29 годовъ, говоритъ, что Дунай отъ Голубицы до Кладовой прорываетъ цѣпь известковыхъ горъ, тянущихся съ сѣвера къ югу, между Карпатами и Балканами. Русло рѣки, по его словамъ, покрыто здѣсь подводными камнями и мелями, порождающими, при высокой водѣ, сильные водовороты, которые во всякое время затрудняютъ судоходство и дѣлаютъ его иногда совершенно невозможнымъ. Средняя ширина рѣки простирается здѣсь до 900 шаговъ (300 саж.), мѣстность же по обоимъ берегамъ ея представляетъ лѣсистыя и довольно непроходимыя горы. Если вѣрить этимъ словамъ высшаго военнаго авторитета нашего времени, то должно придти къ слѣдующему заключенію: буде намъ и не придется форсировать переправу у Кладовой противъ военныхъ силъ противника (развѣ въ случаѣ величайшей оплошности турокъ), то во всякомъ случаѣ, даже при никогда незамерзающемъ въ этомъ мѣстѣ Дунаѣ, ее надо будетъ весьма форсировать противъ самой природы.

3) Въ числѣ удобствъ предполагаемаго направления, общественные толки представляютъ также свободный путь отъ Кладовой до Ниша, — путь, защищенный съ лѣваго фланга горнымъ краемъ, о которомъ упоминаетъ Мольтке. Если этотъ невысокій край «довольно непроходимъ», то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ и вовсе непроходимъ; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что по направ-

ленію отъ Виддина къ Зайчару онъ не мало не помѣшалъ туркамъ въ послѣднюю ихъ войну съ сербами овладѣть этимъ городомъ.

Во всякомъ случаѣ, для полнаго обезпеченія нашего движенія вдоль этого края, по долині р. Тимока, намъ придется выставить весьма сильный отрядъ противъ Виддина. Эту крѣпость должно принимать въ особое соображеніе при вступленіи вообще въ среднюю и западную Болгарію, а тѣмъ болѣе при движеніи долиною Тимока. Виддинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе значительныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и даже составляетъ исключеніе въ ряду придунайскихъ турецкихъ крѣпостей: около него ни съ одной стороны нѣтъ командующихъ высотъ, онъ обладаетъ болѣе сильною профилію, чѣмъ другія крѣпости и можетъ, по свидѣтельству графа Мольтке, вмѣстить въ себѣ 30.000 гарнизона.

Но русскому корпусу, который необходимо надо выставить противъ Виддина, достанется на долю наблюденіе не за однимъ лишь этимъ пунктомъ: ему придется быть въ постоянной готовности къ встрѣчѣ войскъ, выходящихъ дѣйствовать вообще на нашъ лѣвый флангъ и даже въ тылъ, при движеніи нашемъ отъ Ниша къ Софіи и далѣе. Эти турецкія войска легко могутъ организоваться въ особый корпусъ, изъ излившихъ гарнизоновъ ниже лежащихъ дунайскихъ крѣпостей, которыя мы бросаемъ въ сторонѣ. Стало быть, отрядъ, оставляемый нами у Виддина, долженъ обладать весьма солидною силою, чтобы имѣть возможность удовлетворить своему двойному назначенію, а это еще болѣе ослабитъ ядро нашей арміи, которой предстоитъ впередъ сляшкомъ длинный и вовсе не легкій путь отъ Кладовой до Адрианополя, особенно при весенней распутицѣ.

4) Далѣе, въ обществѣ толкуютъ, что отъ Ниша до Адрианополя предполагается пройти быстрыми маршами на Пиротъ, Софію, Татаръ-Базарджикъ и далѣе, по долині р. Марицы, которою мы пройдемъ легко и удобно до самаго Адрианополя.

Посмотримъ, насколько это возможно.

Въ неприятельской странѣ быстрота маршей, съ легкостію и удобствомъ, предполагаетъ движеніе по ровной, не пересѣченной мѣстности, по прекраснымъ дорогамъ, по странѣ, богатой запасами, при отсутствіи сильно укрѣпленныхъ позицій, и во всякомъ случаѣ при хорошо обезпеченномъ тылѣ. Существуютъ ли всѣ эти условія на Нишъ-Адрианопольской дорогѣ?

Обезпеченный тылъ прежде всего предполагаетъ надежную базу, а наша база, — если бы мыслимо было допустить это направленіе, — отстояла бы отъ Россіи на 900 верстъ, и строилась бы въ голодной Сербіи, которая уже и теперь до послѣдней крайности истощена войною. Стало быть, всѣ расчеты наши

на своевременный подвозъ запасовъ мы должны бы были строить на сомнительной помощи Румыніи (путемъ реквизицій) и на отдаленной доставкѣ изъ Россіи.

Надѣяться на Болгарію въ этомъ случаѣ не приходится. Вотъ что говорить по этому поводу въ своихъ запискахъ профессоръ академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Обручевъ:

«Правильнаго хозяйства (у жителей Болгаріи) нѣтъ, излишки они продаютъ, запасовъ не дѣлаютъ. Пища жителей не рѣдко скудна и для русскихъ солдатъ вовсе не привычна. Разсчитывать на средства мѣстныхъ обитателей никакъ нельзя. Рожь и овесъ, особенно важныя для продовольствія нашихъ войскъ, встрѣчаются въ маломъ количествѣ, и потому могутъ требовать подвоза изъ Россіи; *даже въ Западной Болгаріи*, гдѣ земледѣліе и скотоводство болѣе развиты, а народъ зажиточнѣе, *нельзя разсчитывать на мѣстные средства*; они могутъ помочь довольствію небольшихъ отрядовъ, но не арміи. *Овса очень мало*, его приходится замѣнять ячменемъ. Такимъ образомъ арміи въ Болгаріи необходимо возить съ собою большую часть продовольствія, а во многихъ случаяхъ гнать съ собою и стада для мясной порціи. Вообще, содержаніе арміи въ Турціи, въ связи съ ея операціями, составляетъ первостепенную заботу полководца».

Теперь самъ собою является вопросъ: гдѣ же легче дѣлать подвозы? — Тамъ ли, гдѣ наша, вполне обезпеченная и ближайшая къ русской границѣ операціонная линія простирается по желѣзному пути отъ Кишинева до Галаца на 418 верстъ и до Журжи (отъ Кишинева же) на 720 верстъ, или же по опасной съ фланговъ линіи до Турнъ-Северина и далѣе на подводахъ и выюкахъ?

За сямъ, переходимъ къ свойству дорогъ въ западной Болгаріи. Генералъ Обручевъ по этому поводу говоритъ слѣдующее:

«Шоссе и дороги въ западной Болгаріи вообще узкія, иногда не допускаютъ даже разѣхаться двумъ арбамъ, плохо поддерживаются, проходятъ часто по босогорамъ и ушелямъ, гдѣ достаточно самой небольшой порчи, чтобы сдѣлать путь почти недоступнымъ».

О мѣстахъ, встрѣчающихся по этимъ дорогамъ, генералъ Обручевъ свидѣтельствуетъ, что «при талніи снѣговъ въ горахъ (т. е. въ то время, къ которому мы, по вышеприведенному расчету, какъ-разъ подошли бы начало нашей кампаніи) и при сильныхъ дождяхъ рѣки сильно раздуваются, ломая непрочныя мосты и размывая шоссейныя дороги; случается даже, что желѣзные мосты на хорошихъ устояхъ сносятся водою. Вообще, мосты въ Турціи ненадежны и ихъ немного. Легко можетъ случиться, что, при движеніи войскъ,

колонны разорвутся отъ порчи мостовъ. При движеніи арміи, она находится въ полной зависимости отъ погоды и времени года».

Относительно характера мѣстности западной Болгаріи тотъ же почтенный профессоръ говорить, что это есть «страна почти сплошь гористая, покрытая отлогими лѣсистыми вѣтвями Балканъ и прорѣзанная многочисленными рѣками и ручьями».

Заручившись этими общими данными, мы попытаемся теперь опредѣлять характеръ пути, по которому общественные толки предполагаютъ вести наше наступленіе.

Отъ Кладовой до Ниша считается (по картѣ) 162 версты; отъ Ниша до Адрианополя 405, итого 567 верстъ ¹⁾. По этой линіи отъ Царьграда до Татаръ-Базарджика проведена желѣзная дорога ²⁾.

Въ 16-ти верстахъ отъ Пирота, при деревнѣ Чернодолъ начинается горное дефіле, съ переваломъ въ 2,150 футовъ вышины, гдѣ оно принимаетъ весьма серьезный характеръ, особенно же у селенія Сливницы. Послѣ этого перевала дорога, на разстояніи 20 верстъ до Софіи, пересѣкается одиннадцатю балками, по дну которыхъ текутъ горныя рѣчки, съ мостами на каждой. Отъ Софіи до деревни Трнова 25-ти-верстный путь довольно ровенъ, но отъ Трнова до города Ихтимана, на протяженіи 30-ти верстъ, дорога идетъ дефілеями и неоднократно пересѣкается возвышенностями весьма серьезнаго характера. Отъ Ихтимана до Татаръ-Базарджика весь путь въ 50 верстъ исключительно идетъ горами, съ трудными подъемами и спусками. На этомъ пути встрѣчается перевалъ, извѣстный подъ именемъ Траяновыхъ воротъ ³⁾, который замыкается нѣсколькими укрѣпленными казармами. При этомъ должно замѣтить, что, обозначая версты, мы измѣряемъ ихъ по картѣ, т. е. не считая спусковъ, подъемовъ и извилистъ дороги, составляющихъ всегда и вездѣ главнѣйшія препятствія; а если и ихъ принять въ соображеніе, то путь этотъ окажется не въ 20, не въ 30 и не въ 50, но по крайней мѣрѣ вдвое, т. е. 200 верстъ. Подъ городомъ Керманлы насъ встрѣчаетъ опять новый перевалъ черезъ горы. На каждомъ изъ этихъ пунктовъ надо ожидать, что противникъ будетъ стараться давать намъ серьезный отпоръ. Всѣ выгоды мѣстности въ этомъ случаѣ на сторонѣ обороняющагося. Многіе изъ подорожныхъ городовъ, какъ Нишъ, Пиротъ, Софія, Базарджикъ и Филиппополь, уже теперь укрѣплены и еще

¹⁾ Отъ Адрианополя до Царьграда остается, примѣрно, 260 верстъ, стало бытъ, весь пѣшій путь арміи отъ Кладовой до Царьграда простирается (по картѣ) на 827 верстъ.

²⁾ Не вездѣ еще оконченная.

³⁾ У турокъ онъ называется Калуджи-Дербентъ.

продолжают укрѣпляться солиднымъ образомъ. Желѣзная дорога, до которой намъ придется пройти отъ Ниша къ Базарджику, около 220 верстъ (считая по картѣ), во всякомъ случаѣ приноситъ намъ не пользу, но очевидный вредъ. Находясь въ обезпеченномъ тылу противника, она облегчаетъ доставку къ нему резервовъ и снабженій, быстро извѣщаетъ его отъ больныхъ и раненыхъ и проч. При этомъ уже нечего говорить о томъ, что на каждомъ шагу нашего наступленія противникъ будетъ оставлять намъ эту дорогу и большую часть ея сооружений въ испорченномъ или вовсе разрушенномъ видѣ. Линія Дуная, по всей вѣроятности, не составитъ главной обороны турокъ, если они не будутъ поддержаны союзомъ Австріи. Надо думать, что наученные опытомъ прежнихъ войнъ, турки всѣ средства своей обороны сосредоточатъ въ Балканахъ. При наступленіи на восточную Болгарію мы имѣемъ вѣроятную возможность либо разбить ихъ въ Добруджинской степи, либо запереть частью нашихъ войскъ въ Шумлѣ или Варнѣ, или въ обоихъ вмѣстѣ и, не стѣсняясь этимъ, продолжать наступленіе за Балканы путями 1829 года. При наступленіи отъ Туртукая или Рушчука въ среднюю Болгарію можно, безъ особаго риска, ограничиться обложивіемъ одной Шумлы и тѣмъ временемъ съ боя взять балканскій проходъ къ Османъ-Базару и Чатаку. При наступленіи же дѣисто-гористою страной западной Болгаріи придется выбивать противника изъ многихъ дефилей и укрѣпленныхъ позицій, прежде чѣмъ мы успѣемъ дойти до долины р. Марицы. Кромѣ того, этотъ послѣдній путь ничѣмъ не обезпеченъ съ обоихъ фланговъ. Съ дѣваго фланга, владѣя Чернымъ моремъ и имѣя укрѣпленные лагеря подъ Варною и Шумлою, а также и свободные гарнизоны обходимыхъ нами дунайскихъ крѣпостей, турки, безъ сомнѣнія, будутъ стараться дѣйствовать не только на нашъ флангъ, но даже въ тылъ, особенно, когда мы будемъ уже на пути отъ Софіи къ Филиппополю. Для этого у нихъ есть нѣсколько довольно удобныхъ поперечныхъ путей. Обладая же Архипелагомъ и Мраморнымъ моремъ, они и правый нашъ флангъ подвергаютъ не малой опасности: здѣсь въ полномъ ихъ распоряженіи остаются желѣзные пути отъ порта Мекріи до Адрианополя и отъ Салоникъ до Митровицы, причѣмъ послѣдній съ удобною шоссеюною дорогою отъ Ускюба на Софію (черезъ Кумынову, Эгри-Паланку, Кестендилъ и Радоміръ) и на Ихтиманъ (черезъ Дубяницу и Смаковъ). Имѣя въ виду весьма возможный разрывъ нашъ съ Англіею, можно ли поручиться за то, что англичане, высаживаясь въ Салоникахъ и въ Мекріи, не будутъ давать туркамъ сильныя вспомогательныя отряды, чтобы фланкиро-

вать справа наше движеніе на софійско-адриано-польской дорогѣ *).

Итакъ, фланги этого пути не обезпечены. Обезпеченъ ли, по крайней мѣрѣ, хотя тылъ? Къ сожалѣнію, и здѣсь мы ничего не можемъ уступить общественнымъ толкамъ: на этотъ вопросъ точно также приходится отвѣчать отрицательно.

Путь отъ Кладовой до Адрианополя растянутъ (мѣряя по картѣ) на 567 верстъ. Летучіе отряды башибузуковъ и черкесовъ, а можетъ быть и банды албанцевъ, несомнѣнно будутъ дѣлать безпрестанные, неожиданные и быстрые налеты на этотъ путь нашего сообщенія съ базой. Горная и дѣсистая страна въ особенности дастъ имъ полную возможность, посредствомъ засадъ, нападать на наши транспорты. Для обезпеченія своихъ подводъ, лазаретовъ и складовъ намъ пришлось бы оставлять на всемъ протяженіи этой длинной дороги довольно сближенные между собою этапные посты, а въ извѣстныхъ пунктахъ и цѣлыя отряды для самостоятельныхъ дѣйствій противъ партизанскихъ партій. Одно уже это будетъ все болѣе и болѣе ослаблять нашу армію съ каждымъ ея дальнѣйшимъ шагомъ.

5) Если въ обществѣ думаютъ, что, слѣдуя по этому пути, наша армія пойдетъ краемъ плодороднымъ и изобильнымъ, то при этомъ, какъ кажется, забываютъ, что именно это-то самый край преимущественно подвергся рѣзніи и разоренію отъ башибузуковъ всеюю этого года; кромѣ того, онъ уже достаточно истощенъ продолжительными реквизиціями для армій Абдуль-Керима и Девриша-пашей; да, наконецъ, еслибы въ немъ и оставались еще какіе-либо запасы хлѣба и фуража, то сѣно у жителей къ февралю уже истощится, а что останется, то прежде насъ постараются забрать себѣ отступающіе турки, чего же не успѣютъ забрать, то постараются сжечь. Можно съ увѣренностью сказать напередъ, что на всемъ пути нашего наступленія, передъ нашими глазами будетъ разстилаться впереди одна завѣса густого дыма днемъ, и одно зарево пожаровъ ночью.

Который же изъ трехъ путей лучший?

Отвѣтъ на это даютъ, во-первыхъ, цифры. Галацъ ближе всего къ границамъ Россіи *), и его, собственно, можно считать исходнымъ

*) Уже и теперь, какъ было указано въ № 280 „Русскаго Мира“, турецкое военное министерство объявило торги на поставку 15,000 когитаровъ (48,000 пудовъ) сухарей въ Салоники, за коковую поставку обѣщается платить наличными деньгами и притомъ *звонкою монетою*.

*) 418 верстъ по желѣзной дорогѣ отъ Кишинева и не болѣе 50 верстъ отъ пограничнаго мѣстечка Волграда, къ которому сходятся вѣтви шоссеинныхъ дорогъ отъ Галаца, Кагула, Рени и Изаила.

пунктомъ нашего наступленія. Отъ Галаца до Адрианополя, считая путь на Айдосъ и Сливно, — 490 верстъ ¹⁾. Отъ Галаца же, считая на Турнъ-Северинъ, до Адрианополя — 1,075 верстъ. Отъ Галаца на Букарестъ, Журжу, и далѣе чрезъ Рушукъ на Османъ-Базаръ и Сливно къ Адрианополу — 542 версты, изъ коихъ по желѣзной дорогѣ 282. Очевидно, что путь на Журжу въ среднюю Болгарію есть кратчайшій и удобѣйшій. Во-вторыхъ, что касается собственно боевыхъ дѣйствій, то объ этомъ вотъ что говорятъ генералъ Обручевъ:

«Первыя усилія намъ придется обратить на Галацъ и Бранловъ, и прежде всего овладѣть ими. Эти пункты важны и потому еще, что здѣсь лѣвый берегъ командуетъ правымъ, и хотя ширина Дуная болѣе одной версты, но переправы возможны; Мачинскія же высоты ничтожны... «Въ отношеніи къ боевымъ дѣйствіямъ войскъ *восточная* часть Болгаріи *болѣе благоприятствуетъ наступающему*, такъ какъ на открытой мѣстности турки постоянно уступаютъ нашимъ войскамъ и, разъ событие, легко могутъ быть преслѣдуемы и обращены въ совершенное бѣгство и разстройство, особенно если намъ передъ тѣмъ удалось сохранить свою кавалерію. Напротивъ, въ Дели-Орманскомъ лѣсу (средняя Болгарія) и въ *западной* Болгаріи пересѣченная и гористая мѣстность *благоприятствуетъ* турецкой оборонѣ».

Въ наибольшее подтвержденіе этого мнѣнія, обратимся еще разъ къ авторитету графа Мольтке. Разбирая операціонный планъ и путь наступленія графа Дибича, онъ говоритъ слѣдующее:

«Обстоятельства и мѣстныя условія указываютъ столь рѣшительнымъ образомъ на этотъ операціонный планъ, что онъ имѣлъ значеніе не только въ кампанію 1829 года, *но и снова долженъ найти примѣненіе, въ главныхъ чертахъ, при каждой послѣдующей кампаніи русскихъ въ Румелию*».

Въ заключеніе, обратимся къ политической сторонѣ дѣла.

Очевидно, что весь этотъ планъ (если бы только была мало-мальская возможность допустить его осуществимость) долженъ разсчитываться на безусловный нейтралитетъ Австріи, — нейтралитетъ во всякомъ случаѣ, что бы мы ни дѣлали, каковы бы ни были наши успѣхи или неудачи, сколько бы ни измѣнялись не въ нашу пользу политическія комбинаціи въ Европѣ и каковы бы ни были покушенія и замыслы противъ насъ Англіи. Но, въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы разсчитывать на подобный нейтралитетъ со стороны всегда скрытно-враждебной намъ Австро-Вен-

гріи? Вѣдь ужъ это превышало бы для нея всякую мѣру самопожертвованія, это равнялось бы самоубійству! Австрія не можетъ ни въ какомъ случаѣ оставаться равнодушною зрительницею нашей борьбы на Балканскомъ полуостровѣ: у нея 18 милліоновъ славянскихъ подданныхъ и потому она очень хорошо знаетъ, что послѣдній день славянскаго вопроса на югѣ, т. е. въ Турціи, будетъ первымъ днемъ того же вопроса на западѣ, т. е. въ самой Австріи. Потерять ей, рано или поздно, свои нѣмецкія провинціи, конечно, очень тяжело; но съ этимъ горемъ все еще можно какъ-нибудь помириться за вознагражденіе на славянской почвѣ, т. е. хотя бы на одномъ Балканскомъ полуостровѣ; потерять же свои славянскія земли — это конецъ самой Австріи. Вотъ почему въ Восточномъ вопросѣ для нея нѣтъ выбора между войною и миромъ съ Россіей, если только у нея не будутъ связаны руки вѣнскими давленіемъ съ Сѣвера. Нейтралитетъ ея можетъ быть только насильственный, вынужденный. Графъ Мольтке, еще въ 1845 году, вотъ что говорилъ по поводу отношенія Австріи къ Восточному вопросу: «Рѣшеніе задачи, выпадающей *неизбѣжно*, рано или поздно, на долю Австріи: *принять* паденію Оттоманской имперіи, или же *направить ходъ* этого, быть можетъ неминуемаго, всемірнаго событія». Эти знаменательныя слова служатъ прямымъ указаніемъ, что большіе умы нашего вѣка давно уже понимали и откровенно высказывали единственно-возможное отношеніе Австріи къ Восточному вопросу, потому что оно есть для нея единственно логическое, а съ тѣхъ поръ, какъ она стала уже не просто Австріею, но Австро-Венгріею — это отношеніе становится для нея даже *неизбѣжнымъ*. И она очень хорошо это понимаетъ, — это доказываетъ вся ея извортливая политика по Восточному вопросу. Не гонори уже о нынѣшнемъ настроеніи венгерскаго сейма, достаточно вспомнить 1854 годъ. Гдѣ и въ чемъ ручательство, что Австрія, при малѣйшихъ благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ, не повторитъ съ нами того же маневра, который она продѣлала въ 1854 году «изумивъ міръ своею неблагодарностью»? ¹⁾ Развѣ не была она обязана императору Николаю своимъ спасеніемъ въ 1849 году и развѣ это связало ее хотя чѣмъ-нибудь нравственно? И наконецъ, развѣ недавнія заигрыванія съ поляками не должны служить для насъ уже и теперь достаточнымъ предостереженіемъ?

Намъ говорятъ, насъ утѣряютъ, что Австрія будетъ сидѣть смиренно, потому что надъ нею

¹⁾ Отъ Гирсова же 410.

¹⁾ Въ сущности, тутъ міру нечему было изумляться, такъ какъ Восточный вопросъ для Австріи всегда былъ и останется кровнымъ вопросомъ борьбы за свое собственное политическое существованіе.

будетъ тяготѣть veto Германіи. Но мало ли какъ могутъ измѣняться въ самое короткое время политическія обстоятельства! Можно ли, напимѣръ, безусловно поручиться, что въ то самое время, какъ мы будемъ драться на Балканахъ, миръ между Германіей и Франціей ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушенъ? А разъ это случится, у Австріи сами собою развязываются руки... Прискорбный примѣръ 1854 года, повторяемъ, у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Занятіе же австрійцами Дуная, противъ сербской границы, и вступленіе ихъ арміи въ Румынію сразу лишаетъ насъ всей операционной линіи, и лишаетъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе она будетъ растянута. Вотъ почему, вопреки радужнымъ толкамъ

некомпетентныхъ, хотя и довольно многочисленныхъ лицъ въ обществѣ, мы считаемъ окончательно несостоятельнымъ слухъ о направленіи нашей операционной линіи на Туринъ-Северинъ и Кладову. При наступленіи же на пути нижняго Дуная, несравненно болѣе приближенные къ предѣламъ Россіи, мы всегда имѣемъ возможность дать Австріи своевременный отпоръ изъ Бессарабіи и въ Галиціи.

Иное дѣло — направить въ Сербію особый самостоятельный отрядъ, около котораго сгруппировалась бы сербская армія; это, во всякомъ случаѣ, возможно и не бесполезно; но направлять туда всѣ наши главныя силы... полагаемъ было бы, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

Русская церковь на Японскомъ морѣ.

Узнавъ, что настоятель Владивостокской церкви, отецъ Михаилъ Воронцовъ, недавно прибѣжалъ въ Москву хлопотать по дѣлу о построеніи храма во Владивостокѣ и для сбора на сей предметъ добровольныхъ пожертвованій, я позволяю себѣ присоединить къ усиліямъ достопочтеннаго отца Михаила и мой слабый голосъ, чтобы разсказать, въ качествѣ очевидца, о томъ, какую церковь имѣетъ Русское государство въ важнѣйшемъ изъ крайнихъ пунктовъ своей восточно-океаніиской границы и въ какомъ положеніи эта церковь находится.

Владивостокъ, во всякомъ случаѣ, пунктъ весьма представительный: сюда постоянно прибываютъ наши ближайшіе сосѣди—китайцы и японцы, сюда приходятъ на лѣтнюю стоянку иностранными военныя суда, сюда же являются европейскіе и американскіе коммерческіе корабли, и здѣсь всѣ эти представители иноземщины знакомятся съ могущественнымъ Русскимъ «православнымъ» государствомъ, здѣсь они получаютъ объ этомъ государствѣ, его жизни и строѣ свои первыя впечатлѣнія.

Повсюду, гдѣ ни доводилось мнѣ быть во время плаванія съ эскадрой адмирала Лесовскаго, начиная отъ Александріи и вплоть до Иокогамы, представители европейскихъ колоній имѣютъ свои весьма благолѣпныя храмы. Не говори уже о колоніяхъ, непосредственно принадлежащихъ англичанамъ и французамъ, въ смыслѣ ихъ государственныхъ территорій, каковы Аденъ, Пуанъ-де-Галь, Сянгапуръ, Сайгонъ и Гонгконгъ, мы встрѣчали вполнѣ

приличные храмы даже на территоріяхъ имъ чуждыхъ, какъ напимѣръ: въ Александріи, Суэзѣ, Кантонѣ, Шанхаѣ, Чифу, Нагасаки, Кобе, Иокогамѣ,—вездѣ англиканскій и католическій крестъ возносятся высоко, вездѣ они во-очію свидѣтельствуютъ о томъ почетѣ и могуществѣ, какими пользуются эти европейскія націи въ странахъ чуждыхъ и, повидимому, враждебныхъ христіанству, въ силу своихъ религіозныхъ культовъ. Намъ вчужѣ пріятно было глядѣть на эти красивыя готическія башни, украшающія высокіе фронтоны англиканскихъ и католическихъ церквей рѣшительно во всѣхъ городахъ Востока, гдѣ лишь существуютъ, хотя бы незначительныя, европейскія колоніи. Глядя на эти величественныя храмы, безъ сомнѣній, и туземцы волея неволь должны преполняться въ душѣ чувствомъ уваженія къ этимъ «пришлымъ» могущественнымъ европейцамъ и къ ихъ религіи, воздвигающей такіе прекрасные храмы и умиошней, хотя бы только и по наружности, «читать своего Бога». Востокъ, по всей первобытности своихъ понятій, цѣняетъ уваженіе къ чуждымъ государствамъ не по одной лишь ихъ экономической и физической силѣ, проявляющейся въ количествѣ звонкой монеты, броненосныхъ кораблей, крупновскихъ пушекъ и скорострѣльныхъ ружей, но и по тому, насколько и какъ они чтутъ «своего Бога».—«У сильной и великой націи всегда великій и сильный Богъ»—таково ихъ убѣжденіе, а сила и величіе Бога, по ихъ мнѣнію, должны про-

являться въ величїи и благолѣпіи храмовъ, посвященныхъ имени этого Бога.—Что же у насъ? Что виднѣмъ мы у себя дома, на рубежѣ громаднѣйшаго въ мірѣ «православнаго» государства, на рубежѣ, ежедневно приходящемъ въ непосредственныя соприкосновенія съ тѣми же иностранцами и иновѣрными сосѣдями?

Больно и стыдно сказать!... Даже подумать больно. По наружности, нашъ единственный владивостокскій храмъ походитъ болѣе на янтендантскій складочный сарай, чѣмъ на церковь.

Контръ-адмиралъ Эрдманъ, какъ главный начальникъ Владивостока, постарался и напрягъ всѣ свои усилія, чтобы воздвигнуть приличную кирку для лютеранъ,—она и красуется теперь во Владивостокѣ, на одномъ изъ видныхъ мѣстъ города. Къ сожалѣнію, старанія его за православный храмъ не увѣнчались такимъ же успѣхомъ. Нѣмцамъ откликнулись отовсюду, и отовсюду получили они помощь на это дѣло. Утвержденъ уже и планъ для пастора въ 1.800 рублей, при готовой квартирѣ, устроенной въ зданіи самой кирки. Манзы, проживающіе во Владивостокѣ, тоже вѣютъ свою, хотя и небольшую, но приличную модельню; одни только православные должны довольствоваться ветхимъ сараемъ.

Войдя во Владивостокскую церковь, невольно поражаешься ея безпримѣрною убогостію: голыя стѣны, бревенчатый потолокъ, дощатый иконостасъ, выкрашенный бѣлою краской, безъ рѣзбы и позолоты—все это въ самомъ жалкомъ, разрушающемся видѣ; ни въ чемъ незамѣтно ни малѣйшаго благолѣпія, подобающаго православному храму. Какъ была эта церковь срублена командой корвета «Гридень», въ осень 1860 года, при первомъ заселеніи Владивостока, такъ и до сихъ поръ остается въ томъ же самомъ видѣ, тѣсная, мало вѣстительная. Говорятъ, что въ годовые праздники, а нерѣдко и въ воскресные дни, вслѣдствіе тѣсоты и недостаточной высоты церкви, въ ней бываетъ страшная, невыносимая духота, несмотря на шесть форточекъ въ окнахъ и отдушины въ потолокъ; многіе молящіеся, и не только женщины, но даже мужчины, не выдерживаютъ этой духоты и падаютъ въ обморокъ.

Познакомясь съ настоятелемъ Владивостокскаго храма, отцомъ Михаиломъ Воронцовымъ, я узналъ, что въ 1876 году, по его инициативѣ, была открыта во Владивостокѣ подписка на сооруженіе новаго храма и, благодаря усердію мѣстныхъ и областныхъ жителей, собрано до 12.000 руб. Мѣстный губернаторъ, контръ-адмиралъ Эрдманъ обращался къ епископамъ нѣкоторыхъ епархій съ просьбой открыть у себя подписку на то же сооруженіе; но сочувственно отнеслись къ этому дѣлу только балтійскіе да черноморскіе моряки, собравшіе бо-

лѣе тысячи рублей. Тогда же былъ образованъ строительный комитетъ, въ коемъ трудъ председателя принялъ на себя контръ-адмиралъ Эрдманъ. Въ комитетѣ составленъ проектъ и отосланъ вмѣстѣ со смѣтой въ техническій комитетъ, причемъ въ морское министерство поступило ходатайство контръ-адмирала Эрдмана объ ассигнованіи суммы, необходимой на постройку храма. Ходатайство это отчасти уважено, и министерство ассигновало 18.000 р. одновременно.

Въ томъ же 1876 году, воспользовавшись частію собранныхъ денегъ, строительный комитетъ исполнилъ планировку земли подъ храмъ, заложилъ фундаментъ и обнесъ все мѣсто временною оградой, которая нынѣ, за ветхостію, уже замѣнена новою. На всѣ эти работы истрачено до восьми тысячъ. Въ теченіе мая мѣсяца 1876 года, то-есть за первый мѣсяцъ, сбора добровольныхъ пожертвованій поступило въ комитетъ 2.640 руб. 02 к.; всего же по настоящее время поступленія простирались до 28.728 р. 71 к., изъ коихъ 18.000 р. пожертвовано морскимъ министерствомъ и 10.728 р. 71 к. собрано отъ частныхъ лицъ, считая въ томъ числѣ 800 р. поступившихъ по духовному завѣщанію умершаго майора по адмиралтейству Н. Л. Лазарева.

Изъ этихъ суммъ израсходовано: на планировку мѣстности подъ новый храмъ 300 р., на ограду 187 р., на фундаментъ 7.185 руб., итого 7.672 руб. Въ остаткѣ на-лицо состоитъ 21.056 р. 71 к.

Сначала сборъ денегъ шелъ очень удовлетворительно, такъ что въ одномъ Владивостокѣ было собрано до 9.000; но съ 1877 года, въ ожиданіи войны съ Англіей и благодаря слухамъ о перенесеніи порта въ Ольгу, дѣло совсѣмъ затормозилось. Впрочемъ и безъ этихъ неблагоприятныхъ условій немислимо было бы рассчитывать на возможность постройки средствами однихъ только жителей Владивостока. По смѣтѣ, стоимость храма, по мѣстнымъ условіямъ и цѣнамъ, должна обойтись въ 200.000 рублей, но когда-то еще соберется такая сумма!.. А между тѣмъ нынѣшній храмъ все ветшаетъ и ветшаетъ, и уже не далеко то будущее, когда онъ совсѣмъ рухнетъ, и Владивостокъ останется вовсе безъ церкви.

Чтобы возобновить съ нѣкоторымъ успѣхомъ сборъ денежныхъ пожертвованій въ настоящее время нужно, во-первыхъ, имѣть жителямъ увѣренность, что Владивостокъ не будетъ возвращенъ въ первобытное состояніе кятайской Хейдъ-Суви, и во-вторыхъ, приступить къ продолженію постройки храма; но чтобы продолжать ее, необходимо тотчасъ же имѣть въ рукахъ 50.000, а ихъ-то нѣтъ. Между тѣмъ пужно начать заготовку кирпича и известя, нужно постронть сарай для склада

этихъ матеріаловъ, нужно наконецъ и рабочимъ платить, а цѣны на рабочія руки и на строительные матеріалы здѣсь непомерно высоки. Явилось было предположеніе строить храмъ деревянный, но, по строгомъ обсужденіи, оно оставлено, потому что при здѣшней сырости климатъ такая постройка была бы лишь напрасною тратой денегъ. Вслѣдствіе весенней и лѣтней сырости, наносимой безпрестанными дождями и туманами съ моря, владивостокскія деревянныя строенія подвергаются гниенію чрезвычайно быстро, да и самая постройка зданій, по необходимости, идетъ изъ сырого лѣса. Еслибы вслѣдствіе крайности и пришлось соорудить деревянный храмъ, то прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ, надо бы было употребить года четыре на заготовку и сушку лѣса, а къ тому времени городу грозить вѣроятность совсѣмъ остаться безъ храма. Владивостокскіе жители были бы чрезвычайно рады, еслибы имъ удалось вывести только *стѣны* и прочно покрыть ихъ, на что понадобилось бы гораздо менѣе смѣтной суммы, а внутреннія украшенія и улучшенія можно бы производить впослѣдствіи и постепенно, по мѣрѣ накопленія денегъ. Но разсчитывать даже и на такую постройку съ помощью однихъ лишь мѣстныхъ денежныхъ средствъ, повторяю, нѣтъ никакой возможности. Православное населеніе Владивостока состоитъ изъ очень несостоятельныхъ, въ денежномъ смыслѣ, элементовъ: большинство это военные и морскіе чины, съ крайне ограниченнымъ содержаніемъ и къ тому же обремененны долгами, благодаря разнымъ «благодѣтелямъ» изъ мѣстныхъ иностранныхъ коммерсантовъ; зажиточныхъ русскихъ купцовъ, на благотворительность которыхъ можно бы было разсчитывать, нѣтъ; а затѣмъ остаются отставные матросы да солдаты, часть мѣщанъ да ссыльно-поселенцы. Всѣ эти жители, отказывая себѣ даже въ необходимомъ, вынуждены употребить

послѣдній свой грошъ на постройку или поддержку своихъ собственныхъ жилищъ, и все-таки, несмотря на всѣ свои нужды, къ чести ихъ сказать, не забываютъ посильными приношеніями и храмъ Божій. Благодаря ихъ пожертвованіямъ, какъ уже сказано, скопилась значительная часть въ составѣ нынѣ имѣющейся суммы. Но все же этихъ денегъ далеко еще не достаточно, и если не окажется посторонней помощи, а главное, если со стороны правительства не будетъ ассигновано надлежащей суммы, хотя бы по частямъ, то Владивостокъ еще долго будетъ оставаться безъ помѣстительнаго и благолѣпнаго храма.

Даже забытому Петропавловску, въ Камчаткѣ, посчастливилось въ этомъ отношеніи богѣе Владивостока. Тамъ, по крайней мѣрѣ, хотя американцы, ведущіе торговлю съ этимъ городкомъ, сжалились надъ его православными обителями и подарили имъ церковь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они построили въ Санъ-Франциско разборчатый храмъ, очень приличной наружности, перевезли его по частямъ на своихъ судахъ въ Петропавловскъ и поставили на видномъ мѣстѣ. Неужели же и Владивостокъ дожидаться, чтобъ ему подобнымъ же путемъ дарили церковь японцы или китайцы?..

Слышалъ я, будто Святейшимъ Синодомъ назначено пятьдесятъ тысячъ на сооруженіе всѣхъ вообще православныхъ церквей въ Амурскомъ, Приморскомъ и Уссурийскомъ краяхъ; но пятьдесятъ тысячъ *на всѣ* церкви—это менѣе чѣмъ капля въ морѣ.

Если въ Гельсингфорсѣ, Свеаборгѣ, Ревелѣ и другихъ портахъ воздвигнуты великолѣпныя соборныя храмы на счетъ казны, то Владивостокъ, какъ первый представитель Россіи, на ея восточно-океанійской окраинѣ, по всей справедливости, имѣетъ неменьшее право на такое же вниманіе и помощь правительства.

Ловкій и сильный ударъ англичанъ по Россіи.

Нѣсколько дней тому назадъ телеграфъ принесъ изъ Гонгконга краткое извѣстіе, что англичане водрузили свой флагъ въ портѣ Гамильтонѣ, въ Корейскомъ проливѣ. Слѣдующее затѣмъ извѣстіе гласило, что занявъ англичанами въ Корейскомъ же проливѣ островъ Кельпартъ (рекомый нашими газетами «Квельпартъ») Поэтому нѣкоторыя изъ газетъ порицали, что портъ Гамильтонъ находится на

островѣ Кельпартѣ. Это, очевидно, было дѣломъ маленькаго недоразумѣнія не только со стороны русскихъ, но и нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, происшедшаго отъ несовѣстнаго знакомства съ географіей крайняго Востока. Но первая изъ русскихъ газетъ, которая откликнулась на первое краткое извѣстіе о новомъ англійскомъ захватѣ въ Корейскихъ водахъ («С.-Петербургскія Вѣдомости»),

опредѣлила захваченный пунктъ и его географическое положеніе съ полною точностью, и только уже послѣдующія сообщенія другихъ газетъ, смѣшавшія Гамильтонъ съ Кельпартомъ, внесли въ это дѣло неясность и сбивчивость. Наконецъ послѣдняя лондонская телеграмма отъ 1-го (13) апрѣля разъяснила вопросъ окончательно, сообщивъ, что «англичане присоединили не Кельпартъ, а портъ Гамильтонъ, одинъ изъ острововъ небольшой группы, находящейся въ 38 миляхъ отъ Кельпарта». По поводу этого извѣстія въ англійской печати поднялось радостное ликование, а «Times» необинуясь назвалъ фактъ захвата «смѣлымъ и сильнымъ ударомъ», направленнымъ противъ Россіи.

Что же такое этотъ портъ Гамильтонъ и въ чемъ его важность?

Прежде всего начнемъ съ его географическаго положенія.

Въ Корейскомъ проливѣ, соединяющемъ бассейны Японскаго моря съ бассейномъ Желтыхъ морей, находится нѣсколько группъ острововъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ Корей, а другіе Японіи, какъ государственная собственность того и другого государства. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно Цусима и Ики (японскіе), Каргодо, группа Гамильтонъ и Кельпартъ (корейскіе) имѣютъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе, въ особенности Цусима (или Тсу-сима) и Гамильтонъ, обладающіе превосходными портами. Цусима со своею обширною первокласною бухтой Татамура лежитъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ Корейскаго пролива, дѣля его на два прохода—восточный и западный. Противъ южной оконечности острова Цусима (мысъ Косаки), въ разстояніи 80 морскихъ миль къ западу, лежитъ группа Гамильтонъ, а въ 38 миляхъ къ SSW, большой островъ Кельпартъ, не безъ нѣкотораго остроумія названный англичанами Корейскою Сиднейей. Группа Гамильтонъ находится какъ разъ противъ западнаго прохода Корейскаго пролива. Она состоитъ изъ двухъ, болѣе значительныхъ и трехъ мелкихъ острововъ, расположеніе коихъ таково, что они образуютъ естественнымъ образомъ и внутренней, очень хорошо прикрытый портъ, и вѣншній рейдъ, тоже находящійся подъ защитой малыхъ острововъ, гдѣ могутъ быть сооружены достаточно сильныя отдѣльные форты. Во внутреннемъ бассейнѣ этой группы можетъ вполне удобно помѣститься весьма значительная военная эскадра, для которой здѣсь можетъ быть устроенъ и угольный складъ, и арсеналъ для всякаго рода снабженій, и госпиталь, на случай военныхъ дѣйствій. Первенствующее значеніе въ стратегическомъ смыслѣ имѣетъ, конечно, Цусима; но послѣ нея важнѣйшая роль въ военномъ отношеніи несомнѣнно принадлежитъ порту Гамильтонъ. Въ 1861 году

русскій флагъ въ теченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ развѣвался на Цусимѣ. Бывшій феодальный владѣтель этого острова, полунезависимый князь Цусима уступилъ намъ частичку своей территоріи въ бухтѣ Татамура. Здѣсь наши моряки съ корвета «Посадникъ», державшаго на Цусимѣ морскую станцію, уже построили было складочный сарай, казарму, мастерскую, баню, домъ для начальника станціи, развели огороды и провели шоссеюную дорогу отъ своей колоніи до сосѣдней деревни Хираста. Слухъ о нашей стоянкѣ, конечно, не могъ не дойти до англичанъ, которые направили сюда свой фрегатъ «Актеонъ», съ цѣлью освѣдомяться, что такое дѣлаютъ русскіе на Цусимѣ. Послѣдствіемъ этого морского визита была дипломатическая переписка между С.-Петербургскими и С.-Джемеками кабинетами. Англичане потребовали, чтобы мы очистили островъ, и мы, по тогдашнему обыкновенію нашей излишне шепетливой и не въ мѣру уступчивой политикѣ, поспѣшили исполнить это требованіе «дружественной» державы.

Въ началѣ 1882 года, послѣ извѣстной парижской рѣчи покойнаго Скобелева, когда отношенія между Германіей и Россіей стали довольно натянуты, нѣмецкія газеты, въ предвидѣніи возможности войны съ Россіей, пустили-было мысль о высадѣ захвата Цусимы въ свои руки, для устройства тамъ морской станціи. Но послѣ государственнаго переворота 1868 года въ Японіи, когда всѣ ея бывшія феодальныя владѣнія обратились въ прямую государственную собственность, сдѣлать это было уже не такъ легко, какъ намъ въ 1861 году, и счастливая идея германцевъ такъ и осталась въ сферѣ академическихъ разсужденій.

Важность Цусимы, а равнымъ образомъ и Гамильтона состоятъ въ томъ, что нашъ противникъ, владѣющій тѣмъ или другимъ, запираетъ намъ южный выходъ изъ Японскаго моря въ китайскія воды и, напротивъ, открываетъ себѣ въ каждую данную минуту свободный входъ въ наши воды, для непосредственныхъ дѣйствій противъ Владивостока и вообще Уссурийскаго края. Въ этомъ-то смыслѣ ликующія нынѣ англійскія газеты и называютъ портъ Гамильтонъ «Гибралтаромъ Корейскаго пролива».

Но если теперь англичане заперли намъ южный выходъ изъ Японскаго моря, то у насъ остаются еще свободными выходы въ океанъ чрезъ Лаперузовъ и Сунтарскій проливы.

Вотъ, въ томъ-то и вопросъ,—остаются-ли?

Дѣло въ томъ, что 18-го іюня 1881 года, во время стоянки крейсера «Европа» на Гонгконгскомъ рейдѣ, на этомъ суднѣ было получено достоверное свѣдѣніе, что англичане всего лишь нѣсколько дней назадъ, пользуясь расформированіемъ эскадры адмирала Лесов-

скаго и уходомъ судовъ, входившихъ въ ея составъ, изъ водъ Японскаго моря, а также въ расчетъ на то, что Россія, опешолвленная еще трагическою смертью своего государя и поглощенная борьбою со внутренними своими врагами, не обратитъ должнаго вниманія на поступокъ «дружественной» державы, а если и обратитъ, то будетъ безсильна воспрепятствовать ему, — отправили тайкомъ изъ Гонгконга одно изъ своихъ военныхъ судовъ къ острову Матсмаю (Иессо) изслѣдовать то мѣсто, гдѣ разбилась наша военная шхуна «Алеутъ», съ цѣлью занять его подъ свою угольную станцію, опираясь на которую ихъ суда, въ случаѣ войны съ Россіей, могли бы преградить нашимъ океанскіе выходы изъ Японскаго моря чрезъ Лаперузовъ и Сунгарскій проливы. Инструкція, данная отправленному судну, предписывала ему изслѣдовать бухту Сетанай (на западномъ берегу Матемая, въ 65 миляхъ къ сѣверу отъ Сунгарскаго пролива) и островъ Окусиріи, а также бухточки около мыса Роджерса (Исисаки). Всѣ эти пункты лежатъ между 41°48' и 42°25' с.ш., — можно сказать, какъ разъ напротивъ Владивостока, въ разстояніи отъ него около 350 миль, а къ сѣверу отъ Сетанай, въ 105-ти миляхъ, находится городокъ Отарнай, владѣющій каменно-угольными копями. На суднѣ, командированномъ къ Матсмаю, отправилось подъ видомъ частнаго предпринимателя, официальное лицо изъ служащихъ въ Гонгконгъ, которое было уполномочено, по выборѣ надлежащаго пункта, приобрести его у японцевъ, яко бы въ свою частную собственность, для устройства тамъ коммерческаго склада. Такъ какъ крейсеръ «Европа» долженъ былъ вскорѣ покинуть Гонгконгскій рейдъ, чтобы отправляться далѣе по своему назначенію, то на суднѣ этомъ остался неизвѣстенъ дальнѣйшій ходъ сего предпріятія, но въ Гонгконгъ въ то время не сомнѣвались въ его исполнѣ успѣшномъ исходѣ, и если дѣло это тогда, подъ шумокъ другихъ событій, увѣнчалось успѣхомъ и было оставлено со стороны Россіи безъ протеста,

то въ настоящую минуту, съ занятіемъ Гамильтона, всѣ наши выходы въ океанъ оказываются запертыми, и Японское море, такимъ образомъ, обращается для насъ въ закрытое озеро, въ родѣ Чернаго или Балтійскаго.

Занятію Гамильтона, будучи вѣчною угрозой Владивостоку и Уссурийскому краю, равняется для насъ утрата всей нашей будущности, всей свободы развитія нашихъ силъ и политическаго значенія, какъ великой державы, на Тихомъ океанѣ, и потому-то «Times» и называетъ шагъ, сдѣланный на сихъ дняхъ Англіею, смѣлымъ и сильнымъ ударомъ по Россіи.

Въ значеніи этого удара сомнѣваться нельзя, какъ нельзя и закрыть себѣ на него глаза, если Россія дѣйствительно великая и самостоятельная держава. Занятію Гамильтона есть уже само по себѣ casus belli, и если англичане не поберемонились со свойственною имъ наглостью захватить территорию чужого государства, то церемониться долѣе съ подобными противниками нечего, а ссылка ихъ газетъ на то, что Кельнартъ еще когда-то прежде былъ подаренъ англичанамъ китайскимъ богдыханомъ, просто смѣшна: никакой богдыханъ не можетъ дарить земель, ему не принадлежащихъ. Что касается Россіи, то отвѣтомъ на занятію Гамильтона должно быть одно изъ двухъ: либо немедленное же занятію Корейскаго порта Лазарева, или, еще лучше, острова Каргодо (въ Корейскомъ проливѣ, между Пусимой и Корейскимъ полуостровомъ), и сдѣлать это теперь тѣмъ удобнѣе, что сами же англичане первые подали къ тому примѣръ. Изъ гавани Каргодо мы можемъ не безъ успѣха импортировать Гамильтону. Либо же немедленно двинуть свои войска на Балхъ и Гератъ и захватить эти города съ тѣмъ, чтобы, при «разверстаніи угодій» съ Афганистаномъ можно было впоследствии очистить ихъ взаимно очищенія англичанами Гамильтона и пункта около Сетанай, буде таковой дѣйствительно уже занятъ ими.

СИНТО И БУККЪЙО.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СТРАНѢ «ВОСХОДЯЩАГО СОЛНЦА».

Во время пребыванія въ Японіи, одною изъ наиболѣе заинтересовавшихъ меня сторонъ жизни этой страны явились ея религіозныя культы. Почему это вышло такъ, читателю не трудно будетъ понять, когда онъ ознакомится

съ рядомъ моихъ замѣтокъ, предлагаемыхъ его вниманію.

Въ Японіи издревле существуютъ рядомъ, не ссорясь между собою, два религіозныхъ культа: Ками, или Синто, и Буккѣйо. Первый

изъ нихъ, создавшій свою собственную космогонію, представляеть собою совершенно самостоятельную, въ откуды не заимствованную національную религію этой страны,—религію, начало коей уходитъ въ мракъ баснословныхъ вѣковъ и, по наименьшей мѣрѣ современно началу самой Японіи, какъ государства, а таковое исторически достоверно существуетъ уже 2555 лѣтъ. Вступленіе на престолъ перваго историческаго государя Японіи, *Санно*, память коего чтима подъ именемъ *Дзинму* или *Цинму*, относится къ 667 году до Р. X. Второй же культъ, Буккью, т. е. буддизмъ, проникъ сюда изъ Кореи сравнительно уже въ позднѣйшія времена, а именно въ срединѣ VI вѣка нашей эры. Введеніе буддизма въ Японію относится къ 255 году по Р. X.

Синто есть собственно китайское названіе перваго культа, которое однако принялось къ Японіи не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ ея собственное — Ками. Основа этой религии заключается въ почитаніи памяти предковъ, ведущихъ свое земное происхожденіе непосредственно отъ божественной четы Изанани и Изанамии, трудившихся при жизни надъ государственнымъ созданіемъ Японіи и обратившихся за это по смерти въ *нами*, т. е. духовъ-хранителей и покровителей японскаго государства и народа. Болѣе всего въ этомъ культѣ заинтересовала меня его космогонія, предполагающая рядъ неизмѣримыхъ послѣдовательныхъ періодовъ, въ теченіе коихъ созидалось дѣло зарожденія міра. По ученію этой космогоніи, оно совершилось вотъ въ какомъ порядкѣ:

Въ началѣ не было ни неба, ни земли. Смѣшеніе всѣхъ веществъ составляло жидкую, мутную массу, подобную яйцу въ зародышѣ, гдѣ бѣлокъ и желтокъ остаются въ смѣшеніи. Въ безконечномъ пространствѣ, наполнившемъ этотъ хаосъ, было божественное *тройственное* начало, верховное существо, имѣющее тронъ надъ хаосомъ, среди вышшняго (возникшаго въ послѣдствіи) неба. Субстанція этого верховнаго существа состоитъ: 1) изъ него самого, 2) изъ начала творческаго и 3) изъ верховнаго разума. Каждое изъ этихъ началъ имѣло и собственное, субъективное существованіе, не выходя однако изъ сферы своей духовной природы единаго верховнаго Бога. Это троичное-божественное начало, силой своего разумно-творческаго почину, вызвало отдѣленіе неба отъ земли: «Тончайшіе атомы, носившіеся въ безпредѣльномъ пространствѣ, образовали небо; атомы грубѣйшіе мало-по-малу соединились, сплотились вмѣстѣ и составили землю. Тончайшіе атомы скоро раскинули округленный небесный сводъ; атомы грубѣйшіе смыкались гораздо медленнѣе, и земли возникла спустя долгій періодъ времени послѣ неба».

Тогда начался второй періодъ творческой дѣятельности божества — періодъ *семи* небесныхъ династій, символизировавшій образованіе различныхъ элементовъ: «Когда земная матерія носилась еще, какъ рыба, играющая на поверхности воды, или какъ образъ луны, трепещущій въ прозрачной волнѣ,—между небомъ и землею показалось нѣчто похожее какъ бы на стебель тростника, одаренное движеніемъ и способное къ преобразованію, исходное отъ божественной творческой силы». Это нѣчто воплотилось въ *трехъ* боговъ, изъ коихъ первый—*Куно-токо-тадзю* но *микато* — явилъ въ себѣ предвѣчно-существующее во вселенной свящѣннѣйшее начало, т. е. былъ какъ бы духовнымъ воплощеніемъ того тройственно-единаго Бога, который силою своего разумнаго творчества создалъ принципъ неба и припичпъ земли, отдѣливъ ихъ другъ отъ друга изъ хаоса. Куно-токо-тадзи и былъ инициаторомъ созданія собственной нашей вселенной. Второй изъ боговъ *Фуни-за-цудзи* но *микато* — властвовалъ надъ свойствами воды, первой изъ пяти стихій, и третій богъ—*Таю-куму-су* но *микато*—повелѣвалъ свойствами огня (второй стихіи). Всѣ трое были мужескаго пола, такъ какъ происхожденіемъ своимъ обязаны были исключительно дѣйствию божественнаго *небеснаго* разума.

Послѣ этихъ трехъ первыхъ боговъ мужескаго пола, являются послѣдовательно *четыре пары* боговъ и богинь, но въ супружескихъ между собой отношеніяхъ. Парное или двойственное ихъ начало находится въ зависимости отъ того, что въ созданіи ихъ участвовали въ равной степени высшій *разумъ небесный* (начало активное, мужское) и *разумъ земной* (начало пассивное, женское). Поэтому она служатъ какъ бы выраженіемъ принциповъ активнаго и пассивнаго, движущаго и недвижущаго, мужскаго и женскаго, полюса положительнаго и полюса отрицательнаго. Изъ нихъ первая пара или чета (собственные имена опускаю) повелѣвала свойствами земли (третья стихія), вторая—свойствами металла и третья—свойствами дерева (т. е. растительнаго міра). Наконецъ, четвертая пара—*Изанани* но *микато* и его жена *Изанамии* —являютъ собою начало животнаго оплодотворенія всего сущаго въ нашей земной природѣ. Такимъ образомъ, первый изъ небесныхъ боговъ, Куно-токо-тадзи, какъ уже сказано, есть инициаторъ созданія *нашей* вселенной, а всѣ *семь* боговъ въ свѣтъ осуществляютъ *стихию и періодъ* этого созданія. Три первые поколѣнія этихъ боговъ — исключительно духовны; въ четырехъ послѣдующихъ есть уже совмѣстное существованіе двухъ началъ, мужскаго и женскаго, но полное сознаніе своей природы проявляется лишь въ седьмомъ и послѣднемъ поколѣніи, у Изанаци и Изанамии. Эра всѣхъ этихъ небесныхъ боговъ, отъ Куно-

токо-тадзи до Изаанаги, обнимаетъ неизмѣримое число милліоновъ лѣтъ. Но съ Изаанаги и Изаами (что равнозначуще понятіямъ *мужъ и жена*) начинается оживленіе, обитаемость нашей земли, и первымъ созданіемъ ихъ была, конечно, прекраснѣйшая страна въ мірѣ — Японія.

Замѣчательно, что и китайская космогоническая система, принимая за начало *Тай-Кинга* субстанцію первобытную и предвѣчную, абсолютную и крайнюю, учить, что все сущее заключается въ Тай-Кингѣ подъ двумя видами: *Янга* и *Иина*, изъ коихъ первый есть принципъ дѣйствующій, движущій, мужескій или первоначальная *сила*, а второй — принципъ пассивный, неподвижный, женскій, или первоначальная *матерія*; и что всѣ элементы, изъ коихъ состоитъ вселенная, являются результатомъ дѣятельности и частицъ Янга и Иина, истекающихъ изъ Тай-Кинга и комбинирующихся между собою; т. е. и тутъ мы встрѣчаемся съ идеей предвѣчной тріединности абсолютнаго божества. Вотъ это-то обстоятельство, равно какъ и семь періодовъ, или стѣпій, творенія японской космогоніи, подаетъ мнѣ поводъ думать, — не есть ли это уцѣлѣвшій обрывками въ различныхъ культахъ человѣчества и всецѣло, благодаря Бюбни, сохранившійся въ христіанствѣ остатокъ древнѣйшаго божественнаго откровенія людямъ, положившаго начало первой на землѣ, общей всему первобытному человѣчеству, религіи, которая потомъ погибла въ катаклизмахъ нашей планеты вмѣстѣ съ допотопнымъ человѣчествомъ?

Мнѣніе сказаніе, которое я привожу лишь въ краткомъ извлеченіи, повѣствуетъ о созданіи Японіи божественною четюю слѣдующимъ образомъ. Однажды богъ Изаанаги съ женою своею Изаами, наклонясь надъ небеснымъ мостомъ, бесѣдовали между собою, и разговоръ ихъ коснулся возможности существованія низшаго міра. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Изаанаги сказалъ своей женѣ: «Попьемъ, не найдется ли въ тѣхъ водахъ, что подъ нами, какого-нибудь затопленнаго міра». И онъ погрузилъ въ земныя воды алмазный конекъ своего жезла и сталъ пробовать имъ во всѣхъ направленіяхъ, а когда выпулъ его, то съ окончаніемъ небеснаго алмаза обѣжали капли соленой воды и, сплотившись во время наденія, образовали островъ, имя же ему Онакаро. Собственно — Онакаро-сима, но *сима* значитъ островъ. Божественная чета спустилась на этотъ островъ и положила обратитъ его въ центральный пунктъ великаго архипелага, созданнаго ею съ обоюднаго согласія. Постѣ этого, Изаанаги вызвалъ изъ глубины воды (намекъ на вулканическое происхожденіе Японскаго архипелага) островъ *земной тины* (лавы) Авадзѣ; потомъ гористый Ого-Йамато (нынѣшній Ниппонъ), богатый осенними плодами и превосход-

ными гаванями; затѣмъ Йо съ очаровательными видами, далѣе Кью-сю, Ики, Цусиму съ ея прекрасными портами, Оки съ тремя его островками, и славный Саидо, полный золота и мѣди. Всѣ они вмѣстѣ образовали имперію восьми большихъ острововъ. Наконецъ, всплыли на поверхность моря острова второстепенные, бывшіе также созданіемъ божественной четы. Прочіе же небольшіе острова, разбросанные вокругъ этихъ главныхъ по океану, образовались впоследствии изъ морской дѣны при рѣчного ила (т. е. происхожденія аллювиальнаго). Но такъ какъ новосозданная страна оставалась пустынною и необитаемою, то Изаанаги вызвалъ къ жизни восемь милліоновъ геніевъ, которые опустились разомъ на Японскій архипелагъ и произвели богатѣйшую растительность. Кромѣ того, Изаанаги создалъ десять тысячъ первоначальныхъ предметовъ, отъ которыхъ произошли и происходятъ всѣ нынѣ существующіе предметы. Богиня же Изаами создала геніевъ рудъ, водъ, водныхъ растений, плодородія, земли и огня. Но все это творили они не путемъ зарожденія, а посредствомъ своей самобытной творческой способности; и когда все уже было ими сотворено, то они же первые подали всему органическому міру примѣръ дѣторожденія. Но дѣтей у нихъ было немного, и первую явилась дочь *Ого-иру-мемми*, великое и божественное солнце, названное также *Ама-тера-зу-охо-ками*, т. е. великимъ геніемъ, блестящимъ на небѣ. Вотъ откуда ведетъ древняя Японія поклоненіе солнцу. Даже секты рационалистовъ этой страны (конфуціанцы) чтутъ его подъ популярнымъ именемъ *Тенсѣ-дай-джинга*, великой начальной богини, наследницы небеснаго поколѣнія. Тенсѣ была основательницей пяти династій *земныхъ* боговъ, оставившихъ по себѣ человѣческое потомство, и оттого-то всѣ японцы вообще, а наслѣдственные ихъ императоры (*микадо*) — въ особенности, выводятъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ Тенсѣ, богини солнца. Поэтому и островъ Ого-Йамато былъ названъ *Ниппономъ*, что въ переводѣ значитъ *колыбель солнца*; поэтому же и эмблема «восходящаго солнца», являясь государственнымъ гербомъ Японіи, принята была впоследствии; древнѣйшій же гербъ — *драконъ*, отъ котораго якобы произошелъ первый микадо Японіи — Цинму. Пятый и послѣдній изъ земныхъ боговъ, происшедшихъ отъ Тенсѣ, оставилъ по себѣ четырехъ сыновъ, изъ коихъ однакъ престолъ родительскій занялъ, по волѣ отца, младшій, какъ самый способный и достойный. Въ юности онъ носилъ имя *Санно* но *микадо* и былъ властителемъ небольшой землицы (острова Личю, называемаго обыкновенно европейцами Личу-Кіу), но, 45-ти лѣтъ отъ роду, въ 667 году до Р. Х. Санно выступилъ на завоеваніе острововъ, лежавшихъ восточнѣе собственныхъ его

владѣній. Частью оружіемъ, а болѣе мудростью подчинивъ ихъ своей власти, онъ, семь лѣтъ спустя, соединилъ подъ своимъ скипетромъ всѣ острова Японіи и основалъ династію микадо, благополучно царствующую до сего дня. По смерти, его назвали *Цинму-тенг-воо*, т. е. *повелитель, прославившійся на небѣ*, и подъ этимъ названіемъ ему и понынѣ воздаются почести, какъ первому святому. Цинму открываетъ собою историческую эру Японіи, началомъ коей служатъ 660-й г. до Р. Х., совпадающій со вступленіемъ его на всеяпонскій престолъ.

Храмы синтоскаго культа, называемые *міа*, строятся всегда по одному и тому же типу, въ формѣ равносторонней четырехугольной хижины, на приподнятомъ отъ земли деревянномъ основаніи, подъ высокою соломенною кровлей, увѣнчанною по гребню рядомъ деревянныхъ развилокъ. Такую хижину окружаетъ всегда вѣнчая галлерея подъ тою же кровлей. Центральная стѣнка, къ которой ведетъ лѣсенка въ нѣсколько ступеней, дѣлается не иначе, какъ раздвижною, изъ двухъ, четырехъ и болѣе досчатыхъ шпиговъ или ставней,двигающихся въ особыхъ пазахъ. Материаломъ для постройки служитъ исключительно кедровое дерево. Ни въ наружной, ни во внутренней отдѣлкѣ храма не допускается никакихъ украшеній, въ родѣ лака, рѣзбы, живописи, позолоты и т. п. Единственная роскошь *міа* — это тончайшей работы циновки,стилаемые на полу; тесовыя стѣбы совершенно голы. Въ глубинѣ храма, у стѣны, противоположной входу, находится возвышеніе изъ двухъ или трехъ ступенекъ, на которомъ ставится такъ называемое «*кангами*» — магическое зеркало богини Изанамии, имѣющее форму диска, металлическая поверхность коего отшлифована, можно сказать, идеальнымъ образомъ. Надъ зеркаломъ, между боковыми стѣнами, протянута веревочка изъ рисовой соломы, и на ней подвѣшено нѣсколько семикольчатыхъ бѣлыхъ бумажныхъ лентъ, извѣстныхъ подъ именемъ «*дзиндзи*», что значитъ *духамъ посвященные*. Такая простота обстановки и традиціонный типъ самой постройки безусловно обязательны, въ силу того, что таковъ именно былъ характеръ жилищъ *ками*, первобытныхъ прародителей японскаго народа. Онъ долженъ напоминать о патриархальной простотѣ жизни древнѣйшихъ предковъ, слѣдовать которой повелѣваетъ и самый Изанаги.

«*Кангами*» и «*дзиндзи*» суть единственные эмблемы, допускаемые синтоскимъ культомъ. Чтобы объяснить значеніе первой изъ нихъ, должно обратиться къ легендѣ — одной изъ важнѣйшихъ въ циклѣ религиозныхъ преданій Синто. Сотворивъ земной міръ и его лучший перлъ, японскій архипелагъ, божественная чета спустилась на островъ Авадзи, лучший и рос-

кошнѣйшій по красотѣ и богатству растительности между островами внутренняго Японскаго моря. Здѣсь божественная чета зажила вполне человѣческою жизнью и произвела на свѣтъ нѣсколькихъ дѣтей, которыя, въ силу того непреложнаго закона, что все земное смертно, должны были рано или поздно умереть, тогда какъ ихъ родители, въ силу своей божественно-небесной субстанціи, обречены на безсмертіе. Мысль о предстоящей разлукѣ съ дѣтьми, о неизбежности ихъ смерти все болѣе и болѣе печалила нѣжно любящую ихъ Изанамію. Поэтому супругъ ея, Изанаги, предлагалъ ей покинуть вмѣстѣ съ нимъ эту землю и возвратиться въ свои небесные чертоги раньше, чѣмъ законъ смерти совершитъ надъ ихъ земнорожденными дѣтьми свое дѣло. — «Но, расставаясь съ ними, — сказалъ Изанаги, — я стѣмлю облегчить имъ горестъ разлуки такимъ наслѣдіемъ, которое дастъ имъ возможность приблизиться къ намъ, насколько это возможно для смертныхъ». И, собравъ предъ разлукой своихъ дѣтей, Изанаги вручилъ имъ отполированный серебряный дискъ, всегда служившій на землѣ зеркаломъ для ихъ матери, и сказалъ: «Хотя здѣсь, на землѣ, вы никогда не будете обладать тѣмъ блаженствомъ, какое предназначено міру высшему, но отъ васъ будетъ зависѣть въ теченіе земной своей жизни имѣть какъ бы его, т. е. созерцать и *предвкушать* это блаженство, съ тѣмъ, конечно, чтобы вы свято исполняли мои заповѣди. Оставляю вамъ на память это зеркало (*кангами*). Оно будетъ напоминать вамъ благословенныя черты вашей матери. Но, въ то же время, вы въ немъ увидите и свой собственный образъ. Правда, для васъ это будетъ невыгоднымъ сравненіемъ, но не останавливайтесь надъ грустными разглядываніемъ самихъ себя, а старайтесь усвоить себѣ божественное выраженіе возлюбленнаго образа, который отнынѣ вамъ придется искать только на небѣ. Предъ этимъ зеркаломъ вы должны каждое утро становиться на колѣни. Оно укажетъ вамъ морщины, проводимыя земными заботами на вашемъ лицѣ, — стирайте эти печати зла, возвращайтесь къ душевной гармоніи, къ явному спокойствію, и затѣмъ обращайтесь съ молитвою къ намъ, но просто и нелицемѣрно. Знайте, что боги читаютъ въ вашей душѣ такъ-же, какъ вы читаете на своемъ лицѣ, смотрясь въ это зеркало. Если въ теченіе дня вы почувствуете въ душѣ какое-нибудь мятежное чувство, терпѣніе, зависть, жадность, гнѣвъ, и не въ состояніи будете побороть его въ началѣ, приходите скорѣй во снѣтилище утреннихъ папихъ молитвъ и повторите въ немъ омовеніе, размышленіе и молитвы. Наконецъ, каждый вечеръ, предъ отходомъ ко сну, послѣдняя мысль ваша да будетъ обращеніемъ къ самому себѣ и новымъ *стремленіемъ къ блаженству*

того высшего міра, въ который мы предпослаемъ вамъ». Такимъ образомъ, культъ Ками оставляетъ своимъ послѣдователямъ надежду на будущую загробную жизнь въ лучшемъ мірѣ. Довольство своею долей и истекающая изъ сего ясность и спокойствіе духа — вотъ главнѣйшіе завѣты этой религіи, не знающей ни особой священнической касты, ни особой обрядности, и по ученію которой всѣ люди суть дѣти одной и той же божественной четы, а, стало быть, должны жить въ братскомъ согласіи и союзѣ между собою. «Кангами» служатъ символомъ всевидящаго она великаго божества и его полного вѣдѣнія тайниковъ души человеческой, равно какъ и символомъ абсолютной истины. Бѣлыя же семикольчатая ленты, кромѣ напоминанія о семи генияхъ-покровителяхъ, еще напоминаютъ вѣрующимъ и о томъ, что они должны входить въ міа съ сердцемъ чистымъ и тѣломъ омытымъ отъ всякой грязи, для чего при входѣ въ ограду міа всегда стоитъ подъ особымъ навѣсомъ каменный водопадъ съ освященною водою для омовенія лица и рукъ. По преданію, смертныя дѣти Изанаги освятили мѣсто, гдѣ простились они со своими божественными родителями, и воздвигли на немъ первый алтарь изъ кедроваго дерева, по подобію родительской хижины. Они жили на землѣ Японіи въ семи поколѣніяхъ, въ теченіе около двухъ милліоновъ лѣтъ, начиная съ Тенсѣ до Цинну включительно, и, умирая, въ свою очередь, содѣлывались безсмертными, блаженными духами, *ками*, достойными религіозныхъ почестей. Эти-то *ками* и являются національными гениями-хранителями Японіи и ея народа, какъ непосредственныхъ своихъ потомковъ, и предстателями за нихъ предъ богами. Первая дочь Изанами, блистательная и животворная Тенсѣ въ видѣ солнца и до сихъ поръ ежедневно приходитъ къ своимъ потомкамъ встрѣчать ихъ утреннія молитвы божественной чести своихъ создателей, а въ лицѣ послѣднихъ — и верховнѣйшему Куно-токо-тадзѣ, Богу-творцу вселенной. Культъ Ками требуетъ отъ своихъ послѣдователей только духовной и физической чистоты и празднованія памяти Ками и собственныхъ своихъ, родовыхъ предковъ. Для выполненія перваго условія необходимо тщательно сберегать у себя огонь на очагѣ и чистую воду, какъ два очищающія начала, и ежедневно совершать утреннее и вечернее омовеніе; а для втораго — участвовать, хотя бы разъ въ годъ, въ процессіи *матсури* въ честь великихъ *ками*, которая всегда направляется къ какому-либо посвященному имъ мѣсту. Но слѣдуетъ замѣтить, что моленіе предъ «кангами» никогда не обращается къ самому Ками: молящіеся призываютъ его только для посредничества и предстательства за нихъ предъ богами.

Национальная религія Японіи, при ея про-

стотѣ и, такъ сказать, общедоступности, оказалась далеко не безплодною. По справедливому замѣчанію одного изъ японологовъ (Э. Эмбера), «она создала народъ, глубоко проникнутый патриотизмомъ, создала имперію, не испытавшую никогда чужеземнаго ига, и правительство, которое и въ наше время еще сохраняетъ полнѣйшую автономію въ сношеніяхъ съ сильнѣйшими державами двухъ частей свѣта». Она создала, прибавимъ отъ себя, неизблennyй монархическій самодержавный принципъ, причемъ всѣ революціи мысленныя японцами только *за нею* и *въ пользу ея*, но отнюдь не *противъ*, и въ этомъ, конечно, сказывается великое государственное значеніе культа Ками, гдѣ микадо является въ одно и то же время и наследственнымъ императоромъ и наследственнымъ первосвященникомъ¹⁾.

Культъ Ками не удержался однако во всей своей чистотѣ послѣ введенія въ Японію буддизма, и главнѣйшею изъ причинъ, повліявшихъ на это, было отсутствіе въ культѣ жреческаго сословія. Буддизмъ сразу пошелъ на компромиссъ и охотно ввелъ въ число своихъ наалтарныхъ украшеній *ками*, но зато поодоловь сталъ вводить и въ культъ Ками разныя рельефныя изображенія, въ родѣ свѣщеннаго «кона закона», корейскихъ *кома-ичу*, — полульвовъ-полуболоновъ, вазы-эниміанцы, колоколь или связку бубенчиковъ надъ входомъ въ міа для пробужденія и вызыванія *дзина* (духа), наконецъ ввелъ идоловъ, подъ видомъ якобы тѣхъ же *ками*, только подвергшихся по смерти закону переселенія душъ и перевоплотившихся во святыхъ подвижниковъ буддистскаго культа. Поэтому въ современной намъ Японіи болѣе всего встрѣчаемъ храмы смѣшаннаго синто-буддистскаго характера. Это смѣшеніе или соединеніе двухъ исповѣданій получило даже названіе — *Ріобу-Синто*, вслѣдствіе чего буддизмъ въ Японіи сдѣлался преобладающею религіей, и этому много помогло еще то обстоятельство, что сеогунны (неправильно называемые въ Европѣ тайкунами) изъ чисто личныхъ, политическихъ видовъ всегда оказывали особенное покровительство буддизму.

¹⁾ Увы! въ одномъ изъ нумеровъ газеты „China Mail“ (за январь 1886 года) находится чрезвычайно странное извѣстіе, что японская полиція во-время успѣла открыть будто бы заговоръ *противъ* микадо (!?) и что лица, принимавшія въ немъ участіе, хотѣли, при содѣйствіи *прогрессистовъ въ Корей* (!!!) устроить тамъ смуту, дожидаясь вѣншательства Японіи и Китая, и затѣмъ, когда положеніе крайне обострится, лишитъ микадо власти. Если это извѣстіе — не газетная утка, присутствіе которой сильно заставляютъ предполагать „прогрессисты“, открытые вдругъ въ Корей, то можно только съ грустью сказать, что гнилые плоды общенія съ европейскою „цивилизацией“ начинаютъ проявляться въ Японіи даже гораздо раньше, чѣмъ можно было думать.

Что до буддизма, то наиболее характерные его храмы в Японии, какие мне приходилось видеть, были *Дайондзи* в Нагасаки и монастырь *Отаси-Хомандзи* в Ногаяе. Все остальное, что видел я в других местах страны по этой части, является лишь в большей или меньшей степени повторением или вариантом этих двух типичных капищ.

Дайондзи расположен в прекрасной живописной местности, на скате горы Гико-санъ, издревле служившей местом последнего упокоения для многих поколений нагасакиских жителей. А японский кладбище, надо заметить, вообще прелестны как по своей живописности, так и по силе элегично-поэтического впечатления, производимаго ими на душу. По пути к главным воротам храмовой ограды вы встречаете несколько маленьких часовень и божничек, рядом с которыми стоят монастырская лавка, где бритоголовый монах (монах или, вообще, священнослужитель) продает четки, ладонки, восковые и курительные свѣчи, облатки из рисового теста, освященные ленточки, образки и душе-спасительные книжки. Священные врата главного входа изобильно украшены позолотой, красками и очень изящною резьбою по дереву. По бокам их, в углубленных нишах стоят два идола, один из коих выкрашен красной, а другой синей (иногда зеленой) краской; первый отличается грозным выражением лица и не менее грозною позой, второй же более благосклонно приглашает вас войти под сѣнь священной ограды. Это Ню-джинъ, небесные стражи, гени-хранители священнаго места; красный требует от вас приличия и грозит вам гнѣвомъ небеснымъ, если вы входите съ нечистыми помыслами и намерениями, а синий предлагает радужный приемъ каждому доброму буддисту. Внутри ограды—роскошные старорослые деревья, преимущественно кедръ, сосна, криптомерия и японский кленъ; тут же находите вы ряды массивных фонарей, выточенных изъ гранита, и изображения корейскихъ *кома-ину* на гранитныхъ полахъ. Въ сторонѣ построена колокольня. Колокола здѣсь имѣютъ форму римской первосвященнической тиары, и ударяютъ въ нихъ посредствомъ била, горизонтально подвѣшеннаго на двухъ переклакахъ и дѣйствующаго подобно тарану. Звонъ, густой и протяжный, особенно въ вечерніе часы, совершенно напоминаетъ нашъ великопостный,—такъ и кажется порой, будто здѣсь неподалеку гдѣ-нибудь затаялся въ густыхъ рощахъ нашъ православный монастырь и зоветъ доблаго обывателя къ вечернѣ. Въ буддійскихъ монастыряхъ и храмахъ въ извѣстные часы дня и ночи дѣлаютъ особо положенное для каждаго раза число ударовъ въ колоколь. У подножія каменной лѣстницы, ведущей къ

главному portalу храма, какъ у буддистовъ, такъ и у послѣдователей Синто, всегда стоятъ, подъ навѣсами двухъ легкихъ павильоновъ, два водоема, высѣченные изъ камня, а надъ ними развѣшаны рядами небольшія разноцвѣтныя и узорчатые полотенца съ какими-то письменными знаками. Такіе водоемы иногда дѣлаются и изъ бронзы, и хотя наиболее распространенная ихъ форма есть подобіе четырехугольнаго продолговатаго саркофага, но это далеко не безусловно. нерѣдко они встрѣчаются и въ видѣ раковины, лохани, чаши или купели. Каждый входящій во храмъ буддистъ обязанъ зачерпнуть въ одномъ изъ нихъ горсть освященной воды, окропить себѣ ею лицо, шею, глаза и омыть уста и руки. Этотъ обрядъ, имѣющій здѣсь очистительное значеніе, сходенъ по вышности съ подобнымъ же обыкновениемъ у католиковъ, да и самыя водоемы весьма напоминаютъ намъ каменные «кошетьельницы» въ притворахъ польскихъ костеловъ. Мѣста храмовъ вообще, а для буддійскихъ—въ особенности, выбираются въ Японіи среди рощъ, такъ чтобы все вокругъ—и природа, и искусныя постройки—было хорошо, красиво, уютно, и все вмѣстѣ исполнено гармонической тишины и безмятежно яснаго спокойствія. Здѣсь все какъ будто говоритъ вамъ: «приди и забудь подѣ эту тѣнь отъ всяческихъ злобъ и тревоженій земной доли, углубись въ свою душу и предвкуси, хотя бы въ легчайшемъ намекѣ, тѣнь блаженства *нирваны*».

Обыкновенный типъ японо-буддійскихъ храмовъ является въ видѣ четырехсторонняго одноэтажнаго зданія на деревянномъ, иногда на каменномъ (бетонномъ) фундаментѣ, окруженнаго широкою галлереей-верандой. Деревянный фундаментъ отличается довольно сложною системой красиво расположенныхъ подпоръ и раскосовъ и приподнимается на два, иногда на три аршина отъ поверхности почвы. Вдоль наружныхъ краевъ открытой галереи высятся деревянныя колонны, поддерживающія массивную черепичную или гонтовую крышу, которая какъ бы нахлобучиваетъ собою все зданіе. Высота такой крыши отъ ея нижнихъ карнизовъ до верхняго гребня нерѣдко равняется высотѣ всего остальнаго зданія. Въ нагасакомъ Дайондзи кровля хотя и массивна, но не такъ высока; сложенная изъ сѣрой цилиндрической черепицы съ разными украшениями, она широко покрываетъ своими выгнутыми скатами и приподнятыми выступами все зданіе, но въ общемъ нисколько не давитъ его,—напротивъ, все это одно съ другимъ очень гармонируетъ, сохраняя какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ вполне самобытный типъ и художественно выработанный стиль, полный своеобразной красоты, какой нигдѣ, кромѣ Японіи, не встрѣтишь. Точно то же и въ токійскомъ Асакса-тера или Киприусанѣ, хотя въ послѣд-

немъ высота кровли равняется одной трети высоты всего здания. Но далеко нельзя сказать того же о нагасакомскомъ Сигаси-Хонгандзи, гдѣ непомерно высокая кровля производить именно давящее впечатлѣніе. Если храмъ стоитъ въ полугорѣ, да если еще нижнія части его фасада скрыты кустами и деревьями, черезъ что скрадывается непропорциональность подобной кровли относительно остального, то издали такая крыша покажется вамъ и оригинальной, и красивой; но разъ вы охватываете глазами весь фасадъ храма, въ полной его совокупности,—тогда же красота подавляется массивностью, и остается развѣ одна оригинальность. Но такой характеръ постройки держится въ силу традиціи; отступленія встрѣчаются только въ деталяхъ да въ орнаментѣ. И вотъ что замѣчательно: хотя тотъ же общій типъ сохраняется и въ небольшихъ кумирняхъ, но тутъ эти кровли уже не дѣлаютъ такого давящаго впечатлѣнія и даже не мѣшаютъ красотѣ общаго рисунка кумирни или храма. Вся сила, значитъ, въ размѣрахъ и въ умѣньи тонко уловить предѣлы пропорциональности, какъ уловлены они въ Киприусанѣ, Дайондзи и въ большинствѣ другихъ храмовъ Японіи.

Внѣшняя галлерей Сигаси-Хонгандзи достаточно просторна и широка, такъ что съ ней можно безъ затрудненія разглядывать верхніе орнаменты наружныхъ стѣнъ храма; она окружена особою деревянною балюстрадою, проложенною между массивными высокими колоннами изъ дерева *каки* (въ родѣ дуба), поддерживающими края широкихъ полей кровли. Слой гонта, составляющій толщину этой кровли, равняется, по крайней мѣрѣ, одному аршину и, будучи ерзаятъ очень ровно и гладко въ вертикальномъ направленіи, онъ составляетъ собою бордюръ полей кровли, подъ которымъ находится фризъ въ видѣ горизонтально положенныхъ поперечными рядами брусевъ, украшенныхъ рѣзбою и составляющихъ потолокъ внѣшней галлерей. Верхняя часть наружныхъ стѣнъ храма покрыта рѣзбой и горельефными изображеніями разныхъ святыхъ и подвижниковъ буддизма. Внутри храмъ раздѣляется на три продольныя и три поперечныя части, или отдѣла. Продольное дѣленіе образуется посредствомъ амфилады массивныхъ деревянныхъ колоннъ, направляющихся двумя рядами отъ главнаго входа къ главному алтарю. Колонны эти изъ цѣльнаго дерева, высотой въ 35 футовъ каждая, поддерживаютъ массивный рѣзной и разукрашенный позолотою потолокъ, но не упираются въ него непосредственно, а подпираютъ собою поперечныя балки, въ 52 фута длины каждая, вытесанныя изъ цѣльнаго дерева и покрытыя рѣзбою. Такимъ образомъ, ширина каждой изъ трехъ продольныхъ частей храма равняется

52 футамъ. Восемь большихъ люстръ-фонарей спускаются съ потолка между колоннами и въ вечернюю пору даютъ храму если не вполне достаточное, зато мистическое — таинственное освѣщеніе. Поперечное дѣленіе, какъ я сказалъ уже, состоитъ тоже изъ трехъ частей: первая, въ которую вступаемъ прямо изъ-подъ главнаго портала, обширнѣе остальныхъ и образуетъ собою правильный четырехугольникъ, почти квадратъ; на стѣнахъ никакихъ украшеній, кромѣ рѣзныхъ карнизовъ; полъ покрытъ превосходными циновками. Эта часть храма предназначается для главной массы молящихся, и если стѣны ея лишены образовъ и небольшихъ кѣтовъ съ разными статуями *ролоновъ* (буддійскихъ святыхъ, учениковъ Будды), то это вовсе не случайность,—напротивъ, это устроено съ тою цѣлью, чтобы вниманіе посѣтители не дробилось на ближайшихъ къ нему мелочахъ, а всецѣло устремлялось бы впередъ, вдалѣ и сосредоточивалось на главной части большого алтаря, гдѣ изъ таинственнаго сумрака выступаетъ сіяющая въ золотыхъ лучахъ запрестольная статуя Будды.

Вторая, или срединная часть храма отдѣляется отъ первой колоннами и деревянною балюстрадою. При одинаковой ширинѣ, она въ длину нѣсколько уже первой и тоже не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенныхъ украшеній. Здѣсь, у балюстрады стоитъ большой ящикъ, въ которомъ крышка сдѣлана изъ четырехстороннихъ деревянныхъ брусковъ, положенныхъ ребромъ и образующихъ между собою продольныя скважины. Молящиеся кладутъ въ него сквозь балюстраду свою добродетельную лепту на украшеніе храма, на содержаніе монашествующей братіи, на больницу и т. п.

Третья часть храма вѣчно погружена въ таинственный сумракъ, наполненный волнами курений и слабымъ мерцаніемъ лампадъ и восковыхъ свѣчей. Это—сиятая святыхъ буддійскаго храма, которая отдѣляется отъ второй части... Я, право, не придумаю, какимъ бы словомъ назвать, то, чѣмъ она отдѣляется, и вы сейчасъ вполне поймете мое затрудненіе. Попытаюсь однако описать его *мычю*, отдѣляющее алтарь отъ остального храма.

Третья или алтарная часть возвышается на одну ступень надъ двумя остальными частями. Отступя нѣсколько вглубь отъ этой ступени, идетъ поперекъ храма фронтъ изъ двѣнадцати большихъ, равной величины, колоннъ, между которыми устроено девять вратъ,—по три противъ каждого престола, а престоловъ три: одинъ въ срединѣ главный, и два по бокамъ его, справа и слева, меньшіе. Трое вратъ, соответствующихъ главному престолу, сдѣланы нѣсколько больше и выше противъ остальныхъ, и кромѣ того, среднія врата, приходящіяся непосредственно противъ каждого изъ трехъ престоловъ, тоже нѣсколько выше своихъ боко-

выхъ вратъ. Такимъ образомъ, въ главномъ или срединномъ трехвратіи среднія, то есть самыя главныя врата выходятъ больше и выше всѣхъ остальныхъ. Всѣ врата распахиваются на двѣ створы, а створы рѣшетчатые, позолоченныя, съ ажурною рѣзбою. Верхнее пространство между колоннами, потолкомъ и вратами забрано сплошными перегородками, доходящими вплоть до потолка и представляющими рядъ изображеній, исполненныхъ горельефною рѣзбою по дереву. Изображенія эти раззолочены и расписаны красками; надъ срединнымъ трехвратіемъ на низъ представлены, среди золотыхъ облаковъ, цвѣтовъ и листьевъ, молящіяся духи небесныя, въ образѣ женщинъ, а надъ боковыми трехвратіями—драконы и священные птицы. Кроме того, надъ срединными воротами главнаго трехвратія рельефно представлена парящая мистическая птица *Фоо*,—нѣчто въ родѣ павлина или нашей сказочной жарь-птицы. Она вѣлится позолочена.

Слабые лучи дневнаго свѣта проникаютъ въ алтарную (третью) часть храма лишь сквозь рѣзные орнаменты и рѣшетки вратъ, и надо думать, что святая святыхъ буддизма оставлена въ полумракѣ не безъ расчета: этимъ вполне достигается извѣстный эффектъ мистическаго свойства, производимый на душу богомольца неясными, но грандіозными очертаніями алтаря и его украшеній, блескомъ искорокъ позолоты и сверкающими изъ мрака мечеобразными полосами лучей, ореоломъ разлетающихся во всѣ стороны отъ головы Будды.

Подножіемъ главному престолу служить особое возвышеніе, въ которому съ трехъ сторонъ ведутъ три широкія ступени. Четыре золотыя колонны поддерживаютъ деревянный куполъ, или балдахинъ, подъ нишей, въ глубинѣ которой стоятъ позолоченная статуя Будды. Самая фигура вышиною менѣе человѣческаго роста,—около двухъ аршинъ, безъ малаго,—но вся она очень пропорціональна и вполне естественна. Будда представленъ стоящимъ на пышно-распустившемся цвѣткѣ священнаго лотоса; на немъ надѣтъ хитонъ, ниспадающій ниже пять свободно льющимися складками, которые отчасти покрываютъ собою и коронку лотоса; хитонъ подпоясанъ; на лѣвое плечо накинута широкая и тоже ниспадающая мантия, драпирующая лѣвую руку и часть груди. Лѣвая рука Будды согнута подъ прямымъ угломъ въ локтѣ, обращена прямо впередъ и держитъ на ладони золотой шаръ, въ родѣ луковицы, а правая приподнята нѣсколько вверхъ, для благословенія. Ея пальцы сложены слѣдующимъ образомъ: указательный пригнуть къ большому и, соединяясь съ нимъ, образуетъ какъ бы кольцо—символь безконечности, а остальные три приподняты и слегка согнуты.

Между верхнею ступенькой алтарнаго воз-

вышенія и нижнимъ ореоломъ ниши предъ статуей Будды, возвышаясь уступомъ одинъ надъ другимъ, стоятъ два продолговатые престола, изъ коихъ верхній нѣсколько короче и на половину ниже нижняго; оба покрыты парчевыми и шелковыми пеленами и украшены бронзовыми и фарфоровыми вазами, бронзовыми курильницами, жертвенниками и жертвенными сосудами, между которыми необходимо находится и чайникъ съ надлежащимъ приборомъ. Изъ двухъ ближайшихъ къ идолу бронзовыхъ вазъ исходятъ вѣтви, листья и цвѣты лотоса и павоя, сдѣланные изъ бронзы же, а въ остальныхъ вазахъ (фарфоровыхъ) стоятъ букеты живыхъ цвѣтовъ и вѣтви сливы, груши, персика и вишни, покрытыя бѣлыми и розовыми бутонами. Тутъ же, на алтарѣ, по обѣ стороны ниши, теплятся лампадки, заключенныя въ небольшіе четырехсторонніе фонари съ растремомъ сверху, и горитъ пара большихъ толстыхъ восковыхъ свѣчей въ высокихъ шандалахъ. Свѣчи эти дѣлаются изъ растительнаго воску, разные цвѣты и травы нарисованы на нихъ красками и золотомъ, вмѣстѣ съ изображеніями въ медальонахъ, окаймленныхъ цвѣточными гирляндами.

Посреди алтаря, между центральными вратами и ступенями главнаго престола, возвышается на одну ступень небольшой помостъ и на немъ поставлено сѣдалище, въ родѣ кресла, покрытое парчею и обращенное лицевой стороной къ народу. Мнѣ объяснили, что оно предназначается именно для «старшаго надъ старшими бонзами». По бокамъ амвона, на разныхъ подставкахъ разложены и разставлены принадлежности: бронзовая чаша съ освященною водою, бронзовое ручное кадило, большой гонгъ и инструментъ, извѣстный въ нашихъ полковыхъ хорахъ подъ именемъ «тарелокъ», одинъ громадный и нѣсколько меньшихъ барабановъ различной формы и величины, пюпитры для богослужебныхъ книгъ, ручные колокольчики и маленькіе тамъ-тамы (*кандикю*),—последніе у самаго подножія алтаря.

Чтобы читатель могъ составить себѣ уже совершенно полное представленіе о японо-буддискіихъ храмахъ, я долженъ добавить къ вышеизложенному еще описаніе нѣкоторыхъ особенностей нагасакскаго Дайондзи. Мнѣ довелось быть тамъ съ однимъ изъ нашихъ моряковъ, г. Р., хорошо говорящимъ по-японски, который поэтому былъ такъ любезенъ, что охотно принялъ на себя трудъ переводчика въ моихъ сношеніяхъ съ бонзами. Завидѣвъ насъ во дворѣ, дежурный бонза тотчасъ же спустился къ намъ на встрѣчу со ступенекъ главнаго портала и, узнавъ что мы желаемъ осмотрѣть эту буддискую святыню, тотчасъ предложилъ свои услуги въ качествѣ путево-

Надъ главными входными дверьми храма, украшенными по темному лаку бронзовыми розетками и скобами, среди всевозможныхъ завитковъ рѣзкой японской орнаментовки, блестящей лакомъ, красками и позолотой, виситъ изображеніе, представляющее на матово-золотомъ фонѣ «*Имэу Авани*», мать Будды, которая изображена воссѣдающею на пышно развернувшейся цвѣточной чашечкѣ лотоса. Она поддерживаетъ младенца Будду. Почти подобное изображеніе я уже видѣлъ однажды на фронтонѣ буддійской пагоды въ Сингапурѣ, только тамъ оно было длинное, а не живописное, и руки Авани на томъ изображеніи приподняты на высоту ея лика и обращены ладонями наружу. По объясненію бонзы, изображеніе это знаменуетъ первое появленіе въ міръ Хотокэ-сама или Сакья-муни (то-есть Сакья-муни, сирѣчь Будду), «зачатаго во чревѣ Авани отъ луча Вѣчной Премудрости и рожденнаго ею безболѣзненно».

Бонза-путеводитель любезно предложилъ намъ снять и оставить у входа нашу обувь, послѣ чего мы были введены имъ чрезъ одну изъ боковыхъ дверей во внутрь храма. Досчатый полъ его, превосходно выложенный и даже лакированный, былъ покрытъ толстыми, эластично мягкими циновками отмѣнной чистоты и замѣчательно изящной выдѣлки. Два ряда рѣзныхъ деревянныхъ лакированныхъ колоннъ, точно такъ же какъ и въ нагойскомъ Сигаси-Хонгандзи, раздѣляютъ внутренность храма на три продольныя части, изъ коихъ однако средняя здѣсь значительно шире боковыхъ. Но алтарная часть въ Дайондзи отдѣляется только двух-ступенчатымъ возвышеніемъ и невысокою балюстрадой: ни трехвратій, ничего подобнаго въ этомъ храмѣ нѣтъ. Главный алтарь находится въ глубинѣ средняго отдѣла. Обстановку его составляютъ: роскошнѣйшей чеканной отдѣлки большой бронзовый жертвенникъ, въ видѣ пузатой вазы-кубышки съ продолговатыми приподнятыми кверху ручками китайскаго типа; бронзовыя же, чеканные и инкрустированные серебромъ и золотомъ, курильницы, наполненныя совершенно бѣлымъ пепломъ, куда втыкаются цѣлыми связками курительныя жертвенныя свѣчи; высокіе канделябры для большихъ восковыхъ свѣчей, развѣтвляющіеся въ видѣ листьевъ и цвѣтковъ павоя; бронзовыя и фарфоровыя вазы для освященной воды и цвѣточныхъ букетовъ, большой *хибачи* (жаровня), гдѣ подъ слоемъ пепла всегда тлѣетъ уголь, знаменующій собою очистительный огонь неугасимаго очага. Затѣмъ идутъ болѣе мелкія вещи: бронзовыя ручныя кадильницы въ родѣ нашихъ старобрядческихъ, только болѣе изящной и тонкой отдѣлки, бумажныя и волосяныя пропига (изъ бѣлаго донскаго волоса), чайники, сосудики и блюда, куда наливается *саки* (японское вино) и насыпается сухой рисъ, поста-

вляемые на алтарь въ жертву Буддѣ. Всѣ эти предметы симметрично и красиво наполняютъ столешницу и ступени престола, блестящаго рѣзьбой и покрытаго парчевыми пеленами, а поверхъ ихъ бѣлымъ тонкимъ кружевомъ. Передній планъ солен, предъ алтаремъ, такъ же какъ и въ Сигаси, занятъ музыкальными инструментами, употребляемыми при буддійскомъ богослуженіи, и «колесомъ закона» (по-японски *ринсоо*). Этотъ послѣдній инструментъ—родъ барабана, вращающагося на внутренней оси и наполненнаго свѣтками книгъ «благаго закона» и буддійскаго ритуала. Такъ какъ всякій добрый буддистъ обязанъ ежедневно «обернуть колесо закона», то-есть прочесть всѣ «буддійскія книги», что физически невозможно, то остроуміе бонзъ придумало *ринсоо*, на которомъ метафорическая формула законодателя примѣняется въ самомъ буквальномъ смыслѣ: стоятъ только повернуть барабанъ вокругъ его оси,—и колесо закона оборочено, а это-де равносильно его прочтенію и достигается за маленькую лепту въ пользу храма. Такимъ образомъ, *ринсоо* является одною изъ постоянныхъ доходныхъ статей храмовыхъ служителей.

Надъ главнымъ алтаремъ, въ таинственной и сумрачной глубинѣ особой ниши, помѣщается позолоченная статуя Будды, сидящаго на лотосѣ и благословляющаго міръ. Размѣры ея въ полтора человѣческихъ роста. Блистающій ореолъ, въ видѣ лучистаго вѣничка, окружаетъ голову идола, во лбу котораго свѣтится крупный алмазъ, замѣняющій тотъ небольшой блокъ свѣдхъ волосъ, что въ дѣйствительности, по преданію, росъ у Сакья-муни на этомъ самомъ мѣстѣ, и въ то же время служащій символомъ блистательно свѣтлыхъ, чистыхъ и высокихъ думъ учителя и проповѣдника «благаго закона». Выраженіе лица и самая поза идола съ поджатыми подъ себя ногами, и жестъ его благословляющей руки исполнены благодати и созерцательнаго самопогруженія въ абсолютный покой нирваны. Предъ нимъ въ особыхъ канделябрахъ горятъ ряды восковыхъ свѣчей, и ихъ красноватый, колеблющійся въ струяхъ куревнѣй свѣтъ еще болѣе увеличиваетъ эффектъ всей обстановки алтаря и въ особенности самаго Будды. Идолъ открылся предъ нами не сразу; въ началѣ мы было его и не замѣтили, пока бонза, остановивъ насъ предъ алтаремъ, не прошелъ самъ впередъ, чтобы раскрыть створки большого кіота, снаружи покрытаго чернымъ лакомъ, а внутри позолоченнаго. Но и тутъ мы не знали еще, въ чемъ дѣло, такъ какъ статуя оставалась сокрытою подъ парчевою серебристо-голубою завѣсой, всегда закрывающей ее въ обыкновенное внѣ-служебное время. Лишь Будды открывался предъ нами постепенно, по мѣрѣ того, какъ бонза медленно-плавающимъ движеніемъ отдергивалъ шел-

ковий шпуръ завѣсы. Тутъ же, у подножія алтаря, справа, замѣтилъ я и небольшой колокольчикъ съ деревянною ручкой, прикрѣпленный на цѣпочкѣ къ полу. По объясненію нашего путевода, въ этотъ колокольчикъ звонить бонза-служка въ извѣстные моменты богослуженія.

Когда ликъ Будды снова задернулся завѣсой, бонза провелъ насъ въ лѣвый отдѣлъ храма къ особому алтарю, специально предназначенному для приѣма жертвоприношеній. По бокамъ его стояли двѣ невысокія хоругви. Каждое древо украшено наверху яблокомъ, въ которое воткнутъ букетъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Отсюда мы прошли въ часть храма позади главнаго алтаря. На исподней сторонѣ кіота, въ коемъ помѣщается описанная статуя Будды, висятъ большое древнее изображеніе, нарисованное отчасти акварельными, отчасти клеевыми красками на широкомъ шелковомъ полотнищѣ. Когда проводникъ открылъ и освѣтилъ его предъ нами, я увидѣлъ группу облаковъ, нарисованныхъ по серединѣ образа и раздѣляющихъ его на двѣ части, изъ коихъ въ центрѣ верхней изображенъ Будда съ распущенными и вьющимися по плечамъ волосами; на лицѣ его тонкіе усы и небольшая борода; обнаженный торсъ на половину прикрытъ пурпуровою мантией, складки коей, ниспадая съ лѣваго плеча, сплошь закрываютъ его поджатыя подъ себя ноги. Правая рука приподнята, и пальцы ея сложены для благословенія такимъ образомъ, что указательный и средний обращены вверхъ, безымянный нѣсколько нагнуть надъ большимъ, а этотъ послѣдній соприкасается съ нагнутымъ же мизинцемъ. Голова окружена золотымъ вѣнчикомъ. По обѣ стороны отъ Будды, тоже на облакахъ, но нѣсколько ниже, помѣщены двѣ поясныя фигуры, задрапированныя въ ризы съ широкими рукавами. Лысыя головы ихъ, съ благоговѣнно умиленными лицами, тоже окружены вѣнчиками и обращены въ сторону Будды; руки молитвенно сложены ладонь съ ладонью и палецъ съ пальцемъ. Подъ облакомъ, въ нижней части образа, съ правой стороны лежитъ бѣлый слонъ, а съ лѣвой корейскій левъ *Кома-иу*. Оба животныя преклонили свои колѣни и покорно согнули головы; на обоихъ облокотились въ полудежащемъ положеніи двѣ женщины съ распущенными по плечамъ волосами и съ ореолами вѣнчиками вокругъ головы. Изъ нихъ правая, что оперлась на слона, держитъ въ рукѣ стѣбель съ цвѣтами бѣлой лиліи, а лѣвая представлена съ развернутымъ бумажнымъ свиткомъ, указывая на немъ какое-то изреченіе. Бонза объяснялъ намъ, что это изображеніе — древняя копія съ индійскаго оригинала и что представлены на немъ: Хатокэ-сама (то-есть Будда), сидящій на небесномъ своемъ престолѣ

между двухъ *роконовъ*, Авана и Кошу, ближайшихъ и любимѣйшихъ своихъ первыхъ учениковъ; женщина съ лиліями изображаетъ *Авану*, мать Будды; бѣлый слонъ — тотъ самый священный Дарма-Сурія, который привнесъ ее на себѣ на гору Самонта-Куята (Адамовъ пикъ на Цейлонѣ), гдѣ она разрѣшилась отъ бремени младенцемъ Буддой; женщина со свиткомъ — *Сеннинъ*, первая изъ числа обращенныхъ Буддою послѣдовательницъ и проповѣдницъ «благого закона» между женами.

Вдоль задней стѣны храма идетъ цѣлый рядъ отдѣльных алтарей, изъ коихъ каждый посвященъ какому-либо подвижнику или гению буддійскаго культа. Живописное или рѣзное изъ дерева и раскрашенное изображеніе такого гения всегда находится тутъ же, въ особой нишѣ, задернутое парчевою завѣсой. Эти алтари — довольно близкое подобіе католическихъ побочныхъ алтарей, какіе вы можете встрѣтить въ любомъ костелѣ. Нѣкоторые изъ за-престольныхъ статуй, съ эмальированными «живыми» глазами и съ очень живо раскрашенными бритыми лицами и головами, одѣты въ бумажныя и шелковыя ткани, а инныя облечены въ темныя, какъ бы монашескіе костюмы, причемъ подпоясаны вервиемъ и держатъ въ пальцахъ четки. Руки этихъ статуй болѣею частью сложены ладонями крестообразно на груди, совершенно такъ же, какъ на традиціонно-католическихъ изображеніяхъ. Словомъ, въ этомъ буддійскомъ храмѣ, куда я попалъ еще въ первый разъ въ жизни (здѣсь было начало моего знакомства съ буддизмомъ), меня почти на каждомъ шагѣ поражали то близкое подобіе, то тождественность многихъ предметов обстановки съ таковыми же предметами, въ особенности католической церкви. При этомъ мнѣ невольно вспоминалось вычитанное у Эме Эмбера свѣдѣніе, что когда въ 1549 году на островѣ Кью-сю поселилась первая іезуитская миссія подъ управленіемъ самого св. Франциска-Ксаверія, то миссіонеры нашли здѣсь столько учреждений, обрядовъ и предметов поклоненія, почти совершенно сходныхъ съ тѣми, какіе они привезли сюда, что имъ овладѣло изумленіе, а потомъ священный ужасъ. Не принимая во вниманіе древность буддизма, они объявили, что эта религія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дьявольскою передѣлкой истинной церкви.

Изъ главнаго храма насъ провели небольшимъ корридорчикомъ въ особый придѣлъ, посвященный памяти умершихъ. Здѣсь, у задней стѣны, во всю ширину этой часовни поставленъ большой, длинный столъ, отъ котораго пологими ступенями идутъ вверхъ почти до потолка такой же длины полки, сплошь заставленные снизу до верха рядами небольшихъ двусторчатыхъ кіотиковъ. Эти послѣдніе сдѣланы всѣ изъ дорогихъ сортовъ дерева, сва-

ружьи наведены чернымъ японскимъ лакомъ, а внутри вызолочены и заключаютъ въ себѣ разныя священные изображенія, чрезвычайно тонкой работы, изъ слоновой кости, бронзы, серебра, а болѣе всего изъ дерева. Тутъ встрѣчаеи вы и ликъ Будды, и дѣву Аваи, и Цинму, и Изанаги съ Изанами, и богиню Тенсѣ, и богиню Бентенъ, и множество другихъ представителей синто-буддйскаго пантеона. Предъ каждымъ кютикомъ непременно помѣщается по одной или по двѣ и болѣе продолговатыхъ черныхъ или вызолоченныхъ дощечекъ въ родѣ *скрижалей*, утвержденныхъ стойми на особыхъ постаментикахъ, а въ верхней части своей либо просто скругленныхъ, либо украшенныхъ особымъ позолоченнымъ орнаментомъ въ родѣ кровельки. На этихъ скрижалѣдахъ золотыми по черному, либо черными литерами по золотому полю написаны посмертныя имена усопшихъ лицъ, въ память коихъ родственники ихъ или наслѣдники пожелали поставить здѣсь кютикъ съ изображеніемъ духа, который патронировалъ покойнаго при жизни. По большей части, и самые эти кютики составляли прежде собственность этихъ умершихъ лицъ. Такое обыкновеніе необходимо сопровождается извѣстнымъ денежнымъ вкладомъ въ пользу храма, и вызывается оно тѣмъ, что тутъ ежедневно совершаются бонзами общія заупокойныя молитвы, въ коихъ упоминаются, записанныя въ особые списки, имена усопшихъ лицъ, въ память которыхъ сдѣланы подобныя пожертвованія. Предъ многими кютиками, кромѣ дощечекъ, стоятъ еще на миниатюрныхъ столикахъ бронзовыя или фарфоровыя чашечки, наполненныя рисомъ.

Вдоль остальныхъ стѣнъ этого придѣла помѣщаются отдѣльные шкафы очень изящной работы, перѣдко съ очень тонкою орнаментацией и инкрустированными рисунками на створкахъ. Въ нихъ разставлены такіе же кютики и скрижалѣцы. Каждый изъ этихъ шкафовъ представляетъ заупокойный алтарь какой-либо богатой и знатной фамиліи, такъ сказать, родовой синодикъ, гдѣ чтится память каждаго изъ умершихъ членовъ данной семьи или рода.

Я спросилъ нашего бонзу, нельзя ли приобрести копію съ вышеописаннаго изображенія Хатоке-сама. Но нашъ путеводитель лично самъ не могъ разрѣшить столь экстраординарный вопросъ и предложилъ намъ переговорить на этотъ счетъ съ ихъ главою, который живетъ тутъ же, въ монастырѣ при храмѣ Дайондзи, и вѣроятно-де не откажется принять насъ у себя въ кельѣ. Мы, конечно, поспѣшили воспользоваться столь удобнымъ случаемъ къ такому интересному знакомству и попросили доложить о себѣ его буддйскому главѣ. Бонза тотчасъ же отправился съ докладомъ и минуты три спустя возвратился, объявивъ съ почтительнымъ поклономъ, что тотъ насъ просить.

Пройдя черезъ дворикъ, поднялись мы по ложенной деревянной лѣстничкѣ во второй этажъ красиваго японскаго дома и очутились въ приемной комнатѣ. Полъ ея сплошь былъ устланъ мягкими циновками замѣчательной чистоты; на одной изъ стѣнъ подвѣшаны деревянные полочки, а двѣ другія забраны широкими раздвижными рамами оконъ съ рѣшетчатыми переплетами. Нѣсколько простыхъ стульевъ японской работы на европейскій ладъ, хотя и не свойственныхъ японскому обиходу, стояли здѣсь, очевидно, ради европейскихъ посѣтителей. На стѣнахъ были развѣшаны распушенные свитки картинъ религіознаго содержания, рисованныхъ акварелью на шелку и бумагѣ. На полочкахъ помѣщалась кое-какая утварь, а у окна—подзорная труба на треногѣ. Вся обстановка этой приемной кельи, видимо, щеголяла своею строгою простотой въ соединеніи съ замѣчательною опрятностью, чистотой и лоскомъ.

Около минуты спустя къ намъ вышелъ пожилой бритоголовый человѣкъ средняго роста и довольно плотнаго сложенія, съ очень умнымъ и симпатичнымъ выраженіемъ лица. Опривѣтствовавъ насъ троекратнымъ поклономъ, который продѣлывался со сложенными у коленей руками, хозяинъ предложилъ намъ садиться, указавъ на стулья, а самъ присѣлъ на корточки на циновкѣ. Это и былъ главный бонза.

Первое, что невольно остановило на себѣ мое вниманіе — это его костюмъ. На немъ былъ надѣтъ родъ бешмета изъ фіолетовой матеріи, длиною ниже коленъ, съ широкими «греческими» рукавами, красный, съ перехватомъ въ талии. Изъ-подъ бешмета видѣлась бѣлая, кажется, каменировая юбка, длинной по шиколотку; на ногахъ—бѣлыя японскіе чулки безъ сандалій; на лѣвой рукѣ браслетомъ намотаны четки.

Мой спутникъ объяснилъ ему желаніе мое приобрести копію съ изображенія Хатоке-сама. Хозяинъ выразилъ сожалѣніе, что удовлетворить этому въ данную минуту невозможно: хотя продажа изображеній и составляетъ одну изъ привилегій монастыря и храма Дайондзи, но въ настоящее время готовыхъ копій именно съ этого у нихъ не имѣется; но что если мы надолго останемся въ Нагасаки, то онъ охотно прикажетъ своимъ художникамъ срисовать его для насъ со всею точностью; оригиналы же образовъ у нихъ не продаются, такъ какъ это святыни, уважаемая не только по своему религіозному значенію, но и по своей древности.

Съ большимъ сожалѣніемъ пришлось мнѣ отказаться отъ любезнаго предложенія насчетъ снятія копій, такъ какъ время моего пребыванія въ Нагасаки во всякомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ настолько, чтобы художникъ успѣлъ снять и вполне окон-

чить рисунокъ. Дѣло это вообще беретъ здѣсь очень много времени, мѣсяца два по крайней мѣрѣ, потому что художникъ копируетъ точку въ точку, такъ, чтобы снимокъ ничѣмъ, кромѣ новизны, не отличался отъ оригинала.

— Впрочемъ, — прибавилъ бонза, — если васъ такъ интересуютъ наши изображенія, я могу предложить вамъ на память о нашемъ знакомствѣ и днѣ посѣщенія нашего храма одинъ небольшой рисунокъ, изображающій тоже Хатокэ-сама съ двумя роконами, только безъ прочихъ фигуръ.

И удался за ширму въ смежную комнату, онъ вскорѣ вынесъ оттуда продолговатый деревянный ящичекъ, въ которомъ лежалъ свитокъ съ акварельнымъ изображеніемъ на шелку, приклеенный нижнимъ концомъ своимъ къ деревянной цилиндрической скалкѣ. Благоговѣнно поднявъ его обѣими руками до высоты своего темени, онъ вручилъ его мнѣ со всею любезностью, какая свойственна однимъ только японцамъ.

На этомъ небольшомъ рисункѣ святѣйшій Будда изображенъ съ свѣтло-синими волосами ¹⁾ стоящимъ на престолѣ въ родѣ пьедестала, увѣнчаннымъ зеленою чашечкой лотоса и покрытомъ въ центрѣ голубымъ коврикомъ. Одѣтъ онъ въ золотой хитонъ, ниспадающій за пятки (употребляю какъ и раньше, слово *хитонъ*, потому что оно ближе всего даетъ понятіе о родѣ и видѣ сего одѣянія), съ грудью открытою по чреву; на плечи накинута длинная мантия, ниспадающая такъ же, какъ и хитонъ, широкими длинными складками, съ тою только разницей, что послѣдній образуетъ по сторонамъ ступней Будды какъ бы небольшой шлейфъ, а первая доходитъ лишь до конца икръ. Правая рука учителя поднята для благословенія, персты ея сложены уже описаннымъ образомъ; лѣвая опущена внизъ и нѣсколько изогнута; ладонь ея обращена наружу, а персты сложены такимъ образомъ, что конецъ указательнаго соприкасается съ концомъ большого, средній съ безымяннымъ сложены вмѣстѣ и нѣсколько вытянуты, мизинецъ же отклоненъ въ правую сторону. По обѣ стороны Будды, на меньшихъ пьедесталахъ, но тоже съ зелеными чашками лотоса

и голубыми ковриками въ центрѣ, стоятъ два пожилые бритоголовые рокона, Ананъ и Кошу; темя обѣихъ этихъ фигуръ приходится на высотѣ нѣсколько выше локтевого сгиба Будды; ладони и персты у обѣихъ роконовъ вытянуты и молитвенно вплотную сложены передъ грудью; лица ихъ обращены въ сторону учителя, но взоры благоговѣнно потуплены. Тотъ и другой задрапированы въ широкія хлябиды, изъ-подъ которыхъ около запястій рукъ видны концы широкихъ бѣлыхъ рукавовъ, а у ступней — низкія полы хитоновъ. У того и другого на лѣвой рукѣ надѣты четки. Одежда, какъ и самое тѣло Будды, вышита съ лицомъ, окрашены въ матово-золотистый цвѣтъ, — разница только въ оттѣнкѣ; на роконахъ же одежда сдѣлана чернаго цвѣта (слабоватымъ растворомъ туши); но у лѣваго рокона (Кошу) съ середины туловища до пятъ этотъ цвѣтъ сливчато переходитъ въ матово-золотистый, какъ у Будды. Лица же, руки и ступни у нихъ обыкновеннаго тѣлеснаго цвѣта. Головы у всѣхъ трехъ фигуръ окружены ярко-зелеными вѣнчиками съ тоненькими золотыми каемками, а надъ головою Будды, въ верхней части, помѣщено изображеніе священнаго балдахина, разрисованное яркими красками, которое на первый взглядъ, пока не всмотришься, кажется вамъ не то парящей птицей, не то какимъ-то существомъ съ распростертыми руками. Но что всего замѣчательнѣе въ рисункѣ со стороны художественнаго стиля, это — что всѣ контуры складокъ на одеждахъ сдѣланы тонкими штрихами золотомъ яркаго колера, совершенно въ томъ же родѣ, какъ нерѣдко встрѣчаемъ мы на иконахъ византийскаго стиля и въ нашемъ древнемъ писмѣ такъ называемой Строгановской школы. Техника тутъ, конечно, другая, но идея та же.

Разумѣется, я отъ души поблагодарилъ почтеннаго бонзу за его цѣнный для меня подарокъ, — цѣнный именно со стороны своего стиля.

Между тѣмъ, бонза-послушникъ подаль намъ въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ ароматическій зеленый чай (*о-ча-ниттонъ*), составляющій необходимое у японцевъ угощеніе при визитахъ, и тутъ нашъ любезный хозяинъ заинтересовался узнать: почему именно я такъ заинтересованъ ихъ буддійскими изображеніями?

Черезъ посредство моего спутника я объяснилъ, что не только образами, но что на первый разъ многое въ обстановочной сторонѣ ихъ храма несказанно удивило меня своимъ сходствомъ съ обстановкою храмовъ, въ особенности католическихъ.

Бонза благосклонно улыбнулся и спросилъ:

— Напримѣръ, что же именно?

— Да вотъ хоть бы вашъ костюмъ, чтобы

¹⁾ Синій цвѣтъ волосъ на изображеніяхъ Будды встрѣчается въ Японіи довольно часто. Какое онъ имѣетъ значеніе, мнѣ не довелось дознаться, но думаю, что происхождение такой особенности (не безусловно, впрочемъ, обязательной) идетъ изъ Индіи. Извѣстно, что богъ Кришна — одно изъ десяти воплощеній Вишну, второго лица индійской Тримурти, — изображается голубымъ, потому что онъ есть символъ пространства (греческій *Ураносъ*) и вслѣдствіе этого называется „голубымъ богомъ“ — *Нила-нагъ*. Сакьямуни же (Будда) есть девятое воплощеніе Вишну. Не въ этой ли связи кроется причина, почему изображается онъ иногда сине-власымъ?

не далеко ходить. Этот фиолетовый пвѣтъ вашей одежды, скажите: что это? Случайность, или такъ должно?

— Нѣтъ, это такъ должно, — отвѣчалъ онъ. — Это пвѣтъ, присвоенный древнимъ обычаямъ нашей религіи костюму главного бонзы. А развѣ у васъ то же?

Мы ему объяснили, что у католическихъ епископовъ это наружный пвѣтъ ихъ мантий.

Хозяинъ опять благосклонно улыбнулся и нѣсколько задумался.

— Буддизмъ (*букхъйо*) древнѣе, — сказалъ онъ; — буддизмъ если что и замѣстовалъ, то развѣ только изъ браминзма, который еще древнѣе и изъ котораго вытекъ самый буддизмъ...¹⁾

Вслѣдъ за снмъ онъ похлопалъ въ ладоши, и на этотъ звукъ явился бонза-послушникъ, которому онъ приказалъ вынуть изъ шкафа нѣсколько свитковъ священныхъ изображеній.

— Эти картины, — пояснилъ онъ, — это наша гордость: онѣ—лучшее украшеніе нашего храма. Мы очень дорожимъ ими за ихъ древность и потому выставлемъ во храмѣ только въ извѣстныхъ рѣдкихъ случаяхъ.

И онъ пригласилъ насъ полюбоваться картинами, цѣлый рядъ которыхъ бонза-послушникъ успѣлъ уже развернуть и разложить на цыновкахъ. Между этими рисунками одинъ

¹⁾ Будда, то-есть царевичъ Суларта, изъ рода Сакья, родился въ 623 году до Р. Х. Двадцатидеять лѣтъ отъ роду, почувствовавъ въ себѣ призваніе къ проповѣданію людямъ „благаго закона“, онъ покинулъ царственный дворъ города Капилавасту, отца своего и семью, и въ теченіе тридцати-шести лѣтъ предавался изученію законовъ Ману и различнымъ религіознымъ системамъ, слѣдуя въ то же время аскетическимъ подвигамъ браминовъ. Послѣ этого Суларта на нѣкоторое время обособился въ полномъ уединеніи отъ всего міра, чтобы погрузиться въ самосозерцательное размышленіе, прежде чѣмъ начать свою дѣятельность проповѣдника. Впервые выступилъ онъ на проповѣдь „благаго закона“ въ 587 году до Р. Х., тридцати-шести лѣтъ отъ роду, въ городѣ Бенаресѣ, потомъ прошелъ весь Вегаръ, посѣтилъ городъ Капилавасту и убѣдилъ какъ своего отца, такъ и семью свою послѣдовать его ученію. Борьба, которую онъ долженъ былъ вести съ браминами, нѣсколько разъ подвергала опасности самую жизнь его; но несмотря на то, онъ проповѣдывалъ болѣе сорока лѣтъ и тихо скончался, сидя подъ стѣнью священной смоковницы, восьмидесяти лѣтъ отъ роду, въ 543 г. до Р. Х. Семь дней спустя по смерти Будды, состоялся первый общій соборъ его учениковъ, которые и занялись записываніемъ словъ учителя. Самъ же онъ училъ только словомъ и примѣромъ, но ничего не писалъ. Такъ какъ родовое имя его Сакья или Сакія, то онъ еще при жизни своей сдѣлался повѣстенъ во всей центральной Индіи подъ именемъ *Сакья-муни*, то-есть *пустынника* изъ рода Сакья. Будда же значитъ *премудрый*, отъ санскритскаго *buddh*, понимать, знать. Индо-китайскіе теологи признають въ немъ девятое воплощеніе Вишну, второго лица индійской божественной *Тримурти*.

въ особенности остановилъ на себѣ мое вниманіе. Посрединѣ четырехугольнаго шелковаго полотнища коричневаго пвѣта, значительно уже выцвѣтшаго отъ времени, очерченъ медальонъ круглой формы и въ немъ эскизно набросаны голова и торсъ старика. Рѣзкія черты худошаваго лица несомнѣнно индійскаго типа, орлиный носъ и огненный взглядъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей, исключенные волосы и волнистая борода, съ которою сливаются длинные усы; худошавая мускулистая рука, высунувшаяся изъ-подъ вакинутой на плечо драпировки,—все это, сдѣланное одною тушью, было такъ экспрессивно и набросано такими смѣлыми, бойкими ударами небрежно свободной кисти, что такому эскизу, конечно, могъ бы позавидовать не одинъ и изъ европейскихъ художниковъ.

Хозяинъ объяснилъ намъ, что это очень древнее изображеніе святого отшельника Бодди-Дарма (*Dharma*), весьма чтимаго японскими буддистами, и разсказалъ при этомъ вкратцѣ его исторію. Бодди-Дарма, родомъ индусъ, какъ показывасть уже самое его имя, прибылъ въ Японію въ 613 году нашей христіанской эры и основалъ монашеское братство *Сенъ-Сѣю*. Преданіе гласитъ, что, предъ отправленіемъ въ Японію, онъ десять лѣтъ провелъ въ полномъ уединеніи въ Корей, въ знаменитомъ тамошнемъ храмѣ-монастырѣ *Шоо-линъ*, погруженный въ *дзиану*, то-есть въ глубокое самосозерцаніе, сиди на цыновкѣ, съ лицомъ, неподвижно обращеннымъ къ стѣнѣ. Въ этомъ искусствѣ заключалось его приготовленіе къ своему подвигу. Когда же наконецъ небесное внушеніе возвѣстило ему, что часъ для подвига приспѣлъ, Бодди-Дарма пошелъ къ морскому берегу, но не нашелъ тамъ никакого судна, а увидѣлъ принесенный волною широкій листъ дерева *аши* (?), по другому же варианту той-же легенды,—просто стебель тростника, и сказалъ: «Ты будешь моимъ кораблемъ!» Послѣ этого Бодди-Дарма безстрашно ступилъ на него ногою,—и листъ *аши*, или тростниковый стебель, благополучно перенесъ его по волнамъ Корейскаго пролива въ благодатную страну Восходящаго Солнца, гдѣ индусъ тотчасъ же началъ свою проповѣдь, а затѣмъ организаторскую дѣятельность по учрежденію монастыря и братства *Сенъ-Сѣю*, за что и сподобился попасть въ число знаменитѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ святыхъ аскетовъ буддійской Японіи.

Долго смотрѣлъ я на портретъ Бодди-Дармы и никогда, кажется, не позабуду характерныхъ выразительныхъ чертъ этого вдохновеннаго аскетическаго лица, этой исключенной головы, этого огнемъ палащаго взгляда,—до такой степени они вѣзались въ памяти.. Существовало же, значитъ, здѣсь, на крайнемъ Во-

токѣ, и въ дни очень отдаленные отъ нашего времени, настоящее искусство, помимо неподвижныхъ, замкнутыхъ въ извѣстномъ циклѣ и строго условныхъ формъ религіозной живописи. Эскизы головы Будды-Дарма—явное тому доказательство.

Въ числѣ прочихъ изображеній, намъ были показаны портреты двухъ японскихъ бонъ съ вѣнчиками вокругъ головы. Каждый изъ нихъ представленъ съ развернутымъ свиткомъ въ приподнятой лѣвой рукѣ, на которой указываетъ перстомъ правой. На обоихъ свиткахъ начертаны знаки японской азбуки. По объясненію главного бонъ, это—точные портреты святыхъ бонъ Кибико и Кокаи, оказавшихъ японскому народу незабвенную услугу изобрѣтеніемъ для него звуковой азбуки. По этому поводу намъ было рассказано вотъ что: буддизмъ занесенъ въ Японію изъ Кореи¹⁾, а вмѣстѣ съ нимъ была воспринята и символическая китайская система письма, которая по своей крайней трудности могла быть достояніемъ только немногихъ ученыхъ обществъ; масса же не только народа, но и высшихъ классовъ оставалась вполнѣ безграмотною. Тогда одному ученому монаху изъ братства Юото, по имени Кибико, явилась благая мысль упростить символическую систему, замѣнивъ ее сорока-семью постоянными (то-есть неподверженными измѣненію, подобно китайскимъ, въ связи съ комбинаціями разныхъ понятій) знаками частію звукового, частію символическаго значенія. Эта азбука названа *катаной* и употребляется учеными, въ особенности для подстрочныхъ толкованій, замѣтокъ и т. п. Затѣмъ, во второй половинѣ VIII столѣтія нашей эры, бонъ Кокаи²⁾ еще болѣе упростилъ катану, придавъ ей исключительно звуковой характеръ (по слогамъ), а самымъ знакамъ простѣйшее удобоусвояемое скорописное начертаніе. Эта послѣдняя система, подъ именемъ *ираканы*, весьма скоро сдѣлалась достояніемъ всего народа, даже женщинъ, и употребляется до сихъ поръ въ сношеніяхъ повседневной жизни и въ произведеніяхъ не только легкой литературы (каковы романы, поэмы, комедіи и т. п.) и легкой журналистики, но въ послѣднее время даже и въ научныхъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ въ популярномъ изложеніи для обыкновенной публики. При помощи ираканы, напримѣръ, переведенъ и изданъ на японскомъ языкѣ весь Дарвинъ. Бонъ тоже широко воспользовались ею для изложенія своихъ проповѣдей, молитвенниковъ и проч. Она же въ употребленіи и у христіанскихъ миссіонеровъ, и вообще, благодаря ей, японскій языкъ, литература и исторія сдѣлались доступны не только нѣко-

торымъ европейскимъ ученымъ, но и просто значительному числу европейцевъ, постоянно проживающихъ въ Японіи. Нѣкоторые изъ нашихъ морскихъ офицеровъ прекрасно читаютъ и пишутъ по-японски, увѣряя, что гиракана нисколько не труднѣе любой европейской азбуки. Благодаря ей же, вся Японія давно уже почти поголовно грамотна, не исключая и женщинъ, такъ какъ каждая городская и сельская община обязательно имѣетъ свою начальную школу³⁾. Память бонъ Кокаи высоко чтится во всей Японіи. Вмѣстѣ со своимъ предшественникомъ Кибико, онъ сопричтенъ къ циклу святыхъ буддійскаго пантеона и подъ именемъ *Кобо-дайдзи*, то-есть великаго учителя вѣры, пользуется даже больше, чѣмъ Кибико, молитвеннымъ поклоненіемъ и почестями, какъ истинный просвѣтитель Японіи. Изображеніе его обязательно имѣется въ каждой школѣ. Такимъ образомъ, хотя бы только въ этомъ отношеніи, буддизмъ принесъ странѣ существенную пользу.

Буддійское духовенство раздѣляется на свѣтское и монашествующее. Первое не лишено права вступать въ бракъ и живетъ семейно, обыкновенною гражданскою жизнью, при своихъ храмахъ, отправляя требы своего прихода, что и служить ему главнѣйшимъ ресурсомъ для существованія; второе же уединяется въ особые монастыри, гдѣ условія жизни строго ограничены извѣстными уставами, которые, впрочемъ, не вездѣ одинаковы: въ однихъ братствахъ суровѣе, въ другихъ слабѣе. Японское монашество имѣетъ множество братствъ, изъ коихъ каждое поставляетъ себѣ какую-либо особую богоугодную цѣль и особый родъ подвижничества для достиженія спасенія своей души отъ дальнѣйшихъ измѣненій или нечистыхъ переносиленій. Въ прежнее время монастыри въ Японіи владѣли большими землями; но во второй половинѣ XVI столѣтія сѣгунъ Гиде-Йоси объявилъ эти земли государственною собственностью, которая, съ разрѣшенія правительства, можетъ быть отдаваема монастырямъ только въ безвозмездное пользованіе, въ той мѣрѣ, какая необходима для пропитанія монашествующей братіи; но ни отчуждать, ни продавать, ни приобретать себѣ новыя земли монастыри съ тѣхъ поръ уже не имѣютъ права. О характерѣ монастырской жизни я могу сообщить кое-что изъ своихъ личныхъ наблюденій въ нагойскомъ монастырѣ Сига-Хонгандзи.

Высокая каменная стѣна окружаетъ этотъ

¹⁾ Введеніе буддизма въ Японію, какъ уже сказано, относится 552 году по Р. Х.

²⁾ Родился въ 754 году.

³⁾ Мужчины, желающіе быть образованными, изучаютъ также и катану, а ученые присоединяютъ къ этому еще и знаніе возможно большаго числа китайскихъ знаковъ, что даетъ ученымъ людямъ обихъ этихъ странъ возможность читать ихъ ученые сочиненія, не зная вовсе языка другъ друга. Для этого достаточно знать одни только символическіе знаки.

монастырь правильнымъ четырехугольникомъ. Изъ-за ея гребня мѣстами свѣшиваются пышные побѣги ползучихъ растений, а выше выглядываютъ куши роскошныхъ древнихъ деревьевъ, простирая свои длинныя могучія вѣтви, словно благословляющія длави, за черту этой каменной ограды, гдѣ отдыхаютъ, пользуясь ихъ тѣнью и въ знойное и въ дождливое время, многочисленные пилигримы. Мы подъѣхали къ однимъ изъ воротъ, у которыхъ стояли другъ противъ друга двѣ ятки подыновочными навѣсами; въ одной бонза торговалъ четками, амулетами и т. п., а въ другой разными дешевыми сластями. Отъ этихъ воротъ, уже внутри монастырской ограды, тянется вдоль первого двора широкая аллея старорослыхъ тѣнистыхъ деревьевъ, подъ которыми въ жаркую пору располагаются на отдыхъ поклонники, стекающіеся сюда изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ Японіи. Вдоль этой аллеи съ одной стороны идетъ рядъ лавокъ, пристроенныхъ изнутри къ стѣнѣ вишней ограды. Эти лавки, составляя собственность монастыря, отдаются въ наемъ прѣзжимъ торговцамъ на время храмовыхъ празднествъ, когда здѣсь устраивается большая ярмарка; въ остальное же время онѣ большею частью пусты и заперты; только въ нѣкоторыхъ замѣтила я торговлю предметами, въ родѣ изображеній на бумажныхъ свѣцахъ, статутокъ Будды и разныхъ святыхъ, алтариковъ, молитвъ, номинальныхъ скрижалей, жертвенно-курительныхъ и восковыхъ свѣчей и т. п. Одна лавочка торговала соломенной обувью для пилигримовъ, другая—тыквенными баклагами для воды, какія обыкновенно носятъ при бедрѣ всевозможные странники и паломники на пространствахъ всей Азіи—мусульманской, индійской, китайской и японской. Третья лавочка завѣсилась вся готовымъ платьемъ, тоже для странствующихъ поклонниковъ; четвертая совмѣщала въ себѣ чайный домъ и свѣтскую.

Въ аллеѣ бродило нѣсколько монаховъ, костюмъ которыхъ невольно остановилъ на себѣ мое вниманіе: на нихъ были надѣты какія-то хламиды изъ бумажной матеріи чернаго цвѣта, въ родѣ рясокъ, съ широкими греческими рукавами; хламиды эти, длиною нѣсколько ниже колѣна, очень напоминали мѣтѣ ряски, какія встрѣчалъ я въ Румыніи у молдаванскихъ монаховъ и священниковъ. Головной уборъ тоже представляетъ нѣкоторое сходство съ нашимъ монашескимъ: это тотъ же клубокъ, только нѣсколько ниже; обтянутъ онъ чернымъ плисомъ, либо чернымъ крепомъ, и съ тульи его падаетъ на спину и плечи наметка или покрывало изъ той же матеріи, что и на клубокъ, только длина покрывала короче, чѣмъ у нашихъ монаховъ. Четки, наматываемыя на руку, и деревянные сандалии довершаютъ костюмъ буддійскихъ отшельни-

ковъ; высокій же посохъ, въ родѣ какъ у нашихъ протопоповъ, составляетъ принадлежность однихъ только старцевъ этого монашескаго братства.

Монастырь дѣлится поперечною каменною стѣною на два двора; въ первомъ изъ нихъ находятся описанныя мною аллея и лавки, а во второмъ, болѣе обширномъ, главный храмъ, нѣсколько часовенъ, монашескія помѣщенія и садъ. Въ этотъ второй дворъ ведутъ высокія, массивныя ворота, называемыя «священными» и устроенныя посредникъ поперечной стѣны, противъ главнаго портала храма. Какъ и всѣ подобнаго рода ворота, они украшены высокимъ навѣсомъ, въ видѣ кровли, и двумя статуями Ню-джиновъ, помѣщенными въ нишахъ боковыхъ простѣлковъ.

Буддійскій монастырь въ Нагойе — одинъ изъ древнѣйшихъ въ Японіи, но самый храмъ Сигаси-Хонгандзи, въ настоящемъ своемъ видѣ, существуетъ только 140 лѣтъ, со времени сѣгуна Минамото-но-Токи-Мунэ, правившаго Японіей съ 1716 по 1745 годъ нашей эры. Одинъ лишь матеріалъ, употребленный для постройки, обошелся въ два милліона люхъ (долларовъ), не говоря уже о расходахъ на сооруженію и орнаментовкѣ.

Мы подъѣхали къ главному крыльцу зданія, занимаемаго монахами, и остановились на широкой большой площадкѣ, выложенной большими гранитными плитами. На встрѣчу къ намъ вышелъ настоятель, уже заранѣе предупрежденный о нашемъ посѣщеніи, и съ нимъ два-три монаха. У нижней ступеньки широкой деревянной лѣстницы пришлось снять сапоги, взявъ которыхъ намъ были предложены расшитыя узоромъ туфли-шлепанцы обыкновенной восточной формы.

Изъ общей пріемной залы настоятель повелъ насъ по длиннымъ полутемнымъ корридорамъ и проходамъ въ особый павильонъ, выходящій въ обширный монастырскій садъ, и объяснилъ, что въ этомъ павильонѣ останавливается микадо, когда прѣзжаетъ въ Нагойе. Помѣщеніе это, можно сказать, блещетъ своею простотою и идеальною чистотою: никакихъ красокъ, никакой пестроты и яркости; стѣны и рѣшетчатый потолокъ сдѣланы изъ теса, даже не покрытаго лакомъ, но зато что это за тесъ, что за чистота работы и отделки! И какъ искусно, въ тонъ и въ оттѣнокъ все это одно къ другому подобрано и прилажено!

Японцы имѣютъ обыкновеніе прежде всего предлагать своимъ гостямъ «отдохнуть» немного и потому, едва вошли мы въ павильонъ, какъ это любезное предложеніе такъ-такъ съ-бѣнгу и восплѣдовало со стороны настоятеля. Угощеніе, разумѣется, не замедлилось: едва опустились мы на цыновки, какъ три послушника внесли нѣсколько низенькихъ столиковъ-подносовъ и съ почтительными покло-

нами поставили ихъ между нами, послѣ чего отдали всѣ въ-разъ еще по поклону въ поясъ и отошли задомъ къ стѣнѣ, гдѣ и стали рядомъ, сложивъ каждый руку въ руку у себя на желудкѣ. Но не прошло и полу-минуты, какъ они опять съ поклонами стали разносить на подносикахъ чай, налитый кѣмъ-то за ширменной стѣною. и, исполнивъ свое дѣло, опять отдали общій поклонъ и снова отпятились къ стѣнѣ. Все это совершалось ими очень чинно, въ глубокомъ и почтительномъ молчаніи. Угощение, кромѣ чая, состояло изъ сладкихъ рисовыхъ печеній, между коими главную роль играли плоскія круглыя облатки—однѣ красныя, съ тисненными изображеніями какихъ-то письменъ и узоровъ, другія—бѣлыя, съ водянисто-бѣлыми цвѣтами, слегка нарисованными акварелью. Были тоже и конфеты изъ сахарнаго леденца, сдѣланныя въ видѣ спаржи и раскрашенныя въ соотвѣтственные этому растенію цвѣта. Отдавъ необходимую дань «отдохновенію» и этикету, на что потребовалось около десяти минутъ, мы наконецъ обратились къ настоятелю съ просьбой показать намъ монастырскія помѣщенія. Онъ съ полною готовностію, въ сопровожденіи своей монашеской свиты, опять повелъ насъ по разнымъ корридорамъ и переходамъ, объясняя по пути, что вотъ здѣсь, молъ, находится «комнаты свиданій», гдѣ отшельники могутъ въ известные дни и часы принимать своихъ знакомыхъ посетителей, а тутъ вотъ идутъ монашескія кельи. Мимоходомъ, я заглянулъ въ одну изъ послѣднихъ, пользуясь тѣмъ, что ея дверь была раздвинута и хозяина не оказалось дома. Это была обыкновенная японская комната, шаговъ шесть въ длину и столько же въ ширину, съ очень чистыми циновками, но безъ малѣйшихъ признаковъ какой-либо домовитости и мебелировки. На стѣнѣ противъ входа красовалось въ рамкѣ подъ стекломъ какое-то каллиграфическіе крупно и свободно начертанное изреченіе, вѣроятно, благочестиваго характера, а въ углу, въ нишѣ, висѣлъ распушенный шелковый свитокъ, на которомъ были нарисованы красками лыки нѣсколькихъ святыхъ, обведенные вокругъ головы золотыми вѣнчиками; сбоку, при каждомъ вѣнчикѣ, имѣлась и надпись,—вѣроятно, имя святого, а внизу всей группы изображена киноварью и тушью, должно быть, какая-то молитва. Убогій стаканъ, сдѣланный изъ трубки зеленого бамбука, стоялъ на полу предъ этимъ образомъ и служилъ вазою для нѣсколькихъ прутьевъ цвѣтущаго персика.— Вотъ я все, что замѣтилъ я въ келіи. Товарищи мои заглянули еще въ двѣ-три другихъ, но сказывали, что и въ нихъ все то же,—одна какъ двѣ капли похожа на другую, и если чѣмъ отличаются, то развѣ только образами, которые не во всѣхъ одинаковы.

Слѣдуя корридорами, иногда мимо малень-

кихъ внутреннихъ двориковъ съ водою, цвѣтами и деревьями, настоятель привелъ насъ въ большую монастырскую залу, известную подъ названіемъ «общей братской» и служащую мѣстомъ всѣхъ торжественныхъ приемовъ, актовъ, собраній и проч. Это очень обширная продолговатая комната, съ высокимъ рѣзнымъ потолкомъ, украшенная нѣсколькими ширмами, на которыхъ рисунки по золотому фону дѣлалъ знаменитый въ свое время кіотскій художникъ Канкоо-Монотобъ. Изъ этой залы мы вышли на открытую галлерею, съ которой по другую сторону двора и предсталъ предъ нашими взорами храмъ Сигасы-Хонгандзі, уже описанный выше. Галлерея, идя по окраинѣ двора, примыкала непосредственно къ галлерей храма. Здѣсь въ карнизахъ и вообще подъ свѣтью вѣншей галлерей обитаютъ многочисленныя поколѣнія голубей. Житье ихъ тутъ привольное, да и живутъ они тутъ при храмѣ испоконъ-вѣку, такъ какъ гнѣздъ ихъ не трогаютъ и самихъ не обижаютъ, а, напротивъ, еще прикармливаютъ разными зернами и рисомъ, почитая за чистую, святую птицу. Вообще, мнѣ приходилось встрѣчать голубей на подобномъ «положеніи» при многихъ японскихъ храмахъ. Бѣдныя престарѣлыя вдовы или калѣки, лишеныя возможности трудиться, получаютъ отъ бонзъ право торговать «голубиною милостыней» во дворѣ храма: они обыкновенно выставляютъ маленькія блюдечки, наполненныя разными зернами, толчеными бобами и рисомъ. Желаящій сотворить голубиную милостыню—а таковыхъ всегда бываетъ много, въ особенности между дѣтьми и женщинами, — платитъ за блюдечко какую-то ничтожную мелкую монетку и просыпаетъ зерна на площадку, куда сейчасъ же со всѣхъ карнизовъ слетаются голуби и съ воркованьемъ принимаются клевать, нисколько не боясь тутъ же снующей и толкающейся публики. Сотворить голубиную милостыню, равно какъ и выкупить у птицелова какую-нибудь пичугу, чтобы выпустить ее изъ клѣтки на волю, почитается здѣсь душеполезнымъ, добрымъ дѣломъ.

Изъ храма насъ повели опять въ монастырское зданіе, но уже другими ходами. Проходя по открытой галлерей, въ одномъ мѣстѣ услышали мы громко произносимыя слова, какъ будто кто толково читалъ по книгѣ или держалъ рѣчь. Заглянули въ раздвинутую дверь и очутились въ одномъ изъ побочныхъ, такъ сказать, домашнихъ храмовъ монастыря. Онъ былъ наполненъ народомъ, среди котораго впрочемъ преобладали женщины и дѣти; но и мужчинъ всякихъ возрастовъ было не мало. Всѣ эти моельщики и моельщицы, сидя на пяткахъ, тѣсно сгущались съ трехъ сторонъ вокругъ возвышеннаго амвона, гдѣ лицомъ къ народу, спиной къ алтарю, сидѣлъ на табуретѣ

бритоголовый монахъ въ бѣломъ облаченіи съ зеленымъ эпитрахилемъ и зеленымъ вѣромъ въ рукахъ, и говорилъ проповѣдь. Мы тихо вошли и, ставъ близь дверей, тоже стали слушать... Какъ сожалѣешь въ такихъ случаяхъ, что не знаешь языка этой интереснѣйшей страны въ мірѣ! Какъ хотѣлось бы мнѣ въ ту минуту вполне уразумѣть эту проповѣдь, но увы! — я могъ понимать только мимику проповѣдника, его жестъ, его интонацію, а въ остальномъ долженъ былъ положиться на нашего переводчика Нарса-сана, который прислушавшись объяснилъ мнѣ вкратцѣ, что монахъ говоритъ на тему объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ Богу и ближнему. Толпа слушала проповѣдника вполне внимательно, съ видимымъ и живымъ интересомъ, высказывая, мѣстами, въ короткихъ односложныхъ восклицаніяхъ свое одобреніе и согласіе съ его взглядами или какимъ-либо обращеннымъ къ ней вопросомъ, а иногда очень добродушно, но сдержанно смѣялась, если ораторъ не безъ юмора приводилъ житейскіе примѣры лицемерія, сластолюбія и иныхъ пороковъ. Онъ говорилъ совершенно просто, почти безъ жестикюляціи и языкомъ вполне доступнымъ пониманію его аудиторіи, что сразу же можно было замѣтить по отношенію слушателей къ его рѣчи. Дикція, вполне ясная, толковая, не монотонная, — напротивъ, она весьма выразительна и разнообразна, но безъ малѣйшей утрировки, и это полнѣйшее отсутствіе какой бы то ни было аффектаціи дѣлало его рѣчь похожею скорѣе на простую серьезную бесѣду, чѣмъ на проповѣдь.

Отъ проповѣдника повели насъ на монастырскую кухню. Это обширная высокая зала съ громадными очагами. Потолочныя балки, замѣчательной длины и толщины, сдѣланы изъ цѣльныхъ неотесанныхъ стволовъ гигантскихъ кедровъ. Дымъ отъ очаговъ выходитъ въ общее широкое отверстіе въ потолокъ, выведенное каменною трубою. Въ особомъ отдѣленіи этой залы, за ширмами, братъ-экономъ и его помощникъ сводили какіе-то счета по записямъ прихода-расходныхъ книгъ; они же и пріемщики общественной милостыни. Къ нимъ въ эту кухню благочестивые датели ежедневно по утрамъ сносятъ свои добродетельныя приношенія рисомъ, овощами и живностью. Три-четыре монаха-повара возпльс около очаговъ, готовя братскій ужинъ. Всей монашествующей братии здѣсь сорокъ человѣкъ, но готовится на сто, потому что отъ монастырской трапезы питаются даромъ много приходящаго убогаго и срагого люда, изъ числа странствующихъ поклонниковъ и мѣстныхъ бѣдняковъ, въ родѣ безпомощныхъ вдовъ и дѣтей, калѣкъ, безрукихъ и безногихъ и т. п. Хотя бонзы и сами-то живутъ отчасти на счетъ общественной благотворительности, но, надо отдать имъ справедливость, они

питаютъ и другихъ немущихъ: кто ни пріиди, отказа въ горсти риса, въ кускѣ рыбы и въ чашкѣ чая никому и никогда не бываетъ. Все, что ни собираютъ они изъ приношеній, все это дѣлится въ мѣрѣ естественной потребности между братьей и бѣдняками, ибо такъ предписываетъ аскетамъ «благой законъ» Будды.

Рядомъ съ кухней помѣщается братская трапеза. Это довольно обширная продолговатая зала, сплошь застланная циновками необычайной чистоты и украшенная ширмами дорогой, артистической работы. На циновкахъ овальной дѣлю стояло вѣскольکو десятковъ маленькихъ столиковъ-подносовъ, на какихъ обыкновенно ставятъ «табердъ», то-есть обѣдъ или кушанья, предъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, они же отчасти замѣняютъ и наши приборы. У одной изъ стѣнъ помѣщается очень красивый домашній алтарь или божница, съ золоченымъ Буддою и со всеми обычными принадлежностями и украшеніями, а предъ божницею стоитъ низенькій складной, въ видѣ буквы Х, шюпитръ, и на немъ какая-то раскрытая книга.

Настоятель объяснилъ намъ, что во время братской трапезы одинъ изъ очередныхъ бонзъ обыкновенно читаетъ вслухъ для всей братіи какое-нибудь поученіе или толкованіе на одну изъ книгъ, «благого закона», а не то—благочестивое повѣствованіе или, чаще всего, жизнеописаніе какого-нибудь святого подвижника или отшельника, могущее служить добрымъ примѣромъ, и что въ ихъ буддійскихъ монастыряхъ этотъ обычай—читать во время трапезы—яскони ведется.

Кромѣ обыкновенныхъ монаховъ, въ нѣкоторыхъ буддійскихъ монастыряхъ существуютъ еще особы отшельники, добровольно налагающіе на себя трудъ совершенно исключительнаго подвижничества. Одни изъ нихъ, напри- мѣръ, даютъ обѣтъ безусловнаго молчанія, другіе сидятъ въ углу своей кельи, лицомъ къ стѣнѣ, цѣлые десятки лѣтъ, повторяя про себя буддійское изреченіе «*Наму-міо хонэ Ренги кэйе*», то-есть: вѣрую или поклоняюсь во священной книгѣ Ренги; третьи затворяются въ темную пещеру, чтобы никогда, даже случайно, не видѣть лица человѣческаго. Въ окрестностяхъ Кіото есть одинъ такой отшельникъ; живетъ онъ въ тѣсной пещерѣ, высоко вышеченной въ отвѣсной стѣнѣ утеса; пищу къ нему ежедневно доставляютъ въ корзинѣ, опускаемой и поднимаемой на блокъ. Иные подобнымъ же образомъ живутъ въ глубинѣ сухихъ колодезевъ, иные (на сѣверѣ) уединяются въ глухіе кедровые лѣса и горныя трупобы. Отшельники этого рода никогда не бреютъ себѣ ни головы, ни лица и не стригутъ ни ногтей, ни волосъ, тогда какъ все это обязательно, въ особенности бритые головы,

для остального духовенства, какъ свѣтскаго, такъ и монашествующаго.

Отчасти, къ числу монашествующихъ могутъ быть отнесены слѣпцы, специально занимающіеся леченіемъ нервныхъ и ревматическихъ страданій посредствомъ массажа. Они образуютъ два братства: *Бу-Сетиу* и *Феки*, названныя такъ по имени своихъ основателей. Поступаютъ туда какъ слѣпорожденные, такъ и ослѣпшіе въ послѣдствіи, давая при семъ обѣтъ безбрачія, но для послѣднихъ, если они предъ тѣмъ, какъ потерять зрѣніе, были женаты, обѣтъ этотъ не составляетъ безусловной необходимости. Доступъ въ оба братства открытъ безразлично, какъ для буддистовъ, такъ и для послѣдователей Синто. Тѣ и другіе, вступая въ одно изъ сихъ братствъ, начисто бреютъ себѣ всю голову, какъ бонзы, никогда не покрывая ее ни шляпой, ни повязкой, и одѣваются въ длиннополые халаты съ верхнимъ широкополымъ кримономъ. Цвѣтъ костюма въ одномъ братствѣ сѣрый, въ другомъ сѣдовато-синій, безъ всякихъ узоровъ и украшеній. Слѣпцовъ-массажистовъ часто можно встрѣтить на городскихъ и сельскихъ улицахъ. Бродятъ они въ-одиночку, безъ проводниковъ, издупывая путь длиннымъ посохомъ и время отъ времени пошвытывая въ дудочку жалобно-протяжнымъ звукомъ, который заранѣе возвѣщаетъ о появленіи массажиста. Оба братства имѣютъ своихъ мѣстныхъ старшій и главнаго начальника въ Кіото, суду котораго подлежатъ всѣ проступки братій. Говорятъ даже, будто онъ имѣетъ надъ ними право жизни и смерти, подъ условіемъ изрекать приговоры именемъ микадо; но едва-ли это право удержалось за нимъ въ настоящее время.

Кромѣ слѣпцовъ, существуютъ еще *шонены*—нищенствующие монахи-странники, носящіе длинныя бѣлыя хламиды и широкополыя бѣлыя шляпы, въ знакъ вѣчнаго покаянія. Они бродятъ по всѣмъ базарамъ, храмовымъ ярмаркамъ и просто по улицамъ, собирая милостыню либо на какой-нибудь бѣдный монастырь. Но точно ли получаетъ эта милостыня свое назначеніе, проконтролировать довольно трудно, и потому, подъ видомъ шоненовъ, зачастую ходятъ просто попрошайки, собирающіе подаяніе въ свою собственную пользу. Шонены обыкновенно носятъ съ собою на показъ вѣрующимъ какую-нибудь святыню, въ родѣ мощей того или другаго святаго, четокъ и магическихъ ладонковъ, или образа въ свиткахъ, или кютикъ, гдѣ хранится статуэтка какого-либо міо-джина. О своемъ приближеніи шонены возвѣщаютъ либо ударами въ маленький барабанычекъ, либо позвякиваніемъ въ ручной колокольчикъ.

Нѣкоторые монашескія братства носятъ вмѣсто клобука широкополую шляпу; свѣтскіе же бонзы ходятъ всегда съ непокрытою головою, защищая ее отъ солнца распущеннымъ вѣтромъ.

Костюмъ обыкновенныхъ бонзъ состоитъ изъ сутаны уже описаннаго выше покроя (какъ у кагасакскаго старшаго бонзы), съ широкими рукавами. Иногда же, въ домашнемъ быту, носятъ они и просто кйримонъ обыкновеннаго покроя¹⁾. Сутаны ихъ, смотря по сану и степени, занимаемой бонзою въ духовной іерархіи, бываютъ фіолетовыя, пунцовыя, желтыя, коричневыя, черныя, бѣлыя и сѣрыя. При богослуженіи, бонзы одеваются поверхъ сутаны въ нѣчто въ родѣ фелони, съ нагрудникомъ, напоминающимъ витрахиль; фелони эти, смотря по сану, бываютъ длинныя и короткія. Кромѣ того, одни изъ бонзъ навѣшиваютъ себѣ на шею бѣлое полотенце, концами напередъ, а другіе—на лѣвое плечо длинную ленту, въ родѣ діаконскаго ораля, съ узорчатымъ плетеньемъ изъ шелковаго шнура и кистями на концахъ. Старшіе бонзы носятъ еще остроколючую шапку, въ родѣ кардинальской митры, изъ сѣтчатой волосной матеріи. Длинный посохъ съ металлическимъ прорѣзнымъ наконечникомъ въ формѣ пиковато туза, сквозь который продѣто нѣсколько бронзовыхъ колецъ, а кропило (оно же и опахало) изъ бѣлаго конскаго волоса—дополняютъ богослужебные атрибуты старшаго бонзы.

Богомоленіе, кромѣ торжественныхъ, такъ сказать, соборныхъ служеній и процессій, совершаемыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ и по праздникамъ, въ обыкновенные дни ограничивается верченіемъ «колеса закона» (*ринсоо*) и чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ подъ аккомпанементъ мѣрныхъ ударовъ въ большой барабанъ, что иногда продолжается цѣлыми часами, въ особенности въ ночное время.

Что до религіозныхъ праздниковъ и обрядовъ, то мы извѣстны изъ нихъ только нѣкоторые. Обыкновенные праздники, какъ бы соответствующіе нашимъ воскреснымъ днямъ, называются у японцевъ *рейбисами*; ихъ полагается по три на каждый мѣсяць, а именно, въ первое, пятнадцатое и двадцать-восьмое число, то-есть въ дни новолунія, полнолунія и противостоянія луны, и такъ какъ годъ у японцевъ считается по луннымъ мѣсяцамъ, то всѣхъ рейбисовъ полагается у нихъ тридцать-шесть; но къ нимъ присовокупляются еще дни лѣтняго и зимняго солнцестоянія, и такимъ образомъ, всѣхъ рейбисовъ въ году тридцать восемь. Рейбисы служатъ днями отдохновенія и справляются одинаково какъ послѣдователями Синто, такъ и буддистами. Въ утро рейбиса каждый японецъ надѣваетъ свой лучший костюмъ и идетъ молиться въ свой приходскій храмъ, гдѣ въ эти дни обыкновенно бываетъ парадное богослуженіе; но много времени на молитву онъ не тратитъ: минуты двѣ-

¹⁾ Кйримонъ—родъ короткополаго халата, на-дѣваемый поверхъ халата длиннаго—обыкновенный мужской костюмъ въ Японіи.

гри, и довольно; молитва же его состоитъ въ томъ, что, подергавъ за ленту бубенчикъ, подвѣшенный надъ входомъ въ часовню, или слегка прихлопнувъ въ ладоши, чтобы «разбудить» духа, онъ опускается на колѣни, кладетъ земной поклонъ и затѣмъ молится про себя, потирая руки и съ легкимъ присвистомъ втягивая въ себя воздухъ, такъ что получается короткий звукъ «кхэ!» словно бы выраженіе легкаго испуга или нечаянности. Въ заключеніе молитвы, онъ кладетъ еще одинъ поклонъ, произноситъ гортанное «кхэ!»—дескать, такъ! хорошо!—и опускаетъ въ скважину ящика какую-нибудь богоугодную денежную лепту или покупаетъ у бонзы-свѣчника восковую свѣчу, либо курительную палочку, чтобы зажечь то или другое передъ изображеніемъ главнаго храмоваго идола, и удаляется изъ храма сдѣлать нѣсколько родственныхъ и пріятельскихъ визитовъ, съ внутреннимъ чувствомъ удовольствія, что все-де, требуемое религіей, по силѣ возможности, имъ исполнено. Такого большинство; но есть, конечно, богомолы, остающіеся въ храмѣ и до конца богослуженія, и между таковыми женскій элементъ является преобладающимъ. Вообще, женщины въ Японіи гораздо больше мужчинъ привержены ко храму и охотно удѣляютъ ему часть своихъ доуговъ. Безъ сомнѣнія, красивая сторона и нѣкоторая мистичность богослужебной обстановки болѣе дѣйствуютъ на ихъ впечатлительность и чувство, чѣмъ у мужчинъ, занятыхъ своими житейскими дѣлами и заботами. Древній культъ Ками признаетъ пять большихъ годовыхъ праздниковъ (*ю-секи*), изъ коихъ первый и главѣйшій падаетъ на первый день новаго года: это праздникъ общаго обновленія, взаимныхъ визитовъ и поздравленій. Второй—*Праздникъ куколъ*—посвященъ дѣвочкамъ, дочерямъ семействъ; празднуется въ третій день третьяго мѣсяца. Третій—*Праздникъ флаговъ*—посвященный мальчикамъ, сыновьямъ семействъ; приходится на пятый день пятаго мѣсяца. Четвертый—*Праздникъ фонарей*, посвященный памяти усопшихъ родныхъ и предковъ, справляется въ седьмой день седьмого мѣсяца и, наконецъ, въ девятый день девятаго мѣсяца—*Праздникъ златоцвѣта*, посвященный процвѣтанію семьи. Такимъ образомъ, уже изъ этого краткаго перечня нетрудно замѣтить, что всѣ эти религіозно-національные праздники, въ самой идеѣ своей, проникнуты преимущественно семейнымъ началомъ, семейною любовью къ дѣтямъ, благоговѣніемъ къ памяти предковъ и задачею укрѣпленія семьи, какъ начала создающаго и связующаго единое національное государство. Поэтому всѣ *ю-секи* издревле имѣютъ въ Японіи значеніе торжествъ національно-государственныхъ.

Но такъ какъ всякій городъ и даже множество мѣстечекъ въ Японіи имѣютъ своего

собственнаго Ками, и таковыхъ въ національно-японскомъ пантеонѣ считается нынѣ 3.132 (а у буддистовъ даже 33.333!), то сверхъ пяти годовыхъ *ю-секи*, у нихъ бываютъ еще мѣстные праздники, справляемые каждымъ городомъ или мѣстечкомъ особо, въ день, посвященный памяти своего собственнаго патрона. Всѣ празднества этого рода обыкновенно соединяются съ мистеріями и торжественною процессіей (*матсури*), совершаемою изъ храма къ какому-либо мѣсту, въ родѣ источника, священнаго древняго дерева или скалы, съ коими связано то или другое преданіе о мѣстномъ геніи-покровителѣ. Въ такихъ процессіяхъ фигурируютъ всѣ атрибуты, посвященные извѣстному Ками: флаги, знамена, гербы, оружіе, утварь и цѣлыя группы манекеновъ или живыхъ людей на парадныхъ колесницахъ, изображающія мифологическія и историческія сцены и моменты, въ соотвѣтственныхъ костюмахъ. Это отчасти напоминаетъ историческія процессіи и факельпуги на нѣкоторыхъ историческихъ и бытовыхъ празднествахъ Германіи и Швейцаріи. Мистеріи же на открытой эстрадѣ, среди храмоваго двора, всегда имѣютъ своимъ сюжетомъ какую-либо легенду изъ жизни мѣстнаго Ками и разыгрываются синтоскими жрецами (*хануси*). Кромѣ того, каждая семья имѣетъ еще своего особаго Ками, день котораго празднуетъ ею особо, въ своемъ семейномъ кругу, домашнимъ образомъ, но всегда съ участіемъ друзей и родственниковъ, что весьма напоминаетъ подобное же обыкновеніе у сербовъ. Всѣ эти празднества сопряжены у синтоитовъ съ обрядомъ очищенія огнемъ и водою, что предохраняетъ вѣрующихъ отъ пяти наибольшихъ золъ, а именно: отъ небеснаго огня, болѣзни, нищеты, нагнанія изъ отечества и преждевременной смерти.

Буддизмъ, слившійся съ синтоизмомъ въ формѣ *Риобу-Синто*, воспринялъ и узаконилъ у себя и всѣ его праздники, вмѣстѣ съ обрядомъ очищенія, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній и раньше не чуждъ былъ буддизму. Изъ главныхъ же праздниковъ чисто буддійскаго культа здѣсь, на сколько мнѣ извѣстно, справляются слѣдующіе, главѣйшіе:

Во второмъ мѣсяцѣ луннаго года, цѣлая недѣля, отъ 9-го по 15-й день, посвящается воспоминаніямъ о пребываніи Будды въ уединеніи дѣвственныхъ лѣсовъ, гдѣ, отрѣшившись отъ всего свѣта, онъ предавался размышленіямъ о предстоящей ему проповѣди «благаго закона». Эти дни религіознаго самоуглубленія, отрѣшенія отъ житейскихъ «заботъ», дни воздержанія и покаянія, когда всѣ японцы охотно посѣщаютъ храмы и слушаютъ проповѣди бонзъ. Седьмой же день этой недѣли посвященъ воспоминанію о смерти Будды, ради чего во всѣхъ буддійскихъ храмахъ выставляется подобіе его гробницы, въ которую иногда

полагается и позолоченная статуя усоншаго Будды, лежащаго на правомъ боку съ подложенною подъ щеку рукою. Богомольцы, толпами приходящіе въ этотъ день поклониться гробницѣ Будды, украшаютъ ее приносимыми съ собою букетами цвѣтовъ, листьями саговой пальмы и вѣтвями цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ и смоковницы (*Ficus religiosa*), въ память того, что Будда скончался подъ сѣнью сего послѣдняго дерева. Въ это же время въ его храмахъ обыкновенно выставляется картина, извѣстная подъ именемъ «Негаизао» и изображающая кончину Будды.

Въ восьмой день четвертаго мѣсяца—рожденіе и очищеніе Будды. Въ этотъ день въ буддійскихъ храмахъ выставляется сосудъ въ родѣ купели, имѣющій снаружи форму цвѣточной чашечки лотоса. Надъ сосудомъ воздвигается маленькій балдафинъ, въ видѣ сквозного кіоска, кровля коего украшена рядами блестящихъ звѣздъ. Въ сосудъ, наполненный священной водою, ставится статуэтка Будды-младенца, у котораго поднятая правая рука указываетъ на небо, а опущенная лѣвая—на землю. Это—условная поза, воспроизводимая на рисункахъ и въ статуяхъ, на основаніи священной легенды, которая гласитъ, что Будда тотчасъ же послѣ своего рожденія на свѣтъ, сдѣлавъ по семи шаговъ въ направленіи каждой изъ четырехъ странъ свѣта, сказалъ указывая на небо и на землю, что ни въ небѣ, ни на землѣ нѣтъ ему равнаго и болѣе его достойнаго почитанія. У подножія стола, на коемъ поставляется сосудъ, располагаются восковые свѣчи въ высокыхъ бронзовыхъ шандалахъ, ениміамница и вазы съ букетами цвѣтовъ, а на столѣ кладется нѣсколько маленькихъ бамбуковыхъ ковшиковъ съ длинными ручками. Богомольцы, встѣдъ за бонзами, черпаютъ этими ковшиками изъ сосуда воду и поливаютъ ею статуэтку Будды-младенца. Кромѣ того, бонзы въ этотъ день носятъ подобную же статуэтку въ особомъ плоскомъ ведрѣ, съ длинными ушками, по домамъ своихъ прихожанъ, гдѣ надъ нею совершается всѣми домохозяевами и ихъ домохадцами та же церемонія обливанія, за что бонзы получаютъ отъ нихъ извѣстную благодарность деньгами и подарками.

На пятый деньятаго мѣсяца, совпадающій съ сивтоскимъ «праздникомъ флаговъ» и приходящійся иногда въ концѣ нашего іюня, иногда въ началѣ іюля, буддисты, въ особенности женщины и дѣвушки, отправляются на почѣ въ лѣса собирать какія-то мистическія и цѣлебныя травы. Эта ночь посвящается общему очищенію, которое выражается въ купаньяхъ и обмываньяхъ водою изъ священныхъ источниковъ, причемъ подъ священными *тори* (ворота особой условной формы), въ лѣсныхъ прогалинахъ, на вершинахъ окрестныхъ

горъ и холмовъ, на перекресткахъ дорогъ и во дворахъ храмовъ, зажигаются большіе костры изъ сосновыхъ вѣтвей и сучьевъ. Это празднество, обыкновенно сопровождаемое пѣснями, кликами, гимнастическими играми и пляской подъ звуки флейтъ, барабановъ и гонговъ, съ особенною пышностью справляется въ рощахъ токійскаго предмѣстія Футуіу, гдѣ совершается цѣлая ночная процессія, при участіи жрецовъ мѣстнаго храма, посвященнаго святому Рокаа, коего память въ этотъ день чествуется. Все это не только напоминаетъ обеславянское чествованіе Ивана-Купалы, но совпадаетъ съ нимъ даже и по времени.

Седьмое, тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое числа седьмого мѣсяца (конецъ августа и первая половина сентября) посвящаются памяти усоншихъ. Народъ, въ особенности въ южныхъ провинціяхъ, собирается къ ночи на кладбища и устраиваетъ на родныхъ могилахъ ночныя поминки. Заупокойныя молитвы сопровождаются зажиганіемъ въ честь усоншихъ ароматическихъ куревей въ жаровняхъ (*хибачи*), множества цвѣтныхъ фонарей и просто свѣчей изъ растительнаго воска. Въ первый двѣ ночи иллюминуются могилы только умершихъ въ продолженіе истекшаго года, а въ третью и четвертую—всѣ, безъ исключенія. Въ эти ночи совершаются въ честь родныхъ покойниковъ обильныя возлиянія, пьютъ *саки*, поливаютъ ихъ могилы, ѣдятъ рисъ и фрукты и угощаютъ знакомыхъ и бѣдныхъ. Нѣчто очень близкое къ такому обычаю существуетъ у болгаръ, гдѣ есть древнее повѣрье, что въ каждую субботу, и преимущественно отъ Святой недѣли до Троицына дня, души умершихъ прилетаютъ на землю,—однѣ для испрошенія прощенія за свои грѣхи, другія же, праведныя, для наставленія своихъ близкихъ на путь правды и спасенія. Въ силу этого повѣрья, съ вечера каждой субботы, въ данный періодъ времени, родственники покойныхъ зажигаютъ на болгарскихъ кладбищахъ восковыя свѣчи въ горшкахъ и шкафчикахъ¹⁾, а самыя могилы поливаютъ винограднымъ виномъ и окуриваютъ ладаномъ. Вечеромъ же наканунѣ Вознесенія и вообще въ одну изъ промежуточныхъ ночей отъ этого праздника до Троицына дня, болгарскія женщины совершаютъ на могилахъ своихъ род-

¹⁾ На болгарскихъ и отчасти на румынскихъ могилахъ, кромѣ обыкновеннаго креста, на которомъ написано или вырѣзано имя покойнаго, родственники устраиваютъ небольшіе, около аршина вышины, шкафчики изъ камня, жести или выкрашенныхъ досокъ. Въ этихъ шкафчикахъ помѣщается либо лампадка, либо каганецъ, либо же просто горшокъ съ угольями и восковая свѣча. Бѣдные люди вмѣстѣ шкафчика ставятъ на родную могилу одинъ лишь горшокъ съ выбитымъ бокомъ, а подъ нимъ складываютъ пѣсколько камней и промежъ нихъ втыкаютъ свѣчу.

ственниковъ особый обрядъ, нѣчто въ родѣ древне-славянской тризны. Тутъ онѣ зажигаютъ лампы и свѣчи на всѣхъ безъ исключенія могилахъ, на жаровняхъ (*манала*) воспаляютъ уголья и, бросая въ нихъ ладанъ, окуриваютъ каждую могилу; здѣсь же, въ память всѣхъ вообще погребенныхъ на кладбищѣ, идетъ угощеніе знакомымъ и бѣдныхъ принесенными съ собою кушаньями, рисовою и пшеничною кутьею, виномъ и ракей (виноградная водка) и раздача милостыни нищимъ. Женщины всю ночь остаются на кладбищахъ и, въ промежуткахъ между угощеніемъ и милостыней, молятся со свѣчами въ рукахъ на родныхъ могилахъ. Но это совпаденіе обрядовъ японскаго со славянскимъ становится еще любопытнѣе, если принять въ соображеніе древне-японскій обрядъ погребенія. Еще до введенія въ страну буддизма, нѣкоторые князья и прославившіеся войны удостоивались почестей погребенія не на общихъ и не на семейныхъ кладбищахъ, а особнякомъ, въ естественныхъ, или нарочно насыпанныхъ курганахъ конической формы, называемыхъ *ясири* (укрѣпленное жилище). Подлѣ такого покойника клали въ могилу его оружіе, шлемъ, кольчугу и все, что у него было самаго драгоценнаго. Главные изъ его слугъ и любимый конь приносились при этомъ въ жертву: ихъ закалывали и опускали въ ту же могилу¹⁾. Погребеніе въ особомъ курганѣ, съ оружіемъ, слугами и конемъ покойнаго—это уже совершенно тождественно съ древне-славянскимъ погребальнымъ обычаемъ, совершавшимся надъ князьями и военачальниками.

Впрочемъ, сходство нѣкоторыхъ японскихъ обычаевъ со славянскими далеко еще не кончается на этомъ. Такъ, напримѣръ, наканунѣ новаго года у нихъ въ большомъ ходу ряженіе и гаданья. Домашніе слуги, мастеровые, мелкіе мѣщане, служители бонзерій и тому подобный людъ въ этотъ день обыкновенно наряжается въ разные фантастическіе костюмы и маски и расхаживаетъ небольшими компаніями изъ одного дома въ другой, расгѣвая подъ окнами особые, соотвѣтственные празднику, пѣсни и поздравительныя вирши. Хозяева ихъ угощаютъ и одариваютъ рисовыми лепешками, пирожками и деньгами. Выручка дѣлится поровну между ряжеными и тратится на праздничныя удовольствія.—Какъ хотите, но развѣ это не напоминаетъ малороссійскую *коляду*?—Есть у японцевъ и нѣчто въ родѣ рождественской елки. Наканунѣ новаго года въ каждомъ домѣ особый столикъ, наполненный пирожками и конфетами, убирается сос-

новыми вѣтвями, а у воротъ нѣкоторыхъ домовъ и храмовъ выставляются передъ нарочно вывѣшенными изображеніями *Ками* по двѣ елки, снизу до верху разукрашенныя разноцвѣтными фонариками и гирляндами изъ цвѣтной и позолоченной бумаги: но какое значеніе имѣютъ онѣ,—этого я не знаю. Въ самую полночь на новый годъ, хозяйки домовъ, преимущественно изъ мѣщанскаго и сельскаго сословія, выходятъ на пороги своихъ жилищъ и зажигаютъ въ рукѣ пучъ сосновой лучины, окропленной предварительно освещенною водою. Это у нихъ особаго рода гаданье, гдѣ имѣютъ особое значеніе продолжительность горѣнія, сила блеска, направленіе пламени, величина и количество искръ. По всѣмъ этимъ признакамъ онѣ предугадываютъ, что ожидаетъ ихъ семья въ наступающемъ году,—хорошее или дурное, прибыль въ домъ, или убытокъ, урожай, приращеніе семейства, замужество взрослой дочери, болѣзнь, смерть и т. п. Въ эту же ночь старшій членъ семьи совершаетъ обрядъ изгнанія бѣсовъ изъ дому. Нарядясь въ лучшій свой кпримонъ и взявъ въ руки полный ящикъ жареныхъ бобовъ, онъ обходитъ всѣ комнаты, весь дворъ и сарайчики, всѣ углы и закоулки своего дома и повсюду пригоршнями разсыпаетъ бобы по полу и пускаетъ ими въ стѣны, въ потолки, на крышу, приговаривая: «Да исчезнутъ бѣсы, да водворится довольство!»—Это тоже отчасти напоминаетъ украинскій обрядъ обсыпанія хаты житомъ, совершаемый хозяиномъ въ крещенскій сочельникъ. Тамъ тоже происходитъ и своего рода изгнаніе бѣсовъ, когда хозяева накачиваютъ зажженою «крещенскою» свѣчей кресты на всѣхъ приотолкахъ, дверяхъ и окнахъ и окрошаютъ весь домъ крещенскою водою, сохранившею въ бутылочкѣ съ прошлогодней «иордани».

Необходимою принадлежностью и украшеніемъ семейнаго стола въ новый годъ являются крашенныя яйца, совершенно такіе же, какъ у насъ и католиковъ на Свѣтлый праздникъ. Въ этотъ день господа раздаютъ ихъ своимъ домочадцамъ, родственникамъ, друзьямъ и слугамъ, являющимся съ новогодними поздравленіями. Впрочемъ, красныя яйца на новый годъ и при царскихъ угощеніяхъ мнѣ доводилось встрѣчать и въ глубинѣ центральной Азіи, въ Бухарскихъ владѣніяхъ, гдѣ они верѣдно фигурируютъ въ такъ называемомъ «достарханѣ» (привѣтственномъ угощеніи).

Въ послѣднія двѣ недѣли послѣдняго мѣсяца въ году, при многихъ храмахъ происходитъ ярмарка дѣтскихъ игрушекъ, совершенно напоминающая наши «вербы», тѣмъ болѣе, что и въ самыхъ храмахъ въ это время выставляется на середину большая бронзовая ваза или деревянная кадлушка, наполненная пучками вербы, только что успѣвшей покрыться пушистыми почками. Пучки эти переплетаются зелеными вѣточками

¹⁾ Этотъ обычай былъ уничтоженъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры, когда мѣсто человѣческихъ жертвъ заняли бумажныя куклы, а мѣсто лошадей—ихъ изображенія, нарисованныя на бѣлой деревянной доскѣ.

мирты и въ известное время раздаются бонзами богомольцамъ. Наиболѣе знаменитая и характерная ярмарка игрушекъ бываетъ въ Токио, при храмѣ Асакса. Въ эти же дни равно какъ и въ самый новый годъ, совершается во храмахъ «благословеніе хлѣба», для чего на престолѣ поставляется во время богослуженія большой хлѣбъ изъ рисоваго или пшеничнаго тѣста, имѣющій форму совершенно нашей просфоры. Такіе же хлѣбы, только меньшихъ размѣровъ, въ день новаго года можно видѣть въ каждомъ домѣ, на почетномъ столѣ, среди основныхъ вѣтокъ, прожковъ, *миканогъ* (японскій апельсинъ) и варенаго морского крабба или омара.

Теперь, отъ праздниковъ перейдемъ къ такимъ повседневнымъ житейскимъ случаямъ, какъ рожденіе, бракъ и погребеніе, коихъ отправление сопряжено съ религіознымъ обрядомъ и съ большимъ или меньшимъ участіемъ въ немъ представителей духовенства, какъ у буддистовъ, такъ и у послѣдователей Синто.

Обрядъ нареченія имени новорожденному совершается на тридцатый день послѣ появленія младенца на свѣтъ и состоитъ въ томъ, что родители, если они буддисты, приносятъ дитя въ свой приходскій храмъ, а если синтоисты, то въ *миа*, посвященное ихъ родовому или семейному, или вообще мѣстному Ками. При этомъ отецъ передаетъ священнослужителю бумажку, на которой написано три имени, по выбору самихъ родителей. Одно изъ нихъ должно быть наречено ребенку, но которое?—это вопросъ, подлежащій разрѣшенію самого божества, и чтобы узнать его волю, священнослужитель рѣжетъ изъ бумаги три билетика, пишетъ на каждомъ по одному изъ трехъ назначенныхъ именъ, затѣмъ свертываетъ ихъ въ трубочки, перемѣшавъ между собою и, произнося слова известной молитвы, подкидываетъ на ладони, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ билетиковъ не упадетъ на поставленное блюдо. Родитель съ благоговѣніемъ снимаетъ его съ блюда, какъ видимое выраженіе воли божества, и развернувъ прочитываетъ на немъ имя, удобное этой вышней волѣ. Тогда священнослужитель отрываетъ кусокъ бѣлой бумажной ленты отъ своего крошила, записываетъ на немъ это имя и передаетъ его родителямъ, какъ священный талисманъ, который и носитъ ребенокъ на шеѣ, въ ладонѣхъ. У буддистовъ обрядъ на этомъ и кончается; но синтоисты подвергаютъ младенца еще и обряду очищенія, который состоитъ въ томъ, что его обливаютъ или окропляютъ освященною водою. Въ заключеніе всего, священнослужители записываютъ новонареченнаго въ свои приходскія метрики и получаютъ отъ родителей посылкиныя приношенія въ пользу храма и какой-либо денежный подарокъ себѣ лично.

Брачный обрядъ у послѣдователей Синто

носитъ совершенно домашній характеръ, безъ всякаго участія *камуси* (жреца); буддисты же прибѣгаютъ къ посредству своихъ бонзъ для религіознаго освященія брака.

Самый обрядъ совершается, по большей части, на дому у жениха или же въ семьѣ невесты, если эта семья, за неимѣніемъ собственныхъ сыновей, усыновляетъ себѣ будущаго зятя; но иногда совершается онъ и во храмѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ у буддистовъ, такъ и у синтоистовъ, приготовленія къ свадебной церемоніи состоятъ въ томъ, что на домашній алтарь, выносимый въ парадную комнату дома, ставятся статуэтки, или вывѣшиваются надъ нимъ на стѣну рисованныя изображенія геніевъ-покровителей семей жениха и невесты. Предъ алтаремъ ставится низенькій столикъ со священными виблемами, имѣющими отношеніе къ предстоящему торжеству. Главное мѣсто занимаетъ здѣсь вазонъ съ кедромъ-лилипутомъ, достигшимъ однако полнаго своего развитія и зрѣлости, при вышинѣ въ какіе-нибудь два фута. Кедръ—это символъ крѣпости и прочности, и притомъ любимѣйшее дерево японскихъ прародителей. Подъ его вѣтвями располагаются двѣ статуэтки. Изанаги и Изанами, какъ первыхъ божественныхъ прародителей, установившихъ на землѣ законъ брачнаго сожителства и бывшихъ родоначальниками японскаго народа. Передъ ними ставится священный шандаль для восковой свѣчи, имѣющій свою условную форму, въ видѣ журавля, стоящаго на черепахахъ. Сочетаніе этихъ двухъ животныхъ въ одномъ предметѣ символизируетъ собою долгоденствіе (черепаха) и счастье (журавль), а это послѣднее, по разумѣнію японской философіи, заключается въ ясномъ спокойствіи души и ясности разума, что знаменуется ясно и равно горящимъ пламенемъ вѣчнаго свѣча, которое къ тому же и символъ любви. Подлѣ шандала располагаются три блюда,—одно съ кусочками сушеной рыбы, другое съ нѣсколькими морскими стѣдобными ракушками и третье съ вареною морскою канустой (известный родъ водоросли). Эти три свѣди, составляющія первоначальную пищу прародителей, должны напоминать брачующимся о соблюденіи простоты и умирѣнности въ жизни. Тутъ же ставится фарфоровый или бронзовый флакончикъ о двухъ горлышкахъ. Наконецъ, на особомъ столикѣ-подносѣ приносятъ и ставятъ впереди пару живыхъ голубей, самца и самку, у которыхъ крылья взаимно перебражены пунцовою лентой. Это символъ вѣрной супружеской любви, ласки и кротости. По остальнымъ сторонамъ комнаты, у стѣнъ, располагаются въ красивыхъ группахъ свадебные подарки и приданое невесты. Когда все уже готово, является женихъ, въ сопровожденіи двухъ избранныхъ пріятелей и своихъ родственниковъ, и занимаетъ, садясь на патики.

мѣсто по правую сторону алтаря, передъ столиками брачныхъ символовъ; за нимъ, въ почтительномъ отдаленіи, у стѣны, разсаживаются такимъ же манеромъ его родственники, по старшинству. Послѣ этого, двѣ избранныя подруги, непременно дѣвушки, вводятъ невѣсту, покрытую фатой изъ бѣлаго флера, и сажаютъ ее противъ жениха, по лѣвую сторону отъ алтаря. Кorteжъ ея родныхъ и подругъ располагается за нею, въ томъ же порядкѣ, какъ и родня жениха. Тогда входитъ бонза, въ праздничныхъ облаченіяхъ, опускается на колѣни предъ символическимъ столикомъ, беретъ щипчиками изъ жаровни-омиамницы тлѣющей уголекъ, вздуваетъ на немъ пламя и зажигаетъ съ него брачную свѣчу, а затѣмъ бросаетъ въ омиамницу шепотъ священнаго курева. Послѣ этого онъ принимается читать по принесенной съ собою книжкѣ соотвѣтственные случаю молитвы, время отъ времени ударяя молоточкомъ въ маленький тамтамъ (кандико), потомъ, предложивъ женаху и невѣстѣ приблизиться другъ къ другу, соединяетъ ихъ руки и произноситъ надъ ними молитву благословенія брака; наконецъ, наполнивъ двухгорлый флакончикъ виномъ *саки*, даетъ поочередно пивать изъ него глотками обоимъ колѣнопреклоненнымъ супругамъ, пока они не осушатъ его до дна. Это знаменуетъ, что они должны вмѣстѣ и до конца пить чашу супружеской жизни, послѣ чего брачная церемонія, съ религіозной стороны, считается уже законченною. Начинаются общія поздравленія, и всѣ садятся за брачную трапезу. У синтоистовъ брачное благословеніе надъ молодыми произноситъ старшій въ родѣ, а послѣднюю часть обряда, поднесеніе саки, исполняетъ самая почтенная изъ присутствующихъ почетныхъ дамъ. Въ заключеніе всего, мѣстный *коце* (старшина, исполняющій въ своемъ участкѣ нѣкоторыя полицейско-судебныя и частію нотаріальныя обязанности) заводитъ въ подлежащія книги имена новобрачной четы, и этимъ заканчивается гражданская сторона бракосочетанія.

Обыкновенно брачной церемоніи предшествуетъ за нѣсколько дней или недѣль сговоръ, на который собираются родители и старшіе родственники обѣихъ семей, желающихъ породниться. Чаше всего это устраивается, въ видѣ нечаянной встрѣчи, въ какомъ-нибудь загородномъ чайномъ домѣ, гдѣ хлопотунъ-сватъ заранее занимаетъ отдѣльную комнату, удобную для переговоровъ. Тутъ же, кстати, мѣстится подъ рукою все, чтобы запити и, вообще, отпраздновать, какъ слѣдуетъ, состоявшееся соглашеніе. Но такой сговоръ, разумѣется, только одна формальность, имѣющая силу обычая; самое же дѣло, по большей части, уже заранее порѣшено въ секретѣ между родителями, при помощи свата, или непосредственно, и часто даже вовсе безъ вѣдома дѣтей. Не-

рѣдко бываетъ такъ, что женихъ съ невѣстой на сговорѣ не только впервые узнаютъ рѣшеніе своихъ родителей, но и видятся другъ съ другомъ лишь въ первый разъ въ жизни. Впрочемъ, послѣ сговора имъ предоставляется до извѣстной степени свобода свиданій въ домѣ родителей, чтобы они могли скороче узнать другъ друга и привыкнуть одинъ къ другому.

Кромѣ брака, совершаемаго описаннымъ путемъ, въ Япоііи издревле существуетъ бракъ *уводома*, когда женихъ похищаетъ свою невѣсту. Подобный обычай, какъ извѣстно, существовалъ въ древности у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, и до сихъ поръ еще водится у киргизовъ и другихъ азіатскихъ кочевниковъ; но въ Япоііи онъ вытекаетъ изъ чисто экономическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что свадебныя церемоніи, подарки женой родѣ и послѣдующія восьмидневныя пришества, требующія извѣстной условной пышности, обходятся жениху до того дорого, что люди даже средняго достатка, желая справить свадьбу приличнымъ образомъ, должны входить въ значительныя долги, и затѣмъ приходится имъ, нѣрѣдко въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ограничивать до-нельзя всѣ свои потребности, чтобы выбиться изъ-подъ гнета свадебнаго долга. Поэтому, во избѣжаніе обоюдныхъ, со стороны жениха и невѣстиной семьи, расходовъ, молодой человѣкъ, какъ бы по безмолвному соглашенію съ этою семьею, склоняетъ дѣвушку къ побѣгу. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, по большей части, отлучкой отца и матери изъ дому, она бѣжитъ со своимъ избранникомъ либо прямо къ нему въ домъ, либо въ какое-нибудь нанятое имъ убѣжище, гдѣ оба скрываются до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты родителями дѣвицы. Узнавъ объ исчезновеніи дочери, родители, конечно, представляются удрученными горемъ; друзья и сосѣди, конечно, показываютъ полное къ нимъ сочувствіе и, зная хорошо въ чемъ дѣло и гдѣ скрываются бѣглецы, охотно предлагаютъ свои услуги помочь родителямъ въ розыскахъ. Всѣ отправляются гурьбою и, разумѣется, находятъ бѣглецовъ очень скоро, причемъ непременно слѣдуетъ сцена слезъ, негодованія, упрековъ, молебны о прощеніи и проч. А женихъ тѣмъ часомъ, въ присутствіи тѣхъ же сердобольныхъ сосѣдей, играющихъ въ данномъ случаѣ роль постороннихъ свидѣтелей, торжественно объявляетъ во всеуслышаніе, что, не разсчитывая на согласіе родителей дѣвицы, но любя ее больше жизни и пользуясь ея взаимностію онъ рѣшился ее украсть, но сдѣлалъ это съ самымъ честнымъ намѣреніемъ, желая на ней жениться, и теперь, при всѣхъ достопочтенныхъ свидѣтеляхъ, подтверждаетъ свое намѣреніе. Послѣ этого уже всѣ приступаютъ къ родителямъ съ просьбами сжалиться, простить

и благословить виновных; родители просят и посылают за саки, иногда за бонзой, который тут же наскоро пробормочет свои молитвы, и дѣло кончается круговою выпивкой, а молодые вносятся въ записи мѣстнаго коѣ. Но по большей части, дѣло обходится даже и безъ бонзы, такъ какъ для коѣ совершенно достаточно удостовѣренія родителей и свидѣтелей, что они признаютъ бракъ законнымъ. Снятоиты обыкновенно такъ и дѣлаютъ. Такой порядокъ обходится много дешевле формальнаго, и потому въ низшихъ и даже среднихъ классахъ населенія, среди рабочихъ, рыбаковъ и мелкихъ ремесленниковъ бракъ уводомъ довольно часто предпочитается обрядовому.

Но если бракъ можетъ обходиться въ Японіи безъ участія бонзъ, то похороны уже никоимъ образомъ не минуютъ ихъ ближайшаго содѣйствія. Когда въ семьѣ, исповѣдующей буддѣйскую религію, есть умирающій, то въ ожиданіи его почины, въ домъ приглашается бонза, чтобы въ предсмертную минуту прочесть надъ нимъ отходную—послѣднее напутствіе въ загробный міръ, гдѣ душу ожидаетъ судъ великаго адскаго судіи за ея земныя дѣянія, отъ качества которыхъ зависить ея слѣдующее перевоплощеніе—въ человѣческій образъ, либо въ животное высшее или низшее, чистое или нечистое, а также полный покой или страданія съ минуты смерти до новаго перевоплощенія. Какъ только человѣкъ умеръ, въ домъ призываютъ цирюльника и двухъ-трехъ *кураски* (чернорабочихъ), которые обмываютъ трупъ въ теплой ваннѣ и помогаютъ цирюльнику начисто выбрить покойному бороду и голову и положить надлежащимъ образомъ на теменіи *меню* (проклеенную и станутую въ жгутъ косицу, которая кладется крестелькомъ вдоль пробритой части теменіи). Кураски же укладываютъ покойника и въ послѣднее его обиталище, которое нельзя назвать гробомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, такъ какъ это либо небольшая бочка, стянутая бамбуковыми обручами, либо родъ восьмиграннаго стакана, сколоченнаго изъ сосновыхъ досокъ. Въ такомъ гробѣ тѣло покойника придается къ самому положенію, въ какомъ обыкновенно младенецъ находится въ утробѣ матери, на томъ основаніи, что, по смерти, тѣло возвращается въ утробу общей матери-земли. Послѣ этого гробъ выносится въ лучшую комнату дома, гдѣ къ тому времени домашняя прислуга успѣла уже въ знакъ траура перевернуть на исподнюю сторону всѣ половыя циновки и поставить вверхъ ногами ширмы, за которыми и становится гробъ, прикрытый такимъ образомъ отъ постороннихъ взоровъ. Ставится онъ на носилки въ особый *норимонъ*—родъ паланкина съ куполомъ, задранированный шелковою тканью и украшенный по четыремъ загнутымъ вверхъ угламъ крыши извѣстными семикольчатыми *дзиндзи* изъ бѣ-

лой бумаги. Передъ норимомъ помѣщается низенькій столикъ, на которомъ находится: омѣмнипа, чашка съ освященною водою, кропило, вѣтвь какого-то деревца, кажется, изъ семейства лавровыхъ, въ бамбуковомъ стаканѣ, и седмисвѣщникъ. нѣбущій видъ продолговатой дощечки на ножкахъ, въ родѣ скамеечки съ семью шипами, на которые насаживаются зажженные восковыя свѣчи. Всѣ эти принадлежности обыкновенно берутся напрокатъ изъ какой-нибудь бонзеріи. Когда все приготовлено и поставлено на мѣсто, ко гробу является бонза въ бѣломъ (траурномъ) одѣяніи и, присѣвъ на пятки, приступаетъ къ монотонному чтенію надъ нимъ какой-то священной книги. Чтеніе это не прекращается ни днемъ, ни ночью, до самаго выноса гроба изъ дома. Бонзы-читальщики все время чередуются по часамъ между собою. Осиротѣлая семья, одѣвшись въ бѣлыя одежды, перемонно принимаетъ въ теченіе дня печальныя визиты всѣхъ друзей и знакомыхъ, являющихся выразить ей свое сожалѣніе и помолиться за усопшаго. При этомъ посѣтителей непременно угощаютъ чаемъ, обсахаренными бобами и рисовыми лепешками. Хоронятъ и на второй, и на третій день,—это зависить отъ общественнаго положенія покойнаго и степени пышности, какую желаютъ придать всей обстановкѣ его погребенія, хотя вообще, изъ суетнаго страха къ трупу, японцы избѣгаютъ держать покойника въ домѣ. Всякій трупъ считается ими, какъ и у евреевъ, предметомъ нечистымъ, о но прикосновеніе къ которому уже требуетъ очищенія. Наканунѣ похоронъ, у дверей дома обыкновенно помѣщается кто-либо изъ родственниковъ или изъ домашней прислуги со связками мелкой монеты и раздастъ заупокойную милостыню всѣмъ бѣднымъ, кто бы ни явился за нею. Точно такъ же раздачею милостыни на кладбищѣ завершается и удаленіе родственниковъ съ могилы послѣ погребенія. Передъ выносомъ являются въ домъ бонзы и храмовые служители (*коскеисы*) съ нѣсколькими носильщиками, для участія въ печальной процессіи. Предъ тѣмъ какъ имъ заколачивать крышку гроба, жена или мать усопшаго влагаетъ ему въ руку бумажный паке-тикъ, въ которомъ завернуть кусокъ пуповины, связывавшей его при рожденіи на свѣтъ съ материнскою утробой. Это служитъ символомъ возрожденія его въ будущей жизни. Затѣмъ носильщики выносятъ гробъ, заключенный въ норимонъ, который имѣетъ значеніе *микози*, то есть священнаго убѣжища, предохраняющаго тѣло отъ вѣяній нечистыхъ духовъ. Съ этою же цѣлью иныя, смотря по желанію, пропускаютъ норимонъ, при выносі за порогъ дома, черезъ большой освященный обручъ, изъ бамбуковыхъ планокъ, будучи увѣрены, что послѣ такой операціи нечистые духи не только не будутъ беспокоить тѣло, но не ворвутся и въ

покидаемое имъ жилище, что очень легко, такъ какъ самое присутствіе трупа въ домѣ уже дѣлаетъ домъ нечистымъ.

Мнѣ доводилось видѣть нѣсколько погребальныхъ процессій въ разныхъ мѣстахъ Японіи; но самая характерная изъ нихъ была встрѣчена мною въ Токио. Хоронили какого-то богатаго японца. Во главѣ шествія два человѣка несли коротконогій столикъ, покрытый бѣлою бумажною салфеткой; на немъ стояла бронзовая ошмидница, испускавшая сквозъ нѣсколько дырочекъ въ крышкѣ бѣлыя струйки священнаго курева; затѣмъ шли два герольда, несшіе на бамбуковыхъ древкахъ бѣлые щиты, на которыхъ черными знаками были изображены: фамильный гербъ, званіе, чины, заслуги и достоинства покойнаго; затѣмъ парами слѣдовали служители бонзеріи съ шестью хоругвями; далѣе шли потупая и попарно же нѣсколько бонзъ въ широкихъ желтыхъ и фіолетовыхъ одеждахъ изъ легкаго японскаго крепа, а за ними выступалъ въ бѣлой одеждѣ со шлейфомъ старшій бонза. Одна пара изъ шествовавшихъ впереди имѣла въ рукахъ маленькіе колокольчики, другая—мѣдныя музыкальныя тарелки, третью—маленькіе гонгикандикъ, четвертая—плоскіе барабаны; остальные были восковыя свѣчи и курительныя палочки, приготовляемыя изъ коровьяго помета въ смѣси съ какою-то ароматическою травою; старшій же бонза одною рукою опирался на длинный посохъ, а въ другой держалъ священное опахало изъ бѣлаго конскаго волоса, медлительно помахивая имъ направо и налево, для отогнанія враждебныхъ вѣяній злыхъ духовъ; у него у одного только была надѣта на головѣ митра изъ конской волосной сѣтки, тогда какъ всѣ прочіе бонзы оставались, по обыкновенію, съ непокрытыми головами и тихо, что называется, подъ носъ себѣ пѣли хоромъ погребальные гимны, но пѣніе это болѣе походило на жуужаніе шмелинаго роя. За бонзами несли опять столикъ, покрытый бѣлою салфеткой; на немъ была поставлена продолговатая скрижаль съ изображеніемъ новаго, посмертнаго имени покойника, которое будетъ высѣчено и на его надгробномъ памятникѣ¹⁾; передъ скрижалю стояла фарфоровая чашка, наполненная варенымъ рисомъ. За этими атрибутами четыре человѣка несли на плечахъ

носилки съ норимономъ, заключающимъ въ себѣ гробъ. За норимономъ слѣдовали семейство и родственники покойнаго въ бѣлыхъ костюмахъ и въ плоскихъ простонародныхъ соломенныхъ шляпахъ въ знакъ траура, а за ними—его друзья, знакомые, домашніе слуги въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ и, наконецъ, толпа случайныхъ зѣвакъ, готовая, какъ и повсюду, глазѣть на даровое зрѣлище. При вступленіи на кладбище, въ священныхъ вратахъ храмовой ограды печальная процессія была встрѣчена нѣсколькими бонзами, которые одновременно ударили въ музыкальныя тарелки, извлекающая изъ нихъ протяжныя звуки. Норимонъ былъ внесенъ и поставленъ предъ алтаремъ, по серединѣ храма. Бонзы раздѣлились на двѣ половины и стали со всѣми музыкальными инструментами справа и слева, по обѣ стороны гроба. Старшій бонза сталъ въ-головѣхъ норимона, лицомъ къ алтарю, публика рази-стившись въ нѣкоторомъ отдаленіи за бонзами и присѣла на пятки. Столикъ со скрижалю и рисомъ помѣстили передъ старшимъ бонзой и поставили на него седмисвѣщникъ. Началось пѣніе какихъ-то молитвъ, опять-таки въ родѣ шмелинаго жуужанія; время отъ времени оно прерывалось одновременными ударами въ тарелки. Старшій бонза обхаживалъ норимонъ вокругъ, помахивая на него опахаломъ, и разъ обхадилъ его со всѣхъ сторонъ куревомъ изъ ручной кадилницы. Все это продолжалось не болѣе десяти минутъ, послѣ чего носильщики въ присутствіи бонзъ вынесли норимонъ изъ храма и направились съ нимъ къ свѣжевырытой могилѣ. Въ эту минуту всѣ женщины, участвовавшія въ проводахъ, отдѣлились отъ процессіи и частью остались въ храмѣ, частью направились домой, такъ что къ могилѣ проводили покойнаго одни только мужчины.—Такъ, говоритъ, обычай, но значенія его я не знаю. Послѣ того какъ гробъ, вынутый изъ норимона, спустили въ колодеобразную могилу, бонзы попѣли надъ нимъ съ минуту, а затѣмъ, одинъ изъ нихъ, стоявшій въ головѣхъ, лицомъ къ востоку, произнесъ послѣднюю надгробную молитву, по окончаніи которой трижды, съ промежутками въ нѣсколько секундъ, звякнулъ въ ручной серебряный колокольчикъ, и на этомъ обрядовая церемонія окончилась. Могильщики быстро принялись закапывать гробъ, а бонзы направились ко храму облачаться. Послѣ погребенія, всѣ родственники, знакомые и бонзы, участвовавшіе въ церемоніи, обыкновенно отправляются въ домъ покойнаго на поминки, чтобы еще разъ выразить при этомъ его семьѣ свое участіе и принести посильныя утѣшенія. Тамъ для нихъ уже готово изобильное угощеніе,—цѣлый большой обѣдъ, а для бѣдныхъ—раздача варенаго риса и денежная милостыня.

Надъ зарытою могилей, спустя нѣкоторое

¹⁾ Кромѣ коренного имени, даваемого въ 30-й день послѣ рожденія, японцы принимаютъ еще рядъ послѣдующихъ именъ при всѣхъ главнѣйшихъ фазахъ своей жизни, какъ-то: при наступленіи совершеннолѣтія, при избраніи себѣ жизненной профессіи, при вступленіи въ бракъ, при повышеніи должностію или чиномъ, и т. д. до посмертнаго имени, вырѣзаемаго на памятникѣ. Но эти имена, кажется, болѣе имѣютъ значеніе эпитетовъ и прозвищъ. Во всякомъ случаѣ, первоначальное и родовое имя остаются навсегда, а остальные сѣняются одно другимъ.

время, ставится каменный памятникъ, или въ видѣ четырехгранной тумбы съ характерною кровелькой и шишечкой наверху, иногда со статуэткой сидящаго Будды, или же въ видѣ стоячей, скругленной сверху плиты; на томъ и другомъ высятся подобающія надписи и эпитафii. На первое же время, вмѣсто памятника ставятъ просто четырехгранный столбъ или узкую доску съ заостренною верхушкой и съ продольными надписями. Для бѣдняковъ такіе столбы и доски остаются уже навсегда или намогильными памятниками. Кромѣ того, въ продолженіе извѣстнаго періода времени, оставляется на могилѣ та самая стоячая скринька съ посмертнымъ именемъ покойнаго, которую несли предъ его гробомъ и которая возвращается впоследствии въ домашній алтарь его семейства или въ заупокойный придѣлъ монастырскаго кладбищенскаго храма. Также воздвигается на могилѣ, въ-головлахъ, небольшой шестъ съ маленькою доскою кровелькой, подъ нею вѣшается овалный бумажный фонарь бѣлаго цвѣта и въ немъ постоянно, въ теченіе того же періода времени, теплится неугасимая лампада. Букеты свѣжихъ цвѣтовъ и цвѣтущія вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, миртъ и лавровъ, азалий и камелій въ простыхъ бамбуковыхъ стаканахъ составляютъ непрѣмное и постоянное украшеніе каждой японской могилы.

Послѣ похоронъ, члены осиротѣвшей семьи и всѣ прикасавшіеся къ трупу совершаютъ надъ собой обрядъ очищенія. Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось упоминать о немъ, и потому нахожу не лишнимъ объяснить, въ чемъ именно онъ заключается. Какъ по буддѣйскому, такъ и по синтоскому вѣрованію, нечистыми вообще считаются: имѣвшіе предосудительную связь, тѣ, у кого умерли единокровные родные, тотъ, кто прикасался къ трупу, кто проливалъ кровь, опачкавшіеся кровью и тѣмъ мясомъ домашнегого рабочаго скота. Чтобы выйти изъ состоянія нечистоты, требуется покаяніе, смотря по винѣ, въ теченіе большаго или меньшаго срока, отъ однихъ сутокъ до цѣлаго года и болѣе. Очищающіеся мужчины не могутъ стричь себѣ волосы и брить бороду; женщины же должны носить бѣлую повязку на головѣ, а затѣмъ и тѣ, и другія, безразлично, обязаны въ теченіе всего срока покаянія вести уединенную жизнь, сидѣть дома и поститься, воздерживаясь отъ извѣстныхъ кушаній и всякихъ шумныхъ развлеченій и, наконецъ, отправляясь, въ легчайшемъ случаѣ, просто въ храмъ, а въ болѣе тяжкомъ—на богомолье, по возвращеніи съ котораго родные, въ знакъ радости о состоявшемся очищеніи, устраиваютъ имъ семейное празднество, причемъ среди двора зажигается большой костеръ, и весь домъ окропляется, для очище-

нія, священною водою и обсыпается нѣсколькими пригоршнями выпаренной морской соли.

Кромѣ обыкновеннаго способа погребенія, въ Японіи существуетъ еще и сожиганіе труновъ, введенное около 700 года нашей эры жрецомъ Тозео. Этому послѣднему способу слѣдуютъ бѣдняки и вообще менѣе достаточные классы городского населенія, такъ какъ онъ стоитъ гораздо дешевле, а именно, за могилу для небольшой урны съ пепломъ приходится платить въдесятеро меньше, чѣмъ за обыкновенное мѣсто, а можно и ничего не платить, если закопать такую урну въ своемъ собственномъ садикѣ или при межѣ своего рисоваго поля. Но духовный обрядъ, совершаемый при сожженіи, совершенно тотъ же, какъ и при погребеніи, — разница лишь въ степени пышности похоронъ, то-есть, что вмѣсто семи или тринадцати бояръ, отпоеетъ и проводитъ покойника до костра только одинъ. У послѣдователей Синто свѣтская сторона погребальнаго обряда или, вѣрнѣе сказать, погребальныхъ обычаевъ—та же, что и у буддистовъ, потому что это не собственно буддѣйскіе, а вообще національные обычаи японцевъ. Духовныя же грѣбы при синтоскомъ погребеніи совершаетъ либо жануси мѣстной міа, либо просто старшій членъ семейства.

Выше я упоминалъ о вѣрованіи въ великаго адскаго судію, который, воздавая каждому по дѣламъ его, опредѣляетъ и мѣру временнаго наказанія. Этотъ высшій судія изображается въ видѣ гиганта, съ бородой и усами, въ особенномъ головномъ уборѣ, на подобіе короны, и конечно съ грознымъ выраженіемъ лица. Онъ возсѣдаетъ на тронѣ за своимъ судейскимъ столомъ, а по обѣ стороны предлежатъ ему два бородастые ассистента. Вокругъ присутствуютъ демоны съ разными орудіями пытки и казни; одинъ изъ нихъ, съ длиною саблей, держитъ большое зеркало: другой, имѣющій назначеніе препровождать человѣческія души къ загробному суду, ставитъ одну изъ нихъ на колѣни предъ этимъ зеркаломъ, гдѣ душа во-очью видитъ всѣ содѣянные ею грѣхи во время своего послѣдняго земного существованія. По мѣрѣ этихъ грѣховъ, судія тотчасъ же изрекаетъ и соотвѣтственное наказаніе. Есть, между прочимъ, у японцевъ повѣрье, будто нынѣ, въ образѣ великаго судіи, дѣйствуетъ вселившійся въ него духъ Бу-рець-сама, двадцать шестого императора Японіи, восьмилѣтнее царствованіе коего (съ 500 по 507 годъ по Р. Х.) было отмѣчено такою жестокостью и жестокосердіемъ, какихъ ни до, ни послѣ этого мѣръ не бывало свидѣлемъ. По вѣрованію японцевъ, адъ находится въ преисподней, въ нѣдрахъ земли, и раздѣляется на восемнадцать концентрическихъ круговъ, изъ коихъ въ каждомъ имѣются свои specialныя

особенности мучений и своя особая категория грѣшниковъ. Есть души, проходящія одинъ или нѣсколько круговъ, смотря по составу и сложности прегрѣшеній, а есть и такія, которымъ, за особо тяжкіе грѣхи, предназначено перенести послѣдовательно всѣ восемнадцать круговъ, послѣ чего онѣ, вмѣстѣ съ душами, окончившими свой срокъ въ другихъ кругахъ, поступаютъ въ чистилище, находящееся надъ адомъ, а изъ чистилища, очищенные страданіями и нравственно усовершенствованныя, возвращаются на землю для новаго перевоплощенія. Кроме того, японцы вѣрятъ въ возможность явленія душъ умершихъ людей въ видѣ привидѣній, и подобныя явленія нерѣдко служатъ у нихъ темами для картинъ и беллетристическихъ разсказовъ. Впрочемъ, подобныя вѣрованія или суевѣрія всегда были и остаются общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ, всего человечества.

Духъ буддійскаго ученія, отвергающаго касты съ ихъ подраздѣленіемъ людей на чистыхъ и нечистыхъ, на избранныхъ и отверженныхъ (парій) въ силу одного лишь рожденія, — примирительный духъ ученія, признающаго всѣхъ земнорожденныхъ равными предъ Создателемъ, проповѣдующаго терпѣніе, любовь, состраданность и снисхожденіе къ ближнему, — такой духъ, конечно, не могъ не вліять смягчающимъ образомъ на нравы и цивилизацію страны. Въ послѣднемъ отношеніи достаточно вспомнить хотя бы пять заповѣдей буддизма, излагаемыхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1-я Не убей.
- 2-я Не укради.
- 3-я Не прелюбодѣйствуй.
- 4-я Не лжесвидѣтельствуй.
- 5-я Воздержись отъ всякаго хмельнаго напитка.

И что же! Въ результатъ мы видимъ, что Японія не знаетъ и роскоши, не знаетъ и нищеты; что при умѣнны доволствоваться малымъ, общее благосостояніе болѣе или менѣе разлито во всемъ ея населеніи, какъ городскомъ, такъ и сельскомъ; что характеръ народа сохранялъ въ себѣ самыя симпатичныя черты добродушной веселости, честности, глубокаго патріотизма и общежительной вѣжливости, формы которой могутъ, пожалуй, казаться инымъ европейцамъ очень смѣшными, но которыя, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуютъ о цивилизаціи этого народа, выработавшейся самостоятельнымъ и своеобразнымъ путемъ. Словомъ, *внѣшній* буддизмъ, понято своей основной, мало кому понятной, философской идеей, полагающей, что вся жизнь, въ цѣли ея послѣдовательныхъ перевоплощеній, есть безчисленный рядъ страданій, а конечный идеалъ всего сущаго *покой небытія*, — *внѣшній* буддизмъ, говорю я, съ его проповѣдью «благаго закона», умеренности и терпимости, съ извѣст-

нымъ блескомъ и красотой его обстановочной стороны, пришелся по плечу врожденному національному характеру японцевъ. Оттого-то онъ и получилъ въ этой странѣ такое свободное и широкое распространеніе, что даже слился въ видѣ *Ріоку-Сикто* съ ея древнимъ государственно-національнымъ культомъ. Но буддизмъ оказалъ ей еще и другую услугу: начиная съ древнихъ временъ и почти до 1868 года буддійскіе монастыри были хранилищами и разсадниками научныхъ знаній въ странѣ. Объ этомъ и до сихъ поръ свидѣлствуютъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ обширныя и весьма разнообразныя библиотеки. Конечно, главная доля монастырской науки и литературы посвящалась трактатамъ о всевозможныхъ богословскихъ и философскихъ тонкостяхъ; конечно, наука эта была схоластична и не развивалась, не двигалась впередъ, какъ наука европейская; но все же въ монастыряхъ велись и сохранялись бытописанія, лѣтописи; въ нихъ и теперь, какъ увѣряютъ свидѣущіе люди, находятся не мало историческихъ сочиненій весьма серьезнаго интереса, равно какъ и книгъ по части математики, астрономіи и астрологіи, химіи и металлургіи, механики и инженернаго дѣла, агрикультуры, живописи и музыки, поэзіи и драматическаго искусства, дидактики и педагогіи, равно какъ и многимъ техническимъ производствомъ, вообще по всѣмъ извѣстнымъ въ Японіи отраслямъ прикладныхъ знаній. Наконецъ, буддійскій культъ создалъ въ странѣ вліяніе и своеобразную архитектуру, какою мы любуемся въ его храмахъ и пагодахъ, и много содѣйствовалъ успѣхамъ и развитію вообще всѣхъ туземныхъ искусствъ. Словомъ, буддійскіе монастыри въ свое время имѣли здѣсь почти такое же культурное вліяніе и значеніе, какъ и монастыри въ Европѣ.

Конечно, какъ почти каждое явленіе, буддизмъ имѣетъ свои отрицательныя стороны, между которыми европейцы, знакомые съ крайнимъ Востокомъ, указываютъ въ особенности на любостыжательность-бонзѣ, на ихъ торговлю своего рода индульгенціями, на готовность вступать въ компромиссъ съ каждымъ безнравственнымъ явленіемъ общественной жизни, если только оно имъ выгодно или не задѣваетъ ихъ интересовъ ¹⁾. Но эти низменные стороны едва-ли могутъ быть поставлены на счетъ буддизму, собственно какъ религіозному ученію; онѣ присущи не религіи, а человеческому характеру и, болѣе или менѣе,

¹⁾ Въ доказательство приводятъ одно буддистское изреченіе: „Все, что согласно со здравымъ смысломъ и съ обстоятельствами, согласно съ истиной и должно служить правиломъ“. Изреченіе, дѣйствительно, весьма эластичное; оно нѣсколько напоминаетъ извѣстный тезисъ гегеліанца: „Что разумно—то дѣйствительно; что дѣйствительно—то разумно“.

одинаковы во всѣхъ слояхъ жизни и подъ всѣми широтами земного шара. Изъ того, что между бонзами есть дурные и корыстолюбивые люди, ровно еще ничего не слѣдуетъ, а буддизмъ для восточной Азіи все-таки былъ великою культурною силой, и не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, исповѣдуютъ его болѣе трехсотъ милліоновъ душъ, — цифра, до которой не достигала пока, въ сектъ и расколовъ, никакая другая религія. Шутка сказать, триста милліоновъ, — вѣдь это цѣлая треть всего человѣчества!..

Но какъ бы то ни было, а очень смѣшно и даже противно (для меня, по крайней мѣрѣ) слышать и читать иныхъ европейскихъ путешественниковъ, когда они весьма либерально, но въ то же время и глупо, со страстностью, переносить на буддизмъ и его служителей свою западно-европейскую ненависть къ клерикализму, только потому, что буддизмъ имѣетъ свое священство и свою іерархію, въ которыхъ они находятъ много аналогическаго съ Ватиканомъ.

Нѣкоторая аналогія, дѣйствительно, существуетъ и не съ однимъ Ватиканомъ... Но тутъ всего любопытнѣе вопросъ — и, какъ мнѣ кажется, вопросъ высокаго интереса: когда и какъ, какимъ путемъ и какимъ образомъ явилась эта аналогія, замѣтная не только въ нѣкоторыхъ предметахъ внѣшней обстановки, но отчасти и въ самой обрядности, отчасти въ соединенныхъ съ обрядомъ обычаяхъ и даже въ нѣкоторыхъ преданіяхъ. Этого не станетъ, да и не можетъ отрицать никто изъ людей, бывшихъ на мѣстѣ и наблюдавшихъ религіозные культы Японіи. Кто же у кого заимствовалъ?

Мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что въ первые вѣка христіанства въ Индію и въ Тибетъ проникали греческіе и армянскіе проповѣдники, отъ которыхъ могъ заимствовать нѣчто и буддизмъ, столь гибкій, столь толерантный и легко поддающийся на внѣшніе компромиссы. — Можетъ быть. И въ подтвержденіе такого мнѣнія, можно бы, пожалуй, сослаться на то же Рибу-Синто. Я не достаточно свѣдущъ въ столь специальныхъ вопросахъ исторіи распространенія христіанской церкви, чтобы рѣшиться безусловно отвергать справедливость приведеннаго мнѣнія, но не могу не обратить вниманія на одно обстоятельство. Это именно вопросъ о колоколахъ. Извѣстно положительнымъ образомъ, что Римскою церковью колокола приняты только въ VII вѣкѣ, а Восточною даже не ранѣе IX вѣка; между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ японскихъ монастыряхъ и храмахъ есть древнѣйшіе колокола, дѣтныя надписи конхъ гласятъ, что они существуютъ около двухъ тысячелѣтій.

Мой знакомый бонза изъ нагасакскаго Дайондзи, человѣкъ по-свѣдому весьма ученый

и свѣдущій въ специальныхъ вопросахъ своей религіи, полагаетъ насчетъ вопроса о заимствованіи, что, быть можетъ, вообще, черпали изъ одного источника, то-есть браманизма, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія тотъ фактъ, что буддизмъ болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до нашей эры былъ уже совершенно сформированною и развитою религіей.

По этому поводу мнѣ вспоминается еще одно, прелюбопытное въ этомъ отношеніи, сопоставленіе. Вамъ, конечно, знакомъ орнаментъ въ видѣ колѣчатаго, ломанаго подъ прямыми углами, завитка, образующаго въ ряду другихъ, подобныхъ же завитковъ безконечную цѣнь, — орнаментъ, извѣстный въ искусствѣ подъ названіемъ *меандра*, а у дамскихъ портныхъ подъ болѣе простымъ наименованіемъ *à la Grecque*. Сверхъ всякаго ожиданія, впервые нашелъ я его въ Дайондзи, а потомъ находилъ и въ другихъ японскихъ и китайскихъ храмахъ на поясахъ и бордюрахъ наиболѣе древнихъ бронзовыхъ сосудовъ и колоколовъ. На нѣкоторыхъ вещахъ онъ попадался мнѣ во всей чистотѣ своего эллипскаго типа, на другихъ же — въ разныхъ вариацияхъ, заключающихся, напримѣръ, въ болѣе сложномъ завиткѣ, въ большемъ количествѣ его колѣвъ, или въ болѣе растянutoй формѣ оного; но основная идея меандра во всѣхъ случаяхъ оставалась неизмѣнною, какъ главный мотивъ всего орнамента. Спрашивается, что же это такое? Какими судьбами попалъ онъ сюда? — А попалъ, очевидно, еще въ отдаленнѣйшей древности. Съ одной стороны, вы встрѣчаете его въ качествѣ пояска же и бордюра на египетскихъ саркофагахъ, на цоколяхъ и архитравахъ древне-эллипсическихъ развалинъ и на атрусской глиняной утвари, а съ другой — на древнѣйшихъ бронзахъ Китая и Японіи. Гдѣ же его начало? Откуда онъ взялся? — Если исключить предположеніе о такой «игрѣ случая», что и тамъ и здѣсь меандръ, въ своемъ чистѣйшемъ типѣ, могъ создаться почти одновременно и совершенно самостоятельно, то вѣроятіе всего, что возникъ онъ изъ того же первобытнаго «источника», на который указалъ мнѣ нагасакскій бонза. *Alma mater* его, надо думать, все та же Индія со своимъ загадочнымъ міромъ браминскихъ вѣрованій и браминскаго искусства. Очевидно, что меандръ едва-ли не современенъ самому послѣдпотопному человѣчеству, одна вѣтвь коего, еще съ незапамятныхъ временъ, пошла на крайній Западъ, другая — на крайній Востокъ Старога Свѣта.

Но возвратимся опять къ буддизму. Если вѣрно, что всю свою обстановку и, отчасти, обрядовую сторону онъ черпалъ изъ готовыхъ уже формъ браманизма, то и политизмъ древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ первоначальную точку своего отправления имѣлъ въ

томъ же источникѣ. Еще Платонъ говорилъ, что религія Греціи цѣликомъ взята изъ Египта и что ея боги, какъ и египетскіе, пришли съ Востока. Покожъ, авторъ книги «Индіи въ Греціи», доказывалъ, что вся Греція съ ея богами, какъ и Египетъ съ его *зооматріей*, перешли цѣликомъ изъ до-исторической Индіи. Лѣтъ тридцать-пять тому назадъ надъ Покожъ ученые смѣялись, но въ наше время новѣйшія изслѣдованія на мѣстѣ основательно доказываютъ, что обитатели греческаго Олимпа родились ближе къ Гималаямъ, нежели къ родицѣ Гомера, что Парнасъ слѣдуетъ искать на Баміанѣ, что Аполлохъ, Геркулесъ, Вакхъ и Орфей суть *аватары* Кришны, Бальдевы, Вакхиши и Арджувы, друга Кришны; что скандинавскіе, египетскіе, греческіе, средне-азіатскіе, германскіе и славянскіе боги были почти всѣ или, по крайней мѣрѣ, главные изъ нихъ, когда-то дѣйствительно жившими героями древности и родились въ до-исторической Индіи и Азіи вообще. «Да не только боги, говорятъ авторъ новѣйшаго изслѣдованія,—мы находимъ въ Индіи имена племенъ, названія горъ, озеръ и мѣстностей, а вдобавокъ сохранившіяся о нихъ легенды, которыя ясно указываютъ намъ слѣдующее: или греки и римляне, а раньше ихъ и сами египтяне, перенесли свой пантеонъ боговъ изъ Индіи, да и сами эти народы, съ предшествовавшими имъ *авостономами*, пелазгами и этрусками—выходцы изъ Азіи; или же брамины «съ береговъ Оксуса» впервые увидели свѣтъ на берегахъ Нила, Эгейскаго моря или Тибра. Невозможно, чтобы такія постоянныя совпаденія, такое сходство въ мѣнахъ, легендахъ и все переживающихъ обычаяхъ было дѣломъ одной случайности. Нѣтъ того бога, той рѣки или горы въ древней Греціи и Римѣ, которыми не нашлось бы *pendant* въ Индіи древней и современной. Мы узнаемъ почти каждое имя, какъ и всегда болѣе или менѣе перекорканное греками»¹⁾.

Если это такъ, то становится совершенно понятнымъ совпаденіе, напримѣръ, съ одной стороны, древне-эллинской легенды о *родоскомъ чудовищѣ* и съ другой стороны—японской легенды о героѣ Іомато, сразившемъ восьмиглаваго дракона, съ древне-индійскимъ сказаніемъ о Кришнѣ-Канья, который сразилъ и раздавилъ пятой многоголовую черную гидру, отравлявшую воды рѣки Джумны. У китайцевъ есть тоже подобная легенда. Понятно тогда и тождество нѣкоторыхъ народныхъ японскихъ обычаевъ съ таковыми же славянскими, какъ напримѣръ съ Купалой, малороссійскою колядой и проч. Это тотъ же путь меандра. Извѣстно, что металлическій

лучистый нимбъ окружалъ чело Зевса, Аполлона Родосскаго и многихъ римскихъ боговъ¹⁾, точно такъ же, какъ и чело Кришны, какъ и чело Будды; что древне-египетскіе и древне-греческіе статуи боговъ раскрашивались и позлащались такъ же, какъ браминскіе и буддійскіе; что древне-греческій алтарь, гдѣ помещался идолъ, отдѣлялся отъ остальной части храма болѣе возвышеннымъ помостомъ, а иногда и завѣсою, которая разверзалась только въ извѣстныя часы богослуженія; что огонь и вода, какъ начала очищенія, входили въ культъ эллино-римскаго политеизма, какъ и въ культъ браминовъ, буддистовъ и синтоитовъ; то же должно сказать и объ употребленіи священнаго курева, свѣтильниковъ, флейтъ, кимваловъ, тамбуриновъ и проч. Не говорю уже о совпаденіи во всѣхъ этихъ культахъ мистическихъ чиселъ *три* и *семь*, что встрѣчается даже въ религіи евреевъ. Стало быть, извѣстное тождество между этими и тѣмъ существуетъ, какъ неоспоримо существуетъ оно въ греческомъ и японскомъ меандрѣ.

Послѣ всего этого, да не будетъ со стороны людей науки поставлено мнѣ въ особое осужденіе, если я позволю себѣ высказать мое предположеніе, заранѣе оговариваясь, что отнюдь не имѣю претензіи настаивать на его непреложности. Быть можетъ, оно совершенно фальшиво, и въ такомъ случаѣ я первый буду радъ и благодаренъ, если мнѣ докажутъ его неосновательность, выдвигнувъ на мѣсто его научныя, неоспоримо историческіе факты. Мнѣ кажется вотъ что:

Когда христіанство выступило наконецъ изъ мрака подземныхъ катакомбъ и увидѣло въ рядяхъ своихъ римскихъ и византийскихъ императоровъ; когда изъ гонимаго вѣроученія оно стало возводиться на степень господствующей, государственной религіи, ему естественно понадобились такіе формы вишняго благодѣія, въ какихъ дотогѣ, среди катакомбъ, не опускалось надобности. Въ нихъ не нуждался духъ христіанства, но эти формы нужны были для наибольшаго воздѣйствія на впечатлительность и чувства массы, на народъ, исполненный живого южнаго воображенія и привыкшій къ помпезному блеску богослуженія и процессій. Духъ религіи не всѣми познается сразу, тогда какъ вищность ея прежде всего производитъ впечатлѣніе на чувство. Поэтому не нужно ли было привлечь, такъ сказать, приручить эти массы, освоить ихъ съ новою вѣрой, которая, конечно, не могла быть обставлена скуднѣе и суше, чѣмъ покидаемое язычество. Откуда же было взять эти вишнія формы, необходимыя для народа? — Не явились ли онѣ уже готовыми изъ прежняго куль-

¹⁾ См. Радла-бай, „Русскій Вѣстникъ“ 1886 г., кн. III, стр. 349.

¹⁾ Даже императоръ Неронъ, возводя себя на степень божества, приказалъ сдѣлать свою статую съ такимъ же лучистымъ нимбомъ.

та? Не говорило ли за них даже то, что они уже знакомы народу, доступны его пониманию? Но в них был влиять новый дух, который дал им новую жизнь, новый смысл и значение. То же самое было отчасти и у нас, в древней Руси, когда Володь обратился во Власия, Перунъ въ Илію, а Купало, Семикъ, Радоница и прочія обрядовыя празднества древне-славянскаго культа нашли себѣ соответственное приимѣніе въ Ивановомъ днѣ, въ Троицыномъ днѣ, Оминомъ воскресеньѣ, родительскихъ субботахъ и другихъ народно-обрядовыхъ празднествахъ церкви христіанской. То же самое и въ настоящее время дѣлаютъ католическіе миссіонеры въ Китаѣ и Японіи. Въ Цикавейскомъ іезуитскомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ Шанхая, видѣлъ я, напримѣръ, часовню съ совершенно буддійскою обстановкой, гдѣ запрестольное изображеніе бѣгства Св. Семейства въ Египетъ оказалось перенесеннымъ на китайскую почву и гдѣ не только пензажъ, но костюмы и самыя лица были китайскія; тамъ же видѣлъ я изображеніе нѣкоторыхъ католическихъ святыхъ въ полумишеческомъ образѣ не то какихъ-то *дзинговъ* (геневъ) китайской мисіологіи, не то какихъ-то мандариновъ. Еще со временъ св. Франциска-Ксаверія, іезуиты, рѣшившіе, что буддизмъ не что иное, какъ дьявольская передѣлка истинной церкви, очень скоро однако же догадались, что именно этимъ-то обстоятельствомъ и можно какъ нельзя лучше воспользоваться въ интересахъ своей пропаганды. Господствующая въ Японіи религія, по ихъ собственному сознанію, доставляла множество полезныхъ точекъ соприкосновенія и разнаго рода предлоговъ или случаевъ, удобныхъ для того, чтобы начать дѣло, ради котораго они явились въ эту страну. И успѣхъ первой христіанской миссіи въ Японіи превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія миссіонеровъ. Благодаря апостольскому рвенію и силѣ краснорѣчія св. Франциска-Ксаверія, во всѣхъ слояхъ японскаго общества произошли многочисленные и искреннія обращенія въ христіанство. Но іезуиты сами погубили свое дѣло, начавъ выѣшиваться въ политическія интриги и подрывая авторитетъ японской правительственной власти авторитетомъ свѣтѣйшаго папы, раздающаго-де короны и свергающаго государей.

Словомъ, съ выѣшней стороны, объясняемое, если можно такъ выразиться, исторически, не только подобіе, но и тождество нѣкоторыхъ предметовъ культа буддійскаго съ таковыми же христіанскими, мнѣ кажется, становится совершенно понятнымъ. Но между буддизмомъ и христіанствомъ есть неизмѣримая разница въ конечныхъ идеалахъ. Идеаль буддизма — *нирвана*, идеаль христіанства — жизнь будущаго вѣка, *жизнь безконечная*.

Что такое нирвана? Объясненіе, которое Э. Бюрнуфъ, а за нимъ и Бартеlemi Сентъ-

Илеръ даютъ насчетъ этого вопроса, заключается въ слѣдующемъ:

За исходную точку своего ученія Будда принимаетъ неоспоримый фактъ — существованіе страданій, въ какой бы то ни было формѣ наступающихъ челоѣка во всякомъ общественномъ положеніи. Отыскивая причины этихъ страданій, онъ приписываетъ ихъ страстямъ, похотямъ, проступкамъ, невѣжеству и, наконецъ, даже самому существованію, въ силу того, что оно — существованіе. Стало быть, *существовать* уже само по себѣ значитъ *страдать*. Если принять послѣдній тезисъ, то ясно, что конецъ страданій можетъ имѣть мѣсто лишь въ прекращеніи существованія (то-есть существованія своего духовнаго я). Но чтобы быть дѣйствительнымъ, этотъ конецъ долженъ быть полнымъ уничтоженіемъ, ничтожествомъ, *нирваной*. Нѣтъ другого средства выйти изъ круга постоянныхъ возрожденій (души) и окончательно освободиться отъ подчиненія закону переселеній (въ новую животную оболочку). Сложное существо, состоящее изъ души и тѣла и называемое челоѣкомъ, только посредствомъ абсолютнаго уничтоженія можетъ быть избавлено отъ своихъ страданій, потому что если остается хотя малѣйшій атомъ его души, то душа можетъ снова возродиться въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ формъ, въ какихъ проявится существованіе, — и мнимое избавленіе окажется заблужденіемъ, какъ и все прочее въ мірѣ. Единственное убѣжище, единственная *дѣйствительность* — это *ничто*, абсолютное небытіе, ибо изъ него, и *только* изъ него нѣтъ возврата.

Какимъ же путемъ, какими способами достигается этотъ «покой небытія», эта нирвана?

Путемъ къ нему служитъ *дзиана* (*dhyana*), то-есть самоуглубленіе въ созерцаніе. Древніе апостолы и толкователи ученія Будды, желая регламентировать ходъ *дзианы*, превратили ее, по объясненію того же ученаго (В. St.-Hilaire), въ родъ мистической лѣстницы, раздѣленной на два яруса, изъ коихъ каждый, въ свою очередь, состоитъ изъ четырехъ ступеней. Чтобы пройти черезъ первую ступень, аскетъ долженъ отрѣшиться отъ всякаго желанія, кромѣ стремленія къ нирванѣ. Въ этомъ состояніи души онъ еще думаетъ и разсуждаетъ, но защищенъ отъ соблазна ала; ощущеніе же того сознанія, что этотъ первый шагъ даетъ ему надежду на нирвану, приводитъ его въ восторженное состояніе, вскорѣ дающее ему возможность достигнуть второй ступени. Во время этого второго шага чистота аскета остается неизмѣнною, но кромѣ того, здѣсь онъ уже отложилъ въ сторону всякое размышленіе и сужденіе, такъ что духъ его, не занятый болѣе дѣйствительностью и ея предметами и весь сосредоточенный на нирванѣ, чувствуетъ только наслажденіе отъ внутренняго удовлетворенія, о

которомъ онъ не разсуждаетъ и котораго даже не понимаетъ. На третьей ступени созерцанія исчезаетъ и это внутреннее удовлетвореніе; мудрецъ падаетъ въ состояніе полного равнодушія даже относительно того блаженства, которое до сихъ поръ испытывалъ его духъ. Теперь ему осталось одно удовольствіе: неопредѣленное ощущеніе физическаго благосостоянія, разлитая по всему его тѣлу. Однако онъ сохранялъ еще воспоминаніе о пройденныхъ имъ состояніяхъ и смутное сознаніе самого себя, несмотря на то, что дошелъ до полного отрѣшенія отъ всего. Наконецъ, достигнувъ четвертой степени, аскетъ уже не имѣетъ даже и этого смутнаго ощущенія физическаго благосостоянія; онъ совершенно лишился памяти, болѣе того: въ немъ потерялось даже ощущеніе его равнодушія. Теперь, освободясь отъ всякаго удовольствія и всякой горести, какова бы ни была ихъ причина, внѣшняя или внутренняя, онъ дошелъ до полного безстрастія, настолько близкаго къ Nirvāṇa, насколько это только возможно въ земной жизни. Тутъ аскету позволяется перейти во второй ярусъ *dhyanas*, то-есть въ четыре находящіяся одна надъ другою области міра, не имѣющаго формъ. Сначала онъ входитъ въ область без-

конечности пространства. Оттуда поднимается ступенью выше, — въ область безконечности духа. Съ этой высоты онъ уже можетъ достигнуть третьей области, гдѣ нѣтъ совершенно ничего. Но такъ какъ можно было бы предположить, что въ этой пустотѣ и иракъ существуетъ еще по крайней мѣрѣ одна идея, представляющая для аскета самое то ничтожество, въ которое онъ погружается, то ему нужно сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы войти въ четвертую область безформеннаго міра, гдѣ уже нѣтъ идей, нѣтъ даже *идей отсутствія идей*.

И такъ, въ концѣ концовъ, буддизмъ обрекаетъ духъ человѣческій на вѣчный застой, на абсолютную косность, цѣль которой небытіе, круглое *ничто*; тогда какъ идеалъ христіанства — жизнь безконечная, зоветъ его къ вѣчному движенію, прогрессу, развитію къ работѣ надъ самосовершенствованіемъ, цѣль коего — безконечное блаженство въ созерцаніи Бога. Стало быть, при всемъ томъ, что и христіанство, и буддизмъ преподаютъ своимъ послѣдователямъ заветы широкой гуманности, заветы мира, любви, всепрощенія и самоотреченія, между ними все-таки безконечная пропасть, потому что одно — *плюс*, а другой — *минус*, взаимно другъ друга исключаютъ.

Посѣтъ, Суйфунъ и Ольга.

ОЧЕРКИ ЮЖНО-УССУРІЙСКАГО КРАЯ.

I. Посѣтъ.

Крейсеръ „Европа“. — Выходъ изъ Владивостока. — Амурскій заливъ. — Ловъ морской капусты. — Капустный промыселъ. — Мысъ Гамова. — Рейдъ Паллады. — Бухты Экспедиціи и Новгородская. — Значеніе Посѣта въ настоящемъ и въ будущемъ. — Каменноугольное дѣло. — Постъ Новгородскій. — Мѣстныя войска и ихъ расположеніе. — Фазаны и тигры. — Переправа на Тизенхъ. — Село Новокіевское. — Евреи и маньчжурскіе. — Наши корейцы и краткій очеркъ ихъ переселеній въ русскіе предѣлы. — Деревня Янчиха. — Характеръ и бытъ корейцевъ, ихъ костюмъ и домашняя обстановка, земледѣліе и религіозныя вѣрованія. — Преданіе о бѣлыхъ свиньяхъ. — Чего можно ожидать отъ нашихъ корейцевъ въ будущемъ. — Обѣдъ у капитана Касторскаго и выѣздъ изъ Посѣта.

Съ разсвѣтомъ, 2 октября 1880 года, меня разбудилъ обычный шумъ на верхней палубѣ нашего крейсера. Тамъ шла утренняя работа: «скачивали» палубу водой, мыли, скребли се

и обтирали, затѣмъ наводили лоскъ на сталь, чистили мѣдныя вещи и, ужъ какъ водится при всѣхъ этихъ работахъ, усердно топались десятками ногъ надъ потолками офицерскихъ каютъ. Словомъ, всѣ эти разнообразныя шумы настойчиво заявляли, что пора вставать и нашему брату. Въ каютъ-кампанинъ вѣстовые уже разнесли чай и кофе «господамъ», то-есть офицерамъ.

Покончивъ свой немягосложный туалетъ, я поднялся на верхнюю палубу. Небо облачно, но повидимому не грозитъ дождемъ и позднѣе должно проясниться. На рейдѣ полный штиль, такъ что въ неподвижной глади «Золотого Рога» точно въ зеркалѣ отчетливо отражаются опрокинутые салюты судовъ нашей эскадры. Владивостокъ и окружающія его вершины еще окутаны легкимъ утреннимъ туманомъ.

Вскорѣ раздались боцманскіе свистки, и жилая матросская палуба огласилась мѣрнымъ,

словно бы скандирующимъ стихи, крикомъ дежурныхъ:

— Пошелъ всё заверать, съ якоря снимать-ся!

Матросы затоптали по трапу босыми ступнями и побѣжали на верхнюю палубу. Старшій офицеръ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ, на мостикѣ, готовый командовать «авраломъ», то есть общею работою.

Въ это время изъ-подъ мостика мелькнулъ и юркнулъ внизъ по трапу чей-то дамскій шиньонъ и подобранный шлейфъ коричневаго платья,—явление не совсѣмъ-то обычное на военномъ суднѣ.

— Что сей сонъ значить?—съ удивленіемъ спрашиваетъ кто-то изъ офицеровъ.

Оказывается, что телеграфнаго чиновника съ женой веземъ въ Посѣтъ на жительство. Итакъ мы идемъ съ довольно большимъ «постороннимъ» обществомъ. На этотъ разъ С. С. Лесовскаго сопровождали: военный губернаторъ Приморской области, генералъ-майоръ М. П. Тихменевъ, оба флагмана отрядовъ нашей эскадры, контръ-адмиралы баронъ О. Р. Штапельбергъ и Р. Б. Асламбековъ, начальник штаба войскъ Приморской области, генеральнаго штаба подковникъ Барабашъ, начальникъ пажечеровъ Восточнаго Сибирскаго округа, полковникъ Унтербергеръ, командиръ конно-уссурийской казачьей сотни, подполковникъ Вяникоу, окружный врачъ, статскій совѣтникъ Жолнаркевичъ, секретарь военного губернатора Волоховъ и два земско-полицейскіе чиновника.

Въ семь часовъ утра крейсеръ «Европа» снялся съ якоря и часъ спустя уже вышелъ на просторъ Амурскаго залива.

Русскій островъ (онъ же и Козакевича), съ цѣлымъ рядомъ своихъ уютныхъ бухтъ, обрамленныхъ возвышенными лѣсистыми берегами, остался позади, а влѣво отъ насъ потянулся цѣлый архипелагъ небольшихъ скалистыхъ острововъ, составляющихъ продолженіе того же горнаго хребта, который образовалъ собою весь полуостровъ Муравьева-Амурскаго и островъ Козакевича. Этотъ архипелагъ, распадаясь на двѣ большія группы—сѣверную (наибольшую) и южную, какъ бы отдѣляетъ Амурскій заливъ отъ водъ залива Петра Великаго и даетъ ему болѣе укрытое, спокойное отъ бурь положеніе. Многие изъ острововъ архипелага изрѣзаны маленькими, но довольно удобными бухточками, которыя иногда служатъ временными притоками манзамъ-золотискателямъ и капустникамъ. Говорятъ, будто на нѣкоторыхъ есть признаки находженія золота, но не въ такомъ количествѣ, какое могло бы окупать расходы правильной разработки. Впрочемъ все это только «говорятъ» да предполагаютъ, а на дѣлѣ никто еще не изслѣдовалъ, есть ли тутъ золото и стоить ли его разрабатывать. Весь архипелагъ вулканическаго происхожденія; нѣные остро-

ва покрыты лѣсомъ, нѣные мелкимъ кустарникомъ, а есть и такіе, что представляютъ глыбы совершенно голыхъ скалъ, лишь кое-гдѣ тропутыхъ зеленыхъ мха или мелкорослой травки.

Вправо отъ насъ бѣлѣлись высокіе крутые обрывы материковаго берега. Говорятъ, что это мраморъ бѣлѣется, и что еслибъ его разрабатывать, то дѣло могло бы принести значительныя выгоды, такъ какъ по качеству здѣшній мраморъ будто бы не уступаетъ каррарскому. Но опять-таки все это только «говорятъ», а нужно бы изслѣдовать, но для изслѣдованія нѣтъ подъ рукой специалистовъ.

Въ началѣ девятаго часа утра небо прояснилось, и яркое солнце отеплило своими лучами холодные дотолѣ томы широкой картины. Яснѣе выступили неровныя, мѣстами волнистыя, мѣстами зазубренныя очертанія обонхъ береговъ залива. На правомъ материковомъ берегу, который придегаетъ къ Манчжуріи, очертанія горныхъ хребтовъ видѣлись цѣлыми перспективами, одни за другими, какъ бы выходящая другъ изъ-за друга, и чѣмъ дальше отходили эти хребты отъ берега въ глубь страны, тѣмъ все выше и выше становились они, постепенно мѣняя буровато-синюю окраску на болѣе голубые, легкіе и воздушные тоны. Видъ воды въ заливѣ при полномъ штилѣ отличался какою-то стеклостію. Широкая зыбь грядями шла съ юго-востока, и волна переливалась въ волну совершенно плавно, даже медлительно, безъ малѣйшей мелкой ряби на своей поверхности, такъ что все окружающее насъ водное пространство представлялось какъ бы массой расплавленнаго стекла съ тускло-жемчужнымъ отсвѣтомъ.

Проходя мимо южной группы архипелага и совсѣмъ въ виду возвышеннаго материковаго берега, мы встрѣтили невдалекѣ отъ послѣдняго рядъ манзовскихъ капустныхъ лодокъ. Глядя въ бинокль, можно было наблюдать все, что въ нихъ дѣлается, даже съ нѣкоторыми подробностями. Большинство ихъ имѣетъ неуклюжую форму длиннаго корыта, а нѣны выдолблены даже изъ цѣльныхъ стволовъ старорослаго ильма. Эти послѣднія доставляются сюда съ устьевъ рѣкъ Цилуха и Сучана, гдѣ ихъ готовятъ мѣстные манзы, специально для капустнаго промысла, валя ради этого множество великолѣпнѣйшихъ ильмовыхъ деревьевъ, и все это разумѣется самовольно, безданно и безпошлинно.

Лодки капустниковъ были вытянуты подѣ берегомъ въ правильную линію, въ разстояніи одна отъ другой около 25 сажень, и въ каждой изъ нихъ находилось по два работника. Одинъ сидѣлъ на веслахъ, другой лежалъ на носу лодки и всматривался въ глубину воды или работалъ ловецкимъ снарядомъ. Я еще ранѣе имѣлъ возможность познакомиться довольно близко съ этими любопытными и весь-

ма важным промыслом и потому позволю себя отчасти познакомить с ним читателя.

Вдоль наших берегов, начиная от Императорской гавани и до Посыета включительно, а также и у Сахалина, в изобилии встречается одна водоросль, известная у англичан под именем sea weed, а у нас называется морскою капустой. Это длинное, лентообразное растение, прекрасного темно-зеленого цвета, достаточно клейкое и мясистое. Пышные букеты и кучи его в ясную погоду, при совершенно тихом море, бывают видны в воде на глубине нескольких саженей. Благодаря своим питательным свойствам, оно в большом употреблении в Китае, где составляет одно из любимых блюд простонародья и среднего класса горожан, хотя и тонкие китайские гастрономы не отказываются от него за своим обедом. Кроме того, из этого растения китайцы вываривают особый клей. Самый лов капусты производится следующим образом.

В длинный челн садятся двое рабочих и на развѣтъ, в тихую погоду, выезжают на море. В больших рабочих артелях челны обыкновенно вытягиваются в линию, в расстоянии нескольких саженей один от другого. Один рабочий, как уже сказано, сидит на веслах, а другой работает снарядом. По прошествии полутора или двух часов они мѣняются друг с другом своими ролями. Задача гребца заключается в том, чтобы удерживать челн на мѣстѣ, пока его товарищ не выловит вокруг всей капусты, послѣ чего онъ начинает на веслах тихо передвигаться вперед или в сторону, а ловецъ, лежа на носу, смотритъ вниз, пока не наглядитъ в прозрачную глубину новыхъ гнѣзд водоросли. Тогда, по знаку его, гребецъ останавливается, и ловецъ снова принимается за дѣло.

Ловецкй снарядъ представляет собою весьма длинный деревянный шестъ, иногда из бамбука. На верхнем концѣ его прочно приделана поперечная деревянная рукоятка такой длины, чтобы за нее можно было свободно взяться обѣими руками, для сообщенія шесту вертикально вращательнаго движенія. На нижнем концѣ шеста насажена цилиндрическая деревяшка или болванка, у которой в нижней плоскости находится четыре гнѣзда, одно противъ другого, высверленные не прямо, а нѣсколько вкось другъ от друга, устьями ближе къ краю болванки. В эти гнѣзда ввинчены четыре завершенныя тычинки, длиною каждая съ небольшимъ около фута. Такимъ образомъ, весь снарядъ представляется въ видѣ вилки о четырехъ нѣсколько расходящихся спицахъ. Къ болванкѣ прикрѣплена надежная бечевка, которая протянута къ рукояткѣ и захлестнута вокругъ нея петлей, для того чтобы наловлен-

ный грузъ не пропалъ даромъ въ случаѣ, еслибы болванка соскочила какъ-нибудь со своего стержня, или бы шестъ сломался. Погрузивъ этотъ снарядъ въ прозрачную глубину воды, прямо въ центръ капустнаго букета, работникъ схватывается за рукоятку и начинаетъ вертѣть шестъ въ одну сторону, какъ бы закручивать его, отчего ленты водоросли наматываются на вилку, и когда работникъ почувствуетъ, что кустъ уже оторванъ отъ почвы, онъ вытаскиваетъ на шестѣ свою добычу въ видѣ большого зеленого пучка и стряхиваетъ ее въ среднюю часть лодки. Такимъ образомъ ловъ продолжается до солнечнаго заката; но онъ можетъ быть производимъ только въ тихую, безвѣтреную погоду, потому что въ зыбь уже нельзя различить растение подъ водой.

Наловленная капуста свозится на берегъ, къ промысловому становищу, гдѣ ее промываютъ, чтобы очистить отъ песка и грязи и освободить отъ разныхъ моллюсковъ и мелкихъ ракушекъ. Затѣмъ она сортируется и складывается для просушки на длинные, широкія подстилки, которыя плетутся изъ тонкихъ прутьевъ лозняка. Когда солнечные лучи достаточно сдѣлаютъ свое дѣло, и ленты водоросли покроются тонкимъ бѣловатымъ налетомъ морской соли, ихъ собираютъ въ пучки, которые свертываютъ и связываютъ такимъ образомъ, что каждый представляетъ собою тючокъ, съ виду похожій на чемоданъ, около двухъ пудовъ вѣсомъ. Эти тючки гуртомъ отвозятъ на одинъ изъ капустныхъ рынковъ, гдѣ ихъ складываютъ въ небольшіе четырехсторонніе бунты пирамидальной формы, до трехъ аршинъ вышиной, размѣщаемые столь тѣсными рядами, что между ними едва можно пройти. Каждый бунтокъ для предохраненія отъ дождя и сырости ставится на низенькихъ подмосткахъ или на лозняковой плетенкѣ и покрывается сверху рогожнымъ плащомъ, собраннымъ изъ длинныхъ камышовыхъ листьевъ или изъ соломы. Впрочемъ, вся описанная процедура приготовления и храненія капусты наблюдается только у крупныхъ промысловладельцевъ, мелюзга же валитъ все какъ попало, лишь бы поскорѣй на рынокъ, потому что въ Чифу, что ни привези—все купятъ.

Капустнымъ промысломъ въ нашихъ водахъ занимаются бездѣнно и безпошлинно до пятнадцати тысячъ, большею частію пришлыхъ китайцевъ, которые съ окончаніемъ промысловаго періода уходятъ обратно за границу. Такъ какъ цѣна на капусту уже довольно давно установилась въ одинъ рубль за пудъ на мѣстѣ улова, а промыселъ ежегодно даетъ до милліона пудовъ, и такъ какъ по привозѣ въ Китай цѣна на этотъ продуктъ по наименьшей мѣрѣ удваивается, то можно себя представить, на какое количество милліоновъ рублей въ теченіе уже двадцати лѣтъ эксплоа-

тируют край наши сосѣди на одномъ только капустномъ промыслѣ. Мало того, китайское правительство собираетъ еще съ капустниковъ особую подать за право промысла въ чужихъ водахъ и на чужой территоріи по $3\frac{1}{2}$ лана съ судна и по $2\frac{1}{2}$ лана съ работника, что на наши деньги по текущему курсу составляетъ семь и пять рублей кредитныхъ. Но и этого мало, китайское правительство ежегодно командуетъ на наши промысловыя становища своихъ чиновниковъ для контроля промысловладельцевъ, взиманія добавочныхъ податей за лишнѣхъ работниковъ, нанятыхъ уже въ нашихъ предѣлахъ, и для учиненія надъ промышленниками суда и расправы. Не правда ли, курьезно, читатель? Вы не хотите этому вѣрить? Я тоже не вѣрилъ, пока—увы!—не убѣдился фактами.

Миновавъ южную группу архипелага, мы вскорѣ вышли на видъ мыса Гамова, отъ котораго надо брать курсъ на западъ въ заливъ Посѣта. Въ этомъ мѣстѣ нашъ крейсеръ стало вдругъ покачивать довольно чувствительными образомъ. Что за притча такая? Ни малѣйшаго вѣтра, а качаетъ, и волненіе развело весьма порядочное. Оказалось, что всему причина Гамовъ, этотъ, по замѣчанію моряковъ, истинный «Мысъ бурь» Японскаго моря.

Гамовъ мысъ, названный такъ въ честь одного изъ нашихъ моряковъ, который открылъ его, образуется крутымъ склономъ горы Гамова, имѣющей до 1.800 футовъ высоты. Онъ значительно выдается въ море своими обрывисто-каменистыми и приглубыми берегами (отъ 20 до 30 сажень глубины вплоть у береговой черты) и до того пугаетъ всѣхъ мѣстныхъ плавателей, что, по словамъ начальника гидрографической части во Владивостокѣ, капитана М. А. Клыкова, извѣстенъ у русскихъ поселенцевъ подъ прозвищемъ мыса Хамова; матросы же наши хотя и называютъ его настоящимъ именемъ, но увѣрены, будто оно дано ему потому, что кругомъ его, вслѣдствію прибои и зыби съ моря, всегда стоитъ шумъ и гамъ. Манзы и предъ огибаніемъ, и послѣ огибанія этого мыса въ плоскодонныхъ джонкахъ и сампангахъ молятся богамъ и ставятъ свѣчки предъ образами въ своихъ часовняхъ, построенныхъ по сѣверную сторону камней Астафьева и въ бухтѣ Гамова. М. А. Клыковъ сказывалъ, что въ теченіе многолѣтнихъ его плаваній въ этихъ мѣстахъ, онъ не помнитъ ни одного дня, когда море около Гамова было бы спокойно, особенно хлѣтомъ, и главное неудобство для огибанія его на парусномъ суднѣ состоитъ въ томъ, что вѣтеръ и волненіе, а временно и зыбь подъ мысомъ почти никогда не идутъ правильно отъ одного и того же румба компаса. Отъ этого адѣсь ичн-ная толчея и сумятица волнъ, въ которой нерѣдко гибнутъ манзовскія лодки.

Миновавъ этотъ милый мысъ, мы опять вступили въ штилевую полосу и при великолѣпной ясной погодѣ въ одиннадцать часовъ дня уже входили во вѣйшую часть залива Посѣта, извѣстную подъ именемъ рейда Паллады и названную такъ въ память фрегата «Паллады», посѣтившаго этотъ рейдъ въ началѣ 50-хъ годовъ, съ графомъ Путятинимъ, Посѣтономъ и нашимъ почтеннымъ псателемъ И. А. Гончаровымъ. Длина рейда въ десять, ширина въ пять верстъ, а наибольшая глубина 12 сажень.

Уже самый рейдъ Паллады образуетъ весьма удобную гавань, но пройдя его, встрѣчаются еще два обширные бассейна, представляющие какъ бы два озера, соединенныя между собою и съ рейдомъ Паллады узкимъ проливомъ (около 300 сажень ширины), которыми однако можно безъ малѣйшихъ неудобствъ проводить военныя суда всѣхъ ранговъ. Западный бассейнъ носитъ названіе бухты Экспедиціи, а восточный—бухты Новгородской. Всѣ эти воды извѣстны въ общемъ подъ именемъ залива или гавани Посѣта и находятся въ широтѣ $42^{\circ} 37' N$ и $130^{\circ} 50' O$. При входѣ въ заливъ водное пространство между мысами Дегера и Суслова равняется четыремъ милямъ (7 верстъ). Берега рейда Паллады не особенно высоки: южный берегъ вообще гористъ, достигая у мыса Суслова 820 футовъ, а сѣверный приглубъ и склоняется къ водѣ крутыми скалами, частію известняковой, частію гранитной формаціи. Тутъ встрѣчается гранитъ и красный и сѣрый.

Дойдя до западнаго конца рейда Паллады, мы повернули на сѣверъ, въ узкій проливъ, соединяющій Палладу съ обими внутренними бухтами. Здѣсь, какъ бы посреди залива, торчитъ скалистая глыба, называемая Шурхадо. Вся она покрыта неглубокимъ слоемъ гуано и потому еще издали бросается въ глаза своимъ ярко-бѣлымъ цвѣтомъ. Отъ этой глыбы вѣево тянется низменная, длинная песчаная коса, около тридцати сажень шириною, отдѣляющая Палладу отъ бухты Экспедиціи. Тутъ—вѣчный притонъ не только дикихъ утокъ и иныхъ водяныхъ птицъ, но и эмбй, которыхъ, по словамъ А. П. Новосильскаго, на косѣ множество.

Скала Шурхадо и противулежащій ей мысъ полуострова Краббе образуютъ вышесказанный проливъ, въ серединѣ котораго находится другая надводная кекура¹⁾, раздѣляющая его на два узкіе, но глубокие каналы. Былъ моментъ, когда проходила однимъ изъ нихъ, мы могли бросить одновременно взглядъ на обѣ бухты, Экспедиціи и Новгородскую. Первая является широкимъ бассейномъ, имѣющимъ

¹⁾ Такъ называются отдѣльно торчащіе изъ воды скалы и камни.

въ длину, а мѣстами и въ ширину до десяти верстъ и даже нѣсколько болѣе, при наибольшей глубинѣ въ пять сажень; средняя же глубина ея — три сажени. Берега ея болѣе отлоги чѣмъ берега бухты Новгородской; мѣстами они даже совершенно плоски, такъ какъ болѣе значительныя возвышенности отступаютъ вглубь страны, что не мѣшаетъ однако же картинности общаго пейзажа этой бухты. Средняя глубина ея разумѣется не достаточна для глубоко сидящихъ судовъ, тѣмъ болѣе, что, принимая въ себя пять рѣчекъ, стекающихъ съ горъ, она все болѣе и болѣе засоряется противъ ихъ устьевъ; но для коммерческихъ судовъ малой и даже средней осадки бухта эта вполне доступна и удобна, и потому со-временемъ можетъ сдѣлаться хорошимъ портомъ для рыбныхъ и капустныхъ промышленниковъ.

Ея сосѣдка, гавань Новгородская, простирается въ длину до девяти верстъ, имѣя отъ пяти до шести сажень глубины въ серединѣ, и въ ширину отъ полумили до двухъ миль. Она извивается сначала по направленію на востокъ, потомъ поворачиваетъ къ юго-востоку и оканчивается круглымъ бассейномъ до двухъ съ половиной сажень глубины, который отдѣляется отъ открытаго моря узкою, песчано-болотистую косою материковаго берега и представляетъ удобное и обширное помѣщеніе для гребной и плоскодонной флотилии. Эта коса переходитъ въ скалистый и возвышенный полуостровъ Краббе, кончающійся у пролива Шурхад горой Краббе въ 470 футовъ и отдѣляющій рейлъ Паллады отъ бухты Новгородской, которую съ сѣвера тоже окружаютъ горы. Вообще на материкѣ, облегающемъ заливъ Посѣта, особенно съ сѣверо-западной его части, возвышаются нѣсколько коническихъ горъ съ отлогими скатами. Сѣверо-восточная же часть материка представляетъ хорошія и обширныя поля для хлѣбопашества. Надо замѣтить, что Новгородская гавань не принимаетъ въ себя ни одного ручья и потому не подвержена засоренію. По своимъ качествамъ она могла бы быть первокласснымъ военнымъ портомъ, еслибы по сосѣдству не существовало Владивостока. Коническія возвышенности, окружающія гавань Посѣта, въ стратегическомъ смыслѣ, представляютъ прекрасныя, взаимно себя поддерживающія позиціи; равно и съ моря доступны въ гавань могутъ быть легко и удобно защищены, но къ сожалѣнію, ея стратегическому значенію мѣшаетъ то, что лежитъ она на самомъ краю Россіи, въ 22-хъ верстахъ отъ корейской и въ 23-хъ отъ китайской границы, съ тыла. Кромѣ того, существуютъ и нѣкоторыя климатическія неудобства, какъ напримѣръ, осенніе сѣверо-западные вѣтры, достигающіе силы настоящаго шторма и поднимающіе по всей

окрестной странѣ тучи сухой пыли. Бывали примѣры, что парусныя коммерческія суда, за свѣжими NW и W-овыми вѣтрами, не могли попасть въ Посѣтъ и должны были уходить обратно въ Китай почти отъ острова Фуругельма, лежащаго всего въ шести миляхъ къ югу отъ входа въ гавань. Но главнѣйшее неудобство Посѣта заключается въ томъ, что этотъ заливъ на продолжительное время и на довольно значительное пространство покрывается льдомъ, тогда какъ лежащія почти на одной съ нимъ широтѣ, но по другую сторону залива Петра Великаго, гавани Стрѣлокъ и Америка вовсе не замерзаютъ.

Первоначальное занятіе Посѣта русскими официально считается съ конца іюня мѣсяца 1860 года, когда въ этотъ пунктъ была высажена рота 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона подъ начальствомъ поручика Черкаскаго, который основалъ военный постъ, названный Новгородскимъ, на полуостровѣ Тироль, отдѣляющемъ бухту Экспедиціи отъ бухты Новгородской. Но въ этомъ пунктѣ еще за три мѣсяца до прибытія роты 4-го линейнаго батальона уже находилась небольшая команда нашихъ матросовъ съ лейтенантомъ П. Н. Назимовымъ¹⁾, посланная сюда для добыванія каменнаго угля. Исторія съ этимъ углемъ принадлежитъ къ числу грустно-комическихъ, которыми вообще такъ богато не только наше прошлое въ Уссурийскомъ краѣ, но и наше настоящее. Какъ характерный образецъ административной легкомысленности по отношенію къ серьезному и весьма выгодному дѣлу она заслуживаетъ, чтобы разсказать ее кстати.

Предварительно надо замѣтить, что Уссурийская область, особенно въ южной своей части, очень богата произведеніями царства ископаемаго, которыя однако, несмотря на то, что край уже двадцать лѣтъ принадлежитъ намъ, и до сихъ поръ еще далеко не изслѣдованы въ той мѣрѣ, въ какой давно бы слѣдовало. Все что мы знаемъ о нихъ—знаемъ большею частью случайно, когда кому-нибудь и гдѣ-нибудь удастся нечаянно наткнуться на залежи каменнаго угля или мрамора, на желѣзную, свинцовую или серебряную руды, и т. п. Да и узнавъ, что тамъ или здѣсь открыты серебро либо уголь, не особенно о томъ беспокоимся и оставляемъ находку безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, довольствуясь вѣроятно утѣшеніемъ, что коли есть, такъ и есть,—не убѣдить отъ насъ и слава Богу!.. Такъ, напримѣръ, для потребностей Владивостокскаго порта и оудовъ Сибирской флотилии мы возимъ каменный уголь преимущественно изъ Японіи, платя за него въ Нагасаки и Токасимѣ по семи долларовъ

¹⁾ Нынѣ капитанъ 1-го ранга, командиръ фрегата „Миникъ“.

(четырнадцать кредитных рублей) за тонну¹⁾. А между тем у нас под боком, в Амурском заливе, почти напротив самого Владивостока—прямым путем по заливу до якорного места лишь двадцать миль—есть речка Сидеми, долина которой весьма богата углем, превосходнейших качеств. И что же? Ну, жень был иностранец, англичанин Морисъ, чтобъ указать намъ, полтора года назадъ, на это сокровище; а безъ него мы хоть и знали, что есть тамъ гдѣ-то на Сидеми какія-то залежи, но каковы онѣ—это насъ, живучи на мѣстѣ, даже и не интересовало, ибо мы заранѣе предположили, что залежи вѣроятно плохія, потому что тѣ, которые еще въ шестидесятыхъ годахъ разрабатывались въ Посетѣ, оказались плохими. А между темъ эти самыя посетскія залежи, брошенные нами вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій, съ которыми однако новѣйшая техника въ состояніи бороться съ полнымъ успѣхомъ,—эти-то залежи и навели умнаго человека на открытіе по соседству пластовъ сидемійскихъ, богатыхъ, обширныхъ и глубокихъ, которыхъ хватить на много и много лѣтъ для самыхъ широкихъ потребностей.

Первыя залежи каменнаго угля были найдены еще въ началѣ весны 1860 года, и такъ какъ сортъ его, по испытаніи на паровыхъ судахъ, оказался довольно сноснымъ, то немедленно же началась и его эксплуатация средствами казны. Разрабатывать стали тамъ, гдѣ случайно наткнулись на залежь съ самаго начала,—иначе, разумеется, долина Сидеми не могла остаться незамѣченной и непредпочтенною Посетѣ,—а наткнулись тогда на пласть въ Новгородской бухтѣ, на полуостровѣ Тироль, незначительная величина котораго уже съ перваго взгляда не представляла никакихъ ручательствъ, чтобы продуктъ былъ изобиліемъ именно въ этомъ мѣстѣ. Дальнѣйшихъ сколько-нибудь основательныхъ развѣдокъ, хотя бы и въ ближайшихъ окрестностяхъ Посета, у насъ тогда не дѣлалось, да и единственный буръ, сломавшійся при самомъ началѣ неуспѣшной разработки, еще шесть лѣтъ спустя мирно покоился себѣ во Владивостокскомъ портѣ въ тщетномъ ожиданіи исправленія, а можетъ и до сихъ поръ покоится... Вся эта разработка носила тогда характеръ чистой случайности. Началось съ того, что отправили въ Посетѣ лейтенанта Назимова, бывшаго тогда агентомъ нашей миссіи въ Хакодате. Дали ему двадцать человекъ матросовъ, фельдшера и артиллерійскаго унтеръ-офицера—последняго для стрельбы изъ орудія, которымъ тоже снабдили эту маленькую партію на случай нападенія на нее китайцевъ; дали кромѣ того сто мекси-

канскихъ долларовъ на пріобрѣтеніе въ Хакодате инструментовъ для разработки, дали и срокъ для этого—ровно двадцать четыре часа, и затѣмъ, снабдивъ партію провизіей на одинъ мѣсяцъ, приказали ей найти мѣсторожденія угля и начать его разработку, предваривъ, что эскадра, плавающая въ водахъ Японіи, будетъ разсчитывать на этотъ уголь. Лейтенантъ Назимовъ очутился въ довольно затруднительномъ положеніи: горнымъ дѣломъ онъ никогда не занимался и впервые познакомился съ нимъ изъ одной англійской книжки, случайно пріобрѣтенной имъ въ Хакодате, именно по причинѣ своего новаго и неожиданнаго назначенія. Темъ не менѣе, приступили къ работѣ, вывели четыре траншеи параллельныя и одну соединительную. Вода стала просачиваться очень скоро, но наши матросы все-таки копали, безъ помпъ и безо всякихъ иныхъ приспособленій, вычерпывая воду своими лопатками и мѣшками, а пароходъ «Америка», привезшій на себѣ начальство—посмотрѣть, какъ идутъ дѣла на Тиролѣ—пришелъ не черезъ мѣсяцъ, какъ было предположено въ началѣ, а едва лишь черезъ три мѣсяца, такъ что людямъ пришлось и поголодать не мало, сидя все это время на прогрессивно-уменьшаемой порціи. Къ приходу «Америки» было уже накопано до четырехсотъ тоннъ угля смѣшаннаго качества. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1860 года въ Новгородской бухтѣ, какъ уже сказано, была высажена линейная рота, съ поручикомъ Черкасскимъ, привезенная изъ Николаевска, на смѣну лейтенанту Назимову. При передачѣ послѣднимъ каменноугольныхъ траншей и инструмента, Черкасскій совѣтъ было отказался отъ принятія на себя дальнѣйшей разработки копей, справедливо замѣчая, что онъ съ ротой присланъ сюда не для копанія угля, а для держанія пограничнаго кордона и что съ наличными силами его части будетъ довольно мудрено совмѣстять и ту и другую обязанность. Но тутъ, спустя нѣкоторое время, вдругъ явились и силы и средства, и работа по волѣ высшаго начальства закипѣла.

Уже самое образованіе берега полуострова Тироль около мѣста ломки и расположеніе пластовъ, уходящихъ подъ морское дно, съ перваго раза давали понять, что промыселъ въ этомъ пунктѣ не можетъ быть удаченъ. Темъ не менѣе, вмѣсто дальнѣйшихъ изысканій, у насъ сгоряча были сдѣланы тогда довольно значительныя, по мѣстнымъ средствамъ, затраты именно въ пользу Тироля: командировать на мѣсто горный инженеръ, доставлена военно-рабочая сила, устроены складъ ея продовольствія, приважены еще и маньчжурскія солдаты при работѣ, выписаны и поставлены со всеми приводами паровой котель, паровая помпа и проч.; казенныя шхуны стали

¹⁾ До 1879 года платили еще дороже, да и теперь во Владивостокѣ тонна привознаго японскаго угля стоитъ 10¼, долларовъ (21 рубль).

съ противоположнаго конца Амурскаго залива возить для паровиковъ древесное топливо, такъ какъ лѣсозвѣ въ окрестностяхъ Посыета не обрѣтается; высшее начальство, живо заинтересованное этимъ дѣломъ, торонило, подбодряло... Приступили къ работамъ—шахты стало заливать водой, обстоятельство, конечно, весьма осложняющее производство промысла, однакоже вовсе не изъ такихъ; съ которыми нельзя бы было бороться техническими приспособлениями, тѣмъ болѣе, когда на это дѣло уже затрачены средства. Но... какъ скоро оно загорѣлось, такъ же скоро и угасло. Паровой котель и помпу увезли во Владивостокъ, для казенной мукомольной мельницы, которая тоже просуществовала недолго, а затѣмъ каменноугольное дѣло въ Посыетѣ тянулось еще кое-какъ лѣтъ пять и наконецъ совсѣмъ было брошено. А о сидѣмскихъ залежахъ и не догадывались.

Въ первые годы, вслѣдъ за основаніемъ Новгородскаго поста, Посыету отчасти повезло было и въ торговомъ отношеніи. Такъ, въ навигацию 1865 года въ его гавани было въ приходѣ 15 иностранныхъ коммерческихъ судовъ, причѣмъ общая цифра заграничнаго привоза и мѣстнаго вывоза дошла почти до 90.000 рублей; равно и въ слѣдующемъ году въ приходѣ было 16 иностранныхъ судовъ; но съ развитіемъ Владивостока, вся торговая дѣятельность отошла къ сему послѣднему, какъ къ естественному центру экономическаго тяготѣнія для всего Южно-Уссурийскаго края. Впрочемъ, и въ настоящее время чрезъ Посыетъ, то-есть собственно чрезъ деревню Ханчинъ или Ханцы, лежащую въ юго-западномъ углу бухты Экспедиція, вывозится китайцами весьма значительное количество сушеной и вяленой рыбы, которая сбывается преимущественно въ сосѣдній китайскій городъ Хунчунъ, гужевою доставкой. При существованіи Владивостока, Посыетъ, конечно, никогда не можетъ играть первоклассной роли, какъ портъ, ни въ военномъ, ни въ коммерческомъ отношеніи; но если со-временемъ, дастъ Богъ, у насъ завяжутся непосредственныя сношенія съ Кореей, то Посыету несомнѣнно предстоитъ весьма видная торговая роль въ этомъ направленіи. Тогда, можно ожидать, оживятся и его сношенія съ Хунчуномъ. Но пока этого нѣтъ, онъ обреченъ на самое незавидное существованіе. Нѣкоторое оживленіе почувствовалось въ немъ еще въ 1867 году, съ увеличеніемъ въ краѣ сухопутно-военныхъ силъ, когда былъ передвинутъ сюда изъ Хабаровки весь 1-й Восточно-Сибирскій линейный батальонъ, который расположился близъ китайской границы въ урочищѣ Новокіевскомъ, въ 18-ти верстахъ отъ Новгородскаго поста, въ которомъ въ то же время была учреждена особая поставная команда изъ роты 4-го батальона. Впрочемъ это оживленіе выразилось въ нѣкоторомъ притоки

сюда товаровъ изъ Владивостока, но уже не самостоятельнымъ приходомъ судовъ въ прежнемъ количествѣ изъ-за границы.

Миновавъ скалу Чурхадъ, мы замѣтили, въ глубинѣ бухточки полуострова Тироль или Новгородскаго, два-три бѣлые глинобитные домика и сѣрый провіантскій магазинъ, сплошь обшитый снаружи вулканизированными желѣзными листами. Противъ него, на самомъ берегу были выстроены для почетнаго караула рота мѣстной команды и батарея горной артиллеріи, встрѣтившая салютомъ флагъ главнаго начальника русскихъ морскихъ силъ Тихаго Океана, разбѣжавшійся на нашемъ крейсере. Мы отвѣчали ей по уставу семью выстрѣлами.

Ровно въ полдень «Европа» бросила якорь въ разстояніи около версты отъ берега и спустила шлюпки. Ближе къ берегу стояло иностранное судно, зафрахтованное нашимъ правительствомъ въ Посыетъ для доставки продовольственнаго груза, которымъ здѣшній войска все еще снабжаются чуть не кругосвѣтнымъ путемъ изъ Кронштадта. Команда солдатиковъ въ рабочихъ рубашкахъ принимала съ борта этого судна тяжеловѣсные бочки и ящики на мелкосидящихъ манзовскихъ «шампанки» и доставляла ихъ къ пристани, юля веслами совершенно по-китайски, съ тою же сноровкой и стоя. На берегу, рядомъ съ магазиномъ уже была свалена масса выгруженныхъ бочекъ и ящиковъ, около которыхъ суетился кто-то въ ивтендантско-гражданской формѣ.

Пристань, къ которой подошли наши шлюпки, была совсѣмъ еще новенькая, съ животрепещущими перилами и двумя фонарями. Строили ее очевидно ради приѣзда начальства, но еще не успѣли окончить. Поодаль, въ сторонѣ отъ фронта горной батареи, ожидали нѣсколько троечныхъ долуговъ съ солдатами-кучерами, нарядившимися ради парада въ красныя кумачевыя рубашки, вслѣдствіе чего одинъ изъ гражданскихъ нашихъ спутниковъ издалъ призывъ—было ихъ по близорукости за лейбгусаровъ въ красныхъ долмавахъ и очень удивился, откуда это вдругъ появился въ Посыетѣ лейбгусары? А другой въ шутку принялся угадывать, что это вовсе не лейбгусары, а господа англичане въ извѣстныхъ своихъ красныхъ мундирахъ, присланные къ намъ въ качествѣ депутаціи по случаю будущей войны съ Китаемъ. Словомъ, красивый кумачъ произвелъ нѣкоторую «сенсацию», главнѣйшимъ образомъ потому, что являлъ собою пріятный въ художественномъ смыслѣ яркія пятнышки на общемъ изжелтобуроватомъ тонѣ окружающей насъ материковой мѣстности.

Предъ фронтомъ мѣстной команды и горной батареи С. С. Лесовскій сказалъ нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ, намекнувъ между прочимъ на возможность въ близкомъ будущемъ войны съ сосѣдями, когда конечно

сибирскіе солдаты покажутъ себя достойными братьями балканскихъ героевъ. Въ отвѣтъ, разумѣется, ретивое «ради стараться!» и не заурядно-смотровое, а полное внутренняго убѣжденія и сердечной охоты постараться, лишь бы и на его, сибирскаго солдата, долю выпалъ наконецъ жребій показать себя въ бою съ противникомъ. Люди команды и батареи въ своихъ мѣховыхъ папахъ и новенькихъ мундирахъ смотрѣли бодро, молодцовато, и выправка у нихъ весьма порядочная. А всего пріятнѣе было видѣть въ рукахъ пѣхотинцевъ не ударныя ружья, а новенькія, недавно привезенныя сюда берданки.

Пройдя вдоль по фронту нашъ почтенный адмиралъ со всѣми сопровождавшими его лицами поднялся на небольшой пригорокъ, куда вслѣдъ за нами передвинулась и батарея. Она только вчера получила присланныя изъ Кронштадта превосходныя, дальнѣйшія стальные орудія системы Барановскаго, изъ которыхъ впрочемъ, за недостаткомъ времени, успѣли исполнѣ собрать только двѣ пушки; остальные шесть были старыя скорострѣльныя трехфунтовыя.

Понятно, что насъ интересовало все на этомъ крайнемъ изъ крайнихъ и отдаленнѣйшихъ рубежей Россіи. Поэтому и съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ, вглядываясь и въ общій видъ, и въ отдѣльныя частности и подробности окружавшей насъ обстановки. На пригоркѣ, гдѣ мы находились въ ту минуту, стоятъ два полуразрушенныя дома—одинъ кирпичный, другой сырцовый—бывшее помѣщеніе роты линейнаго батальона. Предполагается возобновить и передѣлать ихъ въ казармы для мѣстной команды, которая расположена пока въ баракахъ, устроенныхъ въ родѣ шалашей кое-какъ на скорую руку изъ старыхъ досокъ, хворосту, глины, камней и всякаго иного матеріала, какой лишь нашелся подъ рукой. Хотя ради пріѣзда начальства эти шалаши и были украшены флагами, и площадка на линейкѣ предъ ними расчищена по лагерному, но сами по себѣ они крайне неудобны: и продуваетъ, и протекаетъ отовсюду, и небеса видны въ щели и дыры, сквозь которыя только и проникаетъ свѣтъ, когда дверь закрыта. Лѣтомъ оно ничего и даже пріятно, когда нѣтъ дождя, но каково-то провести въ такихъ помѣщеніяхъ цѣлую зиму!.. Напротивъ баракѣвъ, въ небольшой молодой рошицѣ, стоятъ гауптвахта—самый красивый и уютный уголокъ въ Новгородскомъ посту. Хата, занятая телеграфною станціей, хата смотрителя провѣнтскаго магазина, да около десятка маленькихъ, кривыхъ и убогихъ мазанокъ, брошенныхъ словно бы на пустырь, безъ плетней и заборовъ, безъ садиновъ и огородовъ, безъ сараевъ, амбарчиковъ и хлѣбушекъ,—вотъ и все, что носитъ официальное названіе Новгородскаго урочища. Въ

этихъ глинобитныхъ мазанкахъ ютятся кое-какъ жены и дѣти семейныхъ солдатъ, повывавшія теперь группами на «улицу» пострѣть на пріѣздъ начальственныхъ лицъ, составляющій для нихъ цѣлое событіе и притомъ событіе рѣдкое, въ своемъ родѣ единственное. Видно было, что и онѣ привирались ради такого праздника: у той на головѣ платокъ съ пестрыми разводами, у другой красный передникъ, на третей ситцевое, нѣмецкаго покроя, платье надѣто. Но бѣдность, бѣдность непокрытая все же такъ и тычется въ глаза отовсюду. Около мазанокъ полное отсутствіе домовитости: ни хозяйственныхъ какаль-либо предметовъ и приспособленій, ни телянка, ни пороситъ, ни лошадики—все голо, хоть шаромъ покати, и не будь здѣсь этихъ ребятешекъ и жещицъ, да не копайся въ сору пять-шесть курицъ, можно было бы подумать, что всѣ эти кривыя, облупленныя мазанки уже давнымъ давно покинуты своими обитателями. Куда ни оглянись, на всемъ лежитъ отпечатокъ чего-то временнаго, преходящаго, кочеваго, словно бы всѣ эти люди только на сихъ дняхъ едва пришли на мѣсто и сами не зная, останутся ли тутъ, пойдутъ ли дальше, не успѣли еще разобраться и упорядочиться какъ слѣдуетъ. Отсутствіе прочной осѣдлости и благосостоятельности таково, что на первый взглядъ невольно задаешь себѣ вопросъ: да полно, точно ли мы, русскіе, осѣлись на этомъ мѣстѣ уже съ 1860 года? Шутка ли сказать—*двадцать лѣтъ*, и что же за все время нами тутъ сдѣлано? въ чемъ наглядно выразились преимущества нашей «цивилизациі» надъ маками? Ни одного сколько-нибудь порядочнаго домишка, ни одной лавчонки, ни одного огорошка!..

При командѣ, въ такомъ же неприглядномъ баракѣ, живетъ и офицеръ (подпоручикъ), семья котораго помѣщается за 18 верстъ, въ урочищѣ Новокіевскомъ (впрочемъ, версты здѣсь не мѣрены), но видаться съ семьей доводится ему рѣдко, такъ какъ попасть изъ Новгородскаго въ Новокіевское можно только пѣшкомъ, если не дожидаться какой-нибудь особой «оказіи», когда кто-либо пріѣдетъ отсюда за дѣломъ. Въ этомъ случаѣ иной добрый человѣкъ и подвезетъ пожалуй. Вообще, жизнь неприглядная, исполненная всяческихъ лишеній, и судьба такихъ постовыхъ офицеровъ, для которыхъ и въ чинахъ-то нѣтъ впереди просвѣта, заслуживаетъ по всей справедливости гораздо большаго участія.

Желая показать адмиралу небольшой артиллерійскій маневръ, генералъ Тихменевъ приказалъ батарейному командиру, капитану Касторскому, занять гребень ближайшей довольно высокой и крутой горы и открыть съ нея огонь по бухтѣ Экспедиціи. Въ три-четыре минуты артиллеристы разобрали по частямъ и

уложили на походные вышки свои орудия и, вытянувшись въ дивизионную колонну, двинулись въ указанномъ направленіи. Мы тѣмъ часомъ, разиѣхавъ на троичныхъ долгушахъ, цѣлымъ побѣдомъ, съ колокольчиками и бубенцами, тронулись въ урочище Новокіевское и любовались на пути—какъ лихо исполняла артиллерія свою задачу. Лошадки у нея маленькія, коренастыя, манчжурской породы, и какъ ни почемъ преодолеваютъ горныя крутизны. Безо всякой тропинки, сквозь высокій бурьянъ и кустарникъ, покрывающій каменные склоны, взобралась батарея на вершину горы, и въ то время какъ мы проѣзжали мимо ея подошвы, берегомъ залива Экспедиціи, орудія уже открыли надъ нашими головами учащенный, но мѣрный огонь. Сдѣлавъ двѣнадцать выстрѣловъ, командиръ закончилъ общимъ весьма отчетливымъ залпомъ. На всю операцію подъема въ гору, занятія позиціи, снятія выколку, сборку и установку орудій, заряджаніе и открытіе огня потребовалось для этой лихой батареи не болѣе пяти минутъ, такъ что человѣку, не лишенному военного чувства въ душѣ, было чѣмъ любоваться и что хвалить.

Видъ на обширную бухту Экспедиціи, съ окружающими противоположный ея берегъ горами былъ прелестенъ, и мой поспѣшный спутникъ М. А. Поджіо, любуясь имъ, замѣтилъ, что онъ живо напоминаетъ ему Тунеское озеро и вообще колоритъ Швейцаріи. Дѣйствительно, можно было залюбоваться на мягкія воздушныя перспективы этихъ лиловатыхъ горъ и на дивно голубую поверхность гладкой какъ зеркало воды, которая словно бы мѣла подъ лучами солнца, горячо сіявшаго среди безоблачнаго глубокого-синяго неба.

Грунтовая дорога, сверхъ ожиданія, на сей разъ оказалась довольно сносною; ни грязи не просохла, ни пыли на ней не было, ни пыли на ней не обдавало, ни души вонъ изъ тѣла не вытряхивало, и шла она почти все время вдоль берега бухты Экспедиціи, мимо обширныхъ луговыхъ пространствъ, гдѣ команды мѣстныхъ войскъ косятъ себѣ сочное сѣно, запасовъ котораго хватало бы надолго для значительныхъ силъ кавалеріи. Въ этихъ лугахъ водятся множество фазановъ, и мы видѣли шагахъ въ двадцати отъ дороги одну самку, которая глядѣла на нашъ звенящій побѣдъ лишь съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но безо всякаго страха.

Впрочемъ, кромѣ фазановъ тутъ водятся и тигры—причина, препятствующая развитію овцеводства въ обширныхъ разнѣрахъ, для чего данная мѣстность представляеть соединеніе самыхъ счастливыхъ условій. Подполковникъ Лебеніусъ, командиръ 1-го Восточно-Сибирскаго батальона, сказывалъ намъ, что недѣли двѣ назадъ одинъ тигръ весьма солидныхъ, чтобы не сказать громадныхъ, размѣровъ раннимъ утромъ изволилъ пожаловать въ Ново-

кіевское урочище и преспокойно расположился шагахъ въ пятидесяти отъ часового, стоявшаго при батальонномъ ящикѣ. И часовой, и звѣрь неподвижно и безмолвно созерцали другъ друга на дистанціи, которая для тигра выражается двумя-тремя прыжками. Первый не стрѣлялъ, боясь потревожить еще спавшій лагерь, а второй не заблагоразсудилъ полакомиться нашимъ солдатомъ, потому что въ здѣшнихъ мѣстахъ тигръ вообще рѣдко нападаетъ на человѣка, разивъ ужъ въ минуту несомнѣнной для себя опасности, или отъ продолжительнаго нестерпимаго голода. На этотъ же разъ, надо полагать, онъ явился уже успѣвъ до разсвѣта подкрѣпиться какою-нибудь «Тлизоркой» или «Аранкой», такъ какъ до собачины въ особенноти лакомъ. Часовой стоялъ не двигаясь съ мѣста, и тигръ лежалъ спокойно, положивъ морду на вытянутыя лапы, порою облизывая себѣ шерсть, почесывается, хвостомъ слегка помахиваетъ и смотритъ почти глазъ не сводя на солдата. Съ доброй часъ продолжалось это обоюдное созерцаніе, пока не завидѣлъ звѣрь подходящую къ часовому смѣну. Тогда онъ всталъ и преспокойно удалился.

Понападаютъ иногда въ этихъ мѣстахъ и барсы, но значительно рѣже, чѣмъ тигръ. По словамъ жителей, они, несмотря на небольшой ростъ, несравненно опаснѣе и люте послѣдняго, потому что кидаются на добычу не только изъ высокой травы или изъ-за груды камней, но и съ высоты древесныхъ вѣтвей надъ тропинками, даже предпочитая этотъ послѣдній родъ нападенія всякому другому и не дѣлая различія между какимъ бы то ни было домашнимъ или дикимъ животнымъ (кромѣ тигра) и человекомъ. Тигръ, напротивъ, всегда предпочитаетъ напасть на небольшое животное и прежде всего на собаку. Говорятъ, что если случится вмѣстѣ съ собакой свинья, овца или теленокъ, то первую жертвой хищника все-таки становится собака; нападенія же на такихъ крупныхъ животныхъ какъ буйволъ или лошадь и даже на корову случаются у него уже гораздо рѣже, и это полагаютъ потому, что тигръ, несмотря на свою величину и силу, кажется болѣе трусоватымъ и менѣе коварнымъ чѣмъ барсъ, а можетъ-статься и менѣе жаднымъ. Въ Посѣтѣ, между прочимъ, рассказываютъ замѣчательный случай про «храбрую корову», происшедшій тамъ еще въ 60-хъ годахъ. Однажды тигръ, перескочивъ черезъ плетень, забрался во дворъ постовой команды, гдѣ стояла подъ навѣсомъ недавно отелавшаяся корова, и разумѣется первымъ дѣломъ кинулся было на телянка; но корова въ тотъ же моментъ отважно встрѣчаетъ хищника ловкимъ и сильнымъ ударомъ рога, которымъ сразу глубоко пропарываетъ ему бокъ, и съ неистовымъ мычаніемъ и ревомъ начинаетъ гонять опѣшеннаго, растерявшагося звѣря по двору,

неотступно преслѣдуя его наклоненными рогами. Солдаты, видя столь необычайную сцену, схватились за ружья, но прежде чѣмъ успѣли пустить въ злодѣя два-три заряда, тигръ, какъ говорится, «задалъ дерка» обратно черезъ заборъ отъ храброй коровы. Нѣсколько мѣткихъ пуль посланныхъ ему въ тылъ, все-таки были тщетны, и спустя нѣсколько часовъ звѣрь, издыхавшій отъ ранъ, отысканъ по кровавому слѣду. Этотъ замѣчательный примѣръ материнскаго самоотверженія и героизма въ безсловесномъ животномъ не только до сихъ поръ живетъ въ устныхъ разсказахъ посѣтскихъ жителей, но въ свое время былъ опубликованъ газетой «Восточное Поморье» и подтвержденъ Н. М. Пржевальскимъ въ его «Очеркахъ Уссурийскаго края».

Подполковникъ Лебеніусъ предполагаетъ устраивать зимой охоты на тигровъ и барсовъ, что, между прочимъ, не лишено своего значенія не только въ экономическомъ смыслѣ, какъ средство къ освобожденію населенной страны отъ ея лютыхъ враговъ, но и въ отношеніи военномъ, какъ способъ приучить людей къ зоркому движенію облавною цѣпью, какъ бы противъ непріятеля, и выработать въ нихъ, посредствомъ соприкосновенія съ дѣйствительною опасностію, извѣстнаго рода хладнокровіе, находчивость, ловкость и мѣткость стрѣльбы. Охота на серьезнаго звѣря—вообще дѣло далеко не лишнее въ выработкѣ бравата солдата: она какъ бы подготавливаетъ его къ бою, развивая въ немъ духъ мужества и увѣренности въ своихъ силахъ и средствахъ, и лучше чѣмъ нишенъ приучаетъ глазъ къ мѣткости, а руку къ твердости при прицѣлѣхъ.

Пока мы разсуждали о фазанахъ и тиграхъ да любовались прелестнымъ видомъ бухты Экспедиціи, нашъ поѣздъ приближался къ устью рѣчки Тизенхѣ, которую мѣстные русаки переплывали въ Тизенку. Здѣсь намъ предстояла переправа на противный берегъ чрезъ небольшой дяманъ сажень въ двѣсти шириной, образуемый сліяніемъ рѣчекъ Тизенхѣ и Лучихѣ, перекрещенной русскими въ Лучизму. На этой переправѣ постоянно живутъ нѣсколько человѣкъ изъ состава командъ Новгородскаго поста, специально командированныхъ сюда, чтобы исполнять обязанности перевозчиковъ, такъ какъ эта дорога служить почтовою.

Къ нашимъ услугамъ былъ предоставленъ маленькій, видимо разрушающійся паромъ и небольшая разсохшаяся лодка, за прочность которой никто не рисковалъ бы поручиться. Пристань, кое-какъ сколоченная когда-то изъ довольно жидкихъ бревенъ и досокъ, тоже пришла въ окончательную ветхость, такъ что когда кто-то изъ перевозчиковъ вздумалъ было пазъ усердія подтянуть къ ней поближе свою лодку, да ухватился при этомъ вмѣсто багра просто рукой за торчавшее изъ

воды бревно, то оно отъ гнилости сразу подомилось подъ его пальцами, и бѣдняга куврыкомъ бултыхнулся головой въ воду. Къ счастью тутъ было неглубоко и все дѣло ограничилось для него лишь неожиданнымъ купаньемъ. Лошади наши съ экипажами взяли вправо, версты на полторы выше по лиману, и тамъ благополучно переправились въ бродъ. Впрочемъ, за исключеніемъ разсказаннаго купанья, у насъ на перевозѣ обошлось безъ дальнѣйшихъ сюрпризовъ и приключеній. Мы воспользовались всѣми наличными способами переправы и перебрались на ту сторону въ два приема. Тамъ, на самомъ берегу стояла маленькая, словно стрѣха какая, закоптѣлая избенка, на половину безъ кровли, снесенной когда-то бурей, съ крошечнымъ оконцемъ въ одно стекло, годная развѣ къ тому, чтобы служить сторожкой для волчьей охоты на падалъ. И двумъ-то человѣкамъ было бы въ ней тѣсовато, а оказалось, что тутъ живетъ большую часть года вся команда перевозчиковъ, съ весны, какъ только тронется ледъ и до декабря, пока не замерзнутъ рѣчки и бухта. Я заглянулъ во внутрь избенки,—темно и копотно.

— Не болѣете вы тутъ?—спросилъ у перевозчика одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—бойко отвѣтилъ солдатикъ, —потому какъ мы больше все на вольномъ воздухѣ пребываемъ. Ничего-съ.

— Которыхъ въ перевозчики назначаютъ,—замѣтилъ земско-полицейскій чиновникъ,—такъ тѣмъ даже лестно: жить имъ тутъ вольготнѣе чѣмъ въ командѣ.

— Это точно-съ,—согласился перевозчикъ.

А все-таки не мѣшало бы поставить избенку попросторнѣе.

Между тѣмъ наши лошади, мокрая отъ путешествія черезъ глубокій бродъ, прибыли къ мѣсту переправы, и мы тронулись далѣе. Повернули влѣво къ Явичихѣ—такъ прозвали русскіе китайскую рѣчку Явичхѣ, и все вдоль берега Экспедиціи. Дорога пошла полого-холмистою мѣстностью и вскорѣ вправо отъ насъ открылась высокая коническая гора, на вершинѣ которой развѣвался русскій государственный флагъ. Былъ второй часъ дня въ началѣ, что замѣчалось и по солнцу: стало оно припекать весьма чувствительно; сдѣлалось жарко какъ въ Петербургѣ, дай Богъ, въ іюлѣ. Кони вспотѣли, взбираясь на пологій перевалъ, съ котораго вдругъ открылся широкій видъ на равнину, гдѣ лежитъ урочище Новокіевское, забывшее предъ нами верстахъ въ двухъ впереди группами главнѣйшихъ мазанокъ и деревяннхъ домиковъ, разметавшихся довольно широко и безпорядочно. Между этими группами виднѣлась маленькая деревянная церковка. Общій видъ былъ бы недуренъ, еслибы придать ему больше зелени. Къ сожалѣнію, деревьевъ недостаетъ въ селеніи, садиновъ почти

нѣтъ, а между тѣмъ и климатъ и почва вполне способствовали бы развитію садоводства. Но очевидно объ этомъ никто не заботится, какъ будто и здѣсь жители считаютъ себя лишь временными пришельцами, хотя это «урочище» въ настоящее время уже представляетъ собою довольно значительное село, имѣющее, не считая войскъ, до пятисотъ душъ смѣшаннаго населенія.

Ближе къ намъ, почти на полпути между переваломъ и селеніемъ находится мѣсто, избранное подъ казармы 1-го стрѣлковаго батальона, который уже строится частью изъ обожженнаго, частью изъ сырцоваго кирпича и представляетъ собою рядъ баракъ обыкновенно казеннаго типа, разукрасившихся ради пріѣзда начальствующихъ лицъ разноцвѣтными флагами. Самый батальонъ помѣщается пока во временныхъ баракахъ, построенныхъ изъ хвороста и сырцоваго землястаго кирпича. Эти убогія, темныя и холодныя помѣщенія ничуть не лучше тѣхъ, что мы видѣли уже въ Новгородскомъ посту у мѣстной команды, и нѣтъ ничего удивительнаго, если между солдатами въ Новокіевскомъ появился наконецъ тифъ, о чемъ и заявилъ мѣстный врачъ г. Прохоровъ, жаловавшійся на полное отсутствіе дезинфекціонныхъ средствъ. С. С. Лесовскій и М. П. Тихменевъ, узнавъ объ этомъ, приняли самое живое участіе въ дѣлѣ прекращенія заразы, причѣмъ нашъ адмиралъ приказалъ отпустить изъ запасовъ эскадры и дезинфекціонныя и медицинскія средства.

Батальонъ безъ оружія выстроенъ былъ на линейкѣ по-ротно въ развернутомъ фронтѣ, который впрочемъ въ сложности едва ли превышалъ триста человѣкъ, такъ какъ большая половина людей находилась на работахъ. Между утѣрь офицерами нѣсколько остававшихся на себѣ вниманіе нѣсколько бравыхъ гвардейцевъ Московскаго и Павловскаго полковъ, присланныхъ сюда инструкторами. Они были одѣты въ форму стрѣлковаго же батальона, но отличались отъ остальныхъ гвардейскими петлицами на воротникѣ и обшлагахъ и тесьмой на погонахъ, которая свидѣтельствовала объ успѣшно пройденномъ ими курсѣ учебнаго батальона. Собравъ людей въ каре, лицомъ во внутрь, адмиралъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью по поводу ожидаемыхъ военныхъ событій, послѣ чего, распростясь съ ними, отправился далѣе, въ расположеніе горной батареи.

Въѣзжаемъ въ селеніе. Доминки разбросаны кое-какъ, не составляя правильныхъ улицъ, и вокругъ нихъ столь же мало замѣтно признаковъ прочно осѣдой домовитости и благосостоянія какъ и въ урочищѣ Новгородскомъ. Встрѣтилось по дорогѣ не мало солдатскихъ женъ и ребятишекъ. Одинъ изъ нихъ шелъ съ горшечками, кувшинами и мисками «за порціей» на батальонную кухню, расположенную

по-лагерному на открытомъ воздухѣ, другія уже сидѣли съ дѣтьми близъ ротныхъ котловъ въ отдѣльныхъ кружкахъ и обѣдали. Это почти исключительно семейства солдатъ-сибиряковъ, перечисленныхъ изъ линейнаго батальона въ составъ вновь учрежденнаго стрѣлковаго.

Вдемъ далѣе, и вдругъ обдало насъ характернымъ манзовскимъ запахомъ, представляющимъ препротивную смѣсь мускуса, чеснока и масла: кокосоваго, кастороваго и кунжутнаго. Манзы, разумѣется, завелись и здѣсь, да и не со вчерашняго дня, а давно уже, и, какъ водится, захватили въ свои руки всю мѣстную торговлю. Они же содержатъ кабаки, почти всегда служащіе игорными домами и опійными курильнями, и нельзя сказать, чтобы подобнаго рода заведенія прятались отъ дневнаго свѣта, напротивъ, манзы воѣ свои безобразія совершаютъ вполне гласно, открыто, и бѣда только въ томъ, что эти притоны служатъ великимъ соблазномъ для солдатъ и русскихъ поселенцевъ, изъ которыхъ многіе, какъ слышно, уже начинаютъ, благодаря манзамъ, пристращаться вмѣсто водки къ опиуму.

Вотъ на одномъ изъ домишекъ вывѣска, гласящая, что здѣсь помѣщается «магазинъ колоніальныхъ и прочихъ товаровъ купца Кауфмана».

— Нѣмецъ, вѣрно?—спрашиваю у одного изъ нашихъ спутниковъ, давно уже знакомаго съ мѣстною жизнью и отношеніями.

— Нѣтъ,—говоритъ,—изъ «нашихъ», еврейчикъ.

— Что же? Дѣлаетъ бойкіе геншефты?

— Гдѣ жъ! Такъ только, еле-еле перебивается.

— Почему же?—удивился я!—Вѣдь теперь здѣсь столько служащихъ, офицеры, ихъ семейства,—все же это имѣетъ свои потребности.

— Разумѣется, имѣетъ. Но тутъ вся причина манзы. Гдѣ завелись манзы, тамъ они еврею дохнуть не дадутъ. Еврей съ ними конкуррировать не можетъ. Да, чай, слыхали въ Владивостокѣ,—прибавилъ мой собесѣдникъ.— Тамъ, на первой рѣчкѣ есть подгородная слободка, населенная преимущественно отбывшими свои сроки ссыльными евреями. И что же? Вѣдь бѣдствуютъ. Только всего ихъ и занятія, что очистка города отъ нечистотъ, а на рынокъ торговать ни-ни! Тамъ царство манзовъ. Можете по одному этому судить, каково здѣсь геншефтятъ еврею, если ужъ вынужденъ былъ взяться за такое «трефное» дѣло.

Въѣзжаемъ въ расположеніе артиллеріи, которая стоитъ отдѣльно, въ разстояніи около полуверсты за селеніемъ. Мѣсто, ею занимаемое, собственно и носитъ названіе «урочище». Здѣсь построены два новенькіе барака, съ рѣзными изъ дерева двуглавыми орлами на трехугольныхъ фронтонахъ. По бокамъ каждого крыльца поставлено, въ видѣ украшенія, по

два старыхъ горныхъ единорога. Сарай и конюшни еще строятся, поэтому батарейнымъ лошади стоятъ пока по-бивуачному, въ коновязяхъ. Противъ новенькихъ барачковъ помѣщается небольшой деревянный домикъ батарейнаго командира, предъ крыльцомъ котораго была выстроена для почетнаго караула первая рота стрѣлковаго батальона. Принявъ ординарцевъ и пропустивъ роту по отдѣленіямъ, адмиралъ поблагодарилъ людей и отпустилъ караулъ домой, послѣ чего посѣтилъ батарейнаго командира, въ домѣ котораго для него было приготовлено помѣщеніе. Визитъ этотъ не былъ продолжителенъ, такъ какъ адмиралу хотѣлось проѣхать въ деревню Янчиху (Янчхэ), чтобы взглянуть на житье-бытье нашихъ корейцевъ и успѣть вернуться къ обѣду.

Первые переселенцы изъ Кореи явились къ намъ въ 1863 году. Это были тринадцать семей, тайно бѣжавшихъ изъ своего отечества, вследствие нужды и голода, причинами коихъ были незаконныя вымогательства деспотическихъ чиновниковъ. На средства казны ихъ поселили около Посыета, на рѣкѣ Тизенхэ, гдѣ они и основали деревню того же имени. Съ тѣхъ поръ притокъ корейскихъ эмигрантовъ продолжался постоянно до 1869 года включительно. Они селились преимущественно въ Суифунскомъ округѣ, по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Амурскій заливъ, именами коихъ названы и ихъ селенія: Янчихэ или Янчиха, Сидеми, Адими и др. Три года спустя послѣ водворенія первыхъ корейскихъ выходцевъ ихъ было водворено уже 140 семей, въ количествѣ 343 душъ, между коими число женщинъ превышало число мужчинъ, а изъ общаго числа душъ четыре пятыхъ приходилось на долю Тизенковъ (Тизенхэ) и только одна пятая на все остальные рѣки. На водворение этихъ эмигрантовъ со стороны нашего правительства было затрачено 718 рублей серебряною монетою, которые вскорѣ были пополнены корейцами изъ своихъ хозяйственныхъ избытковъ.

Сколько обилѣнъ былъ притокъ эмигрантовъ уже послѣ перваго трехлѣтія, показываетъ, между прочимъ, позднѣйшая цифра корейскаго населенія, хотя въ ея числѣ Тизенковъ, гдѣ въ 1879 году числилось 1.243 души. Сначала переселялись одни бѣдняки, обыкновенно въ ту пору года, когда замерзнуть рѣки и болота, и такъ какъ переходы черезъ границу совершались тайкомъ отъ корейскихъ чиновниковъ и карауловъ (преимущественно въ ночное время), то большая часть бѣглецовъ являлась къ намъ только съ тѣмъ имуществомъ, что на нихъ было надѣто. Приходилось заботиться не только объ ихъ размѣщеніи и прокормѣ на первое время, но и о дальнѣйшемъ обезвреженіи. Въ этомъ случаѣ, на помощь правительству пришла частная благотворительность русскихъ людей, служащихъ въ краѣ, а также со

стороны земляковъ, ранѣе здѣсь поселившихся, и корейцы своимъ трудолюбіемъ доказали, что все эти заботы о нихъ и пособія были не напрасны.

Съ 1865 года стали появляться у насъ и зажиточные эмигранты, между коими нашлся даже одинъ помѣщикъ, явившійся съ семнадцатью крѣпостными людьми, которые разумеется были освобождены нашимъ правительствомъ съ обязательствомъ съ ихъ стороны отработать своему «барину» ту сумму, за какую они были куплены.

Осенью 1869 года, вслѣдствіе большого наводненія, опустошительнаго сѣверныхъ провинцій Кореи, гонимые страшнымъ голодомъ корейцы разомъ перешли къ намъ въ числѣ около двухъ тысячъ душъ, кромѣ другихъ, мелкихъ партій. Наша граница въ это время была свидѣтельница ужасныхъ сценъ и эпизодовъ. Корейское правительство, противясь эмиграціи своихъ подданныхъ, успило на границѣ стражу и довело мѣры строгости до крайней степени. Пограничные корейскіе солдаты дѣлали на бѣглецовъ цѣлыя облавы, толпами гнали ихъ назадъ, стрѣляли на нихъ изъ луковъ и ружей и преслѣдуя пронизывали пиками, не разбирая конечно ни пола, ни возраста. И долго еще спустя послѣ того на корейскомъ берегу Тюмень-улы ваялись трупы мужчинъ и женщинъ, стариковъ и младенцевъ. Эмигранты ударились было въ Манчжурію, въ надеждѣ перебраться къ намъ чрезъ пограничную полосу этой страны, но тамъ манчжурскіе конники налетали на ихъ партіи и становища, грабили, убивали мужчинъ, дѣтей и старухъ, а молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ увозили къ себѣ въ неволю. Грабили переселенцевъ также и манзы, но эти уже работали больше на нашей территоріи. Въ это время настали вдругъ сильныя холода, и массы корейцевъ, которымъ уже удалось перебраться на нашу сторону, изнуренныя, больныя и голодныя, не успѣвъ довлѣчиться до Владивостока и другихъ болѣе населенныхъ мѣстъ, сотнями гибли въ дѣсахъ и пустыняхъ. Почтенный старожилъ этого края, докторъ В. Б. Пфейферъ, сказывалъ мнѣ, что въ эту голодовку вымерло силою цѣлое становище корейцевъ, а такихъ становищъ въ разныхъ мѣстахъ на пути бѣгства было не мало. Многие изъ служащихъ въ краѣ русскихъ призрѣли у себя корейскихъ сиротъ-дѣтей. Одна изъ такихъ и поныѣ живеть въ семействѣ доктора Пфейфера, приняла православіе и изумительно хорошо говоритъ по-русски, безъ малѣйшаго акцента.

Эмиграція продолжалась бы и долѣе, но губернаторъ Приморской области, озабоченный ея размѣрами и отсутствіемъ средствъ, потребныхъ для призрѣнія и водворенія столькихъ несчастныхъ, а также опасаясь развитія отъ нихъ повальныхъ болѣзней, обратился чрезъ

пограничнаго комиссара, князя Трубецкаго, къ губернатору города Кыгень-Пу съ требованіемъ принять мѣры къ прекращенію эмиграціи (а ужъ онъ ли кажется не принимавъ ихъ!) и съ предвареніемъ, что бѣглецы не будутъ болѣе пропускаемы чрезъ нашу границу. Губернаторъ Кыгень-Пу циркулярно объявлялъ жителямъ своей провинціи о несогласіи русской администраціи на дальнѣйшій пріемъ бѣглецовъ, общая полное прощеніе тѣмъ изъ нихъ, которые возвратятся добровольно. Это послѣднее распоряженіе было и съ нашей стороны объявлено эмигрантамъ, но они до единого заявляли, что если мы намѣрены выгонять ихъ силой, то они предпочитаютъ сразу умереть отъ русскихъ штыковъ и пуль, чѣмъ возвращаться на медленную смерть въ отечество. Пришлось волей-неволей расселить ихъ по краю, пріютивъ на первое время гдѣ и какъ попало, по казармамъ, въ деревняхъ ихъ соотчичей и у русскихъ крестьянъ. Многие были разбросаны на пропитаніе и частными людьми изъ горожанъ и служащихъ, но многіе остались таборами и просто среди поля...

Въ это время состоялось распоряженіе о запрещеніи выходцамъ селиться близко границы нашей съ Кореей, такъ какъ администрація не желала болѣе допускать дальнѣйшаго усилія корейскаго элемента въ непосредственномъ соприкосновеніи съ его бывшимъ отечествомъ, въ ущербъ русскому населенію. Вслѣдствіе этого распоряженія корейскихъ эмигрантовъ послѣдняго наплыва двинули далѣе на Суйфунъ и его притоки, причемъ они опять-таки сильно потерпѣли отъ холода и голода. Ранѣе весны 1870 года невозможно было заняться правильнымъ расселеніемъ ихъ особыми деревнями и потому, въ теченіе лютяой зimy, не мало перемерло ихъ отъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе съ весной около 1.850 душъ было водворено въ Ханкайскомъ и частію въ Суйфунскомъ округахъ. Затѣмъ мѣрами мѣстной администраціи дальнѣйшее переселеніе корейцевъ приостановлено на неопредѣленное время, чтобы не затрудняться продовольствіемъ эмигрантовъ и дать время укрѣпиться собственной русской колонизаціи.

Всѣ вообще корейцы оказались прекрасными, трудолюбивыми и умѣлыми земледѣльцами. Они живутъ въ единобрачій ⁴⁾, хорошіе семьянины, честные, трезвые, чистоплотные и, что всего замѣчательнѣе, сдѣлались добрыми русскими патриотами: охотно изучаютъ русский языкъ и многіе уже говорятъ на немъ, охотно принимаютъ православіе и, будучи всѣ грамотными по-корейски, добровольно заводятъ у себя рус-

скія школы. Жаль только, что у насъ не хватаетъ учителей для нихъ и миссіонеровъ, говорящихъ по-корейски. Хозяйство уже въ первые годы по переселеніи шло у нихъ прекрасно, что объясняется какъ естественными условіями края, такъ и примѣрнымъ трудолюбіемъ корейцевъ. Сѣютъ они пшеницу, кукурузу, просо (буду), ячмень и овесъ, разводятъ бобы, картофель, капусту, огурцы, рѣдьку, стручковый перецъ и табакъ, который курятъ и мужчины и женщины; кромѣ того, занимаются рыбною ловлей, охотой и преимущественно пчеловодствомъ. По отзывамъ свидѣвшихъ людей, посѣвы всѣхъ сортовъ хлѣба у нихъ большіе; урожай, благодаря почвѣ и умѣнью ее воздѣлывать, всегда хорошіе, что даетъ хозяевамъ возможность сбывать свои продукты, въ особенности овесъ и ячмень, окрестъ расположеннымъ войскамъ (въ артиллерію и на нѣкоторые посты Уссурійской сотни), а также оплачивать водой во Владивостокъ. Будъ у насъ мало-мальски удобныя дороги и открой Корея для торговли свою границу, наши корейцы готовы были бы хоть сейчасъ возить хлѣбъ и туда, тѣмъ болѣе, что голодовки въ Корей давно уже приняли хроническій характеръ. Въ настоящее время корейцы въ числѣ 5.924 душъ ⁵⁾ населяютъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, не считая мелко разбросаннхъ, а также и совѣстныхъ съ русскими поселеній, одиннадцать пунтовъ, изъ коихъ шесть находятся въ Суйфунскомъ округѣ и пять въ Ханкайскомъ.

По племенному сродству и по житейскимъ привычкамъ корейцы болѣе приближаются къ японцамъ, чѣмъ къ китайцамъ. Мужчины ихъ, при хорошемъ среднемъ ростѣ, довольно коренасты, всѣ черноволосы и волосъ на головѣ не брѣютъ, а собираютъ ихъ въ общій пучокъ на макушкѣ и связываютъ его въ жгутикъ, такъ что онъ торчитъ, въ видѣ небольшой колбаски, кверху. Бороды и усы у нихъ жидковаты и не курчавятся, такъ же какъ у японцевъ, и они ихъ не брѣютъ. Женщины-корейки круглолицы и ростомъ значительно ниже мужчинъ; главное ихъ украшеніе и предметъ кокетства составляютъ густые длинныя волосы, которые онѣ заплетаютъ въ косы и обматываютъ вокругъ головы. Многія кромѣ того носятъ и подвязныя косы.

По пути въ Янчиху намъ встрѣтилось нѣсколько корейскихъ мужчинъ. Одни изъ нихъ шли пѣшкомъ, другіе ѣхали верхомъ... на коровахъ и только одинъ старикъ старшина понался верхомъ на лошади. Этого послѣдній способъ ѣзды у нихъ въ употребленіи только для болѣе дальнихъ или продолжительныхъ путешествій; для короткихъ же переѣздовъ упо-

⁴⁾ Хотя законъ не воспрещаетъ имѣть до трехъ жемъ, если у мужа есть средства прилично содержать ихъ. Впрочемъ преимуществами и правами пользуется только первая жена, остальные же считаются наложницами.

⁵⁾ По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1878 и 1879 годы.

требуется преимущественно быкъ или корова. Иногда они сѣлаютъ этихъ животныхъ, а чаще всего садятся просто на голую спину и, вмѣсто поводьевъ, привязываютъ къ рогамъ веревку. Вообще, корейцы недурно разводить и хорошо содержать крупный рогатый скотъ, который употребляютъ исключительно какъ рабочую силу: но ни мясомъ, ни молокомъ его не пользуются, и въ этомъ опять-таки заключается сходственная черта ихъ съ японцами. При встрѣчѣ съ нами какъ пѣшие, такъ и верховые за нѣсколько саженъ сворачивали въ сторону и останавливались, причемъ верховые слѣзали на земь, ожидая пока мы не поравняемся съ ними, чтобы встрѣтить насъ глубокимъ поклономъ, упираясь ладонями въ колѣни. Слѣзаніе на земь служить у нихъ наибольшимъ выраженіемъ почтенія. Въ Корей существуетъ обыкновеніе при встрѣчѣ съ высшими падать ничкомъ на земь и лежать въ такомъ положеніи неподвижно, пока высшее лицо не проследуетъ мимо. Вначалѣ и наши корейцы употребляли тотъ же пріемъ, но видя, что онъ не въ ходу у русскихъ, мало-по-малу совсѣмъ его оставили.

Всѣ эти мужчины, равно какъ и тѣ, которыхъ мы видѣли въ Янчихѣ, были одѣты очень опрятно, въ бѣлые ватные халаты, или вѣрнѣе сказать, полукафтаны, длиной нѣсколько ниже колѣна, съ широкими рукавами. Изъ-подъ халатовъ видѣлись ватные же бѣлые широкіе штаны, а остальные принадлежности костюма состояли изъ бѣлыхъ чулокъ (у иныхъ изъ онучей) и башмаковъ на толстой мягкой подошвѣ, въ родѣ китайскихъ. Халаты обыкновенно подпоясываются бѣлымъ кунакомъ, къ которому подвѣшиваются: маленькая мѣдная трубка, столовый приборъ, помѣщаемый въ узенькомъ футлярѣ и состоящій изъ ножа и двухъ палочекъ, и письменный приборъ, тоже въ видѣ мѣднаго футляра, для помѣщенія кистей и туши, а рядомъ висятъ кожаный кисетъ съ табакомъ и такая же сумочка съ трутомъ и огнивомъ. Но всего оригинальнѣе въ ихъ костюмѣ это головной уборъ. Онъ представляетъ собою круглую съ широкими прилипами полями шляпу, по срединѣ которой вершка на три возвышается, въ видѣ усѣченного сверху конуса, узенькій цилиндрикъ, имѣющій у основанія не болѣе двухъ вершковъ въ поперечникѣ. Шляпа эта плетется въ видѣ прозрачной сѣтки изъ чернаго конского волоса и едва прикасается къ макушкѣ головы, держась на ней лишь съ помощью тесемки, которая снизу подвязывается подъ подбородокъ, безъ чего такая шляпа, повинуваясь малѣйшему дуновенію вѣтра, никакъ не могла бы держаться на своемъ мѣстѣ. Неповѣрно только, какую пользу можетъ приносить этотъ странный уборъ, такъ какъ ни отъ дождя, ни отъ зимняго холода, ни отъ жгучихъ солнечныхъ лучей онъ рѣшитель-

но не защищаетъ голову. Впрочемъ въ дождливую погоду корейцы покрываютъ свои шляпы конопческимъ зонтомъ изъ промасленной бумаги, и тогда видъ этого убора становится еще страннѣе. Но такова уже у нихъ стародавняя мода и, какъ мода, она всесильна, а такъ какъ голову все-таки нужно прикрыть и отъ холода и отъ зноя чѣмъ-нибудь посущественнѣе, то они иногда обматываютъ ее повязкой изъ бумажной матеріи; старики же носятъ особый волосной колпакъ, служащій какъбы знакомъ достоинства ихъ возраста, къ которому всѣ обязаны питать почтеніе, и потому не снимаютъ его даже и дома.

Путь нашъ былъ не дологъ. Минуть черезъ двадцать мы уже подѣзжали къ дому одного молодого корейца (къ сожалѣнію забылъ его имя), служащаго у нашего пограничнаго комиссара въ качествѣ переводчика и уже усвоившаго себѣ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ и русскую «цивильную» одежду.

Деревня Янчиха, какъ и всѣ вообще корейскія селенія, тянется на нѣсколько верстъ вдоль по долинѣ, и это потому, что корейцы не любятъ жить скученно, въ сплошную улицу, а каждый ставитъ себѣ усадьбу отдѣльно, съ такимъ расчетомъ, чтобъ и огородъ его, и поле находились тутъ же, непосредственно прилегающія къ усадьбѣ. Такимъ образомъ корейцы живутъ какъ бы отдѣльными хуторами, въ родѣ финляндцевъ, въ разстояніи саженъ ста, двухсотъ и болѣе сосѣдъ отъ сосѣда. Это имѣетъ свои удобства, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и на случай пожара: если загорится какой домъ, то сосѣди не подвергаются непосредственной опасности; но зато есть въ такой обособленности и большое (чисто мѣстное впрочемъ) неудобство: если на какой-либо хуторъ нападутъ ночью манзы-хунгузы (профессиональные разбойники и грабители), то вырѣжутъ всю семью и ограбятъ домъ прежде, чѣмъ сосѣди, услышавъ крики, успеютъ сбѣжаться на помощь.

Предъ усадьбой переводчика мы остановились и вышли изъ экипажей. Жена хозяина, молодая и довольно миловидная корейка, вышла къ намъ на встрѣчу и привѣтствовала по-русски, такъ какъ нашъ языкъ уже достаточно ей знакомъ. Она была одѣта въ очень чистую бѣлую кофту и такую же юбку съ разрѣзами по бокамъ, что составляетъ общій всѣдневный костюмъ корейскихъ женщинъ. Въ ушахъ ея болтались серебряныя, китайской работы, сережки съ каменными красноватыми камешками, на рукахъ были надѣты двѣтые стеклянные браслеты, въ видѣ сплошного кольца, а за спиной у поясицы дремалъ годовалый ребенокъ, подвѣшенный, какъ въ полушникѣ, на полотенцѣ, концы котораго, лежа на плечахъ матери, скрещиваются у нея на груди и завязываются сзади. Этотъ способъ носки

ребятъ одинаковъ на всемъ Востокѣ и имѣть то удобство, что ребенокъ, не связывая матери рукъ, не мѣшаетъ ей работать по хозяйству.

Мы вошли во дворъ, гдѣ во всемъ сразу сказывались чистота, порядокъ и домовитость. Дворъ обнесенъ красивымъ, узорчато залптеннымъ изъ лозняка заборомъ. Устройство дома отчасти похоже на китайское, отчасти на японское, но чисто корейская особенность его постройки заключается въ отсутствіи рѣзко очерченныхъ наружныхъ угловъ, которые всѣ скруглены, и вообще эта округленность и какъ бы мягкость архитектурныхъ формъ составляетъ самое характеристическое свойство всѣхъ корейскихъ построекъ отъ угловъ стѣнъ и крыши до узора на лозняковомъ плетѣ. Быть-можетъ, въ этомъ отразился и самый характеръ корейца какъ человѣка, его природныя свойства и качества. Плетенныя стѣны дома прочно покрыты глиной и тщательно выбѣлены, рѣшетчатая окна оклеены изнутри тонкою бѣлоу бумагой, дверь не отворяется на петляхъ, а отодвигается въ сторону, держась сверху и снизу въ особыхъ желобковатыхъ пазахъ. Крыши на всѣхъ вообще постройкахъ соломенные, сдѣланы очень аккуратно и покрыты веревочноу сѣтью, которая предохраняетъ ихъ отъ дѣйствія бурныхъ порывистыхъ вѣтровъ. Внутри дома, по срединѣ его, врыто квадратное углубленіе, въ одной изъ сторонъ котораго устроена печь, служащая для варки пищи и согрѣванія всего жилища. Для устройства печныхъ трубъ существуетъ пѣлая система: онѣ проходятъ въ горизонтальномъ положеніи подо всѣмъ глинянымъ поломъ, и это очень практично, такъ какъ предохраняетъ полъ отъ сырости и равномерно распространяетъ тепло по всему дому. Выводная дымовая труба отнесена наружу и стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отдалѣнно отъ дома, а служить ея толстый древесный стволъ съ высверленноу сердцевиной, который высится нъ уровень съ верхнимъ гребнемъ крыши. Правое отдѣленіе дома занято людьми, а лѣвое, отдѣленное отъ перваго сплошноу деревянноу перегородкой, предназначается на зимнее время для домашняго скота и птицы. Жилая половина устлана очень чистыми циновками и разгораживается японски передвжными ширмами, такъ что въ ней можно и увеличить и уменьшить число комнатъ, сдѣлать ихъ просторнѣе или уже, смотря по надобности. Ко внутренней сплошной перегородкѣ прилажены деревянные полки и на нихъ въ отличномъ порядкѣ и образцовой чистотѣ расположена разная домашняя утварь: луженныя мѣдныя и фаянсовыя расписныя синимъ узоромъ чашки, плошки, блюда и чайники. Таково внутреннее расположение и убранство всѣхъ вообще корейскихъ жилищъ.

Спать корейцы по-японски—на полу, на циновкахъ, подстилая толстыя ватныя одеяла

и покрываясь широкими халатами, встаютъ съ разсвѣтомъ, и всѣ постельныя принадлежности тотчасъ же убираются въ особую каморку въ родѣ шкафа или внутренняго чуланчика. Китаецъ часто не моется по нѣскольку сутокъ,—кореецъ, напротивъ, каждый свой день начинаетъ съ умыванія и краткой молитвы, прежде чѣмъ сядетъ на полъ, въ общемъ семейномъ кружкѣ, за утреннюю закуску, всегда сопровождаемую чаемъ, и въ этомъ условіи чистоплотности опять проявляется родственная черта съ японскоу расой.

У христіанъ—въ переднемъ углу наши русскіе образа, а у буддистовъ—посреди стѣны тоже образа, кстати сказать, очень похожіе по характеру не только рисунка, но и самыхъ изображеній на наши сибирскіе лубочныя произведенія. Какъ у христіанъ, такъ и у буддистовъ предъ образами теплятся лампы. Впрочемъ, въ религіи корейцевъ, несмотря на значительную, хотя кажется чисто вѣишнюю примѣсь буддизма, есть нѣчто весьма своеобразное. Такъ, напримѣръ, помимо разныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ и гениевъ, они признаютъ единого наивышняго бога, Пута-Ними, создателя всего сущаго; вѣрятъ въ безсмертіе души, въ загробную жизнь, въ рай и адъ, въ день загробнаго суда, когда Пута-Ними каждому воздастъ по дѣламъ его и, кромѣ того, у нихъ существуютъ религіозныя преданія о всемірномъ потопѣ, Моисей и многомъ такомъ, что явно указываетъ на заимствованіе изъ книгъ Ветхаго Завета. Конечно, преданія эти подверглись разнымъ вариантамъ, подъ вліяніемъ и времени, и народныхъ особенностей, а иногда и личной фантазіи пересказчика и т. п., но тѣмъ не менѣе ихъ первоначальный источникъ ясенъ и несомнѣненъ. Любопытно было бы только изслѣдовать путь, которымъ они проникли въ общенародное сознаніе корейцевъ, причемъ можно думать что едва ли это произошло чрезъ католическихъ миссіонеровъ, такъ какъ въ моментъ первоначальнаго появленія сихъ послѣднихъ библейскія преданія составляли уже стародавнюю собственность корейскаго религіознаго кудьта. Не занесены ли они сюда съ азіатскаго запада китайцами-мусульманами?

Въ числѣ преданій не религіознаго характера въ особенности замѣчательно одно, которое въ видѣ какого-то пророчества, невѣдомо когда и кѣмъ изреченнаго, издавна усвоено всеу Кореей. По общему убѣжденію корейцевъ, освобожденіе ихъ изъ-подъ ига чинowników и всѣхъ прочихъ бѣдъ и напастей принесетъ имъ особый народъ, съ русыми волосами, который придетъ съ сѣвера и приведетъ съ собою бѣлыхъ свиней. Надо замѣтить, что въ Манчжуріи, Китаѣ, Корей и вообще на всемъ крайнемъ Востокѣ свинья по-

сят исключительно черную шетину. Поэтому когда въ Южно-Уссурийскомъ краѣ впервые появились русскіе переселенцы, привезеніе съ собою бѣлыхъ свиней, то слухъ объ этомъ немедленно распространился по всей Корей и произвелъ своего рода впечатлѣніе, въ особенности въ пограничныхъ съ нами мѣстностяхъ. Этимъ отчасти объясняется и тотъ наплывъ корейской эмиграціи, которая хлынула было къ намъ съ 1863 года: пришли, молъ, освободители!

На дворѣ у корейца-перевозчика мы видѣли большой запасъ рыбы кляты (въ родѣ семги), вливишейся на протянутыхъ жердяхъ; тутъ же, на подостланныхъ рядкахъ, сушились въ одномъ мѣстѣ тыквы, наръзанныя тонкими узкими пластинками, въ другомъ—просо, въ третьемъ—конопляное сѣмя. Амбаръ былъ наполненъ хлѣбомъ, въ двухъ плетеныхъ сараяхъ сложены бобы, кукуруза и огородныя овощи. Все это въ избыткѣ было заготовлено на зиму и во всемъ видимо сказывались признаки обстоятельнаго зажиточнаго хозяйства. То же самое замѣчается и во всѣхъ вообще корейскихъ хозяйствахъ на Янчихѣ, въ Тизенкахъ и проч. Многіе уже перенимаютъ русскій способъ постройки избъ, находя его болѣе соответствующимъ мѣстному климату, равно какъ заимствуютъ и наше устройство плуговъ и прочихъ земледѣльческихъ орудій. Нѣкоторые изъ сельскихъ старшинъ получали отъ нашего правительства почетныя кафтаны установленнаго образца, и это отличіе составляетъ не только для ихъ личнаго самолюбія, но и для самолюбія ихъ односельчанъ предметъ гордости: «Царь-моль знаетъ своихъ корейцевъ и отличаетъ ихъ отъ манзовъ, за ихъ вѣрность и доброе поведение». Если мы сами своими дальнѣйшими мѣропріятіями и поступками служащихъ чиновниковъ не испортимъ вынѣшнихъ отношеній къ корейцамъ, то есть полное основаніе надѣяться, что при ихъ ужирчивости и трудолюбіи, при ихъ добродѣтели и стремленіи перенимать у русскихъ крестьянъ все полезное, отъ плуга до русскаго языка, русскои школы и православной вѣры, — они въ слѣдующемъ поколѣніи совершенно сольются съ русскимъ элементомъ, отличаясь отъ него развѣ физически—наружностью и нѣкоторымъ акцентомъ. При этомъ они уже и теперь полезны въ томъ отношеніи, что ихъ ближайшіе сосѣди, заграничныя корейцы, видя во-очію, какъ спокойно живутъ и экономически процвѣтаютъ подъ русскимъ владычествомъ ихъ сородичи, и сами невольнымъ образомъ все болѣе и болѣе начинаютъ смотрѣть на Россію какъ на вѣчто желанное, начинаютъ тяготѣть къ ней. Легенда о бѣлокуромъ народѣ и бѣлыхъ свиньяхъ дѣлаетъ—такъ свое дѣло!

Изъ Янчихи мы вернулись въ урочище, гдѣ у капитана Касторскаго былъ уже приготовленъ для всѣхъ гостей обѣденный столъ, за которымъ въ числѣ блюдъ фигурировали прекрасныя мѣстные фазаны.

Выѣхали мы изъ Новокиевскаго уже вечеромъ. Стрѣлки позажигали костры и пѣли пѣсни. Вскорѣ село осталось позади и скрылось вдали въ ночномъ сумракѣ, а высокія нотки подголосковъ все еще звенѣли въ тихомъ воздухѣ. На переправѣ черезъ Тизенхъ застали мы и горную батарею. Часть орудій и выюковъ уже переправилась, а часть еще нилыла на паромѣ. Лошадей переправляли за лодками вплавь; онѣ громко фыркали, и вода у береговъ подъ ихъ копытами съ шумомъ разсыпалась свѣтящимися брызгами. Подѣзжая къ Новгородскому посту, снова слышимъ русскія пѣсни, звуки которыхъ, оглашая сонный заливъ и пустынные поля, становятся все слышнѣе и ближе. Предъ бараками мѣстной команды все еще развѣвались флаги и пылали костры. Солдаты толпились вокругъ пѣсенниковъ и группами прогуливались по площадкѣ; тутъ же были и женщины и ребята; даже нѣсколько длинноносыхъ манзовъ, сидя на корточкахъ и покуривая свои миниатюрныя трубочки, слушали солдатскія пѣсни. Вдали, среди волной глади, ярко-озаренной полосой луннаго свѣта, смутно вырисовывался на темно-синемъ фонѣ черный силуэтъ «Европы». У пристани ожидали насъ военныя ялюнки.

Около полуночи снялся съ якоря и среднимъ ходомъ пошла въ Амурскій заливъ, къ устью рѣки Суйфуна. Холмистые берега, прибрежныя скалы и кекуры и возвышенныя островки южнаго архипелага, слегка курившіеся прозрачнымъ туманомъ, казалось будто плывутъ мимо нашего судна какъ какія-то фантастическія видѣнія и какъ бы таютъ вдали, позади насъ, постепенно исчезая въ насыщенной луннымъ свѣтомъ атмосферѣ. Погода въ эту ночь стояла тихая, но было холодно.

II. С у й ф у н ь.

Пароходъ „Суйфунъ“ и его значеніе. — Островокъ Коврижка и массы дикихъ утокъ. — Устья рѣки Суйфунъ. — Низменные острова и „Лягушечья долина“. — Пильный заводъ и мукомольня купца Федорова. — Луга на Суйфунѣ и сѣнокосный промыселъ. — Ущелье Амма-Балла. — Характеръ Суйфуна въ нашихъ предѣлахъ. — Почва и климатъ Суйфунской долины. — Разливы и наводненія. — Чѣмъ могъ бы быть Суйфунъ для Уссурийскаго края. — Селеніе Раздольное. — Горныя болота. — Станція Барановская. — Жалобы на тигровъ. — Суйфунскіе лѣса и манзовскіе лѣсные промыслы. — „Тигрино логово“. — Никольская долина. — Деревня Суйфунская — Встрѣча со стороны войскъ и жителей. — Село Никольское и русская колонизація. — Древности села Никольскаго. — Обратный путь съ приключеніями. — Голодные пассажиры. — Прибрежныя палы. — Неожиданный ночлегъ на „Суйфунѣ“ и капитанская каюта. — Мы на мелі. — Суйфунскія бары. — Возвращеніе во Владивостокъ.

3 октября, еще до разсвѣта, подошли мы къ устью Суйфуна, но должны были лавировать взадъ и впередъ самымъ медленнымъ ходомъ, въ разстояніи около трехъ миль отъ берега, такъ какъ двигаться далѣе впередъ было бы крайне опасно: при высокомъ барѣ Суйфуна «Европа» навѣрное сѣла бы на мелі.

Въ семь часовъ утра подошелъ наконецъ плоскодонный пароходикъ «Суйфунъ», долго не могшій пристать къ нашему борту, по причинѣ волненія, начавшагося не задолго до разсвѣта. Пречудной это пароходикъ. Осадка его, говорятъ, не болѣе двухъ футовъ, борта низкіе, кожухъ высокій, такъ что издали иной не морской человекъ приметъ его, пожалуй, за какой-нибудь грозный мониторъ, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ на картинкахъ въ разныхъ «иллюстраціяхъ». Былъ онъ построенъ лѣтъ пятнадцать коли не двадцать тому назадъ, специально для плаванія по мелководному Суйфуну, почему и названъ его именемъ, и сколь ни плохъ уже въ настоящее время, какъ ни крихтитъ отъ старости, а все же по силѣ возможности исполняетъ свое назначеніе, въ сущности весьма важное: на немъ всецѣло лежитъ сообщеніе Владивостока не только со внутренностью Южно-Уссурийскаго края и его житицей, Ханкайскимъ округомъ, но и со всею остальною Россіей. Покончи «Суйфунъ» свое брѣнное существованіе, такъ не только что никакихъ казенныхъ грузовъ изъ Иркутска или Хабаровки во Владивостокъ, но даже и простого письма изъ Владивостока до Раздольнаго поста не отправивъ, такъ какъ почтовый трактъ на сѣверъ начинается лишь отъ Раздольнаго, а ниже, между Раздольнымъ и Владивостокомъ, въ теченіе всей навигаціи, держать сообщеніе только одинъ «Суйфунъ», перевоза и почту, и грузы, и пассажировъ. Перебрались мы, наконецъ на него съ «Европы», причемъ подъ нашимъ почтеннымъ флагманскимъ докторомъ В. С. Кудрянымъ провалился ветхій трапъ, и

все пальто его переначкалось бѣлою краской. Ради приѣма начальства, пароходикъ наскоро подкрасили, да просохнуть ему не удалось бѣднягѣ. Моряки, глядя на него, только морщатся: имъ, привыкшимъ къ блестящему виду настоящихъ военныхъ судовъ, этотъ «Суйфунъ», тоже плавающий подъ военнымъ флагомъ, быть-можетъ кажется болѣе уже мизернымъ; но и за то спасибо, что хоть какой ни есть да есть. Командиръ его, капитанъ лейтенантъ В. И. М—ри, такой же маленький, какъ и его суденышко, въ полной парадной формѣ и въ старинной трехуголкѣ, съ загнутыми кверху углами, стоялъ на кожухѣ и, зорко глядя впередъ, лично управлялъ движеніемъ парохода, которому сразу предстояла теперь самая трудная задача его плаванія — переходъ чрезъ высокій баръ Суйфунскаго лимана, гдѣ и въ полную воду глубина болѣею частью не превышаетъ двухъ футовъ. Но Викторъ Ивановичъ изъ долгой практики успѣлъ уже отлично изучить этотъ предательскій фарватеръ.

Погода хмурилась, но берега пока еще не застилались туманомъ. Въ общей картинѣ рѣзче всего остального выдѣлялся впередъ отдѣльно брошенный въ море утесъ, состоящій изъ наклонныхъ пластовъ какого-то сѣраго камня. Онъ довольно высокъ и имѣетъ ровную продолговатую форму, ради чего и носитъ вкусное имя Коврижки. Отъ подошвы его скалистыхъ пластовъ значительною косою тянется песчаная отмель, на которой отдыхало такое множество дикихъ утокъ, что самой отмели совсѣмъ не было видно подъ ихъ сплошною сѣрою шевелящеюся массой. Отъ тысячеголосаго криканія надъ косою стоялъ въ воздухѣ непрерывный страшный шумъ, котораго не заглушала даже бурнъ, ударявшій въ Коврижку. Кромѣ того, громадный стаи этой птицы, и въблизи, и вдали, насколько лишь хваталъ глазъ, во всѣхъ направленіяхъ носились надъ водой. Вотъ раздолье-то для охотниковъ!.. А тутъ и бить ихъ некому.

Вправо отъ насъ, на возвышенномъ лѣсистомъ берегу, который кончается мысомъ Рѣчнымъ, одиноко стоитъ почтовая станція «Рѣчное», построенная въ 1876 году мѣстнымъ исправникомъ Киселевскимъ, но исполняющая свое назначеніе только зимой, когда заливъ окончательно замерзнетъ и по немъ установится ближайшее прямое сообщеніе со Владивостокомъ. Въ навигаціонный же періодъ въ Рѣчномъ проживаетъ часть команды косарей. На траверзѣ мыса Рѣчнаго «Суйфунъ» благополучно миновалъ самое мелкое мѣсто бара и вошелъ въ устье своего соименника. Не вдалекѣ отъ этого устья торчало изъ воды множество корчагъ, наносимыхъ на взморье рѣкой послѣ каждого наводненія, а такимъ образомъ годъ-отъ-году ихъ скопляется тутъ все болѣе и болѣе. Все это прекрасныя рослыя

деревья, оторванные от подмытых берегов, и хоть бы кто ловил их на топливо что ли, обходящееся во Владивостоке довольно-таки дорого и казнь, и обывателям), а то пропадают даром и только способствуют наибольшему обмельчанию устья.

Медленно подымались мы вверх по Суйфуну, который в несколько рукавов растекается между низменными островами, сплошь покрытыми густейшею болотною растительностью. Здесь преобладают аир (у побережья), ситовник (тоже), и в особенности тростеполвица (*Salmagrostis purpurea*), в сажен и более вышиной, наполняющая внутренния пространства этих островов и только местами выбьгающая на их побережья. Вообще местность Суйфуна на его низовьях, вместе с островами, носит название «Лигучечей долины», вследствие того, что здесь водятся мириады лагушек. Говорят, что эти острова чрезвычайно красивы весной, когда они чуть не сплошь покрываются лилово-голубым цветом приса, и потом летом, когда на смену приса приходит гигантский мышиный со своими большими розовыми цветами.

Миновав острова устья, видим вправо от нас, на левом берегу реки, в небольшой лесистой долине приютилась шесть деревянных домиков. Это пильный завод куца Федорова и мукомольня, которая пока еще строится. Работа на заводе идет при помощи пара. Тут же, на берегу лежит и новый паровичек для мукомольни, а у пристани ошвартовлен паровой катер, который обыкновенно буксирует до выхода из Суйфунского лимана грузы досок, отправляемые на «шампанках» ко Владивостоку.

Правый берег реки, влево от нас, представляет обширную луговину, между рукавами и протоками, которая в настоящее время является почти сплошным, хотя и поверхностным только, болотом, простирающимся на запад до самых гор; но если бы ее осушить, то получились бы великолепные покосные луга. Там косят и теперь, судя по немногим скирдам сена, стоявшим у бере-

га, рядом с каким-то сарайчиком; но это ничто в сравнении с тем, что могло бы получиться при небольших затратах на проведение нескольких дренажных канав, которые быстро осушали бы почву этой громадной площади после периодических наводнений. Повторю, что болото, по словам знающих людей, вовсе не проникает в глубь почвы, а поддерживается на ее поверхности лишь остатками разливов, которыми надо только устроить надлежащие стоки. Огонь в виде весенних и осенних палов, да втерь, да здишнее жгучее солнце довершали бы остальное. И явись эти луга, здесь можно бы было развить скотоводство в обширных размерах, и тогда открылся бы новый источник экономического процветания для Южно-Уссурийского края, ныне снабжаемого рогатым скотом за наличные серебряные деньги из-за границы, частью из Корен, частью из города Хунчуна.

На левом, более возвышенном берегу Суйфуна тоже есть прекрасные луга, отводимые для покосов Сибирскому морскому экипажу и 1-му линейному батальону. Вообще луговые пространства по Суйфуну и в его окрестностях столь велики, что, по словам следующих людей, их с избытком хватило бы для постоянного продовольствия многочисленной кавалерии. Но так как заводы последние в больших размерах здесь не представляются надобности, то конечно следовало бы воспользоваться луговыми богатствами частной предприимчивости для разведения местного скотоводства. Да и кроме того наше сено могло бы найти для себя хороший сбыт на японских рынках, где в этом продукте ощущается постоянный недостаток, обусловливаемый самой природой и культурой Японии: там настолько дорожат каждым клочком земли, что обрабатывают под посевы даже песчаные горные склоны (как например, на островах «Внутреннего моря») и потому не могут предоставлять достаточно земли для сенокосов. У нас же, на Суйфуне, да и вообще по долинам реки Южно-Уссурийского края, на громадных пространствах густыя, сочные травы, под влиянием влажного климата и солнца, нередко достигают такого пышного развития и гигантского роста, что человек верхом на лошади совсем скрывается в них; дикий клевер и горошек путают ноги коню и всаднику, так что местами сквозь эти травы и не продерешься. Тут зачастую попадаются джиглы в десять футов вышины и более двух дюймов в поперечник у корня.

Горы левого берега покрыты лесом, ныне уже все более и более редющим, по той причине, что он невозбранно и притом в ужасающих размерах истребляется здесь манзами. За двадцатилетний период нашего

¹⁾ Русским обывателям города даже запрещено рубить лес на топливо и они волей-неволей должны покупать его либо у манзов, рубящих на русском острове самовольно, либо у одного из «привилегированных» иностранных коммерсантов, немецкого происхождения, который тоже рубит безданно и безпошлинно «для эксплуатации», как сам он выражается, и продает дрова владивостокским обывателям из собственного склада от 5 до 6 рублей за погонную сажень. В то же время, не далёк как в 1½ верстах за городом, на первой речке, валяется и гниёт множество леса, бесполезно порубленного в разное время манзами. Какой смысл иметь при подобных порядках запрещение русским (и только русским) рубить на топливо лес — я объяснить не берусь; знаю только, что запрещение это существует издавна.

обладания краемъ они успѣли уже огорить громадные пространства по теченію одного лишь Суйфуна. Здѣсь попадаются теперь преимущественно тальники, дубъ и черная береза, но иногда можно еще встрѣтить липу, кленъ, вязъ, грецкій орѣхъ, пробковое дерево, тиссъ, букъ, сосну и кедръ; впрочемъ все лучшее, наиболѣе цѣнное, уже истреблено хищниками и вывезено за границу, въ Китай, гдѣ, по недостатку собственныхъ лѣсовъ, наше дерево очень цѣнится, не исключая даже мелколѣся, идущаго на топливо.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья, на лѣвомъ берегу, выдается лѣсистый мысокъ, гдѣ пріютились двѣ-три манзовскія фанзы: отсюда горный крайъ отклоняется въ сторону, отходя отъ рѣки къ сѣверо-востоку, поэтому долина съ обѣихъ сторонъ значительно расширилась, представляя громадные луга, по которымъ еще и въ эту пору года бродили аисты, а въ воздухѣ надъ рѣкой носились большія чайки. Тамъ и слѣтъ по лугамъ видѣлись покосы и торчали шалаши косарей. Снѣно здѣсь косятъ два раза въ лѣто, въ июль и сентябрь. Мѣстами у береговъ стояли на причалѣ манзовскія сампаны и джонки и грузились снѣгомъ, связаннымъ въ большіе снопы. Во Владивостокѣ цѣна такому снопу въ продажѣ отъ трехъ до пяти копеекъ. Вообще на непродолжительномъ пути до поста Раздольнаго, мы встрѣтили на рѣкѣ болѣе двадцати большихъ манзовскихъ джонокъ съ грузомъ снѣга, кромѣ тѣхъ, которыя еще грузились. Манзы сбываютъ суйфунское снѣно не только во Владивостокъ, но и по китайскимъ фанзамъ и промысловымъ становищамъ, раскиданнымъ вдоль береговъ Амурскаго залива и на нѣкоторыхъ изъ острововъ Амурскаго архипелага, и сбытъ этого послѣдняго рода даже значительно превышаетъ сбытъ собственно владивостокскій. Такимъ образомъ манзы не пропускаютъ безъ выгодной для себя эксплуатаціи рѣшительно ни одной изъ мало-мальски доходныхъ статей по всемъ отраслямъ естественной производительности края, на которыя мы не обращаемъ равно никакого вниманія. Чужіе люди приходятъ къ намъ, безданно и безопытно наживаются на нашемъ добрѣ и снова уходятъ во-своея за границу, а мы и не подумаемъ обложить всѣ эти роды промышленности хотя какими-нибудь налогомъ въ пользу государства. Правда и то, что въ Иркутскѣ, за 4.000 верстъ, о такихъ «мелочахъ» и въ голову едва ли приходитъ; для этого надо быть на мѣстѣ и видѣть все собственными глазами, а не основываться на рапортахъ чиновниковъ, у которыхъ всегда и все «обстоятъ благополучно», лишь бы только отдаленное начальство не приставало съ излишними запросами, плодящими излишнія хлопоты.

Невдалекѣ отъ устья Суйфуна впадаетъ въ него съ правой стороны рѣка Черная, на-

правляющаяся съ юга, а вслѣдъ за ней рѣка Ильдуга и нѣсколько выше—рѣка Амма-Бэлл. Долина Ильдуги и вершины, окружающія Амма-Бэллу, изобилуютъ лѣсами, гдѣ преобладающими породами на горныхъ хребтахъ являются пихта и лиственница, а на склонахъ—дубъ, яворъ, липа, акація и проч.; въ глубокихъ падахъ встрѣчаются даже пальмовидные диморфаны. Всѣ такіе заросли въ изобилии пересѣты побѣгами орхидейныхъ растений и дикимъ виноградомъ, что нерѣдко дѣлаетъ ихъ совсѣмъ непроходимыми и придаетъ имъ дико-картинную прелесть. Подлѣсокъ этихъ цущъ также очень густъ и состоитъ изъ разнообразныхъ породъ кустарниковъ, между которыми смѣшиваются бересклетъ, лещина, барбарисъ, шиповникъ, дикій жасминъ, боярышникъ, кизиль и малина. Говорятъ, лѣса эти столь густы, что въ нихъ даже въ полдень темно, какъ въ сумерки. Остается только удивляться, какимъ образомъ успѣвалъ до сихъ поръ этотъ уголокъ отъ манзовскихъ порубокъ, находясь въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ Суйфуномъ. Пейзажъ этой мѣстности, на который мы любовались съ нашего парохода, былъ чрезвычайно красивъ, въ особенности отличалось красотой горное ущелье Амма-Бэллы, гдѣ облака словно куревомъ ползли по лѣсистымъ вершинамъ.

Теченіе Суйфуна очень извилисто и тихо; въ этомъ отношеніи, а отчасти и по характеру прибрежной мѣстности эта рѣка напоминала мнѣ тихій Донъ, по которому я плавалъ въ 1867 году, и который во многихъ мѣстахъ не шире Суйфуна. Ближе къ Раздольному берега представляютъ большія ветловыя заросли, нависшія надъ самою водой, а кое-гдѣ между ветлами являются небольшія пространства, кудаво поросшія разнообразнымъ чернолѣсьемъ, что придаетъ этимъ мѣстамъ очень миловидный характеръ.

Россія принадлежитъ только среднее и нижнее теченіе Суйфуна, верхняя же его часть находится въ Манчжуріи, беря начало въ отрогахъ горнаго хребта Сихота-Алинь. Сначала рѣка течетъ на востокъ, а входя въ наши предѣлы, поворачиваетъ близъ станицы Фадѣевской къ юго-востоку и въ четырехъ верстахъ отъ села Никольскаго круто направляется къ югу. Это послѣднее направленіе, несмотря на множество прихотливыхъ извилинь, остается господствующимъ до самаго устья. Наибольшая ширина долины Суйфуна достигаетъ шестидесяти верстъ, но мѣстами лѣсистые отроги Сихота-Алиня подымаются близко къ берегу. Наилучшія мѣста для хлѣбопашества залегаютъ въ западной и юго-западной частяхъ долины, гдѣ слой чернозема имѣетъ отъ семи до четырнадцати вершковъ глубины, и къ обработкѣ почвы можно приступать уже съ половины марта. Заморозки въ этихъ мѣстахъ рѣдко когда начинаются ранѣе начала октябрия и то бываютъ очень незначи-

тельны, но для посѣвовъ надо предпочитать яровое, такъ какъ озими не въ состояніи выдерживать зиму, иногда вовсе безсѣнную и всегда довольно суровую, благодаря западнымъ и сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, несущимъ съ собою рѣзкую сухость воздуха при совершенно ясномъ небѣ. Эти вѣтры, дующіе съ Ледовитаго океана, господствуютъ здѣсь во все зимнее время. Къ числу неудобствъ долины Суйфуна надо отнести то, что будучи открыта съ юга, она въ теченіе лѣта бываетъ подвержена большимъ туманамъ, которые несутся съ Японскаго моря южными и юго-восточными вѣтрами, преобладающими въ лѣтніе мѣсяцы; поэтому туманы изъ долины Суйфуна нерѣдко пробіраются до озера Ханка и даже далѣе, принося съ собою сильную сырость и обильные дожди, льющіе сутокъ по трое безъ перерыва. Длительный періодъ обыкновенно начинается въ іюлѣ и продолжается иногда весь августъ, вслѣдствіе чего рѣки выступаютъ изъ береговъ и разливаются иногда на значительное разстояніе. Разливъ Суйфуна простирается до шести верстъ въ обѣ стороны, а въ 1877 году, когда весь Уссурийскій край пострадалъ отъ лѣтняго наводненія, вода затопила не только пашни никольскихъ крестьянъ, но подошла даже къ самому селенію. Впрочемъ, одинъ старожилъ изъ манзовъ слазывалъ, что въ теченіе его 45-лѣтняго пребыванія въ краѣ, подобныя наводненія случались, считая съ послѣднимъ, только три раза.

Въ настоящее время плоскодонныя, мелко-сидяція суда могутъ довольно удобно плавать до Раздольнаго, но далѣе вверхъ плаваніе становится уже крайне затруднительнымъ, по причинѣ не только сильной извилистости, но и частыхъ мелей, надъ которыми въ малую воду глубина не достигаетъ иногда и двухъ футовъ. Эти мели образуются главнѣйшимъ образомъ благодаря корчагамъ, которые несутся по рѣкѣ во время разлива и, случайно застрянувъ въ какомъ-либо мѣстѣ, затягиваются иломъ и песками. Еслибы пропзвести основательную расчистку русла, то здѣшніе жители предполагаютъ, что Суйфунъ оказался бы годнымъ для сплавовъ и даже для судоходства на всемъ своемъ протяженіи въ нашихъ предѣлахъ; а еслибъ одинъ изъ его лѣвыхъ, наиболѣе обильныхъ водою, притоковъ соединить небольшимъ каналомъ съ такимъ же притокомъ рѣки Лефу, впадающей въ озеро Ханка, то Суйфунъ представилъ бы для всего Южно-Уссурийскаго края непрерывный водный путь отъ Японскаго моря до Срѣтенска, въ Забайкальской области, болѣе чѣмъ на три тысячи верстъ протяженія, и такой путь породилъ бы живую связь этого края съ Россіей, служа артеріей для внутренней торговли. Но увы!.. всему этому, кажись, долго и долго еще су-

ждено оставаться въ туманной области благихъ пожеланій.

Въ двѣнадцатомъ часу дня пароходъ нашъ уткнулся въ прибрежную мель и остановился у «пристани». Но не подумайте, чтобы здѣсь было хотя малѣйшее подобіе того, съ чѣмъ мы обыкновенно соединяемъ понятіе о пристани,—просто песчаная отмель и ничего болѣе. Съ берега положили на бортъ сходни и говорятъ: «пожалуйте, пріѣхали».

Высаясь на берегъ, нашли мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воды массу казенныхъ ящиковъ для стрѣлковой бригады, сгруженныхъ тѣмъ же «Суйфуномъ» въ предшествовавшей рейсы, и команду саперъ въ сорокъ человекъ, посланныхъ изъ Владивостока въ Никольское для исправленія дороги и настилки одного моста. Оказалось, что эти люди по окончаніи своихъ работъ уже пять сутокъ ожидаютъ на берегу обратной отправки во Владивостокъ, пребывая все это время подъ открытымъ небомъ и почти безъ пищи, потому что въ Никольскомъ снабдили ихъ изъ бригаднаго штаба не провіантомъ, а деньгами на трехдневное довольствіе; въ Раздольномъ же, по словамъ офицера, сопровождавшаго команду, и за деньги ничего съѣстного имъ не уступали, самимъ-де не хватаетъ.

Неподалеку отъ мѣста сгрузки были выстроены для встрѣчи взводъ мѣстной команды съ ординарцами и два извода Конно-Уссурийской сотни, назначенные къ намъ въ конвой до Никольскаго. Адмиралъ поздоровался съ каждою частію отдѣльно и затѣмъ всѣ прибывшіе съ нимъ размѣстились въ заранѣе приготовленные экипажи—долгушки и телѣги, а для адмираловъ добыли гдѣ-то даже двѣ допотопныя коляски. Командиръ Конно-Уссурийской сотни, подполковникъ Винниковъ, предложилъ мнѣ запасную казачью лошадь, и мы съ нимъ отправились въ дальнѣйшій путь вер-

хнемъ

Разстояніе отъ пристани до селенія Раздольнаго около четырехъ верстъ. Грунтовая дорога, благодаря саперамъ, теперь недурна и идетъ все время вдоль Суйфуна. По хребту и склону продолговатаго холма разбросалось нѣсколько хатокъ да сарайчиковъ и торчатъ небольшіе полуразрушенные казармы и магазины упраздненнаго поста. Это и есть селеніе Раздольное. Жилыща все мазанки; впрочемъ есть нѣсколько и бревенчатыхъ, обмазанныхъ глиной избенокъ и даже одинъ домикъ подъ тесовою кровлей, гдѣ помѣщается почтовая станція.

По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1879 годъ, здѣсь числится девять семей, составляющихъ вмѣстѣ съ бобылями 81 душу, изъ коихъ 52 мужнины и 29 женщины. На всѣхъ ихъ приходится 53 лошади, 69 головъ рогатаго скота,

5 сивней и 15 десятинъ пахотной земли, которая вообще хороша, все черноземъ, но, къ сожалѣнью, долина подвержена довольно частымъ наводненіямъ вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ Суифуна. Зато покосные луга превосходны, такъ что сѣна у раздольновскихъ крестьянъ въ изобиліи, поэтому они въ послѣдніе годы обратили вниманіе на скотоводство, которое пошло у нихъ довольно успѣшно. Что же касается земледѣлія, то вотъ сообщенныя мнѣ данныя:

	Посѣяно.	Снято	Ч. приб.
Пшеницы.	29 пуд.	200 пуд.	180 пуд.
Овса.	26 „	390 „	364 „
Гречи.	60 „	430 „	370 „
Картофеля.	54 „	655 „	601 „

Огурцовъ и капустъ урожай былъ хорошій; сѣна снято 3.487 копенъ.

Казалось бы, условія жизни при такихъ результатахъ земледѣлія должны быть исполнѣ удовлетворительны, а между тѣмъ крестьяне бѣдны даже настолько, что не въ состояніи были продать саперамъ ни одного фунта хлѣба. И дѣйствительно, если взять въ сложности сумму чистой прибыли всѣхъ родовъ хлѣбнаго посѣва вмѣстѣ съ картофелемъ въ Раздольномъ, то это составитъ 1.515 пудовъ, то есть по 18 съ небольшимъ пудовъ на душу, а при переводѣ на фунты оказывается, что на каждаго человѣка въ Раздольномъ придется по два фунта хлѣбной пищи въ день. Но изъ общей суммы, по настоящему, слѣдуетъ вычесть 364 пуда овса, поступающаго на прокормъ лошадей; въ такомъ случаѣ на каждаго жителя придется менѣе полутора фунта въ сутки. Повидно, что тутъ продавать на сторону не изъ чего. Причина недостатковъ, очевидно, въ малыхъ размѣрахъ запашки, а большаго количества не запахиваютъ, потому что занимаются почтовою гоньбой и извозомъ. По той же причинѣ здѣсь не достаетъ и земледѣльческихъ орудій. На содержаніе почты съ обязательными тремя тройками казна отпускаетъ по 2.000 р. въ годъ, и это доставляетъ крестьянамъ главную поддержку ихъ существованія. Обязательный гонъ держатъ они между станціями Барановскою (16¹/₂ верстъ) и Угловою (30 верстъ), но для перевозки грузовъ заподражуются и далѣе—съ одной стороны до Никольскаго, съ другой до Владивостока и въ послѣднемъ направленіи преимущественно въ зимнее время, по льду Амурскаго залива, такъ какъ между Раздольнымъ и Владивостокомъ, на протяженіи 70 верстъ по сухопутью, дороги не существуетъ, а есть одна только вьючная тропа, крайне затрудняющая сообщеніе между двумя пунктами.

Дальнѣйшая наша дорога отъ Раздольнаго, благодаря ровной мѣстности, тоже оказалась недурною. По выѣздѣ изъ селени въ разстояніи около версты лежитъ мостъ, исправ-

ленный саперами, и не вдалекѣ отъ него находятся какія-то небольшія озера или заводи, соединенныя между собою и съ Суифуномъ протоками. Вскорѣ проѣхали мимо манзовской фермы, расположенной при самой дорогѣ. Начиная отъ сего пункта, мѣстность представляетъ низменную сыроватую равнину, которая тянется до подножія Сихота-Алиня, въ этомъ мѣстѣ довольно пологого и широкаго. Склоны и темя его покрыты лѣсомъ, гдѣ иногда дикій виноградъ взвивается по сучьямъ прихотливо смѣлыми побѣгами и свѣшивается внизъ красивыми хвостами и гирляндами; много его встрѣчается тутъ по сторонамъ дороги. Спустясь съ перевала и переправясь черезъ ручей, мы снова поднялись въ гору и выѣхали на видъ станціи Барановской, расположенной среди прекрасной гористой и лѣсистой мѣстности. Здѣсь находился вмѣстѣ со станціей и военный постъ (одна линейная рота), нынѣ упраздненный. Онъ былъ основанъ въ 1869 г., послѣ такъ называемой «манзовской войны», и наименованъ «Барановскимъ», въ честь капитана генеральнаго штаба Баранова, тогдашняго начальника съемочной экспедиціи, а нынѣ губернатора Амурской области. То же названіе удержалось и за станціей.

Хребетъ Сихота-Алиня въ данной мѣстности покрытъ рѣдковатымъ, но довольно рослымъ лѣсомъ и преимущественно замѣчательнѣе тѣмъ, что его склоны, а мѣстами и самое темя болотисты. Это чисто мѣстная особенность природы, сродная, какъ говорятъ, и горамъ со-сѣдней Манчжуріи. Оригинальное появленіе болотныхъ растений на возвышенныхъ мѣстахъ, нѣрѣдко усѣянныхъ крупными каменьями, зависитъ здѣсь отъ чрезвычайнаго изобилія и густоты растительности вообще, вызываемой условіями жаркаго и влажнаго лѣта. Корни задерживаютъ свободный стокъ дождевой воды, которая такимъ образомъ за время дождевого періода скопляется при корняхъ въ обширныхъ лужи, а изобиліе вѣтвей и листьевъ препятствуетъ проникать въ глубь лучамъ солнца и запыщаетъ эти лужи отъ осушающаго дѣйствія вѣтровъ. Но еслибы дренировать эти склоны, то и здѣсь получились бы прекрасныя пастбища, да и качество лѣса въ молодыхъ подросткахъ деревьевъ значительно измѣнилось бы къ лучшему, тогда какъ нынѣ отъ излишней сырости почвы сердцевина ихъ подвергается преждевременному гніенію, что въ особенности отзывается вреднымъ образомъ на здѣшнемъ дубѣ. Впрочемъ мѣстные манзы, а по ихъ слѣдамъ и наши крестьяне уже и теперь не безъ успѣха борются съ горными болотами. Ежегодно двукратное выжиганіе сухой травы весной и осенью, двукратное кошеніе сѣна и вытаптываніе склоновъ и горныхъ луговъ домашнимъ скотомъ мало-по-малу обнажаютъ почву, а солнце и вѣтеръ сушатъ ее,

и такимъ образомъ тростникъ уступаетъ наковецъ свое мѣсто кормовымъ травамъ, тѣмъ болѣе что болота не проникаютъ въ глубину почвы. Дренажъ еще болѣе облегчалъ бы это дѣло, способствуя скорѣйшему стоку водъ въ дождливый періодъ лѣта.

Станція Барановская стоитъ совершенно одиноко среди лѣсной пустыни. Казармы линейной роты уже представляютъ жалкія развалины, изъ которыхъ болѣе цѣнный матеріалъ былъ забранъ солдатами для ихъ новаго помѣщенія, а остальное растаскано кѣмъ попало. Жить здѣсь далеко не безопасно и отъ хунгузовъ, и отъ тигровъ. Одинъ изъ послѣднихъ за пять дней до нашего проѣзда трое сутокъ рыскалъ около станціи, держа ее въ тѣсной блокадѣ, и унесъ свинью да телку, а одной лошади прокусилъ бокъ. Ямщики палили въ него холостыми зарядами, чтобы «попугать».

— Отчего жъ вы не били его пулей?—спросили мы ихъ.

— Помилуйте, гдѣ ужъ!—отвѣчаютъ, махнувъ рукой;—изъ нашихъ ружей пулей стрѣлять никакъ невозможно: того и гляди разорветъ, себя покалѣчишь. Ружьишки какъ есть нигуда негодныя, даже и звалия не стояція.

Вотъ кому слѣдовало бы поскорѣе раздать ружья Карля, поступившія въ сдачу послѣ перевооруженія здѣшнихъ военныхъ частей берданками. Ямщикамъ, телеграфистамъ и вообще русскимъ людямъ, обязаннымъ почему-либо жить въ уединенныхъ пунктахъ на безлюдья, эти ружья оказали бы весьма существенную помощь для защиты отъ разбойника и звѣря. Хорошо бы вооружить ими и всѣхъ вообще здѣшнихъ крестьянъ, а равно и нашихъ корейцевъ, потому что нынѣ и тѣ и другіе почти совсѣмъ лишены средствъ обороны противъ нападений хунгузскихъ шаекъ. Въ 1879 году, при посѣщеніи контръ-адмираломъ Эрдианомъ корейскихъ деревень, толпы корейцевъ останавливали его лошадей и, бросаясь на колѣна молили дать имъ ружья и порохъ, или поставить къ нимъ въ деревни солдатъ, на полномъ содержаніи отъ жителей, для защиты ихъ отъ хунгузовъ.

На Барановской мы остановились для перемѣны лошадей. Станція совершенно такая же, какія у насъ въ Россіи встрѣчаются на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ повсюду. Та же «чистая» горница для проѣзжихъ «господъ», съ тремя, четырьмя колченогими стульями и столомъ «самодѣльной» работы, съ двумя досчатыми якобы диванами, обязанными служить на случай въ качествѣ постелей, и съ какими-то почтовыми регламентами, вывѣшенными на стѣнѣ подъ зеленоватымъ стекломъ, въ засиженной мухами деревянной рамкѣ. Косоглазая рослая молодуха, живущая при станціи «за стряпуху», предложила намъ двѣ крынки цѣльнаго молока, которое и было рос-

пито съ большимъ удовольствіемъ. Эта тоже жалуется на тигровъ и говоритъ, что отъ нихъ, отъ лютыхъ, хоть совсѣмъ скота не держи, а кабы не тигры, просто богатѣть можно бы со скотомъ-то!

Отъ Барановской до Никольскаго 15¹/₂ верстъ. Дальнѣйшій путь, на протяженіи 11 верстъ, идетъ по гористой и лѣсистой мѣстности, гдѣ встрѣчается лѣсъ дровяной, строевой и отчасти хвойный. Подъемы и спуски довольно круты, плохо разработаны, въ падахъ и низинахъ много болотистой грязи и навороченныхъ камней, мѣстами колеи и колдобины просто ужасны, мостишки на ручьяхъ—дырявое гнилье. Вообще, сравнительно съ первою половиною пути, дорога гораздо хуже и, видимо, находится въ застарѣломъ запущеніи.

Проѣхавъ съ версту, подполковникъ Винниковъ предложилъ мнѣ свернуть для сокращенія пути въ сторону и кстати познакомиться поближе со здѣшними лѣсами. Въ сопровожденіи вѣстового трубача, взяли мы вѣво и пошли по цѣлинѣ, лѣсомъ, прорываясь сквозь высокую траву и хлесткій кустарникъ. Если деревья здѣсь растутъ довольно быстро, то кустарниковыя породы разрастаются еще скорѣе, придавая собою этимъ лѣсамъ много красоты и разнообразія. И въ самомъ дѣлѣ, чего только тутъ не было!.. Я уже перечислялъ выше главнѣйшіе виды кустарниковъ этого края. Въ тѣхъ заросляхъ, которыми теперь мы пробирались, преобладали лещина, боярышникъ, шиповникъ, красовавшійся множествомъ пурпурныхъ ягодъ, и леспедеца. Говорятъ, что эта послѣдняя во время цвѣтенія, въ іюнѣ мѣсяцѣ, просто заливаєтъ лѣса своимъ красивымъ розовымъ цвѣтомъ. Виноградъ и здѣсь пугалъ собою кусты и деревья; гроздья уже созрѣли, но ягоды были мелки и кисловаты, что не мѣшаетъ однакоже дѣлать изъ нихъ недурное вино. Жаль, что виноградъ и до сихъ поръ еще не культивируется въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, гдѣ казалось бы существовать всѣ условія для его успѣшнаго разведенія.

Въ лѣсу преобладалъ дубъ. Но гораздо больше, чѣмъ живыхъ деревьевъ, попадалось намъ на каждомъ шагу обгорѣлыхъ или срубленныхъ старорослыхъ стволовъ, что вмѣстѣ съ высокою травой довольно-таки затрудняло движеніе, не говорю уже о массѣ валежника. Эти колоды и громадныя головешки являются слѣдами безпощаднаго лѣсоистребленія. Манзы рубятъ дубъ и оставляютъ его гнить на мѣстѣ для того, чтобы черезъ годъ воспользоваться вырастающимъ на стволѣ слизистымъ грибомъ, который очень цѣнится за границей китайскими гастрономами и обывается тамъ манзами-промышленниками по пятнадцати и до двадцати серебряныхъ рублей за фунтъ. Поэтому здѣсь существуетъ цѣлый промыселъ, называемый гриб-

нымъ, ради котораго манзы истребили по Суйфуну и въ западной части Южно-Уссурийскаго края громадныя площади дубовыхъ лѣсовъ. И все это сдѣлано уже подъ нашимъ владычествомъ, безъ всякаго права, безъ всякаго спроса. Обгорѣлыя деревья тоже представляютъ результатъ другого рода манзовской промышленности. Въместо того чтобъ охотиться на звѣря облавой, они предпочитаютъ пускать по лѣсу палъ, поджигая его по вѣтру полукружіемъ или съ трехъ сторонъ на протяжении нѣсколькихъ верстъ. Огонь гонитъ лѣсное звѣрье по одному направленію—къ заранее устроеннымъ засѣкамъ и ямамъ. Деревья при такомъ способѣ охоты гибнутъ тысячами, тѣмъ болѣе, что манзы не принимаютъ ровно никакихъ мѣръ къ ограниченію площади лѣсного пожара. А сколько въ огнѣ погибаетъ звѣря совсѣмъ задаромъ, безъ пользы для самихъ охотниковъ!.. Все это дѣлается главнѣйшимъ образомъ ради добычи драгоцѣнныхъ *пантовъ*,—такъ называютъ здѣсь молодые олени рога, которые въ Китаѣ употребляются на выдѣлку какого-то возбуждательнаго средства и цѣнятся отъ 150 до 400 рублей за хорошую пару. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ лѣса суйфунскаго района уже сильно порѣдѣли, и потому оба промысла въ настоящее время передвинулись далѣе въ глубь Уссурийскаго края. Еще лѣтъ двадцать такихъ порядковъ, и роскошныя уссурийскія лѣса перейдутъ въ область воспоминаній и мѣстныхъ преданій.

Слѣдуя по лѣсу, мы пересѣкли три глухіе оврага, густо поросшіе кустами и большелистными пышнымъ папоротникомъ. Въ одномъ изъ этихъ овраговъ трубачъ-вѣстовой указалъ мнѣ «тигрино логово», которое можно было призвать по сильно принятой въ кружокъ травѣ на пообглоданнымъ костямъ телят, валявшимся тутъ же около. Хорошо что хозяина не случилось дома, а то нашъ нечаянный визитъ къ нему едва ли сошелъ бы намъ съ рукъ благополучно.

Когда поднялись мы на послѣдній перевалъ горнаго хребта, гдѣ уже кончался лѣсъ, предъ нами вдругъ открылась прекрасная широкая долина Суйфуна. Прелестная, слегка вхожденная мѣстность; излучины рѣки, сверкающія багрянцемъ и золотомъ подъ лучами заходящаго солнца; берега, окаймленные густыми зарослями ивы и таволги; лѣски и рошцы, тамъ и сямъ разбросанные по долинамъ, вдоль ручьевъ и рѣчекъ, а въ лиловой дали цѣлыя перспективы лѣсистыхъ холмовъ и среди этой долины большое широко-раскинувшееся село съ церковью. Это—Никольское, гдѣ нынѣ расположенъ штабъ Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады.

При спускѣ съ хребта находится деревушка Суйфунская, не болѣе какъ въ пять-шесть

крестьянскихъ дворовъ, выселившихся изъ Никольскаго. Отсюда до сего послѣдняго оставалось пять верстъ, но мы взяли мимо почтовой дороги, влѣво по берегу Суйфуна, и тѣмъ сократили свой путь еще версты на двѣ. Переправясь въ бродъ черезъ рѣчку Тудогу, на которой стоитъ Никольское, застали на берегу начальника стрѣлковой бригады, генерал-майора Красовскаго, выѣхавшаго къ этому мѣсту въ полной парадной формѣ на встрѣчу С. С. Лесовскому и командующему войсками Приморской области М. П. Тихмееву. Вскормъ по дорогѣ показались имъ экипажи и вмѣстѣ съ этимъ раздались салютныя выстрѣлы пѣшей Восточно-Сибирской батареи, расположившейся развернутымъ фронтомъ на полѣ. При въѣздѣ въ село нашъ адмиралъ былъ встрѣченъ всѣми жителями, которые почтили его хлѣбомъ-солью и привѣтственными криками. Сюда же выѣстѣ съ русскими крестьянами высынала и толпа манзовъ, но послѣдніе держались въ сторонѣ безъ всякихъ извѣщеній и вообще были очень сдержаны. 3-й и 4-й стрѣлковые батальоны выстроились безъ оружія по обѣимъ сторонамъ дороги со всѣми налицыми офицерами и бригаднымъ штабомъ. Рота со знаменемъ, при хорѣ музыкантовъ, стояла въ почетномъ караулѣ у дома бригаднаго командира, гдѣ для С. С. Лесовскаго было приготовлено помѣщеніе. На площади предъ казармами и по сторонамъ проѣзда пылали костры, такъ какъ въ это время почти совсѣмъ уже стемнѣло. Сумерки въ этомъ краѣ бываютъ очень непродолжительны, и полная ночь наступаетъ быстро, минутъ пятнадцать—двадцать спустя послѣ заката солнца.

Помѣщеніе бригаднаго командира, гдѣ со стороны любезнаго хозяина намъ былъ предложенъ обѣдъ, отдѣлено очень комфортно, чего даже и ожидать не могли мы въ Никольскомъ; обои, мебель, предметы обстановки—все это привезено изъ Петербурга. Послѣ обѣда происходило военное совѣщаніе, въ виду предполагаемаго движенія изъ Никольскаго на неприязельскую территорию, въ случаѣ объявленія войны съ Китаемъ. Я встрѣтился здѣсь со своимъ старымъ знакомцемъ, командиромъ 3-го батальона, подполковникомъ Петерсономъ, который повелъ меня на почлегъ къ себѣ на квартиру. У насъ съ нами паншлось не мало обихатъ воспоминаній по кампаніи 1877 года и по стоянкѣ въ Санъ Стефано.

На разсвѣтъ 4 октября, въ исходѣ шестого часа утра, насъ разбудили звуки стрѣлковыхъ рожковъ и заставили поскорѣй одѣваться, чтобы поспѣть къ выходу адмирала. Утро было ясное и морозное настолько, что оконныя стекла за ночь слегка разрисовались затѣйливыми узорами. Въ началѣ октября такой утренникъ представляетъ здѣсь явленіе нѣсколько преждевременное, которое, по нормальнымъ усло-

віямъ климата, должно бы имѣть мѣсто лишь во второй половинѣ этого мѣсяца, и такъ какъ наканунѣ нельзя было предвидѣть мороза, то войска, въ количествѣ двухъ батальоновъ, одной батареи и взвода Конно-Уссурийскихъ казаковъ, въ силу отданнаго съ вечера приказа, были выведены на смотръ въ однихъ мундирахъ. Поэтому адмиралъ ограничился только обходомъ фронта и краткою, прочувствованною рѣчью къ людямъ, которые послѣ этого были отпущены домой безъ прохождения церемониальнымъ маршемъ; а мы отправились осматривать село и древности, уцѣлшія въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Село Никольское основалось въ 1866 году, благодаря переселенцамъ съ Амура. Влекли ихъ въ эту сторону надежды на мягкій климатъ и возможность разведенія фруктовыхъ садовъ, такъ какъ сами они были уроженцами южныхъ губерній Европейской Россіи, преимущественно воронежцы и астраханцы. Въ навигацію того года пароходы Амурскаго общества доставили сюда 64 семьи крестьянъ, въ количествѣ 424 душъ, которые основали: деревню Астраханку, на берегу озера Ханка, 27 дворовъ; село Никольское, на берегу рѣчки Тудогу (притокъ Суйфуна), 19 дворовъ, и деревню Романовскую, на Уссуріи, 18 дворовъ, но послѣднія, по причинѣ сырости почвы и климата, просуществовала недолго и въ зиму 1868—69 года переселилась въ прекрасную мѣстность, въ 12 верстахъ отъ Никольскаго, гдѣ и основалось село Михайловское (61 душа). Подъ впечатліемъ благоприятныхъ слуховъ объ условіяхъ жизни и земледѣлія въ Ханкайскомъ и Суйфунскомъ округахъ, переселеніе приамурскихъ крестьянъ продолжалось и въ 1867 году; но слѣдующій 1868 годъ былъ очень тяжелъ для Никольскаго. Въ семь послѣднихъ году разыгралось возстаніе манзовъ, не признающихъ и доселѣ принадлежности Уссурийскаго края Русской державѣ и считающихъ, что русскіе поселенцы допущены сюда лишь временно, по неизреченной милости къ нимъ богдыхана, съ тѣмъ, что въ текущемъ 1881 году они должны либо принять китайское подданство, либо совсѣмъ убраться вонъ изъ края. Во время этого возстанія, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ «манзовской войны», большія и хорошо организованныя банды хунгузовъ, направляясь съ низовьевъ рѣки Сучана, провизжали своимъ шествіемъ всю внутренность края, въ направленіи къ Никольскому и манчжурской границѣ, ознаменовавъ свой путь убійствами русскихъ крестьянъ и поджогами ихъ селеній. Никольское уже и въ то время явилось хорошо обстроеннымъ селомъ съ обширными запашками. Въ маѣ мѣсяцѣ хунгузы сожгли его до тла, равно какъ и деревню Суйфунскую, убивъ при этомъ нѣсколько жителей, и угнали съ собой весь крестьянскій

скотъ. Поселенцы наши спаслись отъ нихъ только успѣшнымъ бѣгствомъ въ Камень-Рыболовъ, подъ защиту расположеннаго тамъ батальона, и возвратились на старое пеленіе уже въ августѣ, когда мѣстность была очищена отъ хунгузскихъ шаекъ. вмѣстѣ съ ними была переведена сюда изъ Камня-Рыболова рота линейныхъ солдатъ, подъ охраной которой крестьяне сняли со своихъ полей то, что осталось непотоптаннымъ, и начали вновь строиться.

Несмотря однако на манзовское возстаніе, вредно отозвавшееся на всемъ край, благосостояніе какъ Никольскаго, такъ и прочихъ селеній Ханкайскаго округа, возрастало все болѣе, благодаря счастливому выбору мѣсть подъ поселенія, хорошей почвѣ и нестѣсненію дальнѣйшихъ переселеній тѣхъ деревень, которые по первому разу осѣлись менѣе удачно. Въ настоящее время эти селенія, можно сказать, процвѣтаютъ; хлѣбные посѣвы даютъ весьма хорошіе урожаи, избытками коихъ жители продовольствуютъ даже окрестныя войска, и бодро, съ полною вѣрой смотреть на свою будущность, въ особенности зажиточные поселенцы Турьяго Рога, Астраханки и Никольскаго, уже вполне освоившіеся съ краемъ. Они съ увѣренностію говорятъ, что не замедлятъ изъ него «сдѣлать Россію». Тѣмъ не менѣе потребность въ дальнѣйшей колонизаціи русскими землепашцами сказывается съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и неотложнѣе, потому что валывъ китайскаго населенія къ намъ все растетъ, отвоевываетъ у насъ мирнымъ путемъ эту землю и мало-по-малу, посредствомъ разныхъ насилій, убійствъ и поджоговъ, вытѣняетъ изъ насѣженныхъ мѣстъ нашихъ колонистовъ. Но для этого прежде всего необходимо обезпечить свою границу отъ постоянныхъ прорывовъ хунгузскихъ шаекъ, учредивъ на ней достаточную охрану, безъ чего никакая правильная колонизація, какое развитіе сельскаго труда и благосостоянія немислимы внѣ ближайшаго, непосредственнаго сосѣдства войскъ, ибо невозможно вѣчно жить и работать подъ страхомъ, что вотъ-вотъ нагрянутъ хунгузы, сожгутъ хлѣбъ или хату, угонятъ скотъ, уведутъ въ неволю дочь или мальчика-сына. Надо положить рѣшительный конецъ этой постоянной малой войнѣ съ манзами въ предѣлахъ Уссурийскаго края.

Съ переводомъ въ Никольское воинской части оно быстро стало развиваться въ экономическомъ отношеніи и еще съ осени того же несчастнаго 1868 года населеніе его увеличилось крестьянами съ Верхней Уссуріи и рѣки Даубихе. Съ увеличеніемъ количества войскъ и земледѣліе въ Ханкайскомъ округѣ уже въ 1873 году успѣло развиваться настолько, что цѣны на всѣ сельскіе продукты сильно упали противъ цѣнъ 1869—70 годовъ и жизнь по-

дешевѣла. Къ сожалѣнію сбытъ этихъ продуктовъ, кромѣ какъ въ ближайшія военскія части, остается и до сихъ поръ крайне затруднительнымъ, по недостатку хотя сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія со Владивостокомъ. Впрочемъ, съ 1880 года окрестный сбытъ значительно противъ прежняго оживился, благодаря тому обстоятельству, что въ Никольскомъ, кромѣ пѣшей Восточно-Сибирской батареи, расположился на постоянное пребываніе еще два стрѣлковыя батальона.

Суглинистая и черноземная почва этихъ мѣстъ чрезвычайно удобна не только для хлѣбопашества, но и для садоводства. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Никольскаго, правительствомъ на собственные средства, при помощи ученаго садовода г. Ветергофа, развело пробный разсадникъ, гдѣ первоначально было посажено 4.000 фруктовыхъ деревьевъ, но изъ нихъ 400 сгорѣло во время пущеннаго манамы пала. Тутовое дерево, въ числѣ 600 экземпляровъ, развивается очень хорошо и представляетъ полную коллекцію своихъ разновидностей. То же должно сказать и о культивированіи винограда, изъ котораго г. Ветергофъ уже выдѣлываетъ вино. Огородничество точно также дѣлаетъ прекрасные успѣхи во всѣхъ здѣшнихъ селеніяхъ.

Въ настоящее время въ Никольскомъ считается 107 хозяйскихъ дворовъ и 670 жителей (изъ нихъ 320 женщинъ); сверхъ того, девять дворовъ китайскихъ. Крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, занимаются торговлей и извознымъ промысломъ. Большинство строений въ селѣ бревенчатая, обмазанная снаружки бѣлою глиной; есть и двухъ этажные дома съ мезонинами, крылечками и расписными ставнями; есть и лавки съ «панскими» и колониальными товарами; улицы широки и разбиты правильно, кое-гдѣ попадаются даже фонари. Деревянная церковь отлится благообразною постройкой, подобающею православному храму, — не то что во Владивостокѣ, гдѣ единственную церковь отличили отъ казеннаго провiantскаго сарая развѣ по тому только, что надъ нею торчитъ маленький деревянный крестикъ. Въ Никольскомъ живетъ нашъ пограничный комиссаръ г. Матюшинъ, а офицеры учредили свой клубъ и библиотечку. Словомъ сказать, несмотря на 9.820 верстъ разстоянія отъ Петербурга, служащимъ людямъ жить было бы можно, даже съ нѣкоторымъ удобствомъ, еслибы не ужасная дороговизна на всѣ привозные товары, получаемые здѣсь изъ Владивостока. При такой дороговизнѣ не хватаетъ на прожитіе полноторнаго содержанія, получаемого служащими, и они поневолѣ вынуждены входить въ тяжелые долги, а нерѣдко и бѣдствовать. И это не въ одномъ только Никольскомъ; то же самое явленіе бросается въ глаза рѣшительно во всемъ край и прежде всего въ самомъ Владивостокѣ. Сильно

ошибаются тѣ, что разсчитываютъ ѣхать сюда на службу «для поправленія обстоятельствъ», ибо честною службой ихъ не поправивъ, а человекъ семейный, живущій однимъ жалованьемъ, рискуетъ окончательно запутаться. Тутъ противъ потребителя совокупляется все: и низкій курсъ нашего рубля, и аломѣренныя стачки «привилегированныхъ» владивостокскихъ коммерсантовъ — пѣмцевъ, которые столько лѣтъ пользовались исключительнымъ фаворомъ мѣстной власти въ ущербъ русскимъ торговцамъ, и малочисленность русскаго производительнаго населенія, и манзовская рыночная эксплуатация.. Значительная доля вины за такое печальное положеніе падаетъ на тенденцію мѣстныхъ администраторовъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, которые, будучи сами нерусскаго происхожденія, старались выдвинуть на первый планъ иностранный (преимущественно нѣмецкій и отчасти финляндскій) торговый элементъ, какъ болѣе «цивилизованный», и своимъ отношеніемъ къ чисто русскимъ торговцамъ не только парализовали ихъ начинанія, но многихъ и вовсе выкурили изъ края. Теперь только двое русскихъ купцовъ, нашедшихъ въ себѣ достаточно воли и характера, чтобы перемочь, выдержать борьбу и остаться въ край, ведутъ дѣла довольно крупныхъ размѣровъ, это гг. Семеновъ и Федоровъ, но у перваго специальность морская капуста, а у втораго — лѣсопильное дѣло; господинъ же Чуринъ, торгующій русскими мануфактурными товарами, настолько сжатъ преобладаніемъ мѣстной иностранной конкуренціи, что не можетъ развивать свое торговое дѣло такъ, какъ слѣдовало бы и по его добросовѣстности и по его положенію въ смыслѣ русскаго. Чтобы поднять русскую торговлю, надо начать сначала, то-есть опять привлечь купцовъ изъ Сибири, а это очень и очень трудно послѣ опытовъ прошлыхъ лѣтъ. Теперь они боятся рисковать и говорятъ, что еслибы положеніе ихъ въ этомъ край было обезпечено прочною законодательною мѣрой, тогда другое дѣло, а то гляди, опять посадятъ цѣлый рядъ нѣмцевъ-начальниковъ и кто-нибудь изъ нихъ опять выкурить тебя изъ края. Помочь этому горю въ настоящее время мнѣ кажется можетъ одно только Общество Добровольнаго Флота, снабжая край русскими товарами и издѣліями. Хорошо бы было, еслибы Общество, взявъ на себя и эту отрасль дѣятельности, устроило во Владивостокѣ свою факторію, которая имѣла бы полную возможность регулировать и поддерживать христіанскую, то-есть добросовѣстную норму здѣшнихъ цѣнъ на предметы хотя бы первой необходимости. Это на много парализовало бы гнусныя стачки и торговый произволъ нашихъ привилегированныхъ иностранцевъ. Да пора бы тоже положить конецъ и этимъ неумѣстнымъ привилегіямъ.

Изъ селенія мы проѣхали къ древнимъ землянымъ окопамъ, находящимся — одинъ въ разстояніи полуверсты, а другой около трехъ верстъ отъ Никольскаго. Первое изъ укрѣпленій представляетъ неправильный четырехугольникъ, обнесенный трехсаженнымъ валомъ съ выдающимися присыпками для фланговой обороны; рва не замѣтно и надо думать по всей вѣроятности что его не существовало вовсе, потому что въ другомъ, дальнѣйшемъ окопѣ при одинаковыхъ условіяхъ мѣстности онъ сохранился очень хорошо; стало-быть и здѣсь не могъ бы исчезнуть безслѣдно. Внутри перваго укрѣпленія замѣтно не мало «могилъ» или курганчиковъ, которые, по своей большей частью неправильной формѣ, заставляютъ предполагать, что это скорѣе остатки фундаментовъ и развалины какого-то древняго города, занесенные отъ времени слоемъ назема и заросшіе травой, чѣмъ могилы древняго кладбища. Да и самое положеніе ихъ *внутри* окопа свидѣтельствуетъ въ пользу перваго предположенія, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ курганахъ еще сохранились остатки кирпичей. Въ самомъ Никольскомъ валяются два каменные изваянія какихъ-то животныхъ въ натуральную величину. Вѣроятно же всего, что это большая «корейская собака», каменный изображенія которой и до сихъ поръ можно видѣть у преддверій и во дворахъ нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ не только въ Китаѣ, но и въ Японіи. Это—своего рода перберъ, охраняющій входъ во святилище. Нерѣдко при раскопкахъ земли подъ огороды, при рытьѣ фундаментовъ, погребовъ и колодезевъ, никольскіе крестьяне находятъ глиняные и фаянсовые осколки утвари и остатки разныхъ издѣлій. Все это служитъ доказательствомъ, что на мѣстѣ Никольскаго когда-то, въ глубокой древности, существовалъ большой укрѣпленный городъ, быть-можетъ даже столица этой провинціи, а остатки дорогъ и древнихъ пахотныхъ полей свидѣтельствуютъ, что это была страна весьма культурная и что характеръ ея культуры заимствованъ изъ Китая, такъ какъ паши идутъ рядами узкихъ грядокъ, а этотъ способъ обработки и до сихъ поръ сохранился у китайцевъ.

Второе дальнѣйшее укрѣпленіе представляетъ правильный почти квадратный редутъ, протяженіемъ около версты по каждому фасу, съ трехсаженнымъ валомъ и широкимъ рвомъ, расположенный на совершенно ровной плоскости. Съ южной его стороны шагахъ въ двухстахъ находится отдѣльное небольшое укрѣпленіе тоже квадратной формы, облежавшее вѣроятно какую-нибудь башню и служившее для фланговой обороны главнаго фронта, каковымъ здѣсь является именно южный фасъ.

Подобные окопы встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ этого края, между прочимъ на вер-

ховыхъ Даубихѣ и по теченію Суйфуна. На послѣдней рѣкѣ, въ пространствѣ между Никольскимъ и станицей Константиновскою, сохранилось три такихъ укрѣпленія и, судя по ихъ расположенію исключительно на лѣвомъ берегу, причѣмъ самая рѣка служила какъ бы предварительною зашитою въ видѣ естественнаго рва, должно думать, что главный оборонительный фронтъ этихъ крѣпостей былъ направленъ противъ Манчжуріи и что Суйфунъ былъ пограничною рѣкой.

Какой именно народъ населялъ въ болѣе отдаленной древности эти мѣста—нынѣ неизвестно, и ни у гольдовъ съ тазами, ни у корейцевъ, ни у манзовъ не сохранилось о томъ никакихъ преданій. Въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются лишь позднѣйшія (сравнительно) и притомъ отрывочныя свѣдѣнія о край и причинахъ того запустѣнія, въ какомъ онъ пребываетъ за свыше двухсотлѣтній періодъ своего существованія до перехода подъ русскую державу. Извѣстный нашъ синологъ, профессоръ В. П. Васильевъ, основываясь на китайскихъ источникахъ, говоритъ, что древнее населеніе этого края пользовалось самостоятельностью и было извѣстно китайцамъ подъ именемъ воцзи. И дѣйствительно, за самостоятельность сего населенія говорятъ его крѣпости, обращенныя фронтомъ къ Манчжуріи. Но, въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1607 по 1615 годъ нашей эры) манчжурскія орды совершили пять нашествій на воцзи и за это время поунничали города, разорили всю страну и увели въ неволю всѣхъ, кто былъ помоложе да поздороуѣе, а все остальное пало подъ ихъ ножами. Такимъ образомъ край опустѣлъ и мало-помалу сдѣлался добычей китайскихъ бѣглецовъ, преступниковъ, авантюристовъ и всякаго рода китайской голытбы, извѣстной подъ общимъ нарицательнымъ именемъ манзовъ¹⁾.

Таковы-то позднѣйшія свѣдѣнія объ Уссурійскомъ край. Но еще за много вѣковъ до начала XVII столѣтія край былъ ареной борьбы разныхъ племенъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Тѣ же манчжуры однажды обладали имъ еще въ XII столѣтіи, чему подтвержденіемъ отчасти служитъ одна могила, которую намъ показывали на пути отъ Никольскаго къ дальнему окопу. Лежитъ она немного въ сторонѣ отъ дороги, въ полуверстѣ отъ селенія, и представляетъ собою небольшой бугорокъ, служащій подножіемъ для высѣченной изъ красноватаго гранита черепахи (китайская эмблема вѣчности) длиной въ семь и шириной въ шесть футовъ. На ея спинѣ находится поперечное углубленіе, въ которое была стоймя вставлена мраморная плита до восьми футовъ длиной, украшенная въ верхней своей части

¹⁾ Мань-цзы по-китайски значитъ — бѣглець, выходець, бродяга.

изображеніемъ дракона (китайскій государственный гербъ) и покрытая высѣченными китайскими письменами. Другой изъ нашихъ извѣстныхъ синологовъ, покойный настоятель православной миссіи въ Пекинѣ, архимандритъ Палладій, въ 1871 году изслѣдовалъ всѣ эти древности на мѣстѣ и разобралъ китайскую надпись. По его словамъ, она относится къ XII вѣку и свидѣлствуетъ, что на семъ мѣстѣ погребенъ одинъ изъ родственниковъ Чингисъ-хану князей, властитель даннаго края. М. П. Тихменевъ въ 1879 году производилъ здѣсь раскопку и дорылся до кирпичнаго свода, но къ сожалѣнію, дальнѣйшее изслѣдованіе за недостаткомъ времени не продолжалось, а въ слѣдующемъ году уже и мраморная плита исчезла. Говорятъ, что крестьяне разбили ее на части и разобрали по домамъ—больно ужъ годится въ грузъ на крышки къ бочкамъ съ квашеною капустой.

Послѣ завтрака мы оставили Никольское и тронулись въ обратный путь, подъ конвоемъ взвода Конно-Уссурийской сотни¹⁾. Относительно людей и лошадей этой сотни нельзя не замѣтить, что тѣ и другія довольно выносливы. Когда потребовались два взвода въ конвой, люди были тотчасъ же собраны съ разныхъ постовъ къ сотенному штабу, а оттуда немедленно же направлены къ Раздольной пристани, такъ что въ теченіе двадцати часовъ имъ пришлось сдѣлать 106 верстъ, да еще предстоитъ отмахать, въ конвой же съ генераломъ Тихменевымъ, болѣе 700 верстъ до Хабаровки, если пароходное сообщеніе по Уссури прекратится ранѣе обычнаго срока.

На Раздольской пристани все еще изнывали голодные саперы, ожидая нашего прибытія, въ надеждѣ, что С. С. Лесовскій разрѣшитъ имъ слѣдовать въ этотъ же рейсъ на «Суйфунъ». Тутъ же на берегу набралось нѣсколько женщинъ—крестьянскихъ и солдатскихъ женъ съ ребятишками и грудными младенцами, отправлявшихся во Владивостокъ—однѣ къ мужьямъ, другія на заработки. Эти женщины тоже разсчитывали — не будетъ ли милости подвезти ихъ на казенномъ пароходѣ до устья, гдѣ ихъ приметъ къ себѣ на бортъ пароходъ «Амуръ». Адмиралъ не только разрѣшилъ, но даже самъ предложилъ ѣхать на «Суйфунъ» и начальнику саперной команды съ его людьми и женщинами.

Ужъ не знаю, сорокъ ли человекъ (кромя женщинъ) лишнихъ пассажировъ оказались такою существенно надбавкой къ суммѣ обычнаго груза этого парохода или убыль воды стала черезчуръ уже велика, только, отваливъ отъ пристани, онъ тотчасъ же сѣлъ на мель,

и долго, несмотря на всѣ усилія матросовъ, не могъ сдвинуться съ мѣста. Какъ ни жалко, а необходимость очевидно указывала, что для облегченія надо посадить саперовъ и женщинъ опять на берегъ, до слѣдующаго рейса. Но на ихъ счастье явился вдругъ манза, хозяинъ одной изъ большихъ «шампанокъ» (сампангъ), готовившійся плыть къ морю, и заявилъ, что онъ охотно приметъ всѣхъ лишнихъ пассажировъ на свою лодку, если мы возьмемъ ее къ себѣ на буксиръ. Капитанъ разумѣется согласился на это предложеніе, и команда съ ея имуществомъ перегрузилась на шампанку, а женщины остались у насъ на палубѣ, и послѣ этого «Суйфунъ» тронулся наконецъ въ путь въ пятомъ часу пополудни. М. П. Тихменевъ съ лицами своего штаба остался на берегу и простился съ нами до новой встрѣчи либо на боевомъ полѣ, у береговъ Лиутунскаго залива, либо когда-нибудь въ Петербургѣ.

Къ началу седьмого часа уже совсѣмъ свечерѣло, и яркая луна заблистала на совершенно ясномъ небѣ. Было свѣтло почти какъ днемъ, до такой степени чистъ былъ воздухъ, но берега принимали мѣстами обманчивыя тѣни и очертанія: корчага казалась торчащимъ изъ воды камнемъ, прибрежный кустъ вмѣстѣ со своимъ отраженіемъ въ неподвижно зеркальной глади рѣки принималъ размыты большого дерева, скірды сѣна вырѣзывались на фонѣ неба точно черныя крыши домовъ... Горизонтъ пылалъ заревомъ обширныхъ луговыхъ пожаровъ, и вскорѣ мы поплыли какъ бы вдоль огненнаго корридора. Это манзы выжигали прибрежныя низменности подъ сѣнокосы будущаго года. Сухіе желто-бурые стебли тростеполевицы такъ и трещали, будто бѣглый ружейный огонь, палимыя быстро бѣгущимъ пламенемъ. Огненные языки крутились и взметывались къ небу, темно-багровый густой дымъ валилъ клубящимися тучами, мірады искръ носились въ воздухъ надъ рѣкой и иногда, подхваченныя легкимъ вѣтеркомъ, выщипывая вереницами переметывались съ берега на берегъ, словно бы неисчислимые рои какихъ-то огненныхъ наѣкомыхъ, а въ небѣ то тамъ, то сямъ металась ошалѣлая чайка и съ испуганными криками высоко тянула къ юго-западу стаи болотныхъ и водяныхъ птицъ, убѣгая отъ пожара. Иными мгновеніями при взмахѣ бѣлыхъ крыльевъ яство въ чаекъ на нихъ отражался розоватый отблескъ зарева. Было что-то грозное и будто зловѣщее въ этой своеобразной и величавой картинѣ.

— То-то, чай, тигры снаются теперь сломя голову изъ этихъ камышей,—замѣтилъ, глядя на пожаръ одинъ изъ «суйфунскихъ» матросовъ.

— А чтò, развѣ и здѣсь водятся?

— Эво-на! гдѣ-жъ имъ и водиться! Камыши,

¹⁾ Другой взводъ, готовый на смѣну перваго, ожидалъ адмирала на станціи Барановской.

самъ изволишь видѣть, ваше высокоблагородіе, куды выше человѣчяго росту, да и густота. Тутъ имъ самый уютъ-то и былъ, безопаснѣе даже чѣмъ въ лѣсу. Кто-жъ бы сюда сунулся!

— Ну вотъ стало-быть и манзы что-нибудь хорошее дѣлають.

— Хорошо-то оно хорошо, да гляди какъ бы палъ на лѣсъ не перекинулся... Вѣдь манза, онъ жжетъ безъ разсудку, никакой предосторожности. Какъ разъ перекинетъ полями, и сейчасъ, страсть, что погорить лѣсу. Не впервой уже...

И дѣйствительно, начальникъ гидрографической части во Владивостокѣ, М. А. Клыковъ, удостовѣряетъ, что въ 1862 году онъ самъ былъ очевидцемъ, какъ отъ подобныхъ причиятъ осенью въ ноябрѣ мѣсяцѣ горѣло все наше побережье Японскаго моря, отъ широты 43 до 45 градуса. Подумайте каково же пространство!

Спусти около часа мы миновали область луговыхъ пожаровъ и вышли снова на чистый воздухъ, не испытывая больше ждакаго запаха гари. Въ воздухѣ уже замѣтно похолодѣло и къ полувочи по всѣмъ признакамъ опять надо было ожидать мороза. Небо оставалось все такимъ же прозрачно-яснымъ, и луна сіяла еще ярче, но ночная темнота уже вполне распростерлась надъ землей, и очертанія пребрежныхъ предметовъ стали еще фантастичнѣе. Командиръ «Суйфуна», Викторъ Ивановичъ М — ри, пытался было въ которое время идти впередъ, но наконецъ предпочелъ стать на якорь верстахъ въ пяти отъ устья. Эта неожиданная остановка у многихъ изъ пассажировъ вызвала недовольство и даже насмѣшки насчетъ чересчуръ уже большой осторожности капитана. Да и въ самомъ дѣлѣ досадно было ночевать на холоду, среди пустыни, безо всякихъ удобствъ, тогда какъ въ семъ-восьми верстахъ стоитъ на якорѣ «Европа», гдѣ у каждаго есть своя теплая каюта, чистая постель и всевозможный комфортъ, какой только можетъ представить превосходно устроенное флагманское судно. Но несмотря на недовольство, просьбы, убѣжденія и подлѣ конецъ даже нѣкоторые ядовитыя замѣчанія насчетъ капитанской смѣлости и знанія дѣла, нашъ маленькій капитанъ выдерживалъ характеръ.

— Если мнѣ прикажутъ, я пойду, — отвѣчалъ онъ Р. Б. Асланбегову на вопросъ, чего ради произошла эта досадная остановка, — я пойду хоть сію минуту, но прошу принять во вниманіе, что русло рѣки отъ наносовъ измѣняется ежегодно, а створные знаки уже два года вовсе не провѣрялись, такъ что я хожу не по нимъ, а ориентируюсь на разные береговые предметы, которые ночью очень обманчивы: я могу ошибиться и посадить пароходъ на мель, а вѣдь только этимъ пароходомъ и поддерживается единственное сообщеніе Владивостока съ Россіей, и кромѣ того мнѣ предстоитъ еще

перевезти на немъ 20.000 пудовъ казеннаго военнаго груза для Никольскаго, а навигація прекращается 15 октября. Если же пароходъ станетъ на мель не въ рѣкѣ, а на барѣ, гдѣ теперь, при отливѣ, глубина не болѣе полутора фута, то къ утру его засосетъ пескомъ, и тогда какими судьбами перевезется этотъ грузъ?

С. С. Лесовскій вполне поддержалъ капитана, признавъ полную основательность его доводовъ, и сказалъ ему, что такъ какъ онъ командиръ судна, то пусть распоряжается какъ сочтетъ за лучшее, — и «Суйфунъ» остался на якорѣ.

Саперы съ пиланки сошли на берегъ и чтобы согрѣться развели большой костеръ, поддерживая вплоть до утра его пламя, а женщины съ дѣтьми Викторъ Ивановичъ перевелъ къ себѣ на «Суйфунъ» и помѣстилъ ихъ въ камбузъ, какъ въ самомъ тепломъ уголкѣ судна, да кромѣ того подѣлялся и съ ними, и съ саперами матросскою порціей изъ пароходнаго запаса. Такимъ образомъ, благодаря великодушію маленькаго капитана, несчастные люди хоть сколько-нибудь закусили на ночь.

Въ виду необходимости ночевать на «Суйфунѣ» пришлось поближе ознакомиться съ его каютнымъ устройствомъ. На немъ, не считая матросскаго уголка на бакѣ, имѣется собственно одна каюта «капитанская», а другую, смежную, сочинилъ уже самъ Викторъ Ивановичъ. Надо замѣтить, что на ремонтъ парохода отпускаются такіе пустяки, что казенной суммы далеко не хватаетъ на самыя необходимыя исправленія и притомъ изъ порта не отпускаютъ ему никакихъ матеріаловъ натурой. Поэтому-то Викторъ Ивановичъ, имѣя въ виду беззащитность отъ непогоды и холода своихъ пассажировъ, которыхъ всегда не мало перебиваетъ у него за время навигаціи, и создалъ себѣ самъ, безъ помощи казны, одну лишнюю каюту въ кормовой части судна, прикнувъ ее къ наружной стѣнѣ рубки, да и въ ней-то еще ухитрился сочинить себѣ маленькую спаленку, ровно въ полтора аршина шириной. Бока и кровлю каюты пришлось сколотить изъ всякаго случайнаго матеріала, какой лишь нашелся подъ рукой: тутъ пошли въ дѣло и старыя двери, и рѣкѣ, и доски изъ-подъ какого-то товарнаго ящика, и даже руль отъ двойки, а гдѣ не хватило дерева, тамъ затянули парусинкой, да покрасили все это бѣлилами, и ядлого-себѣ, живеть! И вышло чистенько. Пассажиры ютятся въ импровизованной каютѣ и благодарятъ заботливаго капитана, да и какъ еще сами-то мы возблагодарили его въ душѣ потомъ, въ теченіе ночи, за это спасительное помѣщеніе!..

Просто изумительно даже, какъ это маленькій капитанъ сумѣлъ такъ изловчиться и приспособиться хозяйственнымъ образомъ на такой тѣсной и неудобной посудинѣ, какъ его паро-

ходикъ. Тутъ у него не только спаленка, но и миниатюрный рабочий кабинетикъ устроенъ, гдѣ стоитъ маленькая конторка для письма, заваленная разными отчетными книгами, ибо по «Суйфуну» неукоснительно ведется такая же самая отчетность, какъ и по перворанговому судну, и ведетъ ее Викторъ Ивановичъ самъ лично и за ревизора, и за писаря. Въ маленькой библиотечкѣ его въ порядкѣ тѣсятся на полкахъ переплетенныя книжки, большею частію все такія же маленькія, миниатюрныя, какъ и вся каюта, какъ и самъ ихъ хозяинъ, но зато всѣ онѣ серьезнаго содержанія. Тутъ была «Энциклопедія математическихъ наукъ», нѣсколько описаній морскихъ и этнографическихъ путешествій, лексиконы, нѣчто по части статистики, спеціально морскія изданія, англійскія и русскія, и прочее въ такомъ же родѣ, что во всякомъ случаѣ свидѣтельствовало о достаточной степени научнаго развитія ихъ обладателя. Тутъ же, на стѣнѣ висѣть подробная карта Россійской имперіи — «своя собственная», такъ какъ отъ мѣстнаго морского вѣдомства «Суйфуну» никакихъ картъ не полагается, не исключая даже и карты судоходной части рѣки Суйфуна. Противъ карты, на другой стѣнѣ, прилажены на крючкахъ два валика отъ музыкальнаго органчика, присутствіе которыхъ въ каютѣ сначала очень всѣхъ удивило, на какую, молъ, потребу попали сюда пармавочные валики? Но оказалось, что капитанъ любитель музыки и что у него есть даже инструментикъ, служащій ему и въ качествѣ пюмико, и въ качествѣ органа, только инструментикъ этотъ такъ малъ и такъ уютно прижался въ уголочкѣ, что мы сначала и вовсе его не замѣтили. Нанцъ флагъ-капитанъ А. П. Новосильскій, разсматривая всѣ курьезы этой каютки и спаленки, назвала ее въ шутку «коробочкой»; другіе подхватили словцо — «коробочка» да «коробочка», и пошло это названіе за нарицательное имя не только нашего помѣщенія, но и всего судна, да и самого почтеннаго Виктора Ивановича стали называть «капитаномъ коробочки».

— Да,—сказалъ онъ намъ на это,—«коробочка»!.. А благодаря этой коробочкѣ, т. е. вотъ этой самой «импровизированной», какъ вы говорите, каютѣ, можетъ-статься не одинъ десятокъ дѣтей спасся отъ смерти.

— Это какими судьбами?—спросили озадаченные спутники.

— Да очень просто-съ. Вѣдь плавать-то приходится и въ раннюю весну и въ позднюю осень, да чуть-что не каждый рейсъ перевозимъ и крестьянскихъ бабъ и солдатскихъ женокъ,—съ ребятишками нынѣ тоже случаются... Ну, и пока не было коробочки-то, всей этой публикѣ поневолѣ приходилось ютиться на палубѣ. А при такихъ-то вѣихъ остановкахъ за малою водой, или за ночнымъ временемъ, или за туманомъ тамъ что ли, не

рѣдко и всю ночь простояли на якорѣ; а тутъ, гляди, подымется вѣтеръ да дождикъ, да снѣжная завяруха, или морозъ вдругъ хватить,—ну, и дрогнуть, несчастныя, согрѣться-то негдѣ; дѣтишки-то за ночь и попросту-жаются. А какъ приладили мы коробочку, на такой случай, оно и хорошо: сейчасъ всю эту бабью команду — кого въ камбузъ, а кого сюда въ коробочку-то и запрядешь. Оно если и не совсѣмъ тепло, да зато хоть дождемъ не мочить и вѣтеръ не продуваетъ.

Къ одиннадцати часамъ вечера всѣ мы довольно-таки проголодались; съ холоду захотѣлось и рюмку водки выпить. Поэтому командировали кого-то въ буфетъ распорядиться насчетъ закуски, а буфетъ былъ взятъ нами, собственно ради настоящей поѣдки, изъ владивостокскаго клуба, и самъ его содержатель, извѣстный «Иванъ Ивановичъ» — «за своимъ собственнымъ персономъ» — при немъ находился. Но увы! оказалось, что буфетная прислуга вовсе не рассчитывала, что намъ придется заночевать на «Суйфунѣ» и потому... потому, разумеется, вся перебилась самымъ исправнымъ образомъ, воспользовавшись и винами, и кушаньями. Впрочемъ, усердные поиски Ивана Ивановича за сѣбѣннымъ увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ, и мы не безъ плотояднаго торжества встрѣтили кое-какіе остатки холодныхъ закусокъ. Нашлись даже и вина на доннышкѣ трехъ-четыреухъ бутылокъ, нашлась и недопитая бутылка водки, упѣтливая какими-то вепоятными судьбами, и такъ какъ общее настроеніе духа, благодаря сюрпризу ночевки на «Суйфунѣ», было досадливо-веселое, располагающее къ подтруниванью и надъ ближнимъ, и надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, и надо всѣмъ вообще, что ни поналось на зубокъ, то этотъ скудный ужинъ прошелъ у насъ превесело. Пригласили мы къ закускѣ и нашего почтеннаго капитана. А. П. Новосильскій опять-было началъ слегка подтрунивать надъ его нежеланіемъ идти дальше, хотя ночь свѣтла какъ день, и намекнулъ, что такая чрезмѣрная осторожность граничитъ съ трусостью.

— Да, господа, я трусь,—чистосердечно и скромно отвѣтилъ на это капитанъ.—Въ данномъ случаѣ я дѣйствительно трусь, да и какъ не трусить, коли сознаешь всю громадную важность порученнаго тебѣ дѣла! Не забывайте, повторяю вамъ, что въ этомъ жалкомъ пароходикѣ—единственный способъ нашего сообщенія съ Россіей, а мы, можетъ-быть, накануне войны... Я просилъ главнаго командира не называть меня на эту должность, собственно изъ-за отвѣтственности, что жъ дѣлать, если онъ меня не слушается!

Это чистосердечное слово сразу примирило всѣхъ съ достойнымъ Викторомъ Ивановичемъ. Всѣ чокнулись и выпили съ нимъ за

дальнѣйшее процвѣтаніе «Суйфуна» безъ казеннаго ремонта еще на многая и многая лѣта, и, пожелавъ другъ другу покойнаго сна, стали приминаваться на ночлегъ, кому гдѣ и какъ пришлось—и въ спаленкѣ, и въ «коробочкѣ». И какъ благодарны были мы потомъ нашему капитану за эту самую «коробочку», когда среди ночи хватилъ морозецъ въ пять градусовъ, да поднялся вдругъ значительный сѣверо-западный вѣтеръ, обыкновенно несущій съ собою рѣзкій холодъ изъ сибирскихъ тундръ, сопредѣльныхъ Ледовитому океану. Каково-то было бы всѣмъ господамъ-трунителямъ, еслибы пришлось нитъ ночевать безъ теплаго платья на открытой палубѣ, какъ спали двое какихъ-то саперныхъ солдатиковъ, скорчившись подъ дырявымъ холщевымъ брезентомъ.

Викторъ Ивановичъ предоставилъ въ распоряженіе пассажировъ и свою собственную койку, и диванчики, и одѣяла, и всѣ ковры, какіе лишь нашлись на суднѣ, а самъ цѣлую ночь напролетъ, не смыкая глазъ, провелъ наверху, на вахтѣ. Вся его команда состоитъ только изъ четырехъ человѣкъ матросовъ; механика дали ему изъ порта лишь «для параду», на время проѣзда адмираловъ, а въ обыкновенное время маленькій капитанъ совокупляетъ въ своемъ собственномъ лицѣ всѣ судовыя должности: онъ и командиръ судна, онъ же и вахтенный офицеръ, и штурманъ, и механикъ, и баталеръ, и все, что угодно. Пишу ему и довольствіе командѣ періодически доставляютъ изъ Владивостока, чрезъ посредство парохода «Амуръ», который подходитъ къ Суйфунскому бару и тамъ поджидаетъ своего рѣчного товарища, а самъ «Суйфунъ» безотлучно рейсируетъ въ теченіе всей навигаціи только между Рѣчнымъ и Раздольнымъ, и это обыкновенно продолжается съ начала апрѣля до 15 или 20 октября; но такъ какъ пароходикъ считается рѣчнымъ, то командиръ его не получаетъ «морского» довольствія и сидитъ круглый годъ на одномъ лишь «береговомъ» содержаніи. Перевелся онъ въ Сибирскую флотилію по собственной охотѣ, нарочно съ тою цѣлью, чтобъ имѣть возможность посѣтить Японію, Китай и вообще страны крайняго Востока, куда его тянуло чувство любознательности; но за десять лѣтъ сибирской службы еще ни разу не удалось ему исполнить свое завѣтное желаніе: по волѣ начальства все на «Суйфунѣ» плаваешь...

С. С. Лесовскій провелъ ночь въ «настоящей» каютѣ, сидя и дремая на плетеномъ стулѣ. Остальные адмиралы съ В. С. Кудринимъ ради тѣсноты тоже устроились кое-какъ въ сидячемъ положеніи, а Новосильскій, закутавшись въ ватную шинельку маленькаго капитана, выбралъ себѣ уютное мѣстечко на полу подъ столомъ и имѣлъ по крайней мѣрѣ

то преимущество, что могъ выспаться лежа. У адмираловъ въ каютѣ затопили чугунную печку, отъ которой теплота должна была проникать и въ нашу «коробочку» чрезъ особенную форточку, устроенную въ спаленкѣ; но мы, прикрывшись коврами, все-таки согрѣвались болѣе теплотой животною, чѣмъ отъ этой крохотной печки и, перевертываясь съ боку на бокъ, старались кое-какъ согрѣть одну сторону тѣла, пока другой станетъ уже не въ терпѣжъ около парусинной стѣнки, плохо защищавшей отъ мороза. Но и то уже благо, что насъ не прохватывало студеннымъ вѣтромъ: мы только *слышали* высквисты его шумныхъ порывовъ, но слава Богу не испытывали на себѣ ихъ силы. А каково-то было на безсмѣнной вахтѣ бѣдному Виктору Ивановичу, быстрые шаги котораго взадъ и впередъ на палубѣ всю ночь поскрипывали у насъ за стѣной. Настоящаго сна, разумѣется, не было ни у кого и въ поминѣ; то было не сонъ, а какое-то томительное полубытіе съ поминутными просыпаніями, въ результатъ чего поутру человѣкъ чувствуетъ себя совсѣмъ размазаннымъ, разбитымъ. Тутъ ужъ лучше бы вовсе не ложиться, тѣмъ болѣе что отъ неудобнаго лежанія у всѣхъ у насъ паразамывало спины и затылки, а у меня то и дѣло затекали руки до полной одервенѣлости, такъ что радъ-радешенекъ былъ когда на разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра (5 октября), «Суйфунъ» наконецъ тронулся съ мѣста. Да и всѣ обрадовались этому счастливому обстоятельству и гурьбой повысыпали на палубу какъ бы съ цѣлью убѣдиться собственными глазами, точно ли трогаемся, не одна ли, молъ, игра воображенія это? Но «Суйфунъ», пыхтя и пуская клубы чернаго дыма, дѣйствительно двигался медленнымъ ходомъ мимо камышевыхъ зарослей. Оставалось только возблагодарить небо и поздравить другъ друга съ благополучнымъ началомъ новаго плаванія. Всѣ поѣжливались отъ холода и чѣмъ больше вступалъ въ свою силу утренній свѣтъ, тѣмъ явственнѣе выступала желтизна нашихъ физиономій, глядѣвшихъ какъ-то кисло и помято. Всѣ морщились, ворчали и жаловались на чортъ знаетъ какъ проведенную ночь, за исключеніемъ впрочемъ нашего почтеннаго адмирала, который увѣрялъ, что преудобно просидѣлъ все время на стулѣ. И дѣйствительно, когда мы всѣ собрались къ нему пить чай и грѣться у печки, то нашли его въ бодромъ прекрасномъ расположеніи духа. Глядя на всю окружающую обстановку каюты, на кислые помятые физиономіи, на эти пустыя бутылки, остатки пирожковъ и фруктовъ и на спящаго подъ столомъ Новосильскаго, онъ весело замѣтилъ, что еслибы какими-нибудь судьбами попалъ теперь сюда посторонній человѣкъ, то вѣдь его ничѣмъ не разувѣришь,

что здѣсь не происходила всю ночь жестокая попойка, и рогрышилъ бы вѣдь, подумалъ бы про себя: «хороши, молъ, господа адмиралы!»

Рѣку прошли мы благополучно, но на барѣ сѣли на мель. Въ виду факта, столь убѣдительно подтвердившаго вчерашнюю осторожность Виктора Ивановича всѣ согласились, что командиръ былъ совершенно правъ, когда не рискнулъ идти далѣе, и отдали полную справедливость его, въ нѣкоторомъ! родѣ, гражданскому мужеству. Быть-можетъ другой на его мѣстѣ, желая отличиться предъ начальствомъ, показать себя молодцомъ и докой своего дѣла, пошелъ бы вчера на авось и легко могъ бы погубить пароходикъ, у котораго толщина металлической обшивки равняется $\frac{1}{7}$ дюйма: за ночь его засосало бы на барѣ пескомъ, а при сильномъ вѣтрѣ могло бы и залить волнами, да пожалуй и вовсе разбить его дряхлый корпусъ.

За баромъ на заливѣ окохо «Европы» стоялъ только-что пришедшій «Амуръ», имѣя за собою на буксирѣ дѣлый караванъ баржъ-шампанокъ съ казеннымъ грузомъ, а рядомъ съ нами крутились на мѣстѣ три большія манзовскія плоскодонки, всячески пытались соскользнуть съ мели, что и удалось имъ наконецъ послѣ чрезмѣрныхъ усилий, долгое время оставшихся совершенно тѣтными. А мы какъ ни старались по примѣру ихъ соскочить съ мели, просидѣли на ней до одиннадцатаго часу утра. Шампанку съ саперами еще раньше пришлось снѣть съ буксира и оставить у Рѣчного. На помощь намъ прислали съ «Европы» шлюпки, которыя и завялились вокругъ «Суйфуна» измѣрившемъ глубины, въ расчетѣ отыскать гдѣ-либо по близости болѣе глубокое мѣсто, но увы! промѣры повсюду показывали $1\frac{1}{4}$, $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{3}{4}$ фута, такъ что и самыя шлюпки, ползя киями по дву, могли подвигаться только съ помощью багровъ. Потерявъ надежду добратся до «Европы» на «Суйфунѣ», адмиралы пересѣли въ шлюпки, которыя и были-наконецъ перетащены чрезъ барѣ гребцами, соскочившими для этого по кобню въ воду. А мы, въ ожиданія пока вернется за нами одна изъ лодокъ, позавтракали ухой изъ кита-рыбы, только-что сваренною и радушно предложенною намъ Викторомъ Ивановичемъ.

— Теперь что ни предпринимаю, а пока на барѣ приливъ не дойдетъ до двухъ футовъ, съ мели не снимемся. Это ужъ по опыту знаю!— съ философскимъ спокойствіемъ рѣшилъ онъ по отплытіи адмираловъ.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтили мы,—не лучше ли было бы дожидаться этого времени въ рѣкѣ? Тамъ вы хоть не рисковали бы, что пароходъ засосетъ песками.

— Разумѣется лучше,—подтвердилъ капи-

танъ.—Я такъ и хотѣлъ-было, но... нѣтъ худа безъ добра: теперь по крайней мѣрѣ господа адмиралы извѣдали наше положеніе, на собственномъ опытѣ лично убѣдились, въ какомъ состояніи содержатся въ краѣ способы рѣчного сообщенія, единственного, замѣтите, для всѣхъ казенныхъ потребностей; увидѣли и то, что сдѣлано для улучшенія этого пути за время нашего обладанія краемъ. За двадцать лѣтъ, извольте видѣть, мы не собрались еще обзавестись хоть одною землечерпальною машиною, безъ которой на барѣ не обойдешься. Еще нѣсколько лѣтъ, и фарватеръ обмелѣетъ такъ, что по немъ даже и «Суйфунъ» не будетъ въ состояніи ходить.

Это и въ самомъ дѣлѣ безобразіе: ни сухопутной дороги не пролагаютъ, ни рѣчного пути не поддерживаютъ. И это въ то время, когда Китай энергично ведетъ стратегическія дороги на Сянь-Синь къ Хабаровкѣ и на Хунчунъ—къ Посѣту, густо заселяя ихъ на государственныя средства земледѣльцами изъ центральныхъ провинцій. Припѣвъ или правоученіе ко всему этому во всѣхъ случаяхъ и всегда остается одинъ и тотъ же: нельзя управлять краемъ, имѣющимъ важнѣйшее государственное значеніе, сидя отъ него за четыре тысячи верстъ, въ Иркутскѣ.

Мы сидѣли еще за столомъ и бесѣдовали обо всѣхъ этихъ грустныхъ предметахъ, какъ вдругъ почувствовали, что пароходъ слегка покачнулся,—событіе весьма утѣшительное. И дѣйствительно, механикъ пришелъ доложить капитану, что «Суйфунъ» «на водѣ». Викторъ Ивановичъ разумѣется тотчасъ же попытается тронуться съ мѣста, но, пройдя съ величайшею осторожностью нѣсколько сажень, снова сѣлъ на мель: промѣръ показалъ, что еще не было полныхъ двухъ футовъ.

Между тѣмъ за нами пришла съ «Европы» шлюпка, и мы простялись съ добрѣйшимъ капитаномъ, отъ души пожавъ ему руку за все его радушіе и гостепріимство. Однако, отваливъ отъ борта, тоже попали-было на мель и не мало-такъ повертѣлись на баграхъ во всѣ стороны, пока удалось сняться, послѣ чего уже безъ дальнѣйшихъ приключеній добрались до «Европы». Спустя полчаса, когда крейсеръ уже шелъ ко Владивостоку, подвахтенный гардемаринъ пришелъ доложить адмиралу, что «Суйфунъ» снялся наконецъ съ мели и подходит къ ожидающему его «Амуру».

Въ два часа дня «Еврона» благополучно бросила якорь на Владивостокскомъ рейдѣ.

III. Ольга.

Выходъ съ рейда. — Островъ Скрыплева и жизнь на маякѣ. — Островъ Аскольдъ и его золотые прииски — Маньчжурская война 1868 года. — Состояніе золотопромышленности въ краѣ. — Путанитъ островъ и рейдъ Стрѣлокъ — Картина береговъ и ихъ характерныя мѣста — Лѣса и жень-шеневый промыселъ. — Выходъ въ заливъ Св. Ольги. — Тихая Пристань и Крестовая гора. — Владивостокъ или Ольга? — Сравнительныя данныя касательно того и другой. — Ольгинскій военный постъ. — Арестованный хунгузъ. — Лазаретъ и казармы. — Разсказъ класснаго фельдшера. — Ольгинскіе поселенцы. — Купецъ Борисовъ. — Жизнь и развлечения въ Ольгѣ. — Тигры. — Нѣчто о положеніи и судьбѣ постовыхъ начальниковъ.

7 октября въ часъ и 10 минутъ пополудни, крейсеръ «Европа», подъ флагомъ главнаго начальника Тихо-океанской эскадры, снялся съ якоря и, выйдя съ Владивостокскаго рейда, направился въ гавань Св. Ольги.

Въ два часа дня, при ясной и тихой погодѣ, проходимъ мимо Скрыплева. Такъ называется небольшою скалистою островкомъ, находящимся при выходѣ изъ пролива Босфоръ Восточный въ обширный Уссурийскій заливъ, между Русскимъ островомъ и мысомъ Басаргина, составляющимъ крайнюю южную точку полуострова Муравьевъ-Амурскій. Фронтъ отвѣсной скалы Скрыплева обращенъ къ юго-востоку и смотритъ въ открытое море, а противоположная сторона острова довольно полого спадаетъ къ водному уровню, на высотѣ котораго образуетъ небольшой низменный бережокъ, усыпанный галькой. Здѣсь на отмели пріютились два-три сарайчика да небольшой складъ дровъ, и тутъ же вырытъ колодезь, доставляющій обитателямъ островка солоноватую воду, которая перерабатывается въ годную къ употребленію посредствомъ опреснителя, помѣщенного въ одномъ изъ сарайчиковъ. По склону скалы разрослась небольшая роща, гдѣ преобладаетъ довольно жидковатый дубъ и на фонѣ ея осенней блекнувшей зелени рѣзко выделяются два бѣлые домика, а еще выше, на самомъ крайнемъ гребнѣ скалы, обращенномъ къ юго-востоку, ярко бѣлѣетъ на солнцѣ небольшошая башня маяка и вырѣзываются на лазури неба черныя силуэты колокола и большой чугунной пушки. И тотъ, и другая служатъ для подачи предостерегательныхъ сигналовъ во время сильныхъ тумановъ, господствующихъ въ этихъ моряхъ въ лѣтнее время.

Когда, пройдя мимо Скрыплева, обернешься и глянешь на него съ открытаго моря, онъ представляется совершенно отвѣсною какъ стѣна, массивною глыбой голаго гранита, на верхушкѣ котораго торчитъ маячная вышка. Постройка на ямѣ маяка началась еще въ 1865 году; но строившій его инженеръ по какимъ-то причинамъ тянулъ работу столь долго, что зданіе, возведенное изъ деревяннаго ма-

териала, успѣло все до глѣ сгнить прежде своего окончанія. Затрачено было на постройку шестнадцать тысячъ рублей казенныхъ денегъ, а за негодностью зданія пришлось разобрать его на дрова, которыхъ и вышло всего три съ половиною сажени. На объявленныхъ по формѣ торгахъ они были проданы за 17 рублей, что и составило чистый барышъ казны въ итогѣ столь выгоднаго предпріятія. Материалъ говорить сырой былъ, оттого и сгнилъ такъ скоро. Но удивляться тутъ нечему, такъ какъ до послѣднихъ лѣтъ, по увѣреніямъ административныхъ старожеловъ, такова была общая и неизбѣжная судьба казенныхъ построекъ во Владивостокѣ. Обывательскія — ничего себѣ держатся, хотя тоже строены изъ такого же мѣстнаго лѣса, но казеннымъ положительно не везетъ: либо сгниютъ, либо вѣтромъ ихъ повалитъ.

По поводу «сгніенія» Скрыплеваго маяка было назначено формальное слѣдствіе, но привѣдшее однако ни къ чему, а тѣмъ временемъ и самъ строитель волею Божіею скончался. Послѣ этого морское вѣдомство, не прибѣгая болѣе къ содѣйствію вѣдомства инженернаго, уже само принялось достраивать Скрыплеваго маякъ на кое-какіе скудные остатки отъ суммъ, ассигнуемыхъ въ количествѣ около восьми съ половиною тысячъ рублей на содержаніе маяковъ во всей Восточно-Сибирской области. Поэтому не мудрено, что амплузный маякъ не только еще готовъ и по сие время. Тѣмъ не менѣе назначеніе свое онъ исполняетъ: по ночамъ свѣтитъ, въ туманы звонитъ и стрѣляетъ изъ пушки. Морские и за то говорятъ спасибо.

Съ 1876 года на Скрыплева постоянно живетъ смотритель маяка, коллежскій секретарь Дегтеревъ, со своимъ семействомъ, и при немъ восемь человѣкъ вольнонаемныхъ маячныхъ служителей, изъ коихъ восьмой орудуетъ при опреснителѣ. Прежде маячная прислуга состояла изъ китайцевъ, но съ тѣхъ поръ какъ начались у насъ съ Небесною Имперіей политическія недоразумѣнія, китайцевъ разсчитали и временно наняли русскихъ. Для сообщенія съ берегомъ при маякѣ существуютъ три лодки, на которыхъ скрыплевскіе обыватели привозятъ себѣ изъ города ежедневныя запасы провизіи. На пропитаніе выдаются имъ деньги, а дрова и свѣчи отпускаются отъ казны натурой. Здѣшнія «зданія» составляютъ: домикъ смотрителя, служительская казарма, баня, сарай надъ опреснителемъ, шлюпочный сарай и коровникъ (сѣно доставляется съ берега). Склады освѣтительнаго матеріала помѣщаются въ сарайчикахъ, пристроенныхъ снаружи къ стѣнамъ жилыхъ помѣщеній.

Можно представить себѣ, что за скучная монотонная жизнь тянется изъ-дня-въ-день, изъ-года-въ-годъ на этой маленькой скалистой глыбѣ, одиноко торчащей среди моря...

Зимой, говорят, здесь нерёдко раздается особенная музыка, чуть лишь подымется с моря значительный вѣтеръ. Наносныя глыбы льда съ трескомъ сшибаются тогда между собою, трется одна объ другую и отъ этого какъ то особенно тоскливо скрипятъ, скрежещутъ и стонутъ, напирая на подножіе скалы. Швыряемые на нее сильнымъ прибоемъ, онѣ разбиваются о гранитъ, и ихъ разрушеніе сопровождается друпкимъ, дребезжащимъ звукомъ, напоминающимъ звонъ разбитого стекла, еслибы вообразить себѣ, что оно разбивается въ громадныхъ массахъ. Шумъ и грохотъ прибоа, подобный глухимъ пушечнымъ выстрѣламъ, завываніе вѣтра, всплески волнъ, шелестъ и шорохъ скатывающихся внизъ со скалы кусками раздробленныхъ льдинъ и этотъ ихъ стеклянный звонъ на разные тоны составляютъ дикую, но иногда не лишнюю своеобразной гармоніи музыку, которая однакоже при своей продолжительности способна скатъ тоской сердце, самое неподатливое на впечатлѣнія.

Замѣчательно, что на Скрыплевъ проявленія жизни растений обнаруживаются на цѣлый мѣсяцъ раньше чѣмъ во Владивостокѣ, и это оттого, что море вокругъ него уже въ концѣ февраля совсѣмъ освобождается отъ льда, тогда какъ Золотой Рогъ, врѣзавшійся въ материкъ и сжатый высокими берегами, остается еще подъ ледяною корою. Но несмотря на такое благоприятное условіе, все-таки нѣтъ возможности развести на Скрыплевъ огородныя овощи. Препятствіе въ томъ, что раза три въ лѣто здѣсь бывають сильнѣйшія бури, когда восточный вѣтеръ съ корнемъ вырываетъ растенія, требующія рыхлой грядковой почвы. Деревья если и держатся, то лишь растущія на западномъ пологомъ склонѣ острова, гдѣ самая конфигурація скалы даетъ имъ кое-какую защиту отъ вѣтра; тѣ же деревца, что стоятъ повыше, на восточной опушкѣ рошицы, отличаются очень жалкимъ видомъ и не подымаются вверхъ, а стелются коряво по землѣ какъ бы въ тундрѣ. Смотритель маяка устроилъ себѣ въ этой рошицѣ нѣчто въ родѣ крошечнаго парка, разбилъ дорожки, поставилъ кое-гдѣ скамеечки и завелъ домашнюю птицу да пару коровъ, дающихъ нѣкоторое подспорье въ его скромномъ хозяйствѣ. А все-таки жизнь на маякѣ, особенно зимой,—это, какъ хотите, своего рода подвигъ.

Въ четыре часа дня проходимъ мимо острова Аскольда, который лежитъ въ двадцати шести съ небольшимъ миляхъ отъ Владивостокскаго рейда и въ семи верстахъ отъ материковаго берега. Виденъ на немъ давно уже строящійся, но все еще неоконченный маякъ. Окончаніе постройки затянулось на три года за недостаткомъ денегъ. Около маяка, на вершинѣ горячаго края, видѣются нѣсколько

домовъ, которые впрочемъ все на перечесть: тутъ казенные «штатные» дома смотрителя и команды, баня, сарай, теплая кладовая и затѣмъ —временныя деревянныя постройки инженернаго вѣдомства. Все это до сихъ поръ обошлось казнѣ уже во 165.000 рублей, а во что обойдется далѣе, пока еще единому Богу извѣстно... Отъ пристани до маяка проведена хорошая колесная дорога, которая огибаетъ по хребту и весь островъ вокругъ, имѣя около 14 верстъ протяженія, и такъ какъ проложена она по сплошному каменному грунту, то и не требуетъ почти никакого ремонта. Это послѣднее обстоятельство, какъ говорятъ, составляло нѣсколько лѣтъ назадъ предметъ не малаго огорченія для нѣкоторыхъ прежнихъ «ревнителей», лишенныхъ благодаря ему возможности вносить въ ежегодныя расходныя сметы особую статью «на ремонтъ Аскольдовской дороги» въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ было бы имъ желательно.

Островъ Аскольдъ, видимо вулканическаго происхожденія, состоитъ изъ громадныхъ массивовъ гранита, представляющихъ собою цѣлыя горы и прикрытыхъ на поверхности тонкимъ слоемъ хорошаго назема, на которомъ сплошь растетъ кудравый какъ овчина кустарникъ и разное мелколѣсье. Колочій кустарникъ этотъ, по мѣстному русскому названію «таволжанникъ», покрываетъ все доступныя вѣтрамъ мѣста здѣшнихъ побережій и употребляется на топливо. Впрочемъ, дровъ здѣсь въ избыткѣ, несмотря на то, что уже много лѣсу изведено золотымъ приискомъ, когда на немъ работали локомобили. Въ аскольдовскихъ кустарникахъ водятся не мало дикихъ козъ, оленей и фазановъ.

Берега острова мѣстами очень круты, обложены и обрывисто-скалисты, такъ что наименьшая глубина около нихъ въ сѣверной (обращенной къ матеріку) части равняется 21 сажени, а въ южной, составляющей выдавшіяся въ море крылья небольшой бухты, достигаетъ 30 и 31 сажени. Аскольдовскую бухту, имѣющую въ среднемъ 15 сажень глубины и довольно просторную для стоянки нѣсколькихъ судовъ, нельзя однакоже назвать особенно удобною, потому что, будучи обращена къ SSW и имѣя широкій открытый входъ, она подвержена при западныхъ и южныхъ вѣтрахъ сильнымъ волненіямъ и громадному прибою, идущему изъ открытаго моря. Эта бухта, вѣроятно всего, была когда-нибудь кратеромъ вулкана, погребеннаго нынѣ подъ водою, вслѣдствіе подземной работы вулканическихъ силъ, когда юго-западная часть его кольца глубоко осѣла и обрушилась въ море. Это предположеніе подтверждаютъ какъ формы самой бухты и господствующаго надъ нею хребта, имѣющаго въ планѣ видъ полумѣсяца, такъ и соответствующее ему общее очертаніе

береговъ всего острова и, наконецъ, самый характеръ высокихъ обрывовъ, которыми оканчиваются оба крыла бухты, при входѣ въ оную. Море у южныхъ и юго-западныхъ береговъ Аскольда, даже и въ самыя холодныя зимы, всегда свободно ото льда, который держится незначительными припайками лишь въ изгибахъ берега. Зато густые мокрые туманы въ лѣтнее время дѣлаютъ плаваніе около этихъ мѣстъ далеко не безопаснымъ. Эти туманы, насаждающіе вплоть до самой поверхности моря, бывають столь густы, что, подходя къ острову, намъ скорѣе удастся разслышать шумъ прибоя, чѣмъ увидѣть берегъ, о который этотъ прибой разбивается. Въ особенности же должны быть осторожны суда паровыя въ случаѣ тумана при полномъ штилѣ. Здѣсь всѣмъ памятенъ печальный примѣръ шхуны «Сахалинъ», которая въ 1865 году весной, во время подобнаго штиалевого тумана при не совсѣмъ вѣрномъ курсѣ, не слыша прибоя, усмотрѣла берегъ Аскольда такъ близко, что не успѣла дать задній ходъ и выскочила на утѣсъ острова.

Въ глубинѣ бухты на берегу видѣются нѣсколько домиковъ, гдѣ живутъ наши и манзовскіе золотопромышленники съ ихъ рабочими. Позади домиковъ видны и самыя розсыпи. Одиѣ изъ нихъ идутъ вдоль высохшаго русла горной рѣчки; другія же, носящія слѣды текущихъ работъ, находятся поблизости отъ первыхъ и направляются вдоль песчаного берега бухты. Этотъ приискъ принадлежитъ капитанъ-лейтенанту Молчанскому и сдается владѣльцемъ на аренду владивостокскимъ коммерсантамъ иностраннаго происхожденія. Сначала разработывалъ его николаевскій временный купецъ Лядольфъ, нынѣ пропавшій въ Гамбургѣ, потомъ вѣкій Кернеръ, а за нимъ Кустеръ.

Проходя мимо Аскольда, нельзя не вспомнить о такъ-называемой «манзовской войнѣ», которая разыгралась въ Южно-Уссурийскомъ краѣ въ 1868 году, и первоначальною причиною коей послужили Аскольдовскіе золотыя прииски. Впервые они были найдены въ 1867 году, и въѣтъ объ этомъ открытіи, равно какъ и прееувеличенная молва объ ихъ «необычайномъ» богатствѣ взволновали все манзовское населеніе не только у насъ, но и въ Манчуріи. Множество искателей-китайцевъ сразу кинулись на Аскольдъ, что разумѣется не укрылось отъ свѣдѣній административной власти во Владивостокѣ. Надо было принять немедленныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшей хищнической разработки, такъ какъ розсыпи эти, благодаря своему островному положенію, нѣ разу еще не подвергались въ прежніе годы эксплуатаціи манзами и повидимому обѣщали быть очень прибыльными. Командиру шхуны «Алеутъ» было приказано зайти на Аскольдъ посмотрѣть, что тамъ творять манзы, и если слухи объ

ихъ работахъ подтвердятся на дѣлѣ, то воспретить имъ дальнѣйшій промыселъ.

Придя въ Аскольдову бухту осенью 1867 года, командиръ шхуны «Алеутъ», капитанъ-лейтенантъ Этолинъ, дѣйствительно нашелъ на островѣ до трехсотъ манзовъ, занятыхъ промысломъ. Это обстоятельство побудило его сдѣлать высадку вооруженной команды и потребовать прекращенія работъ. Манзы не противорѣчили и даже сломали свои золотопромысловыя постройки, общая вовсе убраться съ острова въ непродолжительномъ времени. Но чтобы вѣрнѣе наблюдать за очищеніемъ имъ островной территории, тамъ былъ установленъ временный постъ, до наступленія зимы, а на материкѣ, въ сосѣдней съ Аскольдомъ бухтѣ Разбойникъ, учрежденъ постоянный военный постъ, съ командой въ 25 человекъ. Однако этихъ мѣръ оказалось недостаточно. Въѣтъ о богатствахъ Аскольда за зиму распространилась все болѣе и болѣе по сосѣднимъ манчжурскимъ и китайскимъ провинціямъ, и потому, съ началомъ болѣе теплаго времени, начался усиленный приливъ китайскихъ выходцевъ къ нашимъ южно-уссурийскимъ побережьямъ. Всѣ манзовскія деревни и фермы были переполнены ими.

19 апрѣля 1868 года, шхуна «Алеутъ», придя къ Аскольду, застала тамъ разработку уже въ полномъ разгарѣ. Капитанъ-лейтенантъ Этолинъ, также какъ и въ прошлый разъ высадилъ команду, состоявшую изъ двадцати матросовъ съ тѣмъ, чтобы потребовать прекращенія работъ. Но едва прошли они берегомъ нѣсколько шаговъ, какъ въ команду грянулъ ружейный залпъ и полетѣли камни. Вслѣдъ за тѣмъ выскочили изъ засады нѣсколько сотъ манзовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, и начали окружать нашу десантъ, стараясь отбѣжать его отъ берега. Капитанъ-лейтенантъ Этолинъ, благодаря бывшему съ нимъ револьверу, заставлялъ нѣсколькихъ китайцевъ разступиться предъ собою, и команда вслѣдъ за нимъ штыками проложила себѣ дорогу къ тремъ шлюпкамъ, изъ которыхъ одну пришлось оставить на мѣстѣ. Три человека изъ нашего десанта были убиты и восемь ранены, въ томъ числѣ два офицера. По отходѣ «Алеута», манзы въ значительномъ числѣ перебрались съ Аскольда на матерой берегъ и, соединясь тамъ съ побережными бандами хунгузовъ, сдѣлали нападеніе на военный постъ въ бухтѣ Стрѣлокъ, уничтожили его подкогомъ и затѣмъ перекинулись въ долину рѣки Цимухѣ, гдѣ сожгли русскую деревню Шкотово и нѣсколько корейскихъ дворовъ. Послѣ этого, ежедневно усиливаясь новыми бандами, они двинулись въглубъ страны и сопровождали свое шествіе подкогами и убійствами, избивая русскихъ поселянъ, солдатъ, женщинъ и дѣтей, попадавшихъ имъ въ руки. Деревня Суйфунская и прекрасное

большое село Никольское были выжжены ими до тла. Совершивъ цѣлый рядъ подобныхъ подвиговъ, манзы разбѣлись на нѣсколько отрядовъ и заняли очень крѣпкія отъ природы позиціи, которыя почитались ими даже за неприступныя. Русскіе отряды были двинуты противъ манзовъ съ рѣки Уссури, озера Ханка и изъ Владивостока, но пока были сдѣланы для этого надлежащіе распоряженія, успѣло пройти немало времени, въ теченіе коего манзы чувствовали себя полными хозяевами края. Успѣшная атака занятыхъ ими позицій на Цимухѣ и Суйфунѣ, очистка мѣстностей посредствомъ подвижныхъ военныхъ колоній, искрестившихъ край въ разныхъ направленіяхъ, и строгое назначеніе всѣхъ хунгузовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, положили на нѣкоторое время конецъ манзовскимъ безпорядкамъ, но не прекратили хищнической золотопромышленности. Манзы и до сихъ поръ съ успѣхомъ продолжаютъ заниматься ею не только на тѣхъ россыпяхъ, которыя найдены ими самими, но и на принадлежащихъ нашимъ промышленникамъ. Нѣкоторые изъ такихъ площадей, уже послѣ заявки и официального ихъ отвода, выработаны манзами, вслѣдствіе того, что нѣтъ надлежащаго надзора или достаточной силы, чтобы защитить отъ нихъ свою собственность. Въ случаѣ сопротивленія, хищники прибѣгаютъ къ насилию и даже къ убійству. Такъ было, напримѣръ, въ 1878 году на Аминскомъ пріискѣ, принадлежащемъ г. Аносову (на рѣкѣ Когутунѣ, впадающей въ бухту Стрѣлокъ), гдѣ манзы, убивъ сторожей, сами поселились на ихъ мѣстѣ и преспокойно принялись за дальнейшую разработку пріиска. Точно также насильственнымъ образомъ завладѣли они и другимъ Аносовскимъ пріискомъ на рѣкѣ Чинханѣ. Вообще, чувствуя себя здѣсь почти полными хозяевами и видя, что русскія власти оставляютъ ихъ дѣйствія безъ наказанія, манзы занимаются этимъ промысломъ вездѣ, гдѣ лишь находятъ слѣды золота, и своимъ варварскимъ способомъ промывки дѣлаютъ неистощенный пріискъ негоднымъ для правильной разработки. И когда завладѣваютъ они пріискомъ русскаго промышленника, то ихъ, по большей части, даже и не пытаются прогнать съ него, потому что словъ оны не послушаютъ, такъ какъ искони привыкли уважать лишь матеріальную, физическую силу, а нашимъ промышленникамъ взять ее негдѣ.

До сихъ поръ, при самыхъ поверхностныхъ изслѣдованіяхъ, открыты 17 пріисковъ и 133 несомнѣнныхъ мѣстонахожденій золота, болѣе или менѣе разрабатываемыхъ манзами. Наши промышленники, которыхъ къ тому же въ этомъ краѣ очень немного, оставляютъ не только всѣ эти мѣста, но и большую часть пріисковъ безъ разработки, частью по причинамъ, изложеннымъ выше, частью по недостатку надежныхъ рабо-

чихъ рукъ и по отсутствію удобныхъ путей, по которымъ можно было бы подвозить къ пріиску припасы и все необходимое для жизни, частью изъ опасенія манзовскихъ нападений и разбоевъ и, наконецъ, потому, что нѣкоторые изъ площадей даютъ золота меньше того процента, при какомъ окупалась бы съ извѣстною прибылью ихъ разработка. Но увѣренію здѣшнихъ свидущихъ людей, если кому безусловно выгоденъ всякій пріискъ, независимо отъ процента содержаемаго имъ металла, то это единственно манзамъ, при ихъ первобытныхъ приемахъ; правильное же производство промысла, по вышеисчисленнымъ причинамъ, за весьма немногими исключеніями, здѣсь пока еще крайне затруднительно, рискованно и почти невозможно. Для этого нужно напередъ, чтобы въ краѣ завелось хотя какое-нибудь благоустройство, которое во-очію показало бы манзамъ, что не они, а мы, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительные его обладатели, которымъ не нужно, какъ они думаютъ, принимать китайское подданство, чтобы послѣ 1881 года *) имѣть дальнѣйшее право оставаться въ краѣ.

Аскольдовскіе пріиски, сравнительно съ прочими, находятся въ наилучшемъ, наивыгоднѣйшемъ положеніи, и это потому, что Аскольдъ—островъ, всегда имѣющій близкое и удобное сообщеніе со Владивостокомъ, и притомъ островъ небольшой, съ русскими жителями, которые съ вершины его края могутъ во всякое время и во всѣ стороны видѣть, что творится у его береговъ, такъ что тутъ не спрячешься отъ ихъ глаза, да и не во всякомъ мѣстѣ пристаешь къ этимъ отвѣснымъ скаламъ. Поэтому тутъ живутъ манзы только «честные», то-есть открыто нанимающіеся въ работники къ нашимъ золотопромышленникамъ за извѣстную плату.

Но вотъ мы уже на траверзѣ Аскольдовскаго маяка, который какъ бы виситъ надъ высокимъ гранитнымъ обрывомъ. Невдалекѣ отъ него находится мысъ Шугайдуй, вдающійся въ море цѣлымъ рядомъ голыхъ, острокопечно иззаубренныхъ высокихъ камней. За мысомъ на восточной сторонѣ острова есть небольшая долина, и въ ней находится второй золотой пріискъ.

Профили и силуэты Аскольда очень красивы, въ особенности когда нѣсколько пройдемъ за Шугайдуй къ востоку. Обрывы скалъ падаютъ въ море совершенно вертикально, а вершины ихъ торчатъ словно иглы обелесковъ и гигантскія башни, среди развалинъ какого-то громаднаго циклопическаго замка. Все это, бу-

*) Предѣльный срокъ «переходнаго положенія» манзовъ, по силѣ Пекинскаго трактата 1860 года, послѣ чего они должны либо принять русское подданство, либо совсѣмъ удалиться изъ края. Манзы объясняютъ эту статью трактата какъ разъ наоборотъ.

лучи освѣщено косыми и потому нѣсколько розоватыми лучами вечерняго солнца, представляють чрезвычайно фантастическую картину.

Не успѣли мы миновать островъ Аскольдъ, какъ влѣво отъ насъ открылись возвышенные берега острова Путятина. Материкъ въ этомъ мѣстѣ на восемь итальянскихъ миль ¹⁾ углубляется къ сѣверу, образуя очертаніями своихъ береговъ заливъ, по срединѣ котораго, направляясь отъ сѣвера къ юго-востоку, лежитъ Путятинъ островъ, раздѣляющій заливъ на западную и восточную половины. Все водное пространство между берегами Путятина и материкомъ извѣстно на нашихъ мореходныхъ картахъ подъ именемъ пролива Стрѣлокъ, названнаго такъ въ честь открывшаго его клипера. Этотъ проливъ, вмѣстѣ со своими бухтами Разбойникъ и Абрекъ, составляетъ одинъ изъ лучшихъ и никогда не замерзающихъ рейдовъ на нашемъ побережьи Японскаго моря. Говорятъ, будто на Путятинѣ также есть признаки золота, что весьма вѣроятно, если взять во вниманіе, во-первыхъ, его ближайшее соседство съ Аскольдомъ и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что въ верхней части рейда Стрѣлокъ, на самомъ берегу, уже открытъ довольно хорошій приискъ, принадлежащій г. Аносову. Кромѣ того, Путятинъ представляетъ собою и другіе источники для безвыгодной эксплуатаціи. Не говоря уже о ловѣ морской капусты и трепанговъ, внутри его находится прѣсноводное озеро, замерзающее каждую зиму. Владивостокскій купецъ Ллиндгольмъ уже ходатайствовалъ объ отводѣ ему участка земли вокругъ этого озера, нѣмъ въ виду заняться тамъ ледоколомъ, чтобы сбывать ледъ на собственной лухунѣ въ Шанхай, гдѣ этотъ продуктъ весьма цѣнится въ лѣтнее время, и потому предприятие можетъ принести вѣрные и хорошіе барыши предпринимателю. Вообще, еслибы у владивостокскихъ русскихъ купцовъ было болѣе коммерческой предпримчивости, то естественные продукты Южно-Уссурийскаго края, не исключая даже и прѣсноводнаго льда, могли бы для нихъ служить постояннымъ источникомъ вѣрнаго обогащенія.

Морское течение при русскихъ берегахъ Японскаго моря направляется преимущественно отъ юга, со скоростью до $\frac{3}{4}$ мили въ часъ, но скорость эта находится въ зависимости отъ направленія и силы вѣтровъ: при южныхъ вѣтрахъ она замѣтно усиливается, при сѣверныхъ же уменьшается сообразно съ ихъ продолжительностью. Мы шли со скоростью до одиннадцати узловъ.

Картина холмисто-возвышенныхъ береговъ, покрытыхъ зеленою травой, довольно красива.

Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе скалы, бѣдующія въ морѣ, недалеко отъ юго-восточной оконечности Путятина, и носящія характерное названіе «Пять пальцевъ». Если и нужна нѣкоторая натяжка воображенія, чтобы признать въ пяти сходство съ растопыренными и торчащими кверху пальцами человѣческой руки, зато эти пять скалистыхъ камней, посаженные на поверхности подводнаго рифа, до обмана похожи издали на паруса японскихъ судовъ, уходящихъ въ море. Точно также и въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе, уже за Поворотнымъ мысомъ, составляющимъ крайнюю восточную границу залива Петра Великаго, есть небольшое углубленіе берега, мили на полторы внутрь материка, противъ котораго, между мысами Бугристымъ и Авѣенки, лежатъ посрединѣ группа рифовыхъ островковъ; крайній изъ нихъ, представляя высокую наклонную скалу, имѣетъ издали полное сходство съ идущимъ подъ парусами бригомъ, вслѣдствіе чего и названъ Крейсеромъ. Вообще, названія, данныя нашими моряками и гидрографами здѣшнимъ выдающимся мѣстамъ, по которымъ миновающія суда всегда легко могутъ опознать свое мѣсто, весьма характерны и основаны преимущественно на естественныхъ признакахъ, специально отличающихъ каждое такое мѣсто. Такъ, миновавъ Крейсеръ, мы встрѣчаемъ, на протяженіи около 154 морскихъ миль до входа на рейдъ Св. Ольги, слѣдующіе «опознавательные» пункты: каменистый островокъ Призму, самое имя котораго достаточно указываетъ на его сходство съ извѣстнымъ геометрическимъ тѣломъ; островокъ Замокъ, имѣющій издали сходство съ развалинами рыцарскаго замка, а потому очень красивый въ общей картинѣ береговъ и моря ¹⁾; мысъ Столбовой; камень Кубъ, скала Охра, издали издающаяся въ глаза по своему ярко-охристому цвѣту и дѣйствительно, какъ говорятъ, содержащая въ себѣ цѣлое богатство этой минеральной краски, еслибы приняться за ея разработку; мысъ Китъ, имѣющій сходство съ лежащимъ туловищемъ этого животнаго; мысъ Красный и скала Красная (подъ 43° 15, с. ш.), совершенно отвѣсная и примѣтная, какъ погронадность своего объема и по красноватому отливу совершенно оголеннаго пласта, такъ и по высотѣ въ 909 футовъ надъ поверхностью моря. По слухамъ, она тоже заключаетъ въ себѣ минеральныя богатства. За нею слѣдуетъ, въ шести миляхъ, мысъ Горбатый, а въ пяти съ небольшимъ миляхъ отъ сего послѣдняго—мысъ Часовой, имѣю-

¹⁾ Итальянская, или морская, миля равняется 1,8 версты.

¹⁾ Лежитъ въ разстояніи около 50 сажень отъ южной оконечности мыса Островнаго и представляетъ собою голый камень, который своими отвѣсными сторонами и возвышеніемъ плоскаго верха на южной сторонѣ, въ видѣ развалинъ башни, подаль естественный поводъ къ сему названію.

шии сходство съ фигурой стоящаго на часахъ солдата; затѣмъ скала Пестрая, скала Острая и скала Пирамидальная; наконецъ, мысъ Низменный (43° 30' $\frac{1}{2}$ с. ш.), который издали представляется въ видѣ выдавшейся въ море низкой полосы, но на самомъ дѣлѣ обрывистая окраина его имѣютъ 250 футовъ возвышенія надъ поверхностью моря. Съ этого мѣста прибрежныя лѣса, пока еще довольно рѣдкіе, замѣтно начинаютъ густѣть, и чѣмъ дальше, тѣмъ становятся гуще. Вообще, берега на всемъ протяженіи пути гористы, имѣя отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ высоты и нерѣдко кончающіеся отвѣсными голыми скалами. Кое-гдѣ они прорѣзываются крутобокими ущельями и болѣе пологими долинами. Какъ тѣ, такъ и другія образовались отъ впаденія въ море горныхъ потоковъ и рѣкъ и, на взглядъ, роскошно зеленыютъ лѣсомъ по берегамъ этихъ рѣкъ и на горныхъ склонахъ. Мѣстами въ такихъ устьяхъ замѣтны, среди зелени, кровли маньчжурскихъ фанзъ, а на прибрежномъ пескѣ—лодки рыболововъ или капустниковъ. Почти повсюду береговья возвышенности открываютъ за собою въ перспективѣ дали туманныя высоты и пики хребта Сихота-Алиня; но ощутительно замѣтна разница въ прибрежной растительности. Такъ, у мыса Поворотнаго береговья покатоги покрыты только зеленою травой; затѣмъ, чѣмъ дальше двигаетесь вы вдоль береговъ къ северо-востоку, тѣмъ больше и больше попадаетеся вамъ кустарниковъ и отдѣльно стоящихъ деревьевъ; потомъ, вперемежку съ кустарниковыми заростями, являются рощицы, лѣски съ перелѣсками и, наконецъ, за мысомъ Низменнымъ—цѣлые лѣса лиственныхъ породъ, глубокие, старорослые... Здѣсь находится извѣстные притоки искателей жень-шеня. Это совершенно особый промыселъ, принадлежащій исключительно Южно-Уссурийскому краю, и потому стоитъ остановиться на немъ вниманіе читателя. *Жень-шенъ* называется у китайцевъ одно растеніе изъ семейства аралій, встречаемое, хотя и довольно рѣдко, въ Южной Манчжуріи и въ Южно-Уссурийскомъ краѣ. Область его распространенія, повидимому, ограничивается лишь двумя названными мѣстностями,—по крайней мѣрѣ, въ дикомъ, не культивированномъ состояніи. Потому-то сюда и направляются всѣ старанія его искателей. Справедливо ли нѣтъ, но китайцы приписываютъ ему удивительную цѣлебную силу противъ чахотки, истощенія и безсилія. Поэтому его корень, собственно и употребляемый въ китайской медицинѣ, цѣнится баснословно дорого, а именно до 2.000 серебряныхъ рублей за фунтъ. Причина такой дороговизны—рѣдкость самаго растенія, и это заставило нѣкоторыхъ предприимчивыхъ китайцевъ разводить искусственныя плантаціи онаго. Но опыты врачей Небесной Имперіи давно уже убѣдили

ихъ, что культивированный жень-шенъ далеко не имѣетъ чудодѣйственныхъ свойствъ дикаго, хотя тоже очень полезенъ въ вышеназванныхъ недугахъ, а потому и цѣна за корень искусственно разводимаго жень-шеня, сравнительно съ цѣной дикаго, ничтожна—отъ 40 до 50 серебряныхъ рублей за фунтъ.

Надежда быстрого обогащенія, въ случаѣ счастливой находки, привлекаетъ въ нашъ Южно-Уссурийскій край многихъ искателей этого корня, такъ что изъ нихъ выработался даже особый типъ. Это все народъ-особнякъ, дикій, упрямый, не общительный, предпочитающій всему жизненному и общественному удобствамъ лѣсное уединеніе въ какой-нибудь убогой фанзѣ или землянкѣ, затерявшейся въ сторонѣ и вдалекѣ отъ жилыхъ мѣстъ, среди глухихъ, невѣдомыхъ трущобъ Сихота-Алиня, а въ особенности въ глубокихъ лощинахъ и надахъ его западныхъ склоновъ.

Искатель жень-шеня ревниво и подозрительно сторонится отъ другихъ маньчжуръ, опасаясь встрѣтить въ нихъ соперниковъ своему промыслу, либо, еще хуже, злыхъ людей, готовыхъ украсть или насильственно отобрать его сокровище, которое поэтому онъ и припрятываетъ въ какое-либо, только ему одному извѣстное, замѣтное мѣсто, либо носить на самомъ себѣ, подъ платьемъ, пока на насбаритъ корни до одного фунта вѣсомъ. Тогда... О, тогда онъ счастливъ! фунтъ жень-шеня—это предѣлъ, это вѣнецъ его желаній и надеждъ, ради которыхъ онъ терпѣлъ столько невзгодъ и лишеній, столько разъ рисковалъ своею жизнью, жилъ въ отчужденіи не только отъ людей постороннихъ, но даже отъ родной семьи, жены, дѣтей... Теперь онъ счастливъ; сумма, равняющаяся двумъ тысячамъ нашихъ серебряныхъ рублей, въ Китаѣ пока еще представляетъ очень большія деньги, на которыхъ можно приобрести клочекъ земли, построить домикъ или завести торговлю и прожить безбѣдно и даже счастливо до конца жизни. Вотъ эта-то перспектива и влечетъ въ нашъ Уссурийскій край столько искателей чудодѣйственнаго жень-шеня. Не мало ихъ погибаетъ отъ голода и холода и отъ сопряженныхъ съ ними болѣзней; не мало становится жертвами своей предприимчивости, теряясь въ непроходимыхъ дѣственныхъ лѣсахъ или обрываясь съ отвѣсныхъ скалъ; не мало дѣлается добычей тигровъ или прирѣзывается хунгузами;—но все-таки жажда быстрого обогащенія неудержимо влечетъ къ этому промыслу все новыхъ и новыхъ скитальцевъ. Г. Пржевальскій, въ описаніи своихъ странствій и охотъ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, основываясь на показаніяхъ маньчжуръ, полагаетъ, что въ концѣ шестидесятихъ годовъ жень-шеневый промыселъ здѣсь прекратился потому будто бы, что край заняли русскіе, которыхъ боятся промышленники

этого рода, а въ прежніе годы исканіемъ дикаго жень-шеня занималось-де нѣсколько тысячъ человѣкъ, получившихъ на право промысла особое разрѣшеніе и билеты отъ китайскаго правительства. Очень можетъ быть, что въ первое время по занятіи края русскими, пока манзы еще не приглядѣлись къ нимъ, оно такъ и было; но теперь промыселъ возобновился, не знаю только съ билетами или безъ билетовъ, и хотя уже не привлекаетъ къ себѣ тысячи рукъ, тѣмъ не менѣе промышленники постоянно встрѣчаются въ глухихъ лѣсныхъ трупцахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ люди знающіе. Вѣроятно, еще въ силу прежнихъ опасеній злого человѣка, каждый изъ искателей достаточно вооруженъ: у каждаго есть длинный тонкій ножъ, въ родѣ кинжала, и фитильное ружье, и какъ говорятъ, — не знаю, насколько справедливо, — одинокому человѣку, въ особенности россиянину, не всегда будто бы благополучно сходить съ рукъ случайная встрѣча въ глухомъ лѣсу съ вооруженнымъ искателемъ жень-шеня, если только послѣдній почему-либо заподозритъ, что у русскаго есть при себѣ деньги, или товаръ, или съѣстное. Но не менѣе русскихъ, какъ говорятъ, платятся при подобныхъ встрѣчахъ и манзы, если только сами они не вооружены, такъ какъ одичалый въ лѣсу жень-шенникъ все подозрѣваетъ, будто его хотятъ обворовать или ограбить. Очень можетъ быть, что долгое уединеніе среди дикой природы, отчужденность отъ людей, постоянная жизнь на-чеку, настоящее, и эта вѣчно преслѣдующая человѣка, все одна и та же мысль о желанной цѣли, вѣчная жажда скорѣйшаго и быстрого обогащенія — въ совокупности своей порождаютъ въ этихъ людяхъ своего рода манию и враждебную недоувѣренность къ остальному человечеству. Говорятъ, что большая часть жень-шенниковъ не только свыкается съ пустынно-ческою жизнью и избранничьимъ промысломъ, во и пристращается къ нимъ въ такой степени, что даже тѣ, кому наконецъ удастся раздобыться потребнымъ количествомъ жень-шеня, составившимъ вначалѣ предѣлъ и вѣнецъ ихъ желаній, опять возвращаются въ пустыню и до конца жизни со страстью предаются своему промыслу. Большая часть этихъ искателей живутъ въ одиночку, рѣже вдвоемъ и ужъ очень рѣдко втроемъ, отнюдь не болѣе. Да и вообще совместная жизнь допускается между ними только въ такомъ случаѣ, если сожители будутъ между собою величайшіе друзья или близніе родственники, какъ напримѣръ, родные братья или отецъ съ сыновьями. Типъ вообще оригинальный и для беллетриста очень благодарный, надо только знать его.

Болѣе практичныя люди изъ состоятельныхъ манзовъ (а китайцы вообще очень практичны, такъ что въ миссіяхъ истый жень-шенникъ

является своего рода исключеніемъ), не гонятся за быстрымъ, но не всегда вѣрнымъ обогащеніемъ, предпочитаютъ иной путь для занятія жень-шеннымъ промысломъ. Они обыкновенно приобрѣтаютъ у счастливаго искателя за хорошія деньги нѣкоторое количество свѣжаго корня, а иногда даже и одинъ корешокъ и терпѣливо принимаются у себя дома выращивать и воздѣлывать его со всею кропотливою тщательностію, свойственною китайской культурѣ. И занятіе это стоитъ труда, такъ какъ барыши, доставляемые культивированнымъ жень-шенемъ, все-таки столь велики, что при удачномъ умѣломъ уходѣ, плантаціи, послѣ трехлѣтняго воздѣлыванія, можетъ принести владѣльцу цѣлое состояніе.

Дождавшись когда растеніе, посаженное съ корнемъ, дастъ перья сѣмена, манзы-плантаторы выращиваютъ ихъ въ горшкахъ, потомъ рассаживаютъ каждый всходецъ въ черноземныя, съ просѣянною землею и удобренныя гряды, заслоняя ихъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ досчатыми щитами, а отъ вліянія жгучаго солнца — холщевыми навѣсами, и терпѣливо ждутъ дальнѣйшаго роста, не забывая ежедневно поддерживать въ почвѣ извѣстную степень влажности. По прошествіи трехъ лѣтъ, корень уже годится въ употребленіе. Тогда его собираютъ, вывариваютъ извѣстнымъ способомъ въ водѣ и отправляютъ сухимъ путемъ въ Нингуту, или моремъ въ Шанхай, гдѣ всегда обезпеченъ имъ вѣрный сбытъ этого товара. Такія плантаціи въ настоящее время находятся на верховьяхъ Уссури, на Сандогу, Даубихѣ, Сучанѣ и на нѣкоторыхъ другихъ рѣчкахъ морского побережья У г. Пржевальскаго довольно подробно описанъ способъ культивированія жень-шеня, и если я распространялся нѣсколько объ этомъ промыслѣ, то единственно въ тѣхъ видахъ, что еслибы нашелся свѣдущій, опытный садоводъ изъ русскихъ, настолько предприимчивый, чтобы не остановиться предъ рисковомъ поѣздки въ Южно-Уссурийскій край и заняться тамъ изученіемъ культивированія жень-шеня, то онъ могъ бы принести и себѣ, и краю очень большую пользу, познакомивъ съ этимъ дѣломъ и научивъ ему здѣшнихъ русскихъ. Можно смѣло ручаться, что результаты трудовъ такого садовода увѣнчаются большимъ успѣхомъ и окупятся ему сторицей.

8-ое октября.

Въ половинѣ восьмого часа утра приближаемся ко входу въ заливъ Св. Ольги. Влѣво отъ насъ червится громадный массивъ продольно морщинистыхъ и отвѣсно обрывистыхъ скалъ, образующихъ такъ называемый мысъ Маневскаго, а по сосѣдству съ ними, ближе ко входу на рейдъ, сверкаетъ свѣжкою бѣлизной скала Мраморная — опять-таки источникъ вѣрнаго богатства, еслибы приняты за ея разработку,

такъ какъ мраморъ этотъ, по словамъ людей испытанныхъ его, едва ли уступать каррарскому. Но увы!—все это лежитъ втупѣ, да и Богъ-вѣсть когда-то еще дождется разработки...

Съ правой стороны отъ входа въ заливъ высится островокъ Чихачева, длиной и шириной около 250 саженъ. Подводный каменный рифъ, идущий на протяженіи одной версты, соединяетъ его съ материковымъ берегомъ у мыса Шкота. Этотъ безлѣсный островокъ съ восточной и южной сторонъ отвѣсно скалистъ, а съ западной полого спадаетъ къ водной поверхности (характерная особенность почти всѣхъ прибрежныхъ островковъ этого моря) и, замѣтно выдѣляясь на общемъ фонѣ береговой мѣстности, служить мореходамъ въ качествѣ опознавательнаго предмета для входа въ заливъ св. Ольги.

Сѣверо-западный вѣтеръ съ берега приносить намъ довольно ощутительный холодъ. Всю ночь термометръ ровно показывалъ $+5^{\circ}$ R., а стали подходить къ берегу—и ртуть сразу упала на 0° , при ясномъ, совершенно безоблачномъ небѣ.

Надъ берегомъ Ольги стелется густая липоватая мгла. Сначала было думали, что это горитъ лѣса, но потомъ оказалось—туманъ. Влѣво отъ насъ оставался западный берегъ рейда, гдѣ скалы кончаются мысомъ Пещурова, а далѣе идетъ уже незначительная низменность, по которой развѣтвляются потоки большой рѣки Аввакума (по-манзовски Вайфудинъ), впадающей въ этотъ мѣстъ въ заливъ св. Ольги. Тамъ, у этихъ устьевъ, сквозь туманъ видѣются на низменной отлогости лѣса, да и вообще вся мѣстность изобилуетъ ими. Правый, сильно возвышенный и крутой берегъ сплошь по своимъ склонамъ и вершинамъ покрытъ дубовымъ лѣсомъ. Подлѣсокъ тоже дубякъ. Здѣсь, на правомъ же берегу, въ скалистомъ ущельѣ, по которому протекаетъ ручей хорошей, прѣсной воды, пріютилось манзовское селеніе Фудинъ, служащее однимъ изъ главныхъ становищъ и рынковъ для капустныхъ промышленниковъ. Противъ Фудина, въ части водъ, прилегающихъ ко входу въ гавань Тихая Пристань находится якорное мѣсто Ольгинскаго рейда, наилучшее относительно западныхъ вѣтровъ, дующихъ здѣсь, особенно осенью, изъ долины рѣки Аввакума съ необыкновенною силой и постоянствомъ, но умѣряемыхъ встрѣчей высокихъ горъ восточнаго берега. Остальные мѣста рейда не представляютъ удобства для якорной стоянки, потому что его сѣверный и западный берега песчаны, мелководны и заносятся съ одной стороны Аввакумомъ, а съ другой волненіемъ отъ южныхъ вѣтровъ, господствующихъ во время лѣта и для которыхъ заливъ совершенно открытъ. Но и якорное мѣсто противъ деревни Фудинъ доступно по своей вѣстительности лишь для небольшого

числа судовъ, такъ что ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ни большимъ коммерческимъ, ни еще менѣе военнымъ рейдомъ, тѣмъ болѣе, что восточный берегъ, будучи крутостриженнымъ, обрывистымъ и обладающа каменстою почвой, неудобенъ для возведенія на немъ какихъ бы то ни было долговременныхъ, солидныхъ сооружений.

Заливъ св. Ольги, начиная отъ скалисто-приглубыхъ мысовъ Линдена и Пещурова, съ одной, и Сакена—съ другой стороны, направляется почти по меридіану, то-есть на сѣверъ (румбъ NtO), имѣя въ длину до двухъ, а въ ширину до одной мили. Глубина его отъ 16 до 10 саженъ, грунтъ—илъ, приливы едва замѣтны и подчиняются малѣйшимъ переѣмамъ вѣтра.

Къ сѣверо-восточной части залива прилежитъ небольшая, окруженная высокими берегами бухта, названная по своему вполнѣ укрѣпленному положенію Тихою Пристанью, но мѣстному Тунгдиза. Соединяется она съ заливомъ посредствомъ узкаго проливчика до 80 саженъ шириной и въ 340 саженъ длинной, съ очень извилистымъ и даже измѣнявшимся фарватеромъ, на которомъ встрѣчаются отдѣльныя банки съ глубиной въ 21 футъ въ малую лѣтнюю воду¹⁾. Оба берега проливчика очень круты и состоятъ изъ сплошнаго камня, мѣстами прикрытаго дерномъ и ползучими растениями. Фарватеръ подходитъ къ южному берегу такъ близко, что на взглядъ разстояніе отъ послѣднѣго до борта нашего судна было не болѣе двухъ-трехъ саженъ. Въ этомъ проливчикѣ идетъ постоянное и весьма неправильное теченіе, то назадъ, то впередъ, такъ что тамъ просто водоворотъ, который легко можно наблюдать по боченку съ вѣхой, находящемуся въ узкости надъ банкой; въ теченіе каждыхъ 15 минутъ вѣха раза три-четыре то окунется и потонетъ, то вынырнетъ и начнетъ вертѣться. Это, разумется, влияетъ на степень увѣренности штурмана въ успѣшномъ проходѣ судна, которое здѣсь плохо слушаетъ руля и, сильно возбуждая оборотами винта все дно, невольно способствуетъ засоренію пролива.

Самая гавань, известная подъ названіемъ Тихой Пристані, имѣетъ продолговатую, почти эллипсовидную форму по румбу NtOtO, длинной 750 саженъ, шириной въ 500 саженъ и занимаетъ площадь въ $\frac{3}{4}$ квадратной версты, съ ровною глубиной отъ 4 до $6\frac{1}{2}$ саженъ, при илистомъ грунтѣ. Берега ея приглубы, за исключеніемъ верховья бухты, гдѣ впадающая въ нее рѣка Ольга образуетъ песчаную бере-

¹⁾ Одна изъ этихъ банокъ была зондирована буромъ, причемъ оказалось, что на глубинѣ четырехъ футовъ она состоитъ изъ заносаго каменнаго щебня или гальки, далѣе которой буръ остановился въ крупномъ илѣ сплошномъ камнѣ, изъ коего состоятъ оба крутые берега.

говую отмель, которая съ каждымъ годомъ все увеличивается, чрезъ что постепенно мѣлѣть и самая бухта.

Природа этихъ мѣстъ очень красива, благодаря скаламъ и горамъ, которые достигаютъ отъ полуторы до двухъ тысячъ футовъ высоты и сплошь покрыты кудравымъ дубнякомъ и орѣшникомъ. Горы эти по конфигураціи своей отчасти напоминаютъ предгорья Великихъ Балканъ въ районѣ между Ловчей и Трианомъ; тѣ же лѣсистыя, конусообразныя, болшею частью отдѣльно стоящія вершины и тотъ же буро-лиловатый общій колоритъ. Ближайшая къ Ольгинскому военному посту гора въ 1.650 футовъ носитъ названіе Крестовой. Тому назадъ лѣтъ пятнадцать, а пожалуй и больше, подвизавшійся въ этихъ мѣстахъ монахъ-миссіонеръ, отецъ Аввакумъ, собственноручно сдѣлалъ деревянный крестъ въ двѣ сажени вышины и одинъ, безо всякихъ приспособленій и посторонней помощи, на собственныхъ плечахъ всталъ его на крутую, лѣсистую и мѣстами скалистую гору и тамъ водрузилъ его на самой вершинѣ. Съ тѣхъ поръ и самая гора получила названіе Крестовой. Едва замѣтный, если смотрѣть на него съ воды или изъ долины, крестъ этотъ покрытъ разными благочестивыми надписями, начертанными рукою поднимавшихся къ нему поклонниковъ, и служить до сего дня памятникомъ просвѣтительнаго подвижничества покойнаго отца Аввакума. Съ прекрасною личностію этого миссіонера уже давно знакомъ русскій читатель, благодаря перу И. А. Гончарова. Отецъ Аввакумъ былъ іеромонахомъ на фрегатѣ «Паллада» въ то время, когда плавалъ на немъ и И. А. Гончаровъ. Прибылъ онъ въ эти края вмѣстѣ съ графомъ Путятинымъ, да съ тѣхъ поръ, то-есть съ 1853 года, и остался въ нихъ для миссіонерской дѣятельности. Въ память его рѣка Вайфуинъ названа Аввакумомъ.

На взглядъ Тихая Пристань болѣе похожа на небольшое озеро, заключенное въ тѣсныя рамки облегающихъ его горъ, чѣмъ на бассейнъ, соединенный съ моремъ. Для художника, благодаря своимъ картиннымъ пейзажамъ, Тихая Пристань конечно была бы хорошею находкой, но для флота... Справедливость и безпристрастіе обязываютъ меня высказаться на этотъ послѣдній счетъ съ полною откровенностію, не задѣвая ничьихъ самолюбій.

Политическія обстоятельства и экономическіе виды настоятельно указываютъ намъ на необходимость имѣть хорошій портъ въ водахъ, прилегающихъ къ Тихому океану, портъ, который могъ бы служить опорнымъ пунктомъ для дѣйствій на семь океанѣ, держа въ себѣ наготовѣ наши крейсера въ мирное время и давая имъ возможность исправиться во время войны—портъ, который, кромѣ того, служалъ бы и промышленно-торговымъ цѣлямъ для

ввоза и вывоза. Такимъ портомъ является у насъ Владивостокъ, имѣющій всѣ естественныя задатки на то, чтобы быть и военно-морскимъ и торгово-экономическимъ центромъ. Но какъ для первой, такъ и для второй цѣли въ немъ необходимы извѣстныя сооруженія, безъ которыхъ не можетъ идти и развиваться ни то, ни другое дѣло. Желаніе устроиться по-дешевле, поэкономнѣе, вызвало въ Петербургѣ идею о перенесеніи военнаго порта изъ дорого стоящаго Владивостока въ болѣе дешевую (такъ по крайней мѣрѣ предполагалось) Ольгу. Этотъ вопросъ, дерзновенный и по сей день, а только примолкшій временно, вызвалъ при своемъ появленіи не только горячую полемику въ печати, но и отправку особой комиссіи на мѣсто для изслѣдованія сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ Владивостока и Ольги. Комиссія, работавшая на мѣстѣ съ 12 по 25 іюля 1879 года, въ большинствѣ своемъ высказалась противъ Ольги и за Владивостокъ; основаніемъ же къ такому ея мнѣнію послужили всестороннія сравнительныя данныя относительно того и другого пункта. И въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ переносить портъ на новое мѣсто, не слѣдуетъ ли принять въ серьезное вниманіе слѣдующія обстоятельства:

По наблюденіямъ капитанъ-лейтенанта Старickaго, сѣверная широта Владивостока $43^{\circ} 6' 51\frac{1}{2}''$, Ольги $43^{\circ} 44' 26''$; восточная долгота отъ Гринвича: Владивостока $131^{\circ} 54' 18\frac{1}{2}''$, Ольги $135^{\circ} 18' 49''$.

Между Владивостокомъ и гаванью Тихая Пристань морскимъ путемъ считается 336 верстъ, берегомъ же, вдоль взморья, болѣе 500 верстъ, и сообщеніе возможно только на выюкахъ съ большими затрудненіями и ночлегами въ открытомъ полѣ.

Разстояніе Владивостока отъ Николаевска берегомъ 1.881 верста; разстояніе Ольги отъ Николаевска берегомъ же 1.761 верста. Разстояніе отъ Хабаровки до Владивостока $978\frac{1}{4}$ верстъ, до Ольги $858\frac{3}{4}$ версты; но при этомъ должно не упустить изъ виду, что отъ Тихой Пристани до ближайшей почтовой и телеграфной станціи, каковою является станція Буссе на рѣкѣ Уссури, лѣсная тропа съ затруднительнымъ переваломъ черезъ хребетъ Сихоталинъ идетъ на протяженіи 396 верстъ; тогда какъ Владивостокъ уже соединенъ съ Хабаровкой и Николаевскомъ какъ почтовымъ трактомъ, такъ и телеграфною линіей.

Что касается морскихъ путей и выходовъ въ океанъ по Японскому морю и чрезъ Татарскій проливъ, то тутъ намъ представляются слѣдующія разстоянія:

1) До пролива Лаперуза отъ Владивостока 520 морскихъ миль, или 910 верстъ, отъ Ольги 345 миль, или 604 версты.

2) До Сангарскаго пролива отъ Владивосто-

ка 405 миль (708 верст), отъ Ольги 280 миль (490 верст).

3) До пролива Симонсаки отъ Владивостока 565 миль (989 верст), отъ Ольги 640 миль (1.120 верст).

4) До Корейскаго пролива отъ Владивостока 520 миль (910 верст), отъ Ольги 620 миль (1.005 верст).

5) До Николаевска отъ Владивостока 1.505 верст, отъ Ольги 1.183 версты.

Теперь перейдемъ къ даннымъ метеорологическимъ и къ физическимъ явленіямъ, находящимся въ зависимости отъ оныхъ:

Средняя годовая температура воздуха (по С.) для Владивостока будетъ $+3,61^{\circ}$, для Тихой Пристани $+3,07^{\circ}$.

Средняя высота барометра (въ миллиметрахъ) для Владивостока 760,, для Ольги 758,,.

Относительная влажность: $77,7\%$ во Владивостоке и 80% въ Ольгѣ.

Среднее годовое количество осадковъ (въ миллиметрахъ): 227 во Владивостоке и 878 въ Ольгѣ.

Средняя толщина льда: нѣсколько болѣе аршина въ бухтѣ Золотой Рогъ и $\frac{1}{4}$ аршина въ средней и западной частяхъ пролива Босфоръ Восточный; для Ольги же—одинъ аршинъ въ гавани Тихая Пристань и $\frac{1}{2}$ аршина въ вершинѣ залива Св. Ольги.

Соленость воды: $\frac{2}{31}$ въ Золотомъ Рогѣ, по солемеру, и $\frac{1}{31}$ на поверхности гавани Тихая Пристань, а на глубинѣ $\frac{2}{3}$, по солемеру же.

Что касается крайнихъ сроковъ замерзанія рейдовъ, то по наблюденіямъ нѣсколькихъ лѣтъ, Владивостокскій рейдъ покрывается льдомъ—самое раннее 1 декабря и самое позднее—20 декабря; Тихая же Пристань—самое раннее 26 октября и самое позднее 7 ноября. Столь раннее замерзаніе этой послѣдней обуславливается прѣсною ея поверхностной воды, небольшою величиной воднаго бассейна и ея малою глубиной.

Вскрытія же рейдовъ бываютъ во Владивостоке—самое раннее 23 марта и самое позднее 15 апрѣля, въ Ольгѣ—самое раннее 2 апрѣля и самое позднее 22 апрѣля. Такимъ образомъ Владивостокскій рейдъ остается подо льдомъ отъ 136 до 93 дней, Тихая Пристань отъ 204 до 146 дней, въ зависяности отъ чего и средняя продолжительность навигаціи простирается въ первомъ изъ сихъ пунктовъ до 250 и болѣе дней, во-второмъ же только 204 дня, причемъ возможные предѣлы навигаціи, т.е. наибольшій и наименьшій, будутъ: для Владивостока 273 и 229 дней, а для Ольги 220 и 186 дней.

Особыхъ теченій ни тотъ, ни другой рейдъ не имѣютъ. Высота прилива на Владивостокскомъ рейдѣ доходитъ до $2\frac{1}{2}$ футовъ, въ Тихой же Пристани лишь до $\frac{3}{4}$ фута, причемъ

дѣйствія лунныхъ водъ въ первомъ правильны, во второй неправильны.

Относительно вѣтровъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ пунктѣ, должно замѣтить, что зимой, задувая отъ NW, они порывисты и студены; лѣтомъ отъ NO, O и SO сопровождаются дождемъ и туманами¹⁾. Весной и осенью юго-западные вѣтры приносятъ ясные, теплые дни. Точно также всегда сопровождаются ясною, но холодною погодою осенніе дни, когда подымается сѣверный вѣтеръ. Вообще осенніе и частію весенніе мѣсяцы должно признать здѣсь лучшимъ временемъ года; зимы бываютъ всегда сухія, лѣто сырое. Изъ многолѣтнихъ наблюденій видно, что наибольшій холодъ во Владивостоке былъ въ зиму 1877 года, когда морозы доходили до 23° по С.; наибольшее тепло—лѣтомъ 1876 года—давало $+34,4^{\circ}$. Въ Ольгѣ же замѣчено, что морозы доходятъ иногда до 25° по R., а лѣтніе жары болѣе, чѣмъ во Владивостоке, вслѣдствіе того, что Тихая Пристань тѣсно окружена высокими горами. Въ первую половину лѣта преобладаютъ туманы, причемъ самый заливъ Св. Ольги заслоняется туманомъ сильнѣе, чѣмъ Босфоръ Восточный. При юго-восточныхъ вѣтрахъ, не только весь рейдъ, до устьевъ Аввакума, но и самая долина этой рѣки, по всей своей длинѣ, остаются подъ туманомъ по семи дней безъ перерыва. Часто бываетъ такъ, что стоя на кормѣ, не видяши носовой части судна. Во Владивостоке туманъ всегда имѣетъ сѣроватый оттѣнокъ и менѣе густъ; въ Ольгѣ же, равно и въ заливѣ Де-Кастри, онъ совершенно бѣлъ, какъ облако, и плотнѣе, надвигаясь на васъ сплошною тучей. Благодаря подобному туману, въ 1859 году, клиперъ «Опричникъ», на которомъ тогда плавалъ капитанъ-лейтенантъ Федоровскій, не могъ войти въ Ольгинскій рейдъ болѣе двухъ недѣль, за невозможностію разглядѣть входъ, да такъ и ушелъ, не дождавшись этой возможности. Туманы дѣлаютъ негодною для заселенія и всю долину рѣки Аввакума. Въ августѣ начинаются продолжительные ливни, вслѣдствіе коихъ Аввакумъ выходитъ изъ береговъ и затопляетъ всѣ низменности—обстоятельство, сильно вредящее хлѣбопашеству и огородамъ. Метели вообще рѣдки, и если бываютъ, то болѣе въ ноябрѣ и февралѣ; ураганы и сильныя бури проходятъ раза три въ лѣто, зима же болѣе изобилуетъ снѣгомъ, чѣмъ во Владивостоке.

¹⁾ Вліяніе сѣверо-восточнаго вѣтра на Тихую Пристань сильнѣе, чѣмъ на Золотой Рогъ, вслѣдствіе ея близости къ морю. Вообще относительно господствующихъ вѣтровъ замѣчено, что съ ноября по мартъ они держатся между NW и N, и бываютъ очень сильны въ концѣ осени и въ началѣ зимы; въ мартѣ наступаютъ штили и переменные вѣтры; въ апрѣлѣ и маѣ вѣтры между SO и SW; въ іюнѣ и іюлѣ между NO и SO; въ августѣ и сентябрѣ переменные, а въ октябрѣ начинаютъ преобладать NW.

Что касается специально рейдовых особенностей, то надо замѣтить, во-первыхъ, что длина закрытой части рейда въ предѣлахъ 24 футовой глубины во Владивостокѣ равняется 2.850 саженимъ¹⁾, а въ Ольгѣ съ Тихою Пристанью только 1.000 саженимъ; средняя ширина закрытой части рейда въ первомъ 400, во-второмъ 350 сажень; наибольшая глубина той же части рейда во Владивостокѣ 15, въ Ольгѣ 12 сажень. Грунтъ закрытаго рейда въ первомъ—илъ хорошаго качества, во второй—жидкій илъ, плохо держащій якоря; причемъ на первомъ рейдѣ въ закрытой части можетъ помѣститься до пятидесяти пяти судовъ, длиной каждое въ 245 футовъ (35 сажень), на второмъ же не болѣе двадцати, считая среднюю длину каната въ четыре раза противъ глубины. Отношеніе вмѣстимости закрытыхъ частей того и другого рейда будетъ какъ 3 къ 1, или на 4 квадратныя версты перваго 1, такой же версты второго. Кромѣ того, Владивостокскій рейдъ представляетъ на своемъ прибрежьи болѣе 6.000 сажень пространства, удобнаго для коммерческихъ цѣлей, тогда какъ Ольгинскій даетъ его только до 2.000 сажень. Мѣстъ удобныхъ для устройства Мортонова ялнга и установки пловучихъ доковъ для большихъ судовъ²⁾ во Владивостокѣ нѣсколько, въ Ольгѣ ни одного. Разстояніе отъ берега до 28 футовой глубины, для устройства портовой пристани, во Владивостокѣ равняется всего лишь 20—55 саженимъ, тогда какъ въ Тихой Пристани оно отъ 40 до 120 сажень. Характеръ береговъ рейда во Владивостокѣ холмистый, средней высоты, приглубый съ удобными низменностями, а наивысшая вершина въ районѣ города имѣетъ лишь 700 футовъ; въ Ольгѣ же рейдовые берега частью мелководны, а въ остальномъ круто-гористы, съ глубокими болотистыми долинами, безъ удобныхъ подъ постройку города и порта низменностей, и наивысшая вершина въ районѣ города 2.000 футовъ. Почва береговъ перваго представляетъ толстый слой чернозема, далѣе идетъ глина, а мѣстами мелкій камень, нижнее наслоеніе изъ сланца. Во второй—почва состоитъ изъ тонкаго слоя чернозема, прикрывающаго мелкій и крупный камень, лежащій нерѣдко цѣлыми пластами; кромѣ того, всюду на ней въ изобиліи встрѣчаются валуны; нижнее наслоеніе тоже сланцовое. Что касается источниковъ добычанія прѣсной воды, для нуждъ городскихъ жителей, то они одинаковы для обоихъ пунктовъ; это именно—колодцы. Затѣмъ, во Владивосто-

кѣ представляется полная возможность съ удобствомъ расположить портъ, городъ и казенныя зданія на одномъ какомъ-либо берегу бухты, тогда какъ въ Ольгѣ для соединенія порта съ городомъ потребуются два моста и дамбы, длиной не менѣе 300 сажень, не говоря уже о значительныхъ земляныхъ работахъ для нивелировки площадей на горныхъ склонахъ, подъ портовые сооружения и постройку казенныхъ зданій. Относительно числа вѣшнихъ входовъ на рейдъ и выходовъ изъ оаго въ открытое море должно замѣтить, что во Владивостокѣ ихъ два, а въ Ольгѣ одинъ; касательно же характера внутреннихъ входовъ на рейдъ даже и сравненія никакого быть не можетъ: во Владивостокѣ внутренній входъ имѣетъ прямое направленіе, свободное отъ опасностей по фарватеру, при наименьшей ширинѣ въ 285 сажень и глубинѣ до 14 сажень; въ Ольгѣ же проливчикъ, ведущій въ Тихую Пристань, имѣетъ по фарватеру 21, футовый банка и извилистое направленіе. Что же касается вѣроятности постояннаго обмелѣнія, то во Владивостокѣ, благодаря большой глубинѣ рейда, а также постепенной и ровной покатоности два его къ выходу, эта вѣроятность столь слаба, что ее можно считать даже не существующею, тогда какъ въ Ольгѣ она и теперь уже имѣетъ угрожающій характеръ, вслѣдствіе незначительной глубины рейда и узкости проливчика, составляющей заслонъ для свободнаго выхода изъ закрытой гавани осадковъ, обиліе коихъ обуславливается большими и продолжительными дождями, такъ часто выпадающими въ окрестностяхъ Св. Ольги, и ея горными крутостями, съ которыхъ дождевые потоки смываютъ въ бухту множество песка, щебня, дровъ и всякаго иного сору. Судя по промѣрамъ, произведеннымъ въ Тихой Пристани въ 1859, 1860, 1877 и 1879 годахъ, въ ней видимо происходитъ обмелѣніе два, равно какъ и въ самомъ проливчикѣ.

Перейдемъ теперь къ сравненію условій жизни во Владивостокѣ и въ Ольгинскомъ посту. Стрессовой дѣль, напримѣръ, вы можете найти во Владивостокѣ всего въ десяти верстахъ отъ города, тогда какъ въ Ольгѣ за нимъ нужно отправляться въ глубь страны, за восемьдесятъ верстъ на восточные склоны Сихота-Алиня, къ порожистымъ верховьямъ Аввакума. Доставка же дѣла во Владивостокъ и безопасна, и дешева, и удобна, тогда какъ въ Ольгу крайне затруднителенъ путь по бездорожью и значительности разстоянія; доставка возможна только зимой, въ сѣвѣные годы. Глина для выдѣлки кирпича, строевой песокъ и днѣй камень подѣ фундаменты какъ въ томъ, такъ и въ другомъ пунктѣ находятся на мѣстѣ и въ изобиліи; извѣсть можетъ быть добыта въ бухтѣ Св. Ольги на западномъ берегу мори изъ Мраморной скалы, между мы-

¹⁾ Для Владивостока закрытою частью рейда принято пространство внутри рейда отъ линіи мыса Голдобина, а для Ольги сѣверная часть залива съ Тихою Пристанью по линіи отъ мыса Сакена до камней Два Брата.

²⁾ Считается необходимымъ ставить ихъ на глубинѣ не менѣе семи сажень.

самыя Лявдана и Мраморный, но доставка ея, оцѣнить-таки за невѣдѣемъ дороги, возможна только моремъ, что весьма затруднительно и небезопасно вслѣдствіе открытаго и обрывистаго положенія этого берега, къ которому даже и пристать-то негдѣ. Мѣста, избранныя въ Ольгѣ подъ зданія порта, адмиралтейства и города, не составляютъ, да и не могутъ составить одну площадь, а всегда останутся разбитыми на отдѣльныя группы, разбросанными по разнымъ концамъ, не имѣя между собой никакой общей связи, вслѣдствіе гористой, крайне неудобной мѣстности. Жителей во Владивостокѣ съ войсками теперь за 8.000 человекъ, въ Ольгѣ же едва 200 человекъ. Во Владивостокѣ жилыхъ домовъ съ казармами 408, въ Ольгѣ 20. Владивостокскій каботажъ выражается количествомъ 76 судовъ и ежегодно увеличивается, благодаря счастливому образованію побережій; въ Ольгѣ же каботажъ пока еще равняется нулю, если не считать временно приходящія къ Фудину лодки манзовъ-канустниковъ. Во Владивостокѣ въ настоящее время имѣется уже коммерческихъ и торговыхъ заведеній 181, въ Ольгѣ же только одно. Средства воспитанія во Владивостокѣ — мужская прогимназія, женское училище, элементарная и портовая школа; въ Ольгѣ — никакихъ. Жизненные средства Владивостока постепенно улучшаются путемъ доставки изъ ближайшихъ городовъ Китая и Кореи, а также и благодаря разрастающемуся около озера Ханка русскому крестьянскому населенію; изъ Ольги же, по причинѣ періодическихъ наводненій, большинство русскихъ поселенцевъ въ 1878 году выселилось въ другія мѣста. Отъ Владивостока до ближайшихъ русскихъ поселеній всего 40 верстъ, а отъ Ольги 396 верстъ. Годовой оборотъ торговли Владивостока болѣе чѣмъ на 1.800.000 рублей, тогда какъ въ Ольгѣ онъ ничтоженъ. Доставка мѣстныхъ жизненныхъ продуктовъ съ переносомъ порта въ бухту Св. Ольги несомнѣнно ухудшилась бы вслѣдствіе очень малаго населенія ея окрестностей и большой отдаленности, какъ отъ границъ Китая и Кореи, такъ и отъ болѣе населеннаго Хавкайскаго округа, съ которыми заливъ Св. Ольги не имѣетъ никакого сухопутнаго сообщенія.

Въ стратегическомъ отношеніи Ольга тоже не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ и преимуществъ сравнительно со Владивостокомъ. Полуостровъ, отдѣляющій Тихую Пристань отъ моря и составляющій ея южный берегъ, имѣетъ ложнину, направляющуюся къ берегу моря. По направленію этой ложнины, военное судно, находящееся въ морѣ, можетъ поражать гавань навѣсными выстрѣлами. Сверхъ того, благодаря своему положенію между заливомъ Св. Владимира, съ одной стороны, и бухтой Св. Евстаѣя, съ другой, Ольга можетъ быть

не только блокируема съ сушикомъ, но и обойдена въ тылъ съ сухого пути. Бухта Св. Владимира находится всего въ 30 верстахъ выше Ольги и, будучи открыта для навигаціи круглый годъ, представляетъ хорошее убѣжище для судовъ всѣхъ ранговъ. То-же самое должно сказать и о бухтѣ Св. Евстаѣя, лежащей ниже Ольги въ 33 верстахъ. Для сухопутныхъ обходовъ изъ той и другой бухты въ тылъ Ольги существуютъ манзовскія тропы, ведущія къ Аввакуму и которыя съ помощью саперъ легко могутъ быть обращены въ дороги, удобныя для движенія военныхъ тяжестей.

Наконецъ, Владивостокъ уже существуетъ, растетъ и развивается самъ собою, какъ естественный центръ экономическаго тяготѣнія всего Южно-Уссурийскаго края, тогда какъ Ольгу нужно еще создать, да и создать все-таки не имѣтъ, даже въ отдаленномъ будущемъ, надежды на то, что она когда-нибудь сдѣлается экономическимъ центромъ. Она и быть имъ никогда не можетъ, потому что окрестности ея не представляютъ никакой возможности для земледѣльческихъ поселеній, чему наглядное доказательство находимъ мы и нынѣ, во-первыхъ, въ полномъ отсутствіи манзовскихъ фермъ и, во-вторыхъ, въ выселеніи на другія мѣста большинства русскаго крестьянства. Чтобы окончательно поставить Владивостокъ на степень первокласснаго, вполне самостоятельнаго военнаго порта, необходимо, разумѣется, сдѣлать извѣстныя денежныя затраты. Но то же самое необходимо и для Ольги. Разница только въ томъ, что общая стоимость сооруженій по части строительной, при прочномъ ихъ устройствѣ, нечислена для Владивостока въ 4.050.875 рублей, а для Ольги, гдѣ, повторяю, нужно все начинать сначала, въ 15.075.100 рублей. Итакъ, причемъ же тутъ экономія, ради которой собственно и возникъ самый вопросъ о перенесеніи порта въ Ольгу?

Въ 8½ часовъ утра «Европа» бросила якорь въ Тихой Пристанѣ, гдѣ мы застали на якорѣ военную шхуну «Ермакъ», шедшую изъ Николаевска. Послѣ утренняго чая, С. С. Лесовскій съѣхалъ на берегъ. Шлюпка наша подошла къ пристани, довольно еще сносной для такого заходистыя, тѣмъ болѣе, что дерево не выдерживаетъ здѣсь долгаго пребыванія въ водѣ, такъ какъ морской червь протачиваетъ снопъ. На берегу, у самой пристани стоятъ двѣ три складочныя сараи для хлѣба, соли и т. п., и навѣсъ для большихъ вѣсовъ. На крышѣ послѣдняго въ зимнее время устраивается особенная сторожка для часового, чтобъ обезопасить его въ ночные часы отъ нападенія тигровъ (а ихъ водятся здѣсь очень много). Съ перваго сумеречнаго смѣной къ вѣсамъ приставляется лѣстница, которая, какъ только влѣ

зетъ по ней очередной солдатъ, отнимается и кладется тутъ же на землю до новой сѣмны. Такимъ образомъ у тигра хоть и виднѣть око, да зубъ нейметъ столъ высокопоставленную добычу, и часовой всегда имѣетъ возможность если не убить его, то выстрѣломъ предупредить караулъ о визитѣ опаснаго гостя.

Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, какъ разъ противъ пристани, стоитъ бревенчатая, снаружи обмазанная глиной набенка о двухъ горенкахъ, а за нею, нѣсколько въ сторонѣ, пороховой погребъ. Въ правой горенкѣ передней набенки помѣщается караулъ, въ лѣвой—карцеръ, почему и окно въ ней снабжено желѣзною рѣшеткой. Здѣсь мы застали подъ арестомъ одного, недавно пойманнаго хунгуза, который, впрочемъ, зная, что русская власть не имѣетъ надъ нимъ никакихъ правъ и обязательно должна переслать его на благоусмотрѣніе хунчунскаго или вингутинскаго фудутуна, относился къ своей судьбѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: въ нынѣшнемъ году его перешлютъ въ Китай, а въ будущемъ, откупясь у фудутуна либо самъ, либо чрезъ друзей и родственниковъ, и пожертвовавъ на это не болѣе одного, много друкъ ланъ серебра¹⁾, онъ опять пожалуетъ къ намъ въ Уссурийскій край и попрежнему будетъ и грабить и прирѣзывать²⁾.

¹⁾ Китайская лава повѣсу равняется, по нашему, 1 серебряному рублю 85 коп.

²⁾ Манчо-китайское население этого края, въ силу существующихъ трактатовъ, стоитъ въ какомъ-то неопредѣленномъ, двусмысленномъ положеніи относительно нашихъ законовъ. Въ силу статьи 7-й Тянь-Цзинскаго договора 1858 года и статей 1-й, 8-й и 10-й Пекинскаго договора 1860 года выходитъ, что китайскіе подданные, не только бродячіе, но и прочно осѣдлые, владѣющіе недвижимою собственностью на нашей территоріи, пользуются лишь правами и льготами по русскимъ законамъ, а за преступленія не только важныя, но даже и за маловажныя проступки, намъ неподсудны. Для ближайшаго уразумѣнія этого дѣла достаточно привести хотя бы одну 7-ю статью Тянь-Цзинскаго договора, гдѣ говорится, что „въ случаѣ обвиненія русскихъ въ какомъ-либо проступкѣ или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ; равно и китайскіе подданные за *освѣдную* вину или покушеніе на жизнь или собственность русскихъ будутъ судиться и наказываться по постановленіямъ своего государства“. Очевидно, что при заключеніи означенныхъ договоровъ, мы имѣли въ виду огражденіе интересовъ нашихъ подданныхъ, *проживающихъ въ Китаѣ*, вѣроятно не предполагая, что вскорѣ намъ самимъ придется на практикѣ имѣть дѣло съ несравненно большимъ количествомъ китайскихъ подданныхъ, обитающихъ въ предѣлахъ нашего собственнаго государства. Неподсудность въ данныхъ условіяхъ на практикѣ равняется полной безнаказанности: такъ напримѣръ, заведенный преступникъ, убійца и грабитель, извѣстный хунгузъ Бикедзянь, откупаясь у китайскихъ чиновниковъ, три раза возвращался къ намъ какъ ни въ чемъ не бывало и каждый разъ совершалъ рядъ новыхъ преступленій; его опять ловили, опять передавали съ

Для встрѣчи адмирала была выстроена у пристани, въ видѣ почетнаго караула, часть ольгинской команды. Люди были одѣты вполне по формѣ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, и вооружены ружьями системы Карля, которыми, впрочемъ, въ послѣднее время обмѣниваются имъ на бердаки, уже присланныя въ Ольгу. Начальникъ Ольгинскаго поста, 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣльцоваго батальона, штабсъ-капитанъ Скурскій, замѣчательно похожій лицомъ на М. Д. Скобелева, отразпортовалъ адмиралу о состояніи вѣреннаго ему поста, команды и территориальнаго округа и представилъ служащихъ, въ лицѣ одного прапорщика и класснаго фельдшера, состоящаго при Аввакумовскомъ округѣ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Этотъ послѣдній былъ въ партикулярномъ сюртукѣ, съ медалью за послѣднюю войну.

Поздоровавшись съ людьми почетнаго караула и сказавъ имъ нѣсколько лестныхъ, ободряющихъ словъ, адмиралъ со свитой направился въ городъ, куда ведетъ тропа, проложенная сначала вдоль прибрежной узкой низменности, наполненной намытомъ съ бухты дрсевой, мимо скалистыхъ стѣлъ возвышенности, покрытой мелкимъ дубякомъ. Формации этихъ скалъ сланцевая; изломы трещины и пласты камня падаютъ въ прямую крѣтку, въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ, и самый камень значительно окрашенъ въ зеленоватый цвѣтъ, что и заставляетъ нѣкоторыхъ думать о вѣроятномъ присутствіи въ этомъ мѣстѣ мѣдной руды. Минувавъ по мостку ручей, бѣгущій въ бухту по такъ-называемой Банной надѣ, гдѣ дѣйствительно находится бревенчатая баня, тропа невысоко и довольно отлого подымается въ гору, мимо кустарниковъ дубяка и орешника, и выводитъ на небольшую, нѣсколько покачнутою къ бухтѣ площадку, гдѣ и расположенъ «городъ».

Весь этотъ «городъ» состоитъ едва-ли изъ полутора десятка деревянныхъ домишекъ и мазанокъ. Въ послѣднихъ живутъ исключительно семьи женатыхъ солдатъ. На наиболѣе видномъ мѣстѣ площадки, противъ казармъ, стоитъ довольно просторный деревянный домъ начальника поста, при немъ форменная будка и часовой, а рядомъ построены разныя приспособленія для военно-гимнастическихъ упражненій общезвѣстнаго образца, какія можно видѣть повсюду въ Россіи при каждаго ка-

рукъ на руки въ Китай, а онъ опять возвращался, пока не истощились послѣдніе его ресурсы для откупа и пока сами осѣдлые маньчжы не стали наконецъ жаловаться китайскому начальству на его безчинства. Тогда ему въ Китаѣ отрубили голову. И такихъ Бикедзяньовъ здѣсь не одинъ, не два, а сколько угодно, одни покорнѣе, другіе померзчѣе, но все они равно увѣрены въ полной своей безнаказанности за преступленія, совершаемыя въ предѣлахъ Россіи.

зармахъ строевыхъ частей. По другую сторону дома водруженъ высокій флаштокъ, обозначающій собою астрономическій пунктъ сѣверной широты и восточной долготы Ольги. Неподалеку отъ гимнастики доживаетъ свой вѣкъ почернѣлый отъ времени, старый «командирскій домъ», въ которомъ теперь помѣщаются два классные фельдшера — военный и гражданскій. Противъ этихъ «зданій», на другой сторонѣ площадки, на углу «Главной улицы» и Бокового переулка увило торчать полуразрушенный домъ церковнаго причта, съ продырявленной крышей, стоящій пустопорожнимъ уже третій годъ, за неимѣніемъ въ Ольгѣ священника; а противъ этого домишка, въ самомъ переулкѣ стоятъ два низенькіе домика, принадлежащіе мѣстному купцу Борису, у котораго на дворѣ помѣщается и метеорологическая станція, гдѣ г. Борисовъ уже около десяти лѣтъ регулярно занимается наблюденіями, отчеты о коихъ доставляетъ во Владивостокъ, къ начальнику гидрографической части. Далѣе по «Главной улицѣ», вдоль площадки, танутся барачныя постройки лазарета, казармы и маленькая бѣденная церковка, а еще далѣе, уже на самой окраинѣ поста, новая бревенчатая казарма, гдѣ помѣщается половина мѣстной команды. На задахъ этихъ построекъ, въ вѣкоторомъ отдаленіи, торчатъ среди небольшихъ огородцевъ убогія мазанки. Вотъ и все, буквально все, что составляетъ пока городъ св. Ольги.

Адмиралъ посѣтилъ лазаретъ, гдѣ мы нашли двухъ больныхъ. Одинъ оправлялся отъ горычки, другой отъ обжоговъ. Этотъ послѣдній, будучи на охотѣ въ лѣсу, не замѣтилъ, какъ очутился среди лѣсного пожара, пушеннаго охотниками-манзами, и види себя окруженнымъ огненною стѣной, пустился бѣжать прямо сквозь огонь. Разумѣется, оналилъ себѣ лицо, плечи и руки. Къ счастью, глаза уцѣлѣли, и теперь онъ уже поправляется, только на лицѣ остаются темнотурны пятна.

Затѣмъ адмиралъ осмотрѣлъ обѣ казармы. Въ той и другой люди были выстроены во фронтъ, въ самомъ помѣщеніи. Нашъ пріѣздъ въ Ольгу послѣдовалъ совсѣмъ неожиданно для ея обитателей, приготовиться къ смотру было уже некогда, и мы застали ихъ, такъ сказать, среди повседневнаго обихода. Тѣмъ пріятнѣе было адмиралу найти пищу въ котлѣ хорошую, а койки и постельное бѣлье въ полной опрятности. Только воздухъ въ первой, то-есть старой казармѣ былъ тяжелъ, отдавая какою то затхлостью. Оно и не мудрено, потому что злѣе пришло уже въ вѣтхость, гниетъ и опускается, и это, видимо, вліяетъ на здоровье помѣщенныхъ въ немъ людей: у многихъ изъ нихъ лица съ желтизной, одутловатыя, тогда какъ у другой полуроты, размѣщенной болѣе просторно въ новой казармѣ, гдѣ при постройкѣ

были приняты въ соображеніе и гигиеническія требованія, люди бодрѣ и здоровѣ на видъ. Эту разницу между тою и другою частями роты слѣдуетъ отнести исключительно къ гигиеническимъ неудобствамъ перваго помѣщенія, потому что всѣ остальные условія жизни, то-есть: пища, содержаніе, работа и служба — одинаковы для обѣихъ. Въ новой казармѣ помѣщается и командная школа, съ обычною черною доской на треногѣ. Койки, на каждого человѣка отдѣльная, расположены довольно просторно, ружья собраны въ особые ширмадики, и между ними уже большая часть берданки. Для обученія людей сборкѣ и разборкѣ этого ружья и цѣльной стрѣльбѣ изъ него сюда прислали теперь изъ Учебнаго батальона особый унтер-офицеръ-инструкторъ, прибывшій нынѣшнимъ лѣтомъ на крейсера «Россія». Подъ-чай не весело этому молодцу въ Ольгѣ, послѣ житія въ Ораніенбаумѣ.

При осмотрѣ города и постовыхъ помѣщеній, адмирала сопровождали начальникъ поста и гражданскій классный фельдшеръ, съ которыми я и разговорился по дорогѣ. Оказалось, что онъ изъ крещеныхъ евреевъ, служилъ во время послѣдней войны по «Красному Кресту» и состоялъ сначала на эвакуаціонномъ поѣздѣ ея высочества принцессы Евгениіи Максимиліановны, а потомъ въ Яссахъ и наконецъ въ Адрианополѣ; по окончаніи войны возвратился въ Петербургъ, и тамъ, при вызовѣ охотниковъ на службу въ Восточную Сибирь, согласился отправиться съ семьей въ дальнее путешествіе, такъ какъ ему было обѣщано, что онъ останется въ Иркутскѣ, въ распоряженіи генераль-губернатора (?). — «Но только я его и въ глаза не видѣлъ, рассказывалъ мнѣ бѣдный человѣкъ. — А говорятъ мнѣ: поѣзжай въ Праморская область. Хорошо, зачѣмъ нѣтъ!? Говорю: согласенъ. Пріѣзжаю въ Праморская область. Говорятъ: ступай у свѣтлая Олга. Хорошо, зачѣмъ нѣтъ!? Пріѣзжаю въ Олга, и какъ посмотрѣлъ, то пишу, позвольте въ какого другого мѣсто. А мнѣ отпѣчаютъ: сиди. Ну, и сижу, зачѣмъ нѣтъ! Но только жить совсѣмъ плохо. Жену за неволю отпавилъ у Владивостока, служить въ люди, за прислугу, потому что вдвоемъ жить здѣсь совсѣмъ не можно — получаю всего 20 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ бумажками, а практика — какая же здѣсь практика, когда крестьяне и сами бѣдуютъ, а объѣзжать деревни приходится за свой счетъ, а лошадей почти и нанять невозможно: очень дорого стоитъ порядить подводу, а заневолію приходится пѣшкомъ обходить всѣ поселенія. Выслужилъ я себѣ и знакъ отлѣчія «Краснаго Креста», но не получилъ его... Когда-то еще примлютъ, да и вспомнятъ ли! Совсѣмъ помирать надо въ эта Праморская область!»

Бѣдный человѣкъ!.. Когда онъ рассказывалъ мнѣ все это, я замѣтилъ, какъ судорожно по-

дергивались его щеки, какихъ, повидимому, усилий стоило ему, чтобы подавить въ себѣ накипавшія слезы... Да, не весело жить и служить по великимъ захлустамъ этой «Праморской области», при ничтожнѣйшемъ жалованьи и страшной дороговизнѣ на всѣ предметы насущной необходимости, когда весь торгъ идетъ на серебряный долларъ, а нашъ бумажный рубль принимается за полдоллара. Порой же рыночная цѣна доллара стоитъ отъ 2 руб. 10 коп. до 2 руб. 30 коп. Вотъ и судите, какъ тутъ перебиваться!..

Осмотрѣвъ послѣднюю казарму, мы прошли по тропѣ далѣе, къ долинкамъ, среди которой, въ одной верстѣ отъ города, расположена русская деревня Новинки, состоящая всего изъ семи дворовъ и замѣчательная развѣ тѣмъ, что ея обитатели, за время своего поселенія на этомъ мѣстѣ, накопили на своихъ дворахъ и въ улицѣ пѣлыя горы навоза, что, конечно, не влечетъ благотворно на состояніе ихъ атмосферы. Встрѣтили на дорогѣ трехъ-четырехъ новинковскихъ бабъ, которыя, узнавъ что пришло новое судно, пробирались къ пристани, въ надеждѣ, что авось либо можно пмѣ будетъ купить чего-нибудь у матросовъ. Одна изъ этихъ бабъ оказалась давнишней кумой М. А. Клыкова, признала его «по обличью» и очень обрадовалась своей неожиданной встрѣчѣ. Но, увы! кумѣ-капитанъ разочаровала ее, убѣдивъ что у матросовъ не только хлѣба или солонины, но и вообще ничего купить невозможно. Бабы тѣмъ не менѣе продолжали свою прогулку къ пристани, «хоть поглядѣть, какое-такое судно». Рѣдкій приходъ судовъ въ Тихую Пристань да привозъ убитаго гдѣ-нибудь по соседству тигра, кажется, составляютъ единственные ихъ развлечения, если даже не эпохи жизни.

Бѣдная деревушка Новинки даетъ мнѣ поводъ рассказать кое-что о судьбѣ русскихъ поселеній Аввакумовскаго округа.

Въ 1864 году съ низовьевъ Амура явились въ Южно-Уссурийскій край 257 крестьянъ, въ надеждѣ найти хорошую землю и лучшія условія жизни. Администрация, основываясь на теоретическихъ соображеніяхъ о «равнобренности» заселенія площади, представляемой краемъ, направила этихъ новыхъ переселенцевъ, придавъ къ нимъ еще нѣкоторое число отпускныхъ солдатъ и матросовъ, въ окрестности залива Св. Ольги, безо всякаго, впрочемъ, предварительнаго изслѣдованія, насколько эти мѣста пригодны для *земледѣльской* дѣятельности переселенцевъ, которые всѣ, за исключеніемъ отпускныхъ, были исконные землепашцы. Такимъ образомъ въ окрестностяхъ Ольгинскаго поста возникли слѣдующія селенія:

1) Деревня Новинки (25 дворовъ, 136 душъ), лежащая близъ устья рѣчки Ольги, лучшая

сравнительно съ прочими по условіямъ для жизни.

2) Деревня Арзамасовка (34 души), верстахъ въ десяти отъ поста, при устьѣ рѣчки того же имени, впадающей въ рѣку Аввакумъ, малхудная изъ всѣхъ.

3) Деревня Пермская (34 души) въ двѣнадцати и

4) Деревня Фудикъ (53 души) въ пятнадцати верстахъ отъ поста; обѣ вверхъ по теченію Аввакума.

Мѣстность вокругъ этихъ деревень ежегодно затопляется разливами Ольги, Аввакума и его притоковъ, что и заставило новинковскихъ крестьянъ перенести свои пашни на пятнадцать верстъ отъ селенія къ сѣверо-востоку, въ удобную для земледѣлія мѣстность. Пашни же остальныхъ деревень, постоянно страдающихъ отъ разливовъ, не было возможности перенести въ другія мѣста, по той причинѣ, что все, годное подъ пахоту, покрыто лѣсомъ, коего расчистка и выкарчеваніе крайне затруднительны для крестьянъ, по неимѣнію средствъ и достаточнаго числа рукъ.

Н. М. Пржевальскій, посѣтившій эту мѣстность въ 1869 году, нашелъ состояніе трехъ деревень на Аввакумѣ несравненно хуже Новинки: избы ихъ были большею частью не обстроены, нѣкоторыя стояли даже безъ крышъ; огороды въ самомъ жалкомъ видѣ, да болотѣ; пашни тоже, и крестьяне тщетно искали себѣ поблизости другого, безопаснаго отъ наводнений мѣста для селитбы. Избы отпускныхъ являлись намхудшими какъ въ этихъ селеніяхъ, такъ и въ Новинкахъ. Въ «Восточномъ Поморьѣ» 1866 года корреспонденція изъ Ольги сообщала, что «крестьяне сильно нуждаются въ деньгахъ, ибо нѣтъ никакихъ заработковъ, кромѣ какъ пильшикамъ (пермскимъ) отъ манзовъ. Зимой же самая большая плата отъ манзовъ въ мѣсяцъ два пуда буды, да и тому крестьяне рады, ибо многіе не видѣли хлѣба по мѣсяцу». Въ другой корреспонденціи той же газеты и изъ того же мѣста читаемъ, что «крестьяне въ Ольгѣ, по случаю неурожая голодаютъ и, чтобы прокормиться, пѣ-за одного только хлѣба нанимаются къ манзамъ за два-три пуда пшена или буды и разошлись по фанзамъ за 70—80 верстъ». Г-жа Васильева, имѣвшая случай близко наблюдать жизнь ольгинскихъ крестьянъ и на слова которой ссылаются въ своемъ трудѣ г. Венюковъ¹⁾, свидѣтельствуетъ, что въ первый годъ своего переселенія они продовольствовались казеннымъ хлѣбомъ; земледѣльческій трудъ ихъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, вознаграждался плохо; нѣрѣдко и полевые мыши истребляли ихъ посѣвы, жителямъ прихо-

¹⁾ «Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи», М. Венюкова, 1873.

дилось перекупать солдатские пайки по десяти копеек за фунтъ хлѣба. Только 1870 и 1871 годы дали болѣе удовлетворительные урожаи, такъ что кое-какъ достало хлѣба прокормиться отъ посѣва до посѣва. Крестьяне, видя бесплодность своихъ стараній, перестали заботиться объ улучшеніи культуры и стали помышлять только объ одномъ—какъ бы поскорѣй дозволили имъ покинуть эти неблагопріятныя мѣста; пища ихъ состояла изъ соленой «рыбы-киты», да ржаного хлѣба съ примѣсью картофеля, а тепловое питье, вмѣсто чая, изъ сушеной травы - бѣлотоловки. Яйцами, масломъ и молокомъ сами они не пользовались, а сбывали ихъ въ Ольгинскій постъ, такъ какъ эта торговля составляла изъ единственное подспорье, чтобъ обзавестись необходимою одеждой. Скотоводство страдало отъ хищныхъ звѣрей—волковъ и полудикихъ манзовскихъ собакъ, а особенно отъ тигровъ, которые въ 1869—70 годахъ истребили у нихъ до ста головъ одного рогатого скота. Всѣ эти обстоятельства въ концѣ концовъ породили недовольство судьбой и полное равнодушіе къ жизни: «сегодня съѣлъ чѣмъ Богъ послалъ, а завтра, что Богъ дастъ!» Г-жа Васильева находитъ, что въ окружающей природѣ много богатствъ, лишь было бы умѣнье ими пользоваться. Такъ, напримѣръ, она полагаетъ, что въ окрестностяхъ Ольги можно было бы въ большихъ размѣрахъ развить пчеловодство, сборъ хвойныхъ орѣховъ, лѣсоохотный промыселъ, ловлю и соленіе сельдей, изготовку колесъ и ободьевъ для сбыта во Владивостокъ, гдѣ во всемъ этомъ нуждаются; но крестьяне, вовсе о томъ не заботясь, на всѣ ея благіе совѣты отвѣчали ей, что «Господь создалъ-де крестьянина обрабатывать хлѣбушко, такъ ужъ на томъ и покончимъ свой вѣкъ».

Мнѣ кажется, что этотъ отвѣтъ рисуетъ вовсе не лѣность и косность ольгинскихъ крестьянъ, какъ полагаетъ г-жа Васильева, а вѣчто совсѣмъ другое. Будь это переселенцы съ низовьевъ большихъ рѣкъ Европейской Россіи, знакомые и прежде съ рыболовствомъ, или же выходцы изъ ея Сѣверо-Восточнаго края, для которыхъ лѣсные промыслы всегда были и есть самое сподручное дѣло, тогда конечно ихъ можно было бы съ полною справедливостію укорить за лѣность, косность и нерадѣніе о своихъ семействахъ¹⁾. Но въ томъ-то и дѣло,

что ольгинскіе крестьяне были исконные земледѣльцы, которые и переселились-то въ Южно-Уссурийскій край лишь въ надеждѣ найти лучшія условія для земледѣлія. А ихъ вмѣсто того, по какимъ-то «высшимъ» теоретическимъ соображеніямъ, забрасываютъ въ Ольгу и говорятъ: живи здѣсь, и здѣсь наши сколько хочешь! Кто же виноватъ въ неудачѣ дѣла—крестьянинъ-ли, желающій заниматься сподручною и привычною ему пахотой, или тѣ кто, не внимая этому, воплотивъ законному желанію, заставляютъ его селиться въ такой мѣстности, гдѣ хлѣбопашество невозможно? Последствія же этихъ распоряженій сказались и въ Ольгѣ точно такъ же какъ въ уссурийскихъ казачьихъ станицахъ: крестьяне потеряли охоту къ своему дѣлу, стали жить спустя рукава, уходить въ батраки къ манзамъ и продавать имъ своихъ женъ и дочерей въ наложницы¹⁾. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ жителя только два года (1870—71) могли кое-какъ обойтись безъ помощи хлѣбомъ отъ казны, которая сама получаетъ его здѣсь изъ Кронштадта, и этого слишкомъ дорого стоявшій прокормъ послужилъ наконецъ мѣстному начальству поводомъ дозволить ольгинскимъ крестьянамъ переселиться, что уже такъ давно составляло предметъ ихъ самыхъ горячихъ желаній. Этимъ разрываніемъ воспользовалась большая часть поселянъ, которые въ 1878 году и перешли на рѣку Цимуху, въ деревню Шкотова (Русская Цимуха то-жъ). На старыхъ мѣстахъ осталось всего лишь 16 дворовъ (въ Фудинѣ и Пермскомъ); Арзамасовка же выселилась вся, до послѣдняго человѣка. Пошли на выселку и Новинки, гдѣ вмѣсто 25 остается теперь только семь дворовъ. Наши этой деревни хотя и находились въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные, но все же бѣднѣе на полевые работы за 15 верстъ отъ дома, ежедневно теряя на это путешествіе туда и обратно отъ пяти до шести часовъ времени, въ рабочую пору, было для крестьянъ очень обременительно и они предпочли переселиться. Такимъ образомъ, въ настоящее время весь Аввакумовскій округъ, имѣющій свыше 600 верстъ въ окружности, заключаетъ въ себѣ только три селенія: Фудинъ, Пермское и Новинки, въ коихъ состоитъ въ сложности 23 двора и около 138 жителей.

С. С. Лесовскій пригласилъ ольгинскихъ офицеровъ къ себѣ на «Европу» къ обѣду, въ шесть часовъ вечера, и приказалъ свезти на берегъ хоръ морскихъ музыкантовъ. Военный оркестръ на берегу Св. Ольги—это событіе совершилось сегодня впервые со дня ея существованія. Ожидали, что всѣ окрестность потому они и продолжаютъ валиматься къ манзамъ.

¹⁾ «Восточное Поморье» 1866 года.

¹⁾ Мы знаемъ, что пермяки съ первой же голодовки навалились къ манзамъ въ пильники. Можно спросить, отчего же они не занялись этимъ промысломъ самостоятельно? Оттого, что манзы обезпечены сбытомъ и вывозомъ на джонкахъ, а русскіе нѣтъ, и когда обратились они къ одному изъ владивостокскихъ коммерсантовъ съ предложеніемъ сбывать ихъ доски въ Китай и Японію, то онъ отказалъ, говоря, что его дѣло—капуста, а не лѣсная торговля. У самихъ же крестьянъ на это нѣтъ средствъ, а

сблизился на гулянье. «на музыку», а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказалось, что вся «публика» состояла изъ трехъ-четырехъ дамъ, сидѣвшихъ на крылечкѣ у постового начальника, да десятковъ двухъ солдатиковъ, выспавшихся на крылечко старой казармы. Изъ крестьянъ не было почти ни души, хотя музыка гремѣла на берегу съ половины третьяго часа дня до шести часовъ вечера.

Я посѣтилъ на берегу г. Борисова, который ютится съ семьей въ трехъ-четырехъ маленькихъ тѣсныхъ горюнкахъ своего домика. Магазина онъ не держитъ, а имѣетъ у себя только складочную кладовую разныхъ товаровъ, закупаемыхъ имъ во Владивостокѣ. Борисовъ издавна уже составилъ себѣ репутацію честнаго и безкорыстнаго торговца, безъ котораго Ольгѣ пришлось бы просто пропадать. Когда, напримѣръ, владивостокскіе купцы, стакнувшись между собою, на простое сѣрое мыло нагоняли цѣны до рубля, а на свѣчи и того выше,—оба эти продукта въ Ольгѣ у Борисова оставались при своихъ всегдашнихъ цѣнахъ: мыло 30 коп., свѣчи 50 коп. за фунтъ. Тѣхъ же правилъ держится онъ и относительно всѣхъ прочихъ товаровъ безъ исключенія. Понятно теперь, почему этотъ достойный человѣкъ живетъ у себя дома въ такой скромной обстановкѣ, за барышнемъ не гоняется, занятъ наукой, посвящая не мало времени метеорологическимъ наблюденіямъ, ведетъ имъ журналъ весьма основательно и аккуратно. Книжки читаетъ. Съ такой дѣятельности конечно не разжишься. Но это еще не все: прежде, когда онъ велъ дѣла съ однимъ владивостокскимъ купцомъ, случалось получать присланные по реестру товары такимъ образомъ, что значится въ реестрѣ, напримѣръ, столько-то ящиковъ бутылокъ пива,—вскрываютъ ящики, тамъ вмѣсто бутылокъ оказываются полубутылки, а деньги за товаръ были отправлены предварительно во Владивостокъ по расчету за цѣлыя бутылки; значится по реестру тюкъ шерстяныхъ матерій, но такого и вовсе не оказывается, а между тѣмъ деньги за него уже впередъ заплачены. Тагаться съ отправителемъ куда же пойдешь? Нарочно ѣхать для этого во Владивостокъ не стоить труда, себѣ дороже одна побѣдка обойдется, да и какъ пойдешь если суда, нарочно посылаемыя въ Ольгу, заходятъ въ нее только дважды въ годъ; да и старое судопроизводство, еще существующее въ этомъ краѣ, беретъ много времени: чтобы судиться по гражданскому дѣлу, надо отправляться на 1.860 верстъ—въ Николаевскъ, либо безъ малотысячу верстъ—въ Хабаровку. И выходитъ, что честному торговцу остается только махнуть рукой на пропащія деньги и вести дѣла съ иностранными владивостокскими кулаками: эти по крайней мѣрѣ не приближаютъ къ подобнаго рода мел-

кимъ мошенничествамъ, а ужъ коли плутуютъ то не иначе какъ въ-крупную.

Отъ Борисова зашли мы къ начальнику поста, штабсъ-капитану Скурскому, и застали у него на крылечкѣ небольшое дамское общество, развлекавшееся звуками музыки. Здѣсь была и гостья г-жа С., ѣхавшая къ мужу изъ Николаевска въ Никольское на шхунѣ «Ермакъ»; шхуна эта, какъ и прочія суда Сибирской флотиліи, перепозитъ изъ мѣста въ мѣсто служащихъ лицъ и ихъ семейства по «предложеніямъ», выдаваемымъ отъ подлежащаго начальства. Здѣсь же встрѣтилъ еще одного офицера, переведеннаго въ одинъ изъ вновь сформированныхъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ изъ Россіи и тоже ѣхавшаго на «Ермакъ» изъ Николаевска. Физиономія показалась знакомою. Разговорились—и оказалось, что мы встрѣчались и въ Кишиневѣ, и въ Болгаріи во время службы его въ Волынскомъ пѣхотномъ полку, въ «Драгомировской» (14-й) дивизіи.

Начальникъ Ольгинскаго поста, хотя и живетъ въ домѣ по виду довольно просторномъ, но въ дѣйствительности у него нѣсколько просторна только одна комната, которая служитъ и приемною, и гостиной, и залой, и столовою, и кабинетомъ, и библіотекой. Въ смежной горенкѣ ютится онъ самъ съ молодою женой; третья, тоже довольно просторная, комната занята подъ канцелярію, а въ четвертой горенкѣ только—что расположился съ семействомъ привезенный нами на «Европѣ» чиновникъ-дѣлопроизводитель, назначенный въ Ольгинскій постъ на постоянную службу.

Въ библіотечномъ шкафицѣ у г. Скурскаго нашелъ я нѣсколько сочиненій по общей литературѣ, естествознанію, исторіи, этнографіи и по военному дѣлу, а также нѣсколько ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ журналовъ.

— Это наше единственное, можно сказать, спасеніе,—заявилъ мнѣ хозяинъ,—не будь книгъ, върѣте, съ ума можно сойти.

Часть книгъ въ этой библіотечкѣ заведена еще предшественниками г. Скурскаго, часть приобретена имъ самимъ на собственные средства, да и казна—спасибо—въ послѣднее время стала отпускать по 100 руб. въ годъ на каждую постовую команду для заведенія и пополненія библіотекъ. Впрочемъ, во Владивостокѣ я слышалъ, что деньги на этотъ предметъ отпускаются уже давно, да только въ прежнее время онѣ будто бы застревали невѣдомо гдѣ, обращаясь въ благодатные штабные «остатки». Правда ли, не знаю, пишу что говорилъ.

Всѣ книги, къ нѣкоторому удивленію моему, оказались переплетенными и притомъ очень изрядно. На вопросъ мой, откуда такіе переплеты въ Ольгѣ, хозяинъ отвѣчалъ, что это дѣло его собственныхъ рукъ. Въ Россіи, въ

юности когда-то, отъ нечего дѣлать занимался онъ переплетнымъ дѣломъ, а въ здѣсь вотъ и пригодилось. — по крайней мѣрѣ книжки сохраняются уже надолго. Вообще, въ Ольгинскомъ посту выписываются нѣкоторыя газеты и журналы начальникомъ поста и г. Борисовымъ, но доставляются они имъ только при случаѣ, съ «оказіей». У послѣдняго я видѣлъ «Огонекъ» и «Всемирную Иллюстрацію». Такимъ образомъ обыватели дѣлается другъ съ другомъ матеріалами для чтенія, кромѣ котораго въ Ольгѣ есть и еще одно развлеченіе. Это — охота на тигровъ, являющихся общимъ бичемъ Уссурийскаго края. Видно, и въ самомъ дѣлѣ приходится отъ нихъ плохо, если понадобилось устраивать для часовыхъ зимнія вышки на крышахъ. Бываютъ здѣсь и такіе курьезные случаи, какъ, напримѣръ, въ прошломъ (1879) году, что тигръ среди бѣлаго дня, вскопчивъ въ «городъ», напалъ на лошадь, запряженную въ легкую тележку и стоявшую безъ хозяина у воротъ одного дома. Вдѣпившись ей зубами въ загривокъ, хищникъ пустился съ нею наутекъ и втащилъ свою живую добычу, всю, какъ была, въ запряжкѣ и съ экипажемъ, на самую вершину Крестовой горы, гдѣ, разумѣется, ее и покончилъ. А было однажды и такъ, что трое отставныхъ, поселившихся въ Ольгѣ матросовъ зарубили въ лѣсу встрѣтившагося имъ тигра просто топорами. Пошли они дрова рубить и вдругъ замѣчаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ притаился у большого камня звѣрь и видимо уже готовится въ два-три прыжка кинуться на свою добычу. Удирать отъ него было поздно да и безразсудно: это значило бы обречь себя на вѣрную гибель, а у матросовъ нѣтъ при себѣ кромѣ топоровъ никакого оружія.

— Шкура, братцы, будетъ! — шепнулъ одинъ изъ нихъ. — Только чуръ, не робѣть, а лишь наскочить — въ топоры его!

Едва лишь были сказаны эти слова, какъ звѣрь уже кинулся на одного изъ матросовъ. Тотъ повалился подъ его тушей, но въ это самое мгновеніе два топора остальныхъ дровосѣковъ раскроили тигру черепъ. На подмятомъ матросѣ оказались довольно глубокіе слѣды когтей, которые, къ счастью, не имѣли серьезныхъ послѣдствій для его здоровья; зато шкура дѣйствительно вышла богатая и была выгодно продана тремя бравыми товарищами.

Другой случай не менѣе курьезенъ. Здѣсь есть спеціальныя тигровыя охотники изъ крестьянъ, отставныхъ и служачихъ солдатъ и изъ манзовъ. Одинъ изъ русскихъ охотниковъ въ нынѣшнюю зиму отправился было на промыселъ и не вдалекѣ отъ Ольгинскаго поста неожиданно встрѣтился съ тигромъ. Въ торопяхъ охотникъ выстрѣлялъ, но не совсѣмъ удачно. Тигръ былъ раненъ весьма опасно, однакоже не до пояной потери силъ, а это

всегда бываетъ крайне рискованно для охотника. Надо бить навѣрняка, въ глазъ или подъ лѣвую лопатку, а иначе лучше и совсѣмъ не бить его. Раненый тигръ мгновеннымъ прыжкомъ кинулся на охотника, смялъ его подъ себя и запустилъ въ него когти. Несчастному однако удалось изловчась вынуть изъ-за пояса большой кинжалъ и глубоко ткнуть его звѣрю прямо въ глотку. Постепенно ослабѣвающій тигръ, истекая кровью, съ книжаломъ въ горлѣ, разворотившимъ ему звѣрь и сломавшимъ даже зубы, продержалъ подъ собою человека цѣлыхъ шестнадцать часовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь рассказываютъ. По временамъ въ издыхающемъ звѣрѣ пробуждалась на мгновеніе энергія, и тогда онъ конвульсивно запуская во врага свои когти, но на каждую такую попытку тотъ отвѣчалъ поворотомъ кинжала въ глоткѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, охотнику удалось отсегнуть отъ своего пояса сворку, на которой была привязана его собака. Замѣчательно, что тигръ даже не паранулъ ее, хотя эти звѣри здѣсь вообще до собакъ очень лакомы. Вѣрный песъ, почувствовавъ себя на свободѣ, помчался въ Новинки, гдѣ былъ узнать обывателями. По его жалобному визгу и беспокойству догадавшись, что съ удалымъ охотникомъ должно быть случилось что-нибудь неладное, вооруженные крестьяне и солдаты спѣшно отправились къ нему на выручку. Собака, служившая имъ за вожака, привела избавителей на мѣсто катастрофы, гдѣ эти люди добились звѣря, уже находившагося въ атоніи; освободивъ охотника изъ-подъ туши, донесли обоихъ противниковъ — мертваго и умирающаго — до Ольгинскаго поста. Когда этого несчастнаго положили въ лазаретъ, на тѣлѣ его оказалось болѣе двадцати ранъ, изъ которыхъ семь надо было признать безусловно смертельными, и онъ дѣйствительно умеръ на третьи сутки. Вотъ какія любопытныя охотничьи драмы нерѣдко разыгрываются въ этихъ пустынныхъ мѣстностяхъ. Тигра, или, по мѣстному произношенію, *тиру*, травятъ здѣсь и падалями, отравленною стрихниномъ, ежели его приплотятъ изъ Владивостока въ здѣшнюю аптеку. Но, говорятъ, нерѣдки случаи, что и стрихнинъ не дѣйствуетъ на звѣря: падалъ онъ сожреть, а чрезъ полчаса отдасть ее назадъ, и самъ уходить. Несомнѣнно вѣрнымъ средствомъ противъ него остается все-таки пуля въ глазъ или подъ лѣвую лопатку, но не иначе какъ только въ эти два завітъныя мѣста. Въ противномъ случаѣ, гибель охотника почти неизбежна. Надо прибавить, что здѣсь рѣдко ходятъ на охоту облавой или въ компаніи, а все болѣе одинъ на одинъ, и притомъ съ дрянными, допотопными ружьями, изъ которыхъ у иныхъ стволъ прикрѣпляется къ ложу бечевкой, а то и лычкомъ, а у другихъ вмѣсто курка — фитиль изъ пакли. Эти послѣд-

нія ружья называются здѣсь «пиццалими» и приобретаются крестьянами исключительно отъ манзовъ. Шкуры тигровыя въ Ольгинскомъ посту скупаютъ у охотниковъ г. Борисовъ, платя за экземпляръ до десяти долларовъ и болѣе, смотря по величинѣ и красивости шкуры.

Штабсъ-капитанъ Скурскій — офицеръ третьяго Восточно-Сибирскаго линейнаго, нынѣ стрѣлковаго батальона, былъ командированъ сюда временно, для исполненія должности начальника поста. Командировали его, разумѣется, не по охотѣ, а по приказанію начальства, впрочемъ съ обѣщаніемъ, что командировка его продлится не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и однакоже человѣку приходится коротать чуть не третій годъ въ этомъ забытомъ посту, считая себя счастливымъ, что до сихъ поръ его пока еще не отчислили по мѣстнымъ войскамъ: все же въ запасѣ у него остается кое-какая надежда на возможность возвращенія въ свою часть. А то иногда бываетъ здѣсь и такъ, что командируютъ офицера въ какую-нибудь мѣстную команду «временно-исправляющимъ должность», за обыкновеннымъ недостаткомъ въ такихъ командахъ офицеровъ, а по прошествіи нѣкотораго срока такой избранникъ и читаетъ вдругъ о себѣ приказъ, что такой-то переводится въ составъ такого-то мѣстнаго батальона. Это уже совсѣмъ мать офицеру, потому что по здѣшнимъ мѣстнымъ войскамъ производство въ чины, безъ преувеличенія сказать, ужасное, и встрѣчаются нерѣдко примѣры, что оберъ-офицеры сидятъ въ одномъ и томъ же чинѣ по десятку и болѣе лѣтъ. Разумѣется, лично я не пролѣзая этого, но передаю лишь то, о чемъ неоднократно и отъ многихъ приходится здѣсь слышать. Хорошо еще, если переводимый такъ неожиданно для себя офицеръ получить вмѣстѣ съ переводомъ и утвержденіе въ должности, такъ какъ съ нею сопряжено мало-мальски своее содержаніе въ 1.800 рублей, котораго однакоже онъ не получаетъ, пока остается «исправляющимъ должность». Но бываетъ и такъ, что одновременно съ переводомъ въ мѣстныя войска, получаетъ онъ и другой сюрпризъ — приказъ объ отчисленіи его отъ временнаго исправленія должности начальника такого-то поста. А онъ-то, бѣдный, мирясь съ сюрпризомъ своего перевода, ожидалъ по крайней мѣрѣ хоть утвержденія въ должности. Это все-таки хоть немного поправило бы его обстоятельства, хоть передохнуть дало бы; но... вмѣсто того, предстоитъ ему теперь новые расходы по уплатѣ на мѣстѣ мелочныхъ, самую жизнь вольно вызываемыхъ долговъ и переборка съ семействомъ на новое мѣсто въ составъ своей части, безъ опредѣленнаго положенія въ будущемъ, на одномъ ординарномъ содержаніи по чину. Что тутъ дѣлать

несчастному? Онъ поневолѣ, лишь бы только выбраться съ мѣста и добраться до назначеннаго ему пункта въ законный срокъ, даетъ на себя мѣстнымъ торгашамъ и заимодавцамъ разныя долговныя обязательства, векселя и расписки, и уже до конца дней своихъ остается ихъ неизмѣннымъ данникомъ: проценты на проценты и т. д., дѣло извѣстное. Наступаетъ смерть, часто безвременная, — и безпомощное семейство остается на краю пропасти, въ которой нерѣдко и гибнетъ.

Отчего же, спросятъ офицеры, командируемые въ извѣстные пункты, въ качествѣ исправляющихъ должность начальниковъ этихъ пунктовъ, остаются тамъ довольно долгое время безъ утвержденія въ должности, хотя ихъ и утѣшаютъ при отправкѣ, что ѣдутъ молъ они не болѣе какъ мѣсяца на два, на три? И отчего ихъ переводятъ иногда въ мѣстныя войска помимо личнаго ихъ желанія, такимъ сюрпризомъ? Отчего это? Отвѣчу сперва на послѣдній вопросъ: оттого что въ здѣшнихъ мѣстныхъ войскахъ, по неприглядности службы въ пустынныхъ или ссылочныхъ мѣстахъ, по отсутствію тамъ необходимѣйшихъ условій для самаго невыскальскаго повседневнаго существованія, не говоря уже о средствахъ къ воспитанію дѣтей, и по крайне тугому производству въ чины, какое у насъ существуетъ по мѣстнымъ войскамъ, добровольныхъ охотниковъ для службы въ этихъ частяхъ находится слишкомъ мало. Поэтому приходится залучать въ нихъ офицера, можно сказать, почти обманнымъ образомъ, обвадживая его либо непродолжительностью командировки, либо обѣщаніемъ скорѣйшаго утвержденія въ штатной должности. Да, наконецъ, много разговаривать нечего: давно предписаніе, — и поѣзжай или выходи въ отставку, если не дорожишь службой, а кто же здѣсь не дорожитъ ею, когда служба является единственнымъ подспорьемъ, единственнымъ кускомъ насущнаго хлѣба!.. И вотъ офицеръ волей-неволей ѣдетъ въ какую-нибудь трущобу, въ родѣ Новгородскаго поста, Ольги, Дуи и т. п., и сидитъ въ ней иногда цѣлыя годы въ качествѣ «исправляющаго должность».

Отчего же не утверждаютъ его въ должности? Отчего такъ медлятъ съ этимъ утвержденіемъ? Оттого что съ утвержденіемъ въ должности офицеру надо дать на основаніи законнаго положенія извѣстный окладъ, присвоенный этой должности, тогда какъ «исправляя должность» онъ все время остается на своемъ ординарномъ окладѣ по чину. Въ подлежащихъ управленіяхъ значить остается извѣстная экономія. Куда же поступаетъ сэкономленная такимъ способомъ сумма? Поступаетъ она въ *остатки*, а остатки въ концѣ каждаго года идутъ въ раздѣлъ на награды

чиновникамъ подлежащихъ управлений, въ количествѣ, соответствующемъ ихъ рангамъ и служебному положенію. Вотъ и причина. Очевидно, это—зло, и зло вопиющее, въ особенности въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ служащій человѣкъ подневольнымъ образомъ забрасывается Богъ знаетъ въ какую невылазную трущобу, и въ этой трущобѣ изъ-за куска хлѣба, чтобы хоть какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь поддержать свое существованіе съ семьей, нерѣдко бываетъ вынужденъ прибѣгать къ такого рода «постороннимъ» источникамъ доходовъ какъ некорректъ людей, урываніе у нихъ кусковъ, или какъ мелочная лавочная торговля свѣчами, сахаромъ, ситцами, нитками, иглками, спиртомъ и тому подобными товарами, которые онъ продаетъ своимъ же подчиненнымъ. Нечего уже говорить, насколько подобные источники доходовъ совмѣстны съ начальническимъ и даже просто со служебнымъ положеніемъ офицера и сколько его конкуренція съ мѣстными купцами вноситъ разлада, ропота, неудовольствій и всяческихъ дразгъ между конкурентами, и какими глазами должны смотрѣть на такую торговлю подчиненные, нижніе чины въ особенности. Но обвинять подобныхъ офицеровъ-торговцевъ трудно: имъ жить надо, семью кормить надо, а на ординарное содержаніе здѣсь не проживешь. И чѣмъ глуше, чѣмъ обособленнѣе отъ остального Божьяго міра какая-либо здѣшняя трущоба, тѣмъ жить въ ней и хуже и дороже.

Какъ же исправить зло? Средство, мнѣ кажется, одно: надо чтобы офицеръ, отправляемый куда-либо для исправленія штатной должности, не сидѣлъ на ней при своемъ ординарномъ окладѣ по чину, а сразу, со дня своего назначенія правящимъ должностъ, получалъ бы сполна и все содержаніе, по штату ей присвоенное. Вслѣдствіе этого, конечно, въ подлежащихъ управленіяхъ будетъ гораздо менѣе благотѣльныхъ «остатковъ», но зато въ постовыхъ и иныхъ мѣстныхъ командахъ будетъ менѣе злоупотребленій; зато у начальства явится *нравственная* не только возможность, но и смѣлость покарать за нихъ виновнаго, тогда какъ теперь волей-неволей приходится смотрѣть на все подобное сквозь пальцы.

Все сказанное мною относится не къ одному какому-либо, но ко всѣмъ вообще команднымъ постамъ здѣшней отдаленнѣйшей окраины Россіи. Говорю это даже не самъ отъ себя, а только повторяю общій отзывъ благонамѣренныхъ людей, съ которыми приходилось мнѣ говорить на этотъ счетъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, и которые все твердятъ одно и то же.

Теперь посмотримъ, съ какими обязанностями сопрягается должностъ постоваго на-

чальника и какія даны ему средства для отправления своихъ служебныхъ обязанностей. Какъ о командирѣ постовой команды, говорить о немъ не будемъ: здѣсь обязанности его извѣстны и точно опредѣлены Военскимъ Уставомъ. Но онъ не только ротный командиръ и комендантъ вѣреннаго ему пункта, онъ въ то же время и административный начальникъ цѣлаго округа, территорія коего равняется иной губерніи въ Европейской Россіи, и вотъ тутъ-то кругъ его обязанностей весьма разнообразенъ.

Имѣть правильный надзоръ за проживающими въ округахъ Уссурийскаго края безпаспортными пле, какъ ихъ здѣсь называютъ, безбилетными манзами и вести подушную перепись инородцамъ, а также и вѣдомости о числѣ ихъ поселеній, отдѣльно разбросанныхъ фанзъ, угодій, пашень и проч., не представлялось не только прежде, но нѣтъ и теперь никакой фактической возможности, потому что лица, завѣдывающія гражданскою частью въ округахъ, не имѣютъ къ тому никакихъ средствъ. Въ сущности тамъ у насъ и не существуетъ на дѣлѣ никакой административно-полицейской организаціи, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

Послѣ манзовскихъ безпорядковъ и кровопролитій 1868 года, Южно-Уссурийскій край былъ раздѣленъ въ административномъ отношеніи на четыре округа: Суйфунскій, Сучанскій, Аввакумовскій и Ханкайскій, изъ коихъ впоследствии Сучанскій былъ упраздненъ, а его территорія присоединена къ округу Суйфунскому. Всю гражданскую администрацію въ этихъ округахъ составляли четыре лица, служившія единоличными органами по всѣмъ отраслямъ гражданского управленія. Въ Суйфунскомъ округѣ исправленіе должности окружнаго начальника было возложено на завѣдывавшаго командой Новгородскаго поста (въ Посетѣ); но офицеръ этотъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже ни разу не выѣхалъ во вѣренный ему округъ, за неимѣніемъ средствъ къ передвиженію, кромѣ пары собственныхъ ногъ. Ханкайскимъ округомъ, какъ наиболѣе заселеннымъ русскими хлѣбопашцами, завѣдывалъ командиръ 3-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, Сучанскимъ — начальникъ постовой команды изъ 20 человекъ въ гавани Находка, а Аввакумовскимъ — начальникъ постовой команды въ заливѣ св. Ольги. Исполненіе судебно-административныхъ обязанностей требовало отъ этихъ лицъ не малыхъ трудовъ и времени и необходимыхъ свѣдѣній. На нихъ всецѣло лежало, а на нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и на аввакумовскомъ, и по сей день лежить: а) производство дознаній и слѣдствій по разнымъ безпорядкамъ, преступленіямъ и столкновеніямъ между инородцами и русскими, ради чего зачастую

надо ѣхать верстъ за полтора, двѣсти и болѣе отъ постоваго пункта; б) веденіе подушной переписи и списковъ населенныхъ мѣстъ; в) собраніе различныхъ этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о посѣвахъ, урожаѣхъ, цѣнахъ и иныхъ оброчныхъ и промысловыхъ статьяхъ и т. п.; г) завѣдываніе и отчетность по общественнымъ хлѣбо-запаснымъ магазинамъ, по солянымъ складамъ, по продажѣ пороха и по санитарной части; д) судъ по совѣсти и разбирательство гражданскихъ исковъ, тяжбныхъ дѣлъ между обывателями, въ предѣлахъ, предоставленныхъ вѣдѣнію мировыхъ судей.

Ради всей этой сложной работы, сподручной къ тому же далеко не каждому фронтовому офицеру, нужно или бросать свои команды безо всякаго надзора на неопредѣленный срокъ и обращаться специально въ земско-полицейскаго чиновника, или махнуть рукой на свой импровизованный округъ, признавая себя начальникомъ оного только номинально. И какъ ѣхать куда бы то ни было, если въ край почти не существуетъ проѣзжихъ дорогъ, а для вьючныхъ тропъ у начальника нѣтъ потребнаго числа лошадей, тогда какъ ѣхать надо по крайней мѣрѣ вчетверомъ, считая проводника, урядника и переводчика, котораго, равно какъ и лошадей, окружному начальнику не полагаются? Между тѣмъ отъ него требуется точная отчетность по всѣмъ статьямъ гражданскаго управления. Бываютъ такіе случаи, что наѣзжаютъ въ посѣ одновременно, на одномъ и томъ же суднѣ, генералъ для инспектированія воинской части и неимѣющій чина столоначальникъ областного правленія для ревизіи гражданскихъ дѣлъ, причемъ послѣдній нерѣдко является грозѣе

перваго. Отсюда и истекаетъ фиктивность отчетовъ по гражданскому окружному управленію. Требуется, напримѣръ, поголовная перепись манзовъ, чтобы знать, сколько ихъ въ край. Шлется окружному предписаніе—и вѣдомость составляется; но какъ? Либо приблизительно, по справкѣ у пограничнаго комиссара о числѣ выданныхъ имъ паспортныхъ билетовъ, либо и того еще проще—по слухамъ; такъ, напримѣръ, о манзахъ, населяющихъ Суйфунскій округъ—со словъ манзовъ, проживающихъ во Владивостокѣ. Такимъ образомъ и выходитъ, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ число манзовъ въ край въ 1869 году простиралось лишь до 1.797, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что въ одномъ Владивостокѣ ихъ проживало до пяти тысячъ.

Не мудрено, если при существующихъ административныхъ порядкахъ разнымъ ловкимъ людямъ часто представляется обширное поле для эксплуатаціи самихъ манзовъ, въ особенности изъ числа причастныхъ такъ или иначе къ золотому промыслу. Извѣстныя всему краю имена и подвиги разныхъ дѣсячичихъ, поручиковъ, старостъ, фермеровъ и т. п. доказываютъ только, что если манзы причиняютъ много вреда краю и русскимъ, то и наши, въ свою очередь, не ангелы кротости и безкорыстія въ отношеніи манзовъ, и въ то же время подобныя факты рисуютъ положеніе края въ эпоху, не особенно отдаленную. Опираясь на эти факты, можно сказать, что во всемъ край, за исключеніемъ развѣ Владивостока, это было, да отчасти и есть, положеніе полной анархіи и самовласти разныхъ ловкихъ пройдохъ, ловившихъ въ мутной водѣ свою золотую рыбку.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Поездъ подошелъ къ Бѣлостокской станціи—и мы вышли.

День 27 іюня 1872 года былъ убійственно жарокъ, и подъ этимъ чисто тропическимъ солнцемъ предстояло еще сорокаверстное путешествіе до города Бѣлска, по тяжело-песчаной и пыльной дорогѣ!

Извозчикъ-еврей повезъ насъ въ городъ чрезъ деревянныя триумфальныя ворота, построенныя нѣсколько лѣтъ назадъ для встрѣчи государя императора, мимо католическаго кладбища, которое довольно живописно раскинулось на холмѣхъ подъ тѣнью кудрявой роши.

Первое впечатлѣніе при вѣздѣ говорить въ пользу города; мощеная широкая улица обрамлена съ обѣихъ сторонъ густолиственной аллеей старыхъ, вѣковыхъ липъ; дома камен-

ные, довольно приличной наружности, между которыми встрѣчаются и многоэтажные, и вамъ начинается казаться, что вы въѣхали въ какой-нибудь очень приличный губернский городъ.

Русскіе люди, принадлежащіе даже къ образованной средѣ, вообще очень мало знаютъ у насъ наши собственные города и области, входящія въ составъ нашего отечества, то-есть, говоря откровенно, понятій у насъ о многихъ изъ городовъ и областей нѣтъ никакихъ, или же самыя смутныя, и хорошо еще если мы знаемъ ихъ по имени, что вотъ-молъ есть у насъ въ такой-то губерніи и такой-то вотъ городъ. Нерѣдко случается встрѣтить цивилизованнаго россиянина, который знаетъ множество городовъ Западной Европы; случается иногда, что онъ знакомъ и съ промышленною, и съ научною, и съ художественною, и съ иными сторонами жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ отчетливо указать вамъ достопримѣчательности и даже дать кое-какія историческія свѣдѣнія о многихъ городахъ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи; но спросите его: знаетъ ли онъ Кострому или Вологду, то онъ, буде только не уроженецъ того или другого города, отвѣтитъ вамъ: «нѣтъ, вѣдь мы пензенскіе», а если чиновникъ, то можете ждать чего-нибудь въ родѣ Скалозубовскаго отвѣта: «не знакомъ! мы съ нимъ вѣстѣ не служили», ибо чиновники наши по преимуществу, если даже не исключительно, знаютъ только тѣ грады и веси, въ какихъ состояли на службѣ.

Согласитесь, что мои слова имѣютъ за собою значительную долю основательности, едва ли оспоримой, а потому я надѣюсь, что не навлеку на себя особыхъ сѣтованій, если сообщу здѣсь очерки двухъ попутныхъ городовъ, чрезъ которые пролегаетъ путь въ Бѣловѣжскую Пушу, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ имѣетъ весьма немалое промышленное значеніе, другой же не лишенъ значенія историческаго.

Вскорѣ по завоеваніи Гедиминомъ (1320) страны, извѣстной подъ общимъ именемъ Подлясья, ¹⁾ было основано селеніе при рѣчкѣ Бѣлой, ²⁾ которое въ подляскихъ грамотахъ XV вѣка называется «Вѣльшаны-Стокомъ». Долгое время Вѣльшаный, а впоследствии Бѣлый-Стокъ (Białystok), былъ не болѣе какъ простою деревней. Принадлежалъ онъ въ XV вѣкѣ какому-то Мацею зъ Тыкоцины, которому былъ подаренъ Витольдомъ; потомъ владѣли имъ Веселовскіе, отъ которыхъ Бѣлостокъ отчисленъ къ короннымъ имуществамъ, а въ 1659 году король Янъ-Казимиръ отдалъ его въ пожизненное владѣніе гетману Степану Чернецкому, въ награду «за особыя заслуги», оказанныя имъ отечеству. У Чернецкаго была

дочь Александра-Екатерины, на которой женился графъ Яковъ-Климентій Браницкій, получившій по смерти Чернецкаго Бѣлостокское имѣніе, и такимъ образомъ Бѣлостокъ перешелъ въ родъ Браницкихъ. Сынъ графа Якова, Степанъ, построилъ въ Бѣлостокѣ деревянный «палацъ» и деревню преобразовалъ въ городокъ (mi steczko), а сынъ Степана, Иванъ Браницкій, великій гетманъ Литовскій и Краковскій каштелянъ, выпросилъ у Августа II для своего имѣтчика Магдебургское право, на основаніи котораго Бѣлостокъ, принадлежа Браницкимъ, сдѣлался уже городомъ, и съ 1745 года сталъ управляться магистратомъ. Новый городъ быстро разрослся, населеніе его увеличивалось съ каждымъ годомъ, а Браницкій постоянно заботился о томъ, какъ бы все болѣе и болѣе украшать свою резиденцію. Онъ окружилъ городъ каменною стѣною, въ которой имѣлось на выѣздахъ четыре воротъ съ каменными башнями; на площади выросло каменное зданіе городской ратуши съ башней и съ курантами на ней; тутъ же появились и каменные лавки; каменный костелъ св. Троицы былъ построенъ еще въ 1584 году прежнимъ владѣльцемъ Бѣлостока, Петромъ Веселовскимъ. Деревянный «палацъ» графа Степана былъ сломанъ, а на мѣсто его графъ Иванъ соорудилъ великолѣпный «палацъ» каменный, взявъ за образецъ Версальскій дворецъ и окруживъ его флигелями и всевозможными затѣями магнатской роскоши: тутъ были, разумеется, и прекрасныя сады,—верхній и нижній, французскій и англійскій, и фруктовый, сохранившіеся до нашего времени, и пруды, и каналы, и оранжереи, и театръ, и исадня, и цѣлыхъ два звѣринца, до 14 верстъ въ окружности, изъ которыхъ въ одномъ содержались «даніельки», то-есть дикія козы, а въ другомъ олени. Исневельможный панъ грабъ Янъ Браницкій жилъ съ совершенно царскою роскошью. Онъ владѣлъ громадными имѣніями въ Украинѣ, въ Галичинѣ, въ Литовской Руси и въ «Коронѣ», то-есть въ самой Польшѣ. Женатый на Елизаветѣ Понятовской, сестрѣ послѣдняго короля Польскаго, онъ въ честь ея задавалъ баснословныя празднества, о которыхъ въ Бѣлостокѣ и до сихъ поръ еще живы воспоминанія. Въ свое время эти празднества, пиры и охоты составляли даже предметъ особыхъ хроникъ, благодаря которымъ и потомство можетъ теперь имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что такое была въ оны дни пресловутая магнатская роскошь. На эти пиры съѣзжались издалика и магнаты, и принцы крови, и иностранные посланники, не говоря уже о «дробной шляхтѣ», всегда охочей до лакомаго куска и ласковаго пинка своихъ исневельможныхъ патроновъ. Тутъ были и аллегоріи, и декораціи, и иллюминаціи съ фейерверками; при тостахъ надворная гвардія стрѣ-

¹⁾ Нынѣ Бѣлостокскій и Бѣльскій уѣзды Гродненской губерніи.

²⁾ Бѣлая впадаетъ въ Супрасль, которая сливается съ Наревомъ.

для изъ пушекъ и ружей, гремѣла «собственная» музыка, «собственные» талавы представляли комедіи и трагедіи, «собственные» феи и сильфиды плясали цѣлыя балеты; впрочемъ, между актерами и танцовщицами были и не крѣпостные, а по преимуществу родовитые шляхтичи и шляхтянскія дѣвицы, составлявшія придворный штатъ и состоявшія подъ патронатомъ «пана грабега» и его супруги. Для обѣдовъ устраивали особыя галлерей. Въ обѣденномъ столѣ на двѣсти особъ, во всю длину его, посредникъ вѣдывали каналъ, какъ говоритъ молва, серебряный, этотъ каналъ наполнялся дорогимъ токайскимъ виномъ, и плавали на поверхности его 24 кораблика, драгоценной отдѣлки, наполненные всевозможными лакомствами для дамъ; мужчины же лакомялись изъ громаднаго прадѣдовскаго кубка Степана Чарнецкаго, изъ котораго, при громѣ музыки и пушекъ, пилось за здоровье самой графини.

При последнемъ раздѣлѣ Польши Подляское воеводство досталось Пруссіи, и послѣ того, въ 1802 году, Бѣлостокъ былъ проданъ Прусскому королю за 270.970 талеровъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вдова графа Ивана, графиня Елизавета, владѣла городомъ по смерти своей и чтобы прусское правительство выдавало каждый годъ по 5.578 злотыхъ на содержаніе мѣстнаго польскаго костела.

Нѣмцы тотчасъ же внесли съ собою въ Бѣлостокъ свою прочную закваску, которая слишкомъ явно сказывается въ городѣ вездѣ и во всемъ, даже и по настоящую минуту. Браницкій хоть и строилъ башни и палацы, однакоже могъ совершенно спокойно переносить, рядомъ со своимъ дворцомъ, всяческую грязь, вонь и нечистоту, исконно присущія польско-жидовскимъ мѣстечкамъ, и эта смѣсь роскоши съ грязью, эта ужасливость съ нечистотой составляетъ одну изъ отличительныхъ, одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ польскаго панства.

Нѣмцы сейчасъ же все передѣляли по-своему. Дома приказали выбѣлить, улицы выровняли, вычистили, вымостили камнемъ, поставили саунвахту и на все навѣсили ярлыки съ нумерами. «Все очень въ порядкѣ и очень систематично».

На улицахъ Варшавской и Боярской ветхія деревянныя лачужки были сломаны, свесены прочь, а на мѣстѣ ихъ въ скоромъ времени появились, какъ родные братья похожіе одинъ на другой, каменные двухъ-этажные дома, и прибавилась совсѣмъ новая часть города, которую называли «Клейндорфъ». Бѣлостокъ произведетъ въ свѣтъ «гауптштадта» Бѣлостокскаго департамента, въ который тотчасъ же начался наплывъ нѣмецкаго колонизаторскаго элементу.

По Тильзитскому миру, Бѣлостокская область отошла къ Россіи, причемъ императоръ Александръ откупилъ у короля прусскаго Бѣлостокъ

за условленное вознагражденіе, сверхъ котораго долженъ былъ прибавить по счету 20.223 рубля серебромъ за оранжерейныя растенія и дворцовую мебель.

15-го сентября 1808 года Бѣлостокъ сдѣланъ областнымъ городомъ, и въ этомъ значеніи оставался до присоединенія области (въ 1843 году), подъ именемъ и на правахъ уѣзда, къ Гродненской губерніи.

Замѣчательно, что наибольшее промышленное развитіе и значеніе Бѣлостокъ получилъ еще въ то время, когда пути сообщенія у насъ были вообще довольно плохи, а о желѣзныхъ дорогахъ едва ли кто и думалъ.

Начало этого развитія относится къ 1835 году. До того времени въ городѣ имѣлись только двѣ фабрики: шляпная и суконная, и нѣсколько ремесленныхъ, пеховыхъ заведеній. По тому времени и этого было уже много, если вспомнить что Бѣлостокъ принадлежитъ къ городамъ Западнаго края, отличающимся полнѣйшимъ отсутствіемъ въ нихъ крупныхъ оптовыхъ дѣлъ и оборотовъ по части торговли и промышленности. Но не даромъ же въ немъ посидѣли нѣмцы годовъ съ десятокъ. Благодаря ихъ инициативѣ, жидовско-шляхетская резиденція пана Броницкаго становится уже подъ русскимъ правительствомъ однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктовъ Западнаго края. Прошло едва ли какихъ-нибудь двадцать лѣтъ съ 1835 года, какъ уже въ Бѣлостокѣ и окрестныхъ мѣстечкахъ появляется множество крупныхъ и мелкихъ фабрикъ, преимущественно суконныхъ. Имена Моэса, Захерта, Ветхера, Герца, Михаловскаго, Кемихау, Малки Блоховой, какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ промышленной производительности, получаютъ громкую извѣстность не только въ мѣстномъ околоте, но и далеко за предѣлами края: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ и даже за границей произведенія ихъ находятъ хорошій сбытъ и пользуются почтенною репутаціей. Около десятка близъ лежащихъ мѣстечекъ, которыя до того времени глохли и утопали въ грязи подъ гнетомъ паразитнаго еврейскаго населенія, вдругъ получаютъ видное мѣсто въ цѣлой губерніи, упрочиваютъ за собою репутацію фабричныхъ, промышленныхъ пунктовъ, привлекаютъ къ себѣ множество рабочихъ рукъ, поднимаютъ благосостояніе окрестныхъ жителей и все это съ появленіемъ всѣхъ этихъ Моэсовъ, Захертовъ и пр. Супрасль, Хороца, Кнышинъ, Васильковъ, Ясеновка, Михалово, Добрынино, Марковницка, Сухони обзаводятся множествомъ мелкихъ суконныхъ фабрикъ, которыя растутъ какъ грибы около фабрикъ крупнаго размѣра, поспраемые съ одной стороны примѣромъ хорошаго производства, приносящаго добрые барыши, а съ другой,—оби-

лѣмъ рабочихъ, умѣлыхъ рукъ, пріобрѣтшихъ это умѣніе опять-таки благодаря крупнымъ фабричнымъ заведеніямъ, которые для нихъ служили и служатъ такъ-сказать школами ремесла. Обработку карта шерстяного и бумажнаго началъ въ этомъ краѣ фабрикантъ Моосъ, а его примѣру успѣшно послѣдовали Захертъ, Бетхеръ и Герцъ. Бѣлостокскіи сукна, карты, холстинки и платки расходятся, какъ мы сказали уже, въ весьма почтенномъ количествѣ. Еще пятнадцать лѣтъ назадъ въ городѣ и уѣздѣ уже работали 918 станковъ, при 3.113 работниковъ, которые ежегодно производили 1.240.800 аршинъ, на суммѣ 2.485.180 руб. сер. ¹⁾. И эти результаты даетъ одно только суконно-картовое производство.

Съ развитіемъ фабричной и заводской промышленности разрослась и самый городъ, и замѣтно прибавлялось населеніе: въ двадцать три года число домовъ увеличилось на 29%, а число жителей на 50% ²⁾. Эти процентныя цифры говорятъ сами за себя. Въ самомъ городѣ, не говоря уже объ окрестностяхъ, можно насчитать до пятнадцати фабрикъ и заводовъ, между которыми есть суконныя, картовыя, кожаненныя, бумагопрядильныя, мыловарныя, маслобойни и пивоварни, а также девять мукомольныхъ мельницъ, годовой перемолотъ которыхъ простирается до 20.000 четвертей муки; двѣ пивоварни производятъ ежегодно до 1.000 бочекъ пива. Но рядомъ съ развитіемъ промышленности процвѣтаетъ въ Бѣлостокѣ и торговля контрабандными товарами, которыхъ не мало найдете вы въ лавкахъ гостиннаго двора. Торговля эта сосредоточена исключительно въ еврейскихъ рукахъ, и благодаря ей, не одинъ бѣлостокскій сынъ Израиля создавалъ себѣ въ короткое время и большое богатство, и почетное значеніе въ средѣ своихъ единовѣрцевъ.

Бѣлостокъ дѣлаетъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе скорѣе нѣмецкаго, чѣмъ западно-русскаго или жидовско-польскаго города. Эти фабрики и заводы съ высокими горнами, эти чистыя улицы (не всѣ, конечно, а только главныя), эти бѣлые дома и домики — почти всѣ до единого съ красивыми черепичными кровлями — все это какъ будто переноситъ васъ въ какой-нибудь захолустный мирный уголокъ Германіи. Здѣсь даже существуетъ нѣмецкое общество стрѣлковъ изъ лука. Ежегодно собираются они на празднество Иванова дня (24-го іюня) въ звѣринецъ, гдѣ ставится высокій шестъ, увѣнчанный деревяннымъ орломъ, который служитъ цѣлью для стрѣлъ. Понавший въ орлиное сердце провозглашается королемъ

праздника, въ каковомъ званіи и остается до слѣдующаго состязанія. При этомъ, конечно, выпивается множество кружекъ пива. Тутъ же устроенъ и Kegelbahn, а подъ тѣнью высокихъ сосенъ размѣщено много столиковъ, за которыми въ праздничные вечера вы найдете исключительно семейства нѣмецкихъ ремесленниковъ, сидяція за кружками пива.

Поживя десять лѣтъ въ Бѣлостокѣ и уступивъ его русскимъ, нѣмцы не сразу начали послѣ своей уступки новый наплывъ въ этотъ городъ; только съ 1835 года стали вновь появляться сюда германскіе колонисты въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ и, какъ мы уже сказали, съ этого же года начинается подыматься и процвѣтать уровень мѣстной промышленности. Нѣмцы сосредоточиваютъ свои поселенія и промышленную дѣятельность почти исключительно около Бѣлостока. И Бѣлостокъ долженъ этимъ нѣмцамъ сказать большое спасибо, потому что не будь у него нѣмцевъ, онъ оставался бы съ однимъ только «палапомъ» Браницкихъ.

Кстати объ этомъ «палацѣ». Покойный государь императоръ Николай Павловичъ далъ ему лучшее примѣненіе, какого только можно было желать: съ 1841 года въ этомъ дворцѣ существуетъ женскій институтъ, въ которомъ получаютъ очень порядочное образованіе до ста дѣвицъ, и между ними тридцать штатныхъ, то-есть казеннокоштныхъ воспитанницъ. Вообще по учебно-образовательной части Бѣлостокъ, какъ уѣздный городъ, можетъ перещеголять весьма многіе и многіе изъ нашихъ городовъ, не только уѣздныхъ, но и губернскихъ: онъ, кромѣ института, имѣетъ еще мужскую гимназію, первоклассное еврейское училище и школу для еврейскихъ дѣвочекъ.

Къ числу особенностей Бѣлостока принадлежатъ замѣчательное въ этомъ краѣ отсутствіе нищихъ (мы говоримъ, конечно, относительно). Съ одной стороны, къ искорененію нищенства способствуютъ все тѣ же фабрики, заводы и промышленныя заведенія, привлекающія массу рабочихъ рукъ, а съ другой — существованіе въ этомъ городѣ особаго пріюта для бѣдныхъ, гдѣ находятъ кусокъ хлѣба, одежду и теплый уголь до ста калѣкъ, сиротъ, стариковъ и дѣтей, лишенныхъ возможности самостоятельно обезпечить свое существованіе. При этомъ пріютѣ, существующемъ съ 1855 года, есть и больница для бѣдныхъ, гдѣ пользуются и взрослые, и дѣти. Оба заведенія состоятъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія и управляются комитетомъ, подѣ председательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, трактирахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ нѣвются кружки для добротной копейки въ пользу этого пріюта и больницы, и такимъ-то образомъ, да еще при по-

¹⁾ П. Вобровскій. „Гродненская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, собранные офицерами генеральнаго штаба. Томъ II, стр. 283.

²⁾ П. Вобровскій. Т. II, стр. 859.

мощи концертовъ, лотерей и пожертвованій, годовой приходъ пріята доходить до тысячи, и даже до полуторы тысячи рублей.

Въ настоящее время подлѣ Бѣлостока пересѣкаются двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавская и Граево-Брестская, что въ недалекомъ будущемъ, безъ сомнѣнія, отразится самымъ счастливымъ образомъ на процвѣтаніи мѣстной промышленности и еще болѣе выдвинетъ Бѣлостокъ изъ ряда городовъ сѣверо-западной Россіи.

Послѣ довольно сноснаго обѣда въ трактирѣ, гдѣ прислуживаютъ мальчики въ великорусскихъ ситцевыхъ рубахахъ на выпускъ, я около шести часовъ вечера выѣхалъ изъ города по Бѣльскому почтовому тракту.

На седьмой верстѣ отъ Бѣлостока, при самой дорогѣ лежитъ небольшая нѣмецкая колонія, которая, со времени своего основанія, считала въ 1872 году только девятый годъ. Помѣщики, владѣвшій въ этомъ мѣстѣ, продалъ колонистамъ клочокъ земли, покрытой лѣсомъ и вообще мало удобной. Но нѣмцы не смутились: они повыврубали лѣсъ, повыжигали пни, выкорчевали корни, удобрили землю, и такимъ образомъ превратили свой клочокъ въ прекрасное и плодородное поле. Печать благосостоянія видимо лежитъ на самой внѣшности, на наружномъ видѣ колоніальныхъ построекъ. Бѣленькіе домики, покрытые красной черепицей, огорожены исправными изгородями, распланированы достаточно широко и на взглядъ производятъ довольно пріятное, веселое впечатлѣніе. На моемъ пути это было первое поселеніе, въ которомъ я не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ жидовской корчмы съ жестяною бляхой: «распивочны и на выносъ». Здѣсь еи такъ-таки и нѣтъ совсѣмъ, что составляетъ въ Западномъ краѣ явленіе весьма исключительное. Всѣ хозяева-колонисты занимаются суковнымъ производствомъ, и такимъ образомъ каждый домикъ этой колоніи представляетъ собою маленькую суковную фабрику. Вообще, окрестности Бѣлостока полны мануфактурно-промышленнаго характера и видимо говорятъ вамъ о благосостояніи этой мѣстности: эти красивые фольварки съ черепичными кровлями, эти прочныя каменные постройки фабрикъ и заводовъ съ высокими горками, эти веселыя рошцы и перелѣски, эти дороги, идущія аллеями по разнымъ направленіямъ,— все это почти невольно наводитъ васъ на мысль, что вы, силою какого-то чародѣйства, вдругъ перенеслись изъ грязнаго и бѣднаго Литовскаго края въ какой-нибудь благодатный уголокъ Германіи, — и вотъ, опять-таки, хочешь-не-хочешь, а отдаешь полную дань уваженія той прочной нѣмецкой закваскѣ, которая въ какія-нибудь десять лѣтъ кладетъ живыя сѣмена для германизации въ той самой мѣстности, гдѣ мы, среди коренного русскаго населенія, въ цѣлое столѣтіе роппо

ничего не сумѣли сдѣлать для обрусенія нѣсколькихъ сотъ семействъ ополяченной шляхты.

Отъ Бѣлостока до Бѣльска считается 40¹/₂ верстъ, которые вы дѣлаете въ два перегона (23 и 17¹/₂). Отъ деревни Воишки, гдѣ находится почтовая станція, по пути къ Бѣльску вы встрѣчаете болотистые и обширные сѣнокосные луга по долинѣ рѣки Нарвы, доставляющіе главный, если не единственный источникъ существованія для мѣстнаго крестьянства, которое не можетъ похвалиться своею почвой: тутъ все — либо топь по низинамъ, либо песокъ на пригоркахъ и вообще по нѣсколько болѣе возвышеннымъ мѣстамъ, такъ что земледѣльческій трудъ вознаграждается крайне скудно. Вотъ уже именно гдѣ оказывается сираведливою извѣстная поговорка, что «колосъ отъ колоса — не слышать бабья голоса». Цѣлыя поля, покрытыя скудною травкой да низенькимъ корovýmъ можжевельникомъ, лежатъ невостребованныя: не стоитъ обрабатывать, и потому здѣсь крестьяне предпочитаютъ жить «кутниками», то-есть ограничиваютъ свое хозяйство однимъ огородомъ, на которомъ и воздѣлываютъ преимущественно картофель. Этимъ картофелемъ они кормятся круглый годъ сами, кормятъ свиней своихъ и продаютъ его евреямъ-арендаторамъ водочныхъ заводовъ, гдѣ изъ этого продукта выкуривается водка, очень плохая, но, къ несчастію, очень распространенная по цѣлому краю.

Дорога отъ Воишекъ, благодаря пескамъ, становится очень тяжелой и пыльною; по краямъ ея уже исчезаетъ та богатая и разнообразная растительность, которая такъ пріятна для глазъ и такъ тѣнисто группируется въ длинной аллѣѣ около Бѣлостока; но все-таки и здѣсь скудные ветлы, да кое-гдѣ березки тянутся рядами по краямъ дороги, гдѣ обвалы и обсыны нѣкоторыхъ пригорковъ позволяютъ видѣть чистѣйшій бѣлый и мелкій песокъ, составляющій грунтъ всѣхъ этихъ возвышенностей. Въ вертикальной плоскости этихъ обсыпей чертятся почти правильными рядами множество норокъ, служащихъ гнѣздами полевымъ птишкамъ.

Мѣстность голая, однообразная, пустынная и скучная. Но вотъ, не доѣзжая четырехъ верстъ до Бѣльска, попадаетесь навстрѣчу большая деревня Проневичи, лежащая по обѣимъ сторонамъ проѣзжей дороги. Послѣ той печальной голи и скудости, мимо которой мы только-что проѣхали, эта деревня просто поразила меня своимъ благосостояніемъ: хаты все прочныя, покрытыя хорошими соломенными кровлями, и всѣ до одной имѣютъ дымовыя трубы, что такъ рѣдко встрѣчается въ уѣздахъ Гродненскомъ и Волковыескомъ, которые можно даже назвать краемъ курныхъ избъ и жидовскихъ корчемъ, ибо тамъ только эти послѣднія имѣютъ дымовыя трубы.

Всѣ хаты и хозяйственные постройки въ Проневичахъ обильно густою и кудрявою зеленью высокахъ и очень древнихъ деревьевъ. У каждой хаты непременно вы найдете небольшой садикъ, изъ котораго весело выглядываютъ пестрыя головки цвѣтовъ: мальвъ, подсолнуховъ, настурцій и въ особенности разнообразныхъ маковъ. На дворахъ вездѣ чистота, предъ входомъ въ сѣни всегда подметено, и народъ въ будни ходитъ въ чистыхъ бѣлыхъ сорочкахъ, что въ этомъ краѣ составляетъ явление тоже довольно рѣдкое. Насколько проневичскіе крестьяне простираютъ разумную заботливость свою о мѣстной культурѣ, можетъ служить примѣромъ небольшая березовая рощица, лежащая въ нѣсколькихъ саженяхъ направо отъ дороги, какъ выйдешь изъ деревни по направленію къ Бѣльску. Молодые деревья насажены весьма часто и уже въ раннемъ возрастѣ даютъ непропускаемую густую тѣнь. Содержится эта рощица съ такимъ раченіемъ, въ такой необыкновенной чистотѣ и порядкѣ, что другихъ подобныхъ я нигдѣ не встрѣчалъ въ Гродненской губерніи. Просто отрадно и весело глядѣть на такого рода людскую заботливость о предметѣ, который, пока еще не принося ровной никакой практически-хозяйственной выгоды, служитъ единственно для удовлетворенія такъ-сказать эстетическихъ потребностей жизни мѣстнаго крестьянства: мой ямщикъ сказывалъ, что проневичскіе обыватели ходятъ сюда въ праздничные дни «на погулянки».

Чуть лишь выйдешь за Проневичи, какъ характеръ почвы тотчасъ же измѣняется и притомъ такъ, что это сразу же рѣзко становится замѣтно глазу: песокъ исчезъ, болото не видать, направо и налѣво широко разстилаются обширныя поляны тщательно распаханной тучной земли.

— Грунтъ хорошъ, для того и мужики богатые, — пояснялъ мнѣ ямщикъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о почвѣ.

На ровной открытой мѣстности лежитъ небольшой городокъ Бѣльскъ, издали похожій болѣе на какое-нибудь южно русское село, чѣмъ на городъ. Надъ группами бѣлыхъ хатъ и сѣрыхъ домовшекъ, разбросанныхъ по плоскости широкаго поля, возвышаются густыя рѣкныя вязовъ, ясеней, кленовъ, раскидистыхъ липъ и высоко поднимаются къ небу силуэты пирамидальныхъ тополей. Двѣ бѣлыя башенки и куполъ православнаго собора въ центрѣ этихъ группъ довершаютъ незабѣлливую, но довольно милостивую картинку города Бѣльска.

Неизвѣстно въ точности, кто именно былъ основателемъ этого города. Г. Бобровскій въ замѣчательномъ и въ высшей степени почтенномъ трудѣ своемъ (изъ котораго всякій интересуясь что-либо о Гродненской губерніи, подобно намъ, будетъ почерпнуть много драго-

цѣнныхъ свѣдѣній) дѣлаетъ предположеніе, что Бѣльскъ основанъ вѣроятно всего великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, около 1038 года. Наши летописи содержатъ въ себѣ свѣдѣнія, что въ началѣ XI вѣка этотъ государь, желая утвердиться въ южной части Подлясья, дабы обезпечить свои владѣнія на Руси, положилъ основаніе въ землѣ ятвяговъ многимъ укрѣпленнымъ городамъ, населяя ихъ русскими, ятвяговъ же переселялъ на Русь. Такимъ образомъ возникли всѣ древнѣйшіе города Подлясья, какъ напримѣръ Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Брестъ и др. Послѣ истребленія ятвяговъ, Подлясье вытерпѣло много невзгодъ. До конца XIII вѣка его присвоивали себѣ то князья русскіе, то мазовецкіе, то литовскіе, и въ это же время городъ Бѣльскъ былъ неоднократно опустошаемъ ордами татаръ и рыцарями Тевтонскаго ордена. И тѣ и другіе рыскали по краю, представлявшему, вслѣдствіе этихъ беспрестанныхъ нашествій, печальную и безлюдную пустыню, по которой пустырями стояли разрушенные пожарами и войной города и села. И татары, и рыцари жгли и грабили край самымъ исправнымъ образомъ, оспаривая другъ у друга въ этихъ подвигахъ пальму разбойничьяго первенства. Впрочемъ, Бѣльскъ иногда и «отсыживался». Такъ, напримѣръ, было въ 1377 году, когда гроемъ-стеръ прусскій Виврихъ вторгся въ Подлясье и осадилъ Бѣльскій замокъ. Городъ не сдался; пруссаки постояли, постояли надъ нимъ и, видя что на сей разъ ничего не поддѣлаешь, сняли осаду и пошли къ Каменцу, вознаграждая себя за неудачу тѣмъ, что повыжигали и поразоряли все что ни подвергнвалось подъ руку на пути ихъ шествія¹⁾.

Во второй половинѣ XIV вѣка власть Литвы была окончательно утверждена надъ Подлясьемъ, которое и оставалось въ безспорномъ владѣніи за литовскими князьями до соединенія Литвы съ Польшей, послѣ чего Подлясье было слито въ одно цѣлое съ «Короной».

Вслѣдствіе споровъ за владѣніе между князьями Руси, Литвы и Мазовіи, а еще болѣе того вслѣдствіе слишкомъ часто повторявшихся опустошительныхъ набѣговъ татаръ и нѣмецкихъ рыцарей, Бѣльскъ до конца XV вѣка не выходилъ изъ ряда бѣднѣйшихъ городовъ литовскихъ. Первые льготы даны были ему Витольдомъ, но главнымъ его благодѣтелемъ былъ великій князь Александръ, женатый на Еленѣ, дочери великаго князя Московскаго, и потому король Сигизмундъ I. Первый изъ нихъ далъ, а послѣдній еще болѣе развилъ для Бѣльска муниципальныя льготы, основанныя на Магдебургскомъ правѣ, въ силу котораго городъ имѣлъ свой выборный оудъ и право распоря-

¹⁾ Балинскій и Липинскій, „Starozitna Polska“ стр. 1304.

жаться доходами и издавать указы (vilkirze или uschwały), относящиеся къ потребностям жителей. Александръ, между прочимъ, присвоилъ Бѣльску печать съ изображеніемъ *вола*.

Сначала благосостояніе города относительно торговли и промышленности далеко не процвѣтало. Въ этомъ виновато, во-первыхъ, самое мѣстоположеніе, невыгодное въ коммерческомъ отношеніи, такъ какъ Бѣльскъ стоитъ при маленькой несудоходной рѣчкѣ; а во-вторыхъ, евреи—эта вѣчная злѣя Западнаго края. Но когда Витольдъ въ 1430 году освободилъ Бѣльскъ отъ евреевъ, не дозволить имъ селиться въ городѣ, то Бѣльскъ поднялся такъ, что еще до Люблинскаго соединенія, во-второй половинѣ XVI вѣка, сталъ считаться уже въ числѣ самыхъ лучшихъ по количеству населенія и самыхъ благосостоятельныхъ городовъ Литовскаго великокняжества. Главнымъ занятіемъ мѣщанъ было хлѣбопашество, но рядомъ съ нимъ и ремесленность, въ убывающаго вліянія евреевъ, стала развиваться въ столь обширныхъ размѣрахъ, что Бѣльскій магистратъ долженъ былъ раздѣлить ремесла на шесть цеховъ. Наиболее процвѣтали въ городѣ мясничество, кузнечное, столярное и оружейное дѣло, кушнерное, портняжное, сапожное и кожевенное производство, а также солодовничество и пиво варство. Супруги польскихъ королей въ особенности покровительствовали городу, вслѣдствіе того, что Бѣльскъ и Бѣльское староство состояли въ ихъ непосредственномъ владѣніи. Но непрерывныя войны и переходы многихъ армій мало-по-малу довели Бѣльскъ до такого плачевнаго состоянія, что въ половинѣ XVII столѣтія число домовъ этого города уменьшилось въ пятнадцать разъ противъ прежняго, и весь Бѣльскъ состоялъ только изъ 48 жилищъ строеній. Изъ этого положенія городъ сталъ подыматься только съ переходомъ его въ нѣмецкія руки, но все же тотъ Бѣльскъ, который, по принятіи его отъ нѣмцевъ, мы знаемъ по настоящее время, далеко и весьма далеко не соответствуетъ Бѣльску XVI вѣка.

Теперь это не болѣе какъ скверный жидовскій городишко, на которомъ мы очень наглядно можемъ прослѣдить, какъ евреи совершаютъ послѣдовательное убійство всѣхъ живыхъ промышленныхъ силъ христіанскаго населенія края. Мы сказали уже, что съ переходомъ въ нѣмецкія руки городъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ (съ 1796 по 1803 годъ) сталъ быстро возрастать и подыматься изъ своей косности; населеніе его значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ нимъ и число домовъ дошло до 320, между которыми появилось семь каменныхъ, существующихъ и до настоящаго времени, въ нѣкоторомъ родѣ памятниковъ нѣмецкаго владычества, ибо ни прежде, ни послѣ нѣмцевъ каменныхъ строеній въ Бѣльскѣ уже не появлялось. Нѣмцы внесли съ собою духъ

оживленія, тотчасъ же отразившійся на торговлѣ и промышленности, которыми занимались *исключительно* одни христіане. Въ тѣ дни въ бѣльскихъ лавкахъ можно было найти иностранные товары, матеріи, сукна, колоніальныя произведенія, настояшія, а не поддѣльныя вина, разный мелочной товаръ, а пиво и водка, продававшіяся въ шинкахъ, доставлялись туда со своихъ же христіанскихъ заводовъ. Но это, такъ-сказать, внутренняя городская сторона торговли, которая хотя и была значительна, однакоже уступала въ степени значительности торговлѣ вишней. Бѣльскіе мѣщане того времени вели довольно обширную торговлю съ Пявскомъ съ одной стороны, и съ Варшавой, Кенигсбергомъ, Данцигомъ и Эльбингомъ—съ другой. Предметами вывоза служили: бѣльскій хмѣль, овчинные тулупы и «сукманы», особенный родъ верхней одежды изъ мѣстнаго сукна.

Но вотъ въ 1803 году, прусское правительство впервые разрѣшило евреямъ безпрепятственно селиться въ городѣ Бѣльскѣ. И что же? Въ самое короткое время городъ принялъ ту характерную еврейскую фizioномію, которою отличаются, вмѣстѣ съ еврейскими грязью и вонью, всѣ городишки Западнаго края. Городъ Бѣльскъ представилъ собою для евреевъ совершенно свяжій и непочатой еще уголь, и притомъ въ такую минуту, когда нѣмецкая энергія значительно подняла его благосостояніе. Получивъ разрѣшеніе селиться въ Бѣльскѣ, евреи внесли туда съ собою свой кагалъ, который негласно, но твердо сталъ, что называется, всѣми легкими и нелегкими способствовать тому, чтобы члены мѣстнаго еврейскаго общества удобно и выгодно для себя приобретали у христіанъ недвижимую собственность: тутъ дѣйствовали и купля, и подкупъ, и продажа съ аукціона за долги и множество иныхъ темныхъ и хитроумныхъ способовъ, которые въ концѣ-концовъ привели къ тому, что евреи въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ совершенно вытѣснили христіанъ изъ города на его окраины, овладѣли всѣмъ городскимъ центромъ, а съ нимъ, конечно, торговлей и ремеслами, предоставивъ Бѣльскимъ христіанскимъ мѣщанамъ только хлѣбопашество, къ которому евреи считаютъ себя не способными и которое поэтому они презираютъ. Вмѣстѣ съ прибытіемъ евреевъ, около полусотни шинковъ, въ которыхъ прежде вовсе не чувствовалось такой значительной потребности, тотчасъ же открылись на разныхъ улицахъ Бѣльска, и вся кабацкая торговля сразу перешла въ еврейскія руки. Болѣе половины еврейскаго населенія въ Бѣльскѣ занялось, какъ и по сей день занимается, перекупкой. На разсвѣтѣ въ базарные дни цѣлыми партіями выходятъ евреи на дороги, ведущія въ городъ, съ цѣлю перехватывать крестьянъ, везущихъ на базаръ свои

сельские продукты. Съ помощью водки и обмана, еврей-перекупщики за безценок овладевают крестьянским товаром и уже сами препровождают его на городской рынок, где сами же всѣм кагаломъ и устанавливают на него цѣны. Отъ этого при дешевомъ производствѣ въ окрестномъ краѣ, стоимость продуктовъ всѣдневнаго употребленія на Бѣльскомъ рынкѣ весьма высока. Все дѣло въ томъ, что евреи, забравъ въ свои руки какъ бы монополию мѣстной торговли, распоряжаются цѣнами по своему произволу. Это съ каждымъ годомъ все гибельнѣе отражается какъ на народномъ богатствѣ, такъ и на благосостояніи христіанскихъ мѣщанъ, ремесленниковъ, которые, видя окончательную невозможность бороться съ прочно организованнымъ кагаломъ, все болѣе обращаются къ землепашеству, или же бѣднѣютъ, разоряются и кончаютъ нищенствомъ. О той грязи и вони, которые внесли съ собою евреи въ чистенькій дотолѣ Бѣльскъ, мы уже и не говоримъ. Одно только, что оставили евреи на долю мѣстныхъ христіанскихъ обывателей, это разведеніе свиней. Бѣльскіе свиньи пользуются большою извѣстностію, ихъ хорошо откармливаютъ и не безъ выгоды продаютъ осенью на базарахъ, гдѣ сбывается ихъ до тысячи головъ.

Переночевавъ въ плохомъ еврейскомъ «забѣдномъ домѣ», который однако почитается здѣсь лучшимъ и потому носитъ даже названіе гостиницы, я на утро отправился осматривать кое-какія достопримѣчательности Бѣльска, случайно упавшія до нашего времени.

При zaloженіи города, какъ мы уже сказали, вѣроятно Ярославомъ I, здѣсь былъ построенъ укрѣпленный замокъ. Одна изъ улицъ, ведущихъ къ нему, сохранила еще свое древнее имя и до сихъ поръ называется «Замковою». Однако въ наши дни она не совсѣмъ-то удобно ведетъ къ замку, или лучше сказать къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда находился замокъ; оно представляется теперь небольшимъ возвышеннымъ бугромъ, или курганомъ, который у мѣстныхъ обывателей извѣстенъ болѣе подъ именемъ «Лысой горы». Чтобы достичь до него, надо сначала перебраться чрезъ «перелазъ», устроенный вѣроятно для предохраненія чьего-либо хозяйства отъ бродячихъ свиней и пасущагося скота; а потомъ слѣдуетъ взбираться на вершину холма по узенькой тропинкѣ. Валы бывшаго Бѣльскаго замка съ трехъ сторонъ довольно круты и поросли кустарникомъ и деревьями. Кусты свирея покрываютъ площадку этой «Лысой горы», на которой стоитъ бѣлая каменная часовенка съ голубымъ куполомъ. Часовня эта построена на мѣстѣ алтаря бывшей «Замковой церкви» во имя Рождества Пречистой Богородицы.

Въ древнія времена въ Бѣльскѣ было пять церквей православныхъ, изъ которыхъ нѣко-

торыя существовали здѣсь еще съ XIII вѣка и даже ранѣе. При каждой церкви находилась богадѣльня, обеспеченная особымъ капиталомъ, а при церквахъ Михайловской, Богоявленской и Никольской (монастырской) существовали школы. Въ XVI столѣтіи всѣ Бѣльскіе церкви были обращены въ унию, и обращеніе это совершилось посредствомъ насилій. Покровительство мѣстныхъ, католическихъ властей, при подстрекательствѣ католическаго духовенства, довело незаконные поступки униатскихъ ставленниковъ до такой степени, что даже большіе дороги не были отъ нихъ безопасны; и понятно, что униатскіе поны, чувствуя себя ренегатами, измѣнниками предъ людьми, остававшимися въ лоѣ древняго православія, старались всячески изливать на нихъ свою злобу и мщеніе. Они срывали съ православныхъ священниковъ и монаховъ ихъ облаченія, отнимали кресты и потиры, выбрасывали на землю Св. Дары; при дѣйствіи ротъ «выборной пѣхоты», отнимали силой православныя церкви, а этотъ родъ захватовъ не обходился безъ кровопролитія и убійствъ; въ городѣ было постоянное замѣшательство, смущеніе, бунтъ; оставшихся въ вѣрности православію преслѣдовали, тѣснили, выгоняли изъ города и лишали имущества и пожитковъ. Королевскіе рескрипты и декреты въ пользу православія оставались мертвою буквой, помощи и нравственной поддержки не было ни откуда, и вотъ, древнее православіе, волей-неволей обратилось въ унию, и многіе ради собственнаго спокойствія и житейскихъ выгодъ перешли въ католичество. Это грустная и темная страница въ исторіи края, страница крови, гора и слезъ, съ одной, и возмутительнѣйшихъ насилій и соблазновъ—съ другой стороны... Мѣстный костелъ въ это время процвѣталъ и распространялъ свое давленіе на всю окрестную страну. Впрочемъ, ему легко было процвѣтать: въ то время какъ обираемыя и разоряемыя православныя церкви нищенствовали, Бѣльскому костелу предоставлены были громадныя выгоды, заключавшіяся въ корчемномъ городскомъ сборѣ; при самомъ костелѣ было нѣсколько корчемъ для продажи вина, доходъ съ которыхъ поступалъ въ пользу плебана.

Желая имѣть понятіе о Бѣльскихъ православныхъ церквахъ, я зашелъ въ ограду Пречистенской церкви и просилъ пономаря показать мнѣ ее. Церковь эта деревянная, очень древней постройки; колокольня, въ видѣ небольшой башни, стоитъ отдѣльно. До 1562 года Пречистенская церковь находилась въ замкѣ, гдѣ была воздвигнута княгиней Вассой Михайловной. Въ 1506 году король Александръ приказалъ перенести храмъ изъ замка, вмѣстѣ съ останками его строительницы, на болѣе удобное мѣсто. «Иножь приказуемъ вашей милости, писалъ онъ къ бѣльскому войту и

подстаростѣ Шпмбору, тую перковъ Матки Божіей Рождества ей, съ того замку перенести на мѣсто годное, нѣтъ бо де съ наданія княгини Вассы Михайловой бабки наше создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ей положено подѣ Богородицею, которое съ богомоленіемъ перенести». Копія съ этого письма, написанная на пергаментѣ, хранится и теперь въ Пречистенской церкви, но признаки гроба княгини Вассы, похороненной вѣроятно подѣ алтаремъ, въ настоящее время уже исчезли, разрушенныя временемъ.

Въ алтарѣ мнѣ показали древнюю икону Богородицы, перенесенную изъ замка; подѣ этою иконою и была погребена княгиня Васса. Изображеніе Богоматери, писанное на липовѣй доскѣ, съ позолотой, носить характеръ византійскій въ контурахъ и западный въ исполненіи, а равно и во внѣшнихъ украшеніяхъ ризы. Впрочемъ, западный характеръ могъ быть приданъ уже во время уніи, при какой-нибудь реставраціи иконы, чему она, судя по нѣкоторымъ признакамъ, несомнѣнно подвергалась. Подѣ этою иконою помѣщается другая, Рождество Пресвятыя Богородицы, писанная на золотомъ же фонѣ, по которому выведены арабески. Въ этой послѣдней иконѣ характеръ письма уже вполне византійскій, который сказывается какъ въ контурахъ каждой фигуры, такъ и въ исполненіи. Эта икона, несомнѣнно древняго происхожденія, какъ сказываютъ, послужила княгинѣ Вассѣ Михайловнѣ поводомъ къ тому, чтобы всѣмъ ея основать и церковь замковую. Она тоже подверглась реставраціи, потому что стала осыпаться, но реставрація произведена уже въ позднѣйшее время, при возстановленіи въ краѣ православія, и притомъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ алтарѣ же находится и образъ Спасителя. Письмо этой послѣдней иконы можно признать одновременнымъ съ иконою Рождества Богородицы. Характеръ контуровъ и письма чисто византійскій, хотя ликъ вообще нѣсколько бѣлѣе противъ византійскаго стиля, что впрочемъ могло быть тоже послѣдствіемъ реставраціи. Примѣры этому находимъ мы иногда и въ церквахъ восточной Россіи, въ которыхъ реставрація живописи съ западнымъ характеромъ вторгалась во второй половинѣ XVIII и въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

Иконостасъ въ Пречистенской церкви трехъярусный, сплошной, вплоть до потолка, совершенно въ такомъ родѣ какъ встрѣчаемъ мы и теперь во многихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи. Къ сожалѣнію иконы въ ней очевидно подверглись замѣнѣ. Письмо ихъ хотя и древнее, но уже западнаго стиля и можетъ быть отнесено къ XVIII вѣку.

Изъ Бѣльска выѣхали мы подѣ вечеръ, въ половинѣ седьмого, на Видово, Огородники, Раковичи, Осовку, слѣдуя въ село Ново-Бере-

зово. Погода была дивная. Мѣстность во все время пути представляла равнину съ невысокими волнообразными, широко и плавно расходящимися покатоками. Битая проселочная и удобная для движенія войскъ дорога идетъ по глинистому грунту. Недавно поставлены на ней и версты—плодъ заботливости бѣльскаго исправника Тимонова. Путь съ обѣихъ сторонъ обсаженъ молодыми ветлами, а отъ деревни Чижи (150 дворовъ) окопанъ канавами. Въ прежнее время дорога отъ Чижей до Ново-Березова была осѣнена рослыми и раскидистыми ивами, но въ послѣдніе годы онѣ посохли и потому выворочены съ корнями и уничтожены. За Чижами сохранились только по краямъ пути три-четыре старыхъ дерева. Почва суглинистая, и что значить хорошее лѣто! Я просто изумлялся, глядя на розѣ, овесъ и въ особенности на шпешу. Послѣдняя была замѣчательно хороша на земляхъ, принадлежащихъ деревнѣ Кривой. Подводчикъ нашъ сказывалъ мнѣ, что «Кривые мужики», благодаря землѣ своей, постоянно дающей добрый урожай, очень богаты, «гораздо богачѣе за много помѣщика». Они не свозятъ избытокъ своего хлѣба въ Бѣльскъ, зная что тамъ одолѣютъ ихъ евреи-перекупщики, а везутъ его въ Бѣлостокъ, въ надеждѣ на нѣмцевъ-фабрикантовъ и промышленниковъ, которые по крайней мѣрѣ «даютъ цѣну» и расплачиваются честно, «безъ ашуканья», то-есть безъ обману. Въ Бѣлостокѣ «Кривые мужики» продаютъ двухпудовую мѣру шпешницы отъ 3 до 4 рублей, а розѣ отъ рубля пятидесяти копеекъ до двухъ рублей. «А вотъ мы, жаловался подводчикъ, поглядѣ, и рядомъ съ Кривыми живемъ, а усѣ бѣдные, гля тово што у насъ безъ гною (навозу) ничего не уродится, да и грунтъ усѣ большъ болотысько, и таке болотысько прокляте, што нѣтъ день и скотъ у ѣмъ тонетъ. Гля тово и деревня ше й отъ прадѣду зовется «Голоды».

Вообще, по пути отъ Бѣльска къ Бѣловѣжской Пуцѣ, и особенно по правую (южную) сторону дороги, благосостояніе крестьянъ весьма замѣтно: избы прочныя, курныхъ хатъ нѣтъ вовсе, «господарства» (хозяйства) по деревнямъ разселены просторно, и поселенія большею частію все людныя, отъ 30 до 150 и болѣе дворовъ. Народъ здѣсь глядитъ здорово и весело, и повидимому, очень благочестивъ. Почти у каждаго хозяина предѣ выходящимъ на улицу фасадомъ хаты или садика стоитъ высокій деревянный крестъ съ жѣлѣзнымъ плитушкомъ либо съ крестикомъ на самомъ верху и съ текстомъ изъ Писанія, а не то изъ какой-нибудь молитвы, начертаннымъ вдоль продольнаго бруса. Тексты всегда врѣзаны въ дерево, или выдолблены долотомъ и всѣ по-руски, то-есть по-славянски, но русскими гражданскими лигерами. При дорогахъ и по полямъ

разсыяно также много крестовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не замѣтилъ я польскаго или латинскаго текста; позднѣйшіе изъ крестовъ, по времени своей постановки, относятся къ 1862 году. При деревняхъ у околлицъ кромѣ крестовъ стоятъ и часовенки, «каплички», часто обѣянные тополями. Мѣстами, въ виду дороги и по преимуществу въ окрестностяхъ Бѣльска, видны богатые залежи торфа, которые однако разрабатываются весьма мало и потому до времени представляютъ собою мертвый капиталъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ, когда у насъ будетъ обращено болѣе вниманія на сбереженіе лѣсовъ, эти изобильныя торфяныя залежи представятъ собою мѣстному населенію хорошій матеріалъ для разработки и не только въ смыслѣ удовлетворенія повседневнымъ нуждамъ собственнаго обихода, но и какъ одинъ изъ источниковъ народнаго богатства, ибо при развитіи фабричной и заводской промышленности въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ и при количествѣ дровъ, поглощаемыхъ желѣзными дорогами, въ прилежащихъ мѣстностяхъ уже и теперь начинаютъ ощущаться потребности въ хорошемъ и дешевомъ топливѣ.

Еще за восемнадцать верстъ до Бѣловѣжской Пуши она становится уже видна.

— Ось, бачите, павочку, атто вонь!—обратился ко мнѣ подводчикъ, указавъ кнутикомъ впередъ.

Я кинулъ взглядъ въ пространство предъ собою, и въ розовато-вечерѣющемъ воздухѣ увидѣлъ на горизонтѣ какую-то темно-сизую полосу, которая длиною, ровною лентой широко протянулась по чертѣ земли отъ края до края неба и теперь невидимо для глаза терялась съ обоихъ концовъ гдѣ-то тамъ, въ безконечности...

Такъ вотъ она, эта знаменитая Пуша Бѣловѣжская, этотъ единственный уцѣлѣвшій въ Европѣ остатокъ лѣсовъ первобытныхъ! Признаюсь, первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня видъ этой безконечной темной полосы на горизонтѣ, заключало въ себѣ нѣчто грандіозное. Быть-можетъ причиной тому было сознаніе, что это именно Бѣловѣжская Пуша, которая давно уже манила меня къ ближайшему знакомству съ нею, ради своей первобытной природы и историческихъ воспоминаній.

Эта темно-сизая полоса Пуши, съ каждою верстой становясь все отчетливѣе, оставалась въ виду у насъ до самаго Ново-Березова, куда пріѣхали мы въ девятомъ часу вечера. Пуша, озаренная золотисто-розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца, какъ стѣна стояла за поляной въ четырехъ верстахъ разстоянія отъ Ново-Березова. Прямо предъ глазами, подъ самымъ лѣсомъ, виднѣлись строенія Гайловки, мѣстопробываніе лѣсничаго III участка, а

лѣвѣе, тоже подъ Пушей, искрился на солнцѣ крестъ, и золотились бѣлыя стѣны новой церкви въ селеніи Дубины.

Въ Ново-Березовѣ находится волостное правленіе и сельская школа. Волостной писарь, очень радушный русскій человѣкъ, предложилъ мнѣ ночлегъ у себя и угостилъ чаемъ и ужиномъ. Мы помѣстились на крылечкѣ волостного правленія, откуда открывался широкій видъ на Пушу, и занялись чаемъ. Вскорѣ пріѣхалъ сюда извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ мѣстный священникъ, отецъ Іуліанъ Ключковский, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. Мы отрекомендовались другъ другу, и я тѣмъ болѣе радъ былъ этому случаю, что еще въ Бѣльскѣ слышалъ объ отцѣ Іуліанѣ какъ о человѣкѣ, хорошо знающемъ мѣстный край и условія его жизни. И дѣйствительно, его разсказы обязавъ я многими свѣдѣніями, которые встрѣтитъ читатель на страницахъ этого очерка. Между прочимъ, узналъ я, что открытыя мѣстности, прилегающія къ Пушѣ со стороны Бѣльскаго (пограничнаго съ нею) уѣзда, каждое лѣто страдаютъ отъ грозъ, которыя здѣсь вообще весьма сильны и опасны. Избытокъ влажныхъ испареній, выдѣляемыхъ громадными лѣсами, скопляется въ воздухѣ и въ жаркую пору разрывается сильными грозами именно на прилежащихъ открытыхъ равнинахъ, отчего нерѣдко происходятъ въ окрестныхъ деревняхъ значительные пожары. Такъ, напримѣръ, въ вечернюю грозу, бывшую въ началѣ мая 1872 года, загорѣлось отъ громовыхъ ударовъ по окрестности въ трехъ мѣстахъ, и въ селѣ Дубины сгорѣло девять хлѣбныхъ амбаровъ. Между прочимъ, былъ и такой любопытный случай: у одного крестьянина скверда хлѣба стояла вплоть съ одною изъ стѣнъ его хаты. Молнія ударила какъ разъ въ эту скверду, которая, конечно, тотчасъ же и загорѣлась. Сбѣжался народъ, но никто не рѣшился тушить пожаръ, потому что здѣсь почиталось грѣхомъ тушить огонь, посланный съ небеси, т. е. отъ Бога; если же Богъ посылаетъ на кого-либо свой огонь, то, по убѣжденію крестьянъ, это является не иначе какъ въ наказаніе за грѣхи, которыми онъ служитъ очищеніемъ и искупительною карой. Такимъ образомъ, тушить пожаръ, происшедшій отъ «Божьей стрѣлы», значить идти противъ Божьей воли, совершать новый и притомъ сознательный тяжкій грѣхъ. Сбѣжавшійся народъ стоялъ въ бездѣйствіи и только крестился. Между тѣмъ несчастному крестьянину грозило окончательное разореніе. Онъ въ слезахъ обратился къ сосѣдямъ съ мольбой о помощи. «Не можно, грѣхъ!» отвѣчали ему сосѣди. «Та ничого! нашелся одинъ изъ стариковъ.—И батюшка у церкви казавъ, що можно, що нѣ грѣхъ своего добра спасаты,—я самъ своими ушмы чуау, якъ вниѣ

казау тое!»—«Ну, лѣтъ казау, то даваймо спасати, порѣшили крестьяне, бо тогда вже на его души грѣхъ будѣ!» Этотъ аргументъ убѣдилъ нѣкоторыхъ въ возможности противодѣйствовать пожару, и они кинулись помогать несчастному сосѣду, стали тушить скирду, обливать водой соломенную кровлю хаты. И что же? Скирда сгорѣла до основанія, а хата осталась пѣлешенька. Собрались послѣ этого «грѣховоды» и пошли къ священнику справляться, «чи нѣ грѣхъ ли вѣлыкий зробили воны?» Отецъ Іуліанъ убѣдилъ, что не только не грѣхъ, но истинно христіанское доброе дѣло. «И съ правди! (точно, правда) порѣшили крестьяне: бо лѣтъ бы грѣхъ, то огонь не мусялъ бытъ потухаты, а усю деревню попалиу бы—туши не туши, а попалиу бы, а то, глядь, и хата уцѣлила!»

Съ тѣхъ поръ окрестные крестьяне уже не затрудняются тушить грозовые пожары, и такимъ образомъ этотъ отдѣльный случай удачно способствовалъ къ уничтоженію одного лишняго предрасудка въ краѣ.

Нѣмцы, которыми здѣсь, какъ говорится, и не пахнетъ, тѣмъ не менѣе оставили кое-гдѣ свои прочныя слѣды въ сельскихъ постройкахъ. Если гдѣ по деревнямъ и фольваркамъ встрѣчаются каменные дома, сараи и тому подобное, то народъ говорить, что «гѣто ще одъ нѣмцоу zostалося». Въ деревнѣ Лосинкѣ есть одинъ каменный домикъ и деревянная клуна, то-есть сарай для складыванія сѣна⁴⁾. Последняя строена еще въ 1797 году однимъ нѣмецкимъ колонистомъ; но и понынѣ она такъ прочна и крѣпка, что въ будущемъ свѣтѣ простоятъ еще лѣтъ до восьмидесяти.

На слѣдующій день приходилось воскресенье, и мы отправились къ обѣднѣ. Церковь въ Ново-Березовѣ деревянная и очень старая. Въ послѣдній разъ была она реставрирована уже болѣе ста лѣтъ назадъ, въ 1771 году; метрики же ея восходятъ до 1729 года. Въ ризницѣ хранятся нѣсколько богатыхъ ризъ, замѣчательныхъ по изящному рисунку ткани; онѣ вполне были бы достойны вниманія художника-археолога: въ нихъ онъ нашелъ бы давно позабытые и потому новые мотивы для воспроизведенія очень изящнаго стиля. Тутъ же хранятся и рукописное евангеліе, писанное полу-уставомъ, съ кановарью и изображеніемъ четырехъ евангелистовъ. Въ прежніе годы иконостасъ Ново-Березовской церкви, какъ и Бѣльской Пречистенской, былъ сплошной до потолка и тоже трехъ-ярусный. Живопись на немъ полувизантійскаго характера, на золотомъ фонѣ съ арабесками. Впослѣдствіи уніи внесла въ Ново-Березовскій храмъ свой римскій характеръ, придѣлала хоры, по-

ставила боковые открытые алтари съ гирляндами и измѣнила иконостасъ. Но старые иконостасные образа съ ихъ живописью, по счастью, сохранились. Они и по сей день висятъ въ алтарѣ по стѣнамъ. На верхнемъ ярусѣ этихъ образовъ изображены апостолы, на нижнемъ — пророки. Вѣтшія архитектура церкви не отличается никакимъ стилемъ: это просто четырехугольный продолговатый срубъ съ довольно высокою деревянною кровлей, на которой съ передней стороны торчатъ желѣзные покосившіеся крестикъ, а надъ алтаремъ кѣто въ родѣ купола, или скорѣе деревянная башенка, тоже съ желѣзнымъ крестикомъ. И это замѣчательно: полонизмъ, воздвигающій по краю, гдѣ только могъ, свои пышныя каменные костелы, обрекалъ на убожество и невзрачность не только православныя, скудныя числомъ, но даже и униатскія церкви⁵⁾. Отецъ Іуліанъ сказывалъ впрочемъ, что въ скоромъ времени предполагается начать въ Ново-Березовѣ постройку каменнаго храма, и тогда—если обстоятельства неблагопріятствуютъ — онъ намѣренъ остатокъ древняго иконостаса принести въ даръ Петербургскому музею христіанскихъ древностей, или же Виленскому музею, какъ памятникъ и свѣдѣтельство древняго православія въ краѣ и какъ образецъ древняго живописнаго искусства.

Въ этой бѣдной сельской церкви мы были неожиданно удивлены, услышавъ необыкновенно стройное, согласное пѣніе дѣлаго хора, который прекрасно исполнялъ нѣкоторые нумера музыки Бартняйскаго и Львова. Оказалось, что отецъ Іуліанъ собственными стараніями сформировалъ изъ мѣстныхъ прихожанъ и учениковъ сельской школы хоръ въ тридцать человекъ, тщательно занялся его обученіемъ, подборомъ и обработкой голосовъ, и все это безо всякихъ особыхъ средствъ и приспособленій; обучаетъ онъ просто съ голоса, у себя на дому, подъ звуки стараго фортепіано, но тѣмъ изумительнѣе результаты, которыхъ удалось ему достичь. Послѣ обѣдни онъ пригласилъ весь свой хоръ къ себѣ на домъ къ воскресной закускѣ, и здѣсь, послѣ завтрака, было при мнѣ исполнено нѣсколько концертныхъ духовныхъ партій, а также нѣсколько великорусскихъ и мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ; послѣднія мнѣ впервые еще доводилось слышать въ хоровомъ исполненіи, что придаетъ имъ свою оригинальную прелесть. Но какъ въ заключеніе слѣды оны Глинкинское «Славься» изъ «Жизни за Царя» — просто на славу!

⁴⁾ Во время іезуитскихъ гоненій остались вѣрны православію во всей странѣ, составляющей нынѣшнюю Гродненскую губернію, только три церкви: Заблудовская (въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, Бѣлостокскаго уѣзда), Свято-Троицкая (въ Бѣльскѣ) и Дрогичинская.

⁴⁾ Стѣнные сараи называются здѣсь также „пуця“ (измѣненное „клуна“) и „адрива“.

Благодаря содѣйствию отца Іуліана, мнѣ удалось записать нѣсколько мѣстныхъ народныхъ пѣсень, которыя поются тоже и въ Бѣловѣжской Пущѣ. Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ, если я предложу ему познакомиться съ своеобразнымъ стихосложеніемъ и языкомъ этой народной поэзіи.

Вотъ, наприимѣръ, пѣсня матери о сынѣ, уходящемъ въ солдаты:

Подъ похилымъ ¹⁾ деревомъ
Мати сына родила.
— Какъ я его родила,
То всю ночь сходилла; ²⁾
Какъ его головала, ³⁾
Много нужды пріймала,
А теперь-ка въ полкъ отдаю
И съ печали всилѣваю. ⁴⁾
— Мати-жь моя родима.
Исправь-же мнѣ три трубы, ⁵⁾
А всѣ три золотыя,
А четверту мѣдную.
Я въ первую заграю,
Ковника сдѣлаючи,
А въ другую заграю,
На ковика сядучи,
А въ третью заграю
Съ двѣру выѣзжаючи,
Въ четвертую заграю,
До полка пристаючи.

Вотъ пѣсня съ нѣсколькимъ юмористическимъ характеромъ:

Ужъ какъ грибъ-боровикъ
Надъ всѣмъ грибомъ полковникъ,
Овъ подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы гляючи,
Приказавъ, повелѣвъ
Рыжичкамъ на войну иди.
Одказались рыжички,
Говорятъ: мы мужички,
Мы не можемъ на войну иди.

За симъ возвращенію къ началу: «ужъ какъ грибъ-боровикъ», и далѣе, — «Волнушкамъ на войну иди».

Одказались волнушки,
Бо, говорятъ, мы старушки;
Одказались мухоморы,
Говорятъ: мы сенаторы.

Наконецъ, доходитъ очередь до груздей. Эти соглашаются охотно:

Ну-ка, братья груздя,
Возьмете-ка ружья,
Станемъ же мы дружно!
Пали!

А вотъ, наконецъ, пѣсня и съ политическимъ оттенкомъ, сложившаяся въ народѣ во время восстанія 1863 года:

Взбунтовались польски паны,
Стара шляхта оборвана.

¹⁾ Похилый — склоненный, понурый; въ данномъ случаѣ то же, что подлѣ плакучимъ деревомъ.

²⁾ Исходила.

³⁾ Кормила.

⁴⁾ Млѣю, изнываю.

⁵⁾ Справь, сдѣлай три трубы.

Ай ли люли, ай ли люли, ай ли лю-
синьки мои! ¹⁾

Кресты, давоны ²⁾ поснимали,
Себѣ пушки выливали,
Подъ Бяловѣжъ подступили
И картошекъ наскоблили,
И картошки готовали ³⁾
Да й ходили воевали.
Какъ задали Русски пылы—
Всѣ кокарды къ чорту сбили!
„Мое братѣ кохаѣнце,
Яки пули ихъ горонды! ⁴⁾
Якъ свиснула коло уха,
Лѣдѣ втршмалъ ⁵⁾ своего духа!
Пся-кровѣ юха ты москаля—
Вшистку Польску позабрали.
Дѣти мое, ахъ вы, дѣти,
Удѣкайте, гдѣ вы хпете, ⁶⁾
Удѣкайте въ кѣжде строна,
Кто до дѣти, кто до жоны!
Нѣма гроху ⁷⁾, нѣма й хлѣба,
Вѣндый вудки не потрѣба! ⁸⁾

Въ самой Пущѣ начало этой пѣсни варьируется еще и такъ:

Збунтовались поляки,
За хунтъ ⁹⁾ хлѣба и табакъ.

А западнѣе, около мѣстечка Семятичъ, добавляются еще двѣ строки про «москалей»:

Подъ Семятичъ подступили.
Увесь городъ окружили,

и потомъ уже переходятъ къ волю отчаянія поляковъ: «Дѣти мое, ахъ вы, дѣти!» Эту пѣсню, какъ сказывалъ мнѣ отецъ Іуліанъ, поютъ даже и мазуры, на границѣ Польши, въ Алексинской волости, и очень любятъ дразнить ею тѣхъ, кто желаютъ признавать себя поляками.

Въ пѣдѣвіи отца Іуліана находится мѣстная школа, съ пятью отдѣленіями оной по ближайшимъ окрестнымъ деревнямъ. Собственно въ Ново-Березовской школѣ въ 1872 году училось 70 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ, а съ пятью отдѣленіями всего до трехсотъ мальчиковъ и пятидесяти дѣвочекъ. Учительскую дѣятельность свою ведетъ отецъ Іуліанъ съ 1864 года, обучая Закону Божію, русской и церковно-славянскоу грамотѣ, письму, грамматикѣ, ариметикѣ, чистописанію, краткимъ началамъ географіи и исторіи, а также и пѣнію. Благая дѣятельность его на пользу народнаго просвѣщенія, въ чисто русскомъ духѣ, уже успѣла принести свои добрые плоды. Ново-Березовскіе крестьяне не безъ гордости пока-

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыя двухъ стиховъ.

²⁾ Колокола церковные.

³⁾ Приготовляли, стряпали.

⁴⁾ Мои милые братцы, какія пули у нихъ горятъ.

⁵⁾ Едва удержалъ.

⁶⁾ Удирайте куда хотите.

⁷⁾ Гороху.

⁸⁾ Даже и водки не надо больше.

⁹⁾ Фунтъ.

звали мнѣ четырнадцатилѣтняго мальчика, сына одного изъ своихъ односельчанъ, прѣхавшаго къ отцу на каникулы. Этотъ мальчикъ, по имени Иванъ Алексѣевъ Ильшукъ, изъ школы отца Іуліана поступилъ на издѣваніи Ново-Березовскаго сельскаго общества, въ Вѣлостокскую гимназію, и въ экзамены 1872 года перешелъ уже въ 4-й классъ вторымъ ученикомъ. Другой изъ мѣстныхъ учениковъ того же отца Іуліана, Александръ Лаврентіевичъ Бирляко, прошелъ Вѣльское двухклассное училище, а потомъ Гродненское таксаторское училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ, получилъ награду и въ 1872 году состоялъ на государственной службѣ таксаторомъ при Вѣлостоцко-Сокольскомъ мировомъ съѣздѣ, получая 600 р. жалованья. Но и кромѣ этихъ двухъ выдающихся примѣровъ, уже много дѣльных, трезвыхъ и грамотныхъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ существуетъ теперь въ окрестномъ краѣ, благодаря дѣятельности отца Іуліана. И это вѣдѣ дѣятельность скромная, тихая, нигдѣ и никому о себѣ не кричащая, а между тѣмъ сколько добра и насущной пользы!..

При въѣздѣ въ село, съ сѣверной стороны, стоятъ красивенькая каменная часовня, постройка которой обошлась мѣстному сельскому обществу въ 700 рублей. Она воздвигнута въ память счастливаго избавленія государя императора отъ выстрѣла поляка Березовскаго въ Парижѣ, 25 мая 1867 года. На этомъ самомъ мѣстѣ стояла дотолѣ деревянная каплица, оставшаяся еще отъ временъ униатскихъ. Въ ней издавна помѣщались польско-католическіе образа, висѣла на стѣнѣ за стекломъ какая-то паленая булла и портретъ какого-то папы, тоже за стекломъ и въ рамѣ. Этой буллѣ и въ особенности этому портрету поклонялись въ невѣдѣніи своемъ мѣстные православные крестьяне, почитая въ нихъ, по преданію отъ униатскаго пріяча, нѣчто особенно священное. Къмъ были внесены и поставлены сюда эти предметы—неизвѣстно, но предполагалось, что убрать ихъ отсюда безъ какой-либо особенной причины было бы неудобно, именно потому, что народъ, не разсуждая, мнилъ въ нихъ святыню; а поляки межъ тѣмъ, указывая на буллу и портретъ, пользовались ими какъ аргументомъ въ пользу будто бы католическихъ симпатій мѣстнаго населенія. «Посмотрите, говорили они, —хоть и православные, а вотъ все же симпатіи ихъ тянутъ къ намъ, къ католическую, на польскую сторону!» Отецъ Іуліанъ лучше чѣмъ кто-либо сознавалъ всю несостоятельность этого аргумента, но до времени, нечего дѣлать, приходилось терпѣть его. Наконецъ, въ 1867 году, послѣ парижскаго выстрѣла, когда крестьяне всѣмъ обществомъ пожелали на собственные добротныя средства поставить часовню въ память этого событія,

отецъ Іуліанъ убѣдилъ ихъ сдѣлать это сооруженіе на мѣстѣ старой каплицы, и тогда уже совершенно безпретѣнно были имъ вынесены изъ нея всѣ неподобающіе польскіе орнаменты съ буллою и портретомъ, исчезновеніе которыхъ, при новой, совершенно православной обстановкѣ часовни, не вызвало въ средѣ крестьянъ ни малѣйшаго ропота и сомнѣній, да даже и вниманія-то на это они не обратили. Вотъ наглядное доказательство противъ тѣхъ, кто говоритъ въ пользу оставленія въ воссоединенныхъ церквахъ латинно-польскихъ атрибутовъ, подѣ предлогомъ, будто уничтоженіе ихъ можетъ подавать поводъ къ смущенію и ропоту въ народѣ. Смущеніе и ропотъ здѣсь можетъ быть никакъ не со стороны народа, а развѣ только со стороны поляковъ, которые, на основаніи этихъ самыхъ атрибутовъ, слятся доказывать намъ и въ особенности заѣзжимъ иностранцамъ quasi-католическія тенденціи и польскія симпатіи западно-русскаго народа.

Въ доказательство того же можно привести еще и слѣдующій фактъ: съ каждою весной въ здѣшнихъ окрестностяхъ появляются такъ называемые *oleyники*, т. е. заходжіе бродячіе венгерцы, которые разносятъ по краю въ своихъ коробкахъ разныя будто бы цѣлебныя снадобы — *олеи* (масла). Эти олейники — большіе руки плуты и шарлатаны —принимають на себя роль лѣкарей, знахарей, колдуновъ и «шептунцовъ», выманивають у крестьянъ деньги и, благодаря своимъ знахарскимъ напештываніямъ, не мало-таки разносятъ и поддерживаютъ въ крестьянской средѣ разныя суевѣрія. Кромѣ своихъ снадобій, олейники разносятъ еще для продажи и образа католическо-нѣмецкаго и польскаго пошиба, изъ которыхъ первыми запасаются изъ Вѣвы и Пещта, а послѣдними въ Галиціи и преимущественно въ Краковѣ. Здѣшній православный народъ, за неимѣніемъ чего-либо болѣе подходящаго въ этомъ отношеніи, покупалъ и по неволѣ довольствовался чуждыми ему католическими изображеніями. Но вотъ, послѣ 1863 года, стали развѣзжать по краю съ русскими иконописнымъ и книжнымъ товаромъ, а также и съ русскими картинками наши калужскіе мужики, и мѣстные крестьяне съ тѣхъ поръ почти уже исключительно отъ нихъ, а не отъ олейниковъ приобрѣтають себѣ образа и молитвенники. И замѣчательно, что калужскіе торговцы появились здѣсь безо всякаго побужденія со стороны какихъ-либо властей, а просто такъ, по собственному своему почину, и доселѣ еще не имѣють причины жаловаться на неуспѣхъ своей торговли. Стало-быть, въ религиозномъ отношеніи въ здѣшнихъ крестьянахъ вовсе нѣтъ никакихъ особенныхъ латинно-польскихъ стремленій, а замѣчается, напротивъ, какое-то инстинктивное стремленіе

къ своему чисто-русскому, православному началу. Политическое же отношеніе ихъ къ «польшизѣ» лучше всего выражается въ приведенной нами весьма популярной пѣснѣ о взбунтовавшихся полякахъ. Древне-русскій край, — русскій, еще отъ стародавнихъ временъ Ярослава I, его устроителя и культатора — въ корнѣ своемъ, т.-е. въ простомъ народѣ, остается все-таки русскимъ, несмотря на многолѣтнее пребываніе свое подъ польскимъ игомъ, со всѣми его увіями, іезуитами и шляхтой. Достаточно уже однихъ пѣсней, хотя бы и тѣхъ, которыя приведены нами, чтобы убѣдиться самымъ нагляднымъ образомъ, что языкъ подлясанъ, несмотря на ихъ ближайшее сосѣдство и, стало-быть, соприкосновеніе съ Польшей, т.-е. съ мазурами, все-таки гораздо ближе къ чистому русскому языку, чѣмъ даже языкъ черноруссовъ, населяющихъ уѣзды: Гродненскій, Волковыскій, Слонимскій и сѣверную часть Пружанскаго; по крайней мѣрѣ онъ отличается отъ чисто-русскаго языка гораздо меньшими особенностями, чѣмъ нарѣчіе чернорусское, составляющее одинъ изъ подгруппъ нарѣчій белорусскаго. На Подлясьи, и именно въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пушкѣ, рѣдко употребляется звукъ *у* (короткое *у*, вѣчто среднее между *у* и *а*); здѣсь не говорятъ, какъ въ Чернорусь, напримеръ, *узяу, убиу, прауда*, а выговариваютъ: *взяеу, убиюу, правда*; слова *дзниця, дзіндз, дзень* выговариваются совершенно правильно по-русски: *дница, дндз, день*. Одинъ только звукъ *з* всегда и во всѣхъ случаяхъ произносится какъ латинское *h*. Подляскій подговоръ въ окрестностяхъ Пушчи, по формамъ своимъ, составляетъ вѣчто среднее между языкомъ чисто-русскимъ, подгруппою черноруссовъ и нарѣчіемъ подышуконъ. Последніе населяютъ Бѣловѣжскую Пушу и говорятъ почти на чистомъ малороссійскомъ нарѣчьи, приближаясь къ волынскому складу онаго. Но вотъ одна оригинальная особенность, которая замѣчается въ языкѣ мѣстныхъ крестьянъ, именно въ Чижевскомъ и Ново-Березовскомъ приходахъ: вмѣсто *и*, союза соединительнаго, они говорятъ *ке*, — какъ будто это *ке* занеслось къ нимъ какими-то судьбами изъ языка греческаго. Эта форма, надо замѣтить, употребляется исключительно тамъ, гдѣ союзъ *и* служитъ для соединенія именъ существительныхъ и личныхъ: *Романъ ке Василь, Иванъ ке Марья, обмѣй стулъ ке лау* ¹⁾). Откуда взялось у нихъ это *ке*, и притомъ ограниченное въ употребленіи своею областью только двухъ смежныхъ приходовъ, я ужъ не знаю и рѣшить не берусь.

Часу въ пятомъ пополудни мы поѣхали вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ въ сосѣднее село Дубинны, которое лежитъ уже подъ самую Пу-

шей, въ разстояніи отъ нея не болѣе какъ сажень на двѣсти. Въ этомъ небольшомъ селеніи только-что была отстроена каменная церковь, въ которой иконостасъ весьма замѣчательнъ по своему изяществу. Онъ весь сдѣланъ въ русскомъ стилѣ изъ рѣзного стараго дуба, безъ малѣйшей позолоты, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было металлическихъ украшеній: ничего яркаго, ничего роскошнаго, кидającego въ глаза; одна только искусная, изящная рѣзба по темному дубу. Въ сквозные прорѣзы орнаментовъ, по верхнему карнизу и въ царскихъ вратахъ, вставлены разноцвѣтныя, очень гармонически подобранныя стекла, а это при вечерней службѣ, когда изъ алтари просвѣчиваютъ въ стекла огни лампадъ и свѣчей, придаетъ всему иконостасу особенный, своеобразный эффектъ. И вообще вся идея этого иконостаса представляется необыкновенно удачное сочетаніе строгости и простоты стила, исполненное чисто христіанскаго вдохновенія. Старый дубъ, послужившій какъ для иконостаса, такъ и вообще для всѣхъ подѣлокъ въ Дубининской церкви, былъ пожертвованъ Бѣловѣжской Пущей. Я невольно залюбовался на это изящное произведеніе чисто русскаго искусства, исполненное вдобавокъ какимъ-то простымъ, безвѣстнымъ рѣзникомъ изъ завожгихъ русскихъ людей и чуть ли не крестьяниномъ-самоучкой. И гдѣ же, подумаешь, скрывается такая прелесть?!.. Въ какихъ-то Дубинахъ, гдѣ-то въ безвѣстной глуши, на рубежѣ Бѣловѣжской Пушчи...

Послѣ осмотра Дубининскаго храма, настоятель его, отецъ Базилевскій, вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ предложили мнѣ пробѣхать съ ними въ Пушу, чтобы наняться на воздухъ чаю; мѣстомъ поѣздки было избрано урочище Мѣдяна. Въ этотъ день мнѣ предстояло еще сдѣлать болѣе двѣнадцати верстъ до мѣста моего ночлега, села Бѣловѣжа, куда хотѣлось добраться еще засвѣтло. Поэтому не теряя времени, мы черезъ четверть часа отправились къ мѣсту нашего импровизованнаго чаепитія.

Солнце уже склонялось къ западу, но день все еще былъ томительно, душлинно жарокъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже въѣхали въ Пушу. Замѣчательно, что со стороны Бѣловѣжскаго уѣзда Бѣловѣжская Пуща вовсе не имѣетъ опушки: она прямо и сразу надвигается на васъ высокою стѣной своихъ вѣковыхъ, могучихъ великановъ. И что это за отрадное опущеніе! Вотъ только сію минуту васъ еще обливала палящая лучи солнца, отъ которыхъ вы не знали куда дѣваться; голова и грудь, и все тѣло еще мгновенно назадъ изнывали тоскливо въ духотѣ недвижимаго распареннаго воздуха, а тутъ лишь перѣехали вы грань, едва вступили подъ роскошный тѣнистый навѣсъ пушечскихъ деревьевъ, какъ вдругъ всего об-

¹⁾ Вымытый столъ и скамейку.

вѣяло живительною прохладою, слегка потянуло лѣсною сыростью, ароматомъ сосенъ, запахомъ грибовъ и свѣжей сочной лѣсной травы. Въ одно мгновение и такая разительная перемена, которая тебя самого словно бы перерождаетъ, освѣжаетъ, бодритъ и духъ твой, и тѣло!

Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа мы уже были въ Мѣдвѣ. Здѣсь, среди роскошнаго и густого, высокаго лѣса, на небольшой расчищенной полянкѣ одиоко стоитъ убогая деревянная церковка, во имя семи мучениковъ Маккавеевъ. Вправо отъ нея, пройдя по бревенчатой и досчатой настилкѣ, проложенной по болоту, находится родникъ прекрасной холодной воды, которая славится по окрестности своими цѣлебными свойствами. Родникъ окруженъ нѣсколькими деревянными крестами и огороженъ небольшими срубомъ, надъ которымъ на четырехъ столбахъ утверждена крыша съ крестомъ наверху. Тутъ же, по обыкновению и ветхій образъ. Мѣстные крестьяне очень чтутъ этотъ источникъ, вода котораго помогаетъ въ грудныхъ и глазныхъ болѣзняхъ. Я не могъ не обратить вниманія на то, что вокругъ этого родника, на вѣтвяхъ и сучьяхъ вѣхъ ближайшихъ кустовъ развѣшено много жество полотняныхъ триницъ, платковъ и пестрыхъ лоскутковъ. Оказалось, что это мѣстные крестьяне, страдающие глазными болѣзнями, приходятъ сюда со своими тряпичками, которые намачиваютъ въ родниковой водѣ и промываютъ ими себѣ глаза, а потомъ оставляютъ ихъ тутъ же на вѣтвяхъ, какъ бы въ жертву или въ благодарность за исцѣление. Кресты, окружающіе родникъ, поставлены также крестьянами и тоже въ память исцѣлений. Отецъ Базилевскій сказывалъ мнѣ, что въ 1848 году, во время Венгерской кампаніи, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ стоялъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, то одинъ капитанъ, фамилію котораго онъ теперь уже не упомянуть, у котораго врачи находили начало бугорчатой чахотки, обратился по совѣту крестьянъ къ пользованію водою Мѣдвинскаго родника и, къ несказанному удивленію врачей, получилъ исцѣленіе. Въ 1831 года правительство обратило было вниманіе на цѣлебныя свойства этого источника и прислало для изслѣдованія его цѣлюю специальную комиссію, которая нашла въ родникѣ присутствіе желѣза и сѣры, и уже намѣревались открыть здѣсь лѣчебное заведеніе, на устройство котораго требовалось, по ея смѣтѣ, только 500 рублей; но дѣло это почему-то затормозилось, встрѣтило какія-то препятствія и съ тѣхъ поръ кауло въ Лету.

Лѣсная церковка принадлежитъ Дубининскому приходу, но богослуженіе въ ней совершается только одинъ разъ въ годъ, 1-го августа, въ день храмоваго праздника, причемъ

изъ нея совершается крестный ходъ къ цѣлебному источнику. Какъ внѣшность, такъ и внутренняя обстановка этой церковки очень и очень бѣдна, но зато въ ней самой, въ этомъ одинокомъ расположеніи ея среди пустыннаго лѣса, въ этомъ родникѣ съ его лоскутками, и во всей окружающей ее природѣ есть какая-то тихая и грустная поэтическая прелесть — прелесть святой пустыни. Построена она въ 1848 году, послѣ многихъ подпольныхъ каверзъ со стороны ксендзовъ и препятствій отъ мѣстной администраціи, которымъ было не по нутру сооруженіе именно здѣсь православной церкви. Ксендзамъ хотѣлось тогда захватить это мѣсто въ свои руки и соорудить на немъ какой-нибудь филиальный костелъ, именно въ томъ расчетѣ, что цѣлебная сила родника привлекаетъ къ нему много простого, вѣрующаго народа, на который очень удобно было бы при этомъ вліять своею пропагандой, а администрація, состоявшая въ тѣ времена изъ чиновниковъ почти исключительно польскаго происхожденія, конечно, склонна была оказывать всяческое содѣйствіе ксендзамъ и всяческія препятствія православнымъ. Но, не смотря на все это, отцу Базилевскому удалось наконецъ преодолѣть всѣ каверзы и затрудненія, и церковка была сооружена добродѣтельными усердіемъ Дубининскихъ прихожанъ, причемъ и вся-то постройка ея, при готовомъ лѣсномъ матеріалѣ, обошлась только во 150 рублей. Съ тѣхъ поръ стало больше однимъ поэтическимъ уголкомъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ.

Расчетъ мой добратся засвѣтло до [ночлега не оправдался. Раньше чѣмъ выбратся на большую Пущенскую дорогу, которая ведетъ отъ Гайновки до Бѣловѣжа, подводники наши должны были колесить разными лѣсными заглохшими тропами, среди прелестной, совершенно дикой и глухой растительности. Въ Бѣловѣжѣ прѣхали мы, когда солнце совсѣмъ уже село, и одна только слабая полоска свѣта тускло алѣла на западѣ. Когда мы выбрались изъ лѣсу, предъ нами открылась широкая равнина, до тринадцати верстъ въ окружности, со всѣхъ сторонъ замкнутая темною стѣной Пушчи. На этой равнинѣ, которую пересѣкаетъ почти пополамъ рѣка Наревка, расположены поблизи береговъ селенія: Застава, Бѣловѣжъ, Сточекъ и Подоланы. Темныя силуэты колоколни и высокихъ куполовъ деревянной церкви, стоящей на холмѣ, вырисовывались на вечернемъ небѣ; лѣвѣ церкви видѣлся изъ-за зелени парка Императорскій охотничій павильонъ, построенный въ стилѣ русской избы; огоньки мигали кое-гдѣ по хатамъ разбросанныхъ селеній; издали доносились вечерніе звуки: что-то въ родѣ Тургеневскаго «Антропикъ», пискливый наигрышъ самодѣльной свирѣлки, блеяніе заблудившейся овцы..

Я присталъ на ночлегъ въ волостное прав-

леніе и узнать, что г. Жоховскій, мѣсничій-управляющій Пушей, дома и можетъ принять меня, отправился къ нему представиться и передать письмо, которымъ былъ снабженъ изъ Гродны. Любезное содѣйствіе г. Жоховскаго дало мнѣ полную возможность основательно познакомиться съ Пушей.

II.

Бѣловѣжская Пуца лежитъ между 52°29' и 52°51' сѣверной широты и между 40°10' и 42° восточной долготы, считая отъ меридіана острова Ферро.

До VII столѣтія земля, вошедшія въ составъ выѣшней Гродненской губерніи, представляли одно сплошное пространство первобытныхъ дремучихъ лѣсовъ, которые болѣею частью росли на непроходимыхъ топяхъ и болотахъ, служа надежными притоками множеству медвѣдей, кабановъ, барсовъ, лосей, сернъ и зубровъ. Человѣкъ только случайно проникалъ въ эти трупщобы, да и то лишь въ мѣста ближайшія къ окраинамъ и опушкамъ, не отваживаясь вдаваться на дальніе разстоянія, въ глубину страшныхъ, невѣдомыхъ дебрей. Пятисотъ лѣтъ спустя, уже въ XIII вѣкѣ, характеръ страны, оставался лѣснымъ, успѣвъ однако на много измѣниться. Масса лѣсовъ, границами которой служили рѣки: Нѣманъ, Россъ, Наревъ, Супрасль, Бобръ и Соколыда, оставалась все еще сплошною, но уже получила названіе Гродненской Пуши. Наревъ отдѣлялъ ее отъ обширной Бѣлской Пуши, которая входила въ непрерывную связь съ пушею Рудскою, тянушеюся отъ Бреста до Кобрина. Центръ всѣхъ этихъ лѣсовъ занять былъ заповѣдною пушей Бѣловѣжскою, къ которой на востокъ примыкали лѣсотыя Слонимскія топи, служившія для нея связью съ болотистыми лѣсами нынѣшнихъ Минской и Волынской губерній. Но между этими пространствами уже залегали значительныя площади открытой, заселенной и обработанной земли, да и самая глушь недоступныхъ трупщобъ перестала страшить человѣка, который все болѣе и болѣе проникалъ въ глубину таинственныхъ дебрей.

Нынѣ Бѣловѣжская Пуца принадлежитъ Пружанскому уѣзду и занимаетъ положеніе почти въ самомъ центрѣ Гродненской губерніи, на возвышенной площади, служащей водораздѣломъ Нѣмана, Буга и Припяти, къ бассейнамъ которыхъ принадлежатъ всѣ остальные рѣки губерніи. Въ настоящее время пространство лѣса, который составляетъ Бѣловѣжскую Пуцу (въ административномъ смыслѣ), занимаетъ 112,080 десятинъ. Это равняется 1,076 квадратнымъ верстамъ, или 22 квадратнымъ географическимъ милямъ. Но народъ не свывается съ офіціальными межами и продолжаетъ называть Бѣловѣжскою Пушей все

пространство примыкающихъ къ ней лѣсовъ казенныхъ и частныхъ, которые составляютъ пуши: Свислочьскую, Яловскую, Тядскую и Шерешевскую, занимая въ совокупности пространство въ 200.000 десятинъ, то-есть почти вдвое противъ того, что составляетъ Бѣловѣжскую Пуцу, въ смыслѣ административномъ. Это уменьшеніе пушеческой площади произошло постепенно, вслѣдствіе пожалованій королями Польскими и государями Россійскими значительныхъ частей ея разнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе. Поверхность Пуши, какъ мы сказали уже, возвышенная въ серединѣ, тамъ гдѣ лежитъ село Бѣловѣжъ, легко склоняется во всѣ стороны, что и даетъ разнообразное направленіе теченію рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало въ обширныхъ пушеческихъ болотахъ. Эти болота исключительно травянистыя, луговыя, изобилуютъ торфомъ и желѣзною рудой, и по своей величинѣ и теплотѣ нерѣдко являются весной и осенью недолимою преградой для сообщенія пушеческихъ жителей между собою, а въ жаркую лѣтнюю пору, когда стоячая вода подвергается гніенію, болота эти, выдѣляя изъ себя вредныя испаренія, вліяютъ на зарожденіе страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ *колтуна*, который, можно сказать, составляетъ специальную болѣзнь Польскія. По направленію рѣкъ своихъ, Бѣловѣжская Пуца принадлежитъ къ водной системѣ Буго-Нарева; главнѣйшая изъ этихъ рѣкъ—Лѣсна (по-польски *Lsna*), которая образуется изъ двухъ рѣчекъ того же имени. Восточная Лѣсна беретъ начало въ Шерешевскихъ болотахъ, а западная, или правая Лѣсна, въ Бѣловѣжской Пуцѣ, гдѣ течетъ въ юго-восточномъ направленіи, среди болотистыхъ лѣсныхъ долинъ; сливаясь съ восточною Лѣсною, уже по выходѣ изъ Пуши, рѣка эта поворачиваетъ на юго-западъ и сливается съ Бугомъ. Ширина ея въ верховьяхъ отъ полутора до трехъ сажень, а глубина отъ полутора до девяти футовъ, при довольно быстромъ теченіи. Весной вся долина Лѣсны, отъ трехъ до шести недѣль, остается подъ пологою водой, и тогда сообщеніе между берегами возможно только на лодкахъ, да и вообще, эти берега, болотистые и заросшіе въ верхней части рѣки, остаются мало доступными до наступленія жаркаго и сухого времени, когда верховая Лѣсна становится мелководною. Тогда на всемъ ея протяженіи временно открывается множество бродовъ, которые, впрочемъ, не совсемъ то удобны, по причинѣ болотистаго, плываатаго русла. Съ лѣвой стороны въ нее падаетъ рѣчка Переволока, силою текущая по лѣсу, а съ правой—рѣка Бѣла. Этотъ послѣдній притокъ, огибая вмѣстѣ съ Лѣсною южную и юго-западную границы Пуши, имѣетъ для нея большое значеніе въ смыслѣ сплавною пути. Около 1860 года ложе Лѣсны было расчищено

отъ карчей и пловучихъ деревьевъ, а на большихъ извилинахъ сдѣланы прокопы.

Рѣки Нарва и Наревка, вытекающія изъ центральныхъ болотъ Гродненской губерніи (въ Пружанскомъ уѣздѣ), даютъ начало сплавной и судоходной рѣкѣ Нареву. Образуются въ Никорскихъ болотахъ Бѣловѣжской Пуши (тамъ гдѣ была некогда Околышницкая стража), Наревка течетъ вдоль по лѣсу, въ сѣверо-западномъ направленіи. Усиленная многими притоками, изъ которыхъ важнѣйшіе Гвоздна съ правой и Лотовня ¹⁾ съ лѣвой стороны, она нѣсколько выше заштатнаго города Наревы сплавается съ Нарвой. Направленіе Наревки является особенно выгоднымъ для Бѣловѣжской Пуши, такъ какъ эта рѣка раздѣляетъ ее на двѣ почти равныя части, что имѣетъ немалое значеніе въ отношеніи лѣсныхъ сплавовъ, которые, направляясь отъ центральнаго пушнскаго пункта, села Бѣловѣжи, спускаются по Нареву въ Вислу и далѣе за границу. Плоты ходятъ по Наревкѣ на протяженіи 35 верстъ. До 1860 года сплавы эти сопряжены были съ затрудненіями, вслѣдствіе карчей, но со времени Бугенгагена, которому въ 1856 году уступлено было съ торговъ право на рубку пушнскаго лѣса, затрудненія эти устранены, благодаря тому, что Бугенгагенская компанія израсходовала до 30.000 рублей на расчистку Наревки и другихъ рѣкъ Бѣловѣжской Пуши.

Что же касается озеръ, то таковыхъ здѣсь вовсе не имѣется, да и вообще центральная (Пружанская) группа болотъ характеристична тѣмъ, что въ ней отсутствуютъ озера сколько-нибудь значительныя. Всѣ они находятся въ Гродненской Пушѣ и въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Слонимскаго и Кобринскаго.

Рѣки Бѣловѣжской Пуши (и въ особенности Наревку съ Гвоздной) можно бы было сдѣлать еще удобнѣе для сплава, еслибы взялись за осушеніе центральныхъ болотъ, прилегающихъ къ Пушѣ съ востока. Къ сожалѣнію, здѣсь никогда не производилась осушка въ значительныхъ размѣрахъ, а по замѣчанію П. Бобровскаго ²⁾, она вообще была бы возможна, посредствомъ прорытія глубокихъ рововъ или каналовъ (что относительно Гродненской Пуши дѣлали Тизенгаузъ и Валяцкій), которые направляли и облегчали бы стокъ воды въ рѣки. Стояло бы, напримѣръ, прорыть канаву между притоками Нарвы и Свислочи на протяженіи одной лишь версты, чтобы съ полнымъ успѣхомъ осушить около ста квадратныхъ верстъ болота дзиковъ (дзиковъ кабановъ) и другихъ прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пушѣ. Одна только эта осушка дала бы

странѣ до ста квадратныхъ верстъ чернозема, которымъ на сухихъ мѣстахъ такъ бѣдна Гродненская губернія. Кромѣ того замѣчено, что сила и распространеніе колтуна, этой страшной язвы Полѣся, ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ болотистой почвы. Теперь же, въ прямой зависимости отъ болотъ, кромѣ колтуна, являются еще продолжительныя лихорадки, господствующія здѣсь весной. Жесткая и непитательная трава, свойственная вообще болотистой почвѣ, служитъ причиною множества болѣзней сельскаго скота и усиливаетъ падежи. По замѣчанію П. Бобровскаго, самыя эпидемическія болѣзни—холера, тифъ, скарлатина — распространены своимъ и силой обязаны сырости и мiazмамъ, порождаемымъ столь обширными и многочисленными болотами.

Почва Бѣловѣжской Пуши, равно какъ и вообще всей Гродненской губерніи, носитъ на себѣ признаки наноснаго происхожденія. То безчисленное множество крупныхъ валуновъ и мелкихъ глыбъ, которыми усыпаны всѣ поля Сокольскаго и восточной части Бѣлостокскаго уѣздовъ, указываетъ несомнѣнно, что въ доисторическія времена здѣсь было море; да и многія бездонныя болота Гродненской Пуши, Пружанскаго уѣзда и далѣе «болотное море» Пинскаго полѣся служатъ тому также немалымъ подтвержденіемъ. Общій характеръ почвы представляетъ здѣсь смѣшеніе разнородныхъ, крупныхъ и мелкихъ, песковъ съ гранитомъ, кремневыми и иными валунами, глинной, мергелемъ и болотнымъ черноземомъ. Что касается собственно Бѣловѣжской Пуши, то здѣсь почва, оставаясь вѣрно своему общему характеру, представляетъ всѣ переходы въ супесчаную и суглинистую, и вслѣдъ за тѣмъ въ значительной степени древеснымъ навозомъ, который, въ теченіе многихъ и многихъ столѣтій подвергаясь гніенію, образовалъ уже самъ изъ себя тучный слой весьма плодороднаго свойства. Онъ-то и поддерживаетъ могучую растительность Бѣловѣжской Пуши. По берегамъ лѣсныхъ рѣкъ, а въ особенности по Бугу и Нареву, въ глубинѣ почвы нерѣдко попадаются ископаемые остатки допотопнаго животнаго міра. Тамъ находятъ иногда кости мамонтовъ, носороговъ, тапировъ. Болотистая почва здѣшнихъ мѣстъ очень богата хорошимъ торфомъ и желѣзною рудой, но мѣстные жители въ настоящее время вовсе не занимаются разработкой этихъ матеріаловъ. Въ XVI столѣтіи однако желѣзодобывательный промыселъ стоялъ здѣсь на значительной степени развитія. Изъ люстраціи 1563 года видно, что въ Бѣловѣжской Пушѣ дѣйствовали тогда четыре желѣзодобывательныя завода. Вообще, добываніемъ желѣза промышленники здѣсь съ древнѣйшихъ временъ, подтвержденіемъ чему служитъ названіе множества деревень *Рудными*, при которыхъ нерѣдко находятъ

¹⁾ Въ Лотовню впадаетъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчекъ Бѣловѣжской Пуши—Крипица.

²⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 162.

остатки разныхъ заводскихъ принадлежностей. Присутствиемъ желѣзной руды особенно богаты рѣка Наревъ и центральныя болота, гдѣ находятъ также лазурь, известную въ промышленномъ мѣрѣ подъ именемъ прусской; но добываніемъ ея, къ сожалѣнію, тоже не занимаются. Въ этомъ отношеніи здѣсь гораздо болѣе посчастливилось мѣлу, который составляетъ вмѣстѣ съ мергельною известью подпочву суглинка, занимая почти исключительно мѣста бугристыя. Село Вѣловѣжъ въ особенности располагаетъ подобною подпочвою. Въ недалекомъ сосѣдствѣ съ Пущей есть деревня Койлы (Чижевскаго прихода), поля которой изобилуютъ особымъ видомъ совершенно бѣлой глины. Вѣловѣжъ своимъ мѣломъ, а Койлы своею глиною снабжаютъ всю окрестную мѣстность. Тотъ и другой матеріалъ употребляютъ для бѣлѣнія внутренней хатъ, и, вслѣдствіе его изобилія и дешевизны, у многихъ хозяевъ чистота доведена даже до голландскаго педантизма, такъ что хозяйка, оваривъ кушанье, тотчасъ же принимается бѣлить закопѣлое мѣсто печи. Лѣтъ восемнадцать назадъ, въ урочищѣ Кончикъ, находящемся въ сѣверной части Вѣловѣжской Пущи, найдены были пластовыя залежи сѣраго песчаника, который отличается здѣсь хорошою плотностью и самой мелкою ровною сыпью. Изъ этого песчаника выходятъ отличные мельничныя жернова и точильныя брусья, но разработка его все-таки не достигаетъ должнаго развитія.

Климатъ Вѣловѣжской Пущи замѣтно суровѣе открытыхъ мѣстъ, непосредственно къ ней прилегающихъ. Болота и самая густота лѣса, препятствующая проникновенію солнечныхъ лучей, постоянно поддерживаютъ значительную влажность почвы. Вслѣдствіе этихъ причинъ весна въ Пущѣ равно какъ и прилетъ птицъ, наступаютъ позднѣе чѣмъ въ сосѣднихъ окрестностяхъ, да и лѣто, нерѣдко сопровождаемое сильными туманами, бываетъ холоднѣе обыкновеннаго. Впрочемъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ выдаются дни, отличающіеся, при сырыхъ и прохладныхъ ночахъ, нестерпимою жарой. Это обстоятельство какъ нельзя лучше способствуетъ развитію и гигантскому росту самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ, но вредно отзывается на хозяйственныхъ растеніяхъ и на хлѣбопашествѣ: ростъ и созрѣваніе хлѣбовъ, плодовъ и овощей, сравнительно съ открытыми сосѣдними мѣстностями, ежегодно замедляется здѣсь на двѣ недѣли, и нерѣдко время жатвы совпадаетъ съ наступленіемъ продолжительной дождливой погоды, что весьма вредитъ уборкѣ. Весенніе утренники кончаются здѣсь поздно, а осенніе начинаются слишкомъ рано, и всегда сопровождаются значительною изморосью, которая находится въ прямой зависимости отъ большаго

количества водяныхъ паровъ, осаждающихся на растительность; скопленіе же паровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ отсутствія вѣтровъ, свободному движенію которыхъ препятствуетъ обиліе, высота и густота лѣса. Все это отзывается гибельно на огородной, садовой и полевой растительности. Число туманныхъ и пасмурныхъ дней въ Пущѣ бываетъ сравнительно почти вдвое больше, чѣмъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, и самые сильные туманы приходится на долю октября мѣсяца; зато сентябрь является здѣсь чуть ли не лучшимъ временемъ года: дни тогда бываютъ ясные, теплые и сухіе, да и ночи становятся значительно теплѣе. Лѣтняя сырость воздуха способствуетъ расплоду множества насекомыхъ въ Пущѣ. Быстрые переходы отъ холоднаго и туманнаго утра къ знойному полудню, во время наливанія хлѣбнаго зерна, вліяютъ на образованіе такъ-называемыхъ хлѣбныхъ *рожковъ*, лживость которыхъ при употребленіи такого хлѣба въ пищу отзывается вредными и даже весьма опасными послѣдствіями для здоровья. Клейкимъ и сахаристымъ веществомъ этихъ рожковъ охотно питаются мухи и тогда отъ ихъ летающихъ массъ нѣтъ никакого покоя въ пущенскихъ деревняхъ ни людямъ, ни животнымъ. На каждое десятилѣтіе въ Вѣловѣжской Пущѣ приходится два мокрыхъ лѣта сплошь и три мокрыхъ іюня, а мокрый іюнь собственно и способствуетъ образованію рожковъ; дождливыхъ же весенъ приходится по три на каждыя двѣнадцать лѣтъ, и въ этомъ обстоятельствѣ мѣстные хозяева видятъ прямую причину своихъ частыхъ неурожаевъ.

Въ самой Пущѣ грозы бываютъ рѣдко, зато весьма часто разражаются онѣ, какъ мы сказали уже, на сосѣднихъ открытыхъ равнинахъ Бѣльскаго уѣзда. Бури посѣщаютъ Пущу обыкновенно осенью и нерѣдка весной, когда начинаютъ дуть продолжительные и сильные сѣверо-западные вѣтры. Въ весеннее время эти вѣтры, при сухой погодѣ, въ лѣсныхъ пространствахъ, ближайшихъ къ окраинамъ Пущи, сносятъ съ деревьевъ чѣмъ и плодосную пыль съ растеній, а осенью, когда постоянно сѣверо-западнаго направленія и сила вѣтра становятся еще упорнѣе, сопровождаясь проливными дождями, здѣсь нерѣдко разражаются сильнѣйшія бури. Страшно тогда становится обитателямъ лѣса—и людямъ, и птицамъ, и звѣрямъ. Невостовый ревъ и гулъ, и свистъ, и стоишь стоять по всей Пущѣ, и поминутно слышишь то тамъ, то здѣсь раздражительный трескъ ломающихся вѣловыхъ деревьевъ. Сила вѣтра не только сноситъ вѣтви и верхушки, но и опрокидываетъ самое дерево, выворачиваетъ его съ огромными и глубокими корнями. Такимъ образомъ причиняется много вреда и порчи отличнѣйшимъ деревьямъ. Эти явленія называются здѣсь буреломомъ.

ми, и замѣчено, что они возвращаются периодически, черезъ каждыя десять или двѣнадцать лѣтъ¹⁾, а по свѣдѣніямъ П. Бобровскаго, въ теченіе шестидесяти пяти лѣтъ надъ Гродненскою губерніей пронеслось тридцать бурь, причинившихъ ей лѣсамъ болѣе или менѣе значительныя опустошенія²⁾.

Въ прямой зависимости отъ климата и его особенностей находится развитіе нѣкоторыхъ болѣзней. Такъ, съ наступленіемъ весны при таяніи снѣговъ въ деревняхъ и поселкахъ, лежащихъ при болотахъ и по берегамъ рѣчекъ болотистаго свойства, а въ особенности въ селеніяхъ около Лѣсны и Бѣлы, начинаютъ появляться перемежающіяся лихорадки, которыя въ случаѣ продолжительнаго вѣнания не прекращаются и все лѣто, а къ осени, съ наступленіемъ обычныхъ дождей, усиливаются еще болѣе. Крестьяне противъ этой болѣзни употребляютъ горькіе настои изъ березовыхъ почекъ и листьевъ, изъ бобовника, пелуна и золототысячника, а также пьютъ съ водою нюхательный табакъ. Но въ особенности губительное вліяніе оказываетъ начало весны на дѣтей, которыя въ это время вмѣстѣ съ лихорадкой страдаютъ еще и катаральными кашлями. Лѣтомъ же, въ знойную пору, у дѣтей открываются поносы, нерѣдко и кровавые, отъ которыхъ лѣчатся настоемъ мухомора, а домашній скотъ начинаютъ падать отъ сибирской язвы и все это преимущественно въ мѣстностяхъ, подверженныхъ вліянію болотныхъ испареній. Страданія взрослыхъ людей, кромѣ перемежающихся лихорадокъ, заключаются еще въ воспаленіяхъ легкихъ, которыя начинаютъ дѣйствовать съ наступленіемъ холодной, дождливой осени и развиваются преимущественно въ зимнее время. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, уже независимо отъ болотъ, дѣйствуютъ чисто мѣстные особенности зимней крестьянской работы. Надо сказать, что съ наступленіемъ зимы мѣстные крестьяне болѣею частью запрягаются на рубку, уборку и перегаскиваніе лѣса въ пункты, назначаемые подрядчиками. Эта работа требуетъ усиленнаго мускульнаго труда, соединеннаго конечно съ усиленными физическими движеніями, вслѣдствіе чего, потѣя во время работы, крестьяне имѣютъ обыкновеніе скидать съ себя овчинныя кофужа (тулупы) и остаются въ однихъ сорочкахъ, часто на вѣтру и при значительныхъ морозахъ, имѣя обыкновеніе прохладиться такимъ образомъ нѣкоторое время и послѣ работы. Послѣдствіемъ такого обыкновенія въ значительномъ большинствѣ случаевъ является воспаленіе легкихъ. Повальное воспаление легкихъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣ-

стныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, почти ежегодно появляется и у домашнего скота, развиваясь исключительно во время холодныхъ и дождливыхъ весенъ и осеней. Гнилой, заплѣснѣвшій корень, ранній весенній выгонъ на подножный кормъ и стоячая гнилая вода преимущественно вліяютъ на развитіе у скота этой истребительной болѣзни. Но замѣчательно, что при столь замѣтной восприимчивости людей къ воспаленію легкихъ, тифозныя горячки въ Бѣловѣжской Пущѣ являются очень рѣдко: въ годъ одинъ или два случая не болѣе; холера же, несмотря на дѣтскіе лѣтніе поносы, и вовсе не появляется; по крайней мѣрѣ, насколько извѣстно мѣстному лѣкарю, съ 1860 года, то есть со времени его пребыванія въ Бѣловѣжѣ, Пуща была совершенно избавлена отъ ея посѣщенія. Кромѣ названныхъ болѣзней, обыкновенными страданіями у дѣтей являются золотуха, а у взрослыхъ ревматизмы (вліяніе сырыхъ и холодныхъ тумановъ), и особенно въ головѣ, вслѣдствіе нерѣдкаго обыкновенія спать на голой землѣ во время лѣтнихъ ночей. Ревматизмъ въ головѣ, по причинѣ ломоты, часто принимается здѣсь за колтунъ, который, какъ мы сказали уже, составляетъ специальную болѣзнь Полѣсья. Дѣйствительно, въ началѣ болѣзни, припадки колтуна имѣютъ много сходства съ ревматизмомъ, обнаруживаясь ломотой въ головѣ, послѣ чего волосы начинаютъ свиваться, путаться и мало-по-малу получаютъ видъ пакли. Съ появленіемъ наружной путаницы волосъ является и расстройство пищеваренія, а затѣмъ мѣстные хроническія страданія разныхъ органовъ, какъ-то: рожа, зеленотыя, глубокія и обширныя язвы на нижнихъ конечностяхъ, издающія зловоніе; затѣмъ опухлость и отвердѣніе сочлененій, онеменение членовъ, а при запущеніи болѣзни обнаруживаются костотѣды и язвы. Цвѣтъ лица и кожи у колтунастыхъ всегда желтовато-блѣдный, вылый. Мѣстные крестьяне полагаютъ, что для облегченія страданій слѣдуетъ отращивать волосы, которые, сбиваясь въ пучки, образуютъ внослѣдствіи одну кровавую массу, иногда висающую по поясъ. Срѣзаніе колтунастыхъ волосъ почитается здѣсь не только вреднымъ, но даже и смертельнымъ, на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ волосъ будто бы пойдетъ расти внутрь подъ кожу, къ черепу. По мѣстному убѣжденію, волосы непременно сами опадаютъ, когда колтунъ достаточно созрѣетъ. Но новѣйшая медицина не видитъ ни малѣйшаго вреда въ срѣзаніи этихъ войлоковидныхъ пучковъ и смѣло приступаетъ къ должной операціи. Хотя распространенію колтуна весьма много способствуетъ употребленіе для питья болотной воды, содержащей въ растворѣ сѣрнистую известь, но наблюденія медиковъ сводятся къ заключенію, что болѣзнь не переходитъ на жителей, переселяющихся

¹⁾ То-есть сильныя, громадныя или настоящіе буреломы, менѣе же значительныя бываютъ почти ежегодно.

²⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 309.

въ эту страну изъ другихъ здоровыхъ мѣстностей; однако же колтунастая кормилица непременно прививаетъ колтунъ ребенку, будь это дитя новопріѣзжихъ и самыхъ здоровыхъ родителей. Такимъ образомъ колтунъ есть болѣзнь исключительно *коренного полѣскаго* населенія, и притомъ наследственная, переходящая отъ родителей къ дѣтямъ. Кромѣ питья болотной воды, на развитіе ея вліяютъ еще и сырыя, неопрятныя хаты, гдѣ мало свѣта и воздуха, почему и распространеніе колтуна замѣчается преимущественно между крестьянами. Впрочемъ послѣдней причины въ Пущѣ не существуетъ: крестьяне здѣсь живутъ чисто и довольно просторно, зато и колтунъ сравнительно проявляется здѣсь рѣже чѣмъ въ другихъ, менѣе опрятныхъ по быту мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Принятьскомъ и Пинскомъ полѣсахъ или въ болотахъ Пружанскаго уѣзда, непосредственно примыкающихъ къ Пущѣ. Крестьяне отъ колтуна лѣчатся своими домашними средствами; они употребляютъ отваръ (декоктъ) изъ травы, извѣстной у нихъ подъ именемъ барвинка (*vinca perivinca*), которую разводятъ у себя въ огородахъ; она служитъ и наружнымъ средствомъ противъ колтуна: тѣмъ же отваромъ смачиваютъ голову. Кромѣ барвинка, употребляютъ еще и корень лопуха, но все это едва ли достигаетъ какой-нибудь цѣли. Опытные медики полагаютъ, что лѣкарства, какія бы то ни были, противъ этой болѣзни положительно безсильны, что одно только осушеніе болотъ этой «полѣской тундры», просторность и чистота жилищъ, введеніе вовсе неизвѣстныхъ здѣсь великорусскихъ банъ и вообще улучшеніе быта, въ смыслѣ устраненія нравственныхъ причинъ болѣзни, могутъ оказать вліяніе не только на уменьшеніе, но даже и на окончательное уничтоженіе «полѣской язвы».

Въ селѣ Бѣловѣжъ есть своя лѣчебница, къ помощи которой обращаются крестьяне ближайшихъ пуцѣнскихъ мѣстностей, то есть почти вся Бѣловѣжско-Александровская волость, и число прхходящихъ сюда за пользованіемъ протирается, по словамъ лѣкаря, до 400 человекъ ежегодно.

III.

Человѣку, никогда не бывавшему въ Пущѣ, трудно представить себѣ своеобразную прелесть этого во многихъ углахъ своихъ еще первобытнаго лѣса. Въ немъ нѣтъ сурово-мрачнаго колорита однообразныхъ и дремучихъ боровъ отдаленнаго сѣвера, хотя и оны исполнены тоже величія и дикости. Его скорѣе всего можно бы назвать *веселымъ* лѣсомъ. Лучшаго и болѣе вѣрнаго эпитета я не могу подыскать. Да, это именно веселый лѣсъ, который на душу путника производитъ свѣтлое,

отрадно-мирное впечатлѣніе. Такому впечатлѣнію болѣе всего помогаетъ характеръ чрезвычайно разнообразной растительности Пуши и затѣмъ тѣ прелестныя лѣсные виды и картинны, которые неожиданно являются вамъ на пути то справа, то слѣва, благодаря пуцѣнскимъ ложнякамъ, полянкамъ и мокрымъ лугамъ, по которымъ извилисто струятся ручьи и рѣчки. Но прелестіе всего это нѣкоторые дороги въ Пущѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя служатъ путями постоянного движенія проѣзжающихъ и постоянными сообщеніями для мѣстныхъ жителей съ селомъ Бѣловѣжью и иными значительными пунктами, содержатся въ отличномъ состояніи: всѣ онѣ грунтовыя, достаточно просторныя, съ боковъ окопаны канавами, а по низменнымъ мѣстамъ, гдѣ нужно, идутъ гаями. Но есть и такія тропинки, которыя рѣдко кому даже извѣстны и по которымъ, кромѣ опытныхъ мѣстныхъ лѣсниковъ, никто и не ходитъ, да и эти-то рѣдко когда заглядываютъ, развѣ по особенной надобности; и вотъ такія-то тропинки часто бываютъ еще прелестіе, чѣмъ проѣзжія дороги: на нихъ-то и попадаются самыя глухія, самыя поэтическія и красивыя мѣста. Часто, напримѣръ, вы ѣдете по грунтовой проѣзжей дорогѣ, а надъ вами сплетается такой густой навѣсъ изъ вѣтвей, скрестившихся и перепутавшихся между собою, и по обѣимъ сторонамъ стѣной идетъ такая густая заросль, что вамъ невольно начинаетъ казаться, будто вы ѣдете по прелестному парку, будто это нарочно, искусственно сдѣланы, въ видѣ длиннаго сводчатаго корридора, вся эта аллея и этотъ навѣсъ надъ вашей головой, мѣстами вовсе не проицаемый солнечными лучами. Но ничуть не бывало: не искусство, а сама природа устроила здѣсь эти зеленые корридоры, которые нерѣдко тянутся на значительномъ пространствѣ. Именно въ этихъ-то аллеяхъ и встрѣчаются самыя разнообразныя лѣсныя породы: дубъ, липа, ясень, кленъ, вязъ, пихта и проч. Но всѣхъ поэтичнѣе является здѣсь зелень граба: изумрудно-прозрачная, прихотливо-рѣзкая, кудрявая, веселая—именно веселая зелень! Она-то и придаетъ болѣе всѣхъ особую прелесть этимъ аллеямъ. Только-что кончился гдѣ-нибудь такой зеленый корридоръ грабовъ, дорога выбѣгаетъ на открытую полянку и вдругъ предъ вами встаетъ темная стѣна хвойнаго лѣса, густо, непроницаемо опушенная молодыми елями; даже опять разнообразный, смѣшанный лѣсъ, растущій на болотистомъ черноземѣ, «багатъ», по мѣстному наименованію; потомъ пошелъ «грудъ», т. е. лѣсъ, стоящій на сухой, болѣе возвышенной почвѣ, и все это въ самыхъ пріятныхъ для взора смѣскахъ и сочетаніяхъ. Вотъ гдѣ богатое раздолье для художниковъ! Вотъ гдѣ совсѣмъ свѣжій, совсѣмъ еще непочатый для нихъ уголокъ! Невольно вспоминая при

этомъ лѣсные виды талантливаго Шишкина, мнѣ думалось, что вотъ куда бы слѣдовало ѣхать ему со своими альбомами и палитрой, пожить бы въ Пушѣ нѣсколько недѣль, познакомиться съ ея самыми глухими и прелестными углами—и сколько новыхъ замѣчательныхъ произведеній, навѣянныхъ Бѣловѣжскою Пущей, далъ бы русскому искусству этотъ «поэтъ лѣса» по преимуществу! Мнѣ нерѣдко случалось забредать въ такія мѣста, гдѣ—можно смѣло сказать въ буквальномъ смыслѣ—никогда еще не ступала нога человѣческая. А такихъ мѣстъ въ Бѣловѣжской Пушѣ еще сохранилось не мало. Въ нихъ-то и кроется самая прелестная глушь и дикость. Деревья, поваленныя буреломомъ, лежатъ себѣ долгіе годы; иное изъ нихъ, болѣе сажени въ обхватъ, выворочено все съ корнями, которые своими красиво причудливыми очертаніями такъ и просятся въ альбомъ художника; иное дерево надломало бурей гдѣ-нибудь по срединѣ ствола и оно опрокинулось на другое, соседнее, застрянувъ на его могучемъ сукѣ, и такимъ образомъ образовало какъ бы ворота. Оно давно уже высохло, покрылось мхомъ и листовнымъ наземомъ, который успѣлъ перегнить и даже образовать собою на немъ плодородную почву,—и вотъ вы видите, что на верхней поперечникѣ этихъ импровизованныхъ воротъ растетъ себѣ стройное молодое деревцо, совсѣмъ иной какой-нибудь породы: на дубѣ сосенка, на вязѣ—кленъ или березка. Нигдѣ, кромѣ этихъ глухихъ тущей Бѣловѣжской Пуши, не доводилось мнѣ встрѣчать на поваленныхъ деревьяхъ такихъ замѣчательныхъ губчатыхъ наростовъ: они, относительно говоря, весьма велики и массивны, и преимущественно сохраняютъ двоякую внѣшнюю форму, являясь въ видѣ продолговатыхъ эллипсоидальныхъ блюдъ, либо же въ видѣ большихъ круглыхъ тарелокъ.

Въ первое время моего пребыванія въ Пушѣ, попавъ въ какую-нибудь изъ подобныхъ первобытныхъ дебрей, я нерѣдко былъ вводимъ въ заблужденіе продолговатыми бугорками, принимаемая ихъ за могилы какого-нибудь давно заброшеннаго кладбища. Бугорки эти, совершенно какъ могилы, стлались по землѣ иногда даже довольно правильными рядами. И это, дѣйствительно, были кладбища, только не людей, а деревьевъ. Принимая бугоръ за могилу, я смѣло ставилъ на него ногу, въ полной увѣренности, что встрѣчу почву, столь же твердую, какъ и та, на которой стою, я, какъ вдругъ нога моя неожиданно и сразу глубоко проваливалась въ бугоръ, изъ котораго подымалась пыль и во все стороны разползались въ крайней тревогѣ міриады разныхъ жуковъ, муравьевъ и козявокъ. Эти бугры—не что иное какъ деревья, съ незапамятныхъ временъ поваленныя буреломомъ и съ тѣхъ поръ,

неизвѣдомо для людей, лежащія здѣсь въ полномъ забвеніи и покоѣ. Подъ избыточнымъ слоемъ мха и древеснаго наеза, давшаго имъ форму бугра или могилы, деревья эти давнымъ-давно уже успѣли перегнить, истлѣть и—конецъ и служатъ теперь жилищемъ для лѣсныхъ насѣкомыхъ. Иногда я осторожно разрывалъ этотъ мохъ и наемъ, и тогда истлѣвшее дерево казалось на видъ сохранившимъ всю свою наружную оболочку; но достаточно было толкнуть его ногой или ударить палкой, чтобы и кора, и сердцевина въ мигъ разсыпались прахомъ и рыхлою трухой.

Климатъ и почва Гродненской губерніи преимущественно благоприятствуютъ развитію сосны. Въ Бѣловѣжской Пушѣ насажденія ея занимаютъ около двухъ третей всей лѣсной площади, что равняется 58.000 десятинъ. Здѣсь произрастаетъ сосна двухъ породъ: «мяндовая» и «грудовая». Первая не отличается особыми качествами; послѣдняя же, произрастая на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ, надѣленныхъ тучною почвой, достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, до полутора фута въ вышину и до шести футовъ въ поперечникѣ комля. Она крѣпка, плотна и вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ лучшаго корабельнаго матоваго лѣса. Старая сосна Бѣловѣжской Пуши, въ двухсотъ и даже въ двухсотъ сорокалѣтнемъ возрастѣ, зачастую встрѣчается безъ малѣйшихъ признаковъ порчи.

За сосной слѣдуетъ ель, занимающая около одной пятой части всего пространства, и образуетъ мѣстами чистыя насажденія значительной величины, но не рѣдко встрѣчается также и въ смѣси съ различными листовными породами. Ель преимущественно любитъ здѣсь мѣста низменныя и, достигая свыше полутора-раствѣтнаго возраста, размѣрами своими превосходитъ иногда лучшія изъ сосенъ гораздо старѣйшаго возраста. Примѣсь ели на низменныхъ мѣстахъ обыкновенно составляютъ грабъ, осина, ясень, береза и проч.

Дубъ въ Бѣловѣжской Пушѣ, занимая одну тридцатую общаго пространства, попадаетъ иногда чисто дубовыми рощами, но чаще встрѣчаютъ его въ смѣси съ другими листовными деревьями, которыя впрочемъ въ отношеніи его какъ по росту, такъ и по количеству составляютъ всегда второстепенныя породы. Здѣсь попадаетъ два его вида: дубъ лѣтній и зимній, но послѣдній значительно рѣже перваго. Разрастаясь преимущественно по прибрежнымъ, влажно-почвеннымъ мѣстамъ (на багонахъ), дубъ въ Бѣловѣжской Пушѣ, при всѣхъ своихъ великолѣпныхъ наружныхъ качествахъ, рѣдко обладаетъ здоровою сердцевиной. Даже опытные, старые дровосѣки обманываются наружными признаками его здоровья и, подрубивъ корень, часто открываютъ рыхлую гниль. Мѣстные лѣсоводы полагаютъ, что болѣзнь

сердцевинны здѣшняго дуба происходятъ отъ того именно, что онъ охотнѣе всего выбираетъ себѣ чрезчуръ влажную почву и растетъ въ излишней густотѣ окружающихъ его насажденій, которыя своею чрезмѣрно густою тѣнью постоянно поддерживаютъ и безъ того уже излишнюю влагу багона. Совершенно здоровые дубы встрѣчаются здѣсь на тѣхъ болѣе сухихъ и пространныхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ ели въ смѣси съ сосной. Въ семъ послѣднемъ случаѣ эти деревья достигаютъ колоссальнаго роста, при четырехсотлѣтнемъ и даже пяти-сотенномъ возрастѣ.

Береза плакучая и обыкновенная понападаетъ безразлично и на влажныхъ, и на сухихъ мѣстахъ, но всегда въ смѣшеніи съ другими лиственными и хвойными породами. Что касается до остальныхъ лиственныхъ насажденій, или такъ-называемаго «чернолѣсья», какъ напримѣръ: ясеня, вяза, липы, граба, клена, липы, ольха, осина, осокорь, берестъ (ulmus effusa), извѣстные здѣсь подъ именемъ «габины», то всѣ они растутъ исключительно въ тѣсномъ смѣшеніи между собою и притомъ исключительно на багонахъ, съ жирною черноземною почвой, которая съ каждымъ годомъ все болѣе утѣняется лиственнымъ наземомъ. Средній возрастъ всѣхъ этихъ породъ отъ 40 до 60-ти лѣтъ, за исключеніемъ вяза и липы, которые живутъ до полутораго и при трехфутовой толщинѣ достигаютъ въ вышину отъ 80 до 100 футовъ. Относительно ясеня, береста и клена (бѣлаго и обыкновеннаго, или черноклена) здѣсь замѣчено, что тѣ деревья, которыя выросли изъ саженыхъ сѣмянъ, отличаются прямой стволъ и по размѣрамъ своимъ равняются такимъ высокоствольнымъ деревьямъ какъ дубъ и липа. Ольха, двухъ видовъ:—бѣлая и черная, рубится для столярныхъ подѣлокъ, которыми въ окрестностяхъ Пушчи занимаются преимущественно свислочские ремесленники ¹⁾. Изъ ольховыхъ досокъ они выдѣлываютъ дешевую и очень здѣсь распространенную мебель подъ красное дерево. Кора же ольховая употребляется для выдѣлки черной краски и на дубленіе кожъ, преимуще-

ственно тоже въ Свислочи. Бѣловѣжской Пушчи принадлежать лучшія липы Гродненской губерніи. Относеніе болѣею частью къ виду липы мелколистной, онѣ достигаютъ значительной вышины и объема, не уступающихъ наиболѣе высокимъ дубамъ и лучшимъ соснамъ. Къ сожалѣнію, молодые деревья и даже отрѣзки липы въ наши дни замѣтно становятся здѣсь все рѣже, такъ что современемъ едва ли удержится въ Пушчѣ эта прекрасная порода. Зато осина, растущая на багонахъ, въ смѣси съ другими лиственными деревьями, разрастается ужъ слишкомъ не въ мѣру, такъ что не рѣдко даже вытѣсняетъ собою другія лучшія породы, какъ замѣчено это неподалеку отъ села Бѣловѣжа. Такому прискорбному обстоятельству помогаетъ, во-первыхъ, естественная быстрота ея роста, а во-вторыхъ, то, что осину вовсе не истребляютъ, ея вовсе не пользуются ни для какихъ подѣлокъ и домашнихъ потребностей; какъ топливо—она даетъ мало жару, какъ строительный матеріалъ—годится развѣ на колья для какой-нибудь изгороди; но мѣстные жители для той и другой потребы находятъ здѣсь въ изобиліи породы, болѣе пригодныя, и потому почти никогда не рубятъ осинового дерева, почитая его къ тому же поганымъ, проклятымъ,—«бо на юму Луда вдавився, и адъ тыхъ поръ воно и дрыжить».

Смотря по качеству почвы и преимущественно на низменныхъ, поемныхъ мѣстахъ, здѣсь произрастаютъ: осокорь (черный тополь), бѣлый или серебряный тополь, дикая груша и дикая яблоня; встрѣчается и черемуха, но очень рѣдко.

Кустарники въ Пушчѣ довольно разнообразны и нѣкоторые достигаютъ значительной вышины и густоты; они всегда служатъ украшеніемъ чернолѣсья, растущаго какъ на «багонахъ», такъ и на «грудѣ». Здѣсь встрѣчаются: орѣшникъ, разные виды ивъ, крушина, жимолость, боярышникъ, бересклетъ, калина, красный роговикъ, терновникъ, барбарисъ, волчье лыко, тиесъ, можжевельникъ, дикая малина, дикая смородина (черная) и другія.

Между травами и однолѣтними растеніями въ особенности замѣчательна здѣсь *манна*. Это особый видъ лугового мятлика или овсяницы, овсяница плавающая (*Festuca*, или *Glyceria fluitans*). Она растетъ во всѣхъ стоячихъ или медленно текущихъ водахъ, въ канавахъ и на низменныхъ сѣнокосныхъ лугахъ. Вообще гдѣ мокро, тамъ ей и лучше. Трава эта весьма мягка и растетъ быстро, такъ что легко можетъ быть косена три раза въ лѣто. Лошади и рогатый скотъ очень любятъ манну, какъ свѣжую, такъ и въ видѣ сѣна. Но главное достоинство манной травы составляютъ ея сѣмена, необыкновенно пріятныя на вкусъ. Женщины собираютъ эти сѣмена обыкновенно

¹⁾ Мѣстечко Свислочь, Волковыскаго уѣзда, принадлежало прежде графу Талейшу Тышкевичу, который учредилъ здѣсь гимназію, ярмарку, построилъ каменный гостинный дворъ, театръ, пять каменныхъ арокъ, въ видѣ триумфальныхъ воротъ, на всѣхъ выѣздахъ изъ мѣстечка, и водворилъ много разныхъ ремесленниковъ. Въ особенности славилась нѣкогда свислочскіе токари, столяры, каретники и фортепьянные мастера. Марія Рѣпинская и до сихъ поръ остается одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи представительницъ токарнаго искусства: ея миниатюрныя работы, въ родѣ полныхъ чайнымъ сервизовъ, укладываемыхъ въ грецкій орѣхъ, и тому подобныя подѣлки просто изумляютъ своими крошечными размѣрами и изяществомъ исполненія, а еще болѣе необычайною своею дешевизной.

предъ сѣнокосомъ, по утренней зарѣ, и дѣлають изъ нихъ крупу, извѣстную въ торговлѣ подъ названіемъ польской, прусской либо франкфуртской крупы или каши. Она употребляется вмѣсто саго для засыпки суповъ, варятъ изъ нея также и кашу, либо же, обративъ въ муку, готовятъ родъ киселя. Рѣдкость и пріятный вкусъ манны дѣлають ее довольно цѣною даже на самомъ мѣстѣ сбора: пушечскія бабы сбываютъ манную крупу евреямъ, смотря по урожаю, отъ 50 до 75 копеекъ за гарнецъ¹⁾.

Затѣмъ надо отмѣтить траву *зубровку* (*Hieracium bogorale*, *Hieracium odoratum* muticum), составляющую наиболѣе любимый кормъ и даже лакомство зубровъ, которые любятъ также и *хробустъ*—очень сочное, широколистное растеніе, произрастающее по мокрымъ мѣстамъ. Кромѣ зубровъ, эту послѣднюю траву въ большомъ количествѣ пожирають кабаны и домашнія свиньи; поэтому въ Польшѣ ее называютъ *свинье бѣно*.

Чаще другихъ кормовыхъ травъ и растеній въ Бѣловѣжской Пушчѣ встрѣчается *копытникъ*—низенькая травка, съ очень красивымъ темно-зеленымъ листомъ, напоминающимъ форму подошвы конскаго копыта; растеть копытникъ въ самыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ старорослаго лѣса и служитъ какъ животное средство въ лихорадкѣ и какъ противоядіе въ отравленіи ядовитыми грибами. *Ситникъ* держится на грудовой почвѣ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ растеть дубъ, грабъ, ясень и вообще твердыя породы. *Щавель* и *щавель*—очень любимый мѣстными жителями за свой пріятно-кисловатый вкусъ. Раннею весной пушечскія бабы обыкновенно собирають воходы щавельки и варятъ изъ него борщъ. *Зонечъ*—съ красивымъ лилово-желтымъ цвѣткомъ, растеть по борамъ и лѣсамъ.

Изъ лѣкарственныхъ травъ Бѣловѣжской Пушчи мѣстными обитателями наиболѣе извѣстны: *тысячелистникъ*, растущій преимущественно на глинистой почвѣ и употребляемый въ болѣзняхъ живота, противъ женскихъ болѣзней и въ геморрой, *айръ*—рѣчное прибрежное растеніе, взваромъ котораго полощуть ротъ при цынготной охуходи десенъ; тѣмъ же взваромъ въ видѣ примочки лѣчатъ скоть, прикладывая разваренные листья айра къ мѣсту, укушенному змѣей. Противъ укуса змѣи, а также

и бѣшеной собаки, здѣсь употребляется еще *зелье шаленца* (*polygonum bistorta*), растущее надъ лѣсными протоками. Зелье это высушиваютъ, толкутъ въ порошокъ и ѣдятъ съ кислымъ хлѣбомъ; скоту же даютъ его съ овсомъ, а дѣтямъ съ медомъ, потому что шаленецъ на вкусъ горекъ. *Плоротникъ*, очень красиво растущій здѣсь вообще по лѣсамъ, употребляютъ противъ глистовъ; *стародубъ* (исландскій мохъ) пьютъ въ видѣ декокта въ чахоткѣ и вообще въ грудныхъ болѣзняхъ; *плющикъ* собирають въ тѣнистыхъ мѣстахъ и пьютъ съ молокомъ отъ кашля. Какъ средство противъ чахоточнаго кашля служатъ также *вероника*, собираемая здѣсь по сосновымъ борамъ, а равно и *буцеликъ болотный*, который встрѣчается въ лѣсахъ низменныхъ: его же даютъ съ пищею и свиньямъ, какъ предохранительное средство отъ заразы. По сухимъ лѣсамъ растеть *плаунъ*; послѣ хорошей сушки его растирають въ порошокъ и присыпають имъ раны и обожрѣлости; *зѣтробой* и *дикій цикорій*, растущіе безразлично повсюду, извѣстны какъ кровочистительныя средства; *блекату* (тоже встрѣчается повсюду) курятъ вмѣсто табаку изъ трубки при зубной боли, отъ которой употребляютъ и *дурманъ* и *бѣлену* и *траву баранью*; послѣдняя, въ настоѣ на водкѣ, служитъ также для вытравливанія тѣла при ревматизмѣхъ и вообще въ ломотныхъ болѣзняхъ; корень *лонушника*, называемаго здѣсь *будякомъ* и *осотомъ*, употребляютъ отъ золотухи, а *черную бувицу* (въ сухихъ лѣсахъ)—при женскихъ болѣзняхъ. Свѣжимъ сокомъ *чистотѣла* (по низменнымъ пустырямъ) лѣчатъ такъ-называемую куриную слѣпоту и прикладываютъ его къ мозолямъ.

Что касается до культурныхъ произрастеній, то число ихъ представителей въ Бѣловѣжской Пушчѣ не особенно велико. Такъ, напримѣръ, пшеница сѣется въ самомъ ограниченномъ количествѣ и рѣдко приносятъ хорошій урожай, что уже прямо зависитъ отъ условій пушечскаго климата, отъ относительной суровости котораго мы говорили выше. Рожь родится порядочно, а иногда и очень хорошо. Средній урожай приноситъ для ржи самъ-пять, для пшеницы—самъ-шестъ, а изъ яровыхъ хлѣбовъ овесъ—самъ-семь, ячмень—самъ-шестъ, гречиха—самъ-третей¹⁾. Просо разводится очень мало и значенія въ сельскомъ хозяйствѣ почти не имѣетъ. Зато овесъ сѣется въ изобиліи и хорошо скупается на разныхъ сосѣд-

¹⁾ Кромѣ Бѣловѣжской Пушчи, манная трава растеть въ достаточномъ изобиліи въ Кобринскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи, но преимущественно встрѣчается по топкимъ берегамъ рѣки Нурца, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, гдѣ окрестные жители заштатнаго города Брянска усердно занимаются собираніемъ ея сѣмянъ на продажу. Затѣмъ манна встрѣчается также и въ нашемъ Привислянскомъ краѣ, въ Пруссіи, Силезіи, Богеміи, въ Сѣверной Германіи и Швейцаріи, до самаго подножія высокихъ горъ, гдѣ находятъ ее въ прудахъ и озерахъ.

¹⁾ Таковы результаты 1871 года, который можетъ быть отнесенъ къ числу среднеурожайныхъ. Въ Масевскомъ сельскомъ обществѣ (въ Бѣловѣжской Пушчѣ) было высѣяно ржи 1.350 четвертей, а собрано 6.750 четвертей, пшеницы высѣяно 215 четв., собрано 1.290 четв., овса высѣяно 675 четв., собрано 4.725 четв., ячменя высѣяно 450 четв., собрано 2.700 четв., гречихи высѣяно 150 четв., собрано 450 четв.

пихъ базарахъ, особенно въ Свислочи; тамъ располагаются на зимовыхъ квартирахъ кавалерійскія части. Овесъ сѣется двухъ видовъ: обыкновенный и казакій (*Avena orientalis*); гречиха же, требующая песчаной почвы, которая менѣе всего встрѣчается въ Пушѣ, разводится въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Послѣ хлѣбовъ значеніе для сельскаго хозяйства имѣютъ здѣсь слѣдующія растенія: изъ корнеплодныхъ — картофель, который, составляя повседневную пищу крестьянъ, даетъ имъ возможность экономить ржаной хлѣбъ, ячную, просяную и овсяную крупу, а иногда (въ случаѣ неурожая) и вовсе замѣняетъ ихъ собою. Кромѣ того, мелкимъ картофелемъ откармливаютъ здѣсь и борововъ на продажу. Рѣпа и свекла обѣихъ въ очень маломъ количествѣ и идутъ исключительно на употребленіе въ хозяйствѣ. Изъ волокнистыхъ — ленъ сѣется на поляхъ, а конопля — въ огородахъ, но послѣдняя въ количествѣ весьма ограниченно. Зерна конопляныя растираются въ деревянныхъ мискахъ и идутъ на приправу крестьянскихъ кушаний, а пенька — частью на одежду, частью на сученіе веревокъ. Изъ масляничныхъ, макъ и подсолнухи служатъ болѣе какъ украшеніе крестьянскихъ садовъ и огородовъ, но въ хозяйствѣ значеніе ихъ ничтожно, если не считать, что зерна подсолнуха употребляются какъ дешевое домашнее лакомство; зерна же мака употребляются и въ лѣкарственномъ смыслѣ: ихъ толкутъ, прибавляя малую дозу воды, и, въ видѣ густого молока, пьютъ отъ бессонницы и даютъ съ тою же цѣлью груднымъ дѣтямъ, чтобъ они по ночамъ не беспокоили своихъ крикомъ. Растеній красящихъ и спеціально аптекарскихъ, за исключеніемъ мяты (которую зовутъ здѣсь *тинавсемъ*), шалфея, барвинка и зимозелени (рута) здѣсь не разводится. Рута, помогающая дѣтямъ въ глестахъ и взрослымъ противъ цынги, разводится въ маленькихъ огородахъ преимущественно молодыми крестьянскими дѣвушками, но не столько ради ея цѣлебныхъ свойствъ, сколько ради дѣвичьскаго кокетства: рута, пересаженная по осени въ горшки, не теряетъ зелени и зимою, отъ того и называютъ ее здѣсь *зимозеленью*, а оставленная въ «шпектахъ», то-есть въ грядкахъ, равно какъ и въ дикомъ состояніи по пущенскимъ лѣсамъ, она начинаетъ зеленѣть самою раннею весной, чуть только протаеетъ снѣгъ по прогалинамъ. Крестьянскія дѣвушки въ теченіе зимы, а въ особенности съ появленіемъ первыхъ признаковъ весенняго времени, очень любятъ употреблять зимозелень какъ украшеніе для своихъ волосъ: онѣ весьма кокетливо затыкаютъ ее въ волосы и за головныя «хустки» (платки) небольшими вѣточками и пучечками около висковъ и за ушами. Дѣлается это преимущественно по праздникамъ, когда дѣвушки отправляются въ церковь къ обѣднѣ.

Табакъ здѣсь хотя и курится, и нюхается мужчинами въ достаточномъ количествѣ, но въ огородахъ его не разводятъ, а если онъ и встрѣчается гдѣ-либо, то какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ стручковыхъ, горохъ и чечевица сѣются на поляхъ, а бобъ въ огородѣ, но послѣдній, вмѣстѣ съ хмѣлемъ, служитъ преимущественно для украшенія стѣнъ крестьянскихъ хатъ и заборовъ, а въ хозяйствѣ значенія не имѣетъ. Чечевица сѣется менѣе даже чѣмъ въ умѣренномъ количествѣ, и только одинъ горохъ, въ качествѣ хозяйственного запаса, имѣетъ значеніе на столько, что на него даже и справочныя цѣны устанавливаются.

Огородничество и садоводства, въ смыслѣ промысла, не существуетъ вовсе, хотя у каждаго почти крестьянина есть небольшой садикъ, отъ одного до пяти фруктовыхъ деревьевъ — грушъ и яблонь, а иногда вишенъ и сливъ. Впрочемъ эти деревья, вслѣдствіе отсутствія всякаго ухода за ними, приносятъ плоды довольно мелкаго сорта и не особенно хорошаго качества, а иногда и вовсе ихъ не приносятъ. Но непременно у каждаго крестьянина при хозяйствѣ есть *городецъ* и огородъ. Городецъ, это — собственно маленький палисадникъ, разбитый подъ выходящими на улицу двумя окнами крестьянской хаты и огороженный «плотомъ», то-есть заборомъ. Огородъ же устраивается въ районѣ самаго двора, преимущественно сбоку, противъ входной двери въ хату, либо позади хаты. Въ городцѣ, на небольшихъ грядкахъ, называемыхъ *шпектами*, растутъ красный и бѣлый бобъ, хмѣль, навои, красиво и пышно выходящая по стѣнамъ и заборамъ; тутъ же огненно алѣютъ *капустки* (настурции), благоухаетъ *тимьянъ* (Божье дерево) и *тинавей* (мята), иногда между ними и высокія, пышныя мальвы красуются своими бѣлыми, желтыми и розовыми цвѣтами. Въ этихъ же шпектахъ разводятъ на рассаду *брюшку* (брюкву), капусту и бураки. Настоящій же огородъ пестро украшается разноцвѣтными маками и желтыми подсолнухами. Здѣсь у записливаго крестьянина всегда найдется на грядкахъ достаточно лука саженца и лука мелкаго, чесноку, укропу, морквы (моркови), не говоря уже о капустѣ, рѣпѣ и брюквѣ; кромѣ того разводится тыква, огурцы, пастернакъ, петрушка, салатъ, укропъ и рѣдька.

Лѣса Бѣловѣжской Пуши изобилуютъ разными породами грибовъ. Крестьяне, то-есть преимущественно бабы и дѣвушки, за умѣреннымъ заносомъ въ пользу казны (около 25 или 30 коп.) получаютъ изъ конторы пушенскаго управленія особый билетъ, дающій имъ на все лѣто право собирать въ Пушѣ ягоды, орѣха, пашки еловые и грибы, что въ совокупности приноситъ имъ отъ трехъ до шести, а счастливые годы и до десяти рублей дохода. Прену-

щественно собираются *бѣлые грибы*, поспѣвающие въ юнѣ, и грибъ *боровикъ*, достигающій здѣсь хорошей величины и плотности, почему про него и въ нѣспѣ поется, что «грибъ-боровикъ—всему грабу полковникъ». Свѣжіе и сушеные боровики крестьяне продаютъ помѣщикамъ отъ 10 до 15 коп. за коцу ¹⁾, а бѣлые отъ 15 до 25 коп., смотря по урожаю и по качеству. Собираютъ они также грибы желтаго цвѣта, извѣстные подъ именемъ *лисичекъ*, которые и сбываютъ исключительно окрестнымъ евреямъ. Лисичка—любимый грибъ еврея, «кошарный грибъ», потому что въ немъ никогда не заводятся насѣкомыхъ. Для собственнаго употребленія крестьяне собираютъ на багахъ *осиновку* или *масляникъ*, водящійся въ значительномъ количествѣ; *сыроежку*, фиолетоваго, краснаго, синяго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ, — грибъ, находящійся у крестьянъ въ большомъ употребленіи; *подосовикъ*, растущій въ сосновыхъ лѣсахъ; *рыжикъ*, желтаго и синеватаго цвѣта, который употребляютъ здѣсь въ вареномъ видѣ, но просаливаютъ рѣдко; сбываютъ его также и помѣщикамъ, у которыхъ на кухняхъ въ большомъ употребленіи рыжики, истолченные въ порошокъ; ѣдятъ тоже *волнянку*, похожую на рыжикъ, *дулянку* и *опенокъ*, мелкій желтый грибокъ, изобильно растущій около пней сгнившихъ деревьевъ, отчего происходитъ и самое его названіе, но послѣдній грибокъ собирается только въ случаѣ недостатка другихъ грибовъ болѣе высокаго достоинства. О губчатыхъ наростахъ, извѣстныхъ здѣсь просто подъ именемъ *губы* и достигающихъ оригинальныхъ и значительныхъ размѣровъ, мы уже говорили выше. Губа у мѣстныхъ крестьянъ идетъ на выдѣлку трута. Изъ ядовитыхъ породъ наиболѣе распространѣнъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ *мухоморъ*, котораго отличаютъ здѣсь два вида: красный съ желтовато-бѣлыми пятнышками и бѣлый. Мухоморъ вреденъ въ особенности для скота, пасущагося по нѣкоторымъ отведеннымъ мѣстамъ Пущи; люди же нашли возможнымъ утилизировать его: настоенный на молокѣ онъ служитъ отравой для мухъ, которымъ нѣсть числа въ пущенскихъ селеніяхъ. Краснымъ мухоморомъ крестьяне лѣчатся отъ поноса: засушивъ предварительно, толкутъ его въ порошокъ и наливаютъ водкой, больному даютъ полрюмки настоя, и, послѣ перваго же приѣма, поносъ прекращается. Наконецъ, въ Бѣловѣжской Пушчѣ водятся и трюфели двухъ родовъ: *tyber suborigium* и *tyber albut*, отыскиваніе которыхъ производится посредствомъ особа къ тому приученныхъ собакъ. Эти трюфели могли бы не уступать и французскимъ, еслибъ ихъ умѣли какъ слѣдуетъ заготавливать въ прокъ.

¹⁾ Копою называется здѣсь всякая мѣра на число штукъ. 60 штукъ яблокъ, грушъ, сливъ, грибовъ, огурцовъ и т. п. называется копою.

Въ Свислочи и другихъ прилежащихъ мѣстечкахъ можно найти ихъ у евреевъ, въ бакалейныхъ лавкахъ, въ засушенномъ видѣ, причемъ копа продается связками отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. ¹⁾.

Фауна Бѣловѣжской Пущи настолько же богата и разнообразна, какъ и ея флора. Въ древнія времена она была еще богаче, но это древнее богатство весьма не трудно было бы возстановить въ нѣкоторыхъ частяхъ его и въ настоящее время, еслибъ приложить къ тому должное стараніе по почину правительства. Говоря это, мы въ особенности разумѣемъ бобра, который нѣкогда водился здѣсь въ большомъ количествѣ и служилъ источникомъ хорошаго дохода. Когда-то пушенскія дѣбри, съ ихъ непроходимыми топями, укрывали въ своихъ дѣяственныхъ трупобахъ множество барсовъ, росомахъ и дикихъ кошекъ. Теперь всѣ эти хищные звѣри исчезли; осталась одна только рысь, которую нѣкоторые, и въ томъ числѣ П. Бобровскій, принимая въ соображеніе ея величину и хищность, называютъ европейскимъ тигромъ. Но, кромѣ исчезнувшихъ хищниковъ, здѣсь водились также и соболіи, и бобры, и олени, и дикія лошади. Послѣднія встрѣчались еще до половины прошлаго столѣтія. Древняя литовская конница пополнялась болѣею частію этими дикими лошадьми, которыхъ ловили приблизительно въ четырехлѣтнемъ возрастѣ и смѣлыми приемами подлѣзживали подъ всадника. Эта дикая порода пушенскихъ лошадей не отличалась высокимъ ростомъ и вообще внѣшнею красотой, походя отчасти на нынѣшнюю вятскую породу, но зато была очень сильна, неутомима въ трудѣ, легка и быстра на ходу, нечувствительна ко всякаго рода лишеніямъ и необыкновенно чутка, но отнюдь не труслива; развитіе этихъ двухъ послѣднихъ качествъ, то-есть чуткости и смѣлости, безъ сомнѣнія находилось въ прямой зависимости отъ условій лѣснаго существованія, гдѣ на всякомъ шагѣ надо было чутъ близкаго, незримаго врага, борясь за свое существованіе, отражать ударами копытъ его внезапное нападеніе. Литовская конница, ѣздившая на этихъ лошадяхъ, въ свое время достаточно славилась, да и вообще лошадь въ языческой Литвѣ пользовалась извѣстнымъ почетомъ и уходъ за нею былъ весьма старателенъ въ противоположность древнимъ мѣстнымъ славянамъ, которые съ лошадью обращались небрежно ¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ грибовъ, водящихся въ Бѣловѣжской Пушчѣ, находится еще коралловидный пластячникъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *борода*.

²⁾ При великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ появились уже лошади довольно рослыя, происшедшія, какъ полагаютъ, отъ скрещенія съ украинскою породой. Эти лошади, называвшіяся *hestry*, способны были къ перевозкѣ весьма большихъ тяжестей и

Олень (*Servus claphus*) тоже вывелся совершенно, и только некоторые местные названия, какъ например: Оленья гора, рѣчка Глѣнка и т. п., указываютъ, что некогда и онъ водился въ Бѣловѣжской Пушчѣ. Подтвержденіемъ этому служатъ также и оленье рога, разной величины, нерѣдко вытаскиваемые при рыбной ловлѣ сѣтями изъ пушечскихъ рѣкъ, изъ старорослыхъ лѣсныхъ чащахъ.

Но болѣе всѣхъ исчезнувшихъ полезныхъ и дорогихъ звѣрей, не говоря уже о соболяхъ, становится жаль бобра, который въ небольшомъ количествѣ водился въ Пушчѣ еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія. Последнихъ особей этой породы, по завѣренію местныхъ лѣсниковъ, встрѣчали еще въ 1840 году, но затѣмъ онѣ уже совершенно исчезли. Бобры водились на рѣкахъ: Лѣсны, Бѣлой, Гвознѣ и Наревѣ, гдѣ слѣды ихъ оригинальныхъ построекъ были видны еще долго спустя послѣ окончательнаго исчезновенія этого животнаго. Главною причиною истребленія бобровъ была весьма обременительная подать, наложенная польскимъ правительствомъ на местныхъ стрѣльцовъ, которую они обязаны были вносить въ казну частію деньгами, а частію звѣриными шкурами. Понятно, что каждый стрѣлецъ старается подстрѣлить соболя или бобра, мѣхъ которыхъ съ избыткомъ вознаграждалъ его труды и расходы на подать. Правительство спохватилось, но уже поздно, и отмена зловерной подати послѣдовала тогда, когда этихъ драгоценныхъ животныхъ здѣсь почти не оставалось. А между тѣмъ прѣрѣчныя чащи и заросли Пушчи какъ нельзя болѣе способствуютъ жизни и расплоду бобровъ. «Весьма желательно, говоритъ П. Вобровский, чтобы позаботились о ихъ размноженіи; бобры такъ плодовиты, что достаточно нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ изъ одной пары получить значительное стадо. Бобровые мѣха столь цѣнны, что заботы о размноженіи и сохраненіи бобровъ, по крайней мѣрѣ въ Бѣловѣжской Пушчѣ, гдѣ съ такимъ стараніемъ ухаживаютъ за зубрами, ради ихъ рѣдкости, исполнѣ вознаградились бы чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Надобно только опредѣлить премію за ихъ размноженіе, запретить охоту, дать свободу и спокойствіе, и можно быть увѣреннымъ, что берега Нарева, Лѣсны и другихъ рѣчекъ быстро покроются бобровыми жилищами»¹⁾.

служили немалымъ подспорьемъ для торговыхъ каравановъ, направлявшихся изъ Руси въ Польшу или Германію и обратно. Поэтому каждый хозяинъ старался держать у себя столько лошадей, сколько могъ свободно прокормить ихъ зимою. Съ XV вѣка въ Литовской Руси впервые начинаютъ появляться иностранныя конскія породы, скрещеніе которыхъ съ местными, благодаря охотѣ къ дѣлу крупныхъ магнатовъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, давало блистательные результаты.

¹⁾ П. Вобровский, т. I стр. 423.

Сказавъ о животныхъ исчезнувшихъ, намъ слѣдуетъ перейти къ животнымъ, населяющимъ Пушу въ настоящее время. Мы намерены, начавъ съ мельчайшихъ, то-есть съ насѣкомыхъ, кончить крупнѣйшими и достопримѣчательнѣйшими, то-есть зубромъ.

Царство насѣкомыхъ имѣетъ здѣсь почти всѣхъ представителей, свойственныхъ средней полосѣ Европы. Первое мѣсто принадлежит пчеламъ, благодаря которымъ литовскій медъ славился еще въ глубокой древности. Пчелы водятся здѣсь не только въ ульяхъ, но и въ такъ-называемыхъ *бортъ-хъ*, то-есть въ дуплахъ высокихъ старыхъ деревьевъ. О бортяхъ и о быломъ значеніи бортничества, какъ особаго промысла, мы скажемъ подробно въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о промыслахъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ.

Мотыльки, водящіеся на мокрыхъ лугахъ, представляютъ множество разновидностей; изъ дневныхъ бабочекъ преимущественно встрѣчаются *мхама*, *траурная* и *пестрянка горничниковая* (*Zigana pencedani*); послѣдняя очень красива: верхнія крылья ея, на которыхъ по темному полю размѣщены прелестныя пунцовыя крапинки, имѣютъ нѣсколько суженную форму и блестятъ отливомъ вороненой стали; нижняя пара крыльевъ вся пунцовая съ вороненою каймой; усики довольно длинны и отличаются пестикообразною формою, а тѣло покрыто чернымъ, металлически-блестящимъ пушкомъ. Пестрянка обыкновенно любитъ садиться на растеніе съ пунцовымъ же цвѣтомъ, которое здѣсь называется *чоботки* (жабрей *Antirrhinum majus*), и нерѣдко чашечки этихъ чоботковъ бывають просто облѣплены красивыми пестрянками, яркая окраска которыхъ подходитъ какъ нельзя болѣе къ яркому цвѣту чоботка, служащаго ей пищей своимъ сокомъ. Бабочка эта преимущественно встрѣчается въ томъ мѣстѣ Пушчи, которое извѣстно подъ именемъ *Долгата бора*. Изъ жуковъ преимущественно встрѣчаются *шелкотриды*, *листонды*: тополевыя, березовыя и ольховыя, многіе виды *дровосековъ* и чертежныя забалонщики или короиды-типографчики, который заводятся болшею частію въ заболони сосенъ и выводятъ въ ней такіе мудреные чертежи, фигуры и линіи, такіе длинныя и систематично расположенныя коридоры, что нерѣдко превосходныя съ виду деревья оказываются исполнѣ испорченными, благодаря чертежной работѣ короида. Оводы и разныя виды мухъ и комаровъ миррадами летаютъ по Пушчѣ, и особенно въ сыроватыхъ мѣстахъ, причиняя ужасное безпокойство зубрамъ, которые порой не знаютъ куда дѣваться отъ ихъ нападѣній и какъ ошалѣлые принимаются кататься по землѣ или бросятся въ воду, вѣща спасенія въ пушечскихъ рѣкахъ.

Что касается гадовъ и амфибій, то, къ уди-

влияю, ихъ здѣсь не особенно много, хотя, казалось бы, эти обширныя болота, эти гнилыя колоды, карчи и обиліе насъкомыхъ,—все это въ совокупности представляетъ условія самыя благоприятныя для ихъ немощнаго размноженія. Ужи и гадюки встрѣчаются рѣдко, въ особенности по сравненію съ Гродненскою (болѣе сѣверною) Пушей и съ мѣстами Пинскаго полѣсья, которое просто кишитъ этими гадами. Ящерицы (зеленая, сѣрая и буряя съ красноватыми крапинками) попадаются гораздо чаще змій, но величина ихъ не простирается болѣе трехъ, много четырехъ вершковъ. Изъ лягушекъ живеть здѣсь обыкновенная жаба, травяная лягушка и зеленая квакша. Въ лѣсахъ встрѣчается много земляныхъ слизняковъ (*Limasina*), довольно крупныхъ, а въ болотахъ водится множество моллюсковъ изъ породы зеленыхъ улитокъ (*Helicina*); попадаются и пиявки, нѣкогда составлявшія даже предметъ промысла для нѣкоторыхъ изъ пушеческихъ обитателей, но въ жестокую зиму 1840 года онѣ все повимерзли и съ тѣхъ поръ встрѣчаются рѣдко.

Въ рѣкахъ Вѣловѣжской Пуши водятся судаки, налимы, окуни, язи, лепи, караси, ерши, плотва (плотва), линь, пескарь, вьюнъ, а иногда попадаются угри и карпы.

Птицами надѣлена Пуша въ изобиліи. Черныи дрозды, яволта и гѣночки наполняютъ черколѣсье своими пріятными мелодическими звуками; пестрые и зеленые дятлы производятъ мѣрный стукъ своимъ долбленіемъ высокихъ древесныхъ стволовъ; горлицы и лѣсные дикіе голуби стонутъ и воркуютъ въ вѣтвистыхъ верхушкахъ. Надъ болотами важно стоятъ журавли и сосредоточенно прохаживаются за добычей черногузы (аисты); цапли сидятъ неподвижно, устремивъ зоркій глазъ въ болото и ожидая такимъ образомъ улитку, лягушку или мелкую рыбку, чтобы въ моментъ клюнуть (*цануть*) ее своимъ длиннымъ и острымъ клювомъ (отсюда и самое названіе *цапли*), а потомъ принимаются скакать и подпрыгивать на мѣстѣ, махая крыльями, словно бы плясать. По вочамъ раздается наводящій тоску плачъ совы, засѣдающей въ какомъ-нибудь дуплѣ, а для охотника не малую приманку составляютъ глухарь и тетеревъ, рыбчики, куро-патки, вальдшнепы, бекасы, дупеля и кулики. Водятся также дикія утки, водная курочка, камышникъ зеленоногий и разные виды коростелей.

Мірѣ четвероногихъ, населяющихъ дебри и трупобы Вѣловѣжской Пуши, является еще богаче міра пернатыхъ. Изъ грызуновъ здѣсь водятся зайцы—бѣлякъ и русакъ; послѣдній нападается чаще. Векши (бѣлки) наполняютъ многія чащи, въ особенности хвойныя участки; кошатка-орѣшникъ (сося орѣшниковая), называемый здѣсь *бортнею мышью*, будучи подержанъ летаргическому оцѣпенѣнію, ситѣ

зимой въ многочисленныхъ бортахъ высокихъ деревьевъ и въ обыкновенныхъ дуплахъ, гдѣ лютятъ векши; животную дѣятельность свою бортная мышь обнаруживаетъ преимущественно по ночамъ и пытается орѣхами, сѣмонами, почками, плодами и ягодами; особенно же любить лѣсные орѣхи, которые умѣетъ очень искусно открывать и выдѣлать зерно, не срывая самага орѣха. А. Бремъ (Т. II, стр. 106) называетъ этого звѣрка однимъ изъ самыхъ милыхъ и веселыхъ существъ между европейскими грызунами. Онъ отличается изысканствомъ своего склада, красотой мѣха, опрятностью, миловидностью и кроткимъ характеромъ. На берегахъ рѣчекъ встрѣчаются черноватая крысы, которыхъ Яроцкій принимаетъ за водяныхъ пеструшекъ (*Nuridacus amphibius*), водящихся въ сѣверныхъ тундрахъ¹⁾. Мы думаемъ, что это просто водяныя крысы, которыя вообще очень распространены отъ Атлантическаго океана до Охотскаго моря и отъ Бѣлаго моря до Средиземнаго, тѣмъ болѣе, что пушеческія черныя крысы какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и образомъ жизни, вполне сходствуютъ съ крысами водяными. Семейство оленыхъ имѣетъ здѣсь въ настоящее время двухъ представителей: лося и косулю (серна), которые на лѣто уходятъ въ сосѣднія болотистыя равнины Слонимскаго и Кобринскаго уѣздовъ, а къ осени возвращаются въ Пушу.

Въ прежнія времена лось водился здѣсь въ весьма значительномъ количествѣ, но вслѣдствіе стрѣлочной подати, о которой мы говорили выше, одао время перевелся было совершенно, съ отмѣной же этой губительной подати, лоси большими стадами стали перекочевывать сюда изъ лѣсовъ Минской губерніи. Однако, въ послѣднія двадцать лѣтъ, когда въ лѣсныхъ помѣщичьихъ дачахъ принялись за значительныя порубки и расчистки лѣсныхъ пространствъ подъ пахоту и поселенія, эти переходы лосей стадами сдѣлались затруднительны и съ каждымъ годомъ становились все рѣже, такъ что въ наши дни забѣгаютъ въ Пушу только одиночные звѣри и иногда самъ-другъ, самецъ и самка. Лоси отличаются быстрымъ бѣгомъ, который ведутъ обыкновенно широкою рысью, пускались вскачь только въ исключительныхъ случаяхъ, при видѣ явной опасности. На бѣгу они часто задѣваютъ задними копытами за переднія, и потому бѣгъ ихъ сопровождается особеннымъ стучащимъ звукомъ, по которому опытные охотники узнаютъ еще издали приближеніе лося.

Самки хотя и лишены роговъ, но вообще

¹⁾ Профессоръ Варшавскаго университета Яроцкій въ 1830 году былъ посланъ, по высочайшей волѣ, въ Вѣловѣжскую Пушу за двумя зубрами для зоологическаго кабинета и написалъ сочиненіе „O Puszczy Białowiezskiej i o celniejszych w niej zwierzętach“.

храбрѣе самцовъ, которые, несмотря на свои могучіе рога, вѣсаяще иногда у пятнадцатилѣтняго лоса до полутора пуда, являются довольно-таки трусоватыми. Быть-можетъ это качество зависитъ отъ того, что лоси, такъ-же какъ и серны, вовсе не имѣютъ желчнаго пузыря. Они обладаютъ очень острымъ чутьемъ и во время охоты всегда стараются ускользнуть куда-нибудь въ сторону отъ облавы и отъ гончихъ собакъ, крайне рѣдко выходя на выстрѣлы. Поэтому, если призовъ удачной охоты и бываютъ иногда лоси, то это все молодые, еще малоопытные; старики же попадаютъ подъ пулю въ очень исключительныхъ случаяхъ. Лось обыкновенно питается молодыми порослами кустарниковъ, лиственныхъ деревьевъ и хвой, а также разными мхами, въ особенности же любитъ жирное травянистое растеніе *хрѣбустъ* (свинье багно, *ledum palustre*), совершенно сходясь на сей разъ во вкусъ съ дикимъ кабаномъ и зубромъ. Замѣчательно, что какъ бы ни былъ голоденъ лось, и въ особенности зимой, онъ въ Бѣловѣжской Пущѣ никогда не трогаетъ сѣна, сложенного въ особые копны для корма зубровъ. Мѣстопробываніемъ лосей въ Пущѣ обыкновенно служатъ самыя дикія мѣста, среди топей и непроходимыхъ болотъ, особенно, гдѣ растутъ ива и осина. Но замѣчавію опытныхъ старыхъ отстрѣлковъ, болота являются для лоса полною, такъ-сказать, насущною необходимостью; и замѣчательно, что этотъ звѣрь, при всей своей неуклюжести и большомъ вѣсѣ, легко проходитъ по такимъ топямъ, изъ которыхъ и человекъ, и иное животное едва ли бы выбрались. Только по льду не можетъ онъ свободно двигаться, и если упадетъ, то подняться можетъ лишь съ величайшимъ трудомъ. Если лось доводитъ свой бѣгъ до наибольшей возможной ему быстроты, то при этомъ онъ всегда закидываетъ рога на спину и высоко поднимаетъ носъ, вслѣдствіе чего нерѣдко спотыкается и падаетъ; чтобы подняться, ему нужно быстро подогнуть подъ себя ноги, а задними далеко захватить впередъ. Разъ пустившись бѣжать, онъ уже не останавливается ни предъ какими препятствіями и какъ ошальзый мчится въ самую густую чащу, въ рѣку, въ озеро, куда попало. Если опасность становится для лоса очевидною и уйти отъ нея невозможно, то онъ начинаетъ защищаться: раненый лось нерѣдко самъ нападаетъ на охотника, дѣйствуя при этомъ рогами и копытами. При нападеніи волковъ на лосиныхъ телятъ, самцы и самки смѣло бросаются на хищниковъ и либо забиваютъ ихъ до смерти ловкими ударами, либо оглушаютъ до потери сознанія. Привязанность лосихи къ своимъ телятамъ столь велика, что она защищаетъ даже убитыхъ дѣтенышей. Въ настоящее время стараются вообще щадить лоса ради его рѣд-

кости, но въ царствованіе императора Павла I, когда на лосинныя шкуры былъ большой спросъ отъ казны вслѣдствіе того, что кавалерія носила такъ-называемыя «лосины», въ Россіи было истреблено громадное количество этого звѣря.

Серны, или косули въ прежнія годы водились въ Пущѣ въ очень большомъ количествѣ; но стрѣлечка подать замѣтнымъ образомъ повлияла и на нихъ. Хотя и не успѣли извести ихъ окончательно, однако теперь уже серна не попадается такъ часто какъ прежде. Животное это держится какъ въ красномъ, такъ и въ черномъ лѣсѣ, предпочитая однако послѣдній и притомъ любитъ сухія мѣстности. Для косули особенно приятны тѣ мѣста, гдѣ темно, много тѣни и много кустарника. Въ дневную пору она преимущественно старается прятаться въ своемъ логовищѣ, которое всегда почти устраиваетъ среди густыхъ кустовъ, окруженныхъ высокою травой. Кромѣ стрѣлка-человѣка у этого кроткаго, граціознаго животного есть еще много враговъ между хищниками лѣса: рысь неожиданно кидается на него съ вышины изъ густыхъ вѣтвей дерева, у корня котораго косули ищутъ свою пищу; волки устраиваютъ на нее своеобразныя облавы съ правильными засадами. Единственное спасеніе для нея въ бѣгствѣ, и потому скачокъ косули широкъ, быстръ, неожиданъ, и обладаетъ она способностью мгновенно мѣнять направленіе своего бѣга. Всѣ движенія косули очень проворны и красивы. Безъ всякаго напряжения она съ замѣчательною ловкостью перепрыгиваетъ черезъ широкія канавы, высокіе плетни и кустарники; при этомъ и плаваютъ она очень хорошо, и лазить недурно по крутымъ скаламъ овраговъ или по стволамъ надломленныхъ деревьевъ. Слособности ея достигаютъ высокаго развитія: зрѣніе, чутье и слухъ у нея превосходны и соединяются съ умомъ, хитростью и осторожностью. Взглядъ косули необычайно ласковъ и кротокъ, отражая въ себѣ нѣчто весьма умное, хотя и пугливое. Боязнь человека и животныхъ, которые являются постоянными ея врагами, до того велика въ беззащитной косулѣ, что она не только кричитъ отъ страха, когда ее испугнутъ, но часто не можетъ даже спастись и бѣгствомъ; въ этихъ случаяхъ она совершенно теряется и начинаетъ вдругъ боязливо вертѣться на одномъ мѣстѣ, отчего и становится иногда вѣрною добычей даже простыхъ дворовыхъ собакъ. Природная боязливость и чувство самоохраны заставляютъ это животное держаться небольшими стадами или семействами, отъ двѣнадцати до пятнадцати штукъ, причемъ одинъ изъ членовъ небольшой общины всегда остается на-сторожѣ; его мгновенный скачокъ въ какую-нибудь сторону служитъ для остальнаго пасущагося стада какъ бы сигналомъ тревоги, по которому все оно сразу и

стремительно бросается за сторожевымъ, и въ два-три прыжка исчезаетъ въ чащѣ. Но при такой пугливости, замѣчательно, что серна останавливается не только на раздавшійся выстрѣлъ, а и на сильный прятъ, и тогда увлекаемая какимъ-то страннымъ побужденіемъ, въ родѣ недоразумѣнія или любопытства, она идетъ въ ту сторону, откуда раздался шумъ или звукъ, привлечшій ея вниманіе. Это качество серны служить причиной, что при удачной охотѣ, на прострѣлѣ какихъ-нибудь шести-семи квадратныхъ верстъ, легко удается положить ихъ штукъ двадцать и даже тридцать. Вкусное мясо и прекрасная замша, выдѣливаемая изъ кожи косули, привлекаютъ къ ней охотниковъ, какъ любителей, такъ и промысленниковъ. Пищей косуль служатъ трава, листья и древесныя почки; но при этомъ она очень разборчива и выбираетъ болѣе нѣжныя растенія. Чистая вода—для нея необходимость; во время же дождя или сыпной росы, она пьетъ капли, остающіяся на листьяхъ. Въ октябрѣ самцы сбрасываютъ свои рога, имѣющіе не болѣе трехъ отростковъ. Эти рога, вновь отрастающіе зимой, имѣютъ свойство съ каждымъ годомъ все болѣе рыхлѣть и увеличиваться въ объемѣ. Впрочемъ таковое свойство не даетъ никакихъ видимыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы съ точностію опредѣлять возрастъ самца, подобно тому, какъ опредѣляется онъ у лося, у котораго съ каждымъ годомъ прибавляется на каждомъ рогѣ новый отростокъ, такъ что пятнадцатилѣтній лось непременно имѣетъ четырнадцать отростковъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, самка-косуля приводитъ свой приплодъ—обыкновенно двухъ косулекъ. Шерсть этихъ послѣднихъ отличается отъ обыкновеннаго темно-сѣраго цвѣта взрослыхъ особей своею красноватостію; на плечахъ у молоденькихъ косулекъ замѣчаются бѣлыя пятна, а вдоль хребта, по направленію реберъ, спускаются рядами маленькія кругловатыя пятна бѣлаго и желтаго цвѣта. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ (въ юлѣ), шерсть теряетъ свою первоначальную окраску и принимаетъ обыкновенный буроватый или темносѣрый цвѣтъ, какъ у взрослыхъ. Голосъ у молодыхъ косуль тонкій и нѣжный, похожій на свистъ, такъ что человѣкъ непривычный не сразу и узнаетъ что за животное издаетъ эти тонкіе звуки. Изъ Свислочской Пущи, смежной съ Бѣловѣжскою, которая, собственно говоря, составляетъ съ нею одно цѣлое, раздѣленное только административною границей, забываютъ сюда даниальки (*сегнус даша*); любимый притонъ этого миловиднаго животнаго издавна уже составляетъ Свислочскій участокъ Пущи: тамъ нерѣдко устраиваются на этого звѣря охоты, подъ руководствомъ мѣстнаго хвѣсничаго, въ которыхъ зимой принимали постоянное участіе офицеры лейбъ-эскадрона

Ямбургскаго уланскаго полка, обыкновенно располагавшагося на зимовыя квартиры въ районѣ мѣстечка Свислочь.

Кабанъ или дикая свинья (по мѣстному названію *дзика*), нѣкогда весьма распространенная въ Пущѣ, въ послѣдніе сорокъ лѣтъ стала попадаться все рѣже и рѣже. Причина—все та же стрѣлковая податъ; но еще болѣе повредили дзикамъ жесточайшіе морозы, свирѣпствовавшіе здѣсь въ зиму 1840 года. Эта зима при своихъ стужахъ, доходившихъ до 35 и даже 40 градусовъ, была обильна также и глубокими снѣгами, въ которыхъ гибло множество разныхъ животныхъ. Когда наступили наконецъ весенніе дни, то въ Бѣловѣжской Пущѣ зачастую находили цѣлыя стаи, отъ двадцати до тридцати штукъ кабановъ, заморзшихъ отъ стужи или издохшихъ отъ голода. Съ этой-то роковой зимы какъ въ Пущѣ, такъ и въ другихъ прилежащихъ лѣсахъ стало замѣчаться значительное оскуднѣе породъ разнаго дикаго звѣря, а кабановъ въ особенности. Нынѣ сколько-нибудь значительныя стада этихъ животныхъ кое-какъ водятся еще по болотистымъ чапамъ лѣсовъ Врестскаго, Кобринскаго и Слупимскаго уѣздовъ, откуда небольшія партіи дзиковъ забредаютъ иногда и въ Бѣловѣжскую Пущу. Мѣстные поселеніе однако не долюбляютъ этихъ гостей, потому что дзика имѣютъ обыкновеніе рыться на засѣянныхъ поляхъ и уничтожать посѣвы, а въ особенности молодые всходы ржи, овса и картофеля. Мѣсто, на которомъ дикія свиньи роются, крестьяне называютъ «порыто». Они бывають очень рады, когда получается разрѣшеніе устроить охоту на дзиковъ. Тутъ для нихъ двойная выгода: и посѣвы по возможности обезпечены, и кабанья туша, при счастливомъ случаѣ, можетъ достаться на долю. Въ особенности вкусно свѣжее и копченое мясо молодого кабана, то-есть ососка (по мѣстному названію *сысѣка*) или верхляка. Однако охота на дзиковъ сопряжена съ немалыми опасностями, и нерѣдко кто-нибудь изъ мѣстныхъ крестьянъ падаетъ несчастною жертвой своего увлеченія. Разъяренный дзикъ смѣло бросается на людей и собакъ, нападающихъ ему непосредственно на пути его бѣга; благодаря неуклюжему устройству и низкому поставу головы, ему трудно дѣлать быстрые повороты въ ту и другую сторону, а поднять голову и вовсе невозможно; онъ вообще крайне неуклюжъ и неловокъ, но горе тому, кто имѣлъ неосторожность подвернуться ему на прямой его дорогѣ! Тутъ онъ съ-разбѣгу сшибаетъ съ ногъ человѣка или животное и глубоко пропарываетъ его своими огромными клыками. Присутствіе духа служитъ въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ къ спасенію. При приближеніи яраго дзика надобно только во-время и ловко отскочить въ сторону, то-есть обмануть его расчетомъ въ нападеніи,

какъ разъ въ ту минуту, когда въ силу инерціи собственнаго движенія онъ не успѣетъ еще сообразить свои неуклюжие тяжелые скачки, чтобы переменить направленіе бѣга въ сторону отскокнвшаго врага; промчавшись мимо онъ уже назадъ не вернется, и тогда охотникъ посылаетъ ему въ догонку свою пулю. Хотя, строго говоря, бить звѣря, перебѣжавшаго за линію охотниковъ, почитается недостойнымъ порядочнаго стрѣлка, тутъ ужъ невий самъ на себя! Но крестьяне въ этихъ случаяхъ не придерживаются строгихъ, такъ-сказать, рыцарскихъ правилъ охоты, и бьютъ звѣря гдѣ и какъ попало. Но еще лучшимъ средствомъ спасенія служить какой-нибудь пенъ или корага: стоять только вскочить на одинъ изъ этихъ предметовъ, чтобы кабанъ, лишенный возможности поднять вверхъ голову, только прорѣзалъ на ходу своимъ клыкомъ кору пня и пробѣжалъ себя далѣе. Поэтому старые охотники обыкновенно совѣтуютъ своимъ малоопытнымъ сотоварищамъ лезть на линіи мѣсто всегда около какого-нибудь достаточно возвышающагося и широкаго пня или камня, либо около надежной карчи. Высота подобнаго предмета въ три четверти аршина можетъ считаться совершенно достаточною для предохраненія себя отъ жестокой опасности.

Въ древнія времена, когда вмѣсто ружья были еще въ употребленіи копье, ножъ, лукъ или самострѣлъ, кабановъ обыкновенно брали на рогатину, и такой способъ охоты былъ общепотребительнымъ какъ въ Россіи, такъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, и въ Германіи. Кабанья рогатина, образцы которой можно еще встрѣтить иногда въ коллекціяхъ знатныхъ магнатовъ, имѣла широкій ободурострый стальной наконечникъ отъ 12 до 14 дюймовъ длинны, съ крючкомъ въ три дюйма у основанія. Древко ея было не длинно и пригонялось по росту охотника. На это-то оружіе и брали разъяреннаго кабана въ то мгновеніе, когда онъ устремлялся прямо на охотника. Правая рука плотно прижимала конецъ древка къ бедру, а лѣвая направляла стальной наконечникъ такъ, чтобъ онъ приходился звѣрю подѣ горло надъ самую грудную кость. Шокъ обыкновенно былъ такъ силенъ, что напоронившійся дзикъ принималъ въ себя весь наконечникъ вплоть до крючка, мѣшавшаго ему проникать далѣе. При ловко подставленной рогатинѣ, лезвіе ея верѣдко разрывало пополамъ сердце звѣря, который мгновенно падалъ мертвымъ. Слабосильныхъ же кабановъ брали просто на охотничьи ножи и дѣлали это такимъ образомъ: рукоятъ ножа, взятаго въ правую руку, упирали въ правое, нѣсколько согнутое колено, а тяжесть тѣла переносили на лѣвую ногу, нѣсколько отставленную назадъ. Кабановъ приводили въ ярость особеннымъ крикомъ, и ова, выйдя себя, бросались прямо на убійственное оружіе.

Молодая матѣра выводитъ отъ 4 до 6, а старая отъ 11 до 14 сысаконъ, которые носятъ весьма шелковистую короткую шерстку. Къ зимѣ эта шерстка отроетаетъ и грубѣетъ, принимая размѣры, обыкновенно свойственныя дикимъ свиньямъ, и начинается понемногу темнѣть, что и продолжается до шестилѣтняго возраста. Въ теченіе всего этого времени молодой кабанъ называется у охотниковъ «*верхляжкомъ*», а съ шести лѣтъ, когда уже совершенно прекращается его ростъ, становится «*дикомомъ*». Старые кабаны, подобно зубрамъ, отдѣляются отъ своего стада и бродятъ сами по себѣ; такіе старики у мѣстныхъ стрѣлковъ извѣстны подѣ именемъ «*одынцовъ*».

Самка еще заранѣе приготовляетъ себѣ гнѣздо въ уединенной чащѣ лѣса и выстилаетъ это гнѣздо мхомъ и листьями или хвойными иглами. Первые двѣ недѣли она старательно прихотъ своихъ поросятъ и оставляетъ ихъ только въ случаѣ крайней нужды и на самое короткое время, чтобы покормиться. Затѣмъ кабаныхъ выводитъ сысаконъ изъ гнѣзда и учитъ ихъ рыться рыломъ въ землѣ. Иногда нѣсколько самокъ сходяся вмѣстѣ со своими выводками и воспитываютъ ихъ общими силами, и если случится, что одна изъ нихъ погубитъ какимъ бы то ни было образомъ, то другая охотно беретъ на себя заботы о воспитаніи сиротъ, и тогда, при первой опасности, угрожающей поросатамъ, при первомъ жалобномъ визгѣ одного изъ нихъ, мать или воспитательница, со слѣпою отвагою и рѣдкимъ безстрашіемъ пускается защищать свое семейство, не дѣлая различія между родными дѣтьми и приемышами.

Дзика живуть на волѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, не подвергаясь почти никакимъ болѣзнямъ, но въ плѣну у человека нѣкъ ихъ не долговъ: они чахнутъ и калѣютъ, какъ предполагаютъ мясники, отъ тоски по свободѣ. Благодаря своей неуклюжести, стада кабановъ, несравненно болѣе чѣмъ легкія и пугливыя серны, подвержены нападеніямъ волчьихъ стай. Въ случаяхъ подобной атаки, стадо кабановъ обыкновенно строитъ нѣчто въ родѣ каре, становясь въ кучу, мордами въ поле; въ средину этой кучи помѣщаются сысаконъ и верхляки, а взрослые дзика и свиньи отбиваютъ нападенія врага своими клыками и все время громко хрюкаютъ.

Противъ собакъ дзикъ защищается отъ немнѣшнимъ ожесточеніемъ. Въ прежніе годы для охоты за кабанями употребляли особенно дрессированныхъ сильныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя такъ и назывались *кабаньими* или *дикowymi псами*. Первые отыскивали, а вторыя травили дзиковъ. Но прежде чѣмъ удавалось этимъ «*диковымъ псамъ*» захватить кабана, то-есть вцѣпиться зубами въ его уши и хвостъ, многіе изъ нихъ останались на мѣ-

сти съ тяжелыми ранами и даже съ пропоротыми брюхами. Но давя сдался только тогда, когда на него нападали отъ 8 до 12 храбрыхъ и сильныхъ собакъ, да и сдача эта сопровождалась съ его стороны самою упорною и безпощадною обороною.

Мясо кабана цѣнится очень высоко любителями: вкусъ свинины соединяется въ немъ со вкусомъ дичи, но особенно вкусны дикіе поросята, которые составляютъ одно изъ рѣдкихъ и самыхъ гастрономическихкихъ блюдъ на столѣ мѣстныхъ обитателей. Цвѣтъ шерсти дикихъ кабановъ обыкновенно темно-бурый, выпадающій въ черный, и замѣчательно, что даже домашніе свиньи пущенскихъ поселенцевъ, всегда пасущіеся среди лѣса, во второмъ, а много въ третьемъ поколѣніи, тоже принимаютъ цвѣтъ дикихъ. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно обнаруживается вліяніе окружающей природы, съ ея вѣчною тѣсною и соединеннымъ съ нею лѣснымъ полусумракомъ.

Изъ семействъ кошачьихъ здѣсь сохранилась одна только рысь, величиной съ собаку средняго роста. Длина ея тѣла равняется тремъ и даже иногда четыремъ футамъ, вышина въ зашейкѣ выше полутора и до двухъ и хвостъ около трехъ четвертей фута. Рысь не живетъ здѣсь постоянно: иногда удаляется она въ какіе-нибудь изъ смежныхъ лѣсовъ и потомъ снова забредаетъ въ Пушу. Бѣтъ ея не особенно притокъ; зато ловкость, быстрота и вѣрность смачка сверху внизъ на намѣченную добычу просто изумительны! Она обыкновенно подстерегаетъ свои жертвы, взобравшись на дерево и спрятавшись въ густыя вѣтви, для чего старается держаться большею частию въблизи болотъ, при дорогахъ и тропинкахъ; молодые телата лосей, зайцы и серны составляютъ обычный предметъ ея охоты. Если случайно придется ей подмѣтить добычу не съ дерева, а на землѣ, то рысь сначала осторожно подкрадывается къ ней и потомъ вдругъ бросается и вскакиваетъ на спину, стараясь прокусить загривокъ или шею. Если же, сверхъ ожиданія, быстрая серна успѣетъ ускользнуть отъ своего врага, то рысь, сдѣлавъ за нею два-три прыжка, останавливается и начинаетъ помахивать хвостомъ, облизываясь и устремляя взглядъ во-слѣдъ уходящей добычи. Но не одними лишь названными звѣрами ограничиваются ея нападенія: порой случается ей бросаться и на людей. Такъ, напримѣръ П. Ю. Арнольдъ, занимавшій послѣ 1863 года должность мирового посредника въ здѣшнемъ уездѣ, рассказывалъ мнѣ, что однажды въ ясный зимній день проѣзжалъ онъ въ санкахъ по одной изъ дорогъ Бѣловѣжской Пуши и вдругъ почувствовалъ, что сверху на него упало какое-то живое существо. Мѣховая шапка, поверхъ которой надѣтъ былъ башлыкъ, и толстый поднятый воротникъ мѣховой шубы до-

статочно предохраняли его голову и шею. Почти инстинктивно въ тотъ же моментъ поднявъ онъ руки и былъ настолько счастливъ, что успѣлъ схватить рысь за переднія лапы и сильными взмахомъ перекинуть ее черезъ голову въ свои санки. Съ помощью кучера, неожиданнѣй врагъ былъ тотчасъ же задушенъ.

Движенія рыси довольно медленны, но обличаютъ въ ней значительную силу. Особенно сильны ея бедра, очень живо напоминающія бедра льва или тигра. Чувства ея развиты довольно хорошо, за исключеніемъ обонянія, которое хотя и тупо, но все-таки лучше чѣмъ у другихъ кошекъ. Зато слухъ и въ особенности зрѣніе превосходны; сверкающіе рысы глаза, которые будто бы могутъ видѣть сквозь стѣну, еще съ древнихъ временъ вошли въ поговорку, вмѣстѣ съ этимъ суевѣрнымъ о нихъ мнѣніемъ. Голосъ рыси очень рѣзокъ и отчасти напоминаетъ собачій вой; впрочемъ издаетъ она его очень рѣдко, изъ боязни обнаружить свое присутствіе предъ тѣми лѣсными обитателями, которые служатъ предметомъ ея охоты. Подкарауливая свою добычу, рысь до послѣдней возможности лежитъ растянута и притаившаяся на суку, въ самомъ скрытомъ мѣстѣ. Вѣки ея полуопущены, такъ что она кажется спящею именно тогда, когда слухъ ея особенно наостроенъ и предательская бдительность особенно велика. Нельзя сказать чтобы рысь была прожорлива, но она очень любитъ лизать свѣжую теплую кровь, и предается этому лакомству до такой степени, что забываетъ даже о всякой осторожности и въ эту-то самую минуту нерѣдко становится добычей счастливо наткнувшагося на нее охотника.

Размножается рысь весьма умѣренно, такъ что можно даже предположить, что со-временемъ она совершенно исчезнетъ въ Европѣ. Самка мечетъ двухъ и никакъ не больше трехъ слѣпыхъ дѣтенышей. Логово выбираетъ она себѣ въ покинутой барсучей или лисей норѣ, которую нарочно расширяетъ; если же подходящей норы не оказывается, то довольствуется защитой подъ корнями какого-нибудь вывороченнаго дерева, куда приноситъ своимъ дѣтямъ кротовъ, мышей, мелкихъ птицекъ и тому подобную пищу.

Правильныхъ охотъ на этого звѣря не существуетъ, и именно по причинѣ его рѣдкости. Но если полѣсовщикъ во время обхода своего участка наткнется на рысь случайно, то ему ничего не стоитъ пустить въ нее зарядъ, потому что при видѣ человѣка она не уходитъ съ своего мѣста, продолжалъ смѣло лежать на суку и, какъ дикая кошка, пристально смотреть въ глаза своему противнику! Говорятъ, что безоружный полѣсовщикъ даже перехитритъ рысь. Для этого ему стоитъ только сбросить съ себя въ виду животнаго верхнее платье и бѣжать домой за двустоло-

кой. Рысь останется на деревѣ и все время будетъ смотрѣть на кошку или свитку своимъ упорнымъ пристальнымъ взглядомъ. Но Боже избави, коли стрѣлокъ сдѣлаетъ не совсемъ вѣрный выстрѣлъ! Если рысь только ранена, то яростно бросается охотнику на грудь, глубоко вонзаетъ въ нее свои когти, и ни за что не оставляетъ человека. Собакъ она не боится и презираетъ, не считая нужнымъ даже удалиться отъ нихъ на дерево, и нерѣдко по два, по три охотничьихъ пса заразъ становятся ея жертвами.

Изъ семейства кунячихъ въ Пушѣ водятся: куница-тумака, куница-ласка, хорекъ, бурая норка и выдра. Ласка съ хорькомъ избираютъ себѣ убѣжища по близости лѣсныхъ поселеній, чтобы удобнѣе охотиться по ночамъ за домашнею птицей; норка и выдра роютъ свои норы въ углубленіяхъ прирѣчныхъ береговъ, гдѣ отыскиваютъ себѣ пищу, для которой имъ служатъ лягушки, рыба и раки; куница же, живущая въ лѣсахъ, отличается болѣе всѣхъ видовъ этого семейства хитростью и жестокостью. Она истинно древесное животное и лазитъ по вѣтвямъ въ совершенствѣ, такъ что никакое другое хищное животное не превосходитъ ее въ этомъ искусствѣ. На добычу выходитъ она исключительно ночью, и отъ ея нападений не избавлены ни птичьи гнѣзда, гдѣ она любитъ лакомиться яйцами и молодыми птенцами, ни домашняя птица въ хлѣвахъ и курятникахъ, ни скромные обитатели лѣса, въ родѣ мышей и бѣлокъ. Вообще она преслѣдуетъ всякое животное, которое въ силахъ одолѣть, и нападаетъ даже на молодыхъ косулекъ. Она незамѣтно бросается на добычу внезапно и душитъ ее. Куній мѣхъ, весьма цѣнный у кунячьихъ шкуровыхъ сѣверныхъ лѣсовъ, здѣсь не отличается особенными достоинствами, хотя тоже и за него стрѣлки выручаютъ нѣкоторые деньги. Барсукъ, или такъ-называемый здѣсь *изецъ*, въ настоящее время довольно рѣдокъ. Чаще всего барсучьи норы попадаются въ урочищѣ Замчанско и затѣмъ еще на нѣкоторыхъ, болѣе возвышенныхъ мѣстахъ Пуши, обыкновенно на солнечной сторонѣ лѣсистыхъ холмовъ. Нора его имѣетъ отъ четырехъ до восьми выходовъ, и кромѣ того отдушины для вентиляции, да и вообще устроена самымъ удобнымъ образомъ. Главную часть норы составляетъ логовище, къ которому ведутъ нѣсколько корридоровъ. Въ логовищѣ свободно помѣщается большая и мягкая постель изъ мха. Величайшая чистота и опрятность составляетъ замѣчательное преимущество барсучьей норы, которымъ отличается она отъ подземныхъ жилищъ всѣхъ прочихъ млекопитающихъ. Барсукъ—звѣрь весьма угрюмый, избѣгающій сосѣдства людей и другихъ животныхъ, склонный къ отшельнической жизни, но

вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лѣнивый и очень любить комфортъ въ своей обстановкѣ. Онъ живетъ въ своей норѣ совершенно одиноко, отдѣльно отъ самки, которая всегда роетъ для себя особое жилище. Днемъ барсукъ рѣдко выходитъ изъ норы,—развѣ затѣмъ только, чтобы погрѣться и поныться на солнышкѣ, которое онъ очень любитъ; большую же часть дня предается онъ сладкому сну въ глубинѣ своего мягкаго логовища. Но зато съ наступленіемъ ночи начинается настоящая его жизнь и дѣятельность. Барсукъ отправляется на прогулку въ мѣста безопасныя, тихія, уединенныя—къ какому-нибудь источнику чистой (непримѣнно чистой) воды, гдѣ утоляетъ свою жажду. Ночная пора служить для него тоже временемъ охоты и поисковъ за пищей. Есть онъ вообще немного, и большихъ запасовъ на зиму не дѣлаетъ. Весной и лѣтомъ любитъ преимущественно корни, и именно березовые, желуди, морковь, дикія груши падающія на землю, но въ особенности лакомъ до трюфелей и до шмелинаго и осинаго меда, на мало не заботясь притомъ объ уколахъ этихъ насѣкомыхъ, жало которыхъ не причиняетъ ему ни малѣйшей боли, благодаря жесткой шерсти, толстой кожѣ и значительному слою жира, лежащаго подъ нею. Даже на укушеніе гадюки не обращаетъ онъ ни малѣйшаго вниманія, и повидному ядъ ея не имѣетъ на его кровь ни малѣйшаго дѣйствія. Лягушки, ящерицы, змѣи, кузнечики, слизняки, черви и насѣкомые составляютъ, наравнѣ съ трюфелями, самыя лакомыя блюда его обѣдовъ. Охота на барсука, благодаря его осторожности, сопряжена съ большими трудностями, но тѣмъ не менѣе составляетъ любимѣйшее удовольствіе стрѣлковъ, для которыхъ здѣсь, какъ и во всемъ Западномъ крайѣ, барсучья шкура служитъ непремѣннымъ украшеніемъ и даже принадлежностью ягташа. Барсука выгоняютъ изъ норы съ помощью собакъ, которые однако нерѣдко возвращаются оттуда съ откушеною мордой; поэтому стрѣлки предпочитаютъ устраивать на этого звѣря засаду. Предъ закатомъ солнца, пока барсукъ покончитъ еще въ своей норѣ, стрѣлокъ взбирается на дерево, помѣщается поудобнѣе на толстомъ суку и терпѣливо ожидаетъ разсвѣта, когда отшельникъ будетъ возвращаться домой со своей ночной прогулки. Въ это время мѣлка пуля доставляетъ полѣсовщику желаемую шкуру для его охотничьей сумки.

Чаще многихъ звѣрей встрѣчается здѣсь желтобурая лисица, которая за-одно съ мѣстными представителями семейства кунячихъ наноситъ немалый вредъ курятникамъ и пущенскимъ поселенцамъ и ведетъ войну съ барсукомъ за обладаніе его норой. Зная опрятность этого звѣря, лисица съ замѣчательнымъ постоянствомъ и хитростью начинаетъ пакостить

въ выходѣ его жилища и этимъ способомъ заставлятъ наконецъ барсука безъ боя уступить ей свое помѣщеніе.

Волки, несмотря на постоянную войну съ ними мѣстныхъ обитателей, несмотря на дѣйтельное истребленіе ихъ, причеиъ въ губерніи ежегодно убивается отъ 100 до 150 и болѣе штукъ, все-таки довольно еще многочисленны въ Бѣловѣжской Пущѣ. Впрочемъ сравнительно съ прежними временами теперь отъ нихъ стало полегче; но въ былые годы, когда въ Пущѣ были еще строжайше воспрещены всякія охоты, волки, пользуясь такимъ привольемъ, развелись было здѣсь до непомѣрнаго множества и причиняли постоянный и страшный вредъ какъ лошадямъ, такъ и скоту, и зубрамъ, и прочей лѣсной дичи. Замѣтная убыль зубровъ, вслѣдствіе волчьихъ зарѣзовъ, вынудила наконецъ мѣстное начальство настоятельно просить о разрѣшеніи періодическихъ охотъ на хищнаго звѣря вообще, и на волковъ въ особенности. Разрѣшеніе послѣдовало, и съ тѣхъ поръ ежегодно, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, стали устраивать большія облавы на этихъ хищниковъ. Но независимо отъ осеннихъ, тутъ постоянно бываютъ еще и зимнія охоты. На тѣ и другія, кромѣ лѣсничихъ и пущенскихъ стрѣлковъ, собираются также любители изъ среды окрестныхъ обывателей и офицеровъ, а въ прежнее время являлись и помѣщики, владѣвшіе большими царями. Всѣ окрестные и пущенскіе крестьяне охотно шли при этомъ въ облавы-ки-кричане и завели даже одинъ особый обычай. По окончаніи охоты, обыкновенно дѣлается гдѣ-нибудь въ лѣсу на полянкѣ общій привалъ, куда спосится весь убитый звѣрь, раскладываются костры и начинается угощеніе всѣхъ участвовавшихъ крестьянъ хлѣбомъ и водкой. Послѣ закуски, крестьяне по-очередно подходятъ къ убитымъ волкамъ и начинаютъ колотить ихъ палками, приговаривая сколько отъ нихъ понесено каждымъ вреда и убытковъ за время отъ прошлой облавы:—«А ты, каже, лядѣцо, в'мѣнѣ бычка заризавъ, а в'Максыма ягнятко зывъ, а пѣтымъ ша и овцю стягнувъ,—дѣе же тоби, проклѣтый! ось тоби! ось!» И идетъ при этомъ самая ретивая душка. Въ прежнее время для истребленія волковъ не употреблялось тутъ, кромѣ охоты, никакихъ особыхъ приспособленій, но теперь нѣкоторые крестьяне начинаютъ уже выставлять противъ нихъ самодѣльные капканы, закладываютъ на почѣ уды, то-есть острые желѣзные крючки на крючковой бечевкѣ, съ пасаженою на нихъ мясною приманкой, роютъ глубокія ямы, на дно которыхъ кладутъ какое-нибудь стерво, а сверху слегка прикрываютъ жидкимъ хворостомъ и еловыми вѣтвями: отравы же не употребляютъ по дороговизнѣ и затруднительности доставать ее. Здѣсь, между прочимъ, суще-

ствуетъ предрасудочное повѣрье, что клыкъ убитаго волка служитъ самымъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ лихорадки и иныхъ простудныхъ болѣзней,—слѣдуетъ только постоянно носить его на себѣ, въ видѣ ладанки.

Медвѣдь не держится въ Пущѣ постоянно, а бываетъ только заходомъ изъ Слонимскаго уѣзда или изъ Минской губерніи. Но, привлекаемый множествомъ бортей, до которыхъ большой охотникъ, нашествія свои производитъ онъ не особенно рѣдко. Здѣсь замѣчаютъ два вида медвѣдей: обыкновенный бурый, стервятникъ, и другой—нѣсколько меньше ростомъ, покрытый мѣхомъ темно-кофейнаго цвѣта и извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *ручки*. Медвѣдь почти никогда не нападаетъ первымъ на человека, развѣ когда его раздражаютъ. Въ спокойномъ состояніи онъ даже трусливъ и нерѣдко «задаетъ драка» (удираетъ) отъ одного крика и визга пущенскихъ бабъ и дѣвокъ, когда тѣ, выйдя въ лѣсъ по грибы или по ягоды, нечаянно повстрѣчаются съ лохматымъ пустыннымъ. Движенія медвѣдя не столь тяжелы на самомъ дѣлѣ, какъ они кажутся съ виду. Правда, въ покойномъ состояніи духа онъ шлетется себѣ увальнемъ и помаленьку, но въ состояніи гнѣва или страха бѣгъ его по ровному мѣсту превосходитъ даже бѣгъ весьма сильнаго человека. Въ гору бѣжитъ онъ сравнительно еще быстрее, чѣмъ по ровному мѣсту, и это потому, что тутъ ему на много помогаютъ его длинныя заднія ноги. Зато подъ гору бѣжать ему трудно, такъ какъ здѣсь уже онъ легко рискуетъ перекувырнуться черезъ голову и покатиться кубаремъ. Двигается онъ положительно дурно только въ февралѣ, когда мѣняется кожу на подшвахъ. Искусство его въ лазаніи по деревьямъ хорошо извѣстно всѣмъ, и особенно здѣсь, въ Бѣловѣжской Пущѣ, гдѣ многочисленныя борти доставляютъ ему пріятную практику въ этомъ гимнастическомъ упражненіи. Одного только онъ очень боится: какъ бы не упасть съ дерева, и поэтому слѣзаетъ съ него не иначе, какъ задомъ напередъ, осторожно и трусливо хватаясь за сучья. Кромѣ того, медвѣдь хороший пловецъ и воды не боится нисколько. Въ жаркую пору онъ часто кушается и сидитъ въ водѣ по горло съ большимъ удовольствіемъ и довольно подолгу. Спасаясь же отъ погони, если на пути встрѣчается рѣка, онъ не задумывается бросается въ нее съ берега и переплываетъ въ совершенно примомъ направленіи. Изъ органовъ чувствъ лучше всѣхъ развито у него обоняніе, которымъ онъ, какъ полагаютъ, и руководствуется преимущественно при отысканіи добычи; приближеніе человека нерѣдко чувствуетъ за 200 и 300 шаговъ и можетъ вѣрно ходить по слѣду. Слухъ у медвѣдя довольно тонокъ, несмотря на короткія уши, зато зрѣ-

ніе плоховато, хотя глаза нельзя назвать слабыми. Повидимому, онъ нѣсколько-близорукъ, и это въ особенности замѣтно, когда онъ беретъ что-нибудь въ переднія лапы и начинаетъ разглядывать. Вкусъ его развитъ весьма своеобразно: онъ любитъ и животную и растительную пищу, а медъ и водку, какъ известно, считаетъ за величайшее лакомство. Предъ наступленіемъ зимы медвѣдь приготовляетъ себѣ берлогу въ естественныхъ ямахъ, или въ углубленіяхъ, которыя вырываетъ самъ въ темной чаще лѣса, гдѣ изъ хвороста и вѣтокъ устраиваетъ себѣ убѣжище въ родѣ шалаша, а изъ мху, травы и листьевъ дѣлаетъ мягкую и удобную постель. Зимняя спячка его отнюдь не непрерывна; напротивъ, медвѣдь просыпается довольно часто и если въ это время вѣсть не особенно много, то пьетъ довольно охотно. При оттепеляхъ, уже въ январѣ онъ время отъ времени оставляетъ свою берлогу и бродитъ по близости, чтобы напиться или поѣсть чего-нибудь, но съ наступленіемъ хорошаго мороза опять засыпаетъ и тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше удалось ему предъ тѣмъ напиться и покушать. Рожденіе дѣтенышей происходитъ постоянно въ январѣ, и этотъ фактъ извѣстный натуралистъ А. Бремъ рассматриваетъ какъ опроверженіе мнѣнія, что зимнее уединеніе медвѣдя есть спячка. Періодъ же любви у медвѣдей наступаетъ съ половинны мая и длится цѣлый мѣсяцъ. Любовь медвѣдицы къ своимъ дѣтямъ довольно извѣстна; въ это время она становится очень опасна для всѣхъ своихъ враговъ, въ томъ числѣ и для человѣка. Въ первыя три недѣли послѣ родовъ самка не ѣстъ ничего, кромѣ растительной пищи, и только уже по истеченіи этого времени начинаетъ приносить дѣтенышамъ кое-какую падаю. Медвѣди не рѣдко вступаютъ въ единоборство съ зубрами. Въ 1844 году убитъ былъ въ Пушчѣ медвѣдь, огромной величины и силы, который загрызъ тоже огромнаго стараго зубра. Этотъ своеобразный поединокъ происходилъ близъ дороги изъ села Бѣловѣжа въ Рудню, на пространствѣ около ста квадратныхъ саженой, гдѣ взрытая земля, прижатая трава, потоптанные кустарники, сложенные стволы молодыхъ деревьевъ, а нѣтъ изъ нихъ и вовсе исковерканные, вывороченныя съ корнемъ, краснорѣчиво доказывали все громадное упорство и ожесточенность борьбы, длившейся довольно долгое время. Случайные очевидцы этого поединка съ удивленіемъ рассказывали, какъ они были поражены при видѣ, съ какою немовѣрной силой зубръ, истекавшій уже кровью, какъ перышко взметалъ на рогахъ окровавленнаго медвѣдя и яростно таскалъ его на себѣ, пока тотъ наконецъ не загрызъ его до смерти. Въ 1846 году тоже убитъ былъ медвѣдь, который въ одно лѣто заѣлъ пять зубровъ. Для охраненія этихъ рѣдкост-

ныхъ животныхъ отъ подобныхъ нападеній разнаго хищнаго звѣря, лѣсная стража постоянно и тщательно наблюдаетъ за его появленіемъ. Чуть только стрѣлокъ удостовѣрится, что въ его обходѣ появились волки, рысь или медвѣдь, онъ немедленно доноситъ о томъ своему лѣсничему. Тутъ сейчасъ же, по распоряженію послѣдняго, собирается вся подвѣдомственная ему стража съ участковыми крестьянами (осочниками), и всѣ вмѣстѣ начинаютъ дѣлать облавы, пока хищникъ не ляжетъ мертвымъ. Медвѣдь вообще очень живучъ, и потому стрѣлы въ него всегда вѣрнѣе и лучше пулей, чѣмъ картечью. Послѣдняя невѣрна даже на небольшомъ разстояніи, да и вообще зарядъ картечью мало дѣйствителенъ, если ружье бьетъ не особенно хорошо или зарядъ не попадетъ весь цѣликомъ. Медвѣдь, получившій опасную рану, бѣжитъ обыкновенно къ своей берлогѣ, или прячется въ первую встрѣчную чащу, либо въ болото. Если онъ на бѣгу кашляетъ, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ хорошаго выстрѣла. Отправляясь по его слѣду стрѣлки наблюдаютъ на немъ кровь и по ея виду опредѣляютъ мѣсто гдѣ сидитъ пуля. Такъ, напримеръ, если кровь будетъ ярко-алого цвѣта и притомъ пѣнится, это значить, что пуля ударила въ легкое; если же кровь чернобурая—стало-быть поражена печень. Отсутствие этихъ характерныхъ признаковъ необходимо влечетъ за собою большую осторожность при поискахъ, такъ такъ медвѣдь, получившій рану въ бедро, въ шею или вообще въ мягкія мѣста, имѣетъ еще достаточно силы, чтобы внезапно отомстить своими объятіями неосторожно подошедшему къ нему охотнику. Въ этомъ случаѣ лучше заблаговременно зарядить свои ружья снова и, запримѣтивъ раненаго звѣря, постараться добыть его болѣе вѣрными выстрѣлами. При неопасныхъ ранахъ медвѣдь легко уходитъ, залѣчиваетъ ихъ и тогда уже становится крайне свирѣпъ и безпощадно мстителенъ въ отношеніи человѣка. Признакомъ недобитаго звѣря можетъ также служить и лай охотничьихъ собакъ: если онѣ лаютъ громко и весело, значить звѣрь поконченъ; если же станутъ издавать какіе-то нерѣшительные и боязливые звуки, тогда торопитесь заряжать ваши ружья и приближайте около раненаго охотничій кругъ, чтобы добыть его въ то время, когда онъ поднимется съ цѣлью прорваться.

Въ прежнее время, когда медвѣди появлялись въ Пушчѣ сравнительно гораздо чаще чѣмъ теперь, мѣстные крестьяне-осочники употребляли еще и слѣдующій способъ ловли этого звѣря; замѣтивъ въ лѣсу слѣды медвѣжьего присутствія, они избирали какое-нибудь дерево съ бортью и къ одному изъ его сучьевъ привязывали на веревкѣ толстую, тяжелую колоду, такимъ образомъ чтобы она закрывала собою отверстіе борти; на землю же, какъ-разъ подѣ

этимъ мѣстомъ, клали борону, а иногда и двѣ, и три, съ желѣзными колками. Лохматый лакомка, добравшись до борти, старался отодвинуть лапой колоду, которая конечно сама-собою возвращалась на прежнее мѣсто—и вотъ между ними поднималась борьба. Чѣмъ ожесточеннѣе и сильнѣе ударъ медвѣдя, тѣмъ сильнѣе въ свою очередь отвѣтный ударъ по нему колоды, и это длилось до тѣхъ поръ, пока ошеломленный и измученный медвѣдь не падалъ съ высоты прямо на острия бороны, гдѣ и расшибался жесточайшимъ образомъ.

IV.

Зубръ (*Bos urus*, *Auerochs*, *Bonassus*) въ настоящее время сохранился для Европы въ одной лишь Бѣловѣжской Пушчѣ. Есть свидѣтельства, будто бы въ наши дни онъ водится еще мѣстами на Кавказѣ и въ Средней Азій, но въ послѣдней, какъ заявляетъ А. Бремъ, исключительно у береговъ озера Коконоръ. Впрочемъ, это мнѣнiе нельзя признать за безусловно достовѣрное, такъ какъ Бремъ, высказывая его, основывается не на личномъ своемъ изслѣдованiи, а на рассказахъ. По словамъ же нѣкоторыхъ изъ нашихъ старыхъ кавказцевъ, имѣвшихъ въ жизни случаи встрѣчать бѣловѣжское и кавказское животное, послѣднее походить скорѣе на нѣчто среднее между бизономъ и буйволомъ. Не имѣя случая наблюдать кавказскаго звѣря, мы конечно не можемъ дать положительнаго заключенiя ни въ ту, ни въ другую сторону и констатируемъ фактъ такъ, какъ о немъ говорятъ другіе.

Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Яроцкій и П. Бобровскій, признаютъ, что зубръ и туръ есть одно и то же животное; но Бремъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и говоритъ, что подъ зубромъ (*Wisent*) онъ разумѣетъ то самое животное, которое многіе изъ новѣйшихъ натуралистовъ *несправедливо* называютъ *Auerochs*. Дикому быку Бѣловѣжской Пушчи, по мнѣнію этого ученаго, принадлежитъ единственно и исключительно имя *Wisent*, а *Auerochs* оми наши предшественники называли-де животное, весьма отличное отъ зубра. На основанiи сочиненiй старыхъ натуралистовъ, онъ приходитъ къ заключенiю, что въ прежнія времена водились въ Европѣ два вида дикихъ быковъ, такъ какъ Сенека, Плиній, Альбертъ Магнусъ, Т. Кантапративизъ, Марцинола, Вареломей Англичъ, П. Цидикъ, Герберштейнъ и Геснеръ—все въ одинъ голосъ говорятъ о двухъ дикихъ быкахъ, жившихъ одновременно, и обоихъ описываютъ довольно подробно; а такъ какъ зубра мы еще имѣемъ предъ глазами, то естественно принять за вѣрное и описанiе другого вида дикаго быка, извѣстнаго намъ уже только по окаменѣлымъ черепамъ. И дѣйствительно, въ Гродненской губерніи иногда слу-

чается выкапывать черепъ и кости ископаемаго быка, тогда какъ ископаемаго окаменѣлаго черепъ зубра донынѣ еще ни разу нигдѣ не встрѣчалось. Это обстоятельство можетъ отчасти служить подтвержденiемъ мнѣнiя А. Брема. Плиній, по мнѣнію этого ученаго, знаетъ *Bonassus*’а, то-есть именно зубра, котораго живымъ привозили въ Римъ для украшенiя цирка, и отличаетъ его положительно отъ *Urus*’а, говоря, что первый замѣчательнѣе по густой гривѣ, а второй по огромнымъ рогамъ. Цезарь ¹⁾ упоминаетъ о дикомъ быкѣ, водившемся въ Германіи, который нѣсколько похожъ на домашняго, но имѣетъ гораздо большіе рога. «Охота за этимъ быкомъ, говоритъ онъ, считается одною изъ самыхъ славныхъ». «Ясно, что Цезарь разумѣетъ не зубра, а другого дикаго быка», замѣчаетъ Бремъ по этому поводу и приводитъ свидѣтельства позднѣйшихъ по времени писателей, которые высказываются еще опредѣленнѣе. Такъ, напримеръ Лука Давидъ разказываетъ, что герцогъ Отто Брауншвейгскій въ 1240 году «подарилъ братьямъ (то-есть монахамъ) дикихъ быковъ и зубровъ» (*Auerochsen und Visonten*). Крамеръ пишетъ, что князь Владиславъ въ 1364 году «убилъ въ задней Помераніи зубра, который считается больше *дикаго быка*». М. Миховъ сообщаетъ о дикихъ быкахъ и зубрахъ, живущихъ въ лѣсахъ Литвы, и которыхъ туземцы называютъ *тури* и *юмбронесъ*. И точно, для каждаго становится яснымъ, что слова *зубръ*, *изюбрь* (по-русски) и *юмбронесъ* (по-литовски) звучатъ довольно сходно между собою. Довольно вѣрнымъ указанiемъ служатъ также и слѣдующіе стихи въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, при описанiи охоты Зигфрида въ Висгау, гдѣ говорится о зубрѣ и лосѣ:

„Darnach schlug er wieder ein Wiesent und einen Elk,
Starker Auer viere und einem grimmen Schelh“.

Но положительнѣе всѣхъ на этотъ счетъ высказывается Герберштейнъ, отправленный императоромъ Сигизмундомъ въ качествѣ посла къ польскому двору. Герберштейнъ, въ позднѣйшемъ изданiи своей книги о Россіи и Польшѣ, сообщаетъ даже и рисунки того и другого звѣря. Картинка, изображающая быка, нѣсколько похожаго на быка обыкновеннаго, подписана такъ: «Я—*Urus*, котораго поляки называютъ *Tur*, нѣмцы *Auerox*, а невѣжды *Bison*». На второмъ же рисункѣ, гдѣ ясно представлень теперешній зубръ, стоитъ слѣдующая подпись: «Я—*Bison*, котораго поляки называютъ *Subr*, нѣмцы *Wisent*, а невѣжды *Urochs*». Въмѣстѣ съ рисунками, Герберштейнъ даетъ намъ и описанiе того и другого звѣря. «Литовскій зубръ «бизонъ», говоритъ онъ, неправильно на-

¹⁾ „De bello Gallico“, VI, 28.

зывается въ Германіи Ауох или Уох. Имена эти принадлежатъ другому быку Uguis, имѣющему складъ тѣла какъ у обыкновеннаго быка, тогда какъ Bison рѣзко отличается отъ послѣдняго». (Слѣдуетъ описаніе наружности зубра.) «Ugocbs встрѣчается только въ Мазовіи, продолжаетъ Герберштейнъ; тамъ его называютъ Tur, въ Германіи же неправильно Uroch. Это просто дикіе быки, отличающіеся отъ домашнихъ только по цвѣту: они совсѣмъ черны и вдоль хребта имѣютъ бѣлую полосу». Гесснеръ, въ XVI столѣтіи, тоже даетъ намъ ясныя рисунки и описанія того и другого звѣря и говоритъ, что «кромя прибыли отъ кожи и мяса этихъ животныхъ (зубровъ), весьма цѣнятся ихъ рога, считающіеся княжескимъ украшеніемъ и драгоценностью; ихъ обдѣлываютъ въ серебро и употребляютъ въ видѣ кубковъ, подносимыхъ князьямъ и вельможамъ. Литовцы и до сего дня сохранили этотъ обычай». *) Начиная съ XVII вѣка, отзывы писателей становятся сбивчивыми, и наконецъ они говорятъ только объ одномъ дикомъ быкѣ, называя его то зубромъ, то туромъ. Очевидно, что туръ, то-есть настоящій дикій быкъ, вымеръ въ этотъ промежутокъ времени, и потому писатели потеряли возможность говорить о томъ и другомъ видѣ, основываясь на личныхъ своихъ наблюденіяхъ.

Какъ бы то ни было, но нынѣшній зубръ извѣстенъ былъ еще въ глубокой древности. Кромѣ выше названныхъ писателей, о немъ упоминаетъ и Тацитъ †). Плиній же говоритъ, что у богатыхъ людей его времени были въ модѣ особые фонарики, сдѣланные изъ роговъ зубра; пропуская пріятный свѣтъ, они служили однимъ изъ комнатныхъ украшеній. У литовцевъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, какъ и по вышеприведеннымъ словамъ Гесснера, зубровые рога оправлялись въ серебро, обкладывались драгоценными камнями и употреблялись вмѣсто бокаловъ при задранныхъ то-

стахъ, а шкуры зубровъ шли на обшивку военныхъ лодокъ и челноковъ, причемъ швы напивались саломъ, чтобы не промокали. Въ походахъ эти легкія лодки всегда были при арміи, и на переноску каждой не требовалось болѣе двухъ человекъ; лошадей же при переправахъ литовцы всегда пускали вплавь, держа за поводья. Въ древнія времена, изъ кожи, снятой со лба зубра, выдѣлывали пояса, которые были въ большомъ почетѣ и употреблены у замужнихъ женщинъ, служа талисманомъ, облегчающимъ роды. Эти пояса цѣнились столь высоко, что были даже приносимы въ даръ царственнымъ особамъ. Королева Бона въ 1548 году подарила два такихъ пояса барону Герберштейну, и одинъ изъ нихъ онъ поднесъ въ Вѣнѣ супругу императора.

Въ древности зубръ, никогда не отличавшійся избыткомъ своего племени, былъ все-таки распространенъ на значительномъ болшемъ пространствѣ чѣмъ въ послѣдствіи. Во времена древней Греціи его встрѣчали довольно часто въ Неоніи (нынѣшней Болгаріи). Въ средней Европѣ онъ водился почти повсемѣстно и попадался даже на югѣ Швеціи. Мы уже выше привели свидѣтельство саги о Нибелунгахъ, гдѣ говорится, что Зигфридъ убилъ зубра въ Васгау. Аристотель, описывая съ большою точностію этого звѣря, называетъ его «бонасусъ», Плиній же говоритъ о немъ какъ о «бизонѣ» и полагаетъ родиной его Германію. При Карлѣ Великомъ зубръ обиталъ еще на Гарцѣ и въ Саксоніи; въ 1373 онъ водился въ Помераніи, въ XV столѣтіи въ Пруссіи, въ XVI въ Литвѣ, въ XVII въ Восточной Пруссіи между Тильзитомъ и Лаубаномъ, наконецъ въ XVIII вѣкѣ въ Трансильваніи. Но съ тѣхъ поръ Бѣловѣжская Пуща стала уже единственнымъ его убжищемъ.

Названіе *зубра*, *зубера*, *жубы* есть чисто мѣстное, литовско-русское. Названія, происшедшія отъ слова *туръ*, встрѣчаются какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, напримѣръ городъ Туровъ. Но тѣ названія, которыя имѣютъ корнемъ слово *зубра*, существуютъ только въ Гродненской губерніи, а именно: въ Бѣловѣжской Пушѣ—Зубровый кутъ, Зубрица, Зубровка, и въ Гродненской Пушѣ—деревня Зуброво.

Постоянная расчистка глухихъ земельныхъ пространствъ подъ новыя пашни и поселенія, осушеніе болотъ и истребленіе лѣсовъ сначала въ Германіи, а затѣмъ въ Польшѣ и въ западной Россіи, все болѣе и болѣе суживали районъ распространенія и убжища зубра, пока-то наконецъ не нашелъ онъ для себя тихаго и мирнаго пристанища въ лѣсу Бѣловѣжскомъ. Здѣсь ему стало совсѣмъ привольно и покойно, такъ какъ Пуща уже съ давнихъ временъ составляла заповѣдную собственность сперва литовско-русскихъ князей, а потомъ королей Польскихъ. Въ Якутурской Пушѣ (въ

*) Въ коллекціи оружія и рѣдкостей пиущаго эти строки находятся два экземпляра подобныхъ роговъ. Одинъ—древній, обдѣланный въ серебро, въ восточномъ вкусѣ, вывезенъ съ Кавказа, гдѣ подобные кубки извѣстны подъ именемъ *турскихъ роговъ*; другой же пріобрѣтенъ въ мѣстечкѣ Свислочи, у токаряго мастера Рѣштынскаго, безъ всякихъ серебряныхъ украшеній; но разница между основною формой и цвѣтомъ того и другого рога слишкомъ очевидна: первый большой, болѣе отлогій и сѣроватый, второй же, именно *зубровый рогъ*, гораздо меньше, изогнутъ круче, совершенно чернаго цвѣта, и для того, кто видѣлъ зубра, не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ дѣйствительной принадлежности своей сему послѣднему звѣрю. Это, пожалуй, тоже можетъ быть изъ некоторой степени служить оправданіемъ нашему сомнѣнію, точно ли звѣрь, водившійся на Кавказѣ, есть зубръ, а не туръ, неоднородность коихъ (въ Европѣ по крайней мѣрѣ) Времъ доказываетъ многими свидѣтельствами.

†) „Annales“ I, стр. 72.

Царствъ Польскомъ) туръ существовалъ до 1627 года, и вообще въ XVII столѣтїи считался тамъ уже величайшею рѣдкостью. Въ нынѣшней Восточной Пруссїи послѣдній экземпляръ этого звѣря, несмотря на все покровительство, которымъ уже долго пользовался, убитъ былъ неподалеку отъ Тильзита въ 1755 году какимъ-то браконьеромъ. Въ 1815 году зубровъ всего — на-все считалось только 300 головъ; но съ тѣхъ поръ, благодаря заботливому вниманію и попеченіямъ правительства, порода эта не только поддержалась, но и значительно умножилась: въ 1857 году въ Пушчѣ насчитывали 1.898 головъ. Однако, съ тѣхъ поръ число зубровъ опять пошло на убыль, такъ что въ 1871 году было только 477 экземпляровъ этого звѣря. Что касается до причинъ такой убыли, то о нихъ мы скажемъ впоследствии.

Натуралисты относятъ зубра къ разряду жвачныхъ двукопытныхъ изъ семейства пастушихъ. Хотя зубръ все еще остается самымъ могучимъ животнымъ европейскихъ странъ, но сравнительно со своими предками прежнихъ вѣковъ, онъ уменьшился не только въ числѣ, но и въ ростѣ, и объемѣ. Въ наше время средняя величина взрослого зубра, считая отъ роговъ до хвоста, равняется восьми футамъ; вышина его отъ переднихъ копытъ до верху горба $5\frac{1}{2}$, а отъ заднихъ копытъ до крестца $4\frac{1}{2}$ фута; объемъ же корпуса въ передней части тѣла равенъ $11\frac{1}{4}$ футамъ. Средній вѣсъ животного отъ 35 до 40 пудовъ. Но какъ образецъ древняго зубра можетъ служить экземпляръ, убитый на королевской охотѣ 1752 года. Этотъ великанъ вѣсилъ 24 центнера и 50 фунтовъ ¹⁾.

Наружность зубра чрезвычайно красива: въ ней есть нѣчто гордое, величественное. Черные рога его не велики и закруглены; они посажены такъ, что держатся раскидисто, поданы впередъ и слегка приподняты вверхъ, а въ острыхъ концахъ своихъ загнуты нѣсколько назадъ. Большой и выпуклый глазъ очень красивъ и выразителенъ; цвѣтъ его — исключительно чернѣйшій, съ красноватымъ отливомъ, но поставъ глазъ таковъ, что если животное вытянетъ шею впередъ, то оно не можетъ видѣть прямо предъ собою, и для болѣе внимательнаго разсмотрѣнія какого-либо предмета принуждено поворачивать въ сторону голову. При короткой шеѣ зубръ вообще держится сутуловато, такъ что рѣпа хвоста приходится у него нѣсколько выше тѣмени, и отъ этой сутуловатости онъ смотритъ всегда внизъ и какъ бы исподлобья. Мѣстные полѣсовщики, которымъ чаще и ближе чѣмъ кому-либо приходится наблюдать жизнь и нравы зубра, увѣряютъ, что онъ можетъ видѣть ночью столь же хорошо какъ и днемъ.

Поставъ туловища у него спереди нѣсколько выше чѣмъ сзади, несмотря на то, что переднія ноги короче заднихъ. Зубръ вообще тугоухъ, и хотя къ задъ онъ суживается, но костлявости въ немъ вовсе не замѣтно. Бурогнѣдая и вообще темная шерсть его — на вискахъ, на бородѣ, у копытъ и въ хвостовой кости принимаетъ совершенно чернѣйшій цвѣтъ; грива тоже черная, но нѣсколько свѣтлѣе бороды, которая густо обрамляетъ собою сильно развитый и округленный подбородокъ и продолжается, въ видѣ нижней гривы, между переднихъ ногъ до половины живота. Какъ борода, такъ и обѣ гривы очень пушисты и курчавы, да и вообще зубриная шерсть весьма мягка и нѣжна на ощупь, и зимой сильно отроσταетъ. Съ конца февраля зубры начинаютъ зимній волосъ и къ началу апрѣля, вылинявъ окончательно, становятся гладше, лоснистѣе; но у годовалыхъ зубратъ шерсть, отличающаяся пестелю-сѣрою окраской, постоянно остается нѣсколько длинною и пушистою. Губы, нѣбо и языкъ, какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ всегда отличаются черно-синимъ цвѣтомъ. Ротъ зубра не великъ, прорѣзъ ноздрей идетъ вкось, и самыя ноздри значительно обращены въ стороны. Морда скорѣе сухожава чѣмъ одутловата и къ концу суживается въ родѣ козлиной. У зубрицы видны только четыре соска, но вовсе нѣтъ вымени. Кожа зубровъ весьма крѣпка, ноздревата и по крайней мѣрѣ вдвое толще, чѣмъ у крупныхъ домашнихъ животныхъ изъ породы жвачныхъ. Зубры не издаютъ на свободѣ ни рева, ни мычанья; эти звуки являются у нихъ только въ плѣну, въ клѣткѣ, или же какъ выраженіе сильнѣйшей тоски и отчаянія; на свободѣ же голосъ у нихъ не громокъ, и звукъ, производимый имъ, старые охотники лучше всего сравниваютъ съ тѣмъ шумомъ, который издаютъ крылья рябчиковъ при взлетѣ. Русскіе и польскіе натуралисты неоднократно пользовались случаями, чтобы производить вскрытіе убитыхъ зубровъ для изученія ихъ внутренностей. При этихъ опытахъ всегда оказывалось, что зубровый мозгъ издаетъ особый, весьма пріятный и только ему одному свойственный запахъ, который, заключая въ себѣ нѣчто искусное, напоминаетъ въ то же время тонкій ароматъ фіалки. По наблюденіямъ бывшихъ офицеровъ лѣсной пушеческой стражи, тѣло убитаго зубра пухнетъ и вздымается очень скоро послѣ смерти. Если у мертваго вздувагося зубра разрѣзать животъ и поднести къ этому мѣсту зажженную свѣчку и свѣчу, то выходящій изнутри азотный газъ загорается и даетъ тонкій языкъ пламени длиною до цѣлаго аршина. Чтобы имѣть хорошее жаркое, зубровое мясо надо предварительно вымачивать нѣсколько сутокъ въ крѣпкомъ уксусѣ или въ красномъ винѣ и жарить на рожнѣ, хорошенъко нашинговавъ

¹⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 440.

свинным саломъ. При соблюденіи этихъ условій, оно становится очень вкуснымъ, гораздо вкуснѣе лосиного, приобретаетъ рыхлость и сочность, особенно если это будетъ мясо самки или молодого зубра. Но насколько хорошо мясо жареное, настолько же оказывается негоднымъ вареное. Въ семъ послѣднемъ случаѣ оно получаетъ неприятный багровый цвѣтъ и какъ-то съживается. Пробовали было коптить зубровые окорока, но опыты вышли неудачны: копченое мясо отдѣляется волокнами и не совсемъ-то вкусно. Мясо же старыхъ зубровъ-одышекъ всегда бываетъ твердымъ, жесткимъ и вкусомъ подходитъ къ лосиному. Поляки считали солонину изъ зубрового мяса очень лакомымъ кушаньемъ и нѣкогда посылали ее даже въ подарокъ княжескимъ и владѣтельнымъ дворамъ, какъ особенную гастрономическую рѣдкость.

Образъ жизни и нравъ этого животнаго въ настоящее время довольно хорошо извѣстны, благодаря постояннымъ наблюденіямъ стрѣлковъ, крестьянъ-осочниковъ и въ особенности лѣсныхъ офицеровъ. Зубры обыкновенно живутъ стадами. Болѣе молодые особи на лѣтнее время группируются въ небольшія кучки, отъ десяти до пятнадцати или двадцати головъ, зимою же соединяются въ стада штукъ до пятидесяти. У каждого такого стада, равно какъ и у кучки, непременно есть свой вожакъ, роль котораго беретъ на себя всегда болѣе опытный старый самецъ или самка, но послѣдняя чаще предводительствуетъ въ кучкахъ. Эти небольшія стада и кучки держатся большею частью въ своихъ особыхъ, однажды избранныхъ участкахъ, рѣдко переходя въ смежныя части Пуши. Подобные участки всегда находятся по близости пущескихъ рѣкъ и рѣчекъ, и вѣдь-то, въ теченіе лѣта и осени зубръ живетъ преимущественно въ сырыхъ чащахъ (багнахъ), а съ наступленіемъ зимы перебирается въ болѣе высокія сухія мѣста—на *руды* и *боры*. Иногда, впрочемъ, стада, какъ бы по общему соглашенію, мѣняютъ части Пуши, или, вѣрнѣе сказать, *комы* ея. Такъ, напримѣръ лѣтъ десять тому назадъ, любимымъ ихъ пребываніемъ было урочище Турлея, близъ Королева моста, въ южной части Бѣловѣжской Пуши; нынѣ же—Долгій Боръ и берега рѣчки Крияницы. Послѣ лѣсныхъ пожаровъ,стребляющихъ иногда большія пространства этого дивнаго лѣса, или послѣ большихъ засухъ зубры по чутью идутъ въ ту сторону Пуши, надъ которою прошла полоса дождя. Если съ лѣта или съ осени въ какомъ-либо участкѣ лѣса былъ пожаръ, то можно съ полною увѣренностью сказать, что на будущую весну зубры возвратятся именно въ этотъ участокъ, такъ какъ они знаютъ, что на мѣстѣ пожара найдутъ себѣ новую свѣжую и сочную траву. Хотя въ обществѣ зубровъ царствуетъ вели-

чайшее согласіе, но тѣмъ не менѣе два отдѣльных стада сходятся не охотно, не вдругъ, и меньшія кучки, по возможности, избѣгаютъ большихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что зубръ-самецъ бываетъ общителемъ, то-есть склоненъ къ стадной жизни, только до извѣстнаго періода своего мужескаго возраста, съ годами же, и особенно въ старости, совершенно утрачиваетъ это качество и становится—если можно такъ выразиться—нежудимымъ. Престарѣлый зубръ отдѣляется отъ стада и бродитъ себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего и дано ему названіе *одышекъ*. Иногда случается, что старики бродятъ и по два мѣстѣ, и тогда подобная пара у мѣстныхъ обывателей называется *самосторомъ* (самъ-другъ). Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи зубръ отличается качествомъ прямо противоположнымъ характеру всѣхъ вообще стадныхъ животныхъ, а именно: извѣстно, что стадное животное чувствуетъ себя спокойнѣе, безопаснѣе и стало-быть храбрѣе тогда, когда оно находится въ обществѣ себя подобныхъ, гдѣ на случай опасности существуетъ такъ-сказать круговая порука, взаимная поддержка: въ одиночку же подобное животное всегда болѣе или менѣе теряется, труситъ и сразу оказывается склоннымъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. У зубровъ это совершенно наоборотъ. Хотя и нельзя ни въ какомъ случаѣ отнести ихъ къ разряду трусливыхъ животныхъ, но особи, бродящія въ стадахъ, и преимущественно молодыя, всегда и во всѣхъ случаяхъ при малѣйшемъ намекѣ на опасность обнаруживаютъ болѣе боязни и склонности къ бѣгству цѣлымъ стадомъ, чѣмъ старики-одышки. Эти послѣдніе не только не ищутъ избѣгнуть грозящей имъ опасности, но стойко выжидаютъ ее и даже сами идутъ на нее, въ твердой рѣшимости помѣриться силами съ дерзкимъ противникомъ и ни за что не уступить ему добровольно. Въ этихъ случаяхъ они приходятъ въ яростный гнѣвъ, а съ гнѣвомъ зубра, и особенно одынца, шутить нечего. Какъ благородное животное онъ еще издали и такъ-сказать заблаговременно предупреждаетъ врага о своемъ гнѣвѣ. Въ первомъ порывѣ этого чувства зубръ начинаетъ потрясать наклоненною головою, потомъ роетъ копытомъ землю, облизывается и вертитъ своимъ сине-чернымъ языкомъ, затѣмъ съ силою бьетъ себя нѣсколько разъ, но не часто, хвостомъ по бедрамъ и наконецъ стремительно и быстро бросается на противника. Взглядъ его въ это мгновеніе представляется облитымъ кровью. Столкновение же съ нимъ въ такую минуту грозитъ почти неминуемою смертью. Достаточно сказать, что не только человѣка, но даже лошадь онъ можетъ взметнуть рогами на воздухъ какъ ничтожную собаченку, и оттого-то лошади страшно боятся зубровъ и чувствуютъ къ нимъ инстинктивное отвращеніе. Еще издали, не

видя даже звѣря предъ собою, онѣ уже показываютъ эти смятенныя чувства, а при его приближеніи несутъ куда пошало, черезъ пни и колоды. Если же могучій одынецъ появится предъ ними на дорогѣ совсѣмъ неожиданно и внезапно, онѣ начинаютъ биться на мѣстѣ какъ шальные, взвиваются на дыбы, бросаются животомъ на землю, и вообще во всѣхъ движеніяхъ и во взглядѣ своемъ обнаруживаютъ крайній ужасъ.

Движенія зубра на первый взглядъ могутъ показаться тяжелыми и даже неуклюжими; но этотъ первый взглядъ очень обманчивъ: зубръ весьма быстръ на бѣгу, хотя и скачетъ тяжелыми прыжками, особенно же быстрота его достигаетъ полного своего развитія при разъяренномъ состояніи, и тогда всѣ движенія его становятся очень проворными и даже ловкими. Онъ несется не иначе, какъ опустивъ низко къ землѣ голову и удруго поднявъ хвостъ съ развивающеюся кистью.

Въ покойномъ состояніи звѣрь этотъ вообще не трогаетъ человѣка, если тотъ проходитъ мимо него безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній или выходокъ; но достаточно со стороны путника малѣйшаго повода къ нападенію, чтобы зубръ пришелъ въ самое ужасное бѣшенство, и тогда уже дѣло становится крайне опаснымъ. Во всякомъ случаѣ при путешествіи по дебрямъ и трудобамъ Бѣловѣйской Пушчи не слѣдуетъ имѣть на себѣ что-либо красное, потому что зубры терпѣть не могутъ краснаго цвѣта и при видѣ его тотчасъ же впадаютъ въ неукротимую ярость. Бывали неоднократные случаи, что бабы и дѣвушки, отправлявшіяся въ лѣсъ по ягоды въ красныхъ платкахъ на головѣ, становились жертвами ярости зубровъ; особенно же случилось это, какъ говорить, въ Свислочскомъ лѣсу, куда забредаютъ иногда одынцы, переправляясь въ-бродъ или вплавь черезъ пограничный Наревъ. Пушенскія женщины уже довольно проучены въ этомъ отношеніи и потому, идучи въ лѣсъ, никогда не надеваютъ на себя краснаго. Лѣтомъ зубры вообще стараются избѣгать людей, но зимой никому не уступаютъ дороги. Слухъ и обоняніе у нихъ развиты въ весьма сильной степени, такъ что стадо, завидѣвъ человѣка даже за пятьсотъ шаговъ, немедленно уходитъ подальше отъ него въ густыя чащи. Зато одынцы нисколько не боятся людей и ни за что не желаютъ уступать имъ господства и первенства въ мѣстахъ своего обиталища. Пушенскими крестьянамъ не разъ приходится зимой ожидать, притаивъ гдѣ-нибудь вдалекѣ за кустами, пока суровому одынцу благоугодно будетъ сойти съ занятой имъ дороги. Въ такихъ случаяхъ, если пѣтъ по-близости какой-либо тропинки, свернуувъ на которую можно бы взять въ объѣздъ, то крестьяне предпочитаютъ уже лучше по-добру по-здорову поворачивать оглобли

назадъ, во избѣжаніе возможности трагическаго исхода. Дикость, упрямство и вспыльчивость являются самыми характеристическими качествами зубра, и при такихъ-то свойствахъ одынцы, находящіе какъ будто особое удовольствіе завязать драку съ человѣкомъ, нерѣдко становятся истинными бичами всей окрестности. Рассказываютъ, что одинъ старый зубръ долгое время безчинствовалъ на главной пушенской дорогѣ, ведущей отъ Гайнонки къ селу Бѣловѣжю. Онъ не уступалъ даже предъ большими громоздкими экипажами и успѣлъ надѣлать много бѣдъ. Лишь только почуетъ, что въ невозможныхъ саняхъ везется свѣжее сѣно, онъ, выскочивъ изъ засады, которую устраивалъ себѣ въ густомъ придорожномъ ельнякѣ, становился вдругъ среди дороги, какъ-разъ предъ лошадей, и начиналъ издавать свое злобное *хурхачье*, требуя такимъ образомъ отъ путешественниковъ насильственную подать за право проѣзда. Догадливые сѣдоки должны были торопиться исполнить его настойчивое требованіе и какъ можно скорѣе выбросить ему кулъ сѣна; въ противномъ же случаѣ, а особенно если еще одынцу грозилъ при этомъ кутомъ, онъ мгновенно приходилъ въ ярость, вздымая хвостъ и бросаясь на сани, поднималъ ихъ рогами и въ одинъ толчокъ опрокидывалъ вверхъ полозьями, со всѣмъ ихъ сѣномъ, поклажей и сѣдоками. Тутъ уже было плохо, и не мало людей жестоко поплатились за свою неуступчивость.

При столь неудобныхъ качествахъ своего нрава, зубръ тѣмъ не менѣе очень веселое, подвижное животное и охотно играетъ самъ съ собою и съ другими своими сопастниками, а телята постоянно и очень рѣзко прыгаютъ, заигрывая другъ съ другомъ и нерѣдко въ шутку дразнятъ и бодаютъ одинъ другого рогами. Жизненная дѣятельность зубровъ проявляется какъ днемъ, такъ и ночью. Ъдутъ они обыкновенно въ ночное время и всего охотнѣе до полуночи, а потомъ на разсвѣтѣ; въ полдень же отдыхаютъ, для чего и уходятъ на «груды» и «боры», выбирая преимущественно песчаные холмы, на которыхъ роютъ себѣ «куплиски» (то-есть купальни) и скрываются въ нихъ отъ мухъ и насѣкомыхъ. Неотвѣзчивыя нападенія этихъ мелкихъ враговъ доводятъ зубровъ до того, что они бѣгутъ въ болота, въ рѣки и валяются на песокъ въ своихъ «куплискахъ», на подобіе лошадей, вскакивая вверхъ ногами, копаютъ песокъ и обрасываютъ имъ другъ друга. Вроде-то, всѣ эти приемы въ «куплискахъ» употребляются ими не исключительно противъ мухъ и насѣкомыхъ, но также и при взаимныхъ играхъ.

Въ Бѣловѣйской Пушчѣ въ изобиліи растетъ одна трава изъ рода томковыхъ, которую мѣстные жители называютъ «зубровкою», а поляки—«турью травой», «туровкою». Зубровка

отличается от других родственных ей трав, имющих томковый запах, особенным пыльным налетом, который покрывает нижнюю сторону ее листьев. Эта-та зубровка составляет самый любимый и самый лакомый подножный корм зубров, и изобилие ее в Бѣловѣжской Пушѣ является, безъ сомнѣнія, одною изъ важныхъ причинъ, почему они держатся именно въ этомъ мѣстѣ, не ища себѣ новыхъ обиталищъ. Случается, что стада зубровъ переходятъ иногда въ сосѣдніе лѣса, но если не найдутъ тамъ зубровки, то всегда возвращаются въ Пушу послѣ самой непродолжительной отлучки. Замѣчено также, что зубры хотя и держатся въ смежныхъ казенныхъ пушкахъ: Свислочской, Шерешевской, Яловской и Лядской, почти непосредственно прилегающихъ къ Бѣловѣжской и составляющихъ съ нею какъ бы одно цѣлое, тѣмъ не менѣе держатся онѣ тамъ въ самомъ незначительномъ количествѣ головъ, и именно потому, что въ этихъ лѣсахъ сравнительно мало растетъ зубровки. Жирное, сочное растеніе *хробусть* составляетъ наиболѣе любимую пищу зубра послѣ зубровки. Стрѣлки утверждаютъ, что онѣ преимущественно любятъ всякую горькую кору, но кора ясени, повидимому, составляетъ для него особенное лакомство; поэтому онѣ безпощадно обдираютъ деревья такъ высоко, какъ только могутъ, нагибаютъ молодые гибкіе стволы и объѣдаютъ до глѣ кору, почки и листья. Осенью любятъ онѣ мохъ, растущій на деревьяхъ, особливо же омелью, находимую на ивахъ и осинахъ, но опушкамъ прогалинъ; но мховъ, растущихъ на землѣ, вовсе не трогаетъ. Въ это же время года, а также и весной цѣлыя стада зубровъ выходятъ на смежныя съ Пушѣю поля и съ удовольствіемъ лакомятся входящими молодой ржи, вырывая ее цѣлыми клочками. Крестьяне собираются гурьбой и съ криками прогоняютъ ихъ въ лѣсъ, но на другой же день стада снова появляются, къ истинному огорченію земледѣльцевъ, которые въ это время такъ ужъ и держатъ на поляхъ постоянные караулы. Съ наступленіемъ весны зубры замѣтно тощатъ послѣ зимней проголоди, и, пока не выростетъ на ихъ любимыхъ лугахъ достаточно сочная трава, ѣдятъ почки листовыхъ породъ, преимущественно ясени, рябины, осины, липы и разныхъ видовъ ивы, но хвойныхъ деревьевъ не трогаютъ никогда. Кора, почки и молодые прутья служатъ имъ кормомъ и зимой, на время которой однако заботливая администрація, въ силу правительственныхъ постановленій, заготавливаетъ для нихъ весьма значительные запасы сѣна. Въ разныхъ мѣстахъ Пуши это сѣно складывается въ стога, исключительно ради зубровъ, которые однако принимаются за него не ранѣе, какъ совершенно уже не станетъ подножного корма. Приступая къ сѣву, зубры прежде всего ста-

рается разметать стогъ, донскиваясь не выдохшею травой, и отъ этого много сѣна пропадаетъ даромъ. Но не довольствуясь своимъ, такъ-сказать, казеннымъ кормомъ, эти животные, и преимущественно старики-одиночки, любятъ отбирать сѣно насильственнымъ путемъ у пущенскихъ обитателей; для этого они ломаютъ изгороди, высаживаютъ рогами ворота въ сѣнныхъ сараяхъ и чрезъ то нерѣдко наносятъ большіе убытки крестьянамъ. Уже съ давнихъ временъ для заготовленія сѣна въ зимній кормъ зубрамъ, правительство отвело въ разныхъ мѣстахъ Бѣловѣжской Пуши особые луга, подъ именемъ зубровыхъ сѣнокосовъ, въ количествѣ 67 десятинъ и 1.100 квадр. сажень, а послѣ 1860 года, принимая во вниманіе умножившееся число зубровъ, къ прежнему пространству луговъ добавлено еще 203 десятины 986 квадр. сажень. Въ Пушѣ существуетъ нѣсколько деревень государственныхъ крестьянъ, специально называвшихся «осочниками», вся обязанность которыхъ заключалась въ косовѣ сѣна для зубровъ, и такъ какъ оно косилось преимущественно на низменныхъ мокрыхъ лугахъ, гдѣ нерѣдко растетъ осока, то отсюда произошло и самое названіе «осочники». Съ 1869 года обязанности осочниковъ отменены и косовъ сѣна для зубровъ производится посредствомъ вольнаго найма, съ платой поденно отъ 30 до 40 копейекъ, причѣмъ въ вольные косцы нанимаются преимущественно все тѣ же прежніе осочники.

Есть нѣкоторыя травы, которыхъ зубры тщательно избѣгаютъ, такъ напримѣръ они совершенно обходятъ мѣста, поросшія богульникомъ; но зато нерѣдко падаютъ они отъ травы *сити вигоза*, которую иногда не отличаютъ въ то время, когда имъ очень хочется ѣсть, такъ какъ эта цикута растетъ во многихъ мѣстахъ и притомъ въ смѣшеніи съ другими съѣдобными травами. Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ условій существованія зубра является необходимость свѣжей проточной воды; поэтому-то они и держатся обыкновенно около рѣкъ и рѣчекъ, а въ особенности около рѣчки или скорѣе ручья Криницы. Эта Криница пересѣкаетъ почти на самой срединѣ большую дорогу изъ Гайновки въ село Бѣловѣжъ, проходитъ чрезъ огороженный императорскій звѣринецъ и впадаетъ въ рѣчку Лотовню, которая въ свою очередь вливается въ Наревку. Криница замѣчательна тѣмъ, что постоянно въ самые жестокие жары сохраняетъ студеною и очень прозрачною воду, а зимой не замерзаетъ даже въ самые сильные морозы, и при всемъ томъ теченіе ея вовсе не отличается быстротою; напротивъ, ее скорѣе можно назвать очень тихоструйною рѣчечкой.

Въ августѣ, иногда въ началѣ сентября, зубры, какъ говорится у кавалеристовъ по отношенію къ лошадямъ, «входятъ въ самое

лучшее тѣло», находятъ себѣ достаточно жиру, приобретаютъ наибольшую силу, наибольшій лоскъ и шелковистость шерсти и становятся смѣлыми, веселыми, игривыми и нарядными животными. Погода въ эти дни обыкновенно стоитъ прекрасная, а въ особенности хороши ночи—ясныя, сухія и теплыя, такъ что средину августа и начало сентября, по истинѣ, можно назвать *весной зубровъ*. Въ это время маленькія кучки преодолеваютъ наконецъ свое пристрастіе къ обособленности и сходятся въ большія стада, къ которымъ присоединяются и старые отшельники-одыньцы. Стада эти смѣло и весело бродятъ по мѣстамъ, поросшимъ еловымъ лѣсомъ. Необычайный шумъ и трескъ идетъ въ это время по Пущѣ, потому что зубры любятъ тогда подрывать рогами ели, имѣющія въ діаметрѣ отъ 4-хъ до 6-ти дюймовъ, взбрасываютъ на рогахъ деревья и сучья, мнутъ и ломаютъ ихъ съ веселымъ неистовствомъ и наполняютъ лѣсъ трескомъ и своеобразнымъ шумомъ. Влюбленные животныя какъ-будто находятъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы подрывать деревья, вырывать ихъ изъ земли и опрокидывать рогами. При этомъ случается нерѣдко, что корни запутываются въ въ рогахъ и не могутъ быть тотчасъ сброшены, такъ что многіе зубры ходятъ нѣкоторое время съ этимъ своеобразнымъ кудрявымъ украшеніемъ, но наконецъ оно начинаетъ беспокоить и надоедать имъ; зубры съ шумомъ и тошотомъ принимаютъ бѣгать взадъ и впередъ, мало-по-малу входятъ въ раздраженіе, сердятся и, желая сбросить съ себя несносные сучья и вѣтви, вступаютъ между собою въ борьбу, сначала будто шутя, а потомъ и весьма не на шутку. Съ такимъ остервененіемъ бросаются они другъ на друга и съ такою силой сталкиваются лбами и рогами, что наблюдателю остается только удивляться, какъ это они при такомъ взаимномъ толчкѣ не падаютъ замертво и не прошибаютъ себѣ черепъ. Тутъ, казалось бы, не только кость, а и желѣзо треснуло бы, а между тѣмъ лбы ихъ остаются попрежнему цѣлы и невредимы, и рога такъ гибки, какъ будто сдѣланы изъ лучшей стали. Самки въ это время въ особенности становятся смѣлы и свирѣпы, и нерѣдко сами нападаютъ не только на молодыхъ, но и на старыхъ, сильныхъ самцовъ, которыхъ повидимому предпочитаютъ. Одыньцы въ эту пору тоже ведутъ ожесточенные бои какъ между собою, такъ и съ молодыми зубрами, но самокъ, даже и нападающихъ на нихъ, никогда не трогаютъ. Вообще, съ присоединеніемъ къ стаду нѣсколькихъ одыньцовъ, которые обыкновенно прибываютъ мало-по-малу, зубровыя поединки начинаютъ принимать самый ожесточенный и безпощадный характеръ. Дуэль между зубрами, во время соперничества въ страсти и любви, кончается тѣмъ, что одинъ изъ противниковъ остается

на мѣстѣ если и не всегда убитымъ, то всегда почти ошеломленнымъ до полного безпамятства, до продолжительнаго обморока. Молодой зубръ въ этихъ случаяхъ рѣдко не становится жертвой старика-одыньца, который любитъ забить своего соперника не иначе, какъ на-смерть, и только увидя его бездыханнымъ утѣляетъ свою ярость. Чаше всего погибаютъ въ подобныхъ поединкахъ молодые трехгодовалые зубры. Въ 1827 году нашли въ Пущѣ такого трехлѣтка съ перебитою ногой и съ однимъ только рогомъ: другой рогъ былъ выломанъ у самаго корня, и притомъ столь ловко, что можно бы было подумать будто онъ срѣзанъ.

По окончаніи этого періода, одыньцы снова отдѣляются отъ стада, возвращаясь къ своей уединенной жизни, и самыя стада распадаются на мелкія кучки штукъ въ 10 или 15 головъ. Самки со своими телятами всегда составляютъ такъ-сказать ядро, основу каждой кучки, и къ нимъ уже присоединяются молодые зубры-самцы, начиная отъ годового до шестилѣтняго и болѣе возраста. Зубриха телится обыкновенно въ маѣ или въ началѣ іюня. Она оставляетъ свое стадо и уединяется въ какую-нибудь чащу, гдѣ отыскиваетъ себѣ тихое уютное мѣстечко и готовитъ въ немъ изъ мха, травы и лиственнаго назема мягкое логово. Здѣсь она рождаетъ одного теленка, прячетъ его въ этомъ логовѣ, среди зелени густыхъ кустовъ, и въ первые дни, при малѣйшемъ признакѣ опасности, выказываетъ полную рѣшимость къ самой геройской защитѣ своего дѣтеныша. Она, не выжидая нападенія, первая храбро идетъ на встрѣчу врагу, въ то время какъ позади ея испуганный теленокъ, прижавшись къ землѣ и поводя ушами, совершенно терлется и трепещетъ отъ страха. Самка стремительно кидается на врага, потревожившаго ея покой, все равно, будетъ ли то человѣкъ или животное, сшибаетъ его съ ногъ и разрываетъ рогами. Черезъ недѣлю послѣ рожденія, маленькій зубренокъ уже бродитъ за маткой, сначала нетвердою походкой, шагъ за шагомъ, причемъ зубриха ласково подталкиваетъ его головой, а потомъ начинаетъ ступать увѣреннѣе и не проходитъ и двухъ недѣль, какъ онъ уже очень бойко и рѣзко прыгаетъ и играетъ. Матка въ отношеніи своего дѣтеныша постоянно выказываетъ большую нѣжность. Случится ли ему выпачкаться въ болотѣ, она заботливо слизнетъ и обчищаетъ его; захочется ли ему пососать грудь, она, пренебрегая собственнымъ удобствомъ, во все время кормежки стоитъ на трехъ ногахъ, чтобы дѣтенышу сосать было удобнѣе; во время сна его она непремѣнно бодрствуетъ и чутко стережетъ его безопасность. Молоко зубрицы отличается сѣрымъ цвѣтомъ; оно жирно, густо и не очень сладко. Самка телится обыкновенно одинъ разъ въ три года, хотя и способна къ

ежегодному оплодотворенію. Наблюденія показываютъ, что зубрицы иногда по нѣскольку лѣтъ сряду остаются неплодными и затѣмъ опять производятъ на свѣтъ дѣтеныша. Въ 1829 году на 258 самокъ теллились только 93; изъ остальныхъ же 165 большая часть были неплодны и лишь самое незначительное число слишкомъ молоды. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается одна изъ существенныхъ причинъ вымиранія породы. Теленокъ сосетъ матку нѣсколько болѣе года, около 14 мѣсяцевъ, причѣмъ въ то же время и къ растительной пищѣ. Ростъ зубра продолжается шесть лѣтъ, и только съ этого возраста самки становятся способны къ зачатію, самцы же получаютъ способность оплодотворенія по достиженіи трехъ лѣтъ, хотя физическое развитіе ихъ и продолжается. Въ этотъ-то роковой для себя возрастъ они и становятся жертвами старыхъ зубровъ— вторая причина вымиранія породы.

Вѣкъ зубра продолжается отъ 30 до 50 лѣтъ, причѣмъ естественная смерть наступаетъ всегда отъ голода. Дѣло въ томъ, что отъ постоянного глосанія коры, животное это стираетъ наконецъ свои зубы до того, что уже лишается всякой возможности щипать и пережевывать свою пищу, да и кромѣ того въ старости многіе зубры слѣпнуть, и такимъ образомъ къ невозможности жеванія присоединяется еще и невозможность отыскивать себѣ кормъ. Замѣчательно, что умирать зубры всегда выходятъ на полянки, на дороги или къ своимъ стогамъ сѣна,—вообще на видныя, открытыя мѣста. Больные становятся очень кротки; можно даже подойти и погладить, поласкать его—онъ не отойдетъ и не выкажетъ ни малѣйшей враждебности. Если лѣсная стража, при обходѣ своего участка, находитъ около лаго зубра, то, приставивъ къ нему караулъ, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго лѣсничаго. Тотъ наряжаетъ формальное слѣдствіе, при которомъ ветеринаръ дѣлаетъ наружный осмотръ тѣла и производитъ вскрытіе, изъ чего обнаруживается причина смерти; затѣмъ слѣдственная коммиссія составляетъ актъ освидѣтельствованія. Послѣ всей этой необходимой процедуры, съ мертваго звѣря снимается шкура, которая впоследствии продается съ публичнаго торга, по распоряженію Гродненской палаты государственныхъ имуществъ, а тушъ либо зарывается въ землю, либо же отправляется въ препаровочную, гдѣ изъ него вывариваютъ и препаруютъ полный скелетъ. Этими скелетами снабжаются русскіе и многіе изъ иностранныхъ университетовъ, академій и музеевъ.

Кромѣ естественной смерти, много зубровъ погибаетъ до времени отъ лѣсныхъ хищниковъ, волковъ и медвѣдей. Послѣдніе всего чаще губятъ старыхъ одинокъ въ одиночномъ бою, волки же избраютъ себѣ въ жерт-

ву преимущественно телятъ и молодыхъ лучшихъ особей. Раннею весной и позднею осенью они дѣлаютъ просто правильныя облавы на зубровъ. Тутъ пускается въ ходъ обыкновенная волчья стратегія, то-есть стараніе отогнать какого-нибудь одного звѣря отъ стада, съ тѣмъ, что пока одна партія волковъ будетъ держать все стадо какъ бы въ осадѣ, другая загрызетъ отогнаннаго зубра. Эта послѣдняя партія бросается соединенными силами на одинокаго противника, стараясь утомить его долгими преслѣдованіемъ, и наконецъ осиливаетъ. Однѣ изъ волковъ обыкновенно занимаютъ вниманіе зубра постоянными увертливыми прыжками взадъ и впередъ предъ его мордой, но конечно, на извѣстномъ разстояніи, хотя и небольшомъ, однако достаточно обезпечивающемъ его отъ смертельнаго удара рогами. Этотъ волкъ, впрочемъ, нерѣдко становится жертвой зубра. Межъ тѣмъ другіе волки въ то же самое время крадутся сзади звѣря и стараются влѣпиться ему зубами въ животъ. При этомъ опять-таки не обходится безъ новыхъ жертвъ съ ихъ стороны, потому что зубръ однимъ ударомъ ноги нерѣдко насмерть забиваетъ влѣпшагося въ него хищника. Въ концѣ-концовъ, однако же, количество противниковъ одолеваетъ мужественное сопротивленіе одинокаго бойца — и зубръ погибаетъ. Если же волкамъ не удалось сразу отогнать зубра отъ его стада, то всѣ ихъ нападенія на самое стадо, по большей части, остаются безуспѣшны. Могучія животныя мастерски умѣютъ защищаться противъ своихъ враговъ. Подобно кабанамъ, они тотчасъ же строятъ каре, въ средину котораго помѣщаютъ телятъ, и работаютъ своими рогами такъ, какъ добрая пѣхота штыками. Волки съ налету и съ разныхъ сторонъ стараются пробить зубровое каре, втесаться во внутрь или взять его какъ-нибудь сбоку, но вездѣ встрѣчаютъ все тѣ же грозно-склоенные рога. На мѣстѣ такого побойща всегда остается нѣсколько пропоротыхъ волчьихъ труповъ.

Но есть и еще одна, чуть ли не самая значительная, хотя и легко устранимая причина безвременной и совершенно напрасной гибели молодыхъ зубровъ. Это именно такъ-называемые *зубровые перегоны*.

Время отъ времени непосредственное начальство Пуши получаетъ предписаніе: изловить и доставить живьемъ пару или двѣ зубровъ, обыкновенно самца и самку, для звѣринца какой-либо иностранной владѣтельной особы. На эти случаи въ извѣстныхъ мѣстахъ Пуши сдѣланы «загоны», то-есть своего рода западни, попавъ въ которыя зубры уже не могутъ вырваться на волю. Но всего мудренѣе оказывается искусство залучить зубровъ въ загонъ. Для этого обыкновенно избираются въ разныхъ мѣстахъ Пуши нѣсколько отдѣль-

ныхъ стадъ, на которыхъ въ районѣ каждаго загона устраиваются шумныя и многочисленныя облавы. Испуганныя стада, преслѣдуемые и адъсы, и тамъ, и повсюду, какъ опалѣныя мечутся во всю прыть изъ конца въ конецъ по Пушчѣ, пока-то наконецъ не удастся направить хоть одно изъ нихъ въ загонъ. Тутъ уже облава кончается; лѣсные офицеры намѣчаютъ въ загонѣ изъ числа лучшихъ требуемое число экземпляровъ, на которыхъ ловкие и привычные охотники стараются набросить ножныя путы или арканы, и когда наконецъ удалось и это, тащатъ звѣрей на арканахъ въ клѣтки, подвезенныя уже къ тому времени ко входу загона. Но прежде чѣмъ всѣ эти труды увѣчаются требуемымъ успѣхомъ, облавы продолжаются иногда по нѣскольку дней, въ течение которыхъ перепуганные зубры не имѣютъ ни минуты покоя. Перебѣгавши ихъ при облавахъ изъ конца въ конецъ по лѣсу и называются зубровыми перегонами, отъ которыхъ, какъ мы сказали уже, погибаетъ не малое количество зубровъ. Дѣло въ томъ, что запыхавшіеся отъ испуга, утомленные и сильно разгоряченные продолжительнымъ и быстрымъ бѣгомъ, зубры, если только имъ попадется на пути какая-нибудь рѣчка, сразу кидаются къ ней и жадно начинаютъ утолять свою жажду студеною водою (преимущественно въ рѣчкѣ Крилицѣ). Непослѣдственнымъ результатомъ этого является воспаленіе легкихъ, отъ котораго и погибаютъ преимущественно молодые зубры и телята. И вотъ, такимъ-то образомъ, чтобы поймать пару или одного звѣря, невольно приходится губить цѣлыя десятки особей и безъ того уже рѣдкой породы!..

Приводимая ниже таблица наглядно покажетъ по годамъ количество прибыли и убыли зубровъ.

Въ 1815 году считалось ихъ всего-на-все 300 головъ, въ 1820—500 головъ, въ 1830—711, а начиная съ 1832 и по 1872 годъ, то-есть за сорокъ лѣтъ, мы имѣемъ почти непрерывный рядъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ данныхъ.

ГОДЫ.	Количество зубровъ.	Прибыль молодыхъ.	Убито по назначенію по-волѣнія.	Пало отъ старости.	Забито волками.	Забито мет-вѣдами.
1832.....	712	58	—	—	—	1
1833.....	715	53	—	4	8	—
1834.....	757	53	—	11	3	—
1835.....	777	68	—	4	3	—
1836.....	780	78	—	6	6	—
1837.....	802	58	—	9	1	—
1838.....	852	54	—	4	3	—
1839.....	886	46	—	17	—	—
1840.....	782	35	1	8	6	—
1841.....	875	71	3	5	3	1
1842.....	Повѣрки не было.	—	—	5	1	—

ГОДЫ.	Количество зуб- ровъ.	Прибыль мо- лодыхъ.	Убито по на- значенію по- волѣнія.	Пало отъ ста- рости.	Забито вол- ками.	Забито мед- вѣдами.
1843	875	109	—	3	1	—
1844.....	Повѣрки не было.		3	4	2	1
1845.....	945	80	—	6	3	—
1846.....	1.018	77	—	3	5	3
1847.....	Повѣрки не было.		8	6	—	—
1848.....	1.156	108	—	—	—	—
1849	1.254	100	—	5	5	—
1850.....	1.390	170	—	6	5	—
1851.....	1.552	90	2	4	2	—
1852.....	1.600	148	—	5	2	—
1853.....	1.642	160	1	3	1	—
1854.....	1.655	169	—	4	—	—
1855.....	1.824	Свѣдѣній не имѣется.				
1856.....	1.771	Т о ж е.				
1857.....	1.898	Т о ж е.				
1858.....	1.434	Т о ж е.				
1859.	П о в ѣ р к и не было.	Свѣдѣній не имѣется.				
1860	1.575	Свѣдѣній не имѣется.				
1861.....	П о в ѣ р к и не было.	Свѣдѣній не имѣется.				
1862.....	1.124	127	Свѣдѣній не имѣется.			
1863.....	795	79	Т о ж е.			
1864.....	Повѣрки не было.		Свѣдѣній не имѣется.			

*) Замѣчательный фактъ, что во время польскихъ возстаній, когда Бѣловѣжская Пушча становится театромъ военныхъ дѣйствій повстанскихъ бандъ и русскихъ отрядовъ, количество зубровъ значительно убываетъ, хотя, конечно, ни русскіе, ни поляки ихъ вовсе не трогаютъ. Представляемъ положительныя данныя для свѣдѣннаго нами заключенія, къ которому, между прочимъ, приходитъ и А. Бремъ, по отношенію къ 1831 году. Вотъ эти данныя:

По счету, предпринятому въ 1829 году, число зубровъ въ Пушчѣ равнялось 711 штукамъ; въ числѣ ихъ было 633 взрослыхъ; въ этомъ году родилось только 48 телятъ. Въ слѣдующій годъ животныя размножились до 772 головъ, но въ 1831 году опять упали до 657. Такое пониженіе цифры А. Бремъ относитъ непосредственно къ „послѣдствіямъ государственныхъ переворотовъ въ странѣ“ и говоритъ, что „съ этого времени, когда охранительные законы (относительно зубровъ) стали еще строже, то я животныя снова стали размножаться“. Въ справедливости этого заключенія насъ наглядно убѣждаетъ наша таблица, гдѣ мы находимъ убѣдительно краснорѣчивыя цифры по отношенію къ году послѣдняго польскаго возстанія: въ 1862 году число зубровъ простиралось до 1.124 головъ, а новорожденныхъ было 127 штукъ; въ слѣдующемъ же 1863 году общее количество зубровъ падаетъ вдругъ до 795 взрослыхъ и 79 новорожденныхъ, то-есть менѣе на 329 въ первомъ и на 48 головъ во второмъ случаѣ. То же самое паденіе цифръ замѣчается и послѣ 1860 года, когда въ Пушчѣ была большая охота, на которой убито 28 зубровъ. Въ 1861 году повѣрки не было, но если сравнить цифру 1860 года, когда число зубровъ простиралось до 1.575 головъ, съ цифрой 1863 года, когда ихъ было уже только 1.124, то мы увидимъ, что за это время пало 451 штука. Ясно, что безпокойства, тревоги, громъ выстрѣловъ военнаго времени и охоты вліяютъ на зубровъ истребительнымъ образомъ. Причина тутъ та же, что и при зубровыхъ перегонахъ: вспо-

ГОДЫ.	Количество зубровъ.	Прибыль молодыхъ.	Убито по случаю перегоновъ.	Пало отъ старости.	Забито волками.	Забито медвѣдями.
1865.....	639	85	2 ¹⁾	—	1 ²⁾	—
1866.....	Повѣрки не было.	—	—	—	2	—
1867.....	То же.	—	—	—	не имѣется.	—
1868.....	451	108	—	—	1	—
1869.....	492	49	—	1	3	2 ³⁾
1870.....	498	44	—	4	3	1
1871.....	477	51	1 ⁴⁾	3	2 ⁵⁾	—

Слѣдуетъ замѣтить, что въ минувшемъ десятилѣтіи пятнадцать зубровъ было живьемъ отправлено въ разные звѣринцы, и всѣ эти отправки совершались посредствомъ крайне вредныхъ перегоновъ. Въ 1864 году три зубра отправлены въ Москву; въ этотъ годъ общей повѣрки не было, но стоитъ сравнить цифру 1863 года (795) съ цифрой 1865 года (639), дабы убѣдиться, что, благодаря перегону, количество зубровъ уменьшилось на 156 штукъ. Въ 1865 году четыре штуки отправлены въ Силезію, въ подарокъ князю Пледу; въ 1867 году семь штукъ послано въ Гатчинскій звѣринецъ. Послѣ 1865 года, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, повѣрки не было, но цифра 1868 года показываетъ общее число зубровъ уже только въ 451 штуку; стало-быть за два неповѣрочные года число ихъ, за исключеніемъ одиннадцати особей, отправленныхъ въ Силезію и въ Гатчину, уменьшилось вслѣдствіе перегоновъ на 177 головъ. Въ 1869 году одинъ зубръ отправленъ опять въ Гатчину. Цифра общаго числа въ 1870 году на шесть штукъ превосходитъ цифру предшествовавшаго года. Но примите во вниманіе число вновь родившихся за время 1869 и 1870 годовъ, которое равняется 93 телятамъ; если къ этому числу прибавить 108 телятъ, которыхъ далъ приплодъ 1868 года, то общее число зубровъ въ 1871 году должно бы было равняться 699, а между тѣмъ численіе сего послѣдняго года показываетъ намъ только 477 зубровъ; стало-быть, 222 штуки погибли. Изъ этого числа за два года пять штукъ пало отъ старости и девять истребле-

ленные грохотомъ выстрѣловъ животныя въ страхъ мечутся вѣ себя изъ конца въ конецъ по Пуццѣ, огибаются студеною водою и гибнутъ отъ воспаленія легкихъ. Очевидно, что для поддержанія породы слѣдовало бы устраивать какъ можно рѣже охоты и совершенно прекратить зубровые перегоны ради подарковъ рѣдкихъ экземпляровъ иностранцамъ и русскимъ звѣряцамъ.

¹⁾ Университетамъ Страсбургскому и Геттингенскому.

²⁾ Убитъ въ жестокой дракѣ.

³⁾ Кости отправлены въ Кембриджскій университетъ.

⁴⁾ Александровскому университету въ Гельсингфорсъ—вся туша.

⁵⁾ Убиты въ дракѣ.

но хищными звѣрями. Да одинъ взятъ въ Гатчину. Значитъ 214 погибли исключительно отъ перегона. И все это лучшие молодые звѣри, опора будущаго поколѣнія и надежда на будущій расплодъ исчезающей породы! Изъ за пятнадцати зубровъ, отправленныхъ въ звѣринцы, мы погубили на мѣстѣ одними перегонами, въ теченіе только пяти лѣтъ, 547 зубровъ!..

Въ виду очевидности и достаточной убѣдительности этихъ данныхъ мы рѣшаемся повторить съ твердымъ убѣжденіемъ: если правительство ради интересовъ науки желаетъ поддержать и сохранить породу зубровъ, удержавшуюся доселѣ въ одной лишь Россіи, то слѣдуетъ окончательно прекратить выемку ихъ живьемъ посредствомъ перегоновъ; а такъ какъ кромѣ перегоновъ иного средства для выемки у насъ не имѣется, то должно прекратить всякія дальнѣйшія выемки. Иначе мы рискуемъ, что въ каіа-нибудь пятнадцать, а много въ двадцать лѣтъ у насъ въ Бѣловѣжской Пуццѣ не будетъ уже ни единого зубра. Существованіе ихъ перейдетъ въ область преданій.

Дмитрій Далматовъ, подъ вѣдѣніемъ котораго въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія находилось управленіе Бѣловѣжскою Пуццѣю, оставилъ довольно любопытный разсказъ о поимкѣ зубровъ, о способѣ и результатахъ ихъ прирученія и о доставкѣ ихъ изъ Пуццы въ Гатчинскій и Лондонскій звѣринцы.

Покойный императоръ Николай Павловичъ, въ 1847 году, обѣщавъ королеви Викторіи пару зубровъ для Лондонскаго Зоологическаго сада, и потому велѣлъ изловить живьемъ нѣсколько штукъ этихъ рѣдкихъ животныхъ. Графъ Киселевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, собственноручно передалъ этотъ приказъ Далматову. Охота была назначена на 20 іюли. Съ разсвѣтомъ собралось триста загонщиковъ и восемьдесятъ стрѣлковъ лѣсной стражи съ ружьями, заряженными холостыми патронами, и всѣ принялись отыскивать ночной слѣдъ зубровъ, который на мѣстномъ нарѣчій называется *тропомъ*. День былъ ясный, тихій. Всѣ 380 человѣкъ, по возможности тихо, окружили уединенную долину, гдѣ держалось стадо зубровъ. Шагъ за шагомъ подвигались они, постепенно суживая свой кругъ къ чащѣ. Дойдя до опушки долины, Далматовъ и одинъ изъ его спутниковъ увидѣли зубровъ, расположившихся на холмѣ. Телята весело рѣзались и прыгали, высоко забрасывая песокъ своими быстрыми ногами, время отъ времени подбѣгали къ маткамъ, терлись объ нихъ и снова такъ-же весело убѣгали. Звукъ охотничьяго рога внезапно прекратилъ эту мирную жизнь. Испуганное стадо поднялось и стало искать глазами и носомъ непріятеля, а телята боязливо прижались къ маткамъ.

Когда же вслѣдъ за звуками рога раздался лай собакъ, зубры поспѣшно построились въ обыкновенный свой боевой порядокъ и стали отступать въ сторону, противоположную той, откуда неслись эти тревожные звуки. Чуть лишь стадо, отступая, приблизилось къ линіи охотниковъ, его встрѣтили громкимъ крикомъ и холостыми выстрѣлами. Старые зубры бѣшено пробіали линію загонщиковъ и быстро пустились бѣжать, не обращая большого вниманія на людей, боязливо прижавшихся къ деревьямъ. Ловцамъ посчастливилось поймать двухъ телятъ. Одного, приблизительно трехмѣсячнаго, удалось укротить безъ особеннаго труда; другой же, которому было уже мѣсяцевъ около 15, повалили восьмерыхъ людей на землю и убѣжали. За нимъ погнались собаки и загнали его въ садъ лѣсника, гдѣ наконецъ удалось поймать его вторично.

Въ этотъ же день, при другомъ перегонѣ, назвали еще четырехъ телятъ, одного бычка и трехъ телушекъ, изъ которыхъ одной было не болѣе нѣсколькихъ дней отъ роду. Ее тотчасъ же отнесли къ домашней коровѣ, цвѣтъ шерсти которой подходилъ къ мѣху зубровъ. Корова встрѣтила бородатую малютку съ большою нѣжностью, и теленокъ, къ общему удивленію, сосалъ ее довольно исправно, но къ сожалѣнію на шестой день околѣлъ отъ опухли на шеѣ, бывшей у него уже при помѣлкѣ. Остальные телята не хотѣли ничего ѣсть въ первый день неволи. Трехмѣсячный на слѣдующій день началъ сосать корову, которой отдали его на воспитаніе, и былъ здоровъ и веселъ. Всѣ другіе, за исключеніемъ старшаго, пили сначала молоко изъ рукъ и затѣмъ жадно стали тинуть его изъ ведра. Прошло нѣсколько дней, и взглядъ ихъ потерялъ свирѣпость, они перестали дичиться, сдѣлались рѣзвыми и веселыми. Когда выпускали ихъ изъ сарая на большой дворъ, то быстрота и краснота ихъ движеній невольно заставляли любоваться ими; они прыгали и бѣгали съ легкостью козы или оленя, играли по собственной охотѣ съ телятами домашнихъ коровъ, боролись съ ними и хотя были гораздо сильнѣе, но какъ будто изъ великодушія постоянно оставляли тѣхъ побѣжденными. Одинъ только пятнадцатимѣсячный бычокъ долго сохранялъ свой грозный свирѣпый взглядъ, сердился какъ только къ нему подходили, трясъ головой, облизывался и настораживалъ рога. Но по прошествіи двухъ мѣсяцевъ и онъ наконецъ сдѣлался довольно смирнымъ; даже выказывалъ нѣкоторую привязанность къ кормившему его человѣку. Съ этихъ поръ и его стали держать поспокойнѣе. Всѣ эти зубры охотно рыли ногами землю, подбрасывали ее высоко и становились на дыбы какъ лошади. Какъ только ихъ выпускали изъ сарая, они сейчасъ же ободрались, гордо поднимали головы, раздували ноздри, фыркали и дѣ-

лали веселые прыжки. Повидимому, всѣ эти плѣнники хорошо понимали, что живутъ въ неволѣ, въ заключеніи, и печально глядѣли то на громадный лѣсъ, то на зеленые луга, такъ что можно было подумать, будто ихъ мучитъ тоска по родинѣ или по прежней вольной жизни, и это въ особенности сказывалось тогда, когда ихъ обратно загоняли въ сарай; тутъ уже они всѣ шли тихо, угрюмо, понуривъ головы. Къ человѣку, приставленному къ нимъ, зубры были очень расположены: смотрѣли ему вслѣдъ, когда онъ уходилъ, шли на встрѣчу, когда онъ шелъ къ нимъ, ласково терлись объ него, лизали ему руки и слушались его голоса. Всѣхъ этихъ семерыхъ зубровъ помѣстили въ двухъ отдѣльныхъ сараяхъ. Два самца, пойманные на первой ловлѣ, ѣли свой кормъ охотно и хорошо переносили его; остальные же, пившіе одно молоко, цѣлую недѣлю страдали поносомъ, какъ предполагаютъ оттого, что молоко, доставляемое издалека, не всегда было свѣжо и сладко. И дѣйствительно, болѣзнь прошла какъ только стали давать имъ свѣжее молоко прямо отъ коровы. Оба бычка съ удовольствіемъ лизали соль, но остальные отворачивались отъ нея, также какъ старшій бычокъ отъ молока. Этотъ съ перваго же дня сталъ получать овесъ съ сѣнкой, сѣно съ пущенныхъ луговъ, вязовую кору и листья и различные лѣсные растенія. Когда остальныхъ телятъ отняли отъ молока, имъ стали давать такой же кормъ. Старшій бычокъ по нѣскольку разъ въ день пилъ воду, за которую точно такимъ же образомъ принялся и остальные, но не ранѣе какъ имъ перестали давать молоко. Чувства голода и жажды выражали они обычнымъ и свойственнымъ всѣмъ вообще зубрамъ хурханьемъ. Сытая и разнообразная пища, сарай, гдѣ они зимой были защищены отъ вѣтра и холода, а лѣтомъ отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, положительно пошли въ-прокъ зубрамъ: они росли хорошо и быстро. Около года спустя всѣ они, уже полукрошечные, были перевезены изъ Вѣловѣжа въ Гродно, на разстояніи около полтора-ста верстъ. Двухъ самцовъ, предназначенныхъ для Гатчинскаго звѣринца, посадили въ длинную клѣтку, разгороженную пополамъ, такъ что оба они могли свободно ложиться, не удаляясь другъ отъ друга. Новая клѣтка и движеніе выпаса, по-видимому, наводили на нихъ ужасъ. Хотя при этомъ и не выказывали они никакихъ буйныхъ нахѣреній, держались вообще смирно, однакоже въ теченіе первыхъ сутокъ своего переезда упорно отказывались отъ пищи и питья и не ложились вовсе. Но на слѣдующія сутки путешественники, какъ видно, пообглядѣлись, привыкли къ своему новому положенію и вели себя какъ обыкновенно. Пара (самецъ и самка), назначенная для Лондонскаго Зоологическаго сада, была помѣщена въ крытую и болѣе про-

сторную клетку, въ виду дальности и продолжительности ея путешествія. Самецъ во всю дорогу оставался крайне не въ духѣ и все время злобно ревѣлъ какъ самый обыкновенный быкъ, что однакоже въ зубрахъ вовсе необычно и, надо думать, показываетъ уже крайнюю степень тоски и страха. По приѣздѣ въ Гродно, обѣ пары были помѣщены въ одинъ большой сарай, гдѣ первоначально отдѣляли ихъ только поперечными балками. Но зубры тотчасъ же бросились другъ на друга съ такимъ остервенѣніемъ, что ихъ пришлось разлучить. Перегородка не удержала ихъ нисколько: въ нѣсколько ударовъ они разнесли ее въдребезги. И замѣчательно, что всѣ три быка бросились на единственную самку, которую убили бы навѣрняка, не подоспѣвъ во время сторожки. Мало-по-малу они однако приглядѣлись другъ къ другу и изъ Гродно были благополучно доставлены къ мѣстамъ своего назначенія.

Въ спокойные годы, когда зубровъ не донимаютъ перегонами, ежегодный приплодъ ихъ, среднимъ числомъ, равняется 30 виткамъ, что составляетъ около 12%. Но въ наиболѣе благоприятные годы, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, приплодъ становится болѣе чѣмъ вдвое противъ обыкновеннаго. Стало-быть надо только дать зубрамъ нѣсколько лѣтъ понаго спокойствія, и они вновь расплодятся до порядочной цифры.

Чтобы вѣрно знать наличное количество зубровъ, въ Бѣловѣжской Пущѣ, по возможности, ежегодно дѣлается или общая повѣрка. Какъ только выпадетъ первый хорошій снѣгъ, стрѣлки выходятъ поутру на обзоръ своихъ участковъ и ищутъ на снѣжномъ пологѣ зубровыхъ слѣдовъ. Но въ первое утро стадо рѣдко удаляется съ мѣста стоянки, на которомъ застигло его первое привѣтствіе зимы, потому что зубръ, какъ и всякое дикое животное, сначала, пока не свыкнется со снѣгомъ, становится боязливымъ и далеко съ мѣста не уходитъ; нужно чтобы прошелъ день, а иногда и другой; пока-то онъ наконецъ, томимый голодомъ, отважится совершить переходъ со своей стоянки. Стрѣлки однако же все это время тщательно изслѣдуютъ рубежи своихъ обходовъ, и если наконецъ стадо перешло съ прежняго мѣста, то каждый стрѣлокъ по величинѣ и количеству слѣдовъ легко пересчитаетъ число зубровъ и опредѣляетъ, сколько между ними старыхъ и сколько телятъ и подростковъ. Въ первое же утро по выпадѣ снѣга стоитъ только приблизиться съ подвѣтренной стороны, шаговъ на сто къ стаду, которое не трогается съ мѣста, и тогда можно весьма удобно пересчитать въ немъ число головъ, такъ какъ на разстояніи ста шаговъ глазъ наблюдателя уже вполне различаетъ самокъ, достигшихъ полнаго возраста, отъ самцовъ среднихъ лѣтъ; но двухгодовалыхъ бычковъ издали вообще трудно отличить отъ самокъ.

Счисленіе зубровъ на много облегчается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что стада держатся опредѣленныхъ мѣстъ и участковъ Пушчи, такъ что каждый стрѣлокъ знаетъ почти навѣрное, сколько именно зубровъ находится въ его обходѣ, а по первоснѣгу, прослѣдивъ свои рубежи, онъ видитъ по направленію зуброваго «тропа», сколько животныхъ перешло къ нему изъ сосѣднаго обхода, или отъ него въ сосѣдній. Сообразно съ этимъ доставляются каждымъ стрѣлкомъ донесенія лѣсничему своего отдѣла, а тѣ уже сообщаютъ ихъ старшему лѣсничему Бѣловѣжской Пушчи.

По свидѣтельству Далматова, опыты прирученія зубра можно считать довольно удачными, если начинать прирученіе съ самаго ранняго возраста. Относительно же взрослыхъ особей оно окончательно невозможно. Хотя, по наблюденіямъ, зубры въ неволѣ плодятся больше чѣмъ на свободѣ, ибо здѣсь устраняется пагубное соперничество неспособныхъ стариковъ-одиночекъ, и хотя извѣстны случаи, что эти звѣри выживали въ тѣсномъ заточеніи до двадцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе ни разу еще не удавалось укротить вполне, безусловно, ни одного изъ этихъ своенравныхъ, вспыльчивыхъ и злобныхъ животныхъ. Они смиренны и общительны только въ молодости, до извѣстнаго предѣла ихъ возраста; по чѣмъ становятся старѣе, тѣмъ болѣе возвращаются къ нимъ ихъ природныя дикія качества, такъ что люди, ходящіе за ними, никогда не могутъ быть увѣрены, что въ концѣ-концовъ, въ благодарность за ихъ уходъ, не будутъ въ иную злую минуту растерзаны. Точно также не удавались и опыты скрещенія зубра съ домашними породами рогатаго скота, если для этого избирались взрослые самцы и самки. Но когда дѣлали опыты съ зубрами, пойманными и прирученными еще въ ранней молодости, то, при скрещеніи самцовъ, на четвертомъ году ихъ возраста, получался хорошій приплодъ. Въ особенности удачны были эти опыты въ 1846 году у помѣщика Гродненскаго уѣзда Валицкаго, въ его имѣніи Виланова (по мѣстному произношенію Ильяново). Въ Кобринскомъ и Брестскомъ уѣздахъ чаще чѣмъ въ другихъ встрѣчается такъ-называемая зубровая порода домашнего скота, которая отличается большимъ ростомъ, темно-гнѣдой или рыже-гнѣдой шерстью и толстыми, мало раскидистыми рогами. Вообще происшедшій отъ скрещенія «зуброкровъ» выдается нѣкоторыми качествами, свойственными зубрамъ. Мнѣ довелось видѣть одинъ экземпляръ зуброкрова въ мѣстечкѣ Свислочи; это была темно-бурая корова Марьянка, принадлежавшая одному французу, отставному учителю бывшей Свислочской гимназіи. Это была презлостная, преушная и въ высшей степени своенравная тварь. Иногда на съ того ни съ сего нападало на нее злобное

расположеніе духа; въ эти минуты она вырывалась изъ коровника, выбѣгала на улицу и ступнымъ упорствомъ останавливалась по среднѣй площади, оглядываясь вокругъ своими свирѣлыми глазами. Въ такомъ положеніи она могла простаивать цѣлые часы, и тогда рѣшительно всю площадь держала такъ-сказать въ осадномъ положеніи, бросалась на собакъ, на свиней и на прохожихъ; въ особенности же не жаловала еврейскихъ ребятишекъ. Но не только евреи, а и наши ямбургскіе уланы бывало не отваживаются переходить чрезъ площадь прямо ей на встрѣчу, а всегда стараются какъ-нибудь незамѣтно обойти стороной, около домовъ и заборовъ. Людей иногда Марьянка сшибала съ ногъ, иногда мала и наносила имъ чувствительные удары; но свиньямъ и въ особенности собакамъ не разъ приходилось отъ нея очень и очень плохо. Впрочемъ, судя по опытамъ Валицкаго и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ, можно думать, что во второмъ поколѣніи отъ зуброкрововъ должна произойти улучшенная порода скота, рослаго и сильнаго, и нельзя не пожелать, чтобы опыты въ этомъ направленіи продолжались.

Штральборгъ, одинъ изъ бывшихъ лѣсничихъ Бѣловѣжской Пуши, отличаетъ въ своей ученой запискѣ два вида зубровъ: 1) большіе ростомъ и дородствомъ, чернобурые, а дѣтѣмъ почти черные, съ шерстью болѣе длинною, причемъ борода и кисть хвоста покрыты длинными, пушистыми и вьющимися волосами, и 2) желтобурые, не столь красивые, не столь сильнаго тѣлосложенія, со скудною шерстью на бородѣ и хвостѣ, съ рогами меньшей величины и притомъ болѣе тонкими и болѣе нечистыми. Штральборгъ въ 1858 году устроилъ въ Пушѣ особый звѣринецъ, гдѣ у него въ числѣ одиннадцати зубровъ находилось семь экземпляровъ перваго вида и четыре желтобурыхъ. Къ сообщенію Штральборга, основываясь на разсказахъ позднѣйшихъ наблюдателей, мы можемъ прибавить, что звѣри перваго вида не совсѣмъ-то долбоуливаютъ вторыхъ, какъ будто презираютъ ихъ отчасти и никогда не прочь задрать ихъ ни съ того ни съ сего, и вообще стараются взять надъ ними первенство, словно они сознаютъ превосходство своей благородной и болѣе красивой, болѣе сильной породы.

Безопасное существованіе зубра въ Бѣловѣжской Пушѣ съ давнихъ временъ уже заботливо охраняется положительными и очень суровыми законами. Еще по Литовскому статуту убійца зубра считался уголовнымъ преступникомъ, а польскіе паны, при своемъ классическомъ самоуправствѣ, такъ просто-напросто вѣшали виновныхъ безъ дальнихъ судейскихъ разговоровъ. Въ изданіи Статута 1588 года, X, § 2, за самовольное убіеніе звѣрей въ чу-

жихъ лѣсахъ опредѣлена денежная пеня, а за зубра наложенъ еще особый штрафъ въ 12 рублевыхъ грошей, что соотвѣствовало 64 серебрянымъ рублямъ,—деньги въ тѣ времена весьма и весьма-таки не малыя. Но еще болѣе строгія мѣры въ этомъ отношеніи приняты русскими законами. Нынѣ охота на зубровъ можетъ быть произведена не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, по особому указу, который объявляется чрезъ министра государственныхъ имуществъ. Въ Пушу воспрещается водить собакъ, пастыба скота дозволяется въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, а въ тѣхъ участкахъ, гдѣ держится зубръ она и вовсе воспрещается. За самовольное убіеніе этого звѣря виновный подвергается карѣ, равносильной наказанію за воровство-кражу и, кромѣ того, денежной пенѣ въ 150 рублей серебромъ за каждаго убитаго зубра. Въ случаѣ нечаяннаго убійства, виновный все-таки предается суду, которому предоставляется изслѣдовать и разобрать степень его нечаянности. Равносильное наказаніе полагается и за убійство зубра внѣ казенныхъ лѣсовъ. Вообще во всѣхъ лѣсахъ: владѣльческихъ, спорныхъ, частныхъ и въѣзжихъ, законъ признаетъ зубра *неприкосновеннымъ*, и звѣрь этотъ, въ силу же закона, никогда, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ собственности частнаго владѣльца, который, при появленіи въ своемъ лѣсу зубра, хотя бы и мертваго, обязанъ тотчасъ же донести о семъ ближайшему лѣсному начальству.

Мы говорили уже, что кучки и стада зубровъ если и переходятъ порой въ сосѣдніе лѣса, то вскорѣ опять возвращаются въ Пушу сами собою, отъ недостатка надлежащаго подножнаго корма и спокойствія. Что же касается одичавшихъ, то эти, напротивъ, перебиваются въ смежныя лѣса довольно часто, и оттуда уже въ рѣдкихъ только случаяхъ возвращаются добровольно. Ихъ всегда приходится прогонять обратно насильственнымъ образомъ, при помощи крестьянскихъ облавъ и лѣсной стражи. Для предотвращения случаевъ подобныхъ перебивокъ постановлено, между прочимъ, охранять, по возможности, кругомъ всей Пуши усадьбы лѣсничихъ, бывшихъ стражниковъ, стрѣлковъ, постоянной лѣсной стражи (нынѣ вольнонаемныхъ) и поселки бывшихъ крестьянско-осочниковъ, которымъ всѣмъ вѣдѣно въ прямую обязанность, въ случаѣ перехода зубровъ изъ Пуши, тотчасъ же принимать мѣры для загона ихъ обратно. Все это, какъ видитъ читатель, мѣры исполнѣнныя, разнообразныя, но все-таки для дальнѣйшаго поддержанія и размноженія рѣдкостной породы необходимо надолго отказаться отъ зубровыхъ охотъ и разъ навсегда отъ зубровыхъ перегонѣвъ.

Очеркъ кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи.

Взглядъ на характеръ древнихъ войнъ русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Война 1828 г.—Позиція и составъ армій противниковъ въ апрѣлѣ 1829 г.—Открытіе военныхъ дѣйствій.—Осада Силистріи.—Дѣйствія визиря противъ ген. Рота.—Смѣльный планъ Дибича.—Бой при Кулевчи.—Дѣйствія подлѣ Шумлой.—Переходъ черезъ Балканы.—Успѣхи русскихъ въ Румелии.—Сраженіе при Сливно.—Движеніе къ Адрианополю и сдача сего города.—Окончаніе войны.—Взглядъ на характеръ дѣйствій визиря и гр. Дибича.

Стремленіе къ югу коренится въ русскомъ народѣ уже почти тысячу лѣтъ, съ начала X столѣтія, какъ только онъ сложился въ определенное государство. Каждый народъ, занимая какую-либо страну, расселяется прежде всего по берегамъ большихъ рѣкъ, а всѣ важнѣйшія наши рѣки: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ сливаются въ Черное море. Отсюда и начало естественнаго русскаго стремленія къ свободнымъ выходамъ изъ этого моря. Это стремленіе, сознательно или инстинктивно, въ сущности, было иричиною всѣхъ нашихъ войнъ съ Византіею, царствомъ Болгарскимъ и Турціею.

Въ началѣ X вѣка руссы подступали подъ самый Царьградъ; Олегъ прибавлялъ свой шить на вратахъ его. Въ 970 году Святославъ впервые проникаетъ въ Балканскія горы, переходитъ ихъ и авангардъ русскаго войска доходитъ до Адрианополя. 1043 году русскіе съ большимъ уровнемъ подлѣ Варной пробиваются сквозь сильную греческую армію. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Запорожская Сѣчь не разъ наводила ужасъ на Стамбулъ, хотя это были только набѣги лихой вольницы. Со временъ императора Цетра I начинается періодъ нашихъ регулярныхъ войнъ съ Турціею; но изъ всѣхъ этихъ войнъ самою замѣчательною и поучительною въ военномъ отношеніи является война 1828—29 годовъ.

Самымъ существеннымъ фактомъ лѣтней кампаніи 1828 года было взятіе Варны, которая обезпечивала задунайской нашей арміи свободное сообщеніе съ черноморскимъ флотомъ, доставлявшимъ ей всѣ снабженія изъ Россіи. Владѣя Варной и мѣстечкомъ Праводани, мы стояли у самаго, такъ сказать, преддверія въ балканскіе проходы — влючъ всѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ предпріятій на Адрианополь и Царьградъ.

Въ ту же кампанію мы покорили на лѣвомъ берегу Дуная крѣпость Браиловъ и на правомъ Тульчу, Исаку, Мачинъ, Гирсово, и на берегу Чернаго моря укрѣпленный портъ Кюстенджа. Блокаду Силистріи пришлось снять

по причинѣ зимняго ненастья. Такимъ образомъ, въ рукахъ турокъ оставались еще слѣдующія придунайскія крѣпости: на лѣвомъ берегу Журжа, Кале и Турно, на правомъ Силистрія, Русчукъ, Никополь, Раховъ и Виддинъ.

Кале и Турно покорились намъ уже въ январѣ 1829 г., а въ февралѣ наша эскадра съ помощью десанта овладѣла Сизополемъ (въ Фаросскомъ заливѣ), который представляетъ собою одну изъ лучшихъ гаваней Чернаго моря, и откуда мы могли угрожать тылу нашего противника. Попытка турокъ отбить у насъ Сизополь была неудачна, вслѣдствіе чего они ограничались однимъ наблюденіемъ за нами, посредствомъ особаго десяти тысячнаго отряда.

Однако, несмотря на наши серьезныя пріобрѣтенія трехъ приморскихъ и нѣсколькихъ придунайскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, турки къ веснѣ 1829 года обладали еще тремя сильно укрѣпленными линіями, а именно: 1) на Дунаѣ, гдѣ непокоренныя еще крѣпости Силистрія, Русчукъ, Никополь, Раховъ и Виддинъ имѣли сильныя гарнизоны и шестимѣсячное снабженіе; 2) на р. Камчикѣ, протекающей между Шумлой и Варной, передъ подошвою Балканскихъ горъ, и прикрытыми съ лѣваго фланга неприступною Шумлой, которая стоитъ на прямомъ сообщеніи съ Адрианополемъ и дунайскими крѣпостями, и 3) въ самыхъ горахъ Балкана и хребта Странжеи, гдѣ каждый проходъ и ущелье представляли собою естественную крѣпость.

Къ апрѣлю 1829 г. армія турокъ возросла до 188.000 человекъ, изъ коихъ 153 тысячи принадлежали къ арміи регулярной. Главнокомандующимъ всѣхъ этихъ силъ назначенъ былъ верховный визирь Решидъ-Мехмедъ-паша.

Русская армія представляла собою силу около 124 (собственно 123.873) чел. регулярнаго войска и 22 полка казаковъ.

Регулярная кавалерія распределялась слѣдующимъ образомъ:

1-я драгунская дивизія—въ Малой Валахія, въ составѣ 15-ти тысячнаго корпуса барона Гейсмара

1-я конно-егерская дивизія — въ Большой Валахія, при корпусѣ (въ 31.000 чел.) генералъ-адъютанта Киселева.

2-я гусарская дивизія—въ Бабадагской области, въ 18-ти тысячномъ корпусѣ графа Палена.

3-я гусарская дивизія—тамъ же, въ составѣ 24-хъ тысячнаго корпуса генералъ-лейтенанта Красовскаго.

4-я уланская и бугская уланская дивизія съ восемью казачьими полками и двумя конными батареями составляли резервъ кавалеріи.

Въ концѣ апрѣля генералъ-адъютантъ Дибичъ приступилъ къ открытію наступательныхъ дѣйствій. Пѣхота и тяжести переправлялись чрезъ Дунай у Гирсова по мосту, наведенному заботами генерала Красовскаго, а кавалерія перешла ниже, у Сатунова, гдѣ еще въ 1828 году была устроена нами прочная переправа. Военныя дѣйствія открылись 1 мая движеніемъ фельдмаршала къ Силистріи, обложіе которой состоялось въ одинъ день, 5 мая.

Между тѣмъ верховный визирь, желая воспользоваться отдаленностью главныхъ нашихъ силъ, выступилъ изъ Шумлы, во главѣ 25-тысячнаго корпуса, съ тѣмъ чтобы напасть внезапно на раздробленные войска ген. Рота, которыя въ теченіе цѣлой зимы, изнуренныя лишеніями и заразою, занимали Варну, Праводы и прочіе важнѣйшіе пункты въ покоренной нами части Болгаріи. Столкновение визиря съ Ротомъ произошло 5 мая, на пресѣченіи дорогъ изъ Шумлы въ Варну и изъ Базарджика въ Праводы, при деревнѣ Эски-Арнаутларъ. Исходъ этого дѣла былъ неудаченъ для малочисленнаго отряда русскихъ; но несмотря на побѣду, визирь на другой же день совершенно неожиданно и безъ всякой достаточной причины отступилъ обратно къ Шумлѣ, подъ стѣнами которой еще съ прошлаго года былъ устроенъ сильный укрѣпленный лагерь. Дѣло при Эски-Арнаутларѣ представляло для турокъ единственный случай въ теченіе всей войны 29-го года, чтобы одержать надъ русскими значительныя преимущества, и этотъ счастливый случай былъ ими упущенъ.

Въ половинѣ мая визирь, собравъ въ Шумлѣ 42-хъ-тысячную армію, снова двинулся съ нею противъ генерала Рота, имѣя на этотъ разъ цѣлью овладѣть мѣстечкомъ Праводами, весьма важнымъ пунктомъ, который прикрывалъ собою балканскіе проходы.

При первомъ извѣстіи объ этомъ, Ротъ, усиленный полками бугской уланской и 3-й гусарской дивизій (ген. Ридигеръ), занялъ деревню Козлуджи, лежащую на пересѣченіи важнѣйшихъ дорогъ Болгаріи, и сталъ здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ. Силы Рота въ это время простирались до 12.000 человекъ.

Нашъ гарнизонъ, занимавшій Праводы, былъ тоже увеличенъ и представлялъ теперь собою силу въ 4.000 чел. Городокъ Праводы съ сѣвера и востока окруженъ неприступными высотами, самый же слабый и доступный пунктъ его находился на западѣ, у Шумлинской дороги, по которой визирь велъ свое наступленіе.

17-го мая турки подступили къ Праводамъ. Кавалерія ихъ, высланная на рекогносцировку къ д. Козлуджи, была опрокинута бугскою уланскою дивизіей. Въ тотъ же день на-

чалась осада Праводъ, длившаяся около двухъ недѣль. Ротъ, желая подкрѣпить осажденныхъ, перешелъ отъ Козлуджи къ Эски-Арнаутлару.

Между тѣмъ, Дибичъ, узнавъ о движеніи визиря къ Праводамъ, тотчасъ же составилъ такой планъ: «оставляя часть арміи подъ Силистріей, для продолженія осады, двинуться съ остальными войсками къ Шумлѣ, стать на сообщеніяхъ визиря съ нею и отрѣзать ему отступленіе. Генералу же Роту сохранять его наблюдательное положеніе при Козлуджи»

Этотъ стратегическій планъ былъ исполненъ прекрасно. 30 мая Дибичъ вышелъ на Шумло-Праводскую дорогу, при деревнѣ Кулевчи, въ тылъ арміи визиря, и отрѣзалъ ей сообщеніе съ Шумлой. Узнавъ объ этомъ, визирь послѣдовалъ снять осаду Праводъ и двинулся на встрѣчу Дибичу.

30 мая между ними разыгрался знаменитый бой при Кулевчи. Сраженіе было принято нами на позиціи невыгодной: большою и глубокой оврагъ отдѣлялъ слабосильный нашъ авангардъ отъ арміи. Турки заняли противулежащія лѣсвистыя высоты, унизавъ ихъ своею многочисленною артиллерією. Нашъ авангардъ сперва было потерпѣлъ неудачу; но во второмъ періодѣ боя, въ пятомъ часу пополудни, графъ Толъ самолично повелъ свѣжія войска на штурмъ лѣсвистыхъ высотъ, и при этомъ столь удачно расположивъ свою конную артиллерію, что мѣткіе выстрѣлы ея успѣли взорвать у противника цѣлый рядъ зарядныхъ ящиковъ. Обстоятельство это произвело такую панику, что турки обратились въ бѣгство. Армія визиря была разбѣяна по окрестнымъ лѣсамъ и возвышенностямъ.

Послѣ пораженія при Кулевчи, визирь однако успѣлъ, съ случайно присоединившимися къ нему остатками его арміи, кое-какъ сосредоточиться у мѣстечка Эски-Стамбулъ, открывавшаго ему проходъ въ Шумлу. Надо было перенять эту дорогу, для чего и былъ отряженъ генералъ Ротъ съ 6-мъ и 7-мъ пѣхотными корпусами. Три гусарскіе полка, входившіе, подъ начальствомъ князя Мадятова, въ составъ этого отряда, на пути своего слѣдованія, имѣли блистательное дѣло съ турецкою кавалеріей. Гусары, преслѣдуя оную, ворвались въ передовые редуты шумлинскаго лагеря и спѣшившіе стали брать ихъ штурмомъ, въ сабли. При помощи подоспѣвшей пѣхоты, ими были взяты два редута, 6 пушекъ и 12 знаменъ. Но это, само по себѣ блистательное дѣло, вредно отозвалось на потерѣ времени для Рота: визирь тѣмъ часомъ успѣлъ уйти изъ Эски-Стамбула въ Шумлу.

Послѣ сего, желая удержать его въ этой крѣпости, Дибичъ подступилъ къ ней и началъ показывать видъ, будто намѣренъ осаждать ее. Визирь, принявъ его намѣреніе за правду, притянулъ къ себѣ 12 полковъ пѣхоты, располо-

женных на разных позиціях за Балканами и у Чернаго моря, и чрезъ то ослабилъ какъ внутреннюю часть Румелии, такъ и береговую защиту, что облегчало намъ вторженіе въ Румелию чрезъ Балканскія горы. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Дибичъ, стоя подѣ Шумлой, ожидалъ только взятія Силистріи и результатовъ дѣйствія нашихъ на верхнемъ и нижнемъ Дунаѣ, чтобы приступить къ осуществленію дальнѣйшаго своего плана.

28 мая взятъ былъ штурмомъ Руцукъ, а 18 іюня сдалась наконецъ и Силистрія. Въ то же время эскадра Грейга взяла приморскіе порты Василиско и Агатополи.

Тогда приступилъ Дибичъ къ осуществленію главнаго плана всей кампаніи — къ переходу черезъ Балканы. Войска генерала Красовскаго, осаждавшія Силистрію, были передвинуты изъ-подъ нея къ Шумлѣ, а 2-й, 6-й и 7-й корпуса, назначенные къ переходу за горы, стали постепенно, по мѣрѣ прибытія полковъ Красовскаго, отходить отъ Шумлы. Слѣдъ частей войскъ происходила по ночамъ, незамѣтно для турокъ. На пространствѣ отъ Шумлы до Чернаго моря находится четыре главные пути черезъ хребтъ Балканскій:

1) Отъ Шумлы черезъ Эски-Стамбулъ, Чалыкавакъ и Доброль въ г. Карнабату.

2) Отъ м. Праводы чрезъ Еникію и Ченге прямо въ г. Айдосъ.

3) Отъ Каприкію чрезъ Айваджикъ и Еркеть въ Бургасскую долину и

4) Отъ Варны, берегомъ Чернаго моря, до крѣпости Мессемвріи, въ Бургасскомъ заливѣ. Дибичъ, для своего движенія, предпочелъ оба послѣдніе пути: они хотя и длиннѣе, но зато отложе, дальше отъ Шумлы и ближе къ морю, гдѣ у арміи была поддержка въ русскомъ флотѣ, бравшемъ приморскія укрѣпленія и доставлявшемъ арміи ея снабженія.

Дороги въ Балканахъ чрезвычайно узки, пролегаютъ по лѣсистымъ кручамъ и скаламъ, а вступленіе въ горы защищается рѣчкою Камчикъ, которая пересѣкаетъ всѣ четыре пути.

Течение ея столь быстро, что турки прозвали ее Дели-Камчикъ, т. е. ляхимъ, бѣшенымъ. Они имѣли на этой рѣчкѣ, по правую ея сторону, сильныя укрѣпленные посты. Но на путяхъ ближайшихъ къ морю, позади Камчикскихъ укрѣпленій, не было у нихъ никакихъ укрѣпленныхъ мѣстъ до самаго Бургаса.

Генералъ Ротъ со ввѣреннымъ ему корпусомъ, въ составъ коего входила 4-я уланская дивизія, получилъ приказаніе слѣдовать къ приморской дорогѣ (лѣвая колонна). Генералъ Ридигеръ съ другимъ корпусомъ, гдѣ была бугская уланская дивизія, взялъ направление чрезъ Марковчу на Кадыкую (правая колонна). 2-й пѣхотный корпусъ (гр. Палена), при коемъ находился и Дибичъ, тронулся изъ-подъ Шумлы нѣсколькими днями поздне и усиленнымъ

маршами слѣдовалъ по пути Ридигера. Какъ уже сказано, изъ-подъ Шумлы свивались частями и по ночамъ. Когда все это движеніе было успѣшно окончено, генералъ Красовскій отошелъ отъ Шумлы къ Яни-базару.

5-го и 6-го іюля Ротъ и Ридигеръ достигли береговъ Камчика. Ридигеръ безъ особыхъ затрудненій переправился у деревни Чалы-Малы. Турки были выбиты имъ изъ позицій и потеряли весь свой лагерь.

Переправа же Рота у приморской дороги въ первый день, т. е. 5-го числа, не удалась: ей препятствовали крайне невыгодная мѣстность и сильныя укрѣпленія противника, вслѣдствіе чего, на слѣдующее утро, Ротъ предпринялъ обходное движеніе лѣсами, и въ ночь съ 6-го на 7-е іюля переправился въ семи верстахъ выше, у деревни Дюльгеръ-Орду, хотя и съ громадными затрудненіями, но успѣшно, и вышелъ изъ дремучихъ лѣсовъ на дорогу, ведущую изъ Дервинш-Джеванъ въ Каприкію. Въ тотъ же день атаковалъ онъ укрѣпленный турецкій лагерь при Дервинш-Джеванѣ, послѣдствіемъ чего было бѣгство турокъ по Бургасской дорогѣ, гдѣ ихъ преслѣдовали части 4-й уланской дивизіи. Ротъ перешелъ самыя горы въ два дня, и 9-го іюля былъ уже на южномъ склонѣ хребта. Противникъ, атакованный имъ у подошвы горъ, съ которыхъ только-что успѣлъ спуститься русскіе, отброшенъ былъ къ Мессемвріи, откуда спѣшно отступилъ къ Бургасу. Въ ночь съ 9-го на 10-е іюля Мессемврія сдалась генералу Роту, 11-го и 12-го та-же участь постигла города Ахиоло и Бургасъ, куда полки 4-й уланской дивизіи ворвались по пятамъ преслѣдуемаго ими непріятеля.

Верховный визирь только 5-го іюля узналъ въ Шумлѣ о движеніи русской арміи за Балканы. Онъ послалъ два корпуса войскъ Ибрагима и Мехмеда-паша — задержать русскихъ на переправахъ Камчика; но распоряженіе это было уже несвоевременно. Не найдя противниковъ на Камчикѣ, Ибрагимъ-паша черезъ дефиле Ченге послѣдно бросился къ городу Айдосу, съ цѣлью предупредить тамъ Ридигера, который межъ тѣмъ быстро перешелъ Балканы. 13-го іюля подѣ стѣнами Айдоса произошло сраженіе, въ коемъ побѣдоносно участвовала 4-я уланская дивизія отпращенная Ротомъ изъ Бургаса на помощь къ Ридигеру, — и Айдосъ былъ взятъ нами того же числа. 14-го іюля авангардъ Ридигера двинулся къ городу Карнабату, который турки передъ нимъ очистили.

Съ занятіемъ Бургаса, Айдоса и Карнабата, лежащаго на большой и кратчайшей дорогѣ изъ Шумлы въ Адрианополь, всѣ пути сообщенія по хребту Балканъ, отъ Шумлы до Чернаго моря, были обойдены нами, и непріятель отброшенъ къ городамъ Ямболу и Сливно.

19-го іюля всѣ корпуса, перешедшіе горы, вошли въ соединеніе между собою, 2-й корпус занялъ городъ Карабунаръ, 6-й разбится въ Айдосъ, а 7-й въ Карнабатъ.

Извѣстіе о несчастномъ переходѣ арміи за Балканы дошло до генерала Красовскаго 25-го іюля. Желая открыть себѣ сообщеніе съ Дибичемъ, онъ двинулся къ селу Морашъ. При этомъ визирь изъ Шумлы думалъ-было атаковать его на походѣ, но наша кавалерія, быстро выдвинутая впередъ, предупредила намѣреніе противника и, взявъ починъ атаки на себя, принудила визиря снова убраться въ Шумлу.

Теперь войска Красовскаго расположились въ трехъ пунктахъ: Яни-базаръ, Эски-Стамбулъ и Морашъ. Визирь задумалъ воспользоваться этимъ раздѣленіемъ силъ своего противника, и въ ночь на 28-е іюля напалъ на главный его корпусъ при Морашъ. Но кавалерія наша быстро разсылала неприятеля, загнавъ его частью въ укрѣпленія, частью же прямо въ горы. При этомъ особенно отличились Ахтырскій и Александрійскій гусарскіе полки.

Такъ уничтожены были замыслы визиря—въ первомъ случаѣ пробиться изъ Шумлы чрезъ Балканы къ Адрианополю, и во второмъ—воспользоваться разобщеніемъ войскъ Красовскаго. Для установленія прямого сообщенія съ этимъ генераломъ, Дибичъ отправилъ особый легкій отрядъ подъ начальствомъ генерала Набеля, который проникнулъ чрезъ Доброль и Ченге въ Чалыкавакъ, вытѣснивъ повсюду неприятеля изъ ущелий, и такимъ образомъ успѣшно установилъ связь главной арміи съ Красовскими.

Съ другой стороны, Дибичъ имѣлъ въ виду, чтобы не потерять изъ глазъ тѣхъ войскъ, которые спѣшно отступали передъ нашею арміею отъ Айдоса и Карнабата. Для этого онъ выслалъ тоже особый отрядъ, составленный изъ кавалеріи, подъ начальствомъ графа Шереметева, къ городу Ямболу.

Приблизясь къ сему послѣднему пункту 19-го іюля, графъ Шереметевъ неожиданно встрѣтилъ тамъ 15-ти-тысячный корпусъ Галиль-паши. Уланы 4-й дивизіи, не считая количества противника, который вѣнгеро превосходилъ ихъ своими силами, быстро атаковали его и вогнали въ городъ. Галиль-паша, считая этотъ отрядъ за авангардъ главной нашей арміи, поспѣшилъ на другой же день отступить къ городу Сливно. Вслѣдствіе этого Шереметевъ довольно легко занялъ Ямболъ.

Въ Сливно, еще до прибытія Галиля, уже находились два наши съ 13-ю полками пѣхоты, тремя полками кавалеріи и пятью тысячами иррегулярныхъ войскъ. Съ прибытіемъ же Галиля турки начали спѣшно и сильно укрѣплять городъ Сливно.

Чтобы нанести новый и уже послѣдній су-

щественный ударъ неприятелю, который еще могъ кое-какъ сопротивляться, Дибичъ рѣшилъ двинуться сперва прямо на Сливно, а потомъ уже обратиться къ Адрианополю. Этотъ новоявившійся и весьма существенный планъ былъ предпринятъ по слѣдующимъ причинамъ:

Самое близкое сообщеніе отъ Айдоса на Адрианополь представляла дорога, ведущая на Руссо-Кастро, Карабунаръ, Факи и Буюкъ Дербентъ. Путь этотъ, на первый взглядъ, казался даже выгоднымъ, если принять во вниманіе его ближайшее разстояніе до Адрианополя и его смежность съ берегами Чернаго моря, гдѣ мы уже имѣли твердую опору во флотѣ и во взятыхъ нами прибрежныхъ городахъ. Но путь этотъ являлъ и свои немалыя неудобства. Онъ во многихъ мѣстахъ пересѣкается возвышенностями горной цѣпи Странджен, которыя, на пути къ Адрианополю, весьма затрудняютъ намъ не только прямая, но и поперечная наша сообщенія съ прибрежьемъ Чернаго моря. Напротивъ того, при движеніи арміи нашей изъ Айдоса чрезъ Карнабатъ на Сливно, для насъ открывалась обширная долина, изрѣдка прерываемая небольшими возвышеніями, гдѣ безпрепятственно могли быть направлены всѣ тяжести арміи и ея подвозы съ продовольствіемъ изъ Бургаса и другихъ приморскихъ пунктовъ. Отъ города же Сливно, на этомъ пути, чрезъ Ямболъ и до самаго Адрианополя, намъ предстояло болѣе или менѣе удобное, хотя и по каменистой дорогѣ, сообщеніе вдоль по долині рѣки Тунджи.

Дибичъ, получивъ изъ Россіи моремъ въ подкрѣпленіе себѣ одну бригаду пѣхоты (сѣмь-нившую ту бригаду, которая стояла гарнизономъ въ Сизополѣ), притянулъ къ себѣ изъ-за Балканъ, отъ Красовскаго, бригаду 2-ой гусарской и бригаду бугской уланской дивизій, съ цѣлю произвести смѣлое и безостановочное наступленіе на Адрианополь.

28-го іюля онъ сосредоточился съ главными своими силами у деревни Драгоданово, въ 15-ти верстахъ отъ Сливно. Въ этомъ случаѣ намѣреніе Дибича состояло въ томъ, чтобы пресѣчь неприятелю всѣ тѣ пути, по которымъ онъ могъ бы свободно отступить со своею артиллеріею и обозомъ. Дибичъ намѣревался предоставить туркамъ для отступления одинъ только путь—на горныя крутизны, въ-разбродъ, въ-разсыпую.

31-го іюля, въ шесть часовъ дня, онъ въ Драгоданово подступалъ уже къ городу Сливно, который, послѣ непродолжительнаго, но сильнаго боя, былъ взятъ штыками, со стороны Карнабатской дороги, чрезъ сады и виноградники, а кавалерія наша, сосредоточенная на дорогахъ изъ Ямбола и Еписары, не пустила неприятеля на Адрианопольскую дорогу и, обративъ его разбитыя силы въ полное бѣгство, отшвырнула его въ горы и ущелья.

На слѣдующій день, 1-го августа, наша армія двинулась къ Адрианополу. Такимъ образомъ, послѣ пораженія послѣднихъ остатковъ турецкихъ войскъ при городѣ Сливно, Дибичъ уже безостановочно продолжалъ свое движеніе къ Адрианополу, по обѣимъ берегамъ Тунджи. Несмотря на жару и трудныя каменистыя дороги около долины названной рѣки, войска дѣлали сорока и пятидесяти-верстные переходы, и такимъ образомъ 7-го августа подступили къ Адрианополу, который, несмотря на свой 12-ти-тысячный гарнизонъ и до 15-ти-тысячъ городской гвардіи, уже потерялъ, вслѣдствіе предварительныхъ поражений турецкихъ войскъ, нравственную возможность сопротивляться нашимъ, значительно истощеннымъ силамъ. 8-го августа Адрианополь сдался намъ безъ выстрѣла.

Еще направляясь къ Сливно, Дибичъ отрядилъ отъ 2-го корпуса одну дивизію пѣхоты, съ одною кавалерійскою бригадою, подъ начальствомъ генерала Будберга, и направилъ этотъ отрядъ изъ Карабунара чрезъ Кизильджи-Клиси и Девлетъ-Агачъ, къ городу Кирклисесъ. 8-го же августа, т. е. въ тотъ день, какъ намъ сдался Адрианополь, Будбергъ овладѣлъ Кирклисесомъ. Турки теперь повсюду поспѣшно отступали при приближеніи нашихъ передовыхъ отрядовъ, и жители сами открывали намъ городскія ворота.

16-го августа, прибыли къ Дибичу въ Адрианополь уполномоченные султана Махмуда, съ предложеніями о мирѣ; но Дибичъ, несмотря на это, продолжалъ наступленіе частями своей арміи: въ послѣднихъ числахъ августа, авангарды 2-го корпуса заняли города: Визу и Сарай; 6-й пѣхотный корпусъ вступилъ въ Люле-Бургасъ, выставивъ свои авангарды въ Калистравъ и въ Чорлу; 7-й пѣхотный корпусъ былъ оставленъ въ Адрианополь, для наблюденія дороги въ Филиппополь, куда выступалъ по капитуляціи гарнизонъ адрианопольскій.

Флотъ нашъ тоже не оставался въ бездѣйствіи. Въ августѣ мѣсяцѣ оны покорили намъ приморскіе укрѣпленные города Иніаду и Мидію, что еще болѣе открывало нашей арміи сообщенія съ моремъ. Для соединенія же съ Архипелагскою эскадрою графа Гейдена, Дибичъ выслалъ особый отрядъ, подъ командою графа Сиверса, къ приморскому городу Эносу, и отрядъ этотъ 25-го августа занялъ означенный городъ. На этомъ пунктѣ остановились завоеванія нашей арміи въ Румелии, до заключенія мира. Но въ то время какъ война считалась уже совершенно оконченною, вдругъ явилось неожиданное обстоятельство, едва не возобновившее военныхъ дѣйствій.

30-ти-тысячный корпусъ албанцевъ, не принимавшій никакого участія въ теченіе всего похода, внезапно двинулся отъ Виддина въ Румелию. Хотя противъ этого движенія и были

приняты нами мѣры со стороны Валахій, но албанскій корпусъ, тѣмъ не менѣе, подошелъ уже къ Филиппополу и переступилъ нейтральную черту, назначенную по условію для нашихъ войскъ. Это, въ сущности, была такая же увертливая выходка коварной и двоядушной политики Высокой Порты, какой въ наши дни мы являемся свидѣтелями по отношенію къ Сербіи и Черногоріи. Однако, Дибичъ немедленно же потребовалъ, чтобы движеніе албанцевъ было тотчасъ остановлено, а самъ тѣмъ временемъ выставилъ достаточныя силы на встрѣчу имъ. Требованіе нашего главнокомандующаго, въ виду принятыхъ имъ мѣръ, было исполнено Портою. Вскорѣ послѣ этого мирный трактатъ былъ подписанъ въ Адрианополь.

Боевая убыль турецкой арміи за все время кампаніи 1829 года простиралась отъ 30-ти до 40-ка тысячъ человѣкъ, а отъ чумы и иныхъ болѣзней погибло у нея людей, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ поименованныхъ чиселъ. Строевое же состояніе русской арміи, причисляя прибывшія къ ней подкрѣпленія, считалось въ 112.000 человѣкъ.

Заятію Константинополя и Дарданеллъ помѣшали намъ дипломатическіе пріиски нашихъ друзей англичанъ. Но собственно *въ военномъ отношеніи* походъ 1829 года, какъ уже сказано въ началѣ этого очерка, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Стратегическое движеніе Дибича изъ-подъ Силистріи къ деревнѣ Кулевчи, а также дѣйствія его передъ Шумлою и обходное движеніе за Балканскій хребетъ были столь хорошо и вѣрно рассчитаны, что всегда и во всякомъ случаѣ могутъ служить поучительнымъ примѣромъ на страницахъ военной исторіи. Не даромъ же достался Дибичу титулъ графа Забалканскаго.

Въ началѣ кампаніи турки все еще имѣли важныя преимущества надъ нами, но не сумѣли ими воспользоваться. Въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, когда на лѣвомъ флангѣ напѣмъ у генерала Рота, вмѣстѣ съ генераломъ Ридгеромъ, было не болѣе 15.000 человѣкъ, ослабленныхъ заразою и лихорадками и расположенныхъ разбросаннымъ образомъ по разнымъ отдаленнымъ другъ отъ друга мѣстамъ, у турокъ въ это самое время въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Шумлою сосредоточено было 65.000 арміи. Съ такими силами визирь могъ бы не только разбить, но просто раздавить разъединенныя части Рота. Тѣмъ не менѣе, послѣ успѣха 5-го мая при Эски-Арнауларѣ, визирь безъ всякой основательной причины отступаетъ къ Шумлѣ, вмѣсто того, чтобы на слѣдующій же день возобновить атаку и воспрепятствовать соединенію Рота съ Ридгеромъ, подоспѣвшимъ къ нему на помощь изъ Базарджика только 7-го мая.

Дальнѣйшія дѣйствія визиря были не менѣе

ошибочны. При вторичномъ выступленіи изъ Шумлы, вмѣсто того, чтобы тратить время на осаду Праводъ, еслибы онъ снѣжно обратился противъ Рота, къ которому не успѣли еще прибыть съ Дуная новыя подкрѣпленія и лагерь при Козлуджи едва былъ укрѣпленъ, то Ротъ опять былъ бы поставленъ въ крайне критическое положеніе, и визирь, быть можетъ, избавился бы отъ катастрофы при Кулевчи. Но даже и послѣ этого рѣшительнаго боя, у визиря, успѣвшаго кое-какъ собрать свои разбѣянные войска, все еще оставались въ рукахъ способы къ тому, чтобы замедлить наступленіе Дябича за Балканы; но визирь дался въ обманъ, онъ повѣрилъ, будто Дябичъ и взаправду хочетъ осадить Шумлу.

По настоящему, визирю слѣдовало бы, оставивъ въ Шумлѣ какую нибудь часть, достаточную для ея защиты, съ остальными силами броситься въ Балканы и сосредоточить всѣ способы защиты въ тѣхъ пунктахъ, которые могли быть доступны для прохода нашихъ войскамъ. Визирь же, вмѣсто этого, притягиваетъ къ себѣ въ Шумлу значительныя силы изъ Румелии и отъ забалканскихъ береговъ

Чернаго моря, и тѣмъ облегчаетъ намъ какъ самые проходы чрезъ Балканы, такъ и дальнѣйшее овладѣніе Румеліей. Главная же ошибка турецкихъ стратегиковъ и ихъ европейскыхъ друзей-совѣтниковъ заключалась въ томъ, что они, при составленіи плана войны, все свое вниманіе сосредоточили на крѣпостяхъ дунайскихъ и черноморскихъ, т.-е. свели все дѣло на защиту береговъ, и почти совсѣмъ забыли про защиту Балканъ, этой естественной и громадной ихъ крѣпости. На дѣлѣ же вышло то, что большая часть крѣпостей, какъ по верхнему Дунаю, такъ и по берегамъ Чернаго моря, осталась совсѣмъ внѣ круга дѣйствій, а на Балканахъ все дѣло ограничилось защитою береговъ Камчика. Но еслибы турки не ограничились укрѣпленіемъ однихъ переправъ на Камчикѣ, а возвели бы хотя нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ въ ущельяхъ и тѣснинахъ, позади праваго берега Камчика, которыхъ мы не могли избѣжать ни въ какомъ случаѣ, то всѣ вообще дѣйствія нашихъ войскъ сдѣлались бы гораздо сложнее и успѣхи гораздо затруднительнѣе.

Тамбовскіе дворянскіе выборы.

Тамбовская губернія считается въ числѣ губерній дворянскихъ по преимуществу. Здѣсь, по выраженію одного изъ мѣстныхъ дворянъ (С. С. Жихарева), пока еще «пахнетъ дворянствомъ». Поэтому крайне интересно было убѣдиться на дѣлѣ, на сколько тамбовское дворянство, послѣ пережитаго 25-ти-лѣтія, успѣло сохранить въ себѣ сословно-жизненныхъ элементовъ и чуткости къ своимъ дворянскимъ интересамъ. Прекрасный случай для такихъ наблюденій представили собою дворянскіе выборы, открывшіеся въ этой губерніи 2-го декабря и продолжавшіеся до 7-го числа того же мѣсяца включительно.

2-го декабря, въ 12-мъ часу дня, начальникъ губерніи, открывая собраніе, привѣтствовалъ съѣхавшихся дворянъ краткою рѣчью и пригласилъ ихъ въ каедральный соборъ для принятія присяги. Среди дворянскихъ мундировъ было замѣтно не мало мундировъ и разныхъ чиновъ двора: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и друг. По окончаніи литургіи и благодарственного молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтня государю императору, ректоръ

Тамбовской духовной семинаріи, о. архимандритъ Христофоръ, совершившій въ соборѣ торжественное богослуженіе, предъ приводомъ дворянъ къ присягѣ, обратился къ нимъ съ прекраснымъ поученіемъ, изъ котораго я позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки:

«Нерѣдко, говорили онъ,—приходится слышать и читать жалобы на равнодушное и безразличное отношеніе къ выборамъ всякаго рода. Отъ этого нерѣдко происходятъ то, что выбирается на ту или другую должность лицо нежелательное для всѣхъ; въ такомъ разѣ рѣшающую роль играетъ случайность. Равнодушное отношеніе къ выборамъ, несмотря на недавнее ихъ существованіе ¹⁾, почти совершенно дискредитировало ихъ, подорвало въ нихъ довѣріе въ обществѣ. Въ нашихъ выборахъ, какъ и въ выборахъ другихъ странъ, дѣйствуютъ часто партіи. Но въ основаніи партій у насъ лежатъ не различные принципы или точки зрѣнія и не различные обществен-

¹⁾ Проповѣдникъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь выборы земскіе и городскіе.

ные идеалы преслѣдуются ими. Въ большинствѣ случаевъ, партія группируются у насъ на основаніи личныхъ симпатій и антипатій, личныхъ интересовъ, иногда чисто материальныхъ. Борьба партій, поэтому, приносить положительный вредъ на выборахъ. Выборы, недостаточно обдуманые и пристрастные, имѣютъ деморализующее вліяніе на общество. Лучшія общественныя силы, люди честные и благородные, не способные къ искательству, къ лицемерию и притворству, естественно, начинаютъ уклоняться отъ выборовъ и отъ общественныхъ должностей; зато все худшее, мелкое и ничтожное, искусно облекаясь въ тогу мудрецовъ и благодѣтелей общества, выдвигается впередъ и, подъ видомъ общественныхъ интересовъ, преслѣдуетъ столь же мелкіе и ничтожныя личные или партійныя интересы. Что же удивительнаго, если общественныя дѣла въ такомъ случаѣ идутъ плохо?.. Лучшіе люди опускаютъ руки: они слишкомъ честны и благородны, чтобы входить въ сдѣлку съ кривою совѣстью, съ низостью и пошлостью. Люди же недобросовѣстные свободно пользуются своимъ положеніемъ. Захвативъ права общественныя, случайно или путемъ интриги, и чувствуя непрочность почвы подъ собою, они стараются, съ одной стороны, устранить со своей дороги все достойное, могущее представить опасную для нихъ конкуренцію, съ другой—воспитываютъ, подъ вліяніемъ своей растлѣнной и растлѣвающей житейской мудрости, цѣлую серію подобныхъ себѣ дѣятелей, чтобы имѣть въ нихъ поддержку и пользоваться ими противъ тѣхъ, которые не раздѣляютъ ихъ взглядовъ, не сочувствуютъ и не содѣйствуютъ ихъ нечестнымъ наклонностямъ и стремленіямъ. Вотъ почему и слышались нападкі на выборное начало, которое изъ животворной силы превратилось въ начало деморализующее. Только серьезное, безпристрастное и безкорыстное отношеніе къ выборамъ, основанное на объективной оцѣнкѣ личныхъ дарованій, нравственныхъ качествъ и общественныхъ заслугъ избираемыхъ лицъ—только такое отношеніе можетъ оградить выборное начало отъ нареканій, а общество отъ нравственнаго растлѣнія... Выборы дворянскіе въ особенности должны быть чужды всего, что можетъ пятнать дворянское имя, дворянскую честь. Они должны служить образцомъ для выборовъ другихъ классовъ общества. «Если свѣтъ—тьма, то тьма колыми паче», если выборы представителей свѣта, знания и образованія будутъ не безукоризненны, то чего ожидать отъ невѣднія и невѣжества?»

Напутствованные такими словами, тамбовскіе дворяне приняли присягу и затѣмъ въ залѣ дворянскаго собранія состоялось первое засѣданіе, на которомъ, впрочемъ, ни къ какимъ занятіямъ не было приступлено. Состоялось

только постановленіе объ открытіи собранія и объ увѣдомленіи о немъ губернатора.

3-го декабря общее собраніе предводителей и депутатовъ дворянства рассматривало составленные въ уѣздахъ списки дворянамъ, имѣющимъ право непосредственно участвовать въ дворянскихъ выборахъ, и списки уполномоченнымъ отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, а также довѣрительныя письма о передачѣ дворянами и дворянками своихъ правъ на участіе въ дѣлахъ собранія сего года и въ выборахъ.

По свидѣніямъ, доставленнымъ уѣздными предводителями въ дворянское депутатское собраніе, всѣхъ дворянъ, имѣющихъ право на участіе въ выборахъ, считается въ Тамбовской губерніи 481 человекъ. Изъ этого числа явилось въ собраніе только 190 человекъ, а изъ числа сихъ послѣднихъ 111 человекъ заявили о шарахъ, переданныхъ имъ по довѣренности; но двое изъ нихъ отказались отъ своихъ полномочій, и затѣмъ остальные 109 передаточныхъ шаровъ были признаны депутатскимъ собраніемъ правильными. Такимъ образомъ, все собраніе представило собою 299 избирательныхъ голосовъ. Остальные 182 дворянина, т. е. болѣе одной трети изъ общаго ихъ числа въ губерніи, очевидно, отнеслись къ дѣлу совершенно безучастно.

Общее собраніе 4-го декабря губернскій предводитель, тайный совѣтникъ Григорій Владиміровичъ Кондонди, открылъ небольшою рѣчью, гдѣ упомянулъ о томъ, что лестное избраніе дворянъ доставило ему счастье присутствовать на священномъ коронованіи ихъ величества, повергнуть къ стопамъ монарха вѣрноподданинческія чувства тамбовскаго дворянства и его хлѣбъ-соль, услышать изъ устъ государя слова высочайшей благодарности за это и милостивыя выраженія высокаго довѣрія его величества къ помѣстному дворянству и его избраннымъ представителямъ.—«Откликомъ на эти всемилостивѣйшія выраженія, продолжалъ г. Кондонди,—съ нашей стороны должны служить быть неизмѣнная преданность и усердная готовность быть всегда вѣрными исполнителями мудрыхъ предначертаній нашего верховнаго повелителя». Въ заключеніе губернскій предводитель предложилъ дворянамъ избрать по уѣздамъ комиссію для составленія всеподданинѣйшаго адреса съ выраженіемъ ихъ неизмѣнно-преданныхъ чувствъ.

Послѣ этого на обсужденіе дворянъ былъ предложенъ губернскимъ предводителемъ вопросъ о чествованіи въ будущемъ 1885 году (21-го апрѣля) 100-лѣтняго юбилея «дворянской грамоты», дарованной русскому дворянству императрицею Екатериною II, и объ ознаменованіи этого дня какимъ-либо полезнымъ или благотворительнымъ учрежденіемъ, для чего и опредѣлить дополнительный сборъ по частной дворянской повинности.

Въ сословно-политическомъ смыслѣ, какъ мѣра для сохраненія за помѣщиками-дворянами ихъ земель, несомнѣнно важное значеніе для дворянства могло бы имѣть составленіе неприкосновеннаго запаснаго капитала, процентами съ коего погашались бы повинности, лежащія на дворянскихъ земляхъ. Ссылаясь на свѣдѣнія, доставляемые уѣздными предводителями дворянства, г. Кондоиди заявилъ весьма грустную истину, что дворянскія земли съ каждымъ годомъ значительно убываютъ продажей ихъ изъ дворянскихъ рукъ лицамъ другихъ сословій; что, послѣдствіе такой продажи, сборъ, причитающійся съ этихъ земель по частной дворянской повинности, необходимо раскладывается на остальные земли, пока еще остающіяся за дворянами; что чѣмъ меньше остается такихъ земель, тѣмъ больше съ каждымъ годомъ становится цифра упадающей на нихъ раскладки, и что если дѣло и впередъ будетъ идти такимъ же образомъ, то постепенно возрастающіе сборы непосильно обременять, наконецъ, дворянскія земли, на которыя и безъ того уже падаютъ различные другіе налоги. Въ виду такой печальной будущности, губернский предводитель полагалъ бы полезнымъ: въ предупрежденіе увеличенія дворянскихъ сборовъ, образовать неприкосновенный дворянскій капиталъ, процентами съ котораго могъ бы покрываться если и не весь сборъ, то хотя бы нѣкоторая часть оного. Для составленія предполагаемаго капитала, по мнѣнію г. Кондоиди, можно бы было, въ видѣ пошлыны, взыскивать извѣстный процентъ съ каждаго рубля цѣнности десятины дворянской земли, продаваемой лицу не-дворянскаго сословія, испросивъ, конечно, на таковое взысканіе разрѣшеніе правительства. При этомъ онъ присовокупилъ, что подобный вопросъ уже обсуждался дворянствомъ области Войска Донскаго и что выработанный по сему предмету проектъ представленъ въ Государственный Совѣтъ.

Къ предложенію губернскаго предводителя присоединился дворянинъ Козловскаго уѣзда, сенаторъ Жихаревъ, но прибавилъ, что, сверхъ проектируемой пошлыны, имѣя еще въ виду сохраненіе за помѣстнымъ дворянствомъ его земель не только въ настоящемъ, но и въ болѣе отдаленномъ будущемъ и желая достигнуть этого съ возможно меньшимъ обремененіемъ платежныхъ дворянскихъ силъ, онъ полагалъ бы учредить на составленіе неприкосновеннаго капитала самый ничтожный ежегодный сборъ, не болѣе какъ по $\frac{1}{4}$ копейки съ десятины дворянской земли, что для Тамбовской губерніи съ 1.570.992 десятинъ составило бы по 3.927 руб. 48 коп. въ годъ, а положенный на 6% и ежегодно прибавляемый въ такомъ же размѣрѣ, капиталъ этотъ черезъ 10 лѣтъ обратился бы въ сумму почти въ

60.000 рублей; въ 25 же лѣтъ достигъ бы безъ малаго до 240.000 руб. и приносилъ бы пѣзъ 6% около 14.400 рублей въ годъ доходу, каковая сумма + (плюсъ) проценты съ пошлыны, проектируемой губернскимъ предводителемъ, могла бы вполне покрывать собою всю сумму частныхъ сборовъ, падающихъ на дворянскія земли. Мнѣніе свое сенаторъ Жихаревъ заключилъ слѣдующими словами: «Въ полной мѣрѣ соглашаясь съ полезностью и своевременностью предлагаемаго (губернскимъ предводителемъ) учрежденія неприкосновеннаго капитала дворянскаго, процентами съ котораго могли бы, по возможности, уплачиваться лежащія на дворянскихъ земляхъ повинности, и не предпрѣшая затѣмъ вопроса о способѣ, который дворянству угодно будетъ избрать для осуществленія этого капитала, но принимая въ соображеніе предстоящее въ апрѣлѣ будущаго года торжество чествованія 100-лѣтняго юбилея дарованія императрицею Екатериною II, Великою, дворянской грамоты, я полагалъ бы ходатайствовать о присвоеніи этому неприкосновенному дворянскому капиталу наименованія «Екатерининскаго дворянскаго капитала».

Оба предложенія эти встрѣчены были множествомъ энергичныхъ возраженій, между которыми нашлось и такое: «съ какой-де стати заботиться намъ объ облегченіи существованія своихъ потомковъ, когда намъ въ пору заботиться лишь о самихъ себѣ», и что несправедливо устанавливать сборы съ владѣльцевъ настоящаго времени, чтобы облегчать этимъ платежъ повинностей для будущихъ поколѣній; что если ужъ дѣлать сборъ, то гораздо полезнѣе обратить его на воспитаніе и образованіе бѣдныхъ дворянъ. Находили также, что прежде всего нужно позаботиться о призрѣніи немущихъ дворянъ, такъ какъ одно только дворянство не организовало еще призрѣнія для бѣдныхъ своего сословія.

На замѣчаніе, что съ какой стати заботиться объ облегченіи существованія потомковъ, сенаторъ Жихаревъ возразилъ, что, по его мнѣнію, потомки во всякомъ случаѣ не скажутъ намъ «спасибо» за то, что мы, обременивъ свои земли такими долгами, за которыя вся тяжесть расплаты падетъ на ихъ головы, не могли найти способа удержать эти земли въ рукахъ своего сословія, тогда какъ въ данную минуту, при усиливающемся переходѣ нашихъ земель въ не-дворянскія руки, удержаніе ихъ является самымъ необходимымъ, самымъ насущнымъ дѣломъ, если дворянство сохраняетъ еще въ себѣ жизненную способность и не утратило окончательно чуткости къ своимъ сословно-политическимъ интересамъ.

Пущенное на голоса, предложеніе губернскаго предводителя было отвергнуто большин-

ствомъ 96-ти противъ 92-хъ, а предложеніе сенатора Жихарева большинствомъ 192 противъ 52 голосовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ оказалось дворянство Козловскаго уѣзда въ полномъ составѣ своихъ представителей, которые единодушно согласились съ мнѣніемъ своего сочлена.

Кромѣ того, вопросъ объ образованіи неприкосновеннаго капитала и о его назначеніи обсуждался еще отдѣльно по уѣздамъ. Предложенія уѣздныхъ дворянствъ были различны какъ по размѣрамъ капитала, такъ и по цѣлямъ его употребленія: одинъ уѣздъ предлагалъ отъ себя 50 тысячъ рублей, другой 30 тысячъ рублей на стипендіи въ университетахъ и другихъ училищахъ; нѣкоторые уѣзды предлагали отъ 10 до 30 тысячъ на стипендіи въ Александринскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; во ни одно изъ предложеній, принятыхъ по уѣздамъ, не имѣло за собой большинства при баллотированіи ихъ по губерніи, и, въ концѣ-концовъ, дворяне порѣшили, чтобы въ день предстоящаго юбилея собраться имъ въ экстренное засѣданіе, прочитать дворянскую грамоту и отслужить молебенъ о здравіи царствующаго государя императора и павихиду по императрицѣ Екатеринѣ II, портретъ которой рѣшено поставить въ залѣ дворянскаго собранія.

Въ засѣданіи 5-го декабря былъ причтанъ и принятъ прекрасно составленный проектъ всеподданнѣйшаго адреса, повергающаго къ стопамъ его величества чувства величайшей благодарности тамбовскаго дворянства за тѣ милостивыя и мудрыя указанія, которыя государю императору благоугодно было сдѣлать во время священнаго коронованія для блага дворянъ и сельскаго населенія, живущаго съ помѣстнымъ дворянствомъ въ мирныхъ и доверчивыхъ отношеніяхъ. «Дворянство, сказано въ этомъ адресѣ,—неуклонно предъ Богомъ, своимъ государемъ и отечествомъ поспѣетъ быть достойнымъ того высочайшаго довѣрія, которое намъ вновь открываемо. Въ этомъ да будетъ порукою завіщанное намъ предками неискоренимое въ насъ сознаніе о величій Россіи подъ скипетромъ царя-самодержца, творяшаго миръ и правду людямъ своимъ».

Затѣмъ дѣйств. ст. сов. князь Енгальчевъ предложилъ собранію ходатайствовать чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ объ установленіи охранительной и покровительной системы для земледѣлія и неразрывныхъ съ нимъ отраслей промышленности и торговли, принимая во вниманіе, что земледѣліе Тамбовской губерніи вообще пришло въ весьма критическое состояніе, продолженіе котораго грозитъ громадными потерями, и что безъ содѣйствія правительственной власти невозможно достигнуть въ этомъ дѣлѣ никакого улучшенія.

Предложеніе это вызвало въ членахъ собранія нѣкоторое недоразумѣніе относительно самаго вопроса: въ чемъ именно должна состоять система охраненія и покровительства?—И такъ какъ на это нѣмъ не было дано опредѣленнаго отвѣта, то и порѣшили передать заявленіе кн. Енгальчева для разработкы въ особо избранную для сего комиссію, которая къ засѣданію слѣдующаго дня изготовила докладъ, гдѣ и пояснила, что предложеніе князя Енгальчева она, комиссія, находитъ нужнымъ «дополнить ходатайствомъ: 1) объ огражденіи земледѣлія всѣми важными гарантіями, содѣйствующими его процвѣтанію; 2) объ открытіи долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита на болѣе доступныхъ условіяхъ, и чтобы краткосрочный кредитъ подѣ учетъ соло-векселей былъ обставленъ меньшими формальностями, затрудняющими его вытѣ; 3) о скорѣйшемъ составленіи и утвержденіи рабочаго устава, который урегулировать бы правильныя отношенія между нанимателями и нанимающимися, и о томъ, чтобы дѣла о недобросовѣстномъ уклоненіи исполнителей отъ обязательствъ по найму преслѣдовались уголовнымъ порядкомъ, какъ дѣйствія обманныя; 4) чтобы было разрѣшено открывать сельско-хозяйственные винокуренные заводы при уменьшенномъ акцизѣ и на возможно льготныхъ условіяхъ, что поведетъ къ усиленію производительныхъ силъ земледѣлія, и 5) о скорѣйшемъ введеніи ипотечной системы, которая ведетъ къ усиленію кредита земледѣльцевъ».

Принявъ этотъ докладъ, собраніе уполномочило губернскаго предводителя ходатайствовать о вышеннеложенномъ предъ правительствомъ.

Въ томъ же засѣданіи, 5-го декабря, 24 дворянина внесли на обсужденіе собранія предложеніе объ устройствѣ такого государственнаго кредитнаго учрежденія, которое, въ сущности, возстановило бы прежній Онекунскій соѣтъ. Предложеніе это было сформулировано слѣдующимъ образомъ:

«Ряды дворянства Тамбовской губерніи съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ. Причины этого явленія кроются въ постепенномъ разореніи. Это происходитъ отъ непомѣрно высокихъ платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ частныхъ поземельныхъ банковъ. Предлагаемъ тамбовскому дворянскому собранію ходатайствовать объ устраненіи упадка помѣстнаго землевладѣнія устройствомъ государственнаго долгосрочнаго поземельнаго кредитнаго учрежденія, въ которомъ дворянство, исполнившее величайшую изъ реформъ минавшаго царствованія, могло бы ликвидировать земельные займы, поневоѣ совершаемые на тяжкихъ условіяхъ постъ внезапнаго упраздненія существовавшаго болѣе рѣка, дешеваго государственнаго кредита».

Предложение это принято.

Затѣмъ губернский предводитель предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о распространѣніи силы закона 3-го мая 1883 года—дабы предоставлены были въ собственность дворянскихъ обществъ и такія выморочныя недвижимыя имущества, которыя остаются послѣ потомственныхъ дворянъ, не внесенныхъ въ родословную книгу по небрежности или забывчивости самихъ вымершихъ родовъ, а не по винѣ дворянства, къ коему должно перейти выморочное имущество, гдѣ бы оно и находилось. Собраніе уполномочило губернскаго предводителя особою довѣренностью, съ правомъ передовѣрія, на ходатайство по сему предмету во всѣхъ инстанціяхъ судебныхъ и административныхъ, а равно и во всѣхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Послѣ этого былъ выслушанъ отчетъ ревизіонной комиссіи, повѣрявшей дворянскія суммы, и утверждена сѣбѣ и раскладка частныхъ дворянскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе, причемъ сумма повинностей увеличена на $\frac{1}{4}$ коп. съ десятины, вслѣдствіе увеличенія ассигновки на пособіе бѣднымъ дворянамъ—вмѣсто 1.000 руб. до 3.000 р. въ годъ. Всего же опредѣлено къ ежегодному расходу на дворянскія потребности по 35.347 р. 32 к. Затѣмъ, по предложенію губернскаго предводителя, были назначены пенсіи и единовременныя пособія разнымъ лицамъ и, наконецъ, дворяне приглашены къ уѣзднымъ столамъ для выборовъ лицъ на уѣздныя дворянскія должности.

Но тутъ разыгралась неожиданная сцена, которую многіе изъ дворян охарактеризовали пьенемъ *скандала*.

Для поясненія случившагося, надо прежде сказать, что еще задолго до губернскихъ выборовъ моршанскій уѣздный предводитель, дѣйств. ст. сов. Ильинъ, заявилъ дворянамъ своего уѣзда о рѣшительномъ нежеланіи своемъ баллотироваться на будущее трехлѣтіе. Поэтому на открывающуюся должность явились два соискателя: моршанскій землевладѣлецъ, генералъ-майоръ запаса Н. А. Адлербергъ, и депутатъ дворянства Моршанскаго уѣзда, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Александровичъ Трофимовъ, племянникъ губернскаго предводителя. Большинство дворянъ Моршанскаго уѣзда было настроено въ пользу г. Адлерберга, который, какъ говорятъ, будто бы имѣлъ въ виду, въ случаѣ избранія его въ уѣздные предводители, выступить на другой же день претендентомъ на должность губернскаго предводителя, на что имѣлъ значительные шансы, въ силу своихъ личныхъ отношеній ко многимъ дворянамъ другихъ уѣздовъ.

Предъ началомъ баллотировки по уѣзднымъ столамъ, г. Трофимовъ вдругъ встаетъ съ мѣста и заявляетъ всему собранію свой про-

тестъ на неправильную передачу тремя дворянами Моршанскаго уѣзда своихъ полномочій дворянамъ Кирсановскаго, Козловскаго и Темниковскаго уѣздовъ, а также по поводу передачи графиней Адлербергъ, вѣнуя своего мужа, участвующаго въ собраніи по Моршанскому уѣзду, полномочія своего дворянину Козловскаго уѣзда С. С. Жихареву, въ нарушение будто бы 102 и 111 ст. IX т. св. зак. (изд. 1876 г.).

Неожиданнымъ заявленіемъ этимъ была купута какъ бы тѣнь на дѣйствія дворянскаго депутатскаго собранія, которое предварительно, въ полномъ составѣ своемъ, разсматривало права избирателей съ передаточными шарами и признало ихъ правильными, за исключеніемъ самого г. Трофимова, который остался «при особомъ мѣшѣи». По этому поводу поднялись въ собраніи долгіе и горячіе споры, въ особенности когда къ заявленію г. Трофимова присоединилось нѣсколько другихъ дворянъ съ А. Н. Чечеринымъ во главѣ, доказывавшихъ, что подобныя правонарушенія, кромѣ Моршанскаго, допущены еще въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Эта группа дворянъ заявила, что считаетъ такія нарушенія закона нѣмющими существенное значеніе для исхода дворянскихъ выборовъ и для всѣхъ постановленій дворянскаго собранія, а потому-де «все совершившееся въ этомъ собраніи мы признаемъ незаконнымъ». Дѣло очень обострилось и приняло въ особенности пекотливый характеръ, когда между доводами въ пользу того, что замужняя дворянка можетъ передать право голоса помимо своего мужа, другому лицу, было высказано, что какъ же, однако, поступить ей въ томъ случаѣ, если она не пятаетъ къ мужу должнаго довѣрія, или если разошлась съ нимъ и проживаетъ отдѣльно, хотя бы и въ одномъ и томъ же уѣздѣ, и что само правительство признаетъ иногда необходимымъ выдавать неразведеннымъ женамъ сепаратные билеты. Въ виду жгучести той почвы, на которую перешелъ, такимъ образомъ, общій споръ, нѣкоторые изъ дворянъ предпочли удалиться изъ залы. Споры длились около трехъ часовъ сряду, не приходя ни къ какому результату, пока, наконецъ, г. Жихаревъ не положилъ имъ предѣлъ тѣмъ, что громкогласно выпиталъ собранію 210 ст. IX т., которая гласитъ, что «уѣздные предводители, за мѣсяцъ до обыкновеннаго губернскаго сѣзда, собираются въ губернскомъ городѣ и, вмѣстѣ съ депутатскимъ собраніемъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, разсматривая всѣ списки дворянъ по уѣзду, поставляютъ окончательное опредѣленіе о томъ, кто изъ нихъ можетъ по имѣнію участвовать въ выборахъ непосредственно или чрезъ уполномоченнаго, кто имѣетъ право участвовать въ прочихъ дѣлахъ собранія и кто можетъ быть только избираемъ», и что,

«недоразумѣнія и споры, по сему случаю возникающіе, рѣшаются въ семъ собраніи по большинству голосовъ»¹⁾.

Въ виду определенности вычитанной статьи, споры, наконецъ, утихли, и дворяне могли приступить къ выборамъ. Но тутъ численный составъ ихъ оказался уже измѣнившимся.

Нѣсколько дворянъ Моршанскаго уѣзда уѣхали во время спора.

Такимъ образомъ, съ отъѣздомъ нѣсколькихъ человекъ, число дворянъ Моршанскаго уѣзда оказалось ниже нормы (12 чел.), требуемой закономъ. Уѣздъ оказался вдругъ несамостоятельнымъ для выборовъ и потребовалъ, на основаніи закона, прикомандированія къ себѣ дворянъ одного изъ сосѣднихъ уѣздовъ, именно Козловскаго (22 шара). Желаніе ихъ было исполнено, но вмѣстѣ съ тѣмъ губернской предводитель нашелъ нужнымъ, кромѣ Козловскаго, прикомандировать къ нимъ еще и Шацкій уѣздъ (28 шаровъ). Моршанцы этого не желали, потому что находятся съ шацкими дворянами въ нѣсколько исключительныхъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что три года тому назадъ, на предшествовавшихъ выборахъ, Шацкій уѣздъ очутился въ точно такомъ же несостоятельномъ по числу избирателей положеніи, какъ нынѣ Моршанскій, и къ нему прикомандировали тогда моршанцевъ, которые большинствомъ своихъ голосовъ почему-то, на зло шацкимъ дворянамъ, избрали для нихъ въ уѣздные предводители человека, не пользовавшагося въ Шацкомъ уѣздѣ сочувствіемъ мѣстнаго дворянства (Воронцова-Вельяминова). Въ настоящее время шацкіе избиратели воспользовались случаемъ отплатить моршанцамъ тою же монетою и съ открытымъ злорадствомъ заявили имъ, что мы-де «всучимъ вамъ теперь хоть рыжago кобеля, только не того, кого вамъ хочется». Такимъ образомъ, на должность уѣзднаго предводителя Моршанскаго уѣзда большинствомъ только пяти голосовъ былъ избранъ г. Трофимовъ. Затѣмъ былъ предложенъ къ избранію отсутствующій г. Безобразовъ, бывший нѣкогда моршанскимъ предводителемъ. Дѣйств. стат. сов. Ильинъ, въ качествѣ настоящаго предводителя сего уѣзда, хотя и заявилъ впередъ, что г. Безобразовъ сдѣлалъ заявленіе о своемъ нежеланіи служить по выборамъ, тѣмъ не менѣе, по настоянію шацкихъ дворянъ, онъ былъ подвергнутъ баллотировкѣ и избранъ ихъ большинствомъ, т. е. выбрали человека, о которомъ заранѣе знали,

что онъ не поидетъ, и сдѣлано это было только для того, чтобы окончательно устранить другую кандидатуру, на зло моршанцамъ. Вся эта исторія произвела въ мѣстномъ обществѣ большую сенсацію и нѣсколько дней въ Тамбовѣ только о ней и говорили.

День 6 декабря прошелъ въ какомъ-то странномъ бездѣйствіи. Члены собранія бродили по заламъ или собирались случайными группами у столовъ, прохаживались за колоннами, подымались къ дамамъ на хоры, гдѣ открылся какъ бы цѣлый раутъ, а еще болѣе толпились въ комнатахъ буфета; но дѣла ни у одного изъ нихъ, очевидно, не было никакого. На лицахъ читалось выраженіе то скуки, то недоумѣнія, то досады, и очень часто слышались тамъ и сямъ вопросы: «Да скоро ли же, наконецъ, насъ отпустятъ? Зачѣмъ не кончаютъ выборы? Отчего не выбираютъ кандидатовъ на губернскаго предводителя? Чего еще ждутъ, чего томятъ насъ? На это съ нѣкоторыхъ сторонъ дѣлались ироническія замѣчанія, что ждутъ, молъ, «пока дворянныя повзваскнегъ», хотятъ, чтобы терпѣнію его истощилось и онъ благополучно уѣхалъ бы во-свойся, а «свои люди» останутся, — «тогда и выборы пройдутъ настолько приличнымъ большинствомъ, что можно будетъ, не рояля собственнаго достоинства, и не отказываясь отъ чести избранія». Объ этомъ говорилось громко и безъ стѣсненія.

7-го числа зала дворянскаго собранія уже значительно опустѣла. Изъ 190 человекъ избирателей къ этому дню разѣхалось 73, а 117 наличныхъ членовъ представили собою силу только въ 229 голосовъ вмѣсто 299-ти. Хотѣлъ-было баллотироваться въ кандидаты на губернскаго предводителя усманскій предводитель, флигель-адъютантъ князь Вяземскій, у котораго, по числу своихъ сторонниковъ, были шансы на успѣхъ, но, въ виду разѣзда столькихъ дворянъ, отказался выступить со своею кандидатурой и усилилъ со своими друзьями голоса въ пользу двухъ кандидатовъ, оказавшихся избранными впоследствии.

Это послѣднее засѣданіе отиѣтилось однимъ маленькимъ обстоятельствомъ, которое однако повліяло въ извѣстномъ смыслѣ, на окончательный исходъ выборовъ. Незадолго до начала баллотировки, г. Кондонди, стоя у избирательнаго стола, не официально, но громко прочитывалъ разнымъ лицамъ и даже нѣсколькимъ собиравшимся вокругъ него группамъ полученное имъ въ тотъ день утромъ анонимное письмо, въ которомъ какой-то таинственный «доброжелатель» совѣтовалъ ему заблаговременно отказаться отъ баллотировки, дабы не рисковать «вороними». Большинство дворянъ, справедливо возмущенное недостойною выходкой анонимаго «доброжелателя», просило г. Кондонди не отказываться, и когда дѣло дошло, наконецъ, въ шестомъ часу вечера, до выбо-

¹⁾ Въ давнемъ случаѣ, однако, требованіе закона, согласно 210 ст., исполнено не было, такъ какъ уѣздные предводители и депутаты, за мѣсяцъ до открытія собранія, въ этомъ году вовсе не собирались для обсужденія правъ избирателей, а ограничались лишь особымъ, по сему предмету, засѣданіемъ 3 декабря, уже по открытіи общаго собранія. Впрочемъ, говорятъ, что адѣсь всегда такъ дѣлалось.

ровъ, то Г. В. Кондонди былъ избранъ первымъ кандидатомъ, по большинству 195-ти противъ 34-хъ голосовъ, и избраніе это встрѣчено криками «ура» и рукоплесканіями. Вторымъ кандидатомъ избрали И. А. Сабурова большинствомъ 144-хъ противъ 85-ти.

Послѣ этого г. Кондонди поѣхалъ къ губернатору сообщить ему, что всѣ дѣла собранія окончены и все исполнено согласно требованіямъ закона, а потому начальнику губерніи, въ свою очередь, остается только исполнить его обязанность — закрыть собраніе. Вслѣдствіе этого заявленія, дворянское собраніе въ 10-мъ часу вечера и было закрыто по официальной бумагѣ о томъ отъ губернатора, и не успѣло еще оно закрыться, какъ тутъ же, въ залѣ, пошла во многихъ группахъ толка о томъ, что губернатору «сдѣлали подвохъ», что его «под-

вели», на томъ-де основаніи, что онъ, протестовавъ избраніе нѣкоторыхъ должностныхъ уѣздныхъ лицъ, въ силу 33-й статьи приложенія, не настоялъ на избраніи кандидатовъ къ засѣданіямъ полицейскихъ присутствій, а согласившись на закрытіе собранія, тѣмъ самымъ будто бы отказался отъ основательности своего протеста.

Изобразивъ послѣдовательно, день за днемъ, картину того, что происходило въ дворянскомъ собраніи, я не беру на себя смѣлость дѣлать какие-либо свои собственные выводы и заключенія. По совѣсти, могу отвѣчать только за точность и безпристрастіе, коими руководствовался я при составленіи моего сего описанія.

18 декабря 1884 г.

г. Тамбовъ.

НЕСПОКОЙНЫЙ ДОМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

На-дняхъ, въ гостиной одного знакомаго мнѣ дома я встрѣтился съ штабсъ-ротмистромъ М., который нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку. Въ этой гостиной въ тотъ вечеръ какъ-то случайно зашелъ общій разговоръ о явленіяхъ спиритизма и гипнотизма, объ опытахъ доктора Шарко и въ особенности Ирвинга Бишопъ, свидѣлемъ которыхъ прошлою зимою былъ самъ хозяинъ дома, гдѣ мы теперь находились.

— А вы помните наши бѣжецкіе эксперименты?—обратился ко мнѣ штабсъ-ротмистръ М.—Вѣдь тогда происходили по истинѣ изумительныя явленія.

Я отвѣчалъ односложнымъ «да», сопровождая его утвердительнымъ кивкомъ головы въ знакъ полного согласія съ вопрошавшимъ.

— Какъ?.. Что такое? У васъ были «изумительныя явленія», и вы до сихъ поръ молчите!?—Шутливо-выскальзывающимъ тономъ напустилась на меня хозяйка дома. Въ чемъ дѣло?.. Нѣтъ, нѣтъ, не отвѣкивайте! Придвигайтесь сюда и рассказывайте... Mesdames, attention!.. Слѣдуетъ рассказъ подъ названіемъ: «Изумительныя явленія въ городѣ Бѣжецѣ». Итакъ, мы слушаемъ.

Хозяйка очевидно болѣе всего была озабочена тѣмъ, чтобы занять чѣмъ-нибудь общество своихъ гостей, а потому, принявъ во вниманіе ея интересы данной минуты и мои ста-

рые дружескія отношенія къ этому дому, разумѣется, не оставалось ничего иного, какъ только покориться съ любезной улыбкой ея требованію и расшевелить свои воспоминанія.

Однако, прежде чѣмъ начать мой рассказъ, я долженъ былъ оговориться, что все, что мнѣ сообщать, ни на йоту не составляетъ плодъ моей авторской фантазіи, а *дѣйствительнымъ* было, и что оно было именно такъ, какъ я расскажу, — свидѣтель тому на лицо (онъ-же самъ первый и напомнилъ мнѣ о бѣжецкихъ явленіяхъ), да и прочіе свидѣтели, въ большинствѣ своемъ, — слава Богу — еще здравствуютъ.

И послѣ такого пристуна я началъ свой рассказъ:

Это было въ началѣ сентября 1873 года.

По окончаніи царскаго смотра въ Гроднѣ командиръ Ямбургскаго уланскаго полка, гдѣ я служилъ въ то время, командировалъ меня въ городъ Бѣжецкъ, на старое, такъ сказать, пополнше нашего полка, для разбора документовъ полкового архива, оставленнаго тамъ на храненіе при мѣстной командѣ въ 1864 году, когда Ямбургскій полкъ, въ составѣ 7-й кавалерійской дивизіи, былъ двинутъ изъ Тверской губерніи въ Сѣверо-Западный край. Я въ то время составлялъ «Исторію» этого полка, для которой собственно и нужны были мнѣ архивныя документы; а такъ какъ основательное

знакомство съ ними и выборка изъ нихъ необходимыхъ матеріаловъ требовали не мало времени, то командировка моя могла продлиться—самое меньшее—около полтора мѣсяца.

Прибавъ въ Бѣжецкѣ, я остановился въ единственной тогда гостиницѣ купца Горохова, помѣщавшейся на главной улицѣ, въ старомъ деревянномъ домѣ. «Нумеръ» мой былъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобенъ, но—нечего дѣлать—приходилось мириться съ тѣмъ, что есть, за неимѣніемъ лучшаго.

Въ первый же день, спустись къ обѣду въ столовую залу, я неожиданно встрѣтился за общимъ столомъ со старымъ своимъ знакомымъ, поручикомъ С-нымъ, Петромъ Александровичемъ. Онъ служилъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку, который, по возвращеніи изъ Сѣверо-Западнаго края въ 1864 году, расположился на мѣстахъ нашей старой ямбургской стоянки, имѣя полковой штабъ въ Бѣжецкѣ. Тутъ-же, въ столовой, присутствовало еще нѣсколько сумскихъ офицеровъ, съ которыми поручикъ С-нъ немедленно меня и познакомилъ. Оказались все очень милые и радушные люди, сойтись съ которыми—въ особенности своему брату-кавалеристу—было вовсе не трудно. Съ перваго же раза я получилъ нѣсколько приглашеній къ тому, къ другому, къ третьему, а также и любезныя предложенія пользоваться верховыми лошадьми, на случай еслибы вздумалось прогуляться одному или въ ихъ товарищеской кавалькадѣ по городу или посѣтить расположеніе какого-либо эскадрона въ окрестностяхъ.

Жизнь моя въ Бѣжецкѣ, сверхъ всякаго ожиданія, пошла весьма сносно и даже приятно. Времени съ избыткомъ хватало и на работу, и на маленькія развлеченія, — правда, очень непріхотливыя, но откуда-же взять иныхъ въ уѣздномъ городишкѣ?

Нѣсколько дней спустя, ко мнѣ заѣхалъ какъ-то Петръ Александровичъ.

— А знаете, — началъ онъ, — что я хочу вамъ предложить... Видѣ вамъ въ этомъ нумерѣ, видимо, крайне неудобно: и шумъ вѣчный внизу, и грязца эта, да и въ щели дуетъ, — ну, какъ тутъ работать!

— Что дѣлать! — пожалъ я плечами въ отвѣтъ. — Кое-какъ справляюсь.

— Нѣтъ, видѣ это куда еще вышло переневать ночь, другую; но жить постоянно въ такой мерзости... Я видѣ эти Гороховскіе нумера когда-то на собственной шкуру испыталъ. Видѣ тутъ одна клопы чего стоятъ — злы какъ собаки, проклятые... Нѣтъ, вотъ что, — перебилъ онъ самого себя съ рѣшительнымъ жестомъ; — братъ мой вчера уѣхалъ въ двухмѣсячный отпускъ, и его спавшая съ кабинетомъ вполнѣ къ вашимъ услугамъ. Это будетъ въ тысячу разъ удобнѣе вамъ и покойнѣе.

Я поблагодарилъ, отговариваясь тѣмъ, что боюсь въ чемъ-нибудь стѣснить его собою.

— Подиоте, какое тутъ стѣсненіе! Люди мы холостые, квартира большая — цѣлый этажъ... Право, переѣзжайте!.. Да вотъ что: я сейчасъ прииду сюда моего денщика, и, пока мы будемъ внизу обѣдать, онъ уложитъ и перевезетъ ваши вещи.

Предложеніе милѣйшаго поручика было сдѣлано такъ просто и отъ души, что я съ удовольствіемъ согласился и, часа два спустя, расположился уже какъ дома въ уютномъ кабинетѣ его брата.

Домъ, гдѣ жили братья С — ны, находился въ окраинной части города, неподалеку отъ гусарскихъ конюшенъ, и мѣстность вокругъ него была въ то время довольно пустыня. Съ виду это былъ просторный двухъ-этажный срубъ, въ нѣсколько сажень по фасаду, съ деревяннымъ заборомъ, окружавшимъ довольно обширный дворъ. Сколько помнитъ, выходилъ онъ на перекрестокъ двухъ тихихъ, мало населенныхъ улицъ и принадлежалъ какому-то благочестивому мѣщанскому семейству, которое помѣщалось въ нижнемъ этажѣ.

Еще наканунѣ я получалъ приглашеніе на нынѣшній вечеръ къ одному изъ женатыхъ сумскихъ офицеровъ и потому въ девятomъ часу отправился туда вмѣстѣ съ захватившимъ за мною полковымъ адъютантомъ. Петръ Александровичъ хотя тоже былъ званъ, но предпочелъ остаться дома, сохранивъ на лѣвн и легкое недорозовье.

Возвратился я изъ гостей около двухъ часовъ ночи и тихо прошелъ на свою половину. Заспавный денщикъ Левка, отворившій мнѣ дверь и помогшій раздѣться, повѣдалъ, что поручикъ «давно ужъ започинавши». Я отпустилъ его и съ наслажденіемъ растянулъ свои усталые члены на складной желѣзной кровати, испытывая послѣ Гороховскихъ «нумеровъ» внутреннюю удовлетворенность и нѣгу отъ ощущенія свѣжаго бѣлья, теплаго одѣяла и легкаго, чистаго воздуха. Осенняя ночь была ясна и прохладна: ярко звѣздящееся небо глядѣло въ стекла оконъ, но мнѣ отъ усталости было теперь не до красотъ природы, и, загасивъ свѣчу, я черезъ двѣ-три минуты спалъ уже своимъ богатырскимъ.

На утро, окончивъ свой туалетъ, я вышелъ къ чаю въ столовую, куда вслѣдъ за мною вошелъ и Петръ Александровичъ. Здороваясь съ нимъ, показалось мнѣ, что онъ какъ будто нѣсколько смущенъ и взглядываетъ на меня какими-то пытливымъ взглядомъ, словно бы ожидая, не сообщу-ли я ему чего, или желая разгадать по моему лицу — знаю ли я что-то или не знаю.

— Хорошо-ли вамъ было спать? — спросилъ

онъ въсколко озабоченнымъ тономъ и опять вскинулъ на меня тотъ-же пытливый и сомнѣвающийся взглядъ.

— О, великолѣпно! Давно уже не спалъ такъ хорошо и такъ удобно,—отвѣчалъ я вполне искренно, чувствуя себя совершенно бодрымъ, свѣжимъ и какъ нелзя болѣе въ духѣ.

— И... васъ ничто не побеспокоило?

— Рѣшительно ничто. Какъ легъ, такъ до утра и не проснулся ни разу.

— Ну, слава Богу! — вырвалось у него въ тонѣ нѣкотораго внутренняго облегченія.

— А что, развѣ было какое-нибудь безпокойство? — спрашиваю его.

Н... нѣтъ, ничего, — слегка замаялся Петръ Александровичъ, подвигая ко мнѣ принесенный девицкомъ подносъ съ чаемъ, лимономъ и хлѣбомъ.

Мы молча принялись за чаепитіе, но вижу я, что какая-то смущенная озабоченность въ добротѣ пріятелѣ моемъ дѣйствительно есть и не проходитъ ни на минуту, что сокровенная мысль его какъ будто невольно все возвращается къ одному и тому же предмету и работаетъ надъ нимъ гдѣ-то тамъ, внутри себя, и такъ, и эдакъ. И едается мнѣ, какъ будто хочется ему повѣдать мнѣ о занимающемъ его предметѣ, но въ то-же время и не рѣшается онъ на это, колеблется какъ-то. «Впрочемъ, думаю, можетъ быть, мнѣ все это такъ только кажется», и не допытываюсь у него — боюсь быть не деликатнымъ или, еще хуже, обмануться въ своемъ предположеніи.

— А знаете, — заговорилъ онъ наконецъ, улыбаясь, но все съ тѣмъ-же смущеннымъ видомъ, — какія странныя вещи произошли сегодня ночью...

— Гдѣ? въ Вѣжецкѣ? — спросилъ я съ нѣсколько притворнымъ равнодушіемъ.

— Нѣтъ, здѣсь... у насъ въ квартирѣ.

— У насъ? — удивился я. — Да что-же такое?.. Я рѣшительно ничего не слышалъ.

— Вотъ потому-то я и спрашивалъ — не побеспокоило ли васъ что.

— Повторяю: рѣшительно ничего. Но въ чемъ же дѣло?

— Да какъ я сказать — не знаю... невѣроятное что-то, и, признаюсь, я и самъ ни за что не повѣрилъ бы, еслибы фактъ не былъ на лицо даже въ сію минуту...

Я съ любопытствомъ уставился на него вопрошающими взорами.

— Н-да, — продолжалъ онъ межъ тѣмъ послѣ короткаго раздумья, — никакъ не ожидалъ ничего подобнаго. Въ первый разъ въ жизни такая оказія и... просто, даже постичь не могу, что это такое!.. И это меня ужасно интригуетъ...

— Расскажите, пожалуйста. Вѣдь не секретъ же, если вы сами заговорили?

— Какое секретъ!.. Но, вѣрите ли, мнѣ

даже совѣстно разсказывать. Вы въ полномъ правѣ не повѣрить моимъ словамъ, а между тѣмъ фактъ, говорю, на лицо — у меня въ карманѣ!..

«Фактъ въ карманѣ и въ то-же время нѣчто невѣроятное, — что за чепуха!» Я рѣшительно, какъ говорится, обился съ-пояталыку и жду, чѣмъ же разрѣшитъ наконецъ хозяинъ мое недоумѣніе?

— Началось это еще со вчерашняго вечера, часа полтора послѣ вашего ухода, — приступилъ онъ, собравшись съ мыслями, къ своему разсказу. — Чувствуя себя дѣйствительно не совсемъ-то здоровымъ, я переодѣлся въ халатъ, спросилъ себѣ чаю и прилежъ вотъ здѣсь, въ столовой, на этой кушеткѣ — газету читалъ. А въ смежной комнатѣ, въ гостиной, горѣла на столѣ лампа подъ абажуромъ. Никого тамъ не было, тишина полная. Вдругъ слышу, какъ-будто тамъ что-то тяжелое на полъ упало — стукнуло металлическимъ чѣмъ-то: поднялъ глаза на дверь (она была раскрыта), гляжу — темно; кликнулъ Левку и первымъ же долгомъ, конечно, выругнулъ его: «какая, молъ, ты скотина! Лѣнь даже лампу заправить какъ слѣдуетъ: керосинъ весь выгорѣлъ».

— Никакъ нѣтъ, говорятъ, ваше благородіе; давеча я ее какъ есть до верху налилъ и фитиль даже обрѣзалъ.

— Ну, такъ отчего-жъ она потухла!.. Поди погляди и зажги ее снова.

Взялъ онъ свѣчку и пошелъ въ гостиную.

— Извольте, говорить, сами взглянуть: лампа полнехонька.

— Такъ, значитъ, ее вѣтромъ задудло. Ты вѣрно не затворилъ оконъ?

— Никакъ нѣтъ, откликается, — не токма, — что окна, и форточка даже закрыта. Шутъ ее знаетъ, съ чего она это!

— Тамъ что-то на полъ, кажись, упало, кричу ему съ кушетки. — Погляди, точно ли или мнѣ такъ послышалось?

Нагнулся онъ со свѣчой къ полу, поискалъ и, слышу, ставитъ что-то на столъ.

— Пепельница, говоритъ, бронзовая упала.

«Вотъ-те и на! Эта-то, думаю, съ чего же!» Ужъ не забралась ли кошка къ намъ чужая!?

Обыскали всю комнату, всю квартиру, — нигдѣ никакой кошки. Зажегъ онъ снова лампу и ушелъ къ себѣ на кухню, а я опять принялся за газету. Лампа въ гостиной горѣла совершенно ясно и ровно; но не прошло и часа, какъ вдругъ слышу тамъ трескъ и грохотъ. Несомнѣнно, опять упало что-то. Подымаю глаза — темно. Что за дьявольщина?!.. На этотъ разъ я уже самъ взялъ свѣчку, иду туда и что же! — Лампу нахожу опрокинутой, стеклянный резервуаръ лопнулъ пополамъ и разлетѣлся, керосинъ, конечно, разлился по столу и течетъ на коверъ, колпакъ весь въ-дребезги, огонь погасъ, но свѣтильня поставлена пра-

видно, какъ слѣдуетъ обыкновенно для горѣнія, и отчего при этомъ условіи могла она погаснуть, тогда какъ по всѣмъ видимостямъ ей слѣдовало бы продолжать горѣть и надѣлать у меня пожара, — этого я рѣшительно не понималъ.

— Ну, что-жъ, говорю, невѣроятнаго тутъ я пока ничего не вижу. Просто, значить, въ горѣлкѣ была какая-нибудь неисправность, отъ которой вѣроятно и произошелъ взрывъ. А что фитиль погасъ, такъ это случай хотя и весьма исключительный, но не невозможный; вѣрно пламя было задето напоромъ газа при взрывѣ.

— Можетъ быть, — задумчиво промолвилъ С—нъ. — Конечно, можетъ быть и такъ, но... все-таки очень странно. Вѣдь лампа-то была полна до верху, такъ что газу негдѣ было и образоваться.

— А если допустить, — возразилъ я, — что какая-нибудь искорка въ нагарѣ могла упасть съ фитиля и проникнуть черезъ зазоръ между фитилемъ и горѣлкой въ резервуаръ?

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ каросинъ прежде взрыва долженъ былъ бы вспыхнуть. Да и притомъ фитиль былъ пригнанъ по мѣркѣ и сидѣлъ совсѣмъ плотно, — въ этомъ-то ужъ я самъ удостоверился.

— Ну, наконецъ, просто стеклянный резервуаръ могъ какъ-нибудь неравномѣрно нагрѣться и лопнуть.

— Пусть такъ; охотно допускаю, — согласился С—нъ. — Но вѣдь это только цѣточки моего разсказа, а ягодки впередъ. Это только начало.

— Стало быть, «продолженіе слѣдуетъ», — la suite au numéro prochain?

— А вотъ, послушайте. Прибравшись мы съ Левкой ко всюю этою катавасіей, привели все въ порядокъ и успокоились. Долженъ вамъ сказать, что оба эти приключенія съ лампой не сдѣлали на меня ровню никакого впечатлѣнія. Непонятно, конечно, казалось, съ чего бы ей лопнуть; но видѣть въ этомъ нѣчто «особенное», сверхъ-естественное мнѣ — божусь вамъ — и въ голову не пришло. Даже тѣни чего-либо подобнаго и въ помышленіи не было. Да и вообще до сихъ поръ я былъ вовсе не изъ суевѣрныхъ. — Всѣ эти сомнѣнія приплыли уже *потомъ*, сегодня утромъ. А вчера, послѣ краха этого, я какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ себѣ читать, пока наконецъ не сталъ меня сонъ клонить. Ну, думаю, пора и на боковую. Перешелъ въ спальню и, улегшись въ постель, прежде чѣмъ потушить свѣчку, взглянулъ на часы: было половина двѣнадцатаго. А надо вамъ сказать, я имѣю обыкновеніе всегда класть свои часы на ночной столикъ, у кровати, и на этотъ разъ не замѣтилъ въ нихъ ничего особеннаго. Заснулъ я почти въ ту-же минуту и заснулъ крѣпко; но ночью почему-то проснувшись, — сонъ, знаете, какъ-то вдругъ

разсѣялся. Поворочался съ боку на бокъ, — нѣтъ, канальство, не засыпаю что-то!.. Дай, думаю, зажгу свѣчу да выкурю папиреску. Зажогу, посмотрѣлъ на часы, — было половина четвертаго, — и опять-таки не замѣтилъ въ нихъ ничего особеннаго: все было цѣло, все на своемъ мѣстѣ, словомъ, въ полной исправности. Я нарочно вхожу во всѣ эти мелочныя подробности, — оговорился поручикъ, прерывая свой разсказъ, — и прошу васъ замѣтить ихъ, такъ какъ онѣ имѣютъ тутъ большое значеніе. Ну-съ... было, значить, половина четвертаго. Чтобы поскорѣе заснуть, взялъ я «Гарнизонный уставъ» и сталъ читать. Средство, какъ и всегда, оказалось дѣйствительнымъ, и, прочтя страницу, другую, я почувствовалъ, что начинаю снова дремать. Поэтому положилъ книжку на столикъ такъ, что случайно прикрылъ ею часы, и загасилъ свѣчу. Вскорѣ затѣмъ заснулъ я опять, а сегодня просыпаюсь и по обыкновенію первымъ дѣломъ за часы — узнать, который часъ; гляжу и... вотъ, не угодно ли посмотрѣть, какой сюрпризъ

Съ этими словами Петръ Александровичъ вынулъ изъ кармана глухіе золотые часы, надавилъ пружину крышки и передалъ ихъ мнѣ раскрытыми. На стеклѣ, предохранявшемъ циферблатъ и стрѣлки, я увидѣлъ противъ промежутка цифръ IV и V совершенно круглую дырочку, словно бы она была пробита бѣлосинейной дробинкой, и во всѣ стороны отъ этой дырочки расходились лучевидныя трещинки длиною отъ трехъ до шести линій, такъ что въ остальной своей части стекло нигдѣ не лопнуло.

— Что же это значить? — спрашиваю его.

— Не понимаю, — пожалъ онъ плечами. — Но знаю только одно, что въ половинѣ двѣнадцатаго и въ половинѣ четвертаго стекло было совершенно цѣло, и что, проснувшись сегодня, я нашелъ часы на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, подъ «Гарнизоннымъ уставомъ».

— Да навѣрное ли вы помните про стекло-то?

— Какъ то, что меня зовутъ Петромъ С—нымъ. Не замѣтить такого поврежденія я не могъ бы, — оно слишкомъ бросается въ глаза.

— Но чѣмъ же объяснить его?.. Можетъ, кто входилъ въ вашу комнату, когда вы спали?

— Рѣшительно никто. Я сплю довольно чутко, и чуть что — навѣрное услышалъ бы. Да нѣтъ, тутъ что странно, — продолжалъ С—нъ. — Крышка была закрыта. Я очень хорошо помню, что, посмотрѣвъ на часы, оба раза закрывалъ ее. Это вѣрно какъ то, что я теперь предъ вами. А теперь подумайте: чѣмъ это могло быть сдѣлано? какимъ орудіемъ и какого рода ударомъ? Если ударъ

нанесенъ извѣтъ, то была бы пробита и крышка или, по крайней мѣрѣ, на ней остался бы глубокий знакъ; но тогда на стеклѣ не могло бы образоваться такой пробойни,—оно должно бы лопнуть сплошнѣе и въ-дребезги. Если же допустить, что какая-нибудь дробинка или мелкій камешекъ могли какими ли на есть судьбами попасть подъ крышку, и что я, закрывая ее, надавилъ камешкомъ на стекло, то онъ, проскочивъ отъ нажима во внутрь, непременно находился бы теперь между стекломъ и циферблатомъ; а между тѣмъ его тамъ нѣтъ, и крышка тоже цѣла совершенно: ни снизу, ни сверху на ней ни малѣйшей царапинки. Да, наконецъ, обратите вниманіе на самую форму дырочки: какая правильность кружка! — словно просверлено!.. И какіе короткіе лучи!.. Вѣдь, чтобы сдѣлать такую пробойнику, нужна страшная сила удара; вѣдь это только выстрѣломъ, да и то случайно, можно такъ пробить стекло, а ужъ никакъ не нажимомъ камешка или чего-нибудь подобнаго,—въ этомъ разѣ стекло бы лопнуло сплошнѣе, а не такою звѣздочкой. Не такъ-ли?

— Совершенно вѣрно,—согласился я.

— Ну, и что же вы мнѣ теперь на это скажете?.. Можно ошалѣть отъ недоумѣнія?

Я разглядывалъ поврежденіе и тѣмъ внимательнѣе глядѣлъ, тѣмъ больше начиналъ дивиться. Дѣйствительно, тутъ было нѣчто крайне курьезное и совершенно необъяснимое. Несомнѣнное доказательство тому, что ударъ нанесенъ былъ именно въ наружную поверхность стекла, оказалось на лицѣ: поворачивая часы въ рукахъ, я усмотрѣлъ на циферблатѣ нѣсколько крохотныхъ осколковъ стекла, перекатывавшихся съ мѣста на мѣсто, какъ только я наклонилъ часы въ какую-либо сторону. Но Петръ Александровичъ совершенно правъ, утверждая, что для подобнаго удара нужна страшная сила, въ родѣ выстрѣла, и если бы точно примѣнена была въ данномъ случаѣ какая-либо сила подобнаго рода, то отчего же въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ни на крышкѣ, ни на циферблатѣ?

— Ну, и что же вы мнѣ теперь на это скажете? — повторялъ свой вопросъ поручикъ, остановившись предо мною и скрещивая на груди руки.—Кто и какимъ образомъ могъ это сдѣлать? Какъ по вашему?

— Духи. Кому же больше! — полушутя отвѣтилъ я, пожавъ плечами.

— А вы вѣрите въ духовъ? — спросилъ онъ тоже полушутливымъ, но нѣсколько подозрительнымъ тономъ.

— То-есть... какъ вамъ сказать... до сей минуты не то чтобы вѣрилъ или не вѣрилъ, а просто оставался насчетъ ихъ совсѣмъ равнодушнымъ и вообще подобнаго рода «духовными» вопросами никогда не занимался.

— Такъ какъ же вы говорите: «духи!»

— Да, но, видя такую штуку, что же намъ больше отвѣтить?!

И мы на нѣкоторое время замолчали, отдавшись каждый своимъ недоумѣвающимъ размышленіямъ о случившемся.

— Значитъ, и въ самомъ дѣлѣ не даромъ этотъ домъ пользуется репутаціей неспокойнаго, — заговорилъ, минуто спустя, Петръ Александровичъ. Тутъ,—продолжалъ онъ,—жилъ до насъ ротмистръ Л—хнѣ и долженъ былъ съѣхать, потому «неспокойно», говорить, и намъ вѣзжать не совѣтывалъ... Мы съ братомъ однако не повѣрили и наняли—квартира-то ужъ больно для насъ удобна; ну, и впрочемъ, прожили вотъ уже сколько времени, и до вчерашняго вечера рѣшительно ничего особеннаго не было, такъ что мы успѣли и позабыть о предостереженіи. Ахъ тутъ вотъ и оказалось.

Я понитересовался узнать, въ чемъ же именно заключалось при ротмистрѣ Л—хнѣ «безпокойство» этого дома? Но поручикъ не могъ отвѣтить мнѣ въ точности. «Было, говорить, что-то такое: не то вздохъ, не то стукъ какіе-то порою слышались!»

— Да вотъ, спросимъ лучше у Л—хна,—предложилъ онъ.—Хотите, пойдемъ къ нему, а не то я напишу записку, приглашу его позавтракать — и поговоримъ. Онъ все это можетъ во всей подробности разсказать, если желаете.

Къ полудню у С—на, по обыкновенію, собралось мало-по-малу нѣсколько его полковыхъ товарищей. Это ужъ такъ всегда, въ каждомъ полку бываетъ какая-нибудь всеѣмъ излюбленная офицерская квартира, куда, непремѣнно заходить офицерство «на огонекъ» вечеромъ или «на перепутьѣ» утромъ, идучи изъ манежа или канцеляріи, а то и просто «такъ», зная, что тамъ всегда встрѣтишь кого-нибудь изъ «своихъ» и узнаешь какія-либо новости. Пожитно, что такими «сборными пунктами» бывають квартиры только общелюбимыхъ и хлѣбосольныхъ товарищей. А поручикъ С—нъ былъ и тѣмъ, и другимъ несомнѣнно.

Въ это утро набралось человѣкъ восемь. По-обыкновенію, Левка подалъ на столъ водку и закуски, ибо часть былъ «адмиральскій», и онъ свое дѣло зналъ «до точности». Между прочимъ повѣдъ за другими случайно занесть и ротмистръ Л—хнѣ. На видъ это былъ человѣкъ лѣтъ подлѣ сорока, смуглый, нервно сухоощавый и нѣсколько болѣзненный, съ лицомъ серьезнымъ и выразительнымъ.

Разговоръ главнѣйшимъ образомъ, конечно, вѣртелся около неопознанаго приключенія съ часами, причемъ Петру Александровичу пришлось повторить свой разсказъ чуть не для каждаго нововходящаго гостя. Часы переходили изъ рукъ въ руки, и всѣ, глядя на нихъ,

только недоумывали да пожимали плечами. Каждый, впрочем, старался дѣлать свои догадки о томъ, какими образомъ такая штука могла случиться путемъ естественнымъ; но всѣ эти предположенія не выдерживали критики и рушились предъ первымъ же возраженіемъ. Выслушавъ разсказъ и ротмистръ Л—хнѣ. Молча взявъ онъ послѣ этого часы, внимательно осмотрѣлъ ихъ и молча же передалъ хозяину.

— Было у васъ что-нибудь подобное, когда вы тутъ жили?—спросилъ его Петръ Александровичъ.

— Нѣтъ, — отрицательно качнулъ онъ головою.

— Но мнѣ помнится, вы говорили какъ-то, что вещи разныя у васъ сами собою срывались отъ мѣста и падали на полъ.

— Это бывало, — подтвердилъ Л—хнѣ. Впрочем, я вѣдь васъ предупреждалъ, — прибавилъ онъ, — что домъ беспокойный. Не вѣрили—ну, теперь сами видите.

Ротмистръ былъ не изъ особенно словоохотливыхъ; но мало-по-малу общими усиліями удалось расшевелить его, и онъ повѣдалъ намъ, что болѣе всего квартира эта непріятна тѣмъ, что въ ней, и особенно вотъ въ той гостиной, иногда *чувствуется* невидимое присутствіе посторонняго человѣка.

— Въ чемъ именно это выражается—опредѣлить довольно трудно, — говорилъ онъ, — но, оставаясь иногда наединѣ, я чувствовалъ, что я не одинъ, что здѣсь есть еще кто-то, и это меня подчасъ ужасно раздражало.

— Ну, положимъ, у васъ вѣдь иногда и нервы гуляютъ, — какъ-бы въ скобкахъ замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Гулять-то гуляютъ, это точно, а вы, батюшка-корнетъ, не перебивайте, разъ что я началъ... Молодо—зелено... Видите-ли, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — это чье-то невидимое присутствіе иногда выражалось и болѣе, такъ сказать, осязательными образомъ. Напримѣръ, вы слышите подлѣ себя чье-то дыханье или вѣянье. Особенно случалось это, когда, бывало, пишешь письмо. Ну, что вы хотите: вотъ чувствую да и только, что стоитъ взадъ мною кто-то и склонился изъ-за плеча читаетъ мое писанье; чувствую, какъ дышетъ лѣвъ, какъ скользятъ мимо щеки его дыханье. Или иногда вдругъ половицы въ комнатѣ пойдутъ скрипеть, словно бы отъ чьихъ-то шаговъ. И вы слышите, какъ направляется этотъ скрипъ по диагонали отъ одного угла къ другому черезъ всю комнату. Да какъ вачнеть такъ-то маячить взадъ и впередъ, — ходить, ходить, не переставая, — даже надоесть, бывало. «Уймись, ты, неугомонный! проспши его. Дай ты мнѣ покой! Будетъ ужъ, найдется!» Ну, иной разъ и послушается, перестанетъ... А то иногда вдругъ стонъ по-

слышится не то въ комнатѣ, не то подъ окномъ на улицѣ. Помню, въ прошломъ году весною сижу я разъ часу въ первомъ часу ночи передъ раскрытымъ окномъ въ той вотъ гостиной и вдругъ слышу глухой, протяжный стонъ. Не въ первый разъ ужъ это случалось, но тогда показалось мнѣ, будто стонетъ какъ-разъ подлѣ моимъ окномъ на улицѣ. Я сейчасъ же высунулся въ окно — ночь-то свѣтлая — гляжу: ни души. А въ эту минуту опять тотъ же стонъ, только уже сзади, у меня въ комнатѣ. Вѣрите-ли, такъ мнѣ это стало жутко, что я схватилъ фуражку и вошелъ изъ дому. «Ну тебя и совсѣмъ, океанный!».. А то разъ, вечеромъ, сидимъ мы съ Кам—скимъ вотъ въ этой самой столовой и болтаемъ самымъ веселымъ манеромъ, какъ вдругъ изъ этого вотъ угла: «охъ-охо-охъ»!.. Да такъ-то громко, явственно, что у насъ я языкъ прилине къ гортани. А что пепельницы да хлысты и фуражки ни съ того, ни съ сего летали на полъ, такъ на это я ужъ и вниманіе пересталъ обращать, — денщикъ подберетъ, бывало, и только. Но наконецъ надоела мнѣ вся эта чертовщина, взявъ и перешагнулъ на другую квартиру, на мою нынѣшнюю. И что-жъ бы вы думали? Съ тѣхъ поръ, слава Богу, какъ рукой спало: никакихъ этихъ присутствій, ни вздоховъ, ни скриповъ, ничего не чувствую. Вотъ вамъ и нервы... Нѣтъ, сударь мой, не въ первахъ тутъ стало-быть сила! — обратился въ заключеніе ротмистръ по адресу своего оппонента.

Выслушавъ этотъ разсказъ, я позволилъ себѣ высказать ротмистру мое предположеніе: не есть-ли всѣ эти вздохи и прочее просто результатъ какого-нибудь особаго акустическаго фокуса въ устройствѣ этого дома, фокуса, быть можетъ, совершенно случайнаго, помимо намѣреній строителя, но тѣмъ не менѣе существующаго, какъ бываетъ это иногда въ нѣкоторыхъ зданіяхъ. Быть можетъ, всѣ эти вздохи и скрипы половицъ раздаются внизу, въ квартирѣ домохозяевъ, а намъ, благодаря какой-то акустической особенности, кажется, будто это здѣсь, у насъ подъ ухомъ. Но ротмистръ безусловно отвергъ такое предположеніе.

— Мнѣ и самому, — сказалъ онъ, пришло это въ голову, я и не разъ даже посылалъ къ хозяевамъ справиться, не у нихъ-ли, молъ? Но нѣтъ. Бывало даже такъ, что хозяйка въ субботу уйдутъ ко всенощной и квартиру на замокъ запрутъ, а у меня въ это самое время какъ разъ и начинается... И въ акустика тутъ нп при чемъ, — порѣшилъ съ полнымъ убѣжденіемъ ротмистръ, — а слышалъ я какъ-то отъ одного здѣшняго старожилы, что въ этомъ домѣ, и даже будто въ этой самой квартирѣ, лѣтъ сорокъ, коли не больше, тому вазадъ повѣсился кто-то, — чуть-ли не

самъ домовладѣлецъ,—и что съ тѣхъ-то поръ оно и началось. Спросилъ я какъ-то объ этомъ у хозяевъ, точно-ли, молъ? Но тѣ и крестами, и плевками отчуждаются: «что ты, молъ, бабюшка! Ни въ жисть у насъ такой нечисти не важивалось!».. Чуть даже не поссорился съ ними изъ-за этого самаго. Оно, конечно, для нихъ невыгодно: жильцовъ отпугиваетъ; а только, воли ваша, пеладное что-то тутъ есть, и находить оно периодически: иногда нѣсколько дней и даже недѣль совсѣмъ спокойно, а тамъ вдругъ и поидеть... И это вамъ еще одно доказательство — периодичность-то,—что тутъ не акустика.. Кабы акустика, такъ оно постоянно было-бы.

— Такъ что же? Неужели, вопреки современной наукѣ, такъ и повѣрить, что въ самомъ дѣлѣ духи?—скептически и съ нѣкоторымъ даже азартомъ воскликнулъ юный корнетъ, оппонировавшій ротмистру.

— Духи-ли, вѣтъ-ли, — про то, милѣйшій мой, не знаю; и вы вольны вѣрить или не вѣрить въ нихъ, это—дѣло вашего вкуса или вашего разумѣнія; а что зря я никогда не болтаю, про то, надѣюсь, вамъ весь полкъ скажетъ.

— А что-же, чортъ возьми, почему бы и не духи?—вставилъ слово «душа-человѣкъ», поручикъ Каз—новъ, вѣчно-веселый, добрый и лхой малый. Да, наконецъ, это такъ легко испытать и провѣрить... Давайте, господа, заниматься спиритизмомъ!—вдругъ предложилъ онъ, словно бы по какому вдохновенію. Давайте столъ сюда!.. И если въ самомъ дѣлѣ это духи,—пусть они намъ проявятся. Господа духи, вы слышите? согласны?—обратился онъ въ пространство съ пригластельнымъ жестомъ.

— Изъ этого ничего не выйдетъ!—возвѣстивъ юный корнетъ свой рѣшительный приговоръ. Столъ, пожалуй, будетъ у васъ и вертѣться, и стучать; но это еще ровно ничего не доказываетъ; кромѣ невольнаго сокращенія вашихъ собственныхъ мышцъ, котораго вы не замѣчаете и сами безсознательно вдаетесь въ обманъ.

— Ну, а если мы его попросимъ прозвѣть что-нибудь необычайное,—подняться, напрыгѣть, на воздухъ,—тогда что?

— А, тогда другое дѣло. Но только этого не будетъ.

— Да почему же ты это такъ рѣшительно утверждаешь?

— Потому что это была бы явная нелѣпость, абсурдъ... вопреки закону тяготѣнія... Это... это, вообще, нарушило бы всѣ извѣстные намъ законы физики... Однимъ словомъ, потому что это вздоръ и никогда ничего подобнаго быть не можетъ.

— А вотъ, посмотримъ. Чѣмъ даромъ-то спорить, садись-ко, братъ, лучше за столѣкъ и

клади свои руки. Господа, кому угодно? Вмѣсто партій въ явствъ маленькую партію въ спиритизмъ,—пожалуйте!

На середину комнаты вынесли круглый столѣкъ на одной точеной ножкѣ о трехъ пяткахъ и сѣли за него вчетверомъ: поручикъ Каз—новъ, полковой адъютантъ С—ковъ, Петръ Александровичъ С—нъ и я.

Недѣля не замѣтить, что сейчасъ былъ начатъ при такихъ условіяхъ, которыя у истинныхъ спиритовъ считаются не то-что самыми невыгодными, но просто невозможными для какихъ бы то ни было медіумическихъ явленій. Во-первыхъ, это былъ первый часъ дня; во-вторыхъ, комната была залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; въ-третьихъ, въ ней было накурено, и, полагаю, вы легко себя представите, какъ это могутъ надымить восемь или десять курищихъ офицеровъ. Не говорю уже о томъ, что тутъ стояла и водка, и закуска, и что всѣ присутствующіе громко разговаривали частію о предметахъ совсѣмъ постороннихъ, смѣлялись, пѣли, спорили, остряли... Да и мы-то, сами, экспериментаторы, сѣли за столѣкъ шути, чуть не на смѣхъ. Словомъ, еслибы и захотѣть, то нельзя было бы придумать обстановку болѣе неподходящую для спиритическихъ опытовъ. А между тѣмъ не прошло и минуты, какъ въ столѣкъ обнаружилась *жизнь*, какое-то внутреннее трепетаніе, похожее на ходъ электрическаго тока, и мы всѣ ясно почувствовали надъ своими пальцами легкое вѣяніе, холодокъ какой-то. Слѣдили мы еп сакгѣ, другъ противъ друга, не соединяя свои руки въ непрерывную пѣль, а просто положивъ ихъ на столешницу, каждый особо. Прошло еще съ полминуты,—столѣкъ вздрогнулъ и покачнулся.

— Ну, это вы сами, господа, дѣлаете!—заговорили зрители-скептики.—Этакъ-то и ладонью легко его сдвинуть. Нѣтъ, а вы на-чистоту: не угодно-ли вамъ чуть-чуть прикасаться къ нему, и не иначе какъ только кончиками пальцевъ и ближе къ серединѣ, къ центру,—вотъ тогда мы посмотримъ.

Мы безпрекословно подчинились этому требованію. Но трепетаніе въ столѣкъ, сверхъ всякаго ожиданія, стало послѣ этого еще сильнѣе, перейдя въ дрожь, замѣтную не на ощущеніе только, а и постороннему глазу. Опытъ началъ приобретать нѣкоторый интересъ, и всѣ присутствующіе невольнымъ образомъ приотклонили, сосредоточивъ на немъ свое вниманіе. Одному только юному корнету казалось, что это все поручикъ Каз—новъ «плутуетъ».

— Тыфу ты пропасть!.. Экій Бома невѣрный!—отозвался ему подозрѣваемый.—Ну, сдѣлай одолженіе, сядь самъ на мое мѣсто, пожалуйста!.. Минѣ, кстати, и покурить хочется.

Тотъ не отказался и замѣстилъ поручика. Трепетаніе, прекратившееся-было въ столѣкъ при этой перемѣнѣ, черезъ нѣсколько секундъ

возобновилось я, постепенно усиливаясь, дошло до той же степени дрожи, уловимой глазомъ.

— Ну, что же, и теперь скажешь, что это плутовство?—обратился къ корнету Каз—новъ.

— И-и-тъ, есть дѣйствительно,—согласился тотъ,—но это-то именно и убѣждаетъ меня, что тутъ работаютъ наши собственные мышцы. На воздухъ ему все-таки не подняться!—добавилъ онъ тономъ несокрушимого убѣжденія.

Но, какъ нарочно, въ это самое мгновеніе столъ слегка наклонился въ сторону корнета и, описавъ вращательнымъ движеніемъ менѣе полукруга, вдругъ подпрыгнулъ вершка на два вверхъ и сталъ на всѣ три пятки. Это было такъ неожиданно, что мы сами какъ-будто не вполюбъ еще убѣдились, точно-ли то было поднятіе или намъ только показалось.

— Конечно показалось,—порѣшилъ корнетъ, стараясь убѣдить въ этомъ не только всѣхъ, но и самого себя.—Вотъ пускай-ка онъ подымется, ну, хоть на поларшина, да постоитъ на воздухѣ, тогда посмотримъ.

Прошло еще нѣсколько секундъ, въ теченіе которыхъ трепетаніе въ столѣ, становясь все экспрессивнѣе, дошло наконецъ до высокой степени напряженности и—о, чудо! онъ плавно отдѣлился вдругъ отъ пола и медлительно сталъ подниматься вверхъ, не теряя своего вертикальнаго положенія, выше, выше... вотъ уже почти на поларшина... еще выше, такъ что намъ пришлось встать со стульевъ и продолжать опытъ стоя. Начавшись совершенно плавно, дальнѣйшее поднятіе сопровождалось время отъ времени какъ бы легкими порывами или толчками снизу вверхъ, при чемъ каждый разъ мы чувствовали, что столъ поднялся выше. Послѣ этого, не терпя взятой высоты, онъ на нѣкоторое время останавливался, какъ бы отдыхалъ или собирался съ новыми силами, пока новый толчекъ изнутри себя не поднималъ его еще вершка на два. Кисти нашихъ рукъ уже почувствовали нѣкоторую неловкость и ломоту въ суставахъ отъ неудобнаго положенія, держа пальцы кончиками внизъ около центра столешницы; пришлось перенести ихъ къ окраинѣ. Но дабы ни въ комъ не могло возникнуть подозрѣнія, что мы сами, посредствомъ какой нибудь хитрости, незамѣтно можемъ поддерживать столъ на воздухѣ, я предложилъ экспериментаторамъ барабанить пальцами по верхнему краю столешницы—по крайней мѣрѣ, для насъ самихъ дѣло будетъ безъ сомнѣній. Такъ и дѣлали. Столъ между тѣмъ, подержавшись съ полминуты на высотѣ около аршина, вдругъ рванулся вверхъ съ такою силою, что наши пальцы невольно соскользнули съ него. Но мы остались въ томъ же положеніи, съ поднятыми вверхъ руками, и только поспѣшили сомкнуть цѣпь крючками изъ своихъ мизинцевъ. Освободясь отъ нашихъ рукъ, столъ опять медлен-

но и плавно пошелъ къ потолку, не выходя изъ круга нашей цѣпи. Онъ коснулся наконецъ самаго потолка и, слегка покачиваясь въ стороны въ сторону, сталъ подъ нимъ тихо поворачиваться вокругъ своей оси.

— Bravo! bravo! Господа, духи вальсируютъ!—хлопая въ ладоши, закричалъ торжествующій Каз—новъ.

Всѣ остальные зрители молча поднялись со своихъ мѣстъ и, какъ ошеломленные, замерли въ нѣмомъ изумленіи.

Я взглянулъ на лицо корнета-скептика. Съ поднятыми вверхъ руками и взорами, онъ въ эту минуту являлъ собою олицетвореніе недоумѣнія и испуга, доходящаго почти до ужаса.

— А ну-ка, я попробую притянуть его къ полу,—вызвался Каз—новъ и нагнувшись вошелъ въ кругъ нашей цѣпи, вслѣдствіе чего намъ пришлось нѣсколько расшириться. Онъ ухватился обѣими руками за точеную ножку стола и попытался сразу дернуть ее книзу. Столъ поддался-было, но тотчасъ же рванулся вверхъ, такъ что даже стукнулся объ потолокъ, и усиліе поручика пропало даромъ.

— Ого, чортъ возьми, да какъ онъ тяжелъ, господа!.. Бан—вичъ!—обернулся Каз—новъ на плечисто-де-жигу, усатаго штабъ-ротмистра,—попробуемъ-ка выѣсть!

— Мѣста мало,—отозвался тотъ.—Вдвоемъ тѣсно будетъ, цѣль разорвемъ.

— Къ цѣпи можно рулъ прибавить. Господа!—обратился онъ къ остальнымъ зрителямъ—Становитесь въ кругъ; но только хватайтесь за ихъ мизинцы всѣ одновременно и обѣими руками, чтобы не прерывать тока; а мы съ Бан—вичемъ попробуемъ.

Трое изъ присутствующихъ послѣдовали приглашенію, и кругъ нашъ значительно расширился. На положеніе стола это, повидимому, не произвело никакого неблагоприятнаго вліянія. Штабъ-ротмистръ Бан—вичъ вошелъ въ центръ круга и вмѣстѣ съ Каз—новымъ взялся за ножку.

— А дѣйствительно!.. Эдакая фитюлька, а по вѣсу кажется куда какой массивный!—замѣтилъ онъ, слегка потягивая ножку книзу, причемъ въ слѣдъ, удерживавшей столъ подъ потолкомъ, обнаружилась нѣкоторая жизненная упругость: столъ слегка сдвигался и тотчасъ же эластично поднимался вверхъ.

— Ну-ка!.. Разъ, два, три!—скомандовалъ Каз—новъ, и оба здоровенные парня сразу, изо всей силы, дернули ножку внизъ. Но финалъ вышелъ такой, что Бан—вича въ то же мгновеніе оттолкнуло нѣсколько въ сторону, а Каз—нова хватило ножкою по шеѣ и повергло этимъ ударомъ на полъ. Выпустивъ ее изъ рукъ, онъ упалъ лицомъ внизъ, вмѣстѣ со столѣйкомъ, причемъ ножка уже въ горизонтальномъ положеніи очутилась на его шеѣ.

— Онъ меня давитъ!.. Давить!—испуганно

кричалъ Каз—новъ съ пола.—Бога ради, разнимите цѣпъ!

Мы разомкнули руки, и столикъ, безсильно кувирнувшись на полъ, сталъ на столешницу, ножкою вверхъ.

Каз—новъ, весь блѣдный, поднялся на ноги и глядѣлъ на насъ ошалѣлыми глазами.

— Однако!—могъ только сказать онъ, потирая себѣ затылокъ.

Эффектъ былъ полный. Всѣ разошлись, подавленные поразительною очевидностью такого необычайнаго явленія.

За обѣдомъ у Горохова только и разговоръ было, что о давешнемъ сеансѣ, а къ вечеру о немъ знало уже все офицерство. Невидавшіе не вѣрили, даже отрицали самую возможность чего-либо подобнаго, а видѣвшіе божились и клялись, что «собственными своими глазами» убѣдились; Каз—новъ же прибавлялъ къ этому, что не только глазами, но и собственнымъ затылкомъ. Вечеромъ хотѣла-было повторить сеансъ; но всѣ экспериментаторы, а въ особенности четверо первоначальныхъ, чувствовали послѣ утренняго опыта такой упадокъ нервовъ, такую усталость и какъ бы разбитость во всемъ тѣлѣ, что оказались рѣшительно не въ состояніи приняться въ этотъ день за повтореніе. Поэтому было рѣшено, что мы повторимъ сеансъ завтра вечеромъ, часовъ въ десять, при условіяхъ божѣ подходящей обстановки. Оставаясь исполнѣ точнымъ, я долженъ добавлять, что во весь этотъ вечеръ и всю ночь ни Петръ Александровичъ, ни я не были потревожены никакими экстравагантными проявленіями невѣдомой силы. На сей разъ все обошлось «тихимъ и благороднымъ манеромъ», по выраженію денщика Левки.

На слѣдующій день, къ девяти часамъ вечера, стало собираться къ намъ офицерство. Юный корнетъ изъ Өомы невѣрнаго превратился въ самаго горячаго адепта спиритизма и съ увлеченіемъ пропагандировалъ его всѣмъ и каждому, горячася прогнѣвъ спокойныхъ возраженій и даже обижаясь, если слова его встрѣчались улыбкою недобрія.

— Экіе безобразники, до чего допились! Съ утра!—добродушно качая сивою головою, говорилъ пожилой майоръ, котораго тоже притащали на сеансъ и теперь, наперебой другъ передъ другомъ, повѣствовали ему обо всѣхъ ачерашнихъ явленіяхъ.—Ну, можно-ли такъ пить!.. Вѣдь это «до зеленого змѣя» называется.

— Да нѣтъ же, Павелъ Ивановичъ, честное слово...

— Постояй! «Честное слово»... Ты мнѣ скажи напередъ, сколько бутылокъ было выпито?

— Да, право же, и двухъ не опростали.

— Вре-ешь!.. Съ двухъ бутылокъ столъ на потолокъ не полѣзетъ... Это шалапы!.. Эй, Левка! Сколько бутылокъ вчера на столъ подаль?

— Двѣ поповки, ваше-скородіе да двѣ хересовъ.

— Ну, братъ, и ты, какъ погляжу, въ заговорѣ!.. Врать-то горазды!.. Лазидъ столъ подъ потолокъ?

— Такъ точно, ваше-скородіе, лазилъ.

— И что онъ тамъ дѣлалъ?

— Кандрель плясалъ.

— Пошелъ вонъ, скотина, и тащи мнѣ пуншу! — шутя притопнулъ на него сивый майорина.

«Подходящая» обстановка, на которой мы порѣшили вчера, оказалась опять-таки неподходящею: народу набралось много, было говорно и много накурено. Предоставивъ въ распоряженіе гостей столовую, мы однако попытались, на сколько было возможно, приспособить для опытовъ гостиную,—ту самую, гдѣ третьяго дня случилось приключеніе съ лампой: раскрыли окна, чтобы освѣжить воздухъ, и потушили лампу и свѣчи; но «нублика» потребовала, чтобы дверь въ столовую оставалась раскрытою на обѣ половинки.

Небо было такъ же ясно и звѣздно, какъ и въ предшествовавшія ночи, и воздухъ прохладенъ, что, по мнѣнію спиритовъ, особенно благоприятствуетъ интенсивности медиумическихъ проявленій. Стало быть, съ этой стороны мы могли рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ нашихъ опытовъ, а насчетъ шумнаго говора и табачнаго дыма изъ столовой—думалось, что если ужъ вчера было удачно, то сегодня, изъ другой комнаты, врядъ-ли это можетъ имѣть особенное влияніе.

На этотъ разъ для экспериментовъ были избраны два стола: одинъ—вчерашній, другой же—довольно тяжелый, продолговатый, о четырехъ ножкахъ, изъ такъ называемыхъ «капцелярскихъ». Длина его была два аршина съ четвертью, а ширина—полтора аршина.

Сѣли мы вчетверомъ—тѣ же, что и вчера, сначала за маленькій столикъ, чтобы испытать первоначально, будутъ-ли какія проявленія. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, такъ какъ столикъ менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты уже поднялся на воздухъ.

Тогда мы «попросили» его спуститься на полъ, послѣ чего былъ продѣланъ съ нимъ еще одинъ, весьма интересный опытъ измѣненія его тяжести. Мы стали вокругъ него, не смыкая пальцевъ въ непрерывную цѣпь, а только барабанили ими по столешницѣ, чтобы не могло возникнуть сомнѣній, будто тяжесть столика можетъ увеличиваться пропорціонально силѣ давленія на него нашихъ рукъ. Смотря по «просьбѣ», столикъ становился или очень легкимъ, такъ что любому изъ зрителей можно было безъ малѣйшаго усилія поднять его снизу за ножку двумя пальцами одной руки, или же вдругъ такимъ грузнымъ, что и двухъ человекъ едва хватало приподнять его отъ полу:

онъ былъ то легокъ какъ пробка, то тяжелъ какъ чугунъ, становясь тѣмъ или другимъ почти моментально, но не являе какъ вслѣдствіе желанія или просьбы о томъ кого-либо изъ экспериментаторовъ. Почти вся наша «публика» собственноручно перепробовала тогда этотъ курьезный опытъ.

Затѣмъ, мы порѣшили перейти къ «канцелярскому» столу, для большаго опыта, и выдвинули его на середину комнаты. Задача состояла въ томъ, чтобы столъ поднялся на сколько возможно отъ земли и въ такомъ положеніи двигался по воздуху. Въ этомъ послѣднемъ опытѣ вмѣсто уставшаго С—на принялъ участіе новый экспериментаторъ поручикъ Э—ръс, высокій, худощавый молодой человекъ съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами,—натура, очевидно, нервная, восприимчивая.

Чтобы не мѣшать столу двигаться по воздуху куда «ему» будетъ угодно, мы предпочли стать всѣ въ рядъ, къ одному изъ его длинныхъ краевъ и составить изъ пальцевъ продольную цѣпь. Комната была угловатъ, выходившая окнами на двѣ улицы, къ сѣверу и къ западу. Противъ сѣверной стѣны находилась дверь въ столовую, лицомъ къ которой мы и стали. По прошествіи не болѣе трехъ минутъ столъ обнаружилъ жизненность и, не отдѣляясь отъ полу, сталъ поворачиваться въ лѣвую сторону.

— О, да онъ у васъ совсѣмъ по «Уставу»!.. Видно, что военный столъ!—шутилъ сивый майоръ.—Вишь, «правое плечо впередъ» такъ и дупитъ!.. Вотъ, кабы у васъ ваши взводы дѣлали это такъ же хорошо, молодцы бы вы были...

Столъ между тѣмъ продолжалъ свое движеніе и повернулся фронтомъ къ востоку.

— Ну, а теперь какъ же будетъ?—«Прямо, равненіе направо» или «кругомъ»?—продолжалъ добродушный майоръ.—Э, нѣтъ; кажись, «кругомъ» желаетъ.

Дѣйствительно, столъ завернулся еще разъ «правымъ плечомъ» и сталъ фронтомъ къ сѣверной стѣнѣ, а затѣмъ косымъ движеніемъ нѣмѣо приблизился почти вплотную къ междуоконному простѣлку и сталъ.

—Вотъ-те и на!—засмѣялся майоръ.—Принялъ «въ полуоборотъ вальво», выстроилъ фронтъ и «стой-равняйся»... А дальше-то ужъ и двигаться некуда: непроходимое препятствіе... Хе, хе, хе!..

Но остановка была всего лишь на нѣсколько секундъ.

Столъ началъ клониться въ нашу сторону, пока обѣ его переднія ножки не задѣли за рубчикъ деревянной панели, послужившій ему какъ бы ступенью, и затѣмъ со знакомою уже намъ внутреннею дрожью пошелъ вверхъ по стѣнѣ, касаясь ея двумя ножками. Такимъ

образомъ поднялся онъ фута на два и вновь принялъ прямое положеніе. При этомъ противный намъ край столешницы слегка ударился объ стѣну, и мы всѣ въ то-же мгновеніе почувствовали, что столъ начинаетъ отдѣляться отъ стѣны и замѣтно напирать на насъ. Мы попятились, не размыкая цѣпи, и въ это время всѣ очень явственно видѣли, какъ изъ-подъ пальцевъ поручика Э—рса брызнули и разсыпались по столу фосфорически-голубоватны искры, которыя тотчасъ же потухли. Это явленіе, съ маленькимъ промежуткомъ, повторилось еще разъ, послѣ чего столъ, уже плавно плывя по воздуху и напирая на насъ, заставилъ насъ нѣтаться почти до середины комнаты, гдѣ онъ завернулся опять правымъ плечомъ кругомъ, такъ что мы снова очутились лицомъ къ югу, я, плывя передъ нами, направился фронтомъ къ столовой. Здѣсь онъ остановился какъ разъ противъ двери, подержался еще нѣсколько секундъ въ воздухѣ, словно бы для того, чтобы всѣ во-очію могли убѣдиться въ истинности явленія, и затѣмъ медлительно сталъ опускаться внизъ, пока не коснулся пола. На этомъ сила, двигавшая имъ, исчезла, и мы уже ничего больше не могли отъ него добиться.

Тогда рѣшили опять приняться за кругленькій столикъ. Но я чувствовалъ ужасную усталость и потому отказался отъ участія въ дальнѣйшихъ опытахъ, ограничась ролью зрителя. Сѣли за столикъ трое: поручикъ Э—ръс, повороженный корнетъ и Каз—новъ. Они хотѣли заставить духа отвѣчать посредствомъ стуковъ на ихъ вопросы, объявить имъ, кто онъ, назвать свое имя и т. д. Но невѣдомая сила, очевидно, не желала вступать въ словесныя объясненія. Столъ заупрямился и не хотѣлъ выступатьъ азбуку, какъ его ни заставляли, какъ ни упрасивали.

— Ну, братъ, свинтусъ же ты, колл такъ!—выбранился на него Каз—новъ.

Столикъ словно бы разсердился и сталъ капризно крениться въ разныя стороны и бродить по всей комнатѣ, быстро переступая съ пятки на пятку, все скорѣй и скорѣй, а затѣмъ остановился; но въ ту-же минуту столешница завертѣлась подъ руками экспериментаторовъ, такъ что они должны были чуть не бѣгать вокругъ, вертясь вмѣстѣ съ нею. Но вотъ она вывинтилась изъ стержня и вдругъ, вырвавшись изъ-подъ пальцевъ, быстро полетѣла по воздуху, сдѣлала нѣсколько зыгзаговъ по комнатѣ, вылетѣла черезъ дверь въ столовую и, мимо головы майора, сильно ударяясь объ стѣну, отскочила въ сторону и грохнулась по серединѣ комнаты на полъ.

— Съ нами крестная сила!—крестясь, проговорилъ майоръ.—Нѣтъ, господа, эти шутки плохія... Еще, гляди, фонарь кому подставитъ... Бросьте вы заниматься этою «хиро-

нантій»... Грѣхъ!.. Ну ее къ дьяволу!.. Наше мѣсто свято. Давайте лучше въ карты по маленькой,—по крайней мѣрѣ, дѣло знакомое и безгрѣшное. Левка! Ставь-ко ломберный столъ сюда!

На этомъ опыты наши и прекратились.

Ночь опять прошла совершенно спокойно. А поутру, когда мы съ Петромъ Александровичемъ сидѣли за чаемъ, Левка доложилъ, что домовый хозяйникъ пришелъ,—нельзя ли-де барина видѣть?

— Что ему?.. Зови сюда.

Въ комнату вошелъ чистенькій, весь гладко выбритый старичокъ съ яблочкообразнымъ лицомъ, изборозженнымъ припухлыми складками мягкихъ морщинокъ. Его сѣдые, коротко стриженные волосы покрывали все темя и торчали какъ щетка, а выцѣвшіе отъ лѣтъ табачно-карие глазки глядѣли серьезно и кротко изъ-подъ густыхъ нѣсколько свислыхъ бровей. Съ такимъ характеромъ лица какъ нельзя болѣе гармонировали бѣлый «косыччатый» галстукъ, повязанный высоко, по старинному, и длиннополый черный сюртукъ, застегнутый на пять пуговицъ. Все это очень живо напоминало въ немъ совершеннѣйшій типъ старого, заслуженнаго слуги или буфетчика изъ «хорошаго дома» бывшихъ помѣщичьихъ временъ.

Благообразный старичокъ сначала невольно перекрестился на образъ, а затѣмъ съ достоинствомъ отдалъ почтительный поклонъ Петру Александровичу.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій. Садитесь. Что скажете хорошенькаго?

— Къ вашей милости-съ. Не взыщите, что потревожилъ, а только просьбу къ вашему высокому благородію, усерднѣйшую мою просьбу имѣю,—обстоятельно заговорилъ онъ, слегка встряхивая и кивая въ надлежащихъ мѣстахъ головою, въ то время какъ руки его, нѣсколько согнутыя въ локтяхъ, оставались почтительно опущенными.

— Очень радъ,—отозвался поручикъ.—Все, что могу, съ удовольствіемъ.

— Можете-съ. Потому-то и прошу, сударь, что можете. И супруга моя, Пелагея Васильевна, какъ будучи дѣйствительной домовладѣлицей, тоже препоручила мнѣ я отъ нея, значить, присоединить покорнѣйшую къ вамъ просьбу.

— Тѣмъ лучше. Въ чемъ же дѣло?.. Да садитесь, пожалуйста...

— Ничего-съ, постоянно, не извольте беспокоиться... А дѣло-то оно... извольте-ли видѣть... Какъ вы, значить, наши жильцы и притомъ хорошіе, очень даже, можно сказать, благородные господа,—одно слово: достойныхъ родителей отрасли, и мы всегда вами очень даже довольны,—ужъ такъ-то довольны, что дѣтъ!.. и всячески вамъ стараемся, какъ бы

что лучше—сами, полагаю, примѣчать изволите—то ужъ будьте столь милостивы, ваше высокое благородіе (старикъ не поднимая рукъ поклонился въ поясъ,) не обидьтесь на моему простомъ, необразованномъ словѣ, а только прошу васъ. нельзя-ли на домъ-то нашъ.. мораль не наводить?..

Поручикъ выпучилъ на него недоумѣвающіе глаза.

— Мораль?!.. Да что вы, почтеннѣйшій?.. Христосъ съ вами!.. Какую мораль?

— Да какъ же-съ!.. Третьева-дн и вчера съ тоже, сказываютъ... Духи усопшіе у васъ тутъ быдто-бы пляшутъ... Ну зачѣмъ?.. зачѣмъ же-съ?.. Поняли-дѣ?.. Нехорошо-съ... Баснословіе это теперича, не дай Богъ, по городу пойдетъ. Вамъ-то ничего, вы взяли да и съѣхали, а на домъ-то нашъ мораль: хорошій-то жилецъ опосля того обѣгать насъ станетъ, квартера запустеетъ. А вѣдь я весь-то доходилъ нашъ только съ этой квартирки-съ, только имъ и живемъ.

— Ну, почтеннѣйшій, — возразилъ ему С—нъ,—тутъ ужъ я не виноватъ, если у васъ пепельницы по воздуху летаютъ.

— Ахъ!.. ахъ!—съ добродушной укоризной закачалъ старичокъ головою.—Шутить, ваше высокое благородіе, ей-ей шутить изволите. Ну, зачѣмъ имъ летать? Птицы небесныя онѣ, что-ли?.. Нѣтъ, ей-Богу, слезно, сударь, прошу васъ, оставьте... Не надо-съ... Благородные вы господа и занятія ваши всегда были такіа—самыя благородныя... Мы только радовались, на васъ-то глядя, да Господа благодарили, а тутъ вдругъ—духъ!.. Ну, зачѣмъ?.. Пожалѣйте стариковъ,—ей-Богу, какъ передъ Истиннымъ говорю вамъ, только и всего доходилка...

Онъ даже прослезился и погѣвъ въ задній карманъ сюртука за клѣтчатымъ платкомъ, чтобы, свернувъ его въ комочекъ, стереть имъ набѣжавшую слезку.

— А ежели, что и въ самъ-дѣлъ сумнѣтельнымъ вамъ показалось,—прибавилъ старичокъ, ступивъ на шагъ впередъ въ полунаклонной позѣ и понизивъ при этомъ голосъ, какъ бы желая сказать «по секрету»,—ежели только чуть-чуть что такое, такъ вѣдь можно тихимъ манеромъ пѣтой водой покропить стѣны или крещенскою свѣцью на всѣхъ дверяхъ и окнахъ кресты наконитить, а то, коли желательно, и батюшку призовемъ молебное пѣніе справить. Все это можно-съ, но только чтобы безъ излишнихъ разговоровъ-съ...

Мы успокоили старичка, пообѣщавъ ему, что никакими столоверченіями заниматься больше не будемъ.

— Ну вотъ и прекрасно,—обрадовался онъ,—и пребезподобно!.. Дай вамъ, Господи!.. Угѣшили старика... И ежели кто въ городѣ спрашивать васъ станетъ насчетъ... покойниковъ—

то этих, пожалуйста, отвергайте... отвергайте!—упрашивалъ и убѣждалъ онъ «урезонивающимъ» тономъ,—вѣдь ничего же такого нѣтъ... Мы съ супругой, съ Пелагеей Васильевной, слана Те, Господи, больше сорока лѣтъ здѣсь внизу живемъ и—я Боже мой! Никогда ничего не приѣхали; никакого, то-есть, безпокойства или озорства не то чтобы видѣть, а и слыхомъ не слыхивали.

Мы и на этотъ счетъ его утѣшили, какъ могли, пообѣщавъ «отвергать», если насъ будутъ спрашивать «городскіе» и всякіе «посторонніе» обыватели. А когда Петръ Александровичъ заявилъ, что квартира ему нравится по-прежнему и что, несмотря на летающія иногда пепельницы, онъ все-таки изъ нея не выйдетъ, то старичокъ и окончательно просвѣтлѣлъ и умилился.

— Ну, и чудесно! И, преблагородно! Это благородно! Это дѣйствительно съ вашей стороны благородно!.. А теперь,—прибавилъ онъ, приложивъ правую руку къ сердцу и склонивъ нѣсколько на бочокъ свою голову,—теперь, ваши высокія благородія, засвидѣтельствовавъ вамъ свое почтеніе и пожелавъ всего хорошаго, а также и отъ имени супруги моей, позвольте мнѣ откланяться.

И сдѣлавъ намъ поклонъ «съ ручкой на-отмашъ», что, вѣроятно, считалъ за верхъ утонченной вѣжливости, онъ удалился какъ-то бокомъ, осторожно переступая ногами и скорыми шагами.

Спиритическихъ сеансовъ мы дѣйствительно болѣе не возобновляли, хотя они долго еще составляли предметъ товарищескихъ разговоровъ. У нѣкоторыхъ явилась было мысль составить за общемою подписью протоколъ и опубликовать его въ печати, но я—признаюсь—былъ первый, который отговорился отъ этого, будучи убѣжденъ, что въ нашей «прессѣ» того времени подобный протоколъ былъ бы встрѣченъ только градомъ самыхъ недостойныхъ выходокъ и «научно-либеральныхъ» насмѣшекъ.

Съ тѣхъ поръ до сентября мѣсяца прошлаго 1884 года прошло ровно одиннадцать лѣтъ, когда, въ силу новой служебной командировки, служба опять завесла меня на нѣсколько недѣль въ городъ Бѣжецкъ. Теперь онъ уже во многомъ измѣнился. Купецъ Гороховъ, на мѣстѣ прежнихъ своихъ «нумеровъ», отстроилъ большой каменный домъ съ концертною и театральною залой чуть ли не въ два сѣнта. Внизу помѣщается тамъ теперь городской клубъ, а наверху—гостиница... Сумскій гусарскій полкъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ перешелъ на новую стоянку, въ Москву, а на его мѣстѣ расположились части 2-го гвардейскаго кавалерійскаго кадра. Появилось много новыхъ и нѣсколько очень хорошихъ каменныхъ домовъ; отстроился даже цѣлый женскій монастырь съ

высокою колокольней. Городъ разросся и значительно оживился.

Воспоминаніе о «неспокойномъ домѣ» невольно приходило порою мнѣ въ голову, и во время своихъ прогулокъ, направляясь иногда въ бывшій «гусарскій» конецъ города, я каждый разъ пытался было отыскать его, но увѣ—никакъ не могъ признать даже того мѣста, гдѣ онъ находился. Да и онъ ли одинъ! Не находилъ я также и деревяннаго старобарскаго дома съ колоннами, гдѣ жилъ тогда командиръ гусарскаго полка; не находилъ и многого другого... На мѣстѣ прежнихъ пустырей въ «гусарскомъ» концѣ возникло нѣсколько новыхъ построекъ, измѣнившихъ видъ этихъ улицъ. Къ сожалѣнію я забылъ имя хозяина «неспокойнаго дома», и это уже окончательно лишило меня возможности навести о немъ какія-либо справки.

Однажды, часу въ пятномъ дня, во время вечера, зашелъ я въ одну изъ старинныхъ бѣжецкихъ церквей и заинтересовался ея иконостасомъ. Молящихся было очень немного, и такъ какъ вечерня вскорѣ отошла, то, спустя нѣсколько минутъ по ея окончаніи, я очутился въ церкви почти одинъ, если не считать сторожа, тушившаго предъ образами свѣчи, да какого-то старичка, пересчитывавшаго мѣдяки за свѣчнымъ прилавкомъ.

Я всмотрѣлся на тонкое, «строгановской школы» письмо одной древней иконы, изображавшей св. пророка Ілію съ кормильцемъ-ворономъ въ пустылѣ, какъ вдругъ услышалъ сбоку около себя чей-то голосъ.

— Любителъ-съ?

Обернувшись, вижу—стоитъ предо мною и смотритъ мнѣ въ лицо ласково улыбающимся глазами погнувшийся старичокъ, со щеткою совсѣмъ серебряныхъ волосъ на головѣ, усахъ и подбородкѣ. Чѣмъ-то знакомымъ погѣло вдругъ на меня отъ этого облика, хотя усы и борода заставляли нѣсколько сомнѣваться. «Какъ-то, что онъ хозяинъ «неспокойнаго дома», подумалось мнѣ, глядя на его характерную фигурку.

— Да, любуюсь вотъ,—отвѣтилъ я, указавъ на икону.

— О, любителю, и ежели который знатокъ, у насъ во храмахъ есть на что полюбопытствовать,—замѣтилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.—Примѣчательныя иконы... древняго письма благолѣпныя иконы есть, уцѣлѣли еще, благодареніе Господу.

«Онъ... онъ... несомнѣнно онъ,—его языкъ, его стиль», думалось мнѣ, но я не рѣшился пока спросить его прямо.

— Ежели вашему высокому благородію угодно, я могу показать,—любезно предложилъ онъ.—Вотъ, напримѣръ, пожалуйста сюда: Спасовъ лѣкъ, новгородскаго письма,—о-очень, очень древняя икона... Или вотъ Деисусъ тоже...

Знатоки весьма одобрили. Давно уже, когда владыко Платонъ прѣзжали, то они хотѣли даже эту самую икону въ Тверь, въ епархіальный соборъ перенести, но прихожане упростили не лишать ихъ...

И комментируя такимъ образомъ почти каждую икону, старичокъ послѣдовательно показывалъ и объяснял мнѣ всѣ достопримѣчательности храма. Наконецъ обзоръ былъ законченъ и мы вышли на паперть.

— Вы, должно быть, здѣшній старожила? — спросилъ я.

— Такъ точно, сударь... Старинный обыватель, болѣе полувѣка почти безвыѣздно препровождаю въ Бѣжецкѣ... Что людей, что перемѣнъ на моихъ глазахъ прошло—и-и, Боже мой!.. Старинный, старинный я...

— Вѣрно, домовладѣлецъ здѣшній?

— И-да-съ, былъ и домовладѣлецъ,—раздумчиво вздохнулъ онъ,—былъ-съ, да весь вышелъ.

— У васъ не по сосѣдству-ли съ гусарскими конюшнями домъ-то былъ?

— А, да; такъ точно!—подхватилъ онъ съ оживленіемъ.—Такъ точно, съ гусарскими... въ томъ концѣ стоялъ... Вѣрно-съ. А вы какъ знаете?

— Да очень просто: у васъ не квартировалъ ли назадъ тому около десяти лѣтъ гусарскій поручикъ С—въ Петръ Александровичъ?

— Ну, еще-бы!—обрадовался старикашка,—еще-бы!.. Конечно, квартировалъ!.. Петра Александровичъ?—да какъ же!.. Отмѣнный баринъ былъ. Вотъ ужъ истинно, можно сказать, настоящій баринъ, стараго дома отпрыскъ... Но позвольте,—перебилъ онъ самъ себя, какъ-бы припоминая.—Вы что же, въ одномъ полку съ нимъ служить изволили?

— Нѣтъ, я прѣзжалъ тогда въ Бѣжецкѣ и у него останавливался, цѣлый мѣсяцъ прожилъ, тогда и съ вами не разъ у воротъ встрѣчался. Помните ли «духовъ-то усопшихъ»?

— Те, те, те!.. Вотъ оно что!—домекнулся старикъ.—Духи усоншіе!.. Да, да, какъ не помнить!.. Помню, помню, сударь... И васъ теперь-ка вспоминали: вѣдь вы тогда уланомъ прѣзжали?

— Я самый!

— А-а!.. Ну, вотъ, вотъ оно и осты!.. Я помню.

— И я хорошо васъ помню, и даже недѣль еще все домъ вашъ отыскивалъ, посѣтить хотѣлъ, да найти никакъ не могу.

— И не найдете, сударь!—грустно махнулъ онъ рукою.

— Ой-ли!.. Да что-же такъ? Продали?

— Нѣтъ-съ, волею Божьею сгорѣлъ... Вотъ, какъ большой пожаръ-то былъ, въ ту пору и онъ выѣхалъ съ другими.. Много тогда погорѣло.. Ну, такъ и остались не при чемъ-съ.

— Да домъ-то застрахованъ былъ?

— И, что вы, сударь! Гдѣ тамъ застрахованъ? Мы по старинѣ—подъ Богомъ жили.. Ну, Его святая воля! Богъ далъ, Богъ и взялъ... роптать не приходится.

— Да онъ у васъ какъ: наслѣдственный или сами строили?

— Нѣтъ, сударь, отъ благодѣлительницы... По дарственной записи покойной супругъ моей достался отъ госпожи, значить, нашей, отъ генераль-майорши Варвары Никитишны Подрѣзковой, ея превосходительства. Помѣщичьи наши были, а мы, значить, ихъ подданные, изъ придворнаго штата. Вотъ ужъ истинно, можно сказать, настоящая госпожа была, двара два дворянка!

— Что это значить «два-раза»? — спросилъ я.

— Такъ точно-съ, два-раза: разъ по себѣ и разъ по супругу.

— А кто-же это онъ-то, помѣщичья?

— А все онъ же, Варвара, значить, Никитишна, онѣ самыя-съ. И какая же это особа была, доложу я вамъ!.. Не то что министровъ тамъ или губернаторовъ, а самого императора Александра Павловича однажды, во время царскаго вояжа, у себя въ усадьбѣ принимать удостоились, и онъ даже нѣтъ ручку поцѣловать изволили,—вотъ какія были!.. Ну и воинственная-же при томъ женщина.

— Какъ это, то-есть, воинственная?

— А такъ, что духъ въ себѣ воинственный имѣли, отважный духъ, всѣмъ правду въ глаза такъ и рѣзали. И никто имъ, бывало, ни въ чемъ перечить не могъ. Слово у нихъ такое было—не знаю ужъ доподлинно, что оно обозначаетъ; а только, помню, всегда онѣ его говаривали, все равно, что нашему брату—подданному, что станому съ засѣдателемъ, да и повыше кто,—на то не взирали, а всѣмъ одно слово было: «ты знай, говорить, что я тебя и озолотить могу, и ниспровергнуть, потому я сама въ себѣ *анселюта*». И какъ скажетъ этого самаго «анселюта», такъ и набашь! И разговаривать больше нельзя!.. И вѣдь что примѣчательно: всѣ предъ ними смирялись и почитали,—не то что свѣтскаго чина, а и духовныя особы. Храмостроительницы тоже были и на жалованьи отъ себя пона держали. Былъ у насъ поныкъ такой невзрачный, отецъ Геласій прозывался, духовникъ генеральшинъ. Такъ онѣ, бывало, этого самаго отца Геласія наказывали: чуть осерчаютъ на него за что, сейчасъ церковныя ключи отъ него отберутъ, сами церковъ недѣли на три, а то и больше, запрутъ и къ себѣ за божницу ключи-то повѣсятъ. «Ты, говорить, отецъ, недостойнъ служить предъ алтаремъ Господнимъ, пока я сама тебѣ не разрешу, потому я предѣлъ грѣха твоего знаю». Ну, и какъ наложить на кого запрещеніе, тотъ и сиди, ужъ и требы ника-

кой отправлять не смѣй, пока эта самая эпиптимья съ него не снимется. Но зато вѣдь и къ себѣ строги были,—ухъ, какъ строги-то!.. Какъ еще при цвѣтушихъ лѣтахъ своихъ похоронили супруга, такъ ужъ они ни въ бракъ вторично не вступили, ни въ амуръ къ себѣ никого не взяли; такъ и состарились, вдовство свое честно соблюдаячи. Вотъ онѣ какія были!.. И не то что большой, а и каждый пустяшный даже свой грѣхъ—и тотъ у нихъ на счету былъ. Да вотъ какъ, сударь, скажу вамъ: супруга-то моя покойная, Пелагея Васильевна, въ молодости своей при генеральшѣ изъ любимыхъ горничныхъ состояла и какъ была грамотная, то даже многія барынины записи вела, все равно какъ за секретаршу. Такъ вотъ насчетъ грѣховъ-то я говорю: была у нихъ книжечка такая особенная, въ родѣ какъ поминальная, и туда кажинный грѣхъ ихній въ акуратѣ вписывался. «Палашка! вскричать отъта, бывало, на супругу-то на мою, запиши подѣ сегодняшнимъ числомъ: три раза осудила, разъ лукаво помыслила, празднословила, во чревоугодіе впала и дважды возропта на Господа». А великимъ постомъ, говѣючи, какъ станутъ на исповѣдь, такъ эту самую книжечку отпу Геласію и преподнесутъ: «читай, молю, отче!» Тотъ по книжкѣ имъ и разрѣшеніе давалъ, и какъ ежель, бывало, въ свой чередъ на нихъ епитимью за что наложить — поклонами тамъ или пощениемъ—то онѣ на него не сердятся, а все до точности, какъ есть, безпрекословно исполняютъ.

— А домъ-то этотъ вамъ по какому случаю она подарила? — спросилъ я, видя, что старикъ оловцоохотливъ, и поэтому разсчитывая, не удастся-ли мнѣ полегоньку навести его на интересовавшій меня предметъ.

— Домъ-то, сударь?.. А домъ-то вотъ какъ: былъ при генеральшѣ старый слуга ихній, Василій Егоровъ, родитель покойной супруги моей, Пелагеи Васильевны. Онъ за генеральшей еще въ приданое былъ данъ кафишенкой.

— Кафишенкой? Вѣдь это, кажется, женская должность?

— Нѣтъ-съ, оно можно и женщиной, и мужчиной,—это все равно, потому и названіе одинаковое — кафишенка. Но только этотъ самый слуга ихній, Василій Егоровъ, какъ былъ человекъ онъ вдовый, то больше все къ пушкѣ пристрастіе оказывалъ, даже можно сказать — и жизнь свою скончалъ при пушкѣ.

Я даже глаза на него выпучилъ: «что еще за пушка, думаю, и при чемъ тутъ пушка?»

Старикъ, очевидно, подмѣталъ мое недоуміе.

— Такъ точно, сударь, при пушкѣ-съ,—

подтвердилъ онъ удостовѣрительнымъ тономъ.

У ихъ превосходительства, изволяете-ли видѣть, фамильная пушка была, чугунная на колесахъ и при станкѣ, какъ быть должно. Дѣднышка ихъ покойный еще изъ-подъ Бендеръ привезли ее — турецкая она и дѣднышкѣ въ награду отъ вышняго начальства пожалована за храбрость. Такъ вотъ, видя такое пристрастіе Василія Егорова, генеральша и соизволила, замѣсто кафишенки, опредѣлить его къ пушкѣ, и онъ такъ ужъ по гробъ жизни своей при этой самой пушкѣ и состоялъ. А должность его была пушку ту беречь и чистить, и въ высокаторжественные дни—вотъ, въ Свѣтлую заутреню, напримѣръ, подѣ Новылъ годъ и въ именины генеральшины селютовать. Поэтому и пороховъ завсегда у него на отчетѣ хранился, и онъ даже съ пушки этой самой доходъ имѣлъ. Какъ, бывало, у помѣщицы у сосѣдней, Лизаветы Петровны Илковой, аль изъ другихъ сосѣдей у кого-нибудь пиръ какой, такъ сейчасъ къ генеральшѣ гонца шлютъ: «Лизавета Петровна приказали, молю, кланяться и о здоровьи доложить, да приказали еще пушку просить, чтобы отпустили». Ну, Василій Егорову сейчасъ приказъ—пушку отпустить и самому при ней отправляться, потому какъ генеральша опрять его никому другому пушку не довѣряла, затѣмъ, что онъ ужъ знаетъ какъ съ ней обращаться. Вотъ, онъ запряжетъ подѣ нее пару и ѣдетъ на пушкѣ. Ну, а въ гостяхъ-то его за селюты эти самые не токма что накормятъ и напоятъ всласть, а еще дѣлковенькій-другой, гляди, и «на пороховъ» пожалуютъ. Доходное мѣсто было. И эта самая пушка съ Василіемъ Егоровымъ при генеральшѣ безотлучно даже въ собственныхъ поѣздахъ находилась. За ея превосходительствомъ вотчины-то въ трехъ губерніяхъ значились: ни много, ни мало, а въ четырехъ тысячахъ душъ крестьянъ она помѣщицей-то чинилась и вездѣ сама своимъ глазомъ властвовала и порядокъ назирала. Такъ вотъ, какъ ѣдутъ, бывало, въ которую изъ вотчинъ, сейчасъ со всякимъ домашнимъ обозомъ и придворнымъ штатомъ и пушка при нихъ, на всякій случай,—не то селютовать придется, а не то и отъ разбойниковъ, для страху. Такъ-то, однажды, не то въ тридцать второмъ, не то въ тридцать третьемъ году, прѣхали онѣ по особливому случаю и въ Бѣжецкѣ. Тѣжба у нихъ судейская была съ однимъ тутошнимъ богатымъ помѣщикомъ, съ княземъ Букреевымъ, и долго тянулася. Дѣло-то пустяшное, почитай, по сосѣдству, изъ-за пустопорожняго лѣга, да на самолюбіе пошло: «докажу-жъ, молю, тебѣ, что я сама въ себѣ апселяютъ!» и деньжищъ на него просадила столько, что ахъ!.. Но, какъ-никакъ, а выиграла, — наша взяла!.. Вотъ ея-то превосходительство по этому самому случаю и досѣли въ Бѣжецкѣ, торжество свое

надъ супротивникомъ справлять, потому тутъ имъ обомлѣ и рѣшеніе вычитывалось. Ну, конечно, банкетъ такой соорудила—просто ниръ на весь міръ—и въ пушку стрѣлять повелѣла, седютовать, значитъ. Сама даже призвала къ себѣ Василія Егорова и говоритъ: «ты, говоритъ, Василій Егоровъ, смотри у меня, стрѣляй въ пушку, что ни есть громчѣя, чтобы супротивникъ мой слыналъ, какъ я сама въ себѣ торжествую». Ну Василій Егоровъ и каталъ, и каталъ все двойными да двойными зарядами. Только что къ тому еще выдумалъ: какъ ей-то превосходительству, послѣ банкетнаго стола, выйти съ гостями на крыльцо для прохлады, онъ и поусердствовалъ: закатилъ въ пушку четверной зарядъ пороку, да дерномъ свѣжимъ еще забилъ его, чтобы потуже было. Вотъ, генеральша стоятъ на крыльцѣ, сами въ лорнетъ смотрятъ, а сами говорятъ: «ну, говорятъ, покажи-ко намъ, Василій Егоровъ, свое артилерійское искусство!» Василій Егоровъ сейчасъ пальникъ къ затравкѣ — трах!.. И Боже ты мой! Мы и свѣта не взвидѣли, чуемъ только, что надо-быть случилось что-то неладное... Глядь,—анъ пушку-то розорвало,—весь казенникъ долой, и самую шашкою-то этой Василій Егорову, какъ стоялъ онъ, такъ ему черепъ и снесло. Счастье еще, что въ барыню-то не попало, — только онъ одинъ сердечный и поплатился за всю свою отважность и старательность. Такъ при пушкѣ и померъ... Съ генеральшей сейчасъ это обморокъ,—такъ, замертво и внесли ее, матушку, въ покои. Ну, разумеется, въ ту-жъ минуту за докторомъ, то да сѣ, спирты да припарки,—ну привели въ чувство, утѣшаютъ ее всячески да ублажаютъ, а она какъ вспомнить только, такъ и заляется всл слезамъ, такъ и убивается,—«Боже мой, Боже мой, говоритъ; изъ-за меня, изъ-за глупой прихоти моей человекъ жизни лишился, и какой человекъ-то!» (дѣнила значить!) «Вотъ, говоритъ, торжество мое чѣмъ кончилось!» Ну, однако, къ ночи кое-какъ успокоили ихъ, тепленькимъ попили, уложили въ постель, они и започивали въ верхнихъ апартаментахъ, а Палаша въ смежной комнатѣ на полу легла и плачетъ... не спитъ ей—ну, понятно, отца родного жалко. Только вдругъ середь ночи слышитъ она въ барыниной спальнѣ страшный крикъ какой-то, визгъ, словно бы рѣжутъ кого. Всполохнулась дѣвка, вскочила на ноги, чтобы бѣжать къ генеральнѣ, анъ генеральша-то — глядь — опростелъ сама бѣжитъ изъ спальни въ одномъ бѣльѣ, босая, а на самой просто лица нѣтъ. Палаша было къ ней на встрѣчу—куда тебѣ, ничего не замѣчаютъ даже, бѣгутъ прямо внизъ, а глаза совсѣмъ какъ сумасшедшіе стали и самихъ лихорадка бьетъ. «Лошадей!—кричатъ, сію минуту лошадей запрягай! Ни секунды здѣсь не останусь больше!» Вскочили тутъ и

мы-то всѣ на ноги. Перепохохъ пошелъ такой, что страсть! Еще хуже давшаяся... Что такое?!.. Глядятъ люди со сна — генеральша стоитъ на крыльцѣ и вопить: «скорѣе, скорѣе!» — Наканули тутъ на нихъ служанки салопецъ, да туфельки сверху принесли, — такъ онѣ въ этомъ костюмчикѣ на крыльцѣ присѣли, прислугу отъ себя не отпускаютъ, а сами только все торопятъ: «запрягать, запрягать скорѣе». Еле-еле упростили ихъ тутъ войти въ сѣнцы, чтобы одѣться-то, и чуть только одѣлись—опять на крыльцо; сождали, пока подали имъ карету, и укатили еще до свѣту къ себѣ въ усадьбу. Къ утру у нихъ горячка-сѣ, да такъ-то съ ней три недѣли и промаялись. Ужъ мы было думали, что и конецъ имъ приходитъ, однако-же, съ помощью Божіей, стали поправляться и черезъ шесть недѣль совсѣмъ въ доброе здравіе вошли. Съ чего все это случилось такъ, — съ пушки ли этой, во сѣ ли что привидѣлось, аль такъ попричилось, — про то ужъ не могу доложить вамъ, потому какъ сами онѣ никому никогда на этотъ счетъ не обмолвились, а спросить ихъ кто же посмѣлъ бы!.. Только вотъ, вскорѣ послѣ того какъ поправились, выписали она къ себѣ изъ города чиновника одного, дѣльца и ходатая такого, стряпчача, и о чемъ-то съ нимъ все наединѣ совѣтовали. И однажды вотъ прѣзжаетъ къ нимъ этотъ самый стряпчій, и онѣ уѣхали съ нимъ въ городъ, а къ вечеру вернулись и приказываютъ позвать къ себѣ Палашу и меня. А я, надо вамъ сказать, состоялъ у нихъ по конторской части въ младшихъ писаряхъ, потому какъ почеркъ у меня быстрый и бойкій, и я нарочно даже, за способности свои къ ученію, благодѣтельница нашей съ измалѣтства еще въ городское двухклассное училище былъ сданъ на выучку, чтобы, значить, писаря изъ меня для ихъ превосходительства пріуготовить. Ну, а кромѣ конторской, значился я еще у нихъ и по живописной части, для того что и въ этомъ дарованіи отъ молодыхъ лѣтъ своихъ произошелъ,—еще до школы, значить, какъ состоялъ въ обученіи мастерству у нашего придворнаго генеральшина живописца. Отъ тѣхъ-то поръ онѣ меня и пріямѣли, какъ я въ барскихъ покояхъ потолки да карнизы помогая ему по трафарету раздѣлывать. А потомъ въ церкви тоже карнизы расписывали и каждое лѣто подновляли,—ну и я тамъ, значить. А наконецъ уже и самолично я, собственною кистію, въ садовой галдареѣ, на террасѣ пальмы живописалъ. Такъ вотъ-сѣ, призываютъ, значить, ихъ превосходительство къ себѣ меня и Палашу и говорятъ: «такъ какъ вы мнѣ всегда вѣрные слуги были, то я желаю я васъ осчастливить: вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ невѣста. Ступайте къ отцу Геласію, чтобы завтра же послѣ обѣдни обвѣнчалъ васъ, а потомъ приходите ко

ми». Ну, разговаривать тутъ, конечно, не приходится, и оба мы сейчасъ ей въ ноги,— благодаримъ, молю, покорно! — «Ну, а теперь, говорить, указъ мой вамъ данъ, можете идти». Вышли мы отъ нея и глядимъ другъ на друга, какъ обалдѣлые. Ни она за меня никогда не думала, ни я объ ней не мечталъ, чтобы, то-есть, насчетъ законнаго брака, и вдругъ на насъ это словно какъ съ неба упало... «Что-жъ, говорю, Пелагея Васильевна, противенъ я вамъ, аль нѣтъ, а волю господскую исполнить намъ надо». Вы, говорите, Ванюша, мнѣ не противны нисколько, я если обидѣть меня не будете, то я даже со всѣмъ моимъ удовольствіемъ». Ну, что-жъ, думаю, и слава Те, Господи! Значить судьба такая. Вотъ-съ, обидѣчалъ насъ отецъ Геласій, и приходимъ мы къ барыни, хлѣбъ-соль ей приносимъ. Опять, разумеется, въ ноги, все это какъ слѣдъ, по чину. А она намъ: «ну, говорить, проздравляю! Ты, говорить, Палаша, послѣ отца теперь круглою сиротой осталась, а матери, поди-ка, и вовсе не помнишь, потому тебѣ тогда и пяти лѣтъ не было, какъ она померла, и я тебя въ горницы взять не могла. А такъ какъ ты, говорить, всегда была мнѣ честною и послушливою рабой, и отецъ твой тоже,—при пушкѣ, молю, даже я померъ,—то я за всю вашу добродѣтель и сиротство твое жалую тебя *вольною* и тебя, Иванъ, тоже. А чтобы вамъ и жить гдѣ было, такъ вотъ тебѣ, Пелагея, дарственная запись на мой бѣжецкій домъ,—отнынѣ онъ твой и живи себѣ въ немъ съ мужемъ честно, въ любви да въ мирѣ». Затѣмъ къ ручкѣ насъ допустила и отпустила съ Богомъ. Вотъ она какая была, Варвара-то Никитишна, дай Богъ царство небесное! Сама въ себѣ апселятъ,—хочу, говорить, озолочу, хочу—ниспровергну, а ты, говорить, чувствуй и покоряйся. Такъ-то вотъ, по милости ея барской, и прожили мы съ супругой въ домикѣ-то въ этомъ чутъ что не съ полѣтка, пока пожаромъ не смело... На отаруху мою такъ это подѣйствовало, пожаръ-то этотъ, что съ самаго того дня она захворала да чрезъ недѣлю и Богу душу отдала. А я... что-жъ тутъ дѣлать! Новый домъ строить средствъ нѣтъ, да и не зачѣмъ: беречь мнѣ нечего и не для кого, такъ какъ дѣтками насъ Богъ не благословилъ... Было, правда, одно маховькое дитѣ, да померло, а больше и не было... Стало быть, что же!.. Подвернулся тутъ покупатель на землю, триста рублей предлагаетъ,—ну, я и продалъ. Триста рублей деньги хорошия и по вѣкъ мой хватить,—не долго ужъ, поди-чай, промаяться... Да вотъ еще, спасибо, пріютить меня у себя староста здѣшній церковный — купецъ такой почтенный, хорошій купецъ — свѣтелку на огородѣ отвелъ, хлѣбцемъ прикармливаетъ,—ну, вотъ и живу, благодареніе Господу да до-

брымъ людямъ! А труда моего только и есть, что въ церковь сходить Богу помолиться, да вотъ когда развѣ замѣсто старосты при свѣчномъ прилавкѣ постоять, да съ кружкой по храму во время службы пройти,—вотъ и все мое дѣло!

— А скажите,—спросилъ я,—домъ-то этотъ вамъ сама генеральша строила?

— Домъ-то? Нѣту... Домъ этотъ, надо вамъ доложить, по наслѣдству имъ достался отъ брата-съ. Непутевый былъ, Господь съ нимъ!—ухъ, какой непутевый!.. Въ морской службѣ служилъ и все состояніе свое, большое, хорошее состояніе, такъ вотъ, зря промотырилъ... Уволили его за какую-то тамъ проинтрафку въ чистую, съ тѣмъ чтобы никуда, значить, больше ни принимать. Вотъ, опосля того и пріѣхалъ онъ въ наши бѣжецкія палестины, такъ какъ тутъ когда-то и вотчины его ухнулы. Ну какіе остатки денежовокъ соскребъ, сколько-то тамъ тысячекъ,—домъ вотъ этотъ самый себѣ соорудилъ и сталъ жить затворникомъ. Вѣдь какой кутило былъ, и бабникъ, а тутъ вдругъ ни самъ ни къ кому, ни къ себѣ никого!.. Но зато мертвую заплѣ... Съ утра до ночи одинъ-съ: либо ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ малышъ, либо на диванѣ лежить и пить—по рюмочкѣ все, по рюмочкѣ, да такъ-то и тинеть, безъ просыпу... Человѣкъ-то холостой, одинокій—ну, и затосковалъ. Генеральша сколько разъ, бывало, пріѣзжали, Христомъ-Богомъ умаливали, прахомъ родители заклинали бросить малодушество это самое и переѣхать на житье къ нимъ, — куда тебѣ!.. и слышать не хотѣлъ!.. Такъ ничего съ нимъ и не подѣлала... Вотъ, тосковалъ, тосковалъ человекъ такъ-то, въ мрачность впалъ, заперся совсѣмъ и... кончилъ-то больно ужъ не хорошо, не по христіански..

— А что такъ?

— Повѣсился, прости Господи!.. И вотъ, послѣ этого какъ ближайшею сродственницей ему оказалась сестрица Варвара, то-есть, Никитишна, то по закону домъ-отъ къ нимъ и перешелъ. Но только онъ никогда въ немъ не жила. Всего одинъ разъ,—вотъ какъ Василій Егорова-то пушкой убило, въ тотъ разъ только и заочевали, да и то середѣ ночи сплосхнулася.

— А братъ-то этотъ ея въ самомъ домѣ повѣсился?—спросилъ я.

— Въ домѣ, въ домѣ-съ... Такъ точно, въ домѣ—вотъ, наверху, коли помните, въ угловомъ-то большомъ апартаментѣ,—тамъ вотъ и прикончилъ себя на прыку изъ-подъ люстры, что въ потолокъ вбитъ; съ кряка и снялся...

— Еще одно слово, почтеннѣйшій. Дѣло прошлое, домъ вашъ сгорѣлъ, — скажите, по совѣсти, было въ немъ въ самомъ-дѣлѣ что-нибудь неспокойное?

Старикъ отвѣтилъ не сразу, а сначала какъ будто раздумался о чемъ-то.

— По правдѣ-то сказать, было, точно-что было,—произнесъ онъ таинственно — тихимъ голосомъ.—Но только странное дѣло! Вѣрите-ли, до самаго пожара, сколько лѣтъ прожили мы въ немъ съ супругой, — ну, вотъ ни разу за все время, какъ передъ Истиннымъ говорю вамъ, ничего такого внизу у себя мы не слышали и не примѣчали. А вотъ въ верхней квартирѣ, точно... беспокойствіе иногда проявлялось.

— Ну, и какъ вы полагаете, что это было?

— Да кто-жъ его знаетъ!.. беспокойный домъ, да и только... Однаже, забесѣдовались мы съ вами, сударь, а на дворѣ-то совсѣмъ стемнѣло!—спохватился старикъ.—Меня, поди-чай, у хозяевъ-то и къ ужину ждать перестали... Извините, ваше высокое благородіе, не обезсудьте старика и позвольте пожелать вамъ добраго вечера.

И, снявъ свой картузь, онъ нѣжно поклонился мнѣ съ ручкой на-отманъ книзу и черезъ минуту исчезъ во мракѣ среди пустынной площади.

СТЕПНОЕ ГНѢЗДО.

Славный фортъ Джулекъ,
Отколь самъ чортъ убѣгъ.

Солдатская поговорка.

Въ первыхъ* числахъ марта прошлаго 1883 года, мы съ лейтенантомъ Савинымъ выѣхали изъ Ташкента въ Церовскъ, куда за трое сутокъ ранѣ насъ отправился бывший туркестанскій генераль-губернаторъ М. Г. Черняевъ. Цѣль путешествія заключалась въ посѣщеніи Аму-Дарьинскаго отдѣла. Добраться же туда предстояло намъ черезъ Маверо-унъ-Негръ¹⁾, частію вдоль сухого русла Джаны-Дары, частію черезъ Кызылъ-Кумы²⁾. Съ нами ѣхалъ мой слуга, Сайфуддинъ Фаткуллинъ, дѣтина чуть не въ косую сажень ростомъ, изъ бывшихъ гвардейскихъ кирасиръ, человекъ незапѣлимый въ дорогѣ не только по своей расторопности и умѣнию сразу же ко всему примѣниться, но и потому еще, что онъ вполнѣ хорошо владѣлъ узбекскимъ нарѣчіемъ и могъ при всѣхъ столкновеніяхъ съ туземцами—киргизами, каракалпаками и хивинцами, служить отличнѣйшимъ переводчикомъ.

Выѣхали мы послѣ жаркаго дня, въ восемь часовъ вечера, и хотя на склонѣ безоблачнаго неба молодой мѣсяцъ казалъ намъ свои золотистые тонкіе рожки, тѣмъ не менѣе вокругъ насъ было довольно-таки темно. Свѣтъ этого мѣсяца былъ еще безсиленъ, чтобы бороться съ глубоко-синіею тьмою азиатской ночи. Вскорѣ, однако, въ воздухѣ значительно похолодѣло; мѣсяцъ нырнулъ подъ горизонтъ, и не успѣли мы доѣхать до второй станціи, какъ поднялся вдругъ вѣтеръ, и повалилъ снѣгъ. Завируха скорѣй обратилась въ формальный степной буранъ, со свойственными ему свистомъ, ревомъ

и шумомъ. Хорошо еще, что дорога тутъ идетъ вдоль телеграфныхъ столбовъ, на которые все-таки можно было кое-какъ держать путь; а не будь ихъ—въ наилучшемъ случаѣ пришлось бы повернуться къ вѣтру спиною и терпѣливо ждать, пока не кончится вьюга. Къ утру навалило снѣгу вершковъ на шесть, и какъ жалко было глядѣть на торчавшіе изъ-подъ него зеленые всходы степныхъ тюльпановъ... Долго еще пришлось намъ слушать музыку телеграфныхъ столбовъ, какая раздается въ нихъ во время вѣтра, подобно стомамъ золотой арфы, прежде чѣмъ благополучно миновали мы Бег-аэрбекскій перевалъ черезъ хребетъ Казы-Гуртъ и снова покатали по пологому склону волнистой мѣстности, къ городу Чимкенту, куда прибыли, благодаря бурану, только въ четыре часа пополудни.

Послѣдствъ чѣмъ пришлось на станціи въ Чимкентѣ, двинулись далѣе къ Туркестану. Буранъ стихъ еще къ полудню, и теперь наступившая ночь была ясна и морозна. Но на слѣдующій день, къ десятому часу утра, обогрѣло настолько, что солнце стало печь, а къ полудню отъ снѣговъ уже и слѣда не осталось. Зато рѣки Арысъ и Бугунъ, берущія свое начало въ сосѣднихъ горахъ, до того переполнились водою, что переправа черезъ нихъ стала весьма затруднительною. Въ обыкновенное время, ихъ, что называется, и курица въ бродѣ перейдетъ, а теперь, съ усиленнымъ таяніемъ горныхъ и дольных снѣговъ, обѣ мелководныя рѣчущи сильно вздулись, бурлили, кпятились и съ грохотомъ ворочали и уносили силою воды внизъ по теченію цѣлые камни, не говоря уже о валунахъ и мелкой галькѣ. Впрочемъ, мы кое-какъ переправились черезъ обѣ рѣки, благодаря опытнымъ джигитамъ, обследовавшимъ предварительно броды, и нѣсколькимъ киргизскимъ всадникамъ, которые на ла-

¹⁾ Такъ называется пространство между рѣками Сыромъ и Аму.

²⁾ Джаны или Яны-Дарья значить новая рѣка, а Кызылъ-Кумы—красные пески.

натахъ поддерживали въ равновѣсїи нашъ экипажъ противъ теченія и помогли ему этимъ способомъ выкарабкаться на противоположный берегъ.

За Туркестаномъ, съ каждою станціею, извѣстїя о состоянїи дальнѣйшаго пути становились все менѣе и менѣе утѣшительными: Сыръ-Дарья вскрывается и разливами своими далеко затопляетъ прибрежныя мѣстности, по которымъ пролегаетъ почтовая дорога; вода стоитъ высокая и все прибываетъ. Къ станціи Тюмень-Арыкъ, на границѣ Туркестанскаго и Перовскаго уѣздовъ, мы уже съ трудомъ пробивались по затопленнымъ прибрежнымъ джангыламъ, среди которыхъ пролегаютъ тропы почтовой дороги. Эти джанглы — то же, что индїйскіе джонглы, — представляютъ собою густыя массы колючихъ кустарниковъ и джиды (дикая маслина), растущихъ вмѣстѣ съ высокими камышами. Все это перепутано множествомъ ползучихъ и вьющихся растений, такъ-что представляеть непродорную заросль, по низамъ которой мѣстами, словно норы, зияютъ зѣбровые проходы и тропы. Здѣсь, въ джангылахъ — излюбленное мѣсто пребыванія тигровъ и фазановъ.

На Тюмень-Арыкъ станціонный староста изъ бравыхъ уральскихъ казаковъ объяснилъ, что далѣе пути нѣтъ, — «хотѣ што хотѣ». Иначе и не пробхать какъ въ объѣздъ, прямо къ Джулеку. А объѣздъ будетъ въ семьдесятъ верстъ слишкомъ, не мѣняя лошадей. Нечего дѣлать, поѣхали въ объѣздъ и по необходимости останавливались, среди ночи, на три часа въ саксауловомъ лѣсу, кормить лошадей, а чтобы не скучно было ждать, развели громадный костеръ; къ семи же часамъ утра кое-какъ допелись и до форта Джулекъ, откуда, по мѣстной поговоркѣ, «самъ чортъ убѣгъ», столь онъ нескученъ. Тутъ первымъ же дѣломъ сообщили намъ, что дальнѣйшій проѣздъ, за разливомъ, уже окончательно невозможенъ, что самъ М. Г. Черняевъ едва-едва успѣлъ проскочить въ Перовскъ, чуть не по пятамъ настигаемый идущими внизъ по рѣкѣ разливомъ, въ которомъ такъ и застрялъ одинъ изъ сопровождавшихъ его экипажей. Зайкнулись мы было насчетъ кружныхъ путей, но на наше горе оказалось, что и кружнымъ путемъ не пройдемъ: верблюдовъ нѣтъ, — киргизы уже откочевали съ ними изъ окрестныхъ прѣрѣчныхъ зимовокъ въ дальнія степи, болѣе къ востоку. А тутъ еще комендантъ форта объявилъ, что главный начальникъ края, отъѣзжая поручилъ ему передать намъ, чтобы мы поспѣшали впередъ, какъ можно скорѣе, потому что онъ остановится въ Перовскѣ лишь на самое короткое время. Нечего сказать, прїятное положеніе! И хотя мой Сайфуддинъ, съ философскимъ спокойствіемъ, разсуждалъ, что «все же лучше застрять въ фортѣ, потому здѣсь хотя

насчетъ харчей способнѣе», чѣмъ очутиться въ такомъ положенїи въ степи, на одной изъ промежуточныхъ станцій, гдѣ «замѣсто съѣстного одинъ только мѣдный самоваръ заполучишь», тѣмъ не менѣе, сознавая даже всю выгодную сторону застрянія «въ фортѣ», мы всячески изыскивали способы къ тому, чтобы, по возможности, безостановочно и немедленно двигаться далѣе. Мы и безъ того знали, что генералъ-губернаторъ не сталъ бы дожидаться насъ, а въ пустынныхъ степяхъ за Сыромъ намъ бы его уже и не нагнать, и пришлось бы, вмѣсто интересной командировки, возвратиться «съ носомъ» въ Ташкентъ, отказавшись отъ надежды видѣть дикую, почти невѣдомую страну Маверо-унъ-Негра, видѣть Кызылъ-Кумы, Аму-Дарью, Хивинскій оазисъ и самый городъ Хиву, и много, много другихъ интересныхъ сторонъ незнакомой намъ природы и жизни, которыхъ въ другой разъ, пожалуй, уже и не придется болѣе видѣть. Все это было крайне досадно и прискорбно. Рѣшили мы, наконецъ, бросить экипажи въ Джулекъ и ѣхать далѣе верхами, переложивъ на выю лишь самый необходимый багажъ, и съ этою цѣлью отправились предварительно на телеграфную станцію переговорить съ Перовскимъ о состоянїи пути и о томъ, есть-ли какая-нибудь возможность проѣхать верхомъ?

Увы! изъ переговоровъ этихъ оказалось, что, за высотой воды во многихъ затопленныхъ низменностяхъ, лошадямъ приходится просто плыть, а въ довершеніе всего, послѣдняя телеграмма извѣстила насъ, что мостъ на одномъ изъ широкихъ и глубокихъ арыковъ, близъ станціи Биръ-Казанъ, 12 марта снесло напоромъ воды, и стало быть, конецъ! Теперь уже и на плывущихъ лошадяхъ не доберешься. Въ такомъ безысходно печальномъ положенїи оставалось развѣ предаться «изученію» Джулека, т.-е. попросту говоря, бродить отъ скуки по фортѣ и его маленькому форштадту, ибо до спада водъ не только впередъ, но и назадъ никуда не пройдемъ.

Что же, коли такъ, покоримся своей участи и будемъ «язучать» Джулекъ. Оно вѣдь и въ самомъ дѣлѣ любопытно взглянуть, что это за жизнь копошится тутъ, въ маленькомъ, ничтожномъ фортикѣ, гдѣ и всего-то гарнизона чуть не два съ половиною человѣка? Какъ живутъ-себѣ его обитатели, что они дѣлаютъ, какіе интересы, какія страсти волнуютъ ихъ маленький кружокъ въ этомъ людскомъ гнѣздѣ, брошенномъ среди неогляднаго простора степной пустыни, на берегу пустынной же рѣкѣ?..

Фортъ имѣетъ четырехстороннее (редутное) начертаніе, съ двумя фланкирующими полукруглыми барбетами на сѣверо-западномъ и юго-восточномъ углахъ. Въ прежнія времена на этихъ барбетахъ стояли пушки, которыми нынѣ покоятся гдѣ-то въ складахъ ташкент-

скаго арсенала, такъ какъ, съ перенесеніемъ русской границы за Сыръ-Дарью и въ особенности съ покореніемъ Хивы, фортъ сохранилъ за собою значеніе только этапнаго пункта. Ровъ его давнымъ-давно уже порастаетъ кустами колючки, джидою и тальникомъ, и въ его лужицахъ съ наслажденіемъ полощатся домашнія утки съ утятами; подъемный мостъ тоже давно замѣненъ неподвижнымъ; на валахъ, вмѣсто часовыхъ, гуляютъ обывательскія куры, и гдѣ по ночамъ, бывало, грозно раздавалось на всю окрестность протяжное и звонкое «слушай» ночной стражи, тамъ теперь, пожалуй еще звонче, раздается въ урочные часы ночи не менѣе протяжное, но зато болѣе мирное «кукуреку» комендантскаго пѣтуха, а одна изъ барбетныхъ площадокъ служить почему-то излюбленнымъ мѣстомъ отдохновенія для всѣхъ «Полкашекъ», «Жучекъ» и «Арапокъ» мѣстной команды. Тѣмъ не менѣе, всѣ фортовые «верки» содержатся въ порядкѣ, и чуть подмоетъ ихъ гдѣ-нибудь весеннимъ разливомъ, комендантъ съ командою живо принимаютъ за приведеніе подмытой части въ «надлежащій видъ», въ каковомъ и состоятъ эти верки до слѣдующаго разлива.

Общій видъ фортика, въ смыслѣ пейзажа, вовсе не казистъ; но надо испытать самому, чтобы повѣрить, какое пріятное, мирно-веселѣющее впечатлѣніе на глаза и на душу производятъ онъ издали, когда подъѣзжаешь къ нему съ какой бы то ни было стороны, утомленный и нравственно, и физически продолжительною тряской почтовой ѣзды и этимъ долгимъ однообразіемъ и безлюдьемъ безконечной степи, съ ея монотоннымъ изжелта-сѣрымъ или буроватымъ колоритомъ. Этотъ торчащій изъ-за валавъ и рельефирующій въ синемъ воздухѣ острокопечный шишалекъ съ православнымъ крестомъ надъ маленькою фортовою церковкою, и вокругъ него эти округлыя купы высокихъ таловъ, а ниже—бѣлая, сверкающая на солнцѣ, стѣны глинобитныхъ домиковъ форштадта или слободки,—все это, сгруппированное на пространствѣ менѣе одной квадратной версты, представляется вамъ издали чѣмъ-то въ родѣ счастливаго оазиса или глубоко-мирнаго захолустья, отъ котораго на душу веетъ довольно какъ-то вѣтвь безмятежною тишиною и дремотнымъ покоемъ.

Однимъ только вооруженный часовой на гауптвахтеной платформѣ у единственныхъ воротъ форта какъ бы говоритъ вамъ своимъ присутствіемъ, что куры, молъ, курамя, а все же не извольте забывать, что вы находитесь, въ нѣкоторомъ родѣ, въ крѣпости. Караулитъ этотъ часовой «казну», что хранится, за печатью, въ снятомъ съ колеснаго хода зеленомъ денежномъ ящикѣ, который съ видимымъ почетомъ поставленъ на какой-то кирпичный пьедесталъ. И не будь здѣсь этого

ящика, то и часовому, кажись, было бы нечего больше караулить въ Джулекѣ.

И такъ, вы очутились внутри форта. Надѣво и направо отъ воротъ, оставляя по срединѣ довольно широкій проходъ, идутъ сырцово-кирпичные, начисто выбѣленные бараки, гдѣ помѣщаются: лазаретъ, находящійся на попеченіи фельдшера, присланнаго изъ гвардейской кавалеріи, квартирка плацъ-адъютанта, помѣщенія для семействъ женатыхъ нижнихъ чиновъ, цейхгаузъ и разные хозяйственные склады. Прімо противъ воротъ, на небольшой площадкѣ, въ самомъ центрѣ форта, высятся кирпичная церковка, гдѣ съ трудомъ помѣстятся пятнадцать-двадцать человѣкъ; вокругъ церковки—нѣсколько деревьевъ, а позади ея, по ту сторону площадки, въ такомъ же баракѣ какъ и прочіе, квартира коменданта; рядомъ съ нею—канцелярія и помѣщеніе для іеромонаха; по сторонамъ же площадки, справа и слева—казарменные бараки для нижнихъ чиновъ; передъ окнами комендантской квартиры и около ея крылечка—два или три развѣсистыхъ дерева да крошечный палисадникъ со скамеечками; наконецъ, позади всѣхъ строеній, на нижнихъ площадкахъ у барбетовъ—по одному пороховому погребку,—и вотъ все, что найдете вы внутри незатѣливаго фортика.

На слободкѣ уже болѣе жизни. Расположенная противъ крѣпостныхъ воротъ, она отдѣляется отъ форта довольно обширною площадью и вся обнесена невысокимъ валомъ соровомъ, изобильно поросшимъ колючкою, который примыкаетъ къ фортовымъ веркамъ. Тамъ, кромѣ нѣсколькихъ глинобитныхъ хатокъ и домишекъ, гдѣ ютятся съ семьями солдатики, окончившіе срокъ службы и рѣшившіеся поселиться здѣсь навсегда въ качествѣ обывателей, помѣщаются еще почтовая станція и телеграфъ, караванъ-сарай, или заѣзжій домъ, содержимый какимъ-то принятымъ казанскимъ татаринкомъ, да двѣ-три лавченки, торгующія чаемъ, кошмою, халатами, баранниною и вообще товаромъ для туземцевъ; затѣмъ—«магазинъ» для русскихъ потребителей, гдѣ найдете вы всякую всячину, отъ московскихъ ситцевъ, консервовъ, папиростъ и «галантерей» до гвоздей и коньютной мази включительно, и наконецъ—кабакъ подъ облагоустроеннымъ именемъ «ренскаго погреба», безъ котораго и въ Азіи русскій человѣкъ не обходится. На рубежѣ между слободкою и фортомъ, какъ бы связующимъ звеномъ между ними, стоитъ въ одномъ изъ концовъ площади провіантскій складъ интендантскаго вѣдомства, съ большими ясами,—и вотъ вся слободка и всѣ ея «до-стопримѣчательности». А за рубежомъ этого степного гнѣзда разстилается уже неоглядное море колючки, густыми и частыми кустами которой заросла вся степь въ окрестностяхъ Джулека,—и какъ хороша, поэтически, дивно

хороша эта степь весной, когда колючка стоитъ въ полномъ цвѣтѣ, когда каждый кустикъ ея сверху до низу тѣсно усыянъ и какъ бы облитъ міриадами мелкихъ розовыхъ цвѣтковъ, такъ-что вся степь, на сколько лишь хватаетъ взгляду, кажется вамъ тогда однимъ сплошнымъ нѣжно-розовымъ покровомъ. Весь воздухъ, мягкій и живительный, напоенъ ароматомъ акаціи (потому что эта колючка— не что иное, какъ розовая акація), и ароматъ ея порою смѣшивается со сладкимъ, одуряющимъ благоуханіемъ джиды, которая тоже цвѣтетъ одновременно съ колючкою. Тюльпаны, дикіе люпинусы, каперсы со своими большими, оригинально-пышными цвѣтками, и много, много другихъ, по названіямъ невѣдомыхъ мнѣ растений пестрятъ тогда степную почву, еще не успѣвшую высохнуть подѣ продолжительнымъ дѣйствіемъ лучей всеосжигающаго солнца. Куропатки, перепела и сороки, ястребы, соколы и орлы и множество иныхъ, большихъ и малыхъ пернатыхъ степняковъ оглашаютъ воздухъ своими разнообразными свистами, клекотомъ и криками, словно бы радуются кратковременному празднику степной весны, словно бы спѣшатъ насладиться имъ во всю свою волю, пока вся эта красота не увала и не иссохла подѣ знойнымъ дыханіемъ «гримселя»⁴⁾.

Сивораки и медососы, перепархивая съ куста на кустъ, сверкаютъ золотомъ, лазурью и изумрудомъ своего красиваго оперенія; нарядные, блестящіе фазаны спокойно выходятъ на дорогу, прогуливаются по ней и съ любопытствомъ оглядываютъ путника своимъ доверчивымъ взоромъ. Тысячи жуковъ и жучковъ, божьихъ коровокъ, стрекозъ и кузнечиковъ, блестящихъ мушекъ, осъ, пчелъ и мотыльковъ снуютъ на каждомъ шагу подѣ ногами и рѣютъ въ тепломъ, нѣжащемъ воздухѣ. Но зато, увы! рядомъ съ ними и міриады разныхъ мелкихъ кусакъ, мошка, москиты, съ кровопийцами комарами, докучная вездѣущая обыкновенная муха и назойливый оводъ одолаживаютъ васъ тоже безъ милосердія. Это уже, такъ сказать, оборотная сторона весенняго ликования, которая подчасъ просто отравляетъ ваше существованіе. И все-таки, несмотря даже на эту оборотную сторону, розовое море степи и его благоуханіе обаятельно дѣйствуютъ на вашу душу.

Среди такого-то моря, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ форштадта, за четырехстороннею кирпичною оградой торчатъ нѣсколько черныхъ намогильныхъ крестовъ и кирпичныхъ пирамидокъ надъ прахомъ тѣхъ борцовъ за землю Русскую, тѣхъ скромныхъ, безвѣстныхъ подѣ сѣрою солдатскою шинелью пионеровъ ея

могущества и силы, которымъ судьба приготовила здѣсь далекую отъ родины и нерѣдко безвременную могилу. Братскія могилки эти чисты, хорошо содержатся, благодаря заботливости коменданта и его солдатиковъ.

За этимъ кладбищемъ, въ верстѣ разстоянія отъ слободки, на берегу Сырь-Дарьи, разросся на пространствѣ одной десятины искусственно разведенный садъ. Здѣсь тѣнистыя аллейки, обсаженные пирамидальными тополями и таломъ, отдѣляютъ одинъ отъ другого квадратные участки земли, изъ которыхъ одни засажены плодовыми деревьями и кустарниками, а другіе вскопаны градами, гдѣ произрастаетъ всякая огородная овощъ, а главное—капуста, свекла, огурцы и картофель.

Собственно садъ и аллеиныя деревья составляютъ здѣсь, такъ сказать, придатокъ, необходимый для того, чтобы доставить огороду болѣе тѣни, въ защиту отъ солнечныхъ лучей, а существенная сторона дѣла заключается именно въ этомъ огородѣ, благодаря которому люди джукеской команды весной и лѣтомъ ѣдятъ борщи и щи изъ ботвы, а на зиму всегда заготавливаютъ себѣ хорошій запасъ кислой капусты, соленыхъ огурцовъ и т. п. Не будь у нихъ этого подспорья, пришлось бы имъ сильно страдать отъ цынги, потому что въ степи ничего не достанешь ни за какія деньги, а тѣмъ менѣе за ту сумму, какая отпускается солдату подѣ именемъ «приварочныхъ денегъ». Замѣьте еще, что тутъ, по мѣстнымъ условіямъ туземнаго быта, никакихъ частныхъ заработковъ для солдата не существуетъ, и что отъ ближайшихъ мѣстъ русскаго поселенія, какими въ данномъ случаѣ являются, съ одной стороны, Туркестанъ, а съ другой—Перовскъ, фортъ Джулекъ отдаленъ разстояніями въ двѣсти верстъ слишкомъ, и конечно, снабжаться подобными продуктами изъ этихъ двухъ пунктовъ не можетъ. Тутъ одна перевозка чего стоила бы, не говоря уже о порчѣ продуктовъ въ дорогѣ. Хорошо еще, что есть поставщикъ изъ туземцевъ, который берется за приварочную сумму доставлять командѣ воловье мясо, стоящее въ этихъ мѣстахъ весьма не дешево. Разнообразить же пищу въ данныхъ условіяхъ жизни крайне необходимо. Но тутъ бѣда съ «положеніемъ», которое, будучи общимъ для всѣхъ войскъ, къ сожалѣнію, не вездѣ и не всегда одинаково удобопримѣнимо. А «положеніе» говоритъ, что когда есть у воинской части свой огородъ, то отпускъ ей приварочныхъ денегъ не производится. Это очень хорошо для Европейской Россіи, но Джулеку, при соблюденіи такого правила, пришлось бы или остаться при одномъ огородѣ и ѣсть круглый годъ пустые щи, безъ мяса, или, отказавшись отъ огорода, питаться говяжьимъ бульономъ безъ всякой привычной русскому человѣку приправы.

⁴⁾ Такъ называется жгуче-знойный вѣтеръ,—сирроко или самумъ Средней Азіи.

а въ результатѣ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, страдать отъ цынги. Стадо быть, насущная необходимость сама подсказываетъ, что надо какъ-нибудь обойти «положеніе». Поэтому, официально огородъ называется комендантскимъ, а въ сущности принадлежитъ командѣ, и люди въ свободные отъ службы часы занимаются своимъ огородомъ и садомъ съ величайшею охотою и любовью. Въдь это для нихъ почти единственное развлеченіе въ ихъ однообразной, сѣренькой жизни.

Въ одномъ изъ концовъ огорода вырытъ довольно широкій колодезь, къ которому проведена изъ рѣки канавка со шлюзомъ. Надъ колодеземъ устроенъ въ видѣ шалаша просторный камышевый навѣсъ, а подъ навѣсомъ работаетъ чигирь, т.-е. колесо съ десяткомъ прикрѣпленныхъ къ его ободу глиняныхъ кувшиновъ. Колесо это соприкасается съ шестернею, а эта послѣдняя сообщается съ рычагомъ, снабженнымъ построумкою, куда впрягается лошади или волъ, иногда лошадь. Во время работы животному надѣваютъ на глаза тряпичную повязку, во избѣжаніе головокруженія, и оно ходитъ себѣ нѣсколько часовъ по кругу, приводя въ движеніе весь снарядъ, причемъ колесо, погружаясь частію въ колодезь, черпаетъ кувшинами воду и поднимаетъ ихъ наверхъ, гдѣ, на извѣстной точкѣ круговращенія, вода выливается изъ кувшиновъ въ жолобъ изъ обожженной глины, изъ котораго уже растекается между грядками по узенькимъ канавкамъ, правильно и равномерно орошая почву всего сада.

Въ Джулекѣ живутъ нѣсколько семей уральцевъ, изъ числа сосланныхъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, частью въ Сибирь, частью въ Туркестанскій край, за упорный отказъ принять новое «Положеніе», которое вводилось въ тѣ годы въ землѣ Войска Уральскаго. Первоначально выслано ихъ было въ Туркестанскій край около трехъ тысячъ человекъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя переправили къ нимъ этапнымъ порядкомъ и ихъ семейства. Мѣстная администрація распредѣлила этихъ высланныхъ небольшими группами по многимъ фортамъ и городамъ края, гдѣ лишь существуетъ русская осѣдность, начиная отъ Казалинска до городка Пянджикента, въ горныхъ округахъ Самаркандскаго уѣзда, и до форта Нукуса, близъ аму-дарьинской дельты. Много было крайне тяжелыхъ спевъ при этомъ разселеніи; доходило даже до того, что при отправкѣ партій воднымъ путемъ изъ Казалинска въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ, многіе уральцы кидались съ баржи за бортъ, въ рѣку. Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, удалось кое-какъ доставить всѣ группы на мѣста, предназначенныя имъ для поселенія. Одна изъ подобныхъ группъ, — что-то около пяти-шести семействъ, — досталась и на долю Джулека.

Не касаясь политическихъ причинъ высылки, надо сказать, что положеніе этихъ людей крайне печально само по себѣ и обременительно для тѣхъ мѣстныхъ начальствъ, которымъ пришлось съ ними вѣдаться послѣ разселенія. Всѣ высланные, лишенные своихъ казачьихъ правъ, поступили въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Всѣ они держатся «старой вѣры» и, повидимому, глубоко убѣждены, что «безвѣрно» приемиютъ страданіе за вѣру и за свои древнія казачьи права, дарованныя имъ старыми царями». Въ этомъ-то убѣжденіи и кроется источникъ того упорства, съ которымъ они, съ перваго своего появленія въ край и до сего дня, отвергаютъ всѣ заботы и предложенія мѣстной администраціи, клонящіяся къ облегченію и улучшенію ихъ же собственнаго быта и положенія. Началось съ того, что когда, послѣ разселенія, предложили имъ землю и даже нѣкоторое пособіе, чтобы дать возможность сразу обстроиться, высланные всѣ поголовно отказались и отъ земли, и отъ пособія. Какъ пригнали ихъ по этапу въ фортъ, какъ поставили станомъ на площади, такъ они тамъ и остались, безъ крова, на голой землѣ, а время было холодное. Иные, впрочемъ, приладили кое-какъ къ своимъ повозкамъ цыновки да кошмы, какія успѣли захватить съ собою въ дорогу, и уже намѣревались было провести подъ такими наметами всю зиму; а другіе даже и объ этомъ не позаботились. Много тогда переболѣло между ними народу, не мало и перемерло ребятъ, стариковъ и женщинъ; въ особенности дѣти помирали. А строиться, располагаться на осѣдное житіе высланные все-таки не желаютъ. Списались мѣстные начальства съ Ташкентомъ, объясняя положеніе дѣла и спрашивая: какъ быть? Изъ Ташкента разрышпили помѣстить временно въ казармы мѣстныхъ командъ, буде найдутся гдѣ свободныя помѣщенія. Нечего дѣлать, пришлось потѣснить людей и очистить подъ высланныхъ часть казармъ. Исполнили все это, приготовили и приглашаютъ переходить съ площади на казенныя квартиры. Не идутъ.

— Почему вы, братцы, не идете?

— Не желаемъ, ваше-скородіе! — отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Почему не желаете?

— Просто не желаемъ, ваше-скородіе, да и все тутъ. Не способно намъ.

— Однако, въдь такъ же нельзя, братцы! — убѣждаютъ ихъ власти. — Такъ-то жить еще хуже для васъ же самихъ: перепрете всѣ отъ болѣзней. И то уже вонъ сколько дѣтей сгорѣно!

— Что же, пушай ихъ мрутъ! Божья воля!.. И сами померемъ съ ними. Значить, намъ уже судьба такая отъ Бога — претерпѣвать должны.

— Да отъ чего же вы не желаете? По какимъ причинамъ?—добиваются власти.

— Своею доброю волею, значить, не желаемъ, окромѣ какъ на силкомъ. Коли силкомъ поведутъ насъ,—ну, тутъ нечего дѣлать, пойдемъ, потому противъ силка ничего не подѣлаешь покоряться надо. А сами, своею охотою; идти не можемъ.

— Почему не можете?

— Потому что не по нашей волѣ насъ сюда пригнали, и стало быть, ничего больше своею волею дѣлать намъ не можно. И не будемъ дѣлать! А коли вы считаете, что такъ нужно, заставьте насъ силою. Теперь надъ нами вся ваша воля и вся сила; дѣлайте, что хотите.

Какъ ни убѣждали ихъ, что ни говорили—нейдутъ люди съ площади. Пришлось наряжать солдатъ изъ команды, чтобы насильно переносить ихъ ложитки въ отведенныя помѣщенія. Послѣ этого большинство пошло само вслѣдъ за своими ложитками, въ особенности семейные, у которыхъ на рукахъ были малолѣтніе ребята. Но были и такіе, что пластомъ ложились среди площади.—«Не иду, молъ, доброю волею, да я коячено! Лучше стрѣлите насъ на смерть! Претерпѣть желаемъ!» Этихъ, дѣйствительно, пришлось насильно волочить въ казармы. Но они не барахтались, не отбивались, заявляя сопротивление чисто пассивнымъ образомъ: «сами, молъ, не идемъ, а силкомъ—сдѣлайте ваше одолженіе, очень рады будемъ».

Это, разумѣется, былъ капризъ упрямый и дикій, но въ некоторые фанатики, кажется, рассчитывали посредствомъ его вывести власть изъ терпѣнія и вынудить ее, наконецъ, на крайнюю мѣру, въ родѣ стрѣліянія (нынѣ даже прямо подсказывали «стрѣляйте въ насъ»), чтобы «претерпѣть до конца» и «пріять вѣнецъ мученическій». Но большинство, въ сущности, было въ душѣ очень довольно, когда очутилось, вмѣсто сырой и грязной площади, въ теплой казармѣ.

Но вотъ наступили морозы, въ казармахъ стало холодно, топить надо.

— Слушайте, уральцы, соберите себѣ на степи колючки на топливо,—предлагаетъ имъ начальство.

— Не можемъ, ваше-скородіе. Никакъ не можемъ!

— Да вы бы хоть ребятъ-то своихъ пожалѣли! Вѣдь вонъ какъ дрогнуть отъ холоду! Не солдатамъ же, въ самомъ дѣлѣ, на васъ работать!

— Дѣти дрогнуть, это точно. Ну, и пушай ихъ! Хоша у насъ за нихъ и сердце болитъ, а только доброю волею все же не пойдемъ, потому—до конца претерпѣть желаемъ.

И опять та же пѣсня: «силкомъ гоните—тогда пойдемъ, а безъ силка ни-ни!»

И такъ-то вотъ было во всемъ. Сами для себя ничего дѣлать не желаютъ, ни за какую

работу не принимаются; отъ казенной хлѣбной дачи, какая полагалась на семейства, отказываются, и при всякомъ столкновеніи просто вызываютъ на насиліе надъ собою, желаютъ его сами, требуютъ его, молятъ о немъ. Но насиліе не употребляется, и вотъ, уральцы пзд-дн-въ-день бродятъ себѣ съ утра до ночи по площади, въ своихъ халатахъ и форменныхъ фуражкахъ, и въ этомъ все ихъ занятіе состояло, да и до сихъ поръ все то же самое...

Питаются они чѣмъ Богъ пошлетъ, а больше все тыквою да дынями, которые покупаютъ у туземцевъ на кое-какіе, еще дома, на Яикѣ, прикопленные гроши, да тѣмъ хлѣбомъ, которымъ тайкомъ, имени Христова ради, дѣлятся съ ними солдатики отъ своей дачи. Но самъ первый никогда ни у кого и ничего уральецъ не попроситъ,—умирать будетъ съ голода, а не попроситъ. Вотъ какіе это характеры! Принесутъ имъ—ладно, съ благодарностью примутъ,—«воздай тебѣ Господь, добрый человѣкъ!» А не принесутъ—уралецъ руки не протянетъ ни для нищенства, ни для кражи.

Спрашиваютъ ихъ, бывало: «Отчего вы братцы, никакимъ дѣломъ не займетесь? И какъ вамъ не надоѣстъ такъ-то по площади словы слонять? Неужели это не скучно?»

— Какъ-ста не скучно,—отвѣчаютъ всѣ хоромъ,—очень даже скучно, просто смерть какъ скучно! И точно-что надоѣло—моченьки нѣтъ! Да ничего, видно, не подѣлаешь, потому, значить, ужъ намъ планда такая назначена... Одно слово, претерпѣваемъ.

— Да вы бы не претерпѣвали, а просто занялись бы себѣ дѣломъ какимъ на есть сподручнымъ. И всегдѣ, и приобыльнѣ было бы.

Это точно-что... Это правда!—соглашается хоръ,—только ваше скородіе, какимъ же намъ тутъ дѣломъ заниматься? Никакихъ такихъ занятій тутъ нѣтъ.

— Какъ не быть дѣлу! Да вотъ хотя бы это: всѣ вы уральцы—прирожденные рыбаки. Это дѣло намъ еще съ-измалу знакомо. Вотъ и рыбачили бы себѣ на Сырѣ, или охотались бы, что-ли, на фазановъ да на тигровъ, все же зарабатывали бы себѣ тѣмъ деньгами кое-какія.

— Это точно! Это вся ваша сухая правда!—опять единодушно соглашаются уральцы.

— Ну, а коли такъ, то за чѣмъ же дѣло стало?

— А за тѣмъ и стало, ваше-скородіе, что своею доброю волею намъ теперь этого сдѣлать никакъ нельзя.

И что, бывало, имъ ни предложить, на все одинъ отвѣтъ: «По доброй волѣ не можемъ, потому не своею охотою сюда мы попали». И исходя изъ такого принципа, всѣ они поголовно бездѣлничали, въ особенности въ пер-

ные годы своей ссылки. А между тѣмъ, все это народъ очень способный, смысленный, да и по наружности всѣ они, какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Что ни уралецъ, то крѣпкій, рослый, здоровый и красивый дѣтина! И затѣмъ, надо еще прибавить, что это люди безусловно честные, въ дѣлахъ вѣрные своему слову, почти поголовно трезвые, и наконецъ, крѣпко держатся правилъ своего «древляго благочестія».

Съ теченіемъ времени ихъ фанатическое упорство нѣсколько поулеглось. Кто побѣдѣе да посмейнѣе, тѣ изъ-за нужды начали неподволь «заниматься то охотою, то рыболовствомъ, солить икру и рыбу, балыки вялить, коптить кабаньи окорока да полотки дикихъ гусей и утокъ; иные стали и казеннымъ найкомъ на семью не брезгать, какъ прежде; но за огородничество или земледѣліе ни одинъ и по сей день не принимается.

А между тѣмъ, время идетъ да идетъ, и вотъ, уже здѣсь, въ ссылкѣ, тѣ, что были привезены сюда малыми ребятами, теперь выросли, стали юношами, да кромѣ того успѣло народиться въ рядномъ количествѣ и новое поколѣніе. Всѣ дѣти, достигая десяти-двѣнадцатилѣтняго возраста, уже поголовно грамотны. Дѣломъ обученія, исключительно «по старымъ книгамъ», занимаются у уральцевъ начетницы-казачки, старицы, почитающія такое занятіе богоугоднымъ подвигомъ, и въ каждомъ форту, гдѣ лишь поселена кучка уральцевъ, сколь бы мала она ни была, у нихъ непремѣнно есть своя собственная школа.

Въ казенную школу отецъ ни за что не пошлетъ своего ребенка, обѣгаетъ и боится ее пуще огня, а къ старикамъ сами ребятяшки, мальчики и дѣвочки, идутъ весьма охотно и съ прилежаніемъ учатся слову Божію и цифирцѣ. Но что будетъ дѣлать далѣе это молодое поколѣніе, хотя и грамотное, но не приученное рѣшительно ни къ какому труду, никакого ремесла не знающее, видящее въ отцахъ своихъ примѣръ вѣчнаго ничегонедѣланія и вѣчнаго латанія зря по площади,—поколѣніе, возрастающее въ чувствахъ пока еще только пассивнаго, но непримиримаго протеста противъ будто-бы поправія его извѣчныхъ правъ, и убѣжденное, что оно выхлѣбъ съ отцами своими «претерпѣваетъ за правду»,—чѣмъ и какъ оно будетъ существовать впоследствии? Это вопросъ, по всей вѣроятности, весьма грустнаго для него будущаго. Можно думать, что вся эта молодежь, при ея привычкѣ къ бездѣлю, перенимаемой у отцовъ, современемъ будетъ весьма неудобна для края.

Въ Джулекѣ, какъ я сказалъ уже, живутъ нѣсколько семей уральцевъ. Впоследствии ихъ перевели изъ казармъ на слободку, гдѣ казна занимаетъ для нихъ помѣщенія у обывателей. Мы, какъ-то заглянули въ одно изъ такихъ

помѣщеній. Въ комнатѣ оказалось почти полное отсутствіе домовитости. Около печи подвѣшена на жердинѣ зыбка съ груднымъ ребенкомъ, въ переднемъ углу—полка съ древними образами и книгами, въ другомъ углу валился, на глиняномъ полу, вѣсто постелей, подстилочныя конуры, тулупы да подушки; въ третьемъ было свалено въ кучу нѣсколько дынь и тыквъ; на одной изъ стѣнъ висѣло на деревянныхъ колкахъ кое-что изъ носильнаго платья; на шесткѣ стояли горшокъ да миска, и только. И въ этой небольшой комнатѣ ютились ихъ что-то три или четыре семейства.

Чуть пріѣдетъ кто изъ начальства, уральцы непремѣнно являются скопомъ печаловаться на свое дѣйствительно неприглядное положеніе, и наивно просятъ «довести» о нихъ «до самого государя», въ котораго вѣруютъ безгранично, но въ то же время не соглашаются ни на какія льготы и компромиссы, если таковые предлагаются имъ со стороны высшаго начальства, которому въ душѣ своей они, кажется, не соискѣмъ-то довѣряютъ. «Мы-де опасаемся, какъ бы намъ супротивъ нашихъ старыхъ правъ и грамотъ въ какую пѣмѣну не впасть, мы-де подписывать ничего не можемъ, и никакихъ подписокъ на себя не дадимъ, чтобы потомъ въ отвѣтъ не быть. Потому-де это будетъ значить, что мы якобы соглашаемся на новое «Положеніе», а намъ на него согласиться невозможно». И вотъ, словно гвоздь, засѣла у нихъ въ головѣ эта несчастная идея, будто «начальство» хочетъ какъ ни на есть, обманомъ или лестью, подвести ихъ подъ новое «Положеніе», которое для нихъ почему-то кажется хуже чумы. Однимъ словомъ, при этой идее, будучи глубоко увѣрены въ правотѣ своего дѣла, они предпочитаютъ переносить всѣ неудобства и лишения своей ссылки, тѣмъ согласиться на какія-либо льготы, и тѣмъ сами ставятъ высшее начальство крапъ въ невозможность, при всемъ желаніи, облегчить имъ чѣмъ бы то ни было ихъ положеніе.

Въ сущности, большинство высланныхъ уральцевъ вовсе не такъ упорно и фанатично, какъ казалось вначалѣ, и радо-радеохонко было бы возвратиться на Яикъ на тѣхъ льготныхъ условіяхъ, какія еще недавно были имъ дарованы со стороны правительства. Отъ нихъ не требуютъ больше никакихъ подписокъ на принятіе новаго «Положенія» и выдаютъ еще по пятидесяти рублей въ безвозмездное пособіе на дорогу каждому семейству, изъявляющему желаніе возвратиться на родину, съ тѣмъ, чтобы жить тамъ въ условіяхъ, въ какихъ жилось нынѣ войско уральское. Большинство, повторяю, и радо было бы ухватиться за эту льготу—до того уже надоѣло ему въ этомъ бездомномъ изгнаніи; но вся бѣда въ большакахъ: «старика поштенные» мѣшаютъ. Очевидно, тутъ вся препона въ упорствѣ нѣсколькихъ во-

жаковъ, людей, безусловно пользующихся громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ и влияніемъ на остальныхъ выселенцевъ. И дѣйствительно, это люди весьма почтенные, большую частью окуренные пороховымъ дымомъ въ неоднократныхъ бояхъ, крѣдко украшенные георгиевскими крестами, люди строгой нравственности и примѣрнаго благочестія, искусные начетчики и диспутанты. Они-то вотъ и держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ остальныхъ товарищей по изгнанію, и держатъ не чѣмъ инымъ, какъ только силою своего нравственнаго авторитета. «Что старики сказали, то и свято; какъ и что они положили, такъ тому и быть, на томъ и стоять до послѣдняго человѣка, до послѣдняго издыханія».

Чувство взаимности и товарищества необыкновенно сильно развито между уральцами. Выселенцы имѣютъ какими-то своими собственными путями постоянныя сношенія между собою, какія бы разстоянія ни отдѣляли ихъ другъ отъ друга, и все, что дѣлается въ какомъ-нибудь Пянджикентѣ или Нукусѣ, очень хорошо извѣстно товарищамъ по несчастію въ Казалинскѣ и Перовскѣ, и обратно. Словомъ сказать, нравственная связь и общая солидарность развиты между ними весьма сильно, и пока старики не «поволятъ» всѣмъ кругомъ возвратиться на Яикъ на тѣхъ основаніяхъ, что предлагаются имъ правительствомъ, до тѣхъ поръ всѣ льготы, какія имъ ни дѣлай, останутся мертвою буквою. Ну, а старики предпочитаютъ лучше «претерпѣвать», потому что «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ». Такъ ничего съ ними и не подѣлаешь, пока всѣ до одного не перемрутъ помаленьку. А къ тому времени подростетъ уже въ ихъ средѣ тысяча-другая молодежь, ровно ни къ какому порядочному дѣлу неподготовленной, къ труду непривычной, никакихъ уже связей съ Яикомъ не имѣющей, и потому безпощенной, — хотя бы въ силу того, что родилась эта молодежь уже въ Средней Азіи, а Яика и въ глаза не видала. Что ее ожидаетъ и чѣмъ она будетъ? — Повторяю еще разъ: весьма тяжелымъ, а можетъ, и небезопаснымъ бременемъ для края.

Всѣ уральцы, какъ замужнія, такъ и дѣвушки, отличаются безупречною нравственностью и въ этомъ отношеніи представляютъ собою совершенную противоположность молодымъ солдаткамъ, которыя вообще смотрятъ очень легко на супружескія отношенія къ своимъ законнымъ сожителямъ. Но что всего замѣчательнѣе, сами сожители, въ большинствѣ своемъ, нисколько за это на нихъ не въ претензіи, и обѣ стороны, продолжая жить между собою въ полномъ ладу и сердечномъ согласіи, преспокойно и откровенно эксплуатируютъ въ свою пользу эту легкость, имѣя въ виду одну лишь утилитарную цѣль — скопить такимъ путемъ побольше денегъ, чтобы было съ чѣмъ возвра-

титься на родину, или же, въ случаѣ, если рѣшится остаться въ край, то завести кабакъ.

Не знаю какъ гдѣ, но въ здѣшней сторонѣ подобный путь и способъ добычи, равно какъ и подобныя супружескія отношенія нисколько не почитаются въ данной средѣ зазорными и предосудительными. «Она у него молодецъ-баба, вумная, добышливая!» говорятъ обыкновенно про такую жену товарища ея мужа, и говорятъ совсѣмъ не въ осужденіе, а скорѣе даже въ похвалу ей, и развѣ иной острякъ только прибавитъ къ этому съ благодушною ироніею: «Какъ же, молъ, не вумная — затылкомъ господскія наволочки стираетъ», намекая тѣмъ якобы на прачешное дѣло, которымъ по преимуществу, и такъ сказать официально, занимаются туркестанскія солдатки. Въ первое время по прибытіи въ край, онѣ, въ большинствѣ своемъ, обыкновенно поступаютъ въ какія-либо офицерскія или чиновничьи семейства въ качествѣ домашней прислуги, въ которой тамъ семейные люди всегда болѣе или менѣе нуждаются; но не пройдетъ и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ бабенка, чуть-чуть пообгладѣвшись, уже поровитъ бросить при первомъ удобномъ случаѣ свое мѣсто и перейти, какъ онѣ выражаются, «на вольный трудъ», изъ-за того-де, что онѣ «не въ примѣръ прибыльнѣе».

Являются эти солдатки въ край отчасти и на казенный счетъ, вмѣстѣ со своими мужьями-новобранцами, болѣею частью изъ губерній восточной и сѣверо-восточной полосы Россіи, да еще изъ западной Сибири, и правительство, имѣя въ виду цѣли колонизаціи, охотно направляетъ сюда на службу женатыхъ людей, въ томъ предположеніи, что женатый, по отбѣтѣ срока службы, скорѣе останется въ край и приумножитъ собою въ немъ элементъ русской осѣлости. Хотя значительное большинство выслужившихъ сроки возвращается домой, на родину, но все же цѣль колонизаціи до известной степени осуществляется: нѣкоторые дѣйствительно остаются здѣсь навсегда, и при малѣйшей возможности, сейчасъ же стараются приобрести себѣ какой-ни на есть домикъ и обзавестись кое-какимъ домашнимъ хозяйствомъ. Всѣ такъ называемыя «слобожки» въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и другихъ городахъ и фортахъ края создались и продолжаютъ разрастаться, въ значительной части случаевъ, именно этимъ путемъ. Но замѣчательно, что занятія земледѣльческія въ средѣ колонистовъ подобнаго сорта до сихъ поръ являлись не болѣе какъ исключеніемъ, и притомъ весьма рѣдкимъ. Чаще встрѣчаются занятія ремеслами столярнымъ, сапожнымъ и т. п.; большинство же стремится къ болѣе легкому труду изъ числа чисто городскихъ профессій, въ родѣ того чтобы наняться въ извозчики къ содержателямъ биржъ, или въ домашнюю прислугу, въ сторожа, въ разсылные какого-либо присутствен-

наго мѣста, словомъ—куда бы и во что бы то ни было, лишь бы только не вернуться къ землѣ, къ сохѣ пахаря. Все же, что мало-мальски успѣло приковать деньги, и отъ подобныхъ должностей уже отворачивается, а поровнѣ завести себя на «пыльномъ базарѣ» (такъ обыкновенно называются здѣсь русскіе базары въ отличіе отъ сартовскихъ) свою собственную торговлю съ ларя изъ-подъ ятки, или въ разность съ лотка, большею частію какимъ-нибудь перекупочнымъ товаромъ. Но идеаломъ всѣхъ вожацкихъ, стремлений и помысловъ всегда остается одно и то же—«какъ бы, молъ открыть кабакъ или трактирное заведеніе съ разными прелестями»!... И кто успѣваетъ достичь этого завѣтнаго идеала (не считая, разумѣется, жидковъ-цирюльниковъ и капитанармусовъ, которые всегда успѣваютъ), тотъ уже вполне благополучный человекъ и начинаетъ безъ зазрѣнія совѣсти опивать и сартовъ, и русскихъ, обшачиваетъ и обираетъ ихъ съ ищюю, принимаетъ, перекупаетъ и перепродаетъ краденныя вещи, быстро наживаетъ, богатѣетъ, иногда покупаетъ или самъ строитъ дома «подъ благородныхъ», иногда записывается въ купцы, словомъ—дальнѣйшая жизненная карьера такого счастливца уже обезпечена. Не каждый, конечно, кабатчикъ этого достигаетъ, но каждый къ этому стремится. И вотъ тутъ-то «женинъ капиталъ», нажитый ея «вольнымъ трудомъ», является при началѣ дѣла самымъ существеннымъ подспорьемъ. Ради этого онъ и наживался.

Выносятъ-ли эти супружескія четы такой утилитарный взглядъ на свои брачныя отношенія изъ мѣстъ своей родины, или приобрѣтаютъ его уже въ Туркестанскомъ краѣ, во всякомъ случаѣ, явленіе это далеко не изъ числа здоровыхъ и говорящихъ въ пользу нравственности нынѣшняго простонародья, если и не всего огуломъ, то, по крайней мѣрѣ, той его части, изъ которой выходятъ подобныя супружескія пары. То, что я пишу, конечно, совсѣмъ не подходитъ къ сентиментальнымъ взглядамъ на «народъ» многихъ изъ нашихъ журнальных и столичныхъ народолюбцевъ, но что же дѣлать!—Я пишу только, что есть, что видѣлъ собственными глазами, и считаю, что съ моей стороны было бы большимъ фарисействомъ сглаживать или замалчивать такое неприглядное явленіе.

Не знаю, что выйдетъ современемъ изъ дѣтей такихъ колонизаторовъ, и вообще, какую пользу принесутъ для русской колонизаціи крайнихъ будущія поколѣнія; но въ настоящемъ, признаюсь, я мало вижу проку въ подобныхъ поселенцахъ. М. Г. Черняевъ, за короткое время своего начальствованія въ краѣ, учредилъ въ семи верстахъ отъ Ташкента Михайловскій поселокъ, разбитый что-то, кажется, на триста или около того подворныхъ и зѣ-

мельныхъ участковъ, въ настоящее время уже хорошо орошенныхъ. Цѣль этого учрежденія состоятъ въ томъ, чтобы русскими туркестанскими ветеранами и вообще нижнимъ чинамъ, изъявляющимъ готовность остаться въ краѣ, дать возможность заняться земледѣліемъ, какъ единственно надежнымъ и солиднымъ трудомъ для цѣлей прочной и плодотворно производительной русской осѣдлости въ краѣ. Разумѣется, дай Богъ, чтобы это дѣло пошло успѣшно, т. е., чтобы получившіе землю дѣйствительно ее обрабатывали сами, а не сдавали въ аренду сартамъ. Но я, грѣшный человекъ, весьма сомнѣваюсь, станетъ-ли большинство изъ нихъ ее обрабатывать (это мой личный взглядъ конечно), потому что не только въ отдаленномъ Туркестанскомъ краѣ, но и внутри коренной, искони земледѣльческой Россіи мы, къ сожалѣнію, давно уже замѣчаемъ такой печальный фактъ, что большинство сельчанъ, взятыхъ въ ряды войскъ отъ сохи, по окончаніи короткаго срока службы, къ сохѣ уже не возвращается, а одѣвается въ «синякъ» и ищетъ себѣ средствъ къ жизни въ чисто городскихъ, какъ наиболѣе легкихъ, занятіяхъ и службахъ, т. е. изъ крестьянина-земледѣльца обращается въ городского, желѣзнодорожнаго, заводскаго или фабричнаго работника-пролетарія.

Что же до самоторговли въ средѣ солдатскихъ женокъ, то она началась въ Туркестанскомъ краѣ уже давно, почти тотчасъ же вслѣдъ за его покореніемъ. Мусульманскія женщины въ то время были еще недоступны, а своихъ очень мало, и потому явилось широкое поле для соблазна и искушенія этихъ послѣднихъ. Многія изъ нихъ въ тѣ времена быстро разжигались, богатѣли, приобрѣтали себѣ въ собственность дома, сады, торговныя и питьевныя заведенія, иныя прямо высказывали «въ барыни»... Соблазны, повторяю, были велики и примѣры заразителны, въ особенности въ виду столь «почтеннаго» положенія и матеріальнаго благосостоянія, приобретенныхъ легкимъ путемъ самоторговли. Какъ завелось это тогда, такъ съ тѣхъ поръ, — должно быть, въ силу преданія и такъ сказать преемственно, — продолжается и до сего дня. И хотя, конечно, бѣшеныхъ денегъ теперь на такой предметъ уже никто не бросаетъ, тѣмъ не менѣе, промыселъ еще доставляетъ свои выгоды и успѣлъ уже глубоко въѣсться въ нравы этого слоя женщинъ, перейти въ разрядъ явленій какъ бы совершенно нормальныхъ, освѣщенныхъ давностью и обычаемъ и потому невозмущающихъ даже тѣхъ, до кого оно, казалось бы, непосредственно касается самымъ жгучимъ образомъ. Въ Ташкентѣ есть и теперь еще солдатки, которыя постоянно щеголяютъ въ шелкахъ и атласахъ и считаютъ свои сбереженія тысячами. Въ Джулекѣ, конечно, «тысячницъ» нѣтъ, да и самихъ солдатокъ не-

много; но источники напью, равно какъ и конечные идеалы и вожделья этихъ домо-строительницъ остаются и здѣсь все тѣ же, что и въ большихъ городахъ края, только здѣсь, по мѣстнымъ условіямъ, все это достигается медленнѣе и въ разнѣрахъ несравненно болѣе мелкихъ, чѣмъ въ Ташкентѣ.

Въ средѣ же уралокъ, какъ уже сказано, подобныхъ явленій не существуетъ,—по крайней мѣрѣ, я таковыхъ не знаю да и не слыхалъ ни отъ кого, чтобы они были. А между тѣмъ, среди нихъ нѣрѣдко встрѣчаются истинныя красавицы—рослыя, стройныя и сильныя, что называется, кровь съ молокомъ, бѣлозубыя и сложенные, какъ античныя статуи. Вообще, уралыцы, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ особяхъ, представляютъ собою замѣчательно хорошо сохранившуюся, замѣчательно цѣльную породу русскихъ людей, безъ всякихъ золотушныхъ и худосочныхъ примѣсей. Почему это такъ? Почему въ лицѣ ихъ мы видимъ такой разительный примѣръ и физическаго, и нравственнаго здоровья? Я думаю, потому, во-первыхъ, что у нихъ чрезвычайно крѣпко семейное начало въ его патриархальномъ устройствѣ и значеніи. «Новыя вѣянія» и «духъ времени» не успѣли еще расшатать его. Во-вторыхъ, всѣ они пока еще «твердо привержены» къ своей «старой вѣрѣ» и знаютъ ея основанія, а потому и нравственность поддерживается въ нихъ сознательно—«страха Божія ради». Въ-третьихъ, они совсѣмъ незнакомы ни съ растѣвающимъ жизнью большихъ городовъ, ни съ фабричнымъ нездоровымъ бытомъ, и наконецъ, въ ихъ области никогда не ставили постоянно «россійскія», какъ называютъ они наши регулярныя войска, тоже, какъ извѣстно, не мало вліяшія въ свое время на нравы женщинъ хотя бы въ нѣкоторыхъ станицахъ кавказскихъ линейцевъ, не говоря уже о прочихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи.

Команда джукская состоитъ что-то изъ восьмидесяти, или около того, нижнихъ чиновъ и подчинена непосредственно коменданту форта, который несетъ и обязанности мѣстнаго воинскаго начальника. Служебныя же обязанности нижнихъ чиновъ, кромѣ караула и казенныхъ работъ по форту, заключаются еще въ конвоированіи казенныхъ тяжестей и арестантовъ, съ одной стороны, до Перовска, съ другой—до Туркестана.

Сюда, какъ уже сказано, направляются на службу поновбранцы изъ восточной и сѣверо-восточной полосы Европейской Россіи и изъ Западной Сибири, а отчасти и уроженцы Приволжскаго края. Между послѣдними встрѣчаются почти исключительно жители городовъ, мѣшане, и преимущественно изъ ремесленнаго класса, благодаря чему въ Джукѣ, между прочимъ, по нуждѣ можно и платье, и сапоги

себѣ сшить, и столярныя подѣлки въ домѣ справить, а иногда и книгу даже переписать. Никакого особеннаго «духа» въ нихъ тутъ не замѣчается. Напротивъ, послѣ первыхъ же двухъ, и даже менѣе, лѣтъ службы и жизни среди русскихъ людей, они прекрасно, «съ наслуху», выучиваются русскому языку, говорить на немъ бойко, безъ запинки, почти даже безъ малѣйшаго акцента, который впоследствии и вовсе у нихъ пропадаетъ, поютъ русскія пѣсни, добровольно, за нѣмнѣйшемъ востела, ходитъ къ богослуженію въ православную церковь, изучаются въ большинствѣ своемъ и русской грамотѣ и читаютъ русскія книжки, а иной, который поспособнѣе, глядишь—въ канцеляріи, въ качествѣ писаря, и русскія бумаги пребойко строчить. Словомъ сказать, глядя на такого солдатика, вамъ, пока его не спросите, и въ голову не придетъ, что это такой-нибудь Томашекъ Дылевскій «зъ Велюно» (Калининской губерніи), а не Ома Дылевъ изъ подъ Вельска (Вологодской губерніи). Въ этомъ отношеніи простая, добрая солдатская среда гораздо усиливаетъ вслѣдствіе теоретическихъ «мѣропріятій» приводитъ всевозможныхъ нородцевъ—и восточныхъ и западныхъ—къ одному русскому знаменателю.

Живутъ здѣсь люди въ сырцовыхъ казармахъ съ кирпичными полами, и хотя зимнія стужи бываютъ иногда очень жестоки, но дѣло кое-какъ обходится безъ зимнихъ рамъ, потому что «положенія» тутъ на этотъ предметъ не существуетъ. Казармы строены одновременно съ самимъ фортомъ въ 1861 году, и потому давно уже требуютъ капитальнаго ремонта; но на ту скромную сумму, какая вообще отпускается ежегодно на ремонтъ казенныхъ зданій въ фортахъ и крѣпостяхъ здѣшняго края, ихъ возможно только подмазывать да подчищать, а не исправлять какъ слѣдуетъ. На лѣтніе мѣсяцы людей выводятъ изъ форта въ лагерные бараки, тутъ же по соседству, на берегу рѣки, а казармы тѣмъ временемъ провѣтриваются, просушиваются и подбѣливаются.

Обыденная солдатская жизнь, по мѣстнымъ условіямъ, конечно, очень монотонна и разнообразится лишь по утрамъ строевыми учениями,—если только это можно назвать разнообразіемъ. Прибытіе въ фортъ какого-нибудь инспектирующаго лица или проѣздъ главнаго начальника края, разумѣется, составляетъ въ этой жизни уже цѣлое событіе, своего рода эпоху, такъ-что даже въ воспоминаніяхъ людей, если нужно опредѣлить, когда именно произошелъ тотъ или другой мелкій, но почему-либо памятный случай въ ихъ быту, то это обыкновенно опредѣляется не годомъ и мѣсяцемъ, а временемъ до или послѣ такого-то проѣзда.

Но все же нельзя уже такъ, безъ всякихъ развлеченій, и вотъ, въ качествѣ таковыхъ

служать поѣздки на ту сторону Сыръ-Дарьи, въ лѣсъ за дровами, уходъ за огородами и садомъ, иногда охота на фазановъ, иногда, по вечерамъ, до «зари» — хорошая пѣсня и пляска въ «кругу» пѣсенниковъ, подъ аккомпанементъ гармоника и скрипичи, совершившихъ сюда отдаленное путешествіе вмѣстѣ со своими артистами-хозяевами изъ какихъ-нибудь странъ пермскихъ или подляскихъ. А на Рождествѣ и на масляной команда устраиваетъ у себя въ казармахъ домашній театръ, на которомъ солдаты-любители разыгрываютъ: «Непокорнаго сына Адольфа» или «Жареный гвоздь», причемъ сами мастерятъ себѣ костюмы, парики и бороды, фольговыл короны, орденъ и эполеты, сами малюютъ занавѣсъ и декораціи и сами же исполняютъ всѣ роли, не исключая и женскихъ.

Иногда, вмѣсто спектакля, бываетъ на праздникахъ и «балъ», гдѣ подъ звуки все той же скрипичи и гармоника солдаты, обнявшись другъ съ другомъ и сохраняя самое серьезное, даже строгое выраженіе фізіономій, отплясываютъ съ «притоптомъ» сначала все «валець» да «ая-польку», очевидно занесенные сюда съ береговъ Варты и Вислы, пока душа не запроситъ наконецъ русскаго «казачка» на распанку, съ вывертомъ и трепакомъ въ-при-сядку. Пляшутъ обыкновенно немногіе, кто умѣетъ или кто половчѣе, а остальные стоятъ сурьбою и чинно любятъ. Дамы же, въ качествѣ которыхъ присутствуютъ здѣсь солдатскія женки, участія въ танцахъ не принимаютъ, а только жеманно подобравъ губы, сидятъ себѣ у накрытаго стола, со сложными носовыми платочками въ рукахъ, и вяло какъ бы нѣхотя, угощаются исподоволь чайкомъ, кшмишемъ и фишашками, и развѣ уже въ самомъ разгарѣ бала, хвативши «для форсу» рюмку-другую «сладкой водки», не вытерпятъ лаями молодца и, сдавшись на упрямиванія и понуканія прителѣй, промашають съ кавалеромъ «русскую» или «казачка», манерно помахивая ему своимъ бѣлымъ платочкомъ. На эти балы приходитъ посидѣть на полчаса и начальство съ семействомъ, и прочіе «господа», причемъ уже фельдфебель и ундера непременно требуютъ отъ бабъ, чтобы тѣ плясали, начальство потѣшило бы. И бабы — нечего дѣлать — застычиво ухмыляясь въ руку и долго переговариваясь между собою шопотомъ, наконецъ начинаютъ плясать, но по уходѣ начальства тотчасъ же снова принимаютъ манерничать за столомъ и грызть фишашки. Таково уже у нихъ, вѣроятно, требованіе хорошаго тона.

Въ высокаторжественные дни, по вечерамъ, зажигается въ форту иллюминація. Между деревьями, на протянутыхъ веревочкахъ, подвѣшиваются рядами самодѣльные фонарики изъ разноцвѣтной промасленной бумаги; не-

редъ комендантскимъ крыльцомъ горитъ транспарантъ съ двойнымъ вензелемъ государя и государыни; на валахъ пылаютъ плашки, наполненные бараньимъ саломъ, а въ форты, на площади, трещатъ нѣсколько яркихъ костровъ, сложенныхъ изъ саксаула и колючки, и далеко, на всю окрестность раздаются хоровыя русскія пѣсни. Это уже формальное гулянье для всего мѣстнаго населенія, и полюбоваться на него съѣзжаются верхами даже киргизы со своими женами и ребятишками изъ соседнихъ кочевъ.

Есть при командѣ и своя маленькая школа, и своя библиотечка; но все-таки выслужить весь срокъ службы въ такомъ отчужденномъ отъ всего міра захолустьи должно быть крайне тяжело, и не даромъ мѣстная солдатская поговорка гласитъ, что отсель «самъ чортъ убѣгъ», а убѣгъ-то онъ, надо полагать, не отъ чего иного, какъ только отъ непроходимой скуки. Поэтому, хорошо бы было, если бы могло осуществиться недавнее предположеніе бывшаго туркестанскаго высшаго начальства объ уничтоженіи въ краѣ мѣстныхъ командъ, съ тѣмъ, чтобы сформировать изъ нихъ нѣсколько линейныхъ батальоновъ со штабъ-квартирами въ городахъ, какъ Казанскъ и Перовскъ, и чтобы эти батальоны періодически, черезъ каждые три или четыре мѣсяца, высылали отъ себя команды въ степныя форты своего района, для несенія гарнизонной и конвоирной службы, послѣ чего, по отбытіи своего срока, команды эти возвращались бы въ штабъ-квартиру своего батальона до новой очереди. При такомъ порядкѣ и дисциплинарный, и инспекторскій надзоръ за частями были бы дѣйствительные, и служба и строгое обученіе шли бы успѣшнѣе, ровнѣе, единообразнѣе, подъ направляющимъ руководствомъ батальонныхъ командировъ, и сами батальоны эти, на случай надобности, представляли бы собою подвижную и дѣйствительную, а не номинальную только боевую силу, да и люди, наконецъ, все же хотя освѣжались бы нравственно какою-нибудь переменой, какимъ нибудь разнообразіемъ въ своемъ быту, — а то выжить подъ-рядъ шесть лучшихъ лѣтъ жизни въ какомъ нибудь Джулекѣ или Карамакчахъ, при такихъ условіяхъ климата и мѣстности, это выходитъ нѣчто въ родѣ незаслуженной ссылки.

Теперь посмотримъ, какъ живетъ и что подвѣываетъ здѣшняя интеллигенція, или, попросту сказать, мѣстное начальство.

Есть тутъ начальство и военное (это само собою разумѣется), есть и статское; но и того и другого, что называется, разъ, два да и обчелся. Начальство это, во-первыхъ — комендантъ, во-вторыхъ — плацъ-адъютантъ; затѣмъ — смотритель интендантскаго продовольственнаго магазина, ставціонный смотритель

въ чинѣ XIV класса, онъ же и мѣстный почти-директоръ, начальникъ телеграфной станции и его помощникъ, и наконецъ, іеромонахъ, присланный сюда, для отправленія богослужебныхъ требъ, не то изъ Коневца, не то съ Балаама. Вотъ и все. Но ничего, живутъ же себѣ люди, и на вопросъ: «Скучно вамъ тутъ поди-ка?»—отвѣчаютъ: «Нѣтъ, даже и не скучно,—привыкли!» Такимъ образомъ, оказывается, что пообтерпѣвшись, можно привыкнуть и къ самой скукѣ, въ нѣкоторомъ родѣ полюбить ее. И вотъ, живутъ здѣсь эти скромные люди, какъ бы на одинокомъ маленькомъ островкѣ, брошенномъ среди пустынного океана, живутъ, и по праздникамъ, на Новый годъ и на Пасху, даже «визитируютъ» другъ друга, ходятъ одинъ къ другому и «на именнинный пирожекъ», и «на вечернюю пульку», словомъ — все какъ слѣдуетъ, по общероссійски, какъ и быть тому надлежитъ. А случалось, какъ сказывалъ мнѣ комендантъ, что въ маленькомъ Джулекѣ даже и прѣстоліе романы разыгрывались, съ завязкою и развязкою, съ искушеніемъ и замыслами на побѣгу, съ женскимъ вопросомъ и свободою чувствъ, съ клятвами мщенія сопернику и обоюдными жалобами начальству, но къ счастью, перипетіи романической драмы обыкновенно заканчивались не трагедіею, а выпивкою.

— Ну, что вы здѣсь обыкновенно подѣлываете?—спросилъ я какъ-то плацъ-адъютанта, добрейшаго изъ добрейшихъ въ мірѣ подпоручиковъ, который въ семъ благополучномъ чинѣ дослуживаетъ чуть-ли не тридцать пятый годъ своей безпорочной службѣ.

— Да вотъ, живемъ, какъ видите,—отвѣчалъ онъ съ благодушною усмѣшкою.—Утромъ ученье, затѣмъ съ комендантомъ форть обойдешь, казармы тоже, посмотрѣть все-ли въ порядкѣ; потомъ — въ канцелярію; почту тамъ распечатываешь, коли придетъ, бумажки кое-какія текуція просмотрѣшь да подмахнешь. Ну, затѣмъ, съ докладомъ къ коменданту, а послѣ доклада, часамъ эдакъ къ десяти утра, я свободенъ! Можно, вкратчѣ, и подзакусить, чайку напиться, отдохнуть маленько...

— Прекрасно; но это все кончается въ десять часовъ утра, а остальное время что же?

— Ну, вотъ, проснешься, газеты считаешь. Видь мы здѣсь, какъ вы полагаете, — прибавилъ онъ вдругъ не безъ нѣкоторой даже похвальбы, — мы здѣсь газеты-то получаемъ чуть не на цѣлую недѣлю раньше, чѣмъ у насъ тамъ, въ Ташкентѣ! На цѣлую недѣлю ближе васъ къ Петербургу живемъ, шутка-ли!

— О, да,—согласился я,—это безспорное преимущество Джулека.

— Безспорное. Еще бы!—подтвердилъ мой милѣйшій подпоручикъ.—Но иногда бываетъ

и такъ, что запаздываетъ на нѣсколько дней почта, такъ тутъ уже всё-то газеты эти старыя не то что перечитаешь, а просто пережущешь, и все-таки времени еще вдосталь остается!

— Вотъ это-то и любопытно, какъ у васъ тутъ распоряжаются именно съ этими достальными временами?

— Ну, какъ вамъ сказать... Конечно, разное тамъ бываетъ. Про себя скажу, къ приѣзду: погулять сходишь, что-ли, коли не очень ужъ жарко; зайдешь въ учебную команду, въ пивальню, въ цейхгаузъ, на огородъ—мало-ли тамъ куда!.. Къ батюшкѣ тоже когда въ гости завернешь, потолковать насчетъ божественнаго, а нѣтъ, на почтовую станцію, на телеграфъ—проѣдаться, нѣтъ-ли новостей какихъ мимохожихъ; случаются вѣдь тоже тамъ и проходныя новости, отъ проѣзжающихъ, или черезъ дѣлечи. А нѣтъ, сидишь себѣ дома да коробочки клеишь.

— Какъ коробочки? Какія это? — полюбопытствовалъ я.

— Да разныя тамъ: и большія, и среднія, и малюсенькія, всякія. Надо же чѣмъ-нибудь заниматся. Старой-то газетной бумаги остается много, ну, вотъ и склеиваешь листы, понадѣлаешь изъ нихъ картону, а изъ картону коробочки, и кругленькія, и многогранныя, и четырехъ-угольныя обыкновенныя, и въ родѣ какъ звѣздочки... Очень милыя у меня по этой части вещицы иногда выходятъ.

— И что же вы съ ними потомъ дѣлаете?

— А вотъ, которыя у себя оставляешь, которыя знакомымъ даришь, а которыя дѣткамъ, всякимъ дѣткамъ, и своимъ, и чужимъ. Вѣдь имъ, малюткамъ-то, куда какъ занятно это!

— А вы женаты?—спросилъ я.

— Былъ женатъ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ. — Теперь вдовецъ, и двое малыхъ ребятъ на рукахъ осталось. Вотъ, воспитывать, потомъ учить надо, а средства-то наши сами изволите знать, какія!.. Тяжело безъ жены-то, безъ хозяйки-то въ домѣ... Теперь у меня одинъ денщикъ. Онъ и нянька, онъ и кухарка, и прачка, и все какъ есть, все въ одномъ своемъ лицѣ совмѣщаетъ. Спасибо, хоть человекъ-то хорошій попался, дѣтокъ любить, — ну, и дѣтки его тоже. Самъ щи варить, а самъ менишенъкую-то мою на рукахъ нянчить... Женская прислуга-то несподручна тутъ, потому всякая солдатка больше все насчетъ «вольнаго труда» поровнять; ну, а жалованья большаго дать не могу, не изъ чего... Такъ вотъ и перебиваешься. Мнѣ бы вотъ только одно, — какъ-то нерѣшительно прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумчиваго молчанія, видимо борясь между желаніемъ сказать и сомнѣніемъ говорить-ли, не говорить-ли мнѣ,—одно бы только... Изволите-ли видѣть...

— То-есть что именно? Говорите пожалуйста,—ободрил я его тономъ участія.

— Да вотъ, увѣренность бы, что меня нѣкуда отсюда не тронуть... съ этого мѣста, то-есть... Дослужить бы здѣсь до пенсіи, а то хотя бы и до самой смерти... Я очень радъ бы былъ, очень радъ бы...

— Но кто же васъ тронетъ, да и зачѣмъ?

— Ахъ, нѣтъ, не скажите! Многимъ бы лестно сюда, на мое мѣсто.

— Что же тутъ лестнаго?—удивился я.—Производство, что называется, каторжное: чуть не по пятнадцати лѣтъ, а то и больше въ одномъ чинѣ сидятъ на этихъ мѣстахъ-то; жалованье ничтожное, доходовъ никакихъ, выгодъ тоже ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ, и при всемъ этомъ прозябать еще въ глуши, въ трущобѣ, откуда, какъ говорится, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь,—кому тутъ можетъ быть лестно?!

— Нѣтъ, не скажите, не скажите такъ!—скромно возражалъ мнѣ подпоручикъ.—Многимъ бы лестно, ей-Богу-съ! Это ужъ я вамъ вѣрно говорю: многимъ-съ! Потому, сами изволите сообразить: первое дѣло—должность; какая ни есть, а все же опредѣленная штатная должность. Второе дѣло, вы говорите—глушь. Прекрасно-съ. И я говорю—глушь. Но это-то и имѣетъ свою цѣну: въ глуши-то и потребности вѣдь маленькія, крохотныя; въ глуши тянуться сверхъ мѣры за другими нѣтъ надобности, какъ въ большихъ городахъ, въ Ташкентѣ тамъ, что-ли, или въ Самаркандѣ, да я не за кѣмъ тянуться-то. Стало-быть, въ глуши легче, чѣмъ тамъ, по одеждѣ протягивать ножки; можно, значитъ, отказывая себѣ кое въ чемъ, не только жить, существовать на свое жалованье, но даже изъ этого самаго жалованья и откладывать по вѣсколку рублишекъ въ годъ про запасъ, на черный день прикапывать, — все это очень и очень важно-съ. Вотъ почему я и говорю, что мнѣ бы только увѣренность, что меня не тронутъ, дожить дадутъ-съ... Вотъ-съ, изволите-ли видѣть... вотъ оно что!

— Но почему же вы думаете, что васъ «тронутъ»!

— Ахъ,—грустно вздохнулъ онъ,—извѣстіе я получилъ такое отъ одного пріятели изъ Ташкента, что будто бы предполагается на мое мѣсто назначить поручика одного, семейнаго тоже, а меня перевести въ строй, въ одинъ изъ самаркандскихъ батальоновъ. Въ строй-съ!—прибавилъ онъ съ горестію.—Ужъ не говорю о томъ, что мнѣ, человѣку преклонныхъ лѣтъ, человѣку уже—слава тѣ, Господи—послужившему не мало, придется становиться въ строй, какъ субатерну, и маршировать подъ командою у какого-нибудь, можетъ быть, мальчишки-съ, у ротнаго командпра, который

мнѣ не то-что въ сыновья, а можетъ и во внуки годился бы. Ужъ не говорю про это! Но вы подумайте, каково это мнѣ съ двумя маленькими дѣтьми на рукахъ плестись въ Самаркандъ, почти за восемьсотъ верстъ; здѣсь—распродавать все зря, за что ни придется; тамъ—обзаводиться снова... На какія все это средства-съ!.. Вотъ что тягостно-съ!.. Вспомоществованія-то вѣдь не дадутъ никакого,—это ужъ не прежнія времена! Только ординарными прогонами на пару почтовыхъ рассчитаютъ, и все-съ; а тамъ вѣдь требованія тоже, чтобы не хуже другихъ быть и въ одеждѣ, и въ обстановкѣ-съ, и во всемъ. Тамъ ужъ эдакого скрутишки, какъ здѣсь я заурядъ себѣ дома пошу, не надѣнешь, нѣтъ-съ!.. А вычеты тамъ разные: на торжественные обѣды, на проводы и встрѣчи, на батальонные праздники, на альбомы любимому, начальству, на клубъ, на бібліотеку, да и мало-ли тамъ на что еще! Все это вѣдь изъ твоего крохотнаго жалованья вычитаютъ, а лишнихъ денегъ на это казна вѣдь не отпускаетъ никакихъ. А между тѣмъ, все это съ тебя требуется, и никому нѣтъ дѣла до того, что у тебя дома-то, можетъ быть, ребятки голодные да холодные сидятъ. Вотъ, какъ подумаешь обо всемъ этомъ, такъ и страхъ разбравъ ѣхать-то... Нѣтъ, я вамъ скажу, положеніе маленькаго человѣка, нужду его кровную въ нынѣшнее время ни въ какое вниманіе не принимаютъ, — вольнодумно добавлялъ онъ мнѣ выразительнымъ попуткомъ, какъ бы по секрету.—А мнѣ пустяки и дослужить-то до пенсіи остается... Дали бы дослужить-то!..

И онъ въ грустномъ раздумьи только рукою махнулъ съ какимъ-то безнадежнымъ выраженіемъ во взорѣ.

Но, въ сущности, подъ всѣми этими сѣтованіями крылись не столько опасенія строя и самаркандской жизни съ ея будто бы тяжелыми требованіями, сколько сердечная неохота и боязнь разстаться съ тихимъ насиченнымъ мѣстечкомъ въ этомъ степномъ гнѣздѣ, къ которому онъ такъ уже привыкъ, такъ сжилась съ нимъ, что вѣкъ его даже и представить себя самому себѣ не можетъ. Говорятъ, что люди свыкаются даже и съ неволюю, а это все же гораздо мудренѣе, чѣмъ свыкнуться со скучнымъ, но все же, по своему, уютливымъ Джулекомъ.

Привычка, дѣйствительно, великое дѣло. Есть, напримѣръ, въ Перовскѣ очень почтенный, всѣми уважаемый судья Г., который, еще со времени генералъ-адъютанта Перовскаго и чуть-ли не прямо со школьной скамьи получивъ назначеніе на службу въ Киргизскую степь, такъ съ тѣхъ поръ въ степи и остался, изжилъ въ ней всю жизнь, и теперь, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, совершенно искренно находитъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше съ ли и

города Перовска, и мнѣ кажется, что какое ни дай ему теперь повышеніе по службѣ, но скажи, что для этого надо разстаться съ Перовскомъ, едва-ли бы онъ не захирѣлъ съ то-ски отъ одного только представленія себѣ столь выгодной служебной перспективы. А это еще человѣкъ холостой, одинокій. На сколько же долженъ основываться съ привычкою къ мѣ-сту человѣкъ, окруженный своимъ семействомъ, которое все вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ и рождалось, и подрастало, и выросло нако-нецъ—

Словно роща молодая
Вкругъ дремлющихъ дубовъ.

Точно такъ же и почтенный комендантъ Джулека, майоръ С. М. Галашевскій. Кому на стени не извѣстно это имя! И кто изъ проѣз-жающихъ между Ташкентомъ и Оренбургомъ не пользовался радушиемъ гостепріимствомъ хлѣбосольнаго коменданта!..

Вся степь его знаетъ. И если трудно пред-ставить себѣ Перовскъ безъ судьи Г., то на столько же невозможно вообразить и Джулекъ безъ майора Галашевскаго. Старый заслужен-ный офицеръ оренбургскаго казачьяго войска, онъ съ давнихъ уже поръ искрестилъ въ раз-ныхъ направленіяхъ чуть не всю степь со своею сотнею. И въ какихъ только степныхъ фортахъ не ставилъ онъ съ этою сотнею за долгіе годы своей службы, гдѣ только не пе-ребывалъ, какихъ только походовъ степныхъ не ломалъ и въ какихъ экспедиціяхъ не уча-ствовалъ, прежде чѣмъ довелось ему, по волѣ судьбы, или вѣрнѣе сказать—начальства, успо-коиться, наконецъ, отъ своей подвижной трудовой жизни на должности джулекскаго ко-менданта. Но онъ и тутъ подвиженъ, онъ и тутъ все трудится и копошится по мѣрѣ сво-ихъ силъ и служебной надобности. Такъ вотъ и видишь съ утра, какъ этотъ плотный румя-ный старикъ, съ бѣлою какъ серебро и ок-ладистого-длинною, какъ у патріарха, бородою, съ благодушною улыбкою на лицѣ и съ суко-ватою тростью въ рукѣ, ковыляетъ-себѣ ско-рою, бодрящею походкою съ перевальцемъ по всѣмъ подвиdomымъ ему мѣстамъ и «вер-камъ», и во все вникаетъ, на все приглядыва-етъ зоркимъ, заботливымъ глазомъ отвѣт-ственнаго хозяина: тамъ прикрикнетъ, здѣсь поощритъ ласковымъ словомъ, тѣхъ поучитъ, этимъ растолкуетъ или покажетъ собственнымъ примѣромъ какъ и что слѣдуетъ сдѣлать, и все это просто, благодушно, толково, безъ суетли-вости. И вотъ, человѣкъ доволенъ и счастливъ, кончая такъ, въ стеной глуши, свой тридца-типятнадцатый «терминъ», — и какъ немного, по-думаешь, нужно для иного человеческого счастья!.. Всѣ уже привыкли къ нему, хорошо знаютъ его, и онъ ко всѣмъ привыкъ и тоже всѣхъ хорошо знаетъ. Поэтому, споръ-ли какой-нибудь

изъ-за курицы тамъ, изъ-за ведерка и тому по-добнаго выйдетъ между обывателями, къ нему идутъ и «жалится» и разбираться; сосѣдніе-ли кочевники не поладятъ изъ-за чего-нибудь между собою, такъ и тѣ не столько къ своимъ бѣямъ, сколько опять къ нему же ѣдутъ—по-тому что бѣй далеко, а этотъ подъ бокомъ, и сейчасъ съ поклономъ. «Разсуди, дескать, по совѣсти; мы тебѣ вѣримъ»,—ну и разсудитъ, хотя ни то, ни другое вовсе не входитъ въ кругъ его служебныхъ обязанностей. Точно также заболѣетъ-ли кто на свободѣ, за по-мощью и совѣтомъ ѣдутъ не къ фельдшеру въ лазаретную аптеку, а прежде всего въ ко-мендантское семейство. «Такъ и такъ, моля, ивите божескую милость, полечите, посовѣтуй-те!» Родится-ли кто—сейчасъ коменданта въ крестные, вѣнчаться-ли кому—его же, конечно, и въ посаженные. Горе-ли, радость-ли ка-кая случится у солдата, по письму, получен-ному отъ «сродственниковъ» изъ родной де-ревни, и нуженъ-ли ему какой-либо совѣтъ по этому поводу, солдатъ, гляди, непременно за-вернетъ на комендантскую кухню и попроситъ доложить о себѣ «господамъ», чтобы раска-зать имъ свое дѣло и посовѣтоваться. Такъ-то, помимо официальныхъ отношеній, въ на-шихъ степныхъ отчужденныхъ отъ міра гнѣз-дахъ, исконно вѣковъ слагались, слагаются, да безъ сомнѣнія и впредь слагаться будутъ, пока гнѣзда не превратятся въ города, отно-шенія простые, добросердечныя и полныя вза-имнаго довѣрія, если только начальникъ не звѣрь или не сухарь безсердечный. Вообще, весь бытъ такого степного гнѣзда, во многомъ еще исполненный старосвѣтской, нерѣдко на-пытой, а нерѣдко и умилительной пагріархаль-ности, даже и доселѣ очень еще напоминаетъ бытъ степныхъ крѣпостей старой оренбургской линіи, какъ описалъ его Пушкинъ въ «Капи-танской дочкѣ». Отношенія эти устанавливаются какъ-то исподоволь, сами собою и сами по себѣ, помимо официальной стороны дѣла, и кажется, что ихъ только и можно встрѣтить въ русской служилой средѣ, для которой сухой педантич-ный формализмъ, какъ прежнихъ, такъ и но-вѣйшихъ формаций, всегда былъ и останется непривычнымъ, чуждымъ растеніемъ, какъ тамъ ни заботься объ его искусственной пересадкѣ съ нѣмецкой почвы на русскую. Въ русскомъ военномъ быту отношенія эти всегда и проще, и сердечнѣе.

Комендантская квартира, по своему устрой-ству, мало чѣмъ отличается отъ жилыхъ по-мѣщеній команды, развѣ только, что комнаты въ ней будутъ поменьше да поуютнѣе; но въ нихъ такіе же какъ и тамъ кирпичные по-лы, такіа же маленькія окна безъ зимнихъ ра-мъ, такіе же косые потолки, и даже не по-толки собственно, а прямо двускатная камы-шевая кровля, лежащая на стропильныхъ лѣ-

синахъ и обмазанная изнутри штукатуркою. Въ приемной комнатѣ, которая въ одно и то же время служитъ и «заломъ», и гостиной, и столовою, на выбѣленныхъ стѣнахъ висятъ въ домодѣльныхъ рамкахъ портреты государя и государыни изъ какого-то иллюстрированного изданія и нѣсколько олеографическихъ премій «Нивы», да нѣсколько фотографическихъ карточекъ родственниковъ. Обстановка комнаты самая скромная—да и откуда бы взять здѣсь янью! Мебель старая и тоже, какъ и домодѣльная, на окнахъ кисейный занавѣски, на столахъ лошечья ярославскія или вязанья салфетки; но все это въ чистотѣ, въ порядкѣ, и только азиатскій коверъ, разостланный на полу передъ диваномъ, представляетъ собою единственный предметъ роскоши.

Но что за радушные люди живутъ подъ этою скромною кровлею!.. Майоръ большой хлѣбосоль. Есть у него въ Джулекѣ единственный полицейскій чинъ—неспособный къ строю солдатъ изъ еврейчиковъ, который бродитъ себѣ по слободкѣ со старымъ желѣзнымъ шомполомъ въ рукѣ, загнутымъ на верхнемъ концѣ въ кольцо, въ видѣ таможенного шупа. Этотъ шомполъ, надо полагать, изображаетъ эмблему полицейской власти. Не знаю, насколько сложны и многотрудны собственно полицейскія обязанности этого чина, но чуть ли не самая главная изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы не прозѣвать проѣзжающихъ. Поэтому чинъ и торчитъ преимущественно около почтовой станціи. Чуть подъѣзжаетъ кто, чинъ обязанъ въ ту же минуту осведомиться черезъ старосту изъ подорожной: кто, что и какъ, куда и почему, и затѣмъ немедленно же лѣтъ съ докладомъ обо всемъ этомъ коменданту, особенно, если проѣзжающій «интересенъ», а интересность его измѣряется тѣмъ, откуда онъ ѣдетъ—изъ Ташкента или изъ Петербурга. Въ обоихъ случаяхъ у проѣзжающаго навѣрное найдутся самыя свѣжія новости. Да и помимо новостей, надо жить въ глуши, подобной Джулеку, чтобы понять, какой живѣйшій интересъ представляетъ собою всякій свѣжій человѣкъ, независимо даже отъ его служебнаго или иного положенія, а просто самъ по себѣ. Просто на новое лицо посмотреть, новый звукъ голоса услышать, поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ, не обыденномъ, «не джулекскомъ», развлечься присутствіемъ чужого свѣжаго человѣка и даже собственными хлопотами по части угощенія его,—и то уже какое великое удовольствіе!

Послѣдствіемъ доклада полицейскаго чина обыкновенно является приглашеніе пожаловать къ коменданту: «очень-де проситъ изволять», а тамъ личное знакомство и—«милости просимъ перекусить чѣмъ Богъ послалъ съ дорожками!» А знакомые люди, такъ тѣ уже не на станцію, а такъ-таки прямо на комендантскій дворъ и ѣдутъ. И тутъ уже почтенный майоръ и обо-

грѣетъ, и накормитъ, и напоитъ васъ отъ всей души, чѣмъ только можетъ, по пословицѣ: «все что есть въ печи, все на столъ мечи». Однимъ словомъ, угоститъ на славу и «соленьякимъ» и «копчененькимъ», и вяленымъ, и жаренымъ, и печенымъ. Онъ, между прочимъ, превеликій мастеръ и охотникъ заготавливать въ прокъ разныя вкусности, и нигдѣ на стѣнѣ не отвѣдаетъ вы такой нѣжной зернистой икры «собственного посола», или такого провѣснаго балыка, такого окорока копченаго, такихъ полотковъ гусиныхъ какъ у С. М. Галашевскаго, въ Джулекѣ. И замѣчательно, что все это изъ мѣстныхъ продуктовъ: осетрина или шиповина тутъ же у него въ Дарьѣ плаваютъ, дикіе гуси и утки на той же Дарьѣ водятся, дикая кабанья—въ прирѣчныхъ джангылахъ обитаетъ, фазанина—въ колючкѣ да въ сосѣднемъ лѣсу, на той сторонѣ Сыра, гуляетъ, а корнишончики на огурчики, да капустка и разная другая тамъ моченая, соленая и маринованная овещъ—на своемъ огородѣ въ избыткѣ найдется. За это-то доброе безкорыстное гостепріимство и вѣдомъ, и знаемъ майоръ Галашевскій на весь край, на весь Туркестанскій военный округъ.

Красивый видъ открывается съ одного изъ джулекскихъ барбетовъ на широкую излучину Сыръ-Дарьи и на ея противоположный берегъ, сплошь поросшій джангылами и джиддовымъ лѣсомъ. Тамъ—царство фазановъ, то и дѣло перелетающихъ съ дерева на дерево и оглашающихъ окрестность своимъ кликомъ, въ которомъ есть что-то музыкально-пріятное.

Стоя на этомъ барбетѣ, мы съ лейтенантомъ Савичемъ любовались на широко развернувшуюся передъ нами картину спокойной рѣки и лѣсстаго берега, какъ вдругъ мой спутникъ радостно воскликнулъ:

— Ба!.. Слова-то я и не примѣтилъ!

— Что такое?—обернулся я на него въ недоумѣніи.

— Вотъ онъ гдѣ, нашъ спаситель!—весело продолжалъ лейтенантъ.—Да не туда, а сюда смотрите, на этотъ берегъ! Вонъ, видите?.. Видите, лежитъ вонъ тамъ баркасъ, чуть не подъ самымъ нашимъ носомъ, а мы на него и вниманія не обращаемъ!

Дѣйствительно, за фортовымъ валомъ, шагахъ въ полтораста отъ него, близъ бани и склада саксауловыхъ дровъ, ярко алѣя на солнцѣ своею суриковою окраскою лежалъ на самомъ берегу опрокинутый кверху дномъ желѣзный баркасъ форменной конструкціи.

— Вѣдь мы на немъ прочудесно до Перовска можемъ добраться!—продолжалъ лейтенантъ, весело потирая руки.—Понимаете? Стоитъ только попросить, и я увѣренъ, отка- за не будетъ! Идемъ къ коменданту!

Мы тотчасъ же сбѣжали съ барбета къ нашему амфітріону и заявили ему объ обѣщавшей насъ счастливой идее.

— Да вы плавали когда-нибудь по Сыру? — спрашивал онъ.

— Никогда еще.

— Гм... Такъ какъ же это?

— Да что же тутъ такого? Лишь бы какъ-нибудь добраться!

— Такъ-то такъ, конечно. Но... все-таки...

Сыръ вѣдь ужасно капризная рѣка... предательская, просто, рѣка, особенно въ эту пору: быстрое теченіе, быстрый спадъ воды, образованіе новыхъ мелей, фарватера никакого...

Тутъ, батюшка мой, и опытные аральцы носомъ тыкались. Вонъ ужъ на что капитанъ-лейтенантъ Брюховъ, напримѣръ, какой ходокъ по Сыру—извѣстный! и рѣку-то давно уже знаетъ какъ свои пять пальцевъ, а и тотъ, бывало, идетъ, что называется, ошупью, и все же нѣсколько разъ на мель садеть. Ну, такъ вѣдь у него команда большая и опытная, да и всѣ средства, къ тому же, подъ рукою. А у васъ вѣдь ровно ничего и нѣкого. Да и баркасъ-то нашъ такая громоздкая посудина, что вонъ и пустой онъ, а сидитъ въ водѣ чуть не три фута, а съ грузомъ и всѣ четыре садеть; а на перекатахъ здѣсь иногда и двухъ футовъ глубины не набирается. Ну, навесетъ васъ, не дай Богъ, на такой перекатъ да коли при этой неуклюжести не удастся сразу сняться съ мели,—вѣдь засосетъ, затянетъ иломъ и пескомъ, такъ-что и не выберетесь, пропадете! Какъ есть пропадете ни за копейку! Что за охота вамъ!.. Лучше же переждать лишній денекъ, пока мостъ на Бирь-Казань исправятъ, и тогда двигайтесь себѣ съ Богомъ на почтовыхъ.

Совѣтъ былъ, конечно, весьма благоразумный, но сидѣтъ въ Джулекѣ, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ бирь-казанскій мостъ успѣютъ исправить, было неподручно. Пока-то его еще будутъ чинить, а генералъ-губернаторъ тѣмъ временемъ укатитъ въ Кызыль-Кумы, и мы останемся «съ носомъ». Нѣтъ, ужъ какъ ни какъ, а надо во что бы то ни стало добираться до Перовска, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Видя такую нашу рѣшимость, почтенный майоръ не сталъ уже больше возражать противъ нашего проекта; но такъ какъ баркасъ—вещь казенная и значится по инвентарю въ числѣ вещей, принадлежащихъ форту, то понятно, что безъ разрѣшенія высшаго начальства комендантъ не имѣлъ права уступить его въ наше распоряженіе. Надо, значитъ, снести съ Перовскомъ. Тотчасъ же послали мы туда телеграмму, и часа черезъ два получили отвѣтъ, что «его высокопревосходительство разрѣшаетъ воспользоваться баркасомъ съ надлежащимъ числомъ команды при ономъ».

— Ну, вотъ и прекрасно!—говорилъ майоръ,—теперь все въ порядкѣ, по закону, какъ слѣдуетъ. Дамъ я вамъ, значитъ, шесть человекъ солдатъ вмѣсто гребцовъ, и поѣзжайте себѣ съ Богомъ. Только какъ придетъ, сдайте баркасъ воинскому начальнику и скажите, что

я очень прошу, чтобы онъ озабочился поскорѣе доставить его обратно — потому баркасъ намъ и самимъ нуженъ: люди на немъ вѣзятъ въ лѣсъ за топливомъ, да и мы тоже, когда вздумается неводъ закинуть или въ лѣсу чайкомъ побаловаться. Вѣдь это наше единственное, можно сказать, удовольствіе въ дѣтнюю пору.

Мы, конечно, обѣщали майору приложить всѣ зависящія отъ насъ старанія, чтобы баркасъ не задержался надолго въ Перовскѣ, и тотчасъ же занялись сборами къ отплытію.

Первымъ дѣломъ осматривалъ Савичъ наше «судно». Оказалось, ничего себѣ, посудина хотя и не совсѣмъ-то уклюжая, но не протекаетъ, и то слава Богу! Только та бѣда, что руль не приходится: гораздо короче, чѣмъ слѣдовало бы; но ничего не подѣлаешь, такой ужъ былъ отпущенъ изъ казалинскаго портового склада,—въ Джулекѣ, молъ, на что еще руль! Какой ни дай, все равно, лишь бы на бумагѣ значилось, что руль отпущенъ, и кончено. Пришлось замѣнять его обыкновеннымъ весломъ, ради чего Савичъ устроилъ на корѣбѣ какое-то особенное приспособленіе. Нашлась и мачта, но паруса не оказалось, за неотпускомъ такового изъ портового магазина. Но нашъ милѣйшій лейтенантъ находчиво помогъ и этому горю. Не долго думая, побѣждалъ онъ въ лавку, купилъ тамъ нѣсколько аршинъ коленкору, раскрылъ его на нѣсколько полотнищъ, отдалъ ихъ сшить въ командную швальню, и часа черезъ два нашъ импровизованный парусъ уже былъ какъ слѣдуетъ прилаженъ къ рейку собственными руками лейтенанта. Смастерили мы и флагъ изъ бѣлаго же коленкора, чтобы знать по нему направленіе и силу вѣтра, а кто-то изъ солдатиковъ даже и скрепленные полосы намалевалъ на немъ синькою, «потому, значить, военное судно».

Какъ только провѣдали на слободкѣ, что мы отправляемся водою, сейчасъ же пришли къ намъ и пассажиры съ просьбами, нельзя-ли и ихъ захватить намъ. Первыми явились какой-то «профессоръ» отъ чернаго и бѣлаго магія и на шпиритизма, со своимъ «секретаремъ» и «сомнамбулисткою», только-что дотавившіеся до Джулека на возвратномъ пути изъ Самарканда въ Россію. Но у жида-нѣмецкаго профессора оказался такой громоздкій грузъ всякой спиритической кладки и магической рухляди, что пошевоить пришлось отказать ему, хотя онъ съ сомнамбулисткою и соблазняли насъ игривыми обещаніями показывать всю дорогу «всякій фокусъ на шпиритизмъ и на карты, и на многово другою хорошево».

Затѣмъ явился отставной мастеровой аральской флотиліи Степкій, шествовавшій изъ Чиназа въ Казалинскъ, болѣе тысячи верстъ, по образу пѣшаго хожденія, и такъ какъ онъ вызвался служить намъ за рулевого, то и порѣшили взять его, въ виду ожидаемой отъ него пользы.

Наконецъ, съ такою же просьбою пришелъ киргизъ Байсанъ-бай, которому необходимо нужно было такъ или иначе пробраться въ Перовскъ «за халатомъ». Дѣло въ томъ, что «джендараль-губернатъ», проездомъ черезъ Джулекъ, общалъ-де ему за какую-то услугу «поджадувай халатъ», но такъ какъ на ту пору не нашлось при «джендараль» запасныхъ халатовъ, потому что взятые изъ Ташкента всѣ уже были розданы по дорогѣ, то Байсанъ-баю и было сказано, чтобы онъ пріѣзжалъ за халатомъ въ Перовскъ. Поэтому Байсанъ-бай, чтобы «не вафстѣся грязь» передъ своими родичами, которымъ широко уже успѣлъ разблаговѣстить объ общаніи ему милости, и стремится теперь въ Перовскъ за «халатъ-малатъ», пока еще «джендараль-губернатъ» не уѣхалъ оттуда. Киргизъ увѣрялъ, будто въ совершенствѣ знаетъ рѣку именно въ этомъ районѣ ея теченія, и что не только кочевалъ по ея берегамъ, но и плавалъ по ней неоднократно, такъ-что можетъ даже служить за лоцмана; а главное, просилъ онъ такъ умильно, и такъ дѣтски-наивно хотѣлось ему этого халата, не изъ-за халата собственно какъ вещи, а ради «башой спачетъ», и такъ уморительно опасался онъ при этомъ, какъ бы обещанный «халатъ-малатъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «спачетъ» не ускользнулъ у него изъ-подъ носа и не пришлось бы ему «грязь кушать», что мы порѣшили взять и его. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ знаетъ рѣку, по которой мы пускались теперь чисто на авось, потому что не только сами, но ни одинъ изъ нашихъ гребцовъ не имѣлъ о ней никакого понятія.

На всякій случай, чтобы имѣть возможность хотя сколько-нибудь ориентироваться, я перерисовалъ въ свою записную книжку съ почтовой карты, какая нашлась въ канцеляріи форта, главные излучины теченія Сыръ-Дарья между Джулекомъ и Перовскомъ, и это маленькое пособие впоследствии оказалось для насъ небезполезнымъ.

Расстояніе отъ Джулека до Перовска всего столько небольшимъ верстъ, такъ-что, будь токъ хорошая дорога, да не залей ее разливомъ, мы бы перемахнули его въ какіе-нибудь восемь, много—въ десять часовъ времени; но по большимъ и прихотливымъ излучинамъ рѣки расстояніе это чуть не учетверилось. Поэтому пришлось подумать и о дорожныхъ съѣстныхъ запасахъ, которыхъ вообще до сихъ поръ было съ нами немного. Явилась надобность докупить чего недоставало и для себя, и для людей. Такихъ образомъ, взявъ мы въ «галантерейномъ магазинѣ» нѣсколько лишнихъ фунтовъ сахара да фунтъ чаю, связки три московскихъ баранковъ къ чаю, да коробку бисквитовъ московскаго Эйнема, жестянку консерваго, уже со-всѣмъ готоваго кофе съ молокомъ, бутылку Елисеѣвскаго коньяку, да нѣсколько бутылокъ воды для людей. Запасъ же вина былъ взятъ

еще изъ Ташкента. Кроме того, купили у команднаго поставщика-киргиза два пуда говядины для варевъ себѣ и людямъ, и подвѣсили ее на мачту, чтобы провѣтривалась на вольномъ воздухѣ; купили и нѣсколько рису да муки на подболтку и дюжину короваевъ пшеничнаго сѣтника. Милѣйшій плацъ-адъютантъ снабдилъ насъ цѣлымъ ведеркомъ кислой капусты для шей, а комендантъ—цѣлымъ окорокомъ ветчины да десяткомъ жареныхъ фазановъ и свѣжими булками. Всего этого продовольствія, пожалуй, съ избыткомъ хватало бы намъ на цѣлую недѣлю, хотя, по приблизительному расчету, мы предполагали быть въ Перовскѣ на третьи, много—на четвертые сутки. Но комендантъ, надѣлая насъ всѣмъ этимъ добромъ, такъ убѣдительно увѣрялъ, не допуская возраженій, что «лишній-де запасъ не мѣшаетъ, потому мало-ли что тамъ можетъ случиться... Дѣло дорожное!.. Не вы съѣдите, такъ люди съѣдятъ», что намъ оставалось только благодарить и покориться.

На носу баркаса сложили люди изъ сырцоваго кирпича и глины маленькую печь съ поддуваломъ и круглымъ отверстіемъ сверху для котла; не забыли взять и запасъ саксауловыхъ дровъ и большой мѣдный чайникъ, а на кормѣ уложили наши чемоданы такимъ образомъ, чтобы они могли служить для насъ и сидѣньемъ, и постелью, словомъ—все обрядили, приладили и приспособили какъ нельзя лучше. Мой Сафуддинъ долженъ былъ служить за повара, и когда лейтенантъ назвалъ его по этому поводу «кокомъ», то несконный кавалеристъ, никогда еще не слыхавшій такого «чуждаго слова», нахмурилъ брови и даже какъ будто слегка обидѣлся, воображивъ себѣ, должно быть, въ этомъ названіи что-то не совсѣмъ для себя лестное; но тотчасъ же просвѣтлѣлъ, какъ только рулевой Стецкій объяснилъ ему, что такъ, молъ, по морскому, повара называются, и что «кокъ» значить не только хорошее, а самое, можно сказать, любезное слово.

Съ шестью человѣками нашей гребной команды отпустилъ комендантъ и шесть берданокъ, выданъ на каждую по дюжину боевыхъ патроновъ, на случай нападенія тигра или какихъ-нибудь барантачей, когда пристанемъ къ берегу для ночлега.

Такимъ образомъ, къ одиннадцати часамъ вечера 12 марта мы совсѣмъ уже перебрались на баркасъ, чтобы тронуться въ путь съ первыми лучами разсвѣта. Шло насъ всего одиннадцать человѣкъ, считая въ томъ числѣ и двухъ пассажировъ, Стецкаго и Байсанъ-бая. Добрышній комендантъ со своимъ семействомъ и плацъ-адъютантъ съ «батюшкою» проводили насъ до баркаса. Здѣсь съ благодарностью пожали мы имъ въ послѣдній разъ руки и распростились съ мирнымъ стоннымъ гнѣздомъ, которое давно уже спало, утопая въ глубокомъ сумракѣ туркестанской ночи.

Мезонинъ въ Ревякиной улицѣ.

(Фантастическій случай изъ дѣйствительной жизни).

РАЗСКАЗЪ.

Въ Петербургѣ, въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ прошлаго 1879 года, въ уютномъ кабинетѣ одного изъ самыхъ радужныхъ и очень умныхъ людей собрался тѣсный кружокъ пріятелей. Надоѣло говорить все о политикѣ да о политикѣ. И въ самомъ дѣлѣ: извѣстны—каверзы Бисмарка и Биконсфильда, внутри—мерзости своей подпольной клики, а на возмутительную дерзость тѣхъ и другой—никакого, повидимому, отпора... Все это возмущало душу, оскорбляло и національное, и гражданское, и просто человеческое чувство, будило желчь и досаду, невольно вызывая на уста ѣдкіе и горькіе упреки... Время было мрачно смутное, и гнетъ его чувствовался каждымъ.

— Ну ее, эту политику!.. Разговорами о ней дѣлать мы не поправимъ, а только пуще бередимъ себя душевныя болячки и приводимъ другъ друга въ скверное расположеніе духа. Давайте говорить о чемъ угодно, только, Бога ради, не о политикѣ и не о нигилистахъ!

Такъ было порѣшено въ нашемъ пріятельскомъ кружкѣ въ тотъ вечеръ.

И прекрасно это вышло, — тѣмъ болѣе прекрасно, что никто и не чаллъ, какъ это возможно жить и даже наслаждаться виѣмъ разговоровъ о «злобахъ дня» и виѣмъ порченія себя крови. Изъ удушливой атмосферы нашей современности, мысль и фантазія, какъ бы отдыхая, незамѣтно очутились совсѣмъ въ иномъ мірѣ... Разговоръ случайно какъ-то натолкнулся на «фантастическое». Хозяинъ первый весьма кстали вспомнилъ одинъ чрезвычайный случай, въ pendant которому кто-то изъ гостей рассказалъ другой, а тамъ и пошло и пошло...

Дошла очередь до меня—и, сколь ни бѣдѣтъ я воспоминаніями такого рода, однакоже въ запасѣ и моей памяти отыскалось нѣчто отчасти фантастическое, а главное, дѣйствительно случившееся лично со мною.

Этотъ случай рассказать я тогда: передаю его и теперь, безъ всякихъ прикрасъ и выдумокъ «сочинительской» фантазіи.

* * *

По окончаніи осенняго кампанента 1869 года, будучи юнкеромъ Ямбургскаго уланскаго полка, по распоряженію моего начальства, былъ я отправленъ изъ Гродны въ Тверь, для дер-

жанія, при тамошнемъ кавалерійскомъ юнкерскомъ училищѣ, экзамена изъ специально военныхъ предметовъ, отъ результата коего зависѣло мое производство въ офицеры. Юнкерскій срокъ мой къ тому времени я давно уже выслужилъ, и могъ бы держать экзаменъ еще весною, но воспаление легкихъ, схваченное мною въ такихъ условіяхъ, когда, повидимому, менѣе всего можно бы было ожидать себя подобнаго сюрприза, поневолѣ заставило меня пропустить законный періодъ выпускныхъ экзаменовъ юнкерскаго училища и отсрочило мою поѣздку въ Тверь до конца сентября мѣсяца.

По пріѣздѣ на мѣсто, и на другое же утро явился начальнику училища, полковнику, нынѣ генералъ-майору, III—ну, который съ первой же встрѣчи произвелъ на меня наилучшее впечатлѣніе, сумѣвъ соединить официальность своей роли въ отношеніи меня, какъ нижняго чина, временно исполнѣ ему подчиненнаго, съ участіемъ къ моему довольно-таки щекотливому положенію. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не выдержи я офицерскаго экзамена, — о! съ какимъ злорадствомъ опрокинулась бы на меня вся тогдашняя «пресса», которая лишь за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ на многіе лады жевала, пережевывала и комментировала въ стихахъ и въ фельетонной прозѣ, какъ нѣкій чудовищно-скандальный, даже невозможный фактъ, — мое вступленіе въ военную службу. По правдѣ сказать, я и до сихъ поръ не понимаю, изъ-за чего тогда опрокинулся на меня столько литературныхъ ушатовъ (вѣдь я тогда еще не былъ авторомъ «Панургова Стада») и что собственно чудовищнаго напали въ томъ, что человекъ, по врожденной склонности къ военной службѣ, рѣшившій наконецъ надѣть на себя солдатскій мундиръ, тогда какъ эти же самые господа не находили ровно ничего предосудительнаго, когда нѣмѣ изъ ихъ собратовъ (были такіе!) шли служить въ акціонныя надзиратели или въ цѣновщики «Общества для заклада движимостей». Впрочемъ, и то сказать, вѣдь служба «по акцизу» въ то время почему-то считалась еще «либеральною» (вѣроятно, въ память Иосафата Огрызки), равно какъ и служба въ вышеозначенномъ

прямо-жидовскомъ «Обществѣ», «гуманно» пришедшемъ ради конкуренціи съ «гласными кассами» разныхъ Карповичей, Алтуховыхъ и Розенблюмовъ.

Но не въ этомъ дѣло. Если я позволялъ себѣ отчасти распространиться на этотъ счетъ, то только для того, чтобы уяснить—на сколько, въ самомъ дѣлѣ, было щекотливо мое тогдашнее положеніе, и—признаюсь откровенно—не выдержи я тогда офицерскаго экзамена (вѣдь чѣмъ чортъ ни шутить!), я изъ самолюбія едва ли не пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, и на семь глупомъ актѣ, къ истинному удовольствію многихъ жрецовъ русской «Прессы», завершилъ бы свое земное странствіе.

Мнѣ казалось, да и теперь еще кажется, что полковникъ Ш—въ исполнѣ понималъ мое тогдашнее положеніе, хотя и никогда не высказывался мнѣ объ этомъ.

— У васъ пока еще собралась изъ отпуска не всѣ преподаватели, у которыхъ вамъ придется экзаменоваться,—сказалъ онъ тогда, при моемъ представленіи.—Впрочемъ, это для васъ же лучше: больше останется времени на подготовку.

Я позволилъ себѣ скромно замѣтить, что съ военными наукамъ постарался уже заранѣе познакомиться на столько, чтобы быть готовымъ къ экзамену.

— Да, но съ васъ потребуются не одни теоретическія свѣдѣнія,—возразилъ полковникъ,—съ васъ потребуютъ и практическія знанія въ кавалерійскомъ дѣлѣ—въ ковкѣ, ветеринаріи, въ ѣздѣ и вольтижированіи, въ топографіи и вообще во всемъ, что указано «Программой». Поэтому подготовка въ этихъ, чисто практическихъ, предметахъ будетъ далеко не лишнею. Чувствуете ли вы себя въ нихъ достаточно сильнымъ?

Я откровенно сознался, что нѣтъ, въ особенности насчетъковки, такъ какъ въ полку, разумѣется, ни одинъ эскадронный командиръ не позволилъ бы мнѣ практиковаться неумѣлою рукою въ семь искусствъ надъ живыми лошадьми, изъ опасенія, что я легко могъ бы ихъ и «заковать», и въ-конецъ перешпортить. Впрочемъ, не боги же вѣдь горшки обжигаютъ... была бы охота да доля пониманія, а перенять да подучаться можно!

— Стало быть, мы не будемъ особенно торопиться съ этимъ дѣломъ и изъ практическихъ знаній проэкзаменируемъ васъ подъ конецъ всего остального,—сказалъ полковникъ Ш—въ.—Что же касается до теоретическихъ предметовъ,—продолжалъ онъ,—то я на этотъ, счетъ не сомнѣваюсь, хотя предупреждаю, что и ими позаниматься будетъ все-таки не лишнимъ: васъ будутъ экзаменовать не слабже, а пожалуй и построже, чѣмъ школьныхъ юнкеровъ. Впрочемъ, вы были въ университетѣ,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—стало быть,

серьезныя занятія вообще для васъ не новинка, и въ этомъ отношеніи я на васъ вполне надѣюсь.

Послѣ этихъ ободряющихъ и ласково сказанныхъ словъ, я уже хотѣлъ было откланяться, какъ полковникъ остановилъ меня еще слѣдующимъ вопросомъ:

— Какъ вы хотите расположиться?—сказалъ онъ,—въ школѣ, или на вольной квартирѣ? Какъ вамъ лучше?

Я отвѣчалъ, что если это можетъ быть предоставлено моему личному выбору, то предпочелъ бы вольную квартиру.

— И совершенно основательно! согласился полковникъ.—Въ школѣ для васъ было бы слишкомъ стѣснительно, а подчасъ и шумно; вамъ повелѣтъ мѣшала бы заниматься. Я только попрошу васъ являться сюда каждый день, въ извѣстные часы, собственно для практическихъ занятій, а науками, конечно, вамъ будетъ удобнѣе заниматься дома. Постарайтесь найти себѣ квартирку гдѣ нибудь тутъ же, по сосѣдству, чтобы быть поближе къ школѣ¹⁾.

Я поблагодарилъ за добрый совѣтъ и откланялся.

Въ тотъ же день отправился я отыскивать себѣ квартиру, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе въ «нумерахъ» гостиницы купца Андріевского, для человѣка, хоть немного работающего головой, было бы окончательно не возможно: вѣчный шумъ и гамъ въ сосѣднихъ нумерахъ, хлопанье разныхъ дверей, безпрестанный топотъ шаговъ и женская бѣготня по корридору, визгъ и смѣхъ, а внизу шелканье бильярдныхъ шаровъ и хмѣльные возгласы въ буфетѣ,—представьте себѣ всю эту обстановку и сопоставьте съ нею необходимость серьезнаго приготовленія къ экзамену.

Измѣздилъ я нѣсколько ближайшихъ къ училищу улицъ и заглядывалъ въ каждый домишко, чуть лишь завяжу въ немъ на окнахъ или на воротахъ бѣлый билетикъ, но нигдѣ не нашелъ себѣ мало-мальска подходящей, удобной квартиркы; либо грязь и какіе-то затхло-кислые запахи, съ клопами да тараканами на придачу, либо такіа нахальныя цѣны, что, просто, ни съ чѣмъ не сообразно! Да еще милые хозяева при этомъ находятъ нужнымъ пояснить вамъ, съ улыбкой, въ свое оправданіе:

— Помилуйте-съ, съ кого же и взять-то, какъ не съ юнкарей! Юнкари—народъ бога-

¹⁾ Для юнкеровъ, обязанныхъ, по правамъ образованія, держать одинъ лишь выпускной экзаменъ изъ специально военныхъ предметовъ, допускалась льгота жить на вольной квартирѣ, такъ какъ они пріѣзжали въ школу лишь на короткое время, почему и было бы излишне, ради ихъ, отнимать вакансію на помѣщеніе въ зданіи школы у юнкеровъ, обязанныхъ пребыть въ училищѣ два года

тый!.. Бѣдный юнкаръ не пойдетъ себѣ вольную квартиру искать; бѣдный—тотъ наровитъ, какъ бы ему поскорѣй въ училище, на казенные хлѣба-съ; а который богатый, такъ ужь кто-кто, а мы-то навѣрное знаемъ, что безъ дебошевъ постой не обойдется!

Вотъ тутъ и толкуй съ нами, и увѣрай, что ты именно отъ «дебошевъ-то» и убѣгаешь!

— Нѣ-ѣтъ, уже это мы доподлинно знаемъ: безъ дебошевъ нельзя; а по дебошамъ и плата.

Я уже потерялъ-было всякую надежду и въ раздумьи остановился на площадкѣ предъ воротами училища, какъ вдругъ, оглянувшись вокругъ, замѣтилъ направо какой-то переулочекъ.

— А это что за переулочекъ будетъ?—спрашиваю у извозчика.

— Энтотъ? мотнулъ онъ въ ту сторону головой.—Энто, значитъ, Ревякина улица.

Тамъ я еще не былъ.—«Дай ужь, думаю, за-одно попытаюсь!.. Авось!»—и приказалъ извозчику поворачивать въ эту Ревякину улицу.

Первое впечатлѣніе не особенно благоприятное: рядъ сѣреныхъ деревянныхъ домишекъ и ветхихъ заборовъ; мостовая, кажись, была когда-то, но теперь отъ нея остаются лишь печальныя воспоминанія, въ видѣ развороченныхъ камней, тонущихъ въ густой и глубокой, почти невылазной и едва ли когда просыхающей грязи. Рѣдкіе пѣшеходы пробігаются не иначе, какъ вдоль стѣнъ, подъ самыми окнами, да чуть не въ-плотную къ заборамъ, лавируя между лужами и балансируя гдѣ по дощечкѣ, а гдѣ съ камня на камушекъ. А ужь ѣхать—и не приведи Господи! Тутъ ужь надо обречь себя на такую встряску на каждой колдобинѣ, что остается только изумляться необычайной крѣпости извозничьихъ дрожжекъ.

На мое счастье, однако, не пришлось мнѣ долго колесить по этой невозможной Ревякиной улицѣ. Пробѣжавъ не болѣе сотни шаговъ, замѣтилъ я на правой сторонѣ небольшой деревянный домикъ, съ мезонинчикомъ въ одно, довольно впрочемъ широкое, окошко, на которомъ были наклеены билетикъ.

— Подѣзжай-ка сюда, — приказалъ я извозчику.

— Куда этта?—обернулся онъ на меня съ пѣкоторымъ недоумѣніемъ.—Къ энтому дому?

— Къ «энтому».

— Нѣшто здѣсь смотрѣть хотитѣ?

— Разумѣется.

— Чего вамъ, баринъ!.. Поѣдемъ лучше далѣй... Богъ съ ей!

— А что такъ?—спросилъ я.

— Да ничево, — замылся мой возница, — только... не по васъ бы этта фатера, Богъ съ ей!

— Ну, ладно! Мнѣ ужь надоѣло колесить-то... Стой!

— Какъ знаете-съ.

И онъ, какъ-то сомнительно потряхивая головой, подвезъ меня къ самой калиткѣ.

На двукратно и усиленно повторенный стукъ мой, выбѣжала какая-то дѣвочка-подростокъ, лѣтъ пятнадцати, и едва я успѣлъ заявить ей, что хочу посмотрѣть квартиру, какъ она, не сказавъ мнѣ на это ни слова, вдругъ, точно-какая дикарка, опрометью кинулась отъ меня прочь, назадъ, на крылечко, и исчезла за дверью.

Въ качествѣ нанимателя, я остался въ пѣ-которомъ недоумѣніи отъ такого своеобразнаго приема и, подождавъ съ минуту, уже сталъ-было раздумывать, не уйти ли и въ самомъ дѣлѣ, потому что, кромѣ заливавшейся хриплымъ лаемъ цѣлной собаки, во дворѣ и души живой не было. Но тутъ вскорѣ появился на крылечкѣ высокій, почтенный съ виду чело-вѣкъ и привѣтливо проговорилъ мнѣ:

— Пожалуйте-съ!

На взглядъ и по манерѣ, это былъ самъ домовладѣлецъ; но чтобы окончательно удостовѣриться въ этомъ, я спросилъ его, не хозяинъ ли онъ?

— Такъ точно... Я самый и есть... Имѣю честь рекомендоваться: чиновникъ В—скій. Квартирку посмотрѣть желаете?.. Очень приятно!.. Посмотрите-съ!

Слѣдуя за хозяиномъ, изъ сѣней, мимо двери, ведущей въ нижнюю квартиру, поднялся я по узкой и крутой лѣстницѣ наверхъ, въ мезонинчикъ,—и тутъ очутились мы въ небольшомъ сѣнцахъ, изъ которыхъ двѣ одностворчатыя двери, направо и налево, вели въ двѣ небольшія свѣтелки, каждая объ одномъ окнѣ и каждая съ печью. Свѣтелка налево была пуста; свѣтелка же направо могла отчасти называться меблированной, такъ какъ въ ней, у стѣны направо, стояла деревянная кровать, а у окна—столъ и два стула. Эта послѣдняя свѣтелка, съ неказистымъ видомъ изъ окна на Ревякину улицу, обращена была къ солнечной сторонѣ и потому показалась мнѣ не только сносною, но даже пріятною. Я спросилъ хозяина о цѣнѣ.

— Да вамъ какъ?—отвѣчалъ онъ, принималъ глубокомысленно разсчитливый видъ, отнюдь впрочемъ не вредившій его природному благодушію.—Ежели, напримѣръ, со столомъ, съ самоваромъ и прислугою... ну, и разумѣется, съ дровами... Прислуга, конечно, и сапоги вычистить, и все прочее, какъ слѣдуетъ... двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ дорого вамъ не покажется?

— Помилуйте! Что за дорого!—воскликнулъ я, истинно обрадовавшись столь необычайной дешевизнѣ, въ особенности послѣ того, какъ пришлось претерпѣть столько мыканій по всевозможнымъ хозяевамъ, которые заламывали съ меня отъ пятидесяти до полутора ста рублей въ мѣсяцъ.

— Охотно заплачу вамъ двадцать-пять и безъ столованья, — прибавилъ я при этомъ, — потому что, говоря откровенно, насчетъ стола я нѣсколько капризенъ, въ томъ смыслѣ, что люблю ѣсть не тогда, когда приходитъ урочный часъ, а когда самому мнѣ захочется, — ну, а это въ хозяйствѣ будетъ для васъ стѣснительно.

Мой добродушный хозяинъ въ свой чередъ, какъ показалось мнѣ, очень обрадовался столь быстрому съ моей стороны рѣшенію, хотя и не безъ нѣкотораго недоумѣнія насчетъ того, что какъ же это вдругъ двадцать-пять и безъ стола-то?

— Ежели безъ стола, — сказалъ онъ, — то можно и подешевле.

— Ну, ужъ что тамъ подешевле! — махнулъ я рукою. — Что сказано, то сказано. А вы мнѣ за это во всемъ остальномъ постарайтесь быть посправивше, съ меня и довольно.

— Эт-то ужъ будьте покойны! — закланялся мнѣ хозяинъ. — Мы за жильцомъ, какъ за роднымъ, будемъ ухаживать... Насчетъ услуги и прочаго, ну и порядка тоже, чтобы чистота, прихвѣрно, — это ужъ первымъ долгомъ... Мы хорошему жильцу рады!

— Дебошей у меня никогда и никакихъ не будетъ, — поспѣшавъ я прибавить, памятуя нескрываемыя на этотъ счетъ опасенія почти всѣхъ безъ изъятія хозяевъ, съ какими пришлось мнѣ въ этотъ день сталкиваться.

— Ахъ, помилуйте, зачѣмъ же-съ! — снисходительно и скромно потупилъ глаза г-нъ В-скій. — Я и такъ увѣренъ... Не сомнѣваюсь, повѣрьте... А когда переѣхать думаете?

— Да хоть сейчасъ же, чрезъ полчаса, — отозвался я. — Мнѣ только вещи перевезти изъ гостиницы. И такъ какъ я рассчитываю прожить въ Твери мѣсяца два, то позвольте теперь же вручить вамъ и деньги впередъ за мѣсяцъ.

И я подаль ему двадцати-пяти рублевый кредитный билетъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — въ нерѣшительности пробормоталъ хозяинъ и, какъ показалось мнѣ, даже нѣсколько смутился, словно бы не зная — брать или не брать отъ меня деньги. — Это даже ужъ и лишнее, впередъ-то, — прибавилъ онъ, вертя въ рукахъ кредитку; — можно бы и позже, когда заживете свой срокъ...

— Почему же? — нѣсколько удивился я такой деликатности. — Мнѣ кажется, что каждому хозяину пріятно получить плату не послѣ, а впередъ. Оно и спокойнѣе къ тому же.

— Такъ-то такъ, — отчасти заминяясь, согласился г-нъ В-скій, — да только... право, ужъ я не знаю... какъ *вамъ-то* у насъ покажется... спокойно ли *вамъ-то* будетъ?..

— Чтò до моего спокойствія, — сказалъ я, — то это будетъ вполне зависѣть отъ васъ.

— О, на этотъ счетъ не сомнѣвайтесь! — предупредительно перебилъ меня хозяинъ. — Я и мое семейство — мы люди самые тихіе... Вы насъ и не услышите...

— Ну, и прекрасно!.. А чтò до того, какъ *мнѣ* у васъ покажется, — продолжалъ я, — то вамъ уже сказано, что квартирка очень и очень мнѣ нравится. Значитъ, на этотъ счетъ и разговоровъ быть не можетъ.

— Очень радъ-съ! — слегка поклонился г-нъ В-скій. — Но, во всякомъ случаѣ, если бы вамъ чтò и не показалось, и вы пожелали бы отъ насъ выѣхать, то я вамъ въ ту же минуту возвращу весь незажитой остатокъ вашей платы. Въ этомъ будьте безъ сомнѣнія.

«Чтò за чудакъ!» невольно подумалось мнѣ. «Вотъ ужъ именно деликатность и честность, превосходящая всякую мѣру своекорыстія!»

И я поспѣшавъ увѣрить его, что лишь бы онъ самъ меня не выжибалъ, а я выѣзжать до послѣдняго срока моего пребыванія въ Твери и не подумаю.

— Дай-то Господь! — проговорилъ на это хозяинъ съ легкимъ вздохомъ, и въ выраженіи его вздоха показалось мнѣ не то — сомнѣніе какое-то, не то — радостно-довольное упованіе, что авось оно и точно, все *такъ* обойдется.

«Предобрѣйшій чудакъ и пределикатнѣйшая натура!» рѣшилъ я про-себя въ заключеніе и простился съ г-мъ В-скимъ, сказавъ ему, что сейчасъ же отправляюсь въ гостиницу Андріевского за своимъ чемоданомъ.

Спусти около часу, я уже поселился въ моей новой квартиркѣ, которую нашелъ уже нѣчисто прибранною, постель постлана и столъ покрытъ синею камчатною салфеткой съ разводами, и предъ постелью, кромѣ того, поставленъ маленький столикъ.

Тихо и уютно зашло мнѣ въ мезонинъ г-на В-скаго. Хозяйка всячески старалась угодить: то масла приплюгъ, бывало, къ чаю, то молочникъ густѣйшихъ сливокъ, то булку горячую домашняго печенья; а время за работою шло незамѣтно. Въ началѣ ноября я уже сдалъ вполне уснѣшно всѣ свои экзамены и надѣлъ мундиръ съ золотымъ портупей-юнкерскимъ шеврономъ и серебряный темлякъ на саблю. Теперь все дѣло за производствомъ въ офицеры, которое не должно было замедлиться, такъ какъ представленіе обо мнѣ изъ полка было послано почти вслѣдъ за окончаніемъ испытаній. Я рѣшилъ себѣ дожидаться производства въ Твери, тѣмъ болѣе, что по окончаніи экзаменовъ, когда свободнаго времени явилось у меня въ-полно, принялся я за литературную работу, которая, послѣ долгаго перерыва, вдругъ пошла теперь у меня, какъ нельзя лучше: отихъ такой нашелъ на человѣка. Продолжая занимать свой мезонинъ въ Ревякиной улицѣ, я въ его уединеніи и тишинѣ быстро написалъ для прѣблага нумера «Нивы» разсказъ «Подъ

каштанамъ Саксонскаго сада», съ котораго и начался этотъ журналъ, кончая въ то-же время и романъ «Панургово Стадо». Но вотъ пришелъ въ Тверь и № «Русскаго Инвалида», въ которомъ во-очию прочелъ я высочайшій приказъ о моемъ производствѣ въ корнеты и... договаривать ли?—почти съ грустью скинулъ я свой грубый, армейскаго сукна, солдатскій мундиръ, съ которымъ такъ свыкъся за время юнкерской службы. Въ этомъ солдатскомъ мундирѣ жилось мнѣ хорошо, а что-то сулятъ въ будущемъ офицерскія эполеты?... Раздумье какъ-то невольно закрадывалось въ душу.

Полковникъ М— въ первый порадовалъ меня вѣстью о производствѣ, приславъ мнѣ номеръ «Инвалида» съ отчеркнутымъ краснымъ карандашомъ текстомъ высочайшаго приказа. Понятное дѣло, что въ тотъ же часъ, впервые надѣвъ офицерскій мундиръ, и къ нему же первому явился представиться и поблагодарить за все его доброе ко мнѣ расположеніе.

Предстояло отправиться въ полкъ, — надо было, наконецъ, разстаться и съ Тверью, и съ моимъ мезониномъ.

Наканунѣ отъѣзда зашелъ я къ полковнику — проститься съ нимъ и его почтеннымъ семействомъ, и тутъ получалъ приглашеніе провести послѣдній вечеръ у нихъ въ домѣ.

Собрались нѣсколько человекъ городскихъ знакомыхъ полковника и, между прочими, помню, маленький, румяный, гладко выбритый старичокъ, съ темными волосами въ лужайкахъ, съ орденомъ «Rouge le Mérite» на шеѣ и въ черной бархатной жакеткѣ. Старичокъ говорилъ очень оживленно, добродушно и производилъ самое свѣтлое, симпатичное впечатлѣніе. То былъ нашъ маститый поэтъ и ветеранъ Федоръ Николаевичъ Глинка. Во время моего пребыванія въ Твери и имѣлъ честь пользоваться не только его знакомствомъ, но и расположеніемъ. Впрочемъ, о Федорѣ Николаевичѣ я надѣюсь съ особеннымъ удовольствіемъ написать когда-нибудь мои воспоминанія; здѣсь же упоминаю о немъ только вскользь, и къ настоящему моему разсказу онъ никакого отношенія не имѣетъ.

Мы сидѣли въ столовой за длиннымъ чайнымъ столомъ, сервированнымъ по англійски. Чай былъ оконченъ, и большая часть гостей уже покинула эту комнату, удаляясь,—кто въ гостиную, кто за «зеленое поле», въ кабинетъ хозяина. Я, въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, оставался еще за столомъ, надъ непонатымъ стаканомъ чая, а противъ меня помѣщалась одна пожилая дама, вдова лѣнченера, служившаго нѣкогда въ Твери, при желѣзной дорогѣ.

Не помню ужъ, о чемъ шелъ у насъ общій разговоръ, какъ вдругъ, послѣ минутнаго перерыва этого разговора, когда, что называется, «тихий ангелъ пролетѣлъ», эта дама обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вы живете въ домѣ В—скихъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Это мои хорошіе знакомые,—продолжала дама.—И скажите, каково вы тамъ выжили все это время?

— Выжили наилучшимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что В—скіе просто баловали меня. Это прекраснѣйшіе люди.

— О, да! Превосходные, добрые люди. Но... васъ ничто тамъ не беспокоило?

— Меня?—отчасти удивился я послѣднему вопросу.—Да кому же тамъ меня беспокоить? Напротивъ, у хозяевъ постоянно такая тишина, что порою можно бы было совсѣмъ позабыть о самомъ ихъ существованіи на свѣтѣ.

— Н-нѣтъ, вы меня не совсѣмъ поняли,—нѣсколько потупляясь и мѣшая ложечкой въ своей чашкѣ, улыбнулась пожилая дама.—Хозяева-то, я знаю, не беспокоятъ; но не о нихъ я и говорю!.. Я спрашиваю,—пояснила она,—неужели *ничто* ни разу васъ не беспокоило въ этомъ мезонинѣ?

Въ отвѣтъ на это, я только могъ сперва недоумѣло пожать плечами, а затѣмъ съ убѣжденіемъ подтвердить ей, что, сколько помнится, рѣшительно *никто* и *ничто*.

— Гм... Странно,—какъ бы про себя, проговорила пожилая дама, въ свой чередъ глядя на меня нѣсколько недоумѣлыми глазами.

— Виновать, но я не понимаю,—замѣтилъ я, уже заинтересовавшись отчасти самою формою предложеннаго мнѣ вопроса.—Будьте столь любезны, не откажите пояснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Н-нѣтъ, ничего... Право, ничего,—успокоительнымъ тономъ отвѣтила дама,—я только такъ... спросить хотѣла.

— Я готовъ отвѣчать—я, признаюсь, вашъ вопросъ начинается очень меня интересоватъ, если только вы опредѣлите яснѣе, *что* именно могло бы тамъ меня побеспокоить?

— Ну, напримѣръ, шорохи разные по ночамъ. Вы не слыхали никакихъ шороховъ?

— Какъ же, слышалъ!—припомнилъ я сразу,—и даже довольно часто слышу ихъ и теперь. Дѣйствительно, шорохи, какъ будто на столѣ кто-то бумагою шуршитъ.

— Ну, и что же вы при этомъ,—съ любопытствомъ подалась впередъ моя собесѣдница.

— Ничего. Я полагаю, что это мыши или тараканы.

— Гм... Тараканы... А днемъ видали вы когда нибудь тамъ мышей или таракановъ и слышали эти шорохи?

— Не помнится, чтобы слышалъ, а видать—положительно не видалъ никогда.

— Стало быть, только ночью?

— Да, ночью. И этотъ шорохъ нѣсколько разъ даже будилъ меня.

— Ну, и что же?!

— Опять-таки ничего. Я просыпался въ

полной увѣренности, что это мыши, и спокойно засыпалъ себѣ снова.

Но собесѣдница, кажись, не совсѣмъ-то удовлетворилась моими объясненіями.

— А кромѣ шороховъ,—спросила она,—еще чего нибудь не слышали вы?

— Вродѣ чего, напримѣръ?

— Вродѣ чыхъ-то шаговъ, или скрипа половицъ, ворочанья дверной ручки.

Тутъ я припомнилъ, что дѣйствительно, однажды очень ясно слышалъ нѣчто подобное. Какъ сейчасъ помню, я еще не спалъ и, лежа въ постели, прочитывалъ учебникъ фортификаціи, готовясь къ экзамену изъ этого предмета. Время стояло за-полночь, и весь домъ, за исключеніемъ меня, уже давнымъ-давно былъ погруженъ въ глубочайшій сонъ. Вдругъ, слышу очень ясно чьи-то шаги, какъ будто по лѣстницѣ поднимается кто-то, потомъ и въ сѣнцахъ раза два скрипнула половица; затѣмъ ступила желѣзная защелка въ дверяхъ сосѣдней свѣтелки.

— Кто тамъ? окликнулъ я; но отвѣта не послѣдовало.

Еще разъ повторяю мой окликъ,—и то же самое молчаніе.

Я подумалъ, что, вѣроятно, служанка за тѣмъ нибудь проходила, и на этомъ предположеніи успокоился. Вставать же съ постели и провѣрять основательность своего умозаключенія было лѣнь, да и не стоило. А на утро, когда эта женщина принесла мнѣ самоваръ, спрашиваю:

— Это вы, моя милая, ночью сегодня здѣсь по сѣнцамъ ходили?

— Я?—удивилась служанка.—Никакъ нѣтъ... Затѣмъ я пойду сюда ночью?

— Но я слышалъ ясно чьи-то шаги и какъ кто-то прошелъ въ ту свѣтелку.

— Господь съ вами, сударь!.. Вѣрно по-притчилось.. У насъ никто не ходилъ.. Да и кому ходить-то? Воръ не заберется, собака у насъ злая.

Странно мнѣ это показалось; однако, подумалъ себѣ, что, вѣроятно, молодая баба-служанка имѣетъ свои основательныя причины отнѣкиваться отъ ночныхъ путешествій въ сосѣднюю свѣтелку,—можетъ, у нея и романъ какой, кто его знаетъ!.. И на томъ я окончательно успокоился. Теперь же все это вспомнилось мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, которыя и были мною тутъ же сообщены моей собесѣдницѣ, причемъ—грѣшный человѣкъ—подумалъ я про себя, что навѣрное сейчасъ-же услышу, что нибудь вродѣ недомолвленнаго, но пикантнаго намека насчетъ хозяйской свояченицы, а то и самого хозяина. Но и то и другое было бы ужъ совсѣмъ безобразно нелѣпо. Къ чести моей собесѣдницы и къ моему собственному стыду, долженъ сознаться, что послѣднее мое предположеніе оказалось волюнѣ несостоятельнымъ:

настроеніе пожилой дамы продолжало оставаться все такъ-же серьезнымъ, какъ и раньше.

— А, такъ стало быть вы слышали, — въ отвѣтъ на мой разсказъ, сказала она какимъ-то особеннымъ, слегка даже какъ будто торжествующимъ тономъ.

— Слышалъ,—подтвердилъ я,—но все-таки и теперь не вижу въ томъ ровно ничего особеннаго.

— Ну, это другое дѣло, что считать особеннымъ и что нѣтъ,—какъ бы вскользь замѣтила дама.—Иногда самая обыкновенная вещь, смотря по условіямъ, въ какихъ она проявляется, становится не только «особеннымъ», но даже и сверхъ-естественнымъ.

— А что?—отозвался я на послѣднее замѣчаніе.—Развѣ съ этимъ мезониномъ связана какая нибудь легенда?

— Какъ вамъ сказать!.. Не то-что легенда, но оди́нъ фактъ... во всякомъ случаѣ, весьма странный фактъ, продолжающійся уже нѣсколько лѣтъ сряду, и даже до настоящей минуты. Вы знаете,—прибавила она съ улыбкой,—что на васъ просто вся Тверь дивовалась — какъ это вы тамъ живете и, главное, какимъ образомъ могли прожить столько времени?!

— Вся Тверь?—повторилъ я.—Отчего же до сихъ поръ никто изъ всей Твери не обмолвился мнѣ объ этомъ ни единымъ словечкомъ?

— Вся Тверь—понятно, это говорится метафорически. Говорить тѣ, кто знаетъ, а знаютъ о томъ фактѣ очень многіе.

— И удивляются, какъ это я живу тамъ?

— Да, удивляются. Да вы не смѣйтесь... Вы знаете ли, что до васъ нѣкто тамъ жить не могъ?—Въѣдутъ жильцы, проживутъ недѣлку, а то и меньше—и прочь. Сейчасъ-же прочь. Болѣе двухъ недѣлъ ни одинъ жилецъ не выживалъ еще,—вы первый.

— Это, однако, интересно, если вы не шутите,—сказалъ я, не зная, морочить ли меня почтенная дама, или нѣтъ? Но съ другой стороны, думалось мнѣ, ради чего бы ей вдругъ меня морочить, если я вижу ее сегодня лишь въ первый, да, можетъ, и въ послѣдній разъ въ моей жизни и никакихъ поводовъ къ мороченью не подавалъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, интересно,—подтвердилъ я ей,—и тѣмъ болѣе, что я, какъ совершенный профанъ въ дѣлахъ такого рода, благополучно жилъ себѣ и преспокойно спалъ тамъ все время, даже и не подозревая, хотъ бы по этимъ шагамъ и шорохамъ, что живу въ какомъ-то заколдованномъ мезонинѣ.—Разскажите, пожалуйста,—приступилъ я къ ней съ просьбою,—въ чемъ же дѣло? Въ чемъ этотъ «странный фактъ» заключается?

— Да брать ихъ тамъ ходить,—сообщила почтенная особа, съ легкой улыбкой, словно бы и вѣря, и не вѣря отчасти сама своему сообщенію.

— Братъ?—поднялъ я на нее удивленные глаза. — Позвольте, насколько мнѣ извѣстно, тамъ никакого брата нѣтъ... Что за братъ такой?.. Чей братъ?

— Братъ самого В—скаго, хозяина вашего.

— Впловать, но не слыхалъ о такомъ.

— Ну, еще бы!.. Съ какой стати имъ говорить вамъ,—благо, вы живете и не жалуетесь.

— Гдѣ-жъ этотъ таинственный братъ находится?—спросилъ я.

— На здѣшнемъ кладбищѣ.

— Живетъ тамъ, что ли? «Бывають вѣдь иногда чудакъ и такого сорта!

— Нѣтъ, покоится. Онъ уже умеръ. Видите ли,—приступила моя собесѣдница къ обстоятельному разсказу,—у В—скаго былъ родной братъ, старше его годами. Онъ былъ военнымъ докторомъ и долго служилъ на Кавказѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ въ отставку и перебрался на житье сюда, къ брату, желая скоротать вѣкъ среди близкихъ людей, подъ родной кровлей. Это былъ старый, одинокій холостякъ, на видъ очень желчный—печенью страдалъ и грудью—но въ сущности чрезвычайно добрый, благородный человекъ, и любилъ онъ семейство своего брата такъ, что и сказать вамъ не умѣю, всю душу въ него полагалъ. И говорятъ, будто все, что имѣлъ, весь маленький капиталецъ, сколоченный по грошамъ за все время долгой службы и докторской практики, еще при жизни передалъ братину семейству. «Вы, молъ, владѣйте имъ, какъ знаете, а мнѣ, кромѣ теплаго угла у васъ, пока Богъ смерти пошлетъ, ничего больше не нужно». Такъ и жилъ онъ тутъ, въ этомъ самомъ мезонинчикѣ и даже въ той самой свѣтелкѣ, гдѣ и вы теперь... Вы на его кровати и спите-то... тутъ онъ и скончался—отъ чахотки померъ. Я хорошо помню его: такой длинный, сухопавый старикъ былъ, съ свѣлыми усами. Ну, и вотъ, какъ померъ-то, такъ и послѣ смерти, даже по сейчасъ, не можетъ разстаться съ роднымъ гнѣздомъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и посѣтитъ. Все чего-то ходитъ тамъ, и не то что внизу—нѣтъ, вверху онъ ихъ почти никогда не беспокоитъ—а все только въ своемъ мезонинчикѣ; тамъ только его и слышать, а иные, порою, даже и видятъ его тамъ, только не всѣ и не часто.

— Послушайте!—не воздержался я отъ невольнаго почти восклицанія.—Что хотите, но вѣдь это... это басня или легендарный разсказъ, очень трогательный, пожалуй, но какъ дѣйствительность... вѣдь это невозможно!

— Ужъ возможно ли тамъ, не возможно ли—про то не знаю,—пожала плечами дама.—Сама не видала и потому не увѣряю, а передаю только то, что слышала изъ вѣрныхъ устъ: В—скій братъ не станеть, не такой человекъ!—и тѣмъ болѣе, братъ на покойника, на брата... А что жильцы не могутъ жить тамъ,

такъ это вѣрно, это я знаю, и даже сама такихъ знавала, и сами они мнѣ говорили объ этомъ.. Но, конечно,—уступчиво прибавила въ заключеніе моя собесѣдница,—конечно, можно думать и такъ, что все это не болѣе, какъ басня, или почему-то сложившееся предубѣжденіе, которое уже само по себѣ порождаетъ въ жильцахъ извѣстное настроеніе мысли и воображенія,—почему бы и нѣтъ? И тѣмъ болѣе, что такое объясненіе гораздо раціональнѣе... Да пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздоръ, если вы вотъ столько времени могли выжить.

— И притомъ совершенно спокойно!—добавилъ я послѣднее слово,—и на этомъ разговоръ нашъ прекратился, такъ какъ хозяйка дома пришла просить дамъ въ гостиную.

Часовъ около двухъ ночи, послѣ ужина, распростились съ любезными хозяевами, я отправился домой.

Ночь была ясная, съ морозцемъ, такъ что даже и грязь Ревякиной улицы не угрожала болѣе своею невылазностью: подморозило и ее.

«Спириты увѣряютъ, что духи въ особенности любятъ такіа ясныя, холодныя ночи», подумалось мнѣ, при взглядѣ на это безлунное небо, по которому мигало и трепетало безчисленное множество тонко-лучистыхъ алмазныхъ искорокъ, и «млечный путь» обозначался въ темно-синей безднѣ отъ края до края, словно бѣловатая дымка. Въ тихомъ и чуткомъ воздухѣ звукъ одинокихъ шаговъ моихъ отчетливо и гулко раздавался среди пустынной и сонной улицы.

«Гм... Такъ эти шорохи вотъ что!» невольно какъ-то возвратилась моя блуждающая мысль къ давешнему разговору.

«Какія глупости!» тотчасъ же отвѣтилъ на это разсудокъ.

Но... хоть и «глупости», а все-таки въ то мгновеніе на душѣ какъ-то жутко стало. «Не уйти-ли переночевать въ гостиницу?..»

Но разсудокъ и на это представилъ свое вѣское возраженіе.

«Въ гостиницу?.. Да, это вотъ будетъ дѣйствительная, несомнѣнная глупость и, мало того,—глупость, вызванная дѣтскою трусостью, за которую завтра поутру продъ самимъ собою стыдно станеть».

Но вотъ, я и у воротъ своего дома. На усиленный стукъ мой, заспанная кухарка, кисло позѣывая и изъ скромности придерживая на груди какую-то кудавейку, отперла мнѣ калитку и свѣтъ проводила по лѣстницѣ.

Я зажегъ себѣ свѣчу и отпустилъ ее. Женщина удалась, и черезъ минуту я услышалъ, какъ она внизу замкнулась на замокъ въ своей кухнѣ.

«Въ этой свѣтелкѣ и жилъ... на этой самой кровати и умеръ», опять заплутала моя мысль все около той же темы, когда я, окончивъ процедуру раздѣванія, достаточно уже пообси-

дѣлся въ комнатѣ, наединѣ съ самимъ собою.

«На этой самой постели... Гм... Деревянная, крашеная... старенькая».

Здѣсь я почему-то впервые и почти безознательно обратилъ вниманіе на свое ложе.

«Вѣрно, и тюфякъ тотъ же...»

«Однако же, это ни на что не похоже!— Мужчина, офицеръ, писатель—и вдругъ какія-то бабьи выдумки производить на меня такое впечатлѣніе!.. Къ довершенію всего, не достае только, чтобы я трусилъ началъ».

А на душѣ, межъ тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ, да все-таки и промелькнетъ порою мимолетное жуткое чувство.

«Трусить... Но развѣ я уже не трушу?.. Развѣ то, что моя мысль все возвращается къ этому не есть уже трусость?.. Разумѣется, да—Стоитъ только поддаться»..

Но... какъ я тамъ ни подбадривалъ себя при помощи разсудка, а все-таки неприятно. Что-то суетливое, что-то напоминающее дѣтство и дѣтскіе страхи, во время «страшныхъ» разсказовъ нянѣки, и дѣтскую боязнь темной комнаты—невольнo копошится въ душѣ.

«И зачѣмъ, право, нужно мнѣ было знать, что на этой самой кровати умеръ кто-то.. Ну, и умеръ! Ну, и Христосъ съ нимъ!—Мнѣ-то, что!? Вѣдь не зная спалъ же преспокойно,—цѣлые два мѣсяца спалъ—и ничего!.. Почему же бы теперь было иначе?»

«Ходить... Экія глупости какія!.. Ну, и ходи себѣ, сдѣлай одолженіе, только меня не тронь.. Даже смѣшно ей-Богу!»

«Все это вздоры, бабій разговоръ, и надо его выбросить вонъ изъ головы», порѣшилъ я, улегшись наконецъ въ постель и, чтобы придать этому рѣшенію болѣе дѣйствительной силы, нашелъ, что лучше всего будетъ обратиться ко всегдашнему моему обыкновенію и почитать что-нибудь на сонъ грядущій.

На предпостельномъ столикѣ, кстати, лежала совсѣмъ свѣжая, недавно полученная мною книжка «Русскаго Вѣстника». Я разрѣзалъ, про запахъ, нѣсколько листовъ и принялся за чтеніе. Но это занятіе на сей разъ подвигалось у меня какъ-то разсѣяннo и вяло. Чуть послышится гдѣ-то въ комнатѣ или снаружн малѣйшій намекъ на стукъ или шорохъ, я уже почти вздрагиваю и чутко настораживаю ухо... Но нѣтъ, все тихо,—никакихъ стуковъ, никакихъ шороховъ, просто, значить, нервы шалятъ,—и опять съ усиленнымъ вниманіемъ принимаюсь за чтеніе. Но чрезъ минуту это вниманіе уже ослабѣваетъ, уступая мѣсто какой-то безпредметной разсѣянности: читаешь глазами, а мысли межъ-тѣмъ блуждаютъ гдѣ-то далеко отъ предмета статьи, но гдѣ именно—я самъ не знаешь, и самъ ни за что не удовольствуюсь послѣдовательной нити своего собственнаго мысленія.

Вдали, на соборной колокольнѣ колоколъ медленно пробилъ три часа—и долгій, печальный звукъ его глухо донесся сквозь двойную раму въ мою комнату. Дрожки извозчичьи протрѣбежали по площади, вѣроятно, увозя изъ клуба запоздалаго игрока; собака залаяла гдѣ-то, ей отвѣтила другая, отъ другой подхватила третья—и минутъ на десять пошелъ по околотку собачій концертъ, въ-разливную... Все-жъ таки это *живые* звуки, *живую* жизнь напоминаютъ—и отъ нихъ какъ-то легче на душѣ... Но вожорѣ и они затихли, и опять водворяется вокругъ меня глухая, мертвая тишина, и опять невольно порою прислушивается ухо къ каждому чуть слышному треску нагорѣлой свѣтильни, къ каждому случайному паденію кусочка стеарина на стеклянную розетку.

Но приходитъ же конецъ и всякому напряженію нервовъ. Около получаса спустя, строки, слова и буквы начали какъ-то путаться и рябить въ моихъ глазахъ; сначала слабое вниманіе, а потомъ и самое пониманіе окончательно притупились; вѣки отяжелѣли и стали слипаться. Наступилъ періодъ смутнаго сознанія, періодъ того неопредѣленнаго состоянія между бдѣніемъ и сномъ, когда дѣйствительность и грезы урывками мѣшались между собою... Ослабѣвшая рука уже готова выронить книгу ..

Пора спать, значить.

Я положилъ перегнутую книгу на столикъ, загасилъ свѣчу и, повернувшись на бокъ, мнѣ чѣмъ въ минуту заснулъ покойнымъ сномъ, позабывъ обо всѣхъ въ мірѣ порокахъ, и мертвецахъ, и стукахъ.

Долго ли я спалъ, — не знаю. Но вдругъ, среди глубокаго сна, ясно послышалось мнѣ, что около меня кто-то отчетливымъ образомъ перевернулъ страницу; затѣмъ другую, третью...

«Это мнѣ чудится... это мнѣ снится... давешніе разговоры.. кошмаръ... оно отъ этого», въ то же мгновеніе подсказываетъ мнѣ разсудокъ—и я дѣлаю усилие, чтобы проснуться, и просыпаюсь.

Но что же это?.. Возможно ли?!

Чья-то невидимая рука продолжаетъ перевертывать страницы книги, рядомъ со мною, на столикѣ, и переворачиваетъ ихъ все такъ же медленно и отчетливо, съ промежутками около секунды для каждой.

«Нѣтъ, рѣшительно это мнѣ чудится. Мнѣ только кажется, что я проснулся, а на самомъ дѣлѣ я сплю еще».

И желая удостовѣриться, точно ли сплю я, оцупалъ я свое лицо и тѣло и приподнялся на локтѣ.—Нѣтъ, я не сплю... я окончательно проснулся.

А страницы медленно, одна за другою, продолжаютъ переворачиваться.

«А, понимаю! Это прилив крови къ мозгу, это въ ухахъ у меня шумить... Галлюцинація слуха... Дай-ко, прислушаюсь—точно ли?»

Но нѣтъ! Не остается мѣста никакимъ сомнѣніямъ: положительно, кто-то передистываетъ книжку.

Я протянулъ руку и нащупалъ на столѣ коробку со спичками. Чиркнулъ,—спичка была сѣрная, и пока сѣра кипѣла и тѣла слабымъ голубоватымъ пламенемъ, листы продолжали перевертываться.

«Постой же, сейчасъ же во-очію удостовѣрюсь, галлюцинація ли это... Книга, безъ сомнѣнія, окажется въ томъ самомъ видѣ и на той самой страницѣ, какъ была положена... Сейчасъ.. сейчасъ конецъ всѣмъ наводженіямъ и страхамъ... Сейчасъ все объяснится.

Сѣра межъ тѣмъ перегорѣла и спичка вспыхнула. Я зажегъ свѣчу—и вмѣстѣ съ этимъ тотчасъ же прекратился шелестъ переворачиваемыхъ листовъ.

Я взглянулъ на книгу и ошѣмѣлъ. Глазу и глазамъ не вѣрю — Страницы дѣйствительно перевернуты.

Вотъ когда почувствовалъ я, что мнѣ словно чѣмъ-то горячимъ облегло все сердце, дрогнувшее подъ нахлынувшимъ приливомъ жуткаго чувства, и что, начиная отъ темени, по затылку и вдоль до снѣвъ, побѣжали, или вѣрнѣе сказать, стали какъ бы стекать внизъ холодныя мурашки. Я струсилъ. Но все-таки настолько еще владѣлъ разсудкомъ, что у меня хватило соображенія и воли взять книгу и удостовѣриться.

И что-же?

Начиная отъ той страницы, на которой остановилось мое чтеніе, ровно двѣнадцать листовъ было перевернуто. Помню, я тогда же почти машинально пересчиталъ ихъ, и самъ не знаю какъ, но запомнилъ эту цифру. Тутъ меня охватило уже чувство, близкое къ ужасу. Я вскочилъ съ постели и быстро сталъ одѣваться. Руки мои дрожали и самъ я, вѣроятно, былъ блѣденъ, какъ полотно.

«Что бы тамъ ни было, а дольше я здѣсь не останусь», такова была первая мысль, мелькнувшая мнѣ въ этомъ душевномъ состояніи. Куда, зачѣмъ пойду я и для чего все это дѣлаю, подъ гнетомъ панпческаго страха я не давалъ себѣ болѣе отчета: разсудокъ замолкъ и покорился нястникту.

Въ двѣ минуты былъ и уже кое какъ одѣтъ, напянулъ на плечи шинель, взялъ въ одну руку саблю, въ другую свѣчу и растворилъ дверь. Изъ темныхъ снѣговъ нахмуло на меня холоднымъ воздухомъ и чуть не задуло свѣчу. Въ это время въ снѣгахъ послышался какъ бы скрипъ полощцы. Зоркимъ, напряженнымъ глазомъ старался я взглянуть въ темноту, приподнявъ нѣсколько свѣчу; но ея колеблющееся пламя озарило окрестъ меня пред-

меты такъ слабо, что кромѣ большихъ расплывчатыхъ тѣней отъ косяковъ, перилъ и двери разглядѣть что либо подробнѣе было невозможно. Отъ колебанія пламени казалось, будто колеблется и тѣни, словно бы онѣ дышать и оживаютъ. Вглядываясь въ темное пространство лѣстницы и прислушиваясь къ мертвой тишинѣ, я стоялъ на мѣстѣ, не смѣя сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ и мучительно испытывая все томленіе этихъ внутреннихъ колебаній и нерѣшительности.

Въ это время—не знаю ужъ, точно ли, но только мнѣ почудилось, что позади меня, на столѣ, опять стали перевертываться страницы «Русскаго Вѣстника». Обстоятельство это удвоило мою трусость, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвратило и своего рода энергію. Я рѣшился—будь что будетъ, ринуться впередъ, въ темноту и бѣжать-бѣжать безъ оглядки... При первыхъ же быстрыхъ шагахъ моихъ, пока я спускался съ лѣстницы, свѣча потухла, и я бросилъ ее куда-то внизъ, черезъ перила. Въ глубокихъ потемкахъ, трепещущею рукою нащупалъ я въ нижнихъ снѣгахъ выходную дверь, порывисто отомкнулъ ея задвижку, опрометью, въ три-четыре прыжка спустился съ крыльца у калитки и, спустя нѣсколько мгновеній, бѣжалъ уже по Ревякиной улицѣ, къ площади. Первое время мнѣ все казалось, будто кто то гонится за мною, и только очутаясь среди площади и почти задыхаясь отъ бѣга, пошелъ я нѣсколько тише. Но остановился и пришелъ въ себя не ранѣе, какъ отмахавъ добрыхъ полторы, коли не двѣ версты. Тогда лишь и передохнулъ и оглядѣлся. Весь городъ покоился мертвымъ сномъ,—ни извозчиковъ, ни дворняковъ, ни заповздальныхъ прохожихъ... У одного лишь губернаторскаго дома видѣлась закутанная въ постовый тулупъ фигура дежурнаго городского, да и тотъ почивалъ себѣ сномъ безмилежнымъ. Вскорѣ дошелъ я до городского собора и присѣлъ на ступенькахъ его паперти.

«Что же это такое?.. Неужели все это было въ дѣйствительности? Неужели не сонъ, не наводненіе?» думалось мнѣ; но увы!—разсудокъ, все еще подавленный угнетающимъ впечатлѣніемъ всего, только что пережитаго и совершившагося, не могъ пока дать мнѣ на эти вопросы никакого опредѣленнаго, разумнаго отвѣта.

Въ полудремотномъ состояніи досадѣлъ я на паперти до утра, и только въ восьмомъ часу, когда совсѣмъ уже разсвѣло, рѣшился вернуться домой.

Служанка уже встала и встрѣтила меня крайне удивленною физиономіей.

«Какъ же, молъ, такъ?.. Сама впускала, сама свѣтила, а нѣ вдругъ оказывается, что постоялецъ то сбѣжалъ!.. Въ хорошее, надо быть, мѣсто, вечего сказать!.. Вишь, озорники ка-

кіе!» прочелъ я въ ея недоумѣломъ и отчасти даже сконфуженно-смущенномъ взорѣ.

Но что значить свѣтъ дневной!—Съ этимъ благодатнымъ свѣтомъ всѣ страхи какъ рукой сняло, и я, усталый и размазняный, первымъ же дѣломъ и «ничто же сумняся», завалился спать на ту же самую кровать, даже и не взглянувъ на «Русскій Вѣстникъ».

* * *

Сонъ окончательно освѣжилъ и ободрилъ меня. Но когда, проснувшись, кинулъ я случайный взглядъ на столѣтъ, то книжка, къ новому удивленію моему, оказалась не перегнутою на извѣстной страницѣ, а закрытою какъ слѣдуетъ, обложкой кверху. Не знаю, можетъ быть, и самъ я развернулъ ее давеча, когда провѣрилъ страницы, но только со страху не замѣтилъ этого. Очень возможно. А, что касается до того, какимъ образомъ страницы могли сами собою перевертываться, то на спокойный разсудокъ и при дневномъ свѣтѣ, мнѣ какъ-то само собою и притомъ сразу явилось самое подходящее объясненіе: книжка

была еще свѣжая, необмятая въ рукахъ, и страницы далеко не всѣ разрѣзаны, а листы прошиты туго. Вѣроятно все, что въ перегнутой книжкѣ они стали топорщиться и отъ этого сами собою отгибаться. А мнѣ, подъ вліяніемъ вечерняго разговора, почудилось, что ихъ перевертываетъ чья-то рука съ извѣстнаго рода систематическою постепенностью.

Жаль только, что такіа простыя объясненія не всегда приходятъ сразу и въ нужную минуту, а являются только потомъ, какъ результаты спокойнаго и досужаго соображенія. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ я провелъ прескверную ночь, и вмѣсто того, чтобы праздновать свои офицерскіе эполеты, глупѣйшимъ образомъ отпраздновалъ трусу. Тогда мнѣ было совѣстно сознаться въ этомъ, да и некому, и некогда, такъ какъ я въ тотъ же день долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; но теперь, спустя болѣе десяти лѣтъ, мезонинъ въ Ревякиной улицѣ и все это приключеніе составляетъ для меня одно изъ самыхъ милыхъ воспоминаній моей жизни.

ЗМѢИНЫЙ ДѢДЪ.

Р А З С К А З Ъ

Лѣтомъ 1867 года довелось мнѣ провести нѣсколько времени въ одномъ изъ прелестныхъ глубоко-мирныхъ уголковъ Елатеринославской губерніи, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, у однихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, имѣііе которыхъ раскинулось на привольныхъ мѣстахъ, богатыхъ и роскошнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ берега рѣки Дона, и тучными пажитями, и красивыми холмами, а отчасти даже и небольшими скалами, которыя въ вертикальных своихъ плоскостяхъ обнаруживаютъ плитняковыя, асфальдитныя и гранитныя наслоенія. Охоты въ этихъ мѣстахъ тоже недурныя, въ особенности по Дону, и такъ какъ дни стояли прекрасные, то я довольно часто отправлялся бродить съ ружьемъ по прибрежнымъ тѣнистымъ зарослямъ.

Въ верстѣ разстоянія отъ господской усадьбы, среди цвѣтущихъ сочныхъ луговъ, подъ сѣнью небольшой, но старорослой ольховой и чернокленовой рощи, пріютилась небольшая пасѣба съ соломеннымъ куренемъ и глиняною мазанкой, приспособленною для житія зимой. Здѣсь была криница съ чистою студеною водою, и благочестивая рука стараго пасѣчника

утвердила надъ этой криницей на стволѣ древняго дуба маленький досчатый кіотъ, въ родѣ навѣса, гдѣ помѣщался старинный потемнѣлый образъ св. Зосимы, покровителя пчеловодства. Въ жаркій полдень или вечернею порой, утомленный жаждой и продолжительною ходьбой на охотѣ, я нерѣдко захаживалъ на пасѣку освѣжить пересохшее горло криничною водою.

Но еще болѣе, чѣмъ эта вкусная вода, привлекалъ меня въ свой укромный уголокъ самъ пасѣчникъ, всегда встрѣчавшій меня съ большимъ радушіемъ.

Это былъ высокій, мускулисто-сухоощавый старикъ, съ длинными повисшими усами и шетинистою бородой, которую, несмотря на свои весьма и весьма почтенные, даже ветхіе годы, онъ все-таки продолжалъ «голять», то-есть брить подъ большіе праздники. Человѣкъ былъ интересный. По его собственному счету, ему уже стукнуло девяносто четыре года; но на взглядъ, по наружности, никто не далъ бы старому Остапу болѣе шестидесяти лѣтъ; до такой степени былъ онъ еще бодръ и крѣпокъ какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Весь сѣдой какъ

лунь, съ лицомъ и грудью, которая подъ лучами южнаго солнца давнымъ-давно уже приняла темно-бронзовый оттѣнокъ, дѣдъ производилъ своею наружностью эффектъ чрезвычайно выгодный для живописца, еслибы перевести на полотно его характерныя черты и краски. Сдвинутая на затылокъ бараниковая шапка—одна и та же для зимы и лѣта—бѣлая холщевая рубаша съ вѣчно разстегнутымъ большимъ воротомъ, такіе же штаны, по-чумацки пропитанные дегтемъ и стяннутые ремешкомъ поясомъ, да башмаки на босу-ногу: таковъ былъ лѣтній костюмъ дѣда Остапа. На бронзовой «волосатой» груди его висѣлъ мѣдный «киевскій» крестъ довольно солидныхъ размѣровъ; во чего-чего не помѣщалось только на его «кожаномъ поясѣ, который былъ усаженъ рядами разныхъ металлическихъ, преимущественно военныхъ пуговицъ! Подстегнутые и подвѣшенные на разныхъ ремешкахъ и «мутузочкахъ», тутъ у него болтались: «люлька», ножъ въ чехлѣ, гребешокъ, «красало», то-есть огниво, игла для прочистки люльки, кисеть съ табакомъ курительнымъ, рожекъ съ табакомъ нюхательнымъ, кожаная сумочка для денегъ и еще какіе-то, невѣдомые мнѣ, инструменты по ичеловодной специальности. Дѣдъ держался нѣсколько сутуловато и ходилъ степенно-медлительною, но бодрюю походкой, опираясь на длинный самодѣльный посохъ. Память у него была превосходная, но въ особенности отчетливо и ясно помнилъ онъ годы своей молодости, про которые не прочь былъ порой и поразсказать кое-что далеко не безынтересное. Этимъ-то преимущественно и сталъ онъ мнѣ достолюбезень. Достаточно сказать, что дѣдъ Остапъ хорошо помнилъ «Очаковскую зиму» (1788 года). Его отецъ былъ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ въ этотъ край изъ Бѣлгородскаго намістничества, и въ эту-то «Очаковскую зиму» Остапъ, тогда еще пятнадцатилѣтній мальчикъ, вмѣстѣ со своимъ «баткомъ» тонулъ гурты и ходилъ съ обовомъ въ нашъ лагерь подѣ Очаковъ; видѣлъ тамъ и «святѣйшаго», то-есть князя Потемкина, видѣлъ и Суворова; по его разсказу это была зима столь суровая, что подобной въ Новороссійскомъ краѣ не запомнить старожилы ни до, ни послѣ того времени.

— Було такъ, що птыця летыть-летыть, та й впадѣ на снѣгъ, якъ каминь зъ неба,—разсказывалъ Остапъ.

Разсказывалъ онъ и про то, какъ «на самага-Миколу», то-есть на 6-е декабря, палъ, наконецъ, Очаковъ подъ нашими штыками; какъ во время приступа «святѣйшій» стоялъ «коло гарматъ» (на батареѣ) и «гласно спивалъ молибны», а потомъ, какъ онъ ухалъ «до матушци-царици» и какъ крестьяне ему по ночамъ всю дорогу кострами освѣщали и кричали «ура». Помнилъ Остапъ и многое

другое: помнилъ какъ Сѣчь Запорожскую на Кубань переводили, какъ «Вонапаръ-анты-христъ» шелъ на Россію «зъ невірными царями», какъ «Ермолай-гѣнераль» на Кавказѣ орудовалъ; помнилъ, какъ гробъ царя Александра возли изъ Таганрога и при этомъ толпы крестьянъ и все панство стекались на большую дорогу поклониться праху государя, и по ночамъ тоже освѣщали весь путь кострами.

У Остапа было въ запасѣ много и много житейской мудрости, почерпнутой имъ изъ долголѣтняго опыта. Онъ умѣлъ, наприкладъ, кровь загонривать и дѣлать разные болѣзни на людяхъ и на скотѣ, зналъ свойства многихъ цѣлебныхъ травъ и корешковъ, которые въ большомъ запасѣ хранились въ его хаткѣ-мазанкѣ, въ мѣшечкахъ на образной полкѣ, или подвѣшивались пучечками подѣ потолочную балку. Былъ на селѣ такой слухъ, что у стараго пасѣнника и деньга таки водятся, только невѣдомо, гдѣ ее изъ землю зарываетъ: боится-де, чтобы не обокрали. Толковалъ народъ и пустыя басни, будто Остапъ владѣетъ тайной заклинать и открывать клады и что кабы онъ только захотѣлъ, то могъ бы сейчасъ же сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человекомъ на всю губернію, такъ какъ ему вѣдомы всякіе клады: и турецкіе, и татарскіе, и казацкіе.

Остапъ только ухмылялся въ отвѣтъ на такія рѣчи, да многозначительно помалчивалъ, курия свою люльку-носогрѣйку; ему кажется было даже пріятно, что въ народѣ его за колдуна почитаютъ: дескать, пускай себѣ думаютъ, что хотятъ, отъ этого худа не будетъ, а еще добро, такъ какъ иной человекъ, разумѣя его колдуномъ, въ иной часъ можетъ-быть и поостережется сдѣлать старику какое нѣ на есть зло, обокрасть или даже убить его на уединенной пасѣкѣ, подмываемый на злое дѣло слухами о деньгахъ, будто бы зарываемыхъ Остапомъ гдѣ-то тутъ по близости.

Любилъ я порою разговориться съ нимъ про старыя годы, вызвать его на воспоминанія—и разъ что старикъ самъ незамѣтно увлечется ими, тихая рѣчь его текла плавно и мѣрно, какъ старая сказка.

Каждый разъ, бывало, что придеши къ нему, онъ отрѣжетъ кусокъ пшеничнаго короваля, принесетъ свѣжихъ огурцовъ да мисочку душистаго отстойнаго меду и умѣститъ все это предо мною на старой опрокинутой колодѣ, служившей нѣкогда ульемъ. «Кушайте съ Богомъ, паночку, на здоровье!» А затѣмъ, мало-помалу, слово за словомъ, начинаются какіе-нибудь разсказы. Дашь ему подѣ конецъ бесѣды двадцать или тридцать копеекъ въ подарокъ за угощеніе—и старикъ, видимо, останется очень доволенъ, неторопливо отстегиваетъ мѣдную пуговку своей кожаной сумочки и бережно опускаетъ туда монету. Любилъ-таки прикупить денежку! Разъ было спросилъ я его, дѣ-

ласть ли онъ какое-нибудь употребленіе изъ своихъ денегъ?

— А якъ же-жъ! — отвѣчалъ онъ и, поведя меня въ хатку, показавъ тамъ «бирку», гладко выструганную планочку, на которой разными крестиками и зарубками, понятными лишь ему одному, были отмѣчены всѣ его денежные прибыли. «Нехай у церковь Богу на масло, та на ныщу братью достанутся, на поминъ души», пояснилъ Остапъ и прибавилъ, что уже сдѣлалъ распоряженіе на случай своей смерти.

Однажды побѣхалъ я верхомъ верстъ за двадцать въ степное село, къ знакомому мировому посреднику, и незамѣтно засидѣлся въ гостяхъ до вечерней зари. Оставляли было ночевать, но я предпочелъ добраться домой по ночному холодку, вмѣсто того, чтобы тапиться завтра по жарѣ, на солнцепекѣ, а жара въ эти дни уже съ семи часовъ утра давала-таки себя чувствовать самымъ исправнымъ образомъ. Ъхалъ я ровною степью. По глубоко синему небу кое-гдѣ мигали рѣдкія звѣзды; зато луна среди легкихъ дымчатыхъ облачковъ играла полнымъ блескомъ, озаряя бѣлые султаны степного ковыля и темные клубки перекати-поля. Ирѣдка, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, вырисовывался слабо-освѣщенный силуэтъ большой дрефы, которая и не думала пугаться и летѣть при гулкомъ звукѣ копытъ моей лошади, а напротивъ, какъ бы съ нѣмымъ удивленіемъ встрѣчала и провожала поворотомъ головы непривычное для нея въ такую пору появленіе одинокаго всадника. Вся окрестность вблизи и вдали звенѣла однимъ непрерывнымъ, музыкальнымъ звукомъ, который то ослабѣвалъ, то плавно усиливался, но не обрывался ни на единый мигъ. Этотъ звукъ производятъ міриады кузнечиковъ своимъ стрекотаньемъ, что начинается у нихъ послѣ солнечнаго заката и непрерывно длится вплоть до утренней зари. И странное впечатлѣніе производитъ эта безконечная, нѣсколько тоскливая нота: такъ и кажется, будто сама степь звучитъ, и поетъ, и стонетъ изъ глубины своихъ необъятныхъ просторствъ, какъ нѣчто живое, одушевленное... Вотъ вдали виднѣется костерокъ, и чѣмъ ближе подѣзжаешь къ нему, тѣмъ яснѣе начинаетъ различать ухо, что къ ночнымъ звукамъ степи присоединяются еще и мелодическіе звуки деревянной свирѣлки, на которой, артистъ-самоучка наигрываетъ популярнѣйшую въ то время по всему Новороссійскому краю пѣсню:

И жить будемъ, и гулять будемъ,
А смерть прійде, помырать будемъ.

Куда бы ни направился, бывало, только эти звуки и услышишь на степи и въ поселкахъ, среди дня и глубокой ночи. Эту пѣсенку повсюду и напѣвали, и на дудочкахъ наигры-

вали пастухи и деревенскіе ребятишки. Подѣзжаю къ костерку еще ближе и ближе, тянетъ уже дымкомъ на встрѣчу и доносятся вкусный запахъ кулеша съ галушками, что кипитъ-поспѣваетъ въ казанкѣ на треногѣ. Это чабаны расположились на ночь съ громадною отарой; овцы тутъ же разбрелись по степи и тихо пасутся, оберегаемые со всѣхъ сторонъ умными собаками-овчарками. Костерокъ такъ привѣтливо манитъ къ себѣ прикурнуть въ кружокъ вмѣстѣ съ чабанами и такъ весело трещитъ его пламя у подножія степного кургана, трепетно озаря порою каменную «бабу», которая уже много и много вѣковъ одиноко торчитъ на вершинѣ этого кургана, сложивъ на груди свои каменные руки и будто сфяксь загадочно глядя въ безконечность... Этотъ идолъ—нѣмой свидѣтель эпохи великаго переселенія народовъ, а быть-можетъ и еще болѣе отдаленнаго времени.

Разспросилъ я у чабановъ о дорогѣ: хотъ и надѣвшеся на свою памятьвость, а все-таки какъ-будто повѣрнѣе будетъ, когда разспросишь, и поскакалъ далѣе.

Ъхалъ я все время бойкою, круною рысью. Вотъ уже скоро и дома: видны вдали по косогору бѣлыя стѣны деревенскихъ хатъ, озаренныя луннымъ свѣтомъ; тамъ кое-гдѣ дватри огонька въ низенькихъ оконцахъ мигаютъ; дворовыя собаки всю окрестность оглашаютъ разливистымъ лаемъ. Вотъ и роща дѣда Остапа надвигается все ближе и ближе, словно разлегшійся по землѣ гигантскій круглоголовый призракъ; ужъ теперь не болѣе двухъ верстъ остается.

Конь мой усталъ и взмылился отъ быстрого ѣзда. Не желая задавать конюху лишняго труда вываживать лошадь, я соскочилъ съ сѣдла, ослабилъ подпруги и повелъ ее въ поводу. Судя по звѣздамъ, уже было около двѣнадцати часовъ ночи. Курить мнѣ смерть какъ хочется, но такая досада—въ портсигарѣ, какъ на зло, ни одной спички не оказывается. Знаю, что путь мой лежитъ какъ разъ мимо самой пасѣки, — значитъ, у дѣда закурить бы, да вѣдь ужъ спать давнымъ-давно, поди-ка!.. Нечего дѣлать, придется потерпѣть до дому.

Минутъ пять спустя я уже шелъ вдоль жерданой пасѣчной изгороди, густо и красиво обвитой побѣгами дикаго хмеля и павоемъ, бѣлые цвѣтки котораго, раскрывъ свои рыльца, глядѣли на мѣсяцъ, словно бы жадно упиваясь его лучами, что протянулись, какъ длинныя нити и разсыпались мелкою сѣтью между высокими бурьяномъ, крапивою и кудравыми вѣтвями черноклена. Вотъ и знакомая калитка въ изгороди.

Только что-жъ это такое?.. Никакъ дѣдъ-то не спитъ... Вглядываюсь пристальнѣе, и точно, шагахъ въ двадцати отъ меня, на лужайкѣ предъ мазанкой, ясно вырисовывается на ноч-

номъ фонѣ зелени его высокая фигура, вся облитая луннымъ свѣтомъ. Дѣдъ сосредоточенно занялъ какимъ-то дѣломъ и, какъ-то даже вовсе не разслышавъ звука копытъ моей лошади; не замѣчаетъ и того, что я остановился у калитки. Онъ тихо посвистываетъ, какъ-будто зоветъ кого-то и какъ-то странно разводитъ простертыми впередъ руками, какъ бы заманивая или призывая къ себѣ какія-то невидимыя существа, невѣдомыя тайныя силы.

Старый кудластый пестъ его, почувавъ присутствіе посторонняго человѣка, разразился хриплымъ лаемъ, но Остапъ и на это не обратилъ вниманія, — продолжаетъ все то же занятіе. Но вѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кого это онъ манитъ? Вокругъ никого и ничего не видно. Колдуетъ что ли, или, можетъ-быть, Богу молится? Однако же движенія эти не похожи на молитву. Порою дѣдъ наклоняется, внимательно всматриваясь вокругъ себя, точно бы ищетъ чего-то по землѣ. Вотъ онъ поднимаетъ что-то и положилъ предъ собою подъ разостланное по землѣ широкое полотенце и опять выпрямился, опять посвистываетъ и дѣлаетъ эти странныя движенія руками, которыя отчасти напомнили мнѣ «пассы», употребляемые магнетизерами при пхъ сеансахъ. «Клады заклинаетъ!» мелькнуло у меня въ умѣ. «Неужели же справедливы народные толки?»

Я, наконецъ, рѣшился окликнуть его и громко произнесъ:

— Дяду!

Собака залаяла еще громче и злѣе. Остапъ встрепенулся, поднялъ голову и въ недоумѣніи повелъ вокругъ себя глазами, словно бы затрудняясь еще дать себѣ отчетъ, точно ли его окликнулъ кто, или ему только такъ почудилось?

Я повторилъ свой возгласъ.

Старикъ шиткомъ приставилъ ладонь къ бровимъ и вглядчиво уставился глазами по направлению къ калиткѣ.

— Кто се тамъ? — послышался его недовольный и отчасти раздосадованный голосъ. — Якогось биса тамъ кому треба одъ мене? Ходы собі, чоловиче, мимо, колы ты добрій!

Я назвалъ себя по имени и попросилъ огня закурить сигару.

— А!.. Се вы, паночку!.. Такъ бы и казали! — заговорилъ онъ уже болѣе ласково, хотя, какъ показалось мнѣ, отчасти смущеннымъ тономъ. Почекайте трішку, заразъ выйду.

Я захлестнулъ трезельный поводъ за одинъ изъ колебѣвъ забора и пошелъ въ калитку.

— Стойте тамъ! нейдыть до сюды! — поспѣшнѣ предупредительно крикнуть мнѣ старикъ; но, грѣшный человѣкъ, не осилилъ я въ себѣ любопытства: больно ужъ захотѣлось узнать, что такое онъ тутъ предѣлывалъ въ

такой таинственной обстановкѣ, и потому, не послушавшись его предостереженія, шелъ себѣ далѣе.

— Дай ужъ заодно, голубчикъ, и напиться мнѣ, — сказалъ я, чтобы хоть этимъ предлогомъ оправдать въ его глазахъ свое движеніе впередъ вопреки его волѣ.

— Та я бѣ вамъ и туды принисъ, — пожалъ онъ плечами.

— Ну, все равно, коли ужъ я къ тебѣ и самъ пришелъ... Только, пожалуйста, поскорѣ воды и огня! Смерть какъ и пить, и курить хочется!

— Заразъ, — пропѣдилъ онъ сквозь зубы и, раздумчиво почесавъ поясницу, лѣнивымъ шагомъ побрелъ въ свой курень за глинянымъ кувшиномъ.

— Что это ты не спишь, Остапъ, — спросилъ я его тѣмъ часомъ.

— Сна не маю, — отвѣтилъ онъ не-хотя и подаль мнѣ воду. — Пійте зъ Богомъ, на здорровье!

— И что же ты дѣлаешь, когда тебѣ не спится? — продолжалъ я. — Вотъ теперъ, наприкладъ, чѣмъ ты занимаешься?

Старикъ не безъ подозрительности оглядѣлъ меня пытливо и внимательно, какъ бы стараясь разгадать, ради чего, съ какою цѣлью задаетъ ему «панычъ» такіе вопросы?

Я напился прямо изъ горлышка и поставилъ кувшинъ на землю; но, опуская его, вдругъ печально замѣтилъ, что подъ бѣлымъ полотенцемъ, разостланнымъ тутъ же по землѣ, какъ будто что-то шевелится. Вглядываюсь — и впрямь шевелится. Я попыталъ было отклянуть хлыстомъ конецъ полотенца, какъ вдругъ старикъ быстро схватилъ и отвелъ мою руку.

— Не замайте! — промолвилъ онъ отрывисто и строго.

— А что тамъ?

— Э, Боже жъ мой! — нетерпѣливо и досадливо мотнулъ онъ головой. — Хиба жъ я на смихъ кажу вамъ, чи що?.. Який вы, панычу!.. Нате вамъ огня, та й ходите собі зъ Богомъ до дому!.. Видна коняка ваша и то вже зморылась, и спаты и ясты хоче. Богъ зъ вами!.. А якъ хочете, то завтра приходите до пасвици, — побалакаймо... Добра-ночь!

Старикъ видимо торопился поскорѣе проводить меня съ пасѣки. Наставать далѣе было бы не деликатно и я, простившись съ нимъ, направился по тропинкѣ къ калиткѣ, гдѣ фыркала и терлась о плетень мордой моя усталая лошадь. Остапъ пошелъ провожать меня. Но не успѣлъ я сдѣлать пяти-шести шаговъ, какъ вдругъ стремительно отшатнулся назадъ, подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ невольнаго инстинктивнаго испуга. Поперекъ дорожки, вытянувшись во всю свою длину, лежала змѣя аршинна въ полтора вели-

чпную; ея склизкое тѣло слабо отсвѣчивалось стальнымъ блескомъ подъ лучами мѣсяца.

— Не бойтесь, паночку! — успокоительно взялъ меня за руку пасѣчникъ. — Шагайте скрозь! Вона вамъ ничѣго не зробить. Тильке часомъ не наступить ногою...

Я, однако, не рѣшался послѣдовать этому совѣту. Отъ такого шага удерживало и чувство боязни и чувство отвращенія. Остатъ, видя мою трусость, пожелалъ убѣдить меня нагляднымъ примѣромъ и спокойно перешагнулъ черезъ змѣю впередъ и затѣмъ второй разъ обратно...

— Ну, ось вамъ! бачите?.. Кажу, шо ничѣго не зробить!.. У мене на пасици гадюки не жалать.

И точно, змѣя лежала какъ очарованная, почти не шевелясь; только легкое, медлительное колебаніе ея кольчатого тѣла обнаруживало въ ней признаки жизни.

Я, наконецъ, превозмогъ свое неприятное чувство и, намѣтя себѣ самый широкій шагъ, быстро, но осторожно переступилъ черезъ отвратительную гадюку. Нечего и говорить, что нѣсколько шаговъ, остававшихся мнѣ до калитки, прошелъ я, глядя во все глаза на тропинку, — все такъ и думалось, что вотъ-вотъ подвернется подъ ноги подобная же мерзость. Однако, ничего, пріятный сюрпризъ не повторился, и я, простясь съ Остапомъ, уже безо всякихъ приключеній добрелъ себѣ до дому, доставивъ лишь деревенскимъ собакамъ поводъ къ одному лишнему въ эту ночь безпокойству или развлеченію — встрѣтить и проводить меня долго несмолкавшимъ лаемъ.

На другой день, часу въ шестомъ вечера, зашелъ я гуляя къ Остапу. Услысь мы съ нимъ на поваленной колодѣ, и ведемъ неторопливые разговоры, какъ вдругъ замѣчаю я, что по травѣ что-то ползетъ, пробирается прямо къ нашему сидѣнью. Трава тутъ была мелкая, низенькая, но густая. Смотрю — гадюка. Опять вскочилъ я какъ ошаренный, такъ что даже самъ Остапъ вздрогнулъ отъ неожиданности этого движенія и воззрился на меня удивленными глазами.

— Що се зъ вами?!

Я молча указалъ взглядомъ и рукой на приближавшуюся гадюку.

Остапъ усмѣхнулся.

— Ну, и шо жъ? Горпинка и быльшъ ничѣго! — пожалъ онъ плечами. — Я вже вчѣра казавъ, шо бы вы не лякались, бо у мене ни Горпинки, ни Марьянки не жалать. Ось, вона заразъ буде тутъ, на ладоньци. Хотите?

И дѣдъ, какъ сидѣлъ на колодѣ, такъ и остался, только протянулъ къ гадюкѣ свою правую руку.

— Ну, ну... ходы, ходы сюды, Божа гадина, ходы! — заговорилъ онъ благодушнымъ

ласковымъ тономъ, какъ обыкновенно говорить маленькимъ дѣтямъ, и началъ тихо подманивать змѣю пальцами. Не бійсь бо, ходы, кажу!.. Ну, Горпинко... Ну же, ну?!

Випера слегка приподняла головку, поводила ею изъ стороны въ сторону и, точно бы противъ собственной воли, подчиняясь обаявшей ее магнетической силѣ, медленно всползла къ старику на ладонь и браслетомъ обвилась вокругъ его кисти и запястья. Дѣдъ бережно развѣлъ ее и взялъ обѣими руками за хвостъ и шейку, вытянувъ во всю длину красиво испещренное тѣло виперы.

— Ну, ось вона вамъ! Дивитесь! Отъ яка!.. И рогъ надъ очима, бачите? То сама шо ни вайлютійша, бо зъ рогами и якъ пожалыть, то смерть... Отъ яки зубы, — говорилъ дѣдъ, разинувъ гадюкѣ пасть, — нынчѣ якъ голки колючи!

И затѣмъ, свернувъ змѣю въ комокъ, онъ преспокойно засунулъ ее къ себѣ за пазуху.

— Нехай погрѣється трошку коло сердца.

Послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, дѣдъ раскурилъ полупотухшую люльку и возвратился къ своему прерванному разсказу.

Но мнѣ, признаюсь, было ужъ не до разсказовъ. Съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ ужаса, любопытства и суевѣрнаго благоговѣнія, во все глаза глядѣлъ я на Остапа. Все, что продолжалъ онъ сейчасъ предо мною, было такъ неожиданно, такъ поразительно и странно, чуть не сверхъестественно... Я почти не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, а между тѣмъ змѣя несомнѣнно лежала у дѣда за пазухой. Невольно пришли мнѣ на умъ разсказы про индійскихъ и алонокскихъ закливателей змѣй, причемъ припомнилось вычитанное гдѣ-то свѣдѣніе, что азіатскіе фокусники предварительно выдергиваютъ у змѣй ядовитые зубы; но здѣсь предо мною былъ налицо фактъ совсѣмъ противоположный: несомнѣнно, что гадюка подползла къ намъ вполне случайно, ибо Остапъ настолько самъ былъ занятъ своимъ разсказомъ, что въ ту минуту, конечно, позабылъ про всехъ гадюку на свѣтѣ; равнымъ образомъ, несомнѣнно для меня было и то, что зубы виперы находились въ совершенной дѣлности, да и Остапъ, наконецъ, не былъ профессиональнымъ фокусникомъ. Все, что продолжалъ онъ теперь со змѣей, было съ его стороны такъ безыскусственно, даже наивно-просто и все это очевидно являлось для него такимъ зауряднымъ, привычнымъ дѣломъ, что я ни на единый мигъ не могъ заподозрить старика въ желаніи поразить меня фокусническимъ эффектомъ.

Минутъ около пяти подержавъ змѣю за пазухой, онъ досталъ ее оттуда и пустилъ на траву.

— Гуляй собі, Божа гадына, пока Богъ грихамъ твоимъ тэрпыть!

Быстро соскользнувъ съ ладони, випера юркнула въ сторону и скрылась гдѣ-то подѣ ближайшимъ допущникомъ.

— Какъ ты это дѣлаешь? — спросилъ я Остапа, все еще не вполне оправясь отъ ошеломляющаго впечатлѣнія.

— То мени одѣ Бога такъ.. Таланъ такий маю.

— И тебя онѣ ня разу не кусали?

— Горпняки? Никобы!.. Воны не сміють, — отвѣчалъ старикъ съ увѣренностью незыблагаго убѣжденія.

Добро бы въ Индіи, въ Китаѣ, но у насъ на Руси, признаюсь, не ожидалъ я подобнаго дива и еслибы не видѣлъ его собственными глазами, то не повѣрилъ бы.

Подѣ свѣжимъ и сильнымъ впечатлѣніемъ этого случая возвратился я домой въ усадьбу и за вечернимъ чаемъ рассказываю о немъ моимъ хозяевамъ.

— А вы развѣ не знали? — отвѣчаютъ мнѣ. — Да это что еще!.. Онѣ у насъ и не такія штуки иногда выкидываетъ. Скликается, напримѣръ, къ себѣ на пасѣку всѣхъ гадюкъ со всего окрестка и въ рѣшетѣ ихъ держитъ до перваго праздника.

— Такъ, стало-быть, вотъ чѣмъ занимался онѣ этою ночью! — домекнулся я и встать разсказать о моемъ ночномъ посѣщеніи Остапа.

— Ну, такъ! — воскликнулъ мой хозяинъ. — Это онѣ навѣрное змѣй скликалъ! Онѣ у него воѣ подѣ особыми клыками, по породамъ и возрастамъ: которая Марьянка, которая Горпина, Оксана, и разныя тамъ другія... Завтра къ тому же воскресенье, вотъ онѣ ихъ и подготавливаетъ къ празднику.

Я заинтересовался узнать, зачѣмъ именно къ празднику.

— А видите ли, — объяснили мнѣ, — старикъ любить иногда крючокъ водки въ праздникъ хватить, но денегъ ему жалъ на это — скупенекъ таки, не любить гратить на пустое — вотъ змѣи и добываютъ ему водку.

— Это какимъ же образомъ? — изумился я.

— Да вотъ подите завтра послѣ обѣдни къ корчмѣ, сами увидите.

Послѣ этого мой интересъ и любопытство къ дѣду Остапу не то-что удвоились, а удесятирились, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашняго утра.

Наконецъ оно настало.

Обѣдня только-что кончилась, и народъ въ своихъ праздничныхъ уборахъ повалилъ изъ церкви на площадь, «на погулянки». Въ церковь понаходило и понаѣхало на возахъ много прихожанъ изъ сосѣднихъ хуторовъ и деревушекъ. Изъ пѣшиходовъ наиболѣе обстоятельные люди, еще у ограды поснимаютъ съ ногъ свои новые смазные чоботы, позабирали

ихъ въ руки или понавѣсили на дорожные посохи и побрели по-добру по-здорову во-свои-ся; но большинство, и въ особенности молодежь обоого пола, оставалось пока еще въ селѣ «на погулянкахъ».

Тутъ же, на сельской площади помѣщалась и гостепріимная корчма. У ея порога, подѣ навѣсомъ, на «призвѣ» уже расположилась бродячая цыганская музыка, приглашенная ради праздника предусмотрительнымъ корчмаремъ. Убогая скрипка, свирѣль и бубенъ шумно наигрываютъ забористаго «гонака». Дивчата и молодухи въ пестрыхъ ситцевыхъ «сподницахъ», съ цвѣтными яркими «хустками» на головахъ, уже схватились между собой за руки, стали въ кружокъ и готовятся начать «горляцу». Между тѣмъ мужики и нѣкоторыя бабы отправляются въ корчму хватить малую толпку ради праздника и «побалакать» со знакомыми; тамъ батрачка-наймайка уже чуть не обилась съ ногъ и мечется во всѣ углы какъ угорѣлая, напѣживая изъ бочекъ и разнося гостямъ напѣтки — тому крючокъ водки, этому кварту пива, а шинкарь Янкель и его «мадамъ» только посиваютъ обирать выручку и давать сдачу, уже заранѣе потирая руки отъ предвкушенія хорошихъ барышей: ихъ замурзанные жиденята въ ермолкахъ и лапсердакахъ, съ наслажденіемъ грызутъ и сосутъ свои праздничные бублики... Уже довольно-таки народу скопилось и внутри корчмы, и около, какъ вдругъ съ надворья раздалась чьи-то предупреждающіе визгливые крики.

— Гадючій дидъ иде! Горпняки несе!.. Диды!.. Ховайтеся, добри люде, — дидъ змѣяный!

Въ толпѣ тотчасъ же обнаружилось особенное волненіе. И вотъ, дѣйствительно, идетъ чрезъ площадь старый Остапъ, опираясь на посохъ. Поверхъ чистой сорочки на его плечи накинута сѣрая суконная свита. Мимоходомъ онѣ сановито кланяется тому-другому промежъ народа и переступаетъ порогъ корчмы. Дѣдъ ничего еще не успѣлъ ни сказать, ни сдѣлать, а дѣвчата и дѣти уже съ визгомъ кинулись отъ него во всѣ стороны, сопровождаемыя веселымъ смѣхомъ паробковъ. Вотъ онѣ сѣлъ въ корчмѣ на лавку, тихо опустилъ съ плечъ свою свитку — и вдругъ съ его шеи поползли Горпняки, Марьянки, Оксанки... Все, что было въ горнищѣ, гурьбой ударилось бѣжать вонъ, тиская и давя другъ друга. Поднялся визгъ неистовый. Мадамъ-шинкарка, съ крикомъ «киндеръ а-векъ!» спѣшитъ убраться со своими жиденятами въ другую комнату и захлопнуть за собою дверь; самъ Янкель въ ужасѣ вскакиваетъ на стойку и воля подбираетъ полы своей хламиды, а змѣи дѣда Остапа расплзаются во всѣ стороны, выются въ кольца, изгибаются, чуть не прыгаютъ какъ бѣшенныя, шипятъ и разѣваютъ пасти, показывая трепещущія жала, межъ тѣмъ какъ самъ дѣдъ, съ полужакрыты-

ми глазами, словно утомленный, спокойно и неподвижно сидит себѣ на лавкѣ, прислонясь къ стѣнѣ спиной. Янкель начинаетъ слезно умолять его, чтобы онъ «кушилъ себѣ» сколько хочеть водки, только бы убралъ поскорѣе своихъ Горпинюкъ. Остапъ подходитъ къ бочкѣ, нацѣживаетъ себѣ крючокъ, затѣмъ, обращаясь съ поклономъ къ Янкелю, поздравляетъ его съ праздникомъ и медленными глотками, не отрываясь отъ крючка, выпиваетъ здоровую порцію водки. Крякнувъ отъ удовольствія и обернувъ усы рукавомъ сорочки, онъ садится на прежнее мѣсто и начинаетъ тако посвистывать.

И вотъ, нѣсколько мгновеній спустя, змѣи вдругъ прекращаютъ свои порывистыя, судорожныя движенія. Силой ли этихъ магическихъ посвистовъ или чѣмъ инымъ успокоенныя, онѣ выпадаютъ въ состояніе сонливой апатіи и тогда начинаютъ медленно сползаться изъ всѣхъ угловъ къ дѣду Остапу. Тутъ онъ беретъ ихъ одну за другою обѣими руками и, перебрасывая черезъ голову на затылокъ, надѣваетъ себѣ на шею, совершенно такъ, какъ дѣлають бабы съ мотками нитокъ. Черезъ минуту все это живое ожерелье уже спрятано у него подъ накинутою на плечи свиткой—и дѣдъ съ поклономъ удаляется во свояси.

— Спасыби вамъ, добри люди! Гуляйте собі зъ Богомъ!

Понятно, что дѣдъ Остапъ внушалъ толпѣ суевѣрный ужасъ къ своей особѣ и не даромъ слылъ въ народѣ за колдуна, подъ характерною кличкой «Змѣйнаго дѣда». И замѣчательно вотъ что: за весь его долгій вѣкъ не было примѣра, чтобы при подобныхъ добываніяхъ праздничной выпивки кто-нибудь былъ ужаленъ Горпинками дѣда Остапа: при немъ онѣ положительно были безвредны.

Послѣ этого послѣдняго случая въ корчмѣ, которому я былъ личнымъ свидѣтелемъ, еще болѣе захотѣлось мнѣ выиѣдать, какимъ обра-

зомъ достигаетъ онъ такой власти, такого обаянія надъ ядовитыми змѣями? Почему онѣ безусловно покоряются его волѣ и становятся въ его рукахъ окончательно безвредными.

Дѣдъ на это только усмѣхнулся.

— Я зъ ими що хѣчу, то и рѣблю,—отвѣчалъ онъ,—воны у мене на послугахъ, и якъ я закажу имъ на якого человека, то и того чековника не посмѣють вжалыть по вѣкъ.

— А можешь сдѣлать и такъ, чтобы укусили?—спросилъ я.

— Могу,—подтвердилъ змѣиный дѣдъ, но прибавилъ:—Того я никѣды не рѣблю, бо грихъ великій.

— А если кого укусятъ, ты можешь вылечить?—продолжалъ я.

— Эге!—мотнулъ онъ утвердительно головой,—тильке не зильями и не оліями, а просто зъ нашенпу. Слово заповидне, заговоръ такий маю, одъ батькѣ доставъ меня, а батьку ще й одъ прадидовъ, изъ вѣка у вѣкъ переходить...

Я предлагалъ Остапу деньги и деньги для него весьма немалыя за открытіе мнѣ его секрета, но онъ не согласился.

— Ни, паночку; не можно, бо не продажне, а заповидне, кажу вамъ. И кабы выраты малъ, то предъ смертю я бъ вамъ и такъ сказавъ, за дѣрмо, а за грѣши не можно, бо увся сыла одыйде, и ни вамъ, ни мени зъ того добра не буде.

Нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ, что Остапъ умеръ на девяносто шестомъ году отъ рожденія и умеръ тихо, безъ страданій, не бывъ даже ничѣмъ боленъ и работая у себя на пасѣкѣ еще за день до смерти, которая пришла къ нему такъ естественно и спокойно, какъ легкій сонъ къ утомленному человеку. Но открылъ ли онъ кому свое «заповѣдное слово» или унесъ его тайну съ собою въ могилу—не знаю.

ВНѢ ЗАКОНА.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

„Баринъ спитъ—не тревожьте!“

Ирина Борисовна изъ столовой прошла въ свои комнаты, а оба кузена направились въ кабинетъ. Уходя, она мелькомъ кинула много-значительный взглядъ въ лицо того, который не былъ ей мужемъ, и этотъ взглядъ, казалось, спрашивалъ: «неужели это, и въ самомъ дѣлѣ, будетъ?»

Глаза ихъ встрѣтились

Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ отвѣтилъ на него бѣглою, мимолетной улыбкой изъ-за спины своего двоюроднаго брата, и эта улыбка ясно сказала: «будьте покойны... ступайте»...

И они разошлись.

* * *

— Такъ вотъ, видишь ли, голубчикъ Платоша,—говорилъ Максимъ Григорьевичъ Вельтищевъ, положивъ руку на плечо брата и входя съ нимъ въ свой дѣловой комфортабельный кабинетъ,—теперь мы съ тобою сквитались. Я очень радъ! Но... говоря по правдѣ, эти двѣсти пятьдесятъ тысячъ шибко хлопнули меня по карману... Ты знаешь, что изъ Славногогорскаго принеся я вѣдь выдѣлялъ Картонаки да Пупыреву восемьдесятъ двѣ тысячи.

— Но вѣдь зато, за исключеніемъ моихъ двадцати паевъ, вы остаетесь теперь единственнымъ владѣльцемъ,—возразилъ Платонъ, который на двадцать лѣтъ былъ моложе своего кузена и потому, въ силу дѣтской еще привычки, относился къ нему со всѣми формами вышней почтительности. Максимъ Григорьевичъ говорилъ ему *ты* и «Платоша», какъ, бывало, говаривалъ и въ тѣ годы, когда держалъ маленькаго Платошу на рукахъ, а маленькій Платонъ, сдѣлавшись тридцатитрехъ-лѣтнимъ Платономъ Васильевичемъ и ведя уже двѣнадцать лѣтъ общія, большія денежные дѣла и обороты со своимъ бывшимъ опекуномъ, относился къ нему на *вы*, какъ и во время оно, а звалъ не иначе, какъ «Максимъ Григорьевичъ», и только за-глаза позволялъ себѣ иногда дружески-проническое напменованіе «старецъ».

— Все такъ, — согласился Максимъ Григорьевичъ,—но я никакъ не рассчитывалъ, что

придется платить тебѣ по этой сохранный роспискѣ теперь же... Я думалъ, что ты раньше марта съ меня не потребуешь...

— Ахъ, милый Максимъ Григорьевичъ! Мнѣ ужасно совѣстно, но... что же дѣлать!.. Вы сами знаете, какая нетерпѣливая крайность! — оправдывался Платонъ, не безъ удовольствія ощущая въ своемъ боковомъ карманѣ толстую пачку крупныхъ банковыхъ билетовъ.

— Смотри, братъ, зарываешься! — дружески предостерегъ Максимъ Григорьевичъ, покачавъ своею опрятненькой, лысой и сѣдой головой.

— Да вѣдь нельзя же и безъ риска! — пожалъ плечами Платонъ Васильевичъ.

— Кто говоритъ!.. Но рискъ промысловый не то, что рискъ биржевой. Лучше держись моего правила: «богатѣй медленно», — это вѣрнѣе будетъ.

— Не то время теперь, братецъ!

— Не то время... А въ трубу вылетѣшь, — при твоёмъ-то положеніи въ свѣтѣ, при твоей служебной карьерѣ — тогда что?

— Я-то?.. А мозги на что?.. Знаете пословицу: «на то и шука въ морѣ»...

— «Чтобы карась не дремалъ» — знаю, голубчикъ; такъ вотъ, и будь карасемъ, помѣму...

— Нѣтъ, ужъ я лучше предпочитаю быть шукой!

— Я, мой другъ, весь вѣкъ карасемъ былъ и, точно, не дремалъ; зато теперь триста тысячъ неприкосновенныхъ, чистоганомъ лежатъ, да помимо того въ оборотахъ, миллионными дѣлами, ворочаемъ!

— И все-таки, значить, рискуете.

— Мой рискъ — не твой. Пожалуй, раскуй по-моему — въ накладъ не останешься.

— А я и по-своему, и по-вашему рискую: вѣдь вотъ же, проектъ насчетъ желѣзо-прокатнаго завода...

— А кстати, — перебилъ его кузень, повиdimому, живо заинтересовавшійся напоминаніемъ объ этомъ проектѣ, — давеча не успѣлъ я спросить тебя: былъ ты въ министерствѣ?

— Былъ! И въ министерствѣ былъ, и у Картонаки былъ, и у Гродзинскаго, и у Розеншица, и въ редакціи у Цемша былъ, — однимъ словомъ, у вся влины и иудей!

— Ну, и что же? — оживленно спросилъ «старецъ».

— Прекрасно! Въ министерствѣ задержалъ

не будетъ: тамъ вѣдь, сами знаете, ваше имя—олицетворенный кредитъ! Картонаки и Розеншпицы идутъ въ долю, Гроднянскій охотно законтрактуется у насъ, а Цемшъ обещалъ самую дѣятельную поддержку и агитацію въ своей газетѣ.. Тысячъ пять придется, конечно, заплатить ему.

— Ну, ужъ это какъ водится!—съ отѣнкомъ какого-то презрѣнія махнулъ рукою Максимъ Григорьевичъ.

Подали кофе.

Старецъ подошелъ къ изящно выкрустированной шкатулкѣ и досталъ изъ нея сигару.

— Постойте, братецъ, не закуривайте!—съ живостью остановилъ его Платонъ Васильевичъ.—Я вчера, по случаю, добылъ себѣ на пробу сотню превосходныхъ сигаръ и доволенъ, какъ нельзя болѣе!—Розеншпицъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вамъ понравится. Вотъ попробуйте-ка!

И онъ, вынувъ изъ портсигара совѣтъ уже готовую, обрѣзанную регалию, предупредительно подаль ее своему кузену.

Максимъ Григорьевичъ имѣлъ обыкновеніе, куря сигару, сильно увлажнять и растропшивать между зубами ея конецъ. Посмаковавъ предложенную регалию, онъ, послѣ первыхъ же затяжекъ ароматнымъ дымомъ, поморщился и отложилъ ее въ сторону.

— Нѣтъ, братъ, не нравится мнѣ твоя сигара,—замѣтилъ онъ при этомъ кузену.

— А что такъ?—спросилъ Платонъ съ какою-то странной озабоченностью.

— Да и на вкусъ какъ-то не того... горечь въ ней какая-то странная, и вообще... не нравится.

— Нѣтъ, да вы курите! Это, можетъ, вамъ только такъ въ началѣ показалось или попала скверная,—убѣждалъ «старца» Вельтищевъ.—Не хотите ли, я вамъ дамъ другую?

— Нѣтъ, спасибо... можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, такъ только показалось, или это у меня нынче во рту скверный вкусъ какой-то... Я вѣдь вообще какъ-то все боленъ въ послѣднее время.

— Бываетъ, замѣтилъ Платонъ Васильевичъ.

— Вѣроятно, такъ,—согласился старецъ и снова взялся за оставленную сигару.

— Ну, однако, что это мы все одѣлали, да о дѣлахъ!.. Поболтаемте лучше о чемънибудь о веселомъ!—развязно воскликнулъ Платонъ Васильевичъ, садясь подлѣ «старца», который покойно погружался въ мягкую отоманку, стоявшую противъ камна.

Вельтищевъ-старшій, куря предложенную ему сигару, благосклонно-тихою улыбкой отвѣтилъ на предложеніе Вельтищева-младшаго

— Въ прошлую среду, въ оперѣ, вы не замѣтили въ бель-этажѣ новую *рыжую*?—тѣмъ же развязнымъ тономъ продолжалъ Платонъ.

— Не охотникъ я до вашихъ рыжихъ!—слегка, но благодушно поморщился старецъ.—Въ наше время цыганки лучше были, да и за тѣми я не больно-то гонялся... А вотъ, ты скажи-ка мнѣ лучше, какъ твой-то дѣла?

— Которая?—улыбнулся Вельтищевъ.

— Да насчетъ Коробовой... Я слышалъ слухомъ, ты заставилъ ее развѣхаться съ мужемъ?

Платонъ Васильевичъ слегка нахмурился.

— Да, я желаю этого,—отвѣтилъ онъ, немного помедля.

— И для чего это тебѣ нужно было—не понимаю!—пожалъ «старецъ» плечами.

— Для того, что этотъ мужъ, какъ глупая цыпка, стоялъ на моей дорогѣ.

— Резонъ!—усмѣхнулся кузнецъ.—Свертѣть голову молодой бабенкѣ..

— Мнѣ такъ нравилось,—перебилъ съ легкимъ неудовольствіемъ Платонъ,—я такъ хотѣлъ, и наконецъ.. наконецъ, я люблю эту женщину!

«Старецъ» усмѣхнулся на это, какъ на вздорныя и пустыя рѣчи.

Зная и любя своего кузена, онъ былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ, въ сущности, никого и ничего не любитъ, да и любить не можетъ.

Они замолчали.

«Старецъ» сосредоточенно курилъ сигару и задумчиво глядѣлъ своими тихими, голубыми глазами въ огонь камна. Нетронутая чашка кофе остывала передъ нимъ на маленькомъ столикѣ.

Платонъ, поднявшись съ отоманки какъ-бы въ ожиданіи чего-то, ходилъ неслышными шагами по мягкому ковру, сплошь покрывавшему паркетъ этой комнаты, и по временамъ искоса поглядывалъ на брата острымъ и внимательно-наблюдающимъ взглядомъ. Молчаніе это длилось минутой десять.

Сигара была докурена уже до половины.

Вдругъ старецъ сдѣлалъ какое-то порывистое и какъ бы вынужденное движеніе, словно бы силась подняться, и тихо захрипѣлъ болѣзненнымъ стономъ.

Платонъ вздрогнулъ, моментально остановился на мѣстѣ—и все свое чуткое вниманіе, весь тревожный взглядъ сосредоточилъ на своемъ кузенѣ.

— Платоша... Платоша... съ усиленіемъ пропелъ Вельтищевъ странно-косившимъ и заплетавшимся языкомъ.—Что это... Господи!.. какъ дурно мнѣ вдругъ... Платоша... помоги, голубчикъ...

Платонъ, на дыпочкахъ, неслышными шагами, поспѣшно кинулся къ нему.

— Что съ вами, братецъ?!—спросилъ онъ встревоженнымъ шопотомъ.

— Дурно... дурно... въ глазахъ темно... мутитъ въ груди... въ головѣ что-то—бормоталъ

старецъ все болѣе слабѣющимъ голосомъ и, какъ слѣпой, ощупью простиралъ впередъ руки, словно бы ища чего-то.

— Воды... воды мнѣ!—выговорилъ онъ съ усиленнымъ, надсаживаясь грудью.—Только тсс... осторожнѣй... чтобы жена не знала... молчи... не говори ей... испугается... не тревожь... это пройдетъ вѣдь...

— Пройдетъ!—успокаивалъ кузень. — Вы, должно быть, лишнее что нибудь окупали за обѣдомъ... это простыя спазмы... вы прилягте-ка, а я вамъ сейчасъ воды подамъ...

Но старецъ былъ уже въ безсознательномъ состояніи. Платонъ одною рукой прислонялъ къ своей груди его голову, а въ другой держалъ его повисшую руку.

Максимъ Григорьевичъ изрѣдка конвульсивно и тяжело подергивался; но вотъ, онъ широко раскрылъ свои, уже безжизненные, потухшіе глаза,—нервная судорога въ послѣдній разъ искривила мускулы его гладенько выбритаго лица; глаза опять захлопнулись и... вслѣдъ затѣмъ весь станъ его какъ-то осѣлся и голова тяжело повисла на руку кузена.

Вельтищевъ продолжалъ стоять надъ нимъ все въ томъ же положеніи, поддерживая его тѣло.

Въ комнатѣ царствовала глубокая тишина. Только бронзовые часы на каминѣ чуть слышно отсчитывали секунды, да изрѣдка каменный уголь потрескивалъ въ пылающемъ каминѣ.

«Однако, какъ онъ быстро холодѣетъ!» мысленно оказалъ себѣ Вельтищевъ, чувствуя, какъ подъ его ладонями начинаетъ охлаждать голову и рука его кузена.

«Но точно-ли?»...

Онъ бережно опустилъ голову старца на опилку отоманки. Попупалъ пульсъ,—неслышнѣе. Внимательно приложилъ ухо къ груди, послушалъ съ минуту,—не бьется.

Очевидно—дѣло уже было кончено.

Вельтищевъ поднялся, провелъ по лицу руками и потянулся, словно бы отъ чрезмерной усталости.

Пройдясь раза два по комнатѣ, онъ неторопливо оглядѣлся вокругъ, какъ бы соображая, что теперь слѣдуетъ дѣлать?

Взглядъ его прежде всего отыскалъ на коврѣ окурки сигары, выпущенный въ первую минуту дурноты обезсиленными пальцами покойнаго.

Вельтищевъ бросилъ его въ жарко-пылавшіе уголья и не сводилъ съ него глазъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сгорѣлъ окончательно. Затѣмъ онъ тщательно смахнулъ носовымъ платкомъ и развѣялъ по полу пепелъ, оставшійся на коврѣ въ моментъ паденія сигары.

«Начало сдѣлаю—и слѣдъ заметенъ», подумалъ себѣ Вельтищевъ. Теперь что же еще?»

Сегодня передъ обѣдомъ, сводя съ кузеномъ

нѣкоторые счеты по общимъ ихъ громаднѣмъ оборотамъ и предпріятіямъ, онъ получалъ со «старца» долгъ въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ и возвращалъ ему его сохраненную росписку. «Старецъ» не разорялся ее тотчасъ же, потому что вообще не имѣлъ обыкновенія рвать своихъ оплаченныхъ векселей и документовъ, а складывалъ ихъ, какъ-бы на память или «про всякій случай», въ особый ящикъ. Такъ и теперь: получивъ съ кузена, почти передъ самымъ обѣдомъ, свою росписку, онъ не успѣлъ ее спрятать въ обычное хранилище, а положилъ, пока до времени, въ бумажникъ, лежавшій у него въ боковомъ карманѣ. Вельтищевъ отыскалъ ее теперь въ бумажникѣ кузена, просмотрѣлъ внимательно, чтобы убѣдиться, точно ли та самая, и убѣдясь, переложилъ ее въ свой собственный бумажникъ.

Затѣмъ, онъ досталъ изъ кармана покойника связку ключей, выбралъ одинъ изъ нихъ и отперъ металлическій, несгораемый шкафъ, гдѣ хранилась денежная касса. Осмотрительно вынувъ изъ нея двѣ полновѣсныхъ пачки, онъ завернулъ ихъ въ ворохъ газетной бумаги и прикрылъ афишами да какими-то счетными дѣлами.

«Однако, при этомъ должна быть у него опасъ, откуда и сколько изъято», вдругъ домыслился Вельтищевъ. «Улика, чортъ возьми, коли отыщутъ потомъ, при описѣ имущества... Надо отыскать!»

И онъ, хорошо зная аккуратность систематическаго старика, бросился прежде всего къ несгораемому шкафу. Ожиданія, основанныя на знаніи и вѣрныхъ соображеніяхъ, не обманули Вельтищева, вслѣдствіе чего его поиски продолжались не долго: вскорѣ онъ отыскалъ въ этомъ шкафѣ уличающую опасъ, которая была составлена и написана собственноручно покойнымъ кузеномъ.

«Уничтожить ее скорѣе!» было первою мыслию, которая мелькнула Платону Вельтищеву, при взглядѣ на найденную бумагу.

Онъ-было направился съ нею къ камину, какъ вдругъ остановился, когда рука его готова уже была швырнуть документъ въ жаркія уголья.

«Нѣтъ, лучше сохранить у себя, про всякій случай», передумалъ онъ въ это мгновеніе, «можетъ, еще и самому пригодится.. Я вѣдь не знаю, откуда и сколько изъято... могутъ встрѣтиться какія нибудь недоразумѣнія, вопросы, сомнѣнія.. надо будетъ все это тщательно переосмотрѣть и провѣрить... Лучше пока припрятать ее...»

И развернувъ добытыя пачки, онъ присоединилъ къ нимъ опасъ, послѣ чего опять завернулъ и прикрылъ ихъ прежнимъ порядкомъ.

Послѣ этой операціи шкафъ былъ затворенъ, а связка ключей сунута въ карманъ покойника.

При этомъ движеніи трупъ покачнулся.

Моментально и съ ужасомъ отскочилъ отъ него Вельтишовъ на середину комнаты.

«Ну желя живъ еще?» тревожно подумалось ему, когда черезъ нѣсколько мгновеній разсѣялся безотчетный паническій ужасъ.

Онъ, со страхомъ и опасеніемъ, не смѣло поднявъ глаза на мертваго. Но тотъ полулежалъ недвижно въ самой покойной и естественной позѣ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ заснулъ на часокъ послѣ обѣда.

«Фу, какое ребячество!» мысленно укорилъ самъ себя Вельтишевъ, и крупными глотками выпилъ большой стаканъ воды, чтобы окончательно утишить минутную вспышку своего волненія.

Оправившись и приведя все въ порядокъ, онъ осторожно вышелъ изъ кабинета, притворивъ за собою дверь, и отправился на половину Ирины Борисовны.

* * *

На звукъ его шаговъ отпахнулась тяжелая портьера и на порогѣ появилась изящная фигура Вельтишевой. Это была женщина лѣтъ тридцати восьми, уже блекнувшая, но все еще красивая. Пожирающій, нетерпѣливый взглядъ ея тревожно и трепетно остановился на лицѣ кузена. Сильное волненіе, и страхъ, и ожиданіе смутными тѣнями пробѣгали по всемъ чертамъ ея физиономіи.

— Ну?... ну, что?—нервно схвативъ его за руки чуть слышно спросила она голосомъ, обрывавшимся отъ внутренней тревоги столькихъ чувствъ и ощущеній.

— Кончилъ,—ласково кивнулъ онъ ей, какъ бы лаская и глядя ее успокоивающимъ взглядомъ.

— Что кончилъ? машинально повторила она, не совсемъ ясно давая себѣ отчетъ въ произнесенномъ имъ словѣ.

— Успокойся, мой другъ, все кончено, говорю тебѣ... Ты вся дрожишь... да что это у тебя такіа холодныя руки?... Фу, моя милая, больше мужества! больше силы!

— Что съ нимъ?... Говори, что съ нимъ?—не слушая его, повторяла она все тѣмъ же задыхающимся шепотомъ.

— Ничего. Онъ спитъ, очень покойно и больше уже не проснется.

У Ирины Борисовны вдругъ опустились руки и лицо поблѣднѣло еще болѣе.

— Да успокойся же,—настойчиво, твердымъ и даже строгимъ тономъ сказалъ онъ ей, и бережно взявъ ее за талію, отвелъ въ покойное кресло.—Теперь не время еще, или иначе можно сразу испортить и погубить все дѣло.

Она автоматически позволила посадить себя и, словно бы очнувшись, закрыла лицо руками.

— Ну, успокойся же и выслушай... постарайся понять, что я буду говорить тебѣ и

выполни въ точности,—началъ Платонъ Васильевичъ, опустясь передъ ней на колѣни и крѣпко сжимая его похолодѣвшія руки.—Слушай же, дорогая моя: теперь я уйду и возвращусь вечеромъ, часовъ въ десять... Ты, по крайней мѣрѣ еще часа полтора, не выходи изъ этой комнаты, никому не подавай никакого вида... чтобы никто не догадался... Это необходимо, говорю тебѣ... Черезъ полтора часа можешь войти въ кабинетъ, а еще лучше дождись, когда придутъ и скажутъ тебѣ... Къ тому времени либо Демьянъ, либо контршпикъ войдутъ будить его... понимаешь?... Такъ будетъ естественно, проще... Тогда можешь всѣ эти восторжки, крики, слезы, обмороки—все, что угодно! Но до тѣхъ поръ, Бога ради, постарайся выдержать себя... будь тверже!

— Страшно!.. вся дрожа, прошептала Ирина Борисовна.

— Полно! не думай объ этомъ!.. Лучше думай и радуйся, что мы теперь у дѣла, что все остояніе—твое, и никто уже не отниметъ его у тебя... никто!.. Ну, думай... думай обо мнѣ, о любви моей, о нашемъ будущемъ... Въдѣ полтора часа, только полтора часа какихъ-нибудь! Отъ этого, говорю тебѣ, все, все теперь зависить!

Ирина Борисовна бодро встрепенулась.

— Хорошо,—сказала она, подавляя въ себѣ свои гнетущія впечатлѣнія.—Я выдержу... я буду спокойна и не выйду отсюда.

— Ну, вотъ и молодецъ!—ласково ободривъ ее Вельтишевъ.—А теперь вотъ что: дай мнѣ какой-нибудь платокъ или сакъ, или что-нибудь такое...

Она достала съ рабочаго столика изящный и вышителый сафьяновый мѣшокъ и подала его кузену.

— Теперь прощай пока и помни же, какъ дѣйствовать!.. Не забудь послать за докторомъ,—напомнилъ онъ, нѣжно и крѣпко цѣлуя ея руки, и вслѣдъ затѣмъ тихо скрылся за портьерой.

* * *

Пройдя въ кабинетъ, онъ бережно уложилъ въ мѣшокъ отобранныя пачки.

Онъ старался не смотрѣть въ ту сторону гдѣ стояла отоманка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядъ его порою какъ-то невольно, вопреки его собственному желанію, косилъ на это роковое мѣсто. «Старецъ» полулежалъ все въ прежнемъ положеніи. Тухнушіе уголья кидала багровые, перебѣгающіе блики на его мертвенно блѣдное лицо и на голый лобъ, и эта игра свѣта какъ будто придавала ему какую-то жизненность; отъ этого онъ еще болѣе походилъ на спящаго человека.

Вельтишевъ взялъ мѣшокъ и осторожно, на цыпочкахъ, вышелъ изъ кабинета.

Въ столовой онъ столкнулся въ дверяхъ съ

камердинеромъ Демьяномъ и конторщикомъ, который шелъ съ какой-то бумагой.

Тѣ почтительно посторонились.

— Куда вы?—спросилъ ихъ Вельтищевъ, котораго внутренне покоробило отъ этой неожиданной встрѣчи.

— Къ барину... съ бумагой.

— Баринъ спитъ... не тревожьте,—предварилъ онъ обоихъ, съумѣвъ придать своему тону полное и, такъ сказать, обыденное спокойствіе.—А что моя карета прѣхала?—обратился онъ тутъ же къ Демьяну.

— Уже съ полчаса, какъ у подъѣзда.

II.

Кто этотъ согладатай?

— Домой прикажете-съ?

— Нѣтъ, въ Дмитровский переулокъ!—крикнулъ Вельтищевъ своему кучеру, въ то время, какъ швейцаръ самого его подсаживалъ подъ руку въ карету.

Дверца захлопнулась—и бородатый щеголь тронулъ вожжами пару породистыхъ, красивыхъ рысаковъ, которые бойко покатила щегольской экипажъ по освѣщеннымъ улицамъ Петербурга.

Карета остановилась у воротъ одного, старой постройки, трехъ-этажнаго дома.

Вельтищевъ взялъ свой мѣшокъ и направился съ нимъ къ ступенькамъ, ведущимъ изъ-подъ воротъ на «парадную» лѣстницу. Проходя подъ воротами, онъ, при слабомъ вечернемъ освѣщеніи, замѣтилъ, какъ мимо его, словно тѣнь, проскользнула чья-то мужская и, какъ будто, знакомая ему фигура.—Эта встрѣча не-пріятно его покоробила.

Онъ обернулся—фигура проскользнула за ворота, на улицу.

Постоявъ мгновенье въ колеблющемся раздумьи, Вельтищевъ усмѣхнулся про себя какою-то злобно-ироническою усмѣшкой и направился по лѣстницѣ.

Но, поднимаясь по ступенькамъ съ своею вошей, онъ слышалъ—или ему почудилось,—что за нимъ кто-то слѣдуетъ осторожными, крадущимися шагами.

Онъ остановился и прислушался.

Звукъ шаговъ тоже замолкъ.

Вельтищевъ пошелъ далѣе.

Но нѣтъ, по пятамъ его рѣшительно кто-то слѣдуетъ, кто-то крадется за заворотомъ каменной стѣны этой лѣстницы.

— Кто тамъ?—рѣзко окликнулъ Вельтищевъ.

Шаги притихли, притаились; но отвѣта нѣтъ ему.

Онъ повторилъ еще разъ свой вопросъ, и такъ какъ молчаніе это показалось ему подозрительнымъ, то, оставя на площадкѣ свою

ношу, онъ быстрыми шагами сталъ спускаться съ лѣстницы.

Кто-то шибко и уже не скрываясь сбѣжалъ по ней подъ ворота.

Вельтищевъ мелькомъ, но ясно замѣтилъ даже проныгавшую тѣнь этого страннаго согладатай.

— Мерзавецъ!—прошипѣлъ онъ ему въ слѣдъ, съ презрѣніемъ и злобой.

Но время ему было дорого, и потому, подъявшись до своей оставленной ноши, онъ не взошелъ, а взбѣжалъ съ нею на третій этажъ и дернулъ за ручку звонка, которая блестя своею вычищенной мѣдью сбоку двери, обитой зеленымъ сукномъ, гдѣ красовалась подъ стекломъ изысканная дощечка, на которой четкими буквами было отгиснуто: «Людмила Сергѣевна Коробова».

Молодая и опрятная горничная, услышавъ этотъ сильный, порывистый звонокъ, съ полуиспугомъ и недоумѣніемъ, открыла двери.

— Запрайте скорѣе дверь!—торопливо и озабоченно обронилъ онъ слово дѣвушкѣ, словно бы опасаясь, чтобы лѣстничный согладатай сплю не ворвался сюда по его слѣду.

Спустивъ съ плечъ шубу, Вельтищевъ, явно взволнованный, бросился со своею драгоценною вошей во внутреннія комнаты.

Его встрѣтила тамъ молодая, стройная женщина, съ блѣлокурой, роскошно распушенной косою и съ голубыми глазами, которые изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и изъ-подъ черныхъ бровей свѣтились какими-то холоднымъ блескомъ.

— Платонъ, что съ тобой?! На тебѣ просто лица нѣтъ!—съ удивленіемъ проговорила она звучнымъ, но тоже какимъ-то металлически-холоднымъ голосомъ.

— На! спрячь это... спрячь.. куда нибудь подальше.. поскорѣе.. чтобы никто не зналъ и не видѣлъ!—говорилъ онъ, указывая на свою ношу.

Людмила Коробова, не спуская съ него глазъ, въ недоумѣніи пожала плечами.

— Послѣ, послѣ.. теперь некогда.. потому все узнаешь... А теперь пока спрячь мнѣ это, пожалуйста.

Онъ оглядѣлся вокругъ, отыскивая глазами удобное мѣсто и, недолго думая, сунулъ мѣшокъ подъ тюфякъ роскошно драпированной постели.

— Пусть полежитъ тутъ... ты не тронь его... Я потомъ заѣду и возьму, — говорилъ онъ торопливо и какъ-то отрывочно.

— Да сядь ты и успокойся!—ласково тронула она его за плечо.

— Да, да... мнѣ надо успокоиться... Я усталъ, очень усталъ сегодня... Дай мнѣ стаканъ лафиту... это подкрѣпитъ меня нѣсколько.

Выпивъ вино, онъ изнеможенно опустился на диванъ и полуприлегъ на немъ.

— Ну, рассказывай же мнѣ, что все это значить?—участливо и любопытно присѣла она къ его изголовью.

— Послѣ, потомъ!—махнулъ онъ рукою, съ нервнымъ движеніемъ въ лицѣ.—Теперь мнѣ надо отдохнуть... Я сильно измученъ.. можетъ быть засну... Въ три четверти десятого ты разбуди меня; но только, Бога-ради, никакъ не позже!

Людмила Сергѣевна отвѣтила на это кивкомъ головы и тихо вышла изъ комнаты.

* * *

Ровно въ три четверти десятого, ласковая рука красивой женщины осторожно разбудила Вельтищева.

Людмила Сергѣевна вполне надѣялась, что теперь онъ разрѣшитъ ей нетерпѣливое любопытство и откроетъ причины своего волненія, но Платонъ Васильевичъ всталъ какой-то сумрачный, кислый и, почти молча, простившись съ нею, тотчасъ же оставилъ ее гостепріимную квартиру.

Онъ уже спустился на нижнюю площадку, какъ вдругъ въ полусумракѣ довольно слабо освѣщенной лѣстницы замѣтилъ притаившуюся въ углу фигуру человека, закутаннаго въ холодное пальто. Отсутствіе мѣхового воротника замѣнялось у него кашмировымъ кашне, изъ-за котораго выглядывало болѣзненно-блѣдное молодое лицо. Два глаза, горящіе какъ уголья, отрадальчески, но съ злобной ненавистью глядѣли прямо въ упоръ на Вельтищева.

Этотъ послѣдній загнулся-было на мгновеніе, но выдержалъ устремленный на него взглядъ и, закутавшись въ воротникъ своей дорогой шубы, твердою походкой сошелъ съ послѣднихъ ступенекъ.

Молодой человекъ, подъ гнетомъ чувства мучительной нерѣшимости, крѣпко стиснулъ пальцы своихъ сложенныхъ рукъ, такъ что даже оустья ихъ хрустнули, и съ судорожнымъ, подавленнымъ вздохомъ бесцельно опустилъ на грудь свою голову.

III.

Ж а б а.

Вельтищевъ ушелъ, но безпокойство Людмилы Сергѣевны не утишилось съ его отсутствіемъ. Оно длилось все время, пока онъ спалъ, и теперь достигло наибольшаго своего предѣла. Нынѣшнее поведеніе этого человека—поведеніе столь необычное, его волненіе, его смущенность, его неудовольствіе, его явное стремленіе замать всякій разговоръ, всякую попытку къ разспросамъ—все это казалось слишкомъ необыкновеннымъ и слишкомъ загадочнымъ, чтобы не возбудить въ душѣ Людмилы Сергѣевны цѣлый рой со-

мнѣній и вопросовъ. Отчего онъ пріѣхалъ такой странный, такой смущенный? Зачѣмъ такъ торопливо и взволнованно приказалъ дѣвушкѣ поскорѣ запереть за собою дверь? Что это за мѣшокъ, который онъ счелъ нужнымъ прежде всего сунуть подъ тюфякъ—въ первое попавшееся мѣсто, которое показалось ему удобнымъ? Зачѣмъ не велѣлъ трогать, не велѣлъ прикасаться къ этому мѣшку, обѣщая захватить и взять его? Что такое, наконецъ, въ этомъ мѣшкѣ заключается?

Послѣдній вопросъ казался всего важнѣе, потому что онъ сильно затрогивалъ женское любопытство.—Что въ немъ заключается?—Въ этомъ-то и есть вся сила, вся сущность, вся разгадка мучительнаго вопроса. А вдругъ онъ пріѣдетъ, возьметъ этотъ мѣшокъ съ собою и тогда... тогда Людмила Сергѣевна, быть можетъ, и не узнаетъ, никогда уже не узнаетъ настоящей сути *какого-то* дѣла, въ которое ее обѣщаютъ посвятить современемъ, «послѣ», «потомъ», а можетъ быть, и вовсе не посвящать; а когда мѣшокъ будетъ увезенъ, то добиться правды будетъ ей уже трудно, если даже не окончательно невозможно.

Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Ея же любопытство слишкомъ сильно подстрекало ее. Поколебавшись съ минуту, она подошла къ постели и съ нервнымъ быстротою выдернула изъ-подъ тюфяка вещь, въ которой заключалась мучающая ее загадка.

«А!.. это женская вещь... стало быть тутъ замѣшана женщина!»—мелькнула ей первая мысль при взглядѣ на туго-набитый мѣшокъ, и эта мысль кольнула ея душу смутно-ревнивымъ и озлобленнымъ чувствомъ.

Она уже хотѣла-было надавить пружину стального замочка и удовлетворить своему женски-жадному любопытству, какъ вдругъ въ прихожей раздался звонокъ.

Людмила Сергѣевна, какъ пойманная на мѣстѣ школьница, поторопилась сунуть кое-какъ мѣшокъ на прежнее мѣсто и поспѣшила выйти распорядиться, чтобы кромѣ Вельтищева никого не принимать; но было уже поздно.

— Барыня нѣту дома,—слышала она голосъ своей дѣвушки, говорившей съ кѣмъ-то въ дверяхъ.

— Неправда, она дома... Я знаю, что она дома!—возражала ей голосъ человека, очевидно изъяслявшаго твердое намѣреніе войти въ квартиру.

— Но увѣряю васъ... ой-Богу, ея нѣтъ дома!—настанвала горничная, загораживая дорогу.

— Вздоръ!.. Пропустите меня!

Людмила Сергѣевна изъ-за двери стала чутко прислушиваться къ голосу мужчины: кто-бъ это могъ такъ настойчиво ее спрашивать?

— А хотя-бъ и дома,—продолжала горнич-

ная,—но онѣ никого не принимаютъ... онѣ нездоровы.

— Здорова ли, нѣтъ ли—это все равно! Мнѣ нужно ее видѣть.

Брови Людмилы Сергѣевны нахмурились. Она узнала этотъ голосъ. Приходъ неожиданнаго посѣтителя былъ очень неприятенъ ей, и особенно въ настоящую минуту.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что васъ-то именно и не велѣно выпускать!—воскликнула горничная, дѣлая послѣднюю попытку загорлатъ собою дорогу назойливому гостю.

Въ это самое мгновеніе м-ше Коробова отворила дверь и появилась, со своими нахмуренными бровями, на порогѣ прихожей.

— Что вамъ угодно отъ меня? — спросила она посѣтителя ровнымъ, сдержаннымъ и холоднымъ тономъ.

— Видѣть васъ... говорить съ вами!—порывисто кинулся къ ней вошедшій.

— Намъ не о чемъ говорить съ вами... Я считаю, что всѣ наши разговоры уже кончены.

— Людмила!.. Бога ради!.. Я не уйду отсюда—мнѣ нужно... необходимо говорить съ тобою... Умоляю тебя!

Красивая женщина покачала плечами и съ полу-презрительнымъ состраданіемъ проронила ему:

— Войдите!

Онъ вошелъ, какъ былъ въ холодномъ пальто, съ кашмировымъ кашне, и, словно бы въ тяжеломъ изнеможеніи, опустился на первый попавшійся стулъ, подперевъ рукою свою голову.

Людмила Сергѣевна стояла передъ нимъ, спокойно скрестивъ на груди руки, и, глядя на него холоднымъ взоромъ, ждала, что будетъ дальше.

Гость ея сидѣлъ, словно бы стараясь отдохнуть, успокоиться, подавить въ себѣ волненіе и собрать свои мысли.

Наковецъ онъ поднималъ на нее грустный взоръ, горѣвшій лихорадочнымъ блескомъ. Этотъ взоръ какъ будто искалъ—есть ли въ ея лицѣ хоть малѣйшій отбѣнокъ участія и состраданія?—Но Коробова стояла все съ тѣмъ же ледянымъ спокойствіемъ.

— Людмила, я не могу безъ тебя... не могу,—проговорилъ онъ смутно.—Людмила... вернись ко мнѣ!

— Вамъ только это нужно было сказать мнѣ?—спросила она въ отвѣтъ на его просьбу.

— Нѣтъ, я много, много хочу сказать тебѣ!—торопливо поднялся онъ съ мѣста, опасаясь, чтобы она не кончила на этой же фразѣ его объясненіе,—но прежде всего—я люблю тебя... Знать, что ты бросила меня, ушла отъ меня—для меня невыносимо!..

— Чѣмъ же я могу помочь тутъ?—пожала она плечами

— Вернись ко мнѣ—я и спасенъ!.. Ты воскресишь меня! Я снова начну трудиться, работать...

— Работать на двухъ гораздо труднѣе; тебѣ одному, я думаю, много легче теперь.

— Что говорить о томъ, что труднѣе, что легче!—перебилъ онъ.—Будь ты со мною—я бы чувствовалъ въ себѣ силы на самый тяжкій трудъ и былъ бы счастливъ до послѣдней минуты моей жизни.

— Признаюсь, я этого не понимаю,—покачала она головою.—Къ чему мнѣ твой трудъ, скажи, пожалуйста? Да и что такое трудъ какого-нибудь технолога? Много ли этотъ трудъ приносить въ наше время?

— Какъ, много ли?.. Дай мнѣ прежде кончить мое образованіе—я передо мною тогда открыта широкая дорога! Нашъ трудъ теперь нуженъ—онъ цѣнится, онъ откроетъ мнѣ и дорогу, и средства.

— Хм!.. усмѣхнулась она.—Ты говоришь о «средствахъ»... «Средства» для меня недостаточны. Мнѣ нужны не средства, а «богатство»—понимаешь ли, другъ мой?—а до богатства какому нибудь студенту-технологу еще очень далеко.

— И это ты говоришь мнѣ!—съ горечью промолвилъ онъ, глядя въ ея холодные, блестящіе глаза.—Развѣ ты была богата, когда плака за меня замужъ? Развѣ ты такъ привыкла къ богатству, къ роскоши?.. И для чего-жъ ты мнѣ не говорила этого полтора года назадъ.

— Для того, что мнѣ нужно было выйти замужъ,—пояснила она, ни мало не смущаясь

— Молчи!—съ силою схватилъ онъ ее за руку.—Молчи! не напоминай мнѣ хоть этого-то, если я разъ уже простилъ вамъ эту гнусную ловушку.

— Валерьянъ Алексѣевичъ, нельзя ли безъ трагикомическихъ сценъ!—съ достоинствомъ высвободила она отъ него свою руку.—И потомъ я бы просила васъ выбрать ваши выраженія: моя мать и я — мы считаемъ себя выше всѣхъ «ловушекъ». Вы забываете, что вы настойчиво просили моей руки, и я только согласилась на вашу просьбу; а если вы обманулись въ вашихъ ожиданіяхъ, то васъ никто не просилъ прощать меня. Вы говорите, что любите меня—очень сожалѣю объ этомъ, но чтобы вернуться къ вамъ—ничего и говорить! Я не вернусь къ вамъ, во-первыхъ, потому, что это было бы глупо; во-вторыхъ, потому, что вы, съ вашей глупой технологіей, пока еще круглый голякъ, вы—нищій, заботящійся о кускѣ хлѣба, а я нужды терпѣть не могу! Я не выношу ея! Вѣдь вы не могли бы доставить мнѣ ни этихъ ковровъ, ни этихъ бронзъ, ни экипажа,—такъ о чемъ же и говорить намъ?! Разъ, что вы женились, вы хотѣли воровать, мнѣ

все равно, мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ путей, но доставляйте жемъ довольство и комфортъ; вы этого не сдумали сдѣлать—пеняйте на себя, а меня покорнѣе прошу оставить въ покоѣ.

Корововъ исплеснулъ руки.

Господи! и я все-таки люблю такую женщину!—съ отчаяніемъ прошепталъ онъ, закрывая лицо свое.

— Повторяю: очень жаль, если это правда,—равнодушно усмѣхнулась она,—но что же дѣлать! Я могу вамъ посоветовать одно только: постарайтесь поскорѣе разлюбить меня.

— О, если бы это было возможно!—изъ глубины души вздохнулъ Корововъ.

— А невозможно, такъ я бы на вашемъ мѣстѣ, чѣмъ этакъ-то мучиться да дурака изъ себя разыгрывать, ужъ лучше предпочла бы покончить съ собою, хотя бы изъ-за одного только самолюбія.

— Какъ это покончить?—встреонулся онъ, выходя изъ минутнаго отбѣивія.

— Очень просто: пулю въ лобъ или дозу стрихнина... да наконецъ и Нева вѣдь недалеко... мало ли есть способовъ!

Корововъ съ ужасомъ и изумленіемъ, какъ бы не вѣря глазамъ и ушамъ своимъ, глядѣлъ на женщину, носящую имя жены его.

— А, такъ вотъ оно что!—медленно и глухо проговорилъ онъ.—Ну такъ слушайте же! Вашъ совѣтъ не дуренъ; но я за него не благодарю васъ, потому что и безъ васъ пришелъ было къ той же самой мысли. Да, Людмила Сергѣевна, я хотѣлъ покончить съ собою; у меня ужъ и револьверъ припасенъ для этого; но... откровенно говоря вамъ: струсилъ, духу не хватило въ послѣднюю минуту!.. Во мнѣ еще жила маленькая искорка надежды; что вы не окончательно для меня потеряны—можетъ быть отъ этого-то и струсилъ я!.. Потомъ мнѣ пришла другая мысль... не знаю, какъ она вамъ понравится... Вотъ видите ли: съ тѣхъ поръ, какъ вы перѣехали въ эти палаты я, тоскуя по васъ безпредѣльно, имѣлъ глупость каждый вечеръ бродить по улицѣ подъ вашими окнами, въ надеждѣ увидѣть хоть тѣнь вашу... Я мучился, я страдалъ въ эти часы, но все-таки шелъ сюда;—мнѣ это даже какое-то бодренное наслажденіе доставляло—придти, ходить и стоять здѣсь цѣлые часы и, наконецъ, увидѣть вашъ обликъ, когда вы на мгновеніе мелькнете въ окнѣ...

— Недостойно порядочнаго реалиста,—небреживъ его, съ небрежной ироніей уронила слово Людмила Сергѣевна.

— Можетъ быть; но потрудитесь выслушать.

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ:

— Врозя у васъ подъ окнами, и почти каждый разъ ядѣлъ, какъ къ этимъ воротамъ

подбѣжалъ экипажъ, какъ изъ него выходилъ господинъ... господинъ Вельтищевъ (послѣднее слово Корововъ произнесъ, дѣлая надъ собою тяжкое усиліе) Послѣ этого я видѣлъ, какъ иногда въ вашихъ окнахъ мелькали двѣ тѣни.

— А послѣ этого?—поддразнила его супруга.

— А послѣ этого... то-есть, послѣ того, какъ я смалодушничалъ въ послѣднюю минуту, готовясь застрѣлиться, мнѣ пришла другая мысль.

— Безъ сомнѣнія, покончить прежде съ господиномъ Вельтищевымъ и со мною?—съ высокомернымъ презрѣніемъ перебила ште Коровова.

— Первое вы угадали. Да; я хотѣлъ покончить съ человекомъ, который разбилъ всю мою жизнь, отнялъ у меня мое счастье.

— Pardon; вы начинаете изъясняться рутинно-красивыми фразами: вы знаете, и этого въ васъ никогда не любилъ.

Корововъ какъ бѣшеный вскочилъ съ мѣста. Если фраза его и была несколько нибудь рутинно-красива, то она вырвалась у него невольно изъ души, сама собою, потому что онъ дѣйствительно чувствовалъ глубокую истину своихъ словъ, потому что дѣйствительно пришелъ откуда-то посторонній человекъ и незаметно отнялъ у него все, чѣмъ дорога и красива казалась ему жизнь,—и потому то эта послѣдняя язвительная и ледяная насмѣшка жены подѣйствовала на него такъ, какъ будто онъ печально прикоснулся къ какой-то гадящъ, къ чему-то живому, но холодному и склизкому.

— Что?—обернулась она на него при этомъ движеніи.—Ужъ не хотите ли вы застрѣлить меня сейчасъ же?—Можете! Но это будетъ бесполезное и безсильное мщеніе, потому что умирая я все-таки скажу, что вы человекъ глупый и безхарактерный.

— Безхарактерный—можетъ быть,—грустно согласился Корововъ,—потому что сегодня у меня не поднялась рука убить вашего любовника.

— И никогда не подымется! Я въ этомъ совершенно увѣренъ. А главное—это совершенно бесполезно; убей вы сегодня Вельтищева, у меня завтра будетъ другой, а не другой такъ третій; но вы—пока вы бѣдны и ничтожны—вы у меня не будете.

Она вдругъ остановилась передъ нимъ и даже очень ласково взяла его за руку.

— Послушайте, я вѣдь не врагъ вамъ, я вовсе не ненавижу васъ, да мнѣ и не за что васъ ненавидѣть, въ сущности!—заговорила она спокойнымъ, ласковымъ и даже кроткимъ голосомъ,—вѣдь если я бросила васъ, то это единственно потому, что я не выношу бѣдности; мы съ вами разстались не ссорясь; я, не обманывая васъ, прямо ска-

зала, что переѣзжаю на содержаніе къ Вельтищеву... Я жить хочу!.. Миѣ—поймите вы—миѣ нуженъ тотъ воздухъ, котораго вы миѣ дать не въ состояніи... Мы, въ сущности, можемъ остаться съ вами друзьями. Если вы меня ревнуете къ Вельтищеву, то это совсѣмъ неосновательно, потому что я Вельтищева не люблю ни на каплю. Я имъ только пользуюсь, но... вѣдь не всегда же мы съ вами будемъ порознь, вѣдь я ваша законная жена. Пока—я хочу еще жить такъ, какъ миѣ хочется; но... пройдутъ годы, пройдетъ молодость, захочется покою, — мы съ вами можемъ снова сойтись... у меня будутъ хорошія средства; можетъ, и у васъ они будутъ, — мы обоимъ приготовимъ себѣ мирную и покойную старость. Смотрите на вещи прямо и практично. Хотите вы ежемѣсячно получать съ Вельтищева хорошія деньги?.. Хотите? — я легко могу вамъ это устроить!

Коробовъ съ омерзѣніемъ выдернулъ свою руку.

— Жаба!.. холодная, склизкая жаба! — гадливо и презрительно произнесъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Людмила Сергѣевна, не ожидавшая столь скорого и рѣшительнаго окончанія этой сцены, въ недоумѣніи стояла на одномъ мѣстѣ. Она слышала, какъ удаляясь мужъ хлопнулъ за собою выходной дверью; и, съ полной искренностью пожавъ плечами, могла произнести одно только слово:

— Глупецъ нелѣпый!

— Никого больше не принимать, Палаша! — крикнула она горничной.

— А Платона Васильевича?

— Даже и Платона Васильевича, пока я не скажу тебѣ!

И т-ше Коробова на ключъ затворила за собою дверь своей спальни.

IV.

Что такое въ спрятанномъ иѣшкѣ?

Почувствовавъ себя снова совершенно наединѣ и удостовѣрившись, что за нею нельзя наблюдать даже и сквозь замочную скважину, Людмила сѣбно достала изъ-подъ тюфяка сафьянный сакъ и нажала стальную пружину. Сакъ раскрылся. Газетная бумага и больше ничего — представлялось взгляду Людмилы Сергѣевны въ первое мгновеніе. Но этого не можетъ быть; въ этой газетной бумагѣ, должно быть, что-нибудь кроется... Она пошупала, — что-то довольно твердое. Попыталась вытащить — нѣтъ, застряло довольно плотно. Однако она повторила успле и вытащила одну за другою двѣ полновѣсныя пачки. Инстинктъ ей подсказывалъ, что это не просто, что въ этихъ пачкахъ кроется нѣчто особенное, важ-

ное, большое. Она развернула одну — деньги!.. Развернула другую — тоже деньги!

У нея захватило духъ и опустились руки. Словно обезсиливъ и даже испугавшись разгадки того, что мучило ея любопытство, она опустилась на минуту въ кресло, чтобы собрать въ порядокъ свои мысли и пересилить ощущенія, поднятыя въ ея душѣ этимъ внезапнымъ открытіемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она обстоятельно и съ полнымъ вниманіемъ стала пересматривать обѣ пачки. Въ одной были все крупные банковые билеты, въ другой — весьма много векселей, еще менѣе акций и облигацій и вообще разныхъ процентныхъ бумагъ; но зато очень, очень много радужныхъ ассигнацій.

Коробова начала считать.

Трепещущая рука ея нетерпѣливо и верно перебирала бумагу за бумагой; блестящій взоръ лихорадочно слѣдилъ нумера и цифры, а поблѣднѣвшія, сухія губы, дрожа, лепетали счетъ единиць, десятковъ, сотенъ и тысячъ.

Волненіе Людмилы Сергѣевны было слишкомъ велико. Она невольно сбивалась и путалась въ счетъ, начинала снова и снова сбивалась, пока, наконецъ, не прибѣгла къ помощи карандаша и бумажки. Отсчитавъ извѣстное количество сотенъ, она отмѣчала цифру и начинала слѣдующій счетъ. Прошло около двухъ часовъ времени, когда она, наконецъ, справилась съ этой работой и свела общій итогъ. Въ этомъ итогѣ оказалось: банковыхъ билетовъ на триста тысячъ, а прочихъ бумагъ и денегъ на двѣсти тысячъ слишкомъ.

* * *

Это была часть той оборотной суммы, которую покойный Вельтищевъ, заранѣе изъявъ изъ обращенія, приготовилъ для первыхъ рас-
платъ и задатковъ по новому своему пред-
пріятію, которое, какъ извѣстно уже, заключа-
лось въ желѣзо-прокатномъ заводѣ. Цифра
этого предпріятія доходила до двухъ миллио-
новъ. Покойникъ, конечно, рисковалъ, но
рискъ его всегда отличался тонкою и вѣрною
смѣткой: онъ зналъ себя, зналъ свое дѣло и
въ эфемерныя предпріятія никогда не пускал-
ся. Онъ всегда почти, можно сказать, билъ
только навѣрняка. Ворочая миллионными дѣ-
лами, онъ имѣлъ большіе капиталы въ оборо-
тѣ; но этихъ капиталовъ, согласно своимъ
нравственнымъ правиламъ, онъ не считалъ
исключительно своею собственностью, такъ какъ
тутъ въ значительной долѣ были деньги и его
старого компаніона Платона Васильевича и
Пунырева, и Картонаки, и нѣкоторыхъ дру-
гихъ. Своими онъ считалъ только тѣ «непри-
косновенныя» триста тысячъ, которыя лежа-
ли у него въ банкѣ и должны были теперь
сдѣлаться наслѣдствомъ Ирины Борисовны. Пла-
тонъ Васильевичъ самъ давно уже не зани-
мался, какъ слѣдуетъ, своими дѣлами, сдавши

эту обузу исключительно на плечи старого кузена и бывшего опекуна своего, который, оставаясь вечно погруженным въ свои громадные дѣла и обороты, былъ слѣпъ до всего остального, не замѣчая и не подозрѣвая даже того, что уже два или три года—правда, очень тонко и ловко—происходило на половинѣ его супруги, у которой, по близкимъ родственнымъ отношеніямъ, зачастую за полночь сжигалъ Платонъ Васильевичъ. «Старецъ» былъ очень разсчитливъ, даже, можно сказать, скупъ до извѣстной степени, и во многомъ стѣснялъ неосновательныя прихоти своей супруги, которую, однако, въ скупости и слѣпотѣ своей, любилъ всею душою. Отношенія его къ кузену въ послѣдніе два года приняла нѣсколько натянутый характеръ. Платонъ Васильевичъ, слишкомъ надѣлавшійся на неисчерпаемость своего состоянія и на дѣльную голову кузена, уже многолѣтъ предавался безразсчетнымъ тратамъ, не стѣняя ни въ чемъ свои капризы и прихоти. Онъ предался биржевой игрѣ, въ которой у него уже неоднократно лопались очень крупныя куши. Максимъ Григорьевичъ выручалъ его, предупреждалъ, совѣтовалъ, сдерживалъ; но кончилось все это тѣмъ, что Платонъ въ глубинѣ души сталъ тяготиться нравственнымъ авторитетомъ своего двоюроднаго брата. Между ними, несмотря на все благодушіе Максима Григорьевича, зачастую стали выходить непріятныя сцены. «Старецъ» видѣлъ, что кузенъ его путается все болѣе и, боясь, что по неосторожности онъ можетъ какъ-нибудь запутать и его, предлагалъ ему однажды окончательно выдѣлиться изъ общихъ дѣлъ и предпріятій. Это предложеніе было крайне непріятно Платону, который чувствовалъ, что, съ выдѣленіемъ его, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ лопнетъ окончательно, при своемъ, относительно, уже маленькомъ капиталѣ. Оно даже пугало его, потому что его сила, его кредитъ только и держались авторитетомъ его старшаго кузена. Между тѣмъ ему думалось, что имѣй онъ въ рукахъ своихъ безраздѣльно всѣ тѣ капиталы, которыми двигаетъ «старецъ», то черезъ нѣсколько лѣтъ онъ изумилъ бы міръ своими гигантскими предпріятіями и своимъ несмѣтнымъ состояніемъ. Мы можемъ полагать, что это была не болѣе, какъ пріятная иллюзія, но эта иллюзія подвигла Платона Васильевича на многое... «Старецъ» межъ тѣмъ окончательно уже порѣшилъ выдѣлиться изъ дѣлъ кузена, но.. этого, какъ мы видѣли, не удалось ему привести въ исполненіе. Смерть захватила его, такъ сказать, на половинѣ дороги. Между обоими компаніонами были свои старые счета, въ силу которыхъ Максимъ Григорьевичъ (окончательно не обрадовавшійся къ своимъ «неприкосновеннымъ») занималъ иногда на свои особыя дѣла и предпріятія значительныя суммы у своихъ компа-

ніоновъ, между которыми Платонъ Васильевичъ, какъ ближайшій его родственникъ, былъ первымъ лицомъ. «Старецъ», ведя очень аккуратно нѣхъ общія дѣла, не прочь былъ изордка слегка поэксплуатировать займомъ капиталъ кузена, которому въ подобныхъ обстоятельствахъ выдавалъ собственноручную сохранныю росписку. Эта эксплуатація всегда происходила въ тѣхъ случаяхъ, когда Максимъ Григорьевичъ затѣвалъ устройство, нѣхъ компанія, какого-нибудь своего собственнаго, особаго предпріятія. Такимъ точно образомъ были имъ заняты у Платона и тѣ дѣсти пятьдесятъ тысячъ, которыя онъ возвратилъ ему сегодня, вслѣдствіе экстреннаго требованія, представленнаго кузеномъ наканунѣ. Но эта экстраординарная уплата окончательно утвердила въ «старцѣ» убѣжденіе въ необходимости выдѣлиться изъ дѣлъ кузена. Кузенъ, которому за нѣсколько времени до нынѣшняго дня сгоряча высказалъ Максимъ Григорьевичъ свое намѣреніе, принималъ это извѣстіе довольно равнодушно, потому что въ это время въ душѣ и въ головѣ его зрѣли уже другіе, обширныя планы.

Необходимое начало осуществленія этихъ плановъ намъ показала первая глава нашего повѣствованія.

Максимъ Григорьевичъ, порѣшивъ взять на себя новое двухъ-милліонное предпріятіе съ желѣзо-прокатнымъ заводомъ, изыскать изъ оборотовъ свыше пятисотъ тысячъ, чтобы на первое, горячее время имѣть въ рукахъ своихъ необходимыя деньги, и эти-то самыя деньги лежали теперь передъ Людмилой Сергѣевной.

V.

М-ше Коробова доходитъ до правды.

Теперь для нея еще болѣе важный и настоячивый вопросъ представился въ томъ, какъ и зачѣмъ попали въ ея квартиру эти деньги? Зачѣмъ онѣ такъ спѣшно были сунуты подъ тюфякъ? Что значить этотъ странный, взвожнованный видъ, съ которымъ Вельтищевъ появился нынче у нея? Его усталость, очевидно, болѣе нравственная, чѣмъ физическая, его сумрачность, молчаливость и даже какая-то таинственность—что все это значить?—задавала она себѣ тысячу вопросовъ.

«О, это не просто! и надо, во что бы то ни стало, добыть истину!» рѣшила себѣ Людмила Коробова и, упаковавъ деньги въ мѣшокъ, велѣла дѣвушкамъ дать ей одѣваться и кликнуть поскорѣй извозчика. Накинувъ на голову темный платокъ и закутавшись въ шубу, она захватила мѣшокъ съ собою и велѣла извозчику ѣхать въ Галерную улицу, гдѣ обиталъ Платонъ Васильевичъ, въ своей роскошной ко-

лостой квартирѣ. И прислуга, и расположеніе комнатъ этой квартиры были ей хорошо извѣстны, потому что уже не въ первый разъ доводилось ей совершать сюда свои экскурсіи.

— Дома баринъ?—спросила она отворотившаго ей камердинера, не забывъ предварительно спрятать мѣшокъ подъ широкую полу своей дорогой шубы.

— Никакъ нѣтъ, они теперь, должно быть, у брата, потому тамъ такое несчастье, — сообщил ей словоохотливый лакей.

— Какое несчастье? въ чемъ дѣло?—насторожила Коробова свое пыливое вниманіе.

— Максимъ Григорьевичъ изволили скоропостижно скончаться.

— Быть не можетъ!—съ искреннимъ изумленіемъ воскликнула Людмила Сергѣевна.

— Такъ точно-съ. Послѣ обѣда, значитъ, какъ сидѣли передъ каминомъ, такъ и скончались... Никто не зналъ. Вечеромъ, часовъ въ девять, пріѣхалъ сюда камердинеръ ихній Демьянъ, будучи, значитъ, посланъ отъ барыни за Платонъ Васильичемъ; такъ Демьянъ сказывалъ, что конторщикъ вошелъ въ кабинетъ съ докладомъ и думалъ, что Максимъ Григорьевичъ почиваютъ, а въ глядь—они ужъ померши... Переполохъ такой въ домѣ, что просто страсть!

— Платонъ Васильевичъ давно какъ изъ дому?—спросила Коробова.

— Давно-съ. Они еще днемъ, какъ поѣхали къ брату кушать, такъ и не возвращались.

— Такъ онъ обѣдалъ у Максима Григорьевича?

— Такъ точно-съ, и какъ мнѣ Демьянъ доподлинно сказывалъ, что послѣ обѣда они кое время сидѣли съ братцемъ въ кабинетѣ, а потомъ вышли оттелева, и какъ, значитъ, Демьянъ съ конторщикомъ попались имъ на встрѣчу, такъ они приказали имъ даже не тревожить Максима Григорьевича, потому, сказываютъ, спитъ. А Платонъ Васильичъ не у вашей ли милости изволили быть?

— Да, онъ былъ у меня, — оторопѣвъ нѣсколько, отвѣтила Людмила — А что? въ чемъ дѣло?—съ внутренней тревогой спросила она.

— Ничего-съ, дѣла собственно никакого, а только Демьянъ сказывалъ, что, садимшись въ карету, они кучеру крикнули: въ Дмитровский переулокъ; такъ я это себѣ и подумалъ, что, должно быть, они изволили къ вашей милости поѣхать, потому хотя я доподлинно въ точности вашего адреса и не знаю, но только извѣстенъ, что вы изволите проживать въ Дмитровскомъ.

— Въ какомъ часу, говорите вы, онъ уѣхалъ отъ брата?—какъ бы невзначай спросила Людмила.

— Въ точности знать не могу, но только Демьянъ сказывалъ, что около часу спустя послѣ обѣда—часу въ восьмомъ значитъ.

Это былъ уже послѣдній вопросъ, предложенный ш-ше Коробовой словоохотливому лакею. Теперь она сочла только нужнымъ выразить свое сожалѣніе, что не застала Платона Васильевича дома, и отправилась во-
шла.

* * *

«Часу въ восьмомъ, значитъ», повторяла она себѣ дорогою послѣднія слова лакея. «Около половины восьмого онъ былъ уже у меня... и кучеру приказалъ ѣхать въ Дмитровский... Значитъ, онъ ни къ кому и никуда не заѣхалъ, судя по времени, а оттуда прѣхалъ прямо ко мнѣ... Откуда же этотъ мѣшокъ взялся.

«Вышелъ прямо изъ кабинета, приказалъ не тревожить—потому спитъ»... продолжала соображать Людмила. — «А эта ажитация, въ которой онъ прѣхалъ ко мнѣ»...

«О, теперь все понятно!.. Теперь я догадываюсь, откуда взялся мѣшокъ и чьи это деньги!» чуть не въ полный голосъ воскликнула Коробова и, безпрестанно попуская извозчика, приказала ему какъ можно скорѣе везти себя въ Дмитровский переулокъ.

Пріѣхавши домой, она снова затворилась въ своей спальнѣ и снова выложила об-
пачилъ.

«У кого, однако, могъ онъ взять этотъ мѣшокъ?» задавала себѣ вопросъ Людмила Сергѣевна «Мѣшокъ, нѣтъ сомнѣнія женскій... онъ взятъ у женщины... Осмотрѣть бы его хорошенько—не найдется ли въ немъ еще чего любопытнаго?»

И вотъ, осматривая внутренность сака, она нашла въ немъ особую папку, запустила въ нее руку и достала сложенный листокъ бумаги.

Это былъ счетъ изъ моднаго магазина, въ заголовкѣ котораго значилось «à madame de Weltistcheff».

— А, такъ вотъ кому принадлежитъ мѣшокъ!—воскликнула Людмила Коробова.—«А что, если скоропостижная смерть «старца»—ихъ обоюдное дѣло?»

Платонъ Васильевичъ проговорился ей однажды, что «имѣлъ несчастье» затѣять связь съ женой своего кузена, что эта связь подчасъ тяготитъ его, и что хорошо было бы какъ-нибудь ловко отъ нея отдѣлаться. Затѣмъ, въ одну изъ откровенныхъ минутъ онъ высказалъ ей, что дѣла его нѣсколько запутаны. Точно также, любя иногда пометтать, онъ высказывалъ, что если-бы какими нибудь судьбами ему досталось въ руки хорошее состояніе, хотя бы нѣсколько побольше того, которое было у него лѣтъ двѣнадцать-тринадцать назадъ, хотя бы такое, какъ состояніе «старца», то онъ изумилъ бы міръ грандіозностью своихъ оборотовъ: онъ въ пять-шесть лѣтъ удесатерилъ бы это состояніе и сталъ

бы кумиромъ всѣхъ европейскихъ биржъ. Это были мечты, но мечты такіе, въ которыхъ слишкомъ ясно сказывалось стремленіе Велитичева къ крупной наживѣ. Зная хорошо характеръ и нравственные принципы своего возлюбленнаго и соображая всѣ эти обстоятельства, Людмила Коробова пришла почти къ убѣжденію, что странныя деньги эти найдутся въ ея рукахъ благодаря скоростной смерти «старца».

«А что, если я вдругъ возьму и разрушу ваши широкіе планы, мой милѣйшій Платонъ Васильевичъ?» пришла вдругъ ей въ голову злостная, но веселая мысль.

VI.

Воръ у вора дубинку укралъ.

«Быть содержанкой—быть рабой,—не одно ли и то же?.. Даже хуже: это значить—быть игрушкой!» думала Людмила Сергѣевна, глядя на полновѣсныя пачки. «Нравится сегодня игрушка—ее холятъ, лелѣютъ, берегутъ; а завтра игрушка надоела—бросай ее въ стору или домай ее! все равно новая будетъ.

«Такъ не лучше ли, вмѣсто того чтобы самой играть роль игрушки, заставить его быть моею игрушкой?»

«И развѣ не возможно это?

«Стоить только воспользоваться деньгами, которыя лежатъ теперь предо мною!»

Она въ раздумьѣ раза два прошлась по комнатѣ.

«И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ угрожать мнѣ, если бы я рѣшилась воспользоваться ими? Кто знаетъ, кто видѣлъ, что онъ привезъ ихъ ко мнѣ? Гдѣ доказательства на это?

«Но мало того! Эти деньги нечистыя! Онѣ добыты не прямымъ путемъ, потому что иначе ему незачѣмъ бы было везти ихъ ко мнѣ и совать подъ тюфакъ, когда гораздо проще онъ могъ привезти ихъ въ свою собственную квартиру. Это, очевидно, сдѣлано впопыхахъ, необдуманно, или плохо обдуманно, сгорича, просто по первому впечатлѣнію, при желаніи гдѣ бы то ни было, но только поскорѣ скрыть свою добычу. Вотъ почему это сдѣлано! Онъ хотѣлъ скрыть—потому что иначе незачѣмъ было бы и отъ меня скрывать, что тутъ деньги. Это ясно.

«Стало быть...

«Стало быть мнѣ ровно ничто не угрожаетъ? Донесете на меня онъ не пойдетъ и не пошлетъ, потому что это значило бы донести на самого себя—самого себя послать на каторгу!... А если моя догадка справедлива, что это ихъ обоюдное дѣло—тогда они оба въ моихъ рукахъ и навсегда, навсегда—пока живы! Я могу тогда сдѣлать съ нимъ все, что бы

ни задумала. Онъ тогда рабъ мой, игрушка моя! Могу заставить его развести меня съ мужемъ, жениться на мнѣ—и онъ слова не скажетъ противъ! Онъ сдѣлаетъ все, все, потому что въ моей волѣ будетъ опальовать его, швырнуть на скамью подсудимыхъ, послать на каторгу...

«И все это зависить отъ одной только моей доброй воли сдѣлать эти деньги моими!

«А если... если онѣ добыты не тѣмъ путемъ, какъ я думаю? Если эти деньги безъ всякаго преступленія, просто принадлежать ему или кому другому, и ко мнѣ попали только такъ, въ силу какой нибудь случайности, которой я не знаю—тогда что?

«Тогда?»

Людмила Коробова на минуту призадумалась.

«И тогда онѣ все-таки мои!» съ торжествомъ порѣшила она. «Прежде всего нѣтъ свидѣтелей, нѣтъ доказательствъ, что онѣ были привезены ко мнѣ, да и при томъ самый привозъ ихъ сюда и всѣ обстоятельства такъ странны, что все это могло бы придти въ голову либо преступнику, либо сумасшедшему...

«Въ этомъ случаѣ придется уничтожить только векселя да нѣсколько именныхъ билетовъ, и за всѣмъ тѣмъ у меня все таки останется болѣе трехсотъ-семидесяти тысячъ.

«Значить, я могу и не быть ни содержанкой, ни рабой, ни игрушкой!

«Но такъ какъ мнѣ инстинктъ какой-то говорить, что тутъ дѣло не обошлось безъ преступленія, то...

«Да! то я буду его женою, буду носить громкое, извѣстное имя, буду имѣть видное положеніе въ свѣтѣ, вѣчнаго раба у своихъ ногъ; буду имѣть свое, свое собственное состояніе, независимость и свободу дѣлать все, что угодно!»

* *

Людмила Коробова быстро сообразила весь планъ. Дѣло казалось такъ легко, такъ просто и сулило такую соблазнительную удачу!

Она изорвала четыре какихъ-то романа, нѣсколько газетныхъ листовъ и цѣлый ворохъ афишъ, обрѣзал ихъ и складывая въ тотъ самый форматъ, который имѣли обѣ денежныя пачки. Въсѣ и объемъ этой мѣшавой бумаги показались ей, наконецъ, удовлетворительными, и она бережно запаковала ихъ въ тѣ самыя газеты, которыя служили оберткой денежнымъ пачкамъ. Сходство было полное, но тутъ особаго сходства и не требовалось—лишь бы только въ мѣшокъ уложились.

Коробова попробовала закинуть,—обѣ пачки вошли въ сакъ хотя и туговато, но какъ разъ въ достодолжную мѣру, послѣ чего стальная замочная пружинка была захлопнута и

сакъ отправленъ подъ тюфякъ, на свое прежнее мѣсто.

VII.

Нѣжная маменька.

Дѣвушка ш-ше Кѣрбовой осталась очень удивлена, когда ея барыня во второмъ часу ночи приказала ей снова подать себѣ одѣться и кланяться извозчика.

На этотъ разъ путешествіе Людмилы Сергѣевны было непродолжительно, такъ какъ она приказала везти себя по близости, въ Свѣчной переулокъ, гдѣ обитала ея маменька.

Людмила Сергѣевна въ жизни своей являлась достойнымъ яблокомъ этой старой яблони, отъ которой оно, и по пословицѣ, не должно далеко откатываться.

Маменька Людмилы Сергѣевны во время оно пласала «у воды», въ составѣ императорскаго санктпетербургскаго балета.

Однажды, несмотря на то, что эта жрица Терпсихоры весьма скромно подвизалась «у воды», на заднемъ планѣ, въ числѣ цѣлыхъ трехъ дюжинъ статистокъ, ее зоркимъ окомъ замѣтилъ старый графъ Харитоновъ - Трофимъ съ и порѣшилъ qu'elle est charmante, cette petite! А порѣшивъ таковое, онъ вслѣдъ затѣмъ порѣшилъ, что эту charmante petite необходимо нужно взять къ себѣ на содержаніе. Это было не трудно, такъ какъ «обдѣлать все дѣло» взялась одна притѣвница одного изъ старыхъ пріятелей стараго графа, тоже подвизавшаяся на балетной сценѣ. Плодомъ этого «содержанія» явилась хорошенькая дѣвочка Людмила, названная сямъ именемъ въ честь слабости графа къ романтическому направленію поэзіи его молодого времени, когда имя Людмилы, съ легкой руки Жуковского и Пушкина, играло не послѣднюю роль въ поэмахъ тогдашнихъ стихотворцевъ. Старый графъ, позабавившись нѣкоторое время, выдалъ свою балетную faiblesse, какъ водится, замужъ за одного изъ своихъ подчиненныхъ чиновниковъ, который, въ виду приличнаго вознагражденія и будущихъ благъ по службѣ, рѣшился прикрыть старческій грѣхъ собственною своею персоною. Чиновникъ пожилъ нѣкоторое время и скончался, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ сердцѣ графской слабости, которая еще и при жизни его не особенно стѣснялась въ выборѣ своихъ средствъ жизни и сердечныхъ развлеченій, тѣмъ болѣе, что, кромѣ стараго графа, оказывалось не мало охотниковъ доставлять эти развлечения балетной корпфейкѣ. По смерти мужа та же самая жизнь продолжалась въ размѣрахъ еще болѣе широкихъ, такъ какъ теперь балерина, въ положеніи интересной вдовы, не находила нужнымъ прикрывать

флеромъ скромности и таинственности пятимыя стороны своего будуара. Дѣвочка ея росла средѣ атмосферы интригъ театральныхъ, интригъ будуарныхъ, интригъ маскарадныхъ, интригъ денежныхъ... Матушка мало заботилась о томъ, чтобы скрыть отъ взоровъ чуткаго ребенка закулисную сторону своего существованія. Дѣвочка привыкла видѣть скабрёзныя сцены, слышать скабрёзные разговоры, ибо другихъ и не полагалось въ гостиную ея матери. Она видѣла, какъ мѣняются одинъ за другимъ «друзья» этой матери, какъ легка и доступна ея «дружба», какъ эта дружба основывалась исключительно на цифрахъ, на денежномъ интересѣ, на расчетѣ сорвать съ одного друга новый экипажъ, съ другого — уплату за квартиру, съ третьяго — уплату по счету модистки, съ четвертаго — просто сорвать приличный кушакъ — все это видѣла слышала, чувствовала и понимала маленькая и хорошенькая Милочка и... въ ней органически сложилось, воспиталось и вкоренилось глубокое убѣжденіе, что это-то вотъ и есть жизнь, что жизнь только въ этомъ и заключается, что для женщины нѣтъ и не должно быть иной жизни, что всякая иная жизнь есть не жизнь, а презрѣнное прозябаніе. Слышала она, что есть еще жизнь велико-свѣтскихъ салоновъ; но о представительницахъ этихъ салоновъ мать ея всегда отзывалась съ завистливой насмѣшкой и презрѣніемъ, говоря, что и онѣ «тѣмъ же муромъ мазаны и въ сущности одного съ нею поля ягоды», съ тою разницей только, что Богъ ей не далъ счастья быть графиней или княгиней, а сдѣлалъ ее «театральной», хотя ея Милочка «такая же графиня по рожденію, какъ и законныя графини». Милочка гдѣ-то и чему-то училась, французскій пансіонъ придавъ ей извѣстный внѣшній лоскъ, а нравственныя качества ея закалились въ житейской школѣ ея матушки. Нетронутыми оставались одинъ природный, довольно сильный умъ и характеръ, вѣроятно перешедшіе отъ отца, по крови; но какъ тотъ, такъ и другой, подъ влияніемъ атмосферы ея дѣтства, получили прочное и опредѣленное направленіе.

Въ настоящее время экзъ-балерина уже отцвѣла, но... все-таки имѣла при себѣ одного изъ старыхъ своихъ поклонниковъ, который во время оно истратилъ на нее все свое небольшое состояніе и все-таки остался вѣрнымъ поклонникомъ. Теперь, когда блестящая молодежь не только отвернулась отъ нея, но даже и забыла давно про самое ея существованіе, а бѣдный поклонникъ ходилъ безъ сапогъ, — старая содержанка нашла, что ей все-таки нуженъ человекъ, который дѣлалъ бы ея скучныя досуги, и призрѣла сего неимущаго. Она одѣвала, поила, кормила его и зато властвовала надъ нимъ безпрекословно, дес-

поттвческою властью. Отъ прежней роскоши у нея сохранился кое-какой капиталишко, правда, маленький, но все-таки онъ могъ нѣсколько обезпечить ея существованіе, начинавшее становиться старческимъ; экстер-балерина пускала въ оборотъ свои деньги: она давала ихъ въ ростъ на проценты, подѣ върное обезпеченіе.

Когда ея Милочкѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, нѣжная маменька сосредоточила свои надежды и расчеты на единственномъ дѣтищѣ. Она не прочь была бы выдать ее и замужъ, «еслибы подернулся человѣкъ подходящий», но эта идея менѣе улыбалась ей, чѣмъ другое предположеніе, гораздо болѣе сочувственное ея сердцу.

— Что нынче въ замужествѣ-то проку!—не разъ говаривала она Милочкѣ,—еще каковъ-то чортъ накачается!.. Это значить только путать себя: лишняя обуза на плечи!

— Но вѣдь надо же, мамаша, пристроиться,—возражала на это Милочка,—и притомъ мнѣ вовсе не интересно быть по паспорту с.-петербургскою мѣшанкой.

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь ты по рожденію, по крови графиня! Кто тамъ будетъ съ твоимъ паспортомъ справляться, если ты сама очаровательна для мужчины? Твой паспортъ—ты сама, твоя наружность. Умѣй нравиться—и вотъ тебѣ весь твой паспорт!

— Но все же лучше называться женой дворянина, чѣмъ такъ-то, — не соглашалась Милочка.

— Ну, и называйся! Развѣ я противъ этого?—Да Боже меня сохрани, чтобы я когданибудь пошла противъ твоего счастья! Вѣдь ты дочь моя... Конечно, если подвернется дуракъ такой съ хорошей фамиліей, да если еще и богатый — я слова не скажу, отдамъ обѣими руками: иди матушка,—но если не такъ, то, по моему, не стоитъ... Что за корысть въячаться? Пока ты невинная дѣвушка и хороша собою, на тебя, дѣйствительно, можетъ обратить вниманіе человѣкъ порядочный, богатый, солидный, который обезпечитъ тебя на всю жизнь. Вотъ, къ примѣру, отецъ твой, покойникъ графъ (дай Богъ царство небесное!), сдумѣлъ же замѣнить и вытѣщить меня, можно сказать, изъ ничтожества, а почему?—потому что я была добродѣтельна, потому что я сдумѣла соблюсти и сохранить себя до хорошаго случая.

— Да, жди такого случая!—вдыхала Милочка.

— Жди и дождешься! Только умѣй соблюсти себя! — ободряла маменька. — Ужъ положишь на меня: я гораздо опытнѣе тебя и сама сдумѣю устроить твое счастье! Я—мать горячая, и ты думаешь, развѣ сердце мое не болить о тебѣ? погоди, дай время; у меня все же таки есть старая связи, старыя отношенія. Богъ поможетъ,—я сама выпущу тебѣ

человѣка, сама все устрою и благословлю тебя; только помни одно, что для этого надо строго беречь себя и не увлекаться!

Но увы! Этой чадолюбивой маменькѣ суждено было нѣсколько обмануться въ своихъ блестящихъ ожиданіяхъ. На восемнадцатомъ году жизни Милочкѣ показалось, что она и сама, безъ посредничества мамани, можетъ устроить свое счастье. Лѣтомъ, на дачу къ нянѣ въ Новую деревню сталъ ѣздить одинъ блестящій гвардеецъ. У этого гвардейца было имя и хорошій рысакъ, запряженный въ щегольскую эгонетку; костюмъ его—всегда какъ съ иголки—сидѣлъ на немъ прекрасно. Матушка навела справки о его состояніи, но слухи оказались противорѣчивые: одни пѣли, будто утверждали, будто гвардеецъ имѣетъ хорошія средства, другіе же, съ большею основательностью, клонились къ тому, что, кромѣ обширныхъ долговъ, у него ничего не имѣется. Матушка совѣтовала дочери «держать ухо востро» и сама не дремала, но Милочка сдумѣла обманывать иногда ея бдительность и доставляла себѣ маленькія развлеченія, въ родѣ вечернихъ прогулокъ en deux по топей новодеревенской аллеикѣ и по Елагинскому парку.

За это ей каждый разъ сильно доставалось отъ маменьки, которая даже плакала и говорила, что она «неблагодарная дочь, сокрушаетъ и разрываетъ на части ея материнское сердце». Дочка искренно увѣряла ее, что все это одни пустяки, что ничего серьезнаго у нея нѣтъ, да и быть не можетъ, что она знаетъ, что дѣлаетъ, а между тѣмъ незамѣтно сама увлеклась немножко блестящимъ гвардейцемъ. Это крошечное увлеченіе было единственнымъ увлеченіемъ въ ея жизни—быть можетъ, невольная дань сердца ея весеннему, семнадцатилѣтнему возрасту. Она видѣла, что гвардеецъ интересуется ею и, судя по рысаку, костюму, конфетамъ, букетамъ, подаркамъ и по его разговорамъ, вѣрила въ его богатство. Милочка думала, что было бы вовсе не дурно увлечь этого поклонника до такой степени, чтобы въ одинъ прекрасный день сдѣлаться его законною супругой. Между тѣмъ, одна изъ ея подругъ и дачныхъ сосѣдокъ тоже стала выказывать явное, почти навязчивое расположеніе къ ея герою, и герой, къ досадѣ Милочки, не относился безучастно къ такому вниманію. Милочка рассорилась съ подругой, но это нисколько не поправило дѣла. Напротивъ, подруга ея начала уже прямо и не стѣсняясь «отбивать» у Милочки ея поклонника. Милочку стала мучить ревность, досада и опасенія возможной утраты человѣка, на которомъ зиждились ея расчеты и къ которому, вдобавокъ, не оставалось равнодушнымъ ея собственное сердце. Слишкомъ понаѣжившись на себя и думая, вслѣдствіе того, однажъ

рѣшительнымъ шагомъ поправить свое дѣло, Милочка опрометчиво переступила тотъ заветный предѣлъ, за который болѣе всего она-салась ей матушка. Но... она ошиблась въ расчетѣ. Эта ошибка—дань молодости и маленькому чувству—послужила ей урокомъ для всей остальной ея жизни. Сначала казалось, дѣло идетъ совсѣмъ наладъ: гвердеецъ увѣрялъ, что, какъ честный человекъ, онъ конечно поправитъ женитьбой свое увлеченіе, какъ вдругъ векселя, угрожающіе взыска-ніемъ, заставили его внезапно и, такъ сказать, упродучись, искать спасенія въ Ташкентѣ.

— Что, матушка, на бобахъ осталась!— съ отчаяніемъ и злобой порила Милочку мать.— Гвардейская-то свадьба ты-то!.. А что? а что? не говорила я тебѣ, не предупреждала?.. Такъ нѣтъ, вынче вы думаете, что вы умнѣе матерей своихъ стали! Мать дура! что ее слушаться! что она понимаетъ!.. И что же теперь я съ тобой буду дѣлать?

— Васъ никто и не проситъ «дѣлать»,— возражала не менѣе озлобленная дочка.— Найдѣ и сама себѣ, что мнѣ дѣлать!

— Нѣтъ, врешь! врешь, не найдешь! Теперь, капиталъ-то твой потерявъ! безвозвратно потерявъ!.. Теперь тебѣ и цѣна другая!.. И за что же это я тебя, змѣеныша адакого, поила, кормила, воспитала, сердцемъ своимъ болѣла о тебѣ? За что все это, неблагодарная тварь?! Посчитать бы, чего мнѣ стоить одѣвъ твои тряпки да наряды! И это ли теперь отплата за всѣ мои материнскія чувства, за всѣ мои терзанія и заботы?

И обѣ онѣ злобно и горько плакали о безвозвратно утраченномъ капиталѣ.

Но прошло нѣкоторое время—и первый пылъ обоюдной ихъ злобы и скорби поулялся. Обѣ пришли къ сознанію и необходимости—какими-нибудь судьбами поправить свое проигранное дѣло. Милочка находила, что ей было бы лучше всего выйти теперь замужъ, «пристроиться», но пристроиться такъ, чтобы во-первыхъ, промѣнять свое паспортное мѣщанство, которое для нея было презрѣнно и невыносимо, на какое-нибудь дворянское имя; во-вторыхъ пристроиться такъ, чтобы, воспользовавшись преимуществами законной жены и своего имени, сохранить за собою, про всякій случай, полную свободу дѣйствовать и распоряжаться своею особою по собственному произволу.

Мать находила оба эти стремленія вполне основательными.

— Конечно,—говорила она, съ грустнымъ вздохомъ, соглашалась съ доводами дочери,— конечно, если разъ уже позволила себѣ опростоволяться, то впредь не слѣдуетъ быть душой. Теперь тебѣ, разумеется, надо выйти замужъ... будешь ли тамъ жить ты съ мужемъ,

или не будешь, за что въ нынѣшнемъ вѣкѣ трудно поручиться, вѣрнѣе, что не будешь; теперь вонъ куда ни обернись, все врознь, да врознь живутъ замужнія! Но замужъ все-таки слѣдуетъ выйти: нынѣшніе дураки охотнѣе, вышь, кидаются на замужнюю женщину! Это, конечно, съ ихъ стороны одна только глупость, но оно такъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, и ты это, мой другъ, вѣрно понимаешь! Разъ, что ты добродѣтельная дѣвушка—тебѣ одна цѣна: потеряла ты добродѣтель—и никакой цѣны тебѣ нѣтъ; во вышла ты послѣ этого замужъ, поглядишь—и опять тебѣ цѣна подымается. Только ужъ въ этомъ случаѣ, изъ-за собственнаго интереса, конечно, надо выходить съ умомъ, не за саяожника какого-нибудь, а за человека, хотя и бѣднаго, но благороднаго, чтобы тебѣ, по крайней мѣрѣ, хоть ния-то дворянское осталось: это, другъ мой, тоже подымаетъ положеніе женщины, кредитъ совсѣмъ другой и другой взглядъ на дво-рянку!

На слѣдующее лѣто онѣ жили на дачѣ уже не въ Новой деревнѣ, а въ Полѣстровѣ. Здѣсь, по соседству съ ними, нанималъ себѣ конурку студентъ-технологъ Валерьянъ Коробовъ, богатый своимъ двадцатилѣтнимъ возрастомъ, а еще болѣе—своими надеждами и мечтами; въ сущности же его существованіе обезпечивалось тѣми пятьюдесятью рублями, которые ежемѣсячно присылала ему изъ Рязанской губерніи какая-то старая и добрая родная его тетка. Матушка Милочки случайно познакомилась съ нимъ и какъ-то узвала, что онъ дворянинъ—«настоящаго, другъ мой, столбового происхожденія!»

— И скажите, пожалуйста, отчего же вы, при нашемъ происхожденіи, не выбрали себѣ какое-нибудь другое занятіе?—участливо спросила его однажды матушка.

Тотъ пожалъ плечами на такой глупый вопросъ.

— Да потому, я думаю, что въ выборѣ занятій происхождение не играетъ никакой роли,—отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь вы могли бы выбрать для себя какую-нибудь дворянскую службу—чиновникомъ бы или въ офицеры пойти?

— Сердце больше лежитъ къ технологіи,—улыбнулся онъ,—да и притомъ же это дѣло въ наше время хлѣба больше даетъ.

— А развѣ эта служба выгодная?—съ живымъ интересомъ спросила матушка.

— И очень даже!—подтверждалъ Коробовъ.

— А какъ то-есть выгодная? Поди-ка, съ голоду, пожалуй, не умрешь—только въ ней и корысти?

— Что съ голоду не умрешь—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, есть множество примѣровъ, что технологъ—на нашихъ глазахъ воть—дѣлаютъ себѣ громадныя состоянія.

— Неужели?! — изумилась матушка, уже въ высшей степени заинтересованная послѣднимъ сообщеніемъ.

Коробовъ разсказалъ ей нѣсколько примѣровъ.

— И вы, значитъ, тоже надѣетесь сдѣлать себя состояніе?

— Я учусь ради дѣла, — скромно отвѣтилъ студентъ, — а состояніе — дѣло случая. Впрочемъ, у меня есть много надеждъ на будущее.

Маменька приняла близко къ сердцу всѣ свѣдѣнія, полученныя изъ разговора съ Коробовымъ.

— Вотъ, матушка, женихъ тебѣ! — сказала она въ тотъ же день Милочкѣ. — И молодой, и дворянинъ, и даже можетъ въ будущемъ состояніе себя сдѣлать!

— Черезчуръ мизеренъ, — поморщилась дочка.

— Скажите пожалуйста, герцогиня какая! — вспылала экс-балерина. — Принца Оранскаго для васъ не прикажете ли? Испанскаго посланника, что ли еще?.. «Мизеренъ»!.. Да ты-то сама что такое?.. И во всякомъ случаѣ, если желаешь сдѣлать шагъ, то этотъ баринъ, по моему мнѣнію, отличная для тебя ступенька.

Милочка поразмыслила хладнокровно и согласилась съ матерью.

Съ этой минуты она повела оворобразную игру съ Валерьяномъ Коробовымъ. На одной ставкѣ была красота и хладнокровно рассчитанный, обдуманый, шулерскій расчетъ; на другой — молодость и безавѣтное увлеченіе.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Коробовъ былъ уже влюбленъ со всѣмъ пыломъ перваго, молодого чувства. Онъ сдѣлалъ предложеніе.

— Переговорите съ мамашей, — скромно отвѣтила ему Милочка.

Коробовъ исполнилъ ея желаніе.

Мамаша при этомъ даже прослезилась отъ избытка чувствъ нѣжной души своей.

— Валерьянъ Алексѣвичъ, я мать... я мать, вы понимаете меня! — сказала она, крѣпко сжимая его руку. — Я не могу противиться ея сердцу, но... простите за откровенность: вы еще оба такъ молоды... это такой важный шагъ... чтобы не раскаться вамъ впослѣдствіи!.. тогда на меня же попеняете!.. И наконецъ, чѣмъ же вы жить будете? Какія ваши средства къ жизни? У Милочки у моей вѣдь ровно ничего нѣтъ, кромѣ ея невинности и чистаго сердца!

Коробовъ пустился въ длинный и горячій монологъ, въ которомъ, развивая свои планы и надежды, говорилъ, что Милочка его любитъ и понимаетъ, что она не потребуетъ съ него лишняго, что она готова сама трудиться и помогать ему, что у него и теперь уже, кромѣ теткинскихъ пятидесяти рублей, есть нѣ-

сколько хорошихъ «уроковъ», а женившись, онъ достанетъ ихъ еще болѣе, да кромѣ того станетъ работать хотя бы «переводы» для какой-нибудь «честной» редакціи, что онъ уже нѣсколько разъ бралъ на себя «черную» литературную работу для редакціи Цемпи и ею всегда оставался доволенъ, что рублей сто, подраста въ мѣсяцъ онъ всегда свободно заработаетъ, а этой суммы достаточно для неприхотливой жизни, и что, наконецъ, оба они молоды, полны жизни, энергіи, любятъ другъ друга и свѣтло глядятъ въ свое будущее.

Монологъ былъ очень горячъ, а экс-балерина показала видъ, будто онъ даже и вполнѣ убѣдителенъ.

— Ну, конечно, это ужъ ваше дѣло, — сказала она; — я только, какъ мать, высказала свои опасенія, чтобы потомъ мнѣ же не было укоровъ да попрековъ, а тамъ какъ знаете... Только помните одно, Валерьянъ Алексѣвичъ, помните, что я отдаю вамъ съ рукъ на руки мое чистое и непорочное сокровище... Берегите же его!.. Она у меня такая дѣвушка, что можетъ составить счастье любого человека — надо только хорошо понять и одѣвить ее!.. Теперь ваше счастье въ вашихъ рукахъ: не уберете его — сами будете виноваты! Это теперь вполнѣ отъ васъ самихъ зависить.

Коробовъ вовсе не обратилъ вниманія на это предостереженіе, напоминавшее воронье карканье, и, вполнѣ счастливый и довольный, торопилъ день свадьбы.

Вожделѣнный день, наконецъ, насталъ — и Коробовъ сдѣлался мужемъ.

Молодая супруга его сразу же захотѣла «общества и развлеченій». Но какое же, въ самомъ дѣлѣ, «общество» могъ предоставить ей Валерьянъ Коробовъ? — Нѣсколько студентовъ, которыхъ еще нѣкогда Асоченскій называлъ «кашлатыми», да два либеральныхъ сотрудника съ задняго двора Цемпиной газеты — вотъ и все его общество. Людмила Сергѣевна это «общество» пришлось не по вкусу: она нашла, что всѣ эти господа говорятъ совсѣмъ скучныя, не интересныя для нея вещи и что всѣ они «ужасно дурно и безвкусно одѣты», а она не переносила дурно одѣтаго человека.

— Валерьянъ Алексѣвичъ, мнѣ Милочка жалуется, что она скучаетъ, — съ значительнымъ видомъ сказала ему однажды матушка. — Вы бы ей хоть какія нибудь развлеченія доставляли — такъ же вѣдь невозможно! Она женщина еще молодая.

Коробовъ пожалъ плечами.

— Какія же развлеченія, Ольга Романовна. — возразилъ онъ. — Я, кажется, и то ужъ стараюсь! Захотѣлось ей пѣсню — я взялъ на прокатъ; сказала, что на окнахъ пусто — я цвѣтотъ закупилъ; разъ въ недѣлю въ театрѣ бываемъ; товарищи приходятъ...

— Ну, да, вотъ, товарищи!—подхватила матушка.—Они всѣ такіе грубые, неотесанные, неумные; скучные—развѣ это общество для Милочки?

— Грубые, зато честные,—отрѣзалъ Коробовъ.

— Этого у нихъ вѣдь ни въ какомъ па-тентѣ не прописано, что они честные; да, впрочемъ, въ нынѣшнемъ свѣтѣ, другъ мой, что и честь, коли нечего вѣсти!..

— Вы, Ольга Романовна, говорите безнрав-ственные вещи, и я бы вовсе не желалъ, чтобы это говорилось при женѣ моей.

— Покорнѣйше благодарю за замѣчаніе, въ которомъ я, впрочемъ, не нуждаюсь,—сухо отвѣтила матушка.—Милочка дочь моя, мое рожденіе, и потому сама я знаю, что мнѣ слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ говорить при ней. Я вовсе не хочу ссориться съ вами, Валерьянъ Алексѣвичъ, но какъ истинно любящая мать, по-дружески говорю вамъ, что моя дочь скучаетъ и что вамъ поэтому не мѣшало бы обратить нѣсколько болѣе вниманія на ея раз-влеченія. Вѣдь она такъ любитъ, такъ любитъ васъ, какъ словно ангелъ какой небесный, и неужели же вы за всю любовь ея не захотите поцеловать ее хоть немножко!

— Боже мой, да я радъ! Я радъ, я всю жизнь свою готовъ для нея!—воскликнулъ Коробовъ.—Но чѣмъ же? Чѣмъ могу я? Я готовъ все сдѣлать, все исполнить, только скажите мнѣ, что именно?

— Мало ли «что»? Помилуйте! У насъ есть столько клубовъ, столько «семейныхъ вече-ровъ», артисты поютъ и читаютъ, публика веселится, ужинаетъ... наконецъ, маскарады... Я не говорю о катаньяхъ на тройкѣ—это, положимъ, пока еще дорого для васъ, это се-временемъ... Вы видите, что я, какъ мать, во-все не хочу, чтобы вы разорялись; я—голуб-чикъ мой—вѣдь вхожу тоже и въ ваше поло-женіе; но, напримѣръ, маскарады—это вѣдь не дорогого стоитъ, а между тѣмъ какое развле-ченіе.

Коробовъ гонялъ какъ почтовая лошадь, съ одного урока на другой, съ другого на третій, сидѣлъ за какими-то переводами для Цемше-вой газеты и для книгопродавца Пархатова, корпѣлъ надъ какими-то корректурами, и все это для того, чтобы принести на пятый этажъ, въ маленькую двухъ-комнатную квартирку къ своей Милочкѣ нѣсколько лишнихъ денегъ. А чуть только перепали ей въ руки эти день-ги, она тотчасъ же лѣгала въ Гостиный дворъ и тратила ихъ на разныя тряпки; изъ тря-почекъ мастерилась какая-нибудь принадлеж-ность къ наряду, а вечеромъ нарядъ этотъ лязгну облекая стройную фигуру Милочки,—и Милочка въ наемной каретѣ вѣхала, въ со-провожденіи своей матушки, въ какой-нибудь клубъ или собраніе, гдѣ «артисты поютъ и

читаютъ», или гдѣ шнырять вовсе не интерес-ныя, но зато прозорливыя маски.

Коробовъ не пилъ ни времени, ни охоты постоянно сопровождать супругу на всѣ эти «развлеченія». Въ тѣ долгіе часы, когда она плясала на какомъ-нибудь клубномъ «семей-номъ вечерѣ», онъ до одурѣнія гнулъ спину надъ тяжелой, «черной» и мало благодарной работой. Неизмѣнно и добродетельною спутни-цей Милочки во всѣхъ этихъ случаяхъ явля-лась ея матушка.

— Милочка, я вотъ по газетамъ прочла, что послѣ завтра вечеръ въ «артистическомъ»—надо быть непременно,—говорила Ольга Ро-мановна.

— Не знаю, мамаша... если деньги будутъ.

— Вотъ это мнѣ нравится—«если будутъ!»—фыркала носомъ вверху матушка.—Должны быть!.. Скажи мужу, чтобы достать—на то онъ и мужъ, слава тебѣ, Господи! Онъ обя-завъ работать! На кого-жъ ему и потрудиться, если не на жену... Пусть по гостямъ меньше ходитъ и къ себѣ не принимаетъ, а больше сидитъ да работаетъ! Ты бы, матушка, заста-вляла его.

— Я ужъ и то долблю ему, мамаша.

— Мало долбишь, другъ мой, мало! У меня ужъ и то сердце порою ноетъ, глядя на твои лишения. Онъ все-таки лѣнтивъ у тебя препро-зрадный.—Долженъ бы больше, гораздо больше зарабатывать! Да ты поиѣраешь ли его каж-дый разъ, сколько онъ денегъ-то приноситъ?

— А то какъ же, мамаша! Каждый разъ я сама отъ него все до копеечки отбираю, я по-домъ выдаю на табакъ и на все, что слѣдуетъ: да онъ, впрочемъ, и самъ добровольно отдаетъ мнѣ все сполна—на это я пока не могу по-жаловаться; онъ трудится изрядно, такъ что мнѣ подчасъ и жалъ немножко становится, что онъ все сидитъ да работаетъ, а я безъ него все одна да одна вѣжу...

— Какъ одна!—фыркнула Ольга Романов-на.—Ты, кажется, не одна, и не съ кѣмъ ни-будь, а съ родною матерью показываешься въ свѣтѣ. Каждый очень хорошо знаетъ и по-нимаетъ, что это вполне прилично, потому что мать родная свою дочь и на что дурное ни-когда не наставитъ! А чѣмъ пустяки-то тол-ковать, такъ ты лучше пентіку своему при-кажи, чтобы къ завтрашнему дню деньги не-премѣнно были! А если не достанетъ, такъ вотъ тебѣ мой практический совѣтъ—ужъ это я тебѣ по опыту говорю: не подпускай его къ себѣ ни на шагъ, ни одной ласки, ни одного милого изгляда, ни одного слова; потому да помучь его хорошенечко,—благо, тебѣ это по хладнокровной натурѣ твоей ровно ничего не стоитъ; не бойсь, какъ едакую-то тактику съ нимъ примешь—тотчасъ же достанетъ! Ихнего брата прежде всего никогда баловать не слѣдуетъ!

И Милочка мужа своего, действительно, никогда не баловала, но деньги тѣмъ не менѣе всегда являлись къ ея услугамъ. Коробовъ самъ себѣ отказывалъ во всемъ необходимомъ, ходилъ въ заплатаанныхъ сапогахъ, въ заштопанномъ платьѣ, имѣя всего только двѣ перемѣны бѣлья—зато жена его всегда была одѣта какъ куклолка. Сила любви дѣлала для него легкимъ самый тяжелый трудъ, и ни одна жертва не казалась ему жертвою.

Когда же у него окончательно уже истощались деньги и не у кого было перехватить на время хоть нѣсколько жалкихъ рубльишекъ, а Милочкѣ съ матушкой, между тѣмъ, непреклонно хотѣлось ѣхать въ маскарадъ или въ собраніе, то въ этихъ случаяхъ выручательницей изъ затруднительнаго положенія всегда являлась сама же добрая и обязательная матушка. Она охотно ссужала Милочкѣ нѣсколько денегъ, но при этомъ непременно прибавляла:

— Вотъ, дружечекъ мой, когда у тебя нѣтъ, я всегда охотно даже послѣднимъ дѣлюсь съ тобою; а ты, когда ты будешь богата,—неужели ты тогда мать свою позабудешь?! Такую горячую мать! Ну, ужъ тогда тебѣ и по совѣсти стыдно, и отъ Бога грѣхъ будетъ!

Милочка морщилась, но совѣстливый видъ заявляла, что этого никогда не случится.

Однажды въ очень скромной квартирѣ Коробова появился новый гость, который былъ знакомымъ уже собственно Людмилы Сергѣевны.

Какимъ-то недобрымъ и тревожнымъ предчувствіемъ ёкнуло сердце Валерьяна Коробова, когда Милочка рекомендуя назвала ему имя и фамилію своего гостя.

Это былъ Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ.

Коробовъ издали зналъ Вельтищева. Онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ его въ редакціи у Цемша. Вельтищевъ иногда прѣзжалъ къ Цемшу въ смыслѣ очень важнаго, вліятельнаго по службѣ и по биржѣ человѣка, въ смыслѣ «дѣтеля», который можетъ иногда сообщить очень важныя и самыя свѣжія новости изъ міра административнаго и финансоваго. Вельтищевъ былъ «на виду» и очень успѣвалъ по службѣ, какъ современный «либеральный чиновникъ» хорошаго тона, имѣющій связи съ редакціей «умѣренно-либеральной газеты» и притомъ «отлично владѣющій перомъ». Его «перо» и «связи съ литературнымъ органомъ» давали ему по службѣ вѣсъ и значеніе въ глазахъ начальства, а его чиновность умножала его значеніе въ глазахъ Цемша и его ближайшихъ сотрудниковъ. Затѣмъ, какъ начальство, такъ и Цемшъ очень уважали Вельтищева—во-первыхъ, за его деньги, которыми иногда первое пользовалось въ видѣ займовъ, а второй въ видѣ субсидій за поддержку какого-либо финансоваго предпріятія,

близко интересовавшаго собою Платона Васильевича; во-вторыхъ, и начальство и Цемшъ уважали его за его «умѣнье жить», за его обѣды и ужины, которыми они пользовались часто и безвозмездно. Этотъ современно-либеральный чиновникъ, съ его «перомъ», съ его «умѣньемъ жить», съ его изящными манерами, успѣвалъ и въ свѣтѣ, и по службѣ, и въ Цемшовой литературѣ. Иногда онъ удостоивалъ газету Цемша своими замѣтками и даже передовыми статьями по вопросамъ административнымъ, юридическимъ, социальнымъ, земскимъ и финансовымъ; нѣкоторые изъ его статей были ему даже «внушаемы свыше»—и Цемшъ особенно гордился рѣдкими, но мѣткими и всегда прекрасно и либерально изложенными статьями Платона Васильевича.

Коробовъ видѣлъ иногда, какъ этотъ свѣтски-блестящій, богатый и либерально-чиновный сотрудникъ съ алкомбомъ проходилъ прямо въ кабинетъ Цемша и какъ Цемшъ встрѣчалъ его съ подобострастными рукопожатіями; но Вельтищевъ, съ своей стороны, конечно, не могъ замѣтить какого-то маленькаго и бѣдняка сотрудника, который корпѣлъ въ уголкѣ обще-сотрудничьей комнаты надъ какими-то газетами и статьями.

И вотъ, теперь вдругъ этотъ самый Вельтищевъ появляется въ бѣдной квартирѣ Коробова, и Милочка развязно рекомендуетъ его, какъ своего новаго, добраго знакомаго.

Вельтищевъ случайно встрѣтилъ ее на вечерѣ въ Купеческомъ клубѣ, куда заѣзжалъ повидаться по биржевому дѣлу съ однимъ «нужнымъ человѣчкомъ». Его поразила свѣжая и крайне своеобразная красота этой женщины. Онъ тотчасъ же навелъ справки—кто, молъ, такая?—Оказалось—«какая-то м-ме Коробова, изъ разряда дамъ, часто посѣщающихъ клубы». Впрочемъ, Людмила Сергѣевна, въ сопровожденіи своей маменьки, всегда держала себя вполне прилично, и только въ походкѣ и манерахъ ея сказывалась та особенность (никогда почти не замѣчаемая у женщинъ высшаго круга), которую ближе и вѣрнѣе всего можно опредѣлить, назвавъ «изяществомъ и граціей актрисы». Несмотря на нарядъ, который былъ весьма скромнѣе, сравнительно съ роскошью и часто безвкусіемъ другихъ нарядовъ Купеческаго клуба, Людмила Сергѣевна все-таки выдавалась изъ сотни женщинъ и была очень эффектна. Вельтищевъ достаточно прослѣдилъ за нею и намекнулъ, что она «достойна его вниманія». Найти случай тутъ же познакомиться съ нею было для него вовсе не труднымъ дѣломъ, что онъ и не замедлил исполнить. Вниманіе, которое весь вечеръ оказывалъ ей Вельтищевъ, было слишкомъ исключительно и потому замѣтно. Онъ попросилъ позволенія быть у нея. Людмила, вспомнивъ свою квартиру, лѣстницу и нѣтый этажъ, сна-

чала-было замаялась и даже несколько сконфузилась, но матушка поспѣшила дать за нее полное и любовное согласие.

— Людмила, кажется, Богъ тебѣ *случай* посылаетъ!—внушительно и даже какъ будто съ отгѣнкомъ какого-то религіознаго чувства замѣтила она дочери, возвращаясь домой въ извозничьей каретѣ.

Вельтищевъ послѣ перваго визита сталъ довольно часто заглядывать въ квартиру Людмилы Сергѣевны, выбирая по преимуществу то время, когда самого Коробова не было дома.

Валерьяну крайне не нравились эти посѣщенія. Онъ сталъ дуться, дѣлать женѣ сцену ревности и однажды выказалъ явную неувѣрливостъ ея гостю. Заставъ его у жены, онъ вошелъ къ ней въ пальто и въ шляпѣ, не отвѣтивъ на любовный поклонъ Вельтищева, протянувшаго ему руку, повернулся и вышелъ, хлопнувъ за собою дверь. Людмила Сергѣевна очень сконфузилась и даже заплакала. Вельтищевъ сталъ утѣшать ее, а она начала жаловаться на свою жизнь, на мужа, на положеніе, на обстановку—вообще на все, на что обыкновенно жалуется женщина, ищущая себѣ утѣшителя.

Вельтищевъ, видя бѣдную обстановку ея обиталища и слыша эти горькія жалобы, попытался очень осторожно и деликатно предложить ей «взаимы» денежную помощь.

Людмила сначала сконфузилась и даже какъ будто испугалась этого предложенія; но онъ не смутился и съ дружескою откровенностью спросилъ, сколько ей нужно?

Она затруднилась отвѣтомъ.

Тогда Вельтищевъ вынулъ и развернулъ передъ нею свой туго-набитый бумажникъ, приглядываясь своимъ ласковымъ, ободряющимъ взглядомъ брать смѣлку, не стѣсняясь и не конфузясь.

Она робко вытащила одну радужнуюбумажку.

— Берите больше—вѣдь это же пустяки! Развѣ сто рублей деньги? Берите столько, сколько вамъ надобно!—ласково и убѣдительно предлагалъ Вельтищевъ.

Людмила заціпнула пальчиками другую, третью бумажку и запнулась.

— Ну, ну?! ну?! еще! еще! смѣлку, мой другъ, смѣлку! Не бойтесь, онѣ не кусаются,—шутить Платонъ Васильевичъ.—Я счастливъ, что могу оказать вамъ хоть маленькую услугу такою бездѣлкой!

Людмила Сергѣевна отхватила пять радужныхъ, хотѣла-было взять и шестую, но поспѣшила, разочтя, что на первый разъ это будетъ уже слишкомъ. Она съ жаркою благодарностью протянула Вельтищеву свою руку, къ которой тотъ праякнулъ горячимъ поцѣлуемъ.

Тотчасъ же, вслѣдъ за его отъѣздомъ, поспѣшила счастливая Людмила Сергѣевна къ

своей «маманѣ» и вмѣстѣ съ нею покатила въ Гостиный дворъ покупать себѣ много и дорогіе наряды и обновки.

— Милочка, это Богъ тебѣ за мои теплыя, материнскія молитвы такое счастье посылаетъ!—съ чувствомъ умиленія высказывала дочкѣ Ольга Романовна.—Нарочно съѣзжу ко Всѣмъ Скорбѣющимъ Радости и молебень отслужу Заступницѣ!.. Ты ужъ расщедрись, купи мнѣ манчестеру на кофту — изъ эдакихъ-то денегъ можно бы для матери!..

Милочка охотно согласилась на это предложеніе.

— Вотъ благородный-то человекъ!—продолжала умиляться матушка.—Еще раньше всякаго поощренія съ твоей стороны, такъ сказать, ни за-что, ни про-что—и вдругъ самъ предлагаетъ эдакія деньги! Да ты, дурочка, мало взяла! И чего тутъ совѣститься? Бери, благо предлагаютъ!.. Ну, скажи мнѣ, однако, какъ онъ тебѣ нравится?

— Да никакъ,—пожалась гримаской въ лицѣ Людмила Сергѣевна.

— Ну, нѣтъ, однако; такой видный, красивый мужчина—и вдругъ «никакъ»? Этого быть не можетъ!

— Мнѣ нравится въ немъ то, что онъ всегда такъ чисто, элегантно, съ такимъ изящнымъ вкусомъ одѣтъ!—внѣдѣ искренно заявила Милочка.

— Ну, конечно, со вкусомъ! На то онъ и богатый!.. Но нѣтъ, какъ мужчина... какъ мужчина!—закативъ глазки и вздернувъ носъ, мечтательно выводила на распѣвъ Ольга Романовна.—Такой беломъ, такой представительный, съ такими бархатными глазами?.. Н-да!.. Еслибы мнѣ въ жизни встрѣтился такой человекъ, я бы, несмотря даже на мои годы, могла бы страстно, страстно полюбить его и увлечься на-пропалую!—заклчила она какимъ-то развратно-сентиментальнымъ вздохомъ.

— Признаюсь, я не понимаю того, что вы говорите,—пожала плечами Милочка.—Я вообще не понимаю, что это такое значить «страстное увлеченіе», «страстная любовь». Когда я слышу объ этомъ, или въ романахъ читаю—мнѣ кажется, что все это величайшій вздоръ и враки.

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ, не говори! Я по себѣ знаю! Это такъ естественно!—вступилась за страсть Ольга Романовна.

— Ну, вотъ вы знаете, а я хоть и вана дочка, но признаюсь—вовсе не понимаю этихъ вашихъ потребностей!.. Мнѣ всякая эдакая страсть и въ мужинѣ, и въ женинѣ противна! Ну, просто, гадка и противна до глубины души моей!

— Да ты у меня ледышка, льдинки кусочекъ!—нѣжно потрепала ее по щечкѣ матушка.—Хорошо, что у тебя натура такая, но все же... вѣдь придется, мой ангелъ...

— Это советъ другое дѣло. Я понимаю, что *ихъ* можно и должно увлекать, но самой увлекаться, самой желать въ то же время—это рѣшительно не въ моей натурѣ!—искренно порицала Милочка.

Мать пораздумала надъ ея словами и въ глубинѣ души своей созналась, что дочка права, что, дѣйствительно, только съ такою глубоко-безстрастной, холодно-кровной натурой, никогда не ошущающей ни малѣйшей потребности въ любви и ея увлеченіяхъ, только и возможенъ видный успѣхъ и карьера на томъ скользкомъ поприщѣ, на которое теперь готовилась выступить ея возлюбленная дочка.

Затѣмъ дѣло пошло, по естественному своему ходу, какъ салазки, пущенныя съ ледяной горы. Вельтишеву надобло соображать свои интересы со временемъ отсутствія Коробова, а убѣдить Милочку окончательно бросить мужа не стоило ровно никакого труда—и вотъ, въ одинъ прекрасный день, нарисавъ мужу, что, предоставляя ему полную свободу, она переезжаетъ на новую квартиру, гдѣ намѣрена жить одна,—Людмила Сергѣевна со всеми своими тряпками и нарядами перебралась въ небольшіе, но роскошно-отдѣланные «апартаменты» въ Дмитровскомъ переулкѣ.

— Ахъ какъ это все прекрасно! Какъ это все великолепно! Прелесть!.. И съ какимъ вкусомъ!.. Восторгъ!—восхищалась мамаша, оглядывая драпировки, мебель, картины, ковры и бронзы.—Видно, по крайней мѣрѣ, что порядочный человекъ, а не технологичка какойнибудь, несчастный! Вотъ, это подлинно что квартира, достойная моей Милочки! Теперь и принять кого, такъ не совѣстно въ глаза глядѣть, какъ въ томъ-то чуланчикѣ!.. Но скажи, пожалуйста,—перебила она самое себя, впадая въ дѣловой тонъ,—какъ же ты теперь съ мужемъ-то?

— Я съ нимъ кончила,—объявила Людмила Сергѣевна.

— То-есть, какъ это кончила? Пустила на всѣ, на четыре стороны?

— Хоть куда угодно!

— Ну, извини, мой другъ, а я, по материнской откровенности, скажу, что это глупо! Какъ? Такъ-таки ни за-что, ни про-что взять да и выпустить человека на волю: гуляйте, молъ, гдѣ благоугодно! Да вѣдь онъ тебѣ, матушка, не любовникъ, а мужъ, понимаешь ли: мужъ, законный мужъ твой!

— Ну, такъ что же изъ этого?—недоумѣло поднигла на нее глаза свои Милочка.

— Ахъ, мой другъ, ты меня просто поражаешь иногда своею непрактичностью и несообразительностью!—всплеснула руками Ольга Романовна.—Да пойми же ты, наконецъ, что всякій законный мужъ обязанъ по закону выдавать женѣ своей содержаніе, ежемѣсячное содержаніе!—Такъ и въ законѣ положено!

Милочка съ пренебрежительной гримаской махнула рукой.

— Велико содержаніе можетъ онъ дать!—сказала она.—Гроши какіе-нибудь! Да и на что мнѣ оно теперь?

— Какъ на что! Какъ на что!? Хоть и гроши, а все-таки годятся! Все, мой другъ, годится! Хоть на мотокъ нитокъ, хоть на керосинъ въ кухню! Ты вѣдь женщина—самой тебѣ не откуда взять и заработать, такъ по неволѣ должна все изъ чужихъ рукъ смотрѣть! А ты вдругъ отъ своего, отъ законнаго отказываешься! Это советъ уже глупо!

— Ну Господь съ нимъ! Не надо мнѣ его денегъ!

— Не надо?—Глупо, глупо и глупо!—фыркнула носомъ вверхъ Ольга Романовна.—Если хочешь быть пайныкой и послушаться добраго материнскаго совѣта, такъ я тебѣ одно скажу: копнй на старость, копнй! А для того, чтобы скопить хоть сколько-нибудь, бери!.. бери не церемонясь!.. Дернй и съ мужа, дернй и съ любовника! Нѣчего ихъ жалѣть да въ зубы-то глядѣть имъ. Съ обоихъ таянй! Оба давать тебѣ обязаны.

VIII.

Въ зѣриныхъ рукахъ.

Еще этой-то пѣжной маменькѣ ѣхала теперь, въ два часа ночи, Людмила Сергѣевна, захвативъ съ собою свою драгоценную попу.

Ольга Романовна уже спала. Она очень изумилась и даже перепугалась, увидѣвъ свою дочь, вошедшую къ ней въ столь необычное время.

— Милочка! такъ поздно... Да ты на себя не похожа!.. Ужъ не случилось ли, сохрани Боже, несчастья какого?—запелетала она, мѣрия встревоженнымъ взглядомъ Людмилу.

— Напротивъ, счастье,—спокойно отвѣтила та съ легкой улыбкой.

— Счастье... ты говоришь, счастье... Ничего не понимаю... гдѣ? зачѣмъ?.. какое счастье?—говорила матушка, лопая сонными глазами.

— Тсс... прежде всего молчите: не ахайте, не восклицайте, не изумляйтесь и слушайтесь меня!

Людмила при этомъ осмотрѣлась и тихо, но тщательно затворила дверь спальни комнаты.

— Мамаша, могу ли я на васъ положиться?

Ольга Романовна, видя столь загадочное поведение дочери, окончательно отказалась понимать ея дѣйствія и намѣренія.

— Я васъ спрашиваю, могу ли я вполнѣ положиться на васъ, довѣриться вамъ, мамаша?

— То-есть, какъ это положиться?.. Конечно... Смотря по тому, какъ въ чемъ... ежели впрочемъ какой долгъ... или денегъ надо, то теперь я рѣшительно не въ состояніи... сама

нуждаюсь... но ежели что другое, то конечно... ты знаешь мой матерьяскія чувства... я всегда была тебѣ другою-матерью.

— Вотъ, на дружбу-то я и рассчитываю. Видъ вы не продадите меня?—спросила Людмила быстро и рѣшительно.

— Господи! Что такое ты это говоришь!.. Я, кажется, всегда тебѣ только одного добра желала, и всѣ молитвы мои къ тому были направлены...

— Ну, вотъ, по молитвамъ-то видно и исполнилось!—шутя перебила ее Людмила.—Вы знаете, что я теперь очень, очень богата!

— Я знаю это, потому, конечно, Платонъ Васильевичъ такой благородный человекъ, что онъ всегда долженъ обезпечить тебя. Этого надо было ожидать.

— Тутъ не Платонъ Васильевичъ!—полу-презрительно усмѣхнулась Людмила.—Я сама себя обезпечила.

Мать опять перестала понимать ея слова и только, глядя на нее, хлопала глазами.

— Мамаша, что бы вы сказали, — начала не то шутя, не то серьезно Людмила, — что бы вы сдѣлали, если бы ваша дочь пріѣхала къ вамъ и привезла съ собою много... много, очень много денегъ?

— А какъ много?—оживилась матушка.

— Да тысячь около пятисотъ, напримѣръ.

— Пятисотъ тысячь?!. Я бы сказала, что ты врешь. Этого быть не можетъ! Шутка сказать—пятисотъ тысячь!

— А если бы я вамъ показала ихъ?

— Я бы не повѣрила.

— Повѣрили бы, когда-бъ сами увидѣли собственными глазами.

— Милочка... да что это ты морочишь меня!.. затревожилась Ольга Романовна. — Что это ты право, послѣ ужина что-ли пріѣхала ко мнѣ?.. Я даже не понимаю тебя...

— Вы отвѣчайте на мой вопросъ: что бы вы сдѣлали, если бы сами увидѣли?—настойчиво повторила Людмила.

— Что бы я сдѣлала... пожалала матушка плечами,—ну, конечно, спросила бы тебя, откуда ты взяла такіа деньги?

— А еслибы вотъ именно на этотъ-то самый вопросъ я бы вамъ и не отвѣтила?

— Такъ что же ты, въ такомъ случаѣ...

Матушка загнулась и продолжала недовѣрчиво глядѣть на нее съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, ты ихъ украла?

Людмила слегка разсмѣялась.

— А если бы и украла?—загадочно пошутила она.

— Людмила! да что это ты только тревожишь меня своими выдумками!—взволнованно и съ неудовольствіемъ заговорила Ольга Романовна.—Ты, кажется, знаешь—я жевидица

нервная, которой нуженъ покой, а ты меня по ночамъ морочишь привѣщами!

— Да кто же вамъ сказалъ, что я васъ морочу? — серьезно вступилась за себя Людмила.

— Не морочишь?.. Такъ что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, украла?

Ольга Романовна, въ ожиданіи ея отвѣта, ощущая какое-то странное чувство, похожее на страхъ и на алчное удовольствіе, даже поднялась съ постели.

— Украть... не то чтобы украла,—улыбнулась Людмила,—а такъ... какъ бы это вамъ сказать?.. ну, просто рѣшилась, для достиженія моихъ собственныхъ цѣлей, воспользоваться на время чужими деньгами.

— Какія-жъ это деньги?—тревожно спросила матушка.

— Краденны,—спокойно отвѣтила дочка.

— Тобою?!

— Нѣтъ, не мною; я только воспользовалась краденными деньгами.

— Но кто же укралъ ихъ?

— Этого я вамъ сказать не могу.

— А воръ-то знаетъ, что ты ими воспользовалась?

— Нѣтъ, и воръ-это не знаетъ, да и никто въ мірѣ не знаетъ и никогда не узнаетъ этого.

— Такъ воръ-то это, значитъ, ты, матушка!

Людмила вспыхнула краской достоинства и негодованія.

— За кого вы меня принимаете, мамаша?.. Какъ вамъ не совѣстно!.. Вы оскорбляете меня...

— Тфу!.. самъ чортъ тебя не разберетъ!—съ досадою плюнула матушка и, вадѣвъ на ноги туфли, въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Понимаете ли, въ чемъ дѣло, — продолжала Людмила, — краденныя деньги, помимо моего вѣдома и воли, были привезены въ мою квартиру и спрятаны у меня тѣмъ человекомъ, который ихъ укралъ. Понятно?

— Ну, положимъ, понятно. Значитъ, онъ привезены къ тебѣ на сохрненіе?

— Въ родѣ этого, только безъ всякаго документа съ моей стороны и безъ всякаго объясненія, что привезены именно деньги. Понятно?

— Понятно, мой ангелъ. Но какъ же ты-то узнала, что это деньги и притомъ краденныя?

— Это уже дѣло моей находчивости; только я знаю, что деньги эти нечистыя, и что воръ ни въ какомъ случаѣ не станетъ подымать противъ меня дѣла, еслибы даже и былъ убѣжденъ, что я ими воспользовалась, и, во всякомъ случаѣ, воръ теперь въ моихъ рукахъ: что захочу, то съ нимъ и сдѣлаю!—Понятно?

— Понятно, понятно, моя дочушка! какъ не понятно!—радостно умилилась растаявшая матушка.—Эдакія деньги! — шутка-ли, пять-

сотъ тысячъ! Да я бы, кажется, и сама украла, подвергнись мнѣ случай такой! Вѣдь это не пять рублей! За такой-то кушъ можно и грѣхъ на душу принять. Да и грѣхъ ли?— Вѣдь ужъ это именно, что какъ-бы самъ Богъ посылаетъ на счастье бѣдному человѣку... Но, что же именно ты намѣреваешься теперь дѣлать, Людмилычкѣ?

— Обо мнѣ не беспокойтесь: у меня—ухъ, какіе обширные планы, вѣрные и хорошіе планы!—какъ-то загадочно и вмѣстѣ самонадѣянно сказала Людмила, давая чувствовать вѣрность и значеніе своихъ предположеній и мыслей.

— Да вѣдь матери-то можно сказать, мой ангелъ; я тебѣ не чужой человѣкъ, а кровная.

— Погодите, скажу и вамъ, какъ придетъ время. Вы, конечно, одна только въ мірѣ и будете посвящены въ мои планы; больше никто не узнаетъ.

— Благодарю тебя, Людмилычкѣ! Какъ мать и какъ другъ, благодарю! Но только чуръ, съ условіемъ!—спохватилась Ольга Романовна.—Я во всемъ тебѣ вѣрный помощникъ, и ты можешь рассчитывать на меня какъ на каменную скалу; но ежели, оохрани Боже, дѣло какими ни-на-есть судьбами дойдетъ до суда, то чтобы я, первымъ долгомъ, была въ сторонѣ: и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю! Ты меня отстрани и не путай. Это и отъ Бога грѣхъ тебѣ будетъ—родную мать свою запутать!

— Да что это вы, маменька!—съ благороднымъ негодованіемъ отозвалась Людмила.

— Нѣтъ, я только къ тому это, мой ангелъ, говорю,—поспѣшила объясниться матушка,—что судъ, видя твою молодость и красоту, можетъ тебя и оправдать, и потому тебѣ нечего особенно страшиться, а я уже не молода и красоту мою потеряла и, значитъ, менѣе могу рассчитывать на опосредованіе, а это къ тому только... И во всякомъ случаѣ, станутъ меня таскать, беспокоятъ, а я женщина слабая и нервная, и это мнѣ будетъ тяжело; поэтому ты ужъ какъ знаешь, а только меня обязана выгородить, а иначе я хотъ сію минуту отъ всего отказываюсь! Я вѣдь не корыстолюбива и чужого не желаю, а единственно только по горячей любви моей къ тебѣ...

— Да успокойтесь, ни въ какой судъ ни меня, ни васъ не потянутъ!—съ маленькой досадой возразила дочка.—Вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ, вообразили себѣ, что я мошенница, воровка и васъ приглашаю воровать съ собою вмѣстѣ. Хорошія у васъ обо мнѣ понятія, нечего сказать! Могу только благодарить... Вы забываете, что на насъ прежде всего никому жаловаться,—горячо принялась убѣждать Людмила,—что тотъ, кто бы могъ это сдѣлать, долженъ при этомъ погубить самого себя, и что кромѣ васъ никто ничего не знаетъ и не

подозрѣваетъ, и наконецъ... наконецъ, единственный человѣкъ, который можетъ пожаловаться и поднять все дѣло—это я, сама я и никто болѣе! Довольно-ли съ васъ этого?

Матушка поспѣшила обнять и расцѣловать свою дочку. Этими пассажемъ она какъ-бы испрашивала себѣ у нея прощенья и примиренья.

— Другъ ты мой! Людмилычкѣ мой!—нѣжно и умиительно приговаривала она, среди объятій и поцѣлуевъ.—Ты моя единственная радость, единственное утѣшеніе, посланное мнѣ Богомъ на старость!.. И чего я только для тебя не сдѣлаю!..

— Ну, такъ вотъ что, мамаша,—серьезно остановила Людмила потокъ ея нѣжностей.—Спрячьте эти деньги до времени у себя; но спрячьте такъ, чтобы, кромѣ меня да васъ, ни единая душа въ мірѣ не знала, что онѣ у насъ есть, и не подозрѣвала бы, гдѣ онѣ спрятаны. Если вы съумѣете сохранить вѣрно и честно мою тайну, то и мнѣ, и вамъ очень хорошо будетъ въ жизни... очень, очень хорошо, мамаша!—подразнила и обнадежила ее въ заключеніе Милочка перспективой заманчиваго будущаго.

— Я готова все для тебя!—еще разъ подтвердила матушка.—Я все сдѣлаю, и увѣрена, что ты не оставишь, не забудешь меня при эдакомъ богатствѣ... тебѣ не грѣхъ будетъ обезпечить вполне мою старость... Я многого, конечно, не желаю, но ты, за всю мою любовь къ тебѣ, да и вотъ, хотъ бы за нынѣшнія мои услуги—должна подѣлиться съ матерью: это тебѣ Богъ, да и совѣсть велитъ, если ты христіанка и хорошая дочка.

Людмила горячо обнадежила ее въ отношеніи вознагражденія за услуги и передала съ рукъ на руки свою полную сумку пачку.

У актрисы-балерины, при видѣ такой массы денежныхъ бумагъ, разгорѣлись глаза и задрожали руки.

— И это все деньги!?!.. взволнованно воскликнула она, съ восторгомъ и недоумѣніемъ вмѣстѣ.—Милочка! ангелъ мой! Неужели все, все это деньги?!

— Да развѣ вы сами не видите, мамаша?—улыбнулась Людмила.

— Вижу, другъ мой, вижу и ощущаю, но ви глазами, ви руками своимъ не вѣрю... И это все будетъ наше!.. Наше!.. Господи!.. Милочка, я ихъ при себѣ спрячу: я сдѣлаю на нихъ кожаный мѣшокъ, прочный эдакой, крѣпкій и на ремняхъ буду вокругъ стана при себѣ носить... даже и на ночь снимать не буду... а то, Боже сохрани, какъ это можно въ комодѣ сохранять эдакую пропасть!.. Тутъ уйдешь изъ дому, а тутъ неравно пожаръ, или воры... Нѣтъ, ужъ на себѣ самой вѣришь: всегда и вездѣ при себѣ будутъ... Ахъ, Боже мой, я теперь просто всю ночь не усну надъ

ними... бояться буду... караулить буду... Но зато ты у меня можешь быть покойна: у меня, мой друг, верные руки!

— Только стойте! — перебила ее Людмила. — Мне тут кое-что надо еще вынуть... Вы не беспокойтесь: это пустяки, это совсем постороннее, — предупредила она свою матушку, и, отыскав между бумагами магазинный счет на имя Ирины Борисовны и опись денежных сумм, писанную рукою покойного Вельтищева, бережно спрятала их к себе под корсет и стала одеваться.

— Ты ужь домой? — осведомилась матушка, видя ее сборы. — Ну, прощай, моя красавица! Подойди ко мне, дай и тебя благословлю и поцелую. Господь с тобою!

И она, не выпуская из левой руки денежной пачки, которую крепко прижала к сердцу, благоговейно стала крестить свою Милочку, бормоча какие-то молитвенные призывания и пожелания, и за свеч надблела ее на прощание нежным родительским поцелуем.

IX.

Ирина Вельтищева.

Ирина Борисовна Вельтищева провела страшные, мучительные полтора часа, после той минуты, как похитил ее cousin Platon, захватив ее кожаную сумку. Она сознавала, что страшное дело уже совершилось безповоротно, окончательно, и жить уже на земле такой силы, которая могла бы поправить это роковое дело. Она сознавала, что всего лишь несколько шагов, каких-нибудь три—четыре комнаты — отделяют ее от кабинета, в котором лежит ее мертвый муж, — и это сознание влило на нее страшным холодом. Закутанная в теплый кашемировый платок, она свернувшись лежала на кушетке, стараясь прикрыть уши и зажмурить глаза. Она боялась пошевелиться, боялась раскрыть свои веки. Ей все казалось, что она не одна, что здесь кто-то есть, кто то присутствует, неслышимый и незримый, но которого присутствие ясно ею чувствуется. «Это он... это дух его стоит надо мною», смутно мелькала в голове ее все одна и та же неотвязная мысль. Казалось ей, что открой она прикрытое ухо — он тотчас же шепнет в него какое-то страшное слово; раскрой она глаза — ей зрительно предстанет где-нибудь в углу, в полумраке этой комнаты укоряющий призрачный муж; пошелокнись она только — и ее сразу охватят его холодные, мертвые объятия. Малейший шорох, чуть слышимый скрип, чуть заметный треск мебели, или паркетной половицы, или вообще один из тех страных, почти необъяснимых, легких зву-

ков, которые часто слышатся в глубокой тишине, соединенной с темнотою — повергал Ирину Вельтищеву в трепет панического ужаса. При каждом подобном звуке сердце ее вдруг падало и замирало, по телу электрическим током пробегали нервные мурашки, и вся она холодела в оцепенении безотчетного страха. «Это он... это дух его» чудилось ей в каждом шорохе и скрипе.

Странное дело! Когда Платон Вельтищев убивал ее, что «старца» надо покончить — ей эта мысль не казалась особенно страшною; даже сегодня за обдумом, зная, что это должно совершиться сейчас, она оставалась спокойною; мысль о насильственной смерти до сей минуты вовсе не рисовалась ей во всем своем ужасе, да и при том же в ней смутно жила какая-то странная надежда, что, авось, это и не совершится, или совершится как-нибудь не так, что никаких особенных последствий ни для ее сердца, ни для ее совести не принесет эта смерть с собою. Вообще, к предстоящему делу относилась она так легко, как будто это будет не настоящая смерть, а одна только комедия смерти и преступления, после чего все окончится благополучно, и все актеры останутся на своих местах, при своем деле, и спокойно разйдутся по домам, позабыв о том трагическом спектакле, который они только что разыграли на сценических подмостках. Ирина Борисовна, слушая своего кузена, относилась к его намерениям именно как к сценическому представлению, которое хотя и разыграется, но в сущности ничего не изменит, ничего не нарушит. Ей и вприлох, и не вприлох, и вообще она относилась очень легко к предстоящему делу, а главное — вовсе не задалась мыслью о той роли, которая выпадает собственно на ее долю в предстоящей драме.

Но теперь, когда главный акт пьесы был уже разыгран, когда дело безвозвратно уже совершилось — ей вдруг представился весь факт во всем ужасе и наготу своего безобразия. И именно только теперь, только в ту минуту, как вошел к ней любовник, совершивший убийство, она почувствовала и сознала все тяжкое значение совершаемого.

* * *

Но как и почему согласилась она быть участницей такого дела?

Чтобы разъяснить этот вопрос, мы должны вернуться назад, года за два, за три до дня насильственной смерти «старца».

Покойник был человек хороший, муж добрый и любящий, но крайне своеобразный. «Неприкосновенный» триста тысяч он по земному скопил на тот именно случай, что-

бы по смерти оставить своей женѣ обеспеченное и хорошее состояние. Дѣтей у нихъ никогда не было, а потому онъ и хотѣлъ сдѣлать Ирину Борисовну единственной своею наследницей. Духовное завѣщаніе, уже нѣсколько лѣтъ составленное въ ея пользу, было засвидѣтельствовано и обставлено всѣми формальностями, которыхъ требуетъ законъ, такъ что ни въ какомъ случаѣ не могло возникнуть сомнѣній въ его подлинности.

Покойникъ очень любилъ Ирину Борисовну, но никогда никакимъ вышнимъ проявленіемъ не обнаруживалъ своего чувства и никогда, какіе, не относился къ женѣ своей какъ къ взрослому и самостоятельному человѣку. Смотри на нее въ-родѣ какъ на ребенка и не признавая въ ней особеннаго ума, онъ требовалъ отъ нея только, чтобы она держала себя въ обществѣ, «какъ прилично женѣ Вельтишева»—и Ирина Борисовна въ совершенствѣ прихвѣлялась къ этому требованію.

Въ домѣ своемъ, какъ хозяйка, она не имѣла равно никакого самостоятельнаго значенія: Максимъ Григорьевичъ самъ заправлялъ всѣмъ домою, рассчитывалъ людей, считывалъ повара и выдавалъ деньги на всѣ хозяйственные расходы. Если Ирину Борисовну хотѣлось иногда прокатиться и она приказывала заложить въ коляску пару сѣрыхъ, то человѣкъ, прежде чѣмъ исполнить ея приказаніе, шелъ къ барину «докладывать» о желаніи барыни и спрашивалъ: «прикажете-съ именно сѣрыхъ, или вороную пару?»—и Максимъ Григорьевичъ, освѣдомясь отъ того же человѣка о состояніи погоды и здоровья барыни, иногда разбѣивалъ, а иногда и не разбѣивалъ ей катанье, говори въ послѣднемъ случаѣ: «передай барынѣ, что она не поѣдетъ нынче»—и барыня оставалась дома, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ и объясненій по поводу причинъ отказа: покойникъ не любилъ никому давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ. Точно также, по его прихоти, вмѣсто сѣрыхъ, которыхъ желала барыня, запрягались вороныя, которыхъ она не желала, и Максимъ Григорьевичъ никогда не удостоивалъ разъяснить ей, что сѣрыхъ потому-де не приказалъ я закладывать, что онѣ вчера много были въ ѣздѣ. По такимъ-то мелочамъ, одну изъ которыхъ мы привели для примѣра, можно судить, какова и во всемъ остальномъ была жизнь ея въ смыслѣ хозяйки. Прислуга оказывала ей полное вниманіе и уваженіе, ибо, за малѣйшій недостатокъ того или другого, барынѣ тотчасъ же прогналъ бы эту прислугу, безъ всякихъ разговоровъ; но, показывая ей и то, и другое, прислуга все-таки не смѣла исполнить даже малѣйшей ея прихоти, не освѣдомясь предварительно у барина: «можно ли» и «какъ прикажете-съ?»—

Такого ужъ былъ —, и докъ, искони заведенный въ домѣ.

Къ числу своеобразностей покойника принадлежала еще и та особенность, что онъ никогда, во всю свою жизнь, не выдавалъ женѣ своей на руку, буквально, ни копейки денегъ. Въ прежніе годы, когда она еще иногда заявляла ему желаніе имѣть свои отдѣльныя, хотя бы маленькія деньги, онъ ей очень категорически отивчалъ: «Незачѣмъ тебѣ имѣть ихъ. Деньги не бабье дѣло. Я, кажется, плачу всегда самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ по всѣмъ твоимъ магазиннымъ счетамъ и никогда не препятствую тебѣ наряжаться сколько душѣ твоей угодно».

— Но помилуй, Максѣ,—возражала Ирина Борисовна,—мнѣ иногда хотѣлось бы случайно купить себѣ какую-нибудь бездѣлку въ лавкѣ, ну, хоть фунтъ конфектъ, ну, хоть нищему подать, наконецъ—и я даже на это не имѣю своей копейки!

— Во-первыхъ,—возражалъ на это супругъ,—если тебѣ понравилась какая бездѣлка, ты всегда можешь приказать въ магазинѣ, чтобы тебѣ ее принесли на домъ, во-вторыхъ, за фунтомъ конфектъ ты всегда можешь послать въ кондитерскую буфетчика или разсылнаго, а я ему выдамъ деньги не то что на фунтъ, а на сорокъ фунтовъ, если только тебѣ это угодно, и, наконецъ, въ-третьихъ, подавать по копѣйкѣ—значитъ развѣсать въ народѣ попрошайство и нищенство, какъ ремесло; а если ты встрѣтила дѣйствительно бѣднаго, то прикажи ему приходить въ мою контору ежемѣсячно; ты, кажется, знаешь, что я черезъ контору выдаю ежемѣсячное пособіе очень многимъ семействамъ: тысяча двѣсти рублей въ годъ идетъ у меня исключительно на это дѣло,—и, стало-быть, желаніе твое имѣть карманныя деньги совершенно неосновательно; это—чистое ребячество; ты во всемъ обезпечена. Когда умру я,—прибавлялъ въ заключеніе Максимъ Григорьевичъ,—то всѣ мои деньги тебѣ же оставляю, но ты тогда уже, благодаря моей школѣ, узнаешь по крайней мѣрѣ *кому* д^{ать} *нега* и не станешь тратить ихъ непронзводительно.

При второй и при третьей просьбѣ этого рода Ирина Борисовна получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «ты уже знаешь мое мнѣніе на этотъ счетъ: деньги у жены при мужѣ не бабье дѣло, и я не люблю нѣсколько разъ повторять одно и то же, постарайся, мой другъ, понять это».

Послѣ такихъ отвѣтовъ она уже никогда болѣе не возбуждала вопроса о карманных деньгахъ, и чтобы имѣть ихъ, вынуждена была тайкомъ, черезъ посредство своей горничной, прѣдка прибѣгать къ продажѣ старыхъ своихъ нарядовъ въ руки перекупщицъ-евреоекъ и татарокъ.

Театры для Ирины Борисовны были вполне доступны: для этого ей стоило только заявить о своем желаніи мужу—и лучшая ложь бельэтажа всегда являлась къ ея услугамъ; но ѣхать въ театръ она могла не иначе, какъ въ сопровожденіи мужа или кузена съ кѣмъ-нибудь изъ доверенныхъ его родственницъ. Въ свѣтѣ показывалась она очень рѣдко и не иначе, какъ съ мужемъ. Впрочемъ, кругъ его знакомства былъ весьма ограниченъ: нѣсколько крупныхъ капиталистовъ и крупныхъ представителей міра административно-правительственного—люди исключительно солиднаго возраста, солидной жизни и положенія—составляли то общество, для котораго радушно открывались столовая и салонъ богатаго дома Максима Григорьевича. Баловъ онъ не любилъ и никогда ни самъ ихъ не давалъ, ни къ другимъ не ѣздилъ, «лишняя, бесполезная и скучная потеря времени» отзывался онъ о развлеченіяхъ этого рода. Зато любилъ онъ «для избранныхъ» задавать обѣды—и эти обѣды, дѣйствительно, отличались у него всегдашнимъ гастрономическимъ достоинствомъ. Домъ его былъ закрытъ для молодежи мужского пола: онъ тщательно и систематически избѣгалъ знакомствъ съ «шалопаями, которые только и воровать за чужими женами таскаются»—и Ирина Борисовна, зная взглядъ на сей предметъ своего мужа, никогда не дерзала пригласить къ себѣ въ домъ ни одного молодого человѣка. Выборъ ея знакомствъ исключительно зависѣлъ отъ мужа и потому былъ крайне ограниченъ. Одинъ только Платонъ Васильевичъ составлялъ исключеніе; но и то потому, что «старецъ» привыкъ къ нему, какъ къ ближайшему своему родственнику, которому онъ былъ опекуномъ, а нѣтъ компаньонъ и на котораго, въ силу старой привычки, до конца своей жизни продолжалъ глядѣть почти какъ на мальчика, на «милаго Платошу». Нельзя сказать, чтобы ревность была сколько-нибудь присуща ровному, спокойному и хладнокровному характеру Максима Григорьевича; но онъ принималъ относительно жены такое, пошлѣнное, ревниво-оберегающее положеніе за основаніе все той же своей систематичности, — «потому что женѣ вообще слѣдуетъ вести именно такимъ, а не инымъ какимъ-либо образомъ». — «Такъ слѣдуетъ», «такъ быть должно у порядочнаго мужа и семьянина»—и этимъ у него все объяснилось. Онъ былъ ровенъ на столько же послѣдователенъ, точенъ, аккуратенъ и систематиченъ въ своихъ супружескихъ обязанностяхъ, какъ и въ своихъ дѣлахъ, какъ и въ расплатахъ по своимъ коммерческимъ обязательствамъ. Онъ всю жизнь свою во всѣхъ своихъ потребностяхъ слѣдовалъ «золотой умѣренности», нисколько не соображалъ въ послѣднемъ случаѣ съ темпера-

ментомъ своей супруги, и по принципу хранилъ ей вѣчную и безусловную вѣрность.

Разъ заведенный въ домъ порядокъ, разъ установившіяся отношенія къ женѣ и ко всему окружающему оставались у него неизмѣнными. *Сегодня* походило на *вчера*, а *вчера* на *завтра*—и такимъ-то образомъ вся жизнь и весь обиходъ этого своеобразнаго человѣка шли точно и аккуратно, какъ вѣрные часы, какъ заведенная исправная машина. Разъ на всегда установивъ у себя «все, какъ слѣдуетъ», Максимъ Григорьевичъ словно бы застылъ на этомъ и отдался исключительно, всею душою своимъ коммерческимъ предпріятіямъ. Въ нихъ—и только въ нихъ—была его жизнь, его *душа*; сюда направлялась его мысль, и вся его не кипучая и прочная энергія. Зная, что все въ домѣ идетъ какъ заведенная машина, что все устроено «какъ быть ему слѣдуетъ», онъ на жену и на весь домъ, и на все окружающее обращалъ вниманіе свое ровно на столько, на сколько, во-первыхъ, это «было нужно» по его собственнымъ убѣжденіямъ, а во-вторыхъ—насколько все это само занимало ему о своихъ требованіяхъ и о своемъ существованіи.

Ему, напримѣръ, некогда было слѣдить, что дѣлаетъ и чѣмъ занимается его жена; но онъ, казалось ему, зналъ въ точности все, что она *можетъ* и что *должна* дѣлать, ибо, въ силу заведеннаго порядка, она ничего иного и не могла, какъ только то, что было разрѣшено и введено силою установленнаго имъ обихода.

Дѣйствительно, ово такъ и было, такъ и велось—до послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни.

Подобнаго рода монотонное и подневольное существованіе было невыносимо-скучно и тяжело для страстной, живой и пылкой натуры Ирины Борисовны.

Она проскучала всю свою лучшую, пѣтушую пору, всю свою молодость, скучала въ зрѣлые свои годы, приготавлилась скучать и на старости. Она еще ни разу не любила въ своей жизни, да и замужъ вышла не любя, а «по рассудку», потому что ея близкіе и родные убѣждали ее, что ей, дѣвушкѣ безъ состоянія, глупо пренебрегать столь блестящею партіей, которая дастъ ей блескъ богатства и солидное положеніе въ свѣтѣ.

Характеръ у нея былъ живой, но слабый, и потому всѣ протесты ея противу такого скучнаго, безцвѣтнаго существованія рабывались, какъ волны о гранитный утесъ—встрѣчаясь съ непреклонно-холодной и спокойно-крутою волей ея мужа. Мало-по-малу она, съ первыхъ же дней супружеской жизни, незамѣтно какъ-то подчинилась волѣ этого человѣка и не пылала энергія вырваться изъ-подъ его тлготи. Да говоря по правдѣ ей и нѣкуда было вырваться: она ровно ни къ чему не бы-

ла приготовлена для настоящей, серьезной и самостоятельной жизни. А между тѣмъ въ глубинѣ души ея таилось желаніе воли, свободы и хоть какой-нибудь поэзіи, какой-нибудь свѣтлой странички въ жизни!..

Но... проходили годы, а завѣтная страничка не подвертывалась, и надъ существованіемъ ея царилъ все та же безпросвѣтно гнетущая, сытая, позлащенная и аккурратно-монотонная скука.

Она чувствовала, что начинаетъ уже блекнуть, и хотя все еще сохраняла свою красоту, но это была уже красота поздней, осенней астры... Ей стукнуло тридцать-шесть лѣтъ—роковой періодъ для красивой женщины—періодъ увяданія...

«Какъ! неужели же и вся, вся жизнь пройдетъ вотъ такъ-то!» съ горечью думала-себѣ порою Ирина Борисовна, сидя передъ зеркаломъ за утреннимъ своимъ туалетомъ. «И вѣкъ никогда не полюбуется ни этою роскошною грудью, ни этою черной косою... и неужели эти яркіе глаза ни на кого не посмотрятъ съ любовью, эти красивые руки никого не обнимутъ, не приласкаютъ такъ, какъ хотѣлось бы по душѣ, по сердцу... Неужели же. Господи! Неужели мнѣ не суждено столкнуться съ человѣкомъ, котораго я полюбила бы хоть разъ—единственный разъ въ моей жизни?»

Съ теченіемъ времени накоплялись горечь и ядъ подобныхъ сѣтующихъ думъ и неудовлетворенныхъ стремленій, а вмѣстѣ съ горечью выростало въ душѣ тайное озлобленіе на мужа, «загубившаго» всѣ ея лучшіе годы, и это озлобленіе незамѣтно и мало-по-малу переходило въ глухую, скрытую ненависть къ этому человѣку. Ненависть становилась тѣмъ сильнѣе, что несчастная, по своему, женіи на чувствовала полное безсиліе этого новаго чувства. А между тѣмъ мужъ ни на волосъ не замѣчалъ того, что творится въ ея душѣ, и, занимаясь своими дѣлами, продолжалъ по-прежнему любить ее своеобразною любовью.

Но вотъ, злая судьба какъ будто сжалась немного надъ Ириной Борисовной.

Ея cousin Вельтищевъ, въ силу одного изъ своихъ капризовъ, на которые была такъ способна его натура, избалованная и развращенная жизнью, началъ оказывать ей нѣсколько болѣе чѣмъ простое, родственное вниманіе. Первою причиной этого вниманія послужило довольно низменное и развратное побужденіе. Однажды, въ жаркій іюльскій день, сидя на дачной террасѣ подлѣ своей кузины, которая была одѣта въ легкое платье съ широкими рукавами, онъ совершенно случайно обратилъ вниманіе на ея случайно обнажившуюся руку и нашелъ, что у нея «славное, свѣжее тѣло». — «Чортъ возьми, я никогда еще не испытывалъ любовь женщины

этого возраста!» подумалось ему въ то мгновеніе. «А вѣдь она все-еще очень хороша собою... Между прочимъ, почему не начать бы?» И онъ началъ.

Родственная короткость отношеній, существовавшая и до этой минуты, какъ нельзя болѣе послужила ему на пользу. Она, во-первыхъ, позволяла тѣ полусутильные, полусентиментальныя интимности, которыя съ первой же минуты его искательства были бы невозможны безъ этой родственной короткости; во-вторыхъ, она маскировала истину завязывавшейся интриги и, прежде всего, маскировала ее въ глазахъ Максима Григорьевича, который, при своемъ вѣчномъ отвлеченіи въ финансовую сферу, ничего не видѣлъ, ничего не подозрѣвалъ и ни о чемъ не догадывался до послѣдней минуты своей жизни.

Постепенный ходъ и развитіе интимныхъ отношеній къ кузену вначалѣ ускользали даже и отъ женскаго чутья самой Ирины Борисовны, отъ ея внутренней наблюдательности надъ собственнымъ сердцемъ. Она и сама не знала и не замѣчала, какъ все это дѣлалось, какъ и съ чего оно началось, какъ подвигалось далѣе, росло, развивалось... «Родственная короткость» и вообще понятіе «родства» даже ей самой отводило глаза отъ истины; она и сама не понимала вначалѣ того, что составляло скрытую сущность искательства ея кузена, и очнувшись, догадавшись объ истинѣ, только тогда уже, когда сильныя руки Платона Вельтищева внезапно охватили и сжали ея станъ, и горячія губы покрывали все лицо ея страстными поцѣлуями.

Она испугалась этого внезапнаго и наглаго нападенія. Въ ней заговорили и женскія стыды, и негодование, и чувство своего достоинства; но при всемъ этомъ она ничѣмъ не выразила Вельтищеву своего протеста; она не дала ему ни пощечины, ни назвала его тѣмъ именемъ, какимъ-бы назвать его слѣдовало, не прибѣгла къ помощи глупаго, но рѣшительнаго средства, какимъ является крикъ, не сказала мужу, даже не выгнала его вонъ отъ себя,—перепуганная и ошеломленная, она только слабо отбивалась отъ его нападенія, и когда, наконецъ, удалось ей вырваться изъ его объятій—надулась на него нѣсколько глупымъ и совершенно пассивнымъ образомъ.

Вельтищевъ считалъ, что начало сдѣлано удачно, и это пассивное дѣйствіе причислялъ къ хорошимъ шансамъ будущаго успѣха.

Оставшись одна, Ирина Борисовна даже самой себѣ удивилась, когда замѣтила, что теперь она вовсе не сердится на своего кузена, «а ужъ какъ бы, кажись, не сердиться за такое оскорбленіе!» Но отчего это, и зачѣмъ онъ такъ поступилъ съ нею?—«Зачѣмъ, что любить», подшепнуло ей чувство исключительно женскаго самолюбія.—«Любить!.. да,

любить!»—и это сознание очень приятно пощекотало и ея сердце, и ея самолюбие.

Ей было страшно, боязно, стыдно и въ то же время безотчетно-приятно, что онъ сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ и что она чувствуетъ на своемъ лицѣ его поцѣлуй. Ощущеніе этой минуты она провѣрила въ своей душѣ только теперь, послѣ его ухода.—«И страшно, и хорошо—отчего бы это?»

«Оттого, что ты сама любишь его,» подшопнуло ей сердце, «оттого-то ты и не сердилась на него больше; оттого и оскорбленія никакого не чувствуешь».

Это было, въ нѣкоторомъ родѣ, открытіе для Ирины Борисовны—открытіе, сдѣланное ею въ своемъ собственномъ сердцѣ, потому что до этой минуты она и сама не сознавала, что въ ея душѣ таится теплое чувство, Богъ-вѣсть какъ и когда зародившееся. Теперь же она только назвала, опредѣлила, сформулировала его въ собственномъ сознаніи.

На душѣ ея вдругъ просвѣтлѣло и сердце забилось, жажда жизни и жизни—больше, полнѣе, созвучнѣе!

Она нашла, наконецъ, ту искорку поэзии, ту цвѣтистую страничку въ монотонной и сѣрой повѣсти своей жизни, о которыхъ доселѣ скрытно и тѣтно мечтала.

Она полюбила только еще впервые на своемъ вѣку, уже достаточно прожитомъ.

На слѣдующій день Платонъ Вельтищевъ, не зная еще, какъ она его встрѣтитъ послѣ вчерашней сцены, вошелъ къ ней, однако, въ силу присущей ему наглости, уже какъ человѣкъ, имѣющій надъ нею нравственное право.

Она встрѣтила его полу-робко, полу-смущенно. Рука ея слегка дрожала, но тепло и сочувственно отвѣтила на его пожатіе, а взоръ, хотя и избѣгалъ встрѣчи съ его глазами, однако же скользнулъ по нему привѣтливо, ласково и даже сверкнула въ немъ мгновенная искорка радости и удовольствія, возбужденныхъ приходомъ этого человѣка.

Вельтищевъ, замѣтивъ все это, сразу же понялъ, что его ждали и желали.

Съ этой минуты внутреннія, психическія отношенія были уже завязаны, а за тѣмъ быстрокрылое время незамѣтно перевело ихъ на почву страсти уже не платонической...

Когда женщина этихъ лѣтъ, женщина, уже теряющая обаяніе своей молодости, искренно полюбить вдругъ человѣка и притомъ сама еще только впервые узнать это чувство,—она любитъ беззавѣтно, слѣпо, всецѣло подчиняясь волѣ, изгляду, уму, капризу, прихоти того человѣка, который первый сдѣлалъ зажечь въ ея сердцѣ огонекъ страсти. То же самое было и съ Ириной Борисовной. Платонъ Вельтищевъ сталъ ея идоломъ, ея богомъ и дьяволомъ, который могъ заставить, приказать ей сдѣлать все, что бы ему ни вздумалось—

и встрѣтитъ въ отвѣтъ одно только слѣпое, благоговѣнное исполненіе его воли. Она смотрѣла его глазами, думала его мыслями, жила его умомъ, вѣровала его убѣжденіями. *Своею*—осталась у нея одна только безпредѣльная и горячая страсть къ этому человѣку; во всемъ же остальномъ личность ея рабаки стиралась предъ его волей. Онъ имѣлъ въ ней рабу самую преданную, вѣрную, слѣпую и на все готовую, ради любимаго человѣка.

Всѣ обстоятельства сложились для нихъ такъ счастливо, что воплѣтъ покровительствовали ихъ связи. Короткость ихъ, основанная, впрочемъ, на строгомъ приличіи для глазъ свѣта, никому не могла показаться особенно странною, благодаря «близкой родственности»; и прежде всего она не была подозрительной для добраго и педантичнаго Максима Григорьевича. Даже самая ограниченность въ кругѣ знакомствъ и отсутствіе частныхъ пріемовъ и посѣщеній постороннихъ людей много покровительствовало имъ въ томъ отношеніи, что препятствовало распространенію глухихъ толковъ и сплетенъ. Покровъ тайны царилъ надъ этою связью, и эта тайна имѣла въ глазахъ Ирины Борисовны обаяніе романтической прелести. Такъ называемая «преступность» ихъ взаимныхъ отношеній даже усплавала для нея это обаяніе, даже болѣе помогала ему, и такъ какъ въ жизни ея не было ровно никакихъ серьезныхъ сторонъ, да и дѣлать ей было ровно нечего, а праздно ситаго времени вдоволь, то эта страсть наполнила и поглотила все ея существованіе, и даже составила единственную серьезную его сторону.

Между тѣмъ, финансовыя дѣла Платона Васильевича, какъ уже извѣстно читателю, вслѣдствіе безразсчетныхъ и часто безразсудныхъ тратъ и особенно вслѣдствіе биржевой игры, которой онъ предавался со всѣмъ азартомъ записного игрока, сильно подорвали и разстроили его прекрасное состояніе, которое только и держалось на подобающей высотѣ, благодаря кредитѣ, умѣнью и авторитету Максима Григорьевича, заправлявшего значительною частью его дѣлъ и оборотовъ. Въ головѣ Платона быстро и часто создавались проекты смѣлыхъ, грандіозныхъ, но рискованныхъ предпріятій, которыя ему «вѣра въ вѣрнаго» всегда казались столь осуществимыми, что лишь бы нѣкоторые деньги—и онъ чрезъ два года потягастся съ Ротшильдомъ! Быть можетъ, нѣкая изъ этихъ предпріятій и могли бы удалиться, но для проведенія ихъ въ жизнь, для осуществленія ихъ у Платона Вельтищева не хватало той упорной, трудовой усидчивой энергіи, которая двигается хоть и медленно, но зато осмотрительно, прочно и вѣрно, и которую столь богато одаренъ былъ Максимъ Григорьевичъ.

Но .. пѣвѣясь въ своего кузена, «старца»

уже не обращать ровно никакого внимания на блестящие проекты Платона. Это бросило в глубины души и даже оскорбляло Платона Васильевича, который стал видеть в «старце» свой единственный тормоз для осуществления грандиозных предприятий. Чем больше разстраивалось его состояние, тем больше овладевала им страсть и жажда легкой, быстрой и громадной наживы.

А между тем «старец», видя, что кузен своим финансовым поведением очень легко может не сегодня-завтра сильно скомпрометировать не только свой, но и его собственный кредит, как должника и компаньона, твердо решил—не ссорясь, окончательно выдвинуть Платона из дела. Это намерение было для Платона Вельтищева надвигающеюся грозой тучей: он знал, что осуществление его будет для него страшным, громовым ударом, который окончательно рушит его кредит, его проекты и все его состояние. Он решил, во что бы то ни стало, не допустить этого удара, и для того—произвести некоторого рода *coup d'état*.

Как человек, либерально державшийся принципа, который гордо в наши дни заявляет, что все средства хороши, лишь бы вели к цели, кажущейся лично нам выгодной и хорошей,—он не остановился перед мыслью отправить «старца» к праотцам и через его смерть поправить свои обстоятельства. Он было затруднился только в выборе средства, которое должно было свести на тот свет его кузена; но тут пришла ему на помощь наука, в которой он был несколько сведущ, и деньги, которых у него оставалось слишком еще довольно для того, чтобы добыть себе средство верное, надежное и не оставляющее ясных последствий в отношении судебно-медицинском.

За сим—оставалось еще, для полного успеха, заручиться, на всякий случай, согласием Ирины Борисовны. Он исподволь, шутя и с крайней осторожностью, стал готовить ее к мысли, что существование «старца» является лишним и тяжелым бременем для всех обеих, для их жизни, для их любви и даже для их материального существования. При той затаенной ненависти к мужу, которую давно уже питала в сердце своем Ирина Борисовна, никогда его не любившая, и при ее рабски-слепой любви к Платону,—для него не оставило особенно упорного труда привлечь ее на свою сторону даже и в отношении задуманного дела. Вельтищев так ловко и так завлекательно сумел убедить ее, что эта смерть, не возбуждая никаких подозрений и ничем не обличая их перед уголовным судом, принесет с собою столько свободы, столько светлого счастья для их любви, столько независимости для их жизни.

не здесь, а где-нибудь за границей, и столько новых богатых средств им обогатит, что Ирина Борисовна не в чем ни противоречила своему возлюбленному. Читатель, впрочем, знает уже, как ребячески-легко смотрела она на готовившееся дело до самой минуты его осуществления, вѣра и не вѣра в его возможность.

Но роковой час настал. Мертвый муж лежал в своем кабинете—и тут только почувствовала она весь ужас совершенного дела.

* * *

Эти полтора часа, которые, по приказанию любовника, она должна была безвыходно провести в своей комнате, казались для нее целую вечность; минуты тянулись мучительно долго, и чудилось, что никогда—никогда не кончится это положение, что никто не придет и не нарушит ее одиночества, никто не выведет ее из этого оцепенения ужаса, и только одна тень мужа непрямо, но слышимая ощущаемо станет витать над нею.

Но вот, в смежной комнате раздались чьи-то быстрые и тревожные шаги.

Вельтищева вся вздрожала, но все-таки сдержала над собою усилие и притворилась спящею.

— Сударыня... сударыня!—раздался на пороге смущенный и перепуганный голос Демьяна.—Максим Григорьевич... не извольте пугаться, сударыня... Максим Григорьевич, кажись, изволили скончаться.

Она стремительно поднялась с места.

— Что?!

— Я докладываю, что барин... кажись, померши...

— Кто?.. Кто такой?

Ирина Борисовна чувствовала, что кровь прилинула ей к сердцу и мысли начинают путаться и теряться. Она почти машинально, почти сама не понимая, что и кому говорить, сдержала последние вопросы.

Демьян пояснил ей, кто умер.

— Муж?.. муж умер?.. Зачем?!

— Не могу знать... может, мы и ошиблись,—пожал плечами Демьян,—но только очень похоже...

— Неправда... не может быть.

Она сдержала над собою страшное усилие, выпрямилась всем станом и постаралась собрать потерянные мысли и весь остаток сил и энергии.

— Веди меня к нему!—приказала она, и чувствуя, что ноги дрожат и подкашиваются под нею, оперлась на плечо Демьяна.

Он привел ее в кабинет, где над отоманкой стоял уже конторщик и несколько человек перепуганной и недоумевавшей прислуги.

— Доктора... Платона Васильевича... и доктора,—проговорила она задыхающимся голосом;

только еще появляясь въ дверяхъ кабинета, но еще не видя покойника.

Приближался страшный моментъ: ей—волей неволей—надо было взглянуть въ лицо мужа. Внутренній голосъ подсказывалъ ей весь ужасъ этого момента; она не хотѣла, не могла,—просто, органически не могла сдѣлать этого и вмѣстѣ съ тѣмъ знала и чувствовала, что это *будетъ*—будетъ сейчасъ же, неизбежно, неотвратно, что она должна это сдѣлать, вопреки всей своей природѣ.

— Гдѣ онъ?—черезъ силу вымолвила она, ни къ кому не обращаясь.

Прислуга разступилась—и передъ глазами Вельтищева открылся полулежащій трупъ и глянуло на нее спокойное, мертвое лицо ея мужа.

Въ глазахъ у нея помутилось, застучало въ вискахъ, къ груди подступила тяжесть обморочной дурноты—и съ слабымъ, захлебывающимся крикомъ она безъ чувствъ опрокинулась на руки Демьяна, успѣвшаго поддержать ее въ эту минуту.

Х.

„Бѣдный!.. какъ онъ глубоко страдаетъ!“

Быстро подоспѣвшему доктору съ мертвымъ нечего было дѣлать, такъ какъ онъ сразу убѣдился, что здѣсь смерть вступила уже въ полныя права свои; но зато не мало возни пришлось на его долю около Ирины Борисовны. Довольно продолжительный обморокъ принесъ такое потрясеніе ея организму, что можно было опасаться за очень дурныя послѣдствія. Докторъ уложилъ ее въ постель и употребилъ нѣсколько успокоительныхъ средствъ, стараясь пуще всего предупредить возможность нервной горячки.

Съ прїѣздомъ Платона Вельтищева она нѣсколько успокоилась и даже ободрилась. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы эта смерть подѣйствовала на нее столь глубоко и сильно. Это его, до нѣкоторой степени, и встревожило, и смутало: «надо, чортъ возьми, наблюдать за нею, какъ бы она еще глуше не надѣлала да не выдала бы и себя, и меня вмѣстѣ».

— Бога ради, только чтобы нервной горячки не было!—умолялъ онъ доктора, имѣя въ виду возможность бреда, а съ бредомъ—выдачу тайны.

Она почти ни на шагъ не отпускала отъ себя Вельтищева, болѣе остаясь безъ него, а напуганное воображеніе все рисовало ей незримое вѣяніе надъ нею духа усопшаго.

Вельтишевъ ежеминутно ободрялъ и нравственно поддерживалъ ее, насколько у самого хватало нравственныхъ силъ и умѣнія.

А между тѣмъ дѣла и хлопотъ ему было теперь по-горло: какъ ближайшій родствен-

никъ и компаніонъ умершаго, онъ по необходимости долженъ былъ принять на себя всѣ хлопоты и распоряженія насчетъ похоронъ и прочаго—возиться съ гробовщиками, которые, словно жуки-могильщики, почуявъ мертвечину, въ тотъ же вечеръ набѣжали съ чернаго хода въ квартиру «новопреставленнаго» съ предложеніемъ своихъ обязательныхъ услугъ, возиться съ причтомъ, правящимъ панихиды; возиться съ полиціей, которая явилась описывать имущество покойнаго, составлять актъ и прикладывать печати; возиться со специалистами—кухмистеромъ, заказывая поминальный кладбищенскій обѣдъ для духовенства; возиться съ портнымъ, заказывая ему траурные костюмы для всей прислуги; разсылать приглашительные билеты, начинавшіеся извѣстною фразой «съ душевнымъ прискорбіемъ и проч.»; откупать на кладбищѣ мѣсто для могилы, устраивать въ ней склепъ; приглашать важное и многочисленное духовенство—и много, много еще иныхъ заботъ и хлопотъ крупнаго и мелкаго свойства.

Къ счастью, докторъ успѣлъ предупредить возможность нервной горячки у Ирины Борисовны, но все-таки находилъ ее на столько еще слабую, что, по просьбѣ Вельтищева, положительно запретилъ ей присутствовать при погребеніи и предписалъ, по крайней мѣрѣ, трое или четверо сутокъ оставаться въ постели. Измученный Вельтишевъ проводилъ ночи у изголовья ея постели, вмѣстѣ съ камеристкой, потому что она, подѣявшаго крѣпкого ночного страха, рѣшительно не выпускала его изъ своей комнаты. Платонъ Васильевичъ злился и проклиналъ ее въ душѣ, но по необходимости долженъ былъ исполнять ея волю, все еще боясь, какъ бы она—неровенъ часть—не выдала невзначай все дѣло.

На третій день по Невскому проспекту, мимо Знаменской церкви тянулась длинная и пышная погребальная процессія, по пути, усѣянному зеленымъ ельникомъ, направляясь въ Александро-Невскую лавру.

Конные жандармы по бокамъ всей процессіи, вереница факельщиковъ, геральды съ гербами покойнаго, ассистенты съ его регалиями, два хора пѣвчихъ, причетники въ стихаряхъ, голосистые и массивные дяковы, священники въ скуфейкахъ, протопопы въ камилавкахъ, два архимандрита въ митрахъ и одинъ архіерей съ посохомъ, — всѣ въ новомъ траурномъ облаченіи, предшествовали парадной колесницѣ, гдѣ, подъ высокимъ балдахинномъ, украшеннымъ страусовыми перьями и серебряными клетями, стоялъ гробъ, унизанный гирляндами дорогихъ цвѣтовъ и роскошно покрытый дорогимъ парчевымъ покровомъ, который, драпируясь тяжелыми складками, ниспадалъ чуть не до самой земли. За гробомъ шла толпа друзей и знакомыхъ. Тутъ можно было

встрѣтить множество знакомыхъ и интересныхъ лицъ: вся биржа, всѣ тузы, весь двѣтъ міровъ промышленнаго, купеческаго, экс-откупнаго, акціонернаго, чиновно-административнаго и бюрократическаго собрался сюда — отдать послѣдній долгъ покойному. Редакторъ Цемшъ тоже ковылялъ въ толпѣ на своихъ соломёныхъ ножкахъ и горестно думалъ, насколько эта смерть — увы! — лишаетъ его лишнѣхъ субсидій, которыя — нѣтъ-нѣтъ, да все-таки перепали отъ покойника въ его кассу; поэтому онъ тоже пришелъ отдать послѣдній долгъ если и не самому покойнику, то ужъ навѣрное его пріятнымъ субсидіямъ.

Но впереди всей этой толпы, и притомъ непосредственно за самымъ гробомъ, следовалъ Платонъ Васильевичъ Вельтишевъ. Онъ все время шелъ безъ шляпы, храня сосредоточенное и прилично-печальное выраженіе въ своемъ блѣдномъ и нѣсколько помятомъ лицѣ.

Время отъ времени, нѣкоторые изъ болѣе близкихъ знакомыхъ покойнаго обращались къ нему съ вопросами: какъ и отчего умеръ почтеннѣйшій Максимъ Григорьевичъ?

— Скоропостишко... отъ нервнаго удара, — отвѣтствовалъ Вельтишевъ съ выраженіемъ глубокаго, родственнаго горя.

— Вѣрно, вслѣдствіе непріятностей какихъ-нибудь? — осторожно продолжали осведомляться пріятеля.

— Нѣтъ, напротивъ... дѣла его шли, какъ нельзя лучше... я за часъ до смерти оставилъ его почти бодрымъ и веселымъ; такъ, слегка только жаловался на головокруженіе и боль подъ ложечкой.

— Какъ это должно было поразить супругу! — официально соболѣзновали знакомые. — Она, кажется, и на похоронахъ не присутствуетъ?

— Помилуйте, куда ужъ, сама чуть не на краю могилы! Докторъ даже опасается за состояние умственныхъ ея способностей, — грустно сообщалъ Вельтишевъ.

Пріятеля сочувственно дыкали языкомъ и качали головою, словно бы и всаправду соболѣзнуя, и отходили прочь, чтобы дать мѣсто новымъ лицамъ, которыя обращались все съ тѣми же казенными вопросами.

* * *

Когда гробъ уже должны были нести къ могилѣ, Платонъ Вельтишевъ смѣло, спокойно и первый взялся за скобку въ головахъ гроба и, съ выраженіемъ большой, искренней скорби, собственноручно отнесъ двоюроднаго брата въ его послѣднее жилище.

— Видный, какъ онъ любилъ его!.. и посмотрите — это видно, какъ онъ глубоко страдаетъ! — указывая на Вельтишева, замѣчали промежъ себя нѣкоторые пріятеля покойнаго.

XI.

Знаетъ, или не знаетъ?

На другой день послѣ похоронъ, Платонъ Васильевичъ проснулся поздно. Это была первая ночь, которую онъ, сильно усталый физически и отчасти морально, провелъ у себя дома, въ своей привычной, покойной постели, и хорошо выспался. До этого же времени, пока покойникъ стоялъ въ залѣ, Вельтишевъ, такъ сказать, не принадлежалъ самому себѣ: заботы о нравственно-потресанной кузинѣ, болшешей тѣни мужа, и хлопоты по поводу похоронъ отнимали весь его досугъ, покой и всѣ мысли. Да и на сей разъ стояло ему не малаго труда успокоить Ирину Вельтишеву, разсѣять ея ложные страхи и вырваться въ свою собственную квартиру.

Вставъ съ постели, онъ прежде всего отперъ шкатулку, гдѣ всегда хранились у него деньги и важные документы. Въ эту шкатулку вчера, вечеромъ, по возвращеніи домой, бережно спрягалъ Вельтишевъ сохранный росписку покойнаго своего брата, которую въ минуту его смерти, послѣ истребленія въ каминѣ обличительной сигары, онъ потрудился, прежде всѣхъ другихъ операцій, добыть изъ кармана покойника и передождать обратно въ свой собственный.

Теперь же онъ досталъ ее снова, развернулъ и сталъ перечитывать, разглядывать и любоваться ею съ тѣмъ чувствомъ снѣтлаго довольства, которое было очень похоже на чувство дитяти, когда оно, послѣ вчерашней рождественской елки, прежде всего хватается поутру за игрушку, подаренную вчера, и начинаетъ ею любоваться: дитя давно мечтало и желало получить эту игрушку; она давно уже была особенно мила его сердцу и воображенію — и вотъ теперь, проснувшись, ребенокъ снѣшитъ опять взглянуть на нее заспанными еще глазами, ощутить ее осизаніемъ, понюхать запахъ ея свѣжаго лака — потому что не успѣлъ еще вдоволь налюбоваться ею.

И кажется, вѣдь никакой особенной перемены не произошло въ этой сохранный роспискѣ, она всего лишь на два, на три часа, послѣ погашенія долга, перешла въ карманъ покойнаго и давно уже очень хорошо была знакома Платону Васильевичу во всей формѣ и подробностяхъ своихъ, а между тѣмъ въ эту минуту онъ любовался ею такимъ лелѣющимъ, ласкающимъ взглядомъ, какъ будто какою новою-новинкой: ему просто весело и пріятно было посмотреть, каково-то она изъ себя выглядитъ. Этотъ человѣкъ могъ испытывать надъ нею снѣтлое ощущеніе наивно-ребячьяго чувства и мечтать... мечтать безпрѣльно...

Однако же, если чувство его было дѣтскп-

наивно, то мечты далеко не отличались ребяческими свойствами. Это были мечты серьезного рода.

Уложив опять этот важный документъ въ надежное хранилище, онъ присѣлъ къ письменному столу и надъ стаканомъ остывающаго чая принялся за расчеты и арифметическія выкладки на бумагѣ, соображая свои гениальные проекты и высчитывая, какіе громадные проценты должны принести ему всѣ его грандіозныя предприятия, осуществленіе которыхъ теперь уже не должно замедлиться. Но тутъ ему встрѣтилось маленькое препятствіе: онъ не зналъ въ точности, до какой именно цифры простираются тѣ суммы, которыя успѣлъ онъ вынести изъ братнина кабинета, въ кожаномъ мѣшкѣ Ирины Борисовны; поэтому онъ могъ рассчитывать пока только приблизительно.

Вельтищевъ взглянулъ на часы и увидѣлъ, что незамѣтно проспидѣлъ около двухъ часовъ за этимъ занятіемъ.

Теперь уже ему не для чего было оставлять долѣе завитый мѣшокъ въ постороннихъ рукахъ, и потому онъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать за нимъ къ тѣмъ Коробовой.

* * *

Людмила встрѣтила его, какъ ни въ чемъ не бывало. Привѣтъ ея былъ такъ же обыкновенно-ласковъ и веселъ, какъ всегда, очаровательная улыбка и свѣтлый взглядъ легли на встрѣчу Вельтищеву—и въ этой улыбкѣ, равно какъ и въ этомъ взглядѣ, сквозилъ обычный ихъ внутренній ледяной холодокъ глубоко-безстрастной натуры. Но странное дѣло!—именно этотъ-то холодокъ и правилъ въ ней инимъ мужчинамъ; именно онъ-то и дѣйствовалъ обаятельно на Платона Вельтищева.

— Гдѣ это вы изволили, мой другъ, пропадать цѣлыя четверо сутокъ?—шутя спросила она своего покровителя, но спросила такъ, какъ будто имѣла право, въ качествѣ близкой женщины, требовать нѣкотораго отчета въ его поступкахъ.

— Ахъ, матушка, все брата погребали!—махнулъ рукою Вельтищевъ, принимая кислотоватый видъ очень уставшаго человѣка.

— Слышала и даже въ газетахъ читала,—сообщила Людмила.—И во все время ты не успѣлъ выбрать ни одной минутки, чтобы заѣхать ко мнѣ!.. Хорошъ!—тѣмъ же тономъ успорила она.

— Гдѣ ужъ тамъ заѣхать!.. Весь домъ вверхъ дномъ!—и все это на мнѣ; совсѣмъ съ погѣмъ сбился!.. Главное—все это такъ внезапно случилось,—небрежно оправдывался Вельтищевъ.

— Да, въ послѣдній разъ, какъ былъ у меня, ты развѣ не зналъ, что братъ умеръ?—спросила она какъ бы невзначай и бросила испугующій взглядъ на Платона Васильевича.

Тотъ нѣсколько смутился, никакъ не ожидая такого вопроса.

— Я?... н... н... Ну, да конечно не зналъ!—замылившись на мгновеніе, бойко поправился онъ въ ту же минуту.

«Значить, зналъ», твердо рѣшила она въ душѣ. Это легкое смущеніе, которому не могло бы быть мѣста, если бы смерть дѣйствительно произошла помимо его вѣдома, окончательно утвердило Людмилу въ ея предположеніяхъ касательно «вѣчныхъ путей», которыми должны были привезенныя къ ней деньги. Она съ злорадѣе обдуманнѣе умысломъ задала послѣдній вопросъ, желая провѣрить до возможной степени свои заключенія. Теперь она убѣдилась и, отбросивъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе, легко и свободно перевела разговоръ на совершенно постороннія, незначущія темы.

Болтая очень весело и беззаботно, Вельтищевъ просидѣлъ съ нею за завтракомъ около часу.

Но все-таки, несмотря на всю свою веселость, онъ былъ какъ-то необычно разсѣянъ. Отъ тонко-внимательныхъ наблюденій Людмилы не ускользнуло, что въ умѣ у него, должно быть, вертится какая-то назойливая мысль, которую онъ не знаетъ, какъ бы половчѣе привести въ дѣйствіе. И точно: въ головѣ Платона Васильевича бродила мысль о неоконченныхъ давеча вычисленіяхъ, о томъ, знаетъ ли Людмила, что въ мѣшкѣ лежатъ деньги, раскрывала она его, или нѣтъ, и о томъ, какъ бы поскорѣе сосчитать эти деньги, какъ бы половчѣе добыть теперь мѣшокъ отъ Людмилы, избавившись при этомъ отъ всякихъ ея разспросовъ, и уѣхать домой, чтобы тотчасъ же заняться прерваннымъ дѣломъ.

Наконецъ Вельтищевъ поднялся и взялся за шляпу.

— А, катитъ! чуть было не забылъ!—какъ бы между прочимъ спохватился онъ, прощаясь.—Гдѣ у тебя тотъ сакъ, который я оставилъ?

— Все тамъ же, куда ты его сунулъ,—равнодушно и просто отвѣтила Людмила Сергѣевна.

Онъ досталъ изъ-подъ тюфяка мѣшокъ и слегка оцупалъ его—ничего, все, кажись, въ исправности, и набить все такъ же плотно и туго.

— Что это у тебя въ мѣшкѣ?—спросила вдругъ Людмила съ совершенно наивнымъ видомъ самаго невиннаго простосердечія.

— Тайственное нѣчто,—отшутился Вельтищевъ.

— Покажи, я хочу видѣть!—своисправно схватилась она за стальную цѣпочку.

— Тайственныхъ вещей непосвященнымъ видѣть не полагается,—продолжалъ онъ отшучиваться, уклоняя отъ ея руки свою ногу.

— Ну, такъ посвяти меня, чтобы полагалось,—шутливо настаивала Коробова.

Вельтищевъ принужденно засмѣлся.

— А ужъ будто вы и не любопытствовали заглядывать въ него?—спросилъ онъ, придавая своему тону отгѣнокъ легкаго недоверія.

— Я?—подняла она на него взоры съ видомъ чистосердечнаго удивленія.—Да съ какой же стати?

— Ба! это мнѣ нравится! «Съ какой стати!»—просто, въ силу любопытства праматери Евы.

— Ошибаетесь, мой милый: любопытство мое не простирается на чужія вещи; я любопытна только въ томъ, что лично меня касается,—не безъ достоинства замѣтила Людмила Сергѣевна.

— А это васъ ни мало не касается,—указавъ на мѣшокъ, продолжалъ онъ отшучиваться.

— Ну, вотъ потому-то я и не любопытствовала. Да по правдѣ говоря, — прибавила она, какъ будто совсѣмъ искренно,—въ теченіе этихъ четырехъ сутокъ я даже и позабыла вовсе, что тутъ есть какой-то мѣшокъ,—благо лежалъ въ ногахъ и нисколько меня не беспокоилъ. Такъ такъ я и не узнаю, что въ немъ такое?—снова зашутила Людмила.

— Такъ и не узнаете,—комически вѣжливо поклонился Вельтищевъ.

— Ну, такъ пошелъ же вонъ, гадкій, неосмысленный, противный!..—кокотливо хлопнула она его слегка по плечу.—Когда такъ, я и сама знать не хочу! Теперь хоть бы и говорилъ, я слушать не стану! Вотъ же тебѣ за это!

— О, какое жестокое наказаніе,—засмѣлся Платонъ Васильевичъ и поспѣшилъ откланяться, вполне довольный такимъ исходомъ этой сценки: теперь онъ былъ убѣжденъ, что Людмила ровно ничего не знаетъ и въ мѣшокъ вовсе не заглядывала.

XII.

Борьба за существованіе.

Никуда больше не заѣзжая, онъ помчался прямо домой, горя нетерпѣніемъ обозрѣть и пересчитать на свободѣ полного уединенія новыя свои богатства.

Не ведавъ никого принимать и ни о чемъ себѣ не докладывая, вполне счастливый и сияющій, заперся Вельтищевъ въ своемъ кабинетѣ и съ чувствомъ полной удовлетворенности и высокаго самодовольства, какъ гастрономъ передъ роскошнымъ и тонкимъ обѣдомъ, приготовился систематически заняться своимъ дѣломъ.

Наконецъ-то онъ у цѣли! Послѣ столькихъ трудовъ, послѣ столькихъ думъ, сомнѣній, плановъ, послѣ такой рѣшимости и такого отчаяннаго риска, какъ отравы родного человека—риска, пахнущаго Сибирью и долгими годами каторги — онъ достигъ своихъ стремленій!

Планъ удался въ совершенствѣ; онъ исполнилъ его съ такимъ хладнокровіемъ и расчетомъ, съ такимъ спокойствіемъ и вѣрою въ себя; онъ исполнилъ и до конца выдержалъ характеръ — теперь всѣ концы въ воду! Кто знаетъ? кто видѣлъ? кто былъ свидѣтелемъ? кто осмѣлится бросить хотя бы малѣйшую тѣнь подозрѣнія на честь его высокостоящаго имени? Теперь за все это онъ имѣетъ полное право жить и наслаждаться всѣми благами жизни, — онъ взялъ ихъ съ боя, и съ какого боя!.. Онъ гордъ былъ своею побѣдой. Теперь осуществятся, наконецъ, его грандіозныя проекты: онъ будетъ ворочать милліонами — и тысячи людей, тысячи «рабочихъ», которымъ онъ дастъ трудъ и, стало быть, «честный кусокъ хлѣба», станутъ благословлять его имя... Теперь онъ можетъ имѣть свой собственный, умѣренно-либеральный, литературно-общественный органъ, переманить къ себѣ всѣхъ лучшихъ и самыхъ зубастыхъ сотрудниковъ Цемша и вліять на общественное мнѣніе, на биржу, на высшія административныя сферы. Онъ самъ будетъ скоро принадлежать къ этимъ «влиятельнымъ сферамъ» и неуклонно станетъ проводить спасительную идею «чиновничества», т. е. «настоящаго, либеральнаго и, относительно всѣхъ, старыхъ формъ я предразсудковъ, даже, пожалуй, радикальнаго чиновничества», — онъ все это «освѣжитъ», «обновитъ» и «двинетъ»... Положеніе его въ свѣтѣ и служебная карьера уже и безъ того хорошо поставлены, а теперь они упрочатся окончательно, станутъ расти, развиваться; онъ шибко пойдетъ дальше, впередъ, впередъ... въ ту заманчивую даль, гдѣ въ перспективѣ сияетъ «солидный портфель», статскій мундиръ, залатыя золотомъ, звѣзды, ленты и при всемъ этомъ — «сочувствіе просвѣщенной, мыслящей и либеральной части общества»... Сколько либеральныхъ реформъ, либеральныхъ мѣропріятій будетъ принадлежать его инициативѣ! Сколько принесетъ онъ блага и пользы — «насущной», «практически-реальной» пользы!.. И все это — благодаря нѣсколькимъ струйкамъ благовонной сигары! Но что же значить какалъ нибудь сигара передъ такою идеей? И можетъ ли имѣть она какое-нибудь укоряющее нравственное значеніе, если съ помощью ея достигаются такія великія, гуманныя цѣли?!

Такія-то мысли и радужныя мечты цѣлымъ роємъ толпились въ головѣ Вельтищева, когда онъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Но что же это однако?

Онъ вынулъ изъ мѣшка двѣ пачки, развернулъ газетную бумагу... Но точно ли? Ужъ не обманъ ли зрѣнія?.. Гдѣ же деньги? гдѣ онѣ?

Передъ нимъ лежали какія-то истрепанныя французскія книжки да куча листовъ изрѣзанной бумаги и тряпки.

Что же это значит?

«Неужели я ошибся?» подумалось ему. «Как! ошибиться в ту минуту, когда я вынимал их из братнича шкафа?—Это невозможно! невѣроятно!.. этого не было! Я самъ бралъ ихъ, самъ видѣлъ собственными глазами: то были деньги».

Не вѣря самому себѣ, онъ ощупалъ рукою внутренность мѣшка, заглянулъ подъ столъ, подъ кресло, еще разъ перевернулъ весь лежавшій передъ нимъ ворохъ, осмотрѣлся во кругъ, во всѣ углы комнаты.

Нигдѣ ни малѣйшаго признака.

«Неужели Людмила?» олеснула ему пугливая мысль—и при этомъ холодный потъ выступилъ на лбу его крупными каплями.

«Людмила... Возможно ли?.. Ея слова казались такъ искренни,—возможно ли такое притворство, такой подлогъ, такой систематическій и тонкій обманъ?»

«Но если не она, то кто-жъ тогда?»

И Вельтищевъ, подумавъ хорошенько, твердо рѣшилъ, что это Людмила, что кромѣ ея положительному векому.

Не дожидаясь кареты, онъ обѣжалъ внизъ, спѣшно накиннулъ шубу и бросился въ сани перваго попавшагося извозчика, приказавъ гнать, что есть мочи, въ Дмитровскій переулокъ.

«Быть можетъ, она это только глупую шутку разыграла со мною» мелькало ему, въ видѣ кратковременнаго утѣшенія, слабый и туманный лучъ надежды.

* * *

— А, мой другъ, ты опять ко мнѣ!.. И такъ скоро!—открыто и спокойно встрѣтила его Людмила Сергѣевна.—Да что это, однако? На тебѣ опять лица нѣтъ. Что съ тобою?—добавила она, вглядываясь въ него съ удивленіемъ и участіемъ.

— Людмила, гдѣ же мои деньги?—прямо приступилъ онъ къ дѣлу, будучи не въ силахъ превозмочь лихорадочное волненіе.

— Какія деньги, мой другъ?—переспросила она, ни на іоту не измѣнивъ своему открытому и спокойному виду.

— Ну, полно, оставь эти шутки!—сплился онъ натянуто улыбнуться,—пошутила и будетъ!.. мнѣ некогда...

— Но о какихъ деньгахъ говоришь ты, я не понимаю?

— О моихъ... о тѣхъ, что были въ мѣшкѣ.—пояснялъ Вельтищевъ, въ которомъ страхъ, сомнѣніе и безпокойство усиливались съ каждымъ мгновеніемъ.

— А развѣ въ мѣшкѣ были деньги?—съ чистосердечной наивностью продолжала она удивляться.

— Разумѣется!—нетерпѣливо повысился съ голосъ.—Развѣ ты не знаешь!

— Господи, да откуда же мнѣ знать,—пожала плечами Людмила.—И много денегъ?

— О, да не мучь же меня!—страдъ и воскликнулъ Вельтищевъ.

Коробова отступила отъ него на шагъ и начала пристально вглядываться въ него съ такимъ участливо недоумѣлымъ и опасливымъ видомъ, какъ будто явно заподозрѣла, что передъ нею стоитъ упомоиманный.

— Повторяю тебѣ, отдай мнѣ деньги!—взвышалъ голосъ Платонъ Васильевичъ.—Это не мои.. это чужія,—понимаешь ли, чужія!.. мнѣ надо сейчасъ же отдать ихъ!

— Боже мой, что съ нами!—скорбно взволновалась Коробова.—Другъ мой, сядь, успокойся... приди въ себя, мой милый... образумься,—участливо и нѣжно приступила она къ нему съ увѣщаніями,—сядь... сядь сюда вотъ, и успокойся, Бога ради!.. Не пугай меня!.. Объясни мнѣ, что съ тобой это сдѣлалось?

— Ну, изволь, я постараюсь быть спокойнымъ, если тебѣ такъ угодно,—сказалъ пересядывая себя Вельтищевъ и опустился въ кресло.—Только объ одномъ прошу: кончай, пожалуйста, эту комедію со мною!

— Какія тутъ комедіи!—пожала она плечами.—Ты расскажи мнѣ толкомъ: развѣ въ томъ мѣшкѣ, который ты сунулъ мнѣ подъ тюфякъ, были какія-нибудь деньги?

Были,—подтвердилъ Вельтищевъ,—были, и не мои, а чужія, которыя мнѣ были отданы на сохраненіе, и я ихъ долженъ теперь возвратить.

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты привезъ ихъ ко мнѣ, особенно если это большія деньги!

— Зачѣмъ?.. зачѣмъ?—взволновался Вельтищевъ, подбирая въ своихъ разстроенныхъ мысляхъ достаточную причину,—зачѣмъ, что тутъ умеръ мой братъ и мнѣ некогда было возиться съ ними.

— Постой, мой милый, ты говоришь несообразныя вещи,—остановила она его со всею деликатностью нѣжно любящей женщины.—Часъ назадъ ты мнѣ сказывалъ, что въ тотъ разъ, какъ былъ у меня, ты еще не зналъ о смерти брата.

— Я не говорилъ этого!—закричалъ, весь всныхнувъ, Вельтищевъ, словно раненый звѣрь, нежданно попавшійся въ сѣтя.—Ты лжешь! Я не говорилъ тебѣ этого!

Коробова смѣло и открыто посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Платонъ,—сказала она спокойно, твердо и убѣдительно,—насъ только двое, свидѣтелей нѣтъ между нами, къ чему же это пустое и недостойное заперательство? Вѣдь ты же самъ очень хорошо знаешь и помнишь, что ты сказалъ мнѣ это.

Вельтищевъ не нашелъ ничего возразить

ей на первый шанс онъ былъ пока подавленъ ею и, молча уставясь въ нее глазами, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Потомъ другая несообразность,—столь же кротко и мягко продолжала Коробова;—еслибы у тебя точно были тогда деньги, да еще данныя тебѣ на сохраненіе, развѣ бы могъ ты привезти ихъ сюда и сунуть подъ тюфякъ, не предупредивъ меня ни словомъ? Ну, какой же благоразумный человѣкъ сдѣлаетъ такой проступокъ, а вѣдь ты же благоразумнѣе и—слава тебѣ Господи!—кажется, очень хорошо знаешь, что такое деньги? Вѣдь для денегъ есть банки и кассы; да наконецъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать ко мнѣ, ты могъ бы прямо проѣхать къ себѣ и спрятать ихъ въ своей собственной квартирѣ. Ну, не такъ ли, другъ мой? Согласись!

— Что же ты хочешь сказать этимъ?—насаженнымъ голосомъ прохрипѣлъ Вельтищевъ.

— То, что никакихъ денегъ у тебя не было!—необыкновенно мягко и на мало не затрудняясь, пояснила Людмила;—я не знаю, что съ тобой сдѣлалось? Ты самъ, твой разсудокъ... Прости меня, но... твой разсудокъ теперь просто въ болѣзненномъ, въ ненормальномъ состояніи, и я хочу убѣдить тебя только въ томъ, что ты заблуждаешься... Это просто какая-то галлюцинація; тебѣ все это, другъ мой, такъ только показалось, почудилось... Ей-Богу почудилось! И ты, когда успокоишься, то самъ же первый посмѣешься надъ этими деньгами.

— Змѣя!.. Ехидна!.. И у тебя хватаетъ еще духу издѣваться надо мною, — вскричалъ Вельтищевъ, дѣлко схвативъ и потрясая ея руку.

— Платонъ, образумься!—строго и твердо проговорила она, не смутясь его выходкой и болью.—Я теперь обращаюсь къ твоей чести. Я не желаю оскорбить тебя, но вѣдь ты самъ долженъ понять, что если въ твоихъ словахъ есть правда, если ты не сумасшедшій, если дѣйствительно было все то, что ты рассказываешь, то вѣдь подобнымъ образомъ привозятся только деньги, добытыя нечистымъ путемъ! Такъ прячутся только краденныя деньги, а развѣ ты можешь сдѣлать преступленіе? Подумай только, что ты на себя изводишь!

Это былъ, своего рода, локкій ударъ ножа, направленный прямо въ сердце.

Вельтищевъ не выдержалъ. Онъ вскопчилъ какъ бѣшеный и бросился на Людмилу.

— Деньги!.. отдай мои деньги, подлая!.. Или убью... убью... задушу на мѣстѣ!—хрипѣлъ онъ задыхающимся шепотомъ, сильно потрясая руками ея плечи.

Людмила сдѣлала отчаянное успліе и успѣла освободиться изъ-подъ его впившихся пальцевъ. Какъ дикая кошка, съ глазами, которые засверкали у нея зеленымъ огнемъ бѣшенства,

она быстро отпрыгнула въ сторону и успѣла въ одно мгновеніе схватить съ каминна тяжелый бронзовый подсвѣчникъ.

— Если вы ко мнѣ приблизитесь, я положу васъ на мѣстѣ!—грозно крикнула она Вельтищеву, съ рѣшимостію, не оставлявшею ни малѣйшихъ сомнѣній.

Тотъ остановился, какъ вкопанный. озадачившись на мгновеніе.

— А!.. вы видно не знали, съ кѣмъ имѣете дѣло!—продолжала она, мало-по-малу овладѣвая собою и понизивъ голосъ на болѣе спокойныя, но твердыя и рѣшительныя ноты.—Вы хотите вапяхъ денегъ.. Ну, такъ выслушайте же меня прежде: вы, вмѣстѣ съ вашей любовницей, госпожею Вельтищевой, ограбили ея мужа.

Платонъ вздрогнулъ и, весь какъ-то осунувшись, невольно подался назадъ.

— Вы выкрали изъ его кассы болѣе пяти-сотъ тысячъ денегъ; тамъ есть именныя векселя и билеты—это несомнѣнная улика противъ васъ,—продолжала Людмила.—Вы впопыхахъ забирали кое-какъ эти деньги въ мѣшокъ, который дала вамъ Вельтищева. Она не знала, какое тамъ было противъ нея доказательство! — въ мѣшкѣ былъ магазинный счетъ на ея имя... онъ былъ, говорю вамъ, но теперь тамъ нѣтъ его: онъ уже въ надежныхъ рукахъ!

Вельтищевымъ овладѣлъ ужасъ. Все зданіе, которое выстроилъ онъ, казалось, такъ искусно, такъ прочно, было разрушено въ одно мгновеніе. Холодный потъ снова проступилъ на его побѣлѣвшемъ лбу; лицо, налившееся желчью, кривила порою нервная судорога; онъ стоялъ съ опущенными руками, словно бы слушая свой смертный приговоръ, весь осунувшись, умалившись какъ-то, и глядѣлъ испуганными глазами на своего прелестнаго палача, который въ эту минуту былъ грозенъ и беспощаденъ и каждое слово котораго плавило его, словно бы тяжкій молотъ.

— Вы эти деньги прямо изъ дома вашего брата,—продолжала Людмила,—привезли въ мою квартиру и сунули подъ этотъ тюфякъ. Отъ меня вы поѣхали тогда прямо къ вашей старой любовницѣ и провели у нея все это время. На это, конечно, есть много свидѣтелей. Довольно ли съ васъ этого, господинъ Вельтищевъ?

— Тотъ, вмѣсто отвѣта, машинально поныпкъ головою.

— Затѣмъ, я предупреждаю васъ,—добавила она уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ,—денегъ вашихъ въ моемъ домѣ нѣтъ, онѣ давно уже въ вѣрныхъ и хорошихъ рукахъ, изъ которыхъ вамъ не удастся ихъ выцарапать. А если вамъ прідетъ охота убить или отравить меня, то знайте, что, въ случаѣ мо-

ей насильственной смерти, эти деньги вмѣстѣ съ другими документами будутъ переданы прокурору, и тогда... и вамъ, и вашей любимицѣ уже навѣрное придется отъ позорнаго столба прогуляться на каторгу. Теперь вы знаете все. — Можете удалиться отсюда!

Вельтищевъ былъ раздавленъ, унытоженъ. И все это говорила ему женщина, для которой онъ, по его искреннему убѣжденію, ничего не сдѣлалъ, кромѣ добра, которую онъ даже любилъ—любилъ на столько, на сколько вообще была способна любить его эгоистическая натура... Теперь—все кончено, все погибло: мечты, надежды, планы, честолюбіе, слава, предпріятіе... Теперь уже онъ несомнѣнно бѣднѣе и ничтожнѣе, чѣмъ былъ до смерти брата; теперь онъ—нишій, потому что послѣдніи его средства, послѣдній кредитъ, не сегодня—завтра, лопнетъ окончательно! И въ заключеніе всего, эта дорогая и милая ему женщина—такъ надменно и презрительно выгоняетъ его отъ себя, и нѣтъ въ ней ни малѣйшей тѣни жалости и состраданія!..

Вельтищевъ бросился передъ ней на колѣни.

— Пощади меня!—простоналъ онъ отчаянно-молящимъ воплемъ. — Пощади, или хоть сжапись надо мною и убей меня сейчасъ же. Но такъ... такъ мнѣ жить невозможно!

— Пощадить?—холодно усмѣхнулась она. — А минуто назадъ, когда вы хотѣли задунить меня, развѣ вы думали о томъ, чтобы щадить меня?

— Людмила!.. вѣдь я люблю тебя! Вѣдь ты же женщина! — молилъ ее Вельтищевъ. — хоть во имя любви!.. Трубуй съ меня все, что хочешь, приказывай, повелѣвай, но только пощади меня!

Раза два Коробова прошлась по комнатѣ, какъ-бы обдумывая и соображая что-то.

— Хм... пощадить васъ! — проницески усмѣхнулась она. — Вы запросили пощады только тогда, когда воочію убѣдились, что вамъ окончательно уже нѣтъ никакого выхода; вы просите потому, что узнали, что даже самая смерть моя поспособствуетъ скорѣе вытѣщить на свѣтъ Божій всѣ ваши преступленія... Пощадить васъ!..

Людмила Коробова остановилась передъ нимъ и смѣрила его испытующимъ взглядомъ.

— Извольте: я пощажу васъ, — согласилась она, — но не иначе, какъ на основаніи моихъ условій, которыя вы примете безъ возраженій.

— Я слушаю, — склонилъ онъ, въ знакъ согласія, свою голову.

— Хорошо, будемъ договариваться. Прежде всего я хочу быть вашею законною женою, — начала Людмила. — Роль содержанки безнравственна, роняетъ мое положеніе и потому она

мнѣ глубоко противна. Я хочу носить ваше имя, принадлежать къ вашему кругу, хочу быть женою, а не кокоткой. Это мое первое и необходимое условіе. Согласны вы будете принять его?

— Но... вѣдь мы замужемъ,—слабо возражалъ Вельтищевъ.

— Это ужъ другое дѣло, и рѣчь объ этомъ впереди,—осадила его Людмила. — Вы изыщите средства развести меня съ мужемъ, — продолжала она, — употребите для этого деньги, связи ваши, вліяніе, интригу все, что хочете, хотя бы даже новое преступленіе, но я должна быть разведена съ нимъ. Это мое второе условіе.

Вельтищевъ опять отвѣтилъ молчаливымъ склоненіемъ головы.

Когда я буду разведена, вы на мнѣ женитесь. Я сама скажу вамъ, когда наступить для этого время,—продолжала предписывать ему Людмила. — Деньги ваши, со всѣми доказательствами вашего преступленія, будутъ находиться въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ онѣ и теперь, и я возьму ихъ изъ этихъ рукъ не равнѣ того, какъ выйду за васъ замужъ. Затѣмъ, деньги эти останутся не вашими, а моими, собственными, благопріобрѣтенными состояніемъ, а доказательства будутъ все въ тѣхъ же рукахъ.

— Къ чему же это?.. чтобы лишить меня покою? чтобы вѣчно мучить меня?—угнетенно возразилъ Вельтищевъ.

— Нѣтъ, не для этого,—опровергла она, — не для этого, а для того, чтобы держать васъ въ рукахъ; для того, что если вамъ придетъ когда-нибудь мысль избавиться отъ меня, спровадить меня на тотъ свѣтъ, по примѣру вашего брата, то доказательства вашего нынѣшняго дѣла тотчасъ же выплывутъ наружу и вы все-таки не избѣгнете каторги. Но если вамъ такія мысли приходить не будутъ, то я напередъ вамъ ручаюсь за полное ваше спокойствіе и безопасность. Это мое третье условіе.

— Но мнѣ нужны деньги... Мнѣ необходимо надо, чтобы онѣ были моими, потому что отъ этого зависятъ все мое благосостояніе, вся будущность, — возразилъ Вельтищевъ.

— Будутъ ли онѣ вашими, или моими—это рѣшительно все равно, какъ скоро я сдѣлаюсь вашею женою,—порѣшила Людмила, — благосостояніе ваше отъ этого насколько не потеритъ.

— Нѣтъ, потеритъ!—не соглашался Платонъ Васильевичъ — Мнѣ эти деньги нужны для моихъ предпріятій, которыя мнѣ могутъ принести милліоны: а разъ что онѣ ваши, я не могу свободно ими распорядиться.

— Для этого вамъ стоитъ только подробно и основательно посвятить въ ваши предпріятія

тін мене,—предложила Людмила Сергѣевна,—и если я найду, что они точно выгодны, я сдѣлаюсь участницей и тогда, конечно, позволю распорядиться тою суммой, которую они потребуютъ, а если они не выгодны, то вамъ же лучше: я сохранию, по крайней мѣрѣ, средства для нашего дальнѣйшаго благосостоянія.

— Но... вы забываете, что я не одинъ,—сдѣлалъ Вельтищевъ еще одну слабую и уже послѣднюю попытку,—вы забываете, что, по поводу этихъ денегъ, я, волей-неволей, связанъ съ другою особой..

— То-есть, съ кѣмъ это? съ госпожею Вельтищевой, которая за-одно съ вами работала своего мужа?—принципиалась Людмила Сергѣевна.

— Хотя бы и такъ, — согласился Платонъ.

— Хм... Вотъ оно что!.. Ну, на этотъ счетъ можете быть совершенно покойны. Во-первыхъ, я думаю,—продолжала она,—что у нея и безъ этихъ денегъ останется послѣ мужа достаточно средствъ для жизни; а во-вторыхъ, она не пойдетъ доказывать на васъ въ судъ, потому что это значило бы на самое себя накладывать мертвую ителю, а идти на каторгу, полагаю, ей вѣтъ ни малѣйшаго расчета.

Вельтищевъ почувствовалъ себя окончательно оббитымъ на всѣхъ пунктахъ. Больше возражать было нечего.

— Теперь, я съ своей стороны могу обещать вамъ одно, — приступила Людмила къ изложенію своего послѣдняго условія.—Гдѣ бы мы ни были, гдѣ бы мы ни жили, я всегда, среди всякаго общества, сумѣю поддержать достоинство вашего имени и дома; не бойтесь, сумѣю снискать себѣ всеобщее уваженіе: на то я и буду называться вашею женою. Вы нигдѣ и никогда за меня не покраснѣете. Нечего и говорить, что я заранѣе обезпечиваю себѣ полную свободу дѣйствія и поступковъ (это само собою подразумѣвается), но можете быть твердо увѣрены, что я—хоть бы даже по свойствамъ моей натуры — никогда не употреблю во зло этой свободы и не поставлю васъ въ то жалостное положеніе, какимъ пользуются въ свѣтѣ рогаые мужья. Надѣюсь, что этихъ украшеній вы никогда носить не будете. Итакъ, Платонъ Васильевичъ, я сказала все!—заклчила она со своею холодно-беззлобною и спокойною полу-улыбкой. Теперь согласны ли вы на мои условія?

Что было отвѣчать ему на это: и гдѣ, в какой выходъ изъ этой замкнутой желѣзной клеткѣ? Онъ видѣлъ, чувствовалъ и сознавалъ только одно, что нравственная воля и характеръ этой женщины неизмѣримо выше, тверже и сильнѣе его собственной, далеко не слабой воли и характера. Коса нашла на камень. Все зданіе, нагроможденное имъ, оказа-

лось карточнымъ домикомъ, тогда какъ она изъ этого же самого матеріала сумѣла быстро воздвигнуть такую твердыню, подъ которую подкопаться у него не было ни средствъ, ни силы. Онъ почувствовалъ себя окончательно въ рукахъ женщины, которую вдобавокъ любилъ всею силою физической привязанности и страсти. Эта страсть, и прежде еще, неоднократно заставляла его невольно высказывать нравственную слабость предъ обаяніемъ ея странной красоты, а теперь — было исключительно уже въ ея волѣ спасти его или прямо съ эшафота отправить на каторгу. Но въ душѣ его блисталъ еще какой-то смутный лучъ надежды. — «Нѣтъ, это еще не все! Этотъ еще не кончено съ тобою!» мелькала ему живительная мысль. «Я притворюсь, я покорюсь на время, но этотъ у тебя не кончится! Посмотримъ, кто кого перехитритъ и чья возьметъ въ послѣдствіи!»

— Дьяволъ!—прошепталъ онъ, подавляя въ груди истерически-злобное рыданіе. Въ чемъ же выборъ, позоръ или рабство?.. Это все, что ты предлагаешь... Изволь! я выбралъ!—рѣшилъ онъ послѣ минуты тяжкаго, повидимому, колебанья, — я выбралъ: я—рабъ твой на вѣки!

Людмила подошла къ нему, со своими ясными глазами, и протянула прекрасную руку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Игра начинается“.

— Отпросись со двора и приходи ко мнѣ вечеромъ... сегодня! — шепнулъ Вельтищевъ на ухо горничной Палаши, уходя отъ Людмилы Коробовой. Онъ былъ уже на лѣстницѣ, шепча эти слова, а для того, чтобы предложеніе его имѣло нѣкоторую долю основательности, усилилъ его 25-ти-рублевой бумажкой, ловко всунутой въ руку горничной.

Та, почувствовавъ на ладони деньги, съ пріятною улыбкой утвердительно кивнула ему головою.

— Придешь?

— Непремѣнно.

— Я жду тебя весь вечеръ.

«Хорошо, хорошо!» отвѣтили ему безмолвные кивки и подмигиванья Палаши

* * *

Платону Вельтищеву еще въ первый разъ въ жизни доводилось ждать съ такимъ лхорачнымъ нетерпѣніемъ свиданія съ женщиной, которая, по общественному положенію своему, была не болѣе, какъ горничной его любовницы.

— «Деньги, ласку, рѣчь, соблазнъ — все падо

пустить въ ходъ, чтобы выпытать!» думалъ Вельтищевъ, закусывая губы и нервно шагая по кабинету, «но допытаться надо необходимо!.. необходимо! и при томъ сегодня же, чтобы знать, какъ дѣйствовать... Надо сообразиться... Она вѣрно знаетъ, хоть что-нибудь!»

Главная сила всего дѣла заключалась теперь для него въ томъ, чтобы знать—гдѣ, въ чьихъ рукахъ находятся украденныя деньги.

Давеча онъ по необходимости долженъ былъ, какъ баранъ, пассивно склонить свою голову передъ Людмилой, покоряясь безусловно всѣмъ ея велѣніямъ, потому что другого выхода ему не было. Но ни его умъ, ни его гордость, ни его самолюбіе, ни всѣ его планы и расчеты на блестящее и независимое будущее не могли помириться съ такимъ положеніемъ. При воспоминаніи о томъ, что было сегодня, и при мысли о будущемъ, которое сулилъ ему Людмила—вся душа его возмущалась, все сердце кипѣло непримиримою злобой. Онъ чувствовалъ, что его жестоко оскорбили, жестоко обманули, надругались надъ нимъ и готовы вертѣть его особю, какъ ничтожнымъ мячикомъ; онъ чувствовалъ, что во время сегодняшняго свиданія съ Людмилой уже сыгралъ жалкую роль подобнаго мячика, что начало ею положено, а теперь слѣдуетъ ждать дальнѣйшаго и еще горшаго продолженія. Съ нынѣшняго дня онъ ненавидѣлъ, но—увы!—все-таки любилъ эту женщину, любилъ силою той животной страсти и физической привязанности, которая въ громадномъ большинствѣ является отличительнымъ и характеристичнымъ признакомъ «любви» людей нашего времени, потому что и самая *любовь* является въ этихъ людяхъ не тѣмъ здоровымъ и возвышающимъ чувствомъ, которое сродно нормально-развитому человѣку, а болѣзненнымъ капризомъ уродливо-извращенной натуры.

Но главное для него заключалось все-таки въ деньгахъ. Ему, во что бы то ни стало, надо было вырвать ихъ изъ невѣдомыхъ рукъ, сдѣлаться опять безсионымъ обладателемъ всѣхъ своихъ богатствъ.

Для поддержки его нравственной энергіи ему нужна была кипучая дѣятельность, мечты и надежды на свои громадныя предпріятія.

Это былъ своего рода азартный игрокъ, но игрокъ такой, котораго не могло удовлетворить никакое узкое и тѣсное поле карточного стола; при такой всепожирающей страсти къ быстрой, легкой и громадной наживѣ, его зеленымъ полемъ могли бы быть только европейскія блржи.

И вдругъ, все это лопнуло, все это потеряно!..

Вотъ съ чѣмъ не могъ помириться Вельтищевъ, вотъ противъ чего онъ задумывалъ бороться въ эту минуту.

Для такой борьбы всѣ средства, въ его сознаніи, были равно хороши и пригодны.

Одного только нельзя было: спроводить Людмилу на тотъ свѣтъ, по примѣру двоюроднаго брата. Въ силу ея предостереженій, онъ зналъ, что ея смерть тотчасъ же отпразднуетъ его на скамью подсудимыхъ и, стало быть, рухнетъ всѣ дальнѣйшіе надежды и планы.

Значитъ, кромѣ этого средства, все остальное возможно. Надо только дѣйствовать ловко и осмотрительно.

Но убивать Людмилу ему вовсе не хотѣлось. Ненавидя и любя ее въ одно и то же время, онъ жаждалъ надъ нею торжества, но торжества совсѣмъ иного рода; ему захотѣлось теперь обмѣняться съ нею взаимными ролями, хотѣлось сдѣлаться опять сильнымъ, независимымъ человѣкомъ, полноправнымъ и безконтрольнымъ обладателемъ всѣхъ своихъ средствъ и черезъ то подчинить себѣ опять эту, столь обаятельную для него, женщину, властвовать надъ нею, въ силу своихъ богатствъ и авторитета, сдѣлать ее своею безусловною рабою. Онъ былъ бы счастливъ, еслибы не Людмила за нимъ, а онъ за нею зналъ теперь какое-нибудь кровавое преступленіе. Тогда бы онъ держалъ ее въ своихъ рукахъ, въ силу постоянного страха, что онъ можетъ открыть и выдать ея преступленіе, тогда бы онъ могъ *заставить* ее любить его и наслаждаться ея любовью до тѣхъ поръ, пока самому вздумается. Ненависть, которую въ данную минуту, вмѣстѣ со страстью, питалъ онъ къ Людмилѣ, подсказывала ему, что это была бы лучшая, торжествующая месть, какую онъ только могъ бы нанести ей за все зло, за все коварство, причиненное ему этою женщиной.

Вотъ почему онъ такъ нервно ходилъ по своему кабинету и съ такою лихорадкой ждалъ условленнаго свиданія.

* * *

Въ восьмомъ часу вечера человѣкъ, съ нѣкоторыми недоумѣніемъ, доложилъ ему, что пришла съ чернаго хода кака-то дѣвушка, которой нужно его видѣть.

— Палаша?!. Сюда! сюда, Палаша!.. Ко мнѣ! — кинулся къ ней навстрѣчу Вельтищевъ. — Здравствуй, моя милая!.. Какъ я радъ, что ты пришла!.. Снимай твою шляпку... садись... Сюда,—здѣсь покойнѣе... Чего ты хочешь? Чаю, кофе, шоколаду, конфетъ или фруктовъ?

Вельтищевъ съ такою радостью и такъ суетливо хлопоталъ около своей гостьи, что та поневолѣ глядѣла на него недоумѣлыми глазами.

Онъ замѣтилъ это и почувствовалъ свою ошибку. Но что же дѣлать! Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, первый порывъ его

былъ такъ невольно стремителемъ, что онъ позабылъ о необходимой выдержкѣ.

— Вамъ угодно было видѣть меня?—проговорила, наконецъ, Палаша.

— Да, да, моя милая!.. И ты видишь, какъ я радъ твоему приходу... Мнѣ надо кой о чемъ потолковать съ тобою, но это потомъ... а пока—ты моя гостя, и я хочу прежде всего угостить тебя.

Онъ приказалъ человѣку, чтобы на столъ сейчасъ же были поданы фрукты, вино, чай и сладкія печенія.

Палаша не знала, что и думать о такомъ приѣмѣ.

Онъ самъ помогъ ей снять шляпку, скинуть пальто и усадилъ на широкій турецкій диванъ, куда *кам рдинеръ* придвинулъ вмѣ столъ съ чайнымъ приборомъ.

— Мы сегодня одни и оба будемъ хозяевами,—весело предложилъ ей Вельтищевъ.— Ты, какъ хозяйка, угощай меня чаемъ, а я, по-хозяйски, стану угощать тебя виномъ и фруктами.

И онъ налилъ ей вмѣстительную рюмку сладкаго венгерскаго.

Палаша съ полнымъ аппетитомъ ѣла печенія и фрукты, пила чай и вино, и хотя все еще недоумѣвала, однако глазки и щечки ея разгорѣлись, а губы то и дѣло слагались въ пріятную улыбку.

Платону крайне хотѣлось напасть поскорѣе на руководящія нити и слѣды своего дѣла, но онъ чувствовалъ, что пока еще не время, что надо погодить немножко, и потому, сдерживая себя, старался шутить съ Палашей, казаться веселымъ и беззаботнымъ и не забывать подливать ей венгерскаго, которое, по его мнѣнію, должно было развязать языкъ хорошенькой камеристки.

Шутя, онъ подѣлалъ къ ней ближе; шутя, сталъ играть ея рукою и выхвалять эту «ручку» и, наконецъ, шутя, неожиданно поцѣловалъ ее въ румяную щеку.

Палаша вскочила и отодвинулась.

— Что это! какъ вамъ не стыдно! — заговорила она скромничая, притворно-сблуженнымъ тономъ.— Это даже, извините меня, довольно безсовѣстно съ вашей стороны быть такимъ измѣнникомъ.

— Кому же я измѣняю!—улыбнулся Вельтищевъ.

— Какъ, кому!—Сами знаете кому!.. А я вотъ пойду да и скажу моей барынь, какой вы есть мужичина!

— А развѣ я боюсь твою барыню?

— Бойтесь, не бойтесь, а все же не хорошо это, такіе поступки...

— А если барыня твоя сама мнѣ измѣняетъ?—не то шутя, не то серьезно прищурился на нее Вельтищевъ.

— Ну, ужъ извините, никакъ я этому не могу повѣрить!

— Какъ знать, чего не знаешь! — пожалъ онъ плечами.

Палаша взглянула на него удивленно-испытующимъ взглядомъ.

— А что, Палаша, хотѣла бы ты быть на мѣстѣ твоей барыни?—послѣ краткаго молчанія, сопровождавшаго нѣкоторую душевную борьбу, спросилъ ее вдругъ Вельтищевъ.

Та удивилась еще болѣе, такъ что въ первую минуту не сообразила, что и отвѣчать ему.

— То-есть, какъ это на мѣсто барыни?—переспросила она.

— Да такъ, какъ она вотъ!—Имѣть у себя добраго пріятеля, который обезпечилъ бы тебя, жить въ хорошей квартирѣ, кататься на рысакахъ, ѣздить по театрамъ...

— Помните-съ, что это вы говорите!—потупила она въ землю свои масляные глазки.—Какъ этому возможно быть!.. я очень хорошо объ себѣ понимаю, потому какъ есть я дѣвушка простая и необразованная...

— Да тутъ и не нужно никакого образованія!

— А что же тутъ нужно-съ?

— Нужно нравиться, и только!.. И представь себѣ, — лукаво продолжалъ Вельтищевъ, — что ты кому-нибудь понравилась, и этотъ человѣкъ богатый, и онъ вдругъ дѣлаетъ тебѣ такое предложеніе; что бы ты отвѣчала ему?

— Вы все шутите изволите! — замаялась Палаша, уклоняясь отъ прямого отвѣта и потупя еще ниже.

— Напротивъ, я тебя спрашиваю совершенно серьезно и жду твоего отвѣта.

Палаша пылала яркимъ румянцемъ и хранила полное молчаніе.

— Нама сестра можетъ похвастаться только своему же брату,—рѣшилась, наконецъ, она вымолвить.

— Да развѣ не бываетъ случаевъ, когда ваша сестра нравится и мѣ своему брату?—Мало ли есть примѣровъ! Даже и женятся иныя!.. Такъ какъ же ты думаешь на этотъ счетъ, Палаша? Отвѣчай-ка!

— Конечно... кто же себѣ врагъ, чтобы отъ своего счастья отказываться,—высказалась, наконецъ, дѣвушка.

— И ты бы не отказалась?—подступилъ къ ней Вельтищевъ.

— Я-то?.. хм!.. Такое счастье не про насъ писано!

— Опять-таки ты этого знать не можешь... А я вотъ что скажу тебѣ...

Онъ прошелся по комнатѣ, потирая свой пахмуренный лобъ, словно бы соображалъ и обдумывалъ мѣсто.

— Вотъ что, Палаша! — остановился онъ передъ нею. — Счастье твое отъ тебя самой зависитъ. Я буду говорить съ тобою откоро-

венно, но требую, чтобы и ты была откровенна также. Согласна?

— Извольте... Мнѣ что же скрываться!

— Ну, такъ вотъ что... Ты, можетъ быть, слышала изъ своей комнаты, что сегодня мы съ твоей барыней поговорили довольно крупно и даже повздорили...

— Да, я слышала, у васъ тамъ былъ крикъ какой-то,—подтвердила Палаша.

— Твоя барыня пренесносная женщина и мнѣ уже порядочно надоѣла черезъ свой вздорный характеръ!—объявлялъ Вельтищевъ.—Ты не удивляйся,—послѣдшій онъ предвартить, замѣтивъ ея взглядъ,—я знаю, что говорю!.. Но... кромѣ того... кромѣ того я начинаю подозревать, что она мнѣ невѣрна... я даже знаю это и только хотѣлъ бы окончательно убѣдиться, чтобы разорвать съ нею всѣ отношенія.

— Ну, ужъ это, кажется, совсѣмъ неправда!—вступилась Палаша.

— Полно; я знаю, что говорю! Я знаю, что оно такъ; но если я буду окончательно убѣжденъ, тогда—пойми ты—я буду имѣть полное право разорвать и покончить съ нею... Но ты мнѣ помоги убѣдиться... И послѣ этого, такъ какъ ты мнѣ очень нравишься,—то можешь остаться при мнѣ, на мѣстѣ твоей барыни...

Дѣвушка смутилась.

— О чемъ же ты задумалась, Палаша?—ласково и участливо спросилъ ее Вельтищевъ.

— Да вотъ... думаю насчетъ того, что вы мнѣ сказали..

— Что же ты думаешь?

— Да я... извините меня... я думаю себѣ, что ежели вы такъ легковѣрно хотите бросить Людмилу Сергѣевну, эдакую раскрасавицу и барыню, такъ меня-то, какъ есть я дѣвушка изъ простаго званія, вы еще легче бросите...

Вельтищевъ засмѣялся.

— Этого опасаться тебѣ нечего!—принялся онъ успокоивать Палашу.—Ты вѣдь, кажется, знаешь,—я человѣкъ добрый и не скряга: я тебя предвзительно обезпечу, такъ что тебѣ на всю жизнь хватить! Я за этимъ не постою! Я положу въ банкъ билетъ на твое имя, ты будешь имѣть свой капиталецъ, можешь выйти потомъ замужъ, хоть за чиновника!.. Да впрочемъ, что болтать-то!—махнулъ онъ рукою.—Чтобы ты вѣрила, что я не лгу—на вотъ тебѣ!

И онъ сунулъ ей въ руку радужную ассигнацію.

Палаша еще никогда не чувствовала себя обладательницею такого богатства.

— Полноте шутить, Платонъ Васильевичъ!—смущенно проговорила она, и вѣри и не вѣри своему счастью.

— Я не шучу, Палаша!—съ видомъ полной искренности, убѣждать онъ дѣвушку.—Я прошу тебя принять этотъ пустякъ, какъ подарокъ. Эти деньги тебя ровно ни къ чему не обязываютъ. Я только хочу, чтобы ты вѣрила моимъ словамъ. Если ты мнѣ вѣришь и поможешь раздѣлаться съ Людмилой Сергѣевной, то, повторяю тебѣ, ты можешь сдѣлаться для меня тѣмъ же, что и она; а если не хочешь быть на ея мѣстѣ, то, во всякомъ случаѣ, за твою услугу я награжу тебя, какъ ты и не чаешь!

— Да въ чемъ же вы подозреваете Людмилу Сергѣевну?—съ недоумѣніемъ пожала плечами Палаша.

— Я тебѣ сказалъ уже въ чемъ.

— Да почему это вы такъ думаете?

— А вотъ почему...

Вельтищевъ снова прошелся, потирая нахмуренный лобъ.

— Ты сама увидишь, правъ ли я; только скажи мнѣ откровенно... Ты помнишь, когда я передъ смертью брата былъ въ послѣдній разъ у Людмилы Сергѣевны? Вѣдь послѣ того я до сегодня у нея не былъ...

— Это я помню,—согласилась Палаша,—вы тогда еще на диванѣ почивать изволили.

— Совершенно вѣрно, моя милая!.. Но теперь скажи мнѣ, былъ у нея кто-нибудь, послѣ того, какъ я уѣхалъ?

— Такъ вы вотъ къ кому ревнуете!—весело засмѣялась дѣвушка.—Быть-то быть, только ужъ это вы совсѣмъ напрасно!.. ей-Богу, напрасно!.. Вѣдь у барыни былъ мужъ ея...

— Мужъ?—весь вздрогнувъ, поднялся Вельтищевъ.

— Неужели же это ихъ общая стачка?—подумавъ онъ съ испугомъ и тревогой.—«Но тогда что же подумать о требованіи развода?»

— И она его приняла?—спросилъ онъ дѣвушку.

— Да какъ же не принять, коли онъ вооруженъ силою!.. Но только они не долго промежъ себя поговорили и, сдается мнѣ такъ, будто поссорились, потому ушелъ онъ такой сердитый, что даже дверью хлопнулъ съ досады.

— И это ты правду говоришь, Палаша?

— Какъ Богъ святъ на небѣ!—искренно и открыто подтвердила горячая.

«Значитъ, дѣло обработано не съ нимъ», подумалъ Платонъ Васильевичъ.

— Такъ ушелъ онъ, говоришь ты, скоро?

— Даже очень скоро; какъ почитай вслѣдъ за вами пришелъ, такъ не болѣе десяти минутъ и оставался.

— Ну, а потомъ, послѣ его ухода, что дѣлала Людмила Сергѣевна?

— Потомъ... потомъ они не велѣли никого принимать, даже и васъ самихъ не велѣли, и

сколько-то времени сидѣли у себя въ спальнѣ даже совершенно оди́н и затворившись на ключъ. Мнѣ это даже довольно странно показалося, зачѣмъ онѣ оди́н и вдругъ на ключъ запираются, потому никогда этого не бывало.

— А потомъ?—допытывалъ Вельтищевъ, у котораго сердце забилося тревогой сомнѣнія и надежды.

— Потомъ онѣ приказали мнѣ кликнуть извозчика и поѣхали куда-то...

— Въ которомъ часу это было?

— Такъ, примѣрно, въ двѣнадцать.

Платонъ Васильевичъ кивнулъ головой и погрузился въ нѣкоторые соображенія. Онъ вспомнилъ теперь, что вчера вечеромъ, когда ему удалось, наконецъ, вырваться отъ Ирины въ свою квартиру, лакей его доложилъ, что въ его отсутствіе пріѣзжала г-жа Коробова; но вчера онъ не обратилъ на это сообщеніе никакого вниманія; въ настоящую же минуту оно получало нѣкоторую важность. Выйдя подъ благовиднымъ предлогомъ изъ комнаты, онъ тихо освѣдомился у своего человѣка, въ какой именно день и въ которомъ часу заѣзжала къ нему Людмила. Показаніе дня и времени, данное лакеемъ, совершенно совпало съ показаніемъ Палаша. — «Значитъ, она была у меня», воплѣтъ справедливо заключилъ Вельтищевъ; но это заключеніе еще ровно ничего существеннаго ему не пояснило.

— Теперь вотъ что, Палаша,—озабоченно обратился онъ къ своей гостьѣ, вернувшись въ кабинетъ,—скажи ты мнѣ, долго проѣздила тогда Людмила Сергѣевна?

— Съ часъ времени, не больше.

— И послѣ того воротилась домой?—Хорошо. Но что она дѣлала дома, когда вернулась?

— Опять же этого я не знаю, потому онѣ снова замкнулись на ключъ, и только ужъ часа въ два ночи приказали мнѣ кликнуть извозчика.

— Какъ! Опять извозчика?—оживился Вельтищевъ.

— Опять.

— И ты не знаешь, куда она ѣздила?

— Тѣ-то вотъ, что знаю!—похвалилась Палаша,—и потому говорю вамъ, что вы совсѣмъ напрасно ревнуете и беспокоитесь. Я сама даже рядила извозчика въ Свѣтной переулокъ, а въ Свѣтномъ переулкѣ—сами знаете—живетъ ихняя мамаша. Онѣ къ мамашѣ ѣздили.

Кончикъ запутаннаго клубка, какъ радостная надежда, мелькнулъ въ сознаніи Вельтищева.

— Ты не помнишь,—продолжалъ онъ, стараясь быть какъ можно спокойнѣе,—она никакой вещи не увозила съ собою?

— Н-нѣтъ, кажись, въ рукахъ у нихъ былъ узелокъ какой-то...

— Узелокъ?

Вельтищевъ отъ радости чуть не бросился на шею къ Палашѣ.

— А назадъ она какъ—съ узелкомъ или безъ узелка уже пріѣхала?

— Назадъ-то, кажись, что... безъ узелка,—старалась вспомнить дѣвушка. — Да; точно, безъ узелка!—подтвердила она.

— И долго пробыла у матери!

— Часу уже въ четвертомъ вернулись и легли спать... Я и раздѣла ихъ.

«Стало быть деньги у матушки!.. Вотъ онѣ гдѣ, эти *«надежъ мя руки»!* злобно подумалъ Вельтищевъ.

— Теперь скажи ты мнѣ откровенно,—продолжалъ онъ,—былъ кто нибудь у Людмилы Сергѣевны въ теченіе этихъ дней, пока меня тамъ не было?

— Окромя мамаша никого не бывало, и самъ онѣ никуда не выѣзжали; а мамаша раза два заходила,—сообщила горничная.

— Ну, а не замѣтила ты, о чемъ онѣ говорили между собою?

— Намъ господскіе разговоры гдѣ же знать,—пожала плечами Палаша,—потому говорили онѣ промежъ себя все тихо, затворивши двери, а когда ежели я входила по какому дѣлу, такъ онѣ сейчасъ же свой разговоръ прекращали и при мнѣ никакого разговору не было.

«У мамаша! у мамаша!.. О, да! теперь вѣрно, что онѣ у мамаша!» думалъ Вельтищевъ, взволнованно шагая по комнатѣ.

— Вотъ что, Палаша!—рѣшительно остановился онъ передъ дѣвушкой, пристально глядя ей въ глаза и дружески положивъ ладонь на плечо ея.—Дай мнѣ твою руку!.. Вотъ такъ!.. Ты помнишь, что я тебѣ предлагалъ?.. Я сдержу мое слово, а начало ты уже и сегодня видѣла... Если хочешь быть счастлива, если хочешь, чтобы я тебя вознаградилъ и обезпечилъ—возмись помогать мнѣ!.. Дашь свое слово?.. Хочешь быть мнѣ вѣрною слугою и другомъ?

— Помилуйте, Платонъ Васильичъ, да я всегда готова!—жеманно потупивъ глазки, заговорила дѣвушка, —и не токма что изъ-за нятяресу какого, а просто, любя васъ...

— За мое добро и любовь Людмила Сергѣевна отплатила мнѣ черною неблагодарностію!—съ чувствомъ продолжалъ Вельтищевъ.—Я съ нею разстанусь, Палаша.. но прежде мнѣ надо кое-что выслѣдить... Тебѣ это удобнѣе, чѣмъ мнѣ... Берешься ты за это?

— Я съ моимъ удовольствіемъ, Платонъ Васильичъ; но только что же мнѣ слѣдуетъ за ями, коли у нихъ окромя васъ нѣтъ никакихъ пріятельствъ?

— Ну, ужъ это мое дѣло!—настойчиво перебилъ Вельтищевъ.—Когда придетъ время, я тебѣ скажу, что именно нужно будетъ сдѣлать и какъ поступать! А пока слѣди ты

ворче за всѣмъ: кто, и когда, и сколько разъ у нея бываетъ безъ меня; въ особенности слѣди за матерью и старайся подслушивать ихъ разговоры Понимаешь?

— Какъ не понять, Платонъ Васильичъ!.. Дѣло не мудреное.

— Но только ни гу-гу!.. Молчокъ прежде всего!—внушительно предостеречь Платонъ.—Смотри, ни передъ кѣмъ не проворись и помни, что отъ Людмилы Сергѣевны ждать тебѣ нечего, а отъ меня ты все получишь!

* * *

«Теперь посмотримъ еще, чья возьметъ!» злобно потирая ладони, думалъ онъ послѣ ухода Палашки. «Потягаемся!.. Хоть я «вѣрные руки», но надо на эти «вѣрные руки» устроить вѣрные сѣти... Игра начинается, игра неприятная, быть можетъ, не легкая, но... извольте, Платонъ Васильевичъ, выйти изъ нея побѣдителемъ!»

II.

Петербургскій Танталъ.

На слѣдующее утро, едва лишь Вельтищевъ успѣлъ проснуться, какъ челоѣкъ подалъ ему два письма. Одно—исполненное скорби и смятенія, было отъ Ирины, которая призывала его къ себѣ, хотя бы изъ состраданія къ ея любви, мученіямъ и страху; другое—отъ Людмилы Коробовой, которая въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ предлагала ему «немедленно» заняться хлопотами «по извѣстному дѣлу». Вельтищевъ ясно почувствовалъ ту холодную, повелѣвающую и неуклонную волю, которая была очень повятна для него, сквози изъ-подъ всей изысканновѣжливой и милой вѣжливости послѣдняго посланія.

Оба эти письма и огорчили, и озлили его, въ одно и то же время. Одна изъ этихъ женщинъ его любила, и любила до самоотверженія, но онъ скучалъ ею и тяготился ея любовью; другая его не любила—мало того: презирала его, повелѣвала имъ, эксплуатировала его, высасывала его средства, какъ паукъ высасываетъ муху, обокрала и уничтожила его—но онъ все-таки чувствовалъ, что эта послѣдняя женщина дорога его капризному сердцу.

Что дѣлать? Которой изъ нихъ прежде откликнуться?

Не ѣхать къ Иринѣ. Онъ бы и не поѣхалъ, но—увъ!—этого нельзя: ѣхать къ ней необходимо, такъ какъ онъ все еще не совсѣмъ то былъ покоенъ за все, все еще сомнѣвался, какъ бы она не надѣлала глупостей, не выдала дѣла. Пренебречь письмомъ Коробовой еще менѣе возможно въ данномъ положеніи дѣла: Вельтищевъ понималъ, что онъ безусловный рабъ ея, пока краденныя деньги нахо-

дятся въ ея рукахъ. Стало быть, надо ѣхать къ одной съ утѣшеніями, съ ласками, и надо работать «по дѣлу» другой, привезти ей отчетъ, насколько успѣлъ уже онъ «сработать». Вельтищевъ рѣшилъ, что онъ сначала съѣздитъ къ Иринѣ, а потомъ повидается и переговоритъ съ адвокатомъ—на какихъ условіяхъ возможно поднять бракоразводное дѣло Людмилы съ ея мужемъ. Но надъ этими двумя неприятными обязанностями стоялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ главный, эгоистическій и потому наиболѣе близкій и достоянный его сердцу. Это былъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ легче и удобнѣе выпарапать обратно «свои» деньги изъ рукъ «вѣжной маменьки»?

Вельтищевъ рѣшилъ, что онъ поѣдетъ и къ ней, для того чтобы произвести необходимую рекогносцировку, такъ сказать, выпутать почву. Это была самая трудная задача изъ всѣхъ дѣлъ, предстоящихъ ему сегодня.

* * *

За какія-нибудь полтора сутокъ, въ теченіе которыхъ Вельтищевъ не видѣлся съ Ириной, онъ нашелъ въ ея наружности довольно рѣзкую перемену. Вся она какъ-то осунулась, пожелтѣла, глаза потускли, вѣки запали, окружась темными подглазьями, въ лицѣ появилась какая-то болѣзненная дряблость, вялость, а въ густыхъ черныхъ волосахъ ясно засеребрились сѣдыя нити... Видно было, что эта женщина вся находится подъ постояннымъ давленіемъ гнетущей мысли и страдающаго чувства.

«Эге, да въ тебѣ уже сказывается старуха!» подумалъ себѣ Вельтищевъ, взглянувъ на нее при дневномъ свѣтѣ.

Она нѣсколько оживилась съ его приходомъ, но это было оживленіе минутное. Она молила его не покидать ее одну, говорила, что оставаясь сама съ собою, она чувствуетъ мучительную тоску въ этихъ опустѣлыхъ комнатахъ, что ей просто странно становится, что мысль о преступленіи, о смерти мужа гнететъ и глохнетъ, и не даетъ ей покою ни днемъ ни ночью, что нигдѣ и ни въ чемъ она ни на минуту не можетъ забыться, и что подобное существованіе становится ей невыносимо.

— Я или съ ума сойду, или что нибудь да сдѣлаю надъ собою!—порывисто заключила она свою глубоко-искреннюю исповѣдь.

«Только этого бы еще и недоставало!» досадливо думалъ про себя Вельтищевъ. Въ глубинѣ души онъ злился на Ирину и за ея исповѣдь, и за ея притязанія—чтобы онъ не разлучался съ нею, и даже за все то, что она чувствуетъ и страдаетъ. Ему бы хотѣлось, чтобы она была весела и беззаботна, чтобы ко всему происшедшему относилась съ равнодушнымъ спокойствіемъ,—«а виѣсто того вдругъ нытье и эта отвратительная навязчивость!» думалъ онъ, слушая Ирину. Будь она спо-

койна и беззаботна, ему легче было бы обмануть ее бдительность, провести ее, и чрезъ это устроить на ее счетъ свои собственные дѣла. Онъ еще до смерти Кузена рассчитывалъ въ этомъ отношеніи именно на ее равнодушіе и спокойствіе, а теперь вдругъ ихъ-то и не оказывается.

Тѣмъ нѣжнѣе становилась къ нему Ирина, тѣмъ глубже изливала предъ нимъ свою страдающую душу, тѣмъ теплѣе молила не оставлять и поддержать ее въ ее гнетущемъ положеніи, тѣмъ болѣе злился на нее въ душѣ Платонъ Вельтищевъ, тѣмъ болѣе ощущалъ въ себѣ какой-то отталкивающій отъ нея холодъ и, наконецъ, когда она среди своей мольбы и горя, жаждая искренней ласки и утѣшенія, приблизила къ нему заплаканное, подурнѣлое лицо и нѣжно положила ему на плечи свои безпомощныя руки—онъ вдругъ почувствовалъ, что она становится ему противна.

«И какъ это я могъ увлекаться такой женщиной?!» съ тайнымъ омерзѣніемъ подумалъ Вельтищевъ, забывая, что не всегда же, однако, она была «такою».

Ему хотѣлось бы какъ нибудь рѣзко оборвать, оскорбить ее, насмѣяться и надругаться надъ нею, надъ ея «старушествомъ» и любовью, выместить на ней всю злость и досаду, всѣ свои неудачи съ Людмилой, одѣлать ей меракую сцену, затѣмъ—«плюнуть на все и покончить все разомъ»,—но... «*собственный интересъ*» положительно воспрещалъ ему малѣйшимъ намекомъ, даже малѣйшимъ движеніемъ и взглядомъ проявить передъ нею настоящія его чувства. Онъ твердо помнилъ одно, что «пока—еще не время», что надо еще, во что бы то ни стало, лгать и притворяться любящимъ, сочувствующимъ другомъ и любовникомъ, пока не удастся усыпить ее тревогу; онъ помнилъ, что въ настоящемъ его положеніи ему прежде всего нужно полное, безграничное довѣріе этой «противной» женщины—и онъ лгалъ и притворялся. Но отъ тонкаго женскаго чутья не ускользнуло, что во всѣхъ его ласкахъ и утѣшеніяхъ кроется что-то неладное. Она еще и сама себѣ не могла дать отчета, что именно тутъ не ладно, но инстинктъ успѣлъ уже заронить въ нее какое-то недоброе предчувствіе и сомнѣніе.

Когда онъ, взглянувъ на часы, торопливо сталъ прощаться, извиняясь, что ему крайне надобно спѣшить по очень важнымъ дѣламъ, но что онъ постарается заѣхать еще сегодня вечеромъ,—Вельтищева пристально и грустно взглянула на него.

— Что это за взглядъ, Ирина?—недоумѣвая и отчасти смущенно спросилъ озадаченный Вельтищевъ.

Та молча и печально покачала головою.

— Милая моя, что это значитъ?.. Ты ни-

какъ опять... за тоску принимаешься?.. Ну, скажи же, чего ты?

— Того, что мнѣ кажется,—тихо вздохнула она,—мнѣ кажется, будто ты уже не тотъ...

— А ты развѣ та, что прежде?—сидѣлъ онъ ласково улыбнуться, межъ тѣмъ какъ самъ опять почувствовалъ новый приливъ злобы съ опасеніемъ—не дурно ли онъ игралъ свою роль и не подмѣтила ли она его притворства.—Вѣдь и ты не та! Я люблю тебя счастливую, веселую, а ты вонъ плаксою стала! Это вове нейдетъ къ тебѣ.

— Можетъ, ты и правъ,—грустно улыбаясь Ирина.—Можетъ, я уже и точно не та... хоть и люблю тебя все такъ же... Знаешь, что!—съ печальнымъ одушевленіемъ вскинула она на него свои взоры.—Говорить, будто преступленіе связываетъ между собою людей тѣсныя всякаго родства, тѣсныя всякаго брака, всякой любви и дружбы; а мнѣ сдается, что наше общее преступленіе какъ будто провело между нами какую-то роковую черту... Да, мы оба не тѣ, что прежде!.. Между мной и тобою какъ будто стоитъ тѣнь моего мужа...

Вельтищевъ ласково и шути называлъ ее фантазеркой, но самъ уѣхалъ въ смущеніи и тревогѣ.

«Притворяться, притворяться и притворяться!.. лучше, искуснѣе, артистически притворяться—вотъ все, что теперь нужно!» думалъ онъ, ѣдучи къ адвокату.—«Но легко сказать! притворяться здѣсь, притворяться тамъ, и съ той, и съ этой, и съ горничной, и съ матушкой, и съ цѣлымъ свѣтомъ—вездѣ и всегда будь насторожѣ, играй роль и вѣчно заботься, вѣчно думай, какъ бы не прорваться, какъ бы ловчѣе сыграть ее—Господи! да на это вѣдь, наконецъ, никакого таланта не хватать!»

III.

Галбетта неприхитный.

Вельтищевъ подѣхалъ къ роскошному подъѣзду того дома, въ которомъ обиталъ адвокатъ баронъ фонъ-Шнитцля. Баронъ случился на ту пору дома—и Платонъ Васильевичъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ. Это былъ великій магъ и волшебникъ. Чему и кому только не служилъ онъ и отъ кого не пользовался! Въ тѣ дни, когда еще сидѣлъ на правотѣдской скамьѣ—онъ уже былъ «неприхитнымъ». То были дни, совпадавшіе съ рожденіемъ такъ называемаго «россійскаго прогресса»; мы были злы вслѣдствіе того, что насъ побили англо-французы, мы кричали объ «обновленіи»; Хомяковъ призывалъ къ покаянію, Кокоревъ писалъ либеральныя статьи, Щедринъ обличалъ губернскихъ чиновниковъ, Герценъ ударилъ набатъ въ свой «Колоколъ».

Баронъ фонъ-Шнитцли былъ въ это время «красень», требовалъ «крови» и «ста тысячъ дюрянскихъ головъ для очищенія и освѣженія воздуха». Впрочемъ, это требованіе, которому онъ оставался вѣренъ и послѣ, по выпускѣ изъ заведенія, не помѣшало ему занять «приличное мѣсто» въ правительствующемъ сенатѣ и сдѣлать самые почтительнѣйшіе визиты къ Татямѣ Борисовнѣ, къ графу Ш., къ княгинѣ В. къ барону Х. и ко многимъ сильнымъ міра аристократическихъ гостинныхъ и міра административнаго. Въ тѣ дни, когда каждая выходка «Колокола» насчетъ трехноглаго графа П. или К. принималась съ фарисейски-злорадственнымъ удовольствіемъ въ нѣкоторыхъ салонахъ, нашъ юный баронъ фонъ-Шнитцли успѣлъ себѣ составить даже очень пріятную и лестную репутацію «милаго краснаго» и «непримиримаго, но очень благовоспитаннаго и изящнаго молодого человѣка». — «Oh! savez vous, il est rouge, mais c'est une forte tête!» говорилъ о немъ графиня З. и баронесса Ноль-Ноль въ своихъ гостинныхъ. Эта репутація, благодаря духу комическаго времени, весьма помогла его первымъ шагамъ на поприщѣ служебной карьеры. Тогда это было въ модѣ. Въ 1863 году, когда шапки перемѣнились и акціи «милой красноты» пали весьма низко—баронъ фонъ-Шнитцли вдругъ явился однимъ изъ первыхъ «русскихъ дѣятелей» въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Онъ даже, будучи лютераниномъ, плѣлъ на клиросѣ, отправлялъ и переправлялъ разные образа и церковныя вещи, обращалъ въ православіе и посылалъ привѣтственные телеграммы графу Михайлу Николаевичу и въ Москву Михаилу Никифоровичу. Въ это время, когда ему случалось пріѣзжать иногда въ Петербургъ и посѣщать аристократическія гостинныя—у него здѣсь уже была составлена отличнѣйшая репутація: какъ прежде, бывало, называли его «непримиримымъ», но милымъ краснымъ», такъ теперь всѣ эти модныя свѣтскія барыни, которыя въ это время усердно вышивали знамена, подушки и попоны «rouge pour héros russes», стали называть его «непримиримымъ русскимъ»—и онъ дѣйствительно былъ непримиримъ. — «О, это Маратъ русскаго дѣла и русской идеи!»—съ увлеченіемъ говорила о немъ благочестивая княгиня N. — и шаясы служебной карьеры непримиримаго барона поднимались еще болѣе.

Настали нныя времена: въ Остзейскомъ краѣ дѣлали фуроръ брошюры Бокка и Шверена, а барону фонъ-Шнитцли почему-то вдругъ не посчастливилось на службѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ просить о переводѣ на службу въ край Прибалтійскій, и въ теченіе своего кратковременнаго пребыванія въ Сѣверной Пальмирѣ успѣлъ написать цѣлый рядъ громовосныхъ

статей о состояніи покинутой имъ области, объ «узкости и односторонности примѣненія русской идеи» и проч.—и эти статьи нашли себѣ почетное мѣсто на столбцахъ Цемшевой газеты, ибо въ нихъ проницески и «непримиримо» порицались «русскіе дѣятели» и сочувственно превозносились «либеральная правъеврейская и угнетенная, но высоко цивилизованная польская нація». — «О, это человѣкъ либеральный, просвѣщенный и непримиримый!» ликовали о немъ въ эти дни нѣкоторые изъ наиболѣе наивныхъ сотрудниковъ Цемши.

На службѣ въ Остзейскомъ краѣ баронъ фонъ-Шнитцли тоже былъ непримиримъ, но только непримиримость его направлялась въ иную сторону: онъ вспомнилъ теперь, что и онъ тоже *фонъ* и, въ нѣкоторомъ родѣ, сынъ обща нѣмецкаго фатерланда. Время отъ времени онъ корреспондировалъ «безпристрастному» Цемшу о положеніи дѣлъ прибалтійскихъ губерній, и въ этихъ корреспонденціяхъ, конечно, остзейскіе бароны и бюргеры, съ ихъ культурой, съ ихъ рѣковой, европейской цивилизаціей, съ ихъ уваженіемъ къ преданіямъ и своимъ родовымъ правамъ», возводились въ перлъ созданія, какъ благородные борцы противъ русификаторскихъ насилій. Ни одна изъ этихъ корреспонденцій, конечно, не обходилась безъ яростныхъ нападокъ и выходовъ противъ «Московскихъ Відомостей» и «Голоса». Фонъ-Шнитцли, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, находилъ болѣе удобнымъ благоразумно умалчивать о своихъ непримиримыхъ корреспонденціяхъ, но однажды какъ-то дѣло всплыло наружу — у непримиримаго автора произошло рѣзкое объясненіе съ однимъ изъ высокостоящихъ русскихъ чиновниковъ, послѣ чего ему сторонною было деликатно предложено удалиться изъ края, съ переводомъ въ какое-нибудь другое вѣдомство. «Оскорбленный и невинно пострадавшій» фонъ-Шнитцли предпочелъ вовсе оставить неблагодарную русскую службу и уѣхать въ Петербургъ. Долговременное отсутствіе изъ этого вѣтреннаго города значительно повліяло на его связи и отношенія: въ аристократическихъ гостинныхъ успѣли не только сдѣлаться къ нему равнодушными, но даже и вовсе позабыть о немъ. Фонъ-Шнитцли крайне оскорбился этимъ обстоятельствомъ и сдѣлался непримиримымъ врагомъ аристократіи и аристократическаго принципа. Одинъ только «благородный и безпристрастный» Цемшъ сохранялъ къ нему свои отношенія, все еще продолжая по вѣжливости считать его «человѣкомъ вліятельнымъ и вращающимся въ сферахъ», и снова «радушно открылъ ему столбцы своей честной газеты». Покончивъ съ русской службой и съ аристократическими салонами, фонъ-Шнитцли рѣшилъ, что съ его умомъ и способностями, съ его краснорѣчіемъ, съ его юридическимъ образованіемъ ему те-

перь пристойнее всего заняться «свободною адвокатурой». Новые собраты съ почетомъ и распростертыми объятіями приняли его въ свою среду, какъ человѣка, держащагося «честныхъ либеральныхъ принциповъ», что уже доказывалось его сотрудничествомъ въ уважаемой Цемшевой газетѣ. Фонъ-Шнитцли началъ съ того, что пересталъ называть себя барономъ и *фонъ*, оставивъ эти слова только на своей дверной доскѣ и на нѣкоторыхъ изъ визитныхъ карточекъ, но это исключеніе было сдѣлано въ виду практическихъ соображеній, что есть-де иногда и такіе глупые кліенты, на которыхъ можетъ весьма благосклонно вліять его *фонъ* и баронскій титулъ. Для всѣхъ же остальныхъ либеральныхъ и современныхъ людей онъ сдѣлался просто Адольфомъ Ивановичемъ Шнитцли.

Впрочемъ, и самое баронство его было весьма сомнительнаго качества. Въ Бердичевѣ, говорить, и по сію пору живы еще нѣкоторые старики-евреи, которые по разсказамъ своихъ отцовъ знаютъ, какъ родной дѣдушка нашего барона, Мойша Шапиръ перевозившій на своей спинѣ кавалерійскихъ офицеровъ черезъ классическую грязь бердичевскихъ улицъ, попался въ началѣ нынѣшняго столѣтія на сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій и успѣлъ какъ-то ловко бѣжать изъ острога въ Австрію. Эти старики повѣствуютъ, будто ловкому Мойшѣ, добывшему себѣ чужой паспортъ, удалось поступить на службу къ одному изъ самыхъ значительныхъ вѣнскихъ банкировъ, послѣ чего, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Мойша и самъ сдѣлался банкиромъ—сначала маленькимъ, потомъ крупнымъ и подъ конецъ своей жизни совершилъ еще одинъ ловкій и выгодный гешефтъ, а именно: за дешевую цѣну приобрѣлъ себѣ и своему потомству какой-то фиктивный титулъ австрійскаго барона.

Папенька нашего непримиримаго героя пріѣхалъ въ Россію уже барономъ Иваномъ Моисеевичемъ фонъ-Шнитцли и завладева откупамъ да подрядами. Въ тридцатыхъ годахъ ему посчастливилось взять на югѣ Россіи большіе казенные подряды, и эта операція, вмѣстѣ съ откупамъ стоила ему поправилась, что онъ всѣмъ сердцемъ своимъ возлюбилъ благословенную Русскую землю и осчастливилъ ея тѣмъ, что сдѣлался русскимъ гражданиномъ. Многіе бары того времени, черпавшіе изъ его кармана, оказывали ему свою любезность и покровительство—быть можетъ, на основаніи мудрой пословицы, которая гласитъ, что «рука-руку моетъ и обѣ чисты бываютъ», а баронскій титулъ открывалъ Ивану Моисеевичу двери многихъ гостиныхъ и кабинетовъ. Такимъ-то образомъ баронъ Иванъ Моисеевичъ доставлялъ своему сыну Адольфу возможность получать образованіе въ одномъ изъ замкнутыхъ аристократическо-чиновничьихъ заведеній, мечтая, что

сынъ его современемъ будетъ министромъ. Онъ думалъ оставить ему послѣ себя и очень значительное состояніе, но увы!—этой надеждѣ не суждено было осуществиться, ибо состояніе барона Ивана Моисеевича допнуло вскорѣ послѣ Крымской войны, когда въ охватившей насъ акціонерной горячкѣ полопались многіе тузы откупной и акціонерной колоды. По смерти родителя, юный Адольфъ унаслѣдовалъ только юридическое и свѣтское образованіе, баронскій титулъ и семитическій типъ, который хотя и въ третьемъ колѣнѣ, но очень ясно отпечатывался на его фізіономіи.

Въ настоящее время Адольфъ Ивановичъ Шнитцли—адвокатъ, и притомъ адвокатъ «изъ самыхъ непримиримыхъ». Непримиримость эта у него столь велика, что многіе въ шулку величаютъ его «Гамбеттой непримиримымъ»—и самъ Адольфъ Ивановичъ думаетъ о себѣ, вовсе ужъ не шутя, что онъ, при случаѣ, дѣйствительно сдѣлалъ бы превосходно разыграть диктаторскую роль Гамбетты. Онъ и въ настоящее время не чуждъ литературы, но изъ всей русской журналистики признаетъ «честною» одну лишь газету Цемша, въ которой и участвуетъ иногда своими литературно-юридическими работами. Всѣ, за исключеніемъ Цемша, по мнѣнію этого непримиримаго человѣка, суть подлецы, инсинуаторы и молчаливыя. Съ нѣкотораго времени онъ въ особенности не возлюбилъ г. Щедрина и «Отечественныя Записки», и если ему суждено будетъ разыграть роль Гамбетты (чего, впрочемъ, надо полагать, не случится), то онъ непремѣнно скажитъ всю редакцію означеннаго журнала, вмѣстѣ съ ненавистными ему московскими именами.

Какъ бывшій чиновникъ, какъ «дѣятель» и какъ уважаемый сотрудникъ Цемша, онъ былъ хорошо знакомъ съ Платономъ Васильевичемъ Вельтищевымъ и даже пускался съ нимъ иногда въ нѣкоторыя откровенности.

— Конечно,—говорилъ онъ ему однажды съ великимъ апломбомъ,—мы съ вами—люди извѣстной политической идеи и очень хорошо понимаемъ другъ друга. Мы знаемъ чего хотимъ и куда идемъ, но.. *mon cher*, у насъ съ вами есть общественное положеніе, которымъ надо дорожить, и въ то же время мы общественные дѣятели, а эта дѣятельность требуетъ отъ насъ нѣкоторой солидной позировки; поэтому, конечно, намъ съ вами всего удобнѣе и безопаснѣе принадлежать къ солидному, честному кружку, сгруппированному подъ знаменемъ умѣренно-либеральнаго органа нашего многоуважаемаго Цемша, который, *enfin* *vous savez dit*, глупъ, какъ свиней меринъ, но онъ для насъ съ вами человѣкъ пригодный,—*n'est-ce-pas?*

И Вельтищевъ вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ барона фонъ-Шнитцли.

Баронъ вообще былъ человѣкъ нравственно очень гибкій, и потому адвокатская совѣсть его сразу приняла весьма опредѣленный заказъ. Онъ говорилъ, что порядочный адвокатъ прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобы его профессія приносила ему, по крайней мѣрѣ, тысячъ семьдесятъ-пять годового дохода, и когда это достигнуто, тогда порядочный адвокатъ можетъ и подумать, пожалуй, за какое дѣло ему браться и какими пре небрежь. Браться же слѣдуетъ вообще за тѣ дѣла, которые, прежде всего — выиграешь ихъ, или нѣтъ во всякомъ случаѣ представляютъ возможность сорвать кругленькій кушикъ съ клиента, а во-вторыхъ, за такія, которые представляютъ всѣ шансы на несомнѣнный выигрышъ. (Дѣла сего послѣдняго рода очень удобны для постоянной поддержки блестящей репутаціи). По его убѣжденію, для порядочнаго адвоката нѣтъ и не должно существовать щекотливаго, грязнаго и безчестнаго дѣла; всякое дѣло ему годится, если только представляетъ хорошіе шансы для ловкой защиты, если адвокатъ можетъ на немъ показать съ блестящей стороны свое краснорѣчіе, эрудицію и талантъ. Въ этомъ отношеніи даже чѣмъ сквернѣе дѣло, тѣмъ болѣе ему чести, коли онъ успѣетъ его выиграть, и въ такомъ случаѣ онъ съ чистой совѣстью и открытымъ лицомъ можетъ пользоваться своимъ честнымъ матеріальнымъ заработкомъ. Эти принципы Адольфъ Шнитцли провозглашалъ гордо и громко, тѣмъ болѣе, что они находили себѣ полную поддержку въ солидномъ органѣ Цемша. Такимъ образомъ, брался ли онъ защищать какое нибудь «золотое» скопческое дѣло—въ его защитѣ фигурировала свобода совѣсти, религиозное убѣжденіе, высшее стремленіе человѣческаго духа къ высшей истинѣ и т. п.; защищалъ ли отъявленнаго вора—на сцену являлась среда, нищета, голодъ, злосчастное социальное положеніе, недостаточность умственнаго развитія и образованія; приходилось ли выгораживать мошенника элегантнаго и цивилизованнаго—Шнитцли старался разжалобить присяжныхъ тѣмъ, что здѣсь человѣкъ—де вынужденъ былъ на грязное мошенничество именно въ силу высшихъ привычекъ своей натуры, требовавшей комфорта и изящества, что образованіе и свѣтское положеніе его стояли выше и требовали болѣе того, что могла доставить ему дѣйствительность, и потому, ради удовлетворенія этихъ законныхъ требованій, человѣкъ, быть можетъ съ грустію и скорбію въ душѣ, рѣшился на незаконное и грязное дѣло; приходилось ли защищать административнаго мошенника—Шнитцли очень искусно проводилъ тонкую разницу между казенными и общественными деньгами, между служебными обязанностями и общественнымъ доверіемъ, между присвоеніемъ чужой собствен-

ности и простымъ позанимствованіемъ; при защитѣ убійцы—на сцену опять-таки выступала злосчастная среда, нищета, голодъ, грубость и неразвитость общества и, наконецъ, известная теорія о невмѣняемости; однимъ словомъ, всѣ возможные аргументы были ему равно пригодны и, надо сознаться, онъ пользовался ими, какъ ловкій фокусникъ шарами или картами. Въ результатъ всего этого у Адольфа Шнитцли являлась громкая, популярная репутація блестящаго адвоката, великолѣпная квартира, экипажи, рысаки, многочисленные кліенты и прелестная французенка. Газета Цемша постоянно оказывала ему ревностную поддержку и дошла даже въ своемъ усердіи до того, что однажды объявила, будто дѣло, самое нечистое на видъ, положительно не можетъ быть неблаговиднымъ и сомнительнымъ, если за него взялся такой честный, даровитый и дорожащій своею репутаціей адвокатъ, какъ Адольфъ Ивановичъ Шнитцли, что одно уже его «честное имя», даже вопреки всѣмъ очевидностямъ, вопреки всему общественному мнѣнію, является несомнѣннымъ ручательствомъ чистоты и правоты безчестнаго дѣла, и что подло то общественное мнѣніе, которое осмѣливается заподозрить честность и безкорыстіе Адольфа Ивановича Шнитцли—«нашего, почтеннаго, даровитаго и уважаемаго сотрудника».

■ * *

Съ этимъ-то непримиримымъ Гамбеттой сидѣлъ теперь Вельтишевъ въ его комфортабельномъ кабинетѣ. Вопросъ, подлежащій обсужденію, былъ довольно щекотливаго свойства.

— *Ecoutez cher baron*, я долженъ говорить съ вами съ полною откровенностью, — началъ Платовъ, дружески пожимая руку Адольфа Ивановича.—Я являюсь къ вамъ почти въ качествѣ клиента, и дѣйствительно, если въ этомъ дѣлѣ я и не буду клиентомъ номинальнымъ, то я клиентъ фактический, и притомъ я принимаю на себя всѣ матеріальные расходы по этому дѣлу. Возьмется ли вы быть моимъ адвокатомъ?

— Платовъ Васильевичъ!—поспѣшилъ отвѣтить ему Шнитцли, съ самою любезною предупредительностью, — объ этомъ, кажется, излишне и спрашивать! Мы съ вами люди солидные и потому достаточно одного вашего желанія, чтобы я со всею готовностію принялъ на себя, ради васъ, какіе угодно труды и хлопоты. Я надѣюсь, что общность нашихъ идей дѣлаетъ васъ не только товарищами, но и друзьями! Я весь къ вашимъ услугамъ! Я слушаю!—Приказывайте, говорите, что вамъ угодно?

— Видите ли, это исторія романтическая,—приступилъ Вельтишевъ къ объясненію, съ нѣкоторою фальшиво-скромною застѣнчивостію.—Я люблю одну женщину, которая въ свой чередъ любитъ меня... Я люблю ее на-

столько, что хотѣлъ бы сдѣлать ее моею законною женою, но... тутъ есть одно препятствіе...

— Вѣроятно, мужъ? — домекнулся фонъ-Шнитцли, знаяшій кое-что объ отношеніяхъ Вельтищева къ м-ше Коробовой.

— Да, она замужняя, — со вздохомъ подтвердилъ Платонъ Васильевичъ.

— Стало быть, надо устроить бракоразводное дѣло?

— Вы угадали, мой милый баронъ! — Да, надо развести ихъ, но такъ, чтобы право новаго брака осталось за этою женщиною. Признаюсь вамъ, самъ я, по моимъ отношеніямъ къ этой особѣ лишень всякой возможности вступать въ сдѣлки съ ея супругомъ и потому просилъ бы васъ принять на себя это дѣло?

Фонъ-Шнитцли вперилъ глаза въ неопредѣленное пространство и задумался самымъ дѣловымъ образомъ.

— Мм... что касается до меня, — процѣдаль онъ сквозь зубы, — то вы — повторяю вамъ — можете быть увѣрены въ полной моей готовности, но... мм... вѣдь это дѣло потребуетъ съ вашей стороны большихъ расходовъ.

— Что-жъ дѣлать! — пожалъ плечами Вельтищевъ, — я готовъ на это

— Вотъ видите ли, — продолжалъ Гамбетта, начиная высчитывать по пальцамъ, — надо думать, что мужъ этой особы захочетъ сорвать съ васъ значительный кушъ вознагражденія за то, чтобы принять на себя вину и вынудить на волю свою супругу. Это первое. При этомъ, положимъ, полицейскіе и прочіе аксесуарные расходы, относительно, составить пустяки: но второй важный расходъ это консисторія... Вы вѣдь знаете, что вообще бракоразводный дѣла — это для нашихъ консисторій самая лучшая дойная корова, и особенно если консисторскіе чиновники какими нибудь лазейками пронюхаютъ, что негласное, но активное и главное участіе въ этомъ дѣлѣ принимаете вы, человекъ богатый, человекъ съ положеніемъ. Я ужъ о своемъ собственномъ вознагражденіи не говорю: мнѣ, положимъ, никакого вознагражденія и не надо, потому что это дѣло, въ сущности, и не требуетъ никакого адвокатскаго таланта и притомъ же мое правило: съ друзей не брать ни копейки. Это мой принципъ, которымъ я не поступлюсь ни ради кого и ни ради чего на свѣтѣ! Но... во всякомъ случаѣ, вамъ придется на это дѣло пожертвовать тысячу двадцать пять, тридцать, а можетъ, и пятьдесятъ... а можетъ, и болѣе. Согласны ли вы будете на подобную поддержку?

— Если она необходима! — пожалъ плечами Платонъ Васильевичъ, какъ-бы покорясь своей участи.

Непримиримый Гамбетта опять уставилъ взоры въ пространство и задумался.

Въ эту минуту онъ рассчитывалъ, что авось-

либо удастся ему негласнымъ, келейнымъ образомъ уломать мужа, чтобы тотъ согласился на меньшую сумму откупа, тысячу на десять, — ну, на пятнадцать, положимъ; въ такомъ случаѣ въ его собственный адвокатскій карманъ можетъ перепастъ отъ десяти до пятнадцати тысячъ барыша; отъ десяти до пятнадцати тысячъ потребуется на веденіе дѣла, на хлопоты, на взятки — стало быть, и съ этой стороны можетъ перепасть малая толика; однимъ словомъ, разсчиталъ Гамбетта, что онъ свободно можетъ попользоваться тысячами тридцатью, коли не болѣе; — дѣло, значитъ, подходящее.

— Предупреждаю васъ, что я буду стараться вести это дѣло какъ можно экономнѣе? — сообщилъ Гамбетта съ такою полною искренностью и прямою, которая не оставляла въ себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. — Но чтобы я могъ быть, относительно всѣхъ этихъ господъ, такъ сказать, господиномъ своего положенія, — продолжалъ онъ, — и чтобы впоследствии не нарушать вашихъ денежныхъ расчетовъ, я попрошу васъ сказать мнѣ напередъ: до какой цифры вы можете простереть maximumъ вашихъ расходовъ на это дѣло?

— Мм... тысячу до пятидесяти, положимъ... поморщился Вельтищевъ. — Да, тысячу до пятидесяти, но никакъ не болѣе.

— Въ такомъ случаѣ, это дѣло почти рѣшенное! — открыто, быстро и «честно» протянулъ ему руку многоудовольный Гамбетта.

Вельтищевъ сообщилъ ему адресъ Валерьяна Коробова, посвятилъ его въ нѣкоторыя особыя обстоятельства и подробности дѣла, касательно общественнаго и матеріальнаго положенія этого «мужа» и его отношеній къ женѣ, и затѣмъ, довольный возможностью дать сегодня же нѣкоторый положительный отчетъ Людмилѣ, поѣхалъ къ ея нѣжной маменькѣ. По дорогѣ онъ завернулъ къ ювелиру и, на всякій случай, выбралъ у него изящный браслетъ. Вещь была массивная и очень цѣнная.

IV.

Бѣсъ въ ребро.

Ольга Романовна очень и очень смуталась, когда Вельтищевъ совершенно неожиданно появился въ ея квартирѣ. Хотя Людмила и не сказала ей, кому именно принадлежать заимствованныя ею деньги, но матушка и собственнымъ умомъ догадалась, что имъ неоткуда болѣе быть, какъ только отъ Платона Васильевича. Надо сказать еще, что визиты его къ Ольгѣ Романовнѣ представляли собою явленіе крайне рѣдкое: онъ заѣзжалъ къ ней только въ самыхъ официальныхъ случаяхъ — поздравить въ именины да во вторые или въ третьи дни Нового года и Пасхи.

Ея невольное смущение, удивление и замѣшательство выдали Вельтищеву всю правду: теперь онъ былъ убѣжденъ, что деньги находятся именно здѣсь, у ней—иначе, съ чего бы ей такъ растеряться?

И онъ съ-оникъ же рѣшился воспользо-ваться минутнымъ преимуществомъ своего положенія, пока матушка не успѣла еще оправиться и сообразиться.

— А я къ вамъ нарочно заѣхалъ, милая Ольга Романовна, чтобы поблагодарить васъ за вашу добрую услугу,—началъ онъ, крѣпко и радушно пожимая ея руки.—Вы такъ обязали, такъ обязали меня, что просто нѣтъ словъ благодарить васъ!

— Чѣмъ же... за что же... помилуйте! — пробормотала старая балерина, теряясь и недоумѣвая еще болѣе

— Какъ, за что?—за деньги и бумага, которые вы у себя спрятали! высказался Вельтищевъ, глядя привѣтливо, но упорно и прямо въ ея глаза.—Этимъ вы оказываете и мнѣ, и Людмилѣ громадную услугу. Видите ли, по нѣкоторымъ нашимъ соображеніямъ нужно, чтобы этотъ капиталъ на нѣкоторое время хранился не въ банкѣ, а въ частныхъ, надежныхъ рукахъ. Я было привезъ его сначала къ Людмилѣ, но она—спасибо ей—еще лучше меня догадалась, передавши его вамъ. Но только, Бога ради, Ольга Романовна,—предостерегъ онъ дружески-внушительнымъ тономъ,—Бога ради, молчите, чтобы никто не зналъ про эти деньги! Вѣдь на нихъ строится вся наша будущность. Вамъ Людмила не говорила еще?—Вѣдь я женюсь на ней! Подымаемъ бракоразводное дѣло—и подъ вѣнецъ!.. Поздравляйте меня, сѣге тамап, поздравляйте!

— Да? Неужели?.. И вы не шутите?—радостно изумилась Ольга Романовна

— Развѣ подобными вещами шутятъ!—посолдничалъ Вельтищевъ.—Такъ вотъ видите ли, въ этихъ деньгахъ вся наша общаѣ будущность: и моя, и ея, и ваша. Со-временемъ мы вамъ расскажемъ, какъ, что и почему нужно было, чтобы онѣ хранились у васъ, но пока еще разъ повторяю мою усердную просьбу: поберегите ихъ, и чтобы никто не вѣдалъ про это!

— Да ужъ будьте покойны! У меня онѣ въ кѣрвыхъ рукахъ! Я ужъ никому не выдамъ!—проболталась обрадованная балерина.

— Да вы, голубушка моя, гдѣ ихъ держите?—озабоченно и участливо спросилъ Вельтищевъ.—Надежно ли онѣ у васъ хранятся?

— О, ужъ совсѣмъ надежно!—похвалилась Ольга Романовна.—Я ихъ думала-было на себѣ носить, эдакъ, знаете вокругъ талія, да только неудобно: черезчуръ, знаете, уже пышно и очень подозрительно выходитъ; такъ я ихъ подъ чистымъ бѣльемъ въ комодѣ держу.

— Да надежно ли это, въ комодѣ-то?—озабочился Платонъ.—Вѣдь въ комодѣ и прислуга ваша, вѣроятно, ходитъ.

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ! Я никому не позволю! Я все и вездѣ сама и одна, и ключи у меня всегда съ собою; я стараюсь теперь все больше дома сидѣть да караулить, а какъ ежели къ Милочкѣ ухажу, то всякій разъ, придя домой, посмотрю эдакъ потихоньку—цѣлы ли?.. Нѣтъ, ужъ за это вы можете быть вполне спокойны!

— Ну, вотъ и прекрасно!—съ чувствомъ пожалъ ей руку Платонъ Васильевичъ.

Балерина немножко призадумалась. Она успѣла уже нѣсколько оправиться и получила возможность соображать. Вельтищевъ своимъ откровеннымъ видомъ и этимъ неожиданнымъ приступомъ сразу къ самой сути дѣла и тою увѣренностью, тѣмъ положительнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, которыми сопровождалась его слова, такъ огоршила Ольгу Романовну, что она опростоволосилась съ первой же минуты и выболталась. Увѣренность, съ которою онъ говорилъ, не могла оставить въ ней ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Вельтищевъ не только заранѣе былъ посвященъ во все дѣло, но что оно и устроилось такимъ образомъ именно въ силу его желанія, согласія и наущенія; а если это ихъ общее дѣло, то что же и скрывать передъ главнымъ участникомъ—и особенно, когда онъ объявилъ такой сюрпризъ, такую новость о бракоразводномъ дѣлѣ, про которую даже и Людмила не сказала ей?—Теперь пѣзнала матушка знала, что эти деньги предназначаются для ихъ общаго будущаго счастья.

— Только... что же это Милочка,—раздумчиво заговорила она, ничего она мѣ не сказала про васъ, что вы знаете.. и про бракъ тоже... и все это.. Странно!

— Неужели ничего, слегка удивился Вельтищевъ.—Про бракъ, положимъ, она не могла еще говорить намъ, потому что мы съ нею на этотъ счетъ только вчера лишь сговорились, но деньги... Я-то именно и просилъ ее припрятать ихъ въ надежныя руки. Положимъ, она могла распорядиться ими, какъ полною своею собственностью, потому что мы и располагали сдѣлать изъ нихъ именно ея законную собственность; но... къ чему же скрывать мое имя и участіе отъ родной матери, тѣмъ болѣе, что я считаю васъ совсѣмъ за родную!.. Это, дѣйствительно, немножко странно съ ея стороны.. Да впрочемъ,—прибавилъ Вельтищевъ съ беззаботной улыбкой,—вѣдь вы знаете, у нея вообще ужасно скрытный характеръ

— О, мнѣ-ль ужъ не знать ея характера!—мотнула головой Ольга Романовна.—Еще и дѣвченкой, бывало, ругала ее за скрытность,—и тогда такая же была!.. И представте себѣ,—продолжала матушка,—вотъ, за всѣ эти дни,

какъ бывала у нея, что ни заговорю о деньгахъ, ничего она мнѣ положительно не открываетъ! Такъ, только пустячки одни да общія фразы! «Ну, чего ты, говорю, отъ матери родной, отъ такого друга-матери скрываешь и не скажешь толкомъ?»—«Ничего я еще, мамаша, я сама, говорить, не знаю, какъ и что изъ всего этого будетъ; впоследствии, молъ, сами все увидите, а пока, говорить, молчите».

— Ну, и молчите!—ласково смѣясь, перебилъ ее Вельтищевъ.—Это, конечно, пустая и совсѣмъ неосновательная скрытность, но что же дѣлать, если ужъ у нея характеръ такой!.. Я нахожу даже, что въ данномъ случаѣ, по отношенію ко мнѣ, эта скрытность является въ ней, коли хотите, высоко благородною чертою: она, вотъ видите ли, даже и вамъ не хотѣла сказать моего имени. О, я очень, очень цѣню въ ней это!.. Но я, какъ отъ родной матери, отъ васъ не скрываю, тѣмъ болѣе, что вы—моя будущая теща.

Вельтищевъ почтительно и нѣжно поцѣловалъ ея руку. Ольга Романовна совсѣмъ умилилась и растаяла отъ такой любезности и чести.

— И знаете ли,—продолжалъ онъ съ дружескою искренностью.—Вы не тревожьте и не нарушайте ея скрытности!.. Пусть ее думаетъ, что вы про меня и не знаете, если ужъ ей такъ хочется! Вы, пожалуй, коли хотите, можете и не говорить ей, что я былъ у васъ, что мы съ вами видѣлись и такъ откровенно обнаружили все дѣло... Да и дѣйствительно, лучше не сообщайте ей про это свиданіе... Я очень понимаю то деликатное и тонкое чувство, которое заставляетъ ее скрывать отъ васъ мое имя и участіе! О, милая Людмила!—засмѣялся Вельтищевъ.—Но потомъ,—прибавилъ онъ,—потомъ, когда мы обвѣчаемся—мы вмѣстѣ съ вами дружески пошумѣемъ и пошутимъ надъ нею. Неправда ли, сего ташапа?—нѣжно заглянулъ онъ ей въ масляные глазки, снова цѣлуя ея пухлую руку.

— О, конечно, конечно!—закатила она къ потолку свои умиленные взоры.—Вы, дѣйствительно, правы, да я и сама нахожу теперь, что до времени лучше скрыть отъ нея наше свиданіе и разговоры.

— Да,—согласился Вельтищевъ,—вы этихъ меня даже очень обяжете. Пусть она до времени ничего не знаетъ, а ужъ лучше я самъ буду иногда заѣзжать къ вамъ и откровенно повѣрять ходъ дѣла, бракоразводнаго, и все прочее—можно и посоветоваться и подуматъ вмѣстѣ, и вообще побесѣдовать съ вами по душѣ. Не такъ ли?

Нѣжная маменька была необыкновенно польщена такимъ высокимъ вниманіемъ къ своей особѣ.

— А между прочимъ вотъ что,—съ скромной улыбкой заговорилъ Вельтищевъ, вынимая

изъ своей собольей шапки изящный сафьяновый футляръ.—Позвольте мнѣ, въ качествѣ будущаго зятя и въ благодарность за вашу услугу, просить васъ принять отъ меня на память эту скромную бездѣлку... Это пока еще первая, но надѣюсь, конечно, не послѣдняя!—любезно прибавилъ онъ, раскрывая передъ изумленными глазами будущей тещи изящный золотой браслетъ, осыпанный брилліантами вокругъ прелестнаго и крупнаго рубина.

Ольга Романовна была такъ удивлена, такъ польщена, такъ обрадована этимъ вовсе ужъ неожиданнымъ сюрпризомъ, что только ахнула и въ безмолвномъ восторгѣ глядѣла разбѣгающимися глазами на драгоценную вещицу.

— Позвольте мнѣ самому надѣть его на вашу руку!—еще любезнѣе и милѣе предложилъ Млатонъ Васильевичъ.

Сіяющая балерина протянула ему свою длань, обнаживъ ее почти по локоть, не безъ нѣкоторой претензіи на кокетство.

Не мудрено: она была счастлива — она вспомнила старину...

Увы!—для нея давно уже минуло то блаженное время, когда шальные поклонники дѣлали ей такіе цѣнные подарки!.. И теперь, при такомъ неожиданномъ сюрпризѣ, ей невольно вспомнились прежніе годы и пріятно, очень пріятно было вспомнить это счастливое, золотое время.

— О, да какая, однако, у васъ еще прелестная рука!—застегивая браслетъ, сказалъ Вельтищевъ тономъ такого изумленія, какъ будто онъ и взаправду былъ пораженъ столь пріятною неожиданностью.—Ей-богу, да это прелестъ, что за рука! какая свѣжестъ! какая бѣлизна! какаѣ форма изящная!.. Нѣтъ, какъ хотите, но я не могу удержаться, чтобы еще и еще разъ не поцѣловать ея!

И онъ нѣжно, даже съ замѣтнымъ оттѣнкомъ нѣкоторой чувственности, поцѣловалъ нѣсколько разъ ея руку и спереди, и въ ладонь, и ниже, и выше браслета.

Ольга Романовна чуть не трепетала отъ восторга и счастья... Увы!—и опять-таки улы!—ей давнымъ-давно уже никто не цѣловалъ рукъ съ оттѣнкомъ подобнаго чувства, которое очень хорошо было ей знакомо по пріятнымъ воспоминавіямъ и потому чутко подмѣчено въ настоящую минуту. Не отымая руки своей, она только улыбалась широкою, сантиментально-счастливою улыбкой и смѣялась тѣмъ особеннымъ, радостно-самодовольнымъ смѣхомъ, который какими-то захлебывающимися, рыгочущими звуками вылеталъ изъ ея колышущейся груди.

«Эврика!» подумалъ себѣ Вельтищевъ. «Слабая струна, кажись, найдена, и на ней можно разыграть прелестныя вариаци!»

— О, да вы не безопасны, какъ я вижу!—шутлявъ онъ, нѣжно опусывая и пожимая ея

руку.—Эдакъ, пожалуй, чего добраго еще, какъ я женюсь да вы съ нами вмѣстѣ жить будете—такъ я, въ добрый, часть, и не на шутку могу влюбиться въ васъ!.. Ей-Богу!..

— Нѣтъ ужъ, прошло то время!—съ нѣжной и грустной сентиментальностью вздохнула экс-балерина.—Еще лѣтъ десять назадъ я и сама бы, пожалуй, въ васъ влюбилась, а теперь... теперь ужъ я старуха!..

— Старуха!?—поднялъ на нее Вельтищевъ удивленный взоръ и засмѣялся, какъ на пустое, несомнѣтельное слово.—Вы забываете,—прибавилъ онъ, повидимому, совершенно серьезно,—что для насъ въ женщинѣ, пока она можетъ нравиться, ея возрастъ, ея годы не существуютъ! Вспомните хотя бы Ниню Ланклѣ!

— Нѣтъ, я ужъ отказалась отъ этихъ мыслей и желаній!—съ тѣмъ же вздохомъ проговорила Ольга Романовна.

— Отказались?... Гм!.. желалъ бы я посмотреть,—говорилъ шутя Вельтищевъ,—напилось ли бы у васъ духу отказаться, если, положимъ, хотя и началъ бы серьезно за вами ухаживать?—Но понимаете, серьезно! то-есть, совсѣмъ серьезно, желая и добываясь вашей взаимности!

— Это невозможно!—засмѣялась старая балерина съ легкимъ, кокетливымъ жеманствомъ.

— Отчего же невозможно?

— Да все оттого же, что я старуха... Положимъ, сердце и чувства могутъ у меня еще быть молоды и горячи, но вышность... годы... вѣдь мнѣ ужъ за сорокъ... хотя, конечно, не много еще за сорокъ, но все же..

— О годахъ мое мнѣніе вы уже знаете,—перебилъ ее Вельтищевъ,—а вышность... Напрасно въ такого скромнаго мнѣнія о вашей вышности! А я вамъ скажу вовсе безъ шутокъ, что вы еще очень и очень можете нравиться, но только человѣку со вкусомъ, человѣку, смыслищему толкъ въ женщинахъ. Ну, да подойдите къ зеркалу и взгляните на себя: эти чудные волосы, которые вы передали и вашей дочери, у васъ еще такъ хорошо, такъ пышно сохранились, въ глазахъ еще есть огонь и осмысленное женское выраженіе, лицо еще совершенно свѣжо и станъ еще гибокъ; а эта рука? а ножка?—О, эти изящныя ножки танцовщицы!.. Скажите: сколько вы свели съ ума вашими ножками?.. Признайтесь!.. И наконецъ, эта роскошь формъ, эта бѣлизна, прозрачность, тонкость и свѣжесть вашей кожи, вашъ бюстъ и шедъ,—нѣтъ, да вы еще, клянусь вамъ, очень почтенно можете нравиться,—закключилъ онъ, повидимому, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ,—я я право не понимаю, зачѣмъ вы такъ рано отреклись отъ радостей жизни!

— Зачѣмъ, что я вся теперь живу въ моей дочери,—съ чувствомъ достойной скромности заявила нѣжная матушка.

— Но это одно другому не мѣшаетъ! вовсе не мѣшаетъ!—убѣдительно возразилъ Вельтищевъ.—Да поглядите вокругъ себя: развѣ въ нашемъ обществѣ, въ нашей жизни мы не встречаемъ поминутно примѣровъ, что женщины не такъ-какъ вы, а ужъ дѣйствительно пожилыя, имѣющія взрослыхъ сыновей и замужнихъ дочерей—живутъ себѣ и пользуются жизнью? Тѣ сами по себѣ, а эти сами по себѣ тоже! И благо имъ! Пусть ихъ живутъ и наслаждаются!.. Да, мой другъ, надо пользоваться жизнью, надо брать отъ нея все, что только она можетъ дать намъ, и брать до тѣхъ поръ, пока намъ дается, пока мы сами въ состояніи брать хоть что либо! А вы вдругъ отрекаетесь! Да это вѣдь, въ пѣкоторомъ родѣ, душегубство, самоубійство съ вашей стороны! ей-Богу!.. Нѣтъ, погодите,—прибавилъ онъ, впадая снова въ игриво-шутливый тонъ,—погодите, дайте мнѣ только жениться на Людмилѣ, я серьезно примусь за васъ! И теперь даю вамъ торжественное обещаніе начать серьезно ухаживать за вами. О, я васъ еще заставлю вспомнить со мною ваши молодые, счастливые годы!.. Согласны?

— Нѣтъ, не согласна,—нерѣшительно отвѣтила Ольга Романовна, глядя на него масляно-ласковымъ взоромъ.

— Какая же вы, однако, упрямая!.. Такъ-таки и несогласны?... Но отчего же бы это?

— Оттого, что вы будете мужемъ моей дочери.

— Такъ что-жъ?... Тѣмъ лучше!—засмѣялся Вельтищевъ;—тѣмъ лучше для насъ, моя прелестная маман! Мы съ вами, по крайней мѣрѣ, прикроемся шитомъ родственной близости, и это ни для кого не будетъ зазорно.

— А дочка-то?—возразила балерина.—Развѣ она-то не замѣтитъ. Ужъ это, извините меня, ни на что не похоже, какъ если дочь да вдругъ станетъ ревновать мужа къ родной матери!

— А зачѣмъ же возбуждать ея ревность?—въ свой чередъ возразилъ Вельтищевъ.—Я, конечно, шучу, и увѣренъ, что вы очень хорошо это понимаете. Естественное дѣло, что ничего подобнаго между нами никогда не будетъ; но... для разговора допустимъ эту возможность. Представьте себѣ, что я женатъ уже на Людмилѣ и вдругъ между вами и мной такой грѣхъ случился ну, просто, дьяволъ попуталъ! Очень естественно, что и вы, и я, какъ умные и осторожные люди, вели бы себя такъ, что жена моя никогда ничего не знала бы и не подозрѣвала, а вмѣстѣ съ нею и цѣлый свѣтъ ни о чемъ не догадался бы, а мыто себѣ втихомолку были бы счастливы!.. ха, ха, ха!.. Какъ вамъ нравится такая перспектива?

— Ахъ, какой вы шутникъ, однако!.. Я и не подозрѣвала этого за вами!—закинувшись въ кресло, хохотала разливистымъ смѣхомъ

Ольга Романовна.—Я, конечно, крѣпка и къ себѣ вашихъ словъ никакъ не отношу, но вы хоть кого убѣдите!.. Вы даже монахиню, даже святую—такъ и ту-то въ грѣхъ введете!.. Вы просто демонъ-искуситель, и я понимаю, почему вами женщины такъ увлекаются!..

— Помилуйте, какія теперь женщины! Что это за женщины!—пренебрежительно махнулъ рукою Вельтищевъ. —Онѣ, конечно, очень милы и прекрасны, но... вашъ вѣкъ не производитъ болѣе настоящихъ женщинъ! Теперь все эта такая хляля, болѣзненная калѣбъ. Онѣ у насъ хоть и прелестны, но всѣ какія-то дохленькія!.. Произвела на свѣтъ одного или двухъ потомковъ—и уже, глядишь, хирѣетъ, страдаетъ разными тамъ малокровіями, нервами, слабостями; лечится, охаетъ и Богъ знаетъ, чего только съ нею не дѣлается!.. И это женщины! Да какое же сравненіе между ними и хоть бы вами, наприимѣръ!.. Вотъ, Ольга Романовна, вотъ почему я говорю, что смѣлищій чело-вѣкъ очень легко еще можетъ увлечься вами! Вы—сталь прѣжняго, стараго закала, вы лучше тысячи современныхъ женщинъ, которыя предъ вами никуда не годятся!

Экс-балерина все еще сидѣла въ прежнемъ положеніи, небрежно и по ея мнѣнію—кокетливо-роскошно закинувшись въ глубокое кресло, и только слегка покачивая не безъ умысла выгнувшейся ногой. «Такъ, такъ!.. молодецъ-баба!.. Хвалю! одобряю!» думалъ про себя Вельтищевъ, созерцая, съ внутреннимъ смѣхомъ, всѣ эти кокетливыя продѣлки старой балерины, которая слушала его рѣчи какъ словно бы какую музыку, слушала и наслаждалась: ей такъ давно уже никто не говорилъ ничего подобнаго, а теперь все это говорилось такимъ соблазнительно-убѣдительнымъ тономъ, что всѣ слова своего гостя о ея премушествахъ, о ея наружности и красотѣ Ольга Романовна приняла за чистую монету.

— Однако же, я заболтался съ вами и, кажется, наговорилъ вамъ много вздору—простите великодушно! взглянувъ на часы, поджался онъ съ мѣста.

Балерина томно и какъ бы нѣ-хотя очнулась.

— Вы уже уѣзжаете... такъ скоро!—протянула она съ кокетливо-недовольной гримаской.

— А вамъ жаль отпустить меня?—ловко по-кокетничалъ въ свой чередъ и Вельтищевъ.

— Конечно, жаль... Вы мнѣ напомнили мою молодость!—томно вздохнула она, подавая ему руку.

— Въ такомъ случаѣ, если хотите, я буду являться къ вамъ почаще и постараюсь еще лучше напоминать ее, любезно шутя, предлагая Платонъ Васильевичъ.

— Пожалуйста!.. Я такъ буду, такъ буду рада!—подхватила балерина, съ чувствомъ пожимая его руку.—Я вѣдь почти всегда дома и все одна... Милочка, вы сами знаете, почти

никогда у меня не бываетъ, да и никто не бываетъ!.. Но... вы не найдете странною одну мою просьбу?—нѣсколько затрудняясь, спросила она, съ скромнымъ смущеніемъ потупивъ голову и взоры.

— Сдѣлайте одолженіе—все, что вамъ угодно!—изящно и предупредительно поклонился Вельтищевъ.

— Я бы желала... если только это возможно... я бы желала, чтобы Милочка... не знала...

— О нашихъ свиданіяхъ?—облегчилъ онъ ей высказаться.

— Да, о нашихъ свиданіяхъ... потому что... у насъ съ вами могутъ быть серьезные и откровенные разговоры и о дѣлѣ, и о деньгахъ, а она такая скрытная!.. она не хочетъ, молчать!.. Ну, и пусть ее... А мы вѣдь для ея же счастья стараемся!

— Ну, конечно!—сочувственно пожималъ онъ ей руку.—Если хотите, я буду вѣсть, какъ рыба, только вы-то сами, глядите, не проболтайте какъ-нибудь!

— Я?... О, вѣтъ!.. ни за какія деньги!.. ни за что!.. встрепенулась Ольга Романовна, дѣлая и головой, и руками отрипательные жесты.—На меня вы можете положиться, какъ на самого вѣрнаго и преданнаго друга.

— Значитъ и о нашемъ нынѣшнемъ свиданіи, и о разговорѣ про деньги она тоже не должна знать?... Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть лучше не знаетъ, пока до времени!—дружески предложилъ Вельтищевъ.

— Пусть не знаетъ!—порѣшила матушка.

— Ну, а о браслетѣ?—спросилъ онъ, глядя на нее лукаво-заискивающими глазами.

— О браслетѣ?—съ живостью и опасно подхватила балерина,—о браслетѣ, Бога ради, ни слова!.. Вы знаете, она вѣдь у меня такая завистливая! Еще, пожалуй, сцену вамъ выведетъ! Съ нею вѣдь всего станеть.

— Такъ, значитъ, ни слова!

— Да, да! Пожалуйста!.. «Объ этомъ ни сло-о-ва!.. Молчи-и! молчи!»—кокетливо и лукаво грозя пальцемъ пропѣла она ему заключительную фразу изъ пѣсенки «Периколлы».

Онъ еще разъ взялъ ее за руку, повернулъ ее ладонью вверхъ и прильнулъ значительно выше браслета долгимъ поцѣлуемъ, въ которомъ теперь еще яснѣе сказались чувственный оттънокъ.

Ольга Романовна въ отвѣтъ не безъ нѣжности облобызала еще его въ щеку, но онъ не отнималъ губъ отъ ея бѣлой и мягкой руки.

— Ну, будетъ... будетъ... Шалуны!—тихо и томно-застѣнчиво проговорила она, чуть-чуть освобождая свою руку, и съ кокетливой лаской слегка и вскользь хлопнула его по волосамъ пальцами.

Вельтищевъ въ заключеніе крѣпко, выразительно пожать ей руку и удалился.

Проводивъ его, старая грѣшница, съ легкостью бывшей танцовщицы (хотя эта легкость и была уже у нея довольно тяжеловата), подпорхнула къ туалетному зеркалу и напудрила свое пылавшее лицо, поправила на лбу буколки, провела по бровямъ и вѣкамъ непослушными пальцами, помазала губною розовой помадой улыбающіяся губы, вѣжливой ваткой подрумянила щеки и, продѣлавъ очень аккуратно локвой и привычною рукою всю эту операцію, полулегла въ «изыщной» позѣ на кушетку, стоявшію противъ туалета, но прилегла такъ, чтобы ей можно было всю себя созерцать въ зеркалѣ, и задумалась—весело, вѣжно, сантиментально, хорошо задумалась, любясь въ то же время новымъ браслетомъ и игрой его брильянтовъ, которые, между прочимъ, не забыла пересчитать, а также и прикинуть на опытной рукѣ вѣсъ его золота.

Она мечтала и думала... О чемъ думала?—это трудно сказать, потому что мечты и думы ея были очень легки, очень пріятны и безпрестанно смѣнялись одніе другими. Опредѣленіе другихъ, однако, была дума о Нинонѣ Лавкло, имя которой мимоходомъ упомянулъ Вельтищевъ и о которой, между прочимъ, вѣкогда слыжала и даже читала въ какой-то книжкѣ сама Ольга Романовна. Она вспомнила теперь, что эта Нинона Лавкло даже въ глубокой старости пѣвняла вѣтренныхъ мужичковъ, наперывъ добивавшихся ея благосклонности, и даже чуть ли не на девятомъ десяткѣ своей жизни сподобилась страстной любви отъ собственного родного внука, который, какъ говорятъ, былъ ошастливленъ взаимною любовью своей бабушки.

У.

Р а б ъ.

«Платонъ Васильевичъ, сегодня пока я вамъ доволенъ!.. Еще разъ хвалю и одобряю!» мысленно обращаясь къ самому себѣ въ шутку Вельтищевъ, весело мчался на рысакѣ къ Людмилѣ. «Теперь, значитъ, сейчасъ новая перемена декораций—и мы появляемся въ новой роли».

И дѣйствительно, на сей разъ у м-те Коробовой онъ игралъ роль совершенно новую и притомъ добровольно на себя взятую.

Онъ былъ кротокъ и смиренъ, какъ агнецъ. Въ его тонѣ, въ манерѣ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ къ Людмилѣ проглядывала сегодня нѣсколько суховатая покорность, такъ что м-те Коробова ясно могла понять, что хотя въ душѣ онъ и недоволенъ, хотя еще и не примирился съ новымъ своимъ положеніемъ, но, чувствуя полное свое безсиліе, смирился предъ нею, покоряясь ему по необходимой необходимости и навсегда, въ силу полной безысходности.

Онъ довольно кратко передалъ ей, что желаніе ея исполнено, что онъ былъ у адвоката, который берется вести дѣло, и что оно можетъ обойтись отъ 25 до 50 тысячъ. Когда же Людмила захотѣла узнать самый ходъ свиданія и разговоръ во всѣхъ подробностяхъ, то Платонъ Васильевичъ, съ тѣмъ же кротко-суховатымъ видомъ покорности, объявилъ, что подробности предстоящаго дѣла она узнаетъ сама отъ барона фонъ-Шнитцля, который не замедлитъ посѣтить ее лично. За сямъ Вельтищевъ взялся за шляпу и откланялся вѣжливо, безъ малѣйшей фамильярности.

— Развѣ вы уже удаляетесь?—остановила его Людмила.

— Какъ видите.

— Но для чего же такъ скоро?

— Я уже исполнилъ все, что отъ меня требовалось вами на нынѣшній день, и сообщилъ вамъ о результатѣ.

— Но вы, кажется, еще такъ недавно любилъ посидѣть, помечтать, отдохнуть у меня, въ моей уютной квартиркѣ...

— То было недавно,—съ легкимъ склоненіемъ головы замѣтилъ Вельтищевъ.

— Развѣ вамъ необходимо ѣхать туда?

— Я ѣду домой. Но быть можетъ вамъ угодно приказать мнѣ, чтобы я остался?

— Это совершенно зависитъ отъ вашей доброй воли.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ удалиться.

— Если вы такъ хотите, — пожалала она плечами.

— Вы ничего не имѣете приказать мнѣ на завтра?

Она пристально взглянула на него своими лучисто-лосными глазами и разсмѣялась самымъ дружескимъ и миролюбивымъ образомъ.

Эта смиренная сухость и натянутость, этотъ тонъ какой-то официально-почтительный—все это было такъ нестерпимо Платону Вельтищеву, что даже нѣсколько озадачило и неприятно покоробило Людмилу.

— Платонъ Васильевичъ, полно играть комедіи!—совсѣмъ дружески и благодушно отнеслась она къ нему, протягивая руку;—и что мы съ вами, въ самомъ дѣлѣ, французскіе проverbsъ, что ли, разыгрываемъ?

— Напрасно вы такъ думаете,—возразилъ онъ, —я никогда не позволю себѣ играть съ вами какіе-бы то ни было комедіи.

— Такъ что-жъ это за странный тонъ и манера, которыми вы такъ угодно держались со мною.

— Я полагаю, что въ моемъ тонѣ нѣтъ ничего для васъ оскорбительнаго.

— И вы долго камѣрены его придерживаться?

— Навсегда, полагаю. Да и чего-жъ много. Вы отъ меня хотите?

— Полю, Платонъ!.. Ты меня не понимаешь!—дружески, но серьезно взяла она его за руку, которую тотъ въ теченіе ея рѣчи сухо и деликатно старался высвободить!—Ты меня не понимаешь, говорю тебѣ!.. Дуйся, пожалуй, сколько тебѣ угодно, но моя доля, мое вчерашнее рѣшеніе остаются неизмѣнны. Знай только одно: все, что я дѣлаю,—я дѣлаю для твоего же блага. Когда я буду твоей женой, ты перестанешь, другъ мой, дуться! Ты только тогда вполне поймешь, узнаешь и оцѣнишь меня! Я буду рѣдкою въ наши дни женою; я съумѣю всегда и вездѣ поддержать тебя на той высотѣ, на которой ты долженъ стоять по твоему положенію, по твоимъ достоинствамъ, — тогда ты не станешь дуться, и тѣмъ болѣе. тѣмъ болѣе, что вѣдь ты любишь меня и я это очень хорошо знаю!.. Ты самъ придешь ко мнѣ! Платонъ! тебѣ нужна любовь моя — нужна и теперь, нужна и въ будущемъ!.. Или я, какъ женщина, ужъ не имѣю силы надъ тобою?

Платонъ Весильевичъ далъ исполнѣ ей высказаться.

— Не требуйте отъ человѣка болѣе, чѣмъ онъ можетъ,—тихо и сдержанно-спокойно началъ онъ въ отвѣтъ Людмилѣ — Я не отрицаю вашей силы надо мною, она есть, и теперь даже болѣе. чѣмъ прежде, чѣмъ до вчерашняго дня. Но эта не сила любви, а сила цѣпи; это кандалная сила. Конечно, я любилъ васъ, но вы сами разбили эту любовь. Вы избрали путь насилия и устрашенія; вы предпочли вмѣсто друга одѣлать изъ меня раба, вы сами дали мнѣ на выборъ каторжную работу или рабство,—и что же?—Какъ видите, я рабъ вашъ, самый покорный, самый-безусловный! Малѣйшая воля ваша всегда будетъ исполнена мною безпрекословно и можете быть на мой счетъ вполне спокойны; вы отняли у меня всѣ выходы, вы сковали меня—и я не ищу свободы. Быть можетъ, это-то и есть моя кара за Максима Вельтищева. Что-жъ дѣлать!—я покоряюсь... Вы имѣете право требовать съ меня самой тяжелой работы, и я буду вестъ ее; но не требуйте отъ раба любви, Людмила Сергѣевна!

Эффектъ этой рѣчи, нѣсколько обдуманной заранее, на взглядъ Вельтищева, былъ вовсе не дуренъ: Людмила стояла молча, очевидно, подъ впечатлѣніемъ его словъ, и глядѣла на него широко-раскрытыми, серьезно удивленными глазами.

Онъ безмолвно отдалъ ей глубокій поклонъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

VI.

Чрезвычайный посолъ.

Валерьянъ Корсбровъ занялся. Такой грѣхъ случился съ нимъ еще въ первый разъ отъ

роду. Съ той самой минуты, какъ онъ почувствовалъ въ своей женѣ не человѣка, а холодную жабу въ прелестномъ женскомъ образѣ, имъ обудало чувство горькаго, отчаяннаго разочарованія. До этой минуты онъ былъ способенъ все простить и если не забыть, то никогда ни словомъ, ни намекомъ не вспоминать ей о связи ея съ Вельтищевымъ; онъ еще мечталъ о возможности возврата къ прежнему, о спокойствіи тихаго семейнаго очага, думалъ, что Людмила опомнится, уговорится, что на нее подѣлываетъ слово убѣжденія и мольбы, впечатлѣнное столь горячимъ чувствомъ самоотверженной и прощающей любви; онъ склоненъ былъ обвинять даже самого себя въ томъ, что изъ-за своей работы мало думалъ иногда о женѣ, въ томъ, что развивалъ иногда ей теорію свободнаго чувства и тѣмъ какъ-бы самъ наталкивалъ ее поступить въ силу этой теоріи; но послѣ своего послѣдняго свиданія съ этой женщиной онъ убѣдился, что теорія тутъ ровно ни при чемъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго чувства, что побуждающими двигателями у Людмилы остаются одни лишь инстинкты, такъ сказать, прирожденной содержанки, одна лишь алчность къ роскоши и богатству, откуда бы оно ни шло и какими путями ни досталось бы. Теперь онъ понималъ, что судьба его связана не съ женщиной, не съ человѣкомъ, а съ какой-то холодной жабой, которой ему нечего ни прощать, ни забывать, равно какъ и нечего рассчитывать на возможность возврата или установить какія нибудь своиныя человѣческія отношенія съ нею. Глубокая горечь и глубокое презрѣніе—вотъ что унесъ въ душѣ Корсбровъ, выйдя въ послѣдній разъ отъ Людмилы; но съ этими двумя чувствами онъ все-таки сознавалъ, что въ его душѣ нѣтъ еще настоящаго и полнаго разрыва съ этой женщиной, что она все-таки прилизывается къ себѣ нѣкоторыя тонкія, но сильныя, не рвущіяся нити его души и что ослабить или разорвать эти нити остается въ его силѣ и воли—но крайній мѣръ, въ данное время. Онъ испытывалъ къ ней то же самое чувство, что и Платонъ Вельтищевъ. И тотъ и другой любили ее силой той животной страсти, которая не поддается ни анализу, ни требованіямъ разсудка. Разсудокъ говорить: разорви, кончи все съ этой жабой; миръ не оскудѣлъ еще женщинами, ты можешь встрѣтиться съ другой, которая тебѣ полюбитъ по-человѣчески, скраситъ твою непріятную жизнь, дастъ тебѣ покой и долю возможнаго счастья; а какая-то темная сила души, или, вѣрнѣе, крови и привычки отвѣчаетъ на это: нѣтъ для меня иныхъ женщинъ, кромѣ этой! Пусть она мерзка по качествамъ своей души, пусть въ ней нѣтъ, впрочемъ, человѣческаго, но меня неодолимо тянетъ къ ней какой-то непонятный мнѣ самому магнитъ; никто кромѣ нея не умѣетъ и не можетъ съ такой силой бу-

дать во мнѣ инстинкты жгучей страсти, которая становится тѣмъ горячѣе, тѣмъ капризнѣе, тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ болѣе растетъ безстрастность и холодъ этой женщины! Быть можетъ этотъ-то самый холодъ сердца, заключенный въ оболочку столь изящнаго, столь прелестнаго тѣла, и дѣлаетъ эту женщину обаятельной до такой степени, что нѣтъ силъ оторваться отъ нея, несмотря на все ея нравственное безобразіе! Какъ бы то ни было и что тамъ ни говоря, но я помню разсудка хочу—я не въ силахъ не хотѣть—обладать, какъ женщиной, этой ледяной глыбой!

И надо сознаться, что прелестныя жабы, въ родѣ Людмилы Коробовой, всегда бываютъ въ высшей степени надѣлены подобными магнитными свойствами. Ихъ презираютъ, но ихъ хотятъ,—хотятъ всецѣльно и почти безотчетно.

Томимый своими тягостными чувствами Валерьянъ Коробовъ безцѣльно шелъ изъ улицы въ улицу, съ трудомъ волоча ноги. Онъ не видѣлъ себѣ никакого исхода, не зналъ что ему дѣлать, что предпринять, на что рѣшиться. Презрѣніе, погнѣбная, но не подавляющая любовь, желчь и чувство безнадежности разомъ вставали теперь въ его изнеможенной душѣ. Надо было чѣмъ нибудь притупить ихъ, хотя бы на время. Внутри у него ныло; голова и грудь горѣли, по рту ощущалась сухость и вкусъ какой-то вожушей горечи. Несмотря на то, что на дворѣ стоялъ зимній холодъ, ему было душно и казалось, что не хватаетъ воздуха для дыханія; ему было тяжело, и тяжело до такой степени, что казалось, будто даже это легкое лѣтнее пальто, вся эта скудная одежда невыносимо тяготитъ его плечи и спину, и все его тѣло. Онъ расплахнулся и безцѣльно оставившись на углу какого-то перекрестка. На противоположной сторонѣ улицы мигалъ малиновый фонарь и освѣщалъ вывѣску съ виноградной кистью и съ надписью: «винооторговля».

Коробовъ почти машинально вслушался въ подвальный этажъ, гдѣ помѣщался этотъ погребецъ, и спросилъ, чтобы ему дали бутылку чего нибудь покрѣпче. Приказчикъ отвелъ его въ какую-то узкую, тѣсную конурку и откупорилъ передъ нимъ коньякъ русской фабрикаціи. Коробовъ съ жадностью сильной жажды залпомъ осушилъ стаканъ, не почувствовавъ даже жгучей крѣпости этого напитка.

Это былъ первый его дебютъ на поприщѣ облегченія и : пенія человѣческихъ горестей. Съ шибко отуманенной головой, онъ кое-какъ успѣлъ добраться до своей квартиры и, какъ убитый, повалился на свою постель, безъ мыслей, безъ чувства, безъ боли и горя. Коньякъ, на первый разъ, сдѣлалъ свое дѣло.

Съ тѣхъ поръ подобныя приемы возобновлялись каждый день—и Коробовъ быстро сталъ привыкаться въ состояніе пьяницы.

■ * ■

Однажды Коробовъ, возвратясь домой, нашелъ у себя на столѣ клочекъ бумажки, указанный ему кухаркой, гдѣ было написано карандашемъ слѣдующее:

«Былъ Антизитровъ по весьма важному дѣлу и очень сожалѣлъ, что не засталъ дома. Буду завтра утромъ въ девять часовъ и покорнѣйше прошу либо подождать меня, либо назначить время для свиданія».

«Что за Антизитровъ?» изумился Коробовъ. Никакого Антизитрова онъ не зналъ и даже не слыхалъ никогда подобной фамиліи. Тѣмъ не менѣе, тонъ записки былъ настолько положительный, что онъ рѣшился подождать прихода этого г-на Антизитрова.

Тотъ аккуратнѣе явился въ назначенное время.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшими, высокаго роста и атлетическаго сложенія. Одѣтъ нѣсколько аляповато: въ бархатномъ пиджакѣ, въ пестромъ жилетѣ и въ полосатыхъ брюкахъ. Густые, длинные черные волосы были закинуты назадъ и открывали узкій и низенькій лобъ; узкіе черные глаза глядѣли беспокойно, остро и лукаво изъ-подъ сросшихся густыхъ и нѣсколько нависшихъ бровей; прекрасная окладистая борода спускалась почти до половины груди. Подъ мышкой у него былъ дѣловыи портфель. Походка и манера держать себя обличали нѣсколько нахальную самоуверенность, а общее впечатлѣніе было таково, что мы не ошибемся, назвавъ этого человѣка непріятно-красивымъ мужчиной.

— Вы господинъ Коробовъ?—прямо началъ вошедшій хриплымъ басомъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте рекомендоваться: Антизитровъ... Арестархъ Ковоновъ Антизитровъ—приватный помощникъ адвоката.

И онъ самъ подаль Коробову руку, не выжидая, пока тотъ протянетъ свою, какъ хозяинъ.

— Вы вѣдь сотрудникъ Цемша?—продолжалъ Антизитровъ

— Да, я работаю въ его газетѣ.

— Я самъ тоже иногда писалъ тамъ кое-какія замѣтки, но пересталъ, потому я уважаю направленіе болѣе радикальное.

Затѣмъ г. Антизитровъ сѣлъ безъ приглашенія и закурилъ хозяйскую папирскую.

— Вы вѣдь женаты,—продолжалъ онъ, устремляя на Валерьяна свои непріятныя острые глазки,—и притомъ, кажется, несчастливо женаты?

Коробовъ поморщился, съ явнымъ неудовольствіемъ.

— Оно и по-дѣломъ; не потворствуйте общественнымъ предрасудкамъ. Впрочемъ, это не мое дѣло! —махнулъ гость рукой.—А вы вотъ что; вы знаете барона фонъ-Шинтцля, адвоката? Онъ тоже вѣдь сотрудничаетъ у Цемша,—значитъ, вмѣстѣ съ нами.

— Знать—не то-что знаю, а такъ.. види-

валъ, встрѣтился въ редакціи,—сообщилъ Коробовъ.

— Это мой патронъ,—замѣтилъ Антизитровъ, съ такою улыбкой, которая могла быть названа и насмѣшливой, и ничего незнающей.— Вѣдь онъ у васъ тамъ одинъ изъ самыхъ «уважаемыхъ» сотрудниковъ, а Цемшъ за нямъ очень ухаживаетъ?

— Кажется,—кивнулъ Коробовъ.

— Да ужъ не кажется, а такъ, коли я говорю. Вы вѣдь и сами, поди-ка, очень его ухажаете?

— Да, онъ пишетъ весьма дѣльные статьи.

— Ну, конечно, дѣльные! Вамъ съ нимъ и книги въ руки!

— Однако... позвольте узнать,—нахмурился Коробовъ,—чему собственно обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ и ради чего я долженъ выслушивать ваши рѣзкости?

— Рѣзкости?... хм! ухмыльнулся гость.— Ваша правда: я рѣзокъ, но я честенъ, а вы—позвольте васъ спросить—гдѣ это вы до сихъ поръ вращались? Въ какомъ это обществѣ, желалъ бы я знать? Гдѣ и съ кѣмъ это вы жили, что до сихъ поръ не научились понимать языкъ и тонъ честныхъ людей? Честные люди всѣ рѣзки! А въ Цемшевой газетѣ, правда, у васъ тамъ все это на взаимной дипломатии да на деликатныхъ политесахъ!.. Ха, ха, ха!.. Вы меня, дружже, не браните за мою рѣзкость, а то я и самъ выругаюсь!

— Я желалъ бы знать только, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?—съ нѣкоторой настойчивостью повторилъ Коробовъ свою прежнюю фразу.

— Ну, на этотъ счетъ вы обязаны «многуважаемому» барону фонъ-Шнитцли, который послалъ меня къ вамъ съ порученіемъ. Вотъ чему вы обязаны!

— Какого рода ваше порученіе?

— Да вотъ, видите ли, онъ имѣетъ для васъ въ виду одно выгодное дѣло... то есть, очень и очень выгодное для васъ лично.

— Въ чемъ же это дѣло?

— Ну, это вы сами отъ него узнаете, а я передавать вамъ не уполномоченъ. Я уполномоченъ только на то, чтобы сообщить вамъ слѣдующее:

Антизитровъ поднялся съ мѣста и сталъ въ любезно-официальную позу, въ которой обыкновенно сообщаютъ извѣстія театральнымъ герцогами и королямъ театральные герольды и вѣстники.

— Многуважаемый баронъ Адольфъ Ивановичъ фонъ-Шнитцли,—началъ онъ,—свидѣтельствуя вамъ совершенное свое почтеніе, извиняется, что, по причинѣ многосложныхъ занятій, лишена удовольствія лично быть у васъ, а потому покорнѣйше проситъ васъ пожаловать къ нему для переговоровъ по очень интересному для васъ дѣлу. Въ случаѣ вашего согла-

сія, онъ проситъ меня быть вашимъ проводникомъ, а если не хотите, я оставляю вамъ адресъ; но мой совѣтъ—лучше поѣдемте... Ей-Богу, дѣло очень выгодное!

Коробовъ стоялъ въ полной нерѣшительности.

— Ну, чего же вы, дружже, мнетесь-то?—ласково-покровительственнымъ тономъ ободрилъ его Антизитровъ, заложивъ въ карманы панталонъ свои руки.

— Согласитесь, что все это очень странно,—улыбнулся Валерьянъ.—Я съ господиномъ Шнитцли никакихъ дѣлъ не имѣю и не могу даже понять, какого бы рода могла быть у него ко мнѣ надобность? А васъ совсѣмъ уже не знаю, и вдругъ это ѣхать съ кѣмъ-то, куда-то, по какому-то дѣлу... И ради чего все это я стану продѣлывать?

— Ради собственного интереса, говорятъ вамъ! Или у васъ уже такъ густо въ карманахъ, что лишняя тысяча рублей не имѣетъ для васъ ровно никакого значенія? И, наконецъ, вѣдь вы не маленькій! Развѣ я предлагаю вамъ завязать глаза и препроводить въ темной каретѣ въ нѣкое таинственное мѣсто? Слава тебѣ, Господи, теперь вѣдь день, утро, на каждомъ углу торчитъ полицейскій, и поѣдемъ мы съ вами на извозчикѣ,—значитъ, въ открытомъ экипажѣ, да и везу я васъ не въ таинственное подземелье, а въ очень изысканный домъ, гдѣ на дверной доскѣ вы прочтете имя барона фонъ-Шнитцли. О чемъ тутъ, кажется, беспокоиться и думать?

— Но все-таки я желалъ бы знать, хотя приблизительно, сущность дѣла,—слабо настаивалъ Коробовъ.

— Экой вы упорный!.. говорятъ же вамъ, что насчетъ сущности я не уполномоченъ да и самъ еще не знаю ее хорошенько; мнѣ поручено только пригласить васъ и сообщить, что дѣло выгодное, что я и дѣлаю, а вамъ вольно же ломаться!

Коробовъ подумалъ и согласился ѣхать.

VII.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

Фонъ-Шнитцли принялъ его самымъ предупредительнымъ и любезнымъ образомъ, извинился, пожимая руки, что рѣшился обезпокоить, что самъ бы счесть долгомъ пріѣхать первый, если бы не множество дѣлъ, но онъ надѣется, что Коробовъ, въ качествѣ его литературнаго собрата, извинитъ ему. Затѣмъ онъ усадилъ своего гостя въ покойное кресло и предложилъ дорогую сигару, отъ которой, впрочемъ, Коробовъ отказался.

— Признаюсь вамъ, дѣло, по которому желалъ я васъ видѣть, нѣсколько щекотливаго свойства,—началъ фонъ-Шнитцли съ улыбающимся лицомъ, потупя глаза и погрывая ко-

стояю разрывкой,—но я надеюсь, вы на меня не будете въ претензии, потому что я стараюсь оставаться на нейтральной почвѣ моей специальности. Я полагаю, что могу быть чѣмъ угодно адвокатомъ, но это ни мало не нарушаетъ моихъ личныхъ отношеній... Прежде всего надо вамъ знать, что я — адвокатъ вашей супруги.

Коробовъ вздрогнулъ и даже поблѣднѣлъ отъ этой неожиданности, которая покорила его весьма неприятно и сразу же настроила нѣсколько настороженнымъ и враждебнымъ образомъ противъ предупредительнаго барона.

— Но это, въ сущности ничего не значитъ, — продолжалъ фонъ-Шнитцли; — потому что, будучи адвокатомъ одной стороны, я ничего не имѣю и относительно стороны противной, тѣмъ болѣе, если усматриваю возможность согласить дѣло такъ, что обѣ стороны останутся довольны.

Онъ пытливо вспянулъ взглядъ на Коробова, какъ бы въ надеждѣ найти въ его лицѣ сочувственную поддержку своему мнѣнью; но Коробовъ глядѣлъ на него пристально, серьезно, холодно, съ самымъ сдержаннымъ, ничего не выдающимъ выраженіемъ.

— Ваша супруга предлагаетъ вамъ разводъ, — продолжалъ Гамбетта. — Что вы на это скажете?

— Я? — отозвался Валерьянъ. — Я пока еще слушаю васъ и жду, что будетъ далѣе.

Этотъ сухой отвѣтъ, въ свою очередь, неприятно покорибилъ адвоката.

— Я думаю, что ея предложеніе вовсе не безвыгодно и особенно для человѣка въ вашемъ положеніи...

— А позвольте васъ спросить, почему это вы знаете мое «положеніе»? — сдержанно прервалъ его Коробовъ.

Фонъ-Шнитцли окинулъ его бѣгло-тревожнымъ взглядомъ и нѣсколько замаялся.

— Въ качествѣ адвоката вашей супруги, которая, конечно, не имѣла причинъ быть со мною неоткровенною, — отвѣтилъ онъ, немножко подумавъ.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ говорить о дѣлѣ, не касаясь собственно моего личнаго положенія.

Гамбетта съ улыбкою пожалъ плечами.

— Постараюсь, на сколько возможно, удовлетворить вашему желанію, — слегка поклонился онъ, — хотя не могу не сознаться, что обходить въ этомъ дѣлѣ ваше положеніе для меня будетъ весьма затруднительно, и потому я заранѣе прошу извиненія, если обстоятельства вынудятъ меня по неволѣ нѣсколько коснуться его.

Коробовъ закусылъ нижнюю губу и рѣшился выслушать.

— Ваша супруга, — продолжалъ адвокатъ, — желала бы получить разводъ такого рода, ко-

торый бы далъ ей право вторично выйти замужъ.

Коробовъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Вы, конечно, понимаете, — говорилъ межъ тѣмъ Гамбетта, — что въ наше время было бы болѣе чѣмъ странно, и особенно для человѣка съ вашимъ развитіемъ, насиловать свободу женскаго чувства. Женскій вопросъ въ наше время...

— Ну, а мужской вопросъ? — перебилъ его Коробовъ. — Развѣ мужское чувство, по вашему, не заслуживаетъ того же уваженія, какъ и женское?

— По моему, мужчина въ этомъ случаѣ долженъ быть великодушнѣе, тѣмъ болѣе, что мужское чувство у насъ давно уже пользуется довольно широкою свободой, на практикѣ, до крайней мѣры.

— На столько же, какъ и распущенное женское, если ужъ говорить о «практикѣ», — замѣтилъ Коробовъ.

— Не смѣю спорить... я человѣкъ не женатый, — скромно улыбнулся адвокатъ. — Итакъ, супруга ваша желаетъ выйти замужъ за человѣка, которому — позвипите — принадлежитъ ея сердце. Вы понимаете, что тутъ безъ развода не обойдется. Поэтому ваша супруга желаетъ, чтобы, ради формальной стороны дѣла, вы приняли вину на себя... Повторяю, что женскій вопросъ въ его современномъ значеніи и развитіи...

— Ну, а я вамъ повторяю о мужскомъ вопросѣ, — снова перебилъ Коробовъ.

— То-есть, что вы разумѣете подъ именемъ «мужского вопроса»?

— Да хотя бы то, что вы предлагаете мнѣ, человѣку, непогрѣшившему ни на юту передъ моею женою, принять на себя несуществующую вину и черезъ то лишиться на всю жизнь одного изъ весьма существенныхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ. Вы говорите объ уваженіи къ свободѣ женскаго чувства, — продолжалъ Коробовъ; — хорошо-съ; но вы не берете въ расчетъ, что я могу еще въ жизни моей встрѣтиться съ женщиной, которую подлюбу на столько, что захочу, чтобы и весь свѣтъ уважалъ ее вмѣстѣ со мною. Для этого у насъ пока есть одинъ только путь — путь законнаго брака.

— Для современнаго человѣка, я полагаю, гораздо болѣе преимуществъ имѣть за собою бракъ гражданскій, — съ улыбкою сказалъ фонъ-Шнитцли, не замѣчая, что эта улыбка внутренно все болѣе и болѣе бѣситъ и возмущаетъ Коробова.

— Я съ вами не говорю о преимуществахъ того или другого брака, — отозвался послѣдній, — я объявляю вамъ только то, что изъ-за развратныхъ прихотей моей супруги, не чувствуя себя равно ни въ чемъ виновнымъ предъ нею, я не желаю лишать себя одного изъ гра-

жданскихъ правъ и служить дѣйствующимъ лицомъ въ той гнусной и скандальной комедіи, которая, ради формальности, обыкновенно продѣлывается въ подобныхъ случаяхъ.

— Но... все-таки... возразилъ ему съ нѣкоторымъ затрудненіемъ фонъ-Шнитцли, — вѣдь супруга ваша тѣмъ или другимъ путемъ, а все-таки въ концѣ-концовъ добьется себя развода.

— Что-съ?! — недружелюбно возвысилъ голосъ Валерьянъ Коробовъ. — Желалъ бы я знать, какими это путемъ она будетъ добиваться?

— Pardon?.. На одну минуту! — вѣжливо спохватился осторожный фонъ-Шнитцли и мелкими шажками торопливо вышелъ въ другую комнату, гдѣ у него занимался за конторкой г. Антизитровъ.

— Это, чортъ его знаетъ, какой-то бѣшеный дуракъ, съ которымъ просто говорить невозможно! — шопотомъ обратился онъ къ своему помощнику. — Я ужъ на всякій случай оставлю дверь полураскрытою, а вы, мой милый, пожалуйста, будьте на сторожѣ, и какъ ежеля чуть-что, сейчасъ же ко мнѣ бѣгите... Эй-Богу, это бѣшенный какой-то!

И онъ вернулся къ Валерьяну.

— Вы говорите о путяхъ, — началъ Гамбетта, — да мало-ли есть путей-то! Помилуйте!.. Была бы только охота, а пути всегда найдутся.

— Напримѣръ-съ? — рѣшительно уставился на него Коробовъ глазами.

— Да напримѣръ... Я не говорю собственно о васъ.. но представьте себя въ вашемъ положеніи человѣка молодого, какъ вы, въ которомъ еще не ушли его страсти... Очень естественно, что у такого человѣка легко могутъ быть самыя обыкновенныя, случайныя связи, которыя какъ нельзя легче могутъ быть выслѣжены и накрыты агентомъ противной стороны, и стало быть, скандальный результатъ выйдетъ тотъ же, что и съ «комедіей», какъ вы называете, и человѣка все-таки разведутъ, но уже безъ тѣхъ выгодъ, какія ему можетъ представить его добровольное согласіе.

— Ну... знаете ли, что я вамъ скажу на это, господинъ адвокатъ, — поднялся Коробовъ. — Пока-то вы еще съ моею супругой станете за мною шпионить да выслѣживать, я попрошу васъ не забывать, что я и теперь уже имѣю каждодневную возможность «накрыть» ее; но пока еще — слава Богу, лишнѣ безстыдства прибѣгать къ подобной мѣрѣ.

— Ахъ, господинъ Коробовъ! — залезбизилъ Гамбетта. — Я понимаю, повѣрьте мнѣ, я очень, очень хорошо понимаю то благородство, которое воздерживаетъ васъ отъ такого шага, но... будемте говорить хладнокровнѣе!..

Успокойтесь! Вѣдь намъ съ вами право же нѣ изъ-за чего ссориться!.. И признаюсь вамъ, приглашая васъ сюда, я прежде всего думалъ и заботился о вашей собственной выгодѣ! Ну, разсудите: въ настоящее время вы женаты; но вы не живете съ вашею супругой, стало быть, это бракъ фиктивный. Я не отрицаю возможности того, что вы встрѣтите еще въ жизни женщину, достойную всякаго уваженія, достойную вашей любви, и она въ свой чередъ васъ полюбитъ, но... вы женаты. Ergo: вы, несмотря на всю любовь, на все ваше желаніе, все-таки лишены права назвать эту женщину своей законною женою, ибо вы состоите въ законномъ, но фиктивномъ бракѣ. На что же вамъ остается разсчитывать? — Единственно на смерть вашей настоящей супруги — но... народъ говоритъ, что «въ животи и въ смерти одинъ Господь Богъ воленъ и повиненъ». Почему знать, кто изъ васъ умретъ раньше, а супруга ваша, по всѣмъ видностямъ, можетъ еще разсчитывать на очень продолжительное существованіе. Стало быть, говори въ строгой сущности, у васъ нѣтъ ровно никакихъ шансовъ на лучшее будущее. Между тѣмъ, человѣкъ практическій, на вашемъ мѣстѣ, постарался бы извлечь возможные выгоды изъ своего положенія.

— Какія же это «выгоды»? — напирал на послѣднее слово, спросилъ Валерьянъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Во-первыхъ, принципъ, — началъ высчитывать Гамбетта. — Давши полную свободу вашей супругѣ, вы показали бы всему свѣту, что глубоко уважаете свободу женскаго чувства; вы заявили бы себя человѣкомъ принципа, который въ наши дни раздѣляется всѣми передовыми и свободомыслящими людьми, а вѣрность принципу — дѣло далеко не шуточное для человѣка, подобно вамъ, принадлежащаго къ честному, къ порядочному литературному кружку, гдѣ нравственное неряшество не допускается, гдѣ всѣ члены вѣрно слѣдятъ другъ за другомъ, за всѣми мнѣніями, за всѣми поступками и отношеніями другъ друга. Это первое; и я бы совѣтовалъ вамъ серьезно подумать надъ этимъ!

— Далѣе-съ? — улыбнулся Коробовъ.

— Далѣе... я не думаю, чтобы вамъ было особенно пріятно видѣть и сознавать, что женщина, носящая ваше имя, живетъ въ открытой связи съ другимъ, пользуется его роскошными средствами и прочее... Тѣмъ отъ всего этого, какъ хотите, нѣсколько падаетъ и на васъ, что не можетъ быть пріятно и для того порядочнаго литературнаго кружка, къ которому вы принадлежите.

— Согласенъ; но вы забываете двѣ вещи, — возразилъ ему Коробовъ. — Въ то время, когда супруга моя пользуется роскошными средствами, я хожу чуть не безъ сапогъ и се-

редь зимы щеголяю въ легонькомъ лѣтнемъ пальтишкѣ. Это первое. А второе то, что и въ случаѣ развода она все-таки сохранить за собою мое имя.

— Это такъ-съ, но это уже не то!.. Помните, мало ли есть Коробовыхъ на свѣтѣ?!.. Развѣ только вы одинъ? Да и что мы съ вами за аристократы такіе, чтобы намъ особенно ужъ такъ заботиться о щепетильной чистотѣ нашего имени въ этомъ отношеніи? Мы вѣдь, слава Богу, не какіе-нибудь лорды англійскіе, а просто себѣ честные труженики, рядовые рабочіе! Будемъ лучше заботиться о высокой чистотѣ нашего имени относительно честныхъ принциповъ, за которые мы боремся и въ жизни, и въ литературѣ!.. Да и при томъ же ваша супруга, говоря вамъ, намѣрена выйти замужъ и, стало быть, не будетъ даже носить и вашего имени.

— Это все, что вы мнѣ имѣли сказать?—спросилъ Коробовъ, готовясь уходить.

— Н-да... то-есть... почти все,—помялся Гамбетта, потирая руки.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ сообщить, что я остаюсь при моемъ первоначальномъ рѣшеніи: я ничѣмъ не имѣю противъ развода, но не желаю брать на себя несуществующую вину. Честъ имѣю планяться!

— Но... позвольте!.. мои доводы и предложенія еще не кончены,—вѣжливо остановилъ его Гамбетта, подумавъ въ душѣ: «чортъ бы тебя драгъ! Видно и въ самомъ дѣлѣ придется съ тобою дѣлиться львиною долею!»

— Предупреждаю васъ, что всѣ дальнѣйшіе ваши доводы будутъ совершенно напрасны,—обернулся на него Коробовъ.

— Богъ знаетъ, такъ ли! — сомнительно усмѣхнулся фонъ-Шнитцли.—Вотъ видите ли, ваша супруга желаетъ получить себѣ свободу, въ очерченной мною рамкѣ, не даромъ, а за извѣстное матеріальное вознагражденіе, которое я уполномоченъ предложить вамъ. Скажите откровенно, сколько вы хотите?

— Чего это? — весь вспыхнувъ, нахмурился Коробовъ.

— Разумѣется, денегъ! — усмѣхнулся Гамбетта.

— Денегъ?.. И это говорите мнѣ вы, «адвокатъ съ честнымъ именемъ», человѣкъ, принадлежащій «къ порядочному литературному кружку», «человѣкъ принципа»,—вы предлагаете мнѣ откупъ, продажу моей жены.. Знаете ли, милостивый государь, что вы заслуживаете за это полное право плевка въ вашу «честную» фізіономію, и—признаюсь вамъ—я только съ великимъ трудомъ воздерживаюсь отъ этой достойной расплаты съ вами!

Валерьянъ Коробовъ плюнулъ на полъ и съ энергически сжатыми кулаками, чуть не задыхаясь отъ гнѣва, вышелъ изъ кабинета озадаченнаго и пораженнаго Гамбетты.

— Донъ-Кихотъ Ламанчскій!—съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, но трусливо-тихо прошепталъ вслѣдъ ему фонъ-Шнитцли.

VIII.

„Честный работникъ“.

Утромъ на другой день, послѣ свиданія Гамбетты съ Коробовымъ, Вельтищеву доложили, что его желаетъ видѣть г-нъ Антизитровъ, присланный по дѣлу отъ барона фонъ-Шнитцли. Этого, конечно, было достаточно, чтобы Вельтищевъ немедленно же принялъ адвокатскаго посланца.

Г-нъ Антизитровъ, отрекомендовавшись, по обыкновенію, приватнымъ помощникомъ по-вѣреннаго, передалъ Платону Вельтищеву письмо отъ Шнитцли, которое тотъ не замедлил пробѣжать съ подобающимъ вниманіемъ.

Гамбетта извѣщалъ, что, несмотря на всѣ свои старанія, онъ встрѣтилъ со стороны Коробова такое ослиное упорство, что считаетъ себя вынужденнымъ отказаться отъ дѣла.

Все время, пока Вельтищевъ читалъ, г-нъ Антизитровъ внимательно наблюдалъ за измѣненіемъ оттѣнковъ его фізіономіи, но, вопреки своему ожиданію, не нашелъ, чтобы содержаніе этой записки подѣйствовало какимъ-нибудь особеннымъ, раздражающимъ, досаднымъ или грустнымъ образомъ на Вельтищева. Фізіономія Платона сохраняла полное спокойствіе и даже слегка проявилось въ ней нѣчто похожее на какое-то внутреннее, затаенное удовольствіе.

— Вчера приходилъ къ барону г-нъ Коробовъ,—проговорилъ Антизитровъ, когда Платонъ положилъ на столъ письмо Гамбетты.

— Да; баронъ мнѣ пишетъ объ этомъ,—небрежно отвѣтилъ Вельтищевъ.

— Этотъ баринъ ни на что не согласенъ,—продолжалъ посланецъ.

— Да; баронъ и объ этомъ пишетъ.

— А я былъ почти невольнымъ свидѣтелемъ ихъ переговоровъ... я занимался въ другой комнатѣ. Г-нъ Коробовъ даже очень чувствительно выругалъ барона.

— Ы-гы?—кивнулъ головой Вельтищевъ.

— Да-съ, выругалъ... и я слышалъ весь разговоръ...

— Ну, такъ что же?—съ суховатымъ и недоумѣвающимъ видомъ спросилъ Платонъ Васильевичъ.

— Да ничего, въ сущности... я, конечно, человѣкъ посторонній, но... еслибы лица заинтересованныя захотѣли прибѣгнуть къ моей помощи, то я бы могъ, починивъ всякихъ бароновъ, обработать для нихъ всю штуку.

— То есть, что вы хотите этимъ сказать?

— Да не болѣе какъ-то, что тамъ, гдѣ ни пиши не подѣлаетъ присяжный адвокатъ, можетъ обработать помощникъ адвоката.

— Какой помощникъ?

— Помощникъ-то? А вотъ, Аристархъ Коновъ Антизитровъ, то есть я самый.

— Что же вы можете?—равнодушно спросилъ Вельтищевъ.

— Я-то?.. Хм... Я все могу!

— То-есть, что же это все?

— Да все, какъ есть все!.. Я, конечно, «человѣкъ маленький», но маленькіе люди изъ народа иногда обладаютъ могуществомъ кесарей... У маленькихъ людей есть такія силы, которыми не всегда располагаютъ сильные міра сего... Вотъ, вы и сильный міра, а въ этомъ дѣлѣ безъ «маленькаго человѣка» ничего не подѣлаете.

— Да кто же вамъ сказалъ, что я хочу тутъ что-нибудь подѣлать?

— Хе-хе!.. Вы это, значить, въ жмурки думаете играть? Тогда намъ съ вами, конечно, и разговаривать не о чемъ!.. Я вѣдь знаю, зачѣмъ вы пріѣзжали къ фонъ-Шнитцли, и если заговорилъ съ вами, такъ это потому, что надѣялся, какъ порядочный человѣкъ, оказать вамъ существенную услугу, а коли вы хотите со мною въ политику Бейста играть, такъ я могу и убраться.

Вельтищеву показались довольно оригинальными и забавными тонъ и манера этого страшнаго господина, который однако успѣлъ своими словами нѣсколько заинтересовать его. — «Не то нпгилаетъ, не то выгнанный юнкеръ, а скорѣе всего проходимецъ какой-то», подумалъ онъ, оглядывая г-на Антизитрова.

— Очень радъ бы воспользоваться вашими услугами,—сказалъ онъ.—Но только не могу представить себѣ, какого рода могли бы быть эти услуги?

— Услуги-то?.. А вы прежде всего откажитесь отъ бейстовской политики со мною, тогда мы это дѣло на чистоту поведемъ,—знаете, едакъ à la Бисмаркъ!

— Да я не политику съ вами; я просто не понимаю васъ,—улыбнулся Вельтищевъ.

— Не понимаете!.. а еще статьи пишете, и вдругъ не понимаете!.. Хе-хе!.. Ну, видно, мнѣ и взаправду приходится жевать и въ ротъ класть. Слушайте: вы принимаете участіе въ бракоразводномъ дѣлѣ Коробова съ его женою?

Вельтищевъ неприятно поморщился.

— Ну, конечно, принимаете!—подтвердилъ Антизитровъ;—а иначе, на кой чортъ бы пріѣзжать вамъ къ Шнитцли, а ему писать къ вамъ эти посланія?.. Шнитцли, говорю вамъ, послѣ вчерашней штуки, ни черта тутъ не подѣлаетъ, да и никто не подѣлаетъ, коли будете идти этимъ путемъ! Одины я могу повернуть это дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Какимъ же родомъ вы его повернете?

— А, это ужъ мое дѣло!.. Такъ вотъ я вамъ взялъ да и сказалъ! Нашли дурака!.. Дѣло мастера боится!.. Это ужъ мой секретъ, на который я желаю получить отъ васъ привилегію. Вѣдь съ васъ Шнитцли, поди-ка, уйму денегъ заломилъ за это дѣло.—Ну, а я, какъ «маленькій человѣкъ», обварганю его гораздо дешевле: больше пяти-тысячъ не требуется.

Вельтищевъ вскинулъ на него взоръ, исполненный любопытства и живого интереса.

— Даю вамъ честное слово!—подтвердилъ Антизитровъ.—И притомъ, я все это дѣло поведу помимо всякой консисторской грязи, помимо всякихъ взятокъ и прочей мерзости, и намъ разрѣшить его нашъ судъ «скорый и правый», да и вы-то сами, по моей системѣ, останетесь совершенно въ сторонѣ, такъ что о вашемъ участіи никто и не догадается!.. Ей-Богу!.. ни о васъ, ни о женѣ Коробова, то-есть, ни единая душа! Вы всѣ будете въ сторонѣ, а все дѣло это разыграется яко-бы отъ воли Божіей!.. Лестно?

Вельтищевъ улыбнулся отчасти безразлично, отчасти недовѣрчиво.

— Да вы, кажется, равнодушны къ моему предложенію?—слегка нахмурился Антизитровъ.—Конечно, если вамъ пріятнѣе швырять въ воду десятки тысячъ, то я не препятствую... въ такомъ случаѣ я я продолжать не стану.

И медвѣжевато поклонившись, онъ повернулся къ двери.

— Позвольте!—остановилъ его Вельтищевъ.—Вы еще не дали мнѣ высказаться. Вотъ видите ли,—началъ онъ.—Что касается собственно меня, то мнѣ, ей-Богу, все равно, будетъ ли госпожа Коробова замужемъ, или въ разводѣ—для меня это вопросъ безразличный; но для нея-то собственно оно, конечно, не безынтересное дѣло. Я сообщу ей и... если она будетъ согласна, тогда позвольте мнѣ васъ увѣдомить... Тогда я васъ попрошу взяться за него, и можете быть увѣрены, что вы не останетесь безъ вознагражденія: г-жа Коробова, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ очень благодарить васъ.

— Да что благодарности!—махнулъ рукой Антизитровъ,—я въ благодарности не нуждаюсь, а въ случаѣ согласія, она или вы заключите со мною условіе, по которому я и получу вознагражденіе за мой трудъ. Честный работникъ, знаете, нуждается въ честномъ заработкѣ, а не въ благодарности. Я человѣкъ порядочный и потому заранѣе не хочу вытягивать у васъ ни копейки... Конечно, на веденіе дѣла вы мнѣ предварительно выдадите, сколько потребуется, но это только тогда, если вы мнѣ скажете: «Антизитровъ, работай!»—не равнѣ!.. Но если мои услуги вамъ дѣй-

отвительно потребуются, тогда черкните мнѣ одно только слово—и я предстану!.. Явлюсь къ вашимъ услугамъ! Тогда мы и потолкуемъ обстоятельно, а пока, чтобы вы не забыли мой адресъ, позвольте, на всякій случай, записать вамъ его. Да, еще чуръ!—Шнитцли объ этомъ ни полслова, а то вы мнѣ всю обѣду испортите!..

И г-нъ Антпэнтровъ разстался съ Вельтищевымъ.

XI.

Машенька на розовомъ пути.

Прошло нѣсколько болѣе двухъ недѣль съ того дня, какъ Вельтищевъ подарилъ браслетъ Ольгѣ Романовнѣ. Времени, повидимому, утекло немного, но много было сдѣлано въ этотъ недолгій срокъ. Впрочемъ, то, что было сдѣлано, осталось замѣтно только одному человѣку, который и оцѣнилъ по достоинству все, содѣянное въ этотъ недолгій періодъ.

Фонъ-Шнитцли на другой же день послѣ того, какъ былъ у него Вельтищевъ, поѣхалъ къ Людмилѣ Сергѣевнѣ и самонадѣянно увѣрилъ ее, что, по его убѣжденію, бракоразводное дѣло должно состояться несомнѣнно и притомъ быстро и вполне благоприятно для его «предестинной кліентки».

Увы!—это посвѣщеніе происходило еще до свиданія Гамбетты съ Коробовымъ.

Тѣмъ не менѣе Людмила была успокоена и безпечно ожидала самаго благополучнаго результата.

Платонъ Васильевичъ, которому удалось, почти нежданно и негаданно, открыть въ Ольгѣ Романовнѣ самую слабую струну, рѣшилъ себѣ, что ему слѣдуетъ разыгрывать на этой струнѣ всевозможныя аморозныя варіаціи, съ тою цѣлю, чтобы въ концѣ концовъ добиться возврата «своихъ» бумагъ и денегъ.

Ольга Романовна, которую послѣ визита Вельтищева мы оставили погруженною въ сладкія и легкія мечты, проснулась на другой день въ такомъ же пріятномъ настроеніи духа. Она болѣе обыкновеннаго просидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ, обдумала свою прическу, въ которой не малую роль игралъ новый пиньонъ, употребила всѣ наличныя косметики, для приданія себѣ большей красоты и свѣжести, и въ заключеніе серьезно призадумалась надъ нарядомъ—что предпочесть: шелковое ли платье, или батистовую распашную блузу? Послѣ нѣкотораго колебанія вопросъ былъ рѣшенъ безусловно въ пользу блузы, такъ какъ, во-первыхъ, блуза представляла собою костюмъ вполне домашній, а во-вторыхъ, съ помощью широкихъ рукавовъ позволяла заманчиво обнажать руки, которыя, по мнѣнію Ольги Романовны, сдѣлали вчера

столь сильное впечатлѣніе на Платона Васильевича.

Устроивъ свой туалетъ, старая балерина по вчерашнему помѣстилась въ «изыщной» позѣ противъ зеркала, взяла въ руки какую-то книжку и, любуясь собою, принялась ожидать Вельтищева.

Но увъ!—ожиданіе ея было напрасно: Вельтищевъ на этотъ разъ не пріѣхалъ. Онъ понималъ, что нельзя начать игру свою сразу рѣшительнымъ приступомъ—а то, пожалуй, навѣдешь и на разныя сомнѣнія—и потому на первыхъ порахъ предпочелъ нѣкоторую выдержку.

Ольга Романовна прождала его до полуночи и наконецъ убѣдися, что сегодня ужъ онъ не пріѣдетъ, со вздохомъ и досадою скинула свой нарядъ. Но тщетное ожиданіе отнюдь не разочаровало ее. Всю ночь ей грезился Вельтищевъ въ самыхъ романическихкихъ положеніяхъ, такъ что на слѣдующее утро она еще съ большею тщательностію занялась своимъ пиньономъ и косметиками. Блуза осталась та же, равно какъ и поза противъ зеркала.

«Неужели не будетъ и сегодня?» съ тревожнымъ сомнѣніемъ задавала себѣ вопросъ Ольга Романовна. «Неужели все это было такъ, одинъ мимолетный мигъ?.. О, мужчины, мужчины!»

И за этимъ мысленнымъ восклицаніемъ послѣдовалъ сантиментально-грустный вздохъ.

Она безпрестанно подбѣгала къ окну—высматривалъ, не подѣхали-ль сани Вельтищева? Каждый шорохъ въ прихожей и стукъ отворяемой двери заставлялъ ее пепыхивать и волноваться. Она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала звонка—и наконецъ этотъ желанный звонокъ раздался.

Ольга Романовна, выходявшая въ это самое время въ кухню—распорядиться чѣмъ-то по хозяйству, опрометью кинулась въ свою комнату, боясь, что не успеетъ занять «изыщную позу». И точно, едва-едва успѣла она расправить складки своей блузы и схватиться за книгу, которую второпяхъ, не замѣчая сама, оставила передъ носомъ, какъ говорится, вверхъ ногами, — какъ уже вошелъ Вельтищевъ.

Ольга Романовна слегка ахнула, придавъ этому восклицанію тонъ самаго неожиданнаго и пріятнаго изумленія. Восклицаніе, конечно, сопровождалось улыбкой, которая должна была, по мнѣнію экзе-балерины, быть очаровательной. Рука, протянутая гостю, какъ-бы невзначай высунулась изъ-подъ широкаго рукава, свыше обыкновенно-принятой мѣры—и Вельтищевъ не замедлилъ воспользоваться этою нечаянностію.

— Ахъ какъ вы однако любите дѣловать женскія руки,—дѣломудренно и скромно надвигая рукавъ, замѣтила балерина.

— Не всѣ, но только красивыя,—добавилъ онъ къ сея замѣчанію.

— Ха, ха, ха—засмѣялась она тѣмъ горловымъ, дѣланнымъ смѣхомъ, какимъ обыкновенно смѣются на сценѣ александринскія актрисы старой школы, когда изображаютъ кокетливыхъ и элегантныхъ дамъ хорошаго тона.

— А вы видите, я неразлучна съ вашимъ браслетомъ,—заявила она вслѣдъ за этимъ смѣхомъ, показывая ему другую руку.

Вельтищевъ изъяснилъ видимое намѣреніе повторить тотъ же маневръ.

— Ну, полноте шалить!.. Ведите себя скромно, садитесь вотъ здѣсь, подлѣ меня, въ это кресло, будьте умникомъ и не забывайте, что я ваша теща. Хотите ко-офѣ?—предложила она, какъ-то особенно, «по-александрински», протягивая и выговаривая послѣднее слово.

Вельтищевъ внутренне поморщился, но согласился.

У Ольги Романовны все уже было готово: и сервизъ, и спиртный кофейникъ, и сливки, и сухарики; она уже заранее рассчитала и приготовилась пить кофе своего гостя и пить не просто, а такъ, какъ бываетъ въ романахъ, гдѣ описываются «дамы хорошаго тона». Ольга Романовна разсудила, что если дама хорошаго тона хочетъ выказать своему гостю отягчительное вниманіе, то должна пить его «ко-офѣ» не иначе, какъ въ своемъ «будуарѣ» и притомъ «козируя», должна сама приготовить «ко-офѣ» на спирту и налить его непрямо въ маленькую чашечку—«потому это, мой другъ, у порядочныхъ дамъ всегда такъ принято», а Ольга Романовна теперь прежде всего желала казаться передъ Вельтищевымъ «элегантною и порядочною дамой, хотя она и театральная».

Она изящно-плавнымъ движеніемъ руки съ натянутой небрежностью дотронулась съ кушетки до бронзоваго колокольчика, стоявшаго подлѣ нея на маленькомъ столикѣ, и позволила; но прислужница ея, не привыкшая къ такому зову, не сообразила, въ простотѣ души, что сей сонъ означаетъ, и со всѣхъ ногъ кинулась въ прихожую отворять двери, думая, что это кто-нибудь «звонится». Ольга Романовна осталась очень недовольна и даже сконфужена такимъ «пассажемъ», тѣмъ болѣе, что ей пришлось оставить свою изящную позу и самой отправиться на кухню, чтобы распорядиться всѣмъ окончательно. Но всѣ эти маленькія непріятности уладились благополучно; кофе, приготовлявшійся и наливавшійся съ самыми «изящными и граціозными» приемами рукъ и вообще всѣхъ тѣлодвиженій, удался на славу: Вельтищевъ пилъ и расхваливалъ, но Ольга Романовна и сама чувствовала, что «ко-офѣ» ея дѣйствительно превосходнѣе.

— Ну, какъ дѣла?—спросила она, между прочимъ, Платона.

— Ахъ, Бога ради! — поморщился тотъ,

схватившись за голову.—Забудете на время про эти несносныя дѣла! Я къ вамъ прѣхалъ просто поболтать, забыться, разсѣяться... Да и какія тутъ дѣла, когда такая женщина сама приготовляетъ вамъ такой кофе!.. Тутъ всѣ дѣла вылетятъ изъ головы!.. Давайте лучше болтать о чемънибудь болѣе веселомъ!.. Дѣла же, какъ кажется, идутъ у меня пока прекрасно—и потому говорить о нихъ нечего!

И они перевели разговоръ на темы болѣе легкаго свойства, которые оказались вполне подходящими. Ольга Романовна еще съ-молоду была великая охотница и мастерица вести съ мужчинами пикантные и скабрезные разговоры, поэтому и теперь она съ пріятностью вспоминала свое бывшее искусство, призвавъ его къ себѣ на помощь для развлечения Вельтищева. Болтая, она то и дѣло шаловливо выставляла на видъ свою ногу, обутую въ тонкій, ажурный шелковый чулокъ и въ красивую туфлю, словно бы нарочно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы «онъ» обратилъ, наконецъ, на эту «ножку» свое благосклонное вниманіе. — И «онъ» не замедлил въ подходящую минуту удовлетворить затаенному желанію старой грѣшницы.

— Снимите вашу туфлю!—неожиданно предложилъ Вельтищевъ.

— Зачѣмъ?—словно бы не понимая, вскинула она на него свои взоры.

— Я хочу полюбоваться на форму вашей ноги... Я увѣренъ, что у васъ—артистически созданная нога.

Она скромно и торопливо убрала ее подъ юбки.

— Къ чему же?—съ шутливымъ укоромъ замѣтилъ Платонъ Вельтищевъ.

— Такъ... такъ должно... у меня нога вовсе не красива.

— Если вы станете ее прятать, то по неволѣ заставите думать, будто это и въ самомъ дѣлѣ правда.

— Ахъ, какой вы плуты!—томо прищурясь на него, покачала она головою.—Теперь я понимаю, какимъ способомъ вы заставляете покоряться вашимъ капризамъ слабыхъ женщинъ!

— Мовѣ капризамъ?!.. Вовсе нѣтъ!.. Я только хотѣлъ полюбоваться на изящную ногу совершенно такъ же, какъ сталъ бы любоваться на ногу какой-нибудь античной статуи—не болѣе!.. Но вы ее прячете, вы боитесь показать, стало быть, она у васъ вовсе не такъ хороша, какъ я думалъ.

— Такъ смотрите же! — воскликнула она съ капризно-своейравной наивностью дѣвочки и, быстро сбросивъ туфлю, выставила ему на показъ свою ногу.

Вельтищевъ, для того чтобы съ большимъ удобствомъ любоваться этимъ «артистическимъ произведеніемъ природы», взявъ и поставилъ ее носокъ на свое колено.

— О, какой вы плуты!.. Нѣтъ, но вы совѣмъ... то-есть совѣмъ плуты!.. большой плуты!.. — слабо сопротивляясь, причитала Ольга Романовна наивно-томнымъ и ослабляющимъ голосомъ.

* * *

Экз-балерина, послѣ второго визита Вельтицева, ясно убѣдилась, что у нея начнется интересная «игра въ чувство», или, иначе, что, «кажись, Богъ счастье посылаетъ». Поэтому она убѣдительно и дружески-нѣжно просила навѣщать ее почаще, по возможности каждый день—и утромъ, и вечеромъ, когда угодно, потому что ей такъ пріятно, такъ весело и прочее, и прочее. Платонъ вторично подтвердилъ свое обѣщаніе и дѣйствительно почти каждый день сталъ навѣщать Ольгу Романовну.

Она поняла его своимъ «ко-офэ», а онъ усердно поддерживалъ «интересную игру», которая, — по словуницѣ «тѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ», — съ каждымъ разомъ обогащала его какими-нибудь новыми шансами и сулила полную побѣду въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Вскорѣ къ дорогому браслету у Ольги Романовны присоединились столь же дорогіе брошь и серьги, которыми она осталась «очарована». Вельтицевъ наметилъ, что эти вещи были бы очень эффектны при черномъ бархатномъ платьѣ; Ольга Романовна согласилась съ этимъ мнѣніемъ—и не далѣе, какъ на другой же день, французъ-комми привезъ ей на полное платье самого дорогого лонскаго бархату.

Къ концу второй недѣли, прельщенная ухаживаніями и подарками, она убѣдилась, что могущество ея, какъ женщины, далеко еще не кончено, и незамѣтно влюбилась по уши въ Платона Васильевича,—влюбилась со всѣмъ безобразіемъ, на которое только можетъ быть способна старая грѣшница, давно забытая всѣми, но которой вдругъ мелькнулъ свѣтлый лучъ надежды, напомнившій ей былое могущество.

До этого времени, она уже было постепенно приучила себя къ мысли, что поприще ея кончено, что она становится старухой, хотя и держала при себѣ беззапужнаго стараго поклонника, позволяя ему иногда навѣщать себя, но это было уже болѣе въ силу старой привычки и притомъ сопровождалось убѣжденіемъ, что поклонникъ держится при ней только благодаря своему беззапужію—«а сама-то я все-таки старуха»!.. Это было тайное, но жестокое, безпощадное сознаніе, съ которымъ долго не могла примириться Ольга Романовна. И вдругъ, судьба посылаетъ ей блестящаго, богатаго Вельтицева, который хоть и нутитъ, но, кажись, видимо увлекается ею. Старая грѣшница восприняла духомъ.—«Зна-

читъ, не все еще для меня кончено! Значитъ, я въ себѣ ошибалась!» подсказало ей гордо самолюбивое чувство. «Я могу еще потягаться... даже съ моею дочерью!»

Упоенное самолюбіе ея отнюдь не допускало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что итъ ли, молъ, здѣсь со стороны Вельтицева какой-нибудь фальши, какой-нибудь особой, своекорыстной цѣли? Она была убѣждена, что она—и только она одна—она сама во всѣхъ ея прелестяхъ составляетъ цѣль и предметъ искательства Платона.—«О, я буду еще счастлива! Я люблю, я люблю!» говорила себѣ Ольга Романовна. Иногда внутренний голосъ подсказывалъ ей, что эта любовь, вѣроятно, будетъ уже послѣднею въ ея жизни; но старая грѣшница не смущалась:

Лови, лови часы любви,
Пока огонь горитъ въ крови!

закатывая глазки и дергая вверхъ носомъ, выразительно напѣвала она себѣ, въ отвѣтъ на подсказыванье внутреннего голоса.

Она рѣдко стала бывать у дочери и каждый разъ сама напоминала Платону, чтобы тотъ какъ-нибудь не проговорился передъ Людмилой объ ихъ интимныхъ свиданіяхъ. Особенно же когда приказчикъ изъ французскаго магазина доставилъ ей лонскій бархатъ, то она, горячо благодаря Платона, умоляла его не говорить про этотъ подарокъ ея дочери.—«Ужъ я лучше сама ей скажу какъ-нибудь потомъ... скажу, что за-дешево купила по случаю!»

Впрочемъ, онъ и самъ сталъ бывать у Людмилы весьма рѣдко, являясь каждый разъ не иначе, какъ по ея предварительному вызову, и строго продолжалъ выдерживать съ нею сухо-покорную и холодную роль безусловнаго раба. Въ глубинѣ души, Людмилѣ было очень досадно такое поведеніе ея друга, но она рѣшилась предоставить его времени, надѣясь, что время его переработаетъ и помирить съ нею: она сильно рассчитывала на свое женское обаяніе, на могущество своего красиваго тѣла и была спокойна.

Вельтицевъ скрылъ отъ нея полную неудачу переговоровъ Шнитцли съ ея мужемъ, но зато откровенно и притомъ весьма печальнымъ тономъ разсказалъ объ этой неудачѣ Ольгѣ Романовнѣ.

— Вы, какъ кажется, очень сожалѣете объ этомъ?—замѣтила она съ плохо скрытымъ чувствомъ ревности къ своей соперницѣ.

— Конечно!—подтвердилъ Вельтицевъ.—Я такъ надѣялся, такъ былъ увѣренъ... тѣмъ болѣе рассчитывая, что мой бракъ съ Людмилой еще тѣснѣе свяжетъ мою дружбу съ вами.

— А мой добрый совѣтъ—не торопиться съ этимъ разводомъ!—подумавъ съ минутой, высказалась матушка.

Платонъ поднялъ на нее нѣсколько удивленный и вопросительный взглядъ.

— Да право, такъ! — искренно-убѣдительно тономъ продолжала Ольга Романовна — И куда, и зачѣмъ вамъ спѣшить? — Связать себя бракомъ всегда еще успеете! Во-первыхъ, сами вы говорите, что разводное дѣло потребуетъ очень большихъ расходовъ; да и въ самомъ дѣлѣ, шутка-ли сказать — пятьдесятъ тысячъ! Но положимъ, что это для васъ не главное, а сила-то вотъ въ чемъ, другъ мой: любитъ ли она васъ, какъ слѣдуетъ?

Вельтищевъ пожалъ плечами съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ «не знаю».

— Ну, вотъ то-то же и есть! — продолжала матушка. — По моему, если женщина любитъ, такъ для нея это должно быть все равно, въ бракъ ли она, или безъ брака. Что вы тамъ мнѣ ни говорите, а ужъ я настолько хорошо знаю мою Милочку, что почти увѣрена, что это она первая васъ подстроила жениться на ней. Ну, признайтесь, не такъ развѣ?

— Можетъ быть, — улыбнулся Вельтищевъ.

— А!.. вотъ видите-ли!.. Я въ этомъ была увѣрена!.. А ужъ если женщина хочетъ покрутить за себя мужчину, значить у нея есть на него свои какіе-нибудь корыстные расчеты, значить, она любитъ не его, а самой себя прежде всего! Для себя, значить, строить!.. Нѣтъ, если бы я была на ея мѣстѣ, — вздохнула Ольга Романовна съ благороднымъ видомъ, — я бы никогда не потребовала, чтобы вы на мнѣ женились! Я и безъ брака съумѣла бы доставить вамъ счастье!

— Да вѣдь вы не она, Ольга Романовна! — поддакнулъ ей Вельтищевъ.

— Вотъ потому-то я и говорю! — подхватила матушка, — потому и говорю вамъ, что мнѣ больно все это! За васъ, мой другъ, больно! Конечно, какъ мать, я люблю мою Милочку и желаю ей всякаго счастья; но я справедливая мать и не ослѣпляю себя въ моихъ чувствахъ къ ней. И какъ мать-то, я вамъ и говорю: повремените! еще успеете!.. Будь это не вы, а кто другой — да я бы слова не сказала! Но зная, какой чудный, какой благородный человекъ вы — я, можетъ и противъ материнскаго чувства, считаю за святое дѣло предупредить васъ: будьте осторожны! — Вы еще не знаете вполнѣ хорошо ея характера, а я ужъ, слава тебѣ, Господи, вдоволь изучила его!.. Это ужасный характеръ!.. уж-жасный!!! Что я слезъ отъ нея пролила! Сколько огорчений видѣла!.. Вы думаете, она какъ слѣдуетъ вышла замужъ за Коробова?

— А то какъ-же? — насторожилъ уши Вельтищевъ.

— И не воображала!.. Было у нея и до Коробова!.. Я, по материнской слѣпотѣ своей, сначала ей вѣрила, но потомъ горько разочаровалась!.. Она ужасная обманщица, ужас-

но-фальшивая! Обманывала мать, обманывала пріятеля, обманывала мужа и — почему знать! — можетъ и васъ будетъ обманывать!.. Это ужъ такая натура живая и скрытная!.. О, я хорошо ее знаю!

— Она, напротивъ, всегда казалось мнѣ такою холодною, такою безстрашною, — слегка вступился Платонъ Васильевичъ.

— Она-то? — Рыба!.. камни!.. ледъ! — горичо подтвердила матушка. — Да вотъ на этотъ-то ледъ и манятся мужчины! Эта женщина съ-роду никого не любила и любить не способна! Для нея одно только: деньги, деньги и деньги! Интересъ да тщеславіе!.. Изъ-за тщеславія да изъ за денегъ она на все пойдетъ! Вотъ она какая!.. Я — грѣшный человекъ — мнѣ всегда была нужна любовь, дружба, сочувствіе; ей же, хоть и родная дочь моя, а ничего этого не надо! Она, я вамъ скажу, вотъ какая женщина: это — блудливая кошка. Ее и кормятъ, и поятъ, и холятъ вдоволь, а она все-таки пойдетъ да и лизнетъ исподтишка сливокъ! И совсѣмъ ей этихъ сливокъ ни къ чему не нужно, а она все-таки вотъ выпьетъ ихъ, да еще и горшокъ разобьетъ — изъ любопытства просто, изъ одного похотѣнья такого — сдѣлать нехорошее, безъ всякой надобности!.. А вѣдь посмотрѣть-то съ виду — ну, просто, ангелъ небесный! Ангелъ чистоты и невинности!.. Охъ, ужъ эти мнѣ ангелы! — Онѣ и всегда такіе-то бывають!.. И не вѣрьте вы той женщинѣ, которая ангеломъ выглядитъ!

Вельтищевъ слушалъ эту своеобразную характеристику и не могъ не сознаться въ душѣ, что, несмотря на грубую форму, въ ней заключается много горькой и тонко-психической истины.

— И развѣ она понимаетъ васъ? — продолжала матушка въ болѣе спокойномъ и мирномъ тонѣ. — Развѣ она способна оцѣнить васъ, какъ оцѣнила бы другая любящая женщина?.. Ей нужно ваше положеніе въ свѣтѣ, ваше имя, деньги, блескъ — вотъ, что ей нужно, а вовсе не сердце ваше!.. Мнѣ, можетъ быть, какъ матери, и не слѣдовало бы высказывать это, но я безпристрастна, я не могу скрыть истины. Милочка не стоитъ вашей любви, Платонъ Васильевичъ! И потому не торопитесь вы съ этимъ разводомъ!

Оба молча и грустно вздохнули и оба горячо пожали другъ другу руку.

* * *

Оставшись одна, Ольга Романовна вдумалась въ свой послѣдній разговоръ и задала себѣ вопросъ: хорошо-ль это она дѣлаетъ, что разстраиваетъ счастье дочери? Но припоминая минуту, она не могла не сознаться, что всѣ эти признанія вылились почти помимо собственной ея воли изъ ея влюбленнаго и ревнующаго сердца. Она, какъ лошадь, непри-

вычная къ шпорамъ, почувствовавъ прикосновение къ бокамъ своимъ нѣ острой и щекоушей стали, закусивъ удила и повесела—повесела черезъ камни, рвы, плетни и кустарники,—и чувствуетъ уже сама, что несетъ, несетъ безъ удержу, что можетъ быть грохнется съ-разбѣгу въ пропасть—но нѣтъ силъ остановиться...

Она безотчетно поддавалась эгоистической силѣ своего собственнаго чувства къ Вельтищеву. Старухи всегда болѣе всего на свѣтѣ дорожатъ своею послѣднею любовью, потому именно, что для нихъ это уже послѣдняя. Она ревновала свою дочь къ Платону и жестоко завидовала ей во всемъ—и въ ея любви, и въ ея положеніи, и въ ея средствахъ, и въ ея красотѣ, и молодости. Никогда не любивши безкорыстно и горячо свою дочь, она теперь иными минутами стала чувствовать къ ней какую-то злобу и ненависть. Поэтому, хотя укоряющій вопросъ и мелькнулъ на мгновение въ ея сознаниі, но онъ тотчасъ же улетучился, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда въ ея совѣсти.

— Я сама люблю его!—созналась она себѣ въ заключеніе.—Я сама хочу еще быть счастливою!

Х.

Крѣпость ищетъ капитуляціи.

Вельтищевъ почти ежедневно продолжалъ бывать у старой балерины, но, ведя очень ловко «интересную игру», не могъ однако-жъ отважиться на послѣднее и самое рѣшительное признаніе. Тщетно онъ старался увѣрить себя, что она вовсе еще не старуха, что еще есть въ ней нѣкоторая свѣжесть и даже остатки красоты и миловидности, и что наконецъ должно же когда нибудь ему рѣшиться «ради дѣла, ради спасенія себя, своей чести и свободы».—Нѣтъ! не могу!.. надо какъ нибудь иначе ухитриться!—говорилъ онъ себѣ, а время между тѣмъ уходило.

Влюбленная балерина, въ свою очередь, ежедневно ждала отъ него положительнаго признанія и затѣмъ рѣшительнаго приступа, чтобы немедленно сдаться ему на капитуляцію; но, видя медлительность противника, крѣпость эта сама рѣшалась, наконецъ, облегчить ему доступы.

— Платонъ Васильевичъ!—приступила она къ нему однажды въ то время, какъ онъ наклонился ея «ко-офъ».—Скажите мнѣ откровенно, неужели вамъ это доставляетъ такое наслажденіе мучить и терзать женщинъ, этихъ несчастныхъ и слабыхъ созданій?

— Кого же я терзаю?—усмѣхнулся Вельтищевъ.

— Нашъ бѣдный полъ.

— А именно?

— Нашъ полъ, говорю вамъ!.. Вы просто демоны!—съ страстнымъ придыханіемъ голоса выпалила она, подавшись къ нему плечами и грудью.

— Не замѣчалъ за собою такихъ художествъ!—будто бы не догадываясь, отрицательно качнувъ онъ головою. — Притомъ же я относительно женщинъ очень робокъ и застѣнчивъ.

— Вы?! Ха, ха, ха, ха!—разсмѣялась она своимъ горловымъ театрално-александринскимъ смѣхомъ.—Стало быть, вы любите, чтобы женщина сама дѣлала вамъ первое признаніе?

— То-есть, въ чемъ это?

— О, Боже мой! въ любви, разумѣется!

— Н-да, съ одной стороны, полагаю, это пріятнѣе.

— О! такъ вотъ вы какой мужчина!.. Значитъ, я правильно понимаю васъ... Это болѣе льститъ вашему самолюбію... Но вы—развѣ вы не понимаете, какъ трудно иногда бываетъ бѣдной женщинѣ сдѣлать первой подобное признаніе?

— Въ такомъ случаѣ, пусть она его не дѣлаетъ.

— Но если вы невольно вызываете ее на это?

— Въ такомъ случаѣ, пусть признается.

— Нѣтъ, вы, гадкій, противный, и больше ничего!—слегка хлопнула она его по рукѣ шелковой кистью своей накидки.

— Но что бы вы сказали,—продолжала она послѣ нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ колебаній,—и чтобы вы сдѣлали, если бы женщина... положимъ, такая какъ я, открыла вамъ свое сердце?

— Я?... я бы спросилъ, чему я обязанъ такою откровенностью?

— И если бы вамъ отвѣтили, что вы обязаны этимъ ея любви къ вамъ?

— Въ такомъ случаѣ я поблагодарилъ бы за честь и... вѣроятно, постарался-бы при случаѣ воспользоваться этою любовью.

Эксъ-балерина просіяла радостно и самодовольно.

— Ну, такъ знайте-же... начала-было она въ сильномъ волненіи, вся вспыхнувъ и подаваясь къ нему; но онъ, словно-бы не замѣчая этого, неожиданно и какъ-бы продолжая досказывать свою мысль, перебилъ ея признаніе.

— Кромѣ того, вы знаете, что любовь всегда требуетъ жертвъ и доказательствъ,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Да на какія же жертвы не способна любящая женщина, если она жертвуетъ даже своею, честью, своимъ положеніемъ?

— Жертвы бываютъ разные... а я отъ любящей женщины, можетъ быть, могу потребовать безусловныхъ жертвъ, безусловной вѣры въ меня, въ мою любовь, въ мое слово, въ мое

желаніе, въ мою прихоть, наконецъ, и кромѣ того—полнаго и безусловнаго подчиненія моей волѣ.

— Любимая женщина не разсуждаетъ и на все готова!—только вздохнувъ и закативъ глазки, мотнула головой балерина.

— Въ такомъ случаѣ, подобная женщина достойна полной любви и безграничнаго уваженія.

— Ну, такъ знайте же, что я одна изъ подобныхъ женщинъ!—выстрѣлила залпомъ Ольга Романовна.

«Боже мой!.. да минуетъ чаща сія!»—съ внутреннимъ комическимъ ужасомъ подумалъ Вельтищевъ.—Вотъ когда наступаетъ она, роковая минута!.. Ну, Платонъ Васильевичъ, выдерживай роль! Крѣпись!.. Игра «на пачѣ или пропасть» идетъ!.. Устройвай себѣ радостно-изумленную физиономію!»

— Да! я эта женщина!—закусивъ удила съ торжествующимъ и страстнымъ пафосомъ продолжала балерина, выпрямившись во весь ростъ передъ Вельтищевымъ.—Можетъ быть, это и смѣшно съ моей стороны, но... вы хотѣли отъ меня этого признанія—ну, вотъ и дождались!.. Я уже было думала о себѣ, что моя пора минута, что я вся живу въ моей дочери, и только—вы меня увѣрили въ противномъ, вы подстрекали меня, вы кокетничали со мною, вы раздражали мое женское чувство, вы одѣлали все, чтобы заставить меня безумно влюбиться въ васъ... Вы достигли всего, чего хотѣли!.. Да! я—старуха—безумно влюблена въ васъ!.. Вы хотѣли этого!.. Дѣлайте же теперь со мною все, что ни вздумается!.. Приказывайте, повелевайте, распоряжайтесь мною—я вся ваша! Я ваша раба и... я на все готова!

Глядя и слушая, Вельтищевъ даже испугался внутренно. Его не на шутку поразилъ огонь той искренней и пылкой, хотя быть можетъ и не совсѣмъ-то цѣломудренной страсти, который рвался въ словахъ, въ звукѣ голоса и кипѣлъ въ глазахъ, въ лицѣ, въ жестѣ, во всей фигурѣ этой женщины. Въ ней даже не осталось теперь ничего комическаго.—Напротивъ: при мысли о ея возрастѣ, она казалась ему ужасной.

Но ужасъ и колебаніе его были непродолжительны.

«Теперь, или никогда уже больше?» сказалъ онъ внутренно самому себѣ, вспомнивъ о своихъ деньгахъ и рабствѣ—и эта послѣдняя мысль пересилила все остальное.

ХІ.

Свободенъ.

— Однако, вотъ что, мой другъ!—сказалъ Вельтищевъ, какъ-бы между прочимъ, когда успокоился первый пылъ ея волненія.—Я еще

вчера хотѣлъ-было просить васъ, да, признаться, времени не было, какъ слѣдуетъ, заняться дѣломъ. Мнѣ необходимо надо свѣрить наши суммы съ моими счетами; я еще до сихъ поръ не успѣлъ этого сдѣлать, а между тѣмъ это необходимо, чтобы не выйти изъ вѣрныхъ расчетовъ... Такъ мы съ вами вотъ какъ устроимъ: я васъ приглашаю сегодня къ Борелю; тамъ мы пообедаемъ en deux, отпразднуемъ, какъ должно, нашъ первый счастливый день, но предварительно заѣдемъ ко мнѣ,—я же сегодня, кстати, въ каретѣ,—стало быть, насъ никто не увидитъ; а вы захватите съ собою наши пачки, мы ихъ оставимъ дома у меня, а послѣ обѣда вернемся опять ко мнѣ, вы отдохнете, а я тѣмъ временемъ одѣлаю свѣрку и возвращу вамъ ихъ обратно, потому—мнѣ все еще необходимо, чтобы онѣ хранились у васъ. Затѣмъ отвезу васъ домой, съ деньгами—и значить, мы опять-таки выѣдемъ кончить у васъ нашъ счастливый день Согласны?

Ольга Романовна, не усомнясь ни на минуту, охотно согласилась съ его желаніемъ. Ей такъ приятно улыбалась эта идея вкуснаго обѣда en deux съ такимъ романическимъ отѣнкомъ, при роскошной и комфортабельной обстановкѣ отдѣльнаго кабинета, въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ, но еще пріятнѣе казалось то, что она будетъ «у него», въ его квартирѣ, со всею таинственной обстановкой любовнаго свиданія. Она поспѣшно перемѣнила костюмъ и вручила Вельтищеву заветныя пачки, которыя были тщательно завернуты и перевязаны всѣ вмѣстѣ. Онъ плотно прижалъ ихъ къ груди, сокрывъ свою драгоценность подъ запахнутой шубой. «А что, какъ если теперь да вдругъ Людмила попадется на встрѣчу?» подумалось ему въ то время, какъ они вдвоемъ сходили съ лѣстницы—и эта мысль слегка повлияла на него неприятнымъ холодомъ.

«Пронеси, Господи, счастливо!» возвелъ онъ глаза свои къ небу съ тѣмъ религиозно-суевѣрнымъ и сильнымъ чувствомъ, котораго рѣшительно не замѣчалъ въ себѣ и даже не подозревалъ для себя его возможности до этой минуты.

«Ну! да впрочемъ теперь хоть бы сто Людмилъ попалось, но имъ у меня, пока живъ, не вырвать уже эту пачку!» рѣшительно подумалъ онъ, посадивъ въ карету Ольгу Романовну и спѣшно захлопнувъ за собою дверцу.

* * *

Пріѣхавъ къ себѣ домой, Вельтищевъ, пока его гостя ахала и восхищалась, разсматривая картины, мраморы и всю изящную обстановку его квартиры, поспѣшилъ первымъ дѣломъ захлопнуть подъ замкъ въ носгараемую кассу свои драгоценныя пачки.

— Такъ-то вѣрнѣе, замѣтилъ онъ обернувшись на него балеринѣ, опуская въ зарманъ ключъ отъ кассы;—не хорошо оставлять на

виду такіа деньги: невольный соблазнъ для прислуги.

Балерина вполнѣ согласилась съ этимъ практичнымъ замѣчаніемъ.

— Ну, а теперь ѣдемъ обѣдать!—торопливо предложилъ онъ.—Нечего по пустякамъ-то терять золотое время!

И они поѣхали къ Борелю.

Онъ заказалъ самый тонкій и дорогой обѣдъ съ самыми тонкими винами. Не мудрено: онъ праздновалъ, онъ торжествовалъ, онъ былъ радъ и счастливъ такъ, какъ никогда еще въ своей жизни; этотъ рѣдко-счастливый день былъ истиннымъ праздникомъ его души—праздникомъ возврата «своихъ» денегъ и освобожденія отъ рабства.

Онъ предварительно нарочно распорядился, чтобы прислуга какъ можно болѣе длила обѣдъ, а послѣ обѣда нарочно старался развлекать Ольгу Романовну веселою и забавною болтовнею, лишь бы только какъ нибудь оттянуть время.

Наконецъ, часы пробили половину десятого.

— Знаете что, мой ангелъ!—сказалъ онъ ей.—Я сегодня такъ счастливъ и вами, и моимъ днемъ, и моей любовью, и нашимъ обѣдомъ, и всѣмъ на свѣтѣ, и такъ весело настроенъ, что рѣшительно не въ состояніи заняться какимъ бы то ни было серьезнымъ дѣломъ; да къ тому же и поздно... Ужъ я лучше завтра сведу мои счеты и самъ доставлю къ вамъ деньги, а сегодня давайте пить, и пѣть, и дурачиться!.. Поѣдьте-ка прямо къ вамъ блаженствовать за чаемъ!.. Ну, стоитъ ли, и въ самомъ дѣлѣ, изъ-за этихъ скучныхъ расчетовъ, отдавать, на нѣсколько часовъ нашу радость, портить первый день нашего счастья?!.. Ѣдемъ, дорогая моя!.. Ѣдемъ!

«Ахъ, какъ онъ любитъ меня!.. Ахъ какой прелестный!» думала старая грѣшница, восторженно и нѣжно глядя на Вельтищева.

* * *

Она устроила въ своей комнатѣ «томный полусвѣтъ», который проливалъ подвѣшенный къ потолку матовый фонарикъ, и сдѣлала это не безъ умысла: она знала, что «томный полусвѣтъ», скрывая очень успѣшно морщины и другія прорѣхи ея возраста, вообще помогаетъ женщинѣ казаться болѣе интересною.

Въ настоящій вечеръ «томный полусвѣтъ» освѣщалъ небезынтересную картинку.

Вельтищевъ сидѣлъ за старымъ роялемъ, на которомъ еще училась нѣкогда играть маленькая Милочка, и аккомпанировалъ себѣ одну изъ бойкихъ и шикарныхъ шансонетокъ. Ольга Романовна, успѣвшая снова переодѣться въ свою распахнутую блузу, подъ вліяніемъ недавно выпитаго шампанскаго, стояла подлѣ Платона и, безъ словъ вторя его голосу, производила руками и плечами тѣ извѣстныя тѣлодвиженія,

которыя такъ нравятся въ канканеркахъ почитателямъ Буффа и Берга.

Оба они пѣли такъ весело, такъ безопасно, увлекаясь звуками игривой шансонетки; рояль такъ громко звучалъ подъ бѣглыми пальцами Вельтищева; канканерскія движенія экс-балерины были такъ пикантно-выразительны,—и вдругъ... внезапно-песаданно въ дверяхъ появилась Людмила Коробова.

И нужно же ей было появиться именно въ эту минуту!

Наша пѣвица такъ увлеклась своимъ дѣломъ, что не слышала звонка, который для нихъ, кромѣ собственныхъ голосовъ, былъ еще заглушенъ и громкими звуками разбитаго рояля.

Людмила стояла въ дверяхъ, вся блѣдная, съ нахмуренными бровями и съ выраженіемъ въ лицѣ строго-холоднаго удивленія.

Но Ольга Романовна, стоявшая къ дверямъ спиною, въ первый мгновеніе рѣшительно не замѣтила безмолвнаго появленія дочери и экспрессивно продолжала свои игривыя движенія, нагибаясь къ Вельтищеву черезчуръ уже явнымъ образомъ.

— Прекрасное занятіе!—раздался вдругъ за нею звучный голосъ Людмилы.

Ольга Романовна обернулась и, пораженная до послѣдней возможности, словно бы застыла на нѣсколько мгновеній въ пѣшомъ изумленіи и испугѣ.

Вельтищевъ тоже оборвалъ на полнотѣ свою шансонетку, вскочилъ съ мѣста и остался не въ лучшемъ положеніи.

Оба были поражены и сконфужены донѣльзя.

Людмила, оставивъ свою позицію въ дверяхъ, вошла въ комнату.

— Ахъ, Милочка.. это ты?—растеряннымъ голосомъ заговорила первая Ольга Романовна.

— Да, это я, и кажется, не совсѣмъ-то кстати.

— Отчего же.. я... я всегда тебѣ рада!

И матушка сдѣлала движеніе къ дочкѣ, чтобы поцѣловаться.

— Что это? никакъ вы пили?.. Отъ васъ вѣяло пахнеть!—съ презрительнымъ отвращеніемъ сказала Людмила, отстраняя отъ себя мать.

— А если бы и такъ, — тебѣ-то что?! Не въ гувернантки, кажись, надо мною представлена,—задорно возразила матушка, которую задѣло за живое это замѣчаніе.

— Платонъ Васильевичъ, потрудитесь объяснить, что все это значитъ?—холодно и твердо обратилась Людмила къ Вельтищеву.

— Я не понимаю вашего вопроса,—уклончиво отвѣтилъ онъ, успѣвъ уже овладѣть собою.

— Я васъ прошу объяснить мнѣ, что это такое у васъ тутъ происходитъ?.. — Поведеніе ваше и моей матушки относительно меня мнѣ кажется нѣсколько страннымъ.

— Я полагаю, что ни я, ни Ольга Романовна не обязаны никому давать отчетъ въ нашемъ поведеніи, и если самыя простыя и невинныя вещи могутъ казаться вамъ странными, то тѣмъ хуже для васъ.

Вельтишевъ сказалъ это не безъ достоинства; оправаясь отъ перваго смущенія, онъ быстро сообразилъ, что такъ какъ деньги теперь уже у него, то онъ можетъ держать себя съ Людмилой вполне независимо и даже сразу дать ей почувствовать это.

Людмила послѣ его словъ взглянула на него съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Отчего вы не изволили пожаловать ко мнѣ, когда я утромъ сегодня нарочно писала вамъ?—спросила она.

— Оттого, что прежде всего я самъ господинъ своего времени и не думаю, чтобы былъ обязанъ, ради всякой вашей прихоти, летѣть къ вамъ по первому зову.

— Съ давнихъ ли это поръ, Платонъ Васильевичъ?—язвительно и злобно спросила Людмила.

— Съ той самой минуты, какъ сталъ считать себя свободнымъ человѣкомъ,—проговорилъ онъ, взявшись за шапку.—До свиданія, Ольга Романовна!

И запросто, дружески пожавъ руку матушкѣ, онъ съ сухимъ, пронырски-выжливимъ поклономъ издала обратился къ дочкѣ:

— Честь либу кланяться, сударыня.

И затѣмъ удалился совершенно просто, спокойно и съ подобающимъ достоинствомъ.

— «Свободенъ!.. свободенъ!»—радостно повторялъ себѣ Вельтишевъ, шибко мчась домой по петербургскимъ улицамъ. Полуосвѣщенные каменные громады, выѣски, яркія окна, встрѣчные извозчики и пѣшеходы—все это казалось ему такимъ праздничнымъ, такимъ наряднымъ, свѣтлымъ и веселымъ; каждый газовый фонарь, казалось, привѣтливо мигалъ ему навстрѣчу,—какъ будто все это тоже раздѣляло его собственную радость и безмолвно говорило ему, привѣтствуя, то же самое заветное слово «свободенъ!»

XII.

Объ лучше.

Людмила уже нѣсколько времени назадъ стала замѣчать въ отношеніяхъ къ ней ея матери нѣкоторую перемену. Въ чемъ именно состояла эта перемена, она и сама не могла бы опредѣлить себѣ съ ясной и положительной точностью, но только смутно чувствовалось ей, что тутъ—«что то не то», такъ словно бы въ какомъ механизмѣ ослабѣлъ какой-либо, повидимому, ничтожный винтикъ или испортилась какая-то маленькая скрытая пружинка. Ей, напимѣръ, казалось страннымъ,

что мать стала бывать у нея гораздо рѣже, а потомъ и вовсе прекратила свои посѣщенія; не менѣе страннымъ было и то, что прежде, говоря безпрестанно о деньгахъ и добываясь, какъ и откуда достались Людмилѣ ея капиталы, она вдругъ прекратила всякіе разспросы и толки на эту тему, равно и всякій разговоръ о Вельтишевѣ не встрѣчалъ въ ней никакой поддержки; однимъ словомъ, и деньги, и Вельтишевъ, и сама Людмила, и ея планы и намѣренія—все это какъ будто разомъ и вдругъ перестало интересовать Ольгу Романовну. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Людмилѣ. Сначала она было не обращала на это ровно никакого вниманія, но съ прекращеніемъ посѣщеній матери, такой поворотъ въ ея поведеніи все болѣе и болѣе сталъ рисоваться въ глазахъ Людмилы въ видѣ нѣсколько страннаго и мало понятнаго вопроса. Что бы все это могло значить?—Людмила недоумѣвала, но все-таки продолжала придавать этому вопросу несмысленное значеніе «Вѣрно, дуется за мою скрытность,—ну, и пусть ее!» успокоительно думала она, когда вопросъ о переменѣ въ матери приходилъ ей въ голову.

Вельтишевъ тоже давно ужъ у нея не былъ, да и вопросъ о бракоразводномъ дѣлѣ, послѣ визита фонъ-Шнитцли, замолкъ и словно бы канулъ для нея въ Лету. Такое неопредѣленное положеніе стало, наконецъ, надѣдать Людмилѣ и даже нѣсколько тревожить ее. Она ждала каждый день какихъ-нибудь новостей по интересному для нея дѣлу, но дни проходили за днями, а новостей все нѣтъ, какъ нѣтъ, и Вельтишевъ не является безъ зова, да и мамаша давненько что-то не жалуется. Людмилу взяло сомнительное раздумье... Она написала Платону письмо, прося его зайти къ ней въ назначенный часъ; но этотъ часъ прошелъ, и оказалось, что она прождала весь день напрасно. Привыкши въ послѣднее время встрѣчать въ своемъ другѣ хоть и подневольную, но полную покорность и исполнительность, она не могла не сознаться себѣ, что нынѣшняя манкировка съ его стороны является чѣмъ-то необыкновеннымъ.—«Ужъ не боленъ ли? подумала Людмила. «Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ уведомить, написать, или прислать кого, а не заставлять меня ждать понапрасну!»

Вечеромъ раздумье Людмилы усилилось. Всѣ эти дни, чувствуя легкое нездоровье, она нигде не выѣзжала, оставалась все одна да одна и по-неволѣ стала скучать. Скука приносила съ собою недовольное, раздражительное состояніе духа, которое еще усиливалось вслѣдствіе неизвѣстности о ходѣ разводнаго дѣла, отсутствія матери и натянутыхъ отношеній къ Платону.

Прождавъ напрасно Вельтишева, она, со скуки и съ досады, рѣшилась ѣхать къ нему

оама, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, не боленъ ли?—Задумано и сдѣлано. Но какъ же было удивленіе и досада Людмилы Сергѣевны, когда человѣкъ Вельтишева сообщилъ ей, что баринъ передъ обѣдомъ изволилъ заѣзжать на минуту вмѣстѣ съ какою-то пожилою дамой и опять уѣхали съ нею куда-то въ каретѣ!—«Это еще что за пожилая дама!?! Ужъ не кроется-ль тутъ какія-нибудь питуки?» всплывъ на новую свою неудачу, подумала Людмила и отправилась домой.

Она была въ томъ состояніи души, когда человѣкъ, долгое время испытывъ одиночество, чувствуетъ, наконецъ, потребность раздѣлится съ кѣмъ-нибудь тяготящій его грузъ вопросовъ, мыслей и сомнѣній,—а для Людмилы, кромѣ матери, раздѣлится его было не съ кѣмъ. Она было и рѣшила себѣ ѣхать въ Свѣтлой переулочъ, но при этомъ у нея неволью поднялся вопросъ о странной пережвѣнн Ольги Романовны.—«Отчего она и въ самомъ дѣлѣ перестала вдругъ бывать, а главное, отчего перестала интересоваться деньгами?»

И Людмила вдругъ пришла въ голову нехорошая мысль: «а что, если милая мамаша задумала обратить эти деньги въ свою собственную пользу?.. Вѣдь это было бы возможно!.. Какъ у Платона на меня, такъ и у меня на нее нѣтъ вѣдь ровно никакихъ законныхъ уликъ и доказательствъ... И вдругъ она выхлопатываетъ себѣ заграничный паспортъ и улетаетъ съ деньгами въ какую-нибудь Швейцарію или въ Америку... И развѣ такой исходъ невозможенъ?»

Это предположеніе не казалось ей невѣроятнымъ. И что мудренаго: если она сама воспользовалась нечистымъ путемъ нечистыми деньгами, то почему подобный же путь былъ бы невозможенъ и для ея мамы?—Людмила Сергѣевна судила по себѣ и потому съ каждой минутой все болѣе находила возможнымъ, что въ поведеніи матушки кроется потаенная причина именно подобнаго рода.—«Вѣрно, что нибудь задумала насчетъ этихъ денегъ...»

Эта почти нечаянная мысль нѣсколько встревожила Людмилу. «Не лучше ли взять ихъ обратно?» подумалось ей. «Теперь ужъ, кажется, можно вполне безопасно держать ихъ у себя. Такъ-то, пожалуй, вѣрнѣе будетъ!..»

И съ этой мыслью, она направилась къ своей матери.

Читатель уже знаетъ первыя минуты и эффектъ ея неожиданнаго визита.

* * *

Съ уходомъ Вельтишева, Ольга Романовна вскочила съ мѣста и нервно зашагала по комнатѣ.

— Я желала бы знать,—затараторила она съ сильнымъ раздраженіемъ,—на какомъ это основаніи вы позволяете себѣ дѣлать скандалы въ моемъ домѣ?

— Скандалы?—сдвинула брови Людмила.

— Да-съ! да-съ!.. Скандалы!.. Какое право имѣете вы говорить дерзости моему гостю?! Я этого не позволю! Никому не позволю! Здѣсь, кажется, не вы, а я хозяйка!

— Да вы викакъ съ ума сошли!.. Вы забываете, кто онъ мнѣ!

— Вамъ?—Никто!.. Съ боку припека и только!..

— Ну, оставимъ эти разговоры; они равно ни къ чему не ведутъ!—довольно сдержанно замѣтила Людмила.—Я къ вамъ пріѣхала за дѣломъ, а вовсе не для того, чтобы браниться.

— Никакихъ я дѣлъ имѣть съ вами болѣе не желаю.

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Можете не имѣть впредь, но сначала надо кончить старья. Гдѣ у васъ мои деньги?

— Какія?—обернулась на нее Ольга Романовна.

— Чтѣ за вопросъ?—Мои разумѣется.

— У меня нѣтъ никакихъ вашихъ денегъ!.. И покорнѣйше прошу оставить меня въ покоѣ! Я женщина нервная и слабая, и мнѣ вредно всякое волненіе!

— Нѣтъ, позвольте; вы мнѣ отгѣйте прежде на вопросъ: гдѣ у васъ тѣ деньги, которыя я вамъ давала спрятать?

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія новости!.. «мои деньги!» Какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ ваши!

— Полагаю, что ужъ ни въ какомъ случаѣ не ваши.

— Не мои, да и не твои, матушка, а Платона Васильевича! Скажите, пожалуйста, какой контролеръ государственныя проивился!—Съ какимъ форсомъ, нестати!.. Ха, ха, ха, ха! «мои деньги!»—Это мнѣ нравится!

— Чьи бы онѣ ни были, но разъ, что я давала вамъ ихъ на сохраненіе, то вы, ежели честная женщина, обязаны теперь возвратить мнѣ ихъ.

— Извините, матушка!.. Опоздали - съ!.. Деньги возвращены по принадлежности-съ!

— Кому?!—съ ужасомъ вскочила Людмила!

— Какъ, кому?—Понятное дѣло, хозяину?.. Деньги Платона Васильевича—Платону Васильевичу я ихъ и возвратила!

— Вы лжете!—внѣ себя закричала Людмила.

— Передъ такой-то мразью, какъ ты, да еще лгать стану!.. А впрочемъ, покорнѣйше прошу въ моей квартирѣ не кричать, а то вѣдь я и за дворниками пошлю—у меня, матушка, не долго!

— Вы лжете!—истерически задыхаясь, повторила Людмила.

— Съ-роду еще врунѣй не была! Не въ тебя матушка!.. А чтѣ правда, то правда! По-

тому какъ деньги его и онъ спросилъ ихъ, и ему и отдала!

Людмила всплеснула руками.

— Господи!.. Этого только не доставало!.. Давно вы сдѣлали это?

— Когда-бъ вы сдѣлали, тебѣ-то что? Сегодня сдѣлали! Вотъ тебѣ, когда ты знать хочешь!

— Да нѣтъ, я не могу этому вѣрить!.. Деньги у васъ! у васъ! — настаивала Людмила. — Вы хотите сами воспользоваться ими, но вамъ этого не удастся! Если такъ, то не доставайся-жъ онъ никому! Я себя не пощажу, по все это разрушу!

— Рушь, сколько хочешь! Мое дѣло сторука! Я — женщина честная и поступила добросовѣстно! Я не воровка и чужого мнѣ не надобно — деньги у Вельтищева! Вотъ тебѣ и сказъ!

— А-а! теперь я понимаю! — съ мрачнымъ ужасомъ и злобой домекнулась Людмила. — Такъ вотъ что значитъ это ваше канканное подплясыванье, эти пѣсенки, этотъ запахъ винный!.. О, теперь, я все понимаю!.. Ахъ, вы, старая развратница! — съ злостнымъ презрѣніемъ бросила она въ лицо матери рѣзкое слово — и это слово было каплей, переполнившей сосудъ желчи и всякой мерзости. Ольга Романовна вспыхнула яростью. Она забыла въ эту минуту и женскій стыдъ и то, что она мать. Имя развратницы ударило ее ножомъ въ самое сердце и не столько еще самое пня, сколько впитеть «старая». Главное то, что старая. Этого слова она не могла простить: оно жестоко поразило и оскорбило мелкое, но задорное самолюбіе молодой и счастливо влюбленной кокетки, содержанки былого времени. Ей мгновенно и во что-бы то ни стало захотѣлось во-отчу доказать, что она не только не старая, но еще и счастливая соперница оскорбившей ее женщины. Эта мысль и желаніе овладѣли всѣмъ ея существомъ безраздѣльно и всецѣло; кромѣ ихъ, она уже ни о чемъ болѣе не въ состояніи была думать и разсуждать, окончательно потерявъ всякую способность сдерживать себя во-время.

— Я развратница?! Я?.. я старая?! старая?! Ну, такъ знай же ты, молодая, какая я старая!.. Видишь этотъ браслетъ? видишь? — Она подарилъ... И бархатное платье подарилъ, и брошку подарилъ, и брильянтовые серьги подарилъ, а тебѣ — шишъ!.. Вотъ ты и молодая!.. Развратница не я, а ты, ты, ты развратница! Потому что ты только обираешь, грабишь челоуѣка, ты не любишь челоуѣка, а я люблю его!.. Я честная женщина! Да, да! Люблю! И онъ меня любитъ!.. А ты можешь отчаивать къ своему благовѣрному! Вотъ тебѣ какая я старая!

Раздраженіе пѣжной маменьки дошло до высшей степени. Долѣе не было силъ уже

держаться. Она чувствовала, что подъ нею подкапываются ноги, что рыданія подступаютъ къ груди, а спазмы сжимаютъ горло — и потому, опрокинувшись въ первое попавшееся кресло, разразилась сильнымъ истерическимъ припадкомъ.

Озадаченная и пораженная Людмила, съ гадливымъ презрѣніемъ хлопнувъ за собою дверь, въ ту же минуту оставила квартиру своей матери.

XIII.

Два взгляда.

Чуть лишь вернулся домой Платонъ Васильевичъ, какъ тотчасъ же распорядился не принимать никого, ни подъ какимъ предлогомъ, ни о чемъ ему не докладывать, не беспокоить, не входить къ нему безъ звонка, потому что онъ будетъ занятъ дѣлами; затѣмъ онъ спустилъ въ своемъ кабинетѣ тяжелыя шторы и отперъ свою несгораемую, желѣзную кассу.

— Вотъ онъ, кровный!.. Наконецъ-то воротились!.. Но и какого же труда, какой игры это стоило!..

Платонъ Васильевичъ съ улыбкой подумалъ, что онъ съ полнымъ успѣхомъ и съ честью могъ бы занять на любомъ европейскомъ театрѣ амплуа «свѣтскаго злодѣя и обольстителя».

«Здѣсь ли опись и счетъ магазинный?» было первой его мыслью, когда онъ вскрывъ заветную пачку.

Онъ сталъ искать, перерывать бумаги и деньги — но нужныхъ документовъ нигдѣ не оказалось.

Это обстоятельство повергло его въ грусть и уныніе.

«Господи! «думалъ онъ». Неужели же послѣ столькихъ трудовъ и усилій и все еще не конецъ?! И нужно опять бороться, опять строить, придумывать, измышлять, играть новыя роли, быть можетъ... быть можетъ, рѣшиться на новое преступленіе!.. Неужели?!

«Нѣтъ!.. Довольно!.. довольно уже преступленій!.. будетъ... Я не могу уже больше, я усталъ... утомился..

«Деньги здѣсь, у меня; но что изъ этого!?

«Надо знать, гдѣ бумаги? гдѣ эти два проклятые документа, отъ которыхъ вся судьба зависитъ?

«Если у маменьки, то это пустяки: мы ихъ достанемъ!..»

Онъ вспомнилъ, что Людмила ему говорила, будто они въ «надежныхъ рукахъ» и, въ случаѣ ея смерти, эти надежныя руки передадутъ ихъ прокурорскому надзору.

«Значитъ, у маменьки!» рѣшилъ себѣ Вельтищевъ. «А если нѣтъ?.. Если у Людмилы?

«Тогда надо ихъ выкрасть у нея скорѣе, какими бы то ни было судьбами... Охъ, ужъ эти судьбы!.. жестоко онѣ издѣваются надо мною!»

* * *

Утромъ онъ получилъ отъ Людмилы коротенькую записочку слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!»

«Съ полученіемъ этой записки потрудитесь немедленно пожаловать ко мнѣ для необходимыхъ объясненій, если не желаете, чтобы противу васъ были приняты крайнія мѣры, которыя могутъ угрожать вамъ весьма печальными послѣдствіями. Считаю нужнымъ предвѣстить, что если черезъ полтора часа вы не придѣдете, то уже будетъ поздно».

— Значитъ, у нея!—съ досадою и скорбью сказалъ себѣ Вельтищевъ. — Значитъ надо ѣхать, а потомъ... потомъ за новую работу. И тотчасъ же, не теряя времени!.. Ну, Платонъ Васильевичъ! Сдѣлалъ ты много, такъ не падай же духомъ и додѣлывай послѣднее!

Къ назначенному сроку онъ уже былъ у Людмилы.

Къ крайнему удивленію, она приняла его безъ малѣйшей злобы и суровости; напротивъ, тонъ ея былъ очень спокоенъ и даже любезенъ.

— Благодарю за сегодняшнюю аккуратность!—съ улыбкой начала она, указывая ему на кресло. — Вы не опоздали ни одной минутой. Съ вашей стороны это очень любезно!.. Извините меня, что я потревожила васъ,—продолжала Людмила,—но надѣюсь, вы сами понимаете, что мнѣ необходимо переговорить съ вами.

Вельтищевъ слушалъ, храня упорное молчаніе.

— Прежде всего я должна отдать полную справедливость вашей мастерской интригѣ,—продолжала Людмила Сергѣевна. — Не знаю, какъ и черезъ кого вы узнали, что деньги хранились у моей матери, но вы достигли своей цѣли. Это показываетъ и умъ, и большую ловкость. Если со-временемъ вы сдѣлаетесь моимъ мужемъ, я—безъ шутокъ—вправѣ буду гордиться этими вашими качествами: они могутъ открыть вамъ блестящую дорогу!.. Да, ловкость и интрига—это двѣ важныя силы нашего времени!.. Но только вотъ что, Платонъ Васильевичъ: вы умны безспорно, да вѣдь и я не глупая дѣвчонка!.. Главная сила не въ деньгахъ, которыя вамъ удалось добыть себѣ вторично; главная сила въ документахъ, которыхъ вы никогда не добудете! Не ищите ихъ у матери: тамъ вы ничего больше не найдете, да ихъ у нея никогда и не было, и вѣрите мнѣ, что вамъ никогда не отыскать ихъ. Хотите вы выслушать мое послѣднее рѣшеніе? Я хочу, чтобы вы сдѣлали одно изъ двухъ: можете или оставить у себя деньги, но при этомъ вы должны знать, что документы будутъ представлены сегодня же и все дѣло

раскроется,—я никого шадить не буду!—или же можете привезти ихъ ко мнѣ; но не позже, какъ сегодня же! Въ послѣднемъ случаѣ мы съ вами помиримся совершенно и я дамъ слово никогда не упрекнуть васъ вчерашнимъ поступкомъ. Вы видите, что я и теперь говорю съ вами безъ малѣйшей злобы. Мало того, мнѣ бы хотѣлось, чтобы отнынѣ мы были по прежнему искренними и близкими друзьями; но помните только одно, что я не шушу и что рѣшеніе мое ни въ какомъ случаѣ неизмѣнно! Вамъ данъ срокъ,—отъ васъ, значитъ, зависятъ теперь выбрать то или другое.

Вельтищевъ слегка поклонился.

— Я подумаю,—сказалъ онъ тихо.

«Ну, Палаша, выручай!.. Теперь, какъ видно, опять за тебя надо приниматься!» подумалось ему въ эту минуту.

Онъ поднялся, чтобы уходить.

— Послушайте, Людмила Сергѣевна, мнѣ эти деньги нужны именно на нынѣшній день, поэтому я васъ умоляю отсрочить мнѣ возвратъ ихъ хоть до завтрашняго вечера!

— Платонъ Васильевичъ, мое слово сказано и другого вы отъ меня не услышите!—порѣшила Людмила и очень любезно пошла провожать его до прихожей.

Вельтищевъ, понидимому, никакъ не ожидалъ этой послѣдней любезности и потому нѣсколько оторопѣлъ и замаялся.

— Пожалуйста, не беспокойтесь... Къ чему же это?—пробормоталъ онъ, очевидно быстро обдумывая и соображая что-то другое.

— Ничего!.. я хочу быть до конца любезной хозяйкой.

Палаша уже держала въ рукахъ его шубу. Онъ значительно поглядѣлъ на дѣвушку,—та на него.

Отъ Людмилы не скрылись эти взгляды.

«Эге!.. это еще что за переминиванье?» подумала она, слѣдя за обоими.

— Сегодня... скорѣй!—рѣшился Вельтищевъ шепнуть Палашѣ въ ту самую минуту, какъ та открывала ему дверь.

Дѣвушка чуть замѣтно мигнула въ знакъ согласія.

Людмила подмѣтила и это; она не разслышала, что именно шепнулъ онъ, но знала, что какое-то слово было сказано.

Послѣднее обстоятельство показалось ей подозрительнымъ.

«Надо зорко теперь слѣдить и наблюдать за нею!» рѣшила себѣ m-me Коробова.

XIV.

Въ виду будущаго.

— Сударыня, позвольте мнѣ со двора.

— Куда это?

— Мнѣ нужно-съ!.. по дѣлу...

— По какому дѣлу?

Палаша замаялась.

— Такъ... свои дѣла есть... къ знакомымъ сходить.

— Когда же ты думаешь отправиться?

— Я?—сейчасъ, коли отпустите.

— Сейчасъ?—переспросила Людмила и задумалась.—Нѣтъ, сейчасъ я не могу отпустить тебя, а вечеромъ иди себѣ, коли хочешь.

— Мм... мнѣ надо сейчасъ, сударыня... мнѣ безпремѣнно надо.

— Если я разъ сказала: вечеромъ, то это ужъ во всякомъ случаѣ будетъ такъ, а не иначе.

Палаша еще что-то хотѣла-было возразить, но замаялась, надула губы и вышла изъ комнаты.

«Шопотъ и перемигиванья, и это «сейчасъ»—все это что-то не ладно! все это не съ-проста!» подумала Людмила. «Ужъ не въ заговоръ-ль и она у него, вмѣстѣ съ моей прелестной матушкой?.. Это перемигиванье вѣроятно условное и вѣроятно уже не первое, иначе оно не было бы такъ сразу понято ею... Значить, они уже видѣлись... Но гдѣ и зачѣмъ?.. Не изъ-за прелестей же Палашин!»

«Это не иначе, какъ по поводу денегъ», порѣшила себѣ Людмила, «это все витка одного и того же клубка, все та же интрига!»

Людмила строго порицала себя за свою до-вѣрчивость и безпечность. Она поняла теперь, что Вельтищевъ нарочно игралъ съ ней пред-взятую роль, чтобы мнимой своей покорностью усыпить ея бдительность. Она видѣла теперь, что ему удалось достигнуть этой цѣли, что деньги у него, что благодаря своей безпечности и до-вѣрчивости она прогладѣла ловкую интригу его съ матушкой; теперь-то, положимъ, ей понятна съ этой стороны вся интрига, но причѣмъ тутъ Палаша, и что такое эта Палаша и какую роль она играетъ? Какое назначеніе пред-назначено ей Платономъ Васильевичемъ?

Въ голову Людмилы зашла мысль, не хочетъ ли онъ, съ помощью горничной, избавиться отъ нея окончательно?.. И развѣ эта самая Палаша не можетъ быть куплена? и развѣ она не можетъ подсыпать ей чего нибудь въ первую же чашку чая, въ первый кусокъ какого-нибудь кушанья? Если онъ не остансится передъ смертью брата, то почему бы могъ задуматься надъ новой смертью?.. Теперь это довольно удобно: первый опытъ сошелъ съ рукъ благополучно, деньги въ его рукахъ, мамаша на его сторонѣ, влюблена, очарована; а онъ, пожалуй, не откажется и по-дѣлиться съ нею нѣкоторой частью этихъ денегъ—и мамаша будетъ довольна, мамаша будетъ молчать...

Людмилѣ на минуту сдѣлалось страшно.

Эта тревожная мысль нѣмѣла, на ея взглядъ, много вѣроятія. «Надо опасаться, надо слѣдить, надо принять свои мѣры!» рѣшила Людмила.

Среди столь тревожнаго состоянія духа, ей

мгновенно пришла-было мысль отказаться отъ денегъ, оставить въ покоѣ Вельтищева, однимъ словомъ—поразить его своимъ великодушіемъ; но она тутъ же сама засмѣялась надъ своей идеей.—«Слишкомъ позднее великодушіе!» сказала себѣ Людмила. «Онъ вправѣ будетъ съ презрѣніемъ посмѣяться надъ такимъ великодушіемъ... Но развѣ, кромѣ этого, мнѣ ничего ужъ болѣе не остается?»

Пришла и другая идея: пойти съ Вельтищевымъ на полюбленную сдѣлку, т. е. продать ему за хорошую цѣну уличающіе документы. Эта идея улыбалась ей болѣе, потому что была основана на болѣе практической почвѣ; но противъ нея возстало все тщеславное самолюбіе, которымъ съ такимъ избыткомъ была надѣлена Людмила.—«Какъ! говорило ей это чувство,—пойти на сдѣлку—значить признать себя побѣжденною; значить—изъ королевъ dobroхотно превратиться въ торговку; помириться на деньгахъ, тогда какъ я могла бы владѣть всѣмъ человѣкомъ, всѣмъ безраздѣльно, и его душой, и его именемъ, и всѣми его средствами! Эта сдѣлка, пожалуй, была бы пригодна, еслибы у меня не оставалось уже никакихъ иныхъ шансовъ, но развѣ всѣ мои шансы уже потеряны?—всѣ до одного, кромѣ этихъ документовъ?.. Неправда! пока документы въ моихъ рукахъ—онъ мой! Онъ хочетъ вырвать ихъ, вырвать съ помощью этой дѣвчонки,—можетъ быть, съ помощью преступленія—все это такъ, но я не уступлю безъ боя! Я буду бороться!.. Борьба еще не кончена, Платонъ Васильевичъ! Посмотримъ, чья-то еще возьметъ! Ужъ лучше же, если не мнѣ, такъ никому оно не достанется!»

Людмила хотѣла блеску, но не блеску содержанки, хотѣла богатства, но не богатства шикарной публичной женщины, на которую всякій имѣлъ бы право указывать пальцемъ. Она чувствовала, что ей нужно было бы громкое имя, солидное общественное положеніе, общественный почетъ и уваженіе. Прирожденная содержанка, такъ сказать, содержанка, по лагушечьей натурѣ, всегда стремится къ этой противоположной крайности, ибо у нихъ вмѣстѣ съ жадностью къ деньгамъ и блеску всегда стоитъ на первомъ планѣ болѣзненно-тщеславное самолюбіе, которое высшую цѣль свою представляетъ въ идѣе—быть блестящей, свѣтской и непремѣнно «порядочной» женщиной, у ногъ которой лежали бы всѣ сильные міра. Она не лгала Вельтищеву, не брала на себя лишняго, когда говорила ему, что сдумѣетъ быть для него рѣдкой въ наши дни женой, сдумѣетъ всегда и вездѣ поддержать на достоподобной высотѣ его имя и положеніе; она чувствовала въ себѣ достаточно энергіи и силы на все это, и вдругъ теперь—очутиться въ положеніи торговки!..

Эта мысль заключала въ себѣ для нея нѣчто ужасное.

«Надо сломить его, во что бы то ни стало! Надо довести его до неиритворной, до безусловной покорности!»

Но как?.. Как это сдѣлать?

«Надо распутать послѣднія нити его интриги—столкнуть съ дороги эту дѣвчонку... Надо бороться!»

Она чувствовала, что при всѣхъ успѣхахъ своей энергіи, при ея настойчивости, при неунынномъ вниманіи и наблюденіи за этой интригой, она можетъ помѣшать ея осуществленію, можетъ добиться своей главной цѣли; но тутъ напало на нее новое сомнѣніе, которое, впрочемъ, длилось весьма недолго. Ей пришла мысль, что женившись Вельтищевъ можетъ все-таки хотѣть и стараться отъ нея избавиться, что жажда крупной наживы и независимости будетъ постоянно препятствовать ему помириться съ его будущимъ положеніемъ, и что какъ если тогда онъ задумаетъ отправить ее къ праотцамъ?..

Эта послѣдняя мысль сначала было нѣсколько испугала ее, но, раздумавшись поглубже, Людмила пришла къ иному заключенію: она вѣрила въ могущество своей красоты, въ обаяніе своего тѣла; она знала уже по опыту, до какой степени простирается въ этомъ отношеніи ея власть надъ Вельтищевымъ: онъ никогда еще не могъ выдержать характера передъ этимъ всецѣльнымъ соблазномъ; до послѣдняго времени, она въ своемъ будуарѣ, съ глазу на глазъ, дѣлала изъ него все, что хотѣла; здѣсь онъ терялъ свою волю, свою твердость, становился послушнымъ ребенкомъ. Людмила знала это и потому всѣ свои надежды въ будущей брачной жизни возложила на искушающую силу своего женскаго обаянія. Она рѣшила, что съ выходомъ замужъ ей должно будетъ всемѣрно и постоянно, но тонко будить и дразнить въ этомъ человѣкѣ его чувственные инстинкты, удовлетворяя имъ рѣдко, чтобы быть всегда въ высшей степени желанной, чтобы каждая ея ласка казалась ему блаженствомъ и величайшей наградой; она разочла, что эту тактику придется поддерживать ей до тѣхъ поръ, пока онъ весь не очутится въ ея волѣ, пока ея будуаръ не перестанетъ его алчнаго стремленія къ наживѣ, пока онъ вполне не помирится съ тѣмъ положеніемъ, которое, по ея планамъ, предстоитъ ему въ дальнѣйшей жизни.

Людмила знала, что, какъ женщина, она можетъ и, стало быть, должна добиться торжества этого рода.

XV.

„Сорвалось“.

Вельтищевъ, по пути домой, заѣхалъ къ знакомому слесарю и купилъ у него коллекцію самыхъ разнообразныхъ и разнокалиберныхъ отмычекъ.

Время ему было дорого. Онъ нетерпѣливо ждалъ Палашу; но часы проходили одинъ за другимъ, а горячая не являлась. Платонъ испытывалъ злобное и тоскливое чувство, близко похожее на отчаяніе, и это чувство съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой росло и усиливалось. Онъ чуть не рыдалъ отъ нетерпѣнія и досады.

Наконецъ, въ девятomъ часу вечера она явилась.

— Что ты дѣлаешь со мною! Я жду тебя цѣлый день!—кинулся къ ней Вельтищевъ.

Дѣвушка объяснила, что барыня раньше этого часу никакъ не отпустила ее, да и теперь-то отпустила только потому, что и сама ушла одновременно съ нею.

— Куда ушла?—живо спросилъ Платонъ.

— Сказывали, будто къ мамашѣ.

«Ну, тѣмъ лучше! стало быть, времени терять нечего! Скорѣй!» порѣшилъ онъ внутренно и—сразу обратился къ дѣвушкѣ:

— Вотъ что, Палаша! Теперь ты мнѣ должна оказывать самую большую услугу, за которую требуй съ меня сколько хочешь—я не откажу тебѣ; только выручи.

— Что-жъ, я всегда готова для такого милаго барина,—пожеманничала Палаша.

— Ты не выдашь меня?

— Что-й-то, помилуйте, какъ это возможно...

— Ну, такъ слушай: у твоей барыни есть письма... ну, однимъ словомъ, ты понимаешь, какія письма... если бы мнѣ хоть одно такое досталось, я бы могъ уличить ее, и тогда — прощайте Людмила Сергѣевна! — Помоги мнѣ это сдѣлать.

Дѣвушка въ затрудненіи пожала плечами.

— Да какъ же это мнѣ возможно-съ!..

— Возможно! возможно! Ужъ я знаю! Тебѣ, напяримръ, извѣстно, гдѣ у нея хранятся ея бумаги?

— Бумаги у нихъ обнаковенно гдѣ—въ столѣ въ письменномъ, въ шкатулочкѣ изъ чернаго дерева и потомъ еще въ секретерѣ.

— Только въ этихъ трехъ мѣстахъ?

— Кажись, что только.

— Такъ ты вотъ что; ты мнѣ какъ можно скорѣе, то-есть сегодня же, добудь всѣ вообще ея бумаги, какія только есть, и тотчасъ же лети съ ними ко мнѣ, а я ужъ потомъ самъ разберу ихъ и отыщу, что мнѣ нужно.

— Ай, что вы!—замахала руками Палаша.— Вѣдь это, значить, мнѣ уворовать придется...

— Гдѣ-же уворовать, коли ты потомъ опять ихъ назадъ положишь!

— А коли барыня, не дай Богъ, застанутъ—тогда-то какъ же я?..

— Ну противъ этого у меня есть вѣрное средство!—успокоилъ Вельтищевъ, и, подойдя къ шифоньеркѣ, гдѣ у него между прочимъ помѣщалась домашняя аптечка, досталъ изъ

нея скляночку морфия. — Ты вѣдь всегда ставишь ей на ночь на столикъ стаканъ воды? — спросилъ онъ.

— Постоянно съ.

— И она всегда выпиваетъ его?

— Постоянно-съ, какъ, значитъ, ложатся, такъ выпьютъ сколько тамъ, и ночью потомъ; для этого я и графинъ съ водою завсегда имъ ставлю.

— Ну, такъ возьми эти капли и найди случай незамѣтно вылить немножко меньше половинны склянки въ стаканъ съ водою. Понимаешь?

Дѣвушка недоувѣрчиво, со страхомъ и изумленіемъ поглядѣла на Вельтищева.

— Нѣтъ, ужъ я на это не согласна, — проговорила она упавшимъ голосомъ; — подсыпать да подливать — за это вѣдь и на каторгу гоняютъ.

— Дурочка, да развѣ это ядъ! — засмѣялся Платонъ. — Вѣдь это не болѣе, какъ сонныя капли, и вотъ для доказательства, — смотри!

Онъ откупорилъ склянку, налилъ себѣ на языкъ двѣ-три капли и проглотилъ ихъ.

— Развѣ мнѣ охота подводить тебя подъ уголовное дѣло! — продолжалъ онъ. — Да и съ какой стати морить мнѣ хотя бы твою барыню?.. Я даю тебѣ сонныя капли для того, чтобы ты могла покойнѣе и надежнѣе сдѣлать свое дѣло — понимаешь?.. Когда она выпьетъ хоть три-четыре глотка, этого будетъ достаточно для самаго крѣпкаго сна часа на четыре, а въ это время ты осторожно отомкнешь ея ящики и добудешь мнѣ бумаги... Я самъ буду ждать хоть до утра у васъ на черной лѣстницѣ — ты мнѣ туда ихъ и вынесешь.

— А ежели проснется? — раздумчиво спросила Палаша.

— Не проснется, говорю тебѣ! Надо только не пропустить времени? — убѣждалъ Вельтищевъ. — Черезъ часъ послѣ того, какъ она выпьетъ, ты свободно вступи въ комнату и работай!

Палаша еще болѣе задумалась.

— Какъ же я буду работать, коли всѣ ключи у нихъ завсегда въ кошелькѣ подъ подушкой спрятаны? — замѣтила она.

Вельтищевъ досталъ связку отмычекъ.

— Этими работай! — предложилъ онъ.

— Что это-съ?.. Отмычки?.. Ни за что! Ни за что на свѣтѣ! — замахала испуганная Палаша. — Развѣ я мазурница какая, чтобы мнѣ съ отмычками на такое дѣло пускаться!.. И что-й-то вы, право, Платонъ Васильевичъ! это даже довольно обидно съ вашей стороны! Я такой марали напускаю на себя никогда не согласна!.. Нѣтъ, ужъ Господь съ вами! Дѣлайте вы сами какъ знаете, а я вамъ въ этомъ не помощница!

Вельтищевъ горячо принялся убѣждать ее, что это отнюдь не кража, что опасности для нея нѣтъ въ этомъ ни малѣйшей, что онъ

всегда сдумаетъ выгородить и защищать ее, но дѣвушка уперлась на своемъ и никакъ не соглашалась.

— Нѣтъ, ужъ, Платонъ Васильевичъ, какъ хотите, а только этого я ни за какія деньги не могу! За это вѣдь въ тюрьму берутъ, а изъ тюрьмы то вышедши, вся моя честь потеряна и мѣста хорошаго я себѣ нигдѣ ужъ не найду — потому, какіе же господа возьмутъ меня съ волчьимъ билетомъ?.. И сама не согласна, да и вамъ — извините меня — не поспѣваю!

Вельтищевъ рѣшился дѣйствовать крупнымъ соблазномъ. Онъ отомкнулъ свою кассу, досталъ оттуда холщевый мѣшочекъ и высыпалъ на столъ предъ Палашей кучку блестящихъ червонцевъ.

— Здѣсь тысяча рублей — это въ задатокъ! — сказалъ онъ, подвигая рукой къ дѣвущкѣ свое золото. — Сработаешь дѣло, получишь еще вдвое!.. Соглашайся, Палаша — у меня время не терпитъ!

Соблазнъ былъ великъ, но дѣвушка устояла.

— Нѣтъ, Платонъ Васильевичъ! — рѣшительно сказала она. — Не смущайте вы меня ни вашими словами, ни вашими деньгами! Не надо мнѣ ничего отъ васъ! Отпустите меня, лучше домой, потому я никакъ не согласна!.. Я доводить на васъ не пойду, а только дѣлайте себѣ, какъ сами знаете, а меня не путайте!

Вельтищевъ, въ злобномъ отчаяніи, крѣпко стиснулъ свои руки.

— Злодѣйка ты моя! Что же ты со мною дѣлаешь!.. Вѣдь ты рѣжешь меня! рѣжешь! — вѣвъ себя прошепталъ онъ сквозь сцѣпленные зубы и, словно обезсиленный, въ изнеможеніи опустился въ кресло и тяжело задумался.

Прошла минута самаго глубокаго, непрерывнаго молчанія. Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста, какъ-бы внезапно осянненный новою мыслью.

— Такъ ты на это рѣшительно не согласна! — обратился онъ къ дѣвущкѣ. — Ну, хорошо; значитъ, оставимъ эту мысль, но зато помоги мнѣ сдѣлать другое!.. Это ужъ совсѣмъ пустяки и для тебя ровно ничего не стоятъ! Людмила теперь, ты говоришь, нѣтъ дома?

— У мамашинъ-съ.

— Хорошо. Поѣдемъ сейчасъ вмѣстѣ, и пока ея нѣтъ, я самъ осмотрю все, что мнѣ надобно. Ты только запрешь двери и въ прихожей, и въ кухнѣ, и кто бы тамъ ни звонилъ, кто бы ни стучался, хоть бы сама твоя барыня, хоть бы полиція — ты не отмыкай, пока я не кончу. Это не будетъ долго, а тогда мы выйдемъ съ тобою либо по парадной, либо по черной лѣстницѣ, и черезъ десять минутъ ты вернешься, какъ ни въ чемъ не бывало. Палаша молча стояла въ нерѣшительномъ недоумѣніи.

— Палаша! некогда!.. Время не терпять! — убѣдительно дергая ея руку, напряженно молилъ Вельтищевъ. — Бери что хочешь съ меня, бери это золотое, но только ѣдьте сію минуту!.. ѣдьте, а то неравно она успѣетъ вернуться!.. ѣдьте, проклятая, говорю тебѣ!

И онъ почти насильно увлекъ ее за собою въ прихожую.

Лакей накинулъ на него шубу и отомкнулъ дверь.

Вельтищевъ ступилъ за порогъ но вдругъ отступилъ назадъ въ кѣмозъ и смущенномъ ужасѣ.

На площадкѣ его лѣстницы стояла Людмила.

* * *

Она не поѣхала къ «мамашѣ». Когда Палаша вечеромъ вторично стала проситься у нея со двора, т-те Коробова приказала ей дать себѣ одѣться, сказавъ что она отирается къ матери. Выйти ранѣе своей горничной, она порядила себѣ извозчика и, велѣвъ ему стать въ тѣни, противъ воротъ своего дома, на противоположной сторонѣ улицы, стала зорко наблюдать, когда выйдетъ Палаша.

Послѣдняя не заставила долго ожидать своего появленія.

Людмила видѣла, какъ она порядила себѣ сани, и приказала своему извозчику ѣхать сюда, ни на мигъ не упуская изъ виду дѣвушку. Почти по сѣдамъ ея она поднялась на лѣстницу и рѣшилась дожидаться здѣсь выхода либо Палашы, либо Платона Васильевича.

Швейцаръ подошелъ къ ней и освѣдомился, чего ей угодно.

Людмила сунула ему въ руку рублевую бумажку и объяснила, что ей нужно именно здѣсь, на лѣстницѣ, подождать Вельтищева. Удовлетворенный этимъ объясненіемъ, швейцаръ скрылся въ свою кануру и не беспокоилъ ее болѣе своею особою.

Людмилу подмывало дернуть за звонокъ, войти въ квартиру и захватить обоихъ на мѣстѣ, но она удержалась отъ этого намѣренія, разотца, что звукъ звонка предупредитъ ихъ и заставитъ либо скрыться, либо принять какія нибудь мѣры предосторожности.

Впрочемъ, ей не долго пришлось дожидаться.

* * *

— Потрудитесь вернуться. Я не задержу васъ! — твердо и спокойно сказала Людмила, входя въ прихожую. — А! и ты здѣсь, Палаша!... Очень рада! Кстати, мнѣ и тебя надо видѣть. Оставайся! — Платонъ Васильевичъ, — обратилась она къ Вельтищеву, — потрудитесь скинуть вашу шубу и войти со мною въ комнату: я задержу васъ не болѣе, какъ минутъ на пять.

Смущенный, какъ школьникъ, Платонъ безпрекословно подчинился ея требованію.

— Войди и ты, Палаша, — предложила она дѣвушкѣ.

И всѣ втроемъ, они прошли въ кабинетъ Вельтищева.

— Моя милая, — спокойно и сдержанно обратилась Людмила прежде всего къ своей горничной. — Ты можешь ко мнѣ болѣе не возвращаться. Завтра утромъ зайди за твоими вещами и за расчетомъ, но чтобы сегодня я у себя уже не видала тебя больше! Теперь можешь выйти отсюда.

Дѣвушка, невольно покоряясь ея холодно-твердому взгляду и властному слову, безмолвно вышла изъ комнаты.

— Теперь мнѣ остается кончить съ вами, Платонъ Васильевичъ, — запирая за нею дверь, обратилась Людмила къ Вельтищеву. — Какія-нибудь двѣ недѣли назадъ вы умоляли меня пощадить васъ. Я вамъ повѣрила и согласилась на извѣстныхъ условіяхъ, но все ваше поведеніе оказалось сплошнымъ притворствомъ: вы затѣяли противъ меня подпольныя интриги и сдѣлали то, что я теперь не могу вамъ болѣе вѣрить. Я не хочу знать, зачѣмъ у васъ была эта дѣвочка, но мнѣ достаточно, что она у васъ была — и я отлично понимаю ваши цѣли. Теперь я убѣдилась, что мнѣ съ вами жить невозможно; намъ надо разстаться. Вы на меня смотрите, какъ на врага, тогда какъ доселѣ я была вамъ самымъ искреннимъ, самымъ близкимъ другомъ. Къ сожалѣнію, вы этого не понимаете.

Платонъ улыбнулся проницески и горько.

— Нечего усмѣхаться, Платонъ Васильевичъ!.. Да; я была вамъ другомъ! Если я рѣшилась присвоить себѣ ваши деньги, такъ это для вашего же счастья! Вѣдь я слишкомъ хорошо знаю весь вашъ характеръ, вашу несчастную страсть къ азартной биржевой игрѣ, къ эфемернымъ предпріятіямъ, которые васъ рано или поздно погубятъ, доведутъ до нищеты, до ничтожества, — быть можетъ, до новыхъ преступленій. Съ этою страстью вы дурно кончите, Платонъ Васильевичъ!

Вельтищевъ слушалъ мрачно, стоя у стола и низко потупивъ голову.

— Я думала, — продолжала межъ тѣмъ Людмила, — я надѣялась, что, выйдя за васъ замужъ, я сдѣлаю моей любовью пересилить въ васъ эту несчастную страсть, что вы наконецъ очнетесь и вмѣсто спекуляцій займетесь какимъ-нибудь честнымъ и достойнымъ васъ дѣломъ, которое далеко могло бы выдвинуть васъ въ жизни; я думала, что, любя меня, вы наконецъ охладѣете къ биржѣ; я заботилась не о настоящемъ, но о будущемъ, о вашей старости, наконецъ, о вашихъ дѣтихъ, если бы они могли у насъ быть, и вотъ для всего-то этого я и хотѣла сохранить неприкосновенно ваши нынѣшнія средства; я

знала, что они будутъ сохранены только въ моихъ рукахъ; говорю вамъ, я знаю вашу характеръ — потому-то мнѣ и пришлось дѣйствовать съ вами такъ настойчиво, такъ круто. — Вотъ вамъ объясненіе моихъ поступковъ! Теперь же взгляните на ваши! Ваши поступки относительно меня — рядъ самыхъ низкихъ интригъ, изъ которыхъ каждая — самое жестокое оскорбленіе! А я, Платонъ Васильевичъ, никому не прощаю оскорбленій; поэтому мы съ вами еще посчитаемся!

Людмила поднялась съ мѣста.

— Я думаю, что съ этой минуты между нами все уже кончено! — рѣшительно объявила она Вельтищеву. — Оставляйтесь съ вашими деньгами, а я останусь съ моими документами. Но чтобы обезопасить себя отъ вашихъ интригъ и покушеній, я завтра же уѣзжаю изъ Петербурга. Куда? — это пока вамъ не будетъ извѣстно, но вы вскорѣ обо мнѣ услышите!

И Людмила спокойно вышла изъ кабинета.

Вельтищевъ долго еще стоялъ у стола, погрузивъ голову, какъ словно-бы столбнякъ напалъ на него. Ни проблеска мысли, ни движенія какого либо чувства не было замѣтно на его блѣдномъ, омраченномъ лицѣ. Онъ весь былъ подавленъ, уничтоженъ, ошеломленъ и не успѣлъ еще очнуться.

Но вотъ онъ, крѣпко стиснувъ челюсти, злобно закричалъ зубами и съ дикою тревогой оглядѣлся вокругъ. Подъ руку подвернулся ему стулъ — онъ съ бѣшенствомъ хватилъ его объ полъ и разломалъ въ куски.

Лакей приближалъ было на шумъ, но Вельтищевъ такъ сверкнулъ на него глазами и такимъ голосомъ крикнулъ «вонъ!» — что тотъ опомнился только въ своей комнатѣ.

На стѣнѣ у Платона висѣлъ большой фотографическій портретъ Людмилы, прекрасно иллюминированный акварелью.

Вельтищевъ случайно взглянулъ на него и, вдругъ сорвавъ его со стѣны, грянулъ объ полъ изъѣденною орѣховую рамку и злобно сталъ мозжить каблуками стекло и топтать портретъ любимой женщины.

Это было жалкое, безсильное мщеніе.

Спазмы стали дунять его грудь и горло. Всплывшисъ руками себѣ въ волосы, онъ бросился ничкомъ на широкую отоманку и зарыдалъ. Рыданія душили его, но слезъ не было. Онъ грызъ зубами бархатную подушку и весь дрожалъ конвульсивною дрожью въ жестокомъ истерическомъ припадкѣ.

«Рабъ... рабъ... теперь уже все кончено... теперь уже рабъ ея на вѣки!» смутно мелькала страшная мысль въ пылавшей головѣ Вельтищева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

„Идетъ онъ, какъ волъ на закланіе“.

Вельтищевъ никогда еще не проводилъ такихъ мучительныхъ, бессонныхъ часовъ, какъ ныѣшней ночью. Изступленіе, злоба, отчаяніе, яростное желаніе убить Людмилу — и уже не изъ-за денегъ, а просто изъ мести — всѣ эти чувства сѣялись въ его душѣ одно другимъ, пока ихъ бурный наплывъ не сдѣлалъ, не обезсилялъ его окончательно. Утомленный, разбитый и нравственно, и физически, онъ пришелъ, наконецъ, въ какое-то оупиеніе, словно бы лишился способности мыслить, чувствовать и понимать что либо. — Это была крайняя степень моральной усталости и изнеможенія. Не это состояніе принесло ему съ собою и долю необходимаго покоя. Съ туманомъ забытыя, явился тотъ глубокий, глухой, мертвый сонъ, которымъ только и могутъ спать крайне утомленные люди.

Этотъ продолжительный сонъ подѣйствовалъ на него освѣжающимъ образомъ, главное — онъ успокоилъ его нервы, умиротворилъ всю бурю, скопившуюся вчера въ его душѣ, и возвратилъ головѣ способность мыслить и, болѣе или мѣнѣе, спокойно обсуждать настоящее положеніе.

Онъ бросилъ случайный взглядъ на исковерканный, разможенный и растоптанный портретъ Людмилы и усмѣхнулся надъ самимъ собою горькою и грустною усмѣшкой.

Однако же предстояло на что нибудь рѣшиться: ему невозможно было оставлять себя долѣе въ столь неопредѣленномъ полуженіи относительно Людмилы и въ полной неизвѣстности относительно ожидающей его участи, которая теперь всецѣло была въ рукахъ этой женщины. Время не ждало, и каждый часъ промедленія былъ сопряженъ для него съ полѣчайшимъ рискомъ: а вдругъ она теперь же представитъ документы и выдастъ его головою?

Одна эта мысль обдавала его холодными мурашками.

«И чего, въ сущности, хочетъ эта женщина?»

Вельтищевъ понималъ, что хочетъ она денегъ, но въ то же время понималъ, что главное для нея — все-таки не въ деньгахъ: деньги тутъ были средствомъ, но не цѣлью; она не продала бы ему документы за какой нибудь кушъ, хотя бы и очень солиднаго свойства: она хотѣла продать его цѣною всей нравственной, гражданской и физической личности Вельтищева. Платонъ понималъ, что ей прежде всего хочется того почетнаго блеску, который даетъ видное, привилегированное общественное положеніе. — «Но если ужъ всѣ пути мнѣ отрѣзаны», думалъ онъ, спокойно взглянувъ свое

некрасивое положеніе, «если ужъ ничего болѣе не подѣлаешь, ничего не изобрѣтешь, ничѣмъ не выкрутишься, то въ сущности—отчего бы и не жениться на ней?»

«Быть нищимъ и жить подѣ опасеніемъ позора и каторги, а можетъ—и быть нищимъ, и быть на каторгѣ; или же обойти три раза вокругъ наложъ и сохранить за собою, если не внутренно и если не дѣйствительно, то хоть наружно почти всѣ преимущества своего теперешняго положенія;—что лучше? что предпочесть изъ этого?»

Выходъ изъ такой дилеммы не представлялъ болѣе сомнѣвій для Вельтишева. Онъ просто усталъ, утомился всѣми своими подвигами и всею борьбою и всѣми этими передригами послѣднихъ дней. Ему прежде всего хотѣлось бы теперь покоя, отдыха,—не навсегда, конечно, но на нѣкоторое время, потому что послѣ того, какъ игра его съ Людмилой была проиграна и какъ онъ поневолѣ призналъ себя въ-концѣ побѣжденнымъ, потребность успокоенія стала вдругъ настоятельно сказываться въ его истрепанной душѣ.

«Жениться!.. да; жениться!—а тамъ, все это перемелется и авось либо еще и мука будетъ!» утѣшалъ себя Вельтишевъ. «И наконецъ, развѣ нельзя будетъ своевременно избавиться и отъ будущей супруги?.. Годика едакъ черезъ два, когда все это попризабудется да поужажется у нея въ душѣ, вдругъ въ какомъ нибудь мирномъ городишкѣ Италіи или Швейцаріи... скоростигная смерть... страдающій, несчастный мужъ... интересный вдовецъ...»

Но мысль о новой насильственной смерти вдругъ сдѣлалась ему противной. Въ душѣ его шевельнулось какое-то трудно-опредѣлимое чувство, которое смутно подсказало ему, что едва ли онъ рѣшится когда нибудь относительно Людмилы на этотъ уже знакомый ему шагъ—я именно относительно ея одной только. Не ея угрозы и не собственная трусость, не опасеніе за свою судьбу и даже не сознаніе нравственнаго превосходства надъ нимъ ея характера, ея силы и воли заронили въ него это сомнѣніе въ возможности избавиться отъ нея послѣдствіемъ тѣмъ же путемъ, какъ уже избавился онъ отъ кузена Макса;—нѣтъ, смутное чувство, внезапно шелохнувшееся въ душѣ его при этой мысли, было совсѣмъ иное: то было чувство своеобразной, животной любви и страсти къ этой женщинѣ, которое не могло быть истреблено въ его душѣ даже всею силою ненависти къ ней. Это была любовь—пожалуй, гадкая и темная въ своемъ источникѣ, но сильная и одолющая не волей, не разсудкомъ, даже не ненавистью, а однимъ лишь всепобѣждающимъ и всепокоряющимъ временемъ. Но это время далеко еще не наступило для Платона Вельтишева.

Смутно припоминая вчерашнюю сцену, онъ

вспомнилъ, что Людмила, кажется, сегодня же хотѣла уѣхать изъ Петербурга. Куда именно, въ какое мѣсто думаетъ она отправиться—онъ не зналъ и даже не могъ представить себѣ приблизительно; но онъ боялся, что она уѣдетъ, не повѣдавшись съ нимъ, подѣ полнымъ впечатлѣніемъ вчерашняго разрыва, что теперь она озлоблена на него и, пожалуй, начнетъ немедленно же мстить ему, а если и не немедленно, то все же онъ останется на неопредѣленное время при полной неизвѣстности насчетъ ея цѣлей и намѣреній, и долженъ будетъ жить подѣ постояннымъ страхомъ, что вотъ-вотъ, не сегодня—завтра, она начнетъ противъ него дѣйствовать, а тутъ, можетъ быть, пойдутъ черезъ нея же разные предварительные темные слухи... И все это теперь, все это именно въ ту минуту, когда ему болѣе всего хочется покоя, отдыха, забвенія, когда ради этого желанія онъ даже искренно готовъ смириться, уступить, покориться волѣ этой женщины, даже искренно примириться съ ней и съ своимъ будущимъ положеніемъ, лишь бы только гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь найти себѣ это желанное успокоеніе.

Боясь упустить Людмилу, онъ, не теряя времени, отправился къ ней на квартиру..

II.

На мировую.

Дверь отворила ему краснощекая дворничиха, которую на время пригласила къ себѣ Людмила Сергѣевна. Палаши уже не было въ этой квартирѣ.

Въ гостиной, посреди комнаты, на полу, присутствовалъ развернутый чемоданъ, на столахъ стояли какія-то коробки, на стульяхъ и креслахъ лежали разные узелки, свертки, сакки и вещи, очевидно, приготовленные къ дорожной укладкѣ, которая была неожиданно прервана приходомъ Платона Васильевича. Но самой Людмилы онъ не нашелъ въ этой комнатѣ.

— Что это? Никакъ, барыня уѣзжаетъ?—на-рочнымъ тономъ удивленія спросилъ онъ дворничиху.

— Какъ-же-съ!.. Саводни въ чатыри часа ѣдутъ... Вотъ, и меня позвали помочь убираться,—апатичнымъ русскимъ расхѣломъ отвѣтила краснощекая баба.

— А Палаша-то гдѣ же?—значительно тише спросилъ Вельтишевъ.

— Этга дѣушка-то ихняя?.. Отпустили-съ!.. Разсчитали вотъ только-что передъ вами, а меня позвали; потому нмъ къ спѣху...

Въ это время растворилась дверь изъ бу-дуара и на порогѣ появилась Людмила съ выраженіемъ холоднаго вопроса въ лицѣ.

Платонъ, съ пріятливой улыбкой, напра-

вился-было къ ней, но она, не покидая своего мѣста въ дверяхъ, загородила ему дальнѣйшую дорогу.

— Бога ради, на вѣсколько словъ!.. по-французски пробормоталъ Вельтищевъ черезчуръ уже озадаченный и невольно, хотъ и ожиданно смущенный такимъ рѣзко-холоднымъ пріемомъ.—Я привезъ ваши деньги.. вотъ онѣ, здѣсь, со мною...

— Вы ошибаетесь: у васъ не было и нѣтъ никакихъ *моихъ* денегъ,—холодно возразила Людмила.

— Прости меня, Людмила!—горячо заговорилъ онъ на томъ же языкѣ.—Дѣлай теперь со мною что хочешь—я безусловно твой!.. Говорю тебѣ искренно, честно... Вѣрь мнѣ!..

Она въ отвѣтъ чуть-чуть усмѣхнулась утихой враждебнаго недоверія.

— Вѣдь вотъ же, я исполнилъ твою волю, я привезъ эти деньги,—говорилъ онъ, тѣсно стараясь сунуть ей въ руки свои пачки.

— Вы забываете, что я еще вчера совершенно отказалась отъ нихъ,—отстранила она его руку.

— Нопусти же меня!.. хотъ на два слова!.. Мнѣ, наконецъ, необходимо переговорить съ тобою!

— Говорите здѣсь, если угодно...

— Но это неудобно же!—покосялся Вельтищевъ на дворничиху.

— Что-жъ дѣлать!.. Но я рѣшилась вообще не говорить и не видѣться съ вами впредь иначе, какъ только при свидѣтеляхъ,—пояснила Людмила со своею подавляющей холодною.

— Господи!.. да вѣдь не убью же я васъ!..

— Какъ знать!—Развѣ вы на это не способны?

— По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту!.. горько усмѣхнулся онъ.—И наконецъ, вѣдь рядомъ же съ вами будетъ эта женщина... дверь не заперта... Людмила!—обратился онъ къ ней вдругъ съ самою искренней, порывистой мольбою.—Пойми, мнѣ надо, *надо* говорить съ тобою... Сжался!.. Ты не знаешь... я... я слишкомъ жалокъ и несчастенъ въ эту минуту!.. Не откажи мнѣ!

Послѣдовала минута колеблющагося раздумья.

— Пожалуй, быть по вашему!—усмѣхнулась она.—Собственно для того, чтобы вы не думали, будто я и въ самомъ дѣлѣ трушу передъ вами, страшусь васъ... Войдите!

И она затворила дверь за вошедшимъ Вельтищевымъ.

— Смотри и считай—онѣ всѣ пачки!—сказалъ онъ, положивъ передъ ней на столъ свои пачки.

Та отказалась.

— Людмила! Что-жъ это значитъ?

— Вамъ уже объявлено мое вчерашнее рѣшеніе.

— Но что-жъ ты хочешь дѣлать?

— А, это уже мое дѣло, въ которое я вовсе не намѣрена посвящать васъ.

Вельтищевъ замаялся и замолчалъ.

— Ты уѣжаешь?—сказалъ онъ послѣ минутъ смущенія.

— Какъ видите.

— Куда же ты ѣдешь?

— Это до васъ не касается.

— Но возьми же, по крайней мѣрѣ, деньги-то!

— Можете оставить ихъ при себѣ.

— Но вѣдь ты же сама желала имѣть ихъ у себя?!

— Да, до вчерашняго вечера; до тѣхъ поръ, пока еще не считала васъ для себя чужимъ и враждебнымъ человекомъ.

— Людмила, я не врагъ!—горячо и съ глубокимъ чувствомъ заговорилъ Вельтищевъ.—Я не переставалъ любить тебя, хотя минутами—признаюсь—я глубоко тебя ненавиждѣлъ... Я и теперь люблю тебя, какъ прежде, но... ты со мною такъ круто, такъ жестко попернула съ этими деньгами, ты такъ неожиданно и сразу захотѣла взять надо мною нравственный верхъ, сломить, уничтожить всю мою личность, мою самостоятельность, что я не могъ подчиниться тебѣ съ первой же минуты: противъ этого вопіало и самолюбіе, и эгоизмъ, и всѣ мои расчеты... Вѣдь согласишься, что ты же первая обманула мое довѣріе, ты захотѣла сдѣлать изъ меня раба, а противъ этого заговорила вся моя душа, возстала вся моя натура. Я долженъ былъ бороться; пойми ты это—*долженъ*! Я не могъ уступить безъ борьбы, пока у меня была еще хотъ искра надежды... Я лгалъ, я притворялся, я обманывалъ—все это такъ; но я считалъ, что въ этой борьбѣ наши оружія равны: ты употребила надо мною нравственное насилие, я употребилъ интригу, и думаю, что насчетъ оружія мы сквитались. Но теперь... теперь я признаю себя побѣжденнымъ. Мнѣ больно и горько это сознаніе, но я говорю искренно—такъ искренно, какъ, можетъ быть, никогда еще не говорилъ въ моей жизни. Я сознаю, что ты умнѣе, ловчѣе, прозорливѣе меня, гораздо сильнѣе меня волей и характеромъ—и я готовъ подчиниться тебѣ.. Теперь я самъ признаю твою власть надо мною и молю тебя—прости меня!

Онъ порывисто схватилъ ея руку и молящимъ взоромъ жадно ждалъ ея слова, ея рѣшенія.

— Дѣвъ недѣли назадъ,—неспѣшно заговорила Людмила, равнодушно высвобождая свою руку,—вы съ такой же точно покорностью, съ такимъ же смиреніемъ умоляли меня не *простить*, а *пощадить* васъ, послѣ того какъ вамъ не удалось задушить или застрашать меня—и я вамъ повѣрила. Теперь вы молитесь о прощеніи, но... я уже не могу болѣе вѣрить

вамъ. Какое ручательство можете вы дать мнѣ въ томъ, что, выйдя за порогъ этой квартиры, вы тотчасъ же не начнете протравлять меня по-выхъ интригъ и козней?

— Мнѣ уже нѣчего болѣе начинать!—пожавъ плечами, покорно склонилъ онъ голову.

— Вы и тогда говорили, что у васъ нѣтъ никакихъ выходовъ, и однакоже...

— И однакоже я попробовалъ? Да, вы правы.—Я напрягъ все свои силы и способности въ этой игрѣ и проигралъ.. проигралъ въ ту минуту, когда считалъ себя побѣдителемъ.. Теперь я усталъ: у меня нѣтъ болѣе ни силъ, ни охоты вести болѣе эту игру: я хочу покоя и только покоя! Поэтому я еще разъ говорю вамъ: простите, берите эти деньги; я самъ — самъ теперь привожу ихъ къ вамъ и прошу взять ихъ; взаимнѣ ихъ я желаю одного лишь покоя, говорю вамъ!.. Вѣдь есть же мѣра и предѣлъ всякой силѣ, вслѣдствіе энергіи.—Моя энергія уже истощилась. Дайте мнѣ отдохнуть, Людмила Сергѣевна! Дайте мнѣ забыться!

— Я не препятствую, кажется, ни вашему отдыху, ни вашему забытью,—возразила Людмила.—Я, какъ видите, уѣзжаю и не беру ничего вашего; я только хочу оградить себя отъ всякихъ вашихъ посягательствъ, а для этого, полагаю, мнѣ лучше не оставаться въ Петербургѣ.

— Но... документы,—несмѣло началъ было Вельтищевъ.

— А, васъ беспокоятъ документы!—перебила его Людмила Сергѣевна,—изъ-за нихъ-то, конечно, вы и сегодня пожаловали сюда.. Но это одно, чего вамъ теперь никогда не удастся добыть!

— Я не о томъ! — поспѣшилъ возразить Платонъ.—Я хотѣлъ сказать вамъ только, что съ вашимъ отбѣдомъ вы осуждаете меня на жизнь въ самомъ неопредѣленномъ состояніи, вы осуждаете меня на вѣчный страхъ и тревогу, на вѣчное беспокойство и опасеніе за ваши намѣренія, вы ставите меня въ окончательную зависимость отъ вашего каприза, а я не вынесу долго такого положенія.—Чѣмъ вѣчно жить подъ такимъ страхомъ, такъ лучше же самому окончить все это разомъ.

— То-есть, что вы хотите этимъ сказать?—черезъ плечо обернулась на него Людмила.

— А то, что я чувствую, что не въ силахъ буду выносить эту медленную пытку!.. Я хочу сказать, что я на столько уже изнемогъ, на столько жажду нравственнаго успокоенія, что одно изъ двухъ: или я размою себя голову, или пойду и самъ добровольно объявлю суду все, что было!

Коробова медкомъ кинула на него удивленно-испытующій взглядъ.

— Да! да!.. горячо подтвердилъ Вельтищевъ.—Лучше раздѣлаться за все разомъ и

окончательно!.. И я въ состояніи рѣшиться на это!.. Лучше однажды въ жизни пережить позоръ на судѣ, принять кару и успокоиться наконецъ, чѣмъ влачить то существованіе, на которое вамъ угодно осудить меня!.. И въ самомъ дѣлѣ, что вы мнѣ предлагаете? Подумайте! — Вы говорите что вамъ не надо теперь моихъ денегъ, но не оставляете и мнѣ права распоряжаться ими, какъ мнѣ вздумается; вы говорите, что между мною и вами все кончено, а между тѣмъ увозите съ собою намѣреніе прихлопнуть меня въ любую минуту, когда вамъ это вздумается, и хотите, чтобы я жилъ, чтобы я оставался спокоенъ и беззаботенъ, и покорно ожидалъ, когда, наконецъ, вамъ угодно будетъ выполнить вашъ капризъ надо мною!.. Но вѣдь такой пытки не выдержать ни одна человѣческая натура!.. И вы еще говорите, что любите меня, что были мной искреннимъ другомъ!.. Воже мой! да что бы ни было потомъ, что бы мнѣ ни предстояло—хотя бы даже и каторга, такъ все же и каторга лучше того, что вы мнѣ сулите каторга, по крайней мѣрѣ, даетъ человѣку *опредѣленное положеніе*, а вы меня его лишаете!

Вельтищевъ высказалъ все это искренно и горячо, глубоко чувствуя значеніе своихъ словъ и потому волнуясь; къ концу монолога волненіе его достигло весьма значительной степени: нервы, возбужденные еще вчерашнимъ истерическимъ припадкомъ, взбудоражились снова: онъ побѣднѣлъ и съ трудомъ кончилъ свою рѣчь уже голосомъ, задыхавшимся отъ тяжелыхъ рыданій.

Людмила почувствовала въ его словахъ такую искренность и такую рѣшимость, что ее поневолѣ взяло серьезное сомнѣніе, какъ бы онъ и въ самомъ дѣлѣ не привелъ въ исполненіе своихъ намѣреній? Она разочла теперь, что ей надо отчасти спустить тонъ и пойти на кое-какія сдѣлки.

Выждавъ время, когда онъ нѣсколько успокоился, Людмила Сергѣевна заговорила съ нимъ уже миролюбивѣе.

— Вы жалуетесь на свое положеніе,—начала она.—Согласна, положеніе крайне тяжелое, да и мое вѣдь не многимъ лучше вашего. Вы говорите, что я осуждаю васъ на вѣчный страхъ и беспокойство; но вѣдь я имѣю полную основанія думать, что и вы меня можете осудить на то же самое: я не убѣждена, что вы не рѣшитесь даже отравить меня, потому-то я и вынуждена бѣжать отсюда! Ну, и скажите же сами, какъ намъ быть обомъ при такомъ странномъ положеніи? Здѣсь вѣдь обоюдный страхъ и обоюдное недовѣріе!.. Не скрою отъ васъ: мнѣ кажется, что теперь вы говорите искренно, совсѣмъ искренно, но... что, если я обманываюсь?.. Вы вѣдь ужъ доказали мнѣ, что вы превосходный актеръ—какъ же мнѣ вѣрить вамъ?.. А я бы хотѣла вѣрить!.. Да.

я очень хотѣла бы, но не рѣшаюсь, не осмѣливаюсь,—и вотъ вамъ прямой результатъ всей вашей интриги!

Вельтищевъ, не возражая ни слова, слушалъ грустно и покорно.

— Вы говорите, что я не люблю васъ,—продолжала Людмила.—Къ несчастію, люблю! И я уже неоднократно говорила вамъ, что мое «насиліе», какъ вы называете, вызвано желаніемъ вамъ же добра и счастья... Ну, и какъ же мнѣ быть теперь съ вами? На что я должна рѣшиться?

— Я усталъ, говорю.. я хочу покоя!—смутно прошептала Вельтищевъ.

— Но вамъ, кромѣ меня, никто не дастъ его,—сказала она.—Я и сама хочу его! Развѣ мнѣ не надѣла эта жизнь, это вѣчное мыканье, эта каторжная зависимость содержанки, это подлое двусмысленное положеніе, которое я ненавижу всѣми силами души своей!.. О, какъ мнѣ все это надѣло, если-бъ вы знали, и какъ я сама хочу покоя!.. Но я могла бы и себѣ и вамъ дать этотъ покой не иначе, какъ только сдѣлавшись вашей женою.—Вы не хотите этого. Что же мнѣ остается?!

— Теперь... я умоляю объ этомъ!—тѣмъ же смутнымъ, подавленнымъ и усталымъ шопотомъ проговорилъ Вельтищевъ.

— Хм... «теперь!» — грустно усмѣхнулась Людмила.—Зачѣмъ же это только *теперь*, теперь, когда вы сдѣлали все, чтобы уничтожить мое довѣріе къ вамъ? Зачѣмъ не прежде?.. Но хорошо!—согласилась она.—Я понимаю ваше тѣгостное положеніе и мнѣ душевно жаль васъ; я вѣрю, что въ эту минуту вы непритворно страдаете; я... я все-таки люблю васъ, Платонъ Васильевичъ, и потому хочу найти для васъ обобщъ примиряющій выходъ изъ этого проклятаго положенія.

И Коробова медленно, съ потупленною головою пропалась по комнатамъ, очевидно, обдумывая нѣчто.

— Хотите вы выслушать мое послѣднее слово? — остановилась она передъ Вельтищевымъ.

Тотъ внимательно поднялъ на нее взоры.

— Ну, такъ вотъ что, Платонъ Васильевичъ! Я васъ провѣрю еще на одномъ испытаніи. Я на время уѣду изъ Петербурга, во всякомъ случаѣ, потому что я все-еще не вполне довѣряю вамъ.—Что-жъ дѣлать? Пейните на себя! Знаете, обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду! Вы сами же въ этомъ виноваты! Я уѣду; но даю вамъ слово не предпринимать противъ васъ ничего дурного. Что касается до этихъ денегъ, то мнѣ все равно, отдадите-ль вы ихъ мнѣ, или оставите у себя,—это какъ вамъ будетъ угодно. Я поручаю вамъ только одно: поскорѣ устроить, какими бы то ни было судьбами, мой разводъ съ мужемъ. Даю вамъ на это три мѣсяца

сроку,—кажется, для подготовки дѣла это срокъ достаточный. Черезъ три мѣсяца я извѣщу васъ, куда вы должны писать мнѣ. Если ваша подготовка будетъ удачна, я возвращусь и тогда мы кончимъ дѣло и съ мужемъ, и съ вами; но съ вами мы кончимъ его не иначе, какъ на прежнихъ моихъ основаніяхъ. Согласны?

Вельтищевъ тихо поцѣловалъ ея руку и этотъ поцѣлуй былъ нѣмымъ знакомъ его полного согласія. Да и что болѣе оставалось ему?

— Я не смѣю рассчитывать на полное довѣріе,—смушенно заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія;—но чтобы вы хоть нѣсколько вѣрили въ мою полную искренность, я прошу васъ оставить эти деньги у себя; я рѣшительно не увезу ихъ съ собою!

Людмила подумала и не согласилась.

— Мм... мнѣ не совсѣмъ-то удобно,—сказала она.—При той кочевой жизни, которую я, вѣроятно, буду вести, таскать съ собою такіе крупные капиталы, съ этими переѣздами, съ этою отельной жизнью—мало ли, что можетъ случиться!.. Это, во всякомъ случаѣ, рискъ, а я ничѣмъ рисковать не желаю! Поэтому оставьте ихъ лучше у себя въ кассѣ; а съ меня достаточно и той увѣренности, что вы не распорядитесь ими самовольно.

— А если я возьму да вдругъ удеру съ ними въ Америку?—грустно пошутилъ Вельтищевъ.

— Тогда въ слѣдъ за вами тотчасъ же полетятъ агенты и телеграммы сыскной полиціи,—отшутилась Людмила.

Но въ этой шуткѣ крылось весьма серьезное предостереженіе, и Платонъ Васильевичъ изъ ея легкаго намека понялъ, какъ нельзя лучше, что при малѣйшемъ его покусеніи на собственную свободу и на самовольное хозяйничанье деньгами ему тотчасъ же грозитъ неотвратимое и суровое преслѣдованіе.

— Я хотя и буду далеко, но это не помѣшаетъ мнѣ слѣдить за вами,—предваряла она тономъ все той же шутки.—А теперь берите вашу шапку и удаляйтесь! Не мѣшайте мнѣ укладываться.

— Вы меня гоните! — проговорилъ онъ съ грустной усмѣшкой.

— Непремѣнно. А то какъ же иначе?

— Но теперь-то за что же?

— Ба! Я все-таки вѣдь не довѣряю вамъ!—слегка разсмѣялась она съ обычной своею нѣсколько лукавой кокетливостью.

— Когда же вы ѣдете? — появившись, предложилъ еще одинъ вопросъ Вельтищевъ.

— Думаю, что сегодня же вечеромъ Квартиру эту вы можете сдать и распродать все вещи.

— Но... могу я, по крайней мѣрѣ, пріѣхать проводить васъ?

— Н... нѣтъ, это будетъ совершенно лишнее!—настрѣзъ отказала Людмила.—Я запрещаю вамъ выслѣживать меня, да оно вамъ и по удастся; а если вы точно хотите душевнаго спокойствія и желаете искренно примириться со мною, такъ лучше всего принимайтесь-ка скорѣе да энергичнѣе за бракоразводное дѣло, и тогда, Платонъ Васильевичъ, клянусь вамъ!—вы будете еще счастливы!

— Счастливы... Но до счастья мало ли, что можетъ еще случиться! — скептически возразилъ Вельтищевъ.—Вы можете умереть... или я могу умереть—всѣ мы вѣдь подъ Богомъ ходимъ! Умрете вы—документы рискуютъ попасть въ постороннія руки, даже просто въ руки полиціи, которая вскрыетъ ихъ, и тогда—какое же мое то положеніе?.. А умри я,—вы рискуете остаться ни при чемъ, если деньги будутъ не у васъ, а въ моей кассѣ... И выходитъ, что для насъ обоихъ такое положеніе крайне неудобно.

— Н-да, вы правы; положеніе рискованное!—медленно проговорила Людмила, вдумываясь въ смыслъ сказаннаго.—Какъ же тутъ ухитриться, чтобы намъ обоимъ было спокойно?.. Вѣдь вотъ, все же выходитъ, что вы сами виноваты!—миролюбиво укорила она Платона.— Не убей вы мою вѣру въ васъ, не было бы и этихъ затрудненій.

— Что-жъ дѣлать!—вздыхнулъ онъ.—Сдѣланнаго не воротить!.. Значитъ, намъ надо какъ-нибудь обоимъ загарантировать себя другъ противъ друга.

— Хм... загарантировать... Легко сказать!—но чѣмъ? — вопросительно пожала плечами Людмила.

— Развѣ вотъ что?—предложила она, подумавъ.—Взамѣнъ денегъ, выдайте мнѣ на себя векселя на всю эту сумму

— А вы возвратите мнѣ документы?—осторожно попыталъ ее Вельтищевъ.

Коробова засмѣялась.

— Чему вы?—нѣсколько смѣшавшись, спросилъ онъ.

— Да какъ чему?—Вы только что отдавали такія похвалы моему уму, а теперь, кажется, снова меня за дурочку считаете. Полно хитрить, Платонъ Васильевичъ!

— Хитрить... Но чѣмъ же я... Помилуйте... въ чемъ тутъ хитрость? — пробормоталъ онъ, недоумѣвая и оправдываясь.

— О, мой простосердечный! О, мой, безхитростный человѣкъ! — шутила она самымъ дружескимъ тономъ.—Или вы ужъ такъ разстроены, что и въ самомъ дѣлѣ не можете сообразить даже такой простой вещи?.. Хитрость—видите ли, другъ мой, въ томъ, что получи я съ васъ взамѣнъ документовъ векселя, вы сейчасъ же документы уничтожите и сегодня же объявите, гдѣ слѣдуетъ, что съ васъ насильемъ и обманомъ были вытѣнуты

безденежные векселя, а мнѣ потомъ предстояла бы милая перспектива тигаться съ вами по судамъ и доказывать справедливость моего иска.—Нѣтъ, другъ мой, на эту удочку я не поддамся!

— Такъ чего же вы хотите?—съ затаенной досадой спросилъ Вельтищевъ.

— Я хочу векселей, но не взамѣнъ документовъ,—объявила Людмила.

— Да, вотъ оно что!—усмѣхнулся онъ.—То-есть, говоря другими словами, вы хотите спутать и связать меня еще болѣе.

Людмила строго подняла удивленные брови.

— Да такъ!—продолжалъ Вельтищевъ.—Развѣ не правда?—Подумайте!.. Вы вотъ, сдѣлали предположеніе, что я документы уничтожу, а векселя объявлю безденежными. Хорошо-съ. Но позвольте же теперь и мнѣ отвѣтить вамъ *моими* предположеніемъ. Представьте себѣ, что, уѣхавъ отсюда куда-то съ своими векселями и документами, вы натаккиваете гдѣ-нибудь на человѣка, которому дѣйствительно отдаде ваше сердце, почему бы те ни было, — потому ли, что онъ нравится вамъ, или потому, что онъ выгоденъ для васъ болѣе, чѣмъ я. И что же?—Вы съ нимъ сходитесь; быть можетъ, выходите даже замужъ,—а я? Какое мое положеніе въ этомъ случаѣ?—И выходитъ, что я, сдѣлавшись для васъ уже совершенно чужимъ, постороннимъ человѣкомъ, останусь, благодаря векселямъ, вашимъ должникомъ, и вѣчными вашими рабомъ—благодаря документамъ. Значитъ, вы теперь, уже имѣя съ ничтою, сулите мнѣ еще худшую зависимость, чѣмъ прежде? — Нѣтъ, Людмила Сергѣевна! Вы слишкомъ великодушны!—въ негодованіи, рѣшительно поднялся Вельтищевъ.—Да, вы слишкомъ великодушны, а я слишкомъ усталъ, для того чтобы терпѣть безконечную пытку, и потому ужъ лучше кончить мнѣ самому все это сразу и успокоиться въ острогѣ!

— Позвольте, я вѣдь еще не досказала!—остановила его Людмила.—Взамѣнъ вашихъ векселей, я могу запечатать въ отдѣльный пакетъ мои документы съ подписью, что, въ случаѣ моей смерти, этотъ пакетъ долженъ быть доставленъ къ вамъ немедленно и нераспечатаннымъ.

— Ну, теперь позвольте ужъ и мнѣ разсѣяться, въ свою очередь!—проницательно поклонился ей Вельтищевъ.—Вы-то сами за какого же дурачка меня-то считаете?.. Развѣ вашъ «пакетъ» достаточная гарантія?—Ужъ лучше вотъ что, Людмила Сергѣевна: взамѣнъ документовъ, подѣлитесь моими деньгами и разойдемтесь на вѣки! Вы въ сторону, а въ другую!

— Платонъ Васильевичъ, мы же любимъ другъ друга, не забывайте этого!—помолчавъ, замѣтила Людмила съ такою неволью выдав-

пелю ее улыбкою, которая показывала, как будто внутренно она сама смѣется надъ подобнымъ предположеніемъ. — Въ стороны разойтись намъ невозможно! Да и разоидясь, вы сами же первый станете искать и добиваться меня! Развѣ я не знаю васъ?

— Господи!.. Чего же вы, наконецъ, отъ меня хотите?—виѣ себя, отчаянно и раздраженно воскликнулъ Вельтищевъ.

— Хочу быть вашею женою, — спокойно отвѣтила Коробова

— Но я уже вамъ говорилъ, что я самъ хочу этого! Я, кажется, къ вамъ и прѣхалъ съ этииъ! Я самъ привезъ вамъ деньги, и молилъ о мирѣ, о прощеніи, я готовъ былъ покориться вамъ, готовъ на множество жертвъ; но вы ставите мнѣ на этомъ пути невозможные барьеры! Вы становитесь со мною на ножи; мы держимъ другъ противъ друга камни за пазухой.—Развѣ при подобныхъ отношеніяхъ возможно думать о бракѣ?

И онъ твердо сталъ передъ нею съ видомъ крайней и окончательной рѣшимости.

— Людмила Сергѣевна! я доведу до полнаго отчаянія!.. Клянусь вамъ, что я сейчасъ готовъ рѣшиться теперь на самую безумную мѣру: я въ состояніи пойти и самъ донести на себя! Вы, вы меня доводите до этого!.. Вы мнѣ предлагали ваши ультиматумъ; теперь же позвольте и мнѣ предложить вамъ не болѣе, какъ два-три вопроса. Угодно вамъ за половину моихъ денегъ продать мнѣ документы?

— Нѣтъ. Я уже сказала нѣтъ, — рѣшительно отвѣтила Людмила.

— Въ такомъ случаѣ, угодно вамъ, чтобы я самъ открылъ мое преступленіе?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, нѣтъ, — потому что это губить и васъ вмѣстѣ со мною! — саркастически пояснилъ Вельтищевъ. — Стало быть, намъ, дѣйствительно, угодно сдѣлаться моею женою?

— Да, я хочу этого! — открыто и настойчиво подтвердила Коробова.

— Хорошо. Такъ слушайте же и не вызывайте за откровенность. Мы оба съ вами мошенники. Нечего танъся и фарисействовать! Мы крупные мошенники, но вы... кажется, будете еще покрупнѣе меня!.. А такимъ мошенникамъ, знаете ли, въ подобномъ положеніи остается одно изъ двухъ: или загрызть и потопить другъ друга, или же повѣрить другъ другу на каторжное слово, на каторжную честь! — Рискните еще разъ повѣрить мнѣ!.. Я теперь еще разъ высказываю вамъ совершенно честно и прямо, что я проигралъ мою игру и покоряюсь вамъ. Я не стану болѣе дѣлать никакихъ покушеній, и только всею душою жажду успокоиться, хотя бы и въ бракѣ съ вами! Но не душите меня! Дайте мнѣ по-

редохнуть хоть минутку!.. Если хотите быть моею женою, такъ извольте для этого остаться въ Петербургѣ, съ вашими документами и съ моими деньгами. Для большаго вашего спокойствія, если хотите, — я даже вовсе не стану посѣщать васъ, и давайте, въ самомъ дѣлѣ, энергично приниматься за вашъ разводъ съ Коробовымъ! Но для всего этого я прошу у васъ только одного: рискните!.. рискните еще разъ повѣрить мнѣ! А если не такъ — давайте губить другъ друга!.. Выбирайте же: или мою каторжную честь, или общую гибель?

Людмила глубоко и серьезно задумалась. Полное и напряженное молчаніе длилось довольно долго. Въ душѣ у нея совершалась какая-то борьба.

— Ну, хорошо! Такъ и быть! — подняла, наконецъ, она свои холодно-ясные, лучистые глаза. — Я рискую! Я вѣрю въ твою каторжную честь — я остаюсь!.. Моженъ бывать у меня, какъ прежде. О прошломъ — ни слова!.. Миръ! Полный, хорошій миръ — и давай вмѣстѣ работать!

Она вскинула ему на плечи свои красивыя руки.

— Ну, гляди же на меня!.. Гляди, Платонъ! — ясное, лучше, привѣтливѣе!.. Все прошлое забыто!.. Да?.. да?

— Да, — прошепталъ Вельтищевъ, невольно любясь ея красивымъ лицомъ, которое она еще впервые, послѣ всего происшедшаго, подставила ему такъ ласково, такъ близко. Руки ея такъ мягко, такъ женски-хорошо лежали на его плечахъ. Онъ почувствовалъ, что опять невольно начинаеть ощущать обаяніе ея увлекательной ласки.

— Что ты шепчешь? — лукаво подставляя ухо, приблизила она къ его лицу свою щеку. — Старое забыто?.. все забыто?.. Да?

— Да! — еще тише, съ вибраціей какого то внутренняго, глубоко потопленного страданія вымолвилъ Вельтищевъ.

И глибо перегнувшись въ станѣ, она увлекательно откинулась головою нѣсколько назадъ отъ его лица.

— Да? — Ну, такъ цѣлуй же твою прежнюю Людмилу!

III.

„На взаимномъ уваженіи и довѣріи.“

Вельтищевъ въ тотъ же день отыскалъ у себя адресъ г. Антизитрова и написалъ къ нему весьма любезную записку, прося его пожаловать къ себѣ завтра утромъ «по извѣстному дѣлу».

Г. Антизитровъ не замедлилъ явиться въ назначенное время.

— Вотъ видите, какая аккуратность! Какъ сказалъ вамъ тогда, что по первому же зову

предстану, такъ я предстану!—развѣсно началъ онъ, съ обычной безцеремонностію протягивая руку.—Что, видно по дѣлу пряснячло?... Хе! я вѣдь зналъ, что безъ меня не обойдетесь!

Вельтишева отчасти внутренно корбило отъ манеры этого господина; тѣмъ не менѣе, онъ пригласилъ его садиться и предложилъ папирску.

— Папирску?—лукаво ухмыляясь, отозвался Антизитровъ.—Нѣтъ, папирски у насъ и свои вѣются; а вотъ у васъ должно быть сигарки хорошія водятся, такъ вы ужъ мнѣ одну преподнесите—смерть, люблю хорошія чужія сигары!.. Я вполне понимаю, что для мыслящаго реалиста хорошая сигара необходима, да къ сожалѣнію карманъ-то у нашего брата дырявый.

— Вы говорили, что можете устроить разводъ?—прямо къ дѣлу приступилъ Вельтишевъ.

— Разводъ?—могу-съ! И даже съ церемоніей!

— Нѣтъ, да вы безъ шутокъ...

— То-есть вѣдь всякихъ шутокъ! И съ церемоніей, и безъ церемоніи—какъ вамъ будетъ угодно! Я полагаю, впрочемъ, что съ Коробовымъ особенно церемониться нечего.

И закурявъ дорогую сигару, г. Антизитровъ, тоже безъ всякой церемоніи, глубоко завалился въ кресло, заломивъ ногу за ногу. Этою позой онъ желалъ выразить свою независимость.

— Но вѣдь Коробовъ не хочетъ,—замѣтилъ Платонъ Васильевичъ.

— Ну, и пушай его!.. Намъ-то съ вами что до его хотѣнья!—Я и помимо его воли все это дѣло оборудую.

— Вотъ, именно, я и желалъ бы знать тѣ пути, которыми вы предполагаете устроить.

— Эге! дудки-съ!.. Такъ я вамъ и сказалъ!—съ хитрецей ухмыльнулся Антизитровъ.—Это мой фортель!.. Главныя мои основанія вамъ уже извѣстны, то-есть, что вы и госпожа Коробова останетесь совершенно въ сторонѣ, а ужъ какъ я обдѣлаю—это мой секретъ; вы только мнѣ скажите: желаете или не желаете?

— Я васъ потому-то и просилъ къ себѣ

— Понимаю-съ. Ну, а коли желаете такъ давайте условливаться.

— Но какъ скоро можете вы все это устроить?

— О, я это живо! Мѣсяцъ, ну, много—два, но ужъ никакъ не болѣе, потому я вижу, что это за фигура этотъ господинъ Коробовъ; я насквозь вижу человѣка и понимаю его, а потому и говорю, что съ Коробовымъ дѣло это не потребуетъ особыхъ проволочекъ. Мы его живо-съ! Но коли я все это вамъ устрою благополучно, согласны ли вы будете дать мнѣ пять тысячъ?

— Конечно; объ этомъ нечего и говорить,—согласился Вельтишевъ.

— Ну, нѣтъ-съ, говорить-то всегда есть чего, и даже мало что говорить, а по настоящему, законтрактоваться бы надо.

— Можно и законтрактоваться.

— Н-да-съ! Эдакъ-то оно обстоятельнѣе. Я, извольте ли видѣть, человѣкъ прямой и честный, и откровенный человѣкъ, и притомъ «маленькій человѣкъ»; поэтому я съ васъ не заламываю чертову кучу денегъ, а прошу по совѣсти, потому—какъ честный работникъ, я знаю, что такое трудъ, и всякое дѣло оцѣню по достоинству—чего оно стоитъ. Это такъ-съ. Ну, и вотъ, соображая настоящее дѣло, я прихожу къ заключенію, что, по совѣсти, оно стоитъ пяти тысячъ, а потому болѣе и не запрашиваю.

— Дѣлаетъ честь вашей добросовѣстности!—безразлично улыбнулся Вельтишевъ.

— Ну, моя добросовѣстность при мнѣ! Мнѣ и знать про нее!—медлѣжвато ворохнулся въ креслѣ г. Антизитровъ.—Такъ какъ же мы съ вами насчетъ условія-то?

— Я васъ слушаю,—слегка кивнулъ головою Вельтишевъ.

Г. Антизитровъ растрошилъ въ зубахъ конецъ сигары, озерцательно глядя въ потолокъ, послонилъ ее, поплевалъ на полъ и помычалъ легонько.

— М-м-м... то-есть... вотъ видите ли.. условіе мы, конечно, заключаемъ домашнее, но правильное, по формѣ, какъ обыкновенно пишутся домашнія условія.

— Согласенъ,—кивнулъ Вельтишевъ.

— Но-о-о... м-м... такъ какъ въ условіи, я полагаю, намъ не совсѣмъ-то удобно излагать настоящую сущность дѣла, что, дескать, я, Антизитровъ, берусь устроить разводъ такого-то съ такого-то, а я, Вельтишевъ, обязуюсь, въ случаѣ благополучнаго исхода, и прочее...

— Да, это ужъ окончательно неудобно!—подтвердилъ Платонъ Васильевичъ.

— Ну, вотъ то-то же и есть!.. Такъ мы поэтому оформимъ его иначе.

— Напримѣръ?

— Да напримѣръ, хотъ такъ бы: возьмите какую нибудь новую ученую книгу, хотъ Дарвина тамъ, что ли—ну, что хотите!—и закажите мнѣ яко бы переводъ съ англійскаго на русскій. Тогда мы и въ условія пропишемъ такъ, что я, молъ, Вельтишевъ, заказалъ Аристарху Антизитрову переводъ такого-то сочиненія, съ условіемъ, что, въ случаѣ добросовѣстнаго исполненія имъ взятой на себя работы, обязуюсь уплатить ему пять тысячъ. Понимаете-съ? Тогда у насъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

Вельтишевъ молчалъ и смотрѣлъ на гостя своего съ двусмысленной улыбкой.

— Послушайте!—рѣшился онъ, наконецъ, высказаться.—Извините за откровенность, но

мнѣ кажется, что вы все это говорите совершенные пустяки!.. На что тутъ эти условія? и какой тутъ Дарвинъ? и кто же, наконецъ, за переводы платитъ по пяти тысячъ? да и куда вы пойдете искать съ такимъ недѣльнымъ условіемъ?

— Искать на васъ я не пойду накуда, а это собственно такъ, ради-для успокоенія совѣсти!—оскалилъ улыбкой зубы г. Антизитровъ.

— Нѣтъ, извините, а это вы совсѣмъ не дѣло говорите! Вы даже заставляете меня сомнѣваться и въ томъ, можете ли вы, дѣйствительно, устроить дѣло, за которое беретесь?

— Ну, и сомнѣвайтесь! а мнѣ-то что?!.. Я, милостивый мой государь, радикально: вуде-ву, такъ вуде-ву, а не вуде-ву, такъ какъ вуде-ву! Вотъ вамъ и сказъ!

— Да кто васъ знаетъ! Вѣдь согласитесь, это все походить на какую-то мистификацію! Беретесь за дѣло и не даете даже намека на то, какими путями вы его устроите: выговариваете какіе-то окольные условія и хотите, чтобы человекъ, обладающій здравымъ разсудкомъ, взялъ бы вотъ, да и пошрился вамъ сразу. Такъ серьезнымъ дѣла не дѣлаются!

— Гм... то-есть, это значить, вы хотите сказать мнѣ, говоря по-просту, что а—какой-то шарлатанъ и проходимецъ?

— Признаюсь,—пожалая Платонъ,—высамп невольнo заставляете думать это.

— Такъ вы, хотите, чтобы я,—лукаво прищурился на лѣвый глазъ Антизитровъ,—чтобы я, такъ сказать, немножко приподнялъ край моей таинственной завѣсы и хотя бы намекомъ показалъ вамъ ту дорожку, по которой я думаю направить интересное для васъ дѣло?.. Такъ, что ли, господинъ Вельтищевъ?

— Я думаю, что съ этого и слѣдовало бы начать, если вы желаете, чтобы къ вамъ относились съ серьезнымъ довѣріемъ.

— Хм... Текъ-съ!.. Понимаю-съ. Ну инъ бытъ по вашему! Приподниму завѣску, коли ужъ вамъ такъ хочется!—заранѣе торжествующимъ тономъ провозгласилъ г-нъ Антизитровъ.

Онъ поднялся съ кресла и, заложивъ руки въ карманы, неторопливымъ, отмереннымъ шагомъ сталъ приближаться къ Вельтищеву.

— Возьмите, напримѣръ, къ слову, хотя бы такой веселенькій пейзажикъ,—началъ онъ, все такъ же шурясь и подмигивая лѣвымъ глазкомъ.—Что бы вы сказали, еслибы, напримѣръ, Коробовъ прогулялся по Владимір-кѣ-съ? Какъ вамъ нравится перспектива сей длинной и торной дорожки въ этомъ веселомъ пейзажикѣ? Ну-съ, отвѣчайте мнѣ!.. Вы вѣдь, конечно, знаете, что по законамъ Россійской имперіи бракъ въ этихъ случаяхъ самъ собою расторгается, буде одинъ изъ супруговъ не изъдвигъ желанія добровольно слѣдовать по той же дорогѣ для удержанія брачныхъ узъ и совместнаго сожительства.

Вельтищевъ, словно бы озадаченный новою идеей, серьезно и пристально смотрѣлъ на своего гостя широко-раскрытыми, удавленнымъ глазами.

— Н-да... это вотъ, дѣйствительно, какъ будто и на дѣло нѣсколько похоже,—медленно процѣдилъ онъ сквозь зубы, продолжая созерцать торжествующаго Антизитрова.

— Ага?! Находите, что похоже-съ?.. А вѣдь я это только такъ, просто къ примѣру сказалъ! Не болѣе, какъ къ примѣру—и вы уже ловите хвостикъ дѣла!.. Ну, и положимъ, что Коробовъ отиравается за хребетъ Уральскій. Можете вы сами направить его по этой дорожкѣ?

— Понятно, нѣтъ!.. Какая же у меня къ тому возможность?!

— Не можете?.. Хе-хе!.. А еще и къ сильнымъ міра сего принадлежите, и не можете!—говорилъ Антизитровъ, все болѣе и болѣе празднуя свое торжество надъ Вельтищевымъ.—Ну, а пріятель вашъ Шинтцан—какъ вы полагаете—можетъ стать, онъ это можетъ?

— Сомнѣваюсь, чтобы это вообще кому нибудь было возможно.

— Такъ, стало быть, и для «многоуважаемаго нашего сотрудника» фонъ-Шинтцана невозможно?

— Да, невозможно.

— Ну, а для кого нибудь, быть можетъ, и возможно-съ. Какъ знать, чего не знаемъ!

— Для кого же это?—попытался Вельтищевъ.

— Ну, да ужъ возможно, говорю!.. Стало быть, есть у насъ *никто*—такая таинственная сила, которая можетъ этимъ орудовать.

— Законъ, конечно?—съ улыбкой замѣтилъ Платонъ Васильевичъ.

— Законъ!.. хм!.. Что такое законъ!—поднялъ Антизитровъ кверху свой указательный палецъ.—Законъ это есть, такъ сказать, охотникъ, стоящій на облавѣ и выжидающій звѣря, чтобы подстрѣлить его своею мѣткою пулей; а дѣло опытнаго облавщика дѣлособразно направить звѣря подъ нулю закона! Вотъ этотъ-то опытный облавщикъ и есть та самая таинственная сила, про которую я имѣю честь вамъ докладывать. И это сила руководящая и, такъ сказать, матерински заботливая, потому что если бы она вздумала направить Коробова на далекія окраины, то она же и позаботилась бы о немъ, чтобы жизнь его тамъ, по возможности, была легка и безпечальна, ибо Коробовъ самъ бы сталъ однимъ изъ факторовъ этой силы и велъ бы тамъ ея дѣло.

— Послушайте, какъ прикажете понять все то, что вы сказали?—спросилъ Вельтищевъ, очевидно, весьма живо заинтересовавшись словами своего гостя.

— Да какъ хотите, такъ и понимайте! — развелъ тотъ руками. — По мнѣ, хоть бы и никакъ! Мнѣ-то что!.. Я вамъ живописую все это только къ примѣру — не болѣе-съ.

— И вы близко знаете эту «силу?»

— Хм!.. Мало ли, что я знаю!.. Про то мнѣ знать! Вамъ-то какое дѣло? Я вамъ только предлагаю: вуле-ву, такъ вуле-ву! А ужъ тамъ какъ я сдѣлаю, — это, говорю, мнѣ знать! А вы, съ своей стороны, если увидите на самомъ фактѣ, что миссія моя исполнена честно и аккуратно — вы только вручите мнѣ условленную плату — и квитъ! О чемъ тутъ толковать-то? Развѣ я съ васъ впередъ ткну всю сумму? Не сдѣлаю — не дадите, и кончено!

Вельтищевъ, съ трудомъ сдерживая улыбку, которая то и дѣло набѣгала на его лицо, молча смотрѣлъ на Антизитрова, какъ на курьезъ, въ своемъ родѣ, весьма достойнѣтельный.

— Ну, и чего-жъ вы меня созерцаете да ухмыляетесь? — разставлялъ тотъ ноги, заложивъ большіе пальцы рукъ въ карманы безвкусно-пестрой, лохматой жилетки. — Дикъ я вамъ кажуся, что ли?

— Признаюсь! — пожалъ плечами Вельтищевъ, — вы вѣдь сами человѣкъ безцеремонный и потому вѣрно не попрецендуете и на мою откровенность. — Я все смотрю на васъ и думаю, что вы за человѣкъ такой?

— Я-то?.. Хм!.. Ужъ во всякомъ случаѣ, человѣкъ никакъ не вашего закала! — гордо, съ сознаніемъ своего достоинства, поведъ головой Антизитровъ. — И какое вамъ, въ сущности, дѣло, что я за человѣкъ? Видите, кажется, — съ руками, съ ногами, сдѣлавъ по образу и подобию общей прародительницы нашей обезьяны; словомъ сказать, во всѣхъ статьяхъ человѣкъ! А что до нутрѣ моего, то это по настоящему не ваше бы дѣло! Я вѣдь не интересуюсь знать, какой онъ человѣкъ; такъ вамъ-то что до меня?.. А впрочемъ, коли ужъ вы такъ любопытствуете, то я могу сообщить вамъ, что я сынъ бѣдныхъ, но подлыхъ родителей, воспитанъ въ духовномъ училищѣ, бѣнъ и поротъ многажды, продавался въ солдаты, но былъ откупленъ одною сердобольной вдовою-кучихой, которой очень нравились, какъ привлекательный мужчина; затѣмъ возжалея со студентами (дураки все!), былъ изъ-за нихъ одно время герметически закупоренъ въ Петропавловкѣ, затѣмъ служилъ по контролю, выгнанъ за неуваженіе къ начальству и теперь, имѣя тридцать-три года отъ роду, состою приватнымъ помощникомъ у вашего пріятеля. Вотъ вамъ и вся моя автобіографія! А что до нутрѣ, говорю, такъ, можетъ, я — членъ интернаціоналки, а можетъ, и агентъ тайной полиціи, а можетъ, и то, и другое имѣть. Можетъ быть, меня пошлютъ за границу выслѣдить Нечаева и фальшивыхъ ассигнаціонковъ, и я ихъ выслѣжу и провезу въ

Россію чемоданчикъ съ ассигнаціями, и распушу ихъ гулять по свѣту, а мнѣ за то Владимира въ петляхъ дадутъ, а я себѣ съ денежками и удеру по добру по здорову въ Швейцарію. Ну, вотъ, и думайте обо мнѣ теперь, какъ знаете, — засмѣлся въ заключение Антизитровъ.

— Я думаю, что вы, во всякомъ случаѣ плутъ порядочной руки! — засмѣлся въ отвѣтъ ему и Вельтищевъ.

— Я-то? — Всѣ мы плуты, всѣ мы человѣки, батенька мой! — безцеремонно похлопавъ его по плечу г. Антизитровъ. — Но... что намъ однако время-то по пустыкамъ терять! Говорите прямо: желаете вы воспользоваться моими услугами или не желаете?

Вельтищевъ слегка нахмурился озабоченно и раздумчиво.

— Услугами-то воспользоваться я бы, пожалуй, не прочь, — высказался онъ, окончательно рѣшившись быть твердымъ и не церемониться съ этимъ баринкомъ.

— Ну, такъ тогда условіе на переводы! — подхватилъ Антизитровъ.

— Нѣтъ! — круто отрезалъ Платонъ. — Никакихъ письменныхъ, а тѣмъ болѣе глупыхъ и окольныхъ условій на бумагѣ я съ вами заключать не стану. Это мое рѣшительное и окончательное слово. Хотите вы мнѣ вѣрить на слово — работайте; не хотите — какъ угодно! Я никого еще не обманывалъ, въ платежахъ всегда аккуратенъ — это вамъ можетъ подтвердить вся биржа, а васъ и подавно мнѣ нѣтъ причинъ обмануть за услугу подобнаго рода: вы понимаете, что въ противномъ случаѣ я могу себя скомпрометировать не только передъ вами, но и передъ судомъ, и передъ обществомъ, и, наконецъ, пять тысячъ — это для меня такой ничтожный кушъ, что я никакъ не захочу изъ-за него нарушить твердость моего честнаго слова.

Антизитровъ подумалъ, что называется, уставясь лбомъ въ землю.

— И то правда! — согласился онъ. — Пожалуй, будь по вашему!.. Значитъ, мы, такъ сказать, на взаимномъ уваженіи и довѣріи? Ладно-съ! Но только вы позвольте мнѣ теперь на веденіе дѣла!.. Мнѣ непого-съ: сотеньки двѣ, не болѣе.

— А какъ надуете? — улыбнулся Вельтищевъ.

— Значитъ, и вы меня надуете? — обидясь, возразилъ г. Антизитровъ. — Если я вѣрю вамъ, такъ и вы должны вѣрить мнѣ. У меня, полагаю, какъ и у васъ, тоже свои бѣды — либо честнишка имѣется!.. Да еслибы я даже и надулъ, такъ что вамъ стоятъ какіенибудь сто — двѣсти рублей? Вѣдь вы, поди-ка, чай, въ одинъ вечеръ проѣдите да на французскую вдесятеро болѣе бросите и не поморщитесь, а тутъ вдругъ сомнѣніе: надуетъ, молъ!.. Эхъ,

вы! аристократы! Развѣ я у васъ даромъ беру?—Я вамъ росписку дамъ, что получилъ, молъ; въ счетъ на веденіе извѣстнаго дѣла столько-то. — Къ мировому на меня представить можете!

Вельтишевъ подумалъ—куда ни шло!—и выложилъ ему на столъ двѣ радужныя булочки.

— Но только предваряю, что безъ толку я вамъ болѣе давать не стану,—серьезно предупредилъ онъ,—а если маломальски увижу подходящій результатъ—можете смѣло рассчитывать на мою кассу, и вашихъ пяти тысячъ я не задержу ни минуты.

— Значить, по рукамъ!—растопырилъ свою здоровенную ладонь г. Антизятровъ и, сжавъ въ ней руку Вельтишева, прихлопнулъ ее сверху другою своей ладонью.

IV.

Въ греческой кухмистерской „Янива“.

Былъ гнилой петербургскій вечеръ. Черное, промозглое небо сыпало на слякотную землю какую-то мокреть—не то снѣгъ, не то дождь. По тротуару мимо дома, гдѣ жилъ Валерьянъ Коробовъ, уже часа полтора прохаживался человѣкъ высокаго роста, часто оглядываясь на ворота. Видно было, что онъ кого-то дожидается или подкарауливаетъ. Уже три вечера сряду «таинственный незнакомецъ» аккуратно появлялся на этомъ самомъ мѣстѣ и начиналъ свою неторопливую походку, обходя тротуарныя лужи и все поглядывая подъ ворота. Но вѣроятно доселѣ цѣль его прогулокъ не была имъ достигнута, ибо, пробродивъ каждый разъ часа два, онъ съ досадой уходилъ съ своего поста и спускался въ ближайшій трактирчикъ-низокъ, чтобы нѣсколькими рюмками водки согрѣть свой прозябшій желудокъ.

Но на нынѣшній разъ ожиданія «незнакомца», какъ-то, не были тщетны. Походивъ, обернувшись онъ какъ-то на ворота и вдругъ замѣтилъ, что изъ-подъ нихъ выходитъ человѣкъ въ холодномъ пальтишкѣ. Онъ быстро и сторожко приблизился и сталъ у воротъ, чтобы сождать проходившаго человѣка. Тотъ прошелъ мимо. Наблюдатель зорко, но осторожно и почти мелькомъ взглянулъ въ лицо прохожаго и понелъ за плечъ слѣдомъ, шагахъ въ десяти, чтобы самому не быть замѣченнымъ и въ то же время не упустить изъ вида человѣка въ холодномъ пальтишкѣ.

Путешествіе это было не продолжительно, потому что слѣдный субъектъ какъ-разъ спустился въ «низокъ», надъ которымъ красная вывеска гласила, что здѣсь обрѣтается «Греческая кухмистерская Янива».

Тотъ, который слѣдилъ за пальтишкой, выждалъ минуты двѣ у входа и тоже спу-

стился въ «янку», гдѣ и исчезъ за стеклянною дверью.

Здѣсь онъ расположился у одного изъ свободныхъ столиковъ и внимательно оглядѣлся во всѣ стороны.

Холодное пальтишко стояло передъ буфетомъ, на которомъ красовались черствые бутерброды и разная кухмистерская съѣдобная дрянь, весьма подосаительнаго качества. Пальтишко вело переговоры съ греческимъ человѣкомъ, который, съ полнымъ сознаніемъ своего эллинскаго превосходства, сидѣлъ за буфетною стойкой.

— Позвольте мнѣ рюмку водки и котлетку?—совѣстно и тихо спросилъ человѣкъ въ пальтишкѣ, какими-то просящимъ и неувереннымъ тономъ.

Греческій человѣкъ только вращалъ своими жирными глазами и дѣлалъ видъ, будто не слышитъ обращенной къ нему просьбы.

— Я прошу водки и котлетку,—повторилъ посѣтитель.

— Что?.. катулетку?—удостоилъ, наконецъ, повернуться къ нему жирноглазый эллинъ.

— Да; пожалуйста... и водки... ужасно ѣсть хочется!—заяскивающимъ и ласковымъ голосомъ попросило пальтишко.

— Пазувольте дѣнги!—недовѣрчиво и небрежно заявилъ грекъ на эту просьбу.

— Но... Спиридонъ Ангелосовичъ, вы до сихъ поръ были такъ любезны—дѣлали мнѣ маленькій кредитъ... Я скоро долженъ получить деньги и на-дняхъ же расплачусь съ вами.

— На-этъ, на карѣднть ни ондина дѣнга!.. ни ондина мазудинка бизъ дѣнга! Ви—что ви минѣ должны?—Ви пятнадцать сылковыхъ узѣ должны! Пузалуста бизъ карѣднть!..

— Но повѣрьте же!.. хоть на этотъ разъ повѣрьте!

— Харассо! но какъ цвсная греческая цѣловѣка, ни ондина катулетка! Нивазумозно!

Въ эту минуту, «незнакомецъ», все время внимательно слѣдившій за разговоромъ у стойки, подошелъ къ буфету.

— Водки!—закононачески распорядился онъ, кивнувъ пальцемъ на большую рюмку, и пристально сталъ вглядываться въ лицо человѣка въ пальтишкѣ, дѣлая видъ, будто старается узнать и проверить себя, точно ли это знакомое лицо.

— Кажись, господинъ Коробовъ?—сказалъ онъ, съ привѣтливою улыбкой.

— Да... я... Коробовъ,—неохотно и нерѣшительно отвѣтило пальтишко, какъ человѣкъ, который не успѣлъ еще сообразить, ради чего это къ нему вдругъ приступаютъ, чего отъ него хотятъ и какъ поэтому ему слѣдуетъ отвѣчать и держать себя.

— Такъ вы Коробовъ? Значить, я не ошибся... Позвольте пожать вашу руку!

— Но... позвольте... съ кѣмъ я имѣю честь...

— Пожалуйста, безъ чести, батенька, безъ чести! Мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные; а вотъ руку вашу, говорю вамъ, пожалте позвольте мнѣ, потому я васъ уважаю!

И Коробовъ почувствовалъ, какъ взяли его руку и стали дружески пожимать и трясти ее. Онъ взглянулъ въ неизвѣстнаго человѣка, и лицо его показалось ему знакомымъ. Онъ старался припомнить, гдѣ и когда встрѣчалъ этого господина.

— Не узнаете, что ли? Или не хотите узнавать?.. Полноте, будьте со мною безъ церемоній, потому сказано вамъ разъ, что я васъ уважаю. Я—Антизитровъ... Помните, приходилъ къ вамъ по дѣлу отъ Шнитцли?

Коробовъ вспомнилъ и суховато потянулъ назадъ свою руку. Ему непріятна стала эта неожиданная встрѣча.

— Да, я васъ уважаю!—подтвердилъ Антизитровъ, искреннимъ тономъ глубокаго и «гражданскаго» убѣжденія, —но вы не догадываетесь за что! А я между тѣмъ уважаю васъ именно за то, что вы тогда плюнули въ физиомордію этому патентованному мерзавцу! Вы были первый человѣкъ, который сдѣлалъ это благородное дѣло, который не позволилъ безнаказанно оскорбить свою человѣческую личность! Вотъ за что я жму вашу честную руку!

— Вы говорите о г-нѣ фонѣ-Шнитцли?—спросилъ Коробовъ.

— Да-съ! о г-нѣ фонѣ-Шнитцли, знаменитомъ адвокатѣ и «нашемъ многоуважаемомъ сотрудничѣ», какъ величаетъ его Цемшъ—о немъ, именно о немъ, объ этомъ подлецѣ и мерзавцѣ говорю я вамъ!

— Но... вѣдь вы сами, кажется, его помощникъ?

— Да, къ несчастію, я былъ его помощникомъ, то-есть, правильнѣе сказать, онъ былъ эксплуататоромъ моего труда и моихъ знаній. Но вы знаете ли, что между нами произошло послѣ вашего ухода? Я работалъ въ смежной комнатѣ, а дверь-то вѣдь была открыта,—ну, конечно, мнѣ все это было видно и слышно! Ха, ха, ха!.. Какъ только вы ему плюнули и вышли, онъ прямо ко мнѣ: «слышали,—говорить, и видѣли?»—Слышалъ, говорю, и видѣлъ!—«Будьте, говорить, свидѣтелемъ! Этого барина надо упрятать!»—За что это, говорю,—за то что въ рожу-то вамъ плюнулъ? Да я, говорю, за это самое отъ всей души моей уважаю его, что наконецъ-то нашелся такой искренній и честный человѣкъ, который не стѣсняясь заявилъ вамъ лично чувство подобающаго отношенія къ вашей особѣ, и что до меня, говорю,—то я очень радъ настоящему случаю, дабы и отъ себя заявить вамъ, что не желаю имѣть съ вами никакого болѣе дѣла! Ну, и пошелъ, и пошелъ я тутъ ему отчитывать — инда три пота согналъ съ него! Все,

ужь какъ есть, все, что только на душѣ наболѣло,—все это я ему досконально выложилъ и затѣмъ откланился съ подобающимъ почтениемъ. Такъ что, коли хотите,—вы первый дали, въ нѣкоторомъ родѣ, толчекъ моей собственной судьбѣ, и вотъ за что я васъ истинно уважаю! Я, въ нѣкоторомъ родѣ, обязанъ вамъ тѣмъ, что развязался съ этимъ негодиемъ, и выражаю вамъ теперь за это мою искреннюю благодарность!.. Будемте знакомы, а тамъ,—узнаемъ другъ друга поближе, можетъ, и пріятелями станемъ! Ну, а теперь, для перваго знакомства, позвольте вамъ предложить выпить вмѣстѣ со мной.—Двѣ рюмки водки! большія!—скомандовалъ въ заключеніе г. Антизитровъ, обратясь къ греческому человѣку.

— На цай спотъ? На васъ, или на каснутину?—недовѣрчиво прищурилъ глаза на Коробова лияискій буфетчикъ.

— На мой, полагаю, если я приказываю!—внушительно замѣтилъ Антизитровъ.

Водка немедленно была найдена. Новые знакомцы чокнулись и выпили. Коробовъ съ жадностью видимо голоднаго человѣка закусилъ черствымъ бутербродомъ. Но этотъ кусокъ еще болѣе раззадорилъ его аппетитъ.

— Пожалуйста, котлетку... мы сочтемся!—тихо и застѣнчиво отнесся онъ къ буфетчику, стѣсняясь просить громко при новомъ своемъ знакомствѣ.

— Пузалуста близъ карадить!.. Мня сказала узе ни мозна!

— Что это? Кажись, онъ съ вами торгуется?—безцеремонно ткнул на буфетчика пальцомъ г. Антизитровъ.—Стоитъ вамъ еще со всякимъ Ангелдской разговаривать!.. Позвольте мнѣ этимъ дѣломъ распорядиться! Вы чего желаете? Телячью котлетку?—Подать намъ двѣ порціи котлетъ!

Коробовъ опять застѣнчиво смѣшался и сконфузился, чувствуя свою безпомощность въ виду голода и окончательнаго отсутствія денегъ. Ему было неловко и совѣстно передъ Антизитровымъ, что этотъ посторонній человѣкъ такъ-таки съ первой минуты замѣтилъ всю суть его печальнаго положенія.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь!—дружески предупредилъ его Антизитровъ,—У васъ—извините,—кажется, нѣтъ съ собой денегъ; но вѣдь это и со всякимъ можетъ случиться!.. Мы съ вами оба, батенька, люди труда, оба работники честной мысли и потому отлично понимаемъ общее наше положеніе. Сегодня оно съ вами такъ, а завтра и со мной можетъ тоже самое случиться!.. Вѣроятно, еслибы у васъ были деньги, а у меня нѣтъ, то вы, замѣтивъ, что я ѣсть хочу, надѣюсь, не отказались бы предложить мнѣ кусокъ мяса?.. Такъ вѣдь?

Коробовъ согласился безъ словъ, одной только застѣнчиво-благодарной улыбкой.

— Ну, конечно, такъ!—подтвердилъ Анти-

затровъ.—Поэтому надѣюсь, не откажете закупить вмѣстѣ съ собратомъ-пролетаріемъ.—Двѣ хорошихъ котлетки, водки графинчикъ и пива! Подать намъ все это въ ту комнату на отдѣльный столикъ!—авторитетно распорядился онъ у буфета.

* * *

Коробовъ съ невыразимымъ удовольствіемъ принялся за плохую телячью котлетку. Голодъ превозмогъ шепотливую совѣстливость. Положеніе его съ нѣкоторыхъ поръ стало весьма тяжелымъ. Онъ запылъ, поддавался этой страсти и не стѣмилъ, да и не хотѣлъ отъ нея воздержаться. Пріимымъ и первымъ слѣдствіемъ этой неводержности явились упушенія въ его «черной» литературной работѣ. Цемшъ начиналъ морщиться. Между тѣмъ для Коробова все чаще и чаще стала являться настоятельная необходимость «перехватить» въ редакціи «скольконибудь денежконокъ», чтобы поддерживать свое брѣнное существованіе и удовлетворить потребности напиваться. Сначала отказу не было, но такъ какъ упушенія и задержки въ работѣ все увеличивались, а «перехватки» становились чаще, то Цемшъ все уменьшалъ цифру этихъ перехватокъ и, наконецъ, распорядился, чтобы контора редакціи окончательно отказала Коробову во всякой дальнѣйшей ссудѣ. Огорченный Коробовъ сталъ еще болѣе манкировать своей работой. Пришлое закладывать вещи и носильное платье, но и этого ресурса хватало весьма не надолго. Однажды, придя въ редакцію, онъ нашелъ на своемъ обычномъ мѣстѣ какого-то новаго сотрудника, а секретарь съ нѣсколько официальной сухостью объявилъ ему, что, вслѣдствіе постоянныхъ упушеній и задержекъ, г. Цемшъ нашелся вынужденнымъ поручить его дѣло другому, болѣе надежному лицу, и потому съ сожалѣніемъ долженъ отказать ему въ дальнѣйшей работѣ. Коробову осталось только поклониться и выйти, что онъ и сдѣлалъ немедленно, съ болью и желчью въ душѣ, но покорно и безотвѣтно. Онъ ругалъ Цемша, но чувствовалъ, что прежде всего самъ виноватъ во всемъ случившемся, и что онъ теперь безпомощенъ, а въ этомъ сознаніи крылся новый мотивъ, новое побужденіе къ тому, чтобы топить свою кручину на днѣ стакана. Онъ видѣлъ и сознавалъ, что обстоятельства его становятся все хуже и хуже, что онъ опустился и начинаетъ погрязать въ какой-то скверной, засасывающей тинѣ—и не хотѣлъ встряхнуться, выкарабкаться изъ своего болота, оживиться, вздохнуть свободнѣе, энергично принялся за дѣло и снова сталъ человѣкомъ. Имъ овладѣла полная апатія къ самому себѣ, полное безучастіе къ своему положенію. Когда являлся вопросъ: что будетъ дальше и чѣмъ все это кончится?—онъ съ равнодушной усмѣшкой горюхилъ себя: что бы ни было и чѣмъ бы ни

кончилось,—не все-ль равно, въ сущности? Въ глубинахъ души его иногда шевелилось сознаніе, что являлась бы у него и воля, и энергія, и охота стать другимъ человѣкомъ, еслибы... Но это-то самое «если-бы» и не представляло ему ни малѣйшей надежды на свое осуществленіе, а подъ «еслибы» разумѣлся возвратъ къ прежней жизни съ женщиной, которая все еще была для него любимой. Но это была неосуществимая мечта, которая порой какими-то темными путями подползала къ его душѣ, но за которую онъ самъ на себя звался и гналъ ее отъ себя, какъ нѣчто подлое, хотя и желанное тайнѣ. Ему самому было стыдно, что въ его душѣ можетъ еще иногда селиться подобное желаніе. Какъ бы то ни было, но онъ, на горе самому себѣ, все еще любилъ Людмилу, и это проклятое, вопившее въ немъ чувство вызывало его топить въ винѣ свое горе. Коробовъ окончательно махнулъ рукою на всѣхъ и вся, и прежде всего на свою собственную особу.

А между тѣмъ дѣла его страшно запутались. За квартиру давно уже не было заплачено, и домохозяинъ понудилъ его, наконецъ, очистить ее. Валерьянъ перебрался въ одну изъ конурокъ, которую за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ уступила ему содержательница мебелированныхъ комнатъ въ томъ же самомъ домѣ. Заплативъ съ грѣхомъ пополамъ впередъ за полъ-мѣсяца, онъ сталъ жить, отгоняя отъ себя мысль о томъ, чѣмъ-то придется расплачиваться за вторую половину.

Его пока еще не выгоняли, но кредитъ его съ каждымъ днемъ лопался все болѣе и болѣе; хозяйка лишила его прислуги, дровъ и самовара, мелочной лавочникъ не отпускалъ уже въ долгъ ни сальной свѣчки, ни даже полуфунта ситника; оставалась еще греческая кухмистерская, но, наконецъ, и тамъ перестали его кормить безъ денегъ. Тотъ благодарный ресурсъ, который во время дво ежемѣсячно являлся ему въ видѣ пятидесяти рублей, присылаемыхъ рязанской теткой, уже давным-давно прекратился, такъ какъ тетка эта умерла вскорѣ послѣ женитьбы Валерьяна и имѣяппце ея перешло въ руки ближайшихъ наслѣдниковъ.

Словомъ сказать, ему уже неоткуда было ждать никакой помощи. Закладывать тоже нечего—и безъ того уже заложено все, что только могло быть принято разными «кассами ссудъ». Коробовъ обносился, обтрепался и сталъ, наконецъ, шеголить въ одномъ старенькомъ несеннемъ пальтишкѣ. Онъ обрекъ себя на жалкое существованіе самаго послѣдняго пль послѣднихъ репортеровъ какихъ-то уличныхъ газетокъ нашей маленькой прессы: въ одну сунетъ «замѣтку», въ другую какое нибудь «мы слышали», или «возмутительный фактъ уличнаго безобразія»,—и счастливъ, если удастся выцаранать за свой убогий трудъ какую нибудь

рублевую бумажку. Три рубля были для него въ такомъ положеніи уже очень большими деньгами. Все это писалось нѣтъ гдѣ попало и какъ попадо, озябшею, дрожащею рукою, между вчерашнимъ голодомъ и сегодняшней надеждой выпить и пообѣдать въ греческой «ямкѣ».

Въ такомъ-то жалкомъ положеніи находился Валерьянъ Коробовъ, когда «судьба» столкнула его въ кухмистерской съ г. Антизитровымъ.

Кусокъ мяса и нѣсколько рюмокъ привели сердце Коробова въ умигченное состояніе. Этотъ Антизитровъ показался ему очень хорошимъ человѣкомъ. Оно, впрочемъ, и не мудрено при томъ своего рода нравственномъ неравѣствѣ, которое допускаетъ опустившагося и ведущаго нетрезвую жизнь человѣка легко сходитьсѣ съ людьми, которые такъ или иначе оказываютъ ему пріятельство и, въ особенности, которые «подчуютъ». А это нравственное неравѣство, никогда прежде незнакомое Коробову, начинало въ послѣднее время сказываться въ его натурѣ. Онъ вообще былъ простосердеченъ и доврчивъ. У г-на же Антизитрова былъ такой «открытый», «честный» видъ, когда онъ подошелъ къ Валерьяну, онъ такъ искренно и беззаветно, такимъ знакомымъ языкомъ заговорилъ съ нимъ, какъ умѣютъ и могутъ говорить только люди извѣстныхъ «честныхъ кружковъ», въ которыхъ Валерьянъ вѣровалъ чуть не безусловно, и, наконецъ, онъ такъ просто, такъ человѣчески и такъ товарищески предложилъ ему эту рюмку водки и кусокъ мяса, что Коробовъ не задумавшись призналъ въ немъ хорошаго человѣка, добраго и честнаго малаго, «брата по труду и убѣжденіямъ», и расположился къ нему всѣмъ своимъ откровеннымъ сердцемъ. Нѣсколько рюмокъ развязали ему языкъ, и это было тѣмъ легче, что Антизитрову, вслѣдствіе его отношеній къ фонъ-Шницли, были уже прежде извѣстны самыя больныя стороны существованія Коробова, т. е. его отношенія къ женѣ, и Коробовъ чувствовалъ, что это немного должно облегчать тяжесть разговора о щекотливомъ предметѣ. Однако, г. Антизитровъ расцелъ, что на первый разъ ему не слѣдуетъ первымъ касаться столь больной струны, и предоставилъ высказываться на этотъ счетъ самому Коробову. Впрочемъ, разговоръ ихъ на эту тему ограничился весьма немногими и незначущими фразами, ибо Антизитровъ показалъ видъ, что хотя ему и извѣстны всѣ обстоятельства, но онъ по деликатности не хочетъ останавливаться на предметѣ, столь тягостномъ для его новаго пріятеля. Эта деликатность еще болѣе расположила Валерьяна въ его пользу. «Честный, добрый, хорошій человѣкъ!»—повторялъ онъ себѣ мысленно, смотря дружескимъ взоромъ на г. Антизитрова.

Разговоръ ихъ, начавшись съ журнальныхъ

дѣлъ и сотрудничьихъ обстоятельствъ, незамѣтно перешелъ отъ этой общей темы къ болѣе частной, т. е. къ обстоятельствамъ и положенію самого Коробова въ качествѣ «сотрудника»—и Валерьянъ разсказалъ, съ невольной болью и горечью, какъ онъ вынужденъ строчить «замѣтки» и разныя «по поводу» для жидовскихъ газетокъ, съ трудомъ выпарапывая за это по рублишку; разсказалъ и то, до какого положенія доведенъ теперь онъ разными Цемшами. По общечеловѣческой слабости впасть другихъ, а не себя, хотя въ глубинѣ души и сознавалъ, что и самъ тутъ не безъ вины, Валерьянъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обрисовалъ всѣхъ этихъ Цемшей, а г. Антизитровъ, впадѣнъ соглашаясь съ нимъ, не скупился съ своей стороны на самыя пріятныя эпитеты въ пользу Цемша и прочихъ. Онъ слушалъ Коробова такъ дружески, такъ внимательно и выражалъ ему такое искреннее сочувствіе, а Коробовъ уже такъ давно ни съ кѣмъ не говорилъ «по душѣ», ни передъ кѣмъ не изливалъ всю боль, нанывшую въ его сердцѣ, что теперь исповѣдывался передъ Антизитровымъ, словно бы передъ своимъ добрымъ и старымъ другомъ.

— Послушайте!—сказалъ ему, наконецъ, этотъ «другъ», перебивъ потокъ его не совсемъ трезвыхъ изліаній горячи сердца.—Вѣдь вы человѣкъ со способностями, съ дарованіемъ, вѣдь такъ же нельзя губить себя, какъ вы губите! Вбросьте вы всѣ эти «мы слышали», плюньте на благонамѣренныхъ Цемшей и всю ихъ братію! Надо же когда нибудь и кончить!

— А вѣсть-то что буду?—мрачно спросилъ Коробовъ.

— Эка!.. да развѣ они васъ кормятъ? Найдете работу почище и поблагодарите!.. Въ самомъ дѣлѣ, надо серьезно подумать о нашемъ положеніи!—съ дружескимъ участіемъ произнесъ Антизитровъ, какъ-бы соображая и обдумывая нѣчто.—Къ чорту эту литературу!.. Дайте подумать;—а, кажется, могу васъ пристроить къ одному хорошему дѣлу. Что вы человѣкъ честный, это я уже знаю, въ этомъ я убѣдился еще у подлѣна Шницли; поэтому я думаю, что не риску, если поручусь за васъ заранѣе. Васъ надо просто вытащить изъ этой ямы; ну, а я хочу подать вамъ дружескую руку! Знаете, между нами, между мыслящимъ пролетаріатомъ, должна существовать круговая порука, мы должны взаимно вытаскивать и поддерживать другъ друга—тогда мы, дѣйствительно, будемъ *силой*!

Коробовъ съ чувствомъ, молча и благодарно пожалъ ему руку.

— Ну, не унывайте же! Смѣйтесь!—ободрилъ его Антизитровъ.—Будущность не за нами, а за работниками, за пролетаріатомъ; значить, она за нами! Выпьемъ же за будущность и поидемте—пора ужъ!

— Охъ! — тяжело вздохнулъ Коробовъ и смутно покачалъ головой.

— Чего вы? Допивайте и движемся, говорю.

— Движемся... пробормоталъ Валерьянъ. — Вамъ-то хорошо, коли у васъ есть куда двгаться, а мнѣ... мнѣ некуда... хозяйка съ квартиры гонять... придешь домой, сейчасъ это она ругаться станетъ... мировымъ страшаетъ... холодно, темно, неприглядно все это такъ-то въ комнатншкѣ!.. Эхъ!.. Скверно, голубчикъ мой, скверно!.. Ну, да чего тамъ! — быстро встряхнувшись, махнулъ онъ рукой. — Прощайте!.. спасибо вамъ... за все, за все спасибо и... прощайте!

Коробовъ всталъ и шатнулся.

— Э, да какой вы, батенька, слабый! — пріятельски замѣтилъ Антизитровъ. — Давай-ка я возьму васъ подъ руку, да провожу домой; здѣсь вѣдь не далеко.

— Домой... куда домой? — снова забормоталъ Коробовъ. — Холодно, темно, говорю вамъ... Не хочу я домой!.. Не желаю!.. Пустите меня!.. Я ужъ лучше пойду куда-нибудь на улицу.

— Да, куда же, однако?..

— Все равно... куда глаза глядятъ.

— Э, полнотъ... знаете что? Если не хотите домой, пойдемъ ко мнѣ.. у меня и тепло, и свѣтъ вамъ будетъ, диванъ тоже къ вашимъ услугамъ — пойдемте-ка, право!

— Къ вамъ?.. Пойдемъ, пожалуй! — согласился Коробовъ. — Вѣдь вы человекъ хорошій... Н-да?.. хорошій?.. Ну, стало быть и конечно!.. значить... значить, и пойдемте!

И подхвативъ Валерьяна подъ руку, г-нъ Антизитровъ заботливо вывелъ его изъ греческой «ямки».

У.

Искусъ и посвященіе.

Коробовъ послѣ ночи, проведенной у Антизитрова, почти совсѣмъ поселился въ его обитѣльцѣ. Антизитровъ былъ такъ любезенъ и показалъ себя такимъ добрымъ, сочувствующимъ товарищемъ, что самъ предложилъ ему это помѣщеніе. Здѣсь Валерьяну было и тепло, и удобно; радушій хозяинъ и кормилъ, и поилъ его въволю, а постояльцу, съ похмѣлья, какъ-то вовсе не приходило даже въ голову — зачѣмъ, ради какихъ цѣлей оказывается ему такое гостепріимство? Онъ просто пользовался имъ, какъ несамопомощный человекъ, успѣвшій уже на столько опуститься нравственно, что ему все равно кто его кормитъ и поитъ, лишь бы только быть сытымъ и пьянымъ. Такъ прошло нѣсколько болѣе недѣль, и за это время Коробовъ уже на столько успѣлъ освоиться и сдружиться съ своимъ благодѣтельнымъ товарищемъ, что считалъ его за лучшаго своего друга, снеслся на *ты* и всѣмъ сво-

имъ довѣрчивымъ и незлобивымъ сердцемъ увѣровалъ въ его «высокую, нравственную и гражданскую личность». Безхарактерные люди всегда очень легко впадаютъ въ такую любовь и вѣру и въ такіе отношенія, благодаря своему сердцу да простодушію, особенно въ молодые годы, когда еще въ этомъ сердцѣ не угасла увлекающая вѣра въ идеалы, каковы бы они ни были, и въ жизнь и въ человека. Онъ признавалъ въ Антизитровѣ *силу*, да къ тому же еще и зависѣлъ отъ этого самаго Антизитрова въ матеріальномъ отношеніи, ибо тотъ не только далъ ему уголъ и кусокъ хлѣба, но еще и снабжалъ иногда маленькими деньжонками. Признанія силы и этой насущной зависимости было совершенно достаточно, чтобы слабый Валерьянъ незамѣтно, но исполнѣ подчинился его нравственному вліянію. Это подчиненіе простиралось даже до того, что когда самому Антизитрову дѣнь было что-нибудь сдѣлать, или сходить куда, или же когда прислугѣ некогда было исполнить какую-нибудь его прихоть, онъ безпереромно пользовался Валерьяномъ — и деликатный Валерьянъ безропотно и даже охотно бѣжалъ для него съ письмомъ на городскую почту, въ табачную за папирсами, въ подливную за напитками, и даже самъ иногда напрашивался на подобныя порученія. Въ этомъ заключалось все, чѣмъ въ паденіи своемъ онъ могъ отблагодарить его за пріютъ и ласку.

Антизитровъ же хотя и держалъ себя съ нимъ пріятелемъ, но постоянно давалъ чувствовать посредствомъ разныхъ темныхъ, аллегорическихъ намековъ, что онъ *сила*, что у него есть какое-то громадное, таинственное предпріятіе слишкомъ важнаго и высокаго значенія, есть обширныя связи и вліяніе совсѣмъ особаго рода, но что это за предпріятіе и что за связи — онъ не объяснялъ и предпочиталъ осторожно и загадочно отмачиваться, круто обрывая разговоръ, каждый разъ, какъ только Коробовъ пытался обстоятельнѣе разспросить его.

А межъ тѣмъ личныя отношенія ихъ становились все ближе, короче, и Антизитровъ видимо старался придать имъ задушевную сердечность. Но эта-то самая сердечность и ставила порою въ-тупикъ добродушнаго Валерьяна, когда рядомъ съ нею онъ сопоставлялъ эту затаенность, это нежеланіе быть искреннимъ, чуть лишь дѣло касалось намековъ о силѣ, связяхъ и предпріятіи, которые иногда, будто бы совсѣмъ невольнo и нечаянно, прорывались въ дружескомъ разговорѣ. Подчинясь Антизитрову нравственно и полюбя его душою, Валерьянъ чувствовалъ порою даже боль и обиду въ сердцѣ, при мысли, что пріятель, не смотря на всю свою дружбу, не хочетъ быть съ нимъ вполне откровеннымъ, и эта мысль его мучила. Валерьяну думалось, что другъ не-

считаетъ его достойнымъ своего довѣрія—поэтому ему страстно стало хотѣться переувѣрить его въ себѣ, сдѣлать такъ, чтобы Антизитровъ убѣдился, наконецъ, въ прочности его дружбы, въ его твердой, несомнѣнной надежности. Ему хотѣлось сдѣлать что нибудь такое, свершить какой нибудь такой подвигъ, который снялъ бы печать недовѣрчиваго молчанія съ устъ его добраго друга.

Однажды, когда тонъ Антизитрова казался особенно теплымъ, дружески-задушевымъ и когда, между прочимъ, прорвался у него одинъ изъ маленькихъ намековъ, за которымъ послѣдовала обычная фигура умолчанія, Коробовъ, уже заранѣе положившій себѣ добиться, наконецъ, какой нибудь истины, рѣшился атаковать съ этой стороны своего друга.

— Аристархъ!—сказалъ онъ, съ чувствомъ дружескаго упрека, взявъ его руку.—Скажи мнѣ, сдѣлай милость, за что ты со мной не откровененъ?

— Я?—поднялъ на него тотъ изумленные взоры.

— Да, ты, ты, голубчикъ!—горячо подтвердилъ Коробовъ.—Я вѣдь давно уже вижу, давно замѣчаю, что ты иногда невольно проговариваешься о чемъ-то, а въ чемъ твое дѣло—сказать не хочешь!.. Вѣдь это, наконецъ, даже обидно!.. Друзья такъ не дѣлаютъ!

Антизитровъ мрачно и сосредоточенно нахмурился.

— Отстань, пожалуйста!.. мало ли, что... да тебѣ-то какое дѣло!—проворчалъ онъ, какъ бы съ явною неохотой.

— Но, наконецъ, считаешь ли ты меня за порядочнаго человѣка?

— Станный вопросъ, мой милый!.. Развѣ иначе я могъ бы сойтись съ тобою?.. Я, кажется, съ первой же встрѣчи выразилъ тебѣ, на сколько и за что именно уважаю тебя!

— И если я порядочный человѣкъ, считаешь ли ты меня своимъ другомъ?—продолжалъ Коробовъ.

— Думаю, что въ этомъ ты давно бы ужъ могъ убѣдиться!—добродушно усмѣхнулся пріятель.

— Ну, такъ за что-жъ ты со мной не откровененъ?.. Или я не стою, не заслужилъ еще на столько въ твоей дружбѣ? или ты не довѣряешь мнѣ, сомнѣваешься въ моей честности?

— Ни то, ни другое, ни третье!—категорически возразилъ Антизитровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я тебя рѣшительно не понимаю!—воскликнулъ Коробовъ.—Но, не взыщи, голубчикъ, за откровенность, а только всѣми этими недомолвками твоими ты меня рѣшительно обижалъ!.. Я бы, кажись, душу готовъ за тебя положить, коли понадобится, а ты между тѣмъ стѣсняешься слово

лишнее вымолвить!.. Извини, братъ, это ужъ вовсе не по-дружески!

— Нѣтъ, вотъ именно оно-то и есть по-дружески!—улыбнулся Антизитровъ.—Если я съ тобой не во всемъ откровененъ, то вѣрь мнѣ, это потому только, что я слишкомъ люблю тебя.

— «Люблю и не вѣрю!»—замѣтилъ Коробовъ, съ горькой усмѣшкой.

— Эхъ, Валерьянъ! И къ чему тебѣ добиваться узнать то, что, можетъ быть, будетъ только тяготить тебя?

— А тебя оно развѣ тяготитъ?

— Я?.. Я другое дѣло!.. Я человѣкъ уже рѣшившійся.

— Но вѣдь и я могу быть такимъ же?

— Хм!.. «такимъ-же?».. Рѣшаться, другъ мой, можно только на то, что знаешь, что строго взвѣшено и обдуманно.

— Поэтому-то я и хочу узнать.

— Да, но ты забываешь, что *узнать* и *значить* еще *рѣшиться*.

— Однако то, что ты скрываешь, безъ сомнѣнія, дѣло честное?

— Надѣюсь.

— Аристархъ! ты знаешь мои убѣждения?—поднялся Коробовъ.

— Знаю! ты—человѣкъ честнаго образа мыслей; но честная мысль *на словахъ* и осуществленіе ея *на дѣлѣ* еще не одно и то же.

— Такъ я фразеръ, по твоему?—нѣсколько обидѣвшись, спросилъ Валерьянъ.

— Мнѣе, чѣмъ кто либо! Развѣ я называлъ тебя фразеромъ? Въ честности твоихъ убѣждений я не сомнѣваюсь,—продолжалъ Антизитровъ,—но для осуществленія ихъ на дѣлѣ нуженъ характеръ, нужно слишкомъ много настойчивости и энергіи, а прежде всего нужно полное *самоотреченіе*. Пойми ты это, голубчикъ!.. Я—дѣло другое! Мы уже люди отпѣтые, люди рѣшившіеся; мы знаемъ, чего хотимъ, знаемъ куда идемъ, знаемъ что насъ можетъ ожидать и при торжествѣ, и при неуспѣхѣ; однимъ словомъ, мы уже на все рѣшились. А ты... ты еще молодежь, тебѣ еще можетъ сманить и эта жизнь, и всѣ ея соблазны... ты можешь раздумать, усомниться... Я не сомнѣваюсь, что, какъ честный человѣкъ, ты никогда не будешь измѣнникомъ; но кто же мнѣ поручится, что ты съ-перваго же раза, какъ узнаешь наше дѣло, станешь ему сочувствовать?.. А вѣдь у насъ, братъ, уже нѣтъ возврата! У насъ—все равно, какъ на двери дантовскаго ада: «входящій, покинь надежду навсегда».—Для тебя это знаніе, это посвященіе въ дѣло, говорю тебѣ, можетъ составить одну только лишнюю тягость. Я не хочу тебя путать, я слишкомъ люблю тебя—и вотъ почему я съ тобой не откровененъ.

— Ну, такъ путай-же, чортъ возьми!.. Я требую, я хочу этого!—вскочилъ въ азартномъ

увлеченія, хлопнулъ Валерьянъ кулакомъ по столу.

Антизитровъ въ отвѣтъ на это только тихо засмѣялся тѣмъ благодушнымъ смѣхомъ, какимъ мы встрѣчаемъ иныя дѣтскія выходки.

— Да нечего улыбаться!—задорно обратился къ нему Коробовъ. Лучше выслушай и пойми меня, тогда, авось, тебѣ не до смѣху станетъ!

— «Смѣяться, право, не грѣшно...»—началь-было цитировать извѣстные стихи г. Антизитрова.

— Нѣтъ, грѣшно!—перебилъ его Валерьянъ.—Грѣшно, жестоко, безчеловѣчно иногда смѣяться по вашему!.. Послушай, любезный другъ, ты вѣдь, кажется, довольно хорошо знаешь мое положеніе: жизнь моя исковеркана окончательно... Эта проклятая женитьба... эта женщина... это чувство постыдное, которое во мнѣ... ну, все, все, однимъ словомъ, сошло такъ, чтобы испортить, изломать мое существованіе... Ну, какая теперь у меня цѣль въ жизни?—Ровно никакой! Поѣлъ, выпилъ, выспался на чужой счетъ—и спасибо! День да ночь—сутки прочь, къ смерти ближе. Я сдѣлалъ себя ни къ чему непригоднымъ человѣкомъ, я ничего не жду, ничего не хочу, ни на что не надѣюсь впереди... вѣдь тамъ, впереди-то, для меня нѣтъ никакого просвѣта! И я теперь дошелъ уже до такого нравственнаго состоянія, что мнѣ рѣшительно все равно, что бы со мной ни сдѣлали, куда бы ни пивыручили: въ солдаты—такъ въ солдаты, въ монастырь—такъ въ монастырь, на каторгу—ну, и на каторгу! Все это для меня теперь дѣло совершенно безразличное, потому что нѣтъ у меня никакой цѣли въ жизни, и если живешь еще, то ей-Богу, кажись, только въ силу малодушной и чисто физиологической привычки къ жизни, какъ живетъ всякое животное. Дай мнѣ эту цѣль, дай ее!—и ты, можетъ быть, спасешь меня!

— Любезный другъ,—серьезно и многословно заговорилъ Антизитровъ.—Ты говоришь о цѣли въ жизни. Но для того, чтобы и могъ создать тебѣ эту цѣль, ты прежде всего долженъ отчураться отъ этой жизни, отъ всего ея строя, отъ всѣхъ порядковъ, предразсудковъ и перегородокъ ея—словомъ, отъ всего! Ты долженъ возненавидѣть ее всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ твоимъ! Ты долженъ обречь себя на вѣчную и беспощадную борьбу, гдѣ уже нѣтъ никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ! Ты долженъ отречься отъ самого себя, быть готовымъ на все, безусловно подчиниться и съ буквальной точностью исполнить что бы тебѣ ни было указано! А ты межъ тѣмъ любишь эту жизнь... Да, любишь! Не возражай мнѣ! Ты и до нынѣшняго-то своего положенія дошелъ вѣдь почему?—Потому что малодушествуешь любовишкой къ женщиной, которая открыто хвостомъ отъ тебя вильнула; ты оскорбленъ, какъ

мужъ, и оскорбленъ потому лишь, что это у васъ такъ ужъ условно принято. Ну, развѣ не правда?

Коробовъ отрицательно и грустно покачалъ головою.

— Нѣтъ не правда! — сказалъ онъ. — Не правда!.. «какъ мужъ»... «условно принято»... Все это вздоръ, и ты не такъ меня понимаешь! Я не оскорбленъ, а я просто несчастный человѣкъ потому, что не могу никакъ отдѣлаться отъ подлога чувства къ этой женщинѣ... О, ты не знаешь ее! Въ этой жабѣй натурѣ, несмотря на все мое сознательное презрѣніе къ ней, все-таки есть для меня (да и для одного ли меня только!) что-то обаятельное, что-то неотразимо-влекущее... Называй это чувство какъ хочешь: можетъ, оно—физиологическая односторонность, своего рода мономанія, болѣзненный капризъ моей натуры — все это легко можетъ быть, но, любезный другъ, противъ этого ничего не подѣлаешь! Вотъ въ чемъ и все мое несчастіе! Дай мнѣ какое-нибудь отвлеченіе въ другую сторону! Дай мнѣ уйти отъ самого себя! Я готовъ хоть на каторгу! Мнѣ все равно, говорю!

Антизитровъ угрюмо задумался.

Обоюдное молчаніе не прерывалось довольно долго.

— Н-да, теперь это понятно!—проговорилъ онъ, наконецъ, сквозь зубы, какъ бы самъ съ собою, и вдругъ поднялъ просвѣтлѣвшій взглядъ на Коробова. — Ну что-жъ, изволь, коли ужъ такъ желаешь! Готовъ дать тебѣ и цѣль, и отвлеченіе; но только помни, что возврата тебѣ уже не будетъ! Да и принципы наши знай напередъ; они не многосложны. Это, во-первыхъ: непримиримость и мщеніе всему, что не мы; во вторыхъ — пропаганда; въ третьихъ—все средства для достиженія цѣли; въ-четвертыхъ—самоотреченіе и отрожайшая дисциплина я, наконецъ, въ-пятыхъ—смерть за лишнюю болтовню и за измѣну. Согласенъ ли ты на это?

— Согласенъ!—опустивъ голову, но твердо выговорилъ Коробовъ.

— Безусловно согласенъ?

— Безусловно.

— Сочувствіе, или несочувствіе чему либо изъ нашей программы у насъ ни въ какой расчетъ не принимается. Разъ, что ты нашъ, ты обязанъ буквально исполнять все, что отъ тебя потребуется. Согласенъ?

— Я сказалъ уже!—спокойно и ясно поднялъ на него Валерьянъ свои взоры.

— Ну, такъ слушай же!.. Я—другъ Нечаева и былъ другомъ Каракозова. Вотъ тебѣ моя лучшая рекомендація. Я состою въ Петербургѣ делегатомъ отъ нашего женевскаго «Общества» и, какъ членъ Интернаціонала, завѣдую здѣсь русскимъ его отдѣломъ. Наши связи и средства громадны! И громадны такъ, какъ ты и

представить себя не можешь! Видь наша организация покрывает непрерывною сѣтью всю Европу, Америку и всю Россію съ Сибирью! Наши работаютъ и въ парламентахъ, и въ салонахъ, въ монастыряхъ, и въ полкахъ, и въ мастерскихъ, на фабрикахъ и на заводахъ, и въ городахъ, и въ селахъ, и даже въ рудникахъ на каторгѣ — вездѣ, повсюду, братъ, кипитъ святая работа! Съ нами борятся, но мы побѣдимъ, потому что насъ миллионы, и терять намъ нечего: мы можемъ только приобрести. Будущность за нами!

Коробовъ слушалъ внимательно, дивясь и созерцая, готовый безусловно вѣроватъ въ откровения своего, столь авторитетнаго друга.

— Россія, сравнительно съ остальною Европой, стоитъ нѣсколько въ иныхъ условіяхъ, — многозначительно продолжалъ г. Антизитровъ; — тамъ могутъ свободно собираться наши митинги, конгрессы, тамъ есть широкія и свободныя средства для пропаганды и для организаціи, тамъ, вонъ гляди, забастовка за забастовкой, а у насъ попробуй-ка! — сейчасъ тебя самого забастуютъ! Сейчасъ это герметически въ Петропавловку укупорятъ и конченъ балъ!.. Ужъ я, братъ, былъ укупоренъ однажды и знаю, что это за милая штука, Петропавловка! Но... надо быть на все готовымъ!... И такъ какъ Россія стоитъ въ иныхъ условіяхъ, то тутъ и иная система организаціи. Мы для Россіи приняли, какъ наиболѣе подходящее, старую польскую систему троекъ: одинъ, напримѣръ, вербуетъ меня, я тебя, ты въ свою очередь третьяго и этотъ третій знаетъ только тебя, но уже ни меня, ни моего вербовщика не знаетъ, да и знать отнюдь не долженъ! На этомъ, братъ, вся система зиждется! И какая система! Какъ это все просто и вмѣстѣ съ тѣмъ гениально! Ты, простофиля, и представить себя не можешь, съ какою быстротой, съ какимъ успѣхомъ растутъ и развиваются эти *тройки*! — Вся Россія, вся Сибирь уже покрыта сѣтью троекъ. И какая выгода, замѣть себѣ: попался одинъ — одинъ и гибнетъ, или въ крайнемъ случаѣ — одна, двѣ, а много, если три тройки будутъ открыты, но ужъ никакъ не болѣе. А для общій организаціи это ущербъ ничтожный!.. Но ты, если и попадешься, то, пожалуйста, не бойся и не падай духомъ. Если тебя сошлютъ, то это значитъ, что ты получаешь только новую миссію, новое назначеніе отъ «Общества»: ты, значитъ, обязанъ вести нашу пропаганду тамъ, куда тебѣ упричутъ: въ рудникахъ ли, въ острогѣ ли, въ арестантскихъ ли ротахъ — вездѣ ты обязанъ пропагандировать и организовывать тройки; а «Общество» тебя не забудетъ; оно вездѣ и постоянно слѣдитъ за всѣми *своими*: добрыхъ поощряетъ, злыхъ караетъ! И оно всегда найдетъ возможность и до каторги, и на каторгѣ снабжать тебя постоян-

но всяческими средствами, и деньгами, и поддержкой — только веди его дѣло! А измѣнишь, или выдавать станешь *своихъ* — ну, такъ ужъ не взыщи, братъ, — отправимъ къ праотцамъ! Расправа у насъ коротка и безотлагательна.

Много, и долго еще, и широковъщательно повѣствовалъ г. Антизитровъ, продолжая по-свѣщать новаго адента въ тайны организаціи его «Общества». Онъ говорилъ и о средствахъ, и о связяхъ, причемъ фигурировали у него самыя крупныя имена и еще болѣе крупныя цифры; повѣствовалъ и о своемъ значеніи въ «Организаціи», о своихъ отношеніяхъ къ Нечаеву, къ Бакунину, къ Утяну и всѣмъ вообще нашимъ эмигрантамъ. Къ покойному Герцену относился слегка и снисходительно, но въ Бакунина и въ Нечаева признавалъ силу настоящую и великую. Нѣсколько эмигрантскихъ анекдотовъ, кое-какія сплетни, касающіяся болѣе взысканныхъ кармановъ и спялентъ, нѣсколько подробностей, характеризующихъ нѣкоторыя черты эмигрантской жизни и быта, нѣсколько деталей, касающихся личныя характера того или другого дѣятеля, кое-какіе скандальныя анекдоты про бендликонскихъ поляковъ и нашихъ цюрихскихъ соотечественницъ — все это, рассказанное развязнымъ и самоувереннымъ тономъ, съ вѣскимъ видомъ авторитета, съ увѣренностію въ собственной непогрѣшимости, съ извѣстнаго рода компетентностію — все это произвело свое впечатлѣніе на податливаго Коробова и окончательно убѣдило его, что онъ имѣетъ честь быть другомъ особы весьма вѣскаго качества. Теперь нравственный авторитетъ г. Антизитрова и его влияние на Коробова, и безъ того уже не малое, возросли еще болѣе, а вмѣстѣ съ этимъ возросла и степень его добровольнаго подчиненія г. Антизитрову. Съ этой минуты Валерьянъ, посвященный въ самую важную тайну жизни своего друга, сталъ благодарно и тепло цѣнить въ душѣ его высокое довѣріе къ себѣ и эту рѣдкостную откровенность. Онъ почувствовалъ на себѣ какъ бы отраженіе лучей того ореола, которымъ ослѣпъ былъ въ его глазахъ г. Антизитровъ. Онъ гордился тѣмъ, что можетъ назвать себя *другомъ такого человека* и что этотъ человекъ тоже и его признаетъ своимъ лучшимъ и любимѣйшимъ другомъ. Валерьянъ Коробовъ какъ бы выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Теперь онъ, изгнанный сотрудникъ Цемша, поклянутый мужъ, пьяненькій собиратель разныхъ грошовыхъ извѣстій для уличныхъ листовъ — имѣлъ право придать себѣ нѣкоторое значеніе, могъ сказать о себѣ, что и онъ тоже составляетъ *нѣчто*, какъ другъ Антизитрова и какъ членъ столь великой ассоціаціи. Цѣль въ жизни и отвлеченіе въ другую сторону были найдены. Валерьяну даже какъ будто нѣсколько легче вздохнулось.

VI.

Дока на доку нашелъ.

Антизитровъ, чуть лишь удалось ему завербовать Коробова, не теряя времени, отправился къ Вельтищеву.

Платонъ Васильевичъ пилъ еще свой утренній кофе, пробѣгая новыя газеты, когда ему доложили о приходѣ этого посѣтителя.

— А! господинъ... господинъ... Анто... Анти...зитровъ!.. Вотъ же ожидалъ-то! Очень радъ васъ видѣть!—не подымаясь съ кресла и небрежно протягивая лѣвую руку своему гостю, проговорилъ Платонъ.—Вѣроятно, у васъ есть для меня какія нибудь новости?

— Есть,—отрывисто и сухо буркнулъ Антизитровъ, нѣсколько обиженный въ душѣ этою «лѣвою рукою» и этимъ небрежнымъ тономъ.

— Что же вы такъ долго не показывались, мой милѣйшій?

— Да, такъ, почтеннѣйшій! Зачѣмъ бы это я сталъ къ вамъ безъ толку показываться? Ни я васъ, ни вы меня въ числѣ своихъ знакомыхъ, конечно, не считаемъ; стало быть, и шататься вамъ другъ къ другъ безъ дѣла не зачѣмъ. А вотъ, какъ оказалось у меня *дѣло*, такъ я и пришелъ.

— Очень радъ, очень радъ!—пробормоталъ сквозь зубы Вельтищевъ, осаженный этимъ «почтеннѣйшимъ», которымъ былъ отпарированъ его «милѣйшій».—Какого же рода новости вы принесли мнѣ?... Я горю нетерпѣніемъ услышать отъ васъ, что нибудь пріятное!

— Да что «пріятное»?—Пріятное для васъ будетъ то, что недѣли черезъ двѣ мы покончимъ съ Коробовымъ.

— Такъ скоро?—изумился Вельтищевъ.

— Чего тамъ медлить-то? — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Это вѣдь и въ моихъ собственныхъ расчетахъ. А потому вы ужъ потрудитесь заранѣе приготовить къ сроку мои пять тысячъ.

— Задержки не будетъ ни единой минуты!—удостоверилъ его Вельтищевъ.

— Ну, а за мной и тѣмъ менѣе можетъ быть задержка!.. Только вы вотъ что... постарайтесь приобрести для меня ручной типографскій станокъ, и какъ можно скорѣе.—Хорошо, если бы даже сегодня! Знаете пословицу: куй желѣзо пока горячо!

— Станокъ?! — въ недоумѣніи взглянулъ Вельтищевъ на Антизитрова.

— Да, ручной станокъ и фунтовъ двадцать типографскаго шрифта.

— Это зачѣмъ же?

— Для нашего дѣла-съ.

— Потрудитесь, пожалуйста, объяснить пообстоятельнѣе.

— Ну, нѣтъ-съ, ужъ отъ дальнѣйшихъ объясненій вы меня увольте!—полунасмѣшливо поклонился Антизитровъ. — Вспомните наше первое условіе и не забывайте, что я напередъ выговаривалъ себѣ право не открывать вамъ моихъ путей и способовъ.

— И вы требуете, чтобы я самъ пошелъ куда-то покупать для васъ какіе-то станки?

— Не ставки, а станокъ,—поправилъ его Антизитровъ.—И при томъ, сами ли вы пойдете, или поручите кому — это для меня вопросъ совершенно безразличный: какъ знаете, такъ и дѣлайте, а мнѣ только предоставьте его поскорѣе,—вотъ и все.

Вельтищевъ раздумчиво потеръ себѣ переносицу.

— Я васъ не спрашиваю, на что именно вамъ все это нужно,—неторопливо заговорилъ онъ, послѣ короткаго раздумья. — Положимъ я все это могу понимать... могу догадываться, но... самому мнѣ, при моемъ положеніи, окончательно уже неудобно совершать для васъ подобнаго рода подозрительныя покупки.

— Ну, коли не сами, такъ поручите кому.

— И поручать точно также не нахожу удобнымъ. Мало ли, что можетъ потомъ выйти!

— Значить, трусите... хм!.. А дѣло то не ждетъ!.. Ну, и какъ же мнѣ быть теперь съ вами?

— Купите сами,—предложилъ ему Вельтищевъ.

— Я?... Положимъ, а-то могъ бы, потому я знаю даже одного такого человѣчка, у котораго еще со временъ Каракозова припрятаны въ надежномъ мѣстѣ и ставочекъ, и шрифтишко, и этотъ человѣчекъ, ради общей пользы, не отказался бы даже продать мнѣ за сходную цѣну, да видите-ли, въ карманѣ-то у меня все купило притупило!

— Я же вамъ далъ денегъ? — напомнилъ ему Платонъ Васильевичъ.

— Эка! — презрительно усмѣхнулся Антизитровъ.—Дали двѣсти рублей, да и думаете, что не вѣсть какъ благодѣтельствовали!.. А вы не забудьте то, что на эти двѣсти рублей мнѣ надо было приручить къ себѣ Коробова, надо было показывать себя передъ нимъ въ авторитетномъ свѣтѣ, надо было пригласить его къ дѣлу, поддерживать въ немъ возвышенное состояніе духа, такъ сказать, температуру крови и раздраженіе нервовъ—вѣдь на эдакое предпріятіе въ человѣкѣ должна быть достаточная энергія и рѣшимость. Безъ энергіи нѣшто онъ пойдеть? Вы какъ полагаете?—Вотъ ваши двѣсти рублей и ухнули!

— Такъ вы, значить, хотите получить съ меня еще денегъ?—недовѣрчиво прищурился Вельтищевъ.

— Всеконечно-съ!.. Объ этомъ, мнѣ кажется, излишне и спрашивать!

— Излишне спрашивать, — согласился Платонъ. — Но позволительно сомнѣваться, не служу ли я глупымъ предметомъ самой безцеремонной эксплуатаціи?

— Сомнѣвайтесь, пожалуй! Но только знайте, что въ такомъ разѣ дѣло ваше станетъ на точкѣ замерзанія и не будетъ ему ни оттепели, ни морозу.

И вслѣдъ затѣмъ онъ поднялся съ мѣста.

— Имѣю честь кланяться! — буркнули его губы, а голова кивкомъ отвѣсила короткій поклонъ.

— Куда же вы? — спохватился Вельтищевъ, съ движеніемъ легкаго безпокойства.

— Домой-съ! — въ полъ-оборота повернулся къ нему Антизитровъ. — Съ вами, какъ видно, каши не сварить, и, какъ вижу, всѣ старанія мои были напрасны, такъ нечего и толковать намъ больше.

— Да позвольте же! позвольте! — остановилъ его Вельтищевъ. — Какой вы, право, шекотливый! Самъ говорить людямъ дерзости и думаетъ, что правъ, а скажешь ему что нибудь не по шерsti, онъ ужъ и обижается!

— Я говорю то, что чувствую.

— Ну, и я точно тоже! Стало-быть, намъ нечего обижаться другъ на друга!

— Да я и не обижаюсь: мнѣ — плевать!

— Ну и мнѣ плевать! Значитъ, мы можемъ продолжать наши разговоры, — улыбнулся Платонъ Васильевичъ.

— Разговаривать нечего! Надо дѣйствовать, а не разговаривать! — внушительно замѣтилъ Антизитровъ. — И если желаете, чтобы я дѣйствовалъ, такъ выдайте мнѣ еще триста рублей на расходы — и тогда черезъ двѣ недѣли, а можетъ еще и раньше я вамъ обלאваю Коробова такъ, что мѣсяца черезъ два и формальное расторженіе брака воспослѣдуетъ!

Платонъ Вельтищевъ отперъ свою кассу.

— Извольте! — сказалъ онъ. — Выдаю вамъ триста, но выдаю съ полнымъ убѣжденіемъ, что это эксплуатація. Я почти не надѣюсь на тотъ исходъ дѣла, который вы сулите. Мнѣ кажется, вамъ просто нужны деньги и вы себѣ думаете, что наши простачка, у котораго можно пожить, — ну, и Господь съ вами, живите-себѣ! Меня вѣдь такой пустякъ не разорить, но я не желаю только, чтобы вы думали, будто можете водить меня за носъ.

— Ха, ха, ха, ха! — взявшись за бока, расхохотался Антизитровъ. — Эка самолюбіе-то у васъ играетъ!.. Вамъ, какъ вижу, главное не въ дѣлѣ, а въ томъ, чтобы я не думалъ, будто вы дуракъ! — Полноте, някто васъ, батенька, не надуетъ, потому сами вы всякаго надуете! — переверкалъ онъ на свой ладъ извѣстную фразу супруги Китъ Китыча.

Вельтищевъ слегка подернулъ нахмурившейся бровью, потому что на эту минуту Ан-

тизитровъ вѣрно угадалъ и мѣтко попалъ въ слабую струнку его самолюбія — и это было ему непріятно.

— Ну, да ладно! Что намъ болтать по пустякамъ-то? Дѣло само себя покажетъ, — примирительно сказалъ Антизитровъ, пряча въ карманъ полученные деньги. — Вы лучше готовьте-ка заранѣе мои пять тысячъ, чтобы потомъ ни на минуту не вышло задержки!

И они разошлись.

VII.

Организаторъ.

— Я прямо изъ Комитета, озабоченно и съ таинственною вѣскостью сообщилъ Антизитровъ Коробову, вернувшись домой прямо отъ Вельтищева.

Тотъ съ живѣйшимъ интересомъ устремилъ на него любопытные и ожидающіе взоры.

— Было совѣщаніе, и довольно горячее, — продолжалъ Антизитровъ. — Ты принявъ въ члены «Общества» на мою личную отвѣтственность. Поздравляю, дружище!

— Какъ?.. Прямо въ Комитетъ? — воскликнулъ Коробовъ, польщенный столь высокою честью.

— Эка, хватилъ!.. въ Комитетъ! — подыалъ носъ г. Антизитровъ. — Развѣ мы въ Комитетъ собираемъ какъ ни попало, съ бора да съ сосенки?.. Нѣтъ, братъ, до Комитета путь тебѣ еще далекъ! Надо сперва еще пройти много степеней въ «Организация», пока доберешься до членства въ Комитетѣ. Вѣдь Комитетъ — это наша высшая, центральная инстанція; это, такъ сказать, наша коллегіальная диктатура, а ты сразу захотѣлъ скакнуть вона-куда!.. погоди! сначала пройди то, что положено! Въ Комитетѣ-то и имени твоего даже не знаютъ!

— Такъ какъ же ты говоришь, что я принять на твою отвѣтственность? — спустилъ тонъ Коробовъ, ошарашанный отчасти словами пріятеля.

— Такъ что-жъ? Имя вообще въ такихъ дѣлахъ вещь не безопасная, и потому у насъ имена замѣняются особымъ способомъ. Тутъ, братъ, цѣлая система выработана! Я просто заявилъ, что приобрѣлъ новаго и въ высшей степени полезнаго члена, — ну, Комитетъ и положилъ принять тебя на мою отвѣтственность; ну, и записали въ протоколъ, и внесли тебя въ разрядную книгу и въ членскій списокъ.

— Да какъ же внесли, коли имя неизвѣстно? — пожалъ плечами Коробовъ.

Антизитровъ, многозначительно и загадочно ухмыляясь, вынулъ свою записную книжку и, перевернувъ нѣсколько листочковъ, сказалъ Валерьяну:

— Вери перо и пиши!

Тотъ приготовился, и менторъ продиктовать ему, указывая, въ какомъ порядкѣ и какъ именно должно писать, слѣдующую формулу:

Серія С.
Петербургъ.
№ 37
12,129.
Разрядъ IV.

— Это что-жъ такое? — непритворно изумился Валерьянъ, написавъ продиктованное.

— Это твое имя и твой видъ, гдѣ поставлено уже и твое назначеніе.

— Объясни пожалуйста!

— Изволь, голубчикъ! Это моя прямая обязанность. Вотъ видишь ли,—начать онъ, указывая пальцемъ на первую строку, — «Серія С». — Это вотъ что означаетъ: у насъ въ центральномъ комитетѣ засѣдаетъ двѣнадцать постоянныхъ и непрѣмѣнныхъ членовъ, каждый изъ нихъ представляетъ собою одну серію: А, В, С, D и т. д. Моя серія, какъ видишь, С. Въ эту серію входятъ всѣ лица, на вербованные мною, и всѣ тѣ, которые на вербованы моими вербунками; такъ на примѣръ, если ты завербуешь, положимъ, какого-нибудь Иванова, а Ивановъ въ свой чередъ Петрова, а тотъ Пантелѣева, то всѣ они будутъ относиться къ моей серіи, и всѣ будутъ значиться подъ буквою С. Я, значить, вашъ старшій, вашъ родоначальникъ, хотя меня знаешь только ты одинъ (и то потому, что я самъ тебя завербовалъ), а Ивановъ знать меня уже не будетъ и не долженъ; Петровъ же будетъ знать только Иванова и т. д. Понимаешь?

— Это-то понятно! — согласился Коробовъ. — Серія С. то самое, что, на примѣръ, въ зоологіи, или въ ботаникѣ *родъ, genus*.

— Въ родѣ этого, мой милый, въ родѣ этого! Ты очень понятливъ! Одобряю! — поощрительно и шутя улыбнулся Антиситровъ. — Затѣмъ далѣе! — ткнулъ онъ пальцемъ на бумагу. — «Петербургъ» — это означаетъ, что завербованный субъектъ принадлежитъ къ петербургскому отдѣлу «Организацин» и въ Петербургѣ же состоитъ на жительствѣ. Затѣмъ, въ видѣ числителя, № 37 значить, что ты тридцать седьмой человекъ изъ завербованныхъ лично мною, а подъ чертою, въ видѣ знаменателя, № 12,129 означаетъ твой собственный номеръ въ членскомъ спискѣ по петербургскому отдѣлу.

— Неужели же я 12,129 человекъ въ организацин?! — не на шутку изумился Коробовъ.

— 12,129! — какъ нельзя болѣе увѣренно подтвердилъ Антиситровъ.

— И это въ одномъ только Петербургѣ!

— Въ одномъ Петербургѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

— Двѣнадцать тысячъ!.. Но вѣдь это цѣлая армія!

— Больше, чѣмъ армія. Это, своего рода, всеобщая повинность. Тутъ и ландверъ, и ландштурмъ, и все, что хочешь! Но дѣло не въ одномъ Петербургѣ. Организацин раскинута по всей Россіи.

Коробовъ могъ только въ крайнемъ изумленіи пожимать плечами.

— И ты не врешь? — несмѣло спросилъ онъ, наконецъ, г. Антиситрова. — Извини, голубчикъ, но вѣдь 12,000 на одинъ Петербургъ... вѣдь тутъ простительно и усомниться.

— А вотъ, ты сейчасъ увидишь, какъ я вру! — многозначительно мягнувъ Антиситровъ. — Но прежде дай кончить объясненіе... потерпи минутку!..

«Разрядъ IV», — продолжалъ онъ, указывая на послѣднюю строку, — это, своего рода, наши сословія. Къ первому разряду принадлежатъ *народъ*, которому всегда и вездѣ первое и самое почетное мѣсто; ко второму — войско, къ третьему — духовенство, къ четвертому — интеллигенція. Теперь, если тебѣ придется завербовать какого-нибудь Иванова и, положимъ, что Ивановъ этотъ будетъ работникомъ на какомъ-нибудь заводѣ, ты ему долженъ будешь выдать слѣдующій бланкъ.

Антиситровъ взялъ перо и сталъ писать на той же бумагѣ:

Серія С.
Петербургъ.
№ 12,129
I

Разрядъ I.

— Единица въ знаменателѣ, — пояснилъ онъ, написавши, — означаетъ, что это первый человекъ, завербованный 12,129-мъ номеромъ, то-есть, тобою, и ты будешь знать, что это именно работникъ Ивановъ, потому что тебѣ не трудно знать и помнить имена твоихъ собственныхъ вербунковъ. Бланкъ Иванова ты сообщишь мнѣ, а я передамъ въ Комитетъ и тамъ его запишутъ. Такимъ образомъ, всѣ слѣдующіе бланки отъ всѣхъ этихъ Ивановыхъ, Петровыхъ и всѣхъ будущихъ изъ серіи С., будутъ проходить черезъ твои руки ко мнѣ, а я уже долженъ передавать ихъ въ Комитетъ. Штука простая, но поди, раскрой-ка подобную организацин! Пусть-ка попытаются узнать, кто именно принадлежитъ къ ней! — самодовольно похвалился въ заключеніе г-нъ Антиситровъ.

«А вѣдь право, у меня отличный организаторскій талантъ!.. И какъ все это быстро соображено!» — мысленно улыбнулся онъ самому себѣ, поглаживая свои прекрасные черные волосы. — «Еслибъ такая-то организацин да на самомъ дѣлѣ!.. Пречудесно-бы!»

— Ну, а теперь вотъ тебѣ доказательство, какъ я вру!—выложилъ онъ передъ Коробовымъ пачку денегъ, полученныхъ отъ Вельтишева.—Здѣсь вотъ триста рублей. Двѣсти пятьдесятъ—это мое мѣсячное жалованье отъ «Общества», а пятьдесятъ рублей Комитетъ выдалъ въ пособіе собственно тебѣ. Ты, пожалуйста, дай мнѣ росписку въ полученіи, потому у насъ ужъ порядокъ такой! Я вѣдь долженъ дать отчетъ передъ Комитетомъ.

— Какъ же мнѣ подписать ее? Своимъ именемъ?—спросилъ Валерьянъ, который былъ до того озадаченъ видомъ неожиданно выложенныхъ денегъ и этимъ «пособіемъ», что просто не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Пятьдесятъ рублей—да это теперь казалось ему громаднымъ кушемъ, послѣ скудныхъ рублевыхъ выпараживаній изъ редакцій уличныхъ газетокъ! Пятьдесятъ рублей — шутка сказать! Онъ—обладатель пятидесяти рублей, которые такъ легко и словно бы съ неба къ нему свалились!

Обрадованный Коробовъ бросился на шею г-ну Антиситрову.

— Ну, ну, голубчикъ! безъ телячьихъ нѣжностей!—отстранилъ тотъ стремительный порывъ своего друга.—Я вѣдь тебѣ говорилъ—помнишь?—что можно приокать тебѣ болѣе солидный трудъ и вознагражденіе, чѣмъ всѣ эти грошовой «отмѣтки». А будешь работать какъ слѣдуетъ — и содержаніе твое будетъ увеличиваться! «Общество» *своимъ* никогда не оставляетъ безъ поддержки! Такъ ты это и знай! Ну, а росписку, — прибавилъ Антиситровъ, — ты долженъ подписать по слѣдующей формѣ: «такого-то числа и года пятьдесятъ рублей сполна получалъ» и затѣмъ — твой шифръ: «серія С, номеръ и прочее».

Коробовъ тотчасъ же подписалъ все, что требовалось.

— Этотъ шифръ сохрани тебѣ выучить наизусть и помнить такъ же твердо, какъ свое собственное имя, потому что онъ, дѣйствительно, есть твое имя, — внушилъ ему Антиситровъ, пряча росписку.

— Ахъ, теперь надо, первымъ дѣломъ, пальтишко себѣ каковѣ-нибудь потеплѣе сготовить на Толкучемъ!—вырвалось у Коробова задушевное слово, какъ только онъ почувствовалъ себя обладателемъ такого богатства.

— погоди ты, «пальтишко»!—серьезнымъ тономъ остановилъ его приятель. — Первымъ дѣломъ вовсе не пальтишко, а то, что отъ тебя потребуется. Если Комитетъ выдалъ тебѣ пособіе, то это вовсе не съ благотворительной цѣлью—мы вѣдь не филантропическое общество, а выдано оно тебѣ затѣмъ, чтобы ты употребилъ его сообразно цѣлямъ «Организации».

— Что же я долженъ дѣлать?—спросилъ ошарашенный Коробовъ.

— А вотъ что-сѣ. Во-первыхъ, ты обязанъ немедленно пріискать себѣ маленькое помѣщеніе въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, лучше всего за городомъ, на дачѣ; займи эдакъ комнатку, дѣй, не болѣе и найми ее на собственное свое имя, а еще лучше на чужое... Я ужъ доставлю тебѣ самый правильный, самый законный фальшивый паспортъ: у меня вѣдь этого добра цѣлая коллекція! — Нанимал, можешь объяснить тамъ дворнику, или хозяину тамъ, что-ли, что переѣзжаешь за городъ по бѣдности, потому чело-вѣкъ ты рабочий, а въ городѣ квартиры нынче дороги,—вотъ и конецъ! Можешь, пожалуйста, прибавить, что тебѣ обѣщано мѣсто на какой-нибудь сосѣдней фабрикѣ или заводѣ, такъ ты-де, въ ожиданіи мѣста, и хочешь поселиться на дачѣ, чтобы было и поблизости, и по-дешевле. Это, такъ сказать, формальная, показная сторона дѣла.

— А не показная?—спросилъ Коробовъ.

— А не показная состоитъ въ томъ, что, по повелѣнію Комитета, ты получишь черезъ меня маленькій ручной станокъ и шрифтъ, перевезешь его, въ ящикѣхъ, подъ видомъ собственного имущества, въ твою будущую мурью, установишь его какъ слѣдуетъ и займешься наборомъ и печатаніемъ прокламацій къ рабочикамъ.

— Къ рабочикамъ? — переспросилъ Валерьянъ.—Къ какимъ рабочикамъ?

— Ну, мало ли ихъ, къ какимъ! Заводовъ—слава тебѣ, тегереву!—подъ Петербургомъ вдоволь... Ну, хоть къ рабочикамъ путиловскаго завода, что-ли! — все равно, къ какимъ! Вообще, къ *русскимъ рабочикамъ*.

— А какая же прокламація?—освѣдомился Коробовъ.

— Текстъ я получу изъ Комитета и тогда продиктую тебѣ, ты съ него и станешь набирать.

— Но... какъ же это?—раздумчиво и какъ-бы самъ съ собою проговорилъ Валерьянъ, устремляя въ сторону взоръ, исполненный нѣкоторой нерѣшимости.

— А такъ-же!—строго, твердо и пристально уставился ему прямо въ глаза г. Антиситровъ, замѣтившій это колебанье, — *такъ-же*, мой милый! Отговорокъ нѣтъ, сомнѣнія не допускаются! Тебя никто не тянулъ къ намъ—самъ пошелъ, по собственной волѣ, значитъ, и исполняй безпрекословно все, что тебѣ указано! Хотя бы родную мать убить пришлось, и отъ того не смѣешь отказываться! Я вѣдь предупреждалъ, я впередъ говорилъ тебѣ, а теперь уже поздно! Теперь или молчи и дѣлай, или смерть! Другого выбора нѣтъ тебѣ!

Коробовъ рѣшительно подалъ ему руку.

— Я отъ своихъ словъ не отказываюсь... Я все исполню, что требуется! Можешь быть покоенъ!—сказалъ онъ другу, какъ человѣкъ

убѣжденный и чувствующій, что корабли его сожжены и всѣ пути, кромѣ одного, уже отрѣзаны.

— Вотъ, такъ-то лучше!.. Молодцомъ, по крайней мѣрѣ!.. А теперь будемъ ѣсть, пить, ликовать и жуировать, пока до завтра!—весело воскликнулъ г-нъ Антизитровъ, хлопнувъ по плечу своего пріятеля.

VIII.

„Подъ топоръ“!

По петергофской шоссеиной дорогѣ, которая остается почти заброшенной съ тѣхъ поръ, какъ вблизи ея протянулся желѣзный путь, стоятъ въ зелени старыхъ деревьевъ ряды барскихъ дачъ былаго времени. Многія изъ нихъ еще живо помнятъ дни Екатерины, Павла и Александра, сохраняя не только на своей вѣнштѣти, но даже и во внутреннемъ убранствѣ характеръ этихъ эпохъ. Во времена оны петергофская дорога кипѣла жизнью и юрками движеніемъ; тамъ, бывало, гремѣли гвардейскіе оркестры, трещали фейерверки, блистали иллюминаціи, глядѣть на которые стекались многочисленныя толпы горожанъ; туда же, въ эти барствянные пріюты, стремился и весь феешенебельный Петербургъ. Императрицы и великіе князья посѣщали эти блистательные праздники, которые задавали имъ Завадовскіе, Мятлевы, Шереметевы... Теперь уже не то. Прѣжняя жизнь отошла въ вѣчность, дачи опустѣли, сады и парки заглохли, пруды подернулись плѣсенью, деревянныя постройки приходятъ въ разрушеніе, нѣтъ ни прѣжней жизни, ни движенія, и если бы не нѣсколько фабрикъ да заводовъ, около которыхъ видна еще кое-какая жизнь рабочаго населенія, то петергофская дорога и совсѣмъ бы заглохла.

Неподалеку отъ одного изъ заводовъ, въ глубинѣ запущеннаго сада, пріютилась подъ высокими соснами и березами деревянная, покосившаяся дачка, построенная нѣкогда въ видѣ павильона, съ ротондой и колоннадой. Дачка эта стоитъ совершенно особо, въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, служа обитающимъ одному лишь старенькому инвалиду, справлявшему должность дачнаго сторожа. Уже года три сряду къ воротамъ, выходящимъ на дорогу, тщетно приклеивалась бумажка, на которой значилось, что «здѣсь адаена дача»—желающихъ пользоваться ею не оказывалось. Старенькій инвалидъ остался даже очень удивленъ, когда въ одинъ зимній день къ нему пріѣхалъ бѣдно одѣтый молодой человѣкъ и сталъ пытаться, нельзя ли ему нанять для житія одну или двѣ комнаты въ пустынномъ павильонѣ. Это былъ Коробовъ.

— Да ты, милый человѣкъ—борони Бога!—

неровень часть, можетъ, мазуристъ какой,—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано?—недовѣрчиво спросилъ его сторожъ.

— Нѣтъ, дѣдушка! Мазурику тутъ нечего дѣлать, мазуристъ все поближе къ городу держится, около Сѣнной да Толкучки, а тутъ что за корысть!—простоудшно отвѣтилъ Коробовъ.

— И то правда!—поразмысливъ, согласился инвалидъ.

— Я человѣкъ простой и тихій, рабочій человѣкъ,—продолжалъ объяснять ему Валерьянъ.—Общались мы, видишь ли, вскорости мѣсто тутъ на заводѣ, такъ вотъ, потому и хочется нанять себѣ квартиру гдѣ бы поближе къ дѣлу, чтобы не далече было ходить... Чай, и самъ знаешь, коли мѣсто общаются, такъ все же надо лишній разъ зайти понавѣдаться да поклониться, а изъ городу-то мы далече.

— Это такъ, это правильно,—моя шаршавой головой, соглашался сторожъ.

— И тебѣ со мною никакъхъ хлопотъ!.. Я съ пріятелями не вожусь, буйствомъ не занимаюсь, а буду сидѣть себѣ тихо да дѣломъ своимъ заниматься. Ты меня и не услышишь.

Старикъ поразмысливъ, сообразилъ все сказанное, домекнулся, что, при его скудныхъ достаткахъ, три-четыре лишнихъ рублика въ мѣсяцъ ему весьма годятся, и согласился уступить Коробову двѣ комнаты въ верхнемъ помѣщеніи дачи. Запросилъ пять рублей—и Валерьянъ согласился, съ условіемъ, чтобы старикъ ему прислуживалъ, если что понадобится.

На другой же день послѣ этого онъ переехалъ на дачу. Ручной станокъ, приобретенный Антизитровымъ за сто рублей у «знакомаго человѣчка», былъ тщательно укупorenъ въ ящикъ и въ такомъ видѣ отъ «человѣчка» перевезенъ прямо въ новое помѣщеніе Коробова.

Валерьянъ ретиво принялся за дѣло. Текстъ прокламаціи, продиктованный Антизитровымъ и записанный собственноручно Коробовымъ, былъ у него въ карманѣ. Онъ распаковалъ станокъ, сложилъ его, приготовилъ краску, разобралъ по литерамъ шрифтъ и въ тишинѣ полного уединенія занялся наборомъ. Сначала, съ непривычки, дѣло шло мѣлкотно, но на другой уже день являлась нѣкоторая снаровка, а тамъ и пошло все легче да легче, такъ что въ пять дней текстъ небольшой прокламаціи былъ набранъ. Во все это время никто его не обезпокоилъ непрощеннымъ посѣщеніемъ. Инвалидъ приходилъ утромъ съ вязанкой дровъ, на покупку которыхъ Валерьянъ выдалъ ему деньги, затоплялъ печь и послѣ этой операціи являлся непосредственно съ кипящимъ самоваромъ. Затѣмъ, вплоть до вечерняго самовара, онъ уже и не показывался. Обѣдать Валерьянъ отправлялся въ одну изъ ближайшихъ дорожныхъ харчевень и уходя запи-

ралъ на замокъ свою квартиру, а ключъ уносилъ съ собою. Онъ былъ очень доволенъ, что сторожъ не понимаетъ и не интересуется, чѣмъ занятъ его жилецъ съ утра до ночи. Однимъ словомъ, все, какъ нельзя болѣе, покровительствовало этой тайной работѣ. Сомнѣнія ни разу не приходили ему въ голову: онъ работалъ съ вѣрой и фанатизмомъ челоѣка, твердо рѣшившагося разъ на дѣло и глубоко убѣжденнаго въ его силѣ, пользѣ и высокомъ значеніи.

Въ ночь съ пятого дня на шестой, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, первый оттискъ прокламаціи вышелъ, наконецъ, на столько сношенъ, что его можно было прочесть безъ особеннаго труда—и Коробовъ, съ чувствомъ тихой радости и довольства самимъ собою, залюбовался на это произведеніе рукъ своихъ.

«Подъ топоръ!» стояло въ заголовкѣ этого литературнаго произведенія. Текстъ отличался лаконизмомъ, но чего только тутъ не было: и доблестная парижская коммуна, и всемірная революція, и интернаціональ, и женевскіе братья, и женскій, и рабочій вопросы, и святыя петрольщицы, и забитый, угнетенный, обманутый мужикъ, и смерть Азаткову, и задачи молодого поколѣнія, и приглашеніе отправить подъ топоръ дворянство, офицерство, чиновничество, купечество и духовенство, раздѣлъ земель и капиталовъ, и, наконецъ, — «долой все!» — долой государство, церковь, правительство, семейство, всякую собственность, «дрихлую науку», классицизмъ, долой докторовъ и судей, — все долой! И все это завершалось призывомъ: «къ топорамъ! къ топорамъ! Скорѣй къ топорамъ! и — смерть всему, что не съ нами!»

Коробовъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ оттисковъ и утомленный, но довольный своими успѣхами, уже поздною ночью кинулся на свое убогое ложе.

На утро онъ захватилъ съ собою эти оттиски и повезъ ихъ къ Антизитрову.

Архистархъ Кононовичъ былъ въ восторгѣ, кинулся на шею къ Валерьяну, обнималъ и цѣловалъ его, цѣловалъ и начку прокламацій, который всѣ оставилъ у себя, «чтобы показать въ Комитетѣ», а Коробова, въ придачу благодарныхъ чувствъ, снабдилъ десятью рублями, приказавъ купить изъ этой суммы нѣсколько десятковъ бумаги для печатанія, и спѣшно отправилъ его обратно на дачу, чтобы тотъ какъ можно усерднѣе занялся дѣломъ, не теряя попусту ни единой минуты.

Дня черезъ два послѣ этого, онъ самъ поспѣтилъ своего друга въ его пустынномъ уединеніи и нашелъ, что печатаніе подвигается быстро: около пятидесяти оттисковъ было уже сложено у Коробова подъ диваномъ. Антизитровъ повезъ его съ собою въ городъ, гдѣ и снабдилъ адресъ-календаремъ, нѣсколькими сотнями конвертовъ и запасомъ почтовыхъ

марокъ, не забывъ внушить, что конверты надо будетъ опускать, штуки по три, въ возможно большее количество почтовыхъ ящиковъ, а то иначе — скопленіе въ одномъ ящикѣ нѣсколькихъ писемъ, подписанныхъ одною и тою же рукою, можетъ, пожалуй, навести на подозрѣніе, а достаточно на почтѣ вскрыть одинъ конвертъ, чтобы и всѣ остальные не дошли по назначенію. Въ силу полученной инструкціи, Коробову надлежало обѣгать съ полъ-города, чтобы исполнить эту операцію, и обѣгать непременно пришкомъ, потому что оставка передъ каждымъ ящикомъ, конечно, могла бы навести на подозрѣніе извозчика. Антизитровъ все это разсчелъ и предусмотрѣлъ заранѣе, такъ что добрый Валерьянъ могъ только, съ чувствомъ внутренняго уваженія, удивляться его опытности и умѣнью въ дѣлахъ революціонной агитаціи.

— Не даромъ, братъ, меня герметически купорили въ Петропавловку! Теперь я ученый! — похвалялся передъ нимъ г. Антизитровъ.

IX.

„За здоровье друга!“

Въ одно прекрасное утро многіе достопочтенные и весьма солидные люди въ Петербургѣ — отцы семействъ, мужи чиновные и тузы финансовые, литераторы, ученые и военные, особы духовныя и особы свѣтскія, партикулярныя — были неожиданно смущены, когда, вскрывъ полученные на ихъ имя конверты, развернули и прочли печатные листки, на которыхъ красовалось въ заголовкѣ: «Подъ топоръ!» съ приглашеніемъ покорно подставить подъ это орудіе ихъ привилегированныя шеи. Но прокламація кромѣ того разошлась и въ иныхъ, гораздо менѣе солидныхъ сферахъ: ее находили на лѣстницахъ, во дворахъ и на тротуарахъ — и у каждого читавшаго выражался на лицѣ краснорѣчивый знакъ полнаго недоумѣнія. Однако, скандалъ все-таки былъ произведенъ; про подпольный листокъ заговорили и въ обществѣ, и въ трактирахъ.

Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ находился въ числѣ первыхъ, которые удостоились получить прокламацію, и при томъ онъ былъ единственный челоѣкъ, къ которому она была адресована и послана не Валерьяномъ Коробовымъ. Этотъ послѣдній трудъ, безъ вѣдома Валерьяна, взялъ на себя самъ г. Антизитровъ.

Вельтищевъ, конечно, тотчасъ же догадался, что оно значить и съ какой стороны дуютъ еіи благоприятственные вѣтры. Не успѣлъ онъ вторично перечитать яровитый листокъ, какъ предъ нимъ предсталъ самолично г-нъ Антизитровъ.

— Получилъ? — съ-оанку спросилъ онъ, съ

многозначительнымъ и торжествующимъ видомъ, заложивъ въ карманы свои руки.

— Получилъ, — безразлично проговорилъ Платонъ, небрежнымъ движеніемъ отбросивъ на столъ прокламацію.

— И прочитали-съ?

— И прочиталъ.

— Значить, позвольте и мнѣ получить те-
перича-съ!

— Что это?—вскинулъ Платонъ на него
взоромъ.

— Деньги-съ,—мой заработанный пять ты-
сячъ.

— Развѣ Коробовъ взять уже?

— Пока не взять, но будетъ взять. И это
ужь навѣрно!.. А теперь онъ сидитъ на дачѣ
и печатаетъ; и будетъ все сидѣть и печатать,
до той самой минуты, пока не придутъ и не
возьмутъ его. Ужь это повѣрьте!—это такъ
ему приказано. Разослано двѣсти штукъ, да
въ запасъ у него имѣется еще штукъ побольше,
чѣмъ триста, такъ что какъ разъ его съ по-
личнымъ и захватятъ!—Каково обработано-съ?..
Чистота, да и только! И не эдакихъ денегъ
стоило бы,—ну, да ужь я человѣкъ некоры-
столюбивый!.. И такъ, позвольте получить?

— Но вѣдь онъ не взять,—говорю?—укло-
нился Вельтищевъ.—Онъ можетъ еще скрыть-
ся, удрать изъ Россіи; на его слѣдъ, быть
можетъ, нападутъ еще не такъ скоро, да и
мало-ли что...

— Нѣтъ, ужь на этотъ счетъ будьте по-
койны: это все въ нашихъ рукахъ!—принялся
уверять г. Антизитровъ.—Я ужь своевре-
менно распоряжусь послать, куда слѣдуетъ,
анонимное извѣщеніе, что по чувству, молъ,
вѣрноподавическаго долга и прочее, и под-
пишусь—«вашъ усердный доброжелатель».—
Ха, ха, ха, ха!—нагло захохоталъ онъ, поти-
рая руки.—Каково придумано-съ?.. *Мани-
фикъ!*..

— На сколько оно хорошо придумано я
обработано, покажетъ еще время,—замѣтилъ
Вельтищевъ.—Пока Коробовъ на свободѣ, я
не думаю, чтобы дѣло можно вамъ считать
оконченнымъ.

— То-есть, позвольте-съ,—принявъ серьез-
ный и холодный видъ, остановилъ его Анти-
зитровъ.—Мнѣ весьма любопытно было бы
узнать, куда вы загигаете мнѣ эти салазки
съ equivками? Къ чему вы это клоните? Къ
тому ли, чтобы не отдать мнѣ сейчасъ же
моихъ денегъ? Такъ, что ли?.. Или къ чему
иному?

— Да; съ своей стороны я полагалъ бы
вручить вамъ деньги только тогда, когда я
вполнѣ удостовѣрюсь, что Коробовъ взять и
посаженъ.

— Ну, ужь нѣтъ! Это атанде-лаппранди!—
нахмурился Антизитровъ.—Мнѣ ждать ни
одной минуты невозможно: у меня ужь и за-

граничный паспортъ на чужое имя въ кар-
манѣ, и чемоданъ упакованъ, такъ что
остается только получить съ васъ,—и я се-
годня же, съ первой машиной, деру *дахи*,
во ди цитроненъ блина. Понимаете-съ?.. Я
вѣдь рискую каждой малѣйшею проволочкой:
Коробова могутъ накрыть и помимо моего извѣ-
щенія, а неровенъ часъ, онъ проболтается на
допросѣ, тогда и меня къ Иисусу потянутъ!..
Это дудки-съ!.. Мнѣ теперь только драть,
драть и драть изъ милаго отечества!

Онъ непринужденно—руки въ карманы—
прошелся по комнатѣ и, подтягивая колѣнкомъ,
остановился передъ Вельтищевымъ, устремивъ
на него взоръ съ неимоверною наглостію.

— Знаете ли, что будетъ, если вы мнѣ
сейчасъ же не отдадите деньги?

— А что?

— Да то, что если меня сдадутъ, то я
на первомъ же допросѣ покажу, что я на-
строилъ Коробова по вашему наущенію, что
вамъ желательно упечь его на каторгу, дабы
самому свободнѣе пользоваться ласками госпожи
Коробовой, а можетъ, и жениться на ней, что
вся эта прокламація есть продуктъ вашей
изобрѣтательности и что я, наконецъ, за испол-
неніе долженъ былъ получить съ васъ пять ты-
сячъ. Такъ-таки все это и покажу! Даю вамъ
честное и благородное слово!.. Ну-съ, какъ
вамъ правится подобная перспективка?.. Не-
дурно?..

Вельтищевъ поблѣднѣлъ и нѣсколько сму-
тился.

— Н-да... но на это нужны доказательства,—
пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Такъ что-жъ?.. Положимъ, формаль-
ныхъ доказательствъ у меня нѣтъ, но я энер-
гично и съ полною искренностью буду на-
стаивать на этомъ оговорѣ, а ваше имя и имя
г-жи Коробовой, да и сами вы вмѣстѣ съ нею
будете фигурировать на судѣ; всѣ знаютъ, что
вы съ нею въ интимныхъ состояте, а тогда
это и въ газетахъ пропечатается, и, въ концѣ
концовъ, вы будете сильно скомпромети-
рованы.

— Однако, вы практикъ!—съ примиритель-
ной улыбкой воскликнулъ Вельтищевъ, поняв-
шій, что ему ничего не остается, какъ только
сдаться и исполнить требованіе г. Антизитрова.

— Хм... Практикъ-то я—практикъ,—замѣ-
тилъ на это послѣдній,—но тутъ не столько
практичность, сколько быстрое и, такъ сказать,
гениальное соображеніе-съ... Тутъ Молчать!.. Я
больше стратегикъ, какъ и онъ же, и притомъ
всегда держусь честно открытой полтяки,
à la Бисмаркъ! Въ этомъ-то и есть моя сила!..
И такъ, позвольте получить мой пять милъ-
ардовъ!

Вельтищевъ призвалъ артельщика и вручилъ
ему чекъ на полученіе въ одномъ изъ частныхъ
банковъ пяти тысячъ.

— Вамъ придется обождать около получаса, — обратился онъ къ Антизитрову.

— М-могу! — потнулъ тотъ головою и закинулся въ креслѣ.

Въ это время лакей внесъ на серебряномъ подносѣ обычный завтракъ Вельтищева.

— Не прикажете-ли? — изъ вѣжливости предложилъ Платонъ своему гостю.

— М-могу! и готовъ приказывать, если вамъ такъ угодно! — съ плотоядной улыбкой встрепенулся г Антизитровъ и обратился къ лакею. — Привесите мнѣ, любезнѣйшій, водки, во-первыхъ; во-вторыхъ — приборъ, ибо здѣсь такого для меня не подано, да кстати захватите и бутылочку шампанскаго, вѣдь у васъ, вѣроятно, имѣется въ запасѣ?.. Ну-съ, хорошо ли я приказываю? — развязно повернулся онъ на каблучкахъ къ Вельтищеву. — Ужъ не возмните! — по вашей же собственной просьбѣ, потому сами вы мнѣ сказали «не прикажете-ли», — я и приказалъ! А кстати, мы съ вами и магарычъ запьемъ!

Антизитровъ хватилъ рюмки двѣ водки и съ аппетитомъ принялся за баранью котлетку. Вельтищеву былъ крайне неприятенъ этотъ состоянникъ, но — нечего дѣлать! — въ качествѣ хозяина, пришлось скрыть улыбку гадливаго презрѣнія и завтракать vis-à-vis съ безцеремоннымъ нахаломъ.

Человѣкъ принесъ шампанское.

— Это какое? — осведомился Антизитровъ, беря изъ рукъ его бутылку для надлежащаго освидѣтельствованія. — *Гррр-амедалъ*! Прекрасно! Одобряю! Напѣньте-ка намъ, братецъ, два стакана!

— Мнѣ не надо, поспѣшилъ предупредить Вельтищевъ.

— Ой-ли?.. Что сей сонъ означаетъ? — выпучилъ на него глаза Антизитровъ.

— Я не пью, — отговорился Платонъ, не желавшій пить вишнѣ «съ этимъ господиномъ».

— Фю-ю! Дудки-съ!.. Ради такого экстраординарнаго и счастливаго случая обязаны выпить!.. Магарычи-съ! Литки-съ!.. Вѣдь это мы съ вами Коробова запиваемъ!.. Ха, ха, ха! Хорошо сказано?.. а?.. Не правда ли? — Коробова запиваемъ!

И онъ собственноручно налилъ два стакана, съ улыбкой истиннаго наслажденія глядя на золотистую струю пѣнистаго шампанскаго.

— Ну-съ! чокнемся! За здоровье Валерьяна Коробова!.. Дай ему, Господи, на каторгу путь легкій и веселый!

Вельтищевъ не чокнулся и даже не дотронулся до стакана.

— Эге, баринтъ!.. Что-жъ это вы?.. Отъ такого тоста вдругъ отказываетесь!

— Послушайте, — сдержанно сказалъ Платонъ. — Я понимаю, что можно убить человѣка, можно продать его, но сдѣлавши то для дру-

гое, еще издѣваться надъ нимъ вдобавокъ — это гнусно!

— Да развѣ я издѣваюсь?.. Помилюй Богъ! — разставилъ руки Антизитровъ. — Я совершенно искренно пью за моего пріятеля, за моего, можетъ быть, лучшаго друга! Вѣдь я даже очень люблю его! ей-Богу!.. Онъ такой славный!.. Добрая душа, золотая душа у человѣка!.. Тутъ не сожалѣть, а радоваться надо, что такіе люди уходятъ на каторгу! Вѣдь это энтузіасты! Какое убѣжденіе! Какая вѣра!.. Одна вѣра чего стоитъ!.. Вѣдь это будетъ апостолъ нашего дѣла, носитель идеи нашей; онъ на каторгѣ пропагандировать станеть! Именно, такіе-то люди тамъ и нужны-съ!.. И вы напрасно изволите думать, будто я его продамъ. Никогда-съ!.. ни въ жисть!.. Я его только на настоящую, на прямую дорогу направилъ... Да и что вы думаете! Я, ей-Богу, считаю такъ, что онъ до извѣстной степени даже обязанъ мнѣ. Вѣдь чтѣ онъ такое, въ сущности? — Добрый малый, конечно; но безъ высшаго руководителя, безъ толчка, разъ даннаго, онъ былъ сущее ничтожество, тряпка, дрянъ безхарактерная, да такимъ же и на всю свою жизнь остался бы, такъ бы и заглохъ, и умеръ въ безвѣстности, а теперь, по крайней мѣрѣ, я создалъ ему положеніе въ жизни, я положеніе почетное! Создалъ ему имя, сдѣлалъ изъ него, по крайней мѣрѣ, политическаго мученика! Шутка сказать! — политическій мученикъ, герой, страдалецъ! Да развѣ этого мало?.. А безъ меня онъ что бы былъ такое? — Прохвостъ, и только!

— Послушайте, и вы не издѣваетесь? — подозрительно спросилъ Вельтищевъ. — Вы это искренно говорите?

— Всесовершеннѣйше!.. Самымъ найскреннѣйшимъ образомъ!.. И съ совершенно чистымъ сердцемъ могу выпить за здоровье и успѣхъ моего добраго друга!

— Однако, что-жъ ему предстоитъ?

— Ему-то?.. да какъ вамъ сказать?.. По слѣ 245 и 251 статьи «Уложения о наказаніяхъ», двѣнадцать лѣтъ каторжной работы. И это прекрасно: чѣмъ больше изъ общества жертвъ, чѣмъ больше мучениковъ — тѣмъ лучше для нашего дѣла!

— Нашего? — напирая на слово, переспросилъ Вельтищевъ.

— То-есть, конечно, не вашего, а *нашего*! — пояснилъ Антизитровъ. — Мы теперь съ глазу на глазъ, и такъ какъ вы болѣе яля менѣ запутаны, и потому доносить не пойдете, то я и могу говорить съ вами откровенно. Для успѣха дѣла жизнь и судьба каковаго янбудь одного, хотя бы и хорошаго человѣка, ровно ничего не значить. Мы должны приносить жертвы, хотя бы для поддержки общественнаго мнѣнія, и потому — пусть Коробовъ отправляется. Намъ и на каторгѣ нужны наши люди.

— Однако-жъ, сами вы, нейбось, туда не пожелаете?—улыбнулся Вельтищевъ.

— Я?.. Я—другое дѣло, потому у меня есть другое назначеніе. Мнѣ теперь прежде всего нужно удрать изъ Россіи.

— Куда же это?

— Въ Швейцарію, къ нашимъ!.. Вѣдь тамъ у насъ—ухъ, какое дѣло организуется!.. Тамъ теперь люди нужны и мнѣ надобно торопиться.

— А что, вы не были шпиономъ?—съ вѣсколькими наивнымъ видомъ спросилъ вдругъ Вельтищевъ, которому, для довершенія характеристикъ, захотѣлось вѣскольکو поглубже протудировать прошлое этого барина.

— Былъ!—твердо и безцеремонно отвѣтилъ г. Антизитровъ, несмущенно и прямо въ упоръ глядя въ глаза Вельтищеву.

Въ тонѣ, какимъ было сказано это «былъ», послышалось даже какъ будто какое-то гордое сознаніе собственной доблести и достоинства.

— Да-съ, былъ. Состоялъ приватнымъ агентомъ по тайной полиціи,—подтвердилъ Антизитровъ.—Это васъ удивляетъ?

— Меня?.. Ни мало!.. Отчего же и не быть?

— Совершенно справедливо! Нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ нашему брату отказываться отъ такого привилегированнаго положенія.—Вѣдь ужъ я теперь, благодаря ему, навсегда застрахованъ отъ всякихъ напастей, пользуюсь безграничною репутаціей, а это для нашего дѣла очень важно-съ!—По крайней мѣрѣ, могу спокойно работать—увѣренность есть!

— И доносили вы?—продолжалъ выпрашивать Вельтищевъ.

— Доносили-съ.

— На кого же?.. Изъ своихъ на кого нибудь?

— Нѣтъ, на своихъ не случалось, а на постороннихъ—отчего же-съ? Напримѣръ, если бы на кого изъ противныхъ намъ лагерей—да это, помилуйте,—это съ величайшимъ удовольствіемъ!.. Это вѣдь прямая услуга своему же дѣлу. Да вѣдь еще въ каракозовскомъ уставѣ было введено, чтобы отъ шпионскихъ должностей отнюдь не отказываться, но, ради пользы общаго дѣла, старательно искать ихъ. Однако-жъ, знаете что!—перебилъ самого себя г. Антизитровъ.—Время уходить, и я боюсь, какъ бы не опоздать на машину... Я теперь вѣдь еле-еле успѣю захватить домой за мной сакомъ...

— Деньги будутъ сію минуту,—успокоилъ его Вельтищевъ.

— Да вѣтъ, я не про то; я знаю, что будутъ! А я собственно вотъ что... Надо вѣдь написать анонимное извѣщеніе, а дома ужъ некогда будетъ заяться этимъ дѣломъ, такъ я хочу, чтобы не терять времени, присѣсть къ вашему столу и сейчасъ же изобразить все это вкратцѣ, а вы ужъ сами потрудитесь отослать на городскую почту. Такъ-то оно и для васъ будетъ вѣрнѣе и спокойнѣе.

И присѣвъ къ письменному столу, г. Антизитровъ изобразилъ все, что слѣдуетъ, присо-вокупивъ и дачный адресъ Валерьяна Коробова.

Межъ тѣмъ артельщикъ возвратился съ деньгами, и Аристархъ Кононовичъ съ невольною лихорадкой алчной жадности, трепетной рукою сталъ пересчитывать радужныя бумажки.

— Ну, мои заветныя!.. маршъ въ карманъ!—не удержался онъ отъ восторженнаго восклицанія.—Теперь за дѣло и—прощай, всескверная мати Россія!!

X.

Нежданпый сюрпризъ для Вельтищева.

Г-нъ Антизитровъ въ тотъ же самый день исчезъ изъ Петербурга. Анонимное письмо, составленное имъ въ кабинетѣ Вельтищева, было тогда же пушено по назначенію.

Прошли сутки. Платонъ Васильевичъ намѣревался поѣхать къ одному изъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы вручить ему полученную имъ прокламацію, а въ сущности разузнать осторожно, арестованъ ли Коробовъ. Онъ уже обдумалъ свое поведеніе, онъ составилъ себѣ заранее планъ—какимъ образомъ войдетъ къ своему вліятельному знакомому, какъ шутя, въ дружески-миломъ тонѣ разскажетъ, что онъ неожиданно-негаданно сдѣлался жертвою чей-то подпольной любезности, которая наградила его призывомъ «подъ тоноръ», что онъ, получивъ этотъ призывъ, стелъ за лучшее вручить его «вамъ» (при этомъ разумѣлась именно та самая вліятельная особа, къ которой онъ думалъ отправиться)—«потому что вы, вѣроятно, уже вступили съ неизвѣстными авторами въ непосредственныя отношенія». Послѣ этого дружески-шутливаго заявленія, Вельтищевъ предполагалъ перейти, для пряснчія, къ тону благородно-умѣреннаго негодованія, выразить ксати свое презрѣніе къ «жалкимъ негодя-ямъ» и свое изумленіе тому, какъ могутъ еще въ наше время при нашемъ общественномъ «трезвомъ» настроеніи, «посреди глубокаго внутренняго мира и спокойствія» вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прорываться на свѣтъ Божій «подобныя возмутительныя мерзости».—Всё это разсчитывалъ Вельтищевъ изобразить передъ вліятельною особою, въ надеждѣ, что особа, зная его за человека солиднаго, благонамѣреннаго, за человека съ извѣстнымъ вѣсомъ и значеніемъ, разговорится съ нимъ и если не прямо скажетъ, то все же дастъ понять, находится ли уже главный виновникъ «въ нашихъ рукахъ», или же личность его еще неизвѣстна и слѣдъ его не отысканъ.

Вельтищевъ дѣлалъ уже свой туалетъ, намѣреваясь отправиться къ особѣ, какъ вдругъ къ нему не вошла, а почти вбѣжала Людмила.

блѣдная, встревоженная и разстроенная до весьма значительной степени.

— Онъ взятъ... арестованъ, — проговорила она запыхавшимъ голосомъ, въ изнеможениі кидаясь въ кресло.

Платонъ Васильевичъ былъ такъ озадаченъ неожиданнымъ появленіемъ этой женщины, и въ особенности ея разстроеннымъ видомъ, что въ первое мгновенье не сообразилъ даже, что и о комъ говорить она.

— Кто взятъ?.. Что такое? — пробормоталъ онъ, глядя на нее недоумѣлыми глазами! — Валерьянъ Коробовъ что ли?

— Да, мужъ... вчера вечеромъ...

— Ну, такъ что же?.. Вамъ бы надо екорѣ радоваться этому, а не огорчаться. Я не понимаю, что съ вами? — участливо подошелъ онъ къ ней и взялъ ея руку. — Успокойтесь, Бога ради, и объясните въ чемъ дѣло?

— Обыскъ... у меня былъ обыскъ... полиція была, — сказала Людмила.

— У тебя? — изумился Вельтищевъ.

— Да, у меня, въ моей квартирѣ...

— Давно ли?

— Сегодня утромъ... Сейчасъ... Подняли съ постели. Я еще спала, какъ они прѣхали и обыскали всю квартиру — все, все, рѣшительно!..

Вельтищевъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Да ради чего же, наконецъ? Что за дѣлъ этого обыска? — спросилъ онъ.

— Не знаю!.. Подозрѣваютъ въ чемъ-то... по письму по какому-то... Меня допрашивали...

— О чемъ же былъ допросъ-то?

— Допрашивали, живу ли я съ мужемъ? Какъ давно разсталась съ нимъ? Вижу ли теперь? Въ какихъ отношеніяхъ къ нему, во враждебныхъ, или дружескихъ? и наконецъ... наконецъ, чѣмъ я живу, какія средства мои къ жизни.. Это Богъ знаетъ, что такое!.. скандалъ!.. позоръ! Меня третировали, какъ содержанку! — первое вскрикнула Людмила и залилась слезами.

Вельтищевъ понялъ, что въ послѣднемъ-то обстоятельстве, — кажись, и кроется главная причина ея женски-взбудораженного состоянія. Онъ далъ время утихнуться этому полунистерическому шквалу, и когда, наконецъ, Людмила успокоилась, осторожно приступилъ къ дальнѣйшимъ разпросамъ.

— Почему ты знаешь, что Коробовъ арестованъ? — спросилъ онъ, участливо сядя передъ нею.

— Знаю... она сказала.

— Расскажи, пожалуйста, обстоятельно: какъ именно и почему они сказали тебѣ это?

— Да вотъ, видишь ли, — вздохнула Людмила, какъ-бы собираясь съ силами и приводя въ порядокъ мысли, чтобы начать обстоятель-

ный рассказъ. — Я еще спала... Это было часу въ десятомъ утра... Вдругъ звонокъ. Горничная входитъ и говоритъ, что меня спрашиваютъ какіе-то полицейскіе и просятъ сейчасъ же встать и одѣться. Я выхожу къ нимъ... Какіе-то три человека... извиняются и говорятъ, что они обязаны предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ... Одинъ вынимаетъ какую-то записку и показываетъ мнѣ: «знакомъ вамъ эта рука?». Смотрю — рука Валерьяна. «Это, говоритъ, къ вамъ адресовано; можете прочесть и сейчасъ же возвратить мнѣ». Я читаю и не могу въ толкъ себѣ взять, въ чемъ тутъ дѣло? Пишетъ нѣсколькимъ карандашомъ нѣсколько словъ, что судьба его свершилась, что въ ту минуту, когда онъ пишетъ эти строки, полиція у него дѣлаетъ обыскъ и готовится везти его въ крѣпость, что онъ болѣе никогда не увидится со мною, но что, готовясь отправляться на каторгу, шлетъ мнѣ свое послѣднее прощаніе и проситъ вспоминать о немъ иногда безъ упрековъ, безъ горечи и желчи. Въ этомъ и все письмо заключается. Я спрашиваю у нихъ, что же это значитъ? Отвѣчаютъ, что во время обыска, который этою ночью былъ у мужа, онъ написалъ эту записку и умолялъ переслать ее мнѣ, и что они исполняютъ теперь его порученіе, а затѣмъ говорятъ — «извините, но по этому поводу мы имѣемъ предписаніе и у васъ произведемъ обыскъ». Стали писать протоколъ, предложили мнѣ всѣ эти скандальныя вопросы, и... я... должна была назвать васъ, въ смыслѣ моего... покровителя. Они взяли съ меня подписку о невыѣздѣ изъ столицы и обязательство явиться куда потребуютъ по первому же вызову, а затѣмъ опечатали всѣ письма, бумаги, и все это забрали съ собою и уѣхали... За что арестованъ мужъ — я не знаю, но что же теперь будетъ со мною? При чемъ тутъ я?.. и въ чемъ я виновата?..

Вельтищевъ весь поблѣднѣлъ отъ внутренняго ужаса и, нахмури брови, медленно подвинулся со стула.

— Всѣ бумаги опечатаны и взяты? — невнятно спросилъ онъ.

— Да, опечатаны...

— *Всѣ?* — повторилъ онъ, напирая на слово.

— Всѣ, до единой.

— И... и мои документы въ томъ числѣ тоже?

— И документы взяты...

— Гм... были насчетъ ихъ какіе нибудь разпросы?

— Нѣтъ, ничего не спрашивали, а просто взяли вмѣстѣ со всѣми другими бумагами. Я было не хотѣла ихъ отдавать, просила оставить, какъ совершенно постороннія бумаги, говорила, что это не мои, а чужіе документы, что они у меня на сохраненіи, но тѣ не по-

слушались, и все, какъ есть, все забрали! Говорятъ, что тамъ послѣ ужъ все разберемъ!

Платонъ отступилъ шагъ назадъ, словно ужаленный.

— Какъ! — вскричалъ онъ. — Ты не хотѣла отдавать, ты просила оставить?

— Да, просила. Что-жъ изъ того? — подтвердила та, не понимая причины этого внезапнаго испуга и волненія.

— Несчастная! глупая женщина! Да вѣдь усиленными просьбами ты придала этимъ документамъ особую важность, ты этихъ господъ невольно заставила, быть можетъ, думать, что въ этихъ бумагахъ кроется что нибудь особенное, ты сдѣлала то, что на нихъ теперь могутъ обратить особое вниманіе! Боже мой, неужели-жъ ты не понимала, съ кѣмъ имѣешь дѣло?!

— Ахъ! — нервно махнула рукой Людмила. — Гдѣ ужъ тамъ было думать и соображать!.. Я была взята врасплохъ, со сна, я не понимала даже въ чемъ дѣло — мудрено ли тутъ было растеряться и сдѣлать какой нибудь промахъ?!

Вельтищевъ тяжело провелъ рукою по лбу и по волосамъ и раздумчиво прошелся по комнатѣ, а между тѣмъ мускулы его лица около губъ подергивало конвульсивнымъ движеніемъ.

— Ну-съ, Людмила Сергѣевна! — съ дрожью въ голосѣ и съ саркастической усмѣшкой произнесъ онъ, остановившись передъ нею и слегка кланяясь проницательнымъ поклономъ. — Кажется, мы съ вами можемъ теперь поздравить другъ друга!

Та, вмѣсто вопроса, вскинула на него испуганные и недоумѣвающие взоры.

— Да; поздравимъ... отъ всей души поздравимъ другъ друга! — сдержанно, но съ внутреннимъ злостнымъ раздраженіемъ продолжалъ онъ, глядя на нее злыми и насмѣшливыми глазами. — Достукались!.. Теперь, я полагаю, эти документы уже «въ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ». — Вы вѣдь такъ заботились, чтобы они попали «въ вѣрныя руки» — ну, вотъ и радуйтесь! Старанія ваши достигнуты. Теперь, если все дѣло всплыветъ наружу, если мнѣ предстоитъ погнѣбнуть, то я и васъ не пощажу, и вы должны будете погибнуть вмѣстѣ со мною, какъ сообщница... Да, это вѣрно какъ сообщница! И кончатся все тѣмъ, что и Платонъ Васильевичъ, и Ирина Борисовна, и Людмила Сергѣевна, и Валерьянъ Алексѣевичъ — всѣ мы на одномъ желѣзномъ канатѣ прогуляемся по Владимирской дорогѣ!.. Благодарю и отъ всей души поздравляю васъ съ этимъ прелестнымъ окончаніемъ! — еще разъ поклонился въ заключение Вельтищевъ.

Людмила горько плакала, закрывъ лицо обѣими руками.

Платонъ Васильевичъ, стиснувъ зубы и опущенные кулаки, молча стоялъ передъ нею и оглядывать ее въ полъ-оборота ненавидящимъ взглядомъ.

— Молчаніе, нарушаемое только тихими рыданіями, длилось нѣсколько времени.

— Васъ, конечно, не оставятъ безъ дальнѣйшаго вопроса; васъ призовутъ не сегодня — завтра, — заговорилъ онъ, наконецъ, сдержаннымъ голосомъ. — Васъ могутъ спросить, что это за документы и какими судьбами въ вашихъ бумагахъ могла очутиться опись, писанная рукою моего покойнаго кузена? Что вы будете отвѣчать на это?

Людмила могла только молча пожать плечами.

— Я васъ спрашиваю, что вы будете отвѣчать на это? — настойчиво повторилъ Платонъ болѣе твердымъ и металлическимъ голосомъ.

— Н... не знаю... подумаемъ... научите! — сквозь рыданія проговорила Коробова!

Вельтищевъ засмѣялся насильственнымъ и злобнымъ смѣхомъ.

— Да!.. Этого только и недоставало, — зло-радво издѣвался онъ, — чтобы я, человекъ, котораго вы, сдѣлавъ своимъ рабомъ, постоянно грозили потопить въ ложкѣ воды, чтобы я самъ же теперь научилъ васъ, какъ вамъ вывернуться, и оставилъ бы вамъ въ утѣшеніе на будущее время постоянную возможность держать меня въ прежнемъ страхѣ, въ прежнемъ положеніи! Какъ вы великодушны, Людмила Сергѣевна!.. Какъ великодушны!..

Она отскочила, точно раненая кошка, и глаза ея засвѣтились тѣмъ зеленымъ, фосфорическимъ огнемъ, который порою могъ внезапно проявляться въ ея взорѣ въ минуты внутренняго бѣшенства.

— Не издѣвайтесь! — задыхаясь, проговорила она сквозь сцѣпленные зубы, сильно и цѣпко схвативъ его руку. — Не издѣвайтесь!.. Помните, что если гибну я, то и вы сами гибнете вмѣстѣ!.. Тутъ общая гибель!.. Думайте, какъ вамъ спасти себя... Научите меня, помогите мнѣ — и я, можетъ быть, еще спасу васъ... Будутъ спрашивать не одну меня — могутъ спросить и васъ, да и однихъ ли васъ?.. Есть еще *третья*... Подумайте! Намъ надо знать, что отвѣчать! Намъ надо не суетаться!..

Этотъ энергическій порывъ обезоружилъ и ослѣпилъ Вельтищева. Онъ понялъ, что, дѣйствительно, надо имъ всѣмъ напередъ *спиться*, что времени терять нельзя, что надо скорѣе думать, изобрѣтать и придумать что нибудь простое, естественное, но настолько ловкое, что могло бы отвести глаза опытныхъ слѣдователей.

XI.

На допросѣ.

— Я получил повѣстку; меня на сегодняшнее число вызывали къ слѣдствию, — войдя въ приемную комнату, обратился Вельтищевъ къ какому-то чиновнику или письмоводителю, который сидѣлъ у особаго письменнаго стола и скрипѣлъ перомъ, старательно склонившись надъ бумагами.

— Ваша фамилія? — безразлично спросилъ тотъ, не подымая головы отъ писанной стражицы.

— Вельтищевъ, — было ему отвѣтомъ.

— А! Потрудитесь немножко обождать, — сказалъ чиновникъ, указавъ приглашительнымъ жестомъ на одинъ изъ стульевъ приемной комнаты.

Платонъ Васильевичъ осматривался вокругъ себя и вдругъ на одно мгновеніе смѣшался довольно замѣтнымъ образомъ. У окна, почти рядомъ другъ съ другомъ, сидѣли двѣ женщины — обѣ одѣты просто, но изящно, въ черныя платья. Одна была Ирина Борисовна Вельтищева, другая — Людмила Сергѣевна Коробова. Онѣ не знали другъ друга, но Людмила, очевидно, какимъ-то инстинктомъ догадывалась, кто такая ея сосѣдка — и это сразу можно было прочесть изъ ея взгляда, изъ невольнаго выраженія ея лица. Вельтищевъ издали поклонился болѣе глазами, чѣмъ головой, и притомъ такимъ безразличнымъ образомъ, что нельзя было сказать, къ обѣимъ ли вмѣстѣ, или къ одной изъ двухъ и притомъ, къ которой именно относится его молчаливое привѣтствіе.

Но вотъ, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ усадилъ на Ирину Борисовну вопрошающій взглядъ, который, казалось, ясно пыталъ ее: «приготовилась ли? не собьешься ли? помнишь ли, что отвѣчать и все, чему училъ я тебя?»

«Надѣйся и будь спокоенъ», отвѣтила она ему глазами, скромно потупляя ихъ въ землю.

Эти безмолвно-краснорѣчивые переговоры не ускользнули отъ вниманія Людмилы Коробовой.

Она встала съ мѣста, слегка оправилась и подошла къ Вельтищеву.

— Это она? — спросила Коробова чуть слышнымъ шопотомъ, незамѣтно поведя косымъ взглядомъ на Ирину. — Вы предваряли-ль ее, какъ слѣдуетъ?

— Сдѣлано все уже, — шепнулъ въ отвѣтъ Платонъ Васильевичъ.

— Извините, сударыня! — громкимъ голосомъ и при томъ официально-вѣжливо обратился письмоводитель со своего мѣста къ Людмилѣ. — До вопроса, всякіе разговоры между свидѣ-

лями, призванными по одному дѣлу, у насъ строго воспрещаются. Не угодно ли вамъ сѣсть на ваше мѣсто!

Людмила сконфузилась и въ смущеніи возвратилась къ своему стулу. Но возвращаясь она видѣла, съ какимъ тревожнымъ недоумѣніемъ, съ какимъ ревнивымъ чувствомъ забѣгать оживившійся взглядъ ея сосѣдки, перекидываясь съ Вельтищевымъ на нее и съ нею на Вельтищева, словно бы этотъ взглядъ хотѣлъ допытаться: «что это за женщина? зачѣмъ она подошла къ тебѣ? о чемъ говорила? что это значить все?»

Въ это самое время пріотворилась одна изъ дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты, и изъ нея раздался призывающій голосъ:

— Госпожа Коробова! — пожалуйте!

Людмила нѣсколько поблѣднѣла, внутренне заколебавшись на одно мгновеніе, кинула на Вельтищева взглядъ, просящій ободренія, поддержки — и пошла на голосъ, слегка шурша своимъ шелковымъ платьемъ.

Дверь тотчасъ же захлопнулась за нею.

* * *

— Пропу садитесь! — вѣжливо указавъ ей на стулъ передъ большимъ письменнымъ столомъ чиновникъ, призвавшій ее къ допросу.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, съ дипломатическими бакенбардами, съ двойнымъ англійскимъ проборомъ и министерски-изысканными манерами, чистенькій, гладенькій, сдержанный, вѣжливый. Въ немъ съ перваго взгляда такъ и сказывался чиновникъ-дженгльменъ съ петербургскимъ пошибомъ и правовѣдскою закваской. Видно было по лицу, что человѣкъ весьма непрочъ и пожуировать на счетъ разныхъ жизненныхъ лакомствъ, но, вглядываясь въ него болѣе, трудно было бы постороннему наблюдателю опредѣлить: что такое оно въ сущности? — потому, и въ извѣстномъ мѣстѣ человѣкъ служитъ, и въ то же время отшибаетъ истымъ конституціоннымъ либераломъ.

Людмила сѣла и приготовилась.

Чиновникъ съ серьезно-сосредоточеннымъ видомъ порылся нѣсколько времени въ бумагахъ, перелистывая нѣкоторыя изъ нихъ и предложилъ Людмилѣ обычныя, форменные вопросы, съ которыхъ обыкновенно всегда начинается дача всевозможныхъ свидѣтельскихъ показаній. Итакъ, первый приступъ съ формальной стороны былъ исполненъ и отвѣты, совершенно удовлетворительные, тутъ же записаны самымъ обстоятельнымъ образомъ.

— Я долженъ заранѣе просить у васъ извиненія, потому что мнѣ по необходимости придется сейчасъ коснуться нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ, — съ легкимъ вздохомъ предварилъ онъ Людмилу. — Скажите откровенно, въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы къ вашему мужу?

Людмила вскинула.

— Онъ не живетъ со мной, — отвѣтила она застычиво и тихо.

— Какъ давно вы разстались?

— Уже нѣсколько мѣсяцевъ около... полгода...

— Гм... Но... что же было причиной вашей размовки? Можетъ, онъ очень дурной мужъ?

— Мы .. не сошлись характерами, — потупилась Людмила, невольно почувствовать всю банальность этого отвѣта.

— Вотъ, именно я и хотѣлъ бы знать насчетъ его характера... Я думаю, что дѣло, совершенное имъ, можетъ быть объяснимо отчасти нѣкоторыми сторонами его характера, его нравомъ, обстоятельствами жизни... Скажите, каковъ онъ человекъ, вообще?

— Онъ добрый, но... безхарактерный, — слегка замываясь, отвѣтила Людмила, почувствовать внутреннюю неловкость и словно бы какой-то голосъ внезапно сказавшей совѣсти, которая воздержала ее отъ втонтанія въ грязь ея и безъ того уже несчастнаго мужа.

— Стало быть, онъ первый васъ оставилъ? — продолжалъ чиновникъ.

— Н... нѣтъ... мы какъ-то такъ... просто разошлись.

— Можетъ, онъ не любилъ васъ, дурно обходился съ вами?

— Я не могу сказать этого.

— Вы съ нимъ выдались послѣ того, какъ стали жить врознь?

— Иногда, но рѣдко.

— Ну, въ такомъ разѣ, можетъ быть, вы не по душѣ, а такъ, по наружности, для одного вида только разошлись? — спросилъ слѣдователь, вперяя вдругъ на Людмилу острый взглядъ, которому потщился придать извѣстную проникательность. Ему пришла мысль, что, можетъ, Людмила, какъ жена, была посвящена въ замыслы мужа и разошлась только для виду, чтобы отстранить отъ себя лишнія подозрѣнія. Съ помощью послѣдняго вопроса и судя по его впечатлѣнію, онъ рассчитывалъ, не понадеется ли въ первый же слюкъ эта прелестная «пташка»?

Но пташка не попалась.

— Я не понимаю, какъ это для виду? — пожала она плечами. — По правдѣ говоря, мнѣ очень тяжела тема вашихъ вопросовъ, и чтобы кончить... я ужъ лучше прямо... Да, ужъ я лучше прямо скажу вамъ, что я просто сама оставила мужа, потому что... я... я люблю другого и... не хотѣла обманывать!

— Охотно вѣрю вамъ, — вѣжливо склонилъ онъ на бочекъ свою головку. — Но... кто этотъ другой, сударыня?

Людмила снова вскинула.

— Неужели и это идетъ къ вашему дѣлу? — спросила она, вскинувъ на слѣдователя за-

стычиво-молящій взглядъ, готовый увлажниться слезою.

— Что дѣлать, сударыня! — со вздохомъ пожалъ тотъ плечами. — Развѣ иначе я бы позволилъ себѣ касаться столь пекотливаго предмета?

Людмила находилась въ явномъ затрудненіи, какъ отвѣчать на вопросъ, и молчала, потупивъ въ землю.

— Итакъ, сударыня, имя *другой*?

— Платонъ Вельтишевъ, — отвѣтила она чуть слышно.

— Скажите, каковы были матеріальныя средства вашего мужа? — снова принялся допрашивать чиновникъ.

— Весьма ничтожныя: онъ существовалъ только газетною работою.

— Но, можетъ быть, ваши собственныя средства восполняли его недостатки?

Въ бровяхъ у Людмилы задрожала какая-то тонкая жилка.

— Я точно также, какъ и мужъ, ровно ничего не имѣю, — отвѣтила она отрывисто и сухо.

— Однакожъ... Извините, но... ваша обстановка позволяетъ думать...

— Моею нынѣшней обстановкой я обязана не мужу, — круто перебила Людмила.

Слѣдователь опять передергивалъ нѣсколько бумажекъ изъ форменнаго «дѣла».

— Мои вопросы не совсѣмъ такъ безцѣльны, какъ оно можетъ, пожалуй, казаться, — сказалъ онъ, послѣ короткаго молчанія, съ невозмутимой кротостью. — Вашъ мужъ сознался уже въ составленіи возмутительнаго воззванія, гдѣ, между прочимъ, есть такая фраза... Вотъ попробуйте сами прочесть, сударыня!

И онъ подвинулъ къ ней листокъ прокламаціи, отчеркнувъ краснымъ карандашомъ извѣстныя строки.

«...Матеріальныя средства нашей организаціи громадны», читала Людмила. — «Кромѣ тысячъ честныхъ рабочихъ рукъ, Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи миллионы рублей, которыми можетъ поддерживать семьи работниковъ во дни забастовокъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего листка мы представимъ отчетъ о нашемъ бюджетѣ»...

— Прочли, сударыня? — спросилъ чиновникъ.

Людмила возвратила ему бумажку.

— Ну-съ, что вы скажете на это?

— Да что-жъ сказать!.. пожала она плечами, — развѣ только то, что это писано сумасшедшимъ...

— Гм... но можетъ быть оно и вовсе не столь безосновательно?.. Какъ, вы полагаете?

— Я ровно ничего не полагаю, потому что ничего не знаю объ этомъ! — опять довольно круто отрѣзала Людмила.

Чинovníкъ улыбнулся слегка, но не безъ

загадочнаго коварства, и снова сталъ рыться и отыскивать что-то въ бумагахъ.

— Вамъ знакомъ этотъ документъ? — неожиданно спросилъ онъ, показывая развернутый листъ.

Людмила быстро взглянула и сдѣлала надъ собою внутреннее усиліе, чтобы не выдать своихъ ощущеній.

То была «Опись изъятыхъ изъ обращенія капиталамъ», составленная рукою покойнаго Максима Вельтищева.

— Да; это было взято у меня при обыскѣ, — сказала она съ видомъ полного спокойствія.

— А не можете ли вы объяснить, чьею рукою это писано?

— Я не знаю. Рука совершенно мнѣ незнакома.

— Прекрасно. Но скажите, что это за опись? Какое значеніе, какой смыслъ имѣетъ она и какіе это капиталы?

— Объ этомъ я точно также не имѣю никакого понятія! — откликнулась Людмила.

— Однакожь, она вѣдь найдена у васъ и притомъ была запрятана тамъ, гдѣ обыкновенно бумаги не прячутся. Почему вы держали ее и еще вотъ магазинный счетъ г-жи Вельтищевой въ кюль за большими образомъ, тогда какъ всѣ прочія бумаги хранились у васъ въ столѣ и въ биварѣ?

— Потому что то бумага моя, а это чужія, — безъ запинки отвѣтила Коробова, очевидно приготовившись къ этому заранѣе предвидѣнному вопросу. — Я не хотѣла путать ихъ со своими, — продолжала она, — мало ли, какая могла бы выйти случайность? Кто-нибудь схватилъ бы по неосторожности или затерялся бы какъ-нибудь... Я, просто, изъ предосторожности, зная, что бумаги чужія и, можетъ быть, нужныя, припрятала ихъ въ особое, надежное мѣсто, — вотъ и только!

— А не можете ли объяснить, — не безъ ехидства спросилъ слѣдователь, — какими судьбами, то-есть какъ и почему эти бумаги попали къ вамъ на храненіе?

— Очень просто: онѣ были забыты у меня.

— Кѣмъ?

— Платономъ Вельтищевымъ.

— Когда именно?

— Н... не помню... Кажись, что вскорѣ послѣ смерти его двоюроднаго брата

— Вы послѣ того раза, безъ сомнѣнія, видались съ г-номъ Вельтищевымъ?

— Разумѣется.

— И онъ у васъ не спрашивалъ про эти бумаги.

— Н... нѣтъ; не помню.. Вѣроятно, не спрашивалъ, потому что иначе я отдала бы.

— А почему же вы сами не догадались отдать ему?

— Н-я... да такъ!.. Онъ не спрашивалъ, а у меня вовсе и въ ума воли про нихъ! Какъ

положила тогда за образъ, такъ и позабыла вскорѣ.

Слѣдователь обстоятельно записалъ показанія Людмилы Коробовой, прочелъ ей записанное и предложилъ скрѣпить своей подписью. Людмила еще разъ, уже сама, перечитала бумагу и подписала ее.

— Потрудитесь обождать здѣсь, въ этой же комнатѣ: это покойное кресло, афиши и газеты къ вашимъ услугамъ! — любезно предложилъ джентльменъ-чиновникъ, указавъ ей на одинъ изъ угловъ комнаты, и направился къ двери.

— Г-жа Вельтищева! — пригласилъ онъ Ирину.

* * *

Ирина Борисовна появилась на мѣстѣ Людмилы.

— Вамъ знакомы эти бумаги? — предъявилъ ей слѣдователь магазинный счетъ и опись.

Та посмотрѣла и отвѣтила утвердительно.

— Чьею рукою писана «Опись»?

— Это рука моего покойнаго мужа, — невольно дрогнувшимъ голосомъ сказала Ирина.

— Вы знаете Валерьяна Алексѣевича Коробова?

— Кого? — съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переспросила отвѣтчица.

Ей было повторено имя.

— Нѣтъ, въ первый разъ слышу, — заявила она тономъ полного убѣжденія.

— А госпожу Коробову? — взглядомъ указавъ чиновникъ на Людмилу, что дало Ирину поводъ обернуться на нее и оглядѣть ее весьма внимательно

— Тоже не знаю, — утвердительно отвѣтила она.

— И никогда нигдѣ не встрѣчались?

— Никогда и нигдѣ, сколько помнится.

— А не можете ли объяснить, какими судьбами оба эти документа попали въ руки г-жи Коробовой и очутились у нея на храненіи?

— На храненіи?.. У г-жи Коробовой?.. Не знаю и не понимаю, какъ это... пожалала плечами Ирина.

— Вы никому этихъ бумагъ не отдавали?

— Н... не помню... Можетъ быть, и отдавала... Но если отдала, то развѣ только кузену моего мужа Платону Васильевичу... Другому бы некому... Платонъ Васильевичъ былъ ближайшій родственникъ и компаньонъ моего мужа, у нихъ были постоянно общія дѣла и денежные обороты, онъ же и душеприказникомъ былъ, и всѣмъ распоряжался... Я сама въ дѣлахъ не понимаю толку и потому, послѣ смерти мужа передала ему по довѣренности веденіе всѣхъ моихъ дѣлъ и счетовъ... У него и теперь находятся почти всѣ мужнины бумаги для разбора и повѣрки; поэтому и опись легко могла между ними очутиться.

Ирина передала все это съ достаточной

обстоятельностью, потому что отвѣтъ такого рода былъ заранее внушенъ ей Вельтищевымъ.

— Но какъ онѣ попали въ постороннія руки,—этого я не знаю,—добавила она въ заключеніе.

— Ну-съ, а относительно счета что вы можете сказать? — продолжалъ допытывать пунктуальный слѣдователь. — Можетъ, вы поручали г-ну Вельтищеву произвести по нему уплату?

— Право, не помню! — отвѣтила подготовленная Ирина, — можетъ, и поручала, а можетъ, и нѣтъ. Согласитесь сами, обстоятельство такое пустячное, что не трудно и позабыть, и въ особенности, если это было незадолго до или послѣ смерти мужа: я въ то время была такъ разстроена, больна, что рѣшительно теперь уже не помню!.. А можетъ, и то еще,—добавила она, подумавъ,—можетъ, этотъ счетъ какъ нибудь случайно попалъ къ нему между бумагами мужа... Мудреного въ томъ нѣтъ, потому что по моимъ магазиннымъ счетамъ большею частію всегда самъ мужъ платилъ.

Сущность показаній Ирины казалась настолько истинной и настолько была сама по себѣ ничтожна, что равно ничего не прибавляла къ свѣдѣніямъ, существенно необходимымъ для слѣдователя. Поэтому онъ кончилъ свой допросъ, предложивъ Ирину обождать до времени въ этой же комнатѣ, и указавъ ей на кресло рядомъ съ Людмилой.

Вслѣдъ за сямъ былъ приглашенъ Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ.

На вопросъ о счетѣ онъ отвѣчалъ запамтованіемъ, склоняясь, впрочемъ, къ тому мнѣнію, что онъ могъ попасть въ его руки совершенно случайно между бумагами покойнаго, а въ описи призналъ руку двоюроднаго брата.

Затѣмъ ему былъ предложенъ вопросъ, какими судьбами и счетъ и опись попали въ руки Коробовой?

Вельтищевъ не ожидалъ, что его будутъ допрашивать въ присутствіи Ирины Борисовны, отъ которой, зная ея ревность, онъ тщательно скрывалъ свои отношенія къ Людмилѣ. Вопросъ слѣдователя, требовавшій немедленнаго и ясно-положительнаго отвѣта, становился такимъ образомъ весьма для него щекотливымъ и затруднительнымъ: приходилось, въ нѣкоторомъ родѣ, плыть между Сциллой и Харибдой. Онъ чувствовалъ это, потому что, не глядя даже въ сторону обѣихъ свидѣтельницавъ, опускалъ на себѣ съ одной стороны пристально пытающій взглядъ слѣдователя, а съ другой—взгляды обѣихъ этихъ женщинъ, изъ которыхъ одна глядѣла на него съ тревожнымъ ожиданіемъ, тогда какъ въ другой кишѣло уже ревнивое подозрѣніе.

Однако на выручку явилась средняя ему находчивость.

Онъ отвѣчалъ, что, спустя нѣкоторое время послѣ смерти двоюроднаго брата, заѣхалъ какъ-то къ г-жѣ Коробовой, которой былъ долженъ деньги, чтобы отдать ей свой долгъ. Будучи всецѣло погруженъ въ то время въ дѣла покойнаго, по довѣренности его вдовы, онъ постоянно ѣздилъ съ разными бумагами, изъ которыхъ нѣкоторыя были въ портфель, а нѣкоторыя просто лежали въ боковомъ карманѣ. Такимъ образомъ, прѣхавъ покончить со своимъ долгомъ, онъ, сколько помнится, вынималъ въ квартирѣ у г-жи Коробовой нѣкоторыя бумаги и очень легко можетъ быть, что второпяхъ и по разсѣянности позабылъ у нея представляемые теперь документы, а не вспоминалъ о нихъ доселѣ потому, что они не имѣютъ для него никакого важнаго значенія, ибо, напримѣръ, опись имѣется при дѣлахъ покойника въ копіи и стало быть въ оригиналѣ особенной надобности не оказывалось. Насчетъ копій,—какъ и весь, впрочемъ, отвѣтъ свой,—Вельтищевъ сымпровизировалъ самымъ положительнымъ и беззащитнымъ образомъ. Слѣдователь начиналъ уже внутренне разочаровываться въ своемъ первоначальномъ предположеніи—не имѣютъ ли эти документы, которые такъ настойчиво отстанвала Людмила при обыскѣ, какой-нибудь существенной связи съ тѣмъ мѣстомъ прокламаціи, гдѣ говорится о громадныхъ средствахъ и милліонахъ «Организаціи». Однако же, онъ все еще не терялъ нѣкоторой, хотя и весьма слабой надежды. На звонокъ его явился въ дверяхъ чиновникъ изъ смежной комнаты.

— Прикажете ввести сюда арестанта! — отдалъ ему приказаніе слѣдователь.

Вельтищевъ и Коробова почувствовали себя не совсѣмъ-то ловко.

Минута наступала непріятная, слишкомъ непріятная, и въ особенности для Вельтищева, который никакъ не могъ теперь отдѣлаться отъ гнетущей мысли, что при этомъ странномъ свиданіи мужа съ женой и ея любовникомъ должна присутствовать ревнивая Ирина. «Чѣмъ-то все кончится? чѣмъ разыграется?» невольно въ душѣ задавалъ онъ себѣ роковыя, ноющіе вопросы.

* * *

Растворилась дверь—и подъ звукъ мѣрныхъ шаговъ конвой вошелъ блѣдный, испитой, болѣзненно осунувшійся Валерьянъ Коробовъ.

По бокамъ его стали два бравые жандарма съ обнаженными саблями.

Валерьянъ почти безсознательно осмотрѣлся, но вдругъ замѣтилъ Вельтищева, замѣтилъ жену свою—и въ то же мгновеніе зарыдалъ и зашатался.

— Кресло!.. скорѣе кресло ему!—скомандовалъ слѣдователь одному изъ жандармовъ, межъ тѣмъ какъ другой успѣлъ ухватить подъ

руку арестанта, который безъ его помощи навѣрное грохнулся бы на полъ.

Коробова усадили, и допросчикъ весьма заботливо предложилъ ему освѣжиться нѣсколькими глотками воды.

Арестантъ съ жадностью выпилъ цѣлый стаканъ и поникъ головою на руку.

Прошло нѣсколько минутъ самаго тягостнаго молчанія.

— Г-нъ Коробовъ! — обратился, наконецъ, къ нему слѣдователь, — достаточно ли вы успокоились?

— Что?.. какъ? — почти безсознательно проговорилъ Валерьянъ, тяжело поднявъ на него изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ замутившіеся взоры.

Тотъ повторилъ свой вопросъ съ дружескою мягкостью.

— Да-да... я спокоенъ... я совершенно спокоенъ... я могу отвѣчать вамъ, — съ внутренней нервной дрожью пробормоталъ Коробовъ.

— Придвиньте къ столу его кресло, — приказалъ слѣдователь жандармамъ.

Тѣ исполнили требованіе.

— Скажите откровенно, — началъ слѣдователь сочувственно-мягкимъ, заползающимъ въ душу голосомъ, — на чемъ вы основывали ваше заявленіе въ прокламаціи о громадныхъ, миліонныхъ средствахъ вашего «Общества?»

— Ей Богу, не знаю! — грустно усмѣхнулся Коробовъ.

— Однако-жъ.

— Увѣряю васъ честью!

— Вотъ, именно къ вашей чести я и обращаюсь.

— А я по чести вамъ говорю, что не знаю.

— Но не ваша же собственная это фантазія?.. Были же какія нибудь основанія?

— Вѣроятно, — согласился Коробовъ.

— Какія-жъ именно?

— Не знаю.

— Да вѣдь оригиналъ вашей прокламаціи писанъ вашей собственной рукою?

— Моею собственной; но что-жъ изъ этого?

— Опять-таки обращаюсь къ вашей чести, — вздохнулъ слѣдователь, словно бы желая этимъ вздохомъ выразить кроткую покорность тяжелому кресту своей обязанности, — значить, вы сами все это выдумали, сочинили?

— Нѣтъ, не выдумывалъ.

— По чести?

— Клянусь вамъ, нѣтъ!

— Тогда откуда-жъ вы это заимствовали?

— Мнѣ было продиктовано... Вѣдь я ужъ говорилъ вамъ объ этомъ!

— Кѣмъ продиктовано? — съ кроткой, но упорной настойчивостью спросилъ джентльменъ-чиновникъ.

— Человѣкомъ, который представляетъ собою «Серію С.», — а больше я ничего не знаю.

— Этотъ человѣкъ вамъ извѣстенъ?

— Разумѣется.

— Назовите его имя.

— Этого я не могу... не имѣю права... и наконецъ.. наконецъ, я не знаю его имени... Это — «Серія С.» — Вотъ все, что я знаю.

— Господинъ Коробовъ! — внушительно-строго и холодно поднялъ чиновникъ на арестанта свои взоры, за мгновеніе еще столь мягкіе, кроткіе и покорные, — я долженъ предупредить васъ, что намъ уже извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ, можетъ быть, вы предполагаете, и во-вторыхъ, этимъ упорствомъ и заперательствомъ вы только осложняете вашу вину, утягиваете вашу печальную участь. Признайтесь лучше во всемъ откровенно.

— Я признался уже во всемъ! — открыто и честно отвѣтилъ Коробовъ. — Я не скрывалъ, что печать и распространеніе — мое дѣло. Но именъ отъ меня не требуйте: я ихъ не знаю, да если бы и зналъ, то даже подъ пыткой не назову ихъ! Я одинъ виноватъ, одного меня и казните!

— Вамъ знакома эта бумага? — неожиданно спросилъ его слѣдователь, глядя въ лицо ему пристально испытующимъ взоромъ и показывая опясъ.

— Въ первый разъ вижу! — взглянувъ въ документъ, категорически-отрицательно отвѣтилъ Коробовъ.

— Вамъ ее супруга ваша никогда не показывала?

— Никогда.

— И не говорила ни разу?

— Никогда не говорила.

— Господинъ свидѣтель! — обратился вдругъ слѣдователь къ Вельтищеву, — вы знаете господина Коробова?

— Очень мало... даже почти вовсе не знаю! — смѣшавшись, пробормоталъ Платонъ Васильевичъ.

— Но вы такъ хорошо знакомы съ его супругой, что это послѣднее знакомство заставляетъ предполагать, что вы достаточно хорошо знаете и мужа?

— Одно изъ другого не слѣдуетъ, — скрипнулъ Платонъ кислой улыбкой свои губы.

— Господинъ Коробовъ! Вы знаете господина Вельтищева?

— Этого мерзавца? — съ дикой злобой сверкнулъ арестантъ глазами, ткнувъ по направленію его въ воздухъ указательнымъ пальцемъ, и поднялся со своего мѣста. — Да, я достаточно... я слишкомъ достаточно... слишкомъ хорошо его знаю! — заговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, съ трудомъ переводя спешащее дыханіе. — Этотъ негодяй, какъ гадина, вползъ ко мнѣ въ домъ... развратилъ мою жену... отнял ее у меня... отнял все мое счастье, всю радость... всю жизнь мою изломалъ... Да, я слишкомъ хорошо его знаю!.. Слушайте! — обратился онъ непосредственно къ слѣдователю,

упершись, отъ внутренней слабости, въ край стола обѣими руками.—Слушайте!.. Теперь я буду давать вамъ мое истинное, настоящее мое показаніе...

Чиновникъ насторожилъ уши и быстрымъ взоромъ окинулъ всѣхъ присутствовавшихъ. Вельтишевъ стоялъ весь блѣдный, съ печатью того томленія на лицѣ, которое выражаетъ мощную борьбу сомнѣній, ожиданіе чего-то рокового и надежду, что авось-либо все пронесется мимо и благополучно... По временамъ онъ старался подавить въ себѣ невольную дрожь лихорадочнаго волненія. Людмила Коробова тоже силилась не выдавать своихъ внутреннихъ ощущеній и, нервно сжавъ губы, сидѣла почти неподвижно, съ глазами, глубоко потупленными въ землю. Она какъ будто приготовилась теперь стойко выслушать свой приговоръ, свое осужденіе изъ устъ Валерьяна. Зато Ирина, несмотря на свое безмолвіе, вся горѣла оживленіемъ и жаднымъ интересомъ. Ея взоръ вливался то въ Людмилу, то въ Коробова и въ Платона, и на лицѣ каждаго сидѣла прочтень сокровенную мысль и чувство. Для этой женщины приподнималась теперь завѣса такихъ тайнъ души ея кузена, которые онъ всячески старался скрывать отъ нея до послѣдней минуты. Теперь должно было разоблачиться многое, чего она доселѣ и не подозрѣвала, въ ослабленіи своей любви, считая только себя единственной любимой имъ женщиной, и вдругъ — передъ ея глазами неожиданно раскрывается цѣлая драма... «Значитъ, онъ меня обманывалъ доселѣ», шепчетъ ей смутное чувство. — А она хороша... охъ, какъ хороша, подлая!.. Онъ ее любитъ: она моложе меня, свѣжѣе, лучше... И въ сердцѣ Ирины закипаетъ горечь жгучей ревности и вошлетъ самолюбіе, оскорбляемое уже самымъ присутствіемъ здѣсь, рядомъ съ ней, этой женщины, этой счастливой соперницы, которая и моложе, и красивѣе ея и которой принадлежитъ сердце того, кому она, Ирина, пожертвовала всѣмъ, не остановившись даже передъ страшнымъ преступленіемъ. Она женскимъ инстинктомъ угадывала, что то, чему она будетъ сейчасъ свидѣтельницей, то, что предстоить ей услышать изъ устъ этого арестанта, должно больно и близко касаться ея собственной души и собственного сердца: устоитъ ли въ ея глазахъ на высокомъ пьедесталѣ человекъ, которому она беззавѣтно отдала эту душу и сердце, или же грозное слово этого арестанта опрокинетъ его въ ту пропасть, изъ которой человѣку трудно уже подняться вновь до сердца оскорбленной женщины. Ирина напряженнымъ умомъ и живымъ, блестящимъ взоромъ слѣдила теперь за каждымъ словомъ, за малѣйшимъ движеніемъ Валерьяна Коробова.

— Было время, и это еще такъ недавно, — началъ арестантъ, — когда я и не думалъ ни

о какихъ прокламаціяхъ, ни о какихъ бунтахъ и стачкахъ, и самымъ искреннимъ образомъ считалъ все это за величайшія глупости. Я просто себѣ работалъ, былъ занятъ своимъ насущнымъ дѣломъ и заботился только о томъ, какъ бы доставить хоть малѣйшія удобства въ семейной жизни моей женѣ... Я очень... много и сильно любилъ ее! (Голосъ Коробова дрогнулъ отъ волненія; въ немъ послышались слезы). Вдругъ въ мой семейный уголъ врывается этотъ человекъ (онъ указалъ на Вельтишева). Къ чему, зачѣмъ ему понадобилось отнять у нящаго все его счастье — это ужъ дѣло его совѣсти!.. Мнѣ тяжело вспомнить... да тяжело и высказывать вамъ все это. Однимъ словомъ, я долго былъ обманутъ... Наконецъ, я былъ брошенъ... въ лицѣ жены страдало мое имя... Я все-жъ-таки любилъ ее, умолялъ вернуться ко мнѣ, но... все было напрасно! Я сталъ пить, дошелъ до нищеты и чуть не до послѣдней степени нравственнаго паденія, гдѣ ужъ мнѣ стало рѣшительно все равно чѣмъ ни быть, гдѣ ни жить, что ни дѣлать, — хоть на каторгу! Меня душило мое горе; нуженъ былъ какойнибудь исходъ, отвлеченіе, нужно было забыться, размыкать какънибудь свою тоску — и я рѣшилъ себѣ снести это горе въ Сибирь.. Я, можетъ, и глупо, но надѣлся, что моя несчастная судьба когданибудь тронетъ, наконецъ, сердце моей жены, что она хоть вспомнитъ меня издали со слезой раскаянія... Это была моя надежда, мое утѣшеніе, моя месть этой женщинѣ — и я рѣшился. Вотъ вамъ психическій мотивъ и нравственные побужденія того, что я сдѣлалъ. Ее я не обвиняю, но съ этимъ мерзавцемъ, — поднимая голову и руку Коробовъ по направлению къ Вельтишеву, — съ нимъ желалъ бы я отъ всей души встрѣтиться когданибудь еще на каторгѣ... тамъ, быть можетъ, мы бы разсчитались... Я жалѣю и раскаиваюсь, что доселѣ у меня не хватало духу застрѣлить его какъ собаку!

Голосъ Валерьяна задрожалъ, оборвался и рыданія, сдерживаемыя доселѣ, полились изъ груди съ необузданной, истерической силой. Съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

Слѣдователь приказалъ жандармамъ бережно отнести его въ отвѣденный ему номеръ и послать за докторомъ, а затѣмъ объявилъ допросъ оконченнымъ.

Ирина встала и вдругъ сильно шатнулась, едва успѣвъ хватиться за спинку кресла, что помогло ей удержаться на ногахъ. Лицо ея было блѣдно, руки и губы дрожали.

Чиновникъ предупредительно кинулся къ ней на помощь.

— Что съ вами, сударыня?! Вамъ, кажется, дурно?..

— Н-нѣтъ... ничего, — съ усиленіемъ произнесла Ирина. — Могу я теперь ѣхать домой?

— О, конечно! И я васъ болѣе ужъ ни за-
чѣмъ не потревожу!

— Въ такомъ случаѣ... нельзя ли... прика-
зать проводить меня до кареты.

Услышавъ эту просьбу, Вельтищевъ, который
былъ въ крайнемъ затрудненіи—на что ему
рѣшиться и какъ теперь повести себя съ
Ириной, послѣдовалъ къ ней на помощь и, въ
качествѣ родственника, предложилъ опереться
на его руку.

Но Ирина обдала его ледянымъ, презри-
тельнымъ взглядомъ и, собравъ всѣ свои силы,
все присутствіе духа, молча и безъ посторон-
ней помощи, твердой походкой вышла изъ
комнаты.

— Скажите, мнѣ будутъ возвращены мои
бумаги?—кроткимъ и покойнымъ голосомъ обра-
тилась къ чиновнику Людмила Сергѣевна, когда
ей соперница скрылась за дверь.

— Безъ сомнѣнія, сударыня, вы ихъ полу-
чите,—съ официальной любезностью отвѣтилъ
слѣдователь.

— И какъ скоро могу я получить ихъ?

— Мы... смотря какъ... это будетъ зависеть...
вообще, по минованіи въ нихъ надобности.

— Значитъ, и я могу надѣяться на возвра-
щеніе мнѣ моихъ документовъ? — вмѣшался
Вельтищевъ.

— Разумѣется!..—удовольрилъ его чинов-
никъ.—Подайте лишь намъ простое заявленіе,
и какъ только минуетъ въ нихъ надобность,
мы тотчасъ же возвратимъ ихъ по принад-
лежности.

Людмила съумѣла выдержать себя на столько,
что не выдала своей души и мысли ни малѣй-
шимъ движеніемъ—ни внутреннимъ, ни вѣш-
нымъ при послѣднихъ словахъ Вельтищева.
Но она вполне оцѣнила ихъ значеніе; она по-
няла, что Платонъ все-еще хочетъ вырваться
изъ-подъ ея власти и радъ ухватиться для
этого за малѣйшій удобный поводъ.

Они вышли вмѣстѣ на улицу и остановились
одни передъ своими экипажами.

Вельтищевъ лицемѣрно выказалъ намѣреніе
подсадить Людмилу въ коляску.

— Пойдите!—строго и холодно остановила
она его руку.—Я вижу, вы опять хотите про-
должать со мной вашу игру... Вы неисправимы,
мой милый... но берегитесь: бой будетъ нера-
венъ! И если вы только осмѣлитесь подать
это заявленіе, я тотчасъ же раскрою этому
самому слѣдователю, какой смыслъ и значеніе
имѣютъ ваши документы.

XII.

М а с к а .

На другой день послѣ допроса, джентль-
мень-чиновникъ получалъ утромъ маленькое
письмецо, подписанное очень красивымъ, тон-

кимъ почеркомъ, въ которомъ нетрудно было
узнать женскую руку.

Такъ какъ на конвертѣ значилось: «Ивану
Ивановичу Вантрикъ», то джентльмень-чинов-
никъ вскрылъ письмо съ сознаніемъ полного
права, ибо оно только къ нему и могло быть
адресовано.

Жаночка Вантрикъ (подъ этимъ именемъ
джентльмень былъ извѣстенъ въ кружкахъ
своихъ правовѣдскихъ товарищей) не безъ
самодовольствія прочелъ въ женскомъ письмецѣ
слѣдующія строки:

«Если для васъ имѣетъ нѣкоторое значеніе
просьба молодой и хорошенькой женщины, то
забудьте на нынѣшній вечеръ ваши несносно-
скучныя дѣла и пріѣзжайте въ маскарадъ
дворянскаго собранія. Беру на себя смѣлость
уверить васъ заранее, что вы не будете рас-
каиваться въ бесполезно-убитомъ вечерѣ».

Подписи не было, но Жаночка Вантрикъ,
пріобывшій уже къ посланіямъ подобнаго ро-
да, ни на минуту не усомнился въ его жен-
скомъ происхожденіи, въ чемъ удостовѣрило
все: и почеркъ, и легкій запахъ, и цвѣтная
бумажка съ букашкой, и изящный конвер-
тикъ,—однимъ словомъ, все указывало Жа-
ночкѣ, что это—«дѣло женскихъ ручекъ», а
Жаночка имѣла слабость считать себя сердцѣ-
ѣдомъ. Одинъ только почеркъ былъ ему совер-
шенно незнакомъ, и это обстоятельство за-
ставило его на минуту усомниться, не кроет-
ся ли тутъ какая-нибудь мистификація?

«Но еслибы даже и допустить, что это чья-
нибудь пріятельская шутка», подумалъ себѣ
Жаночка, «то все же нѣтъ причины не
ѣхать, потому что маскарадъ не изъ ordinар-
ныхъ».

И дѣйствительно, на сей разъ предстояло
быть одному изъ тѣхъ маскарадовъ «съ благо-
творительною цѣлью», которые выдаются изъ
общаго уровня и потому довольно усердно
посѣщаются частью публики, причисляющей
себя, такъ или иначе, къ «порядочному
кругу»; а такъ какъ нашъ джентльмень-чи-
новникъ былъ прежде всего убѣжденъ, что
онъ—«человѣкъ порядочнаго круга», то онъ
не видѣлъ причины, почему бы ему и не быть
въ маскарадѣ, даже и помимо безымяннаго
приглашенія.

* * *

Зала дворянскаго собранія была залита
огнями. Пестрая масса посѣтителей, въ ко-
торой преобладалъ, однако, черный цвѣтъ
фраковъ и домино, толкалась въ самой залѣ
и въ окружающихъ ее галереяхъ. Поперемѣн-
но гремѣли два оркестра музыки, и въ воз-
духѣ уже чувствовалась та духота, которая
неразлучна съ каждою людскою массою.

Жаночка Вантрикъ въ полномъ одиноче-
ствіи уже около часу словился изъ угла въ
уголъ, тщетно стараясь угадать, по фигурамъ

масокъ, ту, которая назначила ему свиданіе, и по лицамъ встрѣчныхъ пріятелей того, который избралъ его жертвой своей мистификаціи. Жаночка уже начиналъ приходить въ нѣсколько дурное расположеніе духа, ибо чѣмъ болѣе шло время, тѣмъ болѣе склонялся онъ къ мысли, что надъ нимъ подшутили, какъ вдругъ его слегка ударилъ по плечу чей-то вѣтеръ.

Жаночка обернулся и увидѣлъ стройную женщину, которая глядѣла на него такъ, какъ будто желала ему дать почувствовать, что ударъ вѣтромъ вовсе не былъ съ ея стороны ошибкой или случайностью.

Она была тщательно закутана въ капюшонъ, который не допускалъ ни малѣйшей возможности разглядѣть цвѣтъ ея волосъ; густое кружево бархатной полумаски тщательно скрывало всю нижнюю часть лица, и весь костюмъ вообще отличался тою изыскою, изысканною скромностью, которую, въ отличіе отъ кокетокъ, умѣютъ, когда хотѣтъ, придавать себѣ «порядочныя женщины» на случай маскарадной интриги.

Сердце скупавшаго Жаночки ёкнуло отъ самодовольства, но тѣмъ не менѣе онъ устремилъ на маску удивленный и вопросительный взглядъ.

— Ты одинъ?—спросила его женщина.

— Какъ видишь, — улыбнулся Жаночка, тщетно стараясь угадать, кто бы такая могла быть эта «незнакомка?»

— Я тоже одна... и скупаю... Не хочешь ли взять меня подъ руку?

— Если тебѣ угодно!

И Жаночка не безъ ловкости подставилъ ей свой локоть.

Женщина довѣрчиво оперлась на его руку и пошла съ нимъ по залу.

— Странное дѣло! — говорилъ Жаночка, испытывая немалое довольство, что можетъ показывать себя, гуляя на виду всѣхъ съ такою «элегантною и порядочною маской». — Ей-Богу, странное дѣло!.. Надо тебѣ сказать, у меня ужъ такой опытный глазъ, что я сразу узнаю подъ маской каждую знакомую женщину, а между тѣмъ тебя я никакъ не могу узнать и не понимаю, что это со мною?

— Очень просто: ты привыкъ узнавать знакомыхъ, а мы съ тобою незнакомы, — объяснила маска.

— Но въ такомъ случаѣ, почему же ты подошла ко мнѣ?

— Потому что я тебя знаю.

— Но я-то тебя не знаю!

— Нѣтъ, и ты знаешь меня... Мы только незнакомы, но знаемъ другъ друга.

— Прекрасный случай познакомиться поближе! — воскликнулъ Жаночка, нѣжно и разительно пожимая пальчики своей дамы.

— Ты находишь?—замѣтила она съ легкимъ отрывкомъ ироніи.

— Почему же бы нѣтъ?!.. Маскарадъ тѣмъ-то и хорошъ, что даетъ иногда возможность заключать самыя пріятныя знакомства.

Если бы густое кружево не скрывало нижней части лица Жаночкиной дамы, то Жаночка легко могъ бы замѣтить, какая презрительная усмѣшка мелькнула на ея губахъ при послѣдней, произнесенной имъ пошлости. Но Жаночка, благодаря кружеву, не замѣтилъ этого и продолжалъ быть счастливымъ.

— Но однако объясни мнѣ, пожалуйста, — настаивалъ онъ, — почему ты вздумала подойти именно ко мнѣ, а не къ другому кому?

— Потому что я *хотѣла* подойти къ тебѣ. Кажется, это очень просто.

— Но вѣдь ты же незнакома со мною!

— Какая наивность! Развѣ подходятъ къ людямъ только знакомыя маски?—Достаточно, что я знаю тебя. Я—маска, и въ этомъ одномъ уже мое право подойти къ кому мнѣ вздумается; а во-вторыхъ, я молода и—могу увѣрить тебя — вовсе не уродлива собою, а это еще усиливаетъ мое право. Довольно ли съ тебя?

— Хи... странно! — раздумывалъ самодовольный Жаночка. — Развѣ у тебя въ этой залѣ никого нѣтъ болѣе знакомыхъ?

— Напротивъ, очень много.

— Но въ такомъ случаѣ, почему-жъ ты избрала меня, человѣка незнакомаго?

— Потому что это мой капризъ, во-первыхъ; а потомъ—почему бы мнѣ и не познакомиться съ тобою?

— О, я готовъ! я готовъ! — воскликнулъ Жаночка, снова пожимая кончики ея пальцевъ.—Но я бы хотѣлъ, чтобы это было прочное и пріятное знакомство, вполне пріятное! — добавилъ онъ съ выраженіемъ той особой двусмысленности, которая мало оставляла сомнѣній насчетъ прямого своего значенія и смысла.

— Гм!—не то насмѣшливо, не то поощрительно и, во всякомъ случаѣ, загадочно улыбнулась маска.—Послѣднее будетъ вполне зависѣть отъ тебя самого, я полагаю.

— Маска! ты мнѣ подаешь такія упительныя надежды!—чуть не захлебываясь отъ самодовольнаго восторга, воскликнулъ пошлый на этотъ счетъ Жаночка.

— Отчего-жъ бы и нѣтъ, если только ты будешь этого достоинъ,—молвила она въ отвѣтъ тѣмъ же загадочнымъ и потому подзадоривающимъ тономъ.

— Приказывай — и я у ногъ твоихъ!.. Я желаю быть твоимъ рыцаремъ, но... что нужно сдѣлать, какой подвигъ я долженъ совершить, чтобы быть достойнымъ твоей благосклонности?

— Неужели это для тебя такъ существенно?

— О, я рабъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ! Это еще съ дѣтства моя первая специальность!

— А вторая?—лукаво спросила маска.

— Вторая?.. Мм... Нѣтъ, у меня не имѣется никакихъ болѣе специальностей.

— И ты это такъ смѣло утверждаешь?

— Конечно! Кому же лучше знать про то, какъ не мнѣ самому?—Но развѣ ты знаешь за мною еще какую-нибудь другую?

— То-есть, какъ тебѣ это сказать?.. Развѣ твоя служебная дѣятельность, напримѣръ, не составляетъ твоей второй специальности?

Жаночка слегка нахмурилась...—«Чортъ ее знаетъ, въ какомъ это смыслѣ она упомянула про вторую специальность!»—Жаночка не всегда и не вездѣ любила разговоръ о своей служебной дѣятельности.

Маска тотчасъ же замѣтила это и ловко поспѣшила переимѣнить тему разговора, дальнѣйшее развитіе котораго, какъ показалось ей, могло бы быть не совсѣмъ-то пріятно для ея кавалера.

Она специально направила свою ловкую, живую, игривую и подчасъ не лишнюю остроумія болтовню на тѣ живыя темы, которымъ раздражающая атмосфера маскарада и инкогнито маски сообщаютъ подчасъ, при извѣстномъ умѣньи и тактѣ со стороны женщины, столько заманчиваго и увлекательнаго интереса.

Въ какой-нибудь часъ времени легонькій Жаночка былъ окончательно заинтересованъ, обольщенъ, и алкалъ въ душѣ счастливаго увѣнчанія этой неожиданно-счастливой интриги. Онъ очень хорошо успѣлъ замѣтить, что дама его обладаетъ маленькой, изящно-сформированной и шелковисты обуюю ножкой, что у нея свѣжій молодой голосъ, что край щеки и слегка открытая часть шеи просто поражаютъ своею свѣжестью молодости. Онъ попросилъ ее снять хоть одну перчатку, въ чемъ ему не было отказано,—и убѣдился, что эта маленькая, бѣлая, нѣжная и мягкая рука съ длинными пальцами, на которыхъ сверкало нѣсколько дорогихъ колецъ, создана природой съ такимъ счастливымъ совершенствомъ, какое не оставило для него сомнѣній въ томъ, что женщина, обладающая столь живыми, прелестными глазами, такимъ цвѣтомъ и нѣжностью кожи, такимъ молодымъ звукомъ голоса, такую ножкой и такую рукой—необходимо должна быть молода и обаятельно прелестна. Ея манеры, походка и та особенная грація, съ которою она умѣла держать себя, внушали ему убѣжденіе, что его маска—женщина далеко не заурядная, и изящная скромность роскошнаго по цѣнѣ наряда и эти дорогія кольца служили живымъ доказательствомъ, что она женщина съ большимъ вкусомъ и тактомъ, притомъ женщина весьма достаточ-

ная, а можетъ и совсѣмъ богатая,—однимъ словомъ, Жаночка въ упоеніи своемъ былъ убѣжденъ, что имѣетъ дѣло съ женщиной «совсѣмъ порядочной»—и это необычайно льстило его сердцеѣдскому самолюбію.

— Послушай, маска,—сказалъ онъ между прочимъ, взглянувъ на свои часы. —Время уже довольно позднее... не позволишь ли мнѣ предложить тебѣ поужинать и выпить со мной бокалъ, хотя въ честь счастливаго случая, который внушилъ тебѣ мысль дотронуться до меня вѣромъ?

— Пожалуй, —согласилась она. —Только здѣсь я не стану ужинать, а если хочешь—пойдемъ ко мнѣ: у меня это будетъ гораздо спокойнѣе и удобнѣе, и даже вкуснѣе... Я вообще не люблю ужинать ни въ какихъ общественныхъ мѣстахъ и нахожу, что у меня дома это гораздо лучше.

Жаночка очень удивился такому неожиданному приглашенію и замедлялся. Онъ не зналъ, что ему подумать: какъ это вдругъ ѣхать ночью ужинать съ незнакомою женщиной въ незнакомый домъ, и потомъ—не обойдется ли ему слишкомъ дорого такая любезность?.. Можетъ, у нея тамъ мужъ, или братъ, и не ловушка ли это какая-нибудь?.. А если и не это, то, можетъ, она—кокетка высшаго полета, которой придется заплатить за ея гостеприимство такую сумму, какой не ощущалъ въ данную минуту въ своемъ бумажникѣ сконфузившійся Жаночка.

Женщина замѣтила и, кажись, угадала истинную причину его внезапнаго смущенія.

— Я живу совершенно одна, —пояснила она своему кавалеру. —И если приглашаю тебя къ себѣ, то это потому, что хочу доставить тебѣ удовольствіе провести со мною часъ другой внѣ этой глупой маскарадной толпы, безъ постороннихъ глазъ и ушей... А здѣсь это такъ неудобно, и наконецъ, я рѣшительно не могу ужинать въ маскѣ.

— Въ такомъ случаѣ, поѣдемъ въ любой ресторанъ?—любезно увернулся Жаночка.

— Pardon! я не привыкла ѣздить по ресторанамъ и не люблю ихъ,—деликатно замѣтила маска съ тѣмъ отѣтникомъ внутренняго достоинства, который опять-таки сбилъ съ толку бѣднаго Жаночку, заставивъ его снова думать, что онъ имѣетъ дѣло съ «порядочной женщиной».

— Но... милая маска, и я въ свой чередъ долженъ тебѣ сказать, что привыкъ въ маскарадахъ предлагать ужины, а не принимать ихъ отъ масокъ,—возразилъ ей Вантрикъ, тоже съ извѣстнаго рода внутреннимъ достоинствомъ.

— Это очень дурная привычка, которая мнѣ показываетъ, что ты привыкъ имѣть дѣло только съ женщинами извѣстнаго сорта,—улыбнулась незнакомка.—Если я приглашаю

тебя къ себѣ,—продолжала она,—то это только потому, что ты самъ же хотѣлъ поближе познакомиться со мною, и я даю тебѣ къ этому хорошій случай. Въ моемъ домѣ передъ тобой будетъ уже не маска, а женщина; тамъ — конецъ маскарадной интриги и начало добродушному знакомству, если только ты хочешь.

— О! я отъ всей души желаю этого! Но... я затрудняюсь только однимъ...

— Чѣмъ это?—серьезно посмотрѣла на него маска.

— Да какъ тебѣ сказать... я затрудняюсь, что какъ это вдругъ... въ незнакомый домъ... и мы тоже пока еще незнакомы... ночью... Все это, согласись, нѣсколько оригинально, странно... Я, право, не знаю...

— Ты боишься ѣхать ко мнѣ?—спросила она съ замѣтной ироніей.—О, мой герой! неужели ты способенъ раздумывать и трусить предъ женщиной?.. Я этому рѣшительно не хочу вѣрить!

— О, нѣтъ!—поспѣшилъ возразить Жаночка, задѣтый за-живое послѣднимъ замѣчаніемъ — Я готовъ хоть тысячу разъ доказать тебѣ, что я далеко не трусъ! Но меня останавливаетъ нѣкоторая странность твоего предложенія: это такъ не похоже на наши обыкновенныя маскарадные интриги... Я, признаюсь, никогда еще не былъ героемъ подобнаго приключенія...

— Ну, такъ будь!—задорно и настойчиво подстрекнула она, сжавъ его руку.—Неужели тебя можетъ остановить только одно, что это не похоже на то, какъ обыкновенно у васъ дѣлается? Ты находишь, что это оригинально?—Прекрасно! Я сама тоже нѣсколько оригинальная женщина. А чтобы успокоить тебя еще болѣе, повторю, что я живу одна, совершенно независимо и хочу иногда удовлетворять своимъ капризамъ, если мнѣ придется къ тому охота. Довольно ли съ тебя этого, мой рыцарь?

— Довольно; однако... еще одинъ вопросъ, милая маска!

— Что ты хочешь?

— Мнѣ было бы интересно знать, почему твой выборъ палъ именно на меня?

— Потому что ты мнѣ нравишься!

— Но... что за цѣль наконецъ?.. Не можетъ же быть, чтобы это было такъ, просто?!

— Фу, какіе вы всѣ ничтожные люди!—подавшись нѣсколько въ сторону и выдернувъ отъ него свою руку, съ легкой досадой сказала маска.—Изъ васъ никто, какіе-нибудь, не можетъ понять отношеній безъ какой-нибудь особой, посторонней цѣли! Вы всѣ такъ уже привыкли или покупать себѣ любовь женщины за деньги, или брать ее за то, чтобы оказать ей взаимно какую-нибудь постороннюю услугу; у васъ все это такъ разиѣнено на мелочь, что вы даже не допускаете и возможно-

сти простого каприза со стороны женщины, простого увлеченія безъ какой-нибудь *arrière pensée*! Что за жалкіе люди!.. Прощай! Очень сожалѣю, что потеряла съ тобою время!

И она юркнула съ сторону отъ Вантрика.

— *Beau masque!.. écoutez... un mot... Бога ради!..* Одно только слово!—кинулся за нею вдогонку опѣшенный Жаночка.

Онъ вдругъ самымъ живѣйшимъ образомъ почувствовалъ себя въ положеніи собаки, у которой неожиданно вырвали изъ зубовъ самый лакомый кусокъ. Теперь ему уже захотѣлось, во что бы то ни стало, возвратитъ себѣ благосклонность этой хорошенькой и капризной маски. Пробираясь вдогонку за нею сквозь волнуемую толпу, онъ даже страдалъ внутренно и съ досады награждалъ себя названіями осла и барана за свои глупыя сомнѣнія передъ такими рѣдкими, оригинальными и счастливыми случаями.

— Маска... *Au nom du ciel!..* Одну только минуту!—воспѣвающимъ и умоляющимъ полуслономъ лепеталъ Жаночка, достигнувъ наконецъ до своей искусительницы.

— *Et bien?*—холодно, съ надменной небрежностью повернула она къ нему свою изящную головку.

— Маска!—жалостно умолялъ ее Вантрикъ.—За что же такая немилость?.. За что ты меня вдругъ оставила?

— За то, что ты разсердилъ меня.

— Но я готовъ на колѣняхъ умолять тебя...

— Ахъ, это было бы эффектно, въ особенности въ этой залѣ!—засмѣялась она въ отвѣтъ на его фразу.

— Ну, прости меня!.. Я—твой! твой безконечно!

— *Merci!..* Теперь мнѣ тебя уже не нужно. Ты не сумѣлъ воспользоваться моимъ капризомъ—и я вижу, что ты не стоишь его...

— Но ты безпощадна.

— На столько же, на сколько хороша собою.

— О, клянусь, я это чувствую, какъ никто въ мірѣ!

— Чувствуешь?.. Ну, такъ знай же, что я тебя не заставила бы раскаяваться, если бы ты былъ посмѣлѣе и рѣшился ѣхать со мною.

— Я готовъ, хоть на край свѣта!—воскликнулъ Жаночка, почувствовавъ въ себѣ околпачительную рѣшимость, въ виду столь обаятельнаго соблазна, который сталъ ему тѣмъ дороже, что совсѣмъ уже готовъ былъ ускользнуть отъ него.—Я готовъ, куда хочешь, куда прикажешь!.. Повелѣвай мною!

— Н-нѣтъ, ты слишкомъ мнителенъ,—сказала маска въ колеблющемся раздумьи.—Ты разочаровалъ меня нѣсколько, а я не люблю нерѣшительныхъ людей.

— Я докажу тебѣ противное!—горичко и страстно убѣждалъ Жаночка.—Требуя, чего хочешь—я на все готовъ, но только ѣдемъ!.. Ты

такъ обаятельна, ты сдѣлала то со мною, что я рѣшительно не могу теперь разстаться съ тобою такимъ образомъ!

Маака, слушая его, только улыбалась про себя тихою и коварною усмѣшкой.

— Будто?—спросила она недоувѣрчивымъ тономъ.

— Удостоувѣрься! Это вѣдь отъ тебя зависитъ!

— Н-нѣтъ, ты все будешь думать и сомнѣваться!

— Къ чорту сомнѣнія!—экзальтированно махнулъ онъ рукою.—Если бы ты даже вола меня въ разбойничій вертепъ, я ни слова не скажу! Теперь я твой, я я всюду пойду за тобою!

— А если у меня, и въ самомъ дѣлѣ, есть какая нибудь особая цѣль—тогда что?—дукаво поддразнила маска.

— Будь у тебя хоть тысяча самыхъ разнообразныхъ цѣлей, для меня теперь это все равно, потому что у меня, чортъ возьми, есть моя собственная цѣль!

— Ахъ, ужэ!—съ кокетливымъ изумленіемъ взглянула на него незнакомка.—А можно узнать, какая?

— О, конечно! Я своихъ цѣлей не скрываю!

— Будто?

— Безъ всякихъ будто!

— Даже и по обязанностямъ службы?

— Ахъ, оставь ты, пожалуйста, въ покоѣ мою службу и обязанности! Мнѣ она смертельно надоѣла, эта проклятая служба, и я желалъ бы видѣть человека, который не пожертвовалъ бы всеми службами на свѣтѣ за возможность любоваться этою пошкой, этимъ станомъ, обладать этою ручкой!

— Довольно: ты начинаешь лгать самыми банальными фразами.

— Клянусь, нѣтъ!.. Я увлеченъ и говорю искренно! Я люблю хорошенькихъ женщинъ, и передъ ними у меня всякая служба «летитъ кувыркомъ»—къ чорту.

— Гм... посмотримъ, такъ-ли это...

— Что ты сказала?—не разслышавъ хорошенько послѣдней фразы, спросилъ Вантрикъ.

— Нѣтъ, ничего. Я только хотѣла бы знать, какая это у тебя явилась вдругъ цѣль, передъ которою ничего не значатъ тысячи миль цѣлей?

— У меня?—самая законная! Я хочу только, во что бы то ни стало, доказать тебѣ, что я вовсе не трусъ и не мнителенъ и что у меня есть рѣшимость тамъ гдѣ нужно, или гдѣ мнѣ хочется. И я теперь отъ тебя не отстану: ты слишкомъ заинтриговала меня. Если же все это было не болѣе, какъ ловкая мистификація, то я не упущу тебя изъ виду, я повсюду послѣдую за тобою, я прослѣжу тебя до порога твоей квартиры и въ концѣ концовъ узнаю-таки, кто ты такая!

— Похвальная рѣшимость!—засмѣялась маска.—Но могу дать слово, что съ моей стороны не было тутъ ни малѣйшей мистификаціи или шутки: я совершенно искренно звала тебя къ себѣ, и потому вовсе не понимаю, къ чему тебѣ выслѣживать меня разными неудобными путями, если я сама предлагала тебѣ путь самый простой и короткій—ѣхать со мною, въ мой домъ, и познакомиться не съ маской, а съ женщиной. Чего бы, кажется, проще!..

— Ну, такъ забудь же свою вспышку! Прости меня—и ѣдемъ! Вѣдь это было не болѣе, какъ недоразумѣніе!—упрашивалъ увлеченный Жаночка.

— А ты постарайся заслужить мое прощеніе?—полусдавалась маска.

— Клянусь всѣмъ, чѣмъ хочешь!

— Даже и въ томъ случаѣ, если бы у меня оказались какія нибудь «цѣли»?

— О, Боже мой—скорчилъ Жаночка навздо и ребячьи жалующуюся физиономію.—Ну, къ чему ты все преслѣдуешь меня этими «цѣлями»?.. Ну, забудь это слово! Оно вырвалось у меня такъ, съ-дуру, совершенно случайно!.. Съ цѣлями, или безъ цѣлей, но только знай—я сдаюсь тебѣ вполнѣ и безусловно!

— А, это другое дѣло! Давай твою руку и ѣдемъ!—умилосердилась, наконецъ, капризная маска.

Жаночка ожилъ. Онъ поспѣшилъ исполнить ея требованіе и восторженно направился съ своею дамой къ выходу.

«Чортъ возьми, не все ли равно?—размышлялъ онъ въ эту счастливую минуту—болѣе съ помощью расходившейся крови, чѣмъ разсудкомъ.—И чего я, дуракъ, сомнѣвался?.. Вѣдь не высѣкутъ же меня тамъ!.. А если бы вдругъ какая нибудь подобная несправедливость, такъ вѣдь можно кричать, звать на помощь полицію, караулъ, парашатся, кусаться, и мало ли что!.. И наконецъ... наконецъ, вѣдь я не кто другой; вѣдь со мною и не безопасно шутить подобнымъ образомъ... Но все это совершенные пустяки! Все это одна только моя глупая мнительность!.. Вѣрнѣе всего, что эта прелестная маска просто какая-нибудь прѣзжая барынька, богатая искательница приключеній, которой хочется тайкомъ отъ байбака-мужа всласть пожуировать себѣ на свободѣ въ Петербургѣ и которой я понравился, какъ красивый и порядочный молодой человекъ... Это такъ, это всего вѣрнѣе! А я, осележъ, еще раздумывалъ!»

Но въ ту самую минуту, когда Жаночка искренно посылая себѣ этотъ послѣдній укоръ, маска, не выпуская отъ него своей руки, вдругъ съ силою дернулась въ сторону и стремительно увлекла его за собою. Этотъ порывъ вышелъ у нея почти безсознательно, почти невольно и притомъ онъ былъ столь замѣтно крутъ и неожиданный, что Жаночка не могъ пропустить его безъ вниманія.

— Что это... куда ты вдруг кинулась так поспѣшно... куда ты ведешь меня?—лепеталъ онъ, продираясь за нею сквозь толпу.

— Нѣтъ, ничего,—успокоила его маска.— Видишь ты этого толстаго генерала?.. Я не хотѣла съ нимъ встрѣтиться: онъ хорошо знаетъ меня и моихъ родныхъ... онъ легко могъ узнать меня.

И остановившись на минуту, она обернулась назадъ, внимательно слѣдя за кѣмъ-то глазами.

Жаночка въ данный моментъ, дѣйствительно, изображала собою осла, влекомаго на жертву. Онъ вовсе не замѣчалъ, что взглядъ его дамы слѣдитъ не за толстымъ генераломъ, который былъ не болѣе, какъ первымъ субъектомъ, случайно подвернувшимся ей на глаза и потому пригодившимся для яскоро придуманнаго оправданія. Этотъ взглядъ слѣдилъ за джентльменомъ въ щегольскомъ фракѣ, который лѣниво-апатичной и изящно-небрежной походкой медленно пробирался въ толпѣ.

Джентльменъ этотъ былъ Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ, который, очевидно, только что вошелъ въ маскарадную залу.

Незнакомка, слѣдя за нимъ глазами, видѣла, какъ подбѣжала къ нему вдругъ какая-то маска и оживленно заговорила съ нимъ о чемъ-то.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ же скорѣе!—ласково, но съ неулегшею еще тревогой отнеслась она къ Жаночкѣ.—Слава Богу, что генералъ меня не замѣтилъ!

И они быстро удалились изъ залы.

ХІІІ.

Жаночка знала, что дѣло—не безъ цѣли.

— Вы подождите меня здѣсь; я буду къ вамъ сию минуту, только переодѣнусь,—не снимая маски, сказала незнакомка Жаночкѣ, когда ввела его въ небольшую, но роскошную гостиную.—Дуня,—обратилась она къ камеристкѣ,—ужинать у васъ готово?

— Какъ же, сударыня! въ столовой накрыто. Я ужъ давно позаботилась.

— Поставьте второй приборъ и принесите намъ въ холодильникъ шампанскаго; но только прежде всего—Бога ради, помогите мнѣ скорѣе раздѣться: я ужасно утомилась въ этомъ несносномъ капюшонѣ!

И она вмѣстѣ съ камеристкой удалась въ уборную.

«Куда же это я попалъ?!—тихонько задавалъ себѣ вопросъ бѣдный Жаночка, который какъ-то могъ въ одно и то же время бояться, чтобы его не выскли, и желать представить своей дамѣ убѣдительныя доказательства, что онъ вовсе не трусъ и готовъ быть совершеннымъ мужчиной, столь же мужественнымъ и сильнымъ, сколько свѣтски-изящнымъ и любез-

нымъ. Впрочемъ—надо отдать ему полную справедливость—последнее желаніе превозмогало надъ первымъ смутнымъ опасеніемъ.

Задавая себѣ все тотъ же вопросъ, Жаночка курилъ тоненькую папирску и, въ ожиданіи, чѣмъ-то онъ, наконецъ, разрѣшится, разсѣянно разсматривалъ дорогія бронзы и недурно написанныя картины, какъ вдругъ недоумѣніе его было разрѣшено самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ комнату легкой и непринужденной походкой вошла хозяйка, слегка шурша своимъ бѣлымъ батистовымъ пеньваромъ. Роскошные, чудно-золотистые волосы ея были распущены по домашнему и рассыпались за плечами длинными, густыми и волнистыми прядями.

Жаночка просто остолбенѣлъ отъ такой неожиданности: передъ нимъ стояла Людмила Сергѣевна Коробова.

— Здравствуйте, мой добрый гость!—весело и просто сказала она, протягивая ему руку.— Видите, я была права, когда говорила, что мы хоть и незнакомы, но знаемъ, другъ друга!.. Надѣюсь, что съ этой минуты мы уже знакомы. Берите меня подъ руку и пойдемте ужинать.

Жаночка былъ такъ пораженъ, что не нашелся, чѣмъ ей и отвѣтить на такую любезность. Онъ только почувствовалъ, какъ эта женщина просунула ему подъ локоть свою руку, и почти машинально далъ ей провести себя въ столовую. Онъ сознавалъ, что теперь ему лучше всего было бы взять шляпу и сухо откланяться. Это благоразумное рѣшеніе подшентывало ему чувство служебнаго долга и тѣхъ отношеній, въ которыя онъ, по силѣ обстоятельствъ, былъ официально поставленъ къ Людмилѣ, какъ слѣдователь по дѣлу ея мужа; но... какъ уйти лѣснымъ бюрокомъ отъ такой прелестной женщины!.. Присущая его натурѣ лакомость и влеченіе къ столь обаятельному запретному плоду, къ которому стоитъ только протянуть руку и взять безпрепятственно, положительно вязали его по рукамъ и ногамъ, всею мощью воспрещая привести въ исполненіе стоическое намѣреніе относительно добродѣтельнаго бѣгства.

«Чортъ возьми! Если это жена Пентефрія, то неужели же я буду Іосифомъ цѣломудреннымъ?»—внутренно вопрошалъ самого себя обольщенный Жаночка.

Въ небольшой комнатѣ, сплошь отдѣланной подъ дубъ, накрытъ былъ ужинъ на два прибора. На столѣ, освѣщенномъ тяжелымъ бронзовымъ канделябромъ, стояло шампанское въ сверкающемъ холодильнике и возвышалась хрустальная ваза, переполненная виноградомъ и дорогими фруктами; бѣлье, хрусталь, ножи и вилки—все это невольно ласкало глазъ своимъ блескомъ, лоскомъ, чистотою, и тонкое столовое вино и гастрономическія закуски самымъ соблазнительнымъ образомъ подкупали аппетитъ

и съ достоинствомъ могли послужить самому избалованному вкусу.

Людмила Коробова въ этомъ отношеніи состояла за себя. Она знала, на что была, и потому озаботилась приготовить все это заранѣе самымъ изысканнымъ образомъ.

— Вы... всегда это такъ ужинаете?—совѣтъ не кстати сорвался вдругъ глупый вопросъ у Жаночки, который не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ придти въ себя отъ ошеломившихъ его впечатлѣній.

— Постоянно; это моя привычка,—съ легкой подавленной улыбкой отвѣтила Людмила.— Садитесь и позвольте мнѣ угощать васъ: я хочу быть самой любезной хозяйкой.

Жаночка, успѣвшій достаточно проголодаться съ обѣда, усѣлся подлѣ м-ше Коробовой и оказалъ достоюжную честь какъ ей вину, такъ и ея ужину.

— Теперь мы будемъ говорить съ вами откровенно и серьезно!—приступила къ нему Людмила, послѣ того какъ Жаночка успѣлъ уже осушить два уемистые бокала шампанскаго, а она налила ему третій и протянула изъ-подъ широкаго, прозрачнаго рукава обнаженную, красивую руку, съ тѣмъ чтобы дружески чокнуться съ гостемъ своимъ бокаломъ.— Вы были отчасти правы,—продолжала она,— когда заподозрили во мнѣ особую дѣль. Признаться, она у меня есть... Что дѣлать! Постарайтесь извинить эту невольную женскую хитрость... Мнѣ нужно было говорить съ вами, а какъ иначе это устроить?

Жаночка потщился напустить на себя серьезный видъ и даже нѣсколько нахмурился, чтобы изобразить нѣкоторое неудовольствіе.

Но Людмила ни мало не смутилась его похмурымъ видомъ.

— Я хотя и разошлась съ своимъ мужемъ,—продолжала она,—но... все же я ношу его имя и, признаюсь вамъ, мнѣ отъ всей души жаль этого человѣка. Скажите, вѣдь спасти его нѣтъ возможности?

— Ни малѣйшей!—серьезно-дѣловымъ тономъ заявилъ Жаночка.—Всѣ улики налицо и при томъ собственное сознаніе, вдобавокъ.

— Но согласитесь, что все дѣло, которое онъ затѣялъ,—вѣдь это крайняя глупость!

— Совершенно согласенъ съ вами!—со сдержанной улыбкой слегка склонилъ голову Вантрикъ.—Но при всей видимой глупости, тутъ ровно ничего не подѣлаешь.

— И чѣмъ же (нѣтъ за нее долженъ будетъ заплатить?)

— Двѣнадцатилѣтней каторгой.

— Боже мой! Но это ужасно!.. И при томъ мое положеніе—носить имя жены каторжника..

— Бракъ въ этихъ случаяхъ расторгается; вамъ стоитъ только пожелать этого.

— Это такъ; но его-то жаль безконечно,—

съ притворно-грустной задумчивостью проговорила Людмила.

— Обратитесь къ адвокату,—посоветовалъ Вантрикъ.—Мы съ своей стороны ровно ничѣмъ не можемъ помочь ему; наше дѣло только слѣдствіе, и оно скоро уже будетъ кончено; затѣмъ мы передаемъ его въ руки суда; но адвокатъ тутъ еще можетъ оказать какую нибудь помощь.

— То-есть, что же именно?—насторожила уши Людмила, у которой вдругъ ёкнуло тревожно сердце при мысли о томъ, что Коробовъ будетъ спасенъ и она останется его законною женою.

— Пусть адвокатъ въ защитательной рѣчи въ особенности налегаетъ именно на абсурдную глупость всего этого дѣла,—пояснилъ Вантрикъ,—пусть онъ укажетъ на судъ на ничтожество, на жалкость этого человѣка, на нецѣлѣсбуйность всякой подобной агитація въ наше время. Это можетъ подѣйствовать.

— И тогда каторги не будетъ?

— Н-не знаю... Это уже зависитъ отъ суда; но во всякомъ случаѣ такой способъ защиты можетъ усилить облегчающія обстоятельства. Двѣнадцатилѣтняя каторга можетъ быть замѣнена шестилѣтней, а то и четырехлѣтней; а могутъ и просто сослать куда нибудь на поселеніе.

— Стало быть, онъ все-таки не избѣжитъ наказанія?

— Ни въ какомъ случаѣ!

Людмила грустно задумалась, какъ-бы размышляя о чемъ-то.

— Знаете, что меня болѣе всего убиваетъ?—подняла она голову, послѣ нѣкотораго молчанія.—Это именно глупость, ужасная глупость этого дѣла!.. Говоря откровенно, для моего самолюбія было бы гораздо легче сознать себя женою негодяя, преступника, но умнаго человѣка; но носить ославленное имя жены такого жалкаго, ничтожнаго глупца—вотъ что ужасно!.. Для меня, ей-Богу, было бы легче, если бы дѣло было поставлено такъ, чтобы Коробовъ хотя бы передъ общественнымъ мнѣніемъ не вышелъ такимъ ничтожествомъ!

— Но вѣдь это усилитъ его наказаніе,—возразилъ Вантрикъ.

— Э, Боже мой! Не все ли равно!—съ горечью махнула она рукою.—Онъ такъ хилъ здоровьемъ, что во всякомъ случаѣ не перенесетъ даже и нѣсколькихъ мѣсяцевъ каторги. Поэтому, въ сущности, рѣшительно все равно, на четыре-ли года, или на двѣнадцать лѣтъ! Но главное, если бы тутъ можно было только скрыть какъ нибудь эту глупость, глупость несчастную!.. По моему, ужъ лучше бы дать дѣлу самый серьезный оборотъ, на сколько это будетъ возможно.

Вантрикъ только пожалъ плечами.

— Вѣдь тутъ и мое имя будетъ фигурировать?—помолчавъ, спросила Людмила.

— Безъ сомнѣнія, если вѣнъ мужъ останется при своемъ послѣднемъ показаніи,—подтвердитъ слѣдователь.

— Ахъ, это ужасно!—содрогнулась она, поднявъ свои плечи. — Эта публичность, этотъ скандалъ... Какое, въ самомъ дѣлѣ, несчастіе быть женою глупаго и ничтожнаго человѣка! Видѣ если я и разошлась съ нимъ, то только по этой причинѣ,—беззастѣнчиво солгала Людмила, будучи впрочемъ сама убѣждена, что высказываетъ самую святую правду. — Ну, посудите сами: писать такіе, яростныя прокламаціи и въ то же время невыносимо преслѣдовать и оскорблять женщину своею вѣчною ревностью, проповѣдывать на словахъ свободу чувства и лишать малѣйшей свободы свою жену... Я черезъ это совершенно потеряла къ нему всякое уваженіе.

— А вы стоите за свободу чувства?—съ пошлой игривостью спросилъ Жаночка, на котораго успѣло уже подѣйствовать шампанское, а еще болѣе—близость прелестной женщины.

— Я это доказываю, кажется, моею жизнью, тѣмъ, что я разошлась съ Коробовымъ,—скромно потупилась Людмила.

— И прекрасно! И я тоже стою за нее!.. Игакъ, чокнемтесь за свободу чувства и дайте мнѣ вашу ручку!—предложилъ Вантрикъ. — А что касается Коробова, я постараюсь убѣдить его, чтобы онъ отказался отъ своего послѣдняго показанія и не компрометировалъ васъ на судѣ, пощадилъ бы имя жены своей. На этотъ счетъ вы будьте покойны: я сдѣлаю все, что возможно, и надѣюсь на успѣхъ!

Коробова съ чувствомъ протянула и пожала ему руку.

Впрочемъ, она заботилась вовсе не о томъ, какая судьба постигнетъ ея мужа. Весь этотъ серьезный разговоръ она завела нарочно, чтобы дать какое нибудь оправданіе ея маскарадной интригѣ въ глазахъ Жаночки, а въ сущности цѣль этой интриги была совершенно иная. Судьбою мужа Людмила интересовалась настолько лишь, чтобы звать, расторгнетъ ли бракъ предстоящая ему кара и скоро ли она можетъ сдѣлаться m-me Вельтишевой. Питая надежду на новый бракъ, она, конечно, не желала, чтобы имя ея хоть какъ нибудь было компрометировано на публичномъ судѣ, что могло бы въ послѣдствіи повредить ей во мнѣніи общества. Поэтому-то она и протянула такъ горячо свою руку Жаночкѣ за его послѣднее обѣщаніе. Прямая же, но сокровенная цѣль интриги требовала для своего успѣха вовсе не серьезныхъ разговоровъ, а напротивъ—самаго веселаго, каскаднаго настроенія духа, и потому чуть лишь Жаночка предложилъ ей выпить за свободу чувства, она поспѣшила сочувственно отвѣтить на его тостъ и, сдѣлавъ видъ, будто совсѣмъ уже успокоена и утѣшена его послѣд-

нимъ обѣщаніемъ, больше не возвращалась къ серьезнымъ и грустнымъ темамъ.

Выдерживать каскадное направленіе съ Жаночкой оказалось вовсе не трудно, потому что оно было болѣе всего присуще ему по самой его натурѣ, по складу симпатій и характера, такъ что стоило лишь дать ему маленькое поощреніе, чтобы онъ самъ уже безъ удержу шелъ на дальнѣйшіе подвиги. Напротивъ того—оно было глубоко противно самоѣ Людмилѣ, при ея ледяной, жабьей натурѣ, но... для достиженія цѣли, она твердо рѣшилась принести всякія жертвы, какъ бы онѣ ни были тяжелы и противны. Она умѣла хорошо притворяться, могла, въ случаѣ надобности, возобладать надъ собою, «взять себя въ руки», пересилить себя вопреки собственному отиращенію, заставить себя поступать не такъ, какъ приказываетъ чувство, но такъ, какъ того требуетъ расчетъ подводимой интриги,—и это все, благодаря самообладанію и актерству, удалось ей съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Каскадное настроеніе, въ тѣхъ особыхъ, шикантныхъ, но не пиническихъ предѣлахъ, въ какіе умѣетъ направить его остроумная, ловкая и изысканная женщина, лилась у Людмилы съ Жаночкой обильнымъ потокомъ, такъ что черезъ какіе нибудь полчаса, послѣ того какъ они перешли изъ—столовой въ таинственно-освѣщенный и роскошный будуаръ, Жаночка былъ уже влюбленъ по уши, упоенъ, очарованъ и готовъ все забыть ради благосклонной своей маскарадной богини. А она такъ ловко и кокетливо, съ такою опытностью, съ такими тонкими расчетомъ дразнила его чувственность, но каждый разъ удерживала ее въ достоюжныхъ предѣлахъ, при вслкомъ необузданномъ порывѣ, при малѣйшемъ чересчуръ уже нескромномъ ея проявленіи. А это еще болѣе дразнило и раздражало злостастаго Жаночку. Но, наконецъ, судьба, или Людмила, стала къ нему благосклоннѣе; онъ уже готовился торжествовать свою побѣду, какъ вдругъ въ прихожей раздался порывистый звонокъ, за который кто-то дернулъ сильною и нетерпѣливою рукою.

Это внезапное обстоятельство заставило смутиться и поблѣднѣть обоихъ. Впрочемъ, Людмила тотчасъ же овладѣла собою, оправилась и со внутренней рѣшимостью приготовилась ко всякой неожиданности. Но Жаночка — бѣдный Жаночка въ-конецъ растерялся и струхнулъ не малую толику. Онъ уже, какъ спасенія, искалъ глазами свою шляпу, старался вспомнить, на какомъ мѣстѣ оставлены въ прихожей его галоши, и воображалъ, какъ бы удобнѣе улѣзнуть, или куда бы надежнѣе спрятаться на случай рѣшительнаго и скандальнаго нападѣнія. Ему опять невольно какъ-то стала мерещиться ужасная мысль, которую самъ же онъ призналъ нехѣною, что теперь-то вотъ придутъ и найдутъ его здѣсь, и вдругъ

возьмутъ да и высѣкутъ!.. И это все въ ту самую минуту, когда онъ такъ побѣдоносно стремился доказать обязательной женщинѣ свою смѣлость, мужество и неустрашимость, столь обидно для самолюбія заподозрѣнная ею въ маскарадѣ!

Нѣтерпѣливый звонокъ повторился въ прихожей еще сильнѣе и какъ будто съ какою-то озлобленностью.

Вѣдная Людмила похмуро свела свои тонкія, выразительныя брови и съ рѣшимостью внутренней досады и гнѣва, закусивъ губы, кинула искоса ободрающій взглядъ на оторопѣлаго Вантрика.

— Бога ради... мое положеніе... мое положеніе въ свѣтѣ... по службѣ... вы понимаете— мое положеніе... какъ я рискую... вы понимаете,—безсвязно бормоталъ злосчастный Жаночка.

— Будьте покойны, сюда никто не осмѣлится войти, — съ твердостью предупредила его Людмила. — Разъ, что вы мой гость, вы вполне безопасны.

И вѣдъ за симъ замкнувъ его на ключъ въ своемъ будуарѣ, она съ возможной сдержанностью, внутренне стараясь возстановить въ себѣ необходимое спокойствіе, вышла въ прихожую и приказала оторопѣвшей дѣвушкѣ отворить двери.

Дѣвушка отворила—и вдругъ, съ легкимъ крикомъ испуга, въ страхѣ за свою барыню, отшатнулась въ сторону: на порогѣ стоялъ Платонъ Васильевичъ Вельтищевъ.

XIV.

Что произошло изъ разговора маски.

— Здравствуй, Вельтищевъ!.. Какъ я давно тебя не видала!.. Грѣхъ забывать мой другъ, добрыхъ знакомыхъ! — пискливымъ, измѣненнымъ голосомъ затараторила маска, уцѣпившись Платону подъ руку, почти въ ту самую минуту, какъ Людмила, завидя ее и его, поспѣшила юркнуть въ толпу, увлекая за собою Жаночку. Платонъ Васильевичъ съ перваго раза не узналъ привлазавшуюся къ нему маску. Не зная, какъ убить остатокъ своего времени, онъ только что пріѣхалъ сюда съ одного вечера, уговоренный двумя пріятелями посвятить его за-одно съ ними маскараднему бездѣлю.

— Тебя, вѣроятно, привела сюда ревность?—назойливо продолжала межъ тѣмъ пискливая маска.

— Ревность?—апатично обернулся на нее Вельтищевъ.

— Ну, конечно, ревность!.. Что-жъ, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго!.. Вѣдныи Платонъ! Какъ мнѣ жаль тебя!

— Что ты за вздоръ говоришь! — не-

брежно усмѣхнулся онъ.—Какая ревность? къ кому?

— Ахъ, Боже мой, скажите пожалуйста! Онъ еще притворяется!.. «къ кому»?—Понятное дѣло, къ твоей скверной Людмилѣ!

— Ну, съ подобными нелѣпостями ты можешь оставить меня въ покоѣ! — довольно грубо оборвалъ Вельтищевъ и попытался безцеремонно выдернуть отъ маски свою руку, но маска обвилась вокругъ нея довольно-таки цѣпко.

— Это вовсе не нелѣпости! — съ увѣренностью принялась она оспаривать. — Я сама сейчасъ видѣла, какъ она гуляла здѣсь съ однимъ интереснымъ блондиномъ и даже разговоръ ихъ подслушала! А если тебѣ пріятно ходить съ рогами, такъ не вѣрь, пожалуй!.. Это впрочемъ достойное наказаніе тебѣ за то, что ты изъ-за какой нибудь дрянн, которая держитъ тебя подъ башмакомъ, пренебрегаешь чувствами женщинъ, которыя искренно тебѣ преданы.

Вельтищевъ съ неудовольствіемъ вглядѣлся пристально въ пискунью и вдругъ отступилъ въ немаломъ изумленіи.

— Ольга Романовна!.. да вы ли это?! — воскликнулъ онъ разсмѣявшись.—И скажите на милость, что это вдругъ за охота пришла вамъ мистифицировать меня такимъ глупымъ образомъ?

— Я вовсе не мистифицирую васъ, Платонъ Васильевичъ, вовсе не мистифицирую! Напрасно такъ думаете!—съ печально торжествующимъ видомъ возразила нѣжная маменька Людмилы.—Къ прискорбію, все это сущая правда... и хотя она дочь моя, но я не могу скрыть отъ васъ подобной ея наглости!

— Да расскажите, Бога ради толкомъ! — нахмурился Платонъ.—Я ровно ничего не понимаю! Она писала мнѣ сегодня, что чувствуетъ себя не совсѣмъ-то здоровой и потому проситъ не пріѣзжать къ ней вечеромъ.

— Ага! такъ вотъ оно что! — азорадно подхватила экстер-балерина.—Не пріѣзжать вечеромъ... нездорова, а сама, небойсь, тѣмъ часомъ въ маскарадѣ да янтрижки заводить съ халахонами? Ну-съ, Платонъ Васильевичъ, и вы все еще не вѣрите, что она украшаетъ васъ оленьими рогами?!

— Я васъ прошу прежде всего рассказать мнѣ толкомъ, въ чемъ дѣло? — настойчиво и серьезно повторилъ Вельтищевъ свою просьбу.

— Да что рассказывать?.. Гнусность, самая позорная, неблагодарная гнусность, и только... Вы знаете, я очень люблю маскарады,—начала Ольга Романовна, которая дѣйствительно весьма любила ихъ по старой памяти и вѣдила на нихъ чуть лишь представлялась ей малѣйшая къ тому возможность; она каждый разъ вѣдала съ пріятною надеждой, что авось либо ей удастся плѣнить какого нибудь «кра-

савчика», но каждый раз надежда эта оставалась тщетною, а Ольга Романовна тѣмъ не менѣе все-таки ѣздилла, потому что маскарадный шумъ и оживленіе живо, хотя и нѣсколько грустно, напоминали ей посреди скучной и будничной жизни настоящаго кипучую жизнь ея золотого прошлаго. Съ этимъ самымъ чувствомъ попала экстер-балерина и въ сегодняшній маскарадъ, который никакъ не хотѣла пропустить, ибо онъ былъ однимъ изъ не со всѣхъ-то заурядныхъ маскарадовъ Петербурга.

— Такъ вотъ, пріѣзжаю я это сюда,—со злорадно самодовольною слятью продолжала она свой рассказъ Вельтищеву,—и между прочимъ, похаживши да посидѣвши, заглянула въ уборную. — Глядь, анъ передъ трюмо стоитъ какая-то дама, расфуфыренная, разодѣтая въ черный бархатъ, въ черное атласное домино и, снявши маску, оправляетъ что-то свою прическу. Я мимоходомъ-то и даже совершенно случайно заглянула въ роже, смотрю,—а это моя Людмила проклятая стоитъ и оправляется! Меня такъ и взорвало! такъ и хотѣла ей, подлой, вцѣпиться въ волосы, потому — вы знаете — мы съ ней въ ссорѣ, въ жестокой ссорѣ, съ того самаго раза, какъ она васъ у меня застала, послѣ нашего обѣда у Бореля-то. Такъ мы съ нею съ тѣхъ поръ больше и не видимся: ни она ко мнѣ, ни я къ ней ни ногой! Но однако же я себя сдержала, потому, думаю себѣ, — изъ этого, кромѣ скандала въ публикѣ, ничего хорошаго не выйдетъ. Тяжко мнѣ это было, признаюсь вамъ, очень даже тяжко, но все же я себя пересилила, перемоглась и наблюдаю за нею, дѣлая видъ, какъ будто вовсе даже и не знаю ее, и она тоже не узнала меня подъ маской-то. Я было думала, что она съ вами сюда пріѣхала, но только гляжу—а она тщательно эдакъ закутала голову въ капюшонъ, чтобы никому невозможно было узнать ее, и выходитъ въ залу и черезъ сколько-то времени вдругъ подходитъ къ какому-то молодому человѣку, очень интересному блондину. — «Э! думаю себѣ. Вотъ оно что! Интрижка!.. Погоди-жь ты, матушка!» И приблизившись къ нимъ сторонкой, будто совсѣмъ случайно, стала осторожно эдакъ прислушиваться къ разговору, ну, и услышала кое-что!.. Нда-съ, Платонъ Васильевичъ, услышала!

— Да что такое?! Говорите скорѣй!—нетерпѣливо перебилъ Вельтищевъ широко-вѣщательное повѣствованіе нѣжной маменьки.

— А то, что молодой человѣкъ зоветъ ее въ ресторанъ, а она ему — «нѣтъ, говорить, лучше поѣдемъ ко мнѣ на квартиру: у меня, говорить, все это можно сдѣлать гораздо спокойнѣй и удобнѣе». Какова мерзавка-съ!?. а?.. «удобнѣе». Какъ не удобнѣе, когда одинъ бударъ какихъ шальныхъ денегъ стоитъ! Я думаю, что удобнѣе! Вотъ вамъ и благодар-

ность, Платонъ Васильевичъ. Эдакой ужъ гнусности даже и отъ нея никакъ не ожидала!

— Вы все это врете! Я не вѣрю вамъ!—энергично стиснувъ ея руку, сказалъ Вельтищевъ голосомъ, въ которомъ злобно и болѣзненно дрогнула струна внутреннего страданія.

— Пестъ врать, милый другъ мой, а я — слава тебѣ Господи—кажись, пока еще человѣкъ, а не собака!—обидчиво возразила маменька. — Что мнѣ за дѣль врать-то вамъ? Ужъ скорѣй же бы я, какъ мать, заболѣла о ея счастьи, должна бы покрыть ея при такомъ случаѣ, но я не могу... не могу! Вся душа моя возмущается!.. А вы, если сомнѣваетесь, такъ лучше всего возьмите да и поѣзжайте къ ней, какъ снѣгъ на голову—и накроете! Теперь они навѣрное тамъ вдвоемъ наслаждаются... воркуютъ... счастливы, подика, смѣются себѣ, да коронуютъ васъ оленьими на просторѣ-то, а вы себѣ сидите! Ничего и безъ васъ обойдется!

Вельтищевъ, тяжело дыша, съ конвульсивнымъ движеніемъ въ мускулахъ щелъ, нервно заскрипѣлъ стиснутыми зубами.

— Оставьте меня... уйдите прочь!—протворить онъ, наконецъ, такимъ грознымъ шолотомъ, что нѣжная маменька оторопѣла сразу и, поджавъ хвостъ, поспѣшила отъ него удалиться.

Вельтищевъ, сраженный этою новостью, едва волоча ноги, прошелъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ и опустился на диванъ въ наиболѣе уединенномъ уголкѣ.

Тяжело опустивъ на руку свою голову, онъ долго просидѣлъ тамъ такимъ образомъ, безъ движенія и даже безъ какой либо опредѣленной мысли: чувство ревности и оскорбленія всецѣло угнетало его душу. Ему и вѣрилось, и не вѣрилось словамъ Ольги Романовны, хотѣлось удостовѣриться и въ то же время онъ боялся удостовѣриться въ такой страшной истинѣ. Въ пересохшемъ рту и въ глоткѣ его ощущалась какая-та вязкая горечь. Онъ прошелъ наконецъ въ буфетъ и залпомъ выпилъ бутылку сельтерской воды. Это нѣсколько освѣжило его и даже успокоило отчасти на столько, что онъ могъ теперь думать, соображать, жить не однимъ подавляющимъ чувствомъ, но и мыслью. Ненависть, горечь оскорбленной любви, презрѣніе и ревность—все это разомъ томилло его душу: но размышляя, что ему теперь остается дѣлать, онъ остановился на мысли, что прежде всего слѣдуетъ во всемъ удостовѣриться собственными глазами и тогда уже кончать такъ или иначе. Онъ рѣшился, наконецъ, отправиться къ Людмилѣ.

Отвергнувъ услуги назойливыхъ извозчиковъ, Платонъ въ распахнутой шубѣ (ему было душно) нѣшкомъ пошелъ по пустынной

улицѣ, стараясь вдохнуть въ себя какъ можно болѣе холоднаго воздуха—и воздухъ, вмѣстѣ съ моциономъ, произвелъ на него свое осѣвжающее и успокоительное дѣйствіе. Теперь онъ еще спокойнѣе, чѣмъ давеча, могъ обдумать предстоящее ему поведеніе. Онъ пришелъ къ мысли, что любовникъ, кто бы онъ ни былъ, несравненно менѣе виноватъ чѣмъ Людмила.—«Онъ даже совсѣмъ не виноватъ!.. Сама того захотѣла, а изъ насъ кто-жъ бы отказался... виновата она—она одна и никто больше!» Но какъ поступить съ нею? Что сдѣлать? Что сказать ей?—И вотъ, раздумывая даьше, Вельтищевъ нашелъ, что никакой трагедіи, а тѣмъ болѣе мелодрамы разыгрывать ему отнюдь не слѣдуетъ, а просто тихимъ и спокойнымъ образомъ высказать этой женщинѣ свое достойное презрѣніе и холодно оставить ее. Приходило много и другихъ рѣшеній, но всѣ они какъ-то сбивались и путались одно съ другимъ, такъ что нѣсколько утомленная мысль его, въ концѣ концовъ, возвращалась все-таки къ рѣшенію наиболѣе благоразумному, что «изъ-за такой презрѣнной твари не слѣдуетъ дѣлать шумнаго скандала и тѣмъ ронять свое достоинство и свое положеніе въ обществѣ»; но при этомъ Платонъ сомнѣвался въ одномъ: хватить ли у него на столько спокойствія и выдержки, чтобы съ тактомъ пройти до конца свою роль, и не пересилить ли въ немъ кипучее чувство живого оскорбленія и ревности? Закруженный водоворотомъ такихъ чувствъ и мыслей, онъ, съ замираніемъ сердца, нервно дернулъ тревожно-дрогнувшею рукою звонокъ у входной двери своей любовницы.

* *

— Платонъ Васильевичъ!.. это вы?—словно бы стараясь разглядѣть, прищурилась на него Людмила.

— Да-съ... это я,—съ усиліемъ произнесъ Вельтищевъ надтреснутымъ голосомъ, неясные и хриплые звуки котораго какъ-то обрывались и засѣдали въ горлѣ.

— Я васъ не могу принять сегодня,—спокойно предварила его Людмила.

— Я это знаю... но... я пріѣхалъ нарочно... я думаю, что имѣю право быть здѣсь... я нарочно желаю только удостовѣриться...

— Въ чемъ это?—слегка повела она недовольною бровью.

— Въ томъ, что вы, рапортуясь больной, находите возможность быть тайкомъ отъ меня въ маскарадъ...

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?

— То, что такъ могутъ поступать только безчестныя женщины!—рѣзко и нервно возвысилъ онъ голосъ, чувствуя, что не въ силахъ сдержать и превозмочь себя, что рѣзкія ноты вырываются изъ залокотавшей груди даже помимо его собственной воли.

— Тссс! — строго и спокойно остановила она его, выразительно поднявъ свой указательный палецъ. — Прошу не забываться и не кричать, а относиться ко мнѣ съ уваженіемъ, какъ всегда! Полно Платонъ! не дури по пустому!—перешла она вдругъ къ самому искреннему и дружескому тону. — Побѣзжай лучше домой и ложись себѣ въ Богомъ спать, а завтра я объясню тебѣ все, какъ слѣдуетъ, и ты самъ увидишь, что твоя выходка не основательна и забавна просто до смѣшного!.. Я бы желала, чтобы ты гораздо болѣе вѣрилъ въ меня и не забывалъ, что я готовилась быть твоею женою.

— И вы имѣете безстыдство говорить это, когда я знаю, что у васъ за дверью сидитъ вашъ новый любовникъ?!

— Клянусь вамъ, что кромѣ васъ у меня пока еще нѣтъ никакого любовника,—съ чистосердечнымъ открытымъ видомъ и честнымъ голосомъ произнесла съ достоинствомъ Людмила. — Не оскорбляйте меня, Платонъ Васильевичъ, вашими подозрѣніями!

— Какъ! такъ вы невинны?.. А это чье пальто виситъ?—указалъ онъ вдругъ на вѣшалку.

— Господина Вантрикъ,—спокойно отвѣтила Коробова.

— Чье-о?—отступилъ шагъ назадъ Вельтищевъ.

— Господина Вантрикъ, говорю вамъ—Это слѣдователь по дѣлу моего мужа, который, дѣйствительно, сидитъ теперь у меня.

— Гнусная, развратная женщина!—заскрежетала Платонъ, выказывая явное намѣреніе идти во внутреннія комнаты.

— Ни съ мѣста!.. Стойте! — спокойно и твердо, съ сознаніемъ своей силы остановила его Людмила. — Довольно уже оскорбленій! Если угодно, я вамъ скажу правду, въ настоящую минуту я добываю ваши документы—понимаете ли это?.. И если вы только осмѣлитесь насильно помѣшать мнѣ, то я тотчасъ же выдамъ васъ ему головою!.. Ступайте же вонъ и оставьте меня кончать мое дѣло.

Вельтищевъ, обезоруженный этимъ магическимъ словомъ, смущенно поникнулъ и вышелъ изъ квартиры Коробовой.

* *

— Что тамъ такое случилось? — тревожно загогозилъ Жаночка, все еще не успѣвший успокоиться, когда Людмила выпустила его изъ заточенія въ своемъ будуарѣ.

— Ничего особеннаго! — совсѣмъ спокойно и равнодушно отвѣтила она.—Пріѣзжалъ Вельтищевъ, просилъ позволить ему посидѣть у меня, но я его спровадила, сказала, что едва сейчасъ вернулась изъ маскарада и что страшно устала, чувствую головную боль и ужасно спать хочу, — онъ и уѣхалъ по-добру по-здорову!

— Но... вѣдь онъ, пожалуй, можетъ еще вернуться?—ошашливо и осторожно осведомился Жаночка.

— Э, нѣтъ! на этотъ счетъ можно быть совершенно спокойнымъ! У меня противъ него талисманъ есть—ей-Богу!—пусть увѣряла Людмила.—Однимъ словомъ, все это совершенные пустяки, которыми нечего тревожиться; а лучше постараемся поскорѣе забыть эту маленькую неприємность и... будемъ счастливы!—съ увлеченіемъ закончила она, нѣжно протягивая Жаночкѣ свои давняя, до совершенства женственные и красивыя руки.

* * *

Вельтищевъ, выйдя отъ Коробовой и услышавъ за собою звукъ замыкаемой на крючекъ двери, не ушелъ домой спать, какъ совѣтовала ему Людмила, а долго и долго еще оставался въ потемкахъ на лѣстницѣ, у порога ея квартиры.

Безсильная злоба и жгучая ревность душили и грызли его душу. Онъ и самъ не могъ бы дать себѣ отчета—зачѣмъ и для чего остается на лѣстницѣ, чего хочетъ, кого и чего ожидаетъ, но онъ чувствовалъ, что такъ надо,—надо, непременно надо ему быть здѣсь и подкарауливать... Изъ хаоса мыслей и ощущений стало, наконецъ, съ большею ясностью выдѣляться въ немъ одно определенное намѣреніе: удостовериться, до котораго часа останется Вантрикъ у Людмилы. «Если долго... если до утра», съ мрачною тоскою думалъ Вельтищевъ, «тогда нѣтъ сомнѣнія»... Ему все еще хотѣлось сомнѣваться, потому что сомнѣіе все же было легче, чѣмъ окончательное убѣжденіе въ ужасномъ для него фактѣ; въ сомнѣніи была теперь для него даже какая-то отрада, правда, очень маленькая, но все же лучше думать, что, можетъ быть, дѣйствительность и вовсе не такъ ужасна, что все это только кажется въ такихъ размѣрахъ его воображенію, возбужденному ревностью и оскорбленнымъ чувствомъ. Чѣмъ Людмила только увлекаетъ, путаетъ въ свои сѣти этого чиновника, но не переступитъ извѣстной черты, за которую такъ трепеталъ теперь Вельтищевъ.

Лучше бы было ему, дѣйствительно, отправляться домой и ложиться спать, послѣдовавъ сразу благоразумному совѣту Людмилы!

Время проходило, а Платонъ все-еще стоялъ на лѣстницѣ. Онъ съ жадностью напрягалъ чуткое ухо, прислушиваясь у двери, въ надеждѣ, что до него донесется хоть какойнибудь звукъ, голосъ, смѣхъ, шаги, музыкальная нота, аккордъ рояля, стукъ посуды — однимъ словомъ, хоть какойнибудь намекъ на живое движеніе, который бы могъ поддержать въ немъ еще столь желанныя сомнѣнія, — но за замкнутой дверью все было тихо и глухо, все дышало ненарушаемымъ спокойствіемъ сна и

шшшш

Минуты тянулись мучительно-медленно, и съ каждою новою минутою все менѣе оставалось мѣста сомнѣніямъ.

Вельтищевъ спустился внизъ, вышелъ изъподъ воротъ на улицу и перешелъ на противоположный тротуаръ: онъ чаялъ увидѣть свѣтъ въ окнахъ Людмилы — и какъ бы хотѣлось ему увидать этотъ свѣтъ, хоть немного успокоивающій душу и еще оставляющій маленькое мѣсто сомнѣніямъ!—Но увъ! въ окнахъ было темно. Платонъ подошелъ къ фонарю и при свѣтѣ его взглянулъ на свои часы. Стрѣлки показывали половину седьмого. На востокѣ начинало сѣрѣть уже предразсвѣтнымъ отсвѣтомъ.

Вельтищевъ вернулся на лѣстницу и сталъ внизу, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ и Валерьянъ Коробовъ, быть можетъ, испытывая подобныя же муки, причиною которыхъ былъ тогда самъ Вельтищевъ.

«Такъ-то вотъ и меня поджидалъ онъ», подумалось Платону, при воспоминаніи о встрѣчѣ съ Валерьяномъ, «на этомъ самомъ мѣстѣ, въ день убійства кузена Макса.

Ему пришла негѣлая, но злобно-отрадная мысль—дождаться здѣсь до той минуты, когда счастливый соперникъ будетъ сходиться съ лѣстницы, кинуться на него внезапно и задушить собственными руками.

Въ первыя минуты Вельтищеву казалось—и казалось до полнаго, глубокаго и непреложнаго убѣжденія,—что онъ дождется и непременно приведетъ въ исполненіе свой планъ, непременно задушитъ Вантрика.

Разъ три послѣ этого онъ осторожно поднимался вверхъ на лѣстницу, въ намѣреніи, во что бы то ни стало, пробраться въ квартиру Людмилы, застать обоихъ на мѣстѣ и поколотить съ ними; но каждый разъ, какъ рука его готова уже была дернуть звонокъ,—рѣшимость и мужество покидали его душу. Онъ безотчетно поддавался малодушной робости—и это сознаніе своего безсилія съ каждымъ разомъ только усугубляло его страданія и муки.

«Хотѣлъ же убить меня Коробовъ... и не убилъ», съ горечью думалось Платону. «Можетъ, и онъ испытывалъ то же... и не убилъ... И я не убью... Гдѣ ужъ убить!.. едва ли... вѣдь это негѣло!.. И за что?.. да и хватить ли рѣшимости?..

И вдругъ Вельтищеву такъ живо представилась его Людмила, со всѣмъ обаяніемъ ея красоты и тѣла, въ объятіяхъ этого ненавистнаго Вантрика; и вдругъ при этомъ онъ почувствовалъ самого себя такимъ жалкимъ, ничтожнымъ, отверженнымъ и глубоко-несчастливымъ человѣкомъ, что, рухнувши локтями и грудью на перила лѣстницы, истерически зарыдалъ и заплакалъ ѣдкими и трудными слезами.

На дворѣ уже свѣтало.

Вельтищевъ смутно осматрѣлся вокругъ. Рыданія и слезы произвели реакцію въ его напѣяженномъ внутреннемъ состояніи: онъ утихомирился грустно, но уже не такъ подавленно, какъ до этихъ слезъ. Онъ чувствовалъ тяжкую усталость, разбитость, ознобъ во всемъ тѣлѣ. Бессонная ночь, проведенная на холодной лѣстницѣ, только теперь дала ему себя почувствовать.

Платонъ рѣшилъ, что ему не дожидаться Вантрика и что глупо же, наконецъ, въ его годы, проводить ночь, подобно влюбленному мальчишкѣ, ревнуя свою содержанку и не смѣя войти въ ея квартиру. Онъ созналъ, что въ поведеніи его было много смѣшного и жалкаго. Одновременно ревность и теперь все-таки продолжала внутри его свою грызущую работу, вопреки этому сознанию разсудка, но и ревность, несмотря на всю ея силу, должна была смириться, спрятаться и призвать себя безспильной передъ тою страшною угрозой Людмилы, посредствомъ которой она держала въ рукахъ судьбу и честь своего невольника. Вельтищевъ ни съ чѣмъ уѣхалъ домой уже при свѣтѣ сѣраго утра.

XV.

Миру и покою.

Состояніе души Платона Васильевича было таково, что требовало, для собственнаго облегченія, вылить передъ чьей нибудь другой сочувствующей душою всю боль и горечь его ревности и оскорбленія. Горестъ Вельтищева была не изъ числа тѣхъ глубочайшихъ человѣческихъ страданій, которыя не ищутъ никакихъ изліяній даже передъ самымъ сочувственнымъ человѣкомъ, а напротивъ того—уходятъ сами въ себя, въ глубь души, и тамъ сосредоточиваются и зрѣютъ въ нераздѣленной и ненарушимой тайнѣ глубокаго молчанія. Горестъ Вельтищева происходила изъ оскорбленнаго самолюбія, основываясь прежде всего на томъ, что какъ-де смѣла эта женщина, принадлежащая мнѣ, предпочесть другого. Это былъ первый и самый видный мотивъ его страданій. Былъ еще и другой мотивъ, не менѣе сильный —то-есть чувство животненной страсти и капризной привязанности не къ какой другой, а вотъ именно къ этой самой женщинѣ, которая знаетъ, чувствуетъ и понимаетъ свойство и характеръ этой страсти и, понимая его, сознаетъ свою силу надъ человѣкомъ, имѣвшимъ роковое несчастіе увлечься ею, и потому господствуетъ намъ явля и эксплоатируетъ въ свою пользу. Источникъ подобныхъ чувственно-капризныхъ, мономанически влекущихъ къ извѣстной женщинѣ страстей хоть и никакъ не относится къ высокимъ

проявленіямъ челоѣческаго духа, но тѣмъ не менѣе это источникъ сильный, иногда глубоко коренящійся въ животненной сторонѣ челоѣческой натуры и могуче ее захватывающій. Самое роковое, что есть въ подобномъ чувствѣ, это—физическая привычка къ извѣстной женщинѣ, и сила этой ужасной привычки такова, что заставляетъ челоѣка забывать и прощать женщинѣ то, что могло бы быть, пожалуй, прощено, но ужъ никакъ не можетъ быть забыто. И вотъ, подобно-то роковую страсть къ Людмилѣ были одержимы два челоѣка: Валерьянъ Коробовъ и Платонъ Вельтищевъ. Правда, надо сказать и то еще, что не каждая, даже очень красивая женщина, можетъ возбуждать къ себѣ подобныя страсти; ихъ возбуждаютъ иногда женщины далеко не красивыя, далеко сами по себѣ не страстныя, но въ которыхъ *что-то есть*—что-то особенное, разаражающее, малашее, и это *что-то* составляетъ загадочный талисманъ ихъ магнитической натуры. Подобною женщиной можно только родиться, но *сдѣлаться* ею нельзя.

Вельтищевъ, ревнуя и страдая, былъ еще и золъ на Людмилу. Онъ чувствовалъ дурную бабью потребность — просто поругать ее въ сласть передъ кѣмъ нибудь, унизить, втоптать ее въ грязь, выразить передъ кѣмъ нибудь всю мѣру злости и презрѣнія — главное, презрѣнія къ ней, и тѣмъ облегчить хоть сколько нибудь свою собственную душу.

Но кто-жъ бы могъ быть такимъ сочувственнымъ ему челоѣкомъ, передъ которымъ можно бы было удовлетворить этой душевной потребности? — Ольга Романовна?—Она, пожалуй, и сама весьма непрочъ поругать свою дочь и соперницу; но Ольга Романовна болѣе ужъ противна своей собственной старушечьей любовью и нѣжностью.—Ирина Вельтищева?—Да, Ирина, въ этомъ случаѣ, представилась Платону самымъ подходящимъ челоѣкомъ. Онъ рѣшился ѣхать къ ней, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ себя неправымъ передъ нею, такъ какъ въ послѣднее время, за всѣми своими передригами, рѣшительно оставилъ ее безъ всякаго вниманія.

Хоть и Ирина тоже недавно стала ему противна какъ женщина (да и кто-жъ изъ нихъ не былъ ему противенъ, кромѣ Людмилы?), но все же это было существо теплое, безгранично-любящее и нѣкогда весьма ему близкое,—на-конецъ, существо, связанное съ нимъ грѣхомъ и преступленіемъ.—«Въ этой женщинѣ», думалось Вельтищеву, «быть можетъ, еще отыщется доля теплаго участія и доброе, дружеское слово».—Итакъ, онъ поѣхалъ къ Иринѣ.

Въ первыя минуты встрѣчи, она, конечно, обдала его холодомъ.

Да и чего-жъ другого можно было ожидать ему послѣ того, что произошло при ней на допросѣ Валерьяна Коробова, гдѣ ей раскры-

ты были глаза, гдѣ она ясно убѣдилась, что у нея есть болѣе счастливая соперница, что она брошена и обманута?

Но онъ выдержалъ этотъ первый холодъ не смутясь, такъ какъ зналъ напередъ, что сначала безъ него дѣло никакъ не обойдется.

— Ты вправдѣ на меня сердиться, — приступилъ онъ къ необходимымъ объясненіямъ. — Я понимаю это; я долженъ казаться тебѣ, конечно, очень нехорошимъ человекомъ; но выслушай меня, дай мнѣ рассказать тебѣ откровенно все дѣло, и тогда ты, можетъ быть, взглянешь на него иначе.

— Не все ли равно мнѣ, Платонъ, — грустно возразила она. — Каково бы ни было твое дѣло, по все же я была обманута... И это было въ тѣ самыя минуты, когда... Ужасно вспомнить!

И она съ нервнымъ содроганіемъ закрыла глаза ладонью.

Вельтищевъ съ жаромъ бросился передъ ней на колѣни.

— Выслушай!.. выслушай, дорогая моя! — молилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки. — Это гадкая, отвратительная женщина, которую я ненавижу и презираю всѣми силами души своей!

Въ выраженіи лица и звукѣ голоса, которыми были произнесены эти слова, послышалась вдругъ такая искренность, что Ирина съ внимательнымъ и серьезнымъ удивленіемъ посмотрѣла на своего друга.

— Да, да, я презираю ее, и это — единственное чувство, котораго она достойна! — горячо продолжалъ Вельтищевъ. — Слушай: я не скрою отъ тебя, — было время, когда я минутно увлекся ею... Богъ знаетъ, какъ и для чего, но это было... Она сама того хотѣла... Но вѣдь это же продажная женщина, и ты не должна унижаться до ревности къ ней!.. Я заплатилъ ей за это мимолетное увлеченіе — и вотъ всѣ мои отношенія къ ней!.. Давно все кончено, тѣмъ болѣе, что она очень дурная женщина!

Вельтищевъ лгалъ, но ему самому казалось въ эту минуту, что онъ говоритъ въ высшей степени искренно; онъ самъ вѣрилъ, будто все это такъ и есть, все это правда.

— Однако же, ты отнял ее у мужа, ты сдѣлалъ его несчастнымъ человекомъ, — съ серьезнымъ упрекомъ возразила Ирина.

— Клянусь, нѣтъ! — воскликнулъ съ жаромъ Вельтищевъ. — Она и до меня уже по разнымъ клубамъ была извѣстна, какъ искательница приключеній; онѣ вмѣстѣ съ своею достойной матушкой этимъ занимаются, вѣдь мать всегда торговала ею!.. А этотъ жалкій чудакъ — онъ или слѣпъ, былъ, или глядѣлъ сквозь пальцы; но, во всякомъ случаѣ, онъ жестоко заблуждается, думая, что я первый отнял у него жену...

— Отчего же ты не возражалъ ему на допросъ? — усомнилась Вельтищева.

— Возражать?!.. Унижаться до возраженій, до препирательства съ какимъ-то проходнымъ?!.. Полно, Ирина!

— Но какими судьбами у этой женщины очутились бумаги? — задала она новый вопросъ. — Стало быть, ты еще продолжалъ съ нею отношенія и послѣ смерти Макса?

— Нѣтъ! отношенія были кончены! — отрекся Платонъ Васильевичъ. — Вѣдь ужъ я говорилъ тебѣ раньше, что она успѣла, еще гораздо прежде, вытянуть съ меня все съ тысячу рублей, и въ тотъ разъ я привезъ ей къ сроку деньги, чтобы окончательно развязаться. Бумаги, говорю тебѣ, были въ-торопяхъ случайно позабыты мною, потому что я ни одной лишней минуты не хотѣлъ оставаться въ этомъ подломъ вертепѣ, и если бумаги до сихъ поръ оставались у нея, то это тебѣ лучшее доказательство, что я у нея не былъ съ того разу, а иначе онѣ были бы мною взяты!

— Хорошо; но какъ же ты не хватился вскорѣ? Какъ ты могъ такъ спокойно оставить ихъ у нея? Вѣдь это документы!

— Я не придавалъ имъ значенія, и, наконецъ, я не зналъ, что онѣ забыты мною у этой женщины, — отговаривался Вельтищевъ. — Я думалъ просто, что потерялъ, обронилъ ихъ гдѣ-нибудь или что онѣ завалились у меня между другими бумагами. Я узналъ объ этомъ только тогда, когда она увѣдомила меня, что у нея былъ обыскъ и что вмѣстѣ съ ея бумагами захвачены и эти документы. За это извѣщеніе я ей даже очень благодаренъ, — продолжалъ Платонъ, — потому что, представь ты себѣ, еслибы мы не были предупреждены и я не научилъ бы тебя, какъ и что показывать, — представь, что настъ, ничего не подозревающихъ, требуютъ вдругъ на слѣдствіе и неожиданно предъявляютъ эти документы? — Вѣдь оба мы могли бы подумать, что это какая-нибудь ловушка, что это касается не коровоскаго, а нашего дѣла, что настъ подводятъ хотая взять въ-распlochъ. Вѣдь, согласись, мы такъ легко могли бы спутаться, сбиться въ показаніяхъ, наконецъ, просто смутиться до того, что выдали бы себя головою!

Вельтищевъ оправдывался болѣе или менѣе удачно. Это сфлеленіе джи сознательной и безсознательной, вмѣстѣ съ тѣмъ неподдѣльнымъ жаромъ и презрѣніемъ, которыя внушали ему оскорбленное чувство и ревнивое воспоминаніе о Людмилѣ, придали его словамъ въ глазахъ Ирины значеніе полной искренности. Тенерь она была еще разъ обманута, но этотъ обманъ былъ баюкающаго, успокоительнаго свойства: она созналась себѣ, что сдѣлала черезчуръ быстрое и рѣзкое заключеніе о своемъ любовникѣ, что если у него и

было когда-то увлечение «этою женщиной», то до того ничтожное, что она не может считать ее своею соперницей, что нравственно онъ оставался вѣренъ ей, Ирину, и что она одна только и до этой минуты царить въ его сердцѣ.

Иринѣ было легко увѣровать въ это, потому что — въ силу извѣстныхъ свойствъ природы своей — женщина охотно вѣритъ тому, чего ей хочется, что отвѣчаетъ завѣтнымъ сторонамъ ея сердца и, наконецъ, чѣму ей просто пріятно вѣрить. А Вельтишевъ былъ большой мастеръ на увѣренія, которые ему въ особенности удалось теперь, при этой искренней ненависти къ Людмилѣ.

Когда была удовлетворена первая потребность унижить женщину, оскорбившую его ревнивое чувство, унижить хотя бы бранью и рѣзкими выраженіями своего презрѣнія, въ немъ проснулась другая, не менѣе сильная потребность — залечить, или хотя облегчить боль своей собственной души нѣжною ласкою и успокоющимъ сочувствіемъ другой женщины, около теплаго сердца которой можно бы было отдохнуть и хоть сколько-нибудь забыть свое грызущее внутри оскорбленіе.

Такой добрый самарянинъ нашелся для него въ образѣ Ирины. Она думала, что встрѣтила возвратъ проснушагося чувства въ горячо любимомъ человѣкѣ; она въ душѣ теперь не хотѣла даже, чтобы это было чувство страсти; напротивъ — въ томъ угнетенномъ внутреннемъ состояніи, въ которомъ не переставала она жить съ минуты насильственной смерти мужа, ей, болѣе чѣмъ страсть, хотѣлось бы встрѣтить въ Платонѣ тихую, добрую любовь и хорошую дружбу.

И онъ тоже, хотѣ и не высказывая настоящей причины, не могъ отдать ей своей страсти, столь исключительно, наперекоръ всему, принадлежавшей Людмилѣ и только ею одною возбуждаемой въ его сердцѣ. Поэтому и онъ, и Ирина — оба сошлись теперь по душѣ такъ хорошо, такъ тихо и мирно, такъ дружески, какъ никогда еще не сходились до этого времени. Ихъ душамъ, разбитымъ и наболѣлымъ, прежде всего нужно было внутреннее спокойствіе, отдыхъ, миръ и забвеніе той горечи жалейской, въ водоворотъ которой они окунулись — и это сочувственное спокойствіе, эту тихую дружбу они нашли теперь другъ въ другѣ. — Надолго ли? такой вопросъ не приходилъ имъ въ голову: они жили теперь только настоятельно нравственною потребностью настоящей минуты.

Ирина высказала свое завѣтное намѣреніе, свою желанную мечту — уѣхать за границу, на югъ, и тамъ, въ какомъ-нибудь уединенномъ уютномъ городкѣ или мѣстечкѣ прожить хоть одинъ годъ въ сосредоточенномъ спокойствіи, чтобы дать душѣ своей возможность отдох-

нуть отъ всѣхъ этихъ передрагъ и волненій, которыми была удручена ея жизнь за послѣднее время. Вельтишевъ выразилъ полную готовность послѣдовать за нею. И ему точно также начала теперь улыбаться перспектива подобной жизни, потому что и его душѣ хотѣлось бы болѣе продолжительнаго отдыха.

XVI.

Лавровишневый капил.

Людмила очень подружилась съ Жаночкой. Это было тѣмъ удобнѣе, что оскорбленный Вельтишевъ вовсе прекратилъ къ ней свои посѣщенія. Онъ свои дни проводилъ большею частью съ Ириной, а Людмила съ Вантрикомъ. На время она совершенно оставила Платона въ покоѣ, не тревожа его ни личнымъ появленіемъ, ни записочками и вообще ни малѣйшимъ напоминаніемъ о своей особѣ, чтобы сосредоточеннѣе и успѣшнѣе заняться своимъ планомъ относительно Жаночки. Любопытство знать — что съ нею дѣлается и одна ли она, или съ Вантрикомъ? — любопытство, возбуждаемое ревностью, заставляло Вельтишева предпринимать иногда по вечерамъ таинственныя прогулки въ Дмитровский переулокъ. Но, сколько ни заглядывалъ онъ въ окна съ противоположнаго тротуара, стараясь разглядѣть, что тамъ творится, или увидѣть хоть тѣнь ненависти-любимой женщины, сколько ни ходилъ мимо дома, подкарауливая ея выходъ — старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Войти къ ней въ квартиру, расспрашивать о ней у дворника или прислуги, или же, наконецъ, поручить кому либо изъ нихъ шпионское наблюденіе за Людмилой — онъ не хотѣлъ. Первому препятствовало самолюбіе, а второму — вмѣстѣ съ самолюбіемъ еще и опасеніе, что это все можетъ такъ или иначе дойти до Людмилы, которая сразу пойметъ тогда, что онъ ею, стало быть, живо интересуется, что она все-таки остается надъ нимъ *силою* не потому только, что держитъ въ своихъ рукахъ его судьбу, но и потому, что всецѣло владѣетъ его чувствами.

Между тѣмъ Людмила очень хорошо знала объ этихъ вечернихъ прогулкахъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ становились чаще, и стало ей это извѣстно благодаря самому простому и пустому случаю, чуть ли еще не съ первой же прогулки Вельтишева. Горничная ея, будучи послана за чѣмъ-то въ лавку, неожиданно, носъ къ носу, столкнулась съ Платономъ и даже окликнула его и поздоровалась, но онъ поспѣшилъ поднять воротникъ, хотя уже и поздно, и притворился, будто онъ вовсе не тотъ, за кого его принимаютъ. Такое поведение показалось дѣвушкѣ довольно страннымъ;

отойдя на нѣсколько десятковъ шаговъ, она издали стала наблюдать за нимъ и увидѣла, что онъ медленными шагами прохаживается мимо дома, а то вдругъ остановится и заглядываетъ въ Людмилыны окна. По возвращеніи домой, результаты этихъ неожиданныхъ открытій и наблюденій были тотчасъ же переданы ею барышнѣ. Та захотѣла удостовѣриться и, подойдя къ окну въ темной комнатѣ, ясно узнала, по указанію своей дѣвушки, на противоположномъ тротуарѣ фигуру наблюдающаго Вельтишева, которая весьма достаточно освѣщалась отблескомъ газового рожка, чтобы быть узнавшею. Это обстоятельство подало Людмилѣ мысль вести себя нѣсколько осторожнѣе. Предполагая, что Платонъ подстерегаетъ ея свиданія съ Жаночкой, она, изъ опасенія новыхъ неприємностей, увѣдомила Вантрику, чтобы онъ къ ней не приходилъ болѣе, а что ужъ лучше она сама будетъ къ нему ѣздить. Последнее обстоятельство—т. е. не принимать у себя, а ѣздить самой къ новому другу—было чрезвычайно важно для Людмилы, которая въ поведеніи Вельтишева нашла самый удобный предлогъ къ объясненію Жаночкѣ своихъ обязательныхъ посѣщеній его холостой квартиры. Каждый разъ, какъ ей нужно было отправиться къ Жаночкѣ, она высылала на улицу свою горничную удостовѣриться—не караулитъ ли тамъ Вельтишевъ, да и сама наблюдала противоположный тротуаръ изъ своихъ темныхъ оконъ. Когда результаты подобной рекогносцировки оказывались благопріятными, Людмила, закутавшись въ бѣличью шубку своей горничной и накинувъ на голову ея же платокъ, низко нагнувшись на лобъ, брала извозчика и отправлялась на свои тайственные свиданія.

Лакомый Жаночка былъ счастливъ, плавалъ въ восторгѣ и, въ ослѣпленіи своего самолюбія, считалъ себя героемъ романа, счастливымъ побѣдителемъ одной изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ Петербурга и не подозревалъ въ этихъ свиданіяхъ никакой коварной цѣли, такъ какъ ни о бумагахъ, ни о дѣлѣ мужа Людмила ни разу болѣе не заговаривала и, повидимому, вовсе не интересовалась ни его положеніемъ, ни исходомъ его дѣла. Такое поведеніе убѣдило самолюбиваго Жаночку, что она влюблена въ него безкорыстно, что своею побѣдой онъ обязанъ исключительно только самому себѣ, своимъ собственнымъ привлекательнымъ качествамъ, благодаря которымъ ему удалось, послѣ перваго же ужина, увлечь и покорить сердце этой женщины. Въ самообольщеніи своемъ, онъ имѣлъ наивность дать почувствовать это даже самой Людмилѣ, а той какъ разъ на-руку было подобное убѣжденіе, вслѣдствіе чего она употребила всю женскую тонкость, чтобы еще болѣе укоренить его въ Жаночкѣ.

Однажды вечеромъ, спустя уже недѣли двѣ послѣ ихъ первоначальнаго знакомства, Людмила пріѣхала къ Вантрику, не предупредивъ его заранее о своемъ посѣщеніи, какъ случалось это уже нѣсколько разъ, и застала его надъ бумагами, за работой.

— Ты занятъ?—спросила она, склонившись надъ кресломъ Жаночки и черезъ его плечо заглядывая въ бумаги, межъ тѣмъ какъ рука ея привѣтливо ласкала его волосы.

— Какъ видишь,—отвѣчалъ онъ, восклоняясь отъ работы.—И какъ ты думаешь, чѣмъ?—Резюмирую докладъ изъ слѣдствія по дѣлу Коробова.

— А!—равнодушно протянула Людмила.— Но развѣ это очень экстренное дѣло?

— Достаточно. Надо бы кончить къ завтрашнему дню, но такъ какъ при тебѣ я могу быть занятъ только тобою, то мы это дѣло по-боку! Ждетъ и до послѣ завтра! Не такъ ли?

— Какъ знаешь; что до меня—я очень рада! Но... вотъ что, мой другъ,—прибавила она серьезнымъ тономъ.—Ты обѣщалъ устроить, чтобы мое имя не фигурировало въ этомъ процессѣ. Я съ тобой, какъ знаешь, не говорила про него, потому что не считала себя въ правѣ мѣшаться... тѣмъ болѣе, что это оффиціальная тайна и касается твоей службы...

— Другъ мой, я выполняю твою деликатность!—перебилъ ее Вантрикъ, цѣлуя ея руку.

— Но тѣмъ не менѣе ты вѣдь понимаешь, что оно и меня касается весьма близко,—продолжала Людмила.—Я полагалась на твоѣ обѣщаніе.

— И оно исполнено. Твое имя, надѣюсь, не будетъ компрометировано; едва ли даже упомянуто про него: я уговорилъ Коробова, и онъ отказался отъ своего показанія противъ Вельтишева.

Людмила горячимъ поцѣлуемъ выразила ему свою благодарность.

— Вотъ, кстати, можешь убѣдиться сама,—предложилъ Вантрикъ, показывая ей бумагу.— Я нарочно взялъ все дѣло къ себѣ на домъ, чтобы удобнѣе заняться докладомъ. Смотри и читай эту бумагу; писано рукою твоего мужа.

И онъ пустилъ Людмилу сѣсть на свое мѣсто и подвинулъ къ ней «дѣло», гдѣ она прочла отказъ Валерьяна, а затѣмъ, продолжая съ Жаночкой незначущій разговоръ на ту же тему, какъ-бы машинально и разсѣянно стала переворачивать листы, равнодушно скользя по нимъ мимолетнымъ взоромъ, который съ полнымъ спокойствіемъ переходилъ, между разговоромъ, съ Жаночки на бумаги и съ бумагъ на Жаночку.

Вдругъ сердце Людмилы ёкнуло: магазинный счетъ и описъ лежали рядомъ между листами. Но она сдѣлала надъ собою внутреннее усиліе и ни единымъ вишнимъ проявленіемъ

нѣмъ не выдавала своихъ ощущеній передъ Вантрикомъ: тотъ, продолжая разговоръ, равно ничего не замѣтилъ.

Людмила, какъ-бы между прочимъ, бросила перебирать бумаги, закрыла обертку и отодвинула въ сторону «дѣло».

— Мнѣ какъ-то все нездоровится,—томымъ голосомъ сказала она минутъ черезъ пять, склонивъ на руку свою голову.—Цѣлый день сегодня все какъ-то не по себѣ...

— Что съ тобою?—съ испугомъ вѣжнаго участія спросилъ Жаночка.

— Такъ... нервы... съ утра еще.

— Ты чѣмъ нибудь, вѣрно, разстроена?

— Конечно, мой милый.

— Боже мой? что же такое? въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, ничего... пустяки!.. все мой добрый Платонъ Васильевичъ...

— Вельтищевъ?—переспросилъ Жаночка, нахмурясь.—Что же онъ?

— Вѣчныя сцены... подозрѣнія, ревности—все это такъ мнѣ надѣло и такъ меня разстраиваетъ!..

— А ты не обращай вниманія.

— Легко сказать!.. Я и то ужъ стараюсь махнуть на это рукою и все больше отмахиваюсь, но разъ на разъ не придется: иногда и не выдержишь...

— Бѣдная Мила!—вѣжно пожалѣлъ Жаночка, взявъ ея руку. Значить, сегодня была у васъ сцена?

— И самая бурная!—томо солгала Людмила, которая ужъ двѣ недѣли и въ глаза не выдавала Платона, кромѣ какъ изъ окошка, въ потемкахъ.

— Что же ты хочешь... разстаться съ нимъ?—спросилъ Вантрикъ съ затаеннымъ внутреннимъ безпокойствомъ и опасеніемъ, какъ бы этого и въ самомъ дѣлѣ не случилось. (Ему такъ удобно было пользоваться таинственною благосклонностью чужой содержанки!)

— Нѣтъ, этого я не думаю и никогда не сдѣлаю!—успокоила его Людмила, понявъ затаенное побужденіе послѣдняго вопроса.—Разъ что онъ испортилъ мою судьбу, оторвалъ меня отъ семейной жизни, заставилъ пожертвовать для него мою репутацію, мой положеніемъ, онъ обязанъ заботиться обо мнѣ!.. Онъ всегда это обязанъ!

— Конечно!—съ убѣжденнымъ видомъ согласился Жаночка.—Это первый его долгъ, первая обязанность, какъ порядочнаго человѣка!

— Но у него невыносимый характеръ,—продолжала Людмила.—Ревнивый, подозрительный, вѣдомшій... и вѣдь мнѣ надо много самоотверженія, чтобы жить съ такимъ человѣкомъ!

— Стало быть, ты любишь его?—нѣсколько обижено опросилъ самолюбивый Вантрикъ.

— Нѣтъ!—отрицательно покачала она головою.—Я не люблю его, но ужъ таково мое по-

ложеніе... и я смотрю на это, какъ на судьбу, какъ на печальную долю... Это крестъ, который мнѣ посланъ и—нечего дѣлать!—надо нести его!.. А ты—ты у меня, какъ видно, тоже подозрителенъ?—съ тихо-ласковой улыбкой продолжала она, глядя его волосы.—Сейчасъ и насторожился!.. Успокойся, мой милый. Если я и люблю кого, то ты самъ это лучше меня знаешь и чувствуешь!

— Милая!—воскликнулъ Жаночка, горячо и благодарно цѣлуя ей руку.—Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не цѣнить, какъ не обожать такую женщину; больная—и все-таки пріѣхала!

— Ахъ, мой другъ!—изъ глубины души вздохнула Людмила.—Какъ не пріѣхать, если я здѣсь только и отдыхаю душою!.. Вѣдь здѣсь—вся моя жизнь, вся моя радость... Я такъ счастлива, когда могу провести нѣсколько часовъ вдвоемъ въ этой уютной, хорошенькой комнаткѣ... тихо, спокойно, любя... Боже мой, да это такое счастье, за которое у меня просто нѣтъ словъ благодарить тебя, Жаночка!.. Однако знаешь что,—перебила она самое себя, принимая нѣсколько болѣзненную мину,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ дурно... какая-то ноющая боль въ нервномъ узлѣ, подъ ложечкою... Нѣтъ ли у тебя лавровишневыхъ капель?

— Капель-то?—засуетился Жаночка.—Нѣтъ, дома у себя вѣту, но можно сейчасъ же послать человѣка въ аптеку...

— Не отпустить безъ рецепта—ужъ я знаю!—предупредила Людмила.

— А можетъ быть?

— И—не пытайся: навѣрное не отпустятъ! А развѣ вотъ что,—домекнулась она.—Повѣжай ты самъ и попроси, для тебя, можетъ быть, и сдѣлаютъ исключеніе.

— Хорошо!—охотно согласился Жаночка.

— А не то, и еще лучше,—продолжала она.—Есть тутъ у тебя гдѣ нибудь поблизости знакомый докторъ?

— Есть,—здѣсь, недалеко.

— Ну, такъ повѣжай къ нему и попроси рецепта, а потомъ въ аптеку, да только возвращайся поскорѣе! А то мнѣ одной безъ тебя скучно!.. Я чувствую, что мнѣ только бы одинъ приемъ капель—и эта боль пройдетъ сейчасъ же, а мнѣ такъ хочется хорошо провести съ тобою этотъ вечеръ!.. Повѣжай же, мой милый! Торонись!

Жаночка поспѣшилъ исполнить желаніе Людмилы.

* * *

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса онъ уже вернулся съ каплями и коробкой конфетъ для Людмилы.

— А гдѣ же барыня?—съ удивленіемъ спросилъ онъ своего человѣка, не найдя ее въ кабинетѣ.

— Уѣхала-съ,—было ему отвѣтомъ.

— Какъ уѣхала?.. Куда?

— Не могу знать. Спросили только у меня стаканъ воды напиться, немного выкушали и уѣхали... Сказывали, что вамъ тутъ записка оставлена.

Жаночка бросился къ письменному столу и нашелъ листокъ бумаги, на которомъ карандашемъ было написано слѣдующее:

«Я вдругъ почувствовала себя настолько дурно, что принуждена уѣхать домой. Какая досада!.. Не сердись на меня, мой милый, и если можешь, привѣжай провѣдать меня завтра вечеромъ».

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!— съ досадой проворчалъ Жаночка, отъ котораго вдругъ упорхнула надежда на прекраснѣйшій вечеръ. — Нечего дѣлать! Видно надо опять приниматься за скучную работу!

И онъ снова уѣхалъ къ письменному столу и принялся за дѣло Валерьяна Коробова.

XVII.

Начало счастливаго конца.

Пріѣхавъ домой, Людмила очень спокойно и ни малѣйше не показывая особеннаго виду своей горничной, тотчасъ же осторожно замкнулась на задвижку въ будуарѣ, прошла въ уборную, достала изъ шкафа свой дорогой чернобуро-линей салонъ и подпорола мѣхъ на спянкѣ. Когда эта операція была исполнена, она вынула изъ-подъ корсета опись и отчетъ Вельтищевой, вложила ихъ въ прорѣшку и затѣмъ зашила ее самымъ искуснымъ образомъ. Снаружи ровно ничего не было замѣтно, да и едва-ли кому пришла бы въ голову мысль ощущать салонъ въ томъ самомъ мѣстѣ, отыскивая въ немъ документы, едва ли кому точно также могло бы явиться и самое предположеніе, что салонъ избранъ для нихъ хранилищемъ. Людмила повѣсила его на обычное мѣсто и успокоенная вышла изъ будуара. Она, конечно, не могла не знать, что Жаночка очень скоро хватится документовъ и что нѣтъ ничего мудренаго, если у него явятся на нее какое нибудь подозрѣніе; поэтому Людмила быстро составила себѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— А что, Дуняша, посмотри-ка, не ходитъ ли по той сторонѣ Платонъ Васильевичъ?— весело обратилась она къ горничной.

— Нѣтъ, нѣтъ бы еще рано; а впрочемъ, я обѣжаю—погляжу

— Ходить!—прибѣжала она черезъ двѣ-три минуты. — Вонъ, извольте сами взглянуть, лонъ, они мимо фонаря идутъ!

— Ага, вижу!.. дай-ка мнѣ мою шубку и шляпу.

И Людмила вышла на улицу.

— Платонъ Васильевичъ! Долго ли вы намѣрены продолжать вашу комедію?—весело п

дружелюбно сказала она, прямо подойдя къ нему изъ-за спины, такъ что онъ, не замѣтивъ ея приближенія, даже вздрогнулъ отъ испуга и неожиданности и, какъ пойманный школьникъ, растерявшись и сконфузившись, остановился на мѣстѣ.

— Ну, какъ вамъ не стыдно: цѣлыя двѣ недѣли ходите, подсматриваете, наблюдаете и все понапрасну? Мнѣ вѣдь отлично видно изъ окна всѣ ваши маневры.—Ну, не проще ли было бы войти прямо ко мнѣ и объясниться?.. Я ждала, ждала васъ, да наконецъ уже всякое терпѣніе потеряла! Это ни на что не похоже!..

— Оставьте меня, пожалуйста... я вовсе никого не наблюдаю... какое мнѣ дѣло?.. Очень ошибаетесь,—бормоталъ сконфуженный Вельтищевъ.

— Ну, полноте! Что за ребячество!.. Какъ будто я не знаю и не вижу?

— Я васъ прощупать оставлю меня..

— Перестаньте! Вѣдь я и то ужъ, какъ школьника, поймала васъ на мѣстѣ! Я думала, что вы будете благоразумнѣе и сами придете ко мнѣ, но вижу—нѣтъ, и пришлось самой идти за вами. Ну, полно же дуться—и пойдемъ ко мнѣ!..

— Но... я вовсе не желаю... я не рассчитывалъ,—слабо упирался Вельтищевъ, втайнѣ очень довольный, что дѣло получаетъ такой неожиданный оборотъ, потому что въ душѣ весьма тяготился тѣмъ положеніемъ, въ которое самъ себя добровольно поставилъ.

— Ну, нечего толковать! Пойдемъ и объяснимся дома!

И рѣшительно взявъ сама Вельтищева подъ руку, она повлекла его за собою.

Тотъ все-еще слегка упирался, но на губы его, помимо воли, набѣгала довольная улыбка, хотя брови все-еще хмурились. Какъ ни презиралъ, какъ ни ненавидѣлъ онъ порою Людмилу, какъ, наконецъ, ни жаждалъ покою, но существованіе безъ нея становилось для него положительною невозможностью. Несмотря на всю теплую дружбу Ирины, онъ за все это время имѣлъ внутри самого себя слишкомъ достаточно поводовъ, чтобы убѣдиться въ этой печальной истинѣ. Его тянуло къ Людмилѣ; но самъ онъ, несмотря на нѣкоторыя покушенія, все же не рѣшался еще идти къ ней. Ненависть бушевала въ немъ только въ первые дни, пока онъ вдоволь не усадился изліяніемъ этого чувства передъ Ириной; затѣмъ въ облегчившейся душѣ его оно понемногу улеглось, а дружба Ирины хотя и была очень тепла и успокоительна, но начинала уже казаться однокобразной. Улегавшуюся ненависть все болѣе и болѣе вытѣсняло съ ея мѣста возрастающее чувство ревности къ Людмилѣ, которое обратилось, наконецъ, въ грызущую тоску по этой женщинѣ. Теперь уже одно толь-

ко самолюбие не позволяло ему сдѣлать первый шагъ, чтобы самому переступить порогъ ея квартиры, межъ тѣмъ какъ внутренно съ хотѣлъ и искалъ съ нею встрѣчи. Тоска его росла, дружба Ирины далеко уже не удовлетворяла, а желаніе видѣть Людмилу, чтобы излить передъ нею всю свою горечь, всѣ упреки и жалобы, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе одолевало всѣ остальные его чувства и помыслы. Онъ былъ рабъ своей органической привычки къ этой женщинѣ, которая составляла его нравственную и физическую потребность. И вотъ, теперь сама Людмила неожиданно пришла къ нему на помощь, чтобы облегчить этотъ трудный первый шагъ, сама заговорила первая и вела его за собою, — Вельтищевъ чувствовалъ себя на много удовлетвореннымъ ея поступкомъ и если еще упирался, то это такъ-сказать ради нѣкоторой выдержки собственного достоинства.

— Ну-съ, извольте рассказывать откровенно! — мирно и весело приступила къ нему Людмила, усадивъ его подлѣ себя на обычное мѣсто. — Изъ-за чего вы продѣлывали всѣ ваши штуки?

— Станный вопросъ! — напуская на себя холодный тонъ, отвѣтилъ Вельтищевъ. — Желая быть моею женой, вы слишкомъ рано вздумали уже украсить меня рогами.

— И ты это серьезно думаешь? — серьезно спросила Коробова.

— Желалъ бы знать, кто бы могъ думать иначе, заставая у васъ ночью любовника.

— И ты убѣжденъ, что это мой любовникъ?

— Да, къ несчастію, я убѣжденъ въ этомъ окончательно.

— А нельзя ли узнать, на чемъ основывается это окончательное убѣжденіе?

— На томъ, что этотъ человѣкъ оставался въ вашей квартирѣ до поздняго утра.

— И ты это самъ видѣлъ, какъ онъ оставался?

— Я... я, положимъ, хоть и не видѣлъ, — смутился Вельтищевъ передъ ея прямымъ и твердымъ взглядомъ, но... но я знаю, что это такъ!

— Позволь же и мнѣ знать, почему ты думаешь, что «это такъ»?

— Потому... потому, чортъ возьми! — что я имѣлъ терпѣніе дожидаться его у васъ на лѣстницѣ до шести часовъ утра!.. Я думаю, что этого совершенно достаточно!

— И ты его дождался? — улыбнулась Людмила.

— Я... им... положимъ, я не дождался... на это моего терпѣнія уже не хватило, — но довольно было и того, чтобы окончательно убѣдиться.

Людмила разсмѣялась самымъ веселымъ и, повидимому, самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты! — воскликнула она, съ дружескимъ упрекомъ качая головою. — Слѣдовало бы тебя за это и оставить при твоёмъ «окончательномъ убѣжденіи»!.. Бѣдный Платонъ! еслибъ ты только зналъ, какого глупца ты разыгралъ изъ себя въ эту несчастную ночь!.. Ей-Богу, мнѣ отъ души тебя жалко!

И она залилась новымъ приливомъ смѣха.

Вельтищевъ обиженно глядѣлъ на нее недоумѣвающими глазами.

— Что же вы тутъ находите смѣшного? — проворчалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Да какъ же не смѣшно? Ты самъ будешь смѣяться, какъ узнаешь!.. Выслушай меня, мой милый! — совсѣмъ дружески приступила она къ Платону. — Полагаю, ты не станешь отрицать, что я слишкомъ достаточно знаю тебя?

— Такъ что-жъ изъ этого?

— А то, что я предчувствовала, я предвидѣла, что ты не уйдешь домой, а останешься подкарауливать гдѣ-нибудь на лѣстницѣ, и вотъ видишь ли, какъ хорошо я угадала?

— Да что-жъ изъ этого, чортъ возьми! — повторилъ Платонъ, нетерпѣливо топнувъ ногою.

— А не болѣе, какъ то, что едва за тобою заперли двери, какъ я спровадила этого господина по черной лѣстницѣ, чтобы избавить его отъ скандала съ тобою, и онъ давно уже спалъ у себя дома, въ то время какъ ты караулил его подъ дверью. Я очень довольна: это для тебя прекрасное наказаніе за твою глупую ревность!

— Но маскарадъ... и это ночное посѣщеніе, — такія вещи не дѣлаются невиннымъ образомъ; для невинныхъ визитовъ, полагаю, существуетъ время днемъ, а не ночью.

— О, мой другъ, если женщина захочетъ обмануть, она и днемъ тебя обманетъ! — махнула рукой Людмила. — Но я отъ тебя не скрою: я ему сама назначила тогда свиданье въ маскарадѣ.

И она рассказала, какого рода анонимную записку написала Вантрику, какъ подошла къ нему и о чемъ были у нихъ разговоры, какъ онъ звалъ ее ужинать въ ресторанъ, а она, вмѣсто ресторана, пригласила его самого на ужинъ къ себѣ и полагаетъ, что поступила этимъ гораздо прудличнѣе, нежели ѣхать ночью туда, гдѣ люди обыкновенно кутятъ съ кокетками; не отвергла Людмила и того, что употребила въ дѣло значительную долю кокетства, что подала Вантрику самыя лестныя надежды, при которыхъ онъ остается и до настоящей минуты; что все это было пущено ею въ ходъ для того, чтобы ловко получить документы; что, ради этой цѣли, она даже сама была сегодня у Вантрика, и въ то время, когда онъ уже думалъ, что достигъ своей

цѣли, она преспокойно выкраса удачнымъ образомъ счетъ и описъ и уѣхала подь предлогомъ разстройства нервъ.

— А теперь они у меня уже такъ хорошо запрятаны,—сообщила она въ заключение,—что ни ему, ни вамъ, да и никому въ мірѣ не удастся ихъ у меня выпаранать!

Вельтищевъ былъ просто пораженъ этимъ искусно и стройно сплетеннымъ рассказомъ, въ которомъ ложь такъ тѣсно перепуталась съ истиной, что невозможно было отличить одну отъ другой, да и рассказчица передавала все это такимъ спокойнымъ и искреннимъ тономъ, что и самъ Гома невѣрующій не усомнился бы, будто устами этой женщины глаголетъ сама истина. И Вельтищевъ повѣрилъ ей,—повѣрилъ такъ же точно, какъ двѣ недѣли назадъ повѣрила ему Ирина, когда онъ глалъ передъ нею, переплетая ложь съ истиной. Какъ Ирину хотѣлось тогда въ душѣ вѣрить лгущему Платону, такъ и ему хотѣлось теперь вѣрить лгушей Людмилѣ, ибо въ обоихъ случаяхъ вѣра была столь пріятна, столь желательна и для обоихъ составляла, до извѣстной степени, настоящую душевную потребность.

Менѣе чѣмъ въ одинъ часъ времени ловкая Людмила кончила съ нимъ полнымъ примиреніемъ и даже заставила просить у ней прощенья за «нелѣпыя, обидныя подозрѣнія и ревность»—и Вельтищевъ дружески, полусути, но искренно просилъ отпустить ему этотъ грѣхъ вольный или невольный. Они помирились, и Людмила видимо старалась теперь своею усиленной нѣжностью и раздражающей лаской загладить въ его душѣ смутное воспоминаніе о ссорѣ и еще крѣпче приковать къ себѣ его покорное чувство.

Вдругъ въ прихожей раздался звонокъ.

Вельтищевъ очень изумился, потому что время было уже довольно позднее, но Людмила почти угадала, чей приходъ онъ возвѣщаетъ.

— Господинъ Вантрикъ, — доложила горничная.

— Проси!—спокойно сказала ей Коробова, улыбкою и взглядомъ приглашая Платона къ такому же спокойствію и самообладанію.

Вошелъ Жаночка—и вдругъ остолбенѣлъ отъ изумленія: онъ никакъ не ожидалъ столкнуться здѣсь съ Вельтищевымъ.

— А, Иванъ Ивановичъ!.. очень рада васъ видѣть! — привѣтливо улыбнулась Коробова, протягивая руку. — Господа, позвольте васъ познакомить!

И она представила обоихъ мужчинъ другъ другу.

Жаночка молча и нерѣшительно, явно затрудняясь чѣмъ-то, издали отвѣтилъ на поклонъ Платона Васильевича. Онъ былъ блѣденъ, смущенъ, озабоченъ и видимо сильно встревоженъ. Людмила начала разговоръ какими-то не-

значущимъ, обыденнымъ вопросами, но Вантрикъ отвѣчалъ односложно, разсѣянно и раза два даже вовсе не попадалъ.

Платонъ сквозь золотое пенсне молча и холодно наблюдалъ этого гостя.

— Извините,—приступилъ, наконецъ, собравшись съ духомъ, растерянный Жаночка.—Мнѣ нужно переговорить съ вами два слова... по дѣлу...

Коробова съ понятнымъ въ этихъ случаяхъ выраженіемъ взглянула на Платона, который тотчасъ же лѣниво поднялся съ мѣста и вышелъ изъ комнаты.

— Заприте, пожалуйста, дверь,—попросилъ Жаночка.

— Запереть дверь? — нарочно громкимъ голосомъ переспросила Людмила.—Къ чему же? Развѣ это крайняя необходимость?

— Я васъ прошу... пожалуйста!

— Ну, извольте,—согласилась она, найдя, что на всякій случай это, пожалуй, и вовсе не лишняя предосторожность: неравно Жаночка взболтаетъ такое, чего бы ей не хотѣлось, чтобъ услышалъ Вельтищевъ.

— Въ чемъ дѣло? Что за таинственность?—съ видомъ удивленія, но съ милой улыбкой спросила она, когда дверь была притворена.

— У меня пропали бумаги,—тихо сообщилъ Жаночка, смотря въ лицо Людмилѣ невольновстрѣженнымъ взглядомъ и стараясь уловить, какое впечатлѣніе произведетъ на нее это извѣстіе.

— Что такое?—слегка прищурилась она, какъ-бы не понявъ или не разслушавъ.

— Бумаги, говорю, пропали! — внутренне страдая, повторилъ Вантрикъ.

— Какія бумаги?

— Изъ дѣла... прямо изъ дѣла... изъ коробовскаго...

— Неужели?—словно-бы и непритворно изумилась Людмила. — Какими же судьбами это могло случиться?

— Не понимаю!

— И давно уже?

— Сегодня вечеромъ, послѣ твоего ухода.

— Тсс!.. Пожалуйста, говорите *ми вы!*—тихо остановила его Людмила, указавъ выразительнымъ взоромъ на дверь, за которою находился Вельтищевъ.—Послѣ моего ухода?—возвратилась она къ начатому разговору.—Скажите, пожалуйста, какой случай!.. И важныя это бумаги?

— Счетъ и описъ,—сообщила Жаночка.

— Счетъ и описъ?.. Хм... Что-жъ это за счетъ и описъ?

Тотъ пояснялъ ей.

— Ай-ай!.. Это очень прискорбно! — покачала она головою.—Но точно ли вы убѣждены, что онъ пропалъ? Быть можетъ, просто завалялось куда?—у васъ вѣдь этихъ бумагъ на столѣ такая пропасть!

— Завалиться онъ никуда не могли! — съ убѣжденіемъ отвергъ это предположеніе Вантрикъ; — онѣ были подшиты къ дѣлу, да и, наконецъ, я все и вездѣ перенескалъ уже! Онѣ могли только пропасть, исчезнуть.

— То есть, какъ же это исчезнуть, коль скоро онѣ были подшиты?

— Очень просто: нитка разрѣзана, бумаги вытащены и унесены изъ дому!

— Какой страшный случай!.. Вѣроятно, былъ кто-нибудь послѣ меня?

— Ровно никого не было.

— Такъ что же? спиритскіе *духи* подшутили, что ли? — улыбнулась Людмила.

— Нѣтъ, я думаю, не духи, а люди.

— Но если послѣ меня никто тамъ не былъ! И наконецъ, кому же онѣ понадобились?.. Развѣ это такія важныя бумаги, которыя имѣютъ большое значеніе для дѣла, или отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе участи Коробова?

— Въ томъ-то и сила, что нѣтъ! — въ недоумѣніи пожалъ плечами Жаночка. — Да и для дѣла они не имѣютъ никакого значенія, хотя въ началѣ я было и думалъ иначе...

— Въ такомъ разѣ, о чемъ же вы такъ беспокоитесь?

— Да какъ же не беспокоиться?! Бумаги, — говорю вамъ! — очевидно, вытащены изъ дѣла и унесены, вотъ что-съ!

— Хм... И вы такъ взволновались этимъ, что собственно ради того явились сюда и общаете мнѣ такъ таинственно? — съ легкой ироніей замѣтила Людмила. — Очень сожалѣю, что это такъ странно случилось; но чѣмъ же я могу помочь тутъ?

— Возвратить мнѣ бумаги.

— Что-о?.. какъ вы сказали? — отступивъ на шагъ, возила въ него изъ-подъ сдвинутыхъ бровей свой стальной и непреклонный взглядъ Людмила.

— Я... я... я прошу только отдать мнѣ ихъ! — пробормоталъ Жаночка, окончательно теряясь и конфузясь подъ ея строгимъ, полнымъ достоинства и магнитически-пытающимъ взглядомъ.

— Такъ вы полагаете, что я у васъ украла?

— То-есть я... нѣтъ, я не полагаю... но я полагаю, что... можетъ быть какънибудь по неосторожности... или въ шутку.

— Вы начинаете говорить нелѣпости! — холодно остановила его Людмила. — За одно подобное предположеніе, милостивый государь, мнѣ бы слѣдовало указать вамъ на дверь, и если я не дѣлаю этого, то только потому, что вы и безъ того слишкомъ жалки въ эту минуту!

— Въ такомъ случаѣ, я приму инныя мѣры! — пригрозилъ не на шутку обидѣвшійся Жаночка.

— Можете! — презрительно и гордо усмѣх-

нулась Людмила. — Но меня никакими вашими мѣрами вы не запугаете!

— Я принужденъ буду сейчасъ же послать за понятыми, за полиціей и произвести у васъ новый обыскъ.

— Если угодно, — усмѣхнулась Коробова. — Моя прислуга даже поможетъ вамъ созвать, кого вамъ будетъ угодно; я не боюсь вашихъ обысковъ: производите ихъ сколько хотите, но совѣтую помнить, господинъ Вантрикъ, что на новый обыскъ вы должны имѣть законное право, а безъ того ваши дѣйствія будутъ только насиліемъ, которое для васъ не пройдетъ даромъ: не забывайте, что у меня есть языкъ и воля, а у васъ начальство и, наконецъ, что у насъ, кромѣ того, существуетъ еще газетная гласность! А теперь, если угодно, можете приступать къ вашему обыску!.. Да, и еще одно не мѣшаетъ сообразить вамъ, — прибавила она послѣ короткаго молчанія. Обвиняя меня въ такой кражѣ, которая въ глазахъ каждаго здравомыслящаго человѣка не можетъ имѣть для меня никакого смысла и ни малѣйшей надобности я бы желала знать, какимъ образомъ вы объясните вашему начальству и суду то обстоятельство, что я, жена арестанта, надъ которымъ вы производите слѣдствіе, могла интимнымъ образомъ бывать въ вашемъ домашнемъ кабинетѣ?.. Какъ вы полагаете, найдетъ ваше начальство, что это фактъ непредусудительный для чиновника въ вашемъ положеніи?.. Отвѣчайте!

Бѣдный Жаночка, которому теперь пришлось вдругъ понести такую расплату за свое пристрастіе къ лакомымъ соблазнамъ, стоялъ растерянный, обитый съ толку и вышибленный изъ послѣдней своей позиціи, которую онъ считалъ за самую сильную.

— Я... вовсе не о томъ прошу! — собрался онъ, наконецъ, съ мыслями. — Я хотѣлъ вамъ сказать только то, что эти бумаги... хоть онѣ сами по себѣ и вовсе не важны, но онѣ принадлежатъ господину Вельтищеву... Господинъ Вельтищевъ всегда можетъ потребовать ихъ обратно... и въ какомъ же я тогда буду положеніи?.. Что я отдамъ ему?.. Что я отвѣчу?

— Ахъ, такъ вотъ вы о чемъ заботитесь! — произнесла Людмила болѣе смягченнымъ, хотя и отнюдь не теплымъ тономъ. — Что касается до этого, то извольте — я готова помочь вашей горю.

— Платонъ Васильевичъ! Пожалуйте сюда! — обратилась она къ Вельтищеву, растворивъ дверь.

Платонъ, все время подслушивавшій у замочной скважины и по тону разговора убѣдившійся окончательно, что подозрѣнія его были неосновательны, и что Людмила объ отношеніяхъ своихъ къ Вантрику повѣдала ему сущую правду, вопель къ ней хотя и съ нѣкоторою болью въ душѣ, ибо видѣлъ, что при-

дется сказать конечно «прости» надеждѣ на возвратъ своихъ документовъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ былъ теперь успокоенъ въ чувствѣ жгучей ревности: онъ увѣровалъ въ свою Людмилу.

— У г-на Вавтрикъ пропали ваши документы: счетъ и опись,—непосредственно приступила она къ дѣлу.—Такъ какъ, помнится, эти документы для васъ не имѣютъ ровно никакого значенія, а г-нъ Вавтрикъ межъ тѣмъ очень обезпокоенъ этою пропажей, то я прошу васъ—удостоверьте его, что вы не потребуете вашихъ бумагъ обратно и не поставите его въ непріятное положеніе передъ начальствомъ.

— Можете быть совершенно покойны,—холодно и вѣжливо поклонился ему Вельтищевъ.—Эти бумаги мнѣ ровно ни къ чему не нужны.

— Ахъ, безконечно вамъ благодаренъ! — бросился къ нему, протягивая руки, обрадованный Жаночка.—Это для меня было самое оупешественное!.. Именно, я опасался только за то, что неравно вы ихъ потребуете!.. Но теперь это пустяки! Такъ какъ дѣло пока еще въ моихъ рукахъ, то мнѣ придется переимѣнить только опись бумагъ, да подписать его—и кончено!.. Очень, очень я вамъ благодаренъ.

— Стало быть, теперь вы удовлетворены. Весьма рада, что могла оказать вамъ эту услугу!—издали и холодно поклонилась ему Людмила—и послѣ этого поклона бѣдный Жаночка сразу же почувствовалъ, что между нимъ и ею все уже кончено, порвано и при томъ на всегда. Почувствовалъ онъ также и то, что теперь ему неловко, да и не зачѣмъ оставаться здѣсь долѣе и потому поспѣшить на-скоро откланяться и убраться, довольный въ душѣ однимъ, что—слава тебѣ Господи! — удалось хоть передъ начальствомъ-то уберечь свою шкуру.

— Ну-съ, Платонъ Васильевичъ,—обратилась Людмила къ Вельтищеву, по уходѣ Жаночки,—не говорила я вамъ, что, ревнуя меня, вы брали на себя роль недостойную и глупую?

— Увы! я вижу это!—со вздохомъ раскаянія поклонился онъ.

— Послѣ этого я имѣю право требовать отъ васъ полной вѣры въ себя и я этого требую!—протягивая ему руку, твердо и съ авторитетомъ сказала Коробова.

— Она принадлежитъ вамъ... Это урокъ слишкомъ достаточный и краснорѣчивый!—подѣлывалъ онъ данную ему руку.

— Очень рада я отъ души желаю, чтобы это недоразумѣніе было между нами послѣднимъ и чтобы вы убѣдились, какъ хорошо и ловко я умѣю при случаѣ пользоваться глупцами, подобными этому бѣдному Жаночкѣ.

— Охъ, въ этомъ-то я ужъ достаточно и на самомъ себѣ убѣдился!—полугрустно, полуплутиливо со вздохомъ покачалъ головою Вельтищевъ.

— Тсс!.. не произносить такихъ словъ!—

ласково приложивъ къ его губамъ свой пальчикъ, шутя воспретила Людмила.—Если я и воспользовалась тобою,—прибавила она съ выраженіемъ любви и убѣжденія,—такъ вѣрь мнѣ, что это для твоего же собственного счастья, мой милый.

XVIII.

Что случилось вскорѣ.

Послѣ столь полного и столь искренняго примиренія съ Людмилой, Вельтищевъ самымъ естественнымъ психическимъ процессомъ вернулся къ любви и къ тому обаянію, которое неизмѣнно производила на него эта женщина. Теперь въ отношеніяхъ его къ ней проявилась только та особенность, что онъ, признавъ неизбежность будущаго брака съ нею, а также и превосходство надъ собою ея ума, характера и силы воли, уже добродушно и почти незамѣтно для себя подчинился полному ея вліянію. При этомъ, конечно, дружба и участіе Ирины Вельтищевой отодвинулись на самый дальній планъ въ его сердцѣ. Эта женщина и въ особенности ея теплая дружба и посылая любовь стали теперь тяготить его еще болѣе, чѣмъ прежде. Онъ искалъ случая, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ нея подъ благовиднымъ предлогомъ, а предлогъ наиболѣе удобнаго свойства самъ собою подвертывался въ желаніи Ирины вѣхать за границу. Онъ пообѣщалъ ей устроить ея дѣла, выдать ей часть ея собственныхъ денегъ изъ тѣхъ «неприкосновенныхъ» трехсотъ тысячъ, которыя были, по завѣщанію, оставлены ей мужемъ, и сталъ усиленно торопить ея отъѣздъ, горячо увѣряя, что поспѣшить за нею и самъ сейчасъ же, какъ только удастся ему окончательно привести въ порядокъ дѣла покойника Макса и свои собственные.

* * *

Недѣли черезъ три Ирина уѣхала, а въ тотъ же самый день судъ приговорилъ и Валерьяна Коробова, въ силу 245 и 251 статей «Уложенія о наказаніяхъ», къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и късылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы при шестилѣтнемъ срокѣ, въ виду нѣкоторыхъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Валерьянъ сдержалъ данное слово: онъ ни единымъ намекомъ не скомпрометировалъ передъ судомъ имя той женщины, которая называлась его женою, и съ тихою покорностью встрѣтилъ рѣшеніе своей участи, сопровождаемый полнымъ равнодушіемъ общества и фарисейскимъ порицаніемъ умѣренно-либеральной газеты господина Цемша.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вдали от родины.

Ирина уже нѣсколько мѣсяцевъ жила въ одномъ изъ уединенныхъ пансіоновъ на берегу Женевского озера. Она ни съ кѣмъ не познакомилась и вела жизнь до такой степени тихую, исполненную одиночества и добровольнаго отчужденія, что получила даже отъ какихъ-то двухъ русскихъ семействъ, проживавшихъ по сосѣдству, названіе чужаки. Внутреннее исканіе мира и затишья, выстѣ съ потребностью покоя, были въ ней столь велики въ первое время ея прибытія сюда, что она просто боялась каждаго новаго знакомства и новыхъ встрѣчъ, которыя могли бы напоминать ей про людей и жизнь, только-что оставленную за чертою ея отечества. Для этого она и избрала себѣ пріютъ, удаленный отъ шума и гомона городской жизни. Она ждала Вельтищева, который обѣщалъ пріѣхать какъ можно скорѣе, и вела съ нимъ довольно дѣятельную переписку. Это были письма, гдѣ высказывалось все угнетенное состояніе ея души, которая нигдѣ и ни въ чемъ не могла примириться съ собою послѣ смерти мужа. Она давно уже чувствовала, что эта смерть, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, провела какую-то роковую черту между нею и Платономъ Вельтищевымъ. Она все-еще сильно и много любила этого человѣка, но уже далеко не по-прежнему: теперь къ ея чувству примѣшивалась вѣчная тревога, вѣчное сознаніе совершеннаго преступленія и потому вѣчный укоръ совѣсти. Она не стала презирать Вельтищева, да и не могла этого сдѣлать, потому что сознавала самой себя виноватою въ равной съ нимъ степени, и даже еще больше, чѣмъ онъ: «потому что я могла, я должна была отворотить его отъ этой мысли, думала Ирина» — «а я этого не сдѣлала, я молча согласилась». Послѣ смерти мужа она чувствовала, что не можетъ уже ясно, спокойно и прямо смотрѣть въ глаза Платону: жгучее чувство стыда и совѣстливости постоянно заставляло ее при встрѣчѣ съ нимъ потуплять или отводить свои глаза въ сторону; она, конечно, пересиливала себя при этомъ, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души ея это было такъ. Иногда ей хотѣлось бы уйти отъ людей и отъ жизни, и отъ него, и отъ самой себя куда-нибудь въ такую даль, въ такой уголокъ «не отъ міра сего», гдѣ ничто и никогда уже не напомнило бы ей ни про этого человѣка, ни про ея прошлое. Въ эти минуты она испытывала жажду полного уединенія, желаніе окончательной отчужденности, и рада была своему одиночеству. Но находили порою и другія минуты: вѣчный гнетъ укоряющей совѣсти иногда вдругъ при-

нимался давить ее такою тяжестью, что она, изнемогая подъ нимъ, живо начинала чувствовать свое безсиліе, безпомощность и сиротство — и тогда-то вотъ въ ней являлась потребность видѣть своего сообщника, убѣдиться во-очію, что и онъ страдаетъ точно такимъ же образомъ, и, наконецъ, потребность того, чтобы онъ поддержалъ и хотя сколько нибудь своею взаимностью, своимъ словомъ ободрилъ и облегчилъ ея душу. Въ эти минуты она принималась писать къ Вельтищеву, призывая его къ себѣ и моля протянуть ей руку нравственной помощи. Въ отвѣтахъ своихъ изъ Россіи онъ баюкалъ ее обѣщаніями скорого пріѣзда, который каждый разъ, и будто бы къ живѣйшей досадѣ его, все оттягивается какими нибудь новыми, непредвидѣнными препятствіями и затрудненіями. Однако, съ теченіемъ времени отвѣты его становились все короче и холоднѣе, все рѣже и рѣже и, наконецъ совсѣмъ прекратились.

Но не прекратилось въ Ирину то стремленіе ея души, которое порою требовало отъ Вельтищева нравственнаго раздѣла ея страданій. Напротивъ, чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ все болѣе усиливалась въ ней эта настоятельная потребность. Одиночество, вѣчная замкнутость въ самой себѣ и полная отчужденность жизни, которыя казались столь желанными въ первое время по пріѣздѣ въ Швейцарію, теперь уже далеко не удовлетворяли ее. Подобное существованіе начинало даже тяготить Ирину, ее томило это молчаніе Вельтищева, и съ каждымъ днемъ возрастало ея недоумѣніе, ея желаніе знать и удостовѣриться — что съ нимъ? гдѣ онъ? отчего не ѣдетъ и не пишетъ, и что все это значитъ? тѣмъ можно объяснить такое странное поведеніе?

Наконецъ, она не выдержала столь неопредѣленнаго положенія и рѣшилась ѣхать обратно въ Россію. Это рѣшеніе даже нѣсколько оживило и ободрило ее.

II.

Свадебный подарокъ.

Между тѣмъ, во время ея отсутствія, успѣло совершиться многое...

Коробова услали въ Сибирь, и Людмила, не пожелавшая за нимъ слѣдовать, совершенно освободилась отъ узъ своего законнаго брака.

Вліяніе ея на Вельтищева, и прежде весьма значительное, на много усилилось съ отъѣздомъ Ирины: теперь уже этому вліянію не существовало никакого противовѣса, въ тѣ минуты, когда Платонъ, раздраженный ревностью или оскорбленный неумѣренною и деспотическою требовательностью Людмилы, уходилъ къ Ирину Борисовну изливать всю желчь и горечь, возбужденную въ его душѣ этою женщиной.

Силою обстоятельств Людмила довела его, наконецъ, до внутренняго убѣжденія, что противъ нея ничего не подѣлаешь, что дальнѣйшая борьба невозможна, что остается только одно: искренно покориться своей участи, исполнить всѣ ея требованія и утѣшиться мыслью, что, авось, и въ самомъ дѣлѣ все это послужитъ къ лучшему, что Людмила, съ выходомъ за него замужъ, сумеетъ выполнить свои обѣщанія—не уронить его положенія и дать ему полное успокоеніе, а быть можетъ, даже и дою возможнаго счастья. Хотя въ будущее счастье и плохо ему вѣрилось послѣ подобнаго начала, когда она коварствомъ и насиліемъ взяла надъ нимъ верхъ и связала съ собою всю судьбу его, да и вообще хотя трудно ему было окончательно помириться съ мыслью о невозможности борьбы и о необходимости покориться, однако же къ этому привела его, съ одной стороны, логическая неизбежность такого исхода, а съ другой—помогло этому смиренію то исключительное роковое чувство почти мономанической привязанности, которую, несмотря ни на что, онъ не могъ преодолѣть въ себѣ относительно обаянія этой женщины,—и Людмила мало-по-малу совсѣмъ покорила его именно этою своею силой.

Теперь уже онъ самъ не хотѣлъ медлить и оттягивать день своего брака.—«Все равно!» думалось ему. «Надо же, наконецъ, рѣшиться! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Чтобы хоть сколько нибудь успокоиться душой!»

Онъ, дѣйствительно, слишкомъ усталъ, истомился нравственно отъ всѣхъ безпокойствъ и передрагъ послѣдняго времени.

Спустя недѣлю около восьми послѣ ссылки Коробова, Вельтищевъ съ Людмилой Сергѣевою очень скромно и тихо обвѣнчались въ одной изъ домашнихъ церквей, и въ тотъ же день онъ принесъ ей заготовленную заранее дарственную запись на все свое имущество.

— Я не хочу оставаться въ долгу,—сказала она, благодаря его за этотъ подарокъ, который, впрочемъ, былъ не болѣе какъ исполненіемъ одного изъ главнѣйшихъ условій, поставленныхъ ею для него между каторгой и бракомъ.—Я не хочу долѣе томить тебя,—продолжала она,—и чтобы доказать, что теперь я дѣйствительно становлюсь тебѣ женою и лучшимъ другомъ—вотъ твои документы! Возьми и сейчасъ же уничтожь! Чтобы и слѣда никакого не оставалось и чтобы между нами не существовало отнынѣ ни малѣйшей горечи нашихъ воспоминаній!

И обличительные документы тотчасъ же были сожжены въ каминѣ, а Платонъ Вельтищевъ, послѣ долгаго времени, въ первый разъ вздохнулъ легко и свободно.

И въ самомъ дѣлѣ, это былъ лучшій свадебный подарокъ, какой только могла ему сдѣлать Людмила.

III.

Мѣсто медоваго мѣсяца.

Радостей и утѣхъ медоваго мѣсяца у этой четы не было: онѣ были уже извѣданы ранѣе. Но, взамѣнъ ихъ, явилось на первыхъ порахъ успокоеніе. Вельтищевъ уже тѣмъ былъ счастливъ, что хоть спать-то могъ теперь спокойно, безъ вѣчно грызущей и ноющей мысли, которая ежеминутно заставляла его чувствовать надъ собою Дамокловъ мечъ.

Людмила достигла всего, чего хотѣла: у нея было теперь извѣстное имя, солидное положеніе въ обществѣ, громадное и притомъ *свое собственное* состояніе, а вдобавокъ ко всему этому—тотъ человѣкъ, который, по настоящему, долженъ бы быть ея заклятымъ врагомъ, находился, покоряясь своей слабости, у ея ногъ и считалъ себя счастливымъ, когда она дарила ему рѣдкія минуты своей женской благосклонности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, съ выходомъ замужъ, она сдѣлалась еще скупѣе, чѣмъ въ тѣ дни, когда была его любовницей. И это была мастерски разсчитанная скупость, потому что, зная избалованную и пресыщенную натуру своего мужа и зная его исключительную страсть, которую сама же ему внушала, она слишкомъ хорошо поняла, что для того, чтобы удержатъ его при себѣ и чтобы постоянно быть желаемой, нужно быть скупой на свои рѣдкія ласки,—и она не ошиблась въ расчетѣ.

«Пока я молода и хороша собою—онъ мой!» думала-себѣ Людмила, «а тамъ, какъ подойдетъ старость, какъ минетъ свѣжесть и красота—тамъ уже поулягутся страсти, и на мѣсто ихъ явится прочная привычка».

На первые полгода своего супружества они удалились въ родовое помѣстье Вельтищева, гдѣ онъ разсчитывалъ зажить жизнью, исполненною мирнаго затишья и спокойствія. И дѣйствительно, въ сельскомъ уединеніи онъ такъ-сказать опочилъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ и въ это-то самое время окончательно прекратилъ баяющую переписку съ Ириной.

Молодая чета нарочно уѣхала въ деревню, чтобы избѣжать на первое время тѣхъ толковъ, какіе неизбежно должна была поднять въ кругу Вельтищева его неожиданная свадьба. Къ зимѣ, когда Платонъ Васильевичъ предполагалъ вернуться снова въ Петербургъ съ Людмилой, эти толки, по его мнѣнію, должны будутъ уже улетѣть, отодвинуться на самый дальній планъ, такъ что онъ свободно и спокойно введетъ молодую супругу въ свой избранный кругъ, гдѣ она, конечно, сумеетъ занять подобающее ей мѣсто.

* * *

Но душевное спокойствіе Вельтищева длилось весьма не долго.

Ближайшимъ сосѣдомъ его по имѣнію оказался губернский предводитель дворянства, человѣкъ хотя съ негитулованной фамиліей, но стараго, извѣстнаго дворянскаго рода, носившій вдобавокъ званіе камергера и проводившій всю жизнь то при дворѣ, то за границей. Г-нъ Вязминовъ былъ, въ полномъ смыслѣ, баринъ изъ породы тургеневскихъ Павловъ Кирсановыхъ—дѣятельнѣе по наружности, изысканный въ своихъ привычкахъ и преисполненный большого самоумія. Крестьянская реформа и вслѣдствіе ея (а еще болѣе вслѣдствіе жизни) нѣсколько разстроенное состояніе по-неволѣ привели его въ сельскую глушь, подъ удобнымъ предлогомъ—«послужить всесильно земскому дѣлу». Но такъ какъ «дѣла» у него, благодаря опытному и ловкому секретарю, оказывались менѣе, чѣмъ немного, а деревенская скука одолевала все болѣе, то онъ и сталъ довольно часто навѣщать, по сосѣдству, Платона Васильевича, въ которомъ находилъ «человѣка порядочнаго и, можно сказать, *почти нашего круга*». Но, въ сущности, влекла его сюда вовсе не «порядочность» Вельтищева, а красота и привлекательность Людмилы, въ которую пожилой и скучающій холостякъ немножко влюбился.

Шамбелянъ еще въ юности своей былъ компетентенъ въ дѣлѣ побѣдъ надъ женскими сердцами, и эту компетентность очень живо почувствовалъ теперь Платонъ Васильевичъ, тѣмъ болѣе, что ему были не безызвѣстны нѣкоторые изъ прошлыхъ романовъ изыскаго шамбеляна.

Людмила, которая съ выходомъ замужъ, стала весьма мало обращать вниманія на желанія и капризы своего мужа, отнеслась довольно благосклонно къ исканіямъ своего новаго поклонника. Для нея это былъ такъ-сказать первый дебютъ, первый опытъ, первая проба силъ и умѣнья въ дѣлѣ того особаго, исключительно-свѣтскаго кокетства, къ которому не имѣютъ надобности прибѣгать кокетки, по которому хорошо извѣстны опытнымъ свѣтскимъ куртизанкамъ, умѣющимъ съ помощью его, но не иначе, какъ подъ покровомъ приличія, мужа и строгой тайны, привлекать къ своимъ ногамъ вѣскихъ, могущественныхъ поклонниковъ и достигающимъ черезъ то особыхъ цѣлей своего честолюбія. А Людмила болѣе всего мечтала теперь о томъ, чтобы видѣть у ногъ своихъ и сильныхъ міра, и знатныхъ родовъ, и вообще блистательныхъ поклонниковъ большого свѣта, въ который она намѣревалась войти не подъ эгидою какой-нибудь общечтимой старухи, а сама по себѣ, и войти, какъ власть имущая, въ силу своей красоты, имени и состоянія. Къ этой цѣли влекло ее исключи-

тельно одно лишь холодное, эгоистическое честолюбіе,—и вотъ, изысканный шамбелянъ доставилъ ей свою особую первую практику этого рода.

Началось это у нихъ какъ-то исподоволь, но оба почти сразу догадались другъ про друга, чего каждому изъ нихъ нужно. Чутьемъ же проникъ это и Платонъ Васильевичъ. Въ этомъ-то проникновеніи и былъ первый ударъ, нанесенный чувству его ревности послѣ брака. Шамбелянъ, пріѣзжая къ нему въ домъ, обращалъ на него ровню на столько вниманія, насколько это требовалось условіями приличія, но всю остальную любовь свою посвящалъ исключительно Людмилѣ. Его знаніе свѣта, обширное и разнообразное знакомство съ европейскою жизнью, связи, встрѣчи, отношенія—все это доставляло ему богатый матеріалъ для занимательныхъ бесѣдъ, а его тонъ, манера говорить и держать себя дѣлали его очень интереснымъ въ глазахъ Людмилы. Но странное дѣло! Вельтищевъ, присутствуя при этомъ, невольно чувствовалъ въ душѣ, что онъ выходитъ совсѣмъ постороннимъ, лишнимъ человѣкомъ при этихъ дружескихъ бесѣдахъ, хотя ни Вязминовъ, ни жена ничѣмъ не дали ему съ своей стороны осязательно почувствовать это. Но ужъ такъ оно какъ-то само собою чувствовалось Вельтищеву,—и ревность, глухая и затаенная, каждый разъ подползала къ его сердцу. Онъ дѣлался угрюмъ и видимо недоволенъ тѣмъ-то тотчасъ же послѣ уѣзда Вязминова; но Людмила какъ будто и не замѣчала такихъ перемѣнъ въ настроеніи его духа, а это еще болѣе мучило и грызло Платона Васильевича.

Однажды она предложила Вязминову прогуляться по ихъ обширному саду. Вельтищевъ тоже увязался за ними, невзванный и непрощенный женою. Но, несмотря на его присутствіе, разговоръ, основанный на тѣхъ остроумныхъ, полупрозрачныхъ, полуневинныхъ, но вполне приличныхъ намекахъ, какими иногда умѣетъ блистать ловкая болтовня бывалаго свѣтскаго человѣка, шелъ безпрепятственно между шамбеляномъ и Людмилой. Она словно бы и не замѣчала Платона, которому смерть какъ хотѣлось бы къ чему нибудь придратъ, но увы!—придратъ было рѣшительно не къ чему: ни жена, ни тѣмъ болѣе гость не подавали къ этому ни малѣйшаго повода. Атмосфера кругомъ ихъ пахла соблазномъ, но... была безукоризненно прилична. Платонъ злился въ душѣ и, кусая себѣ губы, могъ выражать внутреннее свое состояніе только тѣмъ, что съ силою сбивалъ хлыстикомъ головки встрѣчныхъ цвѣтовъ и листья съ деревьевъ. Однако-жъ и эти проявленія не заставили жену обратить на него нѣсколько больше вниманія, и въ результатъ оказалось лишь то, что бѣдный мужъ еще живѣе почувствовалъ, что онъ не только лиш-

ній между этою парой, но и взять на себя глупую роль какого-то безмолвного стража и наблюдателя.

Тѣмъ не менѣе, сознавая это, онъ все-таки продолжалъ брать на себя неблагодарную роль, такъ что, наконецъ, въ одну изъ подобныхъ садовыхъ прогулокъ Людмила сочла возможнымъ отослать его домой подъ предлогомъ распорядиться чаемъ, котораго ей вдругъ будто бы очень захотѣлось, но котораго она не пила, когда чай былъ поданъ.

Это, само по себѣ ничтожное, обстоятельство заставило заговорить молчавшаго доселѣ Вельтищева.

— Мнѣ весьма не нравится, что этотъ баринъ слишкомъ часто къ намъ ѣздитъ,—съ неудовольствіемъ выговорилъ онъ женѣ по отъѣздѣ Вязминова.

— Почему же такъ? Онъ очень милый и занимательный человѣкъ!—равнодушно отозвалась Людмила.

— Можетъ быть, и милый, и 'занимательный, но *мнѣ* это не нравится!

— А *мнѣ*, напротивъ, очень нравится,—заявила на это жена тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

— Но я не хочу, чтобы онъ бывалъ здѣсь такъ часто!

— А я, напротивъ, этого желаю, и не вижу причины, почему бы ему и не бывать?

— Я, кажется, мужъ и хозяйнѣ дома, и имѣю право заявлять мою волю!

— А я жена и еще болѣе, чѣмъ ты, имѣю право назваться *хозяйкой дома*.

— Но я добьюсь того, что онъ не будетъ здѣсь больше!—вспыливъ закричалъ Вельтищевъ.

— Тогда я буду бывать у него,—возразила жена, ни на юту не измѣняя своему образцовому спокойствію.

— Я посмотрю, какъ это будетъ.

— Очень просто, самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, а если вы вздумаете дѣлать какіе нибудь скандалы, я васъ брошу, уѣду—вотъ и все! Не забывайте, мой милый,—прибавила она внушительно, но не строптиво,—не забывайте, что раньше еще, чѣмъ выходить за васъ замужъ, я выговорила себѣ полную свободу дѣлать, что мнѣ угодно.

— Да, но при этомъ, вы обѣщали не дѣлать ничего такого, что могло бы касаться чести вашего и моего имени.

— И вѣрьте, что я съумѣю сдержать свои обѣщанія!—съ легкимъ поклономъ подхватила Людмила, явно показывая тѣмъ, что дальнѣйшій разговоръ на эту тему будетъ ей неприятенъ, а—главное совершенно бесполезенъ.

И Платонъ Васильевичъ долженъ былъ умолкнуть.

Въ другой разъ, вернувшись подвѣчеръ съ охоты, онъ не нашелъ въ домѣ Людмилы.

— А гдѣ же барыня?

— Уѣхали верхомъ—съ кататься.

— Одна?

— Никакъ нѣтъ, съ предводителемъ.

— Вдвоемъ, или и еще кто?

— Нѣтъ, только двое—съ.

— Сѣдлатъ мнѣ лошадей! да живѣе, чортъ возьми васъ всѣхъ!—закричалъ Вельтищевъ, не нашедшій нужнымъ умѣрить передъ прислугой взрывъ своей ревнивой досады.

Черезъ пять минутъ у крыльца застѣданный конь уже нетерпѣливо билъ копытомъ землю.

— По какой дорогѣ они поѣхали?—спросилъ Платонъ, занося ногу въ стремя.

— На Вязминовку—съ.

«А, чортъ возьми! это не къ нему ли!» ненавистно подумалъ онъ въ душѣ, и давъ шпоры коню, какъ ошалѣлый, помчался по тому же направленію.

Проскакавъ около трехъ верстъ, онъ увидѣлъ впереди двухъ всадниковъ, выѣзжавшихъ на дорогу изъ осиновой рощи. Вглядѣвшись пристальнѣе, Вельтищевъ узналъ амазонку и ея кавалера.

Въ душѣ у него шевельнулось скверное подозрѣніе, и сердце мучительно заныло. Онъ придержалъ коня и упорно смотрѣлъ впередъ, желая и боясь подмѣтить у жены и Вязминова какое нибудь движеніе, которое выдавало бы ему во-очію интимность ихъ отношеній. Онъ ждалъ и думалъ, что можетъ, она подастъ ему руку, можетъ, онъ обниметъ съ коня ея талію, привлечетъ къ своему плечу ея головку. Но тщетно подсматривалъ Платонъ: ничего этого не случилось—и всадники, очевидно, весело болтая между собою, шагомъ удалялись по дорогѣ къ Вязминовкѣ.

Вельтищевъ пустился за ними крупною рысью, и вскорѣ топотъ его взмыленной лошади заставлялъ ихъ оглянуться.

— Это ты, Платонъ?—съ нѣскольکو недовольнымъ удивленіемъ окликнула его Людмила, когда онъ подѣхалъ на близкое разстояніе.

— Да—съ, это я!—немного задыхаясь отъ волненія и отъ тряской ѣзды, довольно рѣзко отвѣтилъ Вельтищевъ.

Людмила похмуро свела на мгновеніе свои слегка дрогнувшія брови, но такъ, что спутникъ ея этого не замѣтилъ.

— Что съ тобой?.. Ты такъ блѣденъ!.. Ты вѣрно нездоровъ?—равнодушно, хотя и съ видомъ нѣкоторой заботливости отнеслась она къ мужу.

— Нѣтъ... я ничего... я здоровъ совершенно... я кататься хочу,—отрывисто бормоталъ Вельтищевъ.

— Ахъ, кататься?—Въ такомъ случаѣ, мы не мѣшаемъ!—съ привѣтливою шуткой улыбнулась она и вдругъ осадилъ нѣсколько въ сторону своего коня, словно бы давая мужу дорогу и приглашая его слѣдовать далѣе, но не вмѣстѣ, а въ прежнемъ одиночествѣ.

Платонъ Васильевичъ опять почувствовалъ, что онъ очутился въ глупой роли. Слѣдовало бы воспользоваться любезностью супруги и съ наименьшею любезностію пробѣжать мимо,—благо, ужъ она успѣла обратить дѣло въ легкую шутку,—и это былъ бы, конечно, лучший выходъ изъ его положенія; но Вельтищевъ не сдѣлалъ этого. Онъ молчалъ и стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и глядѣлъ впередъ, мимо жены и Вязминова, хотя и злымъ, но смущеннымъ и несмѣлымъ взглядомъ, который ясно выдавалъ, что онъ чувствуетъ всю неловкость своего положенія, но колеблется въ нерѣшительности, не зная, какъ ему быть и на что рѣшиться.

— Нѣтъ, мой другъ, я вижу по лицу, что ты положительно боленъ! Побѣжай домой! Я сейчасъ же вернусь!—сказала ему Людмила тѣмъ деликатно-рѣшительнымъ тономъ, который не допускалъ ослушанія или возраженій и притомъ сопровождался самымъ твердымъ и на все готовымъ взглядомъ.

Вельтищевъ окончательно смутился, неловко приподнявъ свою легкую шапочку и, повернувшись, мелкой и, такъ сказать, сконфуженной рысцою пошелъ въ-свои.

Въ душѣ у него кнѣзла безсильная буря.

— Однако, вы съ нимъ... не деремонитесь!—лукаво улыбаясь, замѣтилъ Вязминовъ, когда бѣдный мужъ отбѣжалъ на приличное разстояніе.

— Je m'en moque!—пожавъ плечами, весело засмѣялась Людмила и, давъ сильный хлыстъ своему скакуну, помчалась въ противоположную отъ мужа сторону.

Изящный шамбелянъ еле поспѣвалъ за своею лихой амазонкой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого она опять уѣхала верхомъ, но уже безъ Вязминова, и не позволила мужу сопровождать себя во время этой прогулки. Вельтищевъ съ грустью подчинился ея «капризу» и въ мучительномъ нетерпѣніи, шагая по всѣмъ комнатамъ дома, да ежеминутно подбѣгая чуть не къ каждому окошку, тишечно прождалъ цѣлый вечеръ возвращенія супруги. На дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло, а ея все-таки не было. Онъ уже хотѣлъ-было разослать за нею гонцовъ во всѣ стороны, но долго колебался, не зная, рѣшиться или нѣтъ на эту мѣру, а время межъ тѣмъ все уплывало,—и чего-чего только не приходило въ голову Платону въ медлительные часы этого несноснаго одиночества! Но болѣе всего копошилось у него въ душѣ все то же нехорошее подозрѣніе, которое впервые пришло ему на дорогѣ у осиновой рощи.

Наконецъ, около двѣнадцати часовъ ночи Людмила воротилась и быстрыми шагами прошла прямо въ свою комнату.

Вельтищевъ послѣдовать-было за нею, на ходу уже начиная приличный обстоятельству выговоръ, но супруга, не удостоивъ его ни

единымъ словомъ въ отвѣтъ, проскользнула въ дверь своей спальни и вдругъ замкнула ее за собою на ключъ, совсѣмъ уже подъ носомъ опѣшеннаго мужа.

Онъ постучался. Ему не отворили. Онъ еще и еще, и каждый разъ все больше, все сильнѣе, но отвѣта ему не было. Казалось, Людмила рѣшилась, что бы онъ ни выдѣлывалъ, не подавать ему на сегодня отклика.

Вельтищевъ пождалъ, пождалъ и, наконецъ, взбѣшенный до послѣдней степени, но безсильный передъ стальною непреклонностію жены, ушелъ въ свою комнату.

Эту ночь онъ провелъ въ одиночествѣ и почти безъ сна въ своемъ кабинетѣ.

На утро, когда Людмила сдѣлала уже свой туалетъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ спокойною и ясною улыбкой вошла къ мужу, онъ встрѣтилъ ее холодно, сухо, надутый и видимо оскорбленный.

Она окинула его вопросительнымъ и слегка удивленнымъ взглядомъ.

— Позвольте узнать,—первымъ заговорилъ Вельтищевъ какимъ-то хриплымъ, надсаженнымъ голосомъ,—что значить ваше вчерашнее поведеніе?

— А именно?—проговорила она, приготовясь парировать.

— Вашъ странный уходъ въ спальню и это милое замыканье?—пояснилъ Платонъ Васильевичъ.

— Не болѣе, какъ то, что я была очень уставши!—пожала она плечами съ небрежною гримаской.

— И это вы до третьихъ пѣтуховъ все верхомъ катались?

— Все верхомъ каталась.

— И вы думаете, что я на столько глупъ, чтобы вамъ повѣрить?

— Но развѣ я заставляю васъ вѣрить себя?

— Но наконецъ... наконецъ, я, какъ мужъ, имѣю право потребовать отъ васъ отчета-съ!

— Требуйте!—усмѣхнулась Людмила.—Развѣ я вамъ запрещаю?

— Такъ позвольте же узнать, гдѣ вы были?

— Мм... Какъ вамъ сказать?!—Въ разныхъ мѣстахъ была.

— Это не отвѣтъ, Людмила Сергѣевна!—съ горечью воскликнулъ Вельтищевъ.—Я, кажется, не подавалъ вамъ повода издѣваться надо мною.

— Богъ мой! но развѣ я издѣваюсь?!

— Такъ потрудитесь прямо и честно отвѣтить на мой вопросъ! Вы были съ Вязминовымъ?

— Да, съ Вязминовымъ.

— Гдѣ же вы встрѣтились?

— У него.

— Какъ у него?! Что это значитъ?

— У него въ домѣ.

— Вы были въ Вязьминовѣхъ?!—съ ужасомъ и чуть не задыхаясь отъ ревности, вскочилъ съ мѣста Вельтищевъ.

— Да, въ Вязьминовѣхъ,—подтвердила Людмила, спокойно и прямо глядя ему въ глаза своимъ яснымъ какъ ледъ и какъ ледъ же холоднымъ взглядомъ.—Я прямо туда и поѣхала,—добавила она въ поясненіе.

— Господи! Этого еще не доставало!—отчаянно всплеснувъ заломленными руками, опрокинулся Вельтищевъ въ глубокое кресло.

— Да скажите, пожалуйста, изъ за-чего вы бѣснуетесь?—пожала плечами Людмила,—и что же тутъ особеннаго, или неприличнаго, что я—женщина замужняя и самостоятельная, хотя бы уже по годамъ моимъ, катаясь верхомъ, случайно заѣхала въ домъ къ вашему же доброму знакомому, къ пожилому, солидному человѣку? Развѣ это можетъ компрометировать меня въ чьихъ бы то ни было глазахъ?—Слава Богу, мы, кажется, еще порядочные люди!.. Онъ меня давно уже звалъ посмотретьъ его оранжерею, я ѣхала мимо, вспомнила и заѣхала кстаті. Что жъ тутъ «преступнаго»?

— И до полуночи вы все любовались экзотическими растеніями?—съ горечью злобной ироніи усмѣхнулся Вельтищевъ.

— Нѣтъ, не все, но мы пили чай и потомъ ужинали,—спокойно и равнодушно сообщила Людмила,—а потомъ Вязьминовъ проводилъ меня до дому—вотъ и весь мой отчетъ, котораго вамъ такъ хотѣлось.

— И вы находите, что это вполне прилично?

— Я уже высказала мой взглядъ и надѣюсь остаться при своемъ мнѣніи.

— Да вѣдь это любовницы только такъ дѣлаютъ?

— И добрые пріятели,—добавила Людмила.

— Людмила! да не мучь же ты меня!—видимо страдая, изъ души выкрикнулъ Вельтищевъ, нервно схвативъ и потрясая ея руки.—Пойми же ты, наконецъ, что я люблю тебя!

— И я тебя тоже, другъ мой.

— Но ты мучишь меня!.. Это невыносимо!

— Вольно же тебѣ мучиться, Богъ-вѣсть изъ-за чего!

— Какъ!.. Такъ по-твоему, я долженъ глядѣть на все спокойно?

— Думаю, что не иначе.

— И ходить украшеннымъ рогами?

— Пока еще ты ихъ не носишь,—двусмысленно усмѣхнулась Людмила.

— «Пока»!.. Хорошо утѣшеніе!.. Но будущее...

— А, будущее, мой другъ, какъ говорится, въ рукахъ Божіей. Впрочемъ, я смѣю надѣяться, что ты роговъ никогда на себѣ не замѣтишь; но положиись на мой тактъ и будь увѣренъ, что я не скомпрометирую себя серьезно въ глазахъ общества: это вовсе не въ моихъ расчетахъ.

— Но скажи мнѣ, Бога ради, что тебя влечетъ къ этому человѣку?—скорбно, но уже нѣсколько спокойно спросилъ Вельтищевъ.

— Ровно ничего серьезнаго!—добродушно объявила Людмила,—а такъ-себѣ, интересная игра... Вѣдь я—кокетка по природѣ: да наконецъ, мнѣ скучно здѣсь, въ этой противной деревнѣ! Я жить хочу! Поймите вы,—жить, жить хочу!..

— Жить!—съ горечью повторилъ Вельтищевъ, покачавъ головою.—Я понималъ бы это, еслибъ ты была женщина съ пылкими страстями; но вѣдь ты ледъ! Тебѣ этого вовсе не нужно! Въ тебѣ вѣдь нѣтъ даже потребности такой? Такъ изъ-за чего же ты дѣлаешь это?

— Изъ любопытства!—подернувъ плечомъ, усмѣхнулась Людмила.

Вельтищевъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть набѣжавшую ѣдкую слезу отъ этой ничѣмъ неуязвимой, каменной женщины. Теперь ему живо вспомнилась та грубая, но мѣткая характеристика, сдѣланная Ольгой Романовной, когда она сравнила дочь свою съ блудливой кошкой, которая хоть и сыта по горло, а все-таки не пройдетъ мимо горшка со сливками безъ того, чтобы не лизнуть изъ него, хотя кошке вовсе и не нужно этого, но ужъ такъ, изъ одной лишь прирожденной потребности къ блудливости.—«Да, это грубо, цинично, но вѣрно!» съ болью въ душѣ подумалъ Вельтищевъ о своей супругѣ.

Она, дѣйствительно, была неуязвима. Дѣлалъ ли онъ ей бурную сцену—вся буря оставалась безраздѣльно на его сторонѣ и, словно объ гранитный утесъ, разбивалась всѣмъ своимъ напоромъ объ невозмутимо-равнодушное спокойствіе Людмилы. Начиналъ ли онъ дуться и по пылымъ днямъ не говорить съ нею ни слова,—она словно бы и не замѣчала этого, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходитъ въ его душѣ. Принимался ли онъ грозить ей—она слегка смѣялась надъ угрозой. Выставлялъ ли на видъ свои мужнія права—Людмила парировала ихъ тѣми условіями, какія были ею предписаны, а имъ приняты еще до брака. Словомъ сказать, Вельтищевъ чувствовалъ полное свое нравственное безсиліе передъ этой женщиной. Онъ любилъ ея тѣло и ненавидѣлъ ея душу. Но порой, когда смиралось въ немъ это чувство, когда стихала его ревность и онъ становился кротокъ, Людмила тоже дѣлалась и мягкой, и привѣтливой, и на ласку отвѣчала взаимной лаской. Она не позволяла ему только мѣшаться въ личную область ея своенравной свободы и въ этомъ случаѣ болѣе парала его самолюбіе своими кошачьими когтями, но чуть лишь становился онъ кротокъ и покоренъ—бархатная кошачья лапка была готова ласково погладить его.

— Господи! вѣдь можно же быть счастливымъ!—съ оттѣнкомъ подавленной грусти, изъ

души вдохнуть однажды Вельтицевъ въ минуту подобнаго затишья.

— Можно, мой милый!—подтвердила ему Людмила.—Для этого надо только немножко поменьше ревности и немножко побольше вѣры въ жену свою.

Но сей Ома невѣрующій только грустно усмѣхнулся на ея громкую фразу.

* * *

Однако и эти рѣдкія минуты затишья были все-таки отравляемы другой назойливой, безпокойшей мыслью. Платонъ вспоминалъ тогда, что Ирина, живя въ Швейцаріи, ничего еще не знаетъ про его женитьбу и все думаетъ, будто онъ скоро къ ней пріѣдетъ. Его томила неизвестность о томъ, какимъ образомъ отнесется она къ этому, вовсе ужъ неожиданному для нея факту? И это былъ вопросъ довольно-таки тревожнаго свойства и серьезнаго характера,—вопросъ, который безпокоилъ его еще съ первыхъ минутъ женитьбы; но онъ, жажда тогда прежде всего нравственнаго отдыха, отгонялъ отъ себя его тревожащій призракъ и, баюкая самого себя, возлагалъ упованія на свое умѣнье вывернуться передъ ней какимъ нибудь ловкимъ маневромъ, разсчитывая, что съумѣетъ кончить съ ней миролюбиво и свести отношенія на безкорыстную и родственную дружбу. Для этого ему, по-настоящему, слѣдовало бы поддерживать съ ней переписку, но какъ писать, какъ продолжать морочить ее обѣщаніями своего пріѣзда и надеждами на долгую совмѣстную жизнь вдаль отъ отечества, когда главный фактъ его новой жизни былъ уже совершенъ? Открыть ей этотъ фактъ у него не хватало мужества, въ особенности послѣ тѣхъ, далеко печальныхъ отзывовъ, которые онъ, незадолго до отъѣзда Вельтицевой, столь искренно дѣлалъ ей о Людмилѣ;—и вдругъ теперь эта же самая «гнусная, продажная тварь» сдѣлалась его законной женой! Онъ очень хорошо чувствовалъ всю фальшь своего положенія передъ Ириной и потому не хотѣлъ писать ей о женитьбѣ, надѣясь, что личное объясненіе, сила слова, взгляда, искусно притворнаго чувства помогутъ ему болѣе, чѣмъ самое краснорѣчивое письмо.

Однажды, въ минуту примиренія, онъ открылъ Людмилѣ свое затруднительное положеніе. Та знала, что они въ перепискѣ, и вопросъ показался ей настолько серьезнѣе, что она остановила на немъ свое вниманіе.

— Мнѣ кажется,—сказала ему Людмила,—тебѣ, дѣйствительно, слѣдуетъ прекратить пока переписку: каждое твое письмо будетъ только поддерживать въ ней несбыточныя надежды. Лучше прямо объяви ей, что ты женился...

— Ни за что!—горячо и рѣшительно перебилъ ее Платонъ.—Ни за что!.. Ты не знаешь этой женщины: она, пожалуй, въ состояніи будетъ надѣлать тамъ тысячу глупостей!.. Такъ

огоршить сразу невозможно!.. Я рѣшилъ себѣ лучше обдѣлать это какъ нибудь осторожно, деликатно, при личномъ свиданіи; тогда, авось либо, мнѣ удастся убѣдить ее: вѣдь я имѣю на нее большое вліяніе.

— Въ такомъ разѣ еще болѣе не слѣдуетъ поддерживать переписку. Это только усиливаетъ фальшь твоего положенія. Но моему нѣе—все-таки лучше написать ей прямо.

— Ни за что!—еще рѣшительнѣе повторилъ Вельтицевъ.

— Но, мой другъ, чего же ты боишься?—пожала Людмила плечами.

— Глупостей—всяческихъ глупостей, вотъ чего!

— Но если онѣ и будутъ, то она ихъ сдѣлаетъ тамъ, вдаль; да и наконецъ, какого же рода могутъ быть эти глупости?

— Мало ли какого?.. Это женщина ревнивая, горячая, иногда даже взбалмошная; ей можетъ вдругъ придти въ голову несчастная мысль отомстить мнѣ.

— Чѣмъ это?—полупрезрительно усмѣхнулась Людмила.—Ужъ не вздумаетъ ли открыть... про мужа?

— А что ты думаешь?—озабоченно и пахмуро отозвался Вельтицевъ.—Съ нея, пожалуй, хватить въ такую минуту!

— Полно, другъ мой!—засмѣялась она самымъ успокоительнымъ образомъ.—Вѣдь это значить самое себя вести на каторгу, на публичный позоръ! Да наконецъ, гдѣ же доказательства?

— Какъ гдѣ!—А ея письма? Вѣдь она почти въ каждомъ письмѣ дѣлаетъ довольно прозрачныя намеки на это дѣло—она очень неосторожна! И поэтому каждое письмо ея чрезвычайно меня тревожитъ...

— Но ты-то самъ, надѣюсь, не дѣлалъ ей, въ свой чередъ, подобныхъ прозрачныхъ намековъ?—заботливо спросила осторожная и предусмотрительная Людмила.

— Боже избави! Дуракъ я, что-ли?

— Нѣтъ, да ты вспомни хорошенько!

— Ручаюсь, нѣтъ!—съ полнымъ убѣжденіемъ завірилъ Платонъ Васильевичъ.—Я на этотъ счетъ всегда былъ съ ней слишкомъ предусмотрителенъ.

— А у тебя цѣлы всѣ ея письма?

— Всѣ до единого.

— Въ такомъ случаѣ ихъ надо сейчасъ же уничтожить!—самымъ рѣшительнымъ тономъ присоветовала Людмила.—Хотя я и увѣрена, что изъ этого не можетъ возникнуть никакого дѣла,—продолжала она,—но во всякомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ сохранять подобнаго рода документовъ. Ты долженъ уничтожить все, до послѣдняго клочка бумажки, рѣшительно все, что только можетъ самому тебѣ напомнить про это дѣло. Оставь лишь тѣ письма, которые исполнѣ невинны по своему содержанію.

— Да ужъ со многими документами, а главное—съ конторскими книгами и счетами это давно уже сдѣлано,—открылся ей Платонъ Васильевичъ, чувствующій внутреннее смущение и неловкость въ разговорѣ съ женой, который такъ близко касался смерти его кузена: ему самому, въ глубинѣ своей совѣсти, хотѣлось бы забыть про это страшное дѣло.

— Это очень умно,—серьезно похвалила его Людмила, которая и сама каждый разъ, какъ только разговоръ касался этой темы, испытывала подобную же неловкость относительно своего мужа и потому, по возможности, всегда старалась избѣгать такихъ бесѣдъ.—Но если ты поступишь такъ съ другими документами,—продолжала она тѣмъ же серьезнымъ тономъ,—то и съ ея письмами слѣдуетъ поступить точно такъ-же. Давай ихъ сюда—и черезъ минуту ихъ уже не будетъ!

Вельтищевъ принесъ ей изъ кабинета цѣлую пачку.

— Припомни, всѣ ли здѣсь?—заботливо освѣдомилась Людмила и, получивъ самый удовлетворительный отвѣтъ, собственноручно подождала ихъ. Черезъ минуту свободный токъ воздуха поднялъ пепелъ этихъ писемъ въ открытую трубу камина.

— Теперь уже ничего болѣе у тебя не осталось?—участливо спросила Людмила.

— Ничего! Все опасное, или мало-мальски подозрительное—все уничтожено съ этой пачкой!

— Ну, стало быть, и кончимъ разъ навсегда наши разговоры на эту тему!

Вельтищевъ крѣпко пожавъ руку жены. Теперь онъ вторично, послѣ ея свадебнаго подарка, могъ видѣть и убѣдиться, что приобрѣлъ въ ней заботливаго и охраняющаго друга.

IV.

Повязка съ глазъ долой.

Ирина Борисовна пріѣхала въ Петербургъ. Первымъ ея дѣломъ было послать съ Демьяномъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ на квартиру Платона Васильевича. Она нетерпѣливо ждала и надѣялась сейчасъ же увидѣть самого Вельтищева, но вмѣсто того передъ ней предсталъ Демьянъ съ какимъ-то страннымъ—не то улыбающимся, не то недоумѣлымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Ну, что?... былъ ты и видѣлъ его?—съ живымъ нетерпѣніемъ спросила Ирина.

— Былъ-съ, только Платона Васильевича нѣтъ теперь въ Петербургѣ: они уѣхавши къ себѣ въ деревню,—доложилъ старый слуга ея покойнаго мужа.

Это извѣстіе показалось Иринѣ нѣсколько страннымъ: Платонъ терпѣть не могъ деревни и деревенской жизни.

— Давно уѣхалъ?—спросила она.

— Давно-съ; уже пять мѣсяцевъ скоро, а вернутся еще недѣли черезъ четыре, не ранѣе.

— Пять мѣсяцевъ!—воскликнула Ирина, которой это обстоятельство показалось просто невероятнымъ.—Постой, да какъ же это?—продолжала она, соображая.—Пять мѣсяцевъ... но вѣдь я еще мѣсяца четыре тому назадъ получила отъ него письмо... Оно было послано изъ Петербурга?

— Такъ-точно-съ,—доложилъ Демьянъ,—потому какъ они оставили здѣсь своего камердинера; такъ онъ теперича мнѣ сказывалъ, что Платонъ Васильичъ присылалъ письма въ особые пакеты на его имя, а онъ уже отсюда самъ отправлялъ ихъ за границу къ вашей милости.

Опять новая странность для Ирины: къ чему эта передаточная инстанція? Къ чему не просто изъ деревни, а непременно изъ Петербурга? И отчего, наконецъ, онъ ни единымъ словомъ не извѣдомилъ ее о своемъ отъѣздѣ въ деревню, а напротивъ того извѣщалъ, что разныя обстоятельства удерживаютъ его именно въ Петербургѣ?

— Камердинеръ у нихъ оставленъ здѣсь по той причинѣ, собственно, какъ они перемѣнили квартиру,—продолжалъ уже самъ отъ себя докладывать Демьянъ;—они теперича взяли подъ себя въ томъ же самомъ домѣ другую, значить, квартиру-съ, и въ бѣль-этажѣ-съ—очинно просторная и на двѣ половины. Мебельщики и обойщики уже безъ нихъ убрали ее, а камердинеръ оставленъ собственно для дозора.

— На двѣ половины, говоришь ты?—переспросила Ирина.

— Такъ точно-съ... И очинно все парадно, все заново,—самъ нойчи все осматривалъ: онъ мнѣ показывалъ, значить.

— На двѣ половины... Зачѣмъ-же это?

— Зачѣмъ, что они съ барыней, значить, вернутся.

— Съ барыней?.. съ какой барыней?—спросила она недоумѣвая.

— Съ супругою-съ.

— Что за вздоръ!.. какая супруга?.. съ чьей супругою?

— Со своею-съ... потому какъ они, значить, изволили жениться и обвѣнчавшись сейчасъ же уѣхали въ деревню.

Повязка начинала спадать съ глазъ Ирины, раскрывая передъ ней страшную дѣйствительность.

Она вдругъ измѣнилась въ лицѣ, которое покрылось смертельной блѣдностью, и нѣсколько минутъ просидѣла молча, неподвижно и какъ-бы безсознательно, пришибленная сразу этой страшной вѣстью.

Смѣшавшись и недоумѣвая Демьянъ глядѣлъ на свою барыню.

Наконецъ, она сдѣлала внутреннее усиліе, чтобы овладѣть собой.

— Демьянъ... точно ли... все это правда, что ты сказалъ?—произнесла она съ видимымъ принужденіемъ.

— Человѣкъ ихній сказывалъ!—словно бы оправдываясь, слегка развелъ слуга руками.— Говорить, что и свадьбу сыграли безъ всякаго парада, очень тихо и просто—съ, даже и въ церкви никого не было.

— На комъ?—послѣ новаго молчанія, съ новымъ усиліемъ надъ собой спросила Ирина упавшимъ и слабѣющимъ голосомъ.

— На госпожѣ Коробовой,—было ей отвѣтомъ.

Ирина ничего не сказала и только, закусивъ губы, съ какимъ-то страннымъ, почти бессмысленнымъ выраженіемъ уставила глаза свои куда-то въ пространство.

— Хорошо... Мы это узнаемъ... точнѣе... почти задыхаясь, черезъ силу сказала она.— Теперь ступай!... Ты мнѣ не нуженъ больше... Оставь меня одну... Ступай... уходи отсюда!

Съ удаленіемъ человѣка, насильственно удержанная энергія самообладанія быстро покинула Ирину, у которой теперь едва хватило силъ дотащиться до дивана, куда она бросилась ничкомъ, крѣпко сжавъ руками свою закружившуюся и пылающую голову. Сердце ея, замедляя, шибко колотилось въ груди, въ которой клокотала истерическая буря; но Ирина напряженно старалась пересилить ее въ себѣ, сдерживать свой порывъ, не дать расхотѣться истерикѣ и для этого крѣпко давила свои виски и нервно закусывала губы: ей не хотѣлось, чтобы люди явились свидѣтелями первыхъ минутъ ея стыда и страшнаго горя.

V.

Она рѣшилась.

Нѣсколько часовъ провела она, испытывая эти нравственные муки. Въ головѣ ея былъ какой-то туманъ и хаосъ, посреди котораго со злобѣющей яркостью отпечатывалась одна только мысль: «женился, женился... на Людмилѣ Коробовой».

Горничная два раза осторожно входила къ Ирине, но та въ первый разъ и не слышала, и не замѣтила ея прихода, а во второй высала ее вонъ, запретивъ входить къ себѣ безъ зова. Домашніе люди видѣли, что съ барыней дѣется что-то странное, но теперь никто уже своимъ появленіемъ не смѣлъ нарушить ея воли. Такимъ образомъ, Ирина была окружена глубокой тишиной и полнымъ одиночествомъ, среди которыхъ, мало-по-малу, выдѣляясь изъ хаоса и тумана, зрѣли ея новыя чувства и отливались въ опредѣленную форму мысли, ро-

жденные ея новымъ положеніемъ, открывшимся передъ нею столь неожиданно и съ такой безпощадной истиной.

Черезъ нѣсколько времени истерическое волненіе утихло, уступивъ свое мѣсто гнету глубокаго горя. Ирина всю ночь не раздѣвалась и не ложилась. Она долго и много ходила по комнатамъ, не испытывая ни малѣйшей усталости. Страданіе ея всецѣло обратилось на нравственную сторону природы, передъ которой, почти автоматически повиновался ей, смятая въ своихъ требованіяхъ сторона физическая.

Иринѣ пришла мысль писать къ Вельтищеву и на этотъ разъ высказать ему всю глубокую мѣру своего презрѣнія, горечи и оскорбленія; но слова самыя яркія были безсильны, чтобы выразить вполнѣ все то, что испытывало ея безпощадно разбитое сердце. Она нѣсколько разъ принималась писать—и все напрасно: писалось все какъ-то не такъ и не то, чего бы хотѣлось. Она рвала листъ за листомъ и, наконецъ, бросила это дѣло, рѣшивъ, что писать бесполезно, да и не слѣдуетъ. Выбѣстъ съ послѣднимъ разорваннымъ листомъ ей показалось, что она и въ душѣ своей все уже разорвала и покончила съ Вельтищевымъ.

Теперь ясно ей представилось, что она никогда не была любима, но постоянно обманываема—постоянно, всегда и непрерывно—даже и въ то время, когда считала себя наиболѣе любимой: и потому наиболѣе счастливой, когда ею были исполнены ради этого человѣка одинъ изъ наибольшихъ актовъ самопожертвованія, когда ради его и вопреки своей совѣсти она стала его сообщницей въ мерзкомъ преступленіи,—даже и тогда онъ лгалъ передъ нею, сознательно топя ее въ безднѣ грѣха и преступленія ради другой, любимой имъ женщины. Ирина, конечно, не могла знать, въ какое положеніе былъ поставленъ ея возлюбленный Людмилою Коробовой, и потому онъ казался ей еще мерзѣе, когда она вспомнила, что этотъ человѣкъ, чуть не наканунѣ своей свадьбы, не могъ подобрать достаточныхъ эпитетовъ, которые выразили бы всю мѣру его презрѣнія «къ этой гнусной развратницѣ».—И что же?—въ то самое время, когда эта «развратница» готовилась уже быть его женою, у него хватило совѣсти забрасывать грязью ее—свою любимую женщину—ради того лишь, чтобы половчѣе обмануть другую, чтобы убаюкать ее и съ ея помощью построить на преступленіи благосостояніе и счастье этой другой.—Такъ казалось теперь Ирине, и она чувствовала, что нѣтъ уже болѣе въ ея душѣ никакой струнки, которая могла бы зазвучать прощеніемъ этому человѣку.

Какъ женщину, обманутую и жестоко оскорбленную въ своемъ лучшемъ и единственномъ чувствѣ, наполняяшемъ доселѣ всю ея жизнь, ей хотѣлось мстить и мстить такъ, чтобы и онъ

и эта *другая* почувствовали на себѣ всю тяжкую силу ея мщенія.

Но, кромѣ того, въ ней неумолчно вопіяла теперь и совѣсть, говорившая о смерти мужа, о преступленіи, ею самою совершенномъ. А здѣсь, въ этихъ самыхъ комнатахъ, все, рѣшительно все, до послѣдней мелочи въ обстановкѣ, такъ ярко и грозно напоминало ей про эту смерть и преступленіе. Вотъ столовая, гдѣ она кинула послѣдній, сомнѣвающійся взглядъ на любовника и на мужа; вотъ кресло, къ которому подвела ее Платонъ, когда вернулся изъ кабинета и на колѣняхъ, такъ страстно умолялъ хоть на полтора часа выдержать спокойствіе и характеръ; вотъ тотъ самый рабочий столикъ, съ котораго она взяла сафьянный сакъ и передала ему; вотъ кабинетъ и отоманка, на которой она впервые увидѣла своего мертвого мужа... въ этой залѣ стоялъ его гробъ, покрытый роскошною парчею...

Ирина одна, среди глубокой ночи, бродила по всѣмъ этимъ комнатамъ и приглядывалась къ каждой вещи, невольно повинаясь какой-то обаяющей силѣ своихъ страшныхъ воспоминаній.

И вдругъ ею овладѣлъ ужасъ—страшный панический и неодолимый. Казалось ей, будто въ этихъ комнатахъ присутствуетъ еще духъ ея мужа, будто онъ укоропачитъ призракомъ то сопровождаетъ ее въ этомъ ночномъ обходѣ, то становится передъ нею и преграждаетъ дальнѣйшую дорогу. Въ легкомъ движеніи воздуха, колебавшемъ на ходу пламя свѣчи, ей чудилось вѣяніе этого духа, который легкимъ холодкомъ проносится мимо ея щеки и чуть-чуть шевелитъ на вискѣ отдѣлившійся волосъ.

Какая-то странная и ей самой непонятная сила невольно влекла ее опять къ кабинету, который, богѣе всѣхъ остальныхъ комнатъ, казался ей страшнѣе.

Она подошла къ отоманкѣ.—Вотъ... вотъ это самое мѣсто...

Пламя свѣчи опять качнулось въ рукахъ Ирины; какая-то половица или мебель щелкнула вдругъ съ тихимъ трескомъ—и ее охватила нервная дрожь. Воображеніе уже было сильно настроено въ извѣстномъ направленіи—и ея страхи стали мерещиться ей съ новою силой. Она хотѣла-было бѣжать, но ноги, словно бы въ сонномъ кошмарѣ, не повиновались ея волѣ и оставались на мѣстѣ, какъ будто къ нимъ были привязаны тяжелыя гири.

Страхъ окончательно обуялъ Ирину. Не смѣя и не будучи въ состояніи сдѣлать ни назадъ, ни впередъ ни единого шага, она съ мятущеюся тоскою оглядывалась по сторонамъ, какъ-бы ища себѣ въ чемъ нибудь поддержки и ободренія, но ни той, ни другого не явилось къ ней на помощь,—и вдругъ порывисто опустилась на колѣни передъ самою кушеткой. Свѣча выпала изъ рукъ ея и погасла.

Она стала молиться страстно, тоскливо, стремительно. Обезсиленные руки ея опустились на то самое мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ ея мертвый мужъ, и голова въ смертельной тоскѣ легла на эти сложенные руки. Она молилась не о прощеніи, не объ отогнаніи ея страховъ, но о томъ, чтобы ей было ниспослано свыше доброе вразумленіе—какъ ей быть, какъ поступить теперь съ собою и на что рѣшиться? Это была молитва безъ словъ, молитва одной мыслию, однимъ порывисто-страстнымъ хотѣніемъ и алканіемъ души, изнемогающей подъ невыносимымъ бременемъ тоски, страха и горя.

Спасительныя слезы вдругъ хлынули изъ ея глазъ и принесли съ собою нѣкоторое облегченіе, а она межъ тѣмъ все молилась и молилась на прежнемъ мѣстѣ, склонясь на колѣняхъ и призывая на себя свыше освѣщеніе благою мыслію.

Въ этомъ положеніи застали ее первые лучи разсвѣта.

Она поднялась съ колѣнъ, уже не ощущая того смятеннаго страха, который повергъ ее въ это положеніе—и на душѣ стало какъ будто нѣсколько иначе, нѣсколько опредѣленнѣе.

Теперь, казалось ей, она знала, что ей слѣдуетъ дѣлать.—Она рѣшилась.

Сна ей не было и спать не хотѣлось. Ирина и теперь даже все-еще не чувствовала или не замѣчала въ себѣ физическаго утомленія.

Она дождалась утра, велѣла разбудить Демьяна и приказала ему ѣхать немедленно и узнать въ точности, гдѣ, когда, съ кѣмъ и дѣйствительно-ли вѣнчался Вельтишевъ, и привезти ей скорѣе самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Это была невольная, но уже послѣдняя дань чувству, которую приносила женщина обманутая и оскорбленная. За этою гранью оставалось уже существо, исполненное одного только покаянія. Теперь ей хотѣлось лишь удостовѣриться окончательно, чтобы потомъ не оставалось въ душѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, ни малѣйшаго упрека себѣ за судьбу Платона. Женщина кающаяся знала, что ей слѣдуетъ дѣлать.

* * *

Около полудня Демьянъ вернулся и привезъ свѣдѣнія настолько обстоятельныя, что никакимъ сомнѣніемъ не могло уже быть мѣста.

Ирина выслушала его почти спокойно и, подумавъ съ минуту, приказала закладывать себѣ карету, а сама стала одѣваться.

Черезъ полчаса челоѣкъ доложилъ, что экипажъ уже готовъ къ ея услугамъ.

Ирина сошла на подъѣздъ совершенно твердой и спокойною поступью.

— Къ оберъ-полицеймейстеру!—твердымъ голосомъ сказала она кучеру, ступая на подножку кареты.

VI.

Какъ снѣтъ на голову.

Однажды Вельтишевъ, послѣ утренней прогулки верхомъ, сидѣлъ въ своей деревенской столовой, гдѣ былъ накрытъ столъ для завтрака, и пробѣгалъ газеты, только-что доставленные съ почты. Людмила приготовляла кофе. Въ это время между ними былъ миръ и царило согласіе, потому что Вязминовъ дней пять уже какъ уѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ долженъ былъ остаться еще на нѣсколько сутокъ, по дѣламъ своей службы.

Вдругъ на улицѣ послышался звонъ нѣсколькихъ почтовыхъ колокольчиковъ, и черезъ двѣ-три минуты во дворъ усадьбы вѣхали три тройки. На одной сидѣлъ мѣстный исправникъ съ какимъ-то чиновникомъ, на другой—жандармскій офицеръ и еще кто-то, на третьей—становой и письмоводитель. Два жандарма помѣшались на облучкахъ двухъ переднихъ троекъ.

— Кого это Богъ несетъ?—обернулся къ окну Вельтишевъ, и вдругъ поблѣднѣлъ, разсмотрѣвъ неожиданныхъ посѣтителей.

— Людмила... это что-то недоброе, — смущенно проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ. — Тамъ полиція, жандармы, еще кто-то... это не спроста!..

Она побѣжала къ окну и на мгновенье тоже смутилась, но не болѣе, какъ на мгновенье. Она инстинктивно понимала, что при внезапности этого пріѣзда, который не общается ничего хорошаго, надо прежде всего сохранить хладнокровное спокойствіе и самообладаніе.

— Что бы тамъ ни было,—обратилась она къ мужу, вскинувъ на него ободряющій взглядъ и кладя на плечо его руку, — помни только одно: спокойствіе! Какъ можно больше спокойствія! Обдумывай каждый отвѣтъ, а главное—открытый, бодрый видъ и спокойствіе!.. Ну, не робѣй! Ободришь, мой милый,—они идутъ уже!

Черезъ минуту въ смежной комнатѣ уже слышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Лакей пріотворилъ было дверь, чтобы предупредить своихъ господъ.

— Безъ докладовъ, безъ докладовъ, — любезнѣйшій!—остановилъ его чей-то повелительный голосъ. — Мы и сами о себѣ доложимъ!

И вслѣдъ за тѣмъ въ столовую вошли исправникъ, жандармскій офицеръ и еще третье лицо, въ очень изящномъ дорожномъ костюмѣ, но съ форменною фуражкой въ рукѣ.

Людмила взглянула на послѣдняго изъ вошедшихъ и невольно отступила на шагъ, исполняя немалымъ изумленіемъ.

Передъ нею стоялъ Жаночка Вантрикъ.

Но что это былъ за Жаночка! — Это былъ замъ Юпитеръ въ образѣ Жаночки. Всякая фибра его лица, всякій взглядъ и движеніе,

даже всякая складка одежды какъ-бы прониклись великостью того особаго назначенія, которое призванъ исполнить Жаночка. Онъ чувствовалъ, что онъ теперь особа, что всѣ эти господа, пріѣхавшіе съ нимъ, не болѣе, какъ его «антуражъ», аксессуарная обстановка, а онъ—одинъ онъ здѣсь вершитель и рѣшитель судебъ человѣческихъ.

— Имѣю честь рекомендоваться! — съ правовѣдски-комилфотнымъ пришепетываніемъ сквозь зубы началъ Вантрикъ, слегка кивнувъ головою. — Присланъ изъ Петербурга по особому слѣдствию. Впрочемъ, мы съ вами уже знакомы, а съ вами въ особенности!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Людмилѣ не безъ затаенной извѣстности.

— Очень радъ, господа!—въ качествѣ радушнаго хозяина, заговорилъ Вельтишевъ. — Прошу садиться! Вы теперь съ дороги и потому позвольте прежде всего предложить вамъ стаканъ чаю и завтракъ.

— Не беспокоитесь! — съ видомъ стоика отказался Вантрикъ. — У насъ уже заказанъ свой собственный обѣдъ на постояломъ дворѣ, да и некогда завтракать, потому что намъ должно сейчасъ же приступить къ дѣлу.

— Къ дѣлу?—слегка изображая видъ удивленія, промолвилъ Вельтишевъ. — А я думалъ, что вы, господа, пріѣздомъ завернули ко мнѣ отдохнуть, и, признаюсь, очень радъ былъ добрымъ гостямъ при нашей деревенской скукѣ. Развѣ у насъ случилось что-нибудь особенное?—съ озабоченнымъ видомъ обратился онъ къ исправнику, съ которымъ былъ знакомъ, какъ мѣстный землевладелецъ.

— Мы находимся здѣсь по требованію г-на слѣдователя, — полугрустнымъ, полуконфузнымъ, но въ то же время официальнымъ тономъ замѣтилъ представитель уѣздной полиціи. — Г-нъ Вантрикъ присланъ сюда изъ Петербурга, будучи облеченъ особыми полномочіями, — добавилъ онъ, — и, конечно, они сами объяснятъ вамъ, что найдутъ нужнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, если я вижу васъ въ моемъ домѣ, то, значитъ, дѣло касается меня лично?

— Вы не ошиблись! — слегка поклонился Жаночка. — Вотъ предписаніе!—предъявилъ онъ Вельтишеву бумагу, которую досталъ изъ своего щегольского портфеля. — На основаніи его я долженъ произвести у васъ немедленный обыскъ. Г-нъ исправникъ, потрудитесь распорядиться, чтобы были введены наши люди и понятые.

— Позвольте прежде узнать, въ чемъ я обвиняюсь?—нахмуренно спросилъ Вельтишевъ.

— Въ отравленіи вашего двоюроднаго брата, съ цѣлью воспользоваться его капиталами!—прямо въ лицо объявилъ Вантрикъ, наблюдая, какой громовой эффектъ произведетъ это неожиданное сообщеніе.

Но эффекта, не только громоваго, а и вовсе никакого не послѣдовало.

— Что-о?.. Какъ вы сказали?.. Въ отравленіи моего брата, съ цѣлью воспользоваться капиталами?

— Такъ точно, г-нъ Вельтищевъ!

— Что за нелѣпость! — пожимая плечами, воскликнулъ Платонъ, съ улыбкой, въ которой сказались и горечь, и изумленіе, и негодованіе оскорбленной чести, и насмѣшка надъ видимою несообразностью столь гнуснаго предположенія.

— Тѣмъ не менѣе, вы обвиняетесь въ этомъ, — сухо возразилъ Жаночка.

— Что же это доказываетъ, г-нъ слѣдователь? — горько улыбнулся Вельтищевъ. — Развѣ одно только, что на человѣка можно взвести какое угодно обвиненіе?

— Я не стану диспутировать, доказываетъ ли оно то или другое, — уклонился Вантрикъ. — Я прислалъ сюда только произвести предварительное слѣдствіе, а тамъ уже будетъ дѣломъ суда разобрать, лѣно ли это, или нелѣпо.

— О! въ такомъ случаѣ, я совершенно спокоенъ! — воскликнулъ Вельтищевъ. — Сдѣлайте одолженіе, г-нъ слѣдователь, приступайте къ вашей обязанности: я вполне отдаюсь въ ваше распоряженіе!

— Г-нъ поручикъ, — обратился Вантрикъ къ жандармскому офицеру. — Прошу васъ немедленно же разъединить г-жу Вельтищеву съ ея супругомъ и приставить къ ней воинскій караулъ, чтобы она не могла имѣть съ нимъ никакихъ сношеній.

— Позвольте! — шагъ впередъ ступилъ Платонъ Васильевичъ. — Развѣ жена моя тоже обвиняется?

— Мнѣ такъ нужно, по моимъ собственнымъ, особымъ соображеніямъ! — поклонился ему Вантрикъ.

— Но это уже насиліе! — воскликнула Людмила.

— Сударыня, какъ слѣдователь, я, на основаніи закона, имѣю на то полное право и потому покорнѣйше прошу васъ повиноваться.

— Однако, милостивый государь, для обвиненія должны быть какія-нибудь доказательства, — съ твердостью и сознаніемъ своего права возразила ему Людмила. — А вы еще прежде обыска, прежде всякаго приступа къ слѣдствію, уже начинаете поступать съ нами, какъ съ уличенными преступниками!.. Во-первыхъ, какъ хозяйка дома, я желаю быть при вашемъ обыскѣ, а во-вторыхъ, покажите мнѣ бумагу, или что тамъ есть у васъ такое! — я желаю знать, въ чемъ я обвиняюсь и на основаніи чего я обвиняюсь?

— Вотъ именно основанія-то для обвиненія мнѣ и нужно разслѣдовать.

— Въ этомъ я не препятствую, — согласилась Людмила. — Но не думаю, чтобы какой бы

то ни было законъ давалъ вамъ право лишать свободы женщину по одному только вашему предположенію. Потрудитесь сперва найти противъ меня хоть одно изъ законныхъ основаній, а тогда уже арестуйте. Если у васъ есть ваши полномочія, которыхъ я не знаю, то у насъ есть наша честь, наше доброе имя, которое всѣмъ извѣстно, которымъ мы дорожимъ, а вашимъ арестомъ вы кладете на насъ пятно въ глазахъ общества.

— Сударыня, смѣю увѣрить васъ, — ехидно-вѣжливо улыбнулся Жаночка, — смѣю увѣрить васъ, это никакъ не арестъ, а только предупредительная мѣра, которая не можетъ класть на васъ ни малѣйшаго пятна и которую я тотчасъ же прекращу, если, впрочемъ, не усмотрю въ ней дальнѣйшей надобности.

— Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, онъ моя собственность, и потому, повторяю, я желаю быть при обыскѣ! — настойчиво заявила Людмила.

— Не смѣю отказать вамъ! — вѣжливо поклонился ей Вантрикъ и затѣмъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

Для Людмилы казалось необыкновенно важнымъ присутствовать при обыскѣ, чтобы не быть разлученною съ мужемъ хотя бы въ эти первыя минуты. Присутствуя здѣсь, она всетаки могла наблюдать — на сколько онъ сохраняетъ свое спокойствіе, на сколько въ немъ сильна увѣренность въ себѣ и самообладаніе, и, наконецъ, она могла если не словомъ, то хотя взглядомъ, хотя однимъ уже своимъ присутствіемъ поддержать его внутренно, на первыхъ шагахъ слѣдствія, — и она, дѣйствительно, успѣла раза два незаметно для постороннихъ кинуть на него ободряющій, ласковый взглядъ, и получила въ отвѣтъ, столь же незаметную другимъ, улыбку, которая, казалось, говорила: «ничего, мой другъ! будь увѣрена, я себя ничѣмъ не выдамъ!»

Самый тщательный обыскъ, который длился часа четыре сряду, не привелъ ровно ни къ какимъ результатамъ: никакой подозрительной вещи, ни единого, мало-мальски уличающаго клочка бумажки не было найдено. Между разными посторонними документами Вантрикъ отыскалъ въ шкапулкѣ Вельтищева сохраняемую росписку Максима Григорьевича на двѣсти-пятьдесятъ тысячъ.

— Это что за документъ? — спросилъ онъ, думая, что благодѣтельная судьба, быть можетъ, внезапно наводитъ его на открытіе одной изъ существенныхъ нитей дѣла.

— Какъ видите, сохранянная росписка, — спокойно отвѣтилъ Вельтищевъ.

— Почему же она у васъ находится?

— Потому что была выдана мнѣ покойнымъ кузеномъ и мнѣ принадлежить.

— Развѣ деньги по ней еще не получены?

— Если бы были получены, то, полагаю, у

меня не было бы росписки, а такъ какъ она у меня, то, вѣроятно, и это все для того, чтобы «воспользоваться его капиталами», — съ горько-грустной ироніей замѣтилъ Платонъ Васильевичъ.

— Вы были въ перепискѣ со вдовою вашего брата? — спросилъ Вантрикъ, закончивъ уже свой беззастѣнливый обыскъ.

— Былъ, — не измѣняя себѣ, утвердилъ Вельтищевъ.

— Какого рода была эта переписка?..

— Мм... какъ вамъ сказать... Больше все дѣловая, такъ какъ послѣ смерти брата всѣ дѣла пали исключительно на мои руки, или обыкновенная родственная... Въ этой перепискѣ, сколько помнится, ничего особеннаго не заключалось.

— Не угодно ли вамъ представить мнѣ письма г-жи Ирины Вельтищевой, адресованныя къ вамъ.

— Къ сожалѣнію, при всемъ желаніи, не могу этого выполнить! — развелъ руками Платонъ Васильевичъ.

— Почему такъ-съ? — быстро спросилъ слѣдователь.

— Потому что письма эти были не особенно часты, да и едва ли у меня сохранился теперь хоть одинъ листокъ.

— Вы ихъ уничтожили, значить?

— То-есть, умышленно — нѣтъ, я не имѣлъ никакихъ причинъ уничтожать ихъ съ умысломъ; но я вообще не имѣю обыкновенія хранить какія бы то ни было письма, за исключеніемъ дѣловыхъ, а иначе мнѣ пришлось бы заводить цѣлый архивъ для подобной незначущей переписки.

— Теперь, сударыня, обыскъ конченъ — и, извините, я долженъ удалить васъ, — обратился Вантрикъ къ Людмилѣ. — Съ этой минуты вы не можете видѣться съ вашимъ супругомъ иначе, какъ только въ моемъ присутствіи.

Людмила, не сказавъ ему ни слова, съ гордымъ спокойствіемъ, въ сопровожденіи жандарма, пошла на свою половину.

VII.

Что нужно было знать Людмилѣ.

Вечеромъ, уже часу въ одиннадцатомъ, Вантрикъ прислалъ просить ее къ себѣ для допроса.

Людмила вышла съ жандармомъ въ «диванную», гдѣ Жаночка занимался надъ своими бумагами.

— Можешь уйти, братецъ! Подожди тамъ, за дверью! — приказалъ онъ сопровождавшему солдату и, съ обычною своею вѣжливостью, поспѣшилъ подвинуть кресло дамѣ.

— При какихъ грустныхъ обстоятельствахъ приходится намъ на этотъ разъ встрѣчаться

съ вами! — со вздохомъ тихаго сокрушенія началъ Жаночка, покачивая головою и потупивъ свои глаза.

— Почему такъ «при грустныхъ»? — съ особымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ, вскинулась на него глазами Людмила.

— Какъ? неужели же и это еще не грустныя обстоятельства?! Такое тяжкое преступленіе...

— Позвольте! — не давъ договорить остановила его м-ше Вельтищева; — слово «преступленіе», мнѣ кажется, здѣсь неумѣстно. Вы потрудитесь прежде убѣдиться, что оно есть, вы докажете его прежде! А безъ этого, подобное слово и оскорбительно, и неприлично въ устахъ порядочнаго человѣка.

— Къ сожалѣнію, я уже убѣжденъ! — вздохнулъ Жаночка, разведя руками.

— Что же васъ «убѣдило» въ этомъ? — съ достоинствомъ усмѣхнулась Людмила.

— Мм... какъ вамъ это сказать?.. все убѣдило... Для слѣдователя иногда важнѣе самый, повидимому, ничтожный намекъ... Вашъ мужъ, наконецъ, заставилъ меня убѣдиться...

— Мой мужъ? — гордо сдвинула брови м-ше Вельтищева. — Мой мужъ, говорите вы? — Это неправда!.. Мой мужъ слишкомъ честный человекъ, чтобы сдѣлать какое бы то ни было преступленіе, а ужъ убѣждать-то въ небывалыхъ вещахъ онъ никогда не станетъ! Позвольте вамъ не повѣрить на этотъ разъ, г-нъ Вантрикъ; и если это была съ вашей стороны стратегическая уловка, извѣстный пріемъ, употребляемый иногда господами слѣдователями, то я должна сознаться, что попытка ваша весьма неудачна!

— Что-жъ дѣлать, Людмила Сергѣевна!.. Вамъ оно кажется невѣроятнымъ, а между тѣмъ это такъ!

— Въ такомъ случаѣ, вы знаете неизмѣримо больше меня и, стало-быть, вамъ меня не о чемъ далѣе спрашивать! — поднялась она съ мѣста, показывая тѣмъ явное намѣреніе прекратить дальнѣйшія объясненія. — Позвольте вы мнѣ удалиться, г-нъ слѣдователь?

— Нѣтъ, я попрошу васъ остаться! — поспѣшилъ остановить ее Вантрикъ. — Мы теперь совершенно одни и, стало-быть, можемъ говорить вполнѣ откровенно... Я васъ прошу говорить со мною не какъ со слѣдователемъ, а какъ съ человекомъ, который, во имя прежнихъ отношеній (Жаночка при этомъ грустновато вздохнулъ и кисло-вато поморщился), имѣетъ нѣкоторое право на вашу откровенность.

— Я готова! — снова присѣла Людмила. — Но чего же вы отъ меня хотите, Иванъ Ивановичъ?.. Во-первыхъ, если вы мнѣ напомнили о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ, которыя вамъ самимъ же угодно было нарушить — помните? — вашимъ послѣднимъ посѣщеніемъ и подозрѣваемъ, будто я что-то такое выпрала у васъ, — продолжала она, смягчая нѣсколько свой холод-

ный, недоступно-замкнутый тонъ,—топозвольте спросить васъ: какими судьбами вы теперь появились въ нашей усадьбѣ?

— Я былъ посланъ... на меня по службѣ возложено это порученіе, а я не имѣю обыкновенія отказываться отъ приказаній начальства.

— Это очень похвально!—кинула головой Людмила со своею женски-кошачьей улыбкой, которая уже и прежде была знакома Жаночкѣ.—Но теперь еще одинъ вопросъ: какъ могло возникнуть такое негѣлое предположеніе? Кому и чему мы должны быть этимъ обязаны?

— Увы! Я не имѣю права сообщить вамъ этого!

— Э, въ такомъ случаѣ наши шансы не равны! Вы же сами предложили мнѣ говорить съ вами не какъ со слѣдователемъ.

— Да, но... вашъ вопросъ такъ близко касается дѣла...

— Ахъ, такъ вы хотѣли поболтать со мною не о дѣлѣ!.. Pardon, я, значить, не такъ васъ поняла!—опять сухо поднялась съ мѣста Людмила.—Извините меня, я такъ разстроена... вы поставили насъ въ такое положеніе, что никакихъ разговоровъ я вести не въ состояніи... я рѣшительно не могу въ этомъ случаѣ исполнить роль любезной хозяйки.

— Ошибаетесь!—поспѣшилъ вступить за себя Жаночка, который нѣсколько сконфузился отъ послѣднихъ словъ Людмилы.—Ошибаетесь! Именно о дѣлѣ-то я и намѣренъ поговорить съ вами!

— И просили быть вполне откровенной,—добавила она, замедляясь на ходу передъ столомъ, гдѣ лежали бумаги.

— Именно откровенной!—подтвердилъ Жаночка.

— Ну, такъ одно изъ двухъ: или мы будемъ взаимно откровенны, и тогда вы отвѣтите на мой вопросъ, или же вы рассчитываете половчѣе выпытать у меня что-то; въ такомъ случаѣ, я уже вамъ сказала, что вы знаете больше меня и разговаривать намъ не о чемъ. Можете снова отправить меня подъ караулъ!

— Но, повѣрьте, я, въ видахъ вашей же собственной пользы...

— Благодарю васъ за заботу о моихъ пользахъ, но я должна вамъ сказать, что и мужъ, и я считаемъ себя настолько чистыми въ этомъ дѣлѣ, что бояться намъ рѣшительно нечего, и стало-быть, нѣтъ надобности заботиться и о собственныхъ пользахъ.

— Однако-жъ, то или другое направленіе дѣла.

— Это разберетъ судъ!—перебила его Людмила,—и судъ узнаетъ, гдѣ истина! Полноте, г-нъ Вантрикъ! Оставьте ваши подходы! Я очень хорошо все это понимаю!

— Клянусь вамъ, у меня нѣтъ и въ мысляхъ никакихъ подходовъ!—воскликнулъ Жаночка, еще болѣе конфузясь.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлайте, что вамъ слѣдуетъ, и оставьте меня въ покоѣ! Но всѣми вашими увѣреніями вы по-неволѣ заставляете меня еще болѣе думать, что все это одинъ только подходъ и уловка!

— Ну, хорошо! извольте, я буду откровененъ!—согласился, наконецъ, Вантрикъ, который сообразилъ, что Людмила ровно ничего не выиграетъ, если онъ скажетъ ей, вслѣдствіе чего возникло дѣло, разъ что она разлучена уже съ мужемъ, и потомъ—рано или поздно—это для нея все-таки откроется, а межъ тѣмъ, быть можетъ, благодаря своей уступкѣ, ему и удастся что нибудь выпытать.

— Извольте, чтобы доказать. Что я не хитрю, я вамъ открою!—началъ онъ, снова усадивъ ее въ кресло.—Дѣло возникло по доносу вдовы поконника, которая сама добровольно явилась обвинительницей.

Людмила и раньше еще думала, что дѣло не прошло мимо рукъ Ирины; ей только хотѣлось убѣдиться и она задалась цѣлью достичь этого теперь же. Однако, рассчитавъ это, она разочла точно также, что ей лучше всего будетъ представиться крайне удивленною.

— Вдова поконника!—воскликнула она.—Помилуйте, да этого быть не можетъ!..

— И однако-жъ это такъ!—пожалъ плечами Вантрикъ.

— Невѣроятно!.. Съ какой стати?! Она, я слышала, очень добрая и порядочная женщина и всегда была съ моимъ мужемъ въ самыхъ лучшихъ родственныхъ отношеніяхъ... Еслибы еще какая-нибудь вражда между ними, тогда это было бы хоть нѣсколько понятно, но такъ... такъ, безъ всякихъ причинъ... Нѣтъ, я положительно отказываюсь вамъ вѣрить!—горячо и убѣдительно заговорила Людмила.—Вѣдь со смерти Макса прошло уже болѣе девяти мѣсяцевъ—чего-жъ она думала раньше? чего она ждала до этихъ поръ со своими обвиненіями, еслибы дѣйствительно могло быть такое преступленіе?

— Но она вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ обвиняетъ и себя; она прямо говоритъ, что была участницей, что знала про все и дала ему свое согласіе.

— Какъ! Обвиняетъ себя?!.. Г-нъ Вантрикъ, да вѣдь это сумасшествіе!—воскликнула Людмила.—Гдѣ же доказательства и какія они? И есть ли, наконецъ, во всемъ этомъ хоть какой нибудь смыслъ? или, быть можетъ, это съ вашей стороны тоже одна изъ слѣдовательскихъ уловокъ?—Въ такомъ случаѣ, я ее рѣшительно не понимаю!

— Что это отнюдь не уловка, я вамъ могу сейчасъ же доказать,—сказалъ Жаночка и, въ подтвержденіе своихъ словъ, прочелъ копію съ протокола, составленнаго на основаніи первыхъ показаній, данныхъ самообвинительницей.

— Невѣроятно! — показала плечами Людмила. — И замѣтите, напимѣрь, хоть это, — продолжала она. — Здѣсь сказано, что мужъ сдѣлалъ преступленіе съ тѣмъ, чтобы воспользоваться богатствами покойника. Какъ же это она-то могла давать согласіе на то, чтобы быть ограбленной? Есть ли въ этомъ смыслъ? И, наконецъ, еслибъ оно было такъ, то вѣдь въ девять мѣсяцевъ давнымъ давно уже можно бы «воспользоваться», и однако-жъ — Ирина Борисовна безспорно владѣетъ всѣмъ, что досталось ей по завѣщанію!

Вантрикъ, не перебивая, выслушалъ все это объясненіе, но по окончаніи пристально посмотрѣлъ на Людмилу съ такою самоувѣренною-недовѣрчивою улыбкой, которая могла бы смутить многихъ, однако ее не смутила.

— Что это за странный взглядъ, г-нъ Вантрикъ, въ отвѣтъ на мои слова? — сказала она, съ сознаніемъ своего достоинства поднимая голову.

— Все это прекрасно-съ и для всякаго другого слѣдователя было бы очень убѣдительно, — отвѣтилъ Жаночка съ ядовитой усмѣшкой. — Но вы забываете, что я въ отношеніи васъ стою нѣсколько въ иныхъ условіяхъ. Я вамъ напомню теперь странную пропажу двухъ документовъ изъ дѣла вашего бывшаго мужа; я вамъ напомню, что эти документы были найдены у васъ въ ютѣхъ за образомъ. Положимъ, хоть въ томъ дѣлѣ они не имѣли никакого значенія, но удивительное исчезновеніе ихъ становится очень знаменательнымъ въ связи съ настоящимъ дѣломъ. Теперь я понимаю, почему имъ нужно было исчезнуть!

— Да; но я не понимаю, почему вы это *мнѣ* высказываете и что вы этимъ хотите сказать? — возразила неуязвимая Людмила.

— Не болѣе, какъ то, что документы эти имѣютъ свое, и притомъ немалое, значеніе по настоящему дѣлу, и потому имъ *нужно* было исчезнуть, а для этого было пущено въ ходъ все, не исключая даже и тѣхъ жертвъ, которыя принесла мнѣ ваша добродѣтель.

— Г-нъ Вантрикъ! — гордо поднимая голову, установила его Людмила.

— Таково мое внутреннее убѣжденіе! — со вздохомъ и язвительною улыбкою пожалъ плечами Жаночка.

— Можете оставаться при вашихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ, сколько вамъ угодно: ваше внутреннее убѣжденіе еще не есть доказанный юридическій фактъ, и потому не смѣйте оскорблять меня подобными предположеніями!

— Я не оскорбляю! Я только говорю, что по внутреннему моему убѣжденію, теперь я вижу и понимаю, почему этимъ документамъ нужно было исчезнуть.

— Въ такомъ случаѣ, постарайтесь отыскать ихъ! — не безъ ироніи предложила ему Людмила.

— Увы! старанія мои были сегодня безуспѣшны!... Не можете ли въ этомъ *вы* мнѣ, Людмила Сергѣевна?

— Могу помочь однимъ только добрымъ совѣтомъ: оставьте въ сторонѣ свои внутреннія убѣжденія и дѣйствуйте такъ, какъ предписываетъ слѣдователю законъ; или же оставьте слѣдствіе и присоединяйтесь къ обвиненію; тогда, по крайней мѣрѣ, публика услышитъ вашъ пикантный разсказъ о томъ, какъ вы, будучи слѣдователемъ по дѣлу политическаго преступника, вступили въ связь съ его женою... однимъ словомъ, все, что стносится до этихъ документовъ и до вашего внутреннего убѣжденія. Могу заранѣе обѣщать вамъ большой интересъ и въ публикѣ, и въ вашемъ начальствѣ, которое увидитъ, какого прекраснаго чиновника имѣетъ въ вашемъ лицѣ!

— Я этого не сдѣлаю! — съ жаромъ благороднаго негодованія воскликнулъ Жаночка, очень хорошо понявшій подкладку послѣднихъ словъ. — Я этого не сдѣлаю! Не въ моихъ правилахъ компрометировать имя женщины, какова бы она ни была!

— Въ такомъ случаѣ не можете и мнѣ высказывать вашихъ «внутреннихъ убѣжденій», — поклонилась ему Людмила. — Я не возьму на себя трудъ оспаривать ихъ, — продолжала она, — и если они у васъ есть, то постарайтесь на основаніи ихъ раскрыть небывалое преступленіе!.. Но, если не ошибаюсь, судъ принимаетъ въ соображеніе не внутреннее убѣжденіе слѣдователя, а только факты, которые имъ раскрыты. — Постарайтесь же доставить суду факты, г-нъ Вантрикъ!

— Надо отдать вамъ полную справедливость: вы неуязвимы! — съ внутренней досадой, при сознаніи полной своей неудачи, замѣтилъ Жаночка, подымаясь съ мѣста. — Но я воспользуюсь вашимъ добрымъ совѣтомъ, — продолжалъ онъ, — я, дѣйствительно, постараюсь доставить суду факты!

— Отъ всей души желаю, чтобы старанія ваши увѣнчались полнымъ успѣхомъ, — иронически поклонилась ему *м-ше* Вельтишева.

Объясненіе было кончено, но герои его разошлись далеко не съ одинаковыми чувствами. Жаночка былъ золъ на неудачу и Людмилу, потому что страдало его самолюбіе, задѣтое за-живое ея высокомернымъ тономъ и ироніей; ему хотѣлось бы теперь нравственно раздавить, уничтожить эту женщину, и тѣмъ отомстить ей за настоящее, и за прошлое, за ту послѣднюю сцену, которую онъ долженъ былъ вынести въ ея квартирѣ въ присутствіи Вельтишева; онъ чувствовалъ, что и тогда, и теперь — остается постоянно въ дуракахъ передъ нею и что онъ безсиленъ дать ей чувствительныя доказательства противнаго. Будучи внутренне убѣжденъ, что преступленіе дѣйствительно было совершено, онъ все-таки не

могъ доказать хотя бы даже вѣроятность его, потому что не идти же ему, въ самомъ дѣлѣ, рассказывать передъ судомъ исторію пропажи документовъ изъ дѣла, такъ какъ отъ этого могла бы сильно пострадать его репутація и служебная карьера, которую болѣе всего дорожилъ чиновничьи-щепетильный Жаночка. Онъ могъ теперь мстить Людмилѣ только разными прижимками и стѣсненіями ея личной свободы—и рѣшился дѣлать это съ особеннымъ удовольствіемъ: «вотъ же, молъ, тебѣ: не мытьемъ, такъ катаньемъ!»

Что же касается Людмилы, то послѣ объясненія съ Вантрикомъ она вышла изъ «диванной» далеко спокойнѣе, чѣмъ за полчаса, когда входила въ эту комнату для допроса. Она успѣла добиться, что ей было нужно. Она знала теперь, что преступленіе раскрыто Ириной, которая голословно обвиняетъ себя и Платона, и что Вантрикъ, изъ боязни за собственную шкуру, промолчалъ о пропажѣ документовъ. При отсутствіи всякихъ другихъ уликъ, этого было совершенно достаточно для спокойствія Людмилы, которую заботила теперь одна лишь мысль: какими бы судьбами передать все это для свѣдѣнія своему мужу, чтобы успокоить и его, разсѣять въ немъ то чувство томительной неизвѣстности, въ какомъ, по мнѣнію ея, онъ долженъ былъ находиться.

Писать ему, казалось ей, небезопасно: записка могла бы быть перехвачена, и тогда явится довольно значительная улика. Да и дойдетъ ли еще записка по назначенію, если въ его кабинетѣ постоянно стоитъ на караулѣ или жандармъ или тысящій? Подкупить ихъ? Но это довольно трудно и было бы возможно только при содѣйствіи вполнѣ вѣрнаго, преданнаго и очень ловкаго человѣка, а такого не было теперь при Людмилѣ, которая и сама испытывала всю тяжесть ареста, да и подкупъ можетъ быть обнаруженъ. А для Людмилы было въ высшей степени важно ничѣмъ не скомпрометировать себя или мужа во всемъ этомъ дѣлѣ.

VIII.

Нужное слово сказано.

На другой день Вантрикъ объявилъ ей, чтобы она готовилась къ отъѣзду.

— Куда же мы поѣдемъ?—спросила она.

— Въ Петербургъ сударыня.

— И какъ скоро это будетъ?

— Нынче же днемъ, часа въ четыре.

— Сегодня! — воскликнула Людмила.— Но, Боже мой, развѣ есть возможность изготавиться къ отъѣзду такъ неожиданно, въ нѣсколько часовъ?!—Помилуйте!

— Время слишкомъ достаточно и тѣмъ болѣе, что вы должны ограничиться лишь са-

мыми необходимыми въ дорогѣ вещами: смѣна платья да двѣ-три смѣны бѣлья, и только.

— Какъ! вы даже берете на себя предпринимать мнѣ условія моего гардероба?! Не слишкомъ ли ужъ это, г-нъ слѣдователь?

— Отнюдь не слишкомъ, сударыня, потому что вы не по своей охотѣ поѣдете: васъ повезутъ. До желѣзной дороги, впрочемъ, можете воспользоваться вашимъ экипажемъ, но далѣе вы поѣдете на казенный счетъ, а въ Петербургѣ, надо надѣяться, васъ ожидаетъ тоже казенное платье, поэтому избытокъ въ гардеробѣ совершенно излишенъ.

— Мой мужъ тоже поѣдетъ?—раздумчиво спросила Людмила.

— Вашъ супругъ?—О, всенепремѣннѣйше! Но вы поѣдете не вмѣстѣ.

— Я должна съ нимъ видѣться, г-нъ слѣдователь.

— Извините, я нахожу, что это совершенно излишне.

— Какъ!.. Вы мнѣ не можете запретить этого!—горячо и настойчиво вступилась за себя Людмила.—У насъ здѣсь остается хозяйство, цѣлый домъ, дѣла—намъ надо распорядиться всѣмъ этимъ! Вѣдь такъ же невозможно покинуть домъ на произволъ судьбы! Хотя меня и ждетъ, по вашимъ словамъ, «казенное платье», но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы съ мужемъ не имѣли права сдѣлать наши распоряженія, пока отъ насъ не отнято наше имущество! Такое насиліе не можетъ быть оправдано никакими слѣдовательскими соображеніями, и никакой законъ не допуститъ такого произвола! И наконецъ, вѣдь я буду видѣться съ мужемъ въ вашемъ присутствіи, значитъ вамъ нечего опасаться какихъ нибудь стачекъ!

У Людмилы, при первомъ же сообщеніи объ отъѣздѣ, мелькнула мысль—непремѣнно добиться свиданія съ Платономъ, чтобы сообщить ему результатъ вчерашняго своего объясненія; поэтому она теперь и ухватилась съ такой настойчивостью за необходимость этого свиданія. Жаночка хотя и очень желала бы причинить ей даже и въ этомъ отношеніи какую нибудь мелкую неприятность, но ничего не нашель возразить противъ совершенно законныхъ доводовъ Людмилы и потому нѣ-хотя долженъ былъ дать ей свое согласіе.

— Хорошо-съ; но не иначе, какъ въ моемъ присутствіи, сударыня, и съ тѣмъ, чтобы о дѣлѣ не было сказано ни полслова,—сухо кивнулъ онъ ей головою и приказалъ привести Вельтишцева.

— Ты знаешь, что Ирина совершенно голословно обвинила и себя вмѣстѣ съ тобою,—громко и выразительно заговорила Людмила, едва лишь Платонъ Васильевичъ успѣлъ войти въ комнату.

— Сударыня!—быстро и строго перебилъ ее Вантрикъ.

— И мы всею этой нелѣпостію обязаны только ей!—не слушая Вантрика, докончила она мужу.

— Да?—тономъ спокойнаго удивленія отвѣтилъ онъ Людмилѣ.

— Сударыня, если вы скажете о дѣлѣ еще хоть одно слово, я долженъ буду сію же минуту прекратить ваше свиданіе и составлю протоколъ объ этомъ!—пригрозилъ Жаночка.

Но угроза эта была уже поздною.

— Я никакъ не думала, чтобы слова мои могли относиться къ дѣлу,—съ невинною улыбкой возразила Людмила.—Впрочемъ, если вы это находите, я охотно извиняюсь и болѣе не скажу ни полслова!

Да болѣе ей и нечего было распространяться. Она успѣла сказать все, что было нужно, и теперь успокоилась еще болѣе, такъ какъ при первомъ же взглядѣ, брошенномъ на мужа, ясно увидѣла, что онъ спокоенъ и исполнѣн, и это послужило ей вѣрнымъ признакомъ того, что онъ не сказалъ на допросѣ ничего лишняго, ничего щекотливаго или компрометантнаго, что онъ не измѣнилъ своему самообладанію и остался вѣренъ роли исполнѣн праваго и невиннаго человѣка. Дальнѣйшій разговоръ шелъ уже исключительно о разныхъ домашнихъ распоряженіяхъ, такъ что Жаночка, при всемъ желаніи, не могъ ровню ни къ чему придаться.

— Ну, теперь простимся, другъ мой!—сказала она, когда всѣ распоряженія были сдѣланы, и протянула Вельтищеву руку.—Главное, будь спокоенъ, какъ я!... Намъ бояться нечего!... будемъ надѣяться на Бога и нашу правоту! Прощай же!

За этимъ послѣдовало крѣпкое, выразительное и какъ нельзя болѣе понятное обонимъ пожатіе руки, и они разстались.

■ * ■

Въ пятомъ часу по-полудни у подъѣзда уже стояли запряженные тройки. Людмила сѣла въ свою карету, а рядомъ съ нею, по предложенію Жаночки, помѣстился жандармскій офицеръ; Вельтищева усадили на телѣгу между двумя жандармами, которые должны были конвоировать его до Петербурга; Жаночка помѣстился на другой тройкѣ, а земская полиція на остальныхъ—и звенящій поѣздъ двинулся со двора, сопровождаемый безмолвнымъ удивленіемъ нѣскольکو смущенныхъ крестьянъ и дворовыхъ.

IX.

Въ ожиданіи суда.

Ирина была арестована и подверглась своему заточенію даже съ радостью. Въ лишеніи свободы она видѣла уже начало искупленія. Проводя пѣлые дни въ замкнутомъ одиночествѣ,

она посвящала ихъ молитвѣ и Евангелію и имѣла достаточно времени, чтобы на досугѣ обдумать свое положеніе. Но рѣшеніе, принятое ею въ ночь, которую она провела между ужасомъ и молитвой въ кабинетѣ своего мужа, осталось для нея неизмѣннымъ. Она не боялась кары, она ждала и страстно желала ея, потому что сознаніе своего грѣха все болѣе и болѣе тяготило ее. Душа алкала искупленія. Теперь она не хотѣла даже мстить Вельтищеву и порою, умягченная въ своемъ сердцѣ, настроенномъ столь религіозно, даже посылала себѣ жестокіе упреки за то, что въ первыя минуты не сумѣла обуздать своей страсти, поддавшись желанію мстить и принесла обвиненіе вмѣстѣ со своею и на его голову.—«Лучше было бы принять все на себя и одной, одной безраздѣльно понести всю кару» думалось ей въ эти минуты. «Чѣмъ тяжелѣе кара, тѣмъ больше искупленіе»!

Но сдѣланнаго уже не воротить. Да и какъ она могла бы обвинить одну себя, разъ рѣшившись говорить только правду и этою правдой положить начало покаянію?

Она бы запуталась въ противорѣчіяхъ, въ недомолвкахъ, пришлось бы прибѣгать къ разнымъ хитросплетеніямъ и лгать—опять лгать! А съ ложью не могла болѣе мириться душа Ирины. Такимъ образомъ тайна Вельтищевой невольно вслывала наверхъ, выносила тѣмъ началомъ истины, которое лежало въ искреннемъ покаяніи Ирины. Теперь она сдѣлалась къ нему не только равнодушна, но въ христіанскомъ чувствѣ своемъ даже жалѣла его, болѣла о немъ душою и, упрекая себя въ его несчастіи, намѣревалась употребить на судъ все отъ нея зависящее, чтобы, неискажая истины, облегчить его участь. Словно бы огненными письменами запечатлѣвались въ ея сердцѣ слова: «возлюбите враги ваша»; она знавала всю великость этого христіанскаго завета и, разъ отдавшись полному покаянію, не желала болѣе никому и никакого зла на свѣтѣ. Въ этомъ-то чувствѣ и лежало начало ея упрековъ самой себѣ за судьбу Вельтищевой и Людмилы. Но рядомъ съ этими упреками не умолкала въ ней и жажда возмездія себѣ за свое преступленіе; эта жажда искупительной кары сильнѣе всѣхъ остальныхъ чувствъ проявлялась въ ея душѣ—и Ирина съ покорностію и смиреніемъ ждала своего приговора, молясь только о томъ, чтобы приговоръ этотъ былъ жесточе, безпощаднѣе для нея самой и какъ можно легче для ея сообщника. Въ безграничной вѣрѣ своей, всю силу которой воспріяла только въ своемъ заточеніи, она надѣялась, что высшее милосердіе услышитъ ея первую, самую пламенную и самую чистую молитву.

Между тѣмъ чета Вельтищевыхъ тоже была посажена. Впрочемъ, заточеніе Людмилы было весьма непродолжительно, такъ какъ прокурор-

скій надзоръ освободилъ ее изъ-подъ ареста по недостатку какихъ бы то ни было законныхъ уликъ относительно ея участія въ преступленіи. Съ мужемъ она не могла видѣться: къ нему никого не допускали; но тѣмъ энергичнѣе принялась хлопотать Людмила въ его пользу. Она обратилась къ фонъ-Шнитцли съ просьбой взять на себя защиту ея мужа—непримиримый Гамбетта обѣщалъ ей употребить весь свой талантъ, чтобы блистательно доказать невинность Платона Васильевича.

— Этого требуетъ не только правда, но только дружба моя къ нему,—говорилъ ей Гамбетта,—но и порядочность того литературнаго, дорогаго кружка, къ которому мы принадлежимъ съ вашимъ мужемъ.

Фонъ-Шнитцли вмѣстѣ съ Людмилой возбуждали вопросъ о сомнительномъ состояніи умственныхъ способностей и разсудка Ирины Вельтищевой. Самый фактъ ея самообвиненія былъ столь рѣдкостенъ и оригиналенъ, что на заявленіе знаменитаго адвоката было обращено серьезное вниманіе—и Ирина подвергнута испытанію. Ее перевели въ клиническое отдѣленіе душевныхъ болѣзней.

Когда дѣло подходило уже къ концу, ей, черезъ одного изъ членовъ суда и въ присутствіи экспертовъ, было предложено избрать себѣ защитника.

— Какъ! защищаться?!—воскликнула Ирина.—Я не хочу никакой защиты! Мнѣ нужна не защита, а обвиненія и кара! Я не позволю никому защищать меня и сама не скажу за себя ни слова!

Эксперты и членъ суда значительно переглянулись между собою.

— Вамъ будетъ назначенъ защитникъ судомъ,—объявили ей.

— Я не приму его!—съ твердостью возразила Ирина.

— Но этого требуетъ законъ.

— Я не приму его!—повторила она,—и не думаю, чтобы человѣку насильно можно было навязывать защиту, если онъ самъ вовсе не хочетъ ея!

Послѣ этого объясненія, ее оставили въ покоѣ и вскорѣ опять перевели въ тюремное заключеніе.

* * *

Въ публикѣ не замедлили распространиться самые разнообразныя и противурѣчивыя слухи о «Вельтищевскомъ дѣлѣ». Первые неясные толки были подхвачены маленькою прессой, затѣмъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія перешли на столбцы солидныхъ органовъ. Одна только Цемшева газета іезуитски молчала до времени о своемъ другѣ и сотрудникѣ, дабы быть готовою, на всякій случай, или горячо поддерживать его, или же бросить въ него самый тяжкій камень, что совершенно въ духѣ и характерѣ этой жидовско-добросовѣстной газеты.

Публика комментировала по-своему журнальные слухи, дополняя ихъ новыми свѣдѣніями, которые иногда были основаны на болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ, а чаще всего составляли продуктъ чьейнибудь богатой и досуговой фантазіи. Но такъ или иначе,—все это въ совокупности способствовало возбужденію постоянного и громаднаго интереса въ обществѣ къ «Вельтищевскому дѣлу».

Х.

Покупка и продажа молчанія.

Въ самый разгаръ этихъ общественныхъ толковъ, когда Людмила, вмѣстѣ съ барономъ Шнитцли, были наиболѣе заняты благопріятнымъ для нихъ направлениемъ дѣла, ей дожили однажды, что къ ней пріѣхала ея матушка. Вѣсть объ этомъ неожиданномъ визитѣ кольнула въ сердце и неприятно покоробила Людмилу. Она еще колебалась въ нерѣшительности—принять ли свою нѣжную маменьку, или отказать ей, какъ въ дверь вошла уже Ольга Романовна.

— Здравствуйте, Людмила Сергѣевна, здравствуйте! Давно не имѣла счастья видѣться съ вами!.. Н-да-съ, давненько-таки, давненько-съ!—фыркая сверху нахальнымъ носомъ и принужденно улыбаясь, заговорила маменька, церемонно и словно бы на пружинахъ подступая къ дочери.

— Здравствуйте, мамаша!—отвѣтила та на столько просто и естественно, какъ будто между ними никогда и ровно ничего не происходило неприятнаго.

— Н-да-съ!.. давненько!.. Вы въ это время успѣли и законнымъ бракомъ сочетаться, безъ материнскаго благословенія—понче это, говорить, лишнее, благословенье-то, и безъ него, моль, проживемъ! Анъ выходитъ не совсѣмъ-то такъ!.. Я думаю, на собственномъ примѣрѣ убѣдились, что значить, когда безъ родительскаго благословенія!.. И муженекъ въ тюрьмѣ, да и сами посадѣли!

— Что же вы это, издѣваться пришли надъ мной? Порадоваться нашему несчастію?—съ усмѣшкой горькаго упрека сказала ей Людмила.

— А?!. Боже сохрани, мой другъ!—По одному только христіанскому чувству!.. Какъ маты!.. Какъ мать, желала я давно уже раздѣлить ваше горе, но не смѣла первая придти!.. Я все думала, что ты первая вспомнишь про мать и обратишься къ моему сочувствію; я все ждала, ждала, но только не дождалась!.. Ну, видно, думаю, самой идти приходится!.. Что же, пойду,—авось либо не выгонять!

— А, полнотъ, мамаша! Будто вы и въ самомъ дѣлѣ мнѣ сочувствуете!.. Къ чему пустыя слова говорить!

— Для тебя пустыя, а для меня нѣтъ!.. Но

если въ нѣнѣшнѣй вѣкъ дочерямъ материнская любовь и сочувствіе выѣденнаго яйца не стоятъ, такъ я пришла изъ сочувствія къ зятю... Онъ всегда былъ ко мнѣ такъ почтителенъ, всегда такъ любилъ и уважалъ, всегда такую дружбу питалъ ко мнѣ, что у меня теперь за него, голубчика, все сердце изныло!.. Я только желала знать, что съ нимъ и въ какомъ положеніи его дѣло, и здоровъ ли онъ?

— Здоровъ и спокоенъ, а дѣло пока въ прекрасномъ положеніи, — коротко и суховато сообщила Людмила.

— Да? — радостно ослабилась матушка. — Ну, слава тебѣ, Господи!.. Я ужъ и къ Спасителю ѣздила, и у Всѣхъ Скорбящихъ Радости два молебна за него служила! Лишняя слеза передъ Богомъ иногда тоже много, мой другъ, значить... Да и Платонъ Васильевичъ тоже со-временемъ увидитъ, что я къ нему, какъ въ счастьи, такъ и въ горести, не на словахъ однихъ расположеніе питаю... Онъ почувствуетъ, какъ у меня о немъ сердце болѣло!.. Но разскажи же мнѣ, другъ мой, про дѣло! — съ выраженіемъ живѣйшаго участія обратилась она къ дочери.

— Да что же про дѣло? Я уже вамъ сказала, что оно въ прекрасномъ положеніи! — не хотя отговорила Людмила.

— Хм... да такъ ли, другъ мой, такъ ли?.. сомнительно зачала головою экс-балерина. — Я въ «Листкѣ» читала, что, напротивъ, Платону угрожаетъ несомнѣнное осужденіе.

— Осужденіе не можетъ угрожать тамъ, гдѣ нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ! — съ плохо-скрытымъ неудовольствіемъ отчеканила Людмила.

— Ну, какъ же это нѣтъ! Да вѣдь деньги-то были же украдены? И притомъ украли-то ихъ какъ-разъ въ самый день смерти?

— Кто же это видѣлъ и кто это знаетъ? — уже съ явной досадой нахмурилась Людмила.

— Какъ, кто?! Да хоть я, напримѣръ... Развѣ не ты сама въ ту же ночь привезла ихъ ко мнѣ и передала своими собственными руками?.. Развѣ этого, мой другъ, не было?

— Ну, такъ что-жъ? — отвернувшись отъ нея, проворчала Людмила.

— Да ничего. Я только къ тому, что ты говоришь, будто нѣтъ никакихъ фактовъ и доказательствъ; а развѣ это не фактъ и не доказательство?

— А, такъ вотъ оно что!.. Ну, признаюсь, я не думала, что вы пойдете въ судъ и станете доказывать!

— Я?!. Чтобы я, и вдругъ по собственной своей волѣ, да сохрани меня, Боже! Я — никогда!.. Я только такъ, къ слову это сказала. Сама я никогда не пойду уличать; но если — чего не дай Богъ, конечно — меня притянутъ къ дѣлу и заставятъ свидѣтельствовать, я, какъ христіанка, покажу по совѣсти, потому что я вѣдь святую присягу передъ этимъ принимать

должна — торжественную, другъ мой, присягу! Это для васъ, нигилистовъ, присяга не имѣетъ значенія, а я еще не такъ воспитана!

— И потому пойдете свидѣтельствовать противъ дочери и зятя?..

— Другъ мой, я уже сказала, что сама не пойду; но если меня притянутъ и притомъ подѣ присягою... Ахъ, мой ангелъ, надо вѣдь и о смертномъ часѣ своемъ подумать... Вы — люди еще молодые и богатые, такъ вамъ оно, пожалуй, что и ничего, а я вѣдь уже свое отжила и притомъ челоуѣкъ я бѣдный, и позаботиться объ мнѣ некому, да и надѣяться не на что!.. Вы вонъ съ муженькомъ богачи, миллионеры, а я, даромъ что родная мать тебѣ, а чуть не безъ башмаковъ хожу, и старость моя ничѣмъ не обезпечена!.. заплѣла маменька въ грустно-минорномъ тонѣ. — А въ нѣнѣшнѣй вѣкъ на родныхъ-то дѣтокъ плоха надежда!.. говорила она со вздохомъ, — да я и не надѣюсь... Мнѣ отъ васъ ничего не нужно! Не бойтесь: не попрошу! А самимъ вамъ, конечно, гдѣ же догадаться, что мать въ дырявыхъ башмакахъ пеголяетъ!.. Послѣ этого, конечно, нечего и съ своей стороны разсчитывать вамъ на родственныя чувства!.. Каковы вы ко мнѣ, такова и я къ вамъ!.. Такъ-то, мой ангелъ!

— Къ чему же вы мнѣ все это высказываете? — съ нетерпѣніемъ и горечью сильной досады повернулась къ ней Людмила.

— А къ тому и высказываю, другъ мой, чтобы вы знали и чувствовали!.. Неблагодарность дѣтей — вотъ что пронзаетъ сердце родительское! Эгоизмъ вашъ и неблагодарность!

— Послушайте, — рѣшительно прищурилась на нее Людмила. — Я понимаю васъ! Вы, наконецъ, заставили меня понять васъ настоящимъ образомъ. Скажите же прямо, безъ околичностей: сколько вы желаете получить съ насъ за ваше молчаніе? Говорите не стѣснясь!

— Мнѣ ничего, мой другъ, не нужно!.. Я не желаю чужого! — со вздохомъ смиренія потупила матушка свои грустные глазки. — Если вы сами раньше и добровольно не догадались о нуждахъ родной матери, такъ я сама ни просить, ни вымогать не стану!.. Не въ моихъ, другъ мой, это правилахъ!

— Э, Боже мой! — съ досадой махнула рукой Людмила. — Бросьте вы, наконецъ, эти комедіи! Что вамъ со мной-то притворяться!.. Слава тебѣ, Господи, кажись, не первый день знакомы другъ съ другомъ! Развѣ, что вы сами мнѣ раскусили и въ ротъ положили — чего вамъ хочется, такъ говорите прямо и давайте торговаться! Хотите вы пять тысячъ?

— Я продажной женщиной, другъ мой, никогда не была! — съ грустнымъ достоинствомъ замѣтила матушка.

— Я васъ спрашиваю, хотите ли вы пять тысячъ? — настойчиво повторила Людмила.

— Пять тысячъ!.. хм!.. укоризненно и уныло

покачала головой Ольга Романовна. — Ты, друг мой, постыдилась бы и говорить-то это!.. Пять тысяч!.. Отъ такого-то богатства да вдруг пять тысяч! Это все равно, что собакъ съ богатаго стола бросить корку хлѣба!.. Развѣ пять тысячъ могутъ успокоить и обезпечить мою старость?.. Вѣдь я сирота! Твой отецъ — не тѣмъ будь помянутъ, царство ему небесное! — не позаботился — спасибо ему — оставить мнѣ запасныхъ капиталовъ, а что и было оставлено — какая-нибудь малость ничтожная, такъ все это на твое же воспитаніе ушло, а сама я ровно ничѣмъ не пользовалась, а теперь, за всѣ мои труды и заботы, за всю любовь мою, за то, что я сердцемъ моимъ всю жизнь о тебѣ болѣла, ты мнѣ вдругъ пять тысячъ предлагаешь!.. Это надо никакой совѣсти въ глазахъ не имѣть!.. Да я лучше съ рукой пойду, лучше съ голоду околю, чѣмъ возьму отъ тебя такую подачку!.. Ничего, пускай люди добрые дивуются да говорятъ: смотрите-молъ, это мать миллионерши Христа-ради проситъ!

— Ну, сколько же вы хотите? Семь, восемь? ну, наконецъ, десять тысячъ? — брезгливо спросила Людмила.

— Десять тысячъ! — подфыркнула матушка. — Да я и мараться изъ-за такого ничтожества не стану! Чтобы ты потомъ могла сказать, что родную мать свою за десять тысячъ купила! — Да ни за что на свѣтѣ!

— Ну, такъ назначьте сами! Во сколько вы цѣните ваше молчаніе?

— Я не молчаніе свое цѣню, а вниманіе ваше ко мнѣ оцѣнила бы, еслибъ оно было! — грустно запѣла Ольга Романовна. — У васъ миллионы, а моя старость ровно ничѣмъ не обезпечена. Другая вы дочь, которая не забываетъ, чѣмъ обязана своей матери, на твоѣмъ-то мѣстѣ прежде всего позаботилась бы положить на мать капиталецъ, чтобы хоть процентами обезпечить ея существованіе. Не бойся, умру — все къ вамъ же возвратится, другимъ не оставлю! Бывало, я съ тобой послѣднимъ дѣлилась!.. Какъ у Коробова, бывало, денегъ нѣтъ, а тебѣ въ клубъ или въ маскарадъ хочется, я послѣднихъ пяти рублей для тебя не жалѣла!.. А ты теперь торгуешься со мной, какъ съ тварью какой продажной!

И Ольга Романовна накукусилась и заплакала отъ всей полноты своего чувствительнаго сердца.

— Что касается до обезпеченія, я охотно это сдѣлаю, но только не теперь, — заявила Людмила, — а теперь, сами вы знаете, на имущество наше наложено запрещеніе, впредь до обочанія дѣла; теперь мнѣ не изъ-чего васъ обезпечивать!

— То-то вотъ оно и слѣдовало бы раньше объ этомъ позаботиться! — грустно укорила маменька; — тогда-то, по крайней мѣрѣ, еслибы даже и вовсе отобрали у васъ имущество, такъ

все же ты не осталась бы безъ куса хлѣба, знала бы хоть то, что у матери для тебя же припасено на черный день!

— Ну, что-жъ дѣлать, недогадалась! — пожавъ плечами, какъ-то двусмысленно улыбнулась Людмила.

— А на посулъ-то всѣ мы щедры бываемъ! — грустно качая головой, со вздохомъ продолжала маменька. — Мы и съ Богомъ-то такъ, а не то что съ людьми! Какъ приспѣетъ какое горе или несчастье, тутъ мы и давай сейчасъ молиться, и обѣты разные даемъ, и все такое, а прошло горе, наступили опять радости, мы — гляди — и отъ Бога отвернулись, и обѣты свои забыли!.. Такъ-то, дружокъ мой, Людмила!

— Эту притчу, конечно, мнѣ надо на усь намотать? — все съ той же усмѣшкой спросила ш-ше Вельтишева.

— Понимай, какъ хочешь, мой другъ! — скромно потупила глазки Ольга Романовна; — а только, конечно, ежели вы выиграете дѣло, то ты про мать позабудешь, и я останусь на бобахъ, при одномъ твоѣмъ посулѣ! Я это прекрасно знаю!

— Такъ чего же вы, наконецъ, хотите отъ меня!? Денегъ вамъ теперь я дать не могу — я и сама пока нуждаюсь! — вконецъ уже вспылила Людмила.

— Не можешь денегъ дать, выдай документъ на себя! — совсемъ ужъ беззащитно огоршила ее своимъ предложеніемъ маменька; — выдай мнѣ вексель заднимъ числомъ, будто онъ написанъ еще тогда, когда дѣло не подымалось — понимаешь, другъ мой? — и пиши его не на срокъ, а просто «впредь до востребованія». Если вы выиграете, дѣло, ты мнѣ заплатишь, а не выиграете — ну, стало-быть, ужъ такое мое счастье спросткое! Тогда и вексель возвращу тебѣ.

— Это практично! — глядя на мать полусмѣшнымъ, полупрезрительнымъ взглядомъ, процѣдила сквозь зубы Людмила. — Я даже и не ожидала отъ васъ такой практичности!.. Въ какую же сумму прикажете писать вамъ вексель?

— А въ такую, чтобы вся старость моя была обезпечена.

— Это слишкомъ неопредѣлительно: какъ понимать обезпеченіе! — Вы потрудитесь сказать сумму.

— Что мнѣ сказывать! Ты сама должна бы это чувствовать!

— Я ничего не чувствую. Я знаю только, что ни на пять, ни на десять тысячъ вы не согласны.

— Несогласна, другъ мой, никакъ не согласна, и марать себя не желаю!

— Ну, такъ я вамъ скажу мою послѣднюю цифру! — рѣшительно приступила Людмила. — Я вамъ дамъ двадцать пять тысячъ и больше ни копейки! По шести процентовъ это принесетъ

вамъ полторы тысячи въ годъ дохода, а такъ какъ вы, конечно, будете давать ихъ въ ростъ подъ заклады, то можете имѣть не полторы, а и пять или шесть тысячъ въ годъ. Кажется, это достаточное обезпеченіе для вашей старости!

Ольга Романовна потупилась и молча размышляла.

— Хоть это и не Богъ знаетъ что,—сказала она, наконецъ, съ грустнымъ вздохомъ, —но въ пошлѣйшій вѣкъ отъ родныхъ дѣтей нечего ждать многого!.. Извольте, Людмила Сергѣевна! Я соглашаюсь, потому что на это меня вынуждаетъ крайность, вѣрите—одна только моя горькая крайность! Мнѣ надо самой о себѣ заботиться, чтобы на старости лѣтъ не умереть съ голоду —*другіе* вѣдь не позаботятся!

Вексель былъ написанъ —и молчаніе Ольги Романовны куплено.

XI.

День судный.

Зала засѣданія суда была полна публикою, которая наполняла и корридоры, и лѣстницу, и толпилась у подъѣзда; все это стремилось попасть какими ни на есть, судьбами туда, гдѣ долженъ былъ разыгратъ самый интереснѣйшій эпизодъ юридической драмы. Интересъ къ «Вельтищевскому дѣлу», муссированный газетами и городскими толками, возросъ до величайшей степени. Платонъ Вельтищевъ и Ирина рѣшительно сдѣлались героями дня. Не было той гостиной, не было того уголка въ городѣ, гдѣ бы не повторялись ихъ имена, гдѣ не говорилось бы о «Вельтищевскомъ дѣлѣ».

— Судъ идетъ! —громко возгласилъ судебный приставъ, входя въ залу засѣданія.

Публика, съ глухимъ шумомъ, всегда сопровождающимъ одновременное движеніе людской массы, поднялась со скамеекъ.

Члены суда заняли свои мѣста на возвышеніи, за краснымъ столомъ, гдѣ стояло золоченое зеркало; адвокаты размѣстились въ обычныхъ, отводимыхъ для нихъ помѣщеніяхъ; стенографы насторожили уши. Все приготовилось къ одной изъ самыхъ интересныхъ минутъ, какою, по справедливости, можетъ быть названо первое появленіе виновниковъ дѣла передъ лицомъ суда и публики. Но болѣе всѣхъ блистала и красовалась на адвокатскомъ мѣстѣ защитникъ Вельтищева, знаменитый баронъ фонъ-Шнитцли, который, казалось, всѣмъ лицомъ и всею фигурой своею выражалъ незыблемую увѣренность въ правотѣ своего кліента и какъ-бы заранѣе уже предвкушалъ свое побѣдоносное торжество. Защитникъ Ирины былъ назначенъ судомъ какой-то шилообразный господинъ, который отличался

своею ничтожностью, бездарностью и либерализмомъ пемшевскаго пошиба. Онъ былъ косвенно рекомендованъ барономъ фонъ-Шнитцли.

— Введите подсудимыхъ! —распорядился председательствующій—и черезъ минуту Вельтищевъ и Ирина, окруженные жандармами, были взведены приставомъ на скамью обвиняемыхъ. Платонъ Васильевичъ былъ во фракѣ, а на Ирину изящно драпировалось длинными, ниспадающими складками черное суконное платье. Лорнеты, бинокли и сотни взоровъ одновременно направились на группу этихъ двухъ лицъ. Каждый изъ присутствовавшихъ хотѣлъ прочесть на ихъ физиономіяхъ выраженіе того внутренняго чувства, которое волновало ихъ въ эту минуту.

Лица обоихъ были блѣдны, но спокойны, съ тою лишь разницею, что въ спокойствіи Ирины сказывалась убѣжденность въ своей виновности, ожиданіе обвиненія и покорная надежда на достодолжную кару; въ лицѣ же Платона присутствовала какая-то равнодушная апатія; онъ какъ будто вовсе даже не интересовался ходомъ предстоящаго дѣла, и въ то время, какъ взоръ Ирины устремлялся исключительно на лицъ, засѣдавшихъ за судебскимъ столомъ, глаза Платона лѣниво блуждали по рядамъ публики, словно бы отыскивая въ средѣ ея своихъ знакомыхъ.

Послѣ обыкновенной процедуры выбора присяжныхъ, ихъ отвода и проч., подсудимымъ были предложены обычно-формальные вопросы о лѣтахъ и званіи, а затѣмъ началось чтеніе обвинительнаго акта.

— Подсудимая! признаете ли вы себя виновной? —обратился председательствующій къ Ирине, по окончаніи чтенія.

— Признаю! —было съ ея стороны твердымъ, сознательнымъ и спокойнымъ отвѣтомъ.

Но на тотъ же вопросъ, предложенный Вельтищеву, онъ отвѣчалъ отрицательно, и его «нѣтъ» было сказано столь же твердо, сознательно и спокойно, какъ и «да» Ирины.

Начался допросъ свидѣтелей.

Первымъ былъ спрошенъ врачъ, постоянно лечившій покойнаго Максима Григорьевича, который показалъ, что когда былъ призванъ къ своему пациенту, то нашелъ его уже мертвымъ и далъ тогда свое заключеніе для предъявленія въ полицію, что смерть послѣдовала отъ нервнаго удара, ибо покойный, работавъ чрезвычайно много и усидчиво, былъ въ послѣдніе годы своей жизни постоянно подверженъ головнымъ болямъ и нервному разстройству. При томъ же мнѣніи врачъ остается и въ настоящую минуту. Что же касается до отравленія, то въ то время такого подозрѣнія и въ голову никому не приходило.

Затѣмъ предсталъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ тузовъ бывшей откупной колоды—отставной прапорщикъ Картонаки.

— Вы знавали покойнаго Максима Вельтищева?—спросилъ его председатель.

— Очень близко; я имѣлъ съ нимъ постоянныя дѣла,—отвѣчалъ свидѣтель.

— Какого рода были это человѣкъ? Что вы можете сказать о его характерѣ?

— Человѣкъ очень предприимчивый, но въ высшей степени осторожный, осмотрительный и въ расчетахъ своихъ былъ чрезвычайно аккуратенъ и честенъ.

— Какое отношеніе имѣлъ онъ къ капиталамъ подсудимаго?

— На сколько намъ было всегда извѣстно,—отвѣчалъ подумавъ Картонаки,—покойникъ считалъ Платона Васильевича въ числѣ своихъ постоянныхъ компаньоновъ и велъ его дѣла,—по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныя.

— Каковы были ихъ взаимныя отношенія?

— Самые близкія и родственныя. Впрочемъ, Платонъ Васильевичъ былъ ближайшимъ родственникомъ покойника, который очень любилъ его и относился къ нему всегда, можно сказать, съ самымъ отеческимъ чувствомъ. Точно также и въ Платонѣ Васильевичѣ я всегда видѣлъ одну только почтительность, уваженіе и любовь къ покойнику. Они были очень близки между собою.

— Въ какихъ отношеніяхъ находился покойный къ своей женѣ, и вообще расскажите намъ, на сколько вамъ это извѣстно, каковы онъ былъ въ своемъ домашнемъ быту?

Картонаки сообразился мысленно съ предложеннымъ ему вопросомъ и отвѣтилъ съ полною искренностію:

— Онъ былъ самымъ вѣрнымъ и любящимъ мужемъ,—сказалъ онъ,—и, на сколько могу судить, супруга его постоянно отвѣчала ему полною взаимностію; по крайней мѣрѣ, никакая молва, никакая глухая сплетня никогда не касалась ея имени. Всѣ мы, друзья и хорошіе знакомые покойника, постоянно смотрѣли на его бракъ, какъ на счастливое и примѣрное супружество. Намъ всегда казалось, что эта чета очень любитъ другъ друга. Притомъ же покойникъ велъ очень скромный родъ жизни, имѣлъ очень ограниченный кругъ избранныхъ знакомыхъ, все людей солидныхъ и болѣею частью семейныхъ, состоятельныхъ и съ положеніемъ въ свѣтѣ. Онъ избѣгалъ безцѣльныхъ свѣтскихъ знакомствъ и, сколько помню, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ его домѣ свѣтскихъ молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ.

— Онъ никогда не высказывалъ, хотя бы въ косвенныхъ намекахъ, какихънибудь жалобъ и неудовольствій на свою семейную обстановку?

— Никогда!—горячо заявилъ Картонаки,—никогда! Иногда только печалился, что Богъ не даетъ ему прямого потомства, но къ супругѣ своей, и въ глаза и за глаза, относился всегда съ уваженіемъ и любовью. Да, впрочемъ, то, что онъ любилъ ее, уже достаточно видно изъ его духовнаго завѣщанія: вѣдь онъ сдѣлалъ ее

наслѣдницей тѣхъ капиталовъ, которые никогда не были пускаемы ни въ какіе обороты и составляли его неприкосновенную собственность. Онъ копилъ ихъ нарочно съ этою цѣлю; это одно уже показываетъ, на сколько онъ всегда о ней заботился.

— Вы говорите, что супруга его всегда платила ему полною взаимностію?

— Да, на сколько мы, посторонніе люди, могли это знать и видѣть.

— Но не замѣчали ли вы чего нибудь особеннаго въ отношеніяхъ г-жи Вельтищевой къ подсудимому?

Картонаки пожалъ плечами.

— Такъ какъ подсудимый былъ самый близкій и неизмѣнный компаньонъ и при томъ ближайшій родственникъ покойнаго,—отвѣчалъ онъ,—то, понятное дѣло, что онъ былъ и самымъ близкимъ лицомъ въ его домѣ; но кромѣ обыкновенныхъ родственныхъ отношеній, между Платономъ Васильевичемъ и Ириной Борисовной ни я да, надѣюсь, и никто изъ насъ не замѣчалъ ничего особеннаго.

— Но, можетъ быть, ходили какіе нибудь темныя слухи?..

— Никогда и на какихъ! Повторяю, мы всѣ считали это супружество примѣрнымъ—съ полнымъ убѣжденіемъ и достоинствомъ отвергъ Картонаки сдѣланное предположеніе.

— Вы присутствовали при похоронахъ Вельтищева?—спросили его.

— Какъ же! Я былъ тамъ.

— Не замѣтили ли вы тогда чего нибудь особеннаго, страннаго въ поведеніи и въ поступкахъ подсудимыхъ?

— Ирина Борисовна при этомъ не присутствовала, заявилъ свидѣтель,—а что касается Платона Васильевича, то онъ былъ очень огорченъ, все время шелъ за колесницей, безъ шапки, и самъ отнесъ гробъ въ могилу. Я могъ замѣтить только, что онъ опечаленъ своею потерей, но особеннаго или страннаго опять-таки ровно ничего въ немъ не видѣлъ.

Подсудимый попросилъ позволенія предложить одианъ вопросъ свидѣтелю.

— Не припомните ли вы, г-нъ Картонаки,—сказалъ онъ,—когда, идучи за гробомъ, вы освѣдомились у меня, почему вдова не присутствуетъ здѣсь, что я отвѣчалъ вамъ на это?

— Да, я помню, отвѣтилъ свидѣтель, подумавъ.—Я помню, что, дѣйствительно, спросилъ васъ, и вы мнѣ сказали тогда, что Ирина Борисовна до такой степени потрясена своею неожиданной потерей, что сдѣлалась совсѣмъ больна; вы говорили, что боится, какъ бы не было нервной горячки, и даже выражали опасеніе, какъ бы эта смерть не повліяла на ея рассудокъ.

— Благодарю васъ; я болѣе ничего не имѣю спросить васъ,—скромно поклонился ему Вельтищевъ.

Допросы коммерціи совѣтника Пупырева и другихъ, болѣе или менѣе, компетентныхъ свидѣтелей, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, совершенно согласовались съ показаніемъ Картонаки. Да и что же иное могли бы показаты эти люди, оставаясь строго-добросовѣстными и безпристрастными?

Во всѣхъ отвѣтахъ, данныхъ этими свидѣтелями, личность Ирины выходила вполне безукоризненной; она рисовалась ими, какъ женщина честная, любящая и любимая своимъ мужемъ до конца его жизни. Ни одно пятно даже малѣйшаго подозрѣнія не было наложено передъ судомъ на ея доброе имя по отношенію къ Платону. Далѣе, изъ этихъ же отвѣтовъ обнаружилось, что Платонъ, въ качествѣ ближайшаго компаньона и душеприказчика, занимался даже и въ деревнѣ ликвидаціей дѣлъ покойнаго, которая была прервана только его внезапнымъ арестомъ, что болѣе половины долщиковъ, и притомъ самыхъ крупныхъ, были уже удовлетворены имъ въ своихъ претензіяхъ, получивъ обратно внесенныя ими суммы. Многие свидѣтели подтвердили также и то, что при похоронахъ замѣчали слѣды глубокаго горя и страданія на лицѣ Платона, что они ясно видѣли, какъ этотъ человѣкъ былъ потрясенъ потерей своего родственника, а нѣкоторые вспомнили и высказанныя имъ опасенія за возможность разстройства умственныхъ способностей вдовы, убитой тогда безграничнымъ горемъ. Всѣ эти показанія, въ совокупности, служили, какъ нельзя болѣе, въ пользу подсудимаго.

Послѣ опроса свидѣтелей, вызванныхъ защитой, передъ судомъ предстали одинъ за другимъ домашніе люди покойнаго и, между прочимъ, конторщикъ, а затѣмъ Демьянъ, камердинеръ.

На вопросъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ между супругами и Платономъ, вся вообще прислуга показала, что баринъ съ барыней жили ладно, что ссоръ между ними не замѣчалось, что баринъ всегда самъ заправлялъ всѣмъ домоу, а барыню хоть и любилъ, но держалъ въ рукахъ и не давалъ ей воли, что Платонъ Васильевичъ почитался всегда своимъ домашнимъ и роднымъ человѣкомъ и былъ очень друженъ съ барыней, засиживаясь иногда на ея половинѣ до часу ночи и долѣе, но что покойникъ, почитая его за родственника, не видѣлъ въ этомъ дурного и не ревновалъ къ нему супругу, — по крайней мѣрѣ, домашніе никогда не были свидѣтелями между ними сценъ этого рода и сами не могутъ утверждать, было ли въ отношеніяхъ подсудимыхъ что-нибудь предосудительное.

Когда Платону было предложено возразить что-либо противъ этихъ показаній, онъ съ совершенно спокойнымъ и открытымъ видомъ заявилъ, что все это правда, что онъ дѣйстви-

тельно былъ всегда очень друженъ съ Ириной Борисовной, но источникъ этой дружбы былъ самый чистый и происекалъ только изъ близкихъ родственныхъ отношеній; а что въ немъ не было ничего предосудительнаго, то это лучше всего доказывается взглядомъ на ихъ отношенія самого покойнаго, который, будучи человѣкомъ очень умнымъ, практичнымъ, осторожнымъ и держа, по словамъ тѣхъ же свидѣтелей, въ рукахъ свою жену, не дѣлалъ однако же ни ей, ни ему ни малѣйшихъ сценъ ревности; стало быть, самъ онъ, зная слишкомъ хорошо и его, и свою жену, не могъ допустить даже и мысли о возможности чего-либо предосудительнаго въ этихъ отношеніяхъ.

Ирина не возражала. Она сидѣла, глубоко потупясь въ землю и подперевъ рукою свою голову.

Демьяну предложили вопросъ: былъ ли подсудимый въ домѣ покойнаго въ день его смерти?

— Они въ тотъ разъ у насъ кушали, — утвердительно отвѣтилъ камердинеръ.

— Кто первый узналъ о смерти Максима Григорьевича?

— Я-съ. Потому какъ я вошелъ въ кабинетъ, чтобы разбудить ихъ — они обыкновенно почивать изволили послѣ обѣда — и здѣсь увидѣлъ, что баринъ померши; думалъ сначала, что имъ дурно, и позвалъ людей, а потомъ пошелъ доложить барынь.

— Въ какомъ положеніи вы нашли барыню, когда вошли къ ней въ комнату?

— Онѣ, казалось мнѣ, изволили тоже почивать или дремали... Я ихъ засталъ, что онѣ лежали на кушеткѣ, покрывшись платкомъ.

— Какъ барыня приняла ваше извѣстіе о смерти Максима Григорьевича? — спросилъ защитникъ Вельтишева, знаменитый фонъ-Шницли. — Что она, встрѣтила его спокойно, какъ бы уже заранѣе знала про это?

— Ой, нѣтъ! — съ убѣжденіемъ отвергъ Демьянъ послѣднее предположеніе. — Онѣ сначала, будто съ просонковъ, даже и не поняли меня, не могли, значить, въ толкъ взять, о чемъ я докладываю: «кто, говоритъ, умеръ? мужъ? зачѣмъ? не можетъ быть!» Такъ и сказали мнѣ это, а потомъ приказали вести себя въ кабинетъ, и какъ я ихъ привелъ, и какъ онѣ увидѣли барина, такъ только и успѣли сказать: «доктора скорѣе и Платона Васильевича!» и сами въ обморокъ упали; такъ и грохнулись на мѣсты!

— Стало быть, васъ посылали за Платономъ Васильевичемъ?

— Такъ точно-съ; я самъ за ними ѣздилъ, только дома не нашелъ ихъ.

— Когда Платонъ Васильевичъ вернулся къ вамъ въ домъ уже вечеромъ, — продолжалъ защитникъ, — кто первый встрѣтилъ его и сообщилъ ему извѣстіе о смерти?

— Да все я же-съ. Я их случайно внизу на площадкѣ встрѣтилъ.

— Какимъ же образомъ онъ принялъ извѣстие? Поразило око его, или нѣтъ?

— Они мнѣ даже не повѣрили.—«Что ты врешь, старый дуракъ! говорятъ.—Этого быть не можетъ!» Ей Богу-съ! такъ и сказали, а сами шибко побѣжали наверхъ. Они даже оченно были поражены этимъ.

Слѣдующій вопросъ былъ предложенъ Демьяну со стороны прокурора.

— Вы видѣли подсудимаго,—спросилъ обвинитель,—когда онъ послѣ обѣда выходилъ изъ кабинета, собираясь уѣзжать отъ васъ?

— Видѣлъ-съ. Конторщикъ, значить, имѣлъ одну какую-то нужную бумагу и несъ ее къ барину для подписи, и спрашиваетъ: меня можно ли войти, значить, не започивали-ль? А я говорю, должно быть нѣтъ еще, потому Платонъ Васильевичъ у нихъ, кажись, еще сидятъ, и самъ повелъ его въ кабинетъ, чтобы посмотришь, значить. Но только въ залъ встрѣтили мы Платона Васильевича, и они остановили насъ. «баринъ спитъ, говорятъ, не тревожьте!» Мы и вернулись себѣ...

— Въ это время вы не замѣтили, не несъ ли чего въ рукахъ подсудимый?—продолжалъ прокуроръ.

— Замѣтилъ-съ. Въ рукахъ у нихъ маленькій барынины сакдевойжъ былъ.

— Этотъ сакъ былъ пустъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, а кажись—довольно даже туго наполненъ.

Послѣ вопросовъ прокурора, поднялся опять фонъ-Шнитцли.

— Скажите,—обратился онъ къ свидѣтелю.—Когда вы впервые вошли въ кабинетъ, замѣтили вы тамъ какой нибудь особенный беспорядокъ—можетъ быть, что нибудь въ мебели, въ бумагахъ? Можетъ быть, касса или ящики въ столахъ были открыты и выдвинуты?

— Ничего этого не было!—съ полною основательностью удостовѣрилъ камердинеръ;—все, значить, было въ порядкѣ, на своемъ мѣстѣ и въ полномъ комплектѣ, какъ и завсегда у насъ бывало, и я ничего такого особеннаго не замѣтилъ.

Показанія конторщика во всемъ совпали съ показаніями Демьяна.

Кучеръ Платона Вельтищева показалъ, что онъ точно видѣлъ, какъ баринъ клалъ какой-то мѣшокъ въ карету, когда уѣзжалъ отъ брата, а потомъ онъ этого мѣшка уже не видалъ, потому—не обратилъ вниманія, да и темно уже было; а побѣжали они въ тотъ разъ съ баринкомъ въ Дмитровскій переулокъ къ г-жѣ Коробовой и оттуда въ десять часовъ вечера вернулись опять къ Максиму Григорьевичу.

Лакей Платона Вельтищева далъ показаніе, что баринъ его, сколько помнится, точно прѣхалъ однажды вечеромъ домой съ какимъ-то

сафьяннымъ сакомъ, но только, кажись, это было не въ день смерти, а позднѣе, но когда именно—съ точностію опредѣлить теперь, за давностію времени, не можетъ.

Вслѣдъ за этимъ человѣкомъ должна была свидѣтельствовать Людмила; но секретарь заявилъ, что она, по причинѣ тяжелой болѣзни, въ судъ явиться не можетъ; дѣйствительность же ея болѣзни засвидѣтельствована своевременно врачами.

Болѣзнь жены не составляла новости для Платона Васильевича. Онъ зналъ, что она больна и лежитъ уже около шести недѣль, но Ольга Романовна, которой по окончаніи предварительнаго слѣдствія было разрѣшено свиданіе съ зятемъ въ мѣстѣ его заточенія, не сказала ему, какого именно качества болѣзнь Людмилы. Боясь встревожить и огорчить его, она объявила ему только, что это была простуда, которая сначала казалась довольно серьезной, но теперь, слава Богу, приходитъ уже къ благополучному исходу. Такимъ образомъ Вельтищевъ если и беспокоился о ея здоровьѣ, то все же былъ отчасти даже доволенъ, что Людмила, благодаря своей болѣзни, будетъ избавлена отъ печальной необходимости присутствовать въ судѣ и видѣть его на скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ Ириной.

Судъ, выслушавъ заявленіе о болѣзни свидѣльницы и найдя, что показаніе ея имѣетъ существенное значеніе, опредѣлилъ: прочесть показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ показаніи говорилось, что однажды, приблизительно около того времени, когда скончался двоюродный братъ Вельтищева, Платонъ привезъ къ ней какой-то сакъ и на вопросъ ея, что въ немъ заключается?—отвѣчалъ, что разные бумаги и документы, она же сама не полюбопытствовала удостовѣриться въ этомъ. Сакъ былъ оставленъ у нея, ибо подсудимый, бывая у нея весьма часто и даже занимаясь въ ея квартирѣ своими дѣлами, оставлялъ тамъ свои бумаги, что случалось неоднократно и прежде; дня же три или четыре спустя прѣхавъ къ ней, онъ вспомнилъ про сакъ, и она возвратила его тогда же по принадлежности.

— Подсудимый!—обратился прокуроръ къ Вельтищеву,—потрудитесь объяснить, какимъ образомъ у васъ очутился сакъ, принадлежащій вдовѣ вашего двоюроднаго брата, и что въ немъ было положено?

— Въ это время я и покойный кузень мой,—началъ сдержанно и спокойно Вельтищевъ,—оба мы хлопотали объ утвержденіи товарищества на паяхъ въ учреждаемомъ нами желѣзопрокатномъ заводѣ. Въ день смерти кузена я привезъ ему очень утѣшительныя извѣстія о томъ, что предпріятіе наше не встрѣчаетъ задержки. На завтра мнѣ слѣдовало продолжать мои хлопоты, и для этого покойный передалъ

мнѣ разные документы, которые, впрочемъ, всѣ сполна имѣются нынѣ при дѣлѣ, въ чемъ судъ легко можетъ удостовѣриться. Такъ какъ со мною не было тогда моего портфеля, а портфели покойнаго были всѣ заняты подъ другими его бумагами, то я отправился къ Иринѣ Борисовнѣ и попросилъ ее дать мнѣ что нибудь, во что я могъ бы спрятать эти бумаги. Она подала мнѣ первую попавшуюся на глаза ей вещь—сафьянный сакъ, послѣ чего я нѣкоторое время поболталъ съ нею, а когда вернулся въ кабинетъ, то замѣтилъ, что кузень мой дремлетъ. Не желая тревожить его, я тихонько заперъ сакъ документы и осторожно вышелъ изъ комнаты. Тогда-то мнѣ и попался Демьянъ съ конторщикомъ, и я, дѣйствительно, предупредилъ ихъ, чтобы они не входили въ кабинетъ, потому что братъ отдыхаетъ.

— Стало-быть, въ сакѣ были документы по дѣлу о желѣзо-прокатномъ заводѣ?

— Такъ точно. Тамъ былъ проектъ, смѣта, расчеты, переписка и прочее. Впрочемъ, повторяю, все это вы можете видѣть теперь же, не выходя изъ залы засѣданія.

Прокуроръ и нѣкоторые изъ присяжныхъ пожелаали удостовѣриться. Судебный приставъ отобралъ для нихъ указанные документы и подалъ со стола вещественныхъ доказательствъ сакъ, найденный при обыскѣ въ городской квартирѣ Вельтищева. Всѣ эти бумаги вмѣстѣ были въ мѣшкѣ довольно просторно.

Опять позвали Демьяна и конторщика и спросили у нихъ, такого ли вѣса и объема былъ сакъ въ то время, какъ увозилъ его подсудимый?

Конторщикъ отозвался незнаемъ, такъ какъ самъ въ рукахъ его не держалъ, но Демьянъ призналъ предъявленную ему вещь за ту самую, а относительно объема сказалъ, что онъ былъ словно бы побольше.

— А впрочемъ, не хочу брать грѣха на душу,—добавилъ онъ сомнѣвающимся тономъ,—можетъ, и такой, какъ этотъ... можетъ, я и ошибаюсь... Видѣ ужъ сколько времени минуло!

— Подсудимый!—снова обратился прокуроръ къ Вельтищеву.—Объясните, для чего вы привезли и оставили на нѣсколько дней эти документы у нынѣшней вашей супруги, тогда еще г жи Коробовой?

— Я былъ очень близокъ съ нею,—отвѣтилъ Вельтищевъ, скромно и смущенно потупляясь въ землю;—я бывалъ у нея каждый день и очень часто работалъ тамъ... Но такъ какъ въ этотъ день мнѣ еще не довелось быть у нея, то я и поѣхалъ къ ней послѣ обѣда. Потомъ я вспомнилъ, что для завтрашнихъ хлопотъ мнѣ нужно кое о чемъ еще посоветоваться и переговорить съ братомъ, взять отъ него послѣднія инструкціи и объясненія, и потому снова поѣхалъ къ нему въ десять часовъ вечера, а мѣшокъ оставилъ у Людмилы Сергѣевны про-

сто для того, чтобы не таскать съ собою понапрасну лишнюю тяжесть, тѣмъ болѣе, что отъ брата я предполагалъ опять вернуться къ ней же, и тогда уже, при окончательномъ возвращеніи къ себѣ домой, захватить его съ собою. Но тутъ меня вдругъ застало извѣстіе о скоростижной смерти брата, я долженъ былъ при этомъ взять на себя сейчасъ же всѣ необходимыя хлопоты и распоряженія, такъ что цѣлые три или четыре дня не имѣлъ ни одной свободной минуты, чтобы захватить къ моей нынѣшней женѣ, и такимъ образомъ мѣшокъ по-неволѣ оставался у нея все это время.

— Подсудимая!—обратился прокуроръ къ Иринѣ.—Точно ли въ мѣшкѣ, взятомъ у васъ, были положены и увезены документы по дѣлу о желѣзо-прокатномъ заводѣ?

— Я не знаю, что тамъ было... можетъ, и документы,—спокойно и тихо отвѣтила Ирина.

— Вамъ не высказывалъ вашъ кузень, для чего именно понадобился ему этотъ мѣшокъ?

— Нѣтъ, не высказывалъ.

— И вы не видали, что именно клалъ онъ въ него?

— Не видала. Я все время оставалась въ своей комнатѣ...

— Когда онъ вошелъ къ вамъ, вы не знали еще о смерти вашего мужа?

— Я знала, что онъ долженъ былъ умереть, но онъ,—добавила Ирина, указавъ взглядомъ на Вельтищева,—когда онъ вошелъ ко мнѣ, онъ сказалъ, что все уже кончено, и просилъ не выходить изъ моей комнаты, пока мнѣ не придется сказать, что мужъ умеръ.

— Вы такъ и сдѣлали?

— Да, я сдѣлала это.

— Позвольте!—обратился къ ней председатель по просьбѣ фонъ-Шнитцли.—Показанія вашихъ домашнихъ, неотвергнутыя вами, говорятъ намъ, что вы были сильно поражены именно неожиданностью смерти мужа и невольно высказали при этомъ столько сильнаго горя! Какъ же согласить это съ тѣмъ, что вы все уже знали заранее? Я не могу допустить мысли, чтобы притворство, сколь бы ни было оно велико, могло простирается до той степени, чтобы обмануть рѣшительно всѣхъ, и притомъ въ такую минуту!

— Я не притворялась!—честно подняла голову Ирина.

— О! я въ этомъ совершенно увѣренъ,—воскликнулъ фонъ-Шнитцли.—Стало-быть, ваши домашніе и камердинеръ показали намъ такую правду?

— Да, правду;—но я такъ была потрясена, мнѣ такъ не хотѣлось вѣрить, чтобы все это точно могло случиться... я была почти какъ помѣшанная... я себя не помнила!

— Однакоже, если вы не помнили себя, то какъ могли вы въ точности исполнить волю подсудимаго, который просилъ васъ не выхо-

дить изъ комнаты, пока вамъ не придется сказать?—обратился къ Иринѣ председатель.— Вѣдь для этого нужно слишкомъ много самообладанія и спокойствія въ подобную минуту!... Объясните же намъ обстоятельно: знали ли вы и притворились передъ камердинеромъ съ полнымъ самообладаніемъ, или же смерть мужа была для васъ, дѣйствительно, роковою неожиданностью?

— Что вы хотите сказать этимъ?—тихо вернулась къ нему Ирина.

— То, что ваши слова необходимо исключаютъ одно изъ данныхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію суда: вы не отвергаете истины въ показаніяхъ камердинера и прислуги и въ то-же время говорите, что знали уже ранѣе о смерти мужа.

Ирина горько усмѣхнулась.

— Вы бы поняли это, —заговорила она въ отвѣтъ;—да, вы бы поняли это, еслибы я въ состояніи была раскрыть передъ вами то состояние моей души, въ какомъ я находилась въ тѣ минуты, но къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни силы, ни умѣнья выразить вамъ это словами!

— Но позвольте же васъ спросить: если состояние вашей души было столь угнетенно совершившимся дѣломъ, то какъ же вы давали свое согласіе на смерть мужа?

— Потому что я любила его!—вскинула она глазами на Вельтищева;—потому что у меня не было своей воли—я была его рабой! Одно слово, одинъ взглядъ его могъ заставить меня на все рѣшиться!

— Но показанія всѣхъ, безъ исключенія, свидѣтелей говорятъ о той рѣдкой взаимной любви, которая существовала между вами и мужемъ?

— Я слишкомъ много виновата передъ моимъ мужемъ!—съ глубокимъ вздохомъ проговорила Ирина.—Показанія свидѣтелей!... Свидѣтели могли знать и видѣть только то, что имъ казалось по наружности, но не то, что было скрыто внутри души моей!

— Итакъ, вы говорите, что дали свое согласіе на смерть мужа?—принимая изящно-адвокатскую позу, заговорилъ фонъ-Шнитцли.—Хорошо-съ! Но скажите намъ, сколько времени длилась ваша любовь до дня катастрофы?

— Около трехъ лѣтъ,—потупясь, тихо отвѣтила Ирина.

— Председатель остановилъ защитника и предварилъ подсудимую, что она, если ей угодно, можетъ и не давать ему отвѣтовъ, не касающихся непосредственно самаго дѣла. Вслѣдъ за этимъ между председателемъ и барономъ возникло нѣкоторое пререканіе, въ которомъ послѣдній настаивалъ, что его вопросъ имѣетъ къ дѣлу самое существенное отношеніе. Пререканіе это было остановлено самою Ириной, которая заявила, что она готова отвѣчать на всѣ вопросы, безъ исключенія, съ

чьей бы стороны ни были они предложены—и воля подсудимой была уважена.

— И такъ, я продолжаю!—снова принявъ ту же позу, началъ фонъ-Шнитцли.—Если ваше взаимное чувство могло длиться около трехъ лѣтъ, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшихъ подозрѣній, а главное, если вашъ мужъ не видѣлъ въ этихъ отношеніяхъ ничего предосудительнаго, то скажите, какая же необходимость была прибѣгать къ средствамъ насильственной смерти?

— Такова была воля моего сообщника!—пожала плечами Ирина.

— Но эта воля,—возразилъ председатель,—должна же была имѣть свои причины, которыя не могли не быть вамъ извѣстны. Скажите, какъ по-вашему, съ какою цѣлью сдѣлано преступленіе?

— *Теперь* я не знаю, съ какою цѣлью оно сдѣлано!—подумавъ, открыто отвѣтила Ирина,—но *тогда*... мое положеніе въ домѣ мужа было довольно тяжелое, и имѣла все, за исключеніемъ своей воли, своей свободы... Я вынуждена была прибѣгать къ уловкамъ, къ обману... Платонъ Вельтищевъ, убѣждая меня дать мое согласіе, говорилъ, что эта смерть принесетъ намъ обоимъ столько свободы, столько счастья для нашей любви, столько независимости для нашей жизни гдѣ нибудь за границей и наконецъ... наконецъ, столько новыхъ богатыхъ средствъ... Все это были причины; въ этомъ и была цѣль... По крайней мѣрѣ, *тогда* все это говорилось.

— Я позволю себѣ заранѣе просить господъ судей и присяжныхъ засѣдателей замѣтить коротенько это показаніе подсудимой,—произнесъ съ легкимъ вздохомъ фонъ-Шнитцли, обводя глазами тѣхъ, къ кому относилась его рѣчь, и принимая при этомъ еще болѣе адвокатски-изящную, щегольскую позу.

— Теперь еще одинъ вопросъ,—продолжалъ председатель.—Скажите намъ, какое средство было употреблено для того, чтобы лишить жизни вашего мужа? Извѣстно ли вамъ это средство?

— Нѣтъ, я не знаю... это было отъ меня скрыто,—отвѣтила Ирина.

— Но какіе признаки насильства нашли вы на трупѣ? Былъ ли онъ убитъ, задушенъ или отравленъ?

— Не знаю, но думаю, что отравленъ.

— Отравленъ? Но какъ вы полагаете, какой ядъ могъ бы отравить его такъ легко и быстро? — Не знаю.

— Я попрошу судъ прочесть актъ медицинской экспертизы!—съ утонченною вѣжливостью обратился къ председателю фонъ-Шнитцли.

Секретарь громко и внятно началъ чтеніе протокола, гдѣ говорилось, что такого-то числа, мѣсяца и года, въ присутствіи такихъ-то и такихъ-то, было произведено изыатіе изъ мо-

гилы трупа покойнаго Максима Вельтищева для надлежащей экспертизы, но по самому тщательному и разностороннему изслѣдованію, произведенному такими-то и такими-то, не обнаружено рѣшительно никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на несомнѣнное присутствіе въ организмѣ покойнаго какого либо яда, и потому—былъ ли онъ отравленъ, или нѣтъ—теперь уже невозможно опредѣлить съ точностью, ибо экспертиза произведена на десяткомъ мѣсяцѣ послѣ смерти и трупъ найденъ въ состояніи крайняго разложенья. Эксперты, спрошенные послѣ прочтенія этого документа, подтвердили передъ судомъ данныя ими заключенія.

Чтеніе этого документа и мнѣніе экспертовъ произвели довольно замѣтное впечатлѣніе на присяжныхъ и на публику. Взоры ихъ съ болѣею благосклонностью стали останавливаться на Вельтищевѣ и съ болѣеимъ недоумѣніемъ и любопытствомъ на Ирину.

Фонъ-Шнитцли очень хорошо успѣлъ подмѣнить эту благосклонную для его кліента неремишу въ общемъ настроеніи.

— Теперь, въ интересахъ моего кліента,—воскликнулъ онъ, глядя на судей уповающимъ и торжествующимъ взоромъ,—я позволю себѣ просить судъ выслушать заключенія экспертовъ-психіатровъ, которые наблюдали душевное состояніе подсудимой.

При этихъ словахъ Ирина вдругъ поднялась съ мѣста, вся возмущенная и негодующая.

— Какъ!—воскликнула она взволнованнымъ голосомъ.—Такъ здѣсь хотятъ доказать, что я сумасшедшая?! Такъ изъ меня во что бы то ни стало желаютъ сдѣлать безумную?!. (Голосъ ея возвышался все болѣе и патетичнѣе, такъ что заглушалъ слова предсѣдателя, который тщетно старался остановить ее). И судъ будетъ слушать это наглое поруганіе правды?! Нѣтъ!.. Не вѣрю!... Этого не будетъ!

Предсѣдатель призвалъ ее къ порядку.

Она молча опустила на скамью и снова закрыла лицо рукою, стараясь подавить въ себѣ невольное подступившія рыданія.

Вслѣдъ за симъ въ залу былъ введенъ первый изъ трехъ врачей-экспертовъ.

Онъ заявилъ, что, наблюдая довольно долгое время подсудимую, не нашелъ въ ней ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которые обыкновенно сопровождаютъ умственное расстройство, что логическое теченіе ея мыслей, отчетливость и ясность пониманія, сознаніе всѣхъ своихъ дѣйствій и ощущеній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, совершенно правильны и не представляютъ никакихъ уклоненій отъ нормальнаго состоянія умственно-здороваго организма, но что, дѣйствительно замѣчается въ ней угнетенное состояніе духа; однакожь онъ приписываетъ это состояніе никакъ не умственному расстройству, а объясняетъ его просто

какъ естественное слѣдствіе ея прошлаго и того положенія, въ какомъ находится эта женщина, постоянно мучимая своею совѣстію и раскаяніемъ.

Ирина, при этихъ словахъ, быстро взглянула на врача просвѣтлѣвшимъ и благодарнымъ взглядомъ. Онъ возвращалъ ея надежду—надежду на осужденіе и кару.

Другой экспертъ, основываясь тоже на личныхъ своихъ наблюденіяхъ, нашелъ, что данный субъектъ представляетъ несомнѣнные признаки умственного расстройства, что одно уже голословное самообвиненіе и отрицаніе всякой защиты служатъ довольно осязательными признаками этого ненормальнаго состоянія.

Третій экспертъ, который самъ по себѣ представлялъ ученый авторитетъ весьма немаловажнаго качества и которому судъ сообщилъ результаты экспертизы двухъ его собратовъ по наукѣ, нашелъ, что и тотъ и другой изъ его уважаемыхъ собратовъ правъ со своей точки зрѣнія, но что онъ постарается провести передъ судомъ среднее мнѣніе, которое, какъ кажется ему, течетъ по руслу несомнѣнной истины. Онъ заявилъ, что въ наукѣ извѣстно множество случаевъ, когда всѣ отправленія организма совершенно правильны, когда не замѣчается въ немъ ни одного изъ рѣзкихъ признаковъ, сопровождающихъ полное психическое расстройство, когда даже самое теченіе и развитіе мыслей совершается логически, посредствомъ стройнаго и правильнаго процесса, но, тѣмъ не менѣе, организмъ носитъ въ себѣ несомнѣнное психическое страданіе, иногда весьма глубокое. Къ этому разряду страданій относится усиленная мыслительность, безпричинная подозрительность, ипохондрія и, болѣе или менѣе, вообще всякая мономанія. Далѣе, ученый психіатръ заявилъ, что въ данномъ случаѣ онъ склоненъ болѣе всего видѣть однопредметное помѣшательство, при совершенно правильномъ процессѣ мышленія во всемъ, что не касается пункта этого помѣшательства. По мнѣнію его, то глубокое горе, скорбь и болѣзнь, въ которыхъ повергла подсудимую внезапная смерть ея любимаго мужа, послужили, главною причиною ея мономаніи. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ одну изъ первыхъ минутъ, когда приступы ея скорби и горя отличались наиболѣею и, такъ-сказать, истерическою силой, ей запала въ душу весьма прискорбная, но какъ нельзя болѣе естественная мысль, что мужъ ея отравленъ. Съ теченіемъ времени, такъ какъ горе ея не унималось, эта несчастная мысль незамѣтно вкоренялась, крѣпла и росла въ ея сознаніи, пока не перешла въ убѣжденіе и наконецъ обратилась въ полную мономанію. Здѣсь же естественно могла родиться мысль, что мужъ ея отравленъ его родственникомъ, который незадолго до смерти бе-

сѣдовалъ съ нимъ наединѣ въ кабинетъ и котораго матеріальные интересы были связаны съ нимъ ближайшимъ образомъ. Съ этимъ родственникомъ она была дружна, онъ входилъ къ ней въ комнату за нѣскольکو времени до того, какъ она узнала о смерти, она дала ему какой-то сакъ,—всего этого было совершенно достаточно для ея воображенія, разъ оно уже было болѣзненно направлено, чтобы признать его отравителемъ, а себя сообщницей. Очень можетъ быть даже и то, что среди своего душевно-угнетеннаго состоянія, при такомъ сильномъ разстройствѣ нервъ, когда врачъ ея опасался, какъ бы не сдѣлалась у нея нервная горячка, ей просто привидѣлось все это во снѣ—и впечатлѣніе страшнаго сна, при столь потрясенномъ состояніи организма, осталось столь живо и сильно, что послужило первымъ зачаткомъ мономаніи. Вся послѣдующая жизнь обвиняемой, то уединеніе, къ которому она постоянно стремилась, то отчужденіе отъ жизни, боязнь свѣта и людей, старательное избѣганіе новыхъ встрѣчъ и знакомствъ—все это, по мнѣнію эксперта, служило наиболѣе успѣшному укорененію и развитію въ ней однопредметнаго помѣшательства, которое и привело ее теперь на скамью подсудимыхъ.

По выслушаніи этого послѣдняго мнѣнія, предсѣдательствующій объявилъ судебное слѣдствіе законченнымъ и посажъ небольшого перерыва засѣданія предложилъ сторонамъ перейти къ судебнымъ преніямъ.

Рѣчь обвинителя, въ виду несостоятельности уликъ и доказательствъ, конечно, не могла отличаться силою и яркостью. Она страдала недостаткомъ прямой доказательности, которая болѣе всего дѣйствуетъ на человѣческое убѣжденіе. Прокуроръ, какъ нельзя лучше, сознавалъ всю затруднительность своего положенія: съ одной стороны, у него было полное, добровольное и искреннее сознаніе Ирины, съ другой—ни одной, не только прямой, но и косвенной улики противъ Вельтицева. Тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ возможнымъ поддерживать обвиненіе, основываясь, главнѣйшимъ образомъ, на томъ, что психіатрическая экспертиза все-таки не указала положительнаго присутствія въ обвиняемой ни одного изъ симптомовъ, обуславливающихъ умственное разстройство, что напротивъ, всѣ поступки, всѣ отвѣты, все поведеніе ея, отличаясь логическою послѣдовательностію, убѣдительно указываютъ на одно только полное, глубоко-искреннее раскаяніе въ совершенномъ преступленіи, и что поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ уликъ и доказательствъ, наиболѣе уважительною и лучшею уликою является собственное сознаніе.

Настала очередь барона фонъ-Шнитцля.

Гамбетта непримиримый еще разъ привалъ щегольскую позу, которая словно бы говорила и суду и публикѣ: смотрите и удивляйтесь,

сколь я изящень, сколь я уменъ, ловокъ, краснорѣчивъ, гениаленъ, и насколько я благосклоненъ къ вамъ въ вашемъ ничтожествѣ.

Репортеры Цемшевой газеты, присутствовавшіе въ рядахъ публики, съ благоговѣйно-торжествующей улыбкой насторожили свои либерально-почтительныя уши и приготовились внимать «нашему многоуважаемому сотруднику». Самъ Цемшъ, который тоже здѣсь присутствовалъ, осклабилъ свои зубы и аппетитно сталъ потирать руки, заранѣе уже предвкушая то наслажденіе, которое доставитъ ему обильный потокъ словъ непримиримаго Гамбетты.

— Господа судьи! Господа присяжные засѣдатели!—звучала по залу голосъ барона тѣмъ дѣланно-пріятнымъ, ласкающимъ тембромъ, который стараются усвоить себѣ иные адвокаты, когда уже заранѣе желаютъ залесать въ благорасположеніи судей и публики.

Рѣчь Гамбетты могла назваться перломъ адвоката-ораторскаго искусства. Онъ старался говорить недолго, чтобы не утомить вниманіе слушателей, но въ словахъ его было все, что должно подѣйствовать на чувство и убѣжденіе присяжныхъ, и все, что могло только, такъ или иначе, возвеличить и блистательно доказать невинность его «почтеннаго кліента».

— Господа!—говорилъ, между прочимъ, фонъ-Шнитцля.—Вы видите сегодня на скамьѣ подсудимыхъ чловѣка, который доселѣ пользовался полнымъ общественнымъ уваженіемъ, чловѣка богатаго, имѣющаго всѣхъ и значеніе какъ въ сферѣ своей служебной дѣятельности, такъ и въ сферѣ того порядочнаго, дорогаго литературнаго кружка, къ которому онъ принадлежитъ по своимъ честнымъ убѣжденіямъ—и что же?! Намъ говорятъ вдругъ: этотъ чловѣкъ убійца, отравитель своего близкаго родственника! И кто же произноситъ такое страшное, клеймящее слово?—Сама вдова покойнаго! Она идетъ въ судъ и добровольно объявляетъ себя сообщницей ужасающаго преступленія и даже болѣе: вопреки естественному чувству женской стыдливости, говорить, что имѣла преступную связь съ двоюроднымъ братомъ своего мужа. Вниманіе общества насторожено, раздражено ожиданіемъ, что вотъ раскроется одна изъ самыхъ пикантныхъ свѣтскихъ драмъ,—и драма здѣсь дѣйствительно существуетъ, но только далеко не та, которую ожидало общество!

Эта драма заключается въ томъ, что на скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ невиннымъ чловѣкомъ мы видимъ несчастную женщину, достойную всякаго участія, мѣсто которой, однако, должно быть не здѣсь, а по настоящему—въ пріютѣ Всѣхъ Скорбящихъ. И страшно подумать, что отъ этой достойной во всѣхъ отношеніяхъ, но несчастной и умственно-разстроенной женщины могла бы зависѣть честь, доброе имя и вся судьба чловѣка невиннаго!

Но у насъ есть правый и гласный судъ общественной совѣсти, и потому я спокоенъ за судьбу Платона Вельтищева! Судебное слѣдствіе уже достаточно обнаружило всѣ данныя, которыя безусловно служатъ къ полному его оправданію. Подсудимая говоритъ, будто преступленіе сдѣлано, во-первыхъ, для того, чтобы доставить болѣе счастья и свободы для независимой ихъ любви. Но вы уже слышали общія, единогласныя заявленія всѣхъ, безъ исключенія, свидѣтелей—заявленія, которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ игнорировать,—что тамъ, гдѣ подсудимая, въ печальномъ заблужденіи своемъ, воображала преступную связь между собою и моимъ кліентомъ, существовали одни только теплыя родственныя отношенія, родственная близость и ровно ничего предосудительнаго! Это слишкомъ ясно уже доказано намъ! Но, кромѣ того, я положительно утверждаю, что подобныя, предлоги и цѣли у подсудимаго не могли имѣть мѣста, хотя бы уже потому, что г-нъ Вельтищевъ честно любилъ въ это самое время другую женщину, чувство къ которой онъ вскорѣ и закрѣпилъ узами законнаго брака. Но... печальный обманъ болѣзненнаго воображенія взводитъ на него небывалое преступленіе. Казалось бы,—нелѣпость очевидная! Но разъ уже она подлежитъ вашему обсужденію, защита обязана доказать полную ея несостоятельность. Обвинительная власть, отвергая умственное разстройство подсудимой, основываетъ свое обвиненіе на полномъ и искреннемъ ея сознаніи. Я не спорю, что оно, дѣйствительно, и полное и искреннее, что она сама глубоко убѣждена, будто все это дѣйствительно было. Она обвиняетъ вмѣстѣ съ собою Платона Вельтищева. Но на вопросъ: была ли она сама при совершеніи преступнаго дѣйствія? она отвѣчаетъ: нѣтъ, меня тамъ не было. Ее спрашиваютъ: какого рода насильственной смертью умеръ вашъ мужъ?—и получаютъ въ отвѣтъ опять-таки: не знаю!—Быль ли онъ убитъ, задушенъ, отравленъ?—снова: не знаю! Если отравленъ, то какимъ ядомъ?—и здѣсь то же самое: не знаю! Вездѣ и во всемъ одно только не знаю, не знаю—полное не знаю! Можно ли принимать серьезное обвиненіе подобнаго рода? Далѣе, на вопросъ: съ какою цѣлью сдѣлано преступленіе? мы слышали отвѣтъ: *теперь* не знаю, но *тогда*... тогда оно будто бы совершено было для болѣе свободы несуществовавшей связи и ради преувеличенія своихъ *средствъ*. Разсмотримъ же этотъ послѣдній мотивъ, такъ какъ онъ можетъ казаться единственнымъ, хоть скольконибудь основательнымъ мотивомъ. Кому нужны были матеріальныя средства?—Ирина Борисовна никогда не чувствовала въ нихъ ни малѣйшаго недостатка и при жизни мужа она не испытывала ни малѣйшихъ матеріальныхъ лишеній; напротивъ, была окружена избыткомъ

роскоши, довольства, комфорта! Стало-быть, они нужны для моего кліента? Но г-нъ Вельтищевъ, во-первыхъ, имѣетъ и свои собственныя прекрасныя средства, а во-вторыхъ, со смертью брата, онъ лишился человѣка, который даже гораздо лучше, чѣмъ онъ самъ, велъ его собственныя дѣла и тѣмъ добровольно снималъ съ моего кліента самую тяжелую и скучную обузу матеріальныхъ заботъ, расчетовъ и прочаго! Стало-быть, г-нъ Вельтищевъ могъ умертвить своего брата только въ очевидный ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Наконецъ, въ-третьихъ, еслибы Платонъ Вельтищевъ желалъ воспользоваться средствами, то странно при этомъ—замѣчу въ скобкахъ—что подсудимая дала согласіе на смерть мужа завѣдомо съ тѣмъ, чтобы самой быть обобранной!... И такъ, еслибы онъ хотѣлъ воспользоваться богатыми средствами, то онъ уже давно имѣлъ бы время и случай спокойно исполнить это. А между тѣмъ, мы видимъ, что онъ ликвидируетъ дѣла покойнаго, возвращаетъ пайщикамъ ихъ доли и оставляетъ вдовѣ въ полное ея пользованіе все то, что ей слѣдовало по духовному завѣщанію. Но этого мало еще!—Вотъ, господа, документъ (и фонъ-Шнитцли съ подавляющимъ торжествомъ поднялъ передъ собою листокъ бумаги), вотъ сохранныя росписки, данная покойнымъ Максимомъ Вельтищевымъ моему кліенту на двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, взятыхъ у него покойнымъ на свои собственныя надобности. Скоропостижная смерть предупредила уплату по этому документу, и деньги по сію минуту еще не получены!

Неожиданный эффектъ, произведенный на Ирину и на присутствующихъ этимъ ключомъ бумаги, былъ необычаенъ. Одинъ только Вельтищевъ не измѣнилъ своему равнодушно-апатичному спокойствію.

— Ирина Борисовна!—обратился вдругъ Гамбетта къ подсудимой.—Взгляните на эту бумагу и скажите намъ, чьею рукой она писана?

Блѣдная и встревоженная женщина пристально наклонилась къ поданному ей документу, прочла его и съ внутреннимъ удивленіемъ, которое невольно сказывалось въ звукѣ ея голоса, проговорила тихо:

— Это рука моего мужа.

— Умоляю васъ, дайте себѣ, если можете, полный отчетъ въ своихъ словахъ и мысляхъ и скажите, не ошибаетесь ли вы, чтобы у насъ не было болѣе сомнѣній!—убѣдительно приступилъ къ ней фонъ-Шнитцли.

— Да, это несомнѣнно писано его рукою,—подтвердила Ирина.

— И такъ, господа судьи!—воскликнулъ Гамбетта,—подлинность документа признана самой подсудимой, а подсудимая—безспорная наслѣдница своего мужа въ той части его

капиталовъ, которые отказаны ей по духовному завѣщанію. Еслибы Платонъ Вельтишевъ совершалъ преступленіе съ цѣлю расширить свои средства, къ слишкомъ достаточнымъ своимъ собственнымъ богатствамъ приложить еще новыя,—я васъ спрашиваю: что мѣшало ему предъявить этотъ документъ наследникѣмъ тотчасъ же по введѣ ея во владѣніе?.. Двѣсти пятьдесятъ тысячъ—сумма не ничтожная даже и для Ротшильда! И онъ могъ бы получить ихъ безспорно, еслибы только пожелалъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ рѣшился лучше потерять часть своего собственного имущества, чѣмъ обидѣть вдову, для которой триста тысячъ составляли все ея состояніе! Вотъ вамъ лучшее доказательство, были-ль у него своекорыстныя цѣли!

— Я уже оставляю въ сторонѣ,—продолжалъ защитникъ,—я прохожу мимо такихъ полновѣсныхъ доказательствъ, какъ заключеніе врача, постоянно пользовавшаго покойнаго, какъ испугъ и недоумѣніе подсудимой при первой вѣсти о смерти мужа, какъ все поведеніе въ то время Платона Вельтишева, хотя и то, и другое, и третье служить явнымъ подтвержденіемъ, что смерть близкаго человѣка была для обоихъ неожиданностію. У насъ есть доказательство полновѣснѣ этихъ. Трупъ покойнаго былъ вырытъ изъ могилы и подверженъ изслѣдованію. И что же? Самый тщательный анализъ, произведенный наиболѣе компетентными людьми, не открываетъ въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ яда! Господа судьи! господа присяжные! Какихъ еще болѣе краснорѣчивыхъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ надо вамъ для того, чтобы снять подозрѣніе съ честнаго и невиннаго человѣка?! Неужели и послѣ этого найдутся еще тѣ уста, которые рѣшатся произнести слово обвиненія?—Нѣтъ! Я не вѣрю, я не допускаю этой возможности! «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ». Но милости намъ не надо; мы требуемъ отъ васъ только правды, одной правды и ничего болѣе! А правда здѣсь такъ очевидна! Если вы произнесете слово обвиненія, вы запятнаете доброе имя честнаго и безвиннаго человѣка, вы лишите любящую и больную жену ея мужа, ея единственной опоры, вы лишите лучший, избраннѣйшій честный кружокъ нашей интеллигенціи ея лучшаго и уважаемаго сочлена, вы лишите общество образованнаго, честнаго дѣятеля, вы, наконецъ, лишите государство полезнѣйшаго и даровитаго слуги. Нѣтъ, я вѣрю, я убѣжденъ, что ваша совѣсть не допуститъ васъ произнести слово обвиненія! Вы, господа присяжные, вынесете полное и безусловное оправданіе Платону Вельтишеву!

Гамбетта умолкъ. Онъ обвелъ все собраніе увѣреннымъ взглядомъ, который какъ-бы говорилъ: вы побѣждены мною!—и тихо, не безъ

приличной рисовки, изображая видъ слегка усталаго человѣка, опустил на свое мѣсто.

Тогда поднялся шилообразный господинъ—защитникъ Ирины.

Онъ, какъ дроздъ подъ органчикъ, былъ зараженъ уже нашколенъ самимъ барономъ фонъ-Шнитцли, и хотя шилообразный адвокатъ являлъ собою круглую либеральную бездарность, тѣмъ не менѣе этотъ дроздъ хорошо снѣлся со своимъ органчикомъ. Защиту свою онъ вполне основалъ на мнѣніи того ученаго психіатра, который усматривалъ въ Иринѣ однопредметное помѣшательство; хотя въ его рѣчи, наряду съ европейскими авторитетами психіатріи, почему-то вдругъ зафигурировали вовсе некстати имена Вокля и Милля, тѣмъ не менѣе главный смыслъ всей защиты сводился къ доказательствамъ окончательнаго умопомѣшательства его клиентки.

— Господа присяжные!—восклицалъ онъ между прочимъ,—господа судьи! Вы, которые стоите на высотѣ современнаго развитія, позвольте спросить: еслибы это преступленіе дѣйствительно было совершено, то можетъ ли кто-нибудь изъ насъ, во второй половинѣ XIX-го столѣтія, т. е. въ то время, когда общество наше сбрасываетъ съ себя оковы разныхъ обветшалыхъ традиціонныхъ предразсудковъ—можетъ ли кто изъ насъ, говорю я, допустить возможность такого абсурда, чтобы человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ, а тѣмъ болѣе преступникъ, вдругъ добровольно явился бы передъ судомъ въ роли самообвинителя, побуждаемый къ тому—чѣмъ же?!.. странно даже вымолвить!—голосомъ совѣсти, угнетаемой страхомъ Страшнаго суда, жупела, геенны огненной, наказаніемъ въ загробной жизни!.. Очевидно, что подобныя печальныя явленія въ нашъ вѣкъ возможны только въ области психіатріи, гдѣ извѣстенъ даже особый видъ подобной болѣзни, характеризуемый названіемъ *mania religiosa*. Подсудимая, какъ показала уже экспертиза, страдаетъ именно этою болѣзнію, и мой даровитый и многоуважаемый собратъ по защитѣ былъ совершенно правъ, когда въ блестящей рѣчи своей выразился, что мѣсто этой несчастной женщины не здѣсь, не на скамьѣ подсудимыхъ, а въ домѣ Всѣхъ Скорбящихъ. Господа присяжные!—воскликнулъ онъ въ заключеніе,—я надѣюсь, что какъ представители совѣсти нашего общества, которое есть дитя прогрессивнаго и гуманнаго вѣка, вы не поддадитесь вліянію абсурдныхъ предразсудковъ, на почвѣ которыхъ было построено шаткое зданіе самообвиненія, и вынесете оправдательный приговоръ подсудимой!

Такъ какъ прокуроръ не нашелъ съ своей стороны возразить что либо въ поддержку обвиненія, то предсѣдатель предложилъ обоимъ

обвиняемымъ—не имѣютъ ли они еще чего добавить къ словамъ своихъ защитниковъ.

Оба отвѣчали утвердительно—и первое слово дано было Платону.

— Я могу сказать только одно,—началъ онъ, весь блѣдный и взволнованный,—если все судебное слѣдствіе, если всѣ усилія защиты были недостаточны и мнѣ суждено услышать обвинительный приговоръ я... я покоряюсь ему... съ чистой совѣстью. (Голосъ его дрогнулъ и упалъ). Что бы мнѣ ни угрожало, но... я не виновенъ!—докончилъ онъ совѣсть уже глухо.

— Госпожа Вельтищева, очередь за вами!—напомнилъ предѣдательствующій Иринѣ, которая сидѣла, погружаясь въ глубокое сосредоточенное раздумье.

Она словно бы очнулась и затѣмъ—медленно и плавно поднялась съ мѣста. Взоры всѣхъ присутствующихъ невольно приковались къ ея строгой и стройной фигурѣ, которая, почти ступаясь какъ-то доселѣ, вдругъ будто бы выросла въ эту послѣднюю минуту. Въ этой открыто-поднятой головѣ, въ этомъ выпрямленномъ станѣ, въ этихъ сложенныхъ и опущенныхъ рукахъ и наконецъ даже въ самыхъ складкахъ чернаго платья, плавно ниспадающихъ къ полу, было что-то строгое и величавое. Лицо этой женщины тоже какъ будто преобразилось: оно дышало твердымъ спокойствіемъ рѣшимости, а въ глазахъ горѣлъ вдохновенный огонь внутренней силы и убѣжденія.

Вельтищевъ взглянулъ на нее и вдругъ невольно поддался назадъ, окованный какимъ-то страннымъ чувствомъ, къ которому примѣшивалось нѣсколько удивленія: она показалась ему теперь чудной, прекрасной, но новой—совѣсть новой, другой женщиной, которой онъ будто и не вѣдалъ до послѣдней минуты. И глаза его остановились и какъ-бы застыли на этой фигурѣ, поражающей силою своего внутреннего величія.

— Что бы ни говорили, что бы ни думали здѣсь,—начала съ твердостью Ирина,—я все-таки повторяю: я виновна!... Я не перестану повторять это слово до конца моей жизни. Мнѣ нѣтъ оправданій и не нужно защиты! Напрасно хотѣть изъ меня сдѣлать сумасшедшую, если мой защитникъ, для доказательства моего безумія, ссылаясь передъ вами на нашъ вѣкъ, то я скажу вамъ, что жалокъ, ничтоженъ и достоинъ всякаго презрѣнія тотъ вѣкъ, въ которомъ люди могутъ видѣть въ искреннемъ покаяніи человѣка, въ голосѣ вопиющей совѣсти, въ страхахъ суда Божія—одно только безуміе и открыто, передъ гласнымъ судомъ, не краснѣя, безстыдно называть эти чувства жалкими предрасудками!... Я не сумасшедшая, и если я рѣшилась явиться сюда, то это потому, что я не могла долѣе выносить укоръ моей совѣсти: это страданіе было чересчуръ велико

и тяжело... Я не хотѣла защиты; я, напротивъ, надѣялась и ждала наказанія, потому что въ немъ было бы искупленіе моего грѣха, потому что я хочу примириться съ Богомъ и со своею совѣстью!

— Господа судьи! господа присяжные!—словно ужаленный, сорвался вдругъ съ мѣста и горячо замахалъ руками шилообразный защитникъ,—это послѣднее слово подсудимой служить вамъ лучшимъ и самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ того, къ чему пришла экспертиза и на чемъ основывалась вся наша защита!

Ирина отвѣтила на эту выходку не словомъ, а взглядомъ, но такимъ взглядомъ, исполненнымъ глубочайшаго презрѣнія, который ярко былъ замѣченъ всѣми, кто только находился въ залѣ, и на всѣхъ произвелъ должное впечатлѣніе.

Предѣдатель, не успѣвшій въ-время остановить шилообразнаго защитника, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, сказать, что если онъ позволитъ себѣ еще подобную неприличную выходку, то онъ, предѣдатель, найдетъ себя вынужденнымъ приказать немедленно вывести его изъ залы суда, и затѣмъ обратился къ присяжнымъ съ заключительнымъ словомъ, въ которомъ отчетливо опредѣлялъ все, что выяснилось на судѣ, и, напомнивъ о великой и трудной обязанности, падающей на нихъ при настоящихъ обстоятельствахъ дѣла, выразилъ въ заключеніе надежду, что они, не увлекаясь ни въ какую исключительную сторону, вынесутъ тотъ приговоръ, который укажетъ имъ совѣсть.

Затѣмъ, на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей были предложены слѣдующіе вопросы:

1) Максимъ Григорьевъ Вельтищевъ умеръ своею ли естественною смертію, или же какимъ либо насильственнымъ способомъ?

2) Если Вельтищевъ умеръ насильственною смертію, то виновенъ ли въ томъ Платонъ Васильевъ Вельтищевъ?

3) Виновенъ ли Платонъ Васильевъ Вельтищевъ также въ склоненіи къ умерщвленію Максима Вельтищева законной его жены Ирины Борисовы Вельтищевой?

4) Съ вѣдома ли Ирины Борисовы Вельтищевой причинена насильственная смерть мужу ея Платону Васильеву Вельтищеву?

5) Если Ирина Борисова Вельтищева виновна по 4-му вопросу, то не находилась ли она въ состояніи умственного расстройства?

Присяжные засѣдатели удалились изъ залы и послѣ получасового совѣщанія вынесли вердиктъ слѣдующаго рода:

На первый вопросъ: *умеръ своею естественною смертію.*

Остальные вопросы оставлены безъ отвѣтовъ.

— Подсудимые!—обратился предѣдатель къ Иринѣ и Платону,—сойдите съ этой скамьи: судъ призналъ васъ оправданными.

Лицо Ирины покрылось смертельной блѣдностью. Она зашаталась и вдругъ безъ чувствъ упала на скамью подсудимыхъ. Прислужники и судебный приставъ засуетились около нея и поспѣшили вынести ее изъ залы.

А между тѣмъ непримиримый, но торжествующій Гамбетта радостно обнималъ своего оправданнаго кліента. Редакторъ Цемшъ, съ помощью усилій, употребленныхъ его усердными репортерами, продрался черезъ плотную стѣну волнующейся публики и, радостно ослабляя зубы, поспѣшилъ горячо пожать руку обоимъ своимъ многоуважаемымъ сотрудникамъ и выразить имъ сердечный привѣтъ и поздравленія «отъ лица всего нашего дорогого, порядочнаго литературнаго кружка, въ которомъ всѣ члены такъ зорко слѣдятъ другъ за другомъ и потому заранѣе всѣ были увѣрены, что блистательный защитникъ будетъ вполне достоинъ блистательнаго кліента». При этомъ Цемшъ объявляетъ, что онъ уже поручилъ написать къ завтрашнему номеру передовую статью, въ которой еще разъ будетъ блистательно доказано, что такой честный и дорожающій своей репутацией адвокатъ, какъ «нашъ многоуважаемый сотрудникъ», не можетъ взяться защищать безчестное или какое либо сомнительное дѣло, что можно напередъ поручиться за безусловную правоту дѣла, если за него берется адвокатъ фонъ-Шницли, и что теперь все общество было свидѣтелемъ, какъ подтвердилась эта истина, какъ оправдался одинъ изъ лучшихъ членовъ, которымъ гордится «нашъ порядочный кружокъ», и какъ ярко восторжествовала правда и невинность!

ХП.

Уродъ.

Радостный и наконецъ-то успокоенный духомъ, поспѣшилъ къ себѣ домой Вельтищевъ. Если совѣсть его и не была чиста, зато душа избавилась отъ томительной неизвѣстности и гнетущаго ожиданія кары. Теперь онъ былъ свободенъ и чистъ по закону.

Задыхаясь отъ радостнаго волненія, быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ въ свою квартиру, оттолкнувъ слугу, который хотѣлъ было снять съ него пальто, и спѣшными шагами направился во внутренніе покои, восклицая громкимъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Людмила!.. Людмила, гдѣ ты?.. Я свободенъ!.. Я оправданъ!.. Я здѣсь, Людмила!

Опираясь на руку Ольги Романовны, на встрѣчу ему, слабоосильною походкой вышла выздоравливающая женщина...

Вельтищевъ простеръ было руки для радостныхъ объятій, хотѣлъ уже кинуться къ ней на шею, но вдругъ взглянувъ на лицо—и, отшатнувшись въ испугѣ, отступилъ назадъ, съ не-

вольнымъ ужасомъ, сомнѣньемъ и изумленьемъ во взорѣ.

Передъ нимъ стояла не та Людмила, свѣжая и блистательно-прекрасная, которую оставилъ онъ передъ своимъ арестомъ, а уродъ, обезображенный страшной оспой.

Недавней красоты не осталось ни слѣда, ни тѣни!

Все лицо этой женщины было изборождено, изрыто, изѣдено, испещрено заживающими, но глубокими слѣдами оспенныхъ язвѣвъ. Въ особенности отвратительны были верхняя губа, носъ и вѣки, пострадавшіе болѣе другихъ частей лица. Взглядъ, по прежнему холодный и блестящій, но обрамленный нѣкогда такимъ прелестнымъ прорѣзомъ глазныхъ орбитъ и отгнѣенный чудными, смягчавшими его рѣсницами, теперь устремлялся изъ-подъ красныхъ и облызанныхъ вѣкъ съ какимъ-то непріятнымъ, отталкивающимъ выраженіемъ, которое сообщалъ ему именно этотъ, присутствій Людмилѣ, блескъ и холодъ бездушія.

— Неужели... неужели это ты?!—въ смущеніи и въ ужасѣ пробормоталъ Вельтищевъ, нерѣшаясь приблизиться къ стоявшему передъ нимъ уроду.

Это лицо внушало ему страхъ и отвращеніе.

Людмила чутко разгадала то чувство, которое испытывалъ ей мужъ въ настоящую минуту, и, заморгавъ оголенными вѣками, заплакала горькими, ѣдкими и жгучими слезами.

Она поняла, что съ этой минуты все кончено для нея въ сердцѣ Вельтищева. Она знала, что женская власть ея надъ нимъ могуча только силою того, раздражающаго чувственность, обаянія, котораго такъ много было въ холодкѣ ея прелестнаго лица, въ пластической красотѣ формъ ея тѣла, и теперь это обаяніе—увы!—навсегда уже исчезло, исчезло безвозвратно...

Подобнаго рода внѣшнимъ чувствомъ уже невозможно было любить безобразнаго уроду.

Первою мыслью, пришедшею Вельтищеву послѣ перваго, безсознательно-невольнаго движенія ужаса, былъ испугъ за свою жизнь, за свою будущность, которая навсегда скована съ этою облызаною, безбровую женщиной.

«Вотъ она, кара-то когда начинается!»—шепнуло ему нѣчто, похожее на голосъ совѣсти.

Плечи Людмилы нерво подергивались отъ тяжелыхъ рыданій, въ то время какъ Ольга Романовна бережно и заботливо усаживала ее въ ближайшее кресло.

Вельтищевъ не двигался съ мѣста и словно чужой, безучастно и даже безсознательно какъ-то глядѣлъ на жену и слушалъ ея рыданія.

— Да подойдите же вы къ ней!.. Приласкайте... хоть слово-то скажите бѣдняжкѣ... Она

такъ мучилась, такъ ждала васъ!—съ укоромъ обратилась къ нему нѣжная маменька, поддерживая обнимающей рукою голову дочери.

Вельтищевъ хотѣлъ-было приблизиться и почти машинально сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ вдругъ...

— Нѣтъ! нѣтъ, не подходи!.. Не надо!—порывисто заговорила сквозь слезы Людмила, сдѣлавъ отстраняющее движеніе рукою:—Не надо мнѣ!.. Не заставляйте его!.. Я знаю—я такъ безобразна!..

И приливъ рыданій съ новою силою слезъ затушилъ ея послѣднее слово.

Ольга Романовна жестомъ головы и глазами дѣлала ему межъ тѣмъ призывные знаки.

Вельтищевъ пересилилъ въ себѣ отвращеніе и подошелъ къ Людмилѣ и взялъ ее за руку.

Мало-по-малу рыданія ея успокоивались и слезы стихали.

Она глубоко и судорожно вздохнула, отерла глаза свои и тихо, съ безконечною грустью посмотрѣла на мужа.

— Ну, что-жъ, хороша твоя Людмила?—съ горькой усмѣшкой промолвила она болѣе спокойнымъ и тихомуиреннымъ голосомъ.—Ты не ждалъ такого сюрприза... Ты больше не любишь меня!

— Милая, я все тотъ же, — пробормоталъ Вельтищевъ, но звукъ голоса невольно выдалъ ей внутреннюю ложь его слова.

Она сомнительно и горько покачала головою.

— Полно!.. Не увѣрай, Платонъ!.. Я чувствую, я знаю, что говорю! Но... ты теперь свободенъ, оправданъ — я рада... Поздравляю тебя!

И она слабо пожала ему руку.

— Милочка! Ангелъ мой! Тебѣ успокоиться надо!—заботливо заговорила нѣжная маменька.—Ложись-ка ты да сосни немножко!.. Позволь, мы проведемъ тебя...

Людмила не противорѣчила. Она позволила обоямъ помочь ей подняться съ кресла и, опираясь на ихъ руки, прошла въ свою комнату, гдѣ Платонъ оставилъ ее и направился на свою половину.

Онъ пришелъ въ свой кабинетъ и въ изнеможеніи кинулся въ глубокое кресло, закрывъ лицо руками. Ему было больно, что обаятельная красота этой женщины, — красота, которой онъ такъ слабохарактерно и много поклонялся, уплыла столь быстро и безвозвратно. Но это было сожалѣніе только о наружной красотѣ, только о прелестномъ лицѣ, о чарующей вѣщности. Разъ, что они минули, — и очарованіе исчезло. Онъ живо и даже съ нѣкоторымъ самодовольнымъ удивленіемъ чувствовалъ теперь, что сердце его вдругъ стало холодно и безучастно къ изуродованной женѣ — потому именно, что она изуродована, что безъ красоты въ ней ровно ничего не осталось теплаго, влекущаго, симпатичнаго. Еще одинъ

лишь часъ тому назадъ онъ бѣжалъ домой изъ суда съ совсѣмъ иными чувствами, съ иными ожиданьями и надеждами, а теперь вдругъ увидѣлъ, что не любить ее болѣе. Чуть только исчезло чувственное обаяніе физической природы, сердце его мгновенно же оказалось пусто и холодно.

«А! злорадно думалось Вельтищеву, — теперь ты, матушка, жалкій, безобразный уродъ! Теперь на тебя, съ позволенія сказать, плюнуть никто не захочетъ, а еще такъ недавно... Боже! подумаешь, какъ недавно еще это было, когда она безъ жалости плевала на меня, когда она мучила, оскорбляла меня и ни въ грошъ не цѣнила моей любви, когда заставляла съ униженіемъ выпрашивать, выманивать каждую рѣдкую ласку, на которую я, однако, имѣлъ полное право, — когда ей первый встрѣчный какой-нибудь козлоногій шамбелянъ нравился болѣе мужа, — мужа, который все принесъ ей въ жертву — все, все!.. Н-ну, теперь шашки перемѣнились!.. Теперь вы, сударыня, видимо, были бы счастливы хоть кашей моего вниманія, малѣйшею моею лаской, а я... Нѣтъ-съ, око за око и зубъ за зубъ, дорогая моя Людмила Сергѣевна! — тихо и съ злораднымъ торжествомъ засмѣялся онъ въ заключеніе. — Слишкомъ ужъ много я вытерпѣлъ, слишкомъ много, благодаря вамъ, у меня на душѣ накопѣло!»

А странное дѣло! Вѣдь какъ недавно еще и какъ часто, терзаемый подозрѣніями и ревностью, онъ страстно зывалъ изъ глубины души своей: «Господи! хоть бы Ты ее изуродовалъ! хоть бы Ты отнялъ у нея это лицо — это лицо проклято-красивое! — Мнѣ все же легче бы было!.. Пусть будетъ безобразна, но тогда я былъ бы покоенъ, тогда бы я зналъ, что она никому уже не нужна, что никто на нее не позарится, никто ея не захочетъ болѣе и никто, по крайней мѣрѣ, не взглянетъ на меня больше съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ или съ двусмысленной улыбкой!.. Тогда бы кончилось для меня вти адскія мученія!.. Хоть бы оспа, что ли, изуродовала тебя, проклятая женщина!.. Господи!»

И что же?

Судьба, словно бы нарочно, услышала и исполнила горячую мольбу Вельтищева, которая вырвалась изъ его души, въ деревнѣ, въ пылающія минуты непереносной ревности. Но такъ какъ это былъ человѣкъ въполнѣ *внѣшній*, поверхностный, то и любить онъ могъ только поверхностнымъ, чисто вѣшнымъ образомъ и только одну вѣшность, вездѣ и во всемъ, начиная съ вѣшняго блеска своей служебной и жизненной обстановки и кончая наружною стороною женщины. Оттого — то столь быстро и произошла рѣзкая перемѣна въ его чувствахъ къ Людмилѣ, и хотя вѣшныя чувства подобныхъ поверхностныхъ людей могутъ

никогда отличался довольно сильными проявлениями, въ родѣ чувственной страсти, ревности, или непомернаго эгоистическаго самолюбія, но все же эти сильныя проявленія ровно ничего не прибавляютъ къ внутренней, болѣе возвышенной и нравственной сторонѣ челоуѣка, да и прибавить не могутъ, ибо внутренней стороны, въ семъ послѣднемъ смыслѣ, у этихъ людей вовсе не имѣется. И вотъ, потому-то, взглянувъ на урода-жену, Вельтищевъ даже жалости и состраданія къ ней не почувствовалъ, а ощутилъ одинъ лишь ужасъ и физическое отвращеніе и даже не сумѣлъ притвориться, пересилить себя на первую минуту, хотя бы изъ приличія, изъ одной деликатности, а вмѣсто того со злорадствомъ подумалъ, что теперь—на его умѣхъ праздники! Теперь, молъ, я самъ и лучше, и красивѣе, а ты—меньше, чѣмъ ничто, и я знать тебя не хочу больше, какъ женщину!

Однако явилось другое горе, которое теперь вдругъ испугало Вельтищева своею неожиданно-раскрывшеюся наготою. Злорадствуя надъ Людмилой, онъ въ то же время терзался страданіемъ и грустью за свое будущее. Это будущее и совмѣстная жизнь съ женою, при такой полной матеріальной зависимости отъ нея, стали рисоваться передъ нимъ безпросвѣтно-мрачными красками. Это будущее пугало и казалось ужаснымъ. Теперь онъ былъ нищій въ роскошной обстановкѣ, фактически принадлежащей не ему, а его супругѣ, въ силу дарственной записи на все его имущество и на всѣ капиталы. И въ то же время передъ мысленнымъ взоромъ его невольно какъ-то, но съ такою отчетливой ясностью и такъ настойчиво вырисовывался грандіозный образъ другой женщины, которая всего лишь два часа назадъ вдругъ нравственно выросла и отлилась въ столь величавую форму, въ его присутствіи, на скамьѣ подсудимыхъ.

Прошло около получаса времени, а онъ все еще сидѣлъ, не измѣняя положенія и весь погружаясь въ свои мрачныя думы, какъ вдругъ отпахнулась тихонько портьера — и въ кабинетъ на ципочкахъ вошла Ольга Романовна, которая успѣла уже подпудриться и прихорашиваться въ комнатѣ Людмилы.

— Она заснула... не будемъ тревожить ее, — полушопотомъ проговорила нѣжная магушка въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ, брошенный на нее Вельтищевымъ, и подошла къ его креслу съ милою улыбкой, которой поттилась придать очаровательную застѣнчивость и нѣкоторое кокетливое лукавство.

— Наконецъ-то мы опять одни... послѣ столькаго времени!.. — прошептала она, нѣжно пожимая пальцы его неподвижно лежащей руки. — Теперь мы можемъ поговорить на свободѣ... Она спитъ и не придетъ сюда...

Вельтищевъ молчалъ и глядѣлъ на-нее без-

участнымъ и слегка недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ты свободенъ, мой другъ... Какъ я рада! Поздравляю, отъ всей души поздравляю!.. Я постоянно и такъ горячо молилась за тебя, — говорила Ольга Романовна, пристѣвъ бочкомъ на ручку его кресла, и, приблизивъ рукою къ своимъ губамъ голову зятя, поцѣловала его долгимъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ, въ которомъ однако же Вельтищевъ не почувствовалъ ни малѣйшаго матерински-родственного отгѣнка.

Въ глубинѣ души ему сдѣлалось гадко, но онъ пока скрѣпился и, поделкатничавъ на первую минуту, ничѣмъ не выразилъ ей своего внутреннего движенія.

— Я все время, что Людмила была больна, жила здѣсь, вмѣстѣ съ нею, — продолжала Ольга Романовна, тихо лаская его волосы. — Нуженъ былъ уходъ за нею, а кто же лучше матери сумѣетъ за это взяться?.. И ничего, Богъ сохранилъ меня: не заразились!.. Но какая ужасная оспа! Какъ она изуродовала, обдѣлакала!.. Скажи мнѣ откровенно: ты, кажется, нашелъ ее просто ужасной?.. Я боялась даже заранѣе предупредить тебя... Ты прости меня за это... Но воображаю, какъ тяжело тебѣ будетъ теперь любить ее при эдакомъ-то безобразіи!.. Бѣдный Платонъ мой!.. Но я — на сколько могу — я постараюсь, если пожелаешь, хоть чѣмъ нибудь утѣшать тебя... хоть чувствомъ дружбы моей?!.. Скажи мнѣ, ты хочешь, чтобы я и впредь оставалась жить вмѣстѣ съ вами?.. Я думаю, что это можно будетъ какъ-нибудь устроить?

— Уйдите прочь... оставьте меня! — гадливо проговорилъ, наконецъ, Вельтищевъ, уклоняя голову отъ ея отвратительной ласки. — Ступайте къ Людмилѣ, ступайте, куда знаете, но меня — умоляю васъ — оставьте въ покоѣ!

Ольга Романовна вскочила съ ручки кресель. На мгновеніе она было-смѣшалась отъ недоумѣнія при неожиданности такого пріема, но вслѣдъ затѣмъ лицо ея сейчасъ же приняло милую, благодушную и догадливую улыбку.

— А, мой другъ, я понимаю, — заговорила она съ кроткимъ участіемъ и вздохомъ. — Я понимаю, вы теперь такъ взволнованы, такъ утомлены... Всѣ эти впечатлѣнія... Вамъ нуженъ отдыхъ и спокойствіе... Я не буду тревожить васъ... мы и потомъ еще успѣемъ поговорить съ вами... До свиданья, мой ангелъ!

И, кивнувъ ему по-балетному ручкой, экс-балерина на ципочкахъ и въ-прискокку выпорхнула изъ кабинета.

— Господи!.. Только этого еще недоставало въдобавокъ! — съ злобной досадой и горечью воскликнулъ Вельтищевъ, въ отчаяніи подыавъ и заломивъ свои руки.

ХІІІ.

На новую дорогу.

Ирину въ наемной каретѣ привезли изъ суда въ ея собственный домъ, гдѣ старый Демьянъ, вернувшійся вмѣстѣ съ нею, принялъ ее на свои попеченія. Тотчасъ же послали за докторомъ, который нашелъ въ ней слабость, какъ естественное послѣдствіе обморока, прописалъ что-то успокоительное, приказалъ лечь въ постель, избѣгать всякаго волненія и объявилъ, что дня черезъ два она будетъ совершенно здорова.

Предсказаніе эскулапа сбылось. Дѣйствительно, на третій день Ирина уже чувствовала себя какъ не надо лучше. Физическое здоровье возстановилось, но внутренняго, душевнаго мира и спокойствія у нея все-таки не было. И сердце, и совѣсть настойчиво продолжали требовать какой-нибудь великой искупительной жертвы.

Между тѣмъ, такъ какъ вопросъ о состояніи ея умственныхъ способностей былъ на судѣ оставленъ безъ отвѣта присяжными и никто изъ родственниковъ Ирины не возбудилъ дѣла о взятіи ея подъ опеку, то гражданская правоспособность была вполне оставлена за нею. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего освобожденія, она написала письмо къ своему двоюродному дядѣ, прося его пріѣхать къ себѣ по очень нужному дѣлу. Старый дядя явился.

— Прежде всего,—начала ему Ирина,—я прошу васъ окончательно не думать, будто я сумасшедшая: это была не болѣе, какъ удачная адвокатская уловка. Платону Вельтищеву, чтобы самому выйти чистымъ, нужно было сдѣлать изъ меня безумную,—иного выхода ему не было, но, какъ видите, присяжные этотъ вопросъ оставили безъ отвѣта. Вы знаете дѣло и, конечно, читали стенографическій отчетъ, читали мое послѣднее слово,—стало-быть, вамъ нечего объяснять мое нравственное состояніе.

— Долженъ сознаться,—пожалъ дядя плечами,—пока я вижу въ васъ совершенно здравомыслящую женщину.

— Ну, я надѣюсь и всегда останусь такою!—грустно улыбнулась Ирина. Я хочу сообщить вамъ мое рѣшеніе насчетъ имущества,—продолжала она,—и просить васъ помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ. На судѣ обнаружилось, что у Вельтищева есть сохранная росписка на двѣсти пятьдесятъ тысячъ, выданная ему покойнымъ мужемъ. Подлинность ея признана мною; стало-быть, мнѣ, какъ наследницѣ, надо прежде всего уплатить по этому документу.

— Но вѣдь это дѣло гражданского иска,—возразилъ ей дядя,—а разъ г-нъ Вельтищевъ не ищетъ на васъ, да и потомъ... почему знать, быть можетъ, дѣло это еще спорное и сомнительное...

— Нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно перебила его Ирина, не ищетъ теперь, станетъ искать завтра, а я не хочу никакихъ кляузъ! Надо самой предупредить его отдачей этихъ денегъ, тѣмъ болѣе, что процессъ онъ во всякомъ случаѣ выиграетъ. Я хотѣла бы исполнить это немедленно. Поэтому, будьте такъ добры, потрудитесь законнымъ порядкомъ отдать ему долгъ и получите съ него обратно росписку.

Дядя отвѣтилъ склоненіемъ головы въ знакъ своего согласія.

— Потому, вторая моя воля,—продолжала Ирина,—наградить Демьяна и вообще людей, служившихъ мнѣ и покойнику. Для этого я опредѣляю десять тысячъ. Затѣмъ, у меня остается еще сорокъ тысячъ... Вы—человѣкъ семейный и неособенно достаточный, у васъ есть дѣти, а у меня никого и ничего... При томъ же, вы почти единственный и болѣе близкій мой родственникъ... Поэтому я прошу васъ смотрѣть на эти сорокъ тысячъ, да и на этотъ домъ, кстати, какъ на полную вашу собственность... Не вамъ, такъ дѣтямъ вашимъ пригодятся современемъ, а что касается до меня, то мнѣ ничего не нужно! Я знаю, что мнѣ теперь слѣдуетъ дѣлать, и я уже твердо рѣшилась!...

Такимъ образомъ Ирина сразу покончила со всѣмъ состояніемъ, доставшимся ей по наследству отъ мужа. Она не признала за собою нравственного права воспользоваться хоть одною копейкою изъ этого состоянія на свою собственную особу.

XIV.

Взвѣшу каторги.

Людмила Сергѣевна окончательно оправилась отъ своей тяжелой болѣзни. Теперь сине-багровыя пятна выступали на ея лицѣ только тогда, если она выходила на свѣжій воздухъ; въ комнатѣ же они исчезали; но безобразіе оставалось съ нею вездѣ и повсюду. Ей, во что бы то ни стало, хотѣлось если не скрыть, то хоть нѣсколько уменьшить его, и потому она впала въ весьма печальное заблужденіе, думая, что этому помогутъ самыя тонкія косметическія средства. Она стала искусственно подводить себѣ брови и рѣсницы и обильно мазать лицо, но—увѣ!—на всякій посторонній взглядъ эти бѣлила и румяна отнюдь не скрывали, а еще болѣе увеличивали ея безобразіе. Безъ косметикъ въ ней еще оставался хотя какой-нибудь образъ женщины, но съ этими реставраціями она становилась просто противна всѣмъ и каждому. Роскошный шиньонъ и изящные костюмы только увеличивали печальный контрастъ между отвратительнымъ лицомъ и ихъ изяществомъ. Самая гениальная модистка оказывалась положительно безсильною со всѣмъ своимъ искусствомъ, чтобы хоть сколько-нибудь скрасть

и сгладить безобразіе этой несчастной женщины.

Она, которая мечтала властительно блистать среди роскоши большого свѣта, поражать красотой и видѣть у ногъ своихъ министровъ, дипломатовъ, финансистовъ и всѣхъ сильныхъ міра сего, она, которая только ради этой цѣли, ради своего жабяго, но непомѣрнаго самолюбія, рѣшилась на воровство и насилие — она имѣла теперь и богатство, и имя, и положеніе въ свѣтѣ... И что же?—При всемъ этомъ злая судьба подшутила надъ нею самымъ жестокимъ образомъ! Не хватало главного—не хватало той красоты, при которой только и могло имѣть смыслъ все остальное. Къ чему теперь ей были эти богатства, и это положеніе въ свѣтѣ? И что она могла съ нимъ сдѣлать? Теперь она оказалась неизмѣримо бѣднѣе и безсильнѣе, чѣмъ даже въ то время, когда была еще безвѣстной женою бѣднаго студента. Теперь у нея, въ сущности, было одно только гнусное безобразіе — самое прочное и дѣйствительное — приобрѣтеніе въ ея новомъ положеніи.

Вельтищевъ окончательно разлюбилъ ее и даже не въ состояніи былъ притворяться,—до такой степени это безобразіе было противно!

Но, мало того; это самое безобразіе существенно измѣнило ихъ обоюдныя чувства. Съ тѣхъ поръ какъ Людмила увидѣла, что мужъ не любитъ ее, и что она вообще перестала существовать для нѣжнаго чувства какого бы то ни было мужчины, эту женщину, доселѣ холодную и безстрастную, обуяло чувство пылкой любви къ собственному мужу. Безнадежность и безобразіе сдѣлали ее женщиной. Она стала тоскливо и навязчиво требовать отъ Платона той нѣжной любви, которую дарить ей онъ уже былъ не въ состояніи. Это до-нельзя огорчало и бѣсило Людмилу. Она плакала, терзалась, тосковала въ уединеніи своего будуара — и все напрасно!... Владѣя безраздѣльно всѣми средствами мужа и зная, что онъ слишкомъ часто нуждается въ деньгахъ, она попробовала-было даже покупать себѣ у него столь желанное чувство, но и соблазнъ денегъ оказался надъ нимъ безсильнѣе. Въ этомъ отношеніи все было противъ Людмилы. Она сдѣлалась зла, мелочна, придирчива, обидчива, раздражительна и плаксива. Она безобразно ревновала Платона не только къ каждой женщинѣ своего круга, но положительно къ каждой посторонней кухаркѣ, къ каждой встрѣчной на улицѣ, если только на этой встрѣчной останавливался случайно-внимательный взглядъ ея мужа. И эта необузданная ревность служила постояннымъ и безконечнымъ источникомъ супружескихъ сценъ и бурныхъ ссоръ между ними. Она чуть не каждую недѣлю мѣняла своихъ горничныхъ, потому что каждая изъ нихъ будила ея подозрительность и опасенія,—и ни одна не могла

ужиться въ этомъ домѣ болѣе мѣсяца, благодаря невыносимому характеру барыни. Она выгнала изъ дому Ольгу Романовну и не велѣла ее больше на порогъ пускать, потому что и нѣжная маменька бередила раны ея ревности. Несчастная сознавала, что даже и этотъ поблѣкый фруктъ съ театральныхъ подмостковъ все-таки лучше и неизмѣримо красивѣе ея, неизмѣримо болѣе имѣетъ правъ быть еще женщиной.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаясь, что для нея все уже кончено въ жизни, какъ для женщины, Людмила тѣмъ не менѣе не могла отдѣлаться отъ своей болѣзненно-капризной страсти къ мужу; но вмѣстѣ съ этою страстью въ ней стала теперь зарождаться еще и другая: она сдѣлалась жадна и скаредна, дрожала надъ каждою своею копейкой, считывала кучеровъ, поваровъ и лакеевъ, ежемѣсячно вычитая изъ ихъ жалованья копейчныя штрафы за разныя мелкія провинности — и люди отъ всей души проклинали свою барыню и, вѣчно смѣлясь одни другими, не переставали искать себѣ новаго, болѣе подходящаго мѣста. Она рѣдко, да и то лишь послѣ усиленныхъ просьбъ и настойчивыхъ приставаній, выдавала мужу своему какими-нибудь десятками рублей необходимыя карманныя деньги, сопровождая каждую выдачу казозливными укорами и пенями, и каждый разъ требуя полного и точнаго отчета—куда именно и на что, на какую надобность была имъ истрочена каждая копейка. Потерявъ окончательно уже всякую надежду на возвратъ его чувства, она стала находить неизъяснимое наслажденіе въ томъ, чтобы постоянно, ежеминутно отравлять ему жизнь своими жалобами, укоризнами, попреками и мучить его мелочною придирчивостью. Это съ ея стороны было какъ-бы своего рода мщеніе Платону за его холодность. Она сама даже платила по счетамъ его портному и сапожнику. Словомъ сказать, Вельтищеву приходилось теперь испытывать положеніе, нѣсколько похожее на то, которое занимала Ирина въ домѣ своего покойнаго мужа, съ тою лишь разницею, что жалкое, пассивное положеніе Платона было во сто, если не въ тысячу разъ хуже и невыносимѣе.

Онъ возненавидѣлъ Людмилу отъ всего сердца, отъ всей души своей — и она это чувствовала и сознавала, какъ нельзя лучше. Самый простой и ничтожный разговоръ непременно служилъ поводомъ къ обоюднымъ попрекамъ и кончался между ними не иначе, какъ крупною бранью.

— Ты воровка! воровка! — съ выразительнымъ презрѣніемъ говорилъ ей Вельтищевъ. — Последняя развратница съ Сѣнной площади — и та все-таки лучше и честнѣе тебя!

— Ты убійца! — шипѣла въ отвѣтъ ему Людмила. — Последній мазурикъ выше тебя, пото-

му что его хоть въ Сибирь ссылають, а для тебя и тамъ не нашлось мѣста!

Наконецъ, оба они стали по временамъ, не шутя, опасаться другъ друга. Людмила боялась, какъ бы Платонъ Васильевичъ не отправилъ ее на тотъ свѣтъ, по примѣру своего двоюроднаго брата, а онъ, въ своей чередъ, началъ опасаться, что въ одну прекрасную минуту она его отравитъ. По временамъ они даже боялись ѣсть и пить не только въ присутствіи другъ друга, но и тогда, если оба оставались дома на своихъ половинахъ. Подозрѣвая такъ страшно одинъ другого, они стали подозрительны и ко всей вообще своей прислугѣ. Это были вѣчный домашній адъ, хуже каторги, невыносимѣй пытки. Казалось бы, при подобномъ существованіи, обоимъ гораздо лучше было бы разорвать другъ съ другомъ все и разойтись на вѣки въ разные стороны. Но въ томъ-то и сила, что этотъ адъ, эта вѣчная возможность мучить себя, а вмѣстѣ съ собою и ненавистно-любимаго человѣка—сдѣлалась въ высшей степени достолюбезна Людмилѣ; она стала ея жизнью, ея мечтою и страстнымъ желаніемъ, ея единственнымъ возжелѣннымъ наслажденіемъ; она наполняла, питала и поддерживала ея существованіе—и Людмила цѣпкими когтями ухватилась за своего раба и крѣпко держала при себѣ свою излюбленную жертву.

Въ началѣ этой каторги, когда жизнь казалась еще менѣе несомною, счастье какъ будто слегка улыгнулось Платону Вельтищеву: къ нему были привезены деньги, доставленные отъ Ирины въ уплату по сохранный роспискѣ. Первымъ его движеніемъ при этомъ было—вовсе отказаться отъ нихъ. Этому человѣку, удрученному своею супружеской жизнью, новый обманъ и преступленіе стали казаться невыносимо-тяжелыми и гнусно-противными. Совѣсть шибко заговорила въ немъ въ эту минуту. Но старый родственникъ, по неотмѣнному порученію Ирины, настойчиво требовалъ принятія денегъ и возврата росписки, грозя въ противномъ случаѣ представить ихъ въ судъ и требовать этого возврата путемъ закона. Вельтищевъ колебался. Соблазнительная мысль—вырваться, при помощи этихъ денегъ, изъ когтей супруги, снова стать богатымъ и независимымъ человѣкомъ—казалась слишкомъ заманчивой,—и Платонъ не устоялъ передъ соблазномъ. Деньги были приняты.

Не желая, на первыхъ порахъ, скандаломъ открытаго разрыва съ женою плодить въ свѣтѣ лишніе толки и сплетни, онъ рѣшилъ себѣ—повременить еще немного и за тѣмъ, подъ благовиднымъ для общества предлогомъ, уѣхать отъ нея за границу, прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ, тихо возвратясь въ отечество, искать себѣ служебнаго назначенія—на первое время гдѣ нибудь въ провинціи—

и зажить тамъ отдѣльно отъ драгоценной супруги. Онъ болѣе всего боялся общественнаго скандала, и эту боязнь порождало въ немъ прежде всего опасеніе за свое положеніе по службѣ: онъ вѣдь стоялъ на слишкомъ хорошей и видной дорогѣ въ мірѣ служебной іерархіи, для того чтобы рѣшиться потерять что нибудь въ этомъ отношеніи. Уголовное дѣло не повредило ему во мнѣніи начальства, такъ какъ исходъ этого дѣла и гвалтъ, поднятый Цемшевой газетой, блистательно доказали начальству и обществу величіе его души и невинность. Начальство, въ отеческомъ благодушіи своемъ, усмотрѣло въ Платонѣ Васильевичѣ безвинно-пострадавшаго честнаго человѣка и рѣшило, что за его претерпѣніе надо оказать ему нѣкоторое пріятное поощреніе по службѣ, на которую онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями немедленно по освобожденіи изъ-подъ суда. Начальство возжелало порадовать и утѣшить полезнаго и даровитаго чиновника, и вотъ въ одинъ прекрасный день курьеръ привезъ ему патентъ и футляръ съ крестомъ Владиміра на шею. Словомъ сказать, Платонъ Васильевичъ очень дорожилъ своимъ служебнымъ положеніемъ и потому жестоко сталъ теперь бояться всякаго скандала и по преимуществу скандала въ своемъ быту семейномъ, ибо общественное мнѣніе въ семъ послѣднемъ случаѣ, принимая во вниманіе добродѣтель и физическое безобразіе его супруги, не замедлило бы обвинить исключительно его одного, сдѣлало бы изъ него тирана и бездушнаго, легкомысленнаго вѣтреника, а такая репутація очень и очень повредила бы ему въ высшихъ служебныхъ сферахъ. Платонъ все это взвѣсилъ, сообразилъ, обдумалъ, а потому и пришелъ къ заключенію, что разрывать съ женою надобно ему осторожно, исподоволь и не иначе, какъ подъ самымъ невиннымъ и исполнѣнъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не раздражить гусей своего свѣта. Онъ рѣшился выжидать и втихомолку готовить себѣ благопріятную почву и незаметный путь отступленія отъ супруги.

Между тѣмъ эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ не давали ему покоя. Вмѣстѣ съ ними, въ немъ проснулось съ новою силою старая жажда быстрой и богатой наживы. Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ казались ему, относительно, еще вовсе не Богъ-вѣсть какими богатствомъ. Старая и самая завѣтная мечта—быть миллионеромъ, воровать громадными суммами и грандіозными предпріятіями—снова закралась ему въ голову и стала улыбаться такою радужной надеждой, что Платонъ не выдержалъ и сталъ опять играть на биржѣ. Онъ мечталъ о томъ, чтобы бросить на жертву жадной Людмилѣ всѣ свои прежнія, отнятыя ею средства, составить новое, громадное и не отъ кого независимое состояніе, и тогда уже зажечь-себѣ новую, пи-

рокою жизнью, жизнью вполне независимаго человека. «Тогда, думалъ-себѣ Вельтишевъ,—тогда я принесу эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ обратно къ несчастной Иривѣ и умолю принять ихъ отъ меня, откормлю ей, что я воспользовался ими нечестно, обманомъ получивъ ихъ вторично, покаюсь во всемъ передъ нею и выпрошу себѣ прошеніе»... Эта послѣдняя мысль сдѣлалась въ то время его единственною утѣшительной надеждой,—и точно: сначала биржевое счастье какъ будто улыбнулось ему довольно привѣтливо. Людмила все это знала, догадывалась, слѣдила, шпіоновала за нимъ и злилась, терзалась мыслями и страхомъ весьма возможной и близкой утраты своего раба, терзать котораго ей было такъ сладко и отрадно. Но биржевое счастье не прочно и потому скоро опять повернулось спиною къ своему алчному искателю. Платонъ сталъ терять на биржѣ довольно крупными кушами, но не имѣлъ характера остановиться во-время. Лихорадочное чувство крупнаго азартнаго игрока и обаяніе завѣтной мечты пересиливали голосъ благоразумія, и вотъ, рискуя все болѣе, все отважнѣе, въ одинъ прескверный день онъ черезчуръ уже зарвался и вдругъ... снова очутился нищимъ, проигравъ почти все до копейки. Волей-неволей, пришлось снова безусловно покориться Людмилѣ, снова выпрашивать у нея карманные деньги и сносить оскорбительныя собственноручныя ея уплаты по счетамъ портныхъ и сапожниковъ. Онъ сталъ-было на сторону дѣлать кое-какіе долги. Людмила узнала объ этомъ, вывела ему отвратительную сцену, съ воемъ и хныканьемъ уплатила по векселямъ и пригрозила опубликовать въ газетахъ, что она за него болѣе не плательщица, если подобныя продѣлки еще въпредъ когда нибудь повторятся. Платонъ Васильевичъ, по обыкновенію, струсилъ скандала и, съ проклятіемъ въ души, покорился.

Между тѣмъ все это было закулисной стороной его домашней жизни, которая, при извѣстномъ тактѣ супруговъ, всегда ускользаетъ отъ равнодушнаго вниманія свѣта, среди его общественнаго коловращенія. Людмила сумѣла устроить такъ, что свѣтскіе знакомые думали, будто это самое достойное и счастливое супружество. Вельтишевъ почти по необходимости долженъ былъ ввести свою супругу въ ближайшій кругъ своихъ знакомыхъ, а отсюда она уже сама, безъ посторонней помощи, успѣла проложить себѣ дальнѣйшую дорогу.

За глаза и при постороннихъ, она и не говорила съ своимъ мужѣ иначе, какъ только съ уваженіемъ и похвалою, показывая видъ, будто оба они вполне наслаждаются семейнымъ счастьемъ,—а въ свѣтѣ если и сомнѣвался кто въ этомъ счастьи, то все-таки каждый притворялся, будто вѣритъ ему безусловно.

Такъ какъ для Людмилы Сергѣевны на-

всегда уже исчезла надежда на циклъ своихъ собственныхъ поклонниковъ и вздыхателей, то ей не оставалось ничего другого, какъ только пристроиться къ тому кружку свѣтскихъ бѣготокъ, которая высшій тонъ свой и высшее наслажденіе полагаютъ въ фарисействѣ всякаго рода, въ ханжествѣ и въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, въ облюбованіи собственной добродѣтели, въ козенномъ правѣ читать иногда мораль молодымъ женщинамъ и молодымъ людямъ и въ правѣ безпощадно казнить своимъ высокимъ презрѣніемъ всякое увлеченіе хорошенькой женщины. Теперь въ глубинѣ души своей она чувствовала непримиримую ненависть къ каждой хорошенькой женщинѣ, а особенно къ тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ глухая свѣтская молва указывала, какъ на счастливыхъ обладательницъ чьего либо сердца. Людмила Сергѣевна сдѣлалась свѣтскою благотворительною дамою и играла эту роль съ такимъ совершенствомъ, что ее въ самыя скоромыя времена избрали даже вице-президентшей одного изъ дамскихъ филантропическихъ комитетовъ, и эта роль, какъ нельзя болѣе, пришлась ей по мѣркѣ.

— Oh, c'est une sainte!—со вздохомъ удивленія говорили о ней свѣтскія дамы благотворительнаго пошиба.

— Да, да, святая, святая—женщина! въ сочувственно-минорномъ тонѣ вторили имъ мужчины той же заправки.

XV.

На прощанье съ героями романа.

Исторія наша почти кончена. Автору остается только сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ героевъ этого повѣствованія, прежде чѣмъ разстаться съ ними окончательно.

* * *

Обстоятельства Людмилы и Платона Вельтишевыхъ достаточно хорошо извѣстны уже читателю изъ предыдущей главы: супруги эти преуспѣваютъ во мнѣніи свѣта, но несутъ свою домашнюю каторгу.

* * *

Эксъ-балерина сполна получила съ дочери двадцать-пять тысячъ по документу, которымъ было куплено ея материнское молчаніе. Этого куша весьма поднялъ благосостояніе матушки. Изгнанная изъ дому Людмила, она возненавидѣла ее всею душою и никогда не упускаетъ теперь случая съ прискорбіемъ пожаловаться на растленіе нашего вѣка, въ который дѣти утратили всякое почтеніе и любовь къ родителямъ. Съ этой темы разговоръ переходитъ у нея обыкновенно на «подлую Людмилку», которую она начинаетъ «честить на всѣ четыре корки», и это занятіе доставляетъ неизлечимое наслажденіе ея оскорбленному

сердцу. Впрочемъ, при случаѣ, Ольга Романовна не прочь и потщеславиться; тогда она съ выразительнымъ удареніемъ произноситъ фразу: «мой зять, генералъ Вельтищевъ», или «моя дочь, генеральна Вельтищева», и затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ какой нибудь рассказъ соответствующаго свойства. Она произвела ихъ въ генералы и очень довольна этимъ производствомъ собственнаго изобрѣтенія — «потому, мой другъ, если и не настоящій генералъ, такъ онъ уже очень близится къ штатскимъ генераламъ, а это вѣдь почти всеединственно!» Въ довершеніе своего благодѣянія Ольга Романовна открыла гласную кассу ссудъ, въ которой ея бывой и присяжный поклонникъ, еще недавно страдавшій беззапоемъ, занимаетъ мѣсто конторщика и цѣновника, а потому и ходитъ въ приличныхъ сапогахъ и въ бархатномъ пиджакѣ: Ольга Романовна всегда вѣдь отличалась великодушіемъ.

О Валерьянѣ Коробовѣ—ни слуху, ни духу. Невѣдомо даже, дошелъ ли онъ до мѣста своей каторжной работы, а въ обществѣ успѣла уже исчезнуть и самая память о его эфемерномъ «политическомъ дѣлѣ».

Зато г-нъ Антизитровъ благодѣйствуетъ. Онъ организуетъ въ Цюрихѣ какое-то общество, которое «все взъерепенитъ и пошлетъ къ чорту, а на мѣсто всего будемъ мы». Онъ очень любитъ дружить съ полячками и жидками, поддѣлывающими русскія ассигнаціи, а въ то же время есть основанія думать, что надлежащіе секретныя свѣдѣнія о русскихъ студентахъ и о прочихъ матеріахъ подобнаго свойства доходятъ въ Петербургъ черезъ обязательное посредство г-на Антизитрова. Впрочемъ, это ни мало не роняетъ его въ глазахъ почитателей.

Что же касается барона фонъ-Шнитцли, то, кажется, нечего и говорить, что послѣ Вельтищевского дѣла адвокатская репутація его, препрославленная обязательнымъ Цемшемъ, сдѣлалась еще блистательнѣй. Его осаждаютъ масса кліентовъ, несущихъ ему богатую жатву. Каждый шулеръ, каждый свѣтскій плутъ говорить о немъ не иначе, какъ съ восторгомъ, ибо заранѣе уже чуетъ въ немъ своего спателя «во имя правъ человѣка». Тысячи—одна за другою—изобильно перепадаетъ въ беззеребные карманы адвоката, «знаменитаго своею честностью». Его квартира, экипажи, ужины и любовница сдѣлались еще роскошнѣе, и при всемъ этомъ, какъ человѣкъ твердыхъ принциповъ, онъ неуклонно остается Гамбеттой непримиримымъ.

Жаночка Вантрикъ прусупѣваетъ по службѣ,

но маскарадный урокъ, данный ему Людмилой—увъ!—ни мало не охладилъ въ немъ смертной охоты гоняться за тѣми лакомствами, которые представляются ему въ видѣ каждой лаящно-сшитой и шикарно надѣтой юбки. Въ этомъ отношеніи Жаночка неисправимъ, даже въ явный ущербъ обязанностямъ своей службы.

Изящный шамбелянъ, въ одинъ изъ краткосрочныхъ приѣздовъ своихъ въ Петербургъ, встрѣтается какъ-то на улицѣ лицомъ къ лицу съ Людмилой, даже не поклонился ей. Впрочемъ, благодаря оспѣ, быть можетъ, онъ и не узналъ ее.

Ирина Борисовна, покончивъ со своимъ наслѣдствомъ, поступила въ общину сестеръ милосердія и замкнулась въ полную безвѣстность. Она сразу и круто отказалась отъ всѣхъ привычекъ своей, недавно еще столь довольственной, жизни и самоотверженно посвятила всю себя Богу и страждущимъ людямъ. Проявится ли гдѣ холера, или тифъ, или черная оспа—Ирина спѣшитъ на помощь и, не щадя себя, не страшась заразы, проводитъ бессонныя ночи у изголовья тяжело-больного, отъ котораго, зачастую, въ ужасѣ бѣгутъ его родные и домашніе. Нѣтъ того чердака и подвала, гдѣ ни являлась бы она безкорыстною сестрою милосердія. Но зараза и смерть, какъ будто нарочно, падаютъ безстрашную женщину.

XVI.

Внѣ закона.

Однажды поутру она возвращалась въ домъ общины отъ одного умершаго въ ночь больного, къ которому ее призывали сидѣлкой. Вдругъ, почти у самаго подъѣзда, ей заступилъ дорогу какой-то человѣкъ.

Ирина подняла глаза и, пораженная неожиданностію, невольно отступила шагъ назадъ, но тѣмъ не менѣе взгляды ея не смутились, а остался все такъ-же ясенъ, кротокъ и спокоенъ при видѣ человѣка, заступившаго ей дорогу.

То былъ Платонъ Вельтищевъ.

Но, Боже, какъ измѣнился онъ за это недолгое время! Передъ Ириной стоялъ не прежній блестящій, красивый и беззаботный джентльменъ, а какой-то болѣзненно-погнутый человѣкъ, съ блѣдно-желтымъ помятымъ лицомъ, на которое наложили рѣзкія складки его внутренняго страданія. Да и передъ нимъ была не прежняя Ирина.—Волосы ея совсѣмъ посѣдѣли, но лицо, еще такъ недавно пылавшее огнемъ сильной страсти къ этому человѣку, дышало теперь тою красотой внутренняго христіанскаго спокойствія, которое сообщаетъ неяснымую, не физическую, но нравственную пре-

лестъ даже и самымъ некрасивымъ и старческимъ лицамъ.

— Простите меня... что я... остановилъ васъ,—глухо заговорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ сильнаго волненія. — Не отгоните меня... позвольте сказать хоть нѣсколько словъ... Я такъ глубоко несчастенъ!.. такъ давно хотѣлъ видѣть васъ... Я искалъ встрѣчи съ вами и наконецъ...

— Что же вы хотите отъ меня?—спокойно и беззлобно спросила его Ирина.

— Прощенія... одного только прощенія!.. Забудьте, если можете, и простите!.. Мнѣ слишкомъ тяжело жить на свѣтѣ!

— Забыть... сказала она со вздохомъ.—Я бы охотно забыла, еслибы это было возможно... Къ несчастію, наша память не зависитъ отъ нашей воли; но простите... Я давно уже всею и все простила... Простите и вы меня. Я передъ вами тоже виновата!

— О, нѣтъ, нѣтъ! я одинъ всему причиной!—горячо и сердечно-искренно заговорилъ Вельтищевъ.—Я запутался въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ мнѣ не было иного выхода, какъ только жениться на этой женщинѣ... И какъ я наказанъ!.. Я прошу одной только милости: выслушайте! дайте мнѣ возможность сказать вамъ теперь все, какъ было!.. Дайте мнѣ хоть сколько нибудь облегчить мою душу!

Подбородокъ его нервно дрожалъ, и мускулы лица кривила истерическая судорога: онъ видимо старался удержать подступающія слезы.

Ирина взглянула на него съ участіемъ: этотъ человѣкъ показался ей слишкомъ жалокъ и несчастенъ въ настоящую минуту.

— Войдите въ мою келію, — предложила она, не измѣняя своему кроткому спокойствію.

И Вельтищевъ искренно рассказалъ ей все, чѣмъ и какъ опутала его Людмила, въ какомъ рабствѣ держала она его до женитбы, какъ вынудила его на этотъ бракъ и въ какомъ положеніи течетъ ихъ семейная жизнь въ настоящее время.

Ирина не прерывая слушала его съ большимъ вниманіемъ, и когда этотъ печальный рассказъ былъ оконченъ, она грустно и глубоко задумалась.

— Теперь вы знаете все!—покорно поникнувъ головою, говорилъ Вельтищевъ.—Во мнѣ уже давно была потребность идти къ вамъ и сказать... всю душу высказать передъ вами. Вы не отогнали меня,—спасибо вамъ за это! Но... еще есть просьба!—колеблясь прибавилъ онъ голосомъ несмѣлымъ и неубѣжденнымъ, какъбудетъ принята его просьба.—Вы были единственною женщиной, которая искренно и безгранично любила меня,—говорилъ онъ,—и теперь, кромѣ васъ, кромѣ этого воспоминанія у меня никого и ничего не осталось въ жизни!.. Я, мужъ богатой жены, я—нищій и въ матеріальномъ и въ нравственномъ смыслѣ... Позвольте хоть парѣдка, хоть когда нибудь

приходить къ вамъ... видѣть васъ, говорить съ вами... Это для меня будетъ единственною отрадой!.. Позвольте!

Ирина, въ отрицательномъ смыслѣ, раздумчиво и медлительно покачала головою.

— Нѣтъ, Платонъ Васильевичъ, намъ не надо... да и не слѣдуетъ видѣть больше!—грустно промолвила она.— Въ одномъ только случаѣ это было бы возможно...

— О!.. Что такое?.. говорите, говорите!.. Я на все готовъ!—какъ утопающій за соломинку, ухватился Вельтищевъ за послѣднее слово слабой надежды.

— Ступайте въ судъ, откройте всю правду—и завтра же я пойду за вами въ Сибирь, въ рудники, въ тундры, куда бы ни было, хоть на край свѣта!—съ чувствомъ горячаго убѣжденія высказалась Ирина.—Тогда вы найдете во мнѣ не жену, конечно, — женою ничей ужъ я не могу быть больше, но вы найдете друга, рабу, сестру милосердія, вѣрнаго товарища. Вотъ все, что я могу предложить вамъ. Хотите?

Вельтищевъ сначала было раздумался надъ ея предложеніемъ, но вдругъ, ужаснувшись столь сиблага вызова, съ содроганіемъ мучительной тоски, закрылъ лицо руками...

— Нѣтъ... не могу!.. Это выше силъ моихъ!.. Это невозможно! — прошепталъ онъ крайне смущеннымъ голосомъ.

Ирина съ сожалѣніемъ посмотрѣла на этого слабого человѣка.

Въ немъ сказался теперь тотъ Вельтищевъ, какимъ поняла она его въ минуту своего перваго разочарованія въ немъ, тотъ агонистическій, вытѣче-поверхностный Вельтищевъ, у котораго всегда было достаточно энергіи на мелочную суетность жизненныхъ и служебныхъ успѣховъ, на биржевой азартъ, даже на страшное преступленіе, но никогда не хватало ей на то, чтобы подняться нравственно изъ тины того гнилого болота, которое все больше и больше его засасывало.

— Ну, въ такомъ случаѣ, у васъ одна дорога, у меня—другая!—грустно, но рѣшительно сказала она, кончая дальнѣйшую бесѣду. — Я уже не принадлежу себѣ: я ушла отъ міра и обрекла себя добровольной карѣ за прошлое. Зачѣмъ же еще бередить намъ старыя раны хотя бы воспоминаніями — вѣдь къ этимъ воспоминаніямъ невольно будетъ примѣшиваться всегда слишкомъ много горечи... Не надо человѣческихъ утѣшеній! Мы оба преступники—такъ въ чемъ же намъ утѣшать другъ друга? — Давайте лучше безъ ропота нести свой крестъ!.. Если можете, смиритесь передъ высшей волей. Вотъ все, что могу сказать вамъ въ утѣшеніе. Намъ оправдать судъ человѣческій, но все-таки и вы, и я, и ваша жена — все мы несемъ въ самихъ себѣ нашу заслуженную кару, только кара эта—внѣ закона.